

- [БЛАГОВЕСТНИК](#)
 - [ТОЛКОВАНИЕ НА](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [ТОЛКОВАНИЕ НА](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)

- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [ТОЛКОВАНИЕ НА](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
- [ТОЛКОВАНИЕ НА](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)

- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [БЛАЖЕННОГО ФЕОФИЛАКТА,](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ \[1\]](#)
 - [СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ДЕЯНИЙ](#)
 - [ПУТЕШЕСТВИЯ СЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА](#)
 - [ГЛАВНЫЕ ПРЕДМЕТЫ КНИГИ ДЕЯНИЙ СЯТЫХ АПОСТОЛОВ](#)
 - [ТОЛКОВАНИЕ НА ДЕЯНИЯ](#)
 - [Святого отца нашего](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ](#)
- [БЛАЖЕННОГО ФЕОФИЛАКТА,](#)
 -
 - [ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ИАКОВА](#)
 - [Содержание соборного послания св. ап. Иакова.](#)
 - [Оглавление соборного послания св. ап. Иакова.](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)

- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ТОЛКОВАНИЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ПЕТРА.](#)
 - [Содержание первого послания св. ап. Петра.](#)
 - [Оглавление первого послания св. ап. Петра.](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
- [ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ПЕТРА](#)
 - [Содержание второго послания св. ап. Петра.](#)
 - [Оглавление второго послания св. ап. Петра.](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
- [ТОЛКОВАНИЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ИОАННА](#)
 - [Содержание первого послания св. ап. Иоанна.](#)
 - [Оглавление первого послания св. ап. Иоанна](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
- [ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ИОАННА.](#)
 - [Содержание второго соборного послания св. ап. Иоанна.](#)
 - [Оглавление второго послания св. ап. Иоанна.](#)
- [ТОЛКОВАНИЕ НА ТРЕТЬЕ ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ИОАННА.](#)
 - [Содержание третьего послания св. ап. Иоанна.](#)
- [ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ИУДЫ.](#)
 - [Содержание послания св. ап. Иуды.](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [БЛАЖЕННОГО ФЕОФИЛАКТА,](#)
 - [Толкование на послание к римлянам Святого Апостола Павла](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)

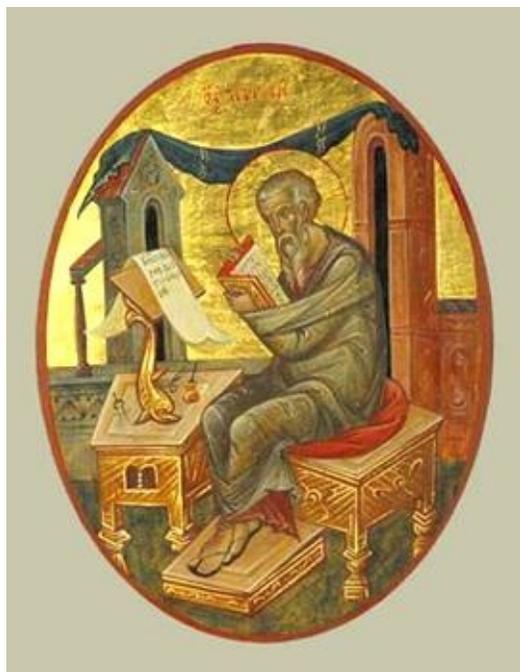
- [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
- [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
- [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
- [Примечания](#)
- [Толкование на первое послание к коринфянам Святого Апостола Павла](#)
 - [Предисловие к Первому посланию к Коринфянам](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
- [Толкование на второе послание к коринфянам Святого Апостола Павла](#)
 - [Предисловие ко Второму посланию к Коринфянам](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
- [Толкование на послание к галатам Святого Апостола Павла](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
- [Толкование на послание к эфесянам Святого Апостола Павла](#)

- [Предисловие](#)
- [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
- [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
- [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
- [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
- [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
- [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
- [Толкование на послание к филиппийцам Святого Апостола Павла](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [Примечания:](#)
- [Толкование на послание к колоссянам Святого Апостола Павла](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [Примечания:](#)
- [Толкование на первое послание к Фессалоникийцам Святого Апостола Павла](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Примечания](#)
- [Толкование на второе послание к Фессалоникийцам Святого Апостола Павла](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Примечания](#)
- [Толкование на первое послание к Тимофею Святого Апостола Павла](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [Примечания:](#)
- [Толкование на второе послание к Тимофею Святого Апостола Павла](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)

- [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [Толкование на послание к Титу Святого Апостола Павла](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [Толкование на послание к евреям Святого Апостола Павла](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
-

БЛАГОВЕСТНИК
или ТОЛКОВАНИЕ
БЛАЖЕННОГО ФЕОФИЛАКТА
АРХИЕПИСКОПА БОЛГАРСКОГО
на СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ
в четырех книгах

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ

Предисловие

Божественные мужи, жившие до закона, учились не из писаний и книг, но, имея чистый ум, просвещались озарением Всесвятого Духа, и таким образом познавали волю Божию из беседы с ними Самого Бога усты ко устам. Таков был Ной, Авраам, Исаак, Иаков, Иов, Моисей. Но когда люди испортились и сделались недостойными просвещения и научения от Святого Духа, тогда человеколюбивый Бог дал Писание, дабы, хотя при помощи его, помнили волю Божию. Так и Христос сперва Сам лично беседовал с апостолами, и (после) послал им в учителя благодать Святого Духа. Но как Господь предвидел, что впоследствии возникнут ереси и наши нравы испортятся, то Он благоволил, чтоб написаны были Евангелия, дабы мы, научаясь из них истине, не увлеклись еретическою ложью, и чтоб наши нравы не испортились совершенно.

Четыре Евангелия Он дал нам потому, что мы научаемся из них четырем главным добродетелям: мужеству, мудрости, правде и целомудрию: научаемся мужеству, когда Господь говорит:

не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить

(Матф. 10, 28); мудрости, когда говорит:

будьте мудры, как змеи

(Матф. 10, 16); правде, когда учит:

как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними

(Лук. 6, 31); целомудрию, когда сказывает:

кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем

(Матф. 5, 28). Четыре Евангелия дал Он нам еще и потому, что они содержат предметы четырех родов, именно: догматы и заповеди, угрозы и обетования. Верующим в догматы, но не соблюдающим заповедей, они грозят будущими наказаниями, а хранящим их обещают вечные блага. Евангелие (благовестие) называется так потому, что возвещает нам о предметах благих и радостных для нас, как то: об отпущении грехов, оправдании, переселении на небеса, усыновлении Богу, наследии вечных благ и освобождении от мучений. Оно также возвещает, что мы получаем эти блага легко, ибо не трудами своими приобретаем их и не за наши добрые дела получаем их, но удостоиваемся их по благодати и человеколюбию Божию.

Евангелистов четыре: из них двое, Матфей и Иоанн, были из числа двенадцати, а другие двое, Марк и Лука, из числа семидесяти. Марк был спутник и ученик Петров, а Лука Павлов. Матфей прежде всех написал Евангелие на еврейском языке для уверовавших евреев, спустя восемь лет по вознесении Христовом. С еврейского же языка на греческий перевел его, как носится слух, Иоанн. Марк, по наставлению Петра, написал Евангелие спустя десять лет по вознесении; Лука по прошествии пятнадцати, а Иоанн по прошествии тридцати двух лет. Говорят, что ему, по смерти прежних Евангелистов, представлены были, по его требованию, Евангелия, дабы рассмотреть их и сказать, правильно ли они написаны, и Иоанн, так как он получил большую благодать истины, дополнил, что в них было опущено, и о том, о чем они сказали кратко, написал в своем Евангелии пространнее. Имя Богослова получил он потому, что другие Евангелисты не упомянули о предвечном бытии Бога Слова, а он богодухновенно сказал о том, дабы не подумали, что Слово Божие есть просто человек, то есть, не Бог. Матфей говорит о жизни Христовой только по плоти: ибо он писал для евреев, для которых довольно было знать, что Христос родился от Авраама и Давида. Ибо уверовавший из евреев успокаивается, если его удостоверят, что Христос от Давида.

Ты говоришь: «Ужели не довольно было и одного Евангелиста?» Конечно, довольно было и одного, но чтоб истина обнаружилась яснее, дозволено написать четверем. Ибо когда видишь, что эти четверо не сходились и не сидели в одном месте, а находились в разных местах, и между тем написали об одном и том же так, как бы то было сказано одними устами, то как не удивишься истине Евангелия, и не скажешь, что Евангелисты говорили по внушению Святого Духа!

Не говори мне, что они не во всем согласны. Ибо посмотри, в чем они несогласны. Сказал ли кто-нибудь из них, что Христос родился, а другой: «не родился»? Или сказал ли кто из них, что Христос воскрес, а другой: «не воскрес»? Нет, нет! В необходимом и важнейшем они согласны. А ежели они в главном не разногласят, то чему дивиться, что они по-видимому разногласят в неважном; ибо из того, что они не во всем согласны, наиболее видна их истинность. Иначе о них подумали бы, что они писали, сошедшись вместе, или сговорившись друг с другом. Теперь же кажется, что они несогласны, потому, что то, что один из них опустил, написал другой. И это в самом деле так. Приступим к самому Евангелию.

Глава первая

Почему святой Матфей не сказал «видение» или «слово», подобно пророкам, ибо они таким образом писали: «Видение, которое видел Исайя» (Ис. 1, 1) или «Слово, которое было к Исайи» (Ис. 2, 1)? Ты хочешь узнать, почему? Потому что пророки обращались к жестокосердым и непокорным, а потому и говорили, что это Божественное видение и слово Божие, чтобы народ убоился и не пренебрег, что они говорили. Матфей же говорил с верными, благомыслящими, равно и послушными и поэтому не сказал предварительно ничего подобного пророкам. Имею сказать и другое нечто: что видели пророки, то они видели умом, созерцая это чрез Святого Духа; поэтому и называли это видением. Матфей же не умственно видел Христа и созерцал Его, но нравственно пребывал с Ним и чувственно слушал Его, созерцая Его во плоти; поэтому не сказал: «видение, которое я видел», или «созерцание», но сказал: «Книга родства».

Иисуса.

Имя «Иисус» не греческое, но еврейское, и в переводе значит «Спаситель», ибо словом «яо» у евреев говорится о спасении.

Христа.

Христами («Христос» по-гречески значит «помазанный») назывались цари и первосвященники, ибо они помазывались святым елеем, изливавшимся из рога, который полагали на их голову. Господь называется Христом и как Царь, ибо Он воцарился против греха, и как Первосвященник, ибо Он Сам принес Себя в жертву за нас. Помазан же Он истинным елеем, Духом Святым, и помазан преимущественно пред другими, ибо кто иной имел Духа так, как Господь? В святых действовала благодать Святого Духа, во Христе же действовала не благодать Святого Духа, но Сам Христос вместе с Единосущным Ему Духом совершал чудеса.

Сына Давидова.

После того, как Матфей сказал «Иисуса», он прибавил «Сына Давидова» для того, чтобы ты не подумал, что он говорит о другом Иисусе, ибо был и другой знаменитый Иисус, вождь евреев после Моисея. Но этот назывался сыном Навина, а не сыном Давида. Он жил многими поколениями раньше Давида и был не из колена Иудина, из которого произошел Давид, но из другого.

Сына Авраамова.

Почему Матфей поставил Давида прежде Авраама? Потому, что Давид был более знаменит; он и жил позже Авраама, и был славным царем. Из царей он первый благоугодил Богу и получил обетование от Бога, что из его семени восстанет Христос, почему все и называли Христа Сыном Давида. И Давид в действительности сохранил в себе образ Христа: как он воцарился на место отверженного Богом и возненавиденного Саула, так и Христос пришел во плоти и воцарился над нами после того, как Адам лишился царства и власти, которую он имел над всем живущим и над демонами.

Авраам родил Исаака.

С Авраама начинается евангелист родословие потому, что он был отцом евреев, и потому, что он первый получил обетование, что «о его семени благословятся все народы». Итак, прилично от него начать родословие Христа, ибо Христос есть семя Авраама, в котором получили благословение все мы, которые были язычниками и находились прежде под клятвою. Авраам в переводе значит «отец языков», а Исаак — «радость», «смех». Евангелист не упоминает о незаконнорожденных детях Авраама, например, об Измаиле и других, потому что иудеи происходили не от них, но от Исаака.

Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его.

Видишь, что об Иуде и братьях его Матфей упомянул потому, что от них произошли двенадцать колен.

Иуда родил Фареса и Зару от Фамари.

Иуда выдал Фамарь замуж за Ира, одного из своих сыновей; когда же этот умер бездетным, то он сочетал ее с Аинаном, который также был его сыном. Когда и этот лишился жизни за свою срамоту, то Иуда ни с кем уже не соединял ее браком. Но она, сильно желая иметь детей от семени Авраамова, сложила с себя одежду вдовства, приняла вид блудницы, смесилась с свекром своим и зачала от него двух детей-близнецов. Когда пришло время родов, первый из сыновей показал из ложесн руку, как будто первым родится он. Повивальная бабка тотчас отметила показавшуюся руку ребенка красной нитью, чтобы можно было узнать того, кто родится первым. Но ребенок увлек руку в чрево, и прежде родился другой младенец, а потом уже и тот, который прежде показал руку. Поэтому родившийся первым был назван Фаресом, что значит «перерыв», ибо он нарушил естественный порядок, а тот, который увлек руку, — Зарою. Эта история указывает на некоторую тайну. Как Зара прежде показал руку, а потом увлек ее снова, так и жителство во Христе: оно открылось во святых, которые жили прежде закона и обрезания, ибо все они не соблюдением закона и заповедей оправдались, но евангельскою жизнью. Посмотри на Авраама, который ради Бога оставил отца и дом и отрекся от естества. Посмотри на Иова, Мелхиседека. Но когда пришел закон, таковая жизнь скрылась, но как там после рождения Фареса позже снова и Зара вышел из чрева, так и по даровании закона позже воссияла жизнь евангельская, запечатленная красной нитью, то есть кровью Христа. Евангелист упомянул об этих двух младенцах потому, что рождение их означало нечто таинственное. Кроме того, хотя Фамарь, по-видимому, и не заслуживает похвалы за то, что смесилась с свекром, но и о ней упомянул евангелист для того, чтобы показать, что Христос, принявший ради нас все, принял и таковых предков. Точнее: чтобы тем, что Он Сам родился от них, освятить их, ибо он не пришел «призвать праведников, но грешников».

Фарес родил Есрома. Есром родил Арама, Арам родил Аминадава. Аминадав родил Наассона. Наассон родил Салмона. Салмон родил Вооза от Рахавы.

Некоторые думают, что Рахав есть та Раав-блудница, которая приняла соглядатаев Иисуса Навина: она и их спасла, и сама спаслась. Матфей упомянул о ней для того, чтобы показать, что как она была блудница, так и все собрание язычников, ибо они блудодействовали в своих делах. Но те из язычников, которые приняли соглядатаев Иисуса, то есть апостолов, и уверовали в их слова, эти все спаслись.

Вооз родил Овида от Руфи.

Эта Руфь была иноплеменница; тем не менее, она сочеталась браком с Воозом. Так и церковь из язычников, будучи иноплеменницею и вне заветов, забыла народ свой и почитание идолов, и отца своего дьявола, и Сын Божий взял ее в жены.

Овид родил Иессея. Иессей родил Давида царя, Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею.

И о жене Урия Матфеей упоминает здесь с той целью, чтобы показать, что не должно стыдиться предков, но более всего стараться прославлять и их своею добродетелью, и что Богу все угодно, хотя бы они произошли и от блудницы, если только имеют добродетель.

Соломон родил Ровоама. Ровоам родил Авию. Авия родил Асу. Аса родил Иосафата. Иосафат родил Иорама. Иорам родил Озию. Озия родил Иоафама. Иоафам родил Ахаза. Ахаз родил Езекию. Езекия родил Манассию. Манассия родил Амона. Амон родил Иосию. Иосия родил Иоакима. Иоаким родил Иехонию и братьев его, пред переселением в Вавилон.

Переселением Вавилонским называется тот плен, который позже перенесли иудеи, уведенные все вместе в Вавилон. Вавилоняне и в другое время воевали с ними, но озлобляли их умереннее, тогда же совершенно переселили их из отечества.

По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафииля. Салафииль родил Зоровавеля. Зоровавель родил Авиуда. Авиуд родил Елиакима. Елиаким родил Азора. Азор родил Садока. Садок родил Ахима. Ахим родил Елиуда. Елиуд родил Елеазара. Елеазар родил Матфана. Матфан родил Иакова. Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос.

Почему здесь дается родословие Иосифа, а не Богородицы? Какое участие Иосифа в том бессеменном рождении? Здесь Иосиф не был истинным отцом Христа, чтобы от Иосифа вести родословие Христа. Итак, слушай: действительно, Иосиф не имел никакого участия в рождении Христа, и потому должно было дать родословие Богородицы; но так как был закон — не вести родословие по женской линии (Числ. 36, 6), то Матфей и не дал родословия Девы. Кроме того, дав родословие Иосифа, он дал и ее родословие, ибо был закон не брать жен ни из другого колена, ни из другого рода или фамилии, но из того же колена и рода. Так как был такой закон, то ясно, что если дается родословие Иосифа, то тем самым дается и родословие Богородицы, ибо Богородица была из того же колена и того же рода; если же нет, то как бы она могла быть обручена ему? Таким образом, евангелист соблюл закон, который запрещал вести родословие по женской линии, но, тем не менее, дал родословие Богородицы, дав родословие Иосифа. Мужем же Марии назвал его соответственно общему обыкновению, ибо мы имеем обычай и обручника называть мужем обрученной, хотя брак еще и не совершен.

Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

Матфей разделил роды на три части, чтобы показать иудеям, что находились ли они под управлением судей, как это было до Давида, или под управлением царей, как это было до переселения, или под управлением первосвященников, как это было пред пришествием Христа, — они не получали от этого никакой пользы в отношении к добродетели и нуждались в истинном судии, царе и первосвященнике, который есть Христос. Ибо, когда прекратились цари, по пророчеству Иакова, пришел Христос. Но каким образом от переселения Вавилонского до Христа четырнадцать родов, когда их оказывается только тринадцать? Если бы в состав родословия могла входить женщина, то мы причислили бы и Марию и восполнили число. Но женщина не входит в родословие. Как же это разрешить? Некоторые говорят, что Матфей поставил в счет переселение, как лицо.

Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом.

Для чего Бог допустил, чтобы Мария была обручена, и вообще, зачем Он дал людям повод подозревать, что Иосиф познал ее? Для того чтобы она имела защитника в несчастьях. Ибо он заботился о ней во время бегства в Египет и спас ее. Вместе с тем она была обручена и для того, чтобы скрыть ее от дьявола. Дьявол, услышав, что Дева будет иметь во чреве, наблюдал бы за ней. Итак, для того, чтобы лжец был обманут, Приснодева обручается Иосифу. Брак был только по виду, в действительности же его не было.

Прежде нежели сочтались они, оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святаго.

Слово «сочетаться» здесь означает соитие. Прежде нежели сочтались они, Мария зачала, почему пораженный евангелист и восклицает: «оказалось», как бы говоря о чем-то необычайном.

Иосиф же, муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее.

Как же Иосиф был праведен? В то время как закон повелевает избличать прелюбодеицу, то есть объявлять о ней и наказывать, он намеревался скрыть грех и преступить закон. Вопрос разрешается прежде всего в том смысле, что уже через это самое Иосиф был праведен. Он не хотел быть суровым, но, человеколюбивый по великой своей доброте, он показывает себя выше закона и живет выше заповедей закона. Затем, Иосиф и сам знал, что Мария зачала от Духа Святого, и потому не желал избличить и наказать ту, которая зачала от Духа Святого, а не от прелюбодея. Ибо смотри, что говорит евангелист: «оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святаго». Для кого «оказалось»? Для Иосифа, то есть он узнал, что Мария зачала от Духа Святого. Поэтому и хотел тайно отпустить ее, как бы не осмеливаясь иметь женой ту, которая удостоилась столь великой благодати.

Но когда он помыслил это, се, Ангел Господень явился ему во сне, говоря.

Когда праведный колебался, явился ангел, научая его, что должно ему сделать. Во сне является ему, потому что Иосиф обладал крепкой верой. С пастухами, как грубыми, ангел говорил наяву, с Иосифом же, как праведным и верным, во сне. Как мог он не поверить, когда ангел научал его тому, о чем он сам с собой рассуждал и о чем никому не сказал? Когда он

размышлял, но никому не говорил, явился ему ангел. Конечно, Иосиф поверил, что это — от Бога, ибо только Бог знает неизреченное.

Иосиф, сын Давидов.

Сыном Давида назвал его, напоминая ему о пророчестве, что Христос произойдет от семени Давида. Говоря это, ангел убеждал Иосифа, чтобы он не веровал, но подумал о Давиде, который получил обетование относительно Христа.

Не бойся принять.

Этим показывает, что Иосиф боялся иметь Марию, чтобы не оскорбить Бога тем, что он покровительствует прелюбодеице. Или иначе: «не бойся», то есть бойся прикоснуться к ней, как зачавшей от Духа Святого, но «не бойся принять», то есть иметь в своем доме. Ибо в уме и помышлении Иосиф уже отпустил Марию.

Марию, жену твою.

Это говорит ангел: «Ты, может быть, думаешь, что она — прелюбодеица. Я же говорю тебе, что она твоя жена», то есть она никем не растлена, но твоя невеста.

Ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого.

Ибо она не только далека от незаконного смешения, но и зачала неким божественным образом, так что тебе надлежит более радоваться.

Родит Сына.

Чтобы кто-нибудь не сказал: «но почему же я должен поверить тебе, что Родившееся есть от Духа?», ангел говорит о грядущем, именно, что Дева родит Сына. «Если в данном случае я окажусь правым, то ясно, что истинно и это — «от Духа Святого». Не сказал «родит тебе», но просто «родит». Ибо Мария рождала не для него, но для всей вселенной, и не для него одного только явилась благодать, но она излилась на всех.

И наречешь имя Ему Иисус.

Ты наречешь, конечно, как отец и как покровитель Девы. Ибо Иосиф, узнав, что зачатие от Духа, и не думал уже о том, чтобы отпустить Деву беспомощной. И ты будешь помогать Марии во всем.

Ибо Он спасет людей Своих от грехов их.

Здесь истолковывается, что значит слово «Иисус», именно-Спаситель, «ибо Он», сказано, «спасет людей Своих» — не только иудейский народ, но и языческий, который стремится уверовать и сделаться Его народом. От чего спасет? Не от войны ли? Нет, но от «грехов их». Отсюда ясно, что Тот, кто родится, есть Бог, ибо прощать грехи свойственно одному только Богу.

А все сие произошло, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который

говорит.

Не думай, что это недавно сделалось угодным Богу, — давно, изначально. Ты, Иосиф, как воспитанный в законе и знающий пророков, вдумайся в сказанное Господом. Не сказал «реченное Исайей», но «Господом», ибо не человек говорил, но Бог устами человека, так что пророчество вполне достоверно.

Се, Дева во чреве примет.

Евреи говорят, что у пророка стоит не «дева», но «молодая женщина». Им надобно сказать, что на языке Священного Писания юная женщина и дева — одно и то же, ибо молодой женщиной оно называет нерастленную. Затем, если бы родила не дева, то как это могло бы быть знамением и чудом? Ибо выслушай Исайю, который говорит, что «ради этого Господь Сам даст вам знамение» (Ис. 6, 14), и тотчас добавляет «се, Дева» и далее. Поэтому, если бы не дева родила, не было бы и знамения. Итак, евреи, замышляя недоброе, искажают Писание и вместо «дева» ставят «молодая женщина». Но стоит ли «молодая женщина» или «дева», во всяком случае, имеющую родить должно считать девой, чтобы это было чудом.

И родит Сына и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог.

Евреи говорят: почему же Он назван не Еммануилом, а Иисусом Христом? Должно на это сказать, что пророк не говорит «наречешь», но «нарекуют», то есть самые дела покажут, что Он есть Бог, хотя и живет с нами. Божественное Писание дает имена от дел, как, например: «нареки ему имя: Магер-шелал-хашбаз» (Ис. 8, 3), но где и кто назван таковым именем? Так как одновременно с рождением Господа было расхищено и пленено, — прекратилось блуждание (идолопоклонство), то поэтому и говорится, что Он назван так, получив имя от Своего дела.

Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень.

Посмотри на пробудившуюся душу, как быстро она убеждается.

И принял жену свою.

Матфей постоянно называет Марию женою Иосифа, изгоняя худое подозрение и научая, что она была женою не другого кого-либо, а именно его.

И не знал ея, как наконец Она родила,

то есть никогда не смешивался с нею, ибо слово «как» (дондеже) означает здесь не то, будто до рождения не знал ее, после же познал, но что он совершенно никогда не познал ее. Такова особенность языка Писания; так, не возвратился вран в ковчег, «доколе не иссякла вода от земли» (Быт. 8, 6), но он не возвращался и после этого; или еще: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20), а после скончания разве не будет? Каким образом? Тогда тем более. Подобно этому и здесь слова: «как наконец родила» понимай в том смысле, что Иосиф не знал ее ни прежде, ни после рождения. Ибо как Иосиф прикоснулся бы к этой святой, когда хорошо знал ее неизреченное рождение?

Сына Своего первенца.

Называет Его первенцем не потому, что будто она родила еще другого какого-либо сына, но просто потому, что Он первый родился и единственный: Христос есть и «первородный», как родившийся первым, и «единородный», как не имеющий второго брата.

И он нарек имя Ему: Иисус.

Иосиф показывает и здесь свое послушание, потому что он сделал то, что сказал ему ангел.

Глава вторая

Когда же Иисус родился в Вифлееме иудейском.

Вифлеем в переводе значит «дом хлеба», Иудея же — «исповедание». Да будет, чтобы и мы чрез исповедание сделались теперь домом хлеба духовного.

Во дни Ирода.

Матфей упоминает об Ироде, чтобы ты научился, что князья и цари от колена Иудина прекратились и в силу необходимости пришел Христос. Ибо Ирод был не иудей, но идумеянин, сын Антипатра от жены аравитянки. Когда же прекратились князья, пришло «ожидание языков», как пророчествовал Иаков.

Царя.

Ибо был еще другой Ирод, четверовластник; поэтому Матфей указывает на царское достоинство.

Пришли в Иерусалим волхвы.

Для чего приходили волхвы? Для осуждения иудеев: ибо если волхвы, люди идолопоклонники, уверовали, то что остается в оправдание иудеям? Вместе с тем и для того, чтобы более просияла слава Христа, когда свидетельствуют волхвы, которые служили скорее демонам и были врагами Божиими.

От востока.

И это для осуждения иудеев: ибо те из такой дали пришли поклониться Ему, евреи же, имея Христа, гнали Его.

И говорят: где родившийся Царь Иудейский?

Говорят, что эти волхвы — потомки волхва Валаама, что они, найдя его предсказание: «воссияет звезда от Иакова и погубит князей моавитских», уразумели таинство Христа и потому пошли, желая видеть Рожденного.

Ибо мы видели звезду Его на востоке.

Когда услышишь о звезде, не думай, что эта была одна из тех, которые мы видим: это была божественная и ангельская сила, явившаяся в образе звезды. Так как волхвы были астрологами, то Господь привел их чрез знакомое для них, подобно тому, как Петра-рыбаря изумил множеством рыб, которых он поймал во имя Христа. Что звезда действительно была сила ангельская, видно из того, что она светила днем, из того, что она шла, когда шли волхвы, и стояла, когда они отдыхали, особенно же из того, что она шла от северной стороны, где Персия, к южной, где Иерусалим, — звезда же никогда не движется от севера к югу.

И пришли поклониться Ему.

Эти волхвы были, по-видимому, людьми большой добродетели. Ибо если они пожелали поклониться в чужой стране, то могли ли они не быть смелыми в Персии и не проповедовать?

Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним.

Ирод смутился, как иноплеменник, опасаясь за свою царскую власть, ибо знал, что он недостойн ее. Но иудеи, почему смущаются они? Ведь им должно было более радоваться тому, что у них будет царь, которому поклоняются теперь цари персидские. Но нравственная испорченность поистине безумное дело.

И собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?

Учители народа были люди ученые, подобно тем, кого мы называем грамматиками. Их спрашивают по домостроительству Божию, чтобы они исповедали истину: и потому они подвергнутся осуждению, что распяли Того, Кого прежде исповедали.

Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано чрез пророка.

Чрез какого пророка? Михея. Ибо тот говорит:

И ты Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных

(Мих. 5, 2). Этим городом, так как он был мал, пренебрегали; теперь же он сделался славным благодаря тому, что из него произошел Христос: ибо все от концов земли приходят поклониться этому святому Вифлеему.

Ибо из тебя изыдет Вождь.

Хорошо сказал: «изыдет», а не «останется в тебе», ибо Христос не остался в Вифлееме, но вышел из него после рождения и большею частью жил в Назарете. Иудеи говорят, что это было предсказано о Зоровавеле, но ясно, что они лгут. Ведь Зоровавель родился не в Вифлееме, а в Вавилоне. Имя его «Зоро» значит семя и рождение, а «Вавель» — Вавилон, то есть в Вавилоне зачатый или рожденный. Но и пророчество ясно обличает их, говоря: «выходы Его из начала, от дней века». Кого другого исходы из начала и от дней века, как не Христа? Он имел два исхода или рождения: первое рождение из начала — от Отца, второе —

от дней века, оно началось от Богородицы и совершилось во времени. Пусть же скажут иудеи, из начала ли произошел Зоровавель? Но они ничего не могут сказать.

Который упасет народ Мой Израиля.

«Упасет», говорит, а не: будет тиранствовать или пожирать. Ибо другие цари — не пастыри, но волки, Христос же — Пастырь, как он Сам говорит: «Я есмь Пастырь добрый». Народом же израильским называет уверовавших как из среды евреев, так и из среды язычников: ибо «Израиль» в переводе значит: зрящий Бога (первый «Израиль» — Иаков, узревший Бога в борьбе с Ним, Быт. 32, 28-30); поэтому все зрящие Бога суть израильтяне, хотя бы они происходили из язычников.

Тогда Ирод, тайно призвав волхвов.

Тайно призвал их Ирод из-за иудеев. Ибо он подозревал, что иудеи, может быть, много заботятся о Младенце и замышляют спасти Его, как имеющего освободить их. Поэтому тайно злоумышляет.

Выведал от них время появления звезды.

Тщательно разузнал. Ибо звезда явилась волхвам прежде, чем родился Господь. Так как им предстояло потратить много времени на путешествие, поэтому звезда явилась задолго, чтобы они поклонились Ему, когда Он находился еще в пеленах. Но некоторые говорят, что звезда явилась одновременно с рождением Христа и что волхвы шли в течение двух лет и нашли Господа не в пеленах и не в яслях, но в доме с Матерью, когда Ему было два года. Но ты считай лучшим сказанное раньше.

И, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце.

Не сказал: «о царе», но «о Младенце», потому что не выносил и имени, чем показал, как он безумствовал против Него.

И когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему. Они, выслушавши царя, пошли.

Сами искренние люди, они думали, что и он говорит без коварства.

И вот звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними.

Звезда, по домостроительству Божию, скрылась ненадолго для того, чтобы они спросили иудеев и чтобы смутился Ирод, а истина таким образом сделалась бы очевиднее. Когда же они вышли из Иерусалима, звезда опять явилась, руководя ими. Отсюда видно, что звезда была силой божественной.

Как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.

И это дивно: ибо звезда сошла с высоты и, став ближе к земле, указала им место. Ибо если бы она показалась им с высоты, то как могли бы они частнее узнать место, где был Христос? Ибо звезды охватывают своим сиянием большое пространство. Поэтому и ты,

может быть, увидишь луну над твоим домом, а я думаю, что она стоит только над моим домом. И всем вообще кажется, что над ним одним только стоит луна или другая звезда. И та звезда не указала бы Христа, если бы не сошла вниз и не стала как бы над главою Младенца.

Увидевши же звезду, они возрадовались радостью весьма великою.

Тому, что не ошиблись, а нашли, чего искали, — этому обрадовались.

И вошедши в дом, увидели Младенца с Мариною, Матерью Его.

После рождения Дева положила Младенца в яслях, ибо они не нашли тогда дома. Весьма вероятно, что после они нашли дом, в котором волхвы и обрели их. Ибо взошли в Вифлеем с той целью, чтобы, как говорит и Лука, записаться там, но так как для записи собралось громадное количество народа, то не нашли дома, и Господь родился в вертепе. Затем нашли дом, где волхвы и видели Господа.

И падши поклонились Ему.

Вот озарение души! Видели бедным и поклонились. Они убедились, что это — Бог, поэтому и принесли Ему дары, как Богу и как человеку. Ибо слушай:

И открывши сокровища свои, принесли Ему Дары: золото, ладан и смирну.

Золото принесли Ему, как царю, ибо царю мы, как подданные, приносим золото; ладан, как Богу, ибо Богу мы воскуряем фимиам; а смирну, как имеющему вкусить смерти, ибо иудеи со смирной погребают мертвецов, чтобы тело оставалось нетленным, ибо смирна, будучи сухой, сушит влагу и не позволяет червям зарождаться. Видишь же веру волхвов. Они из пророчества Валаама научились тому, что Господь и Бог, и Царь и что Он имеет умереть за нас. Но выслушай это пророчество. «Возлег, — говорит, — почил, как лев» (Числ. 24, 9). «Лев» обозначает царское достоинство, а «возлег» — умерщвление. «Благословляющий тебя благословится», Вот Божество, ибо одна только божественная природа имеет силу благословения.

И получивши во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою.

Обрати внимание на последовательность! Сперва Бог звездой привел их (волхвов) к вере; затем, когда они пришли во Иерусалим, чрез пророка научил их, что Христос рождается в Вифлееме, и, наконец, чрез ангела. И они повиновались пророчеству, то есть божественной беседе. Таким образом, получивши откровение от Бога, обманули Ирода, не побоялись и преследования его, но дерзнули, полагаясь на силу Рожденного, и таким образом сделались истинными свидетелями.

Когда же они отошли, се, ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его.

Видишь, для чего Бог допустил, чтобы Дева была обручена! Ибо здесь видно тебе, что обручение сделано было с той целью, чтобы Иосиф заботился о ней и пекся. Он не сказал:

«возьми жену твою», но «Матерь Его». Ибо, когда подозрение исчезло и праведник удостоверился из чудес при рождении, что все от Духа Святого, то не называет уже Ее женою его.

И беги во Египет.

Бежит и Господь, чтобы уверовали, что Он действительно есть и человек. Ибо если бы Он, находясь в руках Ирода, не был убит, то показалось бы, что Он воплотился призрачно. В Египет бежит, чтобы и его освятить, ибо два места были притонами всякого зла: Вавилон и Египет. Итак, поклонение Вавилона Он принял чрез волхвов, Египет же освятил собственным присутствием.

И будь там, доколе не скажу тебе.

«Будь там» вместо: «будешь там» до тех пор, пока не получишь повеления от Бога. И нам не должно ничего делать помимо воли Божией.

Ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его.

Обрати внимание на безумие человека, который желает победить волю Божию. Ибо если родившийся не от Бога, то чего бояться? Если же от Бога, то каким образом погубишь Младенца?

Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью, и пошел в Египет и там был до смерти Ирода, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит: из Египта возвал Я Сына Моего.

Иудеи говорят, что это сказано было из-за народа, который Моисей вывел из Египта. Отвечаем: и о народе сказано нечто новое преобразовательно, истинно же исполнилось оно на Христе. Затем, кто есть Сын Божий? Народ ли, поклоняющийся идолу Веельфегору и истуканам, или истинный Сын Божий?

Тогда Ирод, увидев себя осмеянным от волхвов.

Как фараону Бог посмеялся чрез Моисея, так и Ироду посмеялся чрез волхвов, так как оба, и Ирод и фараон, были детоубийцами: фараон избивал в Египте еврейских детей мужского пола, а Ирод детей вифлеемских.

Весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме.

Свой гнев против волхвов он обращает против тех, кто не причинил никакого вреда. Но ты, может быть, скажешь мне: что же это? Неужели младенцы потерпели несправедливость только для того, чтобы обнаружилась злоба Ирода? Итак, слушай. Для чего же попущено избиение младенцев? Для того чтобы обнаружилась злоба Ирода; младенцы не погибли, но сподобились венцов. Ибо всякий терпящий какое-либо зло здесь терпит или для оставления грехов, или для приумножения венцов. Подобным образом и эти дети больше увенчаны будут.

И во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от

волхвов. Тогда сбылось реченное чрез пророка Иеремию, который говорит.

Чтобы кто-либо не подумал, что избиение младенцев случилось помимо воли Божией, показывает, что Он и знал это заранее, и предсказал.

Глас в Раме слышан.

Рама — возвышенное место в Палестине, ибо это название значит: «высокая». Она досталась в удел колену Вениамина, который был сыном Рахили. Рахиль же погребена в Вифлееме. Итак, пророк называет Вифлеем Рахилью, потому что она была погребена в нем. Плач и рыдание были слышны на высоте. Итак, послушай пророка.

Плач и рыдание, и вопль великий; Рахиль (то есть Вифлеем) плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет.

В этой жизни «нет», ибо души бессмертны.

По смерти же Ирода.

Горькую кончину имел Ирод, извергнув свою злую душу горячкою, болью в животе, зудом, кривизной ног, гниением срамного члена, порождавшим червей, одышкою, дрожанием и судорогой членов.

Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву.

Не говорит: «бежи», но «иди», ибо страха уже не было.

Ибо умерли искавшие души Младенца.

Где Аполлинарий, говоривший, что Господь не имел души человека? Здесь он изобличается.

Он встал, взял Младенца и Матерь Его и пришел в землю Израилеву. Услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, убоился туда идти.

Трех сыновей оставил Ирод: Филиппа, Антипу и Архелая. Архелая приказал быть царем, а прочим тетрархами. Иосиф побоялся возвратиться в землю Израиля, то есть Иудею, потому что Архелай был подобен своему отцу. Антипа же — это новый Ирод, который убил Предтечу.

Но, получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские.

Галилея была земля не израильская, но языческая; поэтому иудеи смотрели на них (галилеян), как на мерзость.

И пришел поселился в городе, называемом Назарет.

Как же Лука говорит, что Господь пришел в Назарет после того, как прошло сорок дней

по рождении и после того, как Симеон воспринял Его, Матфей же здесь говорит, что он пришел в Назарет по возвращении из Египта? Итак, заметь, что Лука сказал о том, о чем умолчал Матфей. В качестве примера я скажу следующее. Исполнилось сорок дней после рождения, затем Господь пришел в Назарет. Это говорит Лука. Матфей же говорит о том, что было после этого, что Господь убежал в Египет, затем возвратился из Египта в Назарет. Итак, они не противоречат друг другу: один говорит о возвращении из Вифлеема в Назарет — это Лука; Матфей же — о возвращении из Египта в Назарет.

Да сбудется реченное чрез пророков, что Он Назореем наречется.

Какой пророк говорит об этом, не находится теперь: ибо по нерадению евреев, равно и по причине постоянных пленений много пророческих книг погибло. Но возможно, что это пророчество передавалось у иудеев незаписанным. Назорей значит «освященный»; так как Христос свят, то справедливо Он назывался и Назореем, ибо «святым Израиля» Господь называется у многих пророков.

Глава третья

В те дни.

Не тогда, когда Господь был младенцем и жил в Назарете, но евангелист говорит так вообще о том времени, которое предшествовало настоящему, когда пришел Иоанн Креститель. Иоанн послан был от Бога для того, чтобы изобличать иудеев, привести их к сознанию своих грехов и таким образом подготовить к принятию Христа. Ибо если кто не сознал своих грехов, он не приходит к покаянию.

Приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской и говорит: покайтесь.

Иудеи были заносчивы, поэтому Предтеча побуждает их к покаянию.

Ибо приблизилось Царство Небесное.

Под Царством Небесным он разумеет первое и второе пришествие Христа, и добродетельную жизнь. Ибо если мы, странствуя по земле, жительствоваем как бы на небе, чуждые страстей, то имеем Царствие Небесное.

Ибо он тот, о котором сказал пророк Исайя: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.

«Путем» называется Евангелие, «стежями» же — законные установления, потому что они изношены и древни. Поэтому Креститель говорит: будьте готовы к евангельскому жительству и законные заповеди делайте прямыми, то есть духовными; ибо слово «прямой» означает дух. Когда ты увидишь, что иудей плотски понимает подзаконный строй, то скажи, что он не делает стезей прямыми, то есть духовно понимает закон.

Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса.

Предтеча призывал к покаянию и видом своим: ибо он имел плачевную одежду. Говорят, что верблюд занимает средину между чистым и нечистым животным: как отпрыгивающий жвачку, он чист, а как имеющий нераздвоенные копыта — нечист. Так как Иоанн приводил к Богу и казавшийся чистым народ иудейский, и нечистый языческий и был посредником между Ветхим и Новым Заветом, то поэтому он и носил в качестве одежды волоса верблюда.

Пояс кожаный на чреслах своих.

Все святые в Писании представляются опоясанными или как пребывающие постоянно в труде (ибо нерадивые и изнеженные не опоясываются, как, например, сарадины теперь), или потому, что они умертвили в себе страсти плотского вожделения, ибо кожа есть часть мертвого животного.

А пищею его были акриды и дикий мед.

Некоторые говорят, что «акриды?» — это трава, которая называется и мелагрый, другие же понимают под ними орехи или дикие ягоды. Дикий мед-мед, который готовится дикими пчелами и который находят в деревьях, равно и между камнями.

Тогда Иерусалим и вся Иудея, и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои.

Хотя и крестились, но крещение Иоанна не имело отпущения грехов, Иоанн проповедовал только одно покаяние и вел к оставлению грехов, то есть вел к крещению Христа, от которого — отпущение грехов.

Увидев же Иоанн многих фарисеев.

Фарисей в переводе значит «отдельный», так как и по своей жизни, и по своим знаниям они отличались от других.

И саддукеев.

Саддукеи не верили ни в воскресение, ни в ангелов, ни в духа. «Саддукеи» в переводе значит «праведные», ибо «седек» — праведность. Они сами называли себя праведными или назывались так по ересеначальнику их Садоку.

Идущих к нему креститься, сказал им.

Фарисеи и саддукеи шли к крещению не с правым намерением, как прочие. Поэтому Предтеча и порицает их.

Порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева?

Предтеча строго говорит к ним, зная их строптивость, но, тем не менее, и похвалит их, говоря: «кто внушил вам?». Он удивляется, как случилось, что этот злой род покался. Порождением ехидны он называет их потому, что, как ехидны прогрызают ложесна и таким образом рождаются, так и они убивали отцов своих, то есть учителей и пророков. «От будущего гнева», — говорит о геенне.

Сотворите же достойный плод покаяния.

Видишь, что говорит, что не должно только избегать зла, но должно приносить и плоды добродетели. Ибо сказано: «уклонись от зла и сотвори благо» (Пс. 33, 15).

И не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам.

Им служило к погибели то, что они полагались на свое благородное происхождение.

Ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму.

Под камнями разумеются язычники, из которых многие уверовали. Кроме того, Иоанн говорит и так просто, что Бог и от камней может создать детей Аврааму. Ибо и ложесна Сарры по бесплодию были камнем, однако она родила. Когда же воздвиг Господь чад Аврааму от камней? В то время, когда распяли Его и многие, увидев рассевишиеся камни, уверовали.

Уже и секира при корне дерев лежит.

Секирою Предтеча называет суд Христов, деревьями — каждого из нас. Итак, не верующий за это свое неверие посекается с корнем и ввергается в геенну.

Всякое дерево,

хотя бы оно от Авраама происходило,

не приносящее доброго плода.

Не сказал: «не принесшее», но «не приносящее»; ибо всегда должно приносить плоды добродетели. Если ты вчера оказал милость, а сегодня похищаешь, то ты негоден Богу. Такое дерево

срубают и бросают в огонь,

то есть огонь геенны.

Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня.

Предтеча сказал им: «Принесите плод». Итак, он показывает, какой плод, именно, веру в Грядущего за ним. За ним же шел Христос. Он был позади его не только по рождению (только шестью месяцами), но и по явлению, ибо прежде явился Предтеча, а потом Христос, о котором Иоанн свидетельствовал.

Я не достоин понести обувь Его.

Я, говорит, недостойн быть и последним рабом Его, чтобы носить обувь. Под обувью разумеи и два сошествия Его — одно с неба на землю, другое с земли в ад, ибо обувь есть кожа плоти и умерщвление. Этих двух схождений не мог понести Предтеча, не будучи в состоянии и понять, как они могут совершиться.

Он будет крестить вас Духом Святым,

то есть обильно исполнит вас дарами Духа, тогда как мое крещение, говорит Предтеча, не дает ни благодати Духа, ни отпущения грехов. Он же обильно даст вам и отпущение грехов, и дары Духа.

Лопата Его в руке Его.

Не думайте, что когда креститесь от Него и потом будете грешить, то Он простит вас; Он имеет лопату, то есть рассмотрение и суд.

И Он очистит гумно Свое,

то есть церковь, которая имеет много крещеных, подобно тому как на гумно с поля собирается все, но одна часть из собранного оказывается плевелами, каковы легкомысленные и движимые духами злобы, а другая пшеницею — это те, которые другим и пользу приносят и питают учением и делом.

И соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым.

Неугасим этот огонь. Поэтому ошибался Ориген, когда говорил, что будет конец наказанию.

Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. Иоанн же удерживал Его и говорил.

Чистый крестится, чтобы нас омыть и показать нам, что если мы желаем креститься, то должны сперва очиститься, чтобы не осквернить крещения, легко после этого погрязая в грех по худой привычке. Препятствует же Ему Иоанн для того, чтоб видящие не подумали, что и Он, как один из многих, крестится в покаяние.

Мне надо креститься от Тебя.

Предтеча имел нужду получить очищение от Господа, ибо и сам он, как происшедший от Адама, заражен был скверной преслушания; воплотившийся же Христос очистил всех.

И Ты ли приходишь ко мне?

Не осмелился сказать: «и Ты крестишься от Меня?», но «и Ты ли приходишь?». Так он был скромн!

Но Иисус сказал Ему в ответ: оставь теперь.

Теперь, говорит, уступи. Будет время, когда мы будем иметь достойную славу, хотя теперь и не обнаруживаем ее.

Ибо так надлежит нам исполнить всякую правду.

Под правдою разумеет закон. Природа человека, говорит, проклята, потому что не могла

исполнить закона. Поэтому Я исполнил и другие предписания закона. Остается Мне — это креститься. Исполнив это, Я освобожу естество от клятвы. Ибо это приличествует Мне.

Тогда Иоанн допускает Его. И крестившись Иисус.

Господь крещается, будучи тридцати лет, так как этот возраст воспринимает в себя все грехи. В первом, детском, возрасте много неразумия, во втором, юношеском, — сильное пламя похоти и гнева, а в пору мужества — любостяжание. Итак, Господь выждал этот возраст, чтобы чрез все возрасты исполнить закон и освятить нас.

Тотчас вышел из воды.

Манихеи говорят, что тело Свое Он отложил в Иордане и призрачно принял другое тело. Но они опровергаются отсюда, ибо сказано: «вышел Иисус», не другой вышел, но Тот, кто сошел в воду.

И се, отверзлись Ему небеса.

Адам заключил их, а Христос открывает, чтобы ты узнал, что и ты, когда крещаясь, открываешь их.

И увидел Иоанн Духа Божия, который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий.

Сходит Дух, чтобы свидетельствовать, что Крещаемый больше крещающего. Ибо иудеи почитали Иоанна великим, а Христа — не таковым. Все видели, что Дух сходит на Иисуса, чтобы не подумали, что голос: *Сей есть Сын Мой возлюбленный* - был ради Иоанна, но чтобы все, видя Духа, уверовали, что этот голос относится к Иисусу. «Как голубь» по причине незлобия и кротости голубя и потому, что голубь есть самая чистая птица, не остается там, где есть нечистота, — так и Дух Святой. Но и при Ное голубь возвестил прекращение потопа, неся масличную ветку; так и здесь Дух Святой показывает разрешение грехов. Там масличная ветка, а здесь милость Божия: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение, то есть на котором Я успокаиваюсь, к которому Я милостив.*

Глава четвертая

Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню.

Научая нас, что после крещения более всего должно ожидать искушений, Иисус отводится Духом Святым, ибо Он ничего не делал помимо Духа. Отводится же Он в пустыню, чтобы показать нам, что дьявол искушает нас тогда, когда видит, что мы одни и не получаем помощи от других. Поэтому и нам не должно отказываться от совета других и полагаться на самих себя.

Для искушения от дьявола.

Дьявол, то есть клеветник, называется так потому, что клеветал на Бога Адаму, когда сказал Ему: «Бог завидует вам». Он и теперь клеветет на добродетель.

И постившись.

Постился, чтобы показать, что пост — сильное оружие против искушений, подобно тому как пресыщение служит источником всякого греха.

Сорок дней и сорок ночей.

Постится столько дней и ночей, сколько и Моисей, и Илия. Если бы постился больше, то воплощение Его показалось бы призрачным.

Напоследок взалкал.

Когда уступил природе, тогда и взалкал, чтобы голодом дать повод дьяволу подойти и сразиться с Ним и таким образом поразить его и низложить, даровав нам победу.

И приступил к Нему искушитель и сказал: если ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами.

Этот соблазнитель слышал голос с неба: «Сей есть Сын Мой», но с другой стороны видит, что Он взалкал, и недоумевает, как Сын Божий может чувствовать голод. Поэтому искушает Его с целью удостовериться, говоря: «если Ты Сын Божий», он льстит Ему, думая, что Он что-нибудь скрывает. Но ты спросишь, что за грех было сделать из камней хлебы? Итак, знай, что послушаться дьявола в чем-либо — грех. С другой стороны, дьявол не сказал: «пусть будет этот камень хлебом», но «камни», желая ввергнуть Христа в излишество, ибо для голодного совершенно достаточно и одного хлеба. Поэтому Христос и не послушал его.

Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих.

Данное свидетельство взято из Ветхого Завета, ибо это слова Моисея. И евреи питались манною, которая не была хлебом, но по Слову Божию она удовлетворяла всякую нужду евреев, была всем, чего бы кто ни захотел есть. Рыбы ли, яйца ли, или сыра хотел иудей, манна удовлетворяла такому вкусу его.

Потом берет Его дьявол в святой город и поставляет Его на крыле храма.

Это была одна из частей храма, которые у нас называются боковыми; они кажутся как бы крыльями.

И говорит Ему: если ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею.

Говоря: «если ты Сын Божий», дьявол хочет сказать: я не верю голосу с неба, однако Ты покажи мне — Сын ли Ты Божий. Поистине, проклятый! Если Он был Сын Божий, то неужели Ему должно было броситься вниз? Твоей жестокости свойственно это — низвергать беснующихся, Богу же — спасать. Не о Христе написано: «на руках понесут Тебя», но о святых, которые нуждаются в ангельской помощи. Христос же, будучи Богом, не нуждается в этом.

Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога Твоего.

Кротко отражает его Христос, поучая нас побеждать демонов кротостью.

Опять берет Его дьявол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне.

Некоторые под весьма высокой горой разумеют страсть корыстолюбия, в которую враг старается вовлечь Иисуса; но они неверно думают. Ибо дьявол явился Ему чувственно, Господь же не принимал помышлений; да не будет! Итак, он чувственно показал Ему на горе все царства, представляя их Ему пред глазами в призраке, и сказал: «все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне». В силу своей гордости он считает мир своею собственностью. Это и теперь он говорит корыстолюбивым, что те, кто поклоняется ему, будут иметь в своей власти мир.

Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи.

Господь разгневался на него, когда увидел, что он присваивает себе Божие, и говорит: «все это дам Тебе», якобы свое собственное. Узнай отсюда, какую пользу приносит Писание, ибо Господь им заставил врага замолчать.

Тогда оставляет Его дьявол, — и се, ангелы приступили и служили Ему.

Три искушения победил Господь: чревоугодие, тщеславие и страсть к богатству, то есть корыстолюбие. Это — главная из страстей. Следовательно, победив их, гораздо легче одолеть и остальные. Поэтому и Лука говорит: «и окончив все искушение» (Лк. 4, 13), хотя Господь победил только главные из них. Поэтому ангелы служили Ему, чтобы показать, что и нам после победы они будут служить, ибо все это делает и показывает Христос ради нас. Ему же, как Богу, ангелы служат всегда.

Услышав же Иисус, что Иоанн отдан под стражу, удалился в Галилею и, оставив Назарет, пришел и поселился в Капернауме приморском, в пределах Завулоновых и Неффалимовых.

Удаляется Иисус, научая нас этим, чтобы мы не подвергали себя опасностям. Удаляется же Он в Галилею, то есть покатуую страну, ибо язычники уклонились в грех, и поселяется в Капернауме, то есть в «доме утешения», потому что Он и сошел для того, чтобы язычников сделать домом Утешителя. Завулон в переводе значит «ночной», а Неффалим — «широта», ибо язычники имели в своей жизни и ночь, и широту, так как ходили не тесным путем, но ведущим к гибели.

Да сбудется реченное чрез пророка Исаяю, который говорит: земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая, народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране, и тени смертной воссиял свет.

«Путь моря» вместо — страна, лежащая «на пути к морю». Свет же великий — Евангелие. Закон тоже был светом, но малым. Сень смертная — грех; она — подобие и образ смерти, ибо как смерть захватывает тело, так и грех — душу. Свет воссиял нам, ибо не мы искали его, но он сам явился нам, как бы преследуя нас.

С того времени Иисус начал проповедовать и говорить.

С того момента, как Иоанн был заключен в темницу, Иисус начал проповедовать, ибо Он ждал, чтобы прежде Иоанн засвидетельствовал о Нем и приготовил для Него путь, которым Ему предстояло идти, подобно тому, как рабы готовят путь своим владыкам. Будучи равен Отцу, Господь и Сам имел в лице Иоанна Своего пророка, как Отец Его и Бог имел пророков прежде Иоанна, вернее, и те были пророками как Отца, так и Сына.

Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное.

Христос и добродетельная жизнь — это Царство Небесное. Ибо если кто-нибудь жительствует на земле, как ангел, то не небесный ли он? Так что в каждом из нас есть Царство Небесное, если живем ангельски.

Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы; и говорит им.

Они были учениками Иоанна. Когда еще Иоанн был жив, они приходили ко Христу, а когда увидели, что Иоанна связали, то опять возвратились к жизни рыбаков. Таким образом, проходя, уловил их, говоря:

Идите за мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним.

Смотри, какими послушными людьми были они, — тотчас последовали за Ним. Отсюда видно, что это было второе призвание. Будучи научены Христом, затем, оставив Его, они тотчас опять последовали за Ним, как только увидели Его.

Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцом их.

Питать в старости отца, и притом питать честным трудом, — это великая добродетель.

Починивающих сети свои, и призвал их.

Они были бедны, и потому, не имея возможности купить новые сети, принуждены были чинить старые.

И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним.

Зеведей, по-видимому, не уверовал, и потому они оставили его. Видишь, когда нужно оставлять отца: тогда, когда он преграждает путь к добродетели и благочестию. Сыновья Зеведея, увидев, что первые (братья Симон и Андрей) последовали за Христом, тотчас,

подражая им, и сами пошли за Ним.

И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя евангелие Царствия.

Ходит в синагоги еврейские для того, чтобы показать, что Он не противник закона.

Исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях.

Знамениями начинает для того, чтобы поверили тому, о чем Он учит. Недуг — это долговременное злострадание, немощь же — непродолжительное нарушение правильной жизни тела.

И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их.

Христос никого из приведенных не спрашивал о вере, потому что это самое уже было делом веры, что их принесли издалека. Лунатиками называют беснующихся. Ибо демон, желая внушить людям, что звезды приносят вред, подстерегает полнолуние и тогда мучит, чтобы причиною страдания сочли луну и клеветали на создание Божие. В этом заблуждались и манихеи.

И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима и Иудеи, и из-за Иордана.

Глава пятая

Увидев народ, Он взошел на гору.

Восходит на гору, поучая этим ничего не делать напоказ. Намереваясь учить, Он воспитывает нас удаляться от шума, когда учим.

И когда сел, приступили к Нему ученики Его.

Народ приступает для того, чтобы видеть чудеса, ученики же — для учений. Поэтому для совершения чудес и исцеления тел Он врачует и души, чтобы мы поучились, что Он есть Творец и душ, и тел.

И Он, отверзши уста Свои.

Для чего прибавлено «отверзши уста Свои»? Кажется, что это излишне. Но нет, ибо Он учил и не отвержая уст. Каким образом? Своею жизнью и чудесами. Теперь же Он учит, отверзши уста.

Учил их, говоря.

Учил не одних только учеников, но и народ. А начал с блаженств, подобно тому как

Давид начал с блаженства.

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное.

Выставляет смирение, как основание жизни. Так как Адам пал от гордости, то Христос восстанавливает нас через смирение. Ибо Адам надеялся быть Богом. Сокрушенные душой — это нищие духом.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Разумеются плачущие о грехах, а не о чем-либо житейском. Сказал «плачущие», то есть всегда, а не один только раз и не о своих только грехах, но и о грехах ближних. Утешатся же они и здесь, — ибо кто плачет о грехе, тот духовно радуется здесь, — а тем более там.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Некоторые под словом «землю» разумеют землю духовную, то есть небо, но ты разумеи и эту землю. Так как кроткие обычно считаются презренными и лишенными значения, то Он и говорит, что они-то преимущественно и имеют все. Кроткие же — это не те, которые совершенно не гnevаются (ибо таковые лишены разума), а те, которые имеют гнев, но воздерживаются, гневаясь тогда, когда нужно.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Когда Он намеревается говорить о милосердии, то прежде всего показывает, что нужно приобщаться к справедливости и не делать милостыни из награбленного. Правды должно искать со всяким усердием, ибо это обозначают слова «алчущие и жаждущие». Так как и корыстолюбивые представляются живущими в довольстве и сытости, то Он говорит, что тем более праведные насытятся и здесь, ибо они располагают своим имуществом безопасно.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Милосердие можно оказывать не только имуществом, но и словом, а если ничего нет, то и слезами. Они получают милость и здесь от людей, ибо тот, кто вчера оказывал милость, если он сегодня лишится всего, встретит милосердие со стороны всех; но особенно потом поможет ему Бог, после кончины.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Многие не грабят, а скорее милосерды, но они блудодействуют и таким образом в других отношениях оказываются нечистыми. Итак, Христос повелевает при других добродетелях хранить и чистоту, или целомудрие, не только по телу, но и по сердцу, ибо помимо святости или чистоты никто не увидит Господа. Как зеркало, если оно чисто, только тогда отражает образы, так и созерцание Бога и разумение Писания доступно только чистой душе.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Разумеются не только те, которые сами живут со всеми мирно, но и те, которые примиряют враждующих. Миротворцы суть и те, которые учением обращают к истине

врагов Божиих. Таковы суть сыны Божии, ибо и Единородный Сын Божий примирил нас с Богом.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Не одни мученики преследуются, но и многие другие за оказание помощи обидимым и вообще за всякую добродетель, ибо всякая добродетель есть правда. Воров и убийц также преследуют, однако они не блаженны.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать.

Наконец, Господь говорит к Своим апостолам, показывая, что терпеть поношение свойственно более всего учителям.

И всячески несправедливо злословить за Меня.

Не просто поносимый блажен, но только поносимый за Христа и ложно. В противном же случае он несчастен, потому что для многих служит соблазном.

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах.

Господь не говорил о великой награде за другие добродетели, но здесь сказал о ней, показывая этим, что переносить поношения — великое и самое трудное дело, ибо многие и сами себя лишили жизни. И Иов, перенесший другие искушения, особенно был возмущен тогда, когда друзья поносили его, будто он страдает за грехи.

Так гнали и пророков, бывших прежде вас.

Чтобы не подумали апостолы, что их будут гнать за проповедь чего-либо противного учению Христа, Господь утешает их, говоря, что и пророков прежде вас гнали за добродетель; поэтому в их страданиях вы имеете утешение.

Вы — соль земли.

Пророки посылались к одному народу, вы же — соль всей земли, укрепляющая слабых учением и обличениями, чтобы они не порождали постоянных червей. Ввиду этого не отвергайте горечи обличений, хотя бы ненавидели и преследовали вас.

Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям.

Если учитель обуяет, то есть если не будет обличать, исправлять и разленится, то чем осолится, то есть исправится? Он должен быть лишен учительского сана и попираем, то есть подвергнут презрению.

Вы — свет мира.

Сперва соль, потом свет, ибо избличающий скрытые дела есть свет. Ведь все, что делается явным, есть свет. Апостолы просветили не один народ, но мир.

Не может укрыться город, стоящий на верху горы.

Господь наставляет их подвизаться и быть внимательными к своей жизни, потому что на них будут смотреть все. Не думайте, говорит Он, что вы будете скрываться; вы будете на виду; поэтому обращайтесь внимание на то, чтобы жить непорочно, да не послужите соблазном для других.

И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечник, и светит всем в доме.

Я, говорит, зажег неугасимый свет благодати. Пусть будет делом вашего подвига, чтобы свет вашей жизни светил и другим.

Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

Не сказал: «вы показывайте свою добродетель» (ибо это нехорошо), но «да светит» она сама так, чтобы и враги ваши удивились и прославили не вас, но Отца вашего Небесного. Поэтому, когда мы делаем добро, то должны делать его для славы Божией, а не для нашей.

Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или Пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить.

Так как Он намеревался ввести новые законы, то чтобы не подумали, что Он противник Божий, Он, предотвращая такое подозрение со стороны многих, говорит: «Я пришел не нарушить Закон, но исполнить его?». Как же Он исполнил? Во-первых, тем, что совершил все предсказанное о Нем пророками. Поэтому и евангелист часто говорит: «дабы сбылось сказанное пророком». Он исполнил и все заповеди Закона, ибо не сотворил беззакония и не было лести в устах Его. Он исполнил Закон и в другом отношении, то есть восполнил его, ибо Он полно начертал то, чего Закон дал только одну тень. Тот гласил: «Не убей», а Сей сказал: «И не гневайся напрасно». Подобно живописцу Он не изглаждает первоначального рисунка, но дополняет его.

Ибо истинно говорю вам.

«Истинно» (аминь) — частица утвердительная, вместо «ей, говорю вам».

Доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из Закона, пока не исполнится все.

Здесь Господь показывает, что мир придет и изменится. Поэтому Он говорит, что, пока стоит вселенная, не исчезнет и малейшая буква из Закона. Одни под йотой и чертой понимают двенадцать заповедей, другие — крест. Йота — прямой брус креста, а черта — поперечный. Итак, говорят, что сказанное относительно креста, — исполнится.

Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном.

Под малыми заповедями понимает те, которые Он Сам намерен был дать, но не заповеди

Закона. Малыми Он называет их в силу Своего смирения, чтобы и тебя научить быть скромным в учении. «Малейшим наречется в Царстве Небесном» вместо: в воскресении окажется последним и будет брошен в геенну. Ибо он не войдет в Царство Небесное: нет; но под царством разумей воскресение.

А кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном.

Сначала стоит «сотворить», а потом — «научить», ибо как я буду руководить другим на пути, по которому я сам не ходил? С другой стороны, если я делаю, но не учу, то я не буду иметь такой награды, но, может быть, понесу наказание, если не учу по зависти или лени.

Ибо говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.

Под правдою Господь понимает всякую добродетель, подобно тому, как и в словах: «Иов же был истинный, праведный и непорочный» (Иов. 1, 1). Итак, трепещи, человек, помыслив о том, сколько от нас требуется. Затем Господь учит нас, как нам превзойти, и перечисляет добродетели.

Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду

(Исх. 20, 13). Не говорит, кем сказано было, потому что если бы сказал: «Отец Мой сказал древним, Я же говорю вам», то показалось бы, что Он устанавливает противное Отцу. С другой стороны, если бы сказал: «Я говорил древним», то Его слов не стали бы слушать. Поэтому говорит неопределенно: «сказано было древним». Этими словами Он показывает, что Закон устарел. А если устарел и близок к уничтожению, то его должно оставить и бежать к новому,

А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду.

Пророки, намереваясь изложить пророчество, заявляли: «это говорит Господь», Христос же, показывая Свою Божественную власть, говорит: «Я говорю». То были рабы, а Он — Сын и имеет все, что принадлежит Отцу. Тот, кто гневается на брата своего напрасно, будет осужден, но если кто гневается по разумным основаниям, в целях воспитания или по духовной ревности, тот не будет осужден. И Павел гневные слова говорит Елиме-волхву и первосвященнику, но не напрасно, а в силу ревности. Напрасно гневается мы в том случае, если гневается из-за имени или славы.

Кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону.

Под «синедрионом» понимается еврейское судилище, а «рака» тождественно со словом «ты». Мы имеем обыкновение говорить человеку, которого презираем: «поди ты»; а поэтому Господь побуждает нас не оставлять без внимания и такого маловажного выражения и поощряет нас уважать других. Некоторые говорят, что «рака» в переводе с сирского значит «презренный». Итак, если кто будет бесчестить своего брата, называя его презренным, то тот подпадет собору апостолов, когда они сядут судить двенадцать колен.

А кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной.

Многие говорят и думают, что это — тяжелый и суровый приговор, но нет. Разве тот, кто лишает брата разума и смысла, лишает того, чем мы отличаемся от животных, разве он не достоин геенны? Кто поносит и бесчестит, тот разрушает любовь, а когда любовь разрушена, уничтожаются добродетели, сильные только при существовании любви. Итак, каждый, кто бесчестит, разрушая все добродетели, тем самым разрушает любовь и поэтому справедливо удостоивается огня.

Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.

Бог пренебрегает собственной честью, лишь бы мы любили друг друга. К словам «если брат твой имеет что-нибудь против тебя» не прибавил ничего другого: справедливо ли или не справедливо имеет он, примиришься. Он не сказал: «если ты имеешь против него», но говорил: «если он имеет что-либо против тебя, постарайся примирить его с собою». Повелевает же оставить дар для того, чтобы у тебя была необходимость к примирению: пожелав принести дар твой, ты по необходимости должен будешь примириться. Вместе с этим показывает, что любовь есть и истинная жертва.

Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

Некоторые думают, что под соперником разумеется дьявол, а под путем — жизнь, и полагают, что Господь увещевает таким образом: «пока ты находишься в этой жизни, разорви связь с дьяволом, чтобы он не мог впоследствии обличить тебя за грехи, как имеющего что-либо от него, и чтобы не был ты предан тогда наказанию до тех пор, пока не уничтожишь и самых малых грехов (ибо кодрант равняется двум лептам). Но ты пойми, что Господь говорит это относительно здешних соперников, научая не судиться и не отклоняться от дел Божиих. Если, говорит, тебя и обидят, то не ходи в суд, но мирись на пути, чтобы не потерпеть тебе худшего, благодаря могуществу соперника.

Вы слышали, что сказано: не прелюбодействуй.

Одно дело — прелюбодеяние, другое — блуд. Прелюбодеяние — это грех с замужнею, а блуд — со свободною.

А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Кто останавливается, зрением разжигает похоть и снова смотрит с большим желанием, таковой уже совершил грех прелюбодеяния в сердце своем. Если он не прибавил к этому дела, то, что отсюда следует? Только то, что он не был в силах, а если бы мог, то тотчас совершил бы зло. Но знай, что если мы пожелаем, но затем встретим препятствие к осуществлению своего желания делом, то ясно, что мы находимся под покровом благодати.

И женщины, если они украшаются для того, чтобы понравиться, грешат, хотя бы и не понравились. Ибо они приготовили напиток, хотя его никто не выпил.

Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

Слыша о глазе и руке, не думай, что это говорится о членах: ибо Он не прибавил бы: «правый» и «правая». Здесь говорится о тех, которые кажутся нашими друзьями и вредят нам. Так, юноша имеет распутных друзей и терпит от них вред. Оставь их, говорит Господь. Этим ты, может быть, спасешь и их, если придут в чувство, если же нет, то, по крайней мере, самого себя. Если же сохранишь любовь к ним, то погибнешь и ты, и они.

Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную.

Моисей повелел, чтобы, если кто возненавидит свою жену, развелся с нею, дабы не случилось худшего, ибо та, которую возненавидели, могла быть и убита, — и дал разведенной разводное письмо, которое называлось отпускным, так чтобы отпущенная никогда не возвращалась к нему и не произошло раздора, когда муж станет жить с другой.

А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

Господь не нарушает Моисеева закона, но исправляет его, запрещая мужу по неразумным причинам ненавидеть свою жену. Если он отпустит ее по основательной причине, то есть как прелюбодействовавшую, то не подлежит осуждению, если же помимо прелюбодеяния, то подлежит суду: ибо принуждает ее прелюбодействовать. Но и тот, кто возьмет ее к себе, прелюбодей — ибо, если бы не взял ее, она, может быть, возвратилась бы и покорилась мужу. Христианину должно быть миротворцем и по отношению к другим, а тем более по отношению к своей жене.

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Богом клятвы твои.

То есть, когда клянешься, будь правдив.

А Я говорю вам: не клянись вовсе; ни небом, потому что оно престол Божий, ни землею, потому что оно подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великаго Царя.

Так как иудеи слышали Бога, говорящего: небо престол Мой, земля же подножие ног Моих, то и клялись этими предметами. Но Господь, запрещая им это, не говорит: так как небо прекрасно и огромно, а земля полезна, поэтому не клянитесь, но не клянитесь этими предметам потому, что небо — трон Божий, земля же подножие, чтобы не дать повода к

идолопоклонству. Ибо стихии со стороны клянувшихся ими признавались за божества, что прежде и было.

Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.

Один только Бог клянется Самим Собою, как не зависящий ни от кого. А мы не имеем власти над собою, — как же мы можем клясться своею головою? Мы — достояние другого. Ибо если голова — твоя собственность, то измени, если можешь, один волос.

Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет.

Чтобы ты не сказал: но как мне поверят? — Он говорит: поверят, если всегда будешь говорить правду и никогда не станешь клясться, ибо никто так не теряет доверия, как тот, кто тотчас клянется.

А что сверх этого, то от лукаваго.

Клятва, кроме: ей и ни, излишня и есть дело дьявола. Но ты спросишь: разве и закон Моисеев, повелевая клясться, был худ? Узнай, что в то время клятва не составляла худого дела; но после Христа она — дело худое, подобно тому, как обрезать и вообще иудействовать. Ведь и сосать грудь прилично младенцу, но не прилично мужу.

Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб

(Ис. 21, 24). Закон из снисхождения допустил равное возмездие, чтобы из-за страха потерпеть равное, не обижать друг друга.

А Я говорю вам; не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую.

Злым Господь называет здесь дьявола, который действует посредством человека. Итак, разве дьяволу не должно противостоять? Да, должно, только не ударом с своей стороны, но терпением, ибо огонь угашают не огнем, а водою. Но не думай, что здесь идет речь только об ударе в щеку, но и о всяком другом ударе, и о всякой вообще обиде.

И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

Отдай ему и верхнюю одежду, если тебя повлекут в суд и станут досаждать, а не тогда, когда просто будут просить. Рубашкой у нас, собственно, называется исподнее платье, а верхней одеждой — верхнее платье. Но эти названия говорятся и одно вместо другого.

И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

«Что я говорю о рубашке и верхней одежде? — говорит Господь. — И самое тело свое отдай тому, кто насильно тащит тебя, и сделай более, чем он желает».

Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Враг ли, друг ли или неверный просит у тебя денег или другой помощи. В займы же, говорит, не с ростом, но просто для пользы ближнего, ибо и во время закона давать в займы без процентов.

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших.

Достиг верха добродетелей, ибо что больше этого? Но это не невозможно. Ибо Моисей и Павел враждовавших против них иудеев любили больше себя, и все святые любили врагов своих.

Благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.

Ибо их должно почитать, как благодетелей, потому что каждый, кто преследует и искушает нас, уменьшает нам наказание за грехи. С другой стороны, и Бог воздаст нам за это великой наградой. Ибо слушай:

Да будете сынами Отца вашего небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Видишь ли, какое благо дарит тебе тот, кто ненавидит и оскорбляет тебя, если только ты пожелаешь терпеть? Под дождем и солнцем понимает как знание, так и учение, ибо Бог всех освящает и научает.

Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?

Будем трепетать, так как мы не походим и на мытарей, но ненавидим даже и тех, кто любит нас.

И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

Одних из людей, конечно, друзей, любить, а других ненавидеть есть несовершенство; совершенство же — любить всех.

Глава шестая

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтоб они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.

Возведя к самой высшей добродетели — любви, Господь восстает теперь против тщеславия, которое следует за добрыми делами. Обратите внимание, что говорит: остерегайтесь! говорит как бы о звере лютном. Берегись, чтобы он не растерзал тебя. Но если умеешь ты творить милосердие и пред людьми, однако не для того, чтобы смотрели, не подвергнешься осуждению. Но если имеешь своей целью тщеславие, то хотя бы делал то и в

клетки своей, будешь осужден. Бог наказывает или увенчивает намерение.

Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди.

Лицемеры не имели труб, но Господь осмеивает здесь их намерение, так как они желали, чтобы об их милостыне трубили. Лицемеры — это те, которые по виду являются другими, чем каковы они в действительности. Так, они кажутся милостивыми, но в действительности иные.

Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

Ибо их хвалят, и они от людей получили все.

У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая.

Преувеличенно сказал это: если можно, скрой и от себя самого. Или так иначе: левая рука тщеславна, а правая — милосердна. Итак, пусть тщеславие не знает твоей милостыни.

Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Когда? Когда все окажется обнаженным и явным, тогда наиболее прославишься и ты.

И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

И этих называет лицемерами, так как они кажутся, что внимают Богу, а в действительности внимают людям, от которых имеют, то есть получают, свою награду.

Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Итак, что же? Не буду молиться в церкви? Совершенно нет. Буду молиться, но с чистым намерением, а не так, чтобы показывать себя: ибо место не вредит, но внутреннее расположение и цель. Многие, втайне молясь, делают это с целью понравиться людям.

А, молясь, не говорите лишнего, как язычники.

Многоглаголание есть пустословие: например, молить о чем-либо земном — о власти, богатстве, победе. Многоглаголание есть и нечленораздельная речь, как речь детей. Итак, не будь пустословом. Должно совершать не длинные молитвы, а краткие, но непрестанно пребывать в краткой молитве.

Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

Молимся не для того, чтобы научить Его, но чтобы, отвлекая самих себя от житейских забот, получить пользу, беседуя с Ним.

Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах!

Одно дело — обет, другое — молитва. Обет — это обещание Богу, например, когда кто-нибудь обещает воздерживаться от вина или чего-либо другого; молитва же — это прошение благ. Говоря «Отче», показывает тебе, каких благ ты удостоился, сделавшись сыном Божиим, а словом «на небесах» указал тебе на отечество твое и отеческий дом. Поэтому если желаешь Бога иметь своим Отцом, то смотри на небо, а не на землю. Ты не говоришь: «Отче мой», а «Отче наш», потому что ты должен всех считать за братьев своих детей одного Отца Небесного.

Да святится имя Твое,

то есть делай нас святыми, чтобы прославлялось имя Твое, ибо как чрез меня хулится Бог, так чрез меня Он и святится, то есть прославляется, как Святой.

Да придет царствие Твое,

то есть второе пришествие: ибо человек со спокойною совестью молится о наступлении воскресения и суда.

Да будет воля Твоя и на земле, как на небе.

Как ангелы, говорит, исполняют волю Твою на небе, так даруй и нам совершать ее на земле.

Хлеб наш насущный дай нам на сей день.

Под «насущным» Господь понимает тот хлеб, который достаточен для нашей природы и состояния, но Он устраняет заботу о завтрашнем дне. И Тело Христа есть насущный хлеб, о неосужденном причастии которого мы должны молиться.

И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.

Так как мы грешим и после крещения, то молим, чтобы Бог простил нам, но простил так, как и мы прощаем. Если мы злопамятствуем, Он не простит нам. Бог имеет меня как бы Своим примером и то делает мне, что я делаю другому.

И не введи нас в искушение.

Мы — люди слабые, поэтому не должны подвергать себя искушениям, но если впали, то должны молиться, чтобы искушение не поглотило нас. Только тот вовлекается в бездну испытания, кто поглощен и побежден, а не тот, кто впал, но потом победил.

Но избавь нас от лукавого.

Не сказал: «от лукавых людей», ибо не они делают нам зло, но лукавый.

Ибо Твое есть царство и сила, и слава во веки. Аминь.

Здесь ободряет нас, ибо если Отец наш есть Царь, сильный и славный, то мы, конечно, победим лукавого и в грядущие времена прославимся.

Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный.

Снова учит нас не помнить о зле и напоминает нам об Отце, чтобы мы стыдились и не делались подобными зверям, будучи Его детьми.

А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

Ничего не ненавидит так кроткий Бог, как жестокость.

Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры: ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

«Помрачение лица» есть бледность. Упрекает, когда кто-либо кажется не тем, каков есть, но притворно принимает мрачный вид.

А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не перед людьми, но пред Отцем твоим, который втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Как древние в знак радости помазывали себя елеем после омовения, так и ты показывай себя радующимся. Но под елеем разумеется и милостыня, а под главой нашей — Христос, которого должно умащать милостынями. «Умывать лице» — значит омыwać чувства слезами.

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут.

Изгнавши болезнь тщеславия, Господь далее говорит о нестяжании, ибо люди заботятся о приобретении многих имуществ по причине своего тщеславия, Он показывает бесполезность земного сокровища, потому что червь и тля истребляют пищу и одежды, а воры похищают золото и серебро. Затем, чтобы кто-либо не сказал: «не все же крадут», Он указывает, что хотя бы ничего подобного не было, но разве то самое, что ты пригвожден заботой о богатстве, не есть великое зло? Поэтому Господь и говорит:

Ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше. Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

Он говорит это: если ты пригвоздил свой ум заботой об имуществе, то ты погасил свой

светильник и омрачил свою душу, ибо как глаз, когда он чист, то есть здоров, освещает тело, а когда худ, то есть нездоров, оставляет его во мраке, так и ум ослепляется заботой. Если же ум омрачен, то душа делается тьмой, а тем более тело.

Никто не может служить двум господам.

Под двумя господами понимает тех, которые дают противоположные приказания. Мы, например, делаем своим господином дьявола, как и свое чрево богом, но наш Бог по природе и истинно есть Господь. Не можем мы работать Богу, когда работаем маммоне. Маммона же есть всякая неправда.

Ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

Видишь ли, что для богатого и неправедного невозможно служить Богу, ибо корыстолюбие отторгает его от Бога?

Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться.

«Посему», то есть почему? Потому, что имуществами отторгаются люди от Бога. Душа, как не имеющая тела, не ест, но Господь сказал это по общему обыкновению, ибо душа, по видимому, не может оставаться в теле, если плоть не питается. Господь не запрещает трудиться, но запрещает целиком предавать себя заботам и пренебрегать Богом. Должно и земледелием заниматься, но должно заботиться и о душе.

Душа не больше ли пищи, и тело одежды?

То есть Тот, Кто дал большее, образовав душу и тело, разве Он не даст пищи и одежды?

Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?

Господь мог указать в качестве примера на Илию или Иоанна, но Он напомнил о птицах, чтобы пристыдить нас, что мы неразумнее и их. Бог питает их, вложив в них естественное знание для собирания пищи.

Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?

Господь говорит: «Как бы ты ни заботился, но ты ничего не сделаешь помимо воли Божией. Зачем же утруждаешь себя понапрасну?».

И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут? Не трудятся, ни прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них.

Не одними только неразумными птицами Он стыдит нас, но и кринами, которые усыхают. Если Бог так украсил их, хотя это не являлось необходимым, то не тем ли более Он удовлетворит нашу нужду в одежде? Показывает также, что хотя бы и много заботился,

однако ты не сможешь украсить себя подобно кринам, ибо мудрейший и изнеженный Соломон за все время своего царствования не мог надеть на себя что-либо подобное.

Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра

будет

брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры.

Отсюда научаемся, что не должно заботиться об украшении, как это свойственно тленным цветам, и что всякий, украшающий себя, уподобляется траве. Вы же, говорит, разумные существа, для которых Бог создал тело и душу. Все, погрязшие в заботах, — маловерны: если бы они имели совершенную веру в Бога, то не заботились бы так напряженно.

Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или: что пить? или: во что одеться?

Потому что всего этого ищут язычники. Есть не запрещает, но запрещает говорить: «что будем есть?» Богатые с вечера говорят: «что будем есть завтра?». Видишь, что Он запрещает? Запрещает изнеженность и роскошь.

И потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и все это приложится вам.

Царствие Божие есть вкушение благ. Оно дается за жизнь по правде. Итак, кто ищет духовного, тому по щедрости Божией прилагается и телесное.

Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

Под заботой дня понимает сокрушение и грусть. Достаточно для тебя, что ты сокрушался о нынешнем дне. Если же станешь заботиться и о завтрашнем, то, непрерывно заботясь о себе самом из-за телесного, когда будешь иметь досуг для Бога?

Глава седьмая

Не судите, да не судимы будете.

Господь запрещает осуждать, а не избличать, ибо избличение служит на пользу, а осуждение является обидой и унижением, тем более в том случае, когда кто-либо сам, имея тяжелые грехи, поносит других и осуждает тех, кто имеет гораздо меньшие грехи, за которые может судить только один Бог.

Ибо, каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: дай я выну сучок из глаза твоего, а вот в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего

глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

Тому, кто желает укорять других, должно быть безупречным, ибо если он, имея в своем глазу бревно, то есть большой брус, или грех, будет укорять другого, имеющего сучок, то сделает его несовестливым. Но Господь показывает, что тот, кто много грешит, не может хорошо видеть греха брата своего, ибо каким образом сможет увидеть прегрешение другого, легко уязвленного, тот, кто сам имеет бревно в глазу?

Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.

«Псы» — это неверные, а «свиньи» — это те, кто хотя и верует, но, тем не менее, ведет грязную жизнь. Итак, не должно говорить о тайнах веры пред неверными и произносить светлых и жемчужных слов богословия пред нечистыми, потому что свиньи попирают или пренебрегают тем, что им говорят, псы же, обратившись, терзают нас, что делают те, которые называются философами. Когда они услышат, что Бог был распят, они начинают терзать нас своими умствованиями, софизмами доказывая, что это невозможно.

Просите, и дано будет вам, ищите, и найдете, стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

Прежде Господь заповедал нам великое и трудное, здесь же показывает, как это может быть выполнено, а именно — при помощи непрерывной молитвы. Ибо сказал «просите», вместо «просите всегда», но не сказал «просите один раз». Затем подтверждает сказанное примером человеческим.

Есть ли между вами такой человек, который, когда сын попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею?

Здесь Господь учит нас, что должно и сильно просить полезного. «Ибо вы, — говорит, — видите, как ваши дети просят у вас полезного: хлеба и рыбы, и в том случае, когда они просят такового, даете им, так точно и вы ищите духовного, а не плотского».

Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.

Лукавыми называет людей, сравнивая их с Богом: природа наша, как создание Божие, добра, лукавыми же мы делаемся по собственной воле.

Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки.

Показывает краткий путь к добродетели, ибо мы — люди и поэтому уже знаем должное. Если хочешь, чтобы тебе благодетельствовали, благотвори; если хочешь, чтобы тебя любили враги, люби и ты сам врагов. Ибо и закон Божий и пророки говорят то же, что повелевает нам и закон естественный.

Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь,

ведущие в погибель, и многие идут ими.

Под узкими воротами разумеет испытания, как добровольные, например, пост и другие, так и недобровольные, например, узы, гонения. Как человек тучный или обремененный большою ношей не может войти узким местом, так и изнеженный или богатый: таковые идут широким путем. Показывая, что и теснота временна и широта переходима, Он называет их воротами и путем. Ибо кто терпит обиды, тот проходит некоторые ворота или злострадание, равно и изнеженный проходит сластолюбие, как некоторый путь. Но так как то и другое временно, то должно выбирать лучшее.

Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

Слово «потому что» означает удивление. Господь дивится: какие врата! Почему же в другом месте Он говорит: «бремя Мое легко?» По причине будущих воздаяний.

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их.

Обычно еретики бывают хитры и лукавы; поэтому говорит: «берегитесь». Они говорят приятные речи и показывают вид как будто честной жизни, но внутри их — уда. Овечья одежда — это кротость, которой пользуются иные лицемеры с тою целью, чтобы льстить и обманывать. От своего плода они узнаются, то есть по делам и жизни. Хотя бы они на время и скрывались, но внимательными изобличаются.

Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые.

Лицемеры — это виноградники и репейники: виноградники потому, что они уязвляют тайно, а репейники потому, что они хитры и находчивы. Злое же дерево — это каждый, кого развращает праздная и распутная жизнь.

Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.

Пока оно худо — не может, если же переменится, то может. Обрати внимание, что Господь не сказал, что никогда не будет в состоянии, но что до тех пор не рождает добрых плодов, пока худо.

Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их.

Это направлено против иудеев, ибо и Иоанн говорил им то же. Человека уподобляет дереву потому, что он может быть привит от бесплодного греха к добродетели.

Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного.

Здесь словами «не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи?» показывает Себя Господом, так как Сам называет Себя Богом и научает нас, что если мы будем иметь веру без

дел, то не получим от этого никакой пользы. «Исполняющий волю»; не сказал: «исполнивший один раз», но — «исполняющий» до самой смерти. И не сказал: «волю Мою», чтобы не соблазнить слушателей, но «волю Отца Моего», хотя, конечно, у отца и сына воля одна, если только сын не изменник.

Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие.

В начале проповеди многие, будучи даже и недостойными, изгоняли бесов, так как демоны обращались в бегство именем Иисуса. Ибо благодать действует и чрез недостойных, подобно тому, как мы получаем освящение и чрез недостойных священников; и Иуда делал чудеса, и сыновья Скевы. Слова: «Я никогда не знал вас» сказаны вместо: «И тогда, когда вы делали чудеса, Я не любил вас». Под знанием здесь разумеется любовь.

И так всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что он был на камне.

Помимо Бога не может быть добродетели; поэтому Господь говорит: «уподоблю мужу благоразумному». Камень — это Христос, а дом — душа. Итак, кто устроит душу свою в исполнении заповедей Христа, того не могут разрушить ни дождь — разумею дьявола, спавшего с неба, ни реки — вредные люди, число которых возрастает от этого дождя, ни ветры — духи злобы, ни какие бы то ни было искушения.

А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот, и он упал, и было падение его великое.

Не сказал: «уподоблю его», но «уподобится», то есть сам собой, неразумному тот, кто имеет веру, а дел не совершает. Итак, такой человек созидает на песке, из гнилого материала, поэтому и падает от искушений дьявола. Когда потерпит неудачу, то есть обрушится на него искушение, он падает падением великим. Из неверных никто не падает, ибо они всегда лежат на земле; верующий, этот падает. Поэтому падение и бывает великим, что падает христиан.

И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи.

Удивлялись не начальники, ибо как могли удивляться завидующие Ему? — но незлобивая масса: удивлялись же не оборотам речи, но ее свободе, ибо Господь показывал Себя превыше пророков. Те говорили: «это говорит Господь», а Христос, как Бог, говорил: «Я говорю Вам».

Глава восьмая

Когда же сошел Он с горы, за Ним последовало множество народа. И вот, подошел прокаженный кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь меня

очистить.

Прокаженный, будучи рассудительным, не поднялся на гору, чтобы не прервать учение. Но когда Христос спустился с горы, он поклонился Ему и, показывая свою многую веру, не сказал: «если помолишься Богу, уврачуешь Меня», но «если хочешь». Поэтому-то Христос и поступил таким образом.

Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: Хочу, очистишься. И он тотчас очистился от проказы. И говорит ему Иисус: смотри, никому не сказывай; но пойди, покажи себя священнику, и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им.

Господь коснулся прокаженного, показывая, что Он не подлежит закону, который повелевает не касаться прокаженного, но что Он — Владыка его, что для чистого нет ничего нечистого и что Его святая плоть сообщала освящение. Однако, избегая славы, Господь велит никому не говорить, но показаться священнику, ибо если бы священник не сказал, что прокаженный очистился, то он остался бы вне города. Христос повелевает принести дар, во свидетельство иудеям, то есть как бы говоря: «если Меня обвинят, как нарушителя закона», будь свидетелем ты, которому Я приказал принести, что приносится законом».

Когда же вошел Иисус в Капернаум, к нему подошел сотник и спросил Его.

И этот не подошел на горе, чтобы не прервать учения. Это тот же сотник, что и у евангелиста Луки. Хотя евангелист Лука говорит, что он других отправил послами к Иисусу, но это не противоречит Матфею, который говорит, что сотник сам пришел. Очевидно, что сначала сотник послал других, а потом, когда опасность увеличилась, пошел сам и сказал:

Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает. Иисус говорит ему: Я приду и исцелю его.

Сотник не принес отрока на постели, веруя, что Господь может уврачевать его и в том случае, когда он отсутствует. И поэтому:

Сотник, отвечая, сказал: Господи! я недостойн, чтобы ты вошел под кров мой; но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает. Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам: и в Израиле не нашел Я такой веры.

Если я, говорит, будучи рабом царя, повелеваю подчиненным мне воинам, то Ты тем более можешь приказывать смерти и болезням так, чтобы от одного они удалились, на другого же обратились, ибо телесные болезни суть войны и каратели у Бога. Поэтому Христос удивляется, говоря: «Я и среди Израиля не нашел такой веры, какую нашел в этом язычнике».

Говорю же это вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов.

Не сказал, что многие язычники возлягут, чтобы не огорчить иудеев, но прикровенно сказал: «с востока и запада». Относительно Авраама упомянул для того, чтобы показать, что Он не противник Ветхого Завета. Говоря о внешней тьме, показал, что есть и внутренняя тьма, более легкая, чем первая, ибо различаются степени и в муках. Иудеев называет сынами царствия, так как им даны были обетования: «Израиль есть Сын Мой, первенец Мой».

И сказал Иисус сотнику: иди, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час.

Исцелив словом, Господь показал, что истину Он сказал и относительно изгнания иудеев.

Пришедши в дом Петра, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, коснулся руки ее, и горячка оставила ее; она встала и служила им.

Вошел в дом Петра вкушать пищи; прикоснувшись же к руке, не только утишил горячку, но и возвратил женщине полное здоровье, так что вернулась ее сила, и она в состоянии была служить. И мы действительно знаем, что много нужно времени, чтобы больные снова окрепли. В то время как другие евангелисты говорят, что Господа просили и потому Он у врачевал болящую, Матфей, заботясь о краткости, не сказал об этом. Ибо я говорил тебе и вначале, что один из них опускает то, о чем другой говорит. Но узнай и то, что брак ничуть не препятствует добродетели, ибо верховный из апостолов имел тещу.

Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных; да сбудется реченное чрез пророка Исаяю, который говорит: Он взял на Себя наши немощи и понес болезни.

Вечером и не вовремя привели недужных, но Он, как человеколюбец, у врачевал всех. Затем, чтобы у тебя не возникло сомнения, как Он мог в короткое время у врачевать столько болезней, евангелист приводит как свидетеля Исаяю. Правда, пророк говорит это о грехах, но Матфей приложил его слова к болезням, потому что большая часть из них происходит от грехов.

Увидев же Иисус вокруг Себя множество народа, велел (ученикам) отплыть на другую сторону.

Он не был честолюбив, а вместе с тем уклонился и от зависти иудеев.

Тогда один книжник, подошедши, сказал Ему: Учитель! я пойду за Тобою, куда бы ты ни пошел. И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову.

Книжником называет знающего книги Закона. Этот, видя многие чудеса, подумал, что Иисус получает от них прибыль, поэтому старается следовать за Ним, чтоб и самому собрать богатства. Но Христос, идя навстречу его намерению, почти это сказал: «следуя за Мною, ты надеешься собрать богатства; но разве ты не видишь, что Я не имею даже дома? Таковым же должен быть и Мой последователь». Господь сказал это с той целью, чтобы убедить его последовать за Собою, изменить свое настроение: но книжник удаляется. Некоторые под лисицами и птицами разумуют демонов. Итак, Господь говорит книжнику: «В тебе имеют

отдых демоны, поэтому Я не нахожу в душе твоей отдыха для Себя».

Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов.

После того как кто-либо предал себя Богу, он не должен возвращаться снова к житейскому. Должен почитать и родителей, но Бога должно ставить выше них. Здесь же родитель был еще и неверный, что видно отсюда: «предоставь мертвым», то есть неверным, «погребать своих мертвецов». Если же этот не получил позволения похоронить отца, то горе тем, которые, приняв монашество, возвращаются к житейским делам.

И когда вошел Он в лодку, за Ним последовали ученики Его. И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал.

Господь взял с Собою одних только учеников для того, чтобы они видели чудо. Допускает, чтобы они подверглись опасности, с целью подготовить их к искушениям и для того, чтобы, увидев чудо, тем более уверовали. Спит же с той целью, чтобы ученики, испугавшись, сознали свою слабость и обратились к Нему с молитвою. Поэтому сказано:

Тогда ученики Его, подошедши к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! спаси нас: погибаем. И говорит им: что вы так боязливы, маловерные?

Господь не называет их неверными, а маловерными, потому что, когда сказали: «Господи, спаси нас», они показывали свою веру, но слово «погибаем» — не от веры. Им не должно было бояться, когда Господь плыл с ними. Обратите внимание, что, укоряя их как робких, Господь показывает, что боязливость привлекает опасности. Поэтому Он успокоил сначала их душевную бурю, а затем утишил и морское волнение.

Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина. Люди же, удивляясь, говорили: кто это, что и ветры, и море повинуются Ему?

Удивлялись потому, что по виду Он был человек, а по делам — Бог.

И когда Он прибыл на другой берег в страну Гергесинскую, Его встретили два бесноватые.

В то время как находящиеся в корабле недоумевают: откуда этот, что и ветры, и море повинуются Ему? — проповедниками являются демоны. Евангелисты Марк и Лука говорят об одном больном, имевшем легион бесов, потому что один из этих больных был страшнее другого. Господь Сам подошел к ним, так как никто не осмеливался привести их.

Вышедшие из гробов, весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем путем.

Демоны жили в гробах, желая внушить людям мысль, что души умерших делаются демонами. Но пусть никто не думает этого, потому что душа, выйдя из тела, не блуждает в этом мире, но души праведных — в руке Божией; что же касается душ грешных, то и они

уводятся отсюда, как, например, душа богатого.

И вот, они закричали: что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас.

Вот, провозглашают Его Сыном Божиим после того, как раньше обнаружили вражду к Нему. Мучением они считают то, что им не позволили вредить людям; слова же «прежде времени» понимай в том смысле, что демоны думали, будто Христос, не вынеся слишком сильной злобы их, не выждет времени наказания, чего в действительности нет, ибо им до кончины века позволено бороться с нами.

Вдали же от них паслось большое стадо свиней. И бесы просили Его: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней. И Он сказал им: идите. И они, вышедши, пошли в стадо свиное.

Демоны стремятся, погубив свиней, опечалить владельцев их, чтоб они не приняли Христа. Христос же уступает демонам, показывая, какую злобу они имеют против людей, и если бы они имели власть и не встречали препятствий, то с нами они поступили бы хуже, чем со свиньями. Он охраняет бесноватых, чтоб они сами не умертвили себя.

И вот, все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде. Пастухи же побежали, и, пришедши в город, рассказали обо всем и о том, что было с бесноватыми. И вот, весь город вышел навстречу Иисусу и, увидевши Его, просили, чтобы Он отошел от пределов их.

Опечаленные и думая, что после этого потерпят худшее, они просят Его об этом. Узнай, что где свинская жизнь, там не Христос пребывает, а демоны.

Глава девятая

Тогда Он, войдя в лодку, переправился обратно и прибыл в Свой город. И вот, принесли к Нему расслабленного, положенного на постели.

Под «Своим городом» Матфей понимает Капернаум, потому что Господь жил там. Родился Он в Вифлееме, в Назарете же воспитывался, но Капернаум был Его всегдашним местожительством. Этот расслабленный-другой и не тот, о котором говорится у Иоанна, потому что последний лежал при «овчих воротах» в Иерусалиме, а этот был в Капернауме; тот не имел человека, а этого несли четверо, как говорит Марк, так что и сквозь кровлю спустили, о чем не упомянуто у Матфея.

И видя Иисус веру их,

- или принесших, так как Он часто чудодействовал и ради веры приносящих или же и самого расслабленного.

Сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои.

Называет «чадом» — или как создание Божие, или как уверовавшего. Показав, что

расслабление произошло главным образом от грехов, прежде всего отпускает их.

При сем некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует. Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? Ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи?

Он показывает Себя Богом уже тем одним, что знает их помышления. Обличает же их, как бы это говоря: «Вы думаете, что я богохульствую, так как присваиваю Себе право отпускать грехи, что составляет великое дело. Вы думаете, что Я прибегаю к этому с тою целью, чтобы не быть изобличенным, но, врачую тела, Я удостоверяю вас, что смогу исцелить и души, — делом, которое гораздо легче, но которое обычно считается более трудным, докажу и отпущение грехов, которое велико, но вам кажется более легким потому, что оно невидимо».

Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою и иди в дом твой. Народ же, видев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам.

Приказал больному нести свою постель, чтобы не подумали, что случившееся было только призраком, а вместе с тем и для того, чтобы народ, который считал Христа простым человеком, хотя и большим всех, видел чудо.

Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфей, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним.

Призвал его не вместе с Петром и Иоанном, но когда увидел, что он уверует. Так и Павла призвал после того, когда пришло время. Подивись же евангелисту, как он обличает свою жизнь, хотя другие скрыли имя его, назвав его Левию. Что же касается того, что он был обращен одним только словом, то это дело Божие.

И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его. Увидевши то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?

Очень обрадованный посещением Христа, Матфей призвал мытарей, и Христос, чтобы принести им пользу, ел вместе с ними, несмотря на то, что Его порицали за это. Ибо фарисеи, желая оттолкнуть от Него учеников, осуждали то, что Он общается в пище с мытарями.

Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы. Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.

Я пришел теперь, говорит Господь, не как Судья, но как Врач: поэтому и смрад терплю. Словами же «пойдите, научитесь» обличает их и как невежд: так как вы до сих пор не научились, то хоть теперь пойдите и узнайте, что Бог выше жертвы ставит милосердие к грешникам. «Ибо Я пришел призвать не праведников», — говорит, укоряя их, то есть: Я пришел призвать не вас, которые оправдывают самих себя, так как нет ни одного человека

праведного; Я пришел призвать грешников, однако не для того, чтобы они оставались грешниками, но чтобы покаялись.

Тогда приходят к Нему ученики Иоанновы и говорят: почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся?

Ученики Иоанна, завидуя славе Христа, укоряли Его за то, что Он не постится. Может быть, они недоумевали, каким образом без подвига Он побеждает страсти, чего Иоанн не мог. Ибо они не знали, что Иоанн был только человек и праведным стал по причине добродетели, Христос же, как Бог, Сам — добродетель.

И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется от них жених, и тогда будут поститься.

Данное время, говорит Господь, когда Я нахожусь с Моими учениками, есть время радости. Под «женихом» Он понимает Самого Себя, как обручающего Себе новый сонм людей, так как древний — умер, а под «сынами чертога брачного?» — апостолов. Будет, говорит, время, когда и они, после того как Я пострадаю и вознесусь, будут поститься, терпя голод и жажду и подвергаясь гонениям. Показывая же несовершенство учеников, Он прибавляет:

И никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небеленной ткани; ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие, а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают. Но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое.

Ученики, говорит, еще не сделались крепкими, но нуждаются в снисхождении, и не должно возлагать на них тяжесть заповедей. Но Он сказал это, научая и учеников, чтобы и они, когда будут учить вселенную, были снисходительны. Итак, пост — это новая заплатка и новое вино, а старые одежды и меха — слабость учеников.

Когда Он говорил им сие, подошел к нему некоторый начальник и, кланяясь Ему, говорил: дочь моя теперь умирает; но приди, возложи на нее руку Твою, и она будет жива. И встав, пошел за ним и ученики Его.

Ясно, что и этот имел веру, хотя и не большую, так как просит Иисуса не слово только одно сказать, но и прийти и возложить руку. Он говорит, что дочь его уже умерла (хотя, по сказанию Луки, она еще не умирала), или гадательно, потому что оставил ее при последнем издыхании, или чтобы, усиливая размеры несчастья, побудить Христа к милосердию.

И вот, женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подошел сзади, прикоснулась к краю одежды Его. Ибо она говорила сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею. Иисус же, обратившись и увидев ее, сказал: дерзай, дочь! вера твоя спасла тебя. Женщина с того часа стала здорова.

Нечистая по своей болезни, женщина не подошла явно, опасаясь, чтобы не помешали ей. Хотя она считала возможным скрыться, однако верила, что получит здоровье, как только прикоснется к краю одежды. Но Спаситель открывает ее не из любви к славе, а чтобы для

нашей пользы показать ее веру и чтобы уверовал начальник синагоги. «Дерзай» говорит Он ей потому, что она испугалась, как похитившая дар; «дщерью» же называет ее как верную. Показывает равно и то, что если бы она не имела веры, то не получила бы и благодати, хотя одежды Его и были святы. Передают, что эта женщина сделала статую Спасителя, у ног которой росла трава, помогавшая кровоточивым женам. Во времена Юлиана нечестивцы разбили ее.

И когда пришел Иисус в дом начальника и увидел свирельщиков и народ, сказал им: выйдите вон; ибо не умерла девица, но спит. И смеялись над Ним.

Так как дочь начальника была незамужняя, то ее оплакивали брачными свирелями, делая это по закону. Господь говорит, что она спит, потому что для Него, который легко мог воскресить, смерть являлась сном. Не удивляйся тому, что над Ним смеялись, ибо этим они более всего свидетельствуют о чуде, именно, что Он воскресил ту, которая действительно умерла. Чтобы никто не мог сказать, что с больной был припадок, для этого всеми была признана ее смерть.

Когда же народ был выслан, Он, вошед, взял ее за руку, и девица встала. И разнесся слух о сем по всей земле той.

Где толпа и суета, там Иисус не творит чудес. Он берет девицу за руку, сообщая ей силу. И ты, если будешь умерщвлен грехами, воскреснешь, как только Он возьмет тебя за руку деятельности, изгнав толпу и суету.

Когда Иисус шел оттуда, за Ним следовали двое слепых и кричали: помилуй нас Иисус, сын Давидов!

Слепцы говорили Ему как Богу: «помилуй нас», а как к человеку взывали: «Сын Давидов», потому что среди иудеев много говорили о том, что Мессия произойдет от семени Давида.

Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи!

Увлекает за Собой слепцов до самого дома с целью показать твердость их веры и избличить иудеев. Спрашивает их, веруют ли они, показывая этим, что вера все совершает.

Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их.

Врачует их в доме, наедине, чуждаясь славы, ибо Он всюду учит смиренномудрию.

И Иисус строго сказал им: смотрите, чтобы никто не узнал. А они, вышедши, разгласили о Нем по всей земле той.

Видишь ли скромность Христа? Но они разгласили, однако, не в силу послушания, но из благодарности. Если иногда Господь говорит: иди и проповедуй славу Божию, то здесь нет противоречия. Ибо Он хочет, чтоб о Нем ничего не говорили, проповедовали же только славу

Божию.

Когда же те выходили, то привели к Нему человека немого бесноватого. И, когда бес был изгнан, немой стал говорить.

Эта болезнь была не от природы, но от демона: поэтому и приводят его другие. Сам по себе не мог он просить, потому что демон связал ему язык. По этой причине Господь не требует от него веры, но тотчас врачует его, изгнав демона, который препятствовал говорить.

И народ, удивляясь, говорил: никогда не бывало такого явления в Израиле.

Удивленный народ ставит Христа выше пророков и патриархов, потому что Он врачевал со властью, а не так, как те — молясь. Посмотрим же и на фарисеев, что они говорят.

А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского.

Слова крайнего безумия! Ибо ни один демон не изгоняет демона. Допустим, что Он изгонял демонов, как слуга князя демонского или как маг, но болезнь и грехи — как их Он разрешал и как проповедовал царство? Демон поступает совершенно наоборот: он порождает болезни и отлучает от Бога.

И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях.

Человеколюбивый Господь не ожидает, пока придут к Нему, но Сам ходил, чтобы никто не имел оправдания в том, что никто не учил нас. Делом и словом привлекает их, уча и творя чудеса.

Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря.

Они не имели пастыря, так как начальники их не только не исправляли, но и вредили им. Дело же истинного пастыря — радеть о пастве.

Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало. Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою.

Под «жатвой» понимает народ, который нуждался в попечении, а под «делателями» тех, которые должны учить, но которых тогда не было среди Израиля. «Господин жатвы» — это Сам Христос, Господь пророков и апостолов. Это видно из того, что Он поставил двенадцать апостолов без того, чтобы испросить это от Бога. Вот слушай!

Глава десятая

И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь.

Избирает двенадцать учеников по числу двенадцати колен. Дав им силу. Он послал их, хотя и мало было их, так как вообще мало таких, которые идут тесным путем. Дал Он им силу чудотворений, чтобы, поражая чудесами, они имели внимательных к своему учению слушателей.

Двенадцати же апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его.

Матфей перечисляет имена апостолов по причине лжеапостолов. Вперед поставляет Петра и Андрея, потому что они и призваны первыми; затем — сыновей Зеведея, но из них Иакова поставляет прежде Иоанна, ибо он исчисляет их не по достоинству, но просто, как пришлось. Итак, он говорит:

Иаков Зеведев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей-мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искариот, который и предал Его.

Посмотри на смирение Матфея: себя поставил после Фомы, а, дойдя до Иуды, не сказал: «этот мерзкий человек, этот враг Божий», но назвал его Искариотом, по отечеству, потому что был и другой Иуда — Леввей или Фаддей. Итак, были два Иакова: один Зеведев, другой Алфеев, и два Иуды: Иуда Фаддей и Иуда-предатель, и три Симона: Петр, Кананит и предатель, ибо Иуда Искариотский назывался Симоном.

Сих двенадцать послал Иисус и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите, а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева. Ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное.

«Сих» — кого? Рыбарей, простых людей, мытарей. Первоначально посылает их к иудеям, чтобы они не могли сказать: апостолы были посланы к язычникам, поэтому мы, иудеи, не уверовали. Итак, Он делает иудеев безответными. Самарян ставит наряду с язычниками, так как они, будучи вавилонянами, населяли Иудею и не принимали пророков, а только пять книг Моисеевых. Под Царством Небесным разумеет блаженство. Господь дает апостолам чудеса, как оружие, говоря им:

Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте. Даром получили, даром давайте.

Ничто так не приличествует учителю, как смирение и нестяжательность. Поэтому эти две добродетели показывают здесь, когда говорит «даром получили, даром давайте». Не превозносите, имея такие блага и раздавая их, потому что вы получили их даром и по благодати. Но при смиренномудрии будьте и нестяжательны: «даром, — говорит, — давайте». Исторгая же совершенно корень всех зол, говорит:

Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящийся достоин пропитания.

Приучает их ко всякой строгости. Поэтому, отвлекая их от всякого излишества и делая их совершенно беспечальными, не позволяет носить и жезлов. Ибо это подлинно

нестязательность, побуждающая верить Тому, кто учит о нестяжательности. Затем, чтобы не сказали: «откуда же будем добывать пропитание»? — говорит: «трудящийся достоин пропитания», то есть будете питаться от своих учеников, ибо они должны доставлять вам это, как делателям. Пропитания, сказал, а не роскоши, ибо учителям не должно жить в роскоши.

В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете.

Не ко всем велит входить, чтобы, сообщаясь с недостойными, не сделались предметом клеветы, и если будут ходить к одним только достойным, то, конечно, найдут пропитание. Повелевает оставаться, а не переходить из дома в дом, чтобы не порицали их, как тревоугодников, и чтобы те, которые примут их в первый раз, не сочли себя оскорбленными.

А, входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему. И если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится.

Под целованием и миром разумеи благословение, которое пребывает только с достойными. Узнай же отсюда, что преимущественно наши дела благословляют нас.

А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дому или города, отрясите прах от ног ваших. Истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому.

Господь желает, чтобы они отрясли прах, показывая этим, что они ничего не взяли там по причине неверия их, или же свидетельствуя, что тот путь, который они прошли, был очень длинен, и они совершили его без пользы. Итак, содомлянам отраднее будет, чем этим неверующим, ибо содомляне, будучи наказаны здесь, гораздо легче будут наказаны там.

Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков.

Господь дал им, как оружие, чудеса и обеспечил их относительно пищи, открыв для них двери достойных; теперь же, показывая Свое предвидение, говорит и об опасностях, которые имеют случиться с ними, и бодрит их словом. «Я, — говорит, — силен, поэтому держайте, ибо неприкосновенны будете. Но приготовляет их и к страданиям. Как невозможно овце не страдать среди волков, так и вам среди иудеев; но если и пострадаете, не гневайтесь. Хочу, чтобы вы были кротки, как овцы, и этим главным образом побеждали».

Итак, будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби.

Хочет, чтобы ученики его были и мудры. Чтобы, слыша, что они сравнены с овцами, ты не подумал, что христианин должен быть слабоумным, говорит: он должен быть и мудрым, зная, как надобно жить среди массы врагов. Как змея все свое тело подставляет под удары, а голову охраняет, так и христианин все должен отдавать бьющим его, даже тело свое, а голову, которая есть Христос и вера в Него, должен беречь; как змея, сжимаясь в какой-нибудь скважине и проползая, скидает с себя старую кожу, так и мы, идя тесным путем, должны совлекать с себя ветхого человека. Но так как змея и вредит, то Господь повелевает

нам быть простыми, то есть чистыми, незлобивыми и безвредными, как голуби, ибо последние, лишаясь даже детей и будучи преследуемы, тотчас возвращаются к своим хозяевам. Итак, будь мудр, как змея, чтобы не смеялись над тобою в жизни, но чтобы все твое было безукоризненным. Что же касается вреда в отношении к другим, то будь как голубь, то есть не злобив, прост.

Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня для свидетельства пред ними и язычниками.

Видишь, что значит быть мудрым: быть осторожным и не давать повода тем, которые желают гнать, но разумно устроить свои дела. Имущества ли захочет гонитель или почести, отдай, чтобы он не имел повода преследовать тебя, но если будет отнимать веру, то береги эту свою голову. Христос намеревался послать Своих учеников не к иудеям только, но и к язычникам, поэтому и говорит: «для свидетельства пред ними и язычниками», то есть для обличения тех, которые не веруют.

Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать; ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас.

Чтобы не сказали:?» Как же мы, люди простые, сможем убедить мудрых?» — Господь повелевает им быть смелыми и не заботиться об этом. Когда нам предстоит беседовать среди верных, нужно заранее подготовиться к защите, как увещевает Петр; но среди неистовствующих народов и царей Господь обещает Свою силу, чтобы мы не боялись. Исповедовать веру — наше дело, а мудро защищаться — дар Божий. А чтобы ты не стал подозревать, что при защите действует природная способность, говорит: не вы будете говорить, но Дух.

Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их.

Заранее говорит им о том, что произойдет, чтобы, когда это случится, не смущались. Показывает и силу проповеди, которая побуждает пренебрегать, ибо таково истинное христианство. Но Христос показывает и неистовство неверных: они не пощадят и домашних своих.

И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется.

«Всеми» вместо «многими», потому что не все ненавидели их, так как были и такие, которые принимали веру. «Претерпевший же до конца», а не в начале только, тот будет участником жизни вечной.

Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий.

Сказанное выше и страшное: «будут предавать вас» и «будете ненавидимы» относилось

к тому, что имело случиться после вознесения; то же, о чем говорится теперь, касается событий прежде креста. Вы, терпя гонения, не успеете обойти городов Израиля, и Я уже приду к вам. Когда же наступят гонения, повелевает им бегать, ибо явно бросаться в опасность и служить причиной осуждения убийцам, равно и вредить тем, которые надеялись получить пользу от проповеди, — дело дьявольское. Слова же «как придет Сын Человеческий» относи не ко второму пришествию, но к тому приходу и утешению, которое было до креста. Ибо после того, как ученики были посланы и проповедовали, они снова возвратились ко Христу и пребывали с Ним.

Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его.

Здесь учит воздерживаться от оскорблений других: если Я, Учитель и Владыка, переносил все, то тем более вы, — ученики и рабы. Но ты спросишь: «Как говорит «ученик не выше учителя», когда мы видим, что много учеников бывает лучше своих учителей?». Узнай же, что пока они ученики, они меньше учителей; но когда становятся лучше их, то они уже не ученики, подобно тому, как и раб, пока остается рабом, не может быть выше своего господина.

Если хозяина дома назвали Веельзевулом, не тем ли более домашних его? Итак, не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано.

Утешайтесь, говорит, тем, что переношу Я. Если Меня назвали начальником бесов, то что здесь удивительного, если будут клеветать и на вас, домашних Моих? Назвал их «домашними», а не рабами, показывая тем Свою близость к ним. Но мужайтесь, потому что истина не скроется: время покажет и вашу добродетель, и злобу клеветующих, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, так что если и оклеветают, то после узнают вас.

Что говорю вам в темноте, говорите при свете, и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях.

Что, говорит, сказал вам одним только и в одном месте, ибо это означают слова: «на ухо» и «в темноте», — об этом учите смело и громко, так, чтобы все слышали вас, но так как за смелостью следуют и опасности, то прибавляет:

И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне.

Научает пренебрегать и смертью, потому что наказание в геенне, говорит, страшнее. Убийцы доставляют вред одному только телу, душе же, может быть, приносят благо, но Бог, ввергая в геенну, казнит обоих: и душу и тело. Говоря: «в геенне», указывает на вечность наказания, ибо слово «геенна» происходит от греческого слова «вечно рождаться».

Не две ли малые птицы продаются за один ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц.

Чтобы ученики не смущались, как бы оставленные Им, говорит: если и малая птичка не может быть поймана без Моего ведома, то как оставляю вас, которых люблю? Показывая же Свое всеобъемлющее знание и промышление, говорит, что волосы наши сочтены Им. Не думайте, что малые птички ловятся при содействии Бога, но ловля их не неизвестна Ему.

Итак, всякого, кто исповедает Меня

(«Мной», как сказано в оригинале)

перед

людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным.

Побуждает к исповедничеству, ибо не довольствуется верою только в душе, но хочет веры, исповедуемой и устами. Не сказал: «кто исповедает Меня», но «Мной», то есть Моею силою, ибо исповедующий исповедует, опираясь на благодать свыше. Об отрекающемся же не сказал: «Мной», но «от Меня», показывая этим, что отрекается тот, кто не имеет помощи свыше. Каждый, кто исповедует, что Христос — Бог, найдет Христа исповедующим его пред Своим Отцом, что он верный раб. Те же, которые отрекаются, услышат: «не знаю вас».

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю, не мир Я пришел принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с Отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его.

Не всегда хорошо согласие: бывают случаи, когда хорошо и разделение. Меч означает слово веры, которое отсекает нас от настроения домашних и родственников, если они мешают нам в деле благочестия. Господь не говорит здесь, что должно удаляться или отделяться от них без особенной причины, — удаляться должно только в том случае, если они не соглашаются с нами, а скорее препятствуют нам в вере.

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня.

Видишь, что возненавидеть родителей и детей только тогда нужно, если они хотят, чтобы их любили больше Христа. Но что говорю об отце и детях? Услышь и больше:

И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот, не достоин Меня.

Кто, говорит, не откажется от настоящей жизни и не предаст себя на позорную смерть (ибо это означал крест у древних), тот не достоин Меня. Но так как распинают многих, как разбойников и воров, то прибавил: «и следует за Мной», то есть живет согласно с Моими законами!

Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее.

Кто заботится о плотской жизни, тот думает, что сберегает душу свою, но он губит и ее, подвергая вечному наказанию. Кто же губит душу свою и умирает, но не как разбойник или

самоубийца, а ради Христа, тот спасает ее.

Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает посланного Меня. Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника.

Побуждает нас, чтобы мы принимали тех, которые со Христом, ибо кто чтит учеников Его, тот чтит Его, а чрез Него и Отца. Должно принимать праведников и пророков во имя праведника и пророка, то есть потому что они праведники и пророки, а не из-за какого-либо предстательства или заступления у царей. Но если кто-либо носит только вид пророка, на деле же оказывается не таковым, ты и его прими, как пророка, и Бог воздаст тебе так же, как будто ты действительно принял праведника. Ибо это означают слова «примет награду праведника». Можешь понимать их и иначе: праведным будет признан и тот, кто примет праведника; и он получит ту же награду, что и праведники.

И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей.

Чтобы кто-либо не стал ссылаться на бедность, Господь говорит: если сможешь дать кому-либо чашу холодной воды, потому что он Мой ученик, получишь его награду. Чашу же холодной воды подает и тот, кто научает кого-либо, пылающего огнем гнева и страстей, и делает его учеником Христовым; и этот не потеряет награды своей.

Глава одиннадцатая

И когда окончил Иисус наставления двенадцати ученикам Своим, перешел оттуда учить и проповедовать в городах их.

После того как Господь послал своих учеников на проповедь, Он успокоился, не совершая более чудес, но только уча в синагогах. Если бы Он, оставаясь здесь, врачевал, то к Его ученикам не обращались бы. Поэтому, чтоб и они имели повод врачевать, Он Сам уходит.

Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников Своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?

Не потому, что не знает Христа, спрашивает Иоанн, ибо как он мог не знать Того, о котором свидетельствовал: «вот Агнец Божий». Но так как ученики завидовали Христу, то он посылает их, чтобы, видя чудеса, они уверовали, что Христос больше Иоанна. Поэтому и принимает вид, будто не знает и спрашивает: «Ты ли Тот, который должен придти, Тот, которого ожидают на основании Писаний, что придет во плоти?». Некоторые же говорят, что выражением: «который должен придти» Иоанн спрашивал о сошествии в ад, будто бы не зная об этом и как бы так говоря: «Ты ли Тот, который должен сойти в ад, или мы будем ждать другого?». Но это неразумно, ибо каким образом Иоанн, больший из пророков, не знал бы о распятии Христа и Его сошествии в ад, и это — после того, как он сам назвал Его Агнцем, потому что Он имел быть закланным за нас? Итак, Иоанн знал, что Господь сойдет с душою в ад, чтобы и там, как говорит Григорий Богослов, спасти тех, которые могли уверовать в Него, если бы Он воплотился в их дни, и спрашивает не потому, что не знает, но

потому, что желает убедить учеников своих относительно Христа силой чудес Его. Ибо смотри, что Христос говорит в ответ на тот вопрос:

И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне.

Не сказал: «возвестите Иоанну, что Я Тот, который должен придти», но зная, что Иоанн послал учеников для того, чтобы видели чудеса, говорит: «скажите Иоанну, что видите», и тот, воспользовавшись данным случаем, конечно, еще больше, засвидетельствует обо Мне пред вами. Под благовествующими «нищими» разумей или проповедывающих евангелие, то есть апостолов, ибо они, как рыбаки, были нищи и презираемы за свою простоту, или слушающих евангелие и весть относительно вечных благ. Показывая же ученикам Иоанна, что от Него не укрылось то, что они думают, говорит: «блажен, кто не соблазнится о Мне», ибо они имели большое сомнение относительно Него.

Когда же они пошли, Иисус начал говорить народу об Иоанне: что смотреть ходили в пустыню? Трость ли, ветром колеблемую?

Возможно, что народ после того, как услышал вопрос Иоанна, соблазнился: не сомневается ли относительно Христа и Иоанн и не переменял ли он легко свое мнение, хотя раньше и свидетельствовал о Христе? Итак, устраняя это подозрение, Христос говорит: Иоанн не трость, то есть не непостоянен; ибо если бы он был таков, то как же вы ходили к нему в пустыню? Вы не пошли бы к трости, то есть человеку, который легко изменяется, но ходили к великому и твердому человеку. Таковым он и остается, каким вы его считали.

Что же смотреть вы ходили? Человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских.

Чтобы не могли сказать, что Иоанн, сделавшись рабом роскоши, впоследствии стал изнеженным, Господь говорит им: «Нет?» Ибо власяная одежда показывает, что он — враг роскоши. Если бы он носил мягкие одежды, если бы он хотел роскоши, то жил бы в царских палатах, а не в темнице. Узнай же, что истинный христианин не должен носить мягкие одежды.

Что же смотреть ходили вы? Пророка? Да, говорю вам, и больше пророка.

Иоанн больше пророка, потому что другие пророки только предсказывали о Христе, этот же сам видел Его, что действительно очень важно. Кроме того, другие пророчествовали после своего рождения, а этот еще во чреве матери познал Христа и сыграл.

Ибо он — тот, о котором написано: вот Я посылаю ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою.

Ангелом назван и по причине ангельской и почти бесплотной жизни и потому, что возвестил и проповедовал Христа. Он приготовил путь Христу, свидетельствуя о Нем и совершая крещение в покаяние, потому что вслед за покаянием идет прощение грехов, каковое прощение дает Христос. После того как ученики Иоанна ушли, Христос говорит это,

чтобы не показалось, что Он льстит. Сказанное же пророчество принадлежит Малахии.

Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя.

С утверждением объявляет то, что нет никого, кто был бы больше Иоанна; говоря же: «женами», исключает Самого Себя, ибо Сам Христос был рожден Девой, а не женой, то есть вступившей в брак. Но меньший в Царстве Небесном больше его. Так как много похвального высказал относительно Иоанна, то чтобы не подумали, что этот больше Его, то здесь с большей ясностью говорит: «Я — меньший по сравнению с Иоанном и по возрасту, и, по вашему мнению, больше его в отношении к духовным и небесным благам, ибо здесь Я меньше его и потому, что он почитается у вас великим, но там Я — больше его».

От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его.

По-видимому, это не стоит в связи с тем, что сказано раньше, но в действительности не так. Обрати внимание: сказав Своим слушателям о Себе, что Он больше Иоанна, Христос возбуждает в них веру в Себя, показывая, что многие восхищают Царство Небесное, то есть веру в Него. Это дело требует большого напряжения: какие усилия нужны, чтобы оставить отца и мать и пренебречь своей душой!

Ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна.

И здесь та же последовательность, что и выше. Ибо Господь говорит: «Я — Тот Самый, который идет, потому что все пророки исполнились, но они не исполнились бы, если бы Я не пришел; поэтому больше не ждите ничего».

И если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти.

Господь говорит: «если хотите принять», то есть если будете судить здраво, чуждые зависти, то это тот, которого пророк Малахия назвал грядущим Илиею. Ибо и Предтеча, и Илия имеют одно и то же служение: один был предтечей первого пришествия, другой же будет предтечей грядущего. Затем, показывая, что это — притча, что Иоанн есть Илия и что нужно размышление для достижения ее, говорит:

Имеющий уши слышать, да слышит.

Возбуждает этим их к тому, чтобы они спросили Его и узнали.

Но кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали.

Здесь намекается на своенравие иудеев: им, людям своенравным, не нравились ни строгость Иоанна, ни простота Христова, но они подобны были капризным детям, которым не легко угодить: хоть плачь, хоть играй на свирели, — им не нравится.

Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын

Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот, человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам.

Плачу уподобляет жизнь Иоанна, ибо Иоанн показывал многую строгость и в словах, и в делах, а жизнь Христа-свирели, так как Господь был очень приветлив ко всем, чтобы всех приобрести: благовествовал Царствие, и у Него ничуть не было той строгости, что у Иоанна.

И оправдана премудрость чадами ея.

Господь говорит: так как жизнь Иоанна и Моя не нравится вам, но вы отвергаете все пути ко спасению, то Я, Премудрость, оказываюсь правым. У вас нет уже оправдания, и вы, конечно, будете осуждены, ибо Я все исполнил, и вы неверием своим доказываете, что я прав, так как не опустил ничего.

Тогда начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покаались.

После того как показал, что Он сделал все, что должно было сделать, они же остались нераскаянными, Господь далее укоряет иудеев.

Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида!

Чтобы ты уразумел, что те, кто не уверовали, были злы не по природе, а по собственной воле, Господь упоминает о Вифсаиде, из которой происходили Андрей, Петр, Филипп и сыновья Зеведея, так что злоба зависела не от природы, но от свободного выбора. Ибо если от природы, то и те были бы злы.

Ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаались; но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам.

Господь говорит, что иудеи хуже тирян и сидонян, потому что тиряне преступили закон естественный, а иудеи еще и Моисеев. Те не видели чудес, а эти, видя их, хулили. Вретище — символ покаяния. Прахом и пеплом посыпают голову сетующие, как мы сами это видим.

И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он остался бы до сего дня; но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе.

Капернаум возвысился благодаря тому, что был городом Иисуса: он славился, как Его родина, но не получил от этого пользы, потому что не уверовал. Напротив, он осужден на муки во аде более потому, что, имея такого Обитателя, не получил от Него никакой пользы. Так как Капернаум в переводе означает «место «утешения», то обрати внимание на то, что если кто удостоится быть местом Утешителя, то есть Святого Духа, и потом станет гордиться и превозноситься до небес, тот, наконец, ниспадет за свое высокоумудрие. Итак, трепещи, человек.

В то время, продолжая речь, Иисус сказал: Славлю Тебя, Отче, Господи неба и

земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам.

То, что говорит Господь, может быть изложено так: «славлю», вместо «благодарю», Тебя, Отче, что кажущиеся мудрыми и знатоками Писаний иудеи не уверовали, а неученые и дети уверовали и познали тайны. Бог скрыл тайны от кажущихся мудрыми не потому, что завидовал или был причиною их невежества, но потому, что они были недостойны, так как считали себя мудрыми. Кто считает себя мудрым и полагается на свой собственный разум, тот не призывает Бога. А Бог, если кто не призывает Его, не помогает тому и не открывается. С другой стороны, Бог многим не открывает Своих тайн более всего по человеколюбию, чтобы они не подверглись большему наказанию, как пренебрегшие тайнами после того, как узнали их.

Ей, Отче, ибо таково было Твое благоволение.

Здесь показывает человеколюбие Отца в том, что Он открыл младенцам не потому, что другой кто-либо просил Его об этом, но потому, что так было угодно Ему от начала. «Благоволение» — это желание и соизволение.

Все предано Мне Отцом Моим.

Раньше Господь сказал Отцу: Ты открыл, Отче. Поэтому, чтобы ты не подумал, что Христос Сам ничего не делает, а все принадлежит Отцу, говорит: «все предано Мне», и одна власть Моя и Отца. Когда ты слышишь: «предано», не подумай, что Ему «предано», как рабу, как низшему, но как Сыну, ибо Он родился от Отца, поэтому Ему «предано». Если бы он не родился от Отца и не был одного с Ним естества, то не было бы Ему «предано». Смотри же, что говорит: «Все предано мне» не Владыкой, но «Отцом Моим». Подобно тому, как, например, красивое дитя, родившись от красивого отца, говорит: «Моя красота предана мне отцом моим».

И никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть.

Большее говорит: нет ничего удивительного в том, что Я — Владыка всего, когда имею другое, большее этого — знаю Самого Отца, и притом знаю так, что могу открывать знание о Нем и другим. Обрати внимание: раньше сказал, что Отец открыл тайны младенцам, а здесь говорит, что Сам Он открывает Отца. Итак, ты видишь, что одна мощь у Отца и Сына, потому что открывает и Отец, и Сын.

Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас.

Всех призывает: не только иудеев, но и язычников. Под «труждающимися» разумеи иудеев, так как они проходят тяжелые постановления закона и трудятся в делании заповедей закона, а под «обремененными» — язычников, которые были обременены тяжестью грехов. Всех этих успокаивает Христос, Ибо какой труд — уверовать, исповедать и креститься. Но как не успокоиться, когда здесь ты уже не печалишься о грехах, какие были сделаны до крещения, а там охватит тебя покой?

Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен

сердцем, и найдете покои душам вашим; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко.

Иго Христа — смирение и кротость. Поэтому кто смиряется пред всяким человеком, тот имеет покой, живя без смятения, тогда как любящий славу и горделивый постоянно находится в беспокойстве, не желая уступить кому-либо, но, рассчитывая, как бы сильнее прославиться, как бы победить врагов. Итак, иго Христа, разумею смирение, легко, потому что для нашей смиренной природы удобнее смиряться, чем гордиться. Но и все заповеди Христа называются игом, и они легки ввиду будущего воздаяния, хотя в настоящее время и кажутся тяжелыми.

Глава двенадцатая

В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями, ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть.

Желая пояснить постановления закона, Господь ведет учеников засеянным полем, чтобы они ядением нарушили закон о субботе.

Фарисеи, увидевши это, сказали ему: вот ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу. Он же сказал им: разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? Как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам?

Фарисеи снова ставят в вину естественное чувство голода, сами в худшем греша, Господь же стыдит их историей о Давиде. Ибо он, — говорит Господь, — по причине голода пошел на нечто большее. Под хлебами предложения разумеются те хлебы, которые полагались каждый день, ибо на трапезе полагалось двенадцать хлебов: шесть на правой стороне и шесть на левой. Хотя Давид был и пророк, однако он не должен был есть их (это могли сделать только священники), а тем более находящиеся с ними. Однако по причине голода он достоин прощения. Таким же образом и ученики.

Или не читали вы в законе, что в субботы священники в храме нарушают субботу, однако невиновны? Но говорю вам, что здесь Тот, кто больше храма.

Закон возбранял работать в субботу, а священники в субботу и дрова кололи, и огонь разжигали, так что оскверняли субботу, то есть безумствовали, как вы думаете. Но вы говорите Мне, что то были священники, а ученики нет. На это отвечаю вам, что здесь Тот, Кто больше храма, то есть, так как Я, Владыка, больше храма и нахожусь с учениками Своими, то они имеют большую власть нарушать субботу, чем священники.

Если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных. Ибо Сын Человеческий есть господин и субботы.

Показывает их и невеждами, так как они не знают писаний пророческих. Не должно ли, говорит, быть милостивым к людям голодающим. Кроме того, Я, Сын Человеческий, господин субботы, как и всего, и творец этих дней; поэтому, как Владыка, Я нарушаю субботу. Понимай это и в переносном смысле: апостолы были делатели; жатва же и

колосья — верующие; апостолы срывали их и ели, то есть своей пищей они имели спасение людей. Это они делали в субботу, в тот день, когда должно было уклоняться от злых дел. Фарисеи же негодовали. Так бывает и в церкви. В то время как учителя часто поучают и приносят пользу, фарисействующие и завистливые досадают.

И отошедши оттуда, вошел Он в синагогу их. И вот, там был человек, имеющий сухую руку. И спросили Иисуса, чтобы обвинить Его: можно ли исцелять в субботы?

Другие евангелисты говорят, что Иисус спросил фарисеев. Итак, можно сказать, что фарисеи, будучи людьми завистливыми, предупредили и спросили Его, как говорит Моисей; затем Христос, со своей стороны, спросил их, как бы насмехаясь и осмеивая их бесчувственность, о чем говорят другие евангелисты. Фарисеи спросили Его с тою целью, чтобы иметь повод к клевете.

Он же сказал им: кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы! Итак, можно делать в субботу добро.

Показывает, что они для корысти и для того, чтобы не лишиться овцы, нарушают субботу, для уврачевания же человека не допускают этого. Итак, в одном и том же случае показывает их и любостыжательными, и жестокими, и пренебрегающими Богом, ибо они пренебрегают субботой, чтобы не лишиться овцы, и являются немилосердными тогда, когда не желают уврачевания человека.

Тогда говорит человеку тому: протяни руку. И он протянул, и стала она здорова, как другая.

Многие и теперь имеют сухие руки, то есть немилостивые и скупые. Но когда слово евангельское громко зазвучит для них, они стирают их для милостыни, хотя фарисеи, гордые демоны, отсеченные от нас, по своей вражде и не хотят того, чтобы наши руки стирались для милостыни.

Фарисеи же, вышедши, имели совещание против Него, как бы погубить Его. Но Иисус, узнав, удалился оттуда.

О зависть! когда получают благодеяние, тогда неистовствуют. Иисус же уходит, потому что еще не настало время страдания, а вместе и щадит Своих врагов, чтобы они не впади в грех убийства. Ибо безрассудно подвергаться опасности — небогоугодное дело. Вдумайся в это слово «вышедши». Когда ушли от Бога, тогда стали совещаться о том, чтобы погубить Иисуса, ибо никто из пребывающих в Боге не замышляет подобного.

И последовало за Ним множество народа, и Он исцелил их всех. И запретил им объявлять о Нем.

Укрощая зависть врагов, не хочет, чтоб объявляли о Нем, но, однако, всеми способами старался уврачевать больных.

Да сбудется реченное чрез пророка Исайю, который говорит: се, отрок Мой, которого Я избрал, Возлюбленный Мой, которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него и возвестит народам суд. Не воспрекословит, ни возопиет.

Евангелист приводит и пророка, как свидетеля кротости Иисуса. Ибо чего бы, говорит, ни хотели иудеи, Он сделает, Если они хотят, чтобы Он не являлся, Он и это сделает и не станет противиться, подобно честолюбцу, и не будет спорить, но возвестит толпам следующих за ним, чтобы не объявляли о Нем. Но Он возвестит суд и язычникам, то есть будет учить и язычников, ибо суд — научение, знание и различение добра; или возвестит и о грядущем суде язычникам, которые никогда не слыхали о будущем суде.

И никто не услышит на улицах голоса Его.

Ибо не среди площади подобно честолюбцам, но в храме и в синагогах, и на горе, и на морском берегу учил Он.

Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит.

Он мог, говорит, сокрушить иудеев, как надломленную трость, и угасить их гнев, как курящийся или горящий лен, но не хотел, пока не исполнит домостроительства и не победит их во всем. Это обозначают и последующие слова.

Доколе не доставит суду победы. И на имя Его будут уповать народы.

Чтобы не имели чего-либо в качестве оправдания, все переносил, чтобы впоследствии осудить их и победить не имеющих ничего сказать в ответ. Ибо чего Он не сделал, чтобы приобрести их. Но они не пожелали. Поэтому народы будут уповать на Него, в то время как иудеи не захотели.

Тогда привели к Нему бесноватого слепого и немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал говорить и видеть. И дивился весь народ и говорил: не это ли Христос, Сын Давидов.

Демон заключил пути к вере: глаза, слух и язык, но Иисус исцеляет, и народ называет Его Сыном Давида, ибо Христа ожидали от семени Давида. И теперь, если увидишь, что иной и сам не постигает добра, и другого слов не принимает, то считай его слепым и немым, которого пусть исцелит Бог, коснувшись сердца Его.

Фарисеи же, услышав сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою Веельзевула, князя бесовского.

Хотя Господь и удалился, но они, и издали, слушая, клеветают именно тогда, когда Он творит благодеяния людям. Таким образом, они были враги по природе, как дьявол.

Но Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. А если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его?

Обнаруживая пред ними их мысли, Господь показывает, что Он — Бог. Он защищается

против них ссылкой на обыкновенные примеры и показывает их безумие. Ибо как демоны могут изгонять самих себя, когда они более всего стараются сплотиться? Сатаной называется противник.

И если Я силою Веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши, чьею силою изгоняют? Посему они будут вам судьями!

Пусть, говорит, Я таков; но ваши сыны, то есть мои ученики, чьей силой они изгоняют? Неужели и они — силой Веельзевула? Если же они Божественной силой, то тем более Я, ибо они творят чудеса Моим именем. Итак, они послужат к осуждению вашему, потому что вы, видя, что они творят чудеса Моим именем, продолжаете клеветать на Меня.

Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие.

Говорит: если Я изгоняю бесов Божественною силою, то Я — Сын Божий и пришел ради вас, чтобы благодетельствовать вам, так что «достигло до вас» пришествие Мое, которое есть Царствие Божие. Зачем же вы клеветаете на Мое пришествие, которое произошло ради вас?

Или, как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного! и тогда расхитит дом его.

Настолько далеко, говорит, отстою от того, чтобы иметь демонов друзьями, что противостояю им и связываю их, которые были крепкими до Моего пришествия. Ибо, войдя в дом, то есть в мир, Христос расхитил сосуды демонов, разумею людей.

Кто не со мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает.

Как, говорит, Веельзевул будет содействовать Мне, если он более всех других противостоит Мне? Я учу добродетели, он — злу. Как же он со Мною? Я собираю людей для спасения, а он рассеивает. Указывает и на фарисеев, потому что они, когда Он учил и приносил многим пользу, рассеивали народ, чтобы не приходили к Нему. Итак, Господь показывает, что они действительно подобны демонам.

Посему говорю вам: всякий грех хула простятся человекам; а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем.

Говорит здесь следующее: всякий другой грех имеет хоть малое оправдание, например, блуд, воровство. Ибо мы в таких случаях ссылаемся на человеческую слабость и являемся заслуживающими извинения. Но когда кто-нибудь видит чудеса, совершаемые Духом, и клеветает на них, будто они бывают силою демона, какое оправдание может иметь он? Ясно, он знает, что они происходят от Святого Духа, но намеренно поступает дурно. Каким же образом таковой может получить извинение? Итак, когда иудеи видели, что Господь ест, пьет, обращается с мытарями и блудницами и делает все остальное, как Сын Человеческий, и затем порицали Его, как ядцу и винопийцу, то в этом они достойны извинения, и не

потребуется от них покаяния в этом, так как им казалось, что они соблазняются по достаточной причине. Но если они, видя, что Он совершает чудеса, тем не менее, клеветали и поносили Святого Духа, говоря, что это — бесовское дело, то как можно допустить, что этот грех отпустится им, если они не покаются? Итак, знай, что кто поносит Сына Человеческого, видя, что Он живет, как человек, и, называя Его другом блудников, ядцею и винопийцею за то, что Христос так делал, — такой человек, если и не покается, не даст ответа: он заслуживает извинения, потому что не думал, что в Иисусе Христе скрыт Бог. Но кто хулит Святого Духа или духовные дела Христа и называет их бесовскими, тот, если не покается, не будет прощен, ибо он не имел достаточной причины для клеветы, как тот, кто клеветал на Христа, видя Его среди блудников и мытарей. Итак, не простится ему ни здесь, ни там, но он будет наказан и здесь, и там. Ибо многие наказываются здесь, а там совершенно нет, как бедный Лазарь; другие же и здесь, и там, как содомляне и те, кто хулит Святого Духа; третий же ни здесь, ни там, как апостолы и Предтеча. Они, по-видимому, несли наказания, когда подвергались гонениям, тем не менее это не было наказание за грехи, но испытания и венцы.

Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым; ибо дерево познается по плоду.

Так как иудеи не могли оклеветать чудеса, как злые дела, Христа же, Который совершил их, хулили, как подобного демонам, то Господь говорит: или и Меня признавайте хорошим деревом, и тогда чудеса Мои, которые суть плод, будут прекрасны, или если вы признаете Меня худым деревом, то и плод, или чудеса Мои, очевидно, будут худыми. Но чудеса, то есть плоды, вы называете добрыми; следовательно, и Я — доброе дерево. Ибо дерево узнается по плодам, подобно этому и Я — по Моим чудесам.

Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы?

Вы, говорит, будучи худыми деревьями, приносите и плод худой, когда поносите Меня; так и Я, если бы был худой, приносил бы и плод худой, а не столь великие чудеса. Называет их порождениями ехидны, так как они хвалились Авраамом. Господь показывает, что они происходят не от Авраама, а от предков, достойных их злобы.

Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе; а злой человек из злого сокровища выносит злое.

Когда видишь, что кто-либо срамословит, то знай, что в сердце своем он имеет не то, что говорит, но много более того. Ибо то, что выходит наружу, это выходит только от избытка, и тот, кто скрывает внутри себя сокровище, открывает только некоторую часть его. Подобно этому и тот, кто говорит доброе, гораздо больше носит в своем сердце.

Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдишься и от слов своих осудишься.

Здесь Господь устрашает нас, что и мы дадим ответ за каждое пустое слово, то есть за ложное, клеветническое или бестактное и насмешливое. Затем приводит свидетельство из Писания, чтобы не подумали, что Он говорит нечто Свое: от слов, говорит, своих получишь оправдание и от слов своих будешь осужден.

Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение.

Евангелист с удивлением прибавил — «тогда», ибо когда должно было подчиниться вследствие бывших чудес, тогда они требуют знамения. Они хотят видеть знамение с неба, как говорит другой евангелист. Им казалось, что земные знамения Он совершает силой дьявольской. Ибо дьявол властитель мира. Что же Спаситель?

Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамения не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо, как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи.

«Лукавым родом» называет их, как льстецов и коварных людей, «прелюбодейным» — как отступивших от Бога и соединившихся с демонами. Знамением называет Свое воскресение, как необыкновенное явление. Ибо Он, сойдя в сердце земли — разумею преисподнее место, ад — в третий день восстал из мертвых. Под тремя днями и ночами разумею части, а не полные дни и ночи. Он умер в пятницу — это один день; субботу лежал в гробу мертвым, вот и другой день; ночь на воскресенье застала Его еще мертвым. Так насчитывается трое неполных дней и ночей. Ибо и мы часто имеем обычай так считать время.

Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы.

Когда говорит, Иона после выхода из чрева кита проповедовал, ему поверили, а Я по воскресении Моим не встречу веры с вашей стороны; поэтому и будете осуждены ниневитянами, которые поверили рабу Моему — Ионе помимо знамений, и это они сделали, несмотря на то, что были варвары. Вы воспитались на пророках, видели знамения и не поверили Мне, Владыке. Ибо это означает в словах: «И вот, здесь больше Ионы».

Царица Южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона.

Эта царица, говорит, пришла издалека, хотя и была слабая женщина, чтобы послушать о деревьях, лесах и о некоторых естественных предметах. Вы же не приняли Меня, когда Я пришел к вам, говоря и неизреченное.

Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел; и пришел находит его незанятым, выметенным и убранным. Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там. И бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом.

Господь показывает, что они достигли края гибели, не приняв Его. Подобно тому, как освободившиеся от демонов, если не радуют, терпят худшее, так и ваш род находился во власти демона, когда вы поклонялись идолам; но чрез пророков Я изгнал этого демона и Сам

пришел, желая очистить вас; но так как вы оттолкнули Меня и более — стремитесь погубить Меня, то, как согрешившие в более худшем, будете и наказаны сильнее, и последний ваш плен будет тяжелее прежних. Ты же пойми и то, что посредством крещения изгоняется нечистый дух и бродит по безводным пустыням и некрещеным душам, но в них не находит отдыха. Ибо отдых для демонов — это смущать крещеных злыми делами, тогда как некрещеных он уже имеет в своей власти. Итак, демон возвращается к крещеному с семью духами. Ибо как семь даров Духа, так в противоположность этому и семь духов злобы. Когда он войдет в крещеного, тогда его несчастье бывает большим, ибо прежде была надежда очиститься крещением, после же нет надежды очиститься, кроме как только крещением покаяния, которое очень трудно.

Когда Он еще говорил к народу, мать и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним.

По некоторому человеческому свойству мать желала показать, что имеет власть над Сыном, так как она еще ничего великого не мыслила о Нем. Поэтому, любя честь видеть Сына послушным себе, желает привлечь Его к себе в то время, когда Он беседовал. Что же Христос? Так как Он узнал намерение ее, то слушай, что говорит.

И некто сказал Ему: вот мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал говорившему: Кто — мать Моя, и кто — братья Мои? И, указав рукою на учеников Своих, сказал: вот — мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра, и мать

. Не укоряя мать, говорит это, но исправляя честолюбивую ее и человеческую мысль, ибо не сказал: «это — не Моя мать», но «если она не станет исполнять воли Бога, то ничуть не будет полезно для нее то, что она родила Меня». Господь не отрекается от естественного родства, но присоединяет родство по добродетели, потому что каждый недостойный не получает пользы от родства. Исправив таким образом болезнь тщеславия, Он снова повинуется зову Своей матери, как евангелист говорит далее.

Глава тринадцатая

Вышед же в тот день из дома, Иисус сел у моря. И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел, а весь народ стоял на берегу.

Господь сел в лодку, чтобы ко всем слушателям стоять лицом и чтобы все слышали Его. И с моря уловляет Он тех, кто находится на земле.

И поучал их много притчами, говоря.

Простому народу на горе говорит без притчей, здесь же, когда перед Ним находились коварные фарисеи, говорит притчами, чтобы они, хотя бы и не понимая, поставили Ему вопрос и научились. С другой стороны, им, как недостойным, и не должно было предлагать учение без покровов, ибо не должно «бросать бисера пред свиньями». Первой притчей говорит такой, которая делает слушателя более внимательным. Поэтому слушай!

Вот вышел сеятель сеять.

Под сеятелем разумеет Самого Себя, а под семенем — Свое слово. Вышел же Он не в определенном месте, ибо был везде; но так как Он приблизился к нам плотью, поэтому и говорится «вышел», разумеется — из недр Отца. Итак, Он вышел к нам, когда сами мы не могли прийти к Нему. И вышел, чтобы что сделать? Зажечь ли землю по причине множества терний или же наказать? Нет, но для того, чтобы сеять. Семя Он называет Своим, потому что и пророки сеяли, но не свое семя, а Божие. Он же, будучи Богом, сеял собственное семя, ибо не благодатью Божией был умудрен, но Сам был мудрость Божия.

И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетали птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была не глубока. Когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло.

Под упавшим «при дороге» разумеются люди беспечные и медлительные, которые совершенно не принимают слов, ибо мысль их — утопанная и сухая, совершенно невспаханная дорога. Поэтому птицы небесные, или духи воздушные, то есть демоны, похищают у них слово. Упавшие на каменистую землю — это те, которые слушают, но, по причине своей слабости, не противостоят искушениям и скорбям и продают свое спасение. Под воссиявшим солнцем разумеи искушения, потому что искушения обнаруживают людей и показывают, подобно солнцу, сокровенное.

Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его.

Это — те, которые заглушают слово заботами. Ибо хотя богатый, по-видимому, и делает доброе дело, однако его дело не растет и не преуспевает, потому что ему препятствуют заботы.

Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.

Три части посева погибли и только четвертая спаслась, потому что спасаемых вообще немного. О доброй земле говорит после, чтобы открыть нам надежду на покаяние, ибо хотя бы кто был каменистой землей, хотя лежал бы при дороге, хотя был бы тернистой землей, ему можно сделаться доброй землей. Не все из принявших слово приносят плод наравне, но один приносит сто, может быть, тот, кто обладает совершенной нестяжательностью; другой — шестьдесят, может быть, общежительный монах, занятый еще и практической жизнью; третий приносит тридцать — человек, который избрал честный брак и усердно, как только можно, проходит добродетели. Обрати внимание, как благодать Божия принимает всех, великое или среднее, или малое совершили они.

Кто имеет уши слышать, да слышит!

Господь показывает, что приобретшие духовные уши должны понимать это духовно. Многие имеют уши, но не для того, чтобы слушать; поэтому и прибавляет: «Кто имеет уши слышать, да слышит».

И приступивши, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не

дано; ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет.

Видя многую неясность в том, что сказал Христос, ученики, как общие попечители народа, приступают к Господу с вопросом. Он же говорит: «вам дано знать тайны», то есть так как вы имеете настроенность и стремление, то вам дано, а тем же, кто не имеет старания, не дано. Ибо получает тот, кто ищет. «Ищите, — сказал, — и дастся вам». Смотри же, как здесь Господь сказал притчу, а приняли ее одни только ученики, потому что они искали. Итак, хорошо, скажем, что тому, кто имеет старание, дается знание и приумножается, а у того, кто не имеет старания и соответственной мысли, взято будет и то, что он думал иметь, то есть если кто и малую искру добра имеет, то и ту погасит, не раздувая ее духом и не зажигая духовными делами.

Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют.

Обрати внимание! Ибо здесь разрешается вопрос тех, которые говорят, что злые бывают по природе и от Бога. Они говорят, что Сам Христос сказал: «вам дано знать тайны, иудеям же не дано». Говорим вместе с Богом к говорящим это: Бог дает всем возможность по природе разуметь должное, ибо Он просвещает всякого человека, приходящего в мир, а наша воля омрачает нас. Это и здесь отмечается. Ибо Христос говорит, что видящие естественными глазами, то есть созданные от Бога, чтобы понимать, не видят по своей воле и что слышащие, то есть от Бога созданные, чтобы слышать и разуметь, не слышат и не разумеют по своей воле. Скажи мне: не видели ли они чудес Христа? Да, но сами сделали себя слепыми и обвинили Христа, ибо это и значит: «видя не видят». Поэтому Господь приводит и пророка как свидетеля.

И сбывается над ними пророчество Исайи, которое говорит: слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите; ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их

(Исайя 6, 9-10). Видишь, что говорит пророчество! Не потому не разумеете, что Я создал сердце ваше толстым, но потому, что оно утолстело, будучи прежде, конечно, тонким, ибо все, что делается толстым, прежде бывает тонким. Когда же сердце утолстело, они смежили свои глаза. Не сказал, что Бог закрыл глаза их, но что они зажмурили их по доброй воле. Это они сделали с тою целью, чтобы им не обратиться и чтобы Я не исцелил их. Ибо по злой воле они постарались остаться неизлечимыми и необращенными.

Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат; ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали.

Блаженны чувственные глаза апостолов и их уши, но тем более достойны ублажения душевные глаза и уши их, потому что они познали Христа. Ставит их выше пророков, потому что они видели Христа телесно, те же только умом созерцали Его; кроме того, еще и потому, что те не удостоились стольких тайн и такого знания, как эти. В двух отношениях превосходят апостолы пророков, именно в том, что видели Господа телесно, и в том, что

более духовно были посвящены в божественные тайны. Итак, Господь объясняет ученикам притчу, говоря следующее.

Вы же выслушайте значение притчи о сеятеле. Ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его: вот, кого означает посеянное при дороге.

Увещает нас разуметь то, что говорят учителя, чтобы и мы не уподобились находящимся при дороге. Так как дорога — Христос, то находящиеся при дороге — те, которые вне Христа. Они не на дороге, но вне этой дороги.

А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется.

О скорбях сказал потому, что многие, подвергаясь скорби от родителей или от каких-либо несчастий, тотчас начинают богохульствовать. Относительно же гонений Господь сказал ради тех, кто делается жертвой мучителей.

А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно.

Не сказал: «этот век заглушает», но «забота века сего», не «богатство», но «обольщение богатства». Ибо богатство, когда оно бывает раздаваемо бедным, не заглушает, но умножает слово. Под терниями же разумеются заботы и роскошь, потому что они возжигают огонь похоти, равно и геенны. И как терние, будучи остро, впивается в тело и с трудом может быть извлечено оттуда, так и роскошь, если она овладевает душою, впивается в нее и едва может быть искоренена.

Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать.

Различны виды добродетели, различны и преуспевающие. Обрати внимание на то, что в притче есть порядок. Ибо прежде всего нам должно услышать и уразуметь слово, чтобы мы не были подобны тем, которые находятся при дороге. Затем должно прочно хранить слышанное, потом — быть не любостыжательными. Суди, какая польза, если услышу и сохранию, но любостыжанием заглушу?

Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы, и ушел. Когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Пришедши же рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человека сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но Он сказал: нет: чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы. Оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы

сжечь их; а пшеницу уберите в житницу мою.

В прежней притче Господь сказал, что четвертая часть семени пала на добрую землю, в настоящей же показывает, что враг и этого самого семени, которое пало на добрую землю, не оставил не испорченным по той причине, что мы спали и не радели. Поле — это мир или душа каждого. Тот, Кто сеял, есть Христос; доброе семя — добрые люди или мысли; плевелы — ереси и худые мысли; тот, кто сеял их, дьявол. Спящие люди — это те, которые по лености дают место еретикам и худым мыслям. Рабы же — это ангелы, которые негодуют на то, что существуют ереси и испорченность в душе, и желают сжечь и исторгнуть из этой жизни и еретиков, и мыслящих дурное. Бог не позволяет истреблять еретиков путем войн, чтобы вместе не пострадали и не были уничтожены и праведные. Бог не хочет умертвить человека из-за злых мыслей, чтобы вместе не была уничтожена и пшеница. Так, если бы Матфей, будучи плевелом, был исторгнут из этой жизни, то вместе была бы уничтожена и имевшая впоследствии произрасти от него и пшеница слова; равным образом и Павел, и разбойник, ибо они, будучи плевелами, не были уничтожены, но им позволено было жить, чтобы после того произросла их добродетель. Поэтому Господь говорит ангелам: при кончине мира, тогда соберите плевелы, то есть еретиков. Как же? В связки, то есть, связав им руки и ноги, ибо тогда никто уже не может делать, но всякая деятельная сила будет связана. Пшеница же, то есть святые, будет собрана жнецами-ангелами в небесные житницы. Равным образом худые мысли, которые имел Павел, когда преследовал, были сожжены огнем Христа, сбросить который на землю Он и пришел, а пшеница, то есть хорошие мысли, собраны в житницы церкви.

Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его.

Горчичное зерно — это проповедь и апостолы. Ибо, хотя их, по-видимому, и немного было, они объяли всю вселенную, так что птицы небесные, то есть те, которые имеют легкую и взлетающую ввысь мысль, отдыхают на них. Итак, будь же и ты горчичным зерном, малым по виду (ибо не должно хвалиться добродетелью), но теплым, ревностным, пылким и обличительным, ибо в таком случае ты делаешься больше «зелени», то есть слабых и несовершенных, сам, будучи совершенным, так что и птицы небесные, то есть ангелы, будут отдыхать на тебе, ведущем ангельскую жизнь. Ибо и они радуются о праведных.

Иную притчу сказал Он им: Царство Небесное подобно закваске, которую женщина взявши положила в три меры (сата) муки, доколе не вскисло все.

Под закваской, подобно как и под зерном горчичным, Господь понимает апостолов. Как закваска, будучи малой, изменяет, однако, все тесто, так и вы говорите, преобразуете весь мир, хотя и немного будет вас. Сата — это была у иудеев мера, подобно как и в Греции имеются хиниксы или декалитры. Некоторые под закваскою понимают проповедь, под тремя сатами три силы души — ум, чувство и волю, под женою же — душу, которая скрыла проповедь во всех ее силах, смешалась с нею, заквасилась и вся освятилась от нее. Нам должно всецело закваситься и совершенно преобразоваться в божественное. Ибо Господь говорит: «доколе не вскисло все».

Все сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им, да сбудется реченное чрез пророка, который говорит: отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира

(Псал. 77, 2). Приведено пророчество, которое заранее говорило о том, как Иисус имел учить, именно, притчами, чтобы ты не подумал, что Христос изобрел некоторый новый способ относительно научения. Слово «да» принимай, что оно употреблено для обозначения не причины, но следствия, вытекающего из известного факта, ибо Христос учил таким образом не для того, чтобы исполнилось пророчество, но так как Он учил в притчах, то из дела оказалось, что пророчество исполнилось на Нем. «Без притчи не говорил им» только в то время, ибо Он не всегда говорил в притчах. «Изрек» же Господь то, что было скрытым от сотворения мира, ибо Он сам явил нам небесные тайны.

Тогда Иисус, отпустив народ, вошел в дом.

Отпустил народ тогда, когда — он не получил никакой пользы от учения. Ибо Он говорил притчами, чтобы Его спросили. Они же не позаботились об этом и не искали научиться чему-либо; поэтому Господь по справедливости отпускает их.

И приступивши к Нему, ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевелах на поле.

Только об одной этой притче спрашивают, потому что другие казались им более ясными. Под плевелами разумеется все вредное, что растет среди пшеницы: куколь, горох, дикий овес и др.

Он же сказал им в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это — сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого; враг посеявший их, есть дьявол; жатва есть кончина века, а жнецы суть ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий ангелов Своих, и соберут из царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов.

Что должно было сказать, то сказано выше. Ибо мы сказали, что здесь идет речь о ересях, которым позволено быть до конца мира. Если мы будем убивать и истреблять еретиков, подымутся раздоры и войны; а при раздорах и многие из верных, может быть, погибнут. Но и Павел, и разбойник были плевелами, прежде чем уверовать, но они не были истреблены в то время ради имеющей произрасти в них пшеницы, ибо в последующее время они принесли Богу плод, а плевелы пожгли огнем Святого Духа и пылом своей души.

Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит!

Так как солнце кажется нам сияющим более всех звезд, поэтому Господь сравнивает славу праведников с солнцем. Но они будут сиять ярче солнца. Так как Солнце правды есть Христос, то праведники просветятся тогда подобно Христу, ибо они будут, как боги.

Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое нашед человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то.

Поле — мир, сокровище — проповедь и познание Христа. Оно сокрыто в мире. «Проповедуем премудрость, — говорит апостол Павел, — сокровенную» (1 Кор. 2, 7). Ищущий познания о Боге находит его и все, что имеет — еллинские ли учения, или худые нравы, или богатства, тотчас бросает и покупает поле, то есть мир. Ибо своим имеет мир тот, кто познал Христа: не имея ничего, он обладает всем. Рабами для него являются стихии, и он повелевает ими, подобно Иисусу или Моисею.

Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, нашедши одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее.

Море — это настоящая жизнь, купцы — те, которые провозят чрез это море и ищут приобрести какое-либо знание. Многие жемчужины — это мнения многих мудрецов, но из них одна только многоценна — одна истина, которая есть Христос. Как о жемчуге повествуют, что он рождается в раковине, которая раскрывает черепицы, и в нее упадает молния, а когда снова затворяет их, то от молнии и от росы зарождается в них жемчуг, и потому он бывает очень белым — так и Христос зачат был в Деве свыше от молнии — Святого Духа. И как тот, кто обладает жемчугом и часто держит его в руке, один только знает, каким он владеет богатством, другие же не знают, так и проповедь бывает скрыта в неизвестных и простецах. Итак, должно приобретать этот жемчуг, отдавая за него все.

Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и севши хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут ангелы и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов.

Страшна эта притча, ибо она показывает, что если мы и веруем, но не имеем доброй жизни, то брошены будем в огонь. Невод — это учение рыбаков-апостолов, которое соткано из знамений и пророческих свидетельств, ибо о чем ни учили апостолы, они подкрепляли это чудесами и словами пророков. Итак, этот невод собрал от всех родов людей — варваров, еллинов, иудеев, блудников, мытарей, разбойников. Когда же он наполнен, то есть когда мир кончил свое существование, тогда находящиеся в неводе разделяются. Ибо хотя бы мы и веровали, но если окажемся дурными, то будем выброшены вон. Не таковые же будут сложены в сосуды, разумею, вечные жилища. Всякое же действие, доброе ли или злое, говорят, есть пища души, ибо и душа имеет мысленные зубы. Итак, душа будет скрежетать ими тогда, сокрушая свои деятельные силы за то, что делала таковое.

И спросил их Иисус: поняли ли вы все это? Они говорят Ему: так, Господи! Он же сказал им: поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое.

Видишь, как притчи сделали их более вдумчивыми. Те, которые в других отношениях не понятливы и не научены, поняли сказанное неясно. Хваля их за это, Спаситель говорит: «поэтому всякий книжник» и далее. Называет их книжниками, как наученных закону. Но хотя

они и научены закону, однако не пребыли с законом, не научились царству, то есть познанию Христа, и получили возможность износить сокровища и Ветхого, и Нового закона. Хозяин — Христос, как богатый, ибо в Нем сокровища мудрости. Он, уча новому, затем приводил таким образом свидетельства и из Ветхого Завета. Так, Он сказал: «ответишь и за праздное слово» — это новое; потом привел свидетельство: «словами своими будешь оправдан и осужден» — это ветхое, Ему подобны апостолы, например, Павел, который говорит: «подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16).

И когда окончил Иисус притчи сии, пошел оттуда. И пришед в отечество Свое, учил их в синагоге их.

«Сии притчи» сказал, потому что Господь намерен был говорить чрез некоторое время и другие. Переходит же Он для того, чтобы и другим принести пользу Своим присутствием. Под отечеством Его разумей Назарет, ибо в нем Он был вскормлен. В синагоге же учит в публичном месте и свободно с тою целью, чтобы впоследствии не могли сказать, что Он учил чему-то противозаконному.

Так что они изумлялись и говорили: откуда у Него такая премудрость и силы? Не плотников ли Он сын? Не Его ли мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда? И сестры Его не все ли между нами? Откуда же у Него все это? И соблазнялись о Нем.

Жители Назарета, будучи неразумными, думали, что неблагородство и незнатность предков мешает угодить Богу. Допустим, что Иисус был простой человек, а не Бог. Что мешало Ему быть великим в чудесах? Итак, они оказываются и несмысленными, и завистливыми, ибо они должны были более радоваться тому, что отечество их дало миру такое благо. Братьями же и сестрами Господь имел детей Иосифа, которых он родил от жены своего брата, Клеопы. Так как Клеопа умер бездетным, то Иосиф по закону взял его жену за себя и родил от нее шестерых детей: четыре мужского пола и двух женского — Марию, которая по закону называется дочерью Клеопы, и Саломию. «Между нами» вместо: «живут здесь с нами». Итак, о Христе соблазнялись и эти; может быть, и они говорили, что Господь изгоняет бесов Веельзевулом.

Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем. И не совершил там многих чудес по неверию их.

Посмотри на Христа: Он не укоряет их, но кротко говорит: «не бывает пророка без чести» и далее. Мы, люди, имеем обыкновение всегда пренебрегать близкими, чужое же любим. «В доме своем» присовокупил потому, что и братья его, которые были из одного дома, завидовали Ему. Господь не сотворил здесь много чудес по неверию их, щадя их самих, чтобы, оставаясь и после чудес неверными, не подверглись тем большему наказанию. Поэтому многих чудес не сотворил, а только немного, чтобы не могли сказать: если бы вообще сделал что-либо, мы уверовали бы. Ты же понимай это и таким образом, что Иисус и до настоящего дня бесчестится в Своем отечестве, то есть у иудеев, мы же, чужие, чтим Его.

В то время Ирод четверовластник услышал молву об Иисусе и сказал служащим при нем: это Иоанн Креститель; он воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им.

Этот Ирод был сын Ирода, избившего младенцев в Вифлееме. Отсюда уразумей гордость деспотической жизни. Вот спустя сколько времени Ирод услышал о деятельности Иисуса! Могущественные лица не скоро узнают об этом, так как они не обращают внимания на сияющих добродетелью. Он, по-видимому, боялся Крестителя; поэтому решился говорить не с кем-либо другим, но с отроками, то есть с рабами. Так как Иоанн при жизни не сотворил чудес, то Ирод подумал, что он по воскресении получил от Бога и этот дар — дар творить чудеса.

Ибо Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего; потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь ее. И хотел убить его, но боялся народа, потому что его считали за пророка.

В предыдущих повествованиях относительно жизни Иоанна Матфей не упоминал об этом, потому что его целью было описать только относящееся ко Христу. Он и теперь не упомянул бы, если бы это не относилось ко Христу. Иоанн изобличал Ирода, как имевшего противозаконно жену своего брата. Закон повелевал брату взять жену брата в том случае, если тот умирал бездетным. Здесь же Филипп умер не бездетным, ибо у него была дочь, которая плясала. Некоторые говорят, что Ирод отнял и жену, и тетрархию, когда Филипп был еще жив. Но так или иначе, сделанное им было противозаконно. Ирод, не боясь Бога, боялся народа, потому и удерживался от убийства, но дьявол представил ему удобный случай.

Во время же празднования дня рождения Ирода, дочь Иродиады плясала пред собранием и угодила Ироду. Посему он с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя.

Смотри, какое бесстыдство! Царевна пляшет! И чем лучше пляшет, тем хуже, ибо стыдно царевне делать что-либо непристойное с хитростью. Смотри и на другое безрассудство Ирода. Он поклялся дать царевне, чего бы она ни попросила, если хорошо пропляшет. Но если бы голову твою попросила, дал бы ли ты ее? «Дай мне здесь на блюде голову Иоанна». Для чего прибавила «здесь»? Опасалась, чтобы Ирод, одумавшись, не раскаялся впоследствии. Поэтому торопит Ирода, говоря: «дай мне здесь».

И опечалился царь; но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей. Ученики же его, пришедши, взяли тело его и погребли его.

Опечалился по причине добродетели, ибо и враг удивляется добродетели. Однако в силу своей клятвы дает бесчеловечный дар. Узнаем же отсюда, что лучше преступить клятву, чем по причине клятвы сделать что-либо нечестивое. Тело Крестителя погребено было в Севастии Кесарийской, а честная его глава сначала положена была в Емесе.

И пошли, возвестили Иисусу.

О чем возвестили Иисусу? Не о том, что Иоанн умер, ибо повествование относительно Иоанна распространилось всюду, но что Ирод его считает за Иоанна.

И услышав, Иисус удалился оттуда на лодке в пустынное место один.

Иисус уходит по причине убийства Ирода, научая и нас не подвергаться опасностям; уходит также и для того, чтобы не думали, что Он воплотился призрачно. Ибо если бы Ирод овладел Им, то он сделал бы попытку погубить Его, и если бы Иисус в этом случае исхитил Себя из среды опасностей, потому что не пришло время смерти, то сочли бы, что Он — привидение. Итак, вот почему Он уходит. «Уходит в пустынное место», чтобы сделать там чудо над хлебами.

А народ, услышав о том, пошел за Ним из городов пешком. И вышед, Иисус увидел множество людей и сжалился над ними, и исцелил больных их.

Народ показывает веру, в силу которой он идет за удаляющимся Иисусом. Поэтому, как награду за веру, получает исцеления. Следуют за Ним пешком и без пищи. Это все — от веры.

Когда же настал вечер, приступили к Нему ученики Его и сказали: место здесь пустынное, и время уже позднее, отпусти народ, чтобы они пошли в селения и купили себе пищи. Но Иисус сказал им: не нужно им идти; вы дайте им есть.

Человеколюбивы ученики, ибо они заботятся о народе и поэтому не желают, чтобы он был голодным. Что же Спаситель? «Дайте, — говорит, — им вы есть». Говорит это не потому, что не знал, какую бедность испытывали апостолы, но для того, чтобы, когда они скажут «не имеем», оказалось, что Он приступает к совершению чуда по нужде, а не из любви к славе.

Они же говорят Ему: у нас здесь только пять хлебов и две рыбы. Он сказал: принесите их мне сюда. И велел народу возлечь на траву и, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благословил.

Принесите Мне хлебы сюда, ибо хотя поздно, но Я — Творец времени; хотя место пустынно, но Я Тот, Кто дает пищу всякой плоти. Отсюда научаемся тому, что если и немного имеем, мы должны употреблять его на гостеприимство, ибо и апостолы, имея немного, отдали народу. Но как это немного умножилось, так умножится и твое немного. Размещает народ на траве, научая простоте, чтобы и ты не покоился на многоценных постелях и коврах. Подымает взоры к небу и благословляет хлебы, может быть, и для того, чтобы уверовали, что Он не противник Богу, но пришел от Отца и с неба, а также и для того, чтобы научить нас, чтобы мы, прикасаясь трапезы, благодарили и таким образом вкушали пищу.

И преломив, дал хлебы ученикам, а ученики народу. И ели все, и насытились, и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных. А евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей.

Ученикам дает хлебы, чтобы они всегда помнили о чуде и чтобы оно не выходило из их мысли, хотя они и скоро позабыли о нем. Чтобы ты не подумал, будто Господь совершил

чудо только призрачно, с этой целью хлебы умножаются. Двенадцать коробов оказывается для того, чтобы и Иуда понес и не был увлекаем на предательство, раздумывая о чуде. И хлебы умножает, и рыбы, чтобы показать, что Он — Творец земли и моря и что все, что мы едим каждый день, едим потому, что Он подает и пища Им умножается. В пустыне было чудо, чтобы кто-либо не подумал, будто из ближнего города купил Он хлебы и разделил народу; ибо была пустыня. Это сообразно с рассказом. По наведению же узнай, что когда Ирод, плотский грубый ум иудейский (ибо это означает в переводе слово Ирод), обезглавил Иоанна, главу пророков, то есть не поверил пророчествовавшим о Христе, Иисус на будущее время отходит в пустынное место, к язычникам, пустыне по отношению к Богу, и врачует недужных душою, затем и питает их. Если Он не отпустит нам согрешений и не уврачуует болезней посредством крещения, то не напаяет нас и причащением Пречистых Тайн, так как никто из некрестившихся не причащается. Пять тысяч — это пять чувств, которые находятся в худом состоянии и врачуются пятью хлебами. Ибо так как пять чувств болело, то сколько ран, столько и пластырей. Две рыбы — это слова рыбарей: одна рыба — Евангелие, другая — Апостол. Но некоторые под пятью хлебами разумеют пятокнижие Моисея, то есть книгу Бытия, Исход, Левит, Чисел и Второзаконие. Двенадцать коробов было взято апостолами и понесено. Ибо то, чего не могли мы, простой народ, съесть, то есть понять, то понесли и вместили апостолы. «Кроме жен и детей», ибо христианин не должен иметь что-либо детское или женоподобное и немужественное.

И тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ.

Указывая на неразлучность учеников, Матфей сказал «понудил», ибо они хотели всегда быть с Ним. Господь отпускает народ, потому что не желал, чтобы они сопровождали Его, чтобы не показаться честолюбивым.

И отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный.

Показывая нам, что должно молиться сосредоточенно, Господь подымается на гору. Ибо все делает ради нас, Сам же Он не нуждался в молитве. Молится допоздна, научая нас не скоро оставлять молитву, но ночью особенно совершать ее, ибо тогда бывает многая тишина. Допускает, чтобы ученики подверглись опасности, чтобы они научились мужественно переносить искушения и познали Его силу. Лодка на середине моря — это показывает, что страх был велик.

В четвертую стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидевши Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь: это Я, не бойтесь.

Не тотчас явился пред ними с целью укротить бурю, научая не скоро просить об удалении бед и переносить их мужественно, но около четвертой стражи, ибо на четыре части разделялась ночь у воинов, стерегущих поочередно, так что каждая стража продолжалась три часа. Итак, Господь явился после девятого часа ночи, идя по поверхности воды, как Бог. Ученики же, ввиду необыкновенности и странности дела, подумали, что пред ними

привидение, ибо не узнали Его по виду как по тому, что была ночь, так и по причине страха. Господь же прежде всего ободряет их, говоря: «это Я», Который все может, «не бойтесь».

Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде.

По чувству самой горячей любви ко Христу Петр хочет тотчас и прежде других приблизиться к Нему. Он верует, что Иисус не только Сам ходит по водам, но и ему даст это: не сказал «повели мне ходить», но «придти к Тебе». Первое было бы знаком бахвальства, второе же есть признак любви ко Христу.

Он же сказал: иди. И вышед из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу; но, видя сильный ветер, испугался и, начав утонуть, закричал: Господи! спаси меня.

Господь подостлал Петру море, показывая Свою силу. Но смотри: Петр, победив большее, разумею море, испугался ветра. Так слаба природа человека! И тотчас, как испугался, начал тонуть. Ибо когда ослабела вера, тогда Петр начал тонуть. Это побудило и его не высоко думать о себе, и успокоило других учеников, ибо они, может быть, позавидовали ему, Петру. Но это показало и то, насколько Христос превосходит его.

Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился? И когда вошли они в лодку, ветер утих. Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий.

Показывая, что не ветер — причина потопления, но малодушие, Христос упрекает не ветер, но малодушного Петра. Поэтому, подняв его, поставил на воду, позволяя ветру дуть. Не совершенно усомнился Петр, а несколько, то есть отчасти. Ибо насколько он испугался, настолько и не веровал. Когда же закричал: «Господи! спаси меня», то этим уврачевал свое неверие. Почему и слышит: «маловерный», а не «неверный». Итак, и бывшие в лодке отрешились от страха, ибо ветер утих. Познав чрез это Иисуса, они исповедуют Его Божество. Ибо ходить по морю свойственно не человеку, но Богу, как и Давид говорит: «Путь Твой в море, и стезя Твоя в водах великих» (Псал. 76, 20). По наведению корабль — это земля, волнение-жизнь, возмущаемая злыми духами, ночь-неведение. «В четвертую стражу», то есть к концу веков, явился Христос. Первая стража — завет с Авраамом, вторая — закон Моисея, третья — пророки, четвертая — пришествие Господа. Ибо Он спас обуреваемых, когда пришел и жил с нами, чтобы мы, познав Его как Бога, поклонились Ему. Обрати внимание и на то, что то, что случилось с Петром на море, предзнаменовало его отречение, затем обращение и раскаяние. Как там говорил смело: «не отрекусь от Тебя», так и здесь говорит: «повели мне придти к Тебе по воде»: и как там Господь допустил, чтобы он отрекся, так и здесь допускает, чтобы он утонул; здесь Господь дал ему руку и не допустил утонуть, и там чрез покаяние извлек его из глубины отречения.

И переправившись, прибыли в землю Геннисаретскую. Жители того места, узнавши Его, послали во всю окрестность ту и принесли к Нему всех больных, и просили Его, чтобы только прикоснуться к краю одежды Его; и которые прикасались, исцелялись.

Так как Иисус в течение долгого времени жил в земле Геннисаретской, то люди, узнав Его не только по виду, но и по чудесам, показали горячую веру, так что хотели прикоснуться к краю одежды, и те, которые делали это, получали исцеление. Так и ты прикоснись к краю одежды Христа, то есть к концу Его жителства во плоти, ибо если уверуешь, что Христос вознесся, спасешься, так как плоть Его — одежда, а край ее — конец Его жизни на земле.

Глава пятнадцатая

Тогда приходят к Иисусу иерусалимские книжники и фарисеи и говорят: зачем ученики Твои преступают предание старцев? ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб.

Хотя и все страны имели книжников и фарисеев, но большей честью пользовались иерусалимские. Поэтому они более всего завидовали, как люди более честолюбивые. Иудеи имели обычай, идущий от древнего предания, — не есть неумытыми руками. Видя, что ученики пренебрегают этим преданием, они подумали, что они ни во что ставят старцев. Что же Спаситель? Ничего не отвечает им на это, но с Своей стороны спрашивает их.

Он же сказал им в ответ: зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался; тот может и не почитать отца своего или мать свою; таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим.

Фарисеи обвиняли учеников в том, что они преступают заповедь старцев; Христос же показывает, что они преступают Закон Божий. Ибо они учили, чтобы дети ничего не давали родителям, но полагали то, что имеют, в сокровищницу храма, так как в храме находилась сокровищница, в которую бросал желающий и называлась «газа». Сокровище раздавалось бедным. Итак, фарисеи, убеждая детей ничего не давать родителям, а полагать, что имеют, в сокровищницу в храме, учили их говорить: отец! то, чем ищешь ты воспользоваться от меня, дар есть, то есть посвящено Богу. Таким образом они, книжники, делили с детьми имущество их, а родители, удрученные старостью, оставались без пропитания. Это делали также и заимодавцы. Если кто-нибудь из них давал в займы деньги, а затем оказывалось, что должник не исправен и не отдает долга, то заимодавец говорил: «корван», то есть то, что ты мне должен, есть дар, посвященный Богу. Таким образом, должник делался как бы должником Божиим и против своей воли отдавал долг. Это же делать учили детей и фарисеи.

Лицемеры! хорошо пророчествовал о вас Исаяя, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим.

Словами Исаяи Господь показывает, что и в отношении к Отцу Его они такие же, какими оказываются и в отношении к Нему. Будучи лукавы и чрез лукавые дела удаляя себя от Бога, они только устами говорили слова Божии. Ибо напрасно чтут и делают вид, что чтут Бога те, которые делами своими бесславят Его.

И призвав народ, сказал им: слушайте и разумейте: не то, что входит в уста,

оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека.

Не с фарисеями говорит Господь, — ибо они неисцелимы, — но с народом. Призыванием же их Он показывает, что чтит их, чтобы они приняли Его учение, и говорит «слушайте и разумейте», побуждая их ко вниманию. Так как фарисеи обвиняли учеников за то, что они ели неумытыми руками, то Господь говорит относительно пищи, что никакая пища не делает человека нечистым, то есть не оскверняет. Если же пища не оскверняет, то тем более ядение пищи неумытыми руками. Внутренний человек оскверняется только в том случае, если он говорит, чего не должно. Этим указывает на фарисеев, которые оскверняют себя тем, что говорили слова из зависти. Обрати внимание на Его мудрость: Он и не устанавливает явно вкушать пищу неумытыми руками, и не запрещает, но другому научает; не выносить из сердца злых речей.

Тогда ученики Его приступивши сказали Ему: знаешь ли, что фарисеи, услышавши слово сие, соблазнились?

Ученики относительно фарисеев говорят, что они соблазнились. Кроме того, они и сами находились в смущении. Это видно из того, что Петр подошел и спросил относительно этого. Итак, услышав, что фарисеи соблазнились, Иисус говорит следующее.

Он же сказал в ответ: всякое растение, которое не Отец Мой Небесный посадил, искоренится; оставьте их: они слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму.

Говорит, что должны быть искоренены предания старцев и заповеди иудейские, а не закон, как думают манихеи, ибо закон есть растение Божие. Итак, не этот должен быть искоренен. Ибо остается корень его, то есть сокровенный дух. Листья же, то есть видимая буква, отпадают: мы понимаем закон уже не по букве, но по духу. Так как фарисеи были вне себя и неизлечимы, то Он сказал: «оставьте их». Отсюда научаемся, что если кто-нибудь добровольно соблазняется и бывает неизлечимым, то это нам не приносит вреда. Господь называет их слепыми учителями слепых. Это Он делает с тою целью, чтобы отвлечь от них народ.

Петр же отвечая сказал Ему: изъясни нам притчу сию.

Петр хотя знал, что закон запрещает есть все, но, боясь сказать Иисусу: «я соблазняюсь тем, что Ты сказал, так как Твои слова кажутся противозаконными», кажется непонимающим Его и спрашивает.

Иисус сказал: неужели и вы еще не понимаете? Еще ли не понимаете, что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон? А исходящее из уст — из сердца исходит; сие оскверняет человека; ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления: это оскверняет человека. А есть неумытыми руками — не оскверняет человека.

Спаситель обличает учеников и укоряет их неразумие или потому, что они соблазнились, или потому, что не поняли ясного. Итак, Он говорит: разве вы не уразумели того, что для всех понятно и более чем ясно? того, что пища не остается внутри, но выходит, нисколько не

оскверняя души человека, ибо не остается внутри? Помыслы же рождаются внутри и остаются там, выходя же, то есть переходя в дело и действие, оскверняют человека. Ибо помысел о блуде, оставаясь внутри, неистовствует, а, переходя в дело и действие, оскверняет человека.

И вышед оттуда, Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские. И вот, женщина хананеянка, вышедши из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, Сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова.

Почему, запрещая ученикам идти на путь язычников, Сам идет в Тир и Сидон, языческие города? Узнай, что не с проповедью Он пришел туда, потому то, как говорит Марк, «и скрыл Себя». Иначе: так как Он видел, что фарисеи не принимают Его учения относительно пищи, то переходит к язычникам.» Помилуй меня», говорит хананеянка, а не «дочь мою», ибо та была бесчувственная. Помилуй меня, которая терпит и чувствует ужасное. И не говорит: «приди и исцели», но «помилуй». Господь же не отвечает ей, не потому, что презирал ее, а потому, что пришел, главным образом, для иудеев и для того, чтобы не дать места их клеветам, чтобы впоследствии они не могли сказать, что Он благодетельствовал язычникам; вместе с тем и для того, чтобы показать твердую веру этой женщины.

И ученики Его приступивши просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами. Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева.

Ученики, тяготясь криком женщины, просили, чтобы Господь отпустил ее, то есть убеждали отослать ее. Это они делали не потому, что были чужды сожаления, но скорее потому, что хотели убедить Господа помирловать ее. Он же говорит: Я послан не к кому-либо другому, но только к иудеям, овцам, которые погибли от порочности тех, кому они вверены. Этим еще более показывает всем веру женщины.

А она подошедши кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их.

Когда женщина увидела, что ее ходатаи — апостолы — не имели успеха, она снова с жаром приступает и называет Иисуса Господом. Когда же Христос назвал ее псом, потому что язычники имели нечистую жизнь и питались кровью идоложертвенною, иудеев же назвал чадами, то она разумно отвечает и очень мудро: хотя я и пес, и недостойна получить хлеб, то есть какую-либо силу и великое знамение, но дай мне это для Твоей силы малое, для меня же великое, ибо те, кто ест хлеб, не считают крох чем-то важным, для псов же он — большое, и ими они питаются.

Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час.

Теперь Иисус открыл причину, по которой Он вначале отказывал женщине в исцелении: это сделано было для того, чтобы ясно открылась вера и благоразумие этой жены. Поэтому Христос не тотчас согласился, но и отсылал ее. Теперь же, когда открылась ее вера и благоразумие, она слышит похвалу: «велика вера твоя». «Да будет тебе по желанию твоему» — эти слова показывают, что если бы она не имела веры, то не достигла бы

просимого. Так и нам, если пожелаем, ничто не препятствует достичь того, чего мы желаем, если только имеем веру. Обрати внимание, что хотя и святые просят за нас, как за эту хананеянку апостолы, однако мы достигаем желаемого более тогда, когда сами за себя просим. Хананеянка — символ церкви из язычников, ибо и язычники, которые прежде были отвергнутыми, после вступили в число сыновей и удостоились хлеба, разумею, Тела Господня. Иудеи же сделали псами, начав питаться, по-видимому, крохами, то есть малыми, скудными крохами буквы. Тир означает страх, Сидон — ловцов, Хананея же — это «уготованная смирением». Итак, язычники, которые заражены были злобою и в которых жили ловцы душ, демоны, уготованы были смирением, тогда как праведные уготованы высотой Царства Божия.

Перешед оттуда, пришел Иисус к морю Галилейскому и, взойдя на гору, сел там. И приступило к Нему множество народа, имея с собою хромых, слепых, немых, увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым; и Он исцелил их; так что народ дивился, видя немых говорящими, увечных здоровыми, хромых ходящими и слепых видящими; и прославлял Бога Израилева.

Не в Иудее Он живет постоянно, но в Галилее, по причине большого неверия иудеев, ибо жители Галилеи были более расположены к вере, чем те. Вот их вера: они поднимаются на гору, хотя были хромы и слепые, и не устают, но бросаются к ногам Иисуса, считая Его выше человека, почему и достигают исцеления. Итак, и ты взойди на гору заповедей, где сидит Господь. Слепой ли ты и не в состоянии сам собою видеть хорошее, хромым ли ты и, видя хорошее, не в состоянии прийти к нему, нем ли ты, так что не способен ни слушать другого, когда он увещевает, ни сам увещевать другого, калека ли ты, то есть не можешь протянуть руку для милостыни, другим ли чем болен ты, — припав к ногам Иисуса и коснувшись следов Его жизни, будешь уврачеван.

Иисус же, призвав учеников Своих, сказал им: жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть; отпустить же их не евшими не хочу, чтобы не ослабели в дороге.

Народ не осмеливается просить хлеба, потому что пришел за исцелением. Он же, будучи человеколюбив, Сам заботится. Чтобы кто-нибудь не мог сказать: они имеют съестные припасы, Господь говорит: если и имели, то истратили, ибо три дня уже, как они находятся при Мне. Словами: «чтобы не ослабели в дороге» показывает, что они пришли издалека. Это говорит Он ученикам, желая побудить их сказать Ему: Ты можешь напитать и этих, как и пять тысяч. Но те были еще неразумны.

И говорят Ему ученики Его: откуда нам взять в пустыне столько хлебов, чтобы накормить столько народа?

Хотя им должно было знать, что Господь и прежде накормил в пустыне большое число людей, но они были бесчувственны. Поэтому ты, когда после увидишь их исполненными столь великой мудрости, подивись благодати Христа.

Говорит им Иисус: сколько у вас хлебов? Они же сказали: семь, и немного рыбок. Тогда велел народу возлечь на землю. И взяв семь хлебов и рыбы, воздал благодарение, преломил и дал ученикам Своим, а ученики — народу. И ели все, и

насытились; и набрали оставшихся кусков семь корзин полных; а евших было четыре тысячи человек, кроме женщин и детей.

Научая смирению, размещает народ на земле. Научая же прежде пищи благодарить Бога, Он и Сам благодарит. Ты спросишь, каким образом там, хотя пять хлебов было и пять тысяч насытившихся, осталось двенадцать корзин, здесь же, хотя количество хлебов было большее, а число насытившихся меньшее, осталось только семь? Можно сказать, что эти корзины были больше коробов или что это сделано для того, чтобы одинаковость чуда не побудила их, учеников, забыть, потому что если бы и теперь осталось двенадцать корзин, то они могли бы, вследствие равенства чуда, забыть, что Господь в другой раз совершил чудо над хлебами. Ты же знай и то, что четыре тысячи, то есть имеющие вполне четыре добродетели, семью хлебами, то есть духовными и совершенными изречениями, питаются, ибо число семь — символ семи духовных даров. Они лежат на земле, полагая ниже себя все земное и презирая его, как и те пять тысяч легли на траве, то есть поставили ниже себя плоть и славу. Ибо всякая плоть — трава, и всякая слава человеческая — цветок полевой. Семь корзин осталось здесь в остатке, ибо духовное и совершенное было то, чего не могли съесть. Осталось то, что поместилось в семи корзинах, то есть то, что один Святой Дух знает; ибо Дух все пронизывает и глубины Божии (1 Кор. 2, 10).

И отпустив народ, Он вошел в лодку и прибыл в пределы Магдалинские.

Иисус удаляется, потому что ни одно чудо не дало Ему больше последователей, как чудо над хлебами, так что Его намеревались сделать и царем, как говорит Иоанн. Итак, Он уходит, чтобы избежать подозрения в стремлении к царской власти.

Глава шестнадцатая

И приступили фарисеи и саддукеи и, искушая Его, просили показать им знамение с неба.

Хотя фарисеи и саддукеи отличались друг от друга догматами, однако против Христа действовали согласно. Они просят знамения с неба, например, чтобы остановилось солнце или луна. Ибо они думали, что знамения на земле совершаются дьявольскою силою и Веельзевулом. Не знали неразумные, что и Моисей в Египте сделал много знамений на земле; огонь же, сошедший с неба на имущество Иова, был от дьявола. Поэтому не все, что с неба, от Бога и не все, что бывает на земле, от демонов.

Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лицо неба вы умеете, а знамений времен не можете.

Обличает их искусительный вопрос, называя их лицемерами, и говорит: как из явлений на небе одно служит признаком ненастья, а другое — ведра, и нет никого, кто бы, видя признак ненастья, ожидал бы ведра, и нет никого, кто бы, видя признак ведра, ожидал ненастья, так должно думать и относительно Меня: одно — это время Моего первого пришествия, а другое — грядущего. Теперь нужны знамения на земле, небесные же сберегаются для того времени, когда солнце померкнет, луна помрачится и небо изменится.

Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка. И оставив их, отошел.

Род лукавый потому, что они искушают Его, а прелюбодейный потому, что отступают от Бога и прилепляются к дьяволу. Хотя они просят знамения с неба, но Он не дает им, кроме знамения Ионы, то есть что, пробыв три дня во чреве великого кита — смерти, воскреснет. Относительно этого знамения ты можешь сказать, что оно с неба, ибо при смерти Его солнце помрачилось и вся тварь изменилась. Обрати внимание на возражение: «знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка». Знамения давались им, то есть они бывали ради них, хотя иудеи и не веровали. Поэтому, оставив их, как неизлечимых, Господь ушел.

Переправившись на другую сторону, ученики Его забыли взять хлебов. Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской.

Как закваска бывает кисла и стара, так и учение фарисеев и саддукеев, окисшее и вволившее древние предания старцев, уязвляло души. И как закваска есть смесь воды и муки, так и учение фарисеев есть смесь слова и жизни испорченной. Не сказал же им ясно: остерегайтесь учения фарисеев — с целью напомнить им чудеса над хлебами.

Они же помышляли в себе и говорили: это значит, что хлебов мы не взяли. Уразумев то, Иисус сказал им: что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли? Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч человек, и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали? Как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской? Тогда они поняли, что Он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского.

Они думали, что это Он сказал им, чтобы они остерегались осквернения пищей иудейской, почему и рассуждали между собою о том, что не взяли хлебов. Господь укоряет их, как неразумных и маловерных. Они неразумны потому, что не вспомнили, сколькими хлебами и скольких напитал Он. Так как они не поверили, что хотя они и не купили хлебов у иудеев, Он мог идти дальше, то они и названы маловерными. Когда же Господь более сильно изблещил (ибо не всюду хороша кротость), то они тотчас поняли, что закваской Он называл учение. Столь великую силу имеет всюду благоразумный укор.

Пришед же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?

Апостол Матфей упоминает о построившем город потому, что есть и другая Кесария — Стратона, но не в этой, а в той спрашивает их Господь. Он далеко от иудеев уводит учеников, чтобы, никого не боясь, они смело могли сказать. Прежде же всего спрашивает о мнении народа, чтобы поднять учеников к большему разумению и чтобы не впали они в ту же скудость понимания, что замечается у многих. И не спрашивает, кем называют Меня фарисеи, но люди. Разумеет искренний народ.

Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков.

Те, которые называли Его Иоанном, были из числа тех, кои подобно Ироду думали, что Иоанн после воскресения и этот дар (дар чудотворения) получил. Другие называли Илиею, потому что Он обличал и потому что ожидали, что он придет; третьи — Иеремиею, потому что Его мудрость была от природы и без научения, а Иеремия определен был на пророческое служение еще дитятей.

Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр отвечая сказал: Ты — Христос, Сын Бога живого.

И снова Петр, как пылкий, предупреждает и истинно исповедует Его Сыном Божиим.

Тогда Иисус сказал ему в ответ; блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и не кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах.

Ублажает Петра, как получившего знание по Божией благодати; соглашаясь же с ним, показывает, с другой стороны, что мнения других людей ложны. Сказал ему «сын Ионин», как бы так говоря: как ты — сын Ионин, так Я — Сын Отца Моего Небесного, Единородный Ему. Знание называет откровением, так как тайное и неизвестное было открыто Отцом.

И Я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее.

Со Своей стороны Господь дает Петру великую награду, именно на нем будет основана церковь. Так как Петр исповедал Его Сыном Божиим, то Он говорит: это исповедание, которое ты исповедал, будет основанием верующих, так что каждый, кто намеревается строить здание веры, положит в основание это исповедание. Если мы приобрели тысячи добродетелей, но не имеем в основании правого исповедания, то мы гнилое созидаем. Говоря «церковь Мою», указывает, что Он — Владыка всего, ибо Богу служит все. Врата ада — это гонители, которые низводили христиан в ад. И еретики также врата, ведущие в ад. Итак, многих гонителей и еретиков победила церковь. И каждый из нас есть церковь, являясь домом Божиим. Итак, если мы твердо стоим на исповедании Христа, то врата адовы, то есть грехи, не одолеют нас. Будучи возведен от этих врат, Давид сказал: возводящий Меня от врат смерти. От каких врат, Давид? От двояких: от убийства и прелюбодеяния.

И дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах.

Как Бог, Христос со властью говорит: «дам тебе»; как Отец дал тебе откровение, так Я — ключи. Под ключами же разумею разрешающие или связывающие грехи прощения или запрещения, ибо те, которые, подобно Петру, удостоились епископской благодати, имеют власть прощать и вязать. Хотя к одному, ибо только Петру сказано: «дам тебе», но всем апостолам дано. Когда? Когда Господь сказал им: «кому отпустите грехи, отпустятся им», ибо и «дам» обозначает грядущее время, то есть время после воскресения. Небесами называются и добродетели, ключами же их — труды, так как чрез делание, как бы при помощи некоторых отпирающих ключей, мы входим в каждую из добродетелей. Если же я не делаю, но только знаю доброе, то имею только ключ ведения и остаюсь вне. Связан же на небесах, в добродетелях, тот, кто не ходит в них, ибо прилежный разрешен в них. Не будем грешить, чтобы мы не оказались связанными узами собственных грехов.

Тогда Иисус запретил ученикам Своим, чтобы они никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос.

Христос желал до креста скрывать в тени Свою славу. Если бы люди услышали до страдания, что Он — Бог, затем увидели бы Его страждущим, то каким образом они не соблазнились бы? Итак, Он скрывает Себя от многих для того, чтобы без соблазна быть познаны после воскресения, когда Дух посредством чудес сгладит все.

С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть.

Заранее говорит Господь ученикам о Своем страдании, чтобы, когда оно наступит неожиданно, они не соблазнились, думая, что Он не предвидел и пострадал против своей воли. Когда они узнали, благодаря исповеданию Петра, что Он — Сын Божий, тогда открывает им о страданиях Своих. Но к печальному присоединяет и радостное, что в третий день пробудится от смерти.

И отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою.

Что было открыто, это Петр исповедал верно, относительно же того, что не было открыто, ошибся, чтобы мы поняли, что помимо Бога он не изрек бы того великого. Итак, не желая, чтобы Христос пострадал, и не зная тайны воскресения, апостол говорит: «Будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою».

Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое.

За то, что верно сказал Петр, Христос ублажает его, а за то, что он неразумно опасался и желал, чтобы Он не страдал, укоряет, говоря: «отойди от Меня, сатана!» Под сатаной разумеется противник. Итак, «отойди от Меня», то есть не противостой, но следуй Моему хотению. Называет же Петра так потому, что и сатана не желал, чтобы Христос пострадал. Говорит: ты по человеческому соображению думаешь, что страдание неприлично для Меня. Но ты не понимаешь того, что Бог чрез это совершает спасение и что это более всего приличествует Мне.

Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мною.

Тогда. Когда? Когда обличил Петра. Желая показать, что Петр, удерживая Его от страданий, погрешил, говорит: ты удерживаешь Меня, Я же говорю тебе, что не только то, что Я не пострадаю, вредно для тебя; но и ты не можешь спастись, если и сам не умрешь, как и всякий другой: мужчина или женщина, бедный или богатый. «Если кто хочет» — эти слова Господь сказал, чтобы показать, что добродетель есть дело свободного выбора, а не принуждения. Следует же за Иисусом не тот, кто только исповедует Его Сыном Божиим, но и проходит чрез все ужасы и переносит их. «Отвергнись себя» — сказал, означая предлогом «от» совершенное отречение. Например, пусть не имеет он ничего общего с телом, но

презирает самого себя, как мы привыкли говорить: такой-то человек отказывается от такого-то, вместо — не имеет его ни другом, ни знакомым. Итак, каждый должен не иметь никакой любви к телу, чтобы взять крест, то есть избрать смерть и прилежно искать смерти, и смерти позорной. Ибо таковой смертью был крест у древних. Но говорит: «и следуй за Мною», — ибо многие разбойники и воры распинаются на кресте, но те не Мои ученики. Итак, пусть последует, то есть пусть покажет и всякую иную добродетель. Отвергается же самого себя тот, кто вчера был распутным, а сегодня сделался воздержным. Таков был Павел, отвергшийся самого себя по слову: «и уже не я живу, но живет во мне Христос». Он избирает крест, умерши и распяв самого себя для мира.

Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее.

Увещевает нас к мученичеству. Кто отрицается Господа, тот приобретает душу для настоящего, то есть спасает, но он губит ее для будущего. Погубит душу ради Христа тот, кто пострадает ради Него; но он найдет ее в нетлении и жизни вечной.

Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою? ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с ангелами Своими, и тогда воздаст каждому по делам его.

Предположим, говорит, что ты приобрел весь мир, но какая польза от того, что тело благоденствует, если душа находится в худом состоянии? Это подобно тому, что госпожа дома носит разорванные рубища, а служанка блестящие одежды. Ибо и в будущей жизни никто не может дать выкупа за душу свою. Здесь можно дать слезы, стенания, милостыни, там нет. Там придет Судья неподкупный, ибо Он судит каждого по делам, но и страшный, так как Он идет во славе Своей и со ангелами, а не уничиженный.

Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем.

Сказал, что придет Сын Человеческий во славе Своей, и чтобы они поверили, говорит, что некоторые из стоящих здесь увидят, насколько это возможно для них, в преображении славы второго пришествия. Вместе с тем показывает, в какой славе будут те, которые пострадают за Него. Как просияла тогда Его плоть, так по аналогии просветятся в то время и праведники. Разумеет здесь Петра, Иакова и Иоанна, которых Он взял на гору и показал им царство Свое, то есть грядущее состояние, когда и Он придет, и праведники просветятся. Поэтому говорит: некоторые из стоящих здесь не умрут до тех пор, пока не увидят Меня преобразившимся. Обрати внимание, что те, которые стоят в добре и тверды, видят светлейшее преобразование Иисуса и постоянно преуспевают в вере и заповедях.

Глава семнадцатая

По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, преобразился пред ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет.

На высокую гору возводит их, показывая, что кто не возвысится, тот не достоин

таковых созерцаний. Делает это Христос особенно потому, что Он имел обыкновение величайшие Свои чудеса совершать втайне, чтобы, видимый многими, как Бог, не считался ими человеком, как привидение. Когда же слышишь о преображении, не думай, что Он отверг тогда Свое тело: тело Его оставалось в своем виде, ибо ты слышишь и о Его лице, и об одеждах. Он сделался светлее, когда Божество Его показало несколько свои лучи, и это настолько, насколько можно было видеть. Поэтому и назвал раньше преобразование Царством Божиим, так как оно явило неизреченность Его власти и научило, что Он есть истинный Сын Отца, и показало славу Его второго пришествия неизреченным просветлением лица Иисуса.

И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие.

О чем говорили? «Об исходе», — говорит Лука, который ему предстояло совершить в Иерусалиме, то есть о кресте. Для чего Моисей и Илия сделались видимыми? Чтобы показать, что Он есть Господь закона и пророков, живых и мертвых, ибо Илия был пророк, пророчество его жило еще, Моисей же — законодатель и умер. Кроме того, и для того, чтобы показать, что Иисус Христос не противник закона и не враг Божий. В противном случае Моисей не беседовал бы с ним, как не стал бы беседовать с тем, кто противодействует ему, и Илия, ревнитель, не перенес бы Его присутствия, если бы Он был врагом Божиим. Еще и для того, чтобы уничтожить подозрение тех, которые считали Его Илиею или одним из пророков. Откуда же ученики узнали, что это были Моисей и Илия? Не по изображениям, ибо делать изображения людей тогда считалось делом незаконным. По-видимому, они их узнали по словам, которые они говорили. Моисей, может быть, говорил: Ты Тот, страдание которого я заранее изобразил, заклав агнца и совершив пасху; Илия же: Ты Тот, воскресение которого я заранее изобразил, воскресив сына вдовы, и так далее. Показывая же их ученикам, Господь научает их подражать им, то есть подобно Моисею быть кротким и доступным для всех и подобно Илие быть ревностными и непреклонными, когда нужно, и подобно им готовыми подвергаться опасностям за истину,

При сем Петр сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну и Моисею одну, и одну Илие.

Петр, по mnogой любви ко Христу, желая, чтобы Он не пострадал, говорит: «хорошо здесь быть», не уходит и не быть убиту, ибо если бы кто и пришел сюда, мы имеем Моисея и Илию помощниками нам; Моисей победил египтян, Илия же огонь свел с неба; таковыми же они будут и тогда, когда придут сюда враги. Это он говорил от великого страха, по замечанию Луки, не зная, что говорит. Ибо необычайность поразила его или он действительно не знал, что говорит, желая, чтобы Иисус оставался на горе и не уходил, и не пострадал за нас. Но, боясь показаться своенравным, говорит: «если хочешь».

Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение; Его слушайте.

Ты, Петр, желаешь, чтобы были рукотворенные кущи; Отец же, окружив Меня другой кущей, нерукотворенным облаком, показывает, что как Он, Бог, являлся древним в облаке, так и Сын Его. Здесь облако светлое, а не темное, как в древности; потому что Он хотел не утратить, а научить. Из облака же голос для того, чтобы показать, что Он был от Бога. Слова «в котором Мое благоволение» — вместо слов: «в котором Я почиваю и который Мне

угоден». Словами же: «Его слушайте» научает: не противьтесь Ему, хотя бы Он желал быть распятым.

И услышавши, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь. Возведши же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса.

Не вынеся облачного света и голоса, ученики пали ниц. Глаза их были отягчены сном. Под сном разумеется обморок от видения. Чтобы страх, оставаясь долго, не уничтожил памяти о виденном, Иисус пробуждает их и ободряет, но оказывается один только, чтобы ты не подумал, что голос был относительно Моисея и Илии, а не относительно Его: ибо он есть Сын.

И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых.

По смирению заповедует никому не говорить, а вместе с тем и для того, чтобы, услышавши об этом, не соблазнились, когда позже увидят Его распятым. Ибо они могли принять Его за обманщика, который призрачно совершал приличное Богу. Обрати внимание на то, что созерцание Бога произошло после шести дней, то есть после того, как мир был сотворен в шесть дней. Ибо если не выйдешь за пределы мира и не подымешься на гору, не увидишь света: ни лица Иисуса, разумею Его Божество, ни одежды — плоти. Ты сможешь увидеть тогда Моисея и Илию, беседующих с Иисусом, ибо и закон, и пророки, и Иисус одно говорят и согласны между собою. Когда найдешь того, кто ясно истолковывал бы мысль Писания, то узнай, что он ясно видит лице Иисуса; если же он объясняет и обороты речи, то видит и белые одежды Иисуса, ибо выражения мысли — ее одежды. Но не говори подобно Петру: «хорошо нам здесь быть», потому что нужно всегда преуспевать и не останавливаться на одной степени добродетели и созерцания, но переходить к другим.

И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде?

Обманывая народ, книжники говорили, что Он не Христос, ибо если бы Он был таковой, то Илия заранее пришел бы. Они не различали двух пришествий Христа: первого из них предтеча Иоанн, второго же — Илия. Это и Христос объясняет ученикам. Ибо слушай!

Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить все; но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели, так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе.

Говоря: «правда, Илия должен придти прежде», показывает, что он еще не пришел, придет же, как предтеча второго пришествия, и устроит в вере во Христа всех евреев, которые окажутся послушными, устроая их как бы в отеческое наследие, которого они давно лишились. Говоря же: «Илия уже пришел», намекает на Иоанна Предтечу. Они сделали с ним, что и хотели, убив Его, ибо, позволив Ироду убить его, хотя имели возможность воспрепятствовать, они сами убили. Тогда ученики, став вдумчивее, поняли, что Господь назвал Иоанна Илиею, потому что он был предтеча первого, как Илия будет предтечей

второго пришествия Его.

Когда они пришли к народу, то подошел к Нему человек и, преклоняя пред Ним колена, сказал: Господи! помилуй сына моего; он в новолуния беснуется и тяжело страдает, ибо часто бросается в огонь, и часто в воду.

Этот человек, по-видимому, был весьма неверующий, судя по тому, что Христос говорит ему: «о, род неверный», как и по тому, что он обвиняет учеников. Причиной же болезни его сына была не луна, но демон; он подстерегал полнолуние и тогда нападал на больного для того, чтобы творение Божие хулилось, как зловерное. Ты же пойми, что каждый безумный изменяется, по Писанию, как луна, являясь то великим в добродетели, то малым и ничтожным. Итак, он делается лунатиком и бросается то в огонь гнева и страсти, то в воду — в волны многочисленных житейских забот, в которых обитает левиафан — дьявол, то есть царь над водами. Разве не волны — постоянные заботы богачей?

Я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его. Иисус же отвечая сказал: о, род неверный развращенный! доколе буду с вами! доколе буду терпеть вас? Приведите его ко Мне сюда. И запретил ему Иисус; и бес вышел из него; и отрок исцелился в тот же час.

Ты видишь, что этот человек возлагает грех своего неверия на учеников, потому что они не были в состоянии исцелить. И так, Господь, посрамляя его за то, что он обвиняет учеников, говорит: «о, род неверный», то есть не так велик грех их слабости, как грех твоего неверия, ибо оно, будучи велико, победило соответственную их силу. Укоряя же этого человека, Господь укоряет вообще всех неверующих и присутствующих. Говоря: «доколе буду с вами», указывает, что Он сильно желает крестного страдания и удаления от них. Доколе буду жить с оскорбителями и неверами? «И запретил ему Иисус». Кому? Лунатику. Из этого же видно, что он, будучи неверующим, сам, благодаря своему неверию, дал возможность войти в него демону.

Тогда ученики, приступивши к Иисусу наедине, сказали: почему мы не могли изгнать его? Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет, и ничего не будет невозможного для вас. Сей же род изгоняется только молитвою и постом.

Апостолы испугались, но потеряли ли они дарованной им благодати над демонами? Поэтому наедине, волнуясь, спросили. Господь, укоряя их, как далеких еще от совершенства, говорит: «по неверию вашему»; если бы вы имели теплую, горячую веру, то она, хотя бы и казалась малой, совершила бы великое. Где апостолы переставляли горы, об этом ничего не написано. Но вероятно, что они переставляли, хотя и не написано, так как не все записано. Иначе: обстоятельства не требовали, поэтому апостолы и не переставляли, но делали гораздо большее. Обрати внимание, что сказал Господь: «скажете горе сей: перейди отсюда», то есть когда скажете, тогда и перейдет. Но апостолы не говорили этого, потому что время не требовало и не было нужды, и поэтому горы не переходили. Скажи, они и перешли бы. «Сей же род», то есть род демонов, «изгоняется только молитвою и постом». Ибо должно особенно поститься тем, кто находится во власти демонов, и тем, кто имеет намерение исцелять от них. Молитва же бывает истинною тогда, когда она соединена не с пьянством, а

с постом. Обрати внимание и на то, что каждая вера есть зерно горчичное. Оно считается ничтожным, по причине буйства проповеди, но если случается добрая земля, оно развивается в дерево, на котором вьют гнезда птицы небесные, то есть мысли, парящие ввысь. Поэтому кто имеет теплую веру, тот может сказать этой горе: перейди, то есть демону. Ибо Господь показал демона исходящего.

Во время пребывания их в Галилее, Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие и убьют Его, и в третий день воскреснет. И они весьма опечалились.

Часто заранее говорит им о страданиях, чтобы не подумали, что Он против воли страдает, а вместе с тем для того, чтобы они приучились и не смутились неожиданным событием, когда оно наступит. Однако к прискорбному присоединяет и радостное, именно что Он воскреснет.

Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали; Учитель ваш не даст ли дидрахмы? Он говорит: да.

Богу было угодно, чтобы вместо первенцев еврейских было посвящено ему колено Левиино. Колоно Левиино исчислено было в двадцать две тысячи, первенцев же оказалось двадцать две тысячи семьдесят три человека. Вместо этих первенцев, которые оказались выше колена Левиина, Бог определил давать священникам дидрахму. Отсюда и возник обычай всем вообще первенцам платить дидрахму, то есть пять сиклей или двести олов. Но так как и Господь был первенец, то и Он платил эту подать священникам. Стыдясь, может быть, Христа из-за его чудес, не спрашивают Его, но Петра, или делают это скорее с коварною целью, то есть как бы говоря: «Учитель ваш — противник закона; разве захочет он платить дидрахмы?».

И когда вошел он в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: как тебе кажется, Симон? Цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних? Петр говорит Ему; с посторонних. Иисус сказал ему: итак, сыны свободны.

Как Бог, Он хотя и не слыхал, но знал, о чем они говорили с Петром. Поэтому и предупредил его, говоря: если цари земли не берут подати с своих сыновей, а с чужих, то как Царь Небесный возьмет дидрахму с Меня, Своего Сына? Ибо эта дидрахма, как сказано уже раньше, предназначалась для храма и священников. Итак, если сыновья земных царей свободны, то есть ничего платят, то тем более Я.

Но чтобы нам не соблазнить их, пойдя на море, брось уду и первую рыбу, которая попадет, возьми; и, открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его, и отдай им за Меня и за себя.

Чтобы, говорит, нас не считали гордыми и склонными к презрению и чтобы мы не соблазняли их, дай подать, ибо Я даю ее не потому, что должен дать, но для того, чтобы исправить их немощь. Отсюда научаемся, что не должно служить соблазном там, где нет вреда для нас. Где есть вред для нас от какого-либо действия, там не должно заботиться о тех, которые неразумно соблазняются. Чтобы показать, что Он есть Бог и владеет морем,

Христос посылает Петра добыть статир из рыбы, а вместе с тем мы научаемся и некоторому таинству. Ибо и наша природа — это рыба, погруженная в глубину неверия, но апостольское слово извлекло нас и нашло в наших устах статир, то есть слова Господа и исповедание Христа. Ибо кто исповедует Христа, тот имеет в своих устах статир, состоящий из двух дидрахм. И Христос, как Бог и как человек, имеет два естества. Итак, этот статир, Христос, предан на смерть за людей двух родов — за язычников и иудеев, за праведников и грешников. Если же увидишь какого-либо сребролюбца, ничего не имеющего во рту, кроме серебра и золота, считай, что и он рыба, которая плавает в житейском море. Но если бы нашелся какой-нибудь учитель, подобный Петру, то он уловляет его и извлекает из уст его золото и серебро. Под статиром некоторые разумеют многоценный камень, который находят в Сирии, другие же — четвертую долю златницы.

Глава восемнадцатая

В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном?

Так как они видели, что Петр был почтен Христом (он же почтен тем, что получил повеление дать статир за Христа и за самого себя), то поэтому испытали нечто человеческое и, снedaемые завистью, подходят стороною, спрашивая Господа: «кто больше?».

Иисус, призвав дитя, поставил его посреди их и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное. Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном.

Видя, что учениками овладевает страсть честолюбия, Господь удерживает их, показывая им чрез скромное дитя путь смирения. Ибо нам должно быть детьми по смирению духа, но не по детству мышления, по незлобию, но не по неразумию. Говоря: «если не обратитесь?», показал, что от смиренномудрия они перешли к честолюбию. Итак, должно возвратиться опять туда, то есть к смиренномудрию, от которого вы уклонились.

И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили в глубине морской.

Вам, говорит, не только должно быть смиренными, но если ради Меня почитите и других смиренных, то получите награду, ибо Меня примете, когда детей, то есть смиренных, примете. Затем и наоборот говорит: «кто соблазнит», то есть обидит, «одного из малых сих», то есть из тех, которые уничижают и смиряют себя, хотя бы и велики были, «тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею». Ясно указывает чувствительное наказание, желая показать, что многое мучение перенесут те, кто обижает смиренных во Христе и соблазняет их. Но ты пойми, что если кто соблазнит действительно малого, то есть слабого, и не поднимет его всячески, тот будет наказан, ибо взрослый не так легко соблазняется, как малый.

Горе миру от соблазнов: ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит.

Как человеколюбец, Господь оплакивает мир, потому что он будет терпеть вред от соблазнов. Но кто-нибудь скажет: зачем нужно оплакивать, когда необходимо помочь и протянуть руку? Мы скажем, что и оплакивать кого-либо есть тоже помощь. Ибо часто можно видеть, что тем, которым наше увещание не принесло никакой пользы, мы доставляем пользу, оплакивая их, и они приходят в чувство. И если Господь говорит, что соблазны необходимо должны прийти, то как мы можем их избежать? Нужно им прийти, но нет необходимости нам погибнуть, так как есть возможность противостоять соблазнам. Под соблазнами разумей людей, препятствующих в добре, под миром же — людей дольних и пресмыкающихся по земле, которых именно и легко удержать от делания добра.

Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную.

Под рукою, ногою и глазом разумей друзей, которых мы имеем в числе членов. Итак, если бы и таковые, то есть близкие друзья, оказались вредными для нас, то должно презирать их, как гнилые члены, и отсекал, чтобы они не повредили и других. Так что из этого ясно, что если и есть нужда, чтобы пришли соблазны, то есть вредные люди, то нет необходимости, чтобы мы портились. Ибо если будем поступать так, как сказал Господь, и будем отсекал от себя тех, кто причиняет нам вред, хотя бы они и друзьями были, то не потерпим вреда.

Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.

Заповедует не унижать тех, которые считаются малыми, то есть нищих духом, но великих у Бога. Ибо они, говорит, настолько любимы Богом, что имеют ангелов своими защитниками, чтобы демоны не вредили им. Каждый из верующих, вернее и все мы, люди, имеем ангелов. Но ангелы малых и смиренных во Христе настолько близки к Богу, что постоянно созерцают лице Его, предстоя Ему. Отсюда ясно, что хотя все мы имеем ангелов, но ангелы грешников, как бы стыдясь за наше недерзновение, и сами не имеют смелости созерцать лицо Божие и даже молиться за нас; ангелы же смиренных созерцают лицо Божие, потому что имеют дерзновение. «И что говорю, — говорит Господь, — что таковые имеют ангелов? Я пришел для того, чтобы спасти погибшее и стать близким к тем, которые многими считаются ничтожными».

Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась; то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее, то истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяносто девяти незаблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих.

У какого человека было сто овец? У Христа. Ибо всякое разумное творение — ангелы, равно и люди, это сто овец, пастырь которых есть Христос; Он не овца, ибо Он не создание, но Сын Божий. Итак, Он оставил девяносто девять из Своих ста овец на небе, принял вид

раба, пошел искать одну овцу, то есть человеческую природу, и радуется ей более, чем твердости ангелов. Вместе взятое, это указывает, что Бог заботится об обращении грешников и радуется им более, чем тем, кто имеет твердость в добродетели.

Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь.

Направив сильное слово против тех, кто соблазняет, Господь исправляет теперь и соблазняемых. Чтобы ты, говорит, будучи соблазняем, не пал совершенно по причине того, что соблазняющий имеет наказание, Я хочу, чтобы ты, когда тебя соблазняют, то есть вредят тебе, избличал тех, кто поступает с тобой несправедливо и вредит, если он христианин. Смотри, что говорит: «если согрешит против тебя брат твой», то есть христианин. Если неверный поступает несправедливо, откажись и от того, что принадлежит тебе; если же брат, избличи его, ибо не сказано «оскорби», но «обличи». «Если же послушает», то есть если придет в себя, ибо Господь желает, чтобы согрешающие были обличаемы прежде наедине, чтобы, будучи обличаемы пред лицом многих, они не сделались бесстыднее. Если же, и обличаемый при двух или трех свидетелях, он не устыдится, поведай падение его предстоятелям церкви. Ибо если он не послушал двух или трех, хотя закон говорит, что при двух или трех свидетелях стоит, то есть пребывает твердым, всякое слово, то пусть он, наконец, будет вразумлен церковью. Если же не послушает и ея, тогда пусть будет извержен, чтобы не передал своего зла и другим. Господь уподобляет таких братьев мытарям, ибо мытарь был неким презираемым предметом. Утешением для обиженного является то, что обидевший его считается мытарем и язычником, грешником и неверным. Итак, это только и есть наказание для того, кто поступает несправедливо? Нет! Послушай и последующее.

Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе.

Если, говорит, ты, обиженный, будешь иметь как мытаря и язычника того, кто поступил с тобой несправедливо, то таковым он будет и на небе. Если же ты разрешишь его, то есть простишь, то он будет прощен и на небе. Ибо не только то, что разрешают священники, бывает разрешаемо, но и то, что мы, когда с нами поступают несправедливо, связываем или разрешаем, бывает связываемо или разрешаемо и на небе.

Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного; ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я (есмы) посреди их.

Вводит нас этими изречениями в любовь. Запретив нам соблазнять друг друга, вредить и терпеть вред, теперь говорит и о согласии друг с другом. Под соглашающимися разумеются содействующие друг другу не во зле, но в добре, ибо смотри, что сказал: «если двое из вас», то есть верующих, добродетельных. И Анна, и Каиафа согласны были, но в том, что достойно порицания. Ведь часто бывает, что прося не получаем этого потому, что не имеем согласия друг с другом. Не сказал: «буду», ибо Он не намеревается и не медлит, но «семы», то есть тотчас оказываюсь там. Можешь думать, что и в том случае, если плоть и дух приходят

в согласие и плоть не похотствует на дух, тогда Господь находится посреди. Соглашаются и три силы души — ум, чувство и воля. Но Ветхий и Новый Заветы, они оба согласны между собой; и среди них оказывается Христос, будучи проповедуем обоими.

Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз.

Это есть то, о чем спрашивает Петр: если брат согрешит, потом придет и, раскаявшись, будет просить прощения, то сколько раз я должен простить его? Он присовокупил: если согрешит против меня. Ибо в том случае, когда кто-либо согрешит против Бога, я, простой человек, не могу простить его, если только я не священник, имеющий божественный чин. Если же брат согрешит против меня, затем я прощу его, то он будет прощен, хотя бы я и был частный человек, а не священник. Сказал; «до седмижды семидесяти раз» не для того, чтобы числом ограничить прощение, — странно было бы, если бы кто-нибудь сидел, высчитывая, пока не составится четыреста девяносто (ибо столь велико седмижды семьдесят), но обозначает здесь бесконечное число. Господь как бы так говорил: сколько бы раз кто-либо согрешая ни каялся, прощай ему. Об этом говорит и следующей притчей, что мы должны быть сострадательны.

Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими.

Мысль этой притчи учит нас прощать сорабам их грехи против нас, а тем более тогда, когда они падают ниц, прося прощения. Исследовать по частям эту притчу доступно только тому, кто имеет ум Христов. Но отважимся и мы. Царство — Слово Божие, и царство не малых каких-либо, но небесных. Оно уподобилось человеку-царю, воплотившись ради нас и быв в подобии человеческом. Он берет отчет от своих рабов, как добрый судья для них. Без суда Он не наказывает. Это было бы жестокостью.

Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить.

Десять тысяч талантов должны мы, как ежедневно благодетельствуемые, но не воздающие Богу ничего доброго. Десять тысяч талантов должны и те, кто принял начальство над народом или над многими людьми (ибо каждый человек — талант, по слову: великое дело человек) и затем нехорошо пользуется своею властью. Продажа должника с женою и детьми его обозначает отчуждение от Бога, ибо тот, кого продают, принадлежит другому господину. Разве жена не плоть и супружница души, а дети не действия ли, зло совершаемые душой и телом. Итак, Господь повелевает, чтобы плоть была предана сатане на погибель, то есть была предана болезням и мучению демона. Но и дети, разумею силы зла, должны быть связаны. Так, если чья-либо рука крадет, то Бог иссушает ее или связывает чрез какого-нибудь демона. Итак, жена, плоть и дети, силы зла, преданы истязанию, чтобы спасся дух, ибо такой человек не может уже действовать воровски.

Тогда раб тот пал и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и все тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил

ему.

Обрати внимание на силу покаяния и человеколюбие Господа. Покаяние сделало то, что раб упал в зле. Кто стоит в зле твердо, тот не получает прощения. Человеколюбие Божие совершенно простило и долг, хотя раб просил не совершенного прощения, но отсрочки. Научись отсюда, что Бог дает и более того, что мы просим. Столь велико человеколюбие Его, так что и это, по-видимому, жестокое повеление — продать раба Он сказал не по жестокости, но для того, чтобы утешить раба и убедить его обратиться к молитве и утешению.

Раб же тот, вышед, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен; тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и все отдам тебе; но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга.

Получивший прощение, выйдя, давит сораба. Никто из тех, кто пребывает в Боге, не бывает несострадательным, но только тот, кто удаляется от Бога и делается чуждым Ему. Столь велико бесчеловечие в том, что получивший прощение в большем (десять тысяч талантов) не только не прощает совершенно меньшего (ста динариев), но и не дает отсрочки, хотя сораб говорит его же словами, напоминая ему, благодаря чему он сам спасся: «потерпи на мне, и все отдам тебе».

Товарищи его, увидев происшедшее, очень огорчились и пришедши рассказали государю своему все бывшее.

Ангелы являются здесь как ненавидящие зло и любящие добро, ибо они сослужители Бога. Не как незнающему они говорят это Господу, но для того, чтобы ты научился, что ангелы — это наши защитники и что они негодуют на бесчеловечных.

Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! весь

долг

тот я прости тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга.

Владыка судит раба по причине человеколюбия, чтобы показать, что не он, а жестокость раба и его неразумие отвращают дар. Каким мучителям предаст? Может быть, карающим силам, так чтобы он вечно наказывался. Ибо «пока не отдаст всего долга» это обозначает: до тех пор пусть будет наказываем, пока не отдаст. Но он никогда не отдаст должного, то есть должного и заслуженного наказания, и он всегда будет наказываем.

Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его.

Не сказал: «Отец ваш», но «Отец Мой», ибо таковые недостойны иметь отцом Бога. Желает, чтоб отпускали сердцем, а не одними устами. Подумай же и о том, какое великое зло

памятозлобие, если оно отвращает дар Бога. Хотя дары Бога не переменчивы, там не менее и они отвращаются.

Глава девятнадцатая

Когда Иисус окончил слова сии, то вышел из Галилеи и пришел в пределы Иудейские, за Иорданскою стороною. За Ним последовало много людей, и Он исцелил их там.

Господь снова приходит в Иудею, чтобы неверующие из жителей Иудеи не имели предлога оправдывать себя тем, что Он чаще посещал галилеян, чем их. Итак, за учением, по окончании беседы, опять следуют чудеса. Ибо нам должно и учить, и делать. Однако безрассудные фарисеи, в то время как им, при виде чудес, следовало бы уверовать, искушают Его. Выслушай:

И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1, 27)? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает.

О, безумие фарисеев! Такими вопросами думали они заградить уста Христу. Именно, если бы Он сказал: по всякой причине позволительно разводиться с женой, они бы могли Ему возразить: как же прежде говорил Ты, что никто не должен разводиться, разве только с прелюбодейною женою? А если бы Он сказал: совсем непозволительно разводиться с женой, то они думали обвинить Его в противоречии с Моисеем, ибо этот последний дозволил удалять ненавистную жену и без благовидной причины. Что же Христос? Он показывает, что единобрачие с самого начала установлено нашим Создателем. «В начале, — говорит Христос, — Бог сочетал одного мужа с одною же женой, потому не должно одному мужу сочетаваться со многими женами, равно как и одной жене со многими мужьями, но как они сопряжены от начала, так и должны оставаться, не расторгая сожителства без причины». Чтобы не изумить фарисеев, Христос не говорит: «Я» сотворил мужчину и женщину, а говорит неопределенно: «Сотворивший». Итак, по словам Его, Богу так угодно супружество, что ради онаго Он позволил даже родителей оставлять, чтобы прилепляться к супругу. Как же, теперь в книге Бытия написано, что слова: «посему оставит человек отца своего и мать» сказал Адам, а здесь Христос говорит, что Сам Бог сказал: «посему оставит» и т. д. Утверждаем: то, что сказал Адам, сказал он по внушению Божию, так что слово Адамово — слово Божие. Но если Адам и Ева вследствие естественной любви и совокупления стали одною плотью, то насколько преступно рассекать собственную плоть, настолько же незаконно разлучать супругов. Господь не сказал: «да не разлучает Моисей», чтобы не возмутить фарисеев, а сказал вообще: «да не разлучает человек», выражая великое расстояние между сочетавшим Богом и разлучающим человеком.

Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею? Он говорит им: Моисей, по жестокосердию вашему, позволил вам разводиться с женами вашими; а сначала не было так; но Я говорю вам: кто

разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует.

Фарисеи, видя, что Господь заградил их уста, были вынуждены сослаться на Моисея который в своих предписаниях как будто бы противоречит Христу. Они говорят: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться? Но Господь, всякое обвинение обращающий на их голову, защищает Моисея и говорит: Моисей, давая такой закон, не противоречит Богу; такое постановление сделал он по причине вашего жестокосердия, чтобы вы, по своей распущенности нравственной, вознамерившись вступить в брак с другими женами, не стали погублять первых жен. Действительно, будучи жестоки, евреи доходили бы до убийства своих жен, если бы закон принуждал их непременно жить с ними. Ввиду этого Моисей постановил: пусть жены ненавистные для их супругов, получают документ о разводе. Но Я, — продолжает Господь, — говорю вам: хорошо разводиться только с женой преступной, прелюбодейной; когда же кто-либо прогонит жену, не впадшую в блуд, тот будет виновен, если она начнет прелюбодействовать. Можно понимать и так: «соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор. 6, 17). В этом отношении происходит некое сочетание верующего со Христом, так как все мы стали одно тело с Ним и составляем члены Христовы. В самом деле, сего союза никто не может расторгнуть, как и Павел говорит: «кто разлучит нас от любви Христовой?». Ибо, что Бог сочетал, того не могут разлучить «ни человек, ни иная какая-либо тварь, ни ангелы, ни начала, ни власти», как говорит Павел.

Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться.

Ученики смутились и говорили: если муж и жена соединены для того, чтобы оставаться неразторгнутыми на всю жизнь, так что муж не должен прогонять жену, хотя бы она и была злая, то лучше не жениться. Легче не жениться и бороться с естественными похотями, нежели терпеть злую жену. «Обязанностью человека» Христос называет неразрывный супружеский союз. Некоторые толкователи, впрочем, понимают это так: если такова вина человека, то есть если муж, незаконно прогоняя жену, подлежит порицанию и осуждению, то лучше не жениться.

Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано.

Так как ученики сказали, что лучше не вступать в брак, то Господь говорит, что хотя девство и великое дело, но не все могут сохранить оное, а только те, кому содействует Бог. Слово «дано» здесь стоит вместо «кому содействует Бог». Даруется же тем, которые просят, так как сказано: «просите, и дано будет вам. Всякий просящий получает».

Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сами себя сделали скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит.

Господь говорит: добродетель девства доступна немногим. «Есть скопцы от чрева матери их», то есть есть люди, которые, по самому устройству их природы, не испытывают влечения к женщинам: целомудрие таковых не имеет ценности. Есть, далее, такие, которые оскотлены людьми. Себя же оскотляют для Царства Небесного не те, которые отрезают

свои уды, — нет, это проклято, — но те, которые имеют воздержание. Понимай и так: бывает скопец от природы — человек, по природному устройству невозбуждаемый к любострастию. Людьями оскопляется тот, кто, вследствие наставления других людей, удалил, как бы вырезал, разжжение плотской похоти; оскопляющий же сам себя — это человек, склонившийся к целомудрию не по наставлению других, а по собственному расположению. Совершеннейшим является этот последний: он не другим кем-либо приведен к Царству Небесному, но сам пришел к нему. Господь, желая, чтобы мы добровольно осуществляли добродетель девства, говорит: «кто может вместить, да вместит». Он не принуждает соблюдать девство и не унижает брак; Он только предпочитает девство.

Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился, ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таких есть Царство Небесное.

Матери приносили детей, чтобы дети их получили благословение чрез прикосновение рук Его. Но женщины с детьми подходили в беспорядке и с шумом, а потому ученики и не допускали их. Кроме того, ученики полагали, что достоинство их Учителя может унижаться, если будут подносить детей. Но Христос, показывая, что для Него приятнее тот, в ком нет лукавства, говорит: «пустите детей, ибо таких есть Царство Небесное». Он не сказал: «этих», но «таковых», то есть простых, невинных, незлобных. Посему если и ныне к какому-либо учителю приходят христиане, предлагая детские вопросы, то учитель не должен удалять их от себя, но должен принять их.

И возложив на них руки, пошел оттуда. И вот, некто подошел сказал Ему: Учитель Благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог.

Этот человек подошел не с целью искушать Христа, но с целью получить наставление, так как жаждал жизни вечной. Только он подошел к Христу, как простому человеку, а не как к Богу. Потому Господь и говорит ему: «что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог?», то есть если ты называешь Меня благим, считая в то же время за обыкновенного учителя, то ты ошибаешься: в действительности никто из людей не благ. Во-первых, мы очень легко уклоняемся от добра, во-вторых, самая доброта человеческая в сравнении с благостью Бога — не более как злоба.

Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя.

Господь отсылает вопросившего к заповедям закона, дабы иудеи не могли сказать, что Он презирает закон. Что же?

Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей: чего еще недостает мне?

Некоторые осуждают этого юношу, как человека хвастливого и тщеславного. Как же, говорят, он в совершенстве любил ближнего, когда оставался богатым? Кто любит ближнего, как самого себя, тот не может быть богаче ближнего. Ближний же — всякий человек. Иные

понимают это так: допустим, что я бы сохранил все это: тогда чего бы мне еще не доставало?

Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

Что, говорит, ты исполнил по твоим словам, то исполнил только по-иудейски. Если же хочешь быть совершенным, то есть Моим учеником и христианином, то пойди, продай свое имение и тотчас же все раздай, не оставляя у себя ничего под предлогом, что хочешь постоянно подавать милостыню. Не сказал: «давай нищим», но «все отдай и стань неимущим». Потом, так как иные хотя и милостивы, но ведут жизнь, полную всякой нечистоты, Христос говорит: «и приходи, и следуй за Мною», то есть имей и все прочие добродетели. Но юноша опечалился. Хотя он и желал, хотя почва сердца его была глубока и тучна, однако семя слова Господня было подавлено тернием богатства, «ибо, — замечает евангелист, — у него было большое имение». Кто немного имеет, тот менее и опутан узами имущества, но чем больше богатство, тем крепче оковы налагает оно. Еще: так как Господь разговаривал с богатым, то и сказал: «ты будешь иметь сокровище на небесах», если уже ты любитель богатства.

Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие.

Богач не войдет в Царство Небесное, пока он богат и имеет излишнее, в то время как другие не имеют необходимого. Но когда богатый отрясет все и таким войдет в Царство Небесное, то он уже войдет отнюдь не богатым. Имеющему же многое так же невозможно войти, как невозможно верблюду пройти сквозь игольные уши. Смотри же, как Христос выше сказал: «трудно войти», а здесь говорит, что совершенно невозможно. Некоторые под верблюдом разумют не животное, а толстый канат, который употребляют моряки при бросании якорей.

Услышавши это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, возрев, сказал им: человеку это невозможно, Богу же все возможно.

Человеколюбивые ученики спрашивают не для себя, ибо сами были бедны, но для всех людей. Господь же учит измерять дело спасения не немощью человеческою, но силою Божиею. Если кто-либо станет избегать корыстолюбия, то он, при помощи Божией, сперва успеет в том, что отсечет излишнее, а потом дойдет до того, что истратит на бедных и необходимое; так помощь Божия добрым путем приведет его к Царству Небесному.

Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?

Хотя Петр, будучи беден, по-видимому, не оставил чего-либо большого, однако знай, что на самом деле и он оставил многое. Мы, люди, бываем крепко привязаны и к немногому. Петр же пренебрег всем приятным в мире, подавил даже и естественную любовь к

родителям. Эти страсти воюют не только против богатых, но и против бедных. Что же Господь?

Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых.

Ужели в самом деле сядут? Нет: под образом сидения Господь обозначил особенную честь. Но ужели сядет и Иуда? Опять нет: это сказано о тех, которые последовали, то есть остались верными Христу до конца, а Иуда не остался таковым. Бог обещает блага достойным, но когда эти люди изменятся и станут недостойными, блага эти отнимаются. Подобным образом бывает и с бедствиями: Бог иногда угрожает нам бедами, но не насыляет, если мы переменимся. Под «пакибытием» разумей воскресение.

И всякий, кто оставит дом или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит в сто крат и наследует жизнь вечную.

Чтобы кто-нибудь не подумал, что сказанное выше касается одних только учеников, Господь распространил обетование на всех, поступающих подобно ученикам Его. И они, вместо родственников по плоти, будут иметь свойство и братство во Христе, вместо полей — рай, вместо каменных домов — горний Иерусалим, вместо отца — старцев в церкви, вместо матери — стариц, вместо жены — всех верных жен, не по браку — нет, но по духовной любви и попечению о них. Но Господь не повелевает непременно разлучаться с домашними, а только тогда, когда они препятствуют благочестивой жизни. Подобным образом Он повелевает пренебрегать душой и телом, а не в том смысле, что надо убивать самого себя. Смотри, как Бог, будучи благ, не только возвращает нам покинутое нами, но сверх того дает еще и вечную жизнь. Постарайся же и ты продать имение свое и раздать нищим. А имение это у гневливого — его гнев, у прелюбодея — его прелюбодейная склонность, у злопамятного — памятьозлобие и т. д. Продай же это и отдай бедным, то есть демонам, у которых нет ничего доброго. Возврати свои страсти виновникам страстей и тогда будешь иметь сокровище, то есть Христа, на небе, то есть в своем уме, поднявшемся на высоту. Ты можешь иметь внутри себя небо, если станешь таким, каков Тот, кто превыше всех небес.

Многие же будут первые последними, и последние первыми.

Здесь Христос указывает на иудеев и язычников. Те, будучи первыми, сделались последними, а язычники, которые были последними, стали первыми. Чтобы ты ясно уразумел о том, что говорится, Он приспособляет к этому и следующую притчу.

Глава двадцатая

Ибо Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано по утру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой; вышел около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно, и им сказал: идите и вы в

виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять, вышел около шестого и девятого часа, сделал то же. Наконец, вышел около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите.

Царство Небесное есть Христос. Он уподобляется человеку, потому что принял наш образ. Он домовладыка, так как господствует над домом, то есть церковью. Сей-то Христос исшел из недр Отца и нанимает работников в виноградник, то есть для изучения Писаний и исполнения заповедей, содержащихся там. Можно и так понимать: Он нанимает всякого человека возделывать виноградник, то есть совершенствовать во благом собственную душу. Он нанимает одного утром, то есть в детском возрасте, другого — около третьего часа, то есть в отроческом возрасте, иного около шестого и девятого часа, на двадцать пятом или тридцатом году, вообще, в мужском возрасте, и около одиннадцатого часа — старцев, ибо многие уверовали, будучи уже старцами. Или иначе: под днем разумеется настоящий век, ибо в течение его мы работаем, как в течение дня. В первом часу дня Господь призвал Еноха, Ноя и их современников, в третьем — Авраама, в шестом — Моисея и живших вместе с ним, в девятом — пророков, а в одиннадцатом, под конец веков, — язычников, у которых не было ни одного доброго дела: их «никто не нанимал», то есть ни один пророк не был послан к язычникам.

Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получат больше; но получили и они по динарию; получивши стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое, и пойдешь; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив от того, что я добр? Так будут последние первыми и первые последними; ибо много званых, а мало избранных.

Вечер есть кончина века; при кончине все получают по динарию; динарий — это благодать Святого Духа, которая преобразует человека по образу Божию, делает его причастником Божеского естества. Более понесли труда жившие до пришествия Христова, так как тогда еще не была разрушена смерть, не был сокрушен дьявол, и был жив грех. Мы же, благодатью Христовой оправдавшись в крещении, получаем силу побеждать своего врага, уже прежде низложенного и умерщвленного Христом. По первому толкованию, те, которые в юности уверовали, несут более труда, чем пришедшие ко Христу в старости. Юноша переносит «тяготу» гнева и зной похоти, а старик спокоен от этого. Тем не менее, все сподобляются одинакового дара Святого Духа. Притча научает нас, что можно и в старости чрез покаяние получить Царство Небесное, ибо старость и обозначается одиннадцатым часом. Но, согласно притче, не будут ли святые завидовать получившим равные с ними награды? Никоим образом. Здесь показывается только то, что блага, уготованные праведным, так обильны и высоки, что могли бы возбудить зависть.

И восходя в Иерусалим, Иисус дорогою отозвал двенадцать учеников одних и

сказал им: Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет. Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него. Он сказал ей: чего ты хочешь? Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоём.

Сыны Зеведеевы думали, что если Господь пойдет в Иерусалим, то станет земным царем, так как часто слышали Его слова: восходим в Иерусалим. Посему они допустили человеческий помысл и заставили мать подойти, сами стыдясь явно подступить к Нему, хотя незаметно и они подошли, как сообщает Марк; он говорит: «подходят к Нему Иаков и Иоанн», значит, и они незаметно и тайком подошли.

Иисус сказал в ответ: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем.

Оставивши мать, Господь вступает в разговор с сыновьями, чтобы показать, что Ему известно, что они заставили мать так говорить. Он говорит им: «не знаете, чего просите», не знаете, что это велико и изумительно даже и для ангельских сил. Потом, отклоняя их от таких помыслов, направляет их ум к скорбям. Спрашивает же не потому, что не знал, но чтобы заставить их ответом открыть внутреннюю болезнь духовную, то есть честолюбие, и чтобы они постарались исполнить обещание. Он говорит как бы так: поелику никто не может стать участником в Царстве Моем, если не будет участником и в Моих страданиях, то скажите Мне, можете ли вы вынести таковые страдания? «Чашею» он называет Свои страдания и смерть, показывая, с одной стороны, что эти страдания так легки, как легко выпить чашу, а потому и нам должно с готовностью идти на страдания, а с другой стороны — названием «чаша» показывая, что и Сам Он добровольно идет на смерть. Далее, как выпивший чашу, будучи отягчен, тотчас засыпает, так и испивший чашу страдания погружается в сон смерти. Смерть Свою Он называет крещением, потому что Его смерть имеет для всех нас очищающее значение. Они дали обещание, не понимая, о чем идет речь, и с готовностью обещая все, чтобы только получить желаемое.

И говорит им: чашу Мою будете пить и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим.

Я знаю, что вы понесете страдания. Так действительно и было. Иакова умертвил Ирод, а Иоанна осудил Траян за свидетельство о Слове истины. Слова «дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано» означает: если окажется, что потерпевший мучения вместе с тем имеет и все прочие добродетели, такой человек получит дар. Представим себе, что предложено состязание на ристалище; награды победителям раздает сам царь. Если бы к царю подошел кто-либо, не участвовавший в состязании, и сказал ему: «раздаятель наград, даруй мне венец без подвига с моей стороны», то царь ответил бы таковому: я не имею права дать венок даром, — он назначен для того, кто состязался и победил. Так издесь говорит Христос: Я не могу даром дать вам правое место возле Себя,

оно уготовано для подвизавшихся и принадлежит им. Ты спросишь: что же, некоторые и воссядут? Узнай, что никто там не сядет. Это свойственно единому только Божественному естеству. «Кому когда из ангелов сказал Бог: седи одесную Меня?» Так сказал Господь, применяясь к их понятию. Они, не понявши, что прежде сказанные слова Господа о сидении на двенадцати престолах — образное выражение относительно славы, ожидающей их, просили такого сидения в буквальном смысле.

Услышавши сие, прочие десять учеников вознегодовали на двух братьев. Иисус же, подзвав их, сказал; вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.

Когда десять учеников увидели, что двое получили от Христа упрек, то и они стали негодовать и этим обнаружили, что и они стремятся к такой же чести. Так несовершенно были ученики, что двое стремились возвыситься над десятью, а те десять завидовали двоим. Так как десять, услышав слова Господа, пришли в смущение, то Господь призывает их к Себе и уже одним призывом еще до беседы успокаивает их. До того сыны Зеведеевы, беседуя с Ним, отделились от прочих, теперь же Он вступает в беседу со всеми вообще. Зная, что страсть к первенству сильна и потому ей надо нанести решительный удар, Он говорит самое неприятное для учеников, причисляя их к язычникам и неверным, коль скоро они ищут славы. Обличая их, Он говорит так: прочие люди величаются своей властью, но любить власть — это страсть языческая; для Моих же учеников вся честь в смирении; посему кто хочет быть большим, тот должен служить слабейшим: в этом и состоит самое великое смирение; пример этого являю Я на Себе Самом: будучи Владыкою и Царем Небесным, Я смирил Самого Себя, чтобы послужить вашему спасению, и настолько, что душу Свою отдаю для избавления многих, — ибо все суть многие.

И когда выходили они из Иерихона, за Ним следовало множество народа. И вот, двое слепых, сидевшие у дороги, услышавши, что Иисус идет мимо, начали кричать: помилуй нас, Господи, Сын Давидов! Народ же заставлял их молчать; но они еще громче стали кричать: помилуй нас, Господи, Сын Давидов! Иисус, остановившись, подзвал их и сказал: чего вы хотите от Меня? Они говорят Ему: Господи! чтобы открылись глаза наши. Иисус же умилосердившись, прикоснулся к глазам их, и они пошли за Ним.

Слепые по молве узнали о Господе и, узнавши, что Он проходит мимо, воспользовались удобным временем. Они уверовали, что Иисус, происшедший от семени Давидова по плоти, может исцелить их. Имея такую пламенную веру, они не молчали, а когда их заставляли умолкнуть, еще громче кричали. Посему Господь и не спрашивает их, имеют ли они веру в Него, но спрашивает только, чего они хотят, чтобы кто-либо не подумал, что слепцы хотели одного, а Он им дал другое. Вопросом обнаруживает и то, что они кричали не для получения серебра, а для исцеления. Он исцеляет их прикосновением, дабы мы знали, что каждый член Его Святой плоти есть член животворящий и божественный. Далее, хотя Лука и Марк говорят об одном слепце, однако в этом нет разногласия с Матфеем: они упомянули о более известном. Объясняется и иначе: Лука говорит, что Господь исцелил слепого до входа в

Иерихон, а Марк — что по выходе из Иерихона, Матфей же, предпочитая краткость, о том и другом повествует одновременно. Под слепыми разумей уверовавших во Христа из язычников: они исцелены Христом, так сказать, по пути. Христос пришел главным образом не ради язычников, а ради потомков Израиля. Как слепцы узнали о Христе по слуху, так и язычники от слышания уверовали и познали Христа. Заставлявшие слепых замолчать и не произносить имени Иисусова — это гонители христиан. Они силились заградить уста церкви, но она еще явственнее исповедовала имя Христово. За то она и исцелена: она ясно узрела свет истины и стала следовать Христу, подражая Ему в своей жизни.

Глава двадцать первая

И когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: подите в селение, которое прямо пред вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязавши приведите ко Мне; и если кто скажет сам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их. Все же сие было, да сбудется реченное чрез пророка, который говорит: скажите дочери Сионой: се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной

(Ис. 62, 11. Захарии 9, 9). Господь воссел на осла не по какой-либо другой нужде, а единственно для того, чтобы исполнить пророчество и вместе чтобы показать нам, как скромно нужно ездить, ибо Он ехал не на лошади, а скромно на осленке. Пророчество Он исполняет и в историческом, и в таинственном смысле: в историческом через то, что видимым образом воссел на ослицу, в иносказательном же — воссевши на осленка, то есть на новый, необузданный и непокорный народ, язычников. Осел и ослица были привязаны узами своих грехов. Разрешить были посланы двое — Павел к язычникам, а Петр к обрезанным, то есть иудеям. И доньше двое разрешают нас от грехов — Апостол и Евангелие. Христос шествует кротко, ибо в первое пришествие Свое Он явился не судить мир, но спасти. Другие цари евреев были хищны и не справедливы, Христос же — царь кроткий.

Ученики пошли и поступили так, как повелел им Иисус, привели ослицу и молодого осла и положили на них одежды свои, и Он сел поверх их.

Лука и Марк говорят только об осленке, а Матфей — об ослице и осленке. Между ними нет противоречия, ибо когда повели осленка, за ним последовала и мать его. Иисус воссел на них, то есть не на двух животных, но на одежды. Или: сначала Он сидел на осле, а потом на осленке, так как сперва Он пребывал в иудейской синагоге, а потом избрал народ верный из язычников.

Множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге; народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!

Что касается прямого, исторического смысла, то постилание одежд выражает великую честь, а ношение срезанных ветвей — проявление торжества. В смысле же таинственном так понимай: Господь воссел, когда апостолы подослали Ему одежды свои, то есть добродетели.

Если душа не украшена апостольскими добродетелями, Господь не воссядет на нее. Предшествовавшие — это пророки, жившие до воплощения Христова, а сопровождающие — это жившие после воплощения мученики и учителя. Они подстилают Христу свои одежды, то есть плоть покоряют духу, так как тело и есть одежда, покров души. Они разостлали тела свои на пути, то есть во Христе. «Я есмь путь», — говорит Он. Кто не постелет плоть свою, то есть не уничит ея, пребывая на пути, во Христе, а уклонится в ересь, на того не воссядет Господь. «Осанна» — по словам одних, означает «песнь» или «псалом», а, по словам других, что вернее, — «спаси» нас. Господь называется Грядущим, ибо Его пришествия ожидали евреи. Так и Иоанн говорит: «Ты ли Грядущий?», то есть Тот, пришествия которого ожидают. Кроме того, Господь называется Грядущим и потому, что каждый день можно ожидать Его второго пришествия. Посему каждый из нас должен ожидать кончины века, пришествия Господня, и приготовляться к этому.

И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорил: Кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского.

Бесхитростный и простой народ не завидовал Христу, но вместе с тем не имел о Нем и надлежащего понятия. Потому-то народ и в данном случае называет Его Пророком. Народ не говорил: это — Пророк, но: Пророк, то есть именно Тот, ожидаемый.

И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им; написано: дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников.

Как господин дома, то есть храма, Господь изгнал торгующих, показывая, что принадлежащее Отцу принадлежит и Ему. Он так поступил, с одной стороны, имея попечение о благолепии в храме, а с другой — обозначая отмену жертв, ибо, изгнав быков и голубей, выразил, что нужно не такое жертвоприношение, которое состоит в заклании животных, а нужна молитва. Он говорит: «дом Мой — домом молитвы наречется, а вы сделали его вертепом разбойников», ибо в вертепах разбойников происходят убийства и кровопролития. Или же Он назвал храм вертепом разбойников потому, что там продавали и покупали; а любостяжание и есть страсть разбойников. Торжники — то же, что у нас меняльщики. Голубей продают торгующие степенями церковными: они продают благодать Святого Духа, явившегося некогда в виде голубя. Они изгоняются из храма, ибо недостойны священства. Смотри и ты, как бы не сделать храм Божий, то есть свои помыслы, вертепом разбойников, то есть демонов. Ум наш будет вертепом, если мы допустим склонные к вещественному помыслы о продаже, купле, о корысти, так что станем собирать и самые малые монеты. Равным образом мы сделаем себя вертепом разбойников, если будем продавать и покупать голубей, то есть утратим духовное наставление и рассуждение, какое в нас есть.

И приступили к Нему в храме хромые и слепые, и Он исцелил их.

Исцелением больных показывает, что Он Бог и что Он хорошо сделал, изгнавши из храма недостойных. Здесь указывается и то, что по изгнании иудеев, привязанных к закону и закланию животных, приняты и исцелены им хромые и слепые из язычников.

Видевши же первосвященники и книжники чудеса, которые Он сотворил, и

детей, восклицающих в храме и говорящих: осанна Сыну Давидову! вознегодовали и сказали Ему: слышишь ли, что они говорят? Иисус же говорит им: да! разве вы никогда не читали: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу.

Фарисеи, увидев, как дети восхваляют Христа песнью Давидовой, которую пророк, по видимому, относит к Богу, терзаются от зависти и укоряют Его за то, что Он позволяет применять к Нему то, что относится к Богу. Но Господь, защищая детей, говорит: да! мало того, что Я им не повелеваю замолчать, но еще привожу пророка свидетелем, а в вас избочаю или невежество, или зависть; разве вы не читали: «из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу»? «Устроил» означает: Ты сделал стройную и совершенную хвалу. Хотя, по своему возрасту, дети считаются несовершеннолетними, но они не от себя говорили это: нет, свои уста они вручили Духу Святому, они были орудиями Его. Потому и сказано: «из уст младенцев», ибо указывается, что слова вытекали не из разума детей, а только из уст, движимых Божественною благодатию. Это знаменовало, что Христа будут восхвалять младенцы и неразумные, то есть язычники. В этом давалось и для апостолов утешение; хотя они и простецы, но им дано будет слово. Так и ты, если будешь незлобив, как младенец, и если будешь питаться молоком духовным — словом Божиим, и ты окажешься достойным восхвалять Бога.

И оставив их, вышел вон из города в Вифанию и провел там ночь.

Господь удаляется от них, как от недостойных, и идет в Вифанию. Слово это значит «дом послушания». Это означает, что от непокорных Он переходит к послушным Ему и водворяется у них, как сказано: «вселюсь в них и буду ходить в них» (2 Кор. 6, 16).

Поутру же, возвращаясь в город, взалкал; и, увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода во век. И смоковница тотчас засохла. Увидевши это, ученики удивились и говорили: как это тотчас засохла смоковница

? Господь часто творил чудеса, и чудеса Его всегда были благодетельны. Он не сотворил ранее ни одного чуда для наказания кого-либо. В виду этого, дабы кто не подумал, что Он и не может наказывать, Господь проявляет здесь таковую карающую силу, но как человеколюбивый являет не на людях, а на дереве, подобно тому как прежде на стаде свиней. Он иссушает дерево, дабы вразумить людей. Ученики дивятся, — и основательно. Это дерево очень сочное; чудо же тем более обнаруживается, что дерево засохло мгновенно. Смоковница означает иудейскую синагогу, которая имеет только листья, то есть показную букву, но не имеет плода духовного. Так и всякий человек, преданный удовольствиям настоящей жизни, подобен этой смоковнице: он не имеет плода духовного для алчущего Иисуса, но только листья, временную и преходящую видимость. Таковой человек услышит на себя проклятие; ибо сказано: «Идите от Меня, проклятые, в огонь». Он будет и иссушен: во время мучений его в пламени у него будет сохнуть даже язык, как у евангельского богача.

Иисус же сказал им в ответ: истинно говорю вам: если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницею, но если и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, — будет; и все, что ни попросите в молитве с верою, получите.

Велико сие обетование Христа, данное ученикам: мы можем даже горы переставлять, если не будем раздумывать, то есть усомнимся, и все, чего только ни попросим, без всякого сомнения, веруя в силу Божию, получим. Кто-нибудь спросит: что же, если я буду просить чего-либо вредного и при этом неразумно буду верить, что Бог даст мне это, то ужели получу и это вредное? И как человеколюбивый Бог может исполнить прошение о том, что вредно для меня? Слушай. Во-первых, когда слышишь о вере, то должен разуместь не неразумную, но истинную, равно и молитва, разумеется, испрашивающая полезного, как научил и Господь нас в словах: «не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» и прочее. А потом обрати внимание на выражение «не усомнитесь». Кто соединен с Богом, так что составляет едино с Ним и никогда от Него не удаляется, как тот может попросить вредного?» Таким образом, если мы будем неразлучны с Богом и от Него неотделимы, то будем просить только полезного и получим.

И когда пришел Он в храм и учил, приступили к Нему первосвященники и старейшины народа и сказали: какую властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть? Иисус сказал им в ответ: спрошу и Я вас об одном; если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какую властью это делаю. Крещение Иоанново откуда было: с небес или от человеков? Они же рассуждали между собою: если скажем: с небес, то Он скажет нам: почему же вы не поверили ему? А если сказать: от человеков, боимся народа, ибо все почитают Иоанна за пророка. И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Сказал им и Он: и Я вам не скажу, какую властью это делаю.

Учители закона, завидуя Его власти, с какою Он изгнал из храма торгующих, подходят к Нему с таким вопросом: кто такой Ты, что изгоняешь из храма торгующих? Ты сделал это по полномочию священника? Но ты не имеешь священнического сана. Или Ты поступаешь, как царь? Но Ты не царь. Да если бы Ты и был царем, то и тогда бы не мог так поступать: и цари в храме не имеют власти распоряжаться. Так спрашивали Господа враги Его со следующей целью: если Он скажет: «Я делаю это Своей властью», они могут оклеветать Его, как мятежника, присваивающего себе власть; если же Он скажет: «так поступаю Я по власти, данной Богом Мне», они отклонят от Него народ, который прославлял Его, как Бога, — они обнаружат пред народом, что Он не Бог и поступает так, как раб, в силу власти Божией. Как же отвечает им Христос, Сама Премудрость? Он «уловляет мудрых в коварстве их». Он подобным же образом спрашивает их об Иоанне, чтобы, если они скажут: «проповедь Иоанна была с неба», уличить их в богоборчестве, как не принявших оную, а если скажут: «от человеков», то чтобы подверглись опасности от народа, так как все почитали Иоанна за пророка. Этим Господь научает, что не должно отвечать на вопросы со злым умыслом. Он и Сам не дал ответа на коварный вопрос иудеев, хотя и не затруднился бы в ответе. Здесь же научаемся из примера Христа, что не должно и хвалиться. Господь хотя и мог бы сказать, по какой власти Он так поступает, все же не сказал, дабы не показалось, что Он прославляет Сам Себя.

А как вам кажется? У одного человека было два сына; и он, подошел к первому, сказал: сын! пойди сегодня, работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подошел к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь; и не пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят ему: первый. Иисус говорит им: истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царствие Божие; ибо пришел к вам Иоанн путем

праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видевши это, не раскаялись после, чтобы поверить ему.

Господь приводит здесь два рода людей, из которых одни сначала дали обещание, — таковы были иудеи, говорившие некогда: «все, что сказал Бог, сделаем и будем послушны», а другие — люди, первоначально не покорявшиеся, каковы блудницы и мытари, равно и язычники; все эти люди сначала не слушались воли Божией, а, в конце концов, покаяться и послушались. Заметь здесь премудрость Христа: Он не сказал фарисеям сначала: «мытари и грешники лучше всех вас», нет, Он сперва уловил их. Они сами признали, что из двух сыновей более покорный тот, который на деле исполнил волю отца. Когда же они признали это, Господь прибавил: «пришел Иоанн путем праведности», то есть жил безупречно; вы не можете сказать, что его жизнь в чем-нибудь была предосудительна. Однако же в то время как блудницы послушали его, вы — нет; потому они и предваряют вас, то есть вперед входят в Царство Божие. Постарайтесь же и вы, уверовав, войти хотя бы после них. Если же не уверуете, то и вовсе не войдете. И ныне многие дают обет Богу и отцу стать иноками или священниками, но после обета не хранят усердия, а другие не давали обета об иноческой или иерейской жизни, но проводят жизнь, как иноки или иереи; так что послушными чадами оказываются они, так как исполняют волю отца, хотя и ничего не обещали.

Выслушайте другую притчу. Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился.

Господь говорит им и другую притчу, дабы показать, что они, сподобившись безмерного попечения о себе, все же не исправились. Человек «хозяин дома» есть Господь, называемый человеком по Своему человеколюбию. Виноградник — народ иудейский, насажденный Богом в земле обетованной, как сказано: «введя, насади их в гору Святую Свою». Ограда означает или закон, не позволявший иудеям сливаться с язычниками посредством браков, или же — святых ангелов, которые охраняли Израиля. Точило — жертвенник; башня — храм; виноградари — учителя народа, фарисеи и книжники. Отлучился Домовладыка Бог, когда перестал говорить с евреями в столпе облачном; или удаление означает долготерпение Божие. Бог как бы предается сну или удаляется, когда долго терпит и не взыскивает немедленно за наши несправедные дела.

Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградари, схвативши слуг его, иного прибили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего, и с ними поступили так же. Наконец он послал к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидевши сына, сказали друг другу: это наследник; пойдём, убьём его и завладеём наследством его. И схвативши его, вывели вон из виноградника и убили.

Время плодов наступило во времена пророков. Посланные рабы — это пророки, которых различно оскорбляли виноградари, то есть современные пророкам лжепророки и лжеучители, недостойные вожди народа. Одних они били, как, например, пророка Михея царь Седекия ударил по ланите; других убивали: так, Захарию убили между храмом и жертвенником; иных побивали камнями, как, например, Захарию, сына Иодая, первосвященника. Наконец, послан

был Сын Божий, явившийся во плоти. Бог сказал: «постыдятся Сына Моего» не потому, чтобы не предвидел убийства Сына, но желая выразить, что должно было произойти. Он говорит: хотя беззаконники убили рабов, однако должны почтить, по крайней мере, достоинство Сына. Но виноградари, увидевши Сына, сказали: это наследник: пойдём, убьём его». Так те самые иудеи, которые говорили: «это — Христос», они же Его и распяли. «Вывели вон из виноградника и убили» — это значит: Христос предан смерти вне города. Но, как мы говорили, что виноградником называется народ, то фарисеи, злые виноградари, умертвили Сына Владыки вне виноградника и в этом смысле, то есть помимо желания бесхитростного народа.

Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои.

Когда же придет? Во второе пришествие? Можно, конечно, и так понимать. Но лучше разуметь так: Господин виноградника — Бог Отец; Он послал Сына Своего, которого иудеи умертвили. Когда Он придет, то есть когда воззрит на беззаконие, совершенное начальниками, тогда «злодеев сих предаст злой смерти», пошлет на них римские войска. Виноградник же Свой отдаст иным виноградарям, то есть апостолам и христианским учителям. Можешь под виноградником разуметь и Божественное Писание: в нем ограда — буква; выкопанное точило — глубина духа; башня — возвышенное богословское учение. Сие Писание сначала было вверено злым виноградарям — фарисеям и книжникам, но потом Бог передал оное нам, усердно возделывающим его. И в этом смысле фарисеи убили Господа вне виноградника, то есть вопреки тому, что о Христе гласило Ветхозаветное Писание.

Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших. Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его; и тот, кто упадет на этот камень, разобьется; а на кого он упадет, того раздавит.

Камнем называет Себя Самого, а строителями — учителей иудейских, которые отвергли Его, как неупотребного, сказав: «Ты самарянин, и бес в Тебе». Но Он, восстав из мертвых, положен во главу угла, то есть стал Главою церкви, соединяя иудеев и язычников единой верою. Как камень, положенный под угол в здании, одновременно поддерживает ту и другую стену, так и Христос соединил всех единой верою. Этот угол дивен, и от Господа, ибо церковь, содержащая и объединяющая нас верою, — Божественного происхождения; она достойна великого удивления по своему благолепному устройству. Дивен угол сей и в таком смысле, что слово Христово утверждено и засвидетельствовано чудесами, так что устройство церкви чудно. Царство Божие, то есть близость к Богу, отнято от иудеев и передано уверовавшим. Иудеи, споткнувшись о камень, то есть, соблазвившись о Христе, будут сокрушены и при втором пришествии, хотя и теперь уже раздавлены им, то есть рассеяны всюду по земле, как видим это на несчастных иудеях. Это и значит «раздавит», то есть рассеет их.

И слышавши притчи Его, первосвященники и фарисеи поняли, что Он о них говорит; и старались схватить Его, но побоялись народа, потому что Его почитали

за пророка.

И здесь заметь, как народ, простой и бесхитростный, следует истине, а учителя закона замышляют злое. Евреи и донныне селятся принять Иисуса, но не могут уверовать в Него. Они примут антихриста и ему поклонятся, а Христос не будет ими принят, то есть познан.

Глава двадцать вторая

Иисус, продолжая говорить им притчами, сказал: подобно Царство Небесное человеку-царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званных на брачный пир; и не хотели придти. Опять послал других рабов, сказав: скажите званным: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пир. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою; прочие же, схвативши рабов его, оскорбили и убили их. Услышав о сем, царь разгневался и, послав войска свои, истребил убийц оных и сжег город их.

Подобно притче о винограднике, и эта притча изображает неверие иудеев, только первая притча говорит о смерти Христа, а эта — о брачной радости, то есть о воскресении. Кроме того, обличаются здесь более тяжкие грехи иудеев, чем в первой притче. Там, когда у них требовали плодов, они убили требовавших, а здесь совершают убийство, когда их приглашают на пир. Бог уподобляется человеку-царю: Он не является таким, каков Он есть, но таким, каков Он по отношению к нам. Когда мы, как люди, подверженные немощам человеческим, умираем, Бог по отношению к нам является как человек; когда же мы становимся богоподобными, тогда Бог стоит в сонме богов; наконец, если мы живем, как звери, то и Бог оказывается для нас тигром, леопардом или львом. Бог творит брачный пир для Сына Своего, сочетавая Его со всякой благообразной душой. Жених — Христос; невестой же является и церковь, и всякая душа. Рабы, посланные сперва, — это Моисей и современные ему святые; им евреи не поверили, но огорчали Бога в пустыне сорок лет и не восхотели принять слово Божие и радость духовную. Потом посланы были другие рабы-пророки, но и из них евреи одних убили, как Исаяю, других унижали, как Иеремию, которого повергли в грязный ров. Более умеренные отказались от призыва, и одни ушли на поле свое, то есть погрузились в плотскую, сластолюбивую жизнь, ибо у каждого поле — это его тело; другие удалились на торговлю свою, то есть уклонились к корыстолюбивой жизни, ибо торговцы — самый корыстолюбивый народ. Таким образом притча показывает, что от духовного брачного пира, то есть соединения со Христом и наслаждения духовного, люди удаляются всего больше из-за двух следующих страстей: или по причине сластолюбия, или вследствие любостыжательности. Пиршество духовное здесь называется обедом, а в других местах оно называется вечерей. Оно — вечеря, ибо сей брачный пир вполне открылся в последние времена, к вечеру, то есть к концу веков, но вместе с тем это и обед, потому что тайна была возвещаема и прежде, хотя и не так открыто. «Тельцы и откормленное» обозначают Ветхий и Новый Заветы. Ветхий обозначается тельцами, так как в нем приносились жертвы из животных, а Новый означает хлебным заготовлением, ибо ныне на алтаре мы приносим хлебы; их можно назвать хлебным приношением, так как они изготавливаются из муки. Таким образом Бог призывает нас к вкушению благ и Ветхого, и Нового Завета. Когда же ты видишь, что кто-либо ясно истолковывает своим слушателям слово Божие, знай, что он подает хлеб духовный и им питает души простецов. Здесь ты

спросишь: как это дается повеление «зовите званых», — если они званы, то зачем еще звать их? Но знай, что каждый из нас по природе призван к добру, призван разумом, своим врожденным наставником. Но Бог посылает еще и внешних учителей, чтобы они внешним словом созвали тех, кто уже зван по природе. Царь послал войско свое, то есть римлян, погубил непокорных иудеев, сжег и город их Иерусалим, как повествует точно историк Иосиф.

Тогда говорит он рабам своим: брачный пир готов, а званые не были достойны: так пойдите на распутья и всех, кого найдете, зовите на брачный пир. И рабы те, вышедши на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых, и добрых; и брачный пир наполнился возлежащими.

Когда первые рабы, Моисей и пророки, не убедили иудеев, тогда Бог посылает иных рабов, апостолов, которые и призвали язычников, ходивших прежде ложными путями, рассеянных, блуждавших по различным путям учений, находившихся на распутьях, то есть в полном неведении и сомнении. Они были несогласны друг с другом; они были не на правильном пути, а на распутьях, то есть окольных путях; это — ложные учения, которые провозглашали язычники. Одни считали правильным то, другие — другое. Еще лучше так понимать: путь-это образ жизни у каждого, а распутья или отклонения с пути — это учения. Язычники, идя по ложному пути, то есть проводя постыдную жизнь, пришли и к нечестивым учениям; они измыслили гнусных богов, покровителей страстей. Апостолы же, выйдя из Иерусалима к язычникам, собрали всех: и злых, и добрых, то есть как исполненных всякими пороками, так и более умеренных, которых называют «добрыми» по сравнению с первыми.

Царь, вошед посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных.

Вход на брачный пир происходит без различия: все мы, добрые и злые, призваны только по благодати. Но затем жизнь подлежит испытанию, которое царь производит тщательно, и жизнь многих оказывается оскверненной. Содрогнемся же, братья, помыслив, что у кого не чиста жизнь, для того бесполезна и вера. Таковой не только извергается из брачного чертога, но и посылается в огонь. Кто же этот носящий оскверненные одежды? Это тот, кто не облекся в одежду милосердия, благодати и братолюбия. Много таких, которые, обольщая себя тщетными надеждами, думают получить Царство Небесное и, высоко думая о себе, причисляют себя к лику избранных. Производя допрос недостойного, Господь показывает, во-первых, что он человеколюбив и справедлив, а во-вторых, что и мы не должны никого осуждать, хотя бы кто, очевидно, и согрешал, если таковой открыто не изобличен в суде. Далее, Господь говорит слугам, карающим ангелам: «свяжите ему руки и ноги», то есть способности души к действию. В настоящем веке мы можем поступать и действовать так или иначе, а в будущем силы душевные будут связаны, и нельзя нам будет сотворить какое-либо добро для умиловления за грехи; «тогда будет скрежет зубов» — это бесплодное раскаяние. «Много званых», то есть Бог призывает многих, точнее, всех, но «мало избранных», немного спасающихся, достойных избрания от Бога. От Бога зависит избрание, но стать избранными или нет — это наше дело. Господь этими словами дает иудеям знать,

что о них сказана притча: они были призваны, но не избраны, как непослушные.

Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах. И посылают к Нему учеников своих с иродианами.

Так как фарисеи делают это с хитрым умыслом, то и посланных евангелист Лука называет «лукавыми людьми?» (дословно с греческого — сидящие в засаде), потому что они были подсланы уловить Христа. Иродианами называются или воины Ирода, или же люди, считавшие Ирода за обетованного Мессию. Когда оскудел князь от Иуды и вступил на престол Ирод, иные думали, что он — Мессия. С такими-то людьми и соединяются фарисейские ученики для уловления Христа. Вот как они вступают с Ним в беседу.

Говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо; итак скажи нам: как Тебе кажется: позволительно ли, давать подать кесарю, или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышавши это, они удивились и, оставивши Его, ушли.

Думая польстить и смягчить Его похвалами, они говорят вкрадчиво, в надежде, что Он, поддавшись их словам, скажет «не должно давать подать», а они на этом основании схватят Его, как мятежника, возмущающего народ против кесаря. Потому-то привели они с собой и иродиан, преданных царской власти. Говорят: «Ты не смотришь ни на какое лицо», то есть ничего не станешь говорить в угоду Пилату или Ироду. Итак, скажи нам: должны ли мы быть данниками и людей и отдавать им подать, подобно тому, как Богу даем дидрахму, или же платить только Богу? Говорили это, как сказано, с такой целью: если Он скажет: «не должно платить дань кесарю», Его схватят и убьют, как сторонника Иуды и Февды, которые восставали против принесения жертв за имя кесаря. Но Иисус на основании изображения кесаря на монете вразумляет их: что носит на себе изображение кесаря и что, значит, принадлежит ему, то кесарю и надо отдавать. Вообще это означает следующее: во внешних делах, касающихся телесной жизни, должно подчиняться царям, а во внутренних, духовных — Богу. Можно и так понимать: каждый из нас должен отдавать демону, этому кесарю преисподней, то, что принадлежит ему. Например, ты гневаешься: гнев — от кесаря, то есть от лукавого; направь же свой гнев на истинного виновника его; другими словами: гневайся и враждуй с дьяволом. Этим самым ты и Божие отдашь Богу: исполнишь Его веление. Еще понимание: мы двойственны, — состоим из тела и души: телу, как кесарю, мы должны давать пропитание и одежду, а более возвышенному в нас — душе, ей соответствующее.

В тот день приступили к Нему саддукеи, которые говорят, что нет воскресения, и спросили Его: Учитель! Моисей сказал: если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семя брату своему; было у нас семь братьев: первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему; подобно и второй, и третий, даже до седьмого. После же всех умерла и жена; итак, в воскресении, которого из семи будет она женою? ибо все имели ее.

После того как фарисеи с иродианами были приведены в молчание, Господа искушают еще саддукеи. Учение этой секты было таково: саддукеи не верили ни в воскресение, ни в духов, ни в ангелов, будучи противниками фарисеев. Они выдумали на этот раз событие, в действительности не происшедшее. В самом деле, допустим, что два брата, женившись один за другим на такой-то женщине, умерли. Ужели третий, наученный опытом предшественников, не вразумился бы и не отказался бы от брака? Саддукеи измышляют это, рассчитывая поставить Христа в затруднение и опровергнуть учение о воскресении, а сторонником своей выдумки представляют Моисея. Они сказали, что было именно «семь» братьев, для того, чтобы обиднее осмеять тайну воскресения. Теперь, — говорят, — кому же из них будет принадлежать жена? Можно бы, конечно, ответить им так: неразумные саддукеи! конечно, первому мужу, если бы при воскресении оставался в силе брак, так как прочие мужья — не настоящие законные супруги, а только заместители.

Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией; ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж; но пребывают, как ангелы Божии на небесах. А о воскресении мертвых не читали ли вы реченного вам Богом: Я Бог Авраама и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых. И слышав, народ дивился учению Его.

Спаситель показывает и то, что воскресение будет, и то, что оно будет не такое грубо-плотское, как они представляли, а возвышенно и духовно. Что вы, — говорит, — заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией? Если бы вы понимали смысл Писания, то уразумели бы, что Бог не есть Бог мертвых, но живых. А если бы вы знали силу Божию, то для вас было бы понятно, что Бог может устроить образ жизни людей по воскресении, подобный ангельскому житию, Саддукеи силились на основании Моисея ниспровергнуть догмат о воскресении; Спаситель на основании Моисея же и вразумляет их. Сказано: «Я — Бог Авраама, Исаака и Иакова»; смысл этих слов такой: Бог не есть Бог не существующих, нет, Он — Бог живущих, продолжающих свое бытие. Он не сказал: «Я был», но говорит: «Я есмь»; хотя праотцы и умерли, но продолжают жить в надежде воскресения. Ты спросишь: как же в другом месте говорится, что Он владеет живыми и мертвыми? Знай, что в приведенных словах мертвыми называются умершие, имеющие ожить. А здесь, возражая против учения саддукеев, будто душа не имеет бессмертия и совершенно уничтожается, Господь говорит, что Бог не есть Бог мертвых, то есть, как вам кажется, совершенно исчезнувших, но Бог живых, то есть таких, которые имеют бессмертную душу и некогда воскреснут, хотя теперь и мертвы по телу.

А фарисеи, услышавши, что Он привел саддукеев в молчание, собрались вместе. И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

Искуситель подходит ко Христу вследствие чрезмерной зависти. Когда фарисеи увидели, что саддукеи посрамлены, а Господа за премудрость народ прославляет, фарисеи подходят с целью искушить — не прибавит ли Христос чего-нибудь к первой заповеди в виде исправления закона, чтобы найти повод к обвинению Его. Господь, избличая злобу

искусителей, которые пришли не по желанию поучиться, а по вражде, зависти и соревнованию, показывает, что любовь есть верх заповедей. Он наставляет, что любить Бога должно не отчасти, но так, чтобы всего себя предать Богу. Мы различаем в душе человека три различных стороны: растительную, оживляющую и разумную. Во-первых, человек растет, питается и рождает подобное себе: в сем подобен он растениям; поскольку человек возбуждается и имеет похоти, он имеет общее с животными; а так как он размышляет, то он называется разумным. И здесь надо заметить именно эти три части: «возлюби Господа Бога твоего всею душою твоею» — вот растительная сторона человека, так как растения в своем роде одушевлены; «всем сердцем твоим» — здесь указывается животная сторона человека; «и всею мыслию твоею» — здесь часть разумная. Итак, Бога должно любить всей душой; это значит: надо предаться Ему всеми сторонами и силами души. Это первая великая заповедь, наставляющая нас благочестию. Вторая, подобная ей, предписывает справедливость к людям, Есть два пути к гибели: дурное учение и развращенная жизнь, В соответствие этому, чтобы мы не уклонились в нечестивые учения, нам повелевается любить Бога, а чтобы не впасть в развращенную жизнь, должно любить ближнего. Любящий ближнего исполняет все заповеди; исполняющий же заповеди любит Бога, так что эти две заповеди соединяются, друг друга поддерживают и содержат в себе все прочие заповеди. Кто, любя Бога и ближнего, будет красть, помнить зло, убивать, прелюбодействовать или блудодействовать? Законник этот сначала пришел с целью искушить, а потом, вследствие ответа Христова образумившись, получил похвалу Христа, как святой Марк говорит: «Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия» (Мр. 12, 34).

Когда же собрались фарисеи, Иисус спросил их: что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят ему: Давидов. Говорит им: как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих? Итак, если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему? И никто не мог отвечать Ему ни слова; и с того дня никто уже не смел спрашивать Его.

Так как Мессию считали простым человеком, Господь опровергает такое мнение. Из пророчества Давидова Он раскрывает ту истину, что Он — Господь: открывает им Свое Божество. Фарисеи сказали, что Христос будет сын Давидов, то есть простой человек. Но Господь возражает: «как же Давид называет Его Господом», — и не просто называет Господом, а «по вдохновению», то есть по благодатному дару Духа, получив о Нем откровение. Этими словами Господь не отрицает, что Он — Сын Давидов, но раскрывает, что Он не простой человек, происшедший от семени Давидова. Так спрашивает Господь для того, чтобы фарисеи или сознались, что не знают, спросили Его и узнали, или, истинно исповедав, уверовали, или же, наконец, не найдя ответа, ушли с посрамлением и более не смели бы спрашивать Его.

Глава двадцать третья

Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи. Итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают.

Когда Господь привел фарисеев в молчание и обнаружил их неисцельный недуг, тогда Он

начинает говорить уже о них, о их жизни и поведении. Он наставляет слушателей не пренебрегать законными учителями, хотя бы те были и порочной жизни, Вместе с этим показывает Господь и то, что Он не только не противник закона Моисеева, а, напротив, хочет, чтобы требования сего закона исполнялись, хотя учителя — люди недостойные. Он говорит: слова учителей принимайте, как слова Моисея, а точнее — Самого Бога. Ты спросишь: ужели же должно исполнять все, что они говорят, даже и дурное? На это скажу: во-первых, никогда учитель не дерзнет склонить другого человека ко злу. А затем, если даже и допустить, что какой-либо учитель решится склонять людей к порочной жизни, то таковой станет учить этому, конечно, не с «Моисеева седалища», то есть не во имя закона. Но Господь ведет речь о сидящих на Моисеевом седалище, то есть об учащих закону. Итак, должно слушать учащих закону Божию, хотя они сами и не поступают по нему.

Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плеча людям, а сами не хотят и перстом двинуть их. Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих.

Фарисеи возлагали бремена тяжелые в том, что принуждали людей выполнять мелочные и трудно выполнимые предписания закона, и еще тяжесть законных постановлений увеличивали какими-то своими преданиями, каких не было в законе. Сами же они «не двигали и перстом своим», то есть ничего сами не делали, даже и не приближались к этим тяжким бременам. Когда учитель и сам делает то, чему учит, то он вместе с тем является и учеником: несет бремя наряду с учащимися. Но когда учитель, налагая на ученика бремя, сам не действует, то он этим самым еще более отягощает бремя для ученика, своим бездействием показывая невозможность исполнить, что он говорит. Итак, Господь обличает фарисеев в том, что они не хотят принять участие в несении бремени, то есть не хотят сами действовать. Но, не делая добра, они в то же время притворяются делающими его. Так как и то, что они когда-либо делали, делали напоказ, то награда у них отнята. Что же они делают? Они «расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих». Это состояло в следующем. В законе было предписано: «навяжите на руке вашей, и да будет непоколебимо пред очами вашими». Согласно с этим иудеи вырезывали десять заповедей закона на двух хартиях, и одну из этих хартий прикрепляли к челу, а другую привешивали на правой руке. Воскрилиями же называлась вышивка из темно-красных или багряных нитей в виде узора, который устраивался на краях верхней одежды. Так делали фарисеи потому, что это предписано было в законе. Предписано же было для того, чтобы, видя это, иудеи не уклонились от заповедей Божиих. Но Бог хотел не такого буквального исполнения: нет, иметь хранилища значило исполнять заповеди; а красные нашивки предызображали, что мы, люди, должны быть некогда запечатлены кровью Христовою. Фарисеи же делали хранилища и воскрилия большие, чтобы для всех, кому оныя бросятся в глаза, показаться блюстителями закона.

Также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах, и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!

Увы! Что говорит Господь! Подлежат осуждению за то уже только, что любят предвозлежания на пирах и председания в синагогах. Чего же достоин тот, кто сверх этого делает все дурное? «Любят председания в синагогах». Там, где фарисеи должны бы были и других учить смиренномудрию, там они проявляют свою порочность: все делают для славы

и, делая с такими побуждениями, не стыдятся, а, напротив, хотят, чтобы их называли: равви, равви, то есть учителя!

А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель-Христос, все же вы — братья. И отцем себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник-Христос. Большой из вас да будет вам слуга. Ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится.

Христос не запрещает называться учителями, но возбраняет страстно желать этого наименования и всячески стараться о приобретении его. Учительское достоинство в собственном смысле принадлежит только Богу. Также и словами: «отцом не называйте» не возбраняет почитать родителей; напротив, Ему угодно, чтобы мы почитали родителей и особенно духовных отцов. Этими словами Христос возводит нас к познанию истинного Отца, то есть Бога, так как отец в собственном смысле есть Бог, плотские же родители не суть виновники нашего бытия, а только содействователи и орудия Божии. Показывая пользу смиренномудрия, Христос говорит, что больший из нас должен быть слугой и последним. Кто будет сам себя возвышать, считая себя чем-то великим, тот будет покинут Богом и унижен.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение.

Называет фарисеев лицемерами, так как они показывали благочестие, а между тем не делали ничего соответственного благочестию; напротив, совершая продолжительные молитвы, они в то же время «поедают дома вдовиц». Они были обманщики, которые издевались над простецами и обирали их. Тягчайшее осуждение они примут за то, что поедают дома вдовиц, которых, напротив, следовало бы поддерживать и помогать в их бедности. Или иначе: они примут тягчайшее осуждение за то, что они творят зло, поедают имущество вдовиц под предлогом доброго дела — молитвы; наибольшего осуждения достоин именно тот, кто под видом добра обманывает.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам: ибо сами не входите и желающих войти не допускаете.

Мало того, — говорит Господь, — что вы сами не веруете и порочны, но отклоняете и других от веры в Меня и своим примером губите. Народ обычно подражает начальникам, особенно когда видит их склонными к злу. Посему всякий наставник и учитель должен наблюдать, какая от него польза. Горе ему, если он своей жизнью препятствует другим преуспевать в добре.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас.

Не только иудеев развращаете вы, но и тех, кто от идолослужения обращается к иудейской вере, — так называемых прозелитов. Вы стараетесь кого-нибудь обратить к иудейскому образу жизни и обрезанию, а когда кто станет иудеем, он гибнет, заражаясь вашей

порочностью. «Сын геенны» — это человек, достойный сожжения в геенне, имеющий с геенной какое-то духовное сродство.

Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется золотом храма, то повинен. Безумные и слепые! что больше: золото или храм, освящающий золото? Также: если кто поклянется жертвенником, то ничего; если же кто поклянется даром, который на нем, то повинен. Безумные и слепые! что больше: дар или жертвенник, освящающий дар? Итак, клянущийся жертвенником клянется им и всем, что на нем, и клянущийся храмом клянется им и Живущим в нем; и клянущийся небом клянется престолом Божиим и Сидящим на нем.

Называет фарисеев слепыми за то, что они не хотят учить тому, чему должно; предпочитая второстепенное, пренебрегают важнейшим. Они предпочитают в храме золото, херувимов и золотую стамну самому храму. Потому и народ они учили, что не имеет большой важности поклясться храмом, а важна клятва золотом, украшающим храм. Между тем это золото потому только и досточтимо, что находится в храме. Подобно этому они говорили: дары, положенные на жертвенник, досточтимее самого жертвенника. Вследствие этого, по учению фарисеев, кто поклялся золотой утварью, тельцом или овцой, принесенными в жертву, а потом нарушил клятву, тот обязан уплатить стоимость того, чем клялся. А дар они предпочитали жертвеннику из-за выгоды, получаемой от жертв. Но кто, поклявшись храмом, нарушал клятву, тот уже не мог создать ничего, равного храму, и потому освобождался от клятвы. Так из-за корыстолюбия фарисеев клятва храмом считалась более ничтожною. Христос не позволяет жертву ветхозаветную считать выше жертвенника. И у нас, христиан, алтарь освящается дарами; Божественною благодатью хлеб прелажается в самое Тело Господне, которым и освящается жертвенник, или алтарь.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру: сие надлежало делать и того не оставлять. Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!

И здесь порицает фарисеев, как безумных, за то, что они, пренебрегая важнейшим в законе, старались о точности в мелочах, не упуская даже пожертвовать десятину от растения тмина. Если же кто порицал их за такую мелочность, они выставляли на вид, что того требует закон. Но было бы лучше и угоднее Богу, если бы они требовали от народа суда, милости и веры. Что же такое суд? Соблюдать суд — значит не делать ничего несправедливо, безрассудно, но все делать со справедливым рассуждением. Из такого суда прямо вытекает милость. Поступающий во всем справедливо знает и то, кого нужно помиловать. За милостью же следует вера. Милостивый человек, конечно, верует, что он ничего даром не потеряет, но за все получит награду. Будучи милостивыми, мы должны вместе с тем и верить в истинного Бога. И из язычников многие были милостивы, но, не веруя в Бога живого, они не имели милосердия истинного, свойственного вере, и потому милосердие их бесплодно. Итак, каждый учитель должен требовать от народа десятину, то есть требовать от десяти чувств (пяти телесных и пяти душевных) суда, милости и веры. «Сие надлежало делать», — говорит Господь, не повелевая этим давать десятину от овощей, но, устраняя предлог к обвинению, что Он учит вопреки закону Моисееву. Слепыми вождями называет их за то, что они, хвалясь ученостью и знанием всего, для всех были бесполезны, даже губили

людей, повергая в ров неверия. Они, по словам Господа, «оцеживали комара», то есть замечали малые погрешности, и в то же время «поглощали верблюда», то есть упустили из виду всякие преступления.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их.

Соблюдая предания старцев, фарисеи заботились об омовении чаш и блюд, в которых подается пища. Однако кушанья и вина, которые они ели и пили, были приобретены хищничеством и духовно оскверняли их. Не приобретай же, учит Господь, вино неправдою, тогда и сосуд будет чист. Иносказательно понимая, не о чашах и блюдах говорит Спаситель, но о внешней — телесной и внутренней — духовной сторонах существа человеческого. Ты, — как бы так говорит Господь, — стараешься сделать благолепным свое внешнее состояние, но твоя внутренность, душа, полна скверны, ибо ты похищаешь и обижаешь. Должно омыть внутреннее, то есть душу, и вместе с чистотой душевной просияет и внешнее, телесное состояние.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.

И это сравнение имеет такой же смысл, как и предыдущее. Фарисеи старались по внешнему поведению казаться благоприличными, как гробы окрашенные, то есть выбеленные известью и алебастром, но внутри были полны нечистоты, мертвых и гнилых дел.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков. Таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков.

Возвещает им горе не за то, что они созидают гробы для пророков, так как это угодно Богу, а за то, что делают это с лицемерием, за то, что, осуждая своих отцов, делали худшее, чем те, превосходили их порочностью и явно лгали, говоря: если бы мы были во дни отцов наших, то не стали бы убивать пророков, а между тем они хотели умертвить Самого Господа пророков. Посему Христос и прибавляет:

Дополняйте же меру отцов ваших. Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?

Словами: «дополняйте меру отцов ваших» не повелевает, не поощряет их к убиению Его, но выражает такую мысль: так как вы — змии и дети подобных же отцов, так как вы по своей порочности не исцельны, то постарайтесь скорее превзойти своих отцов, это сделаете вы, когда Меня убьете. Вы исполните всю меру зла убийством, какого не достаёт отцам вашим. Но если вы столь злы, то как можете вы избежать кары?

Поэтому, вот Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город.

Обличает ложь их слов: «если бы мы были во дни отцов наших, не убивали бы пророков». Вот, говорит, Я посылаю пророков, мудрых и книжников, но и их вы убьете. Речь идет об апостолах; Святой Дух поставил их учителями, пророками, исполненными всякой мудрости. Словами: «Я посылаю» являет власть Своего Божества.

Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником. Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей.

Вся кровь, несправедно пролитая, по словам Господа, должна прийти именно на тогдашних иудеев. Они будут наказаны тяжелее, чем отцы, так как не вразумились после стольких примеров; так некогда Ламех, живший после Каина, был наказан более его, хотя и не убил брата; наказан же тяжелее потому, что не вразумился примером кары Каина. Придет, согласно словам Господа, вся кровь от Авеля до Захарии. Не без основания упомянуто здесь об Авеле: он, как и Христос, убит, пострадав от зависти. Но о каком Захарии здесь упоминается? Одни говорят, что этот Захария один из числа двенадцати малых пророков, а по мнению других, это отец Предтечи. До нас дошло сказание, что в храме было особое место, где стояли девы. Захария, будучи первосвященником, поставил здесь с девами Богородицу после рождения от нее Христа; иудеи, негодуя, что он родившую поместил с девами, убили его. Нет ничего удивительного, если у отца Предтечи Захарии отца звали Варахию, как и у Захарии-пророка отец назывался. Возможно, что как они сами были соплеменники, так совпали и имена отцов их.

Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели. Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне.

Повторяет имя Иерусалима, сожалея о нем и с состраданием призывая. Угрожая карами, Господь оправдывает пред ним Себя, как бы пред возлюбленной, которая пренебрегает любящим; а Иерусалим обвиняет в убийстве, в том, что когда Он Сам многократно хотел его помиловать, он не захотел. Иерусалим слушал дьявола, отвлекавшего его от истины, а не Господа, призывавшего к небу, ибо удаляет от Бога грех, соединяет же с Ним беспорочность совести. Свою любвеобильность Господь выражает образом птицы. Но, говорит Он, так как вы не хотели, то оставляю храм пустым. Отсюда уразумеем, что ради нас обитает Бог и в храмах, а когда мы делаемся безнадежными грешниками, Он оставляет и храмы. Итак, говорит Христос, вы не увидите Меня до второго пришествия. Тогда Иудеи и против воли поклонятся Ему и скажут: «Благословен Грядый». «Отныне» — должно разуметь: со времени распятия, а не от того часа, когда сказано это. Ибо после этого часа иудеи еще много раз видели Его, но после распятия они уж не видели Его и не увидят, пока не наступит время Его второго пришествия.

И вышед Иисус шел от храма. И приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма, Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне: все будет разрушено.

Выходом из храма Господь показал, что удаляется от иудеев. И как сказал: «оставляется вам дом ваш пуст», так и поступает. Ученикам же предсказывает разрушение храма. Когда они, мысля о земном, дивились красоте зданий и показывали Христу, как бы так говоря: «посмотри, какое прекрасное здание оставляешь Ты пустым», Он отклоняет их от привязанности к земному и направляет к горнему Иерусалиму, говоря: «не останется здесь камня на камне». Усиленным образом выражения предугадывает совершенную гибель здания.

Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?

Ученики подходят наедине, намереваясь спросить о чем-то великом. Они предлагают два вопроса; первый «когда это будет?», то есть разрушение храма и взятие Иерусалима, и другой: «какой признак Твоего пришествия?».

Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: я Христос, и многих прельстят.

Появится много таких, которые будут выдавать себя за Христа. И действительно, Досифей-самарянин говорил о себе: я — Христос, которого под именем пророка предсказал Моисей; а Симон-самарянин называл себя великой силой Божией.

Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть. Но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам. Все же это начало болезней.

Господь говорит о военных действиях римлян около Иерусалима. Говорит: не только будет война, но и голод, и язва, — показывая этим, что будет возбужден гнев Божий на иудеев. О войнах можно бы еще сказать, что виновники их люди, но голод и язва могут произойти только от Бога. Потом, чтобы ученики не подумали, что не успеют они проповедать Евангелие, как мир уже прекратит свое существование, Господь продолжает: «не ужасайтесь... это еще не конец», то есть всеобщий конец последует не в одно время с разрушением Иерусалима. «Восстанет народ на народ и царство на царство»; это «начало болезней», то есть бедствий, грядущих на иудеев. Как бывают у рождающей сперва муки, а потом уже она рождает, так и этот век породит будущий только после смятений и войн.

Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут и прельстят многих. И по причине умножения беззакония во многих охладет любовь. Претерпевший же до конца спасется.

Предсказывает Спаситель будущие бедствия, чтобы подкрепить учеников. Обычно

неожиданность нас более всего устрашает и смущает. Потому Христос заранее смягчает страх чрез то, что предсказывает будущие бедствия: зависть, вражду, соблазны, лжепророков, предтеч антихриста, которые будут вводить народ в заблуждение и во всякий вид беззакония. По причине умножения беззакония по обольщению антихриста, люди станут звероподобными, так что ослабеют узы всякой любви даже между самыми близкими; люди будут предавать друг друга. Претерпевший же до конца, то есть мужественно перенесший, не уступивший искушению, спасется, как воин, испытанный на брани.

И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец.

Дерзайте, вы не встретите препятствия для проповеди! Евангелие будет проповедано среди всех народов «во свидетельство», то есть для обличения, для обвинения тех, которые не уверуют, «и тогда придет конец» не мира, но Иерусалима. Действительно, до взятия Иерусалима Евангелие было всюду проповедано, как говорит апостол Павел: «Евангелие возвещено всей твари поднебесной» (Колосс. 1, 23). Что речь идет о конце Иерусалима, ясно из дальнейших слов Господа.

Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет.

«Мерзостью запустения» называет статую вождя, овладевшего городом, которую он поставил в недоступном ни для кого святилище храма. Слово «запустение» указывает на разрушение и запустение города; «мерзостью» названа статуя потому, что евреи, гнушась идолопоклонства, называли статуи и изображения людей «мерзостями».

Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы. И кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего. И кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои.

Предуказывая неизбежность бедствий, Господь повелевает бежать, не обращаясь назад, не заботясь об имуществе, одежде или иной утвари, остающейся в доме. Но некоторые толкователи под «мерзостью запустения» разумеют антихриста, который явится ко времени опустошения вселенной, разрушения церквей и к тому же сядет в храме; а сообразно этому и заповедь о бегстве понимают так восшедшие наверх дома, то есть на высоту добродетелей, да не сходят с этой высоты взять телесное (ибо тело — дом души). Должно удаляться с поля, то есть от земного ибо поле — жизнь; не должно брать и одежды, то есть древней злобы, которой мы совлеклись

Горе же беременным и питающим сосцами в те дни.

Беременные, отягощаемые бременем чрева, не в силах будут бежать, а питающие сосцами не будут в силах ни покинуть детей по жалости к ним, ни взять их с собой и спастись с ними вместе; они также не избегнут гибели. А может быть, Христос намекает здесь на ужасное поедание собственных детей. Иосиф Флавий рассказывает, что во время осады Иерусалима, вследствие ужасного голода, одна женщина изжарила и съела свое собственное дитя.

Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою, или в субботу.

В лице апостолов Господь говорит это иудеям, так как сами апостолы заблаговременно удалились из Иерусалима. Посему иудеям заповедует молиться, чтобы бегство их не случилось зимой, когда по неудобству времени они не смогут убежать, а равно и в субботу, потому что в этот день иудеи по закону бездействуют, и никто из них не осмелится бежать. А ты понимай это и так: нам должно молиться, чтобы бегство наше из сей жизни, то есть кончина, не произошло «в субботу», то есть когда мы не творим добрых дел, и «зимой», то есть при бесплодии в добре, но чтобы кончина наша наступила при тишине и невозмутимости душевной.

Ибо тогда будет великая скорбь какой не было от начала мира до ныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни.

Тогда была скорбь невыносимая. Римским воинам было дано приказание — никого не щадить. Но Бог ради тех, которые уже уверовали или еще имели уверовать, не допустил полного истребления всего народа, сократил войну и смягчил скорби. Если же война продолжилась бы еще, то все, кто был в городе, погибли бы от голода. Иные относят это ко дням антихриста, но здесь речь не об антихристе, а о взятии Иерусалима. Пророчество же об антихристе начинается дальше. Вот оно:

Тогда если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, — не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам.

Так как ученики предложили два вопроса — о взятии Иерусалима и о пришествии Господа, то и Господь, сказав о разорении Иерусалима, потом начинает пророчество о Своем пришествии и кончине мира. Слово «тогда» имеет не тот смысл, что «тотчас по взятии Иерусалима, если кто скажет вам» и т.д., нет, «тогда» и относится к тому времени, когда должно это произойти. Смысл такой: «тогда», то есть когда придет антихрист, будет много лжехристов и лжепророков, которые будут очаровывать очи зрителей явлениями чудными по демонской силе и многих обманут, Если и праведники не будут всегда бодрственны, то и они могут подпасть обольщению. Но вот Я вам предсказал, и вы не будете иметь извинения; вы можете избежать обмана.

Итак, если скажут вам: вот, он в пустыне, не выходите; вот, он в потаенных комнатах, — не верьте. Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого. Ибо где будет труп, там соберутся орлы.

Если придут, говорит Христос, обманщики, говоря: Христос пришел, но он скрывается в пустыне или в каком-нибудь жилище, в потаенных, внутренних местах, то не поддавайтесь обману. При пришествии Христа не будет нужды в указателе: оно будет явно для всех, как молния. Как молния появляется вдруг и для всех бывает видима, так и пришествие Христово будет видимо для всех, живущих в мире. Во второе пришествие не так будет, как в первое, когда Господь переходил с места на место: тогда Он явится во мгновение. И как на труп тотчас слетаются хищные орлы, так туда, где будет Христос, придут все святые, парящие на

высоте добродетели; они, подобно орлам, вознесутся на облака. Под трупом здесь разумеется Христос, так как Он умер. И Симеон о Нем говорит: «Сей лежит на падение».

И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются.

Вслед за пришествием антихриста, власть которого скоро будет упразднена (это выражено словом «вдруг»), «солнце померкнет», то есть помрачится, не будет заметно в сравнении с более превосходным светом Христова пришествия; равно и луна, и звезды. Действительно, какая нужда в чувственных светилах, когда не будет ночи, когда явится Солнце правды? Но и «силы небесные поколеблются», то есть изумятся и содрогнутся, когда увидят, что тварь изменяется и все люди, от Адама до того времени жившие, должны будут дать отчет.

Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные, и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою.

Тогда явится в обличие иудеев на небе крест, блистая светлее солнца. Господь придет, имея крест, как важнейшую улику против иудеев, подобно тому как кто-нибудь, пораженный камнем, показал бы этот камень. Крест называется знамением, как победное царское знамя. Тогда восплачутся все племена иудейские, оплакивая свою непокорность; восплачутся также и христиане, привязанные к земному, так как племенами земными можно назвать всех пристрастившихся к земному. Если же Господь идет с крестом, то, значит, и с великой силой, и славой.

И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною; и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их.

Пошлет ангелов собрать святых, живущих еще и воскресших из мертвых, чтобы они встретили Его на облаках. Созыванием при посредстве ангелов воздает им честь. Нет противоречия этому в словах апостола Павла: «будем восхищены на облаках»: тех, которых сначала соберут ангелы, потом восхитят облака. При сем труба — для большего изумления.

От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето. Так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях.

Когда все сие произойдет, то не много уже времени останется до конца мира и Моего пришествия. «Летом» называет грядущий век, когда для праведников будет спокойствие от бурь; для грешников же — это буря и смятение. Как, говорит Спаситель, смотря на ветви и листья смоковницы, вы ожидаете лета, так ожидайте и Моего пришествия, когда увидите предсказанные Мною признаки — изменение солнца и луны.

Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все сие будет. Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут.

Под «родом сим» разумеет не поколение тогдашних людей, а род верных, выражая такую

мысль: «не пройдет род сей» до того времени, как все это произойдет. Когда услышите о голоде и язве, то не думайте, что от таких бедствий погибнет род верных; нет, он пребудет, и никакие ужасы не преодолеют его. Другие относят «все сие» только к взятию Иерусалима, а не ко второму пришествию, и толкуют так: «не пройдет род сей», то есть поколение, современное апостолам, уже увидит все происшествия с Иерусалимом. Подтверждая же сказанное, говорит: легче уничтожиться небу и земле, твердым и неподвижным стихиям, чем хоть одному из Моих слов не оправдаться.

О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один.

Здесь наставляет учеников не допытываться о том, что выше человеческого разума. Говоря: «ни ангелы», удерживает учеников от стремления узнать теперь, чего и ангелы не знают, а словами: «Отец Мой один» удерживает от стремления узнать и потом. Если бы Он сказал: «и Я знаю, но не скажу вам», они опечалились бы, видя в этом презрение к себе. Но вот, сказав, что не знает и Сын, а только Отец один, Господь не позволяет им разведывать. Иногда родители держат что-нибудь в руках. Когда же дети просят у них, родители не хотят дать, утаивают и говорят: «у нас нет, чего вы ищете», и тогда дети перестают плакать. Так и Господь, чтобы успокоить апостолов, желавших знать день и час, говорит: «и Я не знаю, а знает только один Отец». Но что и Он знает день и час, видно из других соображений. Все, что имеет Отец, имеет и Сын; если Отец имеет знание дня, то, конечно, имеет таковое и Сын. Это еще очевиднее из такого рассуждения. Можно ли допустить, чтобы самого дня не знал Сын, которому так ведомо все, предшествующее сему дню? Тот, кто привел к преддверию, конечно, знает и дверь. Не открыл же Он дверь знания дня для нашей пользы. Для нас вредно знать, когда будет конец, потому что в таком случае мы стали бы беспечны. Неизвестность же делает нас бодрствующими.

Но как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого. Ибо как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, так будет и пришествие Сына Человеческого.

Для уверения в истине Своих слов Господь приводит события времени Ноя. Как тогда иные делали предметом своих насмешек строение ковчега, пока не пришло бедствие и не уничтожило всех, так и теперь иные осмеивают проповедь о кончине мира; но внезапно придет гибель. Господь предсказывает, что около времени пришествия антихриста страсть к наслаждениям охватит людей, и они особенно охотно будут вступать в брак, предаваться роскоши.

Тогда будут двое на поле; один берется, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется.

«Тогда», говорит, то есть когда все будут беспечны, отдадутся своим занятиям, один, праведник, будет взят в сретение Господа на воздух, а другой, именно грешник, оставляется. Иные будут молоть, то есть будут рабами: и из них одни, достойные, берутся, а другие, недостойные, оставляются. Таким образом и отсюда мы видим, что ни рабы и ни женщины не получают препятствия к богоугождению.

Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет. Но это вы знаете, что если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий.

Господь заповедует бодрствовать и готовиться, то есть обогащаться добрыми делами, чтобы, когда придет Господь, мы могли представить Ему, что Ему угодно. Обрати внимание: Спаситель не сказал «Я не знаю, в какой час придет вор», но сказал «вы не знаете». Под вором разумеется конец и смерть каждого. Как незаметно, говорит, приходит вор, так неожиданно будет Мое пришествие: не будьте же беспечны, но бодрствуйте. Если бы мы знали, когда наступит наша кончина, то мы бы только в тот день постарались угождать Богу. А теперь, так как не знаем, то всегда бодрствуем для дел добродетели.

Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? Блажен тот раб, которого господин его пришел найдет поступающим так. Истинно говорю вам, что над всем именем своим поставит его.

Господь недоумевает в своем вопросе: «Кто верный и благоразумный раб, которого господин его поставил на службу ему?», давая понять, что таких рабов редко можно сыскать. От всякого управителя требуются два качества: верность и благоразумие. Если раб — управитель и верен, то есть сам ничего не похищает, но не благоразумен и даром теряет имение, то он бесполезен. Равно, если он благоразумен, но сам крадет, он недостойн. Но кто окажется тогда и верным, и благоразумным, тот получит нечто высшее, — именно Царство Небесное. Святые будут наследниками всего, что принадлежит Богу. Верный и разумный раб — это такой учитель, который вовремя дает пасомым надлежащую духовную пищу. Таков был Павел, бывший прежде хулителем, а потом ставший верным служителем. То он напоил молоком одного, то возвещал премудрость другому; он был и разумен, зная замыслы врага. Таков должен быть и всякий, что-либо получивший от Бога, — имение, власть или начальство. Он должен управлять вверенным и верно, и разумно, ибо должен будет дать отчет.

Если же раб тот, будучи зол, скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой, и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами, — то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с мытарями; там будет плач и скрежет зубов.

Сказав, какой почести удостоится верный раб, Господь говорит потом, какое наказание понесет злой. Если человек, которому вверено распоряжение каким-либо даром, станет пренебрегать своим служением и скажет: медлит господин мой, то есть не тотчас наказывает; если он таким образом «долготерпение Божие делает поводом к распутству», станет бить своих товарищей рабов, то есть, истолкую я, станет их соблазнять, поражать их совесть (потому что подначальные, при виде злоупотребления со стороны начальников, данных им, впадают в соблазн, несут вред), — то раб таковой будет рассечен, то есть лишен дарования; тогда и обнаружится, каков он. Он будет брошен во тьму. Прежде он своим саном обманывал других. Так, многие архиереи кажутся святыми только благодаря своему сану.

Тогда же благодать у них отнимается, и они будут наказаны, как лицемеры, потому что казались не такими, какими действительно были.

Глава двадцать пятая

Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взявши светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взявши светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И, как жених замедлил, то задремали все и уснули.

Под образом дев Господь предлагает притчу о милостыне, чтобы, так как девство имеет великое значение, то кто-нибудь, сохранив девство, не пренебрег прочими подвигами. Знай же, что, не творя милостыни, хотя бы ты был и девственником, будешь извержен вместе с блудниками. И справедливо извергается иной, бывший девственником, но не милостивый и жестокосердый. Блудника одолевает сильная, естественная страсть, а немилосердый побежден деньгами. Но чем слабее противник, тем менее заслуживает прощения побежденный страстью сребролюбия. Сребролюбец и «неразумен», потому что победил естественное плотское разжжение, а сам побежден более слабым злом — деньгами. Сон означает смерть, а замедление жениха указывает, что не скоро наступит второе пришествие.

Но в полночь раздался крик: вот жених идет; выходите навстречу ему. Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда же пошли они покупать, пришел жених и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились. После приходят и прочие девы и говорят: Господи! Господи! Отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас. Итак, бодрствуйте, — потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий.

Говорит: «крик раздался среди ночи». Этим показывается, что Господь придет нечаянно, так как в полночь мы спим глубоким сном. Приходит при крике; это значит: при втором пришествии возгласит труба. Светильники — наши души. Особенно ум каждого — светильник: он горит тогда, когда имеет елей добрых дел и милостыню. Девы действительно неразумны уже потому, что искали елея, когда уж не время было получать его. Мудрые говорят: «как бы не случилось недостатка и у нас, и у вас?», это значит: добродетелей ближнего едва достаточно для оправдания его самого, а для меня они бесполезны. Каждый может получить оправдание только от своих дел, а не от дел другого. Неразумные идут к продающим, то есть беднякам; это значит; они раскаялись, что не творили милостыни. Только теперь они узнают, что мы должны получать елей от бедных. Поэтому слова, что они ушли к продающим купить елея, означают то, что они в мысли своей ушли к бедным и стали размышлять о том, какое доброе дело милостыня. Но дверь была уже заперта для них, ибо после настоящей жизни нет времени для покаяния и делания. Вследствие этого Господь и говорит им: «Не знаю вас», потому что, человеколюбивый и милостивый, Он не знает безжалостных; да и в самом деле, как знать Ему чуждых Его и непохожих на Него? Знай также, что каждая душа имела светильник и свет от Бога и что все восстают для сретения

Господа, так как все желают встретить Его и соединиться с Ним. Однако в то время как свет и озарение даются Богом, мудрые души сами подбавляют к нему елей посредством доброделания, а юродивые души, оставившие светильники без масла, отвергаются, как не имеющие добрых дел, которые могли бы возжечь находящийся в них свет. Итак, если мы не делаем добра, то угашаем в себе свет Божий.

Ибо Он поступит, как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал Он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно также и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени приходит господин рабов тех и требует у них отчета.

Сказав выше, что «не знаете дня, когда Господь придет», Спаситель прилагает и притчу, показывая, что Он придет внезапно. Ибо Господь, как человек, отходящий в путь, призвал рабов Своих и поручил им то-то и то-то. Отходящим же называется соделавшийся ради нас человеком Христос или потому, что возшел на небеса, или же потому, что долго терпит и не вдруг требует от нас, но ожидает. Рабы Его — те, коим вверено служение слова, как-то: архиереи, иереи, диаконы и все, приявшие дарования духовные, одни большие, другие меньшие, каждый по силе своей, то есть по мере веры и чистоты. Ибо в тот сосуд вложит Бог дар Свой для меня, какой я представлю Ему: если представлю сосуд небольшой, то и дар вложит невеликий, а если сосуд большой, то и дар великий. Приявший пять талантов тотчас отошел и стал трудиться. Обрати внимание на усердие его: он ничего не пренебрег, но тотчас же принялся за дело, удвоив то, что получил. Удвоит же данный ему дар тот, кто, получив или дар слова, или богатство, или власть у царей, или иное какое знание и способность, приносит пользу не себе только, но старается быть полезным и для других. Напротив, закопавший талант в землю есть тот, кто думает об одной только своей пользе, а не о пользе других; и он осужден будет. Даже если увидишь даровитого и стремительного человека, но дарования свои употребляющего во зло, для своих выгод, на обманы и на предметы чувственные, считай его тем, кто закопал талант свой в землю, то есть в земные предметы. Спустя много времени приходит давший свое серебро, то есть или божественные слова, ибо «слова Господни — серебро расплавленное» (Псал. 11, 7), или же другое какое-нибудь дарование, возвышающее и прославляющее человека, имеющего его, — и требует отчета в полученном.

И подошел получивший пять талантов, принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал; и, убоившись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и

собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я пришел получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму кромешную: там будет плач и скрежет зубов. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит.

Обоих, трудившихся над тем, что было дано, одинаково хвалит господин; каждый из них слышит: «хорошо, добрый раб и верный». Под именем доброго мы вообще разумеем человеколюбивого и щедрого, который благодать свою простирает и на ближних. Оказывающиеся верными в малом ставятся над многим; ибо хотя мы и здесь удостоимся даров, но эти дары ничтожны в сравнении с будущими благами. Радость Господа — это то непрестанное веселие, которое имеет Бог, «веселящийся, — как говорит Давид, — о делах Своих» (Псал. 103, 31). Так радуются и святые о делах своих, тогда как грешники о своих скорбят и раскаиваются. Радуются святые и тому, что имеют столь богатого Господа. Заметь, что и получивший пять талантов, и получивший два таланта удостаиваются одинаковых благ; стало быть, получивший малое примет равную честь с получившим и совершившим великое, если данную ему благодать, как бы она мала ни была, употребит на доброе. Ибо каждый ради полученного им почитается высоко в том только случае, если это полученное употребил надлежащим образом. Благоразумные рабы таковы и бывают, а дурной и ленивый раб отвечает иначе, так, как свойственно ему. Он называет господина жестоким, подобно тому как и ныне многие из учителей говорят: жестоко требовать послушания от таких людей, в которых Бог не вложил покорности и не всеял послушания. Ибо это и обозначается словами: «ты жнешь, где не сеял», то есть: в кого ты не всеял покорности, от того требуешь покорности. Называя же господина жестоким, раб осуждает самого себя. Ибо если господин жесток, то рабу следовало бы еще более стараться, как такому, который имеет жестокого и немилостивого господина, так как если он требует чужого, то тем более потребует своего. Посему надлежало и тебе умножить то, что ты получил, и образовать учеников, от коих Господь потребовал бы должного. Учеников называет торгующими потому, что они передают или не передают другим слово. Требуется от них лихвы, то есть показания дел, ибо ученик, принимая от учителя учение, и сам имеет его, и другим передает оное в целости, и присовокупляет к нему еще лихву, то есть добродетели. Итак, от лукавого и ленивого раба отнимается дар. Кто, приняв дар для того, чтобы приносить пользу другим, не употребляет его для этой цели, тот теряет этот дар; а проявивший большее усердие приобретет и дар больший. Ибо имеющему усердие дана будет и преизбудет большая благодать, а от неимеющего усердия отнимется и то дарование, какое он по-видимому имеет, так как кто не упражняется и не заботится об умножении дарования, тот теряет его и имеет только по-видимому, но в действительности погубил его своею леностью и небрежением.

Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и разделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов, и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую.

Так как первое пришествие Господа было не славно и сопровождалось унижением, то о втором Он говорит: «когда придет во славе Своей». Ибо во второй раз Он придет со славою и с ангелами, служащими Ему. Прежде всего Господь отлучает святых от грешников,

освобождая первых от мучения, а потом, поставив, будет говорить с ними. Овцами называет святых по кротости их и потому, что они доставляют нам плоды и пользу, как овцы, и дают волну, то есть покров божественный и духовный, а равно и молоко, то есть духовную пищу. Грешников же называет козлищами, потому что и они ходят по стремнинам; они беспорядочны и бесплодны, как козлища.

Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.

Господь не прежде рассуждения награждает и наказывает, потому что Он человеколюбив, а этим и нас научает тому, чтобы мы не прежде наказывали, чем исследуем дело. Таким образом, после суда наказанные будут еще более безответны. Святых Он называет благословенными, ибо они восприняты Отцом. Господь именует их наследниками Царства, дабы показать, что Бог делает их общниками Своей славы, как чад Своих. Ибо не сказал: «приидите», но «наследуйте» как бы некое отеческое имение. Называет меньшими братьями или учеников Своих, или всех вообще бедных, так как всякий бедный уже потому самому брат Христа, что Христос проводил Свою жизнь в бедности. Заметь здесь правосудие Божие, как Господь восхваляет святых. Заметь и благомыслие их, как по скромности они не признают себя питавшими Господа. Но Господь относит к Самому Себе то, что сделано ими для бедных.

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.

Стоящих ошуюю Господь посылает в огонь, который уготован дьяволу. Так как демоны безжалостны и расположены к нам недружелюбно и вражески, то соответствующим образом удостаиваются того же наказания и те из людей, которые имеют такое же свойство и за дела свои подверглись проклятию. Заметь, что Бог не для людей уготовал огненное мучение и не для нас уготовал наказание, а для дьявола, но я сам себя делаю заслуживающим наказания. Вострепещи, человек, представляя, что вот посылаются эти люди в муку не за то, что они блудники или убийцы, или хищники, не за то, что совершили другое какое-либо злодеяние, — а за то, что не сделали никакого добра. Ибо если внимательно рассмотреть, то хищником окажется и тот, кто имеет много и, однако, не оказывает милости, хотя бы явно и не делал

никакой обиды ближнему. Все, что имеет он более должного, похищает у требующих, если они не получают от него; ибо если бы он отделил это для общего употребления, те не нуждались бы, теперь же, так как он запер свой излишек и присвоил его себе, они нуждаются. Таким образом, немилостивый есть похититель, ибо столь же многих обижает, сколь многим может благотворить и не благотворит. И пойдут такие люди в муку вечную и никогда нескончаемую, а праведники — в жизнь вечную. Как святые имеют непрестающую радость, так грешники — непрестающее мучение; хотя Ориген и пустословит, говоря, что будто бы есть конец наказанию, что грешники не вечно будут мучиться, что наступит время, когда, очистившись чрез мучение, они перейдут в то место, где находятся праведные, но эта басня ясно обличается здесь, в словах Господа. Господь говорит о вечном наказании, то есть непрекращаемом, ибо сравнивает праведных с овцами, а грешников с козлицами. В самом деле, как козлу никогда не бывать овцою, так и грешник в будущем веке никогда не очистится и не будет праведным. Кромешная тьма, будучи удалена от света Божественного, потому самому и составляет самое тяжкое мучение. Можно представить на это и следующую причину. Удалившись от света правды, грешник и в настоящей жизни уже находится во тьме, но так как здесь еще есть надежда на обращение, то по этой причине эта тьма и не есть тьма кромешная. По смерти же будет рассмотрение дел его, и если он здесь не раскаялся, то там окружает его кромешная тьма, ибо надежды на обращение тогда уже нет, и наступает совершенное лишение божественных благ. Пока грешник здесь, то хотя он и немного получает божественных благ, — говорю о чувственных благах, он все еще раб Божий, потому что живет в дому Божиим, между творениями Божиими, питаемый и сохраняемый Богом. А тогда он совершенно отлучается от Бога, не имея участия ни в каких благах: это и есть тьма, называемая кромешною, сравнительно с тьмою здешнюю, но кромешною, когда грешник не отсекается совершенно. Итак, бегай немилосердия и твори милостыню как чувственно, так в особенности духовно. Питай Христа, алчущего нашего спасения. Впрочем, если ты напитаешь и напоишь также алчущего и жаждущего учения, то и тогда ты напитал и напоил Христа. Ибо вера, живущая в христианине, есть Христос, а вера питается и возрастает посредством учения. Если также увидишь некоего странного, то есть удалившегося от Царства Небесного, то вводи и его с собою; иначе сказать: с ним и сам входи на небеса, и его вводи, чтобы, проповедуя другим, самому не оказаться недостойным. И если кто совлекся одежды нетления, которую имел чрез крещение, и обнажился, то облеки его, и «изнемогающего в вере, — как говорит Павел, — принимай» (Рим. 14, 1); заключенного в темнице, в этом мрачном теле, посети, даруя ему наставление, как бы свет некий. Все эти виды любви совершай и телесно, и в особенности духовно: так как мы состоим из двух частей — из души и из тела, то и дела любви могут быть совершаемы двояко.

Глава двадцать шестая

Когда Иисус окончил все слова сии, то сказал ученикам Своим: вы знаете, что чрез два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие.

После того как было упомянуто о Царстве и о муках, благовременно беседует потом и о Своем страдании, как бы так говоря, что «и распинатели Мои удостоятся огня».

Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во дворе первосвященника, по имени Каиафы, и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить; но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в

народе.

Несмотря на повеление закона, чтобы был только один архиерей в течение всей его жизни, иудеи вопреки закону ставили у себя многих архиереев, сменяя их каждый год. Итак, к архиерею того года приходят на совет те, которые должны были наказывать убийц. Архиереями же называет евангелист тех, которые уже окончили свою годичную службу. Намереваясь совершить преступное убийство, они не Бога боятся, а народа. Боялись же того, чтобы народ, в случае убиения ими Христа в праздничное время, не восстал бы к отмщению за то, или вместе и того боялись, чтоб убийством своим не отвлек народ от узаконенных жертвоприношений, а самим не лишиться бы прибыли от жертв. Равным образом опасались и того, чтобы смерть Христа не сделалась общеизвестною и славною, если бы Он был убит в праздник; им хотелось истребить и память о Нем. Таким образом, сделавши совет пред праздником, они положили убить Его после праздника. Но Он, показывая, что страждет не тогда, когда они хотели бы, но когда Сам Он восхотел, попустил им взять Себя накануне самого праздника Пасхи, дабы в то же самое время, в которое обыкновенно бывала Пасха преобразовательная, совершилась и Пасха истинная. Следует обратить внимание и на то, как они осквернили себя убийством. В самом деле, не желая убивать Его в праздник, они убивают, однако ж, лишь только нашли предателя, убивают, чтоб только выполнить волю свою, а на народ уже не обратили внимания.

Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову.

Некоторые говорят, что было три жены, помазавших Господа миром, о которых упомянули все четыре евангелиста. Другие же полагают, что их было две: одна, упоминаемая у Иоанна, то есть Мария, сестра Лазарева, а другая — та, которая упоминается у Матфея и которая тождественна с упоминаемою у Луки и Марка. Симона-прокаженного некоторые считают отцом Лазаря: Господь очистил его от проказы и угощен был им. Полагают также, что когда Господь говорил ученикам: «идите к такому-то, и он покажет вам горницу убранную», то посылал их именно к Симону; он-то, как говорят, и принял Господа, и Господь совершил у него Пасху. Видя сего прокаженного очищенным, означенная жена возымела веру, что и она получит отпущение и очистится от душевной проказы. Прияв веру, она покупает драгоценное миро и, не жалея, возливает на главу Господа, отдавая чрез это честь важнейшей части тела. Так, и ты, коль скоро имеешь душевную проказу — проказу фарисейскую, ослепляющую тебя превозношением и чрез то удаляющую тебя от Бога, прими в дом свой Иисуса и помажь Его миром добродетелей. Ведь и ты можешь изготовить миро очистившему тебя от проказы Иисусу и возлить это миро на главу Его. Что же есть глава Христова? Это — Божество Его, которому приносится благовоние добродетелей, ибо говорится: «Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое, Господи» (Псал. 140, 2). И ты приноси Божеству Христову благовоние мира, составленного из добродетелей, исповедуй Христа не только человеком, но и Богом, ибо чрез сие ты также помазуешь главу Его благовонным миром, то есть православно богословствуешь.

Увидевши это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? ибо можно бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня; ибо

нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете.

Многое слышав от Господа о милостыне и высоко ценя слово о ней, ученики стали упрекать жену, полагая, что Бог более ищет человеколюбия, нежели чести Себе. Но Он делает выговор ученикам, так как они неблагоприятно упрекали жену. От новоприходящих и вообще не должно требовать слишком многого, а в особенности от слабой женщины, но надлежит принимать и умеренную веру их. Поэтому, когда кто приносит дар Богу, не отклоняй его и не подавляй горение духа его, что получилось бы в том случае, если бы ты отослал его раздать этот дар нищим, но предоставь ему совершить приношение. Но когда кто потребует от тебя совета о том, нищим ли нужно отдать что-либо или же принести Богу, в таком случае посоветуй ему отдать лучше нищим, а если он уже принес, то напрасно будешь отвращать его. Притом же честь, воздаваемую непосредственно Богу, должно предпочитать всему вообще, а следовательно, и самой милостыне. И если Христос из-за человеколюбия относит дела милости к Себе, то не подумай, что Бога должно оставлять и заботиться только лишь о милостыне: в таком случае получится, что можно и святотатствовать, и из святотатственного подавать милостыню. Но этого не должно быть. А что оказывать милосердие бедным и воздавать честь и угождение самому Христу есть не одно и то же, послушай: «нищих, — говорит, — вы всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете». Видишь, что иное дело служить Христу и иное — миловать нищих, хотя Христос по человеколюбию Своему и относит к Себе Самому то, что делают для бедных.

Возливши миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению; истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ея и о том, что она сделала.

Этим Господь научает нас, что упомянутая жена поступила так по особой воле Божией, прообразуя смерть Его и погребение тела Его, ибо Господь не попустил бы помазать Себя миром, если бы не хотел явить этим некой тайны. Как Бог, Он предсказал будущее, что в похвалу жене возвещается будет всюду о том, что она сделала. Заметь же человеколюбие Божие, — каким великим даром воздается жене: Он устрояет то, что память о ней будет повсюду, до каких только пор будет проповедоваться Евангелие. Но каким образом миро указывало на погребение Христа? У иудеев был обычай погребать тела с мастьями мира, как делали и египтяне, для того, чтобы эти тела сохранялись без гниения и без дурного запаха. Итак, жена сия, — говорит Он, — показывает чрез возлияние мира, что тело Мое будет предано погребению. Все это говорит Господь, трогая и вразумляя Иуду, чрез которого имел быть предан на погребение. В переносном смысле разумей следующее: прокаженный — это языческий народ; жена грешница — это церковь из сонма язычников, которая возлила миро, то есть веру, на главу Христа или, иначе сказать, на Божество Его. Ибо всякий, верующий, что Христос есть Сын Божий, возливает тем самым миро на главу Христову. Наконец, Иуда, роптавший, как говорит Иоанн (Иоан. 12, 4-5), на жену, есть образ иудеев, донныне ропщущих на церковь Христову.

Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили

ему

тридцать сребреников; и с того времени он искал удобного случая предать Его.

Когда чуждая жена, блудница, оказала столь великую честь, тогда ученик уходит, чтобы предать Его! «Тогда пошел» сказано не напрасно, но чтобы обозначить бесстыдство Иудино. Выражение «Искаротский» присовокупил евангелист для того, чтобы определеннее обозначить его, так как был другой Иуда, Леввей; оный же предатель происходил из некоего селения, которое называлось «Искара». «Они предложили ему тридцать сребреников?», то есть только согласились, определили дать ему, а не то, чтобы уже отвесили их, как многие думают. Иуда искал удобного времени, чтобы предать им Его наедине: так как они боялись народа, то и подкупили Иуду, чтобы он известил их, когда Иисус будет один.

В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху? Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит: время Мое близко, у тебя совершу пасху с учениками Моими. Ученики сделали, как повелел им Иисус, и приготовили пасху.

Так я думаю, что первым опресночным днем евангелист называет день предопресночный. Есть пасху им надлежало собственно в пятницу вечером: она-то и называлась днем опресночным; но Господь посылает учеников Своих в четверток, который называется у евангелиста первым днем опресночным потому, что предшествовал пятнице, — в вечер каковой и ели обыкновенно опресноки. Ученики подходят и спрашивают Иисуса: «?» где Ты хочешь, чтобы мы приготовили Тебе пасху?», ибо ни они сами, ни Он не имели собственного дома. А Он посылает их к человеку, не знакомому ими и не знающему их (то же Он сделал и относительно ослицы), показывая им, что человек тот может послушаться и простых слов незнакомых ему лиц и примет Его. Пасху же восхотел совершить для того, чтобы не показаться врагом закона. «Временем Своим» называет Свое заклание, чтобы ведали мы, что Он закапается не без ведома о том и добровольно. К словам: «у тебя, — то есть в доме твоём, — сотворю пасху?» Господь прибавил «с учениками Моими»; прибавил это для того, чтобы было сделано соответствующее заготовление, ибо вкушать пасху намеревались многие.

Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Они весьма опечалились и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли Господи?

Из сего некоторые заключают, что в тот год Господь не вкушал пасхи. Агнца, говорят, ели стоя, а Христос возлежал; следовательно, не ел пасхи. Но мы утверждаем, что Он сначала стоя ел пасху ветхозаветную, а потом, возлегши, преподал Свое таинство: совершил сначала преобразовательную пасху, а потом и пасху истинную. О поступке Иуды предсказывает для того, чтобы исправить его, пристыдить его, если не чем другим, то хоть общением трапезы, и дав ему знать, что он, Иуда, хочет предать Бога, ведающего помышления. Ученики же стали беспокоиться за себя потому, что хотя совесть их была и чиста, но они более доверяли Христу, чем себе, так как Господь знал сердца их лучше, чем они сами.

Он же сказал им в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, тот предаст Меня; впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем. Но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше бы было тому человеку не родиться. При этом и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты

сказал.

Прямо обличает предателя, так как, будучи прикровенно обличаем, Иуда не исправлялся. Поэтому, говоря: «омочивший со Мною», объявляет о нем для того, чтобы хоть так исправить его. Однако, будучи бесстыдным, Иуда обмакнул кусок в том же самом блюде, или тарелке. Затем Господь говорит: «впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем», то есть если Христу и было предопределено пострадать для спасения мира, однако по этой причине вовсе не следует чтить Иуду. Напротив, горе ему, потому что он сделал это вовсе не для того, чтобы подействовать воле Божией, но чтобы услужить своей злобе. К тому же, если рассмотришь внимательно, Христос не имел непреклонного желания быть распятым. Это Он показывает тем, что молится об удалении чаши. Но так как?» прежде всех веков?» ведал Он, что по причине злобы врага люди не могут спастись иным способом, — то напоследок желает испить чашу, которой сначала не желал было. Говоря, что «лучше было бы этому человеку не родиться», показывает, что небытие лучше бытия в грехах. Обратите внимание и на слово «идет»: оно показывает, что умерщвление Христа будет скорее переходом, нежели смертью.

И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть тело Мое.

Выражение: «когда они ели» присовокупил евангелист для того, чтобы показать бесчеловечие Иуды: если бы он зверем был, то и тогда должен бы смягчиться, ибо вкушал одну пищу с одной трапезы, а он между тем, и будучи обличаем, не пришел в себя; мало того, даже причащаясь тела Христова, не раскаялся. Впрочем, некоторые говорят, что Христос преподавал Тайны Своим ученикам тогда, когда Иуда вышел. Так приличествует поступать и нам, то есть удалять нечестивых людей от Тайн Божественных. Намереваясь преломить хлеб, Господь благодарит как для того, чтобы и нас научить приносить хлеб с благодарением, так и для того, чтобы показать, что Он с благодарностью принимает преломление Своего тела, то есть умерщвление, и не негодует на это, как на нечто недобровольное; благодарит, наконец, и для того, чтобы и мы принимали Тайны Христовы с благодарностью. Говоря: «сие есть тело Мое», показывает что хлеб, освящаемый на жертвеннике, есть самое тело Христово, а не образ его, ибо Он не сказал: «сие есть образ», но «сие есть Тело Мое». Хлеб неизъяснимым действием прелажается, хотя и кажется нам хлебом. Так как мы слабы и не решились бы есть сырое мясо и человеческую плоть, то нами преподается хлеб, хотя на самом деле это — плоть.

И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нея все; ибо сие есть кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов.

Как Ветхий Завет имел заклания и кровь, так и Новый Завет имеет кровь и заклания. «За многих изливаемая» сказал вместо «за всех изливаемая», ибо и все суть многие. Но почему выше не сказал: «примите, ядите все», а здесь сказал: «пейте из нея все»? Одни говорят, что Христос сказал это ради Иуды, так как Иуда, взяв хлеб, не ел его, а скрыл, чтоб показать иудеям, что Иисус называет хлеб Своею плотью; чашу же и не хотя пил, не будучи в состоянии скрыть это. Поэтому будто бы и сказал Господь: «пейте все». Другие толкуют это в переносном смысле, а именно: так как твердую пищу можно принимать не всем, а тем только, кто имеет совершенный возраст, пить же можно всем, то по этой причине и сказал

здесь: «пейте все», ибо простейшие догматы свойственно всем принимать.

Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего.

Вкусив от чаши, отказывается, наконец, от телесного питья и возвещает некоторое иное вкушение в Царствии, то есть в воскресении. Воскресши, Он действительно ел и пил, но уже для некоторой другой цели, ибо ел и пил не как нуждающийся в телесной пище, а для уверения в истинной природе Своего тела. Свое воскресение по всей справедливости называет Царствием, ибо тогда Он упразднил смерть, явив Себя истинным Царем. Или понимай и так: новое питье — откровение тайн Божиих, которые откроются тогда — в Царстве Божиим, то есть при втором пришествии; «новыя», то есть такие, каких мы никогда не слышали. Христос говорит, что Сам будет пить их вместе с нами. Это значит, что нашу пользу почитает Своею пищею и питьем.

И воспевши, пошли на гору Елеонскую.

По вечери они воспели это для того, чтоб научились мы, что и нам следует делать то же. Идет на гору маслин, а не в другое какое место, чтобы не подумали, что Он убегает; ибо не в неизвестное иудеям место уходит, а в известное. Вместе с тем и для того уходит из кровожадного города, оставивши его, чтобы не воспрепятствовать им гнаться за Собою, а после обличить их, что они преследовали Его и по отшествии.

Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада (Захар. 13, 7). По воскресении же Моем предварю вас в Галилее.

Как Бог, предсказывает будущее, а чтоб ученики не соблазнились, вменив это в укор себе, говорит, что написано: «поражу пастыря, и рассеются овцы», внушая этим следующее: Я связывал вас всех вместе, отшествие же Мое рассеет вас. Говорится, что Отец поразит Сына. Это потому, что иудеи распяли Господа по изволению, то есть по допущению, Отца. Будучи в состоянии воспрепятствовать им, Отец не воспрепятствовал, а попустил, вследствие чего и говорится, что Он «поразил». Потом, разрешая скорбь учеников, Господь благовествует им: Я восстану и «предварю вас в Галилее», то есть поспешу туда прежде вас. Показывает этим, что Иерусалим Он оставит и отойдет к язычникам, так как в Галилее жили язычники.

Петр сказал Ему в ответ: если все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь. Иисус сказал Ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня.

По причине большой самоуверенности Петр только один обещает не соблазниться. Потому Христос и попустил ему пасть, чтоб научить Его надеяться не на себя, а на Бога, и слова Христовы почитать более достоверными, чем собственное сознание. Притом слова: «если и все соблазнятся, я не соблазнюсь» отзываются высокомерием, обнаруживая в Петре гордость и незнание собственной немощи. Господь предсказывает ему и время, что «в эту самую ночь, прежде нежели пропоет петух», предсказывает и число отречений, что он отречется «трижды».

Говорит Ему Петр: хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. Подобное говорили и все ученики. Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там.

Петр, желая показать, что он вполне предан Спасителю, прекословит Ему, ибо, освободившись от страха предательства, он начал восставать на других и противиться Христу по сильной любви к Своему Учителю и по любочестию. Но и остальные ученики, так как они еще не испытали искушений, по неведению своему обещали то, чего не имели исполнить. Намереваясь помолиться, Христос идет в уединенное место, потому что для молитвы нужно отрешение от всего и уединение.

И взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты.

Не всех берет учеников, а только троих, которым показал славу на Фаворе, дабы, видя Его молящимся и скорбящим, не соблазнились. Однако и сих оставляет и, отойдя, молится наедине. А скорбит и тоскует благопромыслительно, дабы уверовали, что Он был истинным человеком, ибо человеческой природе свойственно бояться смерти. Смерть вошла в человеческий род не по природе; поэтому природа человеческая боится смерти и бежит от нее. Скорбит вместе с тем и для того, чтоб утаить Себя от дьявола, чтоб дьявол напал на Него, как на простого человека, и умертвил Его, а чрез это и сам был бы низложен. С другой стороны, если бы Господь Сам пошел на смерть, то подал бы иудеям оправдание, что они не погрешили, убив Его, пришедшего к ним на страдание. Из этого и мы научаемся не ввергать себя в опасности, но молиться об избавлении от них. Для того Он и не отходит на дальнейшее расстояние, но находится вблизи трех учеников, чтобы, слыша Его, они помнили о том, что Он делает, и, впадши в искушения, сами бы молились подобно Ему. Страдание Свое Он называет чашею или по причине успения, или же по причине того обстоятельства, что оно соделалось причиною нашего веселия и спасения. Желает, чтобы мимо прошла чаша сия, или для того, чтобы показать, что, как человек, Он по естественным законам отвращается от смерти, как выше сказано, или потому, что не желал, чтоб евреи согрешили столь тяжко, что за их грех случилось бы разрушение храма и гибель народа. Христос желает, да будет воля Отца, дабы и мы научились, что хотя бы природа и отвращала нас, но должно более повиноваться Богу, нежели исполнять собственную волю.

И приходит к ученикам, и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна.

Так как Петр был смел, а равно и другие ученики, то избличает их нетвердость, как людей, говоривших необдуманно, и в особенности обращает свою речь к Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною; и как души свои положите за Меня? Впрочем, когда поразил их обличением, снова успокаивает их, говоря, что дух бодр, но немощь плоти противится духу, то есть: Я извиняю вас, потому что вы воздремали не по презрению ко Мне,

а по немощи. Вследствие этого, если и вы немощны, то не будьте смелы, но молитесь, дабы как-нибудь не впасть вам в искушение. Другие же полагают, что «да не внидете в напасть» сказано вместо «да не будете побеждены напастью». Ибо не то, говорят, заповедует, чтобы мы были без напастей, так как напасти увенчивают, но то, чтобы мы не были поглощены напастью и чтоб не попали в чрево ея, как некоего зверя, — об этом велит молиться, так как побежденный напастью вошел в чрево ея, то есть поглощен ею.

Еще, отошед в другой раз, молился, говоря: Отче Мой: если не может чаша сия миновать Меня, чтоб Мне не пить ея, да будет воля Твоя. И пришед находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели. И оставив их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово.

Учись, человек, непрестанно молиться в искушениях, слыша, что и Господь часто молился. Найдя учеников опять спящими, Господь не стал обличать, чтоб не опечалить, но отошел. И, отошедши, стал молиться в третий раз, уверяя в Своем человечестве, ибо число три служит показанием истины и достоверности.

Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им: вы все еще спите и поживаете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников; встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня.

Показывая, что не имеет нужды в их помощи, когда намерен предаться, Он говорит им: «спите, впрочем». Или произносит это для пристыжения их, как бы так говоря: «вот, приблизился предатель: если приятно вам и время позволяет, спите». Затем возбуждает их от того места, где молился, и идет навстречу к тем, которые намеревались взять Его. И вот Он пред ними, как будто они намереваются дать Ему нечто приятное. Так и о том, о чем молился Он, для того молился, чтобы благопромыслительность стала достоверною для нас; и если не желал пострадать, то для того, чтобы предохранить евреев от гибели, которая имела постигнуть их за грех против Него.

И когда еще говорил Он, вот, Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И тотчас, подошел к Иисусу, сказал: Радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал Ему: друг, для чего ты пришел? Тогда подошли, и возложили руки на Иисуса, И взяли Его.

Видишь орудия архиереев! Дреколя и мечи! Так они были миролюбивы! Так они отличались духом кротости! Один из «двенадцати» — сказал евангелист, показывая с удивлением, что Иуда предал себя дьяволу, несмотря на то, что был избран и с первыми поставлен. Так и ты, человек, бойся, чтоб, ослабев духом, не отпасть, хотя бы и был ты одним из ближайших к Иисусу! Дает знак Иуда отчасти потому, что была ночь и они не могли распознать, а с другой стороны и потому, что пришедшие взять Иисуса были не столько из простого народа, сколько из слуг архиерейских, которые и вовсе, может быть, не знали Иисуса. Ученик указывает им Учителя посредством целования, ибо, зная человеколюбие Господа, он делается дерзким и целует Его. И Господь терпит до последнего часа, стараясь привести его к покаянию Своим долготерпением. Когда же он и так не был вразумлен, тогда Господь делает то, что пришедшие пали на землю, как говорит Иоанн; делает это для того,

чтобы хоть чрез падение познали Его силу. Однако и после этого не отвратились они от дерзости. Тогда Господь и предаёт им Себя. Иуду называет «другом», посрамляя и укоряя за то, что он, как будто друг, даёт Ему лобзание. «На сие ли пришел» — вместо: «с каким расположением присутствуешь здесь?». Как друг? Но в таком случае не следовало приходиться с мечами. Как враг? Но для чего целуешь? Так-то и избличает его, как льстеца.

И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть?

Петр был извлечшим нож, как говорит Иоанн (Иоан. 18, 10). А нож он имел при себе, как незадолго пред этим зажавший агнца, которого вкусили на вечери. Мы не осуждаем Петра, ибо он сделал это, ревнуя не о себе, а об Учителе. Господь же, приучая его к евангельской жизни, наставляет не пользоваться мечом, хотя бы и за Бога кто думал отметить. Отсекая ухо, Петр показывает, что иудеи больны были непослушанием. Потом Господь полагает изречение закона, что убийца сам должен быть убит, так как закон говорит то, что «взявшие нож от ножа и погибнут». Указывается этим, что будут истреблены от меча римлян иудеи, взявшие меч против Него. Не сказал, что?» могу представить двенадцать легионов ангелов», но «умолить Отца Моего», говоря это благопромыслительно, как человек, по причине немощи учеников. Так как Он показал тогда много человеческого — пот, страх, то не было бы убедительным, если бы сказал: «Я могу Сам представить ангелов». Вместо двенадцати, говорит, учеников. Мне предстали бы двенадцать полков ангелов, если бы захотел Я. А легион — самый большой полк, в шесть тысяч всадников. Но должно, говорит, чтобы все это совершилось, дабы исполнились Писания, предвозвестившие все это. Иудеи злы не потому, что предвозвестили Писания, но так как иудеи имели все это совершить по злему произволению, то в Писаниях и изложено так Духом.

В тот час сказал Иисус народу: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня. Сие же все было, да сбудутся Писания пророков.

Показывает безумное их предприятие, а равно и то, что взятие Его произошло не по их силе. Когда Я был с вами в храме, говорит Он, вы хотели взять Меня, но так как Я не допускал, то вы не могли. Теперь же Я по собственной воле предаюсь вам, ибо знаю, что быть не может, чтобы солгали Писания, которые предсказали вашу злобу.

Тогда все ученики, оставивши Его, бежали. А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины. Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова; и вошед внутрь, сел со слугами, чтобы видеть конец.

Прочие ученики бежали, Петр же, будучи более горячо расположен к Учителю, издали шел за Ним. Хотя и Иоанн шел за Ним, однако, не как ученик, а как знакомый архиерея.

Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили; и хотя много

лжесвидетелей приходило, не нашли.

Отводят Иисуса к Каиафе, так как тот был архиереем того года. Провели там целую ночь и остальные, не евши тогда пасхи, но, дожидаясь, чтоб убить Господа, хотя и преступив тем неядением закон. Ибо Господь ел пасху в узаконенное время, они же, чтоб только убить Господа, пренебрегли и законом.

Но, наконец, пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его. И встав, первосвященник сказал Ему: что же ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют. Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал.

Это действительно были лжесвидетели, ибо Христос не говорил, что «могу разрушить», но «разрушьте» (Иоан. 2, 19), и не сказал: «храм Божий», но «храм сей», то есть «тело Мое», и опять не говорил «созиду», но «воздвигну». Таким образом, это — явные лжесвидетели, утверждавшие, что Христос говорил то, чего не говорил. Поэтому, видя незаконный суд их, Христос молчал, ибо тех, коих не убеждали знамения, как убедили бы оправдания? Желая вовлечь Христа в богохульство, продолжает архиерей спрашивать Его — для того, чтобы, если Он скажет: «Я Сын Божий», осудить Его, как богохульника, или же, если Он отречется от того, иметь Его свидетелем против Самого Себя. Но Господь, уловляющий премудрых в коварстве их, отвечает: «ты сказал». Это вместо следующего:?» твои уста исповедали, что Я — Сын Божий?».

Даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных.

Возвещает им словами из Даниила-пророка, так как тот сказал, что?» видел я как бы Сына Человеческого, грядущего на облаках». Так как обвинители считали Его обманщиком, являющимся в смиренном образе, то говорит им, что «увидите Меня тогда грядущим с силою и сидящим со Отцом»; силою здесь называет силу Отца, а грядущим — не от земли, а с небес.

Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти.

Был обычай у иудеев — если случалось что-либо невыносимое, то раздирать одежды. Так и Каиафа, как будто бы по причине явного богохульства, делал это в обольщение черни, чтобы показать ей, что Христос в высшей степени богохульствовал, и так заставить бы народ сказать, что «повинен смерти». Заметь и то обстоятельство, что то, что Каиафа разодрал одежды, было символом раздранья ветхозаветного архиерейства.

Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?

Когда осудили Его, тогда стали оказывать Ему поношения и ругались над Ним, набрасывая, как говорит другой евангелист (Лук. 22, 63-64), на лице Его одежду. Так как они имели Его, как пророка, то по этой причине так и ругаются над Ним. Заушать — значит

ударять руками, пригнув пальцы, или, проще сказать, бить кулаками.

Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся пред всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И вышед вон, плакал горько.

Быв мучен безмерным страхом, Петр забыл о своих обещаниях и покоряется человеческой немощи, как бы умерши от страха и не зная, что говорит. Но ты разумей у меня и в возвышенном смысле — что Петр уличается служанкою, то есть человеческою немощью, вещью низменною и приличною рабам; уличается до тех пор, пока петух, пропевши, не привел его в чувство. Петух означает слово Христово, не позволяющее, чтобы мы расслабили и спали, но говорящее: «бодрствуйте» и «востани спяй». Этим-то словом, как бы неким алекторм, пробужденный Петр, вышедши вон из двора архиерейского, то есть из состояния ослепленного ума, заплакал, выйдя из нечувствия. Пока он был во дворе ослепленного ума, не плакал, потому что не чувствовал, но как скоро вышел из него, пришел в чувство.

Глава двадцать седьмая

Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти: и связавши Его, отвели и предали Его Понтию Пилату правителю.

Смотри, как завладел всеми ими дьявол, склонив их к убийству в такие дни, в которые надлежало им совершать многие жертвы и приношения за грехи других — в дни непорочности и чистоты. Они же связывают и отводят Христа к правителю Пилату, который был из Понта, но римский подданный, и послан был правителем Иудеи. Предали же Господа Пилату, как человека подлинно мятежного и злоумышляющего против царя.

Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав Кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И бросив сребреники в храм, он вышел, пошел и удавился.

Запаздывает раздумьем Иуда; раскаивается, но не на добро. Сознаться — хорошо, но удавиться — дьявольское дело. Не перенося бесславия в будущем, сам себя лишает жизни, тогда как надлежало ему плакать и умолять Преданного. Некоторые говорят, впрочем, будто Иуда, будучи сребролюбивым, думал, что и серебро он приобретет, продав Христа, и Христос не будет умерщвлен, но избегнет иудеев, как часто избегал. Теперь же, увидев, что Он осужден и приговорен к смерти, раскаялся, потому что дело вышло не так, как он предполагал. По той причине будто бы и удавился, чтоб предварить Иисуса во аде и, умолив Его, получить спасение. Знай к тому же и то, что Иуда надел себе на шею петлю,

повесившись на каком-то дереве, но так как дерево наклонилось, то он остался жив, ибо Бог хотел сохранить его или для покаяния, или же в посмеих и поношение. Ибо говорят, что он впал в водяную болезнь, так что там, где свободно проходила колесница, он не мог пройти, а впоследствии, упавши ниц, разорвался, или «проседеся», как говорит Лука в Деяниях (Деян. 1, 18).

Первосвященники, взявши сребреники, сказали: не позволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови. Сделавши же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников; по сему и называется земля та землею крови до сего дня; тогда сбылось реченное чрез пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребреников, цену Оцененного, которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь.

Церковною сокровищницею называли церковную кружку, в которую клали приносимые Богу дары. Смотри, как Бог делает их безрассудными, так что обнаруживаются и кровожадные мысли их. «До сего дня», говорит, поле то называется полем крови, так что всем напоминает, что они убили Господа. Заметь и то, что о страннолюбии была забота и у иудеев, так что купили и поле некое для кладбища странников. Устыдимся же мы, почитающие себя людьми совершеннейшей жизни, а странниками пренебрегающие. «Ценою Оцененного» называет, конечно, цену Христа: Он был бесценен, однако оценен был сынами Израиля, то есть сыны Израиля назначили цену Его, условившись дать Иуде тридцать сребреников.

Иисус же стал пред правителем. И спросил Его правитель: Ты царь Иудейский? Иисус сказал ему: ты говоришь. И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал. Тогда говорит Ему Пилат: не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя? И не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился.

Как обвиняемый в гражданских преступлениях, отводится к Пилату. Отсюда и спрашивает Его, не предпринимал ли Он и не делал ли попыток царствовать над иудеями? Иисус отвечал ему: ты говоришь, — давая самый премудрый ответ, ибо не сказал ни «да», ни «нет», а нечто среднее, как: ты говоришь. Но это может быть понимаемо и так, что: «да, точно так, как ты говоришь», и так, что: «Я не говорю этого, а говоришь ты». Иного ничего не ответил, ибо видел, что суд идет не по уставу. Пилат дивился Господу, с одной стороны — как презирающему смерть, а с другой — тому, как Он, будучи столь красноречив и имея представить тысячи оправданий, ничего не ответил и не обращал внимания на обвинителей. Научимся и мы отсюда, чтобы, если будем находиться пред неправедным судом, ничего не говорить, дабы не возбудить большого шума и не сделаться виновным большого осуждения, когда не слушают наших оправданий.

На праздник же Пасхи правитель имел обычай отпускать народу одного узника, которого хотели; был тогда у них известный узник, названный Варавва; итак, когда собрались они, сказал им Пилат: кого хотите, чтоб я отпустил вам: Варавву, или Иисуса, называемого Христом? ибо знал, что предали Его из зависти.

Пилат старался освободить Христа, хотя и не так твердо, как надлежало: ибо он должен был твердо стоять за истину. Сначала он спросил Господа: «не слышишь, что они

свидетельствуют против Тебя?». Спросил же для того, чтобы, если Христос оправдается, иметь повод к освобождению Его. Когда же Господь не хотел оправдываться, хорошо зная, что не будет отпущен, если бы и оправдался, — тогда Пилат обращается к другому пути и прибегает, наконец, к обычаю, как бы так говоря: если вы не отпускаете Иисуса, как невинного, то, хотя как осужденного, порадуите Его для праздника. Ибо как мог Пилат предположить, что они будут искать, чтобы невинный Иисус был распят, а виновного разбойника отпустят? Итак, зная, что Христос невинен, но что Ему завидуют, по этой причине и спрашивает их; отсюда показывает себя человеком слабым, ибо он должен был даже пострадать за доброе дело. Поэтому он и достоин осуждения, как скрывший истину. «Варавва» толкуется: «сын отца», ибо вар — сын, а авва — отец. Итак, иудеи сына отца своего, дьявола, испросили, а Иисуса распяли. Однако они и доньше к сыну отца своего, антихристу, прилепляются, а Христа отрекаются.

Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него. Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить. Тогда правитель спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали; Варавву. Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят. Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки пред народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы. И отвечая весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших. Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса бив предал на распятие.

Дивное! Судимый Пилатом устрашал жену его! Не сам видит сон, но жена его: или потому, что сам он не достоин был; или потому, что самому ему не поверили бы, а подумали бы, что он говорит это по пристрастию к Иисусу; а может быть, он и умолчал бы, если бы и видел, так как был судьей. Сон — дело Промышления; но он случился не для того, чтобы освобожден был Христос, но чтоб спаслась жена. Почему же не освободил Христа? Потому, что ему, то есть Пилату, не безопасно было освободить Его, как обвиняемого в царствовании. Но он должен бы был потребовать показаний: не собирал ли Христос около Себя воинов, не заготовлял ли оружия. Теперь же, как легкомысленный и слабый, Пилат отклоняется в сторону; по этой причине он и неизвинителен: ибо, когда они просили отъявленного злодея, отдал, а о Христе спрашивал: что сделать с Иисусом? — делая, таким образом, иудеев начальниками суда. Будучи правителем, он мог вырвать Его от них, как тысяченачальник Павла (Деян. 21, 31). «Да будет распят», — говорили иудеи, намереваясь не только убить Его, но и набросить на Него злодейскую вину, ибо крест назначался в качестве наказания злодеям. Умывается, показывая, что он чист от ненависти. Худо размышляет, ибо, называя Иисуса праведником, вместе с тем предал Его убийцам! А те возмездие за убиение Его принимают на себя; каковое возмездие и постигло их, когда римляне истребили их и детей их. Впрочем, и доньше иудеи, будучи чадами тех, — убивших Господа, — имеют на себе кровь Его, ибо за неверие в Господа преследуются от всех, и когда преследуются они, нет им никакого помилования. Пилат бил Иисуса, то есть бичевал, показывая, что и он осудил Его и что иудеи будут распинать уже не невинного человека, но опозоренного. Так и исполнилось: «плечи Мои Я отдал на раны» (Ис. 50, 6).

Тогда воины правителя, взявши Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк и, раздевши Его, надели на Него багряницу; и сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! и плевали на Него и, взявши трость, били его по голове.

Тут исполнилось слово Давидово: «дал Меня для поношения безумному» (Псал. 38, 9). Ибо воины делали с Ним достойное их, будучи людьми безумными: они одели Его в хламиду вместо порфиры, как бы царя; венец вместо диадемы; и, насмехаясь над Ним, чествовали Его, ибо преклонение колен есть символ оказывания чести. Смотри, как всякий вид поношения они прошли: лицо позоря чрез заплевание, главу — чрез венец, руки — чрез трость, остальное тело — чрез хламиду, уши — чрез хульные слова. Хотя все, что ни делали, они делали в поругание Христу, однако вместе с тем ты разумей и так, что все это Самим Иисусом совершено было и в более таинственном смысле: ибо багряная хламида означала природу нашу, которую, в то время как она была обагрена кровью и склонна к убийству, Он воспринял и освятил, облекшись в нее; венец из терния означал грехи, проистекшие из житейских попечений, — грехи, которые Христос потребляет Своим Божеством, — ибо Божество и означается чрез главу Его; трость есть образ нашей немощной и телесной плоти, которую воспринял Господь, как и Давид говорит: «десница Господня вознесла меня» (Псал. 117, 16); чрез принятие хулений в уши Свои Господь избавил нас от змиева шептания, вошедшего чрез уши Евы.

И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу и одели Его в одежды Его и повели Его на распятие. Выходя, они встретили одного Кириянина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его.

Первые три говорят, что Симон нес крест Иисусов, а Иоанн — что его нес Сам Господь. Поэтому, вероятно, было то и другое: сначала Сам Иисус нес крест, а потом, нашедши на пути Симона, возложили на него крест. Ты же заметь и то, что Симон значит послушание: итак, имеющий послушание несет крест Христов. Кирияня, будучи городом Пентапольским, означает пять чувств, которым надобно нести крест.

И пришедши на место, называемое Голгофа, что значит: Лобное место, дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и отведав не хотел пить. Распявшие же Его делили одежды Его, бросая жребий; и сидя стерегли Его там; и поставили над головою Его надпись означающую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский.

Место называлось лобным потому, что, как говорит предание отцов, здесь погребен был Адам: как в Адаме все мы умерли, так должно, чтобы во Христе ожили. Не смущайся, слыша евангелистов, когда этот говорит, что Господу был принесен уксус с желчью; Марк — что было принесено вино со смирною; а Иоанн — уксус с желчью и иссопом. Многими делалось много, как бывает в беспорядочной толпе, когда каждый делает иное: поэтому надо думать, что один принес вино, а другой — уксус с желчью. Много родов смерти. Но Христос умирает посредством креста, чтоб и древо освятить, чрез которое мы прокляты были, и благословить все: и небесное, что обозначается верхнею частью креста, — и подземное, что обозначается чрез подножие, — и пределы земли, как восточной, так и западной, что обозначается поперечными частями креста; а вместе и для того умирает посредством креста,

чтоб, распростерши руки, призвать и собрать чад Божиих расточенных. Воины делят одежды Его, как человека бедного и ничего иного не имеющего. Что другой евангелист назвал титлом, то Матфей называет «виною», ибо надписали, чего ради распять: распять, как Царь Иудейский и вводитель новшеств. Слово же «царь» они надписали ради клеветы; однако свидетельство это верно, хотя и представлено от врагов, — ибо Господь есть Царь, пришедший для того самого, чтобы спасти иудеев. Когда же плотские иудеи не восхотели, чтобы Он царствовал над ними, Он соделывается Царем духовных иудеев, то есть исповедывающих, ибо «иудей» значит «исповедывающий».

Тогда распяты с Ним два разбойника: один по правую сторону, а другой — по левую. Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: Разрушающий храм и в три дня Созидающий! Спаси Себя Самого. Если Ты Сын Божий, сойди со креста. Подобно и первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями, насмехаясь, говорили: других спасал, а Самого Себя не может спасти. Если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет со креста, и уверуем в Него; уповал на Бога, пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын. Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его.

Для оклеветания Христа распинают с Ним двух разбойников, дабы и Он признан был таким же беззаконником, как те. Но они были образом двух народов — иудейского и языческого, ибо оба были равно беззаконны и поносили Христа, подобно как и разбойники сначала поносили оба. Потом же один, познав Его, исповедал Царем, по каковой причине и сказал: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем». Так и языческий народ исповедал Христа. Другой же разбойник, иудейский народ, продолжал хулить. Дьявол же понуждал говорящих «если Ты Сын Божий, сойди со креста» с тою целью, чтобы Христос, быв раздражен, сошел со креста и чтобы нарушил дело спасения всех крестом. Но Христос есть Сын Божий и не послушался врага, дабы и ты научился, что не должно слушаться ухищрений дьявола, но — творить добро, хотя бы люди и имели о тебе худое мнение.

От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? Некоторые из стоявших там, слыши это, говорили: Илию зовет Он. И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить. А другие говорили: постой; посмотрим, придет ли Илия спасти Его.

Случившаяся тьма произошла не по естественному порядку, как бывает она естественно вследствие, например, затмения солнца. Ибо в четырнадцатый день луны никогда не бывает затмения. Солнечное затмение бывает только в следующем случае: когда луна только что нарождается, тогда и бывают естественные затмения солнца. Но при распятии Христа был несомненно четырнадцатый день луны, ибо тогда совершалась пасха: следовательно, тьма была неестественная. Притом тьма эта была вселенскою, а не частичною, как, например, в Египте, — дабы явно было, что тварь соболезнает страданию Творца и что отступил от иудеев свет. Иудеи, требующие видеть знамения с неба, пусть увидят теперь солнце помраченное! Так как человек создан был в шестой день, а вкусил от древа в шестой час, — ибо это час ядения, — то Господь, воссозидая человека и, врачуя падение, пригвождается к древу в шестой день и в шестой час. Пророческое «Или, или» произносится на еврейском

диалекте, чтобы показать, что Он не сражается с ветхозаветным Писанием. А «для чего Ты Меня оставил?» сказал для того, чтобы показать, что Он соделался истинным человеком, а не по видимости только, ибо человек имеет естественное желание жить, будучи жизнелюбив. Поэтому как скорбел и тосковал пред крестом, показывая естественно свойственную нам боязнь, так теперь говорит: «для чего Ты Меня оставил», — обнаруживая свойственную нам любовь к жизни. Ибо Он был воистину человек и подобен нам во всем, кроме греха. Впрочем, некоторые понимали так, что Спаситель, принимая на Себя лицо иудеев, говорит: «для чего Ты оставил народ иудейский, Отче, чтоб сделал он такой грех и предан был гибели?». Как происшедший от иудеев, Христос «для чего Ты оставил Меня» говорит вместо: «для чего Ты оставил Мое сродство, Мой народ, что они сделали такое зло себе». Люди из простого народа, будучи невежественны и несведущи в пророческих писаниях, не поняв сего воззвания, думали, что Христос зовет Илию, — ибо не все иудеи знали пророческие писания, подобно как и теперь не все христиане знают Евангелие. А уксусом поили Его для того, чтоб Он скорее умер, прежде нежели придет Илия, чтоб помочь Ему. Отсюда прочие говорили: «постой; посмотрим, придет ли Илия спасти Его», то есть: не делай, чтоб Он умер; узнаем, поможет ли Ему Илия.

Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот, завеса в храме раздралась надвое сверху до низу; и земля потряслась; и камни расселись и, гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, вышедши из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим.

Иисус взывает громким голосом, чтобы уразумели мы, что когда говорил Он:?» власть имею положить душу Мою», — то это было истинно, ибо Он со властью отдает душу. Что же это было за воззвание? «Отче, в руки Твои предаю дух Мой», — ибо не по принуждению, но добровольно испустил Он дух. Это показывает: «предаю»; показывает также, что Он думает опять получить душу Свою, ибо всякий залог опять отдается назад. Благодарение Господу за то, что, когда Он умер и когда дух Его был вручен в руки Отца, с того времени и души святых полагаются в руки Божии, а не в темницах ада, как прежде, — так что смерть Христова сделалась освящением нашим. Для этого-то и призывается громким голосом смерть, не дерзающая и подойти, если бы не была позвана. Церковная завеса состояла из некоего полотна, повешенного среди храма и отделяющего внутреннее от внешнего, как некая стена. Что она раздирается, — то чрез это Бог показывает, что храм, недоступный и невиденный, внутреннейшее которого закрывала завеса, будет в таком унижении и презрении, что всем он будет доступен и всякий может рассматривать его. Иные указывают и другие причины раздирания. Раздираемая завеса означала, говорят, упразднение буквы законной, а также то, что раскроется все законное, что прежде закрывалось буквою, как некою завесою, — и все, прежде неясное и загадочное, станет ясным теперь, исполнившись на Христе. Можно и то сказать, что как был обычай у иудеев в случае богохульства раздирать одежды, так теперь и храм Божий, как бы скорбя о смерти Бога, разорвал одежду свою, завесу. И другое мог бы кто-либо сказать, но достаточно и этого. Стихии тогда поколебались, как то свидетельствуя, что Страждущий есть Творец, так показывая вместе с тем и то, что наступит изменение в делах, ибо Писание полагает землетрясение, как знак изменения в делах. Так происходило перенесение смотрения Божия от иудеев к язычникам. И камни, то есть каменные сердца язычников, расторглись и приняли семя истины, и умерщвленные грехами восстали и вошли во святой град, в вышний Иерусалим, и явились многим, ходящим широким путем; явившись им, соделались для них первообразом доброй

жизни и обращения: ибо, видя человека, сначала умерщвленного страстями, а потом обратившегося и вошедшего во святой небесный город, и другой всячески подражает ему и обращается. Впрочем, это придумано слишком изысканно. Ты же знай, что воскресение мертвых, случившееся при кресте Господа, давало знать об освобождении душ, находившихся во аде. Воскресшие тогда явились многим, дабы случившееся не показалось мечтою; воскресли же они ради знамения; и явно, что опять умерли. Впрочем, некоторые говорят, что они воскресли после воскресения Христа и в другой раз не умирали. Не знаю, должно ли это быть принято.

Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий. Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему; между ними была Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых.

Язычник-сотник вследствие знамений верует вместе с бывшими при нем; иудеи же, слушавшие закон и пророков, остаются неверующими: таково злочестие! Сотник этот впоследствии сделался мучеником за Христа. Что же касается жен, смотревших на происшедшее, то этот сострадательнейший из всех и осужденный род наслаждается созерцанием благ прежде всех. И ученики убежали, а жены мужаются. Марию, мать Иакова и Иосии, евангелист называет Богородицу, ибо Иаков и Иосия были детьми Иосифа от прежней его жены. Так как Богородица называлась женою Иосифа, то соответственно этому называлась и матерью его детей, то есть мачехою. Мать сынов Зеведеевых называлась Саломиею. Говорят, что и эта была дочерью Иосифа.

Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса; он, пришед к Пилату, просил Тела Иисусова. Тогда Пилат приказал отдать Тело. И взяв Тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и привалив большой камень к двери гроба, удалился. Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба.

Прежде Иосиф скрывался, теперь же дерзает на великое дело, положив душу свою за Тело Учителя и приняв на себя столь тяжкую борьбу со всеми Иудеями. Как великий дар, дает ему Пилат Тело. Ибо Тело Христа, как мятежника умерщвленного, должно было быть брошено не погребенным. Впрочем, Иосиф, будучи богатым, возможно, что и золота дал Пилату. Получив Тело, Иосиф чествует его, положив в новой гробнице, в которой никогда никто не был положен. И это было по промыслу Божию, чтобы по воскресении Господа не сказал кто-либо, что вместо Его воскрес другой мертвец, погребенный там прежде Его. По этой причине и гробница новая. Мария же Магдалина и другая Мария, то есть Богородица, которую выше назвал евангелист матерью Иакова и Иосии, эти две сидели насупротив гроба, выжидая, чтобы, когда утихнет ярость врагов, идти и объять Тело и помазать его миром. О сих-то женах говорил Исая: «Жены, идущие от зрелища, — идите сюда: ибо это — народ, не имеющий разума» (Ис. 27, 11). Говорит, что «не имеют разума». Очевидно, это об иудейском народе, распявшем Господа. А жен он призывает, чтобы они оставили сей несмысленный народ, последовали бы к апостолам и возвестили им радостную весть о воскресении.

На другой день, который следует за пятницу, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату и говорили: господин! мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтоб ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых. И будет последний обман хуже первого. Пилат сказал им: имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете. Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать.

Субботу не называет субботою, потому что, судя по злобе иудеев, она и не была субботою. В то время как закон повелевал, чтобы в день субботы никто не двинулся с места своего, — незаконные иудеи собираются к иноплеменнику Пилату, вместо законного собрания. Они вследствие своей злобы побуждаются прийти к Пилату и утвердить гроб, однако это было по Божию промыслению, дабы воскресение совершилось при свидетелях — врагах — и тогда, когда гроб был запечатан и охраняем. Достойно исследования, — откуда зная, говорили иудеи, что воскреснет в третий день? Господь нигде не говорил этого ясно и прямо. Можно думать, что они узнали это из преобразования Ионы, ибо говорил Христос, что «как Иона был во чреве кита три дня, и Я во чреве земли» (Мф. 12, 40); или же узнали из следующего: «разорите церковь сию». Прежде, не поняв этого, но подумав, что Он говорит о храме иудейском, они ставили Ему это в вину. Теперь же, познав, что храмом Он называл Свое собственное Тело, они приходят в страх и называют Его обманщиком, не оставляя злобы и после смерти. Кустодиену называется у римлян стража: отсюда евангелист называет кустодиену воинов, поставленных для охраны.

Глава двадцать восьмая

По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение: ибо ангел Господень, сошедший с небес, приступив отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был как молния, и одежда его бела как снег. Устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали как мертвые. Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого, Его нет здесь: Он воскрес, как сказал; подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите. Вот, я сказал вам. И вышедши поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его.

«В вечер субботы» равносильно сказанному у Луки: «глубоким утром» и у Марка: «при восходе солнца», ибо под солнцем здесь следует разуметь утренние лучи солнца. Когда наступает восьмой час ночи, тогда начало следующего дня, и, как думают, наступает утро; посему-то тогда и был, с одной стороны, вечер субботы, а с другой — начало дня Господнего, каковой день евангелист и называет «единым от суббот», ибо дни седмицы называли субботами, а первый — единым, так что день Господень есть «един от суббот», то есть первый из дней недели; ближайший к этому первому называли вторым, затем — третьим, а потом — остальные. Господь воскрес тогда, когда камень еще лежал на гробе. По воскресении же Господа и ангел приходит, чтоб отвалить камень и дать женам вход в гроб. Землетрясение делается для того, чтоб пробудились стражи и поняли новизну случившегося.

Итак, Господь воскрес тридневен. Как насчитываются три дня? В восьмом часу пятка был распят; с этого до девятого — тьма: это считай у меня за ночь; затем от девятого часа — свет: это день, — вот сутки: ночь и день. Далее, ночь пятка и день субботы — вторые сутки. Опять же ночь субботы и утро дня Господня, означенное у Матфея: «во едину от суббот, на рассвете», ибо утро принимается во счете за целый день, — вот третьи сутки. И иначе можешь насчитать три дня: в пятницу Господь предал дух, это — один день; в субботу был во гробе, это — другой день; ночью Господнего дня воскрес, но от своей части и день Господень считается за иной день, так что вот и три дня. Ибо и об усопших, если кто умер около десятого часа дня, а другой — около первого часа того же дня, то говорят, что оба они умерли в один и тот же день. Имею сказать тебе и иной способ для того, как насчитать три дня и три ночи. Слушай же! В четверг вечером Господь совершил вечерю и говорил ученикам: «Приимите, ядите тело Мое». Так как Он имел власть положить душу Свою по Своей воле, то ясно, что тогда же Он и заклал Себя, как преподавал Своим ученикам тело, ибо никто не ест чего-либо, если прежде не было заколото. Считай же: вечером Он преподавал тело Свое, та ночь и день пятницы до шестого часа — вот одни сутки; потом, от шестого часа до девятого — тьма, а с девятого — до вечера опять свет, — вот и вторые сутки; опять ночь по пятке и день субботы, — вот и третьи сутки; в субботу же ночью Господь воскрес: это — трое полных суток. Об ангеле Матфей говорит, что он сидел на камне, Марк же — что, отвалив камень, он сидел внутри гроба на правой стороне. Не говорят ли они противоположное? Нет! По-видимому, сначала ангел явился сидящим на камне, а затем, когда жены входили, он предводил ими и опять явился внутри гроба сидящим на правой стороне. Сказал женам: Не бойтесь вы, то есть стражи достойны, чтобы бояться, вы же, ученицы Господни, не бойтесь. После того как освобождает их от страха, благовествует им о воскресении, ибо и следовало сначала изгнать страх, а затем благовествовать. Не стыдится, называя Господа распятым, ибо крестом он хвалится, как неким победным трофеем, доставившим нам все блага.

Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се, Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступивши, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня.

Так как женский пол осужден был на скорбь, то Господь чрез воскресение Свое доставил женскому полу радость и благословил его. По этой причине и они из глубокого благоговения к Нему и чести держать ноги Его, не смея, вследствие скромности, коснуться других частей тела, кроме крайних частей тела Его. Некоторые же говорят, что они намеренно ухватились за ноги Его, чтоб познать, воистину ли Он воскрес и не мечта ли это, или не дух ли это, ибо они думали, что это — дух. Итак, тогда обе Марии коснулись ног Его; по Иоанну же, Мария Магдалина пытается коснуться, но не допускается ей. Это потому, что она хотела всегда пребывать с Ним, как и прежде, или лучше: чрез то не допускается, по Иоанну, коснуться Иисуса, что это излишне, ибо после того, как она, как говорит Матфей, прикоснулась к ногам Его, какая была еще нужда прикасаться опять? Так что она и не допускается, как желающая лишнего.

Когда же они шли, то некоторые из стражи, вошедши в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделавши совещание, довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Его,

пришедши ночью, украли Его, когда мы спали, и если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим Его, и вас от неприятности избавим. Они, взявши деньги, поступили, как научены были. И пронеслось слово сие между иудеями до сего дня.

Стражи возвестили о всем: что произошло землетрясение, что камень отвалился сам собою, что они, утраившись, сделались как бы мертвыми. Но иудеи, не вразумившись ни чудесами, бывшими во время страдания, ни тем, что свидетельствуется воинами и что случилось при гробе, заражают воинов своею собственною страстью сребролюбия, убеждая их сказать то, что всего нечестивее и безумнее: что Он украден. Но как, о безумные, украли ученики, от страха запершиеся и отнюдь не дерзающие выйти? Если бы украли, то как впоследствии умирали бы за Него, проповедуя, что Он воскрес, и страдая за ложь?

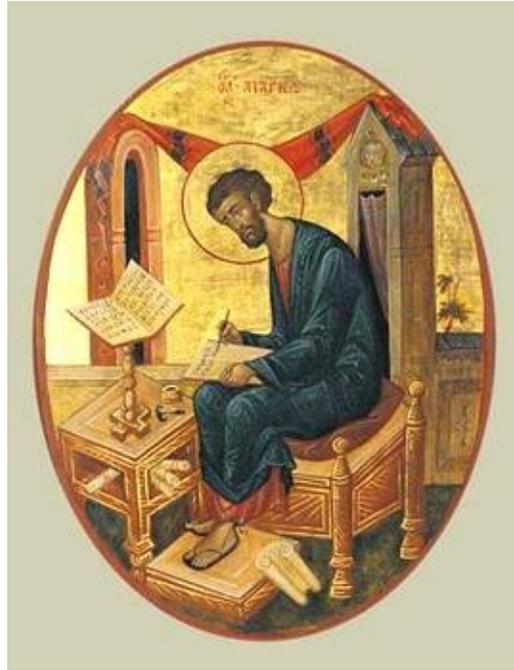
Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и увидевши Его, поклонились Ему, а иные усомнились. И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле: итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни, до скончания века. Аминь.

По Иоанну, сначала явился ученикам Иисус в самый день воскресения, когда двери были заперты; потом — по прошествии восьми дней, когда и Фома уверовал. Затем, когда они думали идти в Галилею и еще не все были собраны вместе, но некоторые из них ловили рыбу на Тивериадском море, тогда явился Господь одним ловившим рыбу, семи. То, о чем говорит Матфей, случилось после, тогда именно, когда прежде случилось то, о чем повествует Иоанн, ибо часто являлся им в продолжение сорока дней то приходя, то опять уходя, но не всегда и не везде присутствуя с ними. Итак, одиннадцать верховных учеников со всеми прочими последователями поклонились Христу. «А иные усомнились» вместо: некоторые усомнились. Это так должно быть понимаемо: одиннадцать учеников отправились в Галилею, эти одиннадцать и поклонились Ему; «другие же» (вместо «некоторые»), вероятно, из семидесяти, усомнились относительно Христа. Впрочем, в конце концов, укрепились и эти в вере. Некоторые, однако, понимают так: Матфей не постарался сказать, кто были сомневающиеся, но о чем он не постарался, о том сказал Иоанн, — что сомневающимся был Фома. Впрочем, могло и то случиться, что все сомневались, как действительно говорит о том Лука. Следовательно, так ты должен понимать, что, пришедши в Галилею, ученики поклонились Христу, но эти же, поклонившиеся в Галилее, прежде в Иерусалиме сомневались, как говорит Лука. Иисус сказал им, что — «дана Мне всякая власть на небе и на земле». Это сводится к следующему: как Бог и Творец, Я всегда имел власть над всем, — ибо «все служит Тебе», говорит Давид Богу (Псал. 118, 91), — но добровольного подчинения Я не имел; теперь же Я думаю иметь и его, ибо теперь Мне все покорится, когда крестом Своим Я победил имеющего державу смерти. Подчинение бывает двоякое: одно невольное, по которому все мы — рабы у Бога по неволе, как и демоны; но есть подчинение произвольное, по которому Павел был раб Христов. Прежде, когда все имели только непроизвольное подчинение, Спаситель имел власть над всем как бы вполнину, но после креста, когда богопознание стало доступно всем и когда все покорились добровольным подчинением, прилично говорит Христос, что?» ныне Я получил всякую власть?». Прежде у Меня была власть только отчасти, ибо служили Мне только невольно, так как Я — Творец; ныне же, когда люди служат Мне разумно, Мне дана уже всякая и полная власть. От кого же она дана Ему? Принял от Себя Самого и от Своего смирения, ибо если бы Он не смирился и не

сразился с противником чрез крест, то и не спас бы нас; так что «дана Мне власть» так понимай: собственными Моими подвигами и трудами Я спас людей, и они соделались Моим уделом, избранным народом. Стало быть, на земле Господь имеет власть, поскольку вся земля познала Его, а на небе потому, что награда верующим в Него и жительство находятся на небесах. С другой стороны, так как человеческая природа, прежде осужденная, а затем ипостасно соединенная с Богом Словом, сидит на небе, приемля поклонение от ангелов, то прилично говорит; «дана Мне всякая власть на небе», ибо и человеческая природа, прежде служащая, теперь во Христе властвует над всем. Коротко сказать, так понимай: «дана Мне всякая власть» — если ты принимаешь это, как говоримое Богом Словом, — что дана Мне всякая власть, так как ныне и по неволе, и вместе по воле признают Меня Богом те, которые прежде служили Мне по способу только невольного подчинения. Если же говоримое есть от человеческой природы, то так понимай, — что я, прежде осужденная природа, теперь же по неслиянному соединению с Сыном Божиим ставшая Богом, я, эта природа, получила власть над всем, так что и на небе поклоняются мне ангелы, и на земле я прославляюсь всеми концами. Поэтому Господь посылает учеников Своих уже не к одним иудеям, но так как Он получил власть над всеми, освятив в Себе все человеческое естество, то прилично посылает их ко всем языкам, поручая крестить «во имя Отца и Сына, и Святаго Духа». Итак, да посрамятся Арий и Савеллий! Арий — так как Господь сказал крестить не во имена, но во имя; имя же у трех одно — Божество. Савеллий же — так как Господь упомянул о трех лицах, а не об одном лице (как оный Савеллий суесловит), будто бы имеющем три имени и называющемся иногда Отцом, иногда Сыном, а иногда Духом; упомянул Господь о трех лицах, имеющих одно имя — Бог. Далее, так как недостаточно креститься только, но должно и делать доброе после крещения, то говорит: «уча их соблюдать все, что Я повелел вам», не одну или две, но все Мои заповеди. Убоимся же, братие, ведая, что если бы и одно осталось у нас несоблюденным, то не будем совершенными рабами Христовыми, ибо от нас требуется хранить все. Смотри речь Господа, как она обнимает обе главы христианства: богословие и деятельную добродетель. Ибо, сказавши, что крестить должно во имя Троицы, Он преподал нам богословие, а говоря, что должно учить и соблюдать заповеди, привел нам и деятельную добродетель. Ободряя же учеников Своих (так как посылал их к язычникам на заклятия и опасности), говорит, что «не бойтесь, потому что Я буду с вами до скончания века». Смотри и это, как он напомнил о кончине, чтобы побудить их еще более презирать опасности. Не бойтесь, говорит, все будет иметь конец, будет ли то мирское горе или благополучие; поэтому ни в горестях не отпадайте, ибо они проходят, ни благами не обольщайтесь, ибо они окончатся. Впрочем, не к одним апостолам относилось это: пребыть с ними, — но и ко всем вообще ученикам Его, ибо, несомненно, апостолы не имели жить до кончины мира. Итак, и нам, и тем, которые будут после нас, обещается это; однако не так, что до скончания Он будет, а после скончания отойдет. Нет! Тогда-то особенно и будет пребывать с нами и притом яснейшим и очевиднейшим образом, ибо слово «до», где ни встречается употребленным в Писании, не исключает того, что будет после.

Итак, возблагодарив Господа, с нами здесь пребывающего и всякое благо доставляющего, и опять совершеннейшим образом имеющего пребывать с нами после кончины, закончим здесь наше изъяснение во славу Того, Ему же подобает всякое благодарение и слава, и честь во веки чеков. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА

Предисловие

Святое Евангелие от Марка было написано в Риме спустя десять лет по Вознесении Христовом. Сей Марк был ученик и последователь Петров, которого Петр называет даже сыном своим, разумеется, духовным. Назывался он также и Иоанном; был племянник Варнавы; сопутствовал апостолу Павлу. Но большей частью находился при Петре, с которым был и в Риме. Поэтому верные в Риме просили его не только проповедовать им без Писания, но и изложить для них дела и жизнь Христа в Писании; он едва согласился на это, однако, написал. Между тем Петру открыто было Богом; что Марк написал Евангелие. Петр засвидетельствовал, что оно истинно. Потом послал Марка епископом в Египет, где он своей проповедью основал в Александрии церковь и просветил всех живущих в полуденной стране.

Отличительные черты этого Евангелия — ясность и отсутствие всего неудобовразумительного. Притом настоящий евангелист почти сходен с Матфеем кроме того, что короче, а Матфей — пространнее, и что у Матфея в начале упоминается о Рождестве Господа по плоти, а Марк начал с пророка Иоанна. Отсюда некоторые не без основания видят следующее знаменование в евангелистах: Бог, сидящий на херувимах, которых Писание изображает четвероличными (Иез. 1, 6), преподал нам четверообразное Евангелие, оживляемое одним духом. Итак, у каждого из херувимов одно лицо называется подобным льву, другое — подобным человеку, третье — орлу, а четвертое — тельцу; так и в деле евангельской проповеди. Евангелие от Иоанна имеет лицо льва, ибо лев есть образ царской власти; так и Иоанн начал с царственного и владычественного достоинства, с Божества Слова, сказав: «В начале было Слово, и Слово было у Бога». Евангелие от Матфея имеет лицо человека, потому что оно начинается с плотского рождения и вочеловечения Слова. Евангелие от Марка сравнивается с орлом, потому что оно начинается с пророчества об Иоанне, а дар пророческой благодати, как дар острого видения и прозрения в отдаленную будущность, можно уподобить орлу, о котором говорят, что он одарен самым острым

зрением, так что он один из всех животных, не смежая очей, взирает на солнце. Евангелие от Луки подобно тельцу, потому что начинается со священнического служения Захарии, возносившего фимиам за грехи народа; тогда приносили в жертву и тельца.

Итак, Марк начинает Евангелие пророчеством и житием пророческим. Слушай же, что говорит!

Глава первая

Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия, как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою. Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.

Иоанна, последнего из пророков, евангелист представляет началом Евангелия Сына Божия, потому что конец Ветхого есть начало Нового Завета. Что касается свидетельства о Предтече, то оно взято из двух пророков — из Малахии: «Вот Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною» (3, 1) и из Исаии: «Глас вопиющего в пустыне» (40, 3) и прочее. Это слова Бога Отца к Сыну. Он именует Предтечу Ангелом за его ангельскую и почти бесплотную жизнь и за возвешение и указание грядущего Христа. Иоанн уготовлял путь Господень, приготовляя посредством крещения души иудеев к принятию Христа: «пред лицом Твоим» — значит близок к Тебе Ангел Твой. Этим означает родственная близость Предтечи к Христу, так как и пред царями чествуют преимущественно родственные особы. «Глас вопиющего в пустыне», то есть в пустыне Иорданской, а еще более в синагоге иудейской, которая была пуста в отношении к добру. Путь означает Новый Завет, «стеzi» — Ветхий, как неоднократно нарушаемый иудеями. К пути, то есть к Новому Завету, они должны были приготовиться, а стези Ветхого исправить, ибо хотя древле они и приняли их, но впоследствии совратились со стезей своих и заблудились.

Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов. И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне, и крестились от него все в реке Иордане, исповедуя грехи свои.

Иоанново крещение не имело отпущения грехов, а вводило для людей одно покаяние. Но как же Марк говорит здесь: «для прощения грехов»? На это отвечаем, что Иоанн проповедовал крещение покаяния. А эта проповедь к чему вела? К отпущению грехов, то есть ко крещению Христову, которое заключало уже в себе и отпущение грехов. Когда мы говорим, например, что такой-то пришел пред царем, повелевая приготовить пищу для царя, то разумеем, что исполняющие это повеление бывают облагодетельствованы царем. Так и здесь. Предтеча проповедовал крещение покаяния для того, чтобы люди, покаявшись и приняв Христа, получили оставление грехов.

Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед.

Мы уже говорили об этом в Евангелии от Матфея; теперь же скажем только о том, что там опущено, именно: что Иоаннова одежда была знамением сетования, и пророк показывал таким образом, что кающемуся должно плакать, так как вретнице обыкновенно служит

знаком плача; кожаный же пояс означал омертвелость иудейского народа. А что сия одежда означала плач, об этом говорит сам Господь: «Мы пели вам печальные песни (славянское «плакахом»), и вы не рыдали», называя здесь плачем жизнь Предтечи, потому что далее говорит: «Пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес» (Мф. 11, 17-18). Равно пища Иоаннова, указывая здесь, конечно, на воздержание, была вместе и образом духовной пищи тогдашних иудеев, которые не ели чистых птиц небесных, то есть не помышляли ни о чем высоком, а питались только словом возвышенным и направленным горе, но опять упдающим долу. Ибо саранча («акриды») есть такое насекомое, которое прыгает вверх, а потом опять падает на землю. Равным образом народ ел и мед, производимый пчелами, то есть пророками; но он оставался у него без ухода и не был умножаем углублением и правильным разумением, хотя евреи и думали, что они разумеют и постигают Писание. Они имели Писания, как бы некоторый мед, но не трудились над ними и не исследовали их.

И проповедывал, говоря: идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостойн, наклонившись, развязать ремень обуви Его; я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым.

Я, — говорит, — недостойн быть даже самым последним рабом Его, который бы развязал ремень, то есть узел на ремне сапог его. Понимают, впрочем, и так: все, приходившие и крестившиеся от Иоанна, разрешались посредством покаяния от уз грехов своих, когда веровали во Христа. Таким образом, Иоанн у всех разрешал ремни и узы греховные, а у Иисуса не мог разрешить такого ремня, потому что у Него и не нашел сего ремня, то есть греха.

И было в те дни, пришел Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане. И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него. И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение.

Не за отпущением грехов Иисус приходит ко крещению, ибо греха Он не сотворил, равно и не для получения Духа Святаго, ибо как могло Иоанново крещение даровать Духа, когда оно не очищало грехов, как я сказал? Но и не для покаяния идет Он креститься, поскольку Он был больше самого Крестителя (Мф. 11, 11). Итак, для чего же приходит? Без сомнения, для того, чтобы Иоанн объявил о Нем народу. Поскольку многие стеклись туда, то благоволил прийти, чтобы засвидетельствовану быть пред многими, кто Он, а вместе и для того, чтобы исполнить «всякую правду» то есть все заповеди Закона. Поскольку послушание крестящему пророку, как посланному от Бога, было также заповедь, то Христос исполняет и сию заповедь. Дух сходит не потому, чтобы Христос имел нужду в этом (ибо по существу Он в Нем пребывает), но чтобы ты знал, что и на тебя при крещении сходит Дух Святой. При сошествии Святаго Духа тотчас изречено и свидетельство. Поскольку Отец говорил свыше: «Ты Сын Мой», то, чтобы слышавшие не подумали, что Он говорит об Иоанне, сходит на Иисуса Дух, показывая, что это сказано о Нем. Небеса же отверзаются для того, чтобы мы знали, что они отверзаются и нам, когда мы крещаемся.

Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню. И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями; и Ангелы служили Ему.

Научая нас не унывать, когда после крещения впадаем в искушения, Господь уходит в гору на искушение или, лучше, не уходит, а отводится Духом Святым, показывая чрез то, что

и мы не должны сами ввергаться в искушения, но принимать их, когда они постигают нас. А в гору уходит для того, чтобы по причине пустынности места диавол возымел дерзость и мог приступить к Нему; ибо он обыкновенно нападает тогда, когда видит, что мы одни. Место искушения было до того дико, что там во множестве водились звери. Ангелы стали служить Ему уже после того, как Он победил искусителя. Все это в Евангелии от Матфея изложено пространнее.

После же того, как предан был Иоанн, пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие.

Услышав, что Иоанн предан в темницу, Иисус удаляется в Галилею, дабы и нам показать, что не должно самим вдаваться в искушения, а избегать их, когда же впадем, — терпеть. Христос проповедует, по-видимому, одно и то же с Иоанном, как-то: «покайтесь» и «приблизилось Царствие Божие». Но на самом деле не одно и то же: Иоанн говорит «покайтесь» с тем, чтобы отклонить от грехов, а Христос говорит «покайтесь» с тем, чтобы отстали от буквы Закона, почему и присовокупил: «веруйте в Евангелие», ибо тот, кто хочет верить по Евангелию, уже упразднил Закон. Господь сказывает, что «исполнилось время» Закона. Доселе, — говорит, — Закон был в действии, а отныне настает Царствие Божие, жизнь по Евангелию. Эта жизнь справедливо представляется «Царством» Небесным, ибо когда видишь, что живущий по Евангелию ведет себя почти как бесплотный, как не скажешь, что он имеет уже Царство Небесное (где нет ни пищи, ни питья), хотя оно, кажется, еще и далеко.

Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков. И они тотчас, оставив свои сети, последовали за Ним. И, пройдя оттуда немного, Он увидел Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, также в лодке починивающих сети; и тотчас призвал их. И они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, последовали за Ним.

Петр и Андрей сначала были учениками Предтечи, а когда увидели свидетельствованного Иоанном Иисуса, то присоединились к Нему. Потом, когда Иоанн был предан, они со скорбью перешли опять к своему прежнему занятию. Итак, Христос призывает их теперь во второй раз, ибо настоящее призвание есть уже второе. Заметь, что они питались от своих праведных трудов, а не от неправедных занятий. Такие люди стоили того, чтобы быть первыми учениками Христа. Тотчас бросив бывшее у них в руках, они пошли вслед за Ним; ибо не должно медлить, а должно тотчас же последовать. После сих уловляет Иакова и Иоанна. И эти, хотя сами были бедны, однако, пропитывали престарелого отца своего. Но они оставили отца не потому, что оставлять родителей доброе дело, но потому, что он хотел воспрепятствовать им последовать Господу. Так и ты, когда родители будут препятствовать тебе, оставь их и последуй Благому. Видно, Зеведей не веровал, но мать сих апостолов веровала и, когда умер Зеведей, также последовала Господу. Приметь же и сие, что прежде призывается деяние, а потом созерцание, ибо Петр есть образ деяния, потому что был пламенного характера и всегда предупреждал других, что свойственно деянию, Иоанн, напротив, представляет в себе созерцание, ибо был богослов по превосходству.

И приходят в Капернаум; и вскоре в субботу вошел Он в синагогу и учил. И

дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники.

Откуда пришли в Капернаум? Из Назарета, и притом в день субботний. Когда обыкновенно собирались для чтения закона, тогда пришел учить и Христос. Ибо и Закон для того повелевал праздновать субботу, чтобы люди занимались чтением, собираясь для сего вместе. Учил же Господь обличительно, а не льстиво, как фарисеи: убеждал делать добро, а непокорным угрожал мучением.

В синагоге их был человек, одержимый духом нечистым, и вскричал: оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий. Но Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотрясши его и вскричав громким голосом, вышел из него. И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему? И скоро разошлась о Нем молва по всей окрестности в Галилее.

Злые духи называются «нечистыми» потому, что любят всякие нечистые дела. Выйти из человека бес почитает «погибелью» для себя. Злобные бесы и вообще вменяют в злострадание себе, когда не позволяют им делать людям зло. Притом, будучи плотолюбивы и привыкши услаждаться веществом, они как бы терпят большой голод, когда не живут в телах. Поэтому Господь и говорит, что бесовский род изгоняется постом. Нечистый не сказал Христу: Ты свят, поскольку и из пророков многие были святы, но сказал «Святой», то есть Единственный, в существе Своем Святой. Но Христос заставляет его молчать, дабы мы знали, что бесам должно заграждать уста, хотя бы они говорили и правду. Бес мечет и сильно трясет одержимого им, чтобы очевидцы, видя, от какого бедствия избавляется человек, ради чуда уверовали.

Выйдя вскоре из синагоги, пришли в дом Симона и Андрея с Иаковом и Иоанном. Теща же Симонова лежала в горячке; и тотчас говорят Ему о ней. Подойдя, Он поднял ее, взяв ее за руку; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им.

К вечеру в субботу, как обычно было, Господь пошел в дом учеников для принятия пищи. Между тем та, которая должна была послужить при сем, одержима была горячкой. Но Господь исцеляет ее, и она начинает служить им. Эти слова дают знать, что и ты, когда Бог исцеляет тебя от болезни, должен употребить здоровье свое на служение святым и на благоугождение Богу. Одержим бывает своего рода горячкой и человек гневливый и от гнева становится дерзок на руку. Но если слово удержит его за руку и кротко прострет ее, то прежде жегомый гневом начинает служить слову. Ибо гневливый, когда слово удержит его руку, восстает, и таким образом гнев служит слову.

При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых. И весь город собрался к дверям. И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов, и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос.

Не без причины прибавлено: «когда заходило солнце». Поскольку думали, что непозволительно исцелять в день субботний, то дождались заката солнца и тогда уже стали

приносить больных для исцеления. «Многих» исцелил, сказано вместо «всех», потому что все составляют множество; или: не всех исцелил потому, что некоторые оказались неверующими, которые и не были исцелены за свое неверие, но «многих» из принесенных исцелил, то есть тех, которые имели веру. Бесам не позволял говорить для того, чтобы, как я сказал, научить нас не верить им, хотя бы они говорили и правду. Иначе, если они найдут кого-либо вполне доверяющего им, то чего не сделают, проклятые, примешивая к правде ложь! Так и Павел запретил пытливому духу говорить: «Люди эти — рабы Бога Вышняго»; Святой Муж не хотел слышать отзыва и свидетельства из нечистых уст.

А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился. Симон и бывшие с ним пошли за Ним и, найдя Его, говорят Ему: все ищут Тебя. Он говорит им: пойдем в ближние селения и города, чтобы Мне и там проповедывать, ибо Я для того пришел. И Он проповедывал в синагогах их по всей Галилее и изгонял бесов.

После того, как исцелил больных, Господь уходит в уединенное место, научая тем нас, чтобы мы не напоказ делали что-либо, но если сделаем какое добро, спешили бы скрыть его. И молится Он также для того, чтобы показать нам что все, что ни делаем доброго, должно приписывать Богу и говорить Ему: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов» (Иак. 1, 17). Сам по Себе Христос даже не имел нужды в молитве. Далее, когда народ искал и сильно желал Его, не отдается ему, хотя принимает это с благосклонностью, но идет и к другим, нуждающимся в исцелении и наставлении. Ибо не должно ограничивать дела учения одним местом, но надобно всюду рассеивать лучи слова. Но смотри, как Он соединяет с учением деяние: проповедует, а потом изгоняет и бесов. Так и ты учи и вместе твори дела, дабы слово твое не было тщетно. Иначе если бы Христос не показал вместе и чудес, то слову Его не поверили бы.

Приходит к Нему прокаженный и, умоляя Его и падая пред Ним на колени, говорит Ему: если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, умилосердившись над ним, простер руку, коснулся его и сказал ему: хочу, очистишься. После сего слова проказа тотчас сошла с него, и он стал чист.

Благоразумен был прокаженный и веровал; поэтому не сказал: если попросишь у Бога; но веруя в Него как в Бога, сказал: «если хочешь». Христос прикасается к нему в знак того, что ничего нет нечистого. Закон запрещал прикасаться к прокаженному как к нечистому; но Спаситель, желая показать, что нет ничего по природе нечистого, что требования Закона должны упраздниться и что они имеют силу только над людьми, прикасается к прокаженному, — тогда как и Елисей столько боялся Закона, что и видеть не хотел Неемана, прокаженного и просившего исцеления.

И, посмотрев на него строго, тотчас отослал его и сказал ему: смотри, никому ничего не говори, но пойди, покажись священнику и принеси за очищение твое, что повелел Моисей, во свидетельство им. А он, выйдя, начал провозглашать и рассказывать о происшедшем, так что Иисус не мог уже явно войти в город, но находился вне, в местах пустынных. И приходили к Нему отовсюду.

И из сего научаемся также не выставлять себя напоказ, когда оказываем кому-либо добро, ибо вот и Иисус Сам велит очистившемуся не разглашать о Нем. Хотя Он и знал, что

тот не послушается и разгласит, однако, как я сказал, научая нас не любить тщеславия, велит никому не говорить. Но с другой стороны, всякий благодетельствованный должен быть признательным и благодарным, хотя бы благодетель его и не нуждался в том. Так и прокаженный разглашает о полученном благодеянии, несмотря на то, что Господь не велел ему. Христос посылает его к священнику, потому что по повелению Закона прокаженному не иначе можно было войти в город, как по объявлению священническом об очищении его от проказы, в противном случае он должен был изгоняться из города. В то же время Господь велит ему принести и дар, как по обыкновению приносили очистившиеся: это во свидетельство того, что Он не есть противник Закона, напротив, столько дорожит им, что заповедуемое в законе и Он повелевает исполнять.

Глава вторая

Через несколько дней опять пришел Он в Капернаум; и слышно стало, что Он в доме. Тотчас собрались многие, так что уже и у дверей не было места; и Он говорил им слово. И пришли к нему с расслабленным, которого несли четверо; и не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопав ее, спустили постель, на которой лежал расслабленный. Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои.

По восшествии Господа в Капернаум, многие, услышав, что Он в дому, собирались в надежде удобного доступа к Нему. При сем вера мужей, принесших расслабленного, была столь велика, что они проломали кровлю дома и спустили его. Поэтому и Господь подает ему исцеление, видя веру сих принесших или веру самого расслабленного. Ибо и он сам не позволил бы взять себя, если бы не веровал, что исцелится. Впрочем, Господь часто исцелял ради веры одного приносящего, хотя приносимый не был верующим, и напротив, часто же врачевал ради веры приносимого, хотя приносящие не веровали. Прежде всего отпускает Он грехи болящему, а потом врачует болезнь потому, что труднейшие болезни большей частью происходят от грехов, как и в Евангелии от Иоанна Господь производит от грехов же болезнь одного расслабленного. Этот упоминаемый у Иоанна расслабленный есть не один и тот же с упоминаемым ныне; напротив, это два разных человека. Ибо упоминаемый у Иоанна не имел человека помогающего, а нынешний имеет четырех; первый был у купели овчей, а этот — в дому; тот — в Иерусалиме, а сей — в Капернауме. Можно найти и другие между ними различия. Но должно сказать, что упоминаемый у Матфея (гл. 9) и здесь, у Марка, есть один и тот же.

Тут сидели некоторые из книжников и помышляли в сердцах своих: что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога? Иисус, тотчас узнав духом Своим, что они так помышляют в себе, сказал им: для чего так помышляете в сердцах ваших? Что легче? сказать ли расслабленному: прощаются тебе грехи? иди сказать: встань, возьми свою постель и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — говорит расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой. Он тотчас встал и, взяв постель, вышел перед всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога, говоря: никогда ничего такого мы не видали.

Фарисеи обвиняли Господа в богохульстве за то, что он отпускал грехи, так как это

принадлежит одному Богу. Но Господь дал им и другое знамение Божества Своего — знание сердца их: потому что одному Богу известно сердце каждого, как и пророк говорит: «Ты один знаешь сердце всех» (2 Пар. 6, 30; 3 Цар. 8, 39). Между тем фарисеи, хотя и было Господом открыто, что у них в сердце, остаются бесчувственными, и знающему сердца их не уступают того, чтобы Он мог врачевать и грехи. Тогда Господь чрез исцеление тела удостоверяет в том, что Он исцелил и душу, то есть посредством явного утверждает сокровенное и посредством легчайшего — труднейшее, хотя это казалось им иначе. Ибо фарисеи исцеление тела, как действие видимое, почитали труднейшим, а врачевание души, как невидимое, — легчайшим, и рассуждали как бы так: вот обманщик, который отклоняет от себя исцеление тела, как дело очевидное, и врачует невидимую душу, говоря: «прощаются тебе грехи». Если б Он в самом деле мог исцелить, то, наверное, исцелил бы тело, а не стал бы прибегать к невидимому. Поэтому Спаситель, показывая им, что Он может совершить то и другое, говорит: что легче уврачевать, душу или тело? Без сомнения, тело; но вам кажется напротив. Итак, Я исцелю тело, что на самом деле легко, а только вам кажется трудным, и тем уверю вас в исцелении души, что действительно трудно, и кажется легким потому только, что невидимо и необличаемо. Тогда говорит расслабленному: «встань, возьми постель твою», дабы таким образом более уверить в действительности чуда, что оно было не мечтательное, а вместе показать, что Он не только исцелил болящего, но и дал ему силу. Так поступает Господь и с душевными немощами: не только освобождает нас от грехов, но и подает нам силу для исполнения заповедей, Итак, и я, расслабленный, могу исцелиться. Ибо и ныне есть Христос в Капернауме, в доме утешения, то есть в Церкви, которая есть дом Утешителя. Я расслабленный, потому что силы души моей недействительны и недвижны во благо; но когда четыре евангелиста возьмут и принесут меня к Господу, тогда услышу слово Его: «чадо!» Ибо я делаюсь сыном Божиим чрез исполнение заповедей, и мне отпустятся грехи. Но как принесут меня к Иисусу? — Проломавши кров. Что же кров? Ум как верх существа нашего. На этом крове много земли и черепицы, то есть земных дел; но когда все это будет сброшено, когда будет разломана и освобождена от тяжести сила ума, когда потом спущусь вниз, то есть смирюсь (я не должен возноситься вследствие облегчения ума моего, но по облегчении обязан ниспуститься, то есть смириться), тогда исцелюсь и возьму одр мой, то есть тело, возбуждая оное к исполнению заповедей. Ибо не только должно восстать от греха и познать свой грех, но и взять одр, то есть тело, для делания добра. Тогда можем достигнуть и созерцания, так что все помыслы в нас скажут: «никогда ничего такого мы не видали», то есть никогда не имели такого разумения, как ныне, исцелясь от расслабления. Кто очищен от грехов, тот поистине видит.

И вышел Иисус опять к морю; и весь народ пошел к Нему, и Он учил их. Проходя, увидел Он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он, встав, последовал за Ним. И когда Иисус возлежал в доме его, возлежали с Ним и ученики Его и многие мытари и грешники; ибо много их было, и они следовали за Ним. Книжники и фарисей, увидев, что Он ест с мытарями и грешниками, говорили ученикам Его: как это Он ест и пьет с мытарями и грешниками? Услышав сие, Иисус говорит им: не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.

По совершении чуда над прокаженным Господь уходил к морю, вероятно, ища уединения, но народ снова стекается к Нему. Познай же, что по той мере, как ты станешь избегать славы, она будет гоняться за тобой; а ежели ты будешь гоняться за ней, она убежит

от тебя. Вот и Господь только что удалился к морю, как народ опять бежит вслед за Ним. Однако Он и отсюда ушел, и на пути уловил Матфея. Именуемый теперь у Марка Левий есть Матфей, так как он имел два имени. Поэтому Лука и Марк, скрывая настоящее имя, называют его Левием. Но сам он не стыдится; напротив, откровенно говорит о себе: увидел Иисус Матфея мытаря (Мф. 9, 9). Так и мы не будем стыдиться открывать грехи свои. Левий сидел у сбора пошлин, занимаясь, по обязанности своей, или взыскиванием податей с кого-нибудь, или составлением отчета, или чем другим, что обыкновенно делали сборщики податей в местах своих занятий. Но теперь так оказался усерден ко Христу, что оставив все, последовал за Ним и в великой радости созвал многих на обед. А фарисеи начинают винить Господа, представляя себя, конечно, людьми чистыми. Но Господь сказал на это: «Я пришел призвать не праведников», то есть вас, оправдывающих самих себя (говорит в виде глумления над ними), «но грешников», призвать, впрочем, не с тем, чтобы они оставались грешниками, но «к покаянию», то есть, чтобы они обратились. «К покаянию», — сказал, — дабы ты не подумал, что, призывая грешников, Он нисколько не исправляет их.

Ученики Иоанновы и фарисейские постились. Приходят к Нему и говорят: почему ученики Иоанновы и фарисейские постятся, а Твои ученики не постятся? И сказал им Иисус: могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься, но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни.

Иоанновы ученики, как еще несовершеннолетние, держались иудейских обычаев. Поэтому некоторые из приходивших ко Христу представляли их в пример и винули Его за то, что ученики Его не постятся наравне с теми. А Он говорил им: ныне Я, Жених, нахожусь с ними, и потому они должны радоваться, а не поститься; но когда Я буду взят из сей жизни, тогда, подвергаясь напастям, они будут и поститься, и скорбеть. Называет Себя «Женихом» не только потому, что обручал Себе девственные души, но и потому, что время первого пришествия Его есть время не плача и горя для верующих в Него, и не тяжелое время, но успокаивающее нас крещением без дел закона. В самом деле, что за труд креститься? И однако в этом легком деле обретаем спасение. «Сыны чертога брачного» суть апостолы, потому что они сподобились радости Господа и соделались участниками всякого небесного блага и утешения. Можешь понимать и так, что всякий человек, когда совершает добродетель, есть «сын чертога брачного», и доколе имеет при себе Жениха-Христа, не постится, то есть не оказывает дел покаяния; ибо зачем каяться тому, кто не падает? Когда же отыметя от него Жених-Христос, когда, то есть он впадет в грех, тогда начинает поститься и каяться, чтобы уврачевать грех.

Никто к ветхой одежде не приставляет заплату из небеленной ткани: иначе вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые.

Как «небеленная», то есть новая, заплатка по своей твердости только раздерет ветхую одежду, если будет пришита к ней, и как новое вино по своей крепости разорвет старые мехи, так и ученики Мои еще не окрепли, и потому, если обременим их, мы через это сделаем им вред, так как они по немощи своего ума похожи еще на ветхую одежду. Итак, не следует возлагать на них тяжелой заповеди поста. Или можешь и так понимать: Христовы ученики,

будучи уже новыми людьми, не могут служить старым обычаям и законам.

И случилось Ему в субботу проходить засеянными полями, и ученики Его дорогою начали срывать колосья. И фарисеи сказали Ему: смотри, что они делают в субботу, чего не должно делать? Он сказал им: неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним? как вошел он в дом Божий при первосвященнике Авиафаре и ел хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме священников, и дал и бывшим с ним? И сказал им: суббота для человека, а не человек для субботы: посему Сын Человеческий есть господин и субботы.

Ученики Господа срывают колосья, как приученные жить уже не по закону. Когда фарисеи стали негодовать на это, то Христос заграждает им уста, указывая на Давида, который по нужде нарушил закон при архиерее Авиафаре. Бегая от Саула, пророк Давид пришел к сему архиерею и обманул его, сказав, что он послан царем по крайней военной надобности. Тут он и ел хлебы предложения, и взял обратно меч Голиафа, некогда посвященный им Богу. Означенных хлебов было двенадцать; они каждый день возлежали на трапезе, шесть на правой и шесть на левой стороне трапезы. Некоторые спрашивают: почему евангелист назвал здесь архиерея Авиафаром, тогда как книга Царств именует его Ахимелехом (1 Цар. 21)? Можно сказать на это, что архиерей тот имел два имени: Ахимелеха и Авиафара. Можно объяснить и иначе, именно: книга Царств говорит о тогдашнем иерее Ахимелехе, а евангелист об Авиафаре, тогдашнем архиерее, и потому показания их не противоречат одно другому. Иерей был на тот раз Ахимелех, а Авиафар был тогда архиереем. В высшем смысле разумей это так: Христовы ученики идут в субботу, то есть в душевном покое (суббота — значит покой); следовательно, когда возымели свободу от страстей и от нападения бесов, тогда совершают путь, то есть делаются и для других путеводителями к добродетели, срывая и искореняя всякие земные и низкие мечтательные произрастания. Ибо кто предварительно не освободится от страстей и не настроит себя к тихому образу жизни, тот не может путеводить других и быть для них вождем ко благу.

Глава третья

И пришел опять в синагогу; там был человек, имевший иссохшую руку. И наблюдали за Ним, не исцелит ли его в субботу, чтобы обвинить Его. Он же говорит человеку имевшему иссохшую руку: стань на средину. А им говорит: должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить? Но они молчали. И, возрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их, говорит тому человеку: протяни руку твою. Он протянул, и стала рука его здорова, как другая.

По случаю обвинения иудеями учеников за то, что они в субботу срывали колосья, Господь и примером Давида уже заградил уста обвинителям, а чтоб и теперь еще более вразумить их, Он чудодействует, чрез это Он выражает следующее: вот как неповинны в грехе ученики Мои: Я и Сам делаю в день субботний, являя сие чудо. Ежели чудодействовать есть грех, то вообще и делать необходимое в субботу есть грех; но совершить чудо для спасения человека есть дело Божие, следовательно, не нарушает закона и тот, кто делает в субботу что-либо не худое. Поэтому Господь и спрашивает иудеев: «должно ли в субботу добро делать?», обличая их в том, что они препятствуют Ему делать добро. В переносном

смысле суха бывает правая рука у всякого, кто не творит дела правой стороны. К такому человеку говорит Христос: «стань», то есть отстань от греха, «стань на средину», то есть на средину добродетелей, так как всякая добродетель есть средину, не склоняющаяся ни к недостатку, ни к излишеству. Итак, когда он станет на эту средину, тогда рука его снова сделается здоровой. Заметь и слово «стала»; было время, когда мы имели руки, или деятельные силы, здоровыми, когда, то есть еще не было совершено преступление: а с тех пор, как рука наша простерлась к запрещенному плоду, она стала сухой по отношению к деланию добра. Но она опять придет в прежнее здоровое состояние, когда мы станем посреди добродетелей.

Фарисеи, выйдя, немедленно составили с иродианами совещание против Него, как бы погубить Его. Но Иисус с учениками Своими удалился к морю, и за Ним последовало множество народа из Галилеи, Иудеи, Иерусалима, Идумеи и из-за Иордана. И живущие в окрестностях Тира и Сидона, услышав, что Он делал, шли к нему в великом множестве. И сказал ученикам Своим, чтобы готова была для Него лодка по причине многочисленности, дабы не теснили Его. Ибо многих Он исцелил, так что имевшие язвы бросались к Нему, чтобы коснуться Его. И духи нечистые, когда видели Его, падали пред Ним и кричали: Ты Сын Божий. Но Он строго запрещал им, чтобы не делали Его известным.

Кто такие были иродиане? — или воины Иродовы, или какая новая секта, признавшая Ирода за Христа по той причине, что при нем кончилось преемство иудейских царей. Пророчеством Иакова определялось, что когда оскудеют князья от Иуды, тогда придет Христос (Быт. 49). Итак, поскольку во времена Ирода никто уже не был князем из иудеев, но властвовал Ирод иноплеменник (он был идумеянин), то некоторые приняли его за Христа и составили секту. Сии-то люди и хотели было убить Господа. Но Он уходит, поскольку еще не настало время страдания. Уходит от неблагодарных и для того, чтобы облагодетельствовать большее число людей. За Ним действительно последовали многие, и Он исцелял их; даже тириане и сидоняне получили пользу, несмотря на то, что были иноплеменники. Между тем единоплеменники Его гнали Его. Так-то нет пользы в родстве, если нет благонравия! Вот и чужие приходили к Христу издали, а иудеи гнали Его, пришедшего к ним. Смотри же, как Христос чужд славолубия; чтоб народ не обступил Его, Он требует лодку, дабы в ней быть поодаль от народа. — «Язвами» евангелист называет болезни, ибо болезни действительно много содействуют к вразумлению нашему, так что Бог наказывает нас сими язвами, как отец детей. В переносном смысле обрати внимание и на то, что Иисуса хотят убить иродиане, эти плотские и грубые люди (Ирод — значит кожаный). Напротив, те, кои вышли из домов и из отечества своего, то есть от плотского образа жизни, те последуют за Ним; почему и исцеляются раны их, то есть грехи, уязвляющие совесть, и нечистые духи изгоняются. Вникни, наконец, в то, что Иисус приказывает ученикам Своим подать лодку, дабы народ не стеснял Его. Иисус есть в нас слово, повелевающее, чтобы лодка наша, то есть тело наше, готово было для Него, а не предоставлялось бы буре житейских дел, дабы эти толпы забот о делах не беспокоили живущего в нас Христа.

Потом взошел на гору и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему. И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь, и чтобы они имели власть исцелять от болезней и изгонять бесов; поставил Симона, нарекши ему имя Петр, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата Иакова, нарекши

им имена Воанергес, то есть «сыны громовы» Андрея, Филиппа, Варфоломея, Матфея, Фому, Иакова Алфеева Фаддея, Симона Кананита и Иуду Искаротского, который и предал Его.

Восходит на гору для того, чтобы помолиться. Поскольку пред сим творил чудеса то после совершения чудес молится, конечно, в урок нам, чтоб мы благодарили Бога, как скоро сделаем что-либо доброе, и приписывали бы то силе Божией. Или поскольку Господь намеревался рукоположить апостолов, то по этому случаю восходит на гору для молитвы в наставление наше, что и нам, когда намереваемся рукоположить кого, сначала должно молиться, чтоб открыт был нам достойный того и чтобы мы не делали участниками «в чужих грехах» (1 Тим. 5, 22). А что и Иуду избирает в апостола, то отсюда мы должны понять, что Бог не отвращается человека, имеющего сделать зло, из-за будущего его злого дела, но что за настоящую его добродетель сподобляет его чести, хотя бы он впоследствии сделался худым человеком. Евангелист перечисляет имена апостолов по поводу лжеапостолов, дабы знали истинных апостолов. Сынами громовыми называет сынов Зеведея, как особенно великих проповедников и богословов.

Приходят в дом; и опять сходится народ, так что им невозможно было и хлеба есть. И, услышав, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из Себя. А книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что Он имеет в Себе веельзевула и что изгоняет бесов силою бесовского князя.

«И услышав, — говорит, — ближние Его», может быть, люди из одного с Ним отечественного города или даже братья вышли взять Его; ибо говорили, что Он вышел из себя, то есть что имеет беса. Так как они слышали, что Он изгоняет бесов и исцеляет болезни, то по зависти думали, что Он имеет беса и «вышел из себя», почему и хотели взять Его, чтоб связать как беснующегося. Так думали и хотели поступить с Ним и ближние Его. Подобно и иерусалимские книжники говорили, что Он имеет в Себе беса. Поскольку они не могли отвергать совершившихся перед ними чудес, то поносят их другим способом, производя их от бесов.

И, призвав их, говорил им притчами: как может сатана изгонять сатану? Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот; и если сатана восстал на самого себя и разделился, не может устоять, но пришел конец его. Никто, войдя в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного, и тогда расхитит дом его.

Опровергает ненавистливых иудеев неоспоримыми примерами. Как возможно, — говорит, — бесу изгонять бесов, когда и в обыкновенных домах видим, что пока живущие в них мирны, дома стоят благополучно, а коль скоро произойдет в них разделение, — падают? Как возможно, — говорит, — чтобы кто расхитил посуду крепкого, если наперед не свяжет его? Эти слова означают следующее: «сильный» есть диавол; «вещи» его суть люди, служащие ему вместилищем. Таким образом, если кто наперед не свяжет и не низложит диавола, то как он может расхитить у него сосуда его, то есть беснующихся? Поэтому, если Я расхищаю сосуда его, то есть освобождаю людей от насилия бесовского, то, следовательно, Я наперед связал и низложил бесов, и оказываюсь врагом их. Итак, как же вы

говорите, что Я имею в Себе веельзевула, то есть, что Я изгоняю бесов, будучи другом их и волшебником?

Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению. Сие сказал Он, потому что говорили: в Нем нечистый дух

То, что Господь говорит здесь, означает следующее: люди, согрешающие во всем прочем, еще могут извиняться чем-нибудь и получить прощение, по Божью снисхождению к слабости человеческой. Например, кои называли Господа ядцею и винопийцею, другом мытарей и грешников, то получают прощение в этом. Но когда видят, что Он творит несомненные чудеса, и между тем хулят Духа Святаго, то есть чудотворения, происходящие от Святаго Духа, тогда как они получают прощение, если не покаются? Когда соблазнились плотью Христовой, то в этом случае, хотя бы и не покаяться, будут прощены, как люди соблазвившиеся; а когда видели Его творящим дела Божий и все еще хулили, как будут прощены, если останутся нераскаянными?

И пришли Матерь и братья Его и, стоя вне дома, послали к Нему звать Его. Около Него сидел народ. И сказали Ему: вот Матерь Твоя и братья Твои, и сестры Твои, вне дома, спрашивают Тебя. И отвечал им: кто Матерь Моя и братья Мои? И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот матерь Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Божию, тот мне брат и сестра, и матерь.

Братья Господа по зависти пришли взять Его, как неистового и бесноватого. А Мать, вероятно, по внушению чувства чести, пришла отвлечь Его от учения, показывая таким образом народу, что Тому, Кому они удивляются, она свободно распоряжается и может отвлекать Его от учения. Но Господь отвечает: Матери Моей никакой не будет пользы быть Матерью Моею, если она не будет совмещать в себе всех добродетелей. Так же точно и родство бесполезно будет для братьев Моих. Потому что те только суть истинные сродники Христа, которые творят волю Божию. Итак, говоря это, Он не отрекается от Матери, но показывает, что Она достойна будет чести не за одно только рождение, но и за всякое другое доброе дело: если бы сего она не имела, то другие предвосхитили бы честь родства.

Глава четвертая

И опять начал учить при море; и собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сидел на море, а весь народ был на земле у моря. И учил их притчами много.

Хотя, казалось, и отослал Мать Свою, однако, опять повинуется Ей, ибо ради Нее выходит к морю. Садится в лодку для того, чтобы, имея перед глазами всех, говорить в услышание всех и никого не иметь позади Себя.

И в учении Своем говорил им: слушайте: вот, вышел сеятель сеять; и, когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное

упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока; когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода. И иное упало на добрую землю и дало плод, который возшел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто. И сказал им: кто имеет уши слышать, да слышит! Когда же остался без народа, окружающие Его, вместе с двенадцатью, спросили Его о притче. И сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах, так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают; да не обратятся, и прощены будут им грехи.

Первую притчу предлагает о семени, дабы сделать слушателей более внимательными. Так как Он намерен сказать, что семя есть слово и что оно, упавши в невнимательных, пропадает, то говорит об этом прежде всего, дабы слушатели постарались быть внимательными и непохожими на ту землю, которая губит семя. Но кто такой Сеятель? Сам Христос, Который по человеколюбию и снисхождению неотлучно исшел из Отчих недр, исшел же не для того, чтобы сожечь проклятую землю и злые сердца, не для того, чтобы иссечь терния, но чтобы сеять семя. Какое семя? Не Моисеево ли? Не семя ли пророков? Нет, Свое, то есть, чтобы проповедовать Свое Евангелие. Он и сеял; но из семян одно пало на душу, подобно дороге, попираемой многими, и птицы небесные, то есть демоны, владеющие в воздухе, пожрали это семя. К таким людям относятся человекоугодники; они то же, что дорога, попираемая многими. Кто все делает только для угождения тому или другому, тот бывает попираем многими. Но заметь, Господь не сказал, что семя брошено при пути, но что оно пало при пути, потому что Сеятель бросает семя на землю, как на добрую, а она сама уже, оказавшись худой, губит семя, то есть слово. Впрочем, некоторые хорошо принимали упавшее при пути в том смысле, что оно пало на неверное сердце. Ибо Путь есть Христос, а находящиеся при пути суть неверные, которые вне пути, то есть Христа. Другое семя пало на душу каменистую, понимаю тех, которые легко принимают слово, но потом отвергают. Они каменисты, как уподобившиеся несколько камню, то есть Христу, поскольку приняли слово; но как они принимают слово на время и потом отвергают, то через это теряют и подобие. Иное семя упало на душу, пекущуюся о многом, ибо «терние» суть житейские попечения. Но четвертое семя пало на добрую землю. Итак смотри, как редко добро и как мало спасающихся! Только четвертая часть семени оказалась уцелевшей! Ученикам спросившим Его наедине, говорит: «вам дано знать тайны». Но неужели по распределению и назначению от природы одним дано это, а другим, нет? Быть не может; но тем дано, как ищущим: «ищите, — сказано, — и дастся вам», а прочих Бог оставил в слепоте, дабы знание должного не послужило к большему их осуждению, когда они не исполняют сего должного. Впрочем, хочешь ли знать, что от Бога дано всем видеть должное? Слушай! «Своими глазами смотрят» — это от Бога «и не видят» — это от злобы их; ибо Бог создал их видящими, то есть понимающими доброе, но они не видят, смежая очи свои добровольно, чтобы не обратиться и не исправляться, как бы завидуя собственному спасению и исправлению. Можно и так понимать: прочим же говорю притчами, «так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают», чтобы хотя поэтому обратились и исправились.

И говорит им: не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все притчи? Сеятель слово сеет. Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в

сердцах их. Подобным образом и посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются. Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода. А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают; и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат.

Здесь указано три разряда людей, в которых слово пропадает: одни — невнимательны, эти означены словом «при дороге»; другие — малодушны, сии разумеются под словом «на каменистом месте»: третьи — сластолюбивы, означаемые словом «в тернии». Три же разряда и тех, которые приняли и сохранили семя: одни приносят плод во сто — это люди совершенной и высокой жизни; другие — в шестьдесят, это средние; иные — в тридцать, которые хотя немного, но все же приносят по силе своей. Так, одни суть девственники и пустынножители, другие живут вместе в общеситии, иные в мире и в браке. Но Господь принимает всех их, как приносящих плод. И благодарение Его человеколюбия!

И сказал им: для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике? Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу. Если кто имеет уши слышать, да слышит!

Здесь Господь научает апостолов быть светлыми по жизни и поведению. Как светильник поставляется для того, чтобы светить, так и ваша жизнь, — говорит, — будет видна всем, и все будут смотреть на нее. Поэтому старайтесь вести жизнь добрую; ибо вы поставлены не в углу, но служите светильником, а светильника не скрывают под кровать, но ставят на виду, на подсвечнике. И из нас каждый есть светильник, который должен быть поставлен на подсвечнике, то есть на высоте жизни по Богу, дабы мог светить и другим, а не под спудом чревоугодия и заботы о пище и не под кроватью бездействия. Ибо никто, занятый попечением о пище и преданный лени, не может быть светильником, светящим своей жизнью для всех. «И ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу». Что бы кто ни делал втайне: доброе или злое — все обнаружится и здесь, а особенно в будущем веке. Что было сокровеннее Бога? Однако и Он явился во плоти.

И сказал им; замечайте, что слышите: какую мерою мерите, такую отмерено будет вам и прибавлено будет вам, слушающим. Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет.

Господь побуждает учеников к бодрствованию. Замечайте, — говорит, — что слушаете; не опускайте ничего сказанного Мною. «Какую мерою мерите, такую отмерено будет вам», то есть, в какой мере вы внимательны, в такой мере получите и пользу. Тому слушателю, который внимателен всегда и притом в высшей степени, воздаст Бог и награду великую, а медлительному человеку соразмерная будет и прибыль вознаграждения. Кто будет иметь ревность и усердие, тому дастся и награда, а кто не имеет ревности и усердия, у того взято будет и то, что он думает иметь. Ибо по причине лени гаснет в нем и та малая искра, которую он прежде имел, подобно как от усердия она возжигается.

И сказал: Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва.

Под Царством Божиим понимает Божие смотрение о нас. «Человек» есть Сам Бог, сделавшийся ради нас человеком. Он бросил «семя в землю», то есть евангельскую проповедь. Бросив его, Он «спит», то есть восшел на небеса; впрочем, Он и «встает ночью и днем». Ибо хотя Бог, по-видимому, и спит, то есть долготерпит, но Он восстает: восстает ночью, когда посредством искушений возбуждает нас к познанию Его; восстает днем, когда наполняет нашу жизнь радостями и утешениями. Семя растет как будто без ведома Его, потому что мы свободны, и от нашей воли зависит расти или не расти этому семени. Не по неволе приносим плод, но добровольно, то есть приносим плод от самих себя. Сначала, когда бываем младенцами, еще не достигшими в меру возраста Христова, мы произращаем «зелень», показываем начаток добра; потом — «колос», когда бываем уже в состоянии противостоять и искушениям, ибо колос связывается уже коленцами, стоит прямо и достиг уже большего развития; затем образуется в колосе «полное зерно» — это тогда, когда кто приносит плод совершенства. Когда же настанет «жатва», тогда «серп» собирает плоды. «Серп» этот есть Слово Божие, а «жатва» — время кончины.

И сказал: чему уподобим Царствие Божие? или какую притчею изобразим его? Оно — как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные. И таковыми многими притчами проповедывал им слово, сколько они могли слышать. Без притчи же не говорил им, а ученикам наедине изъяснял все.

Мало слово веры: потому что следует только уверовать во Христа, и ты спасешься. Видишь, что слово сие столь же мало, как и горчичное зерно. Но посеянная на землю проповедь слова расширилась и разрослась, так что на ней покоятся птицы небесные, то есть все люди с выпревшим и горным умом и знанием. В самом деле, сколько мудрых успокоилось на этой проповеди, оставив эллинскую мудрость! Таким образом проповедь сделалась больше всего и пустила великие ветви. Ибо апостолы как ветви разошлись: один — в Рим, другой — в Индию, третий — в Ахаию, прочие же — в другие страны земли. Господь говорит народу многими притчами, предлагая притчи сообразно с состоянием слушателей. Поскольку народ был прост и неучен, то поэтому напоминает ему о горчичном зерне, о траве и семени, дабы известными ему и обыкновенными предметами научить его чему-либо полезному или заставить его подойти и спросить, и по вопросу разуместь непонятное. Так, ученикам объяснял Он все наедине, поскольку они прямо приступали к Нему и спрашивали. Объяснял же все только такое, о чем они спрашивали и чего не знали, а не вообще все, даже и ясное. Ибо когда уразумевали то, о чем спрашивали, то из этого становилось ясно для них и другое, и таким образом разрешалось для них все.

Вечером того дня сказал им: переправимся на ту сторону. И они, отпустив народ, взяли Его с собою, как Он был в лодке; с Ним были и другие лодки. И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою. А Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе

нужды нет, что мы погибаем? И, встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина. И сказал им: что вы так боязливы? как у вас нет веры? И убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же Сей, что и ветер, и море повинуются Ему?

Матфей повествовал об этом иначе, чем Марк: о чем тот сказал пространнее, то этот сократил, и наоборот, что первый изложил кратко, о том последний сказал пространнее. Господь берет с Собою одних учеников, предоставляя им быть зрителями будущего чуда. Но чтобы они не превозносились тем, что других отослал, а их взял, и вместе, чтобы научить их переносить опасности, попускает им быть в опасности от бури. А спит Он при сем с той целью, чтобы чудо показалось им тем важнее, после того как они перепугались. Иначе, если бы буря случилась при бодрственном состоянии Христа, они не испугались бы или не обратились бы к Нему с прошением о спасении. И вот Он попускает им быть в страхе от опасности, дабы они пришли в сознание силы Его. Поскольку они только на других видели благодеяния Христовы, а сами не испытали ничего подобного, то была опасность, что они сделаются беспечными; поэтому Господь попускает быть буре. Он спит на корме корабля (она была, конечно, деревянная). Пробудившись, Христос запрещает сначала ветру, так как он бывает причиной морского волнения, а потом укрощает и море. Обличает и учеников за то, что они не имели веры. Ибо если бы они имели веру, то верили бы, что Он и спящий может сохранить их невредимыми. Ученики говорили между собою: «кто же Сей», потому что имели еще неопределенное понятие о Нем. Так как Христос укротил море одним повелением, а не жезлом, как Моисей, не молитвенным воззванием, как Елисей Иордан, не ковчегом, как Иисус Навин, то по этой причине Он показался им выше человека; а тем, что спал, Он являлся им опять человеком.

Глава пятая

И пришли на другой берег моря, в страну Гадаринскую. И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек, одержимый нечистым духом, он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни.

В списках более исправных читается: «в страну Гергесинскую». Матфей говорит, что было два бесноватых, а Марк и Лука говорят об одном. Сии последние избрали лютейшего из них и повествуют о нем. Бесноватый идет и исповедует Христа Сыном Божиим. Поскольку бывшие на корабле недоумевали о том, кто Он, то последует достовернейшее свидетельство о Нем от врагов, разумею бесов. Бесноватый жил во гробах, потому что бес хотел внушить через это ложную мысль, что души умерших становятся бесами, чему никак не должно верить.

Увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему, и, вскричав громким голосом, сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня! Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много. И много просили Его, чтобы не высылал их вон из страны той.

Выйти из человека демоны почитают мучением, почему и говорили: «не мучь», то есть не выгоняй нас из жилища нашего, то есть из человека. С другой стороны, они думали, что Господь не будет более терпеть их за чрезмерную их дерзость, но тотчас предаст мучению, поэтому и молят, чтобы не мучил их. Господь спрашивает бесноватого не для того, чтоб Самому знать, но чтоб другие знали о множестве вселившихся в него бесов. Поскольку пред глазами стоял один человек, то Христос показывает, со сколькими врагами боролся этот жалкий человек.

Паслось же там при горе большое стадо свиней. И просили Его все бесы, говоря: пошли нас в свиней, чтобы нам войти в них. Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море. Пасущие же свиней побежали и рассказали в городе и деревнях.

Бесы молили Господа, чтобы Он не высылал их вон из страны, но чтобы пустил в стадо свиней. Он соглашается на это. Поскольку жизнь наша есть брань, то Господь не хотел удалить от нее демонов, дабы они своей борьбой с нами делали нас искуснейшими. Попускает им войти в свиней, дабы мы знали, что они как не пощадили свиней, так не пощадили бы и человека того, если бы не сохранила его сила Божия. Ибо бесы, будучи враждебны нам, тотчас истребили бы нас, если бы не охранял нас Бог. Итак, знай, что демоны не имеют власти даже над свиньями, и тем более над людьми, если не попустит Бог. Но знай и то, что в людей, живущих по-свински и валяющихся в тине чувственных удовольствий, вселяются демоны, которые низвергают их со стремнин погибели в море сей жизни, и они утопают.

И жители вышли посмотреть, что случилось. Приходят к Иисусу и видят, что бесноватый, в котором был легион, сидит и одет, и в здравом уме; и устрашились. Видевшие рассказали им о том, как это произошло с бесноватым, и о свиньях. И начали просить Его, чтобы отошел от пределов их. И когда Он вошел в лодку, бесноватый просил Его, чтоб быть с Ним. Но Иисус не дозволил ему, а сказал: иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя. И пошел и начал проповедывать в Десятиградии, что сотворил с ним Иисус; и все дивились.

Пораженные чудом жители города того вышли к Иисусу, услышав же о подробностях, они еще более испугались. Потому и молили Иисуса выйти из пределов их. Они боялись, чтоб не потерпеть еще чего-либо большего. Потеряв свиней и сожалея об этой потере, они отказываются и от присутствия Господа. Напротив, бесноватый просил у Него позволения быть с Ним, так как опасался, чтобы бесы, найдя его одного, опять не вошли в него. Но Господь отсылает его домой, показывая, что Его сила и промышление будут охранять его и в отсутствии. Отсылает его вместе и для того, чтобы он доставил пользу другим, которые увидят его. Поэтому он и начал проповедовать, и все удивлялись. Но посмотри, как Спаситель чужд превозношения! Он не сказал: «расскажи», что сотворил тебе Я, но: «что сотворил с тобою Господь». Так и ты, когда сделаешь что-либо доброе, приписывай сделанное не себе, но Богу.

Когда Иисус опять переправился в лодке на другой берег, собралось к Нему

множество народа. Он был у моря. И вот, приходит один из начальников синагоги, по имени Иаир, и, увидев Его, падает к ногам Его и усиленно просит Его, говоря: дочь моя при смерти; приди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела и осталась жива. Иисус пошел с ним. За Ним следовало множество народа, и теснили Его. Одна женщина, которая страдала кровотечением двенадцать лет, много потерпела от многих врачей, истощила все, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние, — услышав об Иисусе, подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его, ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею. И тотчас иссяк у ней источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни.

После чуда над бесноватым Господь совершает другое чудо — воскрешает дочь начальника синагоги. Для иудеев, очевидцев события, евангелист рассказывает и имя начальника синагоги. Это был человек полуверующий: тем, что пал в ноги Христу, он оказывается верующим, но тем, что просил Его идти, показывает веру не такую, какую должно; ему следовало сказать: «скажи только слово». Между тем, на пути Господа исцеляется и кровоточивая жена. Жена эта имела великую веру, потому что надеялась исцелиться от одной одежды Господа; за то и получила исцеление. В переносном смысле разумеи это и о человеческой природе. Она была кровоточива, потому что производила грех, который есть убийство души и который проливает кровь душ наших. Природа наша не могла получить исцеления от многих врачей, то есть ни от мудрецов века сего, ни даже от Закона и пророков. Но она исцелилась, лишь только прикоснулась к одежде Христа, то есть к плоти Его. Ибо кто верует, что Христос воплотился, тот и есть прикасающийся к одежде Его.

В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде? Ученики сказали Ему: Ты видишь, что народ теснит Тебя, и говоришь: кто прикоснулся ко Мне? Но Он смотрел вокруг, чтобы видеть ту, которая сделала это. Женщина в страхе и трепете, зная, что с нею произошло, подошла, пала пред Ним и сказала Ему всю истину. Он же сказал ей: дочь! вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей.

Сила выходит из Христа не так, чтобы переменяла место, напротив, она и другим сообщается, и в то же время без уменьшения пребывает во Христе, подобно как и уроки учения остаются и при учащих, и преподаются учащимся. Но смотри, как народ со всех сторон стеснял Его, и между тем ни один не прикоснулся к Нему; напротив, жена, не стеснявшая Его, прикоснулась к Нему. Отсюда научаемся той тайне, что из людей, занятых множеством житейских забот, никто не прикасается ко Христу: они только гнетут Его; напротив, кто не гнетет Иисуса и не обременяет своего ума суетными попечениями, тот прикасается к Нему. Но для чего Господь открывает жену? Во-первых, для того, чтобы прославить веру жены, во-вторых, для того, чтобы возбудить веру в начальнике синагоги, что и дочь его также будет спасена, а вместе и для того, чтобы освободить от сильного страха жену, которая боялась, как бы укравшая исцеление. Так и евангелист говорит: «в страхе и трепете подошла». Поэтому Господь не сказал: Я спас тебя, но: «вера твоя спасла тебя; иди в мире», то есть в покое. Мысль этих слов такая: будь спокойна ты, которая доселе была в скорби и смятениях.

Когда Он еще говорил сие, приходят от начальника синагоги и говорят: дочь твоя умерла; что еще утруждаешь Учителя? Но Иисус, услышав сии слова, тотчас говорит начальнику синагоги: не бойся, только веруй. И не позволил никому следовать за Собою, кроме Петра, Иакова и Иоанна, брата Иакова. Приходит в дом начальника синагоги и видит смятение и плачущих и вопиющих громко. И, войдя, говорит им: что смущаетесь и плачете? девица не умерла, но спит. И смеялись над Ним. Но Он, выслав всех, берет с Собою отца и мать девицы и бывших с Ним и входит туда, где девица лежала. И, взяв девицу за руку, говорит ей: «талифа куми», что значит: девица, тебе говорю, встань. И девица тотчас встала и начала ходить, ибо была лет двенадцати. Видевшие пришли в великое изумление. И Он строго приказал им, чтобы никто об этом не знал, и сказал, чтобы дали ей есть.

Люди начальника синагоги почитали Христа одним из обыкновенных учителей почему просили прийти и помолиться о девице, а напоследок, когда она умерла, подумали, что Он уже не нужен после смерти ее. Но Господь ободряет отца и говорит: «только веруй». Между тем не позволяет никому идти за Собою, кроме трех учеников, потому что смиренный Иисус ничего не хочет делать напоказ. При Его словах: «девица не умерла, но спит» смеются; это попущено с тем, чтобы после не имели предлога говорить, что она была в обмороке, и что не диво, если Он воскресил ее; напротив, чтобы сами себя уличили собственным свидетельством о воскресении Им действительно умершей, когда даже смеялись над Его словами, что она не умерла, но спит. Господь берет ее за руку, дабы сообщить ей силу; а велит дать ей есть для того, чтобы удостоверить в воскресении как в действительном, а не в мнимом происшествии.

Глава шестая

Оттуда вышел Он и пришел в Свое отечество; за Ним следовали ученики Его. Когда наступила суббота, Он начал учить в синагоге; и многие слышавшие с изумлением говорили: откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его? Не плотник ли Он, сын Марин, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнялись о Нем.

Господь приходит в отечество не потому, что не знал, что окажут Ему невнимание, но для того, чтобы впоследствии не могли говорить: если б Он пришел, то мы уверовали бы. Приходит вместе и для обличения завистливого нрава своих соотечественников; ибо тогда как им надлежало восхищаться Господом, так украшающим их отечество и учением, и чудесами, они вместо того унижали Господа за Его бедное происхождение. Вот какое зло — зависть! Она всегда старается помрачить доброе и не позволяет завидующим видеть его. Так и ныне многие по неблагонамеренности и крайнему неблагородству бесславят некоторых по причине незнатного происхождения их, хотя они достойны всякой чести.

Иисус же сказал им; не бывает пророка без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем. И не мог совершить там никакого чуда, только на немногих больных возложив руки, исцелил их. И дивился неверию их.

Господь говорит вообще о всех пророках, что они не пользуются честью в отечествах

своих, между сродниками и домашними. Имеют ли они знаменитых сродников? В таком случае эти сродники завидуют им и потому бесчестят. Будут ли они бедного происхождения? — опять бесславят их за бедное происхождение. Господь не мог сотворить там чудес не потому, что был бессилен, но потому, что те были люди неверующие. Щадя их, Он не творит чудес, дабы не послужили к большему осуждению их как людей неверующих и при виде чудес. С другой стороны, для чудотворений потребна, во-первых, сила творящего, во-вторых, вера приемлющих чудо. Поскольку же здесь не доставало второго (из этих условий), то есть веры имеющих нужду в исцелении, то Иисусу не благопотребно было творить чудеса. Так и должны мы понимать, что выражение евангелиста «и не мог» употреблено вместо — не решался.

Потом ходил по окрестным селениям и учил. И, призвав двенадцать, начал посылать их по два, и дал им власть над нечистыми духами. И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе, но обуваться в простую обувь и не носить двух одежд. И сказал им: если где войдете в дом, оставайтесь в нем, доколе не выйдете из того места. И если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу.

Господь учил не в одних городах, но и в весях, дабы мы знали, что и нам не должно ни пренебрегать малыми городами, ни постоянно посещать большие города, но что должно сеять слово и в незначительных местечках. Далее, не только Сам Он учил, но и посылает учеников Своих, притом по два, дабы они были смелее. Иначе если бы Он послал их по одному, то один не так бы смело мог действовать, а если бы послал более чем по два, то числа апостолов не достало бы для всех селений. Итак, посылает по два: «Двоим лучше, нежели одному», — говорит Екклесиаст (4, 9). Заповедует им ничего не брать — ни сумы, ни денег при поясе, ни хлеба, чтобы таким образом научить их нестяжательности и чтобы другие, взирая на них, умилялись, когда они будут научать нестяжательности тем, что сами ничего не имеют. В самом деле, кто не умилился и не подвигнется к нестяжательности, видя, что апостол не берет ни сумы, ни хлеба, который всего нужнее для нас? Велит им пребывать в одном доме, дабы не подумали о них, что они переменяют места ради чревоугодия, бродя от одних к другим. У тех, кои не примут их, они должны были, по словам Господа, отрясти пыль с ног своих в знак того, что они совершили далекий путь ради их и, однако, без пользы для них, или в знак того, что они ничего не взяли у них, самой даже пыли, что, напротив, и ее отрясли, дабы это обратилось во свидетельство им, то есть в обличение. «Истинно говорю вам, отраднее будет Содому и Гоморре в день суда» нежели тем, которые не примут вас. Ибо содомляне, быв наказаны здесь, там будут наказаны легче; притом апостолы не были посылаемы к ним. Напротив, непринявшие апостолов будут терпеть муки тягчайшие тех.

Они пошли и проповедывали покаяние; изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли.

О том, что апостолы помазывали маслом, говорит один Марк и еще Иаков, брат Божий, в своем Соборном послании: «Болея ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем» (Иак. 5, 14). Масло полезно бывает и против болезней, оно идет для освещения, употребляется при радостном состоянии духа и означает милость

Божью и благодать Духа, которой мы избавляемся от болезней и от которой получаем и свет, и радость, и веселие духовное.

Царь Ирод, услышав об Иисусе (ибо имя Его стало гласно), говорил: это Иоанн Креститель воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им. Другие говорили: это Илия, а иные говорили: это пророк, или как один из пророков. Ирод же, услышав, сказал: это Иоанн, которого я обезглавил; он воскрес из мертвых

Этот Ирод был сын Ирода, избившего младенцев. Как тетрарха, Марк называет его царем, употребляя это имя не в строгом смысле. Услышав о чудесах Господних и сознавая, что без причины убил праведного Иоанна, Ирод начал думать, что он воскрес из мертвых и по воскресении получил силу чудотворения. Прежде Иоанн не сотворил ни одного знамения, но после воскресения, — так думал Ирод, — получил он силу творить знамения. Но другие говорили о Христе, что это Илия, потому что Он обличал многих, например, когда говорил: «о, род неверный!» А Ирод боялся. Так жалок был этот человек, что боялся мертвого!

Ибо сей Ирод, послав, взял Иоанна и заключил его в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что женился на ней. Ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе иметь жену брата твоего. Иродиада же, злобясь на него, желала убить его; но не могла. Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берёт его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его.

Воспользовавшись случаем, Марк помещает здесь вводную речь о смерти Крестителя. Одни говорят, что Ирод взял Иродиаду еще при жизни Филиппа и за то обличаем был как беззаконник, вступивший в брак с женой живого брата своего. Напротив, другие утверждают, что Филипп уже умер, но оставил после себя дочь. А когда у Филиппа осталась дочь, то Ироду не следовало жениться на братовой жене и после смерти брата; ибо Закон повелевал брату взять жену брата своего в том случае, когда бы сей последний умер бездетным. Но в настоящем случае оставалась дочь; следовательно, брак Ирода был беззаконный. Смотри, как сильна страсть плотской любви! Вот Ирод, имевший столько уважения и страха к Иоанну, пренебрег этим, чтобы только удовлетворить свою страсть.

Настал удобный день, когда Ирод, по случаю дня рождения своего, делал пир вельможам своим, тысяченачальникам и старейшинам Галилейским, — дочь Иродиады вошла, плясала и угодила Ироду и возлежавшим с ним; царь сказал девице: проси у меня, чего хочешь, и дам тебе; и клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства. Она вышла и спросила у матери своей: чего просить? Та отвечала: головы Иоанна Крестителя. И она тотчас пошла с поспешностью к царю и просила, говоря: хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя. Царь опечалился, но ради клятвы и возлежавших с ним не захотел отказать ей. И тотчас, послав оруженосца, царь повелел принести голову его. Он пошел, отсек ему голову в темнице, и принес голову его на блюде, и отдал ее девице, а девица отдала ее матери своей. Ученики его, услышав, пришли и взяли тело его, и положили его во гробе.

Пир идет весело: сатана пляшет в девице, и дается клятва, беззаконная и безбожная, а более всего безумная. «Чтобы ты дал мне», — говорит злая жена, теперь же, сейчас.

Безрассудный же и любострастный Ирод побоялся нарушить клятву и потому убивает праведника, тогда как должен был в сем случае изменить клятве и не совершать столь ужасного преступления (исполнять клятву не везде хорошо). Оруженосцем назывался такой военный человек, который поставлен был обществом на то, чтобы казнить и убивать преступников. Можно понимать рассматриваемое место и в переносном, духовном смысле. Так, Ирод представляет собой грубо-плотский народ иудейский: он взял жену — ложную и нелепую славу, дочь которой и ныне еще пляшет и находится в движении у иудеев, — это обольщающее их знание Писаний. Они думают, что знают Писания, тогда как на самом деле не знают, ибо они обезглавили Иоанна, то есть пророческое слово, потому что не приняли Главу пророчества, разумею Христа. Поэтому если они имеют пророческое слово, то имеют его без Главы, то есть без Христа.

И собрались Апостолы к Иисусу и рассказали Ему всё, и что сделали, и чему научили. Он сказал им: пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного, ибо много было приходящих и отходящих, так что и есть им было некогда. И отправились в пустынное место в лодке одни. Народ увидел, как они отправлялись, и многие узнали их; и бежали туда пешие из всех городов, и предупредили их, и собрались к Нему.

После своего проповедования апостолы собираются к Иисусу. Это должно быть для нас уроком, что и мы, быв избраны на какое-либо служение, не должны выходить из послушания избравшему нас и возноситься пред ним, но должны признать его главой, обращаться к нему и доносить ему обо всем, что сделали мы и чему научили (надобно не только учить, но и делать). Христос дает ученикам Своим отдохнуть; это урок уже предстоятелям, чтобы они умели давать и отдых труждающимся в слове и учении, а не всегда держали бы их в напряжении и трудах. Далее, Господь, не любя славы, удаляется в пустое место. Однако и здесь не укрылся от искавших Его. Напротив, народ столь внимательно наблюдал, как бы Господь не укрылся от него, что предварил, то есть опередил, самих апостолов и пошел к тому месту, где Иисус намеревался отдохнуть. Так и ты предваряй Иисуса: не дожидайся, чтоб Он тебя подозвал, но лучше сам поспеши вперед, чтобы предупредить Его.

Иисус, выйдя, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были, как овцы, не имеющие пастыря; и начал учить их много. И как времени прошло много, ученики Его, приступив к Нему, говорят: место здесь пустынное, а времени уже много, — отпусти их, чтобы они пошли в окрестные деревни и селения и купили себе хлеба, ибо им нечего есть. Он сказал им в ответ; вы дайте им есть. И сказали Ему: разве нам пойти купить хлеба динариев на двести и дать им есть? Но Он спросил их: сколько у вас хлебов? пойдите, посмотрите. Они, узнав, сказали: пять хлебов и две рыбы. Тогда повелел им рассадить всех отделениями на зеленой траве. И сели рядами, по сто и по пятидесяти.

Фарисеи, будучи хищными волками, не спасли народа, а поедали его. Поэтому народ, миновав их, собирается ко Христу, истинному Пастырю. И Христос дает ему пищу, сначала более полезную и ценную — в слове, а потом и телесную. Но посмотри на учеников, как они отличаются человеколюбием! Жалея о народе, подходят ко Христу и начинают умолять Его о нем. Господь же, искушая их и испытывая, познали ли они силу Его, что Он может напитать народ, говорит: «вы дайте им есть». На это ученики, в виде упрека, представляют Ему, с

одной стороны, великость своей скудости, с другой, — многочисленность народа, как будто Он не знает этого. В сем затруднении они говорят: «разве нам пойти купить хлеба динариев на двести и дать им есть?» Наконец Господь заставляет всех возлечь на траве отдельными рядами. То есть как бы за разные столы.

Он взял пять хлебов и две рыбы, воззрев на небо, благословил и преломил хлебы и дал ученикам Своим, чтобы они раздали им; и две рыбы разделил на всех. И ели все, и насытились. И набрали кусков хлеба и остатков от рыб двенадцать полных коробов. Было же евших хлебы около пяти тысяч мужей.

Господь взирает на небо, во-первых, для того, чтобы научить нас просить себе пищу у Бога, а не у диавола, как делают люди, живущие неправедными прибытками, во-вторых, для того, чтобы показать народу, что Христос не противник Богу, напротив, Сам призывает Бога. Дает хлебы ученикам, дабы они не позабыли о чуде после того, как принимали хлебы собственными руками. И двенадцать коробов избытков остаются для того же, чтобы каждый из апостолов, понесши на своих плечах по коробу, содержал чудо всегда в памяти. А то, чтобы не только напитать такое множество народа, но еще оставить избытки, есть знак преизбыточествующей силы во Христе. Моисей хотя и давал манну, но только на нужду каждого, ибо в том, что оставалось лишнего, заводились черви. И Илия, пропитывая известную жену, доставлял именно столько, сколько достаточно было для пропитания. Напротив, Иисус как Владыка производит то, что оказывается избыток. Это — смысл исторический. В переносном смысле пять хлебов означают книги Моисеевы, которых пять: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Две рыбы знаменуют слова рыбарей — Апостол и Евангелие. Ими-то питаются наши пять чувств, означаемые пятью тысячами народа. Впрочем, мы не все можем съесть, но многое останется в избытке, что могут понести одни апостолы. Так, труднейших сторон разумения Закона и Евангелия мы, еще раболепствующие пяти чувствам, не можем понести, а могут одни апостолы.

И тотчас понудил учеников Своих войти в лодку и отправиться вперед на другую сторону к Вифсаиде, пока Он отпустит народ. И, отпустив их, пошел на гору помолиться. Вечером лодка была посреди моря, а Он один на земле. И увидел их бедствующих в плавании, потому что ветер им был противный; около же четвертой стражи ночи подошел к ним, идя по морю, и хотел миновать их. Они, увидев Его идущего по морю, подумали, что это призрак, и вскричали. Ибо все видели Его и испугались. И тотчас заговорил с ними и сказал им: ободритесь; это Я, не бойтесь. И вошел к ним в лодку, и ветер утих. И они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились, ибо не вразумились чудом над хлебами, потому что сердце их было окаменено.

«Понудил учеников». Ученики только по понуждению разлучаются с Ним, а сами по себе они не хотели расставаться, частью по своей любви к Нему, частью по недоумению о том, как Он может прийти к ним без лодки. А Он, отпустив народ, восходит (на гору) помолиться наедине, так как молитва требует уединения и невозмутимого состояния. Господь попускает ученикам быть обуреваемыми на море, дабы они научились терпению. Для того же Он не тотчас и является к ним, но попускает быть в опасности от бури целую ночь, чтобы приучить их быть терпеливыми и ждать избавления не в самом начале опасностей. Но заметь и другое обстоятельство, то есть что перед тем, как прекратить опасность, Он повергает их

тем в большой страх; ибо, когда увидели Его, они закричали от испуга, думая, что это привидение. Тогда Господь тотчас ободряет их гласом Своим, говоря: «не бойтесь»; потом, войдя в лодку, дает им совершенное успокоение, потому что ветер вдруг перестал. Ходить по морю есть великое чудо и свойственно единому истинному Богу; а тем, что было смятение между учениками и противный ветер, чудо еще более возвышается. Что же до апостолов, они, не познав (Христа) из чуда над хлебами, познали Его из настоящего чуда на море. Поэтому можно думать, что Христос попустил им быть в опасности и для того, чтобы они, не познав Его из чуда над хлебами познали теперь из чуда над морем и отсюда извлекли для себя пользу.

И, переправившись, прибыли в землю Геннисаретскую и пристали к берегу. Когда вышли они из лодки, тотчас жители, узнав Его, обежали всю окрестность ту и начали на постелях приносить больных туда, где Он, как слышно было, находился. И куда ни приходил Он, в селения ли, в города ли, в деревни ли, клали больных на открытых местах и просили Его, чтобы им прикоснуться хотя к краю одежды Его; и которые прикасались к Нему, исцелялись.

Господь прибыл в сие место, кажется, после немалого времени (отсутствия); поэтому евангелист и говорит: «узнав Его, начали приносить больных». В дома они еще не звали Его, но сами приносили больных, умоляя о том, чтобы им прикоснуться хотя к краю одежды Его. Ибо чудо над кровоточивой женой дошло до сведения всех и произвело в них тем большую веру.

Глава седьмая

Собрались к Нему фарисеи и некоторые из книжников, пришедшие из Иерусалима, и, увидев некоторых из учеников Его, евших хлеб нечистыми, то есть неумытыми, руками, укоряли. Ибо фарисеи и все Иудеи, держась предания старцев, не едят, не умыв тщательно рук; и, придя с торга, не едят не омывшись. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать омовение чаш, кружек, котлов и скамей. Потом спрашивают Его фарисеи и книжники: зачем ученики Твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб?

Наученные держаться одной добродетели и кроме ее ничем иным не озабочиваться, ученики Господа без умысла и в простоте ели неумытыми руками. Между тем фарисеи, желая найти предлог к порицанию, ловят этот случай и обвиняют апостолов, хотя не как нарушителей Закона, но как нарушителей предания старцев, ибо в Законе нет предписания умывать руки до локтей пред принятием пищи, но этого держались они как предания старцев.

Он сказал им в ответ: хорошо пророчествовал о вас, лицемерах, Исаия, как написано: люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня, но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим. Ибо вы, оставив заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш, и делаете многое другое, сему подобное. И сказал им; хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? Ибо Моисей сказал: почитай отца своего и мать свою; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: кто

скажет отцу или матери: корван, то есть дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей, устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили; и делаете многое сему подобное.

Чтобы сильнее обличить иудеев, Господь приводит и пророка, осуждающего их. Они обвиняли учеников за то, что ученики преступили предание старцев, а Господь направляет против них самих гораздо сильнейшее обвинение, именно: что они преступают закон Моисеев. Закон, — говорит Он, — учит: «почитай отца своего и мать свою»; а вы учите детей говорить своим родителям так: то, чего вы хотите от меня, есть корван, то есть посвящено Богу. Ибо фарисеи, желая воспользоваться имуществом простых людей, учили детей (когда дети имели какую-либо собственность и родители требовали у них) говорить следующее: я уже посвятил то Богу, и ты не требуй посвященного Богу. Обольщая таким образом детей и убеждая их посвящать Богу из своего имени, фарисеи чрез это заставляли их пренебрегать родителями, и посвященное Богу поглощали сами. Это-то Господь и ставит им в вину, что они ради корысти преступают Закон Божий.

И, призвав весь народ, говорил им: слушайте Меня все и разумеете: ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека. Если кто имеет уши слышать, да слышит! И когда Он от народа вошел в дом, ученики Его спросили Его о притче. Он сказал им: неужели и вы так непонятливы? Неужели не разумеете, что ничто, извне входящее в человека, не может осквернить его? Потому что не в сердце его входит, а в чрево, и выходит вон, чем очищается всякая пища. Далее сказал; исходящее из человека оскверняет человека. Ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, всё это зло извнутри исходит и оскверняет человека.

Научая людей понимать предписания Закона о пище не плотским образом, Господь начинает здесь постепенно раскрывать смысл Закона и говорит, что ничто, входящее внутрь, никого не оскверняет, но сквернит то, что исходит из сердца. Под «завистливым оком» понимает или зависть, или распутство: потому что и завистливый бросает на завидуемого обыкновенно лукавый и язвительный взгляд, и развратный, засматриваясь своими очами, стремится к делу лукавому. «Богохульством» называет оскорбление Бога: если, например, кто станет говорить, что нет Промысла Божия, то это будет хула: почему Господь и совокупляет с ней «гордость». Гордость есть как бы пренебрежение Бога, когда кто, сделав доброе дело, приписывает его не Богу, а собственной силе. Под «безумством» понимает обиду против ближних. Все эти страсти оскверняют душу, и возникают, и исходят из нее. К народу Господь говорил таким образом не довольно ясно, почему и заметил: «кто имеет уши слышать, да слышит», то есть: понимающий пусть понимает. Что же касается апостолов, которые глубже понимали речь Господа и подошли спросить Его о «притче», то есть об этой прикровенной речи (притча есть прикровенная речь), то Господь сначала упрекнул их, сказав: «неужели и вы так непонятливы?», но потом разрешил им то, что было для них неудобовразумительно.

И, отправившись оттуда, пришел в пределы Тирские и Сидонские; и, войдя в дом, не хотел, чтобы кто узнал; но не мог утаиться. Ибо услышала о Нем женщина,

у которой дочь одержима была нечистым духом, и, придя, припала к ногам Его; а женщина та была язычница, родом сиропиникиянка; и просила Его, чтобы изгнал беса из ее дочери. Но Иисус сказал ей: дай прежде насытиться детям, ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она же сказала Ему в ответ: так, Господи; но и псы под столом едят крохи у детей. И сказал ей: за это слово, пойдди; бес вышел из твоей дочери. И, придя в свой дом, она нашла, что бес вышел и дочь лежит на постели.

После того, как сказал о пище и увидел, что иудеи не веруют, Господь переходит в пределы язычников, ибо при неверии иудеев спасение имело перейти к язычникам. Сначала Господь старался скрываться, чтобы иудеи не имели предлога обвинять Его, как бы приставшего к стороне нечистых язычников. Однако Он не мог утаиться, ибо нельзя было Ему утаиться и никем не быть узану. Означенная жена, услышав о Нем, обнаруживает горячую веру. Поэтому и Господь не тотчас соглашается (на ее просьбу), но отсрочивает дар, дабы показать, что вера жены тверда и что она терпеливо ждет, несмотря на отказ. Научимся и мы не оставлять тотчас молитвы, когда не получаем немедленно просимого, но терпеливо продолжать молитву до тех пор, пока получим то, чего просим. Господь называет язычников «псами», так как они почитались у иудеев нечистыми. «Хлебом» называет Он благодеяние, назначенное Богом для «детей», то есть для евреев. Поэтому и говорит, что язычникам не следует участвовать в благодеянии, которое назначено для иудеев. Поскольку же жена отвечала разумно и с верой, то получила просимое. Иудеи, — говорит она, — имеют хлеб, то есть всего Тебя, сшедшего с небес, и Твои благодеяния, а я прошу «кроху», то есть малой доли Твоих благодеяний. Но посмотри, как действует и Господь! Он не сказал: сила Моя спасла тебя, но что сказал? «За это слово», то есть за веру твою, «пойдди», дочь твоя исцелилась. Извлеки отсюда и ты полезный урок. Всякий из нас, когда делает грех, есть «женщина», то есть слабая душа. Такая душа есть «финикиянка», как имеющая багряный, то есть кровавый и убийственный грех. У такой души есть «дочь» — лукавые действия, действия бесовские. Будучи грешниками, мы именуемся «псами», полными нечистот, почему и недостойны бываем принять «хлеб» Божий, то есть причаститься пречистых Тайн. Но если мы в смирении сознаем, что мы псы, если исповедуемся и откроем грехи свои, то исцелится дочь наша, то есть бесовские дела.

Выйдя из пределов Тирских и Сидонских, Иисус опять пошел к морю Галилейскому через пределы Десятиградия. Привели к Нему глухого косноязычного и просили Его возложить на него руку. Иисус, отведя его в сторону от народа, вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его; и, возрев на небо, вздохнул и сказал ему: «еффафа», то есть: отверзись. И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто. И повелел им не сказывать никому. Но сколько Он ни запрещал им, они еще более разглашали. И чрезвычайно дивились, и говорили: всё хорошо делает, — и глухих делает слышащими, и немых — говорящими.

Господь не медлит в языческих местах, но скоро удаляется от них, дабы, как я сказал, не подать иудеям повода говорить о Себе, что Он поступает противозаконно, смешиваясь с язычниками. Удалясь поэтому из пределов Тира и Сидона, Он приходит в Галилею и тут исцеляет глухонемого, которого недуг был от беса. Он отводит «его в сторону», ибо не был славолубив, смилив Себя до нашей нищеты и не желая совершать чудес пред многими, разве

когда требовала того польза зрителей. «Плюнув, коснулся языка его» в знак того, что все части Святой Его плоти были божественны и святы, так что даже и плюновение разрешало узы языка. Всякое плюновение есть излишек (соков), но в Господе все чудно и божественно. Возрев на небо, Господь «вздохнул», с одной стороны, молитвенно к Отцу, чтоб Он помиловал человека, и в пример нам, чтобы мы, намереваясь совершать какое-либо доброе дело, взирали к Богу и у Него просили помощи для совершения онаго; а с другой стороны, — вздыхает и из сожаления о человеческой природе, как она до того предана диаволу, что терпит от него такое поругание и страдание. Поэтому-то, когда исцелял Господь, исцеленные и проповедуют о Нем, несмотря на то, что Он запрещал им это и заповедал не говорить ничего. Отсюда научимся и мы, когда благодетельствуем другим, не принимать от них похвал, а когда получаем благодеяния, прославлять благодетелей и разглашать о них, хотя бы они и не желали того.

Глава восьмая

В те дни, когда собралось весьма много народа и нечего было им есть, Иисус, призвав учеников Своих, сказал им: жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть. Если неевшими отпущу их в дома их, ослабеют в дороге, ибо некоторые из них пришли издалека. Ученики Его отвечали Ему: откуда мог бы кто взять здесь в пустыне хлебов, чтобы накормить их? И спросил их: сколько у вас хлебов? Они сказали: семь. Тогда велел народу возлечь на землю; и, взяв семь хлебов и воздав благодарение, преломил и дал ученикам Своим, чтобы они раздали; и они раздали народу. Было у них и немного рыбок: благословив, Он велел раздать и их. И ели, и насытились; и набрали оставшихся кусков семь корзин. Евших же было около четырех тысяч. И отпустил их.

Господь уже и прежде сотворил подобное чудо. Он чудодействует и теперь, имея благоприятный к тому случай. А случай был такой, что народ находился при Нем три дня, и взятый на дорогу съестной запас у него вышел весь. Ибо Господь не всегда совершал чудеса над пищей, дабы не подумали, что народ ходит за Ним ради пищи. Он и теперь не стал бы творить чудеса, если бы не предстояла народу, по-видимому, опасность от недостатка пищи. Но посмотри и на учеников, как они еще неразумны и не имеют еще веры в силу Его, хотя уже видели чудеса! Впрочем, Господь не порицает их, научая и нас не слишком нападать на неопытных, но прощать их, как неразумных. Размысли и о том, что Христос никого не хочет отпустить голодным, но желает всех насытить дарами Своими и особенно тех, кои пробыли с Ним три дня, то есть крестившихся. Поскольку крещение называется просвещением и совершается в три погружения, то просвещаемые крещением оказываются тридневными. Господь берет «семь хлебов», разумею семь духовнейших слов, ибо число семь есть образ Духа. Дух все приводит в совершение, а жизнь наша и век сей совершается в седмичном числе. Просвещенные едят, и насыщаются, и оставляют избытки, поскольку не все Божии мысли могут вместить. Выше, при чудодействии над пятью хлебами, осталось двенадцать коробов избытков, так как там было пять тысяч, которые означали раболепствующих пяти чувствам; поэтому они и не могли съесть многого, но удовлетворились малым, почему и в избытке осталось много. А здесь от семи хлебов осталось семь корзин и малый избыток, поскольку народу было четыре тысячи, которые означают утвердившихся в четырех добродетелях; а потому они, как более крепкие, ели много и оставили мало, ибо только того не могли съесть, что более духовно и глубоко, а это

и означают семь корзин. Из рассматриваемой истории познай и то, что мы должны довольствоваться только тем, что нужно, и ничего более не просить. Ибо вот сии люди, евши и насытившись, не взяли с собой хлебных остатков, но их взяли ученики, подобно как было и с вышеупомянутыми коробами. Так и нам должно довольствоваться даруемым, по мере нужды.

И тотчас войдя в лодку с учениками Своими, прибыл в пределы Далмануфские. Вышли фарисеи, начали с Ним спорить и требовали от Него знамения с неба, искушая Его. И Он, глубоко вздохнув, сказал: для чего род сей требует знамения? Истинно говорю вам, не дастся роду сему знамение.

После чуда над хлебами Господь тотчас уходит в другое место, опасаясь, чтобы народ вследствие такого чуда не возмутился и не вздумал поставить Его царем. А фарисеи требуют знамения с неба, например, остановить солнце или луну, низвести молнию, произвести перемену в воздухе. Они думали, что небесного знамения Он не в состоянии сотворить, имея возможность производить силой веельзевула одни только земные знамения. Но Иисус не внемлет им; ибо для знамений с неба назначено другое время, разумею, — время второго пришествия, когда силы небесные подвигнутся и луна не даст света своего, время же первого пришествия не имеет ничего подобного, но все исполнено кротости. А потому «не дастся роду сему знамение» с неба.

И, оставив их, опять вошел в лодку и отправился на ту сторону. При сем ученики Его забыли взять хлебов и кроме одного хлеба не имели с собою в лодке. А Он заповедал им, говоря: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой. И, рассуждая между собою, говорили: это значит, что хлебов нет у нас. Иисус, уразумев, говорит им: что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните? Когда Я пять хлебов преломил для пяти тысяч человек, сколько полных коробов набрали вы кусков? Говорят Ему: двенадцать. А когда семь для четырех тысяч, сколько корзин набрали вы оставшихся кусков? Сказали семь. И сказал им: как же не разумеете?

Господь оставляет фарисеев как людей неисправимых. Ибо медлить должно там, где есть надежда на исправление, а где зло неисправимо, оттуда надлежит бежать. Ученики забыли взять хлебы по особому устройению Божию, чтобы они после строгого выговора Христова сделались разумнее и познали силу Христову. Ибо когда Господь сказал, чтобы они остерегались закваски фарисейской, то есть учения фарисейского, то они подумали, что Господь напоминает им о закваске хлебной. Итак, справедливо Он упрекает их как неразумяющих силы Христовой, которой Господь может сотворить хлебы и из ничего. Учение фарисеев и иродиан называет закваской по той причине, что оно было терпко и исполнено ветхой злобы. И всякий, кто обветшал во зле и не может говорить ничего духовного, чтобы усладить гортань слышащего, имеет в себе закваску древней злобы, то есть учение ядовитое и ведущее принявших его только к раскаянию. Но кто были иродиане? Это какие-то новоявившиеся учителя, кои говорили, что Ирод есть Христос и что в него должно верить.

Приходит в Вифсаиду; и приводят к Нему слепого и просят, чтобы прикоснулся

к нему. Он, взяв слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что? Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья. Потом опять возложил руки на глаза ему и велел ему взглянуть. И он исцелел и стал видеть все ясно. И послал его домой, сказав: не заходи в селение и не рассказывай никому в селении.

Вифсаида и Хоразин, кажется, страдали большим неверием, за что Христос и поносил их, как говорит (Мф. 11, 21): «горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покаялись». По прибытии сюда Господа приводят к Нему слепого. Но вера приведших не была чиста, почему Господь и выводит слепого из селения, и потом уже исцеляет его. Он плюет на очи слепого и возлагает на него руки, дабы мы знали, что Божественное слово и следующее за словом действие может совершать чудеса: ибо рука есть образ действия, а плюновение есть образ слова, поскольку оно выходит из уст. Но и сам слепой не имел совершенной веры. Поэтому Господь не вдруг дает ему прозреть, а постепенно, как человеку, имеющему веру не всецелую, ибо по мере веры даются и исцеления. Заповедует ему не входить в селение, потому что жители Вифсаиды, как я сказал, были неверные, и человек тот среди них повредил бы своей душе; не велит даже никому и говорить о случившемся с ним, чтоб неверующие не подверглись большему осуждению. И мы часто бываем слепы душой, живя в селении, то есть в мире сем; но когда выходим из селения, то есть когда отвергаемся дел мира, Христос исцеляет нас; по исцелении Он говорит нам, чтоб мы не возвращались опять в село, но шли домой, а дом каждого из нас есть небо и тамошние обители.

И пошел Иисус с учениками Своими в селения Кесарии Филипповой. Дорогою Он спрашивал учеников Своих: за кого почитают Меня люди? Они отвечали: за Иоанна Крестителя; другие же — за Илию; а иные — за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Петр сказал ему в ответ: Ты Христос. И запретил им, чтобы никому не говорили о Нем

Спрашивает их о Себе, отведя далеко от иудеев, чтоб им некого было бояться исповедать истину. Они отвечают, что одни принимают Его за Иоанна, другие за Илию; ибо многие думали, что Иоанн воскрес, как полагал и Ирод, что он по воскресении получил и силу чудотворений, тогда как при жизни своей Иоанн не сотворил ни одного знамения. Спросив их таким образом о мнениях других, Господь спрашивает у них потом и собственного их мнения, как бы так говоря: те так думают обо Мне ошибочно, а вы за кого Меня почитаете? Что же Петр? Он исповедует Его Христом, предвозвещенным пророками. Но что сказал Господь на исповедание Петра и как ублажил его, это Марк опустил, чтобы не показаться пристрастным к Петру, учителю своему. Напротив, Матфей сказал обо всем без опущения. Господь не велел им говорить никому, потому что хотел прикрыть славу Свою, дабы многие не соблазнились о Нем и при неверии не сделались повинными большему наказанию.

И начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И говорил о сем открыто. Но Петр, отозвав Его, начал прекословить Ему. Он же, обратившись и взглянув на учеников Своих, воспретил

Петру, сказав: отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое.

Приняв от учеников Своих исповедание, что Он есть истинный Христос, Господь открыл им и тайну Креста. Но открыл ее еще не вполне, ибо апостолы не понимали того, что Он говорил, и не разумели, что значит воскреснуть, но думали, что лучше Ему вовсе не страдать. Поэтому Петр и начинает возражать, говоря, что напрасно предавать Себя на смерть, когда может и не страдать. Но Господь, показывая, что страдание Его будет во спасение им и многим и что один сатана не хочет, чтоб Он пострадал и спас людей, называет Петра «сатаню» за его мысли, свойственные сатане, за то, что он не желал Христу пострадать, но прекословил Ему; сатана — значит противник. «Отойди от Меня», — говорит, то есть следуй Моей воле, не прекословь и не будь противником Моим, но следуй Мне. Петр, по словам Господа, думал о «человеческом», ибо мыслил плотское, хотел, чтоб Господь оставался в покое, не предавал Себя на Распятие и не подвергался напасти за спасение мира.

И, подозвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?

Поскольку Петр прекословил Христу, желавшему предать Себя на Распятие, то Христос призывает народ и вслух говорит, направляя речь главным образом против Петра: Ты не одобряешь того, что Я беру Крест, а Я говорю тебе, что ни ты, ни другой кто не спасетесь, если не умрете за добродетель и истину. Заметь, Господь не сказал: умри и тот, кто не хотел бы умирать, но «кто хочет». Я, — говорит, — никого не принуждаю. Призываю не на зло, а на добро, а потому, кто не хочет, тот и не достоин сего. Что значит отвергнуться себя? Это мы поймем, когда узнаем, что значит отвергнуться другого кого-либо. Кто отвергается другого кого-либо: отца ли, брата ли, или кого-либо из домашних, тот, хотя бы смотрел, как его бьют или убивают, не обращает внимания и не соболезнует, сделавшись чуждым ему. Так и нам повелевает Господь, чтоб и мы ради Его презирали свое тело и не щадили его, хотя бы били или порицали нас. «Возьми крест свой», сказано, то есть поносную смерть, ибо крест почитался тогда орудием поносной казни. А как многих распинали и разбойников, то присовокупляет, что с распятием должно иметь и другие добродетели, ибо это означают слова: «следуй за Мною». Поскольку же повеление предавать себя на смерть показалось бы тяжким и жестоким, то Господь говорит, что оно напротив весьма человеколюбиво; ибо кто погубит душу свою, но ради Меня, а не как разбойник казнимый или самоубийца (в сем случае смерть будет не ради Меня), тот, — говорит, — обретет душу свою, между тем как думающий приобрести душу, погубит ее, если во время мучения не устоит. Не говори Мне, что этот последний сбережет себе жизнь, ибо если бы он даже приобрел целый мир, все бесполезно. Спасение нельзя купить никаким богатством. Иначе, приобретший весь мир, но погубивший душу свою, отдал бы все тогда, когда будет гореть в пламени, и таким образом искупился бы. Но такой выкуп там невозможен. Здесь заграждаются уста и тех, которые вслед за Оригеном говорят, что состояние душ переменится на лучшее после того, как они накажутся соразмерно грехам своим. Да слышат они, что там никак нельзя дать выкупа за душу, и мучиться только в той мере, сколько нужно будто бы для удовлетворения за грехи.

Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами.

Не довольно одной внутренней веры: требуется и исповедание уст. Ибо как человек двойствен, то двойное должно быть и освящение, то есть освящение души посредством веры и освящение тела посредством исповедания. Итак, кто «постыдится» исповедать Распятого Богом своим, того и Он «постыдится», признает недостойным рабом Своим, когда «придет» уже не в смиренном виде, не в унижении, в котором являлся здесь прежде и за которое некоторые стыдятся Его, но «в славе» и с воинством Ангельским.

Глава девятая

И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силу.

Сказав о славе Своей и желая научить, что Он не напрасно упоминает о ней, Господь говорит затем, что «есть некоторые из стоящих здесь», то есть Петр, Иаков и Иоанн, кои не умрут, пока Я не покажу им в Своем Преображении того, с какой славой явлюсь во время пришествия. Ибо Преображение есть не что иное, как предзнаменование второго пришествия. Так просияет в то время Он Сам; так просияют и праведники.

И, по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними. Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить.

Евангелист Лука говорит, что это было спустя восемь дней. Впрочем, он не противоречит Марку, но совершенно согласен с ним. Речь его обнимает и тот день, в который Господь возвестил (о предстоящем Преображении Своем), и тот, в который Он возвел (учеников на гору), тогда как Марк говорит об одних промежуточных днях. Господь поемлет и возводит на высокую гору только трех верховных апостолов — Петра, как исповедавшего и возлюбившего. Иоанна, как любимого, и Иакова, как великого проповедника и богослова, который был столь тяжек для иудеев, что Ирод, желая угодить иудеям, убил его. Возводит их на гору высокую, дабы чудо было тем славнее. А «особо» (наедине) возводит потому, что хотел явить тайну. Самое Преображение разумеи не как существенное изменение вида Христова, но как озарение его неизреченным светом, причем естественный вид его оставался тот же, как и прежде.

И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом. При сем Петр сказал Иисусу: Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии. Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе. И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный; Его слушайте. И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса.

По многим причинам Илия и Моисей являются беседующими с Христом. Но достаточно упомянуть о двух. Так, поскольку ученики радовались, что в народе одни принимали Его за

Илию, а другие — за одного из пророков, то Он являет им величайших пророков, дабы ученики, по крайней мере, таким образом познали различие между рабами и Владыкой. Вот первая причина. Вторая: так как многие почитали Христа богопротивником, разоряющим будто бы субботу и престопающим закон, то Он показывает на горе таких пророков, из коих один был законодатель, а другой — ревнитель; а такие пророки не стали бы беседовать с Ним, если бы Он разорял Закон и не исполнял того, что они проповедали. Петр же боялся сойти с горы (ибо страшился распятия Господня) и потому сказал: «хорошо нам здесь быть» и не сходить в среду иудеев; ибо если враги Твои сюда и придут, мы имеем Моисея, поразившего египтян, имеем Илию, низведшего с неба огонь и истребившего пятидесятона начальников. О чем же беседовали с Ним пророки? Они говорили о Распятии и смерти Его. А что говорил Петр, он сам не знал, что говорит, потому что все они (ученики) были в страхе от неизреченного света и славы Христовой. Он не хотел, чтоб Иисус сходил с горы на Распятие ради нашего спасения, а желал оставаться всегда на горе. Но обратим наш ум и к (таинственному) созерцанию. По кончине мира сего, созданного в шесть дней, возведет нас Иисус, если мы (истинные) Его ученики, «на гору высокую», то есть на небо, и явит Себя нам в светлейшем виде. Ныне Он является нам в бесславном виде, как Распятый и Сын древоделателя, а тогда увидим славу Его, как Единородного; увидим также и Закон, и пророков, беседующих с Ним, то есть изреченное о Нем Моисеем и пророками, тогда уразумеем и найдем совершенное исполнение их вещаний. Тогда услышим мы и Отеческий глас, ибо Отец откроет нам Сына и возвестит: «Сей есть Сын Мой». Как же Он возвестит нам это? При осенении облака, то есть Святаго Духа, ибо Он есть источник жизни.

Когда же сходили они с горы, Он не велел никому рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых. И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит: воскреснуть из мертвых.

Для чего Иисус заповедывает ученикам не говорить никому о Преображении? Для того чтобы люди, слыша о такой славе Христа, впоследствии не соблазнились, когда увидят Его распинаемым. После же Воскресения из мертвых удобно будет сказать о столь славном событии, бывшем до Распятия Христова. Итак, апостолы «удержали это слово (соблюдая втайне это событие), спрашивая друг друга, что значит: воскреснуть из мертвых», ибо они еще не разумели слов Его, что Ему должно воскреснуть из мертвых.

И спросили Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде? Он сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить всё; и Сыну Человеческому, как написано о Нем, надлежит много пострадать и быть уничижену. Но говорю вам, что и Илия пришел, и поступили с ним, как хотели, как написано о нем.

Между иудеями держалась молва, что пред пришествием Христа придет Илия. Впрочем, фарисеи не так, как должно, толковали писанное об Илие, но злонамеренно превращали (смысл Писаний), скрывая истину. Ибо пришествий Христовых два: одно — первое (которое уже было), а другое еще имеет быть. Предтечею первого был Иоанн, предтечею второго будет Илия. Но Христос называет Илиею Иоанна, как обличителя, ревнителя и пустытника. Таким образом, Господь опровергает мнение фарисеев, которые думали, что предтечею первого Христова пришествия должен быть Илия. Как же опровергает? Он говорит: «Илия должен придти прежде и устроить все; и Сыну Человеческому, как написано о Нем, надлежит

много пострадать». Это значит вот что: когда придет Илия Фесвитянин, он умиротворит непокорных иудеев, приведет их к вере и таким образом соделается предтечею второго пришествия Христова. А если бы Фесвитянин, долженствующий устроить все, был предтечею первого пришествия, то как же написано, что Сын Человеческий должен пострадать? Итак, одно из двух: или Илия не должен быть предтечею первого пришествия, если Писания говорят истину, что Христу надлежит пострадать, или мы будем верить словам фарисеев, что предтечею первого пришествия должен быть Фесвитянин, — и тогда не будет истины в Писаниях, которые говорят, что Христос постраждет; ибо Илия должен устроить все, и не будет тогда ни одного еврея неверующего, но все поверят проповеди, кто только услышит ее от Илии. Опровергая таким образом превратное мнение фарисеев, Господь сказал, что «Илия (то есть Иоанн) уже пришел, и поступили с ним, как хотели», поскольку не поверили ему, и он принял кончину отсечением (главы), сделавшись жертвой забавы (Иродовой).

Придя к ученикам, увидел много народа около них и книжников, спорящих с ними. Тотчас, увидев Его, весь народ изумился, и, подбегая, приветствовали Его. Он спросил книжников; о чем спорите с ними? Один из народа сказал в ответ: Учитель! я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немым: где ни схватывает его, повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет. Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли.

Иисус, придя к ученикам, к тем девяти, которые не восходили с Ним на гору, нашел их в состязании с фарисеями. Ибо в отсутствие Иисуса фарисеи, приступив к ученикам Его, покушались привлечь их на свою сторону. Между тем народ, лишь только увидел Его, тотчас приветствовал. Народ смотрел на Него и приветствовал, как бы возвратившегося издалека. А по мнению некоторых, и самый вид Его, от света Преображения сделавшись прекраснее, привлекал к Нему народ с приветствиями. «Один из народа сказал в ответ»: Этот Человек был немощен в вере, как свидетельствует Господь, сказав: «О, род неверный», и еще «все возможно верующему»; да и тот сам говорит: «помоги моему неверию». Он и учеников (Иисуса) оговаривает, как бы все они были неверующие. А надлежало ему не пред всеми обвинять их, но особо, наедине.

Отвечая ему, Иисус сказал: о, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? Приведите его ко Мне. И привели его к Нему. Как скоро бесноватый увидел Его, дух сотряс его; он упал на землю и валялся, испуская пену. И спросил Иисус отца его: как давно это сделалось с ним? Он сказал: с детства; и многократно дух бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжался над нами и помоги нам. Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию. Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него. И, вскрикнув и сильно сотрясши его, вышел; и он сделался, как мертвый, так что многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал.

Итак, человек тот, придя к Иисусу, винил учеников, что они не могли исцелить сына его; но Христос обращает обвинение на него самого и говорит как бы так: ты не имеешь веры и

потому ты сам виновен в том, что не исцелился сын твой. Впрочем, слова Иисуса относятся не к одному только этому человеку, а говорит это Он вообще о всех иудеях, укоряя их за неверие. Ибо многие из предстоящих могли этим случаем соблазниться. А когда говорит Иисус: «доколе буду с вами», то сим выражает, что для Него вожделенна была смерть, то есть как бы так сказал: «прискорбно Мне жить с вами неверующими. Впрочем, Он не останавливается только на укоризне, а подает и исцеление, обнаруживая в исцелении отрока не высокоумные, а гораздо более — смиренномудрие. Ибо заметь, что не Своей силой, а вере человека того приписывает исцеление, говоря: «всё возможно верующему». Притом Он запретил духу, увидев собиравшийся к Нему народ; опять потому, что не хотел исцелять пред множеством народа, — для показания Своей силы и для Своей славы. А запрещением и словами: «выйди из него и впредь не входи в него» дает знать, что за неверие человека бес опять мог бы войти в него, если б не возбраняем был запрещением Его. Но Он попустил бесу разбить отрока, дабы все поняли бесовское искушение и то, что бес мог бы умерщвлять человека, если б не ограждала их рука Божия. Говоря в переносном смысле, бес повергает людей в огонь гнева и похоти и в бурные волны житейских дел. Этот бес нем и глух — глух, как нехотящий слышать словес Божественных; нем, как немогущий и других научить чему-либо душеполезному. Но когда Иисус, то есть Евангельское Слово, возьмет человека за руку, то есть управит его деятельные силы, тогда он освобождается от беса. Заметь также, что Бог готов помогать нам, но мы сами отрицаемся делать добрые дела. Ибо сказано: «поднял его» Иисус, — вот помощь Божия, «и он встал», то есть в самом человеке возбудилось тщание на добрые дела.

И как вошел Иисус в дом, ученики Его спрашивали Его наедине: почему мы не могли изгнать его? И сказал им: сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста.

Ученики боялись, не лишились ли они благодати, данной им от Господа, и не потому ли не могли изгнать беса. Заметь и благоговение их в том, что приступают они к Иисусу наедине. «Сей род». Какой? Род бесновавшихся в каждом новомесячии или вообще весь род бесов, который не изгоняется иначе, как молитвой и постом. Должно поститься и тому, кто страдает от них, и тому, кто хочет целить; и тому и другому это нужно, особенно же требуется это от самого страждущего; да и не поститься только надобно, но и молиться, и не молиться только, но и поститься. Ибо так истинная молитва совершается, когда соединяется с постом; когда молящийся не обременен пищей, молиться легко и без затруднения.

Выйдя оттуда, проходили через Галилею; и Он не хотел, чтобы кто узнал. Ибо учил Своих учеников и говорил им, что Сын Человеческий предан будет в руки человеческие и убьют Его, и, по убиении, в третий день воскреснет.

Везде слово о Своем страдании соединял Иисус с чудотворениями, дабы не думали, что Он страдал по немощи. И теперь, сказав прискорбное слово, что «убьют Его», присовокупляет и радостное, — что «в третий день воскреснет», дабы мы знали, что за скорбями всегда последует радость, и поэтому дабы не истаивали духом напрасно в скорбях, но надеялись получить что-либо и радостное.

Но они не разумели сих слов, а спросить Его боялись. Пришел в Капернаум; и когда был в доме, спросил их: о чем дорогою вы рассуждали между собою? Они

молчали: потому что дорогою рассуждали между собою, кто больше. И, сев, призвал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою. И, взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня.

Ученики, имея еще человеческие помышления, спорили между собой о том, кто из них больше и почетнее у Христа. Но Господь, хотя не возбраняет стремления к большей чести (ибо повелевает нам желать высших степеней), однако, не позволяет нам похищать первенство у других; напротив, хочет, чтобы мы смирением достигали возвышения. Так он поставил посреди учеников дитя и поучает нас быть ему подобными. Дитя ни славы не ищет, не завидует, не помнит зла. Да и не тогда только, — говорит Иисус, — вы получите великую награду, когда сами будете такими, как дитя, но если и других подобных примете ради Меня, и за это получите Царство Небесное, поскольку примете Меня; а принимая Меня, примете Пославшего Меня. Видишь ли, какую силу имеет смирение и нрав простой и бесхитростный? Это вселяет в нас Сына и Отца, а, следовательно, и Духа Святаго.

При сем Иоанн сказал: Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами. Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо кто не против вас, тот за вас.

Не по соревнованию какому-либо и не по зависти сын громов возбраняет тому человеку изгонять бесов, но желает, чтобы все, призывающие имя Христово, и последовали за Христом и чтобы все ученики составляли одно тело. При начале же евангельской проповеди случалось, что некоторые, побуждаемые страстью славолубия, желали совершать знамения; но, видя, как могущественно имя Иисусово, они призывали его и таким образом совершали знамения, хотя и чужды, и недостойны были благодати Божией. Ибо Господу угодно было, чтобы проповедь распространялась и чрез недостойных. Что же Спаситель? Он не позволил Иоанну возбранять совершавшему знамения: «Не запрещайте ему, — говорит, — ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня». То есть, как будет злословить Меня тот, кто именем Моим приобретает себе славу и призыванием Меня совершает чудеса? По-видимому, Господь противоречит Сам Себе, ибо в другом месте говорит: «Кто не со Мною, тот против Меня». Но сии слова сказаны о бесах, которые стараются отвлечь сущих от Бога и рассеивают Божие достояние, а здесь говорится о людях, которые чрез других, делающих чудеса, приводятся к Богу.

И кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей. А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море.

Я, — говорит, — не только не возбраняю тому, кто совершает Моим именем чудеса, но если кто даст вам что-либо и самое малое ради Меня, а не ради людей мирских, и то не лишится награды своей. А о чаше воды сказал, имея в виду людей, отговаривающихся бедностью. Если, — говорит, — и чашу воды подашь, и меньше этого уже ничего не может быть, и это не пропадет у тебя. Так, если ты почтишь одного из малых, то ты угодишь Богу;

если и соблазнишь одного из малых, то ты согрешил: лучше бы повесили тебе на шею жернов ослий (мельничный). Этим выражает, что мы подвергнемся в таком случае тягчайшему наказанию. Господь указал чувственное мучение с тем, чтобы утратить нас этим видимым примером.

И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромому, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает, и огонь не угасает. Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится. Соль — добрая вещь; но ежели соль не солоната будет, чем вы ее поправите? Имейте в себе соль, и мир имейте между собою.

Высказав такую угрозу против соблазнительей, что лучше бы быть им вверженным в море, Господь поучает теперь соблазняемых остерегаться людей, готовых соблазнить и сбивать их с пути истины. Будет ли соблазнять тебя нога, или рука, или око, то есть будет ли соблазняющий и запинаящий в деле спасения из числа домашних твоих, или из близких по плоти, — отсеки его, то есть отвергни любовь к нему и дружбу. А червь и огонь, терзающие грешников, есть совесть каждого и воспоминание о гнусных делах, совершенных в сей жизни. Это угрызает как червь и жжет как огонь. «Всякий, — говорит, — огнем осолится», то есть искушен будет, как и Павел говорит, что все будет искушено огнем (1 Кор. 3, 13). «И всякая жертва соль осолится», — эти слова привел Иисус из книги Левит (2, 13). Итак, надобно нам осолить свои жертвы солью Божию, то есть приносить жертвы не чахлые и слабые, но крепкие и здоровые. Солью же Господь называет и апостолов, и вообще тех, которые имеют предохраняющую и вяжущую силу. Ибо как соль предохраняет мясо и не допускает зародиться в нем червям, так и слово учителя, если оно крепко и вязко, удерживая людей от плотских страстей, не дает в них место неусыпающему червю. Если же сам учитель будет без соли и не будет иметь в себе возбуждающей и вяжущей силы, то чем осолится, то есть исправится? Итак, имейте в себе соль, то есть укрепляющую и вяжущую благодать Духа, чтобы быть вам в мире между собой, связуясь с ближним союзом любви. Вот что значит иметь соль, и вот к чему сказаны слова: мир имейте с ближними своими. О таких Соломон сказал: «Кони мнози в колеснице Фараони» и прочее.

Глава десятая

Отправившись оттуда, приходит в пределы Иудейские за Иорданскою стороною. Опять собирается к Нему народ по обычаю Своему, Он опять учил их. Подошли фарисеи и спросили искушая Его: позволительно ли разводиться мужу с женою? Он сказал им в ответ: что заповедал вам Моисей? Они сказали: Моисей позволил писать разводное письмо и разводиться. Иисус сказал им в ответ: по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь. В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1, 27). Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будут два одною плотью так; так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает.

Господь часто оставлял Иудею по причине ненависти к Нему фарисеев. Но теперь опять приходит в Иудею, потому что приближалось время Его страданий. Впрочем, Он идет не прямо в Иерусалим, но сначала только «в пределы Иудейские», чтобы оказать пользу незлобивому народу; тогда как Иерусалим, по лукавству иудеев, был средоточием всякой злобы. И посмотри, как они по злобе своей искушают Господа, не терпя, чтобы народ уверовал в Него, но всякий раз приступая к Нему с намерением поставить Его в затруднение и припереть Его своими вопросами. Они предлагают Ему такой вопрос, который ставил Его между двух пропастей: позволительно ли, — говорят, — человеку отпускать от себя жену? Ибо скажет ли Он, что это позволительно, или скажет, что непозволительно, — во всяком случае, они думали обвинить Его в противоречии Закону Моисееву. Но Христос, Премудрость Самосушая, отвечает им так, что избегает их сетей. Он спрашивает их: что заповедал им Моисей? А когда они отвечали, что Моисей заповедал отпускать жену, Христос объяснил им самый Закон. Моисей, — говорит Он, — не был так не милостив, чтобы мог дать такой Закон, но он написал это по причине вашего жестокосердия. Зная бесчеловечие евреев, такое, что муж, не возлюбивший свою жену, легко мог бы убить ее, Моисей дозволил мужу отпускать жену нелюбимую. Но изначально не так было: Бог сочетает два лица союзом супружества так, что они составляют одно, оставляя даже своих родителей. Заметь, что Господь говорит: Бог не дозволяет многобрачие, так чтобы одну жену можно было отпускать, а другую брать, и потом опять эту оставить, а сочетаться с иною. Если бы это было Богу угодно, то Он создал бы мужа одного, а жен многих; но произошло не так, а «сотворил Бог мужчину и женщину», чтобы сочетались — один муж с одною женою. В переносном же смысле можно разуметь это так: слово Учения, бросая добрые семена в душу верующего человека, имеет значение мужа для приемлющей его души. Оставляет же (слово учения) отца своего, то есть выпранный ум, и мать свою, то есть украшенную речь, и прилепляется к жене своей, то есть к пользе души, приспособляется к ней и предпочитает часто мысли невысокие и речь простую. И тогда они оба становятся единой плотью, то есть душа верует, что «Слово (Божие) стало плотию», и уже никакой человеческий помысл не может отлучить душу от такой веры.

В доме ученики Его опять спросили Его о том же. Он сказал им: кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует.

Так и ученики соблазнились (касательно развода мужа и жены), то и они приступают к Нему и спрашивают о том же. Их образ мыслей еще не совершенно был здрав. Господь отвечал им: кто отпустит жену свою и поймет другую, тот становится прелюбодеем с этой второй женой; так же и жена, оставившая своего мужа и сочетавшаяся с другим, делается прелюбодейкой.

Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него. И, обняв их, возложил руки на них и благословил их.

Велика была вера в народе, когда он одно возложение Христом рук принял как благословение для приводимых к Нему детей, А ученики не допускали приводящих, думая,

что это недостойно Его. Что же Христос? Научая учеников смиренномудрствовать и отвергать мирское надмение, Он принимает и обнимает детей. Сим Он показывает, что приемлет незлобных; потому и говорит: «ибо таковых есть Царствие Божие». Заметь, не сказал: сих детей «есть Царствие», но «таковых», то есть стяжавших такое же незлобие, какое дети имеют по природе. Ибо дитя не завидует, не помнит зла и, будучи наказуем матерью, не бежит от нее, но хотя бы и рубище она носила, предпочитает ее царице; так и добродетельно живущий предпочитает мать свою, разумею Церковь, всему и не увлекается житейскими наслаждениями. За то Господь и обнимает таких, говоря: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные», и благословляет их, говоря: «Приидите благословенные Отца Моего». Царством же Божиим называет здесь проповедь Евангелия и обещание будущих благ. Итак, кто примет проповедь Божественную как дитя, то есть, нисколько не раздумывая и не допуская в себе неверия, тот войдет в Царство Божие и наследует те блага, которые уже приобрел верою.

Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал перед Ним на колени испросил Его: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца твоего и мать (Исх. 20, 12-17). Он же сказал Ему в ответ: Учитель! всё это сохранил я от юности моей. Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе не достает: пойдь, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

Некоторые ложно представляют сего юношу как хитрого и коварного искусителя. Это не так: он был только человек любостыжательный, а не искуситель. Ибо послушай, что замечает евангелист: «Иисус, взглянув на него, полюбил его». А почему Христос отвечал ему так: «Никто не благ»? Потому что тот подошел к Христу, как к простому человеку и как одному из многих учителей. Христос как бы так говорит: Если ты почитаешь Меня благим, как простого учителя, то в сравнении с Богом ни один человек не благ; если признаешь Меня благим, как Бога, то для чего называешь Меня только учителем? Такими словами Христос хочет подать высшую мысль о Себе, чтобы тот познал Его как Бога. Кроме того, для исправления же юноши, Господь дает ему и другой урок: если он хочет с кем-либо беседовать, то говорить должен без лести, а корень и источник благодати знать один — Бога и Ему воздавать подобающую честь. Впрочем, я удивляюсь сему юноше в том, что, когда все другие приходили к Христу за исцелением от болезней, он сам просит о наследовании жизни вечной, — если б только он не был одержим еще сильнейшей в нем страстью сребролюбия. По сей-то страсти, услышав слова Господа: «Иди, продай и раздай нищим», он «отошел с печалью». Заметь при сем, что Господь не сказал: продай по частям, что имеешь и раздай, а продай за один раз и раздай, но только нищим, а не ласкателям и не развратникам; потом: «последуй за Мною», то есть усвой и всякую другую добродетель, Ибо много таких, которые хотят и не стяжательны, но не смиренны, или и смиренны, но не трезвы, или имеют другой какой-либо порок. Поэтому и Господь не говорит только: «продай и раздай нищим», но: «и приходи, последуй за Мною, взяв крест», что значит быть готовым на смерть ради Него. «Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение». Не напрасно присовокуплено, что он много имел: ибо и малым владеть и

худо и опасно, а узы многих стяжаний и вовсе неразрешимы. Но тот, что юн по духу, легкомыслен, невнимателен мыслью, не устроен разумом, пусть так же продаст имение свое, как-то: гнев и похоть, со всем тем, что от них прозябает, и отдаст, бросит бесам, которые суть нищи, лишены всякого блага и богатства, потому что отпали от благодати Божией, и потом да последует Христу, Ибо тот только может последовать Христу, кто отвергнет богатство грехов, которое есть достояние бесов. «Уклонися, — сказано, — от зла»: это значит бросить греховное богатство нищим, то есть силам бесовским; — «и сотвори благо»: что значит последовать Христу и взять Крест Его.

И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им в ответ: дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие. Они же чрезвычайно изумлялись и говорили между собою: кто же может спастись? Иисус, возрев на них, говорит: человеку это невозможно, но не Богу, ибо всё возможно Богу.

Не богатство — само по себе есть зло, а берегущие его — злы и достойны осуждения, ибо должно не иметь его, то есть держать у себя, а употреблять на пользу. Оно потому и называется богатством, что назначено для полезного употребления, а не для сбережения. Поэтому берегущим и запирающим его трудно «войти в Царствие Божие». А слово «трудно» значит здесь то же, что невозможно. Богатому человеку действительно слишком трудно спастись. Это видно из того примера, который присовокупляет Господь, говоря: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Под названием верблюда разумей или самое животное, или толстую вервь (канат), употребляемую на больших кораблях. Итак, человеку, пока он богат, невозможно спастись. Но от Бога это возможно. Христос сказал: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным». Видишь ли, как все становится возможно, когда слышим Слово Божие! «Человекам это невозможно», то есть невозможно тогда, когда рассуждаем по-человечески. Но почему ученики так изумлялись при этих словах? Ведь сами они никогда не были богаты? Я думаю, что они в сем случае заботились о всех людях, так как уже начинали быть человеколюбивы. Некоторые недоумевают, как Христос сказал, что «все возможно Богу». Неужели Он может и погрешить? На это мы отвечаем, что когда Христос говорит: «все», то понимает все существенное, но грех не есть что-либо существенное: грех есть нечто несущественное, недейтельное, или, иначе сказать, грех есть принадлежность не силы, а немощи, как и апостол говорит: «Христос, когда еще мы были немощны, умер» (Рим. 5, 6), и Давид говорит: «Умножаются скорби их» (Пс. 15, 4). Значит, грех, как немощь, невозможен для Бога. Но может ли Бог, — говорят, — сделать и бывшее, как не бывшее? На это скажем: Бог есть Истина, а сделать бывшее, как бы не бывшее, есть ложь. Как же Истина сделает ложь? Для этого Ему надлежало бы сперва изменить Свое Существо. Говорить таким образом значило бы сказать, что Бог может не быть и Богом.

И начал Петр говорить Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою. Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем

жизни вечной. Многие же будут первые последними, и последние первыми.

Хотя Петр немногое оставил ради Христа, но и это немногое называет «все». Видно, и немногое имеет узы пристрастия; а потому достоин убажания и тот, кто оставляет немногое. Петр один спрашивал Христа, но Господь дает общий для всех ответ: всякий, кто оставит жену или мать. Говорит это не с тем, чтоб мы оставляли родителей беспомощными или разлучались с женами, но научает нас благоугождение Богу предпочитать всему плотскому. Поскольку от проповеди Евангелия имела возгореться брань между людьми, так что дети должны были отречься от отцов, то Господь и говорит: кто оставит ради Евангелия плотское родство и вообще все плотское, тот и в сем веке получит все это во сто крат более, и в будущем — жизнь вечную. Поэтому уже не получит ли и жен во сто раз больше? Да, — хотя проклятый Юлиан и глумился над этим. Ибо, скажи мне, какую пользу приносит жена в хозяйстве мужа? Вообще — она заботится о пище и одежде для своего мужа и в этом отношении вполне обеспечивает мужа. Посмотри же, как это было у апостолов. Сколько жен заботились о доставлении им одежды и пищи и служили им, так что сами они не имели попечения ни о чем, кроме слова и учения! Подобно тому, апостолы имели многих отцов и матерей, какими были для них все любившие их и сердечно заботившиеся о них. Петр оставил один дом свой, а впоследствии имел (как свои) все дома учеников своих. Он и ныне по всей земле имеет светлые дома — храмы во имя его. А еще важнее то, что святые наследовали все это в изгнании, то есть будучи гонимы за веру Христову, и в жестоких страданиях, но их страдания не были бесславием для них. Ибо они, казавшиеся в нынешнем веке последними, по причине претерпеваемых ими скорбей и гонений, — будут в будущем веке первыми за свое крепкое упование на Бога. Фарисеи, бывшие первыми, стали последними, а те, которые оставили все и последовали Христу, сделались первыми.

Когда были они на пути, восходя в Иерусалим, Иисус шел впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе. Подозвав двенадцать, Он опять начал им говорить о том, что будет с Ним: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет.

Для чего Иисус предсказывает ученикам, что с Ним случится? Для укрепления духа их, чтобы они, предварительно услышав об этом, мужественно перенесли, когда это сбудется, и не были поражены внезапностью; а вместе с тем они должны были знать, что Он страдает по воле Своей. Ибо кто предвидел страдания, тот мог избежать их, а если не бежал, явно, что волею предает себя на страдания. Но так как открыть о Своем страдании следовало только ближайшим ученикам, то Он и предваряет всех на пути, желая отделить учеников от народа. Еще же упреждением всех и поспешностью Своей на пути Господь показывает и то, что Он поспешает к страданию и не убегает от смерти ради нашего спасения. Все, что высказывает Он в сем случае, хотя и прискорбно, но за все сие утешает тем, что «в третий день воскреснет».

Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему; дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите.

Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?

Другой евангелист (Мф. 20, 20) рассказывает, что мать их (Иакова и Иоанна) приступила к Иисусу. Но, вероятно, было то и другое: два сии апостола, стыдясь других, послали наперед мать свою, а потом и сами подошли особо, как это обозначает евангелист, сказав: «подошли к Нему», то есть подошли особо, отдаляясь от прочих. Чего же они просили? Восхождение Христа в Иерусалим, о котором Он беседовал с учениками, они поняли так, что Он идет воспринять чувственное царство и уже по воцарении претерпит те страдания, о которых предрекал. Думая таким образом, они и просят восседания по правую и по левую сторону Христа. Потому и Господь укоряет их, как неразумных, чего просят: «не знаете, — говорит, — чего просите». Вы думаете, что Мое Царство будет чувственное, и потому чувственного просите восседания; нет, это не так: это выше понятия человеческого, и сесть одесную Меня есть дело самое великое, превышающее и ангельские чины. Притом вы мечтаете о славе, а Я призываю вас на смерть. Чашею и Крещением называет Он Крест, — Чашею потому, что Крест, как чаша вина, скоро должен был привести Его ко сну смертному, — и Он готов был принять чашу страданий, как сладкое для себя питье; а Крещением — потому, что Крестом Он совершил очищение грехов наших. Но ученики, не уразумев слов Господних, дают со своей стороны обещание, думая, что Он говорит о чаше чувственной и о том крещении, какое было у иудеев, которые пред вкушением пищи омывались.

Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано.

Вы, — говорит, — войдете в подвиг мученичества и умрете за истину, «а дать сесть не от Меня зависит». Но здесь представляются два недоумения. Первое: уготовано ли кому это сидение? Второе: ужели всеобщий Владыка не может дать сего сидения? Отвечаем: никто не будет сидеть ни одесную, ни ошуюю. А если и слышишь, что в Писании многократно говорится о таком сидении, то разумей не сидение (в собственном смысле), но высшее достоинство. А слова: «не от Меня зависит» имеют такой смысл: Мне, праведному Судье, не свойственно дать вам такое достоинство по одной любви к вам; иначе Я не был бы правосуден; но такая почесть уготована только подвизающимся. Это подобно тому, как если бы правосудный царь посадил выше других какого-либо подвижника, а любимцы его, придя, сказали бы ему: «дай нам венцы»; тогда царь, конечно, ответил бы: «не от меня зависит», но кто будет подвизаться и победит, тому и венец уготован.- Итак, вы, сыны Зеведеевы, можете быть и будете мучениками за Меня; но если кто вместе с мученичеством будет иметь и всякую другую добродетель больше вас, тот будет иметь преимущество пред вами.

И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна. Иисус же, подозвав их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.

Ученики, еще рассуждая по-человечески, впадали в зависть, поэтому и негодуют на двух апостолов. Впрочем, когда? Когда увидели, что прошение последних не принято Господом, но отвергнуто, тогда и негодовать стали. Пока Сам Господь оказывал предпочтение Иакову и Иоанну, прочие ученики, видя это, терпели; но когда те два ученика стали сами просить себе почести, то прочие уже не стерпели. Так еще несовершенно были они в это время! Но после увидим, как каждый из них уступал первенство другому. Теперь же Христос врачует их, сначала усмирив, и для того приблизив их к Себе, — что и означает словом «подозвав». Потом показывает, что восхищать у других честь и домогаться первенства есть дело язычества. Ибо языческие властители насильственно покоряют других своей власти; а Мои, — говорит, — ученики не так: но кто из них хочет быть велик, тот пусть служит всем, потому что и это признак великой души — от всех терпеть и всем служить. На это есть и пример вблизи: «Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему послужили, но чтобы служить и отдать душу Свою для искупления многих». А это более, нежели служение. В самом деле не только послужить, но и умереть за того, кому служишь, — что может быть выше и чуднее сего? Но такое служение и смирение Господа было высотой и славой как для Него Самого, так и для всех. Ибо прежде вочеловечения Он был ведом одним Ангелам, а соделавшись человеком и претерпев Распятие, не только имеет ту славу (небесную), но принял и другую, и над всей вселенной царствует.

Приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня? Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге.

Матфей говорит о двух слепцах: и может быть, два были исцелены; но, вероятно, один из них более обратил на себя внимание, тот, о котором упоминает теперь Марк. Но посмотри, как народ чтит Иисуса: даже запрещает слепому кричать, как бы тут проходил какой-нибудь царь. А спрашивает Иисус слепого для того, чтобы не сказали, будто Он дает не то, чего слепой хотел. И благорассудна была душа слепого, ибо по исцелении он не оставил Иисуса, но последовал за Ним. А (иносказательно) можно разуместь это так: Иерихон означает низменное место (мир); слепой, сидящий здесь, есть образ человеческого естества, которое некогда усыновлено было Богу, превыше всякой почести земной; оно и взывало ко Христу, проходящему чрез Иерихон, то есть мир сей. А Христос помиловал его и спас по вере его, когда оно совлекло с себя ветхую одежду греха. По получении же спасения оно последовало за Ним (Христом), исполняя заповеди на своем пути, то есть в жизни сей. Ибо только в сей жизни можно последовать Христу, а после нее уже затворяются двери (спасения) и уже не будет времени к исполнению заповедей Божиих.

Глава одиннадцатая

Когда приблизились к Иерусалиму, к Виффагии и Вифании, к горе Елеонской, Иисус посылает двух из учеников Своих и говорит им: пойдите в селение, которое

прямо перед вами; входя в него, тотчас найдете привязанного молодого осла, на которого никто из людей не садился; отвязав его, приведите. И если кто скажет вам: что вы это делаете? — отвечайте, что он надобен Господу; и тотчас пошлет его сюда. Они пошли, и нашли молодого осла, привязанного у ворот на улице, и отвязали его. И некоторые из стоявших там говорили им: что делаете? зачем отвязываете осленка? Они отвечали им, как повелел Иисус; и те отпустили их.

Иисус часто приходил в Иерусалим и в другое время, но никогда с такой славой, как теперь. Прежде, по причине зависти иудеев, Он скрывался, а теперь, поскольку наступило Им Самим определенное время страдания, идет открыто, дабы они, если пожелают, уразумели славу Его и чрез исполнение на Нем пророчеств познали истину. А если не пожелают уразуметь, то чтобы это обстоятельство послужило к большему осуждению их, как неверовавших и после столь славных чудес. Ибо, смотри, сколько здесь знамений! Господь сказал ученикам, что обрящут молодого осла; сказал, что им будут возбранять, а потом, когда ученики скажут, что Господь его требует, позволят (взять). Ибо немаловажно и то, что апостолам дозволено было увести осленка; этого не могло бы быть, если бы на его владетелей не действовала сила Божия, возбуждающая отпустить осленка; они были люди бедные и рабочие. И надобно знать, что Господь сделал это не напрасно, ибо прежде Он не требовал осленка, а пеший многократно обходил Галилею и Иудею, но Он показывал чрез это, что возобладает языческими народами, непокорившими и ненаученными, как ослята: они были привязаны грехами своими «на улице», то есть в жизни сей, «у ворот», то есть вне Церкви. Но ученики разрешили их посредством крещения и веры, и они подъяли на рамена свои Господа, а апостолы возложили на них ризы свои, то есть все истинные правила добродетели. Прежде язычники, будучи наги, были безобразны и делали незаконные дела, но с того времени, как были приведены (ко Христу) апостолами, они научились ходить благопристойно, потому и Христос подъял ими. Кто же были владетели осленка, возбранявшие взять его апостолам? Без сомнения, бесы. Однако апостолы были сильнее их.

И привели осленка к Иисусу, и возложили на него одежды свои; Иисус сел на него. Многие же постилали одежды свои по дороге; а другие резали ветви с дерев и постилали по дороге. И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! благословен Грядущий во имя Господне! благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! осанна в вышних!

Пока простой народ бывает неиспорчен, он познает полезное. Вот почему теперь они воздают почести Иисусу, каждый по силе своей. Но что говорили они, прославляя Его? Настоящую песнь они заимствовали у Давида, Слово же «осанна», по мнению одних, значит «спасение», а по мнению других, — «песнь». Но первое мнение лучше, ибо во сто семнадцатом псалме сказано: «О, Господи, спаси же», а по-еврейски написано «осанна». «Царством Давида» они называли Царство Христово, во-первых, потому, что Христос происходил от семени Давидова, во-вторых, потому, что Давид — значит сильный рукой. А кто другой так силен рукой как Господь, руки Которого совершили столь дивные дела? Но постелем и мы одежды свои, то есть плоть свою, ибо плоть есть одежда души, покорим ее Господу. Устелем путь нашей жизни, срезая с дерев ветви, то есть подражая житию святых. Ибо святые суть как бы древа, с которых срезает ветви подражающий добродетели их. Но дела наши, и предшествующие, и последующие, да будут во славу Божию. Ибо иные в предшествующей жизни показали доброе начало; и напротив, последующая жизнь их не

такова была и служила не к славе Божией.

И вошел Иисус в Иерусалим и в храм; и, осмотрев всё, как время уже было позднее, вышел в Вифанию с двенадцатью. На другой день, когда они вышли из Вифании, Он взалкал; и, увидев издалика смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, придя к ней, ничего не нашел, кроме листьев, ибо еще не время было собирания смокв. И сказал ей Иисус: отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек! И слышали то ученики Его.

Иисус вошел в храм и скоро опять вышел из него, показывая чрез это, что Он уже оставляет его на запустение и расхищение. Он уходит в Вифанию, что значит дом послушания, ибо, оставляя непокорных и жестокосердных, идет теперь с учениками к послушным Ему. Но рассмотрим и повествование о смоковнице, ибо здесь является, по-видимому, нечто странное и жестокое. Во-первых, Иисус взалкал рано; во-вторых, Он требует плода, когда еще не наступило время для смокв, а еще и то, что наказывает бесчувственное дерево. Ибо в том, что Он здесь говорит и делает, было особенное смотрение. Доселе часто Иисус творил чудеса, но только на благодеяние людям. Но ученики еще не видели, чтобы Он сделал кому-либо зло. Теперь, дабы показать ученикам, что Он может и казнить, и что, если захочет, может в один час погубить намеревающихся распять Его, Он являет Свою силу над бесчувственным деревом. И чудо было по истине велико тем, что дерево, столь сочное, иссохло вдруг; ибо смоковница сочнее почти всех дерев. А что Он алчет рано утром, это Он попустил плоти Своей по особенному смотрению; и плода преждевременно ищет на смоковнице с той целью, чтобы, как я выше сказал, показать ученикам, что Он может и наказывать. А смоковница эта была вместе и образом синагоги иудейской, которая имела только листья, то есть Закон, доставлявший одну тень, а плода они вовсе не имели. Но Иисус взалкал их спасения. Он говорит: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня», а эта воля Божия состоит в том, чтобы обращать согрешающих. Поскольку же синагога не имела плода, то она проклята и иссохла, не имея (более у себя) ни пророков, ни учителей.

Пришли в Иерусалим. Иисус, войдя в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул; и не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь. И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников (Ис. 56, 7). Услышали это книжники и первосвященники, и искали, как бы погубить Его, ибо боялись Его, потому что весь народ удивлялся учению Его.

Об изгнании Иисусом меновщиков повествует и Иоанн но он говорит об этом в начале Евангелие напротив, сей (Марк) — к концу. Поэтому надобно думать, что это (последнее) изгнание было второе, что и служит к большему осуждению иудеев, так как они не обратились, несмотря на то, что Господь неоднократно так поступал с ними. Храм называет Он «вертепом разбойников» по причине корыстолюбия меновщиков. Ибо разбойнический род предан грабительству. А как и продавцы в храме торговали жертвенными животными ради корысти, то и названы разбойниками. «Меновщики» занимались разменом денег. Обличителем их Господь представляет и пророка Исаию, который говорит: «Дом Мой домом молитвы наречется» (Ис. 56, 7). Будем же молиться, чтобы и нам не быть изгнанным из церкви! Ибо многие ходят и в нашу церковь для того, чтобы продавать доброе и покупать

худое. Есть и такие, которые, устроая и правя дела церковные, имеют столы полные денег: они все делают из корысти. Испровергаются также и седалища продающих голубей, то есть престолы архиереев, продающих духовные дары, ибо голубь есть образ Духа Святаго. Да извергнет Господь такого святителя от святительства, ибо проклят тот, кто рукополагает за деньги. Равным образом продает голубя своего и тот, кто продает диаволу благодать и чистоту, полученную в крещении. За то он и изгоняется вон из Церкви.

Когда же стало поздно, Он вышел вон из города. Поутру, проходя мимо, увидели, что смоковница засохла до корня. И, вспомнив, Петр говорит Ему: Равви! посмотри, смоковница, которую Ты проклял, засохла. Иисус, отвечая, говорит им: имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет.

Хотя Матфей и говорит, что смоковница тотчас иссохла и что ученики, видя это, дивились, впрочем, ты не смущайся, слыша теперь от Марка, что они увидели иссохшую смоковницу уже на другой день. Сказанное Матфеем должно понимать так: «И смоковница тотчас засохла», — тут остановись; потом читай: «Увидев это, ученики удивились». Когда увидели? — не тотчас, но на другой день. Кто так понимает, тот не встретит никакого недоумения. Заметь же, как Христос здесь является Богом. Ибо чрез пророков Господь говорит: «Я зеленеющее дерево иссушаю, а сухое дерево делаю цветущим» (Иез. 17, 24). Но подивись человеколюбию Божию в том, что и нам, уподобляющимся Богу чрез веру, дает чудодейственную силу, принадлежащую Ему Самому по естеству, так что мы можем и горы переставлять. Гора есть в духовном смысле гордый ум, высящийся и упорный. Поэтому, кто видит себя одолеваемым страстью гордости, тот, стараясь изгнать ее из себя, искать должен посещения и помощи Божией. Ибо тот горд, кто говорит, что все делает он сам, а не помощью Божией. Такой человек должен запретить горе сей, то есть гордости, и сказать ей: «поднимись и ввергнись в море», то есть в мирских людей, сущих в море жизни сей, и неверных, сам же он да «не усомнится», то есть да не отступает от Бога. Ибо гордый отступает от Бога, говоря: я ничем не обязан Богу и не нуждаюсь в Его помощи.

Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам. И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших.

Кто крепко верует, тот устремляет сердце свое к Богу и, скажу словами Давида, изливает душу свою пред Богом, а кто обратит душу свою к Богу, тот соединяется с Ним, и его сердце, будучи согреваемо (благодатью), удостоверяется, что получит просимое. Кто испытал это, тот понимает. А я думаю, что испытали это все, кои хотя сколько-нибудь внимательны. Поэтому и говорит Господь, что все получите, что с верой просите. Верующему все дает Бог, когда тот со слезами высказывает пред Ним все желания в молитве и как бы за ноги Владычии держится. Д хочешь ли и другим способом получить просимое? Прости брату своему, если он согрешил в чем-либо против тебя. Видишь, как легко получить дар Божий!

Пришли опять в Иерусалим. И когда Он ходил в храме, подошли к Нему

первосвященники и книжники, и старейшины и говорили Ему: какою властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал власть делать это? Иисус сказал им в ответ: спрошу и Я вас об одном, отвечайте Мне; тогда и Я скажу вам, какою властью это делаю. Крещение Иоанново с небес было, или от человеков? отвечайте Мне. Они рассуждали между собою: если скажем: с небес, — то Он скажет; почему же вы не поверили ему? а сказать: от человеков боялись народа, потому что все полагали, что Иоанн точно был пророк. И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Тогда Иисус сказал им в ответ: и Я не скажу вам, какою властью это делаю.

В ярости за то, что Христос изгнал из храма меновщиков, они приходят к Нему с вопросом: «какою властью Ты это делаешь?» Они как бы так говорили Ему с поношением: «Кто Ты такой, что это делаешь? Разве Ты поставлен учителем? Разве в архиерея рукоположен?» Говорили же это, стараясь привести Его в затруднение, чтоб уловить Его. Если бы Он сказал: «Я творю это Моею властью», то они побили бы Его камнями как богопротивника, а если бы сказал: «(Творю это) властью Божией», в таком случае они могли бы отвлечь от Него народ, так как Он признавал Себя за Бога. Но Господь предлагает им вопрос об Иоанне, не без причины и не с какой-либо хитростью. Но поскольку Иоанн свидетельствовал о Нем, то Он и спрашивает злодейственных иудеев об Иоанне, дабы они, если признают Иоанна за посланника Божия, принуждены были принять свидетельство Иоанна и о Христе. А как они не могли ничего ответить, то Он, чтобы еще более уничижить их, говорит: «и Я не скажу вам». Не сказал: «Я не знаю, что отвечать вам», но «и Я не скажу», то есть поскольку вы злобствуете, то Я не достаиваю вас ответа.

Глава двенадцатая

И начал говорить им притчами: некоторый человек насадил виноградник и обнес оградю, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился. И послал в свое время к виноградарям слугу принять от виноградарей плодов из виноградника. Они же, схватив его, били, и отослали ни с чем. Опять послал к ним другого слугу; и тому камнями разбили голову и отпустили его с бесчестьем. И опять иного послал: и того убили, и многих других то били, то убивали. Имея же еще одного сына, любезного ему, напоследок послал и его к ним, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его, и наследство будет наше. И, схватив его, убили и выбросили вон из виноградника. Что же сделает хозяин виноградника? — Придет и предаст смерти виноградарей, и отдаст виноградник другим.

Виноградник означает иудейский народ, который насадил Господь: «Охрани, — сказано, — то, что насадила десница Твоя» (Пс. 79, 16); и Моисей говорит: «Введи его и насади его на горе достояния Твоего» (Исх. 15, 17). Под «оградю» разумеется Закон, не допускаящий иудеев смешиваться с другими народами. «Башня» есть храм, который был великолепен. «Точилом» означает жертвенник, на котором проливалась (жертвенная) кровь. Бог отдал народ свой «виноградарям», то есть учителям и правителям иудейским, всем в свое время. Он послал сперва одного раба, то есть, как можно думать, пророков, бывших около времени Илии, например Михея, которого бил лжепророк Седекия (3 Цар. 22, 24); послал другого, которому камнями пробивали голову и таким образом нанесли полное поругание, — можно относить это ко временам Осии и Исаии; послал и третьего раба, что можно разуместь

о пророках времен плена иудейского, например, о Данииле и Иезекииле. Наконец, Бог послал Сына Своего (который назван человеком ради человеколюбия), говоря: «постыдятся Сына Моего». Сказал же это, не зная, что они сделают с Сыном Его, но, выражая то, чему (по намерению Его) надлежало быть и что было возможно. Но злые делатели, зная, что это Наследник виноградника, вывели Его вон из виноградника, то есть из Иерусалима, и умертвили. Христос действительно распят был вне города. За то Господин виноградника, Отец убиенного Сына, или, лучше, Сам убиенный Сын погубит делателей, предав их римлянам, а виноградник Свой отдаст другим делателям, то есть апостолам. Хочешь ли знать, как апостолы возделали этот виноградник? Прочитай книгу Деяний Апостольских, и ты увидишь, как три тысячи (Деян. 2, 41) и пять тысяч душ вдруг (Деян. 4, 4) уверовали и стали приносить Богу плод.

Неужели вы не читали сего в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла; это от Господа, и есть дивно в очах наших (Пс. 117, 22-23). И старались схватить Его, но побоялись народа, ибо поняли, что о них сказал притчу; и, оставив Его, отошли.

Через все это Господь показывает, что иудеи отвержены, а язычники приняты. «Камень» есть Сам Господь, а «строители» суть учителя народа. Таким образом, Кого пренебрегли эти учителя, Тот и «сделался главою угла», соделавшись Главою Церкви; ибо угол означает Церковь, которая совокупляет и соединяет всех — иудеев и язычников, подобно как и угол соединяет две стены, сводя их в себе вместе. Этот угол, то есть Церковь, «от Господа и дивен в очах наших», верных, тогда как для неверных и самые чудеса кажутся ложью. Итак, Церковь дивна, потому что она основана на чудесах «при Господнем содействии» апостолам «и подкреплении слова последующими знаменами» (Мк. 16, 20).

И посылают к Нему некоторых из фарисеев и иродиан, чтобы уловить Его в слове. Они же, придя, говорят Ему: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо, но истинно пути Божию учишь. Позволительно ли давать подать кесарю или нет? давать ли нам или не давать? Но Он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его. Они принесли. Тогда говорит им: чье это изображение и надпись? Они сказали Ему: кесаревы. Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И дивились Ему.

Об иродианах сказали мы в другом месте, что это была какая-то новоявившаяся секта людей, называвших Ирода Христом по той причине, что в его время кончилось преемство царей иудейских. А другие говорят, что иродианами называются здесь воины Иродовы, которых фарисеи взяли с тем, чтоб они были свидетелями того, что скажет Христос, а потом могли взять Его и отвести к суду. Но посмотри на злонравие их, с каким ласкательством они покушаются обольстить Господа! Знаем, — говорят, — что Ты не смотришь на лица человеков, а потому не убоишься и самого кесаря. Все же это было только лукавством, чтобы во всяком случае уловить Его. Ибо, если бы Он сказал, что должно кесарю платить подать, они обвинили бы Его пред народом в том, что Он поработает народ чуждому игу; а если бы сказал, что не должно, в таком случае они могли обвинить Его в возмущении народа против кесаря. Но Источник премудрости избегает их козней. Покажите Мне, — говорит, — монету, и, видя на ней изображение кесаря, сказал: что имеет на себе такое изображение, то отдавайте

(лицу) изображаемому, то есть кесарю, а «Божие Богу». То есть обязанность платить дань кесарю нисколько не препятствует вам в деле богопочитания, ибо можете и кесарю отдавать, что следует, и Богу воздавать должное. Но у каждого из нас есть своего рода кесарь: это неизбежная потребность телесная. Итак, Господь заповедует давать и телу свойственную ему пищу и потребную одежду, и «Божие Богу», то есть посильное бдение, молитву и прочее. Но и диаволу, и этому кесарю, брось данное тебе от него, как-то: гнев, злую похоть; а Богу приноси Божие — смирение, воздержание во всем и прочее.

Потом пришли к Нему саддукеи, которые говорят, что нет воскресения, и спросили Его, говоря: Учитель! Моисей написал нам: если у кого умрет брат и оставит жену, а детей не оставит, то брат его пусть возьмет жену его и восстановит семя брату своему (Втор. 25, 5). Было семь братьев: первый взял жену и, умирая, не оставил детей. Взял ее второй и умер, и он не оставил детей; также и третий. Брали ее за себя семеро и не оставили детей. После всех умерла и жена. Итак, в воскресении, когда воскреснут, которого из них будет она женою? Ибо семеро имели ее женою? Иисус сказал им в ответ: этим ли приводитесь вы в заблуждение, не зная Писаний, ни силы Божией? Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах. А о мертвых, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, как Бог при купине сказал ему: Я Бог Авраама и Бог Исаака, и Бог Иакова (Исх. 3, 6)? Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых. Итак, вы весьма заблуждаетесь.

Саддукеи были между иудеями такие еретики, которые говорили, что нет ни Воскресения, ни Ангела, ни Духа. Как люди коварные, они выдумывают такую повесть с тем, чтобы ей ниспровергнуть истину Воскресения. Они дают вопрос о том, чего никогда не бывало, да и быть не может. А что семь мужей брали (один после другого) одну и ту же жену, это они выдумали для большего посмеяния над Воскресением. Что же Господь? Поскольку они в основание своего вопроса представляли Закон Моисеев, то Он обличает их в незнании Писаний. Вы, — говорит, — не понимаете, о каком Воскресении говорится в Писании: вы думаете, что в Воскресении будет таково же состояние (людей по плоти и по душе) как ныне; нет, не так: вы не понимаете смысла Писания, да и силы Божией не постигаете. Вы, видно, обращаете внимание только на трудность дела и потому недоумеваете, как могут разрушившиеся тела, снова соединиться с душами, но для силы Божией это ничего не значит. По Воскресении же состояние воскресших будет не чувственное, но богоподобное, и образ жизни Ангельский. Ибо мы уже не будем подлежать тлению, но будем жить вечно, а по этой причине тогда и брак уничтожится. Ныне брак существует по причине смертности, чтобы, поддерживаясь преемством рода, мы не изгибли. Но тогда, подобно Ангелам, люди будут существовать без посредства брака, никогда не умалятся в числе и пребудут всегда без убыли. Еще в другом отношении саддукеи оказываются невеждующими Писания. Если бы они разумели его, то поняли бы, почему сказано: «Я есмь Бог Авраама, Исаака и Иакова», — что указывает на живых. Ибо Господь не сказал: «Я был», но — «есмь» Бог их, как бы присущих, а не погибших. Но, может быть, скажет кто-нибудь, что Господь сказал это только о душе праотцов, а не вместе о теле, и что отсюда нельзя заключать о Воскресении тел. На это я скажу, что Авраамом называется не одна душа, но совокупно душа и тело, так как Бог есть Бог и тела, и оно пред Богом живо, а не обратилось в небытие. Далее, поскольку саддукеи не веровали только воскресению тел, то и Господь сказал о телах, что они живы у Бога, а не о душах; последнее признавали и саддукеи. Затем обрати внимание и на то: воскресение есть

восстание павшего (в землю, в прах); но пала не душа (она бессмертна), а тело; следовательно, оно и восстанет, снова соединясь с единосюзной душой.

Один из книжников, слыша их прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил Его; какая первая из всех заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всю крепостию твоею, — вот, первая заповедь (Втор. 6, 4-5)! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет (Лев. 19, 18). Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его; и любить Его всем сердцем и всем умом, и всею душою, и всею кротостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесождений и жертв. Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия. После того никто уже не смел спрашивать Его.

Матфей говорит, что книжник подошел (ко Христу) «искушая», а Марк замечает о нем, что он «разумно отвечал». Не противоречат ли евангелисты друг другу? Нет; сначала, вероятно, он спрашивал как человек искушающий, а потом вразумился ответом Христовым и отвечал разумно, и таким образом был похвален. Впрочем, заметь, что и похвала свидетельствует о нем, как еще о несовершенном, ибо Христос не сказал: ты находишься в самом Царствии Божиим, а — только «недалеко». Для чего же законник так смело предлагает Христу свой вопрос? Он думал показать себя Христу совершенным в Законе и для того обращает к Нему такую речь, как будто бы касался только Закона. Но Господь, желая показать, что без любви, при ненависти к ближним, нет исполнения закона, отвечает на вопрос законника, что первая и большая заповедь есть — любить Бога, а вторая, подобная — любить ближнего. Почему же подобна? Потому, что они обе тесно связаны между собой. Ибо любящий Бога любит и создание Его, а ближайшее к Богу из созданий есть человек; следовательно, любящий Бога возлюбит и всех человеков. И наоборот, кто любит ближнего, тот тем более любит Бога; ибо если он любит людей, которые часто бывают виной соблазнов и ненависти, тем более любит Бога, всегда благодеющего. Услышь и Господне слово: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин. 14, 21). Видишь, что от любви к Богу зависит исполнение заповедей Его, а все заповеди Его сходятся к одному предмету — взаимной любви. И в другом месте (Господь говорит): «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). Видишь ли опять, как любовью друг к другу держится и любовь ко Христу и познаются Его истинные ученики и други! Обрати внимание и на то, как Он в ответе законнику исчислил все силы души. В душе есть сила животная; на нее указывает словами: «всей душою», ибо Христос повелевает, чтоб сила раздражения и вожделения совершенна были подчинены любви к Богу. Есть и другая сила души, называемая растительной, а иначе она называется силой питания и возрастания. И эту силу должно предать вполне Богу. Есть, наконец, в душе и сила разумная, которую Закон назвал «мыслию». Итак, все силы души должны быть устремлены к любви.

Продолжая учить в храме, Иисус говорил: как говорят книжники, что Христос есть Сын Давидов? Ибо сам Давид сказал Духом Святым: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих (Пс. 109, 1). Итак, сам Давид называет Его Господом: как же Он Сын ему? И множество народа слушало Его с услаждением. И говорил им в учении Своем: остерегайтесь

книжников, любящих ходить в длинных одеждах и принимать приветствия в народных собраниях, сидеть впереди в синагогах и возлежать на первом месте на пиршествах, — сии, поядающие дома вдов и напоказ долго молящиеся, примут тягчайшее осуждение.

Поскольку Господу надлежало идти на страдание, то Он исправляет ложное мнение книжников, которые думали, что Христос есть (только) Сын Давидов, а не Божий. Поэтому Он из самых слов Давида показывает, что Он (Христос) — Бог; и не просто, но, устрашая, говорит: «доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих». А они-то (книжники и фарисеи) и были те врага, которых Бог Отец положил в подножие ног Христовых. Заметь и то, как Он вопрошает! Чтоб не смутить их, Он не сказал: что вы думаете о Мне, а — о Христе. Но вы не можете сказать, что Давид изрек это не по внушению Духа Святаго; нет, он Духом назвал Его (Христа) Господом, то есть будучи движим благодатью Святаго Духа. Как же думать, что Христос есть только Сын Давида, а не вместе и Господь его и Бог? Простой народ, сказано, слушал «Его с услаждением», и Он стал говорить народу: остерегайтесь книжников, которые носят великолепные одежды, и из-за них требуют себе почестей; которые любят принимать приветствия и похвалы на торжищах и все другие знаки славы; которые поядают дома вдовиц, вкрадываясь к сим беззащитным женам под видом заступников их; которые, лицемерной продолжительной молитвой, наружным благочестием и лицемерием обольщая неопытных, поядают дома богатых. За то они подвергнутся еще тягчайшему осуждению, нежели прочие согрешающие иудеи: «сильные сильно будут истязаны» (Прем. 6, 6). Говоря таким образом народу, Господь поучает вместе и апостолов, чтобы они не поступали по примеру книжников, но подражали Ему Самому. Так как Он поставлял их учителями Церкви, то по справедливости излагает им и правила жизни.

И сел Иисус против сокровищницы и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много. Придя же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу, ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое.

У иудеев сохранялся особенный обычай, тот, что имеющие и желающие делали вклады в церковную сокровищницу, которая называлась «газофилакион», из которой получали содержание священники, бедные и вдовицы. Между тем как многие делали это, подошла и вдовица и показала свое усердие лучше богатых. Слава Тебе, Христе, что Ты и малое приемлешь лучше великого! О, если бы и моя душа соделалась вдовице, отвергшись сатаны, с которым сочеталась неподобными делами, и решилась бы повергнуть в церковную сокровищницу «две лепты», — плоть и ум, утончив их плоть воздержанием, а ум смирением, дабы и я услышал, что всю жизнь мою посвятил Богу, не имея в себе нисколько ни помыслов мирских, ни побуждений плотских!

Глава тринадцатая

И когда выходил Он из храма, говорит Ему один из учеников Его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания! Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на

камне. И когда Он сидел на горе Елеонской против храма, спрашивали Его наедине Петр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей: скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда всё сие должно совершиться?

Поскольку Господь много говорил о запустении Иерусалима, например: «оставляется вам дом ваш пуст», то ученики дивились, что столь величественные и прекрасные здания должны погибнуть, и потому показывали Ему столь поразительное благолепие храма. Но Он предрекает, что, тем не менее, из всего этого не останется даже камня на камне. Против этого некоторые говорят, что много уцелело остатков от древнего города Иерусалима, и таким образом пытаются представить Христа лживым. Но это напрасно, ибо если и сохранились некоторые остатки (что впрочем, несправедливо), то до всеобщей кончины не останется камня на камне. Впрочем, история свидетельствует, что Элий Адриан раскопал самые основания города и храма, так что чрез него исполнилось пророчество и о том, что не останется камня на камне. Когда же Господь сидел на горе Елеонской, к Нему подошли ученики, спрашивая: «когда это будет»? то есть, когда исполнится предреченное о Иерусалиме? А Он, прежде ответа на их вопрос, утверждает их ум, чтобы не соблазнились. Ибо при начале бедствий в Иудее явились люди, называвшие сами себя учителями; поэтому и говорит Господь: «берегитесь, чтобы кто не прельстил вас».

Отвечая им, Иисус начал говорить: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить, что это Я; и многих прельстят. Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть, — но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения. Это — начало болезней. Но вы смотрите за собою, ибо вас будут предавать в судилища и бить в синагогах, и перед правителями и царями поставят вас за Меня, для свидетельства пред ними. И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие.

«Многие придут», таковы, например, были Иуда (Галилеянин) и Февда, кои выдавали себя за помазанников Божиих. «Услышите, — говорит, — о войнах»; это те войны, о которых и Иосиф Флавий повествует и которые были перед разрушением Иерусалима. Иудеи в то время возмутились и перестали платить дань римлянам, а разгневанные римляне пошли на них войной и делали постоянные нападения. «Но это еще не конец» Иерусалима, ибо римляне еще оказывали человеколюбие. И не одни войны были, но и другие Богом посланные казни, — голод и землетрясения, которые ясно показывали иудеям, что Сам Бог ведет с ними брань. Все же это было только «начало болезней», то есть предстоявших им бедствий. А вы, — говорит, — берегитесь, ибо вас будут предавать в судилища. Благовременно вводит речь о них, что их будут предавать в судилища, это для того, чтоб от общих бедствий они получали некоторое утешение в своих собственных бедах. Но когда Господь сказал: «пред правителями и царями поставят вас за Меня», то и этими словами Он преподавал немалое утешение ученикам, именно в том, что они будут страдать ради Его. «Для свидетельства пред ними», то есть, чтоб быть им безответными и видеть свое осуждение уже в том самом, что, истязуя вас, они не могут преодолеть истины. А чтоб ученики не подумали, будто беды и скорби воспрепятствуют проповеди Евангелия, Господь говорит, что «во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие», а потом уже предан будет запустению Иерусалим, А что действительно Евангелие проповедано было всюду еще до разрушения

Иерусалима, послушай Павла: «по всей земле, — говорит он, — прошел голос их и до пределов вселенной слова их» (Рим. 10, 18). И это обстоятельство послужило к большому осуждению иудеев, то есть, что проповедь распространилась всюду еще прежде разрушения Иерусалима. Ибо, видя, что проповедь сия в краткое время распространилась по всему миру, они должны были признать в этом силу Божию, покаяться и таким образом избавиться от бедствий. Но они не вразумились; потому и осуждению тем большому подвергнутся.

Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святой. Предаст же брат брата на смерть, и отец — детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их. И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется.

Действительно, прежде, нежели наступила решительная брань римлян с иудеями, чего не потерпели от них апостолы, будучи преданы на судилища и ведены к царям: Ироду, Агриппе и Нерону? Но вы, — говорит, — «не заботьтесь наперед, что вам» отвечать: в тот самый час Дух Святой даст вам, что должны вы будете говорить. При этом предсказывает им и то, что всего хуже, именно, что они будут преследуемы и от своих домашних. Говорит же это для того, чтоб они, слыша о сем предварительно, приготавливались к напастям и впоследствии могли легко переносить их. Далее следует утешение: ради Меня, — говорит, — будете ненавидимы. Это самое великое облегчение в несчастье. Великое также утешение заключается и в том, что претерпевший до конца спасен будет.

Когда же увидите мерзость запустения, реченную пророком Даниилом, стоящую, где не должно, — читающий да понимает, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; а кто на кровле, тот не сходи в дом и не входи взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, не обращай назад взять одежду свою. Горе беременным и питающим сосцами в те дни.

Под «мерзостью запустения» понимается статуя того, кто подверг город Иерусалим запустению. Ибо «мерзостью» называется всякий идол; «мерзостью запустения» назван он потому, что его поставили внутри недоступного святилища храма, когда Иерусалим был взят и чрез это подвергся запустению. Впрочем, еще Пилат внес ночью в храм изображение кесаря, и чрез то был виной великого мятежа в народе. С этого времени начались и войны, и запустение Иерусалима. «Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы». Хорошо сказал: «находящиеся в Иудее» (все вообще, а не апостолы), ибо апостолов не было тогда в Иудее, но, как сказано, они еще прежде войны были изгнаны из Иерусалима или, лучше, сами ушли из него, будучи движимы Духом Святым. Итак, да бегут оставшиеся в Иудее. А кто будет на кровле, пусть ни за чем не возвращается в дом свой: рад должен быть и тому, если спасется хотя нагой. Но горе будет тогда женам, имеющим детей, и беременным. Почему? Потому что первые, имея детей и будучи удерживаемы любовью к ним, не могут убежать; да и во чреве имеющим неудобно будет бежать по причине бремени чревоношения. Но я думаю, что здесь указывается и на детоубийство, ибо осаждаемые иудеи во время голода поднимали руки даже на детей своих.

Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою. Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил Бог, даже доньше, и не

будет. И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных, которых Он избрал, сократил те дни.

Если бы бегство случилось зимой, то трудность времени препятствовала бы желающим бежать. И вообще скорбь будет тягчайшая из всех когда-либо бывших и имеющих быть. «И если бы Господь не сократил тех дней», то есть, если бы скоро не окончил войны римлян, «то не спаслась бы никакая плоть», не осталось бы ни одного иудея. Но «ради избранных», то есть уверовавших из евреев и имеющих уверовать впоследствии, война кончилась скоро. Ибо Бог, предвидя, что по пленении многие из евреев уверуют, ради сего не попустил до конца погибнуть иудейскому народу. Но можно разуметь это и в нравственном отношении. Так, «мерзость запустения» есть всякое помышление сатанинское, стоящее «на святом месте», — в разуме нашем. В сем-то случае «находящиеся в Иудее да бегут в горы», то есть, исповедуясь, пусть восходят на горы добродетелей (Иудея — значит «исповедание», «проповедь»). А кто стоит уже на высоте, пусть не сходит с нее. Ибо когда какой-либо страстный помысл станет в нас, тогда надлежит посредством исповеди спешить на высоту добродетели и не сходить с сей высоты. И делающий доброе пусть не возвращается взять прежнюю совесть — ветхую одежду, которой он совлекся. Горе же бегущему зимой: ибо должно нам бежать от греха с теплотой, то есть с покаянием, а не с холодностью, неподвижно, — что и означает бегство зимой.

Тогда, если кто вам скажет: вот, здесь Христос, или: вот, там, — не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вы же берегитесь. Вот, Я наперед сказал вам всё. Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезда спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою.

Господь кончил речь о Иерусалиме; далее начинает говорить о пришествии антихриста. Слово «тогда» надобно разуметь не так, что когда начнет сбываться вышесказанное о Иерусалиме, тогда не верьте, если кто скажет вам: «вот, здесь Христос»; но знай, что это есть особенное свойство Писания. Так, евангелист Матфей, сказав о Рождестве Христовом, говорит: «В те дни приходит Иоанн». В какие дни? В те ли, которые непосредственно следовали по Рождестве Христовом? Нет, но неопределенно. Так и здесь Христос говорит: тогда не прельститесь, то есть не в то время как опустошен будет Иерусалим, но во время пришествия антихриста. Не прельститесь, — говорит, — ибо многие станут называться именем Христа, дабы соблазнить и избранных. По пришествии же антихриста вся тварь изменится: звезды померкнут от избытка света Христова и ангельские силы «поколеблются», то есть ужаснутся, смотря на такой переворот в мире и видя сорабов своих судимыми. И тогда-то узрят Господа как Сына Человеческого, то есть во плоти, ибо видимое в Нем есть тело Его. Но хотя Он придет и в теле, и как Сын Человеческий, однако, «с силою многою и славою».

И тогда Он пошлет Ангелов Своих и соберет избранных Своих от четырех ветров, от края земли до края неба. От смоковницы возьмите подобие: когда ветви се становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето. Так и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко, при дверях. Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как всё это будет. Небо и земля прейдут, но слова Мои не

прейдут.

Видишь ли, что и Сын посылает Ангелов, как и Отец? Где же те, кои говорят, что Он не равен Богу и Отцу? Ангелы же придут тогда для того, чтобы собрать избранных, которые, быв восхищены на облаках, должны будут таким образом встретить Господа. А что Я говорю, — продолжает Господь, — это можете уразуметь из примера смоковницы. Как смоковница, покрывшаяся листьями, показывает, что близко жатва, так и после скорбного времени антихристово непосредственно последует второе пришествие Христово, которое для праведных будет точно как жатва после зимы, а для грешных — зима после жатвы. «Истинно говорю вам: не пройдет род сей», то есть род верных или христиан, «как всё это будет» — все сказанное о Иерусалиме и пришествии антихриста. Господь говорит здесь не о роде апостольском, ибо апостолы не продолжают жить до кончины мира: многие из них не дожили и до разрушения Иерусалима. Значит, родом сим именуется здесь род христианский, утешая таким образом апостолов. Дабы они не подумали, что при столь тяжких бедствиях вера, может быть, совершенно оскудеет. Господь говорит: дерзайте, не пройдет род верных и не оскудеет. Скорее прейдут небо и земля, эта непоколебимые, по-видимому, стихии, нежели слова Мои в чем-либо не исполнятся, ибо все, что Я сказал, будет.

О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец. Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время. Подобно как бы кто, отходя в путь и оставляя дом свой, дал слугам своим власть и каждому свое дело, и приказал привратнику бодрствовать. Итак бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру; чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте.

Желая удержать учеников от любопытства о последнем дне и часе, Господь говорит, что ни Ангелы, ни Сын не знают о сем. Если бы Он сказал: Я знаю, но не хочу открыть вам, в таком случае Он опечалил бы их. А теперь, когда говорит, что ни Ангелы, ни Я не знаю, — Он весьма мудро поступает и совершенно удерживает их от желания знать и докучать Ему. Это ты можешь понять из примера. Малые дети, видя что-либо в руках отцов, часто просят у них, и если отцы не хотят дать, они, не получая просимого, начинают плакать. В таком случае отцы обыкновенно скрывают от них вещь, держимую в руках, и, показывая детям пустые руки, удерживают их от слез. Так и Господь, поступая с апостолами, как с детьми, скрыл от них последний день. Иначе, если бы сказал: Я знаю, но не скажу, — они восскорбели бы, что Он не хотел им сказать. А что Господь знает о последнем дне и часе, это очевидно, ибо Сам Он веки сотворил. Как же Ему не знать того, что Сам сотворил? Притом и для пользы нашей Бог скрыл кончину жизни как общей, так и каждого из нас в частности, дабы мы, при неизвестности сей кончины, непрестанно подвизались, ожидая ее и страшась, как бы она не застала нас неготовых. Но рассмотрим и с другой стороны сказанное. Вечером настает конец, когда кто умрет состарившись; в полночь, — когда кто достигнет середины века; в пении петухов, — когда начинает раскрываться в нас рассудок, ибо петух означает рассудок, пробуждающий нас от сна бессознательности, а потому, когда отрок начинает действовать рассудком и понимать, тогда в нем гласит как бы петух. Наконец, утро означает совершенно детский возраст. Итак, всем нужно помышлять о конце жизни. Младенец ли есть, — и о нем должно позаботиться, чтоб не умер некрещеным. Заповедует же это Господь всем вообще — и мирским людям, и отшельникам. Итак, мы должны бодрствовать и молиться, исполнять и

то, и другое, ибо многие хотя бодрствуют, но проводят ночи (не в молитве, а) в худых делах. Заметь и то, что Христос теперь не сказал: Я не знаю, когда наступит время кончины, но «не знаете», ибо ради нашей пользы скрыл это время. Если мы и при неизвестности кончины враждуем друг против друга, то чего не сделали бы, если бы знали время кончины? Тогда все время жизни до смерти мы проводили бы в крайне худых делах, а в последний день, изъясняя раскаяние, впали бы еще в худшее состояние.

Глава четырнадцатая

Через два дня надлежало быть празднику Пасхи и опресноков. И искали первосвященники и книжники, как бы взять Его хитростью и убить; но говорили: только не в праздник, чтобы не произошло возмущения в народе. И когда был Он в Вифании, в доме Симона прокаженного, и возлежал, — пришла женщина с алавастровым сосудом мира из нарда чистого, драгоценного и, разбив сосуд, возлила Ему на голову. Некоторые же вознегодовали и говорили между собою: к чему сия трата мира? Ибо можно было бы продать его более, нежели за триста динариев и раздать нищим. И роптали на нее.

Совет против Христа составлен был в среду. И вот причина, почему мы постимся по средам. Враги хотели было переждать праздничное время, но это не было попущено им. Господь, определяя Сам для Себя страдания, благоизволил предать Себя Распятию на саму Пасху, ибо Сам был Истинная Пасха. Здесь надобно дивиться могуществу Его. Ибо когда враги хотели взять Его, тогда не могли, а когда не хотели, по причине праздника, тогда Он Сам волей предал Себя им. «И когда Он был в Вифании, в доме Симона прокаженного, и возлежал, — пришла женщина». О мире упоминают все четыре евангелиста. И думают некоторые, что у всех их разумеется одна и та же жена. Но несправедливо: это две разные жены, из коих одна упоминается у Иоанна (12, 3), она же и сестра Лазаря, другая — у трех прочих евангелистов, А если вникнешь, то найдешь, что их было три: об одной упоминается у Иоанна, о другой — у Луки (7, 37-38), а у прочих двух евангелистов — о третьей. Ибо упоминаемая у Луки была блудница и помазала Господа среди Его проповеди, а упоминаемая у Матфея сделала то же около времени страдания, и притом она не была явная блудница. Господь приемлет усердие ее, как издержавшей так много на миро. «Некоторые же вознегодовали», — замечает евангелист. А Иоанн говорит, что негодовал Иуда (Ин. 12, 3-5). Можно думать, что и прочие апостолы упрекали жену, так как они постоянно слышали от Христа учение о милостыне. Но Иуда негодовал на жену не с той мыслью как прочие, а по сребролюбию, ради гнусной корысти. По этой причине Иоанн и упоминает о нем одном, как поносившем жену с лукавым намерением. «И роптали на нее», то есть негодовали, укоряли, поносили.

Но Иисус сказал: оставьте ее; что ее смущаете? Она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить; а Меня не всегда имеете. Она сделала, что могла: предварила помазать тело Мое к погребению. Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память ее, и о том, что она сделала.

Господь упрекает апостолов за то, что они не благовременно удерживали усердие жены. «Что, — говорит, ее смущаете», отталкивая своими укорами после того, как она уже принесла

дар? А вместе обличает и Иуду, сказав: что она сделала это, приготовляя Меня к погребению, и обнаруживает его бессовестность, как бы так говоря ему: ты, предавая Меня на смерть, не укоряешь сам себя, а она неужели заслуживает от тебя укоризны за то, что для приготовления Меня к погребению принесла миро, и притом по особенному как бы внушению Божию? Здесь Господь изрекает два пророчества: первое, что Евангелие будет проповедано во всем мире; второе, что проповедано будет и о поступке жены. Да постыдятся же те, кто предпочитают нищих Христу! Ибо я слышал золотых дел мастеров, которые говорят, что если разбить церковный сосуд на части и отдать нищим, — не будет греха. Пусть же слышат они, как Христос ценит служение Ему выше служения нищим. А на золотом дискосе и бывает истинное Тело Христово, а в чаше — Кровь Христова. Поэтому, кто уносит из церкви драгоценный дискос и заставляя полагать Тело Христово на плохом дискосе, ссылаясь на нищих, тот пусть знает, чьим участником он становится.

И пошел Иуда Искариот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы предать Его им. Они же, услышав, обрадовались, и обещали дать ему сребренники. И он искал, как бы в удобное время предать Его.

Когда жена оказала подобающую честь Христу, тогда ученик враждует против Него, и притом один из двенадцати. Ибо не напрасно сказано: «один из двенадцати», а для показания, что и он был из числа избранных учеников. Что же значит выражение: «чтобы предать Его»? то значит: да известит их, когда Христос будет один. Напасть на Него во время учения они боялись, чтобы не навлечь на себя беды со стороны народа; поэтому Иуда обещал предать Его им тогда, как Он уединится от всех.

В первый день опресноков, когда закапали пасхального агнца, говорят Ему ученики Его: где хочешь есть пасху? мы пойдем и приготовим. И посылает двух из учеников Своих и говорит им: пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним и куда он войдет, скажите хозяину дома того: Учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую: там приготовьте нам.

Первым днем опресноков евангелист называет четверток, который непосредственно предшествовал празднику опресноков, ибо опресноки иудеи начинали есть в пятницу. Ученики подходят и спрашивают, где им есть пасху? Отсюда видно, что ни Христос не имел собственного жилища, ни ученики не имели своих домов; если бы имели, то приняли бы Его к себе. Двоих учеников Своих, Петра и Иоанна, — как говорит Лука, — Он посылает к человеку незнакомому, показывая им чрез это, что Он мог бы и не страдать, если бы захотел. Ибо Тот, Кто расположил незнакомому человека принять Его, чего не произвел бы в других? Между тем дает ученикам признак, как найти искомый дом, именно: велит идти за человеком, несущим кувшин с водой, но можно объяснять это и в переносном смысле. «Кувшин воды» носит крещеный Он идет «в дом», приличный разумному (духовному) его состоянию. Ибо носящий крещение приходит в покой, по слову жизни, и успокаивается в сем состоянии как в доме. «Хозяин дома» есть ум, который показывает «горницу большую» — возвышенность своих помыслов. Но эта горница «устлана», то есть, хотя и возвышенна, но не имеет ничего жесткого и гордого, напротив, устлана и углажена смирением. Здесь-то, в таком, — говорю, — уме, Христу уготовляется пасха двумя учениками, Петром и Иоанном, то есть деятельностью и созерцанием, ибо Петр был пылок и деятелен, а Иоанн как Богослов —

созерцателен.

И пошли ученики Его, и пришли в город, и нашли, как сказал им; и приготовили пасху. Когда настал вечер, Он приходит с двенадцатью. И, когда они возлежали и ели, Иисус сказал: истинно говорю вам, один из вас, ядущий со Мною, предаст Меня. Они опечалились и стали говорить Ему, один за другим: не я ли? и другой: не я ли? Он же сказал им в ответ: один из двенадцати, обмакивающий со Мною в блюдо. Впрочем, Сын Человеческий идет, как писано о Нем; но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы тому человеку не родиться.

Как же они возлежали, когда Закон повелевал есть пасху стоя? Надобно думать, что Господь сначала совершил пасху подзаконную, а потом возлег, чтобы преподать Свою собственную Пасху. Ученики начали скорбеть, когда Господь сказал: «один из вас предаст Меня». Хотя они и чужды были сего греха, однако смущались, ибо больше верили Богу, ведающему сердца их, нежели самим себе. Заметь и слово «вдет», ибо смерть Христа была только отшествием, а не смертью. «Лучше было бы тому человеку не родиться». Это сказано по отношению к той казни, которой подвергнется предатель. Ибо лучше вовсе не родиться, нежели родиться на мучение. Таким образом по отношению к последней судьбе лучшим оказывается, если бы Иуда вовсе не существовал. Ибо Бог сотворил его на благие дела, а как он сам впал в столь ужасное злодейство, то действительно лучше было бы ему вовсе не родиться.

И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите; сие есть Тело Мое. И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из нее все. И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая. Истинно говорю вам: Я уже не буду пить от плода виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в Царствии Божиим.

Некоторые говорят, что Иуда не причастился Святых Тайн, но вышел прежде, нежели Господь преподал сии Тайны. Напротив, другие утверждают, что Господь и сего неблагодарного приобщил Своей Святыни. Благословив, то есть благодарив, Господь преломил хлеб. Так делаем и мы, произнося молитвы. «Сие, — говорит, что вы теперь приемлете, — есть Тело Мое», ибо хлеб есть не образ Тела Господня, но самое Тело Христово, в которое хлеб прелагается. И Господь говорит: «хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя» (Ин. 6, 51); не сказал: образ Моей Плоти, но «Плоть Моя». И еще: «если не будете есть Плоти Сына Человеческого» (53 ст.). Но как это? может быть, скажет кто-нибудь: ведь Плоти тут не видно? Это ради нашей немощи, человек! Поскольку хлеб и вино суть обыкновенные для нас вещи, а видеть предложенную нам Плоть и Кровь было бы нестерпимо для нас, и мы бы отвратились от них, то Человеколюбец Бог, по снисхождению к нам, сохраняет вид хлеба и вина, но они прелагаются в силу Плоти и Крови. Кровь Свою назвал Кровью «Нового Завета», в отличие от Ветхого Завета, ибо и Ветхий Завет имел кровь, которой окроплялись и народ, и книги Закона. «Не буду, — говорит Он далее, — пить от плода виноградного» до Воскресения (Царством называет здесь Воскресение, так как воскресши и из мертвых, Он воцарился над смертью). После же Воскресения Он опять ел и пил с учениками Своими, уверяя их таким образом, что Он есть Тот Самый, Который пострадал. Но пил уже новое вино, то есть пил новым некоторым и необыкновенным образом, ибо имел Плоть уже не страдательную и нуждающуюся в пище, а нетленную и

бессмертную. А можно понимать это и так: виноградная Лоза есть Сам Господь, плод Лозный суть тайны и ведение сокровенное, которое рождает Он, уча человека ведению. Таким образом «в Царствии Божиим» Христос будет пить с учениками Своими тайны и премудрость, научая нас новым истинам и открывая то, что ныне сокрыто.

И, воспев, пошли на гору Елеонскую. И говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь; ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы (Зах. 13, 7). По воскресении же Моем, Я предварю вас в Галилее. Петр сказал Ему: если и все соблазнятся, но не я. И говорит ему Иисус: истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня. Но он еще с большим усилием говорил: хотя бы мне надлежало и умереть с Тобою, не отрекись от Тебя. То же и все говорили.

Благодарили и прежде пития, благодарили и после пития, дабы и мы знали, что должно благодарить и петь и пред пищей, и после пищи. Этим Господь показывает вместе и то, что смерть ради нас не страшна для Него, так что Он славит Бога и тогда, как идет к преданию на смерть. Сим, без сомнения, и нас научает не унывать, когда впадем в скорби ради спасения многих, но благодарить Бога, нашей скорбью содевающего спасение многих. Господь идет «на гору Елеонскую», чтоб иудеи, нашедши и взяв Его в уединении, не произвели смятения в народе. Ибо если бы они напали на Него в городе, народ, может быть, возмутился бы за Него; а в таком случае враги, воспользовавшись этим благовидным предлогом, стали бы думать, что убили Его по справедливости, как мятежника. Христос предсказывает ученикам, что и они соблазнятся. А чтоб они не сочли сего явной укоризной, относящейся ко всем, приводит свидетельство пророка Захарии, что они «рассеются» (Зах. 13, 7). Наконец, преподает им и утешение: «предваряю, — говорит, то есть встречу, — вас в Галилее». Но Петр прекословит; за то и слышит следующее: «прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня». Это было так: вслед за тем, как Петр отрекся в первый раз, пропел петух; потом, когда Петр отрекся во второй и третий раз, петух опять пропел. Это и означают слова: «прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня». Выражая тщетную горячность, и все прочие ученики, подобно Петру, давали обещание не оставлять Господа, как бы обращая таким образом в ложь слово Самосущей Истины. Поэтому и Господь попускает, и человеческая природа обнаруживает свою немощь. Ибо нет сомнения, что Господь мог сохранить их, особенно Петра; однако же попустил, дабы они, а также и мы, не были самонадеянны. «Поражу пастыря» — это говорит Бог Отец. Так как Он попустил Сыну быть пораженным, то говорится, что Он поразил Пораженного по Его попущению. А «овцами» назвал Он апостолов как людей незлобивых.

Пришли в селение, называемое Гефсимания; и Он сказал ученикам Своим: посидите здесь, пока Я помолюсь. И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте. И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей; и говорил: Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты. Возвращается и находит их спящими, и говорит Петру: Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. И, опять отойдя, молился, сказав то же слово. И, возвратившись, опять нашел их спящими, ибо глаза у них отяжелели, и они не знали, что Ему отвечать. И приходит в третий

раз и говорит им: вы всё еще спите и почиваете? Кончено, пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников. Встаньте, пойдем; вот, приблизился предающий Меня.

Христос всегда имел обычай молиться наедине, подавая и нам пример, чтобы мы для молитвы искали уединения. Он берет с Собою только тех троих учеников, кои были очевидцами славы Его на Фаворе, дабы они, видев славное Его состояние, видели и состояние скорбное, и таким образом дознали, что Он есть Истинный Человек и скорбит, и тоскует подобно нам. Ибо как Он восприял всего человека с его естественными свойствами, то скорбит и тужит, без сомнения, по естеству человеческому; ибо мы, люди, по природе отвращаемся от смерти. Таким образом, когда Он говорит: «пронеси чашу сию мимо Меня», Он обнаруживает в Себе человеческое свойство; а за этим добавил: «но не чего Я хочу, а чего Ты», — Он научает нас, несмотря на требования природы, просить того, что угодно Богу. После молитвы, придя к ученикам, Он нашел тех троих учеников спящими; но упрекает одного Петра, как бы так говоря ему: не ты ли обещался умереть со Мною, а и одного часа не мог побдеть: и ты ли можешь презреть смерть? Но бдите и молитесь, чтобы не впасть в искушение и не отречься от Меня. Пусть дух ваш готов не отрекаться, как вы и обещались Мне; но плоть немощна, а потому, если Бог по вашей молитве не даст силы плоти вашей, — вас постигнет беда. И опять отойдя от них, начал молиться и говорить те же, что и прежде, слова, дабы и вторичным молением удостовериться, что Он был существенно и истинно Человек, да и нас научить молиться чаще, а не так, чтобы, проговорив что-либо в молитве однажды, тотчас и оставлять ее; надобно с усердием повторять молитву. Увидев же учеников опять спящими, уже не делает им упрека, потому что они отягчены были сном. Отсюда познай человеческое легкомыслие и немощь! Вот мы и сну противиться не можем, а обещаем часто невозможное для нас! В третий раз Христос молится по тем причинам, о которых мы говорили выше. И снова приходит к ученикам, но не обличает их, хотя и следовало обличить, так как они и после упреков не укрепились, но предали сну. Что же говорит: «вы всё еще спите и почиваете?» Говорит же это, пристыжая их. Поскольку видел, что предатель идет, то и сказал им как бы так: теперь время сна, — спите, вот враг уже идет. Сказал же это (повторил), пристыжая их за сон. А что Он сказал это действительно в виде укоризны, послушай, что говорит ниже: «Встаньте, пойдем». Так говорит не с тем, чтоб бежать, но чтобы встретить врагов. Выражение «душа Моя скорбит смертельно» — некоторые понимают так: Я скорблю не о том, что должен умереть, но о том, что Меня распинают израильтяне, — ближние Мои, и за то будут отвержены от Царства Божия.

И тотчас, как Он еще говорил, приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и книжников и старейшин. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно. И, придя, тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! и поцеловал Его. А они возложили на Него руки свои и взяли Его. Один же из стоявших тут извлек меч, ударил раба первосвященникова и отсек ему ухо. Тогда Иисус сказал им: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в храме и учил, и вы не брали Меня. Но да сбудутся Писания.

Не напрасно прибавлено: «один из двенадцати», но в осуждение предателя за то, что он, будучи в первом лике апостолов, злоумышлял против своего Владыки. Но посмотри на

безумие его, как он думал утаиться от Господа лобзанием, надеясь быть принят за друга. Если ты в самом деле друг, зачем пришел с врагами? Поистине, лукавство бессмысленное! «Один же из стоявших» — это был Петр. Марк умолчал о имени его, чтобы не подумали, будто он хвалит Петра, учителя своего, за его ревность о Христе. Но Петр, кстати, отсек ухо у архиереева раба: этим указывается на то, что иудеи были люди непослушные, непокорные и невнимательные к Писаниям. Иначе, если бы они имели уши, внимающие Писаниям, они не распяли бы Господа славы. И не другого какого-либо раба поразил Петр, а архиереева, ибо архиереи первые не слушались Писаний, сделавшись рабами зависти и самолюбия. Христос сказал толпе: «как будто на разбойника вышли вы». Каждый день Я учил в храме! Но это свидетельствует о Его Божестве. Ибо, когда Он учил в храме, они не могли взять Его, хотя и был Он в руках их, поскольку еще не настало для Него время страдания. Когда же Он Сам восхотел, тогда и предал Себя им, да сбудутся пророческие Писания, что «как овца, веден был Он на заклание» (Ис. 53, 7), не пререкая, не вопия, но добровольно исследуя за ведущими.

Тогда, оставив Его, все бежали. Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них. И привели Иисуса к первосвященнику; и собрались к нему все первосвященники и старейшины и книжники. Петр издали следовал за Ним, даже внутрь двора первосвященникова; и сидел со служителями, и грелся у огня.

Ученики разбежались, ибо невозможно было Самосущей Истине и пророкам солгать. Только один какой-то юноша шел за Ним. Этот юноша был, вероятно, из того дома, в котором ели пасху. Некоторые, впрочем, думают, что это был Иаков, брат Божий, прозванный праведным, ибо он во всю свою жизнь ходил в одной мантии, по Вознесении же Господнем он принял от апостолов и престол епископский в Иерусалиме. Он-то, — говорят, — оставив верхнее покрывало, бежал. И нет ничего удивительного, что, когда бежали верховные апостолы, и сей оставил Господа. Впрочем, Петр, являя теплейшую любовь к Учителю, следовал за Христом. Закон повелевал, чтоб у иудеев был один архиерей во всю свою жизнь; между тем у них тогда было много архиереев, которые один за другим каждый год покупали власть у римлян. Таким образом архиереями евангелист называет тех, которые, пробыв некоторое время на архиерействе, оставили оное.

Первосвященники же и весь синедрион искали свидетельства на Иисуса, чтобы предать Его смерти; и не находили. Ибо многие лжесвидетельствовали на Него, но свидетельства сии не были достаточны. И некоторые, встав, лжесвидетельствовали против Него и говорили: мы слышали, как Он говорил; Я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный. Но и такое свидетельство их не было достаточно. Тогда первосвященник стал посреди и спросил Иисуса: что Ты ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют? Но Он молчал и не отвечал ничего.

Люди, сами достойные осуждения, составляют вид судилища, чтобы показать, будто умертвили Его (Христа) по суду. Но где справедливость суда, когда приводятся свидетели, не могущие сказать ничего справедливого, а только одно буйство и нелепости? Да и те самые, кои думали сказать Нечто дельное, сказали ложь. Ибо Господь не говорил: Я разрушу храм, но — «разрушите», не сказал притом — храм рукотворенный, а просто «храм». Архиерей, восстав, вопрошал Иисуса в намерении побудить Его к ответу, а ответ обратить в обвинение.

Но Христос молчал, зная, что не будут внимать словам Его, как Лука действительно и замечает, что, когда спрашивали Господа, Он сказал: «Если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне» (Лк. 22, 67-68).

Опять первосвященник спросил Его и сказал Ему: Ты ли Христос, Сын Благословенного? Иисус сказал: Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник, разодрав одежды свои, сказал: на что еще нам свидетелей? Вы слышали богохульство; как вам кажется? Они же все признали Его повинным смерти. И некоторые начали плевать на Него и, закрывая Ему лице, ударять Его и говорить Ему: прореки. И слуги били Его по ланитам.

Первосвященник снова спрашивает Иисуса не с тем, чтоб, познав истину, уверовать, но чтобы иметь какой-либо предлог к осуждению. К словам «Ты ли Христос» (помазанник) — он присовокупляет «Сын Благословенного». Ибо многие были помазанниками, так как назывались сим именем и цари, и первосвященники, но ни один из них не был Сын Бога, присно благословляемого и прославляемого. Иисус сказал: «Я». Хотя и знал, что они не уверуют, однако, вынужден был отвечать, дабы они впоследствии не могли сказать, что если бы мы слышали от Него прямое свидетельство о Себе Самом, мы уверовали бы. Поэтому-то и осуждение их будет тем большее, что они, и слышав это свидетельство, не уверовали. «И вы узрите, — говорит Он, — Сына Человеческого, сидящего одесную силы», то есть Отца (силой называет здесь Отца). Ибо Он приидет снова не без тела, но таким, что может быть видим и узнан распявшими Его. При этом архиерей исполнил обычай (разодрал одежду). Ибо, когда случалась с иудеями какая-либо беда или скорбь, они раздирали одежды. В настоящем случае архиерей разодрал одежду свою в знак того, что Иисус будто бы произнес хулу на Бога и таким образом произошло великое зло. Но прилично сказать при сем с Давидом: «Разделишася, и не умилишася» (Пс. 34, 15). Но это раздранье было вместе и образом раздранья и упразднения иудейского первосвященства, хотя первосвященник и не сознавал сего. Когда таким образом архиереи согласно осудили Его (Христа), тогда слуги, накрывши Его, стали бить и говорить: «угадай», кто ударил тебя? Если же столько претерпел за нас Господь наш, то мы сколько должны претерпеть ради Его, чтобы воздать равным Владыке? О, это страшно!

Когда Петр был на дворе внизу, пришла одна из служанок первосвященника и, увидев Петра греющегося и всмотревшись в него, сказала: и ты был с Иисусом Назарянином. Но он отрекся, сказав: не знаю и не понимаю, что ты говоришь. И вышел вон на передний двор; и запел петух. Служанка, увидев его опять, начала говорить стоявшим тут: этот из них. Он опять отрекся. Спустя немного, стоявшие тут опять стали говорить Петру: точно ты из них; ибо ты Галилеянин, и наречие твое сходно. Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего, о Котором говорите. Тогда петух запел во второй раз. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели петух пропоет дважды, трижды отречешься от Меня; и начал плакать.

Хотя Петр был и горячее всех, однако, оказался немощен и отрекся от Господа, быв смущен страхом. И такой страх навела на него служанка! Попустил же ему Бог потерпеть это по особенному промыслению, чтобы он не превозносился, чтобы был сострадателен к

другим падающим, дознав сам на себе глубину человеческой немощи. Что же касается до того, одна ли была рабыня, уличавшая Петра, или была еще другая, — то Матфей говорит, что была другая, а Марк, что в оба раза обличала Петра одна и та же рабыня. Но это нисколько не затрудняет нас относительно истинности Евангелия. Ибо здесь противоречие евангелистов не касается чего-либо важного и относящегося к нашему спасению. Не сказали — один, что Господь был распят, а другой, — что не был распят. Итак, Петр, смущенный страхом и забыв слово Господне — «кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10, 33), — отрекся от Христа, но покаяние и слезы опять возвратили его Христу. Ибо сказано: «начал плакать». То есть, закрыв лицо свое, горько стал плакать. Матфей (говоря об отречении Петра) сказал неясно: «прежде нежели пропоет петух» (Мф. 26, 34); Марк это пояснил: «прежде нежели дважды пропоет петух». Петухи обыкновенно в один раз делают по несколько возгласов, потом засыпают, а после некоторого времени снова начинают пение. Поэтому смысл Матфеева сказания такой: «прежде нежели пропоет петух», то есть прежде нежели успеет кончить первый раз свое пение, «трижды отречешься от Меня». Но да постыдятся новатиане, не приемлющие согрешивших после крещения, покаяния и причащения Святых Тайн! Вот Петр, отрекшийся уже после причащения Пречистого Тела и Крови, снова был принят в апостольский лик. Ибо падения святых для того и описываются, чтобы мы, когда по невнимательности своей падаем, взирали на пример их и спешили бы покаянием исправиться.

Глава пятнадцатая

Немедленно поутру первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион составили совещание и, связав Иисуса, отвели и предали Пилату. Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский? Он же сказал ему в ответ: ты говоришь. И первосвященники обвиняли Его во многом. Пилат же опять спросил Его: Ты ничего не отвечаешь? видишь, как много против Тебя обвинений? Но Иисус и на это ничего не отвечал, так что Пилат дивился. На всякий же праздник отпускал он им одного узника, о котором просили. Тогда был в узах некто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство. И народ начал кричать и просить Пилата о том, что он всегда делал для них. Он сказал им в ответ: хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского? Ибо знал, что первосвященники предали Его из зависти. Но первосвященники возбудили народ просить, чтобы отпустил им лучше Варавву. Пилат, отвечая, опять сказал им: что же хотите, чтобы я сделал с Тем, Которого вы называете Царем Иудейским? Они опять закричали: распни Его. Пилат сказал им; какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее закричали: распни Его. Тогда Пилат, желая сделать угодное народу, отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие.

Иудеи предали Господа римлянам; за то и сами преданы были от Господа в руки римлян. И сбылись слова Писания: «беззаконнику — горе, ибо будет ему возмездие за дела рук его» (Ис. 3, 11); и еще: «Воздай им по делам их» (Пс. 27, 4); и еще: «как ты поступал, так поступлено будет и с тобою» (Авд. 1, 15). На вопрос Пилата: «Ты Царь Иудейский?» — Господь дает обоюдный ответ. Ибо слова «Ты говоришь» — можно понимать так: правду ты говоришь, — ты сам высказал, Кто Я; а можно понимать и так: Я не говорю этого, а ты говоришь. Но быв спрошен в другой раз, Христос ничего не отвечал и тем привел Пилата в удивление. Ибо Пилат дивился, что Он, будучи сведущ в законе и красноречив и имея

возможность одним ответом ниспровергнуть возводимые на Него клеветы, ничего не говорил, а напротив, смиренно терпел обвинения. Заметь же кровожадность иудеев и умеренность Пилата (хотя и он достоин осуждения, потому что не с твердостью стоял за праведника). Ибо те кричали: «распни Его», а он, хотя слабо, однако, пытался освободить Иисуса от осуждения. Поэтому опять спрашивал, что сделаю Иисусу? — стараясь дать им возможность отпустить Господа как невинного, почему и медлил, и откладывал. Наконец, уступая требованию их, стал бить Господа, то есть ударять ременным бичом, дабы видно было, что они приняли Его как осужденного уже на судилище, и «предал на распятие». Ибо он хотел сделать угодное, приятное для народа, а не то, что угодно Богу.

А воины отвели Его внутрь двора, то есть в преторию, и собрали весь полк, и одели Его в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него; и начали приветствовать Его: радуйся, Царь Иудейский! И били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему. Когда же насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, одели Его в собственные одежды Его и повели Его, чтобы распять Его. И заставили проходящего некоего Кириянина Симона, отца Александра и Руфова, идущего с поля, нести крест Его.

Военное сословие, всегда утешающееся бесчинствами и обидами, и теперь выказало обыкновенное свойство свое. Ибо если иудеи, слышавшие от Христа столько поучений и получавшие от Него так часто и так много благодеяний, нанесли Ему столько поруганий, то что нам сказать о язычниках? Итак, они сзывают на Него целый отряд, облачают Его для посмеяния в порфиру как царя и начинают бить Его; берут венец терновый вместо диадемы, вместо скипетра — трость. Сии слуги диавола заставили, как сказано, некоего нести крест Его; между тем, другой евангелист говорит, что Иисус шел, неся крест на Себе (Ин. 19, 17). Но было и то, и другое: сначала несколько времени Он Сам нес крестное дерево, а когда нашли другого, способного нести, тогда заставили сего последнего, и крест несен был им. А для чего сказано и то, каких сынов был отцом этот человек? Для большего удостоверения, потому что человек тот, вероятно, был еще жив и мог пересказать все касательно креста. Но облечемся и мы в порфиру, царскую одежду. Я хочу сказать то, что мы должны шествовать как цари, наступая на змею и на скорпиона и побеждая грех. Мы именуемся христианами, то есть помазанными, подобно как некогда назывались христами цари. Поэтому да будет жизнь наша не рабская и низкая, но царская и свободная. Будем носить терновый венец, то есть потщимся увенчаться жизнью строгой, воздержной, чуждой плотских удовольствий, а не роскошной, изнеженной и преданной чувственным наслаждениям. Соделаемся и «Симоном», что значит послушание, и возьмем крест Иисусов, умертвив уды наши, сущие на земле (Кол. 3, 5).

И привели Его на место Голгофу, что значит: Лобное место. И давали Ему пить вино со смирною; но Он не принял. Распявшие Его делили одежды Его, бросая жребий, кому что взять. Был час третий, и распяли Его. И была надпись вины Его: Царь Иудейский. С Ним распяли двух разбойников, одного по правую, а другого по левую сторону Его. И сбылось слово Писания: и к злодеям причтен (Ис. 53, 12).

Есть предание, дошедшее до нас от святых отцов, что на Голгофе погребен был Адам. Здесь распинается и Господь, врачующий падение и смерть Адамову, дабы там же последовало и разрушение смерти, где было начало смерти. «Давали Ему пить вино со

смирною»; но смирна есть самая горькая жидкость; значит, это давали Господу в поругание над Ним. Другой евангелист говорит, что Господу подали уксус с желчью (Мф. 27, 34), а третий, — что Ему поднесено было и еще что-то. Но в этом нет противоречия; при тогдашнем бесчинстве одни приносили то, другие — другое: один — уксус с желчью, другой — вино со смирною. А могло быть и то, что вино было окислое, а смирна прогорклая, и, следовательно, евангелисты согласны между собой, когда один из них говорит о вине со смирною, а другой — об уксусе с желчью. Ибо вино могло быть названо уксусом, а смирна — желчью, первое — по своей кислоте, вторая — по горечи. Равным образом, когда один говорит, что «давали Ему пить, но Он не принял», то не противоречит другому, который говорит: «и, отведав, не хотел пить» (Мф. 27, 34). Ибо, когда сказано — «не принял», сим уже ясно показано, что не пил. И жребий бросали об одежде Его также в поругание над Ним, то есть разделяя между собой как бы царские одежды, тогда как они были скудные. Написали и вину, за которую Господь распят: «Царь Иудейский», чтобы опозорить славу Его, как человека возмутительного и называющего Себя царем, и чтобы все проходящие не только не жалели о Нем, а, напротив, нападали бы на Него, как на похитителя царской власти. Но как Марк говорит, что Христос распят был в третьем часу, а Матфей, — что тьма произошла в шестом часу? Можно сказать, что в третьем часу был распят, а тьма началась с шестого часа и продолжалась до девятого. И с разбойниками распят был Господь для того, чтобы люди имели худое мнение о Нем, что и Он был злодей. Но это было по усмотрению Божию, ибо, с одной стороны, исполнилось пророчество: «к злодеям причтен был» (Ис. 53, 12), с другой стороны, два разбойника были образами двух народов — иудейского и языческого. Оба сии народа были беззаконны — языческий как преступивший естественный закон, иудейский как преступивший и сей закон, и писанный, который дал ему Бог. Но языческий народ оказался благоразумным разбойником, напротив, иудейский — хулителем до конца. Посреди сих двух народов распинается Господь, поскольку Он есть Камень, соединяющий нас в Себе.

Проходящие злословили Его, кивая головами своими и говоря: э! разрушающий храм, и в три дня созидающий! спаси Себя Самого и сойди со креста. Подобно и первосвященники с книжниками, насмехаясь, говорили друг другу: других спасал, а Себя не может спасти. Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем. И распятые с Ним поносили Его.

«Проходящие», то есть проходящие той дорогой, где был распят Господь, и те, — говорит евангелист, хулили Господа, укоряя Его, как обманщика. Так как Господь, чудодействуя, спасал многих, то, подобно проходящим, и архиереи говорили: других спасал, а Себя не спасает? Говорили же это, издеваясь над чудесами Его и почитая их явлениями призрачными. Но говорить, «сойди со креста», побуждал их диавол. Поскольку начальник зла знал, что крестом совершится спасение, то снова искушал Господа, дабы в случае сшествия Его с креста убедиться, что Он не Сын Божий, и чтобы таким образом разрушилось спасение людей крестом. Но Он был истинный Сын Божий, и поэтому-то именно не сошел с креста. Напротив, поскольку знал, что это будет во спасение людям, Он решился и быть распятым, и претерпеть все прочее, и совершить дело Свое. И распятые с Ним сначала оба поносили Его. Потом один из них признал Его невинным и даже увещевал другого, когда тот хулил.

В шестом же часу настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого. В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! ламма — савахфани? что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? Некоторые из

стоявших тут, услышав, говорили: вот, Илию зовут. А один побежал, наполнил губку уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить, говоря: постойте, посмотрим, придет ли Илия снять Его. Иисус же, возгласив громко, испустил дух.

Тьма была не в одном месте, но по всей земле. И если бы тогда было время ущерба (луны), то еще мог бы кто-нибудь говорить, что это было естественное затмение. Но теперь был четырнадцатый день месяца, когда естественное затмение невозможно. Пророческое изречение Господь произносит по-еврейски, показывая, что Он до последнего дыхания чтит еврейское. «Для чего Ты Меня оставил?» — говорит Он от лица человеческого естества как бы так: почто Ты, Боже, оставил меня — человека, чтобы я имел нужду в распятии за меня Бога? Ибо оставлены были мы, люди, а Он никогда не был оставлен Отцом. Послушай, что Сам Он говорит: «Я не Один, потому что Отец со Мною» (Ин, 16, 32). Или же говорит что и за евреев, так как и Сам был по плоти еврей: «для чего Ты Меня оставил», то есть еврейский народ, чтоб он распял Сына Твоего? Как мы обыкновенно говорим: Бог облекся в меня, вместо — в человеческое естество, так и здесь выражение: «Меня оставил» надобно разуметь вместо — Мое человеческое естество или Мой иудейский народ. «А один побежал, наполнил губку уксусом и давал Ему пить» для того, чтобы горечь уксуса скорее умертвила Его. Иисус испустил дух, возопив громким голосом, то есть как бы призывая смерть, как Владыка и умирающий по Своей власти. А какой был глас, это означил Лука: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (23, 46). Этим Господь соделал для нас и то, что души святых отходят в руки Божий. Ибо прежде души всех содержались в аде, пока не пришел Проповедавший пленным отпущение.

И завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу. Сотник, стоявший напротив Его, увидев, что Он, так возгласив, испустил дух, сказал: истинно Человек Сей был Сын Божий. Были тут и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего и Иосии, и Саломия, которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за Ним и служили Ему, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим.

Завеса раздралась в знамение того, что благодать Духа отступила от храма, что Святое Святых делается видимым и доступным для всех, как это и сбылось, когда вошли римляне, и что самый храм сетует. Как обыкновенно иудеи поступали в несчастьях и раздирали одежды свои, так и храм, как бы одушевленный, показал то же во время страданий Творца, раздрал одежду свою. Но этим означает и другое нечто. Плоть наша есть завеса нашего храма, то есть ума. Итак, сила, которую плоть имела над духом, раздрана страданиями Христовыми «сверху донизу», то есть от Адама до последнего человека. Ибо и Адам освятился страданиями Христовыми, и плоть его уже не подлежит проклятию и тлению; напротив, все мы почтены нетлением. Сотник, то есть начальник над сотней воинов, увидев, что Он умер так владычественно, удивился и исповедал. Заметь же, как превратился порядок! Иудеи умерщвляют, язычник исповедует; ученики разбегаются, жены остаются. «Были, — говорит евангелист, — тут и женщины; между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего и Иосии», то есть Богородица, которая была для них матерью. Поскольку Она обручена была Иосифу, а Иаков и Иосия были дети Иосифа, то Она называется матерью их, как мачеха, подобно как называлась и женой Иосифа в образе невесты. Тут же была Саломия, мать сынов Зеведеевых, и многие другие. Евангелист же упомянул только о важнейших.

И как уже настал вечер, — потому что была пятница, то есть день перед субботой, — пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату, и просил тела Иисусова. Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли умер? И, узнав от сотника, отдал тело Иосифу. Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею, и положил Его во гробе, который был высечен в скале, и привалил камень к двери гроба. Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где Его полагали.

Блаженный Иосиф, еще служа Закону, признал Христа Богом, почему и дерзнул на похвальный подвиг. Не стал он размышлять: вот я богат и могу потерять богатство, если буду просить тело Того, Кто осужден за присвоение Себе царской власти, и сделаюсь ненавистным у иудеев, — так ни о чем подобном не размышлял сам с собою, но, оставив все, как менее важное, просил одного — предать погребению тело Осужденного. «Пилат удивился, что Он уже умер» ибо думал, что Христос долгое время будет выдерживать страдания, как и разбойники, почему и спросил сотника: «давно ли умер?». То есть неужели умер прежде времени? Получив тело, Иосиф купил плащаницу и, сняв тело, обвил ей, честное честно предавая погребению. Ибо он был и сам ученик Христов, и знал, как почтить Владыку. Он был «знаменитый», то есть человек почтенный, благочестивый, безукоризненный. Что касается до звания советника, то это было некоторое достоинство или, лучше, служение и должность гражданская, которую имеющие должны были заведывать делами судилища, и здесь часто подвергались опасностям от злоупотреблений, свойственных сему месту. Пусть слышат богатые и занимающиеся делами общественными, как достоинство советника нисколько не препятствовало добродетели Иосифа. Имя «Иосиф» — значит «приношение», а «Аримафей» — «возьми оное». Будем же и мы, по примеру Иосифа, всегда прилагать усердие к добродетели и взимать оное, то есть истинное благо. Да сподобимся принять и Тело Иисусово посредством Причащения и положить оное в гробе, иссеченном из камня, то есть в душе, твердо памятующей и не забывающей Бога. Да будет душа наша иссеченной из камня, то есть имеющей свое утверждение во Христе, Который есть Камень. Да обвиним сие Тело плащаницею, то есть примем его в чистое тело, ибо тело есть как бы плащаница души. Божественное Тело должно принимать не только в чистую душу, но и в чистое тело. Должно же именно обвить оное, то есть покрыть, а не раскрывать, ибо Таинство должно быть покрыто, сокровенно, а не раскрываемо.

Глава шестнадцатая

По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его. И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца, и говорят между собою: кто отвалит нам камень от двери гроба? И, взглянув, видят, что камень отвален; а он был весьма велик. И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам. И, выйдя, побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись.

Ничего великого и достойного Божества Иисусова не помышляют жены, когда сидят при гробе и покупают миро с тем, чтобы по иудейскому обычаю помазать тело, дабы оно было благоухающим, а не издавало неприятного запаха от тления, и дабы силой мира, иссушающей и поглощающей влагу тела, сохранялось невредимым. Вот о чем думали жены. «И весьма рано, в первый день недели», восстав, идут ко гробу и размышляют: кто отвалит камень? Но, между тем как они размышляли о сем, Ангел отвалил камень, хотя жены не чувствовали того. Так и Матфей говорит, что Ангел отвалил камень после того, как жены пришли. Но Марк умолчал об этом, потому что Матфей уже сказал, кем отвален был камень. Если же Матфей говорит, что Ангел сидел на камне, а Марк, — что жены, вошедши во гроб, увидели его сидящим внутри, то сим не должно смущаться. Ибо могли они видеть Ангела, сидящего вне на камне, как сказано у Матфея, могли видеть опять его же внутри гроба, как упредившего их и вошедшего туда. Впрочем, некоторые говорят, что одни жены были упоминаемые у Матфея, другие — у Марка, а Магдалина была спутницей всех, как самая усердная и ревностная. Явившийся Ангел сказал женам: «не ужасайтесь». Сначала он освобождает их от страха, а потом благовествует о Воскресении. Он называет Иисуса Христа «Распятым», ибо не стыдится Креста, который есть спасение человеков и основание всех благ. «Он воскрес»; из чего это видно? Из того, что «Его нет здесь». И хотите ли увериться? «Вот место, где Он был положен». Для того и отвалил он камень, чтобы показать это место. «Но идите, скажите ученикам Его и Петру». Петра отделяет от учеников или как верховного, именуя его особо от тех, по преимуществу, или вот почему: так как Петр отрекся, то если бы жены сказали, что им ведено возвестить только ученикам, — он сказал бы: я отрекся, следовательно, уже не ученик Его, а потому Господь отверг меня и возгнушался мною; поэтому Ангел и присовокупил: «и Петру», чтобы не смутился Петр той мыслью, что будто он не достоин и слова как отрекшийся и потому уже недостойный быть в числе учеников. Посылает же их «в Галилею», отводя их от смятения и великого страха со стороны иудеев. Тогда объял жен «трепет и ужас», то есть они поражены были и видением Ангела, и страхом Воскресения, и потому «никому ничего не сказали, потому что боялись». Или боялись они иудеев, или одержимы были страхом от видения до того, что как бы потеряли разум. Потому и ничего никому не сказали, забыв все, что слышали.

Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав, что Он жив и она видела Его, — не поверили. После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение. И те, возвратившись, возвестили прочим; но и им не поверили. Наконец, явился самим одиннадцати, возлежавшим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили.

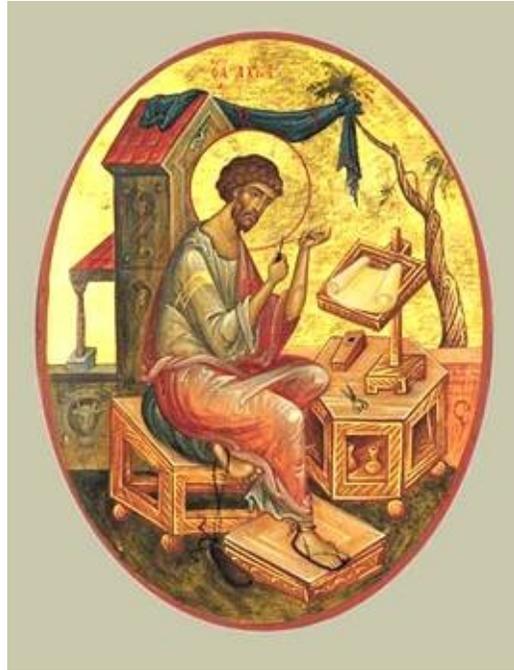
«Воскреснув» — здесь остановись, потом читай: «рано в первый день недели, Иисус явился Марии Магдалине». Ибо не воскрес рано (кто видел, когда Он воскрес?), но явился рано, в день воскресный (так как этот день есть первый день субботы, то есть седмицы). «Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов», то есть многих (ибо Священное Писание принимает иногда число «семь» в смысле множества) или семь бесов, противоположных семи духам добродетели, как-то: дух бесстрашия (небогобоязливости), дух неразумия, дух неведения, дух лжи и прочие, противоположные дарованиям Святаго Духа. «После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение». Об этих двоих и Лука говорит (24, 13-35). «И те возвестили прочим; но и им не поверили». Как же Лука говорит, что

они, «возвратились и нашли вместе одиннадцать Апостолов и бывших с ними, которые говорили, что Господь истинно воскрес» (Лк. 24, 33-34), тогда как по свидетельству Марка не поверили и тем, кои пришли из села? Отвечаем: когда евангелист говорит, что «возвестили прочим», то понимает не одиннадцать апостолов, но некоторых других. Этих и назвал он «прочими», поскольку одиннадцать видели Его (Христа) в тот же день, в который и возвратившиеся из села нашли их говорящими, «что Господь истинно воскрес».

И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы. И так Господь, после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную Бога. А они пошли и проповедывали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями. Аминь.

Заметь заповедь Господа: «проповедуйте всей твари». Не сказал: проповедуйте только послушным, но всей твари, будут ли слушать, или нет. «Кто будет веровать», и не довольно сего, но — и «креститься», ибо кто уверовал, но не крестился, а остается еще оглашенным, тот не спасен еще. Верующих, — говорит, — будут сопровождать знамения — изгнание бесов, глаголение новыми языками, взимание змей, то есть истребление змей, и чувственных, и мысленных, как в другом месте сказано: «даю вам власть наступать на змей и скорпионов», очевидно, мысленных (Лук. 10, 19). Впрочем, выражение «будут брать змей» можно разуметь и буквально, так как, например, Павел взял в руку змею без всякого для себя вреда (Деян. 28, 35). «И если что смертоносное выпьют, не повредит им». Это случалось много раз, как находим в повествованиях. Ибо многие, выпивая яд, силой крестного знамения сохранялись невредимыми. «И так Господь, после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную Бога. А они пошли и проповедовали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями». Видишь ли? Везде сначала наше действие, а потом уже Божие содействие. Ибо Бог содействует нам тогда, когда мы действуем и полагаем начало, а когда мы не действуем, Он не содействует. Заметь и то, что за словами следуют дела и слово утверждается делами, как и у апостолов тогда слово утверждали последующие дела и знамения. О если бы, Христе Слове, и наши слова, которые мы говорим о добродетели, утверждались делами и поступками так, чтобы мы совершенными предстали Тебе, содействующему нам во всех делах и словах! Ибо Тебе подобает слава и в словах, и в делах наших. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКИ

Предисловие

Нам неизвестно в точности, кем был по происхождению святой апостол и евангелист Лука.

Он родился в Антиохии, и потому принято считать, что св. Лука был, по своему происхождению, язычник, принявший иудейство.

По роду своих занятий он был врачом, церковное предание присовокупляет к этому, что он был также живописцем.

Св. Лука принадлежит к числу семидесяти учеников Христовых. Древнее предание свидетельствует, что ему вместе с Клеопой явился воскресший Господь (Лк. 24, 13-33). Из книги Деяний апостольских видно, что, начиная со второго путешествия св. апостола Павла, Лука делается его постоянным сотрудником и почти неразлучным спутником, не покидая его даже в узах.

Есть сведения, что после смерти апостола Павла св. Лука проповедовал и умер мученической смертью в Ахаии.

Свое Евангелие св. Лука написал по просьбе некоего знатного мужа, «достопочтенного Феофила», жившего в Антиохии, для которого он написал затем и книгу Деяний апостольских. Евангелие, по мнению ряда исследователей, написано в Риме не позже 62 года по Р. Х. Св. Лука пользовался не только повествованиями очевидцев служения Господа, но и некоторыми, уже существовавшими тогда письменными записями о жизни и учении Господа. По его собственным словам, это повествование и письменные записи были подвергнуты им самому тщательному исследованию, а потому и Евангелие его отличается особой точностью и в определении времени и места событий и строгой хронологической последовательностью.

С древних времен сохранилось утверждение, что Евангелие от Луки было одобрено святым апостолом Павлом.

Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен.

Кто были эти многие, которые начали? Лжеапостолы. Ибо точно многие составляли евангелия, каково, например, евангелие от египтян и евангелие с надписью «от двенадцати». Они только начали, а не окончили. Поскольку они начали без благодати Божией, потому и не окончили. Итак, Лука хорошо сказал: «многие начали». Подлинно немногие, именно Матфей и Марк, не начали только, но и окончили, ибо они имели Духа творящего совершенное. «О совершенно известных между нами событиях». Ибо относящееся к Христу не просто известно по голословному преданию, но истинно, совершенно верно и вполне доказательно. Как же, скажи, Лука, это доказательно? «Как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова». Из этого видно, что Лука был учеником не с начала, но впоследствии времени. Ибо иные были учениками Слова с самого начала, например Петр и сыны Зеведеевы (Мф. 4, 18 — 22). Они-то и передали Луке то, чего он сам не видел, не слышал. «Чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен». Я понимаю это двояким образом, во-первых, так: прежде я наставлял тебя, Феофил, без писания, а теперь, передавая тебе Евангелие в писании, утверждаю твой ум, чтобы он не забыл преданное без писания; во-вторых, так: мы, люди, часто имеем обычай, когда кто-нибудь говорит нам без писания, подозревать его, что, может быть, он и ложь говорит, но когда он пишет свои слова, мы верим, что он и не написал бы, если бы не был смело уверен в истине своих слов. Так и евангелист говорит: для того я написал тебе Евангелие, чтобы ты с большей уверенностью содержал то, в чем наставлен был без писания, имея более ко мне доверия теперь, когда я настолько уверен в преданном без писания, что изложил оное и в писании. Не сказал: чтобы ты «знал», но «узнал», то есть, чтобы получил вдвое большее познание и вместе смелую уверенность, что я не лгу.

Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета.

Упомянул о царствовании Ирода, с одной стороны, из желания повествовать по примеру пророков, ибо они начинают так: во дни Ахаза и Езекии и такого-то совершилось следующее (Ис. 1, 1; Ос. 1, 1; Ам. 1, 1), а с другой стороны, поскольку намерен говорить о Христе, для того упомянул об Ироде, чтобы показать, что при Ироде Христос воистину пришел. Так как Ирод сей был тогда, когда, по пророчеству Иакова (Быт. 49, 10), не стало князей из иудеев, то отсюда и доказывается, что Христос пришел. Достигает и некоторой другой цели: говоря о времени, показывает истинность Евангелия, ибо желающим дает возможность радовать и от времени узнать истинность Евангелия. — Начинать от Захарии и рождения Иоаннова прилично. Поскольку он намерен говорить о Рождестве Христовом, а Иоанн — Предтеча Христов, то поэтому прежде Рождества Христова прилично повествует о рождении Иоанновом, которое и само не без чуда. Поскольку Дева имела родить, то благодать преустроила, чтобы старицародила не по закону природы, хотя и с мужем. Что же значат слова: «из Авиевой чреды»? Некоторые понимают так, что было два священника,

преимущественно совершавших богослужение, один по имени Авия, а другой — Захария, и так как Авия отправил богослужение, после его чреды служил Захария. Но дело кажется не так. Ибо Соломон, окончив храм, установил и дневные чреды, то есть седмицы: в одну, например, седмицу постановил сынов Кореевых, в другую — Асафа, в следующую — Авию, в иную — другого (2 Пар. 8, 14; 1 Пар. 24). Поэтому, когда говорит, что Захария был «из Авиевой чреды», нужно понимать так, что он был в седмицу Авии, а не так, что он принял служение после седмицы Авииной; ибо тогда сказал бы: после чреды Авиевой; а теперь, когда сказал: «из Авиевой чреды», представляет, что он был из чреды и седмицы Авии. — А, желая показать, что Иоанн по той и другой стороне (по отцу и по матери) законно был из рода священнического, говорит: «и жена его из рода Ааронова», ибо не позволено было брать жену из чужого колена, но из того же самого (Чис. 36, 6. 9). Елисавета, по толкованию, — значит «покой Божий», а Захария — «память Господня».

Оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно.

Часто некоторые бывают праведны, но не пред Богом, а по видимости и пред людьми. Захария же и Елисавета были праведны пред Богом. Заповеди суть, например: «Не прелюбодействуй», «Не кради» (Исх. 20, 14-15), а уставы (по церковно-славянски — оправдания) суть, например: «Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти» (Исх, 21, 17): ибо это праведно. Но знай, что и заповедь может называться оправданием, так как она делает человека праведным и еще более есть оправдание Божие. Ибо в день оный Бог будет судить нас, имея заповеди как бы некоторым письменным оправданием, «Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха» (Ин. 15, 22), и опять: «слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день» (Ин. 12, 48). Для чего к словам «поступая по всем заповедям» прибавлено «беспорочно»? Выслушай. Часто некоторые поступают по Закону Божию, но все делают для того, чтобы показаться людям (Мф. 23, 5). Таковые не беспорочны. А Захария и заповеди соблюдал, и соблюдал беспорочно, а не для того, чтобы чрез исполнение их понравиться людям.

У них не было детей, ибо Елисавета была неплодна, и оба были уже в летах преклонных.

Жены праведников и сами праведные часто были бездетны, чтобы ты познал, что Закон требует многочадия не плотского, а духовного. «Оба были уже в летах преклонных» и по телу, и по духу, ибо по душе они состарились, то есть сделали большой успех, полагая восхождения в сердце (Пс. 83, 6) и имея жизнь как день, а не ночь, поступая благоприлично как во свете (Рим. 13, 12. 13).

Однажды, когда он в порядке своей чреды служил пред Богом, по жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения, а всё множество народа молилось вне во время каждения.

Пред Богом священнодействуют одни чистые, а от нечистых Бог отвращает лицо Свое. — Когда же пришла ему череда покадить? Без сомнения, в день очищения, когда один первосвященник входил во Святаго Святым, чтобы мы научились, что как этот первосвященник, войдя во Святаго Святым, получил плод, так и Господь Иисус, единый и великий поистине Архиерей, войдя во Святаго Святым, то есть с плотью на небо, получил

плод Своего явления во плоти — наше усыновление Богу и спасение.

Тогда явился ему Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадилального.

Ангел является не всем, а чистым сердцем, каков был Захария. Жертвенник (по церковно-славянски — алтарь) назван кадилальным потому, что был и другой алтарь — всесожжений.

Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него. Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя; Иоанн; и будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются.

Захария смущается; ибо необычайное видение возмущает и святых. Но Ангел останавливает возмущение. Ибо везде по сему узнаются видения Божественные и бесовские: если помысл сначала смутится, но потом, с рассеянием страха, вскоре совершенно успокоится, то видение поистине от Бога; если же страх и возмущение более усиливаются, то видение — от бесов. Для чего Ангел сказал: «услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына», ибо Захария молился не о сыне, а о грехах народа? Одни говорят: так как Захария молился о грехах народа, а имел родить сына взывающего: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1, 29), то Ангел прилично говорит ему: услышана молитва твоя об отпущении грехов народа, ибо ты родишь сына, чрез которого будет отпущение грехов. Другие же понимают так: Захария! Молитва твоя услышана, и Бог простил народу грехи. Потом как бы он сказал: откуда это видно? Ангел говорит: вот я тебе даю знамение: Елисавета родит тебе сына; а из того, что Елисавета родит, ты должен удостовериться и в отпущении грехов народу.

Ибо он будет велик пред Господом; не будет пить вина и сикера, и Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей; и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их; и предъидет пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возратить сердца отцов детям, и непокоривым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный.

Ангел возвещает, что Иоанн будет велик, но пред Господом, ибо многие называются великими пред людьми, но не таковы пред Богом, например лицемеры. А Иоанн велик по душе, как и всякий соблазняющийся мал по душе. Ибо ни один великий не соблазняется, но малые и малодушные, как и Господь говорит: «кто соблазнит одного из малых сих» (Мф. 18, 6). Как родители Иоанна были праведны «пред Богом», так и сын их велик «пред Господом». — «Сикерою» называется все, что, будучи не из винограда, может произвести опьянение. — Исполнен он был «Духа Святаго» тогда, как был еще в утробе матери. Когда пришла к Елисавете Мать Господа, то младенец, радуясь пришествию Господа, взыграл. — «Возратить сердца отцов детям», то есть обратит евреев к апостолам, ибо иудеи были отцы, а апостолы — дети их. Обратил сердца иудеев к апостолам учением и свидетельством о Христе; а свидетельствующий о Христе делает и учеников Его вполне достоверными. Иоанн не всех обратил, но многих; а Господь просветил всех. Пришел он «в духе Илии», потому что как в Илии действовала благодать, так и в Иоанне, и как Илия — предтеча второго пришествия, так Иоанн — первого. И в «силе Илии», потому что пришествие обоих, Илии и Иоанна, имеет одну и ту же силу, именно: приводит ко Христу. И в другом смысле

Иоанн пришел в силе и духе Илии, потому что и он был пустынный, воздержник и обличитель, как Илия. — Возвратил «непокоривым» иудеям «образ мыслей праведников», то есть учение апостолов; мудрость же апостолов — благодать Духа в них, которой они были управляемы. «Представить Господу», то есть Христу, «народ приготовленный», то есть людей, способных к принятию проповеди. Скажу некоторое подобие. Когда приходил какой-нибудь пророк с проповедью, то не все веровали, но способные, то есть предуготовившие себя к тому, ибо как если кто-нибудь придет в дом ночью, то не все его принимают, но бодрствующие и ожидающие его и приготовившиеся к принятию, так и Иоанн приготовил Господу людей, но не непокорных, а способных, то есть предуготовившихся к принятию Христа.

И сказал Захария Ангелу: по чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных. Ангел сказал ему в ответ: я Гавриил, предстоящий пред Богом, и послан говорить с тобою и благовестить тебе сие; и вот, ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время.

Хотя Захария был праведен и свят, однако же, принимая во внимание необычайность рождения сына, не легко поверил. Почему Ангел и сказывает ему о своем достоинстве: «я Гавриил», предстоящий Богу, не бес обольститель, а Божий Ангел. Итак, за то, что не веруешь, будешь глух и неспособен говорить. Справедливо подвергается тому и другому — глухоте и немоте, ибо как преслушник наказывается глухотой, а как противоречащий — молчанием. Кроме того, он предызображал и случившееся с иудеями. Ибо как он, старый и бесплодный, и неверивший, родил сына, большего пророков, так и церковь иудейская и иерархия, хотя застарела и была бесплодна и неверна, и преслушна, однако же, родила во плоти Слово Божие, Владыку пророков, с рождением Которого бывшие прежде непокорными перешли к вере и исповеданию.

Между тем народ ожидал Захарию и дивился, что он медлит в храме. Он же, выйдя, не мог говорить к ним; и они поняли, что он видел видение в храме; и он объяснялся с ними знаками, и оставался нем. А когда окончились дни службы его, возвратился в дом свой.

Видишь ли, как иудеи дожидались и оставались, пока вышел первосвященник? А мы, христиане, лишь вошли в храм, как и думаем уже, что с нами дурно случится, если мы не выйдем, Захария делал знаки народу, вероятно, вопрошавшему о причине молчания; но как он не мог говорить, то и объяснял ее знаками. Приметь и то, что Захария не пошел в свой дом, пока не окончились дни его служения, но оставался в храме. Ибо нагорная страна действительно далеко отстояла от Иерусалима. Да священнику, если он имел дом и в самом Иерусалиме, не позволено было уходить во время его чреды из двора храма. А мы, увы, как пренебрегаем божественными службами! Что Захария не мог говорить, а употреблял знаки, это указывает на неразумную жизнь иудеев. Ибо, умертвив Слово, они не могут дать отчета ни в делах, ни в речах своих. Если даже спросить у них о чем-нибудь пророческом, то они не отверзают уст и не могут дать тебе ни слова, ни ответа.

После сих дней зачала Елисавета, жена его, и таилась пять месяцев и говорила: так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с

меня поношение между людьми.

Елисавета, будучи целомудренна, стыдилась и, зачав в старости, таилась пять месяцев, пока зачала и Мария. Когда же и сия (Мария) зачала, и младенец взыграл во чреве ее (Елисаветы), она уже более не таилась и даже держала себя смело, как мать такого сына, который и прежде рождения своего почтен был достоинством пророка.

В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога.

В месяц «шестой», считая от времени зачатия Иоанна. Говорит, что Дева обручена была мужу из дома Давидова, чтобы показать, что и она происходила из Давидова же рода; ибо был закон, чтобы обе половины (в браке) были из одного и того же рода и из одного и того же колена (Чис. 36, 6-9). Поскольку Господь сказал Еве: «В болезни будешь рождать детей» (Быт. 3, 16), теперь эту болезнь разрешает та радость, какую приносит Деве Ангел, говоря: «радуйся, Благодатная!» Поскольку Ева была проклята, Мария теперь слышит: «благословенна Ты». Мария размышляла о приветствии, каково оно: не гнусное ли и порочное, каково обращение мужчины к девице, или божественное, так как в приветствии упомянуто и о Боге: «Господь с Тобою»? Ангел, во-первых, успокаивает сердце Ее от страха, чтобы Она приняла божественный ответ в невозмутимом положении; ибо в состоянии смущения она не могла бы должным образом выслушать имеющее сбыться, — потом, как бы в изъяснение вышесказанного слова «Благодатная», говорит: «Ты обрела благодать у Бога». Ибо быть облагодатствованным — значит получить благодать у Бога, то есть угодить Богу. Но это счастье общее, ибо и другие многие получили благодать у Бога, а приносимое Марии приветствие не идет еще ни к кому.

И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца.

«И вот, зачнешь» — этого преимущества не удостоилась еще никакая другая дева. Сказал: «во чреве»; этим показывается, что Господь существенно воплотился из самых ложесн Девы. Пришедший для спасения нашего рода справедливо назван «Иисусом», ибо имя сие в переводе на греческий язык означает «спасение от Бога». Иисус, по толкованию, — значит Спаситель, потому что и спасение называется «иао». «Он будет, — говорит, — велик и наречется Сыном Всевышнего». Велик был и Иоанн, но еще не был и сыном Всевышнего, а Спаситель — велик по Своему учению и — «Сын Всевышнего» тоже по учению, ибо Он учил как Имеющий власть, и по совершению дивных чудес. Называется Сыном Всевышнего видимый Человек: ибо так как Лицо было одно, то поистине был Сыном Всевышнего Человек, Сын Девы. Слово было Сыном Всевышнего и прежде веков, но не называлось так и не было известно; когда же воплотилось и явилось во плоти, тогда и назван Сыном Всевышнего Видимый и Творящий чудеса. Слыша о «престоле Давида», не подумай о

царстве чувственном, но разумеи о Божественном, которым Он воцарился над всеми народами Божественной проповедью. «Дом Иакова» суть уверовавшие как из евреев, так точно и из других народов, ибо таковые собственно суть Иаков и Израиль. Как же говорится, что Он воссел на престоле Давидовом? Слушай. Давид был меньший между братьями своими; и Господь был в презрении и поношении как любящий есть и пить вино, и сын плотника, и в бесчестии даже у Своих братьев, сыновей Иосифовых. «Ибо и братья Его, — сказано, — не веровали в Него» (Ин. 7, 5). Давид, несмотря на благотворительность, был гоним; и на Господа, творящего чудеса, клеветали и бросали камни. Давид победил и воцарился кротостью; и Господь воцарился, приняв крест по кротости. Итак, видишь ли, в каком смысле говорится, что Он воссел на престоле Давидовом? Как Давид принял чувственное царство, так Господь принял духовное царствование, которому «не будет конца». Ибо царствованию Христову, то есть богопознанию и христианству, не будет конца. Ибо мы и в гонении сияем благодатью Христовой.

Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим.

Дева сказала: «как будет это» не потому, что она как бы не поверила, но потому, что она, как мудрая и разумная, желала узнать образ настоящего события, ибо ничего подобного не было прежде сего и ни после сего не будет. Поэтому и Ангел прощает Ей и не осуждает как Захарию, но еще объясняет образ события. Захария справедливо осуждается: он имел много примеров, так как многие неплодные рождали, а Дева не имела ни одного примера. «Дух Святой, — говорит, — найдет на Тебя», устрояя утробу Твою плодоносной и созидая плоть для единосущного Слова. «И сила Всевышнего, — Сын Божий, ибо Христос есть сила Божия (1 Кор. 1, 24), — осенит Тебя», то есть покроет Тебя, окружит Тебя со всех сторон. Ибо как птица осеняет совершенно своих птенцов, накрывая своими крыльями, так сила Божия объела Деву совершенно; сие и значит «осенить». Быть может, иной скажет: как живописец сначала набрасывает тень, потом раскрашивает окончательно, так и Господь, созидая Сам Себе плоть и составляя образ человека, сначала оттенил плоть во утробе Матери, смесив ее из кровей Приснодевы, а потом образовал ее. Но это сомнительно. Ибо одни говорят, что вместе с тем, как Господь осенил утробу Девы, тотчас же стал совершенный младенец, а другие не принимают сего. Выслушай же, что говорит: «посему и рождаемое Святое», то есть растущее в утробе твоей постепенно, а не вдруг явившееся в совершенном виде. Отсюда и уста Нестория заграждаются. Ибо он говорил, что не Сын Божий, обитавший в утробе Девы, воплотился, но простой человек, родившийся от Марии, стал иметь впоследствии Бога своим спутником. Пусть же слышит, что рождаемое в утробе, именно оно, было Сын Божий, не иной был носимый во чреве и иной Сын Божий, но один и тот же был Сын Девы и Сын Божий. Смотри, как указал и на Святую Троицу, поименовав Духа Святаго, силу — Сына, Всевышнего — Отца.

Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел.

Быть может, иной недоумевает, как Елисавета была сродницей Деве, когда Дева была из

колена Иудина, а Елисавета — из дочерей Аароновых, ибо Закон требовал, чтобы браки были из одного и того же колена, а потому и родство находилось между происходившими из одного и того же колена. На это можно сказать и то, что со времени плена роды смешались, а лучше — следующее: Аарон имел женой Елисавету, дочь Аминадава, а сей был из колена Иудина. Видишь ли, что Богоматерь была сродницей Елисаветы с самого начала, от Аарона. Поскольку жена Аарона происходила из колена Иудина, из которого была и Богоматерь, а Елисавета была из дочерей Аароновых, следовательно, Елисавета — сродница Богоматери. Ибо прапраматерь ее, жена Аарона, была из колена Иудина. Смотри и на преемство родства: жена Аарона — Елисавета, и жена Захарии — Елисавета, как от нее происходящая. Но посмотрим, что говорит Дева. «Се Раба Господня; да будет Мне по слову твоему»: Я — доска живописца; пусть пишет живописец, что он хочет; пусть творит Господь, что Ему угодно. Очевидно, прежде сказанное: «как будет это» было выражением не неверия, а желания узнать образ; ибо если б не верила, не сказала бы: «Се, Раба Господня, да будет Мне по слову твоему». Знай и то, что Гавриил — значит человек Божий, Мария — госпожа, а Назарет — освящение. Поэтому, когда Бог имел соделаться человеком, прилично посылается Гавриил, который означает: человек Божий; да и приветствие совершается в святом месте, то есть в Назарете, ибо где Бог, там нет ничего нечистого.

Встав же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин, и вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету. Когда Елисавета услышала приветствие Марии, възгнал младенец во чреве ее; и Елисавета исполнилась Святаго Духа, и воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего.

Дева, услышав от Ангела, что Елисавета зачала, поспешила к ней, частью радуясь благополучию сродницы, а частью, как весьма благоразумная, желая окончательно увериться в том, истину ли сказал явившийся ей, чтобы по справедливости сказанного о Елисавете не сомневаться и в касающемся Ее самой. Ибо хотя Она и надеялась, но все же боялась, чтобы как-нибудь не обмануться, и это — не по неверию, но по желанию точнее узнать дело. Захария жил в нагорной стране; поэтому Дева туда и спешит. А Иоанн, получив некоторое особенное дарование пред прочими людьми, играет в утробе матери, почему он и больше пророков (Мф. 11, 9), ибо они пророчествовали после своего рождения, а он удостоился такого дарования будучи еще в утробе матери. Смотри: Дева приветствовала Елисавету, то есть начала речь с ней. Итак, голос Девы был голос воплощающегося в Ней Бога, а потому Он и Предтечу удостоил благодати еще во чреве и соделал пророком, ибо пророчественные слова Елисаветы к Марии были слова не Елисаветы, а младенца; а уста Елисаветы только послужили ему, подобно как и уста Марии послужили Сущему в утробе Ее — Сыну Божию. Ибо Елисавета тогда исполнилась Духом, когда младенец възгнал во чреве; если бы младенец не възгнал, она не пророчествовала бы. Как о пророках говорят, что они прежде приходили в вышеестественное состояние и вдохновлялись, а потом пророчествовали, так, может быть, и Иоанн, как бы вдохновившись, прежде възгнал, потом устами матери пророчествовал. Что же пророчествовал? «Благословенна Ты между женами». Потом, поскольку многие святые жены рождали недостойных детей, например Ревекка Исава, говорит: «и благословен плод чрева Твоего». Можно разуметь и иначе: «Благословенна Ты между женами». Потом, как бы кто спрашивал: почему? — высказывает причину: ибо «благословен плод чрева Твоего», то есть ибо плод чрева твоего — Бог, так как один Бог благословен, как и Давид говорит; «Благословен грядущий» (Пс. 117, 26). Ибо в Писании

обычно употребление союза «и» вместо союза «ибо»; например: «Поддай нам помощь в тесноте, ибо защита человеческая суетна» (Пс. 59, 13), вместо: ибо суетно спасение человеческое; и опять: «се, Ты разгневался еси, и мы согрешихом» (Ис. 64, 5), вместо: ибо мы согрешихом. — Называет Господа «плодом чрева» Богоматери, потому что зачатие было без мужа. Прочие младенцы суть рождения отцов, а Христос плод одной утробы Богоматери, ибо Она одна понесла Его.

И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне? Ибо когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, възыграл младенец радостно во чреве моем. И блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа.

Как впоследствии, когда Христос пришел креститься, Иоанн възбранял Ему из благоговения, говоря: «я не достоин» (Мф. 3, 14, 11), так и теперь вещает чрез свою мать: «откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне», именуя чревоносящую Матерью, прежде чем Она родила Господа. Прочих жен, прежде чем они родят, не принято называть матерями, из опасения неблагополучных родов, то есть извержения; а относительно Девы такого подозрения никак не было. Мария! И прежде, чем Ты родила, Ты — Мать, и блаженна, потому что поверила, что будет исполнение сказанного Тебе Господом.

И сказала Мария: величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды; что сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его; и милость Его в роды родов к боящимся Его.

Дева, будучи совершенно уверена в истине предсказанного Ей, славословит Бога, приписывая чудо не Себе, а Ему; ибо Он, — говорит, — призрел на Меня смиренную, а не Я възрела на Него; Он явил Мне милость, а не Я Его възскала. И «отныне будут ублажать Меня все роды», не одна Елисавета, но и роды верующих. За что же ублажать? Ужели за Мою добродетель? Нет! Но за то, что Бог явил надо Мною величие. — Наименовала Его «Сильным», чтобы всякий верил словам Ее, принимая во внимание, что Господь силен сделать это. «Имя Его» назвала «святым», чтобы показать, что Чистейший, зачинаясь в утробе жены, нисколько не оскверняется, но пребывает Свят. Не ко Мне одной «милость Его», но и ко всем боящимся Его; ибо не боящиеся Его, но совершенно недостойные не получают милостей. Сказав, что милость Божия «в роды родов», указала на то, что боящиеся Бога милость получают и в нынешнем роде, то есть в нынешнем веке, и в будущем роде, то есть в бесконечном веке; ибо и здесь получают во сто крат, а там еще более (Мф. 19, 29). Внимай: прежде душа величает Господа, потом дух радуется. Или что то же: величает Бога тот, кто ходит достойно Бога. Ты называешься христианином, — не умаляй же достоинства и имени Христова чрез недостойные дела, но величай оное чрез совершение великих и небесных деяний, Тогда и дух твой возрадуется, то есть духовное дарование, полученное тобой чрез великие дела, възыграет и благоуспеет, а не сократится и, так сказать, умертвится. Знай и то, что Писание, по-видимому, просто называет духом и душой одно и то же, но собственно оно различает. Ибо оно называет душевным человеком того, кто живет по естеству и руководится человеческими помыслами, например, в случае голода ест, врага ненавидит и вообще ни в чем не представляется възвышающимся над естеством; а духовным называет того, кто побеждает законы природы и не мудрствует ни о чем человеческом. Таково в Писании различие между душой и духом (1 Кор. 2, 14-15; Гал. 6, 8). Быть может,

врачи различают их иначе, но нам нужно внимать Писанию, а врачи пусть заблуждают.

Явил силу мышцы Своей; рассеял надменных помышлениями сердца их; низложил сильных с престолов, и вознес смиренных; алчущих исполнил благ, и богатыщихся отпустил ни с чем; воспринял Израиля, отрока Своего, вспомняв милость, как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века. Пребыла же Мария с нею около трех месяцев, и возвратилась в дом свой.

Мышца Отца — Сын; итак, Бог и Отец в Сыне Своем явил власть и силу над природой, ибо при воплощении Сына природа побеждена: Дева родила, Бог соделался человеком, а человек — Богом. Господь «рассеял надменных» бесов, изгнав их из душ человеческих и послав одних в бездну, а других — в свиней. Можно разуметь и об иудеях, которых рассеял по всякой стране и которые и поныне в рассеянии. «Низложил сильных с престолов», то есть бесов, которые господствовали над людьми и в душах человеческих имели престолы, покоясь в них. Но и фарисеи суть сильные как похитители принадлежащего бедным и как учителя, имеют престолы, с коих они низложены. «Вознес смиренных» людей или язычников, коих грех смирил; вознес их, даровав им сыноположение; подобно как и алчущих, тех же самых, то есть язычников (ибо они не имели писаний, закона или заповедей), исполнил благами от Писаний, а иудеев, богатыщихся законом и заповедями, выслал вне Иерусалима, горного и дельного, лишенными всякого блага. Ибо иудеи ныне не имеют ничего, хотя и кажутся имеющими. «Воспринял Израиля, отрока Своего». Говорится или о чувственных израильтянах, ибо многие десятки тысяч и из них уверовали, и исполнилось обетование Бога Аврааму, сказавшего ему: «и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12, 3); или говорится об Израиле духовном, ибо всяк видящий Бога называется Израилем, так как имя сие означает: видящий Бога; итак, воспринял сих видящих Бога, возведя в небесное наследие. — Мария пребыла с Елисаветой около трех месяцев, потом возвратилась. Поскольку Елисавета имела родить, то Дева удаляется ради множества имеющих собраться к рождению, ибо Деве неприлично находиться при таких обстоятельствах. А из того, что Дева возвратилась при наступлении для Елисаветы времени родить, видно, что Ангел пришел к Марии в шестой месяц от зачатия Предтечи; да Мария пребыла с Елисаветой около трех месяцев; вот почти и девять месяцев.

Елисавете же настало время родить, и она родила сына. И услышали соседи и родственники ее, что возвеличил Господь милость Свою над нею, и радовались с нею. В восьмой день пришли обрезать младенца и хотели назвать его, по имени отца его, Захарию. На это мать его сказала: нет, а назвать его Иоанном. И сказали ей: никого нет в родстве твоём, кто назывался бы сим именем. И спрашивали знаками у отца его, как бы он хотел назвать его. Он потребовал дощечку и написал: Иоанн имя ему. И все удивились. И тотчас разрешились уста его и язык его, и он стал говорить, благословляя Бога.

Дева пребыла с Елисаветой около трех месяцев, быть может, потому что поражена была чудом и нуждалась в некотором утешении, какое могла находить в пребывании с Елисаветой; но когда приблизилось рождение, она удалилась. «Елисавете же настало время родить»; нужно заметить, что о грешниках не говорится — исполнилось время родить, но только там это говорится, где рождающийся праведен. Ибо роды грешников обыкновенно несовершенны и неполны, и лучше бы для них, если б они не рождались. — Почему имя

давалось после обрезания? Потому, что прежде нужно получить печать от Бога, а потом уже и человеческое имя. Иначе: обрезание означает отвержение плотских свойств, ибо никто не достоин именоваться воином Божиим и быть вписанным по имени в книге небесной, прежде чем отвергнет и отсекает плотские свойства. Елисавета говорила о имени, что имя его Иоанн, как пророчица. А может быть, Иоанн и сам назначил себе имя; ибо он сообщил матери пророчесственный дар. Захария, не будучи в силах объявить им знаками, просит дощечку; и когда он относительно имени дитяти оказался совершенно согласен с женой, все удивились, ибо не было сего имени в родстве их, и никто не мог сказать, что оба они уговорились об этом еще прежде времени. Иоанн — значит благодать Божия; поэтому и отец тотчас получил благодать и пророчествует прежде о Христе, а потом и о сыне.

И был страх на всех живущих вокруг них; и рассказывали обо всем этом по всей нагорной стране Иудейской. Все слышавшие положили это на сердце своем и говорили: что будет младенец сей? И рука Господня была с ним. И Захария, отец его, исполнился Святаго Духа и пророчествовал, говоря: благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего, как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих, что спасет нас от врагов наших и от руки всех ненавидящих нас; сотворит милость с отцами нашими и помянет святой завет Свой, клятву, которою клялся Он Аврааму, отцу нашему, дать нам, небоязненно, по избавлении от руки врагов наших, служить Ему в святости и правде пред Ним, во все дни жизни нашей.

При чудесном проглаголении Захарии на всех напал страх; ибо как при наложении на него молчания народ пришел в изумление, так и теперь, когда он начал снова говорить, изумляются, так что по этим двум чудесам все могли уразуметь, что родившийся выше многих. Все это было по особенному смотрению, чтобы имеющий свидетельствовать о Христе был принят с полным доверием и чтобы все убедились из самого рождения Иоаннова, что он выше многих. Захария благословляет Бога, призревшего на израильтян. Он действительно пришел к погибшим овцам дома израилева, но очень многие из них не захотели принять благодати, почему Он и призрел на истинных израильтян, то есть на тех, кои уверовали. «Воздвиг рог спасения», то есть силу и царство спасительное. Ибо «рог» означает или силу, так как рогатые животные имеют силу в рогах, или царство, ибо цари помазывались из рога. Христос есть Сила и Царство Отца; итак, для нас восстал рог спасения — Христос. Ибо Он, по-видимому, почивал, когда не обращал внимания на многие грехи и долготерпел идолобесие; но когда Он воплотился в последние времена, Он восстал и сокрушил всех ненавидящих нас бесов, и не продолжает уже покоиться и долготерпеть. Воздвиг «в дому Давида», то есть в Вифлееме; ибо там Он родился. Вифлеем, разумеется, город Давидов, как говорили пророки. Ибо все они говорили о воплощении, а Михей упомянул и о доме Давидовом, то есть Вифлееме, говоря: «и ты, Вифлеем, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь» (Мф. 2, 6 и Мих. 5, 2). — «Сотворил милость» не только с живыми, но и «с отцами нашими», ибо благодать Христова простерлась и на них, хотя они уже умерли. Именно: нам живым Он даровал надежду воскресения, и мы воскреснем; но не мы только удостоимся этого благодеяния, а и те, кои прежде скончались. Ибо вся природа получила это благо. И иначе: «сотворил милость с отцами» в том, что исполнил ожидания их, ибо чего они надеялись, то увидели на Христе исполнившимся. Да и детей своих видя в блаженстве от толиких благ, отцы радуются и, участвуя в радости,

принимают милость, как бы для них самих сделанную. О каком упомянул завете и о какой клятве, данной Аврааму? Без сомнения, о сей: «благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое» (Быт. 22, 17). Авраам действительно умножился теперь, когда все народы чрез веру сделались его сынами; ибо как он уверовал, так и они чрез веру сделались ему сынами. — «Небоязненно — (по церковно-славянски — без страха) — по избавлении от руки врагов наших». Часто иные избавляются, но со страхом и многими трудами, и борьбой; а Христос распялся за нас без всякого с нашей стороны труда и избавил наконец без страха, то есть без опасности. Для чего же Он избавил нас? Не для того ли, чтобы мы жили в удовольствиях? Нет, но для того, чтобы мы служили Ему, и не день, не два, но всякий день, и служили не плотским только поклонением и служением, но «в святости и правде» (по церковно-славянски — преподобием и правдою). Преподобие есть праведность в отношении к Богу, а правда — справедливость в отношении к людям. Например, кто держит себя в удалении от священных предметов и не прикасается нечестиво к вещам божественным, но сохраняет совершенное уважение к тому, что досточтимо, тот преподобен; равно преподобен и тот, кто почитает родителей, ибо и они суть домашние боги. А кто ни любостяжате́лен, ни хищник, ни вор, ни прелюбодей, ни блудник, тот — праведен. Таким образом должно служить Богу «преподобием», то есть благоговением к божественным предметам, и «правдою», то есть похвальным образом жизни в отношениях человеческих, служить пред Ним, а не пред людьми, как човекоугодники и лицемеры.

И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предыщешь пред лицом Господа приготовить пути Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их, по благоутробному милосердию Бога нашего, которым посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира. Младенец же возрастал и укреплялся духом, и был в пустынях до дня явления своего Израилю.

Кажется странным, что Захария говорит такие слова дитяти, ибо с младенцем, ничего еще не понимающим, не свойственно беседовать. Можно на это сказать, что дитя сие как рождение имело необычайное, — ибо в пришествие Марии оно играло и пророчествовало в утробе, — так ничего нет невероятного, если оно и после рождения понимало слова отца. «Предвидишь, — говорит, — пред лицом Господа», оставив меня вскоре. Ибо Захария знал, что немного спустя он лишится Иоанна, так как сей имеет удалиться в пустыню. Зачем же «предвидеть»? Затем, чтобы «приготовить пути Ему». А пути суть души, к коим Господь приходит. Итак, Предтеча приготовил души к тому, чтобы в них ходить Господу. Как же он приготовил их? Чрез сообщение людям познания о спасении. Спасение есть Господь Иисус. Итак, Иоанном преподано людям познание о спасении, то есть о Христе, ибо Иоанн свидетельствовал об Иисусе. Познание заключалось в отпущении грехов, ибо Господь иначе не был бы и признан Богом, если б не отпускал грехов народу. Ибо отпускать грехи свойственно Богу. А Он простил нам грехи по благоутробию милости, а не за наши дела; ибо мы не сделали ничего доброго, а Он, называемый Восток, призрел на нас свыше. Ибо Он есть Солнце правды и воссиял нам, бывшим во тьме, то есть в грехе. Два зла господствовали над природой человеческой: незнание о Боге, в котором находились язычники, и грех, который имели евреи, хотя и знали Бога. Итак, Он явился природе человеческой, чтобы просветить и «сидящих во тьме», то есть в неведении и безбожии, и сидящих «в тени смертной», то есть в грехе. А грех есть тень смерти в том, думаю, смысле, что как тень следует за телом, так где смерть, там и грех. Например, из того, что Адам умер, ясно, что был и грех. Равно и смерть

Христову найдешь не без греха, ибо Христос умер, но за наши грехи. Поэтому грех, всегда сопровождаемый смертью, справедливо называется тенью смерти. Можно и другое сказать на это, и, думаю, мы сказали при изъяснении Евангелия Матфея. Но достаточно ли только воссиять омраченным? Нет; нужно еще направить ноги наши на путь мира, то есть праведности. Ибо как грех есть вражда с Богом, так праведность — мир. Итак, путь мира есть праведный образ жизни, к которому направил стопы наших душ воссиявший свыше Христос. — Отроча возрастало телом и укреплялось духом, ибо с телом возрастало и духовное дарование; и чем более росло дитя, тем более обнаруживались и силы духа, так как орудие (тело) было способно вмещать их. — Для чего Иоанн был в пустынях? Для того чтобы ему жить вне злобы многих и, не стыдясь (ложно) никого, обличать с дерзновением, — ибо если б он был в мире, то, быть может, от сожительства и общения с людьми утратил бы чистоту; — а вместе и для того, чтобы, когда будет проповедовать о Христе, пользоваться полным доверием, как пустыннолику и превосходящему других жизнью. В пустынях скрывался он дотоле, когда Бог благоволил явить его народу израильскому.

Глава вторая

В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квирина Сирию. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариєю, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице.

Перепись происходит для того, чтобы, когда всякий пойдет в свое отечество, и Дева пришла в Вифлеем, свое отечество, и таким образом Господь родился в Вифлееме, и исполнилось пророчество. Когда единый Бог, имея прекратить многобожие, прилично было и державствовать одному царю — кесарю. Вместе со всеми записывается и Христос. Господу и следовало записываться со вселенной, чтобы освятить записывающихся и упразднить рабство; ибо как, претерпев обрезание, Он упразднил обрезание, так, записавшись как раб, упразднил рабство нашей природы. Ибо работающие Господу уже не суть рабы людей, как говорит апостол: «не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7, 23), но если по телу и рабы, то по духу свободны, не увлекаясь нечестием господ. — Господа справедливо назвал Сыном Девы, «Первенцем», хотя никакого другого она не родила, ибо рожденный первым называется первородным, хотя бы после него и не рождался другой. — Полагается в яслях, быть может, для того, чтобы от начала научить нас смирению, а быть может, и для того, чтобы символически показать, что Он явился в мир сей — место, обитаемое нами, уподобившимися неразумным скотам (Пс. 48, 13. 21). Ибо как ясли принадлежат скотам, так и мир сей — нам. Итак, мир — ясли, а мы — неразумные животные; а чтобы искупить нас от неразумия, для этого Он и явился здесь.

В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел; не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель,

Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете [Младенца] в пеленах, лежащего в яслях. И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!

Ангел является пастухам за простоту их нрава и незлобие, так как они видимо подражают образу жизни праведных, ибо и древние патриархи, Иаков, Моисей и Давид, были пастырями. Ангел не явился в Иерусалим фарисеям или книжникам, ибо они былиместилищем всякой злобы; а те, не будучи коварны, удостоились божественных видений. Господь показал этим, что Он с самого начала избрал и сделал проповедниками тех, которые простосердечнее других, ибо они пошли и стали проповедовать обо всем этом. — Ангел благовестил великую радость, которая, — сказал, — будет для всех людей; собственно для людей Божиих. Ибо не все иудеи — народ Божий. Но воплощение Бога было радостью и для всего рода человеческого. — Что означает песнь Ангелов? Без сомнения, благодарность горних чинов и радость тому, что мы, живущие на земле, облагодетельствованы. Ибо говорят: слава Богу, на земле теперь настал мир. Прежде природа человеческая была во вражде с Богом, а теперь так примирилась, что стала в союзе с Богом и соединилась с Ним в воплощении. Итак, видишь ли мир Бога с человеком? Можно разуместь и иначе. Сам Сын Божий есть мир, как и говорит о себе (Ин. 14, 27; 16, 33). Итак, самый мир, Сын Божий, явился на земле. И «в человеках благоволение», то есть упокоение Божие; ибо теперь Бог упокоился и обрел богоугождение в людях, тогда как прежде не благоволил и не находил в людях угождения Себе.

Когда Ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: пойдём в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь. И, поспешив, пришли и нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях. Увидев же, рассказали о том, что было возвещено им о Младенце Сем. И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи.

Пастыри сии суть образ духовных пастырей — архиереев. Итак, архиереям должно хранить свое стадо и играть, то есть петь нечто духовное и учить народ, и тогда они удостоятся божественных видений и слышаний. Вифлеем — значит дом хлеба. Какой же это иной дом хлеба, как не церковь, в которой отложен оный хлеб? Итак, дело словесных пастырей — искать небесный хлеб, и, когда увидят сей хлеб, долг их проповедовать и другим, подобно как пастыри, увидев Младенца, передавали о Нем и другим.

А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем. И возвратились пастухи, славя и хваля Бога за всё то, что слышали и видели, как им сказано было.

Какие слова сохраняла Дева? Иные говорят, что те, кои сказал Ей Ангел, и те, кои сказали Ей пастыри. Она соблюдала их и слагала в сердце Своем, то есть обсуждала и во всех находила одну согласную мысль, что Сын Ее есть Бог. А мне кажется, что здесь словами называются события; говорится как бы так: Мария сохраняла все слова, то есть те события, о которых я теперь говорю, и чрез то делаю их словами. Ибо событие, когда о нем скажут, становится словом. Пастыри возвратились с благодарностью Богу за все; ибо они не были завистливы как иудеи.

По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать [Младенца,] дали Ему

имя Иисус, нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве. А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу, и чтобы принести в жертву, по реченному в законе Господнем, две горлицы или двух птенцов голубиных.

Когда Закон дал заповеди, тогда нарушители оных подвергались проклятию. Итак, Господь обрезуется, чтобы, и в этом исполнив Закон и не опустив ничего из заповеданного оным, искупить нас от проклятия. Да пристыдятся отселе те, кои говорят, что воплотился призрачно, ибо как обрезан, если воплотился призрачно? Исследовать же, где находится обрезанная часть, бесполезно. Ибо не должно изыскивать того, о чем Писание умолчало. Да это и совершенно бесполезно. Можно сказать, что она по отрезании пала на землю и осветила оную, подобно как кровь и вода, истекшие из ребер Его. А Он известным Ему образом сохранил частицу эту невреденной и по Воскресении снова восприял оную, чтобы и в сем отношении не оказаться с недостатком; подобно как и мы в воскресении получим тело наше в целости. Примечай, что Господь зачался не тотчас, как Ангел сказал: «и вот зачнешь», но после сего, когда восхотел. Ибо смотри, что здесь говорит: «нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве». Это видно и из самого изречения, ибо не сказал: «зачинаешь», но «зачнешь». Из сего можно заключить, что Господь зачался в то время, но не в ту самую минуту, когда говорил Ангел, а может быть, когда окончил речь. Впрочем, мы говорим это не утвердительно. «Когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву». Хорошо сказал: «по закону Моисееву», ибо поистине Дева не имела необходимости ожидать дней очищения, которых, в случае рождения мужского пола, было сорок. В Законе сказано: «женщина зачнет (зачнет от семени) и родит младенца мужского пола» (Лев. 12, 2); а Дева зачала не от семени, но родила от Духа Святого. Поэтому она не имела необходимости, а пришла во храм по желанию исполнить закон. Почему же в случае рождения мужского пола дней очищения — семь, а женского — вдвое? «Если женщина, — сказано, — зачнет и родит младенца мужского пола, то она нечиста будет семь дней... Если же она родит младенца женского пола, то во время очищения своего она будет нечиста две недели» (Лев, 12, 2. 5)? Потому что родившая мужеский пол вводит в мир другого Адама, а родившая женский пол рождает другую Еву — сосуд слабый и малосильный, сосуд глиняный, разбитый, трость обмана, наставницу преслушания. — Слова Закона: «чтобы всякий младенец мужского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу» сбылись собственно на одном Христе; ибо Он Сам разверз ложесна Девы, тогда как у прочих матерей ложесна разверзает муж. — Закон повелевал приносить пару горлиц в показание того, что деторождение — от чистого супружества. Ибо о горлице говорят, что она целомудренная птица, так что, лишившись своего самца, с другим не совокупляется. Если же родители не имели горлиц, то приносили двух птенцов голубиных, чтобы жизнь сего дитяти послужила к многочадию; ибо голубь — птица многоплодная.

Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святой был на нем. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня. И пришел он по вдохновению в храм. И, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову

Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего Израиля.

Симеон не был священник, но был человеком боголюбивым; он ожидал, что придет Христос, утешитель евреев и освободитель от рабства греховного, а может быть, и от рабства римлян и Иродова. Ибо кто уверовал во Христа, тот поистине свободен и в чести у царей и всех людей. Посмотри на апостолов. Не были ли они рабами римлян? А теперь цари римские почитают их и поклоняются им. Итак, для них, израильтян, Христос стал утешением. Сей Симеон, движимый Духом Святым, вошел в храм, когда Мать принесла Господа, и, приняв Его на руки, исповедует Богом. Ибо сказать: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко» мог исповедующий, что Он есть Господь жизни и смерти. Смотри, как святые тело считают узами. Потому и говорит: «Ныне отпускаешь», разрешаешь как бы от уз. «По слову Твоему»: говорит о полученном им предсказании, что он не умрет, пока не увидит Христа. «С миром» вместо: в спокойствии. Ибо человек, покуда живет, мятется, как Давид говорит (Пс. 38, 7); умерший же находится в мире. «С миром» — можно разуметь и иначе, именно: с получением ожидаемого. Прежде, чем я увидел Господа, я, — говорит, — не был спокоен помыслами, но ожидал Его и всегда помышлял с заботой, когда Он придет: а теперь, когда я увидел Его, я успокоился и перестал думать, я разрешаюсь. «Спасением» назвал воплощение Единородного, которое Бог уготовал прежде всех веков. Уготовал это спасение пред лицом всех людей. Ибо для того Он воплотился, чтобы спасти мир и чтобы воплощение Его явлено было всем. Спасение это есть «свет к просвещению язычников», то есть для просвещения омраченных язычников, «и в славу Израиля», ибо Христос есть поистине слава израильского народа, потому что от него Он воссиял и поистине благоразумные находят для себя величие в этом. Так говорит Симеон. А мне кажется, что сему Симеону приличествуют и слова Давида: «долгою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое» (Пс. 90, 16).

Иосиф же и Мать Его дивились сказанному о Нем. И благословил их Симеон и сказал Марии, Матери Его: се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, — и Тебе Самой оружие пройдет душу, — да откроются помышления многих сердец.

Симеон благословил обоих, а речь обратил к истинной Матери, оставив мнимого отца. «Се, — говорит, — лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле»; на падение неверующим, а верующим — на восстание. Или иначе: Господь лежит на падение зла, гнездящегося в душах наших, и на восстание добра; падает блуд, восстает целомудрие. Можно разуметь и еще иначе: Христос лежит «на падение» вместо: Сам имеет пострадать и подвергнуться смерти, а через Его падение многие имеют восстать. Итак, после слов: «на падение» поставь точку, потом начинай: «И на восстание многих». Знамение есть крест, который доселе находит противоречие себе, то есть не принимается неверными. Называется и воплощение Господа знамением, и знамением чудным, поскольку Бог стал человеком, а Дева — Матерью. И этому знамению, то есть воплощению Христа, противоречат. Ибо одни говорят, что тело — с неба, другие, — что оно призрачно, а иные пустословят еще иное. «И Тебе Самой (Деве) оружие пройдет душу». Оружием называет, может быть, скорбь, бывшую при страдании, а может быть, и соблазн, который приразился к Ней, при виде Господа распятым. Ибо Она, быть может, помышляла, как был распят, умерщвлен и оплеван Тот, Кто родился бессеменно, творил чудеса, воскрешал мертвых. «Да откроются помышления многих сердец». Сие означает то, что откроются и обнаружатся помышления многих

соблазняющихся, и обличенные они найдут скорое уврачевание. Например, и Ты, Дева, откроешься и обнаружишься в своем мудровании о Христе, потом утвердишься в вере в Него. Подобно и Петр оказался отвергшимся; но явилась сила Бога, снова принявшего его чрез покаяние. И иначе: открылись помышления многих сердец, когда обнаружился предатель и обнаружились любящие Его, каковы, например, были Иосиф, пришедший к Пилату, и жены, стоявшие у Креста.

Тут была также Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова, достигшая глубокой старости, прожив с мужем от девства своего семь лет, вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь. И она в то время, подойдя, славил Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме. И когда они совершили всё по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет. Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем.

Евангелист останавливается на повествовании об Анне, перечисляет ее отца и колена, чтобы мы знали, что он говорит истину, так как он приглашает как бы многих свидетелей, знающих отца и колена. Она вместе с другими «славил» Господа, то есть благодарил Его, и всем передавала о Господе, что Он есть Спаситель и утешение нас, ожидающих искупления. — По исполнении всего, они возвратились в Галилею, в город свой Назарет, Вифлеем был также их город, но как отчизна, а Назарет как место жительства. — Иисус возрастал по телу. Хотя Он мог бы от самой утробы достигнуть в меру мужеского возраста, но тогда мог бы показаться призраком; поэтому Он растет мало-помалу. С возрастом проявлялась премудрость Бога Слова. Ибо Он был мудр не по успеху в учении; прочь такая мысль! Поскольку же Он природенную премудрость открывал мало-помалу, то говорится, что Он успевал и укреплялся духом сообразно с возрастом телесным. Ибо если б Он явил всю мудрость в самом первом Своем возрасте, то показался бы чудовищным. А теперь, обнаруживая Самого Себя, сколь можно, в соответствии с возрастом, Он исполнял домостроительство, не приемля мудрости. Ибо, что было бы совершеннее совершенного из начала? Однако ж Он присущую мудрость обнаруживает мало-помалу.

Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней [праздника,] возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, но думали, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. И, увидев Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов.

Иисус вместе с родителями ходит в Иерусалим, чтобы во всем показать, что Он ни Богу не противится, ни требованиям Закона не сопротивляется. Когда они исполнили дни, то есть

семь дней Пасхи, Он остался в Иерусалиме. — Рассуждал с книжниками, давая им вопросы от Закона. И все «дивились». Видишь ли, как Он успевал в мудрости, так что для многих был предметом любознательности и удивления? Ибо обнаружение мудрости Его есть самый успех Его. Богоматерь называет Иосифа отцом, хотя и знала, что он не есть отец. Без сомнения, она именует Иосифа отцом Его ради иудеев, чтобы они не возымели какой-либо нечистой мысли касательно Его рождения. Иначе: так как Иосиф прилагал отеческую заботу и служение в воспитании, то прилично назвала его самим отцом, как бы Дух Святой почтил его наименованием отца. — Почему же они искали Его? Ужели предполагали, что Он, как дитя, потерялся или заблудился? Прочь такая мысль! Ибо она не могла прийти ни премудрой Марии, получившей бесчисленные о Нем откровения, ни Иосифу, которому и самому было открыто, что Он от Духа Святого. Но они искали Его затем, чтобы Он как-нибудь не отстал от них, чтобы как-нибудь не оставил их. А когда нашли Его, смотри, как Он отвечает им! Так как Дева назвала Иосифа отцом Его, то Он говорит: не он, Иосиф, Мой истинный отец, хотя Я был в его доме; но Бог — Мой Отец, и потому Я в Его доме, то есть в храме Его. Но они не поняли, что Он сказал им: ибо это была тайна.

И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем. Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков.

Иисус повиновался родителям, давая и нам образец, чтобы мы повиновались своим родителям. — Дева соблюдала все это; ибо дела и слова Отрока были божественны и являли в Нем не двенадцатилетнего отрока, но человека совершенно зрелого. Для объяснения того, что значит «преуспевать в премудрости», евангелист присовокупляет: «и возрасте», ибо преуспевание в возрасте называет успехом в премудрости. «И в любви у Бога и у человеков», то есть творил угодное Богу и достохвальное от людей; но прежде был приятен пред Богом, а потом пред людьми; ибо прежде должно угождать Богу, а потом людям.

Глава третья

В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне. И он проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов.

Справедливо упомянуто о времени и о властителях, чтобы показать, что при Христе прекратилось преемство начальников иудейских; поскольку игемоном был Пилат, человек из другого народа, четвертовластники — сыновья Ирода аскалонитянина, и чтобы потому за верное было принято, что пришел Христос, по пророчеству Иаковлеву (Быт, 49, 10)! «Был, — сказано, — глагол Божий к Иоанну», чтобы ты знал, что он пришел свидетельствовать о Христе не как самозванец, но потому, что был движим Духом Божиим. Под «глаголом» разумей или Духа Святого, или повеление Божие. Слово Божие к Иоанну было «в пустыне». Поскольку дети оставленной (по церковно-славянски — пустой), то есть церкви из язычников, имели быть многочисленнее детей имеющей мужа (Ис. 54, 1), то есть церкви иудейской, то слово и повеление Божие прилично было к Иоанну, когда он находился в

пустыне. Он проповедовал людям крещение покаяния, то есть исповеди. А это крещение содействовало им к оставлению грехов, даруемому через крещение Христово. Ибо крещение Иоанново не имело оставления грехов, но вело к оставлению, то есть приготавливало людей к принятию Христова крещения, имеющего оставление грехов.

Как написано в книге слов пророка Исаии, который говорит: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и узрит всякая плоть спасение Божие.

«Путь», который повелевает уготовить, есть образ жизни по учению Христову; ибо Господь вскоре имел проповедовать. «Стези» суть заповеди Закона, как бы уже истертые. Повелевается делать их «прямыми», потому что фарисеи развращали заповеди. Под «путем» можно разуметь и душу, а под «стезями» — помыслы и дела. Итак, нам должно уготовлять душу и делать правыми дела и помышления наши. Потом как бы кто-либо спросил: как же мы совершим это? Ибо добродетель нелегка для исполнения и встречает много козней и препятствий и от лукавых сил, и от живущих в нас страстей? Отвечает, что ничто не будет трудно, но все удобно. Ибо долины «наполнятся», то есть естественные наши силы, ослабевшие для добра и пришедшие в низкое состояние, восполнятся; «всякая гора и холм», то есть противные силы и пожелания, кажущиеся нам вложенными с природой, поистине ослабели: и все сделалось ровным, и кривое переменялось на прямое. Ибо Христос упразднил противные силы, которые здесь называются горами и холмами, и оживил природные наши побуждения к добру, которые евангелист назвал наполняемыми долинами. Ибо Он для того и воплотился, чтобы восставить нашу природу в собственный ее вид. «Узрит всякая плоть, — сказано, — спасение Божие», — не иудеи только и пришельцы, но всякая плоть, ибо Евангелие пронесено по всей земле. Можно было бы сказать и многое другое, но по большей ясности пусть будет сказано это.

[Иоанн] приходившему креститься от него народу говорил: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойные плоды покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.

Иудеев называет «порождениями ехидниными», потому что они оскорбляли своих отцов и матерей; ибо это животное, — говорят, — проедает утробу матери и таким образом рождается. Притом они убивали пророков и учителей. «Будущим гневом» называет вечное наказание. «Достойные плоды покаяния» составляет не только удаление от зла, но и упражнение в добре; ибо совершение добра есть поистине плод и порождение покаяния. Не начинайте говорить в себе, что вы хорошего рода, и, надеясь на отцов, не оставляйте добродетели. Бог сможет и от камней сих дать детей патриарху; ибо почти подобное этому Он и прежде сотворил. Утроба Сарры хотя была тверже камней, однако ж она получила благодать деторождения. «Секира» есть божественный суд, исторгающий недостойных из среды живых. Если, — говорит, — не покаетесь, будете лишены жизни. Секира лежит «при корне» ваших дерев. Под «корнем» разумеется жизнь, как мы сказали. Но под «корнем» можно разуметь и родство с Авраамом. От этого родства с Авраамом, по апостолу (Рим. 11, 19-21),

отсекаются те, кои недостойны быть его ветвями. Наказание — двойное, ибо грешный и бесплодный не только отсекается от сродства с праведными, но и в огонь ввергается.

И спрашивал его народ: что же нам делать? Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же. Пришли и мытари креститься, и сказали ему: учитель! что нам делать? Он отвечал им: ничего не требуйте более определенного вам. Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем. Когда же народ был в ожидании, и все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он, — Иоанн всем отвечал: я крону вас водою, но идёт Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым. Многое и другое благовествовал он народу, поучая его.

Иоанн вразумляет три разряда пришедших к нему: простой класс народа, мытарей и воинов. Простой класс народа он убеждает прилежать к милостыне, повелевая, чтобы имеющий две одежды уделял неимущему; мытарей убеждает не взыскивать, то есть не требовать ничего лишнего; воинов убеждает не похищать, но довольствоваться оброками, то есть жалованьем, какое обыкновенно дается от царя. Смотри, как Иоанн простой класс народа, как незлобивых, убеждает делать нечто доброе, то есть уделять другим, а мытарей и воинов — удерживаться от зла. Ибо сии не были еще способны, не могли совершать что-нибудь доброе, а им достаточно было — не делать зла. Некоторые повеление — имеющему две одежды делиться с неимеющим — понимают в нравственном смысле. Именно говорят: две одежды означают Дух Писания и букву; имеющего то и другое Иоанн побуждает сообщать совершенно ничего не имеющему; например, если кто понимает Писание в обоих отношениях, по букве и по духу, тот пусть передает неимеющему, пусть научит незнающего и даст ему по крайней мере, букву. — Добродетель Иоанна была столь высока, что все помышляли о нем, не он ли самый Христос? Отвращая такое мнение, он говорит: различие между мной и Христом, во-первых, то, что «я крещу» водой, а Он — Духом и огнем, а другое — то, что «я недостойн даже развязать ремень обуви» Его. Что значат слова: «крестить вас Духом Святым и огнем», совершенно ясно; ибо он послал апостолам Духа, и над ними явились разделенные огненные языки (Деян. 2, 3, 4). А слова: «недостойн развязать ремень обуви», очевидно, означают то, что я недостойн поставить себя даже и в последние рабы Его. В более сокровенном смысле обувь обоих ног Господа суть — явление Его с неба на землю и сошествие с земли во ад. Способа этих двух явлений никто не может разрешить, хотя бы подобен был даже Иоанну. Ибо кто может сказать, как воплотился Господь или как сошел во ад? Слова: «Лопата Его в руке Его» означают то, что хотя Он и крестит вас, вы не думайте, что вы уже безнаказанны; но если вы в последующей за этим жизни не сохраните себя беспорочными, то Он пожжет вас огнем неугасимым. Плевел есть тот, кто имеет бесплодный ум и прилагает большую заботу только о предметах житейских. «Многое и другое благовествовал он народу, поучая его». Ибо доброе учение есть поистине утешение и справедливо называется благовестием (евангелием).

Ирод же четвертовластник, обличаемый от него за Иродиаду, жену брата своего, и за всё, что сделал Ирод худого, прибавил ко всему прочему и то, что заключил Иоанна в темницу. Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись,

молился: отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!

Евангелист к месту вставил здесь слово об Ироде. Он как бы так говорит: хотя народ весьма высоко думал об Иоанне, но Ирод, обличаемый от него, ко всем злодеяниям своим прибавил и то, что заключил его в темницу. Повествует как бы с глубокой скорбью и сильной жалостью о том, что Ирод так неправо поступил с Иоанном, тогда как народ имел о нем высокое понятие. — «Отверзлось небо» для того, чтобы нам показать, что крещение всем отвергает небо, запечатое Адамом. «Дух Святой нисшел» на Иисуса, чтобы мы познали из сего, что и на нас, когда крещаемся, приходит Дух. Ибо Господь не имел нужды в Духе, но все творит ради нас и Сам бывает первенцем во всем (Кол. 1, 18), что мы имели принять впоследствии, чтобы быть первородным во многих братиях. «Как голубь», чтобы мы научились, что нам нужно быть кроткими и чистыми. И как при Ное голубь изображал успокоение гнева Божия, так и здесь Дух Святой, потопив грех, примирил нас с Богом. И Сын слышит глас, от Отца произнесенный, чтобы показать, что и нам крещаемым он даровал сыноположение. «В Тебе Мое благоволение» — в Тебе Я успокоился.

Иисус, начиная [Свое служение,] был лет тридцати, и был, как думали, Сын Иосифов, Илиев, Матфатов, Левиин, Мелхийев, Ианнаев, Иосифов, Маттафиев, Амосов, Наумов, Еслимов, Наггеев, Маафов, Маттафиев, Семейев, Иосифов, Иудин, Иоаннанов, Рисаев, Зоровавелев, Салафиилев, Нириев, Мелхийев, Аддиев, Косамов, Елмодамов, Иров, Иосиев, Елиезеров, Иоримов, Матфатов, Левиин, Симеонов, Иудин, Иосифов, Ионанов, Елиакимов, Мелеаев, Маинанов, Маттафаев, Нафанов, Давидов, Иессеев, Овидов, Воозов, Салмонов, Наассонов, Аминадавов, Арамов, Есромов, Фаресов, Иудин, Иаковлев, Исааков, Авраамов, Фаррин, Нахоров, Серухов, Рагавов, Фалеков, Еверов, Салин, Каинанов, Арфаксадов, Симов, Ноев, Ламехов, Мафусалов, Енохов, Иаредов, Малелеилов, Каинанов, Еносов, Сифов, Адамов, Божий.

Господь крестился, имея тридцать лет, потому что этот возраст есть совершеннейший, и в нем человек оказывается почтенным или негодным. Лука представляет родословие Господа в порядке обратном, сравнительно с евангелистом Матфеем, чтобы показать, что родившийся ныне по плоти есть от Бога, — ибо смотри, как родословие восходит до Бога, — и вместе, чтобы мы знали, что Он воплотился для того, чтобы всех посредствующих отцов возвести к Богу и сделать сынами. Могу сказать и иначе: рождение Господа, как бессеменное, встречало неверие. Поэтому евангелист, желая показать, что и в другое время человек был без семени, от низших восходит до Адама и Бога. Он говорит как бы так: если ты не веруешь, как второй Адам родился без семени, то, прошу, обратись умом к первому Адаму, и ты найдешь, что он сотворен Богом без семени, и после сего не будь неверен. Некоторые спрашивают: как Матфей называет Иосифа сыном Иаковлевым, а Лука — Илиевым? Ибо невозможно, — говорят, — одному и тому же быть сыном двух отцов. На это отвечают, что Иаков и Илий были единоутробные братья, но от разных отцов, что, по смерти Илия, жену его взял Иаков, чтобы восставить от нее детей, и что поэтому Иосиф называется сыном Иаковлевым по природе, а Илиевым — по Закону. Ибо Иаков действительно родил его по природе, и он был родной сын его, а сыном Илиевым он был только по Закону. Ибо Закон повелевал, чтобы жена умершего бездетным сочетавалась с его братом и чтобы родившееся от сего союза считалось

дитятею умершего (Втор. 25, 5. 6), хотя по природе оно было от живого. Поэтому евангелисты говорят верно, и не противоречат друг другу. Матфей записал природного отца Иосифа, а Лука — причитающегося ему отцом по Закону, то есть Илия; а оба показывают, что Господь родился для того, чтобы освятить природу и Закон.

Глава четвертая

Иисус, исполненный Духа Святаго, возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню. Там сорок дней Он был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал. И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим. И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими [царствами] и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонись мне, то всё будет Твое. Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи. И повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыле храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему в ответ: сказано: не искушай Господа Бога твоего.

Господь крестился для того, чтобы освятить воды для нас, имеющих вкусить благодати. После Крещения «поведен был Духом в пустыню», ибо Дух Святой вводил Его в борьбу против диавола. Уходит «в пустыню» затем, чтобы дать диаволу повод к нападению на Себя, ибо он приступает к нам особенно тогда, когда мы уединились. Постится «сорок дней» и не превышает меры поста Моисеева и Илиина, чтобы тем не подать сатане мысль, что Он больше их, но чтобы он приступил к Нему, думая, что и Он — человек, а вместе и для того, чтобы не показаться воплотившимся только призрачно. «Искушается» после Крещения, чтобы нам показать, что после крещения нас встретят искушения. Постится потому, что пост есть великое оружие в искушениях, и потому, что после крещения нам должно предаваться не чувственным наслаждениям, а посту. Враг нападает на Него сначала пресыщением, как и на Адама (Быт. 3), потом — любостыжанием, показав Ему все царства. Как показал? Некоторые говорят, что представил Ему их в мысли. Но я думаю, что не в мысли, а чувственно показал Ему их, подставив пред очи в призраке, а не в воображении Господа. Далее, нападает на Него тщеславием, ибо говорит: «если Ты Сын Божий, бросься вниз». Пустословил это, лаская Его, чтобы Он, обманувшись лестью и желая показать Себя Сыном Божиим, бросился вниз и таким образом открылся пред ним, кто Он, Но смотри, как Господь поражает его Писанием. «Не искушай, — говорит, — Господа Бога твоего», ибо никто не должен подвергать себя очевидной опасности в самообольщении, что Бог ему поможет. Заметь и то, что знать Писания весьма полезно; ибо и Господь поразил сатану Писаниями. «Не хлебом одним будет жить человек», это — Моисеево изречение о манне (Втор, 8, 3); ибо хотя манна была не хлеб, однако ж, питала народ. Равным образом Моисеевы изречения и сии: «Господу Богу твоему поклоняйся» и «не искушай» (Втор. 6, 13. 16).

И, окончив всё искушение, диавол отошел от Него до времени. И возвратился Иисус в силу духа в Галилею; и разнеслась молва о Нем по всей окрестной стране.

Он учил в синагогах их, и от всех был прославляем.

Хотя Господь искушаем был тремя искушениями, однако Лука говорит, что Он окончил всё искушение, потому что основания всех искушений суть три сии: пресыщение, любостяжание, тщеславие. Искушение пресыщения Господь отразил словами: «не хлебом одним будет жить человек». Прежде других искушений навел это искушение на Него, как и на Адама. Ибо Адама он не мог запнуть ни любостяжанием, так как Адам, будучи один, не имел против кого бы желать более; ни гневом, ибо не на кого было ему гневаться; ни завистью; а запнул его чревоугодием. Искушение любостяжания Господь отразил тем, что не пал, не поклонился перед ним. Ибо, когда он чувственно показал все царства в призраке, Господь не покорился ему. Некоторые разумели это о царствах не чувственных, но мыслимых, что он, например, показал Ему царство невоздержания, царство зависти и вообще всех грехов и говорил Ему как бы так: если Ты хочешь царствовать над всеми страстями и на то пришел, чтобы пленить одержимых мной, то пади и поклонись мне, и получи всех, над которыми я царствую. Господь хочет царствовать и на то пришел, но царствовать не с грехом, не без борьбы, но после подвига и победы. Так разумели некоторые. Кому угодно, пусть так и понимают. Отразил Господь и искушение тщеславия словами Писания. Господи, избавь нас от сих трех глав змия! — «Возвратился Иисус в силе духа». Мне кажется, что Иисус возвратился в состоянии вдохновения, ибо это значит «в силе духа». Глубоко внимай Писанию, потому что тогда написано: «в силе духа», когда Он победил искушителя и явил силу Свою. Слова: «отошел от Него до времени» имеют такой смысл: диавол нападает на Господа двумя чувствованиями, — удовольствием и скорбью; удовольствием он напал на Господа, например, на горе; а отступил от Него до времени, то есть до времени Креста, ибо тогда намеревался напасть на Него скорбью.

И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать. Ему подали книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу проповедовать лето Господне благоприятное. И, закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами.

Господь пожелал явить Себя израильтянам, потому что и помазан был от Бога и Отца на то, чтобы спасти живущих в поднебесной. Чудно устрояет Он это. Прежде иных Он является жителям Назарета, с которыми был воспитан, чтобы и нас научить, что нужно благодетельствовать прежде своим и научить их, а потом изливать человеколюбие и на прочих. Когда подали Ему книгу, Он ее разгнул и нашел не то, что случайно попало, но чего Сам желал. Ибо не думай, будто Он открыл книгу и случайно нашлось то место, в котором написано о Нем; это случилось по Его желанию. Что же было написано? «Дух Господень помазал Меня», то есть посвятил Меня, поставил Меня на благовествование «нищим», то есть язычникам, которые, не имея ни закона, ни пророков, действительно были в большой нищете. «Сокрушенные сердцем» были, быть может, израильтяне, у которых сердце сначала было велико и высоко и было домом Божиим, а впоследствии, когда они стали служить идолам и грешить разным образом, сердце их сокрушилось и расстроилось, став вместо дома Божия вертепом разбойников. Итак, Господь пришел, чтобы и их исцелить, и дать «пленным освобождение» и

«слепым прозрение», язычникам и израильтянам. Ибо обе сии части были и пленными у сатаны, и слепыми. Можно разуместь это и о мертвых. Ибо и они, быв пленными, и сокрушенными, через Воскресение освободились из-под власти ада. — Проповедал «лето Господне благоприятное». Что же это за лето благоприятное? Быть может, и будущий век, о котором Господь проповедал, говоря: «и в тот день вы не спросите Меня ни о чем» (Ин. 16, 23), и опять: «наступает время, когда мертвые оживут» (Ин. 5, 25). Но приятное лето есть и время пришествия Господа во плоти. О нем Павел говорит: «теперь время благоприятное, теперь день спасения» (2 Кор. 6, 2). Прочитав это, Он сказал: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами», очевидно, указывая в Себе слушателям Того, о Котором это писано.

И все засвидетельствовали Ему это, и дивились словам благодати, исходившим из уст Его, и говорили: не Иосифов ли это сын? Он сказал им: конечно, вы скажете Мне присловие: врач! исцели Самого Себя; сделай и здесь, в Твоем отечестве, то, что, мы слышали, было в Капернауме. И сказал: истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве. Поистине говорю вам: много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что сделался большой голод по всей земле, и ни к одной из них не был послан Илия, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую; много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина. Услышав это, все в синагоге исполнились ярости и, встав, выгнали Его вон из города и повели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его; но Он, пройдя посреди них, удалился.

Народ, слушая речь Христову, удивлялся словам благодати; удивляясь же, насмехался над Ним, говоря: не это ли сын плотника? Между тем, что препятствовало быть Ему достойным удивления и поклонения? Не видишь ли, какие творит Он дела? Не слышишь ли, какие Он говорит речи? Несмотря на то, ты осмеиваешь отца Его? О них-то, как нельзя более справедливо, можно сказать: «народ глупый и неразумный, у которого есть глаза, а не видит, у которого есть уши, а не слышит» (Иер. 5, 21). Что же говорит им Господь? Конечно, вы скажете Мне: сделай и в отечестве Своем те же чудеса, какие и в Капернауме сделал. Ибо это значит: «врач! исцели Самого Себя». Это была общая у иудеев поговорка, которую они обращали к больным врачам. Но Я говорю вам, что Я сделал бы много знамений и у вас, Моих соотечественников, но знаю общую и со всеми случающуюся страсть — презирать и самые отличные дела, коль скоро они перестают быть редкими, а становятся общими и обыкновенными, и когда все могут свободно наслаждаться ими. Ибо люди всегда имеют обычай заботиться о редком и странном и ему дивиться, а общее и обычное — презирать. Поэтому ни один пророк не ценится в своем отечестве, но если он придет из какой-нибудь другой страны, ему удивляются. Так и Илию вдовы иудейские не приняли, а сарептяныня приняла. И Елисей очистил от проказы иноземца, потому что сей явил веру к нему, тогда как знакомые соотечественники его не верили ему, и потому не очищались. Подобным образом и вы, соотечественники Мои, считаете Меня достойным не удивления, а презрения, а потому и Я знамений не творю. Жители же Капернаума считают Меня достойным удивления, и Я знамения творю, и принят ими. Слышащие это в синагоге наполнялись яростью, что достойно удивления, и думали бросить Его с утеса. Но Он, пройдя посреди их, ушел, не потому, впрочем, будто Он бегал от страданий, но потому, что ждал определенного времени. Ибо Он пришел пострадать за нас; а теперь, когда еще начиналась Его проповедь, Ему не должно было предавать Себя на смерть, но тогда скончаться, когда уже научит достаточно.

Из сего ясно, что когда Он был распят, не против Его воли был распят, но добровольно предал Себя на смерть. — Знай, что отечество пророков — синагога иудейская, у которой они в бесчестии. Ею пророки не приняты, а мы чужеродные приняли их. Ибо вдовица, то есть церковь из язычников, приняла Илию, то есть пророческое слово, когда в Иудее был голод духовный, то есть голод слышания слова Божия (Ам. 8, 11). О сей-то вдовице говорит пророк: «у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа» (Ис. 54, 1), и в другом месте: «даже бесплодная рождает семь раз, а многочадная изнемогает» (1 Цар. 2, 5).

И пришел в Капернаум, город Галилейский, и учил их в дни субботние. И дивились учению Его, ибо слово Его было со властью. Был в синагоге человек, имевший нечистого духа бесовского, и он закричал громким голосом: оставь; что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас; знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий. Иисус запретил ему, сказав: замолчи и выйди из него. И бес, повергнув его посреди [синагоги,] вышел из него, нимало не повредив ему. И напал на всех ужас, и рассуждали между собою: что это значит, что Он со властью и силою повелевает нечистым духам, и они выходят? И разнесся слух о Нем по всем окрестным местам.

Поскольку ни разум, ни учение не привлекают неверных к вере, то Господь присоединяет чудотворения, как самое действительное средство. Итак, творит чудеса в Капернауме, ибо жители сего города были самые неверные и для веры нуждались во многих чудесах. Итак, когда Он достаточно научил, и притом как имеющий власть (ибо Он не говорил: «Это говорит Господь», но: «Я говорю вам», потому что Он был не из числа пророков, но истинный Сын Божий), после этого присоединяет и чудо, именно: исцеляет мучимого бесом. Бес сначала обнаруживает вражду, чтобы свидетельство его было достовернее, потом приводит свидетельство: «знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий». Сначала упрекает Его: зачем Ты пришел сюда погубить нас? Потом ласкает Его, думая, что Господь, увлеченный лаской, оставит его. Но Господь, научая не пользоваться свидетельством и представлением от беса, говорит: «замолчи и выйди из него». Впрочем, позволяет бесу повергнуть человека, чтобы присутствующие узнали, что он подлинно имеет беса, которому и слова принадлежали, хотя орудием был язык человека. И все говорили друг другу, удивляясь случившемуся и говоря: что это за слово, то есть что это за повеление, которым Он повелевает: выйди из него и замолчи? — Знай же, что и ныне многие имеют бесов, именно те, кои исполняют пожелания бесов; например, кто гневлив, тот имеет беса гнева. Но когда придет Иисус в синагогу, то есть когда ум будет сосредоточен, а не рассеян, тогда скажет бесу гнева, доселе неукротимому: «замолчи»; и он тотчас выйдет из человека, повергнув его на средину. Что же значит бросить на средину, знай: человек должен быть ни совершенно гневлив и раздражителен, ибо это свойственно зверям, ни совершенно безгневен, ибо это свойственно бесчувственному, но идти средним путем и иметь гнев против злобы. Итак, когда дух лукавый бросит кого-нибудь на средину, то уходит от него.

Выйдя из синагоги, Он вошел в дом Симона; тёща же Симона была одержима сильною горячкою; и просили Его о ней. Подойдя к ней, Он запретил горячке; и оставила ее. Она тотчас встала и служила им. При захождении же солнца все, имевшие больных различными болезнями, приводили их к Нему и Он, возлагая на каждого из них руки, исцелял их. Выходили также и бесы из многих с криком и говорили: Ты Христос, Сын Божий. А Он запрещал им сказывать, что они знают, что Он Христос. Когда же настал день, Он, выйдя из [дома,] пошел в пустынное место,

и народ искал Его и, придя к Нему, удерживал Его, чтобы не уходил от них. Но Он сказал им: и другим городам благовествовать Я должен Царствие Божие, ибо на то Я послан. И проповедовал в синагогах Галилейских.

Господь всех питался гостеприимством учеников, подобно как и теперь Он принят Петром и исцеляет тещу его, чтобы и тебя научить не отказываться от благорасположения бедных. Не просто исцеляет ее от болезни, но придает ей крепкое здоровье и силу для служения. Если и мы примем Его, Он угасит нашу горячку, горячку гнева и нехотения, и восставит нас так, что мы в состоянии будем служить Ему, то есть делать угодное Ему. — Посмотри, прошу тебя, и на веру народа, как он и при захождении солнца приносил больных и не удерживался временем. — Не позволяет бесам говорить так потому, что не нуждается в похвале от нечистых, ибо «неприятна похвала в устах грешника» (Сир. 15, 9), так и потому, что не желает возжечь в евреях зависть при похвале Ему от всех. Народ ищет Его, хотя Он ушел в пустое место и удерживает Его. Но Он не ограничивается одним местом, а говорит, что Мне должно благовестить Царство Божие и другим городам. Поэтому и нам не должно быть ленивыми, не довольствоваться одним местом заключения, но всюду обходить, чтобы кому-нибудь принести пользу.

Глава пятая

Однажды, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать слово Божие, а Он стоял у озера Геннисаретского, увидел Он две лодки, стоящие на озере; а рыболовы, выйдя из них, вымывали сети. Войдя в одну лодку, которая была Симонова, Он просил его отплыть несколько от берега и, сев, учил народ из лодки. Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ; Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть. Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась. И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начинали тонуть. Увидев это, Симон Петр припал к коленям Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими пойманных; также и Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых, бывших товарищами Симону. И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков. И, вытащив обе лодки на берег, оставили всё и последовали за Ним.

Господь убегает от славы, а она тем более преследует Его. Когда народ теснился около Него, Он всходит на корабль, чтобы с корабля учить стоящих на берегу моря, так что все находились пред лицом Его, и никто не ушел за спину. А за то, что Он учил с корабля, Он не оставил владетеля его без награды. Он даже вдвойне его облагодетельствовал: одарил его множеством рыб и сделал Своим учеником. Подивись смотрению Господа, как Он каждого привлекает через свойственное и сродное ему средство, например: волхвов — посредством звезды, а рыбарей — посредством рыб. Заметь и кротость Христа, как Он умоляет Петра отплыть от земли, ибо «просил», разумея, вместо «умолял», и то, как благопокорен был Петр: Человека, Которого не видал, он принял на свой корабль и во всем ему повинуется. Когда Сей сказал ему, чтобы он отплыл на глубину, тот не отяготился, не сказал: всю ночь я трудился и ничего не приобрел, и Тебя ли теперь послушаю, и вдамся в новые труды? Ничего такого он

не сказал, но напротив: «по слову Твоему закину сеть». Так Петр был тепл в вере и прежде веры! За то и поймал он столько рыб, что не мог один вытащить их, а знаками пригласил и соучастников, то есть общников, бывших на другом корабле. Знаками пригласил их потому, что пораженный необычайной ловлей не мог говорить. Далее, Петр в глубоком благоговении просит Иисуса сойти с корабля, говоря о себе, что он грешник и недостойн быть вместе с Ним. Если хочешь, понимай это и в переносном смысле. Корабль есть синагога иудейская. Петр представляет образ учителей Закона. Учители, бывшие до Христа, всю ночь трудились (ибо время до пришествия Христова — ночь) и ничего не достигли. А когда пришел Христос и настал день (Рим. 13, 12), то апостолы, поставленные на место законоучителей, по слову, то есть по заповеди Его, закидывают сеть Евангелия и уловляют множество людей. Но апостолы одни не могут вытащить сеть с рыбами, а приглашают и соучастников своих, и сообщников, и влекут вместе с ними. Это суть пастыри и учителя церквей всех времен; они, преподавая и объясняя учение апостольское, помогают апостолам ловить человек. Обрати внимание и на выражение: «закинули сеть». Ибо Евангелие есть сеть, имеющая изложение речи смиренное, простое и приближенное к простоте слушателей; поэтому и говорится, что оно закинуто. Если же кто скажет, что через закидывание сети означает глубина мыслей, то и с этим можно согласиться. Итак, исполнилось слово пророка, сказавшего: «Вот, Я пошлю множество рыболовов, говорит Господь, и будут ловить их; а потом пошлю множество охотников, и они погонят их со всякой горы, и со всякого холма, и из ущелий скал» (Иер. 16, 16). Рыбарями назвал он святых апостолов, а ловцами правителей и учителей церкви последующих времен.

Когда Иисус был в одном городе, пришел человек весь в проказе и, увидев Иисуса, пал ниц, умоляя Его и говоря: Господи! если хочешь, можешь меня очистить. Он простер руку, прикоснулся к нему и сказал: хочу, очистишься. И тотчас проказа сошла с него. И Он повелел ему никому не сказывать, а пойти показаться священнику и принести [жертву] за очищение свое, как повелел Моисей, во свидетельство им. Но тем более распространялась молва о Нем, и великое множество народа стекалось к Нему слушать и врачеваться у Него от болезней своих. Но Он уходил в пустынные места и молился.

Прокаженный сей достоин удивления, потому что имеет о Господе мысль, достойную Бога, и говорит: «если хочешь, можешь меня очистить». Это показывает, что он помышляет о Христе как о Боге. Ибо он пришел не как ко врачу (так как проказа неизлечима руками врачей), но как к Богу; ибо Ему Одному возможно исцелять от такого рода болезней. Господь «прикасается» к нему не без причины. Но поскольку, по Закону, прикасающийся к прокаженному считался нечистым, то, желая показать, что Он не имеет нужды соблюдать подобные мелкие предписания Закона, но Сам есть Господь Закона, и что чистый несколько не оскверняется от кажущегося нечистым, но что проказа душевная, именно она, оскверняет, — для сей цели прикасается, а вместе и для того, чтобы показать, что святая Плоть Его имеет Божественную силу — очищать и животворить, как истинная Плоть Бога Слова. Заповедует прокаженному не сказывать никому о Нем для того, чтобы нас научить не искать похвалы от тех, кому благотворим; но говорит: пойдя, покажись священнику и принеси дар во свидетельство им. Ибо Закон был такой, чтобы священник осматривал прокаженных и определял, очистились ли они, и если прокаженный очистился в семь дней, он оставался внутри города, если же нет, был изгоняем (Лев, 13). Поэтому-то Господь сказал: ступай, покажись священнику и принеси дар. Какой же был дар? Две птицы (Лев. 14). Что

значит: «во свидетельство им»? Значит — в обличение их и осуждение; чтобы, если будут обвинять Меня, как преступника Закона, убедились, что Я не преступаю его, убедились из повеления тебе принести дар, заповеданный Моисеем. Кстати, можно сказать и о том, как эти две птицы приносились Богу. Одну птицу закалали, и кровь ее брали в новый глиняный сосуд; потом оба крыла другой птицы обмакивали в крови и таким образом отпускали птицу живой. Сим изображалось то, что имело сбыться на Христе. Два крыла суть две природы Христа, Божеская и человеческая, из коих одна была заклана, то есть человеческая, а другая осталась живой. Ибо природа Божественная пребыла бесстрастной, помазавшись кровью природы пострадавшей и страдание восприняв на себя. Кровь Господа принял новый глиняный сосуд, то есть новый народ из язычников, способный к принятию Нового Завета. Смотри: когда кто уже очистится от проказы, тогда достоин приносить этот дар, то есть закапать Христа и священнодействовать. Ибо прокаженный и нечистый по душе не может быть удостоен приносить такие дары, то есть приносить Тело и Кровь Господа, соединенные с Божеской природой. Внимай и тому, какое несказанное преимущество имеет Господь над Моисеем. Моисей, когда сестра его поражена была проказой, не мог ухаживать ее, хотя много молился (Чис. 12, 10-15), а Господь очистил прокаженного одним словом. Заметь и смирение Господа, как Он, когда народ желал прикасаться Ему, с особенной охотой проводил время в пустынях и молился. Так Он во всем подавал нам образец — молиться наедине и уклоняться от славы.

В один день, когда Он учил, и сидели тут фарисеи и законоучители, пришедшие из всех мест Галилеи и Иудеи и из Иерусалима, и сила Господня являлась в исцелении [больных, —] вот, принесли некоторые на постели человека, который был расслаблен, и старались внести его [в дом] и положить перед Иисусом; и, не найдя, где пронести его за многолюдством, влезли на верх дома и сквозь кровлю спустили его с постелью на средину пред Иисуса. И Он, видя веру их, сказал человеку тому: прощаются тебе грехи твои. Книжники и фарисеи начали рассуждать, говоря: кто это, который богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога? Иисус, уразумев помышления их, сказал им в ответ: что вы помышляете в сердцах ваших? Что легче сказать: прощаются тебе грехи твои, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — сказал Он расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой. И он тотчас встал перед ними, взял, на чём лежал, и пошел в дом свой, славя Бога. И ужас объял всех, и славили Бога и, быв исполнены страха, говорили: чудные дела видели мы ныне.

Перед собранием врагов Господу нужно было совершить какое-нибудь новейшее знамение. Поэтому Он исцеляет человека, болящего неизлечимой болезнью, чтобы через ухаживание такой болезни ухаживать и неизлечимое безумие фарисеев. Сначала Он врачует болезни души, сказав: оставляются тебе грехи твои, — чтобы мы знали, что многие болезни рождаются от грехов; потом исцеляет и немощь тела, видя веру принесших. Ибо Он часто по вере одних спасает других. А фарисеи говорят: что Он произносит хулы? Кто может отпускать грехи, кроме одного Бога? Говорят они это, осуждая Его на смерть. Ибо Закон повелевал наказывать смертью того, кто скажет хулу на Бога (Лев. 24, 16). Господь, чтобы показать им, что Он есть истинный Бог и не выдает себя за Бога по тщеславию, убеждает их другим знамением. Он сам узнает, о чем они помышляли в себе. Отсюда совершенно явно, что Он Бог, ибо знать сердца свойственно Богу (1 Пар. 28, 9; 2 Пар. 6, 30). Итак, Он говорит:

что вам кажется удобнее — грехи отпустить или телу дать здоровье? Конечно, по вашему мнению, отпущение грехов кажется удобнее, как дело невидимое и необличимое, хотя оно труднее, — а выздоровление тела кажется труднее, как дело видимое, хотя в сущности оно удобнее. Однако ж Я сделаю и то, и другое, и через исцеление тела, что для вас кажется труднейшим, удостоверю и в врачевании души, которое хотя и трудно, но, как невидимое, вам кажется удобным. Смотри: грехи оставляются на земле. Ибо пока мы находимся на земле, мы можем загладить наши грехи, а после того, как переселимся с земли, мы уже не можем сами загладить наших грехов исповедью: ибо дверь заперта. Но об этом предмете мы сказали обширнее в объяснении других евангелистов (см. Мф. 9; Мк. 2).

После сего [Иисус] вышел и увидел мытаря, именем Левия, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он, оставив всё, встал и последовал за Ним. И сделал для Него Левий в доме своем большое угощение; и там было множество мытарей и других, которые возлежали с ними. Книжники же и фарисеи роптали и говорили ученикам Его: зачем вы едите и пьете с мытарями и грешниками? Иисус же сказал им в ответ: не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию.

Матфей не прикрывает, но прямо объявляет свое имя, говоря: «Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфей» (Мф. 9, 9). Но Лука и Марк, из уважения к евангелисту, выставляют другое имя его, именно Левий. Подивись человеколюбию Божию, как Он похищает сосуды лукавого. Ибо мытарь — сосуд лукавого и зверь лукавый. Испытавшие жестокости сборщиков знают это. Ибо мытари суть те, кои откупают народные подати, чтобы через то приобрести выгоду и уплатить повинности за собственные души. Господь не только Матфея приобрел, но старался приобрести и других мытарей, с которыми Он обедал. Ибо Он затем и благоволил есть с ними, чтобы привлечь и их. Смотри же, что слышат фарисеи, обвинявшие Его. Я, — говорит, — не пришел призвать праведников, то есть вас, которые сами себя делаете праведниками, а пришел призвать грешников, не для того, впрочем, чтоб они оставались во грехе, но чтобы покались. И иначе: Я не пришел праведных призвать, потому что не нахожу их, так как все согрешили (Пс. 13, 1-3); если бы можно найти было праведных, Я не пришел бы. Мытарь же есть и всякий, кто работает миродержителю и вносит подать плоти. Чревоугодник платит подать плоти яствами, блудник — нечистыми связями, иной — иным. Когда же Господь, то есть Евангельское Слово, увидит его «сидящего» у сбора пошлин, то есть не преуспевающим, не идущим вперед и не подвизающимся на большее зло, но как бы бездеятельным, то восставит его от зла, и он последует за Иисусом и примет Господа в дом души своей. А фарисеи, надменные и отсеченные бесы (ибо фарисей означает отсеченный от других), ропщут на то, что Он ест с грешниками.

Они же сказали Ему: почему ученики Иоанновы постятся часто и молитвы творят, также и фарисейские, а Твои едят и пьют? Он сказал им: можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни. При сем сказал им притчу: никто не приставляет заплат к ветхой одежде, отодрав от новой одежды; а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплат от новой. И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда

сбережется и то, и другое. И никто, пив старое [вино,] не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше.

Об этом мы сказали в объяснении на Евангелие от Матфея (см. гл. 9 и Мк. 2) и теперь скажем кратко, что сынами брака называет апостолов. Пришествие Господа уподобляется браку, потому что Он принял Церковь в Невесту Себе. Поэтому апостолам теперь не нужно поститься. Ученики Иоанновы должны поститься, так как учитель их совершал добродетель с трудом и болезнью. Ибо сказано: «пришел Иоанн, ни ест, ни пьет» (Мф. 11, 18). А Мои ученики, как пребывающие со Мною — Богом Словом, теперь не нуждаются в пользе поста, потому что они от сего самого (пребывания со Мною) облагодетельствованы и Мною сохраняются. Когда же Я буду взят, а они будут посланы на проповедь, тогда они будут и поститься, и молиться, как приготовившиеся к великим подвигам. И иначе: теперь, будучи слабы и еще не обновлены Духом, они подобны старым мехам и старой одежде. Поэтому их не должно обременять каким-нибудь очень трудным образом жизни, подобно как и к обветшалой одежде не пришивают новой заплаты. Итак, можешь принять, что старым мехам уподоблены апостолы как еще слабые, а можешь разуместь, что им уподоблены и фарисеи.

Глава шестая

В субботу, первую по втором дне Пасхи, случилось Ему проходить засеянными полями, и ученики Его срывали колосья и ели, растирая руками. Некоторые же из фарисеев сказали им; зачем вы делаете то, чего не должно делать в субботы? Иисус сказал им в ответ: разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? Как он вошел в дом Божий, взял хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме одних священников, и ел, и дал бывшим с ним? И сказал им: Сын Человеческий есть господин и субботы.

Иудеи всякий праздник называли субботой,

ибо суббота — значит покой. Часто праздник встречался в пятницу, а эту пятницу, ради праздника, называли субботой. Потом собственно субботу называли второпервой, как вторую после предшествовавшего иного праздника и субботы. Подобное случилось и тогда, и суббота сия названа второпервой. Фарисеям, обвиняющим учеников за то, что они в субботу ели, «срывая», то есть сощипывая, колосья и кроша, то есть растирая руками, Господь указывает на Давида, взалкавшего и евшего хлебы предложения. Ибо он, бегая от Саула, прибыл к первосвященнику Авиафару и обманул его, сказав, что царь послал его на одно нужное дело, и в алчбе взял от священника хлебы предложения, которых каждый день предлагалось на священной трапезе по двенадцати, по шести с правой и по шести с левой руки (Лев. 24, 5. 6). Получил он также и меч Голиафа (1 Цар. 21, 1-9). Господь, напоминая им эту историю, поступком Давидовым пристыжает их. Если вы, — говорит, — Давида почитаете, то как же осуждаете Моих учеников? И иначе: Сын Человеческий, то есть Я, господин субботы, и как Создатель и Творец, и Владыка, и Законоположник, имею власть разрушить субботу. «Сыном Человеческим» мог быть назван не иной кто, как Христос, который будучи Сыном Божиим, ради человеков пречудно соизволил быть и именоваться Сыном Человеческим. Ибо нет ничего нового в том, что меня и тебя называют сыном человеческим, а то замечательно, что Он, пречудно вочеловечившийся, называется Сыном Человеческим.

Случилось же и в другую субботу войти Ему в синагогу и учить. Там был человек, у которого правая рука была сухая. Книжники же и фарисеи наблюдали за Ним, не исцелит ли в субботу, чтобы найти обвинение против Него. Но Он, зная помышления их, сказал человеку, имеющему сухую руку: встань и выступи на средину. И он встал и выступил. Тогда сказал им Иисус: спрошу Я вас: что должно делать в субботу? добро, или зло? спасти душу, или погубить? Они молчали. И, посмотрев на всех их, сказал тому человеку: протяни руку твою. Он так и сделал; и стала рука его здорова, как другая. Они же пришли в бешенство и говорили между собою, что бы им сделать с Иисусом.

Что мы сказали в объяснении на Евангелие от Матфея, то известно (см. гл. 11; Мк. 3). А теперь скажем, что сухую имеет руку тот, кто не совершает никаких дел благочестия. Ибо рука есть орудие деятельности, а у кого она иссохла, тот, без сомнения, празден. Итак, кто желает вылечить свою руку, уврачуем ее в субботу. Поясним. Не может тот совершать дела благочестия, кто прежде не успокоится от злобы. Уклонись прежде от зла, и тогда сотвори благое (Пс. 36, 27). Итак, когда будешь субботаствовать, то есть покоиться от злых дел, тогда прострешь руку твою на дела благочестия, и она у тебя восстановится. Прилично сказать: «стала рука его здорова». Ибо было время, когда человеческая природа имела деятельность добрую и руку, то есть деятельную силу, здоровую; потом утратила ее и по благодати Христовой снова приобрела ее, и возвратилась к прежнему добру.

В те дни взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу. Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами: Симона, которого и назвал Петром, и Андрея, брата его, Иакова и Иоанна, Филиппа и Варфоломея, Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона, прозываемого Зилотом, Иуду Иаковлева и Иуду Искариота, который потом сделался предателем. И, сойдя с ними, стал Он на ровном месте, и множество учеников Его, и много народа из всей Иудеи и Иерусалима и приморских мест Тирских и Сидонских, которые пришли послушать Его и исцелиться от болезней своих, также и страждущие от нечистых духов; и исцелялись. И весь народ искал прикасаться к Нему, потому что от Него исходила сила и исцеляла всех.

Господь все творит в наше научение, чтобы и мы также делали, как Он. Вот, например, Он намерен молиться. Он восходит на гору. Ибо молиться должно, успокоившись от дел и не пред лицом многих, и молиться через всю ночь, а не так, чтоб стать на молитву и сейчас же перестать. — Избирает учеников после молитвы, желая научить, чтобы и мы, когда нам придется поставить кого-нибудь на духовное служение, брались за это дело с молитвой, искали руководства от Бога и Его просили показать нам достойного. — Избрав двенадцать, сходит с горы, чтобы исцелить пришедших из городов и облагодетельствовать вдвойне, именно: по душе и по телу. Ибо слушай: «пришли послушать Его» — это врачевание душ; «и исцелиться от болезней своих» — это врачевание тел. — «От Него исходила сила и исцеляла всех». Пророки и другие святые не имели силы, исходящей от них, ибо они не были сами источниками сил. А Господь имел силу, исходящую от Него, ибо Он Сам был источник силы, тогда как пророки и святые получали особенную силу свыше.

И Он, возведя очи Свои на учеников Своих, говорил: Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны

плачущие ныне, ибо воссмеетесь. Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их. Напротив, горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете. Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их.

Господь, рукоположив учеников, через блаженства и учение приводит их в более духовное состояние. Ибо Он ведет речь с обращением к ним. И, во-первых, ублажает бедных; хочешь, разумей под ними смиренномудрых, хочешь — ведущих жизнь несребролюбивую. Вообще же все блаженства научают нас умеренности, смирению, уничижению, перенесению поношений. Подобно как «горе» назначается в удел тем, кои богаты в нынешнем веке (о коих говорит, что они получают утешение, то есть здесь, в настоящем веке, вкушают радости, веселятся, наслаждаются удовольствиями и получают похвалы). Устрашимся, братие, поскольку горе тем, кои имеют похвалу от людей. Ибо должно заслужить похвалу и от людей, но прежде от Бога.

Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними. И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даёте тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд.

Апостолы имели быть посланы на проповедь и потому ожидали себе многих гонителей и наветников. Итак, если б апостолы, тяготясь гонением, потом желая отомстить оскорбителям, умолкли и перестали бы учить, то солнце Евангелия погасло бы. Поэтому-то Господь предварительно убеждает апостолов не приступать к мщению врагам, но все случающееся переносить мужественно, будет ли кто обижать их, или несправедливо злоумышлять против них. Так и Сам Он поступил на Кресте, говоря: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34). Потом, чтобы апостолы не сказали, что такая заповедь — любить врагов — невозможна, Он говорит: чего желаешь ты себе самому, то делай и другим, и будь в отношении к другим таков, каковыми желаешь иметь в отношении к тебе самому других. Если желаешь, чтобы враги твои были для тебя суровы, несострадательны и гневливы, то будь и ты таков. Если же, напротив, желаешь, чтобы они были добры и сострадательны, и непамятозлобивы, то не считай невозможным делом — и самому быть таковым. Видишь ли врожденный закон, в сердцах наших написанный? Так и Господь сказал: «вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его» (Иер. 31, 33). Потом предлагает им и другое побуждение, именно: если вы любите любящих вас, то вы подобны

грешникам и язычникам; если же вы любите злобствующих на вас, то вы подобны Богу, который благ к неблагодарным и злым. Итак, чего вы желаете: грешникам ли быть подобными, или Богу? Видишь ли Божественное учение? Сначала Он убеждал тебя законом естественным: чего желаешь себе, то делай и другим; потом убеждает и кончиной, и наградой, ибо в награду вам обещает то, что вы будете подобны Богу.

Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какую мерою мерите, такую же отмерится и вам. Сказал также им притчу: может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму? Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его.

Господь отсекает от наших душ самую трудную болезнь, разумею, корень высокомерия. Ибо кто не надзирает за самим собой, а только за ближним подсматривает и желает его опорочить, тот, очевидно, плененный высокомерием, забыл самого себя. Он всеконечно думает о себе, что он не грешит, и поэтому осуждает других, когда они грешат. Итак, если не желаешь быть осужденным, не осуждай других. Ибо скажи, пожалуй, почему ты другого осуждаешь, как преступника Божественных Законов во всем? А ты сам разве не преступаешь Божественного Закона (не говорю о других грехах) тем самым, что других осуждаешь? Ибо Закон Божий решительно повелевает тебе не осуждать брата. Значит, и ты преступаешь Закон. А будучи сам преступником, ты не должен осуждать другого как преступника; ибо Судия должен быть выше природы, впадающей в грех. Итак, отпускай, и тебе отпущено будет; давай, и тебе дано будет. Ибо меру хорошую, надавленную, натрясенную и преисполненную дадут в недра ваши. Ибо Господь будет возмерять не скупю, а богато. Как ты, намереваясь отмерять какой-нибудь муки, если желаешь отмерять без скупости, надавливаешь ее, натрясываешь и накладываешь с избытком, так и Господь даст тебе меру большую и преисполненную. Быть может, иной остроумный спросит: как Он говорит, что дадут в недра ваши меру преисполненную, когда сказал, что возмерится вам той же мерой, какой вы мерите, ибо если переливается через верх, то не та же самая? Отвечаем, Господь не сказал: возмерится вам «тою же» мерой, но «такую же». Если бы Он сказал: «тою же мерою», тогда речь представляла бы затруднение и противоречие; а теперь, сказав: «такую же», Он разрешает противоречие, ибо можно мерить и одной мерой, но не одинаково. Господь то и говорит: если ты будешь благодотворить, и тебе будут благодотворить. Это — такая же мера. Преисполненной названа она потому, что за одно твое благодеяние тебе заплатят бесчисленными. — То же самое и об осуждении. Ибо осуждающий получает той же самой мерой, когда его впоследствии осуждают; поскольку же он осуждается более, как осудивший ближнего, то мера сия преисполнена. Господь, сказав это и запретив нам осуждать, представляет нам и притчу, то есть пример. Он говорит: осуждающий другого и сам те же грехи делающий! скажи, пожалуй, не подобен ли ты слепцу, руководящему слепцу? Ибо если ты осуждаешь другого, а сам впадаешь в те же грехи, то вы оба слепы. Хотя ты и думаешь, что через осуждение руководишь его на добро, но ты не руководишь. Ибо как он будет наставлен тобой на добро, когда ты и сам падаешь? Ученик не бывает выше учителя. Если, поэтому, ты, мнимый учитель и руководитель, падаешь, то, без сомнения, падает и руководимый тобой ученик. Ибо и приготовленный ученик, то есть совершенный, будет таков, каков его учитель. Сказав сие о том, что нам не должно осуждать слабейших нас и, по-видимому, грешных, Он присовокупляет и нечто другое на тот же предмет.

Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь? Или, как можешь сказать брату твоему: брат! дай, я выну сучок из глаза твоего, когда сам не видишь бревна в твоём глазе? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего. Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый, ибо всякое дерево познаётся по плоду своему, потому что не собирают смокв с терновника и не снимают винограда с кустарника. Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его.

Что, — говорит, — видишь сучок, то есть малый грех своего брата, и не замечаешь бревна — великого своего греха? Это может относиться и ко всем, а особенно к учителям и начальникам, которые и малые погрешности своих подчиненных наказывают, а свои, как бы ни были они велики, оставляют безнаказанными. Потому-то Господь и называет их лицемерами, что они иными кажутся (ибо, наказывая погрешности других, они кажутся праведными), и иное — на деле, ибо и сами грешат, да еще хуже. Потом подтверждает речь Свою и примером. Как хорошее дерево, — говорит, — не приносит плода гнилого, а дерево гнилое не приносит хорошего плода, так и тот, кто намеревается уцеломудрить других, исправить и привести в лучшее состояние, сам не должен быть зол; если же сам будет зол, то других не сделает лучшими. Ибо сердце каждого есть сокровищница. Если она вмещает добро, то и человек добр, и говорит доброе; если же сердце полно зла, то и человек зол, и говорит злое. Всю эту речь можешь разуместь и о фарисеях. Ибо Он, обращаясь к ним, сказал: выбрось прежде бревно из своего глаза, и тогда уже сучок из глаза брата своего, подобно как и в другом месте сказал: «оцеживающие комара, а верблюда поглощающие» (Мф. 23, 24). Как же, — говорит, — вы, фарисеи, будучи гнилыми деревьями, можете принести добрые плоды. Ибо как учение ваше гнило, так и жизнь, так как вы говорите от избытка сердца. Как же вы будете исправлять других и наказывать преступления других, когда сами грешите больше?

Что вы зовете Меня: Господи! Господи! — и не делаете того, что Я говорю? Всякий, приходящий ко Мне и слушающий слова Мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен. Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне; почему, когда случилось наводнение и вода напёрла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне. А слушающий и неисполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда напёрла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое.

Это необходимо относится к нам, которые устами исповедуем Его Господом, а делами отрекаемся от Него (Тит. 1, 16). Если, — говорит, — Я — Господь, то вы во всем должны поступать как рабы. А долг рабов — делать то, что Господь повелевает. Потом говорит нам, какая польза тому, кто слушает Его и не только слушает, но и на деле исполняет. Таковой подобен человеку, строящему дом, построившему оный на камне. Камень же, как свидетельствует апостол (1 Кор. 10, 4), — Христос. — Копает и углубляет тот, кто принимает слова Писания не поверхностно, а изыскивает глубины их духом. Таковой основывает на камне; потом, когда случится наводнение, то есть гонение или искушение, река подступит к этому дому, то есть искушитель, бес ли то, или человек, и, однако ж, не может поколебать

его. Искушающий человек очень справедливо может быть сравнен с наводнением реки. Ибо как наводнение речное производит вода, сверху падающая, так и человека искусителя возвращает сатана, спадший с неба. Дом тех, кои не соблюдают слов Господа, падает, и разрушение сего дома бывает большое. Ибо падения слушающих, но не творящих, велики, потому что не слышавший и не сделавший погрешает легче, а слышавший и, однако ж, не исполняющий согрешает тяжелее.

Глава седьмая

Когда Он окончил все слова Свои к слушавшему народу, то вошел в Капернаум. У одного сотника слуга, которым он дорожил, был болен при смерти. Услышав об Иисусе, он послал к Нему Иудейских старейшин просить Его, чтобы пришел исцелить слугу его. И они, придя к Иисусу, просили Его убедительно, говоря: он достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу. Иисус пошел с ними. И когда Он недалеко уже был от дома, сотник прислал к Нему друзей сказать Ему: не трудись, Господи! ибо я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой; потому и себя самого не почел я достойным придти к Тебе; но скажи слово, и выздоровеет слуга мой. Ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдя, и идет; и другому: придя, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает. Услышав сие, Иисус удивился ему и, обратившись, сказал идущему за Ним народу: сказываю вам, что и в Израиле не нашел Я такой веры. Посланные, возвратившись в дом, нашли больного слугу выздоровевшим.

Сотник сей есть один и тот же с упоминаемым у евангелиста Матфея (гл. 8). Хотя Матфей и не говорит, что сотник посылал иудеев просить и молить Иисуса, но что из того? Ибо очень вероятно, что он сначала послал иудеев, а потом и сам пошел. Итак, что опустил Матфей, то говорит Лука. Может быть и то, что иудеи, снедаемые завистью, не допустили бы сотника прийти к ногам Иисусовым, ибо это доставило бы славу Иисусу, если б он, вынуждаемый крайностью, и сам пришел к Иисусу. Но, может быть, опять кто-нибудь спросит: как же Матфей говорит, что сотник через посланных просил Иисуса не приходить? На сие можно сказать, что нет ничего особенного в том, других ли послать, или самому прийти сказать это, то есть попросить не приходить. Но вера мужа, назвавшего себя недостойным посещения Иисусова, достойна удивления. Поэтому и Господь говорит: Я и в израильском народе не нашел такой веры. Ибо сотник был язычник, быть может, из римских отрядов. — Сотник же есть и всякий ум, который, имея много дел в жизни, берет верх над многим злом, но имеет больного раба — неразумную часть души, разумею гнев и похотение; ибо сии поставлены быть рабами. Он призывает Иисуса, послав к Нему посредниками иудеев, то есть помыслы и слова исповедания; ибо Иуда — значит исповедание. Ибо не исповедание ли и смирение выражают слова: я недостойн того, чтоб Ты шел под кров мой и прочее? Итак, когда он уверует в Иисуса, то скоро он уврачуеет раба своего, то есть гнев и похотение.

После сего Иисус пошел в город, называемый Наин; и с Ним шли многие из учеников Его и множество народа. Когда же Он приблизился к городским воротам, тут выносили умершего, единственного сына у матери, а она была вдова; и много народа шло с нею из города. Увидев ее, Господь сжалился над нею и сказал ей: не плачь. И, подойдя, прикоснулся к одру; несшие остановились, и Он сказал: юноша!

тебе говорю, встань. Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить; и отдал его [Иисус] матери его. И всех объял страх, и славили Бога, говоря: великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой.

Возвратив здоровье сотникову рабу даже заочно, Господь совершает еще новое чудо. Чтобы кто-нибудь не сказал: что же Он сделал нового над рабом; быть может, раб и не умер бы? — для этого Господь воскрешает мертвого, которого уже выносили. Не словом только Господь совершает чудо, но и одра касается, — чтобы мы познали, что Тело Его есть Тело жизни. Поскольку Плоть Его была собственной Плотью Слова, животворящего все, поэтому и сама животворит и разрушает смерть и тление. «Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить», чтобы кто-нибудь не подумал, что он воскрешен призрачно. А то, что он сел и начал говорить, было признаком истинного воскресения. Ибо тело без души не может ни сидеть, ни говорить. — Под вдовой можешь разуместь и душу, лишившуюся своего мужа, то есть Слова Божия, всеявшего добрые семена. Сын ее — ум, умерший и выносимый вне города, вышнего Иерусалима, который есть страна живых. Потом Господь, умилосердившись, касается одра. Одр ума — тело. Ибо тело есть поистине одр, гроб. Господь, коснувшись тела, воскрешает ум, делая его юным и отважным. Юноша, то есть ум этот, садится и, воскрешенный из гроба греха, начинает говорить, то есть учить других, потому что, доколе он одержим бывает грехом, он не может учить и говорить. Ибо кто ему поверит?

Такое мнение о Нем распространилось по всей Иудее и по всей окрестности. И возвестили Иоанну ученики его о всём том. Иоанн, призвав двоих из учеников своих, послал к Иисусу спросить: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого? Они, придя к [Иисусу,] сказали: Иоанн Креститель послал нас к Тебе спросить: Ты ли Тот, Которому должно придти, или другого ожидать нам? А в это время Он многих исцелил от болезней и недугов и от злых духов, и многим слепым даровал зрение. И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне! По отшествии же посланных Иоанном, начал говорить к народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Но одевающиеся пышно и роскошно живущие находятся при дворах царских. Что же смотреть ходили вы? пророка ли? Да, говорю вам, и больше пророка. Сей есть, о котором написано: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою.

Ибо говорю вам: из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя; но меньший в Царствии Божием больше его. И весь народ, слушавший [Его,] и мытари воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым; а фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него.

Слух о чуде, совершенном в Наине, разнесся по всей Иудее и окрестной стране. Дошел он и до учеников Иоанновых. При похвалах Господу они, как еще несовершеннолетние, досадовали. Поэтому Иоанн, желая показать им величие Христа и то, насколько он (Иоанн) отстоит от Него (Христа), устроит следующее: не делает ученикам никакого отзыва об Иисусе, а,

представляясь незнающим, посылает их, чтобы они, увидев чудеса, из самых дел уверовали, что весьма велико расстояние между Господом — Иисусом и рабом — Иоанном. Ибо не думай, будто Иоанн действительно не знал о Христе и потому послал учеников своих с вопросом. Он еще прежде рождения, в утробе матери, выиграл, как познавший Его и на Иордане свидетельствовал о Нем, как о Сыне Божиим, — Итак, он посылает учеников, повелевая им спросить Иисуса: «Ты ли Тот, Которому должно придти?» Видишь ли, как глубоко Иоанн ведет учеников к вере, что Иисус есть Бог? Ибо пророки называются «посланными», и сам Иоанн, как говорит евангелист, был человек «посланный» от Бога (Ин. 1, 6). А Господь — Грядущий, ибо Он пришел с властью, а не против воли. И так говорит: Ты ли Тот, Чьего пришествия в мир ожидают? — Иные под словами: «Которому должно придти» разумеют сошествие в ад, как бы так было сказано: Ты ли имеешь придти и в ад? Что же Господь? Зная, с каким намерением Иоанн послал учеников, именно: чтоб они увидели дела Его и от них пришли к вере, Он говорит посланным: возвестите, что видите. Потом перечисляет чудесные действия, о которых и пророками предвозвещено. Ибо слова: «Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромым вскочит, как олень, и язык немого будет петь» есть и у Исаии (35, 5-6). Потом говорит: «и блажен, кто не соблазнится о Мне», как бы так говоря им: и вы блаженны, если не соблазнитесь о Мне. Поскольку многие легко могли соблазниться об Иоанне, как он прежде столь много свидетельствовал о Христе, а теперь послал с вопросом: «Ты ли Тот, Которому должно придти?» — поэтому Христос говорит народу: ничего подобного не подозревайте об Иоанне. Он — не трость, чтобы склоняться то на ту сторону, то на другую, и чтобы в одно время свидетельствовать обо Мне, а в другое — не знать Меня. Ибо если б он был таков, тогда для чего бы вышли вы в пустыню смотреть его? Он отнюдь не растлил ума своего чувственными наслаждениями, ибо одежда его показывает, что он выше всякого наслаждения; притом он жил бы в палатах, если бы любил удовольствия. Но вы сами почитаете его за пророка? Истинно говорю вам, что он и больше пророка. Ибо другие пророки только предсказывали о Христе, а он видел Его и указал, говоря: «вот Агнец Божий»; притом другие пророки пророчествовали после того, как уже вышли из утробы своих матерей, а он узнал Господа и выиграл еще прежде, чем вышел из утробы. Потом приводит свидетельство: «вот, Я посылаю Ангела Моего» (Мал. 3, 1). Иоанн назван «Ангелом», быть может и потому, что жизнь его почти бесплотная и ангельская, а быть может и потому, что он возвестил пришествие Спасителя. «Говорю вам: из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна». Предтечу поставляет выше всех других. Потом как бы кто сказал: «И Тебя Самого, Христос, Иоанн больше»? прибавляет: а Я, меньший его, больше в Царстве Небесном; ибо хотя Меня считают меньшим его и по благородству, и по возрасту, и по славе, однако ж, в Царстве Небесном, то есть во всем Божественном и духовном, Я больше его. Итак, все люди, которые послушали Иоанна, оправдали Бога, то есть почтили Бога тем, что приняли Его пророка. А фарисеи не почтили Бога, поскольку не приняли Иоанна. — Некоторые иначе понимали слова: «из рожденных женами»; именно: хорошо сказал Господь: «из рожденных женами», исключая таким образом Себя. Ибо Он родился от Девы, а не от жены, то есть не от замужней женщины. — Иначе понимали и выражение «меньший в Царствии Божиим»; именно: меньший в жизни христианской есть больше праведного по Закону. Например, Иоанн непорочен по праведности законной. Но если кто крещен и не сделал еще ничего ни доброго, ни злого, то он хотя весьма мал в Царстве Небесном, то есть в проповеди христианской, больше, однако ж, некрещеного, хотя бы праведного по Закону. И иначе: поскольку Иоанн, хотя почти бесплотен и невеществен, однако ж, находится еще во плоти, то самый малый в воскресении, которое называет Царством Небесным, больше его.

Ибо тогда, получив совершенное нетление, мы не будем уже поступать по-плотскому, и малый тогда — больше праведного теперь, но еще носящего плоть.

Тогда Господь сказал: с кем сравню людей рода сего? и кому они подобны? Они подобны детям, которые сидят на улице, кличут друг друга и говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам плачевные песни, и вы не плакали. Ибо пришел Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет; и говорите: в нем бес. Пришел Сын Человеческий: ест и пьет; и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость всеми чадами ее.

У иудеев был род некоторой игры такой: большое число детей разделялось на две части, и, как бы в насмешку над жизнью, одни на одной стороне плакали, а другие на другой играли на свирели, и ни играющие не соглашались с плачущими, ни плачущие — с играющими. Господь и фарисеев представляет делающими нечто подобное. Ибо ни с Иоанном, ведущим плачевную жизнь и вводящим покаяние, не скорбели и не подражали ему, ни Иисусу, показывающему приятную жизнь, не повиновались и не соглашались с Ним, но от обоих отстранили себя, не оказав сочувствия ни Иоанну плачущему, ни Иисусу играющему и отпускающему. И наконец мудрость Божия оправдалась, то есть почтена не фарисеями, но ее чадами, то есть принявшими учение Иоанново и Иисусово.

Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница. Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель. Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил.

Этот фарисей, позвавший Господа, кажется, был неправых мыслей, но хитрый и полный лицемерия. Говорит: «если бы Он был пророк»; очевидно, он не веровал, когда так говорил. Господь хотя и знает его непрямоту, однако ж, идет к нему и обедает с ним, конечно, нас через это научая вести себя просто и прямо даже с теми, кои по отношению к нам коварны. — Многих занимает вопрос: сколько было жен, помазавших Господа миром? Одни говорят, что их было две: одна — упоминаемая в Евангелии от Иоанна, сестра Лазаря (Ин. 12, 3), и другая — та, о которой упоминают евангелисты Матфей (26, 2. 6-7) и Марк (14, 1. 3), и в настоящем месте Лука. Но я верю тем, кои говорят, что их (жен, помазавших Господа миром) было три: одна — сестра Лазаря, упоминаемая у Иоанна, помазавшая Господа за шесть дней до Пасхи, другая, — упоминаемая у Матфея и Марка, помазавшая за два дня до Пасхи, и третья — сия, упоминаемая теперь Лукой, помазавшая Господа в середине евангельской проповеди. И ничего нет странного, что она сделала это еще прежде, чем настало время страдания, а те сделали то же самое близ времени страдания, из подражания ей или по

другому побуждению. — Если упоминаемый у Матфея фарисей, позвавший Господа, назван Симоном, как и у Луки, то что удивительного в совпадении имен? Поскольку тот, о котором говорит Матфей, был прокаженный, а сей (у Луки) — нет; тот по исцелении от проказы пригласил Господа в знак благодарности, а сей не был прокаженным и не высказывал благодарности; тот ничего не говорит, а сей ропщет и осуждает в одно время Иисуса и жену сию как грешницу, а Того как человеколюбца. О, безумие! Человек поистине фарисей. Но Господь, спрашивая его притчами и выводя на середину двоих должников, незаметным образом высказывает, что и он есть должник, хотя и считающий себя меньше должным, но все-таки должник. Итак, ни ты, должный меньшим, не можешь отдать долг (ибо, одержимый гордостью, ты не имеешь исповедания), ни жена не может. Поэтому обоим будет отпущено. И кто возлюбит более? Без сомнения, тот, кому много отпущено. Сказав это, Он заграждает уста гордеца.

И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отёрла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи. И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: кто это, что и грехи прощает? Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя, иди с миром.

Господь обнаруживает в Симоне гордеца и безумца: гордеца, потому что он, сам будучи человеком, осудил человека за грехи; — безумца, поскольку не уразумел, что жену, которая явила такие знаки веры и любви, нужно было принять, а не отвергнуть. Поэтому Господь и обличает его в том, что он напрасно осудил жену, которая сделала столько, сколько сам он не сделал, не сделал даже гораздо низшего в сравнении с ней. Ты, например, не дал и воды на ноги, что самое обыкновенное дело, а она слезами омыла их; ты не облобызал Меня и в лицо, а она облобызала Мои ноги; ты не вылил и елея, а она возлила миро. Поскольку ты сказал, что Я — не пророк, так как Я не различил, что она — грешница, то вот Я обличаю помышления твоего сердца, чтобы ты знал, что Я знаю как сокровище в тебе, так еще более знаю относящееся до нее, что знают и многие другие. Итак, отпущаются грехи ее, потому что она много возлюбила, то есть обнаружила великую веру. — Возлежавшие вместе с Ним, и притом ропотники, не сообразили, что сказанное Им к Симону очень прилично идет и к ним. Господь, усмиряя ропот их и желая показать им, что всякого спасает вера его, не сказал: жена, Я тебя спасаю, — чтобы они не воскипели большей завистью, но: «вера твоя». Это сказал Он, как я уже заметил, частью для того, чтобы успокоить зависть их, а частью для того, чтобы ввести их в веру, дав им знать, что вера, именно она, спасает. «Иди с миром», то есть в праведности. Ибо праведность есть мир с Богом, подобно как грех — вражда на Бога. Смотри: отпустив ей грехи, Господь не оставил ее только с отпущением грехов, но придал и производительную силу добра. Ибо слова: «иди с миром» ты должен разуметь так: ступай, делай то, что возвратит тебе мир с Богом.

Глава восьмая

После сего Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя

Царствие Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим.

Сойдя с неба за тем, чтобы во всем представить нам Собой образец и предначертание, Господь научает нас не лениться в обучении, но обходить по всем местам и проповедовать; ибо, что Он ни делал, делал для наставления нашего. Он проходил по всем городам и селениям и водил с Собой двенадцать учеников, которые не учили, не проповедовали, но сами от Него учились и назидались делами Его и словами Его. — Господь проповедовал не о земных благах, но о Царстве Небесном. Ибо кому иному было приличнее проповедовать о небесном, как не Приходящему с неба? Поэтому-то ни один из пророков не проповедовал о Царстве Небесном. Ибо как бы они стали проповедовать о том, чего не видали? Поэтому-то и Предтеча говорил: сущий от земли и говорит, как сущий от земли, а Приходящий с небес, что видел, о том и свидетельствует (Ин. 3, 31. 32). — За Господом следовали и жены, чтобы мы знали, что и женскому полу слабость не препятствует последовать Христу. Смотри и на то, как они, будучи богатыми, презрели, однако же все и избрали нищету ради Христа и со Христом. А что они были богаты, познай из того, что они служили Господу именем «своим» а не чужим или несправедливо приобретенным достоянием, как многие делают. — В словах: «из которой вышли семь бесов» некоторое число «семь» принимают неопределенно, вместо: «много», ибо в Писании число семь часто принимается вместо: «много». Иной, быть может, скажет: как семь есть духов добродетели, так, напротив, семь же и духов злобы, например: есть дух страха Божия, есть, с противной стороны, дух бесстрашия Божия; есть дух разума, есть, с противной стороны, дух неразумия, и так далее. Если эти семь духов злобы не будут прогнаны от души, никто не может последовать Христу. Ибо прежде должно сатану изгнать, а потом Христа вселить.

Когда же собралось множество народа, и из всех городов жители сходились к Нему, Он начал говорить притчею: вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит! Ученики же Его спросили у Него: что бы значила притча сия? Он сказал: вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не понимают.

Ныне сбылось то, что давно сказал Давид от лица Христова. «Открою, — сказал он, — уста мои в притче» (Пс. 77, 2). Господь притчами говорил по многим целям, именно: чтобы слушателей сделать более внимательными и возбудить ум их к исследованию того, о чем говорится (ибо мы, люди, обыкновенно более занимаемся прикровенными речами, и на ясные мало обращаем внимания), и чтобы недостойные не поняли того, что говорится таинственно; и по многим другим побуждениям говорит Он притчами. Вышел «сеятель», то есть Сын Божий. «Вышел» из недр Отца и из Своей сокровенности и сделался видимым. Кто же вышел? Тот, Кто всегда сеет. Ибо Сын Божий не перестает всегда сеять в наших душах: Он сеет в наших душах добрые семена не только тогда, когда учит, но и через мир сей, и через те явления, которые совершаются с нами и около нас. Он вышел не затем, чтобы погубить

земледельцев или выжечь страну, но затем только, чтобы сеять. Ибо земледелец часто выходит не затем только, чтобы сеять, но и за другим. — Он вышел сеять семя «свое». Ибо слово учения у Него было собственное, а не чужое. Пророки, например, что ни говорили, говорили не от себя, но от Духа; почему и говорили они: «это говорит Господь». А Христос имел семя Свое; почему, когда и учил, Он не говорил: «это говорит Господь», но: «Я говорю вам». — Когда Он сеял, то есть учил, иное семя упало при дороге. Не сказал Он: сеятель бросил, но: оно упало; потому что сеятель сеет и учит, а слово падает в сердца слушателей. Они-то и оказываются или дорогой, или камнем, или тернием, или землей доброй. — Когда ученики спросили о притче, Господь сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, то есть вам, желающим научиться; ибо всякий просящий получает. А прочим, недостойным таинств, они сообщаются прикровенно, и таковые кажутся видящими, но не видят, и слышащими, но не разумеют, и это для их же блага. Ибо Христос для того сокрыл сие от них, чтобы они, познав таинства и презрев их, не подпали большему осуждению, так как знающий и пренебрегающий достоин тягчайшего наказания.

Вот что значит притча сия: семя есть слово Божие; а упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись; а упавшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают; а упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода; а упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении. Сказав это, Он возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!

Три разряда людей, кои не спасаются по этой притче. К первому относятся те, кои подобны семени, упавшему при пути, то есть совершенно не приняли учения, ибо как дорога утоптанная и избитая, не принимает семени, потому что она жестка, так и жестокосердые совершенно не принимают учения, потому что хотя они и слушают, но без внимания. К другому относятся те, кои подобны семени, упавшему на камень, то есть те, кои хотя и приняли учение, но потом, по немощи человеческой, оказались бессильными перед искушениями. Третий же разряд, — это те, кои знают учение и, однако ж, подавляются заботами житейскими. Итак, три части погибающих, а одна — спасающихся. Таким образом, спасающихся мало, а погибающих — очень много. Смотри, как Он говорит относительно подавляемых заботами житейскими: не сказал Он, что они подавляются богатством, но заботами о богатстве. Ибо не богатство вредит, а заботы о нем. Потому что многие получили пользу от богатства, раздав его на утоление голода бедных. Приметь, пожалуй, и точность евангелиста, как он сказал о спасающихся: «услышав слово, хранят его». Это сказал он ради тех, кои при пути; ибо сии не содержат учение, но диавол уносит его у них. «И приносят плод» — это сказал Он ради тех, кои подавляются заботами житейскими и не выдерживают до конца, ибо таковые, то есть не носящие до конца, не приносят плода. «В терпении — сказал ради тех, которые на камени; они и принимают учение, но, не устояв против нашедшего искушения, оказываются негодными. Видишь ли, как Он сказал о спасающихся: «хранят и приносят плод в терпении» и через эти три свойства отличил их — от не содержащих, каковы те, которые при пути, от не приносящих плода, каковы те, которые в терниях, и от не переносящих нападшего на них искушения, каковы те, которые на камени.

Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет. Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы. Итак, наблюдайте, как вы слушаете: ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь.

Здесь начало другого учения. Ибо Он обращается к ученикам и говорит это с целью наставить их быть тщательными в жизни и непрестанными подвижниками, так как все на них будут обращать взоры. Ибо на учителя и проповедника все смотрят, все наблюдают за ним, хорош ли он, или наоборот, и ничего своего он не укроет. Итак, если вы, ученики, будете внимательны и тщательны, то Бог дарует вам большую благодать; а кто не будет иметь тщательности и внимательности, тот своей небрежностью угасит и погубит тот дар от Бога, какой, по-видимому, он имеет.

И пришли к Нему Матерь и братья Его, и не могли подойти к Нему по причине народа. И дали знать Ему: Матерь и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя. Он сказал им в ответ: матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его.

Отсюда оказывается, что Христос был не вместе со Своими сродниками по плоти, но они пришли к Нему, ибо Он, оставив их, занимается духовным учительством. Так и всякий, кому вверено служение Божие, не должен ничего предпочитать ему; а должно и родителей оставлять, если они без пользы и напрасно будут препятствовать нам в деле Божиим, подобно как и Господь теперь поступает. Когда некоторые сказали Ему о Его сродниках, Он не заключает братства в числе немногих и сынам Иосифовым не придает той чести, будто бы они только одни Его братья. Но поскольку Он пришел спасти весь мир и всех сделать братьями, то говорит: матерь Моя и братья Мои суть те, кои слушают слово Божие; потом, поскольку одно слушание никого не спасает, а разве только осуждает, Он говорит: и исполняют. Ибо должно слушать и вместе исполнять. Словом Божиим называет Свое учение, ибо, что Он ни говорил, все принадлежало Отцу Его, так как Он не был противником Богу, чтобы слова Его не были Божиими. — Некоторые место это понимают так: поскольку Христос учил и был в славе за Свое учение, то некоторые, возбуждаемые завистью, как бы в насмешку над Ним, говорили: вот Мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя. Так как Мать Его была бедна и братья Его не славны, как дети плотника, то они, чтоб опозорить Его, как неблагородного, и указывали Ему на Мать Его и на братьев. Но Он, зная мысль их, сказал: бедность родственников нисколько не вредит Мне; напротив, если кто даже и беден, но слушает Слово Божие, того Я делаю сродником Своим.

В один день Он вошел с учениками Своими в лодку и сказал им: переправимся на ту сторону озера. И отправились. Во время плавания их Он заснул. На озере поднялся бурный ветер, и заливало их [волнами,] и они были в опасности. И, подойдя, разбудили Его и сказали: Наставник! Наставник! погибаем. Но Он, встав, запретил ветру и волнению воды; и перестали, и сделалась тишина. Тогда Он сказал им: где вера ваша? Они же в страхе и удивлении говорили друг другу: кто же это, что и ветрам повелевает и воде, и повинуются Ему?

Господь засыпает с особенным намерением, именно: чтобы доставить упражнение

ученикам и испытать, какова их вера, останутся ли они без смущения от искушений. Оказывается, что они слабы. Они обнаруживают веру не совершенную, но смешанную с неверием. Ибо веруют, что Он может спасти, но как маловерные говорят: спаси! погибаем. А если бы они имели совершенную веру, то были бы вполне убеждены, что для них даже невозможно погибнуть тогда, когда с ними находится Всемогущий. «Он, встав, запретил ветру». Чтобы сила Его была очевиднее, Он допустил их смутиться. Ибо мы, люди, обыкновенно более помним того избавителя, который спас нас от большой опасности. Поэтому Он восстал и спас их не в начале, но когда они были на краю опасности. — Можешь усматривать и переносный смысл. Настоящее событие есть образ того, что случилось с учениками впоследствии. Озеро есть Иудея, на которую нашла сильная буря неистовства против Христа, каким неистовствовали иудеи при распятии Господа. Смутились и ученики, ибо все оставили Его и бежали. Но Господь встал от сна, то есть воскрес, и — ученики опять успокоились. Ибо, представ пред ними, Он сказал: «мир вам» (Ин. 20, 19). Таков переносный смысл сего места. — «Кто же это?» Они говорят это не в смысле сомнения, но в чувстве удивления. Они как бы так сказали: «Кто сей», то есть какой Он великий и дивный, и какой властью и силой творит это?!

И приплыли в страну Гадаринскую, лежащую против Галилеи. Когда же вышел Он на берег, встретил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах. Он, увидев Иисуса, вскричал, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня. Ибо [Иисус] повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, — потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и [бесы] просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло.

Смотри: бес одержим двумя страстями злобы: дерзостью и страхом. Ибо слова: «что Тебе до меня» свойственны дерзкому и бесстыдному рабу, а «умоляю Тебя» — боязливому. Живет он в гробах, с намерением вложить людям лукавую мысль, что души умерших становятся бесами. — Бесы просят о том, чтоб им не поведено было идти в бездну, но позволено еще пожить на земле. Господь позволяет им быть на земле, чтобы они, нападая на людей, делали их более славными. Ибо если бы не было противоборствующих, не было бы и подвигов, а если бы не было подвигов, не было бы и венцов. — Знай и более переносный смысл. Кто имеет в себе бесов, то есть бесовские дела, тот не надевает на себя одежды, то есть не имеет одежды крещения и не живет в дому, то есть в церкви, ибо недостойн входить в церковь, но живет в гробах, то есть в местах мертвых дел, например, в домах непотребных, в мытницах (таможнях). Ибо такие дома суть вместилища злобы,

Пастухи, видя происшедшее, побежали и рассказали в городе и в селениях. И вышли видеть происшедшее; и, придя к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисуса, одетого и в здравом уме; и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся. И просил Его весь народ Гадаринской окрестности удалиться от них, потому что они объята были великим

страхом. Он вошел в лодку и возвратился. Человек же, из которого вышли бесы, просил Его, чтобы быть с Ним. Но Иисус отпустил его, сказав: возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог. Он пошел и проповедовал по всему городу, что сотворил ему Иисус.

Бегство пастухов было для гадаринцев поводом к спасению; но они не уразумели. Им должно было удивиться силе Спасителя и уверовать в Него, а они, сказано, просили, то есть умоляли Иисуса отойти от них. Ибо они боялись, чтобы еще не потерпеть какого-нибудь другого убытка, подобно тому, как они лишились свиней. Но получивший исцеление представляет непререкаемое доказательство исцеления. Он стал настолько здоров умом, что познал Иисуса и просил Его, чтобы быть с Ним. Вероятно, он боялся, чтобы, по удалении от Иисуса, ему снова не попасть во власть бесов. Но Господь, показывая ему, что он и не будучи с Иисусом, но покрываемый Его благодатью, может быть выше бесовских сетей, говорит ему: «возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог». Не сказал: «что Я сотворил тебе», чтобы нам подать образец смиренномудрия и чтобы мы всякое счастливо совершенное дело относили к Богу. Но исцеленный был настолько благоразумен, что рассказывал о том, что сделал ему «Иисус». Хотя Господь заповедал ему рассказывать о том, что сотворил ему «Бог», а он рассказывает, что сделал ему «Иисус». Итак, и нам, когда сделаем кому-нибудь добро, не должно желать проповедания об оном; а тот, кому сделано добро, должен возвещать о нем, хотя бы мы и не желали сего.

Когда же возвратился Иисус, народ принял Его, потому что все ожидали Его. И вот, пришел человек, именем Иаир, который был начальником синагоги; и, пав к ногам Иисуса, просил Его войти к нему в дом, потому что у него была одна дочь, лет двенадцати, и та была при смерти. Когда же Он шел, народ теснил Его. И женщина, страдавшая кровотечением двенадцать лет, которая, издержав на врачей всё имение, ни одним не могла быть вылечена, подойдя сзади, коснулась края одежды Его; и тотчас течение крови у ней остановилось.

Иисус лишь возвратился из страны Гадаринской, а народ уже ждал Его частью ради учения, а частью ради чудес. Пришел и один начальник синагоги, ни бедный, ни отверженный, но из первых. Евангелист присовокупляет и имя его, чтобы тем очевиднее было, что чудо истинно. По настоянию нужды он припадает к ногам Иисусовым. Хотя бы он и без настоящей нужды должен был пасть пред Иисусом и исповедать Его Сущим Богом, однако ж бывает, что и скорбь побуждает людей к избранию лучшего. Почему и Давид сказал: «Не будьте как конь, как лошак несмысленный, которых челюсти нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорялись тебе» (Пс. 31, 9). Во время пути Господа приступает жена, руководимая весьма сильной верой. Подойдя, она коснулась края одежды Господа в той уверенности, что как только прикоснется, тотчас и исцелится. «И тотчас течение крови у ней остановилось». Как если кто-нибудь обратит глаз к сияющему свету или поднесет хворост к огню, они (свет и огонь) тотчас оказывают свое действие, так и жена, принесшая веру Могущему исцелить, тотчас получила исцеление. Ибо она ни о чем не думала, ни о долговременности болезни, ни об отчаянии врачей, ни о другом чем, но только веровала, и — спаслась. И как кажется, она прикоснулась к Иисусу прежде мыслью, а потом телом.

И сказал Иисус: кто прикоснулся ко Мне? Когда же все отрицались, Петр сказал и бывшие с Ним: Наставник! народ окружает Тебя и теснит, — и Ты говоришь: кто

прикоснулся ко Мне? Но Иисус сказал: прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня. Женщина, видя, что она не утаилась, с трепетом подошла и, пав пред Ним, объявила Ему перед всем народом, по какой причине прикоснулась к Нему и как тотчас исцелилась. Он сказал ей: дерзай, дочь! вера твоя спасла тебя; иди с миром.

Господь, желая показать всем веру жены, чтобы подражали ей, и подать Иаиру добрую надежду о его дочери, обнаруживает то, что было сделано тайно. Именно: Он спрашивает о том, кто прикоснулся к Нему, но Петр как смелый, упрекая Его за такой вопрос, говорит: столько народа стесняет Тебя, и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мне? А сам не понимал, о чем спрашивал Господь. Ибо Иисус спрашивал: кто прикоснулся ко Мне с верой, а не просто так. Ибо как всякий имеет уши, чтобы слышать, и однако ж иной, имея уши, не слышит, так и в сем случае иной прикасается с верой, а иной хотя и приближается, но сердце его отстоит далеко. Итак Господь, хотя и знал жену, спрашивает, однако ж, для того, чтобы, как я сказал, и веру ее прославить, и начальника синагоги более обнадежить, спрашивает и таким образом жену выводит на середину. «Я чувствовал силу, исшедшую из Меня». Справедливо говорит. Ибо пророки не имели сил, от них исходящих: они совершали чудеса благодатью Божией. А Иисус, будучи Источником всякого блага и всякой силы, имеет и силы, от Него исходящие. Христос вдвойне врачует жену: во-первых, исцелил болезнь ее, а потом и страх души усмирил, сказав: «дерзай, дочь!».

Когда Он еще говорил это, приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя. Но Иисус, услышав это, сказал ему: не бойся, только веруй, и спасена будет. Придя же в дом, не позволил войти никому, кроме Петра, Иоанна и Иакова, и отца девицы, и матери. Все плакали и рыдали о ней. Но Он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит. И смеялись над Ним, зная, что она умерла. Он же, выслав всех вон и взяв ее за руку, возгласил: девица! встань. И возвратился дух ее; она тотчас встала, и Он велел дать ей есть. И удивились родители ее. Он же повелел им не сказывать никому о происшедшем.

Иисус, услышав, что некто сказал начальнику синагоги: не беспокой Учителя, то есть не утруждай, не проси пойти, не позволил начальнику синагоги сказать что-нибудь Себе, но упредил его, чтобы начальник синагоги не сказал: я не имею в Тебе нужды; несчастье уже совершилось; та, которую, мы надеялись, Ты исцелишь, умерла. Итак, чтобы он не сказал ничего такого (ибо он был неверующий иудей), Христос упредил его и сказал: не бойся, только веруй; смотри, — говорит, — на кровоточивую; подражай ей, и тыне обманешься. — Господь позволяет войти с Собой только Петру, Иоанну и Иакову, как избраннейшим из учеников и как могущим умолчать о чуде, ибо Он не желал, чтобы оно прежде времени было открыто многим. Он скрывал большую часть Своих дел, быть может, по причине зависти иудеев, чтобы, возжигаемые завистью, они не были повинны осуждению. Подобным образом должны поступать и мы: если кто завидует нам, мы не должны обнаруживать пред ним наши совершенства, чтобы, поражая его оными, не возбудить в нем большей зависти и не ввести в грех, но должны, сколь возможно, стараться скрывать их от него. — Когда Господь сказал, что девица не умерла, но спит, и смерть назвал сном (поскольку имел воскресить умершую, как бы от сна возбудить), то слышавшие сие засмеялись над Ним, что допустил Он затем, чтобы чудо было больше чудом, — чтобы впоследствии не могли сказать, что девица не умирала, но спала, для сего Он устроил так, что прежде осмеяли Его за слова: «не умерла, но

спит», чтобы заградить уста желающих клеветать. Ибо смерть девицы так была явна, что засмеялись над Ним, когда Он сказал, что она не умерла. Господь всех выслал вон, быть может, с тем, чтобы нас научить не любить славы и ничего не делать напоказ, а может быть, и с тем, чтобы внушить, что имеющий совершить чудо не должен быть в среде многих, но должен находиться в уединении и быть свободным от всяких беспокойств со стороны других. «И возвратился дух» отроковицы. Ибо Господь не новую внес душу, но повелел возвратиться той самой, которая отлетела от тела. Приказал подать ей поесть — для большего уверения и доказательства того, что она действительно воскресла. — Можно это и так понимать. Кровоточивая есть всякая душа, в которой кипит и как бы ключом бьет кровавый и убийственный грех. Ибо всякий грех есть убийца и закалатель души. Если душа коснется одежд Иисусовых, то есть воплощения Его, и уверует, что Сын Божий воплотился, то получит здравие. Если кто будет и начальник синагоги, то есть ум, возвышающийся над богатством, собранным от любостяжания, но дочь его, то есть помысл, заболит, то пусть призовет только Иисуса и уверует в Него, и — будет спасен.

Глава девятая

Созвав же двенадцать, дал силу и власть над всеми бесами и врачевать от болезней, и послал их проповедовать Царствие Божие и исцелять больных. И сказал им: ничего не берите на дорогу: ни посоха, ни сумы, ни хлеба, ни серебра, и не имейте по две одежды; и в какой дом войдете, там оставайтесь и оттуда отправляйтесь [в путь.] А если где не примут вас, то, выходя из того города, отрясите и прах от ног ваших во свидетельство на них. Они пошли и проходили по селениям, благовествуя и исцеляя повсюду.

И отсюда открывается превосходство Божества Иисусова. Ибо Он не только Сам творил чудеса, но ту же силу давал и ученикам. А сообщать своим друзьям такие дары, без всякого сомнения, возможно не человеку, а только Богу. — Дав ученикам власть над злыми духами, Господь не ограничил их употреблением только сей власти, но повелел им и Евангелие проповедовать. Тот, кому вручено учительство, должен и проповедовать, и совершать чудеса. В таком случае проповедь подтверждается чудесами, а чудеса — проповедью. Ибо многие часто совершали чудеса силой бесовской, но проповедь их не была истинная; а поэтому и чудеса их не от Бога. — Господь, посылая учеников, заповедует им такую умеренность, что не повелевает им брать ни хлеба, ни чего-нибудь другого такого, чего многие из нас набирают себе. Заповедует им и то, чтоб они не перебежали от одного к другому, но в какой дом войдут, в том и оставались бы, чтобы не показаться какими-то непостоянными и очень переменчивыми. Отрясите, — говорит, — пыль на тех, которые не примут вас, во свидетельство на них, то есть на обличение и осуждение их, показывая им, что, хотя ради их и много пути совершили, не получили, однако ж, от них никакой прибыли. — Некоторые заповедь апостолам — не носить ни сумы, ни посоха, не иметь по две одежды, понимают так: не собирайте сокровищ, — ибо сума, вмещающая многое, означает собрание; не носите посоха, то есть не будьте гневливы и драчливы; не имейте по две одежды, то есть не будьте переменчивы в нравах и двоедушны в мыслях.

Услышал Ирод четвертовластник о всём, что делал [Иисус,] и недоумевал: ибо одни говорили, что это Иоанн восстал из мертвых; другие, что Илия явился, а иные, что один из древних пророков воскрес. И сказал Ирод: Иоанна я обезглавил; кто же

Этот, о Котором я слышу такое? И искал увидеть Его.

Ирод сей был малый, сын великого Ирода, избившего младенцев. Тот был царь, а этот — четвертовластник. Он недоумевал, кто бы такой был Иисус. Впрочем, Иоанна, — говорит, — я обезглавил, и потому если он воскрес из мертвых, то я, увидев его, узнаю; и искал случая увидеть Иисуса. Смотри: евреи полагают воскресение мертвых в жизни плотской, в яствах и питиях. Ошибочно они думают, ибо воскресение не в пище и питии или в жизни плотской, но воскресшие живут так, как Ангелы Божии.

Апостолы, возвратившись, рассказали Ему, что они сделали; и Он, взяв их с Собою, удалился особо в пустое место, близ города, называемого Вифсаидою. Но народ, узнав, пошел за Ним; и Он, приняв их, беседовал с ними о Царствии Божием и требовавших исцеления исцелял. День же начал склоняться к вечеру. И, приступив к Нему, двенадцать говорили Ему: отпусти народ, чтобы они пошли в окрестные селения и деревни ночевать и достали пищи; потому что мы здесь в пустом месте. Но Он сказал им: вы дайте им есть. Они сказали: у нас нет более пяти хлебов и двух рыб; разве нам пойти купить пищи для всех сих людей? Ибо их было около пяти тысяч человек. Но Он сказал ученикам Своим: рассадите их рядами по пятидесяти. И сделали так, и рассадили всех. Он же, взяв пять хлебов и две рыбы и воззрев на небо, благословил их, преломил и дал ученикам, чтобы раздать народу. И ели, и насытились все; и оставшихся у них кусков набрано двенадцать коробов.

Иисус, имея намерение совершить чудо над хлебами, уходит в пустое место, чтобы кто-нибудь не вздумал сказать, что хлебы принесены были из города, вблизи находящегося. — Приняв народ, Он учил и исцелял, чтобы ты познал, что целомудрие наше разделяется на слово и дело и что как не должно говорить того, что неудобно исполнимо, так не должно делать того, о чем нелепо говорить. — Когда день склонялся к вечеру, ученики, начавшие уже отличаться человеколюбивыми и пастырскими расположениями, сжалились о народе и сказали: отпусти их, то есть скорей уврачуй их болезни, исполни их прошения. А Господь говорит ученикам: «вы дайте им есть». Говорит Он так не потому, будто не знал о скудости, но потому, что желал заставить учеников самих высказать, сколько они имеют хлебов, и таким образом чрез исповедание их, чрез объявление количества хлебов, явить все величие чуда. Повелевая ученикам рассадить народ рядами по пятидесяти, показывает, что и нам, когда принимаем какого-нибудь странника, должно успокоить его и прилагать всякое попечение о нем. Взирает на небо, чтобы показать, что и мы, намереваясь вкушать пищи, должны воссылать благодарение Богу. Дает Сам ученикам, а они потом уже и народу; это для того, чтобы не забывали о чуде, но вспоминали бы о нем при мысли, что они брали хлебы в свои руки. Остатков было двенадцать коробов, чтобы мы знали, какую силу имеет странноприимство и как умножается наше достояние, когда мы помогаем бедным. — Впрочем, об этом пространнее сказано в объяснении на Евангелие от Матфея (см. гл. 14).

В одно время, когда Он молился в уединенном месте, и ученики были с Ним, Он спросил их: за кого почитает Меня народ? Они сказали в ответ: за Иоанна Крестителя, а иные за Илию; другие же [говорят,] что один из древних пророков воскрес. Он же спросил их: а вы за кого почитаете Меня? Отвечал Петр: за Христа Божия. Но Он строго приказал им никому не говорить о сем, сказав, что Сыну Человеческому должно много пострадать, и быть отвержену старейшинами,

первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть.

Господь, вопрошая учеников, не спрашивает прямо, что они сами говорят, но прежде спрашивает о мнении народном, а потом о мнении уже их самих. Так поступает Он для того, чтобы показать несправедливость народной о Нем молвы и привести учеников к истинному понятию, что и было сделано. Ибо когда ученики сказали, что одни называют Тебя Иоанном, другие Илиею, Он спросил: а вы, то есть вы отличные от всех, вы избранные, вы отделенные, кем Меня называете? Тогда Петр предваряет прочих и, сделавшись устами всех, исповедует Его Тем Христом Божиим, о Котором издавна проповедуется. Не просто Христом Божиим назвал Его, но Тем Христом Божиим, который есть собственно Христос Божий. Ибо многие были помазаны, но Тот Христос (Помазанник) Божий есть Единый и Единственный.

Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее. Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе? Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца и святых Ангелов. Говорю же вам истинно: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие.

Поскольку Христос сказал о Себе, что Сыну Человеческому надлежит много пострадать, то присовокупляет нечто общее и вселенское, именно: не Я один претерплю смерть, но и все желающие последовать Мне должны отречься от самих себя, не иметь никакого общения с плотью, но презирать самих себя. — «Крестом» называет здесь смерть самую поносную; ибо не было иной так бесславной смерти, как смерть на кресте. Итак, Он объявляет, что тот, кто желает быть учеником Его, должен умереть смертью не славной, но поносной, будет убит как осужденный. Поскольку же многих убивают поносно как разбойников и злодеев, поэтому Он присовокупил: «и следуй за Мною», то есть упражняйся во всякой добродетели. — «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее», то есть если кто захочет жить по-мирскому, тот умрет душой. — Христа стыдится тот, кто говорит: как я буду веровать в распятого и поруганного Бога? А тот стыдится и слов Его, кто глумится над простотой Евангелия. Господь постыдится такового «во славе Своей», то есть во второе пришествие. Он говорит как бы так: как домовладыка, имея лукавого раба, стыдится звать его своим рабом, так и Я постыжусь наименовать Своим рабом того, кто отрекся от Меня. — Поскольку Он выше сказал: «Кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее», то теперь, желая показать, каких благ удостоятся таковые, говорит: «есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие», то есть ту славу, в какой имеют быть праведные. Сказал Он это о Своем Преображении. Ибо Преображение было образом будущей небесной славы, и как Иисус в Преображении чудно возблистал как молния, так и тогда праведники просияют подобным же образом (Мф. 13, 43). Есть, — говорит, — несколько таких (Иоанн, Петр и Иаков), которые не умрут прежде, чем увидят, в какой славе будут Мои исповедники. А увидят они это во время Преображения.

После сих слов, дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошел Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею. И вот, два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия; явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало

совершить в Иерусалиме. Петр же и бывшие с ним отягчены были сном; но, пробудившись, увидели славу Его и двух мужей, стоявших с Ним. И когда они отходили от Него, сказал Петр Иисусу: Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: одну Тебе, одну Моисею и одну Илии, — не зная, что говорил. Когда же он говорил это, явилось облако и осенило их; и устрашились, когда вошли в облако. И был из облака глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте. Когда был глас сей, остался Иисус один. И они умолчали, и никому не говорили в те дни о том, что видели.

Евангелист Матфей говорит, что Иисус взшел на гору тогда, как после этих слов прошло шесть дней (Мф. 17, 1), а Лука говорит, что прошло восемь дней. Ибо Матфей говорит об одних только промежуточных днях, а Лука — не о промежуточных только, но понимает и тот день, в который эти слова были сказаны, и тот, в который совершилось Преображения. — Иисус взял с Собой только троих: Петра как любящего, Иоанна как любимого и Иакова как пламенеющего ревностью по Нем, или как способных сокрыть событие, удержать в молчании и никому не сказывать, — Чтобы помолиться, Иисус восходит на гору; ибо мы должны молиться в уединении, с восхождением, не преклоняясь ни к чему земному. — Вид Его стал другой, не так, впрочем, будто бы Сам Он стал иной по существу, ибо Он оставался Тем же, Кем был, но вид лица Его явился гораздо светлейшим, чем прежде. Подобное произошло и с Его одеждой. Ибо только вид ее блистал молнией; существо одежды не переменялось, а только наружность. — Когда Он молился, Ему предстояли Моисей и Илия, чтобы показать, что Он не был противник Закона и пророков. Ибо если б Он был противник, то Моисей, давший Закон, и Илия, ревностнейший из пророков, не позволили бы себе служить Ему (наподобие телохранителей), ни даже быть с Ним. — Они говорили о исходе, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме, то есть о смерти Его. — В то время как Христос пребывал в молитве, Петр отягчен был сном, ибо он был слаб и, служа сну, отдавал должное человеческой природе. Когда же Петр пробудился, то увидел славу Христову и двух мужей. Находя такое пребывание здесь приятным по причине света и созерцания пророков, Петр говорит: «хорошо нам здесь быть!» Он думал, что теперь настала кончина мира и царство Иисусово. Но он не знал, что говорил. Ибо тогда еще не была кончина, еще не наступил день царства и наслаждения теми благами, коими будут обладать святые. Петр сказал это (хорошо нам здесь быть) вместе и потому, что опасался, что Христос будет распят. Он слышал от Христа, что Ему должно быть убитым и в третий день воскреснуть; поэтому и сказал это, выражаясь как бы так: не будем сходить с горы, будем здесь оставаться, чтобы избежать Креста и страдания; если придут на нас иудеи, то мы имеем помощником Илию, который свел с неба огонь и истребил пятьдесят начальников; имеем Моисея, который поразил столько и таких народов. Сказал он это, не зная, что говорит. Ибо он думал, что крест есть зло, и притом мучительное, а поэтому, желая избежать его, и сказал это. Между тем Господь жаждал быть распятым, поскольку иначе не могло совершиться спасение людей. — Тогда, как Петр говорил еще: «сделаем три кущи», Господь внезапно творит сень нерукотворенную и входит в нее с пророками, чтобы показать, что Он ничем не меньше Отца. Ибо как в Ветхом Завете Господь являлся в облаке, и Моисей входил в оное, и таким образом получил Закон (Исх. 19, 9; 20, 20-21), так и ныне облако обняло Христа, и облако не мрачное (ибо прошла тень Закона и мрак неведения), но облако, светлое. Ибо истина пришла, и благодать Господня воссияла, и потому ныне ничего нет темного. — И исшел из облака глас, подобно как в Ветхом Завете слышан был из облака глас Божий. — Иисус же остался один, чтобы кто не подумал, что слова: «Сей есть Сын Мой

Возлюбленный» сказаны были о Моисее или об Илии. Впрочем, сим, быть может, означается и то, что Закон и пророки были до некоторого только времени, как и здесь видимы были Моисей и Илия, а потом, когда прошло их время, остался один Иисус. Ибо ныне господствует Евангелие, тогда как многое законное миновало. — Апостолы умолчали и ничего не говорили о том, что видели. Прежде Креста и не следовало говорить об Иисусе что-нибудь богоприличное. Ибо какое о Нем составили бы мнение те, кои слышали это, а потом увидели Его распинаемым? Не сочли ли бы они Его обманщиком и мечтателем? Поэтому-то апостолы прежде Креста не проповедуют ни об одном чудесном и богоприличном деле Иисуса. — Впрочем, об этом предмете достаточно сказано нами в объяснении на Евангелие от Матфея (см. гл. 17).

В следующий же день, когда они сошли с горы, встретило Его много народа. Вдруг некто из народа воскликнул: Учитель! умоляю Тебя взглянуть на сына моего, он один у меня: его схватывает дух, и он внезапно вскрикивает, и терзает его, так что он испускает пену; и насилу отступает от него, измучив его. Я просил учеников Твоих изгнать его, и они не могли. Иисус же, отвечая, сказал: о, род неверный и развращенный! доколе буду с вами и буду терпеть вас? приведи сюда сына твоего. Когда же тот еще шел, бес поверг его и стал бить; но Иисус запретил нечистому духу, и исцелил отрока, и отдал его отцу его.

Человек сей (о котором речь) был весьма неверующий. Поэтому и бес не выходил из сына его. Ибо неверие превозмогало силу апостолов. Неверие и дерзость его видны из того, что он пришел пред всеми обвинять учеников. Но Господь объявляет, что сын его не исцелен по причине его неверия, и пред всеми порицает его, и не одного его, но и прочих всех вообще. Ибо сказав: «о, род неверный» понимает под этим всех иудеев, а словом «развращенный» показывает, что злоба их не от начала и не от природы. По природе они были добры (ибо они были святым потомством Авраама и Исаака), но развратились по своей злобе. Слова: «доколе буду с вами и буду терпеть вас» означают то, что Он желает воспринять смерть и хочет скорее избавиться от них. Ибо, доколе, — говорит, — буду терпеть ваше неверие? — Господь, чтобы показать, что Он имеет силу, побеждающую неверие иудеев, говорит: «приведи сюда сына твоего и, исцелив его, отдал отцу его. Бесноватый прежде принадлежал не отцу своему, но злему духу, одержавшему его; а теперь Господь отдал его отцу, потерявшему его, а потом нашедшему.

И все удивлялись величию Божию. Когда же все дивились всему, что творил Иисус, Он сказал ученикам Своим: вложите вы себе в уши слова сии: Сын Человеческий будет предан в руки человеческие. Но они не поняли слова сего, и оно было закрыто от них, так что они не постигли его, а спросить Его о сем слове боялись.

Прочие все дивились всему, что творил Иисус, а не одному только этому чуду. Но Иисус, оставив прочих, беседует с учениками, и говорит: все это, чудеса и слова о чудесах, вложите вы себе в уши. Для чего? Так как Я имею быть предан и распят, то для того, чтобы вы, когда увидите Меня распятым, не подумали, что Я претерпел это по Своему бессилию. Ибо кто творит такие чудеса, тот мог бы и не быть распят. Но они не поняли слова сего; и оно было закрыто от них. Для чего же это было? Для того чтоб они прежде времени не вдалились в печаль и не смущались от страха. Итак, Бог, снисходя их слабости и руководя их как бы детей

каких, попустил им не понять того, что говорилось о Кресте, — Приметь и благоговение учеников, по которому они не дерзали, даже более боялись спросить Господа. Ибо страх усиливает благоговение, равно как и благоговение есть страх растворенный любовью.

Пришла же им мысль: кто бы из них был больше? Иисус же, видя помышление сердца их, взяв дитя, поставил его пред Собою и сказал им: кто примет сие дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто примет Меня, тот принимает Пославшего Меня; ибо кто из вас меньше всех, тот будет велик. При сем Иоанн сказал: Наставник! мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что он не ходит с нами. Иисус сказал ему: не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас.

Апостолов постигла страсть к пустой славе. Кажется, страсть эта возбудилась в них от того, что они не исцелили бесноватого. Вероятно, по сему случаю они заспорили, утверждая каждый со своей стороны, что отрок не был исцелен не по моему бессилию, но по бессилию такого-то, а отсюда загорелась распря и о том, кто бы из них был больше. Но Господь, зная сердце каждого, предваряет и, прежде чем страсть сия возросла, старается пресечь ее в самом корне. Ибо страсти в начале удобно преодолеть, а когда они возрастут, тогда уже весьма трудно бывает исторгать их. Как же Господь пресекает зло? Взяв, сказано, дитя, показывает его ученикам, давая чрез сие знать им, что мы должны привести свой ум в такое состояние, в каком бывает он в детском возрасте; ибо дети бывают неопытны во зле, весьма просты и не волнуются помыслами ни славолубия, ни желанием первенства пред другими. — «Кто, — говорит, — примет сие дитя во имя Мое, тот Меня принимает». Слова сии такой имеют смысл: хотя вы думаете, что вы понравитесь многим и что вы очень многими будете приняты в таком случае, если будете казаться гордыми и славолубивыми, но Я вам говорю, что Мне особенно приятна простота и что она служит отличительным признаком Моих учеников, так что, кто препростого и незлобивого мужа примет как Моего ученика (ибо это означает выражение «во имя Мое»), тот примет Меня. Ибо кто принимает гордого, тот не принимает ни ученика Моего, ни Меня. — Иоанн же, вступая в разговор, сказал: Наставник! Мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему. Какая последовательность между словами Иоанна и словами Господа? Очень близкая. Поскольку Господь сказал, что кто из вас меньше всех, тот будет велик, то Иоанн начал бояться, не худо ли они поступили, когда властно и гордо запретили тому человеку. Ибо запрещение кому-нибудь чего-нибудь обнаруживает в запрещающем не меньшего, но думающего о себе несколько более чем о том, кому он запрещает. Итак, Иоанн побоялся того, не гордо ли он поступил, запретив тому человеку. — Почему же ученики запретили этому человеку? Не по зависти, но потому, что считали его недостойным творить чудеса, так как он не получал вместе с ними благодати чудотворения, не был, как они, послан на то от Господа и вовсе не следовал за Иисусом. Что же Господь? Оставьте, — говорит, — его делать это; ибо и он сокрушает силу сатаны. Поскольку же он не препятствует вам в деле проповеди, не действует за одно с диаволом — значит он за вас. Ибо кто не против Бога, тот за Бога, подобно как тот — с диаволом, кто не собирает с Богом. — Подивись, пожалуй, и силе имени Христова, как действовала благодать при одном произношении оногo, хотя бы произносящие были и недостойны и не были учениками Христовыми. Таким же образом и чрез священников, хотя бы они были и недостойны, благодать действует, и все освящаются, хотя бы священник был и не чист.

Когда же приближались дни взятия Его [от мира.] Он восхотел идти в Иерусалим; и послал вестников пред лицом Своим; и они пошли и вошли в селение Самарянское; чтобы приготовить для Него; но [там] не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать. И пошли в другое селение.

Что означают слова: «Когда же приближались дни взятия Его»? То означают, что настало время, в которое нужно было уже Ему претерпеть за нас спасительное страдание и потом вознестись на небо и совосесть с Богом и Отцом. — Когда наступило время страдания Его и взятия от мира, Он рассудил не ходить уже то туда, то сюда, но взойти в Иерусалим. Выражение: «восхотел идти» (по церковно-славянски — утверди лице Свое) то и означает, что Он определил, решил, положил твердое намерение идти в Иерусалим. — Посылает вестников пред лицом Своим, чтобы они приготовили какой-нибудь прием для Него. Хотя Он знал, что самаряне не примут Его, однако ж, послал вестников, чтобы отнять у самарян всякое извинение, чтобы впоследствии они не могли сказать, что мы приняли бы Его, если б Он послал кого-нибудь перед Собой. Поступил Он так вместе и для пользы учеников Своих, а именно: чтобы они, когда увидят Его на Кресте в оскорблении, не соблазнились, но из настоящего случая научились, что как теперь Он незлобиво перенес презрение от самарян и даже самим ученикам воспретил возбуждать в Нем гнев на обидчиков, так и тогда терпит распятие не потому, будто бы Он бессилен, но потому, что долготерпелив. Полезно это для учеников и в том отношении, что Господь собственным примером научает их быть незлобивыми. Ибо они, взирая на Илию, дважды истребившего огнем по пятидесяти человек с их начальниками, и будучи еще несовершенно, возбуждали Господа на мщение обидевшим Его. Но Господь, показывая им, что Его Закон выше жизни Илииной, запрещает им и отводит их от такого образа мыслей, а напротив, научил их переносить обиды с кротостью. — Что означают слова: «но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим»? Не то ли ими говорится, что не приняли Его потому, что Он вознамерился пойти в Иерусалим? И если так будем понимать, что самаряне не приняли Господа потому, что Он вознамерился пойти в Иерусалим, то непринявшие Его не оказываются ли невиновными? Можно сказать, что евангелист говорит так: не приняли Его, и Он не вошел в Самарию; потом как бы кто спросил: почему же не приняли Его против воли и Он не вошел; неужели потому, что Он был бессилен или не мог войти, хотя бы они и не желали? В разрешение сего евангелист и говорит: не потому не вошел Господь, будто бы для Него не было это возможно, но потому, что Он Сам не желал войти туда, но вознамерился идти прямо в Иерусалим. Ибо если б не было у Господа такого намерения, то Он вошел бы в селение самарян и в том случае, когда они не желали бы сего.

Случилось, что, когда они были в пути, некто сказал Ему: Господи! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. Иисус сказал ему: лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову. А другому сказал: следуй за Мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовествуй Царствие Божие. Еще другой сказал: я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими. Но Иисус

сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия.

Сей, пришедший к Иисусу и просивший позволения пойти за Ним, пришел с лукавой мыслью. Видя, что за Господом следует много народа, он подумал, что Господь собирает с них деньги, и сам пришел к мысли, что он составит себе имение, если последует за Иисусом. Поэтому Господь отверг его, говоря ему как бы так: ты думаешь чрез последование за Мною составить себе имение, полагая, что такова Моя жизнь, но на деле не так; Я учу и проповедую такую бедность, что не имею и дома Своего, тогда как прочие животные имеют норы. И таким образом отверг его. — А другому, который и не просил, позволяет следовать. Когда же сей спросил позволения сходить и похоронить отца своего, Господь не позволил, но сказал: оставь мертвым хоронить своих мертвых. Сим намекается, что отец его был неверующий и потому недостойный пропитываться в старости от сына своего, который уверовал. Предоставь, — говорит, — родственникам «мертвым», то есть неверующим, питать в старости и до гроба неверующего отца твоего. Ибо похоронить здесь означает иметь попечение до самого гроба, — поскольку и в обыкновенной беседе мы говорим: такой-то сын похоронил своего отца, и через сие разумеем не то, что он похоронил его и не сделал ему никакого другого добра, но то, что имел попечение о нем до самой смерти и погребения. Итак, пусть эти мертвые, то есть неверующие, похоронят своего мертвеца, то есть твоего отца. А поскольку ты уверовал, то, как Мой ученик, проповедуй Евангелие Божие. Господь, сказав это, не запрещает нам питать родителей, но научает нас богопочтением предпочитать неверующим родителям и не иметь никакого препятствия к добродетели, но презирать и самую природу. Так человеку, который просил позволения следовать за Ним, но прежде отдать должное домашним своим, Он не позволил сего, то есть сходить в дом свой и отдать должное или, скажу проще, проститься. Ибо такой человек обнаруживает в себе привязанность к миру и отсутствие апостольского расположения; ибо апостолы, как услышали призвание от Господа, тотчас последовали за Ним, ничем иным уже не занимались, а оставили даже и прощание с родными. И часто случается, что в то время как человек прощается со своими родственниками, между ними оказываются такие, кои удерживают его от богоподобной жизни, Поэтому хорошо, имея расположение к добру, тотчас же и совершать оное, нимало не медля. Ибо никто, взявшийся за плуг духовный и снова оглядывающийся на мир, не способен к Царству Небесному. — Под «лисицами» разумей лукавых бесов; они же называются и птицами небесными, то есть воздушными; ибо сказано: «по воле князя, господствующего в воздухе» (Еф. 2, 2). Итак, Господь говорит упомянутому человеку: поскольку бесы имеют в тебе норы, то Я, Сын Человеческий, не имею, где главу приклонить, то есть в сердце твоём, полном бесов, Я не вижу места для веры в Меня. Ибо глава Христа есть вера в Него. Кто уверует, что Христос есть Бог, тот получает главу Христову. А грешник мертв; он и погребает своих мертвецов, то есть лукавые помыслы, тем, что не исповедует их. Итак, Господь намеревающемуся быть Его последователем запрещает погребать лукавый помысл и скрывать оный, но повелевает обнаруживать его через исповедь.

Глава десятая

После сего избрал Господь и других семьдесят [учеников,] и послал их по два пред лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти, и сказал им: жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал

делателей на жатву Свою. Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков.

В книге Исхода написано: «И пришли в Елим; там было двенадцать источников воды и семьдесят финиковых деревьев» (Исх. 15, 27). Что случилось тогда исторически и образно, то ныне сбылось в действительности. Елим — значит восхождение. Этим не другое что означается, как то, что мы, восходя в совершеннейшее разумение и в духовный возраст и не останавливаясь, как евреи, на Законе, но востекая в христианство, найдем двенадцать источников, то есть двенадцать верховных апостолов, которые суть источники всякого сладчайшего учения. Найдем и семьдесят финиковых стеблей, то есть (семьдесят) апостолов. Они не называются источниками, но финиками, как воспитываемые и руководимые от апостолов (верховных). Ибо хотя и сих семьдесят апостолов Христос же избрал, но они были ниже двенадцати, и впоследствии были их учениками и спутниками. Итак, сии финики напитались от источников, то есть от апостолов, и нам доставили плод сладкий и вместе умеренно кислый. Учение святых действительно таково: оно не совсем услаждает и ласкает и не совсем стесняет и поражает, но совмещает то и другое свойство, и поистине приправлено солью и соединено с благодатью, как и апостол Павел взывает: «Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью» (Кол. 4, 6). Господь избирает «семьдесят» учеников по причине множества нуждающихся в учении. Ибо как поля с хорошим урожаем требуют много жнецов, так и для верующих, поскольку их имело быть бесчисленное множество, настояла нужда во многих учителях. — Господь посылает их «по два» для того, чтобы они были безопаснее и друг другу содействовали. Они ходили пред лицом Его, то есть подобно Иоанну учили: «приготовьте путь Господу» (Мф. 3, 3). Примечай, как Он прежде сказал: «молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей», а потом Сам Своей властью посылает их. Ибо Он, как истинный Бог, есть поистине Господин жатвы, то есть верующих. — Наперед говорит им о гонениях и о том, что они будут как агнцы среди волков, для того чтобы сии, напав на них неожиданно, не смутили их внезапностью.

Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте. В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему; и если будет там сын мира, то почиет на нём мир ваш, а если нет, то к вам возвратится. В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои; не переходите из дома в дом. И если придёте в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат, и исцеляйте находящихся в нём больных, и говорите им: приблизилось к вам Царствие Божие.

Поскольку Господь намерен послать учеников с проповедью Евангелия, то говорит им: не берите ни мешка, ни того, ни сего; ибо для вас достаточно быть заботливыми о слове. А если вы будете носить мешок, очевидно, вы будете им заняты, а о слове начнете нерадеть. Иначе: поскольку вас будут питать те, коих вы будете учить, то какая вам нужда в метке или суме, или в сапогах? Ибо наставляемые вами удовлетворят всякой вашей нужде в них. «И никого на дороге не приветствуйте». Так заповедует им для того, чтобы они не занимались людскими приветствиями и ласками и чрез то не полагали бы препятствия делу проповеди. Ибо, вероятно, получивший приветствие ответил бы и сам приветствием, а может быть, вступил бы в продолжительный разговор, как обыкновенно делают спутники, а потом, как бы уже подружившись, заговорился бы о чем-нибудь еще более, и таким образом апостол ниспал бы в обычные людские отношения, а о слове вознерадел бы. По указанной причине Господь и запрещает ученикам приветствовать кого-нибудь на дороге. — «В какой, —

говорит, — дом войдете, сперва говорите: мир дому сему», то есть приветствуйте находящихся в доме; потом показывая, что это не простое только приветствие, а вместе и благословение, говорит: если домохозяин будет достоин, то он будет благословен, а если он обидчик и неспособен к принятию мира, если он враг и противник вашего слова и учения, то благословение не придет к нему, но к вам возвратится. — Заповедует не переходить из дома в дом, чтобы апостолы не показались чревоугодниками, не подали бы многим порока к соблазну и не оскорбили бы тех, кои приняли их в начале. «Ешьте, — говорит, — и пейте, что у них есть», то есть что предложат вам, и хотя бы то было мало и небогато, большего не требуйте. Пищу принимайте вместо награды, то есть не ищите того, чтобы вам получать пищу и плату особо, но самую пищу принимайте за награду. Смотри, как Он учеников Своих делает твердыми против бедности. Заповедует исцелять больных, находящихся в городах, для того, чтобы апостолы своими чудотворениями могли привлечь людей к проповеди. Ибо смотри, что говорит: «и говорите им: приблизилось к вам Царствие Божие». Ибо если вы прежде исцелите, а потом станете учить, проповедь ваша будет благоуспешна, и люди уверуют, что до них достигло Царствие Божие. Ибо они не были бы исцелены, если б не совершила сего некоторая Божественная сила. Да и к больным тогда приблизилось Царство Божие, когда они по душе исцелены. Ибо оно далеко от больного, над которым еще царствует грех.

Если же придете в какой город и не примут вас, то, выйдя на улицу, скажите: и прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам; однако же знайте, что приблизилось к вам Царствие Божие. Сказываю вам, что Содому в день оный будет отраднее, нежели городу тому.

Если, — говорит, — «не примут вас, то, выйдя на улицу, скажите» им, что у нас ничего нет общего с вами, мы ничего не имеем от вашего города, даже и пыль, прилипшую к нам, мы сметаем, то есть отрясаем, очищаем и бросаем на вас; однако ж знайте, что приблизилось к вам Царствие Божие. Здесь спросит иной: как Господь говорит, что Царствие Божие приблизилось и к тем, кои принимают апостолов, и к тем, кои не принимают их? Нужно сказать, что Он нисколько не противоречит Себе. Ибо к тем, кои принимают апостолов, Царствие приближается с благодеяниями, а к тем, кои не принимают, с осуждением. Ибо, прошу тебя, представь себе, что на каком-нибудь зрелище находится много одних осужденных, а других неосужденных, например, сенаторов, полководцев и вельмож, потом какой-нибудь глашатай всем вместе, осужденным и почетным, возвещает: царь приблизился к вам! Не то ли он говорит, что к одним из них царь приблизился для наказания, а к другим, чтобы оказать им честь и благоволение? Таким же образом и здесь понимай. — Отраднее, — говорит, — будет Содому, нежели городу тому, который не принял вас. Почему? Потому, что в Содом не были посланы апостолы, и поэтому непринявшие апостолов — хуже содомлян. Заметь и то, что город, не принимающий апостолов, имеет широкие улицы; а широкий путь приводит к гибели. Итак, кто ходит широкими дорогами, ведущими к гибели, тот не принимает апостольского и Божественного учения.

Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они, сидя во вретнице и пепле, покаялись; но и Тиру и Сидону отраднее будет на суде, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься. Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающийся Меня отвергается

Тир и Сидон были города языческие, а Вифсаида и Хоразин — иудейские. Итак, Он говорит, что на суде язычникам будет отраднее, нежели вам, видевшим чудеса и неверовавшим; ибо если бы они видели, они уверовали бы. Да и ты, Капернаум, вознесшийся до небес, как прославленный многими чудесами, совершившимися в тебе, низвергнешься до ада; ты будешь осужден за то самое, что и после стольких чудес не веруешь. — Потом, чтобы посылаемые на проповедь не сказали, зачем же посылаешь нас, если некоторые города не примут нас, говорит: не печальтесь; отвергающий вас, отвергается Меня и Отца Моего; поэтому обида не останавливается на вас, но восходит до Бога. Итак, пусть будет для вас утешением то, что оскорбление наносится (не вам, а) Богу. Равным образом, с другой стороны, не хвалитесь и не превозносите тем, что некоторые слушают вас; ибо это не ваше дело, но Моей — благодати.

Семьдесят [учеников] возвратились с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем. Он же сказал им: Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию; се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам; однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах.

Прежде сказал евангелист, что Господь послал семьдесят учеников, а теперь говорит, что они возвратились с радостью о том, что они не только от других каких болезней исцеляли, но избавляли еще от большего зла — от демонов. Смотри, как они далеки от высокоумудрия; ибо они говорят Господу: «о имени Твоем» повинуются нам бесы, по Твоей благодати, а не по нашей силе. А Господь сказал им: не дивитесь тому, что бесы вам повинуются, ибо начальник их давно низвержен и не имеет никакой силы. Хотя для людей это и не было видно, но для Меня, созерцающего и невидимое, это было видно. Как молния спал с неба сатана потому, что он был светом, архангелом и денницею, хотя теперь и стал тьмой. Если же он спал с неба, то рабы его, разумею бесов, чего не потерпят? Некоторые слова «с неба» разумеют так: от славы. Так как семьдесят сказали Господу, что им бесы повинуются, то Он говорит: это и Я знал, ибо Я видел, как сатана спал с неба, то есть лишился славы, которую он имел, и чести. До пришествия Христова его чтили как Бога, а теперь он спал с неба, то есть перестали его почитать за Бога и думать, что он живет на небе. — Се даю вам власть попираť силы его. Ибо змеи и скорпионы суть полки бесов, пресмыкающиеся долу, и те из них, кои язвят более видимым образом, суть змеи, а те, кои более скрытым образом поражают, суть скорпионы. Например, бес блуда и убийства есть змей, ибо он побуждает на видимые злодеяния; а тот бес, который под предлогом болезни, например, преклоняет человека пользоваться банями, благовонными мазями и другими негами, может быть назван скорпионом, так как он имеет скрытое жало и тайно старается ужалить плоть, чтобы послушавшего его ввести в большее преступление. Но благодарение Господу, давшему власть наступать на них! Впрочем, научая учеников не высокоумудрствовать, Господь говорит: однако же не тому радуйтесь, что бесы вам повинуются (ибо от сего получают благоденствие другие, именно получающие исцеление), но более радуйтесь тому, что имена ваши на небесах написаны не чернилами, но Божией памятью и благодатью. Дьявол спадает с неба, а люди, на земле живущие, пишутся на небесах. Итак, истинная радость в том, что имена ваши написаны на небесах и не забываются Богом.

В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение.

Как добрый отец, увидев детей, успевших в чем-нибудь достойном похвалы, радуется, так и Спаситель возрадовался тому, что апостолы удостоились таких благ. Поэтому Он благодарит Отца за то, что такие таинства утаены «от мудрых», то есть фарисеев и книжников, истолковывавших Закон, и от «разумных», то есть учеников этих же книжников. Ибо кто учит, тот мудр, а кто учится и понимает уроки, тот разумен; например, Гамалиил — мудр, а Павел — разумен, ибо первый — учитель, а второй — понимает то, чем наставляет первый. — Господь называет учеников Своих «младенцами», потому что они были не из искусных в Законе, а были избраны большей частью из простого класса народа и из рыбаков. Впрочем, они могли быть названы младенцами и по их незлобию. А те (фарисеи и книжники) не были настоящими мудрецами и разумными, а только казались. Итак, сии таинства утаены от мудрых и разумных, которые казались таковыми, а на самом деле не были. Ибо, если бы они были таковыми, то таинства были бы открыты им. «Ей, Отче», благодарю Тебя, «ибо таково было Твое благоволение», то есть, что такое у Тебя было благоволение и хотение и так было угодно Тебе.

И, обратившись к ученикам, сказал: всё предано Мне Отцем Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не [знает никто,] кроме Сына, и кому Сын хочет открыть. И, обратившись к ученикам, сказал им особо: блаженны очи, видящие то, что вы видите! ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали.

Отец все передает Сыну, потому что все имеет покориться Сыну. Бог царствует над всеми двояким образом: во-первых, над теми, кои не желают Его Царствия, и, во-вторых, над теми, кои желают. Для примера скажу: Бог есть Владыка мой, хотя бы я и не хотел, потому что Он — Творец мой; и опять, Бог есть Владыка мой, когда я, как благоразумный раб, исполняю волю Его чрез соблюдение заповедей. Природа человеческая и прежде была в рабстве и в руках Бога, хотя и не хотела того, хотя и сатане служила. Но когда Христос выдержал борьбу за нас и, освободив нас из-под власти дьявола, сделал нас Своими слугами и исполнителями заповедей, с того времени мы стали благоразумными рабами и по природе, и по изволению; ибо первое рабство было только по природе, а второе, кроме того, и по нашему изволению. Итак, Господь говорит теперь то: «всё предано Мне Отцем Моим», то есть все имеет покориться Мне и подпасть под Мое владычество. Это подобно другому изречению: «дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18). А так говорит Он потому, что Он примирил все (Кол. 1, 20), что есть на небе и на земле, И иначе: Отец все передает Сыну, все дела домостроительства нашего спасения. Поэтому ради нас не воплотился ни Отец, ни Дух, или пострадал, или воскрес, но все это совершил Сын, и Он сделался вождем нашего спасения; поэтому Он и говорит, что все Ему предано. Он сказал как бы так: Отец Мой все Мне вверил: воплотиться, пострадать, воскреснуть, спасти отторгшуюся природу. — «И кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына». Поскольку Он сказал, что все Мне предано, то теперь как бы разрешает некоторое недоумение. Чтобы кому-нибудь не пришла мысль: почему ж Он предал все Тебе, а не другому, хотя бы Ангелу или Архангелу. — Он говорит: Мне Он предал потому,

что Я одной с Ним Природы и Сущности. И как Его никто не знает, так и Меня никто же, кроме одного Отца. Поэтому Он справедливо предал все Мне, как Единосущному с Ним и превышающему всякое познание, подобно как и Он выше всякого познания. Ибо Отца, — говорит, — знает только один Сын и тот, кому Сын восхочет открыть. Смотри: Сын знает Отца не чрез откровение, а твари — чрез откровение, ибо они получают познание по благодати; следовательно, Сын не сотворен. — Обратясь к ученикам, Господь ублажает их и вообще всех, кои с верой взирают на Него, ходящего во плоти и творящего чудеса. Ибо древние пророки и цари хотя и сильно желали увидеть Господа во плоти и послушать Его, однако ж, не удостоились этого. И иначе: поскольку Он выше сказал, что тот знает Отца, кому откроет Сын, то теперь ублажает учеников, как получивших уже это откровение. Ибо Собой Он открыл им Отца, так как видящий Его видел Отца (Ин. 14, 9). А этого блага не достиг никто из тех святых, кои жили до явления и действия Сына Божия во плоти. Поскольку же они не видели во плоти Господа, чрез которого познавался Отец, то, значит, они и Отца не видели так, как видели апостолы.

И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он же сказал ему: в законе что написано? как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя. [Иисус] сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить.

Законник этот был человек хвастливый, очень высокомерный, как оказывается из нижеследующего, и сверх того коварный. Поэтому он приступает к Господу, искушая Его, вероятно, он думал, что уловит Господа в Его ответах. Но Господь указывает ему на тот самый Закон, коим он очень надмевался. — Смотри, с какой точностью Закон заповедует любить Господа. Человек есть совершеннейшее из всех творений. Хотя он имеет и нечто общее со всеми ими, но имеет и нечто преимущественное. Например, человек имеет общее с камнем, ибо он имеет волосы, ногти, кои бесчувственны, как камень. Имеет общее с растением, потому что он растет и питается, и рождает подобное себе, как и растение. Имеет общее с животными бессловесными, потому что имеет чувства, гневается и похотствует. Но, что возвышает человека над всеми прочими животными, он имеет общее и с Богом, именно: разумную душу. Поэтому Закон, желая показать, что человек всецело во всем должен предать себя Богу и все душевные силы пленить в любовь Божию, словами «всем сердцем» указал на силу более грубую и свойственную растениям, словами «всею душою» — на силу более тонкую и приличную существам, одаренным чувствами, словами «всем разумением» обозначил отличительную силу человека — разумную душу. Слова «всею крепостию» мы должны применить ко всему этому. Ибо мы должны подчинить любви Христовой и растительную силу души. Но как? — сильно, а не слабо: и чувственную, и ее сильно; наконец, и разумную, и ее также «всею крепостию», так что мы всецело должны предать себя Богу и подчинить любви Божией нашу силу питательную, чувствующую и разумную. — «И ближнего твоего, как самого себя». Закон, по причине младенчества слушателей не могший еще преподавать совершеннейшего учения, заповедует любить ближнего, как самого себя. Но Христос научил любить ближнего больше, чем и самого себя. Ибо Он говорит: никто не может оказать больше той любви, как если кто душу свою положит за друзей своих (Ин. 15, 13). — Итак, законнику говорит: «правильно ты отвечал». Поскольку ты, — говорит, — подлежишь еще Закону, то ты правильно отвечаешь; ибо по Закону ты верно рассуждаешь.

Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний? На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, бью на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же.

Законник, получив похвалу от Спасителя, выказал высокомерие. Он сказал: а кто ближний мой? Он думал, что он праведен и не имеет подобного себе и близкого по добродетели; ибо полагал, что праведнику ближний есть только праведный же. Итак, желая оправдать себя и возвыситься пред всеми людьми, он с гордостью говорит: а кто ближний мой? Но Спаситель, поскольку Он Творец и во всех видит одно создание, определяет ближнего не делами, не достоинствами, но природой. Не думай, — говорит, — что поскольку ты праведен, то и нет тебе никого подобного. Ибо все имеющие одну и ту же природу суть ближние твои. Итак, и ты сам будь ближним их не по месту, но по расположению к ним и заботливости о них. Для того и привожу Я тебе в пример самарянина, чтобы тебе показать, что хотя он различался по жизни, однако ж, стал ближним для нуждавшегося в милости. Так и ты проявляй себя ближним чрез сострадание и поспешай на помощь по собственному признанию. Итак, этой притчей мы научаемся быть готовыми к милосердию и стараться быть ближними для тех, кои нуждаются в нашей помощи. Познаем и благодать Божию в отношении к человеку. Природа человеческая шла из Иерусалима, то есть из безмятежной и мирной жизни, ибо Иерусалим означает «видение мира». Куда же шла? В Иерихон, пустой, низкий и удушливый от жара, то есть в жизнь, полную страстей. Смотри: не сказал Он «сошел», но «шел». Ибо природа человеческая всегда склонялась к земному, не однажды, но постоянно увлекаясь страстной жизнью. «И попался разбойникам», то есть попался бесам. Кто не сойдет с высоты ума, тот не попадетя бесам. Они, разоблачив человека и сняв с него одежды добродетели, нанесли ему греховные раны. Ибо они сначала обнажают нас от всякого доброго помысла и покрова Божия, а потом и наносят раны грехами. Природу человеческую они оставили «едва живым» или потому, что душа бессмертна, а тело смертно, и таким образом подчинена смерти половина человека, — или потому, что природа человеческая не совсем была отвержена, а надеялась получить спасение во Христе, и таким образом была не совершенно мертвой. Но как чрез преступление Адама смерть вошла в мир, так чрез оправдание во Христе смерть имела быть упраздненной (Рим. 5, 16-17). Под священником и левитом разумей, пожалуй, Закон и пророков. Ибо они желали оправдать человека, но не могли. «Невозможно, — говорит апостол Павел, — чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи» (Евр. 10, 4). Они сжалились над человеком и размышляли: как бы исцелить его, но, побежденные силой ран, опять удалились назад. Ибо это значит (пройти мимо). Закон пришел и остановился над лежащим, но потом, не имея силы уврачевать, отступил. Это и означает «прошел мимо». — Смотри: слово «по случаю» имеет некоторый смысл. Ибо Закон, действительно, дан не по особой какой-то причине, но по причине слабости человеческой (Гал. 3, 19), не могшей сначала принять Христова таинства. Поэтому и говорится, что

священник, то есть Закон, пришел у врачевать человека не нарочито, но «по случаю», что мы обыкновенно называем случайностью. Но Господь и Бог наш, ставший за нас клятвою (Гал. 3, 13) и названный Самарянином (Ин. 8, 48), пришел к нам, совершая путь, то есть предлогом к пути и целью поставив то самое, чтобы исцелить нас, а не проходом только, и посетил нас не случайно (между прочим), но жил с нами и беседовал не призрачно. — Тотчас перевязал раны, не попустив болезни усилиться, но связав ее. — Возлил масло и вино: масло есть слово учения, предуготовляющее к добродетели обещанием благ, а вино-слово учения, приводящее к добродетели страхом. Итак, когда слышишь слово Господа: «Приидите ко Мне, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28) — это масло, ибо показывает милость и успокоение. Таковы же слова: «приидите, наследуйте Царство, уготованное вам» (Мф. 25, 34). Но когда Господь говорит: идите во тьму (Мф. 25, 41) — это вино, учение строгое. Можешь разуместь и иначе. Масло означает жизнь по человечеству, а вино — по Божеству. Ибо Господь иное совершал как человек, а иное как Бог. Например, есть, пить, проводить жизнь не без приятностей и не обнаруживать суровости во всем, как Иоанн, — это масло; а чудный пост, хождение по морю и прочие проявления Божеской силы — это вино. Вину можно уподобить Божество в том отношении, что Божества в Самом Себе (без соединения) никто не мог бы стерпеть, если б не было и масла сего, то есть жизни по человечеству. Поскольку же Господь спас нас чрез то и другое, то есть Божество и человечество, то поэтому и говорится, что Он возлил масло и вино. И ежедневно те, кои бывают крещаемы, исцеляются от ран душевных, будучи помазуемы миром, тотчас же приобщаясь к Церкви и причащаясь Божественной Крови. Господь посадил нашу израненную природу на Своего подъяремника, то есть на Свое Тело. Ибо, сделал нас Своими членами и участниками Своего Тела: нас, долу находящихся, возвел на такое достоинство, что мы одно с Ним Тело! — Гостиница есть Церковь, всех принимающая. Закон не всех принимал. Ибо сказано: «Аммонитянин и Моавитянин не может войти в общество Господне» (Втор. 23, 3). Но во всяком народе боящийся Его приятен Ему (Деян. 10, 35), если желает уверовать и сделаться членом Церкви. Ибо она всех принимает: и грешников, и мытарей. Примечай точность, с какой сказано, что привез его в гостиницу и возымел о нем попечение. Прежде чем привез в нее, он только перевязал раны. Что это значит? То, что когда составила Церковь и открылась гостиница, то есть, когда вера возросла почти у всех народов, тогда открылись и дары Святого Духа, и благодать Божия распространилась. Это узнаешь из Деяний Апостольских. Образ гостиника носит в себе всякий апостол и учитель, и пастырь, Им Господь дал два динария, то есть два Завета: Ветхий и Новый. Ибо тот и другой Завет, как изречения одного и того же Бога, имеют на себе изображение одного Царя. Сии-то динарии Господь, восходя на небеса, оставил апостолам и последующих времен епископам и учителям. — Сказал: если что из своего издержишь, я отдам тебе. Апостолы, действительно, издерживали и свое, много трудившись и повсюду рассеивая учение. Да и учителя последующих времен, изъясняя Ветхий и Новый завет, много издержали своего. За это они получают награду, когда Господь возвратится, то есть во второе Его пришествие. Тогда каждый из них скажет Ему: Господи! Ты дал мне два динария, вот я приобрел другие два. И Он так скажет таковому: хорошо, добрый раб!

В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у неё была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала

благую часть, которая не отнимется у неё.

Велико благо и от гостеприимства, как показала Марфа, и не нужно пренебрегать им; но еще большее благо — внимать духовным беседам. Ибо тем питается тело, а сими оживляется душа. Не для того, — говорит, — существуем мы, Марфа, чтобы наполнять тело разными яствами, но для того, чтобы творить полезное душам. Примечай и благоразумие Господа. Он ничего не сказал Марфе прежде, чем от нее получил повод к упреку. Когда же она покусилась отвлечь свою сестру от слушания, тогда Господь, воспользовавшись поводом, упрекает ее. Ибо гостеприимство дотоле похвально, доколе оно не отвлекает и не отводит нас от того, что более нужно; когда же оно нам начнет препятствовать в важнейших предметах, тогда довольно предпочесть ему слушание о божественных предметах. Притом, если сказать точнее, Господь возбраняет не гостеприимство, но разнообразие и суетность, то есть развлечение и смущение. Для чего, — говорит, — Марфа, ты заботишься и печешься о многом, то есть развлекаешься, беспокоиться? Мы имеем нужду в том только, чтоб сколько-нибудь поесть, а не в разнообразии яств. — Иные слова «одно только нужно» разумели не о пище, но о внимании к учению. Итак, сими словами Господь научает апостолов, чтобы, когда они войдут в чей-либо дом, не требовали ничего роскошного, но довольствовались простым, не заботясь более ни о чем, как о внимании к учению. — Пожалуй, разумей под Марфой деятельную добродетель, а под Марией — созерцание. Деятельная добродетель имеет развлечения и беспокойства, а созерцание, став господином над страстями (ибо Мария — значит госпожа), упражняется в одном рассмотрении божественных изречений и судеб. — Обрати внимание и на слова: «села у ног Иисуса и слушала слово Его». Под ногами можно разуметь деятельную добродетель, ибо они означают движение и хождение. А сидение есть знак неподвижности. Итак, кто сядет при ногах Иисусовых, то есть, кто утвердится в деятельной добродетели и чрез подражание хождению и жизни Иисуса укрепитя в ней, тот после сего доходит до слышания божественных речений или до созерцания. Поскольку и Мария прежде села, а потом слушала слова. — Итак, если ты можешь, восходи на степень Марии чрез господство над страстями и стремление к созерцанию. Если ж это невозможно для тебя, будь Марфой, прилежи деятельной стороне и чрез то принимай Христа. — Приметь сие: «которая не отнимется у неё». Подвизающийся в делах имеет нечто такое, что отнимается у него, то есть заботы и развлечение. Ибо, достигши до созерцания, он освобождается от развлечения и суетности, и таким образом у него нечто отнимается. А подвизающийся в созерцании никогда не лишается сей благой части, то есть созерцания. Ибо в чем больше он будет успевать, когда достиг самого высшего, разумею, созерцания Бога, что равно обожению? Ибо кто удостоился зреть Бога, тот становится богом, так как подобное объемлется подобным.

Глава одиннадцатая

Случилось, что когда Он в одном месте молился, и перестал, один из учеников Его сказал Ему: Господи! научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих. Он сказал им: когда молитесь, говорите: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

Ученик Христов ревнует к ученикам Иоанновым и потому желает научиться как молиться. Спаситель не отверг желания учеников, но научает. — «Отче наш, — говорит, — сущий на небесах». Примечай силу молитвы. Она тотчас возводит тебя к горнему и, поскольку ты именуешь Бога Отцом, убеждает тебя всячески не терять подобия Отцу, но стараться уподобляться Ему. Не сказал «Отче мой», но «Отче наш», возбуждая тебя к братолюбью и побуждая любить всех, как братьев вообще. Сказав: «на небесах», не ограничивает ими Бога, но слушателя возводит к небесам и отводит от земного. — «Да святится имя Твое», вместо «да прославится», то есть устрой нашу жизнь так, чтоб она была во славу Твою. Ибо как злыми хулятся имя Божие, так ведущими добрую жизнь прославляется. — «Да приидет Царствие Твое». Грешник не молится о Царствии Божиим, ибо не желает его пришествия по причине ожидающих его там наказаний. Напротив, праведник молит, чтоб оно пришло скорее, чтобы ему освободиться от здешних искушений и успокоиться. — «Да будет воля Твоя», как на небе — у Ангелов, так и у нас людей на земле. Ибо Ангелы все и во всем действуют по воле Божией. — Научает просить «хлеба» только «насущного», то есть полезного для нашего существования и для поддержания жизни, отнюдь не лишнего, но необходимого. — Не входить в искушение — значит не порываться на искушения. Ибо нам должно молить Бога не о том, чтобы Он наслал на нас искушение, но о том, чтобы отвратил оное; а если постигнет, должно с мужеством переносить оное. Нужно сказать, что искушений два вида. Одни — произвольные, например, пьянство, убийство, прелюбодеяние и прочие страсти; ибо сим искушениям мы сами поддаемся произвольно. Другие искушения — невольные, коим подвергают нас владыки и сильные. От произвольных-то искушений, то есть от страстей, нам должно убегать, молиться об избавлении от них и говорить «не введи нас», то есть не попусти нам впасть «в искушение», то есть в произвольную страсть, — «Но избавь нас от лукавого». Ибо он наводит невольные и вольные искушения. Поэтому, когда ты невольно терпишь искушение от человека, не человека этого считай виновником твоего искушения, но лукавого. Ибо он научает человека яриться на тебя и неистовствовать.

И сказал им: [положим, что] кто-нибудь из вас, имея друга, придёт к нему в полночь и скажет ему: друг! дай мне займы три хлеба, ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему; а тот изнутри скажет ему в ответ: не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе. Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит.

Господь, научая нас молиться неленостно, сказывает притчу и пример. Что же означает притча? «Полночью» называет последние дни жизни, которых когда достигнут люди, начинают сочувствовать добру и устремляются к Богу. Ибо Он есть друг, любящий всех и всем желающий спасения (1 Тим. 2, 4). Итак, многие в полночь, то есть в конце жизни, приходят к Богу как другу и говорят: «дай три хлеба», то есть веру в Троицу; ибо зашел друг, то есть Ангел, вземлющий душу. Впрочем, и всякий Ангел есть друг, как и Господь говорит, что радость бывает на небе о спасении человека (Лк. 15, 10). — Дети, покоящиеся на постели, суть люди, обратившиеся и потому сделавшиеся чадами Господа и удостоившиеся покоиться вместе с Ним. — «Неотступностью» называет усиленную и продолжительную молитву с терпением, — Разумей и иначе, именно: под «полночью» разумей силу и средину искушений. Ибо всякое искушение есть ночь, а середина искушений, без сомнения, — полночь. Итак, когда кто находится в середине искушений, тот приходит к любящему нас Богу и

говорит: «дай мне займы три хлеба», то есть спасение тела, души и духа. Ибо искушения угрожают опасностью сим трем. Кто же друг, зашедший с дороги? Без всякого сомнения, Господь, испытывающий нас в искушениях и желающий вкусить наше спасение. Впадший в искушения, не в силах будучи сам по себе противостоять им и оказать прием Господу, не имеет, что предложить Ему. — Запертые двери означают то, что мы должны быть готовы прежде искушений, а когда впадем, тогда дверь к приготовлению уже заперта, и мы, оказавшись неготовыми, потерпим опасность, если Бог не поможет. Дети суть (поскольку прежде обратились) те, кои чрез добродетель сделались сынами Божиими, возлежат и почивают в Боге.

И Я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Какой из вас отец, [когда] сын попросит у него хлеба, подаст ему камень? или, [когда попросит] рыбы, подаст ему змею вместо рыбы? Или, если попросит яйца, подаст ему скорпиона? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него.

Смотри, какая точность в словах. Не сказал Господь: «попросите», и дастся вам, но «просите», то есть непрерывно ищите. — «Всякий просящий получает». Неужели получает тот, кто просит бесполезного? Нет. Ибо, во-первых, прошение о бесполезном не может быть и названо прошением пред Богом. Ибо кто молится Богу, тот должен просить того, что Он дает. А если кто просит бесполезного, тот творит прошение не к Богу, ибо Он не дает бесполезного. Потом слушай, как и Сам Господь научает нас просить того, чего должно просить. Он говорит: сын просит хлеба и рыбы, и яйца. Поэтому как эти предметы составляют пищу человека, так и наши прошения должны быть полезны нам и служить в помощь. Под просящим «хлеба» разумей, пожалуй, всякого, кто просит, чтобы открыты ему были вера в Троицу и правильность догматов. Ибо они, как утверждающие сердце, суть хлеб. А «рыбы» просит тот, кто, находясь в море жизни сей, просит у Бога помощи, чтобы ему, как рыбе, сохраниться живым и непогруженным среди искушений. А тот просит «яйца», кто желает, чтоб ему даны были порождения добродетельных душ, каковые души, как взявшие крылья, вознесшиеся духом и пролетевшие землю, по справедливости, могут быть уподоблены птицам.

Однажды изгнал Он беса, который был нем; и когда бес вышел, немой стал говорить; и народ удивился. Некоторые же из них говорили: Он изгоняет бесов силою веельзевула, князя бесовского. А другие, искушая, требовали от Него знамения с неба. Но Он, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, [разделившийся] сам в себе, падет; если же и сатана разделится сам в себе, то как устоит царство его? а вы говорите, что Я силою веельзевула изгоняю бесов; и если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют их? Посему они будут вам судьями. Если же Я перстом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие.

Немым часто называется тот, кто не говорит; но называется также и тот, кто не слышит, а вернее тот, кто не слышит и не говорит. Кой отроду не слышат, те и не говорят. Это с ними бывает по необходимости. Ибо мы говорим то, чему научаемся чрез слышание. Когда кто не слышит, тот по всей вероятности и не говорит. Разве у кого слух повредился впоследствии,

от болезни, тому ничто не препятствует говорить. Приведенный ко Христу был в обоих отношениях нем: и на язык, и на ухо. Он есть образ человеческой природы, которая, будучи одержима от бесов, не способна была ни к слышанию слов Божиих, ни тем более к пересказыванию. Но Господь, придя и изгнав бесов, то есть страстные и бесовские дела, сделал то, чтобы мы не только говорили, но и проповедовали истину. Ибо слова Божии должно не только слушать, но и другим пересказывать. Итак, будем слушать мы, имеющие в себе дела бесовские, думающие других учить и позволяющие называться от людей учителями. Ибо когда выйдет бес, тогда бывает истинная говорливость и учение, а доколе внутри нас находятся произведения демонов (страсти), дотоле не говорим, хотя и кажемся говорящими. — Фарисеи клеветуют на чудо и Господа поносят как обманщика. Они говорят: Он дружен с князем бесовским и при его содействии изгоняет бесов. Господь говорит им: как возможно, чтобы бес изгонял другого беса? Это было бы уже разрушением его царства. Ибо если они царство и упокоение поставляют в том, чтобы жить в людях, а их же князь изгоняет их, то явно, что он сам себя разрушает. Ибо и всякое царство, разделившееся и возмутившееся, расстроивается, и дом, разделившийся, падет. Под «домом» будешь ли разуместь здание? Хорошо. Ибо и здание стоит дотоле, доколе оно сохраняет соединенность, а когда стены отстанут одна от другой, оно падает. Будешь ли разуместь под «домом» живущих в дому? И они, доколе соблюдают мир, стоят, а если восстанут друг на друга, то падают. — Пусть будет и так, что Я изгоняю бесов силой веельзевула; но сыны ваши, то есть апостолы, чьей силой изгоняют? Не очевидно ли, что Моим именем? Как же вы обо Мне говорите, что Я изгоняю чрез веельзевула, нуждаясь в силе его, когда сыны ваши, именно апостолы, изгоняют именем Моим? Подлинно, они будут вас судить. Ибо если они изгоняют именем Моим, то Я Сам, очевидно, не имею нужды в силе другого. Я изгоняю «перстом Божиим», то есть Духом Святым, а не духом лукавым. Духа называет «перстом» для того, чтобы ты знал, что как перст одного существа с целым телом, так и Дух Святой единосущен со Отцом и Сыном. А быть может, и не потому ли так называет, что Сын именуется десницей Божией, а на Нем почтили семь сил Духа, и не как на орудии Духа, но как на единосущном с Ним; одно же из дарований и действий Духа есть сила врачевать. Говорит, что Я изгоняю бесов «перстом» Божиим, то есть дарованием Духа. Ибо как перст есть часть руки, так и дух исцелений был частью тех духов, то есть сил Духа, которые имел Иисус. — Если, — говорит, — Я «изгоняю бесов» силой Божией, то подлинно дошло до вас Царствие Божие. А это имеет такой смысл: разрушается наконец царство диавола, и воцаряется Бог, изгоняющий бесов. Ибо слушай, что говорит далее.

Когда сильный с оружием охраняет свой дом, тогда в безопасности его имение; когда же сильнейший его нападет на него и победит его, тогда возьмет всё оружие его, на которое он надеялся, и разделит похищенное у него. Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает. Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и, придя, находит его выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, — и бывает для человека того последнее хуже первого.

Прежде Моего пришествия, — говорит, — сатана был силен и «охранял» свой «дом», то есть господствовал над естеством человеческим твердо и безопасно. Но когда пришел Я, сильнейший его, тогда Я победил мир и все его «оружие», на которое он надеялся, то есть все виды греха. Ибо грех есть оружие диавола, и им-то он смело преодолевал людей. Это все

оружие его Я сокрушил, потому что во Мне не нашлось никакого греха (1 Пет. 2, 22); с тех пор он ослабел. И «похищенное у него», то есть людей, которые были как бы добычей его, Я исторг у него и поручаю каждому особому Ангелу, верному хранителю, чтобы вместо беса, у которого он был во власти, управлял им Ангел. — И иначе. Какое общение между Мною и веельзевулом? Мое дело — собирать рассеянных чад Божиих; а его дело состоит в том, что он расточает собранных. Как же вы заключаете обо Мне, что Я имею общение с сатаной? Поистине, такое помышление явилось у вас от того, что вы ныне в большем общении с бесами. Нечистый дух жил в вас и прежде, когда вы служили идолам и убивали пророков. Потом, по-видимому, он вышел из вас. А ныне опять возвратился «в дом свой», то есть в ваши души, с «семью» духами, то есть многими (ибо число «семь» в Писании часто употребляется в значении «много»), и сделал для вас последнее хуже первого. Ибо тогда, когда вы служили идолам, вы убивали пророков, но еще не наносили явного оскорбления Сыну Божию, ради вас явившемуся во плоти. А ныне какая надежда на спасение, когда вы остаетесь при той же неблагодарности и дерзости и после того, как Сын воплотился и ради вас совершает чудеса? — «Места безводные» суть души тех, кои не имеют никакой мягкости, (души) черствые и озабоченные собой. Поскольку же лукавый не имеет никакого места к обитанию в таких душах, то он возвращается к иудеям, и последнее для них становится хуже первого. Так, ныне у них нет уже ни пророков, ибо они убили Слово, ни помазания, ибо они распяли Христа (помазанника). Прежде, хотя они и служили идолам, у них видимы были пророки и помазание; а ныне они всего лишились, потому что согрешили против Сына Божия.

Когда же Он говорил это, одна женщина, возвысив голос из народа, сказала Ему: блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие! А Он сказал: блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его. Когда же народ стал сходитья во множестве, Он начал говорить: род сей лукав, он ищет знамения, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был знамением для Ниневитян, так будет и Сын Человеческий для рода сего. Царица южная восстанет на суд с людьми рода сего и осудит их, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона. Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной, и вот, здесь больше Ионы.

Тогда как фарисеи и книжники порочат чудеса Господа, жена, лицо бесхитростное и простое, прославляет Его. Где те, кои говорят, что Господь явился призрачно? Ибо вот свидетельство, что Он и сосцами питался! А Он ублажает тех, кои соблюдают слово Божие, впрочем, отнюдь не с тем, чтобы Мать Свою лишить ублажения, но с тем, чтобы показать, что и Она не получила бы никакой пользы от того, что родила Его и питала сосцами, если бы не имела всех прочих добродетелей. Говорит это вместе и потому, что идет ко времени. Поскольку завидующие Ему и неслушающие слов Его поносили слушающих, то Он вопреки им особенно ублажает слушающих. Может быть, Он говорит это и ради исцеленного глухого, чтобы и он, выслушав слово, соблюдал оное, чтобы (дарованная ему) способность слышать не послужила ему в осуждение. — Когда народ стал сходитья во множестве, Господь начал обличать неразумных. Между ними было несколько таких, кои желали, чтобы Иисус совершил знамение с неба; ибо говорили: знамения, какие Он творит, суть от земли, и Он творит их силой веельзевула, князя мира, имеющего власть над землей; а знамения с неба Он не может сотворить, потому что Он не есть Сын Отца Небесного. Поскольку некоторые

так говорили, то Господь обличает их и говорит: дастся вам знамение, которое докажет, что Я — истинный Сын Небесного Отца. Какое же? Знамение Ионы, то есть знамение Воскресения. Ибо как он провел три дня во чреве китовом, так и Я пробуду три дня во чреве кита, великого животного, то есть ада, и воскресну. Когда Иона, выброшенный китом и как бы снова оживший, начал проповедовать, то ниневитяне послушались; а Мне и после Воскресения Моего род сей не поверит. Поэтому они будут осуждены за то, что не подражали ниневитянам, хотя здесь больше Ионы. Ибо Мое достоинство и способ проповеди представляют большое различие. Я — Владыка, он — раб. Я проповедую Царство Небесное, он — спасение от угрожающей гибели, Я совершаю чудеса, он не сотворил никакого чуда. — Равным образом и царица южная осудит род сей, ибо она приходила с конца земли слушать премудрости Соломона. — Под «царицей южной» разумеи, пожалуй, и всякую душу, сильную и постоянную в добре. Объяснюсь. Север, когда служит символом местопребывания противника, Писанием не одобряется, потому что он холодит и наводит омертвление и оцепенение; а юг (как противоположный северу) одобряется, потому что южный ветер приносит теплоту, оживление, отогревает и оцепеневшие части. Поэтому и в Песни песней невеста, прогоняя север, говорит: «Поднимись с севера и принеси с юга» (4, 16), и пророк опять говорит: «И пришедшего от севера удалю от вас», то есть сатану (Иоил. 2, 20). Итак, душа, царствующая на юге, то есть в благодатной стране духовной жизни, и окрепшая чрез упражнение в деятельности, приходит слушать премудрость, то есть восходит к созерцанию. Ибо премудрость Соломона, мирного царя, есть созерцание Господа и Бога нашего, которого никто не достигнет иначе, если чрез упражнение в деятельности не сделается царем и владыкой в добродетельной жизни.

Никто, зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте, ни под сосудом, но на подсвечнике, чтобы входящие видели свет. Светильник тела есть око; итак, если око твое будет чисто, то и всё тело твое будет светло; а если оно будет худо, то и тело твое будет темно. Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма? Если же тело твое всё светло и не имеет ни одной темной части, то будет светло всё так, как бы светильник освещал тебя сиянием.

Поскольку завистливые иудеи, смотря на чудеса, по злобе ума превратно толковали их, то Господь и говорит следующее: люди, получившие «светильник» от Бога, то есть дар ума, которым мы смотрим, как бы светом нам данным, сокрыли рассудительность и, омрачив себя завистью, не видят чудес и благодеяний, хотя мы для того получили ум, чтобы поставлять на подсвечник, чтобы и другие видели свет. По моему мнению, Он говорит так: фарисей! ты имеешь знание — это светильник. Тебе следовало воспользоваться сим знанием к тому, чтобы самому признать чудеса и другим объявить и объяснить, что они суть дела Сына Божия, а не веельзевула. Таким образом и «входящие», то есть вновь вводимые и начинающие, увидели бы свет. Ибо кто мудр, тот уже вошел; а кто еще учится, тот лишь входит. Но вы, фарисеи, не захотели сделать сего, а око души, то есть ум, доселе прямой, искривили и затемнили. Ибо как око тела, каково само, таковым делает и тело, например, если оно чисто, то и тело светло, а если оно темно, то и тело мрачно, так же точно и душа располагается по состоянию ума. Если око и свет, полученные ей от Бога, начинают омрачаться завистью или любостыжанием, вообще сказать, любовью к вещественному, то и она омрачается.

Когда Он говорил это, один фарисей просил Его к себе обедать. Он пришел и

возлег. Фарисей же удивился, увидев, что Он не умыл [рук] перед обедом. Но Господь сказал ему: ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства. Неразумные! не Тот же ли, Кто сотворил внешнее, сотворил и внутреннее? Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда всё будет у вас чисто.

Хотя Господь знает недоброжелательство фарисеев, однако ж, обедает с ними потому, что они были лукавы и нуждались в исправлении. Ибо для того Он обедает с ними, чтобы иметь повод к улучшению нравов их. Например, и теперь, смотря на неразумный их обычай — умываться пред вкушением пищи, научает, что душа должна быть очищена добрыми делами, так как полоскание водой очищает не душу, а тело. Они, безрассудные, думали, что чрез погружение в воде и омытие тела вместе с телом очищается и душа их. Поэтому Господь воспользовался прекрасным примером чаши. И как время было стола, Он упоминает о чаше и блюде и, заимствуя свидетельство от того, что лежало пред глазами, убеждает фарисея, что как нет никакой пользы, если чаша снаружи чиста, а внутри наполнена всякой грязью, так нет никакой пользы и в том случае, если, при омывании тела, душа исполнена всякой нечистоты, например, хищения и лукавства. Господь сделал намек на две господствующие страсти иудеев: словом «хищение» — на любостяжание, словом «лукавство» — на зависть и следствия зависти. Итак, никакой нет пользы, если душа находится в таком состоянии. Безрассудные! Не Тот же ли сотворил и душу, Кто сотворил тело, на котором вы так много останавливаетесь? Поэтому вы должны и душу очищать. Потом научает их, как очищается внутренность, именно: указывает на милостыню. Смотри, пожалуй, как Он, указав на милостыню, врачует обе страсти их, разумею зависть и хищения. Ибо кто истинно милостив, тот не будет ни похищать у того, кому он творит милостыню, ни завидовать ему. Итак, поскольку Он порицал в них две страсти, то изгоняет их одним лекарством, именно милостыней, которая есть первая дверь боготворящей любви. А где любовь, там какое любостяжание и зависть? «Из того, что у вас есть», то есть от имени вашего. Хорошо сказал: «из того, что у вас есть», а не просто: «из того, что есть», потому что имя находится в сердце любостяжательного и господствует в нем. Почему и Давид заповедует не прилагать сердца к богатству (Пс. 61, 11), то есть не пригвождать его и не привязывать.

Но горе вам, фарисеям, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей, и нерадите о суде и любви Божией: сие надлежало делать, и того не оставлять. Горе вам, фарисеям, что любите председания в синагогах и приветствия в народных собраниях. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что вы — как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того. На это некто из законников сказал Ему: Учитель! говоря это, Ты и нас обижаешь. Но Он сказал: и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобноносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них. Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избил отцы ваши: сим вы свидетельствуете о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними, ибо они избил пророков, а вы строите им гробницы. Потому и премудрость Божия сказала: пошлю к ним пророков и Апостолов, и из них одних убьют, а других изгонят, да взыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира, от крови Авеля до крови Захарии, убитого между жертвенником и храмом. Ей, говорю вам, взыщется от рода сего.

Фарисеи именно для того, чтобы не преступить Закона, давали десятину и с самых незначительных предметов, и если кто упрекал их в мелочности, они ссылались на Закон, который повелевал приносить священникам десятину со всего. Поэтому Господь и говорит: как сим вы не пренебрегаете, так надлежало вам творить суд и любовь Божию. Поскольку фарисеи были неправосудны, притесняли вдовиц и сирот, то Господь говорит: должно вам иметь «суд», то есть правосудие. Поскольку же они были презрительны и к Богу, без рассуждения простирая руку к священным делам, то Господь заповедует им иметь «любовь Божию». Ибо кто любит Бога, тот к делам Его не приступает с пренебрежением. А мне кажется, поскольку два вида любви: любовь к Богу и любовь к ближнему, то, быть может, Господь делает намек на два эти вида: словом «суд» обозначает любовь к ближнему, так как правосудие и непритеснение ближнего происходят от любви к нему, а словом «любовь Божия», без сомнения, обозначает всецелое расположение к Богу. И когда кто любит ближнего не по какому-нибудь мирскому или постыдному расположению, но ради Бога, тогда и эта любовь может быть названа любовью Божией, так как она заповедана Богом и благоугодна Ему. — Они (фарисеи) любили, чтобы всякий человек отдавал им честь и чтобы в народных собраниях называли их титулом: учитель (Мф. 23, 7); это означают слова: «приветствие, председиение». Господь же говорит: вы подобны гробам, которые полны всякой гнилости, а снаружи блещут мрамором; люди по наружности их не узнают, какими правилами они руководствуются в жизни (почему они ходят), а если бы знали, то отвратились бы по причине внутренней скверности. — Законник безрассудно сам себя подвергает обличению. Законники были иное, чем фарисеи. Фарисеи считались подвижниками и отсеченными от прочих, а законники были книжники и учителя и для желающих разрешали вопросы из Закона. Они (законники) налагали на людей бремена тяжелые и неудобноносимые; а сами не дотрагивались до этих бремен и перстом своим, то есть сами ничего не соблюдали из того, что заповедовали прочим. Ибо когда учитель сам делает то, чему учит, тогда он облегчает бремена, подавая в самом себе пример и ободряя учеников. Когда же он ничего не делает из того, чему учит, тогда бремена кажутся ученикам истинно тяжелыми, так как де и учитель не может выполнить их. — Господь обнаруживает также, что иудеи — потомки Каина и наследники его злобы, когда говорит, что вся кровь, пролитая от Авеля до Захарии, взыщется от рода сего. Вы, — говорит, — убивали пророков, братьев ваших, как и он — Авеля. Почему не без основания некоторые принимали Каина за образ людей, побивавших пророков, за что отмщено им в семь раз, то есть наказанием легчайшим, а Ламеха — за образ людей, убивших Христа, за что отмщено им в семьдесят раз седмижды (Быт. 4, 24), именно: рассеянием в плен безвозвратный. — Кто же был Захария, которого убили между храмом и алтарем? Одни говорят, что это давнишний Захария, сын Иодаев, которого побили камнями, как известно из книги Царств (2 Пар. 24, 20-21). Другие же говорят, что это отец Предтечи. Он не исключил из ряда дев Богородицу после того, как она родила Христа, и поставил ее на том же месте, где и они стояли; а это место было между храмом и внешним медным алтарем. За это и убили его. Так как некоторые ожидали во Христе будущего царя своего, а другие между тем не желали быть под властью царя, то поэтому убили этого святого и за то, что он утверждал, что родила Дева и что родился Христос, будущий Царь их, что было им противно, ибо они желали быть без царя.

Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали. Когда Он говорил им это, книжники и фарисеи начали сильно приступать к Нему, вынуждая у Него ответы на многое, подыскиваясь под Него и стараясь уловить что-нибудь из уст Его, чтобы обвинить Его.

«Ключом разумения» Господь назвал учение и руководство посредством Закона, могущего приводить ко Христу. Ибо Закон, без сомнения, служит руководителем ко Христу (Гал. 3, 24). Итак, законники по-видимому объясняли Закон, а между тем злонамеренно удерживали ключ разумения и не отворяли дверей Закона, чрез которые могли бы сами они и народ прийти ко Христу. Закон служит дверью ко Христу. Но эта дверь остается заключенной, если кто-нибудь не объяснит премрачной стороны Закона и таким образом не отворит двери. Ибо и Господь сказал: «если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне» (Ин. 5, 46). И опять: «Исследуйте Писания, они свидетельствуют о Мне. Но вы не хотите придти ко Мне» (Ин. 5, 39-40). Для примера укажу на одно.

У иудеев, как известно, закалаем был агнец, помазываемы были пороги, вкушали они эти мяса, и это у них было победой над губителем (Исх. 12, 1-13). Всем этим предызображалось Таинство Христово.

Когда Христос заклался как Непорочный и Пречистый Агнец, тогда помазаны и наши пороги, то есть сердце и воля, и наддверие их, то есть ум, и мы вкусили плоти Сына Человеческого и победили губителя душевных наших сил. И очень многие установления Закона указывали на Христа.

Хотя Закон был как бы прикрыт и заперт темнотой буквы, как бы дверью какой, но если кому-нибудь вверяемо было учение, тот имел ключ разумения; и если бы таковой пожелал, то мог бы отворить его, и сам вошел бы, и других бы ввел. Но законники не сделали этого, а ключ разумения взяли, то есть сокрыли, спрятали из виду; когда же взят был от среды (скрыт) этот ключ, то есть истолкование Закона, то запертой осталась и дверь его. — Под ключом разумения можешь понимать и веру. Ибо познание истины происходит чрез веру, как и пророк Исаия говорит: Если не уверуете, не уразумеете (Ис. 6, 10). Итак, законники ключ разумения, то есть веру, взяли от среды и скрыли. Ибо они не допускали некоторых веровать во Христа, Спасителя всех. Он творил чудеса, и народ, веруя ради этих чудес, признал бы Его Богом, но они (законники) говорили, что Он совершает эти чудеса силой веельзевула. Видишь ли, как они взяли ключ разумения, не допуская верить тому, что самих привело бы к знанию? Он (Христос) в синагогах учил воле Божией, а они (законники) говорили: беса имеет и беснуется, зачем Его слушаете?

Итак, они (то есть фарисеи и книжники), поистине, взяли ключ разумения, но сами не вошли и других не впустили, и притом «входящих», то есть способных уже к богопознанию. — Когда Он еще говорил сие, они вместо того, чтобы признаться в своем бессилии, как бы в опровержение Его слов объявили себя именно мудрейшими Его и начали заграждать Ему уста, то есть непрерывно спрашивать Его и приводить в недоумение. Ибо обыкновенно происходит затруднение в речах, когда одного человека очень многие вдруг спрашивают, и притом о разных предметах. Тогда человек этот, не имея возможности всем отвечать, неразумным дает повод считать себя побежденным. То же злоумышляли против Христа и эти проклятые. Они многие, вопрошая одного, думали сбить Его в речах и привести в затруднение, как немогущего им отвечать: что было и вероятно. Ибо как может один вдруг отвечать многим на разные вопросы? То можно принимать и в таком значении: уловить Его из уст и обличить. Ибо когда кого уловят в собственных его словах, то он, кажется, сам замыкает себе уста, то есть обличается своими устами и осуждается. Это значение видно и из последующего. Ибо сказано: «стараясь уловить что-нибудь из уст Его». Что немного прежде названо, то теперь заменяется словами — уловить из уст Его.

Вопросы Ему предлагали то относительно Закона (Моисеева), чтобы обличить Его как богохульника, который хулит Моисея (ибо они подозревали Его в этом), то касательно кесаря, чтобы объявить Его возмутителем и домогающимся власти, и обо всем таком, что

могли придумать души лукавые и исполненные всякой злобы.

Глава двенадцатая

Между тем, когда собрались тысячи народа, так что теснили друг друга, Он начал говорить сперва ученикам Своим: берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемерие. Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы. Посему, что вы сказали в темноте, то услышится во свете; и что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях.

Фарисеи пытались уловить Господа на слове, чтобы отклонить от Него народ, а сталося напротив. Народа сходилось ещё больше: собирались многие тысячи, и каждый так стремился приблизиться к Нему, что друг друга теснили. Так истина сильна, а ложь везде бессильна! Иисус, зная коварство фарисеев, видя, что они только представляются вопрошающими, а на деле подыскиваются под Ним, заговорил ученикам Своим о лицемерии фарисеев, без сомнения, для того, чтобы обличить их и обнаружить полные лицемерия сердца их. Господь называет лицемерие «закваской», потому что оно терпко, полно древней злобы, изменяет и растлевает собой образ мыслей тех людей, к коим оно приражается. Ибо ничто так не изменяет нравов, как лицемерие. Поэтому ученикам Христовым должно бегать лицемерия. Ибо Христос, будучи Истиной (Ин. 14, 6), очевидно противоположен лжи. А всякое лицемерие, иным представляясь на вид и иным будучи на деле, исполнено лжи. Хотя фарисеи, — говорит, — думают прикрыться лицемерием, поддельвая себе благонравие, однако ж, нет ничего сокровенного, чтобы не открылось. Ибо все и слова, и помышления на последнем суде представятся во всей наготе (1 Кор. 4, 5). Да и в настоящей жизни обыкновенно обнаруживается много тайного. Поэтому, что вы сказали в темноте и что вы говорили внутри дома и тайно, то будет провозглашено во свете и с кровель. — По-видимому, Он говорит это ученикам, а между тем направляет против фарисеев, намекая на их ковы, и хотя говорит, по-видимому, ученикам, но фарисеям выражает как бы так: фарисеи! Что вы замышляли в темноте, в ваших темных сердцах, желая уловить Меня, то будет услышано и узнано во свете, ибо Я свет (Ин. 8, 12), и вы не можете укрыться от Меня, но во Мне — Свете — распознается все, что замышляет ваша темнота. И то, что вы порешили между собой на ухо, стало для Меня так известно, как бы провозглашаемо было с высоких кровель. — А это можешь понимать и так, что свет есть Евангелие, а высокие кровли — высокие души апостолов. То, что фарисеи замышляли, впоследствии было провозглашено и слышимо во свете Евангелия, когда на высоких душах апостолов стоял великий Проповедник — Дух Святой.

Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь. Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак, не бойтесь: вы дороже многих малых птиц.

После того как Господь обличил лицемерие фарисеев, отвратил от него учеников Своих и между тем снова поразил фарисеев словами: «что вы сказали в темноте, то услышится во свете», теперь обращается к друзьям Своим с речью о более совершенном. Исторгнув уже терны, сеет доброе себя. — «Говорю же вам, друзьям Моим». То, что прежде говорилось,

относилось не к ним, но к фарисеям. Итак, Я говорю вам, друзьям Моим. Ибо слово сие идет не ко всем, но к тем, которые всей душой возлюбили Его и могут сказать: «Кто отлучит нас от любви Божией?» (Рим. 8, 35). Таковым прилично это убеждение. — Не бойтесь, — говорит, — убивающих тело и ничем более не могущих вредить. Ибо вред от тех, кои вредят телу, состоит не во многом. Тело потерпит свойственное ему и в том случае, если они не будут вредить. Но должно бояться того, кто наказывает не только тело, но и душу, существо бессмертное подвергает бесконечным мучениям, и притом в огне. Таким образом Христос обучает друзей Своих мужеству духовному, делает их свидетелями и отгоняет от них страх человеческий. Люди, — говорит, — простирают злобу свою только на тело тленное, и конец их козней против нас — смерть плотская. Но когда Бог казнит, тогда не останавливается на одной только плоти, но и самая душа несчастная подвергается мучениям. Примечай отсюда, что смерть приводит грешников к казни: они и здесь наказываются, будучи убиваемы, и там ввергаются в геенну. — Разбирая это изречение, уразумеешь и нечто другое. Смотри, Господь не сказал: бойтесь того, «кто» по убиении «ввергает» в геенну, но: «кто может» ввергнуть. Ибо умирающие грешники не непременно ввергаются в геенну, но во власти Божией состоит то, чтобы и прощать, например, ради тех приношений и подаяний, которые бывают по умершим и которые приносят немалую пользу даже тем, кои умирают в тяжких грехах. Итак, Бог не безусловно по убиении ввергает в геенну, но имеет власть ввергнуть. Будем же и мы непрестанно прилежать к милостыням и молитвам и умиловать ими Того, Кто имеет власть ввергнуть, но не пользуется этой властью непременно, а может и прощать. — Многие, — говорят, — думают, что умирающие за истину оставляются Богом; но вы не думайте так. Вы будете умирать не потому, будто бы Мной будете оставлены. Ибо если не забыт у Бога ни один из воробьев, которые продаются дешево, тем более не должна быть забыта ваша смерть, друга Мои, как будто бы Я не пекусь о вас. Напротив, Я имею такое попечение о вас, что до тонкости знаю все ваше; например, у Меня сочтены и волосы ваши. Итак, если Я поущу вам впасть в искушение; то, без сомнения, дам и силу к перенесению (1 Кор. 10, 13). А часто, когда увижу кого слабым, Я и не поущу ему впасть в искушение. Ибо, будучи попечителен и зная все, — и имея на счету самые мелочные вещи, Я устрою каждому приличное и полезное. Если наблюдаешь, то найдешь, что в Писании считается все мужское, достигшее в меру возраста и вообще достойное божественного счисления (Ис. 18, 21; Чис. 26). — Под «головою» должно разуметь христугодную жизнь каждого из верующих, а под «волосами» ее частнейшие деяния, коими умерщвляется тело, кои у Бога исчисляются и принимаются в рассуждение. Ибо таковые ваши дела удостаиваются воззрения Божия. Под «пятью» воробьями некоторые разумеют пять чувств, которые, будучи искупаемы двумя ассариями, то есть ценой Ветхого и Нового Заветов, не забыты у Бога. Ибо кто свои чувства умеряет и подчиняет разуму, так что они бывают бесполезны для духовного питания, тот не забыт у Бога.

Сказываю же вам: всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын Человеческий исповедает пред Ангелами Божиими; а кто отвергается Меня пред человеками, тот отвержен будет пред Ангелами Божиими. И всякому, кто скажет слово на Сына Человеческого, прощено будет; а кто скажет хулу на Святаго Духа, тому не простится. Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить, ибо Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить.

Теперь предлагает награду за исповедание веры. Так как Он сказал: «не бойтесь

убивающих тело» и прибавил, что и волосы ваши сочтены, то чтобы кто-нибудь не сказал: дай же мне и награду какую-нибудь, ибо что мне будет из того, что Ты счел мои волосы. — Он говорит (таковому): ты желаешь и награды? Слушай. Кто исповедает (веру) во Мне, тот Мною будет признан пред Богом. Сказал: исповедает «во Мне», то есть при Моем содействии и Моей силой, и Я исповедую его «в нем», то есть при его содействии. Ибо как мы предварительно нуждаемся в Боге, так как без Него не можем ничего сделать (Ин. 15, 5), так и Бог нуждается в нас. Ибо если Он не найдет в нас дел достойных, Он и не принимает нас; а иначе Он был бы лицеприятен. Итак, мы исповедуем в «Нем», то есть при Его содействии, а Он «в нас», то есть при нашем содействии. Ибо если мы не дадим Ему повода, Он и не будет свидетельствовать за нас. А отвергающийся отвергается не силой Божией, почему Он и не присовокупил: «Мною», но сказал: кто отвергается «Меня». — Так как всякий святой пребывает во Христе, а Христос в нем (Ин. 15,5), то, может быть, и не поэтому ли сказал так: кто (Меня) исповедует «во Мне», то есть пребывая, того исповедую и Я, в нем пребывая. — «И всякому, кто скажет слово на Сына Человеческого, прощено будет». Это значит: кто скажет хулу на Меня, по виду своему простого сына человеческого, едящего, пьющего, обращающегося с мытарями и блудницами, тот, покается ли, или не покается в своей хуле, прощен будет. Ибо такому человеку неверие его в грех не вменяется. Ибо что он видел располагающего к вере? Напротив, чего он не видел достойного хулы? Он видел человека, обращающегося с блудницами, и говорит хулу на него, а поэтому грех не вменяется ему. Ибо естественно он мог подумать, что же за Сын Божий тот, кто обращается с блудницами? Поэтому того, кто так поступает, а между тем выдает себя за Сына Божия, он может поносить и назвать обманщиком. — «А кто скажет хулу на Святаго Духа тому не простится». Слова эти имеют такое значение. Кто, видя Божественные знамения и великие и необычайные дела, не верует и поносит действия Святого Духа, приписывая веельзевулу, тот, изрыгая хулу на Святого Духа и говоря, что знамения сии совершаются духом лукавым, а не Божиим, если не раскается, не будет извинен и прощен. Говорящему хулу на Сына Человеческого не вменяется грех, а поэтому он прощается и без покаяния, а видящему дела Духа Божия и хулящему без покаяния не будет прощено, но вменится в величайший грех. — «Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям» и прочее. Слабость наша двоякого рода: мы убегаем от исповедания веры или по страху наказаний, или по простоте и неспособности дать ответ в нашей вере. Страх наказаний Господь уврачевал словами: «не бойтесь убивающих тело». Теперь Он врачует страх, происходящий от простоты. Поскольку немного мудрых по плоти (1 Кор. 1, 26) уверовало, а большая часть простых, то Он говорит: не бойся, необразованный и простец, и не заботься, как или что отвечать при допросе от властителя или что говорить при другом случае, — у тебя будет иной образ речи. «Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить». Поэтому какая нужда заботиться, если ты в тотчас научен будешь Духом Святым? Итак, с той и другой стороны укрепляет нас на подвиг исповедания, врачует страх как телесной немощи, так и страх простоты и неведения.

Некто из народа сказал Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство. Он же сказал человеку тому; кто поставил Меня судить или делить вас? При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от избытка его имения.

Чтобы научить нас, как мало должно радеть о житейском и заниматься земным, Господь отсылает от Себя того, кто просил Его распоряжения о разделе отцовского наследства, и потому говорит: «кто поставил Меня судить или делить вас?» Поскольку человек этот не

стал просить того, что полезно и нужно для спасения, а просил Его быть делителем земного и временного имения, то Господь отсылает его как беспокоящего и нежелающего научиться ничему нужному; впрочем, делает это кротко, а не грозно. Но поступком этим, без сомнения, всех, как тогдашних, так и нынешних, слушателей своих Он научает не заботиться ни о чем земном и временном, не спорить из-за него с братьями, и даже уступать им, если они желают быть и любостяжательными (ибо говорит: «от взявшего твое не требуй назад» — Лк. 6, 30), и искать того, что полезно и необходимо для спасения души. Поэтому и присовокупил сии слова: «смотрите, берегитесь любостяжания», убеждал нас избегать любостяжания как бы какой-нибудь дьявольской ямы. Кому же сказал Он это: «смотрите, берегитесь любостяжания»? Этим двум братьям. Так как у них был спор о наследстве и, вероятно, из них двоих один другого обидел, то Он и обращает к ним речь о любостяжании. Ибо оно — великое зло. Поэтому апостол Павел называет его идолослужением (Кол. 3, 5), быть может потому, что оно прилично одним тем, кои не знают Бога, или, что и справедливее, потому, что идолы язычников — серебро и золото (Пс. 113, 12). Почитающий серебро и золото подобен идолопоклонникам, потому что тот и другие поклоняются и воздают почитание одному веществу. Итак, избытка должно бегать. Почему? Потому что «жизнь человека не зависит от изобилия его имения», то есть мера сей жизни не соразмеряется с изобилием имения. Ибо если кто имеет многое, то не значит еще, что он уже и проживет долго. Долголетие не зависит от множества богатства. Господь говорит это в опровержение мыслей любителей богатства. Любители богатства, по-видимому, заботятся о богатстве потому, что желают жить, и собирают отовсюду потому, что намереваются долго жить. Поэтому Господь говорит: несчастный и бедный! неужели от многого имения прибавится тебе и долголетие? — Зачем же ты ясно страдаешь из-за неизвестного успокоения? Ибо не известно еще, достигнешь ли ты старости, для которой собираешь; а то очевидно, что ныне ты тратишь (свою жизнь) на приобретение имения.

И сказал им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих? И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так [бывает с тем,] кто собирает сокровища для себя, а не В Бога богатеет.

Сказав, что жизнь человека не становится продолжительнее от изобилия имения, (Господь) приводит и притчу в подтверждение своих слов. И смотри, как Он изображает нам ненасытимые помыслы безумного богача. Бог творил свое намерение и явил особенное благоутробие. Ибо не в одном местечке, но во всем поле богача был хороший урожай; а он был так бесплоден в милосердии, что, прежде чем получил, удерживал уже за собой. — Посмотри и на удовольствия богача. Что мне делать? Не эти ли самые слова произносит и бедняк? Что мне делать? мне нечего есть, нечем одеться, Вникни, пожалуй, и в слова богача: что мне делать? мне некуда собрать плодов многих. Хорошо же спокойствие! И бедняк говорит: что мне делать? я не имею... И богач говорит: что мне делать? я не имею... Что же мы получаем от того, что очень много собираем? Спокойствием мы не пользуемся, и очевидно, от забот; разве только собираем себе множество грехов. «Сломаю житницы мои и построю большие». А если на будущее лето урожай в поле будет еще более, ты опять сломаешь и опять построишь? И какая нужда ломать и строить? Утробы нищих — вот тебе

житницы. Они могут и вместить многое, они и неразрушимы и нетленны, ибо небесны и божественны, так как питающий бедного — питает Бога. — Вот и еще безумие богача. «Хлеб мой и всё добро мое». Он не считает их даром от Бога, ибо, в противном случае, располагался бы относительно их как приставник Божий, а считает их плодом собственных трудов. Поэтому, присвоив их себе, и говорит: «хлеб мой и добро мое». Я, — говорит, — не имею никакого сообщника, не буду ни с кем делиться. Все это добро — не Божие, а мое, поэтому я один буду и наслаждаться им, а Бога не приму участником в наслаждении им. Это явно безумно. — Посмотрим еще далее. «Душа! много добра лежит у тебя на многие годы». Сам назначает себе долголетнюю жизнь, как будто и долголетие он получил от возделываемой им земли. Неужели и это — произведение твое? Неужели и это — добро твое? «Ешь, пей, веселись». Прекрасные же блага души! Есть и пить есть благо души неразумной. Впрочем, поскольку ты и сам имеешь такую душу, то справедливо предлагаешь ей такие блага. Но благо души разумной состоит в том, чтобы уразумевать, рассуждать, увеселяться Законом Божиим и благими размышлениями. Для тебя недостает, безумный, есть и пить, ты предлагаешь душе своей и следующее затем постыдное и скаредное удовольствие? Ибо очевидно, что Господь словом «веселись» обозначил страсть распутства, которая обыкновенно следует за пресыщением яствами и питьями (Флп. 3, 19. Еф. 5, 18), «Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя». Сказано так: «Но Бог сказал ему» не потому, будто бы Бог беседовал с богачом, а слова эти имеют такой смысл, что когда богач так гордо помышлял в себе, тогда Бог сказал ему (ибо это подразумевает притчу). Бог называет богача безумным, потому что он в душе своей полагал советы самые безумные, как мы показали. Ибо всякий человек безумен и суетен, как и Давид говорит: «суетится» человек, и причина этому та, что «собирает и не знает, кому достанется то» (Пс. 38, 7). Ибо как не безумен тот, кто не знает, что мера жизни в руках одного Бога и что никто сам себе не может определить жизни? — Обрати внимание и на слово: «возьмут». Страшные Ангелы, как бы жестокие сборщики податей, возьмут у тебя душу твою против воли твоей, поскольку ты из любви пожить присваивал себе здешние блага. У праведника не отнимают душу, но он предает ее Богу и Отцу духов с радостью и весельем и не чувствует неприятности при отложении тела, ибо он тело имеет как бы легкую тяжесть. Но грешник, оплотняв душу, сделав ее телом и землей, чрезвычайно затрудняет отделение оной. Поэтому и говорится, что душу «возьмут» у него, как бы у какого упорного должника, преданного в руки жестоких сборщиков. Приметь и сие. Не сказал Господь: Я возьму душу у тебя, но «возьмут». Ибо «души праведных в руке Божией» (Прем. 3, 1). И поистине от такового «ночью» возьмут душу, ибо он не имеет озаряющего света богопознания, но находится в ночи богатствлюбия и омраченный ей захватывается смертью. Так, кто собирает сокровища для себя, тот по справедливости называется безумным и не успевает привести в исполнение свои намерения, но в самое время составления планов решительно исторгается из среды живых. Но если бы он собирал для бедных и для Бога, с ним не было бы так поступлено. Поэтому будем стараться «богатеть в Бога», то есть на Него уповать, Его считать нашим богатством и хранилищем богатства. Не будем говорить: блага «мои», но блага Божии. Если же блага Божии, то не будем отчуждать Бога от Его благ. Богатеть в Бога — значит веровать, что если я и все (свое) отдам и истощу, то и тогда ни в чем необходимом у меня не будет недостатка. Ибо сокровищница моих благ есть Бог: я отворяю и беру, что нужно.

И сказал ученикам Своим: поему говорю вам, — не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться: душа больше пищи, и тело — одежды. Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни

житниц, и Бог питает их; сколько же вы лучше птиц? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть? Итак, если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?

Мало-помалу Господь восходит к учению о высшем совершенстве. Заметь же порядок. Он научил беречься любостяжания и присовокупил притчу о богатом в доказательство того, что желающий очень многого — безумен. Простирая учение далее, Он не позволяет нам заботиться и о необходимом. Как диавол, начиная с малых грехов, ввергает нас и в большие, почему и назван он у Иова (Иов. 4, 11) «могучий лев», так, напротив, Господь, разрушая дела его, научает прежде бегать великих грехов, а потом указывает и начала их. Заповедав нам беречься любостяжания, доходит и до корня его, то есть заботы, чтобы и корень пресечь, и говорит: «посему говорю вам». Поскольку, — говорит, — безумен тот, кто назначает сам себе продолжительную жизнь и, обольщаясь этим, желает большего, каков был помянутый богач, потому Я вам говорю: «не заботьтесь для души вашей, что вам есть». Сказал так не потому, будто бы разумная душа ест, но потому, что душа, по-видимому, удерживается в связи с телом только под тем условием, если мы употребляем пищу. И иначе: тело, будучи и мертво, одевается, но уже не питается. Поскольку же питаться свойственно телу одушевленному, то справедливо употребление пищи Он отнес к душе. Или: не называется ли душой питательная сила? Итак, питательной частью неразумной души не заботьтесь, что вам есть, ни телом, во что одеться. За сим представляет основание. Тот, Кто дал большее, именно душу, не даст ли и пищу? Тот, Кто дал тело, не даст ли и одежду? Потом доказывает примером воронов. На птиц указывает для того, чтобы более усювестить нас. Мог бы Он привести в пример святых пророков, как-то: Илию и Моисея, но для большего посрамления указывает на птиц. Потом представляет еще и другое основание. Скажи, пожалуй, какая тебе прибыль от забот? Прибавляешь ли ты своему росту хотя малейшую часть? Нет, напротив, ты даже истощаешь свое тело, ибо забота сушит. Если же и малейшего не можешь прибавить, что заботишься о прочем? Очевидно, что как росту Бог придает, так и прочее подает.

Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если же траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то кольми паче вас, маловеры! Итак, не ищите, что вам есть, или что пить, и не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего; ваш же Отец знает, что вы имеете нужду в том; наипаче ищите Царствия Божия, и это всё приложится вам.

И пример лилий Господь выставил для большего нашего вразумления. Ибо если Бог лилии одевает так, что слава Соломонова не могла никогда сравниться ни с одной из них, и притом тогда, как для лилий красота не необходима, не тем ли более Он оденет нас — честнейшее Свое создание, когда притом для тела нашего одеяние необходимо? — Что же, — скажут, — повелеваешь нам не возделывать земли? Я не сказал: не возделывайте землю, но не заботьтесь. Делать Я не возбраняю, а запрещаю беспокоиться, то есть иметь надежду на самих себя. А кто делает и уповает на Бога, тот живет беззаботно. Явно, что Он искореняет заботу, потому что она удаляет от Бога. — Далее говорит: «не ищите, что вам есть, или что пить, и не беспокойтесь». Беспокойством (по-церковнославянски — возношением) называет, без сомнения, не иное что, как развлечение и непостоянное направление разума, помышляющего то о том, то о другом, перескакивающего от одного на другое и всегда

мечтающего о чем-то более высоком. Не значит ли это гоняться за метеорами? Таковую-то заботу, как удаляющую нас от Бога, или легкомыслие запрещает Господь, сказав, что «всего этого ищут люди мира сего». Ибо забота не останавливается на необходимом, но, как я сказал, всегда ищет более высокого, почему и называется возношением вверх. Например, мы не имеем хлеба. Мы сначала заботимся, откуда бы получить его, но на этом не останавливаемся, а желаем получить хлеб из отличной пшеницы; потом желаем и вина, и притом цветистоблаговонного; затем желаем и жареного, и притом из рябчиков или фазанов. Видишь ли, какова забота и легкомыслие? Поэтому Господь решительно пресекает оную, ибо этого ищут язычники. — Потом представляет и другое основание, именно: что Отец наш знает, в чем мы имеем нужду, и представляет не одно, а много оснований. Говорит: Он есть «Отец», а если Отец, то как не даст? Притом Он «знает», ибо не не знает. Да и вы «имеете нужду», ибо это не лишнее, а необходимое. Итак, если Он Отец и вы имеете нужду, и Он знает, то как же не даст? Поэтому прежде всего ищите Царствия Божия, а заботу о житейском, как удаляющую вас от Него, отвергните, и тогда все сие придастся вам. Видишь ли, каков Бог? Если ты ищешь малого, ты делаешь неуютное Ему, ибо оскорбляешь Его великодаровитость; если ищешь великого, то и его получишь, и малое придастся тебе. Ибо если Он увидит, что ты занят исканием Царства Его, то Он, всеконечно, будет промышлять о тебе в твоих нуждах. Даже и мы в своих делах не так ли поступаем? И мы заботимся более о тех, кои всецело предали себя нашему попечению, и бываем к ним так предусмотрительны, как будто бы они сами и не смотрят за собой? Не тем ли паче (так сотворит) Господь? Итак, Господь пресекает заботу о житейском для того, чтобы убедить нас искать Царствия Его: ибо при заботах о житейском это невозможно.

Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство. Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища не ветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает, ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет.

Господь желающих быть учениками Его называет «малым стадом» или потому, что в мире сем святых весьма мало по причине требуемой произвольной нищеты и нестяжательности, или потому, что их меньше, чем Ангелов, которых сонмы не имеют числа и несравненно превышают число нас. А что Ангелов гораздо больше, это видно из притчи, в которой Господь сказал, что пастырь об одном заблудшем и снова найденном радуется более, нежели о девяносто девяти незаблудших (Лк. 15, 7). Ибо отсюда видно, что как единица относится к девяносто девяти, так и род человеческий к миру ангельскому. «Не бойся, — говорит, — малое стадо», то есть не сомневайся, что Бог будет промышлять о тебе, хотя бы ты сам и не заботился о себе. Почему? Потому что Отец благоволил дать вам Царство. Если Он дает Царство, то тем более подаст предметы земные. Итак, не думай, что если не усвоишь себе нищету, то не будет Промыслителя о тебе, но продавай имение, давай милостыню и сделай сокровище неистощимым. Потом убеждает нас и непререкаемыми умозаключениями. Здесь, — говорит, — моль съедает, а на небе — нет. Итак, не безумно ли слагать сокровище в таком месте, в котором оно повреждается? Потом, поскольку моль не съедает золота. Он присовокупил: «куда вор не приближается». Ибо если моль не съедает золота, то вор похищает его. Потом, поскольку не всех же обкрадывают, Он присовокупляет еще большее и совершенно неопровержимое основание. «Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Пусть, — говорит, — будет и так, что и моль не съест, и вор не подойдет, но самое порабощение сердца закопанному в землю сокровищу и повержение в землю

богоподобного существа души какого достойно наказания? Не тем ли больше наказание (предлежит) тому, кто имеет ум? Где сокровище ваше, там и сердце ваше. Если сокровище в земле, то и сердце в ней; если сокровище на небе, то и сердце — горе. Кто же не изберет лучше быть горе, чем под землей, быть Ангелом, чем кротом, живущим в подземных норах?

Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи. И вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придёт и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдёт бодрствующими; истинно говорю вам, он препояшется и посадит их, и, подходя, станет служить им. И если придет во вторую стражу, и в третью стражу придет, и найдет их так, то блаженны рабы те. Вы знаете, что если бы ведал хозяин дома, в который час придет вор, то бодрствовал бы и не допустил бы подкопать дом свой. Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий.

Господь, сделав ученика Своего свободным от лишнего, упразднив от всякой житейской заботы и надмения и таким образом сделав его легким, делает его уже и слугой. Ибо кто желает служить, тот должен быть легким и расторопным. Поэтому говорит: «Да будут чресла ваши препоясаны», то есть вы всегда являетесь готовыми на дела своего владыки, и «светильники горящи», то есть не живите во тьме и без рассуждения, но свет разума пусть указывает вам все, что должно и что не должно делать. Итак, мир сей есть ночь. Препоясанные по чреслам суть ведущие деятельную жизнь. Ибо таково одеяние рабочих. Им нужны еще и светильники горящие. Ибо при деятельной жизни нужно и дарование рассуждения, то есть, чтобы деятель мог распознавать не только то, что должно делать, но и то, как должно делать. Ибо многие делали доброе, но делали не хорошо. Таковые хотя и были препоясаны по чреслам, поскольку они действовали, но светильников горящих не имели, то есть не имели разумного рассуждения, а впадали или в гордость, или в другую пропасть безумия. Приметь и то, что прежде препоясываются чресла наши, потом светильники зажигаются. Ибо прежде бывает деятельность, потом созерцание, которое есть озарение ума нашего. Ибо светильник, ум наш, тогда называется горящим, когда сияет в нем свет Божий. Итак, будем тщательно упражняться в добродетели, чтобы нам иметь горящими оба светильника наши, то есть слово внутреннее и слово произносимое, внутреннее — все озаряющим в душе, а произносимое — блистающим на языке. Ибо внутренний светильник нас просвещает, а слово учительское и произносимое светит прочим. — И мы должны быть подобны людям, ожидающим возвращения своего господина с брака. Кто ж иной? Этот Господин, как не Христос Иисус? Он, восприняв человеческую природу как бы невесту и соединив с Собой, сотворил брак, прилепившись к ней в плоть едину. Да и не один брак творит Он, а многие, ибо на небе каждодневно уневещивает Себе души святых, которые Павел или подобный Павлу представляет ему чистыми девами (2 Кор. 11, 2). Возвращается Он с небесного брака, может быть, открыто пред всеми, при кончине вселенной, когда придет с неба во славе Отца, а может быть, невидимо и неожиданно являясь во всякую пору, при кончине каждого в частности. Итак, блажен тот, кого Он найдет препоясанным по чреслам, то есть готовым служить Богу деятельной частью христианского любомудрия, и имеющим горящий светильник слова и рассуждения, не только творящим доброе, но творящим оное хорошо и сверх того принявшим созерцание как бы некоторый светильник. Ибо чрез препоясание по чреслам у нас становится горящим и светильник созерцания, и даже два светильника, внутренний и износимый вовне. — Для такого слуги сам Господь становится

службой. Ибо сказано: «и посадит их, и, подходя, станет служить им». Бог препоясывается, потому что не всю полноту благ источает нам, но сдерживает оную. Ибо кто может вместить Бога, каков Он есть? Это видно и на Серафимах, которые покрываются от превосходства Божественного света (Ис. 6, 2). Добрых рабов Он полагает на ложе, то есть всех во всем успокаивает. Ибо как лежавший на ложе все тело успокаивает, так и в будущем пришествии все святые будут успокоены во всех отношениях. Здесь они не находят отдохновения для тела, а там вместе с душами и тела их, духовные и божественные, наследовав нетление, будут наслаждаться совершенным покоем, и Бог будет все во всех их (1 Кор. 15, 28). Господь «станет служить» достойным (рабам), воздавая им равное. Как они служили Ему, так и Он послужит им, предлагая им изобильную трапезу и подавая наслаждение духовными дарованиями. — Под «второй и третьей стражей» можешь разумеать разные времена нашей жизни. Объясню примером. Как не спящий во вторую и третью стражу считается самым неусыпным, ибо эти часы ночи в особенности доставляют людям сон, и сон первый: так разумеай, пожалуй, что и при различных состояниях нашей жизни есть времена, которые, если мы окажемся в оные бодрствующими, делают нас блаженными. Похитил ли кто у тебя имение? Дети ли у тебя умерли? Оклеветал ли кто тебя? Если ты в таких обстоятельствах оказался бдящим пред Богом и Владыкой и не допустил себе ничего сделать вопреки Его заповедям, то Он поистине нашел тебя бдящим «во вторую и третью стражу», то есть во время тяжелое, в которое нерадивые души падают и засыпают сном смертным. Итак, необходимо бодрствовать. Ибо мы подобны хозяину дома. Если он не спит, то вор не может похитить ничего из его имения; если же он сонлив, то вор все заберет и уйдет. Некоторые разумеют здесь под вором диавола, под домом — душу, а под хозяином дома — человека. Однако ж такое разумение, кажется, не подходит к связи речи. Здесь вору уподобляется пришествие Господа, по его неожиданности, как и один из апостолов говорит: «день Господень, как тать ночью» (2 Пет. 3, 10). И здесь же, смотри, как Господь объясняет, кто такой вор. «Будьте же, — говорит, — и вы готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий». — Некоторые же говорят, что под бдящими в первую стражу разумеются те, кои внимательнее прочих, под бдящими во вторую стражу — те, кои уступают им, а под бдящими в третью стражу — те, кои стоят ниже и сих. А другие изъясняли стражи о различных возрастах: первую — о юности, вторую — о мужестве, а третью — о старости. Итак, блажен тот, кто в каком бы то ни случилось возрасте найден будет бдящим, а не беспечным относительно добродетели.

Тогда сказал Ему Петр: Господа! к нам ли притчу сию говоришь, или и ко всем? Господь же сказал: кто верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над слугами своими раздавать им в своё время меру хлеба? Блажен раб тот, которого господин его, придя, найдет поступающим так. Истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его.

Петр, как обо всех заботящийся и по братолюбию ревнующий о пользе слушателей и как получивший уже Церковь в свое доверие, спросил (Господа): ко всем ли Он говорит эту притчу. Господь ясно не отвечает ему на вопрос, а прикровенно показывает, что хотя сказанная притча обща и простирается на всех верующих, кто бы они ни были, но относится и к вам — апостолам и вообще удостоенным учительства или предстоятельства. Слушай. «Кто верный и благоразумный домоправитель». Вышесказанная притча, — говорит, — многим прилична, а теперь говорит о тех, которые удостоены предстоятельства: недоумеваю, кто окажется имеющим то и другое, то есть верность и благоразумие. Ибо

таковые редки, и трудно находить их. Как в управлении обыкновенным именем, если кто верен своему господину, но неблагоприятен, тот расточает имение господина, ибо не умеет распоряжаться им как должно, когда нужно давать, не дает, а гораздо больше теряет, и равным образом, если кто благоприятен и находчив, но неверен, тот может быть вором, и тем менее уловимым, чем более он благоприятен, — так и в божественных предметах нужны вместе верность и благоприятие. Ибо я знаю многих, которые, по-видимому, и усердны к добродетели, и богобоязливы, и имеют веру, но, поскольку не могли благоприятно распоряжаться церковными делами, повредили не только имению, но и душам. Например, если кто впадет в духовное преступление, но предстоятель не будет благоприятен, а будет иметь только веру, то есть добродетель бессознательную, то падший может потерпеть вред или от непомерной строгости, или от неуместной кротости его, и не уврачуется, но сокрушится. Итак, кто будет найден верным и благоприятным, тот поставлен будет над слугами Господа, то есть над всеми рабами Его, чтобы каждому в свое время раздавать определенную меру хлеба, то есть или догматическое учение, которым питаются души, или образец деятельности и начертание, как должно жить. Если он будет найден поступающим так, то блажен, и Господь поставит его «над всем именем своим», не только над рабами, но и над всем поставит его, удостоив его высшей степени, так что ему будет покоряться земное и небесное, каковы были, например, Иисус Навин и Илия. Один из них повелевал солнцу, а другой — облакам небесным (Нав. 10, 12; 3 Цар. 17, 1). Да и все вообще святые как друзья Божии, пользуются достоянием своего Друга. И у друзей обыкновенно все бывает общее (Деян. 4, 32). И всякий, кто при безмятежной жизни упражняется в деятельной добродетели и подчиняет себе рабские страсти — гнев и похотение, давая каждой из них в свое время определенную меру пищи, гневу, например, ненависть к ненавидящим Господа и раздражение против врагов Его (Пс. 138, 21), похотению — заботу только о необходимом для плоти, а всецелое устремление — к Богу, всякий таковой блажен: он достигнет и созерцания, и будет поставлен над всем именем (сущим у) Господа он удостоится созерцательным умом зреть и наблюдать все, не только существующее не само по себе, но и то, что в собственном смысле существует, то есть вечно.

Если же раб тот скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой, и начнет бить слуг и служанок, есть и пить и напиваться, — то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с неверными.

Горе таким рабам, которые, получив дарование духовного настоятельства, губят вверенное им домостроительство, пьют и упиваются, будешь ли понимать сие о чувственном пьянстве (ибо и это случается с худыми настоятелями церквей, расточающими имение бедных), или будешь разуметь под пьянством развращение ума в учении и распоряжении именем. Такие предстоятели бьют слуг и служанок, то есть, соблазняя слабейших членов церкви, убивают их совесть. Ибо слабый и малодушный, увидев, что я — архиерей — веду худую жизнь, соблазняется сим и убивается совестью, принимает удары в сердце и делается еще слабейшим. А все это случается с лукавым рабом от того, что он в сердце своем сказал: «не скоро придет господин мой». Ибо такого рода поведение происходит от беспечности и неразмышления о часе кончины. Если же бы мы содержали в мысли, что Господь идет, что при дверях кончина мира и конец нашей жизни, то мы грешили бы менее. — Примечай и наказание. «Рассечет, — говорит, — его», то есть лишит дарования учительства. Чтобы кто-нибудь не подумал, что дарование это поможет ему избавиться от

сильного наказания, Он говорит: как поможетему дарование, когда он в то время не будет иметь его? Ибо быть рассеченным пополам [-] значит быть лишенным благодати. Таковой, будучи плотью, а не духом, окажется тогда достойным сожаления, поскольку, по апостолу, мы тогда живем по духу, когда Дух Божий живет в нас (Рим. 8,9). А кто найден будет ходившим не по духу, но по плоти и непричастным духовной жизни, тот поставится в ряду с неверным, поскольку осудится с миром неверным, как не получивший никакой пользы от мнимой веры. Ибо истинной веры в нем не было. Если бы в нем была истинная вера, он был бы верным домостроителем. А теперь, поскольку он пил и упивался, и расточал принадлежащее господину, очевидно, что не имел истинной верности, какая требуется от домоправителей. Поэтому справедливо часть его полагается с неверными. Ибо, лишенный дарования и разоблаченный, он оказывается поврежденным, а не совсем целым.

Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше. И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут.

Здесь Господь представляет нам нечто более важное и ужасное. Таковой, — говорит, — не только дарования лишится и не найдет в оном пособия к освобождению от наказания, но величие достоинства сделает его повинным еще большему осуждению. Ибо чем более знает согрешающий, тем больше он заслуживает себе наказания. — В дальнейшей речи раскрывает это еще яснее. Кому, — говорит, — дано много, от того много и потребуется, и кому много вверили, с того больше взыщут. Через это Господь показывает, что наказание, заслуженное учителями, будет большее. Учителям дается и вверяется: «дается», например, дарование творить чудеса, врачевать болезни, а «вверяется» им дарование слова и учительства. Господь сказал: «больше взыщут», не при слове «дается», но при слове «вверяется». Ибо при даровании слова поистине нужно делание, и с учителя взыскивается больше. Он не должен оставаться беспечным, но должен приумножать талант слова. Итак, слова «и от всякого, кому дано» ты должен разуметь так: кому много отдали в рост. Ибо предметом, отдаваемым под сохранение, здесь Он назвал рост. — Иные спрашивают: пусть так, что справедливо наказывается знавший волю господина и не делающий по ней; но почему наказывается тот, кто не знал? Потому что и он мог узнать, однако ж, не захотел, а по беспечности сам сделался виновным в незнании. Итак, он достоин наказания за то, что добровольно не узнал. Устрашимся, братие! Ибо если тот, кто совершенно не знал, достоин наказания, то какое извинение оправдает согрешающих при знании, особенно, если они были учителями? Подлинно, осуждение их очень тяжело.

Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!
Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!

Ибо слово есть огонь, поедающий всякое вещественное и нечистое помышление и истребляющий идолов, из какого бы ни были они вещества. Разумеется и ревность по добру, возгорающаяся в каждом из нас. А может быть, и ревность, порождаемая Словом Божиим, не разнится от первой. Господь желает, чтобы сим-то огнем возгорелись сердца наши. Ибо мы должны иметь пламенную ревность по добру. — «И как желал бы» иначе: и сколь сильно желаю, чтобы он уже возгорелся! Ускоряет возжжение огня сего, подобно как и Павел говорит: «духом пламенейте» (Рим. 12, 11), и в другом месте: «ревную о вас ревностью

Божию» (2 Кор. 11, 2). — «Крещением» называет смерть Свою. Так как огонь этот имел возгореться не иначе, как после смерти Его, ибо оттуда возросла проповедь и ревность, то присовокупляет речь о смерти, называя ее крещением. Сильно желая ее, говорит: «и как томлюсь», то есть, сколько Я забочусь и томлюсь, пока сие совершится! Ибо Я жажду смерти за спасение всех. — Господь пришел низвести огонь не только на землю, на которой распространились Его учение и вера, но и на душу каждого, которая (сама по себе) есть терновная и бесплодная земля, но Словом Божиим возжигается как бы огнем и становится способной к принятию Божественных семян и духовноплодоносной. Ибо когда благодать Божия невидимо коснется чьей-нибудь души, то, кажется, она горит такой любовью к Богу, что нельзя и сказать. Так точно и Клеопа с его спутником, воспламеняемые невидимо огнем Божией благодати, говорили: «не горело ли в нас сердце наше» (Лк. 24, 32). Кто испытал такое состояние, тот поймет слова наши. А многие и часто испытывают оное при чтении Божественного Писания или житий святых отцев, то при убеждении и поучении от кого-нибудь, воспламеняясь душами к деланию добра, и одни пылают до конца, а другие тотчас же охлаждаются.

Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей.

Христос есть мир наш (Еф. 2, 14), однако ж говорит: не пришел дать мир. Значит, слова Его загадочны. Итак, мы говорим, что не всякий мир беспорочен и добр, но часто бывает опасен и удаляет от Божественной любви, например, когда мы заключаем мир и согласие на опровержение истины. Христос не пришел дать такого мира, а, напротив, желает, чтобы мы из-за добра разделились друг против друга, что и случилось во время гонений. Ибо в одном доме отец язычник разделялся против верующего сына, и мать против дочери, и наоборот. — Как Он сказал, что пятеро в одном доме станут разделяться, а при исчислении помянул «шесть» лиц? Отвечаем: одно лицо взято дважды, именно: дочь и невестка одно и тоже лицо. По отношению к матери названа дочерью, а по отношению к свекрови — невесткой. Итак, трое — отец, мать и свекровь — станут разделяться против двоих — сына и дочери. Ибо дочь, как мы сказали, будучи одно лицо, но, принимая двоякое отношение, именно: в приложении к матери и к свекрови, представляется поэтому двумя лицами. — Под отцом и матерью, и свекровью разумей, пожалуй, и просто все ветхое, а под сыном и дочерью — все новое. В таком случае Господь желает, чтобы Его новые Божественные заповеди и учение побороли все наше ветхое — греховные нравы и учение. — Разумей и так. Отец есть ум, а сын — рассудок. Между ними в едином доме, то есть в человеке, происходило разделение. Скажу яснее. Ум Дионисия Ареопагата был озарен и принял проповедь. По уму его, без доказательств принявшему веру, противился языческий рассудок, пытающийся доказать и заставляющий следовать диалектическим приемам. Видишь ли разделение между отцом и сыном, враждующих друг против друга ради Христа и проповеди? Матерью и свекровью можешь назвать мысль, а дочерью и невесткой — чувство. И между ними бывает борьба ради Христа. У мысли бывает вражда против чувства, когда мысль убеждает почитать непреходящее выше преходящего, невидимое выше видимого, и имеет на то многие сильные доказательства. Бывает, что и со стороны чувства направляется борьба против мысли. Ибо чувство, руководимое в вере чудесами и видимыми знаменами, не убеждается доводами

мысли, не хочет следовать и языческим доказательствам, которые внимающих им побуждают не верить, что Бог сделался человеком или что Дева — родила. Так безумны умозаключения язычников, боготворящих природу. Между тем чувство посредством видимых чудес приводит к богопознанию лучше всякого доказательства. Итак, не всякий мир и согласие — добро, но бывает, что вражда и разделение кажутся некоторым божественным делом. Поэтому никто да не пребывает в дружбе с лукавыми, но хотя бы отец и мать оказались противниками Закона Христова, и с ними, как врагами истины, должно враждовать.

Сказал же и народу: когда вы видите облако, поднимающееся с запада, тотчас говорите: дождь будет, и бывает так; и когда дует южный ветер, говорите: зной будет, и бывает. Лицемеры! лице земли и неба распознавать умеете, как же времени сего не узнаете? Зачем же вы и по самим себе не судите, чему быть должно? Когда ты идешь с соперником своим к начальству, то на дороге постарайся освободиться от него, чтобы он не привел тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не вверг тебя в темницу. Сказываю тебе: не выйдешь оттуда, пока не отдашь и последней полушки.

Поскольку Господь вел речь о проповеди и наименовал ее огнем и мечом, то очень вероятно, что слушатели, не понимая значения слов Его, смутились. Поэтому Он говорит; как перемены в воздухе вы распознаете по некоторым признакам, так и Мое пришествие вам должно было признать из того, что Я говорю и что делаю. Мои слова, подобно как и дела, показывают во Мне противника вашего. Ибо вы — мытари и похитители, а Я не имею, где голову приклонить (Лк. 9, 58). Поэтому как по туче вы предвещаете дождь и по южному ветру — жаркий день, так следовало вам распознать и время Моего пришествия и догадаться, что Я пришел не мир дать, но дождь и смущение. Ибо Я и Сам есмь облако, и иду с запада, то есть человеческой природы, которая прежде унизилась и была в густом мраке от греха. Пришел Я и огонь низвести, и сделал жаркий день. Ибо Я есмь юг — теплый ветер и противоположен холодности севера. Поэтому и явился Я из Вифлеема, который лежит к югу. Сказав это, Господь преподает им учение и о достохвальном мире. Указав похвальное разделение, показывает и мир беспорочный. Именно говорит: когда соперник повлечет тебя в судилище, то еще на дороге всячески постарайся разделаться с ним. Или иначе: «постарайся освободиться» понимается в таком смысле, что хотя бы ты и ничего не имел, но возьми займы под проценты и «постарайся освободиться», чтобы тебе разделаться с ним, «Чтобы он не привел тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не вверг тебя в темницу, пока не отдашь и последней полушки». Господь говорит это с тем, чтобы оплотнявшихся привести в страх и побудить к миру. Он знает, что страх убытка и наказаний всего более смиряет оземленевших, поэтому и говорит это. — Разумеют эту речь и о диаволе. Ибо он есть соперник наш. Поэтому мы, будучи еще на «дороге», то есть в этой жизни, должны постараться, через упражнение в добродетели, освободиться от него и ничего не иметь с ним общего, чтобы на будущем суде он не предал нас Судии. Ибо самые дела его, которые мы здесь совершали, предадут нас суду, а Судия отдаст нас истязателю, то есть какой-нибудь мучительной и злотворной силе, и будет наказывать нас до тех пор, пока не получим должное и за последние грехи и не исполним меру наказания. А так как мера наказания никогда не исполнится, то мы будем вечно мучиться. Ибо если будем в темнице до тех пор, пока не заплатим и последней полушки, а заплатить ее мы никогда не будем иметь возможности, то очевидно, что казнь будет вечная.

В это время пришли некоторые и рассказали Ему о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их. Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете.

Иуда галилеянин, о котором тот же самый евангелист упоминает и в Деяниях (5, 37), будучи сам сведущ в Законе, убедил многих и иных галилеян пристать к своему учению. Учил же он тому, что никого из людей, ни даже самого царя, не позволительно именовать господом ни в буквальном смысле, ни в смысле почтения и благоволения. Отсюда многие из них за то, что не называли кесаря господом, жестоко были наказываемы. Они учили еще, что не должно быть приносимо никаких жертв, кроме заповеданных Моисеем; почему они возбраняли жертвоприношения за кесаря и за римский народ. Вероятно, в негодовании на это, Пилат приказал заколоть сих галилеян при тех самых жертвоприношениях за римский народ, которые были ими воспрещаемы. Поэтому кровь их смешалась с кровью жертв. Об этом, как происшедшем из-за благочестия, некоторые доложили Спасителю, желая узнать Его мнение об этом предмете. Ибо некоторые думали, что они пострадали весьма справедливо как грешники, так как они были виновниками возмущения и возбудили в Пилате ненависть к иудеям, ибо их сопротивление называть кесаря господом было простираемо на весь народ иудейский. Спаситель не отрицает того, что они грешны, но не говорит и того, что они пострадали так потому, что грешнее прочих, не пострадавших. Но если и вы не покаетесь, если не перестанете возмущать и возжигать внутренние междоусобия и не поспешите умиловить Бога делами, то подвергнетесь еще худшей участи. Ибо не следует под предлогом благочестия снискивать себе славу, и между тем возбуждать внутренние мятежи. Башня, упавшая в Силоаме, была предуказанием на то, что имело впоследствии случиться с этим народом. Примером немногих, тогда погибших, она вразумляла многих, что и они потерпят большое зло. Ибо башня служила предызображением целого города, а те погибшие восемнадцать человек — целого народа. Действительно, когда город пал от Тита, тогда вместе с ним погиб и весь народ, упорный в неверии. Это должно быть для нас уроком при всех ежедневных случаях. Если некоторые падают, тогда как мы остаемся без искушений, то сие не должно служить для нас поводом к совершенной беззаботливости, будто бы мы остаемся без искушений потому, что праведны, а напротив, мы должны более вразумляться, потому они наказываются, чтобы мы улучшились; если ж мы не исправимся, то горе наше будет больше.

И сказал сию притчу: некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, — не принесет ли плода; если же нет, то в следующий [год] срубил» ее.

Согласно с ходом речи приводит притчу сию. Перед этим Он сказал: если вы не

покаетесь то погибнете. Теперь, кстати присовокупляет притчу сию. Смоковница есть народ иудейский, производящий одни только горькие листья, а плодов не приносящий. Стоял он в винограднике Божиим, то есть в церкви иудейской. Домовладыка — Христос — приходил и искал (в иудеях) плода веры и добрых дел, но не нашел. Приходил Он по три срока: раз — через Моисея, в другой — через пророков, а в третий — Сам лично. Наконец, поскольку, несмотря на все это, иудеи не покаются, Христос отсек их от любви Божией. Ибо они уже не называются народом Господним и людьми святыми, но вместо их введены язычники, могущие приносить плод (Мф. 21, 43). — Под смоковницей можно разуметь и все человечество: под домовладыкой — Бога Отца; под виноградарем — Сына Божия, явившегося во плоти для того, чтоб приложить попечение и очистить наш виноградник. Христос не позволяет срубить эту смоковницу как бесплодную, говоря Отцу: «оставь ее и на этот год». Если (люди) не улучшились чрез Закон и пророков и не принесли плода покаяния, то Я еще напою их Своим учением и страданиями, и, может быть, они принесут плод благопокорности. Если ж смоковница не принесет плода, то после срубишь ее, отвергнув их от участи праведных. По три раза Бог искал плода в роде нашем (человеческом), и (трижды) он не дал: в первый раз, когда мы преступили заповедь в раю (Быт. 3); в другой, когда во время законодательства слили тельца (Исх. 32) и славу Бога променяли «на изображение вола, ядущего траву» (Пс. 105, 20); в третий, когда испрашивали (на распятие) Спасителя и Господа, говоря: нет у нас царя, кроме кесаря (Ин. 19, 15). — И каждый из нас в частности есть смоковница, посаженная в винограднике Божиим, то есть в Церкви или, просто сказать, в здешнем мире. Бог приходит искать плода, и если находит тебя бесплодным, повелевает тебя исторгнуть из здешней жизни. Но виноградарь может пощадить. Кто же этот виноградарь? Или Ангел хранитель каждого, или и сам человек. Ибо каждый сам для себя есть виноградарь. Часто, подвергшись смертной болезни или иным опасностям, мы говорим: Господи! Оставь и на этот год, и мы покаемся. Ибо это означает окопать и обложить навозом. Душа окапывается, когда она оттрясает с себя пыль житейских забот и делается легкой. Она облагается навозом, то есть теплотой жизни бесславной и всеми презираемой. Ибо когда кто для спасения души оставляет славу и решается на жизнь бесславную, тогда это называется обложить душу навозом, чтобы она принесла плод. Если принесем плод, то хорошо; а если нет, то Господь не оставит уже нас в Своем винограднике, но исторгает из здешнего мира, чтобы мы не занимали напрасно места. И кто видит грешника долго живущим, тот сам портится и делается хуже, и таким образом оказывается, что грешник сам не приносит плода, да препятствует другому, который мог бы принести плод. Если же он будет исторгнут из здешней жизни, то видевшие посещение его, может быть, придут в чувство, переменятся и плод принесут. — Говорится, что домохозяин приходил к смоковнице по три года, может быть, потому, что нам даны три Закона, через кои Господь к нам приходит, именно: естественный, Моисеев и духовный. Нам следовало приносить плод и при руководстве естественного закона, ибо природа сама по себе научает должному. Но поскольку Господь нашел естественный закон бездейственным в нас, то в помощь естественному Он дал Моисеев Закон. Когда же и сей оказался бесполезным по нашему нерадению, Он дал Закон духовный. Итак, чьей души не улучшат эти три закона, кто не может улучшиться, несмотря на долголетие и человеколюбие, тот уже не оставляется на дальнейшее время, поскольку Бог не может обманываться отсрочками. — Разумей, пожалуй, под тремя годами и три состояния возрастов: отрочество, или юность, которая считается до восемнадцати лет, мужество и состояние тех, кои начинают уже сесть. Поэтому, если мы и на старости, в этот третий год, не принесем плодов и если нам еще попущено будет жить, чтобы обложить себя навозом, чрез восприятие бесславной жизни ради Христа, а мы и опять солжем, тогда Господь уже не

пощадит нас, но срубит, чтобы мы не занимали землю напрасно и притом с вредом для других. И это изъяснение мне кажется более близким к подлежащей цели.

В одной из синагог учил Он в субботу. Там была женщина, восемнадцать лет имевшая духа немощи; она была скорчена и не могла выпрямиться. Иисус, увидев ее, подозвал и сказал ей: женщина! ты освобождаешься от недуга твоего. И возложил на нее руки, и она тотчас выпрямилась и стала славить Бога. При этом начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний. Господь сказал ему в ответ: лицемер! не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу и не ведет ли поить? сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний? И когда говорил Он это, все противившиеся Ему стыдились; и весь народ радовался о всех славных делах Его.

Недуг этот с упоминаемой женщиной случился по насилию дьявольскому, как и Господь говорит: «которую связал сатана вот уже восемнадцать лет». Быть может, сатана мучил ее потому, что она оставлена была Богом за какие-нибудь преступления, Ибо он, когда попускается ему свыше от Бога, причиняет всевозможные неприятности телам людей (Иов. 2, 6-7). Он и в начале был виновником того, что мы лишились нетления, в котором были созданы (Прем. 2, 23), и что мы соединены теперь с телом болезненным и способным к недугам. Ибо мы это разумеем под кожаными ризами (Быт. 3, 21). Господь самым богоприличным и полновластным повелением прогоняет болезнь этой женщины и возлагает на нее руки, чтобы мы познали, что силу и действие Слова носила эта святая плоть. Ибо она была собственная Его плоть, а не другого кого, существующего отдельно от Него и собственнолично, как представляется нечестивому Несторию. Такова благодать Господа, и так Он помиловал создание Свое! А сатана, сначала связавший женщину, в досаде на ее освобождение, так как он еще более зла желал причинить ей, связывает завистью начальника синагоги и его устами хулит чудо. Так он везде противится добру! Сей негодует на то, что исцеление совершено в субботу, но Господь обличает его прекрасным примером неразумных животных. Поэтому не только он, но и все прочие, противившиеся Иисусу, стыдились при таких словах Его. Ибо очень неразумно было возбранять исцеление человека в субботу потому, что будто бы в субботу предписано хранить бездействие. Итак, противившиеся Иисусу стыдились этих слов Его, а народ радовался о делах Его. Тогда как те не радовались о делах, но растаивали завистью при чудесах Христовых, народ, получая пользу от знамений, пользуясь исцелениями, радовался. — Понимай, пожалуй, чудеса эти и относительно внутреннего человека. Ибо душа бывает скорчена, когда она склоняется к заботам только о житейском и не помышляет ни о чем небесном или божественном. Почему и говорится, что она болит восемнадцать лет. Ибо кто погрешает в соблюдении заповедей Закона Божия, которых «десять», и слаб в уповании на «восьмой» век, о том говорится, что он скорчен восемнадцать лет. Ужели не скорчен тот, кто, будучи привязан к земле и постоянно согрешая, нарушает заповеди и не принимает будущего века? Но Господь исцеляет такую душу в субботу и в синагоге. Ибо когда кто соберет в себе помыслы исповедания (ибо Иуда означает исповедание) и будет хранить (субботу), то есть бездействие во зле, тогда Иисус исцеляет его не словом только, говоря ему: освобожден ты от недуга своего, но и возложением рук.

Он же сказал: чему подобно Царствие Божие? и чему уподоблю его? Оно

подобно зерну горчичному, которое, взяв, человек посадил в саду своем; и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его. Ещё сказал: чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё. И проходил по городам и селениям, уча и направляя путь к Иерусалиму.

Зерну горчичному уподобляется Царствие Божие. А Царствие Божие есть учение и проповедь, ибо через проповедь воцарилось оно в душах человеческих. Как горчица на вид мала, а силы имеет много, так и учение евангельское многие презирают и считают глупостью, но если человек примет оно и посадит в саду своем, то есть в своей душе, то оно дает большое и ветвистое дерево, и птицы небесные, то есть люди, желающие парить к горнему, укрываются в ветвях его. Ибо возвышающиеся над земным успокаиваются в ветвях проповеди, то есть в пространных помыслах. Например, Павел принял зерно, небольшое оглашение от Анании, но, посадив это зерно в удобренном своем саду, произвел ветви, то есть обильное и доброе учение (Деян. 9, 17-22) и послания, в коих укрывались высокие по уму и мудрости не в тогдашнее только время, каковы — коринфяне, Дионисий, Иерофей и очень многие другие, но и жившие во все времена. — Под зерном горчичным можно разуместь и Самого Господа. По-видимому, Он как Сын плотника и весьма бедный был не велик. Но когда Он упал в сердце земли, чрез смерть и погребение во гробе (Ин. 12, 24), тогда Он произрастил прекрасные ветви — апостолов, под коими успокаиваются все те, кои прежде колебались всяким ветром заблуждения, например, язычники, подобные птицам по причине удобопреклонности их ума в какую ни есть сторону, способности к обольщению и по причине большого легкомыслия. Ибо все таковые заблуждающиеся подобны птицам небесным, то есть воздушным. — Божественное учение подобно еще закваске, которую, взяв, женщина, то есть человеческая природа, положила в три меры муки, то есть в тело, душу и дух, так что все освятилось, как говорит блаженный Павел (1 Тим. 4, 5), и стало одним тестом чрез общение с Духом Святым, — Под женщиной можешь разуместь душу, под тремя мерами — три ее силы: разум, сердце и волю. Кто в эти силы сокроет слово Божие, тот сделает оные совершенно духовными, так что ни разум не будет сомневаться в учении, ни сердце и воля не будут стремиться к неразумному, но вскиснут и уподобятся Слову Божию. — Иисус проходил с учением по городам и селениям. Не ходил Он по одним малым селениям, с нерадением о городах, как делают желающие обольщать простейших, не ходил по одним городам, с нерадением о малых селениях, как поступают желающие показать себя и достигнуть славы, но обходил повсюду, как общий Владыка или, лучше, как Отец, промышляющий обо всех. Не ходил ли Он по одним внешним городам, где было не столько искусных в Законе, а Иерусалима избегал, как бы опасаясь обличений со стороны законников или страшась смерти от них? Нельзя сего сказать. «И направляя путь, — сказано, — к Иерусалиму». Ибо где более больных, там более должен находиться и врач (Мф. 9, 12).

Некто сказал Ему: Господи! неужели мало спасающихся? Он же сказал им: подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут. Когда хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: Господи! Господи! отвори нам; но Он скажет вам в ответ: не знаю вас, откуда вы. Тогда станете говорить: мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты. Но Он скажет: говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня все делатели неправды. Там будет плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков в Царствии Божием, а себя

изгоняемыми вон. И придут от востока и запада, и севера и юга, возлягут в Царствии Божию. И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними.

Спасаящихся мало, потому что узкие врата не могут вместить многих. Хозяин дома есть Господь. Он всех людей созывает к насыщению и наслаждению неисчислимыми благами. Те, кои рачительны, стараются войти прежде часа самого обеда. А для ленивых и приходящих после часа обеда двери затворяются. Час же обеда что иное, как не жизнь настоящая? Она есть поистине время самое отличное для приготовления к духовному насыщению. Когда Хозяин дома «встанет», то есть воскреснет на суде, и «затворит двери», то есть путь добродетели, по которому нельзя идти по отходе из здешней жизни (ибо путем добродетели мы можем ходить только в здешней жизни), то хотя жившие здесь нерадиво станут стучаться в двери, ибо тогда только с бесполезным покаянием поищут они пути добродетели, призывая оную голыми словами, без дела, как бы какими ударами и стуком; но Хозяин дома, по праву заперев двери, примет вид, что и не знает, откуда они. Справедливо так поступит Он. Потому что они от диавола, а Господь знает Своих (2 Тим. 2, 19). — «Мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты». Это вообще говорится к израильтянам. Ибо Христос от них по плоти (Рим. 9, 5), и с ними ел и пил. — Впрочем слова: «мы ели и пили пред Тобою» можно разуметь и в высшем смысле. Совершая законное богослужение и принося Богу кровавые жертвы, (израильтяне) ели и веселились: слушали они в синагогах и чтение книг Божественных. И чрез пророков, без сомнения, Господь же учил. Ибо пророки не свое учение предлагали, но возвещали слово Божие, почему и говорили они: «так говорит Господь» (Ис. 56, 1; Иер. 2, 1. 5; Иез. 3, 27). Итак, иудеям, если они не принимали веры, оправдывающей нечестивого (Рим. 4, 5), кровавого богослужения недостаточно было для оправдания. А по моему мнению, это может относиться и к христианам по имени, но нерадивым к жизни. И мы не едим ли Божественное Тело? И не пьем ли Кровь Божию пред Ним, ежедневно приступая к Божественной Трапезе? И не учит ли Господь на улицах — в душах наших? Но (нам не будет) никакой пользы, если мы будем (только) слушателями Божественного Закона, а не исполнителями (Рим. 2, 13). Напротив, слушание послужит для нас причиной больших мук, подобно как и причастие Божественных Тайн поставится в осуждение. Примечай же, что отвержены те на улицах, коих учит Господь. Но если будем иметь Его Учителем не в широких, но в тесных, сокрушенных и истерзанных скорбью сердцах, то не будем отвержены. — «Там будет плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова». Слова сии приличны как иудеям, к которым Господь говорил оные, так и неверующим последних времен. Ибо иудеям особенно неприятно было слышать, что иные, из язычников, будут покоиться с Авраамом и (другими) предками (их), а они будут изгнаны вон. Идут слова сии к нам, когда мы делаем несообразное с верой. Ибо и мы хвалимся Законом Христовым, но потом попираем его, когда преступаем оный, а потому хотя мы кажемся «первыми», как принявшие Христа и Его учение с самых пеленок, но будем «последними», потому что язычники, уверовавшие при конце своей жизни и богоугодно пожившие в остальное время, будут поставлены выше.

В тот день пришли некоторые из фарисеев и говорили Ему: выйди и удались отсюда, ибо Ирод хочет убить Тебя. И сказал им: пойдите, скажите этой лисице: се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий [день] кончу; а впрочем, Мне должно ходить сегодня, завтра и в последующий день, потому что не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима.

Проклятые фарисеи, снедаемые завистью, пытаются устрашить Господа и угрожают Ему Иродом. Они не желали видеть Его творящим чудеса, чтобы Он множеством знамений не привлек к Себе народ и силой учения не обратил его к Себе (Ин. 11, 47-48). Они выставляют в предлог Ирода и принимают вид заботливости о Спасителе. Но Он, зная сердца их, по обычаю Своему, отвечает им кротко, прикровенно, и говорит: «скажите этой лисице». По-видимому, Он называет лисицей Ирода, но если тщательнее вникнуть, то, кажется, скорее Он называет так фарисеев. Ибо Он не сказал: лисице «той», но этой, употребляя некоторое среднее выражение и с особенной мыслью. Сказав в единственном числе «лисице», дал им разуметь Ирода, а сказав указательно «этой», намекнул на коварство их самих. Ибо фарисеи поистине выказывали (в своих нравах) хитрость и беспечность лисицы, — Смотри, пожалуй, как Он отвечает на их злобу. Поскольку они наводили на Него страх со стороны Ирода по зависти своей к совершаемым от Него исцелениям, то Он, зная, что приводило их в печаль, говорит следующее: вот Я совершаю исцеления и изгоняю бесов. Ибо, как прежде было сказано, из-за того преследовали Его, чтобы Он, пользуясь обнаружением чудес, не уловил многих в веру в Себя. Слова «сегодня и завтра» означают большое число дней. Как мы в обычной беседе обыкновенно говорим: сегодня и завтра будет то-то, однако ж, вовсе не ограничиваем сего дела таким расстоянием, а выражаем только, что оно будет скоро, так и Христос словами: сегодня и завтра совершаю исцеления, и в третий день кончу, — совсем не то выразил, будто в третий день Он непременно скончается, а то выражает, что смерть Его будет скоро. Впрочем, Мне должно сегодня и завтра, то есть некоторое время, побыть здесь и совершать чудеса, а в последующий день пойти в Иерусалим, ибо Я определил Себе там пострадать. Поскольку они (фарисеи) говорили Ему: «выйди, ибо Ирод хочет убить Тебя», — и говорили это в Галилее, которой управлял Ирод, то Он объявляет им, что и при сильном желании Ирода нельзя ему убить Его, ибо Ему определено пострадать не в Галилее, но в Иерусалиме. Чтобы мне яснее представить тебе изречение Евангелия, скажу: ты не так понимай, что сегодня и завтра должно Мне идти, но на словах «сегодня» и «завтра» остановись, а потом читай: и в последующий день идти. При отчислении времени мы часто имеем обычай говорить: в воскресенье, на другой день и на третий я выйду, не потому, что я намерен выйти в воскресенье и на другой день, но потому, чтобы, отчисляя только два сии дня, указать на третий. Подобно и Господь здесь, как бы отсчитывая, говорит: должно Мне сегодня и завтра, потом на третий день идти в Иерусалим, ибо там определена Мне кончина. Поскольку же мы выше сказали, что Господь говорит это не потому, чтобы заключал жизнь Свою в три дня, но обозначает большое число дней, если не некоторое не очень продолжительное время, то Он завидующим Ему говорит как бы так: что вы заботитесь о Моей смерти? Вот, немного спустя, настанет она. — Когда слышишь, что пророку невозможно погибнуть кроме Иерусалима, то из этих слов не заключаешь, что иудеям делается как бы насилие и принуждение к совершению сего, но так говорится сообразно с их смертоубийственным намерением. Как если бы кто, при виде убийцы — разбойника в засаде при дороге, сказал, что невозможно быть чистой от крови дороге сей, при которой разбойник подсиживает странников, то сказал бы совершенно согласно с делами разбойника, так и в том случае, когда в Иерусалиме заседали разбойники — фарисеи и книжники, невозможно было Владыке пророков погибнуть в ином месте, как не в месте сих разбойников. Ибо они, привыкнув проливать кровь рабов, убьют и Господа.

Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Сказываю же вам,

что вы не увидите Меня, пока не придет время, когда скажете: благословен Грядый во имя Господне!

Повторением имени Господь показывает, какую Он сильную любовь имеет к ним. Ибо Он также воззывает прелюбодейную синагогу, как бы какой возлюбленный, презируемый своей возлюбленной. Объявляет Господь и о человеколюбии Своем, говоря, что Он много раз хотел собрать их; обозначает и безумие их, сказав: «и вы не захотели». Наконец Я оставляю вас. Ибо Я столь возненавидел ваше лукавство, что и храм не называю Моим домом, но домом вашим. Ибо доколе между вами жила добродетель, тогда храм был Мой. А когда вы и его осквернили, сделали его местом торговли и пещерой разбойников, занимаясь в нем многообразной торговлей и убивая друг друга из любостяжания (ибо это дело разбоя — подсиживать брата и отнимать его собственность; так делают разбойники! они нападают на путника и потом отнимают, что у него есть); — итак, когда вы сделали храм пещерой разбойников чрез разные торговые сделки, которые вы производили в нем — доме молитвы, — то он уже не Мой дом, но ваш. — Под «домом» можешь разуметь не только храм, но и весь род иудейский. Ибо Писание иногда и род называет домом, например: «Дом Левиин! благословите Господа» (Пс. 134, 20). Поскольку и здесь можно разуметь так: «дом», то есть род ваш, оставляется Мною. Подобно как и в другом месте говорит чрез пророка: оставил Я дом Мой, оставил наследие Мое. Здесь домом называются израильтяне. Господь показывает, что и прежде сего Он же хранил их и избавлял от врагов. Слова «не увидите Меня, пока не придет время, когда скажете: благословен Грядый во имя Господне» указывают на второе пришествие. Ибо тогда и против воли исповедают Его Спасителем и Господом. Только не будет им никакой пользы. Что ж? Неужели они не видели Его с того времени, как Он сказал это? Точно так. Когда Он говорит, что не увидите Меня отныне, то не тотчас обозначает, но время после креста. Он как бы так сказал: с того времени, как вы распнете Меня, вы уже не увидите Меня, пока не приду во второй раз.

Глава четырнадцатая

Случилось Ему в субботу придти в дом одного из начальников фарисейских вкусить хлеба, и они наблюдали за Ним. И вот, предстал пред Него человек, страждущий водяною болезнью. По сему случаю Иисус спросил законников и фарисеев: позволительно ли врачевать в субботу? Они молчали. И, прикоснувшись, исцелил его и отпустил. При сем сказал им: если у кого из вас осёл или вол упадет в колодезь, не тотчас ли вытащит его и в субботу? И не могли отвечать Ему на это.

Господь хотя знал развращение фарисеев, однако ж, входил в дом их; входил потому, что заботился о пользе их душ. Ибо они, если желали, могли бы получить себе пользу то от слов Его и учения, то от проявления знамений. Поэтому, когда предстал на средину «страждущий водяною болезнью», Господь смотрел не на то, чтоб не соблазнить их, но на то, чтобы оказать благодеяние нуждающемуся в исцелении. Ибо там, где предстоит очень много пользы, нам не должно заботиться о тех, кои безумно соблазняются. Господь обличает неразумие тех, кои намеревались упрекнуть Его; поэтому и спрашивает, позволительно ли лечить в субботу, или нет. Не явно ли Он позорит их как безумных? Ибо тогда, как Сам Бог благословил субботу, они возбраняют делать добро в оную и таким образом делают ее проклятой. Ибо не благословен тот день, в который не совершают никакого доброго дела. Но они, поняв, к чему клонится вопрос, умолчали. Тогда Иисус творит Свое дело и чрез

прикосновение исцеляет больного человека. Потом этим поступком пристыжает и фарисеев, говоря им как бы так: если Закон воспретил миловать в субботу, то неужели ты не попечешься о сыне, подвергшемся бедствию в субботу? И что говорю о сыне? Неужели ты оставишь вола без помощи, если увидишь его в беде? Как же не безумно подстерегать за исцелением в субботу человека, страждущего водянкой? — Водянкой страждет и всякий, кто от распутной и беспечной жизни страшно заболел душой и нуждается во Христе. Таковой будет исцелен, если предстанет пред Христом. Ибо кто постоянно содержит в мысли, что он пред Богом и Бог видит его, тот будет грешить сколь можно меньше.

Замечая же, как званые выбирали первые места, сказал им притчу: когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Видишь ли, каковы вечера (ужины) Христовы, как они обращаются на пользу душ, а не на пресыщение чрева? Ибо, смотри, у врачевал Он страждущего водянкой, научил фарисеев тому, что творить добро в субботу есть благое дело. Потом, когда увидел, что они делают шум из-за сидения в передних местах, врачует и эту страсть, происходящую не от малой причины, но от великой и неудобоизбежной, то есть от тщеславия. И никто не считай учение о сем маловажным и недостойным величия Божия. Ибо ты отнюдь не можешь назвать человеколюбивым врачом того, кто лечить подагру и какую ни есть важную болезнь обещается, а ушиба пальца или зубной боли лечить не берется. Потом, как считать маловажной страсть тщеславия, когда она во всех отношениях беспокоит любящих садиться на передних местах? Итак, нужно было Учителю, Начальнику и Совершителю смирения, — Христу, нужно было пересечь всякую ветвь этого злого корня — тщеславия. Прими, пожалуй, во внимание и то. Если бы теперь не время стола было и Господь заговорил бы о сем, оставив речь о прочем, то могли бы Его упрекнуть: а теперь, когда время было ужина и когда страсть к первенству мучила несчастных в глазах Спасителя, Его увещание весьма благовременно. Смотри с другой стороны и на то, от какого посмеяния освобождает Он человека и как научает его благоприличию. Ибо сколько стыда в том случае, если ты займешь место, тебе неприличное, а потом придет кто-нибудь почетнее тебя, и звавший тебя скажет: «уступи ему место!» А это (может случиться) часто. И ты сам должен будешь уступить, а те сядут выше. Напротив, сколь похвально то, когда достойный первого места в начале сядет ниже других, а потом окажется председательствующим, так что все уступают ему первенство. Ужели же тебе кажется маловажным такое убеждение Господа, которое предписывает высочайшую из добродетелей — смирение, поселяет оное в душах слушателей и покорного ему приводит к благоприличию? Тому же учил впоследствии и ученик Христов Павел: «все, — говорит, — должно быть благопристойно и чинно» (1 Кор. 14, 40). Как же это будет? «Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» (Флп. 2, 4). Видишь ли, ученик проповедует то же, что и Учитель? — Как разуметь слова: «всякий возвышающий сам себя унижен будет»? Ибо многие, сами себя возвышающие в жизни сей, наслаждаются честью. Будет унижен означает то, что кто в мире сем пользуется большой честью, тот жалок и низок пред Богом. Притом таковой бывает в чести не до конца и не у всех, но сколько одни уважают его, столько же другие поносят, может быть и из тех самых, кои уважают его. Итак, это изречение истины

справедливо. И всякий недостойный высокого места, но присвоивший оно себе, будет унижен и пред Богом во время последнего суда, хотя бы в сей жизни был и выше всех. — По природе же всякий человек недостойн возвышения. Поэтому пусть никто не возвышает себя, чтобы не быть униженным до крайности.

Сказал же и позвавшему Его: когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздается тебе в воскресение праведных. Услышав это, некто из возлежащих с Ним сказал Ему: блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием!

На ужине было два разряда возлежащих — звавшие и званые. Господь прежде обратился с увещанием к званным, научил их спасительному смиреномудрию и предложил им пищу неизысканную, а потом воздает почесть позвавшему Его и оплачивает за угощение увещанием, чтобы он не делал угощений из-за какого-нибудь людского благоволения и ожидал тотчас воздаяния. Ибо малодушные, приглашая друзей или родных, делают это в видах скорой благодарности, и если не получают оной, то приходят в досаду. А великодушные, терпя до будущей жизни, получают вознаграждение от Того, Кто поистине богат (Еф. 2, 4. 7). — Господь, говоря сие, отклоняет нас торговать дружелюбием. А некто, услышав сие и подумав, что Бог почтит и угостит праведников чувственными яствами, сказал: «блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием». Вероятно, он не был духовен, чтоб понять, то есть водился человеческими размышлениями. Ибо душевный человек таков, что ничему сверхъестественному не верит, ибо обо всем судит по законам природы. Бывают три состояния в человеке: плотское, душевное и духовное. «Плотское» — когда кто желает наслаждаться удовольствиями и радоваться, хотя бы это сопряжено было с причинением зла другим. Таковы все любостыжательные. «Душевное» состояние — когда кто не желает ни вредить, ни вреда получить. Такова жизнь по закону природы. Ибо это внушает нам и сама природа. А «духовное» состояние — когда кто ради добра согласен даже потерпеть вред и оскорбление. Первое состояние близко к природе, среднее — сообразно с природой, а третье — выше природы. Всякий, кто мыслит о человеческом и не может понять ничего сверхъестественного, называется душевным (1 Кор. 2, 14), так как он водится душой и духом. Но когда кто водится духом и не живет уже сам, но живет в нем Христос (Гал. 2, 20), тот духовен, тот возвысился над природой. Итак, подумавший, что воздаяние святым будет чувственное, был душевен, так как не мог понять ничего сверхъестественного.

Он же сказал ему: один человек сделал большой ужин и звал многих, и когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званным: идите, ибо уже всё готово. И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня. Другой сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня. Третий сказал: я женился и потому не могу придти.

Так как возлежавший с Господом сказал: «блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием», то Господь довольно пространно научает его, как мы должны разуметь угощение Божие, и произносит настоящую притчу, называя человеком Своего человеколюбивого Отца. Ибо в Писании, когда делается намек на силу Божию наказующую, Бог именуется львом и

медведицей (по церковно-славянски — пантерой, барсом) (Ос. 13, 7-8); а когда имеется в виду обозначить какое-либо действие человеколюбия Его, тогда Бог представляется в лице человека (Лк. 15, 11-24), подобно как и в настоящем месте. — Поскольку притча говорит о человеколюбивейшем домостроительстве, которое Бог совершил в нас, сделав нас причастниками Плоти Сына Своего, то и назван Он человеком. Это домостроительство названо «большим ужином». «Ужином» названо потому, что Господь пришел в последние времена и как бы при «ужине» века, а «великим ужином» — потому, что тайна спасения нашего беспрекословно велика (1 Тим. 3, 16). «И когда наступило время ужина, послал раба своего». Кто этот раб? Сын Божий, который принял образ раба, соделавшись Человеком (Флп. 2, 7), и о Котором как Человеке, говорится, что Он послан. Обрати внимание на то, что не просто сказано «раба», но «того» раба, который в собственном смысле благоугодил Богу по человечеству и хорошо послужил. Ибо не только как о Сыне и Боге, благоугодном Отцу, но и как о Человеке, который Один только Сам безгрешно покорился всем определениям и заповедям Отца и исполнил всякую правду (Мф. 3, 15), говорится о Нем, что Он послужил Богу и Отцу. Почему рабом Божиим в собственном смысле Он только Один и может быть назван. — Послан Он «когда наступило время ужина», то есть в определенное и благоприличное время. Ибо для спасения нашего не другое какое время было благоприличнейшим, как время царствования Августа кесаря, когда злоба возшла на самый верх и ей нужно было пасть. Как врачи оставляют гнойную и дурную болезнь дотоле, пока она выточит всю дурную влагу, а потом уже прикладывают и лекарства, так нужно было, чтоб и грех обнаружил все свойственные ему виды, а потом, чтоб великий Врач положил лекарство. Поэтому-то Господь допустил диаволу исполнить меру злобы и потом, воплотившись, врачевал всякий вид злобы совершенно святой Своей жизнью. Он послал «в год», то есть в настоящее и приличное время, как и Давид говорит: «Препояшь по бедру мечом Твоим и красотой Твоею» (Пс. 44, 4). Меч, без сомнения, есть Слово Божие. Бедром означает рождение во плоти, которое совершилось при зрелости плода, то есть в надлежащее время. — Послан был «сказать званым». Кто сии званые? Может быть, и все люди, так как Бог всех призывал к познанию Себя то чрез благоустройство видимых вещей, то чрез закон естественный, а может быть, по преимуществу израильтяне, которые были призваны чрез Закон и пророков. К ним, к овцам дома Израилева, по преимуществу послан был Господь (Мф. 15, 24). — Он говорит: «идите, ибо уже все готово». Ибо Господь всем благовествовал: близко Царствие Небесное (Мф. 4, 17), и оно внутри вас (Лк. 17, 21). А они «начали все извиняться», то есть как бы сговорясь за одно. Ибо все начальники иудейские отказались иметь Иисуса Царем, и потому не удостоились (вкусить) вечери, кто по любви к богатству, кто по любви к удовольствиям. Ибо под теми, из которых один купил землю, а другой — пять пар волов, можно разуметь пристрастных к богатству, а под женившимся — сластолюбца. Если хочешь, пожалуй, разумей под купившим землю того, кто по мудрости мирской не принимает таинства (спасения). Ибо поле есть мир сей и вообще природа, а кто смотрит только на природу, тот не принимает сверхъестественного. Итак, фарисей, быть может, заглядевшись на землю, то есть наблюдая только законы природы, не принял того, что Дева родила Бога, так как это выше природы. Да и все хвляющиеся внешней мудростью из-за сей земли, то есть из привязанности к природе, не признали Иисуса, обновившего природу. Под купившим пять пар Волон и испытывающим их можно разуметь и человека, привязанного к веществу, который пять чувств душевных совокупил с телесными и душу сделал плотью. Поэтому, как занятый земным, он не хочет участвовать в духовной вечери. Ибо и премудрый говорит: «Как может сделаться мудрым тот, кто правит плугом» (Сир. 38, 25). А под отпадающим из-за жены можно разуметь пристрастного к удовольствиям,

который, пристав к плоти, союзнице души, и будучи с ней одно, как совокупившийся с ней, не может угодить Богу. Можешь все это разуметь и буквально; ибо мы отпадаем от Бога как из-за пары волов, так и из-за женитьбы, когда привязываемся к ним, на них исстрачиваем всю жизнь, из-за них трудимся даже до крови, а Божественного ничего, ни мысли, ни изречения, не помыслим, не исследуем.

И, возвратившись, раб тот донес о сем господину своему. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых. И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и еще есть место. Господин сказал рабу: пойди по дорогам и изгородям и убеди придти, чтобы наполнился дом мой. Ибо сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина, ибо много званых, но мало избранных.

Начальники иудейские были отвергнуты, и никто из них не уверовал во Христа, как и сами они хвалились своей злобой. Когда, — говорили они, — «уверовал ли в Него кто из начальников» (Ин. 7, 48)? Итак, эти законники и книжники, как сказал пророк, [объюродевше отпадоша благодати,] а простодушные из иудеев, которые уподобляются хромым и слепым, и увечным, «незнатное мира и уничиженное» (1 Кор. 1, 27-28), были призваны. Ибо народ дивился словам благодати, исходившим из уст Иисусовых (Лк. 4, 22), и радовался о учении Его. Но после того как вошли израильтяне, то есть избранные из них, которых Бог предназначил к славе Своей (Рим. 8, 29-30), каковы были: Петр, сыны Зеведеевы и прочее множество уверовавших, — после того благодать Божия излилась и на язычников. Ибо в находящихся на «дорогах» и «переулках» можно разуметь язычников. Израильтяне были внутри города, так как они приняли законоположение и наследовали городской образ жизни. А язычники, будучи чужды заветов и отчуждены законоположения Христова, и не будучи согражданами святых (Кол. 1, 21. 12; Еф. 2, 12. 3), проводили жизнь не на одной дороге, но на многих «дорогах» беззакония и невежества, и в «изгородях», то есть в грехах; ибо грех есть большая изгородь и средостение, отделяющее нас от Бога (Ис. 59, 2). Словом «на дорогах» намекается на скотоподобную и разделенную на многие мнения жизнь язычников, а словом «в переулках» указывается на жизнь их во грехах. — Не просто повелевает позвать сих (находящихся по дорогам и по изгородям), но понудить, хотя вера есть дело произвола каждого. Для того сказал он: понуди, чтобы мы познали, что уверование язычников, находившихся в глубоком неведении, есть знамение великой силы Божией. Ибо если бы немного было силы у Проповедуемого и невелика была истина учения, то как люди, служащие идолам и совершающие постыдные дела, могли бы убедиться, вдруг познать истинного Бога и совершать духовную жизнь? Желая указать на чудность сего обращения, и назвал оное понуждением. Как бы кто сказал: язычники и не желали оставить идолов и чувственных наслаждений, однако ж, истиной проповеди принуждены были оставить их. Или иначе: сила знамений составляла великое побуждение обратиться к вере во Христа. — Вечера сия готовится ежедневно, и все мы призываемся в Царство, которое Бог уготовал людям еще прежде создания мира (Мф. 25, 34). Но мы не удостоиваемся оно, одни по любопытству мудрости, другие по любви к вещественному, иные по любви к плоти. А человеколюбие Божие дарует сие Царство другим грешникам, которые слепы разумными очами, не понимают, что есть воля Божия, или и понимают, но хромы и неподвижны к исполнению оной, и нищи, как лишившиеся небесной славы, и увечные, как не обнаруживающие в себе непорочной жизни. К сим-то грешникам, блуждающим по широким

и пространным путям греха, Отец Небесный посылает с приглашением на вечерю Сына Своего, который стал рабом по плоти, пришел позвать не праведников, но грешников (Мф. 9, 13), и обильно угощает их вместо тех разумных и богатых, и угождающих плоти. На многих Он посылает болезни и бедствия, и через то невольно заставляет отказаться от такой жизни, по судьбам, по каким Сам знает, и приводит их на Свою вечерю, обращая в побуждение для них наведение бедствий. Примеров сему много. — В более простом смысле, притча научает нас подавать лучше нищим и увечным, чем богатым. К чему Господь убеждал несколько выше, к тому самому, кажется, сказал и притчу сию, уверяя оною еще более, что угощать должно нищих. Научаемся (сей притчей) еще и другому, именно: что мы должны быть так усердны и щедры на принятие братьев (меньших), что должны убеждать их к участию в наших благах и тогда, когда они не желают. В этом для учителей сильное внушение, чтобы они наставляли учеников своих должному и тогда, когда сии не желают.

С Ним шло множество народа; и Он, обратившись, сказал им: если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником; и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником.

Поскольку из ходящих за Иисусом многие следовали не со всем усердием и самоотвержением, но имели очень холодное расположение, то Он, научая, каков должен быть ученик Его, высказывает Свои мысли о сем, как бы изображает и живописует его, утверждая, что он должен ненавидеть не только близких ему совне, но и душу свою. Смотри же, в простоте своей и неопытности не соблазнись сим изречением. Ибо Человеколюбец не бесчеловечию учит, не самоубийство внушает, но хочет, чтобы искренний Его ученик ненавидел своих родных тогда, когда они препятствуют ему в деле богопочитания и когда он при отношениях к ним находит затруднения в совершении добра. Напротив, когда они не препятствуют сему, Он учит даже почитать их до последнего издыхания. И как учит? Самым лучшим учением, то есть собственными делами. Ибо Он повиновался Иосифу (Лк. 2, 51), несмотря на то, что сей не был отцом Его в собственном смысле, но мнимым. И о Матери Своей Он всегда имел большое попечение, так что и вися на кресте, Он не забыл Ее, но поручил возлюбленному ученику Своему (Ин. 19, 26-27). Как же Он, одному уча на деле иное будет внушать на словах? Нет, как я сказал. Он заповедует нам ненавидеть родителей тогда, когда они угрожают опасностью богопочтению. Ибо тогда они уже не родители, не родные, когда противодействуют нам в столь полезном деле. Утверждаемое нами видно и из того, что заповедуется ненавидеть душу свою. Ибо этой заповедью, без сомнения, повелевается не убивать себя, но оставлять душевные пожелания, отлучающие нас от Бога, и не заботиться о душе (жизни), если предстоять будет мучение, лишь бы предлежало вечное приобретение. А что Господь сему научает, а не самоубийству, это Сам же Он показывает, во-первых, тем, что, когда диавол, искушая Его, предлагал Ему броситься вниз с кровли церковной, Он отверг искушение (Мф. 4, 5-7), и, во-вторых, тем, что Он не предавал Себя иудеям (каждый раз), но удалялся и, проходя среди их, укрывался от убийц (Лк. 4, 30). Итак, кому родные вредят в деле богопочтения, и он, однако ж, с удовольствием продолжает расположение к ним, ставит оное выше благоугождения Богу, а иногда из любви к жизни, в случае угрозы мучения, склоняется к отречению от веры, — тот не может быть учеником Христовым.

Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит

основание и не возмозжет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: этот человек начал строить и не мог окончить?

Притчей о башне Господь научает нас, чтобы мы, однажды решившись следовать за Ним, сохранили сие самое намерение и не полагали одного только основания, то есть следовать начали бы, а до конца не последовали, как неимеющие достаточного приготовления и усердия. Таковы были те, о коих евангелист Иоанн говорит; «многие из учеников Его отошли от Него» (Ин. 6, 66). И всякий человек, решившийся творить добродетель, но недостигший до Божественного знания, поскольку начал добродетель несовершененно и неразумно, строит несовершененно, так как не может достигнуть башни высокого знания. Почему и бывает посмешищем смотрящих на него людей и бесов. И иначе: под основанием можешь разуместь слово учительское. Ибо слово учителя, рассуждающее, например, о воздержании, брошенное на душу ученика, подобно основанию. На этом слове, как на основании, нужно и «построение», то есть совершение дел, чтобы «башня», то есть добродетель, которую мы вознамерились творить, была окончена у нас, и притом была крепка пред лицом неприятеля. А что слово есть основание, а дело — построение, сему довольно научает нас апостол, когда говорит: «Я положил основание», Иисуса Христа, «а другой строит» (1 Кор. 3, 10), и далее перечисляет различные построения (ст. 12-15), то есть совершение дел или добрых, или злых. Итак, будем бояться, чтобы не стали над нами бесы смеяться, о которых пророк говорит: «дети (славянское — ругатели) будут господствовать над ними» (Ис. 3, 4), то есть отверженными от Бога.

Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство просить о мире. Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником. Соль — добрая вещь; но если соль потеряет силу, чем исправить ее? ни в землю, ни в навоз не годится; вон выбрасывают ее. Кто имеет уши слышать, да слышит!

И эта притча научает нас не раздвояться душой, не пригвождаться к плоти и прилепляться к Богу, но, если имеем намерение вести войну против лукавых сил, наступать на них как на врагов и самым делом противоборствовать им. — Царем бывает и грех, царствующий в смертном нашем теле (Рим. 6, 12), когда мы допускаем его. Царем же создан и ум наш. Поэтому, если он намерен восстать против греха, должен воевать против него всей душой, ибо воины его сильны и страшны, и кажутся больше и многочисленнее нас; поскольку воины греха суть бесы, которые против наших десяти тысяч направляют, по-видимому, двадцатитысячное число. Они же, будучи бестелесны и состязаясь с нами, живущими в теле, имеют, по-видимому, большую силу. Однако ж мы можем бороться против них, хотя они кажутся и сильнее нас. Ибо сказано: «С Богом мы окажем силу» (Пс. 59, 14) и «Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое» (Пс. 26, 1. 3). Притом же Бог, воплотившийся ради нас, дал нам власть наступать на всю силу вражью (Лк. 10, 19). Поэтому мы, хотя и во плоти, однако ж, имеем оружие не плотское (2 Кор. 10, 3-4). Хотя по причине телесности мы составляем, по-видимому, десять тысяч против их двадцати тысяч, по причине бестелесной их природы, однако ж мы должны говорить: «Господь Бог — сила моя» (Авв. 3, 19)! И никогда не должны примиряться с грехом, то есть поработаться страстям, но с особенной силой противостоять им и должны возыметь

непримиримую ненависть к ним, не желая ничего страстного в мире, но оставляя все. Ибо тот не может быть Христовым учеником, кто оставляет не все, но имеет расположение к чему-нибудь в мире душевредному. — Ученик Христов должен быть «солью», то есть должен быть не только сам в себе добр и непричастен злобе, но и другим сообщать доброту. Ибо такова соль. Она, сама оставаясь неповрежденной и свободной от гниения, предохраняет от гниения и другое, чему передает это свойство. Но если соль потеряет свою природную силу, она не бывает ни на что полезна, не годится ни в землю, ни в навоз. Слова сии имеют такой смысл: Я желаю, чтоб всякий христианин был полезен и силен назидать, не только тот, кому вверено дарование учительства, каковы были апостолы, учителя и пастыри, но Я требую, чтоб и сами миряне были плодоносны и полезны для ближних. Если же имеющий служить на пользу другим сам будет негоден и выйдет из состояния, приличного христианину, то он не в состоянии будет ни принести пользы, ни получить пользы. «Ни в землю, — сказано, — ни в навоз не годится». Словом «земля» делается намек на получение пользы, а словом «навоз» (гной) — на доставление пользы. Поэтому, как не служащий на пользу, не получающий пользы, он должен быть отвергнут и выброшен вон. — Поскольку же речь была темна и приточна, то Господь, возбуждая слушателей, чтоб они сказанное Им не приняли просто о соли, сказал: «кто имеет уши слышать, да слышит», то есть имеющий ум да понимает. Ибо под «ушами» здесь должно разуметь чувственную силу души и способность к разумению. Итак, всякий из нас верующих есть соль, получивший сие свойство от Божественных слов и от благодати свыше. А что благодать есть соль, слушай (апостола) Павла: «Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью» (Кол. 4, 6), так что слово, когда оно без благодати, может быть названо бессолым. Итак, если мы будем пренебрегать сим свойством Божественных слов и не будем принимать оно в себя, и не освоимся с ним, тогда мы будем глупы и неразумны, и соль наша поистине потеряла силу, как неимеющая свойства небесной благодати.

Глава пятнадцатая

Приближались к Нему все мытари и грешники слушать Его. Фарисеи же и книжники роптали, говоря: Он принимает грешников и ест с ними. Но Он сказал им следующую притчу: кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А найдя, возьмет ее на плечи свои с радостью и, придя домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадитесь со мною: я нашел мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии. Или какая женщина, имея десять драхм, если потеряет одну драхму, не зажжет свечи и не станет мести комнату и искать тщательно, пока не найдет, а найдя, созовет подруг и соседок и скажет: порадитесь со мною: я нашла потерянную драхму. Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся.

Господь, допуская к Себе мытарей и грешников, как врач больных, делал то, для чего Он и воплотился. Но фарисеи, поистине грешники, на такое человеколюбие отвечали ропотом. Ибо они считали мытарей отвратительными, хотя сами поедали дома вдовиц и сирот. Что же Господь? Он был человеколюбив как до мытарей, так и до тех самых, которые поносили Его человеколюбие. Он не отвращается и от сих, как от неисцелимых и ропотников, но с кротостью врачует их, сказывая им притчу об овцах, и от действительного и наглядного

убеждая их и обуздывая не досадовать на такое излитие благодати. Ибо если об одной овце, неразумной и несозданной по образу Божию, когда ее найдут после потери, бывает столько радости, то сколько же более должно быть радости о человеке разумном, сотворенном по образу Божию? Притча, очевидно, под девяносто девятью овцами понимает праведников, а под одной овцой — падшего грешника. Некоторые же под сотней овец понимают все разумные твари, а под одной овцой — человека разумной природы, которую, когда она заблудилась, разыскал добрый пастырь, оставив девяносто девять в пустыне, то есть в вышнем, небесном месте. Ибо небо, отдаленное от мирского тревожения и исполненное всякого мира и тишины, есть пустыня. Господь, найдя эту погибшую овцу, положил ее на Свои плечи. Ибо Он понес наши болезни и грехи (Ис. 53, 4), и не тяготясь взял на Себя все наши бремена; Он уплатил все, чем мы должны были, и удобно и без труда спас нас (и довел) до самого дома, то есть до неба. И «созовет друзей и соседей», может быть, Ангелов, которых мы разумели и под овцами, в двояком отношении. Так как, с одной стороны, всякое созданное существо по отношению к Богу есть как бы бессловесное, поэтому Небесные силы могут быть названы овцами. Поскольку же, с другой стороны, они словесны, то есть разумны, и кажутся к Богу ближайшими прочих тварей, поэтому лики ангельских Сил можно разуметь под друзьями и соседями. И под «женщиной» разумей премудрость и силу Бога и Отца, Его Сына, который потерял одну драхму из словесных и по образу Его созданных тварей, то есть человека, и засвечивает светильник — Свою плоть. Ибо как светильник, будучи от земли, светом, который он принимает, сожигает покрытое тьмой; так и плоть Господа, земная и подобная нашей, осияла светом Божества) которым она воспринята. И «дом выметен», то есть весь мир очистился от греха; ибо Христос взял грех мира на Себя. И «драхма», то есть царское изображение, «нашлась», и настала радость как для Самого Христа, нашедшего ее, так и для Горних Сил, которые суть подруги Его и соседки: «подруга», поскольку творят Его волю; «соседки», поскольку бестелесны. А я спрошу, не суть ли подруги Его — все Горние Силы, а соседки — ближайшие из них, как-то: престолы, херувимы и серафимы? Ибо обрати внимание на выражение: «созывает подруг и соседок». Оно, очевидно, указывает на два предмета, хотя это и может представиться не особенно нужным.

Еще сказал: у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую [мне] часть имения. И [отец] разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему.

И эта притча подобна предыдущим. И она под образом человека выводит Бога воистину человеколюбивого; под двумя сыновьями — два разряда людей, то есть праведников и грешников. И «сказал младший из них: дай мне следующую мне часть имения». Праведность есть древний удел человеческой природы, поэтому старший сын не вырывается из отеческой власти. А грех есть зло, впоследствии родившееся; поэтому и вырывается из-под родительской власти «младший» сын, который вырос с грехом, прившедшим впоследствии. И иначе: грешник называется «младшим» сыном, как нововводитель, отступник и возмутитель против отеческой воли. «Отче! дай мне следующую мне часть имения». «Имение» есть разумность, которой подчиняется и свобода. Ибо всякое разумное существо

свободно. Господь дает нам разум, чтобы пользоваться им свободно, как истинным нашим именем, и дает всем равно, ибо все равно разумны, самовластны. Но одни из нас пользуются сим достоинством согласно с назначением, а другие дарование Божие делают бесполезным. Под «имением» нашим можно разуметь и все вообще, что Господь дал нам, именно: небо, землю, всякую вообще тварь, Закон, пророков. Но младший сын увидел небо, — и обоготворил оное; увидел землю, — и почтил ее, а в Законе Его не хотел ходить и пророкам делал зло. Старший же сын всем этим воспользовался во славу Божию. Господь Бог, дав (все) это в равной мере, позволил (каждому) ходить (жить) по своему произволению, и никого не желающего служить Ему не принуждает. Ибо, если бы хотел принуждать, то не сотворил бы нас разумными и свободными. Младший сын все это в совокупности «расточил». И что было причиной? То, что он «пошел в дальнюю сторону». Ибо когда человек отступит от Бога и удалит от себя страх Божий, тогда он расточает все Божественные дары. Будучи близки к Богу, мы ничего не делаем такого, что достойно погибели, по сказанному: «Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь» (Пс. 15, 8). А удалившись и отступив от Бога, мы делаем и терпим всевозможное зло, по словам: «вот, удаляющие себя от Тебя гибнут» (Пс. 72, 27). Итак, неудивительно, что он расточил имение. Ибо добродетель имеет один предел и есть нечто единое, а злоба многочастна и производит много соблазна. Например, для мужества один предел, именно: когда, как и на кого должно употреблять гнев, а злобы два вида — страх и дерзость. Видишь ли, расточается разум и единство добродетели погибает? Когда это имение расточено и человек не живет ни по разуму, то есть по естественному закону, не последует Закону писанному и пророков не слушает, тогда наступает (для него) сильный голод, не голод хлеба, но голод слышания слова Господня (Ам. 8, 11). И он начинает «нуждаться», поскольку не боится Господа, но далеко отстоит от Него, тогда как боящимся Господа нет скудости (Пс. 33, 10). Почему же нет скудости боящимся Господа? Так как боящийся Господа крепко любит заповеди Его, поэтому слава и богатство в доме его, и он скорее по своей воле расточает и дает убогим (Пс. 111, 1. 3. 9). Так он далек от скудости! А кто далеко ушел от Бога и не имеет пред своими очами грозного Его лица, тот, неудивительно, будет испытывать нужду, поскольку в нем не действует никакое Божественное слово. И «пошел», то есть далеко зашел и укрепился в злобе, «пристал к одному из жителей страны той». «Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом, а «совокупляющийся с блудницею», то есть с природой бесов, «становится одно тело с нею» (1 Кор. 6, 17. 16), всецело делаясь плотью и не имея в себе места для Духа, подобно жившим во дни потопа (Быт. 6, 3). «Жители той страны», отдаленной от Бога, без сомнения, суть бесы. — Успев и сделавшись сильным в злобе, он «пасет свиней», то есть и других учит злобе и грязной жизни. Ибо все находящие удовольствие в тине бесчестных дел и вещественных страстей суть свиньи. Глаза свиные никогда не могут смотреть вверх, имея такое странное устройство. Почему и пасущие свиней, если, поймав свинью, долго не могут укротить ее визг, загибают ей голову назад и таким образом умеряют ее визг. — Как человек, пришедший на такое зрелище, какого он никогда не видал, когда поднимает глаза (на сцену), бывает поражен и молчит, так глаза тех, кои воспитаны во зле, никогда не видят горнего. Сих-то пасет превосходящий многих во злобе, каковы: содержатели блудниц, начальники разбойников, мытарей. Ибо о всех такого рода людях можно сказать, что они пасут свиней. Несчастный сей «желает насытиться» грехом, но никто не дает ему сего насыщения. Ибо привыкший к злу не находит насыщения в нем. Удовольствие непостоянно, но как приходит, с тем вместе и отходит, и несчастный сей опять остается с пустотой (на душе). Ибо грех подобен «рожкам», имея сладость и горечь: на время он услаждает, но мучит навеки. Никто не даст насытиться злом тому, кто услаждается им. Да и кто даст ему насыщение и покой?

Бог? Но при нем нет Его; ибо питающийся злом уходит далеко от Бога. Бесы? Но как они дадут, когда они о том особенно и стараются, чтоб никогда не было покоя и насыщения от зла?

Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим.

Со временем распутный пришел в себя. Ибо доколе он жил развратно, он был вне себя. Говорится, что он расточил имение, и справедливо: поэтому он вне себя. Ибо кто не управляется разумом, но живет как неразумный и других доводит до неразумия, тот вне себя, и не останется при своем имении, то есть при разуме. Когда же кто сообразит, в какое он впал бедствие, тогда он приходит в себя чрез размышление и обращение от блуждания вовне к покаянию. Под «наемниками», вероятно, понимает оглашенных, которые, как еще непросвещенные, не успели еще сделаться сынами. А оглашенные, без сомнения, удовольствуются духовным хлебом с избытком каждодневно слушая чтения. И чтобы тебе знать различие между наемником и сыном, слушай. Три разряда спасающихся. Одни, как рабы, делают добро из страха суда. На это намекает Давид, когда говорит: «Трепещет от страха Твоего плоть моя, и судов Твоих я боюсь» (Пс. 118, 120). Другие — наемники; это, кажется, те, кои стараются благоугождать Богу из желания получить благо, как тот же Давид говорит: «Я приклонил сердце мое к исполнению уставов Твоих навек, до конца» (Пс. 118, 112). А третьи — сыны, то есть те, кои соблюдают заповеди Божии из любви к Богу, о чем опять тот же Давид свидетельствует: «Как люблю я закон Твой! весь день размышляю о нем» (Пс. 118, 97). И опять; «руки мои буду простирать к заповедям Твоим, которые возлюбил» (Пс. 118, 48), а не «которых убоялся». И еще: «Дивны откровения Твои», и поскольку дивны, «потому хранит их душа моя» (Пс. 118, 129). Итак, когда тот, кто находился в разряде сынов, но потом чрез грех лишился сыновства, увидит, что другие наслаждаются Божественными дарованиями, причащаются Божественных Тайн и Божественного хлеба (а под названием наемников можно разуметь не только оглашенных, но и вообще членов церкви, находящихся не в первом чине); тогда он должен сказать сам себе сии слова сожаления: «сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода». Но «встану», то есть от падения греховного, «пойду к отцу моему и скажу ему: Отче! я согрешил против неба и пред тобою». Оставив небесное, я согрешил против оногo, предпочтя ему презренное удовольствие, и вместо неба, своего отечества, выбрав лучше страну голодную. Ибо как тот, можно сказать, грешит против золота, кто предпочитает ему свинец, так тот грешит против неба, кто предпочитает ему земное. Ибо он, без сомнения, удаляется от пути, ведущего на небо. И заметь, что когда он грешил, тогда делал грех как бы не пред Богом, а когда раскаивается, тогда чувствует себя согрешившим пред Богом. «Встал и пошел к отцу своему». Ибо нам должно не только желать того, что угодно Богу, но и самым делом исполнять. — Ты видел теперь теплое покаяние, посмотри же и на милосердие отца, Он не дожидается, пока сын дойдет до него, но сам спешит навстречу и обнимает его. Ибо, будучи по природе Отцом, Бог есть Отец и по благодати. Он весь всего обнимает сына, чтобы со всех сторон соединить его с Собой, как сказано: «и слава Господня будет сопровождать тебя» (Ис.

58, 8). Прежде, когда сын сам удалялся, время было и отцу удалиться от объятия. А когда сын приблизился чрез молитву и обращение, тогда благовременно стало и обнять его. Отец «пал на шею» сыну, показывая, что она, непокорная прежде, стала ныне покорной, и «целовал» его, обозначая примирение и освящая уста прежде осквернившегося, как бы некое преддверие, и чрез них ниспосылая освящение и вовнутрь.

А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться.

Под «рабами» можешь разумеать Ангелов, так как они суть служебные духи, посылаемые на служение для достойных спасения (Евр. 1, 14), Ибо они обращающегося от злобы одевают в «лучшую» одежду, то есть или в прежнюю, которую мы носили прежде греха, одежду нетления, или в одежду лучшую всех прочих, какова одежда крещения. Ибо она первая надевается на меня, и чрез нее я снимаю с себя одежду неприличия, Под «рабами» можешь разумеать Ангелов и потому, что они служат при всем том, что совершается ради нас, и что мы освящаемся при посредстве их. Под «рабами» можешь разумеать и священников, так как они обращающегося одевают чрез крещение и учительское слово и надевают на него первую одежду, то есть Самого Христа. Ибо все мы, крестившиеся во Христа, облеклись во Христа (Гал. 3, 27). — И дает «перстень на руку», то есть печать христианства, которую мы получаем чрез дела. Ибо рука есть знак деятельности, а перстень — печати. Итак, крестившийся и вообще обращающийся от злобы, должен иметь на руке, то есть на всей деятельной силе, печать и признак христианина, чтобы мог показать, как обновился по образу создавшего его. Или иначе: под «перстнем» можешь разумеать залог Духа. Скажу так; Бог даст совершеннейшие блага тогда, когда наступит их время, а ныне, для уверения, как бы в виде залога будущих благ, дает нам такого рода дарования: одним — дар чудотворения, другим — дар учительства, иным — другой какой-нибудь дар. Принимая сии дары, мы с твердостью уповаем и на получение совершеннейших. Дается «обувь на ноги», чтобы они сохранились как от скорпионов, то есть от погрешностей, по-видимому, малых и тайных, как говорит Давид (Пс. 18, 13), однако ж, и тех смертоносных, так и от змей, считаемых видимо вредными, то есть от грехов. И иначе: удостоенному первой одежды дается обувь в знак того, что Бог делает его готовым благовествовать и служить на пользу другим. Ибо отличительное свойство христианина быть полезным для других. Кто есть упитанный «телец», закалаемый и едомый, это не трудно понять. Он есть, без сомнения, истинный Сын Божий. Поскольку Он Человек и принял на Себя плоть, по природе неразумную и скотоподобную, хотя и наполнил ее собственными совершенствами, поэтому назван Тельцом. Телец Сей не испытал ярма закона греховного, но есть Телец «откормленный», поскольку определен на сие Таинство прежде создания мира (1 Пет. 1, 20). Быть может, покажется изысканным то, что еще имеет быть сказано, однако ж, пусть будет сказано. Хлеб, который мы ломим, по виду своему состоит из пшеницы, поэтому может быть назван откормленным пшеницей, а по духовной стороне есть Плоть, поэтому может быть назван Тельцом, и таким образом Один и Тот же есть Телец и упитанный. Итак, всякий кающийся и делающийся сыном Божиим, особенно же восставленный и вообще от греха очищаемый, причащается Сего упитанного Тельца и бывает причиной веселья для Отца и рабов Его, Ангелов и священников: «Ибо был мертв и ожил, пропадал и нашелся». В том отношении, что он пребывает во зле, он был «мертв», то есть безнадежен, а по отношению к тому, что

природа человеческая удобопреклонна и от злобы может обратиться к добродетели, он называется «пропадавшим». Ибо слово потерявшийся умереннее, чем мертвый.

Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение своё с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и всё мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся.

Здесь дают пресловутый вопрос: как оказывается завистливым сын, который в прочих отношениях жил и служил отцу благоугодно? Но он решится, коль скоро сообразят, почему была сказана сия притча. Притча эта вместе с предыдущими сказана была, без сомнения, потому, что фарисеи, считавшие себя чистыми и праведными, роптали на Господа за то, что Он принимал блудниц и мытарей. Если же она сказана потому, что роптали фарисеи, которые, по-видимому, были праведнее мытарей, то смотри, что лицо сына, по-видимому, ропщущего, относится ко всем, кои соблазняются внезапным благополучием и спасением грешников. А это не есть зависть, но излитие человеколюбия Божия, непонятное для нас, а потому рождающее ропот. И Давид не выводит ли лица соблазняющихся миром грешников (Пс. 72, 3), подобно так и Иеремия, когда говорит: «почему путь нечестивых благоуспешен»? «Ты насадил их, и они укоренились»? (Иер. 12, 1-2). Все это свойственно слабому и бедному уму человеческому, который возмущается и приходит в недоумение при виде недостойности, именно: благополучия людей порочных. Поэтому Господь настоящей притчей как бы так говорит фарисеям: пусть так, что вы, подобно этому сыну, праведны и благоугодны пред Отцом; но Я прошу вас, праведных и чистых, не роптать на то, что мы устроим веселие за спасение грешника, ибо и он сын же. Итак, отсюда не зависть обнаруживается, но сей притчей Господь вразумляет фарисеев, чтобы они не досадовали на принятие грешников, хотя бы сами и были праведны и соблюдали всякую заповедь Божию. И нимало не удивительно, если мы огорчаемся принятием тех, кои кажутся недостойными. Человеколюбие Божие так велико и так обильно подает нам свои блага, что отсюда и ропот может родиться. Так мы говорим и в обычной беседе. Часто оказав кому-нибудь благодеяние, потом не получив благодарности от него, мы говорим: все порицают меня за то, что я так много облагодетельствовал тебя. Хотя, может быть, и никто не порицал нас, но, желая показать величие благодеяния, мы выдумываем это, — Рассмотрим же эту притчу по частям и как бы в кратком извлечении. Старший сын был «на поле», то есть в мире сем, возделывал свою землю, то есть плоть, чтобы она изобиловала хлебами, и сеял со слезами, чтобы пожать с весельем (Пс. 125, 5). Узнав о случившемся, он не хотел войти в общую радость. Но человеколюбивый Отец выходит, зовет его и сообщает ему, что причиной веселья является оживление мертвого, чего тот не знал, как человек соблазняющийся и обвиняющий Отца за то, что Он не дал ему и козленка, а для распутного заколол откормленного теленка. Что обозначается «козленком»? Можешь узнать из того, что всякий козленок причисляется к стороне левой и стороне грешников (Мф. 25, 33. 41). Итак, добронравный говорит Отцу: я проводил жизнь во всяком труде, терпел гонения,

неприятности, оскорбления от грешников, и Ты никогда не заколол для меня и не убил козленка, то есть оскорбляющего меня грешника, чтобы я мог найти малую приятность. Например, Ахав был козел по отношению к Илии, Он гнал пророка, но Господь не предал тотчас сего козла на заклание, чтобы немного обрадовать Илию и успокоить с друзьями его пророками. Поэтому (Илия) и говорит Богу: «разрушили жертвенники Твои и пророков Твоих убили» (3 Цар. 19, 14). По отношению к Давиду козлом был Саул и все клеветующие на него, которым Господь позволял искушать его, но которых не убивал для удовольствия Давида. Поэтому сей и говорит: «Доколе, Господи, нечестивые, доколе нечестивые торжествовать будут?» (Пс. 93, 3). Так и сей, представляемый в Евангелии, сын говорит: который постоянно в трудах, того ты не удостоил никакого утешения, ни даже не предал на заклание никого из оскорбляющих меня, а теперь так, без труда, спасаешь распутного! Итак, вся цель притчи сей, сказанной по поводу ропота фарисеев на Господа за принятие им грешников, состоит в том, чтобы научить нас не отвергать грешников и не роптать, когда Бог принимает их, хотя бы мы были и праведны. Младший сын — блудницы и мытари; старший сын — фарисеи и книжники, предположительно принимаемые за праведных. Бог как бы так говорит: пусть вы, действительно, праведны и не преступали никакого повеления, но неужели же не должно принимать тех, кои обращаются от зла? Подобных ропотников вразумляет Господь настоящей притчей. — Не безызвестно мне, что некоторые под старшим сыном разумели Ангелов, а под младшим — природу человеческую, возмутившуюся и не покорившуюся данной заповеди. Другие разумели под старшим израильтян, а под младшим — язычников. Но истинно то, что мы сейчас сказали, именно: что старший сын представляет собой лицо праведных, а младший — грешников и раскаивающихся, и все построение притчи составилось из-за фарисеев, которым Господь внушает, что они, хотя бы сами были и праведны, не должны огорчаться принятием грешников. Итак, никто да не оскорбляется судьбами Божиими, но да терпит и в том случае, когда делаются счастливыми и спасаются, по-видимому, грешники. Ибо почему знаешь? Может быть, тот, кого ты считаешь грешником, принес покаяние, и за то принят. А также быть может, что он имеет тайные добродетели, и ради их благоприятен в очах Божиих.

Глава шестнадцатая

Сказал же и к ученикам Своим: один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его; и, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? дай отчет в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять. Тогда управитель сказал сам в себе: что мне делать? господин мой отнимает у меня управление домом; копать не могу, просить стыжусь; знаю, что сделать, чтобы приняли меня в дома свои, когда отставлен буду от управления домом. И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми твою расписку и напиши: восемьдесят. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо сыны века сего догадливее сынов света в своём роде. И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители.

Всякая притча прикровенно и образно объясняет сущность какого-нибудь предмета, но

не она во всем подобна тому предмету, для объяснения которого берется. Поэтому не должно все части притчи изъяснять до тонкости, но, воспользовавшись предметом, насколько прилично, прочие части нужно опускать без внимания, как прибавленные для целости притчи, а с предметом не имеющие никакого соответствия. Так нужно поступить и с предложенной притчей. Ибо если мы возьмемся до тонкой подробности объяснять все, кто домоправитель, кто приставил его к управлению, кто донес на него, кто должники, почему один должен маслом, а другой — пшеницей, почему говорится, что они должны были по сто, и если все прочее вообще будем исследовать с излишним любопытством, то мы сделаем речь темной, причем, вынужденные затруднениями, может быть, дойдем и до смешных объяснений. Поэтому настоящей притчей должно воспользоваться столько, сколько можно. Поясню несколько. Господь желает здесь научить нас хорошо распоряжаться вверенным нам богатством. И, во-первых, мы научаемся тому, что мы не господа имения, ибо ничего собственного не имеем, но что мы управители чужого, вверенного нам Владыкой с тем, чтобы мы располагали имением хорошо и так, как Он повелевает. Потом научаемся тому, что если мы поступаем в управлении богатством не по мысли Владыки, но вверенное нам расточаем на свои прихоти, то мы такие управители, на которых сделан донос. Ибо воля Владыки такова, чтобы вверенное нам мы употребляли на нужды сослужителей, а не на собственные удовольствия. Когда же на нас доносят и мы имеем быть отставленными от управления имением, то есть исторгнутыми из здешней жизни, когда именно мы будем давать отчет в управлении после преставления отселе, тогда мы поздно примечаем, что нужно делать, и приобретаем себе друзей богатством несправедливым. «Несправедливым» называется то «богатство», которое Господь вручил нам для употребления на нужды братьев и сослужителей, а мы удерживаем оное для самих себя. Но поздно мы ощутим, куда нам обратиться, и что в этот день мы не можем ни трудиться, ибо тогда не время делать, ни милостыни просить, ибо неблагоприлично, так как девы просившие (милостыни) названы глупыми (Мф. 25, 8). Что же остается делать? Разделить с братьями это имение, чтобы, когда перейдем отселе, то есть переселимся из здешней жизни, бедные приняли нас в вечные обители. Ибо нищим во Христе назначены в удел вечные обители, в которые они могут принять явивших им любовь здесь чрез раздачу богатства, хотя оное, как принадлежащее Владыке, сначала нужно было раздать бедным. Они суть должники по сказанному: «он всякий день милует и займы дает» (Пс. 36, 26), и в другом месте: «Благотворящий бедному дает займы Господу» (Притч. 19, 17). Итак, предварительно нужно было все раздать этим добрым должникам, которые уплачивают во сто крат. Впрочем, когда мы оказываемся управителями неверными, несправедливо удерживая за собой то, что назначено для других, нам не должно навсегда оставаться в этом бесчеловечии, но должно раздавать бедным, чтобы они приняли нас в вечные обители. — Когда мы так будем изъяснять эту притчу, то в объяснении не встретится ничего ни лишнего, ни изысканного, ни сногдательного. Впрочем, выражение «сыны века сего догадливей» и далее, кажется, означает нечто другое, и не неудобопонятное или странное. «Сынами века» сего называет тех, кои придумывают все, что на земле полезно для них, а «сынами света» тех, кои из любви к Богу, должны преподавать другим духовное богатство. Итак, здесь говорится, что люди, поставляемые в управители человеческим имением, всячески стараются о том, чтобы после отставки от управления иметь утешение, а сыны света, поставляемые, то есть получающие в доверие управление духовным имением, нисколько не думают о том, чтобы после сего получить себе пользу. Итак, сыны века сего суть те, коим вверено управление человеческими делами и кои «в своем роде», то есть в жизни сей, умно ведут свои дела, а сыны света те, кои приняли имение с тем, чтобы управлять им боголюбезно. Оказывается, что, управляя человеческим имением, мы

умно ведем свои дела и стараемся, чтобы иметь какое-нибудь убежище жизни и тогда, когда будем отставлены от сего управления. А когда управляем имением, коим должно распоряжаться по воле Божией, мы, кажется, не заботимся о том, чтобы нам по преставлении из здешней жизни не подпасть ответственности за управление и не остаться без всякого утешения. Потому мы и называемся неразумными, что не думаем о том, что будет полезно для нас после сего. Но будем приобретать себе друзей в нищих, употребляя на них несправедливое богатство, данное нам от Бога в оружие правды, но нами удержанное в свою пользу и потому превратившееся в неправду. Если же богатство, праведным путем доставшееся, когда им управляют нехорошо и не раздают нищим, вменяется в неправду и в маммону, то тем более богатство несправедливое. Будем же сим последним приобретать себе друзей, чтобы, когда умрем и переселимся из здешней жизни или и в другом случае будем малодушествовать от осуждения, они приняли нас там в вечные обители.

Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом. Итак, если вы в несправедливом богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше? Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

Господь еще учит о том, что богатством нужно управлять по воле Божией. «Верный в малом», то есть хорошо распоряжавшийся вверенным ему имением в мире сем, верен «и во многом», то есть и в будущем веке достоин истинного богатства. «Малым» называет земное богатство, так как оно поистине мало, даже ничтожно, поскольку скоропреходящее, а «многим» — богатство Небесное, так как оно всегда пребывает и прибывает. Поэтому, кто оказался неверным в сем земном богатстве и данное на общую пользу братьев присвоил себе, тот не будет достоин и того многого, но будет отвергнут как неверный. Поясняя сказанное, прибавляет: «Итак, если вы в несправедливом богатстве не были верны, кто поверит вам истинное?» «Несправедливым» богатством назвал богатство, которое остается при нас; ибо если бы оно не было несправедливо, оно и не было бы у нас. А теперь, поскольку оно у нас, то очевидно, что несправедливо, так как оно задержано нами и не роздано бедным. Ибо похищение чужого имения и принадлежащего нищим есть несправедливость. Итак, кто нехорошо и неверно управляет сим имением, как тому доверять «истинное» богатство? И нам кто даст «наше», когда мы неверно распоряжаемся «чужим», то есть имением? А оно «чужое», так как оно назначено для бедных, а с другой стороны, так как мы ничего не принесли в мир, но родились нагими. А наш удел — богатство Небесное и Божественное, ибо там жилище наше (Флп. 3, 20). Имение и приобретение чужды для человека, сотворенного по образу Божию, ибо из них ничто не похоже на него. А наслаждение Божественными благами и общение с Богом — это сродно нам. — Доселе Господь учил нас, как должно верно управлять богатством. Ибо оно чужое, а не наше; мы управители, а не господа и владыки. Поскольку же управление богатством по воле Божией совершается не иначе, как при твердом бесстрастии к нему, то Господь прибавил к учению своему и сие: «Не можете служить Богу и маммоне», то есть невозможно тому быть слугой Божиим, кто привязался к богатству и по пристрастию к нему нечто удерживает за собой. Поэтому, если ты намерен верно распоряжаться богатством, то не поработайся ему, то есть не имей привязанности к нему, и ты истинно послужишь Богу. Ибо сребролюбие, то есть страстная склонность к богатству, повсюду порицается (1 Тим. 6, 10).

Слышали всё это и фарисеи, которые были сребролюбивы, и они смеялись над Ним. Он сказал им: вы выказываете себя праведниками пред людьми, но Бог знает сердца ваши, ибо, что высоко у людей, то мерзость пред Богом.

Фарисеи, в досаде на слова Господа, смеялись над Ним. Ибо им, как сребролюбцам, неприятно было слушать о нестяжательности. Так и сказано: «мерзость грешнику богочестие, и обличение нечестивому раны» (Притч. 9, 7). Господь, обнаруживая скрытое лукавство фарисеев и показывая, что они, хотя и принимают вид праведности, мерзки, однако ж, пред Богом по своему самомнению, говорит: вы представляете себя праведниками пред людьми и думаете, будто вам одним дано разуметь то, что нужно, и учить; поэтому вы и смеетесь над Моими словами как неразумными, желая почитаться у черни учителями истины. Но не так на деле. Потому что Бог знает сердца ваши и считает вас мерзкими за ваше высокоумие и пристрастие к людской славе. «Ибо что высоко у людей, то мерзость пред Богом». «Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем» (Притч. 16, 5). Поэтому вам, фарисеи, нужно было жить не для людского мнения, «ибо рассыплет Бог кости ополчающихся против тебя» (Пс. 52,6), но лучше соделовать себя праведными пред Богом.

Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него. Но скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из закона пропадет. Всякий, разводящийся с женою своею и женящийся на другой, прелюбодействует, и всякий, женящийся на разведенной с мужем, прелюбодействует.

По-видимому, это отдельная речь, не имеющая ничего общего с вышесказанным, но для внимательного она не покажется непоследовательной, а напротив очень связанной с предыдущим. Господь вышесказанными словами учил нестяжательности и богатство назвал неправедным именем, а Закон (Лев. 26, 3-9) поставлял благословения и в богатстве (между прочим), и пророки (Ис. 19) обещали в награду блага земные. Чтобы кто-нибудь подобно фарисеям не сказал Ему с насмешкой: что Ты говоришь? Ты противоречишь Закону: он благословляет богатством, а Ты учишь нестяжательности? — поэтому Господь говорит: Закон и пророки имели время до Иоанна и хорошо так учили, потому что слушатели были тогда в юном возрасте. Но с того времени, как явился Иоанн, почти бесплотный по нестяжательности и нестяжательный почти по бесплотности, и проповедал Царствие Небесное, блага земные уже не имеют времени, а проповедуется Царствие Небесное. Поэтому желающие небес должны на земле усвоить себе нестяжательность. Поскольку пророки и Закон не упоминали о Царстве Небесном, то справедливо обещали блага земные людям, еще далеко несовершенным и неспособным представить себе ничего великого и мужеского. Поэтому фарисеи, Я справедливо учу нестяжательности, когда несовершенные заповеди Закона не имеют уже времени. Потом, чтобы не сказали, что, наконец, все законное отвергнуто как суетное и совершенно пустое, Господь говорит: Нет! напротив, ныне еще более исполняется и совершается. Ибо что Закон начертал в тени, говоря образно о Христе или о заповедях, то ныне исполняется, и ни одна черта из того не пропадет. Что там в виде тени указано о Христе, то ныне совершится яснейшим образом. И заповеди Закона, данные тогда приспособительно и сообразно с разумением несовершенных, ныне будут иметь смысл высший и совершеннейший. А что Закон несовершенным говорил несовершенно, видно из следующего. Например, Закон по жестокосердию евреев дал приговор о расторжении брака, именно: муж, если возненавидит жену свою, имел право развестись с ней, чтобы не

случилось чего-нибудь худшего. Ибо склонные к убийству и кровожадные евреи не щадили ближайших родных, так что закапали в жертву бесам своих сыновей и дочерей. Но это недостаток и несовершенство Закона. Тогда было время такого законоположения, а ныне нужно другое учение, совершеннейшее. Поэтому Я и говорю: всякий, кто разведется с женой своей не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует. Поэтому нет ничего удивительного, если Я учу о нестяжательности, хотя Закон ничего о ней ясно не говорит. Вот, Закон равнодушно дал заповедь о брачном разводе, для предотвращения смертоубийства в иудеях; а Я, приучая слушателей к высшему совершенству, запрещаю развод без благословной причины и повелеваю так не вопреки Закону, но с тем, чтобы не было убийств между мужьями и женами. И Я подтверждаю это, когда учу, чтоб супруги заботились друг о друге и берегли друг друга как собственные члены. И Закон желал этого, но поскольку слушатели были несовершенны, то Он определил расторгать брак, чтобы, по крайней мере, при таком условии муж и жена щадили друг друга и не ярились один на другого. — Итак, Христос все требования Закона подтвердил; а поэтому и хорошо сказал, что невозможно пропасть ни одной черте из Закона. Ибо как бы она погибла, когда Христос исправил его (Закон) в лучшем виде?

Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напиться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его.

Эта речь стоит в связи с предыдущей. Поскольку выше Господь учил хорошо управлять богатством, то справедливо присовокупляет и сию притчу, которая примером случившегося с богачом указывает на ту же самую мысль. Речь эта есть именно притча, а не действительное событие, как некоторые думали без основания. Ибо не настало еще время ни праведным наследовать блага, ни грешным — противное. А Господь придал речи образность, чтобы как немилосердных вразумить, что им предлежит в будущем, так и злостраждущих научить, что они будут благополучны за то, что переносят здесь. Богача в притчу Господь взял без имени, поскольку он недостоин и именоваться пред Богом, как и чрез Пророка сказано: «не помяну имен их устами моими» (Пс. 15, 4). А о нищем упоминает по имени, ибо имена праведных записываются в книге жизни. Говорят же, по преданию евреев, что в то время был в Иерусалиме некто Лазарь, находившийся в крайней бедности и болезни, и что Господь о нем упомянул, взяв его в притчу как явного и известного. — Богач был во всех отношениях благополучен. Он одевался в порфиру и виссон и не только одевался, но и всяким другим удовольствием наслаждался. «Пиршествовал блистательно», сказано, и не то, чтоб ныне — да, а завтра — нет, но «каждый день», и не то, чтобы умеренно, но «блистательно», то есть роскошно и расточительно. А Лазарь был нищий и больной, и притом «в струпьях», как сказано. Ибо можно болеть и, однако ж, не быть в ранах, а от сих увеличивается зло. И повержен был он у ворот богатого. Новая скорбь видеть, что другие с избытком наслаждаются, а он томится голодом. Ибо он желал насытиться не роскошными яствами, но крошками от них такими, которыми питались псы. Никто не заботился и об излечении Лазаря: ибо псы облизывали раны его, так как никто не отгонял их. Что же? Лазарь, находясь в таком бедственном положении, хулил Бога, поносил роскошную жизнь богача? Осуждал бесчеловечие? Роптал на Промысл? Нет, ничего такого он не помышлял, но переносил все с великим любомудрием. Откуда это видно? Из того, что, когда умер, его приняли Ангелы. Ибо

если бы он был ропотник и богохульник, он не удостоился бы такой чести — сопровождения и несения Ангелами. «Умер и богач, и похоронили его». Еще при жизни богача душа его была поистине зарыта, она носила плоть как бы гроб. Поэтому и по смерти его он не Ангелами возводится, но низводится в ад. Ибо не помышлявший никогда ни о чем высоком и небесном достоин самого низшего места. Словами «похоронили его» Господь намекнул на то, что душа его получила в удел преисподнее и мрачное место.

И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят.

Как Адама, изгнав из рая, Господь поселил перед раем (Быт. 3, 24), чтобы страдание, повторяющееся при постоянном виде рая, давало Адаму яснее чувствовать лишение блаженства, так и сего богача осудил пред лицом Лазаря, чтобы видя, в каком состоянии находится теперь Лазарь, богатый чувствовал, чего он лишился чрез бесчеловечие. Почему же богатый увидел Лазаря не у другого кого из праведных, но на лоне Авраама? Поскольку Авраам был гостеприимен, а богатого нужно было обличить в нелюбви к гостеприимству, поэтому богатый и видит Лазаря с Авраамом. Сей и мимо проходящих приглашал в дом свой, а тот презирал и лежащего внутри дома. Почему богатый обращает просьбу свою не к Лазарю, а к Аврааму? Может быть, он стыдился, а может быть, думал, что Лазарь помнит его зло, и по своим делам заключал и о Лазаре. Если я (мог он думать), наслаждаясь таким счастьем, презирал его, угнетаемого таким несчастьем, и не уделял ему даже крошек, то тем более он, презренный мной, вспомнит зло и не согласится оказать мне милость. Поэтому-то он обращается со своими словами к Аврааму, думая, вероятно, что патриарх не знает, как было дело. Что же Авраам? Он не сказал богачу: бесчеловечный и жестокий, не стыдно ли тебе? теперь ты вспомнил о человеколюбии. Но как? «Чадо»! Смотри на сострадательную и святую душу. Мудрец какой-то говорит: смиренную душу не возмущай. Поэтому и Авраам говорит: «чадо», давая чрез сие знать ему, что именовать его так милостиво даже теперь в его власти, но и только, а что более сего он ничего не властен сделать для него. Что могу, то уделю тебе, то есть голос сострадания. Но чтобы перейти отсюда туда, это не в нашей воле, ибо все заключено. «Ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое». Почему Авраам не сказал богачу: ты приял, но получил? Слово «получить обратно» мы обыкновенно употребляем о тех, кои получают то, чем им должны были. Чему же мы научаемся? Тому, что хотя некоторые осквернили себя злодеяниями, хотя дошли до крайней степени злобы, но когда-нибудь сделали же они одно или два добрых дела. Поэтому и богач имел какие-нибудь добрые дела, и так как он в благоденствии здешней жизни получил воздаяние, то и говорится, что он получил доброе» свое. «А Лазарь — злое». Может быть, и он совершил одно или два злых дела и в скорби, которую здесь претерпел, получил за них должное воздаяние. Поэтому он утешается, а ты страдаешь. «Пропасть» означает расстояние и различие между праведными и грешниками. Ибо как произволения их были различны, так и обители их имеют большую разность, когда каждый получает воздаяние соответственно произволению и жизни. Приметь здесь и возражение против оригенистов. Они говорят, что придет время, когда муки окончатся и грешники соединятся с праведниками и с Богом, и

таким образом Бог будет все во всех. Но вот, мы слышим, Авраам говорит, что хотящие перейти отсюда к вам или оттуда к нам не могут сего сделать. Поэтому как из участи праведников невозможно кому-нибудь перейти в место грешников, так невозможно, учит нас Авраам, перейти из места мучения в место праведников. И Авраам, без сомнения, более достоин веры, чем Ориген. — Что такое «ад»? Одни говорят, что ад есть подземное мрачное место, а другие называли адом переход души из наглядного в невидимое и безвидное состояние. Ибо доколе душа находится в теле, она обнаруживается собственными действиями, а по разлучении с телом она становится невидимой. Это-то и называли адом. — «Лоном Авраамовым» называют совокупность тех благ, какие предлежат праведникам по входе их от бури в небесные пристани; поскольку и в море заливами (лоном) мы обыкновенно называем места удобные для пристани и успокоения. — Обрати внимание и на то, что в день тот обидчик увидит, в какой славе будет обиженный им, а сей в свою очередь увидит, в каком осуждении будет обидчик, подобно как здесь богатый увидел Лазаря, а сей — опять богатого.

Тогда сказал он: так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения. Авраам сказал ему; у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их. Он же сказал: нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются. Тогда [Авраам] сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят.

Несчастный богач, не получив облегчения своей участи, прилагает просьбу о других. Смотри, как он чрез наказание пришел к сочувствию другим, и тогда как прежде презирал Лазаря, у ног его лежащего, теперь заботятся о других, кои не находятся при нем, и умоляет послать в дом отца своего Лазаря из мертвых, не просто кого-нибудь из мертвых, но Лазаря, чтобы видевшие его прежде больным и бесчестным увидели теперь увенчанным славой и здоровым, и бывшие свидетелями его убожества сами сделались созерцателями его славы. Ибо очевидно, он имел бы явиться им во славе, если бы нужно было быть ему проповедником, достойным вероятия. Что же сказал Авраам? «У них есть Моисей». Ты, — говорит, — не так печешься о братьях, как Бог, Творец их. Он приставил к ним бесчисленных наставников. А богач говорит: «нет, отче»! Ибо как сам, слыша Писания, не верил и слова их считал баснями, так предполагал и о братьях своих и, судя по себе, говорит, что они Писаний не послушают, как и сам он, но если кто воскреснет из мертвых, поверят. Есть и ныне подобные люди, кои говорят: кто видел, что делается в аде? Кто пришел оттуда и возвестил нам? Пусть же они послушают Авраама, который говорит, что если мы не слушаем Писаний, то не поверим и тем, кто пришел бы к нам из ада. Это очевидно из примера иудеев. Они, так как не слушали Писаний, не поверили и тогда, когда видели мертвых воскресшими, даже помышляли и убить Лазаря (Ин. 12, 10). Равным образом и после того, как при Распятии Господа воскресли многие усопшие (Мф. 27, 52), иудеи дышали на апостолов еще большим убийством. Притом, если б это воскрешение мертвых было полезно для нашей веры, Господь творил бы оное часто. Но ныне ничто так не полезно, как тщательное исследование Писаний (Ин. 5, 39). Воскрешать мертвых (хотя) призрачно умудрился бы и диавол, и поэтому ввел бы неразумных в заблуждение, всеяв между ними учение об аде, достойное своей злобы. А при здравом нашем исследовании Писаний, диавол не может ничего такого выдумать. Ибо они (Писания) суть светильник и свет (2 Пет. 1, 19), при сиянии которого вор обнаруживается и открывается. Итак, нужно Писаниям верить, а не требовать воскрешения мертвых. —

Можно понимать притчу сию и в переносном смысле, например, так, что лицом богача обозначается народ еврейский. Он прежде был именно богат, обогащен всяким знанием и мудростью, и речениями Божиими, которые честнее золота и камней многоценных (Притч. 3, 14-15). Он одевался в порфиру и виссон, имея царство и священство и сам будучи царским священством Богу (Исх. 19, 6). Порфира намекает на царство, а виссон на священство. Ибо левиты при священнодействиях употребляли облачения из виссона. Он и веселился на все дни блистательно, ибо всякий день утром и вечером приносил жертвы, которые носили и название бесконечности, то есть непрерывности. — Лазарем были язычники, народ, бедный Божественными дарованиями и мудростью и лежавший у ворот. Ибо язычникам не позволено было входить в дом Божий; вход их туда считался осквернением, как видно из книги Деяний. Асийские иудеи с возмущением кричали на Павла, что ввел язычников во храм и осквернил сие святое место (Деян. 21, 27-28). Язычники изранены были зловонными грехами и своими ранами питали бесстыдных псов, бесов; ибо язвы наши (духовные) для них удовольствие. Язычники желали питаться крошками, падающими от стола богача; ибо они не имели никакого участия в хлебе, укрепляющем сердце (Пс. 103, 15), и нуждались в пище тончайшей, немногой и разумной, как жена хананейская, будучи язычницей, желает напитаться крошками (Мф. 15, 22. 26 — 27). Что же далее? Народ еврейский умер для Бога, и кости его омертвели, так как он не делал никакого движения к добру. И Лазарь, что есть народ языческий, умер для греха. Иудеи, умершие в грехах своих, сожигаются пламенем зависти, ревнуя, как говорит апостол, о том, что язычники приняты в веру (Рим. 11, 11). А язычники, прежде бедный и бесславный народ, по справедливости живут в недрах Авраама, отца язычников. Авраам, быв язычником, уверовал в Бога и от служения идолам перешел к богопознанию. Поэтому и те, кои стали участниками в его обращении и вере, справедливо покоятся в его недрах, наследовав такую же, как и он, участь, обители и восприятие благ. Иудейский народ желает хотя одной капли от прежних законных окроплений и очищений, чтобы язык его прохладился и мог смело что-нибудь сказать против нас в пользу силы Закона, но не получает. Ибо Закон только до Иоанна (Мф. 11, 13). «Жертвы, — сказано, — и приношения Ты не восхотел» и далее (Пс. 39, 7). И Даниил предвозвестил: «запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святой святых» (Дан. 9, 24), то есть прекратились и заключились. — Можешь ты и нравственно понимать эту притчу. Именно: будучи богат злом, не оставляй ума твоего терпеть голод и, когда он создан для стремления к небу, не повергай его долу и не заставляй лежать при воротах, но вводи его вовнутрь, и не стой вне, не блуждай, не лежи, но действуй. Это послужит тебе началом для разумной деятельности, а не наслаждения только плотского. И прочие части притчи удобно понимать в пользу нравственности.

Глава семнадцатая

Сказал также [Иисус] ученикам: невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят; лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих. Наблюдайте за собою. Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему; и если покается, прости ему; и если семь раз в день согрешит против тебя и семь раз в день обратится, и скажет: каюсь, — прости ему.

Поскольку любостыжательные фарисеи роптали на Господа за то, что Он говорил о нестяжательности, то Он сначала сказал притчу о богатом и Лазаре, показывая им чрез нее, какое постигнет их наказание за привязанность к богатству; а потом обращает речь свою к

ученикам о самих фарисеях, что они производят соблазн и удерживают других от Божественного пути и что за сие в удел их предлежит им «горе». Посмотрим же, что Он говорит. «Невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят», то есть невозможно не прийти соблазнам или препятствиям в доброй и боголюбивой жизни. Ибо при mnogой злобе людей необходимо оказаться и множеству препятствий проповеди и истине. Но горе только тому, чрез кого они приходят, то есть виновнику их, каковы фарисеи, соблазняющие и препятствующие проповеди. Многие с недоумением спрашивают: если необходимо прийти соблазнам и невозможно проповеди не встретить препятствий, то за что же, Господи, ты осуждаешь и называешь несчастными виновников соблазнов? Они стали такими по необходимости, а все, что делается по необходимости, достойно прощения. — Знай же, что самая необходимость эта имеет начало в свободном произволении. Скажу яснее: Господь, видя злобу тогдашних людей, видя, как они прилежат злу и не избирают ничего доброго, сказал, что, судя по следствию из того, что теперь пред глазами, необходимо прийти соблазнам. Итак, злоба, которой люди услаждались, — дело произвола, а произведение соблазнов необходимо следовало от злобы; поэтому-то виновники соблазнов и достойны наказания. Можно пояснить это примером. Врач, видя, что такой-то ведет дурной образ жизни и предаётся неумеренности, может сказать, что он необходимо заболит. Ужели эта болезнь необходима? Да, как следствие дурного образа жизни, необходима. Поэтому, горе препятствующим проповеди за то, что они дошли до такой злобы, что необходимо стало прийти соблазнам. И подлинно, человеку, производящему соблазны и препятствия, лучше, чтоб ему повесили жернов мельничный и бросили его в море, нежели чтоб соблазнить и совратить одного из малых, то есть верных. Поэтому Господь предостерегает учеников: «Наблюдайте за собою». Вот, — говорит, — Я прежде вам сказываю, что придет зло, не будьте в ответе. Ибо злу необходимо прийти, но нет необходимости вам погибнуть, если будете осторожны и вооружитесь. Необходимо прийти волку, но если пастух бодрствует, нет необходимости овцам погибнуть, а волк должен уйти с пустым зевом. Господь сказал это о соблазнителях и тех, кои вредят проповеди, то есть препятствуют. Поскольку между ними есть большое различие, ибо одни неисцелимы как фарисеи, а другие излечимы как братья Господа по отношению к Самому Господу, ибо и они не веровали в Него (Ин. 7, 5). Итак, поскольку большое различие между препятствующими проповеди, ибо между ними могли быть некоторые и единоверные, то Господь говорит: если брат твой согрешит против тебя, ты выговори ему наедине, и если послушает тебя, ты приобрел его, если же не послушает, возьми с собой еще одного или двух, и прочая, что евангелист Матфей (18, 15-17) изобразил пространнее, а евангелист Лука прошел молчанием, как сказанное уже евангелистом Матфеем. Кто послушает выговор, тот достоин прощения; а кто не послушает, тот да будет тебе как язычник и мытарь, то есть мерзок и недостойн называться братом. Потом, как бы кто сказал: пусть так, Господи! Ты хорошо это различил; но что делать с тем, кто много раз получил прощение и снова вредит? Господь говорит: если он снова покается, прости ему. И еще: если и семь раз в день обратится, прости ему. А слово «семь раз в день» поставлено здесь вместо слова «многokrатно», подобно как в выражении: «даже бесплодная рождает семь раз» (1 Цар. 2, 5). Итак, сколько раз он покается, столько раз должно прощать ему. И не подумай, будто Господь полагает число, сколько раз прощать, но, как я прежде сказал, «семь раз в день» понимай вместо «многokrатно» и бесчисленно. Мы говорим же в обычной беседе: в таком-то городе тьма (десять тысяч) жителей, но говорим не потому, что в нем в самом деле десять тысяч жителей, ибо их может быть и больше в нем, а вместо того, чтоб назвать город очень многолюдным, мы говорим, что в нем десять тысяч жителей. А что «семь раз в день» употреблено в том значении, это видно из Евангелия от Матфея (18, 21-22).

Ибо там, когда Петр сказал: Господи, должен ли я прощать ему (брату моему) до семи раз? Господь сказал; не до семи, но до седмижды семидесяти раз, обозначая чрез сие бесчисленное множество раз.

И сказали Апостолы Господу: умножь в нас веру. Господь сказал: если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадишься в море, то она послушалась бы вас. Кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойдя скорее, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам? Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? Не думаю. Так и вы, когда исполните всё поведенное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать.

Апостолы веровали в Господа, однако же, придя в сознание своей слабости, поняв, что Господь сказал о чем-то великом, и, услышав об опасности от соблазнов, просят, чтобы умножилась в них сила веры, чтобы чрез нее они могли исполнить то, что Он сказал, то есть относительно нестяжательности. Ибо ничто так не укрепляет в нестяжательности, как вера в Бога и твердое на Него упование, равно как ничто так не располагает к собиранию сокровищ, как неверие, что Бог есть великий сокровищехранитель (казначей), а благодать Его — неистоощимая сокровищница; притом с верой они могут противостоять соблазнам. Поэтому апостолы приступают к Господу и говорят: «умножь в нас веру», то есть яви нас совершеннейшими и твердейшими в вере. Господь, показывая им, что просьба их хороша и что им нужно твердо содержать ту мысль, что вера имеет великую силу, говорит: если бы вы имели веру, вы пересадили бы и эту смоковницу. Здесь две великие вещи, именно: что укоренилось в земле, то, во-первых, передвинулось бы со своего места, а во-вторых, пересадились бы в море. А что может быть посажено в воде? Очевидно, сими словами Господь показывает силу веры. Быть может, кто-нибудь в переносном смысле под «смоковницей» будет разуметь диавола, так как он изобрел для нас вечного червя и питает его насаждаемыми им помыслами; ибо смоковничными листьями питаются черви, от которых бывают шелковые нити. Так и сию смоковницу вера может искоренить из сердца человеческого и бросить в море, то есть низвергнуть в бездну. — Сказав это о вере, Господь присовокупляет и другое очень нужное учение. Какое же? Учение о том, что не должно гордиться совершенствами. Поскольку вера совершает многое и содержащего ее соделывает исполнителем заповедей, украшая его при сем и чудотворениями, а от сего человек легко может впасть в высокомерие; поэтому Господь предостерегает апостолов не превозноситься совершенствами, представляя прекрасный пример. «Кто, — говорит, — из вас имея раба» и прочее. Этой притчей объявляется, что не должно величаться никаким совершенством, ни даже исполнением всех заповедей. Ибо на рабе лежит необходимая обязанность исполнять приказание господина, однако же исполнение их не должно вменяться ему в совершенство. Ибо, если раб не будет делать, он достоин ран; а когда сделал, пусть довольствуется тем, что избежал ран, а не должен за это необходимо требовать платы. Ибо заплатить ему, особенно же подарить что-нибудь, зависит от великодушия господина. Так и Богу работающий не должен превозноситься, если исполнит заповеди, ибо он не сделал ничего великого. Напротив, если бы он не исполнил, ему было бы горе, как говорил апостол: «горе мне, если не благовествую!» (1 Кор. 9, 16). Равным образом, если он получил дарования, он не должен ими величаться, ибо дарования даны ему по милости Божией, а не потому, будто бы Владыка был

ему должен. Ибо особенный долг раба, по отношению к его господину, исполнять все его приказания. Если же мы не должны думать о себе ничего великого и тогда, когда соблюдаем все заповеди, то, что мы такое бываем, когда не исполняем и малой части заповедей Божиих, да еще гордимся? Обрати внимание и на то выражение притчи, что прежде поставлено «пашущего», а потом присовокуплено «пасущего». Ибо, кому бы то ни было, прежде нужно землю возделывать, а потом уже принимать в руки и пастырскую должность. Кто хорошо возделал свою плоть, как бы какую землю, тот достоин быть и для других пастырем. Ибо кто не умеет собственным домом управлять, как следует, тот как будет пещись о Церкви (1 Тим. 3, 5)? Итак, прежде возделай самого себя, и тогда уже других паси, как и пророк Иеремия сказал: «распахните себе новые нивы» (Иер. 4, 3), а потом просветите себе свет разума, чем обозначается важнейшая часть пастырской должности.

Идя в Иерусалим, Он проходил между Самариєю и Галилеею. И когда входил Он в одно селение, встретили Его десять человек прокаженных, которые остановились вдали и громким голосом говорили: Иисус Наставник! помилуй нас. Увидев [их,]Он сказал им: пойдите, покажитесь священникам. И когда они шли, очистились. Один же из них, видя, что исцелен, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Его, благодаря Его; и это был Самарянин. Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять? как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника? И сказал ему: встань, иди; вера твоя спасла тебя.

И отсюда всякий может познать, что никому ни что не препятствует богоугождать Богу, хотя бы он был из проклятого рода, но лишь только бы имел доброе произволение. Вот десять человек прокаженных встретили Иисуса, когда Он имел войти в один город. Встретили они Его вне города, ибо им, так как они считались нечистыми, не позволялось жить внутри города (Лев. 13, 46). Они остановились «вдали», как бы стыдясь мнимой своей нечистоты и не смея приблизиться в той мысли, что и Иисус возгнушается ими, как прочие то делали, возвышают голос и просят милости. По месту они стояли вдали, но по молитве стали вблизи. Ибо Господь близок ко всем призывающим Его в истине (Пс. 144, 18). Они просят милости не как от простого человека, но как от такого, который выше человека. Ибо они называют Иисуса Наставником, то есть Господином, Попечителем, Надзирателем, что очень близко к наименованию его Богом, Он (Иисус) повелевает им (прокаженным) показаться священникам. Ибо священники осматривали таковых, и от них сии принимали решение, чисты ли они от проказы, или нет (Лев. 13). Священники имели признаки, по коим они отмечали неизлечимую проказу. Да и тогда, когда кто заболел проказой, потом выздоровел, священники осматривали, и им приносили дар, какой поведено в Законе. Здесь же, когда прокаженные были непререкаемо таковы, какая была им нужда показаться священникам, если они не имели быть очищенными совершенно? Повеление им пойти к священникам указывало не на другое что, как на то, что они сделаются чистыми. Поэтому и сказано, что они, идя дорогой, очистились. Но смотри, как мы и сначала говорили, из десяти человек девять, хотя они были и израильтяне, остались неблагодарными. А самарянин, хотя был и чуждого рода, возвратился и высказал свою признательность (а самаряне были ассирияне), чтобы никто из язычников не отчаивался, и никто из происходящих от святых предков сим не хвалился. — Чудо сие намекает и на общее спасение, бывшее для всего рода человеческого. Десять прокаженных обозначают всю природу человеческую, прокаженную злобой, носящую на себе безобразие греха, живущую за нечистоту свою вне города небесного и отстоящую

далеко от Бога. Это самое отстояние вдали от Бога ходатайствовало о милости. Ибо для человеколюбивого и желающего всех спасти и облагодетельствовать Бога самое сильное побуждение к милости — видеть, что никто не участвует в благодати. По этому-то самому Он преклонился утешать находящихся в таком положении. И хотя Он утешал всю прокаженную природу, воплотившись и вкусив смерть за всякого человека, однако иудеи, несмотря на то, что со стороны Господа очищены от всех нечистот прокаженного греха, оказались неблагодарными и не обратились от суетного своего пути, чтобы дать славу Спасителю Богу, то есть поверить Ему, что Он, истинный Бог, благоволил претерпеть самые тяжкие страдания. Ибо Плоть и Крест суть слава Божия. Итак, они Воплощенного и Распятого не признали Господом славы. А язычники, народ чуждый, признали очистившего их и прославили Его верой, что Бог столько человеколюбив и силен, что ради нас принял на Себя крайнее бесчестие, что составляет дело человеколюбия, и, приняв оное, никакого вреда не потерпел в Своем естестве, что составляет дело могущества.

Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть. Сказал также ученикам: придут дни, когда пожелаете видеть хотя один из дней Сына Человеческого, и не увидите; и скажут вам: вот, здесь, или: вот, там, — не ходите и не гоняйтесь, ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой. Но прежде надлежит Ему много пострадать и быть отвержену родом сим.

Господь часто в Своем учении упоминал о Царствии Божием. Но фарисеи, при слухе об оном, смеялись над Господом и поэтому приступили с вопросом, когда оно придет, в виде насмешки над Ним, как над чудаком, проповедующим о необычайном и странном предмете. Ибо никто из прежде бывших учителей и пророков не упоминал о нем (Царствии Божием). Или, быть может, имея в уме намерение свое по немногом времени убить Его, приступают к Нему с вопросом, чтоб им укольнуть Его и осмеять, как бы так говоря: Ты ведешь речи о Царствии, когда же настанет это Царствие Твое? Ибо на утро Ты предан будешь нами на смерть, воздеш будешь на крест и много иного бесчестия примешь. Что же Христос? Он не отвечает безумным по их безрассудной мысли и безумию (Притч. 26, 4), но оставляет их блуждать относительно подобно-именности Царствия, и не открывает им ни того, о каком Он Царствии говорит (ибо они и не приняли бы), ни того, что Царствие сие не похоже на царство мирское, но есть Царствие премирное (Ин. 18, 36). Умолчав о сем, так как они по произвольной своей глухоте недостойны были слышать о сем, Господь о времени пришествия Царствия говорит, что оно неизвестно и не подлежит наблюдению; поскольку Царствие Божие не имеет определенного времени, но для желающего присуще во всякую пору. Ибо Царствие Божие, без сомнения, составляет жизнь и устройство себя по образу Ангелов. Тогда, говорится, поистине Бог царствует, когда в душах наших не находится ничего мирского, но когда мы во всем ведем себя выше мира. А такой образ жизни мы имеем внутри себя, то есть, когда захотим. Ибо для веры не нужно ни продолжительного времени, ни путешествий, но вера, и в след за верой — жизнь богоугодная, близки к нам. О сем самом апостол сказал: «Близко к тебе слово, в уста твоих и в сердце твоём, то есть слово веры, которое проповедуем» (Рим. 10, 8). Ибо, чтобы уверовать и, уверовав, ходить достойно звания, это внутри нас. Итак, фарисеи глумились над Господом за то, что Он проповедует Царствие, о котором никто не проповедовал. Но Господь объявляет, что они не понимают

такого предмета, который находится внутри их и которого желающему очень удобно достигнуть. Ныне, когда Я нахожусь среди вас, вы, несомненно, можете получить Царствие Божие, если уверуете в Меня и решитесь жить по Моим заповедям. «Сказал также ученикам: придут дни» и прочее. То есть, и вам присуще Царствие Божие, доколе Я нахожусь с вами. Присуще оно вам не потому только, что вы уверовали в Меня и последовали Мне, но и потому, что вы живете теперь с совершенной беззаботливостью, так как Я пекусь и помышляю о вас. Но когда Я не буду с вами, придут такие дни, что вы преданы будете опасностям, ведены будете к владыкам и царям. Тогда вы, как Царствия Божия, пожелаете теперешней безопасной жизни, какую ведете при Мне, и многократно пожелаете получить хотя бы один из Моих дней, то есть дней Моего пребывания с вами, как дней безопаснейших. Хотя они (ученики Господа) и в то время как с Ним были, вели жизнь не без трудов и опасностей, а терпели бегство с бегущим и оскорбление с оскорбляемым, но если прежние их приключения сравнить с будущими опасностями, то окажется, что они тогда были очень безопасны. Поэтому и при таком образе жизни, то есть при небольших опасностях и трудах, Царствие Божие было внутри апостолов; между тем как после Воскресения они были как бы пленники и изгнанники. Сими словами Господь prepares сердца апостолов к трудам и терпению и прежде сказывает им, чтоб они не соблазнялись (Ин. 16, 1). «И скажут вам, — говорит, — вот, здесь, или: вот, там, — не ходите и не гоняйтесь». Не слушайте — говорит, — ничьих убеждений, будто Я пришел здесь или там. Ибо второе Мое пришествие, блистательнейшее и славнейшее, не ограничится каким-нибудь местом, а как молния не скрывается, но является с одного края земли на другом краю, так светло и явно будет и второе Мое пришествие и ни для кого не будет сокрыто. Итак, не сдавайтесь на соблазны лжехристов. Прежде Я явился в яслях и тридцать лет был в унижении, но тогда будет не так: Я приду во всей славе, в сопровождении ангельских воинств и в одно мгновение. Потом, поскольку предсказал им страшные бедствия, утешая их и убеждая переносить оные мужественно, выставляет им Себя в пример. Не дивитесь, — говорит, — если случатся с вами такие трудности, что заставят вас пожелать возвращения теперешнего Моего пребывания с вами. Ибо и Я Сам, имеющий явиться как молния, прежде должен много пострадать и быть отверженным, и потом прийти в этой славе. Пусть же это будет для вас убеждением к добродетели и ободрением к терпению, то есть смотрите на Меня и уповайте, что и вам за перенесение опасностей и за отвержение достанется в удел слава, подобно как и Мне.

И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. Так же, как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили; но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный и истребил всех; так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится.

И здесь Господь указывает на внезапность и неожиданность Своего пришествия. Ибо как при Ное внезапно пришел потоп и погубил всех, так будет и пришествие Его. Примерами этими, то есть примером людей предпотопных и содомлян (пред пожаром), намекается и на то, что в пришествие антихриста между людьми умножатся все неприличные удовольствия, что люди будут распутны и преданы преступным удовольствиям, как и апостол сказал, что «в последние дни люди будут более сластолюбивы, нежели боголюбивы» (2 Тим. 3, 1-2. 4). И неудивительно, что при царстве обольстителя процветет зло. Ибо он есть пристанище злобы всякого греха. Что же иное постарается он вселить в жалкое поколение тогдашних людей, как

не свои свойства? Ибо от нечистого, что может сделаться чистым? Итак, люди погрязнут тогда во всяком чувственном наслаждении, подобно как при Ное, и не будут ожидать никакой неприятности, даже не поверят, если кто-нибудь заговорит им о приключении какой-либо беды, подобно людям, жившим в дни Ноевы и во дни Лотовы.

В тот день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращай назад. Вспоминайте жену Лотову. Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее.

В тот день пришествия антихристова кто будет «на кровле», то есть на высоте добродетели, тот не сходи с оной, не спускайся за каким ни есть житейским предметом. Ибо все житейские предметы называются сосудами для человека, служащими иному к добродетели, а иному к злодеяниям. Итак, стоящий на высоте добродетели, не сходи ни за чем житейским и не спадай со своей высоты, но противься злобе и не ослабевай. Подобно и тот, кто будет на поле, да не обращается назад. Ибо находящемуся в поле, то есть в мире сем возделывающему добродетель не должно обращаться назад, но должно простираться вперед, как и в другом месте сказано: «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9, 62). Господь представляет в пример жену Лотову. Она, обратившись назад, стала соляным столпом, то есть, не удалившись от злобы, осталась при ее солениости, сделавшись совершенно злой, и, погрязнув и оставшись во зле, составляет памятник поражения, которое она потерпела. Потом Господь присовокупляет относящееся также к вышесказанному: «Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее». Никто, — говорит, — в гонение антихриста не старайся сберегать свою душу, ибо таковой погубит ее. А кто предаст себя на смерть и вообще на бедствия, тот спасется, не преклоняясь пред мучителем из любви к жизни. Выше Господь сказал, что стоящий на высоте добродетели не должен сходить с оной за житейскими предметами, не должен увлекаться ни приобретением, ни имуществом и из-за них ослабевать в борьбе. Подобно и теперь, простираясь далее, говорит: и что Я говорю, не сходи за сосудами? Нет, не оставляй добродетели и из-за внешних благ, ни даже из-за самого сбережения души не решайся преклониться пред обольстителем и гонителем. — Евангелист Матфей (Мф. 24) говорит, что все это Господь сказал о пленении Иерусалима, намекая на осаду от неприятелей и на то, что при нашествии римлян должно бежать от них без оглядки: находящимся на кровле не нужно сходить в дом, чтобы взять что-нибудь из житейского, но должно тотчас бежать, ибо тут не время спокойствия, чтобы собирать сосуды; равным образом, находящимся в поле не нужно возвращаться домой, а даже и тому, кто будет дома, нужно бежать. Ничего впрочем нет удивительного, если это сбылось при взятии Иерусалима и опять сбудется в пришествие антихриста, особенно же, если пред самым временем кончины (мира) имеет быть невыносимо тяжела скорбь.

Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой останется; две будут молоть вместе: одна возьмется, а другая останется; двое будут на поле: один возьмется, а другой останется. На это сказали Ему: где, Господи? Он же сказал им: где труп, там соберутся и орлы.

И отсюда мы научаемся тому, что пришествие Господа воспоследует неожиданно и внезапно. Ибо сказание, что двое будут на одной постели, показывает беззаботность людей. Равно и молотье обозначает неожиданность пришествия. Научаемся еще и тому, что

пришествие последует ночью. Итак, Господь говорит, что и из богатых, покоящихся на постели, одни спасутся, а другие нет. Некогда Господь говорил, что богатые с трудом спасаются (Мф. 19, 23-24). Теперь Он показывает, что не все богатые погибают, не все бедные спасаются, но и из богатых один возьмется и будет восхищен в сретение Господу (1 Сол. 4, 17), как легкий духом и небесный, а другой останется внизу, как осужденный. Подобным образом и из бедных, которые означены мелющими, один спасется, а другой нет. Ибо не все бедные праведны: иные из них бывают воры и подрезывают кошельки. Молотьем указывается на многотрудность жизни бедных. Когда ученики спросили Господа, куда взяты будут сии, Он отвечал: где труп, там и орлы; то есть, где Сын Человеческий, там все святые, легкие и высоколетающие, тогда как грешники тяжелы и потому остаются нанизу. Как тогда, когда лежит мертвое тело, все плотоядные птицы слетаются к нему, так и тогда, когда явится с небес Сын Человеческий, умерший за нас и вмененный в труп, соберутся все святые и самые Ангелы. Ибо с ними придет Он в славе Отца и в несказанном блистании. Хотя Он наименовал это время ночью, но Он назвал его так потому, что оно неожиданно и что грешников тогда обнимет тьма. Но праведникам свет воссияет, да и сами они просветятся, как солнце (Мф. 13, 43).

Глава восемнадцатая

Сказал также им притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать, говоря: в одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне. И сказал Господь: слышите, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? сказываю вам, что подаст им защиту вскоре. Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?

Поскольку Господь упомянул о скорбях и опасностях, то предлагает и врачевство от них. Врачевство это есть молитва, и не просто молитва, но молитва постоянная и усиленная. Все это, — говорит, — имеет случиться с людьми того времени, но против этого великую помощь подает молитва, которую мы должны постоянно и с терпением творить, представляя себе то, как докучливость вдовы преклонила неправедного судью. Ибо если его, полного всякой злобы и не стыдившегося ни Бога, ни людей, постоянная просьба смягчила, то тем более не преклоним ли мы на милость Отца щедрот Бога, хотя Он в настоящее время и медлит? Смотри, не стыдиться людей — признак большой злобы. Ибо многие Бога не боятся, а разве только людей стыдятся, и потому менее грешат. Но кто перестал и людей стыдиться, в том уже верх злобы. Поэтому и Господь после поставил: «и людей не стыдился», говоря как бы так: судья и Бога не боялся, и что говорю, Бога не боялся? — он обнаруживал еще большую злобу, потому что и людей не стыдился. Притча сия научает нас, как мы много раз говорили, тому, чтобы мы не унывали в молитвах, подобно как и в другом месте сказано: кто из вас, имея друга, отошлет его, если он придет и постучится ночью? Ибо если не по чему другому, то по неотступности его отворит ему (Лк. 11, 5. 8). И еще: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба» и прочее? (Мф. 7, 9). Всем этим Господь внушает нам постоянное упражнение в молитвах. — Некоторые пытались как можно обстоятельнее изложить эту притчу и осмеливались прилагать ее к действительности.

Вдова, — говорили они, — есть душа, отвергшая прежнего своего мужа, то есть дьявола, который поэтому стал соперником, постоянно нападающим на нее. Она приходит к Богу, Судии неправды, который, то есть, осуждает неправду. Сей Судия Бога не боится, ибо Он един только Бог, и не имеет другого, которого мог бы бояться, и людей не стыдится, потому что Бог не взирает на лице человека (Гал. 2, 6). Над этой вдовой, над душой, постоянно просящей у Бога защиты от соперника ее — дьявола, Бог умиляется, так как докучливость ее побеждает Его. — Такое разумение, кому угодно, пусть принимает. Оно передается для того только, чтоб не осталось безызвестным. Только Господь научает нас этим необходимости молиться и показывает, что если сей судия, незаконный и полный всякой злобы, сжалился по причине беспрестанной просьбы, тем более Бог, начальник всякой правды, вскоре подаст защиту, хотя Он долго терпит и, по-видимому, не слушает просящих Его день и ночь. Научив нас этому и показав нам, что во время кончины мира нужно пользоваться молитвой против имеющих тогда случиться опасностей, Господь присовокупляет: «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» вопросительной речью показывая, что мало найдется тогда верующих. Ибо сын беззакония будет иметь тогда такую силу, что прельстил бы и избранных, если б можно было (Мф. 24, 24). О том, что встречается редко, Господь обыкновенно употребляет вопросительный образ речи. Например: «кто верный и благоразумный домоправитель» (Лк. 12, 42). И здесь, обозначая то же самое, именно: что сохраняющих веру в Бога и доверие друг к другу тогда будет очень малое число, Господь употребил помянутый вопрос. — Убеждая к молитве, Господь справедливо присовокупил слово о вере, поскольку вера составляет начало и основание всякой молитвы. Ибо напрасно будет человек молиться, если он не верует, что получит просимое на пользу (Иак. 1, 6-7). Поэтому Господь, научая молиться, упомянул и о вере, прикровенно давая знать, что немногим тогда можно будет молиться, поскольку и вера тогда найдется не во многих. Итак, Господь, придя на облаках, не найдет веры на земле, исключая разве немногих. Но Он произведет тогда веру. Ибо, хотя невольно, все исповедуют, что Господь Иисус в славу Бога Отца (Флп. 2, 11), и если нужно назвать это верой, а не необходимостью, из неверных не останется никого, кто бы не поверил, что Спаситель один только тот, кого он прежде злохулил.

Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и унижали других, следующую притчу: два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Господь не перестает истреблять страсть высокомерия сильнейшими доводами. Поскольку она более всех страстей смущает умы людей, постольку Господь и учит о ней часто и много. Так и теперь Он врачует худший вид ее. Ибо много отраслей самолюбия. От него рождаются: самомнение, хвастовство, тщеславие и пагубнейшее всех высокомерие. Высокомерие есть отвержение Бога. Ибо когда кто совершенства приписывает не Богу, а себе, тот что иное делает, как не отрицает Бога и восстает против Него? Сию-то богопротивную страсть, против которой Господь вооружается, как неприятель против неприятеля, Господь

обещает у врачевать настоящей притчей. Ибо Он говорит ее к тем, кои уверены были о себе и не приписывали всего Богу, а поэтому и других уничижали, и показывает, что праведность, хотя бы она заслуживала удивления в прочих отношениях и приближала человека к Самому Богу, но если допустит до себя высокомерие, низвергает человека на самую низшую степень и уподобляет его бесу, иногда принимающему на себя вид равного Богу. Начальные слова фарисея похожи на слова человека признательного; ибо он говорит: благодарю Тебя, Боже! Но последующая его речь исполнена решительного безумия. Ибо он не сказал: благодарю Тебя, что Ты удалил меня от неправды, от грабительства, но как? — что я не таков «есть». Совершенство приписал себе и собственной своей силе. А осуждать других, как это свойственно человеку, знающему, что все, что ни есть, он имеет от Бога? Ибо если бы он был уверен, что он по благодати имеет чужие блага, то без сомнения не стал бы уничижать других, представляя себе в уме, что и он, по отношению к собственной его силе, равно наг, а по милости облечен даром. Поэтому фарисей, как приписывающий совершенные дела собственной силе, высокомерен, а отсюда дошел и до осуждения других. Господь обозначает высокомерие и отсутствие смиренномудрия в фарисее и словом: «став». Ибо у смиренномудрого и вид смиренномудрый, а фарисей и во внешнем поведении обнаруживал тщеславие. Правда, и о мытаре сказано: «стоя», но смотри, что далее прибавлено: «не смел даже поднять глаз на небо». Поэтому стояние его было вместе и преклонением, а у фарисея и глаза, и сердце поднимались к небу. Посмотри и на порядок, какой представляется в молитве фарисея. Сначала он сказал, каков он не есть, а потом перечислил и то, каков он есть. Сказав, я не таков-то, как прочие люди, он выставляет и разные добродетели: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть от всего, что приобретаю. Ибо должно не только уклоняться от зла, но и творить добро (Пс. 33, 15). И прежде должно удалиться от зла, а потом приступить к добродетели, подобно тому, как желая из мутного источника почерпнуть чистой воды, ты должен прежде вычистить грязь, а потом уже можешь черпать чистую воду. Приметь и то, что фарисей не сказал в единственном числе: я не грабитель, не прелюбодей, как прочие. Он не позволил даже просто на словах приложить поносное имя единственно к своему лицу, но употребил сии названия во множественном числе, о прочих. Сказав, я не таков как прочие, он противопоставил сему: «пощусь два раза в неделю», то есть два дня в неделю. Речь фарисея могла иметь глубокий смысл. Вопреки страсти прелюбодеяния он хвалится постом. Ибо похоть рождается от чувственного пресыщения. Так он, удручая тело постом, был очень далек от подобных страстей. А фарисеи подлинно постились во второй день недели и в пятый. Названию грабителей и обидчиков фарисей противопоставил то, что он дает десятую часть от всего, что приобретает. Грабительство, — говорит он, — и нанесение обид столько мне противны, что я отдаю даже мое собственное. По мнению некоторых, Закон заповедует вообще и навсегда десятину, а те, кои глубже исследуют его, находят, что он предписывает троякого рода десятину. Об этом подробно узнаешь из Второзакония (гл. 12 и 14), если приложишь внимание. Так вел себя фарисей. — А мытарь вел себя совершенно наоборот. Он стал вдали и очень был далек от фарисея не только по расстоянию места, но и по одежде, по словам и по сокрушению сердца. Он стыдился поднять глаза свои к небу, считая их недостойными созерцания горних предметов, так как они любили смотреть на блага земные и пользоваться оными. Он ударял себя в грудь, как бы поражая сердце за лукавые советы и пробуждая оное от сна к сознанию, и ничего другого не говорил, кроме сего: «Боже! будь милостив ко мне грешнику». За все это мытарь пошел более оправданным, чем фарисей. Ибо нечист пред Господом всякий высокосердый, и Господь гордым противится, а смиренным дает благодать (Притч. 3, 34). — Иной, быть может, удивится, почему фарисей, хотя немного слов сказал с высокоумрием, однако ж осужден, а Иов и очень много высказал о себе

великого, однако ж получил венец? Это потому, что фарисей стал пустословить на похвалу себе, тогда как никто не заставлял его, и осуждал других, когда не побуждала к этому никакая польза. А Иов вынужден был исчислять свои совершенства тем, что его стесняли друзья, налегали на него тяжелее самого несчастья, говорили, что он страдает за грехи, и исчислял свои добрые дела для славы Божией и для того, чтобы люди не ослабевали по пути добродетели. Ибо если бы люди дошли до убеждения, что дела, которые творил Иов, были дела грешные и он страдает за них, то они стали бы удаляться от совершения этих самых дел и таким образом вместо страннолюбивых сделались бы негостеприимными, вместо милостивых и правдивых — немилосердыми и обидчиками. Ибо таковы были дела Иова. Итак, Иов исчисляет свои добрые дела для того, чтобы многие не потерпели вреда. Таковы были причины для Иова. Не говорим уже о том, что в самых словах его, по-видимому, велеречивых, просвечивает совершенное смиренномудрие. Ибо «если бы я был, — говорит, — как в прежние месяцы, как в те дни, когда Бог хранил меня» (Иов. 29, 2). Видишь ли, он все возлагает на Бога и не осуждает других, но скорее сам терпит осуждение от друзей. А на фарисея, который все к себе, а не к Богу, и без нужды осуждает других, справедливо наводится осуждение. Ибо всяк возвышающий сам себя унижится, будучи осужден Богом, а унижающий себя чрез осуждение возвысится, будучи оправдан Богом. Так и сказано: «припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться» (Ис. 43, 26).

Приносили к Нему и младенцев, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же, видя то, возбраняли им. Но Иисус, подозревая их, сказал: пустите детей приходиться ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него.

Пример детей также ведет к смиренномудрию. Господь сим научает быть смиренными, принимать всех и никого не презирать. Ученики считали недостойным Такого Учителя — приносить к Нему детей. А Он оказывает им, что нужно быть так смиренными, чтобы не гнушаться и самыми малыми. Таким образом, не отвергнув младенцев, но с удовольствием приняв их, Господь «делом» учит смиренномудрию. Учит Он и «словом», говоря, что таковых есть Царствие Небесное, кои имеют расположение детское. Дитя не превозносится, никого не унижает, незлобиво, бесхитростно, ни в счастье не надмевается, ни в скорби не унижается, но всегда совершенно просто. Поэтому, кто живет смиренно и незлобиво, и кто принимает Царствие Божие как дитя, то есть без коварства и любопытства, но с верой, тот приятен пред Богом. Ибо кто излишне любопытствует и всегда спрашивает: как это? — тот погибнет со своим неверием и не войдет в Царствие, которого не хотел принять в простоте, без любопытства и со смирением. Поэтому все апостолы и все в простоте сердца уверовавшие во Христа могут быть названы детьми, как и Сам Господь назвал апостолов: «дети! есть ли у вас какая пища?» (Ин. 21, 5). А мудрецы языческие, доискивающиеся премудрости в таком таинстве, каково Царствие Божие, и не желающие принять оное без рассуждения, по справедливости отторгнуты от этого Царствия. Господь не сказал: «этих» есть Царствие, но «таковых», то есть кои добровольно приобрели себе незлобие и смиренномудрие, которое дети имеют по природе. Итак, все церковное, что составляет Царствие Божие, будем принимать без любопытства, с верой и смирением. Ибо любопытство свойственно самомнению и самомудрованию.

И спросил Его некто из начальствующих: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня

благим? никто не благ, как только один Бог; знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца твоего и мать твою. Он же сказал: всё это сохранил я от юности моей. Услышав это, Иисус сказал ему: еще одного недостает тебе: всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною. Он же, услышав сие, опечалился, потому что был очень богат.

Человек сей, по мнению некоторых, был какой-нибудь злой хитрец и искал, как бы уловить Иисуса в словах. Но вероятнее то, что он был сребролюбец, поскольку и Христос обличил его именно таковым. Да и евангелист Марк говорит, что некто, подбежав и пав на колена, спросил Иисуса, и, взглянув на него, Иисус полюбил его (Мк. 10, 17. 21). Итак, человек сей был любостыжателен. К Иисусу приходит он с желанием узнать о вечной жизни. Быть может, и в сем случае он руководился страстью к приобретению. Ибо никто так не желает долгой жизни, как человек любостыжательный. Итак, он думал, что Иисус укажет ему способ, по которому он будет вечно жить, владеть имуществом и таким образом наслаждаться. Но когда Господь сказал, что средство к достижению жизни вечной есть нестяжательность, то он, как бы упрекая себя за вопрос и Иисуса за ответ, отошел. Ибо он нуждался в вечной жизни, потому что имел богатства на много лет. А когда он должен отказаться от имения и жить, по-видимому, в бедности, то что ему за нужда в вечной жизни? — Приходит он к Господу, как просто к человеку и учителю. Поэтому Господь, чтобы показать, что к Нему не должно приходиться как просто к человеку, сказал: «никто не благ, как только один Бог». Ты, — говорит, — назвал Меня «благим», к чему же еще прибавил: «учитель»? Кажется, ты принимаешь Меня за одного из многих. Если же так, то Я не благ: ибо из людей собственно никто не благ; благ только один Бог. Поэтому, если хочешь называть Меня благим, называй Меня благим как Бога, а не приходи ко Мне, как просто к человеку. Если же ты считаешь Меня одним из обыкновенных людей, то не называй Меня благим. Ибо один только Бог поистине благ, есть источник благодати и начало самоблагодати. А мы люди, если и бываем добры, то не сами по себе, но по участию в Его благодати, имеем доброту смешанную и способную преклоняться на зло. — «Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй» и прочие. Закон запрещает прежде то, во что мы удобнее впадаем, потом уже и то, во что впадают немногие и нечасто: например, прелюбодейство, поскольку оно есть огонь с внешней и внутренней стороны, убийство, поскольку гнев есть великий зверь; а воровство менее важно, и во лжесвидетельство можно нечасто впадать. Поэтому первые преступления запрещаются прежде, так как мы легко впадаем в оные, хотя в других отношениях они и более тяжки. А сии, то есть воровство и лжесвидетельство, Закон поставляет на втором месте, так как оные совершаются не часто и менее важны. Вслед за сими преступлениями Закон поставил грех против родителей. Ибо хотя грех этот и тяжок, но не часто случается, так как не часто и не много, но редко и мало оказывается таких зверообразных людей, чтоб решились оскорблять родителей. — Когда юноша сказал, что он сохранил все это от юности, то Господь предлагает ему верх всего, нестяжательность. Смотри, Законы предписывают истинно христианский образ жизни. «Все, — говорит, — что имеешь, продай». Ибо, если что-нибудь останется, ты, значит, раб того. И «раздай» не родственникам богатым, а «нищим». По моему мнению, и слово «раздай» выражает ту мысль, что расточать имение нужно с рассуждением, а не как попало. Поскольку же при нестяжательности человек должен иметь и все прочие добродетели, постольку Господь сказал: «и следуй за Мною», то есть и во всех прочих отношениях будь Моим учеником, всегда следуй за Мной, а не так, чтобы сегодня следовать, а завтра нет. — Как

любостязательному, начальнику Господь обещал сокровище на небесах, однако ж, он не внял, ибо был рабом своих сокровищ, поэтому и опечалился, услышав, что Господь внушает ему лишение имущества, тогда как он для того и вечной жизни желал, чтоб при большом обилии богатства ему и жить вечно. Скорбь начальника показывает, что он был человек благонамеренный, а не злой хитрец. Ибо из фарисеев никто никогда не печалился, а скорее они ожесточались. Не безызвестно мне, что великий светильник вселенной Златоуст принимал, что юноша сей желал истинной вечной жизни и любил оную, но одержим был сильной страстью, сребролюбием, однако ж не неуместна и предложенная теперь мысль, что он желал вечной жизни, как человек любостязательный.

Иисус, видя, что он опечалился, сказал: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие. Слышавшие сие сказали: кто же может спастись? Но Он сказал: невозможное человекам возможно Богу. Петр же сказал; вот, мы оставили всё и последовали за Тобою. Он сказал им: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной.

После того, как богач, услышав об отречении от богатства, опечалился, Господь чудесным подобием объясняет, как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие. Не сказал Он, что им (богатым) невозможно войти, но трудно. Ибо таковым не невозможно спастись. Раздав богатство, они могут получить небесные блага. Но сделать первое нелегко, потому что богатство связывает крепче клея, и тому, кем оно возобладавало, трудно отказаться от него. Ниже Господь объясняет, как это бывает невозможно. Удобнее, — говорит, — верблюду сквозь угольные уши пройти, нежели богатому спастись. Верблуду пройти сквозь игольные уши решительно невозможно, будешь ли разуметь под верблудом самое животное, или какой-то корабельный толстый канат. Если же удобнее верблюду поместиться в игольные уши, нежели богатому спастись, а первое невозможно, то тем более невозможно спастись богатому. Что же нужно сказать? Прежде всего то, что богатому действительно невозможно спастись. Не говори мне, пожалуй, что такой-то, будучи богат, раздал, что у него было, и спасся. Ибо он спасся не в богатстве, но когда сделался бедным, или спасся как домоправитель, но не как богатый. А иное дело домоправитель, иное богач. Богач сберегает богатство для себя, а домоправителю вверено богатство для других. Поэтому и тот, на которого указываешь, если спасся, то спасся не с богатством, но, как мы сказали, или тем, что отказался от всего, что он имел, или хорошо распорядился имением, как домоправитель. Потом заметь и то, что богатому невозможно спастись, а имеющему богатство трудно. Господь как бы так говорит: кто одержим богатством, кто находится у него в рабстве и подданстве, тот не спасется; но кто имеет богатство и держит его в своей власти, а не сам у него находится под властью, тому трудно спастись по немощи человеческой. Ибо невозможно не злоупотребить тем, что мы имеем. Поскольку, доколе мы имеем богатство, диавол старается уловить нас, чтоб мы употребляли оное вопреки правилам и закону домоуправления, — и трудно бывает избегнуть его сетей. Поэтому бедность доброе дело, и она почти неискусима. «Слышавшие сие сказали: кто же может спастись? Но Он сказал; невозможное человекам возможно Богу». Кто имеет человеческий образ мыслей, то есть увлекается дольным и пристрастен к земному, тому, как сказано, спастись невозможно, а для Бога это возможно; то есть, когда кто будет иметь советником своим Бога и в учителя себе

возьмет оправдания Божии и заповеди о нищете, и будет призывать Его в помощь, тому возможно будет спастись. Ибо наше дело желать добра, а совершать оное дело Божие. И иначе: если мы, возвысившись над всяким человеческим малодушием относительно богатства, пожелаем даже друзей приобрести себе неправедным богатством, то мы спасемся и провождены будем ими в вечные обители. Ибо лучше, если мы откажемся от всего или, если не откажемся от всего, по крайней мере сделаем бедных соучастниками, и тогда невозможное делается возможным. Хотя не отказавшись от всего нельзя спастись, но по человеколюбию Божию возможно бывает спастись и в том случае, если несколько частей уделить на действительную пользу. — При этом Петр спрашивает: «вот, мы оставили все» и спрашивает не для себя только, но для утешения всех бедных. Чтобы не одни богатые имели благие надежды получить много, как отказавшиеся от многого, а бедные не имели надежды, как отказавшиеся от малого и посему малую награду заслужившие, для сего Петр спрашивает и слышит в ответ, что и в нынешнем, и будущем веке получит воздаяния всякий, кто бы ни презрел ради Бога свое имение, хотя бы оно было и мало. Ты не на то смотри, что оно мало, но что это малое заключало в себе все средства человека к жизни, и что, как ты надеялся на многое и великое, так он этим немногим и малым надеялся поддержать свою жизнь. Не говорю уже о том, что имеющий малое имеет большую к нему привязанность. Это видно на отцах. Имея одно дитя, они обнаруживают к нему большую привязанность, нежели тогда, когда у них детей бывает больше. Так и бедный, имея один дом и одно поле, сильнее их любит, нежели ты — многие. Если и не так, а у обоих равномерна привязанность, то равно достойно и отречение. Поэтому и в настоящем веке они получают во много раз большее воздаяние, подобно как сии самые апостолы. Ибо каждый из них, оставив хижину, ныне имеет блистательные храмы, поля, приходы, много жен, привязанных к ним горячностью и верой, и вообще все прочее. Да и в будущем веке получают они не множество подобных полей и телесных наград, но вечную жизнь.

Отозвав же двенадцать учеников Своих, сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и совершится всё, написанное через пророков о Сыне Человеческом, ибо предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и оскорбят Его, и оплюют Его, и будут бить и убьют Его: и в третий день воскреснет. Но они ничего из этого не поняли; слова сии были для них сокровенны, и они не разумели сказанного.

Господь предсказывает ученикам о страданиях Своих для двух целей. Во-первых, чтобы показать, что Он будет распят не против воли и не как простой человек, не знающий своей смерти, но что Он знает о ней прежде и претерпит ее добровольно. Поскольку, если бы Он не желал пострадать, то, как предвидящий, уклонился бы от этого. Ибо против воли попадаться в чужие руки свойственно незнающим о том вперед. Во-вторых, чтобы убедить их легко переносить будущие обстоятельства, как известные им предварительно и случившиеся с ними не внезапно. Если же, Господи, на Тебе имеет совершиться давно предсказанное пророками, то зачем Ты восходишь в Иерусалим? За тем самым, чтобы Мне совершить спасение. Итак, Он идет добровольно. Впрочем для сего Он говорил, а ученики не понимали тогда ничего. Ибо слова сии были для них сокровенны, особенно слова о Воскресении. И прочих слов они не разумели, например, о том, что предадут Его язычникам; но слов о воскресении решительно не разумели, потому что они не были в употреблении. Да и не все иудействующие веровали даже и во всеобщее воскресение, как это видно на саддукеях (Мф. 22, 23). Быть может, ты скажешь: если ученики не разумели, то зачем же, наконец, Господь говорил им о сем вперед? Какая польза для их утешения во время крестных страданий, когда

они не разумели сказанного? За то немалая польза была тогда, когда они впоследствии вспоминали, что сбылось именно то, чего они не поняли, когда предсказывал им Господь. Это видно из многого, особенно же из слов Иоанна: «Ученики Его сперва не поняли этого; но когда прославился Иисус, тогда вспомнили, что так было о Нем написано» (Ин. 12, 16; 14, 29). И Утешитель, напомнив им все, вложил им достовернейшее свидетельство о Христе. А о том, как погребение было тридневное, довольно сказано в толковании на прочих евангелистов (см. Мф, гл. 12).

Когда же подходил Он к Иерихону, один слепой сидел у дороги, прося милостыни, и, услышав, что мимо него проходит народ, спросил: что это такое? Ему сказали, что Иисус Назорей идет. Тогда он закричал: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Шедшие впереди заставляли его молчать; но он еще громче кричал: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус, остановившись, велел привести его к Себе: и, когда тот подошел к Нему, спросил его: чего ты хочешь от Меня? Он сказал: Господи! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: прозри! вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Ним, славя Бога; и весь народ, видя это, воздал хвалу Богу.

Во время пути Господь совершает чудо над слепым, чтобы и прохождение Его не было учением бесполезным для нас и для учеников Христовых, чтобы мы во всем, всегда и везде приносили пользу, а праздного у нас не было бы ничего. Слепец веровал, что Он (Иисус) есть ожидаемый Христос (ибо, вероятно, как воспитанный между иудеями, он знал, что Христос от семени Давидова), и кричал громким голосом: «Сын Давидов! помилуй меня». И словами «помилуй меня» выражал, что он имеет о Нем какое-то божественное понятие, а не считает просто человеком. Подивись, пожалуй, и настойчивости его исповедания, как он, несмотря на то, что многие унимали его, не молчал, а еще громче кричал; ибо горячность изнутри двигала им. Поэтому и Иисус подзывает его к Себе, как поистине достойного приблизиться к Нему, и спрашивает его: «чего ты хочешь от Меня?» Спрашивает не потому, будто бы не знает, но чтобы находящимся тут не показалось, что тот просит о том, а Он подает другое: тот, например, просит денег, а Он, желая показать Себя, исцеляет слепоту. Ибо зависть может клеветать и таким безумным образом. Поэтому Господь спросил, и когда открыл, что он желает прозреть, прозрение ему и дает. Смотри и на отсутствие гордости. «Вера твоя, — говорит, — спасла тебя», поскольку ты уверовал, что Я есмь проповедуемый оный Сын Давидов Христос, и высказал такую горячность, что не молчал, несмотря на запрещение. Из сего мы научаемся тому, что когда мы просим с верой, то не так бывает, что мы просим сего, а Господь подает иное, но именно то самое. Если же мы просим сего, а получаем иное, то явный знак, что мы просим не доброго и не с верой. «Просите, — сказано, — и не получаете, потому что просите не на добро» (Иак. 4, 3). Примечай и власть: «прозри». Кто из пророков исцелял так, то есть с такой властью? Отсюда и глас, происшедший от истинного Света (Ин. 1, 9), стал светом для больного. Заметь и благодарность исцеленного. Ибо он пошел за Иисусом, славя Бога и других располагая к прославлению Его.

Глава девятнадцатая

Потом [Иисус] вошел в Иерихон и проходил через него. И вот, некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом, и, забежав вперед, взлез на

смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо нее. Иисус, когда пришел на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме. И он поспешно сошел и принял Его с радостью. И все, видя то, начали роптать, и говорили, что Он зашел к грешному человеку; Закхей же, став, сказал Господу: Господи! половину имущества моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо. Иисус сказал ему: ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама, ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.

Господь похищает самые крепкие сосуды у диавола и разрушает его города. Ибо смотри, как Он не только мытарей сделал Своими учениками, но и старшего между мытарями Закхея пленяет во спасение. А что мытарь существо низкое, а старший между мытарями, как начальствующий в злобе, еще более гнусен, в том никто не сомневается. Ибо средства к жизни мытари приобретают не иначе, как от слез бедных. Однако ж этот старший между мытарями не оставляется в презрении, но оказывает гостеприимство и в воздаяние получает спасение. Ибо когда он пожелал увидеть Иисуса и для сего взлез на смоковницу, Господь усматривает его прежде, чем он сам увидел Его. Так Бог везде предваряет нас, лишь только увидит нашу готовность. Иисус, увидев его, повелевает ему скорее слезть, так как Он имеет быть в доме его. Закхей не умедлил, ибо не должно уклоняться, когда повелевает что-нибудь Христос, но слез и принял с радостью, хотя многие роптали. Посмотрим же, какие он приносит плоды по случаю посещения Христова. «Половину имущества моего, Господи, — говорит он, — отдам нищим». Видишь ли горячность? Он начал сеять без пощады и отдал не что-нибудь малое, но все жизненное. Ибо и то самое, что он удержал, удерживал для того, чтобы иметь возможность отдать обиженным. Сим научает и нас, что нет никакой пользы, если кто, имея богатство несправедное, милует иных, а обиженных оставляет без внимания. Смотри, как он и в сем случае поступает. Если кого чем обидел, он возвращает вчетверо, сим самым вознаграждая убыток, причиненный обиженному. Ибо истинная милость не просто убыток возвращает, но и с прибавлением, согласно с Законом. Ибо Закон заставлял укравшего уплатить вчетверо (Исх. 22, 1). Если даже до точности рассмотрим, то увидим, что у него решительно ничего не осталось из имущества. Ибо половину имущества он дает нищим, и у него осталась только половина. Из этой оставшейся половины он опять возвращает вчетверо тем, кого он обидел. Поэтому, если жизнь этого старейшины мытарей состояла из неправд, а он за все, что приобрел неправдой, возвращает вчетверо, то смотри, как он всего лишился. В сем отношении он оказывается мудрствующим выше Закона, учеником Евангелия, так как он возлюбил ближнего более чем себя, и это не в обещании только, но и на самом деле. Ибо не сказал: отдам половину, возвращу вчетверо, но: вот я «даю», «возвращаю». Он знает наставление Соломона: «Не говори: «пойди и приди опять, и завтра я дам» (Притч. 3, 28). — Христос благовествует ему спасение. Ныне, — говорит, — ты даешь, ныне тебе спасение. Ибо словами «дому сему», без сомнения, указывает на Закхея, получающего спасение. Под домом разумеется Закхей, потому что бездушное здание Господь не назвал бы сыном Авраамовым, а очевидно назвал так одушевленного хозяина дома. Назвал его «сыном Авраамовым», быть может, потому, что он уверовал и оправдался верой, а может быть, и потому, что великодушно презрел богатство и возлюбил бедных подобно сему патриарху. Примечай: Господь назвал Закхея сыном Авраамовым теперь, когда увидел в нем сходство в образе жизни. Не сказал Он: потому что и сей сын Авраамов «был», но ныне «есть». Ибо прежде, будучи старейшиной мытарей и сборщиком податей, а с праведником не имея никакого сходства, он не был сыном его. Поскольку же некоторые роптали на то, что Господь пошел в

дом к грешному мужу, то, чтобы заградить им уста, Он говорит: «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее». Таков буквальный смысл. — Но удобно можно изъяснять это и иначе, в пользу нравственности. Всяк, кто старше многих в злобе, мал духовным ростом, ибо плоть и дух противоположны между собой, и потому не может увидеть Иисуса за народом; то есть, смущаемый страстями и житейскими делами, не может видеть Иисуса действующего, движущегося и ходящего. Ибо таковой не ощущает никакого действия, приличного христианину. А хождение Иисуса то и означает, когда Христос нечто действует в нас. Такой человек, никогда не выдавший Иисуса ходящего и не испытывавший никакого действия, приличного Христу, часто от раскаяния приходит в сознание и взлезает на смоковницу, то есть презирает и попирает всякое удовольствие и приятность, которые означаются смоковницей, и таким образом, возвысившись над собой и полагая восхождение в сердце, усматривается Иисусом, и сам усматривает Его. Тогда Господь говорит ему: «сойди скорее», то есть чрез покаяние ты пришел на высшую жизнь, сойди же чрез смирение вниз, чтобы высокомерие не обмануло тебя. Смирись скорее, ибо если ты смиришься, то Мне надобно быть у тебя в доме. Мне, — говорит, — необходимо быть в доме смиренного. Ибо «на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим» (Ис. 66, 2). Такой человек половину имения отдает нищим, то есть бесам. Имение у нас двоякого рода, то есть телесное и душевное. Все телесное праведник уступает бесам, поистине нищим и лишенным всякого блага, но от душевного имения не отступается. Как известно, и Господь говорит об Иове: «только душу его сбереги» (Иов. 2, 6). Если таковой обидел кого чем, он уплывает вчетверо. Сим намекается на то, что всякий, чрез покаяние переходящий на путь, противный прежней злобе, четырьмя добродетелями врачует все прежние грехи и таким образом получает спасение. Называется он «сыном Авраамовым», так как, подобно Аврааму, он вышел из своей земли и от сродства прежней злобы, поселился вне дома отца своего, то есть вне себя, и отвергся самого себя (ибо он был домом отца своего диавола (Ин. 8,44), и таким образом, став вне себя и отчуждившись, получает спасение.

Когда же они слушали это, присовокупил притчу: ибо Он был близ Иерусалима, и они думали, что скоро должно открыться Царствие Божие. Итак сказал: некоторый человек высокого рода отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться; призвав же десять рабов своих, дал им десять мин и сказал им: употребляйте их в оборот, пока я возвращусь. Но граждане ненавидели его и отправили вслед за ним посольство, сказав: не хотим, чтобы он царствовал над нами.

Мне кажется, что люди сии, слыша о Царствии Божием, понимали оное чувство о благоволении будто бы Божием на освобождение народа еврейского, поэтому и предполагали, что Иисус, восходя в Иерусалим, примет это царство. Но Господь, чтобы показать им, что они рассуждают неразумно, ибо Царствие Его не чувственное, а вместе выразить и то, что Ему как Богу известны их помыслы, говорит настоящую притчу, выводя Себя в лице человека высокого рода. Ибо хотя Он соделался человеком, но не отступил и от высоты и благородства Божества. Совершив же Таинство Домостроительства во плоти, снова отправился в дальнюю страну, то есть, чтобы и по человечеству сесть с плотью «одесную престола величия на небесах» (Евр. 8, 1). Ибо как Бог — Он всегда восседал с Отцом, а как человек — Он тогда сел, когда вознесся, ожидая, доколе враги положены будут под ноги Его (Евр. 10, 12-13). А это будет в конце мира, когда все, и нежелающие, покорятся Ему, уверовав, что «Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Флп. 2, 11). «Граждане» его

суть иудеи, ненавидящие Его. «И видели, — говорит Он, — и возненавидели и Меня, и Отца Моего» (Ин. 15, 24). Они не хотели, чтоб Он царствовал над ними. Поэтому, отрекаясь от Его царства, и говорили Пилату: «нет у нас царя», и опять «не пиши: Царь Иудейский» (Ин. 19, 15, 21). Однако же Захария взывает: «Ликуй от радости, дочь Сиона: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий» (Зах. 9, 9); и Исаия: «Вот, Царь будет царствовать по правде» (32, 1); и Давид: «Я помазал Царя Моего над Сионом» (Пс. 2,6). Иудеи возненавидели Господа, а Он рабам Своим дал десять мин. «Рабы» Его суть те, коим вверены служения в Церкви. Говорится, что их «десять», по причине совершенства церковного предстоятельства. Ибо порядок в Церкви имеет совершенное устройство предстоятелей, и не было нужды их ни больше, ни меньше. Например, мы видим в Церкви три следующие действия: очищение, просвещение и совершение, три и степени, между которыми разделены эти действия. Диаконы очищают оглашением и учением, пресвитеры просвещают крещением, архиереи на священные степени поставляют и совершают, то есть рукополагают. Видишь ли, степени соразмерены с действиями, и степеней предстоятелей ни больше, ни меньше? Этим-то рабам Господь раздает десять «мин», то есть дарований, которые каждому даются на пользу (1 Кор. 12, 7). Ибо всяк, кому вверено предстоятельство, хотя бы недостойн был, имеет дарование от самого помазания, и это есть поистине великое Таинство человеколюбия и Домостроительства Божия.

И когда возвратился, получив царство, велел призвать к себе рабов тех, которым дал серебро, чтобы узнать, кто что приобрел. Пришел первый и сказал: господин! мина твоя принесла десять мин. И сказал ему: хорошо, добрый раб! за то, что ты в малом был верен, возьми в управление десять городов. Пришел второй и сказал: господин! мина твоя принесла пять мин. Сказал и этому: и ты будь над пятью городами. Пришел третий и сказал: господин! вот твоя мина, которую я хранил, завернув в платок, ибо я боялся тебя, потому что ты человек жестокий: берешь, чего не клал, и жнешь, чего не сеял. [Господин] сказал ему: твоими устами буду судить тебя, лукавый раб! ты знал, что я человек жестокий, беру, чего не клал, и жну, чего не сеял; для чего же ты не отдал серебра моего в оборот, чтобы я, придя, получил его с прибылью? И сказал предстоящим: возьмите у него мину и дайте имеющему десять мин. И сказали ему: господин! у него есть десять мин. Сказываю вам, что всякому имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите предо мною. Сказав это, Он пошел далее, восходя в Иерусалим.

«Когда возвратится» Христос, благородный и по человечеству (ибо Господь происходил из царского рода) и по Божеству, во второе Свое пришествие, когда Он явится с апостолами Царем, грядущим во славе Отца, и когда поклонится пред Ним всякое колено, тогда точно потребует отчета и от рабов, кои получили дарования. Открывается, что один принес пользу многим и умножил дарование в десять раз; другой также принес пользу, но меньшему числу; а третий решительно никому не был полезен, но время деятельности провел в праздности. Поэтому тот, кто принятое им умножил в десять раз, поставляется над десятью городами, то есть получает власть над десятью городами, следовательно, во много раз награждается. Сообразную награду получает и следующий за ним. А тот, который не принес никакой прибыли, осуждается. Посмотрим, что он говорит: «господин! вот твоя мина», возьми ее; «я хранил ее, завернув в платок». На главу Господа умершего положен был плат (Ин. 20, 7), и

лицо Лазаря во гробе обвязано было платком (Ин. 11, 44). Поэтому нерадивец сей справедливо говорит, что он завернул дарование в платок. Ибо, сделав оное мертвым и бездейственным, он употребления из него не сделал и прибыли не принес. «Ибо я боялся тебя, — говорит, — поэтому, что ты берешь, чего не клал». Многие отзываются таким предлогом. Не желая быть кому-нибудь полезными, они говорят: где Бог не посеял даровитости и способности, там не ищи жатвы. Такого-то Он не создал даровитым и способным к научению: что же от меня требовать пользы ему? Поэтому и Господь говорит: ты учи и отдай серебро Мое труженикам, то есть всем людям, назначенным для получения пользы. Ибо каждый человек поставлен от Бога торжником, чтобы в великой рабочей мира сего делать обороты. И «чтобы я, придя, получил его с прибылью», то есть вытребовал бы обратно с прибылью. Нам должно делать свое дело, а о последующем Бог будет судить тех, кои не пожелают воспользоваться. Дарование отнимается и дается доброму делателю. Хотя он и имеет, но поэтому-то самому ему полезно получить больше. «Имеющему дано будет», то есть кто чрез хорошие обороты составил богатые средства, тому дано будет и больше. Ибо, если он малое увеличил в десять раз, то, очевидно, удесятирив большее, доставит господину еще больше прибыли. А от нерадивого и ленивого, и не постаравшегося принятое им умножить, и то самое, что он имеет, возьмется, чтобы не лежало без пользы имение господина, когда оно может быть отдано другому и во много раз увеличено. Мы понимаем это не о слове только и учении, но и о нравственных добродетелях. Ибо и в них Бог дал нам дарования, одному — поста, другому — милостыни, иному — кротости, иному — смирения. И если мы будем бодрствовать, то умножим сии дарования; если же будем небрежны и добровольно умрем, то впоследствии будем слагать вину на Бога, как обыкновенно мы говорим: что ж мне делать? если такой-то будет свят, то потому, что Бог благоволит ему, и он свят; а мне не благоволит, и я не свят; и тот был Петр, иной Павел. Безумный человек! Самая мина (данная тебе) делает тебя Петром и Павлом. Делай по силе и принеси что-нибудь Давшему, если не столько, сколько Петр и Павел: ибо они получили по мине, и ты — мину. И потом, нисколько не подвигнувшись на делание добра, ты обвиняешь Бога! Поэтому, оказываясь недостойными дарований, мы лишаемся оных. «Врагов же моих», — говорит, — тех, кои не хотели, чтоб я царствовал над ними, «приведите сюда и избеите предо мною», то есть иудеев, которых Он предаст погибели, послав их в огонь вечный. Да, несчастные и здесь, то есть в мире сем, они избиты были римскими войсками, и еще хранятся и будут храниться на избиение там.

И когда приблизился к Виффагии и Вифании, к горе, называемой Елеонскою, послал двух учеников Своих, сказав: пойдите в противолежащее селение; войдя в него, найдете молодого осла привязанного, на которого никто из людей никогда не садился; отвязав его, приведите; и если кто спросит вас: зачем отвязываете? скажите ему так: он надобен Господу. Посланные пошли и нашли, как Он сказал им. Когда же они отвязывали молодого осла, хозяева его сказали им: зачем отвязываете осленка? Они отвечали: он надобен Господу. И привели его к Иисусу, и, накинув одежды свои на осленка, посадили на него Иисуса. И, когда Он ехал, постилали одежды свои по дороге. А когда Он приблизился к спуску с горы Елеонской, всё множество учеников начало в радости велегласно славить Бога за все чудеса, какие видели они, говоря: благословен Царь, грядущий во имя Господне! мир на небесах и слава в вышних! И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! запрети ученикам Твоим. Но он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют.

Господь садится на осленка для двух целей в одно и то же время: во-первых, чтоб исполнить пророчество, глаголющее: се Царь твой грядет, всед на подъяремника (Зах. 9, 9); а во-вторых, чтобы образно дать нам знать, что Он покорит Себе новый, неочищенный и необузданный народ язычников. Судя по расстоянию пути, Господь, без сомнения, не нуждался в подъяремнике. Ибо, обойдя пешком всю Галилею и Иудею, как Он возымел нужду в осленке при переходе из Вифании в Иерусалим, где расстояние, как всем известно, незначительное? Итак, Он делает это, как я сказал, с таинственным смыслом. Осленок был привязан и имел много хозяев, но посланными, то есть «апостолами», отвязывается. Это имеет такой смысл: Вифания, по толкованию, означает «дом послушания», а Виффагия — «дом челюстей», место приличное священникам. Ибо священникам давались челюсти, как предписано в Законе (Втор. 18, 3). Челюстями обозначается учительское слово, которое растирают и утончают душевные челюсти. Итак, где дом учительского слова и покорности сему слову, туда посылаются ученики Господа и разрешают людей, связанных греховными сетями и многими житейскими заботами, и из рабов многих господ и богов делают их почитателями одного Господа Иисуса и одного Бога Отца. А где нет ни дома послушания, ни слово учительское не принимается, там ничего подобного не бывает, и осленок не отвязывается. Посланных «двое». Сим означает, что приведению язычников ко Христу и покорности Ему служат два чина, пророки и апостолы. Приводят осленка из некоторого «селения» (деревни), чтобы мы знали, что народ языческий был в большой простоте и невежестве. Ибо он никогда не подчинялся ни Моисееву учению, ни пророческому, но он был необученный осленок. Если же, как сказал другой евангелист (Мф. 21, 15), и дети взывали: «осанна Сыну Давидову», то и они могут означать тот же самый новый народ, который, веруя в Иисуса, явившегося плотью от семени Давидова, воссылал славу Богу, по написанному: «поколение грядущее восхвалит Господа» (Пс. 101, 19). Постилание одежд, кажется, то означает, что достойные воспевают Иисуса, совлекаясь ветхого человека, подстилают и подчиняют его Иисусу, чтобы, наступив на него, освятил его и чтобы плоть не восставала против духа, так чтобы и сами они могли сказать: «Покорись Господу и надейся на Него» (Пс. 36, 7). — Говоря, что все множество учеников хвалило Бога, Лука называет «учениками» всех вообще последователей Иисуса, не двенадцать только и не семьдесят, но весь народ, который, или, нуждаясь в чудесах, или по временам увлекаясь учением, следовал за Иисусом. В том числе естественно замечались и дети, как передают прочие евангелисты (Мф. 21, 15). Движимые Богом, дети исповедуют Иисуса Царем, грядущим «во имя Господне», то есть Богом, и говорят: «мир на небесах». Иначе: прежняя вражда, которую мы имели с Богом, прекращена. Ибо не было на земле Царя-Бога. А теперь, когда Бог грядет по земле, поистине мир на небесах, и поэтому «слава в вышних», так как и Ангелы прославляют то единоедушие и примирение, которое даровал нам едущий на осле Царь и Бог. Ибо то самое, что на земле является истинный Бог и ходит в нашей стране, стране врагов Своих, показывает, что между Им и нами заключено примирение. — Фарисеи роптали на то, что народ называл Иисуса Царем и восхвалял Его как Бога; ибо (по их мнению) торжественное усвоение Ему имени Царя было знаком возмущения и хулы на Господа. Но Иисус говорил: «если они умолкнут, камни возопиют». Или: люди говорят сие не из угождения Мне, но произносят это славословие потому, что их убеждают к этому и побуждают все те знаменья и силы, какие они видели.

И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами

и окружают тебя, и стесняют тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне, за то, что ты не узнал времени посещения твоего.

Господь, как человеколюбивый, плачет о городе; ибо не желал гибели жителей онога за дерзкий против Него поступок. Итак, плачем Он обнаруживает сострадательное сердце. А что Он жалел их и не только прежде распятия, но и после распятия, жаждал их обращения, это видно из того, что Он предал их римлянам спустя столько лет, ибо протекло тридцать пять лет. Без сомнения, Он отлагал наказание не по другому чему, как по сильному желанию их обращения. Итак, Он плачет о бесчувственности Иерусалима и говорит: «о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему». То есть, о если бы ты хотя ныне узнал, что служит к твоей пользе и ведет к миру и спокойствию, именно: что нужно уверовать в Меня и удалиться от злого умысла против Меня! А теперь сокрыто от очей твоих то, что на тебя придут нестерпимые бедствия за твое отвержение Меня и что ты потерпишь вот то и то за то, что не уразумел времени «посещения» своего, то есть Моего явления, когда Я пришел посетить тебя и спасти. Итак, тебе должно было узнать, что служит к твоему благосостоянию, то есть уверовать в Меня, и ты был бы безопасен со стороны римлян и свободен от всякого повреждения. Ибо все уверовавшие во Христа остались свободными от плена, так что если бы все уверовали, то никто и не попался бы в плен.

И, войдя в храм, начал выгонять

продающих в нем и покупающих, говоря им: написано: дом Мой есть дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников. И учил каждый день в храме. Первосвященники же и книжники и старейшины народа искали погубить Его, и не находили, что бы сделать с Ним; потому что весь народ неотступно слушал Его.

Глава двадцатая

В один из тех дней, когда Он учил народ в храме и благовествовал, приступили первосвященники и книжники со старейшинами, и сказали Ему: скажи нам, какую властью Ты это делаешь, или кто дал Тебе власть сию? Он сказал им в ответ: спрошу и Я вас об одном, и скажите Мне: крещение Иоанново с небес было, или от человеков? Они же, рассуждая между собою, говорили: если скажем: с небес, то скажет: почему же вы не поверили ему? а если скажем: от человеков, то весь народ побьет нас камнями, ибо он уверен, что Иоанн есть пророк. И отвечали: не знаем откуда. Иисус сказал им: и Я не скажу вам, какую властью это делаю.

Господь, со славой вошедший во Иерусалим, в доказательство Своей власти творит то, что дом Отца Своего очищает от торгашей. Он сделал это и в начале проповеди, как говорит евангелист Иоанн (2, 13-18). А теперь снова делает то же, во второй раз. Это служит к большему обвинению иудеев, что они не уцеломудрились от первого Его открытого вразумления, но продолжали торговать в храме и называли Его противником Божиим, тогда как Он почитает Отца и Бога до такой степени, что дом Его очищает от торгашей. В обличение их Он приводит и слова Исаии: «дом Мой назовется домом молитвы» (56, 7). А они безумно спрашивают Его: «какую властью Ты это делаешь?» Однако же им можно было понять, что поскольку Он привел слова пророка во свидетельство, что дом Божий есть дом

молитвы, а не торжище и вертеп разбойников (ибо любостяжание и торгашество свойственны разбойникам), то какая же, наконец, нужда спрашивать Его, какой властью Он это делает, когда можно прямо заключить, что так повелевает Бог чрез пророка? А они спрашивают: «какою властью Ты это делаешь»? Закон, — говорят, — распорядиться в храме предоставил происходящим от Левии, как же Ты, не происходящий от Левиина колена, делаешь это и похищаешь священные права? Но, о иудеи, вспомните слова Давида: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (Пс. 109, 4). Мелхиседек назван священником. А Мелхиседек не был священником ни по Закону, ни по происхождению от Левиина колена. Ибо как быть сему, когда он за столь много лет был прежде Левия? Потом, с чего ты требуешь от Христа порядка законного? Бог законам не подлежит. Когда нужно было, Он повелел, чтобы священники были из колена Левиина, а теперь отменяет тот закон и предызбирает священство Мелхиседека. Поэтому и продающих жертвенных животных, как-то: овец и голубей, Он выгоняет, с одной стороны, чтоб сохранить благолепие и благоприличие храма, а с другой, чтоб и то показать, что не должно уже веровать в умилоствление Бога жертвами животными. Итак, Господу легко было ответить им, что «так сказано», и сказать, что так повелевает пророк, или лучше, Бог. Однако ж, чтоб обличить их в постоянном противлении Духу Святому и в том, что они не хотели веровать не только древнему пророку Исаии, быть может, или и забытому, но и так недавно явившемуся, почти невещественному и бесплотному Иоанну, для сего на вопрос их со своей стороны дает им настоящий, достойный удивления, вопрос. Сим вопросом Он и им заграждает уста, и нам показывает, что если они не поверили такому пророку, каков Иоанн, по их мнению больший Его, когда сей свидетельствовал о Нем, то как же поверили бы они Его ответу на то, какой властью Он это делает? Ибо, что бы Он ни сказал, они, во всяком случае могли перетолковать это и осмеять, подобно тому, как они презрели и слова Иоанна, бывшего у них в большой славе.

И начал Он говорить к народу притчу сию: один человек насадил виноградник и отдал его виноградарям, и отлучился на долгое время; и в свое время послал к виноградарям раба, чтобы они дали ему плодов из виноградника; но виноградари, прибыв его, отослали ни с чем. Еще послал другого раба; но они и этого, прибыв и обругав, отослали ни с чем. И еще послал третьего; но они и того, изранив, выгнали. Тогда сказал господин виноградника: что мне делать? Пошлю сына моего возлюбленного; может быть, увидев его, постыдятся. Но виноградари, увидев его, рассуждали между собою, говоря: это наследник; пойдем, убьем его, и наследство его будет наше. И, выведя его вон из виноградника, убили. Что же сделает с ними господин виноградника? Придет и погубит виноградарей тех, и отдаст виноградник другим.

Притча сия кратка, но научает нас многому и великому, именно: что Бог имел и доказал особенное промышление об евреях, что они издавна склонны к убийству, что один Бог Ветхого и Нового Завета, что язычники будут введены, а иудеи отвергнуты. Виноградник есть самая церковь иудейская, виноградари книжники и фарисеи, эти передовые люди и приставники народные. Или: каждый сам по себе есть виноградник и виноградарь, ибо каждый из нас возделывает самого себя. Человеколюбец, отдав этот виноградник делателям, «отлучился», то есть оставил их действовать по собственному их произволу. Он посылает разных «рабов», то есть пророков, чтоб иметь хотя малую какую-нибудь прибыль; ибо желал, сказано, получить «плодов», а не все плоды. Какой же от нас Богу плод, как только не Его познание? И оно есть нам прибыль; однако ж Он спасение наше и нашу пользу поставляет

Своими. Злые делатели причиняли обиды посланным, избивали их и отсылали ни с чем, то есть дошли до такой неблагодарности, что не только уклонились от добра и не дали никакого доброго плода, но и зло совершили, что заслуживает большего наказания. После того, как пророки перенесли такое ужасное зло, посылается Сын. «Может быть, — говорит, — постыдятся» Сына Моего. Говорит «постыдятся» не потому, будто не знает будущего, именно: что с Ним поступят гораздо хуже, чем с пророками, но потому, что так должно было быть, именно: они должны были устыдиться Его. Если же они до того были бесстыдны, что и убили Его, то это служит к большему их обвинению, потому что и после того, как Бог высказал, что хорошо было устыдиться Сына, они положили приговор противный. Такой оборот речи находится во многих местах Писания, например: «Может быть, послушают» (Иер. 26, 3); «будут ли они слушать» (Иез. 2, 5; 3, 11)? В этих местах Бог говорит так не по незнанию будущего, но для того употребляет такой образ выражений, чтобы кто не сказал, что предвидение Божие было необходимой причиной непослушания. «Убили» Сына, «выведя его вон из виноградника». Удобно можно сказать: вон из Иерусалима; ибо Христос «вне врат» пострадал (Евр. 13, 12). Но поскольку выше под виноградником мы разумели народ, а не Иерусалим, то едва ли не ближе к делу сказать, что народ хотя убил Его, но вне виноградника, то есть не своеручно нанес Ему смерть, а предав Его Пилату и язычникам. Итак, Господь пострадал вне виноградника, то есть не от рук народа, ибо ему нельзя было никого убивать, поэтому Он умер от рук воинов. Некоторые под виноградником разумели Писания. Итак, Господь пострадал вне Писаний, то есть Его убили неверующие Моисею. Ибо если бы веровали Моисею и обращались в Писаниях, исследуя оные, то не убили бы Владыку Писаний. — Сказав это, присовокупляет и тот приговор, который имеет произнести над ними, именно: что «отдаст виноградник другим», то есть другим даст ту благодать, чтоб называться Моим народом. Смотри: те, кои говорят, что виноградник означает Писание, кажется, ближе угадывают смысл, как отсюда оказывается. Ибо Писание, отобранное от евреев, передано нам. А иной смелый, пожалуй, скажет, что виноградник есть все духовное, заключается ли оно в Писании и законах, или в деяниях и историях, чего всего иудеи лишились, а мы тем наслаждаемся.

Слышавшие же это сказали: да не будет! Но Он, взглянув на них, сказал: что значит сие написанное: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Всякий, кто упадет на тот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит. И искали в это время первосвященники и книжники, чтобы наложить на Него руки, но побоялись народа, ибо поняли, что о них сказал Он эту притчу.

Как слышишь, евангелист Лука говорит, что Господь сказал сии слова: господин виноградника погубит неблагодарных виноградарей и отдаст виноградник другим, и что фарисеи, услышав сие, сказали: «да не будет!». А евангелист Матфей говорит иначе, именно: Господь спросил, что сделает с виноградарями теми хозяин виноградника? А иудеи в ответ сказали: злодеев предаст смерти и виноградник отдаст другим (Мф. 21). Не противоречие ли это? Отнюдь нет. Ибо вероятно случилось то и другое: сначала сами они произнесли приговор, как передает евангелист Матфей; а потом, догадавшись, к кому относится притча, именно: что она на них-то и сказана, сказали опять то, что передает теперь евангелист Лука, именно: «да не будет!». Что же Христос? Он приводит и другое свидетельство из псалмов Давида (117, 22), Себя называя камнем, а самих учителей строящими, подобно как и пророк Иезекииль говорит: «и когда он строит стену, они обмазывают ее грязью» (Иез. 13, 10), то есть говорящие в угоду и прикрывающие недостатки народа, и потому как бы

помазывающие грязью повреждения народа, как бы какой стены. Как же «отвергли» сей камень? Когда говорили: «не от Бога Этот Человек» (Ин. 9, 16). — Господь говорит здесь о двойной гибели. Одна — гибель душ их, которую они потерпели за то, что соблазнились. Ибо всякий, падающий на сей камень, разобьется. Другая — гибель от пленения, которое навел на них камень сей за свое уничтожение от них. Ибо на кого, сказано, упадет, того раздавит. Иудеи раздавлены и рассеяны так, как мякина, от одного гумна — Палестины — во весь мир. Примечай же то, что прежде они упали на камень сей, то есть соблазнились, а потом уже камень упал на них и наказал. Ибо прежде совершается мною грех, а потом меня постигает праведное наказание от Бога. Но иудеи отвергли сей камень. А он был так хорош и избран, что положен во главу угла и совокупил и соединил две стены, то есть ветхое и новое. Хотя им должно было послушать Исаии, говорящего: «Его чтите свято, и Он — страх ваш, и Он — трепет ваш! И будет Он освящением и камнем преткновенения, и скалою соблазна» (Ис. 8, 13-14). Но они и тогда, как поняли, что на них говорит Господь притчу сию, злоумышляют против Него и наложили бы на Него руки, если бы не побоялись народа. И Закон говорит: «не умерщвляй невинного и правого» (Исх. 23, 7); но его они не слушают, а боятся гнева людского и, уклоняясь от видимого наложения рук, устроят иные ковы против Него.

И, наблюдая за Ним, подослали лукавых людей, которые, притворившись благочестивыми, уловили бы Его в каком-либо слове, чтобы предать Его начальству и власти правителя. И они спросили Его: Учитель! мы знаем, что Ты правдиво говоришь и учишь и не смотришь на лице, но истинно пути Божию учишь; позволительно ли нам давать подать кесарю, или нет? Он же, уразумев лукавство их, сказал им: что вы Меня искушаете? Покажите Мне динарий: чье на нем изображение и надпись? Они отвечали: кесаревы. Он сказал им: итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И не могли уловить Его в слове перед народом, и, удивившись ответу Его, замолчали.

Фарисеи приготовили сеть, которой, по их мнению, Господу трудно избежать, но в сети сей «запуталась нога их» (Пс. 9, 16). Смотри, какое лукавство! Если Господь скажет, что должно давать подать кесарю, тогда обвинят Его пред народом в том, что Он в рабство приводит народ, который есть семя Авраамово и никому не работал (Ин. 8, 33). Если Он запретит давать подать, в таком случае, как возмутителя, поведут Его к правителю. Но Господь избегает сетей их как «серна», ибо так назвала Его невеста в Песни Песней (2, 9), и научает, что телесная подчиненность владеющему нашими телами, царь ли он, или тиран, нисколько не препятствует нам духовно благоугождать Богу духов. «Итак, отдавайте, — говорит, — кесарево кесарю, а Божие Богу». И смотри, не сказал: «давайте», но «отдавайте». Это, — говорит, — долг, поэтому и уплаты должно. Государь твой хранит тебя от неприятелей, жизнь твою делает мирной, за это ты обязан ему податью. И иначе: то самое, что ты вносишь, то есть монету, ты имеешь от него же самого. Итак, монету царскую ему (царю) и возврати опять. Между тем ты и для себя извлек из нее выгоду, разменивая ее и добывая необходимое для жизни. — Так точно и Божие должно воздавать Богу. Он дал тебе ум: возврати Ему оный разумной деятельностью. Он дал тебе рассудок: возврати Ему оный, не уподобляясь неразумным животным, но поступая во всем как одаренный разумом. И вообще Он дал тебе душу и тело: возврати Ему все и восстанови для Него образ Его, живя по вере, с надеждой, в любви. — И в ином смысле должно отдавать кесарево кесарю. Каждый из нас носит на себе или образ Божий, или образ князя мира. Когда мы уподобимся кесарю,

становясь сыновьями диавола, мы носим на себе его образ. Сей-то образ должно отдавать ему и отвергать, чтобы он имел свое при себе, а в нас не находил ничего принадлежащего ему. Чрез это и образ Божий может сохраниться у нас в чистоте. Поэтому и апостол Павел убеждает, чтобы мы как носили образ земного, так носили и образ небесного (1 Кор. 15, 49); и в другом месте: «отложить прежний образ жизни ветхого человека» (Еф. 4, 22). Что здесь выражено словом «отдавать», то у Павла словом «отложить», и что здесь названо образом «кесаря», то там образом «земного», без сомнения, Адама согрешившего, и «ветхого человека». Ибо образ земного не что иное, как тление и грех, каковой образ мы имеем потому, что уподобились отступнику, а не Царю. Фарисеи не могли уловить Иисуса в слове пред народом. Ибо особенное старание у них было о том, чтобы оклеветать Его пред народом, как порабощающего народ римлянам. А сего они не могли достигнуть по причине премудрого Его ответа.

Тогда пришли некоторые из саддукеев, отвергающих воскресение, и спросили Его: Учитель! Моисей написал нам, что если у кого умрет брат, имевший жену, и умрет бездетным, то брат его должен взять его жену и восставить семя брату своему. Было семь братьев, первый, взяв жену, умер бездетным; взял ту жену второй, и тот умер бездетным; взял ее третий; также и все семеро, и умерли, не оставив детей; после всех умерла и жена; итак, в воскресение которого из них будет она женою, ибо семеро имели ее женою? Иисус сказал им в ответ: чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения. А что мертвые воскреснут, и Моисей показал при купине, когда назвал Господа Богом Авраама и Богом Исаака и Богом Иакова. Бог же не есть [Бог] мертвых, но живых, ибо у Него все живы. На это некоторые из книжников сказали: Учитель! Ты хорошо сказал. И уже не смели спрашивать Его ни о чем.

Саддукеи, в своих измышлениях утверждаясь на слабом основании, не верили учению о воскресении. Предполагая, что по воскресении будет телесная жизнь, они, естественно, заблуждались. Поэтому, осмеивая учение о воскресении как нелепое, они выдумывают настоящий безрассудный рассказ. Но Господь опровергает их основание и объявляет, что там не телесная жизнь. А вместе с этим слабым основанием и предположением разрушает и учение их, сказав: вы заблуждаетесь, не зная Писаний и превратно толкуя их смысл. «Чада века сего», то есть рождающие и рождающиеся в мире сем, женятся и посягают, то есть выходят замуж. А сыны того века ничего такого не делают, ибо и умирать не могут; поэтому нет там и брака, а жизнь ангельская, божественная. Здесь потому и брак, что есть смерть, и потому смерть, что есть брак. А там, когда упразднится смерть, какая нужда в браке? Ибо брак установлен в помощь смертности и в восполнении недостатка. А где нет никакого недостатка, там какая нужда в восполнении? «Ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии». Почему? Потому что суть сыны воскресения. Слова сии такой имеют смысл: Я, — говорит, — назвал их сынами Божиими потому, что в рождении их не усматривается ничего телесного, но все божественное. Ибо в воскресении не предшествует ни соития, ни семени, ни утробы, ни зачатия, но тела наши рождает Бог известным Ему способом. Поскольку же в воскресении действует Бог, то возрождающиеся от воскресения справедливо называются сынами Божиими. — К умозаключению Господь присовокупляет и свидетельство от Писания. Моисей говорит, что Бог сказал ему из купины: «Я Бог Авраама» и прочее (Исх. 3, 6). Если бы

патриархи навсегда уничтожились и не были живы пред Богом по надежде воскресения, то Он не сказал бы: «Я есть», но «Я был». Ибо о вещах поврежденных и потерянных мы обыкновенно говорим: я «был» хозяином такой-то вещи. А теперь, когда Бог сказал: «Я есть», Он показал, что Он есть Господь и Бог живых, а не уничтожившихся совершенно. Ибо хотя они и умерли, но надеждой воскресения живы, подобно как и Адам хотя и жив был, однако ж, был смертен, и о нем говорится, что он умер в то самое время, как вкусил от запрещенного плода. Когда таким образом саддукеи были пристыжены, книжники, довольные победой над ними, одобрили Иисуса как соперника их.

Он же сказал им: как говорят, что Христос есть Сын Давидов, а сам Давид говорит в книге псалмов: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. Итак, Давид Господом называет Его; как же Он Сын ему? И когда слушал весь народ, Он сказал ученикам Своим: остерегайтесь книжников, которые любят ходить в длинных одеждах и любят приветствия в народных собраниях, председания в синагогах и предвозлежания на пиршествах, которые поедают дома вдов и лицемерно долго молятся; они примут тем большее осуждение.

Вскоре имея идти на страдания, Господь проповедует о Своем Божестве, и то не явно и с гордостью, но очень скромно. Ибо спрашивает их и, приведя в недоумение, предоставляет им самим выводить следствие. Давид, — говорит, — называет Его Господом (Пс. 109, 1): как же Он простой Сын ему? Он был и сын Давиду по плоти, но вместе и Бог его, а они считали Его только сыном Давидовым. Поэтому Он опровергает это мнение их, что Христос есть простой сын Давидов, и объявляет, что Он не противен Отцу, но имеет с Ним большое единомыслие, ибо Отец поборает врагов Его. Это сказал Он книжникам. Поскольку же учеников Он посылал учителями во вселенную, то справедливо убеждает их не подражать фарисеям в славолубии, в любви к первенству и вообще в светскости и человекоугодливости. Ибо тщательно соблюдать приветствия на площадях свойственно тем, кои льстят всякому встречному и заискивают доброе о себе мнение или употребляют это средством к собранию денег. «Поедают, — говорит, — дома вдов», наполняя чрево и расточая за пределы должного. И предлог к тому как бы благоговейный. Ибо, под предлогом молитвы и душевной пользы, они учат не посту, но пьянству и чревоугодию, и за то, говорит, «примут тем большее осуждение», потому что не только зло делают, но и прикрывают оное молитвой. И вид у них благоговейный, добродетель они делают предлогом к лукавству. Поэтому они заслуживают и большее осуждение, так как добро подвергают порицанию. Вдовиц должно жалеть, а они входят в дома их за тем будто бы, чтобы долгими молитвами благословить их. Между тем вдовицы принуждены бывают по случаю их посещения делать издержки, и таким образом разоряются.

Глава двадцать первая

Взглянув же, Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу; увидел также и бедную вдову, положившую туда две лепты, и сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила; ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила всё пропитание свое, какое имела.

Было священное сокровище, удаляемое боголюбивыми, которое употребляли на поделки и поправки в храме, и вообще на украшение храма и на пропитание бедных. Но в последнее время священники и это сокровище обратили в торговые обороты, разделяя оное между собой, а, не употребляя на то, на что определено оно первоначально. — Господь вдовицу хвалит больше всех прочих, потому что она от скудости своей повергла все свое состояние. Ибо две лепты, по-видимому, и ничтожны, но у кормившейся милостыней они составляли весь живот: ибо вдовица была нищая. Итак, Господь воздает награду, обращая внимание не на то, сколько дается, а на то, сколько остается. В домах богачей, принесших немного и невеликое, оставалось гораздо больше, а у ней дом весь опустел, и в нем ничего не осталось. Поэтому поистине она достойна похвалы большей, нежели те. — Некоторые думали, что под «вдовою» можно разуместь всякую душу, отказавшуюся от прежнего мужа, то есть Ветхого Закона, но еще неудостоившуюся соединиться с Богом Словом, и что она вместо залога приносит тонкую и возможную для нее веру и добрую совесть. Ибо с верой нужно приносить и добрую совесть, то есть жизнь беспорочную. И кто с ними приходит к Богу, тот, кажется, полагает больше всех тех, кои богаты учением и обилуют языческими добродетелями.

И когда некоторые говорили о храме, что он украшен дорогими камнями и вкладами, Он сказал: придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; всё будет разрушено. И спросили Его: Учитель! когда же это будет? и какой признак, когда это должно произойти? Он сказал: берегитесь, чтобы вас не ввели в заблуждение, ибо многие придут под именем Моим, говоря, что это Я; и это время близко: не ходите вслед их. Когда же услышите о войнах и смятениях, не ужасайтесь, ибо этому надлежит быть прежде; но не тотчас конец. Тогда сказал им; восстанет народ на народ, и царство на царство; будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба.

Господь, как по немногом времени имеющий претерпеть Распятие, прилично пророчествует теперь об Иерусалиме, чтобы мы в этом имели сильное доказательство того, что Он есть истинный Бог. Поэтому и тогда, когда некоторые хвалили здания храма и «вклады» (я думаю, что они говорили о резных и изваянных произведениях, например о пальмах и херувимах (3 Цар. 6, 32): это, быть может, и называли), Господь ни на что не обращает внимания, но предсказывает разрушение их. — Они подумали, что Он говорит о кончине вселенной, хотя Он говорил о пленении Иерусалима римлянами. Поэтому, снисходя им, Он на время оставляет речь о пленении Иерусалима римлянами, намереваясь присоединить ее к последующему, а теперь рассуждает о кончине мира и предостерегает их, чтоб они не слушались лжепророков, имеющих прийти прежде Его пришествия. — Будут «войны и смятения», ибо, по прекращении всякой любви, естественно будут иметь место войны и смятения. Вследствие войн наступят «голод и мор»; мор — от испорченности воздуха от трупов, а голод — от невозделывания полей. — Некоторые принимали так, что голод, мор и прочие бедствия будут не при кончине только века, но и во время пленения Иерусалима. Ибо Иосиф (Флавий) говорит, что по причине голода были ужасные бедствия. Да и Лука в книге Деяний (11, 28) говорит, что голод был при кесаре Клавдии. Много также было ужасов, указывавших на плен, как повествует тот же Иосиф. Это, то есть «войны, смятения» и прочее, решительно можно понимать вообще о времени кончины мира и пленения Иерусалима.

Прежде же всего того возложат на вас руки и будут гнать [вас,] предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое; будет же это вам для свидетельства. Итак положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам. Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят; и будете ненавидимы всеми за имя Мое, но и волос с головы вашей не пропадет, — терпением вашим спасайте души ваши.

Прежде всего того, что имеет случиться при кончине мира, или и при пленении (ибо, как я сказал, Он с речью о кончине соединяет речь и о пленении), «возложат на вас», то есть учеников Моих, «руки». И действительно, прежде пленения Иерусалима апостолы изгнаны были из него, по особенному усмотрению Божию, именно: чтобы все ужасы обрушились только над распинателями, а они, то есть апостолы, наполнили весь мир проповедью. Были также приводимы апостолы и пред царей и правителей: например, Павла водили к Фесту, к Агриппе, к самому кесарю (Деян. 25, 6. 23; 26, 32). Обратилось же это для них в славу свидетельства. — Поскольку же они были люди простые и неученые, то чтобы они не смущались тем, что от них будут требовать отчета мужи мудрые, говорит, чтоб они об этом нисколько не заботились. Ибо вы от Меня получите вместе премудрость и благоречивость, так что все противящиеся, хотя бы соединились за одно, не возмогут противостоять вам ни по мудрости, то есть силе мыслей, ни по красноречию и непогрешительности языка. Часто иной искусен в составлении умозаключений и находчив в мыслях, но при шуме скоро смущается, и от того во время речи к народу все перемешивает. Но им, то есть апостолам, в обоих отношениях дана была благодать. Поэтому и священники изумлялись необычайной мудрости Петра и Иоанна, зная, что прежде они были люди простые (Деян. 4, 13). А Павлу Фест говорил: С ума сошел ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия (Деян. 26, 24). — Сказав это и уменьшив их страх от неучености, Господь высказывает еще обстоятельство, необходимое и могущее поколебать души, именно: что они преданы будут друзьями и сродниками. Предсказывает о сем обстоятельстве для того, чтобы, случившись внезапно, оно не смутило их. Ибо оно сильно поражает душу, как и Давид говорит: «ибо не враг поносит меня, — это я перенес бы; но ты, который был для меня то же, что я» (Пс. 54, 13. 14); и опять: «который ел хлеб мой, поднял на меня пядь» (Пс. 40, 10). Сказав это и то, что их будут ненавидеть и некоторых из них умертвят, присовокупляет величайшее утешение: «волос с головы вашей не пропадет». Вы, — говорит, — будете спасены, и ни малейшая частичка ваша не пропадет, хотя многим и будет казаться, что пропала; только нужно терпеть. Ибо терпением вы можете приобрести ваши души. Враг приступает, как бы с намерением взять в плен, и старается захватить ваши души, наведя на вас бедствия; но вы вместо серебра дайте терпение, и этим выкупом приобретете ваши души и не потерпите в них вреда. Обращи внимания на выражение: «некоторых из вас умертвят», и ты уразумеешь оное несколько глубже, именно: умертвят вас не всецело. Вы состоите из двух частей: души и тела. Не ту и другое, но одно у вас, то есть тело, умертвят, а души ваши вы терпением приобретете, Об этом Он и в другом месте сказал: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф. 10, 28).

Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его: тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него, потому что это дни

отмщения, да исполнится всё написанное. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни; ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей: и падут от острья меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников. И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и ожидания [бедствий,] грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются, и тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою.

Теперь самым ясным образом Господь говорит о пленении Иерусалима. Поэтому я думаю, что слова: «прежде же всего того» нужно понимать так: прежде голода и мора, и прочих бед, какие случатся во время кончины мира, вас, апостолов, изгонят и прочее. Потом и для Иерусалима наступят бедствия. Поскольку они думали, что здания храма будут разрушены во время кончины, то Господь говорит: нет! Ибо во время кончины будут лжепророки, голод и мор от постоянных войн, имеющих возгореться вследствие того, что любовь иссякнет. А вы изгнаны будете прежде времени кончины, и Иерусалим будет взят в плен, и камни сии будут разрушены. Когда увидите город Иерусалим, окруженный римскими войсками, тогда знайте, что приблизилось его запустение. — За сим оплакивает те бедствия, кои постигнут тогда город. Находящиеся в Иудее, — говорит, — пусть бегут в горы; находящиеся в окрестностях пусть не надеются, что их сберегут стены города, но и те, кои будут внутри города, пусть выходят из него вон. Потому что это будут дни отмщения, чтобы исполнилось написанное, особенно в книге пророка Даниила (9, 26 — 27). «Горе беременным» (в те дни), ибо они по причине тяжести чрева не могут бежать, «и питающим сосцами», ибо по причине сильной любви к детям не могут они ни оставить их без присмотра, ни увести их с собой. Некоторые говорят, что Господь сим намекает на заклание детей, о котором рассказывает Иосиф и пророчествует Иеремия (11, 22). — «И Иерусалим, — говорит, — будет попираем язычниками». Доселе речь была о пленении: потом о кончине. «Будут, — говорит, — знамения в солнце и луне и звездах». Ибо с переменой в твари естественно быть новому порядку и в стихиях. У народов будет «уныние», то есть скорбь, смешанная с недоумением во всем. Море будет страшно шуметь, и наступят боязнь и смущение, так что люди будут издыхать от одного страха и ожидания бедствий, идущих на вселенную. Видишь ли? Он ясно говорит здесь о кончине мира. Ибо выше говорил, что Иерусалим будет окружен и попираем языческими войсками, а здесь говорит о наступлении бедствий для вселенной. Значит, теперь речь у Него о кончине вселенной. «Ибо силы небесные поколеблются». Что Я говорю (говорит Он), что при изменении всей твари смутятся люди? Самые Ангелы и первейшие Силы смутятся и ужаснутся при столь страшных переменах во всем. «И тогда увидят Сына Человеческого». Кто? Все верующие и неверующие. «Грядущего на облаке», то есть как Бог, с силой и славой великой. Ибо тогда и Сам Он, и крест Его возблистает лучше солнца, всеми будет признан.

Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше. И сказал им притчу: посмотрите на смоковницу и на все деревья: когда они уже распускаются, то, видя это, знаете сами, что уже близко лето. Так, и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко Царствие Божие. Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как всё это будет; небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут.

Как первое пришествие Господа было для воссоздания и возрождения душ наших, так второе — будет для возрождения наших тел. Поскольку души умерли прежде, чрез преслушание, а тела самым делом подверглись смерти спустя девятьсот лет после преслушания, то и возрождаются они и улучшаются последовательно, души — чрез первое пришествие, а тела — чрез второе. Поэтому и Господь говорит: когда это начнет сбываться, вы, отягченные тлением, восклонитесь и пользуйтесь свободой. Ибо настанет искупление ваше, то есть совершенное освобождение обоих, то есть души и тела. Предлог, кажется, именно указывает на совершенное избавление от тления, каковое получит тогда и тело, по благодати Господа, упраздняющего последнего врага — смерть (1 Кор. 15, 53. 57. 26). Ибо Он упразднил начала и власти и искупил душу. Оставалась еще смерть, которая питалась нашими телами; упразднение оной будет причиной нашей свободы и искупления. При исполнении сего, Царствие Божие тотчас настанет. Как смоковница, когда на ней распускаются листья, указывает на приближение лета, так и появление сих знамений и преобразование вселенной служат признаком того, что наступает «лето», то есть Царствие Божие, для праведников наступающее именно как лето после зимы и бури. Между тем для грешников тогда настанет зима и буря. Ибо они настоящий век считают летом, а будущий для них — буря. «Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все это будет». Родом называет не тех, кои тогда жили, но все поколения верующих. Ибо Писание называет иногда родом и тех, кои сходны в нравах, например: «Таков род ищущих Его» (Пс. 23, 6). Поскольку Он сказал, что имеют быть смятения и войны, и перемены как в стихиях, так и в самых предметах, то, чтобы кто не пришел к мысли, не рушится ли когда-нибудь и христианство, Он говорит: нет! род сей, то есть род христиан, никогда не пройдет. Небо и земля изменятся, а слова Мои и Евангелие Мое не рушатся, а пребудут навсегда, хотя бы и все поколебалось, и вера в Меня не оскудеет. Отсюда видно также, что Церковь Он предпочитает всей твари: ибо тварь изменится, а из Церкви верных, равно из Его слов и Евангелия, ничто не погибнет.

Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному; итак бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих [бедствий] и предстать пред Сына Человеческого.

Вы, — говорит, — слышали об ужасах и смятениях. Все они чувственно и предызображают те бедствия, кои постигнут грешников. Но против сих бед есть сильное и противодействующее средство — молитва и внимательность к себе. Ибо всегдашняя готовность и ожидание кончины может все это победить. А она будет у вас под тем условием, — говорит, — если вы будете бодрствовать и сердца ваши не будут отягчаемы объядением и пьянством, и заботами житейскими. Ибо день тот не придет с наблюдением, но неожиданно, тайно, как сеть, захватывающая невнимательных к себе. Иной, может быть, станет до тонкости исследовать выражение: «живущих (сидящих) по всему лицу земному». День оный захватит сетью тех, кои ведут жизнь беззаботную и праздную. Ибо они именно суть сидящие, и они попадают в сеть. Но кто деятелен и трудолюбив, бодр на совершение добра и всегда стремится к добру, не сидит и не успокаивается земными предметами, но возбуждает себя и говорит себе: «Встаньте и уходите, ибо страна сия не есть место покоя» (Мих. 2, 10), и желает лучшего отечества, для того день оный не есть сеть и беда, но как бы праздник. Поэтому нужно бодрствовать и молиться Богу, чтобы нам можно было избежать всех будущих бедствий, Каких же? Быть может, во-первых, голода и мора, и прочих, которые

избранных не так будут тяготить, как прочих, а напротив, избранных-то ради сократятся и для прочих; может быть, во-вторых, тех, кои навеки наступят для грешников, ибо мы не можем избежать оных иначе, как только бдением и молитвой. Поскольку же для великодушных недостаточно избежать озлобления, но им нужно еще получить благо какое-нибудь, то, сказав, чтобы вы могли избежать всех будущих бедствий, Господь присовокупил: «и предстать пред Сына Человеческого», в чем и состоит наслаждение благами. Ибо христианину должно не только избегать зол, но и стараться получить славу. А то, чтоб стоять пред Сыном Человеческим и Богом нашим, есть ангельское достоинство. Ибо сказано: «Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего» (Мф. 18.10).

Днем Он учил в храме, а ночи, выходя, проводил на горе, называемой Елеонскою. И весь народ с утра приходил к Нему в храм слушать Его.

Евангелисты, особенно три первые, не передали очень многого из того, чем учил Господь. Правда, и сам Иоанн умолчал об очень многом, однако ж, он сверх того, что передали трое, изложил некоторые высшие уроки Господа. Господь, как можно догадываться, многим и высоким истинам учил собирающихся во храме. Что евангелисты сказали немного, ибо и не желали объявлять всего, это видно как из многого другого, так немало можно заключить о сем и из того, что они, тогда как Господь учил почти три года записали так мало Его уроков, что, по моему мнению, не заслуживать порицания тот, кто сказал бы, что их можно было бы передать менее чем в целый день. Итак, святые евангелисты из многого написали немного, чтобы лишь только передать вкус сладости. Господь говорил не со всеми одинаково, но каждому предлагал полезное. Поэтому народ с утра приходит к Нему. Ибо благодать изливалась из уст Его. А ночью Господь удалялся на гору, показывая нам, что во время тишины ночной нужно беседовать с Богом, а днем во время столкновений с людьми приносить им пользу, и ночью собирать, а днем раздавать собранное. Сам Он не нуждался в молитве или общении с Богом. Ибо Сам будучи Бог, не имел в чем бы Ему смиряться, но для нас положил это в образец, чтобы мы во время ночи, подобно колодезям, забирали в себя сток из духовных жил — молитвы, а днем из нас вычерпывали бы те, кои нуждаются в полезном. Смотри на то, как тогда народ с утра приходил к Иисусу слушать Его, иной сказал бы, что к Нему идут слова Давида: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя» (Пс. 62, 2).

Глава двадцать вторая

Приближался праздник опресноков, называемый Пасхою, и искали первосвященники и книжники, как бы погубить Его, потому что боялись народа. Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искаротом, одного из числа двенадцати, и он пошел, и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им. Они обрадовались и согласились дать ему денег; и он обещал, и искал удобного времени, чтобы предать Его им не при народе.

Книжники искали убить Его (Иисуса). Поскольку же наступало время пасхи, и они, поэтому видели для себя опасность от собирающегося народа, особенно на праздник, то они изыскивали, наконец, способ, как бы убить Его, не подвергаясь никакой опасности, — Вошел же сатана в Иуду, «одного из числа двенадцати», то есть одного из приближенных и искренних учеников. Никто не надейся на самого себя, но будь внимателен к своей жизни,

потому что имеешь страшного врага. Некоторые же слова: «одного из числа двенадцати» понимали так: дополняющего только собой число апостолов, но не истинного апостола и ученика. Ибо что за истинный ученик тот, кто воровал опускаемое в ящик? (Ин. 12, 6). Таким образом Иуда принял вошедшего в него сатану и согласился предать Иисуса ищущим Его. Ибо это означает слово «обещал», то есть окончательно заключил условие и договор. И искал удобного времени, когда бы застать Его (Иисуса) без народа, то есть наедине, и предать им. «Начальниками» называет здесь начальников над зданиями храма, или надзирателей за благочинием. Ибо римляне приставили некоторых надсмотрщиков за народом, чтобы он не возмущался, ибо был мятежен. Этих-то называет начальниками (по церковно-славянски — воеводами). А быть может, воеводами названы те, кои, принадлежа к составу священническому, имели военные должности. Ибо, страдая любовью к первенству, они вмешивались и в такие должности. Поэтому и назвал их воеводами храма, быть может, с тем, чтоб чувствительнее задеть их.

Настал же день опресноков, в который надлежало закапать пасхального [агнца,] и послал [Иисус] Петра и Иоанна, сказав: пойдите, приготовьте нам есть пасху. Они же сказали Ему: где велишь нам приготовить? Он сказал им: вот, при входе вашем в город, встретится с вами человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним в дом, в который войдет он, и скажите хозяину дома: Учитель говорит тебе: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? И он покажет вам горницу большую устланную; там приготовьте.

Что пасха, по-еврейски называемая фасек, означает выход из Египта, об этом многие говорили, и вообще все, что совершалось тогда в этот праздник, святые изъяснили. А нам нужно сказать о том, какой день называется днем опресноков. «Днем опресноков» называет четверток, в вечеру которого нужно было закапать пасху. Итак, в четверток, быть может, утром, Господь посылает учеников Петра и Иоанна, одного как любящего, другого как любимого, посылает в «чужой» дом; ибо ни Сам, ни ученики не имели собственного, иначе Он совершил бы пасху у кого-либо из учеников. Смотри, какая бедность! Посылает их к человеку неизвестному, чтобы показать, что Он и страдания воспринимает добровольно. Ибо если бы Он не желал страдать, то, преклонив ум сего неизвестного человека к принятию их (Себя и учеников), Он мог бы и в иудеях произвести то, что Ему угодно. Некоторые говорят, что Господь не сказал имени сего человека и не объявил его, но доводит учеников до дома его по некоторому признаку для того, чтобы предатель, узнав имя, не указал фарисеям дом сей, и они не пришли бы взять Его прежде, нежели Он установит вечерю, прежде чем преподаст духовные Свои тайны. Поэтому Христос, спустя немного, говорит: «очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания». То есть Я приложил всё старание, чтобы нам укрыться от предателя, чтобы не подвергнуться страданию прежде времени, прежде нежели преподам таинства. Такое объяснение кто хочет, может принимать. — Для чего же Господь совершает пасху? Для того чтобы всеми Своими действиями до последнего издыхания доказать, что Он не противник Закона. Будем же и мы есть сию пасху разумно, будем под днем опресноков разуметь всю жизнь, проводимую в духовном свете, не имеющую нисколько ветхости прежнего преслушания в Адаме. Проводя поистине такую жизнь, мы должны насыщаться тайнами Иисусовыми. Тайны сии будут готовить Петр и Иоанн, деятельность и созерцание, горячая ревность и мирная кротость. Ибо верующий должен быть пламенным на совершение добра, ревностным против зла и кротким к совершающим зло. Ибо должно ненавидеть зло, а не делающего зло. Сего нужно лечить, ибо

он страдает. Делать, зло то и значит, что быть смущаемым от лукавого и страдать злобой. Если мы будем иметь приготовляющих вечерю Петра и Иоанна, то есть добрую жизнь, которую изображает собой Петр, и истинное учение, которое изображает Иоанн Богослов, то с такими приготовителями встретится «человек», то есть мы найдем тогда истинно человеческое существо, созданное по образу Создателя, или лучше, Творца, носящее кувшин воды. Вода означает благодать Духа, как учит евангелист Иоанн (7, 38-39), а кувшин — удобосокрушимость и размягчивость сердца. Ибо принимающий духовную благодать бывает смирен и сокрушен сердцем, а смиренным Господь дает благодать (Иак. 4, 6). Сознавая себя землей и пеплом и говоря с Иовом: «Ты, как глину, обделал меня». (Иов. 10, 9), он будет носить благодать Духа в удоборазломимом и удобосокрушимом сосуде сердца своего. Следуя за таким настроением, мы войдем в дом ума, которого хозяин — ум, покажет нам большую убранный горницу. «Горница» это есть высокое помещение ума, то есть божественные и духовные предметы, среди которых он живет и обращается с любовью. Они убраны, ибо у них нет ничего сурового, но и кривое для такого ума делается путем правым, как и Соломон сказал: «все они ясны для разумного и справедливы для приобретших знание» (Притч. 8, 9). Не погрешешь, если и то скажешь, что ум, хотя совершает высокое дело, действия по силе ума, однако ж, знание его еще простерто и очень близко к земле. Но знание поистине высокое, и незнание, превышающее ум, выше всякой высоты, когда ум уже не действует, но воспринимает действие. Прежде нам должно действовать умом своим, потом уже будет в нас действовать благодать Господа, восхищая нас, как и пророков, и отрешая от всякой естественной силы. Поистине говорится, что в таком-то пророке было восхищение от Господа. Подобно как и здесь, когда горница сия убрана, приходит Иисус с учениками Своими и совершает таинства, приходя к нам Сам и являя в нас Собственную Свою силу, а не ожидая нашего к Нему прихода. «Ученики» Бога Слова все суть размышления о сотворенном. Когда таким образом Слово будет действовать в нас, тогда мы уразумеем причастие пасхи и еще более насытимся размышлениями о сотворенном, по сказанному: «взираю на небеса — дело Твоих перстов» (Пс. 8, 4).

Они пошли, и нашли, как сказал им, и приготовили пасху. И когда настал час, Он возлег, и двенадцать Апостолов с Ним, и сказал им: очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания, ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божиим. И, взяв чашу и благодарив, сказал: примите ее и разделите между собою, ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие. И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечера, говоря: сия чаша [есть] Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается.

Пасху ели стоя: как же о Господе говорится, что Он возлег? Говорят, что, съев законную пасху, возлегли уже после, по общему обыкновению, есть прочие какие-нибудь яства. — Господь говорит ученикам: «очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания». Он как бы так говорит: это для Меня последняя с вами вечеря, поэтому она любезна и вожделенна для Меня, ибо в последующее время Я не буду есть с вами. Это подобно тому, как имеющие отправиться в странствование последние речи с родными и друзьями ведут с большей приятностью и любовью. И иначе: Я очень желал есть с вами сию пасху, потому что в ней Я имею преподать вам великие таинства — таинства Нового Завета. Сим Он показывает, что Он добровольно будет страдать. Ибо Ему, так как Он знал о предстоящих страданиях, без

сомнения, можно было уклониться от оных, подобно тому как и в предшествовавшее время (Ин. 8, 59). Слова: «не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие» некоторые из святых разумели так: пока не воскресну. Ибо после воскресения, обращаясь с учениками, Он ел и пил с ними, как и Петр говорит Корнилию: «которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых» (Деян. 10, 41). Что воскресение есть Царствие Божие, это очевидно. Ибо воскресение есть разрушение смерти. Смерть царствовала от Адама до Христа; а с того времени, разрушенная, она уступила победу и царство Господу, как сказано: «Смерть! где твоя победа?» (Ос. 13, 15). И Давид говорит: «Господь царствует» (Пс. 92, 1), а потом в объяснение, как воцарился, присовокупляет: «облечен величием», когда тело избавилось от тления и украсилось Божеством, как Исаия говорит: «столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей» (63, 1). И сам Господь по воскресении говорит: «дана Мне всякая власть» (Мф. 28, 18). Итак, когда пришло воскресение, которое, как разрушившее смерть, названо Царствием Божиим, Господь опять пил с учениками в уверение, что Он воскрес не призрачно. — Иные же под Царствием Божиим разумели будущее состояние, а под питием Господа с нами в будущем веке — откровение Им тайн. Ибо Он, Человеколюбец, радуя нас, Сам радуется и, питая нас, Сам питается, и наше питье и пищу, то есть учение, вмещает в пищу Себе. Итак, Он будет тогда пить некоторое новое питье с достойными, открывая им всегда нечто новое и необычайное. — Кажется, Лука упоминает о двух чашах. Об одной говорит: «приимите ее и разделите между собою», которую иной может назвать образом Ветхого Завета, а о другой говорит после преломления и раздаяния хлеба. Господь Сам разделяет ее между учениками, называет ее новозаветной и говорит, что она обновляется в Его крови. Ибо, когда был дан Ветхий Закон, то печатью употреблена была кровь неразумных животных (Исх. 24, 5-8); а ныне, когда Бог Слово стал Человеком, Новый Завет для нас запечатлевается Его кровью. Словами: «которое за вас предается» и «которая за вас проливается» не то показывает, что тело Его предано и кровь Его пролита за одних только апостолов, но за весь род человеческий. Итак, когда говорит, что «за вас» предается, ты понимай: за ваш род человеческий. — Древняя пасха совершалась во избавление от рабства египетского, и кровь агнца проливалась за сохранение первенцев: а новая пасха — во оставление грехов и в сохранение помыслов, назначенных и посвященных Богу. — Прежде преподается хлеб, а потом — чаша. Ибо прежде бывает деятельность трудная и неудобосовершимая. Добродетели предшествует пот, подобно как и хлеб не только возделывается в поте лица, но и во время употребления требует трудов (Быт. 3, 19). Потом уже, после трудов, бывает радование от благодати Божией, что означает чашей. Ибо кто потрудится в неудобосовершимой добродетели, тот впоследствии удостоивается дарований и испытывает доброе опьянение, отрешаясь от мира сего, как Павел и Давид или, если еще смелее сказать, как Бог у пророка Аввакума (3, 14).

И вот, рука предающего Меня со Мною за столом; впрочем, Сын Человеческий идет по предназначению, но горе тому человеку, которым Он предается. И они начали спрашивать друг друга, кто бы из них был, который это сделает. Был же и спор между ними, кто из них должен почитаться большим. Он же сказал им: цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий. Ибо кто больше: возлежащий, или служащий? не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий.

Нет ничего несчастнее души, закосневшей в упорстве. Ибо смотри, что говорит Господь:

вот рука предающего Меня со Мною за столом, а безумный не почувствовался. Господь говорит это не только для того, чтобы показать, что Он знает имеющее случиться, но и для того, чтобы явить нам Свою благодать и злобу предателя, по которой сей не устыдился быть на Его вечери, а потом не оставил исполнения и своего намерения. Господь также дает нам этим образец, чтобы мы до конца старались о пользе падающих. И «Сын Человеческий, — говорит, — идет, не потому, что будто бы не может защитить Себя, но потому, что Он предназначил Себе смерть за спасение людей. «Но горе тому человеку, которым Он предается». Хотя Ему предназначено пострадать, но ты зачем оказался так зол, что решился предать Его? За то и достанется тебе в удел «горе», что ты оказался склонным на предательство, так как и змий проклят за то, что он послужил орудием козней диавола. — Услышав сие, ученики смутились. Об этом пространнее узнаешь в толковании на Евангелие от Иоанна (гл. 13). Они смущаются теперь не только подозрением себя в предательстве, но от сего смятения переходят к спору, спорят о том, кто из них больше. До спора о сем они дошли последовательно. Вероятно, один из них говорил другому: ты хочешь предать, а сей опять тому: нет, ты хочешь предать. Отсюда перешли к тому, что начали говорить: я лучше, я больше и подобное. Что же Господь? Он укрощает смятение их двумя примерами. Во-первых, примером язычников, которых они считали скверными, объявляя, что если они будут так думать, то подобны будут язычникам. Во-вторых, Собственным Своим примером, ибо, объяснив, что Он служит им, Он этим приводит их к смиренномудрию. Именно в то время Он, как сказано, разделил им хлеб и чашу. Если Я, Которому поклоняется вся ангельская и разумная тварь, служу посреди вас, то вы как осмеливаетесь думать о себе много и спорить о первенстве? Мне кажется, что Он упомянул об этом возлежании и служении не мимоходом, но чтоб напомнить им, что если вы ели от одного хлеба и пили от одной чаши, то одна трапеза делает вас друзьями и единомысленными. Зачем же вы имеете мысли, недостойные их? Притом и Я не так сделал, чтобы одному послужил, а другому нет, а всем вам равно. Поэтому и вы имейте одни и те же чувствования. Пожалуй, из всего этого ты и то пойми, как ученики были тогда еще несовершеннолетними, а впоследствии так чудно просияли. Да устыдятся манихеи, которые говорят, что некоторые по природе неспособны к обучению, и таковым невозможно перемениться.

Но вы пребыли со Мною в напастях Моих, и Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство, да идите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем, и сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых. И сказал Господь: Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих. Он отвечал Ему: Господи! с Тобою я готов и в темницу и на смерть идти. Но Он сказал: говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня.

Сказав, «горе» предающему Меня, и между тем научив их (учеников), что должно быть смиренномудрым, Господь как предающему предназначает в удел «горе», так, напротив, им говорит: вы же те, которые только пребыли вместе со Мною в искушениях Моих; поэтому и вам Я завещаю воздаяние, то есть договариваюсь с вами, чтобы, — подобно тому как Отец Мой завещал Мне, то есть назначил Мне Царство, — и вы ели и пили за трапезой Моей. Сказал: «да ядите и пиете» не потому, будто бы там будут яства и будто бы Царство Его чувственное. Ибо ответом Своим саддукеям Он Сам научил, что там жизнь ангельская (Лк. 20, 36); и Павел учит, что Царствие Божие не есть пища и питье (Рим. 14, 17). Поэтому, слыша

слова: «да ядите и пиете за трапезою Моею», никто да не соблазняется, но пусть понимает так, что они сказаны применительно к тем, кои пользуются почетом от царей мира сего. Ибо тех, кои разделяют трапезу царя, считают первенствующими над всеми. Так и об апостолах Господь говорит, что Он предпочтет их всем. Равно, когда слышишь о сидении на престолах, разумей не престолы, но славу и честь. Ибо из сотворенных и рожденных никто не будет там сидеть. Сидеть приличной Единой Святой Троице, Несозданному и Царю всего Богу, а тварь, как раба, должна стоять, и то мы говорим телесно о сидении и стоянии. «Судить», то есть осуждать тех, кои не уверуют из двенадцати колен. Ибо неуверовавшим израильтянам служат немалым осуждением апостолы, которые и сами суть израильтяне, однако же, уверовали. — Поскольку же предателю Он воздал горем, а им, пребывшим в любви к Нему, предсказал в будущем высокую честь, то, чтобы они не возгордились, как бы совершившие нечто великое, что пребыли в любви к Нему и не предали, говорит: сатана просил, чтобы «сеять» вас, то есть смущать, портить, искушать; но «Я молился». Не думайте, — говорит, — что все это совершенство от вас самих. Ибо диавол напрягает все силы, чтобы отторгнуть вас от Моей любви и сделать предателями. Господь обращает сию речь к Петру, потому что он был и дерзновеннее прочих, и вероятно возгордился обещаниями Христовыми. Поэтому, смиряя его, Господь говорит, что сатана много усиливался против них. «Но Я молился о тебе». Говорит так по человечеству, ибо, как Бог, какую имел Он нужду молиться? Я, — говорит, — молился, «чтобы не оскудела вера твоя». Хотя ты и поколеблешься несколько, но в тебе сохранятся семена веры, и хотя дух искушителя потрясет листья, но корень жив, и вера твоя не оскудеет. «И ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих». Это удобно понять, именно: так как Я к тебе первому обратился со Своим словом, то, — после того как оплачешь свое отречение от Меня и придешь в раскаяние, — утверди прочих. Ибо это прилично тебе, который первый исповедал Меня [камнем] и утверждением Церкви (Мф. 16, 16-18). Но можно относить эти слова не к одним только апостолам, которых должен был утвердить тогда Петр, но и ко всем верующим до скончания века. Петр! Ты, обратясь, для всех будешь прекрасным примером покаяния, и никто из верующих в Меня не будет отчаиваться, смотря на тебя, который, будучи апостолом, отрекся и, однако же, чрез покаяние снова получил свое прежнее значение среди всех апостолов и среди избранников Божиих из всей вселенной. Сатана просил, чтобы сеять тебя и испортить как чистую пшеницу, вмешав в нее грязи, потому что он, по своему обыкновению, завидует тебе в любви ко Мне. Так он поступил и с Иовом. Но я не оставил тебя совсем, чтобы вера твоя не оскудела совершенно. Хотя Я Сам молился за тебя, однако ж ты не падай, но, обратясь, то есть принеся покаяние и слезы, будь и для прочих верующих образцом покаяния и упования. Что же Петр? Полагаясь на сильную любовь, он обещает то, что пока невозможно для него. Но Господь, видя, что он говорит недобродумно (ибо, однажды услышав от самосущей Истины, сказавшей ему, что подвергнется искушению, он не должен был еще противоречить), объявляет ему и вид искушения, именно: отречение. Отсюда мы научаемся той истине, что произволения человеческого недостаточно без помощи Божией. Петр оставлен был ненадолго и, по видимому, любил даже горячо, однако ж, когда Бог оставил его, запнут был врагом. Равно и помощи Божией недостаточно без соизволения человеческого. Иуда, хотя Господь все сделал для его пользы, не получил никакой пользы, ибо не имел доброго произволения. Итак, содрогнемся при мысли о кознях диавола, как они сильны против небрежных. Вот и здесь, хотя Петр подкрепляем был Богом, однако ж, когда по особенным целям оставлен был, дошел до отречения. Чему же подвергся бы он, если бы не был храним Богом и не было в нем сокрыто добрых семян? Ибо цель у диавола была, чтоб и его довести до предательства; ибо у диавола «роскошна пища», как говорит пророк (Авв. 1, 16). Благодарение же Богу, не

оставляющему святых, праведных и добрых сердцем, каков был Петр, нежно любящий и чуждый всякого подозрения относительно Учителя.

И сказал им: когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч; ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: и к злодеям причтен. Ибо то, что о Мне, приходит к концу. Они сказали: Господи! вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно.

Господь, в начале проповеди посылая учеников по селениям и городам, повелел им не брать лишнего, не носить с собой ничего даже нужного и ни о чем не заботиться, И в этом случае они должны были познать Его силу. Ибо Сам заботясь о них, как о слабых, Он устраивал так, что и без их заботы в обилии текло к ним все нужное. А теперь Он повелевает противное, не противореча впрочем Себе, но, объявляя им, что доселе Он ухаживал за ними как за детьми и не заставлял их ни о чем заботиться, а отселе они должны считать себя возмужалыми и заботиться сами о себе. Я, — говорит, — заботливый Отец ваш, отхожу уже. Отселе примите сами на себя заботы о своих делах, а не возлагайте всего на Меня; ибо дела ваши будут не таковы, как были легки и не трудны, но вы подвергнетесь и голоду, и жажде, и многим бедствиям. На это намекает словами о мешке, суме и мече. Поэтому будьте бодры, так как вы имеете алкать и нуждаться в пище, на что намекает «сумой», и мужественны, так как впадете во многие опасности, на что указывает «меч». Говорит это, конечно, не для того, чтобы они носили с собою мечи, но чтоб, как я сказал, объявить о войнах и бедствиях и сделать их ко всему готовыми. Чтобы потомки не подумали, что апостолы ничего от себя не принесли для благочестия, но все было от Бога, Господь говорит: нет, да не будет так. Ибо Я не хочу пользоваться Моими учениками, как бездушными орудиями, но требую, чтоб они приложили и то, что могут сами от себя. И действительно, ты найдешь, что апостолы, и особенно Павел, удачно исполняли многие и из человеческих искусств (Деян. 18, 3; 20, 34); разве только в них не отсутствовала и помощь Божия. Вместе с сим это полезно было и для скромности апостолов. Ибо если бы они, не заботясь сами ни о чем, всего ожидали от Бога и им все давалось бы, то они могли бы возгордиться, как получившие в удел нечто высшее человеческой природы. Сверх того, природа стала бы недеятельной и растлилась бы, если б они ничего не изобретали сами от себя, а ожидали всего именно, как говорится, в измолотом виде. Поэтому Господь говорит им: отселе носите «сумы», то есть так располагайтесь и заботьтесь, как имеющие испытать голод, и купите «мечи», то есть так берегите себя, как имеющие встретить опасности и войны. — Некоторые по купку меча разумели иначе. Сим, — говорят, — Он намекает на имеющее вскоре совершиться нападение на Него и на то, что Его захватят люди — убийцы. Так как пред этим временем они спорили друг с другом о первенстве, то Господь говорит: теперь время не спорам о первенстве, но время опасности и убийств. Ибо и Меня, Учителя вашего, отведут на смерть, и притом на смерть бесчестную. Но чрез это исполнится на Мне сказанное: «и к злодеям причтен был» (Ис. 53, 12). Итак, желая указать на разбойническое нападение, Он упомянул о мече, и не открыл совершенно, чтобы не смутились каким-нибудь ужасом, не умолчал совершенно, чтобы не пришли в смятение в случае внезапного нападения, особенно же для того, чтобы, вспоминая впоследствии, подивились Его предведению и почудились, как Он, однако ж, предал Сам Себя на страдание за спасение людей, а поэтому и сами не убегали ни от каких болезней за спасение некоторых. Я думаю, что Господь говорит так приточно для того, чтобы получили пользу после, когда

вспомнят и поймут. Поскольку тогда они находились в таком недоразумении, что сказали: Господи, вот здесь два меча, а Он, видя, что они не поняли, говорит: довольно, хотя и не было довольно. Ибо если бы против пришедших разбойническим образом нужно было употребить человеческую помощь, то не довольно было бы и сотни мечей. Если же не человеческое, но Божественное содействие нужно было, то излишни были и два меча. Однако ж Господь не захотел обличать их в непонимании, но, сказав «довольно», пошел. Это подобно тому, как и мы, когда, беседуя с кем-нибудь, видим, что он не понимает наших слов, говорим: хорошо, оставь; хотя и не хорошо, но, чтобы не оскорбить его, оставляем. Господь поступил так потому, что видел, что ученики не понимают сказанного. — Он идет вперед и оставляет речь, предоставляя уразумение сказанного течению обстоятельств, подобно тому, как Он некогда сказал: «разрушьте храм сей», а ученики поняли уже впоследствии, после Его воскресения (Ин. 2, 19. 22). Некоторые же говорят, что Господь словом «довольно» указал на несообразность слов с обстоятельствами. Ученики сказали: вот здесь два меча, а Господь, говорят, указывая на эту несообразность, сказал: если есть два меча, то это очень много и довольно для нас против той толпы, которая придет на нас.

И, выйдя, пошел по обыкновению на гору Елеонскую, за Ним последовали и ученики Его. Придя же на место, сказал им: молитесь, чтобы не впасть в искушение. И Сам отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился, говоря: Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет. Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его. И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю. Встав от молитвы, Он пришел к ученикам, и нашел их спящими от печали и сказал им: что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение.

После вечери Господь не предаётся бездействию, удовольствиям и сну, но учит и молится, давая на то нам образец и пример. Поэтому горе тем, кои после ужинов обращаются к постыдным делам блуда. Научив этому учеников, Господь восходит на гору масличную, чтоб помолиться. Он любил это делать наедине, поэтому отлучается и от учеников. Впрочем, Он берет с Собой учеников, но не всех, а только тех троих, кои видели славу Его на горе (Лк. 9, 28). Поскольку Он находится в борении и молится, то, чтобы сие не показалось признаком боязни, Он берет тех, кои сами видели Божескую славу Его и сами слышали свидетельство с неба, чтобы, видя Его в борении, сочли это делом человеческой природы. Ибо для уверения, что Он был воистину Человек, Он сей природе позволил действовать по-своему. Как Человек, Он желает пожить и молится о мимонесении чаши, ибо человек животолюбив; и чрез то ниспровергает ереси, по словам коих Он вочеловечился призрачно. Ибо если и после таких действий (человеческой природы) находили повод подобным образом пустословить, то чего не насказали бы, если бы сих действий не было? Итак, желание, чтоб чаша пронесена была мимо, принадлежит человеческому естеству, а вскоре за тем сказанные слова: однако, «не Моя воля, но Твоя да будет» показывают, что и мы должны иметь такое же расположение и также мудрствовать, подчиняться воле Божией и не уклоняться, хотя бы наша природа влекла и в противную сторону. «Не Моя» человеческая «воля, но Твоя да будет», и эта Твоя не отделена от Моей Божеской воли. Единый Христос, имея два естества, имел, без сомнения, и волю или желания каждого естества, Божеского и человеческого. Итак, человеческое естество сначала желало жить, ибо это ему свойственно, а потом, следуя Божеской воле, чтобы все люди спаслись, воле, общей Отцу и Сыну, и Святому Духу, решилось на смерть, и таким образом одно стало желание — спасительная смерть. Что молитва была от человеческого естества, по

допущению имевшего общее всем пристрастие к жизни, а не от Божества, как говорят проклятые ариане, это видно из того, что Иисус был в поту и таком борении, что, как говорит присловие, с Него падали капли крови. Ибо о тех, кои сильно трудятся, обыкновенно говорят, что они потеют кровью, подобно как и о тех, кои горько сетуют, говорят, что они плачут кровью. Это-то желая показать, именно: что с Него текла не какая-нибудь тонкая и как бы для видимости показывающаяся жидкость, но падали крупные капли пота, евангелист для изображения действительности употребил капли крови. Отсюда явно, что естество, источавшее пот и находившееся в борении, было человеческое, а не Божеское. Ибо естеству человеческому допущено было испытывать такие состояния, и оно испытывало, чтобы, с одной стороны, показать, что Он не призрочно являлся человеком, а с другой — цель сокровенная, чтоб уврачевать общую человеческому естеству боязливость, истощив оную в Самом Себе и подчинив ее воле Божеской. — Иной может сказать, что выступающий из тела и падающий на землю пот означает то что, с ободрением и укреплением нашего естества во Христе, источники боязливости в нас испаряются, обращаются в капли и падают с нас. Ибо если бы Он не имел этого в виду, то есть желания излечить нашу человеческую боязливость, то не потел бы так, хотя бы и очень был боязлив и малодушен. «Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его». И это для нашего утешения, именно: чтобы мы узнали укрепляющую силу молитвы и, узнав, к ней обращались в случае несчастий. Вместе с сим исполняется и пророчество Моисея, сказанное в великой песни: «и да укрепятся все сыны Божии» (Втор. 32, 43). Некоторые же изъясняли сии слова так, что Ему явился Ангел, прославлял Его и говорил: Твоя, Господи, крепость! Ибо Ты одолел смерть и ад и освободил род человеческий. Это так, — Он же, найдя учеников спящими, выговаривает им и вместе убеждает молиться в искушениях, чтоб не быть от них побежденными. Ибо не впасть в искушение — значит не быть поглощенным от искушения, не стать под его властью. Или и просто повелевает нам молиться, чтобы наше достояние было безопасно и нам не подвергнуться какой-нибудь неприятности. Ибо самим себя ввергать в искушения — значит отважничать и гордиться. Как же Иаков (1, 2) говорит: «С великою радостью принимайте, когда впадаете в различные искушения»? Что это, не противоречим ли мы себе? Нет, ибо Иаков не сказал: ввергайте себя, но, когда подвергнетесь, не падайте духом, а имейте всякую радость и невольное некогда сделайте вольным. Ибо лучше, если б не пришли искушения, но когда и пришли, зачем печалиться безумно? — Укажи ты мне место в Писании, где бы буквально повелевалось молиться о том, чтобы впасть в искушения? Но ты не можешь указать. — Знаю, что два вида искушения и что некоторые долг молиться о непадении в искушение разумеют об искушении, побеждающем душу, например, об искушении блуда, искушении гнева. А всякую радость должно иметь тогда, когда подвергаемся телесным болезням и искушениям. Ибо в какой мере внешний человек тлеет, в такой внутренний обновляется (2 Кор. 4, 16). Хотя знаю я это, но предпочитаю то, что более истинно и что ближе к настоящей цели.

Когда Он еще говорил это, появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть. Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого? Бывшие же с Ним, видя, к чему идет дело, сказали Ему: Господи! не ударить ли нам мечом? И один из них ударил раба первосвященникова, и отсек ему правое ухо. Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И, коснувшись уха его, исцелил его. Первосвященникам же и начальникам храма и старейшинам, собравшимся против Него, сказал Иисус: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня? Каждый

день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и власть тьмы.

Иуда идущим на Иисуса поставил знаком поцелуй, но чтобы они не ошиблись по причине ночи, указал не издалека. — Чтобы Иисус не скрылся, для сего они приходят с фонарями и светильниками. — Что же Господь? Он допускает к Себе с этим вражеским поцелуем. И громовые стрелы не просыпались в неблагодарного и коварного! Так, Спаситель учит нас незлобию в таких обстоятельствах. Он с укоризной говорит только: «Иуда! целованием ли предаешь?» Ужели не устыдишься самого вида предательства? Зачем к дружескому поцелую примешиваешь предательство, дело вражеское? Да и кого предаешь? «Сына Человеческого», то есть смиренного, кроткого, снисходительного, вочеловечившегося ради тебя, и притом истинного Бога. Говорит это потому, что до последнего времени пламенел к нему любовью. Поэтому не обидел его, не назвал его бесчеловечным и крайне неблагодарным, но назвал его собственным именем: «Иуда». И не упрекнул бы, если бы и это не служило к его улучшению, в случае его желания. Ибо Он сделал это и, по-видимому, упрекнул для того, чтоб Иуда не подумал, что Он укроется, но чтобы, по крайней мере, теперь, признав Его Владыкой, как Всеведущего, припал к Нему и раскаялся. Господь знал, что Иуда неисправим, однако же, творил Свое, подобно как и Отец Его творил в Ветхом Завете; знал, что евреи не послушают, однако же, посылал пророков. А вместе и нас научает сему самому, именно: чтоб мы не оскорблялись при исправлении падающих. — Ученики воспаляются ревностью и извлекают мечи. Откуда они имели их? Им естественно было иметь их, так как они пред этим закаляли агнца и вышли из-за стола. Но горячий Петр получает упрек, потому что употребил ревность вопреки намерению Господа. Тогда как прочие спрашивают, не ударить ли нам, он не ожидает одобрения (как везде он был горяч за Учителя!), но ударяет раба первосвященникова и отсекает ему правое ухо. Это сделалось не случайно, но в знак того, что первосвященники тогдашние все сделались рабами и потеряли правильный слух. Ибо, если бы они слушали Моисея, не распяли бы Господа славы (Ин. 5, 46). Иисус приставляет ухо; ибо великой силе Слова прилично исцелять непокорных и давать им ухо для слышания. Иисус совершает чудо для того, чтобы сим видимым чудом над ухом показать Свое незлобие и, по крайней мере, чудом навести их на мысль удержаться от бешенства. — Говорит первосвященникам и «начальникам» храма, то есть распорядителям, поставленным для удовлетворения требований священников; или начальниками называет тех, коим вверялись дела по постройке и украшению храма. Говорит им: всякий день учил Я в храме, и вы не хотели взять Меня, а теперь пришли как на разбойника. Впрочем, вы предпринимаете поистине дела ночи, и власть ваша есть власть тьмы. Поэтому вы точно выбрали такое время, которое прилично и вам, и делу, которое вы предпринимаете.

Взяв Его, повели и привели в дом первосвященника. Петр же следовал издали. Когда они развели огонь среди двора и сели вместе, сел и Петр между ними. Одна служанка, увидев его сидящего у огня и всмотревшись в него, сказала: и этот был с Ним. Но он отрекся от Него, сказав женщине: я не знаю Его. Вскоре потом другой, увидев его, сказал: и ты из них. Но Петр сказал этому человеку: нет! Прошло с час времени, еще некто настоятельно говорил: точно и этот был с Ним, ибо он Галилеянин. Но Петр сказал тому человеку: не знаю, что ты говоришь. И тотчас, когда еще говорил он, запел петух. Тогда Господь, обратившись, взглянул на Петра, и Петр вспомнил слово Господа, как Он сказал ему: прежде нежели пропоет петух,

отречешься от Меня трижды. И, выйдя вон, горько заплакал.

Петр, по предсказанию Христову, оказался слаб и отрекся от Владыки Христа не однажды, а трижды, и отрекся с клятвой, ибо Матфей говорит: «Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека» (Мф. 26, 74). Может быть, им овладела такая робость, и он на некоторое время оставлен был за его дерзновение, как бы в научение, чтоб он и к прочим был снисходителен. Ибо он был очень дерзновенен, и если бы не уцеломудрился этим обстоятельством, то во многом поступал бы самовластно и без снисхождения. Но тогда он впал в такой ужас, что не почувствовал бы и падения, если бы Господь, обратясь, не взглянул на него. О благодать! Сам находится под осуждением, а заботится о спасении ученика. И справедливо. Ибо самое осуждение Он переносил для спасения человеческого. — Сначала ученик отрекся, потом петух запел. Тот снова отрекся, даже до трех раз, и петух опять запел в другой раз. Так точно и подробно описывает Марк (гл. 14) и передает это как узнавший от Петра, ибо он был его учеником. А Лука, поскольку о сем сказано у Марка, сказал кратко, не входя в подробности. И слова Луки не противоречат тому, что сказал Марк. Ибо петух имеет обычай и за каждый прием петь два или три. Итак, Петр был приведен человеческой немощью в такое забвение, что не пришел в чувство и от пения петуха, но и после того, как петух пропел, снова отрекся, и еще раз, доколе благостный взгляд Иисуса не привел его в память. — «И, выйдя вон, горько заплакал». Марк говорит, что Петр вышел и после первого отречения (Мк. 14, 68). Потом естественно было ему снова войти, чтобы не подать большего подозрения, что он был Иисусов. Когда же снова пришел в чувство, тогда уже выходит и горько плачет. А чтобы не быть замеченным от находившихся во дворе, выходит тайно от них. — Некоторые, не знаю почему, слагают безумную защиту в пользу Петра, дерзко говоря, что Петр не отрекся, но сказал: я не знаю Сего «человека», то есть знаю не как простого человека, но как Бога, сделавшегося Человеком. Этот безумный довод оставим другим. Ибо они Господа представляют лживым, противоречат связи евангельской речи и никак не смогут согласить порядок повествования. Да и о чем Петру плакать, если он не отрекся?

Люди, державшие Иисуса, ругались над Ним и били Его; и, закрыв Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя? И много иных хулений произносили против Него. И как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели Его в свой синедрион и сказали: Ты ли Христос? скажи нам. Он сказал им; если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите [Меня,] отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией. И сказали все: итак, Ты Сын Божий? Он отвечал им: вы говорите, что Я. Они же сказали: какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его.

Причинявшие это Иисусу были какие-нибудь ругатели и люди необузданные; ибо нужно было, чтобы диавол не оставил ни одного вида злобы, но всю ее излил, чтобы природа наша, оказавшись во всем святой, победила и попраала его.

Поскольку Господь для того воспринял наше естество, чтобы укрепить оное против всех хитростей диавола и показать, что и первоначально Адам не был бы побежден, если бы был бодр, поэтому, когда изливаются на Него все виды злобы диавольской, Он терпит, чтобы мы впоследствии мужались, зная, что природа наша во Христе победила, и не робели ни перед чем, по-видимому, обидным и горьким.

Поэтому Он переносит насмешки и биения и, будучи Владыкой пророков, осмеивается

как лжепророк. Ибо слова: «прореки» нам, «кто ударил Тебя», к тому относятся, чтобы осмеять Его как обманщика, а между тем присвояющего Себе дар пророчества. «И как настал день».

Пьяные слуги ночью осмеивали и злословили Иисуса Христа. А днем старейшины и почетные люди спрашивают: Он ли Христос? Зная их мысли и то, что, не поверив делам, сильнее могущим убедить, подавно не поверят словам, Он говорит: если Я и скажу вам, вы не поверите. Ибо если бы вы верили Моим словам, то какая была бы нужда в настоящем собрании? Если же и спрошу, вы не будете отвечать. Ибо они часто отмалчивались при вопросах, например, о крещении Иоанновом (Мк. 11, 33), о словах: «сказал Господь Господу моему» (Мф. 22, 44), о женщине скорченной (Лк. 13, 11). Когда вы послушали Меня и уверовали? Когда вы не смолчали на данный вам вопрос? Поэтому скажу только, что отныне не время говорить вам и объяснять, кто Я (ибо если бы вы желали, вы познали бы Меня из совершенных Мною знамений), а отныне время осуждения. Вы увидите Меня, Сына Человеческого, сидящим «одесную силы Божией».

При сем нужно бы утрашиться, а они после таких слов еще более рассвирепели и в неистовстве спрашивают: итак, Ты Сын Божий? Он же с умеренностью и с указанием на несообразность их вопроса отвечает им: вы это говорите, что Я, ибо Он презирал их ярость, говорил с ними неустрашимо. Отсюда же явно, что упорные не получают никакой пользы от того, что им открываются тайны, но принимают гораздо большее осуждение. Поэтому и должно скрывать оныя от таковых, ибо это дело больше человеколюбивое.

Глава двадцать третья

И поднялось всё множество их, и повели Его к Пилату, и начали обвинять Его, говоря: мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем. Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский? Он сказал ему в ответ: ты говоришь. Пилат сказал первосвященникам и народу: я не нахожу никакой вины в этом человеке. Но они настаивали, говоря, что Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места.

Видимо противоречат истине. Ибо где Иисус воспретил платить подати, когда Он, напротив, повелел отдавать оныя как должное? Именно Он так говорил: «отдавайте кесарево кесарю» (Лк. 20, 25). Как Он возмущает народ? Не доискивается ли Царства? Но этому никто не поверил. Ибо и тогда, когда народ хотел сделать Его царем, Он, узнав о сем, удалился (Ин. 6, 15). Поэтому и Пилат, поняв клевету, открыто говорит: я не нахожу никакой вины в этом человеке. — По моему мнению, и самый вопрос, который он делает Христу, есть насмешка над клеветой. Ибо говоря: Царь ли ты Иудейский? — он насмехается над самим делом. Он говорит как бы так: Тебя, убогого, бедного, нагого, беспомощного, обвиняют в стремлении к царской власти. А это, как мы сказали, есть насмешка над обвиняющими в сем Иисуса, что они такого беспомощного и такого бедняка представляют себе замышляющим такое дело, для которого нужны и состояние, и помощники, А они, не имея ничего другого в подтверждение клеветы, употребляют в дело голоса и кричат против Бога Слова, «Развращает», — говорят, — то есть возмущает «народ», и не в одном частном месте, но начал от Галилеи и, пройдя чрез средину Иудеи, успел возмутить до сего места. Мне кажется, что они неспроста упомянули о Галилее, но с намерением привести Пилата в страх. Ибо галилеяне всегда таковы, мятежники и склонны к нововведениям, каков и Иуда галилеянин. О нем-то, кажется, они и напоминали Пилату, говоря как бы так: правитель, сравни Иуду

галилеянина, который наделал много беспокойства римлянам, возмущив немалую часть народа. Таков же и Сей, Которого тотчас нужно истребить.

Пилат, услышав о Галилее, спросил: разве Он Галилеянин? И, узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме. Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо, и предлагал Ему многие вопросы, но Он ничего не отвечал ему. Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его. Но Ирод со своими воинами, уничивив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату. И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом. Пилат же, созвав первосвященников и начальников и народ, сказал им: вы привели ко мне человека сего, как развращающего народ; и вот, я при вас исследовал и не нашел человека сего виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете Его; Ирод также, ибо я посылал Его к нему; и ничего не найдено в Нем достойного смерти; итак, наказав Его, отпущу. А ему и нужно было для праздника отпустить им одного [узника.] Но весь народ стал кричать: смерть Ему! а отпусти нам Варавву. Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство. Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса. Но они кричали: распни, распни Его! Он в третий раз сказал им: какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашел в Нем; итак, наказав Его, отпущу. Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы Он был распят; и превозмог крик их и первосвященников. И Пилат решил быть по прошению их, и отпустил им посаженного за возмущение и убийство в темницу, которого они просили; а Иисуса предал в их волю. И когда повели Его, то, захватив некоего Симона Киринаянина, шедшего с поля, возложили на него крест, чтобы нес за Иисусом. И шло за Ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем.

Пилат посылает Господа к Ироду, во исполнение римского закона, повелевающего, чтобы каждый судим был начальником его области. Поэтому Иисуса как галилеянина он посылает к правителю Галилеи. Ирод обрадовался этому не потому, впрочем, будто бы имел приобрести какую-нибудь пользу для души, увидя Иисуса, но поскольку слышал о Нем, что Он мудрец и чудотворец, то имел неразумное желание, страдая и сам любовью к новостям, увидеть Сего странного Человека и послушать, что Он говорит. Не страждут ли и ныне многие из нас этой болезнью? Он сам желал увидеть какое-нибудь чудо от Иисуса не с тем, впрочем, чтобы уверовать, но чтобы насытить зрение, подобно как мы на зрелищах смотрим, как кудесники представляют, будто они проглатывают змей, мечи и подобное, и удивляемся. Ибо Иисуса относили почти к роду таковых же. Ирод расспрашивал Его о многом, обращаясь с Ним в некотором ироническом тоне и во всем насмехаясь над Ним; поэтому Иисус ничего и не отвечал ему. Ибо Тот, Кто все сотворил словом и о Ком Давид засвидетельствовал, что «он даст твердость словам своим на суде» (Пс. 111, 5), знает, когда должно отвечать. Ибо что за нужда отвечать тому, кто спрашивает не для научения? Какая нужда бросать жемчуг перед свиньями (Мф. 7, 6)? Напротив, как мы сказали (гл. 22), человеколюбие требует молчать в таких случаях. Ибо сказанное слово, не принося никакой пользы невнимательным, сверх того подвергнет их большему осуждению. Впрочем, Пилату, поскольку он был благонамереннее Ирода, Господь отвечает, хотя не совсем ясно. Ибо тот спрашивал, Царь ли Ты Иудейский? — а Господь отвечает: ты говоришь. Ответ сей заключает как бы двоякую мысль. Ибо можно

понимать его и так: Я поистине есмь (Царь Иудейский), ты сказал сущую правду. Можно разуметь и иначе: Я не говорю, ты говоришь, имеешь власть и говоришь. А Ироду, как решительному насмешнику, нисколько не отвечает. Ибо поистине, как говорит Исаия (3, 4. 12), у семени лукавого, сынов незаконных, то есть тогдашних иудеев, и сборщики были притесняющие их, и господствующие ими насмешники. А что Ирод желал видеть Иисуса с тем намерением, чтобы наругаться и насмеяться над Ним, и увидеть от Него чудо, и в таких мыслях расспрашивал Его, это показал конец. Ибо, уничижив Иисуса и наругавшись над Ним, отпустил Его, и не сам только наругался, но и воины его, что всего обиднее; и надев на Него светлую одежду, отослал Его к Пилату. — А ты смотри, пожалуй, как диавол запинается во всем, что ни делает. Он устроит такие ругательства и обиды Христу, а отсюда яснее обнаруживается истина. Ибо насмешки самым очевидным образом свидетельствуют, что Господь не мятежник и не возмутитель. Если бы Он был таков, то не стали бы шутить, когда угрожает такая опасность и предполагается восстание целого народа, и притом народа многочисленного и очень склонного к новизне. «И сделались, — говорится, — в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою». Отослание Пилатом к Ироду подчиненного сему показалось началом дружбы, так как Пилат не присвоит себе преимуществ Иродовых. Впрочем, смотрю повсюду, как диавол, для того, чтоб только приготовить смерть Христу, сводит в одно, что отстояло друг от друга, поселяют единоклющие и дружбу между теми, кои были врагами. Не стыд ли нам, когда он для того, чтоб Христа умертвить, и врагов примирил, а мы, для собственного спасения, и друзей не сохраняем в дружбе с нами? — Когда же Христос отослан был назад к Пилату, смотри, как опять сияет истина. Вы, — говорит Пилат, — привели ко мне человека сего, как развращающего народ; но я не нахожу в Нем ничего достойного смерти, равно как и Ирод. Видишь ли свидетельство двух человек, и притом одного — правителя, а другого — царя, совершенно истинно? Ни я, — говорит, — ни царь Ирод не нашли в Нем никакой вины. Что скажут на это иудеи? Судьи сами свидетельствуют, что человек сей невиновен; вы, обвинители, не привели ни одного свидетеля: кому же нужно верить? Дивно, как побеждает истина! Иисус молчит, а враги свидетельствуют в пользу Его. Иудеи кричат, и никто не подтверждает их воплей. Пилат был какой-то слабый и весьма мало вступался за правду. Он боялся клеветы, чтобы его не опорочили, что он отпустил возмутителя. Ибо он не умел сказать: страха вашего не убоимся, а Сам Господь будет мне в страх (Ис. 8, 12-13). «Итак, наказав Его», — говорит, то есть вразумив бичами, — «отпущу». А римлянам, в угоду иудеям, и надлежало ради праздника отпускать по одному узнику. Ибо при заключении договора с иудеями дали им свободу жить по своим обычаям и законам. А у иудеев был от отцов обычай вышрашивать осужденных у правителя; подобно как и за Ионафана заступились пред Саулом (1 Цар. 14, 45). Если не знаешь этой истории, то возьми первую книгу Царств, и ты найдешь ее. «Но весь народ стал кричать, — говорится, — смерть Ему». Что может быть хуже этого? Народ избранный неистово требует убийства; Пилат язычник отвращается от убийства: верх стал низом. «Смерть, — говорят, — Ему! а отпусти нам Варавву», который посажен был в темницу как возмутитель и убийца. Пилат в третий раз предлагает отпустить, в третий раз и они кричат против Христа, чтобы сим троекратным воплем окончательно подтвердить свою жажду убийства. И они, — как говорит блаженный Петр, — отреклись от Святого и Праведного, а выпросили даровать им человекоубийцу (Деян. 3, 14). Ибо они любят подобное (почему и принимают участие в нем, потому что и сами возмутились против римлян, и стали виновниками бесчисленных убийств и собственной гибели. Господь предсказывает о сем чрез Иеремию: «Я оставил дом Мой; покинул удел Мой; самое любезное для души Моей отдал в руки врагов его. Удел Мой сделался для Меня как лев в лесу; возвысил на Меня голос

свой: за то Я возненавидел его» (Иер. 12, 7-8). И Осия опять: «Горе им, что они удалились от Меня; гибель им, что они отпали от Меня! Я спасал их, а они ложь говорили на Меня. Падут от меча князья их за дерзость языка своего» (Ос. 7, 13. 16). — Иисуса повели и сначала на Него возложили крест, и Он шел с этой ношей. Ибо из прочих никто не брался нести его, так как считали его древом проклятым. Потом, найдя некоторого Симона Киринейского, возложили на него крест, принудив сего человека и, как бы какое поношение, возложив на него крест, которого прочие чуждались. Сим делается немаловажное внушение. Крест есть умерщвление, бездейственность страстей и неподвижность. Ибо распинаемый пригвождается и становится недействительным. Итак, Учитель Христос сначала должен Сам взять крест и пригвоздить плоть Свою к страху Божию, и просиять бесстрашием, а потом уже возлагать его на покорных; ибо Симон означает: «послушание». Исполняются в сем и слова Исаии: «владычество (по церковно-славянски — начальство), — на раменах Его» (Ис. 9, 6). Ибо крест есть начальство Господа и Царство. Павел говорит: «смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Поэтому и Бог превознес Его» и прочее (Флп. 2, 8-9). Если же крест стал для Иисуса высотой и славой, то он справедливо называется «начальством» Его, то есть начальственным достоинством и знаком начальства. Как сенаторы имеют знаки своих достоинств, иные — пояса, другие — мантии, так и Господь устанавливает крест знаменем Своего Царствия. И всмотревшись ты найдешь, что Иисус царствует в нас не иначе, как чрез злострадание, что живущие в неге суть враги креста, и тот может сделаться покорным Христу и взять крест Его, кто упражняется в добродетели, кто «идет с поля», то есть оставляет настоящее поле — мир сей и дела в нем, и стремится в Иерусалим вышний, свободный (Гал. 4, 26). — Что за Христом следовало множество народа и женщин, сим обозначается то, что после креста уверует в Него великое множество иудеев и много женщин. Прочти книгу Деяний (2, 41; 4, 4), и ты увидишь тысячи верующих. А то, что следовавшие за Иисусом женщины плакали и рыдали, не служит ли для нас нравственным уроком? Слабая душа есть женщина; но если она чрез покаяние получает сокрушение сердца, плачет и рыдает, то она поистине следует за Иисусом, распинаемым и злострадающим ради нашего спасения.

Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие! тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас! Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?

Женщины, эти создания, удобоподвижные на рыдания и плач, плачут так, как бы Господа постигла какая напасть, и тем выражают свою сострадательность и сетование о человеческой неправде. А Он не только этим недоволен, но даже возбраняет им. Ибо Он страдал добровольно, а страждущему добровольно, и притом за спасение всего рода человеческого, приличествуют не слезы, а одобрение и прославление. Крестом и смерть разрушена, и ад пленен. Слезы приносят утешение не тем, кои страдают добровольно, но тем, кои страдают невольно. Поэтому Он возбраняет им плакать о Нем, а убеждает их обратить внимание на будущие бедствия и плакать об этих бедствиях, когда женщины без жалости будут варить собственных детей, и чрево носившее, к сожалению, само опять в себя примет родившееся из него. Ибо если римляне так поступили со Мной, деревом влажным, плодоносным, вечно зеленеющим и вечно живущим силой Божества, и плодами учения своего всех питающих, то чего не причинят они вам, то есть народу, дереву сухому, лишенному всякой животворной праведности и не приносящему никакого плода? Если бы вы

имели сколько-нибудь живительной силы добра, быть может, вы удостоились бы, по крайней мере, некоторой пощады; а теперь, как сухое дерево, вы подвергнетесь сожжению и гибели.

Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают. И делили одежды Его, бросая жребий. И стоял народ и смотрел. Насмехались же вместе с ними и начальники, говоря: других спасал; пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий. Также и воины ругались над Ним, подходя и поднося Ему уксус и говоря: если Ты Царь Иудейский, спаси Себя Самого. И была над Ним надпись, написанная словами греческими, римскими и еврейскими: Сей есть Царь Иудейский.

Диавол, желая составить и внушить дурное мнение о Господе, устроит так, что с Ним распинаются два разбойника. Но смотри, как он одного из них лишился и как послужило большей славе Господа то, что диавол замышлял против Него. Ибо крестов разбойников никто не искал, напротив, весь мир томился ожиданием креста Господня. И отсюда очевидно оказывается, что Господь не беззаконник, как разбойники, но путеначальник всякой праведности. — Ведут Его на место лобное, где, говорят, погребен был праотец, чтобы, где совершилось падение чрез древо, там же совершилось и восстановление чрез древо. — Иисус, являя чрезвычайную кротость, молится за них, говоря: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». И, конечно, грех сей простился бы им, если бы после сего они не остались в неверии. — Для чего делят одежды Его? Быть может, многие нуждались в них, а быть может (что и вероятнее), делали это по дерзости и с намерением надругаться. Ибо на их взгляд, что было драгоценного в сих одеждах? Итак, они делали это в виде насмешки и ругательства. Ибо, что нужно заключать о простом народе, когда начальники его насмехались? «Других спасал; пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий?» Это диавол говорит чрез них. Как на кровле храма (Лк. 4, 9), так и здесь он это говорит, завидуя спасению чрез крест и желая всеми возможными хитростями пресечь оное. — Воины подносили уксус для питья, служа именно как царю. — Вот и другая хитрость диавола, обращающаяся на него самого. Именно: он письменами трех языков объявляет о возмущении Иисусовом, чтобы всякому из проходящих было известно, что Он повешен за то, что выдавал Себя за царя. А изобретательный на зло не понимал, что это было знаком того, что сильнейшие из народов, каковы римляне, и мудрейшие, каковы греки, и набожнейшие, каковы евреи, войдут в Царство Иисуса и будут проповедовать Его. Впрочем, в толковании на Евангелие от Иоанна мы сказали о сем больше и возвышеннее.

Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы [осуждены] справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.

Как же прочие евангелисты говорят (Мф. 27, 44; Мк. 15, 32), что Иисуса злословили оба разбойника? Сначала, вероятно, оба злословили Его; а потом один из них, который поблагоразумнее, познал благодать и Божество Иисуса из тех слов, кои Он изрек за

распинателей, говоря: «Отче! прости им». Ибо слова сии не только исполнены совершенного человеколюбия, но обнаруживают много и собственной власти. Иисус не сказал: Господи, молю Тебя, прости им, но просто так же, как и со властью: «Отче! прости им». Вразумленный сими словами, тот, кто прежде злословил Иисуса, признает Его истинным Царем, заграждает уста другому разбойнику и говорит Иисусу: помяни меня во Царствии Твоем. Что же Господь? Как человек — Он на кресте, а как Бог — везде, и там, и в раю все наполняет, и нет места, где Его нет, — Иные спросят: когда Господь говорит разбойнику — «Ныне же будешь со Мною в раю», то как после сего Павел сказал, что никто из святых не получил обетования (Евр. 11, 39)? И одни отвечают: апостол не о всех святых выразился, что они не получили обетования, но только о тех, коих он перечислил. А перечислил он много других, но о разбойнике не упомянул. Ибо слушай, что говорит: «все сии»; очевидно, он речь свою относил к тем, коих он перечислял и в числе коих нет этого разбойника. Другие говорили, что и разбойник еще не наследовал жизни в раю; но поскольку обещание Господа непреложно и отнюдь неложно, поэтому и сказано: ныне же будешь со Мною в раю. Ибо есть, говорят, в речах Господа и такие обороты, в коих Он о будущем выражается как о случившемся. Например, когда говорит: «неверующий уже осужден» (Ин. 3, 18), и в другой раз: «слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5, 24). Иные искажают это изречение, именно: после «ныне» ставят знак препинания так, чтоб выходила такая речь: истинно говорю тебе ныне, а потом продолжают: будешь со Мною в раю. Еще иные, и, кажется, весьма удачно, объясняют это так: обещанные нам блага суть не жизнь в раю или возвращение в оный, а Царство Небесное, почему мы и молимся: «да приидет Царствие Твое», а не жизнь райская. И не говори мне никто, что рай и Царствие одно и то же. Ибо благ Царствия ни глаз не видал, ни ухо не слыхало, и на сердце человеку они не приходили (1 Кор. 2,9). А рай и вииден был глазом Адама, и ухо о нем слышало, ибо сказано: «от всякого дерева в саду ты будешь есть» (Быт. 2, 16). Хотя Адаму и воспрещено было одно дерево, однако же он и видел его, и слышал о нем. Рай и на сердце человеку приходил. Ибо Адам увеселялся душевно, так как он не оставлял такой деятельности и земледельческой радости. Поэтому, — говорят, — Павел нисколько не противоречит. Разбойник получил «рай», но не получил «Царствия»; получит же оное тогда, когда получат и все те, коих перечислил. По крайней мере, в настоящее время он в раю, который есть место душевного успокоения. Так говорили многие и много раз. Можно сказать, что ничто не мешает быть истинными словам как Господним, так и Павловым и в том случае, если даже Царство Небесное и рай суть одно и то же. Ибо разбойник хотя в раю или в Царствии, и не только он, но и все исчисленные Павлом, однако же он не наслаждается всецелым обладанием благ. Как осужденные не находятся в царских жилищах, но заключены в темницы и стерегутся для предназначенных наказаний, а почетные входят в чертоги царские и пребывают в них, потом, когда настанет время раздачи, удостоиваются даров царских, так и святые, хотя не вкушают еще полного блаженства, однако же, находятся в обителях светлых, полных благовония и, вообще говоря, царских, хотя еще не удостоились окончательного раздаяния царских даров. Так и разбойник, хотя стал теперь в раю, однако же, не наслаждается совершенным блаженством, чтобы не без нас достиг совершенства (Евр. 11, 40). И такое объяснение, по моему мнению, всех справедливее. — Не говорю уже о том, что и дарования святых, проявляющиеся в повседневных чудотворениях, справедливо могут быть названы раем и что все они, поскольку, сподобившись дарований духовных, приняли в оных залог Духа, находятся в раю, хотя не достигли совершенства, и получили Царствие, как говорит Павел в том же послании к Евреям, хотя не получили обещанного. Под словом «обетование» он, очевидно, разумел

полноту наслаждения. Итак, они еще не получили всего обещанного, однако же, находятся в Царствии и в раю. Прошу тебя, подивись и сему: как царь какой-нибудь, возвращаясь с победы с трофеями, несет за собой самую лучшую часть добычи, так и Господь, похитив самую лучшую добычу у диавола, ведет оную с Собою, возвращаясь в первоначальное отечество человека, то есть в рай. Он был в раю не Божеством только, но и воспринятой Им мыслящей и разумной душой человеческой, и в раю был с духом и во ад нисходил с душой. Спасши разбойника, Господь связал орудие злобы, согласно Своему предсказанию: связав сильного, вещи его расхитит (Мф. 12,29).

Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и померкло солнце, и завеса в храме раздралась по середине. Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух. Сотник же, видев происходившее, прославил Бога и сказал: истинно человек этот был праведник. И весь народ, сшедшийся на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь. Все же, знавшие Его, и женщины, следовавшие за Ним из Галилеи, стояли вдали И смотрели на это.

Некогда иудеи желали увидеть знамение с неба; итак, вот им знамение это: необычайная «тьма». — И «завеса» храма «раздирается». Господь этим показывает, что Святое Святых уже не будет недоступно, но предано будет римлянам, попрано и осквернено. Или еще Он показывает, что раздирается завеса, разлучавшая нас со святыми, живущими на небесах, то есть вражда и грех. Ибо это составляло великую преграду, разделявшую нас от живущих там. Показывает вместе и то, что Он не по бессилию распят. Ибо совершивший такое знамение мог бы и их расторгнуть и уничтожить. — Возгласив громким голосом, Иисус испускает дух. Ибо Он имел власть положить душу Свою и опять принять ее (Ин. 10, 18). — Голос этот и прочие чудеса послужили для сотника поводом к вере. Ибо Иисус умирал не как обыкновенный человек, но как Владыка, и смерть назвал передачей под сохранение, так как Он имел снова принять душу. Это первый голос, коим души наши удостоились свободы, так как их уже не диавол держит, но они предаются Отцу. Ибо до смерти Христовой диавол имел большое право над душами, но с тех пор, как Сын предал дух Свой не в ад, но в руки Отца, содержащиеся в аде получили свободу. Здесь-то усматривается событие сказанных некогда Господом слов: когда Я вознесен буду, всех привлеку к Себе (Ин. 12, 32). Ибо, вознесенный на крест, Он привлек разбойника, привлек сотника. — Некоторые из иудеев били себя в грудь и, упрекая распинателей, открыто признавали Иисуса праведником. — Ученики бежали, а женщины, этот униженный и проклинаемый род, остаются и смотрят на все сие, и зато первые наслаждаются проистекающим отселе оправданием и благословением, равно как и воскресением. — А ты подивись, пожалуй, ожесточению иудеев. Они говорят: пусть сойдет с креста, и мы поверим Ему. И видя большие чудеса, не веруют! Ибо не равнялось ли снятию со креста помрачение солнца, расседание камней, страшное землетрясение, воскрешение мертвых, раздрание завесы и изменение всей твари? Поэтому пусть никто не недоумевает, для чего Иисус не сошел с креста, но пусть принимает это без любопытства, соображая, что они и тогда не поверили бы, когда бы Он сделал то, и ничего другого не вышло бы из сего, кроме того, что исказилось бы спасение через крест. Ибо крест преимущественно пред всем есть слава Христова. Итак, Он, совершив больше чудес, тогда как они не веровали, в одно время исправил два дела: во-первых, до конца претерпел и воспринял крест, это великое знамение победы; и, во-вторых, обнаружил, что они совершенно бесчувственны, не имеют нисколько добра, но загубели в неверии.

Тогда некто, именем Иосиф, член совета, человек добрый и правдивый, не участвовавший в совете и в деле их; из Аримафеи, города Иудейского, ожидавший также Царствия Божия, пришел к Пилату и просил тела Иисусова; и, сняв его, обвинил плащаницею и положил его в гробе, высеченном [в скале,] где еще никто не был положен. День тот был пятница, и наступала суббота. Последовали также и женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, и смотрели гроб, и как полагалось тело Его; возвратившись же, приготовили благовония и масти; и в субботу остались в покое по заповеди.

Иосиф прежде не открывался, но теперь творит дело достохвальное. Несмотря на то, что был член совета и богатый человек, он смело просит тело Человека, Которого распяли как мятежника и возмутителя, и не обращает внимания ни на какую опасность, хотя богатство боязливо, но испрашивает и с честью погребает во гробе, исеченном в камне, где никого другого прежде не полагали, чтобы клеветники не сказали, что воскресло тело другого. А женщины, хотя имели веру к Господу, но не такую, какую следовало иметь, а слабую и малую. Ибо, считая Его за простого человека, готовят масти и благовония по господствовавшему у иудеев обычаю, всегда соблюдаемому над умершими. Впрочем, в субботу по заповеди Закона остаются в покое.

Глава двадцать четвертая

В первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу, и вместе с ними некоторые другие; но нашли камень отваленным от гроба. И, войдя, не нашли тела Господа Иисуса. Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе и наклонили лица [свои] к земле, сказали им: что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть. И вспомнили они слова Его, и, возвратившись от гроба, возвестили всё это одиннадцати и всем прочим. То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, [мать] Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем Апостолам. И показались им слова их пустыми, и не поверили им. Но Петр, встав, побежал ко гробу и, наклонившись, увидел только пелены лежащие, и пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему.

В первый день седмицы женщины пришли к гробу, неся с собой благовония. Пришли они весьма рано, что евангелист Матфей (28, 1) называет вечером субботы. Ибо глубокое утро почти то же, что очень поздний вечер. И нашли они камень отваленным от гроба, ибо Ангел отвалил его, как говорит Матфей (28, 2). Когда они вошли внутрь, им являются два мужа. Один, упоминаемый Матфеем (28, 2), сидел на камне, а эти два мужа предстали внутри гроба. Это разные видения. Мужья являются в одеждах блистающих, по причине светлости воскресения, и напоминают женщинам то, что им говорил Господь, именно: что «надлежит», то есть необходимо, Ему «быть предану в руки человеков грешников», то есть римлян, язычников и скверных, «и в третий день воскреснуть». О том, как воскресение тридневно, мы достаточно сказали в толковании на Матфея (гл. 28). — Когда они возвратились от гроба и рассказали об этом апостолам, то их почли мечтательницами. Так, по природе, невероятным кажется людям чудо воскресения! Впрочем, Петр не медлит, как и огонь, принявшийся за

вещество, но бежит ко гробу и видит только пелены лежащие. И от того, что он достиг до гроба, на первый раз польза та, что вместо того, чтобы насмеяться, он удивляется: «и пошел назад (сказано), дивясь сам в себе происшедшему». Ибо как остались одни только пелены, и притом тогда, когда тело намазано было смирной? Сколько же досуга имел вор, когда он оставил их свитыми по надлежащему, вынес тело, и притом тогда, когда приставлены были воины? Под «Мариною, матерью Иакова», разумей Богородицу, ибо ее так называли, как мнимую мать Иакова, сына Иосифа, которого называли малым; я разумею брата Божия. Ибо был Иаков и больший, один из двенадцати, сын Зеведеев.

В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою о всех сих событиях. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны? Один из них, именем Клеопа, сказал Ему в ответ: неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни? И сказал им: о чем? Они сказали Ему: что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло. Но и некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его и, придя, сказывали, что они видели и явление Ангелов, которые говорят, что Он жив. И пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели.

Некоторые говорят, что один из этих двоих был сам Лука, потому евангелист и скрыл свое имя. Они разговаривали между собой о всех сих событиях не как верующие, но как недоумевающие и изумляющиеся необычайным происшествием, и не скоро могущие примириться с таким чудным явлением, Иисус, подойдя, пошел с ними. Ибо, имея тело уже духовное и Божественнейшее, Он в расстоянии мест не находил препятствия быть с теми, с кем Ему угодно. Поэтому и телесные очертания, с которыми тогда явился Спаситель, не позволяли им узнать Его. Ибо Он явился им, как говорит Марк (16, 12), «в ином образе» и в иных чертах. Он телом располагал уже не по законам природы, но сверхъестественно и духовно. От сего-то очи их и были удержаны так, что не узнавали Его. Для чего же Он явился в ином образе, и для чего очи их были удержаны? Для того чтоб они открыли все свои недоумения, обнаружили свою рану и потом уже приняли лекарство; чтоб после долгого промежутка явиться им более приятным; чтоб научить их из Моисея и пророков, и когда уже быть узанным; чтоб они лучше поверили, что тело Его уже не таково, чтобы могло быть усматриваемо всеми вообще, но что воскресло хотя то же самое, которое и пострадало, однако же, видимо бывает только для тех, кому Он благоволил; чтобы они приобрели отсюда и ту великую пользу, чтобы не колебаться уже недоумениями (относительно того, например), для чего Он снова не обращается среди народа, но размышляли в себе, что образ жизни Его по воскресении далеко разнится от обыкновенного, не человеческий, но Божественнейший, так что служит образом и будущего воскресения, в которое мы будем жить, как Ангелы и сыны Божии. Итак, вот для чего очи их были удержаны, и они не узнали Его. Ибо Он становился видим для тех, для кого желал. — Господу, являющемуся в виде спутника, Клеопа делает упрек и говорит: «неужели Ты один из пришедших», то есть,

неужели ты один из жителей Иерусалима не знаешь о случившемся? Иные, впрочем, слова: «из пришедших (пришелец еси)» понимали так: неужели ты один только пришлец и живешь вне Иерусалима, и так безучастен к происходящему в нем, что не знаешь о сем? — Смотри же, какое очень малое еще имели они понятие о Господе. Они называли Его мужем «пророком», как можно назвать Илию, Иисуса сына Навина или Моисея; «сильным в деле и слове»: прежде — дело, потом — слово. Ибо никакое слово учителя не твердо, если учитель прежде не представит себя исполнителем оногo. Итак, будь прежде силен в деле, потом старайся иметь и слово. Тогда и Бог будет содействовать тебе. Ибо прежде — делание, а потом — созерцание и озарение. Если не вычистишь зеркала с трудом и потом, то не увидишь желаемой красоты. Ибо «блаженны чистые сердцем», а это достигается делами, «ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8), и это конец созерцанию. Нужно быть сильным в деле и слове «пред Богом», а потом «пред всеми людьми». Ибо прежде Богу нужно угождать, а потом стараться быть по возможности непорочным и пред людьми, и не должно ни человекоугодливость предпочитать богоугождению, ни жить на соблазн многих, но заботиться о том и другом, как и премудрый говорит: разумей добре пред Богом и людьми. И Павел говорит то же (2 Кор. 8, 21). — «А мы надеялись было, — говорит, — что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля». Как бы обманутые в своих надеждах, они говорят так: мы надеялись, что Он и других спасет, а вот Он и Себя не спас. Так они были малодушны и косны на веру! Их слова похожи на то, что говорили и находящиеся у креста: «других спасал, а Себя не может спасти» (Мк, 15, 31). Поэтому и Господь называет их бессмысленными и медлительными в веровании. Что значат слова: «избавить Израиля»? Мы говорили некогда, что народ иудейский и менее прочих основательные ожидали во Христе спасителя и избавителя от угнетавших их зол и от ига римского рабства и надеялись, что Он воцарится на земле. Поэтому и говорят: мы надеялись, что Он и Израиля избавит от язычников — римлян, а вот Он и Сам не избег несправедливого над Ним приговора. — «Уже третий день ныне, и некоторые женщины из наших изумили нас» и прочее. Говорят так в состоянии недоумения. Мне кажется, что эти два мужа были в сильном колебании мыслей, ни слишком не верили, ни слишком верили. Ибо слова: «мы надеялись, что Он избавит Израиля» обнаруживает неверие; а слова «уже третий день ныне» показывают, что люди уже близки к тому, чтобы вспомнить слова Господа: «в третий день воскресну». И слова: «изумили нас» обнаруживают нечто подобное же, то есть колебание их неверия. Рассматриваемые же в совокупности, слова эти поистине свойственны людям, находящимся в сильном сомнении, так как люди сии необычайностью воскресения приведены были в состояние недоумения и в затруднительное положение. И «пошли, — говорят, — некоторые из наших», то есть или один Петр, или Петр и Иоанн. И отсюда видно, что о чем одни говорят пространно, о том другие упоминают кратко и мимоходом, так как Иоанн пространнее повествует о хождении Петра к Иоанна ко гробу, а сей (Лука), упомянув о немногих, имена их опустил.

Тогда Он сказал им: о, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании. И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них. И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда

изъяснял нам Писание? И, встав в тот же час, возвратились в Иерусалим и нашли вместе одиннадцать [Апостолов] и бьющих с ними, которые говорили, что Господь истинно воскрес и явился Симону. И они рассказывали о происшедшем на пути, и как Он был узан им в преломлении хлеба.

Поскольку они размышляли по-человечески и страдали большим сомнением, то Господь называет их несмысленными и медлительными в веровании всему тому, что предсказывали пророки. Ибо можно верить отчасти и верить всецело. Например, кто надеется, что Христос придет для спасения народа, впрочем, не для спасения душ, но для восстановления и избавления иудейского народа, тот верует не настолько, насколько должно верить. Равно и тот, кто словам Давида: «пронзили руки мои и ноги Мои» (Пс. 21, 17) и прочим словам относительно креста и обстоятельств на кресте верует, как пророчеству от лица Господа, и места Писания о страдании принимает, но не принимает в рассуждение места о воскресении, каковы, например, сии: «Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление» (Пс. 15, 10), «между мертвыми» (Пс. 87, 6), «освобождает узников от оков» (Пс. 67, 7) и подобные, тот имеет веру не совершенную, но верует отчасти. А должно верить пророкам во всем, как относительно состояния уничижения, так и относительно состояния славы. Ибо Христу нужно было пострадать — это уничижение. Но нужно было Ему войти и в славу Свою — это прославление. Вы же так несмысленны, что слыша Исаию, говорящего о том и другом состоянии, именно: «веден был Он на заклание» и «хочет Господь явить Ему свет» (Ис. 53, 7. 11), первое принимаете, а о втором не помышляете: тому, что Он «изъязвлен был», веруете, а того, что Господь хочет очистить Его от язвы (Ис. 53, 5. 10), и в ум не берете. Но поскольку, «говорит», вы «несмысленны», то есть медлительны (ибо если бы они были несмысленны то Он ничего не стал бы и говорить им), поскольку вы медлительны, то Я раскрою ваш ум и сделаю его быстрым в мышлении. Поэтому Он и изъяснил им из Моисея и из всех пророков сказанное о Нем. Таинство жертвоприношения Авраамова, когда он, оставив живым Исаака, принес во всеожжение овна, служило преобразованием относительно Господа, как и Сам Господь говорит, что Авраам видел день Его, и возрадовался (Ин. 8, 56). И это место: «жизнь твоя будет висеть пред тобою» (Втор. 28, 66), в одно и то же время указывает и на распятие словом «висеть» и на воскресение словом «жизнь». Рассеяны и в прочих пророчествах изречения о кресте и о воскресении, особенно у важнейших пророков. Таких мест можно набрать и из них. — Примечай, пожалуй, и то, что вход в славу зависит от перенесения страданий. — Господь показывает вид, что хочет идти далее, без сомнения, по человечеству. — Когда Он соизволяет, тогда очи их отверзаются, и они узнают Его. Сим обозначается и нечто другое, именно: что у тех, кои причащаются благословенного хлеба, отверзаются очи для указания Его. Ибо плоть Господа имеет великую и несказанную силу. — Он становится им невидимым, потому что имел не такое уже тело, чтоб надолго пребывать с ними телесно, и вместе для того, чтобы таковым действием еще более усилить их любовь. — Они так обрадовались что «в тот же час: встали и возвратились в Иерусалим, впрочем, возвратились не в тот же час, ибо встали в тот же самый час, а возвратились спустя столь много (времени), сколько нужно было им на переход расстояния в шестьдесят стадей. В эти часы, конечно, Господь явился и Симону, покуда эти два мужа совершали обратный путь в Иерусалим. — «Сердце» их «горело» или от огня слов Господних, когда при изъяснении Господом они внутренне разгорались и соглашались с Его речами как истинными, или, когда Он изъяснял им Писания, сердце их билось и внутренне говорило: Сей Самый, Который изъясняет нам, есть Господь.

Когда они говорили о сем, Сам Иисус стал посреди них и сказал им: мир вам. Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги. Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними. И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще бью с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах.

Господь, все устрояющий для нашего спасения, становится посреди учеников, с намерением уверить их в воскресении. И, во-первых, обычным приветствием мира утишает их смущение, а потом показывает, что Он Самый есть Учитель их, который любит это приветствие и который вооружал их этим приветствием, когда посылал на проповедь (Мф. 10, 12; Лк. 10, 5). Поскольку же от этого слова не укротилось душевное их смущение, Он иначе показывает им, что Он есть Сын Божий, знающий сердца. «Для чего, — говорит, — такие мысли входят в сердца ваши?» А всеми признано, что знать сердца свойственно одному Богу (Пс. 138), Присовокупляет и еще иное доказательство — осязание рук и ног. Вы, — говорит, — считаете Меня за духа или за привидение, каковых обыкновенно много от умерших представляется, особенно при гробах. Но знайте, что дух не имеет ни плоти, ни костей, а Я имею и плоть, и кости, хотя Божественнейшие и духовные. Ибо тело Господа хотя не было духом, но было «духовно», то есть чуждо всякой вещественной грубости, и управлялось духом. Тело, какое мы ныне имеем, «душевно», то есть управляется душой и оживотворяется естественными и душевными свойствами и силами. А тело, каким оно будет по воскресении, Павел называет духовным (1 Кор. 15, 44), то есть оно оживотворяется и управляется Духом Божиим, а не душой, быв неизреченным и духовным образом пересоздано для нетления и сохраняясь в оном. Так нужно мыслить о теле Господнем по воскресении, именно как о духовном, тонком, чуждом всякой грубости, не нуждающемся ни в пище, ни в другом чем, хотя Господь и вкушал для уверения. Ибо если Он вкушал, то вкушал не по природе тела Своего, но по особенному устройению, именно: чтобы показать, что воскресло то же самое тело, которое страдало. А в природе этого тела было входить сквозь запертые двери, без труда переходить от места до места. — Когда же ученики еще не верили, ни осязанием не убеждались, то Господь присовокупил и еще доказательство — вкушение пищи, потребляя едкое некоторой божественной силой. Ибо все, что естественно поедается устами, афедроном выходит, а Он, как мы сказали, вкушает не по закону природы, но по особенному устройению. Употребленные Им яства, кажется, имеют и некоторый прикровенный смысл. Вкушая часть печеной рыбы, Господь дает знать, что Он огнем Своего Божества испек наше естество, плавающее в соленой жизни сей, обсушил всю влагу, приставшую к нему от глубоких вод, а особенно от волн, и таким образом сделал оное Божественной пищей, сделав приятной Богу снедью то, что было прежде скверно. Это означает пчелиным сотом, то есть нынешняя сладость нашего естества, прежде отверженного. Или, я и то думаю, что «печеной рыбой» означает деятельная жизнь, которая с помощью пустынных и молчаливых углей истребляет в нас большую влажность и тучность, а «сотом медом» — знание или созерцание, так как речения Божия сладки (Пс. 18, 11). Впрочем, есть мед трутневый — языческая мудрость, и есть мед пчелиный — премудрость Божественная, а пчела есть Христос. Хотя она мала величиной, ибо слово сокращенно и слабо силой, ибо Павел проповедует не в силе слова, чтобы не

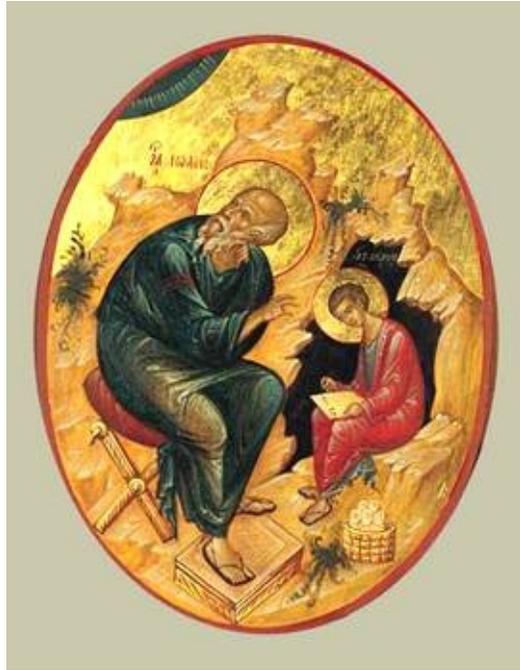
упразднить креста (1 Кор. 1, 17), однако же, она любезна царям и частным людям, кои труды ее употребляют на здоровье душам.

Тогда отверз им ум к уразумению Писаний. И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему. И Я пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше. И вывел их вон [из города] до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их. И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо. Они поклонились Ему и возвратились в Иерусалим с великою радостью. И пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога. Аминь.

Когда Господь умирил и успокоил сердца учеников, удостоверив их в действительности воскресения Своего тела Своими речами, дозволением осязать Себя и вкушением пищи, тогда отверз им ум к разумению Писания. Ибо если бы душа их не утишилась, как бы они уразумели, находясь в состоянии беспорядочном, в состоянии смущения? Ибо «Остановитесь, — сказано, — и познайте» (Пс. 45, 11). За сим учит их, что «так надлежало пострадать Христу». Как же это «так»? На древе крестном. Поскольку гибель вошла чрез дерево, то и тлению надлежало быть разрушену чрез дерево, и услаждение деревом надлежало упразднить Господу, непобедимо прошедшему болезни на древе. Потом, — говорит, — надлежало Христу «воскреснуть в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах». Здесь Господь говорит о крещении. Ибо в нем совершается покаяние чрез исповедь и отложение прежней злобы и нечестия и последует прощение грехов. — Как понимать то, что крещение бывает во имя одного только Христа, когда мы в другом месте научаемся совершать оное во имя Отца и Сына, и Святаго Духа? (Мф. 28, 19). Во-первых, то скажем, что когда мы говорим: крещение бывает во имя Христа, то не то говорим, будто нужно совершать оное в одно имя Христа, но что нужно совершать крещение ни иудейское, ни Иоанново, служившее к одному покаянию, но Христово, которым Христос крестился, то есть духовное, подающее общение Святого Духа и прощение грехов, что Он Сам показал, крестившись ради нас в Иордане и явив Духа Святого в виде голубя. — Потом, крещение во имя Христа понимай так: крещение в смерть Христову. Ибо как Он умер и в третий день воскрес, так и мы образно погребаемся в воде, потом выходим из нее нетленными по душе и получаем залог быть нетленными по самому телу. — И иначе: имя Христос (помазанник) само в себе предъявляет и Отца помазавшего, и помазание Духа, и Сына помазанного. — Прощение грехов бывает «во имя Господа». Где же скверные языки тех, кои крестят в Монтана и Прискиллу и Максимииллу? Поистине, крестящимся так не бывает никакого прощения, а еще прилагаются грехи, и поэтому они впали в ужасную гибель. — Слово прошло «во всех народах», начиная от Иерусалима. Ибо, когда во Христе соединилось и воспринято все естество человеческое, ему не нужно уже было распасться на два отдела — евреев и язычников, но, начиная от Иерусалима, слову нужно было вселиться и между язычниками, чтобы объединить весь род человеческий. «Вы же, — говорит, — свидетели сему», то есть страданиям и воскресению. Потом, чтобы они не смутились внутренне помыслами (о том, например), как мы, люди простые, будем свидетельствовать и посланы будем к язычникам, как выступим прямо против иерусалимлян, которые и Тебя убили, Господь для сего говорит: мужайтесь, ибо Я вскоре пошлю (на вас) «обетование Отца Моего», о котором Я сказал чрез Иоила: излию от Духа Моего на всякую плоть и прочее

(Иоил. 2, 28). Итак, вы, ныне боязливые и немужественные, оставайтесь в городе Иерусалиме, пока не облечетесь силой не человеческой, но небесной. Не сказал: пока не «получите», но: пока не «облечетесь», показывая чрез это, что духовное вооружение будет хранить их со всех сторон. — Вывел их до Вифании; думаем, что это случилось в самый сороковой день (от воскресения). Ибо о чем они говорят кратко, то (ты понимай, пожалуй) совершается в течение многих дней, как и сам Лука говорит в Деяниях (1, 3), что Господь являлся ученикам в продолжение сорока дней, ибо Он часто являлся им и часто удалялся от них. — Господь «благословил» учеников, быть может, для того, чтоб преподать им силу, которая хранила бы их до сошествия Духа, а может быть, и в наше научение, чтобы мы, когда удаляемся куда-нибудь, подчиненных своих вверяли под сохранение благословением. — И стал «возноситься на небо». Илия возшел «на небо» (4 Цар. 2, 11), ибо казалось, что он возносился как бы на небо; а Спаситель возшел на самое небо предтечею всех, чтобы со святой плотью Своей явиться лицу Божию и посадить ее с Отцом (Евр. 9, 24): и ныне естество наше во Христе принимает поклонение от всякой ангельской силы. — «И возвратились в Иерусалим с великою радостью. И пребывали всегда в храме». Смотри, какое мужество! Еще не получили Духа, а живут духовно. Прежде запирались в дому, а теперь живут посреди первосвященников и не заботятся ни о чем житейском, но, презрев все, постоянно пребывают в храме, хвалят и благословляют Бога. О, если бы и мы, став подражателями их, постоянно пребывали в святой жизни, хваля и благословляя Бога такой жизнью! Ибо жизнь святая и добродетельная есть слава и благословение Богу, потому что Ему принадлежит всякая слава вовеки. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

Предисловие

Сила Духа Святаго, как написано (2 Кор. 12, 9) и как веруем, совершается в немощи, в немощи не тела только, но и разума, и красноречия. Это видно как из многого другого, так особенно из того, что благодать показала на великом богослове и брате Христовом. Отец у него был рыболов; сам Иоанн занимался тем же промыслом, каким и отец; он не только не получил греческого и иудейского образования, но и вовсе не был учен, как замечает о нем божественный Лука в Деяниях (4, 13). Да и отечество его самое бедное и незнатное, как местечко, в котором занимались рыбною ловлею, а не науками. Его произвела на свет Вифсаида. Однако же смотри, какого Духа получил этот неученый, незнатный, ни в каком отношении незамечательный. Он возгремел о том, чему не учил нас никто из прочих евангелистов. Так как они благовествуют о воплощении Христовом, а о предвечном Его бытии не сказали ничего довольно ясного и наглядного, то угрожала опасность, что люди, привязанные к земному и немогущие помыслить ни о чем высоком, подумают, что Христос тогда лишь начал Свое бытие, когда родился от Марии, а не родился от Отца прежде веков. В такое заблуждение, как известно, впал Самосатский Павел. Посему великий Иоанн возвещает о горнем рождении, не преминув, впрочем, упомянуть и о воплощении Слова. Ибо говорит: «и Слово стало плотию» (1, 14). — Иные говорят, что Православные и просили его написать о горнем рождении, так как в то время появились еретики, учившие, что Иисус был простой человек. Говорят также, что святой Иоанн, прочитав писания прочих евангелистов, подивился истинности их повествования обо всем и признал их здравомысленными и не сказавшими ничего в угоду апостолов. Впрочем, о чем они не ясно сказали или совершенно умолчали, то он распространил, уяснил и прибавил в своем Евангелии, которое и написал в то время как находился в заточении на острове Патмосе, спустя тридцать два года по вознесении Христовом. — Иоанн был любим Господом более всех учеников за его простоту, кротость, добродушие и чистоту сердца, или девство. Вследствие такого дарования ему вверено и

богословие, наслаждение таинствами, для многих незримыми. Ибо «блаженны, — сказано, — чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8). Иоанн был и сродник Господа. А как? Слушай. Иосиф, обручник пречистой Богородицы, имел от первой жены семерых детей, четырех мужского пола и трех женского пола, Марфу, Есфирь и Саломию; сей-то Саломии Иоанн был сын. Таким образом оказывается, что Господь был ему дядя. Так как Иосиф отец Господу, а Саломия дочь этого Иосифа, то Саломия приходится сестрою Господу, а посему и сын ее Иоанн племянником Господу. — Быть может, не уместно разобрать и имена матери Иоанна и самого евангелиста. Мать, называемая Саломиею, означает мирную, а Иоанн — благодать ее. Итак, пусть всякая душа знает, что мир с человеками и мир от страстей в душе становится матерью божественной благодати и порождает ее в нас. Ибо душе, возмущаемой и ведущей борьбу с прочими людьми и с самой собою, неестественно удостоиться божественной благодати. — Нам представляется и еще одно дивное обстоятельство в этом евангелисте Иоанне. Именно: он один только, а матерей оказывается у него три: родная Саломия, — гром, ибо за великий глас в Евангелии он — сын громов (Мк. 3, 17), и Богородица, ибо сказано: «се, Матерь твоя» (Ин. 19, 27). — Сказав это прежде изъяснения, мы должны теперь начать разбор и самих речей Иоанновых.

Глава первая

В начале было Слово.

Что я сказал в предисловии, то и теперь повторю, именно: тогда как прочие евангелисты пространно повествуют о земном рождении Господа, воспитании и возрастании, Иоанн опускает эти события, так как об них довольно сказано соучениками его, а ведет речь о Божестве вочеловечившегося ради нас. Впрочем, при тщательном рассмотрении увидишь, что как ни те не умолчали о Божестве Единородного, но упомянули, хотя необширно, так ни Иоанн, вперив свой взор к вышнему слову, не опустил вовсе из внимания домостроительство воплощения. Ибо один Дух руководил душами всех. — Иоанн говорит нам о Сыне, упоминает и об Отце. — Он указывает на вечность Единородного, когда говорит: «в начале было Слово», то есть было от начала. Ибо что существует от начала, у того, без сомнения, не найдется времени, когда бы оно не существовало. Откуда, скажет иной, видно, что выражение «в начале было» означает то же, что от начала? Откуда? Как из самого общего понимания, так особенно из самого этого евангелиста. Ибо в одном из своих посланий (1, 1) он говорит: о том, что было от начала, что мы видели. Видишь ли, как возлюбленный объясняет сам себя? Так, скажет вопрошающий; но я понимаю это «в начале» так же, как и у Моисея: «в начале сотворил Бог» (Быт. 1, 1). Как там выражение «в начале» не дает той мысли, будто бы небо вечно, так и здесь я не буду понимать слово «в начале» так, будто бы Единородный вечен. Так скажет еретик. На эту безумную настойчивость мы ничего другого не будем говорить, кроме сего: мудрец злобы! Зачем ты умолчал о последующем? Но мы и против твоей воли скажем это. Там Моисей говорит: в начале Бог «сотворил» небо и землю, а здесь сказано: в начале «было» Слово. Что же общего между «сотворил» и «было»? Если бы и здесь было написано: в начале сотворил Бог Сына, то я умолчал бы; но теперь, когда здесь сказано: «в начале было», я заключаю из сего, что Слово существует от века, а не впоследствии получило бытие, как ты пустословишь. Почему Иоанн не сказал: в начале был Сын, но: «Слово»? Слушай. Это ради немощи слушателей, дабы мы, с самого начала услышав о Сыне, не помыслили о страстном и плотском рождении. Для того назвал Его «Словом», чтобы ты знал, что как слово рождается от ума бесстрастно, так и Он рождается от Отца

бесстрастно. Еще: назвал Его «Словом» потому, что Он возвестил нам о свойствах Отца, подобно как и всякое слово объявляет настроение ума; а вместе и для того, чтобы показать, что Он совечен Отцу. Ибо как нельзя сказать, что ум бывает иногда без слова, так и Отец и Бог не был без Сына. — Иоанн употребил это словосочетание потому, что много есть и иных слов Божиих, например, пророчества, заповеди, как и сказано об ангелах: «крепкие силою, исполняющие слово Его» (Пс. 102, 20), то есть повеления Его. Но собственно Слово есть личное существо.

И Слово было у Бога.

Здесь евангелист еще яснее показывает, что Сын совечен Отцу. Дабы ты не подумал, что Отец был некогда без Сына, он говорит, что Слово было у Бога, то есть у Бога в недрах отеческих. Ибо предлог «у» ты должен понимать вместо «с», как и в ином месте он употреблен: не братия ли Его и сестра Его в нас суть, то есть с нами живут? (Мк. 6, 3). Так и здесь «у Бога» понимай вместо: был с Богом, вместе с Богом, в Его недрах. Ибо невозможно, чтобы Бог когда-либо был без Слова или премудрости, или силы. Посему мы веруем, что Сын, так как Он есть Слово, премудрость и сила Отца (1 Кор. 1, 24), всегда был у Бога, то есть был современно и совместно с Отцом. И как же, скажешь, Сын не после Отца? Как? Научись от вещественного примера. Сияние солнечное не от самого ли солнца? Так точно. Ужели оно и позднее солнца, так что будто бы можно представить себе время, когда солнце было без сияния? Нельзя. Ибо как оно было бы и солнцем, если бы не имело сияния? Если же так мыслим о солнце, то тем более должны так мыслить об Отце и Сыне. Должно веровать, что Сын, Сый сияние Отца, как говорит Павел (Евр. 1, 3), всегда блистает вместе с Отцом, а не позднее Его. — Заметь также, что этим выражением опровергается и Савеллий ливиянин. Он учил, что Отец, Сын и Дух суть одно лицо и что это единое лицо в одно время являлось как Отец, а в другое как Сын, а в иное как Дух. Так пустословил сын отца лжи, исполненный духа лукавого. Но сими словами: «и Слово было у Бога» он явно обличается. Евангелист здесь самым ясным образом говорит, что иной Слово и иной Бог, то есть Отец. Ибо если Слово было вместе с Богом, то, очевидно, вводятся два лица, хотя у них обоих и одно естество. А что одно естество, слушай.

И Слово было Бог.

Видишь ли, что и Слово Бог! Значит, у Отца и Сына едино естество, как и едино божество. Итак, да устыдятся и Арий, и Савеллий. Арий, называющий Сына Божия созданием и тварью, да посрамится тем, что Слово в начале было и было Богом. А Савеллий, не принимающий троичности лиц, но единичность, да посрамится тем, что Слово было у Бога. Ибо здесь великий Иоанн ясно возвещает, что иной Слово, и иной Отец, хотя не иное и иное. Ибо иной говорится о лицах, а иное и иное об естествах. Например, чтобы мысль изложить яснее, Петр и Павел суть иной и иной, ибо два лица; но не иное и иное, ибо у них одно естество — человечество. Так же должно учить и об Отце и Сыне: Они, с одной стороны, иной и иной, ибо два лица, а с другой стороны, не иное и иное, ибо одно естество — божество.

Оно было в начале у Бога.

Сей Бог Слово никогда не отделялся от Бога и Отца. Так как Иоанн сказал, что и Слово было Богом, то, дабы не смутила кого-нибудь такая сатанинская мысль: если и Слово есть

Бог, то не восставало ли Оно когда-нибудь против Отца, как боги язычников в их баснях, и если отделилось от Него, не стало ли противником Богу? — он говорит, что хотя Слово есть и Бог, однако же Оно опять у Бога и Отца, вместе с Ним пребывает и никогда не отделялось от Него. — Не менее прилично сказать держащимся Ариева учения и это: слушайте, глухие, называющие Сына Божия делом и творением Его; вы разумеете, какое имя Сыну Божию приложил евангелист: он назвал Его Словом. А вы именуете Его делом и творением. Не дело Он и не творение, а Слово. Слово двух родов. Одно — внутреннее, которое мы, когда и не говорим, имеем, то есть способность говорить, ибо и тот, кто спит и не говорит, имеет, однако же, положенное в нем слово и не потерял способность. Итак, одно слово внутреннее, а другое произносимое, которые мы и устами произносим, приводя в действие способность говорить, способность умственного и внутри лежащего слова. Хотя таким образом слово двух родов, однако же, ни которое из них не подходит к Сыну Божию, ибо Слово Божие не есть ни произносимое, ни внутреннее. — Те слова естественны и наши, а Слово Отца, будучи выше естества, не подлежит дольным хитрословиям. Посему хитрое умозаключение Порфирия язычника распадается само собою. Он, пытаясь ниспровергнуть Евангелие, употреблял такое разделение: если Сын Божий есть слово, то или произносимое, или внутреннее слово; но Он ни то, ни другое; следовательно, Он не есть Слово. Итак, евангелист вперед разрешил это умозаключение, сказав, что внутреннее и произносимое говорится об нас и предметах естественных, а о сверхъестественных ничего такого не говорится. Впрочем, и то нужно сказать, что сомнение язычника имело бы основание, если б это имя «Слово» было вполне достойно Бога и собственно и существенно употреблялось об Нем. Но доселе никто еще не нашел никакого имени, вполне достойного Бога; ни это самое «Слово» не употребляется собственно и существенно об Нем, а оно только показывает, что Сын родился от Отца бесстрастно, подобно как слово от ума, и что Он стал вестником воли Отчей. Что же ты, несчастный, привязываешься к имени и, слыша об Отце, Сыне и Духе, ниспадаешь на вещественные отношения и воображаешь в уме плотских отцов и сыновей, и ветер воздушный может быть южный или северный, или другой какой, производящий бурю? Но если хочешь узнать, что за слово — Божие Слово, то слушай, что следует далее.

Все чрез Него начало быть.

Не считай, говорит, Слово разливающимся в воздухе и исчезающим, но почитай Творцом всего умопредставляемого и чувственного. Но ариане опять с настойчивостью говорят: «как мы выражаемся, что дверь сделана пилою, хотя она тут орудие, а другой двигал орудием — мастер, так и Сыном все получило бытие, не так, будто Он Сам Творец, но орудие, подобно как там пила, а Творец есть Бог и Отец, и Он употребляет Сына как орудие. Посему Сын есть творение, на то созданное, чтобы Им все получило бытие, подобно как пила устроится для того, чтобы ею производить плотнические работы». Так твердит лукавый сонм Ария. — Что же нам сказать им просто и прямо? Если Отец, как вы говорите, на то создал Сына, чтобы иметь Его орудием к совершению твари, то Сын честью будет ниже твари. Ибо как в том случае, когда бывает орудием пила, устрояемое ею честнее ее, так как пила сделана для изделий, а не они для пилы; так и тварь будет честнее Единородного, ибо для нее, как они говорят, создал Его Отец, как будто бы Бог и не произвел из Себя Единородного, если бы не имел намерения сотворить все. Что безумнее сих речей? — Для чего же, говорят, евангелист не сказал: это Слово сотворило все, но употребил такой предлог: «чрез»? Чтобы ты не помыслил, что Сын не рожден, безначален и противен Богу, для сего и сказал Он, что Отец все сотворил Словом. Ибо представь себе, что какой-нибудь царь, имея сына и намереваясь

построить город, устройство его вверил сыну. Как тот, кто говорит, что город построен сыном царя, сына царева не низводит в раба, но показывает, что этот сын и отца имеет, и не один только, так и здесь евангелист, сказав, что все сотворено Сыном, показал, что Отец, так сказать, употребил Его посредником к сотворению, не как меньшего, но напротив, как равносильного и как могущего выполнить столь великое поручение. Скажу тебе и то, что если тебя смущает предлог «чрез» и ты желаешь найти в Писании какое-нибудь место, говорящее, что Само Слово сотворило все, то послушай Давида: «в начале Ты, Господи, основал землю, и небеса — дело Твоих рук» (Пс. 101, 26). Видишь ли, не сказал он: чрез Тебя сотворены небеса и основана земля, но «Ты» основал, и дело рук Твоих небеса. А что Давид говорит это об Единородном, а не об Отце, ты можешь узнать и от апостола, употребляющего эти слова в послании к Евреям (1, 8-10), можешь узнать и из самого псалма. Ибо, сказав, что Господь призрел на землю — услышать воздыхание, разрешить умерщвленных и возвестить в Сионе имя Господне, — на кого иного указывает Давид, как не на Сына Божия? Ибо Он призрел на землю, разумеешь ли под нею ту, по которой мы движемся, или наше естество оземленившееся, или нашу плоть, по сказанному: земля еси (Быт. 3, 19), которую Он воспринял на Себя; Он же и разрешил нас, связанных оковами собственных грехов, сыновей умерщвленных Адама и Евы и возвестил в Сионе имя Господне. Ибо стоя в храме, Он учил об Отце Своем, как и Сам говорит: «Я открыл имя Твое человекам» (Ин. 17, 6). Кому эти действия приличны, Отцу или Сыну? Все Сыну, ибо Он в учении возвестил имя Отца. Сказав это, блаженный Давид присовокупляет и то: в начале Ты, Господи, основал землю, и небеса — дело рук Твоих. Не очевидно ли, он выставляет Сына Творцом, а не орудием? — Если же опять предлог «чрез» по твоему мнению вводит некоторое уменьшение, то, что скажешь, когда Павел употребляет его об Отце? Ибо верен, говорит, Бог, вместе зван быхом во общении Сына Его (1 Кор. 1, 9). Ужели здесь он делает Отца орудием? И опять: Павел апостол волею Божиею (1 Кор. 1, 1). Но достаточно и этого, а нужно опять возвратиться туда же, откуда мы начали. «Все чрез Него начало быть». Моисей, говоря о видимой твари, ничего не объяснил нам о тварях умопостигаемых. А евангелист, все обняв одним словом, говорит: «все» Тем было, видимое и умопредставляемое.

И без Него ничто не начало быть, что начало быть.

Поелику евангелист сказал, что Слово сотворило все, то, дабы кто не подумал, что и Духа Святаго Оно же сотворило, прибавляет: все Тем было. Что же все? — сотворенное. Как бы так он сказал, что ни есть в сотворенной природе, все это получило бытие от Слова. Но Дух не принадлежит к сотворенной природе; посему Он не от Него и бытие получил. Итак, без силы Слова не получило бытия ничто, что ни получило бытие, то есть что ни было в созданной природе.

В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

Духоборцы настоящее место читают так: «и без Него ничто не начало быть»; потом, поставив тут знак препинания, читают как бы с другого начала: «что начало быть, в Нем была жизнь» и толкуют это место по своей мысли, говоря, что здесь евангелист ведет речь о Духе, то есть что Дух Святой был жизнью. Так говорят македониане, стараясь доказать, что Дух Святой сотворен, и сопричислить Его к тварям. А мы не так, но, поставив знак препинания после слов «что начало быть», читаем с другого начала: «В Нем была жизнь». Сказав о творении, что все Словом получило бытие, евангелист говорит далее и о

промышлении, что Слово не только сотворило, но Оно же и сохраняет жизнь сотворенного. Ибо в Нем была жизнь. — Знаю я у одного из святых такое чтение сего места: «и без Него ничто не начало быть, что начало быть в Нем». Потом, поставив здесь знак препинания, он начинал далее: «была жизнь». Думаю, что и это чтение не включает ошибки, но содержит ту же правильную мысль. Ибо и этот святой правильно понимал, что без Слова не получило бытия ничто, что ни получило в Нем бытие, так как все, что получило бытие и сотворено, сотворено Самим Словом, и, следовательно, без Него не было. Потом он снова начинал: «была жизнь, и жизнь была свет человеков». Евангелист называет Господа «жизнию» как потому, что Он поддерживает жизнь всего, так и потому, что Он подает жизнь духовную всем разумным существам, и «светом», не столько чувственным, сколько умным, просвещающим самую душу. Не сказал, что Он свет одних иудеев только, но всех «человеков». Ибо все мы люди, поколику получили ум и рассудок от создавшего нас Слова, называемся посему просвещаемыми от Него. Ибо разум, данный нам, по которому мы и называемся разумными, есть свет, руководящий нас в том, что должно и чего не должно делать.

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

«Свет», то есть Слово Божие, светит «во тьме», то есть в смерти и заблуждении. Ибо Он, и подчинившись смерти, так преодолел ее, что принудил ее изbleвать и тех, коих она прежде поглотила. И в языческом заблуждении сияет проповедь. «И тьма Его не объяла». Ни смерть не преодолела Его, ни заблуждение. Ибо свет этот, то есть Слово Божие, непреоборим. Некоторые «тьмою» считали плоть и земную жизнь. Слово сияло и тогда, как стало во плоти и было в сей жизни, а тьма, то есть противоположная сила, искушала и преследовала Свет, но нашла Его неодолимым и непобедимым. Тьмою называется плоть не потому, будто она такова по естеству (да не будет!), но по причине греха. Ибо плоть, доколе управляется законом природы, не имеет решительно никакого зла, но когда подвигнется за предел природы и служит греху, становится и называется тьмою.

Был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн.

Сказав нам о предвечном бытии Бога Слова и намереваясь сказать о воплощении Слова, евангелист вставляет речь о Предтече. Да и о чем ином, как не о рождении Иоанна Предтечи, может быть слово перед речью о рождении Господа во плоти? Евангелист говорит о Предтече, что он был «посланный» Богом, то есть, послан от Бога. Ибо лжепророки не от Бога. Когда слышишь, что он послан был от Бога, то знай, что он ничего не говорил от себя или от людей, но все от Бога. Посему и называется он ангелом (Мф. 10, 11; Мал. 3, 1), а преимущество ангела — ничего не говорить от себя. Слыша об ангеле, не подумай, что Иоанн был по естеству ангел или сошел с небес; он называется ангелом по делу и служению. Так как он послужил проповеди и предвозвестил Господа, то за сие и назван ангелом. Посему и евангелист в опровержение предположения многих, быть может, думавших, что Иоанн по естеству был ангел, говорит: «был человек», посланный от Бога.

Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.

Сей, говорит, послан от Бога, чтобы засвидетельствовать о свете. Потом, чтобы кто-нибудь не подумал, что верно нужно было свидетельство его для Единородного, как бы

нуждающегося в чем-нибудь, евангелист присовокупляет, что Иоанн пришел засвидетельствовать о Сыне Божиим не потому, будто бы Он нуждался в его свидетельстве, но чтобы все уверовали чрез него. Ужели же все и уверовали чрез него? Нет. Как же евангелист говорит: дабы все уверовали? Как? — сколько от него зависело, он свидетельствовал для того, чтобы всех привлечь, а если некоторые не уверовали, то он не заслуживает порицания. И солнце затем восходит, чтобы всех осветить, но если кто, запершись в темной комнате, не пользуется лучом его, то ужели в этом виновно солнце? Так и здесь. Иоанн послан был, чтобы все уверовали чрез него; если же этого не случилось, он не виноват.

Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.

Так как часто случается, что свидетель бывает выше того, о ком свидетельствует, то чтобы ты не подумал, что и Иоанн, свидетельствующий о Христе, был выше Его, евангелист в опровержение этого лукавого помысла говорит: «он не был свет». Но, может быть, кто-нибудь скажет: ужели мы не можем называть светом ни Иоанна, ни иного кого из святых? Светом мы можем назвать каждого из святых, но Светом, в данном значении, не можем назвать. Например, если кто тебе скажет: Иоанн есть ли свет? — согласишься. Если же спросит так: ужели Иоанн есть оный Свет — скажи: нет. Ибо сам он не есть свет в собственном смысле, но свет по причастию, имеющий сияние от истинного света.

Был Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир.

Евангелист намерен говорить о Домостроительстве Единородного во плоти, что Он пришел к Своим, что Он стал плотию. Итак, чтобы кто-нибудь не подумал, что Он не существовал прежде Воплощения, для сего возводит мысль к бытию прежде всякого начала и говорит, что Свет истинный был и прежде Воплощения. Этим он ниспровергает и ересь Фотина, и Павла Самосатского, утверждавших, что Единородный тогда получил бытие, когда родился от Девы, а прежде сего не существовал. И ты, арианин, не признающий Сына Божия истинным Богом, слушай, что говорит евангелист: «Свет истинный». И ты, манихей, говорящий, что мы созданы злым творцом, слушай, что Свет истинный просвещает всякого человека. Если злой творец есть тьма, то он не может никого просвещать. Посему мы создания истинного Света. И как, скажет иной, просвещает всякого человека, когда мы видим некоторых омраченными? Сколько зависит от Него Самого, Он просвещает всех. Ибо скажи, пожалуй, разве не все мы разумны? Разве не все по природе знаем добро и противное ему? Разве не имеем способности чрез размышление о тварях познавать Творца? Посему разум, данный нам и наставляющий нас природою, который и называется законом естественным, может быть назван светом, данным нам от Бога. Если же некоторые худо воспользовались разумом, те сами омрачили себя. Иные разрешают это возражение так: просвещает, говорят, Господь всякого человека, приходящего «в мир» (по-гречески — украшение, порядок), то есть в лучшее состояние, и старающегося украсить свою душу, а не оставлять ее беспорядочною и безобразною.

В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал.

Был в мире как вездесущий Бог, а можно сказать, что был в мире и в отношении к промышленности и сохранению. Впрочем, говорит: что я говорю, что был в мире, когда не было

бы и мира, если б Он не сотворил его? Со всех сторон доказывает, что Он — Творец, отстраняя в одно время и безумие Манеса, говорившего, что все произвел злой творец, и безумие Ария, называвшего Сына Божия тварью, а вместе и всякого человека, приводя к исповеданию Творца, научая не служить тварям, но поклоняться Создателю. Но «мир, — говорит, — Его не познал», то есть худые люди, занявшиеся мирскими делами. Ибо имя «мир» означает и эту вселенную, как и здесь сказано: «мир чрез Него начал быть»; означает и мудрствующих по мирскому, как здесь сказано: «мир Его не познал», то есть люди, приверженные к земле. Но все святые и пророки познали.

Пришел к своим, и свои Его не приняли.

Здесь евангелист, очевидно, ведет речь о Домостроительстве спасения во плоти, и весь порядок мысли такой: Свет был истинный в мире, без плоти и не был познан, потом пришел к Своим с плотию. Под «своими» Ему можешь разуместь или весь мир, или Иудею, которую Он избрал, как долю наследия, как участок и собственность Свою (Пс. 113, 2). «И свои Его не приняли», или иудеи, или и прочие люди, Им сотворенные. Таким образом оплакивает безумие людей и удивляется человеколюбию Владыки. Будучи, говорит, своими Ему, не все приняли Его, ибо Господь не привлекает никого насильно, но предоставляет на собственное усмотрение и произвол.

А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими.

Тем, которые приняли Его, рабы ли они, или свободные, отроки или старцы, варвары или греки, всем дал власть соделываться чадами Божиими. Кто же это такие? Верующие во имя Его, то есть те, которые приняли Слово и истинный Свет, и приняли верою, и обняли. Почему евангелист не сказал, что Он «сделал» их чадами Божиими, но «дал (им) власть» соделываться чадами Божиими? Почему? Слушай. Потому, что для сохранения чистоты не достаточно креститься, но нужно много старания, чтобы сохранить неоскверненным образ сыноположения, начертанный в крещении. Посему многие, хотя приняли благодать сыноположения чрез крещение, но по нерадению не пребыли до конца чадами Божиими. Иной, быть может, скажет и то, что многие принимают Его чрез веру только, например, так называемые оглашенные, но не соделались еще чадами Божиими, впрочем, если захотят окреститься, имеют власть удостоиться и этой благодати, то есть сыноположения. — Иной скажет еще и то, что хотя мы чрез крещение получаем благодать усыновления, но совершенство получим в воскресении; тогда надеемся получить совершеннейшее усыновление, как и Павел говорит: «усыновления ожидаем» (Рим. 8, 23). Посему и евангелист этот не сказал, что тех, кои приняли Его, Он сделал чадами Божиими, но дал им власть соделываться чадами Божиими, то есть получить эту благодать в будущем веке.

Которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.

Делает некоторым образом сравнение Божественного и плотского рождения, не без цели напоминая нам о плотских родах, но чтобы мы, чрез сравнение познавши неблагородство и низость плотского рождения, устремились к Божественной благодати. Говорит: «которые не от крови» родились, то есть месячных, ибо ими питается и растет дитя во чреве. Говорят также, что и семя прежде в кровь обращается, потом образуется в плоть и прочее устройство.

Поелику же некоторые могли сказать, что и рождение Исаака, значит, было такое же, каким рождаются верующие во Христа, так как Исаак родился не от кровей, ибо у Сарры прекратились месячные (отделения кровей) (Быт. 18, 11); — поелику некоторые так могли подумать, то евангелист прибавляет: «ни от хотения плоти, ни от хотения мужа». Рождение Исаака было, хотя не от кровей, но от хотения мужа, так как муж точно желал, чтоб от Сарры родилось ему дитя (Быт. 21, 8). А «от хотения плоти», например Самуил от Анны. Итак, можешь сказать, что Исаак от хотения мужа, а Самуил от хотения плоти, то есть Анны, ибо эта неплодная сильно желала получить сына (1 Цар. 1, 6), а может быть, то и другое было на том и другом. Если же ты хочешь научиться и еще чему-нибудь, то слушай. Смешение плотское бывает или от природного воспламенения, ибо часто иной получает очень горячее сложение и от того очень склонен к соитию. Это евангелист назвал хотением плоти. Или неудержимое стремление к соитию бывает от худой привычки и неумеренного образа жизни. Это стремление он назвал «хотением мужа», и так как оно есть дело не природного сложения, но неумеренности мужа. Поелику же сильная склонность к соитию оказывается иногда в жене, иногда в муже, то, может быть, «хотением мужа» евангелист означил сладострастие мужа, а «хотением плоти» сладострастие жены. Справедливо также под «хотением плоти» можешь разуметь похоть, которая воспламеняет плоть к смешению, а под «хотением мужа» согласие похотствующего на совокупление, каковое согласие есть начало дела. Евангелист положил то и другое потому, что многие похотствуют, однако же не увлекаются тотчас плотию, но одолевают ее и не впадают в самое дело. А те, коих она одолевает, доходят до желания совокупиться, потому что первоначально их воспламеняла плоть и тлеющая в ней похоть. Итак, евангелист хотение плоти благоприлично поставил прежде хотения мужа, потому что естественно похоть предшествует смешению; и то, и другое хотение по необходимости стекается при совокуплении. Все это сказано ради тех, кои часто делают неразумные вопросы, потому что, собственно говоря, всем этим выражается одна мысль, именно: выставляется на вид низость плотского рождения. — Что же мы, верующие во Христа, имеем большего пред подзаконными израильтянами? Правда, и они назывались сынами Божиими, но между нами и ими большая разность. Закон во всем имел тень будущего (Евр. 10, 1) и не сообщал израильтянам сыноположения (вполне), но как бы в образе и мысленном представлении, А мы, чрез крещение самым делом, получив Духа Божия, взываем: Авва, Отче (Гал. 4, 6). У них как крещение было образом и тенью, так и сыноположение их прообразовало наше усыновление. Хотя и они назывались сынами, но в тени, и самой истины сыноположения не имели, как мы теперь имеем чрез крещение.

И Слово стало плотию.

Сказав, что мы, верующие во Христа, если желаем, соделываемся чадами Божиими, евангелист присовокупляет и причину столь великого блага. Ты хочешь, говорит, знать, что доставило нам это сыноположение? — то, что Слово стало плотию. Когда же слышишь, что Слово стало плотию, не подумай, что Оно оставило собственную Свою Природу и превратилось в плоть (ибо Оно не было бы и Богом, если бы превратилось и изменилось), но что, оставаясь тем, чем было, Оно стало тем, чем не было. Но Аполлинарий лаодикиянин составил отсюда ересь. Он учил, что Господь и Бог наш воспринял не целое естество человеческое, то есть тело с душою словесною, но одну только плоть без словесной и разумной души. Какая де была нужда в душе Богу, когда у Него телом управляло Божество, подобно как у нас телом нашим управляет душа? И основание сему думал видеть в настоящем изречении: «и Слово было плотию». Не сказал, говорит, евангелист, что Слово

стало человеком, но «плотию»; значит, Оно восприняло не душу разумную и словесную, но плоть неразумную и бессловесную. Верно не знал он, несчастный, что Писание часто называет частью целое. Например, хочет оно упомянуть о целом человеке, а называет его частью, словом — «душа». Всяка «душа», яже не обрежется, погубится (Быт. 17, 14). Итак, вот, вместо того, чтобы сказать: всякий человек, поименована часть, именно: «душа». Называет также Писание целого человека плотию, когда, например, говорит: «и узрит всякая плоть спасение Божие» (Ис. 40, 5). Нужно бы сказать: всякий «человек», а употреблено имя «плоти». Так и евангелист вместо того, чтобы сказать: Слово стало «человеком», сказал: Слово стало «плотию», называя человека, состоящего из души и тела, одною частью. А как плоть чужда Божеского естества, то, может быть, евангелист упомянул о плоти с намерением показать необыкновенное снисхождение Божие, дабы мы изумились невыразимому человеколюбию Его, по которому Он для спасения нашего воспринял на Себя отличное и совершенно чуждое собственному естеству, именно плоть. Ибо душа имеет некоторое сродство с Богом, а плоть совершенно ничего общего не имеет. Посему-то я думаю, что евангелист употребил здесь имя только плоти не потому, будто бы душа не причастна воспринятою (вочеловечению), но для того, чтобы более показать, как чудно и страшно таинство. Ибо если воплотившееся Слово не приняло души человеческой, то души наши еще не исцелены, ибо чего Оно не приняло, того и не осватило. И как смешно! Тогда как первая заболела душа (ибо она в раю сдалась на слова змия и обманулась, а потом уже вслед за душою, как госпожою и владычицею, коснулась и рука), воспринята, освящена и уврачевана плоть, служанка, а госпожа оставлена без воспринятия и без уврачевания. Но пусть заблуждается Аполлинарий. А мы, когда слышим, что Слово стало плотию, веруем, что Оно стало совершенным Человеком, так как у Писания в обычае называть человека одною частью, плотию и душою. — Сим изречением ниспровергается и Несторий. Он говорил, что не сам Бог Слово стал Человеком, зачатый из пречистых кровей святой Девы, но Дева родила человека, а сей человек, облагодатствованный всяким видом добродетели, стал иметь Слово Божие, соединившееся с ним и дававшее власть над духами нечистыми, и потому учил, что два сына — один сын Девы Иисус человек, а другой Сын Божий, соединившийся с сим человеком и нераздельный с ним, но по благодати, отношению и любви, потому что человек сей, был добродетелен. Так он глух к истине. Ибо если бы он хотел, он и сам услышал бы, что говорит сей блаженный евангелист, именно: Слово стало плотию. Не очевидное ли ему здесь обличение? Ибо Само Слово стало Человеком. Не сказал евангелист: Слово, нашедши человека, соединилось с ним, но Само Оно стало Человеком. — Сим изречением ниспровергается и Евтихий, и Валентин, и Манес. Они говорили, что Слово Божие явилось призрачно. Пусть же слышат, что Слово «стало» плотию; не сказано: Слово представилось или показалось плотию, но «стало» ею по истине и по существу, а не по привидению. Ибо нелепо и неразумно верить, будто бы Сын Божий, по существу и по имени Истина (Ин. 14, 6), солгал в вочеловечении. А обманчивое привидение, без сомнения, привело бы к этой мысли.

И обитало с нами.

Поелику евангелист выше сказал, что Слово стало плотию, то, чтобы кто-нибудь не подумал, что Христос стал, наконец, одним Естеством, для сего прибавляет: «обитало с нами», чтобы показать два Естества: одно наше, а другое Слова. Ибо как иного естества обитель и иного естества обитающий в ней, так и Слово, когда об Нем говорится, что Оно обитало в нас, то есть в нашем естестве, должно быть Естества иного, чем наше. Пусть постыдятся армяне, почитающие одно Естество. Итак, словами: «Слово стало плотию»

научаемся, что Само Слово стало Человеком и, будучи Сыном Бога, стало и сыном жены, которая и называется поистине Богородицею, как родившая Бога во плоти. Словами же: «обитало с нами» научаемся веровать, что в одном Христе два Естества. Ибо хотя Он и един по Ипостаси, или по Лицу, но по Естествам двойк — Бог и Человек, а Божеское естество и человеческое не могут быть одним, хотя и созерцаются в одном Христе.

Полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца.

Сказав, что Слово стало плотию, евангелист прибавляет: мы видели славу «Его», то есть сущего во плоти. Ибо если израильтяне не могли смотреть на лицо Моисея, просветившееся от собеседования с Богом, то апостолы тем более не могли бы снести чистого (без покрова) Божества Единородного, если бы Он явился не в плоти. Видели же мы славу не такую, какую имел Моисей или с какою являлись пророку херувимы и серафимы, но такую славу, какая прилична была Единородному Сыну, какая присуща Ему была по естеству от Бога Отца. Частица «как» означает здесь не уподобление, но утверждение и несомненное определение. Видя царя, идущего с великою славою, мы говорим, что он пришел как царь, вместо того, чтоб сказать: истинно по-царски. Подобно сему, и здесь слова: «как Единородного» мы должны понимать так; слава, которую мы видели, была настоящая слава истинного Сына, полная благодати и истины. Слово «полное благодати» потому, что и учение Его было, так сказать, облагодатствовано, как и Давид говорит: «благодать излилась из уст Твоих» (Пс. 44, 3), и евангелист замечает, что все дивились «словам благодати», исходящим из уст Его (Лк. 4, 22), — и потому, что Он подавал исцеления всем нуждающимся в оных. «Полное истины» потому, что все, что говорили или делали пророки и сам Моисей, было образами, а что говорил и делал Христос, то все полно истины, так как Он Сам есть благодать и истина и другим раздает оныя. — Где же они видели эту славу? Можно с некоторыми думать, что апостолы видели сию славу Его на горе Фаворе, но справедливо также разуметь, что они видели ее не на одной только сей горе, но во всем, что Он делал и говорил.

Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня.

Евангелист часто ссылается на свидетельство Иоанна не потому, будто достоверность Владыки поставляет в зависимость от раба, но так как народ имел высокое понятие об Иоанне, то во свидетельство о Христе и ссылается на Иоанна, почитаемого им за великого и потому более всех заслуживающего доверия. Слово «восклицая» указывает на большую смелость Иоанна, ибо он взывал о Христе не в углу, а с большою смелостью. Что же он говорил? «Сей был Тот, о Котором я сказал». Иоанн свидетельствовал о Христе прежде, чем увидал Его. Так благоволил Бог, конечно, для того, чтобы он, свидетельствуя о Христе с очень хорошей стороны, не показался лицеприятным в отношении к Нему, Почему и говорит: о котором я сказал, то есть, прежде чем увидел Его. «Идущий за мною», разумеется, конечно, идущий по времени рождения; ибо Предтеча был шестью месяцами старше Христа по рождению во плоти. «Стал впереди меня», то есть стал почтнее и славнее меня. Почему? — потому, что Он и был прежде меня, по Божеству. А ариане безумно объясняли сие изречение. Желая доказать, что Сын Божий не рожден от Отца, но произошел как одно из творений, говорят: вот Иоанн свидетельствует об Нем — стал впереди меня, то есть произошел прежде меня, и сотворен Богом как одно из творений. Но из нижеследующего они обличаются в

худом понимании сего изречения. Ибо какая мысль выражается в словах: «Сей (то есть Христос) стал впереди меня (то есть сотворен прежде меня), потому что был прежде меня? Совершенно безумно говорить, что Бог сотворил Его прежде потому, что Он был прежде меня. Напротив, лучше должно было бы сказать: Сей был прежде меня, потому что стал или сотворен прежде меня. Так мудрствуют ариане. А мы по-православному понимаем так: «идуший за мною», по рождению от Девы во плоти, «стал впереди меня», стал славнее меня и почтеннее по чудесам, которые совершались над Ним, по Рождеству, по воспитанию, по мудрости. И сие справедливо, «потому что Он был прежде меня», по предвечному рождению от Отца, хотя по явлению во плоти пришел и за мною.

И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать.

И это слова Предтечи, говорящего о Христе, что все мы, пророки, приняли от полноты «Его». Ибо Он имеет благодать не такую, какую имеют духовные люди, но, будучи источником всякого добра, всякой мудрости и пророчества, обильно изливает ее на всех достойных и при таком излиянии остается полон, и никогда не истощается. И мы приняли «благодать», разумеется, Нового Завета, вместо благодати законоположения. Поелику тот Завет устарел и одряхлел, то вместо его мы приняли Новый. Почему же, скажут, назвал Ветхий Завет благодатию? Потому, что и иудеи усыновлены и приняты по благодати. Ибо сказано: Я избрал вас не за множество ваше, а за отцов ваших. И ветхозаветные приняты по благодати, и мы, очевидно, спасены по благодати.

Ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа.

Объясняет нам, каким образом мы приняли величайшую благодать вместо благодати малой. Говорит, что закон дан чрез Моисея, то есть Бог употребил посредником человека, именно Моисея, а Новый Завет дан чрез Иисуса Христа. Он называется и «благодатию», потому что Бог даровал нам не только прощение грехов, но и сыновство; называется и «истинною», потому что Он ясно проповедал то, что ветхозаветные видели или говорили образно. Сей Новый Завет, называемый и благодатию и истиною, имел посредником не простого человека, но Сына Божия. Приметь и то, что о Ветхом законе сказал: «дан» чрез Моисея, ибо он был подчиненный и слуга, а о Новом — не сказал: «дан», но: «произошел», чтобы показать, что он произошел от Господа нашего Иисуса Христа, как от Владыки, а не от раба, и в конец достиг благодати и истины. Закон «дан» Богом чрез посредство Моисея; благодать «произошла», а не дана, чрез Иисуса Христа. «Произошла» — знак самостоятельности, «дан» — рабства.

Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил.

Сказав, что благодать и истина произошли чрез Иисуса Христа, и, желая подтвердить это, евангелист говорит: я не сказал ничего невероятного. Ибо Моисей, как и никто другой, ни Бога не видел, ни нам не мог сообщить о Нем ясного и наглядного понятия, но, будучи рабом, послужил только к написанию закона. А Христос, будучи Сыном Единородным и находящимся в недре Отца, не только видит Его, но и всем людям ясно говорит о Нем. Таким образом, поелику Он Сын и видит Отца, как сущий в недре Его, Он справедливо дал нам благодать и истину. — Но, быть может, скажет кто-нибудь: мы здесь узнаем, что никто не

видел Бога; как же пророк говорит: «видел я Господа» (Ис. 6, 1)? Пророк видел, но не самую сущность, а некоторое подобие и некоторое умственное представление, насколько мог видеть. Притом же иной видел в том образе, другой — в другом. А отсюда явно, что они видели не самую Истину, ибо Ее, по существу простую и безобразную, не созерцали бы в разных видах. И ангелы не видят сущности Бога, хотя и говорится о них, что они видят лице Бога (Мф. 18, 10). Сим указывается на то только, что они всегда представляют в уме своем Бога. Итак, один только Сын видит Отца и являет Его всем людям. — Слыша о недре Отца, не представляй ничего телесного в Боге. Евангелист употребил такое название с целью показать средство, нераздельность и соичность Сына с Отцом.

И вот свидетельство Иоанна, когда Иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты? Он объявил, и не отрекся, и объявил, что я не Христос.

Выше евангелист сказал, что Иоанн свидетельствует об Нем; потом вставил, что засвидетельствовал Иоанн о Христе, именно: что Он стал впереди меня и что все мы пророки приняли от полноты Его; теперь прибавляет: «и вот свидетельство Иоанново». Какое? — то, о котором выше сказал, именно: «впереди меня» и прочее. — Но и нижеследующие слова: «я не Христос» составляют также свидетельство Иоанна. Иудеи послали к Иоанну людей, по их мнению, лучших, именно: священников и левитов, и притом иерусалимлян, с тем, чтобы они, как умнейшие других, ласкою убедили Иоанна объявить самого себя за Христа. Смотри на уклончивость. Не спрашивают прямо: Христос ли ты, но: кто ты? А он, видя их лукавство, не говорит, кто он, а объявляет, что я не Христос, имея в виду цель их и всячески привлекая их к вере, что Христос есть иной, Тот, Кого они считают бедным сыном бедного отца-плотника, происходящим из бедного отечества Назарета, от которого они не ожидали ничего доброго. Между тем о самом Предтече они имели высокое мнение, так как он имел отцом первосвященника и жизнь вел ангельскую и почти бесплотную. Почему стоит удивления, как они запутываются в том, чем думали повредить славе Христа. Они спрашивают Иоанна, как человека достоверного, чтобы в его свидетельстве иметь предлог к неверию во Христа в том случае, если бы он не объявил Его Христом. А это обратилось против них. Ибо находят, что тот, кого они считали достоверным, свидетельствует в пользу Христа и чести Его не присволяет себе.

И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет. Сказали ему: кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом? Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия (Ис. 40, 3).

На основании древнего предания ожидали пришествия Илии. Посему спрашивают Иоанна, не Илия ли он, так как и жизнь его была подобна жизни Илииной? Но он отрекся и от сего. Ты — тот пророк? Он отрекается и от сего, хотя был пророк. Как же отрекается? Почему? Потому что не спрашивали его: ты пророк? Но сделали вопрос: ты тот пророк? Тот пророк, которого ожидают, о котором Моисей сказал, что Господь Бог восставит вам пророка (Втор. 18, 15)? Итак, Иоанн отрекся не оттого, что он пророк, а оттого, что он — тот пророк, которого ожидают. А как они знали слова Моисея о том, что восстанет пророк, то и надеялись, что когда-нибудь явится пророк. Потом опять настойчиво спрашивают: скажи же нам, кто ты? Тогда отвечает им: я глас вопиющего в пустыне. Я, говорит, тот, о котором

написано: глас вопиющего в пустыне (Ис. 40, 3). Ибо если не прибавить слов: «о котором написано», то сочетание слов представится странным. Что же вопиющего? «Исправьте путь Господу». Я, говорит, раб и предуготовляю сердца ваши для Господа. Итак, вы лукавые и хитрые, исправьте их и уравняйте так, чтобы чрез вас был путь для Господа Христа. Потом приводит свидетелем Исаию. Сказав великое о Христе, что Он — Господь, а о себе, что он исполняет дело раба и глашатая, прибегает к пророку. — Быть может, слова: «я глас вопиющего» кто-нибудь объяснит так: я голос Христа «вопиющего», то есть ясно возвещающего истину. Ибо все вестники закона не громогласны, так как не пришло еще время истины Евангелия, и слабый голос Моисея подлинно указывал на невнятность и неясность закона. А Христос, как самосушая Истина и всем нам возвестивший об Отце, есть «вопиющий». Итак, Иоанн говорит: я голос Слова вопиющего, живущий в пустыне. — Потом другое начало: «исправьте путь Господу». Иоанн, как Предтеча Христа, справедливо называется голосом, потому что и голос предшествует слову. Скажу яснее: голос есть нечленораздельное дыхание, выходящее из груди; когда же языком оно разделится на члены, тогда бывает слово. Так, прежде голос, потом Слово, прежде Иоанн, потом Христос — по явлению во плоти. И крещение Иоанново нечленораздельно, ибо не имело действия Духом, а крещение Христово членораздельно, не имеет ничего тенистого и образного, ибо совершается Духом (Мф. 3, 11).

А посланные были из фарисеев; и они спросили его: что же ты крестишь, если ты не Христос, ни Илия, ни пророк?

После того, как не могли увлечь его (Иоанна) ласкательством, чтобы он сказал, чего им желалось, и самого себя объявил Христом, застрашивают его очень строгими и грозными речами, говоря: что же ты крестишь? Кто дал тебе такую власть? Из сей же речи видно, что они иным считали Христа, и иным — ожидаемого пророка. Ибо говорят: если ты не Христос, ни тот пророк (очевидно), разумея, что иной — Христос, и иной — тот пророк. Худо они знают. Ибо пророк тот есть Самый Христос и Бог наш. Все сие они говорили, как я сказал, для того, чтобы принудить Иоанна объявить себя Христом. — А ближе к истине можно сказать, что они спрашивают его как бы из зависти к его славе. Они не спрашивают: Христос ли он, но: кто ты? Как бы так говоря: кто ты, что принимаешься за такое важное дело, — крестишь и очищаешь исповедующихся? И мне кажется, что иудеи, желая, чтобы и Иоанн большинством не был принят за Христа, от зависти и недоброжелательства спрашивают его: кто ты? Итак, прокляты те, которые принимают Крестителя, а после крещения не признают его: подлинно иудеи — порождения ехиднины.

Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде; но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостойн развязать ремень у обуви Его.

Примечай кротость святого и правдивость. Кротость в том, что он не отвечает им ничего сурового, несмотря на их высокомерие; правдивость в том, что он свидетельствует о славе Христа с большою смелостью и не скрывает славы Господа с тем, чтоб себе заслужить доброе имя, но объявляет, что я крещу крещением не совершенным (ибо крещу в одной только воде, не имеющей прощения грехов), но пригласительным к принятию крещения духовного, дарующего прощение грехов. «Стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете». Господь соединился с народом, и потому не знали, кто Он и откуда. — Может быть, кто-

нибудь скажет, что и в ином смысле Господь стоял среди фарисеев, но они не знали Его. Так как они, по-видимому, прилежно занимались Писаниями, а в них возвещаем был Господь, то Он был «среди» их, то есть в сердцах их, но они не знали Его, потому что не понимали Писаний, хотя и имели их в сердцах. Может быть, и в том смысле, что Господь был посредником между Богом и людьми, Он стоял «среди» фарисеев, желая примирить их с Богом, но они не знали Его. — Постоянно прибавляет: «Идущий за мною», чтобы показать, что его крещение не совершенное, но приготовительное к крещению духовному. «Стал впереди меня», то есть почтеннее, славнее меня, и настолько, что я не считаю себя и между последними Его рабами. Ибо развязывать обувь — дело последнего служения. — Знаю я и читал у одного из святых такое объяснение: «обувь» везде понимается о плоти грешников, подлежащей тлению, а «ремень» или повязка — об узах греховных. Итак, Иоанн у прочих, приходящих к нему и исповедующихся, мог развязывать ремень грехов, ибо они приходили к нему связанные узами собственных грехов; и, убеждая их к покаянию, указывал им путь и к совершенному свержению с себя ремня сего и греховной обуви; на Христе же, не находя ремня или уз греха, естественно не мог и развязать его. Почему же не находил его? Потому, что Он не сделал греха, и не нашлось лжи в устах Его (1 Пет. 2, 22). «Обувью» означает и явление к нам Господа, «ремнем» ее — способ воплощения и того, как Слово Божие соединилось с телом. Способ сей невозможно разрешить. Ибо кто может объяснить, как Бог соединился с телом?

Это происходило в Вифаваре (Вифании) при Иордане, где крестил Иоанн.

Для чего евангелист сказал, что сие происходило в Вифании? Для того чтобы показать смелость великого проповедника, что он проповедовал так о Христе не в дому, не в углу, но при Иордане, среди множества народа. Нужно, впрочем, знать, что в исправнейших списках стоит: в Вифаваре. Ибо Вифания находится не по ту сторону Иордана, а близ Иерусалима.

На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира.

Господь часто приходит к Предтече. Для чего это? Так как и Господь крестился от Иоанна, как один из многих, то часто приходит к нему для того, без сомнения, чтобы некоторые не подумали, что Он наравне с прочими крестился как виновный в грехах. Креститель, желая исправить такое предположение, говорит: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира». Тот, Кто настолько чист, что берет на Себя и истребляет грехи прочих, очевидно, не мог принять крещение исповедания (покаяния) наравне с прочими. Исследуй, прошу тебя, и сие выражение: «вот Агнец Божий». Слово это относится к тем, кои желают видеть Агнца, о котором возвещает Исаия (53, 7-8). Вот, говорит, Тот Агнец, Которого ищут; Тот Агнец, вот здесь. Ибо естественно, что многих тщательно занимавшихся пророческою книгою Исаии, занимал вопрос, кто бы был Тот Агнец. Итак, Иоанн указывает Его. Он не сказал просто Агнец, но «Тот Агнец», так как агнцев много, как и христов много; но Он есть Тот Агнец, Которого прообраз указан у Моисея (Исх. 12) и о Котором возвещает Исаия (53). — Христос называется «Агнцем Божиим» или потому, что Бог отдал Его за нас на смерть, или потому, что Бог принял смерть Христа за наше спасение. Как мы обыкновенно говорим: эта жертва такого-то, вместо того, чтоб сказать: эту жертву принес такой-то; так и Господь называется Агнцем Божиим потому, что Бог и Отец из любви к нам отдал Его на заклание за нас, — Не сказал Иоанн: «взял» грех, но «берет», потому что Он каждый день

берет на Себя грехи наши, одни чрез крещение, другие чрез покаяние. — Агнцы, которых закалали в Ветхом Завете, не уничтожали совершенно ни одного греха; но Сей Агнец берет на Себя грех всего мира, то есть истребляет, изглаживает, — Почему не сказал Иоанн: «грехи», но: «грех»? Может быть и потому, что, сказав «грех», он сказал вообще о всех грехах; как мы обыкновенно говорим: «человек» отпал от Бога, вместо «все человечество», так и он здесь, сказав «грех», обозначил все грехи. А может быть и потому, что грех мира состоял в непослушании, так как человек низринулся в страсти чрез неповиновение Богу, а Господь загладил это непослушание, быв послушлив до смерти и уврачевав противное противным.

Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня.

Выше Иоанн говорит пришедшим от фарисеев: стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете, но Который первенствует передо мною (ст. 26 и 27), а теперь и перстом указывает Его, и объявляет незнающим, говоря: Сей есть Тот, о Котором я свидетельствовал пред фарисеями, что Он первенствует предо мною, то есть превосходит меня достоинством и честью. Почему? Потому, что Он был прежде меня. Слушай Арий. Не сказал Иоанн о Христе: «создан прежде меня, но «был». Слушай и ты, секта Самосатянина. Господь начал бытие не от Марии, но был прежде Предтечи по предвечному бытию. Ибо если бы Господь, как вы пустословите, получил начало бытия от Марии, то как бы Он был прежде Предтечи? А Предтеча, всякому известно, явился на свет шестью месяцами прежде рождения Господа во плоти. — «Мужем» называется Господь, может быть, и потому, что имел совершенный возраст, ибо Он крестился тридцати лет, а может быть, в том смысле, что Он есть Муж всякой души и Жених Церкви. Ибо апостол Павел говорит: я обручил вас, чтоб представить единому Мужу, именно Христу (2 Кор. 11, 2). Так и Предтеча говорит: я только друг Женихов и посредник, а Муж идет за мною; я привлекаю души к вере во Христа, а Он есть Муж, который соединится с ними.

Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю. И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий.

Так как Предтеча был родственник Господу (ибо ангел говорит Деве: вот Елизавета «родственница» твоя зачала (Лк. 1, 36), то, чтобы кто не подумал, что Предтеча благоприятствует Господу и дает о Нем такое высокое свидетельство по родству с Ним, он часто говорит: «я не знал Его» и тем удаляет подозрение. «Но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю», то есть, чтобы все могли прийти к вере в Него и Он был явлен народу, для того я крещу; ибо, когда я крещу, народ стекается, а когда народ собирается, то и я объявляю ему о Христе в проповеди моей, и Сам Он, будучи на виду, является присутствующим. Ибо если бы люди не приходили для крещения, как бы Иоанн явил им Господа? Не стал же бы он ходить по домам и, водя за руку Христа, указывать на Него всякому. Посему и говорит: я для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был мною людям, приходящим для крещения. Отсюда же узнаем, что чудеса, приписываемые Христу в отрочестве, ложны и сложены теми, кои хотели осмеять таинство. Ибо если бы они были

истинны, то как не знали бы Господа, совершавшего оныя? По крайней мере, не естественно, чтоб о таком Чудотворце не было всюду разглашено. Но не так это, нет. Ибо прежде крещения Господь ни чудес не творил, ни пользовался известностью. «Но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым». Иоанн, отклоняя, как я сказал, подозрение от своего свидетельства о Христе, возводит сие свидетельство к Богу и Отцу. Я, говорит, и не знал Его, но Отец открыл мне Его в крещении. Но, спросит иной, если Иоанн не знал Его, как же евангелист Матфей (3, 14) говорит, что он удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя? На сие можно ответить и то, что слова: «не знал Его» нужно понимать так, что задолго вперед и до крещения Иоанн не знал Его, но тогда, во время крещения, узнал Его. Или можно и иначе отвечать: хотя Иоанн знал об Иисусе, что Он Христос, но что Он будет крестить Духом Святым, сие тогда узнал, когда увидел Духа, сходящего на Него. Итак, словами: «я не знал Его» Иоанн дает разуметь, что он хотя не знал, что Он будет крестить Духом Святым, но знал, что Он превосходнее многих. Почему, зная, наверное, что Он больше всех, Иоанн, по словам евангелиста Матфея, удерживал Его. Но когда нисшел Дух, то он еще яснее узнал Его и прочим проповедовал о Нем. А Дух явился всем присутствующим, а не Иоанну только. Почему же, скажет иной, не уверовали? Потому, что неразумное сердце их омрачилось так, что они, видя Его и чудодействующим, не уверовали. Некоторые же говорят, что Духа не все видели, а только благоговейнейшие. Ибо хотя Дух нисшел и чувственно, но Ему прилично явиться не всем, а достойным, так как и пророки, например Данииил, Иезекииль, хотя многое видели в чувственном виде, однако же никто другой не видел того. «И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий». Где же Иоанн свидетельствовал об Иисусе, что Он есть Сын Божий? Этого нигде не написано. Агнцем он называет, а Сыном Божиим нигде. Отсюда естественно предполагать, что и очень многое другое оставлено апостолами без записи, ибо не все записано.

На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его; увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышавши от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом.

По причине легкомыслия слушателей Иоанн принужден повторять одно и то же, чтобы, по крайней мере, непрерывным свидетельством произвести что-нибудь. И не обманулся; но привел двух учеников ко Христу. Будучи истинным невестоводителем, он делал все для того, чтобы природу человеческую привести к ее жениху. Посему и Христос, как жених, молчит, а все возглашает посредник. И Господь, как жених, приходит к народу. На браках обыкновенно не невеста приходит к жениху, но жених к невесте, хотя бы он был и царский сын. Так и Господь, желая уневестить Себе природу нашу, Сам сошел к ней на землю и, когда брак совершился, взял ее с Собою, когда вознесся в дом Отца Своего. «Увидев, — сказано, — Иисуса», то есть, имея пред глазами радость свою об Иисусе и чудо, Иоанн сказал: вот Тот Агнец. Ученики, подготовленные постоянным свидетельством, пошли вслед за Иисусом не из презрения к Иоанну, а наиболее из послушания ему, свидетельствующему о Христе с лучшей стороны.

Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви! (что значит: учитель!) где живешь? Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет, и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа.

Евангелист Матфей, рассказав о крещении Господа, тотчас возводит Его на гору для искушения, а настоящий евангелист, опустив сказанное Матфеем, повествует о случившемся по сошествии Господа с горы. Итак, ученики Иоанновы следуют за Христом и идут к Нему после того, как Он сошел с горы и вынес искушение. По моему мнению, такое сочетание событий показывает, что никому не нужно вступать в звание учителя прежде, чем он взойдет на высоту добродетели (ибо сие означает гору), победит всякое искушение и будет иметь знак торжества над искушителем. — Ученики сии прежде следуют за Иисусом, а потом уже спрашивают Его, где Он живет. Ибо им нужно было беседовать с Ним не открыто, в присутствии многих, но наедине, как о предмете необходимом. Даже и не они первые спрашивают, но Христос Сам наводит их на вопрос. Что вам надобно? — говорит Он им. Спрашивает не потому, чтоб не знал Он (Он, который знает сердца человеческие), но чтоб вопросом вызвать их высказаться в своем желании. Вероятно, они стыдились и боялись Иисуса после свидетельства Иоаннова, что Он выше человека. А ты, прошу тебя, подивись их благоразумию. Они не только пошли вслед за Иисусом, но и называют его «Равви», что значит «Учитель», и притом тогда, как еще ничего не слышали от Него. Впрочем, желая чему-нибудь научиться от Него наедине, они спрашивают Его: где живешь? Ибо в тишине удобнее и говорить, и слышать. — Господь не сказывает им признаков дома, но говорит: «Пойдите и увидите». Поступает так для того, чтоб еще более привлечь их к последованию, а вместе и обнаружить силу их желания в том случае, если они не затруднятся дорогою. Ибо если б они пошли за Иисусом с чувством холодным, то не решились бы идти до дому. — Каким образом согласить то, что Христос здесь представляется имеющим дом, а в другом месте говорится, что Сын Человеческий не имеет, где голову приклонить (Лк. 9, 58)? Одно другому не противоречит. Ибо когда говорит, что не имеет, где главу приклонить, говорит не то, чтобы не имел решительно никакого пристанища, но что не имел собственного. Итак, если Он жил и в доме, то жил не в Своем доме, но в чужом. Евангелист замечает о времени, что «было около десятого часа», не без цели, но для того, чтобы и учителей, и учеников научить не откладывать своего дела до другого времени; учитель не должен откладывать и говорить: сегодня поздно, научись завтра; а ученик должен всякое время признавать годным для учения, а не откладывать слушания до завтра. И то узнаем, что ученики так были умеренны и трезвы, что употребляли на слушание такое время, которое другие проводят в успокоении тела, будучи обременены яствами и став неспособны к занятию важным делом. Истые ученики Иоанна постника! Приметь, пожалуй, и то, что Иисус обращается к идущим за Ним и показывает им Свое лицо. Ибо если не пойдешь вслед за Иисусом своею доброю деятельностью, то не достигнешь созерцания лица Господня, то есть не достигнешь просвещения божественным знанием. Ибо свет есть дом Христов, как сказано: «обитает в неприступном свете» (1 Тим. 6, 16). И как просветится знанием тот, кто не очистил себя и не идет путем очищения?

Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос. И привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр).

Евангелист сообщает нам об имени Андрея, а об имени другого умалчивает. Некоторые говорят, что другой был сам Иоанн, пишущий сие, а иные говорят, что он был из незнатных, притом от знания имени не прибыло бы пользы. Об Андрее упомянуто так потому, что он

был из знатных, так и потому, что он привел своего брата. Посмотри, пожалуй, на любовь его к брату, как он не скрыл от брата оное благо, но сообщает ему о сокровище и с большою радостью говорит: мы нашли (вероятно, они сильно желали и много занимались исканием Мессии), и не просто говорит «Мессию», но с членом: «онаго» Мессию, того самого, который есть поистине Христос. Ибо хотя многие назывались помазанниками и сынами Божиими, но ожидаемый ими был один. Андрей привел Симона к Иисусу не потому, будто Симон был легкомыслен и увлекался всякою речью, но потому, что он был очень быстр и горяч, и удобно принял речи, которые брат передал ему о Христе. Ибо, вероятно, Андрей очень многое высказал Симону и возвестил о Христе основательно, так как он довольно пробыл у Христа и узнал нечто таинственнейшее. Если же кто продолжает осуждать Петра в легкомыслии, то пусть знает таковой и то, что не написано, что он тотчас поверил Андрею, но что Андрей привел его к Иисусу; а это дело разума более твердого, чем увлекающегося. Ибо Симон не просто принял слова Андрея, но пожелал увидеть и Христа, чтобы, если найдет в Нем нечто стоящее речей, последовать за Ним, а если не найдет, отступить назад, так что приведение Симона к Иисусу есть признак не легкомыслия его, но основательности. — Что же Господь? Начинает Себя открывать ему пророчеством об нем. Так как пророчества убеждают людей не менее чем и чудеса, если еще не более, то Господь пророчествует о Петре. Ты, говорит, Симон, Сын Ионин; потом открывает и будущее: ты назовешься Кифа. Высказав настоящее, чрез то удостоверяет и в будущем. Впрочем, не сказал: Я тебя переименую Петром, но: «ты назовешься»; ибо сначала Он не хотел обнаруживать всю Свою власть, так как еще не имели твердой веры в Него. — Для чего же Господь прозывает Симона Петром, а сынов Зеведеевых — громовыми? Для того чтоб показать, что Ветхий Завет дал Тот же, Кто и ныне переменяет имена, как тогда назвал Аврама — Авраамом и Сару — Саррою (Быт. 17, 5. 15). — Знай и то, что «Симон» — значит послушание, а «Иона» — голубь. Итак, послушание рождается от кротости, которая обозначается голубем. А кто имеет послушание, тот становится и Петром, чрез послушание достигая твердости в добре.

На другой день Иисус восхотел идти в Галилею, и находит Филиппа и говорит ему: иди за Мною. Филипп же был из Вифсаиды, из одного города с Андреем и Петром. Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, Сына Иосифова, из Назарета.

Андрей, услышав от Предтечи, и Петр, услышав от Андрея, последовали за Иисусом; а Филипп, кажется, ничего не слышал и, однако же, последовал за Господом тотчас, как Он сказал ему: «иди за Мною». Чем же Филипп так скоро убедился? Думается, во-первых, что голос Господа произвел в душе его некоторое уязвление любви. Ибо речь Господа не просто говорилась, а сердца достойных тотчас воспламеняла любовью к Нему, как и Клеопа со спутником говорят: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил с нами на дороге? (Лк. 24, 32). Во-вторых, так как Филипп имел озабоченное сердце, постоянно занимался писаниями Моисеевыми и всегда ожидал Христа, то как увидел Его, тотчас убедился и говорит: мы «нашли» Иисуса, а это показывает, что он искал Его. Потом, Филипп не узнал ли чего-нибудь о Христе от Андрея и Петра? Вероятно, беседуя с ним, как соотчием, они рассказывали ему и о Господе. Кажется, на это намекает евангелист, когда говорит, что Филипп был из города Андреева и Петрова. Сей город был небольшой и приличнее мог быть назван деревнею. Посему и нужно удивляться силе Христовой, что Он лучших учеников избирал из среды не приносящих никакого плода. — Филипп также не удерживает добра за самим собою, но передает Нафанаилу, и как Нафанаил был сведущ в законе, то Филипп отсылает его к закону и

пророкам, потому что он прилежно упражнялся в законе. Называет Господа Сыном «Иосифовым», потому что в то время считали его еще Сыном Иосифа. — Называет Его «Назарянином», хотя Он собственно был вифлеемлянин, потому что Он родился в Вифлееме, а воспитался в Назарете. Но как рождение Его было многим неизвестно, а воспитание известно, то и называют Его Назарянином, как воспитавшегося в Назарете.

Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойд и посмотри. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот, подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства. Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя.

Филипп сказал, что Христос из Назарета, а Нафанаил, как более сведущий в законе, знал из Писаний, что Христос должен прийти из Вифлеема, и потому говорит: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит: поди и посмотри, — зная, что Нафанаил не отстанет от Христа, если послушает Его речей. — Христос хвалит Нафанаила как истинного израильтянина, потому что он не сказал ничего ни в пользу, ни против Его; ибо слова его происходили не от неверия, а от осмотрительности и от ума, знавшего из закона, что Христос придет не из Назарета, а из Вифлеема. — Что же Нафанаил? Не увлекся ли похвалою? Нет, он желает узнать нечто яснее и точнее, и потому спрашивает: почему Ты меня знаешь? Господь сказывает ему то, чего не знал никто, кроме его самого и Филиппа, то, что было говорено и сделано наедине, и таким образом открывает Свое Божество. Филипп беседовал с Нафанаилом наедине, когда никого не было под смоковницею, однако же Христос, и не быв там, знал все, почему и говорит: Я видел тебя, как ты был под смоковницею. — Господь заговорил о Нафанаиле прежде, чем приблизился Филипп, для того, чтобы кто не подумал, что Филипп пересказал Ему о смоковнице и о прочем, о чем Он говорил с Нафанаилом. — Из сего Нафанаил узнал Господа и исповедовал Его Сыном Божиим. Ибо слушай, что он говорит далее.

Нафанаил отвечает Ему: Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев. Иисус сказал ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего. И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому.

Пророчество имеет величайшую силу привлекать некоторых к вере, и его сила более чем сила чудес. Ибо чудеса могут быть представлены призрачно и бесами, а точного предугадания и предсказания будущего никто не имеет, ни ангелы, ни тем более бесы. Почему и Господь привлек Нафанаила, сказав ему и место, и то, что Филипп звал его, и что он поистине израильтянин. Нафанаил, услышав сие, почувствовал величие Господа, насколько было возможно, и исповедал Его Сыном Божиим. Впрочем, хотя и Сыном Божиим исповедует, но не в том смысле, в каком Петр. Петр исповедал Его Сыном Божиим как истинного Бога, и за то Господь ублажает его и вверяет ему церковь (Мф. 16, 16-19). Нафанаил же исповедал Его как простого человека, по благодати усыновленного Богу за добродетель. И это видно из прибавления: Ты — Царь Израилев. Видишь ли, он не достиг еще до совершенного познания истинного Божества Единородного. Он верует только, что Иисус есть человек боголюбезный и Царь Израилев. Если бы он исповедал Его истинным Богом, то не называл

бы Его Царем Израиля, но Царем всего мира. За сие он и не ублажается, как Петр. Посему и Господь, исправляя его и возводя к уразумению, достойному Его Божества, говорит: будете видеть ангелов Божиих, восходящих и нисходящих над Сына Человеческого. Принимай, говорит, Меня не за простого человека, но за Владыку ангелов. Ибо Кому служат ангелы, Тот не может быть простым человеком, но истинный Бог. Сие сбылось при распятии и при вознесении. Ибо, как повествует Лука, и пред страданиями ангел с неба укреплял Его, и при гробе явился ангел, и при вознесении (Лк. 22, 43; 24, 4. 23; Деян, 1, 10). — Некоторые под «смоковницею» разумели закон, так как он имел плод, на время сладкий, а строгостью законных предписаний и неудобоисполнимостью заповедей был покрыт как бы листьями. Господь «видел» Нафанаила. На сие говорят, что Он милостиво призрел и уразумел понимание его, хотя он был еще и под законом. Прошу тебя, если ты услаждаешься подобными вещами, обратись внимание и на то, что Господь увидел Нафанаила под смоковницею, или под законом, то есть внутри закона, исследующим глубины оногo. Если бы он не исследовал глубину закона, Господь не увидел бы его. Знай и то, что «Галилея» — значит низверженная. Итак, Господь пришел в низверженную страну всего мира или в естество человеческое и, как Человеколюбец, воззрел на нас, находящихся под смоковницею, то есть под грехом, усладительным на время, но с которым соединена и не малая острота по причине раскаяния и тамошних будущих казней, и — тех, которые признают Его Сыном Божиим и Царем Израиля, видящего Бога, избрал Себе. — Если же мы продолжим старание, то Он удостоит нас и больших созерцаний, и мы будем видеть ангелов, «восходящих на высоту божественного знания Его и опять «нисходящих», потому что не достигают полного познания Существа непостижимого. — И иначе: «восходит» некто, когда занимается размышлением о Божестве Единородного; «нисходит», когда охотно занимается размышлениями о воплощении и нисшествии в ад.

Глава вторая

На третий день был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как недоставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит ей: что Мне и Тебе, Жено? Еще не пришел час Мой.

Зовут Господа на брак не потому, что видели чудеса Его, не как великого человека, но просто как знакомого. Обозначая сие, евангелист говорит: «была там Матерь Иисуса» и братья Его. Как ее и братьев позвали, так и Господа. Господь не отвергает приглашения и приходит, потому что Он смотрел не на собственное достоинство, а на то, что полезно и благотворно для нас. Тот, кто не счел низким быть между рабами, тем более не мог счесть низким пойти на брак. — Матерь убеждает Его совершить чудо, потому что из событий зачатия и рождения Она получила высокое понятие о силе Его. Ибо Она все сохраняла в сердце своем (Лк. 2, 19-51) и отсюда заключала, что Сын Ее имеет силу выше человека. Но Богоматерь не имела повода просить Иисуса о совершении чуда в том, будто Он совершал и другие чудеса. Ибо, будучи отроком, Он не совершил ни одного чуда; иначе Он был бы известен всем. Вместе с сим Матерь помнила и отзывы Иоанна, в каких он свидетельствовал о Нем, видела уже, что и ученики следуют за Ним, и из всего этого догадывалась о силе Сына. — Но Он делает Ей упрек, и не без основания Если, говорит, нет вина, то и нужно было прийти и просить тем самым, которые не имеют его, а не тебе. Матери. Ибо когда свои просят совершить чудо, то зрители его соблазняются, а когда просят сами нуждающиеся, тогда дело

бывает свободно от подозрения. — «Еще не пришел час Мой», — сказал не потому, будто подлежит зависимости от времени или наблюдает известные часы (ибо как прилично сие Творцу времен и веков?), но потому, что все совершает в приличное время. Так как Он для многих был невиден и неизвестен, потому что не все были учениками, и даже присутствующие на браке не знали Его, ибо в таком случае сами обратились бы с просьбою о вине, — поелику все это было так, то и сказал: «еще не пришел час Мой», то есть не наступило приличное время. Но еще восстает бешенство Ария, пытающегося доказать, что Господь подчинен часам и временам. Итак, научись, проклятый! Если Он зависел от часов, то как, наконец, совершил чудо? Ибо, если, по твоим словам, Он в зависимости от часов и времен, а час Его еще не пришел, следовало бы, что Он не в силах совершить чудо. Однако же Он совершил чудо; следовательно, независим от часов. — Примечай, пожалуй, как Он не до конца и не во всем противодействует Матери, но упрекнул немного и опять исполняет ее просьбу, воздавая ей честь и нам подавая образец уважения к родителям.

Матерь Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте. Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли.

Мать говорит служителям: что скажет Он вам, то сделайте, — с тем, чтобы просьба была усилена чрез приступ и прошение их самих, чтобы явно было, что отказ был не от бессилия, но с целью — отвратить мнение, будто прибегает к чудотворениям из самохвальства и пустой напыщенности. — Каменные водоносы употреблялись для очищения иудеев. Ибо иудеи почти каждый день обмывались и потом уже принимались за пищу. Прикасались ли они к прокаженному, к мертвецу, сообщались ли с женщиною, они обмывались, как уже нечистые. И как Палестина была безводна и нельзя было находить много источников, то они всегда наполняли водоносы водою, чтобы не бегать на реки в случае осквернения. Не без цели сказал: «по обычаю очищения иудейского», но чтобы кто из неверных не подумал, что в сосудах оставался некоторый осадок винный, потом, когда влили воду и смешали, образовалось самое слабое вино, — показывает, что они никогда не были вместительными вина. Но неужели не мог Он произвести вино из ничего, не наполняя сосуды водою? Конечно, мог; но величие чудес часто уменьшает их удобоприемлемость. — Могла быть и та цель, чтобы служителей, носивших воду в сосуды, иметь свидетелями чуда. Еще, чтобы мы научились, что он претворяет вино и влагу винограда, которая есть совершенно вода. — Приказывает служителям, чтобы они подали питье для отведания распорядителю пира не без цели, но чтобы кто не подумал, что было собрание пьяниц, вкус у них испортился, и в состоянии опьянения они приняли воду за вино. Чтобы такое подозрение не имело места, Он отведывание предоставляет трезвому — распорядителю пира. Ибо те, которым вверялось служение при подобных случаях, строго воздерживались, чтобы под их распоряжением все происходило чинно и благоприлично. — Но будем молиться, чтобы это совершилось и над нами, чтобы ныне совершился как бы брак, то есть соединение Бога с душою нашею, доколе мы еще в Кане Галилейской, то есть в стране сего низкого и низвращенного мира, во всех отношениях превратного и превращающего. Брак же сей не бывает без присутствия Христа и Его Матери и учеников. Ибо как соединится с Богом тот, кто не уверует во Христа, родившегося от Марии и говорившего во апостолах? Посмотрим же, какое чудо совершает Господь при таком браке и при таком соединении Бога с душою.

Он претворяет воду в вино, наполняет шесть каменных водоносов наших. Под «водою» ты можешь разуть нашу водянистость, влажность и расслабление в жизни и мнениях; под пятью «водоносами» пять чувств, которыми ошибаемся мы в делах; под шестым водоносом — разум, которым мы колеблемся в мнениях. Итак, Господь наш Иисус Христос, евангельское Слово, врачующий наши падения, в деятельной ли то жизни, в умственной или созерцательной, жидкое и нетвердое в нас прелагает в «вино», то есть в жизнь и учение, вяжущее и веселящее, и таким образом шесть наших водоносов наполняются сим прекрасным напитком, — чувства, чтобы не погрешали в деятельности, — разум, чтобы мы не погрешали в мнениях, — Прими во внимание, что там стояли каменные водоносы по обычаю очищения иудейского. — Слово «Иуда» — значит «исповедание». Исповедующийся очищается в пяти чувствах, которыми прежде грешил. Глаз видел худо; глаз же при исповедании плачет и таким образом служит к очищению. Ухо слышало блудные песни; оно же опять наклоняется к словам уст Божиих. Так бывает и с прочими чувствами. Разум погрешает в мнениях; он же опять очищает прежнее зло, преклоняясь на правильное мудрствование. Водоносы — «каменные» или потому, что состав наш из земли, или потому, что преднамереваемые вместилища такого вина должны быть тверды и неразрушимы. Разум Павла был каменным водоносом и в то время, когда он гнал, ибо он ревновал по отеческим преданиям более всех сверстников (Гал. 1, 14); и в то время, когда проповедовал, ибо он имел такую силу в словах, что ликаонцы, как первенствующего в слове, сочли его за Ермию (Деян. 14, 12).

Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином (а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду), тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее, а ты хорошее вино сберег доселе.

Распорядитель пира спрашивает не служителей, а жениха. Почему? Конечно, по Божескому устройению. Если бы он спросил служителей, они, конечно, открыли бы чудо; но им не поверил бы никто, ибо оно было началом знамений, и никто еще не имел великого понятия о Христе, так что никто не поверил бы, если бы служители и рассказывали о чуде. Однако же, когда после сего Он совершил и другие чудеса, и настоящее должно было сделаться достоверным, и служители, всем рассказывающие об нем, мало-помалу могли приобрести доверие. Для сего-то Господь устроил так, что спрошены не служители, а жених. Господь не просто сотворил из воды вино, но вино прекрасное. Ибо чудеса Христовы таковы, что гораздо превосходнее того, что совершается природою. О том, что вода претворилась в вино, свидетельствуют служители, черпавшие воду; о том, что оно было прекрасное, — распорядитель пира. Обо всем этом с течением времени проповедано, и слышавшие о сем должны были увериться очень твердо. — Под «вином» ты можешь разуть евангельское учение, а под «водою» все предшествовавшее Евангелию, что было очень водянисто и не имело совершенства евангельского учения. Скажу пример: Господь дал человеку разные законы, один — в раю (Быт. 2, 16-17), другой — при Ное (Быт. 9), третий — при Аврааме об обрезании (Быт. 17), четвертый — чрез Моисея (Исх. 19; 20), пятый — чрез пророков. Все сии законы в сравнении с точностью и силою Евангелия водянисты, если кто понимает их просто и буквально. Если же кто углубится в дух их и уразумеет сокровенное в них, тот найдет воду претворившуюся в вино. Ибо различающий духовно то, что говорится просто и понимается многими буквально, без сомнения, в этой воде найдет прекрасное вино, приемое впоследствии и сберегаемое женихом Христом, так как Евангелие и явилось в последние времена.

Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его.

Что Господь начал творить чудеса после Своего крещения, об этом мы и прежде говорили. Но кажется, что первое чудо Он совершил именно претворением воды в вино. Ибо сказано: так положил «начало» чудесам. Но скажет иной: если сие чудо и есть начало чудес, то не всех, а только совершенных в Кане Галилейской; так как Он совершил разные чудеса в Кане, то им оно — начало. Хотя мы многое имеем для подтверждения, что настоящее чудо есть начало и всех чудес, потому что слова: «и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его» показывают, что прежде сего Он не творил другого чуда, которым бы Он явил славу Свою; однако же не будем спорить, оно ли было первым чудом, или другое. — Как же Он явил славу Свою? Ведь немногие находились при сем событии, и не пред лицом народа совершено оно? Но если не тогда, то впоследствии все должны были услышать об этом чуде, как оно и доньше возвещается, а не осталось безызвестным. Слова: «ученики Его уверовали в Него» понимай так, что они возымели большую и крепчайшую веру в Него. Они и прежде, конечно, веровали, но веровали не так твердо.

После сего пришел Он в Капернаум, Сам и Мать Его, и братья Его, и ученики Его; и там пребыли немного дней. Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул; и сказал продающим голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли. При сем ученики Его вспомнили, что написано: ревность по доме Твоем снедает Меня (Пс. 68, 10).

Господь приходит в Капернаум не для другого какого дела, как для того, чтоб оставить там Мать Свою, чтобы не водить ее за Собою повсюду. Так как они ходили в Кану на брак, а брак прошел, то Он и возвращает Мать в Капернаум в дом Ее. А что по сей именно причине Господь приходит в Капернаум, это открывается из того, что Он и пробыл там немного дней, и не совершал там чудес, потому что жители сего города не имели к Нему веры, почему Господь в другом месте и высказывает горе ему (Мф. 11, 23). — Словами: «приближалась Пасха» евангелист показывает, что Иисус крестился незадолго до Пасхи. Пришед в Иерусалим Он совершает дело, обнаруживающее полное самовластие, именно: выгоняет из храма тех, кои продавали овец и волов. Хотя Матфей (21, 12-13) повествует о сем, но знай, что Он сделал сие не однажды. Рассказываемое у Матфея Он совершает близко к страданиям Своим, а настоящее — у Иоанна — Он совершает в начале знамений. Посему здесь с послаблением сказал: «дома Отца Моего не делайте домом торговли». Ибо чудеса только еще начинались, и у Него не было еще той смелости, какую придавали чудеса. А там, то есть у Матфея, говорит: «не делайте вертепом разбойников». Явно назвал их разбойниками, как наживающихся несправедливыми средствами. Ибо кто мало стоящую вещь ценит дорого и при случае извлекает себе выгоду от бедных и вдов (как обыкновенно делают скупающие необходимые предметы и потом продающие), что иное делает, как не разбойничает, извлекая себе выгоду из несчастья ближних? Для чего Он совсем выгоняет таких людей из храма? Не без основания: Он будет исцелять в субботу и как бы нарушать закон об ней; посему, чтобы тогда не сочли Его богопротивником, Он настоящим случаем предупреждает такую мысль. Ибо кто показал такую ревность по храму, тот не станет отвергать Бога, Господа храма. И

выгнал не просто, но ударяя бичом из веревок, и опрокинул столы, и рассыпал монету или деньги меновщиков, и решился на дело весьма опасное. А кто подвергает себя опасности за дом Бога, тот допустит отступление от закона Божия не как богопротивник, но, без сомнения, как Сын, имеющий равную власть с Богом и Отцом, давшим закон о субботе. Посему не сказал: дом «Бога», но: дом «Отца Моего», показывая, что Он, как Сын, имеет власть над всем принадлежащим Отцу. Меновщики суть те, кои продают мелкие монеты или нуммы. Подобно тогдашним торговцам грешат и много из первосвященников, когда они продают в церкви «волов», не отдавая чести отличающимся в учительском слове, но отдавая оную желающим злодействовать, когда продают «овец» — простой и обыкновенный народ, «голубей» — духовные дарования, и когда поставляют на высшую степень тех, которые больше дают; таких Господь «выгоняет» из святилища, находя их по суду Своему недостойными первосвященства. Также, если кто продает крупную и мелкую монету, то есть мнение и слово, и будучи учителем, но не предвидя пользы, не возвещает евангельского слова, то Господь «опрокидывает» и его «стол», то есть звание учителя, и учение, которое он по злобе удерживает, не давая его всем; между тем как Господь Иисус отрешает такого от власти, и посаждает на стол учительский другого, достойного. — Ученики вспомнили, что написано: ревность по доме твоём снедает меня (Пс. 68, 10). Немного еще времени возрастают они в добре, а уже припоминают и места из Писаний и, в них находя свидетельства, более и более утверждают в своих познаниях о Христе.

На это Иудеи сказали: каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать? Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А Он говорил о храме тела Своего. Когда же воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус.

Когда иудеи увидели, что Господь делает это с великою властью и говорит: дом Отца Моего не делайте рынком, то говорят: уверь нас каким-нибудь чудом, что Ты Сын Бога и что Ты Им послан. Ибо откуда видно, что Господь дома сего — Отец Тебе? Он же отвечает им приточно, говоря: «разрушьте храм сей», без сомнения, говоря о Своем теле, потому что в нем обитало все Божество Единородного. Словом «разрушьте» не поощряет их к убийству (прочь такая мысль!), но, зная их намерение совершить сие, намекает на то, что случится безотложно. — Пусть и ариане слышат, как Господь и разрушитель смерти говорит: «Я воздвигну». Не сказал: Отец воздвигнет, но «Я» воздвигну, употребив собственную силу, а не нуждаясь в чужой отвне. Иудеи же, думая, что Он говорит о бездушном храме, смеются над Ним. Как, говорят, говоришь Ты, что воздвигнешь его в три дня, тогда как он строился сорок шесть лет? Нужно знать, что когда храм в первый раз строился при Соломоне, тогда все без нужды исполнено в двадцать лет. Впоследствии же, когда евреи после пленения получили позволение строить храм, они начали возобновлять его в царствование Кира; потом, встретив препятствие со стороны завистников, продолжали постройку до царствования Артаксеркса; при нем же, пользуясь полною безопасностью, с большим трудом могли окончить это дело. — Когда же говорится, что иудеи во время строения в одной руке держали копьё, а в другой — строительное орудие, то они были в таком большом страхе от соседственных идумеев, а не от персов, ибо от них, то есть от персов, как я сказал, они пользовались полною безопасностью. О сей-то постройке, бывшей после плена, говорят, что она продолжалась сорок шесть лет, так как иудеям препятствовали, и потому они протянули ее от царствования

Кира до Артаксеркса. — И неудивительно, что не поняли слов Иисуса иудеи, равно как и ученики. Для них были два величайших затруднения: одно — то, что дело воскресения очень неудобопонятно, тем более что им вовсе неизвестно; другое — то, что живущий в теле есть Бог. Однако же после воскресения ученики поняли, и поверили Писанию. Какому Писанию? И всякому, которое предвещает о воскресении, и, как яснейшему, сему: «Ты не оставишь души моей во аде» (Пс. 15, 10), и сему: «Господь хочет очистить его от раны и показать ему свет» (Ис. 53, 11). Ибо сии места Писания весьма ясно предвещают о воскресении. Аполлинарий пытается найти здесь защиту своей ереси. Желая подтвердить, что плоть Господа была без души, говорит: плоть называется храмом, а храм бездушен; следовательно, и она бездушна. Пораженный громом и вскружившийся! Ты плоть Господа сделаешь, пожалуй, и деревьями, и камнями, так как храм из них?! Когда ты слышишь слова Господа: «душа Моя теперь возмутилась» (Ин. 12, 27) и «Я имею власть положить душу Мою» (Ин. 10, 18), то как их понимаешь? Если ты скажешь, что сие говорится не о словесной и разумной душе, то где ты положишь слова: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23, 46)? Неужели и сие будешь понимать о неразумной душе? А это: «не оставишь души моей во аде» (Пс. 15, 10), как тебе кажется? Но погибай ты со своими единомышленниками.

И когда Он был в Иерусалиме на празднике Пасхи, то многие, видя чудеса, которые Он творил, уверовали во имя Его. Но Сам Иисус не вверял Себя им, потому что знал всех, и не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке; ибо Сам знал, что в человеке.

Глава третья

Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских; он пришел к Иисусу ночью и сказал Ему: Равви! мы знаем, что Ты — Учитель, пришедший от Бога, ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог.

Когда Иисус был на празднике, то некоторые, по-видимому, уверовали во имя Его; но вера их была нетверда. Ибо, внимая на время Христу не как Богу, а как богоносному человеку, они опять отпадали и от сей самой ничтожной веры. А что они были таковы, это видно из нижеследующего. Сам, говорится, Иисус не вверял Себя им и не передавал всего учения, как неистинно верующим, проникая в сердца их (Пс. 93, 11; Иер. 17, 10) и зная, что об Нем было в них. Ибо от Него не укрывалось, каков был помысл в каждом человеке, по-видимому, верующем. Таков почти был и Никодим. Верил и он Иисусу и, кажется, говорил иудеям в пользу Господа, именно: что нужно судить Его по внимательном исследовании (Ин. 7, 50-51). Да и после распятия при погребении он также показал много заботливости и щедрости. Однако же он не веровал, как должно было. Придерживаясь еще слабости иудейской, он приходит к Иисусу «ночью» из страха от иудеев (Ин. 19, 38. 39); называет Его Учителем, как простого человека, ибо такое имел понятие об Нем, почему и прибавляет, что никто не может творить таких чудес, если не будет с ним Бог. Видишь ли, он приходит к Иисусу, как к пророку и человеку, любимому от Бога. Что же Господь? Он не обличает его грозным образом, не говорит, зачем ночью приходишь к Учителю, посланному от Бога, почему не имеешь смелости? Ничего такого не говорит, но милостиво разговаривает с ним о предметах божественных и высоких. Примечай также, что хотя Христос творил много чудес, но настоящий евангелист не повествует ни об одном из них или потому, что об них сказано

другими евангелистами, или потому, что они выше подробного повествования.

Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия.

Кажется, слова Господа к Никодиму не имеют ничего общего со словами к Нему Никодима. Но для внимательного откроется много общего. Так как Никодим имел понятие о Христе уничиженное, именно: что Он Учитель и что с Ним Бог, то Господь говорит ему: тебе естественно иметь такое понятие обо Мне. Ибо ты еще не родился «свыше», то есть от Бога, рождением духовным, но еще плотян, и познание, какое ты имеешь обо Мне, не есть духовное, но душевное и человеческое. А Я говорю тебе, что и ты, и всякий другой будете вне Царствия, если не родитесь свыше и от Бога и не получите должного обо Мне понятия. Ибо рождение чрез крещение, внося в душу свет, дает ей возможность видеть или познавать Царствие Божие, то есть едиnorodного Его Сына. Ибо Сын может быть назван как премудростью Божиею, так и Царством Божиим. Царства же сего, Никодим, никто не может видеть или познать, если не родится от Бога. Так и ты, потому что не родился еще духовно, не видишь Меня — Царствия Божия, как должно, но имеешь обо Мне низкое понятие.

Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие.

Никодим, слыша учение выше, чем человеческое, изумляется и по свойству немощной природы человеческой спрашивает: как это возможно? Это — признак неверия. Ибо где нет веры, там являются вопросы: как это, почему это? Слова Никодима кажутся и смешными, потому что он не помыслил о духовном рождении, а припомнил телесное чрево. Услышав, что если кто не родится «свыше», он подумал, что употреблено вместо: «сначала», «снова», во второй раз, и речь понял в таком значении: если кто не родится «сначала», во второй раз. Посему и говорит: как может, будучи стар, войти во утробу матери своей? Два предмета для него были неудобопонятны: один — рождение духовное, другой — Царствие. Ибо имени Царства Небесного иудеи никогда не слышали. Теперь он недоумевает о рождении. Христос и открывает ему яснее способ рождения духовного. Ибо человек, состоя из двух частей, из души и тела, имеет и образ рождения двучастный. Вода, видимо принимаемая, действует к очищению тела, а Дух, невидимо соединяющийся, — к возрождению невидимой души. Если ты спрашиваешь, как вода может родить, то и Я спрошу, как семя, которое само водообразно, может образоваться в человека? Посему как над семенем телесным все совершает благодать Божия, так и при крещении предлежит вода, но все совершает Дух и молитвенное призывание, а особенно присутствие Бога. Ибо в воде сей совершаются знаки и образ погребения и воскресения. Три погружения — знак тридневного погребения; потом человек воскресает (выныряет), как Господь, нося светлую и чистую одежду нетления, а тление погрузив в воде.

Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа.

Господь, отвлекая внимание Никодима от рождения плотского, говорит: рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа — дух, то есть человек, родившийся крещением, становится духовен; ибо слово «дух» ты должен разуметь вместо: «духовный». Правда, крестившийся не делается духом божественным, но, получив Духом сыноположение, благодать и честь, удостоивается быть духовным. Видя же, что Никодим и еще смущается, говорит: не удивляйся. Потом пытается учить чувственным примером. Дух, говорит, дышит, где хочет, и голос его слышишь, однако же не знаешь его направления, потому что он неудержим и беспрепятствен и по силе природы имеет стремление во все стороны. Если говорит: «дышит, где хочет», то не потому, будто ветер имеет способность свободного выбора и желания, но потому, что хочет (как я сказал) указать на естественное его движение и неудержимую силу. Если же не знаешь, где и как дышит ветер, сей дух, подлежащий чувству, то как хочешь уразуметь возрождение от Духа Божия? Если сей дух не может быть задержан, то тем более не подчинится законам природы благодать Духа Святаго. Да постыдится духоборец Македонии и предшественник его Евномий. Первый поставляет Духа в раба, однако здесь слышит, что ветер дышит, где хочет, и, следовательно, тем более Дух имеет самовластно движение и действует, где и как хочет. А Евномий, прежде погрешив в сем же самом и назвав Духа тварью, до того простер свою дерзость, что будто он знает Бога так же, как самого себя. Пусть же слышит, что он не знает движения и стремления ветра; как же, преступный, дерзаешь присвоить себе знание Сущности Божией?

Никодим сказал Ему в ответ: как это может быть? Иисус отвечал и сказал ему: ты — учитель Израилев, и этого ли не знаешь? Истинно, истинно говорю тебе: Мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели; а вы свидетельства Нашего не принимаете. Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном.

Никодим еще остается с иудейскою немощью; потому опять спрашивает: как это может быть? Посему и Господь, показывая ему, что он спрашивает так от простоты, говорит: ты учитель Израилев; если вспомнишь славные чудеса, совершенные в Ветхом Завете, начиная от сотворения человека и далее, именно: как он сотворен (Быт. 2, 7. 21. 22), как жена создана из ребра, как совершились знамения в Египте, как в Чермном море (Исх. 7, 8, 9, 14), как неплодные рождали (1 Цар. гл. 1) и тому подобное, еслиобразишь это, как учитель Израилев, то поверишь и тому, что Я теперь говорю. Притом, Я говорю о том, что знаю и что видел, то есть знаю до точности. Ибо словом: «видели» Он обозначает не телесное зрение, но знание самое точное. Но вы свидетельства «нашего», то есть Моего, не принимаете. Господь говорит это не одному Никодиму, но простирает к целому роду иудеев, до конца оставшихся в неверии. Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, то есть если Я сказал вам о возрождении, совершающемся во крещении, и вы не приняли, но спросили: «как?» (называет сие рождение «земным», потому что оно совершается на земле во благодеяние людям, живущим на земле; хотя оно по благодати и достоинству небесное, но мы крещаемся, будучи на земле), — итак, если Я сказал о сем «земном» рождении и нашел вас не верующими, то как вы поверите, если услышите о неизреченном рождении небесном, каким едиnorodный Сын родился от Отца? — Некоторые же под «земным» разумели пример ветра, так что речь представляется в таком смысле: если Я представил вам пример из предметов земных, и вы им не убедились, то как можете учиться предметам более возвышенным?

Никто не восходил на небо, как только Сшедший с небес Сын человеческий,

сущий на небесах.

И это, по-видимому, не имеет ничего общего с предыдущим. Но если кто внимательно всмотрится в мысль Господа, то окажется, что и это близко относится к предыдущему. Поелику Никодим называл Господа Учителем и Пророком, то Он говорит: не считай Меня за пророка, сущего от земли, посланного Богом учить, но считай Меня сшедшим свыше, как Сына, а не от земли сущим. Никто из пророков не восходил на небо, а только Я один имею взойти, как и нисшел. Услышав, что Сын Человеческий сшел «с неба», не думай, что плоть сошла с неба. Действительно, Аполлинарий так думал, что Христос, имея тело с неба, прошел чрез Деву, как чрез канал. Но поелику Христос, состоящий из двух естеств, был одна Ипостась или одно Лицо, то названия Человека прилагаются к Слову, и опять названия Слова — к Человеку. Так и здесь говорится, что с неба сшел «Сын Человеческий», потому что Он одно Лицо и одна Ипостась. Потом, чтобы ты, услышав «сшедший», не подумал, что сшедший уже не находится на небе, говорит: «сущий на небесах». Итак, услышав, что сшел, не подумай, что Я не нахожусь там; но Я и здесь присутствую телесно и там восседаю со Отцом по Божеству.

И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную.

Сказав прежде о возрождении чрез крещение, говорит потом уже и о благодеянии, совершенном для нас чрез крест. Ибо крест и смерть — причина благодати, подаваемой нам чрез крещение, так как при крещении изображаем смерть Господню. Не говорит прямо, что Я буду распят, но напоминает о змие и о древней истории (Чис. 21, 5-9) и таким образом зараз, с одной стороны, научает нас, что древнее сродно с новым и что один и тот же Законоположник Ветхого и Нового Завета, хотя Маркион, Манес и остальное собрание подобных еретиков отвергают Ветхий Завет, говоря, что он есть законоположение злого демиурга (художника); с другой стороны, научает, что если иудеи избегали смерти чрез взгляд на медное изображение змия, то тем более мы избежим смерти душевной, взирая на Распятого и веруя в Него. Сличи, пожалуй, образ с истиною. Там подобие змия, имеющее вид змия, но не имеющее яда: так и здесь Господь — Человек, но — свободный от яда греха, пришедший в подобии плоти греха, то есть в подобии плоти, подлежащей греху, но Сам не есть плоть греха. Тогда — взирающие избегали телесной смерти, а мы — избегаем духовной. Тогда повешенный исцелял от ужаления змей, а ныне — Христос исцеляет язвы от дракона мысленного. Когда слышишь: «должно вознесену быть», понимай так: быть повешену. Ибо Он повешен был на высоте, чтобы Освятителю землю хождением по ней освятить и воздух «Вознестись» понимай и так: быть прославлену. Ибо крест стал поистине высотой и славою Христа. В чем Он казался осужденным, тем осудил князя мира сего. Объясню несколько. Адам умер по справедливости, потому что согрешил. Господь умер не по долгу справедливости, потому что не согрешил. До распятия Господа смерть справедливо властвовала над людьми. А как Господь оказался безгрешным, то диавол что мог найти в Нем заслуживающего смерти? А как Он был умерщвлен несправедливо, то победил умертвившего Его и таким образом освободил и Адама от смерти, справедливо причиненной ему, как согрешившему. — И иначе. Два предмета господствовали над родом человеческим: удовольствие и скорбь. Господь, прошедши чрез то и другое, оказался непобедим. Искуситель сначала приступал к Нему на горе с предложением удовольствия (Мф. 4, 3. 6. 9); но, нашед Его непобедимым чрез это, употребил великую хитрость, навел скорбь, чтобы, по крайней мере, чрез нее овладеть

Им, и для сего восставил против Него все: отречение учеников, насмешки воинов, хулу мимоходящих, смерть от иудеев, но и при этом — нашел Его непобедимым. Ибо скорбь на кресте не могла возбудить в Господе ненависть к распинателям, но Он продолжал любить их и молился за них, говоря: Отче! Не поставь им греха сего (Лк. 23, 34). Видишь ли, как Он победил тем, чем, по-видимому, был побежден. Таким образом, крест стал и возвышением Его, и славою.

Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него.

Любовь Бога к миру велика и до того простерлась, что Он отдал не ангела, не пророка, но Сына Своего, и притом Единородного (1 Ин. 4, 9). Если бы Он отдал и ангела, то и это дело было бы не мало. Почему? Потому, что ангел — верный и покорный Его служитель, а мы — враги и отступники. Теперь же, когда отдал Сына, какое превосходство любви показал Он?! Опять, если бы Он имел много сыновей и отдал одного, то и это было бы очень великое дело. А теперь Он отдал Единородного. Можно ли же достойно воспеть Его благость? Ариане говорят, что Единородным Сын называется потому, что Он один только произведен и сотворен Богом, а все прочее уже Им сотворено. Ответ им простой. Если бы Он назван был Единородным без слова «Сын», то ваша тонкая выдумка имела бы основание. Но теперь, когда Он называется Единородным и Сыном, слово «Единородный» нельзя понимать так, как вы, но так, что Он один только рожден от Отца. — Заметь, прошу тебя, то, что как выше Он сказал, что Сын Человеческий сшел с неба, хотя плоть не сошла с неба, но принадлежащее Богу приложил к человеку по причине единства Лица и единства Ипостаси, так и здесь опять принадлежащее человеку прилагает к Богу Слово. Отдал, говорит, Бог Сына Своего на смерть. Хотя Бог пребыл бесстрастен, но поелику по Ипостаси Один и Тот же был и Бог Слово, и Человек, подлежащий страданиям, то и говорится, что отдается на смерть Сын, который действительно и страдал в собственной плоти. — Какая польза от того, что отдан Сын? Великая и недомыслимая для человека — та, чтобы всякий верующий в Него получил два блага: одно, чтобы не погиб; другое, чтобы имел жизнь, и притом вечную. Ветхий Завет тем, кои в нем благоугождали Богу, обещал долголетнюю жизнь, а Евангелие награждает таких жизнью не временною, но вечною и неразрушимою. — Поелику два пришествия Христовы, одно уже бывшее, а другое — будущее, то о первом пришествии говорит, что Сын не послан, чтобы судить мир (потому что, если бы Он для сего пришел, то все были бы осуждены, так как все согрешили, как и Павел говорит. — Рим. 3, 23), но преимущественно для того пришел, чтобы спасти мир. Таковая была цель у Него. Но на деле вышло, что осуждает тех, кои не уверовали. Моисеев закон пришел преимущественно для обличения греха (Рим. 3, 20) и осуждения преступников. Ибо он никому не прощал, но как находил согрешающего в чем-нибудь, в то же время налагал и наказание. Итак, первое пришествие не имело целью судить, кроме тех, которые на деле не уверовали, ибо они уже осуждены; а второе пришествие будет решительно для того, чтобы судить всех и воздать каждому по делам его.

Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы, ибо всякий делающий злое ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы. А поступающий по правде идет к свету, дабы явны

были дела его, потому что они в Боге соделаны.

Что значит: верующий в Сына не судится? Неужели не судится, если жизнь его нечиста? Весьма судится. Ибо таких и Павел не называет искренно верующими. Показывают, говорит (Тит. 1, 16), что они знают Бога, делами же отрекаются Его. Впрочем, здесь говорит о том, что не судится по тому самому, что уверовал: хотя в злых делах отдаст самый строгий отчет, но за неверие не наказывается, потому что за один раз уверовал. «А неверующий уже осужден». Как? Во-первых, потому, что и самое неверие есть осуждение; ибо быть вне света — одно только это — величайшее наказание. Потом, хотя здесь не отдается еще в геенну, но здесь соединил все, что доводит до будущего наказания; подобно тому, как и убийца, хотя бы не был приговорен к наказанию приговором судьи, осужден сущностью дела. И Адам умер в тот же день, в который вкусил от запрещенного дерева; хотя он был жив, но по приговору и по существу дела был мертв. Итак, всякий неверующий уже здесь осужден, как несомненно подлежащий наказанию и не имеющий прийти на суд, по сказанному: не воскреснут нечестивии на суд (Пс. 1, 5). Ибо от нечестивых не потребуется отчет, как и от диавола: они воскреснут не на суд, а на осуждение. Так и в Евангелии Господь говорит, что князь мира сего уже осужден (Ин. 16, 11) как потому, что сам не уверовал, так и потому, что Иуду сделал предателем и прочим приготовил погибель. Если же в притчах (Мф, 23, 14-32; Лк. 19, 11-27) Господь вводит и подлежащих наказанию дающими отчет, то не удивляйся, во-первых, потому, что говоримое есть притча, а говоримое в притчах не нужно принимать все, как законы и правила. Ибо в день тот каждый, имея непогрешимого судью в совести, не потребует другого обличения, но пойдет связанный сам от себя; во-вторых, потому, что Господь вводит дающими отчет не неверующих, а верующих, но несострадательных и немилостивых. Мы же говорим о нечестивых и неверующих; а иное — нечестивый и неверующий и иное — немилосердый и грешный. — «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир». Здесь неверующих показывает лишенными всякого оправдания. В том, говорит, состоит суд, что свет пришел к ним, а они не устремились к нему. Не тем только они согрешили, что сами не искали света, но, что всего хуже, тем, что он пришел к ним, и они однако же не приняли. Посему-то они и осуждены. Если бы свет не пришел, то люди могли бы сослаться на незнание добра. А когда Бог Слово пришел и предал Свое учение, чтобы просветить их, и они не приняли, тогда они уже лишились всякого оправдания. — Чтобы кто-нибудь не сказал, что никто не предпочтет тьму свету, выставляет и причину, по которой люди обратились к тьме: потому что, говорит дела их были злы. Так как христианство требует не только правого образа мыслей, но и жизни честной, а они пожелали валяться в грязи греха, то посему делающие худые дела не пожелали идти к свету христианства и подчиниться Моим законам. «А поступающий по правде», то есть ведущий жизнь честную и богоугодную, стремится к христианству, как к свету, чтобы еще более преуспеть в добре и дабы явны были дела его по Боге. Ибо таковой, правильно веруя и проводя честную жизнь, светит всем людям, и Бог прославляется в нем. Посему причину неверия язычников была нечистота их жизни. Быть может, скажет иной, что же, разве нет христиан порочных и язычников одобрительных по жизни? Что есть христиане порочные, я и сам это скажу; но чтоб нашлись язычники добрые, не могу сказать решительно. Некоторые могут найтись «от природы» кроткими и добрыми, но это — не добродетель, а добрым «от подвига» и упражнения в добре — никто. Если же некоторые казались добрыми, то все делали из-за славы; делающий же для славы, а не для самого добра, с охотою предастся злему пожеланию, когда найдет к тому случай. Ибо если у нас и угроза геенною, и всякое иное попечение, и примеры бесчисленных святых едва удерживают людей в добродетели, то

бредни и гнусности язычников тем менее удержат их в добре. Велико и то, если не сделают их совершенно злыми.

После сего пришел Иисус с учениками Своими в землю Иудейскую и там жил с ними и крестил. А Иоанн также крестил в Еноне близ Салима, потому что там было много воды, и приходили туда и крестились; ибо Иоанн еще не был заключен в темницу.

Доколе продолжался праздник Пасхи, Иисус был в Иерусалиме. Когда он прошел, Иисус вышел оттуда в землю иудейскую и жил близ Иордана, куда многие сходились. Он искал многолюдных мест не для пустой чести или славы, но потому, что желал большему числу людей доставить пользу и благо. Когда Он восходил и на праздники, то ходил для сего же самого, чтобы большему числу людей доставить пользу и учением, и явлением чудес. — Слыша, что Он крестил, не подумай, что Он Сам крестил: крестили ученики Его, но дело учеников евангелист относит к Учителю. Далее сей же самый евангелист говорит, что Иисус не крестил, а ученики Его (Ин. 4, 2). Спросишь ли: почему Он Сам не крестил? Узнай. Иоанн прежде сказал, что Он будет крестить вас Духом Святым (Мф. 3, 11). А Духа Святаго Он еще не давал, потому что было еще не время. Итак, если бы Он крестил, то или крестил бы без Духа (и чем бы тогда разнился от Иоанна?), или давал бы Духа и прежде времени, а это недостойно Бога, делающего все вовремя. Когда же было время дать Духа? Время после вознесения. Ибо естеству нашему во Христе Иисусе нужно было явиться к Отцу безгрешным и, по примирении, таким образом, Бога с нами, быть ниспослану Духу, как богатому и щедрому дару. Итак, ученики Иисусовы крестили, и Иоанн еще крестил и не переставал, разом исполняя два дела: одно — то, что приходящим к нему говорил о Христе и подводил их к Нему; другое — то, что ученикам не давал повода к ревности и большим спорам. Если бы он перестал крестить, чего бы не сделали ученики его, при завистливом расположении ко Христу? Если он, весьма часто взывая и всегда уступая первенство Христу, не убедил их обратиться к Нему, то какую бы зависть возбудил в них, когда бы перестал крестить? Посему и Христос особенно начал проповедовать тогда, когда Иоанн был заключен, по причине зависти учеников Крестителя. Я думаю, что и кончине Иоанна допущено быть весьма скоро для того, чтобы все расположение народа перешло ко Христу, и он не разделялся в мыслях о том и другом, Иоанне и Христе. — Ученики Христовы крестят крещением, не имеющим ничего большего пред крещением Иоанновым, ибо то и другое несовершенно, как непричастное Духа, хотя цель обоих одна — крещаемых привести ко Христу.

Тогда у Иоанновых учеников произошел спор с Иудеями об очищении. И пришли к нему и сказали ему: равви! Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот Он крестит, и все идут к Нему. Иоанн сказал в ответ: не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба.

При споре учеников Иоанновых с одним иудеем зашел вопрос о крещении. Иудей ставил выше крещение учеников Христовых, а ученики Иоанновы — крещение учителя своего. Заспорившие об очищении, то есть крещении, приходят к учителю своему и начинают его подстрекать, говоря: учитель! Тот, Который был с тобою, Который имел степень ученика, отделился и крестит; Тот, о Котором ты свидетельствовал, то есть Которого ты крестил, Которого ты сделал знатным, осмеливается делать то же, что ты; сверх сего, некоторые не внимают тебе, а Ему внимают все; ибо все, говорит, идут к Нему, а тебя оставляют. — Иоанн,

желая устрашить их и показать, что они, препятствуя Христу и отстраняя Его от славы, враждуют против Бога, говорит: не может человек ничего принимать сам от себя; и далее: если бы, говорит, не было дано с неба, то не возростал бы Тот, Которому вы завидуете. Посему вы зараз согрешаете дважды: раз — тем, что противитесь определению Божию, а другой — тем, что предпринимаете невозможное. Вместе с сим он их и успокаивает несколько тем, что побеждающий их не человек, но — Бог. Да и мы, говорит, что имели, то имели не от себя, а с неба. Если же дела Христовы славнее, то не нужно удивляться, ибо так угодно Богу.

Вы сами мне свидетели в том, что я сказал: не я Христос, но я послан пред Ним. Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умяляться.

Вы, говорит, сами знаете, что я свидетельствовал об Нем, что Он больше меня. Итак, если вполне принимаете мое свидетельство, то знайте, что Он досточтимее меня, и радость моя состоит в том, чтобы все приходили к Нему. Если бы к Этому Жениху не приходила невеста, то есть народ, тогда я, невестоводец, скорбел бы; теперь же, когда это случилось, я весьма радуюсь, ибо вижу, что Жених — Христос взывает к невесте — народу и учит его. Не без цели сказал: «стоящий», но сим показывает, что его дело кончено и он стоит уже без действия, и что ему, наконец, нужно стать и только слушать учение Христа и беседу Его с невестою. Мое, говорит, дело окончено, и я передал народ Ему. Посему моей славе нужно умяляться, а Его — расти. Как же умяляется слава Предтечи? Как утренняя заря закрывается солнцем и кажется многим, что свет ее угас, хотя на самом деле не угас, а закрывается большим, так, без сомнения, и денница Предтеча покрывается мысленным Солнцем, и потому говорится, что он умяляется. Христос же растет, потому что в короткое время делает Себя известным чрез чудеса. Не растет Он по мере успеха в добродетели. Прочь такая мысль! Она — пустословие Нестория. Но растет по мере проявления и обнаружения Божества; ибо мало-помалу, а не вдруг Он объявляет, что Он есть Бог. — Радость моя, говорит, исполнилась при Женихе. Дело, которое вверено мне, как невестоводцу, я вижу, получило успех. Итак, Господь есть жених всякой души; брачная комната, в которой бывает соединение, есть место крещения, то есть церковь; дает Он невесте залог — прощение грехов, общение Духа Святаго, а остальное в будущем веке, когда Он достойных введет в лучшие и высшие таинства. Заметь же, что жених есть не другой кто, как только один Христос, все же учителя суть невестоводцы, как и Предтеча. Ибо податель благ есть не другой кто, как только Господь; все прочие суть посредники и служители благ, поданных от Господа.

Приходящий свыше и есть выше всех; а сущий от земли земный и есть и говорит, как сущий от земли; Приходящий с небес есть выше всех. И что Он видел и слышал, о том и свидетельствует; и никто не принимает свидетельства Его. Принявший Его свидетельство сим запечатлел, что Бог истинен. Ибо Тот, Которого послал Бог, говорит слова Божии; ибо не мерою даст Бог Духа.

Предтеча сравнивает себя с Христом и говорит, что Он приходит «свыше», от Отца, и есть «выше всех», превосходит всех и сохраняет превосходство Отчее, а я, сущий от земли, говорю земное, несовершенное и уничиженное в сравнении с учением Христовым. Хотя и учение самого Предтечи было божественно, но в сравнении с учением Христовым оно имеет

много земного. Он говорит, что видел и слышал, то есть Он говорит и свидетельствует о том, что слышал от Отца и что видел, то есть что знает до точности. Но свидетельства Его не принимает никто из тех, которые не внимают истине. А кто принял свидетельство, то есть учение Его, тот запечатлел, то есть показал, подтвердил, что Бог истинен. Ибо кто верует посланному от Бога, тот верует Богу, и сим запечатлевает он и доказывает, что поверил Ему, потому что Он истинен. И наоборот, кто не верует посланному от Бога, тот показывает, что Он лжив, и потому-то не поверил Ему, что Он лжив (Рим. 1, 25; 1 Ин. 5, 10). Посему, кто верует Христу, тот сим уже самым, что поверил посланному от Бога, показывает, что Бог истинен. Ибо, очевидно, он поверил Ему потому, что Он истинен. — И справедливо. Ибо все прочие, говорят, получили силу Духа мерою, а Самому Христу Он не мерою дал одну какую-нибудь или две силы, но Он существенно имеет всецелого Духа. Итак, пророкам Бог и дает Духа, то есть силу Духа, и дает мерою; а Христу не дает ни мерою, ни без меры, ибо Христос имеет Его существенно. — Когда слышишь, что Христос говорит то, что слышал от Отца, то не думай, что Он имеет нужду учиться знанию от Отца, но поелику все, что знает Сын по естеству, Он имеет от Отца, как единосущный с Ним, то и говорится, что Он слышал от Отца то, что знает. Это подобно тому, как ты, увидев сына, во всем похожего на отца, говоришь, что он все имеет от отца, то есть не вышел похож ни на кого другого, кроме отца. — Слыша, что Он «послан», понимай так, что Он послан от Отца, как луч от солнца. Не говорим ли мы так: солнце послало лучи? и: солнце пустило свет, то есть послало на землю? Однако мы не говорим, что луч иной сущности или позднее солнца. Так и Сын послан в мир от мысленного Солнца и Отца, как отблеск, как луч, как свет и как хочешь назови Его, насколько то прилично. — Не безвременно здесь сказать, когда речь зашла о том, как Сын имеет Духа и в каком смысле Дух называется сыновним. Апостол говорит: послал (Бог) в сердца ваши Духа Сына Своего, взывающего: Авва, Отец! (Гал. 4, 6), и в другом месте: если кто не имеет Духа Христова, тот и не Его (Рим. 8, 9). Латины, худо принимая и понимая слова сии, говорят, что Дух исходит от Сына. Мы скажем им, во-первых, то, что иное — быть от кого-нибудь и иное чьим-нибудь. Что Дух есть Дух Сына, это не подлежит сомнению и подтверждается всем Писанием; но о том, что Он от Сына, не свидетельствует никакое Писание, дабы мы не ввели двух виновников Духа, именно: Отца и Сына. Так, говорят; но Он дунул на учеников и сказал: примите Духа Святаго (Ин. 20, 22). Какое ложное понимание! Если Он дал Духа ученикам тогда, когда дунул на них, то как Он говорил им, что чрез несколько дней после сего вы получите силу, когда сойдет на вас Дух Святы́й (Деян. 1, 5. 8)? Или зачем мы веруем, что в Пятидесятницу было нисшествие Духа, если Он дал Его ввечеру дня воскресения Своего? Ибо тогда еще Он дунул. Но это очень смешно. Очевидно, Он дал им тогда не Духа Святаго, но одно из дарований Духа, именно — прощение грехов. Ибо тотчас прибавляет: кому простите грехи (Ин. 20, 23). А Сын имеет Духа существенно, как единосущный Ему, а не как приводимый Им в действие. Ибо в действие приводятся пророки. Называется же Духом Сыновним потому, что Сын есть истина и сила, и премудрость, а Дух Святы́й Исаиею описывается как Дух истины и силы, и премудрости (Ис. 11, 2. 3). Называется сыновним и в ином смысле, в том именно, что людям подается чрез Сына. Ты веруй, что Дух исходит от Отца, а твари подается чрез Сына, и это будет тебе правилом Православия.

Отец любит Сына и все дал в руку Его. Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем.

Сказавши высокое о Христе, теперь опять возвещает смиренное, чтобы сделать слово удобоприемлемым для слушателей. Посему говорит: Отец любит Сына, как бы беседа о

каком-нибудь необычайном человеке, и все дал в руки Сына, — по человечеству. Если и по божеству, то что же? Отец все дал Сыну, по естеству, а не по благодати. Так как Он имеет бытие от Отца, то естественно говорится, что Он и все имеет от Отца. Итак, Сын имеет все, что на небе и что на земле. Ибо господствует над всеми, хотя и не все желают. Впоследствии, когда во второе пришествие поклонится пред Ним всякое колено, Он получит полное господство над всеми, когда злоба не будет уже иметь силы, но, оставаясь бездейственной, покажет, что природа добра от начала, присуща всем и содержит все. «Верующий в Сына имеет жизнь вечную» в себе, то есть Самого Христа, который есть поистине жизнь (Ин. 14, 6); ибо Им мы живем и движемся (Деян. 17, 28). «А не верующий не увидит жизни». Ибо кто произвольно отступился от жизни, тот как будет иметь ее, когда жизнь есть Христос? Ибо и апостол Павел говорит: когда явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы, став мертвыми для зла и неподвижными, явитесь во славе (Кол. 3, 4). «Но гнев Божий пребывает на нем». Не сказал: оставит его, но: останется на нем, показывая, что никогда не отступит от него. Дабы ты, услышав о смерти, не принял ее за временную, говорит, что пребудет на нем, на том, кто не уверовал, и наказание будет вечное. Всеми сими словами Креститель приводит и побуждает всех слушателей к вере во Христа. Ибо не без цели говорит это, но и своих учеников и всех прочих вразумляет уже не завидовать Христу, но внимать как Богу.

Глава четвертая

Когда же узнал Иисус о дошедшем до фарисеев слухе, что Он более приобретает учеников и крестит, нежели Иоанн (хотя Сам Иисус не крестил, а ученики Его), то оставил Иудею и пошел опять в Галилею. Надлежало же Ему проходить чрез Самарию.

Человеколюбец, однажды воплотившись для нас, все делает для нашей пользы. Так и теперь, узнав, что фарисеи слышали об Его славе, и зная, что они позавидуют Ему и восстанут против Него, удаляется в Галилею, научая нас двум предметам: во-первых, щадить врагов и всячески стараться не давать им повода к соблазну или зависти; во-вторых, неразумно и без пользы не подвергаться искушениям, но удаляться на время, пока ярость укротится. Хотя Он силен остановить Своих завистников, если б они и устремились на Него, однако же уклоняется, дабы дело воплощения не показалось призрачным. Ибо если бы Он постоянно удалялся из среды их, то чего бы не сказали фантазiodокеты, то есть Манес, Валентин, проклятый Евтихий и ученики их? — Евангелист, намекая на клевету завистников, говорит, что хотя Иисус не крестил, однако же завистники, желая подстрекнуть фарисеев против Христа, клеветали, что Он крестил. — «Надлежало Ему же проходить чрез Самарию». Он заходит к самарянам как бы между делом. Смотри. Не сказал: надлежало пойти в Самарию, но: проходить чрез Самарию. Он хотел отнять у иудеев всякий предлог к обвинению, дабы они не могли сказать, что Он, оставив их, перешел к нечистым — язычникам. Ибо, когда изгоняли Его, тогда Он переходил к язычникам, и то не нарочито, а между делом.

Итак, приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев.

Стоит сказать, откуда произошли самаряне и от чего получили они такое название. Соморон называлась гора от имени своего владельца, как и Исаия говорит: глава Ефрема Соморон (7, 9). Живущие под горою первоначально назывались не самарянами, а

израильтянами. Но за оскорбления Бога они в разные времена предаваемы были ассириянам. Наконец, когда они вознамерились отпасть, ассириянин взял их в плен и, опасаясь нового отступничества, не попустил им долее оставаться в их стране, но расселил их между вавилонянами и мидянами, а оттуда привел из разных мест народы и поселил в Самарии. После сего Бог, желая показать варварам, что Он предал им иудеев не по бессилию Своему, но за грех их, на переселившихся в Самарию варваров напустил львов, которые погубляли их всех вообще. Когда об этом довели до сведения царя, он призывает к себе некоторых старцев иудейских, бывших в плену, и спрашивает, что бы нужно сделать, дабы львы более не погубляли варваров, живущих в Самарии. Они объясняют ему, что Бог Израилев призывает на то место и не терпит, чтобы там жили незнающие законов Его. Посему, если он заботится о тамошних варварах, то нужно послать иудейских священников, которые бы преподали варварам законы Божии; и таким образом Бог умилоstitится. Царь слушает их и посылает одного священника, чтобы он преподавал самарийским варварам закон Божий (4 Цар. 17, 24-28). Но они приняли не все божественные книги, а только пять Моисеевых: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Не отстали они совершенно и от нечестия, но по временам отставали от идолов и почитали Бога. Посему иудеи, по возвращении из плена, всегда относились к ним с ненавистью, как ассириянам по происхождению, и от имени горы называли их самарянами. А они сами себя называли потомками Авраама и Иакова, потому что Авраам был халдей, а Иакова считали своим по причине находившегося тут источника. Иудеи же считали со всеми язычниками и их (самарян) нечистыми, почему в укоризну Господу и говорили: ты — самарянин (Ин. 8, 48). И Сам Он говорил ученикам: в город самарянский не входите (Мф. 10, 5). — Для чего евангелист подробно говорит о местечке и колодезе Иакова? Во-первых, для того, чтобы ты не изумлялся, когда услышишь, что женщина говорит: отец наш Иаков дал нам этот колодезь. Ибо место это было Сикима (Сихем), где сыновья Иакова Симеон и Левий произвели жестокое убийство за то, что сестре их Дине причинено было насилие князем сикимитов. Потом, из того, что евангелист передает нам о местечке и колодезе, мы узнаем, что отвержение иудеев издавна было за грехи их, и когда они оскорбляли Бога, тогда язычники овладевали их местами, и что они нечестием погубляли то, что патриархи приобрели верою во Христа. Посему нисколько не ново, если и ныне язычники введены в Царство Небесное вместо иудеев. Местечко, данное Иаковом Иосифу, называлось Сикима. Сыновья Иакова, погубивши сикимитов, опустошили город, а опустошенный он передан отцом в наследство Иосифу.

Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа. Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить (ибо ученики Его отлучились в город купить пищи).

Евангелист, говоря, что Господь утрудился от пути, показывает нам скромность и умеренность Его, ибо Он для путешествия не употреблял подъяремных животных, но ходил пешком, научая и нас не требовать многого. Показывает вместе и то, что Он совершал путь усиленно, а не беспечно; откуда и мы научаемся совершать дело Божие с усилием и старанием. Слово «сел» означает, что Он сел просто и, как случилось, не на престол, а совершенно просто, успокаивая на помосте тело и освежая оное при колодезе. Потом вводит и другую причину тому, что Он сел у колодезя, — то, что был полдень: «Было, — говорит, — около шестого часа». И еще, чтобы кто-нибудь не стал обвинять Господа в том, что Он, заповедав ученикам Своим не ходить на путь к язычникам, Сам приходит к самарянам, для того говорит, что сидение на сем месте было по причине усталости и что разговор с

женщиною имел благословный повод — жажду. Так как вследствие человеческой природы Он жаждал, то нуждался и в питии. Когда же Он просит пить, с Ним вступает в беседу женщина с душою любознательною. Что же нужно было делать? Ужели отвергнуть женщину, так любознательную и жаждущую выслушать разъяснение своих недоумений? Но это отнюдь несвойственно человеколюбию Божию. — Примечай, пожалуй, и здесь скромность Господа. Он один остается при дороге, когда ученики отлучились в город для покупки пищи. Они нужды чрева до того считали второстепенными, что тогда, когда все почти отобедали и отдыхали, они только еще покупают пищу, то есть одного только хлеба, дабы и мы научились не заботиться о разнообразии яств. — Примечай, пожалуй, и точность евангелиста. Он не сказал утвердительно: был шестой час, но, чтоб не погрешить против истины, сказал: «было около шестого часа», сообщая достоверность своему слову.

Женщина Самарянская говорит Ему: как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются. Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, — то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую. Женщина говорит Ему: господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок: откуда же у Тебя вода живая?

По виду и, может быть, по одежде, и по другому положению тела, и по самой беседе самарянка почла Господа за иудея, почему и говорит Ему: «как Ты, будучи Иудей», и так далее. Смотри, как проникательна была женщина. Если бы нужно было беречься, то нужно было бы Господу, а не ей. Ибо не сказала: самаряне не сообщаются с иудеями, но: иудеи не сообщаются с самарянами. Однако же женщина не останавливается на этом, но, подумав, что Господь совершает дело противозаконное, исправляет бывающее не по закону. — Христос открывает Самого Себя не прежде, как обнаружилась добродетель женщины. Когда же обнаружилась добродетель женщины, ее проникательность и точность, тогда уже начинает беседовать с нею о предметах высших. Если бы ты, говорит, знала дар Божий, то есть если бы ты знала, что дарует Бог, что Он дарует вечные и нетленные блага, если бы знала и Меня, знала, что Я, как Бог, могу дать тебе их, — то ты просила бы и получила бы воду живую. «Водою» называет благодать Святаго Духа, потому что она очищает приемлющих ее и сообщает им большое освежение; водою не стоячею, какая бывает в ямах и колодезях, гнилая и испортившаяся, но «живою», то есть бьющею ключом, вскакивающею, быстро текущею. Ибо благодать Духа делает душу всегда подвижною к добру, всегда полагающею восхождения (Пс. 8, 3. 6). Такую воду, живую и всегда подвижную, пил Павел, забывающий заднее и стремящийся к переднему (Флп. 3, 13. 14). Женщина говорит Ему: «Господи!» Видишь ли, как скоро она отстала от низкого мнения и воздает Ему большую честь, называя Господом. Однако же она не постигла глубины речей Христовых, но в ином смысле говорит о воде Он, в ином смысле понимает она.

Неужели Ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его? Иисус сказал ей в ответ: всякий пьющий воду сию возжаждет опять; а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную. Женщина говорит Ему: господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходиться сюда черпать.

Иакова считает отцом своим и себя причисляет к иудейскому благородству. Смотри,

пожалуй, на разумность женщины, как она скоро от различия вод заключает и о различии дающих. Если, говорит, Ты дашь такую воду, то, без сомнения, Ты больше Иакова, который дал нам настоящую воду. Слова: «и сам из него пил» указывают на приятность воды. Патриарху, говорит, источник сей так нравился, что и сам, и дети его пили из него. Слова: «и скот его пил» указывают на изобилие воды. Вода сия, говорит, не только приятна, и так приятна, что Иаков пил ее, но и обильна, и так обильна, что ее доставало для множества скота патриархова. Когда женщина сказала: «неужели Ты больше отца нашего», то Господь хотя не говорит прямо, что Я подлинно больше, дабы, не представив еще доказательства Своей силы, не показаться тщеславным, но приготавливает к этому Своими словами: кто пьет воду сию, тот опять возжаждет, а кто пьет Мою воду, тот не будет жаждать. То есть, если ты удивляешься Иакову, который дал воду сию, то тем более должна удивляться Мне, который дает воду гораздо лучшую. Ибо вода, которую Я даю, делается источником воды, постоянно и непрерывно умножающейся. Ибо святые не то только и сохраняют до конца, что получают от Бога, но чрез благодать они принимают семена и начатки добра, а сами приумножают их и возвращают. На сие указывает Господь притчею о талантах (Мф. 25, 14-31) и о содержателе гостиницы (Лк. 10, 35). Получивший два таланта чрез оборот в дело приобрел другие два (Мф. 25, 17). И содержателю гостиницы, принявшему израненного разбойниками, Господь обещает: если что издержишь из своего, Я отдам тебе (Лк. 10, 35). На это и здесь указывает Господь. Я даю жаждущему воду; но вода, которую Я даю, не остается в той же мере, а умножается и делается источником. Так, в оглашениях Анании Господь дал Павлу немного воды (Деян. 9, 17); но эту малую воду учения Ананиина Павел показал источником, так что потоки этого источника от Иерусалима достигли до Иллирики. Какое же при этом является расположение в женщине? Хотя еще не высокое, ибо она думает, что речь идет о воде чувственной, однако же она обнаруживает и некоторое движение вперед. Прежде она недоумевала и говорила: откуда Ты имеешь воду живую? А теперь, принявши то слово за несомненное, говорит: дай мне этой воды. Посему она кажется понятливее Никодима. Тот, выслушав весьма много подобного, говорил: «как это может быть?» (Ин. 3, 9). А она начинает уже пренебрегать и источником Иакова. Если, говорит, Ты имеешь такую воду, то дай мне, и я не стану уже ходить сюда черпать. Видишь ли, как она Господа ставит уже выше Иакова.

Иисус говорит ей: пойдя, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа; ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала. Женщина говорит Ему: Господи! вижу, что Ты пророк. Отцы наши поклонялись на этой горе; а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме. Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев.

«Пойди, позови мужа своего». Видя, что она настаивает на получении, а Его побуждает на даяние, говорит: «позови мужа своего», как бы показывая, что и он должен с тобою участвовать в сем даре Моем. Она, чтобы скорее скрыть и вместе получить, говорит: я не имею мужа. Теперь-то Господь чрез пророческое ведение открывает Свою силу, перечисляет прежних ее мужей и обнаруживает того, которого она теперь скрывает. Не пришла ли она в досаду, выслушавши это? Не оставила ли Его и не убежала ли? Нет, она еще более удивилась, еще более укрепилась и говорит: Господи! вижу, что Ты пророк; и спрашивает Его о

предметах божественных, а не о житейских, например, о здоровье тела или об имуществе. Так целомудра и благорасположена к добродетели душа ее! О чем же спрашивает? «Отцы наши поклонялись на этой горе». Говорит это об Аврааме и его преемниках. Ибо здесь, говорят, Исаак принесен им на жертву. Как же, говорит, вы говорите, что должно поклоняться в Иерусалиме? Видишь ли, как она стала выше? Незадолго пред этим она заботилась о том, чтобы не мучиться жаждою, а теперь спрашивает об учении (догматах). Посему и Христос, видя ее понятливость, хотя и не разрешает сего недоумения ее (ибо оно не имело особенной важности), но открывает другую, более важную, истину, которую Он не открывал ни Никодиму, ни Нафанаилу. Наступает, говорит, время, когда Богу будут поклоняться ни в Иерусалиме, ни здесь. Ты, говорит, стараешься доказать, что обычаи самарянские достойнее обычаев иудейских. А Я тебе говорю, что ни те, ни другие не имеют достоинства, но наступит другой некоторый порядок, который лучше обоих сих. Но и при этом Я объявляю, что иудеи достойнее самарян. Вы, говорит, кланяетесь тому, чего не знаете; а мы, иудеи, кланяемся тому, что знаем. Себя Самого причисляет к иудеям, потому что Он говорит применительно к понятию женщины, а она разумела Его, как пророка иудейского. Посему-то Он и говорит: «мы» кланяемся. — Как же самаряне не знали, чему они кланялись? Они думали, что Бог ограничивается местом. Посему, когда и львы их пожирали, как выше было сказано, они чрез послов донесли царю ассириан, что Бог места сего не терпит их. Однако же и после того они долго продолжали служить идолам, а не Самому Богу. А иудеи были свободны от такого понятия и, хотя не все, признавали Его Богом всех. «Ибо спасение от иудеев». Слова сии подают нам двоякую мысль. Или ту, что блага для вселенной произошли от иудеев, ибо знание Бога и отвержение идолов от них имеет начало, и все прочие учения (догматы), и сей самый род вашего поклонения самарянского, хотя неправильный, получил начало от иудеев же. Или Он «спасением» называет Свое пришествие, которое было от иудеев. Можно под «спасением» разуметь и Самого Господа, который по плоти был от иудеев.

Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.

Хотя мы, иудеи, в образе поклонения преимуществуем пред вами, самарянами, но и образ иудейского служения напоследок окончится. И перемена произойдет не в месте только, но и в способе служения, и перемена сия очень близка и настала уже. Ибо эти предметы не будут иметь значения во все времена, как имеют изречения пророков. — Истинными поклонниками называет тех, которые живут по Его закону, которые не ограничивают Бога местом, как самаряне, или не чтут Его служением телесным, как иудеи, но кланяются в духе и истине, то есть душою, чистотою ума. Так как Бог есть дух, то есть бестелесен, то и поклоняться Ему должно бестелесно, то есть душою. Это означается словом: «в духе». Ибо душа есть дух и существо бестелесное. А как многие, по-видимому, поклоняются Ему душою, но не имеют об Нем истинного понятия, например, еретики, посему присовокупил: «и в истине». Ибо должно поклоняться Богу умом, но также должно иметь и понятие об Нем истинное. — Иной, быть может, скажет, что здесь сими двумя словами «в духе и истине» намекается на две части нашего любомудрия: на деятельность и созерцание. Словом: «в духе» намекается на деятельность. Ибо, по словам божественного апостола, все водимые Духом Божиим умерщвляют дела плотские (Рим. 8, 13. 14). И опять: «плоть желает противного духу, а дух противного плоти» (Гал. 5, 17). Таким образом, словом «в духе» намекается на деятельность;

словом же «в истине» — на созерцание. Так и Павел (1 Кор. 5, 8) понимает, когда говорит: «с опресноками чистоты», то есть чистоты жизни, или, что то же, деятельности, «и истины», то есть созерцания, ибо созерцание занимается истиною догматического учения. И иначе: так как самаряне ограничивали Бога местом и говорили, что на этом месте должно поклоняться, а у иудеев все совершалось в образах и тенях, то против отличия самарян употребляет слово: «в духе», так что речь имеет такой смысл: вы, самаряне, совершаете служение Богу какое-то местное, а истинные поклонники будут совершать не местное, ибо они будут служить «в духе», то есть умом и душою. Не будут поклоняться под образом и тенью, как иудеи, но «в истине», так как обычаи и обряды иудейские будут отменены. Так как закон иудейский, понимаемый буквально, был образом и тенью, то, может быть, слово «в духе» употреблено для отличия от буквы; ибо в нас действует уже закон не буквы, а духа, «ибо буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3, 6). Для отличия от образа и тени употреблено слово: «в истине». Настанет, говорит, время, и настало уже, именно: время явления Моего во плоти, когда истинные поклонники будут поклоняться не на одном месте, как самаряне, но на всяком месте «духом», совершая поклонение не телесное только, как и Павел говорит: Которому (Богу) я служу «в духе» моём (Рим, 1, 9), будут совершать служение не образное, тенистое и указывающее собою на будущее, как иудеи, но служение истинное и не имеющее никаких теней. Ибо таких поклонников ищет Себе Бог: как Дух — духовных, как Истина — истинных.

Женщина говорит Ему: знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все. Иисус говорит ей: это Я, Который говорю с тобою. В это время пришли ученики Его и удивились, что Он разговаривал с женщиною; однако же ни один не сказал: чего Ты требуешь? или: о чем говоришь с нею?

Откуда знала женщина, что придет Мессия, называемый Христос? Из писаний Моисеевых. Ибо мы выше говорили, что самаряне приняли Пятикнижие Моисеево. Как они приняли книги Моисеевы, то из них и знали пророчество о Христе и то, что Он — Сын Божий. Так слова «сотворим человека» (Быт. 1, 26), очевидно, сказаны Отцом Сыну; беседовавший с Авраамом в палатке был Сын (Быт. 18); о Нем пророчески говорил Иаков: не оскудеет князь от Иуды, пока придет, кому отложено (Быт. 49, 10), и сам Моисей: «пророка восставит Господь из братьев ваших, как меня, его будете слушать» (Втор. 18, 15), и многие другие места возвещают о пришествии Христа. Посему-то и говорит женщина: «знаю, что придет Мессия». Когда, таким образом, самый ход речи требовал, Господь уже открывает ей (самарянке) Самого Себя. Если же бы Он с самого начала сказал, что Христос — это Я, то не убедил бы женщины, да и мог показаться каким-то заносчивым и гордым. А теперь, малопомалу заставивши ее вспомнить обетование о Христе, Он уже открывает и Самого Себя. Почему же Он женщине сказывает, что Он — Мессия, а иудеям, которые часто спрашивали: «Скажи нам, Ты ли Христос?», Он не открывает Себя? Им ничего не говорил Он потому, что они спрашивали не для того, чтобы узнать истину, но для того, чтобы более оклеветать; а ей ясно открывает Себя, потому что она благонамеренна. Она спрашивала простодушно и с желанием узнать истину. Это видно и из нижеследующего. Услышав откровение, она не только сама уверовала, но и других привлекла к вере, и во всем является женщиною основательною и верующею. В то время как оканчивался уже разговор с женщиною и учение, пришли ученики и удивлялись Его смирению, по которому Он с такою снисходительностью разговаривал с женщиною бедною и самарянкою, тогда как у всех был в славе и известности. Удивляются, однако же не смеют спросить, о чем Он говорит с нею. Так они были обучены и сохраняли должное от учеников уважение к Учителю! В иных случаях они, по-видимому,

смелы. Например, Иоанн припадает к груди (Ин. 13, 25); приступают с вопросом: «кто больше в Царствии Небесном?» (Мф. 18, 1); сыны Зеведеевы просят, чтоб одному сесть по правую, а другому по левую руку (Мк. 10, 35. 37). В этих случаях они спрашивают о том, что их самих касалось и что представлялось им тогда необходимым. А как здесь вопрос не занимал их самих так много и не был совершенно необходим, то они и не употребляют смелости как неблаговременной.

Тогда женщина оставила водонос свой и пошла в город, и говорит людям: пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос? Они вышли из города и пошли к Нему.

От слов Господа сердце женщины так возгорелось, что она и водонос свой оставила. Так скоро она воду Христову предпочла колодезю Иаковлю, и верою, обнявшею ее сердце, возводится в звание апостола, учит и привлекает целый город. Пойдите, говорит, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала. Поистине, душа, воспламененная божественным огнем, не смотрит ни на что земное, ни на стыд, ни на бесчестье. Вот и она не стыдится обнаруживать свои дела, но говорит: Который сказал мне все, что я сделала. Она могла бы сказать и иначе: пойдите, посмотрите пророка, который пророчествует; но она не говорит так, а презирает мнением о самой себе и имеет в виду одно только — проповедать истину. Не говорит утвердительно, что Он — Христос, но: не Он ли Христос, — для того, чтоб их самих привести к одинаковому с собою мнению и слово сделать более удобоприемлемым. Ибо если бы она утверждала, что Он — Христос, то некоторые, быть может, не согласились бы, не приняли бы мнение ее как женщины отверженной. — Некоторые под «пятью» мужами самарянки разумели пять книг, которые только принимала самарянка. Тот, говорит, которого ныне имеешь, то есть учение Мое, которое ныне принимаешь от Меня, не муж тебе; ибо ты, говорит, не сопряглась еще с Моим учением — Иисусовым, — Иной скажет, что самарянка служит образом природы человеческой. Естество наше прежде жило на горе, обладало умом, полным божественной благодати. Ибо Адам прежде, чем согрешил, был украшен всеми божественными дарованиями. Он был и пророк. Пробудившись от сна, он ясно высказался о создании жены и об отношении мужа к ней, ибо сказал: это ныне кость от костей моих; и: для сего оставит человек отца своего и мать (Быт. 2, 23. 24). На сей горе, высоком уме, было наше естество, но за оскорбление Бога отведено в плен. И диавол, пленивши нас, семя святое, то есть всякую божественную мысль, отвел в Вавилон, то есть в смешение здешнего мира. Вместо святых мыслей он поселил помыслы грубые: львы царствующие в нас добрые помыслы пожирали, доколе не убедили их принять речения Божии. Но они приняли их не всецело. Ибо злоба, однажды поселившись на горе нашей, то есть в уме, хотя приняла книги Моисеевы, однако же не стала всецело добра, но и еще была под проклятием. Итак, Иисус, совершивши путь, то есть прошедши многие пути домостроительства и способы к нашему спасению, улучшая нашу жизнь то угрозами, то ударами бедствий, то благодеяниями, то обещаниями благ, и стараясь исправить нас такими способами, утрудился. Но Он нашел и иное домостроительство, на котором, как удовлетворительном, сел и успокоился. Какое же? Источник крещения, которым Он облагодетельствовал наше естество, как бы некоторую самарянку. Сей источник крещения справедливо может быть назван источником Иакова, то есть запинателя, ибо в сем источнике всяк попирает диавола. В нем и Господь разрушил голову дракона, которого отдал в пищу людям эфиопским (Пс. 73, 14). Ибо драконом сим не иной кто увеселяется и питается, как люди, омраченные и черные по душе, не имеющие участия в божественном свете, — С сим

естеством нашим вступили в союз пять мужей, разные законы, данные ему от Бога: закон в раю, закон при Ное, закон при Аврааме, закон при Моисее, закон чрез пророков. Ибо Ной после потопа принял некоторую заповедь, а Авраам заповедь обрезания (Быт. 9, 1-17; 17, 1-14). Сопрягшись с сими пятью законами, естество наше впоследствии приняло и шестой закон Нового Завета, которого не имело мужем и с которым еще не сочеталось. — Иной под шестым законом, которого естество наше не имело мужем, может разуметь закон идолослужения. Ибо сей закон не был дан ему от Бога в мужа, но оно смешалось с ним как прелюбодейца. Посему и пророк говорит: «и блудодействовали в древе» (Иер. 2, 20) и опять: «блудодействовала позади всякого дерева» (Иез. 16), говорит, очевидно, о том, что они почитали изваяния и деревья. Ибо естество наше до такого дошло безумия, что и деревьям красивым: кипарисам, яворам и подобным, приносили жертвы за их красоту. Итак, когда человек полюбил этого шестого прелюбодея и ниспал в идолослужение, тогда Господь приходит и освобождает нас от него, посему и говорит: тот, которого ты ныне имеешь. Ибо ко времени пришествия Христова, действительно, и мудрецы иудейские обратились к язычеству, как это показывает ересь фарисеев, верующих судьбе и звездочетству. — Самарянка есть и всякая душа, которая неразумно подчинилась пяти чувствам, потом приняла и ложные учения, как бы шестого прелюбодея, но которой Иисус благодетельствует или крещением, или источником слез. И слезы могут быть названы колодезем Иакова, то есть ума нашего, попирающего злобу. Воду сию пьет и сам разум, и дети его — помыслы, и скот его — неразумные части души, гнев и пожелание. Ибо слезы служат освежением для ума и для помыслов, и для прочих сил души.

Между тем ученики просили Его, говоря: Равви! ешь. Но Он сказал им; у Меня есть пища, которой вы не знаете. Посему ученики говорили между собою: разве кто принес Ему есть? Иисус говорит им: Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его.

Ученики спрашивали, то есть просили Господа есть, не по безрассудству, но по сильной любви к Учителю, ибо видели, что Он утрудился от пути и от палящего жара. А Господь, зная, что самарянка привлечет к Нему почти весь город и что самаряне уверуют в Него, говорит: у Меня есть, что есть, именно, спасение людей, потому что спасения сего Я так желаю, как никто из вас не желает чувственной пищи. Пищи, которую Я имею есть, вы, ученики Мои, не знаете. Вы еще плотяны и не можете понимать того, что Я говорю прикровенно, а потому не знаете, что пищею Я называю спасение людей. И иначе: вы не знаете сей пищи, ибо не знаете, что самаряне уверуют в Меня и спасутся. Что же ученики? Они еще недоумевают, не принес ли кто Ему есть? Предложить же вопрос Ему не смеют по обычному уважению к Нему. Однако же Он, хотя они и не спрашивали, объясняет сказанное прикровенно и говорит: Моя пища есть — творить волю пославшего Меня (ибо спасение людей — воля Божия) и совершить дело Его. Пророки и закон не могли совершить дело Божие, потому что, являя собою образы и тени будущих благ, сами были несовершенны. А Господь совершил дело Божие, то есть наше спасение и обновление. Под делом Божиим разумей, пожалуй, человека, которого усовершенствовал один только Сын Божий, так как Он в Себе Самом явил естество наше безгрешным и, чрез божественную жизнь во плоти, усовершенствованным во всяком добром деле, показал оное совершенным и до конца победил мир. — И закон есть дело Божие, так как он написан перстом Божиим (Втор. 9, 10). Господь совершил этот закон, потому что Христос есть конец закона (Рим. 10, 4). Он прекратил все совершавшееся в законе и от телесного служения возвел оное к духовному, —

Господь часто говорит прикровенно для того, чтобы слушателей сделать внимательнее, возбудить их к исследованию и познанию того, что говорится сокровенно. — Называя спасение людей пищею, Господь научает учеников, чтобы и они, когда будут рукоположены в учителя вселенной, не заботились много о телесной пище, а все усердие прилагали к спасению людей. — Заметь и то, что Господь принимал яства, когда кто-нибудь приносил их. Ибо ученики говорят: не принес ли кто Ему есть?

Делал же это Господь не потому, будто нуждался в услужении других, ибо Он Сам дает пищу всякой плоти (Пс. 135, 25), но для того, чтобы приносящие имели награду и привыкали питать и других и чтобы показать всем людям, что не нужно стыдиться бедности и тяготиться в случае питания от других. Учителям же свойственно и даже необходимо заботы о пище возлагать на других для того, чтобы самим, не развлекаясь, совершать служение Слова. Посему Он даже и заповедал ученикам питаться на счет наставляемых ими (Лк. 10, 7).

Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве. Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий, и жнущий вместе радоваться будут. Ибо в этом случае справедливо изречение: один сеет, а другой жнет. Я послал вас жать то, над чем вы не трудились; другие трудились, а вы вошли в труд их.

Господь начинает теперь яснее раскрывать ученикам то, что прежде говорил прикровенно. Он говорит: вы говорите, то есть думаете, что в четвертый месяц отселе наступит жатва, то есть чувственная; а Я говорю вам, что разумная жатва уже наступила. Это говорил Он о самарянах, которые уже шли к Нему. «Возведите очи ваши», и разумные, и чувственные, и посмотрите на множество самарян, идущих сюда, и на души их, расположенные и готовые к вере, которые, как побелевшие нивы, нуждаются в жатве. Ибо как колосья, когда побелеют, готовы к жатве, так и они готовы ко спасению. — «Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий, и жнущий вместе радоваться будут». Смысл этих слов такой: пророки сеяли, но не пожали. Впрочем, чрез это они не лишились удовольствия, но радуются вместе с нами, хотя и не жнут вместе с нами. В чувственных жатвах так не бывает. Там, если случится иному сеять, а иному жать, нежнущий скорбит. А в духовных жатвах не так. Но и пророки, проповедовавшие и предрасполагавшие умы людей, радуются вместе с нами, привлечшими людей к спасению. — «Я послал вас жать то, над чем вы не трудились». Господь говорит это для того, чтобы, когда Он пошлет учеников на проповедь, они не смущались тем, что посылаются на дело трудное. Труднейшее, говорит Он, приняли на себя пророки, а вас посылаю Я на готовое. Справедливым изречением называет поговорку, употреблявшуюся в народе: иной сеет, и иной жнет. — Смотри, как Он говорит все со властью и повелением: Я послал вас жать. Пусть слышат это ученики проклятого Маркиона, и Манеса, и подобных, которые отчуждают Ветхий Завет от Нового. Они и здесь обличаются. Ибо если бы Ветхий Завет был чужд Нового, то как бы апостолы пожали сеянное пророками? Если же апостолы жали сеянное в Ветхом Завете, то он не чужд Нового Завета, но оба суть один Завет. Пусть слышат и ариане, что Христос посылает учеников как Господь и Владыка. Посылает для того, чтоб они жали и отрезывали от земных предметов пристрастившихся к ним язычников и иудеев, и сносили их на гумно, то есть в Церковь. В ней, чрез молотьбу волами, то есть учителями, и подчинение им, они растираются и, освобождаясь от всякой плевы, от всего плотского и пожираемого огнем, складываются чистыми зернами в небесную житницу и потом становятся пищею Богу,

радующемуся об их спасении. Так Павел жал, отрезывая нас от земли и научая, что жительство наше на небесах (Флп. 3, 20). — Некоторые же слова: посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве, — применяют к старцам, по причине их седин и пожатия смертью.

И многие Самаряне из города того уверовали в Него по слову женщины, свидетельствовавшей, что Он сказал ей все, что она сделала. И потому, когда пришли к Нему Самаряне, то просили Его побыть у них; и Он пробыл там два дня. И еще большее число уверовали по Его слову, а женщине той говорили: уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он Спаситель мира, Христос.

Самаряне веруют по слову женщины, благоразумно судя по самим себе, что женщина не открыла бы перед всеми жизни своей из-за угождения другому, если бы проповедуемый ею не был поистине велик и превосходнее многих. Посему, доказывая веру делами, просили Его остаться у них совсем. Ибо «побыть» означает именно поселиться совершенно. Но Он не соглашается на это, а проводит у них два только дня, и по учению Его еще большее число их уверовало. Хотя евангелист не повествует в частности о чудных речениях Его учения, но о силе божественного Его учения дает нам разуметь из окончания дела. Ибо евангелисты опускают много и из великих дел, потому что пишут не из видов честолюбия, а для истины. Вероятно, и в бытность у самарян Господь учил чему-нибудь божественному; потому что они, не увидев никакого чуда, веруют в Него и просят Его остаться. А иудеи, удостоенные от Него бесчисленного множества речей и чудес, еще гнали Его. Поистине, враги человеку домашние его (Мих. 7, 6; Мф. 10, 36). — Смотри, пожалуй, в короткое время народ превзошел свою учительницу. Ибо они называют Его не пророком, не Спасителем Израиля, но Спасителем мира, и еще с членом: Он есть тот Спаситель, Который собственно и истинно спас всех. Многие приходили спасать: и закон, и пророки, и ангелы, но истинный Спаситель есть Он.

По прошествии же двух дней Он вышел оттуда и пошел в Галилею. Ибо Сам Иисус свидетельствовал, что пророк не имеет чести в своем отечестве. Когда пришел Он в Галилею, то Галилеяне приняли Его, видевши все, что Он сделал в Иерусалиме в праздник, — ибо и они ходили на праздник.

Господь, вышед из Самарии, приходит в Галилею. Потом, чтобы кто-нибудь не стал исследовать и недоумевать, почему Он не пребывал всегда в Галилее, но приходил в оную с промежутками, между тем как и происходил, по-видимому, из Галилеи, говорит: потому не жил Он в Галилее, что галилеяне не оказывали Ему никакой чести. Сам Иисус свидетельствовал, что пророк не пользуется честью в своем отечестве. Ибо мы, люди, обыкновенно презираем то, что стало в ряду обычного, а на странное и необычайное всегда обращаем внимание. Что же? Не видим ли мы многих в чести и у своих? Да, но это весьма редко. Если же иные находятся в чести и в отечестве своем, то в чужой стране они будут чтимы гораздо более, так что честь, оказываемая в отечестве, при сравнении с честью в чужой стране, покажется бесчестьем. Ибо зависть не позволяет соотечественникам воздавать должную славу, а они воздают ее уменьшенную, считая за стыд себе прославление единоплеменника. — Когда Господь пришел в Галилею, галилеяне уверовали, видев знамения, какие Он сделал в Иерусалиме. Но самаряне достойны большего одобрения, потому что они уверовали без знамений, по слову женщины. Смотри: почитаемые отверженными повсюду

отличаются верою; разумею самарян и галилеян. Ибо и сих последних презирали как живущих по-деревенски, почему и говорили, что из Галилеи не приходит пророк (Ин. 7, 52). А почитавшиеся избранными, каковы были иерусалимские иудеи, отвергаются. Подлинно, справедливо приняты и мы, язычники. Ибо в собственном отечестве, по разумению иного, в синагоге иудейской, «Пророк» Христос не имел чести, как называет Его Моисей: пророка восставит Господь наш (Втор. 18, 15).

Итак, Иисус опять пришел в Кану Галилейскую, где претворил воду в вино. В Капернауме был некоторый царедворец, у которого сын был болен. Он, услышав, что Иисус пришел из Иудеи в Галилею, пришел к Нему и просил Его придти и исцелить сына, который был при смерти. Иисус сказал ему: вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес. Царедворец говорит Ему: Господи! придти, пока не умер сын мой. Иисус говорит ему: пойдти, сын твой здоров. Он поверил слову, которое сказал ему Иисус, и пошел.

Евангелист напоминает нам о чуде в Кане, где вода претворена в вино, во-первых, для того, чтобы яснее выставить достоинство самарян. Галилеяне, говорит, приняли Господа по причине знамений, сотворенных в Иерусалиме и у них, а самаряне — по одному свидетельству женщины и по учению Самого Господа. Во-вторых, для того, чтобы показать нам, что от чуда в Кане получил некоторое доброе, хотя и не вполне достойное, понятие о Христе и царев муж. Называет его «царевым» или потому, что он был из царского рода, или потому, что имел какое-нибудь достоинство власти такого названия. Иной скажет: царедворец сей не один ли и тот же с сотником, упоминаемом в Евангелии от Матфея (8, 5-15)? Ибо и тот был в Капернауме. — Я думаю, что не один и тот же, другой. Тот, когда Христос хочет прийти, удерживает Его, говоря: я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой. А этот усиленно зовет Иисуса в дом свой. У того страдал расслаблением отрок, то есть раб, а у этого сын — горячкою. Там Господь пришел в Капернаум по сошествии с горы, а теперь приходит из Самарии, и не в Капернаум, а в Кану. По всему тот — сотник, а этот — царев муж по достоинству. — Царедворец просит Господа прийти и исцелить сына, а Господь упрекает его в том, что он верит не вполне, а отчасти. Ибо слова: «приди, пока не умер сын мой» обнаруживают, что вера его слаба. Он не верует, что и в случае смерти его сына Господь силен воскресить его. Посему-то, упрекая его, Он говорит: вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес, — осуждая вместе с ним и других жителей Капернаума. Ибо они всюду представляются виновными в сильном неверии. Так как царедворец был нетверд в мыслях и настаивал, чтобы Господь пришел для исцеления его сына, то Спаситель показывает ему, что Он и заочно может исцелить его, и говорит: пойдти, сын твой здоров. Таким образом за один раз исцелил сына от горячки, а отца — от неверия. Знай и то, что иное дело — чудо и иное — знамение. Чудо — то, что сверх природы, например, отверсть очи слепорожденному, воскресить мертвого, а знамение — то, что не вне природы, например, исцелить больного. — Такое чудо Господь и ныне совершает над всяким приходящим. Всякий человек есть как бы царский муж, не только потому, что он по душе сроден Царю всех, но и потому, что сам получил царскую власть над всем. Часто оказывается, что у иного ум, как сын царедворца, страдает от огня неуместных удовольствий и от похотений. Если он пойдет к Иисусу и попросит Его прийти, то есть явить снисхождение человеколюбия и простить ему грехи, пока он не умер окончательно от болезни похотений (ибо если Бог не снизойдет к нам, но будет взирать на беззакония и по ним судить, то кто устоит (Пс. 130, 3)? — итак, если он пойдет ко Христу, то, как сказано (Мф. 7, 7. 8), найдет искомое и уму своему получит

здоровье. Впрочем, заметь, что Господь ему говорит: «Пойди, сын твой здоров», то есть не будь неподвижен к добру, но ступай и обнаруживай непрестанное движение к добру. Ибо в таком случае сын твой жив. Если же прекратишь шествие, то ум твой окончательно умрет, получив омертвление от неподвижности к добру.

На дороге встретили его слуги и сказали: сын твой здоров. Он спросил у них: в котором часу стало ему легче? Ему сказали: вчера в седьмом часу горячка оставила его. Из этого отец узнал, что это был тот час, в который Иисус сказал ему: сын твой здоров. И уверовал сам и весь дом его. Это второе чудо сотворил Иисус, возвратившись из Иудеи в Галилею.

Слуги, изумленные внезапною переменою болезни, встречают господина и сказывают ему о здоровье сына. Ибо он избавился от горячки не просто и как бы случайно, но внезапно. — Дело это, очевидно, было не следствием природы, но действием силы Христовой. — Узнав от слуг о часе, в котором сыну стало легче, то есть когда сын пришел в лучшее и здоровое состояние, отец совершенно верует Господу. Ибо прежняя вера его была несовершенна. Не говори мне, что он и не пошел бы ко Христу, если бы не веровал. Ибо отцы из любви к детям обыкновенно обращаются к врачам не только опытным, но и к неискусным, не желая оставить ничего должного. Итак, он пришел по вере, допустим и это, но по вере холодной и несовершенной, которую иной не назовет и верую; а тогда, когда узнал и о часе, совершенно уверовал. — Для чего евангелист говорит, что это второе чудо сотворил Иисус в Кане? Для того чтобы показать, какой похвалы заслуживают самаряне; хотя, говорит, это было и второе чудо, однако же галилеяне не достигли высоты тех, которые не видели ни одного знамения и уверовали.

Глава пятая

После сего был праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим. Есть же в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов; в них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды; ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какую бы ни был одержим болезнью.

Был праздник иудейский; думаю, что праздник Пятидесятницы. Господь идет на праздник частью для того, чтобы не явиться противником закона, но показаться участником в празднике народа, частью для того, чтобы большее число людей привлечь к Себе учением и знамениями, и особенно народ бесхитростный. Ибо на праздники обыкновенно сходятся и земледельцы, и городские ремесленники, которые в прочие дни занимаются работами. — Купальня называлась «овчею», потому что к ней пригоняемы были жертвенные овцы и в ней омывались их внутренности. Многие думали, что вода получала некоторую божественную силу от одного того, что в ней омывались внутренности жертв, что потому и Ангел сходил на сию воду как на избранную и чудодействовал. Кажется, Божественный Промысел преустроил чудо в этой купальне для того, чтобы издали вести иудеев к вере во Христа. Так как имело быть даровано крещение, имеющее великую силу и величайший дар, ибо оно очищает от грехов и оживляет души, то Бог предживописует крещение в иудейских обрядах и дает иудеям, например, воду, очищающую их от нечистот, хотя не существенных, а

мнимых, например, от нечистоты вследствие прикосновения к мертвецу или к прокаженному, и много подобного; дает также и чудо этой купальни, руководящее их к принятию крещения. Ангел, нисходивший по временам, возмущал воду и сообщал ей целительную силу. Ибо не от естества воды, чтобы ей исцелять самой по себе (в таком случае это было бы всегда), но все зависело от действия Ангела. Так и у нас вода крещения есть простая вода, но чрез божественное нисхождение, получив благодать Духа, она уничтожает душевные болезни. Слеп ли кто, то есть имеет поврежденные очи душевные и не может различить добро от зла; хром ли кто, то есть неподвижен к деланию добра и преуспеянию в добре; иссох ли кто совершенно, то есть находится в состоянии отчаяния и не имеет в себе ничего доброго, — вода сия всех исцеляет. И тогда слабость не позволяла некоторым получить исцеление, а ныне мы не имеем никакого препятствия к крещению. Ибо за выздоровлением одного прочие не остаются без исцеления; но, хотя бы вся вселенная сошлась, благодать не уменьшится.

Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет. Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь быть здоров? Больной отвечал ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня.

Терпение расслабленного изумительное! Тридцать восемь лет он был болен, каждогодно ожидал избавления от болезни, но предваряем был сильнейшими; однако же он не отставал и не отчаивался. Почему Господь и спрашивает его, желая показать нам терпение сего человека. Спрашивает не для того, чтобы узнать, потому что не только излишне, но и безумно спрашивать больного, хочет ли он быть здоровым. Так я сказал, что Он спрашивает для того, чтобы показать нам терпение этого человека. Что же он? Он отвечает весьма кротко. Да, говорит, Господи, я желаю, но не имею человека, который бы опустил меня в воду. Он не высказывает никакой хулы, не отвергает Христа, как предложившего неуместный вопрос, не прокликает день рождения своего, как мы, малодушные, делаем, и притом в болезнях легчайших, но отвечает кротко и робко. Хотя он и не знал, Кто спрашивает его, но, может быть, считал Христа полезным для себя уже и в том одном, что опустит его в воду, и потому хочет привлечь и расположить к себе своими речами. — Христос же не сказал: хочешь ли, Я исцелю тебя? — для того, чтобы не показаться тщеславным.

Иисус говорит ему: встань, возьми постель твою и ходи. И он тотчас выздоровел, и взял постель свою, и пошел. Было же это в день субботний. Посему Иудеи говорили исцеленному: сегодня суббота; не должно тебе брать постели.

Повелевает взять постель для того, чтобы никто не счел оно за привидение. Ибо если бы члены больного не утвердились и не укрепились, он не мог бы носить постель. — Не требует от него веры прежде исцеления, как от некоторых других, потому что больной не видел еще Его сотворившим знамение. Ибо от тех, от которых Господь требовал веры, Он требовал ее не прежде чудес, но совершивши чудеса перед ними. — Смотри, пожалуй, как он зараз услышал и уверовал. Он не подумал сам в себе и не сказал: не шутит ли Он, что приказывает мне тотчас встать? Я в тридцать восемь лет болезни не получал исцеления, и теперь вдруг встану? Ничего такого он не подумал, но поверил и встал. — Исцеляет «в субботу», научая людей иначе понимать обряды закона и почитание субботы поставлять не в телесно понимаемом бездействии, но в воздержании от зла. Потому что закон, будучи

законом всегда добротворящего Бога, не может воспрещать добро творить в субботу.

Он отвечал им: Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи. Его спросили: кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель твою и ходи? Исцеленный же не знал, кто Он, ибо Иисус скрылся в народе, бывшем на том месте.

Нужно удивляться смелости этого человека пред иудеями. Они настойчиво говорят ему: не должно тебе брать свою постель в субботу; а он смело проповедует им своего благодетеля: «Кто меня исцелил, Тот мне сказал». Он как бы так говорит: вы безумствуете, когда приказываете мне не слушать Того, Кто исцелил меня от болезни, столь продолжительной и трудной. — Иудеи не спрашивают его, Кто исцелил тебя, но «Кто сказал тебе: возьми постель?» Так они добровольно смежили себе глаза для добра, а мнимое нарушение субботы постоянно выставляли на вид. — Иисус скрылся частью для того, чтобы в Его отсутствие свидетельство об исцелении было свободно от всякого подозрения и не подумали бы, что человек этот благоприятствует Ему, но свидетельствует об истине; частью для того, чтобы еще более не воспламенить ярость иудеев. Ибо и один только вид ненавидимого придает ненавидящим немалую искру ненависти. Посему Он оставляет, чтобы дело это исследовалось само по себе. Ибо иудеи — обвинители, перенесши событие на исследование и рассуждения, делают оное тем более гласным.

Потом Иисус встретил его в храме и сказал ему: вот, ты выздоровел, не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже. Человек сей пошел и объявил Иудеям, что исцеливший его есть Иисус. И стали Иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу.

Из слов Господа расслабленному: «вот, ты выздоровел, не грехи же более», мы научаемся, во-первых, что болезнь с этим человеком приключилась за грехи, и во-вторых, что учение о геенне истинно и что мучение вечно. Где же ныне те, которые говорят: в один час я соблудил, за что же буду нести бесконечное наказание? Ибо вот и сей человек не столько лет грешил, сколько терпел наказание; но почти целую жизнь человеческую провел в наказании. Грехи судятся не по продолжительности их, а по самому естеству преступлений. Научаемся вместе и тому, что хотя мы понесем тяжкое наказание за прежние грехи, но если опять впадем в те же грехи, потерпим еще большее наказание. И весьма справедливо. Ибо кто не улучшился от первого наказания, тот подвергается большим мукам, потому что он бесчувствен и нерадив. — Для чего, скажешь, не все так наказываются? Ибо мы видим, что многие порочные пользуются здоровьем и благоденствием. Но то, что они не потерпели здесь ничего, будет поводом к большему наказанию там. На сие-то указывая, Павел говорит: «Будучи судимы от Господа», то есть здесь, «наказываемся, чтобы не быть осужденными с миром», то есть там (1 Кор. 11, 32). Ибо здешние страдания суть вразумления, а тамошние — наказания. — Ужели же все болезни от грехов? Не все, но большая часть. Ибо одни из них бывают за грехи, как случилось с этим расслабленным; и в книге Царств видим, что некто впал в подагру за грехи (4 Цар. 5, 27; 15, 5). Другие бывают для прославления и обнаружения, как случилось с Иовом, чтобы открылась его добродетель. Иные бывают от рассеянности, например от невоздержания и пьянства. — Некоторые из слов Господа «не грехи более» выводят догадку, что Господь знал, что сей расслабленный объявит о Нем иудеям и укажет после встречи с Ним в храме, и насчет этого говорит: не грехи же. Но не так. Человек сей оказывается благочестивым. Ибо Иисус находит его в храме. Если бы он не был благочестив,

он возвратился бы домой и предался бы отдыху и наслаждению, и ушел бы от ярости иудеев и словопрения. Но ничто подобное не отвлекло его от храма. — Узнав Иисуса, смотри, как благоразумно он объявляет об Нем иудеям. Не говорит, как они желали слышать, что Иисус сказал: возьми постель, но: «исцелил меня», чего они не хотели слышать, обвиняя Его в нарушении субботы. — Если иудеи стали гнать Господа, то чем виноват в этом человек сей, объявивший им об Нем? Он проповедовал об Исцелителе с доброю целью, с тем, чтобы и прочих привлечь к вере. Если же они стали гнать Благодетеля, то это — их вина. — Под овчею купелью разумей, пожалуй, благодать крещения, которою Господь Иисус, закланное за нас Овча, омылся, крестившись за нас. Купель эта имеет пять ходов. Ибо в крещении являются четыре добродетели и созерцание с догматами. Итак, естество человеческое, на подобие расслабленного разбитое во всех душевных силах, тридцать восемь лет лежало в болезни. Ибо не имело здоровой веры в Троицу, не веровало твердо в будущий век, то есть в воскресение и в суд за всю жизнь. Оно не получало исцеления. Ибо не имело Человека, Который бы спустил в купальню, то есть тогда Сын Божий, Который имел исцелить крещением, не был еще Человеком. А когда стал человеком, тогда исцелил естество наше; повелел взять и постель, то есть и тело сделать легким и тонким, и возвыситься от земли, не отягчаясь плотию и земными заботами, но восстать от равнодушия к добру и ходить, то есть двигаться к деланию добра, — Возмущение воды в купальне означает то, что в ней возмущаются духи злобы, сокрушаемые и попираемые благодатью Святаго Духа. О, если бы и нам получить здоровье! Нам, которые расслабели и неподвижны ко всякому доброму делу, и не имеем человека, то есть смысла человеческого, как бы уподобившиеся скотам несмысленным, чтобы он опустил нас в купель слезного покаяния, в которую кто войдет первым, тот получает исцеление. Ибо надеющийся на последующее время и отлагающий покаяние, и не спешащий покаяться здесь, но опаздывающий, не получает исцеления. Итак, старайся войти первым, чтобы смерть не захватила тебя. — Сию купель покаяния возмущает Ангел. Какой? Ангел великого совета Отчего, Христос и Спаситель. Ибо если божественное учение не коснется нашего сердца и не произведет в нем возмущения напоминовением о муках в будущем веке, то купель сия не будет действительна, и здоровья расслабленной душе не бывает. — Справедливо она может быть названа овчею. Ибо в ней, как овцы, омываются внутренности и помыслы святых и незлобивых, уготовляющих себя в жертву живую и благоугодную Богу. О, если бы и мы получили здоровье и по выздоровлении находились в храме, то есть не осквернялись несвященными помыслами, дабы не постигло нас худшее наказание в будущем.

Иисус же говорил им: Отец Мой доныне делает, и Я делаю. И еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу.

Иудеи обвиняют Христа в том, что Он совершил исцеление в субботу. А Он, как равный Отцу по чести и власти, говорит: как Бог и Отец Мой делает и в субботу, и вы не обвиняете Его, так и Меня не должны обвинять. Как же Отец делает доныне? Моисей говорит, что Бог почил от всех дел Своих (Быт. 2). Ты желаешь знать, как Бог делает доселе? Смотри на вселенную и познай дела Промысла: солнце восходит и заходит; посмотри на море, источники, реки, животных, вообще на все сотворенное, и увидишь, что тварь делает свое дело, особенно же приводится в действие и движение неизреченным способом Промысла. Без сомнения, Промысл делает свое дело и в субботу. Посему как Отец делает и управляет тварью и в субботу, то и Я, Сын Его, делаю справедливо. — Но они, подстрекаемые

завистью, искали убить Его не только за то, что Он называет Бога Отцем Своим, делая Себя равным Богу. Называя Себя Сыном, Он необходимо делал Себя равночестным Богу. Ибо всякий сын бывает одного и того же естества с отцом. Где при этом Арий? Поистине, он при свете слеп. Называя Христа Сыном Отца, он не допускал единосутия Его с Отцом, но Сына несозданного Отца признавал тварью, Ему нужно было поучиться хотя бы у иудеев, которые гнали Господа за то, что Он называл Себя Сыном Божиим, а отсюда необходимо следовало и равенство Его с Богом. Если бы достоинство Сына не было важно и Он не делал Себя чрез оное равным Богу, то за что бы стали гнать Его?

На это Иисус сказал: истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего, ибо что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает ему все, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь. Ибо как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет.

Сын не может творить Сам от Себя, потому что не имеет ничего чуждого или отличного от Отца, но не во всем подобен Отцу, и не иное имеет существо, чтобы иметь иную силу, а, следовательно, и действие иное, но как Существо имеет то же, то и Силу имеет ту же. Посему и Сын делает то же и не может делать что-нибудь иное, кроме того, что делает Отец; ибо не иную имеет силу, меньшую или большую Отчей, но у Отца и Сына одно Существо, одна сила, одно действие. Так, скажешь. Но Отец становится как бы учителем Сына, показывающим Ему, как должно делать? Ибо Сын ничего не творит, если не увидит Отца творящего. Итак, я спрашиваю Ария и Евномия, говорящих сие: как Отец учит Сына, премудростью ли, или нет? Без сомнения, премудростью. Кто же Премудрость Божия? Не Сын ли? Да, без сомнения. Значит, Сын учит Самого Себя. Какое неразумие с вашей стороны! Вы поручаете Сына Отцу как бы отрока какого-нибудь в научение. А я, согласно с премудростью Божиею, утверждаю, что если Отец знает что-либо, то знает не без Сына, ибо премудрость Его есть Он; может ли что Отец, может не без Сына, ибо Сила Его есть Он. Что это истинно, слушай: «что творит Отец, то и Сын творит также», Если Отец имеет власть и силу, и Сын также; значит, Сын не меньше Отца. Если сказано уничиженно: «показывает Ему все» и «покажет больше сих», то сему не нужно удивляться; ибо Он ведет речь с людьми, вопиющими против Него и снедаемыми завистью. Если бы Он не соединял везде с высоким смиренное, то чего бы они не сделали, когда восстают и в то время как Он большую часть говорит уничиженно? — Что это значит: «покажет и больше сих»? Укрепив расслабленного, Он намерен воскресить мертвого; посему и говорит: «Если вы удивляетесь, что Я исцелил расслабленного, то увидите больше сего». Что уничиженное выражение «покажет» Он сказал с намерением, чтоб смягчить их неразумие, то слушай, что следует далее, Он говорит: «как Отец воскрешает мертвых, так и Сын оживляет, кого хочет». Итак, Сын воскрешает «как Отец». Сим показывает безразличие силы, а словам: «кого хочет» — равенство власти. Ариане все это выставляют против славы Сына, а мы, Православные, понимаем в пользу ее.

Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его. Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь.

Христос, сотворив многие знамения, доказал, что Он может благодетельствовать. Но так

как не убедил и не привлек их к достойному почитанию Себя, то говорит, что Отец отдал Сыну всякий суд, чтобы страх суда преклонил их воздать Ему почтение. Ибо мы, люди, особенно неразумнейшие из нас, обыкновенно научаемся нужному более страхом, чем благодеяниями. Слова «Отец отдал суд Сыну» понимай так, что Он родил Его Судьею, подобно тому, как слышишь, что Он дал Ему жизнь, и понимаешь, что Он родил Его Живущим. Так как Отец есть причина бытия Сына, то и говорится, что все, что ни имеет Сын, принял от Отца, как имеющий это от Него по естеству. Таким образом и суд имеет Он от Отца так же, как имеет оный Отец. Чтобы мы, слыша, что Отец есть причина Сына, не стали понимать, что Он произвел Его, как и твари, и чрез то не ввели уменьшения чести, для сего Он говорит, что между Отцом и Сыном нет никакого различия. Ибо кто имеет власть наказывать и награждать, как хочет, тот имеет силу, одинаковую с Отцом; посему и почитать Его должно так же, как Отца; «дабы, — говорит, — все чтит Сына, как чтут Отца». Так как ариане думают чтить Сына как тварь, то оказывается, что они и Отца чтут как тварь. Ибо они или совсем не чтут, и потому должны стать в ряд с иудеями, или, если чтут Его как тварь, а Его должно чтить как и Отца, то решительно обличаются в том, что они и Отца чтут как тварь. — И иначе, судя по прибавлению, как чтут Отца не чтущие Сына? Ибо прибавляет: «Кто не чтит Сына, тот не чтит Отца», то есть, кто не чтит так, как и Отца. Если кто говорит, что Он есть тварь, превосходнейшая всех творений, и думает, что Ему (как Сыну) ложно и напрасно придается такая честь, тот решительно бесчестит и Отца, пославшего Его. Сказал «пославшего» для того, чтобы они не ожесточились, как мы выше сказали. Ибо Он, как сказано, чудно соединяет учение: иногда дает о Себе свидетельство высокое, как и следовало, иногда смиренное, из-за беснования враждебных иудеев. Ибо если, после воскресения Его из мертвых, после вознесения на небеса, после обнаружения силы Его чрез апостолов, Арий и Евномий восстали против Его славы и низвели Его в тварь, то современные Ему иудеи, видя Его ходящим во плоти, ядущего и пьющего с мытарями и блудницами как одного из многих, чего бы не сделали, если бы Он говорил о Себе одно высокое, а не присоединял и уничиженного? Посему и прибавляет: «Слушающий слова Мои и верующий Пославшему Меня имеет жизнь вечную». Таким образом тем, что слушающие слова Его будут веровать Богу, успокаивает их умы. Ибо не сказал: верующий «Мне», но «Пославшему» Меня. Верующий в Него не приходит на суд, то есть в муку, но живет вечною жизнью, не подлежа смерти душевной и вечной, хотя смерти телесной и временной и не избегнет,

Истинно, истинно говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и услышавши оживут. Ибо как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе, и дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий. Не дивитесь сему; ибо наступает время, в которое все находящиеся в гробах услышат глас Сына Божия, и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения.

Выше сказал, что кто не чтит Сына, тот не чтит Отца, и возвестил о Себе нечто высокое. Чтобы слова Его не приняли за напыщенность и пустую надменность, Он представляет и подтверждение от дел. Говорит: «наступает время». Потом, чтобы не подумали о времени далеко, говорит: «и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына», то есть Меня, ныне живущего с вами. Говорит это об мертвых, которых Он имел воскресить, как-то: о сыне вдовы, о дочери начальника синагоги и о Лазаре. Потом присовокупляет и умственное доказательство своих слов. «Как, — говорит, — Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну

дал иметь жизнь в Самом Себе», чтобы Он слушающих Его голоса оживлял. И дал Ему власть не только оживлять, но и суд производить, то есть наказывать и предавать мукам. — Часто вставляет речь о суде для того, чтобы слушателей привлечь к Себе. Ибо кто убежден, что он воскреснет и должен будет дать Ему отчет в преступлениях, тот, без сомнения, поспешит к Нему, чтобы умоливать Его, как будущего своего Судью. — «Не удивляйтесь, что Он Сын Человеческий». Хотя Он — Сын Человеческий, но вместе и Бог. Посему справедливо имеет власть суда как Сын Божий. Хотя Он, по-видимому, и человек, но вы не удивляйтесь. — Нужно знать, что Павел Самосатский, выдавая Господа за простого человека, читал сие место так: «и дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть сын человеческий». Здесь ставя знак, он читал с иного начала: «не дивитесь сему». Такое чтение совершенно неразумно. Ибо Отец дал суд Сыну не потому, что Он есть Сын Человеческий, но потому, что Он — Бог. А он, не терпя называть Христа Богом, но, называя Сыном Человеческим, понимал так, что Он судья не как Бог, но как сын человеческий. Мы же понимаем так, как сказано. Сказав о частном воскресении, то есть Лазаря и других, которые прежде умерли, теперь говорит о всеобщем воскресении: «наступает время, когда находящиеся во гробах услышат глас» Бога. Здесь говорит о всеобщем воскресении. Поелику выше сказал, что верующий не приходит на суд, то, дабы мы не подумали, что одной только веры достаточно для спасения, говорит, что «делавшие зло восстанут в воскресение осуждения, а творившие добро — в воскресение жизни». Значит, оправдывает не одна вера без дел, но нужно иметь и дела; ибо тогда только и вера бывает истинна. — Смотри, как учение растворено страхом и милостью. Ибо мысль, что делавшие зло будут осуждены, устрашает, а что творившие добро воскреснут в жизнь, побуждает милостью.

Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен, ибо не ищу Моей воли, но воли Пославшего Меня Отца.

Слова сии: «Я не могу творить сам от Себя» и им подобные, как и выше сказано, указывают на равенство Сына с Отцом. Я не могу творить ничего нового и чуждого от Отца; ибо Я не имею ни воли, ни силы, отличной от Отчей. «Как слышу» от Отца, «так и сужу», то есть, как Сам Отец судит, так и Я. — Говорит сие, как мы часто говорили, для того, чтобы показать безразличие и в делах, и в словах, и в судах. Дабы некоторые, видя Его Человеком, не соблазнились, как видимый Человек может производить праведный суд, тогда как, по словам Давида, «всякий человек ложь» (Пс. 115, 2), то Он вперед сказал: не удивляйтесь тому, что Я — Сын Человеческий. И теперь говорит: «Суд Мой праведен, потому что Я сужу так, как слышу от Отца Моего, судящего». «Ибо Я не Своей ищу воли, но (воли) Отца». Кто желает утвердить свою волю, тот может быть заподозрен в нарушении правды, а кто не имеет в виду себя, тот какой будет иметь предлог произносить суд неправедный? А Я не ищу воли Моей; ибо Своей воли Я и не имею, но, чего хочет Отец, того и Я желаю.

Если Я свидетельствую сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно. Есть другой, свидетельствующий о Мне; и Я знаю, что истинно то свидетельство, которым он свидетельствует о Мне. Вы посылали к Иоанну, и он засвидетельствовал об истине. Впрочем, Я не от человека принимаю свидетельство, но говорю это для того, чтобы вы спаслись. Он был светильник, горящий и светящий; а вы хотели малое время порадоваться при свете его.

Здесь Господь, по-видимому, Себе противоречит. Ибо Он неоднократно

свидетельствовал Сам о Себе, например, самарянке сказал: «Я — Христос» (Ин. 4, 25. 26), слепому (Ин. 9, 35-37) и в другое время несколько раз. Если это ложно, то как нам надеяться спасения? Но не в этом только представляется противоречие, а есть еще и другое не меньшее. После этого (Ин. 8, 14) Он говорит: если Я и Сам свидетельствую о Себе, свидетельство Мое истинно. Как же согласить это кажущееся противоречие? Когда Он говорит: если Я свидетельствую Сам о Себе, свидетельство Мое не есть истинно, — тогда говорит применительно к понятию иудеев. Быть может, они намерены были сказать Ему, что Ты Сам о Себе свидетельствуешь, а в свидетельстве о самом себе никто не заслуживает веры. Посему Он настоятельно говорит: Я Сам о Себе не свидетельствую, ибо в таком случае, по вашему мнению, Я не стоил бы вероятия, но есть другой, свидетельствующий о Мне, — Иоанн. Когда же говорит: если Я и Сам свидетельствую, свидетельство Мое истинно, — то говорит так по уступчивости. Уступая помыслу иудеев, говорит: пусть так, что Я свидетельствую Сам о Себе; но если Я и Сам свидетельствую, свидетельство Мое истинно. Ибо Я, будучи Бог, достоин веры. Посему первое сказал настоятельно, что не Я свидетельствую, но Предтеча, а второе — по противопоставлению или по уступчивости: если и Я свидетельствую, свидетельство Мое истинно. — Я, говорит, имею троих свидетелей: «Иоанна, дела Мои и Отца Моего». Первым выставляет Иоанна. Чтобы кто-нибудь не сказал Ему, что Он свидетельствовал о Тебе в угодливость (Тебе), говорит: вы сами посылали к Иоанну. А, без сомнения, вы не послали бы спрашивать его, если бы не считали его достойным веры. Посему вы сами свидетельствуете, что Иоанн был истинен. Хотя Я, как Бог, не нуждаюсь в свидетельстве человека. Господь — в свидетельстве раба, но так как вы считаете его более правдивым и внимаете ему более, нежели Мне, и к нему прибегали, а Мне и при чудесах не веруете, то посему Я напоминаю и о свидетельстве Иоанновом и делаю все, принимаю и недостойное Моего божества, только бы вы спаслись. — Называет Иоанна «свотильником горящим», потому что он имел происхождение земное, и свет имел не сам от себя, но от благодати Духа, и «на время»; когда же наступил день Господень, то есть учение, то свотильник закрылся. Все сказанное им приняли «на время» и порадовались об Нем, а потом забыли сказанное им обо Мне и остались при прежнем неверии. Ибо если бы вы однажды твердо поверили ему, то он скоро довел бы вас до веры в Меня.

Я же имею свидетельство больше Иоаннова: ибо дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня. И пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне. А вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели; и не имеете слова Его пребывающего в вас, потому что вы не веруете Тому, Которого Он послал.

Иоанн, говорит, засвидетельствовал обо Мне, Иоанн, которого вы считаете достовернее всех. Но как могли найтись некоторые клеветники и сказать: да нам-то что? Иоанн благоприятствовал Тебе, посему и дал свидетельство весьма доброе? Посему говорит: вы посылали к Иоанну и спрашивали его, без сомнения, считая его истинным. Впрочем, Я имею и другое свидетельство, больше Иоаннова. Дела, которые Отец дал Мне, то есть возложил на Меня совершить, свидетельствуют обо Мне. Делами называет чудеса, например, исцеление расслабленного и прочие. Поелику же обвиняли Его за то, что Он творит оные в субботу, и говорили, что Он не от Бога, потому что не хранит субботы, то объявляет им, что Он творит заповеданное Ему Отцом, и тем более от Бога, что совершает дела, возложенные на Него Богом. «Дела, — говорит, — которые Отец дал Мне совершить». Если же дал их Отец, то вы, противясь таким делам, противитесь Богу. — «И пославший Меня Отец сам

засвидетельствовал обо Мне». Где же засвидетельствовал об Нем Отец? Некоторые говорят, что при крещении, когда сказал: «Сей есть Сын Мой возлюбленный» (Мф. 3, 17). А я думаю, лучше разуместь, что Бог засвидетельствовал об Нем во всем Писании, в законе и пророках. — Вы, говорит, не слышали голоса Его, то есть Отца, ни лица Его не видели, да Он вам и решительно неизвестен, потому что вы не имеете и слова Его, пребывающего в вас, то есть не знаете Писаний, свидетельствующих обо Мне, хотя и думаете, что знаете, и хвалитесь, что вам вверены слова Божии. Что вы не знаете Писаний, это ясно из того, что вы не веруете Тому, Кого Он послал. И как вы не слышали голоса Божия, ибо Бог не имеет голоса чувственного, ни лица Его не видели, ибо Он не имеет вида и образа, так не имеете в себе и слова Его, то есть Писаний, свидетельствующих обо Мне.

Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную: а они свидетельствуют о Мне. Но вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь. Не принимаю славы от человеков, но знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу.

Сказал им, что в вас не пребывает слово Божие, то есть Писания, свидетельствующие обо Мне. Научая же, как они могут возыметь в себе слово Божие, говорит: исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь. Смотри, не сказал: вы имеете, но «думаете». Сказал «думаете», объявляя, что они поистине никакой пользы от них (Писаний) не получали, так как ожидали спасения от одного только чтения, не прилагая веры. Они (Писания) свидетельствуют о Мне, но вы не хотите прийти ко Мне, чтоб иметь жизнь. Отсюда узнаем, что они были злы по произволению. Ибо не сказал: вы не можете прийти, но «не хотите придти». — Пусть манихеи слышат, что зло не в природе состоит, но в свободном изволении. — Когда напомнил им о свидетельстве Иоанновом, о свидетельстве Отца и свидетельстве дел Своих, единственно только из желания им спасения, а между тем многие могли подумать, что Он говорит это из любви к славе, то посему говорит: Славы от людей Я не принимаю, то есть не нуждаюсь в славе, да и Природу имею не такую, чтобы нуждалась в славе от людей. — Вы Меня преследуете под тем предлогом, что любите Бога. Но не так это, нет. Ибо Я знаю об вас, что вы не имеете в себе любви к Богу, хотя и выставляете всюду, что гоните Меня из любви к Богу. Иудеи действительно не имели любви к Богу, потому что гнали самосущую Любовь — Сына Божия. Действительно, не имели они в себе и слова Его пребывающего, ибо отказывались от Слова и Бога.

Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете. Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете? Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцем: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне. Если же его писаниям не верите, — как поверите Моим словам.

Я,

говорит, пришел во имя Отца Моего. Везде прославляет Отца и говорит, что от Него послан и что Сам от Себя не может делать ничего, и вообще высказывает много уничиженного, желая пресечь всякий предлог к непризнанию Его. А придет иной, то есть антихрист, который будет доказывать, что он только один Бог. Итак, Меня, Который пришел во имя Отца, то есть, говорю, что послан Отцом, вы не принимаете, а его примете. Это с

вами случится за то, что он пообещает вам славу житейскую, которой вы ищете, желая принимать славу друг от друга и отвергая славу, которая от одного Бога. А Я вам не обещаю ничего привлекательного в жизни, но в словах Моих вы видите много трудного. Потому-то, говорит, вы и не верите Мне, что не надеетесь получить от Меня никакой житейской приятности. И иначе: вы не верите Мне потому, что любите славу друг от друга. Ибо начальники и учителя, желая сами только быть в славе у народа, не принимают Меня, чтоб их слава не уменьшилась. А народ, ищущий любви от начальников, не хочет обратиться ко Мне, чтобы из-за Меня не лишиться чести у начальников. — Так как они постоянно ссылались на Моисея, то Господь говорит, что он будет обвинять вас, потому что он писал обо Мне. Где же писал об Нем? Во многих местах. Так изречение «Пророка восставит вам Господь» относилось ко Христу, и многое иное, частью в словах, частью в знамениях и символах. Например, чудо над купиною (Исх. 3, 2). Тут огнем означалось Божество, а терновым кустом — грешное естество, которое воспринял огонь Божества и, однако же, сохранил оное неопальным, озарив светом и одарив Своим сиянием, а недостатков его не приняв. Весьма немало способствовало к вере во Христа и сие изречение Моисея. Если, говорит, восстанет пророк, творящий чудеса и отвлекающий от Бога, не верьте ему: это антихрист. Если же восстанет Пророк, творящий чудеса и ведущий к Богу и Отцу, особенно не отвлекающий от Него, Ему верьте (Втор. 13, 1-3). Итак, Христос, пришедший во имя Отца, творящий чудеса и не отвлекающий их (иудеев) от благочестия, был Тот Самый, о Котором пророчествовал Моисей. — Если же не верите писаниям Моисея, как поверите Моим словам? Он, говорит, написал, и Библия всегда у вас пред глазами, так что, если бы вы и забыли, легко можете припомнить, и однако же вы не верите написанному: как же поверите Моим словам неписанным? — Для чего же Ты это говоришь, Господи, когда знаешь, что они не поверят? Хотя, говорит, Я знаю, что они не послушают, однако же говорю, чтобы они после не отозвались, что мы поверили бы, если бы Ты сказал. И иначе: современники Его неблагодарные не верили; но несправедливо было лишить пользы от слов Христовых тех, которые имели в последствии времени веровать.

Глава шестая

После сего пошел Иисус на ту сторону моря Галилейского, в окрестности Тивериады. За Ним последовало множество народа, потому что видели чудеса, которые Он творил над больными. Иисус взшел на гору и там сидел с учениками Своими. Приближалась же Пасха, праздник Иудейский.

Господь после строгой речи к иудеям, которая возбудила в них зависть и гнев, укрощает их удалением от них и уходит на ту сторону моря Тивериадского. Озеро называет морем, потому что Божественное Писание собрания вод назвало морями (Быт. 1, 10). — Иначе: переходит с места на место для того, чтобы испытать расположение народа. Ибо тогда как нерадивые оставались в своем месте, более усердные следовали за Ним. Впрочем, смотри, и те, которые следовали, следовали не из-за учения, но из-за телесной пользы от чудес, потому что они, говорит, дивились учению Его, либо Он учил, как власть имеющий (Мф. 7, 28. 29). Восходит «на гору», потому что, говорит, видели чудеса, которые Он творил над больными. Упомянутые у Матфея последователи лучше и любознательнее, потому что они, говорит, дивились учению Его, ибо Он учил, как власть имеющий (Мф. 7, 28. 29). Восходит «на гору», потому что намеревался совершить чудо. Ибо Он не любил чести и славы, чтобы творить чудеса посреди городов, но, избегая пустой славы людской, ищет уединения, научая и нас

сему же. — Восходит на гору и потому, что желает сообщить ученикам нечто таинственное. Ибо Он обыкновенно всегда так делал. Потому что тому, кто имеет вести такую речь, нужно быть свободным от всякого смущения и место нужно, свободное от всякого шума. — «Приближалась, — говорит, — Пасха, праздник иудейский». И, однако же, Он не идет на оный, но удаляется в Галилею, потому что Он не подлежал уже постановлениям закона, чтобы выполнять законные праздники. И иначе: так как злоба иудеев преследовала Его, то Он, получивши случаи, мало-помалу обессиливает закон; образ прекратился. — Примечай и сие: праздник иудейский. Он не был праздник Христов, когда Христос не пошел на оный, а одни только иудеи.

Иисус, возведя очи и увидев, что множество народа идет к Нему, говорит Филиппу: где нам купить хлебов, чтобы их накормить? Говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать. Филипп отвечал Ему: им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу. Один из учеников Его, Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему: здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества!?

Для чего сказано: «Иисус, возведя очи»? Для того чтобы мы знали, что очи Его не блуждали там и сям, но Он сидел с сознанием и вниманием, и сосредоточенностью, беседуя с учениками о предметах божественных, наконец воззрел очами и спрашивает о народе, чем бы его накормить. — Спрашивает не другого кого, но Филиппа. Ибо он требовал большего обучения, так как впоследствии говорит: покажи нам Отца, и довольно для нас (Ин. 14, 8). Посему задолго вперед готовится и вопросом побуждает его всегда помнить это чудо. Ибо если бы чудо совершено было просто, оно не показалось бы так великим чудом. А теперь Он предварительно заставляет его объявить о недостатке хлеба, чтобы он лучше понял величие имеющего совершиться чуда и не мог уже забыть высказанного. Посему говорит: «где нам купить хлебов, чтобы их накормить?» Говорит это, испытывая Филиппа, то есть, желая обнаружить, какую имеет он веру. Без сомнения, Он спрашивает Филиппа не потому, будто Сам не знает мыслей его, но потому, что хочет обнаружить их пред прочими. Ибо Сам Господь знал, что хотел сделать. Испытав Филиппа, имеет ли он веру, и открыв, что он не свободен еще от немощи человеческой, таковым же находит и Андрея, хотя его представление и было несколько выше Филиппова. Филипп сказал, что на двести динариев не довольно будет хлеба. Андрей указывает на пять хлебов ячменных и две рыбки, быть может, вспомнив о чудесах пророков, как, например, Елисей совершил чудо над хлебами, когда Самария дошла до крайней гибели (4 Цар. 4, 42-44). Однако же оказывается, что и Андрей имел помысл, несколько не достойный Господа. Он говорит: но что это для такого множества? Он думал, что Господь, быть может, умножит эти хлебы, но если бы их было более, большее было бы и умножение. Очевидно, мысль его не верна. Ибо Господь мог из ничего сотворить хлебы в достаточном числе для народа. Однако же, чтобы не думали, что тварь чужда Его премудрости, Он самую тварь употребляет в орудие для совершения чудес, и хлебы, как некое вещество, приняв за повод, таким образом являет чудо. Да постыдятся манихеи, которые говорят, что хлеб и все созданное есть произведение бога злого и посему, если кто подаст им хлеб, не берут оный из рук его, но приказывают бросить его издалека, сами же стоят и проклинают подавшего: «посеявший тебя (хлеб) пусть сам рассеется! Молотивший тебя пусть сам измолот будет по телу!» и прочее подобное. Да постыдятся же, когда слышат, что Христос, Сын Бога Благого, умножал хлебы. Если бы они были злым творением, Благий не умножил бы зла, не говорю уже о том, что и Сам не стал бы есть

хлеба. — Быть может, кто-нибудь спросит: сие чудо над хлебами одно ли и то же с чудом, описанным в Евангелии Матфея (см. гл. 14)? Одно и то же. Если там ученики подходят и напоминают о народе, чтоб его отпустить, а здесь Сам Иисус спрашивает, чем бы накормить народ, то этому не нужно удивляться. Ибо, вероятно, было то и другое: сначала ученики напомнили Господу об отпущении народа, а потом Господь спросил Филиппа, чем бы накормить его?

Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак, возлегло людей числом около пяти тысяч. Иисус, взяв хлеба и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел. И когда насытились, то сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало. И собрали, и наполнили двенадцать коробов кусками от пяти ячменных хлебов, оставшимися у тех, которые ели.

Повелевает им тотчас возлечь, как будто стол уже готов. Ученики прежде не верили, однако же теперь с готовностью располагают людей возлечь. Была «трава», по времени весна. Ибо была, говорит, Пасха; а она совершалась в первый весенний месяц. Евангелист исчисляет только мужей. Он следует в этом законному обычаю. Ибо и Моисей исчислял народ от двадцати лет и выше, но не упомянул ни об одной жене (Чис. 26). Писание сим показывает, что все мужеское и юношеское ценно и достойно исчисления у Бога. — Взяв хлеба, благодарит. Сим показывает, что прежде принятия пищи должно благодарить Бога. А как тут был народ, то в присутствии народа благодарит и для того, чтобы все узнали, что Он пришел по воле Божией, что Он не противник Богу, но все относит к Отцу. Когда Он творит знамения наедине, то ничего такого не творит, хотя и большее чудо совершает. Но когда чудодействует пред лицом многих, тогда возводит очи к Богу. А что Он делает так не по бессилию, но с тем намерением, о котором мы сказали, это видно из того, что Он большие чудеса творит господственно и самовластно. По словам же некоторых, Он для того благодарит, чтобы до времени страданий укрыться от князя мира, чтобы он по сему действию не почел Его за Бога, но прельстился и обманулся, и таким образом крестом был умерщвлен. Господь попускает от хлебов остаться излишку не для показания Себя, нет, но для того, чтобы насыщение мужей не приняли за призрачное, а все бы увидели ясно, что они истинно насытились, так что и осталось очень много. По сей же причине повелевает и куски собрать, чтобы, видя их, более помнили о совершенном чуде. — Нужно удивляться не тому только, что оказался остаток, но и числу остатка. Он устроил так, что коробов остатков оказалось ни больше, ни меньше, но по числу учеников, чтобы все носили, и Иуда не остался без участка, но и в этом чуде имел бы указание на то, что Учитель его Бог, и отсюда получил бы пользу; хотя по его злобе это обратилось в большее осуждение ему, так как он предал Того, Кто сделал так много остатка, что и он имел короб. — Не без цели Он повелел апостолам носить коробки, но для того, чтоб они, как будущие учителя вселенной, всегда помнили о чуде. Ибо народ не думал получить никакой важной пользы, а тотчас забыл о чуде; так он неразумен! А ученики имели получить пользу, и не случайную только. — Из сего случая мы научаемся не малодушествовать в тесноте убожества, не уклоняться от странноприимства и подаяния милостыни, но веровать, что если мы и один хлеб будем иметь, то его умножит Тот, Кто от пяти хлебов сделал такой остаток. — В смысле иносказательном: когда Господь отступился от Иерусалима, по сказанному у пророков: оставил Я дом Свой, Я оставил удел Мой (Иер. 12, 7), тогда Он отходит в Галилею языческую и принимает язычников, и много народа следует за ним. Восходит «на гору», или на крест,

чтобы всех привлечь к Себе, или на небо, в богоприличную честь и славу. Ибо как мы, по вознесении Его на небо, прославляем Его как Бога, а не простого человека, то и говорится, что Он восшел на гору. Горю означает высокая мысль о Нем. — Дает нам, подлежащим пяти чувствам, пять разумных хлебов, ибо каждому чувству дает приличный хлеб или учение, как и Павел говорит: в церкви хочу сказать пять слов (1 Кор. 14, 19), то есть служащих к исправлению пяти чувств. Однако же мы не можем съесть все сии пять слов, но остается и остаток. Ибо никто из нас не может вместить всего таинственного учения. То, что для нас, грубых, непостижимо и неудобоваримо, апостолы вмещают в своих праведных душах, как бы в некоторых коробах. Короба делаются из финиковых ветвей, а праведник процветет, как финик (Пс. 91, 13).

Тогда люди, видевшие чудо, сотворенное Иисусом, сказали: это истинно Тот Пророк, Которому должно придти в мир. Иисус же, узнав, что хотят придти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один.

Смотри, как народ любит чрево. Тогда как Иисус творил бесчисленные и самые поразительные чудеса, они не удивлялись. А вот из-за пищи говорят: Сей есть Тот Пророк; не обвиняют уже Его в нарушении субботы, не мстят уже за нарушение закона, но за хлебы считают Его столь великим, что не только пророком называют, но и считают достойным царства. Но Он удаляется, научая нас презирать мирские достоинства. Он удаляется на гору один только, не взяв ни одного из учеников, для того, чтобы испытать любовь их, смотря по тому, снесут ли они отсутствие Его.

Когда же настал вечер, то ученики Его сошли к морю и, вошедши в лодку, отправились на ту сторону моря в Капернаум. Становилось темно, а Иисус не приходил к ним. Дул сильный ветер, и море волновалось. Проплывши около двадцати пяти или тридцати стадий, они увидели Иисуса идущего по морю и приближающегося к лодке и испугались. Но Он сказал им: это Я; не бойтесь. Они хотели принять Его в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли.

Господь удалился на гору один только для того, как мы сказали, чтобы испытать любовь учеников, будут ли они искать Его. Они ждут Его до вечера, думая, что Он придет. Когда же Он не пришел, они не удерживаются, но, любовью побуждаемые искать Его, входят в лодку. Ибо евангелист не просто и как бы случайно указал на время, но для того, чтобы показать их сильную любовь в том, что и вечер их не остановил. — Попускает им испытать бурю для того, чтобы, когда после бури настанет тишина, они более обрадовались случившемуся и чтобы в сердцах их напечатлелось неизгладимое воспоминание о сем. — Когда они находились в опасности, Он предстает пред ними и словом Своим прогоняет страх их, и на море производит тишину, и таким образом творит двоякую тишину — укрощает смущение в душах их и волнение на море. — Не вошел в лодку, чтобы совершить большее чудо. Смотри, три чуда: одно, что Он шел по морю; другое, что укротил волны; третье, что лодка вдруг пристала к тому берегу, куда они плыли, хотя она далеко еще была от того берега, когда пристал к ней Господь. — Иудеи перешли чрез Черное море под предводительством Моисея, но он все делал как раб и силою молитвы, а Сей действует с совершенною властью. Там вода от вздвинутого Господом сильного южного ветра расступилась, так что они перешли по суше (Исх. 14, 21. 22); а здесь совершилось большее чудо: море оставалось при собственной природе, и, однако же, носило Господа на поверхности своей, чтобы исполнилось

пророческое слово: «ходит по морю, как по земле» (Иов. 9, 8). И ныне многие из нас находятся во тьме мысленной и в опасности потонуть в море мысленном. Но восприимем к себе Христа, — и мы совершенно избавимся от бед. И если некоторые искушители наши, бесы или люди, часто наводят на нас страх и страхом пытаются поколебать нас, то будем слушать Христа, взывающего: «это Я (есмы), не бойтесь». Слова Его имеют такое значение: страхи проходят; посему не бойтесь того, что проходит. А «Я есмь», то есть всегда пребываю; и, как Бог, Я есмь Тот, Который есть (Сущий). Итак, поелику страхи временны и не имеют истинного бытия, а Я есмь, то есть пребываю и никогда не перестаю быть, но истинно есмь, то веру в Меня не изменяйте из-за того, что временно. — Смотри, пожалуй, как Христос является и уничтожает страх не в начале опасности, но в крайности. Он попускает нам стать среди опасностей, чтобы мы, поборовшись со скорбью и стесненные ею, сделались удобоприемлемее и, употребивши в дело всю свою силу и мудрость, но нашедши ее слабою, прибегли к Нему одному, могущему спасти неожиданным образом. Ибо когда ум человеческий утомится, тогда вдруг является спасение от Бога и побуждает нас стремиться к Нему, единственному Спасителю, а не приписывать спасения самим себе. — Если мы пожелаем принять Христа и в лодку нашу, то есть поселить Христа в сердце нашем, то мы тотчас очутимся на той земле, к которой плывем. Что же это за земля? Без сомнения, это — земля обещанная, небо, земля кротких и умирившихся от всякой злобы.

На другой день народ, стоявший по ту сторону моря, видел, что там, кроме одной лодки, в которую вошли ученики Его, иной не было и что Иисус не входил в лодку с учениками Своими, а отплыли одни ученики Его. Между тем пришли из Тивериады другие лодки близко к тому месту, где ели хлеб по благословию Господнем. Итак, когда народ увидел, что тут нет Иисуса, ни учеников Его, то вошли в лодки и приплыли в Капернаум, ища Иисуса. И нашедши Его на той стороне моря, сказали Ему: Равви! когда Ты сюда пришел? Иисус сказал им в ответ: истинно, истинно говорю вам: вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились.

Иисус перешел на ту сторону моря пешком. Народ, ища Его на другой день и видя, что одна только была лодка, в которую поместились ученики, но в которую Иисус не входил вместе с ними, пришел к мысли об этом чуде и предполагал, что Иисус перешел через море пешком на ту сторону. Ибо если бы была и другая лодка, то естественно было бы предположить, что Он, не поплывши с учениками, вошел в нее и переправился. А теперь, когда лодка была одна и в нее вошли одни ученики, а Господь не входил, чудо очевидно. Народ, пришедши к этой мысли и нашедши другие лодки, приплывшие с той стороны, вошел в оные и переправился в Капернаум. Нашедши здесь Господа, народ не падает пред Ним, не хочет узнать, как Он пришел, не спрашивает об этом чуде, но так небрежно говорит: когда ты пришел сюда? — Те, которые хотели нечаянно взять Его и сделать царем, когда нашли Его, не желают уже ничего подобного. Они не обращают внимания на чудо, но желают в другой раз насытиться, как и прежде. Посему-то Господь и укоряет их. Вы, говорит, ищете Меня потому, что ели хлеб, и затем придерживаетесь Меня, чтобы Я опять накормил вас. Заметь: хотя он обличает их, однако же не употребляет строгого обличения. Он не сказал: чревоугодники вы и обжорливые, но сказал кротко. Ибо Он обличает их с желанием исправить и чрез открытие тайн сердца их привести их к большей вере. Что целью обличения их было исправление, это видно из нижеследующего. Ибо Он преподает им учение самое спасительное и говорит:

Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий; ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог.

Вы, говорит, ищете Меня из-за хлебов, желая насытиться ими. Но вы не должны всецело заниматься чревом, а должны преимущественно стараться о духовном и не употреблять всей заботы на пищу телесную. Ибо ее Он назвал пищею гибнущею. Так как многие из желающих жить праздно, и особенно масалиане, употребляют сии слова в защиту своей праздности, то необходимо уяснить это изречение. Господь наш Иисус Христос сказал это не потому, будто желал пресечь телесную деятельность и расположить к праздности: «ибо праздность научила многому худому» (Сир. 33, 28). И если нужно сказать точнее, то именно желание жить праздно и есть та гибнущая пища. А последователь Христов должен трудиться, чтобы мог и другим уделять. Ибо в награду за сие обещано будущее царствие. Как же, скажут, Господь сказал, что не должно стараться о пище гибнущей? Он сказал это с тем, чтобы пресечь усиленную заботливость их об яствах и перевести оную на предметы духовные. Так, скажут; но что Христос искореняет телесную деятельность, это видно из слов Его к Марфе: Марфа, ты заботишься и суетишься, а нужно одно только; Мария же выбрала благую часть (Лк. 10, 41. 42), и из слов: не заботьтесь о завтрашнем дне (Мф. 6, 34). Так рассуждают желающие быть без труда. Что же скажем? То, что сказанное к Марфе сказано ни о деле, ни о деятельности, ни о праздности, но о том, что нужно знать время и времени слушания не употреблять на заботу об яствах. Он сказал это с целью научить ее, что время учения не нужно употреблять напрасно, на занятие тем, что относится до чрева. И тогда, как говорит «не заботьтесь», не отвергает деятельности, ибо — иное забота, иное — деятельность. Бывает, что человек и делает что-нибудь, но нисколько не заботится. Итак, Господь, научая нас не пригвождаться к житейским вещам, не заботиться об успокоении на завтра, но желая лучше, чтобы мы трудились каждодневно, говорит: не заботьтесь о том, как бы вам, потрудившись сегодня, быть назавтра спокойными, но, каждый день приобретая пищу дневным трудом, не заботьтесь о завтрашнем дне, — Пищею пребывающею называет таинственное причастие Плоти Господней, которую Сам дает нам, соделавшись Сыном Человеческим, на котором Отец «положил печать Свою», то есть показал, подтвердил, что Он есть Сын Его. Хотя Христос и Сам подтвердил свое достоинство чудесами, но как Он говорит иудеям то, чтобы они не возмутились, обращается к Отцу и говорит, что Им запечатлен, то есть доказан, засвидетельствован. Так как Сын есть образ Отца, и печать, и отражение, то Он запечатлен Отцом, поколику есть Его образ и печать. Посему слова сии имеют такой смысл: Сего, Который по виду есть Сын Человеческий, Отец запечатлел, то есть родил печатью и образом Своим, сохраняющим совершенную неизменяемость и естественное с Ним тожество.

Итак, сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал. На это сказали Ему: какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? Что Ты делаешь?

Иудеи хотят узнать о деле Божием не для того, чтобы совершать оное, но чтобы получить повод к речи. Посему, хотя знает, что они не получают никакой пользы, однако же для общей пользы учения дает ответ и показывает им, равно и всем людям, что дело Божие состоит в том, чтобы веровать в Того, Кого Он послал. Вера в Него есть дело поистине священное, и совершенное, и святящее имеющих оную; ибо основательная вера руководит ко

всякому доброму делу, а добрая деятельность сохраняет веру; и как дела без веры мертвы, так и вера без дел мертва (Иак. 2, 17. 26). Смотри, какая неблагодарность и бесчувственность. После того, как видели столько и таких чудес, опять просят знамения, и притом большего хлеба, которыми насытились. Как чревоугодники опять требуют такого чуда, которое бы служило их чреву. Справедливость сего видна из нижеследующего.

Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть (Пс. 77, 24). Иисус уже сказал им: истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру. На это сказали Ему: Господи! подавай нам всегда такой хлеб.

Не напрасно мы говорили, что они просят знамения как рабы чрева. Таково было чудо над хлебами. Вот они вспоминают о манне, а не о другом каком-нибудь чуде, над египтянами ли совершенном, или над Чермным морем. Желая возбудить Его совершить такое чудо, которое бы могло напитать их плоть, они напоминают о манне по крайнему чревоугодию. Что же отвечает им неиспытанная Премудрость Божия, Господь наш Иисус? Не Моисей дал вам хлеб сей, то есть Моисей не дал вам хлеба истинного, но все бывшее тогда служило образом того, что совершается ныне. Так, Моисей представлял образ Бога, истинного Вождя мысленных израильтян, а хлеб оный прообразовал Меня, Который сшел с небес, Который истинно питает и истинно существует. Называет Себя хлебом истинным не потому, будто манна была ложна, но потому, что она была образом и тенью, а не самою истиною, Ибо едиnorodный Сын Божий, сделавшийся Человеком, есть в собственном смысле «Манна», поразительное слово и слышание. Манна значит: «что это?». Ибо евреи, каждый увидевши ее во множестве выпавшую около своей палатки, пораженные необычайностью и странностью видения, спрашивали друг друга: что это? И Господь, Сын Божий, стал Человеком, Сам есть поражающая всех Манна, так что каждый в недоумении говорит: что Это? Как Сын Божий и Сын Человеческий? Как из двух противоположных естеств одно Лицо? Что это за Таинство? — Итак, Сей Хлеб, по естеству будучи Жизнь, как Сын живого Отца, творит свойственное Ему, оживляет все. Как хлеб земной поддерживает слабое естество плоти и не попускает разлагаться, так и Христос действием Духа оживляет душу, да и самое тело поддерживает в нетлении. Ибо Христом даровано естеству человеческому восстание из мертвых и нетление тел. Но иудеи, еще занятые чревом и всецело будучи земными, понимают слова сии о хлебе чувственном и говорят: дай нам такого хлеба. Безумствуя таким образом, они обличали себя. Всегда, говорят, подавай нам такой хлеб, не по один день, не по два. Говорили это и по сребролюбию. Чтобы нам не употреблять своих денег на приобретение пищи, подавай всегда этот, легко получаемый хлеб.

Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете. Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон; ибо Я сошел с небес, не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца.

Так как иудеи как земные думают, что Господь говорит о чувственном хлебе, и потому настойчиво просят оно, то Господь, обличая их и показывая, что они стремились к Нему, доколе предполагали чувственную пищу, а когда узнают, что она духовная, то уже не

побегут, говорит: «Я есмь хлеб жизни». Не сказал: хлеб пищи, но «жизни». Поелику все было умерщвлено, то оживил нас Сам Собою. Он есть Хлеб, поелику мы веруем, что закваска человеческого смешения испечена огнем Божества; Хлеб «жизни» не простой, обыкновенной, но особенной и не пресекаемой смертью. Верующий в такой Хлеб не будет алкать, не будет терпеть голод слышания слова Божия и не будет иметь разумной жажды, бывающей от неимения воды крещения и освящения Духа. Ибо некрещеный имеет жажду и большую сухость, не участвуя в святой воде, возрождающей душу, а крещеный, имея Духа, всегда от Него оживляется, — Показывая же, что вера в Него не есть дело случайное, но дар Божий, подаваемый от Отца достойным и благонравным по сердцу, говорит: «все, что дает Мне Отец, ко Мне придет», то есть те будут веровать в Меня, которых дает Мне Отец. А вы — иудеи — как недостойные, не даются Мне от Отца, потому и не приходите ко Мне. Ибо вы не имеете правого сердца, чтобы Бог и Отец, возлюбивши вас, привел к вере в Меня. — «А Я приходящего ко Мне не изгоню вон», то есть не погублю, но спасу и доставлю ему много наслаждения. Ибо Я сошел с неба не затем, чтобы делать что-нибудь иное, кроме воли Отца. Говорит это, чтобы узнали, что не принимающий Его противен Богу, как противящийся воле Отца. Так как они Его называли противником Богу, то Он обвинение сие обращает на них и говорит, хотя неявно: не принимая Того, Кто следует воле Отца, вы делаетесь противниками Богу. — Где здесь Несторий, говорящий, что Христос обоготворен после воскресения? Разве не слышишь, несчастный, что Он сошел с небес? А сшедший с небес, очевидно, был не простой человек, но Бог. Ибо простой человек не нисходит, а иногда восходит на небо, когда Бог дарует ему сие за добродетель. Поелику же схождение Господа предшествовало воскресению, то Сам Он и сошел с небес, как Бог, сошедший для вочеловечения и восшел на небеса с плотию как человек, где прежде был как Бог, Итак, Христос не простой человек, обоготворенный впоследствии, как пустословил Несторий, но предвечный Бог, вочеловечившийся в последние времена.

Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день. Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день.

Постоянно говорит «Отец Мне дал» для того, чтобы поразить сердца их и чтоб они узнали, что они недостойны этого дара Божия. Ибо если Отец дает веру во Христа как нечто великое, а они ее не имеют, то, очевидно, они лишились дара Божия. Итак, Я, говорит, не погублю тех, которых дает Мне Отец, то есть верующих в Меня, но воскрешу их, то есть удостою светлого воскресения. Воскресение двоякого рода: одно общее и вселенское, которым воскреснут и все грешники, а другое, которым воскреснут одни только праведники, восхищаемые на облаках по воздуху навстречу Господу и встречающие Господа с дерзновением. Сие последнее воскресение Павел называет возвышением по причине поднятия от земли. Ибо грешники, хотя воскреснут от гробов, но не поднимутся от земли на воздух, а останутся внизу, как осужденные. Посему праведники и воскреснут, и поднимутся, восхищаемые на облаках навстречу Господу (1 Сол. 4, 17), а грешники только воскреснут. Господь, объясняя значение слов: «ничего не погублю из того, что дал Мне Отец», выражает ту же мысль другими словами: чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную. Ибо он говорит не иное что, как то же, что сказал выше. Слова: «все, что дал Мне Отец» — тождественны со словами: «всякий, видящий Сына и верующий», а слово: «не погублю» — тождественно с словами: «имеет жизнь вечную». Часто упоминает о

воскресении для того, чтобы люди не ограничивали Промысл Божий одним видимым порядком дел, но знали, что есть и иное состояние, когда они несомненно получают награды за добродетель, и не оставляли течения к добродетели из-за того, что в настоящей жизни не обнаруживается воздаяние.

Возроптали на Него Иудеи за то, что Он сказал: Я есмь хлеб, сшедший с небес. И говорили: не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого Отца и Мать мы знаем? Как же говорит Он: Я сшел с небес? Иисус сказал им в ответ: не ропщите между собою. Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня; и Я воскрешу его в последний день.

Когда Господь сказал: «Я есмь хлеб», то иудеи зароптали на Него, потому что обманулись. Ибо доколе они думали, что Он говорит о хлебе чувственном, они вели себя кротко, надеясь, что Он даст им сего хлеба и удовлетворит их чреву. А как Он открыл им, что у Него речь не о чувственном хлебе, а о духовном, то они в отчаянии ропщут. Ибо где им помышлять о духовной пище, жизни и воскресении? Соблазнялись об Нем, видя, с одной стороны, Мать Его, а с другой стороны, слыша: Я сшел с небес. Смотря на видимое и не разумея, что Он же есть и Бог, они роптали, будто бы Господь обманывал, и говорили: не Иосифов ли это сын? Сам же Спаситель не отвечает им: Я не Иосифов сын; ибо они не могли понять неизреченного рождения от Девы. Если же мысль их не обнимала рождения по плоти, тем более не могла обнять предвечного рождения от Отца. Что же Он отвечает им? «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец». Говорит это, не уничтожая самопроизволения, но показывая, что имеющий веровать нуждается во многом содействии от Бога. Иначе: Отец привлекает тех, которые имеют способность по их произволению, а тех, которые сами себя сделали неспособными, не привлекает к вере. Ибо как магнит привлекает не все, к чему приближается, а одно только железо, так и Бог ко всем приближается, но привлекает только тех, которые способны и обнаруживают некоторое родство с Ним. Отец привлекает и приводит к Сыну; а Сын воскрешает и оживляет, даруя дыхание в добре и жизнь, которая есть Дух Святой. Итак, верующим благодетельствует вся Святая Троица, а не в частности один только Отец или один только Сын, но как Естество одно, так и действие благодетельствования одно: Отец приводит, Сын оживляет, Дух Святой для оживляемых служит дыханием; ибо всякий живой имеет и дыхание. Смотри, какая власть Сына. Я, говорит, «воскрешу». Не сказал: Отец Мой воскресит, но: Я. Ибо не всегда говорит о Себе уничиженно, а иногда открывает и высоту Своего Божества.

У пророков написано: и будут все научены Богом. Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне (Ис. 54, 13). Это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца. Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную.

Выше сказал, что кого Отец привлечет, тот приходит ко Мне. Желая подтвердить это, ссылается на пророков. У пророков, говорит, написано: и будут все научены Богом (Ис. 54, 13); все, разумеется, желающие. Отец есть общий Учитель, чрез откровение достойным дающий знать о Своем Сыне. Ибо, касаясь сердец простых и незлобивых, открывает им Сына, подобно как и Петру открыл Его (Мф. 16, 17). Итак, слышащий от Отца, то есть принимающий откровение Отца и делающийся истинным Его учеником, приходит ко Мне. Смотри, с какою точностью говорит Он о всем. Не сказал, что приходит ко Мне тот, кто

слышит от Отца, но прибавил еще: и кто научился. Ибо недостаточно слышать, надобно еще оставаться и учиться. Что же? Ужели прежде сего они не были учены Богом в Ветхом Завете? Были, но не так. Ибо здесь, то есть в Новом Завете, есть особенность. Тогда учились познанию о Боге чрез людей, а ныне, когда воплотился Единородный, познание бывает от Самого Отца во Святом Духе, так что исполняется пророческое слово: во свете Тебя, Отца, то есть в Духе, узрим Свет, который есть Сын (Пс. 35, 10), Подлинно, все мы, которые приняли веру во Христа, научены ныне Богом. Так как сказал, что ко Мне приходит тот, кто слышал от Отца, то дабы кто не подумал, что Он говорит об Отце чувственном, прибавляет: Я не то говорю, будто Отца видит кто-нибудь, кроме Сына, истинно Сущего от Него и рожденного из Его Существа. Ибо все мы от Бога, но собственно Сын — один Тот, Кто и знает Отца.

Я семь хлеб жизни; отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек: хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира.

Подаваемую им пищу сравнивает с манною. Я, говорит, есмь хлеб жизни, а евшие манну умерли. Не просто прибавил слово: «в пустыне», но с целью показать, что манны не надолго стало отцам, в пустыне только, а в землю обетованную она не вошла с ними. Сей же хлеб не таков, но пребывает вовек, так что они, если захотят, получают блага гораздо большие, чем отцы их. Как не больше то, что даруется Христом? Ибо хотя всякий вкусит смерть, однако же он жив по надежде воскресения. — Ясно говорит Он здесь о таинственном причастии Его тела. «Хлеб, — говорит, — который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира». Показывая Свою власть, что Он распят не как раб и меньший Отца, но по Своей воле, говорит, что «Я отдам» плоть Мою за жизнь мира. Хотя говорится, что Он отдан Отцом (Ин. 3, 16), но Он отдал и Сам Себя: первое, чтобы мы, познали единомыслие с Отцом, а второе, чтобы познали самовластие Сына. Заметь, что хлеб, вкушаемый нами в Таинстве, не есть образ тела Господня, но есть самая Плоть Господа. Ибо не сказал Он, что хлеб, который Я дам, есть образ плоти Моей, но: «есть плоть Моя». Ибо хлеб сей неизреченными словами, чрез таинственное благословение и наитие Святаго Духа, претворяется в плоть Господа. Никто да не страшится веровать, что хлеб становится Плотию. Ибо когда Господь ходил во плоти и принимал пищу из хлеба, то хлеб сей, вкушаемый, применялся в Его тело и уподоблялся святой Его плоти, и, по обычаю естества человеческого, служил к возрастанию и укреплению. И ныне хлеб сей применяется в плоть Господа. Как же, скажут нам, является не плоть, а хлеб? Это для того, чтобы у нас не было отвращения к яству. Ибо если бы нам показывалась плоть, мы неприятно располагались бы к Причастию; а теперь, когда Господь снисходит нашей слабости, таинственная Пища нам является такою, какая у нас бывает обыкновенно. — Он отдал плоть Свою на смерть за жизнь мира, ибо смертью Своею разрушил смерть. Разумей, пожалуй, под жизнью мира и воскресение. Ибо смерть Господа произвела всеобщее воскресение для всего рода человеческого. Может быть, жизнью мира Он именуется и жизнь в святости и блаженстве. Ибо хотя не все приняли освещение и жизнь в Духе, но Господь отдал Самого Себя за мир, и что касается до Него, то мир спасен и все естество освящено, поколику получило силу побеждать грех, и грех бежал чрез одного Человека, Господа нашего Иисуса Христа, как и чрез одного Адама человечество впало в грех.

Тогда Иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть плоть Свою? Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питье.

Иудеи, услышав о вкушении плоти Господней, не верят; поэтому и произносят слово неверия «как?». Ибо когда входят в душу помыслы неверия, тогда сопривходит и слово «как?». Посему и Он, желая показать, что сие не невозможно, но и весьма необходимо, и что нельзя иначе иметь жизни, говорит: если не будете есть плоти, и прочее. Так и Никодим от неверия говорил: как может человек войти в утробу матери (Ин. 3, 4)? Посему когда мы слышим, что, не вкушая плоти Сына, не можем иметь жизни, мы должны иметь несомненную веру при принятии Божественных Тайн, а не спрашивать: «как?». Ибо душевный человек, то есть следующий помыслам человеческим, душевным или естественным, не принимает сверхъестественного и духовного (1 Кор. 2, 14). Так и духовной пищи, плоти Господней, он не понимает. Между тем не причащающиеся оной не будут иметь участия в жизни вечной как не принявшие Иисуса, Который есть истинная Жизнь. Ибо вкушаемое есть плоть не простого человека, но Бога, и могущая боготворить как соединенная с Божеством. Она есть истинно пища, поколику удовлетворяет не на малое время, не портится, как преходящая пища, но способствует к вечной жизни. Подобным образом и питье крови Господней есть истинно питье, потому что утоляет жажду не на время, но пьющего охраняет от жажды и нужды навсегда, как и самарянке говорил Господь: пьющий воду, которую Я дам, не будет жаждать (Ин. 4, 14). Ибо кто чрез причащение Божественных Тайн получит благодать Святаго Духа, тот не будет, подобно неверующим, ощущать ни голода разумного, ни жажды.

Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, сшедший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек.

Здесь мы научаемся таинству Причащения, Ядущий и пьющий плоть и кровь Господа пребывает в Самом Господе, и Господь в нем. Странное и непостижимое бывает соединение, так что Бог пребывает в нас, а мы в Боге. Не страшное слышишь ты учение. Мы вкушаем не Самого Бога, ибо Он неосязаем и бестелесен, и необъятен ни для глаз, ни для зубов; ни опять вкушаем плоть простого человека, ибо она не может принести никакой пользы. Но как Бог неизреченным смешением соединил Сам с Собою плоть, то и плоть животворит не потому, будто пременилась в Естество Божие, — нет, но по подобию раскаленного железа, которое и остается железом, и обнаруживает силу огня. Так и плоть Господня, пребывая плотию, животворит как плоть Бога Слова. — Как Я, говорит, «живу Отцем», то есть потому, что родился от Отца, Который есть Жизнь, так «и ядущий Меня жить будет Мною», соединившись и как бы претворившись в Меня, могущего животворить. Когда же слышишь, что «Я живу», не думай, что Он живет по причастию жизни. Иначе Богом называлось бы животное. Но нет! Ибо ни животное не называется Богом, ни сотворенное Жизнью. — Часто повторяет слова: «отцы ваши ели манну в пустыне» для того, чтобы убедить слушателей, что если можно было питаться людям без жатвы и сеяния в течение сорока лет и жизнь их поддерживалась, тем более ныне Господь подкрепит нашу разумную жизнь лучшим хлебом,

плотию Свою, образовавшеюся из земли — Девы, без сеяния — мужа. — Везде упоминает о жизни и часто приводит это имя, потому что ничто так не приятно людям, как жизнь. — Впрочем, ты можешь есть плоть и пить кровь Владыки не только в Таинственном Причастии, но и иным образом. Плоть ест тот, кто идет путем деятельности. Ибо плоть — неудобоварима, как и деятельность — многотрудна. Кровь пьет как бы вино, веселящее сердце, созерцатель. Ибо созерцание не сопряжено с трудом, есть даже успокоение от трудов, и похоже на питье, как и питье легче, чем пища.

Сие говорил Он в синагоге, уча в Капернауме. Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова! кто может это слушать? Но Иисус, зная Сам в Себе, что ученики Его ропщут на то, сказал им: это ли соблазняет вас? Что же, если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде?

Для чего Он учил в синагоге? Частью для того, чтобы привлечь больше людей, частью для того, чтобы показать, что он не противник закону, читаемому в синагогах. Почему же Он произносил пред народом такие речи, когда знал, что никто не получит от них пользы, а многие даже соблазнятся? Ибо ученики Его, услышав их, говорили: слова сии странны; кто может слушать это? — Какая же польза от сих слов? Очень большая и важная. Они постоянно упоминали о телесной пище и выставляли на вид манну. Показывая им, что все это было образами и тенью, а что Он ныне говорит, то истина, — говорит сие и упоминает о духовной пище для того, чтобы убедить их сколько-нибудь отклониться от чувственного и оставить образы и тень, а устремиться к истине. Но они, не будучи в силах понять ничего сверхъестественного, не улучшаются, а даже отвращаются и говорят: слова сии странны, то есть суровы, неудобоприемлемы. Ибо кто, будучи плотян, может принять духовную пищу — хлеб, сходящий с небес, плоть вкушаемую? Когда же слышишь, что ученики отстали от Него, не понимай этого об истинных учениках, но о тех, которые следовали за Ним в ряду учеников и одним только видом показывали, будто учатся от Него. Ибо и между учениками были некоторые, которые, по сравнению с народом, назывались учениками Его, потому что проводили при Нем времени более чем народ, но в сравнении с истинными учениками Его не стоили ничего, так как верили Ему на время и, так сказать, от холодной горячности. Смотри, какое неразумие. Нужно бы спросить и узнать, чего не знают, а они отступают и ничего не понимают в духовном смысле, но все по внешности. Слыша о плоти, они и думали, что Он принуждает их сделаться плотоядцами и кровопийцами. Но мы, понимающие это в духовном смысле, не только не плотоядцы, а даже освещаемся такою пищею. — Желая показать им, что от Него как Бога нимало не укрываются сердечные их помыслы, говорит: это ли соблазняет вас? Что ж, если увидите Меня, по виду Сына Человеческого, восходящим на небо, где Я был прежде как Бог? — Ибо Один и Тот же восходит как Человек туда, где был прежде как Бог. Сказал сие для того, чтобы отвлечь их от мнения о Нем как сыне Иосифовом. Ибо кто поверил, что Он прежде был на небе, тот, без сомнения, поверит, что Он и Сын не Иосифов, а Божий, и, наконец, поверит и речам Его. — Слыша, что Сын Человеческий был прежде на небе, не думай, что тело низошло с неба (так пустословят ересеначальники Маркелл и Аполлинарий), но как один и тот же был Сын Человеческий и Бог Слово, то, как мы сказали, говорится, что Он восходит как Человек туда, где был прежде как Бог.

Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь; но есть из вас некоторые неверующие. Ибо Иисус от начала знал, кто суть неверующие, и кто предаст Его.

Они понимали слова Христовы по-плотскому, как мы часто говорили, и соблазнялись. Посему Он говорит, что духовное только понимание слов Моих полезно, а плоть, то есть плотское понимание их, нисколько не полезно, а бывает поводом к соблазну. Так они соблазнялись, понимая слова Христовы плотски. Присовокупляет, что слова, которые говорю Я, суть «дух», то есть духовны, «и жизнь», не имеют ничего плотского, а доставляют жизнь вечную. Проявляя свойство божества, именно открывая сокровенное, говорит им, что некоторые из вас не веруют; сказав «некоторые», исключил учеников. И евангелист, желая показать нам, что Он знал все прежде устройства мира, говорит, что Иисус от начала знал, кто суть неверующие, знал и злобу предателя. А это было доказательством истинного Божества. Ибо пророк говорит о Боге: «ведаящий вся прежде бытия его» (Дан. 13, 42).

И сказал: для того-то и говорил Я вам, что никто не может придти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего. С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним. Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти?

Часто мы говорили, что когда слышишь, что Отец дает веру в Сына, не думай, что одним Отец благоденствует, а другим — нет, по жребию, ибо это свойственно неправедному, но так понимай, что Отец благоденствует и дает дар веры тем, у которых есть произволение. Ибо не имеющий произволения не получит пользы и от помощи Божией. Объяснюсь. Бог дает всем Свои дары. Одни принимают и хорошо употребляют данное и, сохраняя оное, показывают дар Божий. А другие принимают, но теряют данное и оказываются ничего не получившими. Итак, когда евангелист говорит, что кому не будет дано от Отца, тот не может прийти к Сыну, то слова его значат, что приходит к Сыну тот, кому дает Отец и кто сохранит поданный ему от Бога дар. — «Многие из учеников отошли назад»; то есть, отделившись от Него, не пошли к лучшему, но возвратились назад, то есть к неверию. Ибо, поистине, кто отделяется от Христа, отходит назад, а кто, подобно Павлу, прилепляется к Господу (1 Кор. 6, 17), тот постоянно простирается вперед (Флп. 3, 13). — Он же, показывая, что не нуждается ни в ком и ни в служении или попечении от них, говорит им: не хотите ли и вы отойти? Почему, напротив, Он не похвалил двенадцать учеников за то, что они не отошли вместе с прочими? С одной стороны, чтобы сохранить достоинство Учителя, а с другой — показать и нам, что таким образом можно еще более привлечь. Ибо если бы Он похвалил, то они быть может, испытали бы нечто человеческое и возгордились, думая, что своим последованием за Ним одолжают Его. А, показывая, что не нуждается в их следовании за Ним, Он более мог удержать их как более благоденствуемых, чем благоденствующих, и получающих благодать, а не дающих. — Примечай, как благоразумно Он выразился. Не сказал: отойдите, ибо это значило бы отталкивать, но спрашивает: «не хотите ли отойти?». Таким образом предоставляет полную свободу следовать или нет, показывая, что Он хочет, чтобы следовали за Ним не из стыда пред Ним, но по сознанию, что за последование получают благодать.

Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго. Иисус отвечал им: не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол. Это говорил Он об Иуде Симонове Искарите, ибо сей хотел предать Его, будучи один из двенадцати.

Петр, имея нежную любовь к Нему и к братьям, отвечает за весь лик апостолов. Он не

сказал: Господи! к кому «я» пойду? и: «я» познал и уверовал, но: к кому пойдём? и прочее. Говорит, что Господь имеет глаголы вечной жизни, потому что слышал, как Он говорил: верующего в Меня Я воскрешу, и он будет иметь жизнь вечную. Ибо они уже приняли истину воскресения и все учение. Посему причиною соблазна были не слова Христовы, но невнимательность, нерадение и неблагодарность слушателей. Ибо и сии двенадцать слышали то же, и однако же не соблазнились, но пребыли верны. Что же Христос? Одобряет ли Петра, как это сделал Он при другом случае (Мф. 16, 17)? Никак нет, для того, чтобы не показаться льстящим за то, что он пребыл с Ним. Что же говорит Он Петру? Я избрал вас двенадцать, однако же не все вы достойны сего избрания, но один из вас — диавол. Это можно понимать двояко: или потому диавол, что и теперь все Мое извращает и ничего из оногo не принимает, или потому, что он оклеветает Меня. Ибо таков действительно оказался Иуда, клеветца на Господа пред иудеями и выдавая им Его тайны, как и Давид говорит о нем: «исхождаше вон, и глаголаше вкупе», выходил вон и говорил за одно (Пс. 40, 7). Господь говорит это Петру, чтобы исправить его. Петр сказал: мы узнали все и уверовали. А он говорит: не думай так; вы не все верны, и не все узнали Меня. — Смотри, пожалуй, как Господь издалека предотвращает злобу предателя и, как бы насильно удерживая ее, говорит это, хотя знает, что не принесет пользы, однако же исполняет Свое дело. И не обнаружил его и не оставил совершенно неизвестным; первое сделал для того, чтобы он, потеряв стыд, не сделался упорнее; другое, чтобы он не без страха совершал отважный поступок, и не думал, что он скроется. Отселе мы научаемся и тому, что Бог не делает добрыми принужденно и насильственно, и что избрание Божие не стесняет нашего произвола; и, когда он зол, не принуждает сделаться добрым. А избрание Божие состоит в том, что Бог предрасполагает нас к добру и дарует нам Свою благодать. Спасти же и поступить достойно избрания — или наоборот — это зависит от нашей мысли и воли. Подивись и тому, как сильно враждует диавол. Он смог увлечь одного из двенадцати апостолов, которые воскрешали мертвых, совершали чудеса и слышали духовное и животворное учение Господа. И где, наконец, надежда нам на спасение, когда мы с юности добровольно поработили себя злу? Посему и евангелист, как бы с удивлением, сказал: «будучи один из двенадцати». Хотя, говорит, принадлежал к сему святому лику, однако же по злomu произволу оказался недостойным его. Так человек удобопреклонен ко злу! Пусть не заблуждаются манихеи. Мы злы не от природы. В сем случае в нас постоянно действовала бы злоба. Но вот Иуда не всегда был зол, а был некогда и свят. Значит, зло и рождается, и растет от произвола.

Глава седьмая

После сего Иисус ходил по Галилее, ибо по Иудее не хотел ходить, потому что Иудеи искали убить Его. Приближался праздник Иудейский — поставление кущей. Тогда братья Его сказали Ему: выйди отсюда и пойдй в Иудею, чтоб и ученики Твои видели дела, которые Ты делаешь. Ибо никто не делает чего-либо втайне и ищет сам быть известным. Если Ты творишь такие дела, то яви Себя миру. Ибо и братья Его не веровали в Него.

Иисус удаляется от убийц — иудеев не потому, будто боится смерти, ибо Ему можно было и среди их ходить и не потерпеть ничего, но потому, что если бы Он всегда так поступал, то не поверили бы, что Он был Человек, но почли бы за призрак. Посему теперь Он удаляется и таким образом подтверждает и удостоверяет, что Он Человек, и поражает всех, которые говорят, что Он воплотился призрачно, как то: Манеса, Маркиона, Василида и

подобных. В других же случаях, когда Он находится среди убийц, злоумышляющих на Него, и остается невредимым, Он показывает, что Он Бог, и постыждает Павла Самосатского, и всех уверяет, что Он был не просто Человек, но и Бог. — Теперь Он уходит в Галилею. Так как не наступило еще время страдать, то напрасно и излишне было обращаться Ему среди врагов Своих и тем подавать повод к усилению их злобы. — Было, говорит, поставление кущей. О праздниках, совершаемых иудеями, нужно заметить следующее. Их было три: один — праздник Пасхи, который они совершали в память выхода из Египта, и он у них был первый (главный). Другой праздник — Пятидесятница, которую они совершали в память избавления от бедствий в пустыне и вступления в землю обетованную. Тогда они в первый раз вкусили хлебных плодов, почему и в праздник сей приносили колосья как начатки. Третий праздник — поставление кущей, который они совершали в благодарность за собрание плодов, по римскому счету в сентябре месяце. Тогда они благодарили Господа за то, что собрали все плоды. Почему и устроили скинии или палатки и веселились, как бы живя на поле. Некоторые говорят, что и некоторые псалмы Давидовы (80 и 83), имеющие надпись: «о точилех», составлены Давидом именно на сей праздник. Тогда они наполняли свои виноградные тиски, собирая виноград, и, благодаря за оный, употребляли эти псалмы и другие, служащие выражением благодарности, например восьмой псалом. Ибо и в нем пророк упоминает о благах, дарованных человеку Богом. — Праздники сии имели и другое значение. Пасха означала наш переход от неверия к вере, Пятидесятница — вступление в Церковь, как бы в иную землю обетованную, в которой мы также вкушаем хлеб, причащаясь Божественных Тайн. Мы не тотчас вкушаем Хлеба, как уверуем и перейдем от неверия, но должны прежде креститься и удостоиться стояния в церкви вместе с крещеными, и тогда уже причаститься Хлеба. — Поставление кущей означало воскресение, когда соберутся все плоды наших дел, а хижины наши (тела), разрушенные смертью, снова восстанут. Есть и иные возвышенные стороны у сих праздников, но не время теперь высказывать их. Ибо мы всегда выбираем то, что полезнее для многих. — Итак, когда приближался иудейский праздник, называемый поставление кущей, и братья Иисуса видели, что Он не собирается на праздник, они с завистью говорят ему: выйди отсюда и пойдти туда, чтобы дела Твои видели и ученики Твои, то есть народ, следующий за Тобой; ибо говорят не о двенадцати, но о других Его последователях. Братья Его, то есть дети Иосифа, обвиняют Его в двух расположениях, в боязни и славолубии. Посему и говорят: «никто не делает чего-либо втайне» — это знак боязни, — «и ищет сам быть известным» — это знак славолубия. Если, говорят, Ты творишь такие дела, то яви Себя миру. Сим они как бы так говорят: мы не в добрую сторону понимаем поведение Твое. Ибо если Ты творишь такие дела как добрые, то яви Себя, если же Ты скрываешься, очевидно, скрываешься потому, что делаешь худое. — Для чего евангелист из пятидесятилетней деятельности ни о чем другом не рассказал, кроме чуда над хлебами и беседы Господа к насыщенным, но неблагодарным, и, опустив прочее, сказал: приближался праздник иудейский, поставление кущей? А что он умолчал о делах, совершенных в течение пяти месяцев, видно из следующего. Когда Иисус совершил чудо над хлебами, тогда была Пасха, которая совершалась в месяце называемом у римлян мартом, а у иудеев — первым месяцем. Теперь же поставление кущей, которое совершается по-нашему в сентябре. Почему же евангелист так поступил? Потому, что говорить обо всем по порядку было невозможно. И иначе евангелисты старались говорить о том, из-за чего со стороны иудеев выходило какое-либо порицание или противоречие. Любовь их к истине достойна удивления. Они не стыдятся говорить о том, что, по-видимому, навлекает на Учителя их некоторое бесславие. Так и сей евангелист, опустив многие чудеса и речи Господа, повествует о неверии братьев и о том, что они порицали Его. Откуда же в них такое неверие? От произвола и зависти. —

Впрочем, смотри. До распятия хотя они и видят Его в славе и творящим чудеса, такие веруют в Него, но после распятия и мнимого бесславия свидетельствуют за Него, став апостолами, проповедниками и архиереями. Значит, они непререкаемо увидели Его воскресшим. Ибо если бы они не получили твердой уверенности в Его воскресении, они не предали бы себя на смерть ради Его.

На это Иисус сказал им: Мое время еще не настало, а для вас всегда время. Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому, что Я свидетельствую о нем, что дела его злы. Вы пойдите на праздник сей; а Я еще не пойду на сей праздник, потому что Мое время еще не исполнилось.

Братья, завидуя Господу, обвиняют Его в боязни и тщеславии. Что же Он говорит им? Не отвечает ли им сурово? Нет, а кротко. Он не сказал: кто вы, чтобы давать Мне такой совет и учить? Но что говорит? Не настало еще Мое время, то есть время страдания и смерти. А для вас всегда время. Вы, говорит, хотя всегда пребудете с иудеями, они не умертвят вас, как имеющих одинаковые с ними стремления, а Меня, как увидят, что пришел на праздник, тотчас решатся убить, — Или это можно и иначе понимать. Тот, кто ублажает плачущих в настоящем веке (Мф. 5, 4), и теперь говорит подобное, что может случиться и со всеми святыми. Для Меня, говорит, еще не наступило время праздника, так как Я вижу, что в иудеях живет всякая злоба. Ибо время плача и скорби тогда, как истина изгнана и воля Божия не преобладает. Посему-то для Меня еще не праздничное время. А для вас, живущих согласно с иудеями и привязанных к миру, свойственно и праздновать вместе с подобными вам. И мир, то есть заботящиеся о мирском, не может ненавидеть вас, как одинаковых с собою. А Меня ненавидит, потому что Я обличаю дела его. Ибо обличение, весьма смелое, всегда порождает ненависть, — Итак, братьев посылает на праздник, показывая, что не принуждает оставаться с Ним, если не хотят. Смотри же. На двойное обвинение, возносимое на Него, в боязни и славолюбии, делает и двойное оправдание. Против обвинения в боязни, говорит, что Я обличаю дела мира, то есть тех, кои заботятся о мирском. А Я не обличал бы, если бы был боязлив, как вы думаете. Вопреки обвинению в славолюбии, не принуждает их оставаться при Себе. А если бы Он был виновен в славолюбии, не отослал бы их. Ибо славолюбивые и горделивые стараются, напротив, иметь многих последователей. Две вины приписывали Ему; естественно два оправдания и противопоставил Он, показывая, что мнение их слабо. Слова «Мое время еще не исполнилось» означают, что еще не время быть распятым и умереть. Мне нужно еще жить во плоти и сотворить больше чудес, и высказать больше учения для того, чтобы больше народа приготовить к вере и учеников более утвердить чрез явление больших чудес и чрез учение. Итак, говорит, еще не настало время смерти, чтобы Мне предавать Себя враждующим на Меня; потому Я и не пойду на праздник.

Сие сказав им, остался в Галилее. Но когда пришли братья Его, тогда и Он пришел на праздник, не явно, а как бы тайно.

Для чего это сказал Он братьям, что не пойду Я на праздник, а потом идет? Он не просто сказал, что не пойду, но «теперь не пойду», то есть с вами. Вначале Он отказывался идти, потому что иудеи пылали яростью, а потом отправляется, к окончанию праздника, когда, естественно, и ярость их ослабела. И иначе. Он поступил не вопреки Своих слов. Ибо Он взошел не праздновать, но учить, и не с пышностью, как обыкновенно делают панегиристы, но тайно. Укрывается Он для того, чтобы подтвердить Свое Человечество. Ибо если бы Он

явился, они возъярились бы на Него с намерением убить Его. Он же не допустил бы им сделать это, так как не наступило еще время страдания, но, будучи среди их, избег бы страдания и показался бы воплотившимся призрачно. Посему как Человек Он избегает и удаляется, устроая Свое.

Иудеи же искали Его на празднике и говорили: где Он? И много толков было о Нем в народе: одни говорили, что Он добр, а другие говорили: нет, но обольщает народ. Впрочем, никто не говорил о Нем явно, боясь Иудеев.

Иудеи от сильной ненависти не упоминают о имени Его. Не говорят: где Иисус, но: где Он? Так они ненавидели и одно только имя Его. Примечай, пожалуй, их склонность к убийству. Они не уважают времени праздника, но хотят Его уловить на оном. Посему-то и ищут. Так они хранили благоговение и уважение к праздникам! Так правы были их дела! В народе был спор о Нем, потому что мнения о Нем были различны. Начальники говорили, что Он обольщает народ, а народ говорил, что Он добр. Называвшие Его добрым были из среды народа. Справедливость сего видна из слова евангелиста: никто не смел говорить о Нем явно, боясь Иудеев. Очевидно, не смеющие говорить о Нем были из народа и молчали, боясь начальников иудейских. Слова «обольщает народ» показывают, что клеветующие на Него суть из начальников. Ибо если бы они были из народа, они сказали бы, что Он нас обольщает. Но говорящие, что Он обольщает народ, показывают, что они не из народа, а из начальников. Смотри, пожалуй. Начальство везде неоткровенно, а подначальные остаются прямыми, но, не имея твердой воли и будучи еще несовершенно, они несмелы.

Но в половине уже праздника вошел Иисус в храм и учил. И дивились Иудеи, говоря: как Он знает Писания, не учившись? Иисус, отвечая им, сказал: Мое учение не Мое, но Пославшего Меня.

Почему Он пришел в половине праздника? Для того чтобы ослабить их гнев и чтобы они с большим прилежанием и вниманием слушали речи Его, когда праздник не заграждал их слуха. Ибо в начале праздника им естественно было развлечься праздничною обстановкою. Когда Он явился внезапно, то все вообще слушали Его, и те, кои называли Его добрым, и те, кои называли Его обольстителем; одни, чтобы получить какую-нибудь пользу и подивиться; другие, чтобы привязаться к Нему и схватить Его как обманщика. Чему Он учил, евангелист того не сказал, но что Он преподавал нечто чудесное, чем и занял их, сие евангелист показал словами, что дивились, как Он знает Писания не учившись. Однако же, хотя дивились, злобное намерение их не изменилось. Ибо они не учению дивились, не речь принимали, но дивились, как Он знает Писания, то есть недоумевали, изумлялись, что обыкновенно бывает с завидующими. Например, у кого-нибудь есть бедный сосед. Потом, случится, что он неоднократно пройдет в дорогой одежде. Завистливый сосед, увидев его, говорит: как он, будучи весьма беден, оделся так богато? Откуда у него такая одежда? Говорит так не потому, что удивляется делу, но потому что его снедает зависть. И он к очернению соседа употребляет такие слова: без сомнения, говорит, он украл эту одежду. Так и иудеи. Как, говорят, знает Писания? — без сомнения, силою веельзевула. Хотя им лучше следовало заключить из сего, что в Нем не было ничего человеческого; но так как они не хотели признать сего, то Он Сам отвечает им и научает, что учение Его от Отца и Бога. Моего, говорит, нет ничего. Сам от Себя, вопреки Богу, Я ничего не говорю, но что принадлежит Отцу, о том Я и говорю.

Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю. Говорящий сам от себя ищет славы себе; а Кто ищет славы Пославшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем.

Сказав, что Мое учение не Мое, то есть не противное Богу, но учение Отца Моего, говорит, что кто будет творить волю Божию, то есть кто освоится с добродетелью, а не будет рабом зависти и не омрачится напрасною ненавистью против Меня, тот узнает силу слов Моих, от Отца ли Я говорю, или нечто чуждое и противное Ему. — Волю же Божию творит гот, кто углубляется в Писания и пророков. Такой человек может узнать об учении Господнем, что оно от Бога. Ибо пророки изображают Господа не противником Богу и говорящим от Самого Себя, но говорящим и делающим все такое, что угодно Богу. — Потом присоединяет и другой довод, такой: кто говорит сам от себя, то есть хочет ввести свое учение, тот не для другого чего это делает, как для того, чтобы чрез то приобрести Себе славу. А Я не желаю приобрести Себе славу, но ищу славы Пославшему Меня. Для чего же Я стану учить тому, что чуждо Ему? Следовательно, Я истинен, и нет во Мне неправды, то есть Я не присвою Себе славы, принадлежащей другому, что было бы несправедливо. Посему учение Мое имеет вместе и истину, и правду. Оно не от честолюбия проистекает, чтобы быть ему ложным и несправедливым. Ибо честолюбец и лжет, говоря о себе то, что превышает его достоинство, и неправду творит, присваивая себе славу чужую и нисколько ему не принадлежащую. Но Господь ищет славы Отцу и ничего не приписывает Самому Себе. Очевидно, Он истинен и праведен. Неоднократно мы уже говорили и теперь скажем, что когда Господь говорит о Себе нечто уничиженное, не нужно думать, что Он говорит так потому, что будто бы Он ниже Отца по Естеству Своему, но для того Он так говорит, чтобы не сочли Его противником Богу, из снисхождения к слабости слушателей Своих, потому что Он облекся плотию, и для того, чтобы нас научить смирению, чтобы мы не говорили о самих себе ничего великого. Когда же Господь говорит высокое и о Своей славе, то мы должны верить, что Он говорит о Себе так возвышенно по величию Своего Естества, потому что Он по Существованию равен Отцу.

Не дал ли вам Моисей закона? И никто из вас не поступает по закону. За что ищете убить Меня? Народ сказал в ответ: не бес ли в Тебе? Кто ищет убить Тебя?

По-видимому, настоящие слова Господа не имеют никакой связи с прежде сказанными; но когда мы посмотрим ближе, они находятся в тесной связи. Его обвиняют в том, что Он нарушает субботу и преступает закон. Он противопоставляет сему то, что скорее «они преступники закона». Закон говорит: «не убий» (Исх. 20, 13), а вы ищете убить Меня. Значит, вы преступники закона, а не Я. Итак вы сами себе позволяете творить неправду, а Меня обвиняете в преступлении закона за то, что Я в субботу исцелил человека. — Господь сказал: никто из вас не поступает по закону, потому что убить Его искали все, с которыми Он вел речь. — Смотри, с какою кротостью Он говорит с ними, а они, напротив, с обидною дерзостью говорят: бес в Тебе. Они так дерзки потому, что думали поразить Его и утратить. Хотя Христос Сам Господь Моисея и виновник закона, но, уступая слабости и бесчувственности иудеев, говорит, что закон дан Моисеем. Ибо они не могли бы спокойно выслушать, что закон им дан не Моисеем, а Им — Владыкою Моисея и Господом.

Иисус, продолжая речь, сказал им: одно дело сделал Я, и все вы дивитесь. Моисей дал вам обрезание (хотя оно не от Моисея, но от отцов), и в субботу вы

обрезываете человека. Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев, — на Меня ли негодуете за то, что я всего человека исцелил в субботу. Не судите по наружности, но судите судом праведным.

Что иудеи напрасно восстают против Господа, Он доказывает сие следующим умозаключением. Я одно дело совершил в субботу, исцелил расслабленного, и из-за этого все вы дивитесь, то есть смущаетесь, поднимаете тревогу. Между тем сам Моисей, этот законодатель, нарушил субботу, когда повелел, чтобы всякая душа (человек) обрезывалась в восьмой день (Лев. 12, 3). Ибо часто случалось, что восьмой день, в который необходимо было обрезываться, приходился в субботу. Посему для обрезания самим Моисеем суббота была нарушаема, и день субботний нимало не возбраняет человеку обрезываться; хотя бы восьмой день случился в субботу, закон о покое субботнем оставляется, чтобы не был нарушен закон об обрезании. Если это так, то для чего вы на Меня негодуете и гневаетесь за то, что Я в субботу исцелил всего человека? Хотя обрезание было не от Моисея, но от отцов, однако же оно, бывшее не от Моисея, нарушало закон о субботе, данный Моисеем. И в субботу не возбраняется обрезание, которое причиняет боль; а вы Меня порицаете за то, что Я освободил человека от болезни и сделал здоровым. «Не судите по наружности», то есть судите праведно и нелицеприятно. Моисея, нарушающего субботу обрезанием, вы освобождаете от порицания; а Меня, нарушившего субботу чрез благодеяние человеку, вы осуждаете. Освободить Моисея от порицания, из уважения к его достоинству, и осуждать Меня, который по виду бесславен, — это явное лицепрятие.

Тут некоторые из Иерусалимлян говорили: не Тот ли это, Которого ищут убить? Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему: не удостоверились ли начальники, что Он подлинно Христос? Но мы знаем Его, откуда Он; Христос же, когда придет, никто не будет знать, откуда Он.

Не просто и не напрасно прибавлено: «некоторые из Иерусалимлян», но для того, чтобы показать, что все те, которые преимущественно пред прочими удостоились великих чудес, более достойны сожаления. Ибо как не жалки они, когда видели великое знамение Его Божества, и однако же еще допускают неправду в суде о Нем? Если бы они хотели, они видели бы великое знамение и в том, что Он смело говорит среди врагов Своих, и однако же ничего от них не терпел; но они не хотели узнать в сем знамении силу Его. — Они недоумевают, не удостоверились ли начальники, что Он поистине Христос. И на этой мысли не останавливаются, но делают такое заключение: откуда Христос придет, того никто не знает. Но откуда Сей, — мы знаем. Значит, это — не Христос. — Но смотри, как злоба сама себе противоречит. Начальники их, когда спрашивал их Ирод, говорят, что Христос рождается в Вифлееме Иудейском (Мф. 2, 4, 5); а они говорят, что никто не знает, откуда Христос. Видишь ли противоречие? — И опять в другом месте говорят: мы знаем, что с Моисеем говорил Бог, но откуда Сей, не знаем (Ин. 9, 29). Видишь ли, как неистовы говорящие? Знаем и не знаем. Есть ли что подобное сему неистовству? Но они имели в виду одно, чтобы не веровать. Посему, когда для них было полезно, они говорили: знаем, а когда было невыгодно, утверждали, что не знаем. Итак, противоречие вытекает от злобы их. — Иной спросит: на каком основании говорят они, что никто не будет знать о Христе, откуда Он? Ибо если бы они не имели какого-нибудь свидетельства в Писании или твердого предания, они говорили бы так явно вопреки книжникам, которые ясно сказали Ироду, что Христос рождается в Вифлееме Иудейском, и тем, которые в другом месте говорят, что

Христос придет из селения Вифлеема (Ин. 7, 42). Что же отвечать? Те и другие говорили так на основании пророков. Те, кои говорили, что Христос рождается в Вифлееме и что Он из селения Давидова, очевидно, как и Матфей замечает, имели в основании свидетельство пророка Михея, говорящего: «и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля» (Мих. 5, 2; Мф. 2, 4-6). И те, которые говорили, что никто не знает, откуда придет Христос, основывали свою мысль также на свидетельстве пророков. Сам же Михей (5, 2) говорит, что «исходы Его от начала, от дней века», чем ясно означает неизвестность исхода или рождения Его. Ибо Того, Кто имеет исходы от начала и от дней века, никто из людей не может знать. Люди во времени, а Он — от дней века и от начала. Как же временный познает вечное? Исаия также говорит: «Род же Его кто изъяснит» (53, 8)? Основываясь на сем, они и говорили, что о Христе никто не знает, откуда Он. Ибо они не понимали, что Господь Иисус двух естеств и что откуда Он по плотскому рождению от Девы, именно из Вифлеема, это было известно, а о бестелесном и несказанном рождении Его от Отца прежде всех веков говорится, что рождение Его выше всякого изъяснения. Итак, иерусалимляне сии говорят о плотском рождении и говорят, что знают откуда Он; а о предвечном Рождении, по которому никто не знает Христа, откуда Он, не говорят. Посему, не зная, что Он двух естеств, и по одному известен, а по Другому нет, говорят, что Он не Христос.

Тогда Иисус возгласил в храме, уча и говоря: и знаете Меня, и знаете, откуда Я; и Я пришел не Сам от Себя, но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете. Я знаю Его, потому что Я от Него, и Он послал Меня.

Так как они говорили, что они знают Сего, откуда Он, не с иною какою целью, а чтобы показать, что Он от земли и сын древоделателя, посему Он возводит их к небу, говоря: вы и знаете Меня, и знаете, откуда Я, то есть, хотя вы по злобе своей и скрываете, однако же знаете, что Я с неба. Ибо если Отец Мой оттуда, очевидно, что и Я Сам оттуда и что Я послан от Того, Кто истинен. Ибо Истинный не захотел бы послать обманщика и лжеца. Но вы не знаете Пославшего Меня, не признаете Его делами своими. Ибо и в знании бывает незнание, как говорит апостол Павел: они говорят, что знают Бога. А делами отрекаются (Тит. 1, 16). И вы, иудеи, не знаете Отца Моего по причине злых дел ваших и по весьма злему намерению. А Я знаю Его. Ибо знать Его Мне не препятствуют ни злое намерение, ни противные Ему дела. — Я от Него, то есть из Него, не от иной сущности, не чужой Ему. — И Он послал Меня. Здесь ясно указываются два естества во Христе: словами: «Я от Него» — Существо божеское, а словами «и Он послал Меня» — человеческое. Ибо Сын Божий называется Посланником, как и Рабом Божиим, по человечеству.

И искали схватить Его, но никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его. Многие же из народа уверовали в Него и говорили; когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил?

Евангелист, показывая, что они невидимо были удерживаемы и что Он пострадал добровольно, говорит, что искали схватить Его и однако никто не наложил на Него руку. — «Еще не пришел час Его», — сие сказано не потому, будто Он подлежит условиям времени, но потому, что Он все творит в удобное и приличное время и час. Когда Он счел благовременным пострадать, то есть пришло приличное и удобное время, тогда Он и предал Себя распинателям. Ибо Он все творит и строит во времена приличные и удобные. В свое

время нужно было дать Закон; свое время для пророков и Евангелия. Итак, наименование «часа» указывает на особенную мудрость и промысление Спасителя. — Многие же уверовали в Него, говоря: неужели Христос сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил? Они говорят о вине в Кане, о сыне царедворца, о расслабленном, о хлебах и вообще обо всех других знамениях, о которых, за множеством, евангелисты не упомянули поименно. Впрочем, если и слышишь, что многие уверовали, то вера их не была вера истинная, но такая, какая свойственна простому народу, легко переменяющему свои мысли.

Услышали фарисеи такие толки о Нем в народе, и послали фарисеи и первосвященники служителей — схватить Его. Иисус же сказал им: еще не долго быть Мне с вами, и пойду к Пославшему Меня; будете искать Меня и не найдете; и где буду Я, туда вы не можете придти. При сем Иудеи говорили между собою: куда Он хочет идти, так что мы не найдем Его? Не хочет ли Он идти в Еллинское рассеяние и учить Еллинов? Что значат сии слова, которые Он сказал: будете искать Меня и не найдете, и где буду Я, туда вы не можете придти?

В разговорах своих народ обнаруживал как бы доброе расположение и нечто похожее на веру в Господа и как бы желал отделиться от начальников. Они, заметив сие, послали схватить Господа за то лишь одно, что Его начинали признавать за Христа. Они послали, а не пошли сами, потому что боялись народа, чтобы не произвести мятежа. Посему они посылают служителей и таким образом предохраняют самих себя от могущей последовать опасности, а их предают в жертву ярости народной. Так они везде соблюдают свои выгоды. — А Господь произносит слова, полные смиренномудрия: «еще не долго быть Мне с вами». Что вы, говорит, стараетесь об отшествии Моем, зачем гоните Меня? Потерпите немного времени, и Я взят буду, хотя бы вы и не желали схватить Меня. — «Я с вами». Хотя вы преследуете и гоните, а Я с вами: устрояю и говорю, что служит к вашему благу и спасению. И Я «пойду к Пославшему Меня». Здесь устрашает их тем, что они оскорбят Пославшего Его. Ибо наносящие бесчестие Посланному, очевидно, оскорбляют Пославшего. Словом «пойду» Он указывает на добровольное принятие смерти. Показывая же, что смерть Его будет не такова, какова у всех вообще, Он говорит: куда Я иду, «туда вы не можете придти». Ибо если бы смерть Его была обща и сходна со смертью большинства и Он должен был бы остаться мертвым, то Он не сказал бы, что вы не можете прийти. Ибо в общую смерть мы все приходим. Но, как я сказал, желая показать, что смерть Его не такова, как у всех, Он говорит, что вы не можете прийти туда, где Я буду. Словами: «будете искать Меня, и не найдете», показывает, что они будут желать Его. Когда же они искали Его? Лука сказал, что многие женщины плакали о Нем (23, 27). Вероятно, это чувство испытали и многие другие; и особенно, когда город был разрушаем, вспомнили о Христе и чудесах Его и желали Его присутствия (Лк. 17, 22). Говорил Он обо всем этом с тем, чтобы привлечь и склонить их на Свою сторону. — Так как служители пришли с намерением взять Его, то Он показывает, что Ему известна причина их прибытия, Он знает, что они хотят убить Его; посему предсказывает им о Своей смерти, что еще немного, и Он пойдет к Отцу. А предсказывать смерть тоже дело великое и не человеческое. Посему и Давид говорит: Господи! дай мне знать конец мой (Пс. 38, 5). — Иудеи говорили; не хочет ли Он идти в эллинское рассеяние? Смотри, они переменялись несколько и смягчились от слов Его. Это видно из вопроса: не хочет ли Он идти в эллинское рассеяние? Ибо если бы это было не так, то они сказали бы: «ты хочешь уйти? мы этого желаем, мы рады этому». Но тут нет ничего такого; но, как бы сильно желая не лишиться Его, спрашивают, куда Он хочет идти? Это видно и из слов, что

Он хочет идти в эллинское рассеяние и учить их. Они не сказали, что хочет обманывать их, но учить. Рассеянием они называли язычников, потому что они рассеяны повсюду. Ибо иудеи в древности не смешивались с ними, но собранные в одном месте, в Палестине, поносили язычников за рассеяние повсюду, что впоследствии обратилось на них самих. Ибо евреи сами сделали рассеянием.

В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой (Ис. 12, 3; Иоил. 3, 18).

Первый день праздника и последний или седьмой называли великими, потому что и Закон последний день праздника называл нарочитым, святым (Лев. 23, 35. 36). Следуя сему, и евангелист называет последний день великим. — Справедливо Он обращается с речью к народу в последний день и тем как бы напутствует его на обратный путь домой. Ибо говорить тем, которые среди дня предавались увеселениям, было бы неблагоприятно. Они не стали бы слушать. — Иисус возгласил громко частью для того, чтобы быть услышану, частью для того, чтобы показать смелость, что Он не боится никого. Что же говорит Он? «Кто верует в Меня, как сказано в Писании». Здесь должно остановиться, потом снова читать: «реки потекут из чрева его». Многие веровали по причине знамений. Он показывает, что веровать должно не столько на основании чудес, сколько на основании Писания. Ибо правая вера от Писания. Посему Он говорит: кто верует в Меня, «как сказано в Писании», то есть, как Писание свидетельствует обо Мне, именно: что Я Сын Божий, Творец, Господь всего, Спаситель мира. Ибо многие, по-видимому, веровали, но не так, как сказано в Писании, а как им хотелось. Таковы все еретики. — Сказал, что у такого верующего потекут реки из чрева. Чревом в переносном смысле Он называет сердце, как и Давид: «и закон Твой у меня в сердце» (Пс. 39, 9). — Сказал, что потекут «реки» воды живой, а не река. Сим указывает на обилие и щедрость благодати Духа. Ибо Дух таков, что в чью душу войдет и утвердится в ней, Он заставляет ее течь обильнее всякого источника. Как у верующего, по Писанию, из чрева текут реки, сие всякий может узнать, когда обратит внимание на язык Петра, на стремительность Павла и мудрость Стефана. Слов их ничто не останавливало, но они всех увлекали вслед за собою, как реки какие, неудержимым течением своим.

Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него; ибо еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен.

Евангелист, объясняя, что такое реки воды живой, говорит, что сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него; ибо еще не было Духа Святаго. Здесь спросит иной: как евангелист говорит, что не было Духа Святаго, то есть дано? Разве пророки не Духом говорили? И апостолы как совершали чудеса? Отвечаем. Бесспорно, пророки говорили Духом. Но благодать сия прекратилась, от земли удалась. Хотя она действовала во времена пророков, но в то время, когда Христос действовал во плоти, за недостойность народа, пророчество не являлось, и благодать не присутствовала во святилище и в храме их. А как действия Духа тогда не было и оно еще имело быть дано, посему и говорит, что Духа Святаго еще не было, то есть Он не обитал между иудеями и не проявлялся в действиях. Что касается до апостолов, то они совершали чудеса не Духом, но властью Господа. Ибо слушай, что говорит Евангелие. Намереваясь послать их, Он дал им «власть», а не Духа Святаго (Мф. 10, 1; Лк. 10, 19). Почему, сколько ни совершали они чудес, они творили их не Духом, но

властью и именем Господа. Когда же Он воскрес из гроба, тогда сказал им: примите Духа Святаго (Ин. 20, 22). И в Пятидесятницу сошел на них Дух Святой (Деян. 2, 4). И иначе: сила Духа и прежде Креста была в пророках и апостолах, но не так, как после вознесения, то есть не так щедра и обильна, чтобы сравнивать ее с реками. Посему евангелист справедливо сказал, что еще не было Духа Святаго, то есть излито в такой обилии, как впоследствии. Хотя Он был и прежде Креста, но не в обилии, потому что Иисус еще не был прославлен. Здесь евангелист славою называет Крест, потому что Господь Крестом низверг мучителя и воцарился. Посему, когда еще ни Крест не был водружен, ни грех упразднен, ни природа наша во Христе не победила мир и не примирилась с Богом, естественно, не была дарована и обильная благодать Духа. Ибо нужно было нам прежде соделаться друзьями Богу, а это совершено чрез Крест, потом уже получить и дар Божий, подобно как и в мирском быту прежде человек делается другом царя, а потом получает и дары. Итак, благодарение Богу, Который излил на нас такую обильную благодать, какой не имели и пророки. Ибо пророки имели благодать Духа, но не уделяли оной другим, а апостолы исполнили ею бесчисленное множество людей.

Многие из народа, услышавши сии слова, говорили: Он точно пророк. Другие говорили: это Христос. А иные говорили: разве из Галилеи Христос придет? Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид? Итак, произошла о Нем распря в народе.

Пристыженные смелостью речи, одни из народа, а не из начальников (ибо начальники по зависти всегда были против Него), исповедуют, что Он есть тот Пророк, которого ожидают; другие, из числа неученых и нерассудительных, говорили, что Он — Христос, не понимая, что Христос и тот Пророк одно и то же лицо, а не разные. Более неразумные говорят, что Христос придет не из Галилеи, а из Вифлеема и от семени Давидова. Но они говорили это со злым умыслом, а не как Нафанаил. И он говорил: может ли быть что доброе из Назарета (Ин. 1, 46), но говорил, как человек сведущий и точный в Законе. Посему и Господь похвалил его, так как он говорил сие не со злым умыслом, а по точному знанию Закона. А сии с хитростью говорят, что Христос придет не из Галилеи. Они могли знать, что Иисус из Вифлеема, хотя воспитан и в Галилее; но по зависти не хотят признать происхождения Его из Вифлеема, а называют Его галилеянином. Пусть они и не знали, что Он из Вифлеема. Но как им не знать, что Он от семени Давидова? Ибо Мария, очевидно, вела род Свой от Давида. Отсюда и открывается, что они говорили так злонамеренно. — Распря произошла в народе, а не в начальниках, потому что начальники держались одной мысли, чтобы не принимать Его за Христа.

Некоторые из них хотели схватить Его; но никто не наложил на Него рук. Итак, служители возвратились к первосвященникам и фарисеям, и сии сказали им: для чего вы не привели Его? Служители отвечали: никогда человек не говорил так, как Этот Человек.

Более умеренные в злобе противились славе Христовой только на словах, а более бесстыдные хотели и руки наложить. Однако же божественная сила невидимо удержала их. Впрочем, и это чудо их не поразило. Справедливо сказал об них Давид: поносили и не переставали (Пс. 34, 15). Посмотрим, что отвечают фарисеям служители, посланные затем, чтобы привести Его. Они очень благоразумны. Фарисеи считали себя мудрыми, читали

Писание и чудеса видели, но восстают против Господа и, как разбойники, спрашивают: отчего вы не привели Его? А служители убедились одним учением, без знамений. Так они были удобопреклонны к добру. А что они пленились не знамениями, а одним учением (что важнее), это видно из следующего. Они не сказали: «никогда человек» не чудодействовал так, но: «не говорил так». Так они были готовы и быстры к принятию слова спасения. Но нужно удивляться не одному только благоразумию их, но и смелости. Они не робеют перед яростью фарисеев, не унижаются как служители и не говорят в угоду своим начальникам, но свидетельствуют об истине. Им должны подражать все, состоящие под властью начальников, и не слушать их, когда они приказывают что-либо несправедливое, как случилось и при Сауле. Он, вопреки закону, приказывал умертвить священников Божиих, но предстоящие не послушались и не сделали по его воле (1 Цар. 22, 17).

Фарисеи сказали им: неужели и вы прельстились? Уверовал ли в Него кто из начальников или из фарисеев? Но этот народ невежда в законе, проклят он. Никодим, приходивший к Нему ночью, будучи один из них, говорит им: судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?

Почему фарисеи обращаются к служителям не с гневом, но с кротостью и так мягко говорят: неужели и вы соблазнились? Потому что боялись, чтобы они совсем не отделились от них и не пристали ко Христу. Посему они говорят им очень кротко и ласково: неужели соблазнились и вы, которые умнее прочих и всегда находитесь при нас, опытных в законе? Затем стараются убедить их примером, но очень неразумно. Разве, говорят, уверовал в Него кто-нибудь из начальников? Но кто виноват? Христос или те, которые не уверовали? Без сомнения, те подлежат осуждению, которые не уверовали. — Народ называют проклятым за то, что он уверовал, между тем как сами и за свое неверие, и за препятствие прочим веровать достойны бесчисленных проклятий. — Для чего евангелист замечает о Никодиме, что он приходил к Иисусу ночью и что он один из них? Для того чтобы обнаружить их ложь. Они сказали, что никто из начальников не уверовал в Него; а он показывает, что они и в этом случае лгут. Ибо вот Никодим и начальник, и один из них же, а уверовал во Христа. — Что им замечает Никодим? Он говорит: разве Закон наш осуждает человека, не выслушав его прежде? Сим он показывает, что они ни закона не читали, ни требований его не исполняли, хотя и много мечтали о законности. Ибо если Закон не велит никого убивать без предварительного суда, а они имели рвение к тому, не выслушав прежде, то, очевидно, они преступники Закона. Сказал еще: и если «не узнают, что он делает». Сим он показал, что нужно выслушать не просто, но весьма внимательно, чтобы узнать, как нужно поступить, а не осуждать так, не разузнав дела.

На это сказали ему: и ты не из Галилеи ли? Рассмотря и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк. И разошлись все по домам.

Глава восьмая

Иисус же пошел на гору Елеонскую. А утром опять пришел в храм, и весь народ шел к Нему. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь

к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он восклонившись сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи! Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди, и впредь не греши. Опять говорил Иисус к народу, и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни.

Когда Никодим весьма разумно обличил фарисеев в их противозаконном распоряжении, они, раздосадованные, с грубостью и даже зверством говорят ему: «и ты не из Галилеи ли?» Но как это идет в ответ на замечание Никодима? Он сказал, что без суда и следствия не должно обвинять человека. Без сомнения, в ответ на это им нужно было доказать, что они обвиняют Иисуса не без суда, но законно, что они и служителей послали схватить Его, и все делают так, как должно. А они что говорят? «И ты не из Галилеи ли?» Видишь ли, как неразумно? Видишь ли, какая непоследовательность в словах? Потом, выставляя его невеждою, говорят: рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходил пророк, то есть ступай и научись, так как доселе не научился, что пророк из Галилеи не приходил. Говорят так, осмеивая его, как несведущего. Но, о фарисеи! что Никодим сказал? Он не сказал, что Иисус есть пророк, но сказал, что не должно убивать Его без суда. Как же, он сказал то, а вы отвечаете на это другое? — Так как они постоянно укоряли Христа Галилеею, а принимали Его за одного из пророков, то Он показывает им, что Он не из числа пророков. Я, говорит, Свет миру, свет в собственном смысле, свет не пророческий, то есть неполный и слабый, но свет истинный, не ограничивающийся пределами Галилеи или Палестины, но Свет миру и Владыка всех людей; Я — Тот, о Ком пророк сказал: Я положил Тебя светом язычников (Ис. 42, 6). Сим изречением можешь пользоваться и против Нестория. Ибо не сказал Господь: во Мне свет миру, но: Я свет миру. Кто видим был, как Человек, Тот же Сам был и Сын Божий, и свет миру, а не так, как пустословил Несторий, будто Сын Божий обитал в простом человеке. Нет! Сын Марии и Божий, как сказано, был едино. — «Кто, — говорит, — последует за Мною, тот не будет ходить во тьме», то есть не останется в заблуждении, но освободится от заблуждения и тьмы. Сим вместе одобряет Никодима и служителей, как прямо действующих и потому во свете находящихся, и фарисеям намекает, что они находятся в заблуждении и тьме и втайне строят ковы.

Тогда фарисеи сказали Ему: Ты Сам о Себе свидетельствуешь; свидетельство Твое не истинно. Иисус сказал им в ответ: если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно, потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я и куда иду.

Когда Он сказал: «Я свет миру», Его обвиняют за то, что Он Сам о Себе свидетельствует. О безумие! Он постоянно приводит свидетельства о Себе из Писания, а они обвиняют Его, что Он Сам о Себе свидетельствует. Посему и Он отвечает им по лукавству их. Пусть так, что Я Сам свидетельствую о Себе; — хотя на деле не так, а Я имею трех свидетелей — Отца Моего, дела Мои и Писание, как и выше сказано (5, 33. 36. 37. 39). Положим, что Я Сам свидетельствую о Себе. Но если Я и Сам свидетельствую о Себе, свидетельство Мое истинно

потому, что Я знаю, что Я Сын Божий, и не простой человек, но свыше Приходящий, и Бог. Как же свидетельство Мое ложно, когда Я — Бог, и посему достоин веры? Бог, без сомнения, достоин веры и в свидетельстве о Самом Себе. Притом Я и пойду к Богу истинному. Как же, намереваясь идти к Истинному, Я буду лгать?

Вы судите по плоти; Я не сужу никого. А если и сужу Я, то суд Мой истинен, потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня.

Я, говорит, как Бог и Пришедший свыше, свидетельствую о Себе истину; а вы смотрите только на видимое, и, как Я во плоти, вы принимаете Меня за простую плоть, а не за Бога и Пришедшего от Бога. «Вы судите по плоти», то есть ошибочно. Как о живущем по плоти говорится, что он живет порочно, так и о судящем по плоти нужно сказать, что он неправедный судья. Потом, как бы кто сказал: если мы, иудеи, судим несправедливо, то почему не наказываешь, почему не осуждаешь? А Он говорит: Я не за тем пришел, чтобы судить. Я ныне не сужу никого; а если и сужу, то суд Мой истинен, и если бы Я захотел судить, вы были бы осуждены. Ныне же вы остаетесь без осуждения не потому, будто Я не могу осудить вас, но потому, что ныне не время, так как осуждение на вас Я сберегаю до второго Пришествия. Так и в другом месте Он говорит: Я пришел не судить мир, но спасти (Ин. 12, 47). А что Судия всех есть Он, слушай неложные уста: Отец всякий суд отдал Сыну (Ин. 5, 22). Посему, когда слышишь: Я не сужу никого, то разумей сии слова не о будущем Пришествии, а о первом. Сказав: Я не один только, но и Отец Мой со Мною, Он объявил: не один только Я осуждаю вас, но и Отец. Ибо не иначе сужу Я, и иначе судит Отец, но — как Я, так и Он, и как Он, так и Я.

А и в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно (Втор. 19, 15). Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня.

Ариане и евномиане, не признающие Сына Единосущным Отцу, пусть скажут здесь: если бы Он не был Единосущен, то как бы осмелился сказать: Я имею свидетельство и достоверность такие же, как и Отец? Как два человека свидетельствуют о чем-либо и свидетельство их истинно, очевидно, что и достоверность их одинакова. Так и здесь Он доказывает, что свидетельство Его Самого ничем не ниже свидетельства Отца. Ибо слушай, с какою властью говорит Он далее: Я Сам свидетельствую о Себе, и Отец свидетельствует обо Мне. Видишь ли равенство власти, и как Он выставляет Себя столько же достоверным, сколько и Отец? Этого Он не осмелился бы сказать, если бы достоинством был ниже Отца и не был бы Ему равен и Единосущен. Ибо если бы Он хотел показать, что в чем-нибудь уступает Отцу и меньше Его, то не сопричислил бы Себя к Отцу и свидетельства Своего не сопоставил бы со свидетельством Отца, но, будучи рабом, как богохульствуют еретики, обратился бы к кому-нибудь из сорабов и его сделал бы сосвидетелем, например бы Иоанна, Моисея; да и вообще, если бы Он пожелал таких свидетельств, нашел бы их множество. Но теперь Он желает показать Свое Единосущие с Отцом, потому и сопричисляет Себя к Отцу. Если в других местах Он приводит в свидетели о Себе Иоанна, Моисея и пророков, то не удивляйся сему. Он делает это приспособительно к понятию слушателей. Они Иоанна и Моисея ставили выше Его; посему Он и приводит свидетельство тех, кого они считали славными и великими. Высокое понятие они имели о Боге и Отце. Ибо что иное прославляли они, как не Бога? Посему теперь Он приводит свидетелем и Его Самого, Сущего над всеми

Бога. А как Он и Самого Себя сопоставляет с таким непогрешимым и неложным Свидетелем, то весьма очевидно, что Он имеет одинаковую с Отцом важность и власть. И те, которые называют Его рабом и по всему меньшим Отца, должны посрамиться.

Тогда сказали Ему: где Твой Отец? Иисус отвечал: вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего; если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. Сии слова говорил Иисус у сокровищницы, когда учил в храме; и никто не взял Его, потому что еще не пришел час Его.

Так как спрашивали Его об Отце в виде искушения, а не с целью познать истину, то Он их и не удостоивает ответа, но говорит: «вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего», то есть не можете знать Отца моего без Меня. Хотя вы и думаете, что почитаете Бога, но как не веруете, что Он Отец Мне, истинному Сыну, то нет вам никакой пользы. Вы и не знаете Его, как должно знать. Иначе вы знали бы и почитали и Меня. А как теперь вы не знаете и не почитаете Меня, то и Его не знаете и не воздаете Ему чести, хотя думаете и наоборот. А что вы не знаете Меня, в том виноват не другой кто, а вы сами. Слышишь ли, нечестивец, подчиняющий Сына Отцу? Если бы Он не был Единосущен с Отцом, то как бы сказал, что если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца? Ибо если, по вашему мнению, Сын есть тварь, то как знающий тварь знает и Бога? Кто знает существо ангела, тот еще не знает уже и Существа Божия. Если же знающий Сына знает и Отца, то Сын подлинно одного и того же Существа с Отцом. Будешь ли утверждать, что знающие тварь знают и Бога? Никак. Ибо многие и даже все видят и знают тварь, а Бога никто не видит и не знает. — «Сии слова говорил Иисус у сокровищницы, когда учил в храме». Так Он держал Себя смело! И, однако же, дышавшие убийством против Него, имея Его в руках, не смели взять Его. И при этом они не понимали, что делом силы истинно божеской было то, что Он, окруженный врагами, среди их оставался невредимым и неприкосновенным, тогда как они прежде Пасхи искали Его и подстерегали. Кого искали, когда Его не было, и против Кого, даже в отсутствие Его, неистовствовали, Того, когда Он среди сетей, не могут взять. И при всем этом не признают Его силы, потому что, говорит, еще не пришел час Его, то есть не наступило еще предназначенное время смерти Его, в которое Он хотел предать Себя на оную. Ибо и тогда они не могли бы ничего сделать над Ним, если бы не наступило определенное время, которое Он Сам назначил Себе. Распятие было делом не бессилия, но дозволения; ибо Он дозволил, когда захотел. Они давно желали умертвить Его, но были удерживаемы невидимыми узами силы Его. Ибо Ему нужно было долее оставаться живым во плоти, дабы доставить людям более пользы чрез совершение бо?льших чудес и преподание большего учения. — Иные думают, что иудеи сказали Господу «где Отец Твой» в обиду и укоризну. Так как мнимый отец Его Иосиф был беден, то словами: «где Отец Твой» иудеи говорят как бы так: Отец Твой безвестен и низкого рода, — что же Ты нам постоянно напоминаешь о нем?

Опять сказал им Иисус: Я отхожу, и будете искать Меня, и умрете во грехе вашем; куда Я иду, туда вы не можете придти. Тут Иудеи говорили: неужели Он убьет Сам Себя, что говорит: куда Я иду, вы не можете придти? Он сказал им: вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира. Потому Я и сказал вам, что вы умрете во грехах ваших; ибо если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших.

Для чего так часто Он говорит им: Я отхожу, и будете искать Меня? Для того чтобы

потрясти и утратить души их. Ибо смотри, в какую они тотчас впали заботу. Они в недоумении говорят: неужели Он убьет Сам Себя? Хотя они желали избавиться от Него, просили Его удалиться от них и даже хотели убить Его, однако же, настоящее обстоятельство представляют себе так важным, что пришли от него в недоумение. — «Я отхожу». Часто говорит сие и для того, чтобы показать, что Он вперед знает о Своей смерти и что Крест есть дело не их силы, но Его произволения. «Я, — говорит, — отхожу»: не вы Меня ведете, но Я иду добровольно. — «Куда Я иду, туда вы не можете придти». Сими словами показывает, что Он подлинно воскреснет в славе и сядет одесную Бога, а они умрут во грехах своих. Что же они говорят на это? «Неужели Он убьет Сам Себя?» Отвергая такое их предположение и показывая, что самоубийство есть дело преступное, Господь говорит: «Вы от нижних», и не можете помыслить ничего божественного; потому вам естественно так думать; но «Я не от сего мира», то есть не забочусь ни о чем мирском и земном, и потому никогда не могу дойти до такого безумия, чтобы убить Самого Себя. Ибо это дело бесовское, а не божеское. Здесь Аполлинарий, ухватившись за сие изречение, вслед за манихеями, говорит: видишь ли, тело Господа было не от сего мира, но свыше, с неба, как и Павел говорит, что второй Человек Господь с неба (1 Кор. 15, 47). Что же нужно сказать? Или нужно спросить его, как он понимает слова Господа к апостолам: «Вы не от мира» (Ин. 15, 19) — ужели так, что и они имели тела с неба, а не от сей твари? Или Господь сказал это потому, что они не заботились о благах мира сего? Так нужно понимать и сии слова: «Я не от сего мира», то есть Я не то, что вы, заботящиеся о мирском. Подобным образом и Павел говорит некоторым: «Вы не по плоти» (Рим. 8, 9), говорит не потому, будто они бестелесны, но свидетельствует об их любомудрии и свободе от плотских страстей. Что же опять Господь говорит им? «Если не уверуете в Меня, то умрете во грехах своих». Если Он пришел затем, чтобы взять на Себя грех мира (Ин. 1, 29), а получить прощение грехов можно не иначе, как чрез крещение, креститься же невозможно, не уверовав прежде, то неверующий неизбежно умрет во грехе своем, ибо, не приняв крещения, он не совлекся ветхого человека. Посему и Господь в другом месте говорит, что неверующий уже осужден (Ин. 3, 18), не потому только, что не уверовал, но и потому, что умирает с прежними грехами.

Тогда сказали Ему: кто же Ты? Иисус сказал им: от начала Суций, как и говорю вам. Много имею говорить и судить о вас; но Пославший Меня есть истинен, и что Я слышал от Него, то и говорю миру. Не поняли, что Он говорил им об Отце.

Спустя столько времени, после того, как явлено столько чудес, они еще спрашивают Его: «кто Ты?» Так они были неразумны, несправедливы и насмешливы. Господь говорит: Я говорю вам то, что и в начале. Вы, говорит, недостойны всецело выслушать Мои речи, ни познать, Кто Я; ибо вы все говорите с целью искутить, а не желаете внимать ничему из Моего учения. Я мог бы и обличить вас в этом и не только обличить, но и наказать. Ибо на это Он намекает, когда говорит: «Много имею говорить об вас и судить». Словом «говорить» указывает на обличение, а словом «судить» на осуждение и наказание. Но, говорит, Пославший Меня послал Меня не затем, чтобы судить и обличать. Ибо не послал Бог Сына Своего, чтобы судить мир, но чтобы спасти мир (Ин. 3, 17). И как Отец Мой послал Меня спасать, а Он истинен; то Я по сему самому ныне никого не сужу, а только говорю то, что слышал от Отца Моего, то есть, что служит ко спасению, а не к обличению. Говорил же Он это для того, чтобы не подумали, что Он не наказывает их по Своему бессилию. Он показывает, что не бессилен Он, но не желает наказывать их, так как пришел не наказывать, а спасать. Когда Он говорил это, они были так неразумны, что не поняли, что Он говорил им

об Отце Своем. Как часто и много говорил Он уже им об Отце! Но поистине омрачилось несмысленное их сердце (Рим. 1, 21). — Некоторые же так понимают сии слова: «Пославший Меня истинен» — Я мог бы и ныне судить вас, но оставляю это до будущего века. А вы не веруете и не обращаете внимания на время воздаяния. Но если вы и не веруете, то истинен Отец Мой, который и назначил день для воздаяния вам, и Меня послал возвестить об этом и открыл миру Его правду и силу.

Итак, Иисус сказал им: когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю. Пославший Меня есть со Мною; Отец не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно.

Много чудес совершил Иисус, и однако же не привлек иудеев к Себе. Теперь говорит им о Кресте. Вы, говорит, думаете, что когда распнете Меня, будете свободны от всякой заботы и избавитесь от Меня. А Я говорю, что вы узнаете, что это Я, то есть Христос, Сын Божий, все носящий и держащий (Евр. 1, 3), и что Я не противник Отцу, не действую и не говорю Сам от Себя, ибо не имею собственной воли, отличной от воли Отца. Как же они узнают Его на кресте? Из знамений того времени, из воскресения Его и пленения их. Ибо все это могло обнаружить Его силу. Итак, когда распнете Меня, вы узнаете то и другое, и силу Мою, и единомыслие Мое с Отцом. Ибо Отец не предал бы вашего города римлянам в отмщение за Меня и не совершил бы знамений на кресте, если бы Я не был Сыном Его и единомысленным, а не противным Богу. Тогда узнаете, что чему Я ни учу и что ни говорю, это от Него, несомненно, божественно и не Мое, но Пославшего Меня. Потом, дабы не подумали, что послание и посольство означает подчиненность, говорит, что Отец Мой со Мною. Хотя Он и послал Меня как Человека, но Я неразлучен с Ним, а Он со Мною, как Бог с Богом. За сим опять нисходит к уничиженной речи и говорит: «и не оставил Меня одного», потому что Я делаю угодное Ему. Так смиренно говорит Он для иудеев. Они говорили, что Он не от Бога, потому что не хранит субботу. А Он говорит: «Я делаю угодное Ему», так что, если и субботу нарушаю, то делаю угодное Ему. Впрочем, такую уничиженную речь Он несколько не вредит Своей славе, но слушателям приносил пользу, да и Свою славу чрез это упрочивал. Ибо слушатели, слыша, что Он все относит к Отцу, охотнее прилагались к Нему и веровали в Него, так что смирение более возвышало Его. Видишь ли достоинство блаженного смирения? А что это так, слушай далее.

Когда Он говорил это, многие уверовали в Него. Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Я сказал, что слушатели смиренными речами более увлекались. На это намекает и евангелист. Когда Он говорил это, замечает он, то многие уверовали; говорил «это», то есть речи смиренные и как бы недостойные Его славы. Посему, когда слышишь, что Он говорит о Самом Себе нечто малое и несовершенное, ни в каком случае не смущайся, ибо Он говорит это для слушателей, которые не могут понять что-нибудь высшее и тотчас приходят в ярость. Чего бы не случилось с ними, не могущими постигнуть глубины богословского таинства, когда высота Его славы осталась непостижимою и для христиан, познавших Его силу и спасенных Им? Когда слышишь, что многие уверовали, понимай так, что уверовали просто и как случилось, а не как должно было, уверовали потому, что им понравилось

смирение в речах. А что они не были верующими в точном смысле, это очевидно. Ибо Он к уверовавшим иудеям говорил: «если пребудете в слове Моем». Сим показывает, что хотя они уверовали, но поверхностно, и потому не останутся в вере. Обличая же их в этом, показывает, что Он знает сердца их и есть Бог. А как некоторые из прежних мнимых учеников Его удалились, посему к уверовавшим теперь Он говорит: хотя те удалились, но если вы пребудете в Моем слове и вере, то «познаете истину», то есть Меня, ибо Я есмь Истина (Ин. 14, 6). Ныне же вы не знаете истины, потому что закон, блюстителями которого вы себя почитаете, не есть истина, но образ и тень. Если познаете Меня, Который истинен, то «истина освободит вас», то есть Я освобожу вас от грехов. Ибо кто верует во Вземлющего грех мира, тот, без сомнения, свободен от грехов. Как неверующим Он сказал, что «умрете во грехах своих». (Ин. 8, 21), так тем, которые пребудут в вере, обещает свободу от грехов. Ибо законные жертвы и окропления, как образы, не освобождали от грехов, а жертва духовная и истинная чрез веру и познание освобождает (от грехов) нас, которые уже не остаемся рабами, но соделываемся сынами Божиими.

Ему отвечали: мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: сделаетесь свободными? Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете.

Гордые иудеи опять привязываются к суетному благородству и с яростью говорят: «мы семя Авраамово». Если и нужно им было негодовать, то на что-нибудь другое. Он сказал им: вы познаете истину. Посему им следовало бы сказать: что ж, разве ныне мы не знаем истины? Разве все предписания закона и наше познание ложны? Но они ни о чем таком не заботились: они беспокоятся о делах мирских, думая, что Он укоряет их в рабстве и низком происхождении. «Мы семя Авраамово». Нигде они не упоминают о своих достоинствах, но обращаются к отцам. Посему и Иоанн говорит им: не начинайте говорить, что отец у Нас Авраам (Мф. 3, 9). Говоря, что никому не были рабами, они явно лгали. Ибо каждый раз, как были пленяемы, они были в порабощении: у египтян, вавилонян и многих иных народов. Господь не обличает их во лжи. Его цель доказать не то, что они рабы человеков, но что они рабы греха. А это рабство и есть самое тяжкое, и от него может избавить один только Бог. Ибо отпускать грехи — дело одного только Бога. Посему говорит: «всякий, делающий грех, есть раб греха», а посему и вы, поколику грешны, также рабы. На это они могли сказать, что хотя мы и подлежим такому рабству, но у нас есть жертвы, есть священники, которые очищают нас от грехов. Он говорит, что и они рабы, потому что все грешили, и лишены славы Божией (Рим. 3, 23). Впрочем, священники ваши, будучи сами рабами, не имеют власти другим прощать грехи. Об этом яснее говорит апостол Павел, именно: что священник должен приносить жертву и за самого себя, как за народ, потому что и сам обложен немощами (Евр. 5, 2. 3). «Раб, — говорит, — не пребывает в доме», то есть не имеет власти дарить что-нибудь, так как он не господин дому, а сын-господин дому и пребывает в доме. Домом называет власть, подобно как в другом месте именуется домом начальство, говоря, что «в доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14, 2). Итак, те священники ваши, будучи рабами, не имели власти прощать грехи. А Я, Сын, пребывающий в доме, то есть имеющий власть и самостоятельное начальство, Владыка дома, одарю вас свободою, потому что все — Мое, и Я единосилен и единовластен со Отцом. Когда Я вас освобожу, тогда вы будете почтены истинною свободою. Теперь вы присвояете себе ложную свободу, а Мною будете освобождены существенно и истинно.

Знаю, что вы семя Авраамово: однако ищите убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас. Я говорю то, что видел у отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего.

Вы, говорит, считаете себя семенем Авраамовым. Я согласен с тем, что вы сохраняете плотское родство с этим святым, но у вас нет с ним родства по духу, Он праведен, человеколюбив и странноприимен, а вы (умалчиваю уже о прочих сторонах вашей жизни, а выставлю самое явное, что вы теперь делаете) дышите убийством и ненавистью к людям. Ибо вы ищите убить Меня и злоумышляете против Меня. Как же вы истинные его дети, когда так далеки от свойств отца? Если хвалитесь сродством, то должны подражать и добродетели его. Чтобы не сказали, что мы справедливо ищем убить Тебя, Он выставляет причину. Вы, говорит, беснуетесь против Меня не за другое что, как за то, что слово Мое превышает ваше разумение и не вмещается в вас. Между тем за это нужно было бы не убивать, а уважать и почитать, и сильнее желать, чтобы Я научил высоте догматов. Чтобы опять не сказали Ему, что мы и за слово Твое справедливо ненавидим Тебя, потому что Ты говоришь нам не от Бога, а от Самого Себя, и потому мы не можем принять Твоего учения, — Он прибавляет: Я говорю не Сам от Себя, но говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего. Я, говорит, возвещаю божественное и небесное и тем являю Отца Моего, а вы своими делами являете отца вашего то есть диавола. Когда слышишь сии слова: «Я говорю то, что видел», то не думай о телесном видении, но разумей знание естественное, истинное и самое верное. Как глаза, здраво видящие дело и истину видят истинно и не обманываются, так и Я истинно говорю то, что узнал от Отца.

Сказали Ему в ответ: отец наш есть Авраам. Иисус сказал им: если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога: Авраам этого не делал. Вы делайте дела отца вашего. На это сказали Ему: мы не от любодеяния рождены; одного Отца имеем, Бога.

Он выставляет отцом их диавола, потому что в делах их видит их подобными ему; а они постоянно выставляют Авраама. Господь часто напоминает об их преступном намерении и отрицает родство их с праведником для того, чтобы пресечь лишнюю хвастливость их и убедить, что надежду нужно полагать не в суетной гордости плотским сродством, а в сродстве произволения. Поистине, как Врач душ Он утишает в них воспаление, происходящее от мечтания о сродстве с Авраамом и препятствующее им прийти ко Христу, ибо они сродство это считали достаточным для своего спасения. Итак, вы, дышащие убийством и ищущие умертвить Меня, не дети Авраама. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал, что справедливо ищут убить Тебя, Он говорит: Я — Человек, не восстающий против Бога, не ищущий Своей славы, но говорящий то, что Я слышал от Отца Моего, и сказывающий истину. Какая же это была истина? Та, что Он равен Отцу и не раб, как один из пророков, но Сын, не делающий и не говорящий ничего от Себя, но все от Отца. Ибо за это они искали убить Его. А они опять говорят: «мы не от любодеяния рождены; одного Отца имеем Бога». — Смотри, какая надменность! Господь отрицает родство их и с Авраамом, а они до того тщеславны, что в безумии сами себя называют детьми Самого Бога. Они хвалятся сыновством Божиим, вероятно, потому, что слышали слова: «сын Мой первенец Израиль» (Исх. 4, 22). Но они должны были знать, что Бог говорил и в другом месте: «сыновою родил и возвысил, а они отверглись от Меня» (Ис. 1, 2). Господь мог бы обличить их в том, что

многие из них рождены от любодоения, так как вопреки закону жены еврейские вступали в связи с язычниками, а языческие жены с иудеями; однако же Он не делает этого. Ибо Он не о том заботился, чтобы доказать неблагородство их телесное, но главным образом хотел доказать, что они низки по душе.

Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня. Почему вы не понимаете речи Моей? Потому, что не можете слышать слова Моего.

Так как Он исключил их из родства с Авраамом, то они поднялись еще выше, называют отцом своим Бога. Он укорил их как убийц, а они, защищая себя, говорят, что они мстят за Бога и потому-то составляют совет против Него. Посему и Господь, показывая, что они не за Бога вступаются, по самому замыслу своему хотят убить Его, и не суть дети Божии, как они думали, но даже противники Богу, говорит: «если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня». Ибо Я от Бога сошел в мир, то есть явился во плоти. Я не противник Богу. Я от Него пришел. Посему, восставая на Меня, вы враги Богу. Почему вы не познаете речи Моей, не разумеете и не понимаете того, что Я говорю? Без сомнения, не по другому чему, как потому, что не можете слышать слова Моего, то есть не хотите. Ибо «не мочь» употребляется вместо «не хотеть». Доколе в вас живет зависть и убийственный замысел, как вы можете слушать, что Я говорю?

Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите Мне.

Сказал: вы не можете слушать слова Моего вместо: не хотите. Потом приводит причину, по которой они не хотели слушать, то, что у них свой отец, именно диавол. Хотя вы безумно и приписываете себя в дети Богу, как отцу своему, но дела ваши свидетельствуют, что диавол для вас есть отец более родной. Вы хотите исполнять похоти его. Не сказал «дела», но «похоти», показывая, что они очень склонны ко лжи и убийству, двум видам зла, кои весьма свойственны диаволу. «Он был человекоубийца от начала». Посему и вы, ища убить Меня, уподобляетесь ему, убившему Адама. «Он и в истине не устоял», но есть отец лжи. И вы, когда лжете на Меня и говорите, что Я не от Бога, не стоите в истине, не пребываете в слове Моем, вы дети его, породившего ложь. Ибо он и людям клеветал на Бога, когда говорил Еве, что Он возбрал им древо познания добра и зла по зависти. Равно и Богу клеветал на людей, например на Иова, говоря, что Иов чтит Бога не даром. «Когда он говорит ложь, говорит свое». Люди, когда лгут, пользуются как бы чужою ложью. А диавол употребляет ложь как собственность, ибо она его порождение; и лжец в собственном смысле и отец лжи есть он сам. Он сказал Еве: в который день вкусите, будете как боги (Быт. 3, 5). А они (Адам и Ева) получили смерть. — А Мне не верите, потому что Я говорю истину. — Не имея обвинить Меня ни в чем ином, кроме истины, вы за сие самое и восстаете против Меня, как сыны отца лжи.

Кто из вас обличит Меня в неправде? если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне? Кто от Бога, тот слушает слова Божии; вы потому не слушаете, что вы не от Бога. На это Иудеи отвечали и сказали Ему: не правду ли мы говорим, что Ты

Самарянин и что бес в Тебе? Иисус отвечал: во Мне беса нет, но Я чту Отца Моего; а вы бесчестите Меня. Впрочем, Я не ищю Моей славы: есть Ищущий и Судящий.

Они сами себя называли сынами Бога. Он говорит: если вы сыны Бога, вы, конечно, должны ненавидеть грешника. Если и Меня, которого ненавидите, можете обличить во грехе, очевидно, ненавидите Меня справедливо. Если же никто не может обличить явно, вы ненавидите Меня за истину. За какую истину? Без сомнения, за ту, что Он Сам Себя называл Сыном Божиим, что совершенно истинно. — «Кто от Бога, тот слушает слова Божии». Посему, если бы и вы были сынами Божиими, вы не отвращались бы от Меня, Сына Божия, сшедшего с неба и возвышающего слова Божии. — Так кротко говорит им Господь, а они позволяют себе дерзости. Они говорят: не правду ли мы говорили, что Ты Самарянин и беса имеешь в Себе? Называли Его Самарянином как нарушителя иудейских обычаев, например субботнего покоя, так как самаряне не соблюдали в точности иудейского закона. А беснующимся называют Его, может быть, подобно тому, как говорили, что Он и бесов изгонял силою князя бесовского (Лк. 11, 15). Ибо все клеветавшие, что Он изгонял бесов силою веельзевула, говорили, что Он имел в Себе веельзевулова беса, которым и совершал чудеса. А как Он открывал их помыслы и пожелания, то, может быть, считали Его беснующимся и потому, что думали, будто тайны сердца их открываемы Ему были бесами. — Когда же называли Его Самарянином? Евангелист нигде об этом не упомянул. Отсюда видно, что евангелисты не все записали, а многое и опустили, как мы о сем самом заметили в другом месте. Так они обижают Его, а Он незлобливо принимает от них обиды. Впрочем, когда они сами себя называют сынами Божиими, Он сильно обличает их, вступаясь за истину; а когда Его обижают, Он не защищается. Сим научает Он и нас вступаться за славу Бога и кротко переносить обиды, касающиеся нас самих, подобно как и Он кротко говорит: «во Мне нет беса, но Я чту Отца Моего». Как же Он чтит Отца? Вступаясь за Него и не позволяя убийцам и лжецам называться сынами Спасителя и Истины. Вы, говорит, бесчестите Меня за то, что Я чту Отца Моего, поносимого вами, так как вы клеветаете, что Он отец ваш. Но, если Я и не отмщаю за Себя, а переношу обиды, вы не думайте, что эта обида останется без отмщения. Есть Отец, Который накажет за такую обиду, наносимую Мне потому, что Я вступаюсь за Него и не позволяю вам называть самих себя сынами Его. Есть Ищущий Моей славы, и не только Ищущий, но и Могущий судить и наказывать обижающих Меня без основания. Часто иной ищет взыскания за обиду, но сам не может судить. А Отец и ищет славы Сына, и может судить. Посему и сказал: «есть Ищущий и Судящий».

Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек. Иудеи сказали Ему: теперь узнали мы, что бес в Тебе; Авраам умер и пророки, а Ты говоришь: кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек.

Какое человеколюбие! Его обижают, а Он искание Своей славы и отмщение предоставляя Отцу, обращается к увещанию и учению и таким образом благодворит тем, кои наносят Ему обиды. Так и мы должны платить своим врагам. Что же он сказал им? «Кто соблюдет Мое слово», то есть с верою соединит и жизнь чистую (ибо тот только истинно соблюдает учение Господне, кто имеет и жизнь чистую), такой не увидит смерти, которою умирают грешники, предаваемые в будущем веке бесконечному мучению и отпадающие от истинной жизни. Вместе с сим дает им знать, что если соблюдающий слово Мое не умирает, тем более — Я. Зачем же вы хотите убить Меня, над Которым смерть имеет так мало власти, что Я даже и другим дарую истинную жизнь? Ибо, хотя верующие умирают телесно, однако

они живы в Боге. Что же говорят на это иудеи? Они считают Его за беснующегося, как будто бы Он от повреждения рассудка говорит какие-то странности. Умерли Авраам и пророки, которые слышали слова Божии, как же не умрут Твои слушатели? Теперь, говорят, мы истинно, то есть вполне и твердо, узнали, что Ты, говоря это, беснуешься.

Неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умер, и пророки умерли? Чем Ты Себя делаешь? Иисус отвечал: «если Я Сам Себя славлю, то слава Моя ничто; Меня прославляет Отец Мой, о Котором вы говорите, что Он Бог ваш. И вы не познали Его, а Я знаю Его; и если скажу, что не знаю Его, то буду подобный вам лжец; но Я знаю Его и соблюдаю слово Его.

Безумцы, не понимая, о какой смерти говорил Господь, что она не коснется верующих в Него, говорят Ему нечто безрассудное и безумное. Смотри, как они отвечают. «Неужели ты больше отца нашего Авраама?» Им следовало бы сказать: неужели Ты больше Бога? Слушавшие слово Божие умерли, а слушающие Твое не умрут. Но они не так. Желая показать, что Он меньше и Авраама, говорят: неужели Ты больше отца нашего Авраама? Сам Господь не открывает им, о какой Он сказал смерти. А что Он выше Авраама, в этом убеждает немного после. «Чем Ты Себя делаешь?» Говорят это в обиду. Ты, недостойный ни одного слова, Сын плотника, Галилеянин, чем Ты Себя делаешь? Ни дела, ни истина, ни Писания, но Ты Сам чем Себя делаешь? Ибо Ты Сам присвояешь Себе славу. Говорит на это Господь: если Я Сам славлю Себя, то слава Моя ничто», как и вы думаете. Но ныне славящий Меня есть иной, именно Отец Мой. Отец прославлял Его всячески, то пророчествами о Нем, то свидетельством с небес, то бесчисленными и безмерными чудесами. О сем Отце вы говорите, что Он Бог ваш. Но вы не признаете Его ни Отцом Моим, ни Богом вашим. Если бы вы признавали Его Отцом, вы почитали бы Сына Его. А ныне вы Сына Его не почитаете. Очевидно, вы не признаете Его Отцом Моим. Но вы не признаете Его и просто Богом. Иначе вы боялись бы слов Его, как Бога. Ныне же вы решительно пренебрегаете Им. Он постановил законом: «не убий». Вы ищете убить Меня и притом тогда, как не можете обличить Меня во грехе. Отселе ясно, что вы совершенно не знаете Его. А Я знаю Его по природе, имею совершенное знание о Нем. Ибо, каков Я, таков и Отец. А как Я Сам Себя знаю, то знаю и Его. И если скажу, что не знаю Его, то буду, подобно вам, лжецом. Ибо вы лжете, хвалясь, что знаете Его; а Я отрекусь от истины, если, зная Его, скажу, что не знаю. Чем же Ты докажешь, что знаешь Его? Тем, говорит, что Я соблюдаю слово Его, то есть заповеди Его. Ибо Я не противник Ему, иначе Я хвалился бы, как богопротивник, ни заповедей Его не нарушаю. А вы, преступники Его заповедей, находитесь в плену, предаваясь злым похотям, жаждете убийства и многое другое, воспрещенное законом, совершаете со страстью и тем ясно обнаруживаете, что не знаете Его. Ибо, если бы вы знали Его, вы соблюдали бы слово Его, то есть заповеди. — Иные же слова «соблюдаю слово Его» понимают так: потому Я знаю Его, что в Самом Себе имею неизменный образ Существа Его, то есть бытия, и какой образ Естества у Отца, такой же и у Меня. Ибо у Отца и Сына одно и то же Естество и один и тот же образ бытия. Посему Я знаю Отца, ибо соблюдаю неизменный образ Существа Его. Такой оборот речи у Писания в обычае. Например, по-славянски говорится: «даждь нам помощь от скорби, и суетно спасение человеческо» (Пс. 59, 13). Здесь частица «и» употреблена вместо «ибо», и речь имеет такой смысл: дай нам помощь, ибо спасение от человека ненадежно. Так и в сих словах: Я знаю Его, и соблюдаю слово Его — частица «и» поставлена вместо «ибо». Ибо, говорит, Я соблюдаю слово Его.

Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой, и увидел, и возрадовался. На это сказали Ему Иудеи: Тебе нет еще пятидесяти лет, — и Ты видел Авраама? Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я семь. Тогда взяли камень, чтобы бросить на Него; но Иисус скрылся и вышел из храма, прошед среди них и пошел далее.

Здесь утверждает, что Он больше Авраама. Выше они говорили Ему: неужели Ты больше отца нашего Авраама? Здесь Он отвечает: да, Я больше. Он рад был увидеть день Мой, то есть считал его приятным, вожделенным и радостотворным, как день весьма благотворный и как день не малого кого-нибудь, не обыкновенного человека, но Большого. «Днем» называет Крест, ибо его прообразовал Авраам в принесении Исаака и в заклании овна. Как тот нес дрова, так Господь нес крест, и как Исаак был оставлен, а заколот овен, так Он, как Бог, пребыл вне страдания, а пострадал Человечеством и плотию. Провидя сей день Креста, как день всемирного спасения, Авраам возрадовался. Показывает и то, что Он добровольно идет на страдания, так как хвалит того, кто радовался о Кресте: ибо чрез него спасение вселенной. — Иные под «днем» понимают все время явления Христа во плоти, которое провидя, Авраам возрадовался, что от него и его потомства произойдет Спаситель. А может быть, и не один только Авраам радовался, но и все, как Давид говорит: «сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный» (Пс. 117, 24). Иудеи, не в силах будучи возвыситься до смысла слов Его, вместо того, чтобы спросить и узнать, о каком Он говорит дне, который видел Авраам, еще более осмеивают Его, будто бы Он говорит что-то безрассудное. Тебе, говорят, нет еще пятидесяти лет, и Ты видел Авраама? Сказали так, думая, что Господу близ пятидесяти лет, тогда как Ему было около тридцати трех лет. Отчего не сказали они: Тебе нет еще сорока лет, но: пятидесяти? Об этом излишне бы и спрашивать. Может быть, они упомянули о пятидесяти годах без определенной мысли. Однако же некоторые говорят, что они так сказали потому, что у них особенно чтился пятидесятый год, то есть юбилейный год, в который рабов отпускали на свободу, покупщики уступали свои приобретения и делали все иное, что относилось к чести. Что же Господь говорит? «Прежде нежели был Авраам, Я есмь». Смотри, не сказал: прежде нежели был Авраам, «Я был», но: «Я есмь». Ибо это изречение «есмь» свойственнее Богу, потому что означает бытие непрерывное и всегдашнее. Так и Отец Его в Ветхом Завете выразился о Себе: «Я есмь Сый» (Исх. 3, 14). Об Аврааме, как тленном, прилично сказал «был». Ибо что получило бытие, то и разрушается. А слово «есмь» указывает на свободу от всякого тления и на божественную вечность. Посему и они это изречение, как приличное одному только Богу, приняли за хулу и взяли камень на Него. Но Он опять со смирением скрывается, чтобы не умереть прежде определенного для Его смерти времени. Как же скрывается? Он не спрятался в угол храма, не убежал в домик, не прислонился к стене или за столб, но Божескою властью Сам Себя сделал невидимым для наветников хотя вышел и среди них. «И пошел далее», то есть пошел так, просто, до некоторого времени. — Смотри, пожалуй, как Он исполнил все со Своей стороны: Он достаточно научил их и о Себе, и об Отце, и указал истинное благородство и свободу в свободе от грехов; объяснил, что одно только рабство постыдно, рабство греху, — и вообще ничего нужного не опустил. А они бросают камень в Него. Посему-то Он и оставляет их, как уже не способных к исправлению. Заметь, что камень бросают те, о которых евангелист сказал, что они уверовали в Него (выше ст. 30 и 31). Значит, вера их была не вера, но какое-то привременное и холодное расположение к речам Христовым.

И проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?

Господь уходит из храма, чтобы укротить сколько-нибудь гнев иудеев. Приступает к исцелению слепого, чтобы этим знамением смягчить их жестокосердие и упорство, хотя они и не воспользовались сим, и вместе показать им, что Он не напрасно и по самохвальству сказал: «прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Ин. 8, 58). Прилично Сам подошел к слепому, а не сей к Нему. Ученики, заметив внимание Его к слепому, спрашивают: «кто согрешил: он или родители его, что родился слепым?» Вопрос сей кажется странным. Ибо как он мог согрешить прежде рождения своего? Апостолы, вероятно, не разделяли языческого суеверия о том, будто душа прежде соединения с телом живет в ином мире и за грех, как бы в наказание, нисходит в тело. Будучи рыболовами, они ничего такого не могли слышать, ибо подобные мысли принадлежали мудрецам. Итак, вопрос кажется неразумным, но не для внимательного. Ибо знай. Апостолы слышали, как Христос сказал расслабленному: вот, ты выздоровел, не греши же, чтобы не случилось с тобою чего хуже (Ин. 5, 14). Теперь видят слепого и недоумевают, и как бы так говорят: положим, что тот расслаблен был за грехи, но что Ты скажешь об этом? Он ли согрешил? Но этого нельзя сказать; потому что он слеп от рождения. Или родители его? Нельзя и этого сказать, потому что сына за отца не наказывают. Итак, апостолы в настоящем случае не столько спрашивают, сколько недоумевают. Господь в разрешение недоумения их говорит: «не согрешил ни он (ибо как бы согрешил прежде рождения), ни родители его». Впрочем, Он говорит это, не освобождая их от грехов. Ибо не просто сказал, что не согрешили родители его, но прибавил, что «родился слеп». Хотя родители его и согрешили, но не за то с ним это убожество. Слагать грехи отцов на детей, ни в чем не виноватых, несправедливо. Это внушает и Бог чрез Иезекииля: да не будет у вас больше поговорки этой: «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина» (Иез. 18, 1, 2). А чрез Моисея постановил законом: да не умрет отец за сына (Втор. 24, 16). Но как же, скажешь, написано: отдай грехи родителей на чада до третьего и четвертого рода (Исх. 34, 7)? На это можно сказать, во-первых, то, что это приговор не всеобщий, сказанный не обо всех, а только о тех, которые вышли из Египта. Потом смотри и на смысл приговора. В нем не говорится, что дети наказываются за грехи, совершенные отцами, но что наказания за грех отцов переходят и на детей, когда дети совершали такие же грехи. Чтобы вышедшие из Египта не подумали, что они не будут наказаны тем же, чем отцы их, хотя бы согрешили и хуже их, говорит им: нет, не так; грехи отцов, то есть наказания, перейдут и на вас, потому что вы не сделались лучшими, но совершили грехи такие же, и даже худшие. Если видим, что нередко и дети умирают в наказание родителям, то знаем, что Бог берет их из здешней жизни по человеколюбию, чтобы в жизни не делали хуже родителей и не прожили на зло своей душе или даже многих других. Но бездна судеб Божиих сокрыла эти случаи в самой себе. А мы простремся далее.

Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии. Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать. Доколе Я в мире, Я свет миру.

Вот опять другое затруднение. Иной спросит: как Он сказал это? Ибо это значило бы, что человек, лишенный света, был обижен для того, чтобы на нем явились дела Божии? Разве они не могли явиться иначе? — Какую же, скажи ты, человек, он терпит обиду? Ту, скажешь, что света лишен. И какой вред от того, что лишен чувственного света? Напротив, он более

облагодетельствован. Ибо вместе со зрением телесным он прозрел и очами душевными. Слепота послужила ему на добро, так как чрез исцеление от нее он познал истинное Солнце Правды. Итак, слепец этот не обижен, а облагодетельствован. — Потом всякий, занимающийся словом Божиим, должен знать, что частицы «для того, чтобы» нередко употребляются в Писании для обозначения не причины, а самого события. Например, у Давида сказано: «так что (яко да) Ты праведен в приговоре Твоем» (Пс. 50, 6). Давид не для того согрешил, чтобы Бог оправдался. Но вследствие греха Давидова довелось Богу оправдаться. Ибо когда Бог наделил Давида столькими дарами, каких он не был достоин, а он преступил заповедь Божию, совершил убийство и прелюбодеяние и царскую власть употребил на оскорбление Бога, то, какое отсюда вытекало следствие, как не то, что Бог, судящий и обличающий Давида, оправдался и явился победителем осужденного царя, потому что он преступил закон Того, от Кого получил царство, нарушил по тому самому, что был царем? Будучи честным человеком, он не мог бы так легко совершить два столь великих преступления. Итак, видишь, в предложении «так что Ты праведен» (славянское: яко да оправдишися) частица означает не причину, а следствие. Таких оборотов речи много найдешь и у апостола. Например, в послании к римлянам: «что можно знать о Боге, то явно для язычников, так что они безответны» (славянское: во еже быти им безответным) (Рим. 1, 19. 20). Бог дал язычникам знание не для того, чтобы они, согрешая, были безответны, но для того, чтобы они не грешили. А как они грешили, то вследствие сего знание сделало их безответными. И опять: закон пришел после, «да умножится прегрешение» (Рим. 5, 20). Хотя закон дан не для того, чтобы грех умножился, а для того, чтобы уменьшился; но как принявшие закон не хотели уменьшить греха, то закон и послужил им к умножению греха. Ибо грех их стал важнее и тяжелее оттого, что они имели закон, и, однако же, грешили. — Так и здесь, выражением «для того, чтобы явились дела Божии» указывается не причина, а следствие. Ибо чрез исцеление слепого прославился Бог. — Нередко иной строитель дома одно сделает, а другое оставляет неоконченным для того, чтобы неверящему, что он устроил первую часть, мог чрез устройство недоконченного доказать, что он же есть художник и прежде устроенного. Так и Бог наш Иисус, врачуя поврежденные члены и приводя их в естественное (нормальное) состояние, показывает, что Творец и прочих членов есть Он же. — «Чтобы явилась слава Божия», говорит это о Самом Себе, а не об Отце. Ибо слава Отца была явна, а нужно было явиться славе Иисуса и тому, что Сотворивший человека в начале есть Он. А в том, без сомнения, немало славы, когда откроется, что Тот, Кто ныне явился Человеком, в начале как Бог сотворил человека. — Что Он говорит о Самом Себе, слушай далее. Он прибавляет: «Мне должно делать дела Пославшего Меня». Мне, говорит, должно явить Самого Себя и совершить дела, могущие показать, что Я совершаю то же, что и Отец творит. Смотри, не сказал, что Мне должно делать дела такие же, какие творит Отец, но те самые, которые Отец творит. Мне, говорит, должно делать те самые дела, которые творит Пославший Меня. Мне должно делать их, «пока есть день», пока длится настоящая жизнь, и люди могут веровать в Меня. Потом «наступит ночь, когда никто не может делать», то есть веровать, ибо делом называет веру. Итак, в будущем веке никто не может веровать. — Настоящая жизнь есть день, потому что мы в течение ее, как днем, можем делать; хотя апостол Павел и называет ее ночью, частью потому, что здесь неизвестны совершающие добродетель или порок, и частью по сравнению со Светом, Который озарит праведников. Будущий век есть ночь, потому что там никто не может делать; хотя апостол Павел и называет его днем, потому что праведные явятся во свете и откроются дела каждого. Итак, в будущем веке нет веры, но все будут повиноваться, желающие и нежелающие. — «Доколе Я в мире, Я свет миру», ибо учением и явлением чудес просвещаю души. Посему и теперь

должно Мне просветить души многих чрез уврачевание слепого и просвещение зрачков в глазах его. Как свет, Я должен просвещать и чувственно, и духовно.

Сказав это, Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому, и сказал ему: пойдя, умойся в купальне Силоам (что значит: посланный). Он пошел и умылся и пришел зрячим.

Сказав это, Иисус не остановился на словах, но присоединил к ним и дело. Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и брением помазал глаза слепому, показывая чрез брение, что и Адама тело образовал из брения Он же. Одни слова, что создал Адама Я, могли показаться соблазнительными для слушателей, но когда слова подтверждаются делом, не оставалось уже повода к соблазну. Устраивает глаза из брения, употребляя тот же способ творчества, каким сотворил и Адама. Не только устроил глаза и открыл их, но одарил зрением, а это показывало, что Он вдохнул и душу в Адама. Ибо без действия души глаз никогда бы не увидел, хотя бы и был устроен. Употребил и плюновение для одарения зрением. Так как Он намерен был послать слепца на Силоам, то, чтобы не приписали чуда воде источника, но познали, что образовала глаза слепому и открыла их сила, вышедшая из уст Его, для сего плюнул на землю и из плюновения уст сделал брение. Потом, чтобы ты не подумал, что чудо зависело от земли, повелевает умыться, чтобы брение совсем отстало. Впрочем, некоторые говорят это брение совсем не отпало, но превратилось в глаза. — Повелевает слепцу пойти на Силоам частью для того, чтобы обнаружилась степень веры его и послушания, ибо он не рассуждал, что не нужно идти на Силоам или умываться, если брение и плюновение делают его вполне зрячим, но повиновался Повелешшему; частью для того, чтобы заградить уста неразумных иудеев, ибо, естественно, многие смотрели на него, когда он шел с глазами, помазанными брением, и внимательно вглядывались в него, так что не могли впоследствии говорить: это он, это не он; и, наконец, для того, чтобы, посылая его на Силоам, о Самом Себе засвидетельствовать, что Он не чужд закона и Ветхого Завета. — Для чего евангелист прибавил объяснение имени Силоам? Для того чтобы ты знал, что и тут исцелил слепца Христос и что Силоам — образ Христа. Ибо Христос есть как Камень духовный (1 Кор. 10, 4), так и Силоам духовный; и как ручей силоамский своим странным течением представлял нечто внезапное и поразительное, так и пришествие Господа, сокровенное и неведомое ангелам, силою своею потопляет всякий грех.

Тут соседи и видевшие прежде, что он был слеп, говорили: не тот ли это, который сидел и просил милостыни? Иные говорил: это он, а иные: похож на него. Он же говорил: это я. Тогда спрашивали у него: как открылись у тебя глаза? Он сказал в ответ: Человек, называемый Иисус, сделал брение, помазал глаза мои и сказал мне: пойдя на купальню Силоам и умойся. Я пошел умылся и прозрел.

Соседи, пораженные необычайностью чуда, не верили. Хотя шествие его на Силоам с глазами, помазанными брением, для того и было, чтобы многие увидели его и потом не отрекались бы незнанием, однако же и теперь не верят. Евангелист не без намерения замечает, что он просил милостыни, но чтобы показать неизреченное человеколюбие Господа в том, что Он снисходил и к бедным, что Он с большим попечением врачевал и нищих, а отсюда и мы научились бы не презирать своих меньших братьев. А слепец, не стыдясь прежнего убожества, не боясь народа, открыто говорит: «это я», проповедует Благодетеля и говорит: «Человек, называемый Иисус». — Называет Господа Человеком, потому что доселе еще

ничего не знал о Нем, а что теперь узнал, то и исповедует. Откуда же знает, что это Иисус? Из разговора Его с учениками. Ученики спрашивали Господа о нем. Он им довольно продолжительно отвечал: «Мне нужно совершать дела Пославшего Меня; Я свет миру». Так не учил никто иной, кроме одного Иисуса, и такие речи Он употреблял часто. Отсюда-то и узнал слепец, что это Иисус. Что Он сделал брение и помазал его глаза, он знал из прикосновения и сказал. О плюновении умолчал, потому что не знал, а как не знал, то и не прибавил. Видно, человек этот был праведный.

Тогда сказали ему: где Он? Он отвечал: не знаю. Повели сего бывшего слепца к фарисеям. А была суббота, когда Иисус сделал брение и отверз ему очи. Спросили, его также и фарисеи, как он прозрел. Он сказал им: брение положил Он на мои глаза; и я умылся и вижу. Тогда некоторые из фарисеев говорили: не от Бога этот Человек, потому что не хранит субботы. Другие говорили: как может человек грешный творить такие чудеса? И была между ними распря.

Так как Господь, даруя исцеление и совершая чудо, обыкновенно укрывался по Своей скромности, то слепец на вопрос о том, где Иисус, говорит «не знаю», чтобы быть совершенно верным истине. — Ведут его к фарисеям, чтобы подвергнуть его более подробному и строгому допросу. — Евангелист замечает, что «была суббота», чтобы показать злобу их, как они ловят всякий случай против Христа: обвиняют Его в нарушении субботы и тем покушаются затемнить чудо. Посему не спрашивают его, как ты прозрел, но как Он отверз тебе очи, — во всем клеветца на Господа, как Действовавшего в субботу. Заставляют самого слепого припомнить, что Он сделал брение именно в субботу. Он, отвечая уже слышавшим, не упоминает ни об имени Иисуса, ни о том, что говорил ему Господь, а только говорит: брение положил Он на мои глаза, и я умылся и вижу. Ибо, вероятно, фарисеи прежде слышали от тех, которые привели к ним слепого, и, быть может, клеветали на Господа и сказали: вот что Иисус делает в субботу. Достояна замечания смелость слепца, что он безбоязненно ведет речь с фарисеями. Его привели с тем, чтобы он, пораженный страхом, отверг действительность исцеления, а он очень ясно возглашает: Я вижу. — Из фарисеев некоторые, не все, а более дерзкие, говорили: не от Бога этот Человек. А другие говорили: как может человек грешный творить такие чудеса? Видишь ли, под влиянием чудес многие смягчаются. Вот эти люди — фарисеи, начальники, однако же вследствие сего чуда, пристыждаются и несколько защищают. «И была между ними распря». Распря эта происходила прежде в народе, ибо одни говорили, что Он обольщает народ, а другие, что Он добр (Ин. 7, 12. 43), а теперь начинается и между начальниками. И вот многие фарисеи, отделившись от прочих, защищают чудо. Однако же и по отделении говорят за Христа очень слабо и более сомнительно и двоедушно, чем твердо. Ибо слушай, что говорят: как может человек грешный творить такие чудеса? Видишь, как слабо возражают? Посмотри и на хитрость клеветников. Они не говорят, что Он не от Бога, потому что исцеляет в субботу, но что Он не хранит субботы; постоянно выставляют на вид не благодеяние, а нарушение дня. Примечай и то, что начальники на добро медлительнее, чем народ. Народ еще прежде разделился во мнениях, и не все говорили против Христа, а начальники уже после народа пришли к этому похвальному разделению. Ибо хорошо иногда бывает и разделение, как и Господь говорит: Я пришел принести на землю меч (Мф. 10, 34), то есть, без сомнения, разногласие из-за добра и благочестия.

Опять говорят слепому: ты, что скажешь о Нем, потому что Он отверз тебе

очи? Он сказал: это пророк. Тогда Иудеи не поверили, что он был слеп и прозрел, доколе не призвали родителей сего прозревшего и спросили их: это ли сын ваш, о котором вы говорите, что родился слепым? Как же он теперь видит?

Кто были спрашивающие: ты, что скажешь о Нем? Это были из числа благоразумных. Ибо они говорили: как может грешник творить такие дела? Чтобы не показаться напрасными защитниками, они приводят во свидетельство самого получившего благодеяние, как испытавшего на себе силу Его, дабы заградить уста клеветников. Смотри, как благоразумно спрашивают. Не сказали, ты, что скажешь о Нем, потому что Он сделал брение, потому что Он не сохранил субботы, но напоминают о чуде, «потому что Он открыл тебе глаза», как бы подстрекая исцеленного сказать о Христе сущую правду. Напоминают ему и побуждают его: потому что Он открыл тебе глаза. Он, говорят, облагодетельствовал тебя. Посему ты должен проповедовать о Нем. Слепой теперь и исповедал, что мог, именно: что Он не грешник, но от Бога, это — Пророк, хотя иные и говорят, что Он не от Бога, потому что не хранит субботы. — Христос одним перстом совершил помазание брением, и Его считают нарушителем субботы. Сами же они всею рукою отвязывают животных для того, чтобы напоить их, и считают себя благочестивыми. — Жестокосердые и упорные призывают родителей его с целью поставить их в затруднение и чрез то принудить их отвергнуть прежнюю слепоту сына. Так как они не могли заградить благонамеренные уста, то застрашивают родителей, в надежде уничтожить чудо. Итак, ставят их на середине и делают допрос с яростью и еще с большею злобою. Не говорят: это ли сын ваш, бывший некогда слепым, но «о котором вы говорите», как бы так говоря: которого вы сделали слепым и молву об этом распространили всюду, совершенно вымыслено и ложно. Но, о злочестивые фарисеи! Какой отец позволит себе лгать так о своем детище? С двух сторон стесняют их и принуждают отказаться от сына, с одной стороны, — выражением «о котором вы говорите», с другой, — вопросом «как он теперь видит?» Видишь ли? ложным будто бы показанием родителей о том, что сын их прежде был слеп, они унижают это чудо, — что он впоследствии стал зрячим. Говорят: ложно или то, что он видит теперь, или то, что он был слеп. Но, что он зряч, это истинно: следовательно, вы ложно разгласили, что он прежде был слеп.

Родители его сказали им в ответ: мы знаем, что это сын наш и что он родился слепым; а как теперь видит, не знаем, или кто отверз ему очи, мы не знаем; сам в совершенных летах, самого спросите: пусть сам о себе скажет. Так отвечали родители его, потому что боялись Иудеев; ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучат от синагоги. Посему-то родители его и сказали: он в совершенных летах; самого спросите.

Фарисеи родителям слепого предложили три вопроса: 1) сын ли это их? 2) слепым ли он родился? и 3) как он стал зрячим? На первые два вопроса они отвечают утвердительно, что это сын их и он был слеп, а о способе исцеления не отвечают за незнанием. Так случилось, без сомнения, для того, чтобы истина была признана тверже, чтобы ее засвидетельствовал сам получивший благодеяние и потому свидетель достовернейший, как и родители его говорят: сам в совершенных летах, он не дитя или недоросль, чтобы не понимал, как исцелился. Так отвечали родители его потому, что боялись фарисеев. Они были нетверды и малодушнее сына своего. А он становился неустрашимым свидетелем истины; он стал хорошо видеть и мысленными очами.

Итак, вторично призвали человека, который был слеп, и сказали ему: воздай славу Богу; мы знаем, что Человек Тот грешник. Он сказал им в ответ: грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу. Снова спросили его: что сделал Он с тобою? Как отверз твои очи? Отвечал им: я уже сказал вам, и вы не слушали; что еще хотите слышать? или и вы хотите сделаться Его учениками? Они же укорили его и сказали: ты ученик Его, а мы Моисеевы ученики. Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; Сего же не знаем, откуда Он.

Как родители настаивали на том, что нужно спрашивать сына их, так и делают высокомерные. Они приводят его, но не за тем, чтобы спрашивать, а чтобы внушить ему обвинение на Исцелителя. Ибо внушение «воздай славу Богу» — значит исповедуй, что Иисус ничего для тебя не сделал, и в том, чтобы не приписывать ничего доброго Иисусу, поставляют славу Божию! Мы, говорят, знаем, что Он грешник. Почему же вы не обличали Его, когда Он вызвал вас на это, говоря: кто из вас обличит Меня во грехе (Ин. 8, 46)? Слепец говорит: грешник ли Он, я не знаю, и теперь этого не испытываю, ни утверждаю. Но весьма ясно знаю то, что Он совершил надо мною чудо. Итак, пусть это дело будет рассмотрено само по себе и даст о Нем понятие. Потом, когда снова спрашивали его, что Он сделал с тобою, поставляя в вину Спасителю, что Он помазание брением совершил в субботу, человек этот понял, что они спрашивают не для разузнания, а для обвинения, и ответил им с укоризною: не хочу я более говорить с вами, потому что много раз я сказывал, и вы не послушали. Потом, что особенно могло уязвить их, прибавляет: неужели и вы хотите сделаться Его учениками? Очевидно, сам он желает быть учеником Его. Шутя же и смеясь над ними, говорит это спокойно; а это показывает душу смелую и неустрашимую, и не боящуюся их бешенства. На обиду его они говорят: ты ученик Его, а мы ученики Моисеевы. И здесь явно лгут. Ибо если бы были учениками Моисеевыми, то были бы и Христовыми, как и Сам Он говорит им: если бы вы верили Моисею, то верили бы и Мне (Ин. 5, 46). Не сказали: мы слышали, но: мы «знаем», что с Моисеем говорил Бог, хотя об этом им передали предки. О том, что приняли по слуху, говорят, мы верно знаем, а Того, Чьи чудеса видели своими глазами и Чье учение Божественное и небесное слышали сами, называют обманщиком (Ин. 7, 12). Видишь ли, до какого безумия довела их злоба.

Человек прозревший сказал им в ответ: это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, а Он отверз мне очи. Но мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает. От века не слышано, чтобы кто отверз очи слепорожденному. Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего.

Вы, говорит, иудеи, отвергаете моего Исцелителя потому, что будто бы не знаете, откуда Он. А я говорю, что Он тем более достоин удивления, что, не будучи из числа знатных между вами и славных людей, может совершать такие дела, которые совершенно ясно свидетельствуют, что Он владеет какою-то высшею силою и не нуждается ни в какой помощи человеческой. — Потом, так как прежде некоторые из них же говорили: как может человек грешный творить такие чудеса, то и он берется за это осуждение их и напоминает им собственные их слова. Мы, говорит, все знаем, что Бог не слушает грешников, а слушает того, кто почитает Его и исполняет волю Его. Примечай отсюда, как он не только отстраняет грехи от Господа, но и выставляет Его великим угодником Божиим и делающим все по Его воле, когда говорит: «если кто чтит Бога и творит волю Его». Далее, зная, что они хотят затемнить чудо, он с полным разумением проповедует о благодеянии. Если бы Он не был от

Бога, то не совершил бы такого чуда, какого от века никто не совершал. Если, может быть, и открывались глаза слепых, но не от рождения испорченные, а от какой-нибудь болезни. Но совершившееся ныне — неслыханное дело. Итак, очевидно, совершивший такое чудо — более чем человек. — Некоторые вдаются в холодное и утонченное совопросничество. Как, говорят, сказано, что Бог не слушает грешников? Он Человеколюбец. Что же, говорят, значат здесь слова: Бог не слушает грешников? На такой вопрос не следовало бы и отвечать. Однако же нужно сказать, что словами этими — Бог не слушает грешников — выражается та мысль, что Бог грешникам не дает силы творить чудеса. Ибо Дух Божий не станет обитать в теле, обложенном грехами. Тех же, которые искренно и от сердца просят себе прощения грехов, Бог выслушивает не как грешников, а как кающихся. Ибо вместе с тем, как они просят себе прощения, они перешли уже из ряда грешников в ряд кающихся. Посему справедливо сказано, что Бог не слушает грешников. Он не дает грешникам и благодати творить чудеса. Ибо если бы они и стали когда-нибудь просить о чем-либо подобном, то, как Он даст просимое тем, которых ненавидит за то уже, что они присвоят себе вовсе им неприличное? А если Он слушает просящих прощения, то слушает не как грешников, а как кающихся. — Примечай. Сказав: «если кто чтит Бога», прибавил: «и творит волю Его». Ибо многие чтут Бога, а воли Божией не исполняют. А должно быть вместе то и другое: и богопочтение, и исполнение воли Божией, иначе, вера и дела, или, как выразился апостол Павел, вера и добрая совесть (1 Тим. 1, 5), короче сказать; созерцание и деятельность. Ибо вера истинно жива тогда, когда при ней есть и богоугодные дела, от которых бывает добрая совесть, подобно как от худых дел порочная совесть. И опять, дела тогда живы, когда при них есть и вера, а в раздельности друг от друга они мертвы, как сказано: вера без дел мертва (Иак. 2, 26), и дела без веры. Примечай, пожалуй, и то, какую смелость дает истина нищему, нисколько не замечательному человеку, и он обличает великих и славных между иудеями. Так велика сила истины, тогда как ложь весьма робка и несмела.

Сказали ему в ответ: во грехах ты весь родился, и ты ли нас учишь? И выгнали его вон. Иисус, услышав, что выгнали его вон, и нашед его, сказал ему: ты веруешь ли в Сына Божия? Он отвечал и сказал: а кто он, Господи, чтобы мне веровать в Него? Иисус сказал ему: и видел ты Его, и Он говорил с тобою. Он же сказал: верую, Господи! И поклонился Ему.

Доколе надеялись, что человек этот скажет в угоду им, его призывали и спрашивали, и притом не однажды. Но когда из ответов узнали, что он мыслит неодинаково с ними, а расположен к истине, унижают его, как рожденного во грехах. Совершенно неразумно поносят его слепотою и думают, что он, как весьма грешный и прежде рождения, осужден был на рождение слепым, что неосновательно. — Как сыны лжи, выгоняют его, исповедника истины, вон из храма. Но это послужило ему во благо. Из храма его выгнали, а Господь храма тотчас нашел его. Обесчестили его за мнение в пользу Христа, а он удостоился познать Сына Божия. Иисус, сказано, нашел его, подобно подвигоположнику, который принимает борца, сильно изнемогшего и увенчанного. И что говорит? Веруешь ли ты в Сына Божия? Для чего об этом спрашивает, когда он столько спорил с иудеями, столько говорил за Него? Не по незнанию так делает, но по желанию научить слепца познанию о Самом Себе. Прежде он совершенно не видел Его, не видел и после исцеления его, потому что иудеи, эти злейшие псы, таскали его туда и сюда. Теперь Он спрашивает его для того, чтобы на вопрос его о том, кто есть Сын Божий, весьма кстати указать на Самого Себя. Вместе с сим показывает ему и то, что Он высоко ценит веру его, говоря как бы так: столько народа оскорбило Меня,

но Я нисколько не вменяю им этого. Я об одном забочусь — о вере. Господи, кто это Сын Божий? — с любовью спрашивает он. Иисус отвечает: Он Тот, Которого ты видел и Который говорит с тобою. Не сказал: Это — Я исцеливший тебя, сказавший тебе: поди, умойся; но говорит сначала прикровенно и неясно: и видел ты Его, а потом и яснее: и Он говорит с тобою. Господь, кажется, с намерением сказал: «видел ты Его», с тем, именно, чтобы напомнить ему об исцелении и о том, что он от Него получил способность видеть. И он тотчас верует и на деле обнаруживает веру горячую и истинную, поклоняется и делом подтверждает слово, что прославляет Его как Бога потому что законом поведено поклоняться одному только Богу (Втор. 6, 13). — Примечай, пожалуй, что чудо это совершилось и в духовном смысле. Слеп был и вообще всякий человек от рождения, то есть от подчинения рождению, с которым соединено тление, ибо с тех пор, как мы осуждены на смерть и на размножение чрез страстное рождение, оттоле над нашими мысленными глазами распростерлось как бы какое густое облако, и, может быть, та кожаная одежда, о которой упоминает Священное Писание (Быт. 3, 21). Слеп был, в частности, народ языческий. И он был слеп от рождения. Например, эллины оттого, что обоготворили рождаемое и тленное, стали слепы, по сказанному: «Омрачилось несмысленное их сердце» (Рим. 1, 21). Так и мудрецы (маги) персидские жизнь свою проводили в толках о рождении и днях рождения. — Сего слепца, то есть вообще всякого человека, или, в частности, язычников, Иисус «увидел». Как слепец не мог увидеть Творца, то Он, по благоутробию милости, Сам посетил нас, Восток свыше (Лк. 1, 78). Как же увидел? «Проходя», то есть не на небе будучи, и, по словам пророка, преклонившись с неба и призрев на всех сынов человеческих (Пс. 13, 2; 2, 3), но явившись на земле. И в ином смысле: «проходя» увидел язычников, то есть пришел не к ним преимущественно. Ибо Он пришел к погибшим овцам дома Израилева (Мф. 15, 24), а потом, как бы мимоходом, взглянул и на язычников, сидящих во тьме совершенного незнания. — Как врачует слепоту? Плюнув на землю и сделав брение. Ибо кто поверит, что Слово низошло во святую Деву как капля, каплющая на землю, тот помажет себе мысленные глаза брением из плюновения и земли, то есть единым Христом, состоящим из Божества, которого знаком (символом) служит капля и плюновение, и Человечества, знаком которого служит земля, из которой тело Господа. Остановится ли врачевание на вере? Нет; должно идти и на Силоам, источник крещения, и креститься в Посланного, то есть Христа. Ибо все мы, которые духовно крестились, во Христа крестились. А кто крестится, тот после сего подвергнется и искушениям. Может быть, за исцелившего его Христа поведут его пред царей и правителей (Лк. 21, 12). Посему нужно быть твердым и непреклонно стоять в исповедании; не отрекаться из страха, но, если понадобится, стать и отлученным, и изгнанным из синагоги, по сказанному: будете ненавидимы всеми за имя Мое, и изгонят вас из синагог (Мф. 24, 9; Ин. 16, 2). Если люди, враждующие против истины, и выгонят исповедника ее, и удалят от святого и драгоценного для них, то есть от богатства и славы, то найдет его Иисус, и, когда врагами будет обесчещен, тогда от Христа будет особенно почтен познанием и основательнейшею верою. Ибо тогда наиболее будет поклоняться Христу как Человеку видимому и как истинному Сыну Божию. Ибо не иной Сын Божий и иной Сын Марии, как нечестиво хулил Несторий, но Один и Тот же Сын Божий и Человеческий. Смотри. Когда бывший некогда слепым спросил: кто Сын Божий, чтобы мне веровать в Него, тогда Господь отвечал: Он есть Тот, Которого ты видел, и Который говорит с тобою. Кто же говорил, как не Родившийся от Марии? А Он же и Сын Божий, но не иной и иной. Почему и святая Мария поистине Богородица. Ибо Она родила Сына Божия, ставшего плотию, нераздельного и в двух естествах Единого, Который есть Христос Господь.

И сказал Иисус: на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы. Услышавши это, некоторые из фарисеев, бывших с Ним, сказали Ему: неужели и мы слепы? Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас.

Господь видел, что фарисеи из чуда извлекли для себя более вреда, чем пользы, и чрез это стали достойны большего осуждения, а потому говорит: как кажется и как выходит на деле, Я пришел на суд, то есть для большего наказания, чтобы невидящие видели и видящие, каковы фарисеи, стали слепы душевными глазами. Ибо вот невидящий от рождения видит и душою, и телом, а считающие себя видящими стали слепы умом. Здесь Он говорит о зоркости и слепоте двоякого рода. Фарисеи, всегда хватавшиеся за чувственное, подумали, что Он говорит о слепоте чувственной, и сказали: неужели и мы слепы? Они стыдились одной только этой слепоты телесной. А Господь хотел показать им, что лучше быть слепыми по телу, чем неверующими, и сказал: если бы вы были слепы, то не имели бы греха. Ибо если бы вы по необходимости, от природы, были слепы, вам могло бы быть дано прощение в неверии, которым вы заражены. Но ныне вы говорите, что вы видите и, однако же, быв самовидцами чуда над слепым, еще остаетесь в неверии, а потому и недостойны прощения. Ибо грех ваш остается неизгладимым, и вы тем более будете наказаны, что не приходите к вере при очевидных чудесах. Слова сии, — если бы вы были слепы, то не имели бы греха, — можно и так понимать. Вы спрашиваете о телесной слепоте, которой одной и стыдитесь. А Я говорю о душевном вашем ослеплении, что если бы вы были слепы, то есть несведущи в Писании, то не имели бы на себе столь тяжкого греха, ибо грешили бы по незнанию. А теперь вы говорите, что вы видите, и выдаете сами себя за разумных и опытных в законе, посему вы сами себя осуждаете и имеете на себе грех большой, потому что грешите сознательно.

Глава десятая

Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник; а входящий дверью есть пастырь овцам; ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их; и когда выведет своих овец, идет перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его; за чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса.

Господь словами, что вы истинно слепы по душе чрез недуг неверия, упрекнул фарисеев за неверие. Чтобы они не могли сказать, что мы отвращаемся Тебя не по слепоте нашей, а во избежание обмана, Он ведет о сем продолжительную речь. Какую именно? Он выставляет признаки как истинного пастыря, так и волка — губителя, и таким образом показывает о Самом Себе, что Он добр, ссылаясь во свидетельство на дела. — Сначала Он излагает отличительные свойства губителя. Он, говорит, не входит дверью, то есть Писаниями, ибо он не свидетельствуется ни Писаниями, ни пророками. Писания поистине суть дверь; ибо мы чрез них приближаемся к Богу. Они не позволяют входить волкам, ибо отлучают еретиков, поставляя нас в безопасности и сообщая нам знание обо всем, о чем пожелаем. Итак, вор — тот, кто не входит чрез Писания во двор овчий, чтобы заботиться об овцах, но восходит инде, то есть сам себе прокладывает дорогу иную и необычайную, как, например, Февда и Иуда. Они пред пришествием Христовым обманули народ, погубили его и сами погибли (Деян. 5, 36. 37). Таков будет и скверный антихрист. Ибо у них свидетельство не из Писаний.

Намекает и на книжников, которые не выполняли ни одного слова из заповедей закона, а учили заповедям человеческим и преданиям. Прилично сказал: восходит. Это идет к вору, который перепрыгивает через ограду и делает все с опасностью. Это — признаки разбойника. — Вот и признаки пастыря. Пастырь входит через Писания, и придверник отворяет Ему. Под придверником разумею, пожалуй, и Моисея, ибо ему вверены были слова Божии. Моисей отворил дверь Господу, без сомнения, тем, что говорил о Нем. Сам Господь сказал: если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне (Ин. 5, 46). Или придверник есть Дух Святой. Так как Писания, понимаемые при озарении от Духа Святаго, указывают нам Христа, то справедливо — Дух Снятый придверник. Им, как Духом премудрости и знания, отворяются Писания, чрез которые Господь входит в попечение о нас и чрез которые Он оказывается Пастырем. И овцы слушаются голоса Пастыря. — Фарисеи часто называли Господа обманщиком и доказывали это своим собственным неверием, говоря: неужели кто-нибудь из начальников уверовал в Него (Ин. 7, 48)? Посему Господь показывает, что не Его нужно считать губителем за то, что они не веруют, а их нужно исключить из числа овец. Я, говорит, вхожу дверью. Очевидно, Я поистине Пастырь. Вы не последовали за Мною и тем показали о себе, что вы не овцы. Откуда же выводит Своих овец? Из среды неверных, как, например, извел из среды иудеев слепца, который и услышал Его, и узнал Его. — И идет перед овцами, хотя у телесных пастухов бывает наоборот, ибо они ходят позади овец. Сим показывает, что Он всех приведет к истине. И учеников, как овец, посылает в средину волков (Мф. 10, 16). Так, подлинно, пастырское служение Христа необычайно. За чужим не пойдут, потому что не знают чужого голоса. И здесь, без сомнения, намекает на Февду и Иуду, за которыми овцы не последовали, ибо немногие были обольщены, да и те, по смерти их, отстали. А за Христом и при жизни, и в особенности после смерти, ходил весь мир (Ин. 12, 19). — Намекает и на антихриста, ибо и он немногих обольстит, а после своей гибели не будет иметь последователей. Слова: «не идут» показывают то, что по смерти обманщиков никто не будет внимать или следовать. Итак, Писания суть дверь. Чрез эту дверь Господь выводит овец на пастбище. Какое же пастбище? Будущее наслаждение и успокоение, в которое Господь вводит нас. Если в иных местах Он и Самого Себя называет дверью, сему не нужно дивиться. Ибо, когда Он хочет изобразить Свое попечение о нас, Он называет Самого Себя пастырем, а когда хочет показать, что Он приводит к Отцу, тогда называет Самого Себя дверью, подобно тому, как Он же в разных смыслах есть и Овца, и Пастырь. Еще под дверью разумеются слова божественных Писаний; а Господь Сам есть и называется Слово; следовательно, может быть назван и Дверью.

Сию притчу сказал им Иисус. Но они не поняли, что такое Он говорил им. Итак, опять Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их.

Иисус сказал им в этих словах притчу, или сравнение, и употребил неясную речь для того, чтобы сделать их более внимательными. Когда же достиг этого, то разрешает неясность и говорит: Я — Дверь. «Все, сколько их ни приходило». Сие сказал не о пророках, как безумствуют манихеи. Они пользуются сим изречением для доказательства того, что Ветхий Завет не от Бога, и пророки не были посылаемы Богом. Вот, говорят, Господь сказал, что все, сколько ни приходило, суть воры и разбойники. Но Он сказал это не о пророках, а о Февде и Иуде, и прочих возмутителях. А что сказал о них, это видно из того, что прибавил: «овцы не послушали их». Ибо овцы не послушали этих возмутителей, а пророков послушали,

и, сколько ни уверовало во Христа, все чрез них уверовали. И иначе: «овцы не послушали их». Сказал это в похвалу. Но нигде не видно, чтобы Он хвалил тех, которые не слушали пророков, напротив, Он сильно осуждает и обличает их. Потом, обрати внимание на точность выражения: сколько «ни приходило», а не говорит: сколько «ни (было) послано». Ибо пророки приходили потому, что были посланы, а лжепророки, как и вышесказанные мятежники, приступали к развращению обольщаемых тогда, как никто их не посылал. Так и Бог говорит: Я не посылал их, они бежали (Иер. 23, 21).

Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет.

Кто Мною, дверью, войдет и приведется к Отцу, и станет Его овцою, тот спасется, и не только спасется, но и получит великую неустрашимость, как и Господь, и Владыка. Ибо это обозначает словами: «и войдет, и выйдет». Так и апостолы смело входили и выходили пред повелителей, и выходили радостными и непобедимыми (Деян. 5, 41). «И найдет пастбище», то есть обильную пищу. И иначе: так как наш человек двойствен, по выражению апостола Павла, внутренний и внешний (Рим. 7, 22; 2 Кор. 4, 16), то можно сказать, что входит тот, кто заботится о внутреннем человеке, и тот опять выходит, кто члены, которые на земле, и дела плотские умерщвляет во Христе (Рим. 8, 13). Такой найдет пастбище и в будущем веке, по сказанному: Господь пасет меня, и ни в чем не будет у меня недостатка (Пс. 22, 1).

Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить; Я пришел для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком. Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец; а наемник не пастырь, которому овцы не свои, видит проходящего волка и оставляет овец и бежит; и волк расхищает овец и разгоняет их. А наемник бежит, потому что наемник, и не радит об овцах.

Так как приставшие к Февде и Иуде, и прочим отступникам были убиты и погибли, то прибавил: вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить, называя ворами их и подобных им. А Я, говорит, пришел для того, чтобы имели жизнь. Они убивали и погубляли своих последователей, а Я пришел, чтобы жили и имели нечто большее, именно: причастие Святаго Духа, под чем нужно разуметь и Царство Небесное. Итак, во Христе все имеют жизнь, ибо все воскреснут и будут жить; а праведники получают и нечто большее, именно: Царство Небесное. Потом ведет речь и о страданиях и говорит: Я жизнь (душу) Мою полагаю за овец, — выражая сим, что Он идет на страдания не по принуждению, а добровольно. Словом «полагаю» показывает, что никто ее не отнимет у Меня, а Я Сам отдаю ее. Намекает и на мятежников, не раз упомянутых. Они, говорит, не положили жизни за овец, но оставили своих последователей, ибо были наемники. А Сам Господь поступил наоборот. Когда взяли Его, Он сказал: если Меня ищете, то оставьте сих, пусть идут, чтобы исполнилось слово, что никто из них не погиб (Ин. 18, 8; 17, 12) и притом тогда, когда иудеи пришли на Него хуже, чем волки на овец. Ибо пришли, сказано, с мечами и кольями, чтобы взять Его (Лк. 22, 52). Под волком здесь можно разуметь и мысленного врага, которого Писание называет и львом (1 Пет. 5, 8), и скорпионом (Лк. 10, 19), и змием (Быт. 3, 1; Пс. 90, 13). Говорится, что он «похищает» овцу, когда пожирает кого-нибудь чрез худое дело; «разгоняет» когда посредством злых помыслов смущает душу. Справедливо можно назвать его и вором, который «обкрадывает» чрез лукавые помыслы, «убивает» чрез соглашение с ними, «погубляет» чрез дело. Иногда приражается к кому-нибудь помысл злобный, это будет

воровство. Если человек согласится с лукавым внушением, тогда, можно сказать, диавол убивает его. Когда же человек на деле совершит зло, тогда он погибает. Может быть, и это значат слова: вор приходит только для того, чтоб украсть, убить и погубить. — Господь делает совсем иначе, чем этот вор. Он дает божественную жизнь, освещает и помыслы наши добрыми внушениями, и тела добрыми делами; дает и нечто преизбыточествующее, именно то, что мы можем приносить и другим пользу посредством дара учительского, а также и Царство Небесное, как бы придавая нам некоторую лишнюю награду. Он подлинно Добрый Пастырь, а не наемник, каковы начальники иудейские, которые не заботятся о народе, а имеют в виду только то, чтобы получить с него плату. Ибо они искали не пользы народу, а себе прибыли от народа.

Я семь Пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня. Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец. Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести, и они услышат голос Мой: и будет одно стадо, и один Пастырь.

И отсюда ты можешь узнать различие между пастырем и наемником. Наемник не знает овец, что происходит оттого, что он не надзирает за ними постоянно. Ибо если бы он постоянно смотрел, то знал бы их. А пастырь, каков Господь, знает своих овец, потому и печется об них, и они опять знают Его, потому что пользуются Его надзором и по привычке узнают своего Покровителя. Смотри. Прежде Он узнает нас, а потом уже мы Его. И не иначе можно познать Бога, как быв познанными от Него (1 Кор. 13, 12). Ибо Он прежде усвоился нам плотию, став Человеком, потом уже мы усвоились Ему, получив дар обожения. Желая показать, что неверовавшие недостойны быть познанными от Бога и не суть овцы Его, Он сказал: Я знаю Моих, и Мои знают Меня, как написано: познал Господь Своих (2 Тим. 2, 19). Чтобы кто-нибудь не подумал, что Он узнавал, как человек. Он присовокупил: как Отец знает Меня, и Я знаю Отца, то есть: Я так верно знаю Его, как Сам Себя. Часто повторяет: «Я жизнь Мою полагаю за овец» для того, чтобы показать, что Он не обманщик. Ибо выражения: «Я Свет, Я Жизнь» для немисленных казались надменными, Но слова: «Я хочу умереть» не заключают никакого самохваления, а, напротив, выражают великое попечение, так как Он хочет предать Себя за людей, которые бросали в Него камнями. — «Есть у меня и другие овцы». Это говорит об язычниках. Они не того двора, который под законом. Ибо язычники не ограждаются законом. «И тех надлежит Мне привести». Ибо и эти в рассеянии, и те не имеют пастырей. И благоразумные, и способнейшие к вере из иудеев были без пастырей, следовательно, тем более, язычники. Мне «надлежит» собрать и язычников, и иудеев. Слово «надлежит» здесь означает не принуждение, а то, что непременно последует. «И будет одно стадо, и один Пастырь». Во Христе Иисусе нет ни иудея, ни язычника (Гал. 3, 28), и никакого различия. Ибо у всех один образ, одна печать крещения, один Пастырь, Слово Божие и Бог. Пусть устыдятся манихеи, отвергающие Ветхий Завет, и услышат, что одно стадо и один Пастырь; ибо Один и Тот же Бог Ветхого и Нового Завета.

Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее; имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. Сию заповедь получил Я от Отца Моего. От этих слов опять произошла между Иудеями распря. Многие из них говорили: Он одержим бесом и безумствует; что слушаете Его? Другие говорили: это слова не бесноватого; может ли бес отверзать очи слепым?

Так как Его называли чуждым Отцу, обманщиком и губителем, а не Спасителем душ, то настоящими словами Он объявляет: Я не губитель ваш, а готов за вас все претерпеть, если уже не по другому чему, то потому, что Бог возлюбил вас столько, что и Меня Он любит за то, что Я умираю за вас. Как же Я буду обманывать вас, когда знаю, что вас Бог любит? Напротив, не лучше ли решусь умереть за вас, если не для иного чего, то для того, чтобы Отец Мой за это еще более возлюбил Меня? Говорит это так уничижение из снисхождения, потому что слушатели не принимали, когда Он говорил о Себе возвышенно. Придавать другой смысл этому изречению было бы нелепо. Ибо, неужели Отец прежде не любил Его, а начал любить только теперь, и причиной сему стала смерть Его за нас? Нет; а, как я сказал уже, Он выразился таким образом по снисхождению. Иной может сказать и следующее. Любовь к нам Бога и Отца была известна. А Бог и Отец увидел, что и Сын Его явил к нам такую же доброту, ибо восхотел и умереть за нас, и в точности сохраняет свойства благодати Отчей, Посему Отец по справедливости возлюбил Сына, возлюбил не в качестве дара Сыну и как бы награды за Его смерть за нас, но потому, что увидел в Сыне сродство Существов Самим Собою, и потому любить Сына был побуждаем как бы непреодолимым законом природы. Ибо еще ли не дело великой любви к нам явил Сын, когда принял за нас поносную смерть, и не только смерть, но и опять принял жизнь, чтобы умертвить смерть и чрез Воскресение Свое нас соделать бессмертными? Итак, когда говорит, что Отец любит Меня за то, что Я умираю за вас, то сим выражает, что Отец как бы веселится и радуется тому, что Сын похож на Него и имеет к людям такую же любовь, какую и Он. — «Жизни Моей никто не отнимет у Меня». Говорит это для тех, которые намеревались убить Его. Вы, говорит, жаждете Моей крови; но знайте твердо, что без Моей воли никто не может пролить ее. Чтобы кто-нибудь не подумал, что Он умирает, как раб и слуга, по приказанию другого и вследствие подчинения сему, то говорит: Я Сам властен в Моей смерти, как Владыка смерти. Я имею власть отдать жизнь Мою. Хотя каждый из вас имеет власть отдать жизнь свою, ибо всякому желающему можно умертвить самого себя, но Господь говорит не об этом способе смерти, а о том, что без Его воли никто не мог бы сделать этого. У людей так не бывает. Ибо и без нашей воли другие могут умертвить нас. А Христос без Своей воли никогда не пострадал бы. Посему, подчиняясь смерти только по собственному изволению, Он имеет и большее право — опять принять жизнь. — Сию заповедь «умереть за мир» Я получил от Отца. Я, говорит, не противник Богу, и притом до такой степени, что эта самая смерть заповедана Мне Отцом. Прежде сказал Он о себе высокое: Я имею власть принять жизнь Мою, что показывает в Нем Владыку смерти и Начальника жизни. Теперь присовокупляет смиренное: заповедь сию Я получил от Отца Моего. Так дивно Он соединяет то и другое, чтобы не почли Его меньшим Отца и рабом Его, чтобы почли не противником Богу, но равносильным Ему и единовольным. Такая речь Его действительно послужила на пользу многим из слушателей. Между ними произошло разделение. Одни, для которых эти слова Его казались загадочными, думали, что Он без разумения. Другие, понимая несколько, говорили: это слова не бесноватого. Так как Господь словами не мог заградить им уста (ибо и благоразумные ни сами не поняли вполне слов Его, ни убедили бы своих противников), то пытаются защитити Христа делами и говорят, что это слова не бесноватого. Откуда же это видно? Из дел. Неужели бес может открывать глаза слепым? А если дело это божеское, таковы же непременно и слова. Почему же Христос ничего не отвечал тем, которые говорили, что Он беснуется? Потому, что и противники их и защитники Его не могли заставить их молчать и быть для них более достоверными. Так как они разделились и восстали друг против друга, то к чему еще было и Ему противоречить хульникам, когда притом Он нисколько не будет иметь от них доверия?

Настал же тогда в Иерусалиме праздник обновления, и была зима. И ходил Иисус в храме, в притворе Соломоновом. Тут Иудеи обступили Его и говорили Ему: долго ли Тебе держать нас в недоумении? Если Ты Христос, скажи нам прямо. Иисус отвечал им: Я сказал вам, и не верите: дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне. Но вы не верите, ибо вы не из овец Моих, как Я сказал вам.

Какое обновление было в Иерусалиме? Одни говорят, что обновление праздновали в тот день, в который был устроен храм Соломонов. Другие же говорят не так, но что евангелист понимает здесь обновление храма, созданного после возвращения из плена. Праздник этот был светлый и многолюдный. Так как город, после продолжительного плена, получил в храме как бы собственное украшение, то день обновления храма считали днем радости. На этот праздник прибыл и Иисус. Теперь Он уже часто ходил в Иудее, потому что страдания были при дверях (близко). — Была зима, и после этой зимы в первый весенний месяц Господь пострадал. Посему и евангелист заметил это время, с целью показать, что время страдания было близко, и потому Господь прибыл в Иерусалим. Иудеи окружили Его и, по-видимому, от некоторого усердия к Нему и желания узнать истину, просят сказать им: Христос ли Он; но на самом деле вопрос их был праздный и злонамеренный. Ибо тогда как дела Его доказывают, что Он — Христос, они для убеждения требуют слов. Это скорее свойственно шалунам и насмешникам. Впрочем, вопрос их, полный неблагодарности и притворства, обнаруживает их развращение. Говорят: скажи нам «прямо». Между тем Он много раз говорил прямо, когда приходил на праздники, и ничего не говорил тайно, называл Самого Себя Сыном Божиим и Светом, и Путем, и Дверью и ссылался на свидетельство Моисея. Посему, уличая их в том, что они спрашивают со злым намерением, Господь отвечает им: Я многократно говорил вам, и вы не верите. — И иначе: что притворяетесь, будто послушаетесь одного простого слова? Вы не принимаете дел, которые творю Я не как противник Богу, но во имя Отца Моего. Как же вы поверите одному простому слову? Ибо несомненно, что дела гораздо убедительнее, чем слова. Это высказывали и умереннейшие из них: не может человек грешный творить такие чудеса (Ин. 9, 16). — Вы, говорит, не веруете Мне потому, что вы не из Моих овец. Я, как добрый пастырь, со Своей стороны исполнил все, что Мне должно было сделать; если же вы не следуете за Мною, то не Я недостойн звания пастыря, но вы недостойны звания овец. — Доколе стоит зима, то есть настоящая жизнь, которая всегда имеет смущения от духов злобы, старайся и ты праздновать обновление своего духовного храма, постоянно обновляясь и полагая восхождения в сердце своем (Пс. 23, 6). Тогда придет к тебе Иисус и поможет совершить праздник обновления сего, в притворе Соломоновом, охраняя тебя Своим покровом и подавая тебе мир от страстей. Ибо Он Сам будет Соломоном, что значит «мирный». Итак, кто, по выражению пророка (Пс. 90, 1), водворяется в крове Христа, Мирного, с тем Сам Христос празднует обновление души его, доколе продолжается зима, то есть настоящая жизнь. Ибо будущий век подобен весне; тогда все оживет и получит новое бытие; тогда никто не может обновить душу; все такие дела окончатся с настоящим веком.

Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их, и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей. Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки Отца Моего. Я и Отец — одно.

Сказав им, что они не из овец Его, теперь склоняет их сделаться овцами Его. Для сего и

прибавляет: овцы Мои слушают гласа Моего, и они идут за Мною. Потом, подстрекая их, сказывает и то, что получают идущие за Ним. Я, говорит, даю им жизнь вечную, и они не погибнут вовек и прочее. Конечно, такими словами Он возбуждает их и внушает им ревность и желание следовать за Ним, коль скоро Он подает такие дары. — Почему, говорит, они не погибнут? Потому, что никто не может похитить их из руки Моей; ибо Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех, и из руки Его никто не может похитить их, а потому и из Моей руки. Ибо Моя и Отчая рука — одна, Я и Отец одно, то есть по власти и силе. «Рукою» называет власть и силу. Итак, Я и Отец одно по Естеству и по Существованию, и по власти. Так поняли и иудеи, что Он сими словами объявляет Себя Единосущным Богу, и за то, что Он делает Себя Сыном Божиим, схватили камень, чтобы побить Его. — Но спросит иной: как Господь сказал, что никто не похитит их из руки Отца Моего, тогда как мы видим, что многие погибают? На это можно ответить, что похитить из руки Отца никто не может, а обольстить могут многие. Ибо насильно и самовластно никто не может отвлечь их от Отца, Бога; а по обольщению мы каждый день запинаемся. Как же говорит: «овцы Мои пойдут за Мною, и они не погибнут»? А между тем мы видим, что погиб Иуда. Но он погиб потому, что не последовал за Иисусом и не пребыл до конца овцою. А Господь говорит об истинных Своих последователях и овцах, что они не погибнут. Если же кто-нибудь отстанет от стада овец и перестанет следовать за Пастырем, тот вскоре погибнет, Случившееся с Иудою можно употребить и против манихеев, Иуда был святым и овцою Бога, но отстал: отпал именно по своему выбору и самовластью. Значит, зло или добро существует не по природе, но является и прекращается от свободного произволения.

Тут опять Иудеи схватили камень, чтобы побить Его. Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом. Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: «Я сказал: вы боги» (Пс. 81, 6)? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, — тому ли, которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что я сказал: Я Сын Божий?

Так как Господь сказал, что Я и Отец — одно, разумеется, по власти и силе, и показал, что рука Его и Отца одна, то иудеи сочли это за богохульство и хотели побить Его камнями за то, что Он делает Себя равным Богу. Господь, обличая их и показывая, что они не имеют никакой благословной причины к неистовству против Него, но ярятся напрасно, напоминает им о чудесах, какие Он совершил, и говорит: Я показал вам много добрых дел; за которое из них хотите побить Меня камнями? Они отвечают: мы хотим побить Тебя камнями за богохульство, за то, что Ты делаешь Себя Богом. Он не отрицает этого, не говорит, что Я не делаю Себя Богом, Я не равен Отцу, но еще более утверждает их мнение. А что Он Бог, доказывает это тем, что написано в законе. Законом же называет и книгу Давида, равно как и все Писание. Слова Его имеют такой смысл: если получившие обожение по благодати суть боги (Пс. 81, 6), и это не поставляется им в вину, то какая справедливость, когда вы осуждаете Меня, Который по естеству — Бог, Которого Отец освятил, то есть определил на закание за мир? Ибо отделенное Богу называется святым. Очевидно, когда Отец освятил Меня и определил на спасение мира, Я не равен прочим богам, но есмь истинный Бог. Если же и те, к которым было Слово Божие, то есть Я, ибо Я — Слово Божие, и Я, вселившись в них, даровал им сыноположение, если они суть боги, то тем более Я могу без всякой вины

называть Себя Богом, Я, Который по Естеству Своему Бог, и прочим дарую обожение. — Да постыдятся сих слов ариане и несториане. Ибо Христос есть Сын Божий и Бог по Существу и Естеству, а не тварь, и дает обожение прочим, к которым было Слово Божие, а не обожается Сам по благодати. Очевидно, Он настоящими словами отличает Себя от обожаемых по благодати и показывает, что обожение даровал им Он, будучи Слово Божие и вселившись в них. Ибо это обозначается словами: «к которым было Слово Божие», с которыми было, в которых обитало. Как же Я богохульствую, когда называю Себя Сыном Божиим? Ибо хотя Я ношу плоть и происхожу от потомства Давидова, но вы не знаете тайны и того, что плотское естество человеческое не иначе могло принять беседу с Богом, как только если Он явится ему во плоти, как бы под завесою.

Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем.

Хотите ли вы, говорит, познать Мое равенство с Отцом? Равенство по Существу вы не можете познать, потому что познать Существо Божие невозможно; но равенство и тождество дел примите за доказательство тождества силы; ибо дела будут для вас свидетельство о Моем Божестве. И вы узнаете и поверите, что Я не иное что, как Отец. Ибо, пребывая Сыном и отличаясь Лицом, Я имею одно и то же Существо; равно как и Отец, пребывая Отцом и отличаясь Лицом, есть не иное что, как Сын, разумеется, по Существу и Естеству. Хотя Мы и различаемся Лицами, но Лица неразлучны и нераздельны, а Отец и Сын пребывают один в другом неслитно. У нас отец существует отдельно от сына, хотя и одно по природе. Но в Лицах божеских не так, как у нас; а Они пребывают одно в другом неслитно. Посему о нас и говорится: «три человека», ибо мы — отдельные Лица, а не составляем собственно одно; а о Святой Троице говорится: «един» Бог, а не три, потому что Лица неслитно сопребывают Одно с Другим. Прибавь к сему тождество воли и хотения.

Тогда опять искали схватить Его; но Он уклонился от рук их и пошел опять за Иордан, на то место, где прежде крестил Иоанн, и остался там. Многие пришли к Нему и говорили, что Иоанн не сотворил никакого чуда; но все, что сказал Иоанн о Нем, было истинно. И многие там уверовали в Него.

Ищут схватить Господа, не перенося Его высокого свидетельства о Самом Себе, ибо они не терпели превосходного Его богословия. Но Он удаляется, уступая гневу их и устроая так, чтобы чрез Его удаление страсть гнева их утихла. Удаляется вопреки воле их, с целью показать (о чем мы многократно говорили), что Он не был бы взят и на крест, если бы не предал Сам Себя добровольно. Куда же удаляется? За Иордан, в то место, где крестил Иоанн. Не без цели Он удалился сюда, но с тем, чтобы многим напомнить о том, что там произошло и что Иоанн говорил о Нем. Что пребывание Его здесь многим принесло пользу, это видно из того, что Евангелист прибавляет: «и многие пришли к Нему» и, вспомнив об этом месте, говорили: Иоанн никакого чуда не сотворил. Слова их имеют такое значение: если мы верили тому (Иоанну), хотя он не сотворил никакого чуда, то гораздо более должно верить Этому (Иисусу), так как Он совершил столько чудес. Поелику уже Иоанн свидетельствовал о Христе, а чуда никакого не сотворил и потому мог быть сочтен недостоверным, то евангелист прибавляет: все, что ни сказал о Нем Иоанн, было истинно. Придают веру же не Иисусу по свидетельству Иоанна, а Иоанну по делам, которые сотворил Иисус. Посему,

говорит, многие уверовали там. Слово «там» показывает, что место это принесло им много пользы. Посему-то Иисус часто выводит народ в пустынные места и удаляет его от сообщества злых людей, чтобы больше могло быть плода. Так, кажется, сделал Он и в Ветхом Завете: вывел из Египта и в пустыне образовал и устроил народ, дав ему Закон. — Примечай, что удаление Христа совершается и в духовном смысле. Он удаляется из Иерусалима, то есть от иудейского народа, и переходит в место, имеющее источники, то есть в Церковь из язычников, имеющую источники крещения. И приходят к Нему многие, переходя через крещение. Ибо «за Иордан» означает это, то есть переход чрез крещение. Ибо никто не приходит к Иисусу и не делается истинно верным иначе, как прошедши чрез крещение, которое обозначается Иорданом.

Глава одиннадцатая

Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа, сестра се. Мария же, которой брат Лазарь был болен, была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими. Сестры послали сказать Ему: Господи! вот, кого Ты любишь, болен.

Один только Иоанн рассказывает эту историю. Рассказывает же для того, чтобы научить нас не соблазняться, если какая-нибудь болезнь постигнет людей усердных и боголюбивых. Ибо Лазарь был друг Христов, однако же и он был болен. Нужно знать и то, что сия Мария, помазавшая Господа миром, не была ни блудница, упоминаемая у евангелиста Луки (7, 37-50), ни женщина, упоминаемая у евангелиста Матфея (26, 7), но иная, не блудница, но честная, боголюбивая и усердная. Ибо она заботилась о принятии Христа и служила Ему, как сам Иоанн потом (12, 2) свидетельствует. Господь о ней же свидетельствует, что она избрала благую часть, как замечает евангелист Лука (10, 42). Сестры сии были так чудны и достопочтенны, что и Лазарь сделался известным более из-за них. Ибо Лазарь, сказано, был из Вифании, из селения Марии и Марфы. Почему же они посылают звать Иисуса, а не идут к Нему сами, подобно сотнику и цареву мужу? Потому, что они крепко надеялись на Христа, потому что они были слабые женщины и не прилично было им выходить из дому, потому что и они одержимы были скорбью и заняты были заботою около брата. А что они сделали так не по небрежению, это оказывается из последующего, ибо они оказывают Христу великую честь и уважение и приносят твердую молитву. «Вот, кого Ты любишь». Говорят так для того, чтобы именем дружбы вернее преклонить Господа к состраданию. Такое выражение сих жен обнаруживает и некоторую веру их. Они так уверены в величии силы Господней, что для них удивительно, как болезнь коснулась человека, любимого Им. Ибо удивительным как-то представляется, что болен тот, кого Ты, Господи, любишь.

Иисус, услышав то, сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится чрез нее Сын Божий. Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря. Когда же услышал, что он болен, то пробыл два дня на том месте, где находился.

Поелику Иисус намеревался пробыть на том месте два дня, то и говорит, что «эта болезнь не к смерти», хотя она послужила к смерти; говорит для того, чтобы обнадежить вестников и преподавать им как бы некоторое утешение, чтобы они не настаивали и не тужили. Для сего-то и говорит: «Эта болезнь не к смерти». И иначе. Если внимательно всмотришься, то болезнь сия не была к смерти, — такой, какою умирают многие, то есть к смерти

долговременной, — но — привременной и продолжавшейся четыре дня. Поелику же на четвертый день Лазарь воскрес, то, взирая на конец дела, мы говорим: сия болезнь не к смерти. «Но к славе Божией, да прославится чрез нее Сын Божий». Видишь ли, у Отца и у Сына одна слава. Ибо, сказав: «К славе Божией», прибавил: «да прославится Сын Божий», ибо слава Бога, то есть Отца, ничем не разнится от славы Сына. Следовательно, и Сын есть собственно и истинно Бог так же, как и Отец, ибо у кого одна слава, у тех одно и Существо. Да постыдятся ариане и сего изречения. «Да прославится». Это понимай не как причину, а как событие и окончание дела (о чем мы и говорили не раз). Ибо не для того Лазарь был болен, чтобы прославился Бог, но с Лазарем случилась болезнь, а Господь обратил ее к славе Божией. «Пробыл два дня» для того, чтобы Лазарь умер, чтобы никто не мог сказать, что с ним был крепкий сон, изнеможение и исступление, а не смерть. Посему-то Господь и остается столько времени, что началось уже разложение, и сама сестра говорит, что «уже смердит» (ст. 39).

После этого сказал ученикам: пойдем опять в Иудею. Ученики сказали Ему: Равви! давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда? Иисус отвечал: не двенадцать ли часов во дне? кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего; а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним.

В иных случаях Господь никогда не высказывал вперед, куда Он намерен пойти, а только здесь вперед объявляет, кажется, потому, что ученики Его очень боялись идти в Иудею. Объявляет вперед, чтобы они не смутились неожиданностью, если бы Он внезапно повел их в страну, в которую идти они боялись. Так как они боялись и за Него, ибо не имели еще совершенного познания о Нем и боялись за самих себя, то говорят Ему: давно ли иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда? Господь ободряет их и говорит: как тот, кто видит свет, не спотыкается, а спотыкается тот, кто ходит ночью так и тот, кто творит добро и ходит в делах света, не подвергнется никакое беде, а кто творит злое, тот потерпит беду; посему вам нет нужды бояться, ибо мы не сделали ничего достойного смерти. Или еще иначе: если тот не спотыкается, кто видит этот свет, тем более не споткнется тот, кто пребывает со Мною, если только сам не отстанет от Меня. Посему и вы, пребывая со Мною, Светом истинным, напрасно боитесь. Иные под «днем» разумеют время до страдания, а под «ночью» время страдания. Итак, говорит, доколе идет «день», то есть пока еще не настало время страдания, вы не споткнетесь, ибо не встретите гонения от иудеев, ни другой как-нибудь неприятности. А когда придет «ночь», то есть страдания Мои, тогда вы смятенные соберетесь в одном домике из опасения иудеев. С того времени вы будете испытывать скорби и болезни, и много озлоблений и неприятностей. Когда Я — Свет — не буду уже с вами жить телесно, то обоймет вас ночь скорбей.

Сказав это, говорит им потом: Лазарь, друг наш уснул; но Я иду разбудить его. Ученики Его сказали: Господи! если уснул, то выздоровеет. Иисус говорил о смерти его; а они думали, что Он говорит о сне обыкновенном. Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер: и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдем к нему. Тогда Фома, иначе называемый Близнец, сказал ученикам: пойдем и мы умрем с Ним.

Так как ученики Господа боялись идти в Иудею, то Он говорит им: иудеи искали побить Меня камнями за то, что Я опровергал их и обличал. Но ныне Я иду не за тем, чтобы обличать

их, а за тем, чтобы посетить своего друга. Посему нет нужды бояться. Я иду не за тем, за чем ходил прежде, чтобы ожидать опасности со стороны иудеев, а иду разбудить друга. Ученики, желая удержать Его от путешествия туда, говорят: довольно, если он уснул; если уснул, то выздоровеет; посему нам не нужно ходить, ибо нет необходимости. Хотя Господь, говоря о Лазаре, для того и прибавил: «друг Мой», чтобы показать необходимость быть там, но ученики утверждают, что посещение Его не нужно, так как он может выздороветь и оттого, что уснул. Еще более, говорят, Пришествие Твое не только не необходимо, но и вредно для друга. Ибо если сон, как нам думается, служит к его выздоровлению, а Ты пойдешь и разбудишь его, то Ты попрепятствуешь его выздоровлению. Итак, не нужно ходить и будить, ибо это вредно. Господь, видя, что ученики Его доселе еще не понимают Его, прямо говорит, что Лазарь «умер». Для чего же Он прежде выразился не прямо, а прикровенно, смерть назвал «сном»? По многим побуждениям. Во-первых, по смиренномудрию, ибо не хотел показаться хвастливым, а прикровенно назвал воскрешение разбуждением от сна. Как же бы употребил Он это выражение, если бы смерть не назвал сном? А что это справедливо, то есть, что Он выразился прикровенно по смиренномудрию, это видно из последующего. Ибо, сказав, что Лазарь «умер», Господь не прибавил: пойду, воскрешу его. Видишь ли, как Он не хотел на словах хвалиться тем, что намерен был подтвердить самым делом? В то же время Господь учит нас и тому, чтобы мы не были поспешны в своих обещаниях. Ибо, если при просьбе сотника (об исцелении слуги его) Господь и дал обещание, сказав: Я приду и исцелю его (Мф. 8, 5-6), то сказал это для того, чтобы обнаружить веру его. Итак, это — первая причина, по которой Господь смерть назвал сном. Другая — та, чтобы показать нам, что и всякая смерть есть сон и успокоение. Третья — та, что хотя кончина Лазаря для прочих и была смертью, но для Самого Иисуса, поколику Он намеревался воскресить его, она была не более, как сон. Как нам легко разбудить спящего, так, и еще в тысячу раз более, для Него удобно воскресить умершего. «Радуюсь, — говорит, — за вас», что вы можете отселе более увериться в Божеском достоинстве Моем из того, что Я не был там и нахожусь далеко оттуда, однако вперед говорю вам, что в Вифании последовала смерть, и говорю так, не на слух основываясь, но, как Бог, Сам прозревая случившееся в далеком расстоянии. Некоторые слова Господа: «радуюсь за вас» понимали так: что Я не был там, это послужит для утверждения вас в вере. Ибо, если бы Я был там, Я исцелил бы больного. Чудом было бы и это, но оно показало бы мало силы Моей. А теперь, когда Меня там не было и последовала смерть Лазаря, а Я пойду и воскрешу его, вы должны более утвердиться в вере в Меня. Ибо увидите, что Я силен делать и то, чего прежде еще не явил, именно: воссоздать и воскрешать мертвеца, уже разложившегося и издающего гнилой запах. Когда Господь сказал это и доказал ученикам необходимость Своего шествия в Иудею, тогда Фома, боявшийся более прочих, говорит: «пойдем и мы умрем с Ним». Ибо эти слова выражают не бодрость, а страх и малодушие. Чтобы и прочих соучеников приостановить, он напоминает им о смерти и намеренно прибавляет: «умрем», говоря как бы так: и мы, глупые, безумные и не заботящиеся о своем спасении и жизни, пойдемте, чтобы умереть с Ним. Пусть Он недорого ценит Свою жизнь; поэтому и мы должны быть неблагоразумны? Такие речи приличны боязливому. Но посмотри на него впоследствии. Он, как апостол, заклан был за истину. Благодать Божия так «укрепила» его, что и к нему можно приложить слова апостола Павла: «способность наша от Бога» (2 Кор. 3, 5), и «не я, но благодать» (1 Кор. 15, 10). А Ориген говорит о Фоме нечто, похожее на сон, Фома, — говорит он, — узнав пророчества о Христе и уразумев, что Он с душою сойдет в ад для освобождения душ, когда услышал, что Господь идет разбудить Лазаря, то подумал, что Он может разбудить его то есть освободить душу его, не иначе, как если Сам отложит тело и сойдет в ад. Посему, как искренний ученик Христов, не желающий и

В этом отстать от своего Учителя, он и прочим соученикам советует и сам вызывается сложить тело свое, чтобы сойти в ад вместе с Иисусом, который, по его понятию, положит душу Свою, чтобы душу друга освободить из ада. Такое смешное объяснение приложил я для посрамления тех, которые превозносят все Оригеново. Ибо такое объяснение мудреца — не явное ли пустословие и настоящий сон? А я прошу тебя заметить то, что хотя Лазарь и умер, Господь однако же сказал: «идем к нему», как бы к живому. Ибо для Христа, как Бога, и самый Лазарь был жив.

Иисус пришед нашел, что он уже четыре дня в гробе. Вифания же была близ Иерусалима, стадиях в пятнадцати; и многие из Иудеев пришли к Марфе и Марии утешать их в печали о брате их. Марфа, услышавши, что идет Иисус, пошла навстречу Ему; Мария же сидела дома.

Господь намеренно промедлил, чтобы Лазарю исполнилось четыре дня, потом пошел, чтобы чудо сделать со всех сторон свободным от клеветы. Для чего евангелист прибавляет, что Вифания отстояла от Иерусалима стадиях в пятнадцати? Для того чтобы показать, что действительно многие из иерусалимлян приходили, ибо Вифания была недалеко. Иудеи утешали этих женщин не потому, что любил их Христос (ибо иудеи сговорились уже, чтобы отлучить от синагоги того, кто признает Его за Христа, — Ин. 9, 22), но или по причине тяжести бедствия, или потому, что пришедшие были не из числа злых, от чего многие из них и уверовали. Марфа одна только идет вперед навстречу, а не берет с собою сестру, потому что она хотела наедине увидеться с Ним и рассказать Ему о случившемся. Когда же Господь возбудил в ней добрую надежду, тогда она уходит и зовет сестру. Прежде она не сказывала сестре Марии о приходе Господа для того, чтобы скрыть это от бывших с нею. Ибо, если бы Мария услышала, что идет Иисус, она тотчас пошла бы навстречу Ему, а за нею последовали бы и пришедшие иудеи: но Марфа не хотела, чтобы они узнали о пришествии Иисуса.

Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог. Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресенье, в последний день. Иисус сказал ей: Я семь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир. Сказавши это, пошла и позвала тайно Марию, сестру свою, говоря: Учитель здесь и зовет тебя.

Марфа имела веру во Христа, но не полную, не надлежащую. Посему и говорит: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Сказала это, без сомнения, потому, что не веровала, что Он, если бы захотел, то, и, не присутствуя лично, мог бы предотвратить смерть брата ее. А далее обнаруживает еще большую слабость веры. Ибо говорит: «чего Ты ни попросишь у Бога, даст Тебе». Видишь ли, она считает Его за какого-нибудь человека, добродетельного и угодного Богу. Ибо не сказала: чего Ты ни захочешь, все сделаешь; но: чего ни попросишь, все даст Тебе. Господь же, опровергая такое понимание ее, говорит: «брат твой воскреснет». Не сказал ей: да, Я буду просить Бога, и даст Мне, ни согласился с ее речью, но употребил умеренное выражение. А далее гораздо яснее выставляет Свое могущество и власть; Я, говорит, емь воскресение и жизнь. Поелику Марфа еще не веровала и не поняла смысла слов: «воскреснет брат твой», но подумала, что он воскреснет в

последнее воскресение (а что будет последнее воскресение, это Марфа знала частью из Божественного Писания, а еще более из частых бесед Христовых о воскресении), итак, поелику женщина оставалась еще женщиной, Господь восставляет ее и возбуждает ее веру, как бы умершую, говоря яснее: ты говоришь Мне, что Бог даст Мне все, чего Я ни попрошу у Него. А Я говорю тебе ясно, что Я есмь воскресение и жизнь, так что сила Моя не ограничивается местом, но Я могу равно исцелять, присутствуя на месте и заочно. Ибо Я раздаю блага и не от лица кого-либо другого, но Сам Я воскресение и жизнь, Сам имею силу воскрешать и оживлять. Верующий в Меня, если и умрет этой телесной смертью, оживет, и всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет смертью духовной. Посему не смущайся. Ибо хотя брат твой и умер, но оживет. И что говорю о брате твоём? И вы, если веруете в Меня, не умрете, но будете выше смерти духовной, которая гораздо страшнее. А Кто избавляет от смерти страшной, Тот тем легче избавит умершего брата твоего от смерти менее страшной. Верить ли сему? — спрашивает Господь Марфу. А она, хотя выслушала такие высокие речи, однако не поняла, что сказал ей Господь. Думаю, что от скорби она страдала и непонятливостью. Ибо иное спрашивает Господь, иное отвечает она. Господь спрашивает, верует ли она, что Он есть воскресение и жизнь и что верующий в Него не умрет вовек, будешь ли разуместь смерть духовную или телесную. Ибо о верных, по причине их надежды на воскресение, справедливо говорится, что они не умирают. А что отвечает Марфа? — я уверена, что Ты — Христос, Сын Божий, грядущий в мир. Хорош и справедлив ее ответ, но ответ не на вопрос. Однако же она отсюда получила ту пользу, что укротилась сила ее скорби и уменьшилась ее печаль. — Марфа «тайно» зовет сестру свою; и сделала это весьма благоразумно. Ибо если бы пришедшие к ним иудеи узнали, что Мария идет навстречу Христу, они бы ушли от них, и чудо осталось бы без свидетелей. А теперь иудеи подумали, что Мария идет на гроб плакать, пошли вместе с нею и по необходимости сделались очевидными свидетелями чуда. Марфа говорит Марии: Учитель зовет тебя. А у евангелиста не замечено, что Господь звал ее. Это можно объяснить так, что евангелист умолчал, что Господь повелел Марфе позвать сестру ее, или она самое пришествие Господа почла за приглашение и сказала, что Учитель зовет тебя. Ибо, когда Господь пришел, ужели не следовало ей пойти к Нему? Итак, пришествие Господа, необходимо требующее (от Марии) встречи Ему, евангелист и назвал приглашением. Ибо Учитель говорит, пришел и зовет тебя; и как Он пришел, то самое пришествие Его служит тебе зовом. Ибо, как скоро Он пришел, то и тебе необходимо пойти навстречу к Нему.

Она, как скоро услышала, поспешно встала и пошла к Нему. (Иисус еще не входил в селение, но был на том месте, где встретила Его Марфа.) Иудеи, которые были с нею в доме и утешали ее, видя, что Мария поспешно стала и вышла, пошли за нею, полагая, что она пошла на гроб плакать там. Мария же, пришедши туда, где был Иисус, и, увидевши Его, пала к ногам Его и сказала Ему: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой.

Мария, как скоро узнала, что Иисус пришел, не замедлила, но поспешно встала и пошла к Нему. Отсюда видно, что Марфа прежде не предуведомляла ее, хотя и знала, что Иисус идет. Иисус же еще не пришел в селение, ибо Он шел медленно, чтобы не подумали, что Он Сам напрашивается на чудо, но что Он совершит оное по их просьбе. И как имеющее совершится чудо было велико, совершено не много раз, а многим должно было принести пользу, то Господь устроит так, чтобы многие сделались свидетелями чуда. Ибо евангелист говорит, что иудеи, которые были с нею в доме, пошли за нею. Мария пришла ко Христу с большею

горячностью, чем сестра ее Марфа. Ибо, увидевши Его, она пала к ногам Его, не устыдившись народа, не обративши никакого внимания на то, что некоторые из бывших тут враждебно расположены ко Христу. В присутствии Учителя она отбросила все человечество и заботилась только о том, чтобы почтить Его. Она говорит: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». Марфа же ничего такого не делает, ибо она не падает пред Ним, а, напротив, когда Христос и подает добрую надежду относительно брата, она оказывается неверующею. Хотя и Мария является несовершенною, когда говорит: «если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой», однако Христос не говорит ей ничего такого, что сказал сестре ее, потому что тут было много народа, и не время было для таких речей. Еще более снисходит, ясно показывает в Себе Человеческую природу и обнаруживает ее свойства. Ибо слушай, что говорит евангелист.

Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмутился, и сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! пойди и посмотри. Иисус прослезился. Тогда Иудеи говорили: смотри, как Он любил его. А некоторые из них сказали: не мог ли Сей, отверзший очи слепому сделать, чтобы и этот не умер?

Так как Мария и пришедшие с нею плакали, то природа Человеческая располагалась к слезам и смущалась. Господь же подавляет потрясение в духе, то есть Духом обуздывает смущение и удерживает оное, и делает вопрос, нисколько не обнаруживая слез. Но как Господь скорбел, ибо был воистину Человек и желал удостовериться в действительности Своей Человеческой природы, то позволил ей сделать свое. В то же время Он ограничивает плоть, запрещает ей силой Духа Святаго; но плоть, не вынося запрещения, смущается, вздыхает и предаётся печали. Все это Господь допускает испытать Своему Человечеству частью для того, чтобы утвердить, что Он был Человек по истине, а не по провидению, а частью для того, чтобы научить нас полагать пределы и меру печали и беспечалью. Ибо не иметь сочувствия и слез — свойственно зверям, а проливать много слез и предаваться много печали — свойственно женщинам. И так как Господь воспринял на Себя нашу плоть и кровь (Евр. 2, 14), то принимает участие и в том, что свойственно человеку и природе, и показывает нам меру в том и другом. «Где вы положили его?» — спрашивает Господь не потому, будто не знает (ибо, быв в ином месте и далеко, Он знал же, что Лазарь умер), но для того, чтобы не подумали, будто Он Сам от Себя вызывается на чудо; Он желает узнать все от них и совершить чудо по их просьбе, чтобы освободить оное от всякого подозрения. И как не было еще никакого намека на воскрешение Лазаря и не приходило никому на мысль, что Он идет воскресить его, а не поплакать только, то и говорят Ему: Господи! поди и посмотри. А лукавые иудеи, несмотря на то, что пред глазами их большое несчастье, и при всем этом не оставляют своей злобы, Они говорят: ужели Сей, отверзший очи слепому, не мог сделать, чтобы и этот не умер? Говорят это в уничижение чуда, совершенного над слепорожденным (Ин. 9). Им следовало бы удивляться тому чуду, а они по поводу смерти Лазаря наводят сомнение и на действительность его и, не дождавшись окончания дела, вперед уже произносят обидный приговор. Так зависть растлила умы их.

Иисус же, опять скорбя внутренне, приходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе. Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу Божию? Итак, отняли

камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня.

Для чего евангелист опять замечает, что Иисус плакал и скорбел по сочувствию? Для того чтобы мы знали, что Он истинно облекся в наше естество. Иоанн, сравнительно с прочими евангелистами, возвещает о Господе высшее учение и богословствует нечто великое; посему и из дел Его телесных повествует о более уничиженных. Посему и в скорби Господа он находит много человеческого и тем доказывает истинность плоти Его, чтобы ты познал, что Господь был Бог и вместе Человек. Ибо как Лука подвигом, скорбью и потом Господа (гл. 22), так Иоанн слезами Его доказывает, что Он носил истинную плоть. Для чего Господь не воскресил Лазаря, когда камень лежал еще на гробе? Ибо Кто одним словом воздвиг мертвое тело и одушевил уже начавшего разлагаться, Тот гораздо удобнее мог словом отвалить камень. — «Отнимите камень», — говорит Господь для того, чтобы сделать их свидетелями чуда, чтобы не могли, как прежде о слепорожденном, говорить: «Это — он; это — не он» (Ин. 9, 9). Ибо присутствие на самом месте и отнятие камня своими руками должны были заградить уста неблагонамеренным свидетелям чуда. «Уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе», — сказала Марфа по неверию, потому что считала уже невозможным воскресение брата своего по прошествии стольких дней после его смерти. Так она еще невысока была в вере! Христос же, напоминая ей Свою беседу с нею и как бы укоряя ее в забывчивости, говорит: не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию? Ученикам Своим Господь говорит, что Лазарь умер для того, чтобы прославился чрез сие «Сын Божий» (выше ст. 4), а Марфе говорит: увидишь славу «Божью», разумея Отца. Различные выражения употребляет об одном и том же — по причине немощи слушателей. Здесь находились иудеи. Сказать Марфе, что ты увидишь славу «Сына Божия», Господь нашел неуместным, потому что Его сочли бы тщеславным. А теперь, сказав о славе Отца, Он сделал речь умеренною и удобоприемлемою. Для чего молится Господь или, вернее, принимает вид молитвы? Слушай, как Сам Он говорит: для народа, здесь стоящего, сказал Я сие, чтобы поверили, что Ты послал Меня, то есть для того, чтобы не считали Меня противником Богу, чтобы не говорили, что Я не от Бога, чтобы доказать им, что дело это совершено Мною по Твоей воле. А что именно по этой, а не по другой причине представляется молящимся, то есть для предстоящих, обрати внимание я на самую молитву. «Благодарю Тебя» (Отче!), что «Ты услышал Меня». Ясно, что это не молитва, а только положение и вид молитвы. А что Он не нуждается в молитве, это видно из того, что Он многое иное совершал без молитвы. Например: «тебе говорю, бес! выйди из него» (Лк. 4, 35); еще «хочу, очистишь» (Мф. 8, 3); еще: «прощаются грехи твои» (Мф. 9, 2), а это важнее всего; и морю: «умолкни, перестань» (Мк. 4, 39). Итак, для того, чтобы присутствующие тут поверили, что Он с неба, а не противник Богу, Господь и молится. Ибо, если при таких делах Его, при всесторонних доказательствах единомыслия Его с Отцом, говорили, что Он — не от Бога, чего же не сказали бы, если бы Он не делал ничего такого.

Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет. Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него. А некоторые из них пошли к фарисеям и сказали им, что сделал Иисус.

Господь, более возблагодарив Отца, чем попросив (ибо, как сказано, Он не нуждался в молитве и помощи от нее, потому что равносильен с Отцом), воззвал громким голосом, самовластным и владычным. Ибо не сказал: во имя Отца Моего, Лазарь, иди вон; ни так: Отче! воскреси его; но, как сказано, самовластно, заграждая уста всех, которые говорят, что Он меньше Отца. Ибо что нашлось бы равного такой власти, что Он умершему, как живому, говорит: Лазарь, иди вон? И теперь сбылись на деле слова: наступает время, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут (Ин. 5, 25). Дабы кто-нибудь не подумал, что Христос от другого получил такую силу, Он вперед предсказывает о том, что имел доказать самым делом. Громкий голос Спасителя, воскресивший Лазаря, служит образом великой трубы, которая будет гласить во всеобщее воскресение (1 Кор. 15, 52; 1 Сол. 4, 16). Господь воззвал громко для того, чтобы заградить уста эллинов, пустословящих, будто душа пребывает во гробе (вместе с телом), ибо зовет ее громко, как бы далеко находящуюся. Как было это частное, так и всеобщее воскресение будет вдруг, во мгновение ока (1 Кор. 15, 52). «Вышел, — сказано, — умерший, связанный по рукам и по ногам». Связанному выйти казалось не менее чудно, как и воскреснуть. Итак, к чуду воскресения присоединилось еще чудо — то, что совершенно связанный двигался. Господь повелевает развязать его, чтобы приблизившиеся и коснувшиеся его увидели, что это — он самый. «Пусть, — говорит, — идет он». Это — по нелюбви к славе. Ибо не выводит его (Сам), ни повелевает ходить с Собою, чтобы показаться. Когда чудо совершилось, одни из видевших оно уверовали, а другие объявили фарисеям, без сомнения, с целью опорочить Его, совершившего нечто несправедное, так как Он повелел раскопать погребенного.

Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, — и придут Римляне и овладеют и местом нашим, и народом.

Нужно было изумляться и удивляться Господу, когда Он творил такие чудеса; фарисеи, напротив, составляют совет, как погубить Его. Какое крайнее безумие! Того, Кто в телах прочих преодолевает смерть, думают предать смерти, чтобы сокрыть славу Его; и после стольких чудес считают Его простым человеком. Что, говорят, делать нам? Этот «Человек» много чудес творит. И что за преступление, если Он творит чудеса? В таком случае должно верить в Него, поклоняться Ему, а не считать уже простым человеком. Смотри, какая наглость у фарисеев! Стараясь возмутить народ, они пускают молву, что всем иудеям грозит опасность и гибель от римлян по подозрению в похищении верховной власти. Если, говорят, оставим Его, за ним последует много народа, привлекаемого явлением чудес, и, наконец, римляне заподозрят всех нас в похищении верховной власти, возьмут наши города и разрушат. Так говорили они с лукавством. Чтобы не показалось, что они строят ковы Христу по зависти, они выставляют на вид общую опасность, возбуждая народ против Христа как будущего виновника гибели их. — Понимай, пожалуй, чудо это и в отношении ко внутреннему человеку. Ум наш — друг Христов, но часто побеждается слабостью человеческой природы, впадает в грех и умирает смертью духовною и самую жалкою, но со стороны Христа удостаиваемую сожаления, ибо умерший — друг Его. Пусть же сестры и сродницы умершего ума — плоть, как Марфа (ибо Марфа телеснее и вещественнее), и душа, как Мария (ибо Мария набожнее и благоговейнее), придут к Христу и припадут пред Ним, ведя вслед за собою и помыслы исповедания, как те — иудеев. Ибо Иуда — значит исповедание. И Господь, без сомнения, предстанет при гробе, лежащее на памяти ослепление повелит отнять, как бы камень какой-нибудь, и приведет на память будущие блага и муки. И

воззовет великим голосом евангельской трубы: выйди вон из мира, не погребайся в житейских развлечениях и страстях; — подобно как и ученикам Своим Он говорил: «вы не от мира» (Ин. 15, 19), а апостол Павел: «и мы выйдем к Нему за стан» (Евр. 13, 13), то есть мир, — и таким образом воскресит от греха умершего, которого раны пахли злобой. Умерший издавал запах потому, что был четверодневен, то есть умер для четырех кротких и светлых добродетелей и был празден и недвижим к ним. Впрочем, хотя и был неподвижен и связан по рукам и ногам, сжат узами собственных грехов и казался совершенно бездеятельным, хотя и по лицу был покрыт платком, так что при наложении плотского покрывала не мог видеть ничего божественного, кратко сказать, был в самом худом положении и «по деятельности», которая обозначается руками и ногами, и «по созерцанию», которое обозначается покрытым лицом, — итак, хотя он находится в таком бедственном положении, но услышит: развяжите его добрые и служащие спасению ангелы или священники и дайте ему прощение грехов, пусть он идет и приступит к деланию добра. — Некоторые же под «Марфою» разумели церковь иудейскую, а под «Марией» — Церковь из язычников. Церковь иудейская заботится о многом, ибо заповедей закона много и они неудобноисполнимы, а Церковь из язычников нуждается не во многих заповедях, но в нескольких, в которых заключается весь закон и пророки (Мф. 22, 40), в заповедях о любви. Под братом их, воскрешаемым из мертвых, разумели души людей, за грехи нисходящих в ад, по писанному: «да возвратятся грешники в ад» (Пс. 9, 18), но души эти Господь воскрешает.

Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино. С этого дня положили убить Его.

У иудеев, между прочим, было искажено и первосвященническое достоинство. Ибо с того времени, как начальственные должности стали покупными, первосвященники уже не всю свою жизнь священствовали, но только по году. Впрочем, и при таком растлении этого достоинства, Дух Святой еще действовал в помазанных. А когда они подняли руки и на Христа, тогда благодать совершенно оставила их и перешла на апостолов. Тогда как одни в виде мнения предлагали умертвить Христа, первосвященник был так кровожаден, что прямо с обнаженной головой и дерзко произносит приговор на Христа. Даже порицает прочих, что они не разумеют должного и не заботятся усмотреть полезное. Вы, говорит, не знаете ничего, не хотите понять и не подумаете, что лучше, чтобы Один умер и спасся весь народ. Сказал он это со злобным помыслом. Ибо благодать Духа уста его употребила для предсказания о будущем, хотя и не коснулась скверного его сердца. Смотри, какая сила Духа! Она устроила так, что и из лукавого сердца произошли слова, заключающие чудное пророчество. Ибо, когда Христос умер, то все уверовавшие из народа избавились от великого и вечного наказания, и Он умер не за иудейский только народ, но чтобы собрать воедино и остальных чад Божиих, то есть язычников. Чадами Божиими называет язычников и называет их так или применительно к будущему, поколику они должны соделаться чадами Божиими, как и в ином месте говорит: «Есть у Меня и другие овцы» (Ин. 10, 16), называя их так применительно к будущему, или потому, что Он есть Отец всех, родивший нас образом творческим, и поколику почтил нас, создав по образу Своему и по подобию, как и апостол Павел, по сказанию книги Деяний (17, 29), в беседе к афинянам говорит: «итак, мы, будучи род Божий».

Итак, поелику человек есть живое существо высшее и богоподобное, то всякий называется чадом Божиим, Итак, нас, рассеянных (ибо сатана многообразно отлучал людей друг от друга и от Бога, настроив каждого неистовствовать против ближнего своего по любви к богатству и славе), Христос привел воедино, собрав во единую Церковь и под единое иго и сделав одним телом ближних и дальних, чтобы находящийся в Риме считал своими членами жителей Индии и исповедовал Христа единой Главой всех. «С этого дня положили убить Иисуса». Это значит, что с того дня особенно и окончательно они утвердились в этом намерении. Об убийстве замыслили они и прежде сего, но слабо, и дело было скорее вопросом, чем решением, а теперь состоялся окончательный суд и решительный приговор. И прежде искали убить Его (Ин. 5, 18), и Сам Он, обличая их, говорил: «за что ищете убить Меня?» (Ин. 7, 19). Примечай силу первосвященнического достоинства, как оно полно благодати Духа, хотя носящие оное и недостойны. И прошу тебя, почитай первосвященников по достоинству обитающей в них благодати, а не по их произволу. Не только Каиафа пророчествует, но и многие иные недостойные знали будущее, например Фараон об урожае и неурожае (Быт, 45, 17-32), Навуходоносор о царствах и Христе (Дан. 2, 28-45) и Валаам о Христе (Чис. 24, 17). Да и не всяк, кто пророчествует, может быть назван пророком, но всякий пророк пророчествует. Подобно как не всякий, делающий что-нибудь врачебное, есть уже и врач, но кто делает врачебное по врачебному званию, тот может быть врачом. Подобно, как и праведник не тот, кто делает что-нибудь справедливое, но тот, кто творит правду по сказанному: «праведно правду гони» (Втор. 16, 20). Так пророчествует и Каиафа, но не в пророческом настроении Духа, а потому и не пророк.

Посему Иисус уже не ходил явно между Иудеями, а пошел оттуда в страну близ пустыни, в город, называемый Ефраим, и там оставался с учениками Своими. Приближалась Пасха Иудейская, и многие из всей страны пришли в Иерусалим пред Пасхою, чтобы очиститься. Тогда искали Иисуса и, стоя в храме, говорили друг другу: как вы думаете? не придет ли Он на праздник? Первосвященники же и фарисеи дали приказание, что если кто узнает, где Он будет, то объявил бы, дабы взять Его.

От приговора иудеев Господь удаляется не из боязни, а чтобы научить нас не вдаваться самим в опасности, хотя бы и за благочестие, но, если будем захвачены, стоять мужественно, а если не будем взяты, добровольно не бросаться в опасность по причине неизвестности окончания дела. Смотри, как безрассудно намерение иудеев. Они и на время праздника не удерживаются от злобы убийства, но положили совершить убийство и восходят для очищения. Согрешившие волей или неволей не совершали Пасхи, прежде чем очистятся по обычаю чрез омовение, пост, обрезание и принесение узаконенных жертв. А они, самые лучшие, творящие очищение, составляют совет против Господа и говорят: «как вы думаете? не придет ли Он на праздник?», то есть Он непременно попадет в наши руки, и если не что иное, то самое время приведет Его в наши сети. Какая злоба! Тогда как и открытых преступников следовало для праздника освободить, они злоумышляют против Невинного. И если бы только простецы это делали, их пристрастие показалось бы делом невежества, а то фарисеи дают приказание объявить о Нем и схватить Его. Итак, Господь прилично удаляется от них. Ибо слово Божие, возвещаемое пророками, прежде явно ходило между иудеями, а теперь уже нет, но удалилось в пустыню — Церковь язычников, о которой сказано, что у пустой детей гораздо более чем у той, у которой есть муж (Ис. 54, 1). Близко находится Ефраим, — самая пустыня. Ефрем — значит «плодоносие», Ефрем был младший брат;

Манассия — старший. Манассия — значит «забвение». Итак, иудейский народ был старшим сыном Божиим, ибо сказано, сын Мой первенец Израиль (Исх. 4, 22), но Бог забыл его; а Ефрема, то есть плодоносие из язычников, Господь сотворил вторым сыном. Итак, Слово, оставив Иудею, вышло в пустыню Ефраим — Церковь из язычников, оплодотворенную Евангелием.

Глава двенадцатая

За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, а Лазарь был одним из возлежавших с Ним. Мария же, взявши фунт нардового чистого, драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира.

В десятый день месяца выбирают агнца для заклания в праздник Пасхи (Исх. 12, 3) и с этого же времени начинают готовить все необходимое для праздника. Обыкновенно и за шесть дней до Пасхи, то есть в девятый день месяца, едят роскошное и этим днем начинают праздник. Посему и Иисус, пришел в Вифанию, разделяет вечерю. Евангелист, желая показать истинность воскресения Лазаря, говорит: «а Лазарь был одним из возлежавших с Ним». Ибо он, явившись живым, не тотчас умер, но долгое время оставался на земле, ел, пил и прочее обычное совершал. Словами же, что «Марфа служила», означил, что угощение было в ее доме. Приметь, прошу тебя, веру этой женщины. Она не поручила служение служанкам, но исполняет оное сама непосредственно. И Павел говорит о вдовице, которая умывала ноги святым (1 Тим. 5, 10). Итак, Марфа сама служит вообще всем, а Мария воздает честь только одному Христу, потому что она внимает Ему не как человеку, а как Богу. Ибо она пролила миро и отерла волосами головы, потому что имела понятие о Нем не такое, какое имели другие, не как о простом человеке, но как о Владыке и Господе. Марию можно понимать и в высшем смысле — о божестве Отца и Господа всех; ибо Мария — значит «госпожа». Итак, господствующее над всем Божество Отца помазало ноги Иисуса, — воспринятую в последнее время плоть Господа-Слова, — помазало миром Духа, как и Давид говорит: «посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости» (Пс. 44, 8); и великий Петр говорит: «знай весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Самого Иисуса, Которого вы распяли» (Деян. 2, 36). Ибо воспринятая Словом Плоть, помазанная нашедшим на утробу Девы божественным Духом и соделавшаяся тем же, что Слово, то есть Богом, наполняла мир благословением, как миро Марии наполнило весь дом благоуханием. Что же такое «волосы», которыми отерты ноги? Это, конечно, святые, украшающие главу Божию и верховную власть Его. Ибо они, будучи во славу Божию, могут быть названы украшением Его. Они и сделались причастниками помазания плоти Господней, как и Давид называет их «причастниками» (Пс. 44, 8), и апостол Павел говорит коринфянам: «утверждающий нас с вами во Христе и помазавший нас Бог» (2 Кор. 1, 21). И везде мы узнаем, что живущие по Христе называются христами (помазанниками). Итак, под волосами, которыми отерты ноги Иисуса и которые причастны божественного помазания, можно разуметь христиан. Волосы — нечто мертвое. И христиане мертвы, ибо они распяли плоть (Гал. 5, 24) и умертвили члены, сущие на земле (Кол. 3, 3), и умертвили для мира. Волосы украшают голову и составляют славу ее. Славу Божию составляют и святые, так как свет их светит пред людьми, и Отец прославляется чрез них (Мф. 5, 16), и они яствие и питье творят во славу Божию (1 Кор. 10, 31), и в членах своих они прославляют Его. И ты, поелику Иисус воскресил

твой ум, как бы некоего Лазаря, прими Его в дом души своей; пусть возлежит с Ним и воскресший; помажь ноги Господа, за шесть дней до Пасхи, прежде чем наступит Пасха будущего века, доколе живешь в этом мире, сотворенном в шесть дней. Под «ногами» Христовыми можно разуть: Апостол и Евангелие, и вообще заповеди, ибо ими Он ходит в нас. Итак, к этим заповедям присоедини миро — расположение, составленное из различных добродетелей, из которых высшая — вера, горячая, как нард. Ибо, если не покажешь горячего, усердного и добродетельного расположения к сим заповедям и не отрешь их умерщвленными членами, как бы волосами, и не восприемлешь в себя, не сможешь облагодухать дом свой. Под «ногами» Господа можно разуть и меньших братьев, в лице которых Христос приходит к дверям каждого и просит нужного: помажь их миром милостыни. Многие подают милостыню напоказ, посему и не получают себе пользы, ибо здесь получают награду (Мф. 6, 1-2). А ты отри волосами головы и восприими пользу для души, собери плод милостыни в господственной части. И если имеешь что-нибудь мертвое и бездушное, наподобие волос, — надуши этим благим помазанием. Ибо сказано: «грехи твои заглади милостынями» (Дан. 4, 24).

Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал: для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор. (Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали.) Иисус же сказал: оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда.

Иуда, будучи любостяжателен, не одобряет такой образ попечения. Почему, как бы говорит он, принесла ты не деньги, из коих мне бы можно было украсть, а миро? Как же другой евангелист (Мф. 26, 8-9) говорит, что все ученики сказали это? На это нужно сказать, что хотя все так сказали, но прочие говорили не с такой мыслью, с какой Иуда. Господь не обличает Иуду, хотя знает, что он сказал это с намерением тать. Ибо не хотел посрамить его, научая и нас долго терпеть таковых людей. Впрочем, прикровенно Господь упрекает Иуду в предательстве и в том, что он предаст Его на смерть по любостяжанию. Посему упоминает и о погребении, поражая неразумное его сердце, чтобы он исправился, и прибавление имеет такой смысл: нищих, говорит, вы всегда имеете с собой, а Меня не всегда; еще немного, и Я отойду, так как ты приготовил Мне смерть. Посему, если Я неприятен тебе и честь, Мне делаемая, тягостна для тебя, ты потерпи немного, и избавишься от Меня; и тогда обнаружится, из-за нищих ли ты заботишься о продаже мира. — Если же Иуда был любостяжателен и тать, то почему Господь возложил на него распоряжение деньгами? По тому самому, что он был тать, чтобы отнять у него всякое извинение. Ибо он не мог сказать, что предал Его (Иисуса) по любви к деньгам. Денежный ящик утешал его, но, и нося ящик, он не был верен. Ибо он уносил, то есть крал то, что туда опускали, и был святотатец, присвоив себе подаяния на дело святое. Пусть слышат святотатцы, какова их участь. Верх зла в том, что Иуда впоследствии предал Иисуса и Господа. Видишь ли, до чего доводит любостяжание? — до предательства. Итак, апостол Павел прилично назвал сребролюбие корнем всех зол (1 Тим. 6, 10), потому что оно предало Господа и всегда так делает. Некоторые же говорят, что Иуде было вверено хранение денег, как меньшему прочих. Ибо служить около денег меньше, чем учить, как и в Деяниях (6, 2) апостолы говорят: «не хорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах».

Многие из Иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых. Первосвященники же положили убить и Лазаря. Потому что ради его многие из Иудеев приходили и веровали в Иисуса.

Те, кои пришли к Господу, были благонамереннее прочих, бессознательных и неистовых; ибо пришли не для одного только Иисуса, но и для того, чтобы увидеть Лазаря. Так как совершилось поистине величайшее чудо, то многие желали быть зрителями воскресшего, может быть, в надежде узнать от Лазаря что-либо о находящихся в аде. Фарисеи же так бесчеловечны, что хотят убить не только Иисуса, но и Лазаря, потому что он для многих послужил поводом ко спасению чрез чудо, над ним совершенное, людей бесхитростных приводя к вере. Так и благодеяние Иисуса для них стало преступлением. Особенно они досадовали на то, что, по случаю наступления праздника, все идут в Вифанию, узнают о чуде и своими глазами видят воскресшего.

На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышавши, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: Осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!

Господь, на малое время удалившись в пустыню для того, чтобы утишить ярость кровожадных, опять явно входит в Иудею и пред всеми показывается. Наступило, наконец, время пострадать, и Ему следовало не укрываться, но предать Самого Себя за спасение мира. Смотри же, какова была последовательность страдания. Господь воскресил Лазаря, сохранив к концу это чудо, важнейшее всех прочих; вследствие сего многие стекались к Нему и уверовали. Оттого, что многие уверовали, увеличилась зависть врагов. За сим последовали козни против Него и Крест. Народ, услышав, что идет Иисус, встретил Его со славой, без сомнения, ради чуда над Лазарем, воздавая Ему честь большую, нежели какая приличествовала простому человеку. Ибо принимали Его уже не за пророка, потому что кому из пророков отцы их воздавали такую честь? Посему-то и восклицали: «Осанна! благословен грядущий во имя Господне!» Из этого восклицания мы уразумеваем, во-первых, что Он Бог; ибо «осанна» значит: «спаси». Так это слово по-гречески перевели и LXX толковников в 117 псалме (ст. 25). Ибо на еврейском языке читается: «осанна», на греческом же: «о, Господи, спаси!» Спасать — свойственно одному только Богу, и к Нему сказано: «спаси нас, Господи Боже наш!» Из всех мест Писания всякий узнает, что спасение приписывается Писанием только одному Богу. Итак, восклицавшие Христу словами Давида этим показывают, во-первых, то, что Он Бог; потом, что Он — Бог в собственном смысле. Ибо говорят: «грядущий», а не ведомый. Последнее нечто рабское, а идти — самовластное. Словами: «во имя Господне» выражают то же самое, что Он есть истинный Бог. Ибо не говорят, что Он идет во имя раба, но во имя «Господа». Еще и то представляют, что Он не противник Богу, но пришел во имя Отца, как и Сам Господь говорит: «Я пришел во имя Отца Моего, а иной придет во имя свое» (Ин. 5, 43). Называют Его и Царем Израилевым, может быть, в мечтах о чувственном царстве; ибо ожидали, что восстанет какой-то царь природы высшей, чем человеческая, и избавит их от владычества римлян.

Иисус же, нашед молодого осла, сел на него, как написано: не бойся, дочь Сионова! се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле (Зах. 9, 9). Ученики Его сперва не поняли этого; но, когда прославился Иисус, тогда вспомнили, что так было о

Нем написано, и это сделали Ему.

Прочие евангелисты говорят, что Господь сказал ученикам: «отвязав, приведите ко Мне» (Мф. 1 21, 2; Мк. 11, 2; Лк. 19, 30). А здесь Иоанн ни о чем этом не упоминает, а просто говорит: «Иисус, нашел молодого осла». Впрочем, разногласия между евангелистами нет. Прочие сказали пространнее, а Иоанн короче сказал: «Иисус, нашед молодого осла». Когда ученики отвязали и привели, Иисус нашел его и сел на него. В этом обстоятельстве Он исполнял и пророчество Захарии, который сказал: «Не бойся, дочь Сионова! вот царь твой идет к тебе, сидя на молодом осле» (Зах. 9, 9). Так как цари иерусалимские, по большей части, были несправедливые и корыстолюбивые, то пророк говорит: не бойся, дочь Сиона! Царь, о котором я предсказываю тебе, не таков, но кроток и смиренномудр, и нисколько не горд. Это видно и из того, что Он пришел, сидя на осле. Ибо Он вошел не в сопровождении войска, но приехал на одном осле. Восседание Господа на осле было и образом будущего. Животное это, по закону нечистое, было образом нечистого народа из язычников, на котором Иисус, Слово Божие, восседает, подчиняя Себе этот непокорный и грубый, наподобие осла, новый народ, который Он и возводит в истинный Иерусалим после того, как он стал ручным и покорным Ему. Ибо ужели Господь не совозвел на небо тех язычников, которые стали Его народом и покорились проповеди евангельской? — Пальмы, может быть, означали то, что Он, воскресив Лазаря, стал победителем смерти; ибо пальма давалась на боях победителям. Может быть, ими выражалось и то, что прославляемый есть Существо небесное и свыше пришедшее. Ибо пальма из прочих деревьев одна только достигает, так сказать, самого неба, на высоте пускает листья, в листе имеет белые ядра, в стволе же и середине, до верха, шероховата и неудобна для того, чтобы взлезть на нее, так как на ветвях имеет колючки. Так и тот, кто стремится к познанию Сына и Слова Божия, найдет оное не легким, а трудным, восходя трудами добродетели, но, достигнув высоты познания, озарится ярким светом богопознания и откровением неизреченных тайн, как бы белейшими ядрами пальмы. Прошу тебя, подивись евангелисту, как он не стыдится, а открыто говорит о прежнем незнании апостолов. Ученики, говорит, сперва не поняли сего, но поняли тогда, как Иисус прославился. Под славой понимает вознесение, последовавшее за страданиями и смертью. Тогда-то, без сомнения, по сошествии Святаго Духа, они познали, что это о Нем было написано. Что было это написано, они, может быть, и знали, но что написанное относилось к Иисусу, это от них было сокрыто, и не без пользы. Иначе они соблазнились бы распятием Его, когда так страдает Тот, Кого Писание называет Царем.

Народ, бывший с Ним прежде, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых. Потому и встретил Его народ, ибо слышал, что Он сотворил это чудо. Фарисеи же говорили между собой: видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним.

Народ, видевший чудо над Лазарем, свидетельствовал и проповедовал о силе Иисуса. Посему и встретили Его со славой те, которые слышали о совершении этого чуда, то есть уверовали; если бы не уверовали, не переменились бы так скоро. Фарисеи, говорящие: «видите ли, не успеваете ничего», — говорят это не по лукавству, ибо были не из числа наветовавших на Спасителя, но представляются благорасположенными, только неявно, потому что не смеют явно противостоять неистовствующим против Господа, пытаются утишить их последствиями дела, говоря как бы так: какая вам польза от того, что много строите ков над Человеком сим? Сколько вы ни злоумышляете, Он все более растет, и слава

Его умножается; ибо мир, то есть весь народ, идет за Ним. Посему, не имея никакого успеха, оставьте ваши ковы и не грешите понапрасну.

Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые еллины; они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! нам хочется видеть Иисуса. Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп рассказывают о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, умрет, то принесет много плода.

По причине красоты храма и чудес, передаваемых у иудеев, многие и из эллинов пришли поклониться. Они были близки к тому, чтобы стать и пришельцами, то есть принять иудейство. Когда дошла до них молва об Иисусе, они подходят к Филиппу и просят его доставить им возможность видеть Иисуса. Филипп, по смиренномудрию и благочинию, говорит Андрею, как высшему себя. Андрей не берется за доклад, не решает этого сам собой, но, взяв с собой и Филиппа, осмеливается доложить Иисусу (такой добрый порядок и взаимная любовь господствовали между ними). Что же Господь? Так как Он заповедовал ученикам не ходить на путь к язычникам (Мф. 10, 5), а теперь видел, что язычники уже сами приходят к Нему (ибо эллины, желавшие видеть Его, без сомнения, были язычники), а иудеи строят Ему ковы, говорит: время, наконец, идти на страдание, ибо наступило время Креста, чтобы прославился Сын Человеческий. Какая польза не принимать язычников, приходящих к нам, и навязываться иудеям, ненавидящим и гонящим? Итак, поелику язычники приходят к нам, то теперь время уже быть распятым. Итак, Я позволю иудеям докончить их козни и допущу им распять Меня, чтобы они впоследствии были без всякого извинения, так как Я благословно оставлю их как распинателей и убийц и обращусь к язычникам, которые уже начали приходить к Моему учению. Ибо очень несправедливо было бы ничего не давать язычникам, жаждущим слова и спасения, и изобильно давать иудеям, которые попирают даруемое им и умышляют зло Благодетелю. Потом, чтобы ученики не соблазнились тем, что Он умирает тогда, когда начали приходить и язычники, Он говорит: это самое, то есть смерть Моя, еще более увеличит веру язычников. Ибо как пшеничное зерно тогда приносит много плода, когда, быв посеяно, умрет, так и Моя смерть принесет много плода для веры язычников. Итак, пусть никто не соблазняется, потому что Моя смерть не препятствует присоединению язычников, но примером зерна пусть убедится, что падение Мое в смерти Моей приумножит число верующих. Ибо если так бывает с зерном, тем более будет, со Мною. Ибо, умерши и воскресши, Я чрез воскресение еще более явлю силу Свою, и тогда все уверуют в Меня как Бога.

Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почитит Отец Мой.

Так как Господь был близок к страданиям и знал, что ученики исполнятся печали, посему говорит: вы несколько не должны печалиться о смерти Моей. Ибо если и сами вы не умрете, то для вас не будет никакой пользы. Да и всякий вообще человек, который любит настоящую жизнь и любит свою душу, то есть исполняет ее неуместные пожелания, когда угождает ей больше, чем должно, и не презирает смерти, — погубит ее. А кто ненавидит ее, то есть не служит ей и не преклоняется пред нею, тот сохранит ее в жизнь вечную. Желая показать,

сколь строгое отвращение должно иметь к похотениям души, сказал: кто ненавидит. Мы не можем ни видеть лица, ни слышать голоса ненавидимых нами: так же должны относиться и к неразумным пожеланиям души, то есть ненавидеть их совершенною ненавистью. Словами: кто ненавидит душу свою «в мире сем» — показывает временность дела. Заповедь сия казалась убийственной и несообразною с любовью к жизни. Он смягчил ее прибавлением: «в мире сем». Я, говорит, не всегда повелеваю ненавидеть душу; но «в этом мире» неверном отвращайся ее, когда она предписывает тебе «творить неподобное» (Рим. 1, 28). Прибавляет и пользу: «сохранит ее в жизнь вечную»; возненавидишь на время, а сохранишь живой навеки для жизни божественной. Желая еще более убедить их презирать настоящую жизнь и ободрить против смерти, говорит: «кто Мне служит, Мне да последует», пусть будет готов к смерти так же, как Я. Ибо говорит здесь, о последовании Себе на самом деле. Потом предлагает и утешение: «где Я, там и слуга Мой будет». Где же Христос? На небесах. Ибо небесное и земное противоположны между собой. Кто любит быть на земле, тот не будет на небе, а кто избегает земного и мира сего, тот будет высоко и на небесах. «Кто Мне служит, того почитит Отец Мой». Не сказал: Я почиту его, но: «Отец». Сим показывает Свое сродство с Ним. Ибо истинный Отец удостоит его чести, как слугу Своего истинного Сына. Сим вместе показывает и то, что Он не противник Богу. Ибо Бог и Отец не почитил бы того слугу, который противится Ему. Итак, не будем поставлять любовь к душе своей в том, чтобы хранить ее от опасностей за истину и не желать терпеть зла за добро; но, если мы слуги Христовы, отдадим ее в опасности за истину и, без сомнения, будем в том же состоянии, в каком ныне Христос; не говорю в божеском достоинстве, ибо Он по Природе Бог, но в том, чем может украситься природа человеческая; ибо Он — Бог по Естеству, а мы боги — по усыновлению и по благодати.

Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел. Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил, и еще прославлю.

Что это Он говорит? Кажется, Он противоречит Сам Себе. Выше Он, кажется, готовил других к смерти и убеждал ненавидеть душу, а теперь Он же, вблизи смерти, возмущается. Это прилично не увещивающему к смерти, а отвращающему от нее. Но если внимательно рассмотришь, то найдешь, что самое возмущение Его есть увещание к презрению смерти. Дабы кто-нибудь не вздумал сказать, что Ему легко так любомудрствовать о смерти и других убеждать к терпению бедствий, когда Он Сам вне человеческих страданий и вне опасности, — Он показывает, что и Сам Он испытал свойственное людям и причастен нашего естества, хотя и без греха. Посему, хотя Он как Человек, по природе любящий жизнь, не желает смерти и возмущается, однако же не отказывается от нее, поколику она нужна для спасения мира. Для сего-то, говорит, на сей час Я и пришел, чтобы воспринять смерть за всех. Сим ясно научает нас, чтобы и мы, хотя бы возмущались, хотя бы печалились, однако же смерти за истину не избегали бы. И Я, говорит, возмущаюсь, ибо Я поистине человек и попускаю природе Человеческой обнаруживать свойственное ей, однако же не говорю Отцу, чтобы Он избавил Меня от часа сего; но что говорю? «Отче! прославь имя Твое», то есть благоволи Мне воспринять крест и смерть за спасение всех. Смотри: смерть за истину Он назвал славою Божией. Посему и Отец говорит: «и прославил, и еще прославлю»; прославил теми чудесами, которые Ты до Креста совершал во имя Мое; «и еще прославлю», совершив чрез Тебя чудеса на самом Кресте; а после погребения сделаю еще более славным и Мое имя, и Тебя, воскресив Тебя и ниспослав Дух.

Народ, стоявший и слышавший то, говорил: это гром. А другие говорили: Ангел говорил Ему. Иисус на это сказал: не для Меня был глас сей, но для народа. Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе. Сие говорил Он, давая разуметь, какой смертью Он умрет.

Так как очень многие были грубы и невежественны, то они сочли голос за гром, хотя голос этот был членораздельный и весьма ясный. Ибо они скоро забыли слова голоса, удержавши только его отголосок. Иные помнили и самые слова голоса: «и прославил, и еще прославлю», однако же, не понимая, какой смысл сих слов думали, что ангел проговорил Ему, а полому слова сии, как сказанные ангелом, и непонятны для них. Но Иисус говорит: голос сей был не для Меня, но для вас. Я не имел нужды в научении, что Отец прославил и еще прославит имя Свое. А вас нужно было научить, что Я не противник Богу, а действую во славу имени Божия. Ибо, если чрез Меня прославится имя Божие, как же Я противник Богу? Итак, голос сей был для вас, чтобы вы узнали, что Я действую во славу Божию, и если не можете сами узнать, то чрез расспросы узнали бы, чего не знаете. Слова: «ныне суд миру сему», по-видимому, не имеют связи с предыдущим. Ибо какое отношение их к словам: «и прославил, и еще прославлю»? Но связь, без сомнения, есть. Так как Отец свыше сказал: «прославлю», то Господь показывает нам способ прославления. Какой же именно? Тот, что князь мира сего будет изгнан вон и побежден, а за мир будет суд, то есть отмщение. Слова сии имеют такой смысл: ныне совершается суд и отмщение за мир сей. Так как диавол подверг этот мир смерти, сделав всех людей повинными греху, но напав на Меня и не нашед во Мне греха, подвел под смерть и Меня наравне с прочими, то он будет осужден Мною, и таким образом Я отмщу за мир. Пусть прочим нанес он смерть за грех; но что такое он нашел во Мне подобного прочим, чтобы умертвить и Меня? Итак, ныне Мною совершается суд мира сего, то есть отмщение за него. Ибо, умертвив умертвившего всех, потом напавшего и на Меня, невинного, Я буду отмстителем за всех умерщвленных им, и жестокий властитель (тиран), осужденный Моей смертью, будет изгнан вон. Выражение: «изгнан вон» употреблено по сравнению с тем, как в судебных местах выталкивают осужденных из судилища. «Будет изгнан вон» — можно понимать и так, что изгнан будет во тьму внешнюю. Он лишится владычества над людьми и не будет, как прежде, царствовать в них, и в душах, и в смертном теле их, — но Я всех привлеку к Самому Себе, когда вознесен буду на крест. Ибо все, и из числа язычников, будут привлечены к вере в Меня. Так как они сами не могут прийти ко Мне, удерживаемые властителем сим, то Я, победив его, выслав вон и пресекши нити владычества его над людьми, привлеку их и против его воли. Это в ином месте Он назвал похищением: «никто, — говорит, — не может расхитить вещей сильного, если прежде не свяжет сильного» (Мк. 3, 27). Когда «вознесен буду», — сказал это, давая разуметь, какой смертью Он умрет, то есть будет распят, ибо этим означает высота Креста.

Народ отвечал Ему: мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек; как же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну Человеческому? кто этот Сын Человеческий? Тогда Иисус сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет. Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света.

Думая обличить Господа и затруднить Его, как неистинного Христа, говорят: если Христос бессмертен, а Ты о Самом Себе говоришь, что умрешь, как же мы будем веровать,

что подлинно Ты Христос? Говорили они так злонамеренно. Ибо и Писание, которое они называют Законом, упоминает не только о воскресении, но и о страдании. Так, Исаия указывает на то и другое: на страдание и смерть, когда говорит: «Он был веден, как овца, на заклание»; на воскресение, когда говорит: «Господь хочет очистить Его от язвы и показать Его светом» (Ис. 53, 11), Давид также упоминает вместе о смерти и о воскресении. Ибо говорит: «не оставишь души моей во аде» (Пс. 15, 10). Также патриарх, благословляя Иуду, пророчесствует о Христе: «возлег, уснул, как лев и как львенок: кто разбудит Его?» (Быт. 49, 9). Посему, отвергая страдания Христа и приписывая Ему воскресение, они делали это злонамеренно. Мы знаем из Закона, то есть из Писания (ибо Законом, как мы часто замечали, называется все Писание), что Христос пребывает вовек. — Справедливо вы знаете это, ибо Он пребывает вовек и, как Бог, пребывает и по воскресении. Но как вы не узнали о страданиях, когда те же самые Писания, как мы показали, учат тому и другому вместе? Как же, говорят, Ты говоришь, что Сыну Человеческому должно «быть вознесену»? Видишь ли, они понимали многое и из приточных речей Господа, например поняли, что словами: «быть вознесену» Он говорит о Кресте? Да, они подлинно многое понимали, но по злой воле своей прикрывались незнанием. Примечай же, что они говорят. Как Ты говоришь, что Сыну Человеческому должно быть вознесену? Кто этот Сын Человеческий? Речь их полна злобы. Они говорят как бы так: хотя мы и не знаем, о ком Ты говоришь и кто есть Сын Человеческий, однако же ясно понимаем ту истину, что кто будет вознесен, кто бы он ни был, тот не Христос; это несовместимо; ибо Писания говорят, что Христос бессмертен. Что же Господь? Заграждая им уста и показывая, что страдания Его нисколько не препятствуют Ему пребывать вовек, Он говорит: «еще мало время Свет в вас есть». Светом Он назвал Самого Себя. Как свет солнечный совершенно не исчезает, но сокрывается и снова воссиявает, так и Моя смерть не есть истление, но запад и преставление, и чрез воскресение Я опять воссияю. А как страдания нисколько не препятствуют Мне быть вечным, Писания же свидетельствуют о Христе, что Он вечен, то Я подлинно Христос, хотя и претерплю страдания. Ибо Я — Свет; зайду и снова взойду. Итак, пока Свет с вами, ходите, то есть веруйте в Меня. О каком времени Он говорит здесь? Говорит о времени до страданий или о времени после страданий, или о том и о другом Месте. Итак, говорит, ходите и веруйте в Меня и прежде Моего распятия, и после оно́го. На это Он указывает словами: «доколе Свет с вами», то есть доколе можете веровать в Меня; веровать же в Меня, который есмь Свет, вы можете и прежде страданий, и после оных. А кто ходит в неверии, тот не знает, куда идет. Ибо чего ни делают теперь иудеи, и однако же не знают, что делают, но ходят как бы во тьме; думают, что идут по прямому пути, но все у них выходит напротив, когда они соблюдают субботу и обрезание. Но не так поступают те, кои уверовали. Они ходят во свете, делая все, что относится до спасения. Ибо тени закона и тьмы гаданий они избежали и пришли к свету, сокрывавшемуся в них, но теперь воссиявшему, и сделались сынами Света, то есть Христа. «Да будете, — говорит, — сынами Света», то есть Моими сынами. Хотя евангелист в начале Евангелия говорит, что некоторые рождены от Бога (1, 13), но здесь называет их сынами Света, то есть Христа. Да постыдятся Арий и Евномий. Ибо и здесь показывается, что у Отца и Сына одно действие.

Сказав это, Иисус отошел и скрылся от них. Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него, да сбудется слово Исаии пророка; Господи! кто поверил слышанному от нас? и кому открылась мышца Господня? (Ис. 53, 1). Потому не могли они веровать, что, как еще сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами и не уразумеют сердцем, и не

обратятся, чтоб Я исцелил их (Ис. 6, 10).

Для чего Господь скрылся от них? Теперь не подняли на Него камней и не сказали никакой хулы, как было прежде. Зачем же Он скрылся? Хотя они и ничего не говорили, но, проникая в сердца их, Он видел, что ярость их усиливается. Чтоб укротить их ненависть, Он и скрывается. Что они не веровали, а досадовали, на это и евангелист указал, когда сказал: «столько чудес сотворил Он, и они не веровали в Него». А конечно, дело немалой злобы — не верить стольким чудесам. Столько, говорит, чудес, о которых он умолчал. Итак. Иисус скрылся для того, чтобы утишить их злобу, а вместе и для того, чтобы дать им время и спокойствие так, чтобы они, успокоившись, обсудили Его слова и дела. Ибо в таком случае, если бы захотели, они могли бы дойти до уразумения Его достоинства — Божества. Хотя Он и вперед знал их неверие, однако же, что зависело от Него Самого, Он делал и допускал, давая им, как сказано, время для обсуждения. В словах: «неверовали в Него, да сбудется слово Исаии» заключается не причина, а событие. Ибо они не веровали во Христа не потому, что Исаия предсказал об них, но пророк предсказал об них потому, что они не будут верить. Та же мысль выражается и в словах: «потому не могли они верить, что Исаия еще сказал о них». Всем этим Он хочет подтвердить то, что Писание не ложно и что пророчество Исаии сбылось не иначе, как он предсказывал. Чтобы кто-нибудь не стал говорить и недоумевать, зачем же и пришел Христос, если знал, что иудеи не будут верить в Него, — для этого евангелист и приводит пророков, предвозвещавших об этом; Христос же, хотя знал об их неверии, однако пришел, чтобы они не имели извинения во грехе своем и не могли сказать, что мы поверили бы, если бы Он пришел. Слова: «не могли верить» — означают то же, что «не хотели». Ибо злой и лукавый человек, доколе остается таким, то есть избирает злое, не может верить. Когда же слышишь, что Бог ослепил глаза их и окаменил сердце их, не думай, что Он просто одних делает добрыми, а других злыми (прочь такая мысль!), но под совершенным ослеплением разумей оставление от Бога. Объясню примером, Положим, что кто-нибудь умерен в злобе. Бог, по-видимому, есть с ним, потому что есть надежда, что такой человек обратится. Когда же человек погрузится в глубину злобы, тогда Бог оставляет его по причине злого его произволения. О человеке, лишившемся Божественного света и ходящем во тьме греха, говорится, что он ходит, как слепой; отсутствие Божественного слова, умягчающего сердца тех, кои принимают оное, — окаменением сердца. Слеплен уже тот, кто совершенно не принимает луча Божественного света, и окаменей тот, кто не хочет слушать учения, умягчающего сердце, и удаление Божие совершенно ослепляет и помрачает его. Итак, когда слышишь, что Бог ослепляет, то понимай так, что ослепляет потому, что не присущ. Ибо, если бы Бог был присущ человеку, человек не сделался бы слеп. Если бы было солнце, не было бы тьмы. А ныне солнце производит ночь. Каким же образом? Когда заходит. Так и Бог делает людей слепыми, удаляясь от них. Удаляется же от них по причине их злобы, и оттоле они, как слепые, грешат безвозвратно и падают неисправимо. Вникнем и в слова Исаии: «Господи! кто поверил слуху нашему?» Это — то же, что никто не поверил. Ибо слово «кто» во многих местах Писания употребляется вместо «никто». Пророк сказал это как бы от лица Христа. Христос как бы так говорит Отцу: Господи! кто поверил слуху Нашему? — то есть никто не поверил Нашему слову и Моей проповеди, которую Он назвал «слухом». Ибо говорит: что Я слышал от Отца Моего, то и говорю (Ин. 8, 26). «И мышца Господня кому открылась?» — то есть сильное действие чудес, которое назвал «мышцею», не открылось никому из неразумных иудеев, но они клеветуют на Меня и тогда, как Я творю столько чудес.

Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем. Впрочем, и из

начальников многие уверовали в Него, но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги; ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию.

Сие сказал Исаия, когда видел славу «Его». Кого? Сына. Хотя пророк, судя по связи речи, видел, кажется, славу Отца, но евангелист говорит здесь, что Исаия видел славу Сына, а апостол Павел говорит, что он видел славу Духа (Деян. 28, 25). Истинно едина слава Святой Троицы, Отца и Сына, и Святаго Духа. Исаия, говорит, видел славу: дым, который ему представился, серафимов, угли, жертвенник, престол (Ис. 6, 1). Итак, Исаия увидел эту славу и сказал о Нем, то есть о Сыне. Что же сказал о Нем? То, что выше сказано, что ослепил глаза их и ожесточил сердца их. Евангелист замечает, что многие и из начальников уверовали в Него, показывая, что фарисеи солгали и в том, когда сказали: «уверовал ли в Него кто из начальников?» (Ин. 7, 48). Ибо вот многие и из начальников уверовали, но ради фарисеев не исповедовали. Ибо возлюбили славу человеческую. Об этом Христос и прежде говорил им: как вы можете веровать, когда от людей принимаете славу, а славу, которая от единого Бога, отвергаете (Ин, 5, 44)? Итак, евангелист показывает, что с ними случилось то, что предсказывал им Христос. Подлинно, они были не начальники, а рабы, и рабы самые низкие. Отселе же научаемся, что кто любит славу, тот раб и бесчестен.

Иисус же возгласил и сказал: верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня; и видящий Меня видит Пославшего Меня.

Иисус, уступая ярости иудеев, на время скрылся, а потом снова является и взывает открыто. Показывая же, что Он Сам равен Отцу и не противник Богу, говорит: «верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня», говоря как бы так: что боитесь вы уверовать в Меня? Вера в Меня восходит к Отцу Моему. Примечай и точность в словах. Господь не сказал: верующий «Мне», но: верующий «в Меня», что означает веру в Бога. Ибо иное — верить кому-нибудь, и иное — веровать в кого-нибудь. Если кто верит кому-нибудь, это можно понимать так, что верит справедливости слов его, а кто верует в Него, — как Бога. Посему можно сказать: верит апостолам; но веровать в апостолов — нельзя сказать. Посему Господь не сказал: верующий Мне. Ибо и Павел, и Петр могли сказать: верующий мне. И евреям поставлялось в укоризну, что они не веровали Моисею (Ин. 5, 46). Но Он сказал больше: верующий «в Меня», чем показывает, что Сам Он есть Бог, как и ученикам говорит: «веруйте в Бога, и в Меня веруйте» (Ин. 14, 1). Посему, кто верует в Него, возводит веру свою к Отцу, и не верующий Ему не верует Отцу. «И видящий Меня видит Пославшего Меня». Ужели видящий телесные черты? Нет. Ибо Отец — не тело, чтобы можно было сказать, что видящий телесно Христа видит и Отца, но под видением разумей, прошу тебя, созерцание умственное. Господь говорит как бы так: кто созерцанием ума обнял существо Мое, насколько возможно человеку, тот обнял и существо Отца. Кто Меня признал Богом, тот, без сомнения, признает и Отца. Ибо Я — Образ Отца. Всем этим показывается единосущие Отца и Сына. Страждущие арианством пусть слышат, что верующий в Сына верует не в Него, но в Отца, так что или и Отец есть тварь, или и Сын — не тварь. Как если бы кто-нибудь сказал, что черпающий воду из реки берет ее не из реки, а из источника, так и верующий в Сына верует не в Сына — реку (ибо Сын не иного существа с Отцом и не имеет чего-нибудь отличного от Отца), но верует в источник добра, то есть Отца.

Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме. И

если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир.

Опять и этими словами показывает Свое единосущие с Отцом. Ибо как Отец везде в Писании называется Светом, то и Он о Самом Себе говорит: «Я свет пришел в мир». Посему и апостол Павел называет Его Сиянием (Евр. 1, 3), показывая тем, что ничего нет посредствующего между Отцом и Сыном, но Отец и Сын вместе, как вместе свет и сияние. Итак, и Сын есть Свет, поколику избавляет от заблуждения и рассеивает умственный мрак, и потому, что как свет со своим явлением становится видим сам и показывает прочие видимые предметы, так и Сын, пришедши и явившись к нам, дал познание о Себе Самом и об Отце, и сердца тех, кои приняли Его, просветил всяким познанием. «Если, — говорит, — кто услышит Меня и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир». Смысл сих слов такой: не Я виновен в осуждении человека неверующего, ибо Я не за этим преимущественно пришел, но случилось это по последствию. Я пришел спасти и для этого учил. Если же кто не верует, то не Я причина его осуждения, но он сам на себя навлек оное. Это еще более уяснится из последующего. Слушай же, что далее.

Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец.

Я никого не сужу, но неверующий имеет себе судью. И у нас в обычае, и мы часто говорим, когда хотим наказать беспорядочное дитя, что не мы его наказываем, но его беспечность и беспорядочность, и не мы осуждаем его, но убеждения наши, которым оно не покорилось, они обвиняют его, как непокорного. Так и Господь говорит: не Я сужу, но слово, которое Я говорил, оно будет судить. Ибо почему не уверовали? Не потому ли, что Я противник Богу и ищу славы Себе? Но Я говорил не Сам от Себя, а сказывал все от Отца Моего и нигде не выставлял Себя мудрствующим что-нибудь иное. Ибо пославший Меня Отец дал мне заповедь, что сказать и что говорить. Какое глубокое смирение в этих словах! Ужели, Господи, прежде чем послал Тебя Отец и дал Тебе заповедь, Ты не знал, что должно говорить, не знал той заповеди, которая есть жизнь вечная? не знал этой жизни вечной? Как же Ты говорил: «Я есмь жизнь» (Ин. 11, 25)? Видишь ли, какая возникает несообразность, если мы не будем благоразумно понимать, что говорится. Итак, знай, что Господь так смиренно выражается потому, что слушатели немощны. И что Он хочет выразить этим? То, что Он не говорит, не мудрствует ничего, отличного от Отца. Ибо как посланные, говорит, не говорят ничего, кроме заповеданного, так и Я Сам не мудрствую и не учил ничему иному, кроме того, что служит к славе Отца. Итак, желая доказать это, то есть единомыслие с Отцом, напомнил об этом примере, то есть о заповеди. Посему и прибавляет: итак, что Я говорю, говорю так, как сказал Мне Отец. А как Я ничего не говорил от Себя, то неверовавшие какое представят оправдание? Без всякого противоречия они будут осуждены за то, что не поверили Отцу. Итак, православный, ничего низкого не подразумевай в смиренных словах, например: «Я заповедь получил» и подобных, но понимай их благоразумно, как и это: «Я принял заповедь, что сказать и что говорить». Ибо Сын, будучи Словом и выражая то, что есть в Уме, то есть Отце, говорит, что от Него получил заповедь, что сказать и что говорить. Подобно как и наше слово, если захотим быть истинными,

говорит то, что предлагает ему ум, и слово никогда не разнится в сущности с умом, но совершенно единосущно.

Глава тринадцатая

Пред праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их.

Господь и прежде всех веков знал час Своей смерти, а когда он настал, творит дело, полное многого человеколюбия и снисхождения и являющее великую любовь к ученикам. Ибо, намереваясь оставить их, обнаруживает к ним сильнейшую любовь. Слова: «возлюбив их, до конца возлюбил их» означают то, что Он не опустил ничего, что следовало сделать тому, кто сильно любит. Посему в заключение всего творит и это: умывает ноги ученикам, чтобы вполне выказать любовь к ним и вперед оставить им великое утешение среди бедствий, какие их постигнут, утешение в той мысли, что возлюбивший их до того, что умыл им и ноги, не оставит их и в бедствиях. «Переходом» называет смерть Христа по причине вознесения Его по воскресении. Итак, поелику Он имел перейти от мира сего, являет любовь к Своим, а Своими называет учеников по причине близости. Богу Свои и все люди по праву творчества Его, почему сказано: пришел к «Своим», и «Свои» Его не приняли (Ин. 1, 11). Но святые — Свои Ему потому, что близки к Нему, как и здесь Своими назвал учеников. Прибавил: «сущим в мире», потому, что есть Свои Ему и иные, например Авраам и патриархи; но они не в мире сем, потому что переселились отсюда. Сих-то Своих, сущих в мире, до конца возлюбил, то есть явил к ним совершенную любовь.

И во время вечера, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искароту предать его, Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечера, сиял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался; потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан.

Евангелист, удивляясь тому, что Христос умыл ноги и тому, кто решился предать Его, говорит: «когда диавол уже вложил в сердце Иуде». Так до конца Он заботился об исправлении предателя. И слова: «во время вечера» не без цели поставлены, но чтобы показать бесчеловечие Иуды, так как и участие в вечери не переменяло его. «Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его», то есть вручил Ему спасение верных, и нужно уже явить им все, относящееся ко спасению, между прочим, и умыть ноги ученикам, ибо этим узаконяется смиренномудрие... И иначе: зная, что Отец предал Ему все и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, и слава Его не уменьшится, если Он умоет ноги ученикам. Ибо Он не похитил славу, чтобы бояться потери оной, и посему не братья ни за какое смиренное дело. Подобное чувство испытывают те, кои не имеют истинного благородства. Поелику они похитили себе славу, то они не желают даже поклониться, чтобы не потерять того, что не принадлежит им и что они похитили. Но Он был Царь всех и Сын Божий. Ибо это значат слова: «от Бога исшел», то есть из сущности Отца, и опять «к Богу отходит». Посему слава Его, когда Он так высок и так велик, не уменьшится, если Он умоет ноги ученикам. Примечай, прошу тебя, что если смирение есть дело того, кто от Бога исходит и к Богу отходит, то гордость, очевидно, будет делом того, кто исходит от бесов и к бесам отходит. Когда же слышишь, что «Отец предал Ему», не думай, что здесь обнаруживается бессилие Сына, но одиночество и единомыслие с

Отцом. Ибо если от того, что говорится, что Отец предал Ему, Сын представляется тебе бессильным, то и Отца представляй бессильным. Ибо и Ему, как говорит апостол (1 Кор. 15, 24), Сын предаст царство. Но этого нет; а «предание» означает, так сказать, единомыслие и содействие, и благоволение Отца. Примечай и превосходную степень смирения. Ибо не прежде вечера умывает, но когда все возлегли, один только Он встает, а прочие покоятся. Отлагает Свои одежды, научая нас делать себя беспрепятственными и легкими на служение. Опясывается полотенцем, делая все Сам — и умовение, и отирание. Вливает воду, и это делая Сам, а не приказывая сделать другому. Все это пример и закон для нас, как мы должны служить, именно: со всем усердием, делать все сами, а не пользоваться служением других.

Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после.

Господь умывает ноги у Петра не первого, хотя он и имел первенство пред учениками, но, может быть, предатель, будучи дерзок и бесстыден, возлежал выше Петра, и ему умыл Господь ноги. Откуда это видно? Из следующего. «Начал», сказано, умывать ноги ученикам и отирать, «потом» подходит к Симону Петру. Отсюда-то и видно, что Господь умыл Петра не первого. Ибо если бы Господь не умыл кого-нибудь прежде Петра, евангелист не сказал бы: подходит к Симону Петру. Из прочих учеников никто не отважился бы принять умовение прежде Петра, а предатель мог дерзнуть на это. Ибо если бы Господь начал умывать кого-нибудь из прочих учеников, то сей, кто бы он ни был, не допустил бы Господа и сказал бы то же, что и Петр: «Господи, Тебе ли умывать мои ноги?» Но этого возражения не последовало. Значит, из прочих учеников Господь умыл предателя первого, потом уже Петра. А остальные, вразумленные примером Петра, естественно, не противоречили, но приняли такую высокую честь, возданную им Господом. Вникни и в то, какую силу имеют слова апостола Петра. Ты ли умоешь ноги мои теми руками, которыми Ты очищал прокаженных, воскрешал мертвых, открывал глаза слепых? Ты ли, Который сделал это и больше сего, у меня, раба и неученого, умоешь, — и не руки, не иной какой-нибудь честнейший член, — а ноги, член последний из всех, считаемый особенно грязным и бесчестным? Что же Господь? Он говорит: что Я делаю, теперь ты не знаешь того; дело Мое включает в себе глубокое смирение, которому Я и вас учу. Однако же после того, как ты именем Моим будешь изгонять бесов, когда увидишь Мое вознесение на небо, когда от Духа Святаго узнаешь, что Я восседаю одесную Отца, тогда ты поймешь, что Тот, Кто смирился до того, что умыл ноги твои, Тот Самый дает тебе такую силу над бесами и вознесся, и прославился с Отцом, нисколько не унижившись от смирения. А потому и сам ты внедри в себя смирение, которое не унижает, а более возвышает.

Петр говорит Ему: не умоешь ног моих веками. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеет части со Мною. Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки, и голову.

Петр глубоко уважает своего Учителя, посему и благоговеет пред Ним, и не принимает от Него служения. Хотя при ином случае Петр получил упрек от Господа (Мф. 16, 22) и во избежание того упрека должен был бы теперь принять умовение от Господа, однако же поелику совершаемое теперь Христом дело очень важно, Петр противится, а не помышляет, что Господь, быть может, сделает ему опять выговор еще более строгий, как непокорному. Что же Христос? Он не говорит Петру: Я учу тебя смирению и для того умываю ноги твои.

Ибо Петр сказал бы Ему, даже с клятвою, что я и без умовения ног буду иметь смирение. Что же говорит ему Господь? Что, по ведению Господа, могло особенно затронуть сердце Петра, то Он и поставляет ему на вид, как бы некоторую угрозу. «Если, — говорит, — Я не умою тебя, ты не имеешь части со Мною». Так как Петр более всех прочих учеников желал быть вместе с Христом, почему и спрашивал Его, куда Он идет, и по любви обещался положить за Него душу свою (Ин. 13, 36. 37), то настоящею угрозою Господь потрясает душу его. «Если, — говорит, — Я не умою тебя, ты не имеешь части со Мною». Петр, услышав такую страшную угрозу, насколько был тверд в сопротивлении, настолько же, и еще более, силен в изъяснении согласия; ибо дает и голову свою на умовение. В том и другом случае он руководится любовью: сопротивляется умовению потому, что очень почитает Господа; соглашается потому, что не хочет разлучиться с Ним. А я прошу тебя: когда увидишь, что кто-нибудь сильно настаивает на своем по неразумению и с клятвою обещает: «не буду делать того-то», потом из уважения к клятве пребывает в том, чего не обсудил хорошо и из-за этого терпит вред по душе или по телу, — то пользуйся благоприлично примером апостола Петра, который настаивал на своем, но, когда увидел, что его настойчивость может разлучить его со Христом, отстал от нее.

Иисус говорит ему; омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все. Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты.

Господь, получив повод, обличает предателя, что он имеет нечистую мысль, нуждается в омовении от лукавства и перемене своего намерения. Вы, говорит, будучи омыты, не нуждаетесь еще в другом омовении, а один — нечист и нуждается в омовении. — Многие спрашивают: почему Господь сказал апостолам: «вы чисты», когда они еще не были освобождены от грехов, не получили Духа, так как грех еще царствовал, клятва еще сохраняла свою силу, ибо Агнец, вземлющий грех мира, не был еще заклан, Искупитель наш от проклятия не был еще повешен на древе? В каком же смысле апостолы были чисты? Можно сказать, что хотя они совершенно и не были освобождены от грехов, но они чисты чрез слово, которое проповедовал им Господь (Ин. 15, 3), чисты, по крайней мере, в том отношении, что уже приняли Свет, уже освободились от иудейского заблуждения. Ибо слушай, как Исаия научает нас омываться: «омойтесь и очиститесь, удалите лукавствие от душ ваших» (Ис. 1, 16). Посему и учеников Своих Господь справедливо называет омытыми и чистыми; ибо они пребывали со Христом со всяким незлобием и простотою, — Под вечерю некоторые разумели познание таинства Христова в конце веков, которому Иисус научает учеников Своих, для чего умывает и ноги их, не потому, что они грязны, но для того, чтобы приготовить их к благовествованию, по изречению Исаии: «как прекрасны ноги благовествующих мир!» (Ис. 52, 7), Итак, говорит, вы, что касается до вас самих, чисты, но вы должны быть посланы и для очищения других, что и выражается умовением ног ваших. Итак, умовение дает нам мысль не об очищении апостолов от грехов, ибо они, по свидетельству Господа, чисты, но служит знаком того, что они посылаются на проповедь, чтобы чистоту, дарованную им чрез учение Владыки, передать и прочим. Посему и Петр говорит: умой не только ноги мои, но и главу, то есть не только пошли на проповедь, но очисти и голову мою чрез мученичество. Заметь, пожалуй, как и ныне это совершается. Ибо вечеря и ныне бывает, когда при Божественном священнодействии предлежит Божественное Тело и Кровь Его. Какое же дело требуется от каждого из нас? Слушай. Все мы, уверовавшие во Христа, имеем сами в себе Слово Божие и евангельскую проповедь, ибо все мы приняли

Христа в сердца наши; но на этой Божественной вечере мы должны восстановить это Слово и снять с него одежды, которые сокрывают Его. Такими одеждami бывают — сребролюбие, тщеславие, зависть и каждая из прочих страстей, которые, налегая на сущее в нас Слово Божие, обременяют оное. Итак, когда Слово встает, нужно отложить страсти, чтобы Оно, став легким, могло очистить нас чрез покаяние. Ибо Слово, поднявшись и отложив всякую тяжесть и заботу житейскую, умоет помыслы наши, которые учатся у Него и следуют за Ним, умоет и ноги наши, то есть деятельные движения наши и поступки наши. Если же кто нуждается в другом очищении, желает улучшения в учении и созерцании, пусть говорит Господу: Господи! умой не только ноги, но и руки, и голову, то есть очисти не только поступки мои, но и «руки», чтобы я мог и других руководить, и приниматься за добро, «и голову», чтоб я в созерцательном и богословском отношении имел о предметах божественных понятие чистое и безукоризненное. Таким образом, чрез исповедь мы можем омыться, чтобы достойно причаститься вечери, а не есть и не пить осуждения себе (1 Кор. 11, 29).

Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего и посланник не больше посланного его.

Господь уже не к одному Петру, но и ко всем обращает речь Свою и выставляет причину такого смирения со Своей стороны. Причина же заключается в том, что ученики должны подражать Ему в этом. Быть может, не о настоящем ли времени и говорит Господь, когда говорит Петру: узнаешь же «после сего», то есть: Петр, ты узнаешь после того, как Я возьму одежду Свою и возлягу, и начну учить вас и говорить: «знаете ли, что Я сделал вам? Ибо если Я, признаваемый от вас Господом и Учителем и признаваемый неложно, ибо Я точно есмь, умыл ноги вам (и не сказал: вам, рабам, некнижным и неученым, но оставил это самим доразумевать), то и вы необходимо должны умывать друг другу ноги, то есть оказывать друг другу всякую услугу. Ибо чрез умовение, которое считается последним служением, научает, что мы тем более должны исполнять прочие служения, более почтенные. Я дал вам пример, чтоб и вы делали то же, что Я сделал вам, то есть служили с таким же усердием. Хотя Мое дело и больше, поколику Я, Владыка, умыл ноги рабам, а вы умывайте ноги подобных вам рабов. Так мы видим, что и учителя пишут для детей весьма красивые буквы, чтобы они мало-помалу дошли до подражания. Апостолам же по необходимости Господь внушает это. Они имели получить честь, одни большую, другие меньшую. Чтобы они не превозносились друг пред другом, Он очищает помыслы всех их. Ибо раб не больше господина своего, доколе он раб, ни посланник не больше посланного его, доколе он посланник, а когда сделается больше, тогда он ни раб, ни посланник,

Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете. Не о всех вас говорю: Я знаю, которых избрал; но да сбудется Писание: ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою (Пс. 40, 10). Теперь сказываю вам, прежде нежели то сбылось, дабы когда сбудется, вы поверили, что это Я.

Чтобы не сказали: что Ты говоришь нам об этом, как будто бы мы не знаем? мы и сами

знаем, что смирение хорошо, — посему говорит: если вы знаете, этого одного недостаточно, но вы блаженны тогда, когда это исполняете. Ибо и иудеи знали заповеди, но они не блаженны, а весьма несчастны, потому что не исполняли их. «Не о всех вас говорю: Я знаю, которых избрал». Сими прикровенными словами обличает предателя и вместе не уличает, ибо хотел довести его до раскаяния. Посему, опустив все прочие благодеяния, какие оказал ему, выставляет то, которое более всех могло обратить его. Кто ест хлеб Мой, кого Я питаю, кто разделяет со Мною (трапезу) стол (какое обстоятельство смягчает и врагов), тот... и не сказал: тот «предает» Меня, но: «поднял на Меня пяту», то есть употребил против Меня коварство и лукавство, по подобию борцов, которые ухищряются против своих соперников и, запиная их пяты, повергают их. «Не о всех вас говорю». Чтоб не навесить страха на многих, Он явно отделяет его (предателя) и показывает, что замышляет против Него один только. Посему говорит: «ядущий со Мною хлеб Мой». — Когда Иисус сказал: «Я знаю, кого избрал», то, что нам сказал об Иуде? неужели избрал и его? Да, когда он был хорош, избрал, как и Саула (но он сам переменился, ибо свободен; Господь же попускает каждому действовать по своей воле, потому что не отнимает свободы); а когда Иуда переменился, то отверг его, хотя прежде и избрал. — «Да сбудется Писание». Это выражение понимай так же, как и прочие подобные, о которых мы часто говорили.

Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня.

Какая связь настоящих слов с предыдущими? Ибо доселе говорил о предателе, а теперь прибавляет: «принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает?» Связь есть, и самая близкая. Господь сказал, что Он будет предан, говорил, что Он оставит их, что они потом разойдутся, рассеются, будут терпеть много бедствий; посему утешает их двумя способами. Во-первых, чрез Самого Себя. Ибо показал им, что Сам Он претерпит и что Он сделал предателю, умыв ему ноги и допустив к участию за столом. Ибо если будут иметь это на душе, то легко перенесут всякие бедствия. Итак, один способ состоит в том, что Господь утешает их тем, что Он сделал врагу, до конца врачуя его, и что Сам претерпит. Другой способ — в том, что Он отворяет для них дома всех, что все, которые послушают их учения, примут их. Видишь ли связь настоящих слов с предыдущими? Господь оставит их: они будут терпеть множество зол и бед; Он утешил их собственным примером, ибо будет предан учеником, а умывает его; утешает их и предречением им, что хотя они испытают много бед, но все будут их принимать. Принимающий вас Меня принимает, а чрез Меня — Бога и Отца. Примечай силу утешения. Вас, говорит, люди будут чтить, как Самого Бога; посему не унывайте от злобы гонителей.

Сказав это, Иисус возмущился духом и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит.

Господь, помыслив, что предатель лишился и того, и другого, — и терпения в трудах, и услуг от людей, кои будут принимать апостолов, — «возмущился духом», то есть в душе ощутил скорбь. «И засвидетельствовал». Это значит: предсказал, вперед засвидетельствовал, объявил. «Ученики в недоумении озирались друг на друга». Каждый из них сознавал себя чистым, не находил никакого лукавства в своих помыслах; но слово Господа почитал достовернее своих помыслов. Посему все они скорбят и недоумевают. Ибо объявление

сделано Тем, Кто не ложен, и они были уверены, что оно непременно сбудется. — Некоторые слова: «один от вас» понимали так: «предаст Меня один, отпавший от лика вашего и вышедший из числа вас», подобно как выражение: «вот, Адам стал как один от нас» (Быт. 3, 22) объясняли довольно изысканно: «стал, как один отпавший от нас, то есть диавол». Ибо, как он отпал, так и этот чрез преслушание стал от (вне) нас, то есть отпал от нас.

Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припадши к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам.

Все в томлении, и сам верховный Петр в трепете, а Иоанн как бы в радости возлежит на лоне Господа. Почему это? И еще — почему он сам о себе говорит: «которого любил Иисус?» Иоанн возлежал по следующим двум причинам. Во-первых, потому, что был любим более всех прочих, а признаком любви служило возлежание рядом с Господом. Во-вторых, потому, что смелостью и бодростью он хотел показать, что он был чужд обвинения в предательстве. Свидетельствует же сам о себе, что Иисус любил его, в разрешение недоумения. Чтобы ты, слыша, что Петр дал ему знак спросить, не подумал, что тот дал ему знак, как старшему, евангелист говорит сам о себе, что Петр дал ему знак не как большему, а как любимому Христом. Посему эти слова его выражают смирение, а не желание показать себя. Ибо он не говорит: я любил Иисуса, но: Он любил меня, взыскав меня по милости и щедротам подобно тому, как и апостол Павел говорит: «Стремлюсь еще, не достигну ли так, как достиг меня Бог» (Флп. 3, 12), и в другом месте: «Познав Бога, или лучше, быв познаны Богом» (Гал. 4, 9). Так и слова: «которого любил Иисус», выражают не тщеславие, а смиренномудрие. Почему же Петр не спрашивает Господа сам, а дает знак Иоанну? Во многих случаях Петр от большой горячности был стремителен, но подвергался порицанию. Посему теперь он опасался спросить, чтобы Господь и в настоящий раз не упрекнул его, как порывистого. Для чего же Иоанн припадает к груди Иисусовой так неблагоговейно и неприлично? Потому, что он не понимал еще ничего великого о Христе, и они не были научены почтенным воздавать достойную честь, ибо были люди-рыболовы и несведующие в приличиях. Господь позволяет ему припасть к груди, чтоб ослабить его печаль, укротить смущение в душе его и вообще успокоить его скорбь. Ибо естественно, что и на лицах их выражалось много печали. Господь, спрошенный и таким способом, не объявляет предателя по имени; но дает знать о нем посредством куска, чтобы обратить предателя и привести ему на память общение в столе и хлебе, участнику в которых не следовало предавать Питателя и неистовствовать против Него. Прими, говорит, хлеб сей, который ты разделял вместе со Мною, сознай, что мы имели общий стол. Но он, страстью усыпленный в душе, не уразумел этого. — Если ты и сам желаешь возлежать ближе к Иисусу и припасть к персям Его, и научиться от Него тайнам, постарайся заслужить любовь Его простотой и добротой. Ибо Иоанн был незлобивее, проще и кротче всех и за это был любим. Так и ты, если будешь так же незлобив, удостоишься припасть к груди Иисусовой, что служит знаком богословского достоинства. Ибо, по уверению Писания, в сердце сокрываются слова Господни (Пс. 118, 11). Таким образом, откроется тебе все таинство и предатель Слова. Ибо для того, кому вверена благодать богословия, явным становится и предатель Слова, то есть мудрствующий не по правой вере. Ибо еретик, подменяющий слово истины, которое есть хлеб, оказывается имеющим оный не без примеси, но подмоченный.

И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим. Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь.

Господь подал кусок Иуде для того, чтобы он посовестился общения в столе и хлебе и удержался от предательства. Но Иуда и от этого не улучшился, а отселе стал еще более на стороне сатаны и, как неисправимый, совершенно предался ему. — Доколе Иуда считался одним из учеников и членов святого лика, дотеле сатана не имел к нему такого доступа. Когда же Господь отделил его и отлучил от прочих учеников, объявив его чрез хлеб, тогда сатана овладел им, как оставленным от Господа и отлученным от божественного лика. «Сатана вошел в него», то есть проник в глубину его сердца и овладел его душой. Ибо сатана прежде нападал на Иуду извне, страстью сребролюбия, а теперь совершенно овладел им, внушив ему предательство. Иисус говорит Иуде: «что делаешь, делай скорее». Сим Господь не побуждает Иуду к предательству, но как бы укоряет его в том, что он идет на предательство. Словом: «делай» Господь как бы так говорит: вот Я оставляю тебя, делай, что хочешь; не препятствую твоему намерению, не удерживаю тебя более. Ибо прежде сего Господь обуздывал злобу Иуды, соблюдая Сам для Себя время смерти, почему и говорил: «никто не отнимает жизни Моей у Меня, но Я отдаю ее Сам» (Ин. 10, 18). — И «никто из возлежавших не понял». Достоинство исследования, отчего никто не узнал этого, когда Господь на вопрос о предателе сказал, что он — тот, кому Я подам кусок. Видно, Господь сказал это тихо одному только Иоанну, так что из прочих никто не слышал. Притом Иоанн, припав к груди, спрашивает почти под ухо, так что предатель не был объявлен. Ибо иначе Петр, может быть, простер бы меч и умертвил бы его. Неужели и Иоанн не узнал сего? Да, даже и он, ибо он не ожидал, что ученик будет способен на такое беззаконие. Святою душою своею, будучи далек от такой злобы, он не предполагал этого легким и для другого. Итак, слов: «делай скорее» никто не понял, но подумали, что Господь повелевал Иуде купить что-нибудь для праздника или дать что-нибудь нищим. Ибо Он много заботился о нищих, и хотя прочих убеждал не иметь ни суммы, ни меди, но Сам позволял носить при Себе ящик, показывая тем, что и нестяжательный, и распявшийся для мира должен иметь большое попечение об этой части людей — бедных. — «Была ночь, когда он вышел». Евангелист не без цели заметил, что «была ночь», но для того, чтобы научить нас, что Иуде и время не помешало, но и ночью он был занят коварством. Мне кажется, что Иуда вышел в пятом часу вечера, когда и сатана вошел в него. Ибо в четвертом часу сатана напал на Иуду, именно: когда упоминаемая у евангелиста Матфея (26, 6-16) жена пролила миро, а Иуда пошел и уговорился с иудеями о предательстве. В пятом же часу вечера сатана вошел в Иуду, то есть завладел его сердцем. Ибо иное дело ударить кого-нибудь рукой снаружи и иное — вонзить в него меч и поразить им внутренность. Иуда «вышел» от Спасителя и чувственно, и мысленно. «Была ночь», может быть, и мысленная ночь, то есть накрывшая его тьма сребролюбия.

Когда он вышел, Иисус сказал: ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его.

Так как помыслы учеников ниспали, то Господь восставляет их, говоря: «ныне прославился Сын Человеческий», Убеждает их не сетовать, а лучше радоваться. Ибо

страдания и доставление посредством бесчестия чести людям составляют славу Его. И иначе: Он прославился чрез чудеса, совершившиеся на Кресте, именно: когда солнце померкло, камни распались, завеса раздралась, и все прочие знамения совершились. — Что значит «Бог прославит» Сына «в Себе»? То, что прославит чрез самого Себя, не чрез другого, не чрез ангелов и архангелов, не чрез другую силу, но чрез Самого Себя, ибо Он делал все для славы Сына. — «Вскоре прославит Его», то есть не замедлит, но прославит на самом кресте, потом чрез три дня воскресит Его и чрез сорок дней ниспошлет ученикам благодать Духа. Посмотрим еще и на цель сих слов. «Ныне прославился Сын Человеческий», то есть Я, учащий, совершающий чудеса; и слава не останавливалась на Мне, но восходила к Богу и Отцу. А как Моя слава становится славой Отца, то не сетуйте. Ибо Отец опять прославит Меня, чтобы и Ему прославиться. Ибо Я славы не присвою Себе, и не к Нему ли она восходит? Да, слава у Нас общая. Посему и опять прославит Меня, и не замедлит, но вскоре: когда Я буду терпеть бесчестные страдания, когда, по-видимому, Я буду взят из среды живых чрез смерть, тогда-то Он более почитит Меня, тогда-то чрез воскресение прославит Меня.

Дети! не долго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что куда Я иду, вы не можете придти, так и вам говорю теперь. Заповедь новую даю вам, да любите друг друга: как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой.

Так как они вскоре подвергнутся бедствиям, то Господь предсказывает им об этом, чтобы они помнили о бедствиях и приготовились к ним. Это же служит и к славе Его. Ибо возвещение ученикам вперед о том, что с ними случится, было немалою для Него славою, когда ученики впоследствии вспоминали, что Господь предсказывал им об этом. Показывая же, что не теперь только, в первый раз, Он узнает, но и задолго знал, что в искушениях будут искать Его, говорит, что Он, как задолго предвещающий, говорил это самое и иудеям. — Словами: «куда Я иду», Господь показывает, что смерть Его есть переход и преставление в лучшее место, куда не принимаются тела тленные. Иудеям говорил: «будете искать Меня, и куда Я иду, туда вы не можете придти» (Ин. 7, 36), с тем, чтобы навести на них страх, а ученикам говорит для того, чтобы воспламенить в них любовь. Ибо, когда мы видим, что кто-нибудь из наших друзей удаляется, мы обыкновенно воспаляемся горячей к нему любовью, особенно, если он отъезжает туда, куда нам прийти невозможно. Итак, говорит это им, чтобы воспламенить в них любовь. Посему и прибавил: «дети», чтобы не подумали, что Он сказал им это от такого же расположения, от какого иудеям, но от любви. Иудеи искали Господа, когда город их был взят, и отовсюду неся на них гнев Божий, как и Иосиф свидетельствует, что это последовало с ними за умерщвление Иисуса. Ученики же искали, когда бегали или другую скорбь испытывали. Посему и в другом месте говорит: «отнимется жених, и тогда друзья жениха будут поститься» (Мф. 9, 15). Итак, Господь предсказывает будущее тем и другим, но одним — по причине неверия, другим — по причине любви, чтобы они не подвергались бедствиям неожиданным. Поелику они, выслушав это, естественно, могли прийти в смущение, как люди, которые будут оставлены без помощи, то Он утешает их, говоря: не печальтесь: Я даю вам сильного стража — любовь; если будете ее иметь, то, подкрепляемые друг другом, будете непобедимы. Потом, иной мог спросить: Господи! почему Ты выдаешь любовь за новую заповедь, когда мы знаем, что любовь заповедана и в Ветхом Завете? Прибавляет: «как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга». Как, говорит, Я возлюбил вас даром, без предварительных заслуг, даже и тогда, как естество

человеческое было во вражде с Богом и разлучении, Я однако же принял оное на Себя и освятил: так и вы любите друг друга даром; а если брат оскорбит тебя, ты не помни этого. Видишь ли, новая заповедь состоит в том, чтобы любить ближнего даром, хотя бы и ничем не были ему должны. А Закон говорил: «возлюби друга твоего», повелевая любовью как бы уплачивать долг ближнему, начавшему любить прежде. Показывая же, что они, по отшествии Его, не будут унижены, но сделаются славными, говорит: «по тому узнают все». Видишь ли, объявляет, что они сделаются известными у всех, и этим немало утешает их. Умалчивая о чудесах, которые они будут совершать, отличительным их признаком поставляет любовь. Ибо многие из творивших чудеса услышат: «Я не знаю вас» (Мф. 7, 23). Если и вся вселенная чудесами была приведена к вере: что удивительного? Потому и была у них сила творить чудеса, что была у них любовь. А если бы они отстали и отделились друг от друга, то у них погибло бы все, и никто не поверил бы, когда бы они неистовствовали друг против друга, тогда как более чуда делало их достойными веры то, что у верующих — одно сердце и одна душа (Деян. 4, 32).

Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною. Петр сказал Ему: Господи! почему я не могу идти за Тобой теперь? я душу мою положу за Тебя. Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? Истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды.

Петр, от великой горячности сделавшись дерзновенным, когда услышал, что Господь говорит: «куда Я иду, туда вы не можете идти», спрашивает: «куда Ты идешь?» Он как бы так говорит Христу: что это за путь, которым я не могу идти? Спрашивает об этом, не столько желая узнать, куда Он идет, сколько выражая прикровенно ту мысль, что хотя бы Ты пошел путем труднейшим из всех, я и тогда последую за Тобой. Так он любил всегда быть вместе с Христом! Посему и Христос отвечает на мысль Петра: не можешь ты ныне последовать за Мною, а впоследствии пойдешь за Мною. Но Петр так неудержим в стремлении, что и Христу противоречит. Недовольствуется тем, что получил добрую надежду пойти за Христом впоследствии, но настаивает на своем и самоуверенно говорит: «почему я не могу идти за Тобой теперь? Я душу свою положу за Тебя». Смотри, какая сила желания! Петр слышал, как Господь говорил, что «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13); посему и сам стремится к этой степени и желает достигнуть самой высшей любви, почему и обещает положить за Господа душу свою. Спаситель, показывая ему, что один только Он, а не человек какой-нибудь, может с уверенностью обещать это, говорит: «не пропоет петух, как ты отречешься от Меня трижды», то есть теперь же; ибо немного уже осталось времени. Господь говорил это поздно ночью, и первая, и вторая стража ночи уже прошли. Так как Петр противоречил от великой любви, то Господь любовь принимает, а противоречие отсекает. Посему Он лишает его помощи свыше и доводит до познания своей немощи. Ибо если ты любишь, то должен покоряться Тому, Кого любишь. Я сказал, что ты не можешь, а ты противоречишь. Из отречения ты ясно узнаешь, что не может не сбыться то, что Я говорю. Посему, щадя его, попустил ему пасть, для того, чтобы он не подвергся этому и впоследствии, когда примет домостроительство вселенной, но познал бы самого себя. И смотри, как он пал: не однажды, а трижды. Так оставление от Бога обличает наше бессилие, и кто внимателен, тот находит в этом величайшее благодеяние.

Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте.

Когда апостолы слышали о верховном Петре, что он отречется, естественно, на них напало смущение. Посему Господь утешает их и утишает смущение сердца. Ибо, если верховный и пламенный Петр отречется трижды, прежде чем пропоет петух, очевидно, они должны ожидать какого-то великого обстоятельства. Потом, ученики как бы сказали; как же нам не смутиться, когда наступят для нас такие затруднения? Он отвечает: «веруйте в Бога, и в Меня веруйте», и все ваши затруднения разрешатся, и смущение утишится чрез веру в Бога и в Меня. Посему и сказал им: «да не смущается сердце ваше», чтобы они тем самым, что Он видит состояние их сердца и знает сокровенное смущение, уверились, что Он — Бог.

В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я.

Господь сказал Петру: после ты пойдешь за Мною. Чтобы прочие не подумали, что это обещание дано одному только Петру, а им нет, Господь говорит, что и вас примет та же страна, которая примет Петра. Посему не нужно смущаться из-за места. Ибо много обителей «в доме Отца Моего», то есть под властью Отца. Под «домом» разумей власть и начальство. Если же бы не было обителей, то Я пошел бы и приготовил бы вам, так что вам не должно смущаться в том и другом случае, готовы или не готовы обители. Ибо, если бы они не были готовы, Я со всем усердием приготовил бы их для вас. Если бы для приготовления вам места Я и отошел, то в этом случае Я не оставил бы вас, но взял бы с Собою, чтобы и вы были там же, где

Я. Видишь ли, сколько утешения и одушевления в словах: «чтоб и вы были, где Я». Итак, неразумно смущаться вам, когда вы будете со Мною.

А куда Я иду, вы знаете и путь знаете. Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь? Иисус сказал ему: Я семь путь и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня.

Господь видит, что у них на мысли — спросить и узнать, куда Он идет. Посему дает им повод спросить об этом. Вы, говорит, знаете, куда Я иду, и путь знаете, и тем приводит их к вопросу. Посему Фома и говорит: «Господи! мы не знаем, куда Ты идешь; и как можем знать путь?» Фома говорит это от большого страха, а не от желания следовать за Господом, как Петр. Посему Христос, желая показать, что следовать за Ним удобно для них и приятно, объявляет, куда Он идет и какой путь. Идет Он к Отцу, а «путь» есть Сам Он — Христос. Если путь есмь Я, то вы чрез Меня, без сомнения, взойдете к Отцу. Я не только путь, но «и истина»; посему вам нужно быть бодрыми, потому что Мною не будете обмануты. Я еще «и жизнь»; посему, если и умрете, смерть не воспрепятствует вам прийти к Отцу. Итак, бодрствуйте, ибо всякий чрез Меня приходит к Отцу. И как в Моей власти приводить к Отцу, то вы, без сомнения, придете к Нему. Ибо прийти туда и невозможно иным путем, как только Мною. А ты, пожалуй, и отсюда уразумей, что Сын равен Родившему. Ибо в ином месте говорит, что Отец приводит к Нему: «никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец» (Ин. 6, 44). А здесь говорит, что к Отцу Он приводит. Следовательно, у Отца и Сына равна сила, ибо и действие едино. Итак, когда ты идешь деятельностью, тогда Христос бывает для тебя путем, а когда упражняешься в созерцании, Он бывает для тебя истиною. Но

как многие, шествуя деятельностью и занимаясь созерцанием, все-таки не получили жизни, или потому, что, совершая добродетель из тщеславия, здесь получили награду, или потому, что в догматических мнениях уклонились от правого пути; то к пути и истине, то есть к деятельности и созерцанию присоединена жизнь. Посему и нам должно шествовать и богословствовать, стремясь к живущей вовек, а не к гибнущей славе — от людей.

Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего; и отныне знаете Его, и видели Его.

Выше сказал, что вы «знаете», куда Я иду, знаете и Путь сей, то есть Меня; а здесь говорит, что «если бы» вы «знали» Меня, то знали бы и Отца Моего. Как же это? — В словах Его нет противоречия. Ибо они знали Отца, но не так, как следовало, знали как Бога, но как Отца — еще не знали. Уже впоследствии Дух, нисшедший на них, сообщил им совершенное познание. Итак, слова Его имеют такой смысл: если бы вы знали Мое существо и достоинство, то знали бы также существо и достоинство и Отца. И отныне вы начали познавать Его чрез Мое посредство, и видели Его, то есть познали умом вашим, насколько возможно. Так как вы признаете Меня Господом и Учителем, то, без сомнения, о Мне, насколько для вас достижимо, получили познание достаточное и об Отце, ибо совершенного еще не получили. И иначе. Слова: «если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего», выражают не то, будто они не знают Его, но имеют такой смысл: Я сказал вам, что вы знаете, куда Я иду, то есть к Отцу, и знаете Путь сей, то есть Меня. Фома сказал Мне: «не знаем, куда идешь» и прочее, не знаем и пути сего. Я сказал Фоме: Я есмь Путь, и никто не приходит к Отцу иначе, как только чрез Меня. Итак, если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. Но вы знаете Меня, следовательно, знаете и Отца Моего. Ибо отныне, говорит, вы знаете Его и видели Его, видевши Меня.

Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца: как же ты говоришь: покажи нам Отца?

Филипп думал, что он хорошо знает Христа, но не знает Отца. Посему и сказал: «покажи нам Отца, и довольно для нас». Ибо сколь много ни говори нам, что если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего, но мы не сможем таким образом познать Отца. А Ты покажи Его нам, телесным глазам нашим. Филипп слышал, что пророки видели Бога, и сам пожелал видеть Его так же телесно, не зная, что видения пророков были снисхождением. Итак, научая Филиппа, что Бога нельзя видеть телесно, Христос говорит: «столько времени Я с вами, и ты еще не познал Меня, Филипп?» Смотри. Не сказал: не «видел» ты, но не «познал», для того, чтобы отвести Филиппа от земного помысла, от желания видеть Отца телесно. Ибо о Боге говорится — знать, а не телесно видеть. Потом прибавляет: «видевший Меня видел Отца». Слова имеют такой смысл: Филипп! ты желаешь видеть Отца телесным глазом и думаешь, что Меня ты уже видел. А Я тебе говорю, что если бы ты видел Меня, то видел бы и Его. А как Его ты ныне не видел, то не видел и Меня, как должно смотреть на Меня: ты видел Меня телесно, так как Я имею и тело, но Божественного существа ты не видел; посему ты не можешь видеть телесно и существа Отца. Ни Меня, ни Отца невозможно видеть телесно. Ибо видевший Меня видел и Отца. Впрочем, многие думают, что видят Меня, а Отца не видят. Посему Меня они видят не по Божескому естеству, но по человеческому. Можешь и яснее понимать так: Я единосущен Отцу. Итак, кто Меня видел, то есть познал, тот познал Отца.

Ибо, когда одно существо и естество, тогда одно и познание. Да постыдится Арий, слыша, что видевший «Сына», то есть познавший Божество Сына, познал «Отца», то есть Божество Отца. Да постыдится и Савеллий, который говорит: одно существо и одно лицо Отца и Сына. Ибо вот Господь различает Ипостаси, и иное Лицо показывает в Отце и иное в Сыне. Ибо в словах: «видевший Меня» указывает на Свое лицо, потом в словах: «видел Отца» — на другое Лицо. Если же бы Он и Отец был одно Лицо, то ничего такого Он не сказал бы, но на просьбу Филиппа — «покажи нам Отца», ответил бы, что у Меня нет Отца, но Я есмь Отец и Сын. И было бы крайне неразумно слышать, как Сын говорит: «иду к Отцу Моему» и: «Я в Отце», и многое тому подобное, и не понимать, что иное Лицо Сына и иное Отца, не сливать их. Посему-то Господь упрекает этого ученика, что он столько времени следует за Ним, видел знамения и дела Божества, но еще не познал Его, как Бога, чтобы чрез Него познать и Отца. Ныне же, говорит, из того, что ты желаешь видеть Отца телесно, открывается, что ты не веруешь ни тому, что Я — Бог, ни тому, что Он — Бог.

Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам.

Сын в Отце, так как является в Его существе, и опять Отец в существе Сына, подобно как царь является в образе своем, и образ в царе. Ибо одни черты у образа и у царя. А что Мое и Отчее существо одно, это ясно. Ибо «слова, которые говорю Я, говорю не от Себя», то есть говорю их не иначе, но как сказал бы Отец, так и Я говорю; потому что Я не имею у Себя ничего особенного, отдельного от Отца, но все общее; ибо одно существо, хотя лица разные. Но Отцу принадлежат не только слова, которые говорю Я, но и дела, дела Божественные. Если же дела — Божии, а Отец и Я — Бог: следовательно, дела — одного Существа, так что если Я делаю, Отец делает, если Отец делает, Я делаю. «Верьте, что Я в Отце, и Отец во Мне», то есть вам, которые слышите об Отце и Сыне, не следует искать никакого другого доказательства на Их сродство по существу. Если же этого вам недостаточно для доказательства единосущия и единосущия, и того, что Отец является в Моем существе и Я в существе Отца, то, по крайней мере, по делам верьте Мне: ибо дела — Божии.

Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит; потому что Я к Отцу Моему иду. И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю.

Христос, показывая, что Он может творить не одни только эти дела, но и другие, гораздо большие этих, говорит об этом с необычайною силою. Ибо не говорит: Я могу творить дела и бо?льшие сих, но — что гораздо удивительнее — могу и другим дать власть творить дела, большие сих. Видишь ли, сколь велика сила Единородного? Он и другим дает силу творить дела больше тех, которые Сам творил. Потому что Я к Отцу Моему иду, то есть теперь уже вы будете творить чудеса, ибо Я уже отхожу. — Объясняя нам, как верующий в Него может творить великие и чудные дела, говорит: «если чего попросите во имя Мое», Здесь показывает нам способ чудотворения: всякий может творить чудеса чрез прошение и молитву и призывание Его имени. Так и апостолы сказали хромому: «во имя Иисуса Христа встань и ходи» (Деян. 3, 6). Посему не сказал: о чем ни попросите, Я умолю Отца, и сделает,

но: «Я сделаю», показывая собственную Свою власть. «Да прославится Отец в Сыне». Ибо когда сын явится имеющим великую силу, тогда бывает слава и тому, кто родил такого сына. Смотри же, как вытекает слава Отцу. Именем Господа нашего Иисуса Христа совершались чудеса; по чудесам веровали проповеди апостолов; наконец, переходя к богопознанию, познавали Отца, и таким образом Он прославлялся в Сыне. Страждущие арианством пусть скажут: как это чудеса чрез апостолов творил Он, Свои дела не Сам, но при содействии Отца? Как это иным давал силу, а Сам не имел ее? Для чего Он сказал одно и то же дважды? Ибо, сказав: «если чего попросите во имя Мое, Я сделаю», потом прибавив, «да прославится Отец в Сыне», опять во второй раз говорит: «если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю». Дважды говорит это для того, чтобы утвердить Свое слово и показать, что Он творит Сам и не нуждается в сторонней силе. Все же это Он говорит ученикам для утешения их и в подтверждение, что Он по смерти не погибнет, не уничтожится, но опять останется в своем достоинстве и будет на небесах. Ибо Я, говорит, иду к Отцу; Я не уничтожусь, но отхожу туда, где жизнь блаженнейшая. Хотя Я и умру, но несколько не явлюсь бессильным; напротив, и других облеку силой творить дела большие. И чего ни пожелаете, дам вам. Итак, не падайте духом из-за того, что смерть Моя такая, на какую Я вам указал.

Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; и вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет.

Выше сказал: Я сделаю все, о чем ни попросите; теперь показывает, что должно просить не просто, но с любовью к Нему и соблюдением заповедей. Ибо тогда Я сделаю, когда будете просить таким образом. — И иначе. Слыша, что будут Им оставлены, они, естественно, могли опечалиться и смутиться душами. Он говорит: любовь ко Мне состоит не в том, чтобы печалиться и смущаться, но повиноваться Моим словам. Я дал вам заповедь не бояться убивающих тело (Мф. 10, 28). Если вы любите Меня, то соблюдайте ее и уже не скорбите из-за Моей смерти. Ибо хранящему помянутую заповедь не свойственно скорбеть. Как же, не соблюдая Моей заповеди, но боясь смерти, вы говорите, что любите Меня? На это они могли сказать: как же нам не скорбеть, когда нам предстоит лишиться Твоего утешения и руководства? Посему говорит: этого не будет; вы не останетесь без утешения. Ибо Я попрошу, то есть умолю Отца, и Он пошлет вам иного Утешителя, иного, но такого же, как Меня. Да постыдится сих слов Савеллий, который говорит, что одно лицо Отца и Сына, и Святаго Духа. Ибо вот, слушай: пошлет «иного» Утешителя; значит, Лицо Духа иное. Да постыдится и Македонии, который говорит, что Дух иного существа и ниже Сына. Ибо слушай: и Дух есть Утешитель, подобно как и Сын. Итак, Дух есть Утешитель, подобно как и Сын. Итак, Дух, единосущный Сыну, без сомнения, единосущен и Отцу. Ибо Отец и Сын одного и того же существа. Не удивляйся, если Он говорит: «Я умолю Отца». Ибо Он не просит, как раб; но для того, чтобы уверить учеников, что к ним непременно придет Дух Утешитель, снисходит к ним и говорит: «Я умолю» Отца. Ибо если бы Он сказал: «Я пошлю», то они не столько поверили бы; а теперь, чтобы сделать Свое слово достовернее, говорит: «Я умолю Отца», то есть если будет нужно и просить, и молить, то Я всячески постараюсь о том, чтобы Дух пришел к вам. Это подобно тому, как и мы нередко говорим: я жизнь свою положу, чтобы случилось то и то. Хотя часто дело не требует большого старания, однако же мы говорим таким образом, желая показать, что не откажемся от старания. — Иначе. Так как Господь за нас Сам Себя принес в жертву Отцу, умиловив Его Своей смертью, как

Первосвященник, и затем, по истреблении греха и прекращении вражды, пришел к нам Дух, посему-то Он говорит: Я умолю Отца и даст вам Утешителя, то есть Я умилоствилю за вас Отца и примирю Его с вами, враждебными Ему по причине греха, и Он, умилоствивленный Моей смертью за вас и примиренный с вами, пошлет вам Духа. «Да пребудет с вами вовек». Сказал это также в утешение их. Пришествие Его не таково, как Мое, оно не на время только, но продолжится до века; Он не оставит вас и по смерти вашей, но пребудет с вами и прославит вас; Он и со всеми святыми всегда пребывает, даже и по смерти их, тем более, что они тогда еще более возвышаются над плотскими страстями. «Дух истины», говорит, то есть Дух не Ветхого Завета, ибо он — образ и тень, а Нового, который есть истина. Имели Духа и те, кои жили под Законом, но имели в образе и тенях, а ныне, можно сказать, Истина сама существенно снизошла к ученикам. А чтобы не подумали, что и Дух, подобно Ему, воплотится, говорит, что мир не может принять Его. Он, говорит, будет учить вас не так, как Я, ибо мир не может принять Его телесно. Он будет обитать в самых душах ваших. — Иначе. Не может принять Его «мир», то есть люди порочные и мудрствующие мирское, потому что не видят Его, то есть потому, что существо Его необъятно. Ибо под видением понимает здесь созерцание умом, почему и прибавил: «и не знает Его». Очевидно, словом: «не видит», Он выразил то, что «не знает». Итак, Он утешает апостолов, когда говорит, что мир не может принять Его, а вам подастся этот превосходный дар и пребудет «с вами» и, что еще более, пребудет «в вас». Ибо словом «с вами» указывает на внешнюю помощь от близости, а «в вас» — на внутреннее обитание и укрепление. Это же показывает, что Он есть Бог. Ибо Бог говорит: вселюся в вас и буду ходить (Лев. 26, 12). Итак, мир не может принять Духа, потому что не знает Его, а вы знаете Его. Почему? Потому что вы не от мира. Потому-то вы и способны принять Его, и Он — ныне пребывает «с вами» и всегда будет «в вас».

Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и мир уже не увидит Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас.

Не бойтесь, говорит, что Я сказал вам: пошлю другого Утешителя. Не думайте, что уже не увидите Меня. Ибо Я не удалюсь от вас навсегда. Я приду и не оставлю вас сиротами. Так как в начале речи назвал их детьми, то теперь прилично говорит: «не оставлю вас сиротами». А чтобы они не думали, будто Он по-прежнему им и всем явится с телом, говорит: «мир уже не увидит Меня». Вы только одни увидите Меня по воскресении. «Ибо Я живу»; хотя Я и приму смерть, но Я воскресну. «И вы будете жить», то есть, увидевши Меня, возрадуетесь и, как бы после смерти, оживете от Моего явления. Или и так: как Моя смерть послужила к жизни: так и вы, хотя умрете, оживете. Итак, не скорбите ни обо Мне умирающем, ни сами о себе. Ибо, если и умрете, оживете в будущую жизнь. «В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем», то есть когда Я воскресну, тогда вы узнаете, что Я не отделен от Отца, но имею одну и ту же силу. «И вы во Мне», то есть хранимы Мною, «и Я в вас», то есть Я с вами, избавляю вас от скорбей, совершаю чрез вас чудеса, вообще прославляю вас чрез все. И иначе: «Я в вас», как Глава в членах, ибо апостолы — члены Христовы (1 Кор. 3, 23), «и вы во Мне», как члены в Главе. Когда Он воскрес, тогда Он уяснил им познание обо всем этом. Ибо по воскресении благодать Духа научила их всему. Когда слышишь слова: «Я в Отце, и вы во Мне, и Я в вас», то не понимай их в одном и том же значении. Ибо Сын в Отце — как Единосущный, а в апостолах — как Помощник и Споспешник, и апостолы в Нем — как получающие от Него помощь, содействие и горячность. Много и иных названий употребляется о Боге и о людях, но не в одинаковом смысле. Так, называемся богами и мы

(Пс. 81, 6), но не в таком смысле, как Бог. Сын называется Образом и Славою Отца (Евр. 1, 3), и человек называется так же; но не в одном значении. Так должно понимать и настоящие слова. Равно как и следующие слова: «как послал меня Отец, так и Я посылаю вас» (Ин. 20, 21), ужели нам должно понимать просто? Отец послал Сына в том смысле, что Он, будучи бестелесен, воплотился, родившись от Девы. Неужели же посему и апостолы — с неба и бестелесны, потом воплотились, и каждый из них родился от девы?! Но так понимать слова Писания — очевидное безумие.

Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам. Иуда (не Искарот) говорит Ему: Господи! что это, Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?

Таковыми словами, как и выше мы говорили, Он утишает их скорбь, научая их, что любит Его не тот, кто печалится о смерти Его, каковую печаль и они испытывают, но тот, кто соблюдает Его заповеди и завещания о том, чтобы не привязываться к настоящей жизни, но за Бога и за добро полагать жизнь. Он говорит им как бы так: вы думаете, что из любви скорбите о Моей смерти, а Я, напротив, признак любви поставляю в том, чтобы вы не скорбели. Что такая мысль в Его словах, это видно из того, что Он говорит несколько далее: «если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я иду к Отцу Моему» (ст. 28). Итак, кто любит Меня, тот имеет заповеди Мои, и не только имеет, но и соблюдает их, чтобы не пришел вор — диавол и не похитил это сокровище, ибо нужна тщательная осторожность, чтобы не потерять их. Какую же награду получит тот, кто любит Меня? «Он возлюблен будет Отцем Моим, и Я возлюблю его, и явлюсь ему Сам». Для чего это сказал: «явлюсь ему Сам»? Так как по воскресении Он имел явиться им в теле боговидном, то, чтобы не приняли Его за духа и призрак, Он и предсказывает им об этом, дабы, увидев Его тогда, не оставались в неверии, но вспомнили, что Он предсказывал им это и что Он является им за соблюдение заповедей Его, дабы и всегда старались соблюдать оные, чтобы и Он всегда являлся им. Тайна воскресения велика, и с трудом бы они приняли ее; посему Он приготовляет их, говоря, что явится им Сам. Ибо по воскресении Он и вкушал для того, чтобы не почли Его за призрак, каковая мысль была теперь и у Иуды. Упоминаемый ныне Иуда подумал, что как мертвых мы видим во сне, так и Он явится им; посему и говорит: «Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?» Говорит это от сильного изумления и ужаса, говорит как бы так: увы, нам! Ты умираешь и хочешь явиться нам во сне, как и мертвые являются. Ибо «что это» слова испуганного и встревоженного. Что же Господь отвечает на это? Чем Он ниспровергает мнение его как ложное?

Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит Его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим. Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих; слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но посланного Меня Отца.

Иуда в сильном страхе подумал, что Господь по смерти Своей явится им во сне, почему и предложил вышеупомянутый вопрос. А Господь, опровергая его мнение, говорит, что как Отец является Сам, так и Я явлюсь вам Сам. Ибо Я и Отец вместе придем к тому, кто хранит слова Мои. Не во сне явлюсь Я вам; но так как Я приду с Отцом, то как прилично явиться Отцу, таково же будет и Мое явление к вам. Слова: «обитель у него сотворим» также ниспровергают мнение Иуды. Сны непродолжительны; а Я явлюсь и пребуду с Отцом.

Посему посещение Мое не походит на сон. Предсказывает им о Своем явлении для того, как и я сказал, чтобы не почли Его за призрак, и вместе возбуждает их к соблюдению Своих заповедей уверением, что соблюдающим оные являются и Он, и Отец. Равно как, наоборот, от того, кто не соблюдает заповедей, как от нелюбящего, удаляется и Он, и Отец. Ибо кто не любит Меня, тот не соблюдает слов Моих. А кто не любит Сына, тот не любит и Отца. Ибо слово принадлежит и Сыну, и Отцу. Посему, кто не соблюдает слов Сына, то есть Отца, тот не любит как Сына, так и Отца. Итак, вы, ученики, соблюдаете слова Мои, ибо этим вы докажете любовь ко Мне и к Отцу. Иные говорят, что вопрос: почему Ты хочешь явиться нам, а не миру? — ученик Иуда предложил не из страха, а из любви к людям. Он желал, чтобы польза от явления была не одним только ученикам, но и всему миру. А Спаситель показывает, что таких благ удостаиваются не все; но только те, кои соблюдают заповеди Его, соделаются достойными явления Его и любви Отчей. Ибо в том, кто соблюдает заповеди, пребывает Бог и Отец. Но не так же, как и в Сыне; ибо в Сыне Он пребывает естественно, а в человеке нравственно.

Сие сказал Я вам, находясь с вами. Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам.

Так как речи Господа были неясны для учеников, и одних из них они не понимали, а в большей части их сомневались, то, чтобы опять не просили Его и не сказали, какие заповеди нам должно соблюдать, Он освобождает их от забот и смущения, говоря, что Утешитель неясное и неудобопонятное сделает для вас удобопонятным. Это, кажущееся для вас неясным, Я сказал, пребывая у вас и будучи с вами; если же удалюсь, то вы будете всему научены. Итак, вам не нужно скорбеть по случаю разлуки со Мною, когда она доставит вам столько благ и столько мудрости. Ибо доколе Я Сам пребываю у вас и Дух не придет, вы ничего ни великого, ни высокого не можете уразуметь. — Часто упоминает об Утешителе по причине одержавшей их скорби, подавая им добрую надежду, что Он будет руководить их. — Утешитель придет во имя Мое». Это значит: Он не будет учить вас ничему, чуждому Моего учения, не будет искать Своей славы, но придет во имя Мое, то есть во славу имени Моего, а не Своего, как делают враждебные друг другу учителя, увлекая за собою последователей. Некоторые в словах «во имя Мое», разумеют имя Христа: «Утешитель». Ибо говорится: «имеем ходатая (Утешителя) Иисуса Христа» (1 Ин. 2, 1). И как Дух, пришедший к ученикам, стал Утешителем, облегчил их скорбь, то Он пришел во имя Христа, ибо и Он Утешитель, как и Христос. Но апостол Павел называет и Духа Христом, когда говорит: «вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в нас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8, 9). Потом прибавил: «если же Христос в вас...» (ст. 10). Видишь ли, как он выше сказал, что Дух Божий живет в них, потом прибавил: Христос в вас. Ясно, что Христом апостол назвал Духа. А как Дух именуется Христом, то слова: «Отец пошлет Его «во имя Мое», ты должен понимать так, что и Он будет называться Христом, Святой Дух и научил и напомнил: «научил» всему тому, чего Христос не сказал им, как не могущим вместить; «напомнил» все то, что Господь хотя и сказал, но чего апостолы не могли удержать в памяти, или по неясности сказанного, или по немощи своего ума.

Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается.

Апостолы опять почувствовали печаль, когда услышали слова Господа: Я отхожу, а

придет Дух. Посему, видя сердце их в смущении, и особенно из-за предстоящих им скорбей и бед, говорит: «мир оставляю вам», говоря им как бы так: какой вам вред от смятений мира, доколе вы в мире со Мною? Ибо Мой мир не таков, каков бывает у мира. Этот мир часто бывает вреден и бесполезен, но Я даю такой мир, по которому вы друг с другом будете в мире и будете составлять одно тело. А это сделает вас сильнее всех. Хотя многие восстанут на вас, но вы при единодушии и взаимном мире нисколько не пострадаете. Потом поелику опять сказал: «оставляю», а это указывало на Его отшествие и могло привести их в смущение, — прибавляет: «да не смущается сердце ваше и да не устрашается». Смущение они испытывали от привязанности и любви к Нему, потому что должны лишиться Его, а страх оттого, что по смерти Его с ними могут случиться бедствия. Но Господь не оставляет без врачевания ни смущения их от привязанности, ни боязни будущих бедствий, а утишает то и другое, говоря: «да не смущается сердце ваше и да не устрашается».

Вы слышали, что Я сказал вам: иду от вас и приду к вам. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня. И вот, Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется.

Так как Господь видел, что апостолы не совсем надеются на воскресение Его, даже и не знают, что оно такое, и посему сильно скорбят и смущаются при мысли о разлуке с Ним, снисходит к их слабости и говорит: Я сказал вам, что Я пойду и опять приду; и однако же вы еще скорбите, ибо не доверяете Мне, что Я, хотя и умру, однако не оставлю вас в скорбях ваших. Ныне же, услышав, что Я иду к Отцу Моему, которого вы считаете великим и большим Меня, вы должны радоваться, что Я отхожу к Нему, большому Меня и могущему уничтожить все бедствия. Видишь ли, какая последовательность мысли? «Отец Мой больше Меня», — это сказал Он для утешения учеников. Они скорбели потому, что Христос будто бы не может защитить их. Он и говорит: если и Я не могу, то Отец Мой, которого вы считаете большим Меня, по всей вероятности, поможет вам. Равно и в другом месте говорит: неужели думаете, что Я не могу умолить Отца, и Он пошлет Мне двенадцать легионов ангелов? (Мф. 26, 53). Здесь Он говорит так не потому, что не может сделать этого (ибо как не силен Тот, Кто одним только словом, которое сказал иудеям, внезапно отбросил всех их назад? (Ин. 18, 4-6), но потому, что думали о Нем, как о человеке. Так и это: «Отец Мой больше Меня», Он сказал сообразно с понятием их, так как они считали Его слабым, а Отца могущим укрепить их во время скорбей. «И вот, Я сказал вам, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется». То есть: Я так спокоен, не боюсь смерти и не скорблю, что даже предсказываю о ней; поэтому и вам повелеваю радоваться, чтобы вы, когда сбудется, поверили Мне, что как о скорбях, имеющих случиться с вами, Я знал и, предсказавши о них, не солгал, так и в предсказании об утешении и руководстве вашем не окажусь лживым, но все радостное придет к вам. — Некоторые думают, что Он называл Отца большим в том отношении, что Он виновник Сына. Отец, говорит, больше потому, что Он причина и начало Мое, ибо Я от Него родился. А что Отец больше, это не значит, что Он и иного существа. Ибо и у людей, можно сказать, отец больше сына, но не другого существа. Потом, пусть скажут еретики, чем Христос отходил к Отцу: Божеством или человечеством? Без сомнения, человечеством. Ибо, как Бог, Он всегда был на небесах и не отделен от Отца. Итак, Отец называется большим Его, как Человека.

Уже немного Мне говорить с вами, ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего. Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца, и как заповедал Мне Отец, так и

творю: встаньте, пойдём отсюда.

Утешив учеников вышеизложенною речью, Господь опять говорит о Своей смерти. «Ибо идет, говорит, князь мира сего», то есть диавол. Что он князь мира сего, это понимай не о твари вообще, но о людях порочных и мудрствующих мирское. Ибо он владычествует не над небом и землею, иначе он все ниспроверг бы и расстроил, но над теми, которые сами предаются ему. Поэтому он называется и князем тьмы, а под тьмой разумей злые дела. А как некоторые могли подумать, что и Христос предается смерти за грехи, то Он прибавил: «и во Мне не имеет ничего»; Я смерти не повинен, диаволу ничем не должен, но принимаю страдания добровольно, из любви к Отцу. — Часто упоминает о смерти, присоединяя и слова утешения, чтобы сделать ее удобоприемлемою для них. Ибо, слыша, что Он умрет, они узнают и то, что Он добровольно пренебрегает диавола и умирает из любви к Отцу. Итак, если бы страдания были пагубны, а не спасительны, не соизволил бы на это Отец любящий, не принял бы их на Себя Сын любимый. Как же нам понимать, что Он умирает из любви к Отцу? Отец, говорит, любит мир и за него предает Меня на смерть. Я, любя Отца, с Его благоволением и хотением соглашаюсь и доказываю, что люблю Отца тем, что беру на Себя и исполняю заповеданное Им, то есть Его благоволение и определение. Скажите вы, ариане: если бы Сын был раб, ужели бы Он сказал, что Я умираю из любви к Отцу? Раб исполняет волю господина своего не потому, что любит его, но потому, что он раб и боится наказания. А Господь Иисус, так как Он творит волю Божию из любви, не раб, не тварь, но поистине Сын, исполняющий волю Отца. Посему, когда слышишь: «заповедал Мне Отец», из-за слова: «заповедал» не смотри на Господа, как на подчиненного, но из-за слова: «Отец» признавай Его Сыном единосущным Отцу. «Заповедал» же понимай так: восхотел, сказал, определил, благоволил.

Глава пятнадцатая

Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены чрез слово, которое Я проповедал вам.

Многочисленную речь о Своих страданиях Господь совершенно убедил учеников в необходимости оных. За сим уразумел, что они боятся, как бы вскоре их не схватили, и от сильного страха уже не внимают и словам Его. Посему Он хочет, по-видимому, вести их в место потаенное, в котором их не схватят. Но Он уходит из того места, где они были, для того, чтобы, укротив смятение в душах их, преподать им таинственнейшее учение. Отводит их, как узнаем из последующего, в тот сад, который был известен Иуде. Такой поступок был, по-видимому, удалением, а на самом деле добровольным преданием Себя; ибо Он удаляется в такое место, которое знал Иуда. Что же таинственного Он преподает им? Я, говорит, есмь лоза, то есть корень, а вы — ветви, а Отец Мой — виноградарь. О ком же заботится Отец? Ужели о корне? Нет, а о ветвях. Ибо, говорит, «всякую ветвь, не приносящую плода, Он отсекает», то есть всякий человек, который чрез веру стал частью корня, соединился с Господом и соделался стелесником Ему, должен и плод приносить, то есть вести жизнь добродетельную, так что если кто-нибудь имеет только голословное исповедание веры, а не приносит плода чрез соблюдение заповедей, тот делается ветвью мертвою; ибо «вера без дел мертва» (Иак. 2, 29). Итак, всякий верующий дотоле находится во Христе, доколе верует; ибо,

говорит, всякую ветвь, которая во Мне, если она не приносит плода, Отец «отсекает», то есть лишает общения с Сыном, а приносящую плод «очищает». Отсюда мы узнаем, что и очень добродетельный человек все-таки нуждается в попечении Божиим. Ибо бесплодная ветвь не может оставаться на лозе, а плодоносную Отец делает еще более плодородною. Понимай эти слова и о бедствиях учеников. Так как бедствия похожи на то, что садоводы называют подрезыванием, то Господь показывает ученикам, что чрез бедствия они сделаются более плодоносными, подобно как и ветви чрез подрезывание. Ибо чрез искушения они оказывались более и более сильными. Потом, чтобы не просили: о ком Ты говоришь это, Он говорит: «вы уже очищены чрез слово, которое Я проповедал вам». Смотри, выше сказал, что Отец очищает, а теперь представляет Самого Себя заботящимся о ветвях. Итак, у Отца и Сына одно действие. Я, говорит, очистил вас чрез Свое учение: теперь уже нужно, чтобы и вы показали на деле, что следует с вашей стороны. Поэтому и присовокупляет:

Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви. Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают.

Я, говорит, очистил вас чрез Свое слово и учение, и с Моей стороны не осталось ничего неисполненным. Теперь должно начаться уже ваше дело. «Пребудьте во Мне». Чтобы они из страха не отделились от Него, Он укрепляет ослабевшую душу их, прилепляет к Самому Себе и уже подает добрую надежду: чего ни попросите, то получите, если пребудете во Мне (ст. 7). Примером ветви ясно представляет нам, что от Него подаются сила и жизнь тем, кои благоугождают Ему, Ибо как плод приносит та ветвь, которая пребывает на лозе и от нее получает содействие к жизни: так и вы, если пребудете во Мне чрез соблюдение заповедей, принесете больше плода. А кто не пребывает, тот «засохнет», то есть теряет то, что имел от корня, и если получал какую-нибудь духовную благодать, лишается ее и сообщаемой от нее помощи и жизни. И что же наконец? «бросают в огонь, и они сгорают». Сими же словами подает им и немалое утешение, показывая, что злоумышляющие против Него, например Иуда, будут сожжены, а они, пребывающие в Нем, принесут плод. Ибо без силы и оживления, кои подаются от Него, не смогут ничего сделать.

Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то чего ни пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками.

Здесь Господь объясняет нам, что значат слова: «если пребудете во Мне», именно: если соблюдете мои заповеди, Ибо слова: «если слова Мои в вас пребудут» — означают, что Он желает соединения с ними чрез дела. Ибо каждый из живущих богоугодно пребывает на Лозе по собственному желанию, соединяясь с Нею чрез любовь и соблюдение заповедей и прилепляясь духом; равно как, напротив, тот, кто перестает соблюдать заповеди, произвольно отчуждается от Господа. «Тем, говорит, прославится Отец Мой, если вы принесете много плода». Славу Бога и Отца составляет достоинство учеников Сына Его. Ибо, когда светил пред человеками свет апостолов, тогда прославляли и Отца Небесного (Мф. 5, 14-16). Плод апостолов суть и те народы, которые их учением приведены к вере и стали прославлять Бога. Если же Отец прославляется тем, когда вы приносите плод, то Он,

без сомнения, не будет пренебрегать Своею славою, но поможет вам приносить больше плода, чтобы и Ему больше прославиться. Отец Мой прославится тем, когда вы принесете много плода «и будете Моими учениками». Видишь ли, кто приносит плод, тот истинный ученик. И Отец от этого «прославляется», то есть радуется и считает это Своею славою.

Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудете в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего, и пребываю в Его любви.

Убеждает их не бояться и для сего говорит: Я возлюбил вас и возлюбил так, как Меня возлюбил Отец. Сказал же это человекообразно. Итак, «пребудете в любви Моей»: ибо это от вас зависит. Услышав же, что Я возлюбил вас, вы не будете беспечны, но старайтесь пребыть в любви Моей. Потом объясняет, как они могут пребыть в этой любви, именно: если соблюдут заповеди Его. Ибо, как много раз было говорено, любит Его тот, кто соблюдает заповеди Его. Всем этим Он показывает, что они будут в безопасности тогда, когда будут вести чистую жизнь. «Как и Я соблюл заповеди Отца Моего, и пребываю в Его любви»: и это говорит по снисхождению к немощи слушателей. Ибо весьма нелепо думать, будто бы Дающий законы для всех подлежал заповедям и без заповедей Отца не мог управлять Своею жизнью. Говорит же это для того, чтобы их более утешить. Он сказал им: Я люблю вас. Между тем они впоследствии должны бороться со скорбями. Чтобы в этом случае они не соблазнились, будто бы любовь Его ни к чему не служит им, Он говорит: не смущайтесь. Ибо вот, Отец любит Меня, однако же предает на страдания за мир. И как оттого, что Я страдаю, любовь Отца не уменьшается, так и Моя любовь к вам не уменьшится, хотя вы и подвергнетесь бедствиям.

Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Я. говорит, сказал вам это для того, чтобы не пресечь вашей радости. Ибо они радовались, когда были с Ним, когда Он творил чудеса и был прославляем. Радовались они и потому, что сами изгоняли бесов, как и Сам Он говорил: «не радуйтесь», что изгоняете бесов (Лк. 10, 20). Но как теперь наступили страдания, и печальные речи прерывали их радость, то Он говорит: Я эти утешительные слова сказал вам для того, чтобы радость ваша всегда и до конца пребывала непрерывною, была полною и совершенною. И настоящие события достойны не печали, а радости, хотя и предстоит крест, стыд и бесчестие. — Выше Он сказал: вы тогда пребудете во Мне, когда соблюдете заповеди Мои. Теперь показывает, какие заповеди они должны соблюдать, и выставляет им на вид любовь: «да любите друг друга, как Я возлюбил вас». Он желает, чтобы мы любили друг друга не просто и как случилось, но так, как Он возлюбил нас. Примечай, что Он выше сказал во множественном числе: «заповеди», а здесь говорит в единственном числе: сия есть «заповедь» Моя. По моему мнению, любовь называется заповедями и заповедею потому, что она обнимает все заповеди и есть глава их. Вместе с этим указывает нам путь, как нам соблюдать заповеди, именно: чрез соблюдение одной заповеди — заповеди о любви. Как же говорит: любите друг друга и вы так же, как Я возлюбил вас, то сим указывает меру и совершенство любви. Ибо нет больше сей любви, как если кто душу свою положит за друзей. Посему и вы полагайте души друг за друга, как и Я умираю за вас. Итак, не думайте, что Я ныне удаляюсь от вас по

нерасположению к вам, напротив, это делается по любви, и притом совершеннейшей,

Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую Вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего. Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя мое, Он дал вам.

Постоянно вставляет речь о любви и этими многими речами показывает нам то, что заповедь о любви важнее прочих и требует большого усердия. Представляет и величайшее доказательство любви Своей. Я, говорит, люблю вас настолько, что открыл вам неизреченные тайны. Ибо Я сообщил вам все, что слышал от Отца Моего. Как же в другом месте (Ин. 16, 12) говорит: много имею Я сказать вам, но вы не можете понести? Он сообщил им все то, что можно было им выслушать и что они могли теперь понять. Когда же говорит: «все, что слышал от Отца Моего», то не подумай, будто Он нуждается в научении, а показывает то, что Он не возвещает ничего постороннего, но то, что принадлежит Отцу, и что все слова Его суть слова Отца. Сказав, что доказательством любви Моей к вам служит сообщение вам тайн, прибавляет и другой признак любви. «Я, говорит, вас избрал», то есть не вы пристали к Моей дружбе, но Я к вам, и Я первый возлюбил вас. Как же Я оставлю вас на последующее время? — «И поставил вас», то есть Я насадил вас, «чтобы вы шли», то есть, чтобы вы росли, умножались, расширялись, распространялись и приносили плод. Здесь Он ясно выставляет Сам Себя делателем. Он и выше объявил Себя очистителем, когда сказал: «вы очищены чрез слово, которое Я проповедал вам» (ст. 3), а теперь еще яснее, когда сказал: Я избрал вас и поставил вас. Ибо известно, что делатель выбирает и полагает ветви в землю. Видишь ли равенство Отца и Сына? Выше называется делателем Отец, а здесь является делателем — Сын. Постыдись, Арий, с теми, которые вместе с тобою поработились нечестию. — Вот и еще признак любви. «Дабы, чего ни попросите от Отца, Он дал вам», то есть Я дам вам. Хотя по связи следовало бы сказать: чего ни попросите у Отца, даст вам; — а Он сказал: Я дам вам, — сказал так, без сомнения, по равенству силы. Ибо Отец, когда дает, дает Своею десницею, а десница Его — Сын. Примечай, прошу тебя, и то, что когда мы, быв насаждены, приносим плод, тогда и даст нам, чего ни попросим; если же не приносим плода, то не получим. Ибо кто не приносит плода, тот и не просит полезного и спасительного для души, но непременно просит мирского и бесполезного, а потому и не получает. Ибо «просите», сказано, «но не получаете, потому что не на добро просите» (Иак. 4, 3).

Сие заповедую вам, да любите друг друга. Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы были от мира, то мир любил бы свое: а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир.

Чтобы апостолы не подумали, будто Господь в укор им говорит, что Он полагает за них душу Свою и что Он избрал их, посему говорит: Я заповедываю вам это ни в укоризну вам, ни в похвалу Себе как бы за какое достоинство, но чтобы души ваши более утвердить в любви друг другу; для этого Я исчисляю совершенства любви Моей к вам. «Сие заповедую вам, да любите друг друга». Так как терпеть гонение и ненависть — дело тяжелое и очень прискорбное, то в утешение их говорит: если ненавидят вас, это несколько не ново, ибо Меня возненавидели прежде вас. Посему вы должны находить великое утешение и в том, что становитесь общниками Моими в перенесении ненависти. За сим присовокупляет и другой

способ утешения, более обязательный. Вам, говорит, напротив, нужно было бы скорбеть в том случае, если бы мир, то есть злые люди, любил вас. Ибо, если бы они любили вас, это было бы знаком того, что и сами вы имеете с ними общение в той же злобе и лукавстве. А теперь, когда злые ненавидят вас, вы радуйтесь. Ибо они ненавидят вас за добродетель; иначе, если бы вы не были добродетельны, мир любил бы свое. Но как Я отлучил вас от злобы мирской, то мир и ненавидит вас за то, что не участвуете в делах его.

Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но все это сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня.

Что сказал выше, именно: что Меня возненавидели прежде, нежели вас, то теперь излагает пространнее, подавая им большее утешение. Вспомните, говорит. Мое слово о том, что раб не больше господина своего. А вы не больше Меня, Смотри же, как поступали со Мною. Если гнали Меня — Владыку, то тем более будут гнать вас — рабов. Если не гнали Меня, а соблюдали слово Мое, то и ваше будут соблюдать. Но этого нет. Ни Моего слова, ни вашего не будут соблюдать. Но все то сделают над вами за Меня. Посему, если вы любите Меня, переносите, что испытываете за Меня, Которого, по словам вашим, вы любите, — Вот и еще причина к утешению. Они, обижая вас, оскорбляют вместе и Того, Кто послал Меня. Посему, если не что иное, то это самое, что одни и те же суть враги вам и Мне, и Отцу Моему, должно служить к вашему утешению.

Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня, и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно (Пс. 68, 5).

Ужели справедливо они делают это? Ненавидят и Меня, и Отца Моего, и вас? Ужели в словах или делах Моих нашли они повод к такому поведению? Нет, грех их непрощителен. Ибо не Я ли пришел и учил? Если бы Я не приходил, если бы не говорил, они могли сказать: мы не слышали. А теперь злоба их неизвинительна. Потом, так как они везде ссылались не на иное что, как на то, что вступаются за Отца (ибо говорят: «этот человек не от Бога», и тому подобное — Ин. 9, 16); посему прибавляет: «ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего». Таким образом и это нимало не служит к оправданию их. Я же не только учение преподавал, но и дела творил, каких никто другой не делал, например чудо над слепым, над Лазарем и прочие подобные. Какое же у них оправдание? Я со Своей стороны преподавал учение на словах и присовокупил доказательство от дел. И Моисей (Втор. 18, 18-21) заповедует слушаться того, кто чудеса творит и учит благочестию. А они теперь и видели такие дела, и однако возненавидели и Меня, и Отца Моего. Потом ссылается на свидетельство пророка: «возненавидели Меня напрасно» (Пс. 68, 5). Ненависть их родилась от одной только злобы, а не от иной причины. Законом, как мы часто говорили, называет не только Закон Моисеев, но и Книги пророков, как и здесь назвал Законом Книгу Давида. Давид Духом Святым вперед возвещал, что будет делать злоба их; а они, без сомнения, по злобе исполнили предсказанное пророком, и тем подтвердили истину пророчества.

Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины,

Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною.

Господь сказал ученикам: вас будут гнать, слова вашего не будут соблюдать. Они могли сказать: Господи? зачем же, наконец, Ты посылаешь нас? Как нам будут верить? Кто будет внимать нам? Кто послушает нас? Дабы не сказали этого, Господь прибавляет: «Когда придет Утешитель, Он будет свидетельствовать о Мне». Он — свидетель достоверный. Посему обличаемые от Духа в том, что они грешат безответно, будут принимать вашу проповедь. И сначала бывшие со Мною, также будете свидетельствовать, что Я и словами, и делами сделал их безответными. Итак, не смущайтесь. Проповедь не будет без свидетельства; но Дух будет свидетельствовать знамениями и чудесами, и свидетельство Его будет достоверно. Ибо Он — Дух истины. Как Дух истины, Он будет свидетельствовать об истине. Как исходящий от Отца, Он знает все в точности, ибо Он от Того, от Кого всякое познание. — Слова: «Которого Я пошлю», показывают равенство Его с Отцом. Ибо в ином месте сказал, что Отец пошлет Духа (Ин. 14, 26), а здесь говорит, что Он Сам пошлет Его. Сим показывает не что иное, как равенство. А чтобы не подумали, будто Он восстает против Отца, когда посылает Духа иною властью, прибавил: «от Отца». Пошлю Его Сам, но «от Отца», то есть по благоволению Отца, и пошлю вместе с Ним. Ибо Я не извожу Духа из Собственных недр, но от Отца Он подается чрез Меня. — Когда слышишь, что «исходит», под исходящим не разумей посольство, как посылаются служебные духи; но исходящее есть естественное бытие Духа. Если мы будем понимать исходящее не так, но как совне бывающее посольство, то не видно будет, о каком Он Духе говорит. Ибо бесчисленны духи, посылаемые на служение тем, которые наследуют спасение (Евр. 1, 14). Но здесь исходящее есть какое-то особенное и отличное свойство, принадлежащее собственно одному Духу. Итак, под исходящим мы должны разуметь не посольство, а естественное бытие от Отца. Сей-то Дух будет свидетельствовать о проповеди. А также и вы будете свидетельствовать, потому что не от других слышали, но сами с самого начала находитесь со Мною. А свидетельство тех, которые сначала были с Ним, немаловажно. Сами апостолы впоследствии говорили пред лицом народа: свидетели Его воскресения — мы, «которые и ели, и пили с Ним» (Деян. 19, 41). Итак, свидетельство с двух сторон: и от вас, и от Духа. О вас могут подумать, что вы свидетельствуете в угоду Мне; но Дух никак не будет свидетельствовать из угодливости.

Глава шестнадцатая

Сие сказал Я вам, чтобы вы не соблазнились. Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня. Но Я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время, вспомнили, что Я сказывал вам о том.

Я, говорит, сказал вам об этом, прежде чем сбылось, для того, чтобы вы не соблазнились впоследствии, когда увидите, что многие не веруют вашей проповеди и что вы сами подвергнетесь бедствиям, но чтобы, заключая по тому, что Я сказал вам об этом прежде, нежели сбылось, приняли и утешение Мое с верою, что Я не обману вас в этом случае так же, как не солгал и в предсказании о бедствиях. — «Изгонят вас из синагог», отлучат от своих собраний и славных мест и лишат всякого общения. Ибо сговорились уже, чтобы, кто

признает Его за Христа, того отлучат от синагоги (Ин. 9, 22). Не только вы будете изгнаны из синагог, но и примете смерть, и смерть поносную, ибо вас будут убивать, как людей вредных, врагов Божиих. И всякий убивающий вас будет так стараться об убиении вас, что «будет думать, что он тем служит Богу», то есть будет думать, что он совершает дело богоугодное и святое. Присовокупляет и достаточное утешение. Говорит: «так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня». Вы будете страдать за Меня и за Отца, и потому терпите. Ибо блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня (Мф. 5, 11). Это блаженство да будет вам утешением при воспоминании о нем. Я сказал вам об этом для того, чтобы вы, когда увидите сбывшимися печальные Мои речи, поверили и прочим. Ибо вам нельзя будет сказать, будто Я, желая обмануть вас, предсказывал вам только приятное; но как, предсказавши печальное, Я не обманул, так и в предсказании о радостном достоин веры. Сказал вместе и для того, чтобы вы не оставались без приготовления, но приготовились бы, помня, что Я сказал Сам об этом, и потому стояли противу скорбей мужественно.

Не говорил же сего вам сначала, потому что был с вами. А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел: ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам.

Апостолы, услышав, что с ними случатся такие бедствия, отягчены были сильною печалью. Посему Господь говорит: о таких скорбях Я не сказывал вам прежде не потому, будто не знал, но потому, что Я был с вами, и вы имели во Мне достаточное убежище, и вся война была воздвигнута против Меня, а вы сами были в совершенной безопасности. Итак, тогда не нужны были такие речи, предуготовляющие и предограждающие вас; но теперь, отходя к Отцу Своему и оставляя вас, Я предуведомляю об этом, чтобы вы обезопасили сами себя. — «И никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь?» Ибо от скорби вы смутились и пришли в исступление; сердца ваши потрясены ожиданием бед. — Но «Я истину говорю вам». Смотри, как Он утешает их. Сколько, говорит, ни скорбите, а Я говорю полезное вам. Вы желаете, чтобы Я всегда был при вас, но это бесполезно для вас. «Ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам». Посему, хотя вы желаете Моего присутствия, Я не послушаюсь вас, но лучше изберу полезное для вас, чем исполню вредное для вас желание ваше. Так и во всем мы должны поступать: для самих себя и для ближних придумывать полезное, а не приятное. Ибо, если Я не умру за мир и не пойду к Отцу, предав Сам Себя в жертву и умилоствление за грехи мира, то Утешитель не придет. Ибо как Он придет, если вражда не прекратится чрез умерщвление греха, если Отец не примирится с естеством человеческим? Что могут сказать здесь македонияне, уменьшающие славу Духа и называющие Его рабом Сына? какая польза: Владыке — отойти, и рабу — прийти? Посему вы, ученики, хотя поскорбите по причине Моего отшествия, но обрадованы будете пришествием Духа, которое доставит вам блага большие и важнейшие. — Как же Господь сказал, что Он не говорил этого сначала, когда написано, что, призвав двенадцать учеников, Он сказал им: «поведут вас к правителям и царям?» (Мф. 10, 18), Хотя Он сказал, что поведут вас к правителям, но еще не сказал, что будут убивать вас, как нечестивцев, людей вредных и врагов Божиих. И иначе. Там сказал, что доведется им терпеть от язычников, а здесь сказывает, что бедствия причинят вам иудеи; ибо изгонят из синагоги, без сомнения, иудеи. Примечай, пожалуй, здесь же самовластие Духа и соизволение Сына; ибо в словах — «Утешитель придет» —

выражается власть Духа, а в словах — «Я пошлю Его» — благоволение Сына, согласие, если можно так сказать, на пришествие Утешителя и мановение к тому.

И Он пришед обличит мир о грехе и о правде, и о суде: о грехе, что не веруют в Меня: о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден.

Утешитель придет. Какая же от того польза? Он «обличит мир о грехе» и покажет, что они, не веруя, грешат. Ибо, когда увидят, что Дух руками учеников совершает особенные знамения и чудеса, и после того не уверуют: как же они не будут достойны осуждения и не будут повинны в величайшем грехе? Ныне они могут говорить, что Я сын плотника, сын бедной матери, хотя Я и совершаю чудеса. А тогда, когда Дух во имя Мое совершит такие дела, неверие их будет неизвинительно. Итак, Он обличит их «о грехе», то есть покажет, что они согрешили непростительно. Обличит и «о правде, что Я иду к Отцу Моему», то есть докажет им, что Я, будучи праведен и безукоризнен по жизни, умерщвлен ими несправедливо, и доказательство сего в том, что Я иду к Отцу. Ибо Я не вошел бы к Отцу, если бы не был праведен. Так как они убьют Меня, как безбожника и беззаконника, то Дух докажет им, что Я не таков; ибо, если бы Я был противник Богу и преступник Закона, Я не удостоился бы чести у Бога и Законодателя, и притом чести не временной, но вечной. Ибо слова: «и уже не увидите Меня» — означают, что Он пребудет вечно у Отца. Обличит «о суде, что князь мира сего осужден», то есть что Я праведен и безгрешен, — это Дух докажет еще и тем, что Мною осужден и побежден князь мира сего. Они говорили: бесы в Нем (Ин. 8, 48-62; 10, 20); Он творит чудеса силою веельзевула (Мф. 12, 24); Он обольщает народ (Ин. 7, 12). Все это окажется ложным, когда диавол осужден и всем доказано, что он побежден Мною. Ибо Я не смог бы совершить это, если бы не был сильнее его, и не был свободен от всякого греха. Чем же это доказано? Тем, что с пришествием Духа все верующие во Христа попирали князя мира и посмеивались над ним. А отсюда видно, что Христом он осужден гораздо прежде. Итак, Дух обличит тех, кои не уверовали, как грешников. Ибо вера разрешает от грехов чрез отпущение их в крещении, а силы Духа, являемые в верующих, в неверующих не обнаруживаются. Отсюда оказывается, что они сосуды злые, скверные и недостойные вместить в себе Духа. И иначе. Дух обличает неверующий мир «о правде», то есть, что тот лишен праведности, кто не верует в Праведника Иисуса, за праведность вознесенного на небеса. Обличает и «осуждает» как ленивого, потому что по уязвлению сатаны он не хотел преодолевать его.

Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же приидет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину, ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам.

Выше сказал Господь, что для вас полезнее, чтобы Я пошел. Теперь излагает это пространнее. Ныне, говорит, вы не можете вместить, а когда придет Он, тогда, получив от Него благодатные дары, вы будете наставлены на всякую истину. Какую же разумеет истину? Ужели познание обо всем? Сам Господь о Себе Самом не возвещал ничего великого, частью для того, чтобы подать образец смиренномудрия, частью по причине немощи слушателей и неблагонамеренности иудеев. Он не вводил явно и отменения законных обрядов, дабы все не

сочли Его за противника Богу. А когда пришел Утешитель, тогда уяснилось достоинство Сына; обо всем сообщено истинное и ясное познание; законные обряды взяты от среды и упразднены; мы научены служить Богу в духе и истине; чудесами, совершенными Духом, вера утверждена. — Потом, так как Господь о Духе сказал нечто великое, то, чтобы иные не подумали, будто Дух больше Его, если Он наставит на истину, соделает их способными принять многое и великое, чего в присутствии Христа они не могли вместить, — чтобы не подумали этого, Он прибавляет «не от Себя говорить будет», то есть Он не будет говорить ничего отличного в сравнении с Моим. Ибо слова: «что услышит», означают то, что Он не будет учить ничему, кроме того, чему учил Христос. Как о Самом Себе Господь говорит: что Я слышал от Отца, то говорю (Ин. 15, 15), и тем выражает не то, будто Он Сам учится, наподобие дитяти, но то, что Он без Отца ничего не знает и ничему не учит: так должно понимать и о Духе. А что Дух не нуждается в научении, слушай, что говорит апостол Павел. «Как того, что в человеке, никто не знает, кроме духа, живущего в нем, так и Божиего никто не знает, кроме Духа Божия» (1 Кор. 2, 11). Видишь ли, Святой Дух, как и наш дух, Сам Себя научает. Божество Духа благоразумный узнает и из того, что следует далее. Ибо говорит: «и будущее возвестит вам», А знать будущее преимущественно свойственно Богу. И как для природы человеческой ничто иное так не желательно, как знание будущего, то Господь и этим утешает апостолов. Столько, говорит, Он благодетельствует вас, что дарует вам и предзнание будущего; а это дарование считается большим всех. И как они должны приготовиться к искушениям, то говорит: Он приготовит вас к тому, что имеет случиться с вами, чтобы вы по незнанию не пали от неосторожности. «Он прославит Меня», ибо все и говорить, и делать будет во имя Мое, а не будет говорить ничего противного. Посему чудеса, Им совершаемые, удостоверят, что Я — Бог, когда на вас, Моих учеников, изольется богатство благодати, и имя Мое после смерти Моей будет сиять еще более. Ибо это великая и непререкаемая слава, когда умерщвленный и обесчещенный после сего будет блистать еще более. Потом, так как Господь говорил, и они слышали, что один у них Учитель Христос (Мф. 23, 8), то чтобы не подумали: если один Учитель — Ты Сам, то как же говоришь, что будет и другой Учитель — Дух, — чтобы не подумали этого, Он прибавляет: «от Моего возьмет», то есть из того, что Я знаю, от Моего знания. Иначе: «от Моего», то есть от сокровища Моего, которое есть Отчее. И как все, что имеет Отец, есть Мое, и Мое богатство, а Утешитель будет говорить от Отца; то Я справедливо говорю: «от Моего возьмет», то есть сокровища, и богатства, и знания. Для чего же столько благ даровал нам Дух, а не Сын? На это, во-первых, скажем то, что путь к дарам Духа сотворил Сын, и Он есть виновник стольких благ. Ибо, если бы Он не истребил грех, как мы удостоились бы Духа? Ибо Дух не будет обитать в теле, повинном грехам (Прем. 1, 4). Посему, велики дарования Духа, но основание их во Христе. Потом, так как имели явиться еретики, уменьшающие достоинство Духа из-за того, что Он пришел после Сына, то Он предоставляет Ему действовать в апостолах более чем Сам, для того, чтобы, побуждаемые величию даров, они и против воли признали достоинство Духа и не считали Его меньшим Сына из-за того, что Он явился в мире после Него.

Вскоре вы не увидите Меня и опять вскоре увидите Меня; ибо Я иду к Отцу. Тут некоторые из учеников Его сказали один другому: что это Он говорит нам: вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, и: Я иду к Отцу? Итак, они говорили: что это говорит Он вскоре? не знаем, что говорит.

Для чего Христос опять напоминает им об удалении и смерти Своей, тогда как более

следовало бы скрывать это? Он упражняет их душу и делает ее более твердою, и постоянно напоминает о печальном для того, чтобы они свыклись с этим и ожидали этого, а не были поражены внезапностью. В то же время к печальному присовокупляет и могущее одушевить. Так и здесь сказал печальное: «вскоре вы не увидите Меня»; прибавил и радостное: «и опять вскоре увидите Меня», потому что Я восхожу к Богу, Могущему помочь вам; Я не погибаю, а переменяю состояние; разлука Моя не надолго, а пребывание Мое с вами, которое затем наступит, вечно. Но они этого не понимали. Посему-то иной может и подивиться, как они не уразумели слов Его. Вероятно, печаль, овладевшая их душою, изглаждала из памяти их то, что говорилось, или непонятливость нашла на них от неясности самых слов. Посему и представляется им в словах Иисуса некоторое противоречие: если мы увидим Тебя, то куда Ты отходишь? Если же Ты отходишь, то как мы увидим Тебя? Это казалось им загадкою.

Иисус, уразумев, что хотят спросить Его, сказал им: о том ли спрашиваете вы один другого, что Я сказал: вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня? Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; никогда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мире. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас.

Господь видел, что ученики, обремененные печалью, не совсем поняли слова Его; посему предлагает им яснейшее учение о Своей смерти, чтобы, свыкшись со словами и делами, мужественно перенесли ее. «Вы», говорит, «восплачете и возрыдаете» о том, что Я умру на Кресте, «а мир возрадуется», то есть иудеи, мудрствующие мирское, возрадуются, что уничтожили Меня, врага своего; но «печаль ваша в радость будет», а радость иудеев, напротив, обратится им в печаль, когда по воскресении будет славиться имя Мое. Под радостью мира можешь разуметь и не радость иудеев, которою они возрадовались умерщвлению Господа, но спасение мира, так что в словах сих будет такой смысл: вы будете печальны, но эти страдания Мои, о которых вы печалитесь, будут радостью всего мира и спасением. Потом приводит и обыкновенный пример женщины и родов. Это сравнение употребляли и пророки, жестокостью родильных болезней обозначая высшую степень скорби. Он говорит как бы так: вас застигнут скорби, как бы болезни рождения; но болезнь бывает причиною рождения. В то же время удостоверяет учение о воскресении и показывает, что умереть похоже на то, как выйти из утробы матерней на свет. Не удивляйтесь же, что радости вам должно достигнуть чрез такую печаль. Ибо и мать чрез скорбь и болезнь достигает того, что становится матерью. Здесь Он намекает на нечто таинственное, именно: что Он разрушил болезни и смерть и соделал то, что родился Человек новый, уже не истлевающий, уже не умирающий, который есть Сам Господь. Ибо, смотри, Он не сказал: женщина уже не помнит скорби потому, что родилось «у нее» дитя, но потому, что родился человек «в мир». Не без цели Он так сказал, но для того, чтобы загадочно и прикровенно намекнуть на то, что Он Сам есть Человек, родившийся не для ада, чревоболевшего Им, но для мира. Ибо для нас родился от воскресения новый и нетленный Человек, Иисус Христос, Бог наш. Итак, пример рождающей женщины не требует во всем прикровенности к событиям Христовым, но только имеет целью показать, что печаль временна и что от этих болезней велика польза и что воскресение рождает для жизни и нового бытия. Все прочее в сравнении не имеет приложения, и справедливо. Ибо это — притча, а притча, если во всех частях

сохранится, не есть уже притча, но то самое, что ею изображается. Так и здесь под болезнями рождения мы уразумеем печаль апостолов, под радостью — утешение их по воскресении, и опять под разрешением болезней — разрушение ада, а под рождением — воскресение Перворожденного из мертвых. Но уже не разумеем под матерью — ад; ибо не ад обрадовался, а возрадовались апостолы, и возрадовались такою радостью, которой у них никто не отнял. Ибо, когда их обижали, когда их бесчестили за имя Христово, они и тогда радовались (Деян. 5, 41). Словами: «радости вашей никто не отнимет», показывает также и то, что Он уже не умрет, но, всегда будучи жив, подаст им радость неиссякаемую.

И в тот день вы не спросите Меня ни о чем. Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна.

Когда, говорит, Я воскресну, а затем придет Утешитель к вам и наставит на всякую истину, тогда вы не спросите Меня ни о чем, как, например, прежде спрашивали: куда Ты идешь? (Ин. 14, 5), покажи нам Отца (Ин. 14, 8). Ибо силою Духа вы будете знать все. Или «спросите» употреблено вместо: попросите, потребуете. Итак, когда Я, по воскресении из мертвых, пошлю вам Утешителя, тогда вы уже не попросите Меня, то есть не будете нуждаться в Моем посредничестве, но довольно будет вам произнести имя Мое, чтобы желаемое получить от Отца. Итак, здесь Он показывает силу Своего имени; так как Его не будут видеть и не будут просить, а только назовут имя Его, и Он будет творить такие дела. «Доныне вы ничего не просили во имя Мое», а отныне «просите и» непременно «получите». Посему полезнее, чтобы Я умер; ибо отныне вы получите большее дерзновение пред Отцом Моим. Хотя Я и разлучусь с вами, но вы не думайте, что вы оставлены Мною; ибо разлучение Мое даст вам большее дерзновение, и радость ваша тогда будет самая полная, когда вы получите все просимое. Примечай же: получает тот, кто просит во имя Христа. А из тех, кои желают предметов мирских и душевредных, никто не просит во имя Христово, а потому и не получает. Ибо имя Христа Божественно и спасительно. Если же кто просит пагубного для души, то неужели мы скажем, что он просит во имя Спасителя?

Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возведу вам об Отце. В тот день будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас; ибо Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога. Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу.

Притча есть речь, объясняющая какой-нибудь предмет косвенно, прикровенно и сравнительно. Так как Господь многое говорил прикровенно, и речь о женщине и рождении была приточная же, то Он говорит: «доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возведу вам об Отце». Ибо по воскресении, явив Себя живым, в продолжение сорока дней сообщил им об Отце познания таинственнейшие и подробнейшие (Деян. 1, 3). А прежде они думали, что Бог Ему Отец так же, как и нам, по благодати. Снова ободряя их, что они в искушениях получают помощь свыше, говорит: «будете просить во имя Мое», и уверяю, что Отец настолько любит вас, что вы уже не будете иметь нужды в Моем посредничестве. Ибо Сам Он любит вас. Потом, чтобы они не отстали от Христа, так как не имеют уже нужды в Нем и состоят в непосредственной любви Отца, говорит: «Отец любит вас», за то, «что вы возлюбили Меня». Посему, если

отпадете от любви Моей, то немедленно отпадете и от Отца. А как слух о том, что Он исшел от Бога и опять идет к Богу, в разных отношениях утешал их, то Он часто говорит об этом. Посему и сами они, получив пользу от слуха об этом и воодушевившись, что говорят?

Ученики Его сказали Ему: вот, теперь Ты прямо говоришь, и притчи не говоришь никакой; теперь видим, что Ты знаешь все и не имеешь нужды, чтобы кто спрашивал Тебя: посему веруем, что Ты от Бога исшел. Иисус отвечал им: теперь веруете? Вот наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону, и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною.

Ученики, услышав, что Бог Отец будет любить их, и что они не нуждаются в посредничестве Его, Христа, как усвоенные Отцу, и что Он исшел от Бога, говорят: «теперь видим, что Ты знаешь все», то есть знаешь, чем соблазняется сердце каждого, и не имеешь нужды узнавать это от других, и потому веруем, что Ты от Бога исшел. Ибо знать тайны сердечные свойственно Богу (Пс. 43, 22). Смотри же, как они были несовершенны, когда говорят: «теперь видим». Они, так много и долго слушавшие учение Его, говорят: теперь мы знаем. А Христос объявляет им, что они и теперь еще несовершенны, что они не уразумели ничего великого о Нем, но еще обращаются низко и около земли. Он говорит: «теперь веруете?» и этим как бы упрекает и укоряет их за медленность веры. А чтобы они, держась таких мыслей о Нем, не подумали, что они угождают Ему, говорит: «наступает часть, что вы рассеетесь каждый в свою сторону». Вы думаете, что имеете обо Мне великое представление. А Я говорю вам, что вы оставите Меня врагам, и такой страх овладеет вами, что вы и удалитесь от Меня не вместе друг с другом, но рассеетесь каждый поодиночке, и каждый сам себе будет искать убежища и спасения. Но Я от того не потерплю никакого зла. Ибо Я не один только, но и Отец вместе со Мною. Посему Я страдаю не по бессилию, но добровольно отдаюсь распинателям. Когда, посему слышишь: Боже! «для чего Ты Меня оставил» (Мф. 27, 46), не понимай так просто, будто Спаситель оставлен Отцом, (ибо, как Он свидетельствует здесь: Отец со Мною?), а понимай так, что слова эти сказаны естественным человеческим, оставленным и отверженным за грехи, но во Христе примиренным и усвоенным Отцу.

Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир.

«Сие», говорит, «сказал Я вам», чтобы вы не удаляли Меня из ваших мыслей и не колебались, и не смущались продолжать твердую любовь ко Мне, но «чтобы вы имели во Мне мир», то есть, чтобы вы пребывали непреклонными, принимая за верное все, что Я ни говорил вам. Да слышит и Арий, что все это смиренное и, по-видимому, недостойное славы Сына, сказано ради слушателей, а не для того, чтобы мы пользовались этими словами при определении догматов; ибо они сказаны в утешение апостолов, как показывающие любовь Его к ним. «В мире будете иметь скорбь». Испытания для вас не остановятся на страшных этих словах, но до тех пор, пока вы будете в мире, вы будете иметь скорбь, не теперь только, когда Я предаюсь, но и после этого. Но вы противостойте искушающему помыслу. «Мужайтесь: Я победил мир». А когда Я победил, вам, ученикам, должно не скорбеть, но презирать мир, как уже побежденный. Как же Он победил мир? Низложив начальника мирских страстей. Впрочем, это видно из последующего. Ибо все Ему покорилось и уступило. Как с поражением Адама вся природа осуждена, так с победою Христовою победа простерлась на

всю природу, и во Христе Иисусе нам дарована сила наступать на змей и скорпионов, и на всю силу вражескую (Лк. 10, 19). Ибо чрез человека смерть вошла, чрез человека же и жизнь, и сила на диавола (1 Кор. 15, 21-55). Ибо, если бы победил один только Бог, тогда ничто не относилось бы к нам.

Глава семнадцатая

После сих слов Иисус возвел очи Свои на небо и сказал: Отче! пришел час: прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную. Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа.

Сказав ученикам, что они имеют будут скорби, и, убедив их не унывать, Господь ободряет их еще молитвою, научая и нас в искушениях оставлять все и прибегать к Богу. Иначе. Настоящие слова суть не молитва, но беседа с Отцом. Если в иных случаях (Мф. 26, 39) Он молится и преклоняет колена, то не удивляйся сему. Ибо Христос пришел не для того только, чтобы явить Себя миру, но и для того, чтобы научить всякой добродетели. А учитель должен учить не словами только, но и делами. Желая показать, что идет на страдания не против воли, а по собственной воле, говорит: «Отче, пришел час». Вот, Он желает этого, как чего-то приятного, и предстоящее дело называет славою, и славою не Своею только, но и Отчею. Так и было. Ибо не Сын только прославился, но и Отец. Ибо прежде Креста Его не знали даже и иудеи, как сказано: «Израиль Меня не познал» (Ис. 1, 3); а после Креста вся вселенная притекла к Нему. Показывает и то, в чем состоит слава Его и Отца; слава Божия в том, чтобы уверовала и была благодетельствована всякая плоть. Ибо благодать не ограничится одними только иудеями, но прострется на всю вселенную. Сказал это потому, что намерен был послать их к язычникам. Чтобы они не почли этого нововведением, негодным Отцу, Он объявляет, что власть над всякою плотью дана Ему от Отца. Прежде же этого Он говорил им: «на путь к язычникам не ходите» (Мф. 10, 5). Что же значит: «над всякою плотью»? ведь, не все же уверовали? Но Христос, со Своей стороны, старался всех привести к вере; если же они не внимали Ему, то в этом вина не Учителя, но тех, которые не принимают Его. Когда слышишь: дал еси, приях (Ин. 10, 18), и тому подобное, то понимай так, что это сказано по снисхождению, как мы много раз говорили. Ибо, всегда остерегаясь говорить Сам о Себе что-нибудь великое, Он снисходит к немощи слушателей. И как они соблазнялись слыша о Нем великое, то Он возвещает то, что для них доступно, подобно как и мы, разговаривая с детьми, так называем хлеб, воду и вообще все прочее, как и они. Когда же евангелист говорит о Господе (от своего лица), слушай, что говорит: «все Им получило бытие» (Ин. 1, 3), и: «тем, которые приняли Его, дал власть соделываться чадами Божиими» (Ин. 1, 12). Если другим дает Он такую власть, то неужели Сам не имел ее, а получил от Отца? Потом и в этих самых словах, по-видимому, уничиженных, вставлено нечто высокое. «Да всему, что Ты дал Ему», это — снисхождение, «даст Он жизнь вечную», это — власть Единородного и Божества. Ибо давать жизнь, и притом вечную, может только Бог. Назвал Отца «единым истинным Богом» для отличия от лжеименных богов языческих, а не отделяя Самого Себя от Отца (прочь такая мысль!). Ибо и Он, будучи истинным Сыном, не может быть богом ложным, а есть истинный Бог, как этот же самый евангелист в соборном послании своем говорит о Господе: «Иисус Христос есть истинный Бог и Жизнь вечная» (1 Ин. 5, 20). Если еретики настаивают, что Сын есть бог ложный, так как Отец назван единым

истинным Богом, то пусть знают, что этот же самый евангелист говорит о Сыне: «был Свет истинный» (Ин. 1, 9). Ужели же, по их понятию, Отец есть ложный Свет? Но нет, прочь такая мысль! Посему, когда называет Отца истинным Богом, то называет Его так в отличие от ложных богов языческих подобно как и в словах: «славы, которая от единого Бога, не ищите» (Ин. 5, 44), по понятию еретиков выйдет: так как Отец — единый Бог, то Сын вовсе и не Бог. Но такое заключение поистине безумно.

Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира. Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира.

Отсюда познай, как Отец прославляет Сына. Без сомнения, прославляет так же и Сын Отца. «Я», говорит, «прославил Тебя на земле». Справедливо прибавляет: «на земле». Ибо на небесах Он был прославлен, будучи поклоняем от ангелов, а земля не знала его. А как Сын всем возвестил о Нем, то и говорит: Я прославил Тебя, посеяв богопознание по всей земле и совершив то дело, которое Ты поручил Мне. Ибо дело воплощения Единородного было — освятить нашу природу, низвергнуть миродержца, которого прежде боготворили, насадить богопознание между тварью. Как же Он совершил это, когда еще и не начинал? Все, говорит, что Мне нужно было сделать, Я совершил. Да, Он сделал то, что больше всего: посадил в нас корень добра, победив диавола, и Самого Себя предал всепожирающему зверю — смерти, а от этого корня по необходимости пойдут и плоды богопознания. Итак, говорит, Я совершил дело, потому что Я посеял, посадил корень, а плоды вырастут. «Прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира». Естество плоти еще не было прославлено, так как оно не сподоблялось еще нетления и не приобщалось царского престола. Посему-то и говорит: «прославь Меня», то есть Мое человеческое естество, которое теперь не в чести, которое будет распято, и возведи оное в ту славу, которую Я — Слово и Сын Твой — имел у Тебя прежде бытия мира. Ибо естество человеческое Он с Собою посадил на престоле царском, и теперь поклоняется Ему всякая тварь. «Я открыл имя Твое человекам». Теперь объясняет, что значат слова: Я прославил Тебя на земле, — именно: Я возвестил имя Твое. Как же Сын возвестил? Ибо Исаия еще говорил: «клянитесь Богом истинным» (8, 1). Но мы много раз говорили, что если тогда имя Божие и было известно, то одним только иудеям, и притом не всем, а теперь говорится о язычниках, что им будет известно имя Божие, так как Христос дал уже семена богопознания, низложив диавола, введшего идолослужение. И иначе. Если и знали Бога, то знали не как Отца, а только как Творца; но Сын возвестил о Нем, как Отце, и словами и делами дав знать о Самом Себе; а кто доказал Сам о Себе, что Он Сын Божий, тот, очевидно, вместе с Собою дал знать и об Отце.

Они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть; Ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня.

Господь хочет утвердить две мысли: одну ту, что Он не противник Отцу, а другую, что Отец хочет, чтобы они веровали Сыну. Посему говорит: «они были Твои, и Ты дал их Мне». В словах: «Ты дал Мне», показывается то и другое. Я не похитил их, но Ты соизволил, чтобы они пришли ко Мне. Посему не вражду, но единомыслие и любовь имеешь Ты, Отче, ко Мне.

«Они сохранили слово Твое», потому что поверили Мне и не вняли иудеям. Ибо кто верит Христу, тот сохраняет слово Божие, то есть Писание, Закон. Ибо Писание возвещает о Христе. Еще иначе. Все, что говорил Господь ученикам, принадлежало Отцу. Ибо Я, говорит, говорю не от Себя (Ин. 14, 10). А Он сказал им между прочим: «будьте во Мне» (Ин. 15, 4). Вот они и соблюли это: «Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть». Некоторые греческое «уразумели» читают как «ныне Я познал»; но такое чтение неосновательно. Ныне, говорит, ученики Мои узнали, что Я не имею ничего особенного, и что Тебе Я не чужой, но что все, что Ты дал Мне (дал не в дар, как созданию какому-нибудь, ибо это не приобретено Мною), есть от Тебя, то есть принадлежит Мне, как Сыну и Лицу властному над тем, что принадлежит Отцу. Откуда же узнали это ученики Мои? «Ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им», то есть из Моих слов, из Моего учения, ибо Я всегда учил их тому, что есть от Отца, и не только этому учил, но и тому учил, что Я исшел от Тебя, и что Ты послал Меня. Ибо во всем Евангелии Он хотел утвердить ту истину, что Он не противник Богу, но исполняет волю Отца.

Я о них молю, не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои. И все Мое Твое, и Твое Мое, и Я прославился в них.

Показывая, что Он говорит это Отцу не для чего-нибудь другого, а только ради их, чтобы они познали, что Он любит их и печется о них, — говорит: Я молю и прошу о них, а не о мире. Ибо этим Я, без сомнения, доказываю, что люблю их, когда не только то, что у Меня Самого, даю, но и Тебя прошу, хранить их. Итак, не о людях порочных и мудрствующих мирское Я молю Тебя, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои. Дабы ты, слыша постоянно, как Он говорит: «Ты Мне дал», не подумал, будто начальство и власть эта дана Ему недавно, и в то время как Отец имел их, Он (Сын) не имел, или опять теперь, когда Он имеет, Отец лишился власти над ними, для этого говорит «и все Мое Твое, и Твое Мое» Я не теперь принял эту власть, но, когда они были Твои, они были и Мои. Ибо все Твое Мое. И теперь, когда Я Сам имею их, имеешь и Ты, и не лишился, ибо все Мое Твое. «И Я прославился в них», то есть имея власть над ними. Я прославляюсь в них, как Владыка, подобно, как и сын царя, имея равную с отцом честь и царство, прославляется тем, что имеет столько же, сколько и отец. Итак, если бы Сын был меньше Отца, Он не осмелился бы сказать: «все Твое Мое», ибо господин имеет все, что принадлежит рабу, но раб не имеет всего, что принадлежит господину. Здесь же Он обоюдно усвоит: Отчее Сыну, а Сыновнее Отцу. Итак, Сын прославляется в тех, которые принадлежат Отцу; ибо Он имеет столько же власти над всеми, сколько и Отец.

Я уже не в мире, но они в мире, а Я к Тебе иду, Отче Святой! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы. Когда Я был с ними в мире, Я соблюдал их во имя Твое.

Для чего он постоянно говорит это: «Я уже не в мире», и: «когда Я был с ними в мире»? Кто будет понимать эти слова просто, то они покажутся противоречащими. Ибо в другом месте Он обещал им: Я буду с вами» (Ин. 15, 4), и: «вы увидите Меня» (Ин. 16, 17), а теперь, по-видимому, говорит иное. Итак, можно истину сказать, что Он говорит это, приспособляясь к их понятиям. Им естественно было опечалиться, коль скоро они остаются без помощника. Он объявляет им, что Он вручает их Отцу и Его дает им в хранителя, и затем говорит Отцу: так как Ты призываешь Меня к Себе, то храни их Сам «во имя Твое», то есть

Твоею помощью и силою, которую Ты дал Мне. В чем же хранить? «Чтобы они были едино». Ибо, если они будут иметь любовь друг к другу, и не будет между ними разделений, то они будут непобедимы, и ничто не одолеет их. И не просто, чтобы были едино, но так как Я и Ты имели одно мудрствование и одно желание. Ибо единомушие — вот их охрана. Итак, чтобы утешить их, Он умоляет Отца хранить их. Ибо, если бы Он сказал: «Я буду хранить вас, они не так бы глубоко поверили. А теперь, когда Он умоляет за них Отца, Он подает им твердую надежду. «Я соблюдал их во имя Твое», говорит так не потому, будто Он не мог хранить их иначе, как только именем Отца, но, как мы много раз говорили, потому что слушатели Его были слабы и не представляли еще себе ничего великого о Нем. Посему-то говорит: Я помощью Твоею соблюдал их. Вместе с этим Он и укрепляет их в надежде, что как в Мою бытность с вами вы хранимы были именем и помощью Отца Моего, так, верьте, и опять будете соблюдены Им; ибо хранить вас — для Него обычное дело.

Тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание (Пс. 108, 17). Ныне же к Тебе иду, и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную.

Много унижения в этих словах, если кто примет их не так, как следует. Ибо смотри, что здесь представляется. «Тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил». По-видимому, Он заповедует Отцу, чтобы и Отец хранил, — подобно тому, как кто-нибудь, передавая имение на сохранение другому, сказал бы: смотри, я ничего не утратил, не потеряй же и ты. Но все это Он говорит для утешения учеников. «Сие», говорит, «говорю в мире» для успокоения, утешения и радости учеников, чтобы они одушевились и не беспокоились, так как Ты принимаешь их целыми и будешь хранить их, как и Я сохранил их и никого не погубил. Как же, Господи, никого не погубил Ты, когда Иуда погиб, и многие иные отошли обратно (Ин. 6, 66)? Со Своей стороны, говорит, Я никого не погубил. Что только зависело от Меня, Я ничего не оставил без исполнения, но соблюдал их, то есть всячески старался сохранить их. Если же они сами собою отпадают, это нисколько не относится к Моей вине. «Да сбудется Писание, то есть всякое писание, предсказывающее о сыне погибели. Ибо о нем сказано в различных псалмах (Пс. 108, 8; 68, 26) и в прочих книгах пророческих. О частице «да» мы много раз говорили, что Писание имеет обыкновение называть причиною то, что сбывается впоследствии.

Я передал им слово Твое, и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Они не от мира, как и Я не от мира.

Умоляя Отца о помощи апостолам, высказывает и причину, по которой они достойны великого попечения от Отца. За слово Твое, которое Я предал им, возненавидели их. Посему они достойны получить помощи от Тебя, так как мудрствующие мирское возненавидели их за Тебя. Порочные люди ненавидят их потому, что они «не от мира», то есть умом своим не привязаны к миру и не истощают своей деятельности для него. Как же Он в другом месте (Ин. 17, 6) говорит: те, которых Ты дал Мне «от мира», были Твои? Там Он говорил о природе их, что они люди и часть мира, а здесь говорит о мыслях и произволении и замечает, что они не от мира. «Как и Я не от мира». Не смущайся сими словами. Апостолы не были так святы и чужды страстей мирских, как Господь: Он не сделал греха, и не было лжи в устах Его (1 Пет. 2, 22), а они не избегли немощи человеческой природы. Итак, услышав слова: «как и Я

не от мира», не принимай их за совершенное схождение апостолов с Господом; но когда это «как» — об Отце и о Нем говорится, тогда только разумеи равенство. «Не молю, чтобы Ты взял их из мира». Сказал это, желая доказать любовь к ним и что Он много заботится о них, когда с таким усердием приносит за них молитву. Ибо Он не учит Отца тому, что нужно (ибо это было бы ни с чем несообразно), но, как я сказал, говорит это Отцу с тем, чтобы показать, что Он очень любит учеников и заботится о них. Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы во время нахождения их в мире соблюл их от зла. Опять повторяет: «они не от мира». Они, говорит, нуждаются в сильной поддержке, ибо у них, ставших гражданами небесными, ничего нет общего с землею. И как весь мир будет обращаться с ними, как с чужими, то Ты, Небесный, уже помоги им, как гражданам небесным. Говорит это очень часто вслух ученикам, чтобы они, слыша это, возненавидели мир и не посрамили такой похвалы им. Соблюди их «от неприязни»; говорит не только об избавлении их от опасностей, но и о пребывании и утверждении в вере. Посему и прибавляет:

Освяти их истиною Твоею; слово Твое есть истина. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир; за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною.

Сделай их святыми чрез преподание Духа, сохрани их в правоте слова и догматов и наставь их, и научи истине. Ибо святость состоит в хранении правых догматов. А что Он говорит о догматах, это видно из объяснения: «слово Твое есть истина», то есть, нет в нем никакой лжи. Посему, если Ты дашь им сохранить слово Твое и самим сохраниться от зла, они освятятся истиною. Слова «освяти их истиною Твоею», означают нечто и иное, именно; отдели их для слова и проповеди и содейлай их жертвою; пусть они послужат этой истине, пусть посвятят ей собственную жизнь. Прибавляет: «как Ты послал Меня в мир... и за них Я посвящаю Себя», то есть приношу в жертву; так Ты и их освяти, то есть отдели в жертву за проповедь и поставь их свидетелями истины, подобно как и Меня Ты послал свидетелем истины и жертвою. Ибо все принесенное в жертву называется святым. «Чтобы и они», как и Я, «были освящены» и принесены Тебе, Богу, не как жертвы подзаконные, закалаемые в образе, но «истиною». Ибо ветхозаветные жертвы, например, агнец, голуби, горлицы и прочее, были образами, и все святое в прообразе было посвящено Богу, предъизображая собою нечто иное, духовное. Души же, принесенные Богу, в самой истине освящены, отделены и посвящены Богу, как и Павел говорит: «представьте члены ваши жертвою живою, святою» (Рим. 12, 1). Итак, освяти и посвяти души учеников, и сделай их истинными приношениями, или укрепи их потерпеть и смерть за истину.

Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня.

Сказал: «за них Я посвящаю Себя». Чтобы кто-нибудь не подумал, что Он умер только за апостолов, прибавляет: «не о них же только, но и о всех верующих в Меня по слову их». Здесь Он опять ободрил души апостолов тем, что они будут иметь много учеников. А чтобы, слыша: «не о них только молю», апостолы не соблазнились, как будто Он не отдает им пред прочими никакого преимущества, утешает их, объявляя, что они для многих будут виновниками веры и спасения. А как Он достаточно предал их Отцу, чтобы Он освятил их верою и совершил за них святую жертву для истины, говорит, наконец, опять о единомыслии,

и с чего начал, то есть с любви, тем и заканчивает речь и говорит: «да будут все едино», то есть да имеют мир и единомыслие, и в Нас, то есть по вере в Нас, да сохранят полное согласие. Ибо учеников ничто так не соблазняет, как если учителя разделились и неединомысленны. Ибо кто захочет слушаться тех, которые сами неединомысленны? Посему говорит: «и они да будут едино», в вере в Нас, «как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе». Частица «как» опять не означает совершенного равенства. Ибо нам невозможно объединиться друг с другом, как Отец с Сыном. Частицу «как» должно понимать так же, как и в словах: «будьте милосерды, как Отец ваш» (Лк. 6, 36). — «Да уверует мир, что Ты послал Меня». Единомыслие учеников докажет, что Я, Учитель, от Бога исшел. Если же будет между ними раздор, то никто не скажет, что они ученики Примирителя; а если Я не Примиритель, то не признают Меня посланным от Тебя. Видишь ли, как Он до конца утверждает Свое единомыслие с Отцом?

И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино; Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня.

Какую славу дал Он? Славу чудес, догматов учения и еще славу единомыслия, «да будут едино». Ибо эта слава больше, чем слава чудес. Как мы изумляемся пред Богом, потому что в Его естестве нет ни восстания, ни борьбы, и это величайшая слава: так, говорит, и они да будут славны тем же, то есть единомыслием. «Я в них, и Ты во Мне». Сим показывает, что апостолы вмещали в себя и Отца. Ибо Я, говорит, в них; а Я в Себе имею Тебя, следовательно, и Ты в них. В другом же месте говорит, что Отец и Сам Он придут и обитель сотворят (Ин. 14, 23). Сим Он заграждает уста Савеллия и показывает два Лица. Сим же ниспровергает неистовство Ария; ибо говорит, что Отец пребывает в учениках чрез Него. — «Да познает мир, что Ты послал Меня». Часто говорит об этом, дабы показать, что мир может привлекать больше, чем чудо. Ибо как вражда разрушает, так согласие скрепляет.

И возлюбил их, как возлюбил Меня. Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира.

Здесь частицу «как» опять понимай в значении того, насколько человек может быть возлюблен. Итак, сказав, что они будут в безопасности, что они будут святы, что многие уверуют чрез них, что они получают великую славу, говорит теперь и о наградах, и венцах, подлежащих им по отшествии отсюда. «Хочу», говорит, «чтобы там, где Я, и они были»; и дабы ты, услышав это, не подумал, что они получают то же самое достоинство, какое и Он, прибавляет: «да видят славу Мою». Не сказал: да получают славу Мою, но: «да видят», ибо для человека величайшее наслаждение — созерцать Сына Божия. И в этом — слава для всех достойных, как и Павел говорит: «мы же открытым лицом, взирая на славу Господню» (2 Кор. 3, 18). Показывает же этим, что тогда будут созерцать Его не так, как ныне они видят Его, не в уничиженном виде, но в славе, которую Он имел прежде сложения мира. Имел же Я, говорит, эту славу потому, что Ты возлюбил Меня. Ибо «возлюбил Меня» — поставлено в середине. Как выше (ст. 5) сказал: прославь Меня славою, которою Я имел прежде бытия мира, так и теперь говорит, что слава Божества дана Ему прежде основания мира. Ибо истинно Отец дал Ему Божество, как Отец Сыну, по естеству. Так как Он родил Его, то, как Виновник бытия, Он же необходимо называется Виновником и Подателем славы.

Отче Праведный! и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня; Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет и Я в них.

После такой молитвы о верующих и обещания им стольких благ, высказывает, наконец, нечто милостивое и достойное человеколюбия Его. Говорит: Отче Праведный! Я желал бы, чтобы и все люди получили такие блага, каких Я просил верным, но они не познали Тебя и потому не получают той славы и тех наград. «А Я познал Тебя». Намекает здесь и на иудеев, которые говорили, что знают Бога, и показывает, что они не знают Отца. Ибо «миром» во многих местах называет иудеев. Хотя иудеи говорят, что Ты не послал Меня; но Я сим ученикам Моим «и открыл имя Твое, и открою». Как же открою? Ниспослав им Духа, который наставит их на всякую истину. И когда они узнают, Кто Ты, тогда любовь, которою Ты возлюбил Меня, будет в них, и Я в них. Ибо они узнают, что Я не отчужден от Тебя, но весьма любим, что Я истинный Сын Твой и соединен с Тобою. Узнавши же это, они соблюдут веру в Меня и любовь, и, наконец, я пребуду в них за то, что они таковы, что Тебя познали и Меня чтут, как Бога. И они веру в Меня сохраняют непоколебимою.

Глава восемнадцатая

Сказав сие, Иисус вышел с учениками своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его. Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими.

Не сказал евангелист: Иисус, помолившись таким образом, но: «сказав сие». Ибо предшествовавшая речь была не молитвою, а беседою, и была для утешения учеников. — Иисус идет среди ночи, переходит реку и спешит прийти на место, известное Его предателю, Сам Себя выдает убийцам для того, чтобы показать, что Он идет на страдание добровольно и освобождает иудеев от труда искать Его. Дабы они не затруднялись, переходя туда и сюда и отыскивая Его, Он Сам идет к ним, Сам отдает Себя в руки их; ибо в саду они находят Его, как бы в какой-нибудь темнице. Чтобы ты не подумал, будто Иисус удалился в сад с целью укрыться, евангелист прибавляет, что знал сие место и Иуда. Посему Иисус отходит в сие место скорее с целью открыться, чем укрыться. Иуда знает сие место потому, что Иисус часто хаживал туда. Ибо Господь любил уходить в места пустые и пристанища спокойные, особенно когда передавал что-нибудь таинственное. Почему Иуда знал, что Иисус в настоящее время находится в саду, и не думал найти Его спящим в доме? Он знал, что Господь много ночей проводил вне града и дома, а посему и тогда вышел вон. И иначе: он знал, что Господь во время праздника особенно имел обычай учить учеников своих чему-нибудь высшему. А, как мы сказали, Он учил учеников Своих таинственному и в местах таинственных. И как тогда был праздник, то Иуда догадывался, что Иисус находится там и по обычаю рассуждает с учениками Своими относительно праздника.

Итак, Иуда, взяв отряд воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием. Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете? Ему отвечали; Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я. Стоял же с ними и Иуда, предатель Его. И когда сказал им: это Я, они отступили назад и пали на землю.

Уговаривают на помощь себе отряд воинов заденьги; ибо воины таковы, что золотом их можно подкупить. Приходит их много, потому что боятся последователей Иисуса, привязанных к Нему ради Его учения и чудес. Несут с собою фонари и светильники, чтобы Иисус, скрывшись во тьме, не бежал от них. А Он настолько нуждался в бегстве, что Сам выходит к ним и выдает Себя, Господь спрашивает их не потому, будто имел нужду знать; евангелист говорит, что Он знал все, что с Ним будет. А как Он знал, что с Ним будет, то спрашивает не по нужде знать, но с целью показать, что и тогда, как Он налицо, они не видели Его и не узнавали. Он спрашивает, как другое лицо, и Его не узнают по голосу ни прочие, ни сам Иуда. А что не узнали Его не по причине темноты, это видно из того, что, по сказанию евангелиста, они пришли с фонарями. Если допустим, что не узнали Его и по причине темноты, то по голосу должны были узнать Его. Итак, Господь спрашивает для того, как мы сказали, чтобы показать, что ни по виду, ни по голосу не узнали Его. Так, значит, сила Его была неизреченна, что не могли бы и распять Его, если бы Он Сам не предался добровольно. Господь не только ослепил глаза их, но и поверг их на землю одним только вопросом Своим. То, что пришедшие на Иисуса пали, было знаком всеобщего ниспадения этого народа, которое и постигло его впоследствии, после смерти Христовой, как и Иеремия предсказал: «дом Израиля пал, и нет восстанавливающего». И так падают все те, которые противятся слову Божию. Сад, в котором спасение наше получило начало, может быть сравнен с раем. Ибо в саду мы ниспали из рая; в саду, видим, начинается и спасительное страдание Христово и исправляет все прежние бедствия.

Опять спросил их: кого ищете? Они сказали: Иисуса Назорея. Иисус отвечал: Я сказал вам, что это Я; итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут; да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого.

Господь поверг их на землю для того, чтобы показать и силу Свою, и то, что Он идет на страдание добровольно. Сверх сего, Он устрояет и нечто другое. Чтобы кто-нибудь не сказал, что иудеи нисколько не согрешили, ибо Он Сам предался в руки их и явился к ним, для того Он и показывает над ними это чудо, и его было достаточно для вразумления их. Но когда и после этого чуда они остались при своей злобе, тогда Он отдает Себя в руки их. — Смотри, как до последнего часа Господь не оставляет любви к ученикам. Если, говорит, ищете Меня: оставьте их, пусть идут. Да сбудется слово, сказанное Им: «из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого» (Ин. 17, 12). Господь говорит о погибели душевной, которой не подвергся никто из учеников Его, а евангелист понял это и о погибели телесной. Чудно, как воины не взяли вместе с Ним апостолов и не умертвили их даже и тогда, когда Петр раздражил их. Очевидно, это совершилось силою Того, Кто был взят ими, и изречением, которое Он прежде сказал, что никто из них не погиб (Ин, 17, 12). Что ученики остались невредимыми по силе изречения Господня, этому научает нас и евангелист, когда говорит: «да сбудется слово, сказанное Им, что Я не погубил никого из них». По причине немощи их, поставляет их вне искушений. Так Он устрояет и ныне с нами, хотя мы и не сознаем. Посему, если найдет на тебя искушение, веруй, что если бы Господь не знал, что ты можешь победить оное, Он не допустил бы ему и прийти к тебе, как тогда к ученикам.

Симон же Петр, имея меч, извлек его и ударил первосвященнического раба и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх. Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?

Петр видел, что Господь поверг их на землю; слова Господа: «оставьте их, пусть идут», исполнили его смелости, и — он подумал, что время уже отмщать, вынимает меч и ударяет раба. Если ты спросишь, зачем меч у того, которому заповедано не иметь ни сумы, ни двух одежд (Мф. 10, 9): то знай, что он имел нужду в нем для заклания агнца, нес его при себе и после вечери; или же — что он, опасаясь нападения, еще прежде заготовил меч на этот случай. Если ты недоумеваешь, как тот, которому не ведено ударять в ланиту (Мф. 5, 32), готов был совершить убийство, то слушай, что Петр в особенности отмщал не за себя самого, а за Учителя. Притом же они не были еще вполне совершенны. Ибо впоследствии прошу тебя посмотреть на Петра: он крайне страдает и радуется. А теперь, негодуя на несправедливость к Учителю, он покушается на самую голову и, не усекнув ее, по крайней мере отсекает ухо, Иисус прикладывает и исцеляет ухо, и этим чудом снова удерживает безумных иудеев от рвения к убийству. А как чудо над ухом было велико, то евангелист замечает имя раба, чтобы читающие, в случае сомнения, могли разыскать и исследовать, точно ли так это было. Господь удерживает Петра и с угрозой говорит: «вложи меч твой в ножны». В то же время и утешает, говоря: «неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» Ибо сим показывает, что страдания зависят не от силы их, но от Его соизволения, и что Он не противник Богу, но исполняет волю Отца даже до смерти. Назвав страдания «чашею», дает знать, что смерть для спасения человеческого приятна и вожделенна. — Я прошу тебя заметить, что отсечение правого уха у первосвященникова раба было знаком непослушания их. Ибо ослепление пришло на Израиля, чтобы слышашие не слышали, за нечестие их против Спасителя, которое особенно сильно было в первосвященниках, почему и знак — отнятие уха — был на рабе первосвященника. Восстановление уха указывает на будущее восстановление разума израильтян, которого они лишились ныне. Ибо Илия придет и приведет их ко Христу, и их, отцов, соединит с нами, сыновьями, о чем пророчествовал и Малахия (4, 6).

Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его, и отвели Его сперва к Анне; ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником. Это был Каиафа, который подал совет Иудеям, что лучше одному человеку умереть за народ.

Когда Господь сделал все, что могло укротить их, а они не уразумели, тогда позволил им вести Себя. Они связывают Его и отводят к Анне, с каким-то торжеством по сему случаю и похвалбою, как будто одержали великую победу. Евангелист напоминает пророчество Каиафы (Ин. 11, 49-52) для того, чтобы показать, что это совершилось для спасения мира и что истина сия столько важна, что и самые враги предсказывали об этом. Итак, чтобы ты, услышав об узах, не смутился, он напоминает тебе пророчество, то есть что и узы, и смерть были спасительны, и посему-то Господь терпел их.

За Иисусом следовали Симон Петр и другой ученик; ученик же сей был знаком первосвященнику и вошел с Иисусом во двор первосвященнический. А Петр стоял вне за дверями. Потом другой ученик, который был знаком первосвященнику, вышел и сказал придвернице, и ввел Петра.

Кто был этот другой ученик? Тот самый, который написал об этом, но он скрывает себя по смиренномудрию. Поелику он хочет выставить совершенство, что он последовал за Иисусом, тогда как прочие разбежались: посему он себя скрывает и впереди себя поставляет

Петра. «За Иисусом», говорит, «следовали Симон Петр», потом прибавляет: «и другой ученик». Итак, по смирению он себя скрывает. И если он упомянул о себе, то упомянул для того, чтобы мы знали, что он обстоятельнее прочих рассказывает о происшествиях во дворе архиерейском, так как он сам был внутри двора. Смотри опять, как он отстраняет от себя похвалу. Дабы ты, услышав, что Иоанн пошел с Иисусом, не подумал о нем что-нибудь великое, он говорит, что он «был знаком первосвященнику». Я, говорит, вошел вместе с Ним не потому, будто бы был мужественнее прочих, но потому, что был знаком первосвященнику. О Петре объявляет, что он следовал за Иисусом по любви к Нему, а остановился вне двора потому, что не был знаком. Что Петр вошел бы, если бы ему было позволено, видно из того, что когда Иоанн вышел и велел привратнице ввести его, Петр, тотчас вошел. Почему же Иоанн сам не ввел его, а велел сделать это женщине? Потому, что крепко держался Христа, следовал за Ним неотступно и не хотел отлучиться от Него.

Тут раба придверница говорит Петру: и ты не из учеников ли Этого Человека? Он сказал: нет. Между тем рабы и служители, разведши огонь, потому что было холодно, стояли и грелись; Петр также стоял с ними и грелся.

Женщина спрашивает Петра без дерзости, без грубости, но очень кротко. Ибо она не сказала: и ты не из учеников ли этого обманщика, но: «Этого Человека», а это, скорее, были слова сожалеющей и проникнутой любовью к человеку. Сказала: «И ты не из учеников ли» потому, что Иоанн был внутри двора. Женщина эта говорила так кротко, а он ничего этого не заметил, опустил из внимания и предсказание Христа. Так слабо само по себе человеческое естество, когда оно оставлено Богом. Некоторые, напрасно желая угодить Петру, говорят, что Петр отрекся не потому, что боялся, но потому, что постоянно желал быть со Христом и следовать за Ним; а он знал, что если объявить себя учеником Иисуса, то его отлучат от Него, и он не будет иметь возможности следовать за Ним и видеть возлюбленного. Поэтому отрекся, сказав, что он не ученик. С этою же мыслью он и грелся. Ибо для видимости он делал то же, что и слуги, как один из них, дабы не обличили его по изменению в лице, не выгнали из среды себя, как ученика Христова, и не лишили возможности видеть Его.

Первосвященник же спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его. Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил. Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику? Иисус отвечал ему: если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?

Первосвященник спрашивает Иисуса об учениках, может быть, так: где они, кто они, с какою целью Он собирал их, и какое у Него намерение? он хотел обличить Его, как нововводителя какого-нибудь или возмутителя. Спрашивает и об учении: в чем оно заключается, не разнится ли от Закона, не противно ли Моисею, дабы и в учении найти повод убить Его, как богопротивника? Что же Господь? Он отвечает на подозрения его. Я, говорит, «тайно не говорил ничего». Ты подозреваешь во Мне какого-то мятежника, тайно составляющего какие-то заговоры; а Я тебе говорю, что тайно Я не говорил ничего, то есть ничего возмутительного и, как тебе думается, ничего нового не ввожу, и с хитрым и тайным намерением Я не говорил ничего Своего. Если мы будем понимать эти слова Господа не в

соответствии с подозрением первосвященника, то Он представится говорящим ложь. Ибо Он многое говорил тайно, именно то, что превышало понятия простого народа. «Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших». Это слова не человека надменного, но уверенного в истине своих слов. Спроси, говорит, этих врагов, этих ненавистников, этих служителей, которые связали Меня. Ибо это самое несомненное доказательство истины, когда кто в свидетели своих слов приводит своих врагов. А эти самые служители прежде отзывались так: «никогда человек не говорил так, как Этот Человек» (Ин. 7, 46). И после такого ответа Ему не удивляются, но наносят удар в ланиту! Что же может быть наглее этого? Но Тот, Кто может все потрясти и уничтожить, не делает ничего такого, но произносит слова, которые могут укротить всякое зверство. Если, говорит, ты можешь порицать сказанное Мною, то докажи, что Я сказал худо; если же не можешь, то зачем бьешь Меня? Или и так. «Если Я сказал худо», то есть если Я учил худо, когда учил в синагогах, то приступи теперь и свидетельствуй об этом худом учении Моим и доставь полные сведения первосвященнику, который теперь спрашивает Меня об учении Моим. Если же Я учил хорошо, и вы, служители, дивились Мне, то за что теперь ты бьешь Меня, Которому прежде ты удивлялся? Этот служитель ударил Господа для того, чтобы избавиться от великого преступления. Так как Иисус предстоящих призвал в свидетели, говоря: «вот, они знают, что Я говорил»; то служитель сей, желая отвлечь от себя подозрение, что он был из числа дивившихся Иисусу, и ударил Его. Христос, сказав: «тайно не говорил ничего», напоминает пророчество, говорящее: «тайно Я ничего не говорил, ни в месте земли темной» (Ис. 45, 19).

Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе. Симон же Петр стоял и грелся. Тут сказали ему: не из учеников ли Его и ты? Он отрекся и сказал: нет. Один из рабов первосвященнических, родственник тому, которому Петр отсек ухо, говорит: не я ли видел тебя с Ним в саду? Петр опять отрекся; и тотчас запел петух.

Так как не нашли в Нем никакой вины, то отводят Его к Каиафе, быть может, надеясь, что он, как более хитрый, найдет что-нибудь против Иисуса достойное смерти, или уличив Его в ответе или обличив в каком-нибудь поступке. А Петр, горячий любитель, одержим такую бесчувственностью, что Учителя повели уже, а он еще не двигается с места и греется, так что его опять спрашивают, и он отрекается, и не только во второй раз, но и в третий. Для чего это все евангелисты согласно написали о Петре? Не для того, чтобы осудить своего соученика, но чтобы нам научить, сколько худо — не обращаться во всем к Богу, а полагаться на себя. Нужно удивляться и человеколюбию Владыки. Он связан; Его водят из места в место; однако же Он не оставил попечения об ученике Своем, но, обращаясь, взглянул на Петра, как замечает другой евангелист (Лк. 22, 16), и этим взглядом упрекнул его в слабости и возбудил в нем раскаяние и слезы. — Что тогда случилось с Петром, то же и ныне испытывают на себе многие из нас, как можно видеть. Сущее в нас Слово Божие связывается и как бы забирается в плен, порабощаемое то скорбью, то удовольствием. Ибо мы тем и другим связываемся и отводимся в плен, или удовольствиями мирскими, или скорбями, забывая Бога. Тогда Слово осуждается, а бессловесие побеждает, и раб ударяет владыку, ибо таково восстание страстей. Ум наш, как бы иной Петр, часто надеется на себя, что не отречется от Слова посему и стоит, и греется. «Стоит», потому что не преклоняется, не смиряется, но одинаково и упорно остается при самоуверенности. «Греется», потому что самоуверенностью болит, от горячности и надмения. Но его обличает «раба», какое-нибудь небольшое и расслабляющее удовольствие, и он тотчас отрекается от Слова, и подчиняется бессловесию. Или его обличает какое-нибудь скорбное искушение, как и тогда Петра обличал

«раб» и тогда обнаруживается бессилие его. Но будем молиться, чтобы Иисус, Слово Божие, взглянул на нас и возбудил нас к покаянию и слезам, когда мы выйдем из двора князя мира сего, этого первосвященника, распинающего Господа. Ибо, когда мы выйдем из мира Сего, который есть двор князя мира, тогда только воспрянем для искреннего покаяния, как и апостол Павел говорит: «выйдем к Нему за ворота, то есть мир сей, нося поругание Его» (Евр. 13, 13).

От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху. Пилат вышел к ним и сказал: в чем вы обвиняете Человека Сего? Они сказали ему в ответ: если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе. Пилат сказал им: возьмите Его вы и по закону вашему судите Его. Иудеи сказали ему: нам не позволено предавать смерти никого; да сбудется слово Иисусово, которое сказал Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет.

Господа водят по многим судилищам, думая, что они обесславят Его; а истина, напротив, еще более обнаружилась, чрез рассмотрение дела многими судилищами. Ибо Господь, вышел из всех их необвиненным, получил силу непререкаемую. Ведут Его в преторию, потому что сами не имели власти умерщвлять, так как они находились под владычеством римлян. При этом они боялись, чтобы впоследствии не подвернуться суду и наказанию за то, что умертвили без суда. «Было утро», говорит для того, чтобы ты звал, что Каиафа допрашивал Господа в полночь, ибо Он отведен был к Каиафе прежде, чем петух пропел. О чем он спрашивал Господа, — этот евангелист умолчал, а другие сказали. Когда ночь прошла в этих допросах, наутро отводят Его к Пилату. «И они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться». Какое безумие! Когда убивают несправедливо, не думают, что они оскверняются. А войти в судилище считают для себя осквернением. «Чтобы можно было есть пасху». Господь совершил ее в первый день опресночный (Мк. 14, 12). Посему мы под Пасхою должны разуметь или весь семидневный праздник, или понимать так, что они на этот раз должны были есть пасху вечером в пятницу, а Он совершил ее одним днем ранее, чтобы заклание Самого Себя соблюсти на пятницу, когда совершалась и ветхозаветная Пасха. Пилат поступает несколько справедливее. Он сам выходит. И хотя увидел Господа связанным, однако, не счел этого достаточным для обвинения Христа, но спрашивает, за что Он связан. А они, не имея ничего сказать, говорят: «если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе». Видишь ли, как они везде уклоняются от доказательств. Анна спросил и, не нашел ничего, отослал к Каиафе. Этот, посудив несколько, отправляет к Пилату. Потом, Пилат опять спрашивает: «в чем вы обвиняете Человека Сего?» Они и тут ничего не могут сказать. Поелику же они никакого обвинения не выставляют, он говорит: «возьмите Его вы». Так как вы присваиваете суд самим себе и хвалитесь, что никогда не поступали бы несправедливо (ибо говорят: если бы Он не был злодей, то мы не предали бы Его тебе), то возьмите Его сами и судите. Если же вы привели Его ко мне и делу Его придаете вид суда (законную форму), то необходимо высказать, в чем Этот Человек виноват. Итак, судите Его вы, ибо я не могу быть таким судьей; если закон ваш наказывает без вины, то судите сами. На это они говорят: «нам не позволено предавать смерти никого». Говорят это, зная, что римляне осуждают мятежников на распятие. Дабы Господь был распят, и смерть Его была позорнее, и разгласили Его проклятым, для этого они притворно говорят, что им не позволено никого убивать. А как Стефана побивали камнями? Но я сказал, что они говорят так потому, что желают, чтобы Господь был распят. Они как бы так сказали: нам не позволено никого

умерщвлять на кресте, но нам желательно, чтобы Этот был распят. «Да сбудется слово Иисусово» о Своей смерти, именно или то, что Он будет распят (Ин. 3, 14), или что Он будет умерщвлен не иудеями, а язычниками (Мк. 10, 33). Итак, когда иудеи сказали, что им не позволено убивать, тогда берут Его уже язычники и по обычаю своему распинают на кресте, и таким образом слово Иисусово сбывается в том и другом отношении, в том, что Он предан язычникам, и в том, что Он распят.

Тогда Пилат опять вошел в преторию и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский? Иисус отвечал Ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали Тебе обо Мне? Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал? Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда.

Пилат призвал Иисуса наедине. Поелику о Нем было высокое мнение, то он хотел точнее все узнать, вдали от смятения иудейского. Итак, спрашивает Его, царь ли Он? Что говорили все, то он и выставляет на вид. А Христос его спрашивает, сам ли от себя он говорит это, или от других? не потому, что не знает, но потому, что желает обнаружить злой умысел иудеев так, чтобы и Пилат обвинил их. Посему и Пилат правильно отвечает, что Его предатели иудеи, и вину отводит от себя. И иначе. Господь спрашивает Пилата, сам ли от себя он спрашивает это, или по внушению других, и тем обличает его в неразумии и несправедливом суде. Он как бы так говорит Пилату: если ты говоришь это сам от себя, то укажи признаки Моего восстания; если же тебе донесли другие, то произведи точное исследование. Пилат не говорит, что он слышал от других, но просто ссылается на мнение народа и говорит: «предали Тебя мне; что Ты сделал?» Это, кажется, слова как бы огорченного и ожесточенного. Ибо, говорит, что Ты сделал? Господь отвечает: «Царство Мое не от мира сего», и таким ответом совершает два дела: во-первых, возводит Пилата к познанию, что Он не простой человек и не из числа земных существ, но Бог и Сын Божий, во-вторых, уничтожает подозрение в похищении верховной власти. «Царство Мое не от мира сего»: посему не бойся Меня, якобы тирана и мятежника. Ибо «если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан». Здесь же показывает и слабость нашего (земного) царства, ибо оно имеет силу в слугах, а Царство Вышнее сильно само в себе и ни в ком не нуждается. А манихеи в этих словах находят предлог говорить, что мир сей чужд благого Бога. Ибо, говорят, Сын Божий говорит, что «Царство Мое не отсюда». Но, о безумные, вы прежде вникните в это изречение. Он сказал: «Царство Мое не от мира сего», и опять: «не отсюда», но не сказал: оно не в мире сем и не здесь. Он царствует в мире сем, промышляет о нем и по Своему хотению всем управляет. Но царство Его «не от мира сего», а свыше и прежде веков и «не отсюда», то есть не от земли состоялось, хотя здесь имеет силу и пребывает, но не отсюда, и не состоит из дольного, и не падает. Потом, как нужно было бы понимать эти слова: «пришел ко Своим» (Ин. 1, 11), если бы мир сей не был Ему Свой?

Пилат сказал Ему: итак, Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем. Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху; хотите ли отпущу вам Царя

Иудейского?

Когда Пилат спросил Господа, Царь ли Он, Он отвечал: «Я на то родился», то есть чтобы быть Царем. Я имею это по существу и по рождению от Отца. Ибо то самое, что Я родился от Царя, свидетельствует, что Я — Царь. Посему, когда слышишь, что Отец дал Сыну жизнь, и суд, и все прочее (Ин. 5, 22. 26), то слово «дал» понимай вместо «родил» Его, так что Он имеет жизнь, судит, и все это приходит от Отца к Сыну по естеству. «На то Я пришел в мир» сей, чтобы сказать это, и научить, и убедить всех в том, что Я — Царь, Владыка и Господь. Желая этим привлечь внимание Пилата и склонить к выслушанию Своих слов, говорит: «всякий, кто от истины, слушает гласа Моего». Посему и ты, Пилат, если ты чадо истины и любишь ее, послушаешь Моего гласа и поверишь, что Я — Царь, но не такой, каковы цари мира сего, имею власть не приобретенную, а природную, присущую Мне по самому рождению от Бога и Царя. Делает здесь намек и на то, что иудеи не суть от истины, потому что не хотят слушать гласа Его; если же они не от истины, то, без сомнения, вымыслили на Него все ложно, и Он истинно не повинен смерти. Этими немногими словами Он так пленил Пилата, что Пилат спросил об истине, что она такое. Ибо она почти исчезла между людьми, и никто не знал ее, а все были уже в неверии. Но поелику этот вопрос требовал особого времени для разрешения, а теперь нужно было избавить Иисуса от неистовства иудеев, то Пилат выходит к ним и говорит: «Я никакой вины не нахожу в Нем», и говорит это разумно. Ибо не сказал: хотя Он погрешил и достоин смерти, но для праздника простите Ему: но сначала объявил Его свободным от всякой вины, а потом уже предлагает им и об отпуске Его. Посему, если Иисус будет отпущен, то им Он не обязан нисколько: ибо они отпустили невинного. Если осудят Его, этим докажется злоба их, потому что осудили невинного. Смотри: и название «Царя Иудейского» имеет некоторый свой смысл: «Пилат этим, очевидно, высказывает то, что Иисус нисколько не виноват, но что они напрасно обвиняют Его, будто Он домогается царства. Ибо того, кто выдает сам себя за царя и восстает против владычества римлян, правитель римский не отпустил бы. Посему, сказав: «отпущу Царя Иудейского», Пилат объявляет Иисуса решительно невинным и насмехается над иудеями, говоря как бы так: на Кого вы клеветаете, что Он выдает Себя за царя, Кого вы называете бунтовщиком и мятежником, Того я признаю нужным отпустить, очевидно, потому, что Он не таков. — Некоторые в словах: «Я на то родился» — разумели указание не на предвечное рождение от Отца, а на рождение в последнее время от Девы. Я для того соделался человеком и родился от Марии, чтобы погубить ложь и диавола и доказать, что Божеское естество царствует над всеми. Итак, истина состоит в том, чтобы познавали Меня и чрез это познание спасались, Я для того пришел, чтобы сообщить людям истинное познание о Боге и даровать им спасение. — Достойно исследования то, по какому поводу возник у иудеев обычай отпускать ради Пасхи одного узника. На это можно, во-первых, сказать то, что учащие учениям, заповедям человеческим (Мк. 7, 7), весьма много вводили от своего мудрования, но не соблюдали заповедей Божиих. Так и это ввели без разумного основания, между тем как в прочих случаях оставляли обряды, предписанные законом. Потом, можно сказать, что и в Писании находится похожее законоположение, с которого они могли взять повод ко введению в обычай таких отпусков лиц осужденных. Ибо о невольном убийстве написано: «если кто-нибудь не по вражде и без особенного намерения причинит зло ближнему, бросит сосуд или камень, а упавшая вещь поразит проходящего, и человек этот умрет; то такой убийца — невольный. Рассудит же об этом вся синагога (собрание), и освободят его от смерти, ибо он убил не злонамеренно, но поместят его во град убежища, то есть накажут изгнанием». Отсюда, быть может, как мы догадываемся, взяли они повод и

ввели такой обычай, чтобы отпускать одного из осужденных за убийственное намерение. Закон предписывает это дело вести в синагоге иудейской, но как иудеи были во власти римлян, то и право отпускать узников они предоставляли начальникам римским, как теперь Пилату.

Тогда опять закричали все, говоря: не Его, но Варавву. Варавва же был разбойник.

(Сей стих у Блаженного Феофилакта отнесен к следующей, 19 главе, и составляет ее начало.)

Глава девятнадцатая

Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его. И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу, и говорили: радуйся, Царь Иудейский! и били Его по ланитам. Пилат опять вышел и сказал им: вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины. Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се. Человек! Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни Его! Пилат говорит им: возьмите Его вы и распните; ибо я не нахожу в Нем вины. Иудеи отвечали ему: мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим.

Смотри, в каких размерах выказывается злоба иудеев. Варавву, известного разбойника, выпрашивают на свободу, а Господа предают. Пилат бичует Его, желая по крайней мере этим утишить и укротить ярость их. Поелику словами не мог освободить Его из рук их, то бичует, надеясь этим ограничить неистовство их; позволяет надеть на Него хламиду и возложить венец, также с целью утолить гнев их. Но воины делают все из угождения иудеям. Они слышали, как Пилат говорил: я отпущу Царя Иудейского; посему насмеются над Ним, как над царем. Ибо не по приказанию же Пилата делали это и те, которые ночью пошли на Иисуса, без ведома правителя, но в угождение иудеям, из-за денег. Пилат слабодушен и немстителен в отношении к иудеям. Он выводит Иисуса, еще раз желая погасить ярость их. Но они и этим не укротились, а кричат: «распни, распни Его!». Пилат же, видя, что все делаемое им остается напрасным, говорит: «возьмите и распните; ибо я не нахожу в Нем вины». Говорит же это, побуждая их к делу, им непозволенному, для того, чтобы Иисус был отпущен. Я, говорит, имеющий власть распять, не нахожу никакой вины; а вы, не имеющие власти распинать, говорите, что Он виновен. Итак, возьмите Его и распните. Но вы не имеете власти. Итак, Человек Сей должен быть отпущен. Такова цель Пилата. Он милостивее, однако же не настойчив за истину. А они, быв посрамлены этим, говорят: «по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим». Смотри, как злоба несогласна сама с собою. Прежде Пилат говорил им: возьмите Его вы и по закону вашему судите; они на это не согласились. Теперь же говорят, что Он по закону нашему должен умереть. Прежде они обвиняли Его в том, что выдает Себя за Царя; а теперь, когда эта ложь избличена, обвиняют Его в том, что Он выдает Себя за Сына Божия. И в чем тут вина? Если Он творит дела Божии, то что препятствует Ему быть Сыном Божиим? Смотри на Божественное домостроительство. Они предавали Господа многим судилищам, чтобы опорочить Его и помрачить славу Его; но это бесчестие обращается на главу их, ибо при точнейшем исследовании дела невинность Его еще более доказана. Сколько раз даже Пилат объявлял,

что он не находит в Нем ничего достойного смерти.

Пилат, услышав это слово, больше убоялся, и опять вошел в преторию и сказал Иисусу: откуда Ты? Но Иисус не дал ему ответа. Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя, и власть имею отпустить Тебя? Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мной никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; по сему более греха на том, кто предал Меня тебе.

Пилат, услышав одно только слово, что Он есть Сын Божий, убоялся. А они видели Божеские дела Его, однако умерщвляют Его за то самое, за что нужно было поклоняться Ему. Спрашивает Его не так, как прежде: «что Ты сделал?» — но: Кто Ты? Тогда обвиняли Его, как царя, потому естественно и спрашивал: что Ты сделал? А теперь, когда клеветуют, что Он Сам Себя выдает за Сына Божия, спрашивает: «откуда Ты»? Иисус молчит, ибо Он объявлял уже Пилату: «Я на то родился», и: Царство Мое не отсюда»: однако же Пилат несколько не воспользовался этим и не стал за истину, но уступил требованию народа. По сему Господь, презирая вопросы его, как предлагаемые напрасно, не отвечает ничего. Оказывается, что Пилат несколько не имеет твердости, но всякая случайная опасность может поколебать его. Он боялся иудеев; трепетал и Иисуса, как Сына Божия. Посмотрим же, как он сам себя осуждает своими словами: «Я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя». Если все зависело от тебя, почему же ты не отпустил Того, Кого нашел невинным? Господь, низлагая его высокомерие, говорит: ты не имел бы надо Мной никакой власти, если бы не было тебе дано свыше. Ибо Я не просто так умираю; но совершаю нечто таинственное, и это свыше предопределено для общего спасения. А чтобы ты, услышав: «дано свыше», не подумал, что Пилат не подлежит ответственности пред Богом, прибавляет: «более греха на том, кто предал Меня тебе». Этим показывает, что и Пилат повинен в грехе, хотя и меньшем. Ибо оттого, что умереть Христу «дано свыше», то есть допущено, Пилат и иудеи не становятся уже невинными; но свободная воля их выбрала злое, а Бог попустил и дозволил им привести это в дело. Итак, оттого, что Бог попускает злобе приходить в дело, злые не свободны от вины; но за то, что они избирают и совершают злое, они достойны всякого осуждения.

С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем, противник кесарю. Пилат, услышав это слово, вывел вон Иисуса и сел на судилище, на месте, называемом Лифостротон, а по-еврейски Гаввафа. Тогда была пятница пред Пасхой, и час шестой.

Господь устрасил Пилата этими словами и представил ясное о Себе оправдание: если бы Я не предал Сам Себя добровольно, и если бы Отец не допустил сего, то ты не имел бы власти надо Мной; грех и на тебе, а еще больший на предавшем Меня Иуде, или и народе, потому что он приложил к болезни ран Моих болезнь новую и не вспомнил долга сотворить милость, но, нашел Меня безответным и беспомощным, предал на крест; не постыдился даже и того, что Я из столь многих судилищ вышел невинным, но кричал: «распни, распни!» Итак, когда Господь этими словами устрасил Пилата, он с сего времени еще более искал отпустить Его. Иудеи же, поелику уличены были в клевете, что Он Сам Себя выдает за царя, не успели и в том, что сослались на свой закон (ибо Пилат с этого времени еще более убоялся и пожелал отпустить Его, чтобы не раздражить Бога), опять прибегают к чужим законам и Пилата, как

боязливому, устрашают. Ибо, как увидели, что он с благоговением опасается, как бы осуждая Иисуса, Сына Божия, не согрешить, они наводят на него страх от кесаря и, оговоривши Господа в похищении царской власти, угрожают Пилату, что он оскорбит кесаря, если отпустит восстающего против него. И где Он пойман в похищении царской власти? чем вы это докажете? порфирой? диадемой? воинами? Но не все ли у Него бедно? и одежда, и пища, и дом? Дома даже и нет. Но как мало мужества в Пилате, когда он счел опасным для себя оставить такое обвинение без исследования! Он выходит, как бы с намерением исследовать дело, ибо это означают слова: «сел на судилище»; между тем, не сделав никакого исследования, предает Его, думая тем преклонить их. — Евангелист Марк говорит, что, когда Христа распяли, был час третий (Мк. 15, 25), а Иоанн говорит, что тогда был час «шестой». Как же это? Некоторые думают разрешить это тем, что тут ошибка писца. А что это могло случиться и что и у Иоанна написан был третий час, а не шестой, как теперь, — это видно из следующего. Три евангелиста, Матфей, Марк и Лука, согласно говорят, что от часа шестого настала тьма по всей земле до часа девятого. Очевидно, Господь наш был распят прежде шестого часа, до наступления тьмы, именно: около третьего часа, как заметил Марк, а равно и Иоанн, хотя ошибка писцов гамму переменяла в начертание еписимона. Так разрешают это несогласие, — Другие же говорят, что Марк ясно и несомненно означил час приговора о распятии Господа. Ибо говорится, что судьи распяли и казнили, с того времени, в которое они произнесли приговор, потому что на словах он получил силу наказания и смерти. Посему Марк говорит, что Он распят в третий час, в тот, в который Пилат произнес приговор. А как Марк замечает время приговора, то Иоанн записал час, в который распяли Господа. Притом, смотри, сколь многое совершено между приговором Пилата о распятии и тем часом, в который Господь восшел на крест. Отпустив Варавву, он бичевал Иисуса и решительно предал Его на распятие; ибо отпущение Вараввы было осуждением Господа. Воины насмеются. И смотри, сколько времени пошло бы на продолжительное осмеяние. Пилат вывел Его, беседовал с иудеями; опять входит и судит Иисуса; опять выходит и разговаривает с иудеями. Все это могло занять время от третьего часа до шестого. Посему Иоанн, с точностью изложивший это, как следивший за всем, упоминает о шестом часе, когда Пилат предал совершенно, «чтобы был распят», уже не беседуя с иудеями, они осуждая Иисуса, но произнеся окончательное решение о Нем. Если кто скажет для чего, еще около третьего часа произнеся приговор о распятии, опять хотел отпустить Его? Во-первых, пусть знает таковой, что, принужденный толпой, он произнес приговор; потом смущен был сном жены, ибо она предостерегала его: «не делай ничего Сему Праведнику» (Мф. 27, 19). При всем этом заметь, как выразился Иоанн: был «час шестой». Не сказал утвердительно: было шесть часов, но как бы нерешительно и не с уверенностью: «час шестой». Посему нисколько не должно быть важно для нас, что евангелисты, по-видимому, не совершенно согласны друг с другом, если даже допустим это разногласие. Ибо смотри, не все ли они сказали, что Иисус был распят; а что о часе говорят: один, что это был третий, а другой, — шестой, то вредит ли это сколько-нибудь истине? Но весьма достаточно доказано, что разногласия даже и нет.

И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш! Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря. Тогда, наконец, он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели. И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа. Там распяли Его и с Ним двух других, по ту и другую сторону, а посреди Иисуса.

Мы много раз говорили, что Пилат более слаб и боязлив, чем злостен. Вот и теперь, смотри: делу он придает вид исследования и суда, а во всем действует слабо. «Се», говорит, «Царь ваш»: ни Иисуса не осуждает, ни иудеев прямо не обличает, но как бы прикровенно упрекает их в клевете. Вот, говорит, какого человека вы оговариваете в домогательстве царства над вами, человека бедного и не думающего искать этого. Обвинение — ложное. Ибо, что у Него свойственного похитителю власти? воины? богатство? благородство? «се Царь ваш». Что пользы, если вы убьете Его, Человека, Который не может причинить ни малейшего вреда? Так говорит Пилат, но без настойчивости и твердости, и без борьбы за истину. А они говорят: «возьми, возьми, распни»; вынуждают и требуют креста, потому что желают придать Христу дурную славу. Ибо такая смерть была самою позорною и проклятою, как сказано: «проклят всякий висящий на дереве» (Втор. 21, 23). А не знали они, что как древом было падение, так древом будет и исправление. Примечай и то, как они сами заявляют, что у них нет иного царя, кроме кесаря, и чрез то сами добровольно подчиняются власти римлян и отторгаются от Царства Божия. Посему и Бог предал их римлянам, которых они сами называли царями, отрекшись от Промышления и Покровительства Божия. «Тогда, наконец, он предал Его им». Безумный! надлежало бы исследовать, мог ли Он действительно присвоить Себе царскую власть; а ты предаешь Его, уступаешь по страху и заканчиваешь суд образом, недостойным мужа. — «Неся Крест Свой, он вышел». Так как они прикосновение ко крестному древу считали делом бесчестным, то на Него, как уже осужденного и проклятого, и возлагают проклятое древо. Примечай и то, что это совершается согласно с ветхозаветным прообразом. Как там Исаак, неся дрова, шел на заклание: так и здесь Господь идет, неся Крест, и, как бы воин какой, несет оружие, коим ниспровергает своего противника. Что Исаак служил образом Господа, это ясно. Исаак — значит смех или радость. Кто же иной соделался нашею радостью, как не Тот, Кто чрез Ангела при самом зачатии подал естеству человеческому радость? Ибо благовестие, которое услышала Дева, приняло все естество человеческое. Отец Исаака Авраам — значит отец многих народов и есть образ Бога всех, который есть Отец иудеев и язычников, по благоволению и определению Которого Сын Его несет крест. Только в Ветхом Завете дело ограничивалось произволением отца, так как то было преобразованием; а здесь исполнилось на самом деле, потому что это была истина. Может быть и еще сходство. Как там Исаак был отпущен, а заклан агнец, так и здесь Божеское естество пребыло бесстрастно, а заклано человеческое естество, которое и называется Агнцем, как рождение заблудшей овцы — Адама. Как же другой евангелист (Мк. 15, 21) говорит, что нести Крест заставили Симона? Было то и другое. В начале Господь пошел, Сам неся Крест, так как этим древом все гнушались и не позволяли себе даже прикоснуться к нему, А когда вышли, встретили Симона, идущего с поля, и тогда древо это возложили на него. — Место сие называли «Лобное место», ибо хранилась молва, что тут погребен Адам, дабы, где было начало смерти, там же совершилось и упразднение ее. Ибо есть предание церковное, что по изгнании человека из рая первым жилищем его была Иудея, данная ему в утешение после райского блаженства, как страна лучшая и обильнейшая всех прочих. Она-то первая приняла и мертвого человека. Люди того времени, удивленные мертвым лбом, сняли с него кожу и зарыли его тут, и от него дали название сему месту. А после потопа Ной передал всем сказание об этом. Посему и Господь принимает смерть там, где источник смерти, дабы иссушить оный. — Распинают с Ним и двух других. Иудеи желали этим пустить дурную молву, будто и Он разбойник. Между тем неволью исполняют этим пророчество, которое говорит: «и к злодеям причтен был» (Исаии 53, 12). Примечай же Премудрость Божию, как Она обратила к славе Господа то, что они делали к бесчестию Его. Ибо Он на самом Кресте спас разбойника, что не менее чудно, и еще более доказывает

Божество Его. Ибо прославился один только Он, хотя вместе с Ним распяты были и другие. Этого не сделалось бы, если бы Он был виновен и нарушитель закона, но не был Сам выше закона и Судиею незаконных.

Пилат же написал и надпись и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески и по-римски. Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал.

Пилат пишет титло на кресте, то есть вину, надпись, объявление. В надписи обозначалось, чей крест. Итак, Пилат делает эту надпись, с одной стороны, для того, чтобы отметить иудеям за то, что они не послушались его, и показать злобу их, по которой они восстали против своего собственного царя, а с другой, для того, чтобы защитить славу Христа. Они распяли Его с разбойниками, желая обесчестить имя Его. Пилат объявляет, что Он был не разбойник, но Царь их, и это объявляет не на одном, но на трех языках. Ибо естественно было предполагать, что по причине праздника с иудеями пришло много и язычников, Выше и евангелист (12, 20, 21) упоминает о некоторых эллинах, пришедших видеть Иисуса. Итак, чтобы все знали о неистовстве иудеев, Пилат возвестил о нем на всех языках. — Иудеи завидовали Иисусу и тогда, как Он был распят. Ибо что говорят? Напиши, что Он Сам говорил. Ибо теперь надпись представляется общим мнением иудеев; а если будет прибавлено: Сам Себя назвал Царем, тогда вина будет в Его дерзости и гордости. Но Пилат не согласился, а остался при прежнем мнении. Посему и говорит: «что я написал, то написал». Впрочем, здесь устроится и нечто другое, важное. Так как три креста, зарытые в землю, будут лежать в одном и том же месте, то чтобы не осталось безызвестным, который из них Крест Господа, устроилось так, что он один только имеет титло и надпись, и по этому признаку может быть узнан. Ибо кресты разбойников не имели надписей. Надпись, сделанная на трех языках, дает намек и на нечто высшее, — именно: показывает, что Господь есть Царь любомудрия деятельного, естественного и богословского. Римские буквы служат образом деятельного любомудрия, ибо власть римлян самая мужественная и деятельная в деле военном; греческие — образ любомудрия естественного, ибо греки занимались изучением природы; еврейские — богословского, ибо евреям вверено Богопознание. Итак, слава Тому, Кто чрез Крест явил Себя имеющим такое Царство, Кто и мир победил, и нашу деятельность укрепил, и подает познание природы, и чрез оное вводит во внутреннейшее завесы, в Собственное знание и созерцание, то есть богословие.

Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак, сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет: да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собой и об одежде Моей бросали жребий (Пс. 21, 19).

Чем диавол лукавит, в том исполняются пророчества. И смотри истину. Распятых было трое, и однако же речи пророков исполняются на Нем только одним. И заметь точность пророчества. Пророк сказал не о том только, что они разделили, но и о том, что не разделили. Прочие одежды они разделили на части, а хитон — нет, но дело о нем предоставили жребию.

Слова «тканый сверху» прибавлены также не без значения. Но одни говорят, что сими словами иносказательно выражается, что Распятый был не простой Человек, но имел и «свыше» Божество. Некоторые же говорят, что евангелист описывает самый вид хитона. Так как в Палестине, соединяя два куска материи, то есть два полотна, ткнут одежды, употребляя, вместо шва, тканье, то Иоанн, чтобы показать, что таков именно был хитон, сказал, что он «весь тканый сверху», то есть соткан от начала и сверху донизу. Указывает же этим замечанием на бедность одежд Христовых. Иные же говорят, что в Палестине ткнут холсты не так, как у нас: у нас сверху находится основа и уток, а полотно ткется снизу и таким образом идет кверху; там, напротив, основа находится снизу, а ткань ткется сверху. Таков, говорят, был хитон Господа. Без сомнения, и здесь является таинство. Тело Господа соткано свыше, ибо Дух Святой пришел и сила Всевышнего осенила Деву (Лк. 1, 35). Ибо, хотя Он принял долу сущее и падшее естество человеческое, но Плоть Божественная образована и соткана свыше благодатью Святаго Духа. Итак, Святое Тело Христа, разделяемое и раздаваемое в четырех частях мира, пребывает неразделимо. Ибо, будучи уделяем каждому поодиночке и каждого освящая Своим телом, Единородный Своей плотью всецело и нераздельно обитает во всех. Ибо, будучи везде, Он никак не разделен, как и апостол Павел взывает (1 Кор. 1, 13). Поелику все слагается из четырех стихий, то под одеждой Иисусовой можно разуметь эту видимую и сотворенную природу, которую бесы разделяют, когда умертвят сущее в нас Слово Божие; стараются они привлечь нас на свою сторону чрез привязанность к мирским благам, но не могут раздрать хитон, то есть сущее во всем существующем Слово, по которому все существует (Пс. 32, 5). Ибо, сколько бы много раз я ни обольстился текущими благами, я все-таки знаю, что они текущи, знаю и качество, и существо обманчивых и преходящих вещей.

Так поступили воины. При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе.

Воины действовали по своему неразумию; Он печется о Матери, научая нас до последнего издыхания прилагать всякое попечение о родителях. И смотри, тогда как тут находятся и другие жены, Он заботится об одной только Матери. Ибо на родителей, препятствующих в деле богопочтения, не должно обращать внимания, а о таких, которые не препятствуют, нужно всячески заботиться. Так и Он, поелику Сам отходит от жизни, и Матери естественно было скорбеть и искать покровительства, поручает попечение о Ней ученику. Евангелист скрывает свое имя по скромности. Ибо если бы он хотел хвалиться, то представил бы и причину, по которой был любим, и, вероятно, она была какая-нибудь великая и дивная. Ах! как Он почтил ученика, делая его Своим братом. Так хорошо пребывание со Христом страждущим, ибо оно приводит в братство с Ним. Подивись, как Он на Кресте все творит без смущения, заботится о Матери, исполняет пророчества, отверзает разбойнику рай, между тем как прежде распятия испытывает душевное томление, источает пот. Ясно, что последнее принадлежит человеческому естеству, а первое — силе Божеской. Да посрамятся Маркион и все прочие, пустословившие, будто Господь явился миру призрачно. Ибо если Он не родился и не имел Матери, то для чего Он прилагает о Ней столь великое попечение? — Почему Мария Клеопова называется сестрою Матери Его, тогда как Иоаким не имел другого чада? Клеопа был брат Иосифу. Когда Клеопа умер бездетным, то, по сказанию некоторых, Иосиф жену его взял за себя и родил брату детей. Одна из них —

упоминаемая теперь Мария. Она называется сестрою Богородицы, то есть родственницею. Ибо Писание имеет обыкновение называть сродников братьями. Например, Исаак говорит о Ревекке, что она сестра ему, хотя она была женою его. Так и здесь мнимая дочь Клеопы называется сестрою Богородицы по родству. — В евангелиях являются четыре Марии: одна — Богородица, которую называют Матерь Иакова и Иосии, ибо они были дети Иосифа, родившиеся от первой его жены, может быть, жены Клеоповой. Богородица называется Матерью их, как мачеха, ибо Ее считали женою Иосифа. Другая — Магдалина, из которой Господь выгнал семь бесов; третья — Клеопова, и четвертая — сестра Лазаря. Итак, ученик сей взял Марию к себе, ибо Чистая вверена чистому. Смотри, как женский пол тверд в бедах, а мужчины все оставили Господа. Подлинно пришел Тот, Кто слабое укрепляет и униженное приемлет.

После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоивши уксусом губку и наложивши на иссоп, поднесли к устам Его. Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух.

«Зная», говорит, «Иисус, что уже все совершилось», то есть, что не остается ничего неисполненного в плане домостроительства Божия. Так свободна была смерть Его. Ибо кончина для тела Его наступила не прежде, как Сам Он восхотел, и Он восхотел после того, как все исполнил. Посему-то и говорил: «власть имею положить душу Мою» (Ин. 10, 18). Говорит: «жажду», и в этом случае опять исполняет пророчество. А они, выказывая злодейский нрав свой, напоят Его уксусом, как они делали с преступниками. Ибо иссоп для того и прилагается, что он вредоносен. Некоторые же говорят, что иссопом называется трость, ибо такова вершина трости. Губу приложили к трости, потому что уста Иисуса были высоко. И таким образом исполнилось пророчество, говорящее: «во время жажды Моей напоили Меня уксусом» (Пс. 68, 22). После напоения Он сказал: «совершилось!» то есть: и это пророчество со всеми прочими сбылось, ничего не остается, все кончено. Он все творит без смущения и с властью. Это видно из последующего. Ибо, когда все совершилось, Он, «преклонив главу», так как она не была пригвождена, «предал дух», то есть испустил последнее дыхание. С нами бывает наоборот: у нас прежде дыхание прекращается, а потом глава преклоняется. Он же прежде преклонил главу, а потом испустил дух. Из всего этого ясно открывается, что Он был Господь смерти и все творил по Своей власти.

Но как тогда была пятница, то Иудеи, дабы не оставить тел на кресте в субботу (ибо та суббота была день великий) просили Пилата, чтобы перебить у них голени и снять их. Итак, пришли воины и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним. Но, пришедши к Иисусу, как увидели Его умершим, не перебили у Него голеней; но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода.

Господь предал дух Богу и Отцу, чтобы показать, что души святых не остаются в гробницах, но востекают в руки Отца всех, а души грешных низвлекаются в место мучения, то есть в ад. А те, кои поглощают верблюда, и оцеживают комара (Мф. 23, 24), совершив столь великое злодеяние, выказывают особенную заботливость о дне. Ибо, говорит, «дабы не оставить на кресте тел, просили Пилата», то есть просили о том, чтобы снять их. Для чего они просят, чтобы перебиты были голени? Для того чтобы, если и останутся живы, были не

способны к делу (ибо они были разбойники). Итак, они не хотели являться в день праздника мстителями и убийцами. Иначе: и закон так повелевал, чтобы солнце не заходило во гневе человека (Еф. 4, 26). Смотри, как чрез выдумки иудеев исполняются пророчества. Здесь зараз исполняются два пророчества, как далее говорит евангелист. Хотя не сокрушили голеней Иисуса, однако же в угоду иудеям пронзают Его, и вытекает кровь и вода. И это удивительно. Они думали наругаться и над мертвым телом, но поругание обращается им в чудо. Достоин удивления и то, что из мертвого тела вытекает кровь. Впрочем, иной из недоверчивых скажет, что, вероятно, в теле было еще сколько-нибудь жизненной силы. Но когда и вода вытекла, то чудо непререкаемо. Неспроста это случилось, но потому, что жизнь в Церкви начинается и продолжается посредством сих двух вещей: водою мы рождаемся, а Кровью и Телом питаемся. Итак, когда приступаешь к чаше общения Крови Христовой, так располагай себя, как бы ты пил из самого ребра. Примечай, пожалуй, и то, как посредством прободенного ребра врачуется рана ребра, то есть Евы. Там Адам, уснув, лишился ребра; и здесь Господь, уснув, дает ребро воину. Копье воина есть образ меча, обращающегося и выгоняющего нас из рая (Быт. 3, 24). А как все вертящееся не останавливается в своем движении, доколе не ударится обо что-нибудь, то Господь, показывая, что Он остановит тот меч, мечу воина подставляет Свое ребро, чтобы нам ясно было, что как ребро воина, приравнявшись ребру, остановилось, так и пламенный меч остановится и не будет уже страшить своим вращением и возбранять вход в рай. — Да постыдятся ариане, которые в таинстве причащения не присоединяют воды к вину. Ибо они, как кажется, не веруют, что из ребра вытекла и вода, что удивительнее, но веруют, что вытекла одна кровь, и тем уменьшают величие чуда. Ибо кровь показывает, что Распятый — человек, а вода, что Он выше человека, именно, — Бог.

И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили. Ибо сие произошло, да сбудется Писание: кость Его да не сокрушится (Исх. 12, 46). Также и в другом месте Писание говорит: воззрят на Того, Которого пронзили (Зах. 12, 10).

Не от других, говорит, я слышал, но сам тут был и видел, «и истинно свидетельство» мое. Справедливо замечает это. Он повествует о поругании, а не о чем-нибудь великом и досточестном, чтобы тебе заподозривать это сказание. Для того, говорит, я подробно описываю это и не скрываю, по-видимому, бесчестное, чтобы вы верили, что все это, несомненно, истинно, а не составлено в чью-нибудь пользу. Ибо кто говорит в чью-нибудь пользу, тот выставляет более славное. А как Моисея считали достовернее его, то он и его приводит в свидетели. Что Моисей сказал об агнце, закалаемом в Пасху, «кость не сокрушится» (Исх. 12, 10), то, по объяснению евангелиста, исполнилось на Христе. Ибо тот агнец был образом Его, и много сходного между им и Истиною. Исполнится и другое пророчество, говорящее: «воззрят на Того, Кого пронзили» (Зах. 12, 10), Ибо, когда Он придет судить, тогда увидят Его в лучшем и боговиднейшем теле, и пронзившие узнают Его и восплачут. Сверх сего, это дерзкое дело врагов Иисусовых для неверующих будет дверью веры и доказательством, как, например, для Фомы. Ибо он удостоверился в воскресении чрез осязание ребра. Итак, «кость не сокрушится» у Иисуса; а ребро Его проливает нам источники бытия и жизни. Вода-источник бытия, ибо мы чрез нее становимся христианами, а Кровь — жизни, ибо мы ею питаемся. И Слово Божие есть Агнец. Вкушая Его от головы до ног (голова божества, ибо оно — глава, и ног — плоти, ибо она — самая низшая часть), еще и внутренности Его, то есть тайное и сокровенное, с благоговением принимая в пищу, мы не

сокрушаем костей, то есть трудных для понимания и возвышенных мыслей. Ибо, чего не можем понять, того мы не сокрушаем, то есть не стараемся понять худо и с извращением. Итак, когда здраво понимаем, тогда не сокрушаем, ибо божественное сохраняем в целости. А когда будем усиливаться понять и принимаем еретическое понимание, тогда сокрушаем и ломаем твердые и недоступные мысли. Такие предметы, то есть неудобопонятные, надобно жечь огнем, то есть предавать Духу, и Он обделаёт и утончит их, потому что Он постигает все, и глубины Божии (2 Кор. 2, 10).

После сего Иосиф из Аримафеи (ученик Иисуса, но тайный — из страха от Иудеев), просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял тело Иисуса. Пришел также и Никодим (приходивший прежде к Иисусу ночью) и принес состав из смирны и алая, литр около ста. Итак, они взяли тело Иисуса и обвили Его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи. На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко.

Почему не из двенадцати кто-нибудь пришел к Пилату, но осмелился на такое дело Иосиф, быть может, принадлежавший к числу семидесяти? Если кто-нибудь скажет, что ученики (12) скрылись по страху от иудеев, то и он одержим был таким же страхом. Можно сказать, что он (Иосиф) был человек весьма знаменитый и по своей знаменитости известен и Пилату. Подумав, что гнев иудеев укротился, когда ненавистный для них Иисус уже распят, Иосиф безбоязненно приходит и вместе с Никодимом совершает великолепное погребение. Оба они не представляли об Нем ничего Божественного, а расположены к Нему только как к человеку, потому что приносят такие благовония, которые преимущественно имели силу надолго сохранять тело и не давать ему скоро предаться тлению. А это показывало, что они не представляли о Нем ничего великого. Однако же они выказывают к Нему великую любовь, потому что погребают не как преступника, но великолепно, по обычаю иудейскому. Время заставляло их спешить. Ибо смерть Иисуса последовала в девятом часу. Потом, покуда они ходили к Пилату и пока снимали тело, естественно наступил уже вечер, когда нельзя было устроить гробницу. Посему они полагают Его в ближайшую гробницу. Ибо «на том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый». Устраивается так, что гроб близко; посему ученики могут прийти и быть зрителями и свидетелями случившегося, могут быть приставлены воины для охранения и будет неуместна речь о похищении. Всего этого не могло бы быть, если бы Иисус погребен был далеко. «Гроб» был «новый, в котором еще никто не был положен». Так устроилось для того, чтобы нельзя было перетолковать воскресения, будто бы воскрес иной, а не Иисус. И иначе. Гроб новый образно показывал то, что чрез гроб Господень будет обновление от смерти и тления, и в нем мы все обновимся. Заметь, прошу тебя, как много обнищал Господь для нас. При жизни Он не имел дома; по смерти не имеет гроба, но полагается в чуждом; Он наг, и одевает Его Иосиф. Иисус и ныне бывает мертв, когда Его умерщвляют люди, делающие насилие, или страстные до приобретений; Он страдает также от голода; бывает также наг, ибо, что ни терпит бедняк, все то терпит Христос. И ты ныне подражай Иосифу, прилагай добро к добру (ибо Иосиф — значит прибавление), одевай наготу Христа, то есть бедняка. Сделай же это не однажды, но положи во гробе души и всегда помни, всегда размышляй и заботься о таких делах. Примешивай смирну и алой. Ибо должно обносить в уме горькие и строгие судилища тамошнего века и тот Глас, который немилостивых назовет проклятыми и отошлет в огонь (Мф. 25, 41). По

Глава двадцатая

В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба. Итак, бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: унесли Господа из гроба и не знаем, где положили Его. Тотчас вышел Петр и другой ученик, и пошли ко гробу. Они побежали оба вместе; но другой ученик бежал скорее Петра и пришел ко гробу первый.

Единою от суббот евангелист называет тот день, который мы называем Господним. Ибо субботою называет седмицу дней, а единою от суббот — первый день. В сущности всякий день есть один. Но один, взятый много раз и сложенный, составляет многие. Так, первый день есть один, дважды взятый есть второй, трижды — третий и так далее. Такой день есть образ будущего века, который есть один день, ни ночью не пресекающийся, ни полдня не имеющий. Бог есть Солнце его, никогда не заходящее. Как Господь воскрес в этот день, тленное Свое тело сделав нетленным, так и мы в будущем веке получим нетление. Итак, в первый день седмицы «приходит Мария Магдалина». Так как суббота прошла, и законом уже не воспрещалось движение, она отправляется, желая найти некоторое утешение от места погребения Господа, и, увидевши камень отваленным от гроба, с большою поспешностью идет к Петру и Иоанну. Господь воскрес тогда, когда камень лежал еще на месте, и печати были целы. Но как нужно было кому-нибудь быть свидетелями воскресения и войти во гроб, то камень отвален Ангелом. Мария, ничего еще не знающая о воскресении, называет это событие похищением и переложением. — Затем ученики приходят ко гробу и видят лежащими одни пелены; а это было знаком истинного воскресения. Ибо, если бы кто-нибудь переложил тело, тот не обнажил бы его; и если бы кто украл, тот не позаботился бы свивать плат и класть отдельно на особом месте, но взял бы тело просто, как было можно. Посему евангелист предварительно сказал, что тело Христово погребено было со многою смирною, которая не хуже смолы приклеивает пелены к телу, чтобы мы, когда услышим, что плат лежал на особом месте, нисколько не верили тем, которые говорят, будто тело Христово украдено. Ибо вор не был бы так глуп, чтобы на дело излишнее употреблять столько старания и не подозревать, что чем долее будет им заниматься, тем скорее может быть пойман. — В котором часу последовало воскресение, о том никто не знает, подобно как неизвестно и время второго пришествия. Если евангелист Матфей говорит, что землетрясение совершилось в глубокий вечер, а Иоанн говорит, что Мария пришла и увидела отваленный камень утром, когда было еще темно, то в этом нет разногласия. Ибо, во-первых, по Матфею, поздно в субботу пришли женщины, а у Иоанна теперь не упоминается о женщинах, когда сказал об этом Матфей, излишне было бы о том же говорить и Иоанну; но Мария Магдалина приходит утром. Различны пришествия ко гробу: то Мария приходит с прочими женами, то одна только она. Отсюда и представляется разногласие между евангелистами, что они говорят о разных приходах, каждый о своем. Так, во-первых, говорим, что Матфей говорит об одном приходе — жен, а Иоанн о другом, о приходе жены — Магдалины. Потом, «глубокий вечер и утро, когда еще темно», что иной назвал бы глубоким утром, совпадающим в одно и то же, так что все это время есть середина ночи. Если спросишь, каким образом Петр и Иоанн, и жены входили во гроб, когда тут были стражи, то ответ простой, что когда Господь воскрес и с землетрясением предстал при гробе Ангел, тогда стражи ушли объявлять об этом

фарисеям и таким образом гроб освободился от военной стражи, и ученики бесстрашно могли приходить.

И, наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошел во гроб. Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал; ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых. Итак, ученики опять возвратились к себе. А Мария стояла у гроба и плакала. И когда плакала, наклонилась во гроб и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его.

Примечай, пожалуй, смирение евангелиста, с каким он свидетельствует о тщательности исследования Петрова. Сам он пришел прежде, увидел лежащие пелены и ничего более не исследует, но дожидается Петра. А пламенный Петр вошел внутрь гроба и тщательно осмотрел все. Тогда и он (Иоанн), вошел после него (Петра), увидел погребальные пелены лежащими отдельно одни от других, и уверовал, впрочем, не тому, что Господь воскрес, а тому, что Его украли. Он поверил словам Марии, что взяли Господа. Почему же поверил Марии, а не помыслил о воскресении? Потому, что они еще не знали Писания, что Ему надлежит воскреснуть из мертвых, и поверили Марии, подозревавшей похищение и переложение тела. Итак, они возвратились к себе, то есть сами по себе, ничего более не узнавши. Мария, по свойственной женщинам чувствительности и любви к слезам, стоит у гроба и плачет. Не находя Иисуса, смотрит на то место, где положено было любимое тело, и в этом одном находит утешение. За то и удостаивается видеть больше, чем ученики. Она увидела то, чего они не видели, именно: двух Ангелов. Видение Ангелов было для нее величайшим утешением. И светлое их одеяние, и сидение их, одного у головы, а другого у ног, показывало, что они знают нечто большее, и, если будут спрошены, могут наставить. И слова: «что ты плачешь?» полны искреннего участия. Чтобы Мария не смутилась, как женщина, вопросом этим утишают ее смущение. Спрашивают с таким участием и кротостью: «жена! что ты плачешь?» Она же с жаром и любовью отвечает: унесли Господа моего, потому и плачу; не знаю куда и переложили Его; я пошла бы туда помазала бы тело Его, и в этом, по крайней мере, нашла бы некоторое утешение. — Ты же пойми, как Петр деятелен и горяч, а Иоанн пронизателен и способен к уразумению Божественных предметов. Чисто созерцательный предваряет знанием и даровитостью, а деятельный отстаёт, однако же усердием и старанием побеждает остроту его, и деятельный первый усматривает какую-нибудь Божественную тайну. Не подобное ли нечто бывает и в науках? И здесь из двоих мальчиков малоспособный и медленный старанием превосходит того, который по природе быстрее и способнее. Так и в духовных предметах деятельный и неискusstный в слове нередко понимает лучше, чем созерцательный. — Всякая душа, господствующая над страстями, называется Марию. Очистившись посредством бесстрастия, она видит в Иисусе Бога и Человека. Ибо один из Ангелов, сидящий в головах, указывает на Божество, а другой, сидящий в ногах, на униженное воплощение Слова.

Сказавши сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; она не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что

это садовник говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввунни! что значит: Учитель! Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему. Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа, и что Он это сказал ей.

Для чего Мария обратилась назад? Когда она беседует с Ангелами, что ее побудило обратиться назад? Вероятно, пока она говорила с Ангелами, Иисус внезапно явившись позади нее, привел их в изумление, и они, увидев Владыку, и видом, и движением, и взором тотчас обнаружили, что они увидели Господа, и женщина сия (Мария), заметивши это, обратилась назад. Быть может, Он Ангелам явился в поразительном виде, а Марии не в таком, но в смиренном и обыкновенном, почему она и сочла Его за садовника, именно того сада, в котором был гроб. Посему же она и говорит: Господин, «если ты вынес Его», то есть если ты украл Его, и не говорит: Иисуса, но: «Его», говорит как бы знающему, в чем дело. Итак, если ты унес, то есть взял и украл отсюда, то скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его и переложу в другое место, где Он будет погребен великолепно. Быть может, она боялась, чтобы иудеи не наругались и над мертвым телом, и потому желала, чтобы оно переложено было в другое место, им неизвестное. Намерение жены полно любви; но она не может представить себе ничего высокого. И как она сама по себе не могла помыслить ничего высокого, то Господь голосом своим дает ей знать Себя. Ибо Он произнес только имя ее и тем вложил знание, подобно как иудеям иногда давал узнавать Себя, а иногда при них был, и они не узнавали Его. Так и в речах, когда хотел, тогда давал узнавать Себя. Подобным образом и теперь, когда захотел, тогда дал Марии узнать Себя по голосу. Без сомнения, Он и прежде гласно говорил ей: «жена, что ты плачешь?» Но Мария не узнала, ибо не было на это воли Иисусовой. А когда Он восхотел, она узнала Его по голосу. «Она, обратившись, говорит Ему»: как это? она вела с ним речь и говорила: скажи мне, где ты положил Его; а теперь евангелист говорит, что она «обратилась»? Мне кажется, что она, сказав: «где ты положил», обратилась к Ангелам, быть может, с намерением спросить их, чему они изумились. Потом, Христос, назвав ее по имени, изумил ее Своим голосом и от них обратил к Себе, и она, узнавши Его теперь, сказала: Учитель! — Она желает подойти к Нему, обращаться с Ним, как и прежде, и, быть может, обнять, как возлюбленного. Но Он возводит ее мысль, чтобы она помыслила нечто высшее и внимала Ему с большим почтением. «Не прикасайся ко Мне», то есть обстоятельства теперь уже не в прежнем положении, и Я не буду уже обращаться с вами по-прежнему. Хотя Он не сказал этого словами, но таков смысл слов: «восхожу к Отцу Моему». Я туда спешу. А как Я спешу туда и уже не имею такого тела, чтобы обращаться с людьми, то надобно быть благоговейнее ко Мне, к высшему обыкновенной беседы и прикосновения, то есть обращения. Смотри же, сколько мыслей евангелист выразил кратко. Господь сказал: «не прикасайся ко Мне». Потом, как бы кто спросил: почему? потому, отвечает, что у Меня тело уже не такое, какому свойственно быть в жизни земной, но такое, какое прилично небу и горним селениям. Потом вопрошающий как бы продолжает: зачем же Ты ходишь на земле, когда имеешь такое тело? Потому, отвечает, что Я не восшел еще к Отцу Моему, но взойду. Ибо это выражает дальнейшими словами: «иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему», хотя взойдет не тотчас, но спустя сорок дней. Для чего же так говорить? Для того чтобы воскресить ее ум и убедить, что Он отходит на небеса, и тем утешить. Назвав учеников братьями, прибавляет: «и Отцу вашему». Бог и нам — Отец, но по благодати, а Господу Он Отец — по естеству. Наоборот. Он нам Бог — по

естеству, а Господу Бог — по Его человечеству. Ибо Он стал Богом Его, когда Он принял на Себя человеческое естество. Мария, удостоившись таких речей, уходит и возвещает об этом ученикам. Вот, как хорошо усердие и постоянство. Будь и ты усерден и, быть может, узнаешь что-нибудь высшее, и из учеников Слова сделаешься учителем.

В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты, из опасения от Иудеев, пришел Иисус и стал среди и говорит им: мир вам! Сказав это, Он показал им руки и ноги и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидевши Господа. Иисус же сказал им вторично: мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся.

Когда Мария возвестила об этом ученикам, естественно было, что они или не поверили ей, или, поверивши, пожалели, что не удостоились видеть Его сами. Посему Он в тот же день является к ним, так как они, с одной стороны, услышав от жены, что Он воскрес, жаждали видеть Его сами, а с другой, боялись иудеев и от того еще более желали увидеть это единственное для них утешение; является «вечером» для того, чтобы имели время собраться все вместе; является «когда двери были заперты» для того, чтобы показать, что Он и воскрес также тогда, как на гробе лежал камень. Иной подивится, как они не сочли Его за призрак? Но прежде всего жена, предварившая их, произвела в них сильную веру. Потом, Он явился им в кротком виде и самым голосом успокоил волновавшиеся мысли их, сказав: «мир вам», то есть не смущайтесь. Этим Он напоминает им то слово, которое сказал им пред страданием: «мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27). Обрадовались ученики, увидя Господа. И об этом Он также предсказывал им пред страданием: увижусь с вами, и возрадуется сердце ваше (Ин. 16, 22), А так как они имели непримиримую брань с иудеями, то опять говорит им: «мир». Как женам сказал: «радуйтесь» (Мф. 28, 29), потому что пол их был в печали, так ученикам дает «мир» по причине брани, которую имели с ними и будут иметь все. Итак, прилично женам радоваться, потому что они осуждены рожать в печали, а мужчинам быть мирными по причине брани за дело проповеди. Показывает вместе и благие следствия Креста; это — мир. А как Крестом приобретен мир, то Я посылаю вас на проповедь. В утешение же им и ободрение говорит: «как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас». Вы примите на себя Мое дело; посему бодрствуйте, ибо Я буду с вами. Примечай самовластие. Не сказал: Я умолю Отца Моего, и Он пошлет вас, но: «Я посылаю вас». Дует и дает им Святаго Духа. Теперь Он уделяет им не совершенный дар Святаго Духа, ибо таковой Он даст им в Пятидесятницу, но делает их способными к принятию Духа. Ибо слова: «примите Духа Святаго» — то же, что будьте готовы принять Духа. Можно сказать и то, что Он дал им некоторую власть и духовную благодать, только — не воскрешать мертвых и творить силы, но — прощать грехи. Посему и прибавил: «кому простите грехи, тому простятся», показывая, что Он дал им этот именно вид духовных дарований — прощение грехов. По вознесении же Его, Сам Дух нисшел и преизобильно подал им силы творить чудеса и всякое иное дарование. — Стоит узнать, для чего Он является ученикам не в Галилее, а в Иерусалиме. Ибо Матфей (26, 32) и Марк (14, 28) говорят, что Он обещал увидеться с ними в Галилее. Как же Он является в Иерусалиме? Некоторые отвечают: что ж такое? Он ведь не сказал, что Я увижусь с вами только в Галилее, а в Иерусалиме не увижусь. Значит, это богатство любви, а не повод к нареканию во лжи. Потом можно сказать то, что ведь Он обещает явиться в Галилее всем ученикам, а в Иерусалиме явился только принадлежащим к двенадцати. Итак, нет здесь никакого

разногласия. Ибо в Галилее Он явился всем, а в Иерусалиме — двенадцати. И как явлений было много, то одни евангелисты описали одни явления, а другие — другие. Иногда и два евангелиста сообщают об одном и том же, но что у одного сказано сокращенно, то восполняет другой. — Примечай, пожалуй, достоинство священников, оно — Божественно. Ибо отпущать грехи — дело Божие. Таким образом их должно почитать, как Бога. Хотя бы они были недостойны; что от этого? они служители Божественных дарований, и благодать действует чрез них, как проглаголала некогда через ослицу Валаама (Чис. 22, 28-30). Итак, недостойнство наше не препятствует благодати. И как чрез священников подается благодать, то должно их почитать.

Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю. После восьми дней опять были в доме ученики Его и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты; стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие.

Фома не был с учениками. Вероятно, он еще не возвратился к ним из бывшего рассеяния. Что значит замечание — называемый Близнец? Это значение имени — Фома. Ибо, как Кифа значит камень, так и Фома значит близнец. Евангелист упоминает о таком значении имени Фомы, кстати, чтобы показать нам, что он был какой-то недоверчивый и имел такой нрав от самого рождения, как показывает самое имя. Когда прочие ученики сказали о Господе, Фома не верил не потому, что считал их лжецами, но потому, что дело воскресения считал невозможным. Почему и обвиняется в неумеренном любопытстве. Ибо, как скоро верить — легкомысленно, так сильно упорствовать — дико и грубо. Смотри, он не сказал: я не верю глазам, но присовокупил: «если не вложу руки моей». Но откуда он знал, что была рана в боку? Слышал это от учеников. Для чего Господь является ему не тотчас, но спустя восемь дней? Для того чтобы он, внимая наставлению соучеников и слыша одно и то же, воспламенился большим желанием и сделался тверже верующим на будущее время. Господь, желая показать, что Он был с ними и тогда, когда Фома высказывал пред соучениками слова своего неверия, не ожидает, пока услышит от него что-нибудь подобное, но Сам вперед исполняет то, чего желал Фома, и употребляет его собственные слова. И смотри, сначала Он говорит с упреком: «подай руку твою», но потом вразумляет: «не будь неверующим, но верующим». Отсюда ясно, что сомнение происходило от неверия, и посему напрасно некоторые в защиту Фомы говорят, что он нескоро поверил по своей основательности. Ибо вот, Господь называет его неверным. Смотри, как тот, кто сначала не верил, от прикосновения к ребру сделался отличным богословом. Ибо он проповедал два естества и одно лицо во едином Христе. Сказав: «Господь», исповедал человеческое естество; ибо «Господь» употребляется и об людях, например: «Господин! если ты вынес Его» (Ин. 20, 15). А сказав: «Бог мой», исповедал божеское существо и таким образом исповедал Одного и Того же Господом и Богом. Господь, показывая нам, что вера состоит в том, чтобы принимать невидимое, говорит: «блаженны не видевшие и уверовавшие». Здесь Он намекает на учеников, которые не касались ни раны от гвоздей, ни ребра, однако уверовали, и не на одних только их, но и на тех, которые уверуют впоследствии. Сказал это не с тем, чтобы лишить

Фому блаженства, но чтобы утешить невидевших. Ибо многие говорят: блаженны очи, видевшие Господа. Он утешает таковых, говоря, что более блаженства в том, чтобы не видеть и веровать. — Каким образом тело нетленное оказалось имеющим раны и было осязаемо рукою человеческою? Все это было делом снисхождения. Ибо тело, вошедшее чрез запертые двери, и потому тонкое и легкое, было свободно от всякой грубости. А чтобы уверить в воскресении, Господь показывает его таким, и для того воскрес, имея знаки креста и раны. Также, что Он и ел, ел не по нужде для тела, но для удостоверения в воскресении. Посему, как прежде распятия, ходя по волнам (Мк. 6, 48), Он имел тело не иной природы, так и ныне показывает оное осязаемым и имеющим раны. Однако же, хотя оно осязаемо и видимо, но нетленно. Ибо это показывается для удостоверения, а не по необходимости и закону тела. Ибо все вкушаемое входит во чрево и изменяется (Мф. 15, 17), чего у Христа, после воскресения, не было; но вкушаемое, принимаемое только для удостоверения в воскресении, было потребляемо некоторой невидимой и Божественной силой. Заметь и то, как для одного человека — Фомы — Господь не отказался снизойти и показать ребро, чтобы спасти одну душу неверующую; так и мы не должны презирать ни одного, ни самого малого.

Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не написано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и веруя имели жизнь во имя Его.

О каких знамениях говорит здесь евангелист? Ужели о тех, которые Господь совершал до Своих страданий? Нет, но о тех, которые Он творил после Своего воскресения. Ибо евангелист прибавляет: «сотворил пред учениками Своими». Чудеса же до страданий Господь творил не пред учениками, а пред всеми. Посему евангелист говорит теперь о тех чудесах, которые совершены Господом по воскресении. Ибо, обращаясь с одними только учениками в течение сорока дней, Он представлял доказательства воскресения. Как до страдания Он творил чудеса в подтверждение, что Он Сын Божий, так по воскресении Он совершал чудеса пред учениками в подтверждение, что Он Сын Человеческий, то есть носит тело, хотя и нетленное и боговиднейшее, и уже не подлежащее законам плотским. Итак, из многих чудес, совершенных по воскресении, записаны одни только эти, и то не из хвастовства, или для приложения славы Единородному, но, говорит, для того, «дабы вы уверовали». И какая польза и к кому относится? Не ко Христу. Ибо какая польза Ему от нашей веры? Но нам самим служит. «И веруя», говорит, «жизнь имели бы во имя Его». Ибо, веруя, что Он воскрес и жив, мы приготавливаем сами себе жизнь, ибо Он воскрес и жив для нас. А кто думает, что Он мертв, а не воскрес и не жив, тот сам себе присуждает и утверждает смерть и погибель.

Глава двадцать первая

После того опять явился Иисус ученикам Своим при море Тивериадском. Явился же так: были вместе Симон Петр и Фома, называемый Близнец, и Нафанаил из Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы, и двое других из учеников Его. Симон Петр говорит им: иду ловить рыбу. Говорят ему: идем и мы с тобою. Пошли и тотчас вошли в лодку, и не поймали в ту ночь ничего. А когда уже настало утро, Иисус стоял на берегу; но ученики не узнали, что это Иисус. Иисус говорит им: дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймите. Они закинули и уже не могли вытащить

сети от множества рыбы. Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это Господь. Симон же Петр, услышав, что это Господь, опоясался одеждою (ибо он был наг) и бросился в море. А другие ученики приплыли в лодке (ибо не далеко были от земли, локтей около двухсот), таща сеть с рыбою.

Словами: «Иисус явился» евангелист выражает ту мысль, что если бы Он не захотел и по снисхождению не явил Сам Себя, то при нетленном теле и не был бы видим. Для чего он упомянул о месте — море Тивериадском? Для того чтобы показать, что они не боялись уже иудеев так, как прежде, но большой страх отвергли. Они уже не сидели запершись, но выходили из дома, на что прежде не осмеливались, и ходили повсюду, так что дошли и до Тивериады, которая не на малом расстоянии от Иерусалима. Это море в Галилее. — Ученики ловили рыбу, ибо не имели, чем бы другим заняться. Сам Иисус не постоянно находился с ними, Дух еще не был им дарован, и учительство не было им поручено окончательно; посему они и принялись за свое прежнее ремесло. Петр, будучи весьма деятелен, не может оставаться в праздности, но с горячностью стремится к делу, а прочие следуют за ним, потому что они уже не разлучались друг от друга. — Явившись к ним, когда они трудились и утомились, Он не тотчас обнаруживает Себя, а сначала хочет вступить в разговор с ними. Как бы желая купить у них что-нибудь, спрашивает: дети, нет ли у вас чего-нибудь съестного? Когда же они отозвались что нет, и, по Его приказанию, закинув сеть по правую сторону лодки, получили улов, тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: «это Господь». Здесь мы опять находим указание особенностей в учениках: Иоанн был проникательнее, а Петр пламеннее. Поэтому Иоанн первый узнал Господа, а Петр первый поспешил к Нему. Опоясавши себя, Петр выразил почтение к Иисусу, а бросившись в море, выказал свою любовь. Ибо он не удержался, как прочие, но пустился вплавь, хотя они были от берега на расстоянии около двух сот локтей. «Эпендитис» (славянское «епендит», русское «одежда») есть одежда из льняного полотна, какою опоясываются финикийские и сирийские рыбаки, или по нагому телу, или поверх одежды, просто сказать как живописцы изображают апостолов опоясанными поверх одежды. Так как Петр, занимаясь ловлею, был наг, то он опоясывается епендитом из уважения (ибо это означает опоясанием) и первый спешит к Господу. Событие настоящее не малое, но важное, потому что и много рыбы поймано, потом и сеть не порвалась.

Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. Иисус говорит им: принесите рыбы, которую вы теперь поймали. Симон Петр пошел и вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три; и при таком множестве не прорвалась сеть. Иисус говорит им: придите, пообедайте. Из учеников же никто не смел спросить Его: кто Ты? зная, что это Господь. Иисус приходит, берет хлеб и дает им, также и рыбу. Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своем из мертвых.

Угли, рыба и хлеб, которые видят теперь ученики, составляют также чудо. Ибо Он столько человек наплатил ими не из готового вещества как прежде в пустыне пятью хлебами (Ин. 6, 9-12) и двумя рыбами, но просто, из ничего. Когда Господь сказал: «придите, пообедайте», то никто не спрашивает и не осмеливается спросить. Они не имели уже прежней смелости, но в молчании и со страхом удивлялись Ему; знали, что это Господь, потому и не спрашивали. Видя, что образ Его изменился и исполнен поразительного величия, они сильно изумлялись. Желали бы, по крайней мере, об этом спросить, но страх в сознании, что это был

не иной кто, а именно Он, удерживали их от вопроса, и они лишь вкушали то, что Он для них сотворил. Как же сотворил? С полною властью. Ибо Он уже не взирает на небо и не призывает Отца, ибо это делалось тогда из снисхождения. Повелевает принести рыбы, ими пойманной, для того, чтобы показать, что видимое ими не было призраком. Здесь не говорится, чтобы Он ел с ними, а Лука говорит, что Он вместе и ел (Лк. 24, 30. 43). Как Он ел, мы не можем объяснить, ибо это происходило необыкновенным образом, — не потому, чтобы природа Его нуждалась в яствах, но это было делом снисхождения, для доказательства воскресения. Евангелист говорит: «это уже в третий раз явился», и сим показывает, что Он обращался с ними не постоянно и не так, как прежде. — Понимай это, пожалуй, и в созерцательном смысле: когда преобладала тьма идолослужения; тогда была ночь. Пророки, трудившиеся тогда, до явления Христа — Солнца, не поймали ничего. Хотя они, по-видимому, имели в своем неводе один народ израильский, но как и он часто впадал в идолослужение, то, можно сказать, они ничего не поймали. Когда же воссияло утром Солнце правды, и распростерта сеть апостольская, учение поистине правое, в сравнении с которым закон и пророки представляются левою стороною, тогда невод этот вытаскивается, и ко Христу приводятся не одни язычники, которых можно назвать «сто», но и израильтяне, которых можно разуметь под «пятидесятью». Ибо когда войдет полнота язычников, тогда и Израиль спасется (Рим. 11, 25. 26). Три рыбы означают веру во Святую Троицу. Ибо сто и пятьдесят, то есть язычники и иудеи, пойманы не без трех, так как без веры в Троицу никто не называется уловленным. Повеление: «придите, пообедайте» служит намеком на то, что святые после трудов своих получают успокоение, довольство и наслаждение. Ибо все, что тогда ни совершалось, ни говорилось, исполнено таинственности. Например то, что Мария почла Его за садовника, по-видимому, просто, но в сем есть и нечто сокровенное. Ибо Он действительно был истинный делатель сада, в саду гроба, как бы в раю, исправляющий женский род, и обольстившую первого садовника — Адама обращающий от обмана и неверия. Ибо обращение Марии и учение о воскресении указывает на то, что женский род обращается и возводится к совершенству.

Когда же они обедали, Иисус, говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих. Еще говорит ему в другой раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня? и сказал Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь. Сказал же это, давая разуметь, какую смертью Петр прославит Бога.

Так как обед имел у Него цель, то Он вручает Петру попечение об овцах всей вселенной, вручает попечение не иному кому, а ему, во-первых, потому, что он был избранным из всех и был устами всего лика апостолов; потом для того, дабы показать, что он должен иметь дерзновение, так как отречение его заглажено. Об отречении не воспоминает, не порицает за оное, а говорит: если любишь Меня, позаботься о братьях и докажи теперь ту горячую любовь ко Мне, о которой ты говорил, что готов и умереть за Меня. Трижды спрашивает его частью для того, чтобы показать, что Он столько заботится о верующих и столько любит

Своих овец, что попечение об овцах Его служит признаком любви к Нему Самому; частью троекратным вопрошением и исповеданием врачует троекратное отречение и словами исправляет падение, бывшее на словах. Отселе произошел обычай — от желающих креститься требовать троекратного исповедания. После первого и второго вопроса Петр призывает в свидетели Его Самого, знающего сердца; он уже не надеется сам на себя, не отвечает с поспешностью, но всякий раз прибавляет: «Ты знаешь». Когда же Петр был спрошен и в третий раз, то он смутился, не ошибочно ли он думает о себе, что любит, тогда как, быть может, на деле не любит, потому что и прежде он много думал о себе и крепости своей, однако же последствия опровергли его. И теперь он убоился того же. Потому и отвечает с благоговением: «Господи! Ты все знаешь», и настоящее, и будущее; Ты знаешь, что ныне я люблю Тебя, как мне кажется, но пребудет ли моя любовь на последующее время, это Ты знаешь, а я не стою сам за себя. Господь, сказав Петру о любви к Себе, предсказывает ему и о мучении, которое он претерпит. Говорит это с тем, чтобы показать, что если Он спрашивает его о любви, то спрашивает не по недоверию к нему, но по уверенности, что он любит, ибо как не любит тот, который будет и замучен за Него? Спрашивал для того, чтобы более обнаружить любовь самого Петра и всех прочих научить, что если мы желаем любить Его, то должны доказать любовь к Нему попечением о братьях. Как же предвещает ему мученичество? Слушай. «Когда ты был молод, то препоясывался сам», и прочее. Так как, говорит, ты любишь Меня и не раз обещался в опасностях за Меня положить душу свою, то будь спокоен; Я исполню твое желание, так что, чего ты не потерпел в молодости, то потерпишь в старости. Напоминает ему о прежней жизни, дабы показать, что духовное с плотским находятся в обратном отношении. В житейских делах полезен молодой, а состарившийся бесполезен; в духовных делах, напротив, подвиг блистательнее тогда, когда наступит старость. Говорит это с целью возбудить его любовь и воспламенить к мученичеству. Намекает ему и на то, что и он будет распят. Ибо слова: «прострешь руки твои, и другой препояшет», указывают не на иное что, как на простертие на кресте и на узы. Словами: «когда ты был молод» и опять: «а когда состаришься» показывает, что Петр тогда был ни молод, ни стар, а совершенный муж. Для чего Господь сказал ему, что «другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь»? Хотя Петр желал мученичества, и желал его пламенно, но слова Господа указывают на сочувствие нашего естества к жизни и на то, что душа неохотно разлучается с телом. Ибо Бог так устроил, и устроил на пользу, чтобы мы не убивали сами себя. Посему-то никто, хотя бы и свят был, не отлагает тела бесстрастно. Евангелист, по обычаю своему, в объяснение слов присовокупляет: «сказал же это, давая разуметь, какую смертью Петр прославит Бога». Иисус, говорит, сказал Петру: «прострешь руки твои» и прочее, давая разуметь, что он потерпит за Него мучение. Смерть Петрову называет славою Божиею, потому что страдание за Него до смерти поистине есть слава Божия. Ибо, если душа не убеждена вполне, что Он есть истинный Бог, то человек и не умрет за Него. А посему смерть святых есть подтверждение славы Божией. Иной, может быть, будет находить различие между названиями: «агнцы» и «овцы», между словами: «питать» и «паси». Под «агнцами», может быть,разумеются начинающие, а под «овцами» — более совершенные. Итак, кто любит Христа, тот должен иметь попечение об агнцах и об овцах, должен «питать» агнцев, то есть иметь над ними надзор более простой, и «пасти» овец, что указывает на высшее руководство. Иногда, впрочем, и совершеннейшие нуждаются в нежном попечении, и приставники овец должны кормить их. «Пасти» выражает надзор более строгий, а «питать» — более нежный. Что же мы воздадим Господу, который так возлюбил нас, что признаком любви к Себе поставил попечение об Его овцах?

И, сказав сие, говорит ему: иди за Мною. Петр же обратившись видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя? Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того? ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет; но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того?

Господь вручил Петру попечение о всех верующих. Ибо, если Иаков и получил престол в Иерусалиме, то Петр — во всей вселенной. После сего Господь говорит ему: «иди за Мною», показывая попечение о нем и Свое великое расположение к нему. Под следованием разумей здесь и исполнительность во всех делах и словах. Ибо те следуют за Ним, которые идут по следам Его жизни и подражают Его исправности во всем. Может быть, повелевает Петру и чувственно следовать за Собою, являя, как я сказал, Свое особенное расположение к нему. Ибо мы делаем последователями своими тех, кои близки к нам. Когда Петр услышал это и удостоился того, что и вселенная ему будет вручена и что он увенчается мученичеством; то, по сильной любви к Иоанну, спрашивает и о нем: «а он что?» не пойдет ли и он тем же путем, которым и мы? не будет ли и он общником в попечении об овцах и заботе о них? Ибо слова: «иди за Мною», почти то же значат, что ступай, принимай овец, выступай во вселенную. Зная, что Петр заботится об Иоанне и не желает разлучиться с ним, Господь, чтобы прекратить неблагоприятный их союз и привязанность друг к другу, говорит: тебе поручено дело; совершай его и следуй за Мною, когда Я вывожу тебя на проповедь, вручаю тебе всю вселенную. Если же Я хочу, чтобы он оставался здесь, в окрестностях Галилеи, и не хочу послать его вместе с тобою: что тебе до того? — Слова: «пока прииду», некоторые понимали так: пока Я не приду на распявших Меня иудеев, чтобы наказать их посредством римлян и разрушить город их. Ибо говорят, что апостол сей (Иоанн) почти до правления Веспасиана находился в нагорных местах, проповедовал и пребывал там, а перед взятием Иерусалима удалился оттуда. Итак, поелику им вручалось великое дело — проповедь, им уже не следовало быть вместе друг с другом, но раздельно пойти одному к тем, другому к другим. — Для чего евангелист упоминает о том, что он преклонялся к груди и спрашивал, кто предаст Тебя? Не просто и не случайно, но чтобы показать, что Петр и после отречения своего имел дерзновение пред Господом. Ибо тот, кто прежде Креста не смел спросить о предателе, но поручал вопрос другому, именно Иоанну, тому теперь вручается попечение о всех, и он не только вопроса о самом себе не поручает другому, но и о том самом ученике, который пользовался особенною пред всеми любовью, спрашивает Господа и становится как бы ходатаем пред Ним. Подивись, пожалуй, скромности евангелиста, с какою он исправляет ошибочное понимание многих, которые не уразумели сказанного о нем Господом, но подумали, что он не умрет. Этого не было, Господь сказал не то, что он не умрет, но что он не будет проповедовать в одно время с Петром, а останется после него. «Пока прииду», то есть пока Я не захочу вывести и его на проповедь. Тебя Я ныне вывожу на попечение о вселенной, и ты следуй за Мною, а он пусть останется здесь, пока Я опять приду и выведу и его, как тебя. — Некоторые же так понимают: Петр, услышав, что он умрет за Христа, сказал: что же Иоанн? не умрет ли и он? Христос не отверг этого, ибо всяк, кто родился, тот и умрет, а сказал: если Я хочу, чтобы он пребыл, то есть жил до кончины мира и тогда соделался мучеником за Меня. Отселе и говорят, что он жив, а будет умерщвлен антихристом, когда вместе с Илиею станет проповедовать Христа. Если указывают гроб его, что до того? он вошел в него живой, а потом преставлен, как Енох и Илия. Итак, евангелист опровергает

ложное мнение тех, кои подумали, что ученик сей не умрет, а будет бессмертен: ибо сущая ложь, чтобы человек был бессмертен. Хотя Енох и Илия не умирали, однако же они смертны. Так и он, хотя не умер, но умрет. Посему понимание слова: не «умрет» в том смысле, что будет бессмертен, ложно. Иные утверждают, что он умер, а слова: «если Я хочу, чтобы он пребыл» понимают так, как мы выше изъяснили. Мы высказали все мнения, чтобы для любопытных ни одно не было неизвестно. По нашему мнению, слова: «чтобы он пребыл, пока прииду» лучше понимать не о жизни, а о разлуке с Петром, как понимал это достолавный и златоустый Иоанн.

Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его. Многие и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь.

Из прочих евангелистов ни один не свидетельствовал сам о себе. Говорят, что он после всех приступил к написанию Евангелия, быв подвигнут и возбужден к тому Христом. Потому-то он постоянно упоминает о любви Его к себе, показывая причину, по которой приступил к написанию, и что Христос поручил это дело тому, которого Он любил более прочих. И я знаю, что он говорит истину, то есть: «что я написал, то написал с полною уверенностью, так как я был при всем, при делах и словах, при страданиях и обстоятельствах по воскресении. Посему смело и о самом себе говорю, что я истинен, и вызываю рассмотреть и исследовать каждое в отдельности событие». У нас, людей, когда мы совершенно уверены в истине, есть обыкновение не отказываться от собственного о том свидетельства. Так и апостолы говорили: мы свидетели Ему в том, что говорим, и Дух, которого Он дал повинующимся Ему (Деян. 5, 32). Откуда же видно, что я говорю истину, а не в угоду Учителю? Из того уже, что я многое оставил, видно, что я не хотел угождать Ему. Ибо я выставил на вид все укоризненное, не скрыв и того, что Его называли беззаконником и обманщиком, и даже бесноватым. Очевидно, я не старался угодить Ему. Ибо кто льстит, тот поступает напротив: позорное опускает, а выставляет на вид достолавное. — Не удивляйся сказанному, что если бы писать книги о делах Иисуса, то не вместил бы их мир; но помыслы о неизреченной силе Бога Слова и сказанное прими с верою. Ибо как для нас легко говорить, так для Него легко, и даже гораздо легче, творить что Ему угодно. Некоторые же говорят, что это по обычаю Писания сказано гиперболически; ибо у Писания в обычае употреблять гиперболы. Например: «мы видели города, достигающие до неба», «мы видели мужей, и были пред нами, как саранча» (Чис. 13, 29. 33. 34) и тому подобное. В таком же, де, смысле и здесь сказано, что мир не мог бы вместить написанных книг. — Иначе под «миром» разумеют человека, мудрствующего мирское; дела же божественные и таинственные, совершенные Иисусом в мире невидимом и видимом, и в домостроительстве последнего времени, которое исполнено тайн, человек мирской не может понять, по сказанному: «многое имею сказать вам: но вы теперь не можете вместить» (Ин. 15, 12). — Но будем молиться, чтобы дела и слова Господа никогда не приходили у нас в забвение, но чтобы нам всегда раскрывать сию книгу Возлюбленного и изыскивать сокровище, заключающееся в чудесах и учении Иисуса; чтобы нам, очистившись в слове и жизни, в день откровения удостоиться неизреченнейших дел и тайн, которых ныне, находясь в мире, мы не можем вместить, и соделаться совершенными в Самом Христе, Возлюбившем нас, и чрез возлюбленного Своего ученика просветившем нас богословием и познанием Его — Сына, и Отца, и Святаго Духа, Которому слава вовеки. Аминь.

**БЛАЖЕННОГО ФЕОФИЛАКТА,
АРХИЕПИСКОПА БОЛГАРСКОГО,
ТОЛКОВАНИЕ НА ДЕЯНИЯ
СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ,
сокращенно избранные
из толкований
СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА
и некоторых других отцов
(в русском переводе)**

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ДЕЯНИЙ

Книга эта называется «Деяниями апостолов»; потому что содержит в себе деяния (всех) апостолов вместе. А лицо, повествующее об этих деяниях, есть евангелист Лука, написавший и эту книгу. Будучи родом антиохиянин, а по занятиям врач, он сопутствовал прочим апостолам, особенно Павлу, и пишет о том, что знает вполне основательно. Повествует в этой книге также и о том, как вознесся на небо Господь, при явлении ангелов; повествует далее о сошествии Святого Духа на апостолов и на всех, присутствовавших тогда, равно как об избрании Матфия вместо Иуды предателя, об избрании семи диаконов, об обращении Павла и о том, что он потерпел. Кроме сего повествует о том, какие чудеса сотворили апостолы, помощью молитвы и веры во Христа; и о путешествии Павла в Рим. Итак, Лука излагает деяния апостолов и чудеса, совершенные ими. Описываемые же им чудеса следующие: 1) Петр и Иоанн исцеляют именем Господним хромого от рождения, сидевшего при дверях ^[2], называемых красными. 2) Петр избличает Ананию и жену его Сапфиру, утаивших часть из того, что они обещали Богу, и они тотчас умерли. 3) Петр восстанавливает расслабленного Енея. 4) Петр в Иоппии молитвою воскрешает умершую Доркаду. 5) Петр видит сходящий с неба сосуд, наполненный животными всякого рода. 6) Петрова тень, падая на немощных, исцеляет их. 7) Петр, содержимый узником в темнице, освобождается ангелом, так что стражи не видят этого; а Ирод, изъеденный червями, испускает дух. 8) Стефан творит знамения и чудеса. 9) Филипп в Самарии изгоняет многих духов, и исцеляет хромых и расслабленных. 10) Павел, приближаясь к Дамаску, видит явление и тотчас становится проповедником Евангелия. 11) Тот же Филипп встречает на пути читающего евнуха и крестит его. 12) Павел в Листре именем Господним исцеляет хромого от рождения. 13) Павел видением призывается в Македонию. 14) Павел в Филиппах исцеляет жену (отроковицу), одержимую духом пытливым. 15) Павел и Сила заключаются в темницу и ноги их закрепляются в колодки; но среди ночи происходит землетрясение и узы их спадают. 16) На немощных и бесноватых возлагали убрисцы с тела Павла, и они исцелялись. 17) Павел в Троаде воскрешает упавшего с окна и умершего Евтиха, говоря: душа его в нем есть. 18) Павел в Кипре осуждает волхва Елиму, и волхв этот становится слепым. 19) Павла и всех бывших с ним на корабле застигает, на пути в Рим, четырнадцатидневная буря. И когда все ожидали смерти, Господь, явившись Павлу, сказал: ради тебя Я дарую им жизнь; и все спаслись. 20) Когда сошел Павел с корабля ^[3], его ужалила ехидна, и все думали, что он умрет. А так как он остался невредим, то сочли его за Бога. 21) Павел возложением рук исцеляет на острове ^[4] (отца) начальника Поплия, страдавшего от дизентерии; врачует многих и других больных.

ПУТЕШЕСТВИЯ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Начал (Павел путешествие) с Дамаска и пришел в Иерусалим; отсюда отправился в Тарс, а из Тарса в Антиохию, и потом снова в Иерусалим, и снова во второй раз в Антиохию; отсюда, быв определен вместе с Варнавою на дело апостольства, прибыл в Селевкию, потом в Кипр, где и начал называться Павлом; далее (отправился) в Пергию, потом в Антиохию писидийскую, потом в Иконию, потом в Листру, в Дервию и Ликаонию, потом в Памфилию,

потом снова в Пергию, потом в Атталию, потом снова в третий раз в Антиохию сирийскую, потом снова в третий раз в Иерусалим по поводу вопроса об обрезании, далее снова в четвертый раз в Антиохию, потом снова вторично в Дервию и Листру, потом во Фригию и страну галатийскую, потом в Мизию, потом в Троаду и оттуда в Неаполь, потом в Филиппы, город македонский; потом, пройдя Амфиполь и Аполлонию, пришел в Фессалонику, потом в Берию, потом в Афины, потом в Коринф, потом в Ефес, потом в Кесарию, потом во второй раз в Антиохию писидийскую, потом в страну галатийскую и во Фригию, потом снова во второй раз в Ефес; потом, пройдя Македонию, снова во второй раз прибыл в Филиппы и из Филипп снова в Троаду, где и воскресил упавшего Евтиха; потом прибыл в Ассон, потом в Митилену; потом пристал к берегу против Хия; потом прибыл в Самос и оттуда в Милет, куда призвал ефесских пресвитеров и беседовал с ними; потом отправился в Кон (Коос), потом в Родос, отсюда в Патару, потом в Тир, потом в Птолемаиду, и отсюда в Кесарию; откуда снова в четвертый раз возвратился во Иерусалим. Из Иерусалима послан был в Кесарию, и, наконец, быв отправлен узником в Рим, прибыл таким образом из Кесарии в Сидон, потом в Миры ликийские, потом в Книд, и отсюда, после многих лишений, прибыл на остров, на котором его ужалила ехидна, потом в Сиракузы, потом в Ригию калабрийскую, потом в Поттиолы, и отсюда уже пешком пришел в Рим. Здесь у Аппиева торжища и трех корчемниц встретили его верующие. Прибыв таким образом в Рим, он учил здесь достаточное время ^[5], и наконец в самом же Риме принял мученическую смерть после доброго подвига, которым подвизался здесь. Римляне же на останках его воздвигли прекрасное здание и базилику, ежегодно празднуя день памяти его в третий день пред июльскими календами ^[6]. И прежде этот блаженный муж много преподавал советов относительно честности жизни и добродетели, дал также много и практических наставлений; притом же, что особенно важно, в своих четырнадцати посланиях он изложил все правила жизни человека.

ГЛАВНЫЕ ПРЕДМЕТЫ КНИГИ ДЕЯНИЙ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ

Об учении Христовом после воскресения, о явлении Его ученикам и обетовании им дара Духа Святого, о виде и образе вознесения Господа и о славном втором Его пришествии.

Речь Петра к ученикам о смерти и отвержении Иуды предателя.

О божественном сошествии Святого Духа на верующих в день пятидесятницы.

Об исцелении именем Христовым хромого от рождения; сделанное по этому поводу Петром, благосклонное, увещательное и располагающее к спасению назидание.

О единомыслении и всецелом общении верующих.

О том, как заключенных в темницу апостолов вывел из нее ночью ангел Божий, заповедав им проповедовать невозбранно Иисуса.

Об избрании и посвящении семи диаконов.

Восстание и клеветы иудеев против Стефана; его речь о завете Бога с Авраамом и о двенадцати патриархах.

О гонении на Церковь и о смерти Стефана.

Об уверовавшем и крестившемся со многими другими волхве Симоне.

О том, что дар Духа Святого сообщается не за серебро и не лицемерам, но верующим по вере их.

Что Бог ущедряет спасение людям добрым и верным, это видно из примера евнуха.

О Божественном с неба призвании Павла на дело апостольства Христова.

О расслабленном Енее, исцеленном в Лидде Петром.

О том, как явился Корнилию ангел, и как снова было с неба воззвание Петру.

О том, как Петр, осуждаемый апостолами за общение с необрезанными, рассказывает им по порядку все, что случилось, и как тогда же посылает Варнаву к братьям, бывшим в Антиохии.

Пророчество Агава о голоде, имевшем быть по всей вселенной, и помощь (оказанная верующими антиохийскими) братьям в Иудее.

Убиение апостола Иакова [\[7\]](#); здесь же о наказании стражей и о горькой и гибельной смерти нечестивого Ирода.

О Варнаве и Савле, посланных Божественным Духом в Кипр, и о том, что сделали они именем Христовым с волхвом Елимою.

Богатое назидание Павлово во Христа, на основании закона и пророков, с историческим и евангельским характером.

О том, как, проповедуя Христа в Икони, апостолы были изгнаны оттуда, после того, как многие уверовали.

Об исцелении апостолами в Листре хромого от рождения; вследствие чего они приняты были жителями за сошедших к ним богов; Павла побивают камнями.

О том, что не должно обрезать обращавшихся язычников; рассуждения и постановление апостолов.

О наставлении Тимофея и об откровении Павлу отправиться в Македонию.

О возмущении, происшедшем в Фессалонике вследствие проповеди (евангельской), и о бегстве Павла в Берию и отсюда в Афины. [\[8\]](#)

О надписи на жертвеннике в Афинах и о мудрой проповеди Павла.

Об Акиле и Прискилле, о скором уверовании коринфян и о бывшем по предведению благоволения Божиим к ним; что сообщено было Павлу чрез откровение.

О крещении уверовавших в Ефесе, о сообщении им дара Духа Святого, по молитве Павла, и о совершенных Павлом исцелениях.

О смерти и возвании к жизни Евтиха молитвою Павла в Троаде; пастырское увещание пресвитерам ефесским.

Пророчество Агава о том, что имеет случиться с Павлом в Иерусалиме.

Иаков увещевает Павла не запрещать евреям обрезать.

О возбужденном в Иерусалиме возмущении против Павла и о том, как тысяченачальник отнял его из рук толпы.

О том, что перенес Павел, явившись в синедрион, что говорил и что сделал.

О ковах, какие замышляли иудеи против Павла, и об их доносе на него Лисию.

Об обвинении Павла Тертиллом пред игемоном и об его оправдании.

О преемнике Феликса Фисте и образе действий последнего. Прибытие Агриппы и Верникии и сообщение им сведений о Павле.

Исполненное весьма многих и весьма великих опасностей морское путешествие Павла в Рим.

О том, как Павел прибыл в Рим из Милета.

О беседе Павла с иудеями, бывшими в Риме.

ТОЛКОВАНИЕ НА ДЕЯНИЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ, СОКРАЩЕННО ИЗБРАННЫЕ ИЗ ТОЛКОВАНИЙ СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ОТЦОВ БЛАЖЕННЫМ ФЕОФИЛАКТОМ, АРХИЕПИСКОПОМ БОЛГАРСКИМ

**Святого отца нашего
Иоанна Златоуста
предуведомление
к Деяниям святых апостолов**

Многим, а не одному кому-нибудь, неизвестны ни самая книга, ни тот, кто составил и написал ее. Посему я признал необходимым приняться за это толкование, с целью и научить незнющих и не допустить, чтобы такое сокровище было неизвестно и скрывалось под спудом; потому что не меньше, чем самые евангелия, может доставить нам пользы проникновение таким любознательным и таким правым учением и особенно тем, что совершено Духом Святым. Итак, не будем опускать из внимания этой книги, напротив со всевозможным тщанием изучим ее; потому что в ней можно видеть исполнившимися на самом деле те предсказания Христовы, какие заключаются в евангелиях; в ней можно видеть также истину блистающую в самых делах, и большую перемену к лучшему в учениках, произведенную над ними Духом Святым; в ней можно найти догматы, которые никем не были бы так ясно понимаемы, если бы не было этой книги; без нее сущность нашего спасения осталась бы сокровенною и некоторые из догматов учения и из правил жизни остались бы неизвестными.

Но большую часть содержания этой книги составляют деяния апостола Павла, более всех потрудившегося. Причиною этого было и то, что писатель этой книги, блаженный Лука, был учеником Павла. Его любовь к учителю видна и из многого другого, но в особенности из того, что он неотлучно был при своем учителе и постоянно следовал за ним; тогда как Димас и Гермоген оставили его, — один отправился в Галатию, другой в Далмацию. Послушай, что говорит о Луке сам Павел: *Лука един есть со мною* (2 Тим. 4, 10); и посылая послание к коринфянам, говорит об нем: *егоже похвала во евангелии по всем церквам* (2 Кор. 8, 18); также, когда говорит: *явися Кифе, таже единонадесятым, по благовествованию, еже и приясте* (1 Кор. 15, 1. 5), понимает его евангелие; так что никто не погрешит, если этот труд Луки (книгу Деяний) будет относить к Нему; говоря: к Нему, я понимаю Христа.

Если же кто скажет: почему же Лука, находясь при Павле до конца жизни, описал не все?, то мы ответим, что для ревнующих достаточно было и этого, что он всегда останавливался на том, что особенно нужно, и что преимущественная забота апостолов заключалась не в писании книг, так как многое передали они и без писания. Но все, что содержится в этой книге, достойно удивления, особенно же приспособительность апостолов, которую Дух Святой внушил им, приготавливая их к делу домостроительства. Поэтому, рассказывая о Христе так много, они немного говорили об Его божестве, а более об Его вочеловечении, Его страданиях, воскресении и вознесении. Ибо цель, к которой они стремились, заключалась

в том, чтобы заставить слушателей уверовать, что Он воскрес и вознесся на небеса. Как сам Христос более всего старался доказать, что Он от Отца пришел, так и Павел более всего старался доказать, что Христос воскрес, вознесся, отошел к Отцу и от Него приходил. Ибо, если прежде иудеи не поверили тому, что Он от Отца пришел, то гораздо более невероятным казалось им все учение Христово после того, как к нему прибавилось сказание о воскресении и вознесении Его на небо. Поэтому Павел незаметно, мало помалу, доводит их до понимания более возвышенных истин; а в Афинах Павел называет Христа даже просто человеком, не прибавив более ничего, и это не без цели: потому что если самого Христа, когда Он говорил о своем равенстве с Отцом, часто покушались побить камнями и называли за это хулителем Бога, то с трудом могли принять учение это от рыбаков и притом после распятия Его на кресте.

И что говорить об иудеях, когда и сами ученики Христовы, слушая учение о предметах более возвышенных, смущались и соблазнялись? Поэтому Христос и говорил: *много имам глаголати вам, но не можете носити ныне* (Иоан. 16, 12). Если же они не могли носить, — они, которые были с Ним столько времени, которые посвящены были в столь многие тайны и видели столько чудес, то каким образом язычники, отказавшись от жертвенников, от идолов, от жертв, от кошек и крокодилов (потому что в этом состояла языческая религия) и от других нечестивых обрядов, вдруг могли принять возвышенное слово о догматах христианских? Каким образом и иудеи, ежедневно читавшие и слышавшие следующее изречение из закона: *слыши Израилю: Господь Бог твой, Господь един есть* (Второз. 6, 4), и *несть ин разве Мене* (Втор. 32, 39), и при этом видевшие Христа распятым на кресте, а главное — распявшие Его и положившие во гроб, и не видевшие его воскресения, — каким образом эти люди, слыша, что этот самый муж есть Бог и равен Отцу, могли не смутиться и не отпасть совершенно и притом скорее и легче всех? Поэтому апостолы постепенно и незаметно готовят их и являют большое искусство приспособляться; а сами получают более обильную благодать Духа и именем Христовым творят большие чудеса, чем какие совершены самим Христом, чтобы тем и другим способом поднять их распростертых по земле, и пробудить в них веру в слово о воскресении. И потому книга эта есть по преимуществу доказательство воскресения; потому что по уверовании в воскресение удобно воспринималось и все остальное. И всякий, основательно изучивший эту книгу, скажет, что по преимуществу в этом заключается ее содержание и вся ее цель. Выслушаем же сперва самое начало ее.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Первое убо слово сотворих о всех, о Феофиле.

Напоминает (Лука) Феофилу о (своем) евангелии, чтобы указать на свое весьма тщательное отношение к делу; потому что и в начале того своего труда говорит: *изволися и мне последовавшу выше вся испытно, порядку писати тебе*, и не как-нибудь, но так, *якоже предаша нам, иже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе* (Лук. 1, 2. 3). Итак напоминает об евангелии с целью напомнить о том, с каким тщанием оно написано; а об этом вспоминает для того, чтобы, имея в мыслях такое же тщательное отношение к делу при составлении и настоящей книги, быть как можно более внимательным к тому, что пишется. Поэтому ему и не было нужды на этот раз в каком-либо ином одобрении; так как тот, кого удостоили написать о том, что он слышал, и кому верят в том, что он написал, по справедливости заслуживает гораздо большей веры, когда излагает не то, что слышал от

других, но то, что сам видел. Посему не говорит: первое убо евангелие, еже благовестих, но: *первое убо слово*; так как он был чужд надменности и смиренномудр и думал, что название: *евангелие* выше его (труда), хотя апостол так величает его за этот труд: *егоже похвала во евангелии по всем церквам* (2 Кор. 8, 18). Но своим выражением: *о всех* он, кажется, противоречит евангелисту Иоанну. Тот говорит, что описать все не было возможности; а он (говорит): *сотворих о всех* от начала даже до вознесения. Итак что скажем на это? То, что выражением *о всех* Лука указывает на то, что он не опустил ни одной из вещей существенных и необходимых, из которых познается божественность и истинность проповеди; потому что и Лука и каждый из евангелистов в своих евангелиях во главе всего поместили то, из чего познается божественность и истинность проповеди, и притом в такой точной форме, как бы по какому образцу. Подобным же образом изложил обо всем этом и сам Иоанн богослов. Они не опустили ни одной из тех черт, чрез которые с одной стороны познается и становится предметом веры служение Слова по плоти, с другой сияет и открывается величие Его по божеству. Иоанн говорит, что если бы по частям и вкратце описать все, что сказал и сделал Господь, то и тогда не вместить бы миру пишемых книг; но тем более не вместить бы, если бы кто пожелал изложить в писании все дела и слова Господни с исследованием их значения; потому что значения их и причин, по которым творил и говорил Господь, человеческий разум не может ни вместить ни познать, по той причине, что все то, что Он творил в человеческом естестве, творил как Бог; с этой стороны нельзя дел и слов Христовых ни в слове выразить, ни в писании передать. Впрочем допускаю и то, что это прибавление есть гиперболический оборот речи и не безусловно говорит о том, будто мир не вместил бы пишемых книг, если бы изложение было пространнее. Можно сказать еще и то, что этот евангелист (Иоанн), как развивавший более, чем другие, теоретическое созерцание, действительно знает все творения и дела Спасителя,— не только те, какие Он явил во плоти, но и те, какие Он совершил от века, как без тела, так и с телом. Если бы кто решился описать черты природы, происхождения, различия, сущности и проч. каждого из этих дел; то, если и допустить возможность этого, миру невозможно было бы вместить пишемых книг. Если же кто под словом «мир» станет разуметь не просто мир, но человека, лежащего во зле и помышляющего о предметах мирских и плотских, потому что слово «мир» понимается так во многих местах Писания; и в этом случае верно говорит Иоанн, что, если бы кто захотел описать все чудеса, совершенные Христом, то таковые люди, расположенные от множества и величия дел Христовых скорее придти к неверию, чем к вере, не могли бы вместить написанного. И потому-то именно евангелисты часто проходят молчанием целую толпу исцеленных и обходят множество чудесных действий, обозначая только общий факт, что многие избавились от различных болезней, что много было чудес и т. п., а перечисления их не делают; потому что для людей неспособных понимать и обольщенных перечисление по частям многих чудес обыкновенно служило поводом скорее к неверию и к нежеланию слушать (проповедь), чем к уверованию и к расположению слушать.

Яже начат Иисус творити же и учити.

Разумеет чудеса и учение, — Впрочем не одно это, но и то, что Иисус учил и делом; потому что не словом только увещевал людей делать то или другое, сам же не делал этого, но делами, которые сам совершал, убеждал и их подражать Ему и ревновать о добродетели. Должно знать, что Феофил был один из обращенных к вере самим Лукою. И не удивляйся, что Лука явил так много попечения об одном человеке, что написал для него две полных книги; потому что он был хранителем известного изречения Господня, в котором говорится:

несть воля Отца моего, да погибнет един от малых сих (Матф. 18, 14). Почему же, пиша одному Феофилу, он написал не одну книгу, но разделил предметы на две книги? Для ясности и для того, чтобы не затруднить читателя; да они разделялись и по содержанию; и потому он справедливо разделил предметы повествования на две книги.

2. Даже до дне, в онъже заповедава апостолом Духом Святым, ихже избра, вознесся.

Заповедава Духом Святым, то есть, изрекши им духовные глаголы; ничего человеческого тут не было; потому что заповедал им Духом. Как и сам Господь по смирению и приспособительно к слушателям говорил: *аще аз о душе Божии изгоню бесы* (Матф. 12, 28): так здесь *заповедава Духом* говорится не потому, что Сын имел нужду в Духе, но потому, что там, где творит Сын, там содействует и соприсутствует и Дух как единосущный. Что же заповедал? *Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Матф. 28, 19. 20). *Заповедава*, говорится, *вознесся* ^[9]. Не сказал: *восшел*, но рассуждает еще, как о человеке. Отсюда же видим, что Иисус и по воскресении своем учил учеников: но времени этого никто точно не передал. Иоанн проводил с Ним более времени, чем другие; но обо всем этом никто не возвестил ясно; потому что ученики обращали свое внимание на другое.

3. Пред нимиже и постави себе жива по страдании своем, во мнозех истинных знамениих, денми четьредесятми.

Сказав прежде о вознесении, говорит потом и о воскресении. Так как ты слышал, что Он вознесся; то, чтобы ты не думал, что Он взят был другими, Лука присовокупил: *пред нимиже и постави себе жива*; потому что если Он предстал пред ними, совершив большее чудо ^[10], то гораздо более мог совершить меньшее ^[11]. *Денми четьредесятми*, а не четьредесять дней ^[12]; потому что не был с ними постоянно, как до воскресения, но являлся и снова удалялся, возвышая их мысли и не позволяя им прилепляться к Себе подобным образом, как и прежде. С большею осторожностью и мудростью Он постепенно развивал в них две стороны — и веру в свое воскресение и убеждение считать Его выше человека, хотя одно другому противоречило; потому что из веры в воскресение должно было возникнуть представление о многих сторонах человеческих, а из того, что Он выше человека, — противное. Однакож то и другое в свое время подтвердилось, именно в продолжение сорока дней, начиная со дня воскресения и до дня вознесения на небо; в продолжение этих дней Он и ел и пил с ними, показывая этим, что Он именно тот, кто был распят и погребен и воскрес из мертвых. Почему же Он являлся не всем, а только апостолам? Потому, что многим, не понимавшим этой неизреченной тайны, явление Его показалось бы видением. Если уже и сами ученики сначала не верили и смущались, даже нуждались в прикосновении рукою и в общей с Ним трапезе; то как должно было поразить явление Его толпу? Поэтому-то доказательство своего воскресения Он делает несомненным и общим посредством чудес, которые совершили апостолы силою полученной ими благодати; так что воскресение стало очевидным фактом не только для них, которые должны были убедиться в этом собственными глазами, но и для всех людей последующих времен.

Являясь им, и глаголя, яже о царствии Божии: 4. С нимиже и ядый повеле им от Иерусалима не отлучатися, но ждати обетования Отца, еже слышасте от Мене.

Сам Господь, назвал царство, в котором обещал ученикам пить вместе с ними новую чашу, царством Отца, называя новым питием то, которое пил вместе с ними после своего воскресения; в это время Он вкушал вместе с ними и пищу новую, — вкушал не таким образом, как ел и пил с ними прежде до воскресения; потому что тогда, сделавшись подобным нам по всему, кроме греха, Он ел и пил, как мы, добровольно предоставляя плоти требовать необходимого употребления пищи; поэтому добровольно допускал состояние алкания. После же воскресения пил и ел уже не по нужде, а только для того, чтобы все уверовали в истинность Его телесного естества, равным образом и в то, что Он пострадал добровольно и воскрес, как подобает Богу. Итак новою пищею и новым питием назвал ту необыкновенную пищу, которую Он ел, и то необыкновенное питие, которое пил вместе с учениками после воскресения; потому что говорится: *денми четиридесятми с нимиже и ядый* ^[13], то есть, употребляя общую с ними соль и общую пищу. А как это, — объяснять не нам; потому что это было нечто необыкновенное, было не потому, что бы природа требовала пищи, но по снисхождению, с целью доказать воскресение. И открывая им тайны, *яже о царствии Божию, повеле им* и пр. Почему повелел им так поступать? Прежде, когда они страшились и трепетали, Он вывел их в Галилею, чтобы они могли безбоязненно выслушать то, что Он имел сказать им; так как они готовы были отказаться от дела, на которое были призваны; теперь, когда они выслушали и провели вместе сорок дней, Он *повеле им от Иерусалима не отлучатися*. Почему же это? Потому, что как никто не допускает, чтобы воины, имеющие напасть на большую силу (противников), вышли против них прежде, чем успеют вооружиться, и как никто не согласится выпустить лошадей прежде, чем сядет возница: так и Господь до сошествия Святого Духа не позволяет апостолам являться на состязание, чтобы громадное большинство не победило их и не пленило. Впрочем Господь не позволяет им отлучаться от Иерусалима не поэтому только, но и потому, что и здесь многие имели уверовать, а в-третьих потому, чтобы не сказал кто-либо, что, оставив своих, они отправились искать славы у чужих. Поэтому они распространяют несомненные доказательства (воскресения) среди тех самых людей, которые убили Господа, которые Его распяли и погребли, и в том самом городе, где имели дерзновение совершить такое беззаконие. Когда же они слышали такое повеление? Тогда, когда Он говорил им: *уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам* (Иоан. 16, 7); и еще: *Аз умолю Отца, и много Утешителя даст вам* (Иоан. 14, 16). От чего же не при Нем и не тотчас по отшествии пришел Утешитель, но спустя восемь или девять дней, то есть, в то время, когда настал день пятидесятницы? Притом каким образом, когда еще не сошел Дух Святой, Он говорил: *примите Дух Свят* (Иоан. 20, 22)? На это нужно сказать, что Он говорил так, с целью подготовить в них желание, готовность и способность к принятию Св. Духа; а приняли они Его, когда Он сошел; — или о том, что имело быть, говорил, как уже о существующем и настоящем, подобно тому, когда Он говорил о возможности наступать на змию и скорпию и на всякую силу вражью. Впрочем следует сказать и то, что дарования Духа различны и многообразны: есть дар очищения и совершенствования, дар освящения и силы освящающей, дар языков и пророчества, дар чудес и толкования и множество иных даров. Итак при различии и многообразии дарований Духа ничто уже не препятствовало апостолам принять благодать Духа различным образом. Но полное, соделавшее апостолов совершенными и способными совершенствовать других, сообщение им Духа было во время пятидесятницы, когда Он сошел на них в виде огненных языков и всецело исполнил их своею силою. Господь отошел, и тогда уже Дух Святой пришел, и пришел во время пятидесятницы, а не тотчас, — для того, чтобы они прониклись желанием и тогда уже получили благодать. А если бы Дух Святой пришел при Сыне и потом Сын отошел бы, а Дух остался, то для них не

было бы столько утешения; потому что они очень неохотно разлучались с своим Учителем. Поэтому Он восходит и Дух приходит не тотчас, чтобы после некоторого уныния пробудить в учениках желание и сознание необходимости данного им обещания и чтобы во время сошествия они испытали чистое и полное удовольствие. Впрочем следовало сначала явиться плоти нашей на небесах и совершиться полнейшему примирению, и тогда уже сойти Духу Святому. Знай же, какую необходимость оставаться в Иерусалиме Господь возложил на них данным обещанием. Чтобы по вознесении они снова не разбежались, — этим ожиданием, как бы какими узами, Он удерживает всех их там и обещанием более выгодных надежд располагает их к сильнейшему желанию этих надежд даже при неизвестности их. Но никто не погрешит, если скажет, что и тогда ^[14] они получили некоторую силу и благодать Духа, не такую, чтобы воскрешать мертвых, но получили силу отпускать грехи. Поэтому и прибавил: *имже отпустите грехи, отпустятся им* и т. д. (Иоан. 20, 23), показывая этим, какой именно род силы дарует им. Тогда Он облек их этою именно силой; а по прошествии сорока дней дарует им силу творить чудеса; поэтому и говорит: *приимете силу* и проч.

5. Яко Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым, не по мнозех сих днех.

Сказав, чтобы они ждали обетования Отца, которое слышали от Господа, Он прибавил: *яко Иоанн крестил есть водою* и т. д., и этим ясно показывает свое отличие от Иоанна и уже не так прикровенно, как прежде, когда говорил: *мний во царствии небеснем, болий его есть* (Матф. 11, 11). Теперь же ясно говорит: *Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым*, и показывает, что даже и они стали больше Иоанна; так как и они имели крестить Духом Святым. Не сказал: *имам крестити вас Духом Святым*, но: *имате креститися*, всюду оставляя нам образцы смирения; так как из свидетельства Иоаннова известно уже, что крещающим был Господь: *той вы крестит Духом Святым и огнем* (Матф. 3, 11). Как же сказано: *имате креститися*, когда воды в горнице не было? Так сказано потому, что здесь разумелось собственно крещение Духом, чрез которого становится действительною и самая вода, подобно тому, как и о самом Господе говорится, что Он помазан, тогда как Он никогда не был помазуем маслом, но принял Духа. Впрочем можно доказать, что и апостолы крестились не только Духом, но и водою, только в разные времена. Над нами то и другое (крещение) совершается в одно время, а тогда совершалось и отдельно; потому что апостолы сначала крестились от Иоанна водою, а потом и Духом Святым. Почему же Господь не объявил, когда сойдет Дух Святой, а говорит только: *не по мнозех сих днех? Не по мнозех сих днех* — говорит для того, чтобы они не впали в уныние; а не сказал определенно, когда сойдет Дух Святой, для того, чтобы, ожидая Его, они постоянно бодрствовали. Итак что же удивительного в том, что Он не говорит им о конечном мире, когда, по указанной нами причине, не хотел объявить и этого близкого часа? Выражение: *креститися* означает обилие и как бы богатство общения Духа Святого, как и крещаемый в воде, погружаясь всем телом, чувственно как бы ощущает это, тогда как просто принимающий воду орошается не всецело, не по всем местам (своего тела). Итак в том, что теперь сказано, нет противоречия с тем, что говорится в божественных евангелиях; ибо ясно, что хотя, по воскресении Христа из мертвых, и сказано апостолам: *приимите Дух Свят*, и они приняли Его; но там так и сказано, что они приняли Духа Святого. Здесь же выражение: *креститися Духом*, означает изливание и богатство благодати руководить других, которую Господь даровал им, взоидя ко Отцу. Как, имея веру, они приходят к Нему и говорят: *приложи нам веры*: так и здесь к тому общению Духа, какое уже имели, они получили, по сошествии на них Святого Духа, приложение более

сильного единения с Ним.

6. Они же убо сошедшеся вопрошаху Его, глаголюще: Господи, аще в лето сие устроиши царствие Израилево? 7. Рече же к ним: несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во своей власти: 8. Но примете силу, нашедшу Святому Духу на вы.

Намереваясь спросить, они приходят к Учителю вместе, чтобы подействовать на Него своим количеством; так как знали, что прежний ответ Его, именно: *о дни же том никтоже весть* (Матф. 24, 36), был таким ответом не вследствие незнания, а вследствие уклонения от ответа. Поэтому снова спрашивают. Когда услышали, что имеют получить Духа Святого, тогда пожелали узнать об этом избавиться от бедствий, уже как достойные; так как не хотели снова подвергать себя крайним опасностям. Не спрашивают: *когда*, но: *аще в лето сие устроиши царствие Израилево?* «Не теперь ли», говорят. Так сильно желали они этого дня. Мне же кажется, что для них и неясно еще было, что такое это царство; так как еще не было Духа Святого, который наставил бы их. Не спрашивают: *когда* настанет, но: *аще устроиши сам?* Так высоко уже думали они об Нем. Поэтому и Он беседует с ними без настойчивости; потому что не говорит уже, что *о дни же том никтоже весть*, ни даже Сын; но что (говорит)? *Несть ваше разумети времена и лета*. Не потому приписал Отцу знание исполнения времен, что бы сам не знал, но потому, что самый вопрос был излишним; и посему Он с пользою для них ответил на него молчанием. Целью у Него было при этом то, чтобы пресечь крайнее любопытство своих учеников; так как Он посылал их проповедывать царствие небесное, а не обозначать количество времен. Не говорит им об этом времени, тогда как научил их гораздо большему, — с тою целию, чтобы, как не раз упоминали мы, заставить их бодрствовать, и потому что, не зная об этом, они ничего не теряли; так как Он открыл им истины гораздо высшие, чем эта, — открыл, что Он есть Сын Божий, что Он равен Отцу, что Он воскрес, что будет воскресение (мертвых), что настанет суд и что Он воссел одесную Отца. Скажи же мне, что важнее — знать, что Он будет царствовать, или — когда? Узнал Павел то, что *нелет есть человеку глаголати* (2 Кор. 12, 4); Моисей узнал начало мира и то, когда и за сколько веков (он сотворен) и исчисляет годы, хотя познать начало вообще труднее, чем конец. Впрочем апостолы спрашивали Господа не об окончательном совершении (времен), но: *аще в лето сие устроиши царствие Израилево?* Но Он и этого не открыл им, а как отвечал прежде, отклоняя их от мысли об этом, чтобы не думали, что близко избавление от бедствий, но знали, что подвергнутся еще многим опасностям, так отвечает и теперь, только мягче: *но примете силу*. Потом, чтобы снова не спросили Его, тотчас вознесся. Кроме того, чтобы не спросили: почему оставляешь нас в недоумении относительно этого предмета?, Сын говорит: *яже Отец положи во своей власти*. Но власть Отца есть конечно и власть Сына; потому что как Отец воскрешает мертвых и животворит, так и Сын животворит ихже хочет. Если же в тех случаях, когда нужно совершить что-либо чрезвычайное и чудесное, Сын творит с такою же властью, как и Отец, то тем более в случаях, где требуется знание; потому что воскрешать мертвых и притом со властью, равную власти Отца, гораздо важнее, чем знать день. Почему же Христос не ответил на то, о чем спрашивали ученики, но сказал: *примете силу?* В ответ им Он сказал: *несть ваше разумети*; и тогда уже прибавил: *но примете силу*. Слова эти объясняют некоторым образом сошествие и, так сказать, изливание Святого Духа. — Здесь следует упомянуть о фригийской ереси, полагавшей, что Утешитель послан, спустя двести лет по вознесении Христовом, на жен, считавшихся за пророкиц, Прискиллу и Максимиилу и на зараженного одним и тем же с ними

безумием Монтана; тогда, говорят, исполнилось обетование: *пошлю к вам Утешителя* (Иоан. 16, 7). — Почему же объявляет им то, о чем они не спрашивали, именно: *приимете силу?* Потому, что Он есть учитель; призвание же учителя учить не тому, чего хочет ученик, но тому, что полезно знать.

И будете ми свидетели во Иерусалиме же и во всей Иудеи и Самарии и даже до последних земли.

Так как прежде говорил: *на путь язык не идите и во град Самарянский не внидите* (Матф. 10, 5), желая, чтобы слово Божие проповедано было прежде иудеям, а теперь оно должно было разлиться уже по всей вселенной: то благовременно присовокупляет: *во Иудеи и Самарии*, потом: *и до последних земли*. Изречение же: *будете ми свидетели*, есть вместе и увещание и непреложное пророчество; потому что свою проповедь они засвидетельствовали до последних пределов земли.

9. И сия рек, зрящим им взятся, и облак подъят Его от очию их. 10. И егда вззирающе бяху на небо, идущу Ему.

Воскрес так, что они не видели; вознесение же Его видели; поелику и видение на этот раз не все разрешало; видели конец воскресения, но не видели его начала; видели начало вознесения, но не видели его конца. Почему? Потому, что там видеть начало было излишне; так как сам Воскресший был пред ними и говорил об этом и так как самый гроб показывал, что Его в нем нет; здесь же потребно было знать и конец; так как глазам недоступна вся высота и зрение не могло решить, на небо ли Он вознесся, или, поднявшись до некоторой высоты, остановился. Поэтому ангелы, представ пред ними, открывают им то, чего посредством зрения они понять не могли. А облако подняло Его потому, что оно есть символ Господней и Божественной силы; так как в облаке нельзя видеть символа никакой иной силы. Поэтому и Давид говорит об Отце: *полагаяй облаки на восхождение свое* (Псал. 103, 3), и в другом месте: *Господь седит на облаце легце* (Иса. 19, 1), и множество других мест говорит о том же. Впрочем Господь и это сделал не просто и не без цели; ибо, зная, что если Он вознесется невидимо для них, как и сошел и, тем более, как снизошел, то и при явлении Духа они не поверят, что это тот самый Дух, которого за несколько пред сим дней Он обещал послать, — зная, что в таком случае Он подготовит в них подозрение, что и сам Он пришел не с небес, — зная наконец, что в таком случае если бы, вознесшись невидимо, Он и воззвал потом с неба Павла, если бы и послал оттуда Петру нерукотворенную плащаницу (Деян. 10, 11), то они не поверили бы, что творит это Он после своего удаления от них плотию, — зная все это, Он восшел, *зрящим им*. От облака Девы Он входит в облако и при посредстве облака восходит туда, где был прежде. Выражение: «где был», понимай не в смысле места, и не в том смысле, что Он сложил с Себя плоть и что воплотившееся божество Его стало, как прежде, бесплотным; нет, выражение: «где был», — *внемли мне*, — указывает на высоту бестелесности в телесности, на величие бесплотности в плотяности, на самосущую ценность Его добровольного смирения при воплощении Его неизменяемости, на то, что видимым образом Он уже не обращается или не обитает среди людей.

И се мужа два стага пред ними во одежди беле, 11. Иже и рекоста: мужие галилейстии, что стоите зряще на небо? сей Иисус вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо.

Воспользовались наглядным образом выражения, сказав: *сей Иисус вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо*. Не сказал: поднимаемого или несомого, но: *идущего*. Если Он прежде креста, облеченный еще подверженным страданию и тяжелым телом, ходил по водам: то никто не должен сомневаться, что Он, после того, как принял тело нетленное, рассекал воздух. *Приидет*, говорится, а не: *послан будет*. *Также приидет*, то есть, с телом. Вот о чем они желали слышать, а также и о том, что Он снова придет во дни суда *на облаце*. Мужами же называет ангелов, показывая событие в том виде, в каком оно представлялось зрению; так как ангелы и на самом деле приняли на себя образ мужей, чтобы не утратить. Два же мужа предстали потому, что *при устех двою, или триех свидетелей станет всяк глагол* (Матф. 18, 16). Сказав: *что стоите зряще на небо*, они не позволяли им оставаться более на месте и надеяться снова увидеть Его, но побуждали их возвратиться наконец в Иерусалим на дело проповеди. Ангелы везде служат Ему, как Господу, и при рождении, и при воскресении, и при вознесении, и прежде этого, пред явлением Его в мире плотию. Но ангелы являлись так, что люди могли их видеть. Выражение же: *во одежди беле*, указывает или на чистоту ангелов, или на то озарение, которое имело быть даровано святым апостолам. Иначе надобно смотреть на выражение: *зрящим им*. Зная, что явятся люди с поврежденным умом, которые будут говорить, что Он не с неба, или пришел не с неба и не вознесся на небо, но перемещен в какое-нибудь место за пределы земли, к числу каковых относятся и последователи секты Виталия, — зная это, Господь вознесся пред глазами апостолов, когда они пристально смотрели на небо.

12. Тогда возвратишася во Иерусалим от горы нарицаемая Елеон, яже есть близ Иерусалима, субботы имуция путь.

Тогда. Когда? Когда слышали (сказанное ангелами); потому что они никак не оторвались бы от места, если бы ангелы не сообщили им о втором пришествии. И мне кажется, что это случилось в субботу; потому что Лука не указал бы так на расстояние: *от горы называемая Елеон, яже есть близ Иерусалима, субботы имуция путь*. Длина пути, которую позволялось иудеям проходить в день субботы, была определена. Иосиф в своей двадцатой книге древностей повествует, что гора Елеон отстояла от Иерусалима на восемь стадий [\[15\]](#). И Ориген в пятой книге говорит: «путь субботы составлял три [\[16\]](#) локтя». Да и святая скиния с кивотом на такое расстояние предшествовала стану и на таком расстоянии помещалась от него, какое дозволено было поклонникам проходить в субботу. Это расстояние — одна миля [\[17\]](#).

13. И егда внидоша, въздоша на горницу, идеже бяху пребывающе, Петр же и Иаков, и Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеов и Симон Зилот, и Иуда Иаковль. 14. Сии вси бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами и Марию Материю Иисусовою, и с братиею Его.

Благоразумно перечисляет учеников. Так как один из них предал, другой отрекся, третий не поверил; то показывает, что кроме предателя все были налицо. Но как говорит: *с Марию Иисусовою*? Хотя и сказано: *и от того часа поят ю ученик во свояси* (Иоан. 19, 27), но это нисколько не противоречит предыдущему; потому что если сам ученик этот был тут, то ничто не препятствовало соприсутствовать и ей. Как не упоминает здесь об Иосифе? Не упоминает потому, что Иосиф уже умер; потому что если уверовали и соприсутствовали братья, которые прежде часто выражали недоверие, то гораздо более оказался бы верным и

не захотел бы удалиться от лика апостолов, если бы был еще жив, Иосиф, который никогда не выразил никакого сомнения.

15. И во дни тья востав Петр посреде ученик, рече: 16. Бе же имен народа вкупе яко сто и двадесять: мужие братие, подобаше скончати ся писанию сему, еже предрече Дух Святый усты Давидовыми, о Иуде бывшем вожди емшым Иисуса: 17. Яко причтен бе с нами, и приял бяше жребий службы сея.

Во дни тья, то есть, во дни, бывшие до пятьдесятницы; *востав Петр*, как ученик пламенный и такой, которому Христос вверил свое стадо, и наконец как первый. Но обрати внимание: он делает все с общего соизволения и ничего самовольно и самовластно. Он убеждает даже на основании предсказания и не говорит, *еже Давид рече*, но: *Дух Святый усты Давидовыми*; потом *о Иуде бывшем вожди емшым Иисуса*. Замечай и здесь мудрость этого мужа, — замечай, как он в повествовании не оскорбляет и не говорит: о Иуде презренном и презреннейшем, но просто заявляет то, что было; и не говорит, что иудеи стяжали, но: *сей стяжа село*, и справедливо; потому что господином по справедливости должен считаться тот, кто внес деньги, хотя бы покупали и другие. А плата была его; слушай:

18. Сей убо стяжа село от мзды неправедныя, и ниц быв проседесе посреде, и излился вся утроба его. 19. И разумно бысть всем живуцым во Иерусалиме.

Говорит о наказании, какое понес Иуда в настоящей жизни, а не о будущем наказании; потому что души людей немощных не так обращают внимание на будущее, как на настоящее. Наблюдай: распространился не о прегрешении, а о наказании за оное; потому что Иуда не умер в петле, но жил еще и потом; так как был захвачен прежде, чем удавился. Об этом яснее рассказывает Папий, ученик Иоанна, в четвертой книге изъяснения словес Господних; он говорит так: «великий пример нечестия представлял в этом мире Иуда, тело которого распухло до такой степени, что он не мог проходить там, где могла проезжать повозка, и не только сам не мог проходить, но даже и одна голова его. Веки глаз его настолько, говорят [\[18\]](#), вспухли, что он вовсе не мог видеть света; а самых глаз его невозможно было видеть даже посредством медицинской диоптры: так глубоко находились они от внешней поверхности... После больших мучений и терзаний он умер, говорят, в своем селе; и село это остается пустым и необитаемым даже донныне; даже донныне невозможно никому пройти по этому месту, не зажав руками ноздрей. Таково зловоние, которое сообщилось от его тела и земле». Это служило для апостолов некоторым облегчением. Но как утроба Иуды излилась, так и утроба еретика Ария.

Яко нареци ся селу тому своим их языком Акелдама, еже есть село крове. 20. Пишется бо в книзе псаломстей: да будет двор его пуст, и да не будет живуцаго в нем, и епископство его да примет ин.

Такое название селу дали иудеи не по сему самому, а по поводу Иуды. Петр же приводит здесь этот факт, представляя в свидетели врагов, давших селу такое имя. Слова: *да будет двор его пуст*, сказаны об этом селе и о доме Иуды. А слова: *епископство его да примет ин*, указывают на сан священства. *Да будет двор его пуст*. Что могло бы быть пустее кладбища и кладбища общественного, каковым стало это село?

21. Подобае убо от сходявших ся с нами мужей во всяко лето, в неже вниде и

изыде в нас Господь Иисус, 22. Наченот крещения Иоаннова даже до дне, в онъже вознесся (на небо) от нас, свидетелю воскресения Его быти с нами единому от сих.

Представляет дело общим с ними (с братиею), чтобы оно не встретило возражений и не подало повода к состязаниям. Поэтому и в начале беседы говорил: «*мужие братие, следует избрать из вас*»; предоставляет выбор всем (τω πληθει), а вместе с тем и избранным предоставляет честь и сам освобождается от нареkania со стороны кого бы то ни было. А что так должно было быть, об этом он и сам говорит и пророка приводит во свидетели. Из кого же следовало избрать? *От сходящихся с нами во всяко лето*; потому что это необходимо так и должно было быть. И не сказал: из местных людей, которые с нами; потому что тогда показалось бы, что он оскорбляет прочих. А теперь дело решалось временем. *Свидетелю воскресения Его быти с нами*, дабы лик учеников не был усечен ни с какой стороны. Говорит: *быти свидетелю воскресения*, а не чего-либо другого; ибо кто явится достойным свидетельствовать о том, что *ядый и пияй с нами и распятый* Господь восстал, тому гораздо более можно и должно поручить свидетельствовать и о прочих событиях; потому что искомым было воскресение, так как оно совершилось втайне, а прочее — явно.

23. И поставиша два, Иосифа нарицаемаго Варсаву, иже наречен бысть Иуст, и Матфия. 24. И помолившися реша: Ты Господи сердцеведче всех, покажи, егоже избрал еси от сею двою единаго, 25. Прияти жребий служения сего и апостольства, из негоже испаде Иуда, ити в место свое. 26. И даша жребия има, и паде жребий на Матфия, и причтен бысть ко единонадесяти апостолом.

И поставиша два. Почему не многих? Чтобы не вышло большего нестроения; притом же и дело касалось немногих. Благовременно взывают в молитве к Сердцеведцу. Не говорят далее: *избери, но: покажи, егоже избрал еси*, зная, что у Бога все определено прежде помышления человеческого. Везде избрание называет *жребием*, показывая этим, что все происходит по Божию человеколюбию и по Божию избранию, и напоминая им о древних событиях; потому что как левитов, так и их Бог избрал себе по жребию. Что же за мужи были они? Может быть, они были из числа семидесяти, бывших с двенадцатью апостолами, и из других верующих, но более пламенно веровавшие и более благочестивые, чем прочие. Таковы были и Иосиф и Матфий. Называет же Иосифа и Варсавою и Иустом, быть может, и потому, что у них этими именами называлось одно лицо; но, может быть, и вследствие перемены образа жизни давалось новое название; наконец прозвание, может быть, присваивалось образу занятий. Отчего же не начинает слово Иаков, приявший епископство в Иерусалиме, но право говорить народу уступает Петру? Оттого, что он был проникнут смирением; тогда не думали ни о чем человеческом, но имели в виду пользу общую. По той же самой причине и апостолы уступают ему кафедру, и не соревнуют ему и не спорят с ним. *Ити в место свое.* Место, которое имел достойно занять Матфий, (Лука) называет *своим*, или собственным; потому что как Иуда еще прежде, чем *испаде* с него, с того времени, как заболел недугом сребролюбия и предательства, был уже отчужден от места сего, так точно еще прежде, чем Матфий занял это место, с того времени, как он соделал себя достойным такого дара, оно стало его собственностью. Почему предпочитают избрание посредством жребия? Потому, что они еще не считали себя достойными узнать об этом посредством какого-либо знамения; и Дух Святой еще не сошел на них; да и не было нужды в знамении; потому что жребий имел великое значение. Если уже в том случае, когда, для определения правильного мнения относительно Ионы, не помогли ни молитва, ни мудрость мужей, а

напротив так много значил жребий, то тем более в этом случае. И иначе: в место свое: каждый своими делами приготовляет себе или хорошее, или худое место. Итак когда (Лука) говорит это, то говорит, что Иуда пошел в место свое — худое, которое он устроил себе предательством Иисуса; потому что места хороши или худы для нас не по природе, но своими делами мы изготавляем себе место. Так *понеже бояхуся бабы еврейския Бога, сотвориша себе жилища* (Исх. 1, 21); а нечестивые слышат следующее: *ходите светом огня вашего, и пламенем, егоже разжегосте* (Иса. 50, 11). Слово: *место*, имеет много значений. Оно означает, между прочим, должность какую-либо; так мы говорим: место епископа, или пресвитера. Можно видеть то же самое и из противного, смотря по тому, как каждый уготавляет себе свое место своими делами: так можно иметь место лжеучителя и лжеапостола, равно как тирана и виновника других преступных дел. Итак поелику и Иуда, увлекшись страстию к сребролюбию, занял место предателя; то справедливо об нем сказано: *ути в место свое*. Лишившись за свои действия места в лике апостолов, он устроил себе свое место.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. И егда скончавашася дние пятидесятницы, беша вси апостоли единомушно в купе. 2. И бысть внезапно с небесе шум, яко носиму дыханию бурну, и исполни весь дом, идеже бяху седяще. 3. И явишася им разделени языцы яко огненни: седе же на едином коемждо их. 4. И исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Дух даяше им провещавати.

Почему (случилось это) *егда скончавашася дние пятидесятницы*? Потому, что когда должен был сойти серп на жатву, когда следовало собирать плоды, тогда должен был сойти и серп слова; и как бы вместо серпа слетал изощренный [\[19\]](#) Дух Святой. И Христос говорит: *жатва многа, делателей же мало* (Матф. 9, 37), и в другом месте: *видите нивы, яко плавы суть к жатве уже* (Иоан. 4, 35). Восприняв начатки, Христос сам первый вознес их; сам же первый послал и серп. Почему же (послал) *егда скончавашася дние пятидесятницы*? Потому, что этому следовало быть, когда снова наступит праздник, чтобы бывшие при кресте Христовом могли видеть и это. *Разделени языцы яко огненни*. Пострадавший по плоти добровольною страстию и воскресший из мертвых Господь совоскресил с Собою и нас, умерших грехом, и разрушил власть диавола. Поэтому до пятидесятницы (от пасхи) мы на молитве не делаем земных поклонов, воспевая победу над нашими врагами: *тии спяти быша и падоша: мы же востахом и исправихомся* (Псал. 19, 9) [\[20\]](#). Но, при явлении нам в огненных языках Духа Святого, мы преклоняем колена, не вынося этого зрелища и показывая, что чрез Святого Духа мы познали совершенное поклонение Святой Троице; потому что *Дух есть Бог, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться* (Иоан. 4, 24). Сошествие Святого Духа совершилось в день пятидесятницы по следующей причине. В день пятидесятницы, в ветхом завете, дан был закон. Итак, в какой день дан был закон, написанный на скрижалях, в тот же день даровано законоположение Святого Духа, начертанное не на скрижалях, но на сердцах. В день пятидесятницы народ (израильский) получил закон в пустыне синайской; потому что в четырнадцатый день первого месяца, по лунному счислению, когда праздновали опресноки и тайну пасхи, вышли сыны Израиля из Египта. От четырнадцатого дня считай до конца месяца семнадцать дней, потом тридцать дней следующего месяца и три дня третьего. Вот на сколько дней пятидесятница позже праздника опресноков или пасхи. Итак от четырнадцатого дня (первого месяца) до третьего дня третьего месяца пятьдесят дней. Посему говорится:

месяца же третьего изшествия сынов Израилевых от земли Египетския, рече Господь Моисею: сошед засвидетельствуй людем, и очисти я днесь и утре (Исх. 19, 1. 10). Это Господь говорит в новомесячи. В третий день, говорится далее, снидет Господь на гору Синайскую, пред всеми людьми (11). Итак, в какой день дан закон, в тот же нужно было даровать и благодать Духа; потому что как Спаситель, имея понести святое страдание, благоволил предать Себя на это страдание не в иное время, но в то, в которое закалали агнца, чтобы связать истину с самым образом, так и сошествие Святого Духа, по благоизволению свыше, даровано не в иное время, но в то, в которое дан закон, чтобы показать, что и тогда законополагал и теперь законополагает Дух Святой. Итак в ветхом завете закон дан был в пятидесятый день. А после пришествия в обетованную землю израильтяне в память об этом событии устроили праздник; и в это время от начатков новых плодов и от новых колосьев приносили Богу; и это было символом праздника. Так как в день пятидесятницы сносили снопы новых плодов и разные лица сходились под одно небо: то в этот же день имело быть и то, чтобы начатки от всякого народа всех живущих под небом народов собирались в один сноп благочестия и по слову апостольскому приводились к Богу. Сноп колосьев служил прообразом этого, чтобы предобозначить собою снопы душ, избираемых из разных стран и приводимых к Богу. Почему сошествие Святого Духа было не без чувственных символов? Потому, что если и при этом говорили, *яко вином исполнени суть*, то чего не сказали бы, если бы этого не было? Не просто был шум, но шум с неба и внезапный, чтобы более изумить их. *Яко носиму дыханию бурну*. Говорит, что сошествие Духа было с большой и сильной быстротой и заставило всех сойтись и сбежаться туда. *И исполни весь дом*. (Дух Святой) наполнил весь дом, чтобы показать, что дар этот дарован не отдельно кому-нибудь, но всей полноте Церкви; потому что дом был символом Церкви, как купель — символом воды; а это — знак обилия и силы. Но дом наполнился не огнем; потому что это принудило бы их удалиться. Что же всего удивительнее, так это то, что языки разделились и *седе на едином коемждо их*. Прекрасно говорит, что разделились, дабы ты узнал, что посланная Утешителем сила одна и та же. Прекрасно также говорит: *яко огненни*, и: *яко носиму дыханию*, чтобы ты не помыслил чего-либо чувственного о Духе. Итак не просто был ветер, не просто огонь, но Дух Святой, являвшийся там. Наблюдай: когда Иоанн видел Святого Духа, то видел Его в образе голубя; апостолам же нужно было видеть Его в образе огня. *Седе на едином коемждо их*, то есть, остался и начал обитать, потому что выражение «сидеть» есть знак прочного и постоянного пребывания. На кого же *седе* Святой Дух, на двенадцать ли только, или на сто двадцать? Ясно, что на всех; потому что апостол Петр не напрасно приводит слова пророка, когда говорит: *и будет в последния дни, глаголет Господь, излию от Духа моего на всяку плоть* (Деян. 2, 17). И они не просто приняли, но *исполнишася от Духа Свята*, и притом *вси*, а не апостолы только. — Наблюдай: когда они *бяху терпяще в молитве и молении*, когда были исполнены любви, тогда сходит Дух. Для чего же Он явился в виде огня? Для того, чтобы показать, что Он одного и того же существа с Тем, кто над купиною явился также в виде огня. И *седе на голову*; с головы же исполнил всего человека; и был виден на головах у них огонь не сожигающий, но освящающий и просвещающий. Почему же они приняли языки не на уста, а на голову? Не на язык, то есть, не на физический орган дан Дух, чтобы не подумали, что они из своего чрева и из своих уст произносят то, чего не имели. Но как поднимающиеся на небо воды занимают вершины гор и уже с высот спускаются в долины: так благодать Духа, заняв верхнюю часть головы, как бы гору, распространилась потом на мозг, потом на уста и на сердце и с головы наполнила собою совершенно всего человека. Почему же, еще повторяю, на голову? Потому, что апостолы рукополагались в это время в учителя вселенной; а рукоположение совершается не иначе, как на голову. Итак тем, что языки были над головами,

показывается образ рукоположения; потому что рукоположение совершается чрез возложение рук на голову; каковой образ рукоположения в силе и доньне. Так как сошествие Святого Духа бывает (ныне) невидимым образом: то на голову рукополагаемого архиерея возлагается евангелие; и когда оно возлагается, тогда в этом следует видеть не иное что, как покоящийся на голове огненный язык, — язык — ради проповеди, огненный — в силу слов: *огня приидох воврещи на землю* (Лук. 12, 49). Не сказал: утвердился или поместился, но: *седе*; не сказал также: *занял поверхность*, но: *седе на...*, чтобы показать, что всякий муж, совершающий священнодействие, есть трон Божий. *И начаша глаголати иными языки*. Благодать Божия благоволила определить исперва, чтобы слово апостолов было действительно; потому что зачем проповедники, если бы не было слушателей? А так как начаткам из язычников следовало стать участниками (в вере) с самых первых дней, то писатель прибавляет: *и начаша глаголати иными языки*. Почему же дар языков апостолы получили прежде других дарований? Потому, что имели разойтись по всем странам; и как во время столпотворения один язык разделился на многие, так теперь многие языки соединились в одном человеке; и один и тот же человек, по внушению Святого Духа, стал говорить и на персидском и на римском и на индийском и на многих других языках. И дар этот назывался даром языков; потому что апостолы могли говорить на многих языках. — *Якоже Дух даяше им провещавати*. Не от себя говорили, но провещавали от Духа Божия, проповедуя, то есть, уразумевая и провозглашая изреченные святыми пророками свидетельства о Христе.

5. Бяху же во Иерусалиме живущии иудеи мужие благоговейнии от всего языка, иже под небесем. 6. Бывшу же гласу сему, снисдеся народ, и смятесе: яко слышаху един кийждо их своим языком глаголющих их.

Мужие благоговейнии. Уже то самое, что, оставив свои отечества они обитали в Иерусалиме, было знаком благоговения. Это в особенности — люди, из различных стран отправившиеся на жительство в Иерусалим, оставив дома и родных. Выражение же: *от всего языка* (употреблено) вместо выражения: от многих языков; потому что Писание часто употребляет слово «весь» вместо «многие»: так в этом смысле сказано и следующее: *излию от Духа моего на всяку плоть* (Иоил. 2, 28), и следующее: *вси своих си ищут, а не яже Христа Иисуса* (Фил. 2, 21), и следующее: *несть праведен никтоже* (Рим. 3, 10). Выражением всецелости Писание обозначает в этих местах многих. Далее: *бывшу гласу сему, снисдеся народ и смятесе*, то есть, был смущен, изумился. Так как это случилось в доме; то, очевидно, народ сбежался отвне. *Яко слышаху кийждо своим языком*. Знали, что верующие и особенно апостолы (так как собравшиеся обращали свои взоры более на апостолов) — галилеяне; и однакож они говорили на удивительно многих языках. *Смятесе народ*; естественно; потому что сбежавшиеся полагали, что событие угрожает им за содеянное ими злодеяние против Христа; и совесть их раздирала их души, так как умерщвление Христа было еще живо в памяти; и они страшились всего. Но это укрепляло апостолов; так как и самые слушатели давали им знать, что это — чудесный дар; потому что апостолы не понимали, что известное выражение было парфянское, но узнали это от слушателей. Упоминает также и о враждебных народах — критянах, аравланях и других; это было символом того, что они победят всех. А так (в Иерусалиме) было много пленных. Итак свидетельство отовсюду и от граждан и от чужестранцев и от прозелитов.

7. Дивляхуса же вси и чудяхуса, глаголюще друг ко другу: не се ли вси сии суть глаголющии галилеане? 8. И како мы слышим кийждо свой язык наш, в немже

родихомся? 9. Парфяне и мидяне и еламита, и живущии в Месопотамии, во Иудеи же и Каппадокии, в Понте и во Асии, 10. Во Фригии же и Памфилии, во Египте и странах Ливии, яже при Киринии, и приходящии римляне, иудеи же и пришелцы, 11. Критяне и аравляне, слышим глаголющих их нашими языки величия Божия? 12. Ужасахуся же вси и недоумевахуся, друг ко другу глаголюще: что убо хочет сие быти? 13. Инии же ругающеся глаголаху, яко вином исполнени суть.

Везде наряду с добродетелию — порок. Одни удивлялись, другие поносили. Первые поистине были благоговейны; они потому и жили там (в Иерусалиме), что по закону им позволялось трижды в год являться в иерусалимском храме. Но обрати внимание на безумие других: *вином*, говорят, *исполнени суть*, хотя и время было не такое, (в которое можно было бы предположить что-либо подобное); потому что был праздник пятидесятницы и час третий; но злоба не останавливается ни пред чем. А главное: когда одни, бывшие частью из иудеев, частью из римлян, частью из пришельцев, а, быть может, частью и из распинавших, словом, почти из всех народов, слыша проповедь апостолов, удивлялись и утверждали, что апостолы говорят на их языках, нашлось несколько таких, которые однакож поносили их (апостолов). Поносившие понимали ли, когда апостолы говорили на разных языках, или нет? Если они не понимали, то как выходит, что апостолы говорили на всех языках? Если же понимали, то как осмелились обвинять их в опьянении, имея налицо обличителей, именно тех самых мужей, которые слышали и понимали, что апостолы говорят на разных языках и что они не *пияни*. Это пусть разрешит кто-нибудь другой; я же утверждаю наоборот, что если бы они не понимали, то никак не унизили бы чуда до опьянения (не назвали бы чуда пьянством); так как для чего было бы и стараться об унижении того, что не причиняет никому никакой досады. Поэтому и Лука называет их поносителями, как бы хулителями и клеветниками. Итак они клеветали, понимая то, о чем говорилось; но клеветали потому, что были недовольны тем, что говорилось; потому что апостолы *глаголаху величия Божия*. Каким же образом, понимая то, что говорилось, они приписывали это опьянению? Вследствие великого безумия и чрезмерной жестокости; потому что у многих, если они недовольны тем, что говорится, — в обычае считать говорящего или беснующимся, или сумасшедшим, или обвинять в опьянении и непонимании того, что он говорит; хотя тот, кто говорит, и здраво говорит, и хотя поноситель, при самом обвинении первого, слушает однакож и понимает его. А эти, обвиняя апостолов в опьянении, выказали еще больше дерзости; потому что хотя сами и слушали их на своем языке, но полагали, что другие люди, люди самых разнообразных наречий, не понимали их. Сами понимали то, что говорилось, а об остальных, из-за которых и оклеветали апостолов в опьянении, думали, что не понимают чуда. Как в то время, когда Господь изгонял бесов, они хотя и понимали и видели эти чудесные действия, но, вместо должного прославления, оклеветали Господа в том, будто Он совершал их силою веельзевула, также видя исцеляемыми всякие болезни и страдания, они эти чудесные действия сделали поводом к зависти, доносам и убиению: так и теперь, не имея возможности отрицать чудесность и сверхъестественность языков, они однако же дерзнули унижить чудо до опьянения. Но обрати внимание и на злоухищрение. Так как было невероятно, чтобы кто-нибудь был пьян в такой час и в особенности люди, испытавшие много опасностей и ужасов; то они приписывают все качеству вина, говоря, *яко вином* ^[21] *исполнени суть*. Здесь наглость домогается уже только того, чтобы сказать что-нибудь, а не того, как бы сказать поосновательнее. Поэтому и то, что высказывается ими, по-видимому, и неясно, — и то полно глупости и безумия. Заметь, как злоба изобличается и временем (года) и часом (дня). Откуда глевкос во дни пятидесятницы? Глевкосом называется

новое вино [22]. Далее опьянение дает силу говорить на разных языках, — опьянение, которое и природного (языка) лишает?! Посмотри, что устроит Бог. Иудеи отказались бы войти и послушать, если бы не подозревали, что это клевета. Господь допустил клевету, чтобы собрать многих (слушателей).

14. Став же Петр со единонадесятьми, воздвиже глас свой, и рече им: мужие иудейстии и живущии во Иерусалиме вси, сие вам разумно да будет, и внушите глаголы моя. 15. Не бо, якоже вы непщуете, сии пияни суть: есть бо час третий дне.

Выше видел ты промышление; здесь замечай мужество, потому что, если все слушатели удивлялись, то разве не столько же было удивительно и то, что человек простой и некнижный возвысил голос среди такого множества, несмотря на то, что были и клеветавшие и способные убить? Ужели это не выше человеческих сил? Но посмотри: тотчас по возвышении голоса он (т. е. Петр) изобличает обман, (доказывая), что они не пьяны. Но они и не в исступлении. Что же такое происходит с ним и с одиннадцатю? Петр произносил общее мнение и общий голос, и был устами всех; а одиннадцать предстояли тут, свидетельствуя о том, что он говорил. *Воздвиже глас свой*, то есть, начал речь с большим дерзновением для того, чтобы тотчас в начале ее почувствовали благодать Духа. Тот, кто не выдержал вопроса слабой рабы, тот самый среди народа — убийца говорит с таким дерзновением. Прежде, чем получил дар языков, Петр устранился, когда спрашивала его одна только рабыня придверница, и говорил: *не вем человека*. Там одна рабыня и великий страх; здесь неисчислимое множество и голос, полный великого дерзновения. Не сказал: *не бо, якоже вы клеветаете, сии пияни, суть*, но: *якоже вы непщуете*; потому что говорит уже более кротко и не желает доказывать настойчиво, что они говорили это по злобе; но приписывает им незнание, а не обличает в нечестии, предуготовляя для них путь к обращению. И что значит (возражение), что не в обычае упиваться в третьем часу? Но Петр не остановился на нем; потому что и сами они не так думали об апостолах, но говорили так только по клевете.

16. Но сие есть реченное пророком Иоилем: 17. И будет в последния дни, глаголет Господь, излию от Духа моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваша: и юноши ваши видения узрят, и старцы ваши сония видят. 18. Ибо на рабы моя и на рабыни моя, во дни оны излию от Духа моего, и прорекут.

Ссылается не на Христово имя, не на Христово обетование, но на обетование Отца. Замечай предусмотрительность. Не умолчал (о пророчестве), но и не сказал прямо о том, что касается Христа, именно, что Он после того, как был распят (и восстал), обещал им (апостолам) этот дар. Если бы он (Петр) сказал это, то испортил бы все; хотя это и могло доказать божественность Христа, но показалось бы невероятным. Вопрос же — в том, чтобы поверили тому, что говорится; а то, что показалось бы невероятным, заставило бы их поколебаться. Этих недоумений ничто не в состоянии разрешить, кроме пророческого свидетельства. Итак, когда возникает какой-нибудь сомнительный вопрос, не прибегай к рассуждениям. Рассудочные обсуждения также опровергаются, как составляются; а глас Божий кто разрушит? Рассуждение разрушается; Писание не разрушается. Не сказано: *излию Духа моего*, но: *от Духа моего*. Не Дух, но дар Духа изливается на всяку плоть и именно на уверовавшую, то есть, на язычников. Но он еще не открывает им этого; а слова: *на всяку плоть*, подают им и добрые надежды и не позволяют ожидаемые блага присваивать себе одним; чрез это самое он подсекает и зависть в самом ее корне. Обрати же внимание на то,

как разнообразно откровение Святого Духа. Один, имея благодать Духа, пророчествует; другой, неспособный на это служение, получает дар видений: так Петр в шестом часу дня видит сосуд; так Корнилий в девятом часу видит ангела. Видение сердцем не называется взглядом или взором οραμα но видением ορασις. Иначе видят видение: так видевший говорит: «иди»; иначе видят теорему, когда видят уже не глазами; иначе поучаются образами, какие представляются во сне.

19. И дам чудеса на небеси горе, и знамения на земли низу, кровь и огонь и курение дыма. 20. Солнце преложится во тму, и луна в кровь, прежде даже не приити дню Господню великому и просвещенному. 21. И будет, всяк, иже аще призовет имя Господне, спасется.

Этими словами пророк наперед ясно предсказывает и о будущем суде, и об Иерусалиме, и о плане иудеев, и о событиях, имевших быть при кресте Христовом, и наконец о том, что случилось с иудеями вследствие римской войны, когда в Иудее проливалось римлянами множество крови, когда развевался дым от сожигаемых городов и селений. Чрез это иудеи несли наказание за свою дерзость против Христа, — за дерзость, которой не перенесло и самое солнце и смежило свое око, световую силу, и луна свой сребровидный образ изменила в красный свет. Говорят однако же, будто много подобных явлений было на небе и во время разрушения Иерусалима; так свидетельствует Иосиф (Флавий). Впрочем словами: *луна преложится в кровь*, пророк указывает и на чрезмерную жестокость заклания (т. е. распятия Господа). Но почему происходит это в третьем часу? Чтобы показать чудесность этого явления: блеск огня виден среди светлого дня, когда все на площади! Впрочем составитель (богослужебных) песней понимает сказанное пророком так: кровь — воплощение, огонь — Божество, курение дыма — Святой Дух, осенивший наитием Деву и исполнивший мир благовоением, а под днем Господним понимает день воскресения. Но Господь говорит: *излию от Духа моего, прежде неже приити дню Господню*. Скажи иудею: если одно лицо и одно имя у Божества и если Бог говорит сам о Себе, то почему не сказал: прежде неже приити дню моему? Если, говорит (Петр), вы согрешаете теперь безнаказанно, так на это не надейтесь; потому что это только начало того великого и трудного дня. Подвигнув этим и устрашив сердца их, он успокаивает их и дозволяет им питать добрые надежды. *И будет, всяк, иже аще призовет имя Господне, спасется*. Но не просто призовет; потому что говорится: *не всяк глаголяй ми: Господи, Господи*; нет, всяк, кто призовет с расположением и с доброю жизнью. Включив теперь в свою речь слово о вере (о необходимости веры), — потому что спасение зависит от призывания, — он делает (свою) речь удобопонятною. Имя Господне, по объяснению Павла, призывается во имя Христа; но Петр на этот раз не решился открыть это своим слушателям.

22. Мужие израильтестии, послушайте словес сих: Иисуса Назореа, мужа от Бога извествова в вас силами и чудесы и знамении, яже сотвори тем Бог посреде вас, якоже и сами весте, 23. Сего нарекованным советом и проразумением Божиим предана приемше, руками беззаконных пригвождше убисте: 24. Егоже Бог воскреси, разрешив болезни смертныя.

Слово это не есть лесть; но так как он (Петр) сильно укорил их, то теперь снисходит им и напоминает о праотцах, убеждая припомнить их веру; и снова начинает сначала, чтобы не возмутить их; так как намерен был напомнить им об Иисусе. Прежде, слушая пророка, они не

могли возмущаться. И посмотри, как он ничего не говорит об истинах возвышенных, но начинает со сторон, которые говорят о великом смирении (Иисуса). *Назореа*, говорит, называя Иисуса по отчеству, которое представлялось очень ничтожным. Как в тех случаях, когда Христос называется Божию силою и Божию премудростию, мы относим эти названия к Его божеству; так в тех случаях, когда Он называется человеком и умершим за грехи наши, мы относим названия эти к Его плоти. И сам Он говорил некогда: «вы ищете убить Меня, человека, который говорил вам истину» (Иоан. 18, 4. 7. 37), а еще некогда говорил: *Аз и Отец едино есма* (Иоан. 10, 29). Отсюда, на основании первого текста, возникла ересь самосатская, полагавшая, что Иисус простой человек. *Силами и чудесы и знамении*. Эту же мысль выражают и слова в послании к римлянам: *о нареченном Сыне Божии в силе* (1, 4), то есть, о Сыне, которого дела и чудеса доказали, что Он поистине есть Сын Отца; потому что нет никакого различия между изречением: *нарещи Сына Божия в силе*, и изречением: *известковать Его силами и чудесы и знамении*, которые сотворил чрез Него Бог. Поистине Бог действует как бы чрез Сына; потому что чрез Него и *веки сотвори*. А выражением: *в вас*, призывает их в свидетели того, что говорит; *в вас*, — значит не тайно, не в уголке. Потом, напав на их беззаконие, старается снять с них ответственность за него и говорит: *нареканным советом*, показывая этим, что они не своею силою сделали то, на что дерзнули, но потому, что Он сам соизволил на это и что это определено было свыше. Далее, чтобы не показалось, что они невинны, — так как хотя это и было определено, однако же убийцами были они, — чтобы не показалось так, он прибавляет: *руками беззаконных*, то есть, или чрез предателя Иуду, или чрез распявших Христа воинов. Хотя известно, что пригвоздившие Его ко кресту совершили беззаконие, тем не менее сначала он (Петр) говорит об этом неясно, чтобы не довести их до отчаяния. *Егоже Бог воскреси*. Ах! как он решился сказать среди убийц, что Христос воскрес? А если говорится, что Отец воскресил Его, так это по причине немощи слушателей; потому что посредством кого действует Отец? Посредством своей силы; а сила Отца — Христос. Итак Он сам воскресил Себя, хотя и говорится, что Его воскресил Отец. *Разрешив болезни смертныя*. Показывает, что и смерть мучилась (как бы родами) и страшно страдала, когда обдержала Его; потому что ветхий завет болезни как бы рождающей смерти называет опасностью и бедствием для нее. Рождающая не удерживает того, что находится в ней, и не действует, но страдает и спешит освободиться. Прекрасно назвал воскресение разрешением болезней смерти, так что можно сказать: разорвав беременное и страдающее родами чрево, Христос Спаситель появляется и выходит как бы из какой рождающей утробы, то есть, из уз смерти и из среды ада. Поэтому Он и назван перворожденным из мертвых.

Якоже не баше мощно держиму быти ему от нея. 25. Давид бо глаголет о Нем: предзрех Господа предо мною выну: яко одесную мене есть, да не подвижуся. 26. Сего ради возвеселися сердце мое, и возрадовася язык мой: еще же и плоть моя вселится на упоавании. 27. Яко не оставиши души моя во аде, ниже даси преподобному твоему видети истления. 28. Сказал ми еси пути живота: исполниши мя веселия с лицем твоим.

Якоже не баше мощно. Намащенные борцы были неуловимы для противников, и намащенные заклинатели были предохранены и защищены от зубов змия. Когда намащенный таинственно Духом своим Христос вступил в борьбу с смертию и подчинился этому губителю, тогда появившийся противник был сокрушен. *Якоже не баше мощно...* Потому не было возможно, что найдено было, что Он от Бога рожден, и что Ему чуждо было всякое

применение или предложение, и что Он так восстал, что более не имел уже умирать. Далее приводит Давида, превышающего всякий человеческий разум, — потому что такого рода дело пророчество, — и говорит: *Давид бо глаголет о Нем*, а не о себе; и опять начинает со сторон смирения. Хотя и совершилось это теперь, но предначертано было издревле; Бог соизволял на это исперва и исперва так предначертал. *Предзрех Господа предо мною выну*. Называет Отца Господом Его (Иисуса); потому что Он (Иисус) принял зрак раба. Если же здесь говорится, что Отец есть одесную Сына, а в других местах говорится, что Сын одесную Отца, то этим обозначается их равенство. *Еще же и плоть моя вселится на уповании*. Так как Иисус, восприяв смерть, совлек ту плоть, какую принял по плану домостроительства, чтобы снова воскресить ее от смерти; то справедливо, что плоть Его питала себя упованием в ожидании воскресения. Хотя слова: *яко не оставиши души моя во аде*, некоторые и принимают за слова от лица Давида, не имея впрочем возможности доказать свою мысль; однакож они верно и благочестиво говорят, что тело восстало, чтобы быть нетленным и духовным; так как воскресшая плоть после воскресения есть тело духовное и нетленное. *Пути живота*, то есть, те пути, которые души праведников прошли вместе с Искупителем, выходя из преисподних мест. В словах: *исполниши мя веселия с лицем твоим*, под лицом следует разуметь явление Господа в божественном образе и призрение на нас, которым Он ближе призрел нас.

29. Мужие братие, достоит рещи с дерзновением к вам о патриарсе Давиде, яко и умре и погребен бысть, и гроб его есть в нас даже до дне сего. 30. Пророк убо сый, и ведый, яко клятвою клятса ему Бог, от плода чресл его по плоти воздвигнути Христа, и посадити Его на престоле его, 31. Предвидев глагола о воскресении Христове, яко не оставися душа Его во аде, ни плоть Его виде истления.

Изложив свидетельство Давида, присовокупляет: *мужие братие*. Когда намерен сказать что-либо великое, предварительно пользуется этим оборотом, воодушевляя их и примиряя. А где не представлялось ничего такого, что могло бы быть вредным, там говорит с большою умеренностию. Если бы таким образом он сказал просто: «это сказано Давидом», то показался бы суровым и скорее возбудил бы в них гнев, чем соделал бы их послушными. Оказанием же большой чести блаженному Давиду он достигает того, что является удобоприемлемою мыслью, что пророчество это сказано о Христе. В таком духе построена и вся эта речь его. Так, сказав, что *Давид и умре и погребен*, не сказал: *и востал*, но: *и гроб его есть в нас даже до дне сего*. Это равняется выражению: и он не восстал. Далее не прямо переходит ко Христу, но снова прославляет Давида, и этими прославлениями его (Давида) достигается цель слова; потому что для того и говорится это, чтобы иудеи ради чести, оказываемой ими Давиду, и ради его рода приняли слово о воскресении (Христа); так что если бы этого не было (т. е. если бы они не приняли слова о воскресении), то и оказали бы пренебрежение к пророчеству и подорвали бы уважение к себе самим. *Клятвою клятса ему Бог*. Не сказал: *обетова*, но: *клятса*, указывая этим на непреложность обетования. *Посадити на престоле его*. Престол употребляется вместо царства во многих местах божественного Писания; так и здесь и в следующем месте: *престол твой, Боже, в век века. По плоти воздвигнути Христа*. По плоти, говорит; потому что по божеству Он от века и всегда сидит вместе с Отцом; приписывает же все Отцу, чтобы удобнее могли принять то, что говорится. Но каким образом сидит на престоле Давидовом? Таким, что Он есть царь и иудеев и тем более тех, которые распяли Его.

32. Сего Иисуса воскресил Бог, ему же все мы есмы свидетели. 33. Десницею убо Божиею вознесся, и обетование Святаго Духа прием от Отца, изливая сие, еже вы ныне видите и слышите. 34. Не бо Давид взыде на небеса: глаголет бо сам: рече Господь Господеви моему: седи одесную мене, 35. Дондеже положу враги твоя подножие ног твоих. 36. Твердо убо да разумеет весь дом Израилев, яко и Господа и Христа его Бог сотворил есть, сего Иисуса, его же вы распясте.

Снова указывает на Отца, хотя достаточно было и прежнего указания. Но он знал, как полезно было это для слушателей в деле принятия ими того, что особенно необходимо. Выражением: *вознесся*, (Давид) указал на вознесение и на то, что Он (Иисус) — на небесах, но и это сначала не ясно. Смотри: в начале слова, когда и пророка Иоиля привел во свидетели, не говорил, что Христос послал Духа Святого, но (говорил), что послал Его Отец. А когда напомнил и о знамениях Христовых и о том, что сделано было против Христа, и когда с дерзновением высказал истину об Его воскресении; тогда наконец говорит уже, что Он (Христос) излил Духа Святого, что, следовательно, пророк об Нем говорил: *и будет в последняя дни... Обетование же разумеет или то, которое обещал нам апостолам, или то, которое обетовал Ему (Иисусу) Отец прежде креста и страданий. А так как он (Петр) имел сказать великую и высокую истину, именно то, что Духа Святого излил Христос, то затеняет ее, сказав, что Отец дал Ему это обетование; потому что кто бы что ни говорил, — если слово свое оканчивает без пользы, говорит напрасно и попусту. Показывает также (Петр), что крест не только не унижил Его (Иисуса), но придал Ему еще более блеска. Если тогда, по гласу Иоанна: *той вы крестит Духом Святым и огнем*, Отец дал Ему обетование, то теперь исполнил обетование. *Глаголет бо сам: рече Господь Господеви моему*. Здесь (Петр) говорит уже без опасения; так как сказанное выше ободрило его. Но какое значение в словах: *рече Господь Господеви моему*? Если уже Давид называет Его (Иисуса) Господом, то тем более иудеи не должны отрицать этого [\[23\]](#). Словами же Давида: *дондеже положу враги твоя*, навел (Петр) на них страх, как средство победить их. А чтобы не подорвать веры в себя, он приписывает все Отцу. После того, как сказал о предметах великих, он слово свое снова сводит на дела смирения Его (Иисуса). *Седи одесную мене*. В словах: *седи одесную мене*, мы уразумеваем равночестность Отца и Сына; так как понятие: правый, или левый, немислимо по отношению к бестелесной сущности. А кто сии враги, это объясняет апостол, взывая: *егда испразднит всяку власть, последний враг испразднится смерть* (1 Кор. 15, 24. 25. 26). *Яко и Господа и Христа его Бог сотворил есть*. Выражение: *сотворил есть*, употреблено вместо выражения: «поставил» [\[24\]](#); потому что речь идет не о существовании и не об ипостасности. Еще не перестает говорить о делах смирения. Следовало бы присовокупить: *твердо убо да разумеет весь дом Израилев, яко одесную сedit*, так как это именно вытекает из предыдущего. Но он не говорит этого, а выражается гораздо смиреннее, именно: *яко и Господа и Христа его Бог сотворил есть*; потому что таково значение слова: *сотворил*. Итак всюду следует иметь в виду пользу слушателей.*

37. Слышавше же умилишася сердцем, и реша к Петру и прочым апостолом: что сотворим, мужие братие? 38. Петр же рече к ним: покайтесь, и да креститесь кийждо вас во имя Иисуса Христа во оставление грехов: и примете дар Святаго Духа. 39. Вам бо есть обетование и чадом вашим, и всем далним, елики аще призовет Господь Бог наш. 40. И иными словесы множайшими засвидетельствоваше и моляше их, глаголя: спаситесь от рода строптиваго сего.

Видишь, сколько благоснисхождения, и как оно более, чем суровость, способно проникать в сердца людей и смягчать их. Хотя блаженный Петр и напоминает им в этом месте об их дерзновениях, но напоминает кротко, не прибавляя ничего оскорбительного для них. Устыдились благоснисхождения Петрова, то есть, того, что с ними, предавшими смерти самого Господа, поднимавшими руки на них самих и желавшими истребить их (апостолов), он (Петр) говорил с заботливостью, как отец и учитель. *Умилишася*, говорится: не просто убедились, но познав себя; потому что говорят: *что сотворим?*, как бы недоумевая и беспокоясь за свои дерзновения. Кого прежде называли обманщиками, тех называют теперь братьями, и при этом не дерзают употреблять этого названия пред лицом тех, кого так называют, но желают заявить чрез это свою любовь и то, как сильно они (иудеи) стали расположены к апостолам. Поэтому, как показывает начало речи Петровой, и сами апостолы называли их этим именем. Хотя вопрос ^[25] был предложен всем апостолам; однакож снова отвечает Петр, — так как сами апостолы предпочитали его уста, — и говорит: *покайтесь, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа*. Слова эти не противоречат следующим словам: *крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матф. 28, 19); потому что Церковь мыслит святую Троицу нераздельною, так что, вследствие единства трех ипостасей по существу, крещаемый во имя Христа крещается в Троицу, так как Отец и Сын и Святой Дух нераздельны (по существу). Если бы имя Отца было не Бог, и имя Сына — не Бог, и имя Святого Духа — не Бог, то следовало бы сказать: *во имя Бога Иисуса Христа*, или даже просто только — *в Сына*. Но он (Петр) говорит: *во имя Иисуса Христа*, зная, что имя Иисуса есть Бог, равно как и имя Отца и имя Святого Духа. *И примете дар Святаго Духа*. Заметь: он показал, что дар Христов и дар Святого Духа — один и тот же дар; так как одно и то же и достоинство их. Беседуя выше он назвал этот дар обетованием. Далее говорит: *и чадом вашим*; потому, что дар ценнее, когда блага переходят и к наследникам. *И всем далним*. Если же этот дар — для дальних, то тем более для вас близких. Обрати внимание на то, когда указал им (иудеям) на призвание язычников, сказав: *и далним*. Когда? Тогда, когда нашел их умилившимися и познавшими себя. Когда душа осуждает себя саму, тогда она уже не может завидовать.

41. Иже убо любезно прияша слово его, крестишася: и приложишася в день той душ яко три тысящы. 42. Бяху же терпяще во учении апостол и во общении и в преломлении хлеба и в молитвах. 43. Бысть же на всякой души страх: многа бо чудеса и знамения апостольбыша во Иерусалиме. 44. Страх же велий бяше на всех их: вси же веровавшии бяху вкупе, и имяху вся обща: 45. И стяжания и имения продаяху, и раздаяху всем, егоже аще кто требоваше. 46. По вся же дни терпяще единомушно в церкви, и ломяще по домом хлеб, приимаху пищу в радости и в простоте сердца, 47. Хваляще Бога и имуще благодать у всех людей. Господь же прилагаше по вся дни церкви спасающыяся.

Здесь исполнение пророчества, в котором говорится: *кто слыша сицевое, и кто виде сице? аще родила земля с болезнию во един день, или родися язык весь купно? яко побеле и роди Сион дети своя* (Иса. 66, 8). *Бысть же на всякой души страх*; потому что не пренебрегали (происходившим), как бы чем-либо случайным. Так как Петр был преисполнен обильною благодатию и открывал обетования и будущее: то очень естественно, что они были объаты страхом, тем более, что свои слова он подтверждал и совершаемыми чудесами и знамениями. Как при Христе — прежде знамения, потом учение, потом чудеса, так и теперь. *Вси же веровавшии бяху вкупе*, то есть, не по месту, но по расположению и по мыслям, по

постоянному согласию между собою и по любви. А слова: *егоже аще кто требоваше*, употребляет не просто, но в смысле экономии; потому что выражение: *егоже аще кто требоваше*, (показывает, что апостолы поступали) не так, как у еллинов мудрецы, из которых одни оставили свои поля, другие побросали в море много золота. Но это было не презрение богатства, а глупость и безумие. Дьявол постарался очернить творения Божии. Благо разумно пользоваться богатством не пустая вещь. *По вся дни терпяще*. Не один день или два или три, но ежедневно и единодушно, как бы в одной душе ^[26]. Замечай: уверовавшие иудеи ничего другого не делали, как только постоянно пребывали в храме; так как, став внимательнее к истинной вере, они исполнились большего благоговения и к этому священному месту. И апостолы не отвлекали их оттуда, чтобы не повредить им. *Ломяще по домом хлеб*. Дом, священный разумеет и теперь; потому что ели они в этом доме. А выражение: *ломяще хлеб*, показывает их великое воздержание и умеренность в пище; потому что *приимаху пищу*, говорится, а не пресыщались пищею. Таким образом по вере они и самую жизнь свою изменяли к лучшему. А каким же образом они имели благодать у всех людей? Лука говорит: *и имуще благодать у всех людей*. Как же это? Своими действиями, — милостынею и чистотою обращения. Священники по ненависти и зависти отступили от них и нападали на них, но у народа они имели благодать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Вкупе же Петр и Иоанн восхождаста во святилище на молитву в час девятый. 2. И некий муж хром от чрева матере своя сый носимь бываше: егоже полагаху по вся дни пред дверми церковными рекомыми красными, просити милостыни от входящих в церковь: 3. Иже видев Петра и Иоанна хотящия внити в церковь, прошаше милостыни. 4. Возрев же Петр нань со Иоанном, рече: возри на ны. 5. Он же прилежаше им, мня нечто от них прияти. 6. Рече же Петр: сребра и злата несть у мене: но еже имам, сие ти даю: во имя Иисуса Христа Назореа, востани и ходи. 7. И емь его за десную руку воздвиже.

Эти два апостола всюду являются имеющими большое единодушие. Петр помавает Иоанну (Иоан. 13, 24); оба вместе пришли ко гробу (Иоан. 20, 3); об Иоанне Петр говорит Христу: *сей же что* (Иоан. 13, 24); к слову сказать, писавший эту книгу опускает прочие знамения, а об этом знамении, как таком, которое подействовало на всех, говорит. А восходили в святилище зачем? Ужели они жили еще по-иудейски? Этого быть не могло. Они поступали так, приспособляясь к народу и считая это делом полезным. Смотри, как постоянно пребывали они на молитве и в девятом часу молились вместе. Точное же упоминание и об месте и о времени (писатель книги) делает, чтобы дать отчет в том, что он описывает. Если так, то как же не называет он имени хромого? Это потому, что апостолы и не знали его имени; так как человек этот вовсе был неизвестен им. А это, быть может, потому, чтобы не показалось, что они делают исцеления в знак признательности (благодарности) и по пристрастию, и чтобы никто даже из самых наглых людей не мог подозревать их в обмане, подозревать, будто из благодарности к апостолам некоторые из их знакомых придумывали исцеления, которые будто бы совершены были над ними самими. Но как они не узнали имени хромого после его исцеления? Это потому, что у них не было времени заниматься тем, что не приносит никакой пользы. А мне кажется, что и многие не знали имени этого человека, и называли его, по характеру его болезни, просто хромым; потому что болезнь его была так замечательна и так известна, что, когда кто слышал

упоминание о хромом, то, несмотря на то, что, быть может, были и другие хромые, тотчас воображал этого хромого. Но откуда они знали, что он хром от чрева матери? Из всеобщей молвы, по общему всех свидетельству; так как его все знали вследствие постоянного пребывания его при храме. Но апостолы могли узнать об этом и от него самого, по исцелении его. Почему его не приводили для исцеления ко Христу? Быть может, некоторые из усердных посетителей храма не верили в исцеления Христовы. Они не подвели его и к апостолам, несмотря на то, что видели, как они входили, и конечно знали, какие чудеса они совершали. *Сребра и злата несть у мене.* Не сказал: нет при себе, как обыкновенно мы говорим, но (сказал): вовсе не имею. Смотри: Иоанн всюду молчит, а Петр говорит и за него. Итак что же? Не имея серебра, ты оставляешь без всякого внимания твоего просителя? Нет: *еже имам, сие ти даю*, говорит Петр. Так поступал и Христос, исцеляя больных часто одним словом, а часто, когда Он окружаем был людьми очень немощными по вере, и прикосновением, чтобы не показалось, что совершившееся (исцеление) произошло само собою. *И емь его*, говорится, *воздвиже.* Этот способ исцеления указывал на воскресение, так как был образом воскресения.

Абие же утвердишася его плесне и глезне. 8. И вскочив ста, и хоужаше, и вниде с ними в церковь, ходя и скача и хваля Бога. 9. И видеша его вси людие ходяща и хваляща Бога. 10. Знаху же его яко сей бяше, иже милостыни ради седяше при красных дверех церковных: и исполнишася чуда и ужаса о приключившемся ему.

Ходя и скача, то есть, испытывая себя и как можно более удостоверяясь, действительно ли стал здоров. Так как исцеление было необычайно и сверх ожидания: то естественно было и самому ему сомневаться относительно себя же самого. А иные говорят, что он и не умел ходить; поэтому и передвигал ногами как бы прискакивая. Смотри: он не успокаивается. Это частью от удовольствия, частью чтобы заградить уста и воспрепятствовать счесть это исцеление за обман. Скакал для того, чтобы в конце концов не оставалось никого, кто не знал бы об этом факте. По своему же расположению и по своей восторженной любви к апостолам (Петру и Иоанну), а, может быть, и по чувству благодарности к ним, или из желания доставить им больше удовольствия, он не отлучался от них. Что же касается того, что чудо это совершилось в храме, так это для большей пользы и спасительности.

11. Держащужесе исцелевшему хрому Петра и Иоанна, притекоша к ним вси людие в притвор нарицаемый Соломонов, ужасни. 12. Видев же Петр отвещаваше к людем: мужие израилтяне, что чудитесе о сем? или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его ходити? 13. Бог Авраамов и Исааков и Иаковль, Бог отец наших, прослави отрока своего Иисуса: егоже вы предасте, и отвергостесе его пред лицом Пилатовым, суждшу оному пустити. 14. Вы же святаго и праведнаго отвергостесе, и испросисте мужа убийцу дати вам: 15. Началника же жизни убисте: егоже Бог воскреси от мертвых, емуже мы свидетели есмы. 16. И о вере имене его сего, егоже видите и знаете, утверди имя его: и вера, яже его ради, даде ему всю целость сию пред всеми вами.

Что значит выражение: *держащужесе исцелевшему хрому Петра и Иоанна*? То, что он боялся отставать от них; так как думал, что он до тех пор будет свободен от своего недуга, пока будет держаться и касаться их. В особенности же думал так потому, что и Петр исцелил его, взяв за руку и воздвигнув его. А в притворе (случилось это) потому, что один только этот притвор остался от здания Соломонова; так как Навуходоносор разрушил храм

(Соломонов) и возобновил его Кир персидский. Мужие израильтяне, что чудитесь о сем? Эта речь к народу исполнена большего дерзновения (чем прежняя) не потому, что бы в прежней он боялся (говорить смело), но потому, что тогда иудеи, как люди лукавившие и дерзкие, не могли еще вынести такого тона. Поэтому, начиная прежнюю речь, он в самом начале ее располагает их к вниманию следующими словами: *сие вам разумно да будет, и внушите глаголы моя* (гл. 2, ст. 14). А здесь он не нуждается уже в таких оборотах, так как они (иудеи) не выходили уже из себя; но внимание всех их обращается на знамение; и они исполнились страха и изумления. Смотри, как он уклоняется говорить о славе самих апостолов; потому что ничто так не полезно для слушателей, как то, чтобы говорящий не только не говорил бы ничего о своем величии, но запрещал бы и всякому другому говорить об этом. Итак, презрев славу, какой могли достигнуть у людей, они (апостолы) еще более прославили себя, показав людям, что то, что случилось, было делом не человеческим, но Божеским. *Бог Отец наши прослави отрока своего Иисуса*. Все еще придерживается (в речи) сторон уничтожения (Христово); однакож дерзость иудеев выставляет на вид, а не затеняет, как прежде. Делает же это более из желания подействовать на них; и последнее достигалось тем более, чем более он обнаруживал их виновность. *Егоже вы предасте, и отвергостея его пред лицом Пилатовым, суждшу оному пустити*. Два обвинения (на иудеев): одно состоит в том, что Пилат, родом еллин, — человек, не видевший ни одного знамения и не знавший ни одного из пророков, хотел отпустить (Иисуса), а другое в том, что вы, по происхождению иудеи, — народ, воспитанный среди знамений и посвященный в пророчества о Христе, вы не хотели отпустить Его, тогда как хотел этого Пилат. *Святаго и праведнаго отвергостеся, и испросисте мужа убийцу*. Сказав же, что вместо Него (Христа) они (иудеи) испросили разбойника, он (Петр) объяснил дело вполне; потому что этим доказывается, что они имели возможность отпустить Его. Если уже они отпустили разбойника, то тем более могли отпустить мужа неповинного. А они освободили злодея, и убили благодетеля; так как убили Начальника жизни. *Началника же жизни...* Если же Он — Начальник жизни, то, как имеющий жизнь в Себе самом и как виновник жизни, Он воскресил Себя сам. *Емуже мы свидетели есмы*. Более не прибегает уже к пророчеству; но так как ему уже доверяли, то приводит в свидетели лик апостолов: *Емуже, говорит, мы свидетели есмы*. *Утверди имя Его*. Сказав: *о вере имене Его*, он, исправляя речь, говорит: *утверди имя Его*; потому что исцеленный уверовал вследствие исцеления. Это значит: что я говорю, что хромым твердо стал на ноги, уверовав во имя Христово? Еще прежде, чем он уверовал, имя Христово, быв призвано, уже утвердило его. Такую великую имеет оно силу и столько источает благодатных даров. *И вера, яже Его ради*. А что это за вера, Господь сам объясняет так: *да знают Тебе единаго истиннаго Бога, и егоже послал еси Иисус Христа* (Иоан. 17, 3). Чтобы не сказал кто-нибудь: если таким образом одно призвание имени Его *утверди*, то есть, укрепило хромого, то исцеление не менее скоро последует, хотя бы и неверный призвал имя Его и хотя бы призвал это имя для исцеления человека также неверующего, — итак чтобы не сказал кто-нибудь этого, он (Петр) прибавил: *и вера, яже Его ради...*, то есть: хотя велико и страшно имя это, и хотя оно источает исцеления, но для этого нужно, чтобы души исцеляемых были достойны такой милости и чтобы молитвенники, предстательствующие за них, были способны умоливать Дарователя исцелений; потому что если испрашивающий исцеления намерен оставаться неверным, то исцеление ни в каком случае не последует так легко; и имя это никак не сделает своего дела, если призывается неверными: сыны Скевы не только другим не принесли пользы, но и себе повредили. Хотя другие иначе объясняли это, чем объясняем мы; но вера, совершившая это, одна и та же; потому что не сказано: *именем Его*, но: *о имени Его...* Однако же они (апостолы) не имели еще дерзновения выразиться так: *вера в Него*. А чтобы в

выражении: *Его ради*, ослабить характер крайнего уничижения, присовокупил (Петр): *и имя Его утверди его*. Но так как, с другой стороны, это последнее выражение дышит характером величия и совершенства, то он подтверждает его, присовокупляя: *и вера, яже Его ради*, перемешивая факты величия с фактами уничижения и применяясь то к роду событий, то к расположению и способностям слушателей. Характер уничижения носят следующие выражения: *о вере имене Его, и: вера, яже Его ради*. А характер величия и совершенства носят следующие, сказанным Петром, слова: *имя Его утверди его*. Это последнее изречение смутило бы иудеев, если бы было высказано прямо, а обставленное изречениями другого характера оно стало удобоприемлемым для них.

17. И ныне братие, вем, яко по неведению сие сотвористе, якоже и князи ваши:
18. Бог же, яже предвозвести усты всех пророк своих пострадати Христу, исполни тако.

Так как сильно укорил их (иудеев), то снова смягчает речь свою, чтобы дать им возможность одуматься; и в оправдание их соизволил выставить два обстоятельства: одно — их незнание, другое — то, что все, сказанное им, было возвещено прежде. Но как же он (Петр) не приводит об Его (Иисуса) распятии свидетельства из Писания? Впрочем он и выше говорит: *нарекovanным советом и проразумением Божиим предана приемше*, и теперь излагает то же, только пространнее, говоря: *яже предвозвести усты всех пророк своих*. Прямого же свидетельства не приводит потому, что вместе с объявлением иудеям обвинений и наказания высказаны им и все свидетельства, как например: *и дам лукавья вместо погребения его и богатья вместо смерти его* (Иса. 53, 9). А в утешение их говорится, что они сделали это по неведению, но *Бог исполни тако*. Это в то же время ответ и на слова всех их (иудеев), на слова, которые они в поношение Его говорили даже при кресте, именно: *да избавит* (Бог) *Его* (Иисуса), *аще хочет Ему* (Матф. 27, 43), и: *аще Сын еси Божий, сними со креста* (Матф. 27, 40), и тому подобное. Одного только (Петр) не говорил им, именно: неразумные, это были пустые слова; потому что если так должно было быть, и если все пророки свидетельствуют об этом, то очевидно, что это (распятие) случилось не по бессилию (Христову), а скорее по неизреченному могуществу и премногой власти и по бесконечному человеколюбию.

19. Покайтесь убо и обратитесь, да очиститесь от грех ваших, 20. Яко да приидут времена прохладна от лица Господня, и послет пронареченнаго вам Христа Иисуса, 21. Егоже подобает небеси убо прияти даже до лет устроения всех, яже глагола Бог усты всех святых своих пророк от века.

Говорит не о том прегрешении иудеев, на которое они дерзнули во время распятия; так как выше сказал: *и ныне вем, яко по неведению сие сотвористе, якоже и князи ваши*. Какое же значение имело то, что он сказал там: *и ныне вем*? *Ныне вем*, говорит, то есть, считаю полезным так сказать, чтобы устроить спасение ваше. Или: *ныне вем, яко по неведению сие сотвористе*, то есть, знаю потому, что многие из вас обращаются и спасаются; так как, очевидно, он говорит это к обратившимся уже из них и уверовавшим. Как же так по незнанию сделали они это? Какое незнание в том, чтобы испросить (т. е. на свободу) разбойника и не принять (в свое общество) Того, кого присудил (Пилат) отпустить, а напротив убить Его? Но он говорил так, отворяя для них двери обращения; поэтому он не говорит: покайтесь в том, на что дерзнули вы во дни распятия, но: *да очиститесь от прочих грех ваших*. Итак *покайтесь*, говорит, *яко да приидут времена обновления*. Но тут же показывает, что они

имеют подвергнуться многим скорбям; потому что такая речь может быть обращена только к тому, кому предстоят слезы и кто ожидает какого-либо утешения. Посмотри, как постепенно приближается к цели. В первой беседе указал на воскресение (Иисуса) и сидение Его на небесах; а здесь указывает уже на Его славное пришествие, которое называет временем обновления; потому что какие еще могли быть другие времена обновления или воскресения? И апостол Павел ставит вопрос об этих временах, когда говорит: и мы *сущии в теле сем въздыхаем отягчаеми* (2 Коринф. 5, 4). Если же кто временами обновления вздумает называть времена, следовавшие после завоевания (Иерусалима), то не встретит никакого препятствия; потому что и времена озлобления и пленения иудеев Бог сократил ради избранных, то есть, для того, чтобы уверовавшие обрели обновление и освободились от этого сильного угнетения. *И послет пронареченнаго вам Христа Иисуса*. Далее, вместо того, чтобы сказать: *небу необходимо* принять Его, так как Он — Бог и должен сидеть всегда вместе с Отцом, — (Петр) говорит: *Егоже подобает небеси убо прияти даже до лет...* Показывает причину, почему Он не приходит теперь, — говорит, что следует придти всему концу; тогда и Он придет. Но как же он говорит: *Егоже подобает небеси прияти...*? Ужели оно еще не приняло Его (Иисуса)? Приняло, без всякого сомнения. Итак отчего же он не сказал: которого приняло небо? Так говорит он, как человек, беседующий о прежних временах. Что же касается выражений: *даже до, пока*, то в священном Писании выражения эти не означают определенного времени; потому что как надлежит понимать следующие слова, обращенные к Богу: *до века Ты еси?* Итак смысл этого текста тот, что многое из предсказанного пророками еще не исполнилось, но исполняется и имеет исполняться до скончания (мира); потому что вознесшийся на небеса Христос пребудет там до скончания мира, и придет с силою тогда, когда исполнится наконец все, что предсказали пророки, то есть, когда настанет конец и прекратится все чувственное, тогда Христос будет превыше небес.

22. Моисей убо ко отцем рече: яко пророка вам воздвигнет Господь Бог ваш от братии вашей, яко мене: того послушайте по всему, елика аще речет к вам. 23. Будет же, всяка душа, яже аще не послушает пророка онаго, потребится от людей. 24. И вси же пророцы от Самуила и иже по сих, елицы глаголаша, такожде предвозвестиша дни сия. 25. Вы есте сынове пророк, и завета, егоже завета Бог ко отцем вашим, глаголя ко Аврааму: и о семени твоём възблагословятся вся отечествия земная. 26. Вам первее Бог воздвигий отрока своего Иисуса, посла его благословяща вас, во еже отвратитися вам коуждо от злоб ваших.

Сказал: *пророка яко мене*. Выражение: *яко мене*, следует понимать не в смысле природы, а в смысле действия. Итак (Моисей уподобил себя Христу) ^[27] не по природе, но по действиям; потому что если выражение: *яко мене*, он употребил в смысле природы, то воскрес не один, а многие. *Пророка вам воздвигнет Господь*. Пророком назван по человечеству Еммануил, — посредник, как в свое время Моисей, Бога и человеков. Уподобляя Его в переносном смысле Моисею, я позволяю себе назвать Его даже Моисеем; истину позволяю себе сопоставить с тенью. Христос рождается в Вифлееме, Моисей родился в Египте. Моисей — израильтянин, Христос — по плоти тоже. Моисей из рода священнического, Христос — чрез Деву из рода Давидова. При Моисее — Фараон, при Христе — Ирод. Фараон убивает детей, Ирод истребляет младенцев; тот избивает детей мужеского пола, и этот истребляет мужеский же пол. Моисей спасается при посредстве матери; Материю же и вместе с нею спасен и Христос. *Потребится от людей*. Будучи бессмертною, душа человеческая не совершенно истребляется, но (ниспадает) из какого-либо благого состояния, в какое прежде была поставлена. Так и

Иуда *потребися*, то есть, исключен из лика апостолов. Итак, поелику душа бессмертна, то под потреблением ее мы разумеем лишение ею тех благ, какие она имела бы вкусить, если бы жила богоугодно. *Вы есте сынове пророк..* Говорит: *сынове пророк*, вместо того, чтобы сказать: не должно ни унывать, ни думать, что вы лишились обетований. *Вы есте сынове пророк*, так что они *вам* говорили и ради *вас* все это совершилось. А что значит: *сынове завета*? Это — вместо: наследники, но наследники, не приписанные только, а такие же, как сыны. *Сынове* — сказал между прочим и для того, чтобы показать, что они — наследники по сыноположению. Итак, если вы сами хотите, то вы — наследники. Вот почему говорит (Петр): *вы есте сынове пророк, и завета Иисуса, егоже посла благословяща вас...* Послал (Бог) и к другим народам, но к вам, распявшим и убившим Его, послал прежде. Когда же? только со креста? Нет; и после того и после воскресения. Поэтому и говорит (Петр): *вам первее Бог воздвигий посла*. Что сотворить? Благословить вас и спасти, если вы и сами действительно пожелаете *отвратитися от злоб ваших*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Глаголющим же им к людем, наидоша на них священницы и воевода церковный и саддукеи, 2. Жаляще си, за еже учити им люди, и возвещати о Иисусе воскресение мертвых: 3. И возложиша на них руки, и положиша их в соблюдение до утрия: бе бо вечер уже.

Еще не успели (апостолы) вздохнуть от прежних искушений, и впадают в другие. И смотри, как располагаются события. Сначала апостолы осмеяны все вместе; потом впадают в опасности, но не вдруг. Прежде они оправдываются в народных собраниях и совершают после этого великое чудо; потом уже, после того, как стали смелее, вступают, по допущению Божию, в подвиги. А ты обрати взор свой на преуспения иудеев в лукавстве и бесстыдстве. Прежде при Христе они искали человека, который бы предал Его; теперь уже сами налагают руки, сделавшись после креста дерзновеннее и бесстыднее. А с ними, говорится, и воевода церковный. Это для того, чтобы такою обстановкою придать делу характер публичного обвинения и выдать его, как бы не свое. Так стараются делать они всегда. *И положиша в соблюдение до утрия*. Так поступали иудеи с апостолами и стерегли их, желая смирить их; между тем продленное время сделало апостолов более неустрашимыми.

4. Мнози же от слышавших слово вероваша: и бысть число мужей яко тысяч пять.

Что это? Разве они не видели, что апостолы оправдались, и несмотря на то однакож их (апостолов) связали? Как же они уверовали? Видишь явное содействие Божие? И нужно же было случиться тому, чтобы те, которые уверовали, были из числа более немощных. Но споспешествуемая Божественным Духом Петрова беседа бросила семя в глубь мысли и коснулась самой души их. Связали же их *священницы* пред лицом народа, чтобы и самих смотревших сделать более трусливыми; но вышло наоборот. А допрашивали их (апостолов) наедине — из опасения, чтобы дерзновение их не произвело влияния на слушателей.

5. Бысть же наутрие собратися князем их и старцем и книжником во Иерусалим, 6. И Анне архиерею и Каиафе и Иоанну и Александру, и елицы беша от рода архиерейска. 7. И поставлше их посреде, вопрошаху: коею силою или коим именем

сотвористе сие вы? 8. Тогда Петр исполнился Духа Свята, рече к ним: князи людстии и старцы истраилевы, 9. Аще мы днесь истязуеми есмы о благодеянии человека немощна, о чесом сей спасеся: 10. Разумно буди всем вам и всем людем истраилевым, яко во имя Иисуса Христа Назореа, егоже вы распясте, егоже Бог воскресил от мертвых, о сем сей стоит пред вами здрав.

Кроме других неправд по отношению к апостолам, они (князи, старцы, книжники и архиереи иудейские) не соблюдали даже и требований закона. Обрати внимание хотя на множество архиереев; между тем (по закону) должен быть один, пока он жив. И на этот раз придали делу форму суда, чтобы потребовать их (апостолов) к ответу пред неправедным судом. Разузнавали, *коею силою или коим именем*. И однакож сами знали; потому что задержали их (апостолов) вследствие того именно, что тяготились проповедию их о воскресении во Христе. Итак для чего же допрашивают? Они ожидали, что апостолы, убоявшись суда и множества, откажутся от своих слов, — и думали исправить этим все дело; потому что, посмотри, как коварно спрашивают: *коим именем*, говорится, *сотвористе сие вы?* да, они более желали, чтобы апостолы провозгласили исцеление делом своим, чем делом силы Христовой. Но посмотри, в какое затруднение ставили они апостолов. Они не хотели даже, чтобы произнесено было слово — исцеление хромого; потому что почему же они не говорят: что именно? а говорят так: *сотвористе сие*. — *Князи людстии и старцы истраилевы*. Замечай, какая философия. Там, где требует нужда, Петр очень укоряет их. Так он назвал их почетными именами; но когда приступил к самому делу, тогда уже не отступает от подобающего обличения, косвенно напоминая им, что по поводу таких дел они всегда и спорили в суде и выходили не радуясь. А что он говорит, так это — вот что: скорее следовало увенчать нас за это и провозгласить, как благодетелей. А так как мы *истязуеми есмы*, то *разумно буди всем вам и всем людем истраилевым, яко во имя...*; что особенно тяжело было для иудеев. А это и есть то, что Христос говорил им, — именно: что вы выслушали ушами, о том проповедуйте по домам. *Во имя Иисуса Христа Назореа*. Не подумайте, говорит, что мы скрываем отечество Его; нет, мы и отечество объявляем; этого мало: мы и страдания Его исповедуем и воскресение проповедуем. *Егоже вы распясте*. Произнес и такое слово, которое способно было утратить иудеев; потому что как ты думаешь, какой удар наносится им этими словами?

11. Сей есть камень укоренный от вас зиждущих, бывый во главу угла: и несть ни о едином же ином спасения: 12. Несть бо иного имене под небесем даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам.

Таков, то есть, тщательно испробован — тот камень, который стал главою этих двух, сплоченных чрез него в одно здание Церкви, народов, то есть, уверовавшего народа иудейского и всего уверовавшего язычества. *И несть ни о едином же ином спасения*. Здесь возвещаются уже и высокие истины. Да, как только настал час научить, то и пророчества обходят (апостолы); и когда наступало время говорить с дерзновением, тогда они излагали уже одни свои мысли; потому что когда не было ничего такого, чем бы можно было подействовать на слушателей с целью исправления их, но когда следовало смело возвестить (истину), тогда они (апостолы) уже не щадят. Да теперь Петр и не боялся того, как бы не запугать их; (и потому поступает не так), как поступает в других случаях, направляя свою речь приноровительно к ним, ради спасения их. Известно, говорит, всем, что не нам одним даровано это имя, но и всем; так как и иудеи признавали воскресение, но поверхностно и

детски.

13. Видяще же Петрово дерзновение и Иоанново, и разумевше, яко человека некнижна еста и проста, дивляхуся, знаху же их, яко со Иисусом беста: 14. Видяще же исцелевшего человека с нима стояща, ничтоже имяху противу рещи.

Возможно быть и неграмотным (некнижным) и непростым, и простым и небезграмотным; но тут совпадало то и другое (т. е. и неграмотность и простота). Поэтому (иудеи) и удивлялись, когда Петр и Иоанн говорили и ораторствовали. Откуда же они получили это сведение (т. е. что Петр и Иоанн — таковы)? Из слов их же самих (Петра и Иоанна). Ведь не просто говорит (писатель — Лука): *знаху же их*, но: *(знаху же их), яко со Иисусом беста*, во время страдания Его; потому что тогда они одни были с Ним. И видели (иудеи) тогда их смиренными и униженными; и это-то именно, то есть, неожиданная перемена, особенно поразила их; потому что тот, кто тогда не мог снести взгляда вопрошавшей рабыни, тот теперь приходит в среду самих архиереев и в синедрион и говорит с дерзованием.

15. Повелевше же има вон из сонмища изыти, стязахуся друг с другом, 16. Глаголюще: что сотворим человека сима? яко убо нарочитое знамение бысть има, всем живущим во Иерусалиме яве, и не можем отрещися. 17. Но да не более прострется в людех, прещением да запретим има ктому не глаголати о имени сем ни единому от человек. 18. И призвавше их, заповедаша има отнюд не провещавати ниже учити о имени Иисусове. 19. Петр же и Иоанн отвещавше к ним реста: аще праведно есть пред Богом, вас послушати паче нежели Бога, судите: 20. Не можем бо мы, яже видехом и слышахом, не глаголати. 21. Они же призапрещше има, пустиша я ничтоже обретше, како мучити их, людей ради, яко вси прославляху Бога о бывшем. 22. Лет бо бяше множае четыредесяти человек той, на немже бысть чудо сие исцеления.

Почему не приводят (священницы) их к Пилату, но судят их сами? Потому, что стыдились и краснели за прежнее и опасались, чтобы апостолы не обвинили их.

23. Отпущена же бывша приидоста к своим, и возвестиста, елика к нима архиереи и старцы реща. 24. Они же слышавше, единодушно воздвигоша глас к Богу, и рекоша: Владыко, ты Боже сотворивый небо и землю и море и вся, яже в них: 25. Иже Духом Святым усты отца нашего Давида отрока твоего рекл еси: вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным? 26. Предсташа царие земстии, и князи собращася вкупе на Господа, и на Христа его. 27. Собращася бо воистинну во граде сем на святого отрока твоего Иисуса, егоже помазал еси, Ирод же и понтийский Пилат, с языки и людми истраилевыми, 28. Сотворити, елика рука твоя и совет твой преднарече быти.

(И возвестиста) [\[28\]](#). Возвещают [\[29\]](#) не по честолюбию, но чтобы показать явные свидетельства благодати Христовой. (Ты Боже сотворивый). Смотри, как целесообразны молитвы их (апостолов). Когда они просили Господа указать им мужа, способного к апостольскому служению, то молились так: Ты Господи сердцеведче всех (Деян. 1, 24); потому что тогда была нужда в предведении. А теперь, когда нужно было заградить уста противникам, взывают: Владыко, ты Боже сотворивый небо и землю... Но многие из еретиков

разделяют Божество, говоря, что иной Бог — Творец мира и иной — Отец Христов. Поэтому разделяют и Писание и говорят, что ветхий завет есть Писание Бога — Творца мира, а новый — Отца Христова. Следуя далее своему нечестивому мнению, утверждают, что Боги эти и их Писания — противоположны; так что прибегающие к Господу суть враги Творца мира и находятся в лучшем состоянии, чем люди последнего. Итак люди Творца мира предубеждены против Христа и Его учения. Поэтому святые апостолы, искореняя эту ересь, своєю молитвою ^[30] дают разуметь, что и Творец мира и Отец Спасителя — один и тот же Бог; потому что Им дарованы оба завета. *Иже усты Давида отрока твоего рекл еси: вскую шаташася языцы?* Выставляют на вид пророчество это, как бы прося Бога об исполнении договора и вместе с тем утешая себя тем, что напрасно помышляют об этом враги.

29. И ныне, Господи, призри на прещения их, и дождь рабом твоим со всяким дерзновением глаголати слово твое, 30. Внегда руку твою прострети ти во исцеления, и знамением и чудесем бывати именем святым отрока твоего Иисуса. 31. И помолившись им, подвижеся место идеже бяху собрани, и исполнишася вси Духа Свята, и глаголаху слово Божие со дерзновением.

Сотворити, елика рука твоя и совет твой преднарече... (ст. 28), то есть, не они имели в себе самих такую силу, но Ты (Господи), который на все даруешь соизволение и приводишь все к концу. Ты, благий и мудрый художник, который дело врагов обращаешь во исполнение воли твоей; потому что они (священницы и пр. иудеи) сошлись, как враги, а делали то, что Тебе угодно было. А что за выражение: *рука твоя*? Выражение это, по моему мнению, означает здесь власть и волю; оно однозначуще с выражением: достаточно восхотеть Тебе одному; потому что никто не предопределяет, то есть, того, что Ты устанавливаешь. (*И ныне призри*) ^[31] ... Замечай: не сказали: порази их и низрини, но что же сказали? *Призри на прещения их, и дождь рабом твоим со всяким дерзновением глаголати слово твое... И помолившись им, подвижеся место идеже бяху собрани.* Это было свидетельством Божия посещения и того, что они были услышаны; потому что иногда это бывает признаком гнева, а иногда знамением посещения. Молились же апостолы не о том, чтобы избавиться от перенесения трудностей, но об успехе проповеди. Но для чего же Бог потряс дом? Чтобы на угрожавших навести страх, а апостолам придать бодрости; так как было еще начало (проповеди), то необходимо было чувственное знамение. Итак поколебалось место и еще более утвердило апостолов. *И исполнишася вси Духа Свята*, то есть, воспламенились и возжгли в себе благодатный дар.

32. Народу же веровавшему бе сердце и душа едина: и ни един же что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща. 33. И велиею силою въздаяху свидетельство апостоли воскресению Господа Иисуса Христа, благодать же бе велия на всех их. 34. Не бяше бо нищ ни един в них: елицы бо господие селом или домовом бяху, продающе приношаху цены продаемых, 35. И полагаху при ногам апостол; даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше.

(*Сердце едино*) ^[32] ... *Сердце и душа* означают здесь одно и то же. *И велиею силою въздаяху свидетельство (апостоли) воскресению.* Выставляет (писатель — Лука) их, как людей таких, которым поручено что-то, и говорит как бы об обязанности: вот что значит выражение: *воздаяху свидетельство.* *Не бяше бо нищ ни един в них.* Потому — *благодать велия*, что не было ни одного бедного, то есть, не было ни одного нуждающегося, вследствие особенной

щедрости отдававших (свое имущество); потому что отдавали не часть, так чтобы другую часть удержать у себя, а все; и все отдавали не как свое, а как бы не свое; и все уверовавшие питались как бы от одного дома. *Продающе приношаху цены продаемых...* Это свидетельствует о великом достоинстве и великом благочестии приносивших; потому что не дерзали даже отдавать в руки, но полагали при ногах (апостолов) и делали их господами и распорядителями (над приносимым), чтобы издерживаться как бы не из своего, а как бы из общего. А это и дававших избавляло от тщеславия и получавшим представляло двоякую радость — облегчение бедности и освобождение от стыда.

36. Иосиа же нареченный Варнава от апостол, еже есть сказуемо, сын утешения, левит, кипрянин родом, 37. Имея село, продав принесе цену, и положи пред ногами апостол.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Муж же некий Анания именем, с Сапфиною женою своею, продаде село: 2. И утай от цены, сведущей и жене его, и принес часть некую, пред ногами апостол положи. 3. Рече же Петр: Анание, почто исполни сатана сердце твое, солгати Духу Святому, и утайти от цены села? 4. Сущее тебе не твое ли бе, и проданое, не в твоей ли власти бяше? что яко положил еси в сердце твоем вещь сию? не человеком солгал еси, но Богу. 5. Слышав же Анания словеса сия, пад издше: и бысть страх велик на всех слышащих сия. 6. Вставше же юношы взяша его, и изнесше погребоша.

(Иосиа же) [\[33\]](#)... Мне кажется, это не то лицо, которое упоминается вместе с Матфием (гл. 1, ст. 23); потому что тот называется и Иустом, а этот Варнавою, что значит: «сын утешения». Кажется также мне, что этот последний получил такое название за свою добродетель. Каким же образом он был и левитом и кипрянином? Это потому, что закон был уже нарушаем, и левиты переселялись в чужие страны и там извлекали себе выгоды. Но намереваясь повествовать о том, что случилось с Ананией и Сапфиной, и желая показать, что они согрешили, он (писатель) сперва упоминает о человеке, поступившем по правде. Несмотря на такое множество лиц, которые поступали так (то есть, продавали имущество и деньги отдавали апостолам), несмотря на столь великие знамения и на такое обилие благодати, Анания из всего этого не вынес никакого назидания и навлек на себя погибель. Но удивительно то, что прегрешение было по соглашению (с женою), и никто другой не был очевидцем продажи. Вот откуда у этого несчастного возникла мысль поступить так, как он поступил. Некоторые говорят, что если сатана исполнил сердце Анании, то за что же он понес наказание? За то, что он сам был виновником (того, что сатана исполнил сердце его); так как он сам подготовил себя к принятию действия сатаны и к исполнению себя его силою. *Сущее тебе, не твое ли бе?* То, что верующие сносили стяжания свои апостолам, неужели было вследствие насилия? Неужели мы привлекаем вас против вашей воли? *Что яко положил еси в сердце твоем вещь сию?* Три чуда в одном и том же случае: одно состояло в том, что он (Петр) узнал то, что совершено было тайно, другое — в том, что он определил мысленное настроение (Анании), и третье — в том, что Анания лишился жизни по одному лишь повелению. Многие из нечестивых, выставляя на вид то, что случилось с Ананией и Сапфиною, присуждают верховного из апостолов к смерти. Но обвинение касается не Петра, а скорее Духа Святого, произнесшего на них справедливый приговор: потому что Петр только изобличил их во лжи, а жизни лишил их обоих, как одинаково согрешивших,

имеющий власть над жизнью и смертью Дух Святой. То же нужно сказать и о Сапфире; потому что не Петр убил ее; но так как прегрешение было делом обоих, то Судья одинаково наказал того и другую. Поэтому-то Петр, как знавший об этом и всегда вещавший Духом Святым, и изрек этот, принятый им от того же Духа, глас.

7. Бысть же яко трем часом минувшим, и жена его не ведущи бывшего вниде. 8. Отвещав же ей Петр: рцы ми, аще на толице село отдаста? она же рече: ей на толице. 9. Петр же рече к ней: что яко согласистася искусити Духа Господня? се ноги погребших мужа твоего, при дверех, и изнесут тя. 10. Паде же абие пред ногама его, и издше: вшедше же юношы обретоша ю мертву, и изнесше погребоша близ мужа ея. 11. И бысть страх велик на всей церкви и на всех слышащих сия.

Трем часом минувшим. Прошло три часа, и жена не узнала (о том, что случилось с мужем), и никто из присутствовавших не сказал ей; потому что боялись. Итак, удивляясь этому, писатель изложил то и другое, то есть, и то, что прошло три часа, и то, что она вошла, не зная о том, что случилось. Заметь: Петр не зовет ее, но скорее выжидает, чтобы она вошла, когда захочет, давая ей время добровольно одуматься. Что же касается того, что никто не осмелился сказать ей о случившемся, так это произошло из страха к учителю и из послушания ему. *Рцы ми, аще на толице село отдаста?* Он (Петр) хотел спасти ее; потому что муж был зачинщиком греха. Поэтому-то он и дает ей время оправдаться и раскаяться, говоря: *рцы ми, аще на толице...* Быть может, скажет кто-нибудь, что Петр поступил с ними жестоко; но какая тут жестокость? Если был побит камнями собиравший вопреки закону дрова, то много более (должен быть наказан) святотатец; потому что деньги эти были священны. Почему она упала у ног Петровых? Потому, что стояла близ него. А стояла она близ него для того, чтобы, если пожелает раскаяться и исповедать свое прегрешение, могла исполнить это, не стыдясь посторонних, которые в противном случае слышали бы ее исповедь. *Обретоша ю мертву, и изнесше погребоша...* Смотри: более не остерегаются уже, в силу закона, касаться нечистых предметов, а прямо и без всякой осторожности касались мертвых. Обрати внимание и на то, что среди своих апостолы строги, а среди чужих удерживаются от наказаний; то и другое естественно. Последнее (нужно было) для того, чтобы не подумали, что они страхом наказания принуждают людей, против их желания, обращаться к истинной вере; а первое — для того, чтобы обратившимся уже к вере и удостоившимся (небесного) учения и духовной благодати не позволить стать людьми презренными и святотатцами, и в особенности в начале; потому что это послужило бы поводом к поношению их проповеди. *И бысть страх велик на всей церкви.* Те (Анания и Сапфира) были наказаны, а другим послужило это на пользу. Прежде хотя и были знамения, но не было такого страха. Итак истинно, что Господь познается, суды творя.

12. Руками же апостолскими быша знамения и чудеса в людех многа: и бяху единомудушно вси в притворе Соломони. 13. От прочих же никтоже смеяше прилеплятися им, но величаху их людие. 14. Паче же прилагахуся верующии Господеви, множество мужей же и жен: 15. Яко и на стогны износити недужныя, и полагаги на постелях и на одрех, да грядущу Петру поне сень его осенит некоего от них. 16. Схождашеся же и множество от окрестных градов во Иерусалим, приносяще недужныя и страждущыя от дух нечистых, иже исцелевахуся вси.

С того времени, как начали бояться их (апостолов), Петр и прочие апостолы творили

больше чудес. *Бяху в притворе Соломони.* Пребывали уже не в доме, но в храме. Так как писатель сказал: *в притворе Соломони*, то, чтобы ты не удивлялся, каким образом позволяла это толпа, он говорит, что *никтоже смеяше прилеплятися им, но величаху апостолов людие*, то есть, народ иудейский. *Яко и на стогны износити недужныя.* При Христе не было того, чтобы больные получали исцеления на стогнах и от тени. *Никтоже смеяше прилеплятися* (прикасаться). Каким же образом совершается в этом случае исцеление? Это было делом Того, кто сказал: *веруяй в Мя дела, яже Аз творю, и той сотворит и больша сих сотворит* (Иоан. 14, 12). Со всех сторон возрастало удивление апостолам: и со стороны уверовавших, и со стороны исцеленных, и со стороны наказанных, и со стороны дерзновения их во время проповеди, и со стороны добродетельной и безукоризненной жизни. Да, это удивление происходило не только из чудес, но и потому, что самая жизнь и добродетели этих мужей были великие и поистине апостольские.

17. Востав же архиерей и вси, иже с ним, сущая ересь саддукейская, исполнишася зависти, 18. И возложиша руки своя на апостолы, и послаша их в соблюдение общее. 19. Ангел же Господень нощию отверзе двери темницы, извед же их рече: 20. Идите, и ставше глаголите в церкви людем вся глаголы жизни сея. 21. Слышавше же внидоша по утренице в церковь, и учаху: пришед же архиерей и иже с ним, созваша собор и вся старцы от сынов израилевых, и послаша во узилище, привести их. 22. Слуги же шедше не обретоша их в темнице: возвращежеся возвестиша, 23. Глаголюще, яко темницу убо обретохом заключену со всяким утверждением, и блюстители стоящыя пред дверми: отверзше же, внутрь ни единого обретохом. 24. Якоже слышаша словеса сия архиерей же и воевода церковный и первосвященницы, недоумевахуся о них, что убо будет сие. 25. Пришед же некто возвести им, глаголя, яко се мужие, ихже всадиште в темницу, суть в церкви стояще и учаще люди.

Что значит: *востав*? Это значит, что он был возбужден, взволнован тем, что говорили. Теперь нападают на апостолов с большим ожесточением, но не тотчас начинают судить их, думая, что общественная стража сильнее поразит их. Посмотри пожалуйста, как слагается жизнь апостолов. Сначала — печаль по причине вознесения Христова, потом — радость по причине сошествия Святого Духа; снова — печаль от людей, ругавшихся над ними, и снова радость — от (умножения) верующих и от знамения (чуда); далее — опять печаль вследствие заключения (Петра и Иоанна 4, 3), и опять — радость вследствие оправдания; наконец теперь от блеска ^[34] и знамений — радость, а от архиерея и от тех, что схватили их, — печаль. Да, их жизнь, можно сказать, такова, какова жизнь всех, живущих по Бозе. *Ангел же Господень нощию отверзе двери темницы.* Ангел вывел их и на радость им и на пользу иудеев.

26. Тогда шед воевода со слугами, приведе их, не с нуждею: бояхуся бо людей, да не камением побьют их. 27. Приведше же их поставиша на сонмищи: и вопроси их архиерей, глаголя: 28. Не запрещением ли запретихом вам не учити о имени сем? и се исполните Иерусалим учением вашим, и хотите навести на ны кровь человека сего. 29. Отвещав же Петр и апостоли реша: повиноватися подобает Богови паче, нежели человеку. 30. Бог отец наших воздвиже Иисуса, егоже вы убисте повесивше на древе. 31. Сего Бог начальника и Спаса возвыси десницею своею, дати покаяние Израилеви и оставление грехов. 32. И мы есмы того свидетели глагол сих, и Дух Святой, егоже даде Бог повинующимся ему.

После этого следовало бояться Бога, охранявшего апостолов, как птенцов от рук их. И двойное укрепление темницы, то есть, и печать и люди, и вообще все достаточно было, чтобы убедить, что случившееся было действием силы Божественной. А они говорят: *не запрещением ли запретихом?..* Что же, если вы и запретили? Вот если бы и они (апостолы) согласились тогда с вами и решили повиноваться вам, то теперешние ваши требования были бы справедливы; если же они сказали тогда, что не будут повиноваться, то какой смысл в ваших теперешних требованиях? *И хотите навести на ны кровь человека сего.* И теперь думают еще, что Он (Христос) простой человек. Говорят же так, желая показать этим, что запрещение было необходимо для них, и что они распорядились так, щадя свою жизнь; а скорее говорили это для того, чтобы раздражить против них толпу. *Повиноватися подобает Богу паче, нежели человеком.* Без жестокости отвечают апостолы как потому, что они были учителями, так и потому, что не гневались на иудеев, но сожалели об них и имели в виду то, как бы освободить их от оболъщения и гордости. *И мы есмы того свидетели глагол сих.* Каких? тех, которыми заповедал (Господь) отпущение (т. е. грехов) и покаяние. О воскресении более не было уже речи. А что дарует Он (Господь) отпущение, тому свидетели и мы и Дух Святой, который никак не сошел бы, если бы прежде не были отпущены грехи. И смотри, как к упоминанию о злодеянии апостолы присовокупляют слово об отпущении (грехов), показывая, что поступки их заслуживали смерти, а то, что они получили, получали как от благодетеля. Что же касается выражения: *сего Бог начальника и Спаса возвыси,* так они употребили его, приписывая все Отцу, чтобы не подумали, что Сын чужд Отца. Но почему о том, что апостолы вышли из темницы, узнали (архиерей и прочие) не тотчас? Это для того, чтобы, оставаясь некоторое время в недоумении, они (легче) могли понять и уразуметь, что это было действием силы Божественной. *И Дух Святой, егоже даде Бог повинующимся ему.* Не сказали: Дух Святой, которого Бог дал нам, но *котораго Бог даде повинующимся,* вместе и выказывая смирение и открывая великие истины, а кроме того и объявляя, что и сами они (иудеи) могли получить (Духа); потому что для того именно и допускал Бог то, что апостолы были водимы в судилище, чтобы и иудеи поучались и сами апостолы приобретали более дерзновения и все вообще получали назидание.

33. Они же слышавше распыхахуся, и совещаща убити их. 34. Востав же некий на сонмищи фарисей, именем Гамалиил, законоучитель честен всем людем, повеле вне мало что апостолом уступити: 35. Рече же к ним: мужие израилтяне, внимайте себе о человецех сих, что хотите сотворити. 36. Пред сими бо денми воста Февда, глаголя быти велика некоего себе, емуже прилепишася числом мужей яко четьреста: иже убиен бысть, и вси елицы повинушася ему, разыдошася и быша нивочтоже.

Другие, слушая (апостолов), смущались, а они (архиерей и бывшие с ним) *распыхахуся и совещаща убити их.* Что же касается Гамалиила, так это был ученик Павла; и достойно удивления, как он, будучи законоучителем и человеком по уму рассудительным, не уверовал еще до сих пор. Это потому, что и Павел еще не уверовал. *Внимайте себе о человецех сих, что хотите сотворити.* Обрати внимание на мудрую приспособительность речи, — на то, как он (Гамалиил) тотчас поверг их в страх, и чтобы не подать подозрения, что он разделяет их (апостолов) мысли, беседует с ними (с иудеями) как с людьми одних убеждений и не особенно резко выражается, а говорит следующими словами: *внимайте себе, что хотите сотворити. Пред сими бо денми...* Приводит два примера и упоминает не о древних, но о последних событиях; потому что эти последние сильнее в деле убеждения. Поэтому, указывая на них, и Гамалиил говорил: *пред сими денми.* Зная и другие примеры, он

удовольствовался этими двумя (т. е. примером Февды и Иуды галилеянина, ст. 37); потому что *при двою свидетелех станет всяк глагол*. Не сказал, кем были убиты; но говорит, что все разошлись. О Февде упоминает и Иосиф в девятнадцатой книге древностей, как говорит Евсевий в четвертой книге церковной истории; вот слова последнего: «во время наместничества в Иудее, Фада, один лжеучитель, по имени Февда, убеждал народ взять стяжания и следовать за ним к реке Иордану; говорил, что он— пророк, и утверждал, что рассечет реку и сделает ее удобопроходимую, и многих оболостил. Впрочем Фад не допустил, чтобы они осуществили свою неразумную мысль, но послал отряд конницы, который многих из них избил и многих взял живыми; а самому Февде отрубают голову и приносят в Иерусалим».

37. Посем воста Иуда галилеанин, во дни написания, и отвлече люди довольны в след себе: и той погиге, и вси, елицы послушаша его, разсыпашася. 38. И ныне глаголю вам: отступите от человек сих, и оставите их: яко аще будет от человек совет сей или дело сие, разорится: 39. Аще ли же от Бога есть, не можете разорити то, да не како и богоборцы обрящетеся. 40. Послушаша же его и призвавше апостолы, бивше запретиша им не глаголати о имени Иисусове, и отпустиша их. 41. Они же убо идяху радующеся от лица собора, яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти: 42. По вся же дни в церкви и в домех не престаяху учаще и благовествующе Иисуса Христа.

Во времена Пилата случилось, кажется, восстание галилеян, увлекшихся учением Иуды галилеянина. Учение же Иуды состояло в следующем: он говорил, что господином ^[35] не следует называть никого, ни ради чести, ни за любомудрие, — что не следует называть так даже царя. И многие из последователей его подверглись жестоким наказаниям за то, что не называли господином Кесаря, и за их учение, что не следует возносить Богу никаких других жертв, кроме установленных в законе Моисеевом. Следуя этому учению, они запрещали приносить жертвы о спасении царя и римского народа. Пилат, естественно, вознегодовал за это на галилеян и приказал, чтобы в то время, когда они будут приносить законные, по их мнению, жертвы, убивали и их самих, так что с приносимыми жертвами смешивалась кровь и приносящих, как это видно и из евангелия от Луки. *Отступите от человек сих*. Указав на примеры погибших лжеучителей, Гамалиил советует им подумать и о себе, именно: опасайтесь, чтобы среди стараний погубить других самим не погибнуть; потому что тот, кто идет против того, что угодно Богу, — тот губит не противника, а себя. Если от *человек дело сие*, то какая нужда в ваших домогательствах? А если оно от Бога, то и при всем старании вашем вы не можете разорить его. Не сказал прямо, что дело это от Бога, но не сказал и того, что оно — дело человеческое; потому что если бы сказал, что оно от Бога, то архиерей и иже с ним стали бы возражать; а если бы сказал, что оно — от человек, то предал бы апостолов в их руки. Таким мудрым построением речи Гамалиил принуждает их ждать ее конца. Но смотри: не сказал: если оно не разорится, то оно — от Бога, но (сказал): если оно — от Бога, то не разорится. *Послушаша же его*; послушали потому, что он говорил это не при апостолах. Как же они (иудеи) били апостолов, если послушали его? Послушали его в том отношении, что отказались от намерения убить их; потому что они хотели этого и потом покинули это свое желание; но били их, удовлетворяя своему гневу.

1. Во днех же сих умножившимся учеником, бысть роптание еллинов ко евреом, яко презираеми бываху во вседневном служении вдовицы их.

Не в те же самые дни ^[36], но чрез несколько дней после этих; такой оборот речи обычен Писанию. А еллинами, по моему мнению, называет лиц, говоривших по-еллински. *Во вседневном служении.* Итак служение вдовицам было делом каждодневным. Служением называет дело милостыни. Презрение же вдовиц произошло не от худых качеств, но от оплошности народа. Поэтому как только забота об них была ему (народу) предложена, прекратилось и горе их.

2. Призвавше же дванадесять множество ученик, реша: не угодно есть нам оставшим слово Божие, служити трапезам. 3. Усмотрите убо братие мужи от вас свидетелствованы седмь, исполнены Духа Свята и премудрости, ихже поставим над службою сею: 4. Мы же в молитве и служении слова пребудем. 5. И угодно бысть слово сие пред всем народом: и избраша Стефана мужа исполнена веры и Духа Свята, и Филиппа, и Прохора и Никанора, и Тимона и Пармена, и Николаа пришелца антиохийскаго. 6. Ихже поставиша пред апостолы: и помолившеся возложиша на ня руце. 7. И слово Божие растяше, и множашеся число ученик во Иерусалиме зело: мног же народ священников послушаху веры.

Не сами (апостолы) избирают, но предоставляют избрание народу, который и имел получить пользу от служения их (диаконов); он и избирает и назначает. *Не угодно есть нам оставшим слово Божие, служити трапезам;* потому что необходимое следует предпочитать тому, что не необходимо. *Мужи от вас свидетелствованы, исполнены Духа.* Называет (писатель) их не просто духовными, но исполненными Духа и премудрости; потому что принимать жалобы вдовиц было делом величайшей мудрости. *И помолившеся возложиша на ня руце.* Смотри, как он (писатель) немногословен; не говорит, как были рукоположены, но говорит только, что были рукоположены с молитвою. На мужа возлагается рука — вот в чем состоит хиротония; но все совершает Бог. Какую же хиротонию получили эти семь мужей? Диаконскую ли?.. они рукоположены были на это именно дело, то есть, на доставление верующим необходимых потребностей. *И множашеся число ученик во Иерусалиме зело.* Не просто сказал об этом, но так, что показал, как велика сила милостыни и этого учреждения.

8. Стефан же исполнь веры и силы творяше знамения и чудеса велия в людех. 9. Восташа же нецыи от сонма глаголемаго ливертинска, и киринейска и александрска, и иже от Киликии и Асии, стязающеся со Стефаном: 10. И не можаху противу стати премудрости и Духу, имже глаголаше. 11. Тогда подьустиша мужи глаголющыя, яко слышахом его глаголюща глаголы хульныя на Моисеа и на Бога. 12. Сподвигоша же люди и старцы и книжники, и нападше восхитиша его, и приведоша на сонмище. 13. Поставиша же свидетели ложны глаголющыя, яко человек сей не престае глаголы хульныя глаголя на место святое сие и закон. 14. Слышахом бо его глаголюща, яко Иисус Назорей сей разорит место сие, и изменит обычаи, якоже предаде нам Моисей. 15. И возревше нань вси сидящи в сонмищи, видеша лице его яко лице ангела.

Смотри, как из семи один был предпочтен прочим; потому что хотя хиротония и была общою, однако же этот стяжал большую благодать. Обрати взор и на то, что до этого

времени он не творил чудес, но стал творить чудеса, когда сделался известным (как избранный и рукоположенный), чтобы показать, что одной благодати недостаточно, но необходима и хиротония. Итак (через рукоположение) сообщилось приращение Духа; потому что еще до хиротонии, при избрании, об нем было засвидетельствовано, как исполненном Духа; но дары Духа различны. *Восташа же нецыи от сонма.* Восстанием называет их раздражение и гнев. А сонмища были разные. *Стязающиеся со Стефаном.* Состязались для того, чтобы вынудить его сказать что-нибудь. А он, быть может, беседовал очень откровенно и говорил о прекращении закона; или, вернее, не говорил, а намекал; потому что если бы он говорил ясно, то эти нецыи не имели бы нужды в лжесвидетелях. Но замечай: он не предоставляет себе права учить, но вынуждается к этому состязавшимися с ним. *Тогда подъустиша мужи глаголющя...* Состязатели свидетельствуют не сами, — потому что их тотчас изобличили бы, что они клеветают на Стефана по зависти, — но подкупают других, чтобы не сочли это дело неправым, — потому что они не Бога боялись, оскверняя себя убийством, но взор свой обращали на мнение людей. *Поставиша же свидетели ложны глаголющя...* Всюду лжесвидетельство. Не хотели убить просто, но по приговору, рассчитывая на то, что этим они подорвут доброе мнение о тех, кого убивали. Не сказали о Стефане: *глаголет*, но: *не престает глаголя.* *Слышахом бо его глаголюща, яко Иисус Назорей (Назорей говорится в поношение) разорит место сие.* Это говорили и о Христе: *разоряя церковь сию* (Матф. 27, 40)... Велика была между ними боязнь за церковь; но обвинение было двойное, — обвинение в том, что Он намерен изменить обычаи, и в том, что намерен ввести иные обычаи. *Воззревше же нань вси седящи в сонмищи, видеша лице его яко лице ангела.* Бог соделал его (Стефана) приятным; так как он имел еще сказать несколько, то чтобы тотчас поразить их его взором, Бог осиял его лицо; потому что и к лицам людей, исполненных духовной благодати, любящие их относятся с вожделением, а враги с почтением.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Рече же архиерей: аще убо сия тако суть? 2. Он же рече: мужие братие и отцы, послушайте. Бог славы явися отцу нашему Аврааму сущу в Месопотамии, прежде даже не вселитися ему в Харрань: 3. И рече к нему: изыди от земли твоя и от рода твоего, и от дому отца твоего, и прииди в землю, юже аще ти покажу. 4. Тогда изшед от земли халдейския, вселися в Харрань: и оттуду, по умертвии отца его, пресели его в землю сию, на нейже вы ныне живете. 5. И не даде ему наследия в ней, ниже стопы ногу: и обеща дати ему ю во одержание, и семени его по нем, не сущу ему чаду. 6. Глагола же сие Бог, яко будет семя его пришелцы в земли чуждей, и поработят е и озлобят лет четыреста. 7. И языку, емуже поработают, сужду аз, рече Бог.

Сами они и не думали о том, что позволяли себе богохульные действия, а его обвиняют в богохульстве за слова; и на уме у них всегда Моисей; они не столько заботились о делах Божиих, сколько о постановлениях Моисея. Но он (Стефан) в самом начале речи опровергает их мнение и доказывает, что ни храм ни обряды не имеют значения, и что они не превозмогут проповеди (евангельской), — что Бог трудное и невозможное делает легким и возможным. Замечай: речь к ним из того именно и состоит, что, пользуясь постоянно (Божиим) человеколюбием, они заплатили своему Благодетелю противным и домогаются невозможного. Показывает также, что обетование было дано прежде, чем эта земля, прежде обрезания, прежде жертвы, прежде храма, — что они получили эту землю, равно как и

обрезание и закон, не по заслугам, но земля была наградою за послушание, — что, когда дано было обрезание, обетование еще не было приведено в исполнение, и что все это были прообразы. Прекрасно именуется в начале речи Бога Богом славы; потому что Он соделал славными тех, кого поносили. Говорит также, что еще не было храма, а Авраам удостоился видеть Бога, что он своими предками имел персов и жил в чужой земле. Замечай, как он (Стефан) отводит их мысль от чувственного, начав с местности, так как и речь была о месте. Если же Бог есть Бог славы, то Он не нуждается в том, чтобы иметь славу от вас посредством вашего храма; потому что Он сам источник всякой славы и всякого добра. *Изыди от земли твоя и от рода твоего.* Как же Писание говорит, что пожелал выйти отец Авраама (Быт. 11, 31), а здесь говорится, что Аврааму было сказано: *изыди от земли твоя?* Отсюда мы заключаем, что явление Бога Аврааму подействовало на отца его и он пожелал выйти (из земли халдейской). Но этим самым он (Стефан) показывает, что они (иудеи) не дети Авраамовы; потому что тот, покинув и отечество и родных, явил послушание, а они непослушны. *И не даде ему наследия в ней, ниже стопы ногу.* Наблюдай, как беседою об (обетованной) земле наводит их (на истину). Почему не дал (Господь наследия Аврааму)? Потому, что земля эта была прообразом другой земли. *И обеща дати ему.* Замечаешь ли, что не без причины снова повторяет: *не даде,* говорит, *но обеща дати.* Если он (Авраам) был чужеземцем и пришельцем, и чрез несколько времени должен был переселиться; то как мог он иметь эту землю во *одержании?* Итак наследие его (Авраама) сохраняется чрез семя его, которое есть Христос; так как с Ним (со Христом) будут царствовать и святые, по слову Писания: *егда приидет во славе Отца своего царствуяй над всеми языки* (Матф. 16, 27; 25, 31). *И семени его по нем, не суцу ему чаду.* Снова указывает, что Бог из невозможного силен сделать возможное; потому что сказано, что Он сделает господином Палестины того, кто был в Персии и находился на таком далеком расстоянии. Но тут же заключается указание и на великое человеколюбие Божие и на великую веру Авраама; потому что выражение: *не суцу ему семени,* показывает повиновение его (Авраама) и веру, хотя то, что с ним было (тогда), склоняло его к противоположному мнению; так как после того, как пришел, не имел *стопы ногу,* да и потом не имел. *Глагола же ему Бог, яко будет семя его пришелицы в земли чуждей.* Смотри, за сколько лет (дано) обетование и (существовал) его образ, и никогда не было образа жертвы, никогда образа обрезания. Но этим показывает также, как Бог попускал израильтянам переносить несчастья, хотя не было ничего такого, в чем бы они были виновны. *И поработят е и озлобят лет четыреста.* Написанное в книге Исход не противоречит этому месту. Там сказано: *и бысть по четырех стех и тридесяти летех, изыде вся сила Господня от земли египетския* (12, 14); а здесь говорится: «после четырех сот лет». Но нужно помнить, что не сказано: вышли, когда исполнилось четыреста лет; сказано (приблизительно): после четырех сот лет, чем не исключаются и остальные 30 лет. Двадцать пять лет — от семьдесят пятого года до сотого — Авраамовых, шестьдесят лет Исааковых, девяносто один год Иакова, сто десять лет Иосифовых, сто сорок четыре года в Египте, — всего вместе — четыреста тридцать лет. Но говорится: *и озлобят е лет четыреста, и по сих изыдут, и послужат ми на месте сем.* В выражении: *по сих,* можно видеть указание и на эти тридцать лет. *И языку, емуже поработают, сужду Аз, рече Бог.* И те, которые озлобляли их, делали это не безнаказанно; потому что иудеи переносили горькое и тяжкое рабство, так как (египтяне) смотрели на них не как на рабов, а как на врагов и противников.

И по сих изыдут, и послужат ми на месте сем. 8. И даде ему завет обрезания: и тако роди Исаака, и обреза его в день осмый: и Исаак Иакова, и Иаков дванадесять патриарх. 9. И патриарси позавидевше Иосифу продаша его во Египет: и бе Бог с

ним: 10. И изъят его от всех скорбей его, и даде ему благодать и премудрость пред Фараоном царем египетским, и постави его начальника над Египтом и над всем домом своим. 11. Прииде же глад на всю землю египетскую и ханааню, и скорбь велия: и не обретаху сытости отцы наши. 12. Слышав же Иаков сущую пшеницу во Египте, посла отцы наша первее. 13. И внемгда второе приидоша, познан бысть Иосиф братии своей, и яве бысть Фараону род Иосифов. 14. Послав же Иосиф призва отца своего Иакова, и все сродство свое, седмьдесят и пять душ. 15. Сиде же Иаков во Египет, и скончася сам и отцы наши. 16. И принесени быша в Сихем, и положени быша во гробе, егоже купи Авраам ценою сребра, от сынов Еммора Сихемова.

Потомкам предоставляются обетования, а предкам бедствия. А обрезывать крайнюю плоть повелено отцам законом потому, что Авраам вышел из земли халдейской; халдеям же, равно как и мидянам и персам, по обычаям отцов их, позволялось жениться на матерях и сестрах. Таким образом (Авраам) обрезывается в знак того, что он отказывается от плотского смешения и отрицает незаконные родственные браки. А иные утверждают, что Аврааму и его потомкам заповедано было обрезание для того, чтобы было явно, что от них имеет быть Христос по плоти; так как мы знаем, что обрезание, бывшее в ветхом завете прообразом, заключало в себе образ спасительного крещения и отбрасыванием плоти знаменовало отречение от жизни по плоти, — и обрезанных делало сынами Божиими. *И тако роди Исаака, и обреза его в день осьмый.* Сначала обрезывается в восьмой день Исаак; отсюда и иудеи (обрезаются в восьмой же день). А Измаил (обрезывается) будучи тринадцати лет; поэтому и потомки его, измаилиты, обрезываются, как говорит Иосиф (Флавий), также (в тринадцатый год). *Продаша его во Египет.* Не зная за братом никакой вины, они так нехорошо поступили с ним и притом в то время, когда он пришел к ним с пищею для них, и своим поступком содействовали пророчеству, не сознавая этого; и невольно сделавшись виновниками его благополучия, хотя и после многих для него испытаний, навлекли сами на себя великий страх и несносный стыд, хотя Иосиф и не помнил зла и ничего ужасного не замышлял против них, а напротив и напитал их, томившихся голодом, и сделал их известными Фараону. *И скончася сам и отцы наши и принесени быша в Сихем.* Авраам с своим семейством и патриархи погребены в Сихеме, который, быть может, назывался: «Сикема». Авраам купил это место сам, чтобы похоронить Сарру. *И положени быша во гробе.* Сказав это, он (Стефан) показывает, что Авраам даже до погребения не был господином земли.

17. И якоже приближашеся время обетования, имже клятся Бог Аврааму, возрастоша людие и умножишася во Египте. 18. Дондеже наста царь ин во Египте, иже не знаше Иосифа: 19. Сей зле умыслив о роде нашем, озлоби отцы наши, дабы извергали младенцы своя, во еже не быти им живым. 20. В неже время родися Моисей, и бе угоден Богови, иже питан бысть месяцы три в дому отца своего. 21. Извержена же его, взят его дщи Фараонова, и воспита и себе в сына. 22. И наказан бысть Моисей всей премудрости египетстей: бе же силен в словесех и делех. 23. Егда же исполняшеся ему лет четыредесятих время, възде на сердце ему, посетити братию свою сыны Израилевы. 24. И видев некоего обидима, пособствова и сотвори отмщение обидимому, убив египтянина. 25. Мняше же разумети братиям своим, яко Бог рукою его даст им спасение: они же не разумеша. 26. Во утрий же день явися им тяжущымся, и привлчаше их в примирение, рек: мужие, братия есте вы, вскую обидите друг друга? 27. Обидяй же ближняго, отрину его, рек: кто тя

постави князя и судию над нами? 28. Еда убити мя ты хочещи, имже образом убил еси вчера египтянина?

Выражение: *приближаешься время обетования*, указывает не на то, что они умножились в течение четырех сот лет, но на то, что имел приблизиться конец; так как четыреста и больше лет прошло в Египте. *Возрастоша людие и умножишася во Египте*. Если относительно Иосифа достойно удивления то, что он продан был братьями и, быв продан, избавил их (от голода), то еще удивительнее то, что царь воспитывал того, кто имел подорвать его власть (то есть, Моисея); тот, кто имел быть умерщвлен лицом, осудившим его на смерть, — тот образовывался и воспитывался для низвержения воспитателя. А выражение: *дабы извергали младенцы своя, во еже не быти им живым*, намекает на то, что он (царь) не хотел, чтобы умерщвление младенцев совершалось явно. И замечай: обетование Божие упрочивалось посредством тех самых обстоятельств, посредством которых дьявол силился подорвать его; потому что был озлобляем Израиль, но возрастал и умножался. Поэтому-то и Моисей приемлется и воспитывается и образовывается в доме царя и снова бежит; но во время бегства удостоивается видения, и ему поручается народное предводительство. Таким образом (Бог) производит то, что и проданный в рабы становится царем там, где был рабом. Что же касается до выражения **!!ПРОПУЩЕНО СЛОВО!!** (городской), то оно употреблено вместо: «угодный» (Богу). Выброшенного его (Моисея) подняла дочь Фараона. Родители родили и увидели, что дитя прекрасно; потому что благодать процветала в нем. Увидев же, что оно прекрасно, пощадили: но, испугавшись повеления, скрыли его. Страх победил; и из-за страха они решились бросить дитя; но по чувству родительского сострадания употребляют в этом деле хитрость (умудряются обойти повеление): сделав ковчег, в подражание ковчегу, бывшему при Ное, и призвав Бога Ноева, они бросили дитя с ковчегом на реку, чтобы и явиться повинующимися повелению и спасти дитя. И вот они бросают, а Бог не знавшей об этом дочери Фараона внушает выйти на реку. Вышла она, ничего не зная, и нашла то, чего не искала. И спасен был Моисей символами общего спасения Церкви; потому что кивот был из дерева, а дерево (было) от воды и спасение (было) безнадежному; и взявшая его (Моисея) была не иудейка, а из язычниц и египтянка. *И наказан бысть Моисей всей премудрости египетстей*. Ни Моисей, ни Анания и Даниил, с бывшими с ними не получили бы иностранного образования, если бы нужда и насилие деспотов не принудили их к этому; потому что оно не было им нужно ни на что; разве, быть может, кто-нибудь скажет, что получить его (образование) хорошо было для того, чтобы искоренить их (египтян) заблуждения. Поразив египтянина, Моисей отомстил ему за угнетаемого им. Не по исступлению и не по гневу убил он (египтянина), но по ревности (о Боге). А то, что совершается по ревности (о Боге), хотя бы и было убийством, не есть убийство. Вот что услышал Финеес, убивший двух одной рукою: *и ста Финеес и утоли гнев (Божий), и преста вред* (Числ. 25, 5-11). А то, что сделал Моисей, было неразгаданною загадкою; потому что было знамением того, что чрез Моисея Бог имеет погубить египтян и спасти израильтян. Моисей же думал, что братия его понимают, что чрез него Бог дает им избавление. Впрочем (Божеское) покровительство видно было из самых дел; какое еще нужно было понимание? Однако же и при этом они не понимали. *Во утрий же день явися им тяжущимся, и привлекаше их в примирение*. Смотри, как благосклонно разговаривает тот, кто обнаружил такой гнев на египтянина: *мужие, братия есте вы, вскую обидите друг друга?* Но обрати внимание на ответ: *кто ты постави князя и судию над нами?* Те же самые слова, какие говорили (потом) Христу. Платить за добро обидою — это в духе иудеев.

29. Бежа же Моисей о словеси сем, и бысть пришлец в земли мадиамстей, идеже роди сына два. 30. И исполнымся летом четыредесятим, явися ему в пустыни горы Синайския Ангел Господень в пламени огненне в купине. 31. Моисей же видев дивляшеся видению: приступающу же ему разумети, бысть глас Господень к нему: 32. Аз Бог отец твоих, Бог Авраамов и Бог Исааков и Бог Иаковль. Трепетен же быв Моисей не смеяше смотрити. 33. Рече же ему Господь: иззуй сапоги ногу твою: место бо, на немже стоиши, земля свята есть. 34. Видя видех озлобление людей моих, иже во Египте, и стенание их услышах, и снидох изъяти их: и ныне гряди, послу ты во Египет.

(Бежа же Моисей). Но и бегство его не нарушило Божиих планов, потому что говорится: *исполнившимся летом четыредесятим, явися ему Ангел Господень*, — явился, когда Моисей был в бегстве, когда и не надеялся (возвратиться); так как имел уже двух сыновей. Но заметь: ангелом, как и человеком, называет теперь (Стефан) Сына Божия. Является же (ангел) ему (Моисею) не в храме, но в пустыне, и не в самой пустыне, но в купине. Вот и гласа удостаивается Моисей: *Аз, говорит глас, Бог отец твоих, велика совета Ангел... Иззуй сапоги ногу твою: место бо, на немже стоиши, земля свята есть.* Место свято ради явления Христова и достойно большего удивления, чем то, которое было во Святом Святых; потому что там никогда не было такого явления. Далее видно и великое попечение (Божие); потому что говорится: *видя видех озлобление людей моих.*

35. Сего Моисеа, егоже отринуша, рекше: кто ты постави начальника и судию? сего Бог князя и избавителя посла рукою Ангела явльшагося ему в купине. 36. Сей изведе их, сотвори чудеса и знамения в земли египетстей, и в чермном мори, и в пустыни, лет четыредесять. 37. Сей есть Моисей рекий сыном Израилевым: пророка вам воздвигнет Господь Бог ваш от братии вашей яко мене: того послушайте. 38. Сей есть бывый в церкви в пустыни со Ангелом глаголавшим ему на горе Синайстей и со отцы нашими, иже прият словеса жива дати нам. 39. Егоже не восхотеша послушати отцы наши, но отринуша и, и обратишася сердцем своим во Египет. 40. Рекше Аарону: сотвори нам боги, иже предъидут пред нами: Моисею бо сему, иже изведе нас от земли египетския, не вемы что бысть ему. 41. И сотвориша телца во дни оны, и принесоша жертву идолу, и веселяхуся в делех руку своюю.

Того Моисея, который подвергался опасности за свою жизнь, которого израильтяне ни во что поставили и отринули, Бог воздвиг и *посла рукою Ангела явльшагося ему в купине.* Кого (Стефан) называет Ангелом, того (Моисей) видел и называет Богом. *Сей есть Моисей рекий сыном Израилевым: пророка вам воздвигнет Господь Бог ваш от братии вашей яко мене,* то есть, подобно мне поставленного ни во что за то, за что гораздо скорее следовало удостоиться чести. Фараон хотел убить Моисея, и он (Моисей) бежал; и Господа хотел убить Ирод, и Он (Господь) спасся в Египте. И тот и другой (и Фараон и Ирод) замышлял на младенца; и тот и другой издал повеление; и ни то ни другое (повеление) не нашло повиновения. *Сей есть бывый в церкви в пустыни со Ангелом глаголавшим ему...* Находящиеся пред нами слова показывают, что люди становятся лучшими, или худшими не от места; потому что те, о ком идет речь, быв уже вне Египта по месту, по расположению были в Египте и не оставляли помышления об египетских обычаях, как говорит и Евангелие: *идеже сокровище, ту и сердце.* Многие, будучи еще на земле, собирают сокровище на небе; там и сердце их. Но преступившие (Божью волю) ангелы, будучи на небе, возымели расположение

к тому, что на земле; вследствие чего последовало низринение их на землю. *Иже прият словеса жива...* Живыми называет слова особого рода, значение которых выясняется обыкновенными словами, — или пророчества; потому что пророк (Иезекииль) говорит: дах им заповеди не добры (20, 25). Имея в виду эти слова пророка, он (Стефан) назвал пророческие слова живыми словами. *Сотвори нам боги*, — не Бога, но богов. *И сотвориша телца во дни оны*. То же и у Давида: *и сотвориша телца в Хориве*. И не без цели указывается на Хорив, но для того, чтобы показать крайнее безумие израильтян; здесь Бог явился Моисею, здесь же они делали идолов и приносили им жертвы.

42. Отвратися же Бог, и предаде их служити воем небесным: якоже писано есть в книзе пророк: еда заколения и жертвы принесосте ми лет четыредесять в пустыни, доме Израилев? 43. И восприясте скинию Молохову, и звезду бога вашего Ремфана, образы, яже сотвористе поклонятися им: и преселю вы далее Вавилона. 44. Сень свидения бяше отцем нашим в пустыни, якоже повеле глаголяй Моисеови, сотворити ю по образу, егоже виде. 45. Юже и внесоша приемше отцы наши со Иисусом во одержание языков, ихже изрину Бог от лица отец наших, даже до дний Давида: 46. Иже обрете благодать пред Богом, и испроси обрести селение Богу Иаковлю. 47. Соломон же созда ему храм. 48. Но Вышний не в рукотворенных церквах живет, якоже пророк глаголет: 49. Небо мне престол есть, земля же подножие ногама моима. Кий храм созиждете Ми, глаголет Господь? или кое место покоищу моему? 50. Не рука ли моя сотвори сия вся?

Изречение: *предаде служити*, поставлено вместо: допустил, как и у апостола (Павла): *предаде их Бог в неискусен ум* (Римл. 1, 28) (поставлено) вместо: допустил предаться. Итак говорит: так как иудеи имели такую страсть служить твари вместо Творца, что (Бог) часто укорял их чрез пророков за такое произволение, а потом, когда они оказались упорными, допустил (их делать то), что они хотели. А изречение: *отвратися* (поставлено) вместо: отвративши от другого хотения, потому что иное показывает хотение Божие и иное то, что допущено по снисхождению. Ибо Его хотение есть то же, что и закон: *поклонишися Господу Богу твоему, и тому единому послужиши* (Лук. 4, 8). Но упорствовавших в нечестии Он допустил (в нем и оставаться), потому что Он не хочет, чтобы Ему служили по необходимости, чтобы не стеснить того, что имеет свободную волю. Выражение же: *воем небесным*, некоторые думают (равносильно выражению) ангелам. *Аще бо глаголанное ангелы слово* (Евр. 2, 2). Но (Лука) говорит не об ангелах, а об звездах, которым они (иудеи) воздавали почитание, как то: тельцу, заменявшему денницу, и луне, как царице неба. Это выражение употребляется почти повсюду, (где речь идет) о светилах и звездах. *Еда заколения и жертвы принесосте Ми лет четыредесять в пустыни, доме Израилев?* Заметь, что сначала упоминает о том, что они приносили жертвы Ему самому, а потом уже (жертвы) идолам. Это потому, что до этого нигде (не встречается) название жертва, но (только) заповеди и живые слова. Притом это свидетельство он приводит не без причины, но чтобы показать, что не было надобности в жертвах. Он говорит: *еда заколения и жертвы принесосте Ми*, вместо того, чтобы сказать: вы не можете сказать, что вы приносите жертвы идолам оттого, что приносили их Богу; напротив вы сначала приносили жертвы им и это в пустыне, где Я в особенности покровительствовал вам. Потому если Я и сказал, что этот храм будет разрушен, а обряды и жертвы будут изменены, то Я не сказал ничего нового. Ибо Моисей, о котором, кажется, вы имеете высокое мнение, в течении сорока лет ни жертвы не приносил, ни храма не воздвигал, а также (не делал этого) и Давид, хотя вы уже владели этою землею,

разделенную по жребию. Также и пророки говорят о них, как о ненужных. Но как вы можете в свое оправдание ссылаться на Моисея, когда его *отринуша отцы* ваши и вы? (Деян. 7, 35 и 39). *И восприясте скинию Молохову, и звезду бога вашего Ремфана.* Божественный Моисей удалился на гору, чтобы получить закон, а они, израильтяне по крови, предстали пред Аарона, говоря: *сотвори нам боги.* Итак они в пустыне сделали тельца и этот телец был явным идолом; устроили постепенно и многих других (идолов). В особенности же они преданы были поклонению звездам. Кроме тельца они приняли и скинию Молохову. Создавши скинию, они поставили (в ней) идола и назвали (его) Молохом. Это идол моавитский. Он имел прозрачный камень на верхней части лба по образу денницы. А слово Молох в переводе значит: царь их. Ибо так изъясняют его Акила и Феодотион. А изображение денницы было приготовлено художниками. Итак *восприяте скинию Молохову*, то есть, (скинию) царя вашего. И какой он был царь? *Звезду бога вашего Ремфана*, который в переводе значит: помрачение или ослепление. Итак они воздавали поклонение деннице, как восходящей до (появления) сияния солнечного. Впрочем с этими поклонниками сделалось ослепление или Рефман не потому, чтобы звезда производила это ослепление, но потому, что это почитание сделалось причиною такого помрачения. *И преселю вы далее Вавилона.* Пророк сказал: *преселю вы далее Дамаска* (Амос. 5, 27). А этот (Лука) сказал: *далее Вавилона*, следуя изложению евреев, или потому, что Вавилон есть предел земли дамаскитян. Те же (семьдесят толковников) сказали: *далее Дамаска.* — *Сын свидения быше отцем нашим в пустыни.* Они имели ее для того, чтобы иметь свидетелем Бога. Называет ее (скинию) свидения, то есть, чудес и повелений. *Якоже повеле глаголяй Моисеови.* Так что утверждение ее состоялось на горе и она в пустыне была переносною, а не находилась на одном месте. Если и ангел был тот, кто говорил с Моисеем на горе, то он все-таки говорил с ним от лица Божия. И много такого находится в божественном Писании. Так в (книге) Исход говорится, что *Ангел Господень* сказал Моисею: *Моисее, Моисее, не приближайся семо* (Исх. 3, 2. 4. 5). И несколько далее этот Ангел говорит: *Аз есмь Бог отец ваших, Бог Авраамов* (Исх. 3, 6) и другое подобное.

51. Жестоководию, и необрезанию сердца и ушесы, вы присно Духу Святому противитесь, якоже отцы ваши, тако и вы. 52. Кого от пророк не изгнаша отцы ваши? и убиша предвозвестившыя о пришествии праведнаго, егоже вы ныне предатели и убийцы бысте: 53. Иже прияте закон устройением Ангельским, и не сохранисте.

Почему до сих пор говоривший к народу кротко здесь употребляет слова жестокие? Потому, что он увидел, что они не обращают внимания на то, что говорится. *Вы присно Духу Святому противитесь:* не только теперь (но и всегда). Этим он показывает, что то, что он сказал, было от Святого Духа, в особенности же тогда, когда приближался (час) смерти его, потому что он конечно знал это, будучи исполнен (Святого) Духа. Он обнаружил великое и безбоязненное дерзновение, и то, что он сказал им, было не его, (но слова) пророков. *Присно*, говорит, *противитесь.* Когда (Бог) не хотел, чтобы были жертвы, вы приносили жертвы; а потом, когда Он хочет жертвы, вы ее не приносите. Опять, когда существовал храм, вы служили идолам; а когда Он хочет, чтобы вы отрешились от храма, вы делаете противное. Притом не сказал: *Богу противитесь*, но: *Духу.* Ибо нет никакого различия между Духом и Богом. *Противитесь, якоже отцы ваши тако и вы.* Показывает, что это зло более падает на них потому, что оно дошло до них издавна. Так делал и Христос, потому что они сильно хвалились предками (своими). *Кого от пророк не изгнаша отцы ваши?* Если отцы ваши

убивали этих предвозвестников, то нет ничего удивительного, что я, проповедующий предвозвещенного (ими), буду убит вами, которые слишком *гордитесь* своими предками. О *пришествии праведнаго*. Говорит: *праведнаго*, показывая, что Он несправедно убит ими, потому что если Он праведен, то очень неправы убившие Его. Называет Его праведным, потому что этого не могли отрицать и они. Ибо они нигде не осуждали Его как несправедного. Ибо как (они стали бы осуждать в этом) не имеющего даже крова? Но он выставляет (им) на вид два (преступления их): убийство и предательство. Ибо говорит: *предателе и убийцы бысте, иже приясте закон устройением Ангельским, и не сохранисте*, то есть, устроенного ангелами и врученного явившимся в купине. Показывает, что они не покорялись и не покоряются ни Богу, ни ангелам, ни пророкам, ни Духу.

54. Слышаще же сия, распыхахуся сердца своими, и скрежетаху зубы нань.
55. Стефан же сый исполнь Духа Свята, возрев на небо, виде славу Божию, и Иисуса стояща одесную Бога: 56. И рече: се вижу небеса отверста, и Сына человека одесную стояща Бога.

Если (иудеи) хотели умертвить (Стефана), то почему не умертвили его тотчас же? Потому, что хотели представить благовидный предлог своей дерзости, так как оскорбление, какое он причинил им, не было благовидным предлогом к умерщвлению его; притом же (то, что они сочли за оскорбление себе) не было его (собственное) оскорбление, но (это было) обличение (сделанное) им (иудеям) пророком. С тем вместе они и не хотели, чтобы об них думали, что они умертвили его за то, что относилось к ним (лично), как (это было и при осуждении на смерть) Христа, но что (будто они умерщвляют) за нечестие. Потому что они не довольствовались тем, чтобы осквернить себя убийством, но надеялись и заботились запятнать и честь убиваемого. Потому что они боялись, чтобы он не стал пользоваться большим почитанием, если они умертвят его за оскорбление себе самим. *И Иисуса стояща одесную Бога*. Стоянием означает твердость и непоколебимость. Прочем это допускали уже и они: они тогда уже считали (Его) стоящим.

57. Возопивше же гласом велиим, затыкаху уши свои, и устремившася единодушно нань. 58. И изведше вне града, камением побиваху его: и свидетелие, снемше ризы своя, положиша при ногу юноши нарицаемаго Савла, 59. И камением побиваху Стефана, молящася и глаголюща: Господи Иисусе, приими дух мой. 60. Преклонь же колена, возопи гласом велиим: Господи, не постави им греха сего. И сия рек успе.

Что сделали (иудеи) со Христом, то же сделали они и здесь. Как Он сказал: *узрите Сына Божия сидя одесную* (Матф. 26, 64), а они назвали это богохульством и напали на Него, так и здесь. Но там раздирали одежды, а здесь *затыкаху уши*. *И изведше вне града, камением побиваху*. Оказавшись решительно не в состоянии положить конец речи (Стефана), они *каменiem побивиху его*. Если бы даже он говорил неправду, его надобно было отпустить как безумного. Если же говорил истину, (надобно было) скорее удивляться. *И изведше вне града убивают (его), как (это сделали) и с Иисусом*. *И свидетелие, снемше ризы своя, положиша при ногу юноши*. Свидетелями называет тех, кого они выдвинули (с целью) произнести ложное свидетельство против него. Этим он делает намек на два (обстоятельства): что и те, которых считали свидетелями, были скорее готовы совершить убийство, когда они сняли одежды, чтобы свободнее и беспрепятственнее бросать камни, — и что имеющий впоследствии быть

проповедником вселенной и сам тогда оказывал содействие в убийстве, и что таким образом в нем произошло какое-то божественное, удивительное и несвойственное человеку изменение. Изречение же: *Господи Иисусе, прими дух мой*, (есть изречение) научающего и показывающего им, что он не погибнет. *И камением побиваху Стефана*. Так как оправдание (совершается) верою в Христа и в Нем человеческое естество в изобилии получило невинность и даровало нам новое право, в силу которого души наши уже не идут во ад, но, как и прежде, посылаются в руки Бога живого: то, зная это, святой Стефан сказал: *Господи Иисусе, прими дух мой*. И блаженный Петр пишет: *темже и страждущии по воли Божией, яко верну Зиждителю да предадут души своя* (1 Петр. 4, 19). — *Преклонь же колена, возопи гласом велиим: Господи, не постави им греха сего*. Не просто, говорит, молится, но с усердием, так как Бог допустил, чтобы до сих пор душа его оставалась в теле. Заметь голос и чрезмерность терпеливости в страданиях. Этим он показывает, что то, что он сказал им прежде, сказал не вследствие гнева, но чтобы их поставить в затруднение, обличить и упрекнуть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Савл же бе соизволяя убийству его. Бысть же в той день гонение велие на церковь иерусалимскую: вси же разсеяшася по странам иудейским и самарийским, кроме апостол. 2. Погребоша же Стефана мужие благоговейнии, и сотвориша плачь велий над ним. 3. Савл же озобляше церковь, в дома входя, и влача мужы и жены, предаше в темницу. 4. Разсеявшиися же, прохождаху благовестующе слово.

Сами апостолы, говорит (Лука), не рассеялись, но остались в Иерусалиме, потому что где сильнее нападение, там должны находиться и лучшие борцы и быть для других примером мужества и смелости. *Погребоша же Стефана мужие благоговейнии*. Если они были *благоговейнии*, то как же они *плачь сотвориша*? Это потому, что они не были еще совершенны. С другой стороны, кто бы и не заплакал, лишившись такого учения, такой защиты и таких чудес, и видя этого праведного, лежащего мертвым и побитого камнями? *Савл же озобляше церковь*. Великое бешенство: и быть одному и врываться в дома. Это потому, что он душу свою предал за закон.

5. Филипп же, сошед во град самарийский, проповедаше им Христа. 6. Внимаху же народи глаголемым от Филиппа единодушно, слышаще и видяще знамения, яже творяше. 7. Дуси бо нечистии от многих имущих я, вопиюще гласом велиим исхождаху: мнози же разслабленнии и хромии исцелишася. 8. И бысть радость велия во граде том.

Не тот апостол Филипп, что считается в числе двенадцати, но один из семи, избранных для попечения о вдовицах, а также крестивший евнуха и огласивший Симона. Послушай, что говорит тот же Лука: по убиении Стефана *гонение велие бысть на церковь: вси же разсеяшася по странам иудейским и самарийским, кроме апостол*. Отсюда ясно, что апостол Филипп с прочими апостолами находился во Иерусалиме. (Лука) сделал это (замечание) для того, чтобы показать, что Филипп крестил тех, которым было преподано (христианское) учение в Самарии. Апостолы же Петр и Иоанн, пришедши к ним из Иерусалима, преподали им благодать Духа. А если бы он был из числа (двенадцати) апостолов, то он имел бы власть и преподавать (дары) Духа. Он крестит только как ученик, а завершительную благодать (преподают) те апостолы, которым дана власть преподавать такой дар. Иные говорят, что

Филипп потому не низвел на крещенных Духа, что он был только диакон, выдвинутый теми, которые находились со Стефаном, а не имел ни пресвитерского, ни епископского сана, как (избранные) ученики Господни. — А что он был диакон, об этом свидетельствует Павел в «правилах»; (он свидетельствует) не только об нем, но и об Анании, который крестил самого Павла. А будучи диаконом, он крестил во-первых по недостатку пресвитеров в Самарии; потому что в случае необходимости, когда нет пресвитера, позволено крестить и диаконам, как этому научил сам Дух, внушивший тому же (Филиппу мысль) приблизиться к евнуху. Надобно заметить, что после крещения на крещаемых чрез возложение рук в силу молитвы во имя Господа Иисуса нисходит Святой Дух. Поэтому и до сих пор этот чин соблюдается в том же виде.

9. Муж же некий именем Симон, прежде бе во граде волхвуйа и удивляя язык самарийский, глаголя некоего себе быти велика: 10. Ему же внимаху вси от мала даже до велика, глоглюще: сей есть сила Божия великая. 11. Внимаху же ему, зане довольно время волхвовании удивляше их. 12. Егда же вероваша Филиппу благовествующу, яже о царствии Божии и о имени Иисус Христове, крещяхуся мужие же и жены. 13. Симон же и сам верова, и крещся бе пребывая у Филиппа: видя же силы и знамения велия бываема, ужасен дивляшеся. 14. Слышавше же, иже во Иерусалиме апостоли, яко прият Самариа слово Божие, послаша к ним Петра и Иоанна. 15. Иже сошедше помолишася о них, яко да приимут Духа Святаго. 16. Еще бо ни на единого их бе пришел, точию крещени бяху во имя Господа Иисуса. 17. Тогда возложиша руце на ня, и прияша Духа Святаго. 18. Видев же Симон, яко возложением рук апостолских дается Дух Святой, принесе им сребро. 19. Глаголя: дадите и мне власть сию, да, на него же аще положу руце, примет Духа Святаго. 20. Петр же рече к нему: сребро твое с тобою да будет в погибель, яко дар Божий непщевал еси серебром стяжати. 21. Несть ти части ни жребия в словеси сем: ибо сердце твое несть право пред Богом.

Посмотри и на другое покушение, сделанное Симоном. (Лука) говорит, что его почитали за великую силу. Таким образом в то время были и обольщенные *волхвованиями*, пока не пришел Филипп и вывел их из заблуждения; потому что Симон иудеям говорил: «я отец», а самарянам: «я Христос». *Симон же и сам верова*. Не ради веры (он уверовал), но чтобы и ему творить чудеса. Как он думал творить чудеса? Сам он обольщал, а также укрощал беснуемых, а потому думал, что и апостолы подобно ему пользуются каким-либо искусством. Поэтому он и деньги давал. Опять потому же, чтобы не лишиться (этого дара), он постоянно находился при Филиппе.

22. Покайся убо о злобе твоей сей, и молися Богу, ище убо отпустится ти помышление сердца твоего. 23. В желчи бо горести и союзе неправды зрю тя суща. 24. Отвещав же Симон рече: помолитесь вы о мне ко Господу, яко да ничтоже сих найдет на мя, яже рекосте. 25. Они же убо засвидетельствовавше и глаголавше слово Господне, возвратишася во Иерусалим, и многим весем самарийским благовестиша.

По баснословию еретиков, излишне было говорить Симону: *покайся*, потому что он таким дурным был создан. Они говорят, что человек, будучи злым по природе, неспособен измениться по желанию. Но не напрасно сказано: *покайся убо*, потому что и он имел

свободную волю, и молился Богу, *аще убо отпустится ти помышление сердца твоего.* (Петр) сказал это (Симону), как будто бы не было оказано ему снисхождение, если бы он стал плакать и покаяться. Но этот образ выражения был обычным и у пророков. Особенно же Петр и предвидел, что он не обратится к покаянию. Поэтому он и говорит: *аще отпустится ти.* Потому что слова: *помолитесь вы о мне ко Господу* (Симон) сказал не потому, чтобы он покаяться и обратился, но ради (одного только) приличия. Потому что (иначе) где рыдание? где раскаяние и исповедание (грехов)? *В желчи бо горести и союзе неправды зрю тя суща.* Слова полные гнева. Но (Петр) не наказывает его, чтобы потом вера его не показалась вынужденною силою необходимости и страха и это дело не показалось жестоким. *Они же убо засвидетельствовавшие и глаголавше слово Божие, возвратишася во Иерусалим.* Может быть, они возвратились из-за Симона, чтобы не обольститься и чтобы потом быть твердыми. Заметь, что не с самого начала идут в Самарию, но когда их гонят (в Иудее), как это было и со Христом.

26. Ангел же Господень рече к Филиппу, глаголя: *востани и иди на полудне, на путь сходящий от Иерусалима в Газу: и той есть пуст.* 27. И востав поиде: и се муж Мурин евнух силен Кандакии царицы муринския, иже бе над всеми сокровищи ея: иже прииде поклонитися во Иерусалим. 28. Бе же возвращаяся и сидя на колеснице своей, чтяше пророка Исаию. 29. Рече же Дух к Филиппу: *приступи и прилепись колеснице сей.* 30. Притек же Филипп услыша его чтуща пророка Исаию, и рече: *убо разумеши ли, яже чтеши?* 31. Он же рече: *како убо могу (разумети), аще не кто наставит мя? Умоли же Филиппа да возшед сядет с ним.* 32. Слово же писания, еже чтяше, бе сие: *яко овча на заколение ведеса, и яко агнец прямо стригущему его безгласен: тако не отверзает уст своих.* 33. Во смирении его суд его взятся, род же его кто исповесть? *яко вземлется от земли живот его.*

Мне кажется, что этот Филипп был из числа семи; потому что (иначе) из Иерусалима он не шел бы на полдень, но на север, а из Самарии, где находился и учил Филипп, принадлежавший к числу семи, путь идет на полдень. *Сходящий от Иерусалима в Газу: и той есть пуст.* Это (ангел) сказал для того, чтобы (Филипп) не боялся нападения от иудеев. *И востав поиде.* Заметь послушание. Не спросил и не сказал (Филипп): для чего? но вместе с повелением *востав поиде.* *Иже прииде поклонитися во Иерусалим.* Женщины властвовали в этой Эфиопии; одна из них по праву наследства была Кандакия; у нее евнух был казнохранителем. Заметь, что не было праздника, и однако он ехал (в Иерусалим), и что (ехал) из города преданного суеверию, и что на пути читал и притом Исаию, величайшего из пророков, к тому же (читал) не понимая того, что читал, и так (усердно) был занят чтением. *Убо разумеши ли, яже чтеши?* Удивительным образом спрашивает; потому что не льстит и не хвалит и опять не упрекает в невежестве. Но (спрашивает так), чтобы возбудить большее желание и показывая, что (в читаемом) находится великое сокровище. А тот не скрывается, но говорит: *како убо могу (разумети).* Потом просит научить его. *Яко овча на заколение ведеса.* Очень понятен смысл приведенных (сейчас) слов; потому что в известное время овцы отводятся для стрижки и пастухи возлагают на них орудия стрижки, и однакож они терпят это и не делают нападения на тех, кто это делает. Так и Христос, терпя поношения, не платил поношением за поношение. *Во смирении его суд его взятся.* Указывает на противозаконный суд над Ним, произведенный тогда, как была скрыта истина. *Род же его кто исповесть?* То есть, обнаружившееся после воскресения и высокое Его достоинство, доказательством которого служит то, что было Им сделано в деле домостроительства. Кто будет в состоянии

выразить словами, когда придет на мысль: кто это и какой такой, да еще Сын Божий едиnorodный претерпел все это? *Яко вземлетя от земли живот его*, — вместо выражения: отнимается и возносится выше земного жизнь Его, то есть, проприще деятельности и существование Единородного, когда Он созерцается вне плоти и уже не как находящийся среди нас.

34. Отвещав же каженик к Филиппу рече: молю тя, о ком пророк глаголет сие? о себе ли, или о ином некоем? 35. Отверз же Филипп уста своя, и начен от писания сего, благовести ему Иисуса. 36. Якоже идяху путем, приидоша ни некую воду, и рече каженик: се вода, что возбраняет ми креститися? 37. Рече же ему Филипп: аще веруеши от всего сердца твоего, мощно ти есть. Отвещав же рече: верую Сына Божия быти Иисуса Христа. 38. И повеле стати колеснице: и снидоста оба на воду: Филипп же и каженик: и крести его. 39. Егда же изыдоста от воды, Дух Святыи нападе на каженика, Ангел же Господень восхити Филиппа, и не виде его ктому каженик: идяше бо в путь свой радуяся. 40. Филипп же обретесе во Азоте: и проходя благовествоваше градом всем, дондеже приити ему в Кесарию.

Молю тя, о ком...? Знать, что пророки иногда говорят и о других, или о себе самих в другом лице, (потому что это показывает вопрос его), это (свойство человека) очень наблюдательного. *Се вода: что возбраняет ми креститися?* Посмотри, как благоразумно он поступает. Сначала читает и не понимает, потом читает то же пророчество; в нем (содержится учение) о страдании, воскресении (Иисуса Христа) и о даровании (благодати Святого Духа). Затем просит (крестить); Филипп изъясняет ему по порядку, начавши с этого пророчества. А окрылившись готовностью, он постепенно приводится к крещению. Но он не сказал: «крести меня», но: *что возбраняет?* Этим вопросом он показал сильное желание принять крещение. *Егда же изыдоста от воды, Дух Господень восхити Филиппа.* Его берет Дух, тем самым придавая случившемуся больше чудесности, а вместе доставляя радость и Филиппу, что он удостаивается того же, чего и пророки, как (например) Аввакум. Его берет Дух, а не ангел, как прежде. Это потому, что ангел являлся тогда людям более плотным, а Дух — более духовным. Хорошо, что он был взят от евнуха; потому что евнух стал бы просить (Филиппа), чтобы он отправился с ним, и (Филипп) опечалил бы его, если бы, по требованию обстоятельств, отказался. Так все устроялось божественным образом. Дух поставил Филиппа во Азоте. Здесь он и должен был за тем проповедывать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Савл же, еще дыхая прещением и убийством на ученики Господни, приступль ко архиерею. 2. Испроси от него послания в Дамаск к соборищем, яко да аще некия обрящет того пути суцья, мужи же и жены, связаны приведет во Иерусалим.

Объясняет (Лука) неистовство Павла против верных и против Церкви; показывает, что он увлекался нечистою (*μεσος*) ревностью; потому что на нем исполнилось сказанное Христом, что *иже убьет вы, возмнимся службу приносити Богу* (Иоанн. 16, 2). Потому что он делал это не так, как (другие) иудеи. Да не будет! Что он делал это по ревности, это очевидно из того, что он отправился и во внешние грады, а они не обращали внимания и на находящихся во Иерусалиме. Они об одном только и заботились, то есть, о том, чтобы пользоваться честью. (Савл) идет в Дамаск потому, что это был великий и царствующий город, и он боялся, чтобы

(этот город) не увлекся (христианскую) проповедью. Не идет он с просьбою к претору, но к архиерею, потому что он имел намерение делать все законно. *Яко да аще некия обрящет того пути сущия, мужи же и жены, связаны приведет во Иерусалим.* Что такое: *того пути*? Может быть, так называли себя веровавшие, так как одна только их вера была такою, посредством которой мы возносимся на небо. Или же Павел называл их (последователями) *того пути*, может быть, из чувства презрения и в насмешку над ними; потому что бесчестного человека они обыкновенно называли (сбившимся) с пути. Он не искал власти тут же наказывать (христиан), но вести (их) во Иерусалим, потому что он хотел действовать с большею властью.

3. Внегда же ити, бысть ему приблизитися к Дамаску, и внезапно облиста его свет от небесе: 4. И пад на землю, слыша глас глаголющъ ему: Савле, Савле, что Мя гониши? 5. Рече же: кто еси Господи? Господь же рече: Аз есмь Иисус, егоже ты гониши: [\[37\]](#) жестоко ти есть противу рожну прати. 6. Трепеща же и ужасаяся, глагола: Господи, что мя хочещи творити? и Господь рече к нему: востани и вниди во град, и речется ти, что ти подобает творити. 7. Мужие же идуции с ним стояху чудящися, глас убо слышаще, но никогоже видяще. 8. Воста же Савл от земли, и отверстыма очима своима ни единого видяше: ведуще же его за руку введоша в Дамаск. 9. И бе дни три не видя: и ни яде, ниже пия.

Видение произошло не в городе, но на пути и в тишине, потому что толпа не поверила бы, а только посмеялась бы, так как и там (при Иисусе Христе) слышавшие голос (с неба) *глаголаху, яко гром бысть* (Иоанн. 12, 29), а этот (Савл) заслуживал вероятия, потому что рассказывал о том, что с ним случилось. Итак не в Иерусалиме и не в Дамаске, но на пути *облиста свет*, чтобы то, что с ним случилось, иные не стали объяснять иначе, но чтобы сам он объяснил это, так как он заслуживал вероятия, потому что он и видение видел и болезнь претерпел. Это говорит (Павел) и защищаясь пред Агриппою (Деян. 26, 12-18). *Савле, Савле, что Мя гониши?* Христос не говорит ему: веруй, но упрекает (его), говоря: *что Мя гониши?* Почти что говорит: что малое, или великое ты потерпел от Меня, что ты Мне делаешь это? *Аз есмь Иисус, егоже ты гониши.* (Это сказано) вместо: не думай, что ты враждуешь против людей, но — против Меня, Господа твоего. Для чего это (явление и вразумление Савлу) не было сделано вначале? Для того, чтобы показать, что Христос действительно воскрес. Потому что как уверовал бы гонитель Его и неверующий Его воскресению, и таким образом неистово преследующий верующих, если бы сила воскресения Его не была велика? А почему не тотчас же после воскресения? Чтобы очевиднее обнаружилась вражда против учения о воскресении и более божественным явилось превращение (в образе мыслей Павла). *Мужие же идуции с ним стояху чудящися, никогоже видяще.* Всех и бывших с ним осиявает свет, чтобы они свидетельствовали об этом явлении, но ослепляет он не всех, а одного только Павла, чтобы не подумали, что это было общее и как бы случайное несчастье, но чтобы открылось, что это было вполне действие Божественного промысла. Почему же не уверовали бывшие с ним? Чтобы они могли быть достоверными свидетелями того, что случилось с Павлом. Потому что, если бы они уверовали, то показалось бы, что они свидетельствуют по пристрастию. А чей голос слышали бывшие с Павлом? Голос самого Павла, когда он отвечал, а голос небесный слышал один он. Поэтому-то здесь и сказано: *Мужие же идуции с ним стояху чудящися, глас слышаще*, то есть, голос Павла, *никогоже видяще*, кому он отвечал. Рассказывая далее, сам Павел говорит: бывшие со мною видели свет и утрашились, но говорившего мне голоса не слышали (Деян. 26, 14). *И отверстыма очима своима ни единого*

видяше. Очи Павла пострадали; потому что избыток света обыкновенно действует болезненно, так как и глаза имеют меру. Говорят также, что чрезмерный звук делает глухими и бесчувственными (*απολλήγας*). *И бе дни три не видя: и ни яде, ниже пия.* Для чего он сделал это? Потому, что он очень раскаивался в том, что преследовал Церковь, и печалился и молился и просил Бога, чтобы было прощено ему это.

10. Бе же некто ученик в Дамасце именем Анания, и рече к нему Господь в видении: Анание. Он же рече: се аз Господи. 11. Господь же к нему: встав поиди на стогну нарицаемую правую, и взыщи в дому Иудове Савла именем, Тарсянина: се бо молитву деет. 12. И виде в видении мужа именем Ананию вшедша и возложша нань руку, яко да прозрит. 13. Отвеща же Анания: Господи, слышах от многих, о мужи сем, колика зла сотвори святым твоим во Иерусалиме: 14. И zde имать власть от архиерей, связати вся нарицающыя имя твое. 15. Рече же к нему Господь: иди, яко сосуд избран Ми есть сей, пронести имя мое пред языки и царьми и сынми израилевыми. 16. Аз бо скажу ему, елика подобает ему о имени моем пострадати.

Почему Анания, не будучи из (числа) достопамятнейших и известных учеников (Спасителя), получает власть огласить и уврачевать Павла, имевшего сделаться таким (великим проповедником Евангелия)? Потому, что (Павел) должен был быть наставлен (в истинах веры) не человеком, но самим Христом. Потому и Анания его окрестил и уврачевал, но ничему не учил. А что он не был из (числа) очень известных, это очевидно из его опасения и страха, что открывается из его слов. Он так боялся преследования со стороны Павла, что был поражен и пришел в ужас, когда только услышал от Господа имя его. Он не обратил внимания даже и на то, что было сказано затем, а именно, что (Савл) *молитву деет*, что он видел видение, что он слеп и что (Анания) посылается к нему для того, чтобы оказать ему благодеяние и спасти его. *И виде в видении мужа именем Ананию;* потому что он не мог видеть наяву, так как был слеп. *И zde имать власть от архиерей связати вся.* Откуда было это им известно? Естественно было находящимся в страхе допытываться и узнавать то, что против них замышляется. Посмотри на страх, каков он; потому что он не допустил, чтобы дошло до его слуха имя «Павел», и уже говорит: боюсь, чтобы как-либо он не отвел меня в Иерусалим. *Иди, яко сосуд избран Ми есть сей.* Не только, говорит, он сделается верующим, но и учителем, и будет иметь великое дерзновение; *пред языки и царьми* и пред иудеями предстанет. Этим (Господь) ободряет Ананию, а вместе и пристыжает его, (как бы так говоря): если он так неистовствовал из-за Меня и убивал, и однакож будет терпеть все, то неужели ты не хочешь даже и крестить его? Потому, говорит (повелеваю тебе идти к нему), что он *сосуд избран (Ми есть)* и что *пронесет имя мое.* Так как Анания, услышавши, что Павел слеп, возрадовался и чуть было не сказал так: это хорошо; оставь его слепым; зачем повелеваешь мне отверсть очи его? чтобы он опять стал вязать? или чтобы он снова стал наказывать (нас)? то (Господь) говорит: он не только не будет делать ничего ужасного, но и будет терпеть многое за Меня. Хорошо (сказано): *сосуд избран;* это выражение показывает, что нет естественного зла, так как мы избираем заслуживающее одобрения.

17. Пойде же Анания и вниде в храмину, и возлож нань руке рече: Савле брате, Господь Иисус явлейтися на пути, имже шел еси, посла мя, яко да прозриши, и исполнишися Духа Свята. 18. И абие отпадоша от очию его яко чешуя: прозре же абие, и встав крестися: 19. И приемь пищу укрепися. Бысть же Савл с сущими в Дамасце учениками дни некия.

Посмотри, какое послушание после величайшего страха. Итак это были слова Анании, (изреченные им) не вследствие неверия, но вследствие страха и трепета. *Савле брате, Господь явлейтися на пути, имже шел еси, посла мя.* Тотчас знакомит его с именем Господа. И притом Христос не сказал ему (Анании): «Я явился ему» (Савлу), но (сказал): он научен Духом; и действительно (Иисус Христос) не являлся ему (лично), но конечно явился делами и действиями. Говорит: *явлейтися*; не сказал: ослепивший тебя и отклонивший поношение. Говорит: *посла мя.* Не мое, говорит, это дело. Я слуга благодати. Таким образом, они не могли ничего вымышлять от себя. *И абие отпадоша от очию его яко чешуя.* Чешуи отпадают и показывают, что воспаление сильно и что исцеление не подлежит сомнению. *И востав крестися: и приемь пищу укрепися*; потому что силы его слабели отчасти от путешествия, отчасти от страха, отчасти от голоду, а отчасти от малодушия. Заметь, что он не решился принять пищу до тех пор, пока не получил великих даров.

20. И абие на сонмищах проповедаше Иисуса (Христа), яко сей есть Сын Божий.

21. Дивляхуся же вси слышащии и глаголаху: не сей ли есть гонивый во Иерусалиме нарицающыя имя сие, и zde на сие прииде, да связаны тыя приведет ко архиереем?

22. Савл же паче крепляшеся, и смущаше иудеи живущыя в Дамасце, препирая, яко сей есть Христос.

Яко сей есть Сын (Божий). Не (говорит Павел), что (Иисус) воскрес, что Он жив, но что? Тотчас тщательно доказывает, что *сей есть Сын Божий.* Тотчас он сделался учителем; потому что он не стыдился того, что в нем произошла перемена по отношению к тому, что сделалось для него ясно. *Савл же паче крепляшеся, и смущаше иудеи*; потому что чему он научен был из закона (Моисеева), об том спрашивал и их. Они думали, что, избавившись от Стефана, они избавились и от этих рассуждений, а между тем нашли другого (совопросника), более сильного, чем Стефан. Он, доказывая это [\[38\]](#), преподавал и изъяснял из тех писаний, которые им были известны.

23. Якоже исполнишася дние доволны, совещааша иудее убити его. 24. Уведан же бысть Савлу совет их: стрежаху же врат день и ношь, яко да убьют его.

25. Поемше же его ученицы нощию, свесиша по стене в кошнице. 26. Пришед же Савл в Иерусалим, покушашеся прилепятся учеником: и вси бояхуся его, не верующе, яко есть ученик.

Иудеи опять приходят к своему крепчайшему помыслу, но теперь они уже не ищут клеветников и лжесвидетелей, а сами стремятся совершить убийство. Так как они увидели, что это дело получило силу, то они не передают уже его и в суд. *Поемше же его ученицы нощию, свесиша по стене в кошнице.* Заметь, что Павел спасается не благодатию, но человеческою мудростию, чтобы ты научился, что добродетель мужа сияет и без чудес. *Пришед же Савл во Иерусалим, покушашеся прилепятся учеником.* Избавясь от опасности, он не только не скрывается, но напротив идет туда, где более их преследовали. И заметь, что он даже ищет учеников (Спасителя). Так он весь воспламенился и переполнился (ревностию о) проповеди, и то, что он позже других пришел (ко Христу), его сделало еще более ревностным. *Емуже,* говорит (Иисус Христос), много *оставляется, больше любит* (Лук. 7, 47). Справедливо может возбудиться недоумение, когда (апостол Павел) в послании к Галатам говорит: *ни взыдох во Иерусалим: но идох во Аравию, и паки возвратихся в Дамаск. Потом же по триех летех взыдох во Иерусалим соглядати Петра... Иного же от апостол не*

видех, токмо Иакова брата Господня (Галат. 1, 17-19), а здесь: говорится, что он пришел во Иерусалим и Варнава привел его к апостолам. И так или там (в послании к Галатам апостол Павел) сказал: *не въздох* (в том смысле, что он ходил не затем), чтобы представить (свое учение на одобрение апостолов), или же, если это не так, надобно допустить предположение, что злоумышление против него в Дамаске было сделано не тотчас по обращении его к вере (христианской), но по возвращении его из Аравии спустя три года (по обращении). И таким образом совершилось его путешествие во Иерусалим. И так он не пошел к апостолам, но к учеником *покушашесея прилепятся*. Это (он делал), будучи (вместе) и учителем и учеником. Или (Павел в послании к Галатам) не говорит об этом путешествии (во Иерусалим), но опустил его. Потому что этот историограф многое сокращает и сводит (события бывшие в) разные времена. *Покушашесея же*, говорит (Лука), *прилепятся*. Шел к ним не смело, но с робостию. *И вси бояхуся его, не ведуще, яко есть ученик*. Боялись конечно ученики, а апостолы не верили (его обращению); потому что для человеческого разумения поистине невероятно, чтобы такой жаркий гонитель обратился в проповедника.

27. Варнава же прием его, приводе ко апостолом и поведа им, како на пути виде Господа, и яко глагола ему, и како в Дамасце дерзаше о имени Иисусове. 28. И бяше с ними входя и исходя во Иерусалиме, и дерзая о имени Господа Иисуса. 29. Глаголаше же и стяжашесея с еллины: они же искаху убити его. 30. Разумевше же братия, сведоша его в Кесарию, и отпустиша его в Тарс. 31. Церкви же по всей Иудеи и Галилеи и Самарии имеяху мир, созидающеся и ходяще в страсе Господни, и утешением Святаго Духа умножахуся.

Что Варнава человек кроткий и снисходительный, это видно и из этого и из того, что им сделано после этого. Может быть, он и прежде знал Павла, будучи другом его. К каким апостолам привел он (Павла)? Может быть, к Петру и Иакову, о которых и сам (Павел) в послании к Галатам говорит, что знал (их). Обрати внимание на Павла, что он не идет к апостолам, как (человек) скромно о себе думающий, но идет к ученикам, как будто бы и он (только) ученик, а Варнава ведет его и к апостолам и рассказывает о том, какое (Павел) имел дерзновение. *Глаголаше же и стяжашесея с еллины* или с теми иудеями, которые говорили по-гречески. Потому что другие евреи, закоренелые, не могли и смотреть на него, или лучше решились убить его. *Разумевше же братия, сведоша его в Кесарию*. Напуганные тем, что случилось со Стефаном, спасают его в Кесарию, а потом также и в Тарс, чтобы он там вместе и учил и находился в безопасности как в собственном отечестве; потому что иудеи не бесились против других так, как против него; потому что других апостолов они уже знали и бешенство, направленное против них, в них уже ослабело от времени; (знали также) как они часто находили себе защиту и каким уважением пользовались они в народе. *Церкви же по всей Иудеи и Галатии и Самарии имеяху мир*. (Лука) хочет сказать, что оттуда пришел Петр. И так, чтобы ты не подумал, что он сделал это из страха, он сначала сказал, что эти церкви имели мир; потому что, когда в Иерусалиме был разгар вражды, апостолы пребывали в нем, а когда (там) настал мир, они отправились проповедовать и в другие места.

32. И бысть Петру посещающу всех, снити и ко святым живущим в Лидде. 33. Обрете же тамо человека некоего именем Енеа, от осми лет лежаща на одре, иже бе разслаблен. 34. И рече ему Петр: Енее, исцеляет тя Иисус Христос: востани с постели твоя: и абие воста. 35. И видеша его вси живущии в Лидде и во Ассароне, иже обратишася ко Господу.

Почему (Петр) не ожидал (обнаружения) веры этого мужа и не спросил, желает ли он быть исцелен? Это чудо было совершено конечно в особенности в назидание многих. Потому что (Лука) говорит: *и видеша его вси живущии в Лидде и во Ассароне, иже обратишася ко Господу*. А с другой стороны, чудеса здесь не обнаруживали еще своей силы. А потому здесь и неуместно было бы требовать веры в них. Потому-то (апостолы) и хромого не спрашивали. Итак как Христос, полагая начало чудес, не требовал веры, так и они не требуют. А в Иерусалиме вера в них конечно распространилась раньше: *да грядущу Петру*, говорит (Лука), *поне сень его осенит некоего от них* (Деян. 5, 15); потому-то там и много было сотворено чудес, а здесь тогда только было положено начало им.

36. Во Иоппии же бе некая ученица именем Тавифа, яже сказаема глаголется Серна: сия бяше исполнена благих дел и милостынь, яже творяще. 37. Бысть же во дни тыя болевшей ей умрети: омывше же ю положиша в горнице. 38. Близ же сущей Лидде Иоппии, ученицы слышавше, яко Петр есть в ней, послаша два мужа к нему, моляще его не обленитися приити до них. 39. Востав же Петр иде с нима: егоже пришедша возведоша в горницу, и предсташа ему вся вдовицы плачущя и показующя ризы и одежды, елика творяше с ними суци Серна. 40. Изгнав же вон вся Петр, преклонь колена помолися: и обращайся к телу, рече: Тавифо, востани. Она же отверзе очи свои: и видевши Петра, седе. 41. Подав же ей руку, воздвиже ю: и призвав святыя и вдовицы, постави ю живу. 42. Уведано же бысть се по всей Иоппии: и мнози вероваша в Господа. 43. Бысть же дни доволны пребыти ему во Иоппии у некоего Симона усмаря.

Именем Тавифа. (Лука) поставляет и имя ее, показывая, что она соответствовала своему имени: была так бдительна и бодра, как серна. Потому что часто многие имена даются по (божественному) домостроительству. *(Бысть) болевшей ей умрети: омывше же ю положиша в горнице*, то есть, сделали все, что следовало сделать над умершим. *Послаша же бывшие во Иоппии ученики (к Петру), моляще его не обленитися приити до них*. Заметь простоту прочих и отсутствие всякого высокомерия в Петре. Не сами идут, но просят чрез двоих об исцелении, и он приходит. Почему они не позвали его, пока та не умерла? Считали недостойным утруждать этим учеников и отвлекать их и делать им затруднения в (деле) проповеди. Поэтому-то (Лука) и говорит, что было близко. *И предсташа ему вся вдовицы плачущя и показующя ризы и одежды, елика творяше с ними суци Серна*. Выражение: *с ними суци*, показывает великое смирение ее, потому что она находилась с ними, и жила с ними, и обращалась со всеми как одна из них, а не так, как мы теперь. *Изгнав же вон вся Петр, преклонь колена помолися*. Для чего он изгоняет всех вон? Для того, чтобы не тронуться слезами и не потерять спокойствие духа. *Преклонь колена*. Усердную совершает молитву. Потом поддерживает (ожившую); потом понемногу возвращаются жизнь и силы (ее). *И призвав святыя и вдовицы, постави ю живу*, одним в утешение, а другим в покровительство. Заметь отсутствие всякого высокомерия в Петре. Совершивши такое (великое чудо), он ищет пристанища не у ней, и не у другого какого-либо знаменитого (человека), но у кожевника Симона; он не стыдится (людей) ничтожных и не дает великим повода превозноситься.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Муж же некий бе в Кесарии именем Корнилий, сотник от спиры нарицающийся италийския. 2. Благоговеин и бояйся Бога со всем домом своим,

творяй милостыни многи людем, и моляйся Богу всегда: 3. Виде в видении яве, яко в час девятый дне, ангела Божия сшедша к нему, и рекша ему: Корнилие. 4. Он же воззрев нань и пристрашен быв рече: что есть Господи? рече же ему: молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память пред Бога. 5. И ныне послѣ во Иоппию мужей, и призови Симона, нарицаемаго Петра. 6. Сей странствует у некоего Симона усмаря, емуже есть дом при мори: той речет тебе глаголы, в нихже спасешися ты и весь дом твой. 7. И якоже отъиде ангел, глаголяй Корнилию, пригласив два от рабов своих, и воина благочестива от служащих ему. 8. И сказав им вся, посла их во Иоппию.

Этот (Корнилий) не был ни иудеем, ни из подзаконных, а между тем уже вел такой же образ жизни, как и мы. Вот двое уже из людей облеченных почестями веруют (во Христа), казнохранитель эфиоплянки и этот. *Благоговец и бояйся Бога со всем домом своим.* Послушаем этого мы; мы не заботимся о своих домашних, а этот заботился и о воинах. *Сотник от спиры нарицающийся италийския.* Он, говорит, был из великой спиры нарицающийся италийския, а спира есть то же, что мы теперь называем ротою (ϐερερον). Этого человека он для того делает известным и сообщает о нем (подробные) сведения, чтобы кто-либо не сказал, что в Писании (священном) встречаются погрешности против истории. Надобно знать, что спира состояла из двухсот воинов, а кустодия из шестидесяти. *Виде в видении яве, яко в час девятый дне, ангела Божия сшедша к нему.* Видит ангела для восполнения (веры) Петра. Или лучше не для него, но для других более слабых (в вере). *В час девятый,* когда он оставил заботы и находился в тишине и покое. Так как истинное Око и великий Судия знает, что и великие дела, не имея веры, мертвы: то Он и посылает ангела, который утверждает за делами их значение, чтобы увенчались верою тех, которые хорошо подвизаются. От видения же (в Корнилие) возбуждился страх, впрочем умеренный, сколько только (было его необходимо для того), чтобы возбудить (внимание его). Потом слова (ангела) уничтожили страх. *Молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память пред Бога.* Посмотри, куда идет молитва на высшее небо и становится пред самым престолом царским. Обрати внимание и на ангела; он сначала возвышает и возносит мысли его (Корнилия) к высшему, потом уже говорит то, что он говорит (далее): *И ныне послѣ во Иоппию мужей, и призови Симона, нарицаемаго Петра. Сей странствует у некоего Симона усмаря.* Чтобы они не пошли к кому-либо другому, он определяет этого человека не только по имени, но и по месту, (где он находится). *Емуже есть дом при мори.* Апостолы избирали места отдаленные от городов: они любили пустыню и тишину. Что, если случится, что есть и другой (Симон усмарь)? Вот признак: этот живет при море. (Ангел) не сказал, для чего (надобно сделать это), чтобы переполнить его (радостью). *Пригласив два от рабов своих и воина благочестива.* Смотри, недаром сказано, что это были люди, постоянно при нем находившиеся. *И сказав им вся, посла их во Иоппию.* Заметь отсутствие высокомерия. Не сказал: *призовите мне Петра,* но все рассказал, чтобы тем побудить его придти к нему; потому что он считал делом неприличным звать его в силу своего авторитета. Потому-то и рассказал (все посланным).

9. Воутрие же путешествующим им и ко граду приближающимся, възде Петр на горницу помолитися, о часе шестом. 10. Бысть же приалчен и хотяше вкусити: готовящим же онем, нападе нань ужас. 11. И виде небо отверсто, и сходящ нань сосуд некий яко плащаницу велию, по четверем краем привязан, и низу спущаемъ на землю: 12. В немже бяху вся четвероногая земли и зверие и гади и птицы небесныя. 13. И бысть глас к нему: востав Петре заколи и яждь. 14. Петр же рече: никакоже Господи: яко николиже ядох всяко сверно или нечисто. 15. И се глас паки к нему

вторицею: яже Бог очистил есть, ты не скверни. 16. Сие же бысть трищи: и паки взяся сосуд на небо.

Посмотри, как Дух сводит времена и делает, что это совершается ни раньше ни позже. *Взыде Петр на горницу помолитися, о часе шестом, то есть, в особом месте и в тишине, как на крыше. Нападе нань ужас, и виде небо отверсто.* Ужас (εκστασις) означает и изумление при виде чуда и то (состояние), когда человек не владеет своими чувствами, будучи восхищен в мир духовный. Итак ему было как бы духовное видение. *И сходящ нань сосуд некий яко плащаницу.* Первейший из апостолов Петр имел нужду в божественном откровении (относительно призвания к христианской вере) язычников; потому что он не знал, что обрезание и необрезание не делают разницы по отношению к вере. Он конечно не знал ясно, что Господь сказал, чтобы, когда открылось служение верою, то были научаемы (этой вере) и язычники, (не знал) до тех пор, пока неизреченная воля Его посредством этого явления не открыла эту тайну, убедивши его в этом с одной стороны примером посредством плащаницы, а с другой стороны тем, что и язычникам была преподана благодать Святого Духа по (обращении их к) вере, (убедивши), что во Христе нет различия между иудеем и эллином. *По четырем краем привязан, и низу спущаемь на землю.* Четыре края показывают четыре стихии, явившийся сосуд означает грубейший мир, а различные животные суть символы состояния людей. Символом всей вселенной был этот человек (Корнилий) с крайнею плотию; потому что он не имел ничего общего с иудеями. Его (Петра) все стали бы обвинять как законопреступника, и потому Духом устрояется, чтобы он имел защиту; поэтому-то он и возражает (ангелу). Потому что он должен был вполне соблюдать закон. Итак это устрояется для того, чтобы его не стали обвинять. Может быть, он преклонивши колена, видел видение. И божественным делом было случившееся, то есть, что он видел высшее, и был в состоянии исступления и слышал оттуда голос, и что трижды исповедывал, что там (животные) нечистые; а то, что сосуд оттуда (с неба) снисшел и туда вознесся, это великое доказательство чистоты. Итак это совершается для тех, кому имеет быть рассказанным. Потому что (Петр) сам слышал (повеление Господне): на путь язык не идите (Матф. 10, 5). Если имел нужду в обрезании и в принесении жертвы даже Павел, то тем более тогда в начале проповеди, когда они были очень немощны. Но не обо всех (Петр) сказал, что они скверны и нечисты, а только о тех, которых и закон назвал скверными и нечистыми. А Бог, начертавший образ своей Церкви, сказал, чтобы она не считала для себя ничего нечистым. Потому что ему (человеку) все чисто, что он принимает с благодарением и благословением Божиим. Но если здесь содержалось приточное указание относительно призвания народов, чтобы, то есть, не считали имеющих (необрезанною) крайнюю плоть скверными и нечистыми, то все-таки речь Петра содержала указание не на людей, но на (животных), запрещенных законом Моисеевым. Потому что виды животных принимаются вместо свойств человеческих, а из (описания) видения Петрова известно, что в сосуде, сшедшем с неба, были все роды животных: пресмыкающихся, птиц и четвероногих. Потому что слово прикровенно изображает, что имеющие обратиться к вере находятся под владычеством разных грехов, что они уподобились или четвероногим по жестокости, или пресмыкающимся по ядовитости, или птицам по (легкости и непостоянству) своей природы. И притом змеи принимаются за символ саддукеев и фарисеев, а лисица за (символ) Ирода, и возбужденные страстию к половому сближению кони за (символ) людей сладострастных; овцы — за людей незлобивейших, козлята — за необщительных и безучастных, а ежи — за богатых; об них Господь сказал, что они своими колючками прокалывают слово и делают его бесплодным. *И се глас паки к нему вторицею: яже Бог очистил есть, ты не скверни. По-*

видимому, голос относится к нему (Петру), а между тем все говорится к иудеям. Потому что, если терпит порицание этот учитель, то тем более они (заслуживают этого).

17. Якоже в себе недоумевашеся Петр, что бы было видение еже виде, и се мужие посланнии от Корнилия, вопроше и уведевше дом Симонов, стаха пред враты: 18. И возглаше вопрошаху, аще Симон нарицаемый Петр zde странствует. 19. Петру же размышляющу о видении, рече ему Дух: се мужие трие ищут тебе. 20. Но востав сниди, и иди с ними, ничтоже разсуждая, зане Аз послах их.

Что бы было видение. Плащаница означает землю, а находящиеся на ней звери — язычников. Изречение же: *заколи и яждь*, означает то, что и они должны придти (ко Христу); а то, что это повторяется трижды, означает крещение. Итак истинный смысл видения указывает ему на учение о Троице, равно как и вера в Троицу представляет истинное богопочитание. И се мужие *посланнии от Корнилия*. Благовременно приходят эти мужи, чтобы разрешить недоумение. Ибо и Иосифу Христос допустил сначала утрашиться, а потом послал ангела. Потому что душа легко принимает разрешение от испытанного прежде недоумения. И притом ему недолго пришлось оставаться в недоумении, и не прежде (оно возбудилось), но в то самое время, когда об нем спрашивали, тут ли он *пристранствует*. *Петру же размышляющу о видении, рече ему Дух: се мужие ищут тебе.* Опять и это служит апологию Петра пред учениками, чтобы они увидели, что он размышлял и получил наставление не размышлять. Потому что послушай: *иди с ними ничтоже разсуждая, зане Аз послах их.* Велика власть у Духа; потому что, что делает Бог (Отец), то же делает и Дух Святой. Ангел сказал: *молитвы твоя и милостыни твоя*, чтобы показать, что он оттуда послан; а Дух (делает) не так, но (говорит): *зане Аз послах их.* Итак нужно повиноваться Духу.

21. Сошед же Петр к мужем, посланным к нему от Корнилия, рече: се аз есмь, егоже ищите: кая есть вина, еяже ради приидосте? 22. Они же рекоша: Корнилий сотник, муж приведен и бояйся Бога, свидетельствован от всего языка иудейска, увещен есть от ангела свята призвати тя в дом свой, и слышати глаголы от тебе. 23. Призвав же их учреди. Наутрие же Петр востав иде с ними, и нецыи от братий, иже от Иоппии идоша с ним. 24. И наутрие внидоша в Кесарию.

Се аз есмь. Сначала он признался, что это он есть тот, кого они ищут, и потом уже спрашивает о причине (их прихода), чтобы или тотчас быть готову и идти с ними, или, если это не нужно, устроить их в доме. А посланные говорят похвалы (Корнилию), чтобы убедить (Петра), что тому являлся ангел. Начальство над народом бывает в руках человека благочестивого, по своим заслугам, оказавшегося достойным этого. Правда, бывает и это и все-таки (имеющие власть) скандализуются; но если бы не было этого, то чего бы тогда и не было? *Призвати тя в дом свой.* Не из (чувства) пренебрежения, говорят, он послал, но потому, что ему так повелено. Итак, не оставь в пренебрежении. Хорошо, что (Петр) сначала дружелюбно обходится с этими мужами, так как они утомились, и таким образом располагает их к себе. А что с ним пошли некоторые из Иоппии, это случилось домостроительно, чтобы потом они были свидетелями, когда Петру нужно было оправдываться.

Корнилий же бе чая их, созвав сродники своя и любезныя други. 25. Якоже бе внити Петру, сrete его Корнилий, и пад на ногу его поклонися. 26. Петр же воздвиже его глаголя: востани: и аз сам человек есмь. 27. И с ним беседа, вниде, и обрете

собравшыся многи.

Славный это был человек и в славном городе имел жилище. *Созвав сродники.* Это (свойство) совершенно благочестивого друга, что он, будучи окружен столькими благами, всех делает общниками и любезными друзьями. Любезными друзьями (они названы), потому что он мог надеяться на них, когда ему предстояли труды (и заботы) о стольких (подчиненных). И друзья и сродники, мне кажется, питались его пищею. Посмотри, как он был уверен, что Петр непременно придет. (Это) потому, что ангел явился ему не во сне, но в то время, как он находился в состоянии бодрствования и днем. *Петр же воздвиже его глаголя: востани: и аз сам человек есмь.* Этим он научает и прочих, и приносит благодарение Богу, показывая свое смирение. Посмотри, прежде всего другого он научает тому, чтобы они ничуть не думали о себе много.

28. Рече же к ним: вы весте, яко не лепо есть мужу иудеанину прилепятся или приходити ко иноплеменнику: и мне Бог показа ни единаго скверна или нечиста глаголати человека. 29. Темже и без сумнения приидох призван. *Вопрошаю вы убо: коея ради вины посласте по мене?* 30. И Корнилий рече: от четвертаго дне даже до сего часа, бех постяся, и в девятый час моляся в дому моем: и се муж ста предо мною во одежде светле, 31. И рече: Корнилие, услышана бысть молитва твоя, и милостыни твоя помянушася пред Богом. 32. Посли убо во Иоппию и призови Симона, иже нарицается Петр: сей пристранствует в дому Симона усмаря близ моря, иже пришед возглаголет тебе. 33. Абие убо послах к тебе: ты же добре сотворил еси пришед: ныне убо вси мы пред Богом предстоим слышати вся повеленная тебе от Бога.

Вы весте, яко не лепо есть. Тотчас рассуждает об человеколюбии Божиим и показывает, что Бог даровал им великие (дары), а вместе и говорит о великом и говорит со смирением. Потому что он не сказал: «люди! мы пришли к вам, хотя мы считаем недостойным прикасаться к кому-либо», но что? «Вы знаете, что Бог изрек такое повеление, чтобы считалось беззаконием *прилепятся или приходити ко иноплеменнику: и мне Бог показа ни единаго скверна или нечиста глаголати человека*». Замечательно, что сам Бог повелел народу христианскому *ни единаго скверна или нечиста глаголати человека*, но жить с ними, потому что и они, быть может, будут с особенною силою веровать во Христа. *Вопрошаю убо вы: коея ради вины посласте по мене?* Петр обо всем слышал уже и от воинов, но он желает, чтобы они исповедались и делались правыми в вере. *В час девятый,* говорит, *моляся.* Что это значит? Мне кажется, что у него при аккуратнейшем порядке в жизни время было распределено и притом в известные дни; поэтому он и сказал: *от четвертого дне.* Посмотри, как (сильна) молитва. Когда он преуспевал в деле благочестия, тогда явился ему и ангел, это один день; когда отправились посланные Корнилием, (это тоже) один; когда они шли, — один, а четвертый оказывается, с третьего часа, когда он молился. *И се муж ста предо мною.* Не говорит: «ангел», но «муж». Так он далек от гордости. Видите вытекающую отсюда мысль: видите, как он достоин был всего этого. *Ныне убо вси мы пред Богом предстоим.* Не сказал: пред человеком, но: пред Богом; итак надобно со вниманием слушать рабов Божиих.

34. Отверз же Петр уста, рече: поистинне разумеваю, яко не на лица зрит Бог: 35. Но во всяком языке бояйся его и делаяй правду, приятен ему семь. 36. Слово еже посла сыном Израилевым, благовествуя мир Иисус Христом, сей есть всем Господь.

37. Вы весте глагол бывший по всей Иудеи, наченный от Галилеи, по крещении, еже пропевада Иоанн: 38. Иисуса, иже от Назарета, яко помаза его Бог Духом Святым и силою, иже пройде благовествуя и исцеляя вся насилуванныя от диавола, яко Бог бяше с ним. 39. И мы есмы свидетеле всех, яже сотвори во стране иудейстей и во Иерусалиме: егоже и убиша повешше на древе. 40. Сего Бог воскреси в третий день, и даде ему явленну быти: 41. Не всем людем, но нам свидетелем преднареченным от Бога, иже с ним ядохом и пихом, по воскресении его от мертвых. 42. И повеле нам проповедати людем и засвидетельствовати, яко той есть нареченный от Бога судия живым и мертвым. 43. О сем вси пророцы свидетельствуют, оставление грехов прияти именем его всякому верующему в онь.

Поистинне разумеваю... то есть, что (Бог) смотрит не на качество лица, но на различие дел. Тем, что он говорит, он ясно показывает, что Бог, которого боялся Корнилий, о котором он получил наставление из закона и пророков, ради которого он и милостыни творил, что этот Бог есть воистину Бог. Недоставало ему познания о Сыне. Смотри, как он не дает воли (превозноситься своей) мысли. *Во всяком*, говорит, *языце*, чтобы ты не подумал, что язычники принадлежат к разряду отверженных. *Делаяй правду*. (Выражение): *правду* (употреблено) вместо: всякую добродетель. Не сказал: *во всяком языке делаяй правду* спасается, но: *приятен есть*, то есть, достоин того, чтобы быть принятым. *Слово, еже посла сыном израилевым*. Дает сынам израилевым предпочтение. Это говорит и ради присутствующих, чтобы убедить их. *Яко помаза Его Бог Духом Святым*, разумеется — по человечеству. Так как Он уничижил (εκενωσε) самого Себя и приискренне приобщился нашей плоти и крови (Евр. 2, 14), то об Нем говорится, что Он как человек принимает то, что Он имеет по естеству как Бог. Потому что Он принимает не самому Себе, но нам, как в начале (это делал) для самого Себя, или лучше, так как Он есть Бог Слово, то это у Него было свое. Выражение же: *исцеляя вся насилуванныя от диавола*, указывает на многие, зависевшие от диавола, увечья и происшедшие от него повреждения в телах. *Егоже и убиша, повешше на древе*. Опять говорит об уничижении. Показавши, что Он Богом послан, (апостол Петр) говорит, что Он и убит. Чтобы ты не счел чего-либо неприличным, для этого заметь, что они никогда не скрывают учения о кресте, но вместе с прочим предлагают и образ (смерти). *Егоже и убиша, повешше на древе*. Но свидетелем преднареченным. Хотя сам (Иисус Христос) их избрал, но выражение: *преднареченным* и это присвоает Богу (Отцу). *Иже с Ним ядохом и пихом*. Посмотри, чем подтверждает (истину) воскресения. Почему (Иисус Христос) воскресши не сотворил никакого чуда, но ел и пил? Потому, что самое воскресение было великим чудом. Притом нет (и не могло быть в этом случае чуда большего) как то, что Он ел и пил. *И засвидетельствовати*. Засвидетельствовать, говорит, ясно, чтобы не впали в неведение. *О сем вси пророцы свидетельствуют*. Какие пророки только говорили, говорит, об отпущении грехов, все они говорили, что они отпускаются в этом Иисусе. Так и Исаия от Его лица говорит: *Аз есмь заглаждай грехи твоя и беззакония твоя* (Ис. 43, 25). Но он не сказал, что Он есть Сын Божий, но, что больше их устрашало, приличное времени приготовление заимствуется из пророков, потому что они пользовались великою славою. Но поколебавши их страхом, он делает им снисхождение, впрочем изреченное не им, а пророками. Итак страшное (он говорит) от себя, а проникнутое кротостию от (лица) пророков.

44. Еще же глаголющу Петру глаголы сия, нападе Дух Святыи на вся слышащия слово. 45. И ужасошася, иже от обрезания вернии, елицы приидоша с Петром, яко и на языки дар Святаго Духа излися: 46. Слышаху бо их глаголющих языки, и

величающих Бога. Тогда отвеща Петр: 47. Еда воду возбранити может кто, еже не креститися сим, иже Дух Святыи прияша якоже и мы? 48. Повеле же им креститися во имя Господа Иисуса. Тогда молиша его пребыти у них дни некия.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Слышаша же апостоли и братия сущии во Иудеи, яко и языцы прияша слово Божие.

Заметь Божие домостроительство. (Бог) не допустил, чтобы речь (Петра) была доведена до конца и чтобы крещение было совершено по распоряжению Петра; но как только Он увидел, что мысль их исполнена изумления, и было положено начало научению, и они вполне уверовали, что крещение есть отпущение грехов, то и сошел Дух. Притом они начали говорить и (разными) языками, чти изумило собравшихся. Между тем Бог заблаговременно устроил в этом великую апологию Петру. *Еда воду возбранити может кто, еже не креститися сим?* И какая нужда была в воде, когда Дух Святыи нисшел на них? Итак я покажу ее и объясню себе это сокровенное таинство. В этом вполне выражаются божественные символы: гроб и умирание, воскресение и жизнь. Как нам легко погружаться и выныривать, так Богу удобно погребать ветхого человека и показывать нового. А трижды это бывает для того, чтобы ты научился, что все это совершается силою Отца и Сына и Святого Духа. А что сказанное не есть (одна лишь простая) догадка, послушай Павла, который говорит: *спогребохомся Ему крещением в смерть* (Римл. 6, 4). И опять: *Ветхий наш человек с Ним распятыся* (Римл. 6, 6). И опять: *сообразни быхом подобию смерти Его* (Римл. 6, 5).

2. И егда възиде Петре во Иерусалим, препирахуся с ним, иже от обрезания. 3. Глаголюще, яко к мужем обрезания не имущым вшел еси, и ял еси с ними. 4. Начен же Петр, сказоваше им порядку, глаголя: 5. Аз бех во граде Иоппийстем моляся, и видех во ужасе видение, сходящ сосуд некий яко плащаницу велию, от четырех краев низпускаему с небесе, и прииде даже до мене: 6. В нюже возрев смотря, и видех четвероногая земная и звери и гады и птицы небесныя. 7. Слышах же глас глаголющ мне: востав Петре, заколи и яждь. 8. Рех же: никакоже Господи: яко всяко скверно и нечисто николиже вниде во уста моя. 9. Отвеща же ми глас вторицею с небесе глаголющ: яже Бог очистил есть, ты не скверни. 10. Сие же бысть трижды: и паки взяшася вся на небо.

Видишь, какую ревность они имели относительно закона. Не постыдились они ни достоинства Петра, ни чудес бывших, ни того прекрасного приготовления, какое сделано было для принятия слова, но стали рассуждать о таких мелочах. Рассуждали бывшие от обрезания, а не апостола. Да не будет. И не говорят: зачем проповедовал? но (говорят): зачем ел? Петр же не остановился на этой мелочи, но (основался) на том, что (имело) великое (значение). Если, говорит, они получили Духа, то как было не преподать им этого? Этой апологией он показывает, что он ни в чем невиновен, но (виновник всего и) повсюду Бог, к которому он и относит все. Потому что, говорит он, Он показал сосуд, а я возражал Ему. И опять Он сказал, а я и этого не послушался. Дух повелел идти. Идя я не торопился и не тотчас совершил крещение, но опять все совершил Дух. *Слышах же глас глаголющ мне.* Довольно было и того, что явилась плащаница, чтобы убедить его; но к этому однакож присоединился и голос: *востав Петре, заколи и яждь. Рех же: никакоже Господи.* Видишь, говорит (Петр), я

сделал свое. Это апология против того, что они сказали: *вшел еси и ял еси с ними*. И он однако же защищается, а не пользуется авторитетом учителя. Потому что чем более кротко он отвечает им, тем более успокаивает их.

11. И се абие трие мужие стаха пред храминою, в нейже бех, послани от Кесарии ко мне. 12. Рече же ми Дух, ити с ними, ничтоже разсуждая; приидоша же со мною и шесть братия сии, и внидохом в дом мужа. 13. И возвести нам, яко виде ангела в дому своем ставша и рекша ему: посли во Иоппию мужи, и призови Симона нарицаемаго Петра. 14. Иже речет глаголы к тебе, в нихже спасешия ты и весь дом твой. 15. Внегда же начах глаголати, нападе Дух Святыи на них, якоже и на ны в начале. 16. Помянух же глагол Господень, якоже глаголаше: Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым. 17. Аще убо равен дар даде им Бог, якоже и нам веровавшим в Господа Иисуса Христа, аз же кто бех могый възбранити Бога? 18. Слышавше же сия умолкоша и славляху Бога, глаголюще: убо и языком Бог покаяние даде в живот.

Приидоша же со мною и шесть братия сии. Ничего (он не мог сказать), что бы более обнаруживало его смирение, как то, что он сослался на свидетельство братии. (Он не говорит) о том, что ангел сказал Корнилию: *молитвы твоя и милостыни твоя*, не повествует о правоте этого мужа, не (сообщает, что он сделал так) потому, что Дух послал (его), что Бог повелел (ему), призвавши его оттуда чрез ангела, но подтверждает последним, потому что это и само по себе было несомненным доказательством. Но не довольствуется и тем, что выше сказано, припоминает и изречение Господа: *вы же имате креститися Духом Святым*. Ничего, говорит, нового не случилось, но только то, что Он предсказал. Но, (скажут), не нужно было и крестить; а между тем крещение было совершено. И не говорит он: «я повелел их крестить», но показывает, что он не сделал ничего (нового). — Что имели, говорит, мы, то получили и они. *Аще убо равен дар даде им Бог, якоже и нам*. Чтобы заградить уста их, он говорит: *равен дар*. (Бог) не допускает, говорит он, чтобы они имели меньше, если Он дал равный дар уверовавшим. И не говорит: «как и вам», но: *якоже и нам*. Что находите вы недостойным, когда мы называем их общниками? *Аз же кто бех могый възбранити Бога?* Защищаясь против обвинителей, он сильно и жестоко пристыжает их. Не мог, говорит, я възбранить этого. От этих слов они сделались кроткими и замолчали. Видишь ли, что, благодаря речи Петра к народу, все сделалось хорошо, когда он рассказал, что случилось? С этого времени наконец открылись двери язычникам (для вступления в Церковь).

19. Разсеявшиися убо от скорби, бывшия при Стефане, проидоша даже до Финикии и Кипра и Антиохии, ни единому же глаголюще слово, токмо иудеем. 20. Бяху же нецыи от них мужие Кипрстии и Киринейстии, иже вшедше во Антиохию, глаголаху ко Еллином, благовествующе Господа Иисуса. 21. И бе рука Господня с ними: многое же число веровавшие обратишася ко Господу. 22. Слышано же бысть слово о них во ушию церкви, сущия во Иерусалиме, и послаша Варнаву преити даже до Антиохии. 23. Иже пришед и виде благодать Божию, возрадовася, и моляше всех изволением сердца терпети о Господе: 24. Яко бе муж благ и исполнь Духа Свята и веры, и приложися народ мног Господеви. 25. Изыде же Варнава в Тарс възискати Савла, и обрет его приведе его во Антиохию. 26. Бысть же им лето цело собиратися в церкви, и учити народ мног, нареци же прежде во Антиохии ученики христианы.

Не малую услугу (христианству) оказало гонение (против христиан); потому что *любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Римл. 8. 28). Потому что когда убивали Стефана, когда Павел дважды находился в опасности, когда апостолы были бичуемы, тогда язычники были принимаемы (в Церковь). Это и Павел говорит: *вам же лепо первые глаголати слово Божие: а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе... се обращаемся во языки* (Деян. 13, 46). *Глаголаху к еллином.* (Говорит): *еллином.* Может быть, потому называли их еллинами, что они не знали по-еврейски. А выражение: *же рука Господня с ними*, показывает то, что они творили чудеса. Видишь, почему и теперь нужны были чудеса? Чтобы веровали. *И послаша Варнаву преити даже до Антиохии.* Почему не написали об этом Павлу, но послали Варнаву? Потому, что еще не знали о добродетели этого мужа. *Яко же муж благ и исполнь Духа Свята и веры.* Не одно и то же значит, что Бог благ и что муж благ. Первый благ по существу, будучи началом и источником (всех) благ, а муж (благ) не по существу, но в силу добродетели. *Изыде же Варнава в Тарс взыскати Савла.* Очень добрый и простой и снисходительный человек (был Варнава). Искал, говорит, подвижника, военачальника. *Бысть же лето цело собиратися в церкви, и учити народ мног.* Не малая похвала для города, что он прежде всех прочих в течение такого (периода) времени наслаждался устами его. *Нареци же прежде во Антиохии ученики христианы.* И это (говорит) об успехе (проповеди) Павла, когда он поднял (здесь христианство) на такую высоту, что (можно было дать христианам) это имя как бы какой (отличительный) знак. Где уверовало три тысячи, где пять тысяч, где такое множество; (но впрочем) не было ничего такого (в роде этого имени), а (просто христиане) назывались людьми «этого пути». Здесь же впервые они удостоились этого имени. Замечательно, что Антиохия потому особенно и удостоилась главного начальнического престола, что там впервые христиане названы (этим именем).

27. В тыя же дни снидоша от Иерусалима пророцы во Антиохию. 28. Востав же един от них именем Агав, назнаменоваше Духом, глад велик хотящ быти по всей вселенней: иже и бысть при Клавдии Кесаре. 29. От ученик же, по елику кто имевше что, изволиша кийждо их на службу послати живущым во Иудеи братьям: 30. Еже и сотвориша, пославше к старцем рукою Варнавлею и Савлею.

Пророцы. И в каком смысле Христос говорит: *закон и пророцы до Иоанна* (Матф. 11, 13)? Он говорит о тех пророках, которые предвозвестили явление Его. *Назнаменоваше Духом.* Чтобы не подумали, что голод сделался потому, что явилось христианство, Дух Святой и предсказывает это. Потому что и Христос предсказал это. Не потому (имеет быть голод), чтобы он должен был быть (в силу предопределения, изреченного) изначала, но по причине зол, которые были (нанесены) святым апостолам. А так как они продолжались, то и является великий голод, предвещающая иудеям о имеющих быть несчастиях. *От ученик же, по елику кто имевше что.* Посмотри: для них и голод делается поводом ко спасению, случаем к милосердию. Посмотри: они вместе и делаются верующими и вместе приносят плоды (достойные веры, они оказывают милосердие) не только близким, но и дальним. *Пославше к старцем.* Из этого становится ясно, что апостолы имели достоинство и старцев, хотя также они находились на степени диаконов и епископов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Во оно же время возложи Ирод царь руце озлобити некия иже от церкви.
2. Уби же Иакова брата Иоаннова мечем.
3. И виде, яко где есть иудеем, приложи

яти и Петра: бяху же дние опресночнии. 4. Егоже и емь всади в темницу, предав четырем четверицам воинов стрещи его, хотя по пасце извести его к людем. 5. И убо Петра стражаху в темнице: молитва же бе прилежна бываемая от церкви к Богу о нем.

Во оно же время. В какое это время? При Клавдие императоре. Потому что римский император Каий назначил Агриппу царем иудейским, определивши Ирода вместе и с Иродиадою в Лугдон (город) галилейский. Это тот (Ирод), при котором пострадал Иоанн, как об этом повествуют Иосиф и Евсевий. Итак это разногласие в имени, то есть, что вместо Агриппы (сказано) Ирод, произошло или от ошибки писца, или потому, что он носил два имени. Замечательно, что из двенадцати учеников (Господних) прежде всех пострадал Иаков. *Озлобити некия иже от церкви.* Заметь, что верные мужи и состоящее из них общество называются церковию. *И видев, яко годе есть иудеем, приложи яти и Петра.* Чтобы никто не сказал, что (апостолы) потому бестрепетно и безбоязненно идут навстречу смерти, что Бог восхищает их (из рук ее), для того (Бог) и допустил, чтобы были преданы смерти и старейшие (из них): Стефан и Иаков. Этим Бог показывает самим убийцам, что Он и от этого не удаляет их и здесь не препятствует им. — Делом приятным было для их неуместных страстей убийство и убийство незаконное. Надобно было положить конец их стремлению, а он (Ирод), как палач больных, а не как врач их, подстрекает их, хотя тысячи примеров видел он и (в жизни) деда и отца (своего) Ирода. *Бяху же дние опресночнии. Егоже и емь всади в темницу.* Опять (обнаруживается) излишняя щепетильность иудеев: убить они не препятствовали, а (препятствовали) сделать это в такое время. *Предав четырем четверицам воинов стрещи его.* Это происходило и от гнева и от боязни. Чем тщательнее была стража, тем более удивительно обнаружение (силы Божией). А это случилось ради Петра, который был весьма известен. *Молитва же бе прилежна бываемая от церкви к Богу о нем.* Послушайте, как они ходатайствовали за учителей. Они не возмутились, не взбунтовались, но обратились к истинной сподвижнице — молитве.

6. Егда же хотяше его извести Ирод, в ноци той бе Петр спя между двема воинома связан железнома ужема двема, стражие же пред дверми стражаху темницы. 7. И се ангел Господень предста, и свет возсия в храмине: толкнув же в ребра Петра, воздвиже его, глаголя: востани вскоре, и спадоша ему ужя железная с руку. 8. Рече же ангел к нему: препояшися, и вступи в плесницы твоя: сотвори же тако. И глагола ему: облецыся в ризу твою, и последствуй ми. 9. И изшед в след его идяше: и не ведаше, яко истина есть бывшее от ангела: мняше же видение зрети. 10. Прошедша же первую стражу и вторую, приидоста ко врагом железным, вводящим в град, яже о себе отверзошася има: и изшедше преидоша стогну едину, и абие отступи ангел от него.

Бе Петр спя. Не был ни в смущении, ни в страхе, но в ту самую ночь, когда его намеревались вывести из темницы, спал, предоставив все на волю Господа. Обрати внимание и на то, как тщательна стража: спали с ним и стражи. Но для чего воссиял свет? Чтобы Петр мог и видеть и слышать ангела и чтобы не подумал, что это — воображение. Сказано: *вскоре*, чтобы он не замедлил. Даже и толкнул его ангел, — так крепко он спал. Что же касается выражения: *толкнув в ребра*, — так оно указывает не на смущение ангела, а на побуждение не затягивать времени. *Препояшися, и вступи в плесницы твоя.* Как это Петр поступал вопреки повелению, которое говорит: *не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры*

в путь, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла (Матф. 10, 9. 10)? А у него были и одежда и обувь, хотя в то время следовало ходить без обуви, потому что особенная нужда в ней бывает зимою. Но и Павел, пиша Тимофею: *потщися прежде зимы приити*, говорит ему: *фелонь, егоже оставих в Троаде у Карпа, грядый принеси* (2 Тим. 4, 12. 21). Никто не может сказать, чтобы Павел не имел другой одежды, которую он носил. Они не противились повелению Христову: да не будет! Напротив, они даже очень следовали повелению; потому что повеление это было дано на время, а не навсегда. К тому же и Лука говорит, что Христос сказал ученикам: *егда послах вы без влагалища, и без меха, и без сапог, еда чесого лишени бысте? они же реша: ничесоже. Рече же им: но ныне иже имате влагалище, да возмет, такожде и мех* (Лук. 22, 35. 36). Итак Христос дал в то время такое повеление, желая показать свое могущество; потому что, скажи мне, какая важность была в том, чтобы иметь одну одежду? Итак какая же? Когда нужно было ее мыть, то ужели следовало ходить нагим, или сидеть дома? А когда наступал сильный холод, и стужа стягивала тело, то ужели следовало отогреваться и не проповедывать? Ведь тела у них были не адамантовые. *И не ведаше, яко истина есть бывшее от ангела: мняше же видение зрети*. Это очень естественно при изумительной необычайности того, что случилось; потому что необычайность знамений поражает зрителя. Петр думал, что видит видение. А сам опоясывался и обувался. Что же другое мог он чувствовать, как не изумление?

11. И Петр быв в себе, рече: ныне вем воистинну, яко посла Бог ангела своего, и изьят мя из руки Иродовы, и от всего чаяния людей иудейских. 12. Смотрив же прииде в дом Марии матери Иоанна нарицаемаго Марка, идеже бяху мнози собрани и молящися. 13. Толкнувшу же Петру во врата двора, приступи слышати отроковица именем Роди: 14. И познавши глас Петров, от радости не отверзе врат, притекши же сказа Петра стояща пред враты. 15. Они же к ней реша: беснуешися ли? она же креплящися тако быти. Они же глаголаху: ангел его есть. 16. Петр же пребываше толкий: отверзше же видеша его, и ужасошася. 17. Помаав же им рукою малчати, сказа им, како Господь его изведе из темницы. Рече же: возвестите Иакову и братьям сия. И изшед иде во ино место. 18. Бывшу же дню, бе молва не мала в воинех, что убо Петру бысть.

Ныне вем воистинну. Теперь, говорит, узнал, а не тогда. Ангелу угодно было, чтобы сердце Петрово наполнилось радостью вдруг и чтобы он понял то, что случилось, уже по освобождении. *Смотрив же*. Что значит: *смотрив*? Это значит, что, по размышлении, он увидел, что следует не прямо продолжать путь, а возблагодарив Благодетеля. А Иоанн, быть может, был не тот, который был постоянно с апостолами. Поэтому-то писатель и присовокупил его отличие, так как сказал: *нарицаемаго Марка*. Быть может, это — евангелист Марк, чрез которого, говорят, передал свое евангелие Петр; так как об евангелии от Марка говорится, что оно — Петрово евангелие. Это предположение оправдывается тем, что Петр и прочие апостолы проводили у него довольно времени. *От радости не отверзе*. Обрати внимание на благоговение отроковицы: *от радости*, говорится, *не отверзе*. Но это вышло прекрасно; иначе прочие, изумленные его неожиданным явлением, пожалуй, не поверили бы, что это — он, так как и при этом не хотели верить. *Они же глаголаху: ангел его есть*. Это — верно; потому что у каждого есть ангел. Со всяким верующим в Господа постоянно пребывает ангел, если только мы не отгоняем его злыми делами; потому что как дым заставляя удаляться пчел и как зловоние отгоняет голубей, так и смрадный и причиняющий много слез грех отдаляет от нас ангела. А они ожидали, что это — ангел, соображаясь с

своим положением; потому что говорится: *идеже еста два или трие собрани во имя мое, ту есмь посреде их* (Матф. 18, 20). А где Христос, там необходимо быть и архангелам и прочим силам. *Рече же: возвестите Иакову и братиям сия*. Как он нетщеславен! Не сказал: сделайте известным это всюду, но: — *братиям. И изшед иде во ино место*. Это — потому, что он не хотел испытывать Бога и вводить себя самого в искушения. Ангел же не говорил ему об этом; но тем, что оставил его молча и ночью извел его из темницы, дал ему позволение удалиться; так как апостолы сделали уже то, что было им повелено: «идите», говорится, «в храм, проповедуйте народу».

19. Ирод же поискав его и не обрет, и истязав стражи, повеле отвести их: и изшед от Иудей в Кесарию живяше. 20. Бе же Ирод гневаяся на Тиряны и Сидоняны: иже единодушно приидоша к нему, и умоливше Власта постелника царева, прошаху мира, понеже страны их от царства его питахуся.

Повеле отвести их. Для Бога возможно было вместе с Петром избавить и их. Но если бы ангел вывел и воинов вместе с Петром, то событие сочли бы бегством. Ирода же более печалило то, что он был осмеян, подобно тому, как и деда его, обманутого волхвами, также более терзало то, что его обманули. *Бе же Ирод гневаяся на Тиряны и Сидоняны...* Немало значения—в том, что писатель упомянул об этой истории, из которой видно, как тотчас же обрушилось над ним и постигло его наказание.

21. В нареченный же день Ирод оболкся во одежду царску, и сед на судище пред народом, глаголаше к ним. 22. Народ же возглашаше: глас Божий, а не человек. 23. Внезапу же порази его ангел Господень, зане не даде славы Богу: и быв червми изъяден, издше. 24. Слово же Божие растяше и множашеся.

Оболкся во одежду царску. Иосиф говорит, что Ирод, при наступлении следующего дня, прибыл в театр, одетый в удивительную по тканью, всю сделанную из серебра одежду. Здесь серебро, засиявшее при первом падении на него солнечных лучей, удивительно блистало каким-то поражающим и ужасающим зрителей переливом лучей света; и льстецы сейчас же стали называть его богом, прибавляя: будь милостив; если до сих пор мы боялись тебя, как человека, то с этого времени признаем, что ты выше человеческой природы. Заметь, как они льстили; но обрати свой взор и на величие духа апостолов. Кого так почитал целый народ, того они презирали. Однакож, если льстецы и кричали так, то какое же отношение имеет это к Ироду? То, что он принял этот крик, что счел себя достойным такой лести. Им же главным образом они и научены такой безрассудной лести. Итак и тот и другие заслуживали наказания; но так как еще не время суда, то наказывается только тот, кто особенно виноват. Если он, дозволивший себе выслушать лишь такое о себе мнение: *глас Божий, а не человек*, потерпел такое посрамление, то гораздо более был бы наказан Христос, если бы не был самим Богом, Христос, постоянно говоривший: «слова эти — не мои» и: «ангелы служат мне».

25. Варнава же Савл возвратистася из Иерусалима во Антиохию, исполнивше службу, поемше с собою и Иоанна нарицаемаго Марка.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Бяху же нецыи во церкви сущей во Антиохии пророцы и учителяе, Варнава

же и Симеон нарицаемый Нигер, и Лукий киринеанин, и Манаил со Иродом четверовластником воспитанный, и Савл.

Еще об Варнаве упоминает прежде; так как Павел еще не прославился, — не совершил еще никакого знамения. Но следует заметить, что и Павел и Варнава причтены были к лику апостолов. *Манаил со Иродом четверовластником воспитанный*. Вот что значит характер каждого; и воспитание не оказывает влияния: посмотри, каким нечестивцем остался Ирод; а его совоспитанник Манаил так изменился, что удостоился даже дара пророчества.

2. Служащим же им Господеви и постящимся, рече Дух Святыи: отделите ми Варнаву и Савла на дело, на неже призвах их. 3. Тогда постившеся и помолившеся, и возложше руки на ня, отпустиша их. 4. Сия убо послана бывша от Духа Свята, снисходя в Селевкию, оттуду же отплыша в Кипр. 5. И бывше в Саламине, возвещаста слово Божие в сонмищах иудейских: иместа же и Иоанна слугу. 6. Прошедше же остров даже до Пафа, обретоста некоего мужа волхва лжепророка иудеанина, емуже имя Вариисус, 7. Иже бе со Анфипатом Сергием Павлом, мужем разумным: сей призвав Варнаву и Савла взыска услышати слово Божие. 8. Сопротивляшеся же има Еллина волхв (такое бо скажется имя его), иский развратити Анфипата от веры.

Что значит: *служащим*? Это значит: «проповедующим». А выражение: *отделите ми на дело*, — вместо: «на апостольство». Кем же рукополагается Павел? Лукием и Манаилом, а вернее — Духом Святым. Хиротонисуется же он, чтобы проповедовать со властью. Как же сам Павел говорит: *ни от человек, ни человеком* (Гал. 1, 1)? Это — в том отношении, что не человек призвал его и обратил. Рукополагали не так, как диаконов; но *возложиша на ня руки* после предварительного поста и молитвы, так что из этого можно заключить, что Варнава и Павел чрез такое рукоположение получили высшую иерархическую степень, чем диаконская. В Селевкии они не останавливаются, зная, что жители ее могли стяжать много пользы от соседнего с нею города; а спешат исполнить неотложное. *Сей* (анфипат — проконсул) *призвав Варнаву и Савла взыска услышати слово Божие*. Удивительно в проконсуле то, что он, быв ранее увлечен уже магией волхва, пожелал послушать апостолов. Но обрати внимание и на волхва: когда апостолы проповедовали прочим людям, он не очень негодовал; вознегодовал же особенно тогда, когда они пришли к проконсулу.

9. Савл же иже и Павел, исполнися Духа Свята, и возрев нань, 10. Рече: о исполненне всякия льсти, и всякия злобы, сыне диавол, враже всякия правды, не престанеши ли развращая пути Господни правыя? 11. И ныне се рука Господня на тя, и будеши слеп, не видя солнца до времени, внезапно же нападе нань мрак и тма, и осязая искаше вожда. 12. Тогда виде Анфипат бывшее, верова, дивяся о учении Господни.

Савл же иже и Павел. Здесь вместе с рукоположением Савла меняется и имя его. Переименован же он для того, чтобы и с этой стороны быть не ниже апостолов. А что касается преимущества, какое имел корифей учеников Христовых (Петр), так и Павел, кажется, пользовался таким же уважением и имел случай снискать даже большее расположение. *Исполненне всякия льсти*. Никакого рода лести, говорит, не оставалось, которого бы ты не имел. Верно сказал: *всякия льсти*; потому что волхв был льстец и лжец. А

сыном дьявола называет его потому, что он делал дьявольское дело. Не с нами, говорит, воюешь и сражаешься, но развращаешь пути Господни правые. *И будешь слеп, не видя солнца до времени.* Тем же средством, каким был обращен сам, хотел и его обратить. Итак это было не наказание, но врачевание; потому что Павел почти что говорил: не я творю это, но рука Божия. А выражение: *до времени*, очевидно было словом не наказывающего, а обращающего; потому что, если бы оно было словом наказывающего, то Павел сделал бы его слепым навсегда; а здесь не то, но — *до времени*. Говорит: *до времени*, чтобы подействовать на проконсула; так как дает этим знать, что от самого волхва зависит получить снова зрение: нужно изменить образ жизни на лучший. *И осязая искаше возда.* Искание вожака — доказательство слепоты. Нужно было посредством такого именно наказания вразумить того, кто прежде был увлечен магией. Таким образом наказания как бы вразумляли и волхвов.

13. Отвезшися же от Пафа Павел и сущии с ним, приидоша в Пергию Памфилийскую: Иоанн же отлучився от них, возвратися во Иерусалим. 14. Они же прошедше от Пергии, приидоша во Антиохию Писидийскую, и вшедше в сонмище в день субботный, седоша. 15. По чтении же закона и пророк, послаша начальницы сонмища к ним, глаголюще: мужие братие, аще есть слово в вас утешения к людем, глаголите.

Иоанн же... Иоанн, нарицаемый Марк, сопутствовал им в евангельском шествии от Палестины до Пергии памфилийской. Потом, когда апостолы ускорили свое шествие и с твердым, непреклонным духом стали вооружаться на подвиги, Марк, как человек слабый и не решавшийся на такое путешествие и на те подвиги, опасности и борьбу, какие представлялись в каждом городе, отстав от апостолов, возвратился в Палестину, не отрицаясь Христа, но отказываясь от дальнейшего путешествия, так как оно было трудно для него. Павел и Варнава возвратились в Иерусалим с обильными плодами веры и благовествовали находившейся в Иерусалиме церкви об обращении и покаянии язычников; и когда все стали воздавать Павлу и Варнаве хвалу за их полные успеха подвиги, Марк опечалился, смутился душою и, быть может, подумал: если бы и я был с апостолами, то и я сделался бы участником в их славе, и снова пожелал выступить вместе с апостолами на проповедь. *И приидоша в Пергию Памфилийскую.* Снова приходят в Пергию; потому что спешили в антиохийскую митрополию. *И вшедше в сонмище в день субботный, седоша.* В синагоги они входили в одежде иудейской, чтобы не встретить сопротивления и не быть выгнанными, и достигали таким образом во всем своей цели.

16. Востав же Павел, и помаав рукою, рече: мужие израилтяне, и боящиися Бога, услышите. 17. Бог людей сих избра отцы наши, и люди вознесе в пришествии в земли Египетстей, и мышцею высокою изведе их из нея: 18. И до четыредесяти лет препита их в пустыни: 19. И низложив язык седмь в земли Ханаанстей, даде им в наследие землю их. 20. И по сих, яко лет четыреста и пятьдесят, даде им судии до Самуила пророка. 21. И оттуду просиша царя, и даде им Бог Саула сына Кисова, мужа от колена Вениаминова, лет четыредесять. 22. И преставль его, воздвиже им Давида в царя, емуже и рече свидетельствовав: обретох Давида сына Иессеова, мужа по сердцу моему, иже сотворит вся хотения моя. 23. От сего Семене Бог по обетованию воздвиже Израилю спасение Иисуса. 24. Проповедавшу Иоанну пред лицем внития его крещение покаяния всем людем израилевым.

Востав же Павел... Павел проповедует здесь в первый раз, и посмотри, с каким благоразумием: те места, где идет речь о Боге Слове, обходит и останавливается на местах, не упоминавших о семени Давида, как сам он говорит, когда пишет римлянам: *сице же потщахся благовестити, не идеже именовася Христос* (Рим. 15, 20). Посмотри: и Варнава уступает Павлу, как и Иоанн уступает везде Петру. Хотя Варнава пользовался большим уважением; но он поступал так, имея в виду общую пользу. *Бог людей сих избра отцы наши*. Напомнив о древних событиях, указывает, как и Стефан, на бывшие тогда великие благодеяния Божии. *Обретох Давида сына Иессеова, мужа по сердцу моему*. Нужно заметить, что слова эти в книге Царств находятся не в том виде, как здесь; там только пророчески сказано Самуилом Саулу: *изыщет Господь себе человека по сердцу своему, и повелит ему Господь властелину быти над людми своими, яко не сохранил еси, елика заповеда тебе Господь* (1 Царств. 13, 14). Из этих слов Павел составил такое положение: *обретох Давида, сына Иессеова, мужа по сердцу моему*. Что же касается слов: *мужие братие, аще есть слово в вас утешения к людем, глаголите* (выше ст. 15), — так они сказаны были потому, что у иудеев был обычай читать в субботу закон Моисеев и пророков и после чтения обращаться с речью к народу и объяснять прочитанное. Поэтому начальники синагоги и предлагают бывшим с Павлом говорить в синагоге. *От сего Семене Бог по обетованию воздвиже Израилю спасение Иисуса*. Имя Давида было особенно любимым иудеями именем; поэтому говорится, что воцаряется царь от его племени. *Проповедавшу Иоанну пред лицем внития его*. Под внитием разумет воплощение.

25. И якоже скончаваше Иоанн течение, глаголаше: кого мя непщуете быти? несмы аз, но се грядет по мне, емуже несмы достоин разрешити ремень сапогу его. 26. Мужие братие, сынове рода Авраамля, и иже в вас боящися Бога, вам слово спасения сего послася. 27. Живущии бо во Иерусалиме и князи их, сего не разумевше, и гласы пророческия по вся субботы чтомья, осудивше (его) исполниша: 28. И ни единыя вины смертныя обретше, просиша у Пилата убити его. 29. Якоже скончаша вся, яже о нем писана, снемше с древа, положиша во гробе. 30. Бог же воскреси его от мертвых. 31. Иже являшеся во дни многи, совозшедшым с ним от Галилеи во Иерусалим, иже ныне суть свидетелие его к людем. 32. И мы вам благовествуем обетование бывшее ко отцем, яко сие Бог исполнил есть нам чадом их, воздвиг Иисуса: 33. Якоже и во псалме втором писано есть: Сын мой еси ты, Аз днесь родих тя. 34. А якоже воскреси его от мертвых, не ктому хотяща возвратитися во истление, сице рече: яко дам вам преподобная Давидова верная. 35. Темже и в другом глаголет: не даси преподобному твоему видети истления. 36. Давид бо своему роду послужив Божиим советом, успе, и приложися ко отцем своим и виде истление: 37. А егоже Бог воздвиже, не виде истления.

Иоанн не просто свидетельствует, но отрицает от себя самую славу, которую все приписывали ему. Не одно и то же — отказываться от чести, когда никто не оказывает ее, и — тогда, когда ее предоставляют все. *Мужие братие, сынове рода Авраамля*. Указывает здесь на именитое происхождение иудеев. *Сего не разумевше*. Некоторым образом извиняет их: распяли, говорит, не зная, кто — Он; потому что злодеяние совершено вследствие неведения. *И ни единыя вины смертныя обретше, просиша у Пилата убити его*. Говорит, что смертная казнь была желательна им. Выводят на сцену Пилата, чтобы с одной стороны сделать общеизвестным страдание, с другой — подвергнуть себя большему обвинению, как предавших Христа мужу иноплеменному. И не сказал: «потребовали», но: *просиша*.

Испросили, говорит, позволение на убиение, хотя Пилат как бы не желал этого. Об этом яснее говорит Петр: *суждшу ему пустити. — Бог же воскреси его от мертвых.* Да не смущает тебя то, что об Иисусе говорится, что Он воскрешен Богом; потому что если Иисус есть не иной кто, как воплотившееся Слово, а Слово, по свидетельству Писания: *Христос, Божия сила и Божия премудрость*, есть сила Отца, которою Он совершает все, то следует разуметь, что Иисус сам воскресил Себя. И если говорится, что Он воскрешен Отцом, так говорится в том смысле, что Отцу, как такому началу и такой причине, которые — вне времени, приписывается все. Да и сам Иисус говорит: *раззорите церковь сию, и трети денми созижду ю — Иже являшеся во дни многи совозшедшым с ним от Галилеи во Иерусалим, иже ныне суть свидетелие его к людем.* Чем они никак не могли бы быть, если бы не подкрепляла их сила Божия. *Нам чадом их, воздвиг Иисуса:* Имя «Иисус» братья богоубийц принимают за имя человека. Итак, сказав выше, что Слово положено было во гробе, Павел, — чтобы кто не подумал, что он назвал Слово бесплотным, — снова называет Его Иисусом и ни на один момент не допускает в воплотившемся Слове разделения, по соединении двух естеств. *Сын мой еси ты, Аз днесь родих тя.* Слова эти понимай по отношению к вочеловечению Христа, бывшему во времени; так как выражения: *сегодня и завтра*, заключают в себе значение дней. А от Отца Сын рождается, как признают это даже еретики, *безвременно. Не даси преподобному твоему видети истления.* Тело Господа и Спасителя Христа называется нетленным и бессмертным; потому что ясно, что оно обладало свойством нетления со времени самого воплощения, так как Христос был безгрешен. *А егоже Бог воздвиже, не виде истления.* А Тот, кого воздвиг Бог, не видел истления, но место гроба соделал местом нетления; потому что восставший собственно силою Христос поистине воссиял, как начальник нетления, дабы и мы восстали из гробов и вышли в сретение Ему, когда, в день ожидаемого воскресения, Он приидет во второй раз со славою, на облацех.

38. Ведомо убо да будет вам мужие братие, яко его ради вам оставление грехов проповедается. 39. И от всех, от нихже не возмогосте в законе Моисеове оправдитися, о сем всяк веруай оправдается. 40. Блюдите убо да не приидет на вас реченное во пророцех: 41. Видите нерадивии и чудитесь, и узрите и исчезнете: яко дело аз соделаю во дни вашя, емуже не имате веровати, аще кто повесть вам.

Смотри, как не договаривает о сущности дела, об обетованном семени. Не привел свидетельства, на которое они могли бы полагаться в том, что отпущение грехов совершается чрез Иисуса; а это не подлежало сомнению. Пророк Аввакум восклицает *видите нерадивии и чудитесь*; а Бог отвечает людям беззакония, что им угрожают несчастья и теперь и в будущем. И великого удивления достойно было то, как Израиль, зачисленный в сонм детей Божиих и наименованный первородным, — тот Израиль, ради которого погиб Египет, — предается вавилонянам, предается не только мечу их, но даже и плену и рабству и всевозможным страданиям. *Не имате веровати...* Дело так и столь величественно, что покажется даже невероятным, если кто сообщит вам об нем.

42. Исходящим же им от сонмища иудейска, моляху языцы в другую субботу глаголатися им глаголом сим. 43. Разшедшуся же собору, последоваша мнози от иудей и честивых пришлец Павлу и Варнаве: иже глаголюще им увещаху их пребывати в благодати Божией. 44. Во грядущую же субботу мало не весь град собрася послушати слова Божия. 45. Видевше же иудеи народы, исполнишася зависти, и вопреки глаголаху глаголемым от Павла, сопротив глаголюще и хуляще.

46. Дерзнувше же Павел и Варнава рекоста: вам бе лепо первее глаголати слово Божие: а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе вечному животу, се обращаемся во языки. 47. Тако бо заповеда нам Господь: положих тя во свет языком, еже быти тебе во спасение даже до последних земли. 48. Слышаще же языцы радовахуся, и славляху слово Господне, и вероваша, елицы учинени бяху в жизнь вечную.

Ты видел мудрую сообразительность Павла. Чтобы привязать и расположить к себе язычников, а также чтобы сообщением им всего вдруг не рассеять их внимания, он высказал сначала несколько намеков и не разрешил их, и этим вызвал в язычниках желание послушать его в другой раз. Сказал, что возвещается вам оставление грехов; а как совершится это оставление, не объяснил. Не крестил же их тотчас, потому что это было не благовременно. *В другую субботу* — вместо: в будущую, как явствует это ниже. *Видевше же иудеи народы, исполнишася зависти.* Столь велика нетерпимость зависти! Многие совершенно изнемогают и умирают от того, что видят других в чести. А такого рода люди способны противиться не только человеку, но и воле Божией. *А понеже отвергосте.* Чтобы слов: *недостойны творите сами себе вечному животу*, не истолковал кто-нибудь в пользу их смирения, Павел сказал сначала: *понеже отвергосте е.* Потом прибавил: *обращаемся во языки.* Не говорит: оставляем вас, но выражается так, что допускает возможность своего возвращения в Антиохию. *Положих тя во свет языком*, то есть, в познание язычниками спасения, и не только язычниками, но и всеми. *Елицы учинени бяху в жизнь вечную.* Учинени не по насилью; потому что говорится: *ихже предуведе, тех и предустави.* Итак род Господень в сущности есть весь вообще род человеческий; но Израиль есть особенно близкий род Его. И так как Он пришел к Израилю, а прочие народы просветил чрез апостолов; то и говорится: *израильтянам дах Тя по обетованию, бывшему отцам их*, а язычников озарю чрез Тебя просвещением и дарую всем спасение (потому что это именно означает словами: *до последних земли*), и положу конец договорам, сделанным отцам их. Слово «завет» объясняется многими, как договор, условие. *И вероваша, елицы учинени бяху в жизнь вечную.* Хотя они предназначены или предопределены были в жизнь вечную по предведению, но уверовали по собственному желанию, по собственной воле. Предведение же Божие не уничтожает свободы нашей воли. До сложения мира предназначенный, по предведению Божию, быть избранным сосудом — Павел стал им не вдруг по рождении и не в юности, но спустя довольно времени, когда у него составилось понятие о своем значении и своих доблестях.

49. Пронюшашеся же слово Господне по всей стране. 50. Иудеи же напустиша честивыя жены и благообразныя, и старейшины града, и воздвигоша гонение на Павла и Варнаву, и изгнаша я от предел своих. 51. Она же отрясе прах от ног своих на них, приидоста во Иконию. 52. Ученицы же исполняхуся радости и Духа Свята.

Пронюшашеся же слово, то есть, распространялось. *Иудеи же...* не ограничились чувством зависти, но прибегнули и к действиям. Под *честивыми женами* понимает не верующих женщин, но иудейских, или эллинских, а под благообразными — богатых. Видишь, на какой гнусный поступок склонили женщин? Стараются преградить людям путь ко спасению при содействии женщин, в подражание древнему обольстителю — дьяволу, который орудием для преграждения людям входа в рай избрал Еву. *Она же отрясе прах от ног своих на них.* Не без причины поступили так, но потому, что были изгнаны иудеями. *Ученицы же исполняхуся радости и Духа Свята.* Учителей гнали, а они радовались: такова

сила Евангелия. Страдание учителя не отнимает дерзновения у ученика, но делает его более бодрым.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. Бысть же во Иконии вкупе внити има в сонмище иудейское, и глаголати тако, яко веровати иудеев и еллинов множеству многу. 2. Неверующии же иудеи въздвигоша и озлобиша души языков на братию. 3. Доволно же убо время пребыша дерзающе о Господе свидетельствующем слову благодати своя, и дающем знамения и чудеса быти рукама их.

Вкупе внити има... Не сделались боязливее, но опять вошли в синагогу. С речью обращались они обыкновенно как к иудеям, так и к еллинам. *Неверующии же иудеи въздвигоша и озлобиша души языков на братию.* Возбудили и язычников, не довольствуясь тем, что сами восставали. Но апостолы не вышли из синагоги; так как их не гнали, а только состязались с ними. *Доволно же убо время пребыша дерзающе...* Дерзновение происходило от преданности апостолов делу проповеди. А то, что слушавшие их уверовали, было следствием чудес; но этому способствовало несколько и самое дерзновение апостолов.

4. Разделишажеся множество града: и ови убо бяху со иудеи, ови же со апостолы. 5. И егда бысть стремление языком же и иудеем с начальники их, досадити и камением побити их. 6. Уведевше же прибегоста во грады Ликаонския, в Листру и Дервию и во окрестныя их: 7. И тамо беста благовестующе.

Разделишажеся множество града. Случилось то, о чем говорил Христос: *не мните, яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч* (Матф. 10, 13). *Уведевше же прибегоста.* Ничего нет странного в том, что святые бегут от людей, намеревающихся построить им ковы, и считают за лучшее уклониться от брани, которую они считали, согласно приведенному свидетельству, недозволенной им.

8. И некто муж в Листрех немощен ногама седяше, хром от чрева матере своя сый, иже николиже бе ходил. 9. Сей слышаше Павла глаголюща: иже възрев нань и виде, яко веру иматъ здрав быти. 10. Рече велиим гласом: (тебе глаголю, во имя Господа Иисуса Христа) ^[39], встани на ногу твою прав: и абие възсочи и хождаше. 11. Народи же виде, еже сотвори Павел, въздвигоша глас свой ликаонски глаголюще: бози уподоблшеса человеком снидоша к нам. 12. Наричаху же убо Варнаву, Диа; Павла же, Ермиа: понеже той бяше начальник слова.

Рече велиим гласом. Для чего велиим гласом? Чтобы уверовал народ. Что же касается слов: *иже възрев нань и виде, яко веру иматъ здрав быти*, — так словами этими, кажется мне, выражается мысль, что Павел проник в душу его; потому что внимать тому, что говорил Павел, было возможно лишь для философской души. *И абие възсочи и хождаше.* Что хромой вскочил, это — доказательство совершенного исцеления. *Народи же виде, еже сотвори Павел...* Замечай с одной стороны простодушие язычников, с другой — коварство иудеев. Первые чествовали апостолов как богов, последние преследовали их, как разрушителей порядка. *Наричаху же убо Варнаву, Диа: Павла же, Ермиа.* Видишь, как у еллинов было в обычае делать богами людей. Запомни происхождение идолослужения, чтобы дать ответ,

когда будут спрашивать: откуда идолослужение? Таким же точно образом еллины из людей делали богами и апостолов. И дьявол, вначале, подобным же образом старался ввести в мир это нечестие, говоря: *будете яко бози* (Быт. 3, 5). И так как тогда ему это не удалось; то с тех пор он домогается этого и доселе, всюду стараясь вводить многобожие.

13. Жрец же Диев суцгаго пред градом их, приведе юнцы и (принесе) венцы пред врата, с народы хотяше жрети. 14. Слышавше же апостоли Варнава и Павел, растерзавше ризы своя вскочиста в народ, зовуще и глаголюще: 15. Мужие, что сия творите? и мы подобострастни есмы вам человецы, благовествующе вам от сих суетных обращатися к Богу живу, иже сотвори небо и землю и море и вся, яже в них: 16. Иже в мимошедшыя роды оставил бе вся языки ходити в путех их: 17. И убо не несвидетельствована себе остави, благодворя, с небесе ним дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищею и веселием сердца наша. 18. И сия глаголюще, едва устависта народы не жрети им, но отъйти коемуждо во своя си.

Растерзавше ризы своя. Смотри: всюду они чисты и чужды тщеславия; не только не домогаются славы, но даже отклоняют ее от себя, когда воздают им прославление. Так и Петр говорил: *на ны что взираете, яко своєю ли силою или благочестием сотворихом его ходити?* И эти апостолы говорят то же самое, но поступают с некоторою горячностью: *растерзавше ризы своя вскочиста... И мы подобострастни есмы вам человецы.* Мы — люди, говорят, но мы — выше идолов; потому что они — мертвы. Видишь, каким обыкновенным явлением было у еллинов — делать из людей богов? Да и в их книгах, — где описана их древняя история, — ты найдешь, что Зевс, будучи человеком, сделал себя богом, говоря, что он — бог. Точно также и многие из римских и македонских царей назывались божественными. Поэтому нет никакого основания не верить древним сказаниям о том, что некоторые из народов были обольщены и назвали некоторых из людей богами, как и эти люди обольстились Варнавою и Павлом. И Симона волхва жители Самарии называли великой силой божией. Так как Павел не произнес имени Иисуса и не сказал: *во имя Господа Иисуса востани прав,* то они и предположили, что он — бог, а не служитель Божий. — *Растерзавше ризы своя...* У иудеев был обычай разрывать на себе одежды, когда они слышали богохульные слова. Так, когда Христос говорил, что Он — Сын Божий, Каиафа разорвал на себе одежду, говоря, что Христос произнес хулу на Бога. А так как то, что случилось теперь, было некоторым образом богохульством: то, следуя иудейскому обычаю, и апостолы сделали то же самое. Отвергнут же этот обычай потому, что он не был постановлением закона. И Господь говорил иудеям, когда они поступали подобным образом: *обратитесь ко мне всем сердцем вашим, в посте, и в плачи, и в рыдании, и расторгните сердца ваша, а не ризы ваша* (Иоил. 2, 12. 13). — *Иже в мимошедшыя роды оставил бе вся языки ходити в путех их.* Оставил, сказано; но почему оставил, апостол еще не говорит; так как останавливается преимущественно на том, что действительно было необходимо, и нигде еще не упоминает имени Христова. *И убо не несвидетельствована себе остави Бог;* потому что в каждом поколении совершал такие дела, которые руководили людей в правду. Не насилуя свободной воли, Господь позволял всем людям ходить по собственному их усмотрению; но сам постоянно совершал такие дела, из которых они, как существа разумные, могли уразумевать Создателя. Свидетелями Его апостол называет даже ежегодные дожди.

Пребывающим же им и учащим. 19. Приидоша от Антиохии и Иконии нецыи иудеи: и стяжающымся им с дерзновением, наустиша народы отступити от них,

глаголюще: яко ничтоже истинно глаголете, но все лжете, и наустивше народы, и камением побивше Павла, извлекоша вне града, мняще его умерша. 20. Окрест же ставшим его учеником, востав вниде во град: и наутрие изыде с Варнавою в Дервию. 21. Благовествовавшие же граду тому, и научивше многи, возвратишася в Листру и Иконию и Антиохию: 22. Утверждающе души учеников, моляще пребыти в вере, и яко многими скорбми подобает нам внити в царствие Божие. 23. Рукоположше же им пресвитеры на вся церкви, и помолившеся с постом, предаша их Господеви, в негоже увероваша. 24. И прошедше Писидию, приидоша в Памфилию: 25. И глаголавше в Пергии слово Господне, снидоша во Аггалию. 26. И оттуду отплыша во Антиохию, отнюдуже беша преданы благодати Божией в дело, еже скончаша. 27. Пришедше же и собравше церковь, сказаша, елика сотвори Бог с ними, и яко отверзе языком дверь веры. 28. Пребыша же тамо время не мало со ученики.

Наустивше народы. Посмотри на бешенство иудеев: проникли в народ, который оказал такую честь апостолам, и убедили его побить Павла камнями. А вытащили его вон из города, потому что боялись. Да притом они старались лишь подорвать проповедь. Но видишь ли ты пламенную ревность Павла? После того, как его выбросили вон из города, он снова пришел в тот же самый город, чтобы показать, что если где, в подобных случаях, он и удалялся, так потому, что должен был сеять слово Божие и что разжигать гнева не следовало.... *И яко многими скорбми подобает нам внити в царство Божие.* Смотри: без труда и скорбей никто не оправдывается. Поэтому врата, ведущие в царство небесное, и Господь назвал узкими и тесными, то есть, полными стеснений. Но в царство небесное вводит не всякая, какая только встретится, теснота или скорбь, но скорбь из-за веры в Бога. *Рукоположив же им пресвитеры...* Научали поститься даже во время испытаний; постом сопровождалась и хиротонии. Но в Кипре не поставили пресвитеров; тоже и в Самарии: последняя находилась близ Иерусалима и апостолов; да и в самой Антиохии слово Божие укреплялось. А здесь новоуверовавшие и в особенности те из язычников, которым необходимо было назидание, нуждались в большой поддержке. Но обрати внимание на то, что Павел и Варнава имели сан епископский; потому что рукополагали не только диаконов, но и пресвитеров. *Пришедше же во Антиохию и собравше церковь, сказаша, елика сотвори Бог с ними.* Не сказал апостол: «что сотворили они», но: «что сотворил Бог с ними». *И яко отверзе языком дверь веры.* Отвержением двери называет учение, которое приняли чрез апостолов язычники. *Пребыша же тамо время не мало со ученики.* Так как город был велик, то в нем была нужда в учителях.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1. И нецыи сшедше от Иудеи, учаху братию, яко аще не обрежетесь по обычаю Моисеову, не можете спастися. 2. Бывшей же распри и стязанию немалу Павлу и Варнаве к ним, учиниша взыти Павлу и Варнаве и неким другим от них, ко апостолом и старцем во Иерусалим о вопрошении сем. 3. Они же убо предпослани бывше от церкви, прохождаху Финикию и Самарию, поведаяще обращение языков: и творяху радость велию всей братии. 4. Пришедше же во Иерусалим прияти быша от церкви и апостол и старец, сказаша же, елика сотвори Бог с ними, и яко отверзе языком дверь веры.

Видишь, апостолы подвергались испытаниям и внешним и внутренним. Не просто

говорилось о необходимости обрезания, но: *еще не обрежетесь, не можете спастись*. Противоположным этому мнением было то, будто обрезываясь верующие не могли спастись. Но Павел не сказал: «да почему же это? ужели я не заслуживаю доверия после того, как совершил столько знамений»? а рассудил отправиться ради них в Иерусалим. Как же он в послании к Галатам говорит: *не вздых во Иерусалим к первейшим мене апостолом* (1, 17)? В первый раз он пришел в Иерусалим не сам, а был послан другими, — во второй прибыл туда не с тем, чтобы научиться, но с тем, чтобы склонить на свое мнение других; потому что сам он от начала обращения был того мнения, какое постановил потом и собор апостолов, то есть, что обрезать не следует ^[40]. А так как некоторым христианам из иудеев казалось тогда, что Павлу одному доверять решение вопроса нельзя, и так как они обращали свои взоры на апостолов, бывших в Иерусалиме: то Павел пошел туда, пошел не с тем, чтобы научиться большему, но с тем, чтобы убедить тех, которые говорили противное, что и бывшие в Иерусалиме апостолы решают вопрос этот согласно с ним и Варнавою.

5. Восташа же нецыи от ереси фарисейския веровавшии, глаголюще, яко подобает обрезать их, завещавати же блюсти закон Моисеов. 6. Собрашася же апостоли и старцы ведети о словеси сем. 7. Многу же взысканию бывшу, востав Петр рече к ним: мужие братие, вы весте, яко от дний первых Бог в нас избра усты моими услышати языком слово благовестия, и веровати. 8. И сердцеведец Бог свидетельствова им, дав им Духа Святаго, якоже и нам: 9. И ничтоже разсуди между нами же и оными верою очищ сердца их. 10. Ныне убо что искушаете Бога, хотяще возложити иго на выи учеником, егоже ни отцы наши ни мы возмогохом понести? 11. Но благодатию Господа Иисуса Христа веруем спастися, якоже и они. 12. Умолча же все множество и послушаху Варнавы и Павла поведующих, елика сотвори Бог знамения и чудеса во языцех ими.

Нецыи от ереси фарисейския. Верующие не из язычников, но из иудеев требовали, что принявшие веру обрезаются и исполняли прочие заповеди закона, имевшие отношение к плотской природе человека. С ними, рассуждавшими на основании древнего закона, не согласились прочие ученики, хотя и сами были от обрезания; потому что старались сделать постановление не по своему желанию, но соображаясь с общей пользой. *Собрашася же апостоли и старцы ведети о словеси сем.* И из этого места также можно заключать, что апостолы имели какое-то особенное достоинство, по которому стояли выше пресвитеров; иначе Лука обозначил бы всех их одним общим с пресвитерами именем. *Мужие братие, вы весте.* Заметь: благодать на решение вопроса получает Петр, в котором и до сих пор оставались элементы иудейства. *Вы, говорит он, весте.* Быть может, здесь были и обвинявшие его некогда за Корнилия, а быть может, и входившие с ним в дом Корнилия; поэтому-то он и выставляет их свидетелями. А что значит выражение: *в нас избра*? Это значит: в Палестине, или: в присутствии вашем. Словами же: *усты моими*, показывает, что чрез него говорил Бог и что тут ничего не было человеческого. *И сердцеведец Бог свидетельствова им...* Указывает им на духовное свидетельство. *Ныне убо что искушаете Бога, хотяще возложити иго на выи учеником?* Там, где вера очищает грехи, исходящие от сердца, нет никакого различия между верными, иудеи ли они, или еллины. А очищение это заменило обрезание; вместо плотского обрезания даруется обрезание духовное, которое верою во Христа очищает и тайные грехи. Что значат слова: *искушаете Бога*? Это значит: как будто Бог не силен спасти человека по вере, или: отчего вы не верите Богу? Вводить закон есть знак неверия. Известно всем, что закон был обременителен для израильтян. Это

признавали и ученики. Да и сам Спаситель указал нам на это, говоря: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Матф. 11, 28). Труждающимися же и обремененными называет бывших под законом, а Себя назвал кротким; какового свойства закон не имел. Есть и еще место, подобное этому: *благодатию есте спасени*. Итак прежде закон спасал тех, кто соблюдал все, что написано в законе; а ныне благодать Господня, и без соблюдения закона, спасает чрез веру.

13. По умолчании же их, отвеца Иаков, глаголя: мужие братие, послушайте мене: 14. Симеон поведа, яко прежде Бог посети прияти от язык люди о имени своем: 15. И сему согласуют словеса пророк, якоже пишет: 16. По сих обращуся и созижду кров Давидов падший: и раскопаная его созижду, и исправлю его: 17. Яко да възыщут прочии человецы Господа, и вси языцы, в нихже наречеса имя мое: глаголет Господь творяй сия вся. 18. Разумна от века суть Богови вся дела его. 19. Сего ради аз сужду не стужати от язык обращающимся к Богу: 20. Но заповедати им огребатися от треб идолских и от блуда и удавленины и от крове, и, елика негодна себе суть, иным не творити. 21. Моисей бо от родов древних по всем градом проповедающыя его иматъ в сонмищах, по вся субботы чтомый. 22. Тогда изволися апостолом и старцем со всею церковию, избравше мужа от них, послати во Антиохию с Павлом и Варнавою, Иуду нарицаемого Варсаву, и Силу, мужа нарочита в братии. 23. Написавше рукама их сия.

Отвеца Иаков, глаголя. Этот Иаков был епископом; поэтому и говорит после. Обрати внимание и на его мудрость: свое слово он подтверждает и новым свидетельством и ветхозаветными пророчествами. *Симеон поведа.* Это — тот Симеон, который в евангелии от Луки пророчествует: *ныне отпущаеши раба твоего, Владыко* (Лук. 2, 29). *Прияти от язык люди о имени своем.* Благоволил принять Господь людей из язычников не просто, но о имени своем, то есть, во имя славы своей. *И сему согласуют словеса пророк.* Симеон был известен, как муж близкий по времени; но он не имел авторитета, так как был не древний муж. Поэтому Иаков приводит древнее пророчество: *по сих обращуся и созижду кров Давидов падший.* Падение это было так велико, что казалось непоправимым. Что же? Разве был восстановлен Иерусалим? Не был ли он еще более разорен? О каком же восстановлении говорит пророчество? О восстановлении после вавилонского плена, когда Иерусалим снова стал иметь значение. *Сего ради аз сужду не стужати,* то есть, не расстраивать дела; потому что если Бог призвал их, а эти навязывания расстраивают призвание; то мы противимся Богу. Говорит со властью: *аз сужду.* Но заповедати им огребатися от треб идолских и пр. Предостережения эти, хотя и касаются чувственных вещей, но необходимы. Так как эти вещи были причиной многих зол: то преимущественно от них Иаков и удерживал верующих. *Моисей бо от родов древних* и пр. До пришествия Спасителя Моисея читали каждую субботу в одних синагогах; но после пришествия Его Моисей читался невозбранно и в церквах Христовых. И это видно из того, что он читается постоянно даже до сего дня. Притом же, если бы ветхозаветное Писание не читалось в церквах, то апостол не написал бы так нерассудительно в послании к Галатам, именно: *глаголите ми, иже под законом хотите быти, закона ли не слушаете* (Галат. 4, 21)?

Апостоли и старцы и братия, сущым во Антиохии и Сирии и Киликии братиям, иже от язык, (о Господе) радоватися. 24. Понеже слышахом, яко нецыи от нас изшедше возмутиша вас словесы, развращающе души ваша, глаголюще обрезаются и блюсти закон, имже мы не завещаем. 25. Изволися нам собравшимся единодушно,

избранные мужи послати к вам, с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом, 26. Человеки предавшими души своя о имени Господа нашего Иисуса Христа. 27. Послахом убо Иуду и Силу, и тех словом сказующих таяжде.

Изволися нам собравшимся единодушно: потому что все так определили и пишут это по тщательном обсуждении. Замечательно, что ни Петр, ни Иаков не дерзали, без всей церкви, постановить определения об обрезании, хотя признавали это нужным. Но и все вместе не положились бы на себя самих, если бы не были убеждены, что так благоугодно и Духу Святому. А чтобы посольство Иуды и Силы не было сочтено за знак недовольствия Павлом и Варнавою, следуют похвалы им: *человеки предавшими души своя о имени Господа нашего Иисуса Христа.*

28. Изволися бо Святому Духу и нам, ничтоже множае возложить вам тяготы, разве нуждных сих: 29. Огребатися от идоложертвенных и крове и удавленины и блуда: и, елика не хотите вам быти, другим не творите: от нихже соблюдаяще себе, добре сотворите, здравствуйте. 30. Они же убо послани бывше приидоша во Антиохию: и собравше народ, вдаша послание. 31. Прочетше же возрадовашася о утешении. 32. Иуда же и Сила, и тии пророцы суще словом мнозем утешиша братию, и утвердиша. 33. Пребывше же тамо время, отпущени быша с миром от братий ко апостолом. 34. Изволися же Силе пребыти тамо: Иуда же возвратися во Иерусалим. 35. Павел же и Варнава живяху во Антиохии, учаще и благовествующе слово Господне, и со инеми многими. 36. По неких же днех рече Павел к Варнаве: возвращешся подобает посетити братию нашу во всех градах, в нихже проповедахом слово Господне, како пребывают. 37. Варнава же восхоте пояти с собою Иоанна нарицаемаго Марка: 38. Павел же глаголаше: отступлшаго от нас от Памфилии, и не шедшаго с нами на дело, на неже послани быхом, не пояти сего с собою.

Изволися Святому Духу. Да не подумают, что это дело человеческое. Что же касается того, что прибавлено *и нам*, так это для того, чтобы узнали все, что и они, обрезанные, этого именно мнения относительно вопроса об обрезании. *Разве нуждных сих.* Показывается, что нет ничего такого, чего недоставало бы верующим; напротив с них довольно того, чтобы *огребатися от идоложертвенных* и т. д. Выражением же: *огребатися от удавленины*, запрещается убийство. *И собравше народ, вдаша послание.* Преуспевание учеников — вот в чем утешение для учителей! *Возвращешся подобает посетити...* Следует заметить, что долгом руководителей было заботиться о тех, кого они просветили светом Евангелия, — испытывать, здравы ли они верою, не храмлют ли и не следует ли их исправить.

39. Бысть убо распря, яко отлучитися има от себе. Варнава убо поемь Марка отплы в Кипр: 40. Павел же избрав Силу изыде предан благодати Божией от братий. 41. Проходяше же Сирию и Киликию, утверждая церкви.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1. Прииде же в Дервию и Листру: и се ученик некий бе ту, именем Тимофей, сын жены некия иудеяныни верны, отца же еллина: 2. Иже свидетельствован бе от сущих в Листрех и Икониин братии. 3. Сего восхоте Павел с собою изыти: и приемь обреза

его, иудей ради сущих на местех оных: ведяху бо вси отца его, яко еллин бяще.

Бысть убо распря. Между Павлом и Варнавою произошло некоторое недоразумение; один стоял на почве справедливости, а другой хотел поступиться справедливостию, но каждый имел одну цель — служение вере. Причина недоразумения следующая. На евангельском пути сопутствовал им от Палестины до Пергии памфилийской некто Марк, который, как человек слабый, отстав от апостолов, возвратился в Палестину, не отрицаясь однако же Христа, но отказываясь от дальнейшего путешествия, как трудного для него. Между тем Павел и Варнава возвратились с обильными плодами веры и благочестия и благовествовали находившейся в Иерусалиме церкви об обращении и покаянии язычников. Когда же стали воздавать Павлу и Варнаве хвалу за их подвиги, Марк опечалился, смутился душою; потому что подумал: если бы и я был с апостолами, то и я сделался бы участником в их славе; и потому снова пожелал сопутствовать им. Варнава принимал его, как раскаявшегося; а Павел настаивал, что не следует брать с собою, на дело Господне, человека, который не мог сопутствовать им прежде. Итак разномыслие имело характер не несправедливости, а правды и проистекало от недоразумения. Павел требовал правды, Варнава — человеколюбия. Расходясь в мнениях, они сходились в чувстве благочестия; и разделились не по вере и убеждениям, а по человеческому недоразумению. Случилось же это по Божьему устройению; потому что как только они расстались, Варнава взял с собою Марка и пошел своим особым путем. Но строгая точность Павла принесла и Марку свою пользу; так как своим рвением он старался загладить прежнюю оплошность. Павел советовал в церквях не принимать Марка, не с тем, чтобы опечалить его, но чтобы сделать его ревностнее; и когда увидел, что Марк явил успехи ревности и оправдал себя своими последующими действиями, начинает одобрять его и говорить: *целует вы Марко анесий Варнавин, о немже приясте заповеди: аще приидет к вам, примите его* (Колосс. 4, 10). То же замечаем и между пророками, то есть, замечаем различие в мнениях и нравах: так Илия — строг, Моисей — кроток. Точно также и здесь: Павел является настойчивее Марка. Но посмотри: он в то же время и снисходителен. *Глаголаше* ^[41], говорится, то есть, он не горячился, но требовал настойчиво не брать Марка. Итак что же? Павел и Варнава разлучились врагами? Да не будет! В посланиях Павла ты находишь, что Варнава имел после этого много похвал от Павла. Мне кажется даже, что они разлучились по взаимному согласию, сказав друг другу: так как ты не хочешь, чего я хочу, и наоборот; то, чтобы не спорить, изберем для проповеди различные местности. Так они и поступили, вполне уступив друг другу. А написано это в наше назидание, чтобы предостеречь нас от падения; потому что нам, как людям, нельзя обойтись без распрей, но в распрях следует делать взаимные уступки. Но для Марка распря эта была как нельзя более полезна. Павлова строгость исправила его, а Варнавина снисходительность ободряла его не оставлять еще призвания. Итак Павел и Варнава спорят; но из спора выходит одно следствие — польза. Смотря на Павла, решающегося разлучиться с Варнавою, Марк сильно испугался и обвинил себя; а смотря на Варнаву, который так защищал его, Марк сильно полюбил последнего. И ученик исправляется распрею учителей; так далека была эта распря от того, чтобы послужить соблазном. *Проходяше же Сирию и Киликию, утверждая церкви.* Прежде, чем идти в другие города, посещает те, которые приняли уже слово Божие. Так поступаем и мы: первых людей прежде наставляем, чтобы они не послужили препятствием для наставления последующих. *И се ученик некий бе ту, сын еллина.* Замечательно, что иудеи так пренебрегали законом, что своих дочерей выдавали за еллинов и женились на еллинах. *И приемь обрезан его, иудей ради.* Достойна великого удивления мудрость Павла. Он, который так ратовал против обрезания язычников и который давал

толчок всему, пока не решили вопроса, обрезал своего ученика. Он не только другим не запрещал этого, но даже сам делает это. В каждом деле он имел в виду пользу и ничего не делал без цели. И тому нужно удивляться, как еще Павел расположил его к обрезанию. *Иудей ради сущих в местех оных*: потому что они никак не решились бы слушать слово Божие от необрезанного. И что же? Обрати внимание на оправдание этого поступка. Павел обрезал Тимофея для того, чтобы уничтожить обрезание; он не поддерживал обрезания, а хотел выполнить величайшую и всем апостолам приятную задачу; потому что, если бы Тимофей не был обрезан и в то же время был бы учителем иудеев, то все отшатнулись бы от него. Если уже иудеи так сильно обвиняли Павла за Трофима ефесского, так как думали, что Павел ввел его в храм (а он был из еллинов); то что пришлось бы перенести самому Павлу, если бы при нем находился учителем же человек необрезанный? Но посмотри: он оправдан и в мнении апостолов, и говорит в храме об исполнении этого оправдания. Все он делал ради спасения иудеев. Пожалуй, можно указать, что и Петр прикрывался личиною иудейства... И это нисколько не вредило апостолам; а напротив то, что иудеи имели таких учителей, которые, по их мнению, соблюдали закон, — послужило поводом к их обращению и началом их веры во Христа.

4. И якоже прохождаху грады, предаваше им хранити уставы сужденныя от апостол и старец, иже во Иерусалиме. 5. Церкви же утверждахуся верою, и прибываху в число по вся дни. 6. Прoшедше же Фригию и Галатийскую страну, возбранени быша от Святаго Духа глаголати слово во Асии. 7. Прешедше же Мисию, покушахуся в Вифинию поити: и не остави их Дух. 8. Прешедше же Мисию, снисдоша в Троаду. 9. И видение в нощи явися Павлу: муж некий бе македонянин стоя, моля его и глаголя: пришед в Македонию, помози нам, 10. И якоже видение виде, абие взыскахом изыти в Македонию, разумевше, яко призва ны Господь благовестити им. 11. Отвезшеся же от Троады приидохом в Самофрак, воутрие же в Неаполь: 12. Оттуду же в Филиппы, иже есть первый град части Македонии Колониа, бехом же в том граде пребывающе дни некия.

Предаяше им хранити уставы. Хранити, говорится, *уставы*, — не тайны воплощения, но наставления *огребатися от идоложертвенных и крови и давленины и блуда*; что касается устройства правильной жизни. *Возбранени быша от Святаго Духа глаголати слово во Асии*. Почему воспрещено было им проповедовать в Азии — об этом не говорит; но о том, что воспрещено было это им, сказал, научая этим нас повиноваться и не требовать отчета, и показывая, что часто они действовали и по-человечески. Дух запрещает апостолам проповедовать в Азии и Вифинии; так как предвидел, что тамошними жителями овладеет ересь духоборцев. *И видение в нощи явися Павлу: муж некий македонянин* и т. д. Уже не чрез ангела, как Филипп и Корнилий, но в видении получает откровение Павел, — более человеческим уже образом. Где легко убедить, там так, более человеческим образом; а где требуется большое усилие, там откровение бывает в форме более божественной. Нужно заметить, что в этих городах с Павлом был и Лука. Это видно из того, что последний объединяет свою личность с первым, когда говорит: *взыскахом, приидохом, изыдохом*.

13. В день же субботный изыдохом вон из града при реце, идеже мняшеся молитвенница быти и седше глаголахом к собравшымся женам. 14. И некая жена именем Лидиа, порфиропродалница от града Фиатирскаго, чтущи Бога, послушаше: ейже Господь отверзе сердце, внимати глаголемым от Павла. 15. Якоже крестися та,

и дом ея, моляше ны глаголющи: аще усмотристе мя верну Господеви быти, вшедше в дом мой, пребудите: и принуди нас.

При реце. Это случилось более потому, что там, по причине малочисленности иудеев, не было синагоги, и особенно набожные из них тайно собирались вне города при реке. Как народ более плотской, иудеи там, где не было синагоги, молились и вне ее, определяя для этого какое-либо место, — молились и по субботам, когда обыкновенно собирался и народ. *Аще усмотристе мя верну Господеви.* Посмотри, как любомудра жена: сначала сама засвидетельствовала, что Бог призвал ее. Обрати также внимание и на ее скромность. Это — женщина простая, и, по ремеслу, говорится, *порфиропродалница*, то есть, она продавала материи, окрашенные в пурпур. И дееписатель не стыдится упомянуть об ее ремесле. Не сказал: если вы увидели, что я великая женщина, или: что я благочестивая женщина, но говорит: *аще усмотристе мя верну Господеви.* Если Господеви, то тем более вам. Не просто просила их к себе в дом, но предоставила дело на их волю, хотя и сильно настаивала на своем желании.

16. Бысть же идущым нам на молитву, отроковица некая имущая дух пытлив сретет нас, яже стяжание много даяше господем своим, волхвующи. 17. Та последовавши Павлу и нам, взываше глаголющи: сии человецы раби Бога вышняго суть, иже возвещают нам путь спасения. 18. Се же творяше на многи дни: стужив же си Павел, и обращя, духови рече: запрещаю ти именем Иисуса Христа, изыди из нея. И изыде в том часе. 19. Видевше же господие ея, яко изыде надежда стяжания их, поемше Павла и Силу, влекоша на торг ко князем. 20. И приведше их к воеводам, реша: сии человецы возмущают град наш, иудее суще: 21. И завещавают обычаи, яже не достоин нам ни приимати ни творити, римляном сущым.

Имущая дух... Что это за демон? Называют его, по месту, богом Пифоном. Он хотел ввести апостолов в искушение. Иначе это та женщина — Пифия, о которой говорят, что она садилась на треножник Аполлона, раздвинув ноги, и что злой дух, поднимаясь из углубления, находившегося под треножником, проникал в нее и приводил ее в исступление; тогда она приходила в бешенство, испускала из рта пену, и в состоянии такого исступления произносила бессвязные слова. *Сии человецы раби Бога вышняго суть.* О дух нечистый! если ты знаешь, что они возвещают путь спасения, то почему не удаляешься их? *Стужив же си Павел,* Т. е. быв возбужден и взволнован. Заградив ей уста, хотя она говорила и истину, он научает нас не допускать к себе демонов, хотя бы они принимали вид, что защищают истину, но преграждать им всякий повод к соблазну и не слушать ничего, что они говорят. Если бы Павел обратил внимание на свидетельство этого духа, то последний обольстил бы многих из верующих. Поэтому Павел на первый раз только не принял, а отверг его свидетельство, не желая увеличивать числа своих знамений. Но когда дух упорствовал, тогда Павел повелел ему выйти из отроковицы. Итак дух действовал коварно, Павел же разумно. *Видевше же господие ея, яко изыде надежда стяжания их.* Везде виною зла — деньги. В видах обогащения господа отроковицы желали, чтобы она одержима была бесом. Посмотри: они и демона не хотят знать, но поглощены одною своей страстью — сребролюбием. Демон говорил, что *человецы сии раби Бога вышняго суть*, а они говорят, что *человецы сии возмущают град наш*; демон говорил, что они *возвещают нам путь спасения*, а господа отроковицы говорят, что они *завещавают обычаи, яже не достоин нам приимати*.

22. И снидесея народ на них: и воеводы растерзавше им ризы, веляху палицами бити их. 23. Многи же давше им раны, всадиша в темницу, завещавше темничному стражу, твердо стрещи их. 24. Иже таково завещание прием, всади их во внутреннюю темницу, и ноги их заби в кладе. 25. В полунощи же Павел и Сила молящесе пояху Бога: послушаху же их юзницы. 26. Внезапу же трус бысть велий, яко поколебатися основанию темничному: отверзошася же абие двери вся, и всем юзы ослабеша. 27. Возбужден же темничный страж, и видев отверсты двери темницы, извлек нож, хотяше себе убити, мня избегша юзники. 28. Возгласи же гласом велиим Павел, глаголя: ничтоже сотвори себе зла: вси бо есмы zde. 29. Просив же свещи вскочи, и трепетен быв, припаде к Павлу и Силе. 30. И извед их вон, рече: господие, что ми подобает творити, да спасуся? 31. Она же рекоста: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешися ты и весь дом твой. 32. И глаголаста ему слово Господне, и всем, иже в дому его. 33. И поемь я в тойже час нощи, измы от ран, и крестися сам и свои ему вси абие. 34. Введ же я в дом свой, постави трапезу, и возрадовася со всем домом своим, веровав Богу.

И снидесея народ на них. Творить чудеса и учить было делом Павла, а в опасностях принимал участие с ним и Сила. Прими к сведению, что и демоны знают о том, что распятый Иисус есть вышний Бог, а Павел раб Его; что сам он утверждал, говоря: *Павел раб Иисус Христов* (Рим. 1, 1). *Внезапу же трус бысть велий*, так что темничный сторож пробудился; и отворились двери, так что случившееся изумило его. Но узники не видели этого; иначе все они бежали бы. А чтобы сторожу не показалось, что это случилось само собой, последовало вслед за землетрясением и то, что двери отворились, свидетельствуя ему о необычности этого явления. *Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешися ты и весь дом твой.* И в темнице не давал себе покоя Павел; и тут он привлек к себе темничного стража и совершил это прекрасное пленение. *И поем я в тойже час нощи, измы от ран.* Им страж омыл раны, а сам омыт был от грехов, *И возрадовася со всем домом своим, веровав Богу*, хотя и ничего не получил, кроме благих слов и благих надежд.

35. Дню же бывшу, послаша воеводы паличники, глаголюще: отпусти человека она. 36. Сказа же темничный страж словеса сия Павлу: яко послаша воеводы, да отпущени будут: ныне убо изшедше, идите с миром. 37. Павел же рече к ним: бивше нас пред людьми, неосужденных человеков римлян сущих, всадиша в темницу: и ныне отай изводят нас? ни бо: но да пришедше сами изведут нас. 38. Сказаша же паличники воеводам глаголы сия: и убояшася слышавше, яко римляне суть. 39. И пришедше умолиша их, и изведше моляху изыти из града. 40. Изшедше же из темницы приидоста к Лидии: и видевше братию, утешиста их, и изыдоста.

Павел же рече к ним:... И после того, как приказали воеводы, Павел не выходит из темницы; но, в назидание Лидии — *порфиропродальницы* и других, устрашает воевод, чтобы не подумали, что они освобождены по чьей-либо просьбе. Он даже обвиняет воевод в том, что они публично били их, — их, ни в чем не обвиненных и притом римских граждан. Видишь: часто поступали они так, как свойственно обыкновенным людям? Высказал же Павел это (т. е. то, что они римские граждане и ни в чем не обвинены) для того, чтобы не показалось, что его освобождают как человека вредного и в чем-либо обвиненного. Что же касается темничного стража, так это — Стефан, о котором упоминает Павел в первом послании к Коринфянам, когда говорит: *крестих же и Стефанинов дом* (1 Кор. 1, 16). *Изшедше*

же из темницы, приидоста к Лидии: и видеше братию, утешиста их, и изыдоша. Не следовало оставлять в состоянии беспокойства и заботы жену, которая оказала им гостеприимство; и они, несмотря на побуждения воевод, не хотели удалиться, не посетив простой женщины и других лиц, которых они называли братьями. О, сколь велики их смирение и любовь!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1. Прешедше же Амфиполь и Аполлонию, внидоша в Солунь, идеже бе сонмище иудейское. 2. По обычаю же своему Павел вниде к ним, и по субботы три стязашеся с ними от писаний, 3. Сказуя и предлагая им, яко Христу подобаше пострадати и воскреснути от мертвых, и яко сей Иисус, егоже аз проповедаю вам, есть Христос. 4. И нецыи от них вероваша, и приложишася к Павлу и Силе, от честивых еллин множество много, и от жен благородных не мало. 5. Возревновавше же непокоршиися иудее, и приемше крамолники некия мужи злыя, и собравше народ, молвяху по граду: нашедше же на дом Иассонов, искаху их извести к народу. 6. Не обретше же их, влечаху Иассона и некия от братий ко градоначалником, вопиюще: яко иже развратиша вселенную, сии и zde приидоша, 7. Ихже прият Иассон: и сии вси противно велением Кесаревым творят, царя глаголюще иного быти, Иисуса. 8. Смятоша же народ и градоначалники слышащыя сия: 9. Вземше же довольное от Иассона и от прочих, отпустиша их.

Прешедше же Амфиполь и Аполлонию. Небольшие города проходят мимо и спешат в большие; так как из последних слово Божие должно было распространяться по ближним городам. *Внидоша в Солунь, идеже бе сонмище иудейское.* Хотя Павел и сказал: *се обращаемся во языки* (13, 46), но он не оставлял и иудеев; потому что очень сожалел об них. *Стязашеся с ними от писаний, сказуя и предлагая им, яко Христу подобаше пострадати и воскреснути от мертвых.* Прежде всего проповедует о страдании; так как признавал это спасительным. *От честивых еллин множество много.* Честивыми еллинами называет иудеев, говоривших по-гречески; называет их честивыми, потому, что они соблюдали закон; или же понимает причисленных к иудеям пришельцев, из еллинов. *И сии вси противно велением Кесаревым творят, царя глаголюще иного быти, Иисуса.* Точно также и Иисуса обвиняли отцы их, говоря, что царем Себя называет. Но те имели хотя несколько правдоподобный предлог; так как обвиняемый был еще жив. А эти на что рассчитывали в своей лжи, когда говорили об апостолах, что они называют царем Иисуса, который, по их мнению, умер и бояться которого земным царям было уже нечего; так как они видели, что Он вовсе уже не появлялся?

10. Братия же абие в нощи отслаша Павла и Силу в Берию: иже пришедше, идоша в собор иудейский. 11. Сии же бяху благороднейши живущих в Солуне, иже прияша слово со всем усердием, по вся дни разсуждающе писания, аще суть сия тако. 12. Мнози убо от них вероваша, и от еллинских жен благообразных, и мужей не мало. 13. И яко уведаша, иже от Солуня иудеи, яко и в Берии проповедася от Павла слово Божие, приидоша и тамо, движуще и смущающе народы. 14. Абие же тогда братия отпустиша Павла ити на поморие: остаста же Сила и Тимофей тамо. 15. Провождаящии же Павла, ведоша его даже до Афин: и приемше заповедь к Силе и Тимофею, да яко скорее приидут к нему, изыдоша.

Благороднейши, то есть, были гуманнее. По вся дни разсуждающе писания, аще суть сия тако. Исследовали Писание не как неверующие (потому что они уже уверовали), но как не знавшие пророческих преданий. Исследывая Писание и находя, что события, касавшиеся воплощения Господня, согласуются с словами древних пророков, они чрез это еще более укреплялись в вере. *Абие же тогда братия отпустиша Павла... даже до Афин.* Избегали опасностей апостолы не из боязни, а по Божиему внушению; потому что в этот, например, раз они перестали уже проповедовать и более уже не раздражали врагов. Из того же, что Павел удалился, вышла двоякая польза: и гнев врагов угасал, и проповедование распространялось далее. А что касается того, что посылают одного Павла, так это — потому, что за него только боялись, чтобы не случилось что-нибудь; так как он был во главе. Таким образом не всегда благодать содействовала им, но предоставляли их и себе самим, — то как бы пробуждая их, то ввергая в заботы.

16. Во Афинех же ждущу их Павлу, раздражашеся дух его в нем зрящем идол полн сущ град. 17. Стязашеся же убо на сонмищи со иудеи и с честивыми, и на торжищи по вся дни с приключаящимися. 18. Нецыи же от эпикур и от стоик философ стязяхуся с ним: и нецыи глаголаху: что убо хочет суесловивый сей глаголати? инии же: чуждых богов мнится проповедник быти: яко Иисуса и воскресение благовествоваше им. 19. Поемше же его, ведоша на Ареопаг, глаголюще: может ли разумети, что новое сие глаголемое тобою учение? 20. Странна бо некая влагаеши во ушеса наша: хощем убо разумети, что хотят сия быти. 21. Афиней же вси и приходящии страннии ни во чтоже ино упражняхуся, разве глаголати что или слышати новое.

Раздражашеся дух его. Под выражением *раздражашеся* понимается здесь не гнев; потому что дар благодати далек от гнева и негодования. Итак что же значит *раздражашеся*? Был возбужден, не мог сносить, тревожился. *Нецыи же от эпикур и от стоик философ стязяхуся с ним.* Эпикурейцы говорили, что все существует без божественного промысла. Направляя свою речь преимущественно против них, Павел говорит далее: *сам (т. е. Бог) дая всем живот и дыхание* (ст. 25), *уоставив предъучиненая времена и пределы селения их* (ст. 26), и доказывает таким образом промысление Божие. Философы не смеялись над ним, когда он говорил это; потому что они и не понимали ничего из того, что говорилось. Да и как могли понимать апостола люди, видевшие Бога в теле, а блаженство в плотских удовольствиях? *И нецыи глаголаху: что убо хочет суесловивый сей глаголати?* Говорят, что название *спермолог* [42] носила одна ничтожная птица, имевшая обыкновение собирать на перекрестках зерна. Высоко поднимавшие голову и гордившиеся своею широковещательностию философы уподобили Павла этой птице. Мудрых называют неразумными, говорится в Притчах. Итак поелику спермолог была птица ничтожная, непригодная ни на кушанья ни для забавы, то пустых людей называли спермологами (суесловами).

Это потому, что думали, будто под воскресением [43] он понимает какую-либо богиню; так как и женщин некоторых почитали за богинь. *Ведоша его на Ареопаг.* Не с тем, чтобы научиться от него, но с тем, чтобы наказать его, вели его на то место, где производится суд над убийцами. Ареопагом, или Ареевым (Марсовым) холмом называлось это место потому, что здесь Арей или Марс был наказан за прелюбодеяние. Пагом же называлось возвышенное место; так как судилище это находилось на холме. Следует заметить, что философы эти, хотя все время проводили в беседах и слушании других, считали однакож сообщаемое Павлом новостью, которой они еще не слышали. Если бы он проповедовал, что распят человек, то

слово его было не новостью; а так как он говорил, что был распят и восстал Бог, то говорил действительно новое.

22. Став же Павел посреде Ареопага, рече: мужие афинейстии, по всему зрю вы аки благочестивыя. 23. Проходя бо и соглядая чествования ваша, обретох и капище, на немже бе написано: неведомому Богу: егоже убо не ведуще (благолепне) чтете, сего аз проповедую вам. 24. Бог сотворивый мир и вся, яже в нем, сей небесе и земли Господь сый, не в рукотворенных храмах живет: 25. Ни от рук человеческих угождения приемлет, требуя что, сам дая всем живот и дыхание и вся. 26. Сотворил же есть от единыя крове весь язык человекь, жити по всему лицу земному, оставив предъучиненая времена и пределы селения их, 27. Взыскати Господа, да поне осяжут его и обрящут, яко не далече от единого коегождо нас суща. 28. О нем бо живем и движемся и есмы: якоже и нецыи от ваших книжник рекоша: сего бо и род есмы. 29. Род убо суще Божий, не должны есмы непщевати подобно быти Божество злату, или сребру, или камению художне начертану, и смышлению человеку.

Аки благочестивыя — Δεισιδαίμονεστέρους. Δεισιδαίμων называется тот, кто боится демонов, кто боготворит все, и дерево и камень и духов. Представляется, что апостол как бы хвалит их. Δεισιδαίμονεστέρους, то есть, боящимися демонов, назвал их вместо того, чтобы назвать благочестивыми. А назвал их так по поводу капища. Капище же поставлено было ими по следующей причине. Однажды у афинян вспыхнула война с неприятелями; потерпев поражение, они удалились. И так как у них было в обычае праздновать игры в честь демонов; то один из демонов явился к ним и сказал, что он не видел еще от них никакой себе почести; поэтому он осердился на них и был причиною этого их поражения. Этому демону они построили храм, и как бы из опасения, чтобы и еще когда-нибудь не случилось с ними того же, если они обойдут какого-либо неведомого ими Бога, поставили капище с надписью: *неведомому Богу*, говоря этим, что если есть еще какой-либо иной Бог, которого они не знают, то пусть капище это будет посвящено в честь его; быть может, он милостив будет к нам, хотя мы не почитаем его, так как не знаем. Полная же надпись на капище была следующая: «богам Азии и Европы и Ливии: Богу неведомому и чуждому». — *Проходя бо и соглядая чествования ваша*. Нашел в городе не книгу божественную, а стоявшее капище; и воспользовавшись надписью на капище, разрушил самое капище. Да что же и оставалось ему делать? Еллины все были неверующими. Если бы он стал беседовать с ними на основании евангельского учения, они стали бы смеяться над ним; если бы — на основании пророков, не имели бы доверия к нему. Он оружие неприятеля покорил его же оружием: вот это-то и есть то, что он говорит: *бых со беззаконными, яко беззаконный*. Увидел капище, и — надпись на нем обратил в свою пользу; а что еще важнее, так это — то, что он изменил мнение афинян. На капище, говорится, *бе написано: неведомому Богу*. Кто же был этот неведомый Бог, как не Христос? Итак афиняне написали это во имя Христа? Если бы они написали это во имя Христа, то успех Павла в их обращении не представлял бы ничего удивительного. Нет, они написали это с иною целию; а Павел сумел придать надписи совершенно новое значение. Но следует сказать, ради какого Бога они написали: *неведомому Богу*. Много было у них богов и своих и чужих. Об одних из них они получили сведения от матерей, а о других от соседних народов. Итак, поелику сначала не все боги сразу были приняты ими, а вводились мало-помалу, одни их отцами, другие дедами, а иные уже в их время; то, собравшись вместе, они сказали, как этих богов прежде мы не знали, а потом впоследствии узнали их, так, быть может, есть и еще какой-либо Бог, которого мы не знаем, и так как не знаем его, хотя он и Бог,

то делаем ошибку, пренебрегая им и не почитая его. Поэтому они поставили капище и сделали на нем надпись: *неведомому Богу*, говоря этою надписью, что если и еще есть какой-либо иной Бог, которого мы не знаем, так и его мы будем чтить. Обрати внимание на избыток бесобязанности [44]. Поэтому Павел говорит: *по всему зрю аки благочестивыя* [45]: потому что почитаете не только тех демонов, которые вам известны, но и тех, которых вы не узнали, — и, пленив их умы, направил их умственные взоры на Христа. *Егоже убо не ведуще (благолепне) чтете, сего аз проповедую вам*. Афиняне намеревались обвинить Павла, говоря: ты вводишь новое учение, вводишь Бога, которого мы не знаем. Поэтому, желая освободиться от подозрения и показать, что он проповедует не нового Бога, но того, которого они прежде него почтили уже служением, говорит: вы предупредили меня, ваше служение Ему упредило мою проповедь; потому что я возвещаю вам того Бога, которого вы почитаете не зная. *Бог сотворивый мир...* Сказал одно слово, и подорвал все положения философов. Эпикурейцы утверждают, что все произошло само собою и из атомов; а он говорит, что мир и все, что в нем, — дело Божие. *Не в рукотворенных храмах живет*. Чтобы не подумали, что проповедуется один из многих их богов, Павел исправляет сказанное, присовокупляя: *не в рукотворенных храмах живет*, но в человеческой душе. Итак что же? Он не жил в иерусалимском храме? Да, не жил, но действовал. Как же иудеи почитали Его при содействии рук? Не при содействии рук, но мыслию; потому что Он не требовал чувственного, как бы нуждаясь в этом: *не ем*, говорит Он, *мяса юнча* и т. д. *Не требуя что, сам дая всем живот и дыхание*. Два доказательства божественности, именно, что Бог ни в чем не нуждается и всем дарует все. Но здесь же Павел показывает и то, что Бог не отец, а творец души. *Уставив предъучиненая времена. Уставил взыскати Господа*, но не навсегда, а на предъучиненные времена. Павел показывает, что, и не отыскав Господа, они обрели Его. А так как отыскивая Его, они не находили; то он показывает также, что Господь так очевиден, как какой-нибудь предмет, рассматриваемый на видном месте; потому что невозможно, чтобы небо было здесь, а в другом месте его не было; невозможно также, чтобы оно было в это время, а в другое нет. Итак во всякое время и во всяком месте можно обрести Господа. Бог так устроил, что мы не встречаем препятствия в этом ни со стороны места, ни со стороны времени. То, что небо находится везде и установлено на все времена, особенно сильно действовало на слушателей. Господь так близок к нам, говорит апостол, что без Него невозможно жить. *О Нем бо живем и движемся и есмы*. Близость Господа доказывает посредством чувственного примера: невозможно, говорит, не знать, что воздух разлит всюду, и находится не только близ каждого из нас, но и в нас самих. То, что мы от Бога получили жизнь, что действуем и не погибаем, — все это называет промышлением и попечением Божиим о нас. *Якоже и нецыи от ваших книжник рекоша*. Один мудрец Арат сказал о Зевсе: *того бо и род есмы*. А апостол говорит это о Творце, не утверждая, что Творец и Зевс — одно и то же, — да не будет! — но прилагая это выражение собственно к Творцу, как и жертвенник назвал жертвенником Его (Творца), а не того, кого чтили афиняне. Назвал нас родом Божиим, то есть, самыми близкими родственниками; так как от нашего рода Бог благоволил на земле родиться. Не сказал: не должны вы *непщевати подобно быти Божество злату, или сребру*, но употребил более смиренный оборот: *не должны есмы*. Заметь, как внес в свою речь предмет сверхчувственный; потому что с представлением о теле мы соединяем и представление о расстоянии.

30. Лета убо неведения презирая Бог, ныне повелевает человеком всем всюду покаяться: 31. Зане уставил есть день, в оньже хочет судити вселенней в правде, о муже, егоже предъустави, веру подавая всем, воскресив его от мертвых. 32. Слышавше

же воскресение мертвых, овии убо ругахуся, овии же реша: да слышим тя паки о сем. 33. И тако Павел изыде от среды их. 34. Нецыи же мужие прилепившеся ему, вероваша: в нихже бе и Дионисий ареопагитский, и жена именем Дамарь, и друзии с ними.

Лета убо неведения. Не об умерших говорит, но о тех, кому проповедал; потому не сказал: «пропустил лета», но *презирая*, то есть, обозревая. Не говорит также: «вы добровольно совершили злодеяние», но: «вы не знали». Итак он объявляет это слушателям, не требуя наказания их, как людей, достойных наказания, но призывая их к покаянию. *Зане уставил есть день, в оньже хочет судити вселенней.* Непременно, говорит, будет судить за все дела и помышления — чрез мужа, которого определил быть Судиею живых и мертвых. Это — вочеловечивыйся Господь. Выслушав великую и высокую истину, они не сказали Павлу ни слова, но воскресение осмеивали: *душевен бо, говорится, человек не приемлет, яже Духа Божия* (1 Кор. 2, 14). *И тако Павел изыде от среды их. Тако.* Как? Одних убедив, а другими быв осмеян. *Нецыи же вероваша: в нихже бе и Дионисий ареопагитский.* Судилище находилось на Марсовом холму вне города. Ареопагиты разбирали все обиды и все преступления. Поэтому Павла, как проповедника чужих богов, влекут в собрание Ареопага; но один из тогдашних членов Ареопага, божественный Дионисий, по праву судии подал голос за истину и, раскланявшись с неразумным торжественным собранием ареопагитов, удостоился просвещения светом истины. Хотя Греция и была в то время под владычеством римлян, но Афинам и Лакедемону они предоставили автономию. Поэтому должности судей в Афинах и занимали ареопагиты. Учение о спасении сообщается Дионисию чрез Павла; а руководится он, как ученик учителем, великим Иерофеем.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1. По сих же отлучився Павел от Афин, прииде в Коринф: 2. И обрет некоего иудеанина именем Акилу, понтянина родом, ново пришедша от Италии, и Прискиллу жену его, (зане повелел бяше Клавдий отлучитися всем иудеем от Рима), прииде к ним. 3. И зане единохудожником быти им, пребысть у них, и делаше: бяху бо скинотворцы хитростию. 4. Стязашеся же на сонмищах по вся субботы, и препираше иудеи и еллины, 5. И егда снидоша от Македонии Сила же и Тимофей, тужаше духом Павел, свидетельствуя иудеом Иисуса быти Христа. 6. Противящимся же им и хулящим, отряс ризы своя рече к ним: кровь ваша на главах ваших: чист аз, от ныне во языки иду.

Прииде в Коринф. Был приведен Духом в Коринф; и в Коринфе должен был он оставаться; потому что афиняне, несмотря на то, что любили слушать новости, не внимали истине; так как заботились не о существе дела, а о том, чтобы всегда быть в состоянии сказать что-нибудь. Итак Павел признал достаточным бросить там только семя. *Зане повелел бяше Клавдий.* При Нероне Павел достиг совершенства, а при Клавдие загоралась война против иудеев, и они, как люди опасные, изгонялись из Рима. Поэтому Промысл устрояет, что он был отведен туда узником, чтобы не быть изгнанным ему, как иудеянину. *И зане единохудожником быти им, пребысть у них, и делаше.* Потому остался у них, что нашел пристанище у них удобным; так как оно было для него удобнее многих царских чертогов, как и для атлета палэстра ^[46] более полезна, чем мягкие ковры, и для воина необходим железный меч, а не золотой. *Отряс ризы своя, рече к ним,* — чтобы устрашить их не словом только, но и

делом. *Кровь ваша на главах ваших.* Неясно изречение. Думаю, что Павел говорит следующее: «каждый, кто отступает от Христа, который есть жизнь, представляется убивающим себя самого; так как переходит от жизни к смерти и чрез наносимое себе самому убийство проливает некоторым образом собственную кровь». Итак он говорит следующее: «за то, что чрез неверие вы убиваете себя самих, отвечать пред судом будете вы же сами: так как я невиновен в этом». Отсюда можно заключить, что самоубийца наказывается Богом, как убийца.

Пер.

7. И прешед оттуду, прииде в дом некоего именем Иуста, чтуща Бога, емуже храмина бе вскрай сонмища. 8. Крисп же начальник собора верова Господеви со всем домом своим: и мнози от коринфян слышавше вероваху и крещахуся. 9. Рече же Господь в видении нощном Павлу: не бойся, но глаголи, и да не умолкнеши: 10. Зане аз есмь с тобою, и никтоже приложит озлобити тя: зане людие суть ми мнози во граде сем. 11. Пребысть же тамо лето и месяц шесть уча в них слову Божию.

Емуже храмина бе вскрай сонмища. От этого именно так воспламенились, то есть, от того, что Павел находился не соседству. *Крисп же начальник собора верова Господеви*. Это тот самый Крисп, о котором говорит Павел: *ни единого от вас крестих, точию Криспа и Гаиа* (1 Кор. 1, 14). *Не бойся, но глаголи, и да не умолкнеши...* Наконец Господь говорит Павлу то, в чем он особенно нуждался; потому что ничто его так не печалило, как неверующие.

12. Галлиону же Анфипату сущу во Ахаии, нападоша единомушно иудеи на Павла, и приведоша его на судилище, 13. Глаголюще, яко противу закону сей увещавает человеки чтити Бога. 14. Хотящу же Павлу отверсти уста, рече Галлион ко иудеем: аще убо неправда была бы кая или дело злое, о иудее, по слову послушал бых вас: 15. Аще ли же стязания суть о словеси и о именовех и о законе вашем, ведите сами: судия бо аз сим не хочу быти. 16. И изгна их от судилища. 17. Емше же вси еллини Сосфена начальника собора, бияху пред судилищем: и ни едино о сих Галлиону радение бысть. 18. Павел же еще пребыв дни доволны, и целовав братию, отплы в Сирию, (и с ним Акила и Прискилла), остриг главу в Кегхреих: обрехся бо бе.

Нападоша единомушно иудеи... Итак, как же они напали? спросит кто-нибудь. Внезапно схватив его. И однакож ничего не осмелились сделать, но привели его к проконсулу. А он изгнал их из судилища. Кажется мне, это был один из гуманных людей. *Емше же Сосфена.* Что же касается того, что они били Сосфена, так это или потому, что и он, как и начальник синагоги Крисп, предан был более Павлу, или уже они так далеко зашли в неистовстве, что, забыв свои планы, вместо Павла стали бить Сосфена, или же били его потому, что хотели убить Павла, а Сосфен не позволил им. Били Сосфена, поступали противозаконно в виду самого начальника, говоря этим: если всякий делает то, что хочет, если закона более не существует, так вот и мы бьем его. Проконсул же не останавливал их, но позволял им бить друг друга. Если бы они поступили так не по отношению к себе самим, а по отношению к кому-нибудь из другой нации; то он конечно образумил бы их. — *Отплы в Сирию (и с ним Акила и Прискилла), остриг главу в Кегхреих.* Так как иудеям казалось, что он учит отступничеству от закона, и так как многие гнушались его и не принимали его проповеди: то и здесь и в храме иерусалимском делает это с высокою целию. Это — то же, что он говорил:

бых подзаконным яко подзаконен, да подзаконныя приобретаю (1 Кор. 9, 20). Обрежся бо бе. Разумеет обет отречения. Дал обет остричь волосы, чтобы свою деятельность более не посвящать уже мирским делам, подобно мирским людям, но чтобы подобно человеку, живущему по Боге, посвятить себя Церкви. И Акила, также по обету, остриг свои волосы; потому что это делалось теми, кто хотел жить богоугодно; но вместе это — был древний обычай у иудеев. Поэтому и пострижение монахов целесообразно.

19. Приста же во Ефесе, и тех остави тамо: сам же вшед в сонмище, стязашеся со иудеи. 20. Молящим же им его на много время пребыти у них, не изволи: 21. Но отречися им, глаголя: яко подобает ми всяко праздник грядущий сотворити во Иерусалиме: паки же возвращаюся к вам, Богу хотящу.

И тех остави тамо. Акилу и Прискиллу оставил в Ефесе, без сомнения с тем, чтобы они учили; так как, пробыв с Павлом так много времени, они научились многому. *Паки же возвращаюся к вам.* Будучи пророком, и зная, что ему следовало возвратиться, Павел дал обещание снова возвратиться в Ефес. А чтобы никто не делал того же самого по неразумию, давая безотчетное обещание сделать то или другое, Павел научил нас не давать никакого обещания в будущем без присовокупления слов: *Богу хотящу*; потому что никто не знает, что принесет следующий день. Поэтому безумен тот, кто не ограничивает своего обещания словами: «если Господу угодно будет»; потому что, если кто будет обещать с самоуверенностью, что непременно сделает, тот часто будет выслушивать следующие слова: *безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе* (Лук. 12, 20): и яже обещал еси, когда будут?

И отвезеся от Ефеса (Акила же и Прискилла осташа во Ефесе), 22. И сошед в Кесарию, возшед и целовав церковь, сниде во Антиохию. 23. И сотвори время некое, изыде, проходя порядку Галатийскую страну и Фригию, утверждая вся ученики.

Посещать верующих и укреплять их было всегдашним правилом Павла, чтобы, если найдет их ослабевшими, облегчить их бремя наставническим назиданием.

24. Иудеанин же некто Аполлос именем, александриянин родом, муж словесен, прииде во Ефес, силен сый в книгах. 25. Сей бе оглашен пути Господню: и горя духом, глаголаше и учаше известно, яже о Господе.

Некоторые утверждают, что Аполлос этот есть Аполлос, епископ коринфский, о котором Павел пишет: *о Аполлосе же брате, много молих его* (1 Кор. 16, 12), — также: *аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти* (1 Кор. 2, 6).

Ведый токмо крещение Иоанново. 26. Сей же начат дерзати на сонмищах, слышавше же его Акила и Прискилла, прияша его, и известнее тому сказаша путь Господень. 27. Хотящу же ему преити во Ахаию, предпославше братия написаша учеником прияти его: иже пришед тамо пособствова много веровавшим благодатию: 28. Твердо бо иудеи не престая обличаше пред людьми, сказуя писанми, Иисуса быти Христа.

Если Аполлос крещен был только крещением Иоанновым, то каким образом он пламенеет Духом? Дух Святой не сообщался таким образом. И если его последователи

нуждались в крещении Христовом, то гораздо более нуждался в нем он. Итак что сказать на это? Мне кажется, он — из числа ста двадцати, крещенных вместе с апостолами; или если не так, то и с ним было то же, что и с Корнилием. Крещение Иоанново призвало к покаянию, но не доставляло в то же время очищения от греха; так что различие между крещением Иоанновым и крещением верующих заключается в том, что крещение верующих дарует оставление грехов; так как верующий крещается во имя Отца и Сына и Святого Духа и омывается от предшествовавших крещению заблуждений. Если же крещенные Иоанном не имели Святого Духа, то каким образом Аполлос, крещенный только Иоанновым крещением, пламенел Духом? Но в таком случае, если он и пламенел Духом, все же не имел Святого Духа; потому что ни говорил разными языками, ни пророчествовал; иное дело пламенеть Духом и иное — иметь Святого Духа. Имеющий Святого Духа имеет Его обитающим в себе; и сам Дух вещает ему из сердца его, как вещал апостолам, то запрещая, то повелевая им глаголати слово. А пламенеющий Духом совершает что-либо, под руководством Духа, чрез освещение и наставление внешнее; так как от чувственного следует заключать к невидимому. *Твердо бо удеи не престая обличаше пред людьми...* Обличать пред людьми значит показывать дерзновение; обличать твердо значит являть силу, а обличать на основании Писаний значит свидетельствовать о своем знании; ни дерзновение ничего не достигает без силы, ни сила без дерзновения.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1. Бысть же вегда быти Аполлосу в Коринфе, Павел прошед вышния страны, прииде во Ефес: и обрет некия ученики, 2. Рече к ним: аще убо Дух Свят прияли есте веровавше? они же реша к нему: но ниже аще Дух Святыи есть, слышахом. 3. Рече же к ним: во что убо крестистесь? они же рекоша: во Иоанново крещение. 4. Рече же Павел: Иоанн убо крести крещением покаяния, людем глаголя, да во грядущаго по нем веруют, сиречь во Христа Иисуса. 5. Слышавше же крестишася во имя Господа Иисуса.

Но ниже аще Дух Святыи есть... Эти, не знавшие даже того, что есть Дух Святыи, много отличались от прочих учеников; потому что из следующих слов: *да во грядущаго по нем веруют*, видно, что они не веровали и во Христа. Не сказал, что крещение Иоанново — ничто, но что оно несовершенно. Как же они, будучи в Ефесе, приняли крещение Иоанново? Быть может, они путешествовали в то время в Иерусалим и возвратились оттуда, не получив даже сведений о Христе. Не говорит им: веруете вы во Иисуса? Но что же говорит: *аще Дух Свят прияли есте веровавше?* Павел знал, что они не имели Духа Святого; но у него является желание сказать так, чтобы узнав, чего они лишаются, они сами потребовали этого.

6. И возложшу Павлу на ня руке, прииде Дух Святыи на ня: глаголаху же языки и пророчествоваху. 7. Бяше же всех мужей яко дванадесять.

Не видели Духа, — потому что Он невидим; но некоторое подлежащее чувствам доказательство Его присутствия представлял дар языков: один говорил по-персидски, другой по-римски, третий на каком-либо ином языке; и по внешним признакам видно было, что в каждом говорит Дух.

8. Вшед же в сонмище, дерзаше, не обинуяся три месяцы беседуя и уверяя, яже

о царствии Божии.

Что значит: *дерзаше* ? Подвергал себя опасностям; или: стал говорить еще яснее, не затеняя своего учения. Посмотрите: везде он (Павел) проникает в синагоги и всегда выходит одинаково; так как всюду желал воспользоваться случаем.

9. И егда нецыи ожесточахуся и пряхуся, злословяще путь Господень пред народом, отступль от них, отлучи ученики, по вся дни стязаяся во училищи мучителя некоего. 10. Сие же бысть два лета, яко всем живущым во Асии слышати слово Господа Иисуса, жидом же и еллином.

Злословяще путь... Путем называет Лука Христа, о котором и говорится, что Он есть путь; или же путем называет истинную веру, которую проповедовал Павел. — А словами: *отлучи ученики*, преподается наставление, чтобы верующие в сына Божия удалялись от тех, которые поносят Его.

11. Силы же не просты творяше Бог рукама Павловима: 12. Яко и на недужныя наносити от пота тела его главотяжы и убрусцы, и исцелитися им от недуг, и духом лукавым, исходити от них.

Наносити от пота тела его главотяжы. Не только в то время, когда Павел носил их, прикасались к ним, но и брали с собой и возлагали на недужных. Но обрати внимание на ожесточение иудеев. Они не трогались, видя, что одежды учеников Христовых производят чудеса; тогда как чудеса от платков и убрусцев и от теней учеников больше тех чудес, которые сотворил Христос. И главотяжи и убрусцы были льняные; главотяжи набрасывались на голову, а убрусцы держали в руках те, кто не мог носить главотяжей, как например лица, носившие консульскую столу; назначение тех и других — вытирать с лица пот, слюну, слезы и пр.

13. Начаша же нецыи от скитающихся иудей заклинателей, именовати над имущими духи лукавыя имя Господа Иисуса, глаголюще: заклинаем вы Иисусом, егоже Павел проповедует.

Уверовать не хотели, а желали изгонять демонов именем Иисуса; потому что слова эти явно изобличают, что заклинатели эти заклинали нечистых духов именем Господа нашего Иисуса Христа, не как верующие во Иисуса, но как испытывающие Его. А выражение: *начаша* [\[47\]](#), показывает, что они хотя не надеялись на успех, однакож налагали руки, чтобы достигнуть цели (испытания). Поэтому спустя немного и поплатились за свое безрассудство.

14. Бяху же нецыи сынове Скевы иудеанина архиереа седмь, иже сие творяху. 15. Отвещав же дух лукавый рече: Иисуса знаю и Павла свем, вы же кто есте? 16. И скача на них человек, в немже бе дух лукавый, и одолев им, укрепися на них, якоже нагим и ураненым избежати от храма онаго. 17. Сие же бысть разумно всем живущым во Ефесе иудеем же и еллином: и нападе страх на всех их, и величашеся имя Господа Иисуса.

Иже сие творяху. Хотя они делали это скрытно, но бессилие их обнаруживается. Достоин удивления то обстоятельство, как это дух не содействовал обольщению этих

заклинателей, но изобличил их и обнаружил их обман. Мне кажется, что он был сильно раздражен, подобно тому, как кто-нибудь, притесняемый в крайней опасности каким-нибудь жалким и ничтожным существом, хочет излить на это существо весь свой гнев.

18. Мнози же от веровавших прихождаху, исповедающе и сказующе дела своя.

Всякому верующему следует сказывать свои грехи и обличением себя самого зарекаться творить то же самое снова, чтобы получить оправдание в силу сказанного в Писании: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Иса. 43, 26); и еще: *праведник себе самого оглагольник в первословии* (Притч. 18, 17).

19. Доволни же от сотворших чародеяния, собравше книги своя, сожигаху пред всеми: и сложиша цены их, и обретоша сребра пять тем. 20. Сице крепко слово Господне, растяше и крепляшеся. 21. И якоже скончашася сия, положи Павел в душе, прошед Македонию и Ахаию ити во Иерусалим, рек, яко бывшу ми тамо, подобает ми и Рим видети.

Сожигиху пред всеми, видя, что книги эти более ни на что уже не полезны. Так преданы были ефесяне кумирам и волшебству, что книги волшебнические ценили очень высоко, как такие, в которых заключается то, что есть самого лучшего в жизни. Уверовав во Христа, они книги эти не продали, но сожгли, для того во-первых, чтобы кто-нибудь не заразился их душегубительною язвою, а потом для того, чтобы не приобрести чего-нибудь за продажу их. Так как деньги, вырученные за собаку, или доход от идолопоклонства запрещено было приносить Богу; то они не признали делом праведным повергнуть к ногам апостолов и серебро, вырученное этим путем.

22. Послав же в Македонию два от служащих ему, Тимофеа и Ераста, сам же пребысть время во Асии.

Послал в Македонию учеников возвестить, что он придет, и поселить в македонянах более сильное желание видеть его. Что же касается того, что сам он остается на время в Азии, то это так было нужно; потому что в Азии была тирания философов.

23. Бысть же во время оно молва не мала о пути Господни. 24. Димитрий бо некто именем, среброковачь, творяй храмы серебряны Артемиде, подаяше хитрецем делание не мало.

Храмы серебряны. Быть может, небольшие кивоты. Посмотри: всюду идолослужение отстаивали из-за денег. И этот Димитрий хлопотал из-за денег, хлопотал не потому, что их нечестивая религия в опасности, но потому, что лишался средств к приобретениям; потому что он знал, что обольщал людей, делая им золотых богов и золотые кивоты, и боялся, как бы его хитрость не была изобличена истинным учением Павла; боялся также, как бы и вовсе не исчез храм Артемиды, бывший в Ефесе, и таким образом предсказывал исчезновение храма; что и случилось.

25. Ихже собрав, и ины сицевых вещей делатели, рече: мужие, весте, яко от сего делания доволство житию нашему есть: 26. И видите и слышите, яко не токмо Ефес, но мало не всю Асию Павел сей препрев обрати мног народ, глаголя: яко не

суть бози, иже руками человеческими бывают. 27. Не токмо же сия беду приемлет наша часть, еже бы во обличение не приити, но дабы и великия богини Артемиды храм ни во чтоже не вменился, имать же разоритися и величество ея, юже вся Асия и вселенная почитает.

От сего делания... Обратил внимание их на опасность; мы, говорит, находимся в опасности впасть от нашего ремесла в голод. Однако то, что он сказал, могло привести их к истинному богопочтению. Если, как он говорит, человек этот (Павел) так силен, что есть опасность, как бы он и всех не обратил, и если от него грозит опасность тому, что принадлежит богам; то следует подумать о том, каков же его Бог. Везде свою речь сводит этот Димитрий на ремесло. *Препрев обрати мног народ.* Не насилим, а так именно следует убеждать. Достаточно и того, что Павел сказал, *яко не суть бози*. Если так удобообразоблачаема несостоятельность этого культа, то его давно следовало отвергнуть; если же он имеет в себе силу, то так скоро искоренить его невозможно.

28. Слышавше, и бывше исполнени ярости, вопияху, глаголюще: велика Артемида ефесская. 29. И исполнися град весь мятежа: устремися же единомушно на позорище, восхищше Гаиа и Аристарха Македоняны, други Павловы.

Бывше исполнени ярости. Пришли в ярость, услышав об Артемиде и о подрыве ремесла; потому что черни свойственно возбуждаться и воспламеняться от всякой, даже пустой вещи. В городе у них были боги; и они приняли угрожающее положение, чтобы криком восстановить как-нибудь уважение к богам и заглушить то, что произошло. Кричали не переставая, как бы опасаясь, чтобы вовсе не угасло почитание богов.

30. Павлу же хотящу внити в народ, не оставляху его ученицы. 31. Нецыи же от асийских начальник суще ему друзи, пославше к нему, моляху не вдати себе в позор. 32. Друзии же убо ино нечто вопияху: бе бо собрание смущено, и множайшии от них не ведяху, чесо ради собращася.

Ученики не позволили Павлу вторгаться в возбужденную толпу; так любили его все верующие. И Павел слушает их, так как не был честолюбив. *И множайшии от них не ведяху, чесо ради собращася.* Таково уже свойство толпы; она устремляется туда или сюда безотчетно, подобно тому, как — огонь, брошенный в лес.

33. От народа же избраша Александра, изведшым его иудеем: Александр же помаав рукою, хотяше отвецати народу. 34. Разумевше же, яко иудеанин есть, глас бысть един от всех, яко на два часа вопиющих: велика Артемида ефесская.

Почему Александр хотел *отвецати* народу (оправдываться)? Ведь его не обвиняли? Чтобы улучшить минуту, дать всему другой оборот и утишить гнев народа.

35. Утишив же книжник народ, рече: мужие ефесстии, кто бо есть человек, иже не весть, яко ефесский град служитель есть великия богини Артемиды, и Диопета? 36. Без всякаго убо прекословия сим сице сущым, потребно есть вам безмолвным быти, и ничтоже безчинно творити.

Справедливо и с укоризною отвечает книжник; не сказал: какой человек не знает

Артемиды? но: кто не знает, что наш город *служитель есть великия богини Артемиды*? Так что же вы шумите, как будто это неизвестная вещь? Выражение: *служитель* (*νεωκορος*) — собственно *служитель*, выметающий или очищающий храм. Диопетом же называет куполообразный храм Зевса, или изображение Афины, Паллады, называвшееся Палладиум, относительно которого у еллинов существовал миф, будто оно было сброшено Зевсом с неба, а не людьми сделано; это для изумления людей наивных

37. Приведосте бо мужей сих, ни храм Артемидин окрадших, ниже богиню вашу хулящих. 38. Аще убо Димитрий, и иже с ним художницы, имут к кому слово, суды суть, и Анфипати суть: да поемлют друг на друга: 39. Аще ли же что о иных ищите, в законном собрании разрешится. 40. Ибо бедствуем порицаеми быти о крамоле днешней, ни единой вине сущей, о нейже возможем воздати слово стремления сего. И сия рек, распусти собравшийся народ.

Кротко порицает их, показывая, что они поступили опрометчиво и что не следовало делать общей сходки из-за частных вин. *Суды суть* (*αγοραιοι αγονται*): есть полицейские. Агорэи (*αγοραιοι*) — это в Азии класс судей, разбиравших жалобы лиц бедных, толпившихся на площади. Поэтому они и назывались *αγοραιοι*, т. е., разбиратели дел, происходивших на площадях, как в некоторых городах есть *εκσικοι*, то есть, защитники. Проконсулы же имели дело с тяжбами людей богатых и с уголовными преступлениями. Агорэями (*αγοραιοι*) назывались также и ходатаи по делам (адвокаты); потому что они говорили на площади, пред народом.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1. По утишении же молвы, призвав Павел ученики, утешив и целовав их, изыде ити в Македонию. 2. Прошед же страны оны, и утешив их словом многим, прииде во Елладу. 3. Пожив же месяцы три, бывшу нань навету от иудей, хотящу отвезтися в Сирию, бысть хотение возвратитися сквозе Македонию. 4. Последова же ему даже до Асии Сосипатр Пирров Берянин: Солуняне же Аристарх и Секунд, и Гай Дервянин и Тимофей: Асиане же, Тихик и Трофим. 5. Сии, предшедше ждаху нас в Троаде. 6. Мы же отвезохомся по днех опресночных от Филипп, и приидохом к ним в Троаду во днех пяти, идеже пребыхом дней седмь.

И утешив их словом многим, потому что после смятения нуждались в большом утешении.

7. Во едину же от суббот, собравшымся учеником преломити хлеб, Павел беседоваше к ним, хотя изыти наутрии, простре же слово до полунощи. 8. Бяху же свещы многи в горнице, идеже бехом собрани.

Во едину же от суббот. Тогда был праздник пятидесятницы и день воскресный. *До полунощи*. И ночью не успокаивался Павел, но беседовал тогда более, так как было досужное время. Посмотри, как долго говорил он даже после ужина.

9. Седя же некто юноша, именем Евтих, во окне, отягчен сном глубоким, глаголющу Павлу о мнозе, преклонся от сна, паде от трекровника долу, и взяша его

мертва.

Отягчив сном слушателя, дьявол нарушил праздник. Юноша сидел на окне ночью; так велико было желание слушать. И достойно удивления, что, будучи юношею, он не был беззаботен, и отягчаемый сном не ушел, даже не испугался того, что его могут столкнуть; потому что он заснул не от невнимательности, а по требованию природы.

10. Сошед же Павел нападе нань, и объемь его рече: не молвите: ибо душа его в нем есть. 11. Возшед же и преломь хлеб и вкуш, довольно же беседовав даже до зари, и тако изыде. 12. Приведоша же отрока жива, и утетишиася не мало. 13. Мы же пришедше в корабль, отвезохомся во Ассон, оттуду хотяще пояти Павла.

Душа его в нем есть. Не сказал: восстанет; я воскрешу его. Обрати внимание на смирение его и на его желание утешить.

Тако бо нам бе повелел хотя сам пеш ити. 14. И якоже снидеса с нами во Ассоне, вземше его, приидохом в Митилин. 15. И оттуду отвезшеса, воутрие пристахом противу Хию. В другой же отвезохомся в Самон: и пребывше в Трогиллии, в грядущий же день приидохом в Милит.

Хотя сам пеш ити. Сам пошел пешком, предоставляя им то, что легче, а себе выбирая то, что труднее, и с тем вместе поучая многому и приучая их различаться с собою.

16. Суди бо Павел мимо ити Ефес, яко да не будет ему закоснети во Асии: тцашебося, аще возможно будет, в день пятьдесятный быти во Иерусалиме.

Видишь, и при желании и при старании Павел часто не достигал желаемого, чтобы мы не подумали, что он был выше человеческой природы. Святые и великие мужи были одной с нами природы, но не одной воли; поэтому и имели много благодати.

17. От Милита же послав во Ефес, призва пресвитеры церковныя. 18. И якоже приидоша к нему, рече к ним: вы весте, яко от перваго дне, отнелиже приидох во Асию, како с вами все время бых, 19. Работая Господеви со всяким смиренномудрием, и многими слезами и напастями, прилучившимися мне от иудейских навет: 20. Яко ни в чесом от полезных обинухся, еже сказати вам и научити вас пред людми и по домом: 21. Засвидетельствуя иудеем же и еллином еже к Богу покаяние, и веру яже в Господа нашего Иисуса Христа.

Со всяким смиренномудрием. Не просто со смиренномудрием, но со всяким; потому что много видов смиренномудрия: смиренномудрие в слове, смиренномудрие в деле, смиренномудрие по отношению к начальникам, смиренномудрие по отношению к подчиненным. *Призва пресвитеры церковныя*. Многим неизвестен обычай Писания, особенно нового завета, — называть епископов пресвитерами и пресвитеров епископами; между тем это видно и из этого места и из послания к Титу, а также и из послания к Филиппийцам. Мы могли бы также узнать, не то ли самое следует, хотя по заключению, выводить и из первого послания к Тимофею. Из книги Деяний можно убедиться в этом; потому что написано следующее: *от Милита же послав в Ефес, призва пресвитеры церковныя*, — не сказано, что призвал епископов; между тем потом присовокупляет: *в немже вас Дух Святой постави*

епископы, пасти Церковь Господа и Бога (ст. 28). В послании же к Титу говорит: *и устроиши по всем градом пресвитеры, якоже тебе аз повелех* (1, 5), а в послании к Филиппийцам пишет: *Павел и Тимофей раби Иисус Христовы, сущым в Филиппех, с епископы и диаконы* (1, 1). — *Яко ни в чесом от полезных обвинухся, еже сказати вам*. Было значит и такое, что не следовало знать. Как скрывать что-нибудь есть признак зависти, так высказывать все есть признак неблагоприятия. Поэтому прибавил: *от полезных*.

22. И ныне се аз связан Духом, гряду во Иерусалим, яже в нем хотящая приключитися мне не ведый: 23. Точию яко Дух Святыи, по вся грады свидетельствует, глаголя, яко узы мене и скорби ждут. 24. Но ни едином же попечением творю, ниже имам душу мою честну себе, разве еже скончати течение мое с радостию, и службу, юже приях от Господа Иисуса, засвидетельствовати Евангелие благодати Божия.

Аз связан Духом. Слово: *связан* следует отделить запятою, чтобы вышла следующая мысль: *иду во Иерусалим, будучи связан, не узнав предварительно от Духа, что будет со мной*. Далее, чтобы не подумал кто, что он понимает узы и заключение, и чтобы показать, что идет добровольно, прибавляет: *яко по вся грады узы мене и скорби ждут*. Замечательно, что пророки знают не все, но только то, что внушает им Дух Святыи. Вот и Павел, предсказав, как пророк, обо всем, что имело случиться с ним, и о том, что среди ефесян будут плохие верующие и еретики, сказал, что одного не знает, — какой конец будет всего этого; потому что, объявив ему все, Господь скрыл от него одно это, именно: что будет с ним после уз и скорбей. Это для того, чтобы зная, что именно ему следует преследовать, и возгордившись, он не пал от гордости. Святыи Дух оставил его в сомнении, чтобы, страшась плотской немощи, он молил Бога об избавлении от искушений. *Яко узы мене и скорби ждут*. Что ждут меня искушения, это я знаю; а какие искушения, того не знаю; потому что это было труднее. Зачем же ты идешь, если ожидают тебя узы и скорби? Для того, чтобы быть узником ради Христа, чтобы умереть ради Него.

25. И ныне се аз вем, яко ктому не узрите лица моего вы вси, в нихже проидох проповедуя царствие Божие. 26. Темже свидетельствую вам во днешний день, яко чист аз от крове всех. 27. Не обвинухся бо сказати вам всю волю Божию.

Яко чист аз от крове всех. Чист, говорит, я от крови всех, если вы будете отягчены сном и умрете от рук убийцы душ; потому что я исполнил обязанность учителя. *Не обвинухся бо сказати вам всю волю Божию*. Значит, кто не говорит всей воли Божией, тот виновен в крови, то есть, в убийстве. По-видимому оправдываясь, он однако же заставляет их остерегаться.

28. Внимайте убо себе и всему стаду, в немже вас Дух Святыи постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию своею.

Внимайте убо себе и всему стаду, потому что спасительная польза состоит не в том только, чтобы исправлять других (*боюсь*, говорит апостол, *да не како иным проповедуя, сам неключим буду*, 1 Кор. 9, 27), ни в том, чтобы заботиться только о себе, потому что таковой — самолюбец, ищет только своей выгоды и подобен зарывшему свой талант в землю. *Внимайте себе* — это не потому, что спасение себя предпочтительнее спасения стада, но потому, что, когда мы внимаем себе, тогда и стадо получает пользу. *В немже вас Дух Святыи постави епископы*. Вы получили, говорит, хиротонию от Духа. Замечательно, что тех, кого выше

назвал пресвитерами, здесь называет епископами. Это или потому, что и на пресвитерах лежит обязанность наблюдать [\[48\]](#) за словесными стадами Церкви, наблюдать, чтобы не ослабел кто верою, не томится ли кто голодом или жаждою, или не нуждается ли кто в каком-либо замечании или обличении, как заповедует сам же Павел: *обличи, запрети, умоли* (2 Тим. 4, 2); или же апостол епископами здесь и называет епископов. *Юже стяжа кровию своею*. Немаловажным вещам угрожала опасность, если Господь не пощадил даже крови своей. Да, чтобы примирить врагов, Он пролил даже собственную кровь; ты же можешь удержать их, когда они сделались уже друзьями.

29. Аз бо вем сие, яко по отшествии моем внидут волцы тяжцы в вас, не щадящии стада: 30. И от вас самех востанут мужие глаголющии развращенная, еже отторгати ученики в след себе. 31. Сего ради бдите, поминающе, яко три лета ночь и день не престаях уча со слезами единого кождо вас.

Двойное несчастье: с одной стороны то, что его не будет, с другой — то, что иные будут нападать и притом, — что особенно горько, — из вас самих. Тяжело бывает, когда происходит междоусобная война. *Отторгати ученики в след себе*. Цель еретиков стараться привлечь народ не к Господу, а к себе, чтобы польстить своему тщеславию, когда привлеченные ими будут носить имя того, или другого еретика, как от Манеса — манихеи, от Ария — ариане и другие виды ересей. Вот что значит *отторгати ученики в след себе*. Поэтому, умеряя, еще ранее, их ревность, Павел поносит и прощает тех, которые говорили, *аз убо есмь Павлов, аз же Аполлосов* (1 Кор. 1, 12).

32. И ныне предаю вас, братие, Богови и слову благодати его, могущему наздати и дати вам наследие во освященных всех. 33. Сребра или злата или риз ни единого возжелах. 34. Сами весте, яко требованию моему и сущым со мною послужисте руце мои сии.

Увещание оканчивается молитвою. Так как он сильно устрасил их; то чтобы не поразить окончательно, вот и утешение. *И ныне*, говорит, *предаю вас Богови и слову благодати его*, то есть, благодати Его. *Сребра или злата или риз...* Не сказал, не взял, но: даже и не пожелал. А еще возвышеннее следующее далее: *сами весте, яко требованию моему и сущым со мною послужисте руце мои сии*. Да, истинная милостыня — в том, чтобы подавать из собственных трудов. Но обрати внимание на то, что трудился человек, который постоянно беседовал, и днем и ночью.

35. Вся сказах вам, яко тако труждающимся подобает заступати немощныя, поминати же слово Господа Иисуса, яко сам рече: блаженнее есть паче даяти, нежели приимати.

Не можете укрываться незнанием. Я показал вам самым делом, что нужно трудиться и памятовать это слово Господа Иисуса. Но где сказал Господь это? Быть может, апостолы передали это неписьменно, или это ясно по умозаключению. Одна степень — отказать от всего, другая — доставлять себе необходимое, третья — доставлять не только себе, но и другим, четвертая — не брать и тогда, когда проповедуешь и имеешь возможность брать. Не сказано однако же, что брать — худое дело, но что лучше не брать.

36. И сия рек, преклонь колена своя, со всеми ими помолися. 37. Мног же бысть

плачь всем: и нападше на выю Павлову, облобызаху его: 38. Скорбяще наипаче о словеси, еже рече, яко ктому не имут лица его узрети. Провождяху же его в корабль.

Заметить нужно, что тому, кто расстается, следует сотворить коленопреклонение и молитву со всеми присутствующими и тогда уже удаляться. Сила расположения их к Павлу видна в словах: *нападше на выю Павлову*, как обнимавшие его в последний раз и от последней беседы его почувствовавшие сильную любовь и дружбу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1. И якоже бысть отвезтися нам, отвергшимся от них, прямо шедше приидохом в Кон, в другой же день в Родос, и оттуду в Патару. 2. И обретше корабль преходящ в Финикию, возшедше отвезохомся. 3. Возникший же нам Кипр оставлше ошуюю, плыхом в Сирию, и пристахом в Тире: тамо бо бяше кораблю изложити бремя.

Лука употребляет сильное выражение, говоря: *отторгшимся от них*. И это вполне выразительно; потому что после отторжения они не могли войти в море. Что значит: *прямо шедше*? Это значит, что все другие места прошли мимо, не останавливаясь в них. *И обретше корабль преходящ в Финикию*. Быть может, корабль этот имел здесь (в Патаре) стоянку; и они, не нашедши корабля, отправлявшегося в Кесарию, а нашедши корабль, отходивший в Финикию, на нем и отправились и оставили в стороне Кипр и Сирию; так как выражение: *оставлше ошуюю*, не без цели прибавлено, но чтобы показать, что они не думали даже и подойти к Сирии.

4. И обретше ученики, прибыхом ту дний седмь: иже Павлови глаголаху Духом не восходити во Иерусалим. 5. Егда же бысть нам скончати дни, изшедше идохом, провождающим нас всем с женами и детми даже до вне града: и преклонше колена при брезе, помолихомся. 6. И целовавше друг друга внидохом в корабль: они же возвратишася во свояси. 7. Мы же плавание наченше от Тира, пристахом во Птолемаиде: и целовавше братию, пребыхом день един у них.

Павлови глаголаху Духом. Итак, если повелевал Дух, то почему же он воспротивился? Ведь ученики говорили, зная об угрожавших ему опасностях от Духа. Да они не убеждали его по внушению Духа, не предсказывали ему прямо предстоящие ему опасности, а, щадя его, просто говорили, что не нужно восходить в Иерусалим. *Скончати дни*. Когда окончились дни опресноков, вышли из Тира. Перечти мне все дни с опресночными. В Тир пришли чрез пять дней, потом в Тире пробыли семь дней, — всего двадцать два.

8. Во утрие же изшедше Павел и иже с ним, приидохом в Кесарию: и вшедше в дом Филиппа благовестника, суща от седми диакон, пребыхом у него. 9. Сего же бяху дщери девицы четыре прорицающыя.

У диакона Филиппа были дочери. Но заметь, что дочери его были девицы и пророчицы и что они более всего благочестием достигли того, что удостоились даже дара пророчества. Писатель не присовокупил бы, что они были девицы, если бы это не стоило внимания.

10. Пребывающим же нам тамо дни многи, сниде некто от Иудеи пророк именем Агав: 11. И пришед к нам, и возьмь пояс Павлов, связав же свои руце и нозе,

рече : тако глаголет Дух Святой: мужа, егоже есть пояс сей, тако свяжут его во Иерусалиме иудеи, и предадут в руце языков.

Это — тот Агав, который раньше предсказал голод. Но горько то, что предадут в руки язычников. Заметь: как только услышал, что имеет перенести множество бедствий, начинает торопиться. Агав не сказал, что Павла свяжут, чтобы не подумали, что он говорит, условившись заранее, нет, он сказал: *мужа, егоже есть пояс сей* .

12. И якоже слышахом сия, моляхом, мы же и наместнии, не восходити ему во Иерусалим. 13. Отвещав же Павел, и рече: что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце? аз бо не точию связан быти хочу, но и умерети во Иерусалиме готов есмь за имя Господа Иисуса. 14. Не повинующуся же ему, умолчахом, рекше: воля Господня да будет.

Что творите плачуще... Прочие плакали, а Павел утешал их; и тот, кто не страшился собственных испытаний, скорбел по поводу их слез. Об вас плачу, говорит он, а не о страданиях, какие мне предстоят: потому что ради Господа Иисуса я готов и умереть. Когда же не могли убедить его, то замолчали; потому что сознали, что на это была воля Божия. Нужно заметить, что следует останавливать тех, кто препятствует кому-нибудь сделать какое-нибудь благородное дело, хотя бы они и плакали. А эти слезы и самого Павла трогали и ослабляли его силу. Поэтому он их и порицает.

15. По днех же сих уготовлшеся вздыхом во Иерусалим. 16. Приидоша же с нами и нецыи ученицы от Кесарии, ведуще с собою, у негоже бы обитати нам, Мнасона некоего кипрянина, древняго ученика. 17. Бывшим же нам во Иерусалиме, любезно прияша нас братия. 18. На утрие же вниде Павел с нами ко Иакову, вси же приидоша старцы. 19. И целовав их, сказаше по единому коеждо, еже сотвори Бог во языцех служением его.

Выражение: *уготовлшеся* , означает: взяв все необходимое для путешествия. *На утрие же вниде Павел с нами ко Иакову* . Иаков был иерусалимским епископом; это — брат Господа, муж великий и достойный удивления. Рассказывает им Павел, что случилось у язычников, не по тщеславию, но желая показать Божие человеколюбие. *Служением его* , то есть, проповеданием евангельского учения.

20. Они же слышавше, славляху Бога, и рекоша ему: видиши ли брате, колико тем есть иудей веровавших? и вси ревнители закону суть. 21. Увестишася же о тебе, яко отступлению учиши от закона Моисеова живущыя во языцех вся иудеи, глаголя не обрезовати им чад своих, ниже во обычаях отеческих ходити. 22. Что убо есть? всяко подобает народу снитися: услышат бо, яко пришел еси. 23. Сие убо сотвори, еже ти глаголем.

Кoliko тем есть иудей? Эти тьмы — из тех, которые кричали: *кровь его на нас и на чадех наших* (Мф. 27, 25). Однако же Человеколюбец и из них и из детей их принял многих и даровал им тьмы благ. *Увестишася же о тебе* . Не сказал: услышали, но: поверили и убеждены.

Суть у нас мужие четыре обещавше себе Богу. 24. Сия поимь очистися с ними, и иждиви на них, да острижут си главы, и разумеют вси, яко возвещенная им о тебе

ничтоже суть, но пребываеши и сам закон храня.

Обещавше себе Богу . Много видов обетов: одни обещали жертвы, другие — деньги, третьи — себя самих, а четвертые — не пить вина и не стричь головы известное число дней. К разряду последних принадлежали и эти мужи. Волосы были символом умерщвления; потому что они, как мертвые, не ощущают боли. *Сия поимь очистися с ними, и иждиви на них* , то есть, жертвы, какие по закону должны быть принесены за них, представь ты, чтобы уничтожить всякое подозрение. Защитись, говорится, делом, а не словом. *Да острижут си главы, и разумеют вси, яко возвещенная им о тебе ничтоже суть* . Было в обычае, что давшие обет, по очищении, стригли голову и в таком виде в продолжение семи дней делали приношения за себя. Нечто такое же сделали Акила и Прискилла, чтобы было явно, что они стригли голову, как почитатели Бога.

25. А о веровавших языцех мы послахом, судивше ничтоже таковое соблюдатьи им, токмо хранити себе от идоложертвенных, и крове, и удавленины, и блуда.

Как мы заповедуем язычникам, хотя проповедуем иудеям, так и ты содействуй нам, хотя проповедуешь язычникам. Не бойся; дело — в снисхождении.

26. Тогда Павел поемь мужы оны, наутрие с ними очищся вниде во святилище, возвещая исполнение дней очищения, дондеже принесено бысть за единого коегождо их приношение.

Остригся Павел и исполнил все иудейские обряды, но не потому, что изменил свое мнение (так как это было бы делом нечистым от порока), а потому, что любовь снисходительна. *Возвещая исполнение дней очищения* , то есть, объявляя. Сам объявлял о себе.

27. И якоже хотяху седмь дний скончатися, иже от Асии Иудеи видевшие его во святилищи, навадиша весь народ, и возложиша нань руце, 28. Вопиюще: мужие израилстии, помозите: сей есть человек, иже на люди и закон и на место сие всех всюду учит: еще же и еллены введе в церковь, и оскверни святое место сие. 29. Бяху бо видели Трофима ефесянина во граде с ним, егоже мняху яко в церковь ввел есть Павел.

Замечай Божеское устройство. После того, как одни разубедились, другие из опасения, чтобы не разубедились и остальные, нападают на Павла. Беспокойный характер их виден везде.

30. Подвижесе же град весь, и бысть стечение людем: и емше Павла, влечаху его вон из церкви: и абие затворишася двери. 31. Ищущым же им убити его, възиде весть к тысящнику спиры, яко весь возмутися Иерусалим. 32. Он же абие поим воины и сотники, притече на ня. Они же видевшие тысящника и воины, престаха бити Павла. 33. Приступль же тысящник ят его, и повеле связати его вериги железными двема: и вопрошаше, кто убо есть, и что есть сотворил. 34. Друзии же ино нечто вопияху в народе: не могий же разумети известное молвы ради, повеле отвести его в полк.

Влечаху его вон из церкви . Хотели убить его; и тащили из церкви для того, чтобы с

большим бесстрашием совершить убийство.

35. Егда же бысть на степенех, прилучися воздвижену быти ему от воин нужды ради народа: 36. Последоваше бо множество людей, зовущих: возми его. 37. Хотя же внити в полк, Павел глагола тысящнику: аще лет ми есть глаголати что тебе? он же рече: гречески умеши ли? 38. Не ты ли еси египтянин, прежде сих дней превещавый и изведый в пустыню четьри тысящи мужей сикарей?

Что значит: *возми его* ? Говорят применительно к римскому обычаю, именно: «атакуй его»; или: изми его из числа живых; так как у иудеев было в обычае кричать эту фразу против праведников, как кричали они и против Господа: *возми его* , то есть, изми его из числа живых. *Не ты ли еси египтянин?* Явился один египтянин, производивший нововведения, бунтовщик, оболститель и чародей. Дьявол и польстил себя надеждою воспользоваться этим человеком и представить как Христа, так и апостолов участниками в тех преступлениях, какие были учинены последователями этого египтянина. *Мужей сикарей* . У иудеев три главных секты: фарисеи, саддукеи, ессеи. Последние ведут более честную жизнь, любят друг друга и отличаются воздержанием; поэтому и называются *ессеи* , то есть, правдивые, а иные называют их: *сикарии* , то есть, ревнителями.

39. Рече же Павел: аз человек убо есмь иудеанин тарсянин, славнаго града в Киликии житель. Молю же тя, повели ми глаголати к людем.

Человек убо есмь иудеанин... Мы, христиане, — истинные иудеи, как исповедующие истинную веру; потому что имя Иуда значит: «исповедание». Так как тысячник спросил: *не ты ли еси египтянин?* то Павел прежде всего отклоняет его от этого подозрения. А чтобы тот не подумал, что он по происхождению иудей, объявляет потом свою веру. Итак что же? он не отрекся? Да не будет! Он был иудей и христианин. *Повели ми глаголати к людем* . Это самое сильное доказательство того, что он не был ни в чем виноват; так готов был он к защищению себя и так хотел обратиться с словом к народу иудейскому.

40. Повелевшу же ему, Павел стоя ни степенех помаав рукою к людем: многу же безмолвию бывшу, возгласи еврейским языком глаголя:

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

1. Мужие братие и отцы, услышите мой к вам ныне ответ. 2. Слышавше же, яко еврейским языком возгласи к ним, паче приложиша безмолвие: и рече:

Стоя на степенех . Много способствовало ему самое место, именно то, что он говорил, стоя высоко и будучи связан. Видеть связанного двумя узами Павла говорящим к народу — что может быть равное этому зрелищу? Как не устранился он, глядя на такое множество возбужденного народа! Выражение: *отцы* , — знак уважения; а выражение: *братие* , — указание на родство. Посмотри, его слово и чуждо лести и исполнено кротости. Не сказал: «господа», но: «братья»; что особенно было приятно народу. Я не чужой вам, говорит, и не против вас. *Слышавше же, яко еврейским языком возгласи...* Видишь, как подействовало на них то, что он говорил одним с ними языком; они имели некоторого рода уважение к этому языку.

3. *Аз убо есмь муж иудеанин, родився в Тарсе киликийстем, воспитан же во граде сем при ногу Гамалиилову, наказан известно отеческому закону, ревнитель сый Божий, якоже вси вы есте днесь*, 4. *Иже сей путь гоних даже до смерти, вяжа и предаю в темницу мужи же и жены*: 5. *Якоже и архиерей свидетельствует ми, и вси старцы*.

Таким началом пролагает путь к речи. *Аз убо есмь*, говорит, *муж иудеанин*: слышать это для них было приятно более всего. Но чтобы снова не подумали, что он иудей по народности, а не по вере, присовокупляет: *воспитан во граде сем*. Показывает большое внимание свое к вере; так что, оставив, так далеко и такое славное отечество свое, пожелал изучить здесь закон. Не просто говорит: у Гамалиила, но: *при ногу Гамалиилову*, указывая этим на постоянное, неослабное прилежание и внимание и на большое уважение к этому мужу. *Наказан известно отеческому закону*, — не просто закону, но отеческому закону. Итак что же? Ты изучил прекрасно закон, а не защищаешь его и не любишь? *Ревнитель сый*, говорит. Так как Павел много уже высказал себе похвал; то обобщает слово: *якоже вси вы есте днесь*. Но обрати внимание на то, на скольких свидетелей ссылается он: и на старцев и на архиерея и на городских жителей. До сих пор имеет он свидетелей; но последующее содержание речи не находит уже свидетелей.

От нихже и послания приемь к живущим в Дамасце братьям, идях привести сущия тамо, связаны во Иерусалим, да мучатся, 6. Бысть же ми идущу и приближающуся к Дамаску в полудне, внезапно с небесе облиста свет мног окрест мене. 7. Падох же на землю, и слышах глас глаголющ ми: Савле, Савле, что мя гониши? 8. Аз же отвещах: кто еси, Господи? рече же ко мне: аз есмь Иисус Назорей, егоже ты гониши.

Чтобы не подумали, что это — выдумка, Павел показывает, что он делал все по любви и ревности, а не по тщеславию.

9. Со мною же сущии свет убо видеша, и пристрашни быша: гласа же не слышаша глаголющаго ко мне. 10. Рекох же: что сотворю, Господи? Господь же рече ко мне: востав иди в Дамаск: и тамо речется ти о всех, яже вчинено ти есть творити. 11. И якоже не видех от славы света онаго, за руку ведомь от сущих со мною, внидох в Дамаск. 12. Анания же некий, муж благоговеин по закону, свидетельствован от всех живущих в Дамасце иудей, 13. Пришед ко мне, и став рече ми: Савле брате, прозри, и аз в той час възрех нань.

Свет убо видеша. Это было с целию; так как он один должен был выслушать глас оный. А так как люди довольно посредственные доверяют более зрению; то бывшие с Савлом только *свет видеша и пристрашни быша: гласа же не слышаша*. И свет произвел такое действие не для них, а для Савла; поэтому и зрения лишил его, а не их; но в то время, когда свет изливался на него, и им дозволялось смотреть на этот свет, если хотели. Мне же кажется, что они не уверовали по особенному Божественному устройению, чтобы быть такими свидетелями события, которым иудеи не могли не верить. *Ведом от сущих со мною, внидох в Дамаск*. Прекрасно прилагается упоминание об городе, чтобы знали иудеи, что Савл был гонителем. Павел переплетает свидетельства лиц со свидетельствами обстоятельств, бывших с ним самим и с другими. Свидетелями являются священники, старцы, спутники. Факты

свидетельствуются фактами, а не личности только: свидетели — Анания, человек посторонний, далее — самый факт, то есть, прозрение.

14. Он же рече ми: Бог отец наших изволи тя разумети хотение его, и видети Праведника, и слышати глас от уст его.

Прекрасно сказал: *Бог отец*, чтобы показать, что они не иудеи, а отступники от закона и поступают не по ревности о Боге. *И видети Праведника*. Прямо говорит так сильно; потому что, если Иисус — Праведник, то они преступники.

15. Яко будеши ему свидетель у всех человеков о сих, яже видел еси и слышал. 16. И ныне что медлиши? востав крестися, и омый грехи твоя, призвав имя Господа Иисуса. 17. Бысть же возвратившумися во Иерусалим, и молящумися в церкви, быти во изступлении, 18. И видети его глаголюща ми: потщися, и изыди скоро из Иерусалима, зане не примут свидетельства твоего, еже о Мне.

Яко будеши ему свидетель, по той причине, что ты не изменишь тому и не забудешь того, что видел и слышал. *Яже видел еси и слышал*. Господь убеждает Савла посредством того и другого чувства, то есть, посредством зрения и слуха. *Будеши свидетель у всех человеков*, не единоплеменников только, но и иноплеменников; потому что свидетели на то и свидетели, чтобы свидетельствовать не пред теми, которые знают, но пред теми, которые не знают. Но это — и великое пророчество; и посмотри, — оно исполнилось; потому что своими делами, своими страданиями, своими словами Павел действительно стал свидетелем у всех людей.

19. И аз рех: Господи, сами ведут, яко аз бех всажда в темницу и бия по сонмищах верующыя в тя, 20. И егда изливашеся кровь Стефана свидетеля твоего, и сам бех стоя и соизволяя убиению его, и стрегий риз убивающих его. 21. И рече ко мне: иди, яко аз во языки далече послю тя. 22. Послушаху же его даже до сего словесе, и воздвигоша глас свой, глаголюще: возми от земли таковаго: не подобает бо ему жити.

Для чего сказал: *сами ведут*? Сказал это, не противореча Христу, но желая понять такую непонятную вещь. Но Христос не объяснил ему, а сказал только, чтобы он шел. *И егда изливашеся кровь Стефана* и пр. Напомнил им об одном жестоком убийстве. Когда Стефан обличал их в то время, они не вынесли.

23. Вопиющим же им, и мещущым ризы, и прах возметающим на воздух, 24. Повел тысящник отвести его в полк, рек: ранами истязати его: да понимает, за кую вину тако вопяху нань. 25. И якоже протягоша его вервьми, рече к стоящему сотнику Павел: человека римлянина и неосуждена леть ли есть вам бити? 26. Слышав же сотник, приступи к тысящнику, сказа, глаголя: виждь, что хочеши сотворити? человек бо сей римлянин есть. 27. Приступль же тысящник рече ему: глаголи ми, римлянин ли еси ты? он же рече: ей. 28. Отвеща же тысящник: аз многою ценою наречение жителства сего стяжах. Павел же рече: аз же и родихся в нем. 29. Абие убо отступиша от него хотящии его истязати и тысящник же убояся, разумев, яко римлянин есть, и яко бе его связал.

Да разумеет, за кую вину... Но ведь от них — так как они вопили, — следовало узнать, их спросить, что они подозревали в словах Павла; но тысячник просто угрождает власти и делает в угоду им; потому что не о том заботился он, как бы посправедливее поступить, но о том, как бы утишить их гнев, хотя и несправедливый. *Человека римлянина и неосуждена...* Не солгал Павел, сказав, что он — римлянин; потому что отец его, ради представительства, купил себе это имя за деньги, так как великим почетом пользовались удостоившиеся называться этим именем. Говорит же это Павел, чтобы, в случае наказания его, не стали относиться к нему с презрением. Если бы его наказали, то делу дали бы иной оборот и убили бы его; а теперь, хотя и не по иной причине, а по той самой, что он — римлянин, не только не наказали его, но и отпустили. Два преступления полагает Павел в наказании себя: одно — то, что хотели наказать его без суда, другое — то, что хотели наказать римлянина; поэтому и больше страха навел на них. *Павел же рече: аз и родихся...* Смотри: и отец его был римлянин. Прежде чем родился Павел, Киликия перешла уже под власть римлян; поэтому и отцу его, как перешедшему под их власть, необходимо было быть римлянином. Павел же, согласно пророчеству, связан был во Иерусалиме, и исполнилось пророческое слово. Что же происходит потом? Тысячник развязывает Павла и приводит к иудеям. Итак — не ложь, что он римлянин; потому что тысячник испугался того, что он римлянин, то есть, человек знатного рода.

30. На утро же хотя разумети истину, чесо ради оклеветается от иудей, разреши его от уз, и повеле приити архиереем и всему собору их: и свед Павла, постави его пред ними.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

1. Возрев же Павел на сонм, рече: мужие братие, аз всею совестью благою жителствовах пред Богом, даже до сего дне. 2. Архиерей же Анания повеле предстоящим ему бити его уста. 3. Тогда Павел рече к нему: бити тя имать Бог, стено повапленная: и ты седиши судя ми по закону, преступая же закон велиши, да бьют мя. 4. Предстоящие же реша: архиерею ли Божию досаждаеши? 5. Рече же Павел: не ведах, братие, яко архиерей есть: писано бо есть: князю людей твоих да не речеши зла.

Возрев же Павел на сонм . Говорит уже не к народу и не к толпе. *Аз всею совестью благою жителствовах* , то есть, не сознаю себя, в своих поступках, ни в чем виновным пред вами и достойным этих уз. *И ты седиши судя ми по закону, преступая же закон велиши, да бьют мя* . *Преступая же закон* , то есть, будучи виновен в беззаконии; как бы говорит: будучи достоин весьма многих наказаний. *Архиерею ли Божию досаждаеши? Не ведах, яко архиерей есть* . Как же ты говорил: *и ты седиши судя ми по закону?* Да, Павел принимает вид, что не знает; но это было не вредно, а полезно для слушателей. Но я ^[49] очень убежден, что Павел действительно не знал, что Анания — архиерей; так как он (Павел) прибыл недавно во Иерусалим, с иудеями не обращался и видел Ананию среди многих других лиц. Да среди многих и разнообразных лиц архиерей был и незаметен. *Стеной же повапленной* ^[50] называет его потому, что хотя Анания принимал светлый образ человека, который, как бы защищает закон и судит по закону, но мысль его была полна беззакония. Поэтому Павел и избличает в нем лицемерный вид наружного расположения к закону.

6. Разумев же Павел, яко едина часть есть саддукей, другая же фарисей, возва в сонмищи: мужие братие, аз фарисей есмь, сын фарисеов: о уповании и о воскресении мертвых аз суд приемлю. 7. Се же ему рекшу, бысть распря между саддукеи и фарисеи и разделися народ. 8. Саддукее бо глаголют не быти воскресения, ни ангела, ни духа: фарисее же исповедуют обоя.

Аз фарисей есмь . Опять говорит по-человечески, но всюду богат благодатию. Не обманывает однако и здесь; потому что по предкам он фарисей. А так как иудеи не хотели сказать, за что обвиняют его; то он считает себя вынужденным высказать это сам: *о уповании и о воскресении мертвых аз суд приемлю* , и оправдывает себя самым обвинением их и их клеветою. Саддукеи же, будучи *несмысленни* , не знали, быть может, даже Бога; поэтому не верят даже тому, что будет воскресение. *Фарисеи же исповедуют обоя* . Однакож саддукеи не признают трех положений (воскресения, бытия ангела и бытия духа). Как же писатель говорит: обоя? Но дух и ангел одно и то же; кроме того слово *обоя* (и то и другое) говорится и о трех предметах. Писания людей некнижных и рыбарей не следует измерять мерою изящной внешней отделки, какую отличаются сочинения писателей специалистов; от этого рождаются ереси.

9. Бысть же кличь велик: и воставше книжницы части фарисейския пряхуся между собою, глаголюще: ни едино зло обретаем в человеце сем: аще же Дух глагола ему, или ангел, не противимся Богу. 10. Мнозе же бывшей распре, бояся тысящник, да не растерзан будет Павел от них, повеле воином снити и восхитити его от среды их, и вести его в полк.

Аще же Дух глагола ему... Чего-то не достаает для полноты мысли. Дух, говорится, или ангел внушал ему содержание речи, неизвестно; или это сказано от лица фарисеев и в таком случае слова: *аще Дух глагола ему, или ангел* , следует понимать так: вот он говорит о воскресении; очевидно, или Дух, или ангел преподавал ему учение о воскресении. *Бояся тысящник...* Боялся, чтобы не растерзали Павла; так как он сказал, что он — римлянин; и дело было недалеко от опасности. Наконец воины похищают его, думаю, как свою собственность.

11. В наставшую же ночь представ ему Господь, рече: дерзай Павле: якоже бо свидетелствовал еси, яже о мне, во Иерусалиме, сице ти подобает и в Риме свидетелствовати, 12. Бывшу же дню, сотворше нецыи от иудей совет, заклеща себе, глаголюще ни ясти ни пити, дондеже убьют Пасла. 13. Бяху же множае четьредесятих сию клятву сотворшии: 14. Иже приступльше ко архиереем и старцем, реша:

Представ ему Господь ; так как Господь — утешитель в скорбях. Но Он не являлся Павлу прежде, чем последний не впал в опасность (так как Господь укрепляет нас и посредством скорбей), и по явлении своем соизволяет спасти жизнь его человеческими средствами.

14. Клятвою прокляхом себе, ничтоже вкусити, дондеже убием Павла. 15. Ныне убо вы скажите тысящнику с собором, яко да утре сведет его к вам, аки бы хотяще разумети известнее, яже о нем: мы же, прежде даже не приблизитися ему, готовы есмы убити его.

Прокляхом себе . Вместо того, чтобы сказать: они сказали, что отрекутся от веры в Бога,

если не сделают того, что задумали. Таким образом, давали ли они ложное обещание, — они под клятвою, как обманщики; удалось ли бы им убить Павла, — они снова подвергали себя проклятию, как убийцы, или предавал их анафеме Бог.

16. Слышав же сын сестры Павловы ков, пришед и вшед в полк, сказа Павлу. 17. Призвав же Павел единаго от сотник, рече: юношу сего отведи к тысящнику: имать бо нечто сказати ему. 18. Он же убо поимь его приведе к тысящнику, и рече: узник Павел призвав мя, умоли сего юношу привести к тебе, имуща нечто глаголати тебе. 19. Поимь же его за руку тысящник, и отшед на едине вопрошаше его: что есть, еже имаши возвестити ми? 20. Рече же, яко иудее совещаща умолити тя, яко да утре сведеши Павла к ним в собор, аки бы хотящим известнее истязати яже о нем. 21. Ты убо не послушай их: ловят бо его от них мужие множае четыредесяти, иже заклѣша себе ни ясти ни пити, дондеже убьют его: и ныне готови суть чающе обещания, еже от тебе. 22. Тысящник убо отпусти юношу, завещав ни единому же поведати, яко сия явил еси мне. 23. И призвав два некая от сотник, рече: уготовита ми воинов вооруженных двесте, яко да идут до Кесарии, и конник седьдесят, и стрелец двесте, от третияго часа нощи: 24. И скоты привести, да всадивше Павла проводят до Филикса игемона.

Слышав же сын сестры Павловы ков . По Божию устройению было то, что иудеи не заметили, как он мог слышать. Снова спасается Павел вследствие человеческой предусмотрительности; так как он всех, даже сотника оставляет в неведении, чтобы не обнаружилось дело. Не следует ставить в осуждение Павлу того, что он боялся опасности; это свидетельствует лишь о слабости его природы (так как он был человек), и должно служить в похвалу его воли; так как и страшась ударов и смерти, он не сделал из-за страха этого ничего недостойного себя.

25. Написа же и послание, имущее образ сей: 26. Клавдий Лисиа державному игемону Филиксу радоватися. 27. Мужа сего ята от иудей, и имуща убиена быти от них, приступль с воины отгях его, уведев, яко римлянин есть. 28. Хотя же разумети вину, еяже ради поймаху нань, сведох его в сонмище их: 29. Егоже обретох оглаголуема о взыскании закона их, ни едино же достойно смерти или узам согрешение имуща. 30. Сказану же бывшу ми кову хотящу быти от иудей на мужа сего, абие послах его к тебе, завещав и клеветником его глаголати пред тобою, яже нань: здрав буди. 31. Воины же убо по повеленному им, взявше Павла, ведоша об ночь во Антипатриду. 32. Во утрие же оставльше конники ити с ним, возвратишася в полк. 33. Они же пришедше в Кесарию, и вдавшѣ послание игемону, представиша ему и Павла. 34. Прочет же игемон послание, и вопрошь, от коея области есть, и уведев, яко от Киликии, рече: 35. Услышу о тебе, егда и клеветницы твои приидут.

Ни едино же достойно смерти... Вот и письмо, написанное в защиту его и в обвинение иудеев. Посмотри: Павел признается невинным не иудеями, а иноплеменниками, как и Христос Пилатом.

И повеле в преторе Иродове стрещи его.

1. По пятих же днех сниде архиерей Ананиа со старцы и с ритором неким Тертиллом, иже сказаша игемону о Павле. 2. Призвану же бывшу ему, начат клеветати Тертилл, глаголя: мног мир уллучающе тобою, и исправления бываемая языку сему твоим промышлением, 3. Всяким же образом и везде приемлем, державный Филиксе, со всяким благодарением. 4. Но да не множае стужаю тебе, молю тя послушати нас вкратце твоею кротостию.

В преторе Иродове . Замечательно, что в Кесарии был претор Ирода. *Иже сказаша игемону о Павле* . Снова недостает чего-то в этих словах для полноты мысли, которая должна быть такова: они представили обвинительную против Павла записку. *Мног мир уллучающе тобою* . Видишь, как с первого раза предрасполагает похвалами в свою пользу судию и как старается выдать Павла за нововводителя и возмутителя.

5. Обретохом бо мужа сего губителя, и движуща противление всем иудеем живущим по вселенней, и предстателя суца назорейстей ереси: 6. Иже и церковь покусися осквернити, егоже и яхом, и по закону нашему хотехом судити ему. 7. Пришед же Лисиа тысящник, многою силою от рук наших исхити его, и к тебе посла: 8. Повелев и нам поемлющым нань ити к тебе: от негоже возможеши сам рассудив о всех сих познати, о нихже мы поемлем нань. 9. Сложишася же и Иудее, глаголюще сим тако быти.

Принадлежать к числу Назореев было делом позорным: поэтому Тертилл унижал Павла и с этой стороны, так как Назарет был ничтожным городом. Называет назореев еретиками, как будто и такая секта существовала у Иудеев. Но Тертилл был еллин; поэтому он именно и ораторствовал или обвинял Павла.

10. Отвеща же Павел, поманувшу ему Игемону глаголати: от многих лет суца тя судию праведна языку сему сведый, благодущнее, яже о мне, отвечаю: 11. Могущу ти разумети, яко не множае ми есть дний дванадесятих, отнележе вздох поклонитися во Иерусалим. 12. И ни в церкви обретоша мя к кому глаголюща или разврат творяща народу, ни в сонмищих, ни во граде: 13. Ниже довести могут, елика тебе ныне на мя глаголют. 14. Исповедую же тебе сие, яко в пути, егоже сии глаголют ересь, тако служу отеческому Богу, веруя всем сущим в законе и пророцех писаным: 15. Упование имый на Бога, яко воскресение хочет быти мертвым, праведником же и грешником, егоже и сами сии чают.

Настолько, говорит Павел, далек я от того, чтобы воздвигать возмущения, что пришел во Иерусалим для поклонения. Останавливается на этой мысли потому, что она представляла сильное доказательство его невинности. *Тако служу отеческому Богу, веруя...* Когда, после призвания быть Христовым апостолом, Павел говорит, что он служит отеческому Богу; то он показывает этим, что Бог ветхого и нового завета — один и тот же. Путем же называет веру или предание.

16. О сем же и аз подвизаюся, непорочну совесть имети всегда пред Богом же и человеки. 17. По летех же многих приидох сотворити милостыни во язык мой и приношения. 18. В нихже обретоша мя очищенна в церкви, ни с народом, ниже с молвою. 19. Нецыи от Асии иудее, имже подобаше пред тя приити и глаголати, аще имут что на мя. 20. Или сами тии да глаголют, аще кую обретоша во мне неправду,

ставшу ми в сонмищи, 21. Разве единого сего гласа, имже возопих стоя в них, яко о воскресении мертвых аз суд приемлю днесь от вас.

Подвизаюся непорочну совесть имети . Совершенную добродетель являем мы тогда, когда и людям не подаем поводов к соблазнам и пред Богом стараемся быть непорочными. *Сами тии да глаголют, аще кую обретоша во мне неправду* , — то есть, обрели неправду на собрании, когда сделано было дознание. А что я говорю правду, так об этом свидетельствует сами, обвиняющие меня. Не избегать обвинителей, но быть готовым дать ответ всякому — знак несомненной правоты. Сначала они на то и обиделись, что я проповедовал воскресение; потому что после этой проповеди удобно было присовокупить и то, что относится ко Христу, именно, что Он воскрес.

22. Слышав же сия Филикс отвеща (отрече) им, известнее уведев, яже о пути сем, глаголя: егда Лисиа тысящник приидет, разсужду, яже о вас. 23. Повеле же сотнику стрещи Павла, и имети ослабу, и ни единому же возбраняти от своих ему служити или приходити к нему.

Отрече им . С намерением отложил дело, то есть, не с тем, чтобы изучить его, но с тем, чтобы удалить иудеев и дать ослабу Павлу; так как не хотел ради них наказывать его. *Известнее уведев, яже о пути сем, глаголя: егда Лисиа...* Наставленный из ветхого завета тому, что относилось ко Христу, Феликс хорошо знал веру Павла, и не освободил его по человекоугодливости, как говорится ниже: *хотя угодное сотворити Филикс* . А может быть он думал получить от Павла и денег. Знал же Феликс о том, что относилось ко Христу, как имевший жену иудеянку, от которой он часто слышал об этом.

24. По днех же неких пришед Филикс со Друсиллиею женою своею сущою иудеянынею, призва Павла, да слышит от него веру, яже во Христа Иисуса. 25. Глаголющу же ему о правде и о воздержании и о суде хотящем быти, пристрашен быв Филикс отвеща: ныне убо иди: время же получив призову тя: 26. Вкупе же и надеяся, яко мзда дастся ему от Павла, яко да отпустит его: темже и часто призывая его беседоваше с ним. 27. Двема же летома скончавшемася прият изменение Филикс Поркия Фиста: хотя же угодное сотворити иудеем Филикс, остави Павла связана.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

1. Фист же убо примь власть, по трех днех взыде во Иерусалим от Кесарии. 2. Сказаша же ему архиерее и первии от Иудей на Павла, и моляху его, 3. Просяще благодати нань, яко да послет его во Иерусалим: ков творяще, яко да убьют его на пути. 4. Фист же повеле Павла стрещи в Кесарии, сам тамо хотя вскоре изыти. 5. Иже убо сильнии в вас, рече, со мною шедше, аще есть кая неправда в мужи сем, да глаголют нань.

Со Друсиллиею женою своею . Быв иудеянкою, она, против закона, вышла за еллина; или, быть может, она хотя и была иудеянка, но, вышедши замуж, стала еллинкой. Поэтому-то она, желая обратить и мужа и сделать его пришельцем, и сообщила ему свою веру. *Пристрашен быв Филикс* . Такая сила заключалась в словах Павла, что и начальник испугался. *Темже и*

часто призывая его, беседоваше с ним . Видишь, какую правдою дышит то, что пишется? Часто призывал Павла не потому, что удивлялся ему, или что одобрял его речи и не потому, что желал уверовать, но потому, что надеялся, что ему дадут денег.

6. Пребыв же у них не множае десяти дний, сниде в Кесарию, на утрие сед на судищи, повеле Павла привести. 7. Приведену же бывшу ему, окрест сташа иже от Иерусалима сшедшии иудее, многи и тяжки вины приносяще на Павла, ихже не можаху изъяснити: 8. Отвещавающе ему, яко ни на закон иудейский, ни на церковь, ни на кесаря что согреших. 9. Фист же хотя угодное иудеем сотворити, отвещав Павлови рече: хочещи ли во Иерусалим возшед, тамо о сих суд прияти от мене? 10. Рече же Павел: на судищи кесареве стоя есмь, идеже ми достоит суд прияти. Иудей ни чимже обидех, якоже и ты добре веси. 11. Аще бо неправдую, или достойно смерти сотворих что, не отめщуся умрети: аще ли же ничтоже есть во мне, еже сии на мя клеветуют, никтоже мя может тем выдати: кесаря нарицаю. 12. Тогда Фист состязався с советники, отвеща: кесаря ли нарекл еси, к кесарю пойдеши.

Яко ни на закон... Вот ясное и открытое показание: я, говорит Павел, соблюл себя чистым во всем, не согрешил ни против Бога, ни против закона, ни против человека, ни против церкви (храма), то есть, я никогда не бесчестил храмов иудейских, построенных из камней, хотя знаю и проповедую, что Бог живет не в рукотворенных храмах; также никогда не оскорблял совести иудеев поношением их иерея, хотя более уже не внемлю и архиереям иудейским. А выражение: *на судищи кесареве стоя есмь* , означает: хочу идти в Рим к кесарю и там принять суд. Требую, говорит, этого от тебя.

13. Днем же минувшим неким, Агриппа царь и Верникаиа снидоста в Кесарию, целовати Фиста. 14. И якоже многи дни пребыста ту, Фист сказа царю, яже о Павле, глаголя: муж некий есть оставлен от Филикса узник, 15. О немже, бывшу ми во Иерусалиме, явиша архиереи и старцы иудейстии, просяще нань суда.

Агриппа царь . Агриппа был или наместником царя в провинциях (восточных) и потому назывался царем, или, быть может, он был и сам царем на востоке, тогда как Нерон владычествовал на западе и имел резиденцию в Риме. Название «кесарь» по-римски будет значить «император»; так как все римские императоры, пока были императорами, назывались кесарями; однакож названия эти не были собственными их именами. Я заметил это, чтобы кто-либо, на основании тождества этого общего названия с именем собственным, не подумал, что при одном и том же императоре и Господь наш родился и Павел умер. Господь родился, как показывает хронология, при кесаре Августе, а умер чрез тридцать два года при Тиверие Августе. Павел же умер при Нероне, спустя тридцать два года после смерти Господа. Да и Ирод был наместником царя, поэтому и сам назывался царем.

16. К нимже отвещах, яко несть обычай римляном выдати человека коего на погибель, прежде даже оклеветаемый не имать пред лицом клеветующих его, и место ответа примет о своем согрешении. 17. Сшедшымся же им zde, законшение ни едино сотворь, на утрие сед на судищи, повелех привести мужа. 18. Окрест же его ставше клеветницы, ни едину вину, яже аз непщевах, нанесоша.

Несть обычай римляном . Итак ясно, что Пилат, выдав Иисуса иудеям, сделал это с

злойдейскою целию; так как он и суд Божий и закон римский презрел для того, чтобы, предав кровь неповинную на смерть, угодить убийцам, хотя за такой противозаконный поступок и подвергался ответственности пред императором римским, который и послал его начальником в пределы Иерусалима. *Окрест его ставше клеветницы ни едину вину нанесоша*. Клеветники возводили на него обвинение, но не доказали его; потому что их клевета и дерзость казались подозрительными, а разбирательство дела не подтвердило ничего.

19. Стязания же некая о своей различной вере имяху к нему, и о некоем Иисусе умершем, егоже глаголаше Павел жива быти. 20. Недоумеяся же аз о взыскании сих, глаголах, аще хочет ити во Иерусалим, и тамо суд прияти о сих. 21. Павлу же нарекшу блюдену быти ему до разсуждения Августа, повелех блюсти его, дондеже послю его к кесарю. 22. Агриппа же к Фисту рече: хотел бых и сам человека сего слышати, он же рече: утре услышиши его. 23. На утрие же пришедшу Агриппе и Верникии со мноюю гордостию, и вшедшым в судебную палату, с тысящники и с нарочитыми мужи града, и повелевшу Фисту, приведен бысть Павел. 24. И рече Фист: Агриппо царю, и вси сущии с нами мужие, видите сего, о немже все множество иудей стужаху ми во Иерусалиме же и zde, вопиюще, яко не подобает жити ему ктому.

И о некоем Иисусе. Естественно говорит: *о некоем Иисусе*, так как был человек со властью и не обращал внимания на Господа. *Недоумеяся же аз...* Разбор такого дела поставил в недоумение судию; так как дело было выше его понимания. *До разсуждения Августа*. Августом, равно как и кесарем, называет императора; его же называет и господином.

25. Аз же разумев ничтоже достойно смерти сотворша его, и самому же сему нарекшу Севаста, судих послати его: 26. О немже известно что писати господину не имам: темже и приведох его пред вас, наипаче же пред тя, Агриппо царю, яко да разсужению бывшу имам что писати. 27. Безсловесно бо мнится ми, посылающу юзника, а вины яже нань не сказати.

Ничтоже достойно смерти сотворша его. Наконец сам судия свидетельствует о Павле, что он был невинен; однакож он не освободил Павла. Господь устроил, что Павел *нарек* кесаря (а *нарекших* кесаря необходимо было посылать в Рим), чтобы исполнилось предсказание самого Павла, именно: *подобает ми и Рим видети* (19, 21). Наблюдай, как Павел, оставив все, и родителей и воспитателей, приходит в Рим чистым от всякого подозрения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

1. Агриппа же к Павлу рече: повелевается ти о себе самому глаголати; тогда Павел простер руку отвецаваше: 2. О всех, о нихже оклеветаемь есмь от иудей, царю Агриппо, непщую себе блаженна быти, яко пред тобою отвецати днесь имам: 3. Паче же ведца тя суца сведый всех иудейских обычаев и взысканий. Темже молюся ти, долготерпеливно послушати мене. 4. Житие убо мое еже от юности, исперва бывшее во языке моем во Иерусалиме, ведут вси иудее, 5. Ведяще мя исперва, аще хотят свидетелствовати, яко по известней ереси наша веры жих фарисей: 6. И ныне о уповании обетования бывшего от Бога ко отцем нашим, стою судимь: 7. В неже обанадесяте колена наша безпрестани день и ночь служаще

надеются дойти: о немже уповании оклеветаемь есмь, царю Агриппо, от иудей, 8. Что? неверно ли судится вами, яко Бог мертвых возставляет?

Непщую себе блаженна быти, яко пред тобою отвещати днесь имам . Говорил так Павел не с лестию (да не будет!), но желая доставить пользу царю. И тот, кого только что трактовали находящимся под судом, частию подействовал на судию и пленил его; потому что Агриппа, в присутствии всех, говорил: *вмале мя препираеши христианина быти* (ст. 28). — *Паче же ведца тя суца сведый всех иудейских обычаев и взысканий* . Сам сознавая это, Павел должен был бы бояться того, что его судит человек, знающий все; но не отклонять такого судии, который подробно знает все бывшее, значит иметь чистую совесть. *Ведят вси иудеи, ведяще мя исперва* . Это значит: иудеи знают истину, но не хотят засвидетельствовать ее, а самовольно лгут и погрешают против меня. *По известней ереси наша веры жих фарисей* . Замечательно, что и фарисеи были еретики, хотя Писания они исследовали и понимали лучше, чем все другие иудейские секты. Понимали лучше, но не истинно; потому что истинного разумения писаний они не имели. Итак прилежание может обследовать и обсудить дело с тонкостию; однако же понять вполне его сущность не может, напротив бывает, что человека обманывает его же ум.

9. Аз убо мнех, яко подобает ми много сопротивна противу имене Иисуса Назореа сотворити: 10. Еже и сотворих во Иерусалиме, и многи от святых аз в темницах затворях, власть от архиерей приемь: убиваемым же им прилагах совет: 11. И на всех сонмищах множицею мучя их, принуждах хулити: преизлиха же враждуя на них, гонях даже и до внешних градов.

Аз убо мнех . По моему разумению, говорит Павел, казалось мне, что это так должно было быть. *Преизлиха же мучя их* . Подстрекаемые дьяволом и демонами, многие, как бешеные, делали много нелепостей; а я, быть может, бесновался больше их, когда по своей воле причинял зло.

12. В нихже идый в Дамаск со властию и повелением, еже от архиерей, 13. В полудни, на пути видех, царю, с небесе паче сияния солнечнаго, осиявший мя свет и со мною идущих. 14. Всем же падшым нам на землю, слышах глас глаголющъ ко мне и вещающъ еврейским языком: Савле, Савле, что мя гониши? жестоко ти есть противу рожна прати. 15. Аз же рех: кто еси, Господи? он же рече: аз есмь Иисус, егоже ты гониши: 16. Но востани, и стани на ногу твою: на се бо явихся ти, сотворити тя слугу и свидетеля, яже видел еси, и яже явлю тебе: 17. Изъимая тя от людей иудейских и от язык, к нимже аз тя посю, 18. Отверсти очи их, да обратятся от тмы в свет, и от области сатанины к Богу, еже прияти им оставление грехов, и достояние во святых верою, яже в Мя.

Паче сияния солнечнаго . Сообщая о сиянии светлейшем чувственного света и считая невозможным уподобить свет Иисусов солнечному свету, Павел, чтобы передать явление так, как может принять человеческий слух, говорит: свет этот далеко превосходит солнечный свет.

19. Темже, царю Агриппо, не бых противен небесному видению: 20. Но сущым в Дамасце прежде и во Иерусалиме, и во всяцей стране иудейстей, и языком, проповедую покаяться, и обратитися к Богу, достойна покаянию дела творяще.

Не бых противен . Я убедился чрез это явление, говорит Павел. Видением этим Господь обратил меня и убедил таким образом не отлагать дела. Видение это — чистое созерцание, превышающее человеческие силы; его нельзя видеть плотскому человеку, если очи его не будут отверсты нечеловеческою силою.

21. Сих ради мя иудее емше во святилици, хотяху растерзати. 22. Помощь убо улучив, яже от Бога, даже до дне сего стою, свидетелствуя малу же и велику, ничтоже вещая, разве яже пророцы рекоша хотящая быти, и Моисей: 23. Яко Христос имеяше пострадати, яко первый от воскресения мертвых свет хотяше проповедати людем (иудейским) и языком.

Ничтоже вещая, разве яже пророцы рекоша хотящая быти, и Моисей . Что пророки глаголали о страдании Христовом, — так известно, что излишне и говорить об этом; а что Моисей предсказывал, — видно из того, что он сказал как бы от лица Иуды ^[51]: *возлег уснул еси яко лев, и яко скимен: кто возбудит его* (Быт. 49, 9). Ясно, понимает смерть и воскресение Христово. Но Моисей и о страдании предсказывал: так он говорит еще: *и будет живот твой висящ пред очима твоима* (Второз. 28, 66). *Первый от воскресения мертвых .* Иисус первый восстал и уже не умирает; а воскресенные Им или Его учениками снова умерли в ожидании будущего общего воскресения.

24. Сия же ему отвечавающе, Фист велиим гласом рече: беснуешися ли, Павле? многия ты книги в неистовство прелагают. 25. Он же, не беснуюся, рече, державный Фисте, но истины и целомудрия глаголы вещаю. 26. Весть бо о сих царь, к нему же и с дерзновением глаголю: утаитися бо ему от сих не верую ничесому же.

Беснуешися ли Павле : Так как Павел речь свою постоянно обращал к царю; то Фист, обидевшись несколько и видя дерзновение Павлово, сказал это от досады и гнева. Павел же объясняет ему причину, почему он обратил свое слово к царю.

Несть бо во угле сотворено сие. 27. Веруеши ли, царю Агриппо, пророком? вем, яко веруеши. 28. Агриппа же к Павлу рече: в мале мя препираеши христианина быти. 29. Павел же рече: молил убо бых Бога, и в мале и во мнозе, не токмо тебе, но и всех слышащих мя днесь быти им тацем, яков и из есмь, кроме уз сих. 30. И сия рекшу ему, воста царь и Игемон, и Верникиа, и седящии с ними. 31. И отшедше беседоваху друг ко другу, глаголюще, яко ничтоже смерти достойно или уз творит человек сей. 32. Агриппа же Фисту рече: отпущен быти можаше человек сей, аще не бы кесаря нарицал; и тако суди Игемон, послати его к кесарю.

Весть бо о сих царь (26 ст.). Здесь Павел говорит о кресте и о воскресении, так как учение об этом разнеслось по всей вселенной. Говорит же это в доказательство того, что Агриппа все знал; и едва не говорит и прочим присутствовавшим: и вам следовало знать это; потому что таков смысл следующих слов: *несть бо во угле сотворено сие . Молил убо бых Бога, и в мале и во мнозе, не токмо тебе... кроме уз сих .* Хотя узы за имя Христово и достойны славы; но Павел прибавил эти слова, то есть, *кроме уз сих* , приравливаясь к пониманию присутствовавших. — Что говоришь ты, блаженный Павле: *кроме уз сих*? Какое же и дерзновение у тебя, если ты стыдишься и избегаешь уз? Не везде ли в своих посланиях ты хвалишься узами и называешь самого себя узником? И не везде ли выставляешь нам на вид кандалы вместо диадемы? Итак что же такое случилось, что ты отстраняешь от себя узы?

Сам я, говорит он, ни отстраняю их от себя, ни стыжусь их, но говорю так по снисхождению к немощи слушателей; потому что они не могут еще вместить похвалы моей. От Господа же узнал я, что *никтоже приложения плата небелена пришивает к ризе ветсе* (Лук. 2, 21). Вот почему я так сказал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

1. И якоже суждено бысть отплыти нам во Италию, предаху Павла же и инья некия юзники сотнику, именем Иулию, спиры севастийския. 2. Вшедше же в корабль адрамитский, восхотевше плыти во асийская места, отвезохомся, суцу с нами Аристарху македонянину от Солуня. 3. В другой же пристахом в Сидоне: человеколюбие же Иулий Павлови дея, повеле к другом шедшу прилежание улучити.

Суцу с нами Аристарху. С пользою присутствует Аристарх и сопутствует Павлу; так как имеет возвестить в Македонии обо всем, что случилось с Павлом. *Человеколюбие же Иулий Павлови дея*. Да и естественно было вести и поддерживать Павла, угнетенного узами и страхом. Посмотри, как писатель не скрывает и того, что Павел нуждался в попечении о себе.

4. И оттуду отвезшеся припыхом в Кипр, зане ветри бяху противни. 5. Пучину же, яже противу Киликии и Памфилии, преплывше, приидохом в Миры ликийския. 6. И тамо обрет сотник корабль александрийский пловущь во Италию, всади ны в онь. 7. Во многи же дни косо плавающе, и едва бывше противу Книда, не оставляющу нас ветру, припыхом под Крит, при Салмоне: 8. Едва же избирающе край, приидохом на место некое нарицаемое доброе пристанище, емуже близ бе град Ласей.

Корабль, говорит, *александрийский*. Вероятно и они отправились в Азию, чтобы возвестить о том, что случилось с Павлом, как Аристарх в Македонию [\[52\]](#).

9. Многу же времени минувшу, и суцу уже не безбедну плаванию, занеже и пост уже бе пришел, советоваше Павел, 10. Глаголя им: мужие, вижду, яко с досаждением и многою тщетою, не токмо бремене и корабля, но и душ наших хочет быти плавание.

И пост уже бе пришел... Думаю, говорит здесь о посте иудейском, так как Павел отправился много времени спустя после Пятидесятницы, так что в пределы Крита прибыл почти к зиме. Но чтобы показать, что он не пророчествует, а говорит по догадке, — выражается так: *вижду*; потому что ему не тотчас поверили бы и в том случае, если бы он сказал это, как пророк.

11. Сотник же кормчия и навклира послушаше паче, нежели Павлом глаголемых. 12. Не добру же пристанищу суцу ко озимению, мнози совет даяху отвезтися оттуду, аще како возмогут, достигше Финикии озимети, в пристанище критстем, зрящем к ливу и к хору. 13. Дхнувшу же югу, мневше волю свою улучити, воздвигше ветрила, плыху вскрай Крита.

Навлира послушаше паче . Сотник сделал это в том предположении, что скорее следует послушать людей опытных в плавании, чем пассажира, не опытного в этом деле. Таким образом это было ошибкой ума, а не судьбы.

14. Не по мнозе же возвея противен ему ветр бурен, нарицаемый евроклидон.
15. Восхищену же бывшу кораблю, и не могущу сопротивитися ветру, вдавшесе волнам носими бехом. 16. Остров же некий мимотекше, нарицающесе Клавдий, едва возмогахом удержати ладью: 17. Юже востягше, всяким образом помогаху, подтверждающе корабль: боящесе же да не в сирть впадут, низпустивше парус, сице носими беху.

Не следует искать в Писании постоянно собственных выражений. *Сопротивитися* (αντοφθαλμεῖν — «смотреть против») — выражение, приличное по отношению к человеку, а не к кораблю.

18. Вельми же обуреваемым нам, на утрие изметание творяху. 19. И в третий день своими руками ядрило корабленное извергохом. 20. Ни солнцу же, ни звездам явльшымся на многи дни, и зиме не мале належащей, прочее отъймашесе надежда вся, еже спастися нам. 21. Многу же неядению суцу, тогда став Павел посреде их, рече: подобаше убо, о мужие, послушавше мене не отвезтися от Крита, и избыти досаждения сего и тщеты. 22. И се ныне молю вы благодушствовати: погибель бо ни единой души от вас будет, разве корабля. 23. Предста бо ми в сию ночь ангел Бога, егоже аз есмь, емуже и служу. 24. Глаголя: не бойся Павле, кесарю ти подобает предстати: и се дарова тебе Бог вся плавающя с тобою. 25. Темже дерзайте, мужие, верую бо Богови, яко тако будет, имже образом речено ми бысть. 26. Во остров же некий подобает нам пристати. 27. И егда четвертаянадесять ночь бысть, носимым нам во Адриатстей пучине в полунощи, непщеваху корабленицы, яко приближаются к некоей стране. 28. И измеривше глубину, обретоша сажений двадесять: мало же прешедше, и паки измеривше, обретоша сажений пятьнадесять. 29. Боящесе же, да не како в прудная места впадут, от носа корабля вергше котвы четыре, моляхомся да день будет. 30. Кораблеником же ищущым бежати из корабля, и низвесившим ладью в море, изветом аки от носа хотящим котвы простерти, 31. Рече Павел сотнику и воином: аще не сии пребудут в корабли, вы спастися не можете. 32. Тогда воины отрезаша узя ладии, и оставиша ю отпасти. 33. Егда же хотяше день быти, моляше Павел всех, да примут пищу, глаголя: четыренадесять днесь день ждуще, не ядше пребываете, ничтоже вкусивше.

И се ныне молю вы благодушствовати . После столь продолжительной бури не с укоризною обращается к ним, но желает, чтобы на будущее время они верили ему; и то, что случилось, представляет как свидетельство истинности того, что сказано было им. Потом предсказывает две вещи, именно: что корабль погибнет, а находившиеся на нем спасутся и что они будут выброшены на остров. *Се дарова тебе Бог вся плавающя с тобою* . Вот, если бы не Павел, то все находившиеся в корабле должны были бы погибнуть. Итак ложно то, что сказано Гомером: «Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный,

Муж ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится»

(Ил. 6, 488. Пер. Гнедич).

Этим Гомер обозначает, что не возможно избежать смертного рока, вместе с рождением

определяющего час смерти человеческой. Но вот: — если всем определено было погибнуть; то, судя по обыкновенному, и Павел должен был бы погибнуть, пробыв сорок дней на море без пищи! Да, ложный ум сказал: «судьбы не избег муж ни отважный (Т. е. доблестный) ни робкий»... Совершенно противное сказало Писание, именно: «праведник спасся от очевидной опасности». — Итак души Бог даровал Павлу, а корабль со всем, находившимся на нем, погиб. Таким образом нечестивые спасаются в этот раз ради праведника. Бывает также, когда и преждевременно нечестивый гибнет от своего нечестия, как говорит Екклесиаст: *не нечествуй много, и не буди жесток, да не умрешь не во время свое* (7, 18). — Тогда воины отрезаша узя ладии . Бог устроил, что Павлу сначала не верили, чтобы поверили ему, проверив его слова опытом; что и случилось. Посмотри; сотник верит Павлу так, что позволяет погубить лодку; корабельщики же еще не верили, но поверили после; так как люди эти — мало развиты.

34. Темже молю вас прияти пищу, се бо к вашему спасению есть: ни единому бо от вас влас главы отпадет. 35. Рек же сия, и приемь хлеб, благодари Бога пред всеми, и преломль начат ясти. 36. Благонадежни же бывше вси, и тии прияша пищу. 37. Бе же в корабли всех душ, двесте седьмдесят и шесть. 38. Насыщесе же брашна, облегчиша корабль, изметающе пшеницу в море. 39. Егда же день бысть, земли не познаваху: недро же некое усмотреша имущее песок, в неже, аще мощно есть, совещаша извлещи корабль.

Что Павел начал есть, так это для того, чтобы не умереть с голоду; Бога же благодарил за случившееся. *И приемь хлеб, благодари Бога* . Говорить то же самое научает чин евхаристии: «благодарим Тя, Боже, яко удостоил еси нас...»

40. И котвы собравше, везяхуся по морю, купно ослабивше узя кормилом: и воздвигше малое ветрило к дышущему ветрецу, везохомся на край. 41. Впадше же в место ископное, увязиша корабль: и нос убо увязший пребысть недвижимь, кормило же разбивашесе от нужды волн. 42. Воином же совет бысть, да узники убьют, да не кто поплыв избегнет. 43. Сотник же хотя соблюсти Павла, возбрани совету их, повеле же могущым плавати, да изскочивше первее изыдут на край: 44. А прочии, ови убо на дщицах, ови же на нечем от корабля; и тако бысть всем спастися на землю.

Ослабили привязи, когда настал день; днем же снимается и корабль, чтобы бывшие на нем не погибли от страха и чтобы видели исполнение пророчества. Следует заметить, что убивают кого-нибудь ведь добровольно и судьба не может воспрепятствовать совершению убийства. Так вот добровольно решаются на дело убийства воины и приступают к нему; однако же, послушавшись сотника, снова и также добровольно оставляют свое намерение. Им можно было не послушать сотника, так как их было много и на их стороне была сила; но воля и свободное желание и делают то, что хотят, и не делают того, чего не хотят.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

1. Спасени же бывше, иже с Павлом, от корабля, тогда разумеша, яко остров Мелит нарицается, 2. Варвари же творяху не малое милосердие нам: возгнещше бо огонь, прияша всех нас, за настоящий дождь и зиму. 3. Сгрормаждшу же Павлу рождия

множество, и возложившу на огонь, ехидна от теплоты изшедши секну в руку его. 4. И егда видеша варвари висящу змию от руки его, глаголаху друг ко другу: всяко убийца есть человек сей, егоже спасена от моря суд Божий жити не остави. 5. Той же убо оттряс змию во огонь, ничтоже зло пострада.

Сгромаждшу же Павлу... Когда Павел собирал хворост, ехидна укусила его руку и не причинила ему никакого вреда; потому что святой муж был совершителем веры. Впустив жало в руку апостола и не нашедши в ней греховной язвы, ехидна тотчас отскочила и бросилась в огонь, как бы ища наказания себе самой. Мы же боимся зверей; так как не имеем всеоружия добродетели. *Глаголаху друг ко другу*. Смотри; естественное суждение полно правдивости и у варваров: не просто осуждают, но с чувством сострадания переговорив между собою.

6. Они же чаяху его имуща возгоретися, или пасти внезапно мертва: на мнозе же (того) чающим, и ничтоже зло в нем бывшее видящим, претворшеса, глаголаху Бога того быти.

Имуща возгоретися, то есть, думали, что Павлово тело разорвется. *На мнозе же чающим...* Чудо обнаружилось не вдруг, но люди несколько времени выжидали его. Таким образом явление это не было обманом или простою ловкостью. *Глаголаху Бога того быти*, — так как имели обычай всякого, кто сделает что-либо необыкновенное, называть Богом, — подобно тому, как древние называли богами тех, кто, физическою ли силою, как Иракл (??? ГЕРАКЛ???) , совершал более великие подвиги, чем его современники, или сводил зрителей с ума искусством магии, как Симон в Самарии.

7. Окрест же места онаго бяху села перваго во острове, именованном Поплиа, иже приимь нас, три дни любезне учреди. 8. Бысть же отцу Поплиеву огнем и водным трудом одержиму лежати: к немуже Павел вшед, и помолився, и возложь руце свои на нь, исцели его. 9. Сему же бывшу, и прочии имущии недуги во острове том прихождаху, и изцелевахуся: 10. Иже и многими честьми почтоша нас, и отвозящимся нам, яже на потребу вложиша.

Публий был человек гостеприимный; потому что принял их, не зная ничего об них, а только по состраданию к их участи, и дал покой двумстам восьмидесяти человекам, видя в этом пользу для себя. *Отцу Поплиеву огнем и водным трудом одержиму...* Дизентерия, болезнь трудноизлечимая, исцеленная Павлом, обратила к вере многих.

11. По трех же месяцев отвезохомся в корабли Александрийстем подписанем, Диоскуры, презимевшем во острове. И доплывше в Сиракусы, пребыхом дни три. 12. Оттуду же отплывше приидохом в Ригию: и по едином дни возвевшу югу, во вторый день приидохом в Поттиолы: 14. Идеже обретше братию, умолены быхом от них пребыти дний семь: и тако в Рим идохом.

Подписанем Диоскуры. Почти всегда, особенно на кораблях александрийских, было в обычае делать такие изображения около носа корабля справа и слева. А так как, при тогдашнем господстве идолослужения, изображены были, вероятно, на этом корабле Диоскуры; то отсюда заключение, что корабельщиком на нем был иноземец и идолопоклонник, как и Исаия в одном месте говорит: «понесутся на кораблях иноземных и

будут грабить на море».

15. И от тамо братия слышавше яже о нас, изыдоша во сретение наше даже до Аппиева торга и триех корчемниц: ихже видев Павел, и благодарив Бога, прият дерзновение. 16. Егда же приидохом в Рим, сотник предаде узники воеводе.

До Аппиева торга... Обозначает некоторые местности пред Римом. Первая, то есть, Аппиев торг — это местность, где находилась статуя Аппия; от этого, вероятно, местность эта и названа торгом, или площадью, площадкою пред статуей. Под корчемницами (Таверны) разумеют гостиницы или шинки, названные так по-римски.

16. Павлу же повеле пребывати о себе с соблюдающим его воином. 17. Бысть же по днех триех, созва Павел сущия от иудеев первыя: сшедшымся же им, глаголаше к ним: мужие братие, аз ничтоже противно сотворив людем, или обычаем отеческим, узник от иерусалимлян предан бых в руце римляном: 18. Иже разсудивше, яже о мне, хотяху пустити, зане ни единая вина смертная бысть во мне.

Ихже видев Павел прият дерзновение (ст. 15). Хотя и сотворил столько чудес Павел, однакож получил больше дерзновения от того, что увидел братию. Отсюда мы узнаем, что он по-человечески принимал и утешение и противоположные отношения к нему. *Павлу же повеле...* Павел был уважаем настолько, что ему дозволено было пребывать отдельно; так как если до сих пор сотник относился к нему благосклонно, то гораздо более теперь. С соблюдающим его воином, чтобы предотвратить возможность новых ков против Павла; так что воин не за ним наблюдал, а за тем, чтобы не было с ним какой-либо неприятности.

19. Сопротив же глаголющим иудеем, нужда ми бысть нареци кесаря, не яко язык мой имея в чесом оклеветати. 20. Сея ради убо вины умолих вас, да вижду и беседую: надежды бо ради исраилевы веригами сими обложен есмь.

Так как Павел знал, что совершенно неуместно было судиться, особенно у человека неверующего; то защищает себя с той и другой стороны, именно: что он поступил не против закона, а напротив сам заведомо несправедливо осужден иудеями, и что не по своей воле назвал кесаря, а потому, что сами иудеи дали ему к тому повод; так как не заблагорассудили ни судить меня по закону Церкви, ни подчиниться законному мнению властей. Власти хотели отпустить меня; не отпустили же потому, что иудеи воспротивились этому. Итак что же? Чтобы обвинить иудеев, ты сделал то, что назвал кесаря? Нет, говорит, чтобы избежать опасности. *Надежды бо ради исраилевы веригами сими обложен есмь*, то есть, Писаниями предоставлена иудеям одна надежда, Христос, — проповедуя которую, я и очутился в этом состоянии узника.

21. Они же к нему реша: мы ниже писания о тебе прияхом от иудей, ниже пришед кто от братии возвести, или глагола что о тебе зло. 22. Молимся же, да слышим от тебе, яже мудрствуеши.

Еще до прибытия Павлова в Рим, было внушено иудеям не принимать проповеди о Христе, и не только римским иудеям, но и всем иудеям по всей земле. Но откуда известно это? В сочинениях древних писателей мы находим, что обитавшие во Иерусалиме священники, книжники и старцы, написав послания, разослали их по всем странам к живущим

в них иудеям; в этих посланиях они поносили учение Христово, как учение чуждое Богу, и убеждали не принимать его. То же самое, по-видимому, означает следующее пророчество Исаии: *горе корабельным крилам земли, яже об ону страну рек ефиопских. Посылай по морю послы в залог, и послания книжная верху воды* (18, 1. 2). Этим означает, что нечестивый голос людей, населявших Иудею, разнесся на быстроходных кораблях за пределы земли Ефиопской и до последних концов земли и что апостолы их, плавая по водам и переплывая море, проникали во все страны, разнося послания и понося учение о нашем Спасителе. У иудеев и до сих пор в обычае называть апостолами, то есть, послами, вестниками, — лиц, разносящих *окожные грамоты* от их начальников. Следующая часть пророчества [\[53\]](#) говорит об учениках Спасителя, которых пророчество называет *вестницы легцы* — в отличие от упомянутых им иудейских апостолов и в силу того, что они — благовестники всем людям.

23. Уставивше же ему день, приидоша к нему в странноприемницу множайшии: имже сказаши свидетелствуя царствие Божие и уверяя их, яже о Иисусе, от закона Моисеова и пророков, от утра даже до вечера. 24. И ови убо вероваху глаголемым, ови же не вероваху.

Веру во Христа иудеи называют ересью. Но вот и они свидетельствуют, что Христос проповедуется всюду, хотя и не все принимают эту проповедь, а некоторые из иудеев и еллинов даже противодействуют ей.

25. Несогласни же суще друг ко другу отхождаху, рекшу Павлу глагол един: яко добре Дух Святыи глагола Исаием пророком ко отцем нашим, 26. Глаголя:

Наблюдай, как теперь иудеи строят ковы против Павла: в Иудее они были как бы тиранами, а здесь, даже порицаемые Павлом, они ничего не осмеливаются сказать против него; потому что дело о нем более не предоставлялось уже их власти. *Яко добре Дух Святыи глагола*. Здесь Павел благовременно наносит поражение тем, которые утверждают, что Дух Святыи — лицо служебное Отцу; потому что называет Святого Духа Господом, сидящим на престоле высоце и превознесенне, который видел Исаия (6, 1); так как Дух Святыи единосущен Отцу и Сыну и имеет равную с Ними власть.

Иди к людем сим и рцы: слухом услышите, и не имате разумети: и видяще узрите, и не имате видети. 27. Одебеле бо сердце людий сих, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смежиша: да не како увидят очима, и ушима услышат, и сердцем уразумеют, и обратятся, и изцелю их. 28. Ведомо убо да будет вам, яко языком послася спасение Божие, сии и услышат. 29. И сия тому рекшу, отъидоша иудее, многое имуще между собою состязание.

Сделали это, говорит, люди, зажавшие уши и закрывшие глаза. *Да не како обратятся и исцелю их*. Указывается на сильное нечестие и упорное отвращение этих людей. Говорится же это с тем, чтобы привлечь и расположить их и чтобы показать, что если они обратятся, будут исцелены. *Одебеле бо сердце людий сих*. Говорится это не в том смысле, будто Бог, *хотяи всем спастися и в разум истины приити*, содействует тому, чтобы они не видели, будто ревнует о том, как бы они не услышали; но мы привыкли так говорить о людях, которые удаляются и не хотят слышать слова спасения. Такой человек бежит и отворачивает уши, чтобы как-нибудь не услышать слова, которое могло бы обратить его и удержать от зла.

30. Пребысть же Павел два лета исполнь своею мздою, и приимаше вся приходящия к нему, 31. Проповедуя царствие Божие, и учя яже о Господе нашем Иисусе Христе, со всяким дерзновением невозбранно.

Павел действовал не как тот Синопец (Диоген), который одевался в лохмотье и жил в бочке, который многих удивлял тем, в чем они не имели никакой нужды, а пользы не приносил никому. Павел ничего подобного не делал; потому что обращал свои взоры не на честолюбие. Напротив он (Павел) одевался со всевозможным приличием, жил постоянно в доме и показывал всяческое попечение о приличии, которым упомянутый циник пренебрегал, нарушая его публично, живя невоздержно и увлекаясь страстию к славе. Если кто вздумает искать причины обитания его в бочке; так никакой другой причины не найдет, кроме одного тщеславия. А Павел даже платил за помещение, какое занимал в Риме.

КОНЕЦ БЛАЖЕННОГО ФЕОФИЛАКТА, АРХИЕПИСКОПА БОЛГАРСКОГО,
ТОЛКОВАНИЕ НА СОБОРНЫЕ ПОСЛАНИЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ (в русском переводе)

БЛАЖЕННОГО ФЕОФИЛАКТА, АРХИЕПИСКОПА БОЛГАРСКОГО, ТОЧНОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ СОБОРНЫХ ПОСЛАНИЙ.

Почему известные послания называются соборными? Соборными посланиями называются: одно послание Иакова, два послания Петра, три послания Иоанна и одно послание Иуды. Послания эти суть как бы окружные послания. Ибо упомянутые ученики Господа пишут эти послания не к одному отдельному народу или городу, как напр. пишет божественный Павел к римлянам или к коринфянам, но ко всем вообще верующим, или иудеям, находящимся в рассеянии, как пишет и апостол Петр, или ко всем христианам, исповедующим одну и ту же веру [\[54\]](#).

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ИАКОВА

Содержание соборного послания св. ап. Иакова.

Апостол Иаков написал послание свое к двенадцати коленам, находящимся в рассеянии и уверовавшим в Господа нашего Иисуса Христа, а написал он его с целью учительною. В нем он поучает, что искушения различны, одни от Бога, а другие от собственного сердца человеческого, что веру должно показывать не в слове только, но и на деле, и что оправдываются не слушатели закона, но исполнители его. Потом он предписывает относительно богатых, чтобы в собраниях богатые не предпочитались бедным, но были вразумляемы, как надменные, а далее предлагает он утешение обижаемым, увещевает их долготерпеть до явления Судии, поучает терпению, указывает пользу терпения из примера Иова, заповедует призывать к больным пресвитеров, стараться обращать заблудших к истине, говорит, что в награду за это Господь подаст прощение грехов, и таким образом оканчивает послание.

Оглавление соборного послания св. ап. Иакова.

О терпении, о нелицемерной вере, о смирении в отношении к ближнему, о внутреннем разжжении нашем и происходящих от него страстях, чему причиною не Бог, но от Него все, что ни есть у нас доброго, о кротости и непорочности, о доброй деятельности, доставляющей блаженство, о благоразумии и сдержанности в слове, о нелицеприятной, по закону, любви ко всем, о том, что человек оправдывается не верою только, но и делами, и не тою или другими отдельно, но обоими вместе, о том, что опрометчивый и необузданный язык умерщвляет своего владетеля, и потому необходимо направлять оный к благохвалению и прославлению Бога; о добром обращении друг с другом, без спора из-за славолюбия, по мнению человеческого; о мудрости божественной, о том, что от беспечности и сладострастия происходят споры, распри и вражда с Богом; о нужде покаяния для спасения; о неосуждении ближнего; о том, что не от человека, но от Бога зависит исправление поведения мужа; о любостыжании богатых, и наслаждении их в мире, и о праведном осуждении от Бога; о долготерпении и перенесении страданий, и об истине; частные наставления каждому, сообразные с верою, и о том, что нужно служить спасению ближнего.

ГЛАВА 1

1 Иаков, Богу и Господу Иисусу Христу раб, обеманадесяте коленома, иже в разсеянии, радоватися.

Раб *Бога* — Отца, *Господа* — Иисуса; а если равно раб Отца и Сына, то Сын равен Отцу и по существу и по чести. Апостолы Господа выше всякого мирского достоинства поставляют то, что они рабы Христа.

2 Всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна.

Искушения и печаль ради Бога апостол признает и похвальными и достойными радости, потому что они — самые крепкие узы и возвращение любви и сокрушения, почему и сказано:

«чадо! когда приступаешь ты служить Господу, то приготовь душу свою к искушению» (Сир. 2, 1), и Христос сказал: «в мире будете иметь скорбь, но мужайтесь» (Иоан. 16, 33). Ибо без подвигов нельзя получить венцов ни в мире, ни от Бога. Называет их не детьми, но *братьями* — по смиренномудрию. Искушения доставляют рачительным всякую *радость* потому, что чрез них обнаруживается испытание таковых, а испытание приводит к совершенному действию. Но скажет кто-нибудь: если таково действие искушений, то как Христос научает нас в молитве просить Бога о невведении нас в искушение (Матф. 6, 13)? Отвечаем: искушения двоякого рода. Одни происходят от нас, а другие посылаются на нас Богом для упражнения и прославления нашего. И от нас происходящие искушения двоякого же рода. Одни бывают от нерассудительной храбрости, которую мы называем дерзостью и от которой заповедует нам Господь беречься, потому что хотя и бодр дух, но во время подвигов бодрость угасает, почему храбрость та не оканчивается добром для имеющих ее. Другие искушения, как напр. погибель содомлян (Быт. 18, 20; 19, 13), посылаются за грехи. Этих искушений всеми силами должно избегать чрез жизнь безгрешную; искушений же от Бога, каковы были Иову, Аврааму, не только не должно избегать, но, если возможно, нужно привлекать их терпением и благодарением, потому что они удостоивают прославления и венцов. Сказал: искушения *различна* потому, что одни искушения, как объяснили мы, бывают от Бога, а другие от нас.

3 Ведяще, яко искушение вашей веры соделовает терпение.

Хотя искушения, как сказали мы, двоякого рода, но терпение полезно в каждом их роде. В искушениях от Бога оно полезно тем, что чрез них мы получаем прославление, как получил оное Авраам, Иов, а в искушениях от нас — тем, что перенесением их с благодарностию мы делаем как бы вознаграждение за свои грехи, ибо кто сознает свои грехи, тот положил начало своему спасению и приобрел себе черту праведника, так как праведный муж первый обвиняет сам себя (Притч. 18, 17).

4 Терпение же дело совершенно да имать, яко да будете совершенни и всецели, ни в чемже лишени. Терпение же дело совершенно да имать.

Примечай. Апостол не сказал в определенном наклонении: терпение *имеет* совершенное действие, но в повелительном: *да имать*; ибо он не возвещает готовую уже добродетель, но заповедует такую, которая ныне должна быть совершаема. *Яко да будете совершенни и всецели, ни в чемже лишени*. Причиною совершенного действия называет мудрость, ибо знает, что испытание веры и терпения в искушениях не есть удел всех людей, но мудрых о Боге, почему желающих выказать веру и терпение возбуждает к молитве о мудрости.

5 Аще же кто от вас лишен есть премудрости, да просит от дающего Бога всем нелицеприемне, и не поношающего, и дастся ему.

Говорит не о человеческой мудрости, но о духовной, ибо в ней указывает нам причину совершенного действия, а причина эта — небесная мудрость, укрепляясь которою мы сможем совершить добро вполне.

6 Да просит же верою, ничтоже сумняся.

Если верит, то пусть просит, а если не верит, то пусть и не просит, ибо не получит ничего

из просимого. Сомневающийся — и тот, кто просит с высокомерием. Но очевидно, что кто просит сомневаясь, тот есть обидчик. Ибо если ты не уверен, что Бог исполнит просьбу твою, то вовсе не приступай к прошению, чтобы не оказаться тебе, чрез неразумное двоедушие, обвинителем Того, кто все может. Посему нужно умолять об избавлении от такой постыдной болезни.

Сумняйся бо уподобися волнению морскому, ветры возметаему и развеваему.
7 Да не мнит бо человек он, яко примет что от Бога.

Сомневающийся — тот, кто далек от твердого действования и недоумевает, сбудется то или иное или нет. Такой не получит, как неуверенный относительно того, чего ожидает.

8 Муж двоедушен неустроен во всех путех своих.

Двоедушный — находящийся в замешательстве, неустроенный, несовершенный, двоящийся мыслями, лицемер, а *путями* называет апостол душевные движения, которыми возвышаются надежды, добрые ли то или недобрые, как и Давид сказал: «пути мои Ты провидел» (Псал. 138, 3). Иначе: мужем двоедушным апостол называет неустановившегося, который не стремится крепко ни к будущему, ни к настоящему, но носится туда и сюда, и придерживается то будущего, то настоящего. Такого уподобляет он морской волне, не имеющей постоянства, и цвету травы, цвету, остающемуся не долго, но засыхающему с восходом солнечным, почему и сравнил его не с травой, которая продолжительнее, но с цветом ее, чтобы представить его кратковременность. Почему же назвал его двоедушным? Потому, что он не стремится с уверенностью ни к настоящей, ни к будущей жизни; ибо в Писании душою называется и жизнь, например: «все, что имеет человек, отдаст за душу свою» (Иов. 2, 4). Удали от себя двоедушие, и нисколько не сомневайся просить у Бога; не говори в себе: как я могу просить от Господа и получить, когда столько согрешил против Него? Не думай так, но от всего сердца своего исповедуйся и обращай к Господу, и проси у Него без сомнения, и — ты познаешь Его благоутробие, потому что Он не оставит тебя, но исполнит желание души твоей (Псал. 36, 4). Ибо Бог непамятозловив и милостив к своим созданиям.

9 Да хвалится же брат смиренный в высоте своей.

Так как смирение признает апостол хранителем всего доброго и без него ничто не совершается у рачительных, то прибавляет: «смиренный пусть хвалится высотой своею». Сомневающегося он уподобляет морской волне, а она от дуновения ветра поднимается, и скорее, чем возвысится, опускается. Подобное испытывает и сомневающийся, когда по надмению не утверждает прошений своих ни на чем непременяемом. Поэтому апостол прибавляет: «пусть хвалится брат смиренный». Он говорит как бы так: кто хочет просить чего-нибудь, тот пусть во-первых просит необходимого, относительно испрошения чего он не может обмануться, а это есть царство небесное и правда (Матф. 6, 33). Потом пусть просит этого постоянно, — не так, что немного помолился, да тотчас и отступился, ибо это свойственно гордым, но пусть просит неотступно, терпеливо ожидая получения с смирением душевным.

10 Богатый же во смирении своем, зане якоже цвет травный мимоидет.
11 Возсия бо солнце со зноем, и изсуши траву, и цвет ея отпаде.

Богатство уподобляет апостол цветку травы, желая представить, сколь оно скоропреходяще. *И благолепие лица ея погиге.* Слово *лицо* он употребил не в настоящем значении его. Ибо оно употребляется только о человеке, а о других предметах не употребляется. *Сице и богатый в хождении своем увядает.* Хождениями называет предприятия в настоящей жизни.

12 Блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв, примет венец жизни, егоже обеща Бог любящим его.

Мы сказали, что искушения двоякого рода и что терпение полезно в каждом их роде. Апостол, помня о молитве Господней, внушающей нам безопаснейшее, т. е. чтобы мы молились, дабы не впасть нам в искушение, возвращается к объяснению того, какое искушение от Бога, и какое от нас, от нашего произволения. Впрочем хорошо и следующее: Господь и Бог, взирая на большую немощь человеческой природы, предложил молиться об удалении от нас искушений, так как ученики Его были еще далеко несовершенны; но когда познанием Его воскресения и вознесением на небо немощная природа наша укрепилась, то брат Его по плоти научает уже не бояться искушений.

13 Никтоже искушаемь да глаголет: яко от Бога искушаемь есмь.

Если искушения двоякого рода, то почему апостол поставляет теперь всякое искушение вне воли Божией? Но примечай. Он не сказал: *искушенный*, но: *искушаемый*. Кто чрез грех и невоздержную жизнь сам изобретает себе искушения и как бы в постоянной буре погружается в опасности, тот, говорит апостол, искушается не от Бога, но от собственной похоти. Ибо кто победил нашедшее искушение и сделался тверже, тот уже не легко поддается искушениям, особенно находящим от него самого; потому что на свободе от искушений постоянно склоняется к жизни более любомудрой. *Бог бо несть искушаемь злыми, не искушает же той ни когже.* Бог не искушается злом, как сказано: «что божественно и блаженно, то ни само ничего не делает, ни другим не дает дела» [\[55\]](#). Все это свойственно смертному и земному естеству, в котором усматриваются изменение и переменчивость, — эти первичные свойства нашей природы. Похоть же и грех и рождающаяся от нее смерть для души стали как бы ступенями гибели человеческой. Ибо похоть, нашедши место пристанища, соделала грех, который родил смерть, и только искоренив оный чрез покаяние мы полагаем начало другой нашей жизни.

14 Кийждо же искушается, от своя похоти влекомь и прельщаемь. 15 Таже похоть заченши раждает грех: грех же содеян раждает смерть.

Поелику о божеской природе доказано, что Бог ни сам не искушается, ни других не искушает, то здесь искушениями называет помыслы, смущающие душу; ибо искушения от Бога не смущают, но утверждают душу, озаряя ее, почему говорит: *всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, от Отца светов*, тогда как все, происходящее от нас, имеет несовершенство.

16 Не льститесь, братие моя возлюбленная. 17 Всяко даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов.

Под Отцом светов разумей Бога, а под светами или силы ангельские, или просвещенных

Духом Святым людей. *У негоже несть прменения, или преложения стень.* У Бога светов нет изменения, ибо Он сам взывает чрез пророка: «Я есмь, и не изменяюсь» (Мал. 3, 6), а выражение: *преложения стень* означает, что в Боге нельзя даже помыслить какой-либо перемены.

18 *Восхотев бо, породи нас словом истины, во еже быти нам начаток некий созданием его.*

Сказал *восхотев*, потому что есть люди, которые по наваждению беса умствую, что мир составился случайно. Выше сказал: *у негоже несть прменения* и тем показал, что Божество неизменяемо, теперь присовокупляет: *восхотев породи нас*. Если мы произошли, то явно, что мы не неизменяемы; ибо возможно ли, чтобы неизменяемым было то, что из небытия пришло в бытие чрез изменение? А чтобы по поводу слова *породил* не подумал кто, что Бог и Сына родил также, как нас, апостол присовокупил: *словом истины*. Ибо, по словам Иоанна богослова, все произошло чрез Него, т. е. чрез Слово истины (Иоан. 1, 3); посему, если мы произошли чрез Слово, то не однородны с Тем, от кого произошли по бытию. Слова *начаток некий* означают преимущество и высшее достоинство, а *созданием* называет видимую природу.

19 *Темже, братие моя возлюбленная, да будет всяк человек скор услышати, и косен глаголати, косен во гнев.*

Скорым нужно быть на слышание не простое, но деятельное, возбуждающее прилагать выслушанное к делу. Ибо известно, что кто слушает прилежно и внимательно, тот готов будет и исполнять слышанное, а кто, напротив, медленно располагается к чему-нибудь и откладывает то, тот впоследствии может и совсем отстать от предприятия. Посему относительно изучения божественных предметов апостол заповедует скорость, а относительно того, совершение чего соединено с опасностью, медленность. Таковы: слова, гнев. Ибо говорливость в гневе не оканчивается добром. Посему один богомудрый муж ^[56] часто раскаивался в том, что он говорил, а в том, что молчал, никогда не раскаивался. И блаженный Давид заповедует: «гневайтесь и не согрешайте» (Псал. 4, 5), т. е. не гневайтесь скоро и не впадайте от гнева в бешенство. Подобна этой и настоящая заповедь о словах и о гневе, особенно о гневе, который, быв допущен до безрассудства, лишает правды Божией. Почему и говорит апостол: *гнев правды Божия не соделовает*.

20 *Гнев бо мужа правды Божия не соделовает.*

Правда есть свойство души, воздающее каждому должное, а гнев губит и разумных (Притч 15, 1). Как же он, в страстном размере помрачая ум, составит добродетель, которая рассудительно воздает каждому должное? Примечай ^[57] и то, что апостол сказал не просто о том, кто не соделывает правды Божией, но о том, кто мужается в пагубном для него самого: почему и употребил слово (*мужа*) без прибавления члена. А что у него такая мысль, видно из выражения: «блажен муж, который не ходит на совет нечестивых» (Псал. 1, 1); ибо прибавление приставочного члена показывает, что слово *муж* означает имеющего склонность к тому или другому, к добру или к злу. Нужно заметить и то, что апостол не просто сказал: *εργαζεται* (делает), но с предлогом: *κατεργαζεται* (исполняет). Это значит, что гнев не совершенно чужд правды; ибо в гневе можно усматривать некоторую пользу,

поколику в нем, как и во всяком душевном движении, за неимением похвального, можно находить не одно худое, но нечто и полезное.

21 Сего ради отложше всяку скверну, и избыток злобы, в кротости примите всажденное слово, могущее спасти души ваша.

Сказав: нечистоту, апостол прибавляет: *избыток злобы*, желая внушить, чтобы, если кто-нибудь и часто впадал в нечистоту, скорее отставал от нее, дабы, оставаясь в ней, не дать злу усилиться чрез привычку, ибо совершаемое нами часто и в обилии становится обыкновенно как бы природою, получая свойство природы. *В кротости* — сказал апостол, имея в виду учительное слово, которое не принимается среди шума и возмущения, а *всажденным* называет он то слово, по которому мы явились на свет разумными и способными различать добро и зло.

22 Бывайте же творцы слова, а не точию слышателие, прельщающе себе самех.

23 Зане аще кто есть слышатель слова, а не творец, таковой уподобися мужу, смотряющу лице бытия своего в зеркале.

Лице бытия означает познание самого себя чрез закон. Посему-то к слову *лице* и прибавил апостол слово *бытия*. Ибо чрез закон мы узнаем, какими явились мы на свет, и уразумеваем, в какое состояние перерождает нас духовный закон чрез баню возрождения. Потом, не пребывая в таком созерцании чрез деятельность, мы забываем о полученном даре духовном. Ибо кто предается злым делам, тот не помнит, чем он облагодетельствован от Бога. Ибо если бы помнил, что он рожден свыше, оправдан и причислен к сынам Божиим, то не предавался бы делам, отвергающим дарованную благодать. От обыкновенного зеркала апостол переводит речь к зеркалу мысленному, ничего не выведши из представленного в кратких словах примера. Ему надлежало бы сказать так: «кто слушает закон и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему лицо свое в зеркале. Как этот посмотрел на себя, отошел, и тотчас забыл, каков он, так и тот, усмотрев из закона Моисеева, для чего он сотворен, именно для славы Божией и для жизни по образу создавшего его Бога, ничего из виденного не исполнил, но поступил точно также, как и смотревшийся в зеркало: ему следовало воспользоваться виденным, а он, как и тот, не воспользовался». И не без цели поступает так апостол (умалчивает нечто): он сосредоточивает слушателя и напрягает его слушать это не между делом. Ибо блаженны не такие слушатели, но соединяющие с слушанием дело. И фарисеи были слушателями, но как они не были исполнителями, то и не блаженны они. *Прельщающе себе самех* — значит обманывающие самих себя, ни во что ставящие собственное свое спасение.

24 Усмотри бо себе, и отъиде, и абие забы, каков бе.

К слышанию прибавил апостол забвение; потому что для душевного спасения недостаточно одного слышания закона, но слышание должно быть еще подтверждено исполнением.

25 Приникый же в закон совершен свободы, и пребыв, сей не слышатель забытлив быв, но творец дела, сей блажен в делании своем будет.

Апостол сказал: «кто приникнет», а не: «войдет» Ибо духовный закон, везде имея

преимущество и величие, умеет привлекать и самым кратким чтением его. К словам закон *совершен* прибавил *свободы*, чтобы указать на отличительную его черту — свободу; ибо закон Христов, освободив от рабства плотского, поставляет приходящего к Нему в свободе, делает его чрез эту свободу более внимательным и освобождает его от забвения, вредного для всего доброго.

26 Аще кто мнится верен быти в вас, и не обуздает языка своего, но льстит сердце свое, сего суетна есть вера.

По понятию иудеев, благочестив тот, кто оказывает верность в делах, потому что таковой кажется не принадлежащим к толпе. Иудеи, исполняя предписанные законом наблюдения, высоко думали о себе, сосредоточивали в этих наблюдениях все благочестие по отношению к Богу, и, занимаясь только ими одними, мечтали стяжать чрез них блаженство, а к другим относились с большим оуждением, как видно из евангельской притчи о самохвале фарисее и мытаре (Лук. 18, 10-13). Удерживая от такого мнения, апостол и дает настоящее наставление. Упомянув об исполнителе дела и назвав его блаженным, он тотчас исправляет зло, рождающееся у многих при исполнении. Он говорит: хвляющийся исполнением закона! не думай получить блаженство за одно исполнение. Ибо это неприятно Богу, но приятен Ему тот, кто исполняет и с тем вместе далек от самомнения и не относится к неисполняющим с оуждением. *Льстит сердце свое* — как бы душит и по самомнению, как исполнитель закона, обольщает свою совесть, — ибо *сердце* означает здесь то же, что и в словах: *сердце сокрушенно и смиренно* (Псал. 50, 19).

27 Вера (ἰσχυρεῖα) бо чиста и нескверна пред Богом и Отцем сия есть, еже посещати сирых и вдовиц в скорбех их.

Благочестие (ἰσχυρεῖα), кажется, имеет нечто больше, нежели вера. Слово это обещает знание сокровенного и твердость в созерцаемом верою [\[58\]](#). Посему и употребил апостол такое слово (ἰσχυρός) в речи о благочестивом. Он как бы говорит: «ты считаешь себя знатоком тайн закона и точным хранителем его. Как так? Так думаешь ты, который не умеешь обуздывать языка, осуждаешь ближнего, живешь высокомерно, и не оказываешь сострадания ни к кому из бедных? Между тем, закон не одобряет даже того, кто злословит, но повелевает оказывать сострадание и ко врагам. Итак, если хочешь быть благочестивым, обнаруживай благочестие не в чтении, но в исполнении закона, которое состоит особенно в оказывании сострадания к ближнему. Ибо сострадание к ближнему есть своего рода уподобление Богу. «Будьте, сказано, милосерды, как и Отец ваш небесный» (Лук. 6, 36). Только милосердие ваше должно быть чуждо лицепрития; потому что и Бог оказывает свои благодеяния не каким-нибудь лицам отдельно, но повелевает солнцу восходить над богатыми и бедными и посылает дождь на праведных и неправедных (Матф. 5, 45). *Нескверна себе блюсти от мира*. Под миром здесь должно разуметь народ простой и черный, растлевающий себя в обольстительных похотях своих.

ГЛАВА 2

1 Братие моя, не на лица зряще имейте веру Господа нашего Иисуса Христа славы.

Ибо кто делает что-нибудь с лицепрятием, тот навлекает на себя большой позор, как не уважающий однородного и, прежде него, самого себя, потому что обхождение с подобным препосылается и к самому делающему.

2 Аще бо внидет в сонмище ваше муж, злат перстень нося в ризе светле, внидет же и нищ в худе одежде, 3 и воззрите на носящаго ризу светлу, и речете ему: ты сяди zde добре: и нищему речете: ты стани тамо, или сяди zde на подножии моем.

У евреев, кажется, особенно в обычае было носить перстни. Но при этом иной скажет, может быть: «если Иаков есть учитель завета Христова, то почему не прекращает подзаконного, но еще возвышает оное, принимая остающихся в благочестии подзаконном, а не порицая их»? Такому мы отвечаем, что теперь Иаков беседует с ними поближе и снисходит их немощи, чтобы, тотчас отменив закон, не заставить их отступить от него по новости учения. Но он ведет дело с основательным расчетом, уступив, насколько это было безвредно для него, в новом завете и подзаконным обрядам. Ибо чем отвращало его от веры Христовой соблюдение субботы или пост и воздержание от снедей? Чрез эту уступчивость завладев их вниманием к своим собственным словам, он мало-помалу убеждает их отставать от подзаконных обрядов, как бесполезных и ведущих к рабству, а не к свободе, подаваемой о Христе. Итак, мудро пользуясь небольшими уступками, предложил приличное христианам тогда, когда они беспрепятственно внимали словам его.

4 И не рассмотрите в себе.

Союз *и* поставлен здесь по обычаю древнего образа выражения; ибо здесь продолжение вышесказанного, почему союз излишен. Ход речи такой: «если кто войдет в собрание ваше», и проч. Потом «не пересуживаете ли вы между собою»? Здесь вторая часть предложения, почему речь должна быть произнесена без союза *и*, чтобы быть такою: «поелику вы не рассудили как должно, то стали судьями с худыми мыслями». Не пересуживаете ли? т. е. вы испортили приговор свой, не сделав наперед никакого исследования о том, рачителен ли бедный, или ленив богатый. Но ваше неразличение привело вас к лицепрятию, заставило вас одного похвалить, как богатого, а другого презреть, как бедного. *И бысте судии помышлений злых*, т. е. стали судьями несправедливыми, поддавшимися лукавству из лицепрятия.

5 Слышите, братие моя возлюбленная, не Бог ли избра нищья мира сего, богаты в вере, и наследники царствия, еже обеща любящим его? 6 Вы же укористе нищаго. Не богатии ли насилуют вам, и тии влекут вы на судища?

Поелику для многих тяжело даже слышать о бедности, то, сказав: *нищья мира сего*, тотчас прибавил: *богаты*. Чем же богаты? Верою. Ибо неотъемлемый мир бедных, когда они перейдут к вере, делает их сильнейшими богатых. Посему и Господь избрал таковых в ученики, и явил наследниками царства.

7 Не тии ли хулят доброе имя нареченное на вас? 8 Аще убо закон совершаете царский, по писанию: возлюбиши искренняго своего якоже себе самаго: добре творите. 9 Аще же на лица зрите, то грех содеваете, обличаеми от закона якоже преступницы.

Имя новое — по словам пророка: «работающим Мне наречется новое имя, которое

благословится по всему лицу земли» (Иса. 65, 15. 16).

10 Иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен.
11 Рекий бо: не прелюбы сотвориши, рекл есть и: не убиеш. Аще же не прелюбы сотвориши, убиеш же, был еси преступник закона. 12 Тако глаголите и тако творите, яко законом свободным имущии суд прияти. 13 Суд бо без милости не сотворшему милости: и хвалится милость на суде.

Кто согрешает в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем, потому что не имеет совершенной любви. Ибо любовь есть глава всего доброго, а когда нет головы, то все остальное тело ничего не значит. А что об этом говорит, видно из предыдущего наставления. Заповеди: *не прелюбодействуй, не убий* указаны для примера. Примечай, что и эти примеры взяты из закона, относящегося к совершенству любви. Ибо кто любит ближнего, тот не будет ни прелюбодействовать, ни убивать; потому что такие дела свойственны врагу. Если бы не так, то никто из людей не уцелел бы, потому что никто не соблюдает всех заповедей, но кто соблюл чистоту, тот побеждается иногда гневом, кто творит милостыню, тот нередко имеет зависть. Посему говорится не о том, чтобы вовсе не было недостатка в добродетелях, но о любви, что ее не должно совершать с недостатком, с лицепрятием, но всецело. То же можем сказать и о прочих добродетелях. Кто несовершенно придерживается целомудрия или справедливости, но нечто опускает, тот, хромая в исполнении, вредит всему телу добродетели. Итак, под всем законом должно разуметь закон о любви, о которой речь у апостола по преимуществу, а законом свободы он называет нелицеприятие. Ибо действующий по лицепрятию — не свободный, но раб; потому что кто кем побежден, тот тому и раб (2 Петр. 2, 19).

14 Кая польза, братие моя, аще веру глаголет кто имети, дел же не имать? еда может вера спасти его?

Если мы простили ближним согрешения их против нас и из имени своего уделяем часть нищим, то и нас восприимет милость Божия, когда будет судить наши поступки. Совершение сего важно. Напротив, тяжкое осуждение тем, которые не оказали благорасположения к подобным себе. Тех, которые не сжалились над ближними, согрешившими против них, постигнет осуждение злого раба (Матф. 18, 32-35) с воздаянием по молитве, в которой мы просим Бога простить нам, как и мы прощаем согрешившим против нас (Матф. 6, 12), и тех, которые немилостивы или жестоки к нуждающимся в телесной помощи, встретит суд без милости. *Хвалится милость на суде*. Ибо милостивые, по изречению Господа, помилованы будут (Матф. 5, 7). Иначе. Милосердие к бедным могло доставить прощение даже идолослужителям, как мы слышим от Даниила (4, 24): чего же не доставит оно людям верующим? Мне кажется, действие милосердия сходно с тем, что производит елей древесный на борющихся на поприще. Борцы, намащаемые елеем, легко ускользают от захватывания своими противниками. Так и наше милосердие к бедным даст нам на суде возможность избежать нападений со стороны бесов.

15 Аще же брат или сестра нага будета и лишена будета дневняя пищи, 16 речет же има кто от вас: идита с миром, грейтася и насыщайтася, не даст же има требования телеснаго, кая польза?

Примечай духовный смысл. Не сказал только: если имеешь веру, но: что пользы? Говорит

как бы так: покажи мне дело, по которому я придал бы тебе название верующего; ибо в этом дело веры. Слова же его значат: если кто делом не докажет, что он верен Богу, то такого не нужно и называть верным. Ибо не тот верен, кто просто называет себя Господним, но тот, кто любит Господа так, что за веру в Него готов и на смерть. А что такая у него мысль, это видно из примеров. Ибо он говорит: Авраам делом показал, что он был верен Богу, именно, когда первородного своего принес во всесожжение. Подобно и Раав, при вере, презрела смерть.

17 Такожде и вера, аще дел не имать, мертва есть о себе. 18 Но речет кто: ты веру имаши, аз же дела имам: покажи ми веру твою от дел твоих, и аз тебе покажу от дел моих веру мою. 19 Ты веруеши, яко Бог един есть: добре твориши: и беси веруют, и трепещут.

Это не противоречит словам блаженного Павла. Ибо слово «вера» употребляется в двояком значении: иногда оно означает простое согласие ума с явлением. Ибо мы обыкновенно называем верою и это (почему и бесы веруют о Христе, что Он Сын Божий), и опять именем веры мы называем сердечное последование, соединенное с твердым согласием. Божественный Иаков называет мертвою верою простое согласие, как не имеющее одушевляющих оное дел. А Павел говорит о вере сердечной, которая отнюдь не лишена дел, ибо в неимеющем честных дел ее и не было бы. Ибо и Авраам получил ее не прежде, как решился отвергнуть отцовскую немощь, за каковой подвиг и дана вера в награду. Но Павел почитает ее выше дел закона, выше покоя субботнего, обрезания и прочих очищений. Ибо и в слове *дела* усматриваются два значения. Делами называются дела, подтверждающие веру, не имея которых, она остается мертвою. Делами называются также и дела закона, без которых оправдывается Авраам и все христиане. Ибо кто станет противоречить тому, что к нечистому не приступит вера (разумею веру дел)? Как миро не может сохраниться в сосуде, полном грязи, так и в человеке нечистом не будет находиться вера Божия. Итак, божественные апостолы не разноречат друг другу, но, принимая слова в различных значениях, каждый употребляет оные, где нужно, в своем значении.

20 Хощеши же ли разумети, о человеце суетне, яко вера без дел мертва есть?

Пустым называет человека, который хвалится одною только верою, потому что, не осуществляя ее в делах, он не приобрел никакой полноты.

21 Авраам отец наш не от дел ли оправдася, вознес Исаака сына своего на жертвенник? 22 Видиши ли, яко вера поспешествоваше делом его, и от дел совершися вера? 23 И совершися писание глаголющее.

Оба (апостола) приводят Авраама в подтверждение учения своего о вере. Один примером Авраама доказывает, что вера выше дел, а другой, что дела выше веры. Но выше сказано, что каждый принимает слова («вера» и «дела») в своем значении и берет полезное для него в подтверждение. Впрочем, некоторые отцы понимали это таким образом. Авраам, удаленный временами, есть образ той и другой веры: и той, которая до крещения, которая не требует дел, а только одной веры, исповедания спасения и слова, которым оправдываемся мы верующие во Христа, и той, которая после крещения и которая соединена с делами. Так Дух Святой, говоривший в них, оказывается не противоречащим Себе. Одна вера оправдывает приходящего одним только исповеданием, если он тотчас отрешился от жизни, ибо у него нет дел, но для него достаточно очищения чрез крещение, а другая требует выказывания

добрых дел от крещенного уже. С этим согласен и Павел. В другом месте он говорит и учит, что вера после крещения требует усовершенствования чрез дела, когда говорит: «не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Гал. 5, 6). Но любовь для своей полноты требует много мудрости. *Верова же Авраам Богови, и вменися ему в правду, и друг Божий наречется.* Авраам был образом оправдания *чрез одну веру* тогда, когда поверил и это вменилось ему в праведность (Быт. 15, 6), а образом оправдания *чрез дела* был он тогда, когда возложил сына на жертвенник, ибо он не только сделал дело, но и не отпал от веры относительно Исаака, что потомство его умножится как звезды, но помыслил, что Бог воскресит его из мертвых (Евр. 11, 19). Подобным образом Павел свидетельствуется и Давидом. Ибо Давид Духом Божиим знал, что некогда придет вера о Христе, почему говорит: «блажен человек, которому Господь не вменит греха» (Псал. 31, 2).

24 Зрите ли убо, яко от дел оправдается человек, а не от веры единыя?

От дел не закона, как сказано, например, обрезанием и подобными, но от дел правды и подобных добродетелей.

25 Такожде же и Раав блудница не от дел ли оправдася, приемши сходники, и иным путем изведши их? 26 Якоже бо тело без духа мертво есть, тако и вера без дел мертва есть.

ГЛАВА 3

1 Не мнози учителие бывайте, братие моя, ведяще, яко большее осуждение приимем.

Выше апостол говорил и учил, что верные должны иметь веру не одну, но вместе с добрыми делами. Теперь он переходит к другой равнозначительной заповеди. Некоторые берутся учить тому, чего сами не совершали. Такие учителя, говорит, не получают никакой пользы, но подлежат большему осуждению. Ибо кто учит тому, чего сам не имеет, как имеющий будто бы это, тот достоин осуждения за то, что грешит своим языком. Чтобы обстоятельнее подтвердить это, говорит: если и в ином случае язык обыкновенно грешит от невнимательности, за что не избежит осуждения приобретший оную, как учит Соломон: «за грех уст грешник впадает в сети» (Притч. 12, 13), то как избежит неизбежного наказания тот, кто намеренно грешит языком, — кто учит тому, чего не изучил на опыте?

2 Много бо согрешаем вси,

проводя жизнь невнимательно и нерадиво.

Аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело.

Что ни один человек не избегает греха, это подтверждается удобоподвижностью языка. Отсюда же видно, что ни у кого нет совершенства. Ибо, кто не согрешил языком своим? Если же кто преодолет удобоподвижность языка своего, тот способен хорошо управлять и всем телом. Ибо кто удержал очень склонное к падению, тот с меньшим трудом, при внимании, возгосподствует над тем, что падает медленно.

3 Се бо и конем узды во уста влагаем, да повинуются нам, и все тело их обращаем.

Упомянутая возможность обуздать все тело подтверждается примерами, — удилами на конях, рулями на кораблях. *Се* поставлено вместо: посмотри. *Конем узды* нужно сочетать в таком порядке: влагаем удила в рот коням. Без такого сочетания слов речь не будет иметь смысла. Посмотри: мы полагаем узду на коней, и корабли небольшим рулем, как и коней небольшою уздою, направляем, куда хотим. Так и язык должно управлять здравым разумом, хотя он бывает миром (κοσμοσ) неправды, в употреблении черни. Ибо миром называет здесь апостол множество. Или: хотя язык есть украшение (κοσμοσ) естества человеческого, ибо мы посредством него сообщаем друг другу свои мысли (в таком значении некоторые желают понимать слово *мир*), но он в употреблении простого народа несправедлив, оскверняет все тело, и воспаляет весь круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны. Однако не трудно заставить его двигаться благословно и так, как пожелает распорядившийся им. Ибо если всякое естество зверей, пресмыкающихся, птиц и морских животных укрощено и укрощается естеством человеческим, то я не могу сказать, что язык есть неудержимое зло, что он полон смертоносного яда и что никто из людей не может укротить его. Ибо если язык неукротим, и не направляется ни к чему доброму; то как мы им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человеков? Вот, он направляется по воле пользующегося. Но сему, братия мои, не должно быть так. Ибо если мы им благословляем; то не стыдно ли нам проклинать человеков, сотворенных по подобию Божию? Несправедливо из одних и тех же уст выходить благословению и проклятию. Итак сохраняй язык паче зеницы ока! Язык есть царский конь. Если ты наложишь на него узду, и научишь его ходить равномерно, то царь спокойно будет сидеть на нем; если жепустишь его бежать и скакать без узды, то он сделается колесницею диавола.

4 Се и корабли велицы суще, и от жестоких ветров заточаемы, обращаются малым кормилцем, аможе стремление правящаго хощет.

И это говорится к тому же, что язык должно двигать не как случится, но направлять его на лучшее. Ибо как мы уздою сдерживаем порывы коня и рулем переменяем течение корабля, так должны и язык направлять к лучшему. Выражение: *такожде и язык* то и значит, что язык должен быть направляем здравым разумом. Ибо хотя он мал, но делает великое: он зажигает нам великий костер, потому что и сам есть огонь. И что еще делает? Прикрашивает неправду красноречием и изяществом; оскверняет тело, убеждая женщин приманками; чрез соблазн совершает убийства; клятвoprеступлениями присвоает чужое; воспаляет круг геенны, будучи сам воспаляем от геенны, как видно на богаче, страждущем в пламени языком (Лук. 16, 24). Так должно объяснять это место, если в тексте читать коло *геенны*, как в некоторых списках и есть; но если читать коло *рождения*, то под колесом рождения нужно разуметь нашу жизнь. Итак язык, опаяя колесо рождения, оскверняет жизнь. Жизнь называет венцем и псалмопевец, когда говорит к Богу: «благослови венец лета благости твоей» (Псал. 64, 12). Венец же и колесо не разнятся между собою по виду, как круглые. Жизнь есть колесо в том отношении, что вращается сама в себе.

5 Такожде же и язык мал уд есть, и вельми хвалится, се мал огонь, и коль велики вещи сожигает.

Такожде, т. е. таким же образом, — по разумному направлению, должен двигаться и язык. Ибо он небольшой член, а делает много, т. е. зла и добра. Вельми хвалится вместо: производит великие дела.

6 И язык огонь, лепота неправды: сице и язык водворяется во удех наших, скверня все тело, и паля коло рождения нашего, и опаляясь от геенны.

Так и язык, мир неправды, есть огонь. Ибо как огонь все истребляет, так и он. Некоторые под *миром* (κοσμος) понимают здесь множество, как и в словах: «мир Его не познал» (Иоан. 1, 10). Язык есть мир, т. е. скопище неправды.

7 Всяко бо естество зверей же и птиц, гад же и рыб, укрощается и укротится естеством человеческим: 8 языка же никтоже может от человек укротити, не удержимо бо зло, исполнь яда смертоносна.

Эту причину должно относить к вышесказанному. Апостол сказал и примером удил и руля объяснил, что хотя они малы, но, при хорошем управлении, производят великое, и прибавил, что так и язык должен быть управляем разумно. Теперь, предложенными примерами, объясняет, что он заповедует не невозможное. Он как бы так говорит: иной скажет, что язык, хотя небольшой член, но производящий много добра и зла, трудно покорить нашей воле? Но это не оправдание. Ибо если человек укрощает зверей, отличных от него по природе, то тем более может он укротить свой собственный член. *Никтоже может от человек укротити.* Это должно читать не в утвердительной, но в вопросительной форме, именно так: если человек укрощает и делает ручными неукротимых зверей, то ужели не укротит он собственного языка? Так должно читать это. Ибо если читать это в утвердительной форме, то несправедливо было бы давать потом следующее наставление: не должно, братия мои, сему так быть (стр. 10). Ибо если невозможно укрощать язык, то напрасно апостол убеждает исполнять невозможное. А выражение: *не удержимо зло, исполнь яда смертоносна* должно понимать, как пояснение.

9 Тем благословляем Бога и Отца, и тем кленем человеки, бывшыя по подобию Божию. 10 От техже уст исходит благословение и клятва: не подобает, братие моя возлюбленная, сим тако бывати. 11 Еда ли источник от единого устия источает сладкое и горькое? 12 Еда может, братие моя, смоковница маслины творити, или виноградная лоза смоквы? Такожде ни един источник слану и сладку творит воду.

И это должно разуметь в форме вопросительной, как и нижеследующее: *от техже уст исходит благословение и клятва.* Апостол хочет тронуть слушателей. Если нам повелевается всех благословлять, ибо злоречивые не наследуют царства Божия (1 Кор. 6, 10); то как не стыдно употреблять одно и то же орудие на зло и на добро? Никто из благоразумных не будет мешать одним и тем же орудием грязь и мир. Молишься ли? Не проклинай врага. Ибо между молитвою и проклятием большое расстояние. Если не простишь оскорбившего тебя, то и сам не получишь прощения, но сам привлечешь на себя проклятие, когда будешь молиться, чтобы тебе прощены были долги так же, как сам ты прощаешь должникам своим (Матф. 6, 12).

13 Кто премудр и худог в вас, да покажет от добраго жития дела своя в кротости и премудрости. 14 Аще же зависть горьку имате и рвение в сердцах ваших,

не хвалитесь, ни лжите на истину. 15 Несть сия премудрость свыше низходящи, но земна, душевна, бесовска 16 Идеже бо зависть и рвение, ту нестроение и всяка зла вещь.

Люди, любящие начальствовать и хвалящиеся мудростию мира сего, проповедовали наперекор право славным учителям, завидуя им и примешивая к божественному человеческое, чтобы привлечь к себе слушателей новизною учения, от чего и ереси произошли. Посему, окончив слово об опрометчивости и необузданности языка, апостол обращает речь на зависть, которая рождается в людях от подобной же безрассудности, и говорит, что такие учения несвойственны истинным учителям, потому что истекают не от божественной мудрости, но от бесовской. Сказал же он это, предварительно похвалив доброго учителя. А как ревность (*ζηλοσ*) может иметь приложение и к доброму и к худому (ибо ревность есть пламенное стремление души к чему-нибудь с некоторым уподоблением тому, к чему есть рвение): то апостол прибавил — *горьку*, чтобы показать, о какой ревности говорит он. Сварливость же есть неодобрительная страсть к спорам. Называется так и оговор с злоречием.

17 А яже свыше премудрость, первее убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несуменна и нелицемерна.
18 Плод же правды в мире сеется творящим мир.

Чиста, т. е. беспорочна, не привязана ни к чему плотскому. *Несуменна*, т. е. не наблюдает разбора в пище и различных омовений. Но об этом подробно рассуждает Павел в послании к колоссянам.

ГЛАВА 4

1 Откуда брани и свары в вас? не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих во удех ваших?

Апостол показывает, что хотя упомянутые люди присваивают себе звание учителей, однако они совершенно плотские. Они делают много весьма противного; изобретают себе удовольствия; одни ищут пышного стола, что осуждает и Павел, говоря, что такие люди служат не Господу, а своему чреву (Рим. 16, 18); другие желают приобрести поместья; иные — богатых домов; иной еще иного, что внушает им лукавый, старающийся лишить их спасения.

2 Желаете, и не имате: убиваете и завидите, и не можете улучшить: сваряетесь и борете, и не имате, зане не просите.

Здесь убеждает чрез положение и отрицание. Впрочем, положение умолчано, как неприличное. Неприличие в том, что подразумеваемое в положении составляет разжжение похоти, ибо похоть оканчивается исполнением чувственного удовольствия. Убийство и зависть, препирательство и вражда — не добрые дела, почему и не достигают того, к чему стремятся. Нужно впрочем знать, что здесь говорится не о плотском убийстве и вражде. Ибо это тяжело слышать даже о разбойниках, тем более о верующих (хотя некоторых) и приходящих к Господу. А мне кажется, что убийцами называет тех, которые убивают свои

души такими предприятиями, за которые у них и вражда против благочестия. Так и далее (ст. 4) назвал прелюбодеями и прелюбодейцами не тех, конечно, которые таковы на самом деле, но тех, которые грешат против божественных заповедей, примешивая к ним свои вымыслы. Ибо никто не стал бы терпеть учителя блудника, хотя бы сам был грязнее свиньи. Так и о убийствах и о войнах говорит не о телесных, но о душевных.

3 Просите, и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете.

Так было с фарисеем, упоминаемым в евангелии от Луки (18, 10-14). Чем более перечислял он добродетелей своих, тем более заграждал божественный слух, и высокопарная речь была праздною в устах его и обратилась в пену, как бушующая волна. Но скажет иной: если истинно обещание Господа Иисуса, этого неложного Учителя: «всякий просящий получает» (Матф. 7, 8); то как же говорит это теперь настоящий апостол? Отвечаем. Кто приступает к молитве должным путем, для того упомянутое обещание истинно; он не обманется ни в чем просимом. А кто, удалившись от цели преданной молитвы, будет, по видимому, просить, но просить не так, как должно, тот на самом деле и не просит, а потому и не получит. Представь, например, что учитель грамматики обещает научить грамматическому знанию всякого, проходящего к нему, а пожелавший учиться будет приходить не так, как должно, и не будет напрягать себя к усвоению преподаваемого, почему окажется на деле несоответствие с обещанным. Ужели справедливо кто-нибудь припишет ложь в этом случае самому учителю? Таковой поступит неразумно; ибо желавший учиться приходит не так, как требовал учитель. Как же, и чего нужно просить? скажет иной. Выслушай самого Того, кто дал вышеупомянутое обещание: «просите (αἰτεῖτε) царствия Божия и правды Его» (Матф. 6, 33). Очевидно, кто просит так и преимущественно этого, тот не обманется и в прочем, получение чего не отторгнет его от спасения. А кто просит вредного и пагубного, тому не станет подавать Тот, от кого всякое даяние доброе (Иак. 1, 17). Даже и тот, кто просит знания божественного или другого какого-нибудь дара духовного, но просит для своих вожделений, не получит, потому что просит худо и на погибель себе, а Бог не подает худого.

4 Прелюбодеи и прелюбодейцы, не весте ли, яко любы мира сего вражда Богу есть? иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает.

Выше апостол слегка обличил некоторых ложных мудрецов, искажающих божественное Писание и в превратном виде употребляющих оное по своей воле, чтобы иметь повод к своей сладострастной жизни, а это есть не другое какое-нибудь зло, но вид гордости. Теперь он выступает против них строже, и, как бы вопреки своей кротости, употребляет слова укоризненные, называя таких людей прелюбодеями и прелюбодейцами, и делает почти такие обличения: Скажи мне, легкомысленный, ты хочешь выдавать себя за мудреца? Но откуда в вашей жизни распри и постоянная вражда? от чего всегдашняя привязанность к настоящему? от чего непрерывное стремление к удовольствиям настоящей жизни? Это свойственно не мудрецам, но людям простым и склонным к дружбе с миром, что и показывает, что вы прелюбодеи. Ибо вы сокрытой внутри божественной и целомудренной красоте предпочитаете красоту обыкновенную, скверную и постыдную, и своим стремлением к настоящему воздымаете вражду против Бога. Ужели не знаете, что дружба с миром есть вражда против Бога, удаляющая от любви Божией и показывающая нас врагами Бога? *Миром* называет здесь всю вещественную жизнь как мать тления, приобщающийся которой

немедленно становится врагом Бога. Ибо, при рвении к бесполезному, он небрежно и презрительно относится к предметам божественным, каковые отношения мы допускаем к людям ненавистным и враждебным для нас. Так как — два предмета, которыми занимаются люди, Бог и мир, — и к каждому из этих двух предметов обращаются с любовью или ненавистью, что коль скоро мы сильно привяжемся к одному, очевидно явемся нерадящими о другом. Ибо внимание производит любовь, а небрежение — ненависть. Итак, кто прилепится к предметам божественным, тот есть и называется друг Божий, а кто вознерадел о Боге и возлюбил мир, тот в числе врагов Божиих. Поелику же все это происходит от надмения и гордости ложных мудрецов, то апостол употребляет еще другое обличение, желая таких людей отрезвить от опьянения и возбудить от усыпления. Он говорит:

5 Или мните, яко всеу писание глаголет: к зависти желает дух, иже вселися в ны? 6 Болшую же дает благодать: темже глаголет: Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.

Здесь употреблена фигура опущения, — принятый обычаем оборот сокращенной речи. Апостол как бы так говорит: я собственными словами убеждал вас пользоваться своею мудростию правильно и неосужденно, чтобы вы по гордости не злоупотребляли ею, не подделывали и не извращали истинного учения. Если же вы желаете наставления и от Писания, то слушайте. *Господь гордым противится*. Если Он гордым противится, а мы противимся обыкновенно врагам, то, без сомнения, гордые должны быть причислены ко врагам. Ибо Писание напрасно, без основания или по зависти, не заповедует нам невозможного, но сильно желает, чтобы чрез его увещания вселилась в нас благодать. Поэтому, если вы покорны Писанию, то смиритесь пред Богом и получите благодать чрез возвышение от Него. Гордость есть надменная до крайности злоба, но отлична от самомнения. Гордость воздымается над подчиненными ей, а самомнение тем, чего вовсе не существует. Отличается и скромность от смирения. Та... [\[59\]](#). Скромность, или смирение, прямо противоположное гордости, есть великое благо. И как та и другое бывает в нас по нашему произволению, то всякий, возвышающий себя по гордости, осужден уже и унижается от Господа, тогда как того, кто сам унижил себя по скромности, Он возвышает в свое время, ибо самое упражнение в смирении возводит приобретшего оное на духовную высоту. Иначе объясняет святой Кирилл. Если смерть вошла в мир чрез зависть диавола (Прем. 2, 24), и если Христос, по Писанию, вселился во внутреннего нашего человека (Ефес. 3, 16. 17), то вселился для того, чтобы упразднить смерть, происшедшую от зависти. Но Он не только это подает, но и большую благодать. «Я, говорит Он, пришел для того, чтобы имели жизнь, и имели с избытком» (Иоан. 10, 10). А что Бог вселился в нас по великой любви к нам, это ясно выразил Исаия, когда сказал: не ангел, ни посредник, но *сам Господь спас нас* (Иса. 33, 22), по любви к нам и попечению о нас. Как же Спаситель даровал и большую благодать? Низложив наветника нашего сатану. Почему и прибавлено: *Бог гордым противится*. Ибо как не горд тот, кто возглашает: «обниму рукою всю вселенную как гнездо» (Иса. 10, 14)?

7 Повинитесь убо Богу, противитесь же диаволу, и бежит от вас. 8 Приблизитесь Богу, и приблизится вам: очистите руце, грешницы, исправите сердца ваша, двоедушнии. 9 Постраждите и слезите и плачитесь: смех ваш в плачь да обратится, и радость в сетование. 10 Смиритесь пред Господем, и вознесет вы.

Двоедушными называет апостол тех, которые не хотят жить однообразно, но постоянно водятся и увлекаются насилием людей, ибо не живут в доме Господнем единомысленно (Псал. 67, 7). А что и жизнь называется душою, это видно из слов книги Иова: «кожу за кожу, и все, что имеет, человек отдаст за душу свою», т. е. за жизнь (Иов. 2, 4).

11 Не оклеветайте друг друга, братие: оклеветай бо брата, или осуждай брата своего, оклеветает закон, и осуждает закон: аще же закон осуждаеши, неси творец закона, но судия. 12 Един есть законоположник и судия, могий спасти и погубити.

Апостол знает, что гордость, начиная презрением и злословием, доводит тех, которые наступают на кротких, до совершенного уничтожения. Отвлекая их от сего, он хочет настоящим предложением уцеломудрить их. *Осуждает* закон значит; осуждает, презирает. Ибо осуждающий делает это из презрения: Какой же закон оуждает он? Во-первых, тот, который повелевает: «не судите, и не будете судимы» (Лук. 6, 37). Во-вторых, тот, который высказан в псалмах: «кто тайно клеветает на ближнего своего, того я изгонял» (Псал. 100, 5). А так как это происходит от презрения, прибавляет: если ты судишь закон, то ты не исполнитель закона. Ибо захочет ли кто жить под властью того, кого презирает? Итак, не располагайся, говорит, уничтожать и как бы противоузаконять. Ибо это не отпустится тебе, потому что один только законодатель Бог, могущий спасти и погубить преступников своего закона. Ибо наказывать преступников закона властен закон и Законодатель, а ты не имеешь ничего более пустословия, и сам навлекаешь на себя приговор осуждения; ибо делая то же самое, что осуждаемый тобою, ты насколько его осуждаешь, настолько же осуждаешь и самого себя.

Ты же кто еси, осуждая

ближнего? говорит уничижительно. Когда ты сам таков, то как смеешь судить подобострастного?

13 Слышите ныне, глаголющи: днесь или утре пойдем во он град, и сотворим ту лето едино, и куплю деем, и приобретение.

Не уничтожает произволение, но показывает, что не все зависит от самого человека, но нужна и благодать свыше. Ибо можно бегать и торговать и совершать все нужное для жизни, но не должно приписывать это собственным трудам, а человеколюбию Божию. Ибо Иеремия говорит: «Господи, не в воле человека путь его» (Иер. 10, 23), и Приточник: «не хвались завтрашним днем, ибо не знаешь, что породит наступающий день» (Притч. 27, 1).

14 Иже не весте, что утре случится.

Показывает суетность нашей жизни, и пристыждает нас за то, что всю жизнь проводим в суете, что весь труд наш истощается на привременное зло. То же и Давид говорит: *убо образом ходит человек, обаче всуе мятется* (Псал. 38, 7), т. е. суетится над тем, что не существует, а представляется как бы в призраке (такую мысль дает слово, образ), или над тем, что несамостоятельно, но составляет как бы подобие и изображение истинно преуспевающей жизни.

Кая бо жизнь ваша? пара бо есть, яже в мале является, потом же исчезает.

15 Вместо еже бы глаголати вам: аще Господь восхощет, и живи будем, и сотворим сие или оно.

Пар есть мрачный состав, происходящий от сильного жара и влажности и имеющий самое краткое бытие; ибо по причине крайней тонкости скоро исчезает от соприкосновения с окружающим, вступая в оное и разлагаясь, подобно тому, как небольшая часть влаги в воду. Вот чему уподобил апостол жизнь нашу, и — весьма прилично. Прервав на половине речь этим сравнением, он опять возвращается к ней и продолжает ее. Вот связь ее: теперь послушайте вы, говорящие: сего дня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль; между тем вам следовало бы говорить: если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое.

16 Ныне же хвалитесь в гордынях ваших.

Прервав связь речи примером, которым апостол разительнее хотел показать суетность мирских забот, происходящую от гордости, он потом присовокупляет опущенное. Ход речи такой: вы, по своей надменности, тщеславитесь. Кто? вы, которые не знаете, что случится завтра. Ибо что такое жизнь ваша? и так далее. Словами: «что такое жизнь ваша»? он приготовил себе путь для этого тонкого предписания, потом прибавляет и самое наставление, делая это весьма кстати. *Ныне же хвалитесь в гордынях ваших.* Гордый и гордость занимаются не настоящими предметами. Почему и называется гордый — *αλαζων*, — живущий в заблуждении или обольщении. Всякое такое тщеславие есть зло.

17 Ведущему убо добро творити, и не творящему, грех ему есть.

Опять заводит речь о суетной надменности, которая обыкновенно рождается от гордости, и, как бы заключая речь, говорит, что тщеславие есть зло. Если же оно — зло, то происходит без сомнения от лукавого. Но тем, которые чрез святое крещение предали себя Господу, не следует принимать посеваемое лукавым. Прибавляет и сие: кто разумеет делать добро и не делает, тому грех. Опять вразумляет лжеучителей, чтобы не смели учить тому, чего не исполняют прежде сами. Ибо «блажен, сказано, не тот, кто научит, но тот, кто сотворит и научит» (Матф. 5, 19). Ибо дела должны предшествовать словам, чем и возвещает праведник веру являемую. Ибо «кто, говорит Господь, нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, т. е. тому, над чем сам не трудился, тот малейшим наречется, а тот, кто прежде сделает и потом научит, тот наречется великим» (Матф. 5, 19). Посему и сам Богочеловек сначала стал делать, а потом учить (Деян. 1, 1). Такая, по моему мнению, мысль и в сих словах: «хвалящийся хвались Господом» (1 Кор. 1, 31), т. е. подобно Господу, в Нем имея учителя и пример. Подобно, когда и Давид говорит: «о Господе похвалится душа моя» (Псал. 33, 2), не иное что говорит, как сие: желал бы я похвалиться тем, что хожу по заповедям Господним.

ГЛАВА 5

1 Приидите ныне богатии, плачьте и рыдайте о лютых скорбех ваших грядущих на вы.

Бережливость и скупость богачей нередко заставляет их плакать. Но апостол заставляет

их рыдать, т. е. сильно плакать о том, что они собирают богатство свое на истление, и не раздают его нищим. Ибо богатство не погибает только в том случае, когда издерживают его на бедных. Посему и Приточник говорит: *посли хлеб твой на лице воды* (Еккл. 11, 1), т. е. на мнимое разрушение и тление. Ибо так, по-видимому, бывает с хлебом, бросаемым на воду: он не погибает, но разложением своим доставляет нам прохлаждение, — прохлаждение тогда, когда язык наш будет мучиться в тамошнем пламени.

2 Богатство ваше изгни, и ризы ваша молие поядоша. 3 Злато ваше и серебро изоржаве, и ржа их в послушество на вас будет, и снесть плоти ваша.

Гниение богатства, говорит, съедение одежд молью, и ржавчина серебра и золота будут свидетельствовать против вас, обличая вас в том, что вы ничего не подавали. Посему и в последние дни, т. е. в пришествие Господне, богатство ваше окажется как бы огнем, собранным на погибель вашу. Что и испытал богач, упоминаемый в евангелии. *Аки огонь, егоже снискасте в последния дни.* Это нужно соединить с словами: *богатство ваше*, чтобы речь имела такой вид: богатство ваше, которое вы собрали, как огонь, и на земле тратили на удовольствия и расточали.

4 Се мзда делателей делавших нивы ваша, удержаная от вас, вопиет: и вопиения жавших во уши Господа Саваофа внидоша. 5 Возвеселистесь на земли, и насладистесь: упитасте сердца ваша аки в день заколения.

Это обличение и посрамление начальникам иудейским, которые пасли бедных и пресыщались почестями от всех, но сами готовились на заклятие римским властям от рук их, и особенно за то, что осудили единственного Праведника — Господа, и убили Его, когда Он не противоречил, ни вопиял.

6 Осудисте, убисте праведнаго: не противится вам.

Словами: *убисте праведника* апостол, бесспорно, намекает на Христа. Впрочем, прибавлением: *не противится вам* он обобщает речь, простирая ее на прочих, потерпевших от иудеев подобное, и, может быть, пророчески говорит о собственном страдании.

7 Долготерпите убо, братие моя, до пришествия Господня: се земледелец ждет честнаго плода от земли.

Осудив роскошь начальников иудейских и жестокость их в отношении к бедным, апостол обращает речь к верным, и говорит: братия! не соблазняйте при виде сего, и не унывайте, будто бы не будет отмщения. Говорит о нашествии римлян и о пленении ими иудеев, которое и называет *пришествием Господним*, подобно как и Иоанн, приклонившийся к груди Господа, когда говорит о собственной своей кончине, представляет самого Господа говорящим: если Я хочу, чтобы он пребыл, *пока приду* (Иоан. 21, 22). Ибо здешняя жизнь его простиралась до взятия Иерусалима и немного далее. А что *пришествие Господне* как здесь, так и у Иоанна означает истребление Иерусалима, это видно и из слов пророка: «вот *Господь идет*, и кто стерпит угрозу Его» (Мал. 3, 12)? т. е. когда пришествие Божие наведет наказание на нечестивых. Иоанн Златоуст в некоторых своих толкованиях, когда разбирает слова: *пока приду*, видит в них также указание на разрушение Иерусалима, и подтверждает это молитвою трех отроков, которые говорят: *тако да будет жертва наша пред тобою днесь, и да*

совершится по тебе (Дан. 3, 40). При сем он говорит: что значит *по тебе*? После того, как пройдет гнев твой. А когда он пришел? Когда Навуходоносор разрушил Иерусалим. Это о слове *пришествия*. Некоторые же из отцов говорят и то, что *долготерпением* апостол называет здесь сносливость по отношению друг к другу, а терпением — сносливость по отношению к внешним. Ибо человек долготерпелив к тому, кому может и мстить, а кому не может мстить, от того терпит. Посему о Боге никогда не употребляется слово *терпение*, но долготерпение, а о людях — *терпение*. *Долготерпя о нем, дондеже примет дождь ран и поздн*. Дождем ранним означает слезное покаяние в молодости, а поздним — в старости. Все же зависит от человеколюбия Божия, почему говорит: пока получит.

8 Долготерпите убо и вы, утвердите сердца ваша, яко пришествие Господне приближися. 9 Не вздыхайте друг на друга, братие, да не осуждени будете: се судия пред дверьми стоит. 10 Образ примите, братие моя, злострадания и долготерпения, пророки, иже глаголаша именем Господним. 11 Се блажим терпящия: терпение Иовле слышаште, и кончину Господню видесте, яко многомилостив есть Господь и щедр. 12 Прежде же всех, братие моя, не кленитесь, ни небом, ни землею, ни иною коюю клятвою: буди же вам, еже ей, ей, и еже ни, ни: да не в лицемерие впадете.

Т. е. утверждение ваше пусть будет твердо и в твердом, и отрицание ваше пусть будет такое же. Иначе: пусть свидетельство вашей жизни будет тверже клятвы. Если же кто-нибудь бесстыдный, не уважая вашей жизни, настоятельно будет требовать от вас клятвы, то вместо клятвы пусть будет у вас: *да, да, и: нет, нет*. *Прежде же всех, братие моя, не кленитесь, ни небом, ни землею, ни иною коюю клятвою: буди же вам, еже ей, ей, и еже ни, ни: да не в лицемерие впадете*. Лицемерием называет или то осуждение, которое постигнет нещадно клянувшихся и от привычки к клятве доходящих до клятвопреступления, или и самое лицемерие, которое иное есть и иным кажется. Каким же образом клянувшийся впадет в лицемерие? Следующим: как клянувшийся, он признается утверждающим истину, а когда последует преступление (клятвы), он оказывается сущим лжецом. Клясться Богом апостол запрещает во избежание клятвопреступления, а небом и прочими предметами — для того, чтобы им не усвоить чести Божеской, ибо все клянущиеся клянутся высшим (Евр. 6, 16). Но скажет иной: что делать, если иного принуждают клясться? Отвечаем: страх Божий сильнее насилия принуждающего. Иной, имея в виду ветхий закон, будет и так недоумевать: если ветхий закон одобряет клянущегося именем Господним, то как возбраняет делать это благодать? Отвечаем: ветхий закон повелел иудеям клясться Богом, чтобы отвратить их от клятвы идолами, подобно тому как повелел он им приносить жертвы Богу, чтобы отвлечь их от принесения жертв идолам. Но когда он достаточно научил иудеев благочестию, тогда отменил и жертвы, как бесполезные, стал требовать в жертву не заклания животных, но души сокрушенной. Какой же это? Такой, которая чрез смирение вся сожигается огнем любви, подобно Павлу, который в высшей степени воспламенялся, когда некоторые из верных соблазнялись (2 Кор. 11, 29).

13 Злостраждет ли кто в вас? да молитву деет. Благодушствует ли кто? да поет. 14 Болит ли кто в вас? да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним.

Злостраданию пусть сопутствует молитва, чтобы для искушаемого легче был выход из

искушений. Потом, когда волнения наши чрез молитву умолкнут и душа достигнет свойственного ей состояния, тогда пусть поет, чтобы блаженство ее приумножилось. Ибо пение псалмов, по словам Василия Великого, производит мирное и беспечальное состояние души. Кто не достиг такого состояния, которое Давид называет святостию, побуждая святых петь Господу (Псал. 29, 5), того молитва долго бывает пустословием.

Помазавше его елеем во имя Господне. 15 И молитва веры спасет болящего, и воздвигнет его Господь: и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему. 16 Исповедайте убо друг другу согрешения, и молитесь друг за друга, яко да изцелеете.

Это апостолы совершали уже и в то время, когда Господь жил еще между людьми: они помазывали больных елеем (Марк. 6, 13).

Много бо может молитва праведнаго поспешествуема. 17 Илия человек бе подобострастен нам, и молитвою помолися, да не будет дождь: и не одожди по земли лета три и месяц шесть. 18 И паки помолися, и небо дождь даде, и земля прозябе плод свой.

Молитва праведника имеет большую силу тогда, когда и тот, за кого он молится, содействует его молитве душевною скорбию. Ибо если тогда, как молятся за нас другие, мы сами проводим время в роскоши, неге и невоздержании, то мы чрез это ослабляем силу молитвы подвизающегося за нас, и сбывается на нас слово блаженного Петра; когда один строит, а другой разрушает, тогда ничего, кроме труда, не бывает (Сирах. 34, 23).

19 Братие, аще кто в вас заблудит от пути истины, и обратит кто его, 20 да весть, яко обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти, и покрывает множество грехов.

То же говорит и Иеремия: *аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста моя будеши* (Иер. 15, 19). Ибо всякий, возвещающий слова Божии, бывает устами Божиими. Ибо что говорит? «Не вы будете говорить, но Дух Отца моего будет говорить в вас» (Матф. 10, 20). Поэтому-то и воспрещает Он грешнику, чрез Давида, поведать оправдания Его (Псал. 49, 16).

ТОЛКОВАНИЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ПЕТРА.

Содержание первого послания св. ап. Петра.

Апостол Петр, как сам говорит, пишет иудеям, находящимся в рассеянии и сделавшимся христианами. Послание его учительное. Так как некоторые из иудеев уверовали, то апостол утверждает их в вере. Прежде всего, он объясняет и доказывает, что вера во Христа предвозвещена была пророками, как и искупление кровию Его было предъявлено чрез них, и что иудеям и язычникам возвещено все то, во что желают приникнуть ангелы. Потом он убеждает тех, к кому пишет, вести себя достойно Призвавшего их, увещевает их почитать и царей, а женам и мужьям заповедует единомыслие. Предложив далее несколько нравственных увещаний, объявляет, что Господь во аде проповедовал о спасении и воскресении, для того, чтобы прежде умершие воскресли, и судимы были в теле, а в благодати воскресения пребыли; присовокупляет, что всему приблизился конец, и все должны быть готовы отдать отчет Судии, и затем оканчивает послание.

Оглавление первого послания св. ап. Петра.

О возрождении во Христе, о терпении в испытаниях и о спасительной вере, предвозвещенной пророками; о надежде и освящении, и о твердом поведении, требуемом сыноположением; о жизни, достойной усыновления о Христе на пользу и внешних (язычников), в славу Божию; о подчинении начальникам, братолюбии и богочестии, где а) о подчинении рабов (господам) и незлобивом терпении ради Христа, б) о повиновении жен, их единомыслии с мужьями, и спасении, подаваемом от Духа, по образу Сарры, в) о обязанности мужей к женам, г) о кротком незлобии ко всем, образец которого представляет человеколюбие Божие, явленное при Ное, и сострадание Христово к нам, являемое в крещении; об отложении худых дел, и о принесении плодов Духа по различию дарований; о том что по общению со Христом должно побеждать чувственные страсти, и с упованием на Него переносить вред от других; увещания пастырям заботиться о стаде; о общем всем смиренномудрии в отношении ко всякому, для победы над диаволом. Молитва о совершенстве верующих.

ГЛАВА 1

1 Петр апостол Иисус Христов, избранным пришельцем рассеяния Понта, Галатии, Каппадокии, Асии, и Вифании, 2 по прозрению Бога Отца, во святыни Духа, в послушание и кропление кровие Иисус Христовы.

Сказал *пришельцам* или потому, что они рассеяны, или потому, что все живущие по Боге называются *пришельцами* на земле, как, например, говорит Давид: «мы странники и пришельцы, как и все отцы наши» (Псал. 38, 13). Имя *пришельца* не то же, что имя *пришлого*. Последнее означает *пришедшего* из чужой страны и даже нечто большее и несовершеннейшее. Ибо как постороннее дело ниже дела настоящего так и *пришлец* ниже *переселенца*. Настоящую надпись нужно читать с перестановкою слов, именно так: Петр, апостол Иисуса Христа, по предведению Бога Отца при освящении от Духа, к послушанию и окроплению кровию Иисуса Христа. Остальные слова должно поставить после сего; ибо в

них обозначаются те, кому пишется послание. *По предведению Бога*. Сими словами апостол хочет показать, что он, за исключением времени, ничем не ниже пророков, которые и сами были посланы, а что и пророки посланы, об этом говорит Исаия: «благовествовать нищим послал меня (Иса. 61, 1). Но если он ниже по времени, то не ниже по предведению Бога. В этом отношении он объявляет себя равным Иеремии, который, прежде образования во чреве был познан и освещен и назначен пророком для народов (Иер. 1, 5). И как пророки, вместе с прочим, предвозвещали пришествие Христово (ибо для сего они были посылаемы), то объясняет служение апостольства, и говорит, что я при освящении от Духа послан к послушанию и окроплению кровию Иисуса Христа. Объясняет то, что дело его апостольства состоит в том, чтобы отделять. Ибо это означает слово *освящение*, например, в словах: «вы будете у Меня народом преимущественным, освященным» (Втор. 14, 2) т. е. отделенным от прочих народов. Итак дело его апостольства — посредством дарований духовных отделять народы, покорные кресту и страданиям Иисуса Христа, окропляемые не пеплом юницы, когда нужно очищать осквернение от общения с язычниками, но кровию от страданий Иисуса Христа. Словом *кровию* вместе предсказывает мучение за Христа верующих в Него. Ибо кто с покорностью идет по следам Учителя, тот, без сомнения, сам не откажется пролить собственную кровь за Того, кто пролил свою за весь мир. *Благодать вам и мир да умножится*. *Благодать*, потому что мы спасаемся даром, не привнося ничего от себя. *Мир*, потому что, оскорбив Владыку, мы были в ряду врагов Его.

3 Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисус Христа, иже по мнозей своей милости породей нас, во упование живо воскресением Иисус Христовым от мертвых, 4 в наследие нетленно и нескверно и неувядаемо.

Благословляет Бога, благодаря Его за все те блага, которые Он подает. Что же подает Он? упование, но не то, какое было чрез Моисея, о поселении в земле ханаанской, и которое было смертно, а упование живое. Откуда оно имеет жизнь? От воскресения Иисуса Христа из мертвых. Ибо Он как сам воскрес, так и приходящим к Нему чрез веру в Него дает тоже силу воскреснуть. Итак дар есть упование живое, *нетленное наследство*, не на земле отложенное, как напр. отцам, но на небесах, от чего и имеет свойство вечности, чем и преимуществует пред наследством земным. При этом уповании еще дар — сохранение и соблюдение верных. Потому что Господь и об этом молился, когда сказал: «Отче святыи! соблюди их» (Иоан. 17, 11). *Силою*. Какая же сила? — до явления Господня. Ибо если бы соблюдение не было сильно, то не простерлось бы до такого предела. А когда столько и таких даров, то принимающим их естественно радоваться.

Соблюдено на небесех вас ради, 5 иже силою Божию соблюдени верою, во спасение готовое явится во время последнее.

Если наследство на небесах, то открытие тысячелетнего царства на земле есть баснь.

6 О немже радуйтесь, мало ныне, аще лепо есть, прискорбни бывше в различных напастех: 7 да искушение ваша веры многочестнейше злата гиблюща, огнем же искушена обрящется.

Связь речи здесь такая: поскорбев теперь, *аще лепо есть*, т. е. если и это нужно (ибо не все святые подвергаются скорбям), в последнее время будете радоваться. Ибо *радуйтесь* поставлено вместо будущего (времени), или и в настоящем, как ниже объяснено. Как Учитель

в обещании своем объявляет не одну радость, но и скорбь, говоря: «в мире будете иметь скорбь» (Иоан. 16, 33), так и апостол к слову о радости прибавил: *мало*. Но как и это прискорбно, то последний присовокупляет *ныне*, и это согласно с своим Предводителем. Ибо и Он говорит: «в мире будете иметь скорбь, но печаль ваша обратится в радость» (Иоан. 16, 20). Или слово *ныне* должно быть отнесено к радости, поколику ее сменит будущая радость, не кратковременная, но продолжительная и бесконечная. Или слово *мало* должно разуметь относительно скорби, в таком именно виде: если нужно теперь, то немного поскорбеть от различных искушений. Но как речь об искушениях производит смущение, то апостол указывает цель искушений; потому, что чрез них опытность ваша становится очевиднейшею и драгоценнейшею золота, поколику и оно, испытываемое огнем, дороже ценится людьми. Прибавляет: *еще лепо есть*, научая, что не всякий верный, ни всякий грешный испытывается скорбями, и ни тот ни другой не оставляется в них навсегда. Праведники скорбящие страдают для получения венцов, а грешники в понесение наказания за грехи. Не все праведники испытывают скорби, чтобы ты не почел злобу похвальною и не возненавидел добродетель. И не все грешники испытывают скорби для того, чтобы не подверглась сомнению истина воскресения, если бы здесь еще все получали должное.

В похвалу и честь и славу, во откровении Иисус Христове, 8 егоже не видевше любите, и на негоже ныне не зряще, верующе же, радуется радостию неизглаголанною и прославленною, 9 приемлюще кончину вере вашей, спасение душам.

Этими словами апостол указывает причину, почему праведники здесь претерпевают зло, и частью утешает их, тем, что они чрез скорби становятся славнее, частью ободряет их прибавлением в *откровении Иисус Христове*, что именно тогда-то Он чрез обнаружение трудов доставит подвижникам великую славу. Присовокупляет он и нечто иное, увлекающее к перенесению скорбей. Что же такое? следующее: *егоже не видевше любите*. Если, говорит, не видел Его телесными глазами, любите Его по одному слуху, то какую почувствуете любовь, когда увидите Его, и притом являющегося в славе? Если так привязали вас к Нему страдания Его, то какую привязанность должно произвести на вас явление Его в невыносимом блеске, когда и вам в награду подастся спасение душ? Если же вы имеете явиться пред Ним и удостоиться толикой славы, то ныне покажите соответственное ей терпение, и вполне достигнете предположенной цели.

10 О немже спасении взыскаша и испыташа пророцы, иже о вашей благодати прорекоша.

Поелику апостол упомянул о спасении души, а оно неизвестно и странно для слуха, то свидетельствуется пророками, которые изыскивали и исследовали о нем. Они изыскивали будущее, как, например, Даниил, которого являвшийся ему ангел назвал за это мужем желаний (Дан. 10, 11). Они исследовали то, на которое и на какое время указывал сущий в них Дух. *На которое*, т. е. время исполнения, *на какое* т. е. когда иудеи чрез различные плены дойдут до совершенного богопочтения и сделаются способны к принятию таинства Христова. Примечай, что, назвав Духа *Христовым*, апостол исповедует Христа Богом. Дух же сей указывал на страдания Христовы, говоря чрез Исаию: «веден был как овца на заклание» (Иса. 53, 7), и чрез Иеремию: «приидите и вложим древо в хлеб его» (11, 19), а на воскресение чрез Осию, сказавшего: «в третий день воскреснем пред Ним, и устремимся к познанию

Иеговы, как утро готовое найдем Его» (Осии 6, 3). Им, говорит апостол, открыто было не для них самих, а для нас. Этими словами апостол совершает двойное дело: доказывает и предведение пророков, и то, что призванные ныне к Вере Христовой известны были Богу прежде сотворения мира. Словом о предведении пророков он внушает им, чтобы они с верою принимали предвозвещенное им пророками, потому что и дети благоразумные не пренебрегают трудами отцов. Если они (пророки), не имевшие ничем воспользоваться, изыскивали и исследовали, и, нашедши, заключили то в книги и передали нам как бы некоторое наследство; то мы были бы несправедливы, если бы стали относиться к трудам их презрительно. Посему когда и мы возвещаем вам это, вы не пренебрегайте, и благовестие наше не оставляйте тщетным. Такой урок из предведения пророков! А тем, что (верующие) предузнаны Богом, апостол устрашает, чтобы они не показали себя недостойными предузнания Божия и звания от Него, но друг друга побуждали бы к тому, чтобы сделаться достойными дара Божия.

11 Испытающе, в какво или в кое время являше в них Дух Христов, прежде свидетелствуя о Христовых страстях, и о славах, яже по сих, 12 имже открыся, яко не им самем, но нам служаху сия.

Если и апостолы и пророки действовали Духом Святым, возвещая одни пророчества, а другие евангелие, то, очевидно, между ними нет никакой разности. Итак вы должны, говорит апостол, иметь к нам такое же внимание, какое имели к пророкам современники их, чтобы не подвергнуться наказанию, постигшему непокорных пророкам. Нужно заметить и то, что в этих словах апостол Петр открывает таинство Троицы. Когда он сказал: *Дух Христов*, то указал на Сына и Духа, а на Отца указал он, когда сказал: *с неба*. Ибо слово *с неба* должно понимать не о месте, а преимущественно о Боге посылающем (в мир Сына и Духа).

Яже ныне возвестишася вам благовествовавшими вам Духом Святым, посланным с небесе, в няже желают ангели приникнути.

Здесь предлагается увещание, выводимое из высокого достоинства предмета. Изыскания пророков о нашем спасении служили нам, а дело нашего спасения так досточудно, что оно стало вожделенно и для ангелов. А что наше спасение ангелам приятно, видно из той радости, какую они выразили при рождестве Христовом. Они пели тогда: «слава в вышних Богу» (Лук. 2, 14). Сказав об этом, апостол приводит причину сего, и говорит: так как это спасение наше любезно для всех, не только для людей, но и для ангелов, то и вы не относитесь к нему с небрежением, но сосредоточьтесь и мужайтесь. На это указывают слова: *препоясавше* чресла (ст. 13), что Бог повелевал сделать и Иову (Иов. 38, 3. 40, 2). Какие же чресла? *помышления*, говорит далее апостол. Приготовьтесь таким образом, бодрствуйте, и затем совершенно надейтесь на предстоящую вам радость, радость во второе пришествие Господа, о которой он говорил немного прежде (ст. 7).

13 Темже, возлюбленнии, препоясавше чресла помышления вашего, трезвящеся, совершенно уповайте на приносимую вам благодать откровением Иисус Христовым. 14 Яко чада послушания, не преобразующеся первыми неведения вашего похотении: 15 но по звавшему вы святому, и сами святы во всем житии будите. 16 Зане писано есть: святы будите, яко аз свят есмь.

Сообразованием апостол называет увлечение настоящими обстоятельствами. Ибо и ныне

некоторые безумцы говорят, что нужно применяться к обстоятельствам. Но как отдавать себя в волю обстоятельств легкомысленно, то апостол заповедует, чтобы они, в ведении ли, или в неведении придерживались этого доселе, но отныне сообразовались с Призвавшим их, который воистину есть свят, и сами делались святыми.

17 И аще Отца называете нелицемерно судяща комуждо по делу, со страхом жития вашего время жителствуйте, 18 ведяще, яко не истленным серебром или золотом избавистесь от суетнаго вашего жития отцы преданнаго, 19 но честною кровию, яко агнца непорочна и пречиста, Христа.

Писание различает двоякий страх, один — первоначальный, другой — совершенный [60]. Страх первоначальный, он же и основной, состоит в том, когда кто-нибудь обращается к честной жизни из боязни ответственности за свои дела, а совершенный — в том, когда кто для совершенства любви к другу, до ревности любимому, боится, чтобы не остаться пред ним в долгу ничем, что требуется сильною любовью. Пример первого, т. е. первоначального страха находится в словах псалма: «да убоится Господа вся земля» (Псал. 32, 8), т. е. те, которые нисколько не заботятся о небесном, а только суетятся о земном. Ибо что им придется потерпеть, когда Господь восстанет потрясти землю (Иса. 2, 19. 21)? Пример второго, т. е. совершенного, страха можно находить также у Давида, например в следующих словах: «бойтесь Господа все святые Его, ибо нет скудости боящимся Его» (Псал. 33, 10), и еще в словах: «страх Господень чист, пребывает в век века» (Псал. 18, 10). По сему-то совершенному страху жить убеждает апостол Петр тех, которые слушают его, и говорит: по неизреченному милосердию Создателя Бога вы приняты в число детей Его; посему всегда пусть с вами будет этот страх, так как вы стали такими по любви Творца своего, а не по делам своим. Много доводов употребляет апостол при убеждении. Он убеждает, во-первых, тем, что в нашем спасении принимают искреннее и живое участие ангелы; во-вторых, изречениями священного Писания; в-третьих, необходимостью: ибо кто называет Бога Отцом, тот, чтобы удержать за собою право усыновления, необходимо должен творить достойное этого Отца; и в-четвертых, тем, что они получили бесчисленные блага чрез внесенную за них цену, т. е. кровь Христову, пролитую в выкуп за грехи людей. Посему заповедует им во все время жизни иметь спутником этот совершенный страх. Ибо люди, стремящиеся к совершенству, всегда боятся, чтобы не остаться без какого-нибудь совершенства. Примечай. Христос сказал, что Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну (Иоан. 5, 22). Но апостол Петр говорит теперь, что Отец судит. Как же это? на это отвечаем также словами Христа: «Сын ничего не может творить сам от Себя, если не увидит Отца творящего» (Иоан. 5, 19). Из этого же видно единосущие святой Троицы, совершенное в Ней тожество, и мирное и невозмутимое согласие. *Отец судит*, сказано безразлично; потому что все, что скажет кто-нибудь об одном из трех Лиц, должно относить обще ко всем Им. С другой стороны, поелику Господь и апостолов называет детьми (Иоан. 13, 33), и расслабленному говорит: «чадо! прощаются тебе грехи твои» (Мар. 2, 5); то нет никакой несообразности, что и Он называется Отцом тех, которых Он возродил, сообщив им святость.

20 Предъуведена убо прежде сложения мира, явльшася же в последняя лета вас ради, 21 иже его ради веруете в Бога, воздвигшаго его из мертвых, и славу ему давша.

Сказав о смерти Христовой, апостол присоединил к этому слово и о воскресении. Ибо опасается, чтобы новообращенные не преклонились опять к неверию из-за того, что страдания Христовы уничижительны. Прибавляет он и то, что таинство Христово не ново (потому что неразумных и это возмущает), но изначала, прежде создания мира, сокрыто было до приличного ему времени. Впрочем, оно явлено было и пророкам, которые изыскивали это, как немного выше сказал: И теперь говорит, что предназначенное прежде создания мира ныне явлено или совершилось. И для кого совершилось? для вас. Ибо для вас, говорит, Бог воскресил Его из мертвых. К чему же для вас? для того, чтобы, очистив себя послушанием истине чрез Духа, вы имели веру и упование на Бога. Почему *очистив*? Потому, что веруя в Того, кто воскресением из мертвых положил начало вашей нетленной жизни, вы и сами должны ходить в обновленной жизни (Рим. 6, 4), по примеру призвавшего вас к нетлению. Не смущайся тем, что здесь апостол Петр и (неоднократно) апостол Павел говорит, что Господа воскресил Отец (Деян. 13, 37. 17, 31). Так говорит он, употребляя обычный образ учения. Но выслушай, как Христос говорит, что Он сам Себя воскресил. Он говорил: «разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Иоан. 2, 19). И в другом месте: «имею власть отдать жизнь мою, и власть имею опять принять ее» (Иоан. 10, 18). Не без цели усвоится воскресение Сына Отцу; ибо сим показывается единое действие Отца и Сына.

Яко да вера ваша и упование будет на Бога. 22 Душы ваша очистивше в послушании истины Духом, в братолюбие нелицемерно, от чиста сердца друг друга любите прилежно: 23 порождени не от семени истленна, но неистленна, словом живаго Бога, и пребывающа во веки. 24 Зане всяка плоть яко трава, и всяка слава чловека яко цвет травный: изше трава, и цвет ея отпаде: 25 глагол же Господень пребывает во веки: се же есть глагол благовествованный в вас.

Сказав, что (христиане) возрождены не от тленного семени, но от нетленного, словом Божиим живым и пребывающим во веки, апостол выставляет на вид ничтожность и крайнюю непрочность славы человеческой, побуждая тем слушателя сильнее держаться прежде преподанного учения, так как оно постоянно и простирается навек, а земное скоро истлевает по самому существу. Для подтверждения сего, здесь приводятся трава и цвет на траве, слабейший по бытию, нежели трава; им и Давид уподобляет нашу жизнь (Псал. 102, 15). Показав малоценность славы нашей, апостол снова возвращается к объяснению того, что же именно возродило их словом Божиим, живым и пребывающим вовек, и говорит: это есть то слово, которое вам проповедано. Утверждает о сем слове, что оно пребывает вовек, потому что и сам Господь сказал: «небо и земля прейдут, но слова мои не прейдут» (Матф. 24, 35). Должно знать, что слова *в братолюбие нелицемерно* нужно читать в таком порядке: от чистого сердца любите друг друга постоянно, к нелицемерному братолюбию. Ибо окончание дела обыкновенно следует за тем, что производилось для него. А как за постоянною любовью друг к другу от чистого сердца следует нелицемерное братолюбие; то справедливо, чтобы слова *от чистого сердца* и прочие стояли впереди, а слова *нелицемерное братолюбие* после них. Нужно заметить и то, что предлог *в* (εἰς) должно принимать вместо предлога *по причине, для* (διὰ).

ГЛАВА 2

1 Отложше убо всяку злобу и всяку лесть и лицемерие и зависть и вся клеветы,
2 яко новорождени младенцы, словесное и нелестное млеко возлюбите, яко да о нем

возрастете во спасение: 3 понеже вкусисте, яко благ Господь. 4 К нему же приходяще, камени живу, от человек убо уничижену, от Бога же избрану, честну, 5 и сами яко камение живо зиждитесь в храм духовен, святителство свято, возносити жертвы духовны, благоприятны Богови Иисус Христом. 6 Зане писано есть в писании: се полагаю в Сионе камень краеуголен, избран, честен; и веруяй в оны, не постыдятся.

Апостол показал преимущество духовного возрождения пред рождением плотским, и выставил на вид малоценность славы смертной, именно, что рождение соединено с растлением и нечистотою, а слава не отличается ничем от весенних растений, между тем как слово Господне ничего такого не испытывает. Ибо всякое мнение человеческое скоро прекращается, а слово Божие не так, оно имеет вечное пребывание. С такою целию у него прибавлено: *благостованный в вас*. Итак, говорит, *отложив всяку злобу и всяку лесть и лицемерие и зависть и вся клеветы*. Этими немногими словами он обнимает все множество и разнообразие зла. Ибо возрожденные к нетленной жизни не должны впадать в сети злобы и предпочитать не существующее действительному. Ибо зло не есть сущность, но заключается в погрешности рожденной сущности. А большое различие между жизнью самоличною и тем, что только сопривходит к ней. Они, говорит, должны явиться свободными от коварства и лицемерия и зависти и всякого злословия. Ибо коварство и злословие далеки от истины и проповеданного вам учения. Коварство ищет погибели обманываемого им, лицемерие преуспеваает в разности с действительностию, между тем спасительное учение, которым вы оглашены, преуспеваает в противном. А какое место в вас зависти и злословия, — в вас, которые, связуясь неразрывным союзом братолюбия, можете не потерпеть вреда ни от кого из разлучающих вас? Что зависть и злословие служат причиною ссоры и взаимной ненависти, этого не знает разве тот, кто не знает печальной истории Каина, который чрез зависть разорвал братский союз, затем впал в коварство, лицемерие и убийство (Быт. гл. 4). А что завистливый нечист от злословия, в этом можно удостовериться из примера братьев Иосифа, которые весьма много наговаривали на него отцу своему (Быт. гл. 37). Посему, говорит, очистившись от всех этих зол, приступите как новорожденные младенцы (ибо таковых, сказал Господь, есть царствие: (Лук. 18, 16), и, питаясь бесхитростным учением, растите в меру полного возраста Христова (Ефес. 4, 13). *Понеже вкусисте*, т. е. чрез упражнение в священных заповедях евангельских вы осязательно узнали, сколь благо это учение. А чувство в деле знания сильнее всякого слова, как и испытываемое на деле приятнее всякого слова. Итак, опытно дознав на себе благодать Господа, и сами показывайте доброту и милость друг другу, и возложите себя на живой краеугольный камень, человеками отверженный, но Богом почтенный и избранный, и сущий и пророками предсказанный. Теснее дружитесь между собою чрез единение любви, и сочленяйтесь в полноту духовного дома, нимало не заботясь о презрении со стороны людей, потому что ими отвержен и краеугольный камень — Христос. Достигнув единомыслия между собою, и устроивши из себя духовный дом, и приобретши святое священство, приносите жертвы духовные. И не думайте, что можете приносить Богу жертвы непорочные тогда, когда не храните между собою союза любви. Воздевайте, сказано, руки чистые без гнева и сомнений (1 Тим. 2, 8). Как же желающий соединиться с Богом чрез молитву достигнет сего, когда сам отторгает себя от своего брата чрез гнев и злые сомнения?

7 Вам убо честь верующим, а противящимся камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла, и камень претыкания, и камень соблазна: 8 о немже и претыкаются слову противляющися, на немже и положени быша.

Вам убо честь должно подразумевать: *дана*. Порядок речи такой: вам воздается честь от Бога, сказавшего: Я полагаю, а неверующим Бог и ныне говорит следующее: Я полагаю вам в Сионе камень претыкания и камень соблазна. Он бывает камнем претыкания для неверующих, которые и претыкаются, не покоряясь слову, на что они и положены. Полная мысль — такая: вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, драгоценный, избранный; и верующий в Него не постыдится; для вас, верующих, драгоценный, а для неверующих — камень претыкания. Они претыкаются о слово, т. е. евангелия, на что они и положены. *На неже и положени быша*. Сим не то говорится, будто они определены на это от Бога. Ибо от Того, кто желает, чтобы спаслись все люди (1 Тим. 2, 4), никак не может быть причины гибели. Но как они сами из себя устроили сосуды гнева, присовокупив к сему еще непокорность, то какое положение сами себе приготовили, в том и оставлены. Ибо если человек, как существо разумное, сотворен свободным, и свободу принуждать нельзя, то несправедливо было бы обвинять Того, кто отдает человеку ту именно честь, какую он сам себе приготовил своими делами. Христос назван краеугольным камнем потому, что Он обе стены, составляющие духовный дом, т. е. язычников и иудеев, соединяет своими объятиями и связывает в одно согласие, уничтожая бесполезные жертвы одних, и пременяя в благочестие бесовское суеверие других.

9 Вы же род избран, царское священство, язык свят, людие обновления, яко да добродетели возвестите из тмы вас призвавшаго в чудный свой свет: 10 иже иногда не людие, ныне же людие Божии: иже не помиловани, ныне же помиловани бысте.

Не одобряя худое поведение неверующих, сказав, что они сами стали виновны в своем неверии, апостол переходит теперь к одобрению правильно поступивших, и говорит: вы, поступившие правильно, — род избранный, царственное священство. Он как бы так говорит: те по своей жестокости и упорству преткнулись о краеугольный камень, а не вошли вместе с ним в состав здания; вы же чрез свою благопокорность состроились в царственное священство, как род избранный, как народ святой. Впрочем, чтобы не расслабить их лишнею похвалою и чтобы они не подумали, что стали народом святым и проч. по наследству, что удостоились такой чести потому, что происходят от Авраама и никогда не претыкались, апостол, дабы удержать их от такой мысли, прибавляет и говорит: не думайте много о роде; вы избраны в царственное священство не ради Авраама, ибо происшедшие от него имели священство, отдельное от царства; вы народ святой и род избранный и назначены в царственное священство не ради Авраама, но ради Христа, который назван и священником по чину Мелхиседекову (Псал. 109, 4), и царем кротким, праведным и спасающим (Зах. 9, 9). Итак, от Него, имевшего то и другое (священство и царство), вы, возрожденные чрез святое крещение, справедливо называетесь и родом избранным и царственным священством. Это вы имеете по милости Его, призвавшего вас из тьмы в чудный свой свет. Посему делами света возвещайте совершенства Его и прочим людям. Это, говорит, вы имеете по Его человеколюбию. Посему к вам прилично приложить сказанное: «вы некогда не народ, а ныне народ; вы, некогда не помилованные ныне помилованы» (Осии 2, 23). Чтобы речь эта не показалась тяжелою, он укоризненные слова приводит из пророка Осии. Итак возвещайте совершенства Его своею добродетелию. А как им возвещать их? Этому научает сам Господь, когда говорит: «так пусть светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела, и прославляли Отца вашего небесного» (Матф. 5, 6). *Людие обновления*, т. е. народ взятый во владение, или в наследство. Ибо создание Божие — все, а удел Божий — одни только те, которые удостоились этого за свою добродетель.

11 Возлюбленнии, молю яко пришельцев и странников, огребатися от плотских похотей, яже воуют на душу, 12 житие ваше имуще добро во языцех.

Связь речи такая: возлюбленные! прошу вас, как пришельцев и странников в сем мире, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу вашу; прошу вас и о том, чтобы вы имели (проводжали) добродетельную жизнь между язычниками. Ибо *имуще* (причастие) нужно заменить здесь (неопределенным наклонением) *иметь*. У учителей веры есть обычай к догматическому учению присовокуплять уроки нравственности. Так поступает теперь и блаженный апостол Петр. Он называет их *возлюбленными*, а не просто любезными, потому что они приятны ему во всех отношениях; ибо приятные в одном только каком-либо отношении называются любезными, а не возлюбленными. Говорит он, что плотские похоти восстают на душу, потому что, и по словам блаженного апостола Павла, плоть желает противного духу (Гал. 5, 17). Ибо желания плоти вращаются около чувственных наслаждений, и чрез то помрачают память и порабащают душу.

Да о немже клеветуют вас аки злодеев, от добрых дел видевшие прославят Бога в день посещения.

Злословящими нас апостол называет язычников, а днем посещения — исследование по законам мира сего. Ибо когда они исследывают нашу жизнь и находят, что их понятие о нас противоречит действительности; то сами исправляются в постыдных делах своих и таким образом прославляют Бога.

13 Повинитесь убо всякому человеку созданию Господа ради: аще царю, яко преобладающе: 14 аще ли же князем, яко от него посланным, во отмищение убо злодеем, в похвалу же благодетелем. 15 Яко тако есть воля Божия, благодетельным обуздвати безумных человек невежество.

Человеческим созданием называет начальников, поставленных царями, и даже самих царей, поколику и они избираются или поставляются людьми, А писание называет иногда созданием и установление, как, например, в следующем месте: «дабы из двух создать одного нового человека» (Ефес. 2, 15). Итак, говорит, будьте покорны мирским начальникам, но будьте покорны для Господа, как Господь заповедал. Что же Господь заповедал? «Отдавайте Кесарево Кесарю, а Божие Богу» (Матф. 22, 21). Посему, если они приказывают что-либо противное установлению Божию, им не должно повиноваться. Так заповедал Христос; то же заповедывает теперь и ученик Его. Это для того, чтобы язычники не могли говорить, будто Христианство привносит ниспровержение жизни (гражданской), будто в нем причина неурядицы и возмущения. *Господа ради*. Делает это прибавление и для верных. Некоторые из них могли сказать: сам же апостол обещает нам царство небесное (1, 4), и чрез то приписывает нам великое достоинство. Зачем же опять унижает нас, подчиняя нас мирским начальникам? Итак, если кто-нибудь скажет это, тот пусть знает, говорит, что эта заповедь не от меня собственно, но от самого Господа. Сам апостол Петр и указал, которым и каким начальникам должно повиноваться, именно тем, которые воздают должное. Прибавляет и причину: во-первых, такова воля Божия; во-вторых, наша покорность начальникам доказывает наше благоповедение и, сверх сего, посрамляет неверных. Ибо когда они злословят нас как гордых, а видят, что мы смиренны и, в чем следует, покорны, то чрез это более пристыжаются.

Связь речи такая. Будьте покорны, как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. Не только начальников, но и всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите. *Яко свободни*. Слова эти Иоанн Златоуст объясняет так: «дабы не сказали: мы освободились от мира, стали гражданами неба; зачем опять подчиняешь нас начальникам и велишь повиноваться им? для сего и говорит: покоряйтесь как свободные, т. е. как верующие в Освободившего вас, и однакож Заповедавшего подчинение. Ибо этим вы покажете, что свободу, по которой отказываетесь от покорности, вы не употребляете для прикрытия намеренной злобы, т. е. непокорности и непослушания». Можно об этом выражении (*яко свободни*) сказать нечто и в другом смысле. Свободен в Господе тот, кто не подчиняется ничему безнравственному. Жить лицемерно свойственно не свободному, а тому, кто в рабстве у страстей, например, предан человекоугодности или иной какой-либо постыдной страсти. А рабы Божии должны быть далеки и чужды страстей. Почему ныне заповедует оказывать подчинение властям добродушное и искреннее, без неприязни к ним и как бы по принуждению, не питая в сердце злобы, не прикидываясь искренними и простыми, оказывать повиновение не наружно только, а с расположением сердечным. *Не яко прикровение имуще злобы свободу*. Это кратко может быть выражено так: наружно представляясь простыми и искренними, как бы под прикрытием свободы, а при испытании оказываясь страшными и совсем другими, чем каковы по наружности.

Но яко рабы Божии. 17 Всех почитайте, братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите. 18 Раби, повинуйтеся во всяцем страхе владыкам, не токмо благим и кротким, но и строптивым. 19 Се бо есть угодно пред Богом, аще совести ради Божия терпит кто скорби, стражда без правды. 20 Кая бо похвала, аще согрешающе мучими терпите? но аще добро творяще и страждуще терпите, сие угодно пред Богом. 21 На сие бо и звани бысте: зане и Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам его. 22 Иже греха не сотвори, ни обретесе леть во устех его.

Смотри, какая точность. Богу, говорит, воздавайте страх, а царю честь. Если же должно иметь страх пред Богом, могущим погубить и душу и тело (Матф. 10, 28), то мы не должны повиноваться царям, когда они приказывают нам что-либо безнравственное. Ибо страх Божий умеет побеждать и почтение к царям, а когда принуждают его к худому, то он даже и лишает их чести, по словам святого: «уничижен пред ним лукавнующий» (Псал. 14, 4). При слове *раби* должно подразумевать *будьте*, именно так: слуги будьте покорны. То же должно подразумевать ниже при слове *жены* (3, 1). Слово *страх* употребляется в различных значениях. Страхом называется, во-первых, страх сознательный; его апостол же называет теперь совестью; он же называется и благоговением. Страхом называется, во-вторых, страх, исполненный страсти, испытываемый при предстоящем наказании; этот страх замечается и в зверях. Страхом, в-третьих, называется страх первоначальный, который бывает у приступающих к Господу в следствие сознания, что за многие свои проступки они достойны наказания; таким страхом побуждаемая, пришла ко Господу упоминаемая в евангелии блудница (Лук. гл. 7). Страхом еще называется страх совершенный, который всегда присущ всем святым. Ибо они боятся, чтобы у них не оказалось недостатка в чем-либо таком, что должно быть у проникнутых совершенною любовью. Апостол, убеждающий слуг повиноваться господам *во всяцем страхе*, не устраняет той мысли, что слуги должны

относиться к господам *со страхом* во всех помянутых значениях. Ибо первоначальный и совершенный страх, если они имеют оный, располагает их к хорошему поведению: первый побуждает их остерегаться проступков, чтобы не потерпеть за них чего-либо неприятного; другой внушает, чтобы они и не думали сделать своим господам что-либо неприятное. Итак здесь апостол говорит о страхе по совести, т. е. по сознанию долга. Он наводится бесчестными господами на слуг их даже и тогда, когда сии ни в чем не виноваты. Одобряя сей страх, апостол заповедует переносить все с терпением. Поелику боящиеся потерпеть за грехи, совершенные на деле или от совершения которых убереглись, если что-нибудь пострадают за оные, обнаруживают в себе рабов благоразумных и склонных к исправлению. Но несравненно выше любомудрие того, кто, не сознавая сам за собою ничего худого, переносит все с благодарностию. Это великий подвиг, совершаемый немногими и низводящий особенное благоволение Божие, так как человек сей соревнует страданиям Христовым, так как и Христос страдал не за свои собственные грехи, ибо Он греха не сотворил (Иса. 53, 9), но страдал за нас и за наши грехи. «От беззаконий людей моих, т. е. за беззакония людей веден Он был на смерть», говорит пророк (Иса. 54, 8). Сей похвальный страх предлагает апостол, но не менее желает, чтобы слуги водились и прочими страхами. И это видно из слов его: *во всяцем страсе*. Впрочем выше прочих страхов поставил страх за совесть, и самым ясным образом выразил, что только этот страх достоин хвалы; поелику прочие страхи имеют причину для гнева господ на слуг, а этот не имеет ее.

23 Иже укаряемь противу не укаряше, стражда не прещаше: предающе же судящему праведно. 24 Иже грехи наша сам вознесе на теле своем на древо, да от грех избывше, правдою поживем.

Быть может, кто-нибудь скажет: «как апостол Петр говорит здесь, что Господь, когда Его злословили, не злословил взаимно, и когда страдал, не угрожал, когда мы видим, что Он называет иудеев псами, глухими, фарисеев — слепыми (Матф. 15, 14), Иуде говорит: «лучше было бы этому человеку не родиться» (Матф. 26, 24), и в иной раз: «отраднее будет Содому, нежели городу тому» (Матф. 10, 15)? Отвечаем. Апостол не то говорит, что Господь никогда не укорял или не угрожал, но что, когда Его злословили, Он не злословил взаимно, и, когда страдал, не угрожал. Ибо если Он иногда укорял, то не в отмщение тем, которые злословили Его, но поносил и укорял упорных в неверии. Злословящие Его говорили: «бес в тебе (Иоан. 7, 20); он изгоняет бесов силою князя бесовского» (Матф. 12, 24), и: «вот, человек, который любит есть и пить вино» (Матф. 11, 19). Когда Он слышал это, злословил ли взаимно? Отнюдь нет. Но одним сказал: «если я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыны ваши чьею силою изгоняют» (Матф. 12, 27)? Тех же, которые называли Его ядцею и винопийцею, Он уподоблял детям, играющим на торжище и говорящим товарищам: «мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали» (Матф. 11, 16. 17). А когда Он висел на кресте и злострадал, то не только не угрожал, но еще молился за злодеев (Лук. 23, 34). Иуде угрожал Он для того, чтобы отвлечь его от предательства. Равно и тем, которые не будут принимать учеников Его, объявил, что им будет хуже, чем Содомлянам, для того, чтобы слушателей по крайней мере страхом преклонить к странноприимству и к тому, что для них спасительно. Посему слово апостола Петра, убеждающего к незлобию примером Господа, весьма истинно. *Предающе же судящему праведно*, разумеется, Богу, который на будущем суде воздаст каждому по делам его, без всякого лицемерия, по сущей справедливости (1 Петр. 1, 17).

Егоже язвою исцелесте. 25 Бысте бо яко овцы заблуждшыя, не имущя пастыря: но возвратистесь ныне к пастырю и посетителю душ ваших.

Когда, по приказанию Пилата, Его бичевали, то Он на теле своем вынес и раны от ударов.

ГЛАВА 3

1 Такожде же и жены повинующаяся своим мужем, да и аще нецыи не повинуются слову, женским житием без слова пленени будут, 2 видевшие еже со страхом чисто житие ваше. 3 Имже да будет не внешняя плетения влас, и обложения злата, или одеяния риз лепота.

Апостол изложил нравственное учение для всех сих: для царей, правителей, господ и рабов. Для подначальных поставил законом, чтобы они повиновались царям и правителям, которым должно и в чем должно, и тем показал, что сами правители имеют некоторое предначертание и побуждение к правде в законах, и за все, что ни делают по законам, не будут осуждены, а за все, что учинят вопреки им, незаконно, несправедливо и самовольно, погибнут. Ибо закон дан им на пользу народов, как говорит апостол Павел (Рим. 13, 4). Подобно законам, и правители даны на некоторую пользу, а не так, как некоторые худо рассуждают, будто существующая на земле власть — от диавола, соглашаясь в этом деле с диаволом, который сказал Господу: «все это предано мне, и я, кому хочу, даю сие» (Лук. 4, 6). Не по воле диавола поставляются цари; ибо они даны для исправления зол, а диавол не заботится ничего такого вводить между людьми. Власти же и правители даны от Бога, с одной стороны, для того, чтобы охранять правого и устроить пользу подчиненных, с другой — для того, чтобы погрешающих удерживать страхом наказания и обличением, наконец — для того, чтобы производить должное наказание причинившим неправду. Показав это, именно, что повиновение властям — добро, а неповиновение — зло, и предписав подобные отношения рабам и господам, апостол обращает теперь речь свою к женщинам. Жены, говорит он, должны быть заняты двумя делами: повиноваться своим мужьям, и удаляться всякого украшения и убранства, подражая святым женам. Ибо они, говорит, знали одно только украшение, то, что повиновались своим мужьям. Какая же польза от этого? Та, что язычники получают доброе понятие о Вере и ревность по ней, что производит и наша покорность властям, и ради нас благодарят Христа, а для христиан великая похвала, когда ради нас и ради нашего доброго поведения и язычники благословляют имя Божие. Слова без слова пленени будут значат или то, что приобретаемы бывают без всякого рассуждения и противоречия, или то, что доказательство от дел сильнее слова, и искусственности, как и святой муж сказал: «дело, не сопровождаемое словом, лучше слова, не сопровождаемого делом».

4 Но потаенный сердца человек, в неистлении кроткаго и молчаливаго духа, еже есть пред Богом многоценно.

Ибо вся слава дщери Царевой внутри, одежды ее убраны золотыми бахромами, испещренные (Псал. 44, 14). т. е. сокровенное наше расположение и внешнее положение должны в точности соответствовать одно другому. Бахрома, будучи оконечностью ткани, состоящею из тех нитей, которые не вошли в уток, не вплетены в начальную основу, означает

собою внешнюю деятельность. Называет же одежды, убранными золотыми бахромами потому, что и обнаруживаемое изнутри является не как случится, но честно и важно.

5 Тако бо иногда и святые жены, уповающие на Бога, украшаху себе, повинующая своим мужем. 6 Якоже Сарра послушаше Авраама, господина того зовущи, еяже бысте чада, благотворяща, и не боящаяся ни единого страха. 7 Мужие такожде, вкупе живуще с своими женами по разуму, яко немощнейшу сосуду женскому воздающе честь, яко и снаследницы благодатныя жизни, во еже не прекращатися молитвам вашим.

Здесь украшением называет повиновение, говоря: они украшали себя, повинуюсь своим мужьям. Сказав неопределенно *святые жены*, называет их дочерьми Сарры или по вере, или по происхождению. Ибо дочери необходимо должны подражать матерям. При украшении, приличном христианкам, убеждает их быть и милостивыми, не опасаясь за то взыскания от своих мужей. Это хочет выразить словами: *не боящаяся ни единого страха*. Ибо естественно, что мужья потребуют иногда от них отчета в издержках. Такою возвышенною речью убеждая бережливых и малодушных женщин к тому, чтобы они щедрее раздавали домашние вещи, апостол удерживает и мужей от строгости к ним, и говорит: *мужие вкупе живуще по разуму*, т. е. примите во внимание слабость и склонность женского пола к малодушию и будьте к женам великодушны, не требуя с раздражительностью отчета в том, что вверено им по домашнему хозяйству. Убеждает мужей не взыскивать строго с жен для того, как мы сказали, что они были щедрее в подаянии бедным. А мне кажется, что этими словами апостол сокровеннее и важнее, чем Павел, намекает на пользование правами супружества. Ибо Павел прямо говорит: «не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию», и проч. (1 Кор. 7, 5). А Петр, важнее сказав: *по разуму* и чрез то намекнув на дело, убеждает мужей, так как женский пол и к этому склоннее, не отлучаться от жен с запрещением и строгостью, но сначала снисходительно, как к слабейшим, пользоваться ими, потом, с некоторою осторожностью убеждать их привыкать к воздержанию от сего. Ибо на это, т. е. на снисходительность, хочет указать словами: *воздающе честь*. Ибо тому, на кого не обращают внимания, не бывает ни чести, ни пощады. Потом, так должно пользоваться ими в отношении сообщения, как слабейшими, или и как сонаследницами живой благодати. И что мы придали такой смысл подлежащему изречению не без основания, на это указывает дальнейшее прибавление: *во еже не прекращатися молитвам вашим*. Ибо какое препятствие молитве может быть от суровости мужа к жене своей? Между тем как оставление сообщения доставляет во время молитвы большую внимательность и усердие. Такова моя мысль об этом.

8 Конец же, вси единомудрени будите, милостиви, братолюбцы, милосердни, благоутробни, мудролюбцы, смиреномудри 9 Не воздающе зла за зло, или досаждения за досаждение: супротивное же, благословяще, ведяще, яко на се звани бысте, да благословение наследите.

Связь с предыдущим наставлением такая: наконец, или сказать кратко, будьте все единомысленны и проч., зная, что вы к тому призваны, чтобы благословлять всех. Ибо и Павел говорит: «благословляйте гонителей ваших» (Рим. 12, 14). Поступая таким образом, вы от всех будете слышать наименование вас *благословляющими* (Псал. 36, 20). Ибо жаждущему вечной жизни не следует никого злословить языком. Посему и Давид тех, которые сильно

желают достигнуть истинной жизни, убеждает хранить язык чистым от злословия (Псал. 33, 16). Когда вы так устроите себя, то всемогущий будет к вам благопопослушлив и кроток. А в таком случае, кто может сделать вам зло? Но если вам, и при делании добра и ревности по нем, будет нанесено оскорбление, то не горюйте, но радуйтесь, во-первых, потому, что это не зло, а во-вторых, потому, что вы чрез это блаженны. Посему святите в сердцах ваших Бога, а страха человеческого не бойтесь, и не смущайтесь. Иначе. Окончив частные наставления, касающаяся мужей и жен, обобщает убеждение ко всем, мужьям и женам, и говорит: *конец же*. К чему частные наставления? Говорю всем вообще. Ибо это конец, у всех одна цель — спасение, у всех один закон — любовь. Отсюда рождается всякая добродетель, смиренномудрие, сострадание, милосердие, и проч. Из них *единомудрие* есть совершенно безразличное согласие в чем-нибудь. *Сострадание* — сожаление к злостраждущим такое же, как и к самим себе. *Братолюбие* — расположение к ближним такое, какое должно быть к братьям. *Благоутробие* — душевное стремление к благотворению однородным. *Любомудрие* — кротость и дружелюбие со всеми, как знакомыми и друзьями. *Смирение* или *смиренномудрие* — перенесение хулы от другого, сознание своей греховности, перенесение обвинений, что можно бы назвать благомыслием. *Досаждение* (ругательство) есть происходящая от дурной привычки склонность к злословию. Сими-то добродетелями украшайтесь; при чем не поддавайтесь злобе, но ревнуйте по добре, проводя жизнь святую и совершенную. Ибо благословляемый всеми есть и ревнитель.

10 Хотяй бо живот любити, и видети дни благи, да удержит язык свой от зла, и устне свои еже не глаголати лъсти, 11 Да уклонится от зла, и да сотворит благо, да възыщет мира и да держится его.

Что выводимое им наставление не ложно, в том удостоверяет указанием на слова Давида, и говорит: *кто хочет любить жизнь*, т. е. кто преобразовывает себя для истинной жизни и хочет показать ее достолюбезною (ибо на это указывает выражение *хотяй любити*, как бы показать ее вожденною для людей до перебоя), тот пусть неуклонно держится того, что вместе со мною предлагает и пророческое слово.

12 Зане очи Господни на праведныя, и уши его в молитву их, лице же Господне на творящия злая, еже потребити их от земли. 13 И кто озлобит вас, аще благому подобницы будете? 14 Но аще и страждете правды ради, блажени есте: страха же их не убойтесь, ниже смущайтесь. 15 Господа же Бога освятите в сердцах ваших.

Из приведенных им слов пророка делает заключение. Там сказано: *очи Господни на праведныя, и лице Господне на творящия злая*. Апостол прибавляет к сему: если будете так жить, то к вам Бог будет благосклонен и благопопослушлив. А при таком положении, кто вам нанесет зло? Ибо все в руке Его, жизнь и смерть (Прем. 16, 13). Но как некоторые почитали злом страдания за веру, то апостол Петр, для исправления такого мнения, говорит: не почитайте этого злом, напротив почитайте это залогом блаженства. Ибо страх от людей не стоит никакого внимания, но однодневен. Ибо если очи Господа обращены к праведным и уши Его к молитве их, но против делающих зло лицо Господне, угрожающее злым погибелию: то, если бы это было зло, Раздаятель благ, без сомнения, за любовь нашу к Нему не противовоздал бы злом. Ибо зло Он наводит на злых (Рим. 2, 9). Посему скорби за благочестие не суть зло. Вместе с Исаиею (8, 13), заповедует святить Господа в сердцах, т. е. не превозноситься видимыми делами, но в тайной клети сердца совершать освящение

Господа, которое состоит в удалении от скверн, т. е. от злых нравов языческих. Так Его святите. А святится Он чрез ваше доброе поведение, когда прочие люди прославляют Его, как и сам Богочеловек повелевает: «так да светится свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела» (Матф. 5, 16).

Готови же присно ко ответу всякому вопрошающему вы словесе о вашем уповании, 16 с кротостию и страхом: совесть имуще благу, да о немже клеветуют вас аки злодеев, постыдятся злословящии ваше благое о Христе житие.

Слова: *готови ко ответу* и проч., должно соединить с словами: являть добрую деятельность (совесть имуще благу). Ибо когда будете делать это с кротостию и приличием, тогда и сами уверитесь, что вы имеете добрую совесть, и имеющих дурное понятие о вас постыдите. При этом изречении, как и при предыдущем: *вси единомудрени* (ст. 8), подразумевается *будьте*, так что нужно читать: *будите готови*. Апостол повелевает верному человеку всегда быть готову к отчету в вере, чтобы, когда бы ни стали спрашивать нас о вере, мы всегда могли легко отвечать, и делать это с кротостию, как и все вообще, как бы в присутствии самого Бога. Ибо в присутствии своего господина ни один благоразумный раб не бывает дерзок. Польза от сего та, что неверные узнают, каковы мы, и будут справедливы к нам. Нужно заметить, что настоящие слова апостола не противоречат изречению Господа. Когда Господь говорит, чтобы мы, когда поведут нас к начальникам и властям, не заботились о том, что нам отвечать (Лук. 21, 14), а Петр заповедует теперь готовиться к ответу; то Господь говорит о свидетельстве, а апостол Петр об учении. Ибо кто думает, что знает что-нибудь без разумения и исследования, тот вызывает на себя хулу. Ибо знание неразумных — неисследимые слова. Иначе. Поелику обвиняли нас во многих беззакониях и выставляли надежды наши напрасными, то апостол заповедует готовить обдуманнные ответы, и иметь жизнь достохвальную, которую и называет совестью.

17 Лучше бо есть благое творящим, аще хочет воля Божия, пострадати, нежели зло творящим: 18 зане и Христос единою о гресех наших пострада, праведник за неправедники, да приведет ны Богови.

Представляется причина, не на то впрочем, что перед этим сказано, но на то, что сказано немного выше, именно на слова: если и страдаете за правду, то вы блаженны (ст. 14), потому что лучше страдать зло за добрые дела, нежели за злые. Если же кто захочет относить причину эту к ближайшей предшествующей речи, то слова *благое творящим* нужно понимать не о благотворительности другому, но вообще о добродетели; также нужно понимать и слово: *злотворящим*. Прибавляет: *аще хочет воля Божия*, показывая этим, что с нами ничего не бывает без поущения Божия, но бывает или для облегчения нас от грехов, или для обнаружения и славы нашей, или даже для спасения других. И это двояким образом. Или какой-нибудь праведник терпит зло для уцеломудрения иных грешников, по сказанному: «если праведник едва спасается, то грешный где явится» (1 Петр. 4, 18)? И отсюда двоякая польза: для страждущего праведника — приумножение праведности чрез терпение, а для грешника — обращение, как сказано. Или праведник страдает и для собственной своей славы и для обращения и спасения других, как и Христос. Посему Петр полагает здесь в пример Христа, потому что и Христос однажды пострадал не за свои грехи, но за наши; почему и прибавляет: *праведник за неправедники*, ибо сам Христос не сделал никакого греха (1 Петр. 2, 22). Чтобы показать могущество Страдавшего, прибавил, *однажды*. А как Он пострадал для

того, чтобы привести нас к Богу и Отцу своему, то и показал, что не все страждущие страдают за грехи. И как Христос сугуб естеством, Бог и человек, то страданиями своими доставил нам и благодать двоякую. Умерши, как человек, Он освободил нас от смерти, положив начало нашему воскресению, и в самом Себе дав пример, что умирающие умирают не без надежды воскресения. *Ожив же*, т. е. воскресши из мертвых силою Божества (ибо Он воскрес из мертвых не как человек, но как Бог), всех сущих во аде сооживил, совоскресив с Собою. Ибо, по словам божественного евангелиста (Матф. 27, 52, 53), многие тела усопших святых воскресли, и явились многим.

Умерщвлен убо быв плотию, ожив же духом, 19 о немже и сущым в темнице духовом сошед пропева.

Быв умерщвлен *по плоти*, т. е. как человек; но ожив *духом*, как Бог. Под словом *Духом* разумеют Бога, а *подплотию* человека. О первом свидетельствует евангелист, когда повествует, что Христос, истинная Премудрость, беседуя с самарянкою, сказал: «Бог есть Дух» (Иоан. 4, 24), а о втором свидетельствует все божественное Писание. Отсюда ясно, что Христос сугуб не Лицом, но естеством. *О немже* поставлено вместо *почему*. Ибо сказав, что Он умер за нас неправедных, апостол говорит затем, что Он проповедовал и содержимым во аде. Дошед до сего, апостол должен был еще объяснить, как смерть Христова полезна была для прежде усопших, и решить вопрос: «если вочеловечение Господа было для спасения всех, то какое спасение получили прежде умершие»? Он за раз разрешает то и другое и говорит, что смерть Христова произвела то и другое вместе, надежду воскресения чрез Его воскресение, и спасение усопших прежде. Ибо те, которые хорошо провели время своей жизни, и тогда получили спасение чрез сошествие Господа во ад, как думает божественный Григорий. Он говорит: «Христос, явившись к находящимся во аде, спасает не всех без изъятия, но одних верующих» ^[61]. Ибо от произволения каждого зависело (как требовала разумность) не оставаться бесчувственным к богатому дару Творца, но представить самого себя достойным благодати Подателя.

20 Противльшымся иногда, егда ожидаше Божие долготерпение, во дни Ноевы, делаему ковчегу, в немже мало, сиречь осмь душ спасошася от воды.

Это положил в разрешение возражения. Иной мог сказать: «кто же другой проповедовал прежде Христа, и кому не покорившиеся осуждены»? Подобно апостолу Павлу (Рим. 2, 15), он мог бы указать на врожденные нам разумные силы: ибо те, которые созданы способными различать добро и зло, и несмотря на то не творили добра, достойны осуждения. Но он не указывает на это. Почему? Потому, что это понятно для ума высшего и рассуждения более любознательного, чем ум иудеев, привязанный к земле. Апостол подтверждает непокорность из писания, и не со времен пророков, но почти от самого сотворения мира. Отсюда он представил, что спасение проповедовалось людям от начала, но они по склонности своей к суете пренебрегали им, и в то время, как людей было бесчисленное множество, только восемь душ покорились проповеди и спаслись в устроенном ковчеге. Так как спасение было в воде, то он кстати относит это к святому крещению и говорит, что вода эта указывала на наше крещение, ибо и оно погубляет непокорных бесов, и спасает с верою приходящих в ковчег, т. е. в Церковь, и как вода смывает нечистоту, так и крещение, только оно производит отложение нечистоты не плотской, а при посредстве внешнего знака производит омытие скверны душевной. Оно есть как бы залог и вручение доброй совести пред Богом.

21 Егоже воображение ныне и нас спасает крещение, не плотския отложение скверны, но совести благи вопрошение у Бога, воскресением Иисус Христовым, 22 иже есть одесную Бога, возшед на небо.

Связь такая: так и нас спасает ныне подобное сему образу крещение, не плотской нечистоты омытие, но вопрошение или выпрашивание доброй совести пред Богом. Ибо сознающие за собою доброе, т. е. привязанные к жизни непорочной, они-то и прибегают ко святому крещению. Что же делает крещение спасительным? Воскресение Христово. Ибо прежде страданий и воскресения своего Христос объявил: «если кто не родится от воды и духа» и так. дал. (Иоан. 3, 5), а по воскресении заповедал крестить все приходящие народы во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матф. 28, 19). *Покоршымся ему ангелом и властем и силам.* Кому это ему? Принятому Им в единение с Собою человеку.

ГЛАВА 4

1 Христу убо пострадавшу за ны плотию, и вы в ту же мысль вооружитесь.

В ту же мысль вместо: по тому же стремлению, по той же цели. Ибо недостает предлога ката, потому что сказано с опущением. Рассказав о домостроительстве спасения, о сошествии Господа во ад, и о том, для чего Он сходил туда, именно — для спасения содержимых во аде, апостол находит в смерти Господа иной повод к увещанию к добродетели. Если Христос умер за нас плотию (ибо, без сомнения, не бессмертным и божеским своим естеством), то и мы, в отплату Ему, должны для него умереть греху, не вдаваться более в человеческие похоти, но остальное во плоти время жить по одной воле Божией.

Зане пострадавый плотию, преста от греха, 2 во еже не ктому человеческим похотем, но воли Божией прочее во плоти жити время.

Пострадавый вместо: умерший. Петр говорит подобно Павлу: «если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем» (2 Тим. 2, 11), и: «будем мертвыми для греха, живыми же для Бога» (Рим. 6, 11).

3 Довлеет бо вам мимошедшее время жития, волю языческую творившим, хождшым в нечистотах, в похотех, в скотоложстве, в помыслех, в пьянстве, в козлогласованиях, в лихоимании, и богомерзских идолослужениях.

Апостол как бы так говорит: ужели вы не насытились, проведши столько времени в житейских удовольствиях? Разве вы жили не в такой нечистоте, в какой и язычники? И за тем поименовывает некоторые виды нечистоты.

4 О немже чуждаются (ξενίζονται) не сходящимся вам, в тоже блуда разлиание, хуляще.

О немже поставлено вместо *почему*, подобно как и выше (3, 19) в словах: *о немже и сущим в темнице духовом.* *Чуждаются* поставлено вместо *дивятся*. Смысл речи такой: однажды навсегда отказавшись от языческого образа жизни, который вы проводили некогда, ныне вы должны держаться избранной вами жизни честной. Тогда и сами язычники будут

удивляться вам, что вы не участвуете с ними в том же нечестии. Посему, после удивления вашей перемене и недоумении, они не только посрамятся, но и станут злословить; ибо благочестие для грешника отвратительно. Но они не останутся безнаказанными за такое злословие, а дадут ответ Судии всех, который для этого самого и сидит непреложно и твердо. Ибо это означает здесь слово *готовый* (ст. 5), подобно как и в словах: «уготовляющий горы силою своею» (Псал. 64, 7), и: «готов престол твой» (Псал. 92, 2). Итак, насмехающиеся над вами дадут ответ Судящему живых и мертвых непреложно и твердо. А как Судия есть судия живых и мертвых, об этом пишет апостол далее.

5 Иже воздадут слово готову существу судити живым и мертвым.

Связь такая: эти, злословящие вас, дадут ответ Судящему всех живых и мертвых. Судятся и мертвые. Это видно из сошествия Господа во ад. Ибо, явившись туда после крестной смерти, Он проповедал и там, как на земле, проповедал не словом, а делом. И как пребывание Его в мире для тех, которые с готовностью признали Его, послужило в оправдание, а для тех, которые не признали Его, в осуждение: так и из содержимых во аде, тем, которые жили по плоти, Он явился на осуждение, а тем, которые жили по духу, т. е. вели жизнь духовную и добродетельную, на славу и спасение. Посему и справедливо называется Судиею живых и мертвых. Иначе объясняет св. Кирилл. Мертвыми здесь он называет тех между язычниками, которые умертвили себя исчисленными (в 3 ст.) грехами, о которых и молит апостол, чтобы они обратились и отдали неукоризненный ответ готовому судить живых и мертвых. Живыми и мертвыми называет также праведных и грешных, которым Бог Слово, явившись во плоти, благовествовал царство небесное. Те грешники, которые приняли Его заповеди, сами, как люди, судят себя плотию, т. е. осуждают в настоящей человеческой жизни плоть свою на посты, повержения на землю, слезы и прочие злострадания, чтобы жить по Богу духом, одушевляясь в этом случае изречением апостола: «если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4, 16).

6 На се бо и мертвым благовестися.

Некоторые из древних отцов слова: *мертвым благовестися* объясняли как особый отдел, нисколько не обращая внимания на связь их с предыдущею речью, — на то, что представляемое в причину нужно относить к тому, что предшествует. Ибо слова эти должно понимать как причину. Но они, как сказано, объясняли их отдельно, именно так: мертвыми, говорили они, божественное Писание называет людей двоякого рода: или тех, которые умерли во грехах, которые и не знали жизни никогда, или тех, которые сообразовались с смертию Христовою и умерли для мира сего, т. е. для мирских похотей, а живут для одного только Христа, как и Павел говорит: «а что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия» (Гал. 2, 20). Итак, говорят, те, которые умерли таким образом для Христа, плотию сами осуждают себя в прежней беспечной и рассеянной жизни, а живут они духом, т. е. жизнью по примеру Христа. Ибо осуждение прежнего поведения делает их более благодущными и заботливыми относительно настоящего. Так они объясняют. Иной может и одобрить такое объяснение, но изречение еще не совершенно выяснено. Так как выше сказано о находящихся во аде, что Он проповедал и находящимся в темнице духам (3, 19), то туда и нужно относить настоящее изречение, выраженное в качестве причины, а не смотреть на него, как на новое изречение. Посему мы говорим: так как перед этим апостол сказал: *готову существу судити живым и мертвым*, а на это могли возразить, где же судятся живые, и где

мертвые, то он и подтверждает это сказанным выше, тем, что Он и находящимся в темнице духам проповедал, и что проповедь эта была в суде, т. е. в осуждение. Одни, те, которые сознавали свою жизнь доброю, когда явилась туда Благость, тотчас соединились с Нею; а те, которые злы, от этого самого наполнились стыдом, и приняли себе осуждение. Вот что значит: *Судия мертвых*. *Судия живых*: когда Господь пришел в тленную жизнь сию, то люди нашли в пришествии Его осуждение себе. Одни, добрые, с усердием приняли Его учение, а другие, злые, отказались от истины и сами сомкнули себе глаза от нее. Почему и сказано: «на суд, т. е. на осуждение, пришел Я в мир сей» (Иоан. 9, 39). Так Христос есть Судия живых и мертвых! *Да суд убо примут по человеку плотию, поживут же по Бозе духом. Да суд примут плотию*. Полная мысль такая: когда Господь посетил находящихся во аде, то одни, которые в мире сем жили по плоти, осуждены, а другие, которые жили духовно, или воскресли вместе с Господом, ибо многие тела усопших святых восстали (Матф. 27, 52), или оживились доброю надеждою. Слова *примут, поживут*, употреблены не в своих временах, в будущем вместо прошедшего — *ожили, осуждены*: каковое употребление времен обычно в священном Писании. *Всем же кончина приблизится*, т. е. и тем, которые оправданы при жизни, и тем, которые оправданы во аде. Ибо во второе пришествие (Господа) каждому воздастся должное вполне. Если кто-нибудь станет отвергать проповедь Господа во аде, говоря, что находящимся во аде, умершим, никакой нет пользы от нее, по сказанному: *во аде кто исповестся Тебе* (Псал. 6, 6)?; то таковой грубо понимает проповедь, бывшую во аде, и под исповеданием понимает не похвалу Богу, а исповедь, не понимая изречения: «не мертвым хвалить Тебя, Господи» (Псал. 113, 25). Смысл слов: *во аде кто исповестся Тебе?* такой. Исповедание означает благодарение Богу за избавление от каких-нибудь зол. А как настоящею жизнью совершение всех дел заканчивается (ибо все умрет без деятельности), то справедливо сказано: *во аде кто исповестся Тебе*, потому что никто не совершит ничего такого, за что бы быть освобождену и благодарить.

7 Всем же кончина приблизится, уцеломудритесь убо и трезвитесь в молитвах.

8 Прежде же всех друг ко другу любовь прилежну имейте, зане любовь покрывает множество грехов. 9 Страннолюбцы друг ко другу без роптаний.

Кончина — то же, что исполнение, совершение. *Всем*, говорит, *кончина приблизится*, а кончина эта в истинном смысле есть Христос. Ибо Он есть совершенство всего, а не то, что напрасно почитают концом всего язычники, когда говорят одни, напр. Эпикур, что конец всего — удовольствие, другие — знание или созерцание, иные — добродетель. И как совершенство всего, Христос, пришло, и вы сообразуетесь с этим совершенством, то пусть не оказывается в вас самих недостатка ни в чем, ни в целомудрии, ни в трезвости, ни в бодрствовании на молитве (ибо молитва свойственна бодрствующим), ни в любви друг ко другу. Апостол Павел назвал любовь исполнением закона (Рим. 13, 10), а Петр называет ее могущею покрывать грехи: это потому, что милость к ближнему делает милостивым к нам Бога. Сказав о любви, прибавляет и то, что в тесной связи с любовью *страннолюбие*, которое повелевает совершать без ропота, и тем, кои обилуют всяким даром, повелевает делиться с братом не имущим, например, имеющий учительское слово (ибо на это указывает *яко словеса Божия*: ст. 11) пусть преподает оное нуждающемуся в нем; имеющий обилие яств пусть подает не имеющему оных, подает без скупости, но сколько позволяет сила дарования Божия. К этому, говорит, я убеждаю вас для того, чтобы Бог прославлялся во всех, будут ли то язычники или близкие ваши.

10 Кийждо якоже прият дарование, между себе сим служаще, яко добрии строителие, различныя благодати Божия. 11 Аще кто глаголет, яко словеса Божия: аще кто служит, яко от крепости, юже подает Бог: да о всем славится Бог Иисус Христом, емуже есть слава и держава во веки веков, аминь.

Не делать должного употребления из того, что принадлежит нам и чему мы господа, есть дело крайне несправедливое. Ибо не тот только должен делиться с не имеющим, кто имеет деньги, но и тот, кто имеет и прочие естественные дары; ибо сам тот, кто не имел их, получил их от Бога для того, чтобы делился с не имеющим.

12 Возлюбленнии, не чуждайтесь (*ξενίζεσθε*) еже в вас раждежению, ко искушению вам бываему, яко чужду вам случающуся. 13 Но понеже приобщаетеся Христовым страstem, радуйтесь, яко да и в явление славы его возрадуетеся веселящеся.

Это приноровил апостол к сказанному пред сим. Он замечал, что некоторые соблазняются постигающими их скорбями, так как в законе обещается работающим Господу невозмутимая жизнь (Рим. 2, 10); и хотя выше, когда давал правила слугам, кратко утешал подобным образом, но теперь дает простор речи, и говорит: *возлюбленные!* Самым наименованием сим тотчас показывает, что скорби бывают с ними не потому, что Бог ненавидит их, но потому, что очень любит их. Не *чуждайтесь* — то же, что — не удивляйтесь. Потом, скорби назвал *раждежением* (обжиганием) и тем показал, что они ниспосылаются на них для испытания. А испытание делает испытуемый предмет весьма ценным, подобно как золото и серебро. К этому прибавил нечто, блаженнейшее всего, именно, что претерпевающие это подобны своему учителю Христу, и ныне терпят вместе с Ним бесчестие, для того, чтобы вместе с Ним же прославиться в будущем веке. Этим оканчиваются все стремления.

14 Аще укоряеми бываете о имени Христове, блажени есте, яко славы, и Божий Дух на вас почивает, так как вы называетесь христианами: онеми убо хулятся, а вами прославляется. 15 Да не кто убо от вас постраждет яко убийца, или яко тать, или яко злодей.

При словах *онеми убо хулятся* нужно подразумевать *Он*, т. е. Дух Божий. Нечестивыми Он хулятся, а вами прославляется. Почему? Потому что, когда обвинение их на вас окажется ложным, их постигнет стыд, а вам будет слава.

Или яко чуждопосетитель: 16 аще ли же яко христианин, да не стыдится, да прославляет же Бога в части сей.

Чуждопосетитель — тот, кто излишне любопытствует о чужих делах, чтобы иметь повод к злословию. Но такое занятие свойственно душе нечистой, злодейственной и готовой на всякое зло.

17 Яко время начати суд от дому Божия: аще же прежде от вас, кая кончина противящимся Божию евангелию? 18 и аще праведник едва спасется, нечестивый и грешный где явится?

Судом называет здесь апостол не осуждение, но исследование, разыскание. Наводит на них страх, чтобы отклонить их от жизни рассеянной. Почему и прибавляет: если прежде

исследуется ваша жизнь, то какой конец будет непокорным? Начинается суд прежде с дому Божия. Ибо, по словам Василия Великого, мы естественно негодуем на домашних своих, когда они провинятся пред нами. А Богу свои суть не кто иные, как верные, наполняющие дом Его, т. е. Церковь. Посему и Спаситель говорил: «прежде скажет тем, которые по правую руку Его» (Матф. 25, 34). Судом или исследованием называет здесь скорби, причиняемые верным от нечестивых, о наступлении коих предвозвещал Господь, говоря: «будут отдавать вас в судилища» и проч. (Матф, 10, 17). Потом, как бы в утешение их, говорит: если вас, так близких к Нему, не щадит; то представьте себе, какой конец будет нечестивым? и подтверждает это местом из Писания: «если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится» (Притч. 11, 31)? Смысл речи такой: если праведник получает спасение с трудом и напряжением (ибо царствие небесное силою берется, и если кто получает оное, то со многими скорбями: Матф. 11, 12. Деян. 14, 22), то какую долю получают проводящие жизнь в неге и наслаждениях, — нужно подразумевать — нечестивые, в будущем веке? Посему и мы, страждущие по воле Божией, не должны унывать, но должны предавать Ему души свои, как верному Создателю, делая добро.

19 Темже и страждущии во воле Божией, яко верну зиждителю, да предадут души своя во благотворении. По воле Божией.

Словом *воля Божия* апостол показывает или то, что страдания наши бывают не без промысла Божия, но посылаются от него на нас в качестве испытания, или то, что, страдая за волю Его, мы Ему же должны предоставлять и окончание страданий. Ибо Он верен и неложен в обещаниях своих, и не попустит нам быть искушаемыми сверх сил (1 Кор. 10, 13). Как же должно предавать самого себя Богу? *Во благотворении*, говорит. Что же значит это? Значит: полагаться на Бога со смиренномудрием, не придавать много цены своим страданиям, но чем более кто страдает, тем более должен почитать себя непотребным, говоря ко Господу: «Ты праведен во всем, что сделал нам» (Дан. 3, 27). *Нечестивый* и *грешный* разнятся между собою тем, что нечестивый вовсе не признает Бога, а грешный, имея веру в Бога, презирает закон Его. Впрочем и один и тот же человек может быть нечестивым и грешным. Ибо, совершая беззаконие, он, без сомнения, нечестует, не помышляя, во время греха, о бытии Божиим (Псал. 9, 25).

ГЛАВА 5

1 Старцы иже в вас молю, яко старец сый и свидетель Христовым страстем, иже и хотящей славе явится общник: 2 Пасите еже в вас стадо Божие, посещающе не нуждею, но волею, и по Бозе: ниже неправедными прибытки, но усердно: 3 Ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду. 4 И явльшуся пастыреначалнику, примете неувядаемый славы венец. 5 Также юнии повинитесь старцем.

Апостолу предлежало говорить о смиренномудрии, о котором он уже и упомянул, сказав: *во благотворении* (4, 19). Он называет себя старцем (*пресвитером*) или по возрасту, или по достоинству епископа; ибо и книга Деяний (20, 17) называет пресвитерами (старцами) и епископов. Потом, желая показать, что он преимуществует пред ними и что называет себя сопресвитером по смиренномудрию, выставляет свое достоинство, именно то, что он *свидетель страданий Христовых*. Он говорит как бы так: если я, изъяснивший вам такие видения, не нахожу низким называть себя сопресвитером, то и вам несправедливо

возноситься над подчиненными своими. Также о смиренномудрии и Господь говорит: «если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам» (Иоан. 13, 14). Апостол прибавляет, что он *соучастник в славе*, которая должна открыться, для того, чтобы представить преимущество смиренномудрия, подобно как и Павел говорит: «когда явится Христос, тогда и мы явимся» (Кол. 3, 4). *Не нуждею пасет* тот, кто в самом себе предлагает своим пасомым пример доброй деятельности, и тем побуждает их друг пред другом соревновать учителю. *Не неправедными прибытки* пасет тот, кто не выступает вперед с гордостью и не высится над подчиненными, но живет нероскошно, или кто не домогается драгоценных одежд и роскошных яств, которые производят гордость и служат поводом к гнусной корысти. *Причтом* (жребием) называет священное собрание. Прибавление: *образи бывайте стаду* означает то же, что пасите непринужденно. В словах *и явльшуся пастыреначалнику союз и* поставлен вместо: *дабы*, т. е. чтобы, когда явится Пастыреначальник, вам получить венец нетления.

Все же друг другу повинующеся, смиренномудрие стяжите: зане Бог гордым противится, смиренным же дает благодать.

Стяжите значит: опояштесь, оденьтесь, или наложите на себя, окружите себя со всех сторон.

6 Смиритеся убо под крепкую руку Божию, да вы вознесет во время: 7 Всю печаль вашу возвергше нань, яко той печется о вас.

Апостол говорит *о времени своем*, как и Давид говорит: которое (древо) приносит плод свой *в свое время* (Псал. 1, 3); словом *во время* намекается на возвышение в будущем веке, каковое возвышение, и оно только одно, неизменно и прочно. Ибо здешнее возвышение не безопасно и не твердо, но скорее унижается, нежели возвышается. А что смирение возвышает, об этом сам Господь говорит: «всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лук. 14, 11), и: «кто из вас хочет быть первым, будь из всех последним» (Мар. 9, 35). Словом *во время* апостол указал на то, что возвышение от смирения обещается в будущем веке. Ибо время неизменчивых (благ) — в будущем веке. Потом, чтобы удалить страх, бывающий при смирении, говорит: не бойся, но всю заботу свою возложи на Господа, ибо Он печется, т. е. заботится обо всем этом.

8 Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити. 9 Емуже противитесь тверди верою.

На тех, которые привыкли спать душевно (а это значит быть поглощенными суетою) и чрез то обременяют трезвость души, нападает лукавый зверь отчаяния. Предостерегая от сего, ученик Христов убеждает всегда бодрствовать и беречься сеятеля плевелов, чтобы, когда мы спим, т. е. ведем жизнь беспечную и ленивую, он тайно не насеял лукавых помыслов и не отвлек от истинной жизни, Потому что он, говорит, непрестанно обходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить. Святой Иустин мученик причину такого неослабного и заботливого коварства и наветов со стороны диавола полагает в том, что диавол до пришествия Господня ясно не знал, сколь сильно его наказание, так как божественные пророки выражались об этом загадочно (так Исаия всю печальную историю и судьбу диавола прикровенно изобразил в лице ассириянина: Иса. 18, 4-27), а когда с пришествием Господа диавол ясно узнал, что ему и ангелам его предлежит и уготован вечный огонь (Матф. 25, 41), с тех пор он непрестанно строит верующим ковы, желая многих сделать общниками своего

отступления, чтобы не одному терпеть беславие осуждения, и в этом находить холодное и злобное утешение ^[62]. *Ведущее, яко теже страсти случаются вашему братству, еже в мире.* Вероятно, много скорбей за Христа претерпевали те, которым писал это апостол Петр; потому-то он и утешает их в начале и в конце послания, — там тем, что они становятся общниками в страданиях Господа и наследниками имеющей открыться славы, а здесь тем, что страдают не они только одни, но и все верующие, живущие в мире.

10 Бог же всякия благодати, призваый вас в вечную свою славу о Христе Иисусе, мало пострадавшыя, той да совершит вы, да утвердит, да укрепит, да оснует. 11 Тому слава и держава, во веки веков, аминь.

И в начале послания (1, 2, 3) апостол сказал, что Отец помиловал нас чрез Сына, и теперь, в конце оногo, учит, что тот же Отец призвал нас чрез Сына. Ибо в том и цель их (апостолов), чтобы проповедывать таинство, хотя бы они делали это вместе с увещанием.

12 Силуаном вам верным братом яко непщую, в мале написах, моля и засвидетелствуя сей быти истинней благодати Божией, в нейже стоите. 13 Целует вы яже в Вавилоне соизбранная, и Марко сын мой. 14 Целуйте друг друга лобзанием любви. Мир вам всем о Христе Иисусе, аминь.

Этот Силуан превосходно верует и усердно подвизается в деле проповеди. О нем инде и Павел упоминает, и вместе с Тимофеем называет, в посланиях, сотрудником; так он пишет: «Павел и Силуан и Тимофей» (1 Сол. 1, 1). *Вавилоном* называет Рим по причине его знатности, которою и Вавилон пользовался долгое время. *Избранною* называет Церковь Божию, составившуюся в Риме. Марком называет евангелиста, именуя его и сыном по Духу, а не по плоти. Ему-то он и повелел написать евангелие. Тогда как Павел пишет (Рим. 16, 16. 1 Кор. 16, 20), чтобы верующие приветствовали друг друга *целованием святым*, Петр говорит: *приветствуйте целованием любви*. Но у обоих мысль одна и та же. Павел знает, что любовь о Господе больше всех добродетелей, даже мученичества за Христа, и потому целованием святым называет то, которое дается в Боге. И Петр, когда говорит о целовании любви, понимает: истинной любви. Посему и прибавляет: *мир вам всем во Христе Иисусе*. Говорит не о обычном, человеческом мире, но желает им получить тот мир, которого удостоил их Христос, отходя на страдания и говоря: «мир оставляю вам», и замечая о различии: «не так, как мир дает» (Иоан. 14, 27). Ибо должно хранить мир не по пристрастию, но потому, что вы связаны любовью, так что должно переносить удары от соперников. Ученики Господа везде, в конце посланий, прилагают молитву как бы печать, и тем показывают искреннюю свою святость. Некоторые из бывших прежде нас думали, что сей Марк, о котором говорит божественный Петр, был сыном его и по плоти. Догадку эту они основывали на том, что в Деяниях апостольских Лука говорит, что после того, как ангел Божий чудесно освободил апостола Петра из темницы, в которую он посажен был Иродом, и перестал руководить его, он, апостол Петр, пришел к дому матери Иоанна, называемого Марком (Деян. 12, 12). Они полагали, что он пришел к собственному дому и к законной своей супруге.

Первое соборное послание апостола Петра написано из Рима.

ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ СВ. АЛ. ПЕТРА

Содержание второго послания св. ап. Петра.

И это послание пишет апостол Петр к тем, которые уже уверовали. Оно есть напоминание о том, что прежде писано. Зная, что скоро разрешится от тела, апостол старался всем напоминать то учение, которым они были оглашены. И, во-первых, говорит о вере, показывая, что она возвещена пророками, и что пророчества, относящиеся до Спасителя, изрекаемы были не человеками, но Богом. Потом, убеждает не внимать оболъстителям, говоря, что они погибнут, как случилось это и с согрешившими ангелами. Предсказывает, что придет время, когда ругатели будут обходить всюду и стараться оболъстить некоторых, говоря, что мы напрасно проповедуем (второе) пришествие Спасителя, потому что всегда говорим об этом, а Он все еще не пришел. Таковых в особенности заповедует удаляться, и учит не унывать по случаю медлительности; ибо все время пред Господом ничто, потому что у Него один день как тысяча лет и тысяча лет как один день (Пс. 89, 5). Впрочем утверждает и доказывает, что день Господень придет скоро, и заповедует всем быть готовыми к оному добрыми делами и любить писания апостола Павла, а не внимать тем, которые превращают оные, потому что извращают и все божественные Писания. Напомнив это и научив всех заботиться о своих делах, убеждает не отпадать от цели веры, и таким образом оканчивает послание.

Оглавление второго послания св. ап. Петра.

О призвании в веру, утверждаемом делами добродетели, и о надежде будущих благ. Увещание помнить учение после смерти его и о том, что он на горе Фаворе слышал глас Божий о Христе. Предсказание о том, что явятся еретики оболъстители, об их нечестии и будущем наказании. Повторение о злобе еретиков; здесь же о том, что Христос внезапно придет при кончине века сего и что посему должно украшать себя всякою добродетелию.

ГЛАВА 1

1 Симон Петр, раб и посланник Иисус Христов, равночестную с нами получившим веру в правде Бога нашего и Спаса Иисуса Христа.

Симон есть сокращенное имя Симеона, как и Митр — Митродора, Мина — Минодора, Февда — Феодосия. С самого начала апостол пробуждает помыслы и души верующих, побуждая их стараться в деле проповеди равняться апостолам. Ибо тогда, как все получили равно драгоценную благодать, несправедливо было бы иметь недостаток в чем-нибудь таком, в чем все оказались равными. Апостол постоянно желает верующим мира, который дал им Христос по воскресении своем из мертвых и при отхождении к Отцу, взывая: «мир вам» (Иоан. 20, 19. 21. 26. Лук. 24, 36). И в церкви мы молим Господа, чтобы дал нам «ангела мирна», и священник от святого жертвенника подает народу «мир»; потому что мир есть мать всяких благ. Поэтому и Господь заповедал ученикам своим, чтобы они при входе в дома прежде всего подавали мир (Мф. 10, 12. Лук. 10, 5).

2 Благодать вам и мир да умножится в познании Бога, и Христа Иисуса Господа

нашего.

Связь такая: вам, которые в познании Бога и Христа Иисуса, Господа нашего, приняли с нами равно драгоценную веру, по правде Бога нашего, благодать и мир да умножатся.

3 Яко вся нам божественныя силы его, яже к животу и благочестию, подана разумом призвавшего нас славою и добродетелию. 4 Имиже честная нам и великая обетования даровашася.

Связь такая: да умножатся вам благодать и мир, так как все, потребное для жизни и благочестия, в познании Бога и Господа нашего Иисуса, Его божественною силою, этою благодатию, даровано вам для познания славы и добродетели, за которые дарованы величайшие обетования, дабы вы, удалясь от мирского растления, совершающегося чрез похоть, сделались причастниками Божеского естества. Иначе. Изложение растянуто, но мысль такая: силою Христовою получив бесчисленные блага, мы можем и сделаться причастниками Божеского естества и достигнуть жизни и благочестия; посему должны жить так, чтобы к вере присовокупить добродетель и чрез добродетель преуспевать в благочестии, доколе достигнем совершеннейшего блага, которое есть любовь. Причастниками же Божеского естества мы сделались чрез явление Господа и Бога, который начаток нашего естества соединил в самом Себе и чрез восприятие освятил; если же начаток свят, то и целое свято. Следствие мирской похоти называет *растлением* потому, что она слагается и вращается около предметов растленных.

Да сих ради будете божественнаго причастницы естества, отбегше яже в мире похотныя тли.

Связь такая: чтобы вы, освободившись от мирского растления, совершающегося в плотской похоти, сделались причастниками Божеского естества; ибо *отбегше* значит то же, что «освободившись».

5 И в самое же сие, тщание все привнесше, подадите в вере вашей добродетель, в добродетели же разум, 6 в разуме же воздержание, в воздержании же терпение, в терпении же благочестие, 7 во благочестии же братолюбие, в братолюбии же любовь.

Показывает степени преуспеяния. На первом месте *вера*, так как она есть основание и опора добра. На втором месте *добродетель*, т. е. дела, ибо без них, как говорит апостол Иаков (2, 26), вера мертва. Далее *разум*. Какой же разум? Знание сокровенных тайн Божиих, которое доступно не для всякого, но для того только, кто постоянно упражняется в добрых делах. За сим *воздержание*. Ибо и оно нужно достигшему до означенной меры, чтобы не возгордился величием дара. А как при кратковременном воздержании нельзя упрочить за собою дар (ибо страсти, несмотря на сдерживающую их свободу, всегда любят стремиться к худшему), то должно привзойти терпение. Оно произведет все, и *благочестие* умиротворит, и упование на Бога усовершит. К благочестию присоединится *братолюбие*, а к всему этому *любовь*, которую апостол Павел почитает полнотою всех благ (Кол. 3, 14) и которая такова есть на самом деле. Ибо любовь явила силу свою и над Сыном Божиим и над Отцом Его: Отца расположила отдать Возлюбленного своего (1 Иоан. 3, 16), а Сына пролить кровь свою за нас (Иоан. 3, 16).

8 Сия бо сущая в вас, и множащаяся, не праздных ниже бесплодных сотворят вы в Господа нашего Иисуса Христа познание.

Чтосия? Вера, добродетель, знание, воздержание, терпение, благочестие, братолюбие, любовь, которые должны не только быть, но и умножаться. Ибо если полезно приобретение их, то гораздо полезнее приумножение. Какая же польза от них? Та, что имеющий их безопасен во второе пришествие Господа. Ибо кто не имеет их, с тем последует слепота, когда Судия придет во славе и облистает как солнце; если же зрение и уцелеет как-нибудь, то оно не сможет безвредно смотреть на безмерный блеск, ибо чрезмерный блеск света обыкновенно потемняет слабый глаз, смотрящий на него.

9 Емуже бо несть сих, слеп есть, мжай, забвение приемь очищения древних своих грехов. 10 Темже паче, братие, потщитесь известно ваше звание и избрание творити.

Слеп есть, мжай (μωταζων) значит закрыл глаза. Выражение сие взято с мышей (μοιρι), которые под землю постоянно остаются в слепоте. Изречение апостола Петра подобно сказанному блаженным Иаковом, именно: «кто слушает слово, и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале» (Иак. 1, 23). Ибо узнав, что чрез очищение святым крещением он омыт от множества грехов, он должен знать, что вместе с очищением он получил и святость, должен бодрствовать, чтобы таким образом сохранить то освящение, без которого никто не увидит Господа; а он забыл. Посему, говорит, братия мои, более и более старайтесь показывать постоянным ваше звание и избрание, т. е. то огласительное учение, которое вы слышали при вашем избрании, и быть неукоризненными в звании, чтобы не быть вам осужденными в забвении дара Божия, но пребыть твердыми в вашем звании.

Сия бо творяще, не имате согрешити никогдаже. 11 Сице бо обилно приподастся вам вход в вечное царство Господа нашего и Спаса Иисуса Христа. 12 Сего ради не обленюся воспоминати присно вам о сих.

Сия творяще. Что же сия? Вышесказанное, именно: добродетель, знание и прочее. Примечай, как прежде апостол хотел и побудить страхом — пришествием Судии, а теперь убеждает обещанием благ — входом в вечное царство Божие.

Аще и ведите, и утверждени есте в настоящей истине. 13 Праведно бо мною, донележе есмь в сем телеси, возставляти вас воспоминанием: 14 ведый, яко скоро есть отложение телесе моего, якоже и Господь наш Иисус Христос сказа мне.

Чтобы при постоянном напоминании об одном и том же не подумали, будто их осуждают в праздности, и не опечалились, апостол прибавил: «хотя вы знаете и утверждены в настоящей истине». А в объяснение причины постоянного напоминания прибавил то, что он знает, что скоро последует разрешение его от тела сего.

15 Потщуся же и всегда имети вас по моем исходе, память о сих творити.

Некоторые понимают это с такою перестановкою слов: «буду стараться и после моего отшествия иметь вас всегда», т. е. каждодневно и непрерывно вспоминать, и отсюда выводят мысль, что святые и по смерти помнят остающихся здесь и молятся за живущих. Справедливость сего каждодневно усматривают те, которые призывают божественную

благодарить святых. Так понимают одни; но другие понимают иначе. Последние читают и понимают сей стих просто: буду стараться, чтобы вы и после моего отшествия всегда помнили это, т. е. мы непрерывно повторяем вам одно и то же для того, чтобы обратить вам это в привычку, чтобы вы чрез постоянное и неизменное усвоение сего избавились от обвинения в непослушании и незнании, но и после смерти моей завещание о сем хранили твердо и неизменно.

16 Не ухищренным бо баснем последовавше сказахом вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, но самовидцы бывше величества онаго.

Требую со стороны верующих строгого внимания к своему благовествованию и долго настаивая на этом, хотя они знают и не раз слышали, апостол говорит теперь: не напрасно я останавливаюсь на этом, но потому, что сознаю всю важность этого. Почему же? потому что, когда мы возвещали вам силу и пришествие Господа, мы не пользовались человеческою мудростию в отношении к вам, и не обольщали вашего слуха красноречием, как язычники и еретики. Ибо язычники обольщают красотой и поэмами, а еретики — вымыслами (вероятно, они уже начинали и тогда появляться). Ничего такого нельзя подозревать в нас. Ибо мы преподали вам учение словом необработанным, как и Павел говорит коринфянам (1 Кор. 2, 4. 13), и преподали то, что своими глазами видели, когда вместе с Ним восходили на святую гору. Апостол говорит о славе Единородного, которая явлена была апостолам в преображении, и о гласе Отца, который слышали они сошедшим на Господа с неба от Отца. А как мы из самых дел узнали предвозвещенное пророками, то по сему самому и почитаем пророчество их вернейшим. Ибо слова оправдались событиями. Поэтому и вы хорошо делаете, что внимаете пророчеству, т. е. предсказаниям пророков, хотя пророки в свое время говорили и не совсем ясно.

17 Приемь бо от Бога Отца честь и славу.

Причастие *приемь* поставлено вместо глагола в изъявительном наклонении: *принял*. Ибо далее нет глагола в изъявительном наклонении, соответствующего причастию, как требуется правилами словосочетания; и если *приемь* непременно удержать здесь в причастии, то речь будет погрешать против синтаксиса, между тем как если причастие *приемь* заменим изъявительным наклонением *принял*, речь будет последовательна: ибо Он принял славу от Бога Отца.

Гласу пришедшу к нему такову от велепных славы: сей есть Сын мой возлюбленный, о немже Аз благоизволих. 18 И сей глас мы слышахом с небесе сшедшь, с ним суще на горе святей.

Не потому, что есть какое-либо пророчество о сошедшем с неба гласе Отца, но потому, что из этого гласа Отца с неба, засвидетельствовавшего сыновство (Иисуса Христа), мы убедились, что все открытое чрез пророков непрерываемо относится к Тому, о ком свидетельствует Отец. А свидетельство Отца о сыновстве Господа нашего Иисуса Христа мы знаем троекратно: одно — при крещении (Матф. 3, 17), другое — пред страданиями, когда сказано: «и прославил, и еще прославлю» (Иоан. 12, 28), и третье — на горе (Матф. 17, 5).

19 И имамы известнейшее пророческое слово, емуже внимающе якоже светилу сияюще в темном месте, добре творите, дондеже день озарит, и денница возсияет в

сердцах ваших.

Внимая, говорит, сим сказаниям пророков, вы не обманетесь в своей надежде. Ибо в свое время они оправдаются самыми делами, которые и назвал апостол *днем*, продолжая переносную речь, ибо тут же сказал о светильнике, о темном месте, которое и есть ночь. Итак, когда, говорит, наступит *день*, т. е. явление событий, тогда в сердцах ваших взойдет *утренняя звезда*, т. е. пришествие Христово, предвозвещенное пророками, и как истинный свет осветит сердца ваши.

20 Сие прежде введуще, яко всяко пророчество книжное по своему сказанию не бывает. 21 Ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от святого Духа просвещаемы глаголаша святии Божии человецы.

Пророки понимали, что и о чем внушал им Дух пророческий, однако не так ясно и точно, как все в частности исполнилось. Посему и желали они видеть исполнение, как сказал Господь (Лук. 10, 24). Апостол объясняет, почему пророки не истолковывали своих изречений, и вместе показывает отличие истинного пророчества от бесовского и вымышленного, каковое принимается и у еретиков. *Всяко пророчество книжное по своему сказанию не бывает.* Это значит: пророки получают пророчество от Бога, но не как они хотят, а как действует Дух Божий; они сознавали и уразумевали ниспосылаемое им пророческое слово, но объяснения его не делали. Что пророки, во время действия на них Духа Божия, сознавали, что им ниспосылается слово от Духа Божьего, видно из того, что они подчинялись добровольно, и что хотели, то высказывали, а чего не хотели, о том умалчивали. У лжепророков не так. Они во время действия не владели сознанием, но приведенные в неистовство, как пьяные, не знали, что с ними происходило. Святые пророки, хотя знали, но не имели нужды изъяснять свои предсказания, как потому, что они служили другим, именно нам, так вместе и для того, чтобы пришествие Господа было сокрыто и не подвергалось наветам от нечестивых. Наветов оно могло бы избежать силою Господнею; но, вероятно, дело совершившегося вочеловечения показалось бы призрачным, если бы несколько раз такое избегание было способом необыкновенным. Что это истинно, видно из примера новозаветных пророков, которые пророчествовали и объясняли сами себя, хотя не все. Ибо ничего такого нельзя опасаться в новом завете. А что пророки прорицали не в исступлении, видно и из следующего. Пророки ветхого и нового завета пророчествовали одним Духом. А апостол Павел говорит: «если другому из сидящих будет откровение, то первый молчи» (1 Кор. 14, 30). Отселе ясно, что пророки добровольно пророчествовали, оставаясь в естественном состоянии. Посему, когда вставал другой вдохновенный, прежде говорившему повелевалось молчать, чего никто не найдет в беснующихся. Ибо как будет молчать тот, кто сам не знает, что делает? Что в пророках действует Дух Святой, об этом говорит тот же апостол Павел: «одному дается Духом слово мудрости, иному пророчество» (1 Кор. 12, 8. 10).

ГЛАВА 2

1 Быша же и лживии пророцы в людех, якоже и в вас будут лживии учителяе, иже внесут ереси погибели, и искупльшаго их Владыки отметающесе, приводяще себе скору погибель. 2 И мнози последствуют их нечистотам, ихже ради путь истинный похулится. 3 И в преумножении льстивых словес вас уловят.

Под лжеучителями апостол разумеет единомысленников Николая и Керинфа, а именем пророчества, обще придаваемого и пророкам и лжеучителям, предостерегает верующих, чтобы не внимали лжепророкам. Какое же различие между теми и другими, этому научил Павел, когда сказал, что никто не называет Иисуса Господом, как только Духом Святым (1 Кор. 12, 3). За сим начинает обличать ересь николаитов, говоря, что они вдвойне худы. Ибо в учении они крайне нечестивы, так как хулят Владыку Христа; в жизни они весьма порочны, что и теперь он выражает, упоминая об их *нечистотах*, а немного ниже объяснит еще более. Словом в *преумножении* (любостяжании) показывает, что они приобретают постыдным образом. Ибо любостяжание означает иногда несправедливость, а иногда вообще гнусность приобретения. Почему прилично употреблено слово *уловят*. Чтобы показать, что они совершенно чужды божественного учения, говорит, что они употребляют льстивые слова. Но, говорит, они получают должное за свое нечестие, именно смерть. Слово *искони* означает предведение Божие. Ибо Бог по предведению как добрым приготовил блага, так и злым свойственное им место. Ибо суд давно готов.

Ихже суд искони не коснит, и погибель их не дремлет.

Не без причины начинает апостол с верующих, более почтенных, но желает показать, что они за свои грехи повинны большему осуждению. Они имеют то преимущество, что первые призваны к апостольству. Посему и за соращение с правого пути подвергнутся большему осуждению. С намерением представив доказательство в примерах, не вывел следствия одного вида, но соединил вместе пример и воздаяния праведникам. И ему нужно было бы сделать заключение о том, что выше предложено, т. е. о грешниках, из-за которых и представлен пример, и сказать: если тех не пощадил, то ужели пощадит настоящих нечестивцев? или утвердительно: тем более не пощадит этих. Но апостол не так делает. Почему? Потому, что заключение само открывается, когда предложены два примера, добра и зла. Что идет к одному только злу, то не относится еще к добру. Ибо за добро не воздается злом. Итак, поелику не достаточно было одним заключением закончить предложение, то он употребил иное выражение, и восклицанием закончил нужное. Для чего же к примерам худых людей он присовокупляет примеры добрых? Об этом скажем в приличном месте. Как мы выше сказали, по форме ясной речи не вытекает мысль из предложений, ибо не прибавлено заключения, какое обыкновенно следует за подобным словосочинением, но просто доказывается примером, что за грехи бывает наказание, а за правду награда. Апостол как бы так говорит: Бог умеет неизбежно наказывать без пощады живущих во грехах, как наказал ангелов согрешивших, людей предпотопных, города содомские. Умеет награждать и делающих правду, как наградил Ноя, Лота. Ход речи такой: сказано, что лжеучители наказаны будут за хуления свои и за развратную жизнь; представляются примеры: Бог не пощадил ангелов согрешивших, не пощадил и первого мира. Потом упоминаются подвизавшиеся в правде, и говорится, что Бог и Ноя и Лота, за их целомудрие, сохранил от погибели современных им людей. Ибо Ной не увлекся нечестием людей предпотопных, и Лот нимало не подражал разврату жителей содомских, а когда они требовали на нечистоту ангелов, принятых им в виде людей как странников, он не выдал их, хотя и вытерпел весьма много обидного от наступавшей на него толпы. На это и указывается словом *обидима* (ст. 7).

4 Аще бо Бог аггелов согрешивших не пощаде, но пленицами мрака связав предаде на суд мучимых блюсти: 5 и перваго мира не пощаде, но осмаго Ноа правды проповедника сохрани, потоп миру нечествовавших наведе: 6 и грады

содомския и гоморрския сжег, разорением осуди, образ хотящим нечестивовати положив: 7 и праведнаго Лота обидима от беззаконных в нечистоте сожития избави: 8 видением бо и слухом праведный живой в них, день от дне душу праведну беззаконными делы мучаше. 9 Весть Господь благочестивыя от напасти избавляти, неправедники же на день судный мучимы блюсти.

О Лоте же говорится и это: знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, и проч. Выше апостол ничего не говорил о праведниках; он говорил только о нечестивцах и о наказании их, а о праведниках упомянул в примерах. Это для того, во-первых, чтобы вместе вспомнить историю и погибели нечестивых и спасения праведных; во-вторых для того, чтобы чрез сопоставление их выставить ужасную злобу грешников и светлые совершенства добродетельных; наконец для того, чтобы убедить своих слушателей возненавидеть нечестие одних по причине наказаний за оное и возлюбить добродетель других по причине ее спасительности.

10 Наипаче же вслед плотския похоти сквернения ходящия, и о господстве нерадящия.

Теперь от вышеприведенных примеров апостол искусно перешел к главному предмету. Он говорит о проклятых николаитах, наасянах и кердониянах; ибо злоба их многоименна и рассматривается слитно, как сходная по скверным делам и именам. Они представляли начатками бытия мира Бездну и Молчание и некоторые из этих начатков странно называли матерями и веками (αἰῶνας); отсюда же и Маркион взял дурные семена. За сим, отвергнув участие господства (Господа) в творении мира и промышленности, они бесстрашно вдалились во всякую плотскую нечистоту. Кто желает полнее узнать об этом, тот пусть возьмет в руки книгу Иринея кельтского, составленную о них и надписанную «против лжеименного знания»; в ней он найдет грехи их, особенно развратнейшего Марка и растленных им женщин, и прочие гнусности, совершенные прочими, которых, по их зловредности, никто не сможет изложить письменно, ни вспомнить. Не удивительно, что те, которые презирают и не боятся господства, бесстрашно поведут себя и пред всякою славою. Яснее скажет об этом блаженный апостол Иуда, где он упомянет и о теле Моисеевом. А Петр только намекнул на это, коснулся и кончил речь. Но получив от него повод, мы говорим и о подлежащем. *Продерзателе себе угодницы, славы не трепещут хуляще.* Должно подразумевать: которые суть. А славы не трепещут значит: презрительно относятся и не боятся хулить всякую славу.

11 Идеже ангели крепостию и силою болши суще, не терпят на ся от Господа укоризнен суд.

Желая удержать их от такой дерзости, говорит: тогда как и ангелы, превосходя их крепостию и силою, не произносят на них пред Господом укоризненного суда. Апостол, как мы заметили, говорит одно и то же с блаженным Иудою; ибо и он, удерживая дерзких на язык, убеждает их этим же самым примером. Впрочем, он говорит обширнее: «Михаил архангел», и далее: «не смел произнести укоризненного суда» (Иуд. 1, 9). Подобное хочет сказать теперь и Петр, что эти злобесные не имеют никакой пощады в хуле на славы, тогда как и ангелы, превосходящие этих скверных силою и крепостию, не приносят, т. е. не произносят против них, т. е. слав, укоризненного суда пред Господом. А как диавол причастен некоторой славы, потому что он начаток творения Господня (Иов. 40, 14), то (архангел) не

произнес на него укоризненного слова. Если же более достойный хулы, т. е. диавол, как причастный славе, не получил от Михаила хулы пред Господом; то весьма неразумны те, которые поспешно хулят славы, тогда как сами гораздо ниже достоинства ангелов. Под *славами* понимает божественные силы, или и церковные начальства, против которых они восстают и которые они непрестанно злословят.

12 Сии же, яко скоти животни естеством бывше в погибель и тлю, в нихже не разумеют хуляще, во истлении своем истлеют: 13 приемлюще мзду неправедну, сласть мяще вседневное насыщение.

Некоторые объясняли это так: они истребятся в растлении своем, как бессловесные животные, родившиеся естественно, т. е. нисколько не различаясь от скотов, которые рождаются на одно истребление. Как бессловесные животные *естеством*, т. е. живущие одною только чувственностью, а не умом и жизнью разумною. Посему они и удоболовимы для ведения по жизни растленной, водятся и увлекаются гневом и похотию, злословят то, чего не знают, т. е. с свойственным им незнанием, почему и истребятся в заслуженном ими растлении, получая возмездие за беззаконие, которое они сами приготовили себе добровольно: *Сласть мяще вседневное насыщение*, т. е. в каждодневном услаждении горла полагая истинную цель, истинное и любимое благоразумие и удовольствие. Однако должно знать, что божественное Писание, когда порицает то, что находится в людях по естеству, т. е. что присуще самым животным, уподобляет их бессловесным. Оно говорит, например: «человек, будучи в чести, не уразумел, приложился к скотам бессловесным и уподобился им» (Псал. 48, 13); также «не будьте конь и лошак» (Псал. 31, 9); еще: «сделались конями женонеистовыми» (Иер. 5, 8); и еще: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Матф. 10, 16). Писание говорит это, не переменяя природы, а только убеждая удерживаться от природных склонностей. Когда возвещает оно что-нибудь спасительное, то подобие заимствует от высшего, например: «будьте милосерды, как и Отец ваш небесный» (Лук. 6, 36). И здесь не претворяет природу, а только повелевает делать это, насколько станет силы.

Сквернителю и порочница, питающа лестями своими, ядуеще с вами, 14 очи имуще исполнь блудодеяния и непрестаемаго греха, прельщающе души неутверждены, сердце научено лихоимству имуще, клятвы чада: 15 оставльше правый путь, заблудиша, последовавше пути Валаама Восорова, иже мзду неправедну возлюби: 16 обличение же име своего беззакония: подъяремник безгласен, человеческим гласом провещавшь, возбрани пророка безумие.

Порядок такой: срамники и сквернителю; *сердце научено лихоимству имуще*, т. е. искусные в любострастии; сыны проклятия; пирующие вместе с вами; имеющие глаза, исполненные любострастия и непрестанного греха; они прельщают неутвержденные души, которые и Павел назвал женщинами, утопающими во грехах (2 Тим. 3, 6); они, оставив прямой путь, пошли путем Валаама, сына Восорова, и прочее; голоса их суть безводные источники, облака, гонимые бурей, и прочее. А за что предлежит им в будущем веке мрак? За чрезмерную их суетность, по которой они нечистотами и плотскими похотями прельщают бывших прежде в заблуждении и искренно оставивших оное возвратиться, как пес, на свою блевотину. Что вставлено, то объясняет и подтверждает их суетность. Смысл же такой: они, говорит, не имеют ничего, свойственного чистоте, но пристаю к чистому обществу, как пятна на чистой одежде. Когда обольстят кого-нибудь и успеют сделать попавшихся в их сети мужей

и жен нечистыми, почитают это дело наслаждением, дополняя свое развращение. Они, и пиршествуя с вами, делают это не по любви и общению с другими, но потому, что находят это время удобным для обольщения женщин. Ибо они, имея глаза, смотрят не на другое что, как только на любострастие, и непрестанно имея это в виду и греша, как сыны проклятия, прельщают неутвержденные души. Ибо сердце их не приучено ни к чему другому, как только к любострастиям, т. е. к разврату или к корысти, и чрез тот и другую оставив путь, могший привести их ко спасению, они заблудились от него и подверглись, тому же, чему и Валаам, сын Восоров, потому что и он по любви к подаркам возлюбил и награду неправедную. Но он был обличен в своем беззаконии. Бессловесная ослица, проговорив человеческим голосом, остановила безумие *пророка*. Отсюда научаемся, что Валаам, получив однажды запрещение от Бога идти к Валаку, снова побуждаем был к тому надменною своею страстию, которую он откармливал своим неистовым чародейством, но, обузданный страхом Божиим и страшными знаменьями, бывшими во время пути, не переменял слово благословения, которое было делом не чародейства. Ибо пророки с сознанием произносят свои вещания. Посему-то и апостол назвал его *пророком*, как сознававшего, что он говорил. Ибо, если бы он не сознавал своих слов, то не мог бы выбрать того, что лучше. Итак благословение его было делом не волхвования, но силы Божией.

17 Сии суть источники безводны, облацы и мглы от ветр преносими, имже мрак темный во веки блюдется. 18 Прегордая бо суеты вещающе, прельщают в скверны плотския похоти, отбегающих всячески от них живущих во льсти. 19 Свободу им обещавающе, сами раби суще тления: имже бо кто побежден бывает, сему и работен есть.

Вставивши многое в средину речи, между прочим пример Валаама, апостол опять начинает говорить о нечистых гностиках. Уподобляет их безводным источникам, потому что они утратили чистоту проповеди и сладкую воду жизни. Сравнивает их с облаками, гонимыми ветром, разумея ветр противный, почему и назвал его бурей, так как буря приводит гонимое ею в совершенный беспорядок. Они, говорит, облака не светлые, каковы святые, но темные, полные мрака. Приводит и причину сему, именно то, что они по суетности произносят речи надутые, привлекая плотскою похотию в разврат тех, которые совершенно избегли оно, или, если некогда и находились в заблуждении, то впоследствии покорили себя Господу. Сами, говорит, будучи рабами упомянутой нечистоты, которую по справедливости и назвал тлением, обещают обольщаемым свободу. А почему они иным обещают свободу, сами будучи рабами греха, приводит на это прекрасное доказательство: кто какую страстию побежден, тот и раб ее. Но это пространнее уяснится далее.

20 Аще бо отбегше скверн мира в разум Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, сими же паки сплетшесе побеждаеми бывают, быша им последняя горша первых. 21 Лучше бо бе им не познати пути правды, нежели познавшим возвратитися вспять от преданья им святых заповеди, 22 Случися бо им истинная притча: пес возвращається на свою блевотину: и, свиния омывшись, в кал тинный.

Сими словами подтверждает два предмета: во-первых, то, что побежденный по необходимости работает своему победителю, и, во-вторых, то, что познавшие истину, но опять придерживающиеся прежнего нечестия, впадают в зло, худшее прежнего. Присовокупляет и притчу, подтверждающую то же (Притч. 26, 11). Смысл речи такой: если

те, которые чрез познание Господа и Спасителя Иисуса Христа избегли скверн мира, опять запутываются в них и побеждаются ими: то они, без сомнения, и поработаются ими, и положение их становится хуже, чем было до познания о рабстве, ибо сатана усиленно старается, чтобы они впали в большее зло. Посему-то апостол и говорит, что при такой будущности для тех, которые добровольно возвращаются на зло, лучше было бы им не познавать (правды), нежели, познав, впадать в большее зло. Потому что и пес, возвращающийся на свою блевотину, бывает еще отвратительнее, подобно как и свинья, ищущая омыться от грязи, если делает это в грязи же, оказывается еще грязнее прежнего.

ГЛАВА 3

1 Сие уже, возлюбленнии, второе вам пишу послание, в нихже возбуждаю воспоминанием ваш чистый смысл: 2 помянути прежде реченныя глаголы от святых пророк, и апостол ваших заповедь Господа и Спаса.

Отсюда узнаем, что посланий апостола Петра всего два. *В нихже возбуждаю* значит: в этих посланиях или этими посланиями я возбуждаю ваш чистый смысл. Ибо чистому смыслу свойственно помнить, что выслушано или заповедано спасительного, и возбуждаться к исполнению сего на деле со всею силою и усердием. А заповедано это чрез проповедь пророков и апостолов. Посему и Павел говорит: «быв назданы на основании апостолов и пророков» (Ефес. 2, 20). Ибо все они возвещали о пришествии Господа. И нельзя не верить столь многим свидетелям. Почему же говорю о пророках и апостолах? Потому, что они возвещали и о первом и о втором пришествии самого Господа и Спасителя нашего. Порядок речи такой: чтобы вы помнили слова, прежде реченные (уло) святыми пророками, заповедь (уло) апостолов своих, по (уло) заповеди Господа и спасителя. Ибо предлог «от» относится обще ко всем. Почему же заповедует оживлять память о сем? Потому, присовокупляет, что страстно живущие по своим похотям, — видя, что некоторые страшатся пришествия Господня, о котором вместе с иными богоносцами предвозвестил и сам Господь, и посему гнушаются нечистою жизнью их, и особенно потому, что за предсказанием не тотчас следует событие, но для спасения вписанных в книге спасаемых допущен промежуток, — бесстыдно нападают на верующих и насмеваются над ними.

3 Сие прежде ведяще, яко приидут в последния дни ругателе, по своих похотех ходяще, 4 и глаголюще: где есть обетование пришествия его? отнележе бо отцы успоша, вся тако пребывают от начала создания. 5 Таится бо им сие хотящим.

Из-за того, что для спасения многих, написанных в книге живых, не наступает вслед за словами самое пришествие Господа, наглые люди нападают на верных с насмешками и говорят: где обетование пришествия Его? Но из-за того, что не исполнилось еще, по вышеупомянутой причине, одно обетование, несправедливо не верить и прочим спасительным заповедям Господа, как желают и домогаются люди злонамеренные. Так пустословили гностики того времени, именно: наасыне и лампетиане и евхиты. Все они, говорит, не знают; ибо добровольно смежают глаза свои перед истиною. Чего же не знают они? Того, что небеса, по миробытию Моисея, были из воды, — ибо, по словам его (Быт. 1, 6), сам Бог повелел быть тверди посреде воды, — равно и земля по повелению Его явилась из вод же, в которых прежде была погружена, что поелику небо и земля состоят из вод, то неожиданно настал потоп, и что как во время потопа последовало разрушение чрез воду, так

и теперь предлежит разрушиться всему чрез огонь, с чем вместе погибнут и нечестивые. Две главные стихии вселенной: вода и огонь, от которых получают бытие еще две стихии: воздух от испаряющихся вод, а земля — от вод сгущающихся, испарение же и сгущение сие производится огнем, чему поверит всякий, имеющий ум, ибо такую силу получила природа огня от самого Творца Бога. Итак, если две только стихии, и первое истребление нечестивых было чрез воду; то совершенно необходимо, говорит, чтобы второе погубление нечестивых совершилось чрез огонь.

Яко небеса беша исперва, и земля от воды, и водою составлена, Божиим словом.

От воды, как причины вещественной, водою же, как причиною совершительною, ибо вода содержит землю, связуя пыль оной и доставляя ей твердость, а если бы этого не было, то земля необходимо превратилась бы в пыль и воздух. Иной пустослов, быть может, возразит нам: почему же Бог, создавший видимый мир, не создал его от начала твердым, от чего и нужно возводить его к совершенству при Ное чрез потоп, а при кончине мира, как говорит теперь Петр, чрез огонь? Такому скажем, во-первых, то, что миру нельзя быть неизменяемым. Ибо как будет иметь неизменяемость тот, кто получил бытие чрез перемену (ибо он приведен в бытие из небытия, чего ни один благоразумный не назовет непеременою)? Поелику же изменение к худшему дошло до самого худого, то Творец мира, чтобы возвести к лучшему, по необходимости совершил очищение его при Ное посредством воды, а при кончине совершит посредством огня. И мы имеем обыкновение подвергать некоторые вещи действию огня, не для того, чтобы уничтожить их, но для того, чтобы придать им чистоту и блеск. В этом, вероятно, никто не усомнится. Подобное и Бог обещает сделать при кончине века посредством огня: лишнее и бесполезное для будущего состояния людей Он уничтожит, например: растения, скот, лес. Так существа, ненужные для нетленной жизни, уничтожатся. Если же так, то напрасно пустословят те, которые утверждают, будто этот видимый мир от начала был нетленным. Если бы кто вздумал также рассуждать и о существах мысленных, поколику и они приведены в бытие из небытия, таковой пусть поймет, что самая простота (несложность) их ручается за неразрушимость и за близость их, по самому бытию, к блаженному и божественному естеству.

6 Темже тогдашний мир, водою потоплен быв, погибе.

Мир погиб чрез небо и землю. Земля выпустила из недр своих воду, а хляби небесные ниспустили воду на землю. Погибе разумей не обо всем мире, но об одних только животных, которые представляют собою как бы весь мир: ибо созданный без них мир не был бы и миром.

7 А нынешняя небеса и земля темже словом сокровена суть, огню блюдома на день суда и погибели нечестивых человек.

Что будет разрушение настоящего мира посредством огня, эта мысль не одних только христиан, но и языческих мудрецов. Но скажет иной: какая цель созидать мир, если он опять должен обратиться в тление? Такому скажем, что мир не уничтожится совершенно, но разрушится, чтобы обновиться, почему и пророк говорит: «и Тыновишь лице земли» (Псал. 103, 30). Чувственная тварь, по созданию Богом, была хороша (Быт. 1, 31), а за преступление человека и сама эта тварь подчинилась суете (Рим. 8, 20), т. е. утратила

твердость бытия своего. Потом, когда во время потопа стало на земле мало людей богочестивых, мир, как бы вторично восстановился и получил начало чрез Ноя и прочие живые существа, сохранившиеся в ковчеге для того, чтобы послужить семенем нового состояния мира. Между тем род человеческий и тогда не улучшился, но пошел на худшее прежнего, от чего не отвратил его ни закон, данный чрез Моисея, ни пришествие Господне. Итак, поелику и призывание ко спасению было многообразно, и погибель от непокорности была многоразлична, то необходим будет огненный потоп, т. е. разрушение, хотя и не всецелое, разрушение не душ, но и не тел. Ибо всем нам должно явиться пред судище Христово (2 Кор. 5, 10) не без тел, с одними только душами, но вместе с нетленными телами. Ибо как может быть наказана одна душа без тела, когда она носит на себе сделанное ею чрез тело? Ибо праведному Судии не свойственно, когда двое погрешили в одном и том же, одного прощать, а на другого слагать всю тяжесть вины. Скажем, во-вторых, и то, что и мы посредством огня обыкновенно очищаем нечистые вещи от примеси и восстанавливаем их светлость. *Блюдама на день суда и погибели.* Слово *на день* должно относить обще к обоим словам *суда* и *погибели*, т. е. на день суда и на день погибели. *Суда* — то же, что *осуждения*.

8 Единого же сие да не утаится вас, возлюбленнии, яко един день пред Господем яко тысяща лет, и тысяща лет яко день един. 9 Не коснит Господь обетования, якоже нецыи коснение мнят: но долготерпит на нас, не хотя да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут.

Заклучив слово о кончине века, что она непременно будет и будет чрез огонь (что все и мы пространно разъяснили), апостол перешел к протяжению времени кончины мира и говорит, что не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением, но долготерпит, ожидая спасения нашего и полноты имеющих спастись, и что пред Ним, бесконечным, никакое время не продолжительно, но что у Него и тысяча лет как один день, даже, по словам Давида, нет и множества дней, ибо он так говорит: «тысяча лет в очах Твоих, Господи, как день вчерашний, который прошел, и как стража в ночи» (Псал. 89, 5). Когда тысячу лет уподобляет страже ночной, сим показывает самый краткий срок. А ночь делится на четыре промежутка. Так Господь, по сказанию Евангелия (Матф. 14, 25), предстал священным апостолам в четвертую стражу ночи.

10 Приидет же день Господень яко тать в ноци, в онъже небеса убо с шумом мимо идут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же, и яже на ней дела сгорят. 11 Сим убо всем разоряемым, кацем подобает быти вам, во святых пребываниих и благочестиих, 12 чающим и скорее быти желающим пришествия Божияго дне, егоже ради небеса жегома разорятся, и стихии опаляемы растауются.

Чтобы объяснить неизвестность и неожиданность пришествия Господня, апостол сравнивает оное с приходом вора и ночи. Ночь указывает на неизвестность, а вор — на неожиданность; ибо никто, ожидающий вора, не бывает ограблен. Посему и Господь говорит, что как во дни Ноя были люди, пристрастные к пирам и к бракам, пока не застиг их потоп, так и пришествие Господа застигнет нечестивых неожиданно (Матф. 24, 37-39). *С шумом* значит: с треском, а такой треск обыкновенно бывает, когда что-нибудь горит. Примечай. Апостол сказал: *земля* и *дела* на ней сгорят, а не и *люди*; следовательно он говорит только о погибели нечестивых, или их дел нечестивых; ибо погибнет путь нечестивых (Псал. 1, 7), а не вместе и сам нечестивый.

13 Нова же небесе и новы земли по обетованию его чаем, в нихже правда живет.
14 Темже, возлюбленнии, сих чающе, потщитесь нескверни и непорочни тому обрестися в мире: 15 И Господа нашего долготерпение, спасение непщуйте.

Господь устроит новое небо и новую землю, новые не по сущности и веществу; ибо если кто строит новый дом, то это не значит уже, что он строит его и из вещества, не существовавшего прежде. Нет, Бог однажды создал вещество и образовал оное во всевозможные виды и составы, и что было необходимо для здешней лишь жизни, а для тамошней нетленной бесполезно и излишне, то Он отменит, а что полезно, тому даст новый образ с красотою нетленною и неувядающею, и дозволит наполнять другой и нетленный мир.

Якоже и возлюбленный наш брат Павел по данней ему премудрости написа вам: 16 Якоже и во всех своих посланиих, глаголя в них о сих, в нихже суть неудобь разумна некая, яже ненаучени и неутверждени развращают, якоже и прочая писания, к своей погибели им. 17 Вы же убо, возлюбленнии, предведяще хранитесь, да не лестию беззаконных сведени бывше, отпадете своего утверждения: 18 Но да растете во благодати и разуме Господа нашего и Спаса Иисуса Христа: тому слава и ныне и в день века, аминь.

Павел написал об этом, когда сказал: «благодать Божия ведет тебя к покаянию» (Рим. 2, 4). Если же долготерпение Божие ведет к покаянию, а покаяние для нас спасительно; то очевидно, что долготерпение Божие служит к нашей же пользе и спасению. Говорит *неудобь разумна*, что нечестивые проповедуют в извращенном смысле, ибо это значит *развращают*. Представим один пример из всех их лжетолкований. Божественный Павел сказал: «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим. 5, 20). Извратители придали словам апостола Павла такой смысл: будем больше грешить, чтобы большее получить прощение. Делают они это на собственную свою погибель. Ибо как те, которые убивали пророков и апостолов, так и те, которые превратно толкуют речи их, подлежат одному и тому же осуждению. Как их убивали те, которые не желали пользы и спасения ученикам их, так и речи их извращают те, которые не желают, чтобы кто-нибудь получил чрез них спасение. *Своим утверждением* называет веру в Господа. Наконец, как первое послание заканчивает молитвою, так и в настоящем просит им возрастания в вере Господней.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ИОАННА

Содержание первого послания св. ап. Иоанна.

Тот же Иоанн, который написал евангелие, писал и это послание, с целью утвердить тех, которые уже уверовали в Господа. И как в евангелии, так и в настоящем послании прежде всего богословствует о Слове, показывает, что Оно всегда в Боге, и учит, что Отец есть свет, чтобы мы и отсюда познали, что Слово есть как бы отблеск Его. Продолжая богословствовать, объясняет, что таинство нашего спасения не новость, но что оно от начала и всегда было, а теперь только открылось в Господе, который есть вечная жизнь и истинный Бог. Выставляет и причину Его пришествия и явления, говоря, что Он явился разрушить дела диавола, освободить нас от смерти и научить нас познанию Отца и самого Сына Господа нашего Иисуса Христа. Апостол пишет людям всякого возраста, детям, юношам, старцам, потому что познан Бог, а сила диавола преодолена и смерть упразднена. Через все послание поучает о любви, заповедует, чтобы мы любили друг друга, и долг взаимной любви основывает на том, что и Христос возлюбил нас. Объясняет различие между страхом и любовью, между детьми Божиими и детьми диавола, между грехом смертным и несмертным, и между духами. Раздельно объясняет, какой дух от Бога, и какой дух заблуждения; когда мы признаемся детьми Божиими, и когда детьми диавола; о каком грехе мы должны молиться за согрешающих, и о каком не должны молиться. Говорит, что кто не любит ближнего, тот не достоин звания и не может называться Христовым. Показывает, что Сын едино со Отцом, и что отрекающийся от Сына не имеет и Отца. В этом же послании рассуждает, что антихристу свойственно говорить, будто Иисус Христос не есть истинный Сын, чтобы показать, что Он лжет, называя самого Себя Сыном, однакож не будучи Им поистине. Через все также послание убеждает верующих в Господа не унывать от того, что мир ненавидит их, а лучше радоваться, потому что ненависть со стороны мира показывает, что верующие отступили от самого мира и принадлежат уже к гражданству небесному. В конце послания опять напоминает, что Сын Божий есть вечная Жизнь и истинный Бог, и что мы должны Ему служить, а от идолов хранить себя.

Оглавление первого послания св. ап. Иоанна

Евангельское богословие о Христе; здесь же об исповеди и хранении себя от грехов и о том, что познание Бога подтверждается соблюдением заповедей. О любви, без которой нет благочестия, здесь же о благодати, свойственной каждому возрасту, и об оставлении любви к миру. О лжебратиях, отрицающих Бога, о том, что благочестие христианское непременно исповедует Отца, ибо прославление Отца условливается признанием Сына за Бога; здесь же о божественном и духовном даре в освящении, в надежде на познание Бога, и о том, что всякий, пребывающий во Христе, не согрешает, ибо кто грешит, тот от диавола. О любви к ближнему и о склонности к вспомоществованию; здесь же о доброй совести, подаваемой верою в Иисуса Христа, о различении духов чрез исповедание вочеловечения Господня. О необходимости братской любви для богопочтения. О божестве Сына в славе Отца, и о победе над диаволом чрез веру в Иисуса Христа для жизни вечной. О вспоможении согрешающему брату молитвою за него, и о том, что не должно грешить; здесь же и об удалении от служения бесам.

1 Еже бе исперва, еже слышахом, еже видехом очима нашими.

Это идет и к иудеям и к язычникам, которые порочат таинство спасения нашего как позднейшее. Апостол показывает, что оно и древнее, ибо оно от начала и современно представляемому в уме началу, или что оно древнее не только закона, но и самой видимой твари, ибо она имела начало, а оно было и прежде самого начала. Ибо что может кто-нибудь сказать о языческих таинствах, которые появились вчера и третьего дня? Они, сопровождаемые развратом, произошли поздно, тогда, когда уже в людях жила нечистота, которой разврат тот служит как бы верхом и памятником, и чрез которую мы из хорошего состояния дошли до самой темной ночи. Представляя величие нашего таинства в сравнительной его древности, апостол прибавляет, что оно есть еще и Жизнь, — Жизнь, не измеряемая сроком времени, но самобытная, как всегда сущая у Отца, как и в Евангелии сказано: «и Слово было у Бога» (Иоан. 1, 1). Слово *было* означает не временное существование, но самобытное бытие известного предмета, начало и основание всего, что получило бытие, такое, без которого последнее и не могло бы придти в бытие. Хотя и о каждом сотворенном существе говорится, что оно есть, напр. есть ангел, есть небо, есть солнце, и проч.; но собственно и совершенно есть один только Сын, при участии которого все приходит в бытие. Посему и Павел говорит: «мы Им живем, и движемся, и существуем» (Деян. 17, 28). Кто прежде слышал об этом из начального учения, тот переходит к видению Его, не телесно, но разумно, и не телесными глазами, но мысленными. *Осызаша* сказано о Слове Жизни, сказавшей: «Я есмь жизнь» (Иоан. 14, 6). Может быть, сказано так и о Слове, сущем в начале, потому что мы слышали от закона и пророков, что Он придет. Когда Оно пришло явно с плотию, мы видели Его и осызали. Ибо Бога, как Он есть сам в Себе, никто не видал никогда (Иоан. 1, 18). И мы присоединились к Явившемуся не легкомысленно, но, как уже сказано, после осызания, т. е. после изыскания в законе и пророках мы поверили явившемуся во плоти Слову. Мы увидели и осызали не то, чем Оно *было* (ибород *Его кто исповесть*: Иса. 53, 8?), но то, чем Оно *стало*, осызали и умственным прикосновением, и вместе чувственным, как напр. Фома сделал по воскресении. Ибо Он был Один и неразделен, Один и тот же — зримый и невидимый, объемлемый и необъятный, неприкосновенный и осызаемый, вещающий как человек, и чудотворящий как Бог. Так говорим мы о Слове по причине теснейшего единения Бога с плотию.

Еже узрехом, и руки наша осызаша о словеси животнем: 2 И живот явися, и видехом, и свидетельствуем, и возвещаем вам живот вечный, иже бе у Отца, и явися нам.

Узрехом то же, что — видели собственными глазами и удивлялись; ибо *θεασασθαι* происходит от *θαυμαζειν* и значит: с удивлением смотреть. *Осызахом* то же, что — исследовали. Связь речи такая: что было от начала, что мы слышали, и видели, и рассматривали своими глазами, и что осызали руки наши о Слове жизни, которая явилась, и которую мы видели, и свидетельствуем, и возвещаем вам, Т. е. вечную жизнь, которая есть у Отца и явилась нам; и так, что мы видели, то и возвещаем вам. В словах: «и так, что мы видели» — соответствующее предыдущему предложение. — Апостол возвестил не так, как мы, во-первых, для краткости речи, потом из неуважения к еллинскому пустословию, далее, чтобы показать, что спасение наше не в словах, но в делах, наконец, чтобы сделать нас

внимательнейшими, дабы мы, находя предлагаемое удобно и как бы само собою, не рассеялись. Сверх сего богослов хотел неясностию прикрыть то, что выше нечистого слуха и чем не безопасно огласить его; ибо давать святыню псам и бросать жемчуг пред свиньями (Матф. 7, 6) несогласно с здравым смыслом.

3 Еже видехом, и слышахом, и поведеам вам:

Что же именно? То, что Жизнь, будучи вечною, явилась нам, и мы были очевидцами ее и до креста и после воскресения. Ибо один и тот же и пригвожден был плотию ко кресту, и воскрес тою же плотию. А какая вам, говорит, польза от того, что мы возвещаем вам это? Та, что как чрез слово мы принимаем вас в общники виденного и слышанного нами, так мы имеем вас общниками и Отца и Сына Его Иисуса Христа, а получив это, мы, как прилепившиеся к Богу, можем исполниться радостию.

Да и вы общение имате с нами: общение же наше со Отцем и с Сыном Его Иисусом Христом. 4 И сия пишем вам, да радость ваша будет исполнена.

Ибо когда мы в общении с вами, то испытываем величайшую приятность, подобную той, какую радующийся сеятель доставляет жнецам при раздаче платы, когда и они радуются тому, что их трудами наслаждаются другие.

5 И сие есть обетование, еже слышахом от него, и поведеам вам: яко Бог свет есть, и тмы в нем несть ни единыя. 6 Аще речем: яко общение имамамы с ним, и во тме ходим, лжем, и не творим истины: 7 Аще ли же во свете ходим, якоже сам той есть во свете, общение имамамы друг ко другу, и кровь Иисуса Христа Сына Его очищает нас от всякаго греха. 8 Аще речем, яко греха не имамамы, себе прельщаем, и истины несть в нас.

Апостол опять возвращается к прежней речи, и объясняет, какое он слышал благовестие, именно следующее: Бог есть свет, и тьмы в Нем нет. От кого это слышал он? От самого Христа, который говорил: «Я свет миру» (Иоан. 8, 12), и еще: «Я свет пришел в мир» (Иоан. 12, 46). Итак, Он есть свет, и тьмы в Нем нет, но свет духовный, привлекающий очи души к зрению Его, а от всего вещественного отвращающий и возбуждающий стремление к Нему одному с самою сильною любовью. Под *тмою* понимает или незнание или грех; ибо в Боге нет ни незнания, ни греха, потому что незнание и грех имеют место в веществе и в нашем расположении. Если же сказано негде: «положил тьму покровом своим» (Псал. 17, 12); то сказано *положил* тьму, а не *есть* тьма, как сказано *есть свет*. Ибо полагающий и полагаемое не одно и то же. Итак, здесь *тма* означает наше незнание о Боге, по причине Его непостижимости, а это незнание наше есть, а не Божие. Ибо иному придается нечто такое, чего нет в нем, не для него самого, но для кого-нибудь из имеющих отношение к нему. А что апостол называет тьмою грех, это видно из евангельского изречения его: «и свет во тме светит, и тьма не объяла его» (Иоан. 1, 5), где тьмою он называет нашу греховную природу, которая по своей склонности к падению уступает завистнику нашему диаволу, увлекающему ко греху. Итак, свет, соединившийся с нашим существом, весьма удобоуловимым, стал совершенно неуловим для искусителя. Ибо Он греха не сотворил и проч. (Иса. 53, 9). Итак, когда мы принимаем вас в общники с Богом, который есть свет, а в этом свете, как показано, не может быть тьмы; то и мы, как общники света, не должны принимать в себя тьму, чтобы не понести наказания за ложь и вместе с ложью не быть отторгнутыми от общения с светом.

Поэтому, держась общения друг с другом, т. е. с нами и со светом, мы должны поставить себя непобедимыми для греха. Но как это будет, когда мы прежде погрязли уже во многих грехах? Ибо никто, любящий истину и старающийся быть истинным, не осмелится сказать, что он безгрешен. Итак, если кем овладевает это опасение, тот пусть не унывает: ибо кто вступил в общение с Сыном Его Иисусом Христом, тот очищен кровию Его, пролитую за нас. Примечай, что по причине теснейшего единения называет Его Сыном Отца и по тому, что воспринято Им от нас; ибо кровь, без сомнения, принадлежит нашему естеству, а не Богу. И Несторий, очевидно, безумен и нечестив, когда отделяет плоть от Сына и не позволяет называть Матерь Его Богородицею. Нужно знать также, что вся мысль этого изречения ниспровергает и хулу иудеев, которые говорили: мы знаем, что Он грешник (Иоан. 9, 24). Итак, говорит, если мы творим дела света, то мы в общении с Ним, а если не делаем их, то мы чужды Ему. И как же Он не свет истинный и не безгрешен совершенно, когда между незаконными вменен за вас (Иса. 53, 12)! Итак, если мы, кричавшие некогда: кровь Его на нас и на детях наших (Матф. 27, 25), бесстыдно скажем, что мы не согрешили; то мы себе *прельщаем*, т. е. обманываем, как будто распять Христа не грех. Апостол не сказал: мы лжем, но: обманываем себя, потому что обман вне истины. Если же сознаем грех и исповедаем, Он простит нам.

9 Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша, и очистит нас от всякия неправды. 10 Аще речем, яко не согрешихом: лжа творим его, и слово его несть в нас.

Апостол повторяет несколько раз свою речь, дабы чрез обильные и частые обличения представить им всю великость преступления и преклонить их к исповеди. Сколь великое благо рождается от исповеди, видно из следующих слов: «скажи ты прежде грехи свои, чтобы оправдаться» (Иса. 43, 26); а что для начинающего ученика учитель часто повторяет одно и то же, сначала кратко, потом пространнее, чтобы сообщить познание яснейшее, это дело обыкновенное. Бог, говорит апостол, *верен*. Это то же, что истинен; ибо слово *верен* употребляется не о том только, кому вверяют что-нибудь, но и о том, кто сам весьма верен, кто собственно своею верностию может и других делать такими. В таком смысле Бог верен, а *праведен* Он в том смысле, что приходящих к Нему, как бы ни были они грешны, не прогоняет (Иоан. 6, 37). Итак, тем, которые чрез покаяние прибегают ко святому крещению, Он несомненно прощает грехи, хотя бы они согрешили против Него и против других. Если, говорит, исповедуем, то получим соответствующее исповеди прощение. Если же бесстыдно скажем, что мы не согрешили, то совершим двойное зло: покажем себя лжецами и изрыгнем хулу на Бога. Ибо Он говорит чрез пророка: «заплатили Мне за добро злом» (Псал. 34, 12), и сам лично: «если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня» (Иоан. 18, 23)? Если и при этом мы говорим, что не согрешили: то отвергаем Его слова, которые суть дух и жизнь; ибо сказано: «слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Иоан. 6, 63).

ГЛАВА 2

1 Чадца моя, сия пишу вам, да не согрешаете: и аще кто согрешит, ходатая имама ко Отцу, Иисуса Христа праведника. 2 И той очищение есть о гресех наших: не о наших же точию, но и о всего мира.

Апостол, зная, что природа наша непостоянна и греховна, что влечение к злу мы всегда

носим в себе, что завистник диавол препятствует своими ковами спасению нашему, что посему и примирившиеся уже с Богом чрез исповедь, если живут невнимательно, не избежат греха, внушает теперь, что если бы мы пали после прощения грехов наших, то не должны отчаиваться. Ибо если обратимся, то можем и опять получить спасение чрез посредничество Господа Иисуса Христа; потому что Он, ходатайствуя о нас пред Отцом, умилоустивит за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира. Апостол сказал это потому, что писал иудеям, сказал для того, чтобы показать, что благодетельность покаяния не ограничивается только ими одними, но простирается и на язычников, или что обещание это относится не к одним только современникам, но и ко всем людям последующих веков. Иисуса Христа он называет ходатаем за нас, умоляющим или уговаривающим Отца. Это сказано человекообразно и с особенною целию, как и следующие слова: «Сын ничего не может творить сам от Себя» (Иоан. 5, 19). Последнее сказано для того, чтобы не сочли Его богопротивником. А что и Сын имеет власть отпущать грехи, это Он показал на расслабленном (Матф. 9, 6). Также, когда дал ученикам власть отпущать грехи, ясно показал, что Он дает такое право самовластно. Но апостол, как мы сказали, говорит так теперь с особенною целию, именно — представить, что Сын имеет одно естество и одну силу со Отцом, и что действия одного из трех пресвятых Лиц общи и прочим Лицам.

3 И о сем разумеем, яко познахом его, аще заповеди его соблюдаем.

У блаженного сего мужа в обычае употреблять однозначущие слова для обозначения разных предметов, как напр. в стихе: «в мире был, и мир произошел чрез Него, и мир Его не познал» (Иоан. 1, 10). Так и теперь он употребил слово *знать* в разных значениях. Ибо словом *знать* выражается и знание чего-нибудь и весьма тесное знакомство с кем-нибудь. Такое значение в словах: «познал Господь своих» (2 Тим. 2, 19), и: «незнавшего греха Он сделал для нас (жертвою) за грех» (2 Кор. 5, 21).

4 Глаголяй, яко познах его, и заповеди его не соблюдает, ложь есть, и в сем истины несть. 5 Иже бо аще блюдет слово его, поистинне в сем любви Божия совершенна есть, о сем разумеем, яко в нем есмы.

И от противного подтверждает то же, употребляя самое полное доказательство.

6 Глаголяй в нем пребывати, должен есть, якоже он ходил есть, и сей такожде да ходит.

Совершенная любовь, говорит, доказывается делами. Но как бывает, что иной (повидимому) правильно и точно соблюдает заповеди, а внутреннее его расположение нечисто, почему он далеко от Бога: то апостол говорит, что присвоившийся Богу должен и жить так, как требует близость к Богу.

7 Возлюбленнии, не заповедь нову пищу вам, но заповедь ветху, юже иместе исперва: заповедь ветха есть слово, еже слышасте исперва.

Начинает речь о любви к ближнему. Говорит, что близость или любовь к Богу прежде всего узнается из любви к ближнему. Ибо невозможно, чтобы освещенный познанием Бога и исполненный любви к Нему имел тьму ненависти к брату своему; потому что свет и тьма в одно и то же время в одном и том же предмете не могут быть вместе. Посему освещенный

любовию к Богу и имеющий Бога, и по отношению к брату имеет свет, который возжигается от любви к брату. А кто говорит, что он любит Бога, между тем ненавидит брата, тот находится в постоянной тьме, у того разумные очи всегда помрачены, потому что он утратил свет общения с Богом и с братом. Он не знает уже и того, что для него самого может быть полезно.

8 Паки заповедь нову пишу вам, еже есть поистинне в нем, и в вас, яко тма мимоходит, и свет истинный сей уже сияет. 9 Глаголай себе во свете быти, а брата своего ненавидяй, во тме есть доселе. 10 Любяй брата своего, во свете пребывает, и соблазна в нем несть. 11 А ненавидяй брата своего, во тме есть, и во тме ходит, и не весть камо идет, яко тма ослепи очи ему.

Так как послание это соборное, писано обще ко всем, к иудеям и к язычникам: то по отношению к иудеям можно сказать, что апостол пишет им заповедь о любви не новую, а древнюю. Ибо и на скрижалях Моисеевых написано было: «люби, после Бога, и ближнего своего, как самого себя» (Лев. 19, 18). Но как, скажет иной, по отношению к язычникам апостол пишет о древней заповеди, когда нигде ничего такого у них не находится? Отвечаем. Закон о любви к ближним написан и у язычников. Как так? Он написан у них на скрижали сердца естественными помыслами. А что помыслы, насажденные в нас с природою, называются естественным законом, в этом может удостоверить апостол Павел, который говорит: «вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего, находящемуся во мне» (Рим. 7, 23). Итак, и язычники приняли закон или заповедь древнюю, так как сама природа предписывает нам быть кроткими друг к другу и ко всему сродному; вследствие сего человек есть животное общительное, а это невозможно без любви. В древних историях записано даже много таких людей, которые умирали за других, а это есть знак высочайшей любви, как объяснил Спаситель наш, говоря: «нет больше сей любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15, 13). Поелику же заповедь о любви к ближним дана была и иудеям и язычникам, то апостол и говорит, что при древней заповеди, которую вы слышали, о любви к ближнему, пишу вам еще новую заповедь, которая истинна и в Том, кто присвоил вас Богу чрез общение с Ним, и в вас, которые вступили в общение с Ним; ибо Он говорит: «Я свет пришел в мир» (Иоан. 12, 46), и истинный Свет, по слову Его, уже светит, а во свете нет тьмы. Пусть же светит истинный свет любви в истинном и нелицемерном расположении к братьям, и тьма ненависти пройдет, т. е. исчезнет; ибо такое значение придает слову *мимоходит* и блаженный Павел, когда говорит: «ибо проходит образ мира сего» (1 Кор. 7, 31).

12 Пишу вам чадца, яко оставляются вам греси имене его ради.

Сказав, что пишет им новую заповедь, апостол обозначает и расположение тех, которые примут его послание; обозначает теми степенями, которые бывают при возрастании телесном. Ибо он знал, что не все примут слова его с одинаковым уважением и вниманием, но одни примут поверхностно, как дети, которым он и усвоит прощение грехов чрез веру в Иисуса Христа. Другие примут, как достигшие в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Ефес. 4, 13), так что могут быть для других отцами: таким приписывает познание Сущего от начала. Кто же это, как не Слово Божие, которое и в начале было у Бога (Иоан. 1, 1)? Иные примут, как юноши: им, как цветущим и полным, приписывает честь победы над бесчестными страстями. Потом, снова повторяет то же самое в другом порядке,

применяя учительное слово свое к мере духовного возраста. Так как я, говорит, знаю, что примете вы послание мое к вам по различию возрастов: то необходимо и мне соразмерять учение свое с расположением возраста вашего и с одними из вас беседовать как с детьми, познавшими Отца, т. е. Бога; с другими, как с отцами, которые имеют познание большее, нежели дети, именно — познали не только то, что Он Отец, но и то, что Он от вечности и неизьясим, ибо Он был от начала: таковым нужно и совершеннейшее учение о Боге; с иными, как с юношами, сильными и способными к борьбе и подвигам. Воздавая последним славу победы, показывает, что им и речи нужны отважные и воинственные.

13 Пишу вам отцы, яко познасте безначалнаго.

Чадца — те, кои погрешают по незрелости и неосновательности детской, почему апостол и говорит им: вы удостоились прощения, когда вам довелось познать, что Господь благ ко всем и щедроты Его на всех делах Его (Псал. 144, 9). *Отцы* — те, кои с преспеянием в возрасте получили познание Сущего от начала. *Юноши* — те, которые по своей зрелости искусно могут и готовы носить знаки победы над неприятелями.

Пишу вам юноши, яко победисте лукаваго. Пишу вам дети, яко познасте отца.
14 Писах вам отцы, яко познасте исконнаго, писах вам юноши, яко крепцы есте, и слово Божие в вас пребывает, и победисте лукаваго.

Эти самые имена от возраста апостол выше приноровил к нравственному учению, а теперь повторяет от расположения, не прерывая своего наставления.

15 Не любите мира, ни яже в мире: аще кто любит мир, несть любве отчи в нем.

Применив учение к возрастам духовным, апостол присовокупляет увещание. *Не любите мира*. Это говорит как бы детям; ибо дети всегда трепещут (от радости) пред тем, что кажется приятным. Потом высказывает причину, почему никто не должен любить мира, ни того, что в мире. Затем предлагает учение отцам и юношам, которые более способны и совершенны. Чтобы ты не разумел под миром совокупность неба и земли, апостол объясняет, что такое мир и находящееся в мире. И, во-первых, под миром понимает порочных людей, которые не имеют в себе любви Отчей. Во-вторых, под находящимся в мире, понимает то, что совершается по похоти плотской, что, действуя чрез чувства, возбуждает похоть. Ибо под очами, главным орудием из чувств, он подразумевал и остальные. Под похотию же разумеется всякое зло: прелюбодеяние, пьянство, неприличные любезности, убийства (совершаются ли они из корыстолюбия, или для уничтожения соперников), коварство, под которым нужно разуметь и всякое противодействие, — вообще разумеется все, враждебное Богу, а нами совершаемое чрез похоть плотскую.

16 Яко все еже в мире, похоть плотская, и похоть очима, и гордость житейская, несть от отца, но от мира сего есть, 17 И мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию пребывает во веки.

Мы сказали уже, что миром апостол называет порочных людей, как и Господь говорил ученикам: «вы не от мира, как и Я не от мира» (Иоан. 15, 19. 17, 16). Отец же сего мира, т. е. мирского сладострастия и нестроения — диавол. Поэтому и Господь говорит об учениках своих Отцу: «не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» (Иоан. 17, 15),

т. е. мира, о котором и в другом месте (1 Иоан. 5, 19) говорит апостол, что он во зле лежит. Иначе. Если злой противоположен благому Отцу, а служащий похотям мира не от Отца, но от мира, — очевидно, что кто не от Отца, но от мира, тот от диавола. Так и в евангелии говорится иудеям: «ваш отец диавол» (Иоан. 8, 44), т. е. у вас склонности плотские, которые сеет и возвращает диавол. И эти мирские похотения непродолжительны и непостоянны, а что совершается по воле Божией, то продолжительно и вечно. Но благоразумным несвойственно обегать постоянное и хвататься за мгновенное; ибо поступать так значит то же, что строить дом на привидении.

18 Дети, последняя година есть: и якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша, от сего разумеваем, яко последний час есть. Последняя година.

Легче объяснить так. Поелику соборное послание направлено ко всякому человеку, а предел жизни не для всех один, собственная же кончина никому неизвестна, то апостол прилично напоминает каждому о его кончине, чтобы каждый чувствовал, что наступает последнее время его жизни, и непрестанно был трезвен, и чтобы таким образом все христиане всегда проводили жизнь непорочную и совершали дела чистые. Иное объяснение, смеяться над которым было бы неуместно и безумно. Всякая вещь может быть разделена на три части: начало, середину и конец. Без сомнения, нет ничего несообразного назвать концом все то, что следует далее середины. Посему, если Господь пришел в середине десяти тысячелетий (ибо Его пришествие на землю было почти в 5500 году), то все следующее за сим время, без всякого спора, может быть названо последним. И как порядок тысячелетий в пришествие Господне переступил за середину, то все последующее за сим время прилично может быть названо последним. Истинность такого объяснения принимает и Иоанн Златоуст.

19 От нас изыдоша, но не беша от нас, аще бы от нас были, пребыли убо быша с нами: но да явятся, яко не суть вси от нас.

Упомянув об антихристах, присовокупляет о том, откуда они, и говорит: они от нас. Присовокупляет это, нисколько не мешая ясности речи. Он как бы сам себя спросил: откуда эти антихристы? и ответил: они от нас. Так следовало бы сделать, но он поступил не так, быть может, для того, чтобы слитностью речи показать неприятность, возбуждаемую ими. Для чего же антихристы из учеников Господних? Для того, чтобы иметь доверие от обольщаемых, чтобы обольщаемые думали, что они, как из числа учеников, проповедуют учение по мыслям Учителя, а не совершенно противны Его проповеди. Посему, говорит, *от нас. Изыдоша*, т. е. хотя были учениками, но отстали от истины и выдумали собственные хулы. *Не беша от нас*, т. е. из части спасаемых. Ибо, в противном случае, они остались бы в союзе со своими. Теперь же они сделали это, *да явятся*, т. е. чтобы сделалось явным, что они совершенно стали чужды нам. Есть между ними и такие, которые и не от нас, но к которым присоединились вышедшие от нас. Ради их-то я и сказал: *не все от нас...*

20 И вы помазание имате от святаго, и весте вся. 21 Не писах вам, яко не весте истины, но яко весте ю: и яко всяка лжа от истины несть. 22 Кто есть лживый, точию отменяйся, яко Иисус несть Христос, сей есть антихрист, отменяйся Отца и Сына. 23 Всяк отменяйся Сына, ни Отца имать: а исповедаяй Сына, и Отца имать. 24 Выубо еже слышасте исперва, в вас да пребывает, и аще в вас пребудет, еже

исперва слышасте, и вы в Сыне и Отце пребудете. 25 И сие есть обетование, еже сам обеща нам, живот вечный.

Чтобы после того, как апостол высказал предшествующее, кто-нибудь не подумал, что он усваивает знание этого только себе одному и потому хвалится им пред прочими верующими, он прилично прибавляет: и вы имеете помазание. Он как бы так говорит: но что я рассуждаю об этом с вами, как будто бы вы не знаете сего? нет, вы сами знаете это. Ибо при святом крещении вы приняли священное помазание, и чрез оное Божественного Духа. Если же так, то знайте, что я написал вам об этом не как не знающим, но как знающим, что теперь последнее время, что сильно действуют антихристы, что все полны лжи. Так как умножилась ложь, то и сказал я, что появилось много антихристов. Ибо если Христос есть истина (Иоан. 14, 6), и вы, познавшие Его, имеете истину в себе; то, очевидно, лжец, противящийся истине, т. е. Христу, есть антихрист. А кто лжец? Тот, кто говорит, что Иисус не Христос. Так прескверный Симон пустословил, что иной — Иисус, и иной — Христос; Иисус — родившийся от святой Марии, а Христос — нисшедший с неба на Иордан. Итак, кто соглашается с этою ложью, тот антихрист. Лжец же и антихрист и тот, кто отвергает Отца и Сына. Ибо иные еретики (из которых выродился проклятый Валентин) говорили, что иной — Отец безымянный, и иной — называемый Отцом Христа. Сии же самые отвергают и Сына, когда говорят, что Он простой человек, а не Бог по естеству, Бог от Бога. Поэтому апостол присовокупляет: всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца. Иудеи, например, отвергают Сына и присвояют себе знание Отца. Но пусть они знают, что они и Отца еще не познали; ибо если бы узнали Его, то узнали бы и Сына, потому что Он есть Отец и Сына Единородного. То же пустословили и единомысленники Симона. Таковы мнения еретиков. Но вы храните у себя то, что слышали от начала, именно, что Христос есть Бог; ибо это значат слова: в вас да пребывает. Если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце, т. е. будете в общении с Ним. Ибо обетование Его таково: «как Я, Отче, в Тебе, и Ты во Мне, так и они да будут в Нас едино» (Иоан. 17, 21); и еще: «да имеют жизнь вечную. Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Иоан. 17, 2. 3).

26 Сия писах вам о льстящих вас.

Окончив речь, веденную выше, апостол прибавляет о тех, которые обольщают их появившимися во множестве ересями. Потом, чтобы отдалить от них грусть, снова повторяет: и вы еже помазание приясте. Под помазанием, как уже сказано, разумеется Дух Святой. Итак, если вы твердо храните у себя Духа Святого, которого вы приняли, то не имеете нужды, чтобы кто учил вас. Но как этот самый Дух научает вас всему, то в том и пребывайте, чему Он научил вас; ибо то, чему Он научил вас, истинно и неложно.

27 И вы еже помазание приясте от него, в вас пребывает, и не требуете, да кто учит вы: но яко то само помазание учит вы о всем, и истинно есть, и несть ложно: и якоже научи вас, пребывайте в нем.

Порядок такой: как полученное вами от Него помазание пребывает в вас, то нет нужды, чтобы кто учил вас; но вам должно пребывать в том, чему оно научило вас.

28 И ныне, чадца, пребывайте в нем, да егда явится, имамы дерзновение, и не посрамимся от него, в пришествии его. 29 Аще весте, яко праведник есть:

ГЛАВА 3

1 Видите, какову любовь дал есть Отец нам, да чада Божия наречемся, и будем.

Сказав о появлении антихристов, и о том, что все учение их развращенно, и достаточно убедив (верующих) непреложно содержать то учение, которым они оглашены, апостол упоминает потом о назначенной за это награде, чтобы светлостью награды как бы еще более укрепить их, и говорит: *пребывайте в нем*. Для чего? Для того, чтобы, когда Он явится, иметь нам дерзновение о Нем. Ибо что может быть славнее или желательнее дерзновения, т. е. того, чтобы, когда мы будем открывать труды наши в настоящей жизни, могли это делать с дерзновением, нисколько не стыдясь, в пришествие Его? А как иные могли спросить, что же делать, чтобы сделаться благоугодными Ему, то апостол и этому научает, говоря: если вы познали, что Он праведен, то без сомнения знаете и то, что делающий правду рожден от Него; ибо праведный рождает праведных. А сколь великую честь и дерзновение доставляет это, всякий из вас знает, равно как и то, какова и колика любовь и благодать, которую Он подает вам. Ибо вы знаете, что Он дал вам право быть и почитаться детьми Его. Если же принадлежащие миру не знают сего, т. е. того, что вы дети Божии, сему не удивляйтесь; ибо они не знают вас потому, что не познали и Того, кто усыновил вас. Миром называет людей порочных. Потом, поелику доказал сыновство, яснее говорит о предлежащей славе и дерзновении усыновленных. Возлюбленные! мы теперь дети Божии.

Сего ради мир не знает нас, зане не позна Его.

Мир — это люди порочные и нечистые, привязанные к одной только страстной жизни, как свинья к грязи.

2 Возлюбленнии, ныне чада Божия есмы, и не у явися, что будем: вемы же, яко егда явится, подобни ему будем, ибо узрим его, якоже есть. 3 И всяк имеяй надежду сию нань, очищает себе, якоже он чист есть.

Апостол как бы так говорит: из предыдущего вы, без сомнения, узнали, что мы приняты Богом в дети. Хотя это еще не открылось, однако не смущайтесь. Ибо неизвестное ныне сделается явным, когда Он откроется. И мы, оказавшись подобными Ему, наглядно представим свое сыноположение; ибо дети, конечно, подобны Отцу. Имея же дерзновение пред Ним, как дети, мы увидим Его, как Он есть, впрочем — не по естеству, ибо это невозможно для сотворенного существа, а так, что чистые увидят Чистого, праведные Праведного; ибо подобные пристанут к Подобному. Посему-то перед этим и сказал я только, что мы будем подобны Ему, а не одинаковой природы с Ним; ибо тогда я сказал бы: не подобны, а такие же точно; а как этого не будет, то я и сказал: подобны, т. е. по качеству славы. Заметить также нужно, что апостол не сказал выше: всякий, кто сделал или сделает правду, но — делающий; ибо добродетели деятельны и имеют бытие только во время совершения, а когда прекратятся или остаются только в намерении, то не имеют и бытия.

4 Всяк творяй грех, и беззаконие творит: и грех есть беззаконие. 5 И весте, яко Он явися, да грехи наша возмет, и греха в нем несть.

Подтвердив речь о правде благами от правды, апостол хочет теперь показать то же от противного и что есть в оном, и говорит: *всяк творяй грех*. Он говорит как бы так: вы, усыновленные, делайте правду и не показывайте себя праздными от нее. Ибо как в отношении греха не тот грешник или беззаконник, кто совершил или совершит грех, но тот, кто держится зла и делает зло, так и праведен не тот, кто не действует, но тот, кто делает правду. Грех даже и неуместен в вас; ибо Христос явился для разрушения греха, и как сам был непричастен греху, так и вам, соединившимся с Ним и утвержденным верою в Него, не остается уже места грешить. Это и означают слова: *всяк, иже в нем пребывает, не согрешает* (ст. 6). Нужно также знать, что грехом называется отпадение от добра, а беззаконием нарушение положительного закона. Тот и другое имеют началом один — отпадение от добра, а другое — преступление положительного закона; но в сущности оба же сходятся: грешник уклонился от цели, назначенной по природе и в природе (ибо цель человеческой природы — жить по разуму, далеко устранив неразумие); точно также и беззаконник, неудержимо стремясь к злу, преступает закон, вложенный в природу.

6 *Всяк иже в нем пребывает, не согрешает,*

т. е. кто неослабно следует за добродетелями и никогда не перестает совершать их.

И всяк согрешаяй, не виде его, ни позна его. 7 Чадца, никтоже да льстит вас: творяй правду, праведник, есть, якоже он праведен есть.

Сказав, что Сын Божий явился и что Он явился для того, чтобы, не сотворивши своего греха, взять, т. е. уничтожить наш грех, прибавляет: *всяк согрешаяй не виде Его*. Если вы, говорит, когда Он явился, увидели Его, и вследствие видения Его получили силу не уступать греху, как совершенно утвердившиеся в Нем; то очевидно, что те, которые грешат, не видели Его, и потому не познали Его. Под видением Его разумеет не видение простым прикосновением глаза или легким воспроизведением в своем воображении чего-либо известного, но нежелание сколько-нибудь обсудить и разузнать дело и присоединиться к Нему, как мы выше говорили. Сказав же это, утвердительно заповедует: *никтоже да льстит вас*. Смысл такой: кто делает правду, тот познал Праведного и праведен, как и Он, т. е. Бог. Напротив, кто делает грех, тот от грешника, т. е. от диавола, так как он грешит от начала. Посему Бог, пекущийся о создании своем, сам, будучи правдою и святостию, открылся, т. е. явился в мир, чтобы уничтожить дела диавола.

8 *Творяй грех, от диавола есть, яко исперва диавол согрешает, сего ради явился Сын Божий, да разрушит дела диаволя.*

Так как диавол постоянно обращается в грехе: то всякий, кто грешит, становится сторонником диавола; ибо диавол предначинает в человеке грех, внушая ему лукавые помыслы, как напр. Иуде (Иоан. 13, 2). Иной скажет: как диавол бывает в тех, которые грешат, когда они прежде него согрешили уже тем, что дали ему место? Такому должно сказать, что делать грех и давать место диаволу одно и то же; ибо дает ему место тот, кто грешит, подчинившись похоти, а с принятием его уже и на деле совершает грех, ибо это значит *творить грех*. Хорошо сказано *творяй*, а не *сотворивший*, и в том отношении, что покаявшийся уже не от диавола, но от него только тот, кто совершает грех. Так и раб греха есть тот, кто делает, а не тот, кто сделал грех; ибо всякий, делающий грех, есть раб греха (Иоан. 8, 34).

9 Всяк рожденный от Бога, греха не творит, яко семя его в нем пребывает, и не может согрешати, яко от Бога рожден есть. 10 Сего ради явлена суть чада Божия, и чада диаволя.

Всяк, кто делает грех, потому самому, что грешит, есть от диаволя и называется сыном диаволя, как блаженный Павел сказал Елиме: «сын диаволя! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних» (Деян. 13, 10)? Очевидно, и тот, кто рожден от Бога, как сын Божий, не грешит; потому что семя его — Божие, т. е. или Дух, которого мы получили чрез дар, которого удостоились, и который, пребывая в нас, соделывает ум наш недопускающим греха, или же сам Христос, который, обитая в верующих, соделывает их сынами Божиими, как и сам Христос в семени Авраама есть сын Авраамов (Матф. 1, 1). И в семени Авраама, сказано, т. е. во Христе, благословятся народы (Быт. 12, 3. Галат. 3, 16).

Объяснение Златоуста. Всякий раз, как мы грешим, мы рождаемся от диаволя; а всякий раз, как совершаем добродетель, рождаемся от Бога, потому что «семя Его пребывает в нем» (1 Иоан. 3, 9). Семенем называет Духа, которого мы получаем чрез крещение, и который, пребывая в нас, делает ум наш недопускающим греха. Если же кто не родится от Бога, тот не получает Духа Святого.

Иное объяснение. Семя Божие есть Христос, который, обитая в верующих, соделывает их сынами Божиими. Так в семени Авраама, которое есть Христос, благословляются все народы. Иначе. Семенем называет первое поколение родоначальника, отличающееся добродетелями. Родоначальник своими добродетелями как бы орошает свое племя, и чем сам приобрел славу, тем и своим преемникам дает возможность быть в славе, особенно если они соблюдут достоинства предка своего неомраченными, ибо они доставляют славу не всякому без разбора. Почему иудеи, хотя напрасно, говорили Христу: мы семя Авраамово (Иоан. 8, 33).

Всяк не творяй правды, несть от Бога, и не любяй брата своего. 11 Яко се есть завещание, еже слышасте исперва, да любим друг друга: 12 Не якоже Каин от лукаваго бе, и закла брата своего: и за кую вину закла его? яко дела его лукава беша, а брата его праведна. 13 Не чудитесь, братие моя, аще ненавидит вас мир. 14 Мы вемы, яко преидохом от смерти в живот, яко любим братию.

Апостол примером подтверждает, сколь велико зло — ненавидеть брата. Смотрите, говорит, вот Каин возненавидел брата и убил его, несмотря на то, что он родной брат его. Каин имел злые дела отца своего диаволя, Авель же, делая правду, был сыном в отношении к Богу. Здесь диавол противопоставляется Богу, а злые дела добрым. Посему-то Каин, противоположный брату, убил его. Таково объяснение по ходу речи. Но блаженный Иоанн изменил этот порядок, всегда имея особое побуждение. Ибо ему, после того, как упомянул о диаволе и о том, что делающие зло становятся детьми его, естественно было выставить в пример того, кто в начале мира поспешил сделаться сыном диаволя чрез злые дела. Высказав нужное о Каине и об участи, которую наследуют подражающие ему, опять переходит к любви.

Не любяй бо брата, пребывает в смерти. 15 Всяк ненавидяй брата своего, человекоубийца есть: и весте, яко всяк человекоубийца не имать живота вечнаго в себе пребывающа. 16 О сем познахом любовь, яко он по нас душу свою положи: и мы должны есмы по братии души полагати. 17 Иже убо имать богатство мира сего, и видит брата своего требующа, и затворит утробу свою от него, како любви Божия

пребывает в нем? 18 Чадца моя, не любим словом, ниже языком, но делом и истиною.

Покончив о Каине, и о злых делах, подобных его делу, опять обращается к любви, и говорит, что любовь преклонила Господа положить душу свою за нас, и что по Его примеру и мы должны полагать душу за братьев. Но как это делается редко и немногими, то апостол, как бы пристыжая верных, начинает с небольшого, убеждает к братолюбию. Он говорит как бы так: что говорить о положении души за брата, когда мы видим, что не удовлетворяют братьев своих в необходимом для жизни, и притом не бедные средствами жизни, — об этих я не говорю, — но владеющие богатством целого мира? Посему да постыдятся! Ибо если затворили сердце в этом малом и явились недостойными любви Божией: что показали бы, когда бы потребовалось большее — умереть за брата? Потом и еще продолжает обличать тех, которые ограничивают любовь словом и обнаруживают ее только на языке. Станем, говорит, любить не словом или языком, но делом и истиною.

19 И о сем разумеем, яко от истины есмы.

О сем, т. е. по чему узнаем? По тому, что любим брата не словом, но делом и истиною. Что узнаем? То, что мы от истины. Как узнаем? Так, что говорящий одно, а делающий другое, не соглашающий дела с словом, есть лжец, а не истинен.

И пред ним смиряем сердца наша. 20 Зане аще зазирает нам сердце наше, яко болий есть Бог сердца нашего, и весть вся. 21 Возлюбленнии, аще сердце наше не зазрит нам, дерзновение имама к Богу: 22 И егоже аще просим, приемлем от него, яко заповеди его соблюдаем, и угодная пред ним творим.

Это значит: чрез истинность (а истинствовать мы будем тогда, когда словам нашим будут соответствовать дела) мы успокоим совесть свою. Ибо словом *сердце* он называет совесть. Как же успокоим? Поставив себя в такое положение, чтобы произносить нам слова пред свидетелем Богом; ибо это значат слова: *пред Ним*. Если, говорит, не будем делать так, и совесть или сердце наше осуждает нас, то, очевидно, мы согрешаем. Если же мы во время греха не можем укрываться от совести своей, которая ограничена, как и человек существо ограниченное, то тем более не можем укрыться от Бога, беспредельного и вездесущего. Смысл этого изречения такой: дети! не будем лжецами друг пред другом, любя одним только языком, но докажем любовь и делом. Поэтому узнаем, что мы от истины, т. е. от Бога. И что говорим, будем говорить как бы в виду Бога; а кто, хотя бы он был бесстыднее бесов, позволит себе лгать пред свидетелем Богом? Если же не будем делать так, но тогда, как говорим, что любим, сердце наше осуждает нас во лжи, то мы грешим. Как так? Потому что думаем укрыться от вездесущего Бога. Посему, возлюбленные, настроим себя так, чтобы быть нам неосужденными перед самими собою, будем истинствовать друг пред другом, и тогда получим дерзновение пред Богом, а при этом дерзновении несомненно получим все, чего ни попросим у Него. Почему? Потому что соблюдаем заповеди Его. Ибо кого просят, того весьма много преклоняет к выслушанию благопокорность просителей, только бы просили не сомневаясь. А как мы соблюдаем заповеди Его и делаем угодное пред Ним, то и будем надеяться, что молитвы наши будут не напрасны; потому что при искреннем взаимном расположении двоих, один обыкновенно действует немедленно на пользу другого. Какую же заповедь Его мы соблюдали? Ту, которая повелевает нам любить друг друга (Иоан. 13, 34).

23 И сия есть заповедь его, да веруем во имя Сына его Иисуса Христа.

Слово *сия* должно понимать в значении причины, именно так: *потому что* заповедь Его есть веровать. Так как мы имеем заповедь веровать во имя Иисуса Христа, Сына Его, и любить друг друга, и мы сделали это, то отсюда и узнаем, что благодать Духа Его, которого Он дал нам, утвердилась в нас. Нужно знать, что выражение: веровать *во имя Господа* нашего, употребляется во многих местах Писания. Что же значит *имя*? Конечно, не иное что, как волю Его, славу, честь. Например, в словах: «чудно имя твое по всей земле» (Псал. 8, 2) оно означает славу и честь, а в словах: «покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Господа Иисуса» (Деян. 2, 38) означает волю Его. Какая же воля Господа Иисуса? Крестить все народы во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матф. 28, 19).

И любим друг друга, якоже дал есть заповедь нам. 24 И соблюдаяй заповеди его, в нем пребывает, и той в нем: и о сем разумеем, яко пребывает в нас, от духа, егоже дал есть нам.

Господь заповедал нам любить друг друга с истинным расположением. Когда же? Когда сказал: «как хотите, чтобы поступали с вами люди, так и вы поступайте с ними» (Лук. 6, 31). Если мы любим, чтобы ближние наши имели к нам истинное и бесхитростное расположение, то и сами должны иметь к ним совершенно такое же расположение. А как это заповедь Господня, то, когда мы пребываем в Нем, тем более Он дарует нам самого Себя. Ибо Он не может отречься сам от Себя, т. е. нельзя допустить, что Он напрасно дает нам заповеди свои, и не оправдает их прежде всех сам. Если же так, то, когда мы исполняем заповеданное Им, без сомнения и Он послушает нас в прошениях наших, и дарование Его будет твердо в нас. Целая мысль такая: мы должны веровать во имя Сына Его Иисуса Христа, и любить друг друга истинно, как Он заповедал. Ибо соблюдающий заповеди Его в Нем пребывает, и Он в нем. А что Он пребывает в нас, это мы узнаем по Духу или дарованию, которое Он дал нам. И если оно пребывает в нас ненарушимо, то, без всякого противоречия, даяние Его будет неотъемлемо. Когда же оно бывает ненарушимо? Когда мы из заповеданного Им нам о любви ничего не нарушаем по нерадению своему.

ГЛАВА 4

1 Возлюбленнии, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша в мир. 2 О сем познавайте Духа Божия, и духа лестча: всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть.

Разъяснив учение о любви к ближнему, указав в этой любви признак пребывания Духа, которого мы получили, апостол теперь присовокупляет признак для различия истинных братьев и ближних, дабы мы, имея в виду это различие, по поводу заповеди о любви не вошли в близкие сношения с лжебратиями, лжеапостолами и лжепророками, и тем не причинили себе великого вреда. Ибо, имея общение с ними, как единомысленными, мы, во-первых, повредим самим себе, без опасения сообщая учение Веры нечестивым и повергая святыню псам; потом — повредим тем, которые преданы нам. Ибо любовь наша к лжебратиям, лжеапостолам и лжепророкам многих расположит принимать их за учителей и без осторожности верить их учению, причем они впадутся в обман из нашего обращения с ними. Какой же признак их? Следующий: всякий дух, т. е. всякий, носящий звание пророка или

апостола, который исповедует Господа Иисуса, пришедшего во плоти, есть от Бога, а который не исповедует этого, тот не от Бога, но достоинство его от антихриста, что вы и слышали. Когда? Тогда, когда я (апостол) немного выше (2, 18) говорил, что в мире появилось много антихристов, т. е. предтечей антихриста. А исповедание пришествия Христова во плоти должно совершаться не на языке только, но и в делах, как говорит блаженный Павел: «всегда носите в теле мертвость Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле вашем» (2 Кор. 4, 10). Итак, кто имеет (в себе) Иисуса действующего, умер для мира, живет уже не для мира, но для Христа, и носит Его не в Христовой только плоти, но и в своей собственной, тот от Бога. А кто живет не для Христа, но для самого себя и для мира, т. е. для удовольствий мирских, тот не от Бога. Посему Павел и опять говорит: «если между вами есть споры и разногласия, то не плотские ли вы, и не по человеческому ли обычаю поступаете» (1 Кор. 3, 3)? Поступающий по обычаю человеческому не имеет Духа Христова; а кто не имеет Духа Христова, т. е. не живет по учению Христову, тот не есть Христов.

3 И всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога несть: и сей есть антихристов, егоже слышасте яко грядет, и ныне в мире есть уже.

Апостол говорит, что антихрист уже в мире; разумеется, не самолично, а в лице лжепророков, лжеапостолов и еретиков, предваряющих и приготавливающих его пришествие. А сам антихрист будет человек, носящий в себе сатану, превозносящийся выше всего, называемого богом или святынею (2 Сол. 2, 4). Почему и запретит служить идолам (их разумел апостол под богом называемым, а под святынею христианство), а себя одного будет выдавать за Бога.

4 Вы от Бога есте, чадца, и победисте тех: яко болий есть иже в вас, нежели иже в мире. 5 Они от мира суть: сего ради от мира глаголют, и мир тех послушает. 6 Мы от Бога есмы: иже знает Бога, послушает нас: и иже несть от Бога, не послушает нас.

Выше апостол указал признак для узнания пророков и апостолов Господних. Теперь прибавляет: вы, будучи детьми Божиими, победили их, т. е. лжепророков. Почему? Потому, что Бог, сущий в вас, больше того, кто в мире, по духу которого решились жить лжепророки. Потом дает им еще другой признак для узнания лжепророков, в том, что немало печалило простецов из самих верных. Некоторые из них естественно могли скорбеть, видя, что тех многие принимают весьма усердно, а их презирают. Апостол и говорит: не скорбите, если многие вас презирают, а их принимают; ибо подобное стремится к подобному: они от мира и говорят мирское, т. е. учат плотским пожеланиям, почему и слушателей имеют таких же, т. е. развратные — развратных. А мы, будучи от Бога и удалившись от мирских похотей, становимся для них неприятными. Нас же слушает тот, кто живет целомудренно, и посему знает Бога, и готов слушать нас. Об этом и Христос говорит: «кто имеет уши слышать, да слышит» (Матф. 11, 15), т. е. Он свидетельствует, что тот имеет уши, кто приготовился слушать с покорностию.

О сем познаваем Духа истины и духа лстча. 7 Возлюбленнии, возлюбим друг друга: яко любы от Бога есть, и всяк любяй, от Бога рожден есть, и знает Бога: 8 А не любяй, не позна Бога, яко Бог любы есть. 9 О сем явися любы Божия в нас, яко

Сына своего едиnorodного посла Бог в мир, да живи будем им. 10 О сем есть любви, не яко мы возлюбихом Бога, но яко той возлюби нас, и посла Сына своего очищение о гресех наших.

Выше апостол показал, с кем нужно обращаться и с кем не нужно; теперь как бы прилагает печать к сказанному: посему-то узнаем, кто имеет Духа истины, и кто — духа заблуждения, лжепророчества. За сим опять начинает речь о любви. Показав, что нужно любить некоторых, именно едиnorodных, возвращается к тому, что говорил в начале. Говорит, что любовь и любящий от Бога, что любящий, и один только он, рожден от Бога, и знает Бога, а не имеющий любви не знает и Бога. От чего же тот, кто не любит, не познает Бога? Это подтверждает следующим образом. Бог есть любовь. Это видно из того, что Он Сына своего едиnorodного послал в мир, чтобы Он доставил нам истинную жизнь и мы ожили чрез Него. Ибо как благодатию называется Бог потому, что по благодати создал мир мысленный и чувственный, так, из любви к нам послав едиnorodного Сына своего в мир, показал чрез сие, что Он есть и любовь. Посему и прибавляет: *о сем есть любви*, т. е. сим и доказывається, что Бог есть любовь. Потом, показывая превосходство любви Божией, говорит: Бог сделал это, т. е. предал за нас собственного Сына своего, не потому, что мы любили Его, но первый начал благодетельствовать нам по любви и послал Сына своего, и не только послал, но и собственною Его кровию соделал очищение наших грехов. Если же, говорит, Бог так возлюбил нас, хотя мы отнюдь не одинаковой с Ним природы: то гораздо более мы должны любить, любить сродных нам, и, узнав превосходство любви, оказывать ее другим. Ибо как виновен тот, кто не избирает достойное избрания, так похвала принадлежит тем, которые любят достойных любви, потому что они возлюблены. Мы же, расположив себя так, имеем то и другое: мы и любимы, потому что нас любит и воспринял к себе (в дети) Бог; мы и любительны, потому что любим ближних.

11 Возлюбленнии, аще сие возлюбил есть нас Бог, и мы должни есмы друг друга любить. 12 Бога никтоже нигдеже виде: аще друг друга любим, Бог в нас пребывает, и любви его совершенна есть в нас. 13 О сем разумеем, яко в нем пребываем, и той в нас, яко от Духа своего дал есть нам. 14 И мы видехом и свидетелствуем, яко Отец посла Сына Спасителя миру.

Мы и прежде замечали, что у блаженного Иоанна в обычае повторять одно и то же об одном и том же. Так он и теперь поступает. Бога, говорит, никто никогда не видал. Говоря о любви к братьям, он в пример любви указал Бога, который по любви к нам предал едиnorodного Сына своего на смерть. Иной, выслушав сие, мог спросить: на каком же основании говоришь ты о предметах невидимых? В ответ на такой вопрос он говорит: я и сам говорю то же, что Бога никто никогда не видал; но из любви друг к другу мы узнаем, что Бог есть в нас. И говорит это справедливо, потому что многие невидимые для нас предметы мы познаем из их действий. Например, души никто не видал, но из действий и движений мы убеждаемся, что она в нас есть и действует. Так и любовь Божию к нам мы узнаем чрез некоторое движение и действие. Если в этом нет ничего несообразного, то и сей божественный муж прилично от действия доказывает, что Бог есть в нас. Какое же это действие? Чистая любовь к ближним нашим. Она есть признак нашего пребывания в Нем и Его в нас и потому еще, что Он дал нам от Духа своего. Ибо чистый рождает чистое и непорочное. И как чрез чистую любовь мы имеем общение с Ним, то отсюда мы, видевшие Его по плоти, познали и свидетелствуем, что Отец послал Его, Спасителя миру. Чтобы

совершеннее утвердить нас в таком нашем познании, Он и сам давал объяснение о своем Лице. Иногда говорил: «Я исшел от Отца, и пришел в мир» (Иоан. 16, 28), т. е. Отец за любовь к нам послал с неба в мир едиnorodного Сына своего. Иногда еще яснее: «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего едиnorodного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб» (Иоан. 3, 16); и: «Я пришел в мир не судить мир, но спасти мир» (Иоан. 12, 47). Итак, мы и сами видели, и от Едиnorodного, сущего в недре Отчем (Иоан. 1, 18), слышали, и из действия — взаимной любви познаем, что Бог в нас, и дал нам от Духа своего, и мы в общении с Ним.

15 Иже аще исповесть, яко Иисус есть Сын Божий, Бог в нем пребывает, и той в Бозе. 16 И мы познахом и веровахом любовь, юже имать Бог к нам. Бог любви есть, и пребывая в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает.

Это относится к сказанному немного выше (ст. 2): всякий дух, который исповедует Господа Иисуса, пришедшего во плоти. Апостол достаточно доказал, что они (верующие) суть дети Божии, и что Бог в них пребывает; а доказал это любовью друг к другу, потому что дан им Дух Святой. После сего и возвращается к помянутой речи и говорит: кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том Бог пребывает, потому что, как выше сказано, всякий дух, исповедающий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. Этими словами апостол выражает и другую истину, что те, которые так исповедуют и имеют в себе пребывающего Духа, т. е. Бога, и сами пребывают в Боге. Каким образом? Через любовь друг к другу. А вспомнив о любви, он повторяет все высказанное им о любви, для того, чтобы более утвердить учение о любви.

17 О сем совершается любви с нами, да дерзновение имамы в день судный, зане якоже он есть, и мы есмы в мире сем. 18 Страх несть в любви, но совершенна любви вон изгоняет страх.

Бог есть свет, и святые Его, по изречению Евангелия (Матф. 5, 14), суть свет мира и чужды страха мучения, потому что исполнены любовью к Богу. Хочу, говорит апостол, чтобы вы усовершились в любви так, чтобы в день суда нам иметь дерзновение пред Богом, потому что и Он есть Судия, по собственному Его изречению: «Отец не судит никого, но всякий суд отдал Сыну» (Иоан. 5, 22). И что наше дерзновение будет пред Богом вочеловечившимся, апостол выразил в следующих словах: *зане якоже Он есть, и мы есмы в мире*, т. е. когда уже доказали, что Бог в нас и мы в Нем, то мы сами себе свидетели о совершенстве любви. Как Он в мире был непорочен и чист, почему и говорил: «идет князь мира сего, и во Мне не найдет ничего» (Иоан. 14, 30); так и мы будем в Боге и Бог в нас. Если Он есть учитель и подаватель нашей чистоты, то мы должны носить Его в мире чисто и непорочно, всегда нося в теле своем мертвость Его (2 Кор. 4, 10). Если будем так жить, то будем иметь дерзновение пред Ним и будем свободны от всякого страха. Ибо, достигши добрыми делами совершенства в любви, будем далеки от страха. В подтверждение сего и прибавляет: совершенная любовь изгоняет страх. Какой же страх? Сам же он говорит, что страх мучения. Ибо можно иного любить и по страху наказания. Но такой страх не есть совершенный, т. е. несвойствен совершенной любви. Сказав это о совершенной любви, обязательно говорит, что мы должны любить Бога, потому что Он прежде возлюбил нас, и как Он прежде сотворил нам благо, то мы тем усерднее должны принуждать себя к воздаянию за оное. Основываясь на словах Давида: «бойтесь Господа все святые Его, потому что не бывает недостатка у боящихся Его» (Псал. 33, 10), иные спросят: как теперь Иоанн

говорит, что совершенная любовь изгоняет страх? Неужели святые Божии так несовершенны в любви, что им заповедуется бояться? Отвечаем. Страх двоякого рода. Один — предначинательный, к которому примешивается мучение. Человек, совершивший худые дела, приступает к Богу с боязнию, и приступает для того, чтобы не быть наказанным. Этот — страх предначинательный. Другой страх — совершенный. Этот страх свободен от такой боязни; почему и называется чистым и пребывающим в век века (Псал. 18, 10). Что же это за страх, и почему он совершенный? Потому, что имеющий его совершенно восхищен любовью и всячески старается о том, чтобы у него ничего не доставало такого, что сильно любящий должен сделать для любимого.

Яко страх муку имать: бояйся же не совершился в любви. 19 Мы любим его, яко той первее возлюбил есть нас.

Под страхом здесь разумеется страх предначинательный. Кто искренно любит Бога, тот творит угодное Ему не по страху наказания, а по влечению к добродетели и по любви к Богу, не ограждая себя даже законным страхом, заключающимся в любви к хорошему. И тот страх, который делает что-нибудь для того, чтобы не подпасть наказанию, тождествен с первым. Посему и прибавлено: *страх муку имать*.

20 Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть: ибо не любяй брата своего, егоже виде, Бога, егоже не виде, како может любити?

Выше апостол с настойчивостию доказал, что любовь должна быть взаимная, переходящая от Бога к нам и от нас к Богу; присовокупил к сему, что если Бог так возлюбил нас, то и мы должны любить друг друга. Теперь снова возводит речь к тому же и говорит: так как на нас лежит долг любить брата, по примеру любви Бога к нам, и, воздавая любовь Богу, мы удовлетворяем этому долгу; то нам непременно должно любить брата для совершеннейшего доказательства любви к Богу. Ибо если этого не будет, то не сохранится и любовь наша к Богу, так как будет нарушен долг по отношению к ближним, долг, вытекающий из любви к Богу. Прибавляет и еще более сильное слово на обличение тех, которые хотят извращать божественную любовь. Апостол говорит как бы так: любовь, очевидно, образуется чрез обращение друг с другом; обращение же предполагает, что человек видит своего брата и по обращению с ним еще более привязывается к нему любовью; ибо видение весьма много привлекает к любви. Если же так; то кто ни во что ставит гораздо более влекущее к любви, не любит брата, которого видел, как может быть признан истинным, когда говорит, что любит Бога, которого не видел, который ни в обращении с ним, ни объемлется никаким чувством? Если кто-нибудь бесстыдно будет говорить, что Бога любит, а брата ненавидит, тот, извращая божественную любовь, оказывается сверх сего и преступником следующей Его заповеди: «потому узнают все, что вы мои ученики, если будете любить друг друга» (Иоан. 13, 35). Посему, кто любит Бога и старается быть Его учеником, тот, по заповеди Его, любит и брата своего.

21 И сию заповедь имама от него, да любяй Бога, любит и брата своего.

ГЛАВА 5

1 Всяк веруяй, яко Иисус есть Христос, от Бога рожден есть: и всяк любяй

рождшаго, любит и рожденного от него. 2 О сем вемы, яко любим чада Божия, егда Бога любим, и заповеди его соблюдаем. .

И это говорится в подтверждение выше сказанного. Если мы от учителя получили заповедь любить друг друга, то, без сомнения, если веруем, что учитель наш Иисус есть Христос, а Христос Он в том смысле, что есть Бог и вместе человек, должны соблюдать и заповеди Его, как учителя и как Бога. Веруя же, что Он есть Бог, мы получаем имя детей Его, как и в Евангелии сказано: «тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими» (Иоан. 1, 12), т. е. которые уверовали в Него, те и стали детьми Его. Если же мы родились от Него; без сомнения, должны и оказывать должное Родителю, т. е. любить Родившего. Если же все мы, уверовавшие, родились от Него; то мы должны любить и друг друга и как братья, и как рожденные от Него. В подтверждение сего апостол и говорит, что любящий родившего любит и рожденного от него. Потом опять говорит, что любовь к братьям или чадам Божиим доказывает любовь к Родившему. Выше он говорил, что любящий Бога любит и брата своего, а теперь говорит, что любящий детей Божиих любит и Бога, и любовь к брату поставляет доказательством любви к Богу.

3 Сия бо есть любви Божия, да заповеди его соблюдаем.

Связь такая: любовь состоит в том, чтобы мы соблюдали заповеди Его, потому что всякий, рожденный от Бога, побеждает мир. Слова же: *тяжки не суть* вставка.

И заповеди его тяжки не суть. 4 Яко всяк, рожденный от Бога, побеждает мир: и сия есть победа победившая мир, вера наша.

Поелику полным доказательством любви к Богу апостол указал соблюдение заповедей, а некоторым думалось, что заповеди Божии тяжелы, то и говорит: и заповеди Его не тяжки. Ибо что тяжелого в деле любви брата? Что, например, тяжелого в том, чтобы посетить узника в темнице? Ибо повелевается не выпустить из темницы, что было бы трудно, а только посетить. И больного повелевается не освободить от болезни, а только посетить. И голодному не повелевает предложить стол из многих блюд, или нагому подать одежду, приготовленную из драгоценной материи, но доставить крайне нужное, чего ищет голодный и наготующий. Сказав это, указывает и другое побуждение к любви. Какое? Победу. Говорит, что, чрез любовь к брату соделывая себя детьми Божиими, вы имеете уже и воздаяние за это доброе качество, — победу над миром; ибо рожденный от Бога побеждает мир. Потом объясняет, в чем состоит победа и чрез что она совершается; тем и другим называет веру, т. е. веру в Бога, которая, родившись от Бога, победила и прогнала всякое неверие, и ни иудей, ни еллин, ни еретик, не силен против нее. А как вера побеждает не одна, сама по себе, а вместе с имеющим ее; то прибавляет: и кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий? Кто же сей Иисус? Иисус Христос, пришедший водою и кровию.

5 Кто есть побеждаяй мир, токмо веруяй, яко Иисус есть Сын Божий? 6 Сей есть пришедый водою и кровию и Духом, Иисус Христос.

В словах: *всякий, рожденный от Бога*, апостол упомянул об усыновлении Богу и о рождении. А это вместе совершается чрез святое крещение. Посему говорит: сей есть пришедший водою и кровию Иисус Христос, возрождающий и делающий нас сынами Божиими. Ибо это подразумевается и как следствие в словах: *всяк рожденный от Бога* побеждает мир. Как *рожден*? Водою и кровию. Ибо пришедший Иисус Христос возрождает

водою и кровию. И опять прибавляет с повторением слова: не водою только возрождающий, но водою и кровию. Ибо хочет прежде доказать прославление усыновляющего нас Христа, потому что прежде усыновлен Богом человек, сущий во Христе, а потом Христос чрез свое сыноположение даровал и нам такое достоинство. А сыновство Его объявлено трижды: один раз при крещении на Иордане, когда Отец свыше свидетельствовал, что крещаемый есть Сын возлюбленный. Кто же? Тот, кто входит в воду, т. е. человек, воспринятый на себя Богом Словом, являющийся в сокрываемом; ибо для Него и нужно было свидетельство. Итак, Иисус пришел водою, т. е. объявлен Сыном Божиим чрез свидетельство Отца при крещении в воде. Кровию, когда, идя на крест, говорил: «прославь меня Ты, Отче»! и когда принесся глас: «и прославил, и еще прославлю», который слышавшие приняли за гром (Иоан. 17, 5. 12, 28. 29). Духом, когда, как Бог, воскрес из мертвых; ибо воскрешать самому Себя свойственно одному только Богу, а словом Дух называется Бог, как можно видеть в изречении: «Дух есть Бог» (Иоан. 4, 24). Итак, при свидетельстве трех: крещения, креста и воскресения о сыноположении Иисуса, сыноположение Господа непререкаемо. А чрез свое сыноположение, как начаток всего рода человеческого, Он даровал и нам право быть сынами Божиими. И сии три в одном Христе. Ибо это значит выражение: *и сии три едино суть*, т. е. по отношению к свидетельству о Христе. Нужно знать, что некоторые из отцов слово духом разумели не о воскресении Христа, но об Отце, когда Он воззвал на Иордане: «сей есть Сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение» (Матф. 3, 17), так как Бог есть Дух, как мы выше сказали.

Сказав это, подтверждает слова свои доказательством от меньшего. Если мы принимаем свидетельство человеческое о чем-либо, не тем ли справедливее должны принять свидетельство большее, от Бога? Ибо это свидетельство о Сыне Божиим, т. е. Христе, не от самого ли Бога? Итак, верующий в Сына Божия, что Он есть Бог, как Сын Божий, имеет свидетельство в самом себе, потому что верующий и сам усыновлен чрез Иисуса, усыновленного Богом. А не верующий виновен в двух отношениях: в неверии, представляя Бога лжецом, и в том, что лишает себя сыноположения, а чрез это — жизни вечной, которую и Христос имеет в самом Себе, как в Евангелии сказано: «в Нем была жизнь» (Иоан. 1, 4). Посему кто имеет в себе Сына чрез крещение, тот имеет и жизнь, ибо все мы, крестившиеся во Христа, облеклись во Христа (Гал. 3, 27). А кто не имеет Сына Божия чрез крещение, тот не имеет и жизни, тот мертв. Ибо принимая нас, мертвых прегрешениями, Он воскрешает чрез святое крещение. Каким образом? Потому что кто чрез погружение в крещении спогребся со Христом, тот мертв для мира, т. е. для мирских прихотей, и живет уже не для мира, но для Христа.

Не водою точию, но водою и кровию: и Дух есть свидетельствуяй, яко Дух есть истина. 8 Яко трие суть свидетельствующие: дух, вода, и кровь ^[63].

Нужно подразумевать: *пришедший*, т. е. пришел не водою только, представил доказательство не в воде только.

И трие во едино суть. 9 Аще свидетелство человеческое приемлем, свидетелство Божие более есть: яко сие есть свидетелство Божие, еже свидетелствова о Сыне своем. 10 Веруяй в Сына Божия, имать свидетелство в себе: не веруяй Богови, лжа сотворил есть его, яко не верова во свидетелство, еже свидетелствова Бог о Сыне своем. 11 И сие есть свидетелство, яко живот вечный дал есть нам Бог, и сей живот в Сыне его есть. 12 Имеяй Сына Божия, имать живот:

а не имея Сына Божия, живота не имать.

И сии три суть воедино, т. е. по отношению к свидетельству о Христе показывают, что Он усыновлен Богом Отцом, и что сам получил, то передал и достойным, верующим во имя Его.

13 Сия писах вам верующим во имя Сына Божия, да весте, яко живот вечный имате, и да веруете во имя Сына Божия. 14 И сие есть дерзновение, еже имамамы к нему, яко аще чесо просим по воли его, послушает нас. 15 И аще вемы, яко послушает нас, еже аще просим, вемы, яко имамамы прошения, ихже просихом от него.

Здесь выводится как бы заключение. Я, говорит, написал это вам, как наследникам жизни вечной. Ибо для тех, которые не живут по надежде жизни вечной, это не могло бы быть написано, потому что давать святыню псам и бросать жемчуг пред свиньями — не похвально. (Матф. 7, 6). Напоминая сказанное, повторяет, во-первых, что должно несомненно верить во имя Сына Божия, т. е. в преданное нам от Него богопочтение, ибо это значит, как мы говорили, имя Сына Божия. Потом говорит, что знаком этой несомненной веры служит не иное что, как дерзновение, которое мы находим пред Ним чрез непорочную веру, как и выше мы говорили, и что опять знаком такого дерзновения служит получение всего, просимого нами. Но как не все получают все просимое, и не все просьбы выслушиваются, то прибавляет *по воли Его*, т. е. кто просит противного воле Учителя, тот не будет и услышан. В этом случае он говорит подобно блаженному Иакову: «просите, и не получаете, говорит он, потому что просите не на добро» (Иак. 4, 3). Обращая этот знак в яснейший признак, говорит: и если мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни попросили, то знаем и то, что мы получаем от Него все, просимое у Него. Говорит как бы так: если мы просим у Бога сообразного с волею Его, то Он слушает нас; если же выслушивает нас в просьбах наших, то мы знаем, что приносим просьбы, согласные с Его волею, и просимое нами имеем сами у себя. Такие предметы суть: царство Божие и правда Его, которых просить Он и сам заповедал нам в Евангелии (Матф. 6, 33).

16 Аще кто узрит брата своего согрешающа грех не к смерти, да просит, и даст ему живот, согрешающим не к смерти, есть грех к смерти: не о том глаголю, да молится. 17 Всяка неправда грех есть, и есть грех не к смерти.

Сказав, что Бог исполняет прошения наши, согласные с Его волею, апостол теперь ясно высказывает желание свое о том, чего бы мы просили по воле Божией. И как он много, почти чрез все послание, говорил о любви к брату и о том, что Бог желает, чтобы мы соблюдали любовь к брату нелицемерно; то теперь одним из желаний Его и самым лучшим называет то, что когда кто видит брата своего, согрешающего грехом не смертным, то пусть просит, и даст ему. Что даст? Жизнь вечную. Кому? Согрешающим не к смерти. Вообще он разделяет грех так: всякая неправда есть грех, и один грех к смерти, другой не к смерти. Но о грехе к смерти говорит: пусть не просит, т. е. не молится: ибо не будет услышан, потому что просит не на добро. Разумеет того, кто не показывает никакого обращения. Ибо грех к смерти тот и есть только, в котором не приносят раскаяния. Этим грехом недуговал Иуда, и подвергся вечной смерти. Злопамятные также грешат к смерти; ибо Соломон говорит: «путие злопомнящих в смерть» (Притч. 12, 28). Ибо те, кои помнят зло и не прекращают гнева на

ближнего, не обращаются к покаянию, но согрешают непростительно.

18 Вемы, яко всяк, рожденный от Бога, не согрешает: но рожденный от Бога блюдет себе, и лукавый не прикасается ему. 19 Вемы, яко от Бога есмы, и мир весь во зле лежит. 20 Вемы же, яко Сын Божий прииде, и дал есть нам разум, да познаем Бога истиннаго, и да будем во истиннем Сыне Его Иисусе Христе: сей есть истинный Бог, и живот вечный.

Наставив нас тому, какой грех к смерти и какой не к смерти, затем обозначает, кто может грешить к смерти, и говорит: усыновленный Богом никогда не может болеть грехом ни к смерти, ни не к смерти. Ибо однажды предав самого себя Христу, обитающему в нем чрез сыноположение, он остается неприкосновенным для греха. Однакож, чтобы кто-нибудь не подумал, что природа его претворяется и становится уже неуловимою для греха, прибавляет: *блюдет себе*, т. е. если не будет хранить и беречь себя от лукавого, то, без сомнения, согрешит. Итак он не по природе достигает безгрешности, но по великому дару Божию. Бог, усыновив нас, удостоил нас такой благодати, что мы, сохраняя и соблюдая поданный нам от Него дар, можем и не грешить. В противном случае, так как мир (под миром понимает тех, которые не поставили себя в отношении к Богу в положение сынов чрез правые дела) во зле лежит, ничто не попрепятствовало бы нам пристать к погибающим, потому что мысль человека от юности его усердно прилежит на зло (Быт. 8, 21), как Бог показал это при потопе. Но как пришел Сын Божий и дал нам разум к познанию Его, истинного Бога, и пребыванию в Нем, истинном Сыне Его, Иисус Христе; то чрез этот великий дар мы познали, что Он есть истинный Бог и жизнь вечная, и, познавши, пребываем неискушенными от лукавого и соблазнов его.

21 Чадца, храните себе от треб идолских, аминь.

Так как апостол писал настоящее послание к совершенным верующим; то некоторые спрашивали, для чего он заповедует им хранить себя от идолов. Отвечаем. Апостол писал это всей Церкви, которая не вся наполнена была людьми избранными, а между ними иной был и с неправым расположением. Таким и дает он заповедь эту, опасаясь за их слабость.

Конец соборного послания ап. Иоанна. Писано из Ефеса.

ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ИОАННА.

Содержание второго соборного послания св. ап. Иоанна.

Апостол пишет это послание, как старец, избранной госпоже и детям ее. Повод к посланию был следующий. Апостол видел, что дети госпожи той хорошо живут по вере, а между тем многие обманщики обходят и говорят, что пришествия Христова во плоти нет. Посему апостол пишет настоящее послание. В нем он, во-первых, хвалит детей госпожи той за то, что они хорошо ведут себя; потом учит, что таинство нашей веры не ново; снова убеждает к любви и к тому, чтобы они пребывали в преподанном им учении; наконец учит, что кто говорит, будто Христос не пришел во плоти, тот антихрист, и заповедует, чтобы никто не принимал таких людей в дом и не говорил им приветствий, и затем оканчивает послание.

Оглавление второго послания св. ап. Иоанна.

После вступления, говорится о правой жизни в любви к Богу, при неизменном сохранении благочестивой веры; здесь же и о том, что еретика не должно принимать в дом или приветствовать, чтобы не сделать греха. Обещание лично прибыть, в надежде быть полезным.

1 Старец избранней госпоже и чадам ея, ихже аз люблю воистинну, и не аз точию, но и вси разумевшии истину.

Некоторые думали, что настоящее послание, как и следующее за ним, принадлежит не Иоанну возлюбленному (ученику Господа), но другому лицу, ему соименному; потому что в том и другом послании писатель называет сам себя пресвитером, и одно послание пишет к одной женщине, а другое — к другому лицу, Гаию, но одному же: что не идет к посланию, называемому соборным; притом начало этого послания не такое, какое в первом послании; ибо он начал оное иначе. На это мы скажем следующее. В первом послании он не сделал такого начала, какое здесь, потому, что писал оное не к определенному лицу или к церкви известного места (как сделал блаженный Петр, определенно означив, что он пишет к иудеям, находящимся в рассеянии, и прежде него божественный Иаков), но обращался с речью ко всем вообще верным, собранным ли или находящимся в рассеянии, и потому опустил сказанное начало. Здесь называет себя пресвитером, а не апостолом, ни рабом Иисуса Христа, как прочие апостолы. Не называет себя апостолом, быть может, потому, что он не первый проповедовал Евангелие в Азии, но после Павла, и не проходом, как тот, но постоянно оставаясь там. Не назвал себя рабом Иисуса Христа, потому что при сильной своей любви надеялся быть вне страха рабства. Пресвитером же (старцем) только он соизволил назвать себя или потому, что писал эти послания уже в старости, или потому, что именем пресвитера обозначил свое епископство, так как в то время имя пресвитера обыкновенно употреблялось и о епископах. Пишет к верной женщине, и этим нисколько не унижает себя, потому что во Христе Иисусе не имеет различия ни мужеский пол, ни женский (Гал. 3, 28). Пишет к одному Гаию, по примеру апостола Павла, который пишет к Титу, к Тимофею и к частному лицу — Филимону. Это о начале послания.

Подлинность этих посланий обнаруживается из образа выражения и прочего строя речи.

Ибо и здесь писатель часто повторяет свою речь, говоря одно и то же об одном и том же, при малом к тому поводе, чтоб утвердить речь. О двух предметах просит апостол избранную ту: во-первых, о том, чтоб она ходила в любви, и, во-вторых, о том, чтобы отвращалась еретиков. Называет ее избранною или по имени, или по любви к добродетели. Говорит, что любит ее по истине и не только ее, но и всех единоправных ей, имеющих истину, утвержденную в самих себе. Это значат слова: *пребывающую в нас* (ст. 2), т. е. веру во Христа. Говорит, что любит *во истинну*; ибо можно любить притворно, одними устами, как сам он в первом послании (3, 18) обличил некоторых верующих, но лицемерных. Сказав: *пребывающую в нас*, прибавил: *и с нами будет во веки*. К этому опять присовокупил, что будет с нами благодать и милость, показывая, какие блага произрастают от совершенной любви. К словам: *от Бога Отца и от Господа Иисуса Христа*, прибавил еще: *Сына Отца*. Ибо один только Бог в собственном смысле есть Отец Сына. Посему и Павел говорит: «от которого именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Ефес. 3, 15). *Во истине и любви*. Этими словами придает достоверность речи и указывает признак любви, о которой говорит.

2 За истину пребывающую в нас, и с нами будет во веки. 3 Да будет с вами благодать, милость, мир от Бога Отца, и от Господа Иисуса Христа Сына Отца, во истине и любви.

Т. е. мир истинный и твердый, а не по одному только виду.

4 Возрадовахся зело, яко обретох от чад твоих ходящих во истине, якоже заповедь прияхом от Отца. 5 И ныне молю тя, госпоже, не яко заповедь пишу тебе нову, но юже имамамы исперва, да любим друг друга. 6 И сия есть любы, да ходим по заповедем Его.

Поистине дело весьма радостное — найти человека, непреткновенно идущего поприщем веры во Христа по Его заповеди. Какая же это заповедь? Та, о которой Христос говорит в Евангелии: «кто любит Меня, тот соблюдет заповеди мои» (Иоан. 14, 23). Отцом называет здесь Христа, потому что Он есть и отец тех сыновей, которые по домостроительству даны Ему Отцом, как сказано: «вот Я и дети, которых дал мне Бог» (Иса. 8, 18). Примечай и (здесь) подлинность настоящего послания. В этом случае оно согласно с сказанным в первом послании (5, 2. 3): знаем, что любящий Бога соблюдает заповеди Его. Ибо поступать по заповедям то же, что — соблюдать оные. Добродетели деятельны, и бытие имеют тогда, когда совершаются. Посему, кто перестал ходить в добродетелях, тот и не хранит их. *Ходящих* сказано с мыслию указать на преуспеяние. Ибо чем более кто действует в добродетели, тем далее уходит вперед, тем больший приобретает навык к добру. Посему, думаю, сказано и сие: «во что желают приникнуть ангелы» (1 Петр. 1, 12). Ибо блага, дарованные нам вочеловечившимся Словом, столь велики, что и ангелам желательно получить хотя некоторое понятие о них. Ибо так нужно понимать *приникнути* (παρακίψαι). Всякий благоразумный желает того, что не прекратится, но продолжится навсегда. И как неисчерпаемое нельзя всецело обнять, то желательно по крайней мере, насколько возможно, сделаться участником в нем. *Не яко заповедь пишу тебе нову*. И это согласно с тем, что говорится в первом послании (2, 7). Прибавляет и требование заповеди: *да любим друг друга*. И объясняет о любви, что сущность ее заключается в хождении по ней, и заповедь о ней есть заповедь от начала, и дана не для другого чего, как для того, чтобы вы поступали по ней.

Сия есть заповедь, якоже слышасте исперва, да в ней ходите. 7 Зане мнози лестцы внидоша в мир, не исповедающе Иисуса Христа грядуща (ερχομενον) во плоти.

Постоянно говорит об одном и том же. Заповедию о любви убеждает к единению, к тому, чтобы они не переходили к обольстителям, которые уже ходят по миру и отвергают пришествие Господа во плоти. Говоря о хождении по заповеди, данной от начала, показывает, что мнение заблудившихся еретиков ново, и убеждает верных держаться этой изначальной заповеди, а не увлекаться обманом еретиков. Ибо и Христос своим ученикам относительно обольстителей заповедал: «многие придут под именем моим, говоря, что это Я, и многих обольстят; вы же не ходите вслед их» (Лук. 21, 9). Итак всем, соблюдающим заповеди, повелевает не обманываться, но почитать антихристом того, кто скажет это. *Сей, говорит, есть льстец и антихрист.* Из слов: *не исповедающе Иисуса Христа грядуща*, а не: *пришедша* (ελθοντα), *во плоти* видно, что были некоторые, отвергавшие второе пришествие Христово. И сам Господь, когда говорит, что многие придут под именем моим, говорит не о первом своем пришествии, а о втором. Впрочем, совершенно справедливо, что отвергающие второе пришествие не признают и первого. Ибо если Господь приходил уже во плоти и обещал еще придти; то, очевидно, отвергающий второе пришествие отвергает и первое. Кто верует, что Господь приходил, тот с верою примет и обещание Его, пришедшего. А кто отвергает обещание, тому ничто не препятствует отрицать и первое пришествие. Посему-то, полагаю, и выразился возлюбленный: *грядуща*, а не *пришедша*, чтобы одним словом обнять отвергающих оба пришествия Господня.

Сей есть льстец и антихрист.

Для большей ясности, перед этим нужно подразумевать: кто не исповедует сего, а потом уже читать: тот есть обольститель и антихрист. Без этого добавления речь неполна.

8 Блюдите себе, да не погубите, яже деласте добрая, но да мзду совершенну восприимете. 9 Всяк преступаяй, и не пребываяй во учении Христове, Бога не имать.

Заповедует тем, кому пишет, остерегаться людей, отвергающих оба пришествия Господня. Представляет и причину, именно то, чтобы, приставши к ним, вам не потерять того, что вы сделали, но получить полную награду. Иной из такого рода людей, быть может, скажет: если я не верую в пришествие Христово во плоти, но проведу жизнь в добрых делах, ужели с этими делами не могу стать наряду с благочестивыми? Ужели не могу получить награды за оные? Апостол вперед уничтожает такое возражение. Он говорит: кто отвергает пришествие Христа во плоти, тот пусть и не думает ни о получении полного воздаяния за дела, какое предлежит истинно верующим, ни о причтении себя к совершенно благочестивым. Напротив, всякий, преступающий заповедь Его, т. е. Христа, пришедшего во плоти, и не пребывающий в учении Его, не имеет Бога. Ибо если на Того, кто пришел научить людей совершенному богопознанию, смотрит с пренебрежением; то как может быть еще благочестивым, когда презирает самого Учителя божественных предметов? Нет, такой человек — безбожник; равно как тот, кто тверд в учении Христовом, есть Божий и боголюбезен, и имеет в себе всю полноту Божества, т. е. Отца и Сына и Святого Духа. Ибо Христос учит об Отце, когда говорит: «все, что имеет Отец, есть мое» (Иоан. 16, 15); во многих местах учит о Себе самом и об Отце, что один Отец, а другой — Сын; учит о Духе,

когда говорит: «Дух Святой, который от Отца исходит» (Иоан. 15, 26); еще яснее, когда говорит: «крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Матф. 28, 19). Если ученик Господа сказал здесь только об Отце и Сыне, а о Духе Святом умолчал; то этим нисколько не соблазняйся. Ибо здесь и следовало сказать только об этом, т. е. об Отце и Сыне.

Пребываяй же во учении Христове, сей и Отца и Сына имать.

Пребывает в учении Христовом, т. е. в евангельском, тот, кто мудрствует по оному, учит, действует, соображает с ним всю жизнь внутреннюю и внешнюю. А кто удаляется от оногo, тот безбожник. Ибо как тот, кто живет в точности (по сему учению), усвояет себя Богу, подобно Аврааму, который посему и услышал от Него: «Я Бог твой» (Быт. 17, 1); так тот, кто живет не по заповеди евангельской, живет без Бога, потому что сам удалил себя от Бога. Но тогда как сей, т. е. отчуждившийся божественного учения, живет без Бога, пребывающий в этом учении имеет и Отца и Сына. Об этом и Сын сказал: «Мы придем к нему и обитель у него сотворим», т. е. вместе с Отцом (Иоан. 14, 23). Ибо чрез соблюдение заповедей он сделал себя храмом и жилищем Божиим и Бог вселился в него. Слова *иметь Бога* употребляются в двояком смысле. Говорится, что и все твари имеют Бога, как апостол Павел выразился: «мы Им живем, и движемся, и существуем» (Деян. 17, 28). Так говорится в отношении к бытию. Опять, когда кто служит Богу добродетелями, говорится, что он имеет Бога. В этом значении и называется Бог Богом Авраама, Исаака и вообще боголюбезных евреев. К сказанному теперь надобно приставить: кто имеет Сына, тот имеет и Отца. Ибо «видевший Сына, как сам Он сказал, видел и Отца». Он же сказал: «Я в Отце, и Отец во Мне» (Иоан. 14, 9. 10). Поэтому и отсюда познается единосущие Отца и Сына. А если кто скажет: в таком случае и тот, кто принимает учеников, имеет Отца и Сына, потому что сказано: «принимающий вас принимает Меня, а принимающий Меня, принимает посланного Меня» (Мф. 10, 40); такой пусть знает, что он говорит худо и понимает неправильно. Ибо это сказано об учении. Кто добровольно принял апостолов и учение их, тот чрез них принял учителями и Отца и Сына. И иначе: пребывающий в учении имеет и Отца и Сына, а апостолы пребывали в учении, потому что и проповедовали оное; посему принявший их, храмы Божии, чрез самое принятие их имеет пребывающего в них Сына и Отца.

10 Аще кто приходит к вам, и сего учения не приносит, не приемлите его в дом, и радоватися ему не глаголите. 11 Глаголяй бо ему радоватися, сообщается делом его злым. 12 Многа имех писати вам, и не восхотех хартиено и чернилом, но надеюся приити к вам, и усты ко устом глаголати, да радость ваша будет исполнена.

Тех, кому пишет послание, апостол предостерегает, чтобы они приходящего к ним без сего исповедания (учения Христова) не только не принимали под кров свой, но и не достаивали приветствия, потому что приветствие от нас должно быть делаемо только тем, кои единоправны и единовверны с нами. Ибо кому мы должны молить благополучия, как не единоправным и единовверным с нами? Если же будем приветствовать нечестивых, что прилично только в отношении к единоправным и единовверным; то этим самым показываем, что мы в общении с ними, и что они уже увлекли нас в свое нечестие. Причиною, почему настоящее и следующее за ним послание изложены кратко, апостол поставляет то, что надеется придти сам и при личном свидании восполнить недостающее.

13 Целуют тя чада сестры твоя избранныя, аминь.

Некоторые на основании этих слов думают утверждать, что послание сие писано не к женщине, а к Церкви. С тем, кто так думает, я нисколько не спорю.

Конец второго послания ап. Иоанна.

ТОЛКОВАНИЕ НА ТРЕТЬЕ ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ИОАННА.

Содержание третьего послания св. ап. Иоанна.

Апостол пишет о странноприимстве. Во-первых, он одобряет Гаия, о котором все свидетельствуют, что он с любовью принимает странников; убеждает его и впредь пребывать в таком же расположении, отпускать и принимать братьев; снова хвалит его за усердие, и не одобряет Диотрефа за то, что он сам ничего не делает бедным и другим запрещает делать, и много злословит; говорит, что такие люди далеки от истины и не знают Бога; упоминает еще о Димитрии, о котором отзывается с отличною похвалою. Оглавление третьего послания св. ап. Иоанна Молитва о преспеянии Гаия, и благодарность ему за принятие странствующих братьев ради Христа; здесь же о неблагородстве Диотрефа и ненависти его к братьям. Прекрасный отзыв о Димитрии. О том, что апостол сам вскоре придет к ним на пользу.

1 Старец Гаиеви возлюбленному, егоже аз люблю воистинну. 2 Возлюбленне, во всех молюся о тебе, благо спятыся тебе, и здравствовати.

По истине любит тот, кто любит по Господе. Апостол пишет это послание с целью воздать похвалу некоторым братьям. Пишет к Гаию, о котором свидетельствует, что он принимает много странников, и за то воздает ему великую похвалу. Ибо кто делает добро, тот, говорит, от Бога (ст. 11). Еще более поощряет его тем, что не одобряет Диотрефа, который не хочет так поступать. Хвалит Димитрия, который поступает также, как Гаий, и дает верное свидетельство о его добродетели.

Якоже благоспеется тебе душа. 3 Возрадовахся зело пришедшим братьям, и свидетелствующим твою истину. Как преуспеваает душа твоя; а преуспеваает она в жизни по Евангелию. Якоже ты во истине ходиши.

В истине ходит тот, кто ходит по простоте евангельской. Под словом *ходить* нужно разуметь не передвижение стоп, ибо такое, переступательное с места на место движение, свойственно всякому животному, имеющему ноги, но стройное и целомудренное преспеяние в душевных стремлениях, которого достигают немногие и из тех, кои имеют разум.

4 *Болши (μεἰζότεραν) сея не имам радости, да слышу моя чада во истине ходяща.* 5 *Возлюбленне, верно твориши, еже аще делаеши в братию, и в странния,* 6 *иже свидетелствоваша о твоей любви пред церковию, ихже предпослав достойно Богу, добре твориши.* 7 *О имени бо его изыдоша, ничтоже приемлюще от язык.* Выражение *μεἰζότερον*, не согласно с изяществом греческого языка; ибо к приращению (*μεἰζονα*) прибавлено еще приращение (*μεἰζότεραν*).

8 Мы убо должны есмы приимати таковых, да поспешницы будем истине. 9 Писах церкви: но первенстволобец их Диотреф не приемлет нас.

Приимати употреблено вместо: занимать, захватывать, как в словах: *объяша мя яко лев, готов на лов* (Псал. 16, 12). Этим апостол научает нас не выжидать прихода к нам нуждающихся, но самим бежать к ним навстречу и упрашивать их к себе, как поступали Авраам и Лот (Быт. 18, 2. 3. 19, 1.2).

10 Сего ради аще прииду, вспомяну ему дела, яже творит.

Если запрещено воздавать злом за зло (Рим. 12, 17), то как объяснить настоящую угрозу апостола? Отвечаем: заповедь говорит о невоздаянии злом за зло тому, кто грешит против нас, а когда грех против нас причиняет вред и Вере, то совершающего оный должно наказывать, как и Павел навел зло на Елиму, совращавшего с путей Господних (Деян. 13, 8-11).

Словесы лукавыми укоряя нас: и недоволен бывая о сих, ни сам приемлет братию, и хотящим возбраняет, и от церкви изгонит.

Слово укоряя значит: понося, злословя, порицая.

11 Возлюбленне, не уподобляйся злomu, но благому, благотворяй, от Бога есть; а злотворяй, не виде Бога.

Так как нет ничего общего у света со тьмою, никакого согласия между Христом и велиаром (2 Кор. 6, 14. 15); то просвещенный познанием Христа не должен чрез подражание нечестивым сливаться со тьмою, т. е. с гнусными делами их. Ибо как тот, кто делает добро, от Бога и усовершил мысленное око свое светом познания Его, почему весь стал светом, видит истинный свет, Бога, и бывает для других светилом в мире, содержащим слово жизни (Фил. 2, 16): так и тот, кто делает злое, ходя во тьме, ни сам не может видеть Бога, т. е. делать угодное Богу, ни для других быть руководителем, но ненавистен и отвратителен для всех, по написанному: «грешника я возненавидел и отвратился от него» (Псал. 118, 163).

12 Димитриеви свидетелствовася от всех, и от самая истины: и мы же свидетелствуем и весте, яко свидетелство наше истинно есть. 13 Многа имех писати, но не хошу чернилом и тростию писати тебе. 14 Уповаю же абие видети тя, и усты ко устом глаголати. 15 Мир тебе. Целуют тя друзи: целуй други по имени, аминь.

От всех, т. е. имеющих истину, и от самая истины, т. е. на словах и на деле; ибо хотя о добродетели иных и свидетельствуют, но свидетельство оказывается ложным, потому что словам не соответствует действительность. Если же кто под всеми, по обширности значения слова весь, будет разуметь верных и неверных, то и его понимание не несправедливо; ибо апостол Павел заповедует всем верным: «не подавайте соблазна ни иудеям, ни еллинам, ни церкви Божией, так как и я угождаю всем во всем» (1 Кор. 10, 32. 33).

Конец третьего послания св. ап. Иоанна.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ СВ. АП. ИУДЫ.

Содержание послания св. ап. Иуды.

Апостол пишет это послание к тем, которые уже уверовали. Повод к написанию был следующий. Появились некоторые люди и учили, что грех безразличен, и отвергали Христа. Апостолу нужно было писать и утвердить братьев. И он, во-первых, убеждает их подвизаться за преданную им веру и пребывать в ней; потом, опровергает лжеучителей, как обманщиков, и заповедует верующим не иметь никакого общения с ними, зная, что не достаточно быть только призванным, но нужно еще ходить достойно призвания. Ибо хотя в древности Господь вывел народ свой из Египта, но, когда народ этот не пребыл Ему верен, погубил его. Не пощадил Господь и ангелов, не соблювших своего чина. Поэтому должно удаляться от лжеучителей. Ибо и Михаил архангел не потерпел хулы диавола. Посему апостол учит, что лжеучители погибнут как содомляне. Потом преподает нравственные правила, и молитвою ко Господу об утверждении верующих в вере их оканчивает послание. Оглавление послания св. ап. Иуды. О внимательности к вере во Христа по причине появления нечестивых и развратных людей. О предстоящем наказании их по подобию древних грешников и злодеев. Горе им за соблазн, нечестие, разврат, хулы, и притворное лицемерие в видах обмануть. О твердости тех, кому пишет, в вере и о их сочувствии и пощаде к ближнему в видах спасти чрез святую жизнь. Молитва за них об освящении и чистом дерзновении и славословие Богу.

1 Иуда, Иисуса Христа раб, брат же Иакова, сущим о Бозе Отце освященным.

По моему мнению, для настоящего апостола достаточно было, в доказательство своего достоинства, после того, как назвал себя рабом Христовым, указать еще на родство свое с Иаковом. Ибо Иакова все восхваляли за его добродетель. Это обстоятельство должно было и этому апостолу доставить большее доверие от слушателей к учению слова, так как сомнительно, чтоб общник в рождении и крови оказался и в нравах весьма далеким от того, с которым имел общение в родстве, особенно тот, кто служит одному Владыке Христу и равномерно с единокровным несет бремя рабства.

Иисус Христом соблюденным званным: 2 Милость вам и мир и любы да умножится.

Господь сказал: «никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец мой» (Иоан. 6, 44). Этот блаженный муж показывает, что ныне оправдалось это слово. Ибо говорит, что любимые Отцом сохранены Иисусом Христом, почему и называет их призванными, так как они не сами собою пришли, но привлечены и призваны Отцом. Он желает, чтобы им умножились милость, мир и любовь; *милость* потому, что мы призваны Богом и восприняты в рабы Его по благоутробию милости; *мир* потому, что и его даровал нам сам Бог и Отец, примирив с Собою нас, оскорбивших Его, чрез Сына своего Иисуса Христа; *любовь* потому, что Единородный Сын Божий предал Себя на смерть за нас по любви к нам. Итак апостол молит, чтобы дары эти были у верующих в избытке, подобно как и блаженный Давид взывает ко Господу: «продли милость свою к знающим Тебя» (Псал. 35, 11). Побуждаемые этими спасительными примерами, и мы, при нелицемерном расположении к ближнему своему, должны жить достойно призвавшего нас.

3 Возлюбленнии, всяко тщание творя писати вам о общем спасении вашем, нужду возымех писати вам.

Здесь апостол указывает побуждение к написанию послания. Именно: он пишет настоящее послание, заботясь о спасении верующих, чтобы они по простоте не увлеклись гнуснейшими еретиками, пишет с тем, чтобы чрез описание развратной жизни еретиков обнаружить их и сделать явными для незнающих. О них говорил уже и апостол Петр, но апостол Иуда пишет пространнее. Говорит, что они преднаписаны (ст. 4); потому что апостолы Петр и Павел писали уже, что в последнее время придут обольстители такого рода (2 Петр. 1, 1. 2. 3, 3; 2 Тим. 3, 1-8). Еще прежде них сам Христос говорил: «многие придут под именем моим и многих обольстят; не ходите в след их» (Мар. 13, 6. Лук. 21, 8); потому что, называя себя христианами, они этим именем обманут многих. Апостол говорит о последователях гнуснейших Николая, Валентина и Симона. Ибо они, будучи чревоугодниками и невоздержными, придавали своему учению благовидный покров, чтобы найти доступ в дома и пленить женщин, погрязших в грехах. Выдумав некоторые ночные обряды, они предали свалке и разврату. *Прелагающи в скверну* сказано вместо: претворяющие, переводящие от целомудрия к разврату. От этого происходит и то, что они отвергают Господа нашего Иисуса Христа. Ибо как не отвергнуться Его тем, кои нечистою жизнью как бы пронзительным звуком каким отгоняют от себя Учителя всякого целомудрия? Ибо что общего у света со тьмою (2 Кор. 6, 14)?

Моля подвизатися о преданней вере святым единою. 4 Привнидоша бо нецыи челоуецы, древле преднаписанныи (προϋεγραμμενοι) на сие осуждение, нечестивии, Бога нашего благодать прелагающи в скверну, и единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа отметающиися.

Увещевает тех, которые однажды признали Господа нашего Иисуса Христа Спасителем и уверовали в Него, чтобы подвизались за веру. Ибо, если мы приняли вочеловечившееся Слово и однако говорим, что иной тот, который прежде веков от Отца, и иной тот, который от матери, и что сей — особое лицо, то как не отвергаемся единого Господа и Владыки? Ибо Господь Иисус един по единению домостроительства; потому что предвечное Слово Божие и Бог, имея снасажденную в славу Божества плоть, воспринятую Им от святой Девы, с самого зачатия, есть один и тот же Владыка всех.

5 Воспомянути же вам хошу, ведущим и вам единою сие, яко Господь люди от земли египетския спасе, последи неверовавшыя погуби: 6 Ангелы же не соблюдшыя своего началства, но оставльшыя свое жилище, на суд великаго дне, узами вечными под мраком соблюде. 7 Якоже Содома и Гоморра, и окрестнии их грады, подобным им образом преблудивше.

Сказав о разврате нечестивых николаитов, валентиниан и маркионитов, присовокупляет и то, что Господь, избавив народ из земли египетской, и так далее. Этим показывает, что виновник ветхого и нового завета есть один и тот же Бог, а не как эти гнусные говорят, будто иной Бог, гневный и жестокий, дал ветхий закон, а иной Бог, негневный и человеколюбивый, дал новый завет. Тем же показывает и то, что ныне нечестующие не останутся ненаказанными, как не остались вышедшие из Египта. Ибо хотя Бог превосходною своею силою и по клятве отцам их освободил их от египетского рабства, однако, когда они преступили закон; не оставил их без наказания, но воздал им должное возмездие: им нисколько не помогли ни благоволение Божие к предкам их, ни сверхъестественная сила чудес; и те, кои тогда перешли Чермное море по суху, впоследствии за отступления от веры

погибли. Тех же, которые, получив честь ангельского достоинства, по нерадению не пребыли в первоначальном своем состоянии, но отринули данный им благодатию небесный образ жизни, Бог сокрыл в наказание на суд, т. е. на осуждение, великого дня; ибо это значит слово *соблюде*. Почему и Господь говорит: «(идите в огонь), уготованный диаволу и ангелам его» (Матф. 25, 41). В пример того, что их обнимет неугасающий огонь, представляются и жители Содома.

И ходивше в след плоти иныя, предлежат в показание огня вечнаго суд подъемше.

Слова: *ходивше*, т. е. уклонившиеся, в *след плоти иныя* означают то же, что: блудодействовавшие. Плотию *иною* называет мужескую природу, как не служащую такому соитию, чтобы рождать. Ибо к такому соитию способна плоть женская, по изречению прародителя: «кость от костей моих, и плоть от плоти моей» (Быт. 2, 23), а плоть мужчины, как сказал я, чужда такого соития. Да и женская плоть, по законам, одна для одного есть своя и собственная плоть, а смешивающаяся со многими есть иная и чужая и в сквернении мало отстающая от мужеской.

8 Такожде убо и сии сония видяще, плоть убо сквернят, господства же отметаються.

Выставив упомянутые сейчас примеры, апостол предоставил подразумевать следствие их самому слушателю. Какое же? Такое наведение: если так поступил Бог с этими, не посмотрев на прежний их хороший жребий, то ужели нынешних нечестивцев избавит то, что для людей пришел в мир Сын Божий, претерпел за них поношение и понес страдания? Никто не может сказать этого. Ибо хотя Он человеколюбив, однако и праведен по истине, и по истинному правосудию не пощадил согрешивших, а по человеколюбию ввел в царство блудников и мытарей (Матф. 21, 31). Такое вытекает следствие; но апостол опустил оное, и сделал так или потому, что мы высказали пред сим, или же по примеру блаженного Петра, когда он говорил: «если Бог ангелов согрешивших не пощадил» (2 Пет. 2, 4), и так. дал. Так говорим об этом. Слова же: *сония видяще, плоть убо сквернят* сказаны с удивительною скромностию; ибо выражением: *сония видяще* апостол только намекнул на крайне постыдную сторону дела. Обнаружим ее отчасти и насколько прилично, заимствовав сведения об этом из сочинения блаженного Епифания кипрского, названного им Панарием. Он говорит: эти грязники и сквернавцы, постыдно соединяясь с женщинами, не спускают семя в утробу, но, не dokonчив осквернения, берут его в руки свои и тотчас влагают в уста женщинам, с которыми растлевались, и таким образом нечистые отступают друг от друга, воображая, что сделали что-то великое. Эту-то нечистую пригоршню, за недоконченность дела, и называет апостол сновидением; ибо подобное осквернение бывает во время сна. Оскверняя таким гнусным приношением плоть свою, они еще безумно восстают против Божеской природы, отвергая Ее господство и владычество над всем. Об этом пространнее высказался блаженный Иринеи, епископ лионский, в сочинении своем «обличение лжеименного разума». Иначе: апостол свидетельствует о разврате еретиков, говоря, что они в жизни нечисты, а в знании весьма гнусны. Они, говорит, *господства отметаються*, т. е. отвергают совершение таинства Христова, — отвергают потому, что вместо ангельских таинств совершают свои скверны. *Славы* (δοξας) же хулят. Под *славами* должно разуметь разные мнения мудрых мужей, называемые у знатных еллинов положениями (θεσεως), под

которыми разумеют они мнения возвышенные, доступные не всякому, но знакомым с философиею. Так как и Моисей и божественные апостолы по вдохновению от Бога, ввели в жизнь много странного для своих современников, что, за необычайностию для того времени, казалось невероятным; то апостол не усомнился назвать это *славами* или мнениями. Свидетель сказанного нами божественный Павел. Когда афиняне привели его в ареопаг и он проповедал им учение о Боге, то сочли его пустословом (Деян. 17 гл.). Итак, как учение апостолов называли пустословием, так и вышесказанное называли *славами*. Поэтому-то, говоря о людях богодарованных и богодухновенных, и употребил божественный Иуда слово *славы*, как обычное и всем известное. Другое объяснение: *славами* называет, может быть, ветхий и новый завет, подобно как и апостол Павел говорит: «если преходящее славно, тем более славно пребывающее» (2 Кор. 3, 11). Или: *славами* называет церковные власти, которые злословили, как дает знать в третьем послании своем возлюбленный Иоанн (ст. 9. 10), который пишет, что Диотреф поносит их злыми словами. Так как апостол упомянул о злословии, то не одних хульников уцеломудривает, но и всех людей убеждает не осквернять языков своих таким злом, не употреблять его даже и против достойных оного, и говорит: *Михаил архангел*, и т. д. Он говорит как бы так: они поспешно и неудержимо злословят всякого; но этого не должно быть. Ибо несправедливо злословить и заслуживающих злословия, как видно из поступка архангела Михаила. Споря с диаволом о теле Моисеевом, он мог бы упрекнуть диавола за бесстыдство, однако не сделал этого, а только сказал ему: Бог да запретит тебе, диавол! Иначе. Если так поступил архангел, то и мы, в споре с человеком, братом и однородным нашим, не должны употреблять злословия. Спор же о теле Моисеевом был такой. В апокрифах говорится: архангел Михаил служил при погребении тела Моисеева; диавол не допускал этого, но поставлял Моисею в вину убийство египтянина и за такую вину признавал Моисея недостойным погребения. Апостол Иуда напоминает об этом для того, чтобы не только научить нас не быть скорыми на злословие, но и представить нам, что все люди, по исходе из тела, должны дать отчет во всем; что Бог ветхого и нового завета один и тот же; что, по переходе нашем из здешнего мира, диавол вместе с своими злыми бесами восстает против наших душ, желая пресечь их благополучное шествие: он противодействует, а добрые ангелы сражаются за них, как видел это блаженный Антоний. Так могло случиться и тогда. Только Михаил отразил тогда диавола, запретив ему, но не своею властью, а предоставив суд Господу всех, сказав: Бог да запретит тебе, диавол!

9 Михаил же архангел егда со диаволом препираяся глаголаше о Моисееве телеси, не смеяше суда навести хульна, но рече: да запретит тебе Господь. 10 Сии же, елико убо не ведят, хулят: елика же по естеству яко безсловесная животная ведят, в сих растлеваются. 11 Горе им, яко в путь Каинов поидоша, и в лесь Валаамовы мзды пролияшася, и в пререкании Корреове погибоша.

Михаил, говорит, не потерпел хулений диавола против человека, т. е. Моисея, а эти слагают хульные речи против учений, которых не знают; а что, по естественному стремлению, знают смешанно, как бессловесные животные; то преследуют, как женонеистовые кони. Горе им, потому что они пошли путем *Каина* чрез братоубийство; ибо, преподавая нечестивое учение братьям, т. е. однородным человекам, убивают их злыми своими учениями, или: пожирая семя, убивают братьев своих в возможности, т. е. тех, которых семя, доведенное до зрелости, привело бы в жизнь. Они пошли путем *Валаама*, потому что и свое делают для корысти, как Валаам. Пошли путем *Корея*, потому что, подобно ему, будучи недостойны, похитили себе учительское достоинство.

12 Сии суть в любвах (εν ταῖς ἀγάπαις) ваших сквернители (σπλάδες), с вами ядуще.

В то время были еще совершаемы в церквах вечери, как говорит апостол Павел в послании к коринфянам (1 Кор. 11, 21. 22), называвшиеся *любвами*. Они, говорит, сходятся на вечери не ради пользы, в них заключающейся, но для того, чтобы найти случай обольстить неутвержденные души, как и апостол Петр говорит во втором своем послании (2, 14). Уподобляет таких людей подводным камням, безводным облакам, осенним деревьям и блуждающим звездам; ибо что у сих бывает по естеству, то еретиками делается по произволению. Как подводные камни, попадаясь плавающим неожиданно, бывают пагубны для них: так и еретики причиняют соучастникам в вечери неожиданное зло. Как безводные облака не прохлаждают дождем (ибо не имеют его в себе) те места, куда бывают занесены, гонимые ветром, но наводят на них мрак: так и еретики не орошают душ встречающихся им людей спасительным учением, но омрачают их самыми скверными своими повествованиями, гонимые злыми свойствами бесов. Осенние деревья дважды умирают, лишаясь плодов и теряя листья (ибо сухие в это время деревья кажутся лишенными своего украшения, блеска плодов и цветущего благоприличия листьев). Нечто подобное бывает и с еретиками. И они умирают дважды, теряя свой плод чрез пожрание семени и лишаясь благоприличия благоразумной жизни. Поэтому и искореняются они из рая Господня, т. е. из Церкви, и вне ее собираются и бросаются в огонь вечный. Ибо какой корень будет иметь тот, кого за гнусность жизни все отвращают? Называет *звездами прелестными* ^[64]. С ними сходны еретики не в том, будто красуются на тверди нашей веры и чрез них проходит солнце правды, Христос, приводящий добродетели в зрелость и оживотворяющий преданных им верных, но в том, что, представляясь принявшими на себя вид ангела света, как первоначальник их, злый бес (2 Кор. 11, 13. 14), несутся только против учений Господа, чем и приближающихся к ним омрачают, и самим себе готовят вечный мрак. Уподобляет *свирепым волнам*. Имеют сходство и с ними; ибо, гонимые духами злобы, бешено и неудержимо в хулах на Бога пеняются своими срамотами и оканчивают непостоянную и удоборазрушимую срамоту своей жизни в пене гордых хулений. Ибо такова и пена волн, которой они уподоблены.

Без боязни себе пасуще: облацы безводни, от ветр преносими: дрeвеса есенна, безплодна, дважды умерша, искоренена: 13 Волны свирепыя моря, воспевающя своя стыдения: звезды прелестныя, имже мрак тмы во веки блюдется. Слова без боязни должно относить или к слову сквернители, или же к словам: себе пасуще.

В первом случае смысл будет такой: *сквернители*, пиршествуя вместе *без боязни*, т. е. в то время, когда соучастники пира не ожидают никакой опасности, внезапно, как подводные камни, причиняют гибель душам их. В последнем случае получим такую мысль, уточняющие себя *без боязни*, т. е. не страшась за неумение пасти осуждения, изреченного Господом: слепцы, водящие слепцов, вместе с пасомыми и сами падают в яму (Матф. 15, 14).

14 Пророчествова же и о сих седмый от Адама Енох, глаголя: се приидет Господь во тмах святых ангел своих, 15 сотворити суд о всех, и изблечити всех нечестивых о всех делех нечестия их, имиже нечестоваша, и о всех жестоких словесех их, яже глаголаша нань грешницы нечестивии. 16 Сии суть ропотницы, укорители, в похотех своих ходяще, и уста их глаголют прегордая, чудящяся лицам, пользы ради. 17 Вы же, возлюбленнии, поминайте глаголы прежде реченныя от

апостол Господа нашего Иисуса Христа: 18 Зане глаголаху вам, яко в последнее время будут ругателе, по своих похотех ходяще и нечестиих.

К сказанному выше присовокупляет, что и Энох пророчествовал о предлежащем им наказании от Бога в последние дни, т. е. в день праведного суда Божия. Между нечестивым и грешным разность такая: нечестивый грешит в отношении к Богу, а грешный уклоняется в делах жизни от цели правды. После сего, оставив уподобление нечестивых, уже самым делом приступает к обличению их, называя их ропотниками, укорителями. Ропотник тот, кто сквозь зубы и несмело порицает неприятное ему, а укоритель тот, кто всегда и над всем смеется. Эти гнусные суть ропотники и укорители. Они — ропотники; ибо не дерзают открыто пользоваться учением своим, по его гнусности, так как не безопасно обнародовать нечестие свое, соединенное с развратом и хулением. Они укорители, потому что клеветают на все чужое и на самую истину, чтобы тверже поставить свое собственное зло и разврат. Сказанное выше, что еретики, подобно Валааму, увлеклись мздою, теперь поясняет словами: они удивляются лицам для пользы. Удивляться значит льстиво обращаться с начальниками, а пользою назвал корысть.

19 Сии суть отделяюще (ἀποδιόριζοντες) себе (от единости веры, и суть) душевни, духа не имуще.

Вот и иная вина этих гнуснейших людей. Они, говорит, не только сами гибнут, но и похищают питомцев Церкви (это значит *отделяюще*), т. е. выводят их за пределы церковные, т. е. пределы Веры или и самой ограды церковной. Ибо собрания свои они показали пещерами разбойников, и других отводят от Церкви и приводят к себе. Делают же это потому, что суть люди душевные, т. е. живущие по приличию мира. Ибо мы замечали уже, что божественное Писание имеет обычай назвать душою и жизнь, например в книге Иова: «все, что ни имеет человек, отдаст за душу свою» (Иов. 2, 4), т. е. за жизнь свою. И апостол Павел говорит, что душевные люди не могут принимать того, что от Духа Божия (1 Кор. 2, 14). Итак, будучи душевными, они употребляют и учение душевное, о котором сказано: «это не есть мудрость, сходящая от Отца светов, но земная, душевная, бесовская» (Иак. 3, 15), не имеющая Духа Божия.

20 Вы же, возлюбленнии, святою вашею верою назидаяще себе, Духом Святым молящися, 21 сами себе в любви Божией соблюдайте, ждуще милости Господа нашего Иисуса Христа, в жизнь вечную. 22 И овех убо милуйте разсуждающе: 23 овех же страхом спасайте, от огня восхищающе.

Душевные, говорит, поступают так, как мы изложили. А вы назидайте себя на Святом Духе и на святейшей Вере вашей, т. е. обновляйте себя в Духе Святом, т. е. совершайте собрания свои в молитвенных зданиях своих по учению Духа Святого. И сами себя в любви Божией *соблюдайте*, т. е. сохраняйте, ожидая милости от Господа, который в последний день воздаст вам жизнь вечную. А тех, если они удаляются от вас (ибо это значит *разсуждающе*), обличайте, т. е. обнаруживайте нечестие их пред всеми; если же они располагаются к уврачеванию, то не отталкивайте их, но принимайте по милости любви своей, спасая их от угрожающего им огня. Принимайте же их с милостию, и со страхом, остерегаясь, чтобы принятие их, при беспечном вашем расположении к ним, не сделалось причиною гибели для вас самих, потому что они и твердых в вере увлекают в разлитие своего нечестия, а зло

удобно перенимается. Итак, принимайте их, но приступайте к ним со страхом, т. е. с осторожностью, и с милостию к ним самим соединяйте ненависть к их скверным делам; даже к одежде, оскверненной плотию их, имейте омерзение и отвращение, потому что чрез прикосновение к плоти она и сама становится скверною. Или: принимая их, страхом будущего наказания приготавливайте их к тому, чтобы раскаялись и оказались достойными помилования.

Ненавидяще и яже от плоти оскверненую ризу. 24 Могущему же сохранить вы без греха, и без скверны, и поставить пред славою своею непорочных в радости, 25 Единому премудрому Богу и Спасу нашему, Иисусом Христом Господем нашим, слава и величие, держава и власть, прежде всего века, и ныне, и во вся веки, аминь.

Оскверненная одежда есть жизнь, оскверненная многими преступлениями вследствие плотской страсти. Ибо о каждом человеке узнают, праведен он или неправеден, по образу жизни, как бы по одежде. Один имеет чистую одежду, добродетельную жизнь; другой — оскверненную, жизнь с делами злыми. Или, лучше: одежда, оскверненная плотию, есть такой навык и настроение совести, образующие душу памятованием о порочных движениях и действиях плоти, смотря на которые постоянно как на какую одежду свою, душа наполняется зловонием страстей. Ибо как от Духа чрез добродетели, постепенно прилагаемые одна к другой, образуется для души одежда нетления, облекшись в которую она становится прекрасною и преславною: так и от плоти, чрез постепенное присоединение одних страстей к другим, образуется некоторая нечистая и оскверненная одежда, сама собою показывающая свойства души и придающая ей иной вид и образ, а не Божий. Сказав это, апостол заключает послание свое молитвою как бы печатию.

Конец послания святого апостола Иуды.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Какому писателю принадлежит статьи, составляющие это введение, неизвестно. *Ред.*

[2] Т. е. храма Соломонова. *Ред.*

[3] На острове Милете. *Ред.*

[4] На острове Милете. *Ред.*

[5] Здесь оканчиваются сказания о Павле, заключающиеся в Деяниях, дальнейшее — из других источников. *Ред.*

[6] Календами римляне называли первое число каждого месяца; предыдущий день, т. е. последний день предыдущего месяца назывался *Pridie Calendas* — день пред календами; предпоследний же день предыдущего месяца назывался третьим днем пред календами. Итак, третий день пред календами июльскими был предпоследний, т. е. 29-й день июня. *Ред.*

[7] *На поле*: освобождение ангелом Петра из темницы.

[8] Здесь опущено более половины шестнадцатой главы, именно повествование о Лидии, об исцелении отроковицы, одержимой духом пытливым, о заключении за это исцеление апостолов в темницу и Божественном освобождении их, и об обращении к вере темничного стража. *Ред.*

[9] По-гречески: ἀνεληφθη был взят вверх, то есть как бы не сам вознесся, но вознесен был. *Ред.*

[10] Т. е. восстав из мертвых. *Ред.*

[11] Т. е. вознесшись на небо. *Ред.*

[12] Т. е. не каждый день в продолжение сорока дней. *Ред.*

[13] По-гречески: συναλιζομενος от συναλιζω — собираю, собираюсь, а собственно: вместе солю (αλς — соль). *Ред.*

[14] Т. е. когда Иисус Христос говорил им: *приимите Дух* и т. д. *Ред.*

[15] Стадия, 125 шагов (восемь стадий = 1,000 шагов). *Ред.*

[16] Место без всякого сомнения поврежденное; у Оригена — две тысячи локтей (= 1,000 шагов). *Ред.*

[17] Миля = 1,000 шагов.

[18] Папий представляет этот рассказ в смысле молвы, а не в смысле истинного предания; потому что делает оговорку: «говорят». *Ред.*

[19] В виде языков, которые представляются изошренными. *Ред.*

[20] «Они связаны и упали; мы встали и выпрямились». *Пер.*

[21] ὑλευκος — новое, не бродившее вино (см. ниже). *Пер.*

[22] Приготавливаемое из плодов, которые ко дню пятидесятницы не могли созреть. *Пер.*

[23] То есть: того, что Иисус есть Господь. *Пер.*

[24] То есть: и Господом и Христом поставил или соделал Иисуса Бог. *Пер.*

[25] Что сотворим?

[26] То есть: пребывали в церкви. *Пер.*

[27] Место это в подлиннике повреждено; слова в скобках вставлены по догадке. *Пер.*

[28] Слов этих нет в греческом тексте, но они для большей ясности речи вставлены латинским переводчиком. *Пер.*

[29] Петр и Иоанн прочим апостолам. *Пер.*

[30] В которой Отца Христова называют сотворившим небо и землю и говорившим устами Давида, именно: *Владыко, ты Боже, сотворивый небо...* (ст. 24, 25). *Пер.*

[31] Слов этих нет в греческом тексте, но в латинский они вставлены. *Пер.*

[32] Вставка, сделанная латинским переводчиком. *Пер.*

[33] Вставка, сделанная латинским переводчиком. *Пер.*

[34] При явлении ангела в темнице. *Пер.*

[35] Наше понятие «господин» у греков выражалось тем же словом, что и «Господь» Κύριος. Иуда восставал таким образом против обыкновения называть кого-либо из людей тем же именем, какое усвоено Богу. *Пер.*

[36] То есть, не в те дни, когда ангел освободил апостолов из темницы. *Пер.*

[37] В подлиннике здесь вставлены слова: «того, что следует далее, даже до слов: *но востани*, нет в древнем греческом манускрипте».

[38] συμβιβάζων т. е. соглашая и снося (изречения) пророков и показывая, что они согласны и сходны между собою, и что они согласно писали о Христе и предали это потомкам, уча и утверждая, что этот самый Иисус Назарянин, недавно распятый на кресте иудеями, есть истиннейший Христос. *Примеч. на поле.*

[39] Слов этих нет в некоторых греческих изданиях нового зачета. *Пер.*

[40] То есть, обращающихся язычников. *Пер.*

[41] По-гречески: ἡξίου — *полагал справедливым и потому требовал.* *Пер.*

[42] Спермолог — σπερμολογος значит: собирающий семена, а в переносном смысле: болтун. — *Пер. Инии же: чуждых богов мнится проповедник быти.*

[43] Αναστάσης — *воскресение и Анастасия.* — *Пер.*

[44] δεισιδαιμονίας.

[45] δεισιδαιμονεστερους собственно бесобязанные. Поэтому Феофилакт прибавляет здесь: «вместо — *благочестивые*». — *Пер.*

[46] Палэстра — место борьбы и гимнастических упражнений.

[47] Ελεχέιρζσαν от εληχέιρεω — *кладу руку на что, принимаюсь за что, начинаю что.* *Пер.*

[48] Επισκοπεῖν *епископин* (надзирать); отсюда *епископ.* — *Пер.*

[49] Т. е. блажен. Феофилакт. *Пер.*

[50] Т. е. оштукатуренной, или побеленной. *Пер.*

[51] От лица Иакова — Иуде.

[52] Испорченное место.

[53] *Пойдут бо вестницы легцы к языку высокоу и к людем странным. О ереси бо сей ведомо есть нам, яко всюду сопротив глаголемо есть.*

[54] Под такое понятие в соборных посланиях не подходят второе и третье послания св. ап. Иоанна, написанные к отдельным лицам (2 Иоан. 1. 1; 3 Иоан. 1, 1). Послания эти, в отличие от посланий св. ап. Павла, называвшихся в древности вообще апостолом (αποστολος), только причислены к соборным посланиям прочих св. апостолов, как подвергавшиеся пререканию, называвшимся в древности соборными посланиями (καθολικαι επισολαι или καθολικ αι επισολαι των αποστολων). Почему слово соборный (καθολικος) в отношении к второму и третьему посланию св. ап. Иоанна значит то же, что канонический (κανονικος), внесенный в канон (κανων) богодухновенных писаний.

[55] Изречение это принадлежит Эпикуру, который положил его в основание для отрицания промысла Божия; но бл. Феофилакт понял его в добром смысле и потому употребил здесь для объяснения мысли св. апостола.

[56] Разумеется, вероятно, преподобный Арсений. Истор. правосл. монаш. на Востоке, ч. 2. стр. 134. М. 1854.

[57] Латинский переводчик толкования блаженного Феофилакта предполагает, что отседа до 21 стиха сделана вставка каким-нибудь тонким грамматиком, и находит это место

довольно темным.

[58] Приписывая такое значение слову θρησκεηα, бл. Феофилакт почитал корнем его, вероятно, слово αθρεω которое значит смотреть, рассматривать, созерцать и проч. Но иные, и притом очень многие, производят θρησκεηα от фракиян, от которых, говорит св. Григорий богослов, перешло к грекам-язычникам служение богам, «как может удостоверить в этом самое слово θρησκευαν». *Св. Григор. богосл. Слово 4: твор. ч. 1. стр. 163. М. 1851.*

[59] Здесь чего-то не достаёт в подлиннике, — именно речи о том, чем отличается скромность от смирения.

[60] «Есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный, и один свойствен начинающим, так сказать, быть благочестивыми, другой же есть (страх) святых совершенных, достигших в меру совершенной любви». *Авв. Дороф. душепол. поуч. и посл. стр 55. 56. Спб. 1862.*

[61] *Снес. св. Григор. богосл слов. 45: твор. ч. 4, стр. 179. М. 1844.*

[62] *Св. Иустин. Oрег. pag. 1592-1593. Paris. 1857.*

[63] Бл. Феофилакт опустил здесь следующий (седьмой) стих: *трие суть свидѣтельствующи на небеси: Отец, Слово и Святыи Дух: и сии три едино суть.*

Причиною этого, конечно, то, что у него был под руками такой текст нового завета, в котором нет настоящего стиха. Между тем стих этот есть во многих других списках нового завета, употреблялся св. отцами и писателями церковными, необходимо требуется составом речи апостольской, короче сказать: есть стих, несомненно подлинный. *Макар. Прав. догм. богосл. т. 1, с. 235-241. Спб. 1850.*

[64] Блуждающими, планетами.

**БЛАЖЕННОГО ФЕОФИЛАКТА,
АРХИЕПИСКОПА БОЛГАРСКОГО,
ТОЛКОВАНИЕ ПОСЛАНИЙ СВ. АПОСТОЛА
ПАВЛА.**

Толкование на послание к римлянам Святого Апостола Павла

Предисловие

Постоянное чтение Божественных Писаний ведет к познанию их, ибо нелжив Тот, Кто сказал: ищите и найдете; стучите, и отворят вам (Мф. 7:7). Поэтому мы узнаем и тайны посланий святого апостола Павла, если будем читать эти послания постоянно и тщательно. Апостол сей всех превзошел словом учения. И справедливо, ибо он больше всех потрудился и приобрел обильнейшую благодать Духа: что видно не только из посланий его, но и из Деяний апостольских, где говорится, что за совершенство в слове неверующие почитали его Гермесом (Деян. 14:12). Первым предлагается нам Послание к Римлянам, однако не потому, будто оно написано прежде прочих посланий. Так, прежде Послания к Римлянам написаны оба Послания к Коринфянам, а прежде Посланий к Коринфянам написано Послание к Фессалоникийцам, в котором апостол Павел с похвалой намекает им о милостыне, посланной в Иерусалим (1 Фес. 4:9-10; ср. 2 Кор. 9:2). Кроме того, прежде Послания к Римлянам написано еще Послание к Галатам. Несмотря на это, говорю, что Послание к Римлянам есть первое из прочих посланий. Почему же оно получило первое место? Потому, что в Священном Писании хронологический порядок не необходим. Так и двенадцать пророков, если брать их в том порядке, в каком они в ряду священных книг, не следуют один за другим по времени, но разделены большим промежутком. А пишет Павел к римлянам, с одной стороны, потому, что на нем лежал долг проходить священное служение Христово, а с другой — потому, что римляне были как бы предстоятелями вселенной, ибо кто приносит пользу голове, тот приносит пользу и остальному телу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Павел.

Ни Моисей, ни после него многие, даже евангелисты, не выставляли имен своих перед писаниями своими, а апостол Павел ставит имя свое перед каждым посланием своим: это потому, что те писали для живших вместе с ними, а он посылал писания издали и по обычаю исполнял правило отличительного свойства посланий. Только в Послании к Евреям он не делает этого; ибо они ненавидели его: посему, чтобы, услышав тотчас имя его, не перестали слушать его, утаивает имя свое в начале. А для чего он из Савла переименован Павлом? Для того, чтобы ему и в этом не быть меньше верховного из апостолов, названного Кифой, что значит камень (Петр) (Ин. 1:42), или сыновей Зеведея, нареченных Воанергес, то есть сыновьями грома (Мк. 3:17).

Раб.

Рабство имеет многие виды. Есть рабство по сотворению, о котором говорится: (Пс. 118:91). Есть также рабство чрез веру, о котором сказано: *стали послушны тому образу учения, которому предали себя* (Рим. 6:17). Наконец, есть рабство по образу жизни: в этом отношении назван рабом Божиим Моисей (Иис. Нав. 1:2). Павел — «раб» во всех этих видах.

Иисуса Христа.

Предлагает имена Господни от воплощения, восходя снизу вверх: ибо имена *Иисус* и *Христос*, то есть Помазанный, суть имена после воплощения. Помазан же отнюдь не елеем, но Духом Святым, который, конечно, бесценнее елея. А что помазание бывает и без елея, послушай: *не прикасайтесь к помазанным Моим* (Пс. 104:15), каковое изречение надобно относить к бывшим до закона, когда не было даже имени помазания посредством елея.

Призванный.

Слово это означает смиренномудрие; ибо им показывает Апостол, что он не сам искал и нашел, но был призван.

Апостол.

Это слово употребил Апостол в отличие от прочих званных. Ибо все верные призваны; но они призваны для того только, чтобы уверовать, а мне, говорит, вручено еще апостольство, которое вверено было и Христу, когда Он посылался Отцом.

Избран в благовестие Божие.

То есть выбран к служению благовестия. Иначе: *избран* вместо *предопределен* к этому, как и к Иеремии говорит Бог: *прежде, нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя* (Иер. 1:5). И сам Павел говорит в одном месте: *когда благоволил Бог, избравший меня от утробы матери моей* (Гал. 1:15). Далее, не напрасно говорит он: *призванный и избран в благовестие*. Так как слово у него было к тщеславным, то и внушает, что он достоин веры, как посланный свыше. Самое же благовестие называет так не по совершившимся только, но и по будущим благам, а именем благовестия тотчас утешает слушателя, ибо благовестие содержит не печальное что-нибудь, каковы предречения пророков, но сокровища несчетных благ. А благовестие это есть благовестие Бога, то есть Отца, и потому, что даровано Им, и потому, что делает Его известным, ибо хотя Он известен был и в Ветхом Завете, однако одним иудеям, но и им неизвестен Он был как Отец, впоследствии же, чрез благовестие. Он вместе с Сыном открылся всей вселенной.

Которое Бог прежде обещал через пророков Своих.

Так как проповедь ту поносили, как нововведение, то показывает, что она древнее язычества и прежде описана была у пророков; даже слово «благовестие» находится у Давида, который говорит: *Господь даст слово: провозвестниц великое множество* (Пс. 67:12), и у Исаии: *как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир* (Ис. 52:7).

В святых писаниях.

Пророки не только говорили, но и писали и изображали действиями, например: Авраам посредством Исаака, Моисей посредством змия, воздеяния рук и заклания агнца. Ибо когда Бог имел уготовить нечто великое, то предвозвещает о том задолго прежде. Посему, когда говорит Он, что многие пророки желали видеть, что вы видите, и не видели (Мф. 13:17); то выражает сим, что они не видели самой плоти Его, а потому не видели и знамений, совершающихся перед их глазами.

О Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти.

Здесь явно показывает два рождения; ибо чрез слова о *Сыне Своем*, то есть Божиим, указывает на рождение горнее, а чрез выражение *от семени Давидова* — на рождение дольнее. Присовокуплением же: *по плоти* показал, что и рождение по Духу принадлежит Ему. Посему благовестие есть не о простом человеке, ибо оно — о Сыне Божиим, и не о простом Боге, ибо оно — о Рожденном от семени Давидова по плоти, так что Один и Тот же есть то и другое, то есть и Сын Божий и Сын Давида. Посему да устыдится наконец Несторий. Упоминает же и Апостол о рождении Его по плоти, как и три евангелиста, чтобы от него возвести слушателей к высшему рождению. Так и сам Господь сначала виден был человеком, а потом признан Богом.

Открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых, о Иисусе Христе Господе нашем.

Выше сказал: о *Сыне Своем*, а теперь доказывает, как Он познан Сыном Божиим, и говорит, что Он наречен, то есть показан, утвержден, признан; ибо наречение есть самое признание, приговор и решение. Ибо все признали и решили, что Он — Сын Божий. Как так? *В силе*, то есть чрез силу знамений, которые Он творил. Притом *по духу святыни*, чрез который освятил верующих; ибо даровать это свойственно Богу. Также *через воскресение из мертвых*, ибо Он первый, и притом Он один. Сам воскресил Себя. Итак, Он узан и открылся Сыном Божиим чрез воскресение; ибо и это великое дело, как и Сам Он говорит: *когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я* (Ин. 8:28).

Через Которого мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере.

Заметь признательность. Ничего, говорит, нет нашего, но все получено нами чрез Сына. Я получил апостольство и благодать чрез Духа. Он, — говорит Господь, — *наставит вас* (Ин. 16:13). И Дух говорит: *отделите Мне Павла и Варнаву* (Деян. 13:2), и: *дается Духом слово мудрости* (1 Кор. 12:8). Что это значит? То, что принадлежащее Духу принадлежит Сыну и наоборот. Благодать, говорит, и апостольство *получили*, то есть не по заслугам своим стали мы апостолами, но от благодати свыше. Но и убеждение есть дело благодати; ибо делом апостолов было ходить и проповедовать, а убеждать слушающих всецело принадлежит Богу. *Покорять вере*. Мы посланы, говорит, не для словопрения и не для исследования или доказательства, но *покорять вере*, чтобы поучаемые слушали, веруя без всякого противоречия.

Все народы.

Благодать получили *покорять вере все народы* мы, — не я один, но и прочие апостолы: ибо Павел не обошел всех народов; разве скажет кто-нибудь, что если не при жизни, то по смерти он ходит ко всем народам через послание. А веровали бы, слыша об имени Христа, а не о сущности Его; ибо чудеса творило имя Христово, и оно само требует веры, потому что и его нельзя постигнуть разумом. Смотри, каков дар благовествования: оно сообщено не одному народу, как Ветхий Завет, но всем народам.

Между которыми находитесь и вы, призванные Иисусом Христом.

Здесь сокрушает высокомерие римлян. Выне больше получили, чем прочие народы, над которыми вы почитаете себя владыками; почему, как проповедуем прочим народам, так и вам: не тщеславьтесь же. Иначе: и вы призваны, благодатью предупреждены, а не сами пришли.

Всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым.

Не просто: *всем находящимся в Риме, но: возлюбленным Божиим*. Откуда же видно, что они возлюбленные? Из освящения; а святыми называет всех верующих. Прибавил же: *призванным*, укореняя в памяти римлян благодеяние Божие и показывая, что хотя бы между ними находились и консулы и префекты, но Бог всех призвал тем же самым призванием, каким и простолюдинов, одинаково возлюбив и освятив вас. Итак, поскольку вы одинаково и возлюблены, и призваны, и освящены, то не превозносите над незнатными.

Благодать вам и мир.

И Господь заповедал апостолам, чтобы, когда входят в дома, это слово произносили первое. Брань, прекращенная Христом, которую породил для нас грех против Бога, была нелегкая, а мир тот приобретен не нашими трудами, но благодатью Божиею: итак, первее благодать, потом мир. Апостол молит о непрерывном и ненарушимом пребывании обоих этих благ, дабы опять, если впадем в грех, не возгорелась новая брань.

От Бога, Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

О, как всеильна благодать, происшедшая от любви Божией! Враги и бесславные, мы стали иметь Отцом Самого Бога. Итак, от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да будут у вас непоколебимыми благодать и мир. Они даровали их, могут и сохранить их.

Прежде всего благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире.

Вступление, приличное душе Павла! Он и нас научает благодарить Бога, и не только за собственные блага, но и за блага ближних: ибо в этом состоит любовь; благодарить же не за земное и гибнущее, но за то, что римляне уверовали. А словами *Бога моего* показывает тогдашнее расположение духа своего, присвоивя общего Бога себе, как поступают и пророки, и даже сам Бог, называя себя Богом Авраамовым, Исааковым, и Иаковлевым, чтобы показать свою любовь к ним. Благодарить, говорит, надобно *Иисусом Христом*; ибо Он есть ходатай благодарения для нас ко Отцу, не только благодарить научающий нас, но и приносящий наше благодарение ко Отцу. За что же благодарить? За то, что *вера римлян возвещается во всем мире*. О двух предметах свидетельствует пред ними: и о том, что они уверовали, и о том, что уверовали с полною уверенностью, так что вера их возвещается во всем мире, а чрез них получают себе пользу все, горя соревнованием и подражанием царственному городу. И Петр проповедовал в Риме, но Павел, почитая труды его едиными со своими, благодарит за веру наученных Петром; так свободен он от зависти!

Свидетель мне Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его, что непрестанно воспоминаю о вас, всегда прося в молитвах моих.

Так как Павел еще не видался с римлянами, между тем хотел сказать, что всегда вспоминает о них, то и призывает во свидетели Того, Кто знает сердца. Заметь благоутробие апостола: он всегда вспоминает о людях, которых даже и не видал. Где же вспоминает? В молитвах, и притом непрестанно. *Служу Богу, то есть рабствую духом моим, то есть не плотским служением, но духовным; ибо служение языческое есть плотское и ложное, а иудейское, хотя и не ложное, но также плотское, служение же христианское есть истинное и духовное, о чем и Господь говорит самарянке: истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине* (Ин. 4:23). Так как много есть родов служения Богу (ибо один служит и работает Богу тем, что благоустраивает только свои дела, другой тем, что заботится о странниках и снабжает вдовиц, как поступали сослужители Стефана, а иной тем, что проходит служение слова), то апостол говорит: *Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его*. Выше он приписал благовестие Отцу; но это не странно, ибо Отцово принадлежит Сыну и Сыновнее Отцу. Говорит это, доказывая, что эти заботы необходимы для него; потому что, кому поручено служение благовествования, тому необходимо заботиться обо всех, принявших слово.

Прося в молитвах моих, чтобы воля Божия когда-нибудь благопоспешила мне придти к вам.

Теперь прибавляет, почему вспоминает о них. *Придти, говорит, к вам*. Обрати внимание: как ни любил он их, как сильно ни желал видеть их, однако не хотел видеться с ними против воли Божией. Но мы или никого не любим, или если любим кого когда-нибудь, то делаем это против воли Божией. Что Павел непрестанно молился о том, чтобы видеть их, что происходило от сильной любви его к нам, а что он покорялся мановению Божью, это было знаком его великого благочестия. Не будем скорбеть и мы, если когда-либо не получим просимого в молитвах. Мы не лучше Павла, который трижды просил Господа об избавлении от *жала в плоти*, и не получил желаемого (2 Кор. 12:7-9); ибо это было полезно для него.

Желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное.

Другие, говорит, предпринимают дальние путешествия для иных целей, а я для того, чтобы преподать вам некое дарование. *Некое* говорит по скромности; ибо не сказал: иду научить вас, но: передать то, что я получил, и притом малое и соразмерное с моими силами. *Дарование*, то есть все, что возвещают учителя на пользу слушающим; ибо хотя учительство и доброе дело, однако и добрые дела наши суть дарования, потому что и для них нужна помощь свыше.

К утверждению вашему, то есть утешиться с вами верою общемою, вашею и моею.

Скрытым образом дал разуметь, что римлян надлежит во многом исправить. Поскольку же и это сказано очень сильно (ибо римляне могли сказать: что ты говоришь? ужели мы колеблемся, кружимся и имеем нужду в тебе, чтобы стать твердо?); то присовокупляет: *то есть утешиться с вами*. Смысл такой: вы терпите много притеснений; почему мне желательно стало видеться с вами, чтобы сколько-нибудь утешить вас или, лучше сказать, чтобы и самому принять утешение. Этого требует общая польза. Ибо тогдашние верующие, проводившие жизнь как бы в плену, имели нужду в прибытии друг к другу и тем весьма утешали друг друга. Значит, и Павел нуждался в их содействии? Нимало; ибо он — столп

Церкви. Напротив, дабы не выразиться резко, и, как сказали мы, не огорчить их, выразился он, что сам имеет нужду в утешении их. Если же кто скажет, что в этом случае утешало и веселило апостола приращение веры в римлянах, то и такая речь будет хороша: она видна и из слов апостола: *верую общею, вашею и моею*. В таком случае мысль будет следующая: и я, видя веру вашу, утешусь и возрадуюсь, и вы получите твердость от моей веры, получив утешение относительно того, в чем, может быть, колеблетесь, по малодушию. Но этого он не говорит явно, а, как сказано, искусно подразумевает это.

Не хочу, братия, оставить вас в неведении, что я многократно намеревался прийти к вам — но встречал препятствия даже донныне.

Выше сказал, что молился, чтобы прийти к ним, а некоторые, вероятно, думали: если ты молишься и желаешь подать утешение и получить оное, то что препятствует тебе прийти? Поэтому присовокупил: *встречал препятствия* от Бога. Обрати внимание, что апостол не любопытствует, почему он встречал препятствия, но повинуетя повелениям Владыки, научая и нас не любопытствовать о делах Божиих. Итак, он доказывает, что не пришел к ним не по нерадению или презрению. Я, говорит, так сильно люблю вас, что хотя встречал препятствия, однако никак не оставил своего намерения, напротив постоянно домогался прийти к вам, потому что весьма люблю вас.

Чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов.

Так как Рим был славный город, в который стеклись все как в город, богатый диковинами, и великолепный; то, дабы не подумал кто, что Павел весьма желал видеть римлян по этой же причине, говорит: я для того весьма желал прийти, чтобы иметь *некий плод*. Вместе с этим уничтожает и другое подозрение, ибо иной мог бы сказать: ты потому встречал препятствия, что хотел прийти вопреки воле Божией. Не сказал: наставить в вере, научить, но выражается скромно: *чтобы иметь некий плод*, как и выше: *преподать вам некое дарование*. В то же время ограничивает и их, говоря: *как и у прочих народов*. Не подумайте, говорит, что вы лучше прочих народов, потому что владычествуете: все вы стоите в одном строе.

Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам. Итак, что до меня, я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме.

И это есть дело скромности. Я, говорит, не милость какую оказываю, но исполняю повеление Владыки, и вы должны благодарить Бога, ибо Он благодетельствует, а я *должен*. То же самое сказал и коринфянам: *горе мне, если не благовествую* (1 Кор. 9:16). Поэтому я готов и вам проповедовать, хотя бы перед глазами были опасности. Такова была ревность его о Христе!

Не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему.

Римляне слишком привержены были к мирской славе, а Павел должен был проповедовать Иисуса, претерпевшего всякое бесславие, и римлянам естественно можно было стыдиться, что таков Спаситель. Поэтому говорит: *не стыжусь*, научая между прочим и их не стыдиться, потому что и он не только не стыдился Распятого, но и хвалился и величался Им.

Кроме того, поскольку они надмевались мудростью, то я, говорит, иду проповедовать крест, и не стыжусь того; ибо он *есть сила Божия ко спасению*. Есть сила Божия и в наказание; так Бог доказал силу Свою египтянам, наказав их. Есть также сила в погибель, как сказано: «бойтесь Того, Кто может погубить в геенне» (Мф. 10:28). Итак, что я, Павел, проповедую, то содержит не наказание, не погибель, но спасение. Кому? *Всякому верующему*. Ибо благовестие служит во спасение не просто всем, но приемлющим оное.

Во-первых, Иудею, потом и Еллину.

Здесь слово *во-первых* означает первенство в порядке, а не преимущество в благодати; ибо иудея не должно предпочитать потому, будто он больше получает оправдания: он только удостоился получить оное прежде; почему словом *во-первых* выражается только первенство в порядке речи.

Открывается правда Божия от веры в веру, как написано: *праведный верою жив будет*.

Сказав, что благовестие есть *во спасение*, объясняет, как оно есть *во спасение*. Нас, говорит, спасает правда Божия, а не наша. Ибо какую можем иметь правду мы, проклятые в делах и растленные? Но Бог оправдал нас, не от дел, но от веры, которая должна возражать в большую и большую веру, ибо недостаточно того, чтобы сначала уверовать, но мы должны восходить от первоначальной веры в веру совершеннейшую, то есть в состояние непоколебимое, и твердое, как и апостолы сказали Господу: *умножь в нас веру* (Лк. 17:5). А сказанное, то есть что мы оправданы правдой Божией, подтверждает словами из пророчества Аввакума: *праведный же, — говорит, — верою жив будет*. Так как дарованное нам Богом превосходит все мысли человеческие, то по справедливости нужна для нас вера: ибо если бы мы начали выведывать дела Божии, то потеряли бы все.

Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою.

Начав с того, что доставляет большие *блага*, и сказав, что правда Божия открывается чрез благовестие, употребляет теперь выражения, которые могут утратить, ибо знал, что большая часть людей привлекается к добродетели страхом. Так и Господь Иисус, говоря о Царствии, говорит и о геенне. И пророки сначала предлагают обетования, а потом угрозы. Ибо первое есть дело предваряющей воли Божией, а последнее — следствие нашего нерадения. Обрати внимание на порядок речи: пришел — говорит — Христос и принес тебе оправдание и прощение; если не примешь их, то открывается гнев Божий с неба, очевидно, во время второго пришествия. И теперь мы испытываем гнев Божий, но к исправлению, а тогда — только к наказанию. И теперь мы во многом думаем видеть обиду от людей, а тогда ясно будет, что наказание от Бога на всякое нечестие. Истинное служение и благочестие одно, а нечестие многообразно, поэтому и сказал: *всякое нечестие*, так как оно имеет много путей, *и неправду человеков*. Нечестие и неправда не одно и то же. То бывает против Бога, а эта — против людей, и притом первое есть грех созерцательный, а последняя — деятельный. И неправда имеет много путей; ибо ближнего обижает кто-нибудь или в имени, или в жене, или в чести. Впрочем, некоторые утверждают, что Павел и под неправдою разумеет учение. А что значит *подавляющих истину неправдою*, выслушай. Истина, или ведение о Боге, вложена в людей при самом рождении их; но эту истину и ведение язычники подавляли неправдой, то

есть оскорбили, поступая против сообщенного им, приписав славу Божию идолам. Представь человека, получившего деньги для издержек на славу царя. Если бы он издержал их на воров и блудниц, то по справедливости был бы назван оскорбителем славы царя. Так и язычники подавляли неправдой, то есть скрыли и несправедливо затмили славу Бога и ведение о Нем, употребив их не так, как следовало употребить.

Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что. Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили.

Выше сказал, что язычники оскорбили ведение о Боге, употребив его не так, как следовало. Из чего же видно, что они имели это ведение, об этом говорит теперь: *ибо, что можно знать о Боге, явно для них*. Затем и это доказывает, говоря, что о Создателе возвещает благоустройство творений, как и Давид говорит: *небеса проповедуют славу Божию* (Пс. 18:1). А что именно можно знать о Боге, познай из следующего. О Боге иного нельзя знать, именно сущности Его, а иное можно знать, это — все, относящееся к сущности, то есть благость, мудрость, сила, Божественность или величество, что и называет Павел *невидимым Его*, но чрез рассматривание тварей видимых. Таким образом, апостол показал язычникам, что можно знать о Боге, то есть все, касающееся Его сущности, что для чувственных очей невидимо, но умом может быть познано из благоустройства творений. Некоторые под *невидимым* разумеют здесь ангелов; но такое разумение, по моему мнению, неверно. Один же из отцов высказал, что *вечная сила* есть Сын, а *Божество* Дух Святой.

Так что они безответны.

Так оказалось на деле. Бог сотворил мир не для того, чтобы они были безответны; но так случилось на деле. Заметь эту особенность Писания и не порицай ее. В нем во многих местах встречаются такие выражения, для объяснения которых надобно отыскивать причину упоминаемого в нем в опыте. Так Давид говорит: *и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем* (Пс. 50:6). Выражение это кажется странным; но оно не таково. В нем высказывается следующее: *облагодетельствованный Тобою, Господи, паче всякого чаяния, я согрешил пред Тобою; от этого и произошло, что если Ты предъявишь Свои права против меня на суде, то победишь. Значит, Бог оправдывается из действий наших, когда мы оказываемся неблагодарными к Нему за полученные от Него благодеяния и не имеем ничего в извинение себя. Не имеют, значит, никакого извинения и язычники; ибо они, познав Бога из творения, не прославили Его, как должно, но подобающее Ему почитание воздали идолам.*

Но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели.

Представляет причину, по которой они впали в такое безумие. Во всем, говорит, положились на свои умствования, и, желая найти Неопишемого в образах и Бестелесного в телах, оказались безуспешными, не могущими достигнуть цели посредством умствований. Неразумным называет сердце их потому, что они не хотели познавать все верою. От чего же дошли они до такого заблуждения, что во всем положились на свои умствования? От того, что воображали себя мудрыми, почему и обезумели. Ибо есть ли что безумнее поклонения

камням и деревьям?

И славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся.

Изменяющий, прежде нежели изменить, имеет у себя нечто другое. Имели, значит, и они ведение, но погубили оное, и, пожелав иметь нечто другое вместо того, что имели, потеряли и то, что имели. Воздали же славу нетленного Бога не человеку, но образу тленного человека, и, что хуже этого, низошли до пресмыкающихся, даже до их образов. До такой степени обезумели они! Познание, какое надлежало иметь о Существо, без сравнения превосходящем все, они приложили к предмету, без сравнения презреннейшему всего. А славу Божию составляет то, чтобы познавать, что Бог все сотворил, обо всем промышляет, и прочее, приличное Ему. Кто же именно погрешил в сказанном? Мудрейшие, египтяне; ибо они почитали даже изображения пресмыкающихся.

То и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь.

Слово *предал* употреблено вместо *пустил*, подобно тому, как врач, пользуясь больно, видя, что он небрежет о диете и не слушается его, предает его в большую болезнь, то есть оставляет его и попускает ему следовать собственной воле и таким образом не освобождаться от болезни. Некоторые, впрочем, выражение *предал их Бог* разумели так: предал их обиде и дерзости, причиненным ими Богу, подобно тому, как говорим: такого-то погубили деньги, тогда как деньги не губят, но злоупотребление ими, или: Саула развратило царство, то есть злоупотребление царством. Итак, язычники преданы нечистоте собственным непотребством, так что не было надобности в других, которые бы оскорбляли их, но они сами причинили себе оскорбление; ибо таковы нечистые страсти те. За что же преданы они нечистоте? За то, что оскорбили Бога; ибо кто не хочет знать Бога, тот тотчас развращается и в нравственности, как и Давид говорит: *сказал безумец в сердце своем: нет Бога*, потом: *они развратились и совершили гнусные дела* (Пс. 13:1). Они изменили то, что по истине принадлежало Богу, и приложили это к ложным богам. *Поклонялись* (ἑσεβάσθησαν) поставлено вместо: *воздавали честь* (ἐτίμησαν). И *служили* (ἐλάτρευσαν) — вместо: *оказывали служение делами*; ибо λατρεία означает честь, оказываемую на деле. Не просто сказал: *поклонялись и служили твари*, но *вместо Творца*, — увеличивая вину сравнением. Несмотря на то, говорит, Бог *благословен во веки*, то есть ни мало не потерпел вреда от того, что они оскорбили Его, но есть *благословен во веки*, — непоколебимо и несомненно; ибо это значит *аминь*.

Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным, подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение.

Опять говорит, что Бог *предал их страстям*, потому что они служили твари. Как в учении о Боге они развратились, оставив руководство творения, так и в жизни сделались гнусны, оставив удовольствие естественное (которое всего удобнее и приятнее) и

предавшись удовольствию противоестественному (которое всего затруднительнее и неприятнее). Это означает слово *заменили*, которое, показывает, что они оставили то, что имели, и избрали иное. Итак, великим обвинителем того и другого пола представляет природу, которую они преступили. Высказав сокровенно о женщинах нечто постыдное и такое, что непристойно высказать ясно, говорит и о мужчинах, что они *разжигались похотью друг на друга*, показывая, что они предались сладострастию и неистовой любви. Не сказал же: вожделение *делая*, но: *срам*, показывая, что они поругали природу, а *разжигались похотью* сказал с той целью, чтобы кто не подумал, будто болезнью их было одно вожделение. *Делая срам*. То есть ревностно предавались нечистоте, совершая ее на самом деле, и получали возмездие за отступление от Бога и идолопоклонническое заблуждение в этом самом сраме и в этом самом удовольствии, имея в нем, как противоестественном и полном нечистоты, наказание для себя. А говорит это Павел потому, что нельзя еще было убедить их в существовании геенны. Если, говорит, не веришь учению о геенне, то верь тому, что наказание для них заключается в самой нечистой деятельности.

И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства.

Вот в третий раз повторяет ту же мысль и употребляет то же слово, говоря: *предал*. Причиною того, что они оставлены Богом, везде представляет нечестие людей, как и теперь поступает. *И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их* страсти. Оскорбление, говорит, причиненное ими Богу, было не грехом неведения, но намеренным. Ибо не сказал: поскольку не познали, но говорит: *и как они не заботились*, то есть решили не иметь Бога в разуме и добровольно избрали нечестие. Значит, грехи их суть грехи не плоти, как утверждают некоторые еретики, но неправильных суждений. Сначала они отвергли познание Бога, а потом уже Бог попустил им вдатся в превратный ум. Чтобы лучше истолковать выражение *предал их Бог*, некоторые из отцов воспользовались прекрасным примером. Они рассуждают: когда кто-нибудь, не желая видеть солнце, закрывает глаза и потом падает в яму, мы говорим, что не солнце, которого он не видит, ввергло его в яму, что человек упал в яму не от того, будто солнце ввергло его туда в сердцах, но от того, что оно не осветило его глаз. А почему оно не осветило его глаз? Потому что он закрыл глаза. Так и Бог предал их постыдным страстям. Почему? Потому что люди не познали Его. А они почему не познали Его? Потому что не рассудили и не решили познать Его.

Исполнены всякой неправды.

Заметь, как усиливает речь; называет их исполненными и притом *всякой* неправды, то есть достигшими крайней степени всякого порока. Потом исчисляет и виды порока.

Блуда.

Именем *блуда* обозначает всякую вообще нечистоту.

Лукавства.

Это коварство против ближнего.

Корыстолюбия.

Это — вождение имений.

Злобы.

Это — злопамятство.

Исполненных зависти, убийства.

Убийство всегда происходит от зависти. Так Авель убит по зависти. И Иосифа хотели убить по зависти же.

Распрей, обмана.

От зависти происходят и распри и обман на погибель тому, кому завидуют.

Злонравия.

Глубоко скрытая злоба, забытая по какой-то доброте.

Злоречивы.

Тайные наушники.

Клеветники.

Явные поносители.

Богоненавистники.

Ненавидящие Бога, или ненавидимые Богом.

Обидчики, самохвалы, горды.

Восходит к твердыне зол. Ибо если гордящийся добрым делом губит его гордостью; то во сколько более губит он его, когда делает зло? Такой человек не способен раскаяться. Знай же, что величавость есть презрение Бога, а гордость — презрение людей, от которого рождается оскорбление; ибо презирающий людей оскорбляет и попирает всех. Гордость по природе предшествует оскорблению; но нам сначала становится явным оскорбление, а потом уже делается известною мать его — гордость.

Изобретательны на зло.

Ибо не довольствовались сделанным прежде злом: откуда опять видно, что грешили не по увлечению, но намеренно и по собственному расположению.

Непослушны родителям.

И против самой природы, говорит, восстали.

Безрассудны.

И справедливо. Ибо могли ли понять что-нибудь те, которые не слушались родителей?

Вероломны.

То есть не устойчивы в договорах.

Нелюбовны, непримиримы, немилостивы.

Корень всех зол есть самое охлаждение любви: ибо отсюда происходит, что один с другим не мирится, один другого не любит, один другого не милует. Об этом и Христос сказал: *по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь* (Мф. 24:12). Сама природа соединяет нас друг с другом, как и прочих животных; но люди не поняли этого.

Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют.

Доказав, что язычники исполнились всякого порока от того, что не захотели познать Бога, теперь доказывает, что они не заслуживают извинения. Они не могут сказать: мы не знали добра; ибо знали, что Бог правосуден. Значит, они делают зло добровольно, и, что еще хуже, одобряют делающих оное, то есть покровительствуют злу: каковая болезнь неисцелима.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же.

Все мы люди не одинакового настроения: иногда покровительствуем злу, иногда бываем судьями чужих зол, осуждаем подобных себе. Итак, сказав прежде о тех, которые одобряли злых, теперь ведет речь об осуждении и говорит: *итак, неизвинителен ты*. То есть ты знал, что правосудие Божие состоит в том, чтобы достойно наказывать злых; поэтому и не имеешь извинения ты, осуждающий, делающих то же, что и ты делаешь. Кажется, что слова эти относятся к правителям, особенно же к римлянам, как тогдашним властителям вселенной; ибо судить есть дело правителей. Впрочем, это приличествует и всякому человеку; ибо всякий человек может судить, хотя бы и не было у него судейской должности. Итак, когда осуждаешь, говорит, прелюбодея, а сам прелюбодействуешь, то осуждаешь самого себя.

А мы знаем, что поистине есть суд Божий на делающих такие дела.

Дабы кто не сказал о себе: «я доселе прелюбодействовал и избежал суда», апостол, устрашая его, говорит, что у Бога не так: у нас одного наказывают, а другой, хотя то же делает, избегает наказания; но у Бога не так: ибо суд Божий на дурных людей есть поистине.

Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и (сам) делая то же? Или пренебрегаешь богатство благодати, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благодать Божия ведет тебя к покаянию? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день

гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его.

Выше сказал, что воздаяние дурным людям за заблуждение и почитание тварей заключается в тех самых несчастьях, которым они предавались, потому что самая нечистота была достаточным наказанием для них. Теперь открывает уже для них и наказание. Для тебя, говорит, человек, есть и другое наказание: ты не избежишь суда Божия. Как избежишь ты суда Божия, когда не избежал своего суда? Ибо в чем осудил ты другого, в том произнес приговор на самого себя. Если же ты полагаешься на долготерпение Божие потому, что еще не наказан, то эта ненаказанность служит к большему наказанию для тебя. Ибо долготерпение Божие спасительно для тех, кто пользуется им к исправлению себя, а для тех, кто употребляет оное к умножению греха, оно служит большим поводом к наказанию, не по природе своей, но по жестокосердию таковых. *Собираешь*, говорит, *себе гнев*, — не Бог собирает тебе, но ты сам собираешь себе. Как это? Своим непреклонным и жестким к добру сердцем. Ибо что может быть жестче тебя, когда ты ни благостью не смягчаешься, ни страхом не преклоняешься? Далее, сказав о дне гнева, присовокупляет: *откровения и праведного суда от Бога*. И справедливо, дабы кто не почел суда действием гнева. Откровение, говорит, всего. Поэтому воздаяние сообразно тому, что открывается, а вследствие этого и суд праведный. Здесь правда не всегда одерживает верх, потому что дела скрываются, а там за откровением следует суд праведный. Заметь это место, сличив его со следующим: *ожесточу сердце фараона* (Исх. 4:21), ибо Павел изъясняется почти теми же словами.

Тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, — жизнь вечную.

Сказав, что Господь воздаст каждому, начал с награды добрых, делая таким образом речь свою приятной. В словах *постоянством в добром деле* высказывает, во-первых, то, что от добра не должны отступать, ни совершать оное нерадиво, но пребывать в нем до конца, а во-вторых — то, что не должно полагаться на одну веру, потому что нужно и доброе дело. Словом *бессмертия* отверзает двери воскресения. Потом, так как все восстанем, но не все для одного и того же, но одни для славы, а другие для наказания, то упомянул о славе и чести. Итак, вся речь имеет такой смысл. Тем, говорит, которые ищут будущей славы, чести и бессмертия и никогда не выпускают их из мыслей своих, Бог воздаст, то есть в воскресение, жизнь вечную. Каким же образом снискиваются будущая слава, честь и нетление? Постоянством в добром деле. Ибо постоянный в добром деле и твердо стоящий против всякого искушения действительно снискивает и славу, и честь, и бессмертие или наслаждение нетленными благами в нетленном теле.

А тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, — ярость и гнев. Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, потом и Еллина.

Εξ ἐρίθειας означает усилие и неразумное упорство. «А иже по рвению», то есть с усилием. Здесь показывает, что они сделались злыми не по неведению, но по упорству, почему и недостойны помилования. И покорность неправде и непокорность правде также есть грех произвола; ибо не сказал: которые принуждены и терпят насилие, но которые

покоряются. Обрати внимание, что о Господнем воздаянии в жизни вечной выразился иначе, нежели о прискорбном. *Ярость*, говорит, *и гнев и скорбь*. Не сказал: воздадутся Богом, но оставил речь неконченною, чтобы подразумевали: будет. Ибо Богу свойственно животворить, а наказание есть следствие нашей беспечности. Словами *всякой душе человека* обуздывает гордость римлян. Хотя бы кто, говорит, был царем, не избежит наказания, если творит (κατεργαζόμενος) злое, то есть остается в зле и не раскаивается: ибо не сказал εργαζόμενος, то есть делающий, но κατεργαζόμενος, то есть делающий зло со тщеславием. А как иудей большее получил наставление, то он достоин большей казни; ибо *сильные сильно будут истязаны* (Прем. 6:6), и более сведущие тяжелее будут наказаны.

Слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллину.

В следующем далее апостол намерен доказать, что ни обрезание не приносит пользы, ни необрезание не причинит вреда, и затем показать необходимость веры, оправдывающей человека. Для этого он сначала ниспровергает иудейство. Заметь же мудрость: говорит о бывшем до пришествия Христова, что мир был исполнен пороков и что все подлежали казни, во-первых, иудей, потом эллин. Признав же за несомненное, что язычник будет наказан за зло, из этого положения выводит заключение, что он будет и награжден за добро. Если же и награда и наказание суть последствия дел, то закон и обрезание уже излишни, и не только излишни, но и готовят иудею большее наказание; ибо если осуждается язычник потому, что не руководствовался природой, а потому и естественным законом, то гораздо более осуждается иудей, который при том же руководстве воспитан был еще в законе. К этому клонится речь апостола. Теперь узнай смысл слов. Под эллинами понимает здесь не идолопоклонников, но людей богобоязненных и живших благочестиво, не имея закона, каковы Мелхиседек, Иов, ниневитяне, наконец, Корнилий. Равным образом и под иудеями понимает иудеев, живших до пришествия Христова. Ибо, стараясь доказать, что обрезание не имеет никакой силы, обращает внимание на времена древние и показывает, что никакого не было различия между богобоязненным язычником и добродетельным иудеем. Если же иудей ничем не превосходил язычника до пришествия Христова, когда иудейство особенно было славно, то тем более не превосходит он его теперь, когда закон отменен. Так говорит апостол, имея в виду сокрушить гордость иудеев, которые не принимали к себе происходивших от язычества. Слава, говорит, и честь и мир. Блага земные всегда имеют врагов, сопряжены с беспокойствами, подвержены зависти и козням, и хотя бы извне никто не угрожал им, сам обладающий ими всегда беспокоится в помыслах; а слава и честь у Бога наслаждаются миром и чужды беспокойства в помыслах, как не подлежащие козням. Поскольку же казалось невероятным, чтобы удостоивался чести язычник, не слыхавший закона и пророков, то доказывает это тем, что Бог нелицеприятен. Бог, говорит, не принимает во внимание лица, но испытует дела. Если же по делам между иудеем и язычником нет никакого различия, то ничто не препятствует последнему удостоиться одинаковой чести с первым. Итак, когда отменен закон, не величайся, иудей, перед тем, который из язычников, делающий добро, равен был тебе даже в то время, когда иудейство твое было в славе.

Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся.

Выше доказал, что язычник удостоивается такой же чести, какой и иудей. Теперь

доказывает, что во время наказания постигнет и иудея осуждение. Язычники, говорит, *не имея закона, согрешили*, то есть не быв поучаемы законом, поэтому *вне закона и погибнут*, то есть легче будут наказаны, как не имеющие обличителем закона; ибо *вне закона* значит: не подлежа осуждению по закону. Напротив, иудей согрешил *под законом*, то есть будучи поучаем и от закона, поэтому и суд примет, то есть осужден будет, *по закону*, как подлежащий закону, который обличает его и подвергает большему осуждению. Как же ты, иудей, говоришь, что не имеешь нужды в благодати, потому что оправдывается законом? Вот, доказано, что тебе нет никакой пользы от закона, так что имеешь большую, нежели язычник, нужду в благодати, как не оправдываемый пред Богом одним слушанием закона. Пред людьми слушатели закона могут казаться честными; но пред Богом не так: пред Ним оправдываются исполнители закона.

Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их.

Доказывает то, что говорит против иудеев, и ведет речь с мудрым искусством, чтобы не показаться, будто говорит что-нибудь против закона. Как бы хваля и возвышая закон, говорит, что заслуживают удивления те, которые не имеют закона «естеством», то есть имея убеждение в мыслях: ибо они не имели нужды в законе, а между тем выполнили закон, запечатлев в сердцах своих не письмена, но дела, и вместо закона пользуясь, во свидетельство о добром, совестью и природными мыслями. Говорит здесь о трех законах: о законе писанном, о законе естественном, и о законе дел. *Язычники, не имеющие закона. Какого? Писанного. По природе законное делают. По какому закону? По закону, обнаруживающемуся в делах. Не имея закона. Какого? Писанного. Они сами себе закон. Как это? Руководствуясь законом естественным. Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах. Какого? Закона в делах. Заметь мудрость: не поразил иудеев, как требовал этого ход речи. По ходу речи следовало сказать так: когда — язычники, не имеющие закона, делают законное по природе, то они гораздо превосходнее наставленных в законе. Но апостол не сказал так, а выразился мягче, так: *сами себе закон*. Этим он доказывает, что и в древнейшие времена, и прежде, нежели дан закон, род человеческий находился под тем же Промыслом. Этим заграждает также уста тем, которые говорят: почему Христос не пришел научить деланию добра прежде, изначала? Познание добра и зла, говорит. Он вложил во всех изначала; когда же увидел, что оно не помогает, то пришел, наконец, Сам.*

И мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую, — в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа.

С этих слов начинай новую речь; ибо теперь говорит апостол о том, каким образом судимы будут все вообще люди. В день суда предстанут собственные наши мысли, то осуждающие, то оправдывающие, и человеку не нужно будет на судилище том ни другого обвинителя, ни другого защитника. А дабы увеличить страх, не сказал: грехи, но: *тайные дела*. Люди могут судить одни явные дела, а Бог, говорит, будет судить тайные дела чрез Иисуса Христа, то есть Отец чрез Сына, потому что Отец не судит никого, но всякий суд отдал Сыну (Ин. 5:22). Можешь и так разуметь слова *через Иисуса Христа*: по благовествованию моему, предоставленному мне Иисусом Христом. Здесь внушает, что

благовествование не проповедует ничего протоестественного, но возвещает то же самое, что вначале внушено людям самой природой, то есть что и благовествование свидетельствует о суде и наказании.

Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона.

Сказав, что для спасения язычника, исполняющего закон, ничего более не нужно, вычисляет, наконец, преимущества иудеев, полагаясь на которые, они гордились пред язычниками. Прежде всего говорит об имени иудея; ибо оно составляло большое преимущество, как теперь имя христианина. Не сказал: ты иудей, но: *называешься*; ибо истинный иудей тот, которого исповедуют иудеем, потому что Иуда значит исповедание. *И успокаиваешь себя законом* — вместо не трудишься, не ходишь, не разузнаёшь, что должно делать, но имеешь закон, без труда наставляющий тебя на все. *И хвалишься Богом*, то есть что ты любим Богом и предпочтен прочим людям; обращать же любовь Божию в средство презирать существа однородные есть признак крайнего неразумия. *И знаешь волю Его*, то есть Божию. *И разумеешь лучшее*, то есть решает, что должно делать и чего не должно делать. Под *лучшее* (διαφέροντα) надобно разуметь приличное или полезное каждому.

Уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины.

Выше говорил, что слушание закона не приносит никакой пользы, если не будет присоединено исполнения; *потому что не слушатели закона, говорит, праведны пред Богом, но исполнители закона* (ст.13), теперь говорит нечто большее, именно: хотя бы ты был учитель, но если не исполняешь закона, то не только не получаешь себе никакой пользы, но и навлекаешь на себя большее наказание. И как иудеи весьма превозносились учительским достоинством своим, то из этого особенно доказывает, что они достойны осмеяния. Ибо когда говорит: *путеводитель слепых, учитель младенцев*, и прочее, то изображает надменность иудеев, которые называли себя именно путеводителями, светом и наставниками, а обращенных из язычества именовали находящимся во тьме, младенцами и невеждами. Но ты имеешь образец ведения и истины не в делах и не в заслугах, но — *в законе*, полагаясь на него как на изображение добродетели. Так иной, имея у себя царское изображение, сам ничего не списывает с него, но те, у которых нет его, и не видя его, верно подражают ему. Итак, всякий учитель пишет и изображает в душах учеников познание добра и потому саму истину. Если он осуществляет это и в деятельности, то будет совершен; в противном случае будет таким, каковы осуждаемые теперь апостолом. Некоторые под *образом* разумели образец ведения ненастоящий. Ты имеешь, говорит, познание и благочестие не истинное, но подделанное и прикрытое ложным видом.

Как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? Говоря: «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь? Гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога? Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников.

Излагает мысль свою в виде вопроса, пристыжая тех, которые хвалились, что они — учителя. Святотатством называет хищение посвященного идолам; ибо хотя они гнушались

идолами, но, обладаемые сребролюбием, коснулись посвященного идолам из постыдной корысти. После этого излагает самую тяжкую вину, говоря: *хвалишься законом, как превознесенный честью от Бога чрез закон, а преступлением закона бесчестишь Бога*. Здесь три вины. Первая: иудеи бесчестят; вторая: бесчестят Бога, превознесшего их честью; третья: бесчестят закон, нарушая его, тогда как он служил к их чести. Но дабы не подумали, что обвиняет иудеев сам, привел в обвинителя их пророка Исаию, выставляя две вины их. Ибо они не только сами оскорбляют Бога, но и других приводят к тому, и не только не учат жить по закону, но и учат противному, учат хулить Бога, что противно закону; ибо видящие их развращение говорят: этих ли должен любить Бог? Неужели Бог, любящий таковых, есть истинный Бог?

Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием.

Так как обрезание было в большом уважении у иудеев, то не сказал о нем тотчас в начале, что обрезание излишне и бесполезно, но на словах допускает, а на деле отвергает его, и говорит: я согласен, что обрезание полезно, но тогда, когда исполняешь закон. Не сказал, что оно бесполезно, дабы не подумали, что уничтожает обрезание; но доказывает, что иудей не имеет обрезания, говоря: *обрезание твое стало необрезанием*. Итак, доказывает, что иудей не обрезан по сердцу. Два понимает обрезания и два необрезания: одно наружное, а другое внутреннее. Именно: обрезание наружное есть обрезание плотское, когда обрезывается кто по плоти, обрезание духовное состоит в отвержении плотских страстей. И необрезание плотское бывает тогда, когда кто остается необрезанным по плоти, а необрезание духовное бывает тогда, когда кто, имея языческую душу, нисколько не отсекает страстей. Мысль Павла такая: если ты обрезан по плоти, но не выполняешь узаконенного, то ты еще необрезанный, необрезанный по духу; равным образом, кто необрезан по плоти, но выполняет узаконенное, тот обрезанный до духу, потому что у него отъяты плотские страсти. Это объясняет и далее. Послушай.

Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание?

Не говорит, что необрезание превосходит обрезания, ибо это слишком больно, но говорит, что *вменится ему в обрезание*. Поэтому истинное обрезание есть добрая деятельность: равным образом необрезание есть худая деятельность. Заметь, не сказал: если необрезание сохранит закон; ибо, вероятно, предполагал такое возражение от кого-нибудь: возможно ли, чтобы сохранил закон человек необрезанный, когда самое бытие необрезанным составляет нарушение закона? Как же выразился? *Постановления закона*, то есть постановления, выполнением которых думают оправдаться. Ибо обрезание не было делом, но страданием, претерпеваемым тем, кого обрезывали, почему и не может называться оправданием закона. Оно дано как знак, чтобы не смешивали иудеев с язычниками.

И необрезанный по природе, исполняющий закон, не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании? Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога.

Здесь ясно показывает, что разумеет два необрезания, одно естественное, а другое произвольное, бывающее, как сказано, тогда, когда кто нисколько не отсекает плотских страстей, и два обрезания, одно по плоти, а другое в духе обрезание сердца. *Необрезанный*, говорит, *по природе*, имеющий обрезание страстей чрез исполнение закона, то есть, как выше сказано, оправданий закона, *осудит*, то есть обвинит, не обрезание (ибо говорить так о нем было тяжело), но *тебя*, по наружности действительно обрезанного по плоти, но необрезанного по сердцу, как преступника оправданий закона. Таким образом, укоряет не обрезание (которое, по-видимому, уважает), но оскорбителя или преступника его. Потом, доказав это, ясно определяет и то, кто есть истинный иудей, и дает разуместь, что иудеи все делали из тщеславия. *Ибо не тот Иудей*, говорит, *кто таков по наружности, но кто внутренне таков*, который ничего не делает просто чувственно, но понимает духовно и субботы, и жертвы, и очищения. Когда говорит: *обрезание, которое в сердце, по духу*, то пролагает путь к христианскому образу жизни и показывает необходимость веры; ибо верование сердцем и духом имеет похвалу от Бога, испытующего сердца и ни о чем не судящего по плоти. Из всего следует, что везде нужна жизнь. Под именем необрезанного или язычника разумеет, как и выше сказано, не идолопоклонника, но человека благочестивого и добродетельного, не соблюдающего. Однако, иудейских обрядов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Итак, какое преимущество быть Иудеем, или какая польза от обрезания? Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божие. Ибо что же? если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию? Никак.

Отринув все постановления закона словами *какое преимущество быть Иудеем*, видит естественно рождающееся возражение и предотвращает оное. Какое же это возражение? Следующее: если в постановлениях тех нет ни малой пользы, то для чего же, наконец, избран народ иудейский? Возражение это решает со свойственной ему мудростью. На словах соглашается и говорит, что великая польза иудею, а в доказательство этого приводит не заслуги иудеев, но дарования Божии. Не сказал, что иудеи весьма превосходят прочие народы, потому что хорошо выполнили то-то и то-то, но что *им вверено слово Божие*, а это есть благодеяние Божие, а не превосходство их. Что значит *вверено*? Дано, поручено; Бог признал иудеев достойными и потому вверил им небесные откровения. Говоря так, внешне защищает их; но при всем том выставляет на вид новое обвинение, доказывая, что они не уверовали: словам Божиим, которые служили к их чести. Но это обвинение представляет не от своего лица. Как бы так говорит: какая польза иудеям от того, что они получили откровение Божие, когда они не уверовали ему? Кажется, и это возражение решает, оправдывая не иудеев, но Бога. Если не уверовали, то от Бога ли это? Ужели неверность их *уничтожит верность Божию*, то есть порученные им откровения и благодеяния? Неверность иудеев не только не причиняет Богу никакого вреда, но, напротив, доказывает большое человеколюбие Его, потому что Он лишает благодеяния тех, которые впоследствии бесчестят Его. Видишь ли, как обвинил иудеев тем самым, чем они хвалились, то есть тем, что получили закон.

Бог верен, а всякий человек лжив, как написано: Ты праведен в словах Твоих и победишь в суде Твоем.

Выше сказал, что не уверовали некоторые. Между тем оказываются неверными не некоторые, но все. Поэтому, чтобы не огорчить иудеев, премудро ведет речь и оказавшееся на опыте излагает в виде предположения. Положим, говорит, что все были неверны. Что же из этого? И в этом случае Бог оправдывается. То есть: если рассудить и сравнить, что даровал Бог иудеям и как они вели себя пред Ним, то праведность остается на стороне Бога, как и Давид говорит (Пс. 50:6).

Если же наша неправда открывает правду Божию, то что скажем? не будет ли Бог несправедлив, когда изъявляет гнев? (говорю по человеческому рассуждению). Никак. Ибо иначе как Богу судить мир?

Здесь представляет одно возражение. Иные могли сказать: если из того, что Бог благодетельствовал нас, а мы явились неблагодарными к Нему, Он оказывается еще более верным; то за что же гневается Он, то есть наказывает нас, если мы стали причиной Его оправдания и победы? Таково возражение. Апостол решает оное весьма мудро и в обличение иудеев. Из того, что Бог наказывает тебя, не следует, что ты причина победы Божией; ибо несправедливо победителю наказывать того, кто был причиной победы. Но Бог не несправедлив: иначе, как Богу судить мир, если Он несправедлив? Посему, когда Бог наказывает тебя, а Он не несправедлив, следует, что ты не стал для Него причиной победы тем, что грешил: ибо Бог и иначе мог победить, если бы ты не оказался злым. Слова *говорю по человеческому рассуждению* имеют такой смысл. Так, говорит, отвечаю в оправдание Бога по человеческому разуму, то есть как только может отвечать человек здравомыслящий: ибо действия Божий имеют некоторые непостижимые для нас основания, превосходят человеческий разум и не нуждаются в защите нашей.

Ибо, если верность Божия возвышается моею неверностью к славе Божией, за что еще меня же судить, как грешника? и не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим? Праведен суд на таковых.

Снова повторяет прежде сказанное, чтобы уяснить то. Если чрез преступление мое явился Бог праведным и верным; то за что же, наконец, осуждать меня, оказавшего пользу славе Божией? В таком случае я заслуживаю не осуждения, но награды. А если это справедливо, то справедливо будет и то, что говорят о нас язычники. Язычники, слыша слова Павла: *когда умножился грех, стала преизобиловать благодать* (Рим. 5:20), подвергали их осмеянию и утверждали, будто христиане говорят: будем делать зло, чтобы вышло добро, будем грешить больше, чтобы умножилась благодать. Эти слова язычников, сказанные ими в поругание и насмешку над нами, имеют место и в настоящем случае, если допустить, что Бог являет Свою благодать благодаря нашей порочности и неблагодарности. Но в самом деле не так. Речь язычников есть речь говорящих всегда ложь. *Праведен суд на таковых*, то есть они наказаны будут по справедливости. Итак, тем, что грешу, я не становлюсь причиной оправдания Божия, потому что осуждаюсь, как грешник; ибо если бы я грешил во славу Божию, то не осуждался бы.

Итак, что же? имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом, как написано: нет праведного ни одного; нет разумевающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного

негодны; нет делающего добро, нет ни одного. Гортань их — открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их. Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия перед глазами их.

Сказав выше, что иудеи имеют некоторое преимущество, потому что им вверен и вручен закон, теперь доказывает, что они не имеют никакого преимущества по делам своим. Ибо, как не сохранившие вверенного им, они подвергнутся большому осуждению. Посему, хотя и имели они некоторое преимущество, как избранные Богом, но как делами своими они обесчестили почтившего их честью и избравшего их Бога, то не только уже не имеют никакого преимущества, но и подвергнутся большому осуждению. Говорит как бы от лица иудеев: *итак, что же? имеем ли мы преимущество, превосходим ли других, угоднее ли прочих Богу мы, иудеи, которые получили закон и обрезание? Нисколько.* Ибо иудеи, чтобы не сказать больше, согрешили так же, как и язычники. А откуда это видно? Из пророков, именно Давида и Исаии. Ибо речь, начинающаяся словами: *несть праведен никтоже* и оканчивающаяся так: *клятвы и горести полна суть*, принадлежит Давиду (Пс. 13:3,5; 9:28; 139:4), а речь со слов *ноги их быстры* до слов *они не знают пути мира* принадлежит Исаии (Ис. 59:7,8); затем опять следуют слова Давида (Пс. 35:2). Итак, представляет обвинителями иудеев знаменательнейших пророков, и показывает, что они говорят совершенно согласно. Почему после слов Исаии опять приводят слова Давида. Ибо Исаия ясно говорит об иудеях; о них же говорит и Давид. Далее, как скоро кто уклоняется от добра, тотчас делается бесполезным. Ибо порочность есть не иное что, как извращение естественных побуждений к добру: почему, возбуждая человека к противоестественному, делает его бесполезным. Ибо природа не пользуется уже им, подобно тому, как не пользуется она при отправлении дел своих больных. *Разрушение и пагуба* есть грех, ибо ничто так не разрушает душу, как грех, неправильным путем своим. Ибо добродетель как естественное добро наше устрояет нам путь ровный и гладкий, а порочность, как дело противоестественное, известное недостатками и излишками, заставляет нас иногда нестись вверх, и иногда вниз, и потому делает движение наше неровным и трудным; не говорю уже о том, что она готовит нам после этого наказание. *Они не знают пути мира*, то есть благочестивой жизни; ибо благочестивая жизнь есть путь спокойствия. *Возьмите*, — говорит Господь, *иго Мое*, — *и найдете покой* (Мф. 11:29): вот путь к истинному миру Христову!

Но мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен пред Богом, потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо законом познается грех.

Дабы иудеи не могли возразить: это не к нам говорится, высказывает: *закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом.* Какая, говорит, надобность говорить другим, когда закон дан вам? Законом же называет весь Ветхий Завет, а не один Моисеев только закон, как и теперь наименовал законом пророчества Исаии и Давида. Словами *заграждаются всякие уста* изображает хвастовство иудеев и неостановимое стремление языка их. Ими пророк обуздал его, как стремительный поток. Апостол же разумеет не то, будто для того грешили, чтобы заградились уста их; но для того были обличаемы пророками, чтобы не представляли грехов своими грехами неведения и не хвалились. И не одни иудеи, но и *весь мир становится виновен пред Богом*, то есть осужден, чужд дерзновения, не оправдываемым

собственными делами, но имеющим нужду в посторонней помощи, то есть в благодати Христовой. Что же ты, иудей, хвалишься законом, когда ты наравне с остальным миром повинен как не оправдываемый делами закона?

Законом познается грех. Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки.

Если ты, иудей, хвалишься законом, то знай, что он служит для тебя причиной большего наказания. Ибо чрез него ты узнал грех, а кто грешит с сознанием, тому грозит большее наказание. Но это случилось по твоему нерадению, ибо ты не бежал греха, сделавшегося тебе известным, и потому навлек на себя большее наказание. Как же освободишься ты от этого наказания? Если примешь правду Божию, независимую от закона. Ибо нас оправдает Бог, хотя бы мы и не имели дел; потому что Бог всемогущ. Прекрасно выразился: *явилась*, дабы показать, что правда Божия существовала прежде, но была сокрыта. И словами *о которой свидетельствуют закон и пророки* также показывает, что она не есть что-либо новое, но что о ней говорили и закон Моисея, и пророки, почему и достойна приятия; ибо хотя она независима от закона, однако совершенно согласно с законом имеет целью оправдать нас.

Правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе.

Эта правда, говорит, то есть оправдание, которым оправдал нас Бог, нисходит на всех чрез веру. Когда мы приносим веру, то оправдываемся все, иудеи и язычники. *Ибо нет различия*. Иудей не предпочитается язычнику потому, что получил закон. Ибо и он согрешил, так как из закона научился только, как узнавать грех, а не как избегать его. Если он и не так согрешил, как язычник, но славы лишен одинаково, потому что оскорбил Бога, а оскорбитель пожинает плод не славы, но бесславия. Но ты не отчаивайся. Все оправдываются даром по благодати Божией, а благодать эта бывает чрез искупление, то есть чрез совершенное освобождение, соделанное Христом, ибо Он оправдал нас, давши Самого Себя в выкуп за нас.

Которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса.

Упомянул об очищении (жертвой умилостивления) и крови, дабы убедить иудея, что прощение и оправдание совершается чрез Христа. Если, рассуждает, ты верил, что грехи разрешались кровью овец; то тем паче разрешаются они Кровью Христа, и если очищение законное, будучи образом Христа, имело такую силу, то гораздо большую силу имеет сама истина. «*Очищением*» (очистилицем) назывался покров ковчега, украшенный поставленными на обеих сторонах его херувимами. Оно указывало на естество человеческое, которое было покровом Божественности, закрывавшим Его, но прославлялось ангельскими силами, служащими ему по причине соединения его с Богом Словом. Сказал *предложил*, дабы показать, что избавление Кровью Христовой предопределено издревле для исцеления от расслабления, то есть омертвения от грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия. Ибо хотя мы пользовались многой благодатью, однако сделались подобны

расслабленным и омертвевшим. А случилось это для *показания правды* Божией, чтобы не только Сам Бог явился праведным, но и других, омертвевших во грехе, мог воскресить и оправдать, подобно как и явление богатства состоит в том, чтобы кому-нибудь не только самому быть богатым, но и быть в состоянии сделать богатыми других. Итак, не стыдись, оправдываемый таким образом. Если Бог Себе присвоит дело это, то есть превозносится и хвалится им, как оправдывающий нас *в настоящее время*, то есть когда грех достиг крайнего предела и когда мы признали как бы расслабленными и мертвыми, то чего тебе, иудей, стыдиться такой славы Божией?

Где же то, чем бы хвалиться? уничтожено. Каким законом? законом дел? Нет, но законом веры.

Апостол доказал, что мы оправдаемся чрез веру, почему справедливо спрашивает иудей: где же то, чем бы хвалиться тебе и гордиться? Не говорит: где добродетель? ибо иудеи не имели добродетели, но только похвальбу. И продолжает: *уничтожено*, что значит: хвалиться уже не время. До Христа благовременно было хвалиться законом, а теперь уже не благовременно, ибо стало видно, что похваление им бесполезно. Ибо если бы мог оправдать нас закон, то не было бы для нас нужды во Христе. Каким же, спрашивает, законом *уничтожено*? Законом ли дел, то есть тем, который говорит, что исполняющий их человек жив будет (Лев. 18:5)? (Ибо это сказал закон Моисеев). Нет, отвечает; но законом веры, который оправдывает благодатью, а не делами. Вот и веру называет законом; потому что слово *закон* было в чести у иудеев. Итак, хвались, иудей, верой, которая может оправдать тебя.

Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона. Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, потому что один Бог, Который оправдает обрезанных по вере и необрезанных через веру.

Доказав, что оправдание в Крови Христовой, а не в делах закона, заканчивает речь и говорит: из всего сказанного заключаем, что всякий человек оправдывается верой. Не смущайся этим, иудей, будто нелепостью. Бог есть не частный Бог, чтобы спасти только тебя, а не всякого человека. Здесь же пристыжает иудеев и весьма устрашает их, как богоборцев, если не допустят, что язычники спасаются чрез веру; ибо они не верят, что Он есть Бог всех и равно промышляет обо всех. Один, говорит, есть Бог, то есть Бог иудеев и язычников, Который и обрезанного оправдывает, не законом, но верой, и необрезанного принимает при посредстве веры. Упомянув же об обрезании и необрезании, припоминает и сказанное выше, где доказал, что ни обрезание не приносит пользы, когда нет дел, ни необрезание не вредит само по себе. Итак, при том и другом нужна вера.

Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем (ἰστώμεν).

Сказанное, что закон ниспровергается верою, привело иудеев в смущение. Поэтому врачует их своей великой мудростью, говоря, что вера утверждает закон. Ибо чего желал и закон, то есть оправдать человека, но не мог сделать, то совершает вера. Кто только уверовал, тот уже оправдался. Итак, вера не уничтожила, но утвердила закон. Выражением ἰστώμεν внушает, что закон лежал, а лежащего надобно поднять и поставить.

Что же, скажем, Авраам, отец наш, приобрел по плоти? Если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не пред Богом. Ибо что говорит Писание? «Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность».

Достаточно доказав, что для всех нужна вера, подтверждает это еще примером Авраама, пользовавшегося у иудеев большим уважением, и говорит, что и он, отлично совершивший много великого, оправдался не делами, но верой. Называет его отцом *по плоти*, дабы показать, что иудеи не имеют духовного родства с ним, или, лучше, дабы обязать их этим во всем подражать ему. Если он оправдался делами, то *имеет похвалу, но не пред Богом*, то есть может хвалиться тем, что хорошо сделал нечто собственными трудами, но это не значит хвалиться пред Богом, и не направляется к Богу. Напротив, кто оправдывается верою, тот имеет похвалу пред Богом, может хвалиться о Боге, как спасенный Его благодатью и возлюбленный Им. Может хвалиться верующий и иначе, именно как прославивший Бога тем, что поверил, что Он может сделать то, что кажется нам невозможным. Итак, он имеет похвалу и дерзновение пред Богом, как имеющий истинное понятие о Нем, и верующий Ему как всемогущему.

Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу. А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность. Так и Давид называет блаженным человека, которому Бог вменяет праведность независимо от дел: «Блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты. Блажен человек, которому Господь не вменит греха».

Делающий, говорит, получает мзду как даваемую ему за труд по долгу, верующий, хотя не делает, однако представляет со своей стороны веру — вещь весьма значительную; потому что убедиться в том, что Бог и жившего в нечестии может не только освободить от наказания, но и сделать праведным, есть дело высокой цены. По этой причине и *верующему... вера его вменяется в праведность*, то есть его веру приемлет Бог — не для того, чтобы дать ему мзду, но для того, чтобы оправдать его. Поэтому кто верует, тот приносит нечто и со своей стороны, именно веру. Доказав примером Авраама, что правда или оправдание — от веры, представляет и Давида, который называет блаженным того человека, которому Бог не вменяет греха, и показывает преимущество и превосходство веры. Ибо если блажен тот, кто получает прощение по благодати, то гораздо блаженнее тот, кто выказал веру и оправдан ею. Что же, говорит, затрудняешься в том, что он получает прощение грехов по благодати? Видишь, что получивший отпущение по благодати ублажается; ибо пророк не назвал бы его блаженным, если бы не знал, что он имеет большую славу: ибо блаженство есть нечто весьма важное и выше самой праведности, оно верх всех благ, получаемых нами от Бога.

Блаженство сие относится к обрезанию, или и к необрезанию? Мы говорим, что Аврааму вера вменилась в праведность. Когда вменилась? по обрезанию или до обрезания? Не по обрезанию, а до обрезания.

Если, говорит, блаженство принадлежит тому, кому не вменит Господь греха, то есть оправданному, а Авраам оправдан, то всеконечно он получил блаженство. Посмотрим же, когда он оправдался: до обрезания ли, или по обрезании? Конечно, до обрезания. Значит,

блаженство падает на необрезание, то есть более принадлежит необрезанию, нежели обрезанию.

И знак обрезания он получил, как печать праведности через веру, которую имел в необрезании, так что он стал отцом всех верующих в необрезании, чтобы и им вменилась праведность, и отцом обрезанных, не только принявших обрезание, но и ходящих по следам веры отца нашего Авраама, которую имел он в необрезании.

Решает естественно возникающее возражение. Иной, быть может, возразил бы: если Авраам оправдался до обрезания, то для чего был обрезан? Апостол отвечает: он *знак обрезания... получил* — вместо печати, запечатлевающей, что он оправдался верой, которую обнаружил прежде, будучи необрезанным. Итак, относительно Авраама представляются два предмета: необрезание и обрезание. Чрез необрезание он оказывается отцом необрезанных. Но каких? которые подобно ему веруют, *чтобы и им вменилась праведность*, то есть чтобы и они оправдались. С другой стороны, чрез обрезание Авраам оказывается отцом *обрезания*, то есть обрезанных. Отец же он не только тех, которые имеют обрезание, но и которые ходят по следам веры его, которую имел в необрезании. Итак, настоящее место надо читать так: стал и отцом обрезанных не для тех, которые подобны ему по одному обрезанию, но для тех, которые ходят по стопам веры его, то есть подобно ему веруют в воскресение мертвых тел. Ибо он в старости и в омертвлении поверил, что Бог может сделать семя его плодовитым и дать ему сына. Полная мысль такая: Авраам, будучи необрезанным, уверовал и оправдался, чтобы таким образом стать отцом верующих необрезанных. С другой стороны, он получил обрезание, печать и знак веры, которая в необрезании, чтобы стать отцом обрезанных, ходящих, разумеется, по следам его веры, которую имел он, не будучи еще обрезан. Коль скоро нет этой веры, обрезание попусту хвалится, подражая тому, кто показывает кошелек, к которому приложена только печать, но в котором нет ничего. Итак; иудей есть кошелек, запечатанный обрезанием, но веры, печать которой есть обрезание, не имеющий.

Ибо не законом даровано Аврааму, или семени его, обетование — быть наследником мира, но праведностью веры. Если утверждающиеся на законе суть наследники, то тщетна вера, бездейственно обетование.

Апостол доказал уже, что оправдание бывает не законом, но верой. Теперь он доказывает, что и обетование получил Авраам не законом, но праведной верой. Какое же *обетование? Быть наследником мира*, то есть чтобы в нем благословились все народы всего мира. Ибо если наследие, говорит, дано законом, то *тщетна вера*, то есть оказывается тщетной и бесполезной. Ибо кто станет заботиться о вере, если обетование наследия дано законом? Но положение дела не таково. Авраам наследовал обетование не законом (ибо где тогда был закон?), но верой, как написано: *Авраам поверил* (Быт. 15:6).

Ибо закон производит гнев; потому что, где нет закона, нет и преступления.

Теперь доказывает, каким образом *бездейственно обетование*. С законом, говорит, соединено преступление, а преступление закона производит гнев и подвергает клятве и наказанию. Как же, спрашивается, виновный в преступлении достоин наследовать?

Итак по вере, чтобы было по милости, дабы обетование было непреложно для всех, не только по закону, но и по вере потомков Авраама, который есть отец всем

нам (как написано: Я поставил тебя отцом многих народов) пред Богом, Которому он поверил.

Так как закон производит гнев, то и говорится, что Авраам оправдался и стал наследником верою, дабы все было по благодати. А благодать для чего необходима? *Дабы обетование было непреложно.* Ибо благодать, не как закон, не имеет преступления, чтобы даруемое было нетвердо. Поскольку же все бывает по благодати и милости Божией, то даруемое по справедливости непреложно *всем нам*, то есть для всех верующих, не для тех только, которые *по закону*, то есть обрезаны, но и для тех, которые не обрезаны, которые суть семя Авраама, рожденное *по вере*. Поэтому кто не имеет веры, тот не есть семя Авраама, *который есть отец всем нам*, то есть верующим, как написано: *Я поставил тебя отцом многих народов.* Смысл такой: Авраам есть отец всех *пред Богом*, то есть подобно Богу. Как Бог есть Отец всех, так и Авраам, не по естественному родству, но по союзу веры. *Которому он поверил* присовокупил для того, чтобы показать, что Авраам получил и награду за веру — быть отцом всех. Посему если ты, иудей, не признаешь, что Авраам есть отец всех, то ты уменьшил почесть, которую получил он верою.

Животворящим мертвых и называющим несуществующее, как существующее.

Теперь повторяет сказанное выше, то есть что Авраам поверил, что омертвевшую плоть, какова была его, может Бог не только оживить, но и сделать плодотворной; почему и говорит теперь: *животворящим мертвых.* Слова же *называющим несуществующее, как существующее* присовокупил для того, чтобы показать, что для Бога не невозможно сделать тех, которые не дети Авраама, детьми его. Не сказал, однако, *приводящим в бытие несуществующее, но называющим.* Сколь легко для нас назвать что-нибудь существующее, столь же удобно для Бога привести в бытие несуществующее.

Он, сверх надежды поверил с надеждою, через что сделался отцом многих народов.

Не подумай, говорит, что Авраам удостоен почестей не по заслугам. Ибо возможно ли это, когда он сверх надежды человеческой поверил с надеждой Божиею, что сделается отцом многих народов, не тех, которые произошли от Измаила (ибо они произошли от Авраама не по вере, но по естеству), но тех, которые подобны ему по вере?

По сказанному: «так многочисленно будет семя твое». И, не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвлении; не поколебался в обетовании Божиим неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное.

Сказав, что Авраам сверх надежды человеческой поверил с надеждой Божиею, теперь доказывает это, говоря, что Аврааму было сказано: *умножу семя твое, как звезды небесные и как песок* (Быт. 15:5; 22:17); он же не ослабел в вере, но, пребывая в ней твердым, не обратил внимания ни на собственное тело, уже омертвевшее от времени, ни на сугубое омертвление утробы Сарриной (ибо утроба ее омертвела и от старости, и от бесплодия), и не стал недоумевать, то есть нимало не усомнился, не поколебался мыслью, но *пребыл тверд в вере.* Заметь, как доказывает, что верующий имеет нужду в большой силе. Многие унижали веру,

как дело, не требующее труда, а дела возвышали, как требующие пота и силы. Но апостол говорит, что верующий имеет нужду в великой и мощной душе, дабы отражать внушения неверия, как и Авраам возмог верою. А как возмог верою Авраам? *Воздав славу Богу*, то есть не посредством человеческих умозаключений уверовав, но помышляя в себе достойное славы Божией и быв уверен, что Бог может сделать невозможное; ибо в этом состоит слава Божия. *Почти столетнего* сказал приблизительно, потому что в то время Аврааму не было еще ста полных лет.

Потому и вменилось ему в праведность. А впрочем не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему, но и в отношении к нам; вменится и нам, верующим в Того, Кто воскресил на мертвых Иисуса Христа, Господа нашего, Который предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего.

Апостол многое сказал в похвалу Аврааму, а кто-нибудь мог возразить: что нам из этого? Поэтому и высказывает, что о том написано и для нас, что и нам вменится вера в правду, только бы мы имели ее, веруя в Того, Кто воскресил Иисуса. Если сомневаешься, как можешь оправдаться, то представь в душе своей Иисуса, Который изгладил все грехи твои, Который умер не за Свой грех, но за грех мира. Поскольку же Он умер, не имея греха, то справедливо воскрес. Ибо как мог быть удержан в аде Тот, Кто не имел греха? Итак, Он для того и умер и воскрес, чтобы и от грехов освободить и соделать праведными. Посему как Авраам поверил, что его омертвевшее уже тело сделается плодовитым, так и ты веруй, что Иисус умер и воскрес, и тебе вменится в правду, как и праотцу твоему Аврааму.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией.

Здесь рассуждает Апостол о жизни по вере, дабы мы после того, как он столь много сказал в похвалу веры и унизил дела, не сделались нерадивыми. Так как вера оправдала нас, то не будем уже грешить, но *имеем мир с Богом* посредством угодной Ему жизни. Как же это будет? *Через Господа нашего Иисуса Христа*. Он, оправдавший нас, когда мы были грешниками, поможет нам и сохранится в правде Его; ибо через Него *получили мы доступ к той благодати*. Если он привел далече бывших, то тем паче удержит близ сущих. Привел же — нас к *той благодати*. Каким образом? *Верою*, то есть когда мы принесли веру. Что же это за благодать? Получение всех благ, какие подаются нам посредством крещения. *В которой стоим*, имея твердость и непоколебимость. Ибо божественные блага всегда стоят и никогда не отпадают. И не только твердо сохраним полученное, но уповаем получить и прочее. *Хвалимся*, говорит, *надеждою* благ, которые даны будут нам в будущем: они, как относящиеся к славе Божией, непременно даны будут если не для нас, то для прославления Самого Бога.

И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает.

Не только, говорит, хвалимся благами будущими, но, что еще более, даже настоящими

скорбями своими. Не смущайтесь же, говорит, тем, что мы в скорбях: это и есть похвала для христианина. Каким образом? Скорбь производит терпение, терпение же делает искушаемого опытным, а опытный человек, успокаивая себя в доброй совести той мыслью, что подвержен скорбям для Бога, уповает на воздаяние за эти скорби. А такое упование не бесплодно, *не постыжает* надеющегося. Человеческие надежды, не сбываясь, постыжают надеющихся, а божественные надежды не таковы. Ибо. Подающий блага бессмертен и благ, и мы, хотя и умрем, оживем, а затем ничто уже не воспрепятствует надеждам нашим сбыться.

Потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам.

О будущем уверяет той любовью, которую показал уже к нам Бог. Говорит как бы так: не теряй веры; упование на божественные блага не тщетно: ибо Кто так возлюбил нас, что сделал нас чадами Божиими, без всякого труда нашего, посредством Духа Святого, Тот как не даст венцов после трудов? *Излилась, говорит, любовь Божия в сердца наши*, то есть является обильной и богатой в нас, имеющих в сердцах Самого Духа, Которого дал нам Бог.

Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева.

Сказав, что любовь Божия изливается в нас чрез Духа, Которого мы имеем в себе как дар от Бога, показывает еще и величие этой любви из того, что Христос умер за нас, немощных, то есть грешников, но, что еще хуже, за нечестивых, хотя едва ли кто-нибудь и за праведника умрет. Итак, это избыток любви — умереть за грешников и нечестивых. Когда же Он умер по любви и смертью оправдал нас, тем паче теперь спасет от гнева нас, которых уже оправдал. Даровал нам большее — оправдание: как не спасет от гнева? А спасенным от гнева дарует и блага — по великой любви Своей.

Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его.

Хотя, казалось бы, говорит здесь то же самое, но умозаключения чрез сравнение различны. Выше говорит о нашей греховности и потом, добавляя, что мы оправданы, чрез сравнение заключает: Кто оправдал нас, грешников. Своею смертью, Тот тем паче спасет оправданных. А теперь, упоминая о смерти и жизни Христовой, опять сравнительно умозаключает: когда мы примирены Кровью и смертью Господа, то как теперь не спасемся в Его жизни? Ибо Кто не пощадил Сына Своего, но дал Его на смерть для нашего примирения, Тот не тем ли паче теперь спасет нас Его жизнью?

И не довольно сего, но и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение.

Не только, говорит, спасены мы, но и хвалимся Богом, потому что спасены тогда, когда были нечестивыми, и спасены кровью Единородного. Хвалимся же Господом Иисусом Христом; ибо Он, источник нашего примирения, есть источник и нашего хваления.

Поэтому, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили.

Сказав, что Господь Иисус оправдал нас, обращается к корню зла, к греху и смерти, и показывает, что тот и другая, то есть грех и смерть, вошли в мир чрез одного человека, Адама, и опять одним же Человеком, Христом, устранены. Что же значит: *в нем все согрешили*? То, что все согрешили в Адаме. Как скоро он пал, то чрез него сделались смертными и не евшие от запрещенного древа, как будто они и сами пали, потому что он пал.

Ибо и до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона. Однако же смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими подобно преступлению Адама, который есть образ будущего.

Апостол хочет доказать, что и не евшие от запрещенного древа и не грешившие, подобно Адаму, по причине греха его также сочтены согрешившими и умерли. Доказывает же это так: грех царствовал до издания закона, то есть и прежде закона. Какой же это был грех? Грех ли от преступления закона? Но как мог быть такой грех, когда не было закона? Грех тогда вменяется, когда есть закон, и люди, преступающие закон, по необходимости называются грешащими. *Однако же смерть царствовала от Адама до Моисея*, то есть до издания закона. Значит, был грех, чрез который смерть царствовала: если бы не было какого-либо греха, который удержал бы смерть, она не царствовала бы. Поскольку же доказано, что греха от преступления закона еще не было, то остается, что то был грех Адамов, чрез который смерть царствовала и над теми, которые не согрешили непосредственно (ибо не получившие закона и не преступившие его не называются согрешившими), но согрешили в подобии преступления Адама и сделались причастны падению его как праотца, который есть образ Христа. Ибо как древний Адам сделал всех повинными в его падении, хотя они не пали, так и Христос оправдал всех, хотя они не сделали ничего, за что следовало бы оправдать их. Вот почему он есть *образ будущего*, то есть Христа.

Но дар благодати не как преступление. Ибо если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих. И дар не как суд за одного согрешившего; ибо суд за одно преступление — к осуждению; а дар благодати — к оправданию от многих преступлений.

Христос, говорит, доставил пользу не в такой лишь мере, в какой причинил вред Адам. Если грех столько был силен, что вследствие падения одного осуждены все потомки его, хотя они не пали; то гораздо большее и обильнейшее действие произведет на многих благодать Бога Отца, и не только Его но и Сына Его. И дар Божий не может быть равномерен осуждению чрез одного согрешившего. Ибо *преступление*, то есть грех, подлежащий осуждению, проистекающий от Адама, к *осуждению*, то есть к смерти, и множество грехов всегда существовали в потомстве его, так что люди находились во власти многих грехов и смерти. А *дар благодати* — к *оправданию от многих преступлений*, то есть благодать не только изгладила этот единый грех, но и другие грехи, за ним следовавшие; ибо стала для нас в оправдание, подавая нам отпущение всех преступлений, совершенных после падения.

Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в

жизни посредством единого Иисуса Христа. Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни.

Если из-за того, что один человек ел от запрещенного древа, стала царствовать смерть, то тем паче мы, получившие обилие и избыток благодати и оправданные, будем жить и царствовать *посредством единого Иисуса Христа*, Которого мы братия, с Которым совокупились мы в одно тело, с Которым соединились мы так, как тело с главою. Ибо мы получили не простое и не единообразное благо, чтобы оставалась еще для нас возможность сомневаться относительно будущего: наши блага — плод обильной благодати. Представь, что кто-нибудь много задолжал и ввергнут в темницу вместе с женой и детьми, а потом не только освобождается от темницы и долга, но и получает десять тысяч талантов, вводится в царский дворец, удостоивается высокой чести и становится сыном царя. Так точно случилось с нами. Итак, — говорит апостол, заканчивая мысль, — как чрез преступление одного (что выше назвал он грехом, то теперь называет преступлением, разумея грех Адама) все люди подверглись проклятию, так и чрез оправдание единого Христа на всех людей излилась благодать, дающая им и оправдание вместо греха, и жизнь вместо смерти.

Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие.

Здесь, казалось бы, повторение; но на самом деле его нет. Выше сказал (ст.18): *как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание*, а теперь объясняет, в чем состояло прегрешение единого и говорит, что оно было ослушание, чрез которое многие соделались грешными, то есть повинными наказанию и осужденными на смерть; объясняет также, в чем состоит оправдание Единого, то есть Христа, и говорит, что оно есть послушание даже до смерти, и смерти крестной, чрез какое послушание сокрушена смерть и мы освобождены от осуждения на нее.

Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление. А когда умножился грех, стала преизобилывать благодать.

После того, как доказал, что в Адаме все осуждены, а во Христе спасены, кто-нибудь, вероятно, мог усомниться и возразить: что же делал в течение стольких лет закон, если оправдал нас Христос? Закон, отвечает, *пришел*, то есть дан был на время, не был главной и важнейшей потребностью. Когда же он *пришел*, то преступление умножилось. Ибо он давал множество заповедей; но все эти заповеди люди преступили, почему и умножилось преступление. Частица же указывает на последствие. Закон дан для уменьшения и истребления греха, а вышло противоположное, не по свойству закона, но по нерадению людей. Но тогда как чрез закон умножился грех, чрез Христа благодать Божия явилась преизобильно, не только освободив нас от грехов, но и оправдав и соделав небесными и усыновив Богу. Поэтому не сказал: *изобилывать*, но *преизобилывать*, показывая этим большое изобилие ее.

Дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим.

Сказав, что благодать явилась преизобильно, апостол, чтобы мы не были неверными,

показывает, что такое явление ее соответствует цели, и говорит: грех был царем, а смерть воином, им вооруженным. Если же царствовал над нами грех, имея смерть как бы воином каким, то тем паче воцарится в нас благодать, сообщающая праведность, уничтожающую грех, и вместе с истреблением греха истребляющая и смерть, а у последней оправдание. Итак, оправдание умертвило царя, грех, а с ним вместе смерть, и, наконец, введена вечная жизнь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?

Апостол сказал, что, когда умножился грех, преизобильно явилась благодать. Вследствие этого иной мог бы рассуждать: итак, не перестанем грешить, чтобы благодать явилась обильнее. Апостол опровергает такое рассуждение, выражаясь отрицательно: *никак*, как обыкновенно выражается он о чем-нибудь, по общему признанию, крайне нелепом. Потом приводит доказательство: поскольку мы умерли для греха, стали мертвыми для него чрез крещение, так что уже не должны слушаться его, то как же нам еще жить в нем, иметь расположение к нему и слушаться его? Отсюда узнаем, что чрез крещение всякий верующий действительно умирает для греха, но по нерадению своему сам «воскрешает» себя и тотчас оживает для него, лишь только соединится с ним. Напротив, старательный всегда сохраняет в себе эту мертвенность и, что бы ни приказывал ему грех, не повинуется ему, как мертвый.

Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни.

Рассказывает, как умерли мы для греха, и говорит: чрез крещение. Мы крестились в смерть Христа; значит, и мы должны умереть, как умер Он. Ибо что для Христа крест и гроб, то для нас крещение, хотя и в другом отношении; потому что Христос умер и воскрес плотью, а мы умираем для греха и воскресаем для добродетели, дабы как Христос плотью воскрес из мертвых *славою Отца*, то есть Собственной Божественностью (ибо слава Отца — Сын), так и мы воскресаем другим воскресением, то есть новым образом жизни. Так, когда блудник становится целомудренным, то представляет собою смерть и воскресение, — смерть порока и воскресение и оживление добродетели в человеке.

Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть: соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освобожден от греха.

Не сказал: приобщились подобию смерти Его, но говорит: *соединены*, указывая словом *соединение* на плод смерти Христовой в нас. Тело Христово, погребенное в земле, принесло плод спасения. Поскольку же мы погребены в воде, а Христос в земле, и притом мы погребены для греха, а Он телом, то не сказал «смертью», но: *подобием смерти*. Поэтому мы будем общниками и воскресения, наследуем жизнь вечную, как показавшие воскресение, состоящее в добрых делах. *Ветхий наш человек*, то есть порочность, *распят с Ним*, то есть, подобно телу Христову, погребен в крещении; *чтобы упразднено было тело греховное*, то есть

слагающаяся из разных видов порочность, или склонное ко греху тело наше, почему и присовокупляет: *дабы нам не быть уже рабами греху*. Желаю, говорит, чтобы тело было мертво, не в том смысле, чтобы истребилось, но в том, чтобы не грешило. *Ибо умерший освободился от греха*. Это говорит о целом человеке. Как *умерший освободился от греха*, то есть избавился, свободен, так и ты, крестившийся и умерший для греха, оставайся мертвым.

Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем.

Здесь, казалось бы, повторение сказанного; но в самом деле его нет. Выше апостол сказал, что мы всегда должны оставаться мертвыми для греха, а теперь рассуждает о воскресении новой жизни по Боге, которую мы всегда должны иметь. Если мы чрез крещение умерли со Христом, то веруем, что всегда будем иметь присущим нам воскресение, состоящее в новой жизни, ибо и Христос, воскресши из мертвых, живет всегда, уже не умрет. *Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха* — значит: Христос умер за наш грех, тогда как сам по себе не был повинен смерти. *А что живет, то живет для Бога*, то есть живет божественной силой; ибо Он всегда живет в силе Бога и Отца. Поскольку же Христос не умирает в другой раз, то и мы не умираем вторично чрез второе крещение (то есть для нас нет второго крещения). Итак, останемся в прежнем, то есть в смерти греха, но в воскресении жизни по Боге. А это получили мы во Христе Иисусе, то есть при Его помощи: ибо Кто воскресил нас, когда мы были еще мертвы. Тот тем паче сохранит нас в жизни, когда мы стали живы.

Итак да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его.

Желая показать, что мы удерживаемся во власти пороков не насильно и принужденно, но по собственному произволу, не сказал: да не тиранствует, но говорит: *да не царствует*, ибо царство есть удел имеющих волю. Выражением же *в смертном вашем теле*, во-первых, показал, что ни приятное для тела не прочно (ибо тело подвержено смерти), так что не должно услуживать телу в удовольствиях, ни трудное не постоянно, так что не должно бегать прискорбного и подвигов против удовольствий, во-вторых, напоминает нам, что смертность есть последствие греха, и внушает не раболепствовать уже греху, как причиняющему смерть. Каким же образом царствует грех? Если повинuemся ему в *похотях его* телесных, так что не тело причиняет вред по естеству своему, но повиновение греху. Заметь благодать Христову: Адам согрешил, хотя имел тело не смертное, а мы побеждаем грех в смертном теле.

И не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности.

Где манихеи, которые говорят, что тело порочно по естеству? Тело есть орудие, а орудие есть средство к добродетели и пороку. Так меч для воина служит оружием за граждан, а у разбойника он есть оружие против граждан. *Не предавайте членов ваших греху в орудия неправды*. Ибо кто грешит, тот несправедливо поступает часто и в отношении ближнего, и

всегда — в отношении самого себя. Но представьте себя Богу, размышляя, какое различие между Богом и грехом, и кому лучше подчиняться, греху ли, который умертвил, или же Богу, Который оживотворил. Сказав, что члены суть орудия неправды, показал, с одной стороны, что тело, как сказано выше, не есть что-нибудь худое, когда может быть орудием правды, а с другой — что наступила брань и что нам нужно находиться под предводительством Бога и взять оружие на защиту души своей.

Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью.

До пришествия Христова, говорит, тело ваше было удобопобедимо для греха. Тогда не было еще ни вспомоществующего Духа, ни крещения, могущего умерщвлять грех. Поэтому и закон, предписывая, что делать, не преуспел. По пришествии же Христовом борьба сделалась легче, почему и подвиги у нас, как получивших большие помощи, труднее. Итак, грех не будет господствовать над нами, если не слишком будем уступать ему. Теперь не закон, который только дает заповеди, а помощи не оказывает ни малейшей, но благодать, которая прощает прежние грехи и укрепляет для будущего.

Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак. Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или рабы греха к смерти, или послушания к праведности?

Всегда предлагает апостол такие возражения, почему и приводит и решает их, как поступает и с настоящим возражением, отвечая на него: *Никак*. Потом доказывает, что для нас не трудно грешить. Представьте, внушает, в уме своем, что лучше: быть ли рабами греха, предавшись ему по своей воле (это значит: *отдаете*), и получить в награду смерть, то есть вечное наказание (ибо грех Адама породил смерть телесную и временную, а теперь совершаемый грех подвергает человека вечной смерти, то есть вечному наказанию), или повиноваться Богу и получить в награду праведность и проистекающие из нее блага?

Благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя.

Благодарение Богу. Освобождение нас от оных зол есть дело не человеческой силы, но Божией: почему и должно благодарить. Потом вы стали послушны не по принуждению, но по собственному сердечному расположению; поэтому не возвращайтесь на худшее, от которого отстали вы добровольно. В доказательство же того, что хотя бы они сами пришли, но все это зависело и от благодати Божией, присовокупил: *предали себя*, то есть Богом наставлены на образ учения. Какой же образ учения? Жить благочинно и благоустроенно.

Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности. Говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей. Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые.

Два, говорит, благодеяния получили от Бога: и освобождены от такого бесчестия, и стали рабами праведности, что составляет для вас великую славу. Потом, желая сказать,

чтобы римляне так служили Богу, как служили греху, предварительно замечает: *говорю по рассуждению человеческому*, то есть предлагаю нечто низкое, недостойное предмета, соразмерное вашей немощи. Ибо надлежало показать несравненно большую меру служения Богу, нежели греху; но по немощи своей, говорит, представьте хотя бы равную меру. Заметь, как ясно показал наше добровольное рабство, сказав: *ныне представьте члены ваши*. Сами, говорит, делая себя пленниками, вы подвергались нечистоте, то есть прелюбодеянию, любоддеянию, делам самым постыдным, и что говорю об одной нечистоте — вообще всякому *беззаконию*, и притом *в рабы беззакония*, то есть чтобы еще более беззаконничать: ибо, совершив какой-либо грех, вы не остановились на том, но в этом самом нашли себе побуждение к дальнейшему беззаконию. Итак, в той же мере представьте члены свои *в рабы праведности*, то есть всякой добродетели, дабы проводить жизнь в целомудрии и святости, а не в прежней нечистоте.

Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их — смерть.

Когда вы, говорит, жили в пороках, отчуждены были от правды, тогда вы не подчинялись ей, вовсе не хотели служить ей и сами освобождали себя от нее. Поэтому и теперь, служа правде, не подчиняйтесь греху. И какой плод имели вы от нечистоты? Никакого, кроме бесчестия, и что говорю — бесчестия? Имели плодом Смерть: *потому что конец их — смерть*, и телесная весьма часто, и душевная всегда. Но от смерти вы избавлены благодатью Христовою, а стыд еще остается не без пользы; ибо теперь вы стыдитесь грехов тех.

Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная. Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем.

Плод дел греха есть стыд; плод правды — освящение, чистота, непорочность. Конец первых — смерть; конец последней — вечная жизнь. *Ибо возмездие за грех — смерть*. Так, говорит, и вам, служащим греху, грех давал *возмездие* — смерть. *А дар Божий*. Не сказал: *возмездие* от Бога, но: *дар*. Ибо не как вознаграждение или воздаяние за труды вы приняли, но все то произошло от благодати во Христе Иисусе: ибо все совершено Им.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон), что закон имеет власть над человеком, пока он жив? Замужняя женщина привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона замужества. Посему, если при живом муже выйдет за другого, называется прелюбодейцею; если же умрет муж, она свободна от закона, и не будет прелюбодейцею, выйдя за другого мужа.

Оставив нравственное учение, возвращается к догматическому и доказывает, что слушатели его не должны уже оставаться под законом. Закон, говорит, как и вам известно, имеет власть над человеком, доколе человек остается в живых; ибо на мертвых он не простирается. Так и вы, говорит, умерли для закона, и потому он не имел уже, наконец, власти

над вами. Так намекает на это в начале, а далее говорит об этом с иной стороны. Именно: когда умрет муж, то жена имеет власть сочетаться браком с другим. Здесь мужу уподобил закон, а жене — слушателей своих. Затем надлежало сказать: следовательно, братия, закон не имеет власти над вами: ибо он умер. Но апостол не сказал так, чтобы не огорчить иудеев, но представляет умершую жену, то есть самых иудеев, которые потому пользуются двойкой свободой. Ибо если жена свободна от власти закона, когда умрет муж ее; то тем паче свободна она, когда умерла сама.

Так и вы, братия мои, умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых, да приносим плод Богу.

Если вы, говорит, умерли, то не состоите под законом. Ибо если жена по смерти мужа не подлежит ответственности, то тем паче свободна она от ига закона, когда умерла сама. Заметь, как мудро доказывает, что сам закон хочет, чтобы оставили его. Итак, и вы освободились от закона телом Христа, распятого за нас. Ибо тело для того и умерщвлено, чтобы вы умерли для закона и были под властью Другого, за вас умершего и потом воскресшего. Ибо закон не живет уже после того, как умер, а Христос живет и после того, как умер, так что вы не имеете власти отступать от Него живущего. А какая польза от этого? *Да приносим плод Богу*, то есть чтобы от того брака, в котором сочетались мы с Христом, рождать нам Богу детей, то есть добрые дела.

Ибо, когда мы жили по плоти, тогда страсти греховные, обнаруживаемые законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти.

Доказывая, что закон нисколько не помогает нам в избежании плотских страстей, а только показывает их, говорит: когда мы были в плотской жизни и в худых делах, то в членах наших действовали страсти греховные, обнаруженные законом и узнаваемые чрез закон. Не сказал, что члены производят пороки, дабы не дать места обвинению плоти. Ибо душа есть как бы музыкант, а члены — гусли. Если музыкант играет дурно, то и гусли издадут дурные звуки. Итак, когда мы состояли под законом и не могли избежать страстей, то рождали смерти дурные дела.

Но ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве.

Чтобы не огорчить иудеев, не сказал: упразднился закон, но: *мы освободились от него*, то есть отрешились, освободились, умерли и стали мертвы и неподвижны по отношению к той привязи, на которой держали нас. А привязь эта есть грех; ибо на нем держались мы, как на цепи. Умерли же мы для греха, чтобы *служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве*. В древности добродетель была трудна, потому что Адам получил в смертном теле своем множество природных недостатков; а теперь благодатью Христовой в крещении природа наша получила помощь от Духа, Который соделал нас новыми и юными и освободил от ветхости и немощи буквы. Поэтому во время закона девство было редкостью, а теперь в Церкви тысячи благочестиво ведущих девственную жизнь. То же самое следует сказать и о презрении к смерти.

Что же скажем? Неужели от закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не

пожелай.

Апостол сказал многое, что могло показаться обвинением закона: именно: *грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью* (Рим. 6:14), и: *закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление* (Рим. 5:20) и еще: *ветхой букве* (Рим. 7:6). Посему, чтобы устранить такое подозрение, вводит возражение в виде вопроса и говорит: что же скажем о законе? То ли, что он есть грех? Потом решает это возражение, сначала отвечая отрицательно, как обычно говорит о крайне нелепом, а затем предлагает доказательства. Закон, говорит, не есть грех, но указатель греха; ибо я не знал бы пожелания, *если бы закон не говорил: не пожелай*. Как же, наконец, случился потоп? Как сожжен Содом, если до закона не знали, что пожелание есть зло? Знали и тогда, но тогда пожелание не было усилено и потому познавали его не с такой обстоятельностью, с какой стали разуметь его, когда дан закон. Первоначально знали пожелание по одному естественному закону, но впоследствии и по писанному, почему и стало оно поводом к большему наказанию, а это произошло не от научений закона, но от беспечности невнимающих предписаниям закона, что показывает Апостол и далее.

Но грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание: ибо без закона грех мертв.

Не сказал, что закон *произвел пожелание*, но: *грех* (который, по Златоусту, есть беспечная и испорченная воля), и диавол (ибо его некоторые разумели под грехом), или склонность к удовольствию и стремление к худшему, самое научение закона употребили во зло. Несправедливо было бы обвинять врача, который больному горячкой, готовому непрестанно пить воду, не дает пить и тем усиливает в нем желание пить; ибо дело врача — запретить, а не пить должен сам больной. Так и закон имел в виду научением отвлечь человека от похоти, но грехолюбивая воля усилила пожелание и произвела не одно, но всякое пожелание, с напряжением делая зло. Ибо когда кому-нибудь воспрещают что-либо, тогда он более неистовствует. Итак, грех тогда обнаружится, когда закон был нарушен. *Ибо без закона грех мертв*, то есть не почитается существующим. Когда же есть закон, предписывающий должное, то грех живет, то есть существует и представляется грехом тем, которые преступают закон, грешат сознательно.

Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер.

До Моисея, говорит, я жил без закона, почему и подвергался не строгому осуждению (здесь в лице себя разумеет природу человеческую); но когда пришла заповедь, то обнаружилось, что грех есть грех: ибо хотя люди грешили и прежде, однако не сознавали того. А в этом-то и благо закона, что он сделал людей сознающими, что они грешат. Слова *я умер* понимай двояко, — и так: «согрешил», и так: «сделался повинен большему наказанию», в чем виновен не закон, но тот, кто внемлет ему. Представь, например: кто-нибудь болен и не сознает, что он болен; потом приходит к больному врач и открывает ему, что он болен, и что ему следует воздерживаться от такой-то пищи, как усиливающей болезнь; больной не послушался врача и умер.

И таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил его.

Не сказал: заповедь сделалась для меня смертью, но: *послужила*, объясняя тем необыкновенность и странность такой несообразности. Цель заповеди — вести к жизни, для чего и дана она. Если же произошла из того смерть, то виной этого не заповедь: ибо меня обольстил и умертвил чрез заповедь грех, то есть стремление к худшему и испорченное и грехолюбивое сердце, а лучше сказать — удовольствие. Ибо если бы не было заповеди, показывающей грех, то я и совершающим грех не почитался бы, и не был бы повинен наказанию; ибо слово *умертвил* следует понимать о том и другом, и о грехе и о наказании, как и выше сказано о слове *я умер*. Вся сущность мысли апостола такая: когда нет закона, то грех не вменяется; когда же пришел закон и нарушен, то грех обнаружился и ожил, так что чрез нарушение заповеди грех, то есть обнаружение и состояние греха выступает, тогда как прежде он и не существовал и не вменялся, потому что и закона не было. Поэтому закон сам по себе не был причиной греха; но он не мог и освободить от него, так что вследствие этой немощи закона мы возымали нужду в благодати.

Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра.

Здесь весьма явно заградил уста маркионитов, манихеев, симониан и всех осуждающих Ветхий Завет; ибо ясно провозглашает, что закон свят, и заповедь свята, и праведна, и добра. Различает же закон от заповеди, как общее от частного; ибо в законе одно составляет догматы, а другое заповеди. Итак, и догматы закона святы, и заповеди касательно деятельности святы и праведны и добры. Следовательно, они суть законоположения благого и праведного Бога, хотя упомянутые еретики и богохульствуют, что закон происходит от злого бога.

Итак, неужели доброе сделалось мне смертоносным? Никак; но грех, оказывающийся грехом потому, что посредством доброго причиняет мне смерть.

Закон, говорит, не сделался для меня смертью, но умертвил меня грех, чтобы стало ясно, какое зло есть грех, и что он, несмотря на врачевание законом, стал хуже. А под грехом, как сказали мы выше, разумей и склонную к удовольствию волю, и стремление к греху, и потому диавола, и самую деятельность, увлекаемую удовольствием. Благодарение Христу, освободившему нас от такого зла!

Так что грех становится крайне грешен посредством заповеди.

Какая пагуба есть грех, это открылось чрез заповедь; ибо грех воспользовался заповедью к смерти. Так и о болезни, когда она чрез врачебные пособия приходит в худшее состояние, можно сказать, что она обнаружила злокачественность свою посредством врачебного искусства, хотя не получила от него никакой пользы.

Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху.

Апостол сказал, что грех открылся чрез заповедь. Посему, дабы ты не подумал, что виной греха закон, произносит общий приговор и говорит: *ибо мы знаем, что закон духовен*. Всем, говорит, известно и всеми признано, что закон отнюдь не есть причина греха, но что он *духовен*, то есть — наставник добродетели и враг порока. От чего же произошел грех при столь дивном наставнике? От нерадения и немощи учеников. Ибо я, говорит, *плотян*, что значит: все естество человеческое, как до дарования закона, так и во время закона, наполнено

было множеством страстей; ибо вследствие преступления Адамова мы не только сделали смертными, но природа наша получила страсти, предалась греху и стала рабой, так что и головы не могла поднять.

Ибо не понимаю, что делаю.

Здесь говорит не о совершенном неведении, ибо если бы грешили в неведении, то за что же были бы наказываемы? Что же говорит? Пребываю во тьме, увлекаюсь, не знаю, как увлекает меня грех. Посему, когда говорит: *не понимаю*, то указывает не на незнание того, что должно делать, но на опасности, ковы, обольщение, увлечение. Все это говорит о людях, живших до пришествия Христа во плоти, хотя представил самого себя.

Потому что не то делаю, что хочу.

Так выражается вместо следующего: ибо тогдашние люди не то делали, что хотели. Выражаясь же так, не внушает необходимости или принуждения. Но что говорит? Вот что: чего не одобряли, чего не принимали, чего не любили, то делали. Ибо далее присовокупляет:

А что ненавижу, то делаю.

Видишь ли, что не вводит ни принуждения, ни необходимости? Ибо в противном случае присовокупил бы: к чему вынуждаюсь необходимостью, то делаю. Но это не сказал, а говорит: *что ненавижу*. Как же произошло зло? По увлечению, по немощи, которую имели от преступления Адамова. Эту-то немощь и не мог уврачевать закон, хотя и говорил, что должно делать; ее уврачевал, пришедши, Христос. Итак, здесь во всем, что сказал и что намерен сказать, цель у апостола та, чтобы доказать, что естество человеческое пришло в неисцелимое состояние и что его никто не исцелит, кроме Христа.

Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр.

Что закон добр, говорит, видно из того, что я по природе знаю, что должно делать, и что разум у меня не поврежден, хотя я и предаюсь пороку.

А потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе.

Не сказал, что плоть делает это, но *грех*, то есть увлекающее меня мучительство греха. Что же болтают вооружающиеся против плоти и исключаящие ее из числа творений Божиих? Они предъявляют: ведь апостол говорит: *не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе*. Выслушай, в каком отношении высказал он это. Человек состоит из двух частей: души и плоти; из них первая, то есть душа, властвует всем, а плоть есть раба. Посему выражение: *не живет в плоти моей доброе* значит: не состоит во власти плоти, но во власти души; что изберет душа, то и делает плоть. Все равно, как если кто скажет, что стройный звук не в гусях, но в гуслисте, тот не унижает гуслей, но показывает превосходство художника пред инструментом.

Потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю

то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех.

Словом *не нахожу* обозначил нападение и козни греха; ибо слагает вину и с существа души и с существа плоти и все приписывает порочной деятельности и воле. Когда говорит: *которого не хочу*, то слагает вину с души, а когда говорит: *уже не я делаю*, то слагает вину с тела. Кто же делает зло? Грех, который, по словам Иоанна Златоуста, есть порочная и грехолюбивая воля. А эта воля не есть создание Божие, но наше движение. Воля сама по себе есть творение Божие; но воля, направленная к известной цели, есть нечто наше собственное, действие нашего произволения. Выше сказано, что такое грех, то есть мучительство греха, увлекающее ум наш чрез удовольствие.

Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое.

Выражение неясное; в нем чего-то недостает. Надлежало бы сказать: *итак, когда хочу делать доброе, нахожу себе в законе защитника, однако не делаю доброго, потому что прилежит мне зло. Смысл настоящего места такой: познание добра из начала вложено в меня; нахожу также, что и закон защищает оное, и хвалит, и я желаю делать добро, но вовлекаюсь какой-то другой силой, и мне прилежит зло, то есть действие зла не уничтожается во мне. Впрочем, святой Иоанн Златоуст, истолковав настоящее место как неполное, внушает, что его можно понимать и иначе, именно так: нахожу, что закон дан не другому кому, но мне, желающему делать доброе; ибо закон есть закон только для желающих делать доброе, как желающий того же, чего желает и он. Это уяснится из последующего.*

Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих.

Я знал добро и до закона, и когда нахожу оное изображенным в письменах, хвалю закон и соглашаюсь с ним *по внутреннему человеку*, или по уму своему. *Но вижу иной закон*, то есть грех, который назвал законом потому, что обольщаемые им покорствуют ему и боятся покинуть его, как закон, который должен быть исполнен. Закон этот противоборствует *закону ума моего*, то есть закону естественному (выше назвал его внутренним человеком, а теперь ясно называет его умом), и одерживает верх, даже делает меня пленником, побеждая и естественный, и письменный закон. Каким образом делает пленником? *Законом греховным*, то есть силой, мучительством. Не сказал: *влечением плоти, или природой плоти*, но *законом греховным*, господствующим в членах моих. Значит, в этом не виновата плоть. Если разбойник займет царский дворец, то дворец нимало не виновен в том. Так и здесь: если в членах моих обитает грех, то от этого плоть не зла. Некоторые подмечают здесь четыре закона: один — Божий, научавший нас приличному, другой — противоборствующий, приходящий к нам по действию диавола, третий — закон ума, то есть естественный, последний — находящийся в членах наших, то есть грехолюбивое произволение и склонность к злу, делающие нас посредством привычки нечувствительными, ожесточенными сердцем.

Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?

Закон естественный стал недостаточен, закон писанный оказался бессильным, тот и другой победило мучительство греха. Откуда же будем надеяться спасения? *Кто избавит*

меня от сего тела смерти?, то есть повинного смерти. Ибо тело, сделавшись подверженным страданию вследствие преступления, стало от этого и сподручным греху. Скажет кто-нибудь: если тело было сподручно греху, то за что были наказываемы грешники до пришествия Христова? За то, что им даны такие заповеди, которые они могли исполнить и находясь во власти греха.

Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим.

Поставленный в безвыходное положение и не нашедший другого спасителя, по необходимости нашел Спасителем Христа. Поэтому и благодарит *Бога Отца Иисусом Христом, Господом нашим*, то есть причиной благодарения, Христом. Он, говорит, исполнил то, чего не мог сделать закон: Он избавил меня от немощи плоти, укрепив ее, так что она не состоит уже под мучительством греха, но как чрез преступление Адама сделавшись смертной, стала удобопреодолимой для греха, так, чрез послушание Распятого и Воскресшего, получив залог нетления, мужественно противится греху.

Итак тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу.

Сказал *служу* вместо «служил»; ибо вспоминает о прежнем. Намереваясь сказать, что *нет ныне никакого осуждения* и т.д., и показать неизреченную благодать Христову, вспоминать, каковы мы были прежде и что мы умом познали доброе, но *плотию*, то есть по немощи плоти подчинялись закону греха. Но теперь нет *никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе*, то есть сподобившимся крещения. А поскольку многие грешат и после крещения, то присовокупил: *живут не по плоти*, давая сим разуместь, что все зло происходит от нашего нерадения. Ибо теперь возможно и легко *жить не по плоти*, а до Христа это было весьма трудно. Но мы должны не только не жить по плоти, но и жить *по духу*, ибо венец доставляется не воздержанием от порока, но участием в добродетели и духовных делах.

Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти.

Законом духа называет Духа Святого, как и грех назвал законом греховным. А законом жизни назвал закон тот в отличие от закона греховного, доставившего нам и смерть. Ибо благодать Божия умертвила и грех и смерть, а сделав для нас борьбу легкой, вывела таким образом на подвиг. Злые языки дерзнули разуместь здесь под законом греховным закон Моисеев; но апостол нигде не наименовал его так, а назвал его святым и духовным. Если же, возражают, и Моисеев закон духовен, то какое же различие между им и законом Духа? Весьма большое. Закон Моисеев только дан Духом, а закон Духа и преподал Духа.

Как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти.

Упомянуво Духе, теперь упоминает об Отце и Сыне, научая Троице. Говорит, казалось

бы, против закона; но на самом деле нет. Ибо не сказал, что закон делал зло, но: *ослабленный плотию, был бессилен*. Как же ослаблен? Плотию, то есть мудрованием плотским. После этого открывается, о чем сказал апостол. Он, как мы и выше сказали, говорит, что хотя закон и поучал, однако не мог победить чрезмерно плотское мудрование. Поэтому Отец послал Сына Своего *в подобии плоти греховной*, то есть имеющего плоть, по существу подобную нашей греховной, но безгрешную. Так как упомянул о грехе, то и прибавил *в подобии*. Ибо Христос принял не иную плоть, но ту же самую, которую имеем мы, и ее освятил и увенчал, осудив грех в воспринятой плоти и показав, что плоть не греховна по естеству. Вообрази, что царский сын, увидев на рынке, что бьют женщину, называет себя ее сыном и таким образом освобождает ее из рук бьющих. То же самое сделал Христос. Выражение: *в жертву за грех* можно разуместь и проще, — так: Отец послал Сына Своего *в жертву за грех*, то есть преодолев грех. Объясняя это, великий Иоанн Златоуст сказал: Христос обличил грех, тяжко согрешивший. Ибо доколе грех умерщвлял грешников, по всему праву наносил им смерть, то, как учинивший несправедливость, подвергнут осуждению. Итак, Бог послал Сына Своего как для того, чтобы показать несправедливость и греховность греха, так и для того, чтобы законно осудить его, дабы диавол не мог сказать: меня победил Христос силой.

Чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу.

Дабы не сказал кто-нибудь: есть ли польза для меня от того, что Христос одержал победу в той плоти, какую воспринял? говорит: для тебя именно и есть она. *Оправдание*, говорит, то есть цель закона (ибо закон имел целью оправдать человека) исполняется в нас. Чего закон домогался и не мог сделать, то сделал для нас Христос. Его дело было вести борьбу, а мы воспользовались победой. Поэтому мы и не будем грешить, если не будем жить по плоти, то есть мудрствовать плотское: чего, впрочем, то есть не мудрствовать плотское, недостаточно, а должно быть у нас, как и выше сказано, еще мудрование духовное. Поэтому присовокупил: *но по духу*. Ибо Давид говорит: не только *уклоняйся от зла, но и делай добро* (Пс. 33:15). Ибо, услышав, что Христос даровал нам победу, мы отнюдь не должны падать, но должны сохранить благодать *бани водной* (Еф.5:26); потому что теперь борьба для нас легче, нежели была она прежде.

Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу — о духовном.

Предавшиеся, говорит, неумеренному рабству плоти всегда помышляют о плотском и никогда не размышляют о божественном, а кто всецело покорился Духу, те и мыслят и делают все духовное.

Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир.

Мудрованием плотским называет грубейшее помышление, заимствовано для него имя от худшей части человека. Ибо плоть сама по себе не имеет собственного мышления, но мудрование плоти есть помышление грубое и вещественное, которое иной может назвать умом, помышляющим о плотском. Так и мудрование духовное есть ум, помышляющий о духовном. Последнее рождает жизнь, в противоположность смерти, которую рождает мудрование плотское, а также мир, в противоположность тому, о чем далее говорится.

Потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию

не покоряются, да и не могут (δύναται).

Помышление духовное рождает мир, а помышление плотное — вражду против Бога. Значит, помышление о плотском поднимает руки на Бога? Нет, говорит; но в нем говорится, что оно есть вражда против Бога, потому что оно не покорно закону Его. Не смущайся, однако, слыша: *да и не могут*, а понимай слова эти как должно. Мудрование плотское не может покоряться Богу, пока останется таким. Это тоже значит, что сказать: блудница не может быть целомудренной. Ибо не в будущем времени сказал «не сможет» (οὐ δύνασθεταί), но в настоящем (οὐ — у Ф.Б. — δύναται; в греч. оригинале — γὰρ δύναται), то есть теперь, оставаясь плотским. Иначе как могли бы сделаться из злых добрыми сам Павел, разбойник и бесчисленное множество других порочных людей, если невозможна была перемена? Так и в Евангелии Господь сказал: *не может дерево худое приносить плоды добрые* (Мф. 7:18), то есть пока остается худым. Итак, не будем помышлять о плотском, но будем помышлять о духовном, чтобы иметь мир с Богом, дающим нам Духа, чрез Которого легко для нас все, что было трудно для исполнения во времена закона.

Посему живущие по плоти Богу угодить не могут. Но вы не по плоти живете, а по духу.

То есть имеющие мудрование плотское не могут угодить Богу, пока остаются такими; ибо плотью назвал не сущность плоти, но жизнь грубую, плотскую и делающую всего человека плотским. Так и в Ветхом Завете сказано было: *не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, ибо они плоть* (Быт. 6:3). Далее, *вы не по плоти живете*, то есть не плотской жизни служите, но духовной. Для чего же не сказал: вы не во грехах живете? Дабы ты знал, что Христос не только угасил мучительство греха, но и плоть сделал более легкой и более духовной. Как железо, от продолжительного прикосновения к нему огня, само делается огнем, так и плоть тех, которые получили Духа чрез крещение, вся делается духовной.

Если только (εἴπερ) Дух Божий живет в вас.

Слово *если только* употребляется здесь не для обозначения сомнения, но при полной уверенности, вместо: поскольку (ἐπειδὴ) Дух Божий в вас, то вы в Духе.

Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его.

Не сказал: если же вы не имеете Духа Христова, ибо такое выражение весьма неприятно, но говорит неопределенно: *если же кто Духа не имеет*, тот и не Христов. И справедливо. Ибо Дух есть печать. Посему кто не имеет печати, тот не принадлежит Господу, назнаменуемому этой печатью.

А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив (ζω) для праведности.

Опять утешает слушателей, когда говорит: *а если Христос в вас*. Некоторые под Христом разумели здесь Духа; но это неверно. Апостол дает разуметь, что имеющий Духа имеет в себе Самого Христа; ибо где одно из Лиц Святой Троицы, там и прочие Лица. Что же будет, если Христос будет в нас? Тогда тело бывает мертво в отношении к греху, и Дух Святой в

вас есть жизнь, то есть не только сам живет, но и другим может доставить жизнь. Дух же есть жизнь *для праведности*, то есть потому что мы оправданы Богом и эта праведность или оправдание сохраняется в нас, а когда она сохраняется, то греха не будет, когда же нет греха, то нет и смерти, а остается наконец жизнь везде, и в настоящем веке, когда станет жить по Боге (ибо та жизнь называется в собственном смысле жизнью, когда мы мертвы для греха), и в будущем, где жизнь нескончаемая.

Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас.

Опять начинает речь о воскресении и говорит: не страшись, что ты облечен смертным телом. Ты имеешь Духа Божия, воскресившего Христа из мертвых. Как Он Его воскресил, так и тебя, несомненно, воскресит, даже оживотворит. Воскреснут и те, которые не имеют Духа, но они воскреснут в наказание, а имеющие Духа воскреснут в жизнь. Поэтому-то не сказал апостол: воскресит тело, но *оживит* живущим в тебе Духом. Не сказал: жившим, но *живущим*, остающимся до конца. Ибо, видя в тебе Духа Своего, Бог не восхощет не ввести тебя в брачный чертог, подобно как, если не будешь иметь Духа, несомненно погибнешь, хотя и воскреснешь. Итак, умертви тело, чтобы жил в тебе Дух, а чрез Него дана была тебе жизнь.

Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти.

Показав, какую пользу поставляет духовная жизнь, то есть, что ею вселяется в нас Христос и оживотворяются мертвенные тела, присовокупляет, наконец, увещание и показывает, что мы не должники плоти, но именно Духу. Ибо, что излил на нас Бог, то было делом благодати, а что наше, то бывает по долгу и требуется неизбежно. Объясняя же выражение *не по плоти*, дабы ты не понял его о существовании плоти, присовокупил: *чтобы жить по плоти*. Я, говорит, запрещаю не всякое попечение о плоти (ибо многое обязаны мы делать и для плоти, питать ее, греть), но такое, которое доводит до греха. Ибо по плоти живет тот, кто делает плоть госпожой жизни своей и царицей души.

Ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете.

Смертью называет здесь не одну бессмертную казнь в геенне; но именуется смертью и жизнь, проводимую на земле в злых делах. Напротив, если духовной жизнью умертвим худые дела плоти, то будем жить и тогда — жизнью нескончаемой, и теперь — жизнью добродетельной. Ибо кто мертв для мира, тот живет. Заметь же, что не сказал: тело умерщвляете (ибо это человекоубийство), но: *дела плотские*, очевидно, порочные. Ибо следует умерщвлять не просто зрение или слух (ибо видеть или слышать есть естественное плотское дело), но употребление их во зло.

Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии.

Выше дал такое обещание: будете живы, если умерщвляете порочные дела. Теперь предлагает важнейший венец и большую мзду, именно усыновление Богом. Не сказал: все, которые живут Духом, но все, которые водятся Духом, то есть управляются, как возницей,

делая Духа господином над душой и плотью. Хотя ты и принял крещение и стал чрез крещение сыном Божиим, но если не будешь водиться Духом: то утратишь дар. Ибо хотя все мы получили Духа в бане воздержания, но водиться Им во всю жизнь требуется от нас, как наше дело. Поэтому не сказал: которые получили Духа, те суть сыны Божии, но говорит: которые Духом Божиим водимы.

Потому что: вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления.

Апостол сказал, что водимые Духом Божиим суть сыны Божий; но так как усыновление Божие усвоили себе и иудеи: *Я воспитал и возвысил сыновей* (Ис. 1:2); еще: *Израиль есть сын Мой, первенец Мой* (Исх. 4:22), то показывает, какая находится разность между нашим сыновством и сыновством иудеев. Иудеи, говорит, приняли духа рабства; так называет письмо закона: ибо хотя оно дано было Духом, но более прилично рабам. Отсюда-то и наказания телесные вслед за делами, и побиения камнями, и сожжения, и угрозы: *меч, говорит, пожрет вас* (Ис. 1:20). Отсюда же, опять, и награды земные, и обетования благ земных, и множество маловажных и приличных рабам заповедей. Поэтому хотя иудеи и назывались сынами, но были рабами. А мы называемся сынами, как благородные и свободные. У нас и награды небесные, и Царство небесное; и наказание у нас состоит не в побиении камнями и прочем, чему подвергали иудеев священники: у нас достаточно только отлучить виновного от таинственной трапезы, как и сына. И заповеди у нас божественные и приличные благородным, например: не смотри на женщину нечистым оком, не божись, оставь свое имение; а исполняются они не из боязни наказания, но по внутреннему расположению, что и доказывает тем, что у нас многие преуспевают сверх предписанного во многих заповедях. Притом у иудеев не было Духа, а у нас — обильная благодать Его.

Которым взываем: «Авва, Отче!»

Употребил слово еврейское; ибо так собственно называют Отца подлинные сыновья Его. Как так, спросишь? Разве не называли Бога Отцом и иудеи? Говорится: *Заступника, родившего тебя, ты забыл* (Втор.32:18). В другом месте: *не один ли Бог сотворил нас?* (Мал.2:10). Еще: *не один ли у всех нас Отец?* (Мал.2:10). Но хотя сказано об иудеях, однако не нашлось ни одного иудея, который называл бы Бога Отцом в молитве, как теперь все мы называем Его по крещении. Притом, если иудеи называли когда Бога Отцом, то от своего ума; а верующие именуют Его так, будучи движимы силой Духа. Как о духе пророчества узнаем из того, что получивший его предсказывает будущее: так и дух усыновления узнается из того, что получивший его именует Бога Отцом, будучи движим к тому Духом. Ибо и это есть один из даров Духа, как внушает и сам Павел.

Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии.

Сам Утешитель свидетельствует о сообщенном нам даровании. Ибо мы выговариваем слово «Авва» не без свидетеля и не сами от себя, но это есть дар Утешителя; и Он научил нас говорить так в молитвах Духом, то есть дарованием.

А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу.

Так как не все дети — наследники; то доказывает, что мы и дети и наследники. А как не

всякий наследник наследует лучшее достояние, то доказывает, что мы наследовали лучшее достояние: ибо мы наследники Божии. Опять, поскольку можно быть и наследником, но вовсе не сонаследником Единородного, то говорит, что нам и это принадлежит: ибо мы сонаследники Христу.

Если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться.

Сказав, что мы будем сонаследниками Христу, доказывает, что мы достигнем этого не без причины. Ибо Кто почтил такими благами не оказавших еще никаких заслуг, Тот не тем ли паче вознаградит их, видя их много труждающимися? А это делает Он для того, чтобы получающие дар не стыдились, будто они получают его без труда. Размысли, однако, о том, что здесь внушает, как нужно удостоившемуся таких даров подвергать себя страданиям и бедствиям.

Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас.

Сказав о страданиях, апостол, чтобы слушатель его не поколебался, как выведенный на страдания и влекомый на бедствия, говорит: не бойся. *Нынешние временные* страдания, то есть преходящие, ничего не стоят в сравнении с будущей славой. Не сказал: с будущим покоем, но: славой, которая для многих вожделенна. Где покой, там не всегда слава, а где слава, там и покой. Словом *откроется* показал, что слава и теперь есть, но скрыта, а тогда она откроется. Так как она величайшая и неизреченно превосходит настоящий век, то и уготована тем, как простирающаяся в нескончаемые веки. Поэтому, слушатель, имея в виду, что страдания — *временные*, а слава будущего века нескончаема, принимай страдания и приобретай славу.

Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих.

Желая показать, какую получим мы славу, говорит, что и сама тварь переменится к лучшему, и тем паче мы придем в лучшее состояние. Сказанное имеет такой смысл. Пророки говорят так: у них реки рукоплещут, холмы скачут, животные и чувственные предметы имеют лица. Так делает и апостол, когда говорит, что тварь имеет *надежду*, то есть большое ожидание, что и она переменится к лучшему и ожидает откровения славы нас, сынов Божиих. Тогда и она прославлена будет нетлением, когда и мы улучим бессмертие. Поэтому, когда слышишь речь о твари, как об одушевленной, полагай, что так говорится по обычаю олицетворения.

Потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих.

Суете, то есть тлению, тварь *покорилась*, то есть сделалась тленной чрез тебя, человек. Поскольку ты получил тело смертное и подверженное страданиям, то и земля произрастила терния и волчцы, и небо состарившееся имеет нужду в перемене. Каким же образом тварь сделалась тленной чрез другого? Потому что она и создана была всецело для человека. Выражение *не добровольно* означает, что все было попечением Божиим, а не могло состоять в воле твари, пренебрегал ею и устремлял дух к небесному. Слова *в надежде* и прочие,

подобные им, почитай сказанным по обычаю олицетворения. Итак, и сама тварь *освобождена будет*; не ты один, но и гораздо низшее тебя, не имеющее ни души, ни чувства, и это, говорю, будет участвовать с тобой в благах и не будет уже тленным, но сделается соответственным тебе. Когда тело твое стало тленным, то и тварь сделалась тленной. Так же, когда тело твое сделается нетленным, то и тварь станет нетленной. Итак, если тварь подверглась страданию для тебя, то и ты должен терпеть страдание для Бога; и если она надеется быть прославленной, то тем более ты надейся быть прославленным. И отец одевает слуг в хорошее платье для чести сыновей. Так и Бог уберег тварь в честь нашу.

Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего.

Этимися словами побуждает слушателя презирать настоящее. Говорит как бы так: не будь хуже твари и не прилепляйся к настоящему; напротив, даже воздыхай, что не обладаешь еще *будущею славой*. Если тварь воздыхает, то тем более ты должен поступать так. Присовокупляет же, что *и мы сами, имея начаток Духа*, то есть вкусив будущих благ, *стенаем*, потому что не обладаем еще ими, ибо о будущих благах мы составляем понятие по тем дарованиям, которые получили (ибо эти дарования суть начаток). Потом, чтобы еретики не имели повода думать, будто мир есть зло и будто поэтому мы воздыхаем, говорит: *ожидая усыновления*. Как так? Мы уже усыновлены: какое же еще другое усыновление получим? Я, отвечает, говорю не о том усыновлении, которое совершается чрез крещение (ибо это усыновление мы уже получили), но в совершенной славе, состоящей в нетлении тела. Она-то и есть совершенное искупление, свобода и освобождение от смерти и страданий, когда из состояния усыновления мы не возвратимся уже в рабство греховное.

Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении.

Поскольку говорил о будущих предметах, которым многие не верили, то внушает: не сомневайся ты, верующий, относительно того, что я говорю: на основании того, что ты уже получил, будь уверен и относительно будущего. Как прежде, когда Бог даровал тебе великие блага, ты ничего не принес, кроме одной веры, так и теперь в надежде на будущие блага воспользуйся верой же. Ибо надежда тогда именно и бывает надеждой, когда предмет ее составляет невидимое; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Итак, не должно искать всего здесь: мы *ожидаем в терпении* будущего. Когда слышишь о терпении, то подразумевай мысль о подвигах и усиленных трудах. Ибо христианин должен терпеть, ожидая невидимого, но чаемого верой.

Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших.

Упомянув о терпении, ободряет слушателя и говорит, что и Дух подкрепляет нас. Поэтому не изнемогай в надежде и терпении: ты приносишь только надежду и терпение, а помогает тебе Дух.

Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно.

Показывает, как помогает Дух в немощах наших. Мы так немощны, что даже не знаем, о чем должно молиться. Все мы вообще так немощны; так немощен и я, Павел. Ибо и Павел молился об избавлении от *жала в плоть* (2 Кор. 12:8) и о том, чтобы придти ему в Рим (Рим. 1:10), и Моисей молился, чтобы видеть ему Палестину (Втор.3:23-25), и Иеремия молился об иудеях (Иер. 11:14), не зная, что было необходимо. Так говорит теперь Павел потому, что тогда верующие римляне, подвергаясь гонениям и оскорблениям, естественно желали покоя и, не получая его, впадали в уныние. Итак, он доказывает, что никто из людей не знает, чего полезно просить. Поэтому вы, говорит, должны терпеть, а что полезно вам, об этом знает один Дух. Посему присовокупляет и нижеследующее.

Но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными.

В древности Бог сообщал крестившимся многие и различные дарования, которые вообще назывались духом. Один имел дар пророчества, другой — дар мудрости, иной — другое какое-нибудь дарование. Так точно подавал Бог и дар молитвы, который также назывался духом. Поскольку, не зная многого, полезного для нас, мы просим бесполезного, то в первенствующие времена дар молитвы нисходил на кого-нибудь одного, который один просил и других научал просить полезного для всех. Итак, духом называет здесь дар этого рода и душу, получающую дар молитвы, ходатайствующую пред Богом и воздыхающую. Ибо такой духовный человек стоял с великим сокрушением и с сильными воздыханиями. Теперь знамение этого видим в диаконе, который стоя приносит прилежные моления вместо народа.

Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией.

Человек тот, говорит, стоит, и молится не потому, будто Богу неизвестны наши нужды. Испытующий сердца знает, *какая мысль у Духа*, то есть у духовного человека; Он просит вместо верующих, находящихся в церкви, ибо они — святые, именно угодного Богу. А это бывает для того, чтобы мы научились просить *по воле Божией*, то есть угодного Богу. Итак, если о нас ходатайствует Дух, то не печалься, оскорбляемый.

Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу.

Сказанное прежде, именно: *тварь покорилась суете* (ст.20), также: *освобождена будет от рабства тлению* (ст.21), и еще: *мы не знаем, о чем молиться* (ст.26), все это, как заметили мы, служило для преследуемых в Риме ободрением. Но теперь присовокупляемое яснее всего. Любящим Бога, говорит, все, даже кажущееся неприятным и прискорбным, содействует ко благу. Не сказал, что любящим Бога не приключаются никакие беды, но что хотя и приключаются, однако Бог употребляет бедствия к пользе подвергающихся оным. Потом так как это казалось невероятным, подтверждает это прошедшим, говоря: *призванным по Его изволению*. Бог, говорит, призвал тебя, когда ты был вдали, и усвоил тебя Себе: не тем ли паче поможет Он призванному? А званым становится человек *по изволению*, то есть и по собственному его произволению. Ибо одного звания недостаточно (потому что в таком случае все спаслись бы, потому что все призваны), а нужно еще произволение.

Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына

Своего, дабы Он был первородным между многими братьями. А кого Он предопределил, тех и призвал.

Бог наперед знает достойных звания, потом предопределяет. Итак, сначала предведение, потом предопределение. Под предопределением же разумеи неизменную благую волю Бога. Так Он наперед знал, что Павел достоин евангельского звания, и таким образом предопределил, то есть неизменно определил, и потому положил призвать его. О ком Он наперед знает, что достойны звания, тех делает подобными образу Сына Своего. Чем был Единородный по естеству, тем они стали по благодати, сделавшись и сами сынами Божиими. А первородный Он между многими братьями по домостроительству, ибо по Божественности Он есть Единородный. Он, восприняв плоть, соединил ее всю и всецело со всем естеством Своим, стал начатком нашим, освятив в Себе осужденное наше естество, и потому достойно есть первородный, а мы именуемся братьями Его.

А кого призвал, тех и оправдал,

освободив от грехов и соделав праведными чрез баню возрождения.

А кого оправдал, тех и прославил,

удостоив их усыновления и дав им прочие дары.

Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас?

Видишь ли, что здесь весьма ясно показывает, что говорит к бедствующим? Речь его почти такая: если мы удостоены таких благ в то время, когда были врагами, то во сколько больших удостоимся после оправдания и прославления своего? И если Бог за нас, кто против нас? Хотя бы восстала против нас вся вселенная, восстание это премудрость Божия обратит в наше спасение и славу.

Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?

Оставляю, рассуждает, прочее, о чем упоминал я прежде, то есть что Бог оправдал, что Он прославил нас. Представь себе, что Он не пощадил *Сына Своего*, то есть Единородного, возлюбленного, Который из существа Его (ибо есть сыны Божий, усыновленные чрез крещение), но предал Его за нас, предал за всех, то есть благородных, неблагородных, славных, ничтожных, предал не просто, но на убиение. Как теперь не дарует Он нам всего? Кто дал Владыку, Тот не дал ли прочих даров? Итак, если Он не дает чего-нибудь, из этого не следует, что не дает вовсе. Поэтому не слишком желай освобождения, огорчаемый за Христа, ибо получишь желаемое, когда Он даст.

Кто будет обвинять избранных Божиих?

Так как верующие встречали от иудеев, в числе других искушений, и тот укор, что они легко изменялись и мгновенно обращались в христианство, то говорит: вас избрал Бог, кто же будет обвинять избранных Божиих? Если выберет что-нибудь художник-человек, то никто не будет порочить его. Кто же будет порочить выбор Божий?

Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес.

Не сказал: Бог отпускает грехи, но, что гораздо важнее, Бог оправдывает. Итак, не будем бояться ни искушающих, ни поносящих. Нас избрал и оправдал Бог и умерший за нас, даже и воскресший, Христос. Кто же осудит нас, удостоенных такой славы?

Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас.

Сказал *ходатайствует о нас*, чтобы показать любовь Христа к нам, то есть что хотя Христос и исполнил домостроительство по плоти, однако не прекратил человеколюбивого отношения к нам, но предстательствует за нас. Это значит *ходатайствует*. Такое выражение отнюдь не умаляет славу Единородного. Прежде сказал: *Он и одесную Бога* (это знак величества Его), почему и присовокупил: *ходатайствует*, показывая этим не другое что-нибудь, но как сказано, любовь к нам. И об Отце сказано: *как бы Сам Бог увещевает чрез нас* (2 Кор. 5:20). Неужели слава Бога умалется от того, что Он молит? Напротив, это служит знаком неизреченного попечения Его о нас. Некоторые понимали слова *ходатайствует о нас* так: поскольку Он носил тело и не сложил его, как пустословят манихеи, то это самое и есть предстательство и заступление ко Отцу: ибо, взирая на это, Отец вспоминает о любви к людям, по которой Сын Его понес тело и таким образом склоняется к милосердию и милости. Так говорит Павел потому, как неоднократно замечал я, чтобы воодушевить бедствующих и показать им, что и Дух ходатайствует за нас, и Отец не пощадил для нас Собственного Сына, но оправдал и прославил нас, и Сын предстательствует за нас. Поэтому вы не должны ни унывать, ни упадать духом.

Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?

Показав неизреченную любовь к нам Отца и Сына и Святого Духа, как бы по божественному воодушевлению восклицает: *кто отлучит нас от любви Божией?* Кто так любим и сподобился такого промысления, того ничто не может отлучить от этой любви. Именем же скорби и тесноты обнял все, что только может причинить бедствия, хотя и не перечислил их поодиночке.

Как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание.

Дабы не почли скорбей и тесноты прекращением любви Божией, приводит слова пророка, предвещавшего о них и показавшего, что терпение или умерщвление всякий день для славы Божией составляет величайшее утешение, каковое терпение или утешение бывает по произволению, потому что для природы оно невозможно. А умерщвляться значит быть приносимым в жертву Богу. На это именно указывает, когда говорит: *за овец, обреченных на заклание*. Как овцы не противятся, когда их закапают, так и мы.

Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас.

Сказав прежде, что нас умерщвляют, апостол, чтобы не ослабел кто, помышляя о человеческом, предлагает ободрение, и не говорит: побеждаем, но: *преодолеваем*, то есть с легкостью, без трудов и пота, и притом тем, посредством чего строят нам козни. В том-то и

состоит совершеннейшая победа, чтобы одерживать верх в то время, когда нас гонят и преследуют. Итак, не теряй веры, потому что нам способствует Бог, и не только способствует Он, но и возлюбил нас. Поэтому ничего нет удивительного в том, что мы легко одерживаем верх во время самых напастей.

Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем.

Прежде сказал, что Бог возлюбил нас, а потом говорит о своей любви к Богу, дабы никто не подумал, что он сам превозносит себя. Мы, рассуждает, так прикованы к любви к Богу, что нас не могут отторгнуть от нее не только бедствия, неразлучные с этой жизнью, но если бы тиран какой стал угрожать будущей смертью, состоящей в казни, или пообещал нескончаемую жизнь, дабы таким образом отвлечь нас от Бога, он нимало не преуспел бы в том. И что говоришь ты мне о царях и тиранах? Нас не могут отвратить от любви той ни ангелы, ни все горние силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, то есть находящееся в тебе, ни глубина, то есть находящееся в земле, ни слава, ни бесславие. Под высотой некоторые разумеют Царство Небесное, а под глубиной — потерю его. Даже если бы была другая какая тварь, как видимая, так и постигаемая умом, и та не отвлекала бы меня от любви той. Так выразился не потому, будто ангелы отвлекают людей от Христа, но в виде предположения и вследствие сильного желания показать высшую степень любви к Богу, не той, которой хвастаются евреи, но той, которую имеют христиане; ибо хотя и иудеи говорят, что они любят Бога, но любят Его не во Христе Иисусе, потому что не веруют во Христа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему.

В последующей речи намерен доказать, что не все, происшедшие от Авраама, суть семя его, а дабы кто не подумал, что говорит это в сильном возмущении духа, предваряет и, устраняя такое предположение, говорит о евреях благоприятное им, высказывает, что весьма любит их. Дабы ты поверил мне, говорит, истину говорю о Христе, не лгу. В доказательство этого приводит трех свидетелей: Христа, собственную совесть и Святого Духа, говоря: великая у меня печаль, снедающая сердце мое при имени евреев, что они находятся вне благодати; о чем и намерен он говорить.

Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти.

Сперва узнай, что такое отлучение. Оно — отделение, отчуждение. Как никто не смеет касаться дара, посвященного Богу, так и отлученного, только по другому чувству. К священному дару никто не осмеливается приблизиться из уважения, как посвященному Богу, а с отлученным все прерывают связи, как с оскверненным и отчужденным от Бога. Что же значит сказываемое Павлом? Кажется, что он говорит здесь противоположное тому, о чем была речь выше. Там он сказал, что никто не отлучит нас от любви Божией, а здесь говорит, что он желал бы быть отлученным от Христа. Кажется, что он противоречит сказанному

прежде; но на самом деле нет. И здесь высказывает он желание быть отлученным от Христа по любви к Богу. Все обвиняли Бога, что Он изгнал и лишил чести евреев, удостоенных усыновления, пользовавшихся особенной славой и называвшихся предками Христа, и вместо них ввел людей, никогда не знавших Бога, язычников, и высказывали ропот и хулу на Промысл, как будто сие делалось несправедливо и Бог обманывал праотцев, которым обещал дары. Поэтому-то Павел терзался, скорбел о славе Божией и желал сам быть отлученным, только бы спаслись иудеи и прекратилась их хула на Бога. Видишь ли, что он по пламенной любви к Богу желает, если возможно, быть отлученным от сонма вечно живущих со Христом, — не от любви Его, но от славы Его и наслаждения ею? Так и отцы часто отделяются от сыновей, чтобы сыновья прославились, отнюдь не отчуждаясь от любви сыновей, но желая сами быть в бесславии, чтобы они сделались славными. Итак, рассуждает апостол, я, совершивший несчетное множество подвигов, любящий Бога безмерно, желаю для славы Божией лишиться славы Христовой. А это не значит лишиться, но скорее приобрести. Словами *за братьев моих, родных мне по плоти* указывает на самую нежную и пламенную любовь свою к иудеям.

То есть Израильтян, которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь.

Здесь хвалит и превозносит иудеев; дабы кто, как я сказал, не подумал, будто говорит в сильном возмущении духа. Незаметно же высказывает, что Бог желал и им спастись. Это видно из того, что Он удостоил их усыновления и славы, дал обетования отцам их, снабдил их всеми прочими преимуществами и соизволил, чтобы от них родился Христос. Но они сами отвергли благодеяние. Посему, изумляясь любви Божией, воссылает благодарение Единородному и говорит: *сущий над всеми Бог, благословенный во веки*. Хотя другие, рассуждает, хулят, что принятие язычников было не основательно, но мы, зная тайны Христовы, знаем, что Он достоин прославления. При этом должен посрамиться Арий, потому что Павел называет Христа Богом над всем.

Но не то, чтобы слово Божие не сбылось.

Я, говорит, распаляюсь от того, что хулят Бога, и потому высказал желание, чтобы все спаслись. Но если не все спасутся, то отсюда не следует, будто Бог солгал в обетованиях, данных отцам, и не сбылось слово Его. Он исполнил обещанное, хотя хулители и говорят, что Он одним обещал, а другим дал. Слушай дальнейшее.

Ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля; и не все дети Авраама, которые от семени его.

Бог, говорит, исполнил обещанное. Он сказал: *тебе дам и потомству твоему* (Быт. 13:15). Итак, посмотрим, какое это потомство. Не все происшедшее от Авраама, суть просто потомство его, и не все, происшедшее от Израиля, суть израильтяне, но родившиеся по примеру Исаака и знаменитые добродетелью Израиля, чрез которую он видел Бога. Ибо не сказал: *которые от Иакова*, но: *от Израиля*, упомянув о почетнейшем имени. Итак, если уразумеешь, кто рождается по примеру Исаака, то найдешь, что обетование не ложно: ибо таковым даны обетования. Поэтому Бог отнюдь не заслуживает хулы: что Он сказал, то и исполнил, хотя некоторые и не понимают этого.

Но сказано: в Исааке наречется тебе семья. То есть не плотские дети суть дети Божии, но дети обетования признаются за семья. А слово обетования таково: в это же время приду, и у Сарры будет сын.

Не я, говорит, объясняю тебе, что такое истинно семья Авраама по Ветхий Завет, который говорит: *в Исааке наречется тебе семья* (Быт. 21:12). Посему кто родился по примеру Исаака, то есть по обетованию, те поистине суть дети Авраама, а наипаче Божий. Ибо все совершалось словом Божиим. И Исаак родился не по закону и силе природы, но по силе обетования. *В это же время приду, и у Сарры будет сын* (ср. Быт.18:10). Итак, Исаак образован и рожден словом Божиим. Так и над нами, чадами Божиими, в купели водной, как бы во утробе, произносятся слова Божий, которые и образуют нас; потому что мы, крещаясь во имя Отца и Сына и Святого Духа, рождаемся. И как там Бог обещал рождение Исаака и потом исполнил оное: так и наше рождение обещал Он чрез пророков и потом привел оное в исполнение. Поэтому слова *в Исааке наречется тебе семья* следует понимать так: семья Авраама суть те, которые родились по примеру Исаакова рождения, то есть словом Божиим. Следовательно, слово Божие сбылось, но Бог даровал обетованное истинному семени, то есть верующим из язычников, сделавшихся чадами Божиими как и Исаак, потому что и они от обетования. Если же иудеи скажут, что слова *в Исааке наречется тебе семья* означают то, что родившиеся от Исаака причитаются в семья Авраама, то следует почитать и идумеев и всех происшедших от него, потому что праотец их Исав был сын Исаака. Но идумеи не только не называются сыновьями Авраама, но даже весьма чужды израильтянам и называются иноплеменниками.

И не одно это; но так было и с Ревеккою, когда она зачала в одно время двух сыновей от Исаака, отца нашего.

Доказал уже, что хотя у Авраама было много разных потомков, однако семенем его назван Исаак и те, которые рождаются подобно ему. Теперь говорит: это можешь видеть не на Исааке только, но, что важнее, на братьях, родившихся от одного отца и от одной матери, и притом близнецах, то есть на Исаве и Иакове. И они получили не одинаковые права, но один избран, а другой возненавиден. Поэтому не спрашивай, почему Бог избрал язычников и сделал их семенем Авраама, паче же Божиим, а евреев отверг.

Ибо, когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого (дабы изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего), сказано было ей: *большой будет в порабощении у меньшего, как и написано: Иакова Я возлюбил, а Исаву возненавидел.*

Здесь необходимо нам наперед высказать смысл того, о чем намерен говорить апостол пространно. Многие говорили: почему язычники предпочтены иудеям? (ибо никто не мог сказать — за добродетель; потому что все согрешили). Апостол собирает много затруднений, непостижимых для нас, но постижимых для одного Бога. Сначала представляет, что между двумя братьями близнецами избранный избран не за добродетель, возненавиденный возненавиден не за порочность (ибо они не сделали ни добра, ни зла, потому что находились еще в утробе матери), но по избранию, по предведению Божию один избран и возлюблен, а другой возненавиден, как и пророк говорит: *Я возлюбил Иакова, а Исаву возненавидел* (Мал.1:2), дабы все было делом Бога и Его избрания и предведения. Но что я говорю об этих

лицах? Все израильтяне славили тельца; но одни наказаны, а другие нет. И фараон поистине был жесток; но и другие многие также были жестоки: почему же наказание постигает его одного? Видишь ли, что это непостижимо для людей, но постижимо для одного Бога. Так и избрание язычников и отвержение иудеев представляется нам неосновательным, а в очах Божиих то и другое весьма справедливо. Таков смысл всего настоящего места.

Что же скажем? Неужели неправда у Бога? Никак.

Следовательно, Бог справедлив и по отношению к нам, язычникам, и по отношению к иудеям.

Ибо Он говорит Моисею: кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею.

Присовокупляет, как и выше сказано, и другое изречение из Ветхого Завета, доказывая, что один Бог знает, кто достоин чести и кто наказания. Хотя все равно согрешили, когда слили тельца, однако Бог одних помиловал, а других предал левитам на убиение. И Моисей, великий пред Богом, не знал причины этого, а ты доведываешься причины, почему язычники предпочтены иудеям, хотя были грешниками? Впрочем, Павел мог высказать причину эту, как и высказал в другом месте, что израильтяне думали, что они оправдываются делами, а язычники полагали, что они оправдываются верой и благодатью; однако не высказывает ее теперь, с избытком заграждая уста любопытных и убеждая не испытывать судеб Божиих.

Итак помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего.

Исаак хотел благословить Исава; но Иаков поспешил на поле, чтобы, наловив дичи, получить от отца благословение, а Бог по праведному суду сделал, что Иаков, как совершенно достойный, получил благословение. Здесь апостол, казалось бы, уничтожает свободную волю; но на самом деле нет. О доме говорим, что он весь есть дело мастера; хотя мастеру нужны и вещество, и помощники в постройке, однако, поскольку она зависит от него, говорим, что он построил весь дом. Так и о Боге говорим, что все — Его дело, хотя Бог имеет нужду и в нашем произведении. Он совершает. Он и венцы дает, Он и осуждает; поэтому и говорим, что все дело Бога.

Ибо Писание говорит фараону: для того самого Я и поставил тебя, чтобы показать над тобою силу Мою и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле.

Как из сливших тельца, рассуждает, одни спасены, и другие наказаны, когда один Бог знал, кто достоин спасения, и кто наказания: так, хотя много было и других порочных, однако гневу Божию подвергся один фараон. Для того самого, говорит, Я и поставил тебя, то есть выставил тебя, фараон, на вид, чтобы чрез тебя сделалась известной сила Моя и многие обуздали себя, слыша об имени Моем, как правосудном и мощном, по всей земле.

Итак, кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает.

Выводит заключение и доказывает, что у Бога не должно требовать отчета. Бог кого хочет, милует, как поступил с израильтянами, слившими тельца, а кого хочет, ожесточает, как случилось с Фараоном. Что же значит *ожесточает*? Казалось бы, это нелепо. Но о Боге

говорится, что Он сделал жестоким грязное сердце фараона подобно тому, как солнце делает жесткой грязь. Каким же образом? Долготерпением; ибо Он делал его жестоким, являя к нему долготерпение. Здесь случилось подобное тому, что бывает, когда кто имея у себя порочного слугу, обращается с ним человеколюбиво. Чем человеколюбивее обращается с ним, тем худшим делает его, не потому, будто сам научает его пороку, но потому, что слуга пользуется долготерпением его к увеличению своей порочности, потому что пренебрегает долготерпением тем.

Ты скажешь мне: «за что же еще обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его?»

Апостол, как я неоднократно сказал, всячески старается доказать, что распоряжения и суды Божии известны одному Богу, и потому везде собирает множество затруднений и не предлагает решений, чтобы, поставив слушателя в затруднительное положение, убедить его, что распоряжения и суды Божий непостижимы для человека и превышают его разум. Смысл настоящего места следующий. Апостол представляет возражение и недоумение. Если Бог ожесточает, кого хочет, то за что же еще обвиняет Он грешника? Ибо кто может противостать воле Его? Захотел Он, и ожесточил, а ожесточенный согрешил по справедливости: как же Ему обвинять и наказывать его? Такое именно представил Апостол возражение, чтобы показать, что недоумение об этом может разрешить один Бог; почему и не решает его сам, но заграждает уста недоумевающему, говоря:

А ты кто, человек, что споришь с Богом?

Видишь ли, как останавливает безвременное любопытство, налагает узду и научает знать различие между Богом и человеком? *А ты кто?* Разве ты участвуешь с Богом в правлении? Разве ты судья того, что Он должен делать или не делать? Говорить, что это следует сделать так, а это иначе, значит препираться с Богом и действовать наперекор Ему. Но этого отнюдь не должно делать, а должно с покорностью принимать сделанное Богом, как бы оно ни было сделано.

Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?» Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?

Пример этот употребил Павел не для того, чтобы уничтожить свободное произволение наше и представить нас недейтельными и неподвижными, но для того, чтобы научить нас, как должно покоряться Богу и оказывать Ему глубокое и безмолвное повиновение. Как горшечник, рассуждает, из одной и той же глины делает, что ему угодно, и ни один из сосудов не противоречит ему, так и ты не спрашивай у Бога, почему Он людей, хотя они одного и того же рода, одних наказывает, а других награждает; напротив, благоговей пред Ним и подражай глине. Как та покорна руке горшечника, так и ты покорствуй определению Распорядителя вселенной. Знай же, читатель, что как в сосудах не от глины зависит, что иное выходит на почетное, а иное на низкое употребление (ибо глина одна и та же), но от употребления пользующихся изделием, так и в людях не от природы зависит, что одни достойны наказания, а другие наград (ибо природа одна и та же), но от произволения.

Что же, если Бог, желая показать, гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели, дабы вместе явить

богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе, над нами, которых Он призвал не только из Иудеев, но и из язычников?

Заградив уста любопытному, дает теперь решение. Смысл сказанного такой. Фараон был сосудом гнева, то есть человеком, который своим жестокосердием воспламеняет гнев Божий. Его Бог *щадил*, то есть сносил, терпел; ибо сподобил его великого долготерпения. Но он воспользовался этим долготерпением к ожесточению и сделался сосудом, способным принять гнев, совершенным к гибели, то есть приготовленным к ней от самого себя и по собственной своей воле, потому что не опустил ничего, служившего к его гибели, но сделал все, что влекло его к гибели. Иначе: *щадил*, то есть выставил на вид, чтобы, так как он не сделался лучшим от долготерпения, наказать его и показать собственное могущество, дабы от этого другие сделались лучшими. Как наказав его, сделавшегося сосудом гнева по собственному произволению, Бог показал Свое могущество, так, помиловав много согрешивших, но сделавшихся достойными милости, язычников, явил *богатство славы Своей*. Не сказал: человеколюбия, но: *славы*, ибо совершенная слава Божия состоит в том, чтобы миловать. Далее, *которые Он приуготовил*, то есть предвидел. И не сказал: спас всех язычников, но: *из язычников*, то есть некоторых. Поэтому не соблазняйся, иудей. Вот и из язычников одни милуются, а другие нет.

Как и у Осии говорит: не Мой народ назову Моим народом, и не возлюбленную — возлюбленную. И на том месте, где сказано им: вы не Мой народ, там названы будут сынами Бога живаго.

Иудеи могли сказать: ты, Павел, обманываешь нас, говоря это. Посему приводит Осию, который взывает и говорит: *не Мой народ назову Моим народом*. Кто же это был *не Его народ*? Язычники. А кто *не возлюбленная*? Церковь языческая. Однако язычники стали народом и возлюбленными, даже, что важнее, сынами Бога живого. Если кто скажет, что это сказано об иудеях, ведших себя неблагодарно, но потом принятых в благодать, то такая речь не вредит нашему объяснению. Ибо если принятие это произошло с ними, то что воспрепятствовало произойти ему с язычниками?

А Исаия провозглашает об Израиле: хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется.

Не удовольствовался указанием на Осию, но приводит во свидетели и Исаию, который *провозглашает*, то есть смело и безбоязненно, что спасутся не все израильтяне, но достойные спасения (ибо это значит остаток, то есть избранные), которых Бог оставил и отделил, то есть как достойных. Говоря: *как песок морской*, напоминает им о ветхозаветном обетовании, которого они сделались недостойными. Итак, не тревожьтесь, будто обетование нарушено. Все пророки предвозвещают, что не все достойны спасения.

Ибо дело оканчивает и скоро решит по правде, дело решительное совершит Господь на земле.

Теперь показывает, как спасется остаток, и говорит, что не нужно трудиться, далеко ходить и утомлять себя делами законными. Бог, говорит, приводящий к концу и коротким способом совершающий слово веры по всей земле, сделает это *по правде*, то есть чтобы оправдать принявших оное. *Если устами своими будешь исповедывать Иисуса Господом, и*

сердцем своим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься (Рим. 10:9). Вот сокращенное слово, то есть краткие речения веры.

И, как предсказал Исаия: если бы Господь Саваоф не оставил нам семени, то мы сделали бы, как Содом, и были бы подобны Гоморре.

Сказав, что спасется остаток, теперь объясняет, что это значит, и говорит, что Бог оставил нам избранное семя и хлеб, ибо слово *оставил* употребил вместо «избрал», так что если бы Бог не сохранил оно, то мы подверглись бы истреблению, подобно содомлянам и гоморрянам, как осужденные за грехи свои.

Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности.

Здесь дает самое ясное решение, показывая, почему язычники приняты, а израильтяне отвергнуты. Язычники, говорит, держась праведности от веры, действительно оправдались, а израильтяне непрестанно ища *закона праведности*, то есть закона дел, не достигли до праведности; потому что закон, состоявший из дел, не в состоянии был оправдать.

Почему? потому что искали не в вере, а в делах закона.

Ты спрашиваешь: почему израильтяне не приобрели праведности, хотя и много домогались ее? Знай, что они искали оправдания не в вере, но будто бы в делах закона.

Ибо преткнулись о камень преткновения, как написано: вот, полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится.

Претывается тот, кто засматривается на что-нибудь стороннее и не обращает внимания на то, что у него под ногами. Так и Иудеи, засматриваясь на закон, преткнулись о Христа, то есть не уверовали. А камнем преткновения и камнем соблазна назван Христос по отношению к концу и расположению не уверовавших. Ибо сам по себе Он положен в основание и опору; потому что говорится: *верующий в Него, не постыдится* (Ис. 28:16), язычник ли то, или иудей, так что все совершает и оправдывает вера, а не дела.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение.

Намереваясь нанести иудеям удар, предваряет его коротким словом, дабы не подумали, будто последующая речь его происходит от неприязни к ним, и говорит о *желании сердца*, то есть о хотении своем, о сильном желании, даже о молитве своей за иудеев чтобы они не только освободились от наказания, но и спаслись. Как же, говорит, быть мне неприязненным к вам, когда я молюсь Богу о спасении вашем?

Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению. Ибо, не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную

праведность, они не покорились праведности Божией.

Сначала, казалось бы, благоприятствует и угождает иудеям, ибо сказав о них: *имеют ревность по Боге, но не по рассуждению*, показывает, что они достойны больше милосердия, нежели наказания. Ревнуют они, говорит, о законе, данном им от Бога, однако ревнуют не по разуму, не желая познать того, что закон престал и упразднился. Но далее показывает страсть их к спорам и любоначалие. Они старались поставить собственную праведность, то есть праведность от закона, составляемую из собственных их дел и трудов, которая, как павшая уже, не может стоять, и таким образом и своей праведности не поставили, и праведности Божией не покорились. Это и есть знак самохвальства и любоначалия, даже неразумия — усиливаться поставить то, что не может стоять, и в этом проводить все время. Праведностью Божией называется здесь та, которая от веры, которая не зависит от трудов наших, но всецело есть дарование Божие.

Потому что конец закона — Христос, к праведности всякого верующего.

Так как по истине назвал праведностью ту праведность, которая от закона, то дабы, с одной стороны, уверовавшие из евреев не сказали: значит, мы сделали преступниками, когда оставили эту праведность, а с другой — не уверовавшие не могли сказать, что хотя теперь не выполнили они праведности по закону, однако могут совершенно выполнить ее после, апостол, устраняя ту и другую мысль, говорит: *конец закона Христос*. Чего желал закон и не совершил, то совершил Христос, то есть оправдание человека. Поэтому не говори, уверовавший из евреев, что ты сделался преступником закона, напротив, ты познал волю закона, совершившуюся посредством веры во Христа. С другой стороны, и ты, не уверовавший еще иудей, не надейся сам совершить праведность по закону: совершитель ее Христос. Итак, если хочешь получить праведность, прими Христа верой и будешь иметь все.

Моисей пишет о праведности от закона: исполнивший его человек жив будет им.

Подтверждает сказанное: чего не совершил закон, то совершил Христос, и говорит: Моисей рассуждает об оправдании человека посредством дел. Но как не было ни одного человека, который исполнил бы дела, то оправдание по закону невозможно.

А праведность от веры так говорит: не говори в сердце твоём: кто взойдет на небо? то есть Христа свести. Или кто сойдет в бездну? то есть Христа из мертвых возвести. Но что говорит Писание? Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём, то есть слово веры, которое проповедуем. Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим верить, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься.

Познав, что дела закона не могут оправдать человека, научись, как без труда и легко оправдываемся мы во Христе: для этого требуется вера от сердца и исповедание от уст. Но нужно пространнее объяснить сказанное: *кто взойдет на небо? или кто сойдет в бездну?* Апостол заимствовал это у Моисея (Втор.31:11-14), но в том смысле, какой уразумел по своей высокой мудрости. Моисей в буквальном смысле говорит так: заповедь Божия лежит, иудей, перед очами твоими, так что тебе нет нужды ни всходить на небо, чтобы найти ее, ни сходить в бездну, ни переходить чрез море, чтобы там взять ее: она близ тебя, в устах твоих и

в уме твоём: Бог все показал тебе посредством закона. Так, кажется, говорит Моисей буквально; но апостол отнес это ко Христу. Не сомневайся, говорит он, и не спрашивай в уме своём: как Христос сошел с небес и воплотился? или как, умерши, восстал из бездны, то есть из преисподних мест? Но веруй, что он сошел и воплотился, и что, быв погребен, восстал чрез воскресение; ибо Бог воздвиг Его. Поэтому, и смотря на достоинство Воздвигшего, удобно можно веровать. Что же легче этого, когда, ты имеешь спасение в устах своих? А дабы кто, по причине самой удобности, не почел дело веры достойным презрения, показывает, что помышления неверия противны самой вере и что их должно отражать с твердостью. Не говори, внушает, того или другого в сердце своём, то есть никаких сомнений не допускай в мыслях своих.

Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению.

Сердце имеет нужду в устах. Ибо что пользы веровать в душе и не исповедывать пред людьми? Хотя вера оправдывает в уме, но совершенное спасение зависит от исповедания; ибо тогда вера сияет и многих пользует. Но и уста имеют нужду в сердце. Многие исповедуют Христа лицемерно, а сердце их далеко отстоит от Него.

Ибо Писание говорит: всякий, верующий в Него, не постыдится. Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его. Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется.

Сказав, что сердцем веруют, а устами исповедуют, приводит из Писания свидетельства о вере и исповедании или призывании. Когда говорит: *всякий верующий*, указывает на веру, оправданный которой не будет постыжен; а когда говорит: *всякий, кто призовет*, указывает на исповедание, содействующее спасению. Итак, теперь всякий, иудей ли или язычник может быть принят Богом. *Один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его*, иначе сказать: это царь, богатый золотом и серебром. Посему, если богатство Его составляют самые верующие, то не отчаивайся, думая, что согрешил так, что не можешь быть прощен. Он примет тебя, чтобы и тебя, сделать участником в Своем богатстве.

Но как прибывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали? как слышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы? как написано: как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!

Выше сказал, что всякий, кто призовет имя Господне, спасется. Теперь укоряет уже иудеев за то, что не призвали имени Господня. Почему же не призвали? Потому что не уверовали. А почему не уверовали? Потому ли что не слыхали? Нет, слышали. Потом возражение: как могли услышать без проповедующего? Следует опять ответ: нет, были проповедующие, многие таковые посланы были к ним. Из чего же видно, что эти посланные были проповедниками? В ответ на это приводит слова пророка: *как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое* (Ис. 52:7). Апостолы, обходя вселенную, возвещали не иное что, как неизреченные блага и мир Бога с человеками. Поэтому неверие есть собственная вина тех, которые не приняли проповедников.

Но не все послушались благовествования. Ибо Исаия говорит: Господи! кто поверил слышанному от нас?

Апостол сказал, что пророки свидетельствуют, что этих благовестников послал Бог. Посему, дабы кто не возразил: если они были от Бога, то следует, чтобы все послушались их, утверждает, что, действительно, не все послушались благовествования, но от этого нет никакого вреда истине. Об этом за много лет говорит Исаия: *кто поверил слышанному от нас?* (Ис. 53:1). Слово кто употреблено здесь вместо «немногие» поверили слышанному от нас.

Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия.

Слова эти находятся в связи с предыдущим и представляют как бы вывод из чего-то, прежде сказанного. Но ими апостол высказывает и нечто другое. Иудеи непрестанно искали чудес, даже желали видеть воскресение. Поэтому говорит, что вера от слышания, и не должно требовать ничего более этого слышания; ибо слышание это не простое, не обыкновенных речей, но глаголов Божиих. Посему если ищешь чудес, которые происходят от Бога, то верь и словам, которые говорят от Бога.

Но спрашиваю: разве они не слышали? Напротив, по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их.

Кто-нибудь мог спросить: что же из того для иудеев, если благовестники были посланы, а иудеи не слышали? Апостол отвечает: вся вселенная слышала; как же не слышали те, у которых апостолы провели столько времени и от которых произошли? Возможное ли это дело?

Еще спрашиваю: разве Израиль не знал?

Опять новое возражение; если апостолы проповедовали, но иудеи не поняли; ужели не заслуживают они извинения? Решает и это возражение.

Но первый Моисей говорит: Я возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным.

Они, говорит, должны были понять, что проповедуется Христос, если не из другого чего, то по крайней мере из того, какой чести удостоились язычники. Они видели, что идолопоклонники вдруг удостоились таких благ, и потому должны были проникнуться к соревнованию и заключить, что это тот самый народ, о котором сказал Моисей. Не только величие чести достаточно было к тому, чтобы подвигнуть иудеев к соревнованию, но и то, что удостоился чести народ, до того низкий, что не стоит даже почитаться народом. *Раздражу вас, сказано, народом несмысленным.* Что неразумнее язычников, поклонявшихся деревьям и камням?

А Исаия смело, говорит: Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне.

Сказав, что Моисей говорит первый, упоминает и о другом пророке, который говорит тоже яснее и открытое. Исаия, говорит, *смело говорит*, то есть усиливался высказать истину во всей наготе и лучше подвергнуться опасности, нежели молчать. *Меня, сказано у него, нашли не искавшие Меня* и которые не вопрошали обо Мне (Ис. 65:1). Кого Моисей называл народом несмысленным, тех Исаия наименовал неищущими и невопрошающими, то есть

невеждами и врагами знания. Итак, из всего этого иудеи должны были понять, что одни отвергнуты, другие приняты.

Об Израиле же говорит: целый день Я простираю руки Мои к народу непослушному и упорному.

Дабы иудеи не имели права сказать Богу: ты найден язычниками, а с нами не хотел обращаться, пророк присовокупляет: Я *целый день*, то есть во всякое время, *простираю руки Мои*, то есть привлекал вас, но вы оказались народом непослушным и упорным. Следовательно, вы виноваты, а не Я. Я простираю руки Свои к вам и призывал вас, но вы не послушались. Отсюда видно, что израильтяне и слышали, и знали, но не хотели покориться.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова. Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал.

Назвав иудеев народом непослушным, представляет себя сомневающимся, говоря: неужели обетования Божий не исполнились от того, что народ израильский сделался непослушным? Нет, отвечает. Бог не отверг народа Своего, *который Он наперед знал*, то есть о котором знал, что он способен к принятию веры. *Ибо и я Израильтянин*. Потом, дабы не возразил кто: разве ты один составляешь народ? присовокупляет: не отверг Бог народа Своего, то есть и другие, кроме меня, есть три тысячи, есть пять тысяч, есть великое множество из народа, которые уверовали, как показывают Деяния апостольские (2:41, 4:4, 5:14).

Или не знаете, что говорит Писание в повествовании об Илии? как он жалуется Богу на Израиля, говоря: Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут. Что же говорит ему Божеский ответ? Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом.

Апостолу могли возразить: что ты, Павел, говоришь? Неужели в трех, в пяти тысячах, в великом множестве людей полагаешь ты тот народ, который уподобляется песку и звездам? Поэтому говорит: и при Илии спаслось не более семи тысяч; но и Илия не знал их. И теперь, вероятно, есть много уверовавших. Если вы не знаете их, это не новость: и Илия не знал тех. При сем неприметно касаясь словом другого предмета, показывает, что совершенное ими убийство давно свыше предсказано. Именно: дабы не сказали они: мы убили Христа как обманщика, спрашивает: как же убили ветхозаветных пророков предки ваши? ужели и те были обманщики? Они смело огорчались? Но как же предки ваши раскопали алтари? неужели и алтари оскорбляли? А как домогались убить самого Илию, ревновавшего об иудеях, славившегося чудотворениями? Если же в те времена, когда так много было порочных людей, Господь избрал для себя только семь тысяч, как показывает Писание, то есть откровение и слово Божие, то отнюдь ничего нет нового, если Он и теперь избирает только достойных. Это объясняет и далее.

Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток.

И теперь, говорит, есть *остаток*, то есть наилучшие. Когда проведают смолоченное, то в остатке бывает зерно. Так точно и Бог, отвергая дурных, оставляет себе достойных. Когда сказал: *по избранию*, то показал старание спасаемых, потому что они сделались достойны избрания вследствие их старательности, а когда сказал *благодати*, то означил дар Божий.

Но если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью.

Здесь показывает, что не уверовавшие из евреев не имеют никакого извинения. Вы не можете, говорит, сказать, что Бог требовал от вас дел и трудов. Все есть дело благодати. Почему же не хотите вы спастись, когда такое благо предлагается вам без требования от вас трудов? Поэтому, кто захотел, те и спаслись. Эти-то и составляют народ Божий. Значит, Бог не отверг народа Своего, достойного спасения.

А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело.

Если бы мы благоугождали Богу делами, то благодать была бы уже неуместна; а если есть место для благодати, то нет уже дела и дело не есть дело. Ибо где благодать, там не требуется дела; а где дело, там нет благодати.

Что же? Израиль, чего искал, того не получил; избранные же получили.

Объяснив, что такое благодать, то есть что она есть дар Божий помимо дел, говорит, что израильяне, ища праведности, не получили ее, потому что искали ее худо и от дел, чем невозможно получить ее. *Избранные же получили*. Словом *получили* показывает величие благ и то, что все есть дело благодати Божией. И мы в обыкновенной беседе говорим: он получил прибыль, то есть приобрел выгоду без труда.

А прочие ожесточились, как написано: Бог дал им дух усыпления (*κατανύξεως*), глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат, даже до сего дня.

В свидетели ослепления их приводит Исаию, дабы не показалось, что он говорит свое. Слова *Бог дал* сказаны вместо «предоставил», то есть позволил, попустил им иметь дух *усыпления*. Бесчувствием же называет такой навык души к злу, который неисправим и непрменяем; ибо быть бесчувственным (*κατανύσσεισθα*) значит прирастать или прилепиться к чему-нибудь. Они, имея глаза, чтобы видеть чудеса, и уши, чтобы слышать учение Господне, ни теми, ни другими не воспользовались, как должно. Так поступили они не в отношении к одному Христу, но и в отношении к апостолам. *Даже до сего дня*, сказано.

И Давид говорит: да будет трапеза их сетью, тенетами и петлею в возмездие им; да помрачатся глаза их, чтобы не видеть, и хребет их да будет согбен навсегда.

Так как они, говорит, непрменяемы в злобе, то будут подвергнуты крайнему наказанию. *Трапеза их*, то есть все блага и забавы превратятся в противное; они будут уловляемы в сети и пойманы, сделавшись легко пленяемы и одолеваемы всеми и всегда имея в жизни своей соблазны и преткновения. А дабы видно было, что они потерпят это за грехи, сказал: *в возмездие*. Кроме того, от бедствий помрачились очи их, как душевные, так и телесные. И хребет их согбен, ибо они находятся в таком рабстве у римлян, которое никогда не кончится.

Это значит слово *навсегда*, то есть они никогда не освободятся от рабства того.

Итак спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак.

Достаточно укорив иудеев, придумывает теперь для них утешение и спрашивает: *неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть?* — то есть неужели они согрешили так, что нельзя уже устроить их никак. Они преткнулись, однако падение их было не таково, чтобы не было средства поправить дело. Во время кончины мира, как далее скажется, и они спасутся.

Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность.

Здесь желает выполнить две задачи: во-первых, утешить иудеев, а во-вторых — обуздать надмение язычников. Говорит: спасение стало достоянием язычников, когда иудеи преткнулись и не уверовали. По порядку следовало сперва спастись иудеям, а потом язычникам; но поскольку иудеи оказались неверующими, то избраны язычники. На это указывается и во многих местах Евангелия. А спасены язычники, *чтобы возбудить в них ревность*, то есть дабы иудеи уязвились честью, оказанной язычникам, и убедились придти ко Христу по крайней мере из соревнования к ним.

Если же падение их — богатство миру, и оскудение их — богатство язычникам, то тем более полнота их.

Если, говорит, иудеи, преткнувшись, приготовили спасение язычникам, и язычники были приняты, когда иудеи были отвергнуты, и падение иудеев стало богатством язычников, то тем более *полнота их*, то есть когда они, обратившись, все спасутся. Так говорит в приятность иудеям и в утешение их. Ибо хотя иудеи пали, однако язычники не спаслись бы, если бы не имели веры.

Вам говорю, язычникам. Как Апостол язычников, я прославляю служение мое. Не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них?

Опять утешая иудеев, сокрушает надмение язычников, говоря: хвалю вас по двум причинам: во-первых, потому, что, быв поставлен в учителя вам, имею нужду прославлять *служение мое*, то есть вас, а во-вторых — потому, что имею в виду возбудить к ревности *сродников моих по плоти* — иудеев. Словом *плоть* показал свое родство с иудеями и нежную любовь свою к ним. *И не спасу ли*, — не сказал: всех, но: *некоторых*. Ибо неприметно обнаруживает их жестокосердие; потому что могло статься, что некоторые, воспламенившись соревнованием, будут подражать язычникам и уверуют.

Ибо если отвержение их — примирение мира, то что будет принятие, как не жизнь из мертвых?

Если, говорит, прогневавшись на них, столько даровал другим, и сделал врагов друзьями, то чего не дарует, когда примет их? Тогда будет *жизнь из мертвых*, то есть нескончаемые блага; ибо на них указывает словом *жизнь*. Вместе с этим намекает и на нечто возвышеннейшее, именно на то, что как воскресение из мертвых будет зависеть не от принятия иудеев, так и спасение других будет зависеть не от них же, если те не будут иметь

веры. Все это говорит, казалось бы, в пользу иудеев, подавая им освежающее питье, как часто поступают врачи с тяжело больными.

Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви.

Начатком и *корнем* называет патриархов, а *целым* и *ветвями* — тех из потомков их, которые уверовали. Итак, утешает неверующих евреев, говоря: и вы будете святы, если уверуете. Ибо необходимо, чтобы целое и ветви были подобны начатку, то есть то — начатку, а эти — корню. Если же вы не уподобились им, то это служит признаком великой порочности.

Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносись перед ветвями.

Отломившимися ветвями назвал неверных евреев; ибо они сделались недостойными святого корня. И прекрасно сказал: *отломились*; ибо никогда Бог не отвергал их так, хотя они многообразно согрешали. А вместо их, отломившихся, привит, говорит, ты, язычник. Не сказал: ты посажен, но: *привился*, и тем уязвляет иудея и показывает, что на древе иудея, то есть на патриархах, стоит язычник и *стал общником корня и сока*, то есть достиг от Бога одинаковых с иудейскими благородства и славы. Итак, не возносись и не тщеславься пред ветвями.

Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя.

Что же пользы от этого отломившимся ветвям? Ведь держать свойственно корню. Видишь ли, как только по видимости хвалит иудеев, стараясь лишь утешить их? Впрочем, и этим поощряет иудеев к ревности, показывая понесенный ими вред и то, как другие получили их собственность и владеют ею.

Скажешь: «ветви отломились, чтобы мне привиться». Хорошо. Они отломились неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся.

Здесь доказывает, что язычники не потому избраны на место иудеев, что иудеи согрешили, но за веру, которую обнаружили язычники. Итак, где, казалось бы, низлагает язычника, там показывает, что падение иудеев было не извинительно. Но исправляет он тех и других. Ты, язычник, скажешь, что ветви отломились, чтобы тебе привиться? Да, отломились, но своим неверием, а не потому, будто Бог обязан тебе честью той: ибо *ты держишься верой*, привившись к корню. Поэтому *бойся*, потому что привитие не есть дело природы, но веры.

Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя.

Иудеи были сыновьями патриархов по природе, однако неверием отломились. Тем паче бойся ты, привитый, пощадит ли Бог тебя в случае твоего падения.

Итак видишь благость и строгость Божию: строгость к отпадшим, а благость к тебе, если пребудешь в благости Божией; иначе и ты будешь отсечен. Но и те,

если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силен опять привить их.

Не сказал; *видишь* заслугу свою, но: *благость Божию*; ибо все есть дело благодати Божией. И пребывать старайся — не сказал: в вере, но: в *благости*, то есть до конца жизни делай достойное человеколюбия Божия. Если не будешь поступать так, то будешь отсечен. Так и иудеи были бы привиты, если бы не продолжали оставаться в неверии; ибо не Бог сначала отсек их, но они сами по себе отпали и отсекились неверием своим. Говоря, что *Бог не пощадил*, имеет в виду, что Бог не милует иудеев, но почитает их недостойными общения и общества святых предков. Весьма мудро устрашает Павел язычника тем, что случилось с иудеями, а иудею примером случившегося с язычниками внушает смелость привиться верой и обнадеживает его упованием на могущество Божие. Силен, говорит. Бог привить их; Он делает все, что превышает надежды наши.

Ибо если ты отсечен от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине.

Если, рассуждает, если ты, язычник, которому по естеству сродно зло и который имеешь предков, подобных дикой маслине, отсечен от них верой, и, что было не в природе твоей, привит к хорошей маслине, то есть к патриархам, то не тем ли паче возвратится к своей маслине, то есть к отцам своим, иудей, которому по природе сродно добро? Когда же слышишь, что Павел говорит: *по природе*, то понимай: естественно и последовательно, например: естественно было, чтобы сын святого Авраама был свят. Наоборот, выражение: *не по природе* понимай: неестественно и непоследовательно, например: неестественно, чтобы сын скверного язычника был свят.

Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников; и так весь Израиль спасется.

Тайной называет здесь неведомое и сокровенное. В чем же состоит эта тайна? В том, что евреи не все не уверовали, но отчасти ожесточились. Из них уверовали многие, о которых, как выше сказано, наперед знал Бог, и многие уверуют впоследствии; ибо израильтяне ожесточились, пока спасутся все предузнанные Богом язычники; тогда и Израиль весь спасется, очевидно, уверовав.

Как написано: придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их.

Опять приводит Исаию, который восклицает, что придет от Сиона могущий спасти и очистить грехи израильтян. Когда же это будет? *Когда сниму с них грехи их*, то есть когда удостою их отпущения посредством крещения. Посему хотя не получили они отпущения грехов теперь (ибо ожесточены), но это исполнится впоследствии.

В отношении к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божии ради отцов. Ибо дары и призвание Божие непреложны.

Поскольку, говорит, вы покорились Евангелию и приняты Богом, то они стали упорнее и более отшатнулись и сделались врагами; но так как предки их изначально избраны Богом, то

Бог не попустит им погибнуть совершенно (ибо они возлюбленные), но примет их, если уверуют.

Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так; и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы.

Вы, говорит, называвшиеся прежде язычниками, не захотели послушаться: поэтому избраны были и получили закон иудеи. Опять, когда призваны были иудеи и не послушались Христа, избраны и помилованы вы. Но помилование нас будет и их помилованием: они будут соревновать вам и уверуют, и таким образом удостоятся вашего помилования.

Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать.

То есть обличил, объявил непослушными, чтобы спасти одних упорством других. Ибо прежде, когда непослушны были язычники, спас, как сказано, евреев; опять, когда не послушались Христа иудеи, спасены язычники, когда же спасены язычники, спасутся, соревнуя им, и иудеи, и таким образом все будут помилованы.

О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!

Размышляя о домостроительствах Божиих от начала мира, о том, как Бог устроит противоположное чрез противоположное и посредством одних непокорных показывает покорными других, пришел в изумление, удостоверив тем, что Тот, кто так устроит дела наши, непременно устроит и будущее спасение иудеев. *Богатством* называет благость, глубина которой только приводит в изумление, а величие которой неизвестно: ибо обогатить так язычников есть дело богатства. Вместе с благостью изумляется и *премудрости*, посредством которой Бог управляет жизнью нашей и умудрил невежественных язычников, и *ведению*, посредством которого Он знает, что полезно каждому. О путях же не сказал: непостижимы, но: *неисследимы*, то есть не могут даже быть исследуемы. *Пути Его*, то есть способы домостроительства, не только не могут быть постигнуты, но даже исследованы, то есть нельзя даже видеть следа их.

Ибо кто познал ум Господень? или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать?

Один Он, говорит, знает дела Свои, а кроме Его никто другой. Будучи премудр, Он не от совета с другим заимствует премудрость, но Сам по Себе был и есть самодостаточен. Он же есть и источник всех благ и что только дает, дает не как обязанный вознаграждать, подобно взявшему что у другого, но по Своей благости. Ибо *кто дал Ему наперед*, то есть Богу, чтобы воздалось ему? то есть чтобы даруемое Богом благодеяние почиталось отдачею тому, кто дал?

Ибо все из Него, Им и к Нему.

Он сам есть источник всего: это значит: *из Него*. Он и поддержка всего: это значит: *Им*. Все имеет начало от Него, и Им сотворено, и все стоит и держится, опираясь на Нем, как на

Основании каком.

Ему слава во веки, аминь.

У Павла в обычае заканчивать речь благодарением, когда говорит он о чем-нибудь важном. Так поступает он и теперь. Так как он исполнился изумления благодати, премудрости, ведению и способам домостроительства Божия, то и славословит наконец Бога, научая тем и нас благодарить Бога за великие блага и прославлять его словами и жизнью.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего.

Достаточно побеседовав о догматах, переходит, наконец, к нравственному учению. Так как показал неизреченное домостроительство о нас и благодать Божию, то умоляет милосердием Божиим, то есть самое милосердие Божие представляет умоляющим, чтобы хотя его устыдились и не обнаруживали ничего, недостойного оного. О чем же умоляет? О том, чтобы мы представили тела свои, то есть отдали их, на брань. Так обыкновенно выражаются в просторечии: полководец представил войска свои на войну. Иначе: мы должны представить члены свои Богу, как царю, безукоризненными и наилучшими; ибо таковые предостоят царю. Потом, мы должны представить их в жертву живую; ибо когда умерщвляем их, тогда живем по духу. Итак, жертва иудейская не благоугодна Богу. *К чему Мне, сказано, множество жертв ваших?* (Ис. 1:12). Но жертвы верующих, то есть словесного служения, сильно требует Бог. «Принеси Богу», сказано, «жертву хвалы» (Пс. 19:14), и: *кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня* (Пс. 49:23). А состоит разумное служение не, в том только, чтобы обращаться к Богу посредством слова, но и в том, чтобы жить по-христиански, чтобы не царствовала в нас никакая бессловесная страсть, но всем управлял ум, и чтобы каждый был как бы архиереем для самого себя, закалая кроющееся внутри себя зло, представляя себя всегда стоящим пред Богом и трепеща от страха при всяком действии и слове подобно первосвященнику, предстоящему у жертвенника Божия.

И не сообразуйтесь (συσχηματίζεσθε) с веком сим, но преобразуйтесь (μεταμορφοῦσθε) обновлением ума вашего.

Предлагает способ, как можно нам совершать словесное служение. Он состоит в том, чтобы мы не сообразовались с веком сим; ибо в нем ничего нет постоянного и прочного, но все временно и имеет только наружный образ (σχήμα), а не сущность или пребывающее существо. Итак, не сообразуйтесь, говорит, и вы с веком сим, не имеющим постоянной сущности, то есть не помышляйте о находящемся в нем. *Но преобразуйтесь обновлением ума вашего*, то есть всегда обновляйтесь. Ты согрешил? Душа твоя обветшала? Обнови ее. Ты отчасти исправил нравственность свою? Постарайся исправлять ее более и более, и ты станешь новым, преобразуясь всегда к лучшему. Заметь же, что мир назвал наружным образом (σχήμα), означая тем его удоборазрушимость, и временность, а добродетель назвал существенным образом (μορφ), так как она имеет природную красоту и не нуждается в наружных личинах и прикрасах. Мир имеет наружный образ, чтобы ввести нас в обман, а добродетель показывает свой существенный образ без личин. Поэтому мы должны всегда

преобразоваться по добродетели, обновляя себя от зла на добро и от меньшей добродетели к большей.

Чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная.

Сказав, чтобы мы всегда обновлялись, делаясь новыми, показывает, какая польза от этого обновления ума. Оно говорит, полезно, *чтобы вам познавать, что есть воля Божия*. Кто обветшал умом, тот не знает, в чем состоит воля Божия, не знает, что Бог хочет, чтобы мы жили в смиренномудрии, любили нищету, плакали и исполняли все прочее, заповеданное нам Богом. Напротив, кто обновлен духом, тот знает, в чем состоит воля Божия, знает точно так же, как и иудеи, держащиеся закона. Волей Божией был и закон, но не благоугодной и не совершенной; потому что дан был не как главная воля, но как приспособленная к слабости иудеев. Совершенная же и благоугодная воля Божия есть Новый Завет. Впрочем, согласно с Василием Великим [1], можешь и так понимать. Много такого, чего хочет Бог. Иного хочет Он для благотворения нам: это называется благим, как исполненное благости; иного же хочет Он как прогневляемый грехами нашими: это называется злым, как огорчающее нас, хотя и его цель — благо. Поэтому, чего хочет Бог для благотворения нам, тому и мы должны подражать, а что возбуждает чувство скорби, того не должно нам делать; ибо не мы служители зла, но лукавые духи. Посему, во-первых, подмечай волю Божию, благая ли она; потом, когда узнаешь это, смотри, угодна ли Богу эта воля. Ибо много такого благого, которое не благоугодно Богу, потому что делается или не в то время или не тем лицом, как бы надлежало. Например: благо, чтобы кадили Богу; но когда сделал это Озия то не благоугодил Богу (2Пар.26:16). Еще: благо было, чтобы ученики узнали тайны, но чтобы они узнали их прежде времени, это не благоугодно было: *вы, говорит, теперь не можете вместить* (Ин. 16:12). Когда же что окажется благим и благоугодным, то постарайся, чтобы это совершенно было и без недостатков, точно так, как требуется, без отступления от того. Например: раздавать следует *в простоте* (Рим. 12:8), то есть с щедростью; но если это делается со скупостью, то задача не точно согласна с требуемым относительно ее.

По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать.

Павел, будучи смиренномудрым, никогда не почитает достаточными собственные слова, но в подтверждение их представляет то милосердие Божие, то благодать. Я, говорит он, не от себя предлагаю слово, но от Бога, внушенное мне благодатью Его. *Не думайте о себе более, нежели должно думать*, говорит он всякому, и простецу, и начальнику; а рассуждает прежде всего о смиренномудрии, подражая Господу, который начал с оного: *блаженны нищие духом* (Мф. 5:3). Смысл слов его такой: должно думать, то есть иметь высокую мысль, но для того, чтобы думать о небесном и возвышаться над земным, а не для того, чтобы возноситься над ближними: это значит *думать более, нежели должно думать*.

Но думайте скромно (ц.-сл. — в целомудрии).

Мы получили благоразумие для того, чтобы обращать оное не в высококоумие, но в *целомудрие*, то есть в смиренномудрие. Так сказал, дабы показать, что высокоумный сумасбродствует и вышел из ума своего, а смиренномудрый имеет здравые мысли и потому называется целомудренным.

По мере веры, какую каждому Бог уделил.

Сказав, что мы не должны высоко думать о себе, указывать теперь, как должно думать о себе скромно, и говорит, что должно думать о себе скромно, помышляя, что Бог каждому уделил меру веры. Так как по причине дарований духовных многие впали в высокоумие, то и говорит, что должно думать о себе скромно потому, что Бог каждому уделил меру веры. Ибо это не от твоего зависит успеха, но есть божественное дарование: велико ли оно, мало ли, но даровал его Бог. Дарованием называет здесь ту веру, которой творили чудеса. Ибо вера двух родов: одна принадлежит нам, например: *вера твоя спасла тебя* (Мф. 9:22), а другая есть дар Божий: это та вера, которой совершаются чудеса, например: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет* (Мф. 17:20).

Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены.

Примером тела и членов низлагает великое возношение высокоумия. Тело одно, но имеет различные члены, совершающие различные действия. Так точно и мы, верующие, составляем одно тело во Христе, как главе, а порознь мы один для другого члены, не только малый для большого, но и большой для малого. Итак, не превозносите друг перед другом: как члены, вы имеете нужду друг в друге.

И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры.

Не сказал: имея дарования большие или меньшие, но *различные*. Так самым именем смиряет превозносящихся! И не добродетелями называет, но *дарованиями*. То, что получил ты, говорит, есть дарование Божие, а не твое дело: это дала тебе *благодать*. Итак, чтобы смирить превозносящихся, говорит, что это дано Богом и называет это дарованиями; а чтобы возбудить ленивых, показывает, с другой стороны, что для получения дарований и мы привносим нечто, и говорит: *пророчествуй по мере веры*. Хотя это благодать, но изливается не просто, а проливает столько, сколько вмещает сосуд веры, предоставленный ей. Почему упоминает сначала о пророчестве? Может быть, и без особенной причины, а вероятно, потому, что некоторые превозносились этим дарованием. Если же превозносились, то почему Бог не лишил их дарования? Для пользы людей, и в наставление нам, чтобы мы не осуждали имеющих дарования и тогда, когда они согрешают. Если Я, говорит Бог, не отнимаю благодати Своей; то кто ты, уничижающий имеющего дарование?

Имеешь ли служение, пребывай в служении.

Есть служение и дарование особенное в чине церковном, каково служение семи диаконов. Но здесь под именем *служение* разумей вообще всякое духовное дело. Какое, говорит, получил ты служение, в исправлении того *пребывай* (это слово должно приложить здесь), не ищи чего-либо большего, и не превозносись пред другим, а будь доволен тем, что получил.

Учитель ли, — в учении.

Если принять служение в общем смысле, то далее перечисляются виды его. Если же разуместь служение особенное (диаконское), то заметь, как сперва упомянул о низшем, а потом положил высшее, то есть учение, не наблюдая порядка, и тем самым поучая нас не гордиться и не превозноситься тем, что кажется нам высшим.

Увещатель ли, увещевай.

И увещание есть вид учения. Ибо учением называется вообще рассуждение о всяком предмете, а увещанием собственно то, когда кто успокаивает словом души, возмущенные скорбью или гневом. Итак, увещатель, говорит, пусть пребывает в увещании, делая свое дело, и не превозносится перед другим.

Раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием.

Сказав об учении и увещании, то есть о том, что относится к попечению о душах, теперь говорит о телесном, как занимающем второе место. *Простотой* называет щедрость; следовательно, учит раздавать с щедростью. Ибо никакая добродетель не бывает добродетелью, если совершается ненадлежащим образом. Так и девы, хотя имели елей, но имели его недостаточно, почему и отвержены. И начальник должен проходить служение свое тщательно и неленостно. *Начальствовать* же значит вспомоществовать тому, кто требует помощи, словом и делом. Так как сказал о раздавании имущества, а имуществом изобилуют не все, то присовокупляет: будь предстоятелем другим образом, и помогай нуждающимся, только со тщанием.

Благотворитель ли, благотвори с радушием.

Выше сказал, что должно раздавать в простоте или с щедростью. Но многие дают хотя много, однако принужденно и со скорбью, поэтому учит, что щедрость должна быть без скорби, даже с удовольствием и радостью. Ты должен радоваться, что за малую цену получаешь небо; пойми же, какое различие между раздающим и благотворящим. Раздает тот, кто подает подавание из полученного от другого, а благотворит тот, кто подает из своего достояния.

Любовь да будет непритворна.

Показывает, чем довершается все, прежде сказанное, и говорит: *любовь да будет непритворна*. Ибо такова истинная любовь, а с нею удобно совершится все: благотворитель будет благотворить охотно, доставляя ближнему, как самому себе; начальник будет начальствовать с усердием, подвизаясь за ближнего, как за самого себя, и так далее.

Отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру.

Выше сказал о любви. Но так как и любовь бывает во вред, например, между людьми, соглашающимися на грабительство, и тому подобное; то присовокупляет: *отвращайтесь* (ἀποστουθήντες) зла, то есть ненавидя зло от души; ибо предлог (ἀπό) указывает на ненависть сильную и всем сердцем. Немало таких, которые хотя не делают зла, однако желают его. Поэтому, говорит, я требую, чтобы ненавидели зло всем сердцем, чтобы душа очистилась. Поскольку я, говорит, предписал вам любить друг друга, то не думайте, будто я возбуждаю

вас содействовать друг другу и в худых делах. Совершенно напротив, я желаю, чтобы вы чуждались не только худого дела, но и всякого душевного расположения к нему. Не достаточно удаляться зла, но должно еще прилежать к деланию добра. Поэтому сказал: *прилепляйтесь к добру*, то есть имейте к нему расположение и любовь. В таком смысле и Бог, соединяя мужа с женой, сказал: *прилепится к жене своей* (Быт. 2:24).

Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью.

Я, говорит, научил вас любви, и вам весьма естественно исполнять это, ибо вы братья, рожденные от одной утробы, то есть от купели крещения, следовательно, этим самым обязаны уже любить друг друга, потому что признаком и обнаружением братства служит дружба, а дружба производится и утверждается братолюбием.

В почтительности друг друга предупреждайте.

Учит, как сохранять братолюбие, именно — уважением друг друга и взаимным предпочтением; ибо *предупреждать* значит предварять друг друга в почтении.

В усердии не ослабевайте.

Так как многие, казалось бы, душевно почитают и любят друг друга, но руки к ним не простирают; то научает заботиться друг о друге и самым делом помогать другим.

Духом пламенейте.

Предполагается возражение: как можем мы *в усердии не ослабевать*? Если, отвечает, будем гореть духом, то есть если будем усердны и ревностны. Заметь также, что *духом пламенейте* сказано уже после исчисления многих видов добродетели; ибо кто исполнил вышесказанное, тот привлекает благодать Духа и возжигается огнем Его.

Господу служите.

Когда ты братолюбив, когда имеешь любовь и другие добродетели, о которых прежде сказано, тогда служишь Господу. Ибо Он к Себе относит то, что ты делаешь для брата.

Утешайтесь надеждою.

Так как требуемое Апостолом есть нечто великое и трудное, то теперь он научает тому, что делает исполнение этого удобным, научает действованию по упованию. Ибо упование делает душу более мужественной и смелой в опасностях.

В скорби будьте терпеливы.

Надежда относится к будущему. Но, говорит, и в настоящем можешь получить великое благо; ибо терпение в скорбях сделает тебя терпеливым и опытным.

В молитве постоянны.

Это, разумею — молитва, есть великая помощь к совершению всего вышесказанного. И

не сказал просто: молитесь, но будьте в молитве постоянны. Если тотчас ничего не получаешь, будь постоянен, и достигнешь того, чего желаешь.

В нуждах святых принимайте участие.

Сказав выше: *благотвори с радушием*, всем вообще отверз руку, а теперь учит о милостыне к верным: ибо их называет святыми. И не сказал: помогайте им в нуждах, но: *принимайте участие*, показывая тем, что вспоможение есть купля и общая прибыль; ибо ты подаешь деньги, а они воздают тебе небом. Не сказал также: в больших издержках, но: *в нуждах*, чтобы удовлетворить нуждам святых. Как же не жестоки и не подобны зверям те, кои не помогают святым в их необходимых потребностях?

Ревнуйте о странноприимстве (την φιλοξενίαν διώκοντες).

Не сказал: будьте странноприимны, но: *ревнуйте о странноприимстве*, научая нас, чтобы мы не дожидались, когда нуждающиеся придут к нам, но сами бежали к ним и догоняли их, как поступали Авраам и Лот.

Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте.

После учения о братолюбии и любви к своим предлагает наконец наставление и о том, как мы должны относиться ко врагам. Не сказал: не помните обид, не мстите, но что гораздо более: *благословляйте*, и присовокупил: *не проклинаяте*, дабы мы не проклинали, а только благословляли. Кто благословляет гонящих его за Христа, тот показывает, что он с радостью терпит за Любимого; а кто проклинаяет, тот показывает, что он не радуется, а потому дает знать, что он не любит Того, за Кого гонят его.

Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими.

Великий нужен дух, чтобы не только не завидовать, но и радоваться с радующимися. Это показывает душу, совершенно свободную от зависти, и гораздо больше значит, нежели плакать с плачущим; потому что к плачу побуждает сама природа, влекущая к состраданию. Итак, научает нас тому и другому, то есть и состраданию, и чуждому зависти расположению ко всем, даже к гонителям.

Будьте единомысленны между собою.

Опять рассуждает о смиренномудрии, ибо естественно, что в Риме, как столичном городе, была болезнь гордости. Смысл сказанного такой: ты считаешь себя великим человеком? Почитай и брата таким же. Ты подозреваешь, что он мал и низок сердцем? Произнеси такой же суд и о себе, и таким образом смиришь всякое высокоумие и не будешь гнушаться им, будто лучший его, но станешь почитать его, как равного себе, как и самого себя.

Не высокоумствуйте, но последуйте смиренным.

Научает, как можно исполнить прежде сказанное, именно: если не будем высокоумствовать, но последуем смиренным, то есть станем подражать униженным и

презираемым, то есть снизойдем, применимся к ним.

Не мечтайте о себе.

То есть не думайте, что сами можете удовлетворить себя во всем, и не имеете нужды в совете другого или в том, кто внушает должное. Моисей беседовал с Богом; однако имел нужду в совете с тестем.

Никому не воздавайте злом за зло.

Если упрекаешь другого в том, что он сделал зло, то зачем подражаешь ему и сам делаешь зло? Не сказал: не делай зла верному, но: *никому*, будет ли он язычник или другой кто.

Но пекитесь о добром перед всеми человеками.

Так говорит не для того, чтобы мы жили для тщеславия, но для того, чтобы не подавали повода укорять нас тем, которые желают этого. Ибо требует, чтобы мы жили несоблазнительно и без преткновений, потому что за нами и за касающимся нас наблюдают многие.

Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми.

Прекрасно сказал: *если возможно с вашей стороны*. Ибо иногда невозможно быть в мире, например, когда идет борьба за благочестие или за обиженных. Итак, внушает: исполняй свои обязанности и никому не подавай случая к вражде и смятению. Если же видишь, что оскорбляется благочестие, то восстань мужественно, сражаясь за истину, однако не против человека враждуя, но против нечестия, а о человеке, напротив сожалая и щадя его. Таким образом, что прежде казалось невозможным, то становится возможным; ибо что касается тебя, то ты находишься в мире с ним, а брань ведешь с одним нечестием.

Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: *Мне отмщение, Я воздам*, говорит Господь.

Дайте, говорит, место гневу Божию в отношении к обижающим вас. Если вы мстите сами за себя, то Бог не будет мстить за вас; а если вы простите, то Бог отомстит строже. Приводит и свидетельство, подкрепляя свое слово. Говорит же это для одобрения малодушных; потому что они ничего другого не желают, как видеть, что враги их получили за них отмщение.

Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья.

Здесь требует от вас высшей степени любомудрия. Что я говорю, рассуждает, должно жить в мире? Я повелеваю даже благодетельствовать. Сказал: *ты соберешь ему на голову горящие уголья*, снисходя малодушию оскорбляемых; ибо всего приятнее для человека видеть врага наказанным. Как бы так говорит: ты желаешь отомстить ему? Благодотвори ему; в таком случае ты отомстишь ему гораздо сильнее. Поэтому и сказал: *соберешь ему на голову горящие уголья*, обозначая этим сильное наказание. В этом смысле и выше сказал: *дайте место гневу*

Божью.

Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.

Здесь показывает, что мы не должны питать врагов такой мыслью, что привлечем на них большее наказание. Смысл сказанного такой: *не будь побежден злом*, то есть делай это не с намерением отомстить, и не подражай делающему зло (это значит быть побежденным), но старайся более победить его благотворительностью своею и отвратить его от злобы. Итак, сказанное выше высказал к ободрению малодушных, а теперь предложил совершеннейшее.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Всякая душа да будет покорна высшим властям.

Предложив слушателям достаточно наставлений касательно нравственности и научив их быть благосклонными даже ко врагам, предлагает и настоящее увещание, научая всякую душу, хотя бы кто был священник, хотя бы монах, хотя бы апостол, подчиняться начальникам; ибо подчинение это не подрывает благочестия. А предлагает это увещание апостол с целью — показать, что Евангелие учит не измене или неповиновению начальству, но благородному образу мыслей и повиновению.

Ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены.

Что ты говоришь? Неужели всякий начальник поставлен Богом? — Не то говорю я, — отвечает. У меня теперь слово не о каждом начальнике в отдельности, но о самом начальстве. Что есть начальства, что одни начальствуют, а другие подчинены, и что нет смешения между высшими и низшими, это я называю делом премудрости Божией. Ибо не сказал: нет начальника, но *нет власти не от Бога*. Поэтому, говорю, рассуждает о самом Предмете, о начальстве. Подобно сему, когда премудрый говорит: *разумная жена — от Господа* (Притч.19:14), высказывает не то, что Бог соединяет каждого, вступающего в брак, но то, что брак установлен Богом. Итак, все власти, какие бы ни взял в рассмотрение, отца ли над сыном, мужа ли над женой, все ли прочие, даже те, которые существуют между животными, например, между пчелами, журавлями, рыбами, — все установлены Богом.

Посему противящийся власти противится Божью установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение.

Дабы верующие не могли сказать: ты унижаешь нас, подчиняя начальникам тех, которые имеют получить Небесное Царство, показывает, что повинующийся начальствам повинуется Богу, или, что гораздо страшнее, неповиновующийся начальствам противится Богу, установившему начальства, а противящийся будет наказан и Богом и людьми. Последнее внушил, сказав: *противящиеся сами навлекут на себя осуждение*.

Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее.

Чего боишься и ужасаешься? Разве начальник бранит тебя, если делаешь добро? Разве он страшен для тебя, если ревнуешь о добродетели? Напротив, если ты делаешь добро, то

начальник поставлен хвалить тебя. Он столь далек от того, чтобы наводить на тебя страх, что даже хвалит тебя.

Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро.

Он, говорит, содействует воле Божией. Например: Бог советует тебе быть целомудренным: и начальник предписывает тоже законами. Бог увещевает тебя не быть любостыжательным и вором: и начальник поставлен судьей над тем же. Следовательно, он нам поспешник в добрых делах, если предаемся ему.

Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч.

Значит, не начальник производит в нас страх, но пороки наши, по причине которых и меч начальника, то есть власть наказывать. Начальник, говорит, не напрасно опоясывается мечом, но для того, чтобы наказывать порочных.

Он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.

Когда начальник хвалит добродетель, исполняет волю Божию; и когда употребляет в дело меч, есть слуга Божий, защищающий добродетель и прогоняющий порок. Многие делают добро не столько из-за страха Божия, сколько по боязни начальников. Посему, когда начальник защищает добродетель и наказывает порок, то он — Божий слуга.

И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести.

Тебе необходимо, говорит, повиноваться не потому только, чтобы не испытать гнева и Божия, и начальнического, как непокорному, и не подвергнуться несносному наказанию, но и потому, чтобы не оказаться бессовестным и неблагодарным к благодетелю. Великие благодеяния доставляют начальства государствам. Ими поддерживается благосостояние наше, а если бы не было их, давно уже все ниспроверглось бы от того, что сильнейшие поглотили бы слабейших. Итак, собственная совесть твоя, говорит, пусть убедит тебя почитать тех, которые доставляют тебе столько благ.

Для сего вы и подати платите.

Ты говорит, сам свидетельствуешь, что начальник благодетельствует тебе, потому, что даешь ему вознаграждение, очевидно, как промышляющему о тебе. Мы не стали бы платить подати изначала, если бы не знали, что получаем пользу от начальства, проходящие которое неумоимо бодрствуют вместо нас, а мы свободны от хлопот по сему.

Ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые.

Поэтому и Богу угодно, чтобы мы платили служителям Его подати. Бог хочет, чтобы в гражданском обществе было мирно, жили добродетельно и поражался порок; а в этом-то и служат начальники воле Божией, ревностно заботясь об общем спокойствии, прилагая неумоимое попечение о том, чтобы мы проводили жизнь в мире и тишине. Если иной употребляет начальствование во зло, то это ничего не говорит против пользы самого

начальства.

Итак отдавайте всякому должное: кому подать,, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь.

Благодарность к начальникам есть, говорит, неизбежный долг твой. Отдавай же должное всякому, кому вручены различные начальствования: кому следует подать, то есть подать поголовная, тому отдавай подать, а кому оброк, то есть взнос за землю, тому отдавай оброк. Но не одни только деньги давайте. Воздавайте и страх, то есть почтение, благоговение и отменную почесть. Поэтому присовокупляет: *кому честь, честь*. Страх бывает двух родов. Один страх тот, которым боятся преступники, — страх, происходящий от худой совести: этот страх еще прежде отверг апостол. Другой же страх тот, который имеют любящие к любимому, то есть высшая степень почтения, как сказано: *нет скудости у боящихся Его* (Пс. 33:10) и: *страх Господень чист, пребывает вовек* (Пс. 18:10). Здесь разумеется благоговение.

Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви.

Иные долги, говорит, отдавайте. Но любовь не желайте никогда выплатить, а всегда имейте ее долгом постоянным. Если ты всегда окажешь ближнему расположение любящего, то не воображай, что поэтому завтра ты должен пренебречь им: напротив, всегда думай, что на тебе лежит долг — любить ближнего.

Ибо любящий другого исполнил закон. Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого и все другие заключаются в сем слове: *люби ближнего твоего, как самого себя*.

Кто любит ближнего, тот исполняет закон. Поэтому каждый должен любить ближнего своего потому, что получает от него и от любви к нему столько благодеяний, что исполняет весь закон. Не сказал: *дополняется, но заключается*, то есть в этой заповеди сокращенно заключается весь состав заповедей. Ибо начало и конец добродетели есть любовь. Далее, закон требует любви в высшей степени. *Люби* — говорит, — *ближнего, как самого себя*, а Господь наш требует большего, внушив, чтобы мы любили ближнего более, нежели себя; ибо научает полагать за друга душу (Ин. 15:13).

Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона.

Показывает, что любовь имеет то и другое совершенство. Когда говорит, что *любовь не делает ближнему зла*, обозначает, что она есть воздержание от зла, а словами *любовь есть исполнение закона* указывает, что она есть делание добра. Итак, любовь совершает в нас добродетель, указываемую законом, во всей ее полноте.

Так поступайте, зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна.

Вы должны, говорит, весьма высоко ценить любовь, а чрез нее — все прочие добродетели. Таково уже время. Близок день воскресения, близок суд, и нам должно пробудиться от сна нерадения и быть готовыми к делам, достойным воскресения.

Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали.

Вероятно, они в начале, по обращении своем, были ревностнейшими, а потом, с течением времени, охладели. Поэтому говорит: теперь мы ближе к будущему веку; ибо его разумеет под *спасением*, назвав его так с лучшей его стороны, потому что для грешников он не спасение, но погибель. Приближаясь же к будущей жизни, мы должны усилить свое внимание. Это и показывает далее.

Ночь прошла (проέκοψεν), а день приблизился.

То есть ночь скоро кончится. Например: положим, что ночь состоит из двенадцати часов. Когда пройдет десять часов, то говорим, что ночь кончается (проέκοψεν), вместо: прошла, близка к концу. Ночью называет настоящий век, потому что в нем многие находятся во тьме и житие каждого покрыто тьмой; а днем именуется век будущий, как по причине светлости праведных, так и потому, что тогда откроются тайны всех. В Евангелии же днем называется настоящий век потому, что во время его должно делать, а ночью именуется будущий век потому, что тогда никто не может делать (Ин. 9:4).

Итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света.

Делами назвал греховные действия, как нечто трудное, сопряженное с великими неудобствами, подверженное тысячам опасностей даже в нынешнем веке; а оружием света наименовал действия добродетельные: ибо они поставляют имеющего их, как оружие в безопасности, и делают светлым как оружие света. Словами *отвергнем* и *облечемся* показал удобство того и другого, то есть и удаления от злых дел и обращения к добродетели. Как не трудно отложить одежду и облечься в другую, так возможно удалиться от порока и воспринять добродетель.

Как днем, будем вести себя благочинно.

Выше сказал: *день приблизился*, а теперь показывает, что он уже наступает, и учит вести себя в нем благочинно. Благочинством привлекает тех, которые много уважали славу народную; и не сказал: ведите себя, — но *будем вести себя*, делая свое увещание сносным. Ибо ничто так не безобразно, как грех, и ничто так не доставляет благообразия, как добродетель.

Не предаваясь ни пиروваниям и пьянству.

Не пить запрещает, но пить без меры; не употребление вина, но пьянство. *Пираванием* называется (состояние) в пьяном виде, соединенное с обидами, что называется также бесчинием в пьяном состоянии.

Ни сладострастию и распутству.

Сказав прежде о пьянстве, теперь говорит о происходящем от него зле; ибо распутство происходит от пьянства, и здесь отсекает не сообщение с женщинами, но блуд.

Ни ссорам и зависти.

Угасив зло, рождающееся от похоти, подавляет теперь и то зло, которое происходит от гнева. Ибо ничто так не возжигает похоть и не воспламеняет гнев, как пьянство и бесчиние в пьяном состоянии. От зависти происходит рвение или ссора, потому что завидующий другому доходит и до ссор. Посему-то, отъяв ссору, восходит и к началу ее — зависти. Упоминает же о ссоре и зависти вместе с распутством потому, что от последнего происходят брани и превращения домов.

Но оденьтесь в Господа нашего Иисуса Христа.

Совлекши с нас одежду греховную, украшает наконец нас, облакая нас уже не в оружие света, но, что более может ужасать, делая одеянием нашим Самого Владыку. Кто облечен в эту одежду, тот имеет всякую добродетель.

И попечения о плоти не превращайте в похоти.

Не запрещает попечения о теле, но *похоти*. Заботься, говорит, о теле для здоровья, а не для непотребства. Ибо то было бы не попечение, когда бы ты возжег пламень и распалил печь во вред себе. Старайся только о том, чтобы иметь тело здоровое, а что сверх того, о том не заботься, и не возжигай похоти тела, но все тщание обрати к духовному.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Немощного в вере принимайте без споров о мнениях.

Многие из уверовавших иудеев и после обращения наблюдали различия яств, воздерживались от свиного мяса и не дерзали совсем отстать от закона. Потом, чтобы не обличили их в том, что воздерживаются от одного мяса свиного, воздерживались вообще от всякого мяса и питались растениями. Другие были более совершенны, не наблюдали ничего подобного и были укоряемы от наблюдающих. Павел опасался, чтобы совершенные, обличая несовершенных неблагоприятно и ненадлежащим образом, не отклонили их от веры Христовой. Поэтому мудро приступает к делу, заботясь о пользе и другой стороны. Он не отважился сказать укоряющим: вы худо делаете, — дабы не утвердить несовершенных в наблюдении ими обрядов. Не отважился также сказать обличителям: вы хорошо делаете, — чтобы не сделать их в нападках сильнейшими. Напротив, предлагает увещание, приспособленное к тем и другим. Его обличение направлено, казалось бы, более против сильнейшей стороны, но в самом деле вся сила оно падает на не мощнейших. Ибо тотчас выражением *немощного* показал болезнь таковых. Когда же говорит *принимайте*, то указывает нужду в великом попечении для них, что и есть признак крайней слабости их. *Без споров о мнениях*. То есть не осуждайте его за немощь, не соблазняйте, не смущайте многими помыслами, но всячески старайтесь утешать его как немощного.

Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи.

Делает сравнение между совершенным и несовершенным и говорит, что совершенный, дерзая по вере, безразлично питается всем, а несовершенный, как немощный, ест овощи. Поэтому последний заслуживает врачевания, а не поражения.

Кто ест, не унижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест,

потому что Бог принял его.

Те, которые ели все, как совершенные, уничижали неядущих, как маловерных и привязанных еще к иудейству. С другой стороны, неядущие осуждали тех, которые ели все, как невоздержанных. Так как между этими многие были из язычников, то говорит: *Бог принял его*, то есть явил к нему Свою неизреченную благодать. Что же ты споришь с ним о законе, когда Христос оправдал его?

Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим господом стоит он или падает.

Это говорит к совершенному, отклоняя его как от уничижения, так и от осуждения: ибо совершенные дела то и другое, и уничижали и осуждали несовершенных. Впрочем, скрытным образом обличение падает здесь и на несовершенных. Не потому, говорит запрещаю тебе судить, что поведение другого не заслуживает суда, но потому, что он раб чужой, то есть не твой, но Божий. Ибо хотя он и немощен, однако не перестал быть рабом; почему и не должно отчаиваться относительно его. Ободряя же немощного, не сказал: падает, но: *стоит или падает*. То или другое случится с ним, Господу принадлежит право судить и о потере падающего и о прибытке стоящего.

И будет восставлен, ибо силен Бог восставить его.

Словом *будет восставлен* показывает, что он так колеблется и до того дошел, что один Бог может восставить его. Это говорим о людях, весьма безнадежных.

Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно.

Одни изнуряли себя неядением или воздерживались от свиного мяса в известные дни, а другие всегда принимали пищу и осуждали постившихся. Об этих говорит, что один судит, а другой иначе, тогда как дело здесь безразличное. Поэтому не должно нападать на братии из-за этого. В этом снисходит укоряемым, потому что они были еще новы в вере.

Всякий поступай по удостоверению своего ума.

Когда речь идет о догматах, мы не должны поступать по удостоверению собственного ума, но должны твердо содержать то, что получили, хотя бы ангел с неба стал благовествовать нам иное. А здесь речь идет о яствах и постах и т.п., и претыкающиеся об это еще новы в вере и нуждаются в снисхождении, а потому надлежало сделать им некоторое послабление относительно жизни, устроенной по всей точности.

Кто различает дни, для Господа различает; и кто не различает дней, для Господа не различает.

Кто, говорит, различает дни, для Господа различает, как благоговейный; и кто не различает дней, для Господа не различает, как совершенный уже во Христе и возвысившийся над законными наблюдениями.

Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест, для Господа не ест,

и благодарит Бога.

Об одном только, говорит, спрашиваем, для Христа ли делают это и благодарят ли Бога ядущий и неядущий? ибо совершаемое так не подлежит обвинению и оклеветанию. Говорит это, как я сказал, потому, что римляне еще новы были в вере. Но скрытым образом наносит удар и придерживающимся иудейства. Как благодарить тому, кто придерживается еще закона? Следовательно, благодарит только тот, кто ест.

Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли — для Господа живем; умираем ли — для Господа умираем.

Мы имеем, говорит, Господа, Который печется о нас и Который почитает жизнь нашу приобретением, а смерть нашу потерей. Ибо мы живем или умираем не для себя только самих, но и для Господа. Жизнью называет здесь жизнь в вере, а смертью — отпадение от веры. Посему Господь отнюдь не попустит, чтобы мы умерли по вере, а кажущиеся немощными отпали от нее.

И потому, живем ли или умираем, — всегда Господни.

От смерти по вере переходит к смерти естественной; ибо об этой рассуждает теперь. Живем ли, говорит, естественной жизнью, мы Господни; умираем ли мы естественной смертью, Господу же принадлежим.

Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми.

Это, говорит, пусть уверит тебя, что Господь печется об исправлении немощных. Ибо Кто пролил кровь и умер, чтобы быть Господом нашим. Тот может ли не заботиться о тех, которые сделались Его рабами? Это похоже на то, как обыкновенно говорим: возможно ли, чтобы кто-нибудь не заботился о рабе своем, за которого заплатил так дорого? И если, говорит, заботится об умерших, то тем паче о живых. Все это говорится с целью пристыдить иудействующего христианина и убедить его обсудить, как неблагоприятно поступает он в отношении к умершему за него Христу, продолжая держаться закона.

А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что унижаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов.

Ты, неядущий, что осуждаешь брата своего, ядущего, как невоздержанного, за то, что он ест? Он — брат; ты не должен унижать собственный свой член. Разве ты дашь за него ответ? Он сам предстанет на суд и сам понесет наказание. Видишь ли, как обращая речь к совершенному, наводит страх на самого иудействующего, как имеющего отдать отчет на страшном суде?

Ибо написано: живу Я, говорит Господь, предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедывать Бога. Итак каждый из нас за себя даст отчет Богу.

Что мы будем судимы, как рабы господином, об этом, говорит, свидетельствует пророк.

А словами *предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедывать Бога* показал высшую степень подчинения. *Будет исповедывать*, то есть даст отчет в сделанном им — Кому? Не закону, но Христу. Итак, зачем же ты подчиняешься закону?

Не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну.

Оба, говорит, оставьте существующую между вами распрю, и ни ты, ядущий все, не подавай несовершенному случая к преткновению, как сильно укоряющий его, ни ты, не ядущий всего, не подавай брату случая к соблазну, как наблюдающий иудейское. Преткновение и соблазн взаимно приличны тому и другому лицу.

Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто.

Научив, что не должно укорять немощного, учит наконец о пище и наставляет слабейшего не бояться и не страшиться ее как нечистой. Я, говорит, знаю и уверен не по человеческим умозаключениям, но в Господе Иисусе, то есть быв научен и удостоверен Господом Иисусом, *что нет ничего в себе самом нечистого*, то есть ничего нет нечистого по природе, но делается нечистым от произволения употребляющего. Для него одного и скверно и нечисто, а не для всех.

Если же за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь.

Здесь обращает речь к совершенному, поучая: хотя бы снеди тысячекратно не были нечисты по природе, однако тебе надлежало воздерживаться от свиного мяса, чтобы не огорчился соблазняющийся брат твой, если только хочешь ты сохранить любовь. Далее присовокупляет:

Не губи твоею пищею того, за кого Христос умер.

Ты, говорит, спором о пище губишь и развращаешь брата, который так ценен в очах Христа, что Он умер за него. Ибо тот, замечая, что ты ешь свиное мясо в противность ему, становится упорнее и потому, опасаясь, чтобы не отпасть от Христа, всецело привязывается наконец к закону.

Да не хулится ваше доброе.

То есть ты имеешь совершенство в вере (ибо оно назвал словом *доброе*). Посему не злоупотребляй совершенством своим и не подавай повода хулить его. Ибо если ты, будучи совершенным, губишь несовершенного, то подал повод хулить благо, которое имеешь. Но ты понимаешь, что и учение наше благо, и что оно не желает подвергаться хуле со стороны неверных, когда они видят расколы и соблазны касательно пищи.

Ибо Царствие Божие не пища и питие.

Не этим заслуживаем мы благоволение у Бога. Если, говорит, ты не ешь, то неужели это введет тебя в Царство? Укоряя за то, что почитают это важным, упомянул и о питье.

Но праведность и мир и радость во Святом Духе.

В Царство Божие вводит *праведность*, то есть все добродетели, непорочная жизнь и мир с братом, а не вражда, и *радость*, происходящая от согласия, а не скорбь, происходящая от укоризны. Так как мир и радость бывают и в худых делах, то присовокупил: *во Святом Духе*. Речь у меня, говорит, о мире и радости во Святом Духе. Великий Златоуст глубоко объяснил, для чего упомянул Павел о правде. Для того, говорит он, чтобы доказать, что не воздерживающийся от свиного мяса обижает брата относительно спасения, которое стяжал для него Христос смертью Своею. Посему, с противоположной стороны, воздерживающийся для брата соблюдает правду, которая доставляет вечное Царство.

Кто сим служит Христу, тот угоден Богу и достоин одобрения от людей.

Здесь намекает, что совершенные укоряли немощных по тщеславию. Если хочешь, говорит, стать предметом удивления для людей, то возбуждай их к удивлению тебе не столько совершенством, сколько миром и прочими добродетелями. Этим именно следует служить и благоугождать Богу, а не тем, что ты без разбора ешь свиное мясо.

Итак будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию.

О мире сказал к несовершенному, потому что этот не имел мира, а *ко взаимному назиданию* сказал к совершенному, чтобы он не колебал брата, соблазняя его. Впрочем, сказав: *ко взаимному*, отнес слово свое об этом к тому и другому. Тем же, что сначала упомянул о мире, а потом о созидании, показал, что без мира трудно назидать.

Ради пищи не разрушай дела Божия.

Делом Божиим называет спасение брата. Итак, не разрушай оно, стяжанного для него Богом, и притом ради пищи, то есть нежеланием воздерживаться от свиного мяса, чтобы получить себе пользу.

Все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн.

Сделав строгое запрещение совершенному, убоился, чтобы немощный не утвердился в худых мыслях. Поэтому опять обращается к догмату и говорит, что все чисто, но худо для того, кто ест с худой совестью и после того, как соблазнился. Ибо несовершенный, почитающий свиное мясо нечистым, если ест его по принуждению, больший терпит вред. Поэтому сначала ты должен вразумить его, что все чисто.

Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, отчего брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает.

Ты, говорит, принуждаешь брата есть то, чего он не осмеливается есть, а я говорю, что ты должен воздерживаться от всего, что соблазняет брата, не потому, что это зло (ибо все чисто), но потому, что это соблазняет. Словом *претыкается* показал, что он ослеплен; ибо претыкаются слепые. А *соблазняется* он как легкомысленный, *изнемогает* же как маловерный. Всем этим привлекает сильнейшего к помощи брату, как совершенно немощному.

Ты имеешь веру? имей ее сам в себе, пред Богом.

Здесь тайно намекает на то, что совершенный высказывал совершенство свое по тщеславию. Говорит: ты хочешь показать мне, что совершен в вере относительно пищи, веря, что все хорошо и чисто? Не показывай мне, но довольствуйся свидетельством совести пред Богом, Которому показываешь это.

Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает.

Хотя другой и не увидит твоего блаженства, ты будь доволен сам собой, если сам не осуждаешь себя и совесть твоя не осуждает тебя в вещи, которую ты одобрил или избрал. Разумей это только о настоящем предмете, то есть о пище.

А сомневающийся, если ест, осуждается, потому что не по вере; а все, что не по вере, грех.

Кто сомневается, говорит, и ест не убедившись, тот осуждается. Почему? Не потому, чтобы пища была нечиста, но потому, что не был уверен, что она чиста, и думал, что прикасаясь к ней, как нечистой. Кто не убежден и не верит, что пища чиста, но ест ее с лукавой совестью, тот, конечно, грешит.

Могущему же утвердить вас, по благовествованию моему и проповеди Иисуса Христа, по откровению тайны, о которой от вечных времен было умолчано, но которая ныне явлена, и через писания пророческие, по повелению вечного Бога, возведена всем народам для покорения их вере, Единому Премудрому Богу, через Иисуса Христа, слава во веки. Аминь.

Оканчивать увещания молитвой — всегдашний обычай апостола Павла. Так поступает он и теперь: молится о несовершенных, и не только словом научает, но и молитвами испрашивает помощь у Бога. Связь речи такая: *Могущему вас утвердить через Иисуса Христа слава во веки. Аминь. Могущему утвердить вас, несовершенных, колеблющихся.* Каким образом? *По благовествованию моему, то есть дабы содержали то, чему я учу.* А благовествование мое и проповедание Христово одно и то же, ибо это не наше учение, а Его законы. *По откровению тайны.* Это знак величайшей чести, что мы стали участниками в тайнах, то есть в предмете, который хотя издревле предопределен, но явлен ныне чрез писания пророческие. Посему чего бояться тебе, немощный? Чтобы ядением свиного мяса не отступить от закона? Но вот все Писания возвещают ту тайну, которая вводит безразличие в пищу. Это совершается даже *по повелению вечного Бога.* Поэтому твой долг не противоречить, но верить и повиноваться Богу; ибо вера требует послушания, а не пытливости. Кроме того, так верят все народы; ибо тайна та сделалась известной всем. Как же ты продолжаешь рабски служить закону? *Единому Премудрому Богу* сказал для того, чтобы отличить Бога от ангелов и нас, отнюдь не от Сына, — да не будет; ибо мудрость Отца есть Сын. Итак, слава Тому, Кто явил тайну, а не закону, к которому ты продолжаешь прибегать, наблюдая различие в пище. Слова *через Иисуса Христа*, как выше сказано, можно соединять так: *Могущему вас утвердить через Иисуса Христа.* Но можно понимать их и так: открытой всем народам через Иисуса Христа; ибо тайну открыл народам Сам Тот, Кто послал учеников научить все народы.

Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать.

После молитвы опять предлагает увещание и услаждает совершенных тем, что поставляет их наряду с собой и называет сильными. Не сказал же просто: немощи, но: *немощи бессильных*, то есть усугубив выражение, чтобы привлечь их к большему милосердию. Сказав об обязанности нашей сносить немощи других, научает, как исполнять ее. Для этого, говорит, нужно, чтобы мы искали не своей только пользы.

Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию.

То есть каждый делай то, что угодно ближнему, и служи брату, только во благо. А дабы не сказал кто из совершенных: вот и я влеку брата во благо [2], присовокупил: *к назиданию*. Ибо хотя и благо то, что делаешь теперь, но так как это неблагоприятно, то дело твое обращается в разорение: ибо неблагоприятное обличение не назидает.

Ибо и Христос не Себе угождал, но, как написано: *злословия злословящих Тебя пали на Меня*.

Апостол ставит нам в пример Христа. Ибо если бы Он хотел угождать Себе, то есть искать Своего, то мог бы избежать поношений и не терпеть того, что потерпел; но Он не захотел этого, а, приняв на Себя страдания, подвергся худой славе у многих, был почитаем бессильным, даже обманщиком и злодеем. О Нем говорили: *других спасал, а Себя не может спасти* (Мф. 27:42). Так *злословия злословящих Тебя, Отца, в Ветхом Завете, пали на Меня* (Пс. 68:10), то есть Сына Твоего. И это не есть что-либо новое.

А все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду.

Это, говорит, написано было прежде, чтобы мы подражали сему. Здесь же увещевает их и к терпению искушений, говоря, да укрепляемые Писанием терпим, и терпением да покажем в себе все живое и постоянное упование. Ибо кто терпит, тот показывает, что имеет в себе упование на будущие блага, а кто не терпит, тот потерял упование.

Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою по учению Христа Иисуса.

Показывает, что с Писаниями Бог дает нам терпение и утешение. Поэтому и называет Его Богом терпения и утешения как подателя и виновника этих благ. Просит также у Него, чтобы даровал нам *быть в единомыслии между собою*. Ибо любви свойственно то же думать о ближнем, что думает кто о себе. Поскольку же есть любовь мирская, то присовокупил: *по учению Иисуса Христа*, то есть думайте то, что угодно Иисусу Христу.

Дабы вы единомысленно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.

Что же бывает плодом единомыслия? Прославление Бога не только одними устами, но и

одной душой (ибо это значит *единодушно*). Здесь слово *Бога* следует отделить, отнеся его к предыдущему, и потом читать с нового начала: *и Отца Господа нашего Иисуса Христа*. Впрочем, не будет неприличия, если читать эти слова и не отдельно, то есть разумея *Бога и Отца* по отношению к Единому и Тому же Христу; ибо Бог Отец есть Бог Христа по человечеству, а Отец по Божественности.

По сему принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию.

Повторяет прежнее увещание и приводит Христа в пример, чтобы мы принимали друг друга, потому что это служит к славе Божией. Ибо единение наше наипаче прославляет Бога, как сказано: *уверует мир, что Ты послал Меня*, если ученики *будут едино* (Ин. 17:21-23). Напротив, несогласия наносят Богу бесчестие. Ибо язычники видя, что христиане разногласят между собой, обвиняют саму веру.

Разумею то, что Иисус Христос сделался служителем для обрезанных — ради истины Божией, чтобы исполнить обещанное отцам.

Держится прежнего предмета речи, показывая, что Христос не Себе угождал, но все принял для нас, и убеждает язычников, чтобы не превозносились над уверовавшими из иудеев. Ибо иудеи спасались по обетованию, данному отцам их, а язычники по одному милосердию и человеколюбию. Смысл сказанного такой. К Аврааму было обетование, что его семя получит в наследие мир (Быт. 13:15); но происшедшие от Авраама все сделались достойными наказания, как нарушившие закон, и потому недостойными обетования. Поэтому пришел Христос и исполнил закон, приняв как прочее, так и обрезание. Исполнив же закон, приняв обрезание и став семенем Авраама, Он погасил гнев Божий и сделал нас способными к принятию обетования. Он принял обрезание для того, чтобы обетование Божие не осталось тщетным, а не для того, чтобы утвердить закон. Что же ты, иудействующий, привязываешься к закону, который довел уже тебя до такой опасности, что ты лишился обетования?

А для язычников — из милости, чтобы славили Бога.

Происшедшие из иудеев хотя и недостойны были, однако имели обетования; а ты, призванный из язычества, спасен по одному человеколюбию. Поэтому и обязан ты особенно славить Бога. Бог же славится тогда, когда вы живете в союзе и единении между собой, когда ты сносишь немощных.

Как написано: за то буду славить Тебя, (Господи), между язычниками, и буду петь имени Твоему. И еще сказано: возвеселитесь, язычники, с народом Его. И еще: хвалите Господа, все язычники, и прославляйте Его, все народы. Исаия также говорит: будет корень Иессеев, и восстанет владеть народами; на Него язычники надеяться будут.

Привел все эти свидетельства в доказательство того, что призванные из язычников должны жить в единении и быть в единомыслии с пришедшими из иудеев; смиряет, чтобы не превозносились пред призванными из язычников, ибо их призывали все пророки, а призванных из язычников опять убеждает не надмеваться, показывая, что они более обязаны Богу, как получившие большую милость; ибо они, не будучи народом, соединены с народом.

Слова *буду славить Тебя между язычниками* сказаны от лица Христова, вместо слов: проповедаю Тебя, Отче, в народах; а слава *будет корень Иисеев* сказаны вместо: от корня Иисеева вырастет Тот, Кто восстанет владеть народами, то есть Христос.

Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святого, обогатились надеждою.

Молит, чтобы верующие из иудеев исполнились радости, ибо они печалились от укоризны, а верующие из язычников исполнились мира, ибо они являлись враждующими против придерживавшихся закона; лучше сказать, молит, чтобы те и другие исполнились радости и мира. Как же сделать это? Верой. А вера какое благо доставляет нам? Богатство надеждой. Ибо кто верит будущим благам и остается доволен настоящими, тот богат надеждой, то есть ожидает будущих благ и переносит все Временные бедствия. А какое благо доставляет нам упование? Приобретение силы Духа Святого, которая соделает упование наше крепчайшим. Ибо упование, с одной стороны, доставляет нам силу Духа Святого, а с другой — становится в нас от Духа Святого крепче.

И сам я уверен о вас. братия мои, что и вы полны благодати, исполнены всякого познания и можете наставлять друг друга.

Высказав выше мной жесткого, врачует, наконец, нанесенные раны. Не сказал: слышал, но: *и сам я уверен*, который вас обличал и обвинял, *что и вы полны благодати*, то есть благомыслия и братолюбия, а может быть, называет благодатью полноту добродетели. Не сказал также: имеете благодать, но: *полны*. Поскольку же нет никакой пользы в том, чтобы иметь только благодать, между тем не знать, как пользоваться ею, присовокупил: *и можете наставлять друг друга*, не только научиться, но более — других научить.

Но писал вам, братия, с некоторою смелостью, отчасти как бы в напоминание вам.

Римляне пользовались уважением и были весьма надменны. Поэтому врачует их, когда говорит: *писал с некоторою смелостью*; ибо словом этим сильно сокрушает их. Но и этим не удовольствовался, а присовокупил: *отчасти*, то есть несколько и вкратце, притом не как поучающий, но *как бы в напоминание*, то есть слегка напоминая.

По данной мне от Бога благодати быть служителем Иисуса Христа у язычников и совершать священнодействие благовествования Божия.

Сообщая речи своей смиренный тон, говорит: я не сам восхитил себе честь, но Бог повелел мне это, отделив меня для этого, не потому, чтобы я был достоин, но по благодати. На что же дана мне благодать? Чтобы быть мне служителем и священником Евангелия. Поэтому не вините меня за то, что я говорю к вам. Священство мое в том и состоит, чтобы возвещать Евангелие. А кто осмелится обвинять священника, приближающего нож к тому, что избрано в жертву?

Дабы сие приношение язычников, будучи освящено Духом Святым, было благоприятно Богу.

Я, говорит, написал к вам не для того, чтобы вместе с другими народами и вы спасались, и чтобы, таким образом, приношение язычников было совершенно благоприятно от того, что все приносят Богу плоды. *Освящено Духом Святым*, то есть духовной жизнью; ибо освящает не одна вера, но и жизнь. Правда, уверовав и крестившись, мы получили Духа; но если не будем и жить духовно, то благодать Духа угаснет. Смирят гордость римлян, дабы они не почитали низким иметь учителем своим Того, Кто приводит к Богу все народы.

Итак я могу похвалиться в Иисусе Христе в том, что относится к Богу.

Так как пред этим весьма унижил себя, то теперь опять возвышает слово, чтобы не почли его презренным и говорит: я хваюсь не самим собой и не попечениями своими, но благодатью Христовой. В чем же хваюсь? В том, что относится к Богу, то есть не маловажными какими-нибудь вещами, но духовными.

Ибо не осмелюсь сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос через меня, в покорении язычников вере, словом и делом, силою знамений и чудес (σημείων καὶ τεράτων), силою Духа Божия.

Поскольку сказал о себе: я служитель Евангелия у всех народов, то присовокупляет: я не хвастаю и не чванюсь чем-либо, чего я не сделал: я даже не делал, но делал Христос, пользуясь мной, как орудием. Изрекаю ли я что, говоря и любомудрствуя о небесном, делаю ли что, проводя жизнь по Боге, совершаю ли чудеса, все это принадлежит Христу. А между знамением и чудом есть различие. Знамением называется то, что совершается сообразно с природой, только необыкновенным образом. Таково внезапное исцеление тещи Петра, больной горячкой. Здесь исцеление горячки есть дело, сообразное с природой; но оно совершилось необыкновенным образом: как только коснулся Христос, горячка прошла (Мф. 8:14,15). А чудо есть действие, совершаемое над тем, что бывает не сообразно с природой. Таково исцеление человека, слепого от рождения (Ин. 9:1-7). Поскольку же знамения и чудеса бывают и силой бесов ^[3]; то присовокупил: *силою Духа Божия*. Здесь показывается также достоинство Духа, Который может делать истинные знамения и чудеса.

Так что благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика.

Хочешь ли говорит, иметь доказательство на то, о чем я говорю? Вот множество учеников моих от Иерусалима даже до Иллирика, что составляет границы нынешней Болгарии. Не сказал же: я проповедал, но: распространил благовествование, дабы показать, что слово его было не бесплодно, но действительно. Когда же слышишь: *от Иерусалима до Иллирика*, не думай, что апостол ходил прямой и большой дорогой. *И окрестности*, говорит, то есть я обошел народы с проповедью и к северу и к югу.

Притом я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании.

Я не только благовествовал этим и стольким народам и обратил их, но и не ходил к тем людям, которым возвещено уже было имя Христово. Так я далек от того, чтобы подчинять себе чужих учеников и делать это для собственной славы. Поэтому и написал я к вам не из желания снискать у вас славу, но потому, что исполняю свое служение. *Чужим основанием*

называет учение апостолов не потому, что они были чужды ему, и не потому, что они проповедовали иное, но по отношению к награде; потому что награда за их труды была чужда для Павла, не принадлежала ему.

Но как написано: не имевшие о Нем известия увидят, и не слышавшие узнают.

Здесь показывает исполнившееся пророчество; а кто решается учить несведущих, к чему прибегал Павел, тому предстоит много труда и пота.

Сие-то много раз и препятствовало мне придти к вам.

В начале настоящего послания сказал: *встречал препятствия даже донныне* (Рим. 1:13), а здесь представляет саму причину, которая препятствовала ему придти к ним. Я, говорит, повсюду ходил с проповедью, и потому встречал много препятствий, то есть я часто намеревался и желал придти к вам, но всегда встречал препятствия.

Ныне же, не имея такого места в сих странах, а с давних лет имея желание придти к вам, как только предприму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что, проходя, увижусь с вами и что вы проводите меня туда, как скоро наслажусь общением с вами, хотя отчасти.

Я, говорит, встречал препятствия потому, что желал проповедовать, ныне же пишу к вам и иду к вам, потому что нет уже мне дела в этих странах, а не по другой какой-либо причине, из желания, например, снискать у вас славу. Далее, дабы не сказали ему: *посещаешь нас кое-как*, потому, что у тебя нет уже там дела, присовокупляет: я имею желание к тому с давних лет: это-то желание и спешу исполнить. Но дабы они, опять, не надмились, вообразив, что он имеет желание придти к нам, как высшим всех прочих, прибавляет: как только предприму путь в Испанию, приду к вам. А дабы, опять, не сказали: он хочет только мимоходом быть у нас, присовокупил: *и вы проводите меня туда*, то есть вы сами, увидев необходимость, побуждающую меня отправиться к тем народам, проводите меня, так что я посещу вас не из презрения к вам, но по необходимости. Поскольку же и это оскорбительно для них, то успокаивает их, говоря: *наслажусь общением с вами, хотя отчасти*. Этим показывает, что желает видеть их из любви к ним и притом сильной, почему не сказал: увижу, но: *наслажусь*, подражая тому, как родители говорят к детям. Сказал: *отчасти*, то есть сколько бы времени ни пробыл я у вас, никогда не насыщусь, никогда не наскучит мне общение с вами: поэтому я доволен буду, если отчасти наслажусь общением с вами.

А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме.

Выше дал обещание придти к ним. Между тем ему нужно было еще промедлить. Поэтому, дабы не подумали, что смеется над ними, высказывает причину, по которой медлит, и говорит: *иду в Иерусалим, чтобы послужить святым*. Не сказал: *неся с собой милостыню*, но: *чтобы послужить*, дабы узнали мы, как высоко, кем совершается и как важно это. Чрез это увещевает еще римлян к милостыне; ибо когда говорит: *Македония и Ахаия усердствуют* и т.д., то влагает в них ревность подражать им. Слово *усердствуют* употреблено вместо: захотели, признали за благо послать *некоторое подаяние*. Так, то есть подаянием, называет милостыню везде, как прибыль общую, и дающих и принимающих. Сказал: *некоторое*

вместо: малое, дабы не показалось римлянам, будто укоряет их, как скупых и нещедрых. *Святым*, сказал, то есть верным, так что они достойны сугубого сожаления, во-первых, по нищете, а во-вторых — по добродетели.

Усердствуют, да и должники они перед ними. Ибо если язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном.

В том, говорит, ничего нет нового, если они захотели сделать подаяние святым: они — должники их. Каким образом? Христос происходит от иудеев, пришел для них; оттоле апостолы, пророки, все блага. Но причастницей всего этого сделалась вселенная. Следовательно обратившиеся из язычников должны уделять им свои телесные блага; точно так же и вы. Не сказал же: допустить до участия, но: *послужить*, он представил их как бы диаконами. Не сказал также: в телесном своем. Ибо о духовных благах сказал, что они принадлежат иудеям, а блага телесные принадлежат не одним язычникам; потому что мнение обще всем, а не одних владетелей.

Исполнив это и верно доставив им сей плод усердия.

То есть как бы положив в царские сокровищницы, как неприступное и безопасное место; ибо таково запечатываемое. Сказав: *плод*, показывает этим, что подающие милостыню получают от того большую прибыль.

Я отправлюсь через ваши места в Испанию.

Опять упоминает об Испании, показывая тем, что путь его туда необходим для него и что он пройдет Рим не из презрения к ним.

И уверен, что когда приду к вам, то приду с полным благословением благовествования Христова.

То есть увижу вас благоискусными во всех благах евангельских. Ибо полным благословением благовествования называет все блага, достойные благословения, то есть похвалы сообразно Евангелию. Но можешь разуместь под благословением и милостыню, дабы была такая мысль: найду вас совершенными в милостыне и человеколюбии. Говорит же это, предваряя их, дабы, устыдившись похвал, постарались явиться таковыми.

Между тем умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа.

Никогда не почитает себя достойным веры, но представляет посредников. Так и теперь указывает на Христа и Духа. Но об Отце не упомянул, дабы ты узнал, что когда упоминает об одном Отце, то не исключает Сына и Духа. Сказал же: *любовью Духа*; потому что как. Отец и Сын возлюбили мир, так и Дух.

Подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу.

Показывает величайшее смиренномудрие, когда говорит, что имеет нужду в молитве их.

Чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее.

Не сказал: чтобы вступить в состязание и победить их, но: *чтобы избавиться*, исполняя божественный закон, повелевающий молиться о том, чтобы не впасть в искушение (Мф. 26:41). Вместе с этим показывает и то, что необходимо делать подаяния тем, которые живут среди стольких неверующих (об избавлении от которых и сам молится) и притом находятся в опасности погибнуть от голода.

И чтобы служение мое для Иерусалима было благоприятно святым.

То есть чтобы приняли подаяние с добрым расположением. Отсюда же видно, что подаяние милостыни недостаточно для того, чтобы она была принята. Когда кто подает по необходимости, от неправды, для тщеславия, то все погибает и плод от того уничтожается.

Дабы мне в радости, если Богу угодно, придти к вам.

Я говорит, потому молюсь об избавлении оттуда, чтобы поскорее увидеть вас и притом с удовольствием, не навлекши там себе никакой скорби.

И успокоиться с вами.

Не сказал: научить вас, наставить в вере, но *успокоиться*, то есть вы оживитесь учением моим, а я оживлюсь приращением вашей веры. Выражением этим показывает, что и он и они, как подвизающиеся и трудящиеся, имеют нужду в отдыхе.

Бог же мира да будет со всеми вами, аминь.

Присовокуплять к увещанию молитву — всегдашний обычай апостола.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской.

Настоящее послание доставила римлянам Фива. Потому и знакомит их с нею. Высказывает свое уважение к ней и тем, что упомянул о ней на первом месте, и тем, что назвал ее сестрой (это великое достоинство), и тем, что показал ее должность, наименовав ее диакониссой.

Примите ее для Господа, как прилично святым.

То есть для Господа окажите ей честь. Принимающий для Господа и незначительного человека оказывает честь Господу; а Фива была святая: следовательно, тем более ей надлежало оказать честь. Поэтому присовокупил: *как прилично святым*, то есть как следует принимать святых.

И помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас.

То есть снабдите, чем можете, подайте руку помощи; ибо не сказал: удовлетворяйте всем ее нуждам.

Ибо и она была помощницею многим и мне самому.

Сначала похвалил, потом в середине поместил увещание и, наконец, снова поставил похвалу, окружая с обеих сторон увещание свое — оказать ей честь. Ибо она, говорит, была помощницей многим, даже мне самому, вселенскому проповеднику, претерпевшему столько страданий.

Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе.

Они, говорит, помогали мне в слове и учении и разделяли со мной труды и опасности. Некоторые полагали, что сотрудники эти были помощниками Павла в делании палаток (Деян. 18:3).

Которые голову свою полагали за мою душу.

Они были совершенными мучениками: ибо при Нероне были бесчисленные опасности.

Которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников.

Здесь намекает на страннoлюбие их. И дабы не подумали, что говорит из лести, представляет и других многих свидетелей.

И домашнюю их церковь.

Так они были добродетельны, что все домашние их сделались верными; ибо наименовал их церковью. Так наименовал их и за страннoлюбие; ибо церковью называется тот дом, в котором находятся примерное благочестие и добродетель. Ведущие брачную жизнь пусть поймут, что брачный союз не служит для них препятствием к добродетели.

Приветствуйте возлюбленного моего Епенета, который есть начаток Ахаии для Христа.

Великое дело — быть возлюбленным Павла, который умел любить с разбором и не даром. Называет Епенета начатком или потому, что он первый уверовал, став началом и дверью к вере для всего народа, или потому, что показал в себе большее благочестие, почему и сказано: *который есть начаток для Христа*, то есть не в мирских вещах, но в том, что относится ко Христу.

Приветствуйте Мариам, которая много трудилась для нас.

Украшает женщину трудами за истину. Мариам, говорит, трудилась, бодрствовала, молилась не для себя только, но и, что важнее, исполняла должность и вместо нас, апостолов. Как же говорит: *а учить жене не позволяю* (1Тим.2:12)? Запрещает ей не учить словом, но занимать почетное Место среди церкви и заседать на возвышении, а домашнее обучение весьма одобряет. Таким образом жена учит мужа своего (1 Кор. 7:16) и детей (1Тим.2:15); и Прискилла наставила Аполлоса в вере (Деян. 18:26). Не сказал же: многому учила, но *много трудилась*, дабы показать, что Мария служила снабжением деньгами и другими способами.

Приветствуйте Андроника и Юнию, сродников моих и узников со мною, прославившихся между Апостолами и прежде меня еще уверовавших во Христа.

Что они сродники Павла, это составляет не такую похвалу, какую составляет то, что они узники с ним; ибо они пострадали гораздо более всякого узника, быв влачimy с места на место и разоряемы. Важно и то, чтобы быть апостолом, особенно если взять во внимание, что Иуния была женщина: тем более важно быть славным между апостолами. А славилась она делами своими. Не стыдится Павел говорить: *прежде меня еще уверовавших во Христа*, поставляя им в похвалу, что выступили наперед и предвосхитили благо.

Приветствуйте Амплия, возлюбленного мне в Господе.

Если за великое почитается быть любимым царем; то насколько славнее быть любимым Павлом, который любит за добродетель и для Бога?

Приветствуйте Урбана, сотрудника нашего во Христе.

Эта похвала больше предыдущей; она даже причина той и содержит ее в себе: ибо кто сотрудник, тот и возлюбленный.

И Стахия, возлюбленного мне.

И этого венчает тем же.

Приветствуйте Апеллеса, испытанного во Христе.

То есть безукоризненного и беспорочного во всем, а некоторые говорят, что это сказано в отличие от другого какого-то Апеллеса, не заслуживающего одобрения.

Приветствуйте верных из дома Аристовулова.

Эти, вероятно, были не таковы, как прежние, почему и не упомянул о них поименно.

Приветствуйте Иродиона, сродника моего. Приветствуйте из домашних Наркисса тех, которые в Господе.

То есть верных.

Приветствуйте Трифену и Трифосу, трудящихся о Господе.

О Мариам сказал выше (ст.6): *которая много потрудились*, а об этих говорит, что они еще трудятся. Великая похвала — всегда быть в деле и трудиться.

Приветствуйте Персиду возлюбленную, которая много потрудились о Господе.

Эта выше упомянутых пред сим; потому что она не только много потрудились, но и возлюбленная. Так именуется каждого по достоинству, одних поощряя к большей ревности, а других возбуждая к соревнованию.

Приветствуйте Руфа, набранного в Господе, и мать его и мою.

Двойное благо: и сын беспорочен, и мать безукоризненна. Ибо не сказал бы, конечно: *мать его и мою*, если бы не усвоил этой женщине великую добродетель.

Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермия и других с ними братьев.

Здесь не на то смотри, что перечисляет их, не приписав им никакой похвалы, но на то, что хотя они были гораздо ниже всех, однако удостоились от апостола приветствия. Лучше же сказать, он и им приписал похвалу, когда назвал их братьями.

Приветствуйте Филолога и Юлию, Нирея и сестру его, и Олимпана, и всех с ними святых.

Великую похвалу приписывает и этим лицам: ибо назвал их святыми.

Приветствуйте друг друга с целованием святым.

Дабы не подать повода к распрям тем, что одних приветствует так, а других иначе, об одних отзывается с большими, а о других с меньшими похвалами, всех уравнивает святым лобзанием, дабы ни высший не презирал низшего, ни низший не завидовал высшему; потому что святое лобзание все умиряет и уравнивает.

Приветствуют вас все церкви Христовы.

Не только сам соединил их, но и посылает им приветствие от всех церквей, чтобы соединились; ибо говорит обо всех вообще, а не о том или другом. А стольким лицам высказал приветствия в этом послании, чего не сделал ни в каком другом, потому что еще не видал римлян. Поскольку же в Риме нашли прибежище многие из сродников его, то, достойно упоминая о них поименно, знакомит с ними римлян посредством послания.

Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились.

Опять предлагает увещание, и притом не как советник, но как покорный проситель и с большим уважением к ним; ибо называет их братьями. Обнаруживая козни вредных людей, сказал: *остерегайтесь*, то есть разузнавайте о них со тщанием. Сначала упоминает о распрях, а потом о раздорах. Ибо доколе будет соблюдено в теле Церкви единение, дотол не могут войти раздоры. А раздоры суть ереси; ибо говорит: *вопреки учению, которому вы научились*. Не сказал: *которому мы научили*, но *которому вы научились*, предупреждая их этим и показывая, что они уже убеждены и приняли учение, и потому должны пребывать в том, что уже приняли. Итак, распри и раздоры или ереси вводятся теми, которые преподают учение, противное апостольскому учению.

И уклоняйтесь от них; ибо такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву.

Удаляйтесь, говорит, от них. Если бы они делали это по незнанию или заблуждению, то

их следовало бы исправить. Но поскольку они погрешают намеренно, то бегайте от них. Намекает же на иудеев, которых обыкновенно укоряет как чревоугодников; ибо таков весь род их. Далее, все ереси рождаются от служения страстям и чреву. Как же не стыдно тебе, брату Христову, делать учителями своими рабов чрева? Заметь же, что служащий чреву не служит Христу.

И ласкательством и красноречием (*δια της χρηστολογίας και ευλογίας*) обольщают сердца простодушных.

Они коварствуют, говорит, посредством ласкательства; ибо выражение *ласкательством и красноречием* значит: на языке дружба, а на сердце коварство, не сказал же: обольщают вас, но: *сердца простодушных*, то есть простых.

Ваша покорность вере всем известна; по сему я радуюсь за вас.

Они обольщают, сказал, простодушных. Но *ваша покорность*, которая происходит от великой кротости, известна всем: о ней свидетельствую не я один, но вся вселенная. Поэтому я радуюсь за вас, что не обольстились.

Но желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло.

Намекает на то, что и из них некоторые были обольщены. Явно же высказывает то же, что и Господь: *будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (Мф. 10:16). Ибо желает, чтобы они были *мудры* или осторожны *на добро*, то есть в деле собственного спасения и собственной пользы, а *просты на зло*, то есть в том, чтобы не делать другим зла, ибо простой никому не причиняет вреда.

Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре.

Так как были распри, то призывает Подателя мира, чтобы прекратил раздоры. Не говорит же: покорит, но что гораздо сильнее: *сокрушит*, и сокрушит не только тех, которые вводят раздоры, но и вождя их. Утешает также и относительно времени; ибо присовокупил: *вскоре*. Слово *сокрушит* выражает и молитву и пророчество, потому что стоит в будущем времени.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами! Аминь.

Напомнил им и о благодати, дабы, судя по тому, что уже получили, сделались ревностнейшими к верованию и относительно будущего; ибо если Господь спас их в то время, когда они были врагами, то тем более теперь сокрушит сатану. Заметь же: апостол не отделяет ни дела от молитвы, ни молитву от дел. Сначала он засвидетельствовал об их послушании, а потом стал молиться, чем и дал знать, что мы не только прежде, но и теперь, хотя бы мы были искусны, имеем нужду в благодати Божией.

Приветствуют вас Тимофей, сотрудник мой.

Тимофей трудился с ним в благовествовании; а делать то же, что делал Павел, — великая похвала.

И Луций, Иасон и Сосипатр, сродники мои.

Об этом Иасоне упоминается в Деяниях апостольских, как о подъявшем опасности весьма мужественно (Деян. 17:6). А сродники они апостола не только по плоти, но и, что гораздо важнее, по благочестию; ибо если бы они не были таковыми, то не упомянул бы о них.

Приветствую вас в Господе и я, Третий, писавший сие послание.

Великое дело — быть писцом Павла. А пишет это Третий не для того, чтобы похвалить самого себя, но для того чтобы привлечь к себе большую любовь римлян, как послуживший в написании послания к ним.

Приветствует вас Гаий, странноприимец мой и всей церкви.

То есть принимавший меня у себя в доме. Далее, что Гаий принимал у себя всю Церковь и самого Павла, это великая похвала; ибо Павел не пошел бы к нему, если бы не нашел его достойным.

Приветствует вас Ераст, городской казнохранитель, и брат Кварт.

То есть попечитель и казначей города Коринфа. Упоминает о нем, дабы ты узнал, что ни богатство, ни чин никому не служат препятствием в вере и правой жизни.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.

В основание или в начало своего послания положил там следующие слова: *благодать вам и мир* (Рим. 1:7). И теперь, полагая предел или конец посланию, заключает тем же, молясь, чтобы благодать Божия всегда пребывала со всеми римлянами. Это черта учителя — помогать ученикам не только словом, но и молитвой; почему и говорили апостолы: *а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова* (Деян. 6:4).

Благодать же да сохранит и нас, не от дел надеющихся найти места спасения, но всецело уповающих на божественную благодать и милосердие, а посредством ее да станем выше сетей сатаны, сокрушив их под ногами своими во Христе Иисусе, Господе нашем. Которому слава во веки. Аминь.

Примечания

1. Св. Васил. Вел. Правила, кратко изложенные: Твор., ч.5. стр.352-354, Москва, 1849.
2. Когда обличаю его (смотри выше — 14:10 и след.).
3. На это есть свидетельства и в Священном Писании, и у св. отцов Церкви. Так, Господь говорит: *восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса* (σφμεία κατέρата), *чтобы прельстить, если возможно, и избранных* (Мф. 24:24, ср. Мк.13:12). Св. ап. Павел пишет об антихристе, что его *пришествие, по действию сатаны, будет со всякой силой и знамениями и чудесами* (2Фес.2:9). То же самое говорят об антихристе и его слугах св. отцы Церкви (св. Ефрем Сир. Слов. 39, св. Кирилл Иерус. Оглас. слов. 15, св. Иоанн Златоуст Бесед, на 2 посл. к Фессал., св. Андр. Кесар. Comment. in Joan. Apocal.) Но чудеса, равно как и знамения, совершаемые иногда силой бесов, суть чудеса и знамения не истинные, а ложные, обманчивые, призрачные, мечтательные, а не действительные (2Фес.2:9, св. Ирин. Adv. haeres.

Lib V. cap. 28, св. Ипполит. Comment. in.. Frosal., св. Ефрем Сир. Слов. 39, св. Кирилл Иерус. Оглас. слов. 15, св. Григор. Двоес. Moral, lib XXXII cap 12, св. Ин. Дамаск. Точн. излож. прав. вер.). Как отличать такие обольщения сатаны от чудес истинных, действительных, совершаемых силой Божией, об этом можно читать и во «Введении в православное богословие» еп. Макария (стр. 64-66. СПб. 1852 г.).

Толкование на первое послание к коринфянам Святого Апостола Павла

Предисловие к Первому посланию к Коринфянам

Коринф, славившийся большим богатством, и мудростью, хотя уверовал во Христа, но, уверовав, находился в опасности отпасть от Христа. Ибо богатые составляли свои партии, а мудрецы — свои, и, сами избрав себе учителей, порицали Павла, как бедного и необразованного человека. Кроме того, один из них смесился с мачехой; некоторые, по прожорливости, ели идоложертвенное; другие в денежных тяжбах судились пред эллинскими судьями; далее, мужчины отращивали волосы, ели в церквях и не уделяли нуждающимся; превозносились дарованиями духовными; относительно учения о воскресении колебались. Причиной же всех этих беспорядков была внешняя мудрость; ибо она есть мать всех зол для тех, которые верят ей во всем. Посему Павел пишет послание в Коринф с целью исправить все это. Поскольку же, что важнее всего, в Церкви были разделения, а это происходило от высокоумия; то он прежде всего старается истребить высокоумие. Зараженные высокоумием думали, что они учат чему-то высшему. Поэтому Павел и начинает следующим образом [1].

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Павел, волею Божиею призванный апостол Иисуса Христа.

Вот начало, прямо изобличающее лжеучителей. Я, говорит, призван, а не сам изобрел, не своею мудростью постиг, и послан Христом, а не сам себя рукоположил, как ваши учителя. *Иисуса Христа*. Учитель Христос: как же вы назначаете в учителей для себя людей? *Волею* (διὰ θελήματος) *Божиею*. Он спас и призвал нас не потому, чтобы мы были достойны того, но потому, что ему было угодно. Поэтому и теперь Он же хочет, чтобы я был вашим апостолом. Как же вы желаете себе других учителей? Не противники ли вы Богу? Заметь предлог διὰ (через), который здесь относится к Отцу.

И Сосфен брат.

По скромности наряду с собой поставляет человека, который был гораздо меньше его; а поступает так, чтобы пристыдить высокоумных коринфян, которые всех презирали.

Церкви Божией, находящейся в Коринфе.

Церкви не того или другого, но Божией. Как же вы имеете предстоятелями людей? [2] Если, опять, вы Церковь, то должны быть в совершенном единении.

Освященным во Христе Иисусе.

Вы освящены не в человеке каком-либо, но во Христе, то есть чрез крещение, а не чрез мудрость или богатство, которыми гордитесь.

Призванным святым.

И то самое, говорит, что вы уверовали, не от вас, но вы послушались и уверовали потому, что были призваны Богом. Поэтому и вера имеет свое начало от Бога; ибо если бы Он не призвал, то вы не уверовали бы.

Со всеми прибывающими имя Господа нашего Иисуса Христа.

Благодать, говорит, и мир да будут не только с вами, коринфяне, но и со всеми, призывающими имя Христа а не такого-то или такого-то.

Во всяком месте, у них и у нас.

Упоминает о верующих во всяком месте, чтобы показать, что все верующие составляют одну Церковь, где бы они ни были. Как же вы, живя в одном городе, разделились? С другой стороны присовокупил *нашего*. Ибо, сказав: *Господа нашего Иисуса Христа* и поместив в середине: *во всяком месте*, повторил и сказал: *Господа у них и у нас*, дабы показать, что Владыка для всех один. Некоторые, впрочем, понимают эти слова так, как они стоят: во всяком месте, у них и у нас, то есть в котором и мы живем и они.

Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Благодать и мир от Бога. Еще прежде, когда мы враждовали против Него, мы по Его благодати получили мир, и я молю, чтобы от Бога всегда было вам то и другое, чтобы, то есть, вы не лишались ни благодати Его, ни мира; потому что вы живете в несогласии между собой. Как же вы применяетесь к людям и ищете у них, как учителей, благодати и благоволения [3]?

Непрестанно благодарю.

Научает нас быть благодарными. Так делает почти в каждом послании; но теперь особенно кстати говорит о благодарности. Ибо благодарность бывает за благодеяние, а благодеяние не есть ни долг, ни воздаяние. Следовательно, и этим низлагает гордость коринфян.

Бога моего.

По великой любви, Бога, общего для всех, усвоает себе.

За вас, ради благодати Божией.

Этим научает и коринфян всегда питать благодарные чувства к Богу а не к своим делам, ибо говорит: благодарю *ради благодати Божией*, а не ради ваших дел.

Дарованной вам во Христе Иисусе.

То есть чрез Христа Иисуса, а не чрез такого-то или такого-то. Зачем же вы внимаете людям?

Потому что в Нем (εν αὐτῷ) вы обогатились всем.

Выражение в Нем опять употреблено вместо: «через Него»(δι' αὐτοῦ). Итак, когда у вас есть богатство, и богатство Божие, и во всем, и чрез Самого Единородного, то как же вы, неблагодарные, назначаете себе учителями людей?

Всяким словом и всяким познанием.

Есть и слово без разума, когда, например, кто говорит пустое, без всякой мысли. Есть и разум без слова, когда кто мыслит о высоких предметах, а для выражения их не находит слов. Но вы имеете и слово, и божественный разум, так что можете и мыслить, и говорить.

Ибо (καθώς) свидетельство Христово утвердилось в вас.

Слово ибо стоит вместо: «через которые» (δι' ὧν). Чрез слово, говорит, и разум, которыми вы обогатились, утвердилось в вас *свидетельство*, то есть проповедь о Христе; ибо вы приняли эту проповедь не чрез внешнюю мудрость, но чрез знамения и дарования, которых вы удостоились.

Так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании.

Если они не имели никакого недостатка в дарованиях, то как называет их далее (гл.3 ст.1) плотскими? На это скажем: не все были духовны, и не все плотяны; поэтому все, о чем говорит теперь, говорит к духовным, а дальнейшее говорит к плотским. Или: может быть, в начале они получили всякие дарования, но впоследствии сделались нерадивыми и стали жить по плоти [4].

Ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа.

Здесь устрашает их, напоминая о втором пришествии Христовом. Ибо если Христос явится, то как же вы имеете чуждых предстоятелей? Показывает и то, что при дарованиях необходимы и добродетели. Ибо в тот день дарования нисколько не помогут тому, кто не жил добродетельно (Мф. 7:21-23), Наконец, словом *явления* выражает ту мысль, что Христос и теперь присущ, но сокровенно, а тогда явится.

Который и утвердит вас до конца, чтобы вам быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа.

Словом *утвердит* показывает, что они колеблются, а словом *неповинными* выражает, что теперь они подлежат обвинению. В этом послании чаще, нежели в других, упоминает о Господе Иисусе Христе, чтобы этим напомнить коринфянам, Кем они спасены и Чье имя носят. Ибо христиане называются так от Христа, а не от имени какого-либо человека [5].

Верен Бог, Которым (δι' οὗ) вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего.

То есть истинен Бог. Если же Он истинен, а призвал нас во общение Сына Своего, то есть к тому, чтобы вместе с Сыном прославить нас в Царстве Своем, то очевидно, что Он

исполнит, что обещал. *Вы призваны*, говорит, а не сами по собственному побуждению пришли. Как же вы гордитесь, будто своими делами? Заметь здесь, что слово *Которым* прямо относится к Отцу.

Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа.

Намереваясь говорить с ними строже, предварительно объявляет, что он умоляет их Христом. Я, говорит, не могу просить вас один, но беру себе в помощь имя Господа, от имени Которого вы называетесь христианами и которое вы оскорбили, пожелав называться именами людей. Пусть это приведет вас в стыд!

Чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений.

О чем я умоляю вас? О том, чтобы все вы были согласны и не разделились. Ибо что разделяется, то хотя, казалось бы, вместо одного становится многим, но на самом деле не делается многим (ибо что пользы в теле, рассеченном на многие части?): в нем единство пропало. Итак, весьма выразительно назвал *разделениями* то, что происходило между ними; этим словом ясно показывает, сколь бедственно было их состояние.

Но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях.

Выше сказал: *чтобы все вы говорили одно*. Посему, чтобы не подумали, будто согласие состоит только в словах, прибавляет: *в одном духе*, то есть умоляю, чтобы вы согласны были и в мыслях. Но многие об одном предмете думают одинаково, а о другом различно; поэтому присовокупил: *соединены в одном духе*. Далее, многие бывают согласны в образе мыслей, но расходятся в расположении воли (так, когда мы имеем одну и ту же веру, но не соединены между собой любовью: то, хотя мыслим и одинаково, но расходимся в расположении воли). Поэтому, сказав: *в одном духе*, прибавил: *и в одних мыслях*, то есть чтобы они не разногласили ни относительно веры, ни относительно расположения воли.

Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои.

Чтобы не стали заператься, приводит свидетелей, а чтобы не показалось, будто выдумывает их, называет их, говоря: *от домашних Хлоиных* (был дом в Коринфе, называвшийся Хлоиным). Называет их еще *братиями*: ибо хотя грех их был явный, но ничто не препятствовало называть их братиями. Впрочем, не сказал, кто именно известил его, но указал на весь дом вообще, чтобы не вооружить их против известивших.

Что между вами есть споры.

Открывая слышанное от других, употребляет более мягкое выражение — *споры*, но когда говорит от своего лица, то называет то же самое *разделениями* (ст.10), что гораздо хуже *споров*.

Я понимаю то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов».

Не некоторые говорят это, но у вас. Впрочем, коринфяне не говорили так, но апостол

дает такой оборот речи, желая показать, что если непростительно называться Павловыми и Кифиными, то тем более — от имен других. *Я Кифин*. О Петре упомянул после себя не для того, чтобы себя возвысить, но оказывая ему большее предпочтение, подобно как о Христе упомянул после. Вообще в делах, которых не должно быть, упоминает прежде о своем лице. *А я Христов*. Не за то укоряет, что говорят: *а я Христов*, но за то, что не все так говорят: или, лучше, присовокупил это от себя, желая сделать обличение более сильным и. показать, что в таком случае и Христос усвоится одной части, хотя коринфяне и не делали этого [6].

Разве разделился Христос?

Зачем разделили вы Христа? Зачем расторгли тело Его? Речь, исполненная гнева. Некоторые же слова *разве разделился Христос?* понимали так: разве Христос разделил Церковь с людьми и одну часть взял Себе, а другую отдал им?

Разве Павел распался за вас?

Этим опровергает неразумное поведение их, и упоминает о своем имени, дабы не подумали, будто он упоминал об именах других по зависти. Не сказал же: разве Павел сотворил или привел вас из небытия в бытие? но, что гораздо более, показывая неизреченное человеколюбие Христово, говорит о кресте. Не сказал также: разве Павел умер?, но: *распался*, указывая тем на мнимую бесчестность смерти [7].

Или во имя Павла вы крестились?

И я, говорит, крестил многих, но во имя Христово. Говорит о крещении потому, что причиной разделения было и то, что называли себя по именам крестивших. Но не в том дело, кто крестил, а в том, в чье имя крестит; ибо Христос отпускает грехи, а не тот, кто крестит.

Благодарю Бога, что Я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия.

Для чего, говорят, гордитесь вы тем, что крестите, когда я благодарю Бога за то, что не крестил? Так говорит не для того, чтобы уменьшить важность крещения, но для того, чтобы обуздать коринфян, хваставшихся крещением. Ибо крещение есть дело важное, а крестить — неважное.

Дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя.

Говорю это не потому, чтобы в самом деле так было, но из опасения, чтобы болезнь не достигла до такой степени. Ибо если при совершении крещения людьми незначительными произошло разделение, то если бы крестил я, проповедавший крещение, некоторые, конечно, согласились бы приписать крещение мне [8].

Крестил я также Стефанов дом.

То есть всех, бывших в доме Стефана. Это был великий знаменитейший муж в Коринфе.

А крестил ли еще кого, не знаю.

Для меня, говорит, так не лестно крестить, что я даже и не помню, крестил ли я кого другого. Как же вы гордитесь крещением?

Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать.

Благовествование гораздо труднее и требовало особенно твердой души; ибо переубедить человека и склонить его от отеческих преданий, и притом среди опасностей, есть дело великой и мужественной души. А приготовленного к крещению принять и окрестить мог всякий, кто только имел священство. Но если он не был послан крестить, то как же крестил? Он не был послан для этого преимущественно; но ему не воспрещено было и крестить. Он послан был для дела важнейшего; однако ему не воспрещено было исполнять и менее важное.

Не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова.

Низложив высокомерие гордившихся крещением, переходит теперь к надмевавшимся внешнею мудростью, и говорит: (Христос) послал меня благовествовать *не в премудрости слова*, то есть не с красноречием и изящным словом, чтобы крест или проповедь о кресте не потерпела вреда и унижения; ибо что значит: *чтобы не упразднить*, то есть да не окажется бесполезным и тщетным. В самом деле, если бы апостолы проповедовали с мудростью слова, то иные могли бы сказать, что они убеждали силой слова, а не силой проповедуемого; а это было бы унижением и вредом для Распятого. Но теперь проповедуя с простотой, они показывают, что все совершает сила Распятого. Упраздняется крест и другим образом. Например, меня спрашивает эллин о чем-нибудь божественном, превышающем наше разумение. Если я буду доказывать ему посредством умозаключений и внешней мудрости, то окажусь слабым; ибо никакой ум не может представить предметов божественных. Таким образом моя слабость покажется слабостью проповеди, а этим упразднится самый крест, потому что окажется суетным и тщетным.

Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть.

Были в Коринфе неверные, которые подвергали крест осмеянию и говорили: подлинно, глупо проповедовать Бога распятого; ибо если бы Он был Бог, то не позволил бы распять Себя; а поскольку Он не мог избежать смерти, то как мог восстать из мертвых? Верные, кажется, противостояли им своею мудростью, негодуя, что те злословили крест. Поэтому и говорит: не почитайте этого странным; ибо данное Богом для спасения кажется безумием для погибающих. *Словом о кресте* называет проповедь о кресте, или Христе распятом.

А для нас, спасаемых, — сила Божия.

Для нас, говорит, не погибших, но спасаемых оно есть сила Божия. Но крест показывает и премудрость. Силу он показывает в том, что смертью разрушил смерть, ибо если побеждает падший, то это знак величайшей силы; а премудрость — в том, что таким именно образом спас погибавших [9].

Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну.

Сказав, что неверные мудрецы погибают, подтверждает это Писанием: ибо оно говорит:

мудрость мудрецов его погибнет (Ис. 29:14), разумеется, внешних, то есть в премудрости мира сего нет разума (это уже не премудрость), и отвергнуто разумение тех, которые почитают себя разумными и знатоками.

Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?

Приведши свидетельство из Писания, доказывает потом мысль свою от дел, и обличает как эллинов, словами *где мудрец*, то есть философ, так и иудеев, словами *где книжник*? А *совопросниками* назвал тех, которые все основывают на умозаклчениях и исследованиях. Никто из них не спас нас; но вывели нас из заблуждения рыбаки. Выражение *не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?* стоит вместо: показал, что она безумна, потому что не могла найти истину [¹⁰].

Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих.

Приводит причину, почему внешняя мудрость обратилась в безумие. Поскольку в премудрости, обнаруживающейся в тварях (ибо небо и земля и вся тварь проповедует о Творце: см. Пс.18:2; Рим.1:20), *мир*, то есть помышляющие о мирском, не познал Бога (очевидно, потому, что в этом препятствовала ему мудрость, какую видели в красноречии), то благоугодно было Богу спасти верующих простотой проповеди (которая только казалась безумием, а не была таковой действительно). Итак, эллины имели своим учителем премудрость Божию, то есть усматриваемую в тварях, но не познали Бога, потому что водились мудростью, состоящей в красноречии, которая не есть мудрость.

Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого,

Павел хочет показать, как Бог противоположными средствами производил противоположные действия, и говорит: когда я скажу иудею: верь, он тотчас потребует, для подтверждения проповеди, знамений, но мы проповедуем Христа распятого; а это не только не показывает знамений, напротив, кажется слабостью, и однако это самое, представляющееся немощным и противоположным тому, чего требует иудей, приводит его к вере, что и показывает великую силу Божию. Опять: эллины ищут в нас мудрости; но мы им проповедуем крест, что есть проповедовать Бога распятого; казалось бы, безумно, однако и они этим убеждаются. Итак, не есть ли это доказательство величайшей силы, когда они убеждаются противоположным тому, чего сами требуют?

Для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие.

Для иудеев, говорит. Распятый служит соблазном; ибо они претыкаются о Нем, говоря: как может быть Богом Тот, Кто ел и пил и с мытарями и с грешниками и распят с разбойниками? А эллины издеваются над этим таинством, как над безумием, когда слышат, что только одной верой, а не умозаклчениями, к которым они так привязаны, можно понять то, что Бог был распят и что проповедь о кресте не украшена красноречием.

Для самих же призванных. Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию

премудрость.

Для неверных иудеев, говорит, Христос служит соблазном, а для неверных эллинов кажется безумием, потому что те и другие не находят в Нем знамений и мудрости, которых ищут. *Призванным* же иудеям и эллинам, то есть призванным от Бога, как достойным, Христос являет в Себе и то, и другое, чего они ищут. Зачем, в самом деле, ты, иудей, ищешь знамений? Вот Христос — Божия сила, которая творит знамения. А ты, эллин, что говоришь? Ты ищешь мудрости? Вот у тебя Христос, Который есть премудрость Отца.

Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков.

Крест называет безумием, потому что так о нем думали; между тем он мудрее человеков. Ибо философы занимались пустыми и бесполезными предметами, а крест спас мир. Далее, он кажется и немощным, как будто немощен распятый Христос, но на самом деле Он сильнее человеков, не только потому, что более и более процветает, несмотря на усилие бесчисленного множества людей погасить это имя, но и потому, что этим, казалось бы, немощным орудием связан сильный диавол. Можешь, впрочем, понимать это и так: премудрое в Боге называется немудрым, то есть безумным, и все мощное — немощным, подобно как и высочайший свет Его называется мраком и тьмой.

Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных.

Рассмотрите, говорит, и исследуйте призванных к вере, и вы найдете, что *не много из вас мудрых по плоти*, то есть на простой взгляд, приспособительно к настоящей жизни. Не сказал: нет ни одного мудрого, но: *не много*, потому что были верующие и из мудрых, например, Ареопагит, проконсул и другие, которых имена теперь неизвестны; уверовали также некоторые и из сильных и знатных. Посему обо всех сказал: *не много*. Итак, усмотри силу проповеди, как людей необразованных научила она столь мудрым догматам и как внешняя мудрость оказалась бесполезной.

Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное.

В самом деле, для эллинов величайший стыд видеть, что площадной ремесленник превосходит их любомудрием, и слабый и презираемый унижает сильных и богатых.

И незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее.

Называет незначащими тех, которых почитали за ничто, а значащими тех, которые казались чем-то. Итак, чтобы этих показать людьми суетными и бесполезными, Бог избрал тех, которых почитали за ничто. Когда же слышишь: *избрал*, не думай, будто Он непременно хотел презираемых избрать, а знаменитых отвергнуть; нет, но поскольку знаменитые надмевались своею мудростью и потому не принимали проповеди, то Бог нашел способнейшими к принятию ее тех, которые ничем не гордились.

Для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом.

Для того, говорит, Бог поступил так, чтобы низложить гордость и хвастовство тех, которые помышляли о мирском, и убедить их, чтобы они все, полученное от Него, Ему приписывали и не тщеславились пред Ним. Как же вы, коринфяне, гордитесь этим? Заметь между прочим, мы не безрассудно сказали, что отверженные не удостоены проповеди за свою гордость.

От Него и вы во Христе Иисусе.

Слово *от Него* разумеи о приведении не в бытие вообще, но в лучшее бытие. Смысл слов такой: вы сделали себя чадами Бога, и *от Него*, сделавшись Его сынами *во Христе*, то есть чрез Христа. Словами же *незнатное избрал* показывает, что они благороднее всех, потому что имеют Отцом своим Бога.

Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением.

То есть Он сделал нас мудрыми, и праведными, и святыми, и свободными; ибо это значив *искупление*, то есть освобождение от плена. Далее, как, избравши неблагородных, Он сделал их благородными, потому что усыновил их Богу, так и необразованных сделал мудрыми, Сам сделавшись для нас премудростью. Для чего же он не сказал: умудрил нас, но: *сделался для нас премудростью*? Для того, чтобы выразить изобилие дара. Он как бы так сказал: предал нам Самого Себя. Употребив высокие выражения о Сыне, прибавляет: *от Бога*, чтобы ты не почел Его (Сына) нерожденным, но обратился к причине Его, к Отцу. И заметь порядок: во-первых, он сделал их мудрыми, освободив от заблуждения и научив богопознанию, потом — праведными, даровав им отпущение грехов, затем освятил Духом Святым, и таким образом даровал нам совершенную свободу и *искупление* от всех зол, так что мы принадлежим только Ему одному и находимся в Его власти.

Чтобы было, как написано: хвалящийся хвалится Господом (Иер. 9:24).

Все это, говорит, сделано для того, чтобы никто не почитал себя чем-нибудь и не хвалился ни самим собой, ни другим кем, но только Богом, Который даровал нам столь великие блага. Как же вы гордитесь и самими собой и учителями — людьми?

ГЛАВА ВТОРАЯ

И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости.

Не только, говорит, в ученики Евангелия избраны были люди не мудрые и не знатного происхождения, но и сам проповедник Евангелия пришел, возвещая вам *свидетельство Божие*, то есть смерть Христову, без красноречия и мудрости человеческой. Заметь же, что и проповедник был человек простой и необразованный, и предметом проповеди были крест и смерть, и однако одержали победу. Итак, явно, что неизреченна та сила, которая все это сделала. Что же? Неужели Павел, если бы и захотел, не мог придти с мудростью? Он сам не мог, потому что действительно был человек простой и необразованный; но Христос,

Который даровал ему и большее, мог: только это не было выгодно для проповеди. Ибо для Христа больше славы в том, что Он победил других простотой Павла, чем в том, если бы достиг сего мудростью и красноречием.

Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого.

И Христос, говорит, хотел сего, то есть чтобы я был человеком простым, да и сам я признал за хорошее — вовсе не знать внешней мудрости, а знать только то, что Иисус Христос был распят, и уметь проповедовать вам о Нем.

И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете.

Не только, говорит, я пришел к вам бедным по слову, но и жил между вами в немощи, и страхе и трепете, то есть среди гонений, искушений и бесчисленных опасностей. Ибо сам он как человек боялся опасностей, даже трепетал их; посему и достоин большой похвалы, что, будучи с нами одного естества, превзошел нас своей волей. Выше сказанными словами он показывает могущество Христа, то есть что Он преодолел столько препятствий, и вместе низлагает гордость коринфян, полагавшихся на мудрость, богатство и силу.

И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы.

Проповедь моя, говорит, не была убрана внешней убедительностью и красноречием, но состояла в явлении духа, то есть доказательством имела Самого Духа Святого. Это значит или то, что апостол, чрез благодатное служение Слову, внушал веру своим слушателям необыкновенным каким-нибудь образом, или то, что он творил знамения и чудеса; ибо прибавляет: *и силы*, то есть знамений. В самом деле, видеть мертвых воскресающими было сильным доказательством истины веры. Но так как и демоны производят знамения чрез наваждение, то апостол присовокупил слово *силы*, сказав наперед *Духа*, показывая сим, что его знамения зависели от Святого Духа. Впрочем, слово *силы* можно понимать и иначе, ибо, сказав пришел не в *мудрости*, но в *немощи*, слова *в явлении духа* относит к мудрости, а слово *силы* противопоставляет немощи, как бы так говоря: хотя я терпел гонения и сечен был бичами, но оказался еще сильнее, а это служит величайшим доказательством для слова.

Чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией.

Мудростью человеческой называет убедительность и красноречие, а под силой Божией, как выше показано, понимает укрепление немощных и гонимых, также явление знамений. Сими-то средствами утверждаема была, коринфяне, вера ваша, — не способностью выражаться убедительно и красноречиво, но силой Божией.

Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих

Выше назвал проповедь безумием, потому что так называли ее эллины. Но, доказав самым делом, что это истинная премудрость, наконец смело, называет и проповедь о Христе

премудростью и спасение крестом; ибо истребить смерть смертью действительно есть дело величайшей премудрости. *Совершенными* называет верных; ибо они точно совершенны, потому что, презрев все земное, стремятся к небесному. *Мудростью века сего* называет мудрость внешнюю, так как она временна и оканчивается вместе с сим веком; *властями века сего* именует не демонов, как думали некоторые, но мудрецов, ораторов, риториков, которые были вместе с вождями и начальниками народа. Поскольку же и они временны, то называет их *властями века сего* и *преходящими*, то есть прекращающими бытие, а не вечными.

Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную.

Тайной называет проповедь о Христе. Ибо она и проповедь и вместе тайна, потому что и ангелы не знали о ней прежде, чем она была возвещена (1Петр.1:12), и мы, — видя в ней одно, разумеем другое: так я вижу крест и страдание, а разумею силу, слышу раба, а поклоняюсь Владыке. Сокрыта сия премудрость от неверующих совершенно, но для верных только отчасти; ибо видим ныне, как в зеркале (1 Кор. 13:12).

Которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей.

Словом *предназначил* указывает на любовь Божию к нам. Ибо тот истинно любит нас, кто уже задолго готов был благодетельствовать нам. Так и Бог прежде веков предназначил нам спасение крестом, спасение, составляющее величайшую премудрость. Сказал *к славе нашей* потому, что Он сделал нас участниками славы. Ибо вместе с Господом быть участниками в сокровенной тайне составляет для раба славу.

Которой никто из властей века сего не познал.

Князьями называет здесь Ирода и Пилата. Не будет, впрочем, ошибки, если разумеет и первосвященников и книжников. Слова *века сего* выражают, как и выше показано, их временную власть.

Ибо если бы познали, то не распали бы Господа славы.

Если бы они знали сокровенную, как выше Сказано, премудрость и тайны божественного домостроительства, именно тайну вочеловечения Божия, тайну креста, тайну призвания и усвоения язычников, тайну возрождения, усыновления и наследия Царства Небесного, одним словом — все тайны, открытые апостолам Духом Святым, так же и первосвященники если бы знали то, что город их будет покорен и они сами будут отведены в плен: то не распяли бы Христа. Христа назвал здесь *Господом славы*. То есть поскольку почитали крест чем-то бесчестным, то показывает, что Христос нисколько не потерял Своей славы чрез крест, напротив, еще более прославился, потому что чрез крест яснее обнаружил Свое человеколюбие. Итак, если они не узнали, то надлежало отпустить им сей грех? Да; если бы они после сего раскаялись и обратились, то им отпущен был бы грех, подобно как и Павлу, и другим из евреев.

Но, как написано.

Недостает слов: «так и случилось». Апостол во многих местах употребляет фигуру опущения.

Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его.

Что же приготовил Бог любящим Его? Познание Христа и спасение вочеловечением. Этого ни глаз человеческий не видал, ни ухо человеческое не слышало, ни сердце человеческое не представляло. Пророки же не человеческими глазами видели, и не человеческими ушами слышали, и не человеческим умом понимали откровения о Христе (Ис. 64:4), но все у них было божественное. Ибо сказано: *Господь приложил мне ухо*, то есть духовное, и другое сему подобное. А кто любящие Бога? Верные. Где, далее, написано это изречение? Может быть, и действительно оно было написано этими самыми словами, но теперь этой книги нет, а может быть, премудрый Павел выразил этим изречением следующие слова: *они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слышали* (Ис. 52:15).

А нам Бог открыл это Духом Своим.

Кто-нибудь мог спросить: если не приходило на сердце человеку, то как вы узнали об этом? Отвечает: Бог открыл нам Духом, а не человеческой мудростью. Ибо она и не достойна была, и не могла видеть тайн Божиих.

Ибо Дух все проникает, и глубины Божии. Ибо кто из людей знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия.

Таково, говорит, было это таинство и столь сокровенно что мы не могли бы познать его ни от кого, если бы не научил нас Дух, который знает и глубины Божий. Слово *проникает* показывает не неведение, но совершенное знание, подобно как и об Отце сказано: *Ты испытываешь сердца* (Пс. 7:10), вместо: *знаешь глубину сердец*. Можно и так понимать: говорится, что Дух проникает тайны Божии, в том смысле, что Он наслаждается созерцанием их. Совершенное знание Духа показывает и в последующих словах. Ибо как человеческий дух знает, что в человеке, так, говорит, и Дух Божий; знает, что принадлежит Богу. Отсюда узнаем, между прочим, что Дух не иной сущности в сравнении с Отцом, подобно как и дух человека не иной в сравнении с человеком [11].

Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога.

Духом мира сего назвал человеческую мудрость. Не эту мудрость мы приняли, для того, чтобы она не сделала нашей проповеди тщетной и бесполезной; нет, учителем нашим был Дух от Бога, то есть существо, единосущное Богу, происходящее из Его сущности.

Дабы знать дарованное нам от Бога.

Дух, говорит, есть свет, и сей-то свет мы приняли, чтобы, просвещаясь от него, узнали сокрытое доселе. Что же это такое? *Дарованное нам от Бога*, то есть все, что относится к домостроительству Христову, именно: как Он умер за нас, как сделал нас чадами Божиими, как в Себе и нас посадил одесную Отца. Следовательно, те, которые не имеют Духа, не знают тех тайн.

Что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но

изученными от Духа Святого.

Мы, говорит, тем более имеем мудрости в сравнении с эллинскими мудрецами, что те были наставляемы людьми, а мы говорим по внушению Духа Святого.

Соображая духовное с духовным.

То есть, если возникнут какие-либо духовные вопросы, мы рассуждаем их, то есть разрешаем другими духовными учениями или повествованиями. Так, например, духовный вопрос: воскрес ли Христос? мы обсуждаем и разрешаем на основании другого духовного учения, именно — повествования об Ионе. Подобным образом и другой вопрос: как Дева могла родить? решается иеплодством Сарры, Ревекки, Елизаветы, которые зачали не по законам естества, поскольку зачатие зависит от силы ложесн, так же тем, что Ева произошла от Адама без семени, равно как и другими случаями, рассматриваемыми в отношении к появлению человека на свет [12]. Впрочем, слова *соображая духовное с духовным* можешь понимать и так: обсуждая и решая вопросы духовные вместе с людьми духовными; ибо они одни могут понимать их. Посему присовокупляет нижеследующее.

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием.

Душевный человек тот, кто во всем полагается на свои умозаключения и не думает, что ему нужна высшая помощь, и тот, кто ничего не хочет принимать верой, и все, что нельзя доказать, почитает безумием. Итак, того, кто думает, что все происходит естественным порядком, и не допускает ничего сверхъестественного, называет душевным, то есть естественным: ибо душа его занимается только домостроительством естества. И как глаза телесные, сами по себе прекрасные и в высшей степени полезные, без света ничего не могут видеть, так и душа, сделавшись способной к принятию Святого Духа, без Него не может созерцать предметов божественных.

И не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно.

То есть не понимает того/что такие предметы требуют веры и не могут быть постигнуты разумом; ибо это значит *о сем надобно судить духовно*, то есть это имеет доказательства в вере и в Духе.

Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может.

Духовный, говорит, знает все; знает, что все здешнее временно, а будущее постоянно; знает, что он получит спасение, а неверные будут наказаны. Поэтому и обличает их, *а о нем судить никто не может*, то есть не его не могут обличать, ибо тот, кто видит, видит и свое, и то, что принадлежит невидящим; напротив, они, как слепцы, не видят ни своего, ни того, что принадлежит ему [13].

Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его?

Духовный ум называет умом Господним. Слово *судить* (συμβιβάζει) стоит вместо: исправить (διορθώσεται). Выше сказав: *о духовном судить никто не может*, теперь доказывает,

что сказал это справедливо. *Ибо кто познал ум Господень* так, чтобы решился судить его, то есть исправить? *Ибо* если никто не может даже знать ум Господень, а таков ум человека духовного, то тем более не может учить его и исправлять.

А мы имеем ум Христов.

Не дивись, говорит, что духовного человека и ум его я назвал умом Господним. Все *мы имеем ум Христов*, то есть все, что мы ни знаем, открыл нам Христос, и разумение (*τον νοον*) свое относительно вещей божественных имеем от Христа; другими словами: знание, какое мы имеем о духовных предметах веры, имеем от Христа, так что подлинно никто не может нас судить. Некоторые, впрочем, умом Христовым называли Отца, а другие — Духа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими.

Выше низлагал надмение коринфян внешней мудростью; но, чтобы они не сказали: мы превозносимся не этой, а духовной мудростью, теперь показывает, что и в нашей мудрости они не достигли совершенства, а остаются еще несовершенными, и говорит, что они еще ничего не слышали о предметах, более совершенных. Хорошо сказал: *не мог*, дабы не подумали, что он не говорил им о более совершенном по зависти. Я потому не мог говорить с вами, как совершенными, что вы все еще занимаетесь плотским. Но как же они, будучи плотскими, совершали знамения? Действительно, они были таковы, как и в начале сказано. Но можно и знамения творить и в то же время быть плотским, подобно тем людям, которые изгоняли бесов именем Христовым. *Ибо* знамения бывают для пользы других и потому часто совершаются и чрез недостойных.

Как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские.

В тайнах Христовых, говорит, вы еще младенцы, поэтому я поил вас молоком, то есть простейшим учением, а не предлагал вам твердой пищи, то есть учения более совершенного. Почему? потому что вы были еще не в силах (принимать его). А чтобы низложить их гордость, прибавляет: *да и теперь не в силах*, ибо еще помышляете о плотском. Видишь ли: они не в силах принимать такое учение потому, что не хотят быть духовными, а остаются плотскими.

Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете?

Все, что сказано было выше, говорил к начальникам, гордившимся своею мудростью и благородством, а теперь обращается к подчиненным и говорит: я справедливо называю вас плотскими, потому что между вами есть зависть, споры и разногласия. Он мог обвинять их и в блудодеянии и многих других пороках; но так как между ними особенно усилились разногласия и споры, то о них и упоминает. Важно отметить что везде соединяет зависть со спорами. Это потому, что от зависти происходят споры, а от споров разногласия. Но если все эти беспорядки есть у вас, то *не по человеческому ли обычаю поступаете?* то есть не о плотском ли, не о человеческом ли и земном помышляете?

Ибо когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы?

Именами Павла и Аполлоса означает знаменитых между коринфянами мужей и учителей [14].

Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали.

Поставив свое и Аполлосово имя, верно достигает Своей цели. Рассуждает таким образом: если мы ничто, то что сказать о ваших учителях? Мы, говорит, *служители*, а не самый корень и источник благ, этот источник — Христос. Поэтому нам не должно превозноситься, так как мы доставили вам блага, принятые от Бога; ибо все принадлежит Ему, подателю благ. Не сказал: мы благовестники, но: *служители* — это потому, что благовествование обнимает только учение, а служение заключает и дела.

И притом поскольку каждому дал Господь.

Да и это, говорит, малое служение мы не от себя имеем, но получили от Господа, каждый в свою меру.

Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог.

Я, говорит, первый посеял проповедь; Аполлос же постоянным своим учением не дал семени засохнуть от зноя искушений лукавого, но возрастил вас Бог.

Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий.

Смотри, как, уничижая себя и Аполлоса, делает сносным уничижение мудрых и богатых начальников коринфских, научая, что к Нему относит все даруемые нам блага.

Насаждающий же и поливающий суть одно.

Они ничего не могут сделать без помощи Божией, в этом отношении они — одно; как же вы превозносите друг пред другом, когда вы одно?

Но каждый получит свою награду по своему труду.

Легко могло случиться, что те, которые более прочих трудились в делах веры, сделались бы беспечными, услышав, что все одно; поэтому тотчас объясняет свое выражение и говорит, что все одно только в отношении к их бессилию сделать что-либо без помощи возвращающего Бога. Что же касается воздаяния, то каждый получит награду по своему труду. Не сказал: по своему делу, но: *по своему труду*, ибо что нужды, если кто и не совершил дела? По крайней мере, он трудился.

Ибо мы соработники у Бога.

Мы учителя — соработники Божий, содействующие Богу во спасении людей, а не виновники или податели спасения. Поэтому не должно ни презирать нас, ибо мы сотрудики

Божии, ни гордиться нами; ибо все Божие.

А вы Божия нива, Божие строение.

Сказав выше: *я насадил*, продолжает сравнение, и называет их нивой. Если же вы нива и здание: то должны называться именем Владыки, а не пахарей или домостроителей, и, как нива, должны быть ограждены стеной единомыслия, а как здание, должны быть в единении между собой, а не в разделении.

Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание.

Называет себя мудрым строителем не из высокомерия, но желая показать, что мудрому строителю свойственно полагать такое основание, то есть Христа. А что сказал это действительно не из высокомерия, видно из слов его: *по данной мне от Бога благодати*, то есть моя мудрость не мое дело, но благодатный дар Божий.

А другой строит на нем; но каждый смотри, как строит.

Выше беседовал с ними о единении, а теперь говорит об образе жизни, называя строительством дела каждого человека.

Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос.

Не может, доколе пребывает мудрым строителем. Если же кто не мудрый строитель, то может положить иное основание; отсюда ереси. У вас, коринфяне, одно основание — Христос: поэтому и должны вы назидать на этом основании не то, что происходит от споров и зависти, но дела добродетели.

Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится.

С того времени, как мы получили основание веры, каждый из нас строит на нем: одни строят добрые дела, которые бывают различны, иные больше, иные меньше, например, девство — как бы золото, честный брак — как бы серебро, нестяжательность — драгоценные камни, милостыня при богатстве-дело уже меньшей цены. Другие же из вас назидают худые дела, которые также бывают различных степеней. Те дела, которые удобнее могут сгореть, называются сеном и соломой, таковы: нечистота, идолослужение, любостяжание; те же, которые не столь легко сгорают, называются деревьями, таковы: пьянство, смех и им подобные пороки. Некоторые, впрочем, понимают и наоборот, то есть прежде упомянутые пороки называют деревьями, а последние сеном и соломой.

Ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть.

Днем называет день суда. *В огне*, говорит далее, *открывается*, то есть обнаруживается, каковы дела сами в себе, золото ли или что противное.

У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон.

Если у тебя серебро или золото, то дело твое уцелеет, и ты получишь награду; если же у тебя сено и тому подобное, то дело твое не выдержит силы огня (это значит выражение *сгорит*), но обнаружится, что оно худо. Если бы кто перешел реку огненную в золотом вооружении, то вышел бы на берег в более светлом виде; но если бы через ту же реку пошел другой с сеном, то не только не получил бы никакой прибыли, но погубил бы и себя. Так будет и с делами. Следовательно, вера без добрых дел не приносит пользы. Ибо вот здесь основанием служит Христос; но дела, совершаемые не по закону Христову, осуждаются на сожжение.

Впрочем сам спасется, но так, как бы из огня.

Сам он не погибнет так, как его дела, не перейдет то есть в ничтожество, но *спасется*, то есть сохранится целым, чтобы гореть ему в огне. И у нас о том дереве, которое не легко сгорает и обращается в пепел, говорят обыкновенно, что оно остается целым в огне, так что для сожжения его употребляется довольно много времени. Итак, грешник несет потерю от того, что трудился над такими делами, от которых погибает, и все свои усилия употребил на то, что не имеет бытия и не существует (ибо всякое зло есть нечто несуществующее), подобно тому, как если бы кто за большую цену купил себе труп вместо живого тела. Между тем сам, то есть грешник, *спасется*, то есть сохранится целым для вечных мучений.

Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?

Обращает речь к согрешившему. И смотри, как успешно приводит его в стыд. Именно; благодатью, данной нам, то есть обитанием в нас Духа, пристыжает согрешившего, хотя и не выставляет ясно лица его, но говорит вообще. Между тем, если мы храм Божий потому, что в нас живет Дух, то следует, что Дух есть Бог.

Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог.

То есть погубит. В этих словах выражается не проклятие, но предсказание о будущем.

Ибо храм Божий свят; а этот храм — вы.

Следовательно, блудник не может быть святым, так как он перестал быть храмом Божиим, изгнав освящающего его Духа. Кто же составляет этот храм? Вы, если пребудете чистыми.

Никто не обольщай самого себя.

Думая, что это бывает иначе, а не так, как я сказал.

Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым.

Сделав легкий намек на согрешившего, опять обращает речь к тем, которые надмевались внешней мудростью. Кто, говорит, *думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным*, то

есть пусть отринет мудрость внешнюю, чтобы приобрести божественную. Ибо как нищета по Боге есть богатство, и беславие — слава: так и безумие по Боге есть мудрость. Смотри же: не сказал: пусть отринет мудрость, но, что гораздо более, *будет безумным*, то есть пусть ни о чем не умствует сам от себя, пусть не верит собственным доказательствам, но следует за Богом, как стадо за пастырем, и верует всему божественному.

Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом.

Ибо она не только не способствует к приобретению истинной мудрости, но, напротив, еще препятствует этому, потому что, высоко думая о себе, отвергает божественное учение и таким образом оставляет во всегдашнем неведении тех, кто имеет эту мудрость; поэтому они и уловляются Богом, как безумцы.

Как написано: уловляет мудрых в лукавстве их.

Приводит свидетельство на то, каким образом человеческая мудрость есть безумие пред Богом, и говорит, что Бог уловляет мудрых, как безумных, то есть покоряет их собственным их оружием. Ибо, при всем своем лукавстве и мудрости, они обличаются в глупости и безумии. Например: одни думали, что не имеют нужды в Боге, а все могут постигать сами собой; но Бог делом показал им, что и сила и искусство слова несколько не принесли им пользы, и что они особенно пред другими имели нужду в Боге, они, которые думали обойтись без всякой помощи. Итак, при всем своем искусстве, по которому почитали себя всеведущими, они оказались совершенными невеждами, и в предметах необходимых более необразованными, чем рыбаки и кожевники.

И еще: Господь знает умствования мудрецов, что они суетны.

Если же Господь знает, что умствования человеческие суетны, потому что в них нет ничего необходимого и спасительного, то как вы, коринфяне, питаете мысли, противные Богу, и занимаетесь ими, как бы полезными!

Итак никто не хвались человеками, ибо все ваше: Павел ли, или Аполлос, или Кифа.

Это, кажется, говорит к подчиненным, но поражает начальников, внушая, что они отнюдь не должны тщеславиться ни внешнею мудростью, так как она есть безумие, ни духовными дарованиями, так как они принадлежат Богу и даются для пользы подчиненных. Это значит слова: *ибо все ваше*, то есть что же гордятся учителя ваши? и для чего вы надмеваете их и превозносите? Они ведь ничего не имеют собственного, но все, что у них есть, принадлежит вам, дано им для вашей пользы, и они должны быть вам благодарными. Между тем, опять упомянул о себе и о Петре: это для того, чтобы слова его были не так тяжки, и чтобы внушить: если и мы для вас получили дарования и для вас поставлены учителями, то тем более нынешние учителя ваши не должны гордиться дарами, как бы собственным приобретением: ибо это чужие блага.

Или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее.

И жизнь учителей, говорит, для вас, для того, чтобы вы учились у них и получили

пользу; и *смерть* их для вас; ибо за вас и для вашего спасения они подвергаются опасностям. Или иначе: и *смерть* Адамова для вас, чтобы вы уцеломудрились; и *смерть* Христова для вас, чтобы вы спаслись. Короче: весь *мир* для вас, чтобы вы чрез него восходили к Создателю и тленностью его научались желать благ нетленных. Для вас и *настоящее*, то есть блага, которые еще здесь дарует Бог верующим; для вас же уготовано и *будущее*.

Все ваше; вы же — Христовы, а Христос — Божий.

Не в том же отношении Христос есть Божий, в каком мы — Христовы. Мы — Христовы как дело Его и творение, а Христос — Божий и как Сын предвечный, и как имеющий Своим виновником Отца. Таким образом, хотя выражение одно, но смысл различен, ибо все — наше не в том же отношении, в каком мы — Христовы; мы рабы Христовы и творение, а все существующее не есть ни что-либо, служебное нам, ни наше творение. Поэтому нехорошо поступаете, разделяясь по людям, тогда как вы принадлежите Христу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Итак каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих.

Мы — учителя — не что иное, как слуги; почему же вы, оставив Владыку, называетесь от имени нас — слуг? Назвав апостолов и учителей домостроителями тайн, показал, что не всем без разбора должно преподавать учение, но тому, тогда и так, кому, когда и как должно. Тайны как тайны не должны быть открываемы всем; это не свойственно благоразумному домостроителю.

От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным.

То есть требуется, чтобы домостроитель не присвоил себе того, что принадлежит господину, не располагал ничем, как господин, но всем распоряжался как чужой, господской собственностью; принадлежащего господину не называл своим, а напротив, свое почитал принадлежащим господину.

Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди.

Коринфяне страдали следующим недугом. Те, которые разделились между собой из-за учителей, как судьи, осмеивали и отвергали мужей благочестивых, за их неученость; напротив, людей порочных принимали к себе за их красноречие, опрометчиво произнося следующие приговоры: такой-то лучше такого-то, этот ниже его, тот превосходнее этого, а этот — того. Итак, когда Павел сказал, что от домостроителей требуется, чтобы каждый оказался верным, и этим, казалось бы, дал им повод судить о жизни каждого из них, от чего произошли бы еще большие неурядицы, то, для предупреждения сего зла, удерживает коринфян от суда и говорит: для меня очень мало значит. Как бы так говорит: подлежать вашему суду я почитаю бесчестьем для себя. Потом, чтобы не оскорбить их и не показать к ним презрения, присовокупил: или как судят другие люди. Никто, впрочем, да не обвиняет Павла в безрассудстве; ибо это говорит он не о себе собственно (его никто не судил), но, чтобы других не судили, он принимает на себя либо их и тем совершает, что нужно.

Я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь.

Не подумайте, говорит, будто я отвергаю ваш суд из презрения к вам или ко всем прочим. Я и себя почитаю неспособным к такому точному исследованию. Не знаю за собой никакого греха, потому что не могу верно и точно судить; *но тем не оправдываюсь*, то есть я не чист от греха; может быть, я и согрешил в чем-нибудь, но сам не знаю об этом. Один Господь может точно и безошибочно судить. Заключай отсюда, сколь точен и обстоятелен суд будущий.

По сему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь.

Видишь ли, что Павел, запрещая коринфянам судить других, вступает не за себя? Он всегда переносит на свое лицо, то, что касается других, и в своем лице поучает тому, чему намеревается научить.

Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения.

Ныне, говорит, сокрыты дурные дела (они разумеются под выражением *скрытое во мраке*), и человек нечестивый и развратный часто кажется добродетельным. Но тогда Бог откроет все, обнаружит и самые намерения сердечные. Иной, например превозносит здесь кого-либо похвалами, — доброе дело, но его намерение, может быть, дурно, — может быть, он хвалит не с доброй целью. Другой, напротив, обличает здесь кого-либо, но не с тем, чтобы исправить, а с тем, чтобы обнаружить слабости ближнего. Но все подобные намерения сердца тогда будут открыты.

И тогда каждому будет похвала от Бога.

Следовало бы сказать: или наказание, или похвала; но апостол обратил речь к лучшей стороне.

Это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано.

Это, то есть то, что выше сказано было о распрях, и следующее за тем — об осуждении других. Я, говорит, приложил к себе и Аполлосу, чтобы вы от нас научились не умствовать больше того, что написано. А Писание учит нас не превозноситься, когда говорит: *кто хочет быть первым, будь из всех последним* (Мк. 9:35); также: *кто унижает себя, тот возвысится* (Мф. 23:12); весьма много есть в нем и других подобных наставлений. А о том, чтобы мы не судили других, говорится так: *не судите, да не судимы будете* (Мф. 7:1).

И не превозносились один перед другим.

Это говорит к народу, разнообразя поучение и устремляя речь иногда на учеников, а иногда на учителей и начальников, как и теперь поступает. Ибо коринфяне гордились один пред другим учителями своими, именно: ученик одного учителя превозносился пред учеником другого, потому что предпочитал своего учителя другому. И хорошо назвал такое поведение надмением (φυσίωσιν — опухолью), как бы желваком и опухолью, взяв сравнение

от тела, надутого испорченными соками или воздухом.

Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?

Опять устремляет речь на учителей и говорит: кто тебя отличил и признал достойным похвалы? Человек? Но суждение человеческое обманчиво. Пусть у тебя и есть что-нибудь достойное похвалы, но это не тебе принадлежит; а тому, кто дал, и ты получил это, а не сам совершил. Если же ты получил, то зачем превозносишься как будто не получил, но приобрел это собственными трудами? Кто получил, тому не должно превозноситься тем, что он получил; ибо это чужое.

Вы уже пресытились, вы уже обогатились.

Слова, внушенные негодованием. Так скоро, говорит, вы все приобрели! ни в чем не имеете нужды! уже насытились; в короткое время достигли совершенства и получили все богатство познания и дарований! Совершенство достигается в будущем веке, а вы, казалось бы, уже имеете его. В самом деле, ваше тщеславие показывает; будто вы взошли на самый верх совершенства. Сими словами выражает, что они весьма несовершенны, когда ведут себя таким образом.

Вы стали царствовать без нас.

И это говорит в том же расположении духа, показывая их бессовестность как бы так: удостоившись таких даров, вы не хотите нас, трудившихся для вашего блага, допустить к общению в оных.

О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!

О, если бы, говорит, вы царствовали, то есть достигли совершенства! Потом, чтобы речь не показалась насмешкой, присовокупляет: *чтобы и нам с вами царствовать*, то есть получить те же самые блага. Ибо ваша слава — моя, потому что для всякого учителя вожделенно совершенство учеников его.

Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти.

Слова, свойственные человеку скорбящему, или, лучше, тому, кто хочет привести других в стыд. Как вижу, говорит, из ваших поступков, одним нам, апостолам, положил Бог быть последними из всех и *приговоренными к смерти*, то есть осужденными, готовыми на смерть. В самом деле, из того, что вы уже воцарились, я могу заключать, что нам определено быть последними и как бы осужденными, нам — апостолам, то есть тем, которые столько перенесли страданий за Христа.

Потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков.

Мы подвергаемся страданиям не в углу где-либо, но по всей земле. И не люди только смотрят на нас, ибо не маловажны наши действия, но и ангелы, потому что наши подвиги так

велики, что стоят и ангельского созерцания; ибо мы не с людьми только боремся, но и с силами злых ангелов.

Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе.

И это опять говорит для того, чтобы пристыдить их: Тогда как апостолов били и презирали за Христа, коринфяне были уважаемы и почитаемы мудрыми и хвастали, будто все это во Христе. Посему говорит: как возможно, чтобы такие противоположности совмещались в людях с одинаковым образом мыслей? Нет. Необходимо допустить, что или наш образ мыслей не во Христе, или ваш; но мыслить не во Христе — недостойно апостолов Христовых: следовательно, вы заблуждаетесь.

Мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии.

Т.е. нас гонят, преследуют, а вы наслаждаетесь безопасностью (немощью везде называет искушения). Опять, вы славны и благородны, а мы в бесчестии. Все это говорит по сильному негодованию. Смысл такой: как возможно, чтобы мы злострадали, а вы наслаждались безопасностью и проводили жизнь счастливо? Итак, очевидно что вы не в добром состоянии; напротив, теперешнее поведение ваше бесчестно и недостойно апостолов, следовательно, вы не должны гордиться этим.

Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу.

Что, говорит, припоминать прежнее? Посмотри на то, что теперь есть, — на то, как вы утопаете в удовольствиях, а мы совсем напротив.

И побои.

То есть нас бьют. Это говорит против надменных.

И скитаемся.

То есть нас гонят; мы бегаем. Это — против богатых.

И трудимся, работая своими руками.

Этим приводит в стыд тех, которые дерзают проповедовать ради прибыли и выгод.

Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим.

И, — что, говорит, важнее всего, — мы и не почитаем себя несчастными при таковых бедствиях. А из чего это видно? Из того, что озлобляющим нас воздаем противным. Ибо тех, которые злословят нас, благословляем, и тех, которые наносят нам более жестокие обиды (это значит *хуление*, то есть жесточайшая обида) *молим*, (*παρακαλοῦμεν*), то есть за хуление воздаем им словами кроткими и ласковыми (это значит *моление*, то есть речь кроткая). За такое-то поведение почитают христиан безумными!

Мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый (*περίφρηα*) доныне.

Что такое *сор*? Все, что выметается или стирается как негодное. Так, если кто скверное что-либо стирает губкой, называют сором. Это же значит и *прах, всеми попираемый*; ибо попирать (περιφάν) тоже, что обработать губкой. Итак, апостол говорит: мы достойны того, чтобы нас отвергали и почитали за сор не только вы, но весь мир и все люди, и не какое-то время, но даже и доныне. Заметь, каковым должно быть христианину, заметь, что он обязан подвизаться до самого конца.

Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих.

Не к постыжению вашему, говорит, и не с злым и ненавистным намерением говорю это; но как *возлюбленных детей* (вразумляю), и не просто детей, но *возлюбленных*. Простите же мне, если я сказал что и оскорбительное, ибо это от любви. И не сказал: поношу, но *вразумляю*. Кто же не перенес вразумления отеческого?

Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов.

Что ж, скажете вы? другие разве не любят вас? Любят, говорит, но не так, как я. Ибо они — наставники, а я — отец. Итак, у детей, хотя один бывает отец, а наставников может быть много, однако их расположение к детям всех вместе гораздо менее в сравнении с любовью к ним одного, то есть отца: так точно и между надо. Заметь, между прочим, слова *во Христе* приложил к наставникам; это для того, чтобы не совсем поразить их. Впрочем, хотя приписывал им (наставникам) более трудное (ибо такова должность наставника), но превосходство любви предоставил самому себе.

Я родил вас во Христе Иисусе благовествованием.

Объясняя, каким образом он отец им, говорит: при содействии Христа *я родил вас благовествованием*, то есть не себе вменяю это дело, как многие между вами, но Христу. Не сказал, я научил, но: родил, указанием на естество показывая любовь свою к ним и то, что они самые близкие ученики его, как эту мысль выражает и во всем послании.

По сему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу.

Подражайте, говорит, во всем мне; ни мудростью, ни богатством не превозносите и не враждуйте против братьев, но полагайте и мудрость и богатство в любви ко Христу и к братьям. Заметь доброту сердца: он умоляет, а не повелевает. А предлагать самого себя в образец для подражания — это знак великого дерзновения.

Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына.

Потому, говорит, что я пекусь о вас, как о детях, послал к вам Тимофея. Я сам хотел придти и восстановить мир между вами: но поскольку не могу исполнить этого, то послал его, *моего возлюбленного сына*. Сказал это для того, чтобы показать, как любит их, когда решился для них разлучиться с Тимофеем, а вместе и для того, чтобы внушить им уважение к Тимофею. *Верного в Господе*, то есть не в житейских делах, но в делах веры Христовой; по сему и в том, что касается вас, оно будет служить верно.

Который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви.

Не сказал: научит, чтобы не оскорбились (ибо Тимофей был юн), но: *напомнит*, — то, что вы уже прежде знали, возобновит в вашей памяти. *Путями* называет соединенные с проповедью распоряжения, правила, обычаи, законы божественные. Вспомынет то, как я веду себя, именно: не надмеваюсь, как вы; не ввожу распрей и разделений. *Во Христе*, то есть в этих путях нет ничего человеческого, но все во Христе, или совершается при помощи Христа. Тимофей скажет вам и то, как я учу во всякой Церкви; ибо я вам не сказал ничего нового, напротив, всем преподаю то же самое. Устыдитесь же, что вы одни из всех Церквей уклонились от путей моих.

Как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились.

Сказав: я послал к вам Тимофея, для предупреждения того, чтобы они не сделались от сего беспечнее, присовокупляет: хотя сам я не иду теперь и мое отсутствие подало некоторым повод гордиться, но по этой именно причине приду впоследствии. Показывает детскость их мыслей; ибо только детям свойственно вести себя бесчинно, когда нет с ними учителя. Кто же эти возгордившиеся? Сообщники прелюбодея, который и мудр был и богат, и просто — все, которые превозносились мудростью и богатством. Они-то и гордились, как будто бы не было Павла для их обличения.

Но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу.

Этими словами низлагает гордых и возбуждает их к трезвению. И хорошо присовокупил: *если угодно будет Господу*, ибо все происходит по Его мановению.

И испытаю не слова возгордившихся, а силу, ибо Царство Божие не в слове, а в силе.

Коринфяне, надеясь на красноречие, презирали Павла как человека неученого; посему он говорит: буду смотреть не на красноречие ваше, ибо не оно нужно, но на *силу*, обнаруживающуюся в знамениях. Ибо Царство Божие проповедано и утверждено не пышностью слова, но знамениями, совершаемыми силой Святого Духа.

Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?

Жезлом называет наказание. Итак, говорит: от вас зависит, с тем или другим придти мне к вам. Если останетесь беспечными, то я приду и накажу вас, как Елиму (Деян. 13:8-11) Если же отрезвитесь, то поступлю с вами по духу кротости. Есть в нем и дух строгости и наказания, но он именуется с лучшей стороны, подобно тому, как и Бога называет щедрым и милостивым, а не карающим, хотя Он на самом деле и таков.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого, не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего.

Обвиняет всех вообще, чтобы не предались беспечности, считая себя чуждыми сего греха, но напротив, старались исправить его, как бесчестие общее. И не сказал: бесстыдно совершается, но: *есть верный слух*. Если же запрещено даже допускать до слуха такое преступление, не гораздо ли более бесстыдно совершать оное? Тем более у вас, которые удостоены духовных тайн: и далее, усиливая обвинение, говорит: *какого не слышно даже у язычников*, не сказал: бывает, но: *не слышно*. *Что некто вместо жены имеет жену отца своего*. Не сказал: мачеху, но *жену отца своего*, чтобы напоминанием об отце сделать удар сильнейшим. Далее, стыдясь произнести имя прелюбодеяния, употребил выражение более благопристойное *иметь*.

И вы возгордились.

Гордитесь учением того блудника, ибо он был мудр. Заметь мудрость апостола: он нигде не обращает своего слова к блуднику, как человеку бесчестному и недостойному того, чтобы выводить его на среду, но говорит с другими, как об общем преступлении.

Вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело.

Следовало бы, говорит, плакать, потому что на всю Церковь распространилось поношение; следовало бы слезно молиться, как о болезни и заразе, *дабы изъят был из среды вас*, то есть да отсечется от вас, как зло общественное. Опять и здесь не упомянул о имени блудника, но сказал *сделавший такое дело*.

А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас.

Заметь негодование. Не позволяет дожидаться своего прибытия и потом уже связать блудника, но спешит остановить зло, заразу, прежде, нежели оно распространится на все тело Церкви. *Присутствуя у вас духом* сказал для того, чтобы понудить их к произнесению приговора и вместе устрашить тем, что он знает, как они будут судить там, и что дух, то есть дар прозрения, откроет ему все, что они ни сделают. Словами *уже решил, как бы находясь у вас* не позволяет им предпринимать что-либо другое; ибо я, говорит, произнес приговор и иначе быть не должно.

Сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом.

Чтобы не показаться гордым, и их принимает в сообщники: ибо говорит: *в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа*, то есть так, чтобы собрание было составлено не по обычаю человеческому, но по Богу; чтобы Сам Христос собрал вас, во имя Которого и собираетесь вы. Между тем, апостол поставил над ними и дух свой, чтобы они не удостоили блудника прощения, но судили справедливо, как в присутствии апостола.

Силою Господа нашего Иисуса Христа, предать сатане.

Смысл двоякий. Или такой: Христос может дать вам такую благодать, что вы будете в состоянии предать блудника сатане, или такой: и Сам Христос вместе с вами произнесет

осуждение на блудника. И не сказал: отдал, но: *предать*, прикровенно отверзая для него двери покаяния. И здесь опять не упомянул имени.

Во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа.

То есть предать для того, чтобы сатана изнурил его болезнью. Ибо, поскольку похоть рождается от пресыщения тела, то апостол хочет наказать это тело, чтобы дух, то есть душа была спасена. Не так, впрочем, это должно понимать, будто бы спасалась одна только душа, но должно признавать, что при спасении души спасется и тело. А некоторые под *духом* разумеют дар духовный и объясняют так: чтобы дар духа сохранился у него целым и не отступил от него, как нечестивца. Такой приговор выражает более попечение, нежели наказание. Весьма кстати напомнил о дне суда, чтобы коринфяне, убоившись, предложили врачевание, а блудник с таким же расположением принял оное. Полагает предел действиям дьявола, подобно тому, как было с Иовом, то есть позволяет ему касаться только тела, а не души.

Нечем вам хвалиться.

Намекает, что они сами не допускали блудника до раскаяния, ибо похвалились им; а он был из числа их мудрецов.

Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?

И о вас, говорит, а не о нем только забочусь я; ибо зло, если оставить оное без внимания, может заразить и остальные члены Церкви. Закваска, сама в себе малая, заквашивает все тесто и прелагает оное в саму себя: так и грех сего человека увлечет за собой многих других.

Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны.

То есть изгоните сего блудника, или, лучше, пригоните и всех других нечестивцев (ибо *старой закваской* называет всякое зло). В греческом тексте сказано не просто *очистите* (καθάρατε), но: «вычистите» (ἐκκαθάρατε), то есть совершенно очистите, да будете тестом новым, не имеющим примеси зла. *Так как вы бесквасны*, вместо: как и должно быть вам бесквасными, то есть чуждыми старого зла, которое при раскаянии оказывается и кислым и горьким.

Ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас.

Упомянув о бесквасных хлебах, опресноках, которые употребляемы были в пищу на Пасху, и объяснив аллегорически, что означают бесквасные хлебы, именно — жизнь, непричастную зла, теперь аллегорически объясняет саму Пасху и говорит, что наша Пасха есть Христос, закланный за нас. Итак, мы должны заботиться о бесквасных хлебах, то есть о жизни, чистой от всякого зла.

Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства.

Показывает, что всякое время для христиан есть время праздника, по преизбытку сообщенных им даров. Ибо для того Сын Божий сделался человеком и был заклан, чтобы ты праздновал, — не закваской ветхого Адама, и не жизнью, полной зла, или, что хуже, лукавства, ибо зол всякий, кто делает злое, а лукав тот, кто делает его с затаенной и коварной мыслью.

Но с опресноками чистоты и истины.

То есть провозждая жизнь беспорочную или чистую в противоположность порочной, и истинную, то есть нелицемерную, без всякого коварства, в противоположность лукавству. Или: в слове *истины* можешь разуместь противопоставление ветхозаветным образам, которые не были истиной; ибо требуется, чтобы христианин был выше ветхозаветных образов. Или еще: под *чистотой* можешь разуместь чистоту в деятельности, а под *истиной* правильность в созерцании.

Я писал вам в послании — не сообщаться с блудниками.

В каком послании? В этом же самом. Ибо, когда выше сказал: *очистите старую закваску*, намекая на соблудившего, как было показано, то из сих слов уже видно было, что не должно смешиваться с блудниками. Но поскольку могли думать, будто должно удаляться от всех блудников, даже и от тех, которые были между эллинами, объясняет, о каких блудниках говорит.

Впрочем не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего.

Слово *вообще* употребил для выражения общеизвестности предмета. А смысл такой: впрочем, я не запрещаю сообщаться вообще с блудниками мира, то есть с эллинами, иначе вы должны бы были искать другой вселенной. В самом деле, когда в одном с вами городе живет так много эллинов, то как возможно не сообщаться с ними?

Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, (ἢ πόρνος), или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе.

Видишь, не один только был блудник, но и другие, и не один порок, а различные. Но каким образом брат может быть вместе и идолослужителем? Как некогда самаряне только вполнину были благочестивы, так случилось и с коринфянами, то есть некоторые из них держались еще идолов. Сверх сего апостол готовится говорить о тех, которые ели идоложертвенное. Хорошо сказал: *называясь братом*; ибо всякий, кто виновен в выше исчисленных грехах, носит только имя брата, а на самом деле не есть брат. Слово ἢ πόρνος можно принимать в смысле союза разделительного (ἢ), подобно как в следующих за ним выражениях, но можно принимать и за глагол «оставаться» (ἢ), так если кто, называясь братом, остается (υλάρχη), блудником и т.д. *С таким даже и не есть вместе*, чтобы он признал себя скверным по причине греха и удержался от него.

Ибо что мне судить и внешних?

Внешними называет эллинов, а внутренними христиан. Я, говорит, нисколько не забочусь о внешних; они живут вне моих законов; следовательно, излишне предписывать божественные повеления тем, которые живут вне двора Христова. *Закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом* (Рим. 3:19).

Не (οὐχί) внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог.

Некоторые после частицы οὐχί «не, нет» ставят точку; затем следующие слова читают без вопроса, таким образом: внутренних вы судите. То есть апостол, сказав выше: *что мне судить и внешних*, теперь присовокупил: οὐχί — нет, то есть не мое дело судить их. Но другие читают соединительно и с вопросом: *не внутренних ли вы судите?* — то есть не христиан ли вы должны судить? Внешних же ожидает Страшный Суд Божий, от которого избавятся внутренние, если получат суд от вас.

Итак, извергните развращенного из среды вас.

Привел на память изречение ветхозаветное (см. Втор.13:5), желая показать, что уже прежде угодно было законодателю, чтобы люди и нечестивые отсекаемы были от общества. Словами *из среды вас* показывает, что более для них будет пользы, если извергнут от себя нечестивого.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?

Многие судились в денежных тяжбах пред эллинскими судьями, как законоведцами. Поэтому стараемся, исправить это зло, которое представилось уму его случайно. Ибо, упомянув о любостыжателях, вдруг воскипел ревностной заботливостью о зараженных таким грехом. И смотри, какое негодование показывает с самого начала, называя это дело дерзостью и беззаконием. Не сказал: у неверных, но: у *нечестивых*; ибо всякий тяжущийся обыкновенно ищет справедливости, поэтому апостол показывает, что они не найдут ее, потому что неправедны, говорит, судьи эллинские, как же они тебя будут судить справедливо? Святыми называет верных, самыми наименованиями показывая различие между первыми и последними; ибо одни нечестивы, а другие святые.

Разве не знаете, что святые будут судить (κρίνοῦσι) мир?

Поскольку верные, как люди неученые, казались неспособными разбирать тяжбы, то сообщает им вес и важность: во-первых, назвал их святыми, потом сказал, что они будут судить мир. Не так, впрочем, это должно представлять, будто они займут места судей и будут произносить приговоры (судить будет Господь); нет, они только осудят (κατακρίνοῦσιν). В самом деле, если они, будучи подобны всем прочим, оказались уверовавшими, а эти не уверовавшими, то не осуждение ли это для неверных?

Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?

Смотри, не сказал: от вас суд примет, а *вами будет судим*; потому что вы, уверовавшие,

были примером для мира. Изречение *недостойны судить маловажные дела* имеет такой смысл: кажется, коринфяне стыдились быть судимыми от внутренних; поему говорит: напротив, стыдно вам тогда, когда вы судитесь у внешних; ибо эти судилища худые, а не такие, каковы внутренние.

Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?

Ангелами называет бесов. Итак, мы и бесов осудим, если, несмотря на то, что облечены плотью, окажемся совершеннее их, не имеющих плоти.

А вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляете своими судьями ничего не значащих в церкви. К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? (*ανά μέσων του αδελφοῦ αὐτοῦ*)

Желая отклонить их от внешних судилищ, говорит: может быть, кто-либо скажет, что в Церкви нет никого мудрого, который мог бы разбирать тяжбы. Но если, по вашему мнению, нет в Церкви ни одного мудрого, то лучше поставляйте судьями униженных, нежели неверных. Впрочем, я сказал это к вашему стыду, если в самом деле так мало мудрых у вас, что суд производить должны люди простые и необразованные. Слова *между братьями своими* присовокупил для того, чтобы показать, что в таком случае, если бывает тяжба с братом, не нужны многообразные сведения, потому что братское расположение всего более содействует к прекращению спора.

Но брат с братом судится, и притом перед неверными.

Сугубое зло: одно — то, что он производится с братом, другое — то, что он производится пред неверными.

И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою.

Прежде запрещал судиться у неверных, а теперь запрещает и самый суд, говоря: *и то уже весьма унижительно для вас*, то есть предосудительно и постыдно, *что вы имеете тяжбы*, то есть спорные дела, друг с другом (это значат слова *между собой*). Апостол сказал это с особенной выразительностью, ибо мы, христиане, должны почитать друг друга братьями.

Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев.

Много обвинений. Первое то, что они не умеют переносить обид; второе то, что, напротив, сами обижают; третье то, что обижают братьев. Хорошо было бы, говорит, и не обижать, и не терпеть обид; но если следует избрать одного из двух, то лучше терпеть обиды.

Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют?

Заключает увещание угрозой, усиливая речь и спрашивая их о предмете, известном всем.

Не обманывайтесь.

Здесь намекает на тех из коринфян, которые говорили, что Бог человеколюбив и не будет наказывать, но введет в Царство. Посему говорит: *не обманывайтесь*: ибо и в самом деле явное самообольщение и заблуждение здесь ожидать всяких благ, а там подвергнуться казни.

Ни блудники.

Того, кто уже осужден, ставит на первом месте.

Ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии.

Малакиями называет тех, над которыми совершают постыдное, а потом перечисляет и совершающих постыдное.

Ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют.

Многие спрашивают, почему поставил пьяниц и злоречивых наряду с идолослужителями и с теми, которые совершают непотребные дела? Потому, что и Христос признал повинным геенне того, кто скажет брату своему: *безумный* (Мф. 5:22), и потому опять, что иудеи от пьянства дошли до идолослужения. Далее, теперь идет речь не о наказании, но о лишении Царствия; Царствия же лишаются равно все таковые грешники, а будет ли различие в их наказаниях, об этом рассуждать здесь не место.

И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего.

Размыслите, говорит, от каких зол освободил вас и какие блага даровал вам Бог. И вы подвержены были всем выше исчисленным порокам, но Он очистил вас от них, и не только очистил, но и освятил. Каким образом? Оправдав вас; сначала омыл вас, потом, оправдав, освятил, не именем того или другого учителя, но именем Христа и Святым Духом. То есть Троица даровала вам эти блага; ибо сказав, что Бог освятил именем Христа и Святым Духом, выражает не другое что-нибудь, но именно Троицу.

Все мне позволительно, но не все полезно.

Так как и прежде говорил о соблудившем и скоро опять будет говорить о нем же, то вводит речь и о чревоугодии: ибо от чревоугодия преимущественно происходит страсть, блудодеяния. Итак, говорит: позволено мне есть и пить, но вредно для меня принимать пищу и питье не в меру.

Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною.

Я, говорит, господин над пищей и питием; но если буду употреблять их не в меру, то из господина сделаюсь их рабом. Ибо кто пользуется ими как должно, тот господин над ними; напротив, кто впадает в неумеренность, тот уже не господин, а раб их, потому что в этом случае пресыщение делается его тираном. Видишь ли, как того, кто почитал себя властелином, апостол показал подвластным? Смотри: каждый из коринфян говорил: мне можно предаваться наслаждениям; а апостол говорит: ты предаешься им не потому, чтобы

имел власть над ними, а потому, что сам подлежишь их власти. Ибо доколе остаешься невоздержанным, не ты имеешь власть над чревом, но чрево над тобой.

Пища для чрева, и чрево для пищи.

Чревом называет чревоугодие, а не член нашего тела; пищей же — неумеренное употребление пищи. Итак, смысл слов такой: неумеренное употребление пищи находится в дружбе и родстве с чревоугодием, и наоборот. И то и другое не может привести нас к Христу, напротив, преданных себе пересылают взаимно одно к другому, — неумеренность к чревоугодию, а чревоугодие к неумеренности.

Но Бог уничтожит и то и другое.

Не чрево, но чревоугодие, и не пищу, но неумеренность в пище. В слове *уничтожит* некоторые видят предсказание о состоянии будущего века, то есть что там не будет нужды ни в пище, ни в питии. Если же там и умеренное употребление пищи не будет иметь места, то тем паче упраздняет неумеренность и чревоугодие. Сказав, что вместе с упразднением пищи упразднится и чрево, выразил ту мысль, что вместе с насыщением прекращается желание большего. По словам же других, он запечатлел свое увещание молитвой о том, чтобы упразднились, то есть прекратились, и неумеренность и чревоугодие.

Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела.

Из этих слов видно, что апостол говорит о чревоугодии по поводу речи о блуде. Ибо следовало бы сказать так: тело же не для брашен и не для чрева. Но он не так сказал, а как? *не для блуда*, показывая, что бывает следствием телесных наслаждений, именно — блуд. А смысл слов его такой: тело, говорит, не для того создано, чтобы утопать в наслаждениях и впадать в блуд, но для того, чтобы повиновалось Христу, как главе своей, а Господь управлял им, как глава.

Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею.

Не смутись, услышав, что Бог воздвиг Господа; ибо апостол говорит так, снисходя к ним, как младенцам. И поскольку об Отце, как источнике, все единодушно имели самые высокие понятия; то и воскресение относит апостол к Отцу, и объявляет, что и нас Он воскресит. Ибо как он воздвиг главу нашу, разумею Христа, так воздвигнет и прочие части тела, то есть нас. Далее, в подтверждение своих слов присовокупил: *силою Своею*, как бы так говоря: не усомнитесь в том, что говорю, ибо сила Божия, совершающая великие дела, исполнит и это. А что воскресение Христа относит к Отцу, как виновнику, это видно из того, что говорил Господь о Самом Себе: *разрушьте храм сей, и в три дня воздвигну его* (Ин. 2:19). И еще о Нем же написано, что Он явил Себя живым (Деян. 1:3). Итак, хотя Он и Сам воскресил Себя, но это дело приписывается Отцу как виновнику.

Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?

Опять обращается к прежде предложенному увещанию относительно блуда. Между тем, вооружает слово свое великими ужасами.

Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы?

Не сказал: соединить с блудницей, но, что, ужаснее, *сделать членами блудницы*. В самом деле, кто не ужаснется, слыша эти слова, то есть отторгнуть члены у Христа и сделать их членами блудницы?

Да не будет! Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: два будут одна плоть.

Показывает сказанное, то есть каким образом члены Христовы делаются членами блудницы. Через сообщение, говорит, мужчина делается едино с блудницею; потому и члены его, которые были членами Христовыми, становятся членами блудницы.

А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом.

Смотри, как и самими наименованиями блудницы и Христа продолжает и усиливает обвинение. Говорит, что *соединяющийся с Господом* делается не иным чем, как *духом*, так как не совершает ничего плотского, то есть становится духовным. Ибо единение с Господом подает ему освящение Духа. Показал в этих словах и то, каким образом верные делаются членами Христовыми.

Бегайте блуда.

Предписывает бегать блуда, как некоего гонителя, от которого мы ни на одну минуту не можем быть безопасными, и напрягать все силы к тому, чтобы удерживаться от оного.

Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела.

Блуд, говорит, оскверняет все тело, поэтому-то соблудившие обыкновенно и в бани ходят, свидетельствуя тем, что тело их осквернено. Итак, блудник грешит против самого тела, оскверняя и грязня оно. Хотя и убийство, кажется, телом же совершается, однако оно оскверняет не все тело; ибо можно бросить или камнем, или деревом, или другим каким-либо веществом, но сделать блуд без тела невозможно: поэтому оно всегда оскверняется. Впрочем, у апостола было намерение представить тяжесть этого греха в увеличенном виде, так как его касается настоящее увещание; ибо блуд отнюдь не есть порок, худший всех прочих пороков. Знаю и другие решения по этому предмету. Таково следующее решение: блудник грешит против собственного тела в том отношении, что смешивается не по желанию произвести детей, как при совокуплении с законной женой, но напрасно портит его изливанием семени и тем обессиливает его. Другое решение: блудник грешит против женщины, с которой смешивается, так как она становится чрез это его телом, почему если смешивается с нею незаконно, то грешит против нее. Впрочем, решение великого Иоанна Златоуста лучше всех: разумею — первое решение. Далее, некоторые, изъявляя сомнение, спрашивают: что же? зависть разве не сушит тела? и разрешают опять этот вопрос так: зависть есть страсть, а не действие. Апостол же говорит теперь о действии (ибо вот его слова: *всякий грех, какой делает человек*), а не о страсти. В самом деле, зависть не производится нами, но бывает в нас.

Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога?

Устрашает еще более, — и величием дара, то есть Духа, и достоинством сообщившего дар, то есть Бога. Вы, говорит, храм, и притом святой: ибо вы — храм Святого Духа. Не оскверняйте же святого храма и не делайте бесполезным дара Божия; ибо от Бога имеете дар и Духа.

И вы не свои. Ибо вы куплены дорогою ценою.

Вы, говорит, под Владыкой и ничего не имеете своего, само тело не ваше. *Ибо вы куплены дорогою ценою*, то есть Кровию Христовой. Посему члены ваши подлежат другому Владыке, и на что Ему угодно, на то и должно обращать их деятельность. Говоря это, не уничтожает свободного произволения, но показывает, что Бог, Которым мы искуплены, по праву требует от нас служения Себе.

Посему прославляйте Бога и в телах ваших.

Итак, поскольку вы куплены, говорит, то прославьте Бога в теле вашем, то есть совершая телом добрые дела и соблюдая его святым и чистым. Ибо прославление Бога состоит в том, когда люди видят ваши добрые дела и вследствие того прославляют Его.

И в душах ваших.

Показывает, что не телом только должно избегать блуда, но и душой, так, чтобы и мысленно не оскверняться (ибо душой назвал мысль). В Евангелии (Мф. 5:2) запрещено и то прелюбодеяние, которое остается только в сердце.

Которые суть Божии.

Непрестанно напоминает, что мы не принадлежим самим себе, а находимся под владычеством Бога, Который искупил и душу и тело наше.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

А о чем вы писали ко мне.

Исправив беспорядки разделений, блуда, любостяжания, теперь постановляет правила о браке и девстве. Ибо коринфяне в письме к нему спрашивали: должно ли воздерживаться от жены, или нет?

То хорошо человеку не касаться женщины.

Хорошо, превосходно, говорит, если бы и всякий человек, а не священник только (как некоторые худо понимают это), вовсе не касался жены и оставался девственником. Но безопаснее и к нашей немощи ближе вступать в брак. Посему присовокупляет следующее.

Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа.

Говорит о той и другой стороне. Ибо может статься, что муж любит целомудрие, а жена нет, или наоборот. Словами *во избежание блуда* побуждает к воздержанию. Ибо если брак позволяется во избежание блуда, то соединенные браком уже не должны совокупляться между собой без всякой умеренности, но — целомудренно.

Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу.

Долгом, говорит, почитайте любовь друг к другу; и поскольку она — долг, то вы необходимо обязаны оказывать ее друг другу.

Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена.

Теперь доказывает, что любовь друг к другу, действительно, есть долг необходимый. Ибо не властны, говорит, супруги над своими телами, но жена есть раба и вместе госпожа своего мужа: раба, поскольку не имеет власти над своим телом, чтобы продавать оное, кому захочет, но владеет им муж; а госпожа потому, что тело мужа есть ее тело, и он не властен давать оное блудницам. Подобным образом и муж есть раб и вместе господин своей жены.

Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время.

То есть против воли мужа не должна воздерживаться жена, равно и муж не должен воздерживаться против желания жены. Ибо воздерживаться одному против воли другого — значит лишать себя, подобно как и о деньгах говорится; но воздерживаться по воле — совсем другое дело, когда например, оба (и муж, и жена) по согласию определяют известное время для взаимного воздержания.

Для упражнения в посте и молитве.

Изъясняет, что значит его выражение: *на время*, то есть когда придет время пребывать в молитве, то есть молиться особенно усердно. Ибо не сказал просто: для молитвы, но: *для упражнения в молитве*. В самом деле, если бы апостол находил в супружеском сожителстве препятствие к обыденной каждодневной молитве, то как в другом месте сказал бы: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5:17)? Итак, чтобы ваша молитва была пламеннее, удержитесь, говорит, друг от друга, потому что совокупление хотя не оскверняет, но мешает благочестивому занятию.

А потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим.

Я, — рассуждает апостол, — говорю, чтобы вы опять соединялись; но не полагаю сего законом, а предписываю для того, *чтобы не искушал вас сатана*, то есть побуждая к блудодеянию. Поскольку же не диавол сам по себе бывает виновником блудодеяния, но преимущественно наше невоздержание, то апостол прибавил: *невоздержанием вашим*, ибо в нем заключается причина и того, что диавол искушает нас.

Впрочем это сказано мною как позволение, а не как повеление.

Чтобы вы до времени лишали себя друг друга, я сказал это, говорит апостол, как *разрешение* (κατὰ συγγνώμην), то есть из снисхождения к вашей немощи, а не как *повеление* непреложное.

Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я.

Везде, где только апостол предписывает какой-либо трудный подвиг, обыкновенно самого себя ставит в пример. Посему и здесь говорит: желаю, чтобы все и всегда воздерживались.

Но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе.

Пребывание в девстве, говорит, есть дарование от Бога; однако этот подвиг требует и наших сил. Как же он называет его дарованием? В утешение коринфян, которым он словами *невоздержанием вашим* (ст.5), нанес чувствительный удар. Между тем заметь, что и самый брак он почитает дарованием; ибо сказал: *каждый имеет свое дарование от Бога, один так*, то есть дарование пребывать в девстве, *другой иначе*, то есть дарование жить в супружестве.

Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.

Видишь ли мудрость Павла, как он и превосходство девства показывает, и в то же время не принуждает к воздержанию от супружества того, кто не в силах воздерживаться, дабы в противном случае не подвергся он более тяжкому падению? Если, говорит, ты испытываешь большое насилие и воспламенение (ибо власть похоти сильна), то освободи себя от тех трудов и потов, дабы, взявшись за них, не подпасть горшему злу.

А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь.

Поскольку Господь в ясных словах дал закон не разводиться, разве только по причине прелюбодеяния (Мф. 5:32), то апостол говорит: *не я, но Господь*. Прежде же сказанное не было буквально узаконено Господом. Впрочем, и слова Павловы суть слова Господни, а не человеческие, ибо ниже он так говорит о себе: *думаю, и я имею Духа Божия* (1 Кор. 7:40).

Жене не разводиться с мужем, — если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, — и мужу не оставлять жены своей.

Разводы, говорит, бывают из любви к воздержанию, или по малодушию, или по другим причинам; но лучше, если бы вовсе не было разделения. Если же оно и последует, то жена должна оставаться при муже, если не для соития, то для того, чтобы не привести никого другого. Если же она не сможет воздержаться, то пусть примирится с мужем.

Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его.

Что ты говоришь? Если муж неверующий, то пусть остается с женой; а если блудник, то

не должен оставаться с нею? Но неверие хуже блудодеяния? Точно хуже; но Бог взыскивает более за грехи против ближних, чем против себя. Ибо сказано: *оставь там дар твой пред жертвенником и пойдти прежде, примиришь с братом твоим* (Мф. 5:24). И десять тысяч талантов, Ему должных, Он простил: но за того, кто должен был сто динариев, Он не оставил обиды без отмщения (Мф. 18:34). Так и в настоящем случае: грех неверия, который оскорбляет Самого Бога, Он оставляет без внимания, но грех прелюбодеяния наказывает, как грех против жены. Некоторые, впрочем, так объясняют: человек, говорят, остается в неверии по неведению, которое, может быть, и кончится, как и сам апостол (ст.16) говорит: *почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?* — а блуд одеяние совершается вследствие явного развращения. Кроме того, блудник уже сам прежде отделил себя, ибо, отняв свои члены у жены, сделал их членами блудницы; между тем, как неверный не сделал никакого греха против плотского единения, или лучше сказать, чрез это единение он, может быть, соединится и по вере. Не говорю уже о том, что и порядок жизни извратится, и Евангелие подвергнется поношению, если верная половина отделится от неверной. Между тем, рассматриваемую заповедь апостола относи к тому только случаю, если муж и жена соединились браком, когда еще оба находились в неверии, но после та или другая сторона обратилась к вере. Ибо, если прежде только один муж был неверующим, или только одна жена, то верующей половине вовсе не позволялось вступать в брак с неверующей: это видно из слов апостола, ибо не сказал он: если кто пожелает взять неверующую, но: *если какой брат имеет*. Опять не просто предписывает жить верующей половине с неверующей, но только в том случае, если последняя пожелает того; ибо это значит: *согласна*, то есть если пожелает.

Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим.

То есть избытком чистоты верующей половины преодолевается нечистота неверующей. Это значат слова апостола, а не то, будто язычник делается святым. Ибо апостол не сказал: бывает свят, но: *освящается*, то есть побеждается святостью верной половины. А говорит об этом для того, чтобы верующая жена не опасалась сделаться нечистой, если будет иметь сожителство с таким мужем. Но спрашивается: совокупляющийся с блудницею, делаясь одним с нею телом, становится нечистым (ср. 6:16); очевидно, и совокупляющийся с языницею становится одним с нею телом. Если первый нечист, то как же не делается нечистым последний? Что касается блудодеяния, в нем бывает точно так. Когда имеют общение между собой блудники, то их смешение имеет нечистоту, и потому они оба нечисты. Но иначе это дело при сожителстве верующей половины с неверующей. Неверующий муж — нечист по его неверию. Но жена имеет с ним общение не в неверии, а в ложе. В этом общении не оказывается никакой нечистоты. Ибо оно есть законный брак. Посему-то верующая половина и не делается нечистой.

Иначе дети ваши были бы нечисты.

Если бы неверная половина не побеждалась чистотой верной, то дети их были бы нечисты, или только наполовину чисты.

А теперь святы.

То есть не нечисты. Излишним выражением *святы* апостол изгоняет страх подобного подозрения.

Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится.

Например, если он повелевает тебе или принять участие в его неверии, или отказаться от прав брака, то разведись. Ибо лучше разрешить узы брака, нежели нарушить благочестие.

Брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь.

Если муж ссорится с тобой за то, что ты не принимаешь участия в его неверии, то разведись с ним. Ибо ты не порабощена ему в таком случае, то есть тебя не принуждают следовать за ним и в таковых делах. Лучше разделить с ним, нежели ссориться; потому что и Бог не хочет этого: *к миру призвал нас Господь*. Итак, если муж ссорится с тобой, то этим он сам подал причину к разводу.

Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?

Снова обратившись к тому увещанию, что *не должна оставлять* жена мужа, предлагает настоящий вопрос. Ибо если, говорит, он не ссорится с тобой, то останься с ним, и увещевай его: может быть, что-нибудь и сделаешь, Представляет успех сомнительным, с одной стороны, для того, чтобы не подумали, будто поставляет жене в неперемнную обязанность — совершенно убедить своего мужа, а с другой — для того, чтобы поддержать в ней надежду на обращение мужа и предупредить отчаяние.

Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены? Только (εἰ μ) каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал.

Некоторые так читали: *или ты, муж, почему знаешь, спасешь ли жену или нет* (ἢ μ)? Потом начинали другое предложение таким образом: *каждый поступай так, как Бог ему определил*, то есть откуда знать тебе, спасешь ее, или нет? Это совершенно неизвестно. Но если неизвестно, то не должно расторгать брак, потому что, если ты не спасешь ее, не повредишь себе, а если спасешь, то и себе и другим принесешь пользу. Но не так читал святой Иоанн, а так: *каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал*. И это чтение несравненно лучше. Апостол как бы так сказал: не должно быть развода под предлогом неверия, но каждый поступай так, как благоволил о нем Бог. Ты призван, имея жену из неверных. Оставь ее при себе, и за неверие не изгоняй ее.

Так я повелеваю по всем церквам.

Это сказал для того, чтобы коринфяне тем охотнее послушались его, когда и другим вместе с ними повелевает то же самое.

Призван ли кто обрезанным, не скрывайся (μη ἐπιλάθῃω).

Вероятно, многие, стыдясь обрезания, каким-нибудь лекарством приводили обрезанный член в первобытный вид, наращивая на нем кожицу.

Призван ли кто необрезанным, не обрезывайся.

С другой стороны, некоторые, находя в обрезании что-то важное, обрезывались по обращении к вере. Посему говорит, что это нисколько не содействует вере.

Обрезание ничто и необрезание ничто, но все в соблюдении заповедей Божиих.

Везде, говорит, вместе с верой требуется исполнение добродетели, а все прочее или мало или вовсе не требуется.

Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся.

В том звании, в котором призван, то есть в каком роде жизни, и в каком чине и состоянии ты уверовал, в том и оставайся; ибо под призванием понимает приведение к вере. Рабом ли ты принял веру? не беспокойся и не смущайся; ибо рабство вовсе не вредит тебе, так, что если бы ты мог сделаться свободным, — *то лучшим воспользуйся*, жертвуй собой для пользы другим.

Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов.

Свободным называется тот, кто освобожден от рабства. Итак, говорит: ты, который уверовал в состоянии рабства, ты — свободный Господа; ибо Христос освободил тебя и от греха, и от оногo внешнего рабства, хотя ты и раб. Кто не покоряется страстям, имея душу благородную, тот не раб, хотя и кажется таковым. С другой стороны, иной свободным призван к вере; такой — раб Христов. Итак, если название рабства возмущает раба, то пусть уразумеет он, что он сделался свободным во Христе, а эта свобода гораздо важнее человеческой. Опять, если имя свободы надмевает свободного, то пусть уразумеет такой, что он — раб Христов и смирится, представляя, что он подчинен такому Владыке и должен угождать Ему. Видишь ли мудрость, с какой дает апостол наставления рабам и свободным.

Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков. В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом.

Это говорит не к одним рабам, но и к свободным, увещевая всех христиан ничего не делать для угождения людям и не повиноваться им, если их повеления противозаконны. Вот что значит: купленным от Бога быть рабами человеков. Не к тому убеждает, чтобы рабы отпадали от своих господ, — нет; это видно из последующих его слов: *в каком звании кто призван* и т.д., то есть если кто призван и в состоянии рабства, в том пусть и остается. *Пред Богом* присовокупил для того, чтобы чрез повиновение беззаконным владыкам не отпасть от Бога. Заботится о том и другом, то есть чтобы, с одной стороны, под предлогом повиновения Богу рабы не отпали от владык, а с другой, оказывая своим владыкам сверхдолжное повиновение, не отпали от Бога.

Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным.

Выше занимал нас беседой о целомудрии, а теперь обращается к более важному предмету, именно к девству, и говорит, что Господь не положил закона и не дал повеления относительно девства, а сказал только: «кто может вместить, да вместит» (Мф. 19:12). Посему и я не дерзаю предписывать что-либо касательно сего предмета; это дело важное, но

вместе и опасное; впрочем, даю свое мнение, то есть совет, поскольку и я сам, по милости Божией, достоин быть верным, то есть близким к нему и таким, которому можно верить тайны.

По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так.

По моему мнению, говорит, всего лучше для человека воздерживаться от брака по причине соединенных с ним неудобств и неприятностей, а не потому, чтобы брак был нечист.

Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь.

Словами *соединен ли ты с женой?* показал, что брак, как узы, приносит с собой неприятности. *Разводом* называет не воздержание по согласию, но развод без достаточной причины; ибо если супруги воздерживаются по согласию, то это не развод. Сказав *не ищи жены*, дабы не подумали, что заповедует безбрачие, прибавляет: *впрочем, если и женишься, не согрешишь*. Смотри, между тем, как неприметно побуждает к девству, называя брак узами, а девство разрешением и свободой.

И если девица выйдет замуж, не согрешит.

Под девой здесь разумеет не ту, которая посвящена Богу (ибо, если эта выйдет замуж, то, без сомнения, согрешит, так как чрез это, кроме Жениха своего — Христа введет к себе прелюбодея), но еще безбрачную отроковицу. Итак, если таковая выйдет замуж, не согрешит; потому что брак не заключает в себе ничего нечистого.

Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль.

Скорбями называет заботы и печали, сопряженные с браком. А *мне*, продолжает, *вас жаль*, как детей, и желаю, чтобы вы были свободны и беспечальны. Брак — узы; и те, которые находятся под его игом, не имеют власти над собой, как сказано выше.

Я вам оказываю, братия: время уже коротко.

Чтобы к словам его *будут иметь скорби по плоти* кто-нибудь не прибавил: «но вместе и удовольствие», пресекает всякую надежду на удовольствие, поставляя на вид тесноту времени. Ибо все спешит к разрушению, и приблизилось Царство Христово, и наконец мы должны явиться ко Христу. Итак, если и есть какое удовольствие в брачной жизни, то оно непрочное и кратковременно.

Так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся.

Если и имеющие жен должны быть как не имеющие, то что за польза связываться браком и возлагать на себя бремя? Что же значит: *как не имеющие?* Значит: не прилепившиеся к браку и жене и не истощающие всех попечений на них. Таким же образом никто не должен слишком озабочиваться и другим чем-либо: ни печальными обстоятельствами, на которые

намекнул словом *плачущие*, ни радостными, которые означил словом «радоваться», ни договорами, которые выразил словом «покупать». И для чего, говорит, перечислять то и то? Просто пользующиеся миром сим не должны злоупотреблять им, то есть прилепляться к нему со всем усердием и пристрастием; ибо употребление излишнее и выходящее из пределов должного есть злоупотребление.

Ибо проходит образ мира сего.

То есть проходит и разрушается. Зачем же привязываться к тому, что разрушается? Названием образ показал, что вещи настоящего мира только мелькают пред глазами, чрезвычайно легки и не имеют в себе ничего твердого и существенного.

А я хочу, чтобы вы были без забот.

А каким образом могли бы мы быть без забот? Если бы оставались безбрачными. Поэтому прибавляет следующее.

Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене.

Как это, Павел, желая, чтобы мы были беспечальными и для сего внушая нам безбрачие, ты опять говоришь: *неженатый заботится о Господнем*? Ибо вот, и здесь также заботы. Но не такие, говорит, какие соединены с браком: заботы о Господнем спасительны и усладительны, а заботы о мире вредны и тягостны. В самом деле, не есть ли тягость и прискорбие стараться угодить жене и особенно такой, которая любит украшения и требует золота и жемчуга, и других пустых вещей? Это и располагает жалких мужей к несправедливости и душевредным распоряжением вещами.

Есть разность между замужнею и девицею.

То есть они различаются между собой, и не одну и ту же имеют заботу, но разделены в своих попечениях: одна печется о таких предметах, а другая о других. Коль же скоро заботы у них различны, то должно выбирать те из них, которые лучше и легче.

Незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу.

Не довольно быть святой телом, но должно быть таковой и по духу, ибо в этом, то есть в чистоте души, состоит истинное девство. На опыте многие, будучи чисты и непорочны по телу, скверны по душе. Сверх сего, обрати внимание и на то, что та не дева, которая печется о мире. Посему, когда увидишь женщину, которая выдает себя за деву, а между тем печется о мирском, то знай, что она нисколько не отличается от замужней. Павел для обеих положил определенные признаки, по которым можно распознавать их, — не брак и воздержание, но, с одной стороны, большую и беспокойную деятельность, а с другой — спокойное занятие своими делами. Следовательно, та не дева, которая обременяет себя множеством суетных занятий. А замужняя продолжает заботиться о том, как угодить мужу, и потому прилагает особенное попечение о своей красоте, или, чтобы почитали ее доброй хозяйкой, показывает себя нерасточительной и бережливой.

Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы.

Я беседовал, говорит, о девстве, зная, что это состояние полезно для вас, так как оно свободно от печали и забот, и доставляет душе больше выгод; не для того беседовал об этом, чтобы принудить вас против вашей воли оставаться в девстве, (ибо *узами* назвал принуждение).

Но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения.

Для того, говорит, чтобы вы жили благоприлично и в чистоте; ибо что может быть благоприличнее и чище девства? И для того еще, чтобы вы, будучи свободны от неприятностей брака, без развлечения служили Господу и предстояли Ему всегда, возложив на Него все свои заботы (1Петр.5:7).

Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет: не согрешит.

Если кто, говорит, будучи действительно немощен по душе, почитает бесчестным оставить девой свою дочь, особенно если она перешла зрелый возраст, то пусть, говорит, и так будет. Как же? *Пусть делает, как хочет*, то есть если хочет отдать ее замуж, пусть отдает, ибо не согрешит. Однако лучше блюсти деву, как говорит далее.

Пусть таковые выходят замуж. Но кто непоколебимо тверд в сердце своем и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, тот хорошо поступает. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше.

Заметь, как сначала удивляется тому, кто соблюдает свою девицу: называет его твердым и стойким и делающим свое дело с рассуждением; ибо говорит: *непоколебимо тверд в сердце*. Значит, кто выдает свою девицу замуж, тот не тверд. Словами *не будучи стесняем нуждою* показывает то, что отец имеет власть дать дочери своей мужа, и никто не может принудить его не отдавать ее замуж. Итак, честь ему, если оставляет дочь свою незамужнею; поэтому и хвалит его апостол: ибо *хорошо*, говорит, *поступает*. Но и тот, кто выдает свою дочь замуж, также *хорошо поступает*; ибо выдавать замуж не грех; а все, что не грех, добро. Но гораздо лучше не выдавать замуж; ибо это совершенство в добром.

Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия.

Здесь учит о втором браке, и хотя позволяет его, однако, блаженнейшею почитает ту, которая не вступает во второй брак; ибо как девство выше первого брака, так первый брак выше второго. *Жена связана законом*, то есть предостережением закона удерживается от прелюбодеяния, от того, чтобы чрез соединение с другим при жизни мужа быть прелюбодейкой, но если умрет муж, она становится свободной от уз и закона первого брака и получает разрешение. *Только в Господе*, то есть только с целомудрием, с честностью может она вступить во второй брак, для произведения и воспитания детей, а не по влечению похоти. *По моему совету* прибавляет, чтобы ты не почитал этого необходимостью, а только

советом, советом Божественным. *Думаю, говорит, и я имею Духа Божия.* В этих словах больше смиренномудрия; ибо не сказал: имею, но: *думаю, что имею, то есть полагаю, догадываюсь.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О идоложертвенных яствах мы знаем, потому что мы все имеем знание; но знание надмеваег, а любовь назидает.

Некоторые из коринфян были совершенны, и, зная, что входящее в уста не оскверняет человека (Мф. 15:11) и что идолы суть деревья и камни и не могут вредить, безразлично входили в капища и ели идоложертвенное. Другие же, менее совершенные, видя таковых, и сами входили в капища и приносили жертвы идолам, но не с такой же мыслью, с какой первые, а думая, что идолы достойны почтения и способны принимать жертвы. Это подвигло Павла к ревности, потому что это вредило тем и другим: совершенным тем, что они услаждались бесовскими яствами, а несовершенным — тем, что они склонялись к идолослужению. Итак, апостол спешит исправить это зло, и по своему обычаю, оставив несовершенных, обращает речь свою к совершенным. И, во-первых, усмиряет гордость знанием, и говорит: не вы одни имеете это знание, но все мы знаем, что идол есть ничто в мире; однако это знание не только не приносит никакой пользы, но еще и вредит, воздымая и надмевая имеющего оное и чрез то отделяя его от ближнего, если вместе с ним (знанием) не будет и любви, которая, напротив, может созидать. Ибо что знание без любви разрушает, то любовь восстанавливает и созидает, все делая в пользу ближнего.

Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать.

Здесь говорит больше, именно, что если знание будет и с любовью соединено, то и тогда оно несовершенно. Ибо никто, будь то Петр, или Павел, не знает ничего так, как должно знать. Что же надмевааетесь вы, имеющие знание без любви? Ибо если бы вы имели знание и вместе любовь, то и тогда еще ничего не знали бы в совершенстве.

Но кто любит Бога, тому дано знание от Него.

Слова эти имеют такой смысл: кто любит ближнего, тот, без сомнения, любит и Бога; а кто любит Бога, тот (не сказал: «познал» Бога, но) *имеет знание* от Бога, то есть стал знаемым Богу и своим. Став же знаемым Богу, он получает знание от Него; но и это знание несовершенно. Посему, если ты и будешь иметь знание, не превозносись: ибо оно не совершенное и не есть твое достоинство, но дарование от Бога. Смотри, сколькими мерами укрощает их кичливость.

Итак об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого.

Опять обобщает знание, укрощая их. Все, говорит, мы знаем, что идол ничто в мире. Итак, ужели нет идолов? ужели нет изваяний? Есть, но они ничто, то есть не имеют никакой силы; они не боги, но камни и бесы. И так как между эллинами были простецы и мудрецы, и простецы не видели в идолах ничего более камней, а мудрецы думали, что в них обитают

божественные силы, которые они и называли богами: то простецам сказал, что идол ничто в мире, а мудрецам сказал, что нет иного Бога, кроме Единого, а посему не живут в идолах и силы божественные, потому что Бог един, а не много богов.

Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, — но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него.

Поскольку сказал, что нет иного Бога, между тем, как эллины говорили, что богов много, то, дабы не почли его явно противоречащим, говорит: хотя и есть *так называемые* боги, то есть которых называют так, но которые по истине не суть боги. *Или на небе*, как то: солнце и луна и прочие звезды, которые были боготворимы эллинами. *Или на земле*, как то: некоторые из людей, признанных ими за богов. *Но у нас один Бог Отец, из Которого все*: этим указывает на то, что Он Творец; *и мы для* (εἰς) *Него*: этим указывает на веру в Него и на усвоение Ему. Как бы так сказал: и мы обратились к Нему и привязались к Нему.

И один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им.

Все приведено в бытие чрез Сына, и мы также чрез Него приведены в бытие и в благополучие, то есть сделались верующими, и перешли от заблуждения к истине. Слыша слова *один Бог Отец и один Господь Иисус Христос*, не подумай, что имя Бога присвоено исключительно Отцу, а имя Господа Сыну. Ибо безразлично и Сын называется Богом, например, в словах: *от них Христос по плоти, сущий над всеми Бог* (Рим. 9:5); равно и Отец называется Господом, например, в словах: *сказал Господь Господу моему* (Пс. 109:1). Но поскольку у апостола речь с эллинами, чтящими многих богов и многих господ, то он ни Сына не назвал Богом, чтобы они, привыкшие к многобожию, не подумали о двух богах, ни Отца не назвал Господом, дабы не подумали, что и у нас много господ. По этой же причине, то есть щадя немощь слушателей, не упомянул здесь и о Духе, подобно как пророки ясно не упоминали о Сыне по немощи иудеев, дабы они не подумали о рождении страстном. Поэтому постоянно прибавляет: *один*; говорит: *нет Бога, кроме Единого*; и: *один Бог*; и *один Господь*. Итак, Отца назвал единым Богом для отличия от лжеименных богов, а не от Сына; равно и Сына назвал единым Господом для отличия от лжеименных господ, а не от Отца.

Но не у всех такое знание.

Не все, говорит, знают, что Бог един, а не много богов, или что идолы суть ничто.

Некоторые и донныне с совестью, признающею идолов, едят идоложертвенное как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется.

Сказал неопределенно: *некоторые*, желая обнаружить их пред всеми. Ибо много было таких, которые перешли от идолослужения к вере, но которые даже доселе, то есть и после того, как уверовали, едят идоложертвенное, как жертвы идольские. *С совестью, признающею идолов*, то есть имея об идолах такое же мнение, какое имели до обращения, почитая их за нечто и боясь их, как могущих нанести вред. Посему не сказал, что идолы оскверняют, но что *совесть их* (ядущих) *оскверняется*, так как она слаба и не может понять, что идолы ничто, ибо они сами по себе не могут осквернять никого. Итак, пойми, что ядущие идоложертвенное испытывают подобное тому, как если бы кто-нибудь, по обычаю

иудейскому, почитал прикосновение к мертвецу осквернением, но, видя, что другие прикасаются к нему с чистой совестью, из стыда пред ними прикоснулся бы и сам: он не осквернился бы, но осквернился бы в совести, будучи осуждаем ею.

Пища не приближает нас к Богу.

Дабы не сказал кто-нибудь «я ем с чистой совестью, и что мне за дело, если кто по своей немощи соблазняется», объясняет, что и самое ядение идоложертвенного, хотя бы с решительным презрением к идолам, не имеет никакого значения. Ибо хотя бы брат твой и не соблазнился, то и в таком случае ты не сделал бы ничего похвального и богоугодного, потому что пища не приближает нас к Богу.

Ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем.

То есть ни в случае ядения мы не имеем никакого превосходства пред другими и не совершаем дела, особенно угодного Богу, ни в случае неядения не терпим потери и унижения.

Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных.

Этим устрашает их. И не сказал: это знание ваше, но *эта свобода*, то есть самовольство и гордость да не послужат соблазном для слабых. Более виновными делает их то, что они не щадят слабых, которым должно было бы помогать.

Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное?

То есть: если кто-нибудь слабый увидит тебя, как ты называешь себя, совершенного, едящим идоложертвенное, то не найдет ли он большего повода к тому, чтобы и самому есть идоложертвенное, и не более ли еще утвердится (это значит *расположить*) в мнении, что идол есть нечто? Ибо, не зная твоей мысли, с какой ты это делаешь, он, без сомнения, почтет твой поступок увещанием.

И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос.

Таким образом, совершенство твое будет причиной гибели другого, и притом слабого, и такого, за которого Христос умер. «Если же Христос не отказался и умереть за него, как же тебе не воздержаться от яств, чтобы он не соблазнился твоею пищею» (ἐπί τῆ σὴ βρώσει), — говорит Златоуст.

А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа.

Не сказал: соблазняя, но: *уязвляя*, дабы показать жестокость их, когда они уязвляют и слабую совесть. На самый же верх преступления возвел этот грех, когда сказал: *согрешаете против Христа*. В каком же смысле этот грех совершается против Христа? Не в одном, а именно: Христос усвояет делаемое рабам Его Себе; уязвляемые суть Его тело и члены; они разрушают то, что Он совершил чрез собственное заклание, то есть спасение.

И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего.

Как отличный учитель, собственным примером доказывает то, о чем говорит. И не сказал: *если соблазняет* справедливо, но как бы то ни было. Не сказал также: *не буду есть* идоложертвенного, но вообще *мяса*, хотя бы оно было дозволено. Не сказал, опять: в один или два дня, но — во всю жизнь свою; ибо это значит *вовек*. Не сказал, наконец: чтобы не погубить, но только: *чтобы не соблазнить*.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?

Сказав: если пища соблазняет брата моего, не стану есть мяса, дабы кто не почел его тщеславным и самохвальным, вынужден, наконец, объявить, что воздерживался и от дозволенного, чтобы не соблазнить кого-нибудь. Тогда как Христос заповедал проповеднику Евангелия питаться от Евангелия (Лк. 10:7), то есть за счет поучаемых, я, говорит, лучше решил истаивать от голода и ничего не брать от вас, но работать своими руками и питаться своими трудами. Ибо, как кажется, были у них некоторые учителя богатые, пользовавшиеся честью за то, что учили безвозмездно и тем старались пристыдить Павла. Уразумев это, он, как я сказал, не хотел кормиться за счет своих учеников, хотя и имел на это право. Так, говорит, я веду себя: а вы не воздерживаетесь и от идоложертвенного. Такова вообще мысль этого места, которую он раскрывает в нескольких стихах. Впрочем, рассмотрим и порознь каждое изречение. *Не Апостол ли я?* Чтобы кто-нибудь не сказал: «тебе нельзя брать, поэтому ты и не берешь», говорит: как? разве прочие апостолы не берут? — да, — скажешь. — Что же? разве я не апостол? то есть такой же, как они. *Не свободен ли я?* То есть никто не возбраняет мне брать. Чтобы не сказали опять: «прочие апостолы важнее тебя, потому что видели Господа», говорит: *не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?* Ибо *после всех явился и мне, как некоему извергу* (1 Кор. 15:8). А быть самовидцами Христа было действительно великим преимуществом; ибо Сам Он говорил: «Блаженны ваши очи, потому что вы видите то, чего не видели пророки и цари». (ср. Лк.10:23,24).

Не мое ли дело вы в Господе?

Если ты и свободен, если и ты апостол, но не совершил никакого дела апостольского: что из этого? ибо и Иуда был апостол, и видел Господа. Поэтому говорит: вы мое дело; значит, я исполнил служение апостола. Но сказав важное, прибавил: *в Господе*, то есть исполнил силой не своей, но Господней.

Если для других я не Апостол, то для вас Апостол.

Не говорю, что я учитель всей вселенной; но вам разве я не учитель? Почему же я не брал ничего от вас, с которых взять имел особое право? Чрез такую уступку еще более подтверждает речь свою.

Ибо печать моего апостольства — вы в Господе.

То есть доказательство. Если кто пожелает убедиться, точно ли я апостол, я укажу на вас. Вы составляете печать и подтверждение моего апостольства; ибо я совершил между вами все, что должен сделать апостол.

Вот мое защищение против осуждающих меня.

Желающим знать то, откуда видно, что я апостол, я предложу в свою защиту вас. Ибо доказав, что вы всему научены мной, я поражу осуждающих меня.

Или мы не имеем власти есть и пить?

То есть взяв нужное с учеников. Но мы не пользуемся этой властью, хотя мы и имеем ее.

Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?

За апостолами следовали богатые женщины, которые доставляли им необходимое и всю заботу об этом принимали на себя, чтобы они занимались только проповедью. Примечай, что верховного он поставил после, как важнейшего, выражая такую мысль: что мне говорить о прочих? сам Петр так делает. Братиями же Господними называет Иакова, епископа Иерусалимского, Иосию, Симона и Иуду (Мф. 13:55), которые назывались братьями Господа потому, что Иосиф обручен был с Богородицей.

Или один я и Варнава не имеем власти не работать?

То есть ужели мы не имеем власти жить без работы и содержаться на счет своих учеников, не работая? Не умолчал и о Варнаве, который, как ему было известно, был также точен в этом отношении; ибо он жил своею работой.

Какой воин служит когда-либо на своем содержании?

Ибо все воины пользуются содержанием от общества. Прилично поставил на первом месте служение воина; ибо оно имеет сходство с служением апостольским по соединенным с ним опасностям и по борьбе с мысленными врагами.

Кто, насадив виноград, не ест плодов его?

Этим примером указал на трудность, множество бедствий и забот. Впрочем, не сказал: не употребляет весь плод, но: *не ест плодов*. Не сказал также: кто не обогащается от плода, но: *не ест*. Так повсюду убеждает искать необходимого, а не излишнего.

Кто, пася стадо, не ест молока от стада?

Не сказал: продает овец, или: съедает их, или: все молоко, но: *молока*, показывая нам этим, что учитель должен довольствоваться малым вознаграждением и необходимым содержанием. Именем «пастыря» указывает на то, что учитель должен иметь большое попечение.

По человеческому ли только рассуждению я это говорю? Не то же ли говорит и

закон?

То есть разве я только человеческими примерами подтверждаю это, а свидетельства из Писания не имею? Я могу доказать, что это и Богу угодно; то же повелевает и Закон, который не от людей, но от Бога.

Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего.

С избытком подтверждает желаемый предмет, почему приводит в пример и волов.

О волах ли печется Бог?

Что же? ужели не печется? Печется, но не так, чтобы давать законы о них. Поэтому заботливостью о бессловесных внушал нечто иное, именно приучал иудеев заботливости об учителях. Отсюда же узнаем, что все, что ни говорится в Ветхом Завете о бессловесных, то служит к назиданию людей.

Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано.

Употребил слово *конечно* (πάντως), как о предмете общепризнанном, чтобы не дать слушателю повода возразить что-нибудь.

Ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою.

То есть учитель должен возделывать ниву сердец и трудиться с надеждою на воздаяние и вознаграждение.

И кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое.

От сеяния перешел к молотье, чтобы и этим выразить, как много трудов у апостолов: ибо и они пахут и молотят. Поскольку же пахущий только надеется, а молотящий отчасти уже и наслаждается, то сказал, что молотящий получает ожидаемое им. А дабы кто-нибудь не сказал: «что же? за столь великие труды апостолов ты полагаешь им вознаграждение в том только, чтобы получать пропитание?» прибавил: *с надеждою*, то есть будущих благ, так что должно надеяться и тех благ, да сверх того и есть и пить за счет учеников.

Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?

Здесь доказывает правоту дела. Вы, говорит, воздаете неравное тому, что вы приняли. Ибо мы посеяли в вас духовное, а вы воздаете нам телесное. Велико ли это?

Если другие имеют у вас власть, не паче ли мы?

Намекает на некоторых лжеучителей, которые брали с них без стыда и самовольно. Посему не сказал: если иные берут, но: *имеют у вас власть*, то есть господствуют, властвуют над вами, распоряжаются вами, как рабами; не тем ли более имеем право мы, истинные апостолы?

Однако мы не пользовались сею властью.

Хотя мы имеем власть есть и пить на ваш счет, однако мы не пользовались этой властью, дабы вы не соблазнились. А вы не воздерживаетесь и от идоложертвенного, чтобы чрез это не соблазнить слабейших из братии!

Но все переносим, дабы не поставить какой преграды благовествованию Христову.

Дабы кто не сказал: «ты и имел нужды, потому и не брал», говорит: хотя мы находимся в большом стеснении, однако все переносим, и голод, и жажду, и наготу, дабы не произошло какой-либо преграды, то есть какого-либо замедления для Евангелия и проповеди.

Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища?

Не удовольствовавшись вышеприведенным примером, приводит другое место из Закона, чтобы доказать, что имел право брать от учеников. Так как заповедь о волах объяснена была им в переносном смысле, то говорит, что Закон буквально повелевает, чтобы священнодействующие питались от святилища, то есть левиты, которые по степени своей ниже священников. И не сказал: питаются от приносящих, но *от святилища*, дабы ни принимающие не стыдились, как питающиеся от людей, ни дающие не превозносились.

Что служащие жертвеннику (προσεδρεύοντες — приседающие) берут долю от жертвенника?

То есть священники и архиереи. Словом «приседающие» указывает на постоянное служение и пребывание. И не сказал, что они берут священное, указывая на умеренность и на то, что не должно собирать деньги. Не сказал также, что они берут с приносящих жертвы, но *берут долю от жертвенника*. Ибо что было принесено, то принадлежало не принесшим, но храму и жертвеннику. Сказал *берут долю*, потому что кровь закалаемых в жертву была проливаема на жертвенник, жир был сжигаем, а остальные некоторые части мяса, как то: грудь, правое плечо, некоторые внутренности, священник брал себе (Лев. 10:14). Но жертвы всеожжения принадлежали одному только жертвеннику (Лев. 9:12-14).

Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования.

Сильнейшее всех прочих доказательство назвал в конце. Что, говорит, я представляю то одно, то другое? Господь так повелел, дав закон, согласный с ветхозаветным (Лк. 10:7). Как выше сказал: *от святилища* питаться, так и здесь: не от поучаемых, но *от благовествования*, дабы питающие не превозносились. Не ты, говорит, питаешь его, но дело его, — благовествование. И сказал *жить*, а не торговать, ни богатство собирать.

Но я не пользовался ничем таковым.

То есть я не воспользовался ни одним из вышеупомянутых примеров ветхозаветных, ни повелением Христовым, чтобы есть и пить ваше.

И написал это не для того, чтобы так было для меня.

Дабы кто не сказал ему: «что же? если ты не пользовался доселе, то хочешь пользоваться»

на последующее время, почему и говоришь это», спешит исправить такое мнение, говоря: я написал сие не для того, чтобы так было для меня, то есть чтобы мне брать от вас.

Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою.

Я, говорит, лучше соглашусь умереть от голода, нежели допущу, чтобы кто-нибудь уничтожил похвалу мою, то есть объявил ее суетной и пустой. Сказал: *похвалу*, дабы показать избыток своей радости. Иной, может быть, сказал бы: «он действительно не брал, но делал это со скорбью и болью». Но он говорит: я настолько далек от печали, что даже и хвалюсь этим.

Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!

Что ты говоришь? Похвала для тебя не в благовествовании, а в безвозмездной проповеди? Ужели последняя лучше первого? Нет, говорит; но благовествовать заповедано мне, это моя обязанность, и если я исполняю ее, в том нет никакого совершенства, но если не исполняю ее, горе мне, ибо много буду бит, как не творящий воли своего Владыки (Лк. 12:47). Проповедовать же безвозмездно — дело свободного произволения, и потому дело похвальное. Слова *необходимая моя обязанность* сказаны не для отнятия свободного изволения, но для отличия от свободы брать и по страху наказания за неисполнение долга.

Ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение.

Если бы дело проповеди не было возложено на меня, а совершал я оное сам от себя, то я имел бы великую и многую награду. Если же оно возложено на меня; очевидно, я совершаю оное не сам по себе, но делаю по воле Владыки. Это значит *недобровольно*. Посему дело это не заслуживает чести: ибо я исполняю только вверенное мне служение. Примечай и следующее. Не сказал: если делаю *недобровольно*, то не буду иметь награды, — чтобы показать, что он получит награду и за проповедь, хотя в сем случае поступает по воле Владыки; ибо несообразно было бы с правдой, если бы все апостолы не получили награду за проповедание, только не такую, какую получит проповедующий безвозмездно.

За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безвозмездно, не пользуясь (εἰς τὸ μὴ καταχρᾶσθαι) моею властью в благовествовании.

То есть: для меня большая и достохвальная награда в том, чтобы не пользоваться мне властью брать, не пользоваться совершенно. Ибо слово *κατάχρησις* (которое в иных случаях означает злоупотребление) употребил здесь в значении пользования (*χρήσις*) вообще. Взимание везде называет *властью*, чтобы показать, что и те, которые брали, нисколько не погрешали. Сказал в *благовествовании*, чтобы показать, что, кто благовествует и трудится, тот должен брать, а кто не делает, тот не должен.

Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести.

Говорит еще большее. Я не только не брал, хотя имел власть, но и, будучи свободен, не будучи никому подчинен, без постороннего побуждения, сам поработил себя всем, не одному и не двум, но вселенной, не для того, чтобы угождать всем лестью, но чтобы *больше* приобрести верующих; ибо приобрести всех невозможно.

Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев.

Например, когда обрезал Тимофея (Деян. 16:3). Не сказал: иудей, но: как иудей, чтобы показать, что дело это было с особенной целью.

Для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных.

Разумею прозелитов, или тех из иудеев, которые уверовали, но еще держались закона. Было это тогда, когда он остриг голову (Деян. 18:18), когда принес жертву по обряду очищения (Деян. 21:26). Делал же это с особенной целью и для видимости, чтобы исправить тех, которые делали это по убеждению.

Для чуждых закона — как чуждый закона.

Под незаконными разумею или тех, которые не имели закона Моисеева, которые обратились, из язычников, каков был Корнилий (Деян. гл.10), и посещая которых, Павел снисходил к их слабости, или и греков, к которым тоже применялся, например, когда держал речь пред афинянами, то начал ее с жертвенника, бывшего у них, и учил о Христе не как о Боге, но как о человеке (Деян. 17:22,23,31); ибо ничего такого они не могли понять, но и его почли за одного из богов своих, каковы у них были: Геркулес, Эскулап. Везде прибавлено слово как, дабы ты знал, что Павел только казался, а на самом деле не был таким.

Не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона.

Дабы не подумали, что Павел в беседах с чуждыми закона переменял свой образ мыслей, говорит: *не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу*, то есть имея закон, высший древнего закона, закон Христов. И для чего же? для того, чтобы приобрести чуждых закона.

Для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных.

Так и теперь для вас, по причине нетвердости вашей в убеждениях и удобопреклонности к соблазну, я не захотел питаться на ваш счет. Да и в тех случаях, когда он по немощи слушателей не говорит ясно о божественности Сына или о божественности Духа, знай, что он становится *для немощных, как немощный*.

Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых.

И что перечислять многое? Я ко всем применялся. Хотя я не надеялся спасти всех, но желал спасти хотя немногих. А это еще более удивительно. Но трудиться до изнеможения ради немногих — великое дело. Прибавил *по крайней мере*, чтобы утешить учителей. Ибо хотя никто не спасет всех, но немногих, без сомнения спасет. Потому не должно оставаться в бездействии.

Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его.

Благовестием называет верующих, которые спасаются чрез благовестие, как и выше сказал: *от благовестия жить*, то есть от верующих. Я, говорит, поступаю так для того, чтобы мне вместе с верующими быть соучастником в венцах. Говорит так не потому, будто делал это из-за награды, но для того, чтобы убедить их делать все для братии в надежде получить блага небесные. Заметь смиренномудрие апостола. Достойный первенства, он в участии в благах поставляет себя наряду с верующими вообще.

Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду?

Доказав, что нужно снисходить братьям, ведет к ним речь уже более строгую. Слова его имеют такой смысл. Не думайте, что для спасения вашего достаточно уже того, что вы уверовали и вступили на поприще Церкви. Нет, этого мало; подобно как и для бегущих на ристалище мало — просто бежать, но нужно еще бежать безукоризненно, и притом до самой цели. И кто так бежал, тот только и получит награду. А вы в опасности не получить ее; потому что, зная более, чем другие, пренебрегаете братьями и вкушаете идоложертвенное.

Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего.

Вы, говорит, должны бежать так, чтобы получить. А этого не бывает без любви, которой вы не имеете. Хотя вы и почитаете себя совершенными, но несправедливо; ибо вы еще не достигли сего. Намекая же на то, что у них много было недостатков, ибо между ними водились чревоугодие, блуд и пьянство, говорит: *все подвижники воздерживаются от всего*, не от того или от другого, но от всего воздерживаются. Итак, признайтесь, что вы еще далеко не совершенны, и узнайте, что получение награды обуславливается воздержанием.

Те для получения венца тленного, а мы — нетленного.

Это уже обличение. Они воздерживаются для получения тленного венца: а мы не делаем этого и для венца нетленного?

И потому я бегу не так, как на неверное.

Что это значит: *как на неверное*? То, что я все делаю с целью, когда обрезаю, когда стригусь, и ничего не делаю без мысли и без цели, как вы. Ибо какая цель — есть идоложертвенное, когда другие погибают из-за этого? Решительно никакой. Посему, делая это без разумного основания, вы бежите на неверное, и без цели и напрасно. Как превосходный учитель, апостол сам себя прямо выставляет в пример.

Бьюсь не так, чтобы только бить воздух.

Я имею, кого поражать, именно — диавола. А вы не поражаете его, но совершенство знания употребляете на суету.

Но усмиряю и порабощаю тело мое.

Здесь указывает на то, что они преданы чревоугодию и извиняют оное под предлогом совершенства. А я, говорит, переношу всякий труд, чтобы жить целомудренно. Ибо *усмиряю*

(ὕποπτιζω — глаза подбиваю) значит: бьюсь с телом. Словом ὑπόλοι называються синяки под глазами, которые бывают от побоев. Итак, апостол хочет показать, что борьба с природой — подвиг многотрудный. Ибо тело, говорит, очень самовластно и сильно в противоборстве. Поскольку же сказал *усмиряю* и упомянул о синяках, то тотчас присовокупил: *и порабощаю*, дабы ты знал, что тело нужно не уничтожать, но, как раба своевольного, укрощать и подчинять, что свойственно господину, а не врагу. Некоторые же думают, что ὑποπτιζω сказано в смысле более тесном, вместо: *изнуряю голодом*. Но такое мнение несправедливо; ибо тогда должно было бы стоять слово ὑποπτιάζω.

Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным.

И чрез это возбуждает их к большей трезвости. Ибо если мне, говорит, недостаточно для спасения проповедовать и учить, но нужно еще представить самого себя беспорочным во всем: как же вы можете спастись одной только верой, когда вы служите столь многим страстям?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море.

Перечисляет, скольких даров удостоены были иудеи от Бога, и объявляет, что и после этих даров многие не угодили Богу. Говорит же это с целью доказать, что как иудеям не послужило в пользу получение обильных даров, тогда как сами они не выполнили своего долга, так и вам не принесет пользы то, что вы уверовали и удостоились духовных таинств, если вы не представите себя достойными благодати Божией. *Все*, говорит, *были под облаком*. Ибо Бог простер облако покровом над ними, и они прошли через море (Исх. 13:21, 14:22).

И все крестились в Моисея в облаке и в море.

То есть вместе с Моисеем были под сенью облака и вместе перешли чрез море. Ибо когда увидели, что он первый переходит, тогда и сами смело пошли среди вод. Подобное сему и у нас. Первый умер и воскрес Христос, потом и мы уже крестились, подражая смерти Его чрез погружение в воде и воскресению чрез восхождение из нее. *Крестились в Моисея*. Это значит: он предшествовал им в образе крещения. Ибо нахождение под облаком и переход чрез море прообразовали собой крещение.

И все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье.

Как мы, по получении крещения, вкушаем Тело Владыки, так израильтяне, по переходе чрез море, вкушали манну (Исх. 16:4,15); и как мы пьем Кровь Владыки, так они пили воду из твердого камня (Исх. 17:6). Называет манну и воду *духовными* потому, что они хотя были чувственные, но происходили не по закону природы, а по благодати Духа, и питали с делом и души, и приводили к вере.

Ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

Что касается пищи, то не требовалось никакого подтверждения; ибо необычайность ее сама собой очевидна. Но относительно питья нужно было подтверждение, потому что необычаен был только способ изведения оногo. Поэтому и говорит: не природа камня дала воду (иначе он источал бы ее и прежде), но совершил все иной камень, именно Христос. Словом *последующего* выразил ту мысль, что Христос всюду был присущ им и все чудеса совершал.

Но не о многих из них благоволил Бог, ибо они поражены были в пустыне.

Хотя Бог явил им много знаков в любви и удостоил их весьма многих благ, однако в большинстве их он не нашел удобного Себе, *не благоволил*. Ибо отвергнуты были не все, но многие. Словом *не о многих* выражает ту мысль, что множественность их нисколько не послужила им на пользу, когда они со своей стороны не явили дел любви к своему Благодетелю. Словом *поражены были* указывает на внезапную гибель их и на казни, ниспосланные от Бога.

А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы.

Как благодеяния, так и наказания иудеев были образами. Показывает, что грешники из христиан не только будут наказаны, но гораздо больше, чем иудеи, поскольку благодеяния сих были образами, а блага тех истина, и как в дарованиях преимущество на стороне христиан, так и в наказаниях. В словах *похотливы на злое* говорит вообще о всяком зле, ибо всякое зло от похоти (Иак.1:14.15); потом выставляет и некоторые виды зла. К чему же они были похотливы? они требовали чеснока, мяса, особых богов, как и сам апостол далее указывает на их идолослужение.

Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: народ сел есть и пить, и встал играть.

Сначала касается тех, которые ели в капищах, и показывает, что как израильтяне от чревоугодия ниспали в идолослужение (ибо, составив хоры около тельца, они играли пред ним), так и вам, по чревоугодию вкушающим идоложертвенное, угрожает опасность сделаться идолослужителями. Где же, посему, твое мнимое совершенство, когда ты близок к идолослужению?

Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи.

Опять упомянул о блуде, чтобы чрез постоянное обличение сделать слово свое более действенным. Этот грех также рождается от чревоугодия. Когда же погибло двадцать три тысячи? Когда по совету Валаама жены мадиамские явились при ополчении, завлекли к себе юношей, и чрез блуд склонили их к принесению жертвы Ваал-Фегору, и погиб народ, находившийся в ополчении (Числ.25:1-9).

Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей.

Намекает на то, что коринфяне, требуя знамений, искушают Христа.

Не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя.

То есть от некоей поражающей силы (Числ.13:37). Этим намекает им на то, что они среди испытания не имели великодушия, но роптали и говорили: когда же придет счастье? когда же минуют бедствия?

Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков.

Устрашает их и в том случае, когда говорит, что это описано в наставление нам, что и мы должны ожидать наказаний, и тем ужаснейших, чем больших дарований мы удостоились, и — в том, когда представляет им кончину века, и объявляет, что вас обнимут муки не временные, но бесконечные после кончины. Ибо суд этот уже у дверей, потому что оканчиваются веки мира сего.

Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть.

Опять намекает на тех, которые много надмевались своим знанием. Хотя ты и думаешь, что стоишь, однако берегись, чтобы не упасть. Ибо сама твоя уверенность, что ты стоишь, показывает, что ты не стоишь. Тебе думается так, а на самом деле ты не стоишь. Но если и стоишь, то при гордости легко можешь упасть.

Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести.

Словами *кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть* устроил их. Между тем были такие, которые перенесли уже много искушений. Чтобы такие не сказали: «зачем устрашаешь нас? мы претерпели много искушений и не погрешили», говорит: вас постигло искушение только малое и умеренное, ибо малое повсюду называется человеческим. Потом опять утешает, убеждая их взирать на Бога, Который верен, то есть истинен и не солжет. Ибо Он обещал: *приидите, труждающиеся, и Я успокою вас* (Мф. 11:28). Итак, Он не попустит вам быть искушаемыми сверх ваших сил, но устроит так, что вас постигнет искушение, соразмерное с вашей силой. Даже и всякое искушение будет сверх вашей силы, если Он не поможет, и не сотворит облегчение искушения, *при искушении*, то есть облегчение скорое и одновременное с приходом к вам искушения, так что при скором облегчении оно делается для вас сносным. Ибо сказал: *даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести*, то есть искушение вам покажется легким и посильным.

Итак, возлюбленные мои, убегайте идолослужения.

Так как сделал им достаточный упрек, то теперь заглаживает его, называя их возлюбленными. Впрочем, он воспрещает им есть идоложертвенное не потому только, что это вредно для братии, но порицает это дело само по себе, называя оное идолослужением, и требуя скорого от него удаления, ибо говорит: *убегайте*.

Я говорю вам как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю.

Назвав дело их идолослужением, приписал им великое преступление. Теперь смягчает строгость своего слова и самих виновных поставляет судьями (что свойственно только тому, кто, несомненно, уверен в истине своих слов), и говорит: я не нуждаюсь в других судьях; вы, как умные, сами судите.

Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой?

Благословения, то есть благодарения. Ибо, держа чашу в руках, мы благословляем и благодарим Того, Кто излил за нас Кровь Свою и удостоил неизреченных благ. Не сказал: «участие» (μετοχ), но *приобщение* (κοινωνία), дабы выразить нечто большее, именно теснейшее единение. Слова его имеют такое значение: находящееся в Чаше есть то самое, что истекло из ребра Христова, и когда мы принимаем оное, то входим в общение, то есть единение со Христом. Не стыдно ли вам, коринфяне, перебегать к чаше идольской от той самой Чаши, которая избавила вас от идолов?!

Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?

Что не претерпел Господь на кресте (ибо кость Его не сокрушилась: Ин.19:33-36), то претерпевает Он ныне, будучи ломим за нас. Ибо говорит: *который преломляем*. Слова *приобщение Тела Христова* значат: как то Тело соединено со Христом, так и мы чрез этот Хлеб соединяемся с Ним.

Один хлеб, и мы многие одно тело.

Пред сим сказал: *приобщение Тела*. Но имеющий общение с кем-либо не есть одно и то же с ним, а иное. Теперь объявляет большее и говорит, что мы — это самое тело. Ибо что такое хлеб этот? Тело Христово. Чем становятся причащающиеся оно? Телом Христовым, не многими телами, но единым телом. Ибо как хлеб из многих зерен делается единым, так и мы, несмотря на свою множественность, делаемся единым телом Христа.

Ибо все причащаемся от одного хлеба.

Почему и составляет единое. Как же нам не хранить любви и не быть посему в единении? Бог для того и дает нам Свое Тело, чтобы соединить нас и с Самим Собой, и друг с другом. Поскольку начальная природа плоти повреждена грехом и утратила жизнь, то Он дал нам Свою плоть безгрешную и животворящую, но подобную нашей, дабы мы, причащаясь ее, срастворялись с нею, и жили, по возможности, без греха.

Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника?

Из самого простого примера научитесь, что совершаемое вами есть общение с идолами. Сказал: *Израиля по плоти*, потому что христиане суть по духу. Примечай и сие: не сказал об иудеях, что они общники Богу, но: участники жертвенника. Ибо посвящаемое Богу возлагалось на жертвенник и сжигалось. Но о Телe Христовом выразился иначе: общение Тела Христова есть; ибо мы становимся не участниками жертвенника, но общниками Самого Христа. Опасаясь же, дабы слушатели не пришли к той мысли, что как Бог, принимающий

жертву у иудеев, мог вредить, так и идолы принимающие жертву у язычников, могут вредить не приносящим жертв, присовокупил следующее.

Что же я говорю? То ли, что идол есть что-нибудь, или идоложертвенное значит что-нибудь?

Я отвращаю вас от идолов не потому, будто они имеют силу делать вред или пользу, ибо они решительно ничто, но потому, что приносимая им жертва не идет к вашему Владыке. Посему продолжает.

Нет, но что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу.

Итак, не прибегайте к врагам своего Владыки. Ибо если бы ты оставил трапезу царскую и перешел к трапезе осужденных, то, без сомнения, погрешил бы, не потому, будто она повредила тебе или принесла пользу, но потому, что поступок твой показался бы оскорблением для трапезы царской.

Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами.

Ибо если причащающиеся таинственной трапезы становятся общниками со Христом, то участвующие в бесовской трапезе, очевидно, бывают в общении с бесами.

Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую, не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской.

В виде увещания сказал: *я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами*. Чтобы этого увещания не оставили без внимания, теперь та же мысль выражает в форме отрицательной: *не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую*. Одними именами доказывает, что от идоложертвенного необходимо удерживаться.

Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?

Говорит это в укоризну им. Неужели нам испытывать и раздражать Бога, может ли Он наказать нас, когда мы переходим на сторону врагов Его? Потом, дабы показать всю нелепость их поведения, говорит: *разве мы сильнее Его?* — напоминая сим весьма резкое изречение: *они раздражили Меня не Богом, суетными своими огорчили Меня* (Втор.32:21).

Все мне позволительно, но не все полезно.

Дабы кто не возразил: «я ем с чистой совестью и потому имею право так делать», говорит; нет, все тебе позволительно, поскольку Бог сотворил тебя свободным; но чтобы есть идоложертвенное, это не совсем для тебя полезно. Ибо, постоянно участвуя в трапезах идольских, ты шаг за шагом получишь расположение к самим идолам.

Все мне позволительно, но не все назидает.

Поведение твое, как и прежде я говорил, не полезно ни для тебя, ни для брата твоего. Ибо оно не назидает его, а скорее расстраивает, и извращает веру его. Если же нет пользы ни тебе, ни брату твоему, то для чего тебе делать это?

Никто не ищи своего, но каждый пользы другого.

Не то только имей в виду, с чистой ли совестью ты ешь, но и то, назидает ли брата поступок твой. Во многих местах своих посланий поставляет это делом самым необходимым. Не вообще возбраняет искать своей, пользы, но тогда, когда это вредно для брата. Ибо в таком случае пользу его мы должны ставить выше своей и ее избирать.

Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести.

Многими доводами подтвердил, что они должны удерживаться от идоложертвенного. Дабы опять не сделались они разборчивыми сверх должного, не стали бы отказываться от предаваемого на торгу из опасения, что это может быть идоложертвенное, говорит: все, что продается, ешьте, без исследования о продающих, без распроса, не идоложертвенное ли продается, как будто угрызает вас совесть, и вы хотите очистить ее. Или так: дабы не угрызала тебя совесть, ты не спрашивай, ибо при разбирательстве можешь узнать, что предполагаемое тобой к покупке — идоложертвенное, и совесть твоя будет беспокоиться.

Ибо Господня земля, и что наполняет ее.

Господня, а не бесов. Если же земля Господня, то Господни и плоды, и деревья, и животные, а если все Господне, то по природе нет ничего нечистого, но все зависит от мысли каждого.

Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести.

Хорошо сказал: *захотите*; ибо сам не хотел ни советовать, ни отсоветовать. Нисколько не исследуйте, дабы в излишней заботливости не выказать вам боязни пред идолами, и дабы сохранить совесть свою чистой и невозмутимой.

Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, — то не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести. Ибо Господня земля, и что наполняет ее.

Я заповедую тебе удерживаться не потому, будто идоложертвенное вредно, но ради того, кто объявил, что оно идоложертвенное, дабы он не потерпел вреда, и не подумал, что христиане не должны отвращаться предметов идольских. И не потому учу я удерживаться от идоложертвенного, будто оно нечисто и совершенно чуждо нашему Господу: это видно из того, что *Господня земля, и что наполняет ее*, то есть все, что содержится в ней. Или так: удерживайся от этой пищи, ибо вся земля Господня, и тебе можно насытиться иным чем-либо, ибо все для тебя открыто.

Совесть же разумею не свою, а другого.

То есть язычника. Ибо он, быть может, как я сказал, соблазнится, или сочтет тебя чревоугодником, или подумает, что и ты, подобно ему, принимаешь идолов. А дабы кто не сказал: «к чему тебе заботиться о том, кто объявил? ибо ты же прежде сего (5:12) сказал: *что мне судить внешних?*» — говорится забочусь не о нем, а о вас, дабы вы не подверглись,

осуждению. Поэтому и присовокупил следующее.

Ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?

Свободой называет безразборчивость и нестеснение запрещением. Я, говорит, буду есть свободно и без разбору, но язычник осудит меня, и скажет: вера христиан суетна, они говорят, что гнушаются идолов, а между тем приносимое им в жертву охотно, едят.

Если я с благодарением принимаю пищу, то для чего порицать меня за то, за что я благодарю?

Я, говорит, с своей стороны свободно пользуюсь творениями Божиими, по благодати Божией, которая так утвердила и укрепила меня, что я ничего не наблюдаю. Но язычник будет злословить меня, будто я по лицемерию удаляюсь идолов, а по чревоугодию ем приносимое им в жертву. Слова *за что я благодарю* значат: я со своей стороны благодарю Бога, что Он так высоко поставил меня, даже выше смирения иудейского, что я ни в чем не нахожу вреда; но, как я сказал, соблазняется и злословит язычник.

Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию.

Все, говорит, делайте в славу Божию: ибо настоящим вашим делом Бог не прославляется, а скорее хулится. Ест же и пьет кто-либо в славу Божию тогда, когда не соблазняет этим никого, делает это не по чревоугодию или по сластолюбию, но для того, чтобы приспособить тело свое к совершению добродетели; вообще же совершает кто-либо всякое дело в славу Божию тогда, когда ни другому не вредит чрез соблазн, ни самому себе, как, например, действующий по человекоугодию, или по какому-нибудь страстному помыслу.

Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией.

То есть никому не подавайте никакого повода к злословию. А это будет тогда, когда мы не будем соблазнять ни иудея, ни язычника, ни тем менее братьев, ибо *церковь Божия* — они. Примечай. Важнейшее он сказал в конце: христиане должны и прочих привлекать к вере, а не то чтобы преследовать даже братьев; разумеет же под ними всех, которые соблазнились тем, что они ели идоложертвенное.

Так как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись. Будьте подражателями мне, как я Христу. [¹⁵]

Поскольку выставил их виновными в причинении вреда язычникам и иудеям и заповедал им великое дело, то, дабы показать удобность этого дела,ставляет в пример самого себя, А как он не искал своей пользы, это видно из многого, прежде сказанного, например: *для всех я был всем* (9:22), особенно же из того, что он желал бы сам быть отлученным за братьев своих (Рим. 9:3). Слов *как я Христу* не принимай за выражения гордости; они сказаны с целью сильнее побудить к подражанию. Ибо если, говорит, я подражал Христу, не пощадившему собственной жизни для того, чтобы вы ожили, не тем ли более вы можете подражать мне? Ибо я не настолько лучше вас, насколько Он лучше меня: Он несравненно превосходит всех.

Хвалю вас, братия, что вы все мое помните.

Окончив речь о ядении идоложертвенного, грехе тяжком, теперь исправляет грех несколько легчайший. Ибо у него в обычае между тяжкими грехами вставлять менее важные. Что же это было? То, что женщины и молились, и пророчествовали (тогда пророчествовали и женщины) с открытой головой, а мужчины и во время пророчества, покрывали головы, как занимавшиеся любомудрием (φιλοσοφία). Это был обычай эллинский. Апостол уже замечал об этом, быть может, во время своего пребывания у них; но одни из них послушались, а другие не послушались. О покорных он говорит: хвалю вас, что вы мое помните. Хотя в виду имелось одно то, чтобы мужчины не покрывали голову; однако, он говорит: *все мое помните*. Ибо у него всегдашний обычай благоразумно похвалить тех, кого похвала могла поощрить к большему совершенству.

И держите предания так, как я передал вам.

Отселе очевидно, что и Павел и прочие апостолы многое преподавали и без письма.

Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос.

Судя по ходу речи, он, видимо, продолжает беседу с теми, кого хвалит за хранение преподанного им; но на самом деле он исправляет непокорных. Слыша, что Христос есть глава всякому мужу, разумеи: верному. Ибо мы, верующие — тело Его, а не язычники, почему Христос не глава им.

Жене глава — муж, а Христу глава — Бог.

Муж глава жене, потому что господствует над нею. Бог глава Христу, потому что есть причина Его, как Отец Сына. Сказанное о главе не нужно понимать в одинаковом смысле и о Христе. Христос — глава нам и потому, что Он Творец наш, и потому, что мы — Его тело, а Отец глава Христу, как причина Его. Если же название Отца главой Христа будешь понимать и по человечеству, в таком смысле, в каком Сам Христос назван главой нам, тут не будет ничего нечестивого. Ибо Отец называется и Богом Христа по человечеству (Ин. 20:17). Поскольку же Он восхотел уподобиться нам, и назвался и братом нашим и главой, то ничего нет нового, если Он принимает и имена уничиженные, и Отца Своего по Божественности имеет главой по человечеству, как Царя Своего и Бога Своего.

Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову.

Мужу воспрещает иметь покрытую голову не всегда, но только во время молитвы и пророчества. Не сказал также просто: с покрытой головой, но: имеющий на голове (κατὰ κεφαλῆς ἔχων), дабы уничтожить покрытие головы не только одеждой, но и волосами. Ибо и тот, кто отрастил волосы, имеет на голове, именно, эти волосы, почему же он бесчестит голову свою? Потому, что поставлен начальником и властителем, а между тем сам делает себя подвластным. Ибо покрытие головы означает наложение власти на голову, покрывало на голове занимает место властителя, и служит знаком подчинения. Или так: постыжает свою главу — Христа, унижая себя и теряя свободу. Ибо как малое тело постыжает голову, так и тот, кто от Бога создан свободным и самовластным, но сам унижает себя как подчиненного,

постыжает Христа, который есть глава его, как тела. Достойно исследования, почему апостол выставляет это как грех. Мужу и жене, одному признаком власти, а другой — подчинения, дано многое и иное, между прочим и то, чтобы один имел голову непокрытую, а другая — покрытую. Как же не грех переступить пределы природы, и мужу украшаться волосами, а жене не покрываться? Искореняет это явление, как признак своеволия, которое весьма губительно в делах церковных. Ибо и ереси отсюда, от того, что каждый выходит из пределов узаконенного.

И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая.

Были, как я сказал, и женщины с даром пророчества, например, дочери Филиппа (Деян. 21:9) и многие иные. Чем же постыжает голову свою? Тем, что объявляет голову каким-то изгнанником, отступившись от вверенной ей Богом власти. Знай также, что мужу воспрещает быть покрытым, как сказано, во время молитвы и пророчества, а жене воспрещает быть не только в это, но и во всякое время. Ибо сего он желает, когда говорит: *ибо это то же, как если бы она была обритая*. Как быть обритой ей всегда стыдно, так и быть непокрытой стыдно всегда же. Волосы заменяют собой покрывало. Посему снимающая с себя покрывало похожа на снявшую с себя волосы.

Ибо если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается.

Продолжает доказывать, что быть непокрытой сходно с тем, что быть остриженной; и как стыдно последнее, то стыдно и первое. Всем этим выражает, что женщине всегда стыдно быть непокрытой.

Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия.

Первой причиной выставил то, что муж имеет главой Христа, и посему не должен покрываться. Теперь представляет и другую причину, то, что он есть *слава Божия*, то есть наместник Божий и образ Его. Посему представителю власти Царя всех должно являться пред Него со знаками этой власти, то есть с непокрытой головой. Ибо она служит знаком, что муж не подвластен никому из земных, но сам господствует над всем, как образ Божий.

А жена есть слава мужа.

То есть подчинена мужу. Посему и являться ей должно с знаком подчинения, а таким знаком служит — иметь покрытую голову.

Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа.

Выставляет причины, по которым муж преимуществует пред женой, именно: жена создана из ребра его, и не он создан для нее, а она для него. Ибо сказано: *сотворим ему помощника* (Быт. 2:18). Как же мужу покрываться, когда он так почтен от Бога? В таком случае он похитит себе женскую одежду, и сделает то же, как если бы, получив диадему, сбросил ее

с головы, а надел одежду раба.

Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов.

По сему сказанному, говорит, жена должна иметь знак своего подчинения, то есть если не иное что, то на голове покрывало, из благоговения пред ангелами, дабы и пред ними не явиться бесстыдницей. Ибо как покрытой головой, опущенными вниз глазами жена доказывает свой почтительность и верность положения подчиненной, так непокрытой головой она обнаруживает бесстыдство, которого отвращаются и ангелы, присущие верующим. Климент же, автор книги «Строматы», довольно тонко разумел под ангелами праведников Церкви. Жена, говорит он, должна покрываться, дабы не соблазнить их на блуд.

Впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе.

Говорит это потому, что придал больше преимущества мужу, доказав, что жена от него, и для него, и под властью его. Чтобы не возвысить мужей сверх надлежащего, а жен не унизить, говорит, что при первоначальном творении жена, действительно, так создана от мужа, но теперь и муж не рождается без жены. Впрочем, в Господе, то есть все творит Бог, и оживотворяет семя и укрепляет утробу.

Ибо как жена от мужа (εκ του ανδρός), так и муж через жену (δια γυναικός).

Жена, говорит, от мужа. Ибо доселе еще остается за мужем то свойство, что жена от него. А муж через жену, то есть жена служит рождению человека, а большее действие — в семени. Посему о муже нельзя сказать во всей строгости, что он от жены, но от отца своего чрез жену, как послужившую рождению. А о Господе Павел сказал не так, но: *родился от (εκ) жены* (Гал. 4:4). Он побоялся употребить предлог δια, дабы не подать еретикам повода говорить, что Господь прошел чрез Деву, как чрез канал, — или потому, что в рождении Его не участвовал муж, а был Он плодом чрева одной только Ее.

Все же — от Бога.

Это совершенство не мужа, но Божие. Если же все совершается силой Божией, Сам же Он установил порядок отношений между мужьями и женами, то не спорь, а повинуйся.

Рассудите сами.

Опять самих их поставляет судьями, дабы вполне подтвердить то, чего желает.

Прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою?

Здесь намекает на нечто Страшное, на то, что бесчестие восходит до Бога.

Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестие для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала?

Как же не бесчестие для мужа растить волосы, когда он чрез это принимает вид

женщины и, поставленный для господства, принимает знак подчинения? Но для женщины ращение волос есть честь, потому что она сохраняет в сем случае собственный чин, а сохранение своего чина — для каждого честь. Для чего же нужно надевать и другое покрывало, если волосы служат одеянием? Для того, чтобы выразить свою подчиненность не одной только природой, но и свободным произволением.

А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии.

Подлинно противоречить в подобных предметах — дело любопытства, а не размышления и разумения. Поскольку, может быть, коринфяне, желая помудрствовать, пускались в рассуждения, чтобы доказать безразличие в сем деле, то апостол говорит, что ни мы не имеем такого обычая, то есть или спорить, или чтобы мужу растить волосы, а жене не покрываться; *ни прочие церкви*. Поэтому вы противитесь не нам только, но и всей Церкви. Это должно показать слушателям — ничто не делать сверх обычая апостольского.

Но, предлагая сие, не хвалю вас.

Как первые верующие, имея все общее, питались за общим столом, так из подражания им, хотя и несовершенного, в некоторые установленные дни, быть может, праздничные, в Коринфе после причащения Тайн предлагалось общее угощение: богатые приносили яства, бедные были ими приглашаемы и угощаемы. Чрез разделение же этот чудный, дружелюбный и любомудрый обычай был извращен, и не всеми соблюдался. Чтобы исправить это, Павел и пишет; и поскольку при обличении в пороке, прежде сего помянутом, он имел много покорных, то говорил: *хвалю вас* (ст.2); а как в настоящем случае дело было в ином положении, то говорит: *предлагая сие, не хвалю вас*, то есть не хвалю вас потому, что снова завещаю вам и убеждаю вас в том, о чем я намерен говорить. Вам по собственному уразумению следовало бы ни грешить совершенно, ни вынуждать к увещанию.

Что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее.

Вам следовало бы преуспевать к лучшему и делать собрания более щедрые, а вы уменьшили и господствовавший уже обычай, и хотя сходитесь в одной церкви, но не для того, чтобы есть вместе. Это-то и худо очень, то есть то, что вы изменились к худшему.

Ибо, во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения.

Не тотчас начинает речь о трапезах, но прежде порицает их за то, что между ними бывают разделения. Ибо действительно, оттого и ел каждый порознь, что между ними были разделения.

Чему отчасти и верю.

Дабы не сказали, что клеветующие на нас лгут, не сказал ни: верю, дабы не сделать их более бесстыдными, ни: не верю, дабы не явиться напрасным обличителем, но: отчасти верю. Да и вероятно, что обычай этот нарушали не все, но «часть», некоторые.

Ибо надлежит, быть и разномыслиям между вами.

Говорит не о разномыслиях в догматах, но о таких разделениях, каково, например, относительно столов. Что же значит: *надлежит*? То, что, так как вы люди, то дело возможное и неизбежное, что не все ходят право. Посему-то я и верю. Подобно и Господь сказал: *должно прийти соблазнам* (Мф. 18:7), то есть поскольку в мире есть злые, то будут и придут соблазны.

Дабы (ἵνα) открылись между вами искусные.

Слово *дабы* означает здесь не причину, но последствие дела, как видно из многих мест. Ибо когда гордые не принимают за свой стол, тогда являются *искусные*, то есть бедные, потому что они терпят презрение, а прежде сего терпение их не было видно. Или *искусными* называет тех, которые хранят еще обычай относительно стола; ибо не все же нарушали его. Итак, когда нарушители оказываются неискусными, оказываются искусными хранители.

Далее, вы собираетесь так, что это не значит вкушать вечерю Господню.

Собрание служит знаком любви и общения: однако на деле не бывает этого. Господней вечерей называет общий стол, как подражание той Тайной Вечере, которую Господь вкушал с своими учениками. Посему и назвал Обед вечерей. Итак, заметьте, говорит, чего вы лишаетесь; вы лишаетесь подражания трапезе Владыки своего.

Ибо всякий поспешает прежде других есть свою пищу.

Эту Господню вечерю вы претворили в свою частную. Ибо доколе она была общая, она и называлась Господнею вечерей; ибо блага Владыки общи для всех рабов. Поскольку же всякий поспешает есть свою вечерю, не дожидаясь бедных, но ест сам по себе, то вы бесчестили свою вечерю, сделавши ее вместо Господней частной.

Так что иной бывает голоден, а иной упивается.

Бедный голодает, а богатый упивается. Итак, два порока, один — презираете бедных, другой — сами упиваетесь, сами потребляя то, что следовало предложить и бедным. Выразительно сказал: *упивается*.

Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить?

Если вы не намерены есть все вместе, то почему не едите у себя дома?

Или пренебрегаете церковь Божию?

Ибо когда ты обращаешь вечерю Господню в частную, вкушая сам по себе; то ты оказываешь пренебрежение и к церкви, я к месту.

И унижаете неимущих?

Бедных озабочивает не столько то, что вы не питаете их, сколько то, что вы их пристыжаете, обличая их нищету, тогда как сами вы располагаетесь величаво и упиваетесь.

Что сказать вам? похвалить ли вас за это? Не похваляю.

Обличив в погрешности, смягчает свою речь. Он мог бы сказать, что это достойно тысячи смертей; а он что говорит? Похвалить ли вас? За это не похваляю. Поступает так для того, дабы сделать их снисходительнее к бедным. Ибо если бы он до конца простер свое сильное обличение, то они ожесточились бы против нищих, так как апостол из-за них поносит их.

Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал.

Для чего упоминает о тайнах и об одной вечере? Весьма кстати, для того, чтобы убедить, что Владыка твой всех удостоил одной и той же трапезы, а ты отвергаешь и презираешь однородного с тобой. Как он говорит, что принял от Господа, когда не был в то время с Господом, а был гонителем? Для того, чтобы ты знал, что и ныне на таинственной трапезе преподает тайны Сам же Господь, как и тогда.

Что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое.

Вспомните, говорит, что Он преподал вам это таинство последним, притом в ту ночь, в которую был предан на закление, и не отлучил предателя своего от трапезы, а ты презираешь своего брата. Ты научен был благодарить, ибо и Он благодарил, чтобы дать нам образец, а ты совершаешь недостойное благодарности, ибо унижаешь Церковь, и, тогда как иной голоден, упиваешься. Он всем вообще сказал: *примите, ядите*, и притом Тело Свое, которое преломил равно за всех, предав на смерть, а ты спешишь есть, не предлагаешь общего хлеба, чтобы раздать многим, но оставляешь самому себе.

Сие творите в Мое воспоминание.

Что ты говоришь? Если бы ты творил воспоминание о Сыне или Отце, то совесть замучила бы тебя, если бы ты не исполнил узаконенного и не позвал бедных, а творя воспоминание о Владыке, ты и просто не разделяешь трапезы.

Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови.

И в Ветхом Завете были чаши, в которые после жертвоприношения отливали кровь бессловесных (Исх. 24:6-8), и принимали ее бокалом и чашею. Итак, вместо крови бессловесных, которая запечатлевала Ветхий Завет, Я ныне полагаю Свою Кровь, запечатлевая ею Новый Завет. Итак, не смущайся, когда слышишь о крови. Ибо если в Ветхом Завете ты принимал кровь бессловесных, не тем ли более должен ныне принимать Кровь Божественную?

Сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание.

И чрез чашу, говорит, ты творишь воспоминание смерти Владыки. Как же ты один только сам пьешь и упиваешься, когда страшная Чаша сия дана равно для всех?

Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет.

Вы, говорит, должны быть в таком настроении, как бы принимали жертву от Самого Христа, в тот самый вечер и возлежа на том самом месте. Ибо вечеря сия — та самая, и мы возвещаем, то есть вспоминаем, ту самую *смерть*, до второго пришествия.

Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней.

Намекает, что они сами причащаются недостойно, потому что презирают бедных. Чем же виноват бывает причащающийся недостойно? Тем, что и он пролил кровь. Ибо как те, которые тогда прободали, прободали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить, так и тот, кто пьет недостойно, а потому и не получает от сего никакой пользы, напрасно пролил кровь. Иудеи разорвали хитон Царя, а кто недостойно причащается, тот бросил его в грязь, то есть в душу свою. Не равное ли бесчестие? Поэтому и виновен он в равной мере.

Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей.

Когда у Павла в какое-нибудь предложение по необходимости входит другое, он обыкновенно исследует и последнее. Так и теперь. Предшествовала речь о трапезах. Но поскольку он завел речь о Тайнах, то занимается ею, как самым необходимым, и указывает высочайшее благо в том, чтобы приступать с чистой совестью, и говорит: я не поставляю судьей над тобой другого, но тебя самого. Итак, оправдайся пред своей совестью, и таким образом приступай, не тогда, когда будут праздники, но когда найдешь себя чистым и достойным.

Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе.

Не по существу Тайн (ибо они животворящи), но по недостойнству приступающего, подобно тому, как смотреть на солнце вредно для испорченных глаз.

Не рассуждая о Теле Господнем.

То есть не исследуя, ни помышляя о величии подлежащего. Ибо если бы мы сознавали, что в известное, время предлежит, нам не нужно было бы другого пробуждения: одно это пробудило бы нас быть бдительными.

Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает.

Доказательство сказанного возьмите из того, что происходит между вами. Ибо оттого и случаи безвременной смерти, и продолжительные болезни, что многие причащаются недостойно. А те, которые до самой глубокой старости не испытывают болезней, уже не грешат? Грешат. Но тем, которые приступают недостойно, подлежат не одни только здешние наказания, но еще более тяжкие в другой жизни. Мы же и здесь не были бы наказываемы, если бы не грешили, как он и продолжает.

Ибо если бы, мы судили сами себя, то не были бы судимы.

Не сказал: если б мы наказывали сами себя, но только: если бы мы судили и осуждали себя, то и здесь не были бы судимы Богом, и избегали бы наказаний и здешних и тамошних.

Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром.

Поскольку, говорит, мы не делаем такого легкого и удобного дела, то есть самоосуждения, то и Бог не поступает с нами так нещадно, но здесь наказывает, дабы помиловать там. *Наказываемся* (παιδεύομεθα), говорит, здесь: не казням подвергаемся, но получаем отеческие внушения, дабы там не быть осужденными с миром, то есть с неверующими. Ибо верующие, находясь под покровом Божиим, здесь получают возмездие по грехам своим.

По сему, братия мои, собираясь, на вечерю, друг друга ждите.

Опять возвратился к слову о бедных, после того как упомянул о наказаниях и смерти. И не сказал: друг другу уделяйте, но: ждите, — дабы показать, что приносимое туда общее, и должно ожидать общего собрания.

А если кто голоден, пусть ест дома.

Слово пристыжающее. Ибо говорите ними, как с детьми, которые в чувстве голода раздражительны, и осуждает их чревоугодие. По сему и, выводя их из церкви, посылает в дом, и там немало пристыжает их.

Чтобы собираться вам не на осуждение.

То есть во вред себе и осуждение. Собрания определены для того, дабы собирающиеся по любви были взаимно полезны, а если не так, то лучше быть дома. Говорит это не для того, чтобы они оставались дома, но для того, чтобы сильнее привлечь их к собраниям в должном виде.

Прочее устрою, когда приду.

Говорит или о других каких-нибудь погрешностях, бывших между ними и требующих распоряжения, или о том самом, что, вероятно, некоторые будут защищаться против сказанного. Но покуда сказанное мной должно быть соблюдаемо. Если же кто имеет сказать что-либо другое, то пусть ожидает моего прибытия. Устрашает же их своим прибытием для того, чтобы они смирились и исправились, если имеют что нехорошего.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных.

То есть о дарованиях Духа. Дело вот в чем. Те, которые в начале веровали и крестились, все получали Духа. Поскольку же Он был невидим, то давалось внешнее доказательство Его

силы; и получавшие Его или говорили на разных языках, или пророчествовали, или творили чудеса. У коринфян из-за сих дарований были смятения: получавшие больше превозносились, получавшие меньше — завидовали им. Притом, были некоторые вещуны и лжепророки, и трудно было отличать их от пророков богодухновенных. Итак, все это исправляется, и прежде всего дело вещунов.

Знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам — так, как бы вели вас.

Дает признак вещуна для отличия пророка, и говорит: кто вещает в идолах, под внушением духа нечистого, тот как бы ведомый кем, влечется связанный от духа, ничего не зная из произносимого им, но будучи в состоянии исступления и беснования. А пророк — не так; он все произносит со здравым умом. Это первое отличие беснующегося прорицателя от богодухновенного пророка.

Потому оказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым.

И это говорит, да будет тебе признаком вещуна: он «анафематствует», то есть хулит и злословит Иисуса; наоборот, признаком пророка: он произносит имя Господа с благохвалением. Что же оглашаемые? как они, не имея еще Духа, именуют Иисуса? Но не о них теперь речь, а о верующих и неверующих. Что же бесы? разве они не называли Иисуса именем Господа (Мк. 5:7)? Но они называли под ударами и против воли, а добровольно и без поражения — никогда.

Дары различны, но Дух один и тот же.

Показав различие между пророком и лжепророком, говорит и о дарованиях, дабы исправить тех, которые из-за них доходили до разделения. И прежде врачует того, кто получил меньшее дарование, и потому скорбит. Зачем ты оскорбляешься на то, что получил не столько, сколько другой? Это ведь не должное что-либо, а милость и дар. Посему ты будь благодарен, что Бог, ничем тебе не должный, дал тебе нечто. Притом, и тебе и ему дал один и тот же Бог. Ибо не дал тебе ангел, а ему Бог, но обоим вам дал один и тот же Дух.

И служения различны, а Господь один и тот же.

Упомянул и о Сыне, как подателе благ. Сказал о служениях, дабы более утешить скорбящего. Ибо, услышав слово *дар* и получив меньше, он мог скорбеть о том, что обделен в даровании. Но, слыша о *служении*, не так; ибо оно указывает на труд и пот. Что же ты скорбишь, когда Он другим повелел трудиться больше, а тебя пощадил?

И действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех.

Здесь упомянул и об Отце, Который производит действия во всех верующих. И вот тебе совершенная Троица. Дарование же, и действие, и служение суть одно и то же, хотя и разнятся в названиях: ибо равно даются и Духом, и Сыном, и Отцом. Заметь и то, что прежде упомянул о Духе, а об Отце — в конце: это ради тех, которые слишком разборчивы в порядке.

Но каждому дается проявление Духа на пользу.

Дабы кто не сказал: «что же? если и один и тот же Господь, и один и тот же Дух, и один и тот же Бог, но я-то получил меньше?» — предупреждая это, говорит: для тебя это было полезно. *Проявлением Духа* называет чудеса. Ибо из них ясно было, что Дух обитает в крестившихся. Что же ты скорбишь? Больше ли, меньше ли у тебя дарование, видно, что ты имеешь Духа; о чем же тебе заботиться?

Одному дается Духом (διὰ τοῦ πνεύματος) слово мудрости.

Какое имел Иоанн Богослов, также и сам Павел. Заметь и то, что о Духе употреблен здесь предлог διὰ (через).

Другому слово знания, тем же Духом.

Какое имели многие из верующих, сами имевшие знание, но других научить не могшие. Ибо мудрость (σοφία) учит, будучи некоторой ясностью (σαφεία), так как она обнаруживает и сокровенное. Везде упоминает об одном и том же Духе, чтобы утешить (как много раз говорено) того, кто получил меньше.

Иному вера, тем же Духом.

Вера не в догматы, но чудодейственная, которая и горы переставляет (Мф. 7:20).

Иному дары исцелений, тем же Духом.

Дар исцелять всякую болезнь и всякую немощь.

Иному чудотворения.

Такой мог и наказывать непокорных, как, например, Павел поразил Елиму слепотой (Деян. 13:11), а Петр Ананию поразил смертью (Деян. 5:3-5). Получивший дарования исцелений не мог совершать этого.

Иному пророчество, иному различение духов.

То есть способность знать, кто духовен, а кто недуховен, кто пророк, а кто обольститель.

Иному разные языки, иному истолкование языков.

Дар языков у коринфян был в изобилии; им-то они более и превозносились, так как он первый дан апостолам и потому почитался важнейшим прочих. Но это не так. Ибо дарование учительства важнее, и истолкование языков важнее, нежели дар просто говорить на языках.

Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно.

Опять предлагает то же утешение, то есть что все производит один и тот же Дух.

Особенно же заграждает уста тому, кто не доволен своим уделом; ибо говорит: как Ему угодно, так и творит. Кто же ты такой, что не доволен? Заметь это изречение и против восставших на Духа. Ибо Он действует не как Ему поведено, но как Ему угодно. Посему Он — Владыка и Бог. И действует, как и Отец, производящий все во всех (выше, ст.6).

Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос.

И примером тела утешает скорбящего о меньшем даровании, доказывая ему, что он не обделен. Ибо как тело есть и единое, и многое, потому что имеет члены, так и члены суть многие, и едино, потому все вместе составляют едино тело. Где же различие? где большее? Где меньшее? ибо все едино. *Так, говорит, и Христос*, то есть Церковь Христова. Поскольку Христос есть глава Церкви, то именем главы назвал Церковь. Ибо как тело и голова есть один человек, так, зная, что и Церковь и Христос, как тело и глава, суть едино, вместо Церкви поставил имя Христа. Итак, говорит, что в Церкви, хотя она слагается из разных членов, все мы составляем нечто единое.

Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, иудеи или Еллины, рабы или свободные.

Теперь показывает, как Церковь подобна примеру одного тела, и говорит: все мы, и я, Павел, одним и тем же Духом крестились в одно тело, то есть дабы быть одним телом. Ибо мы крестились не иным Духом — ты, а я — иным, но одним и тем же. Посему и я не имею ничего большего в сравнении с тобой. Ибо мы крестились в одно тело, то есть дабы быть одним телом иудеям и эллинам, и рабам, и свободным. Если же бывших столь далекими Дух соединил, тем более после того, как стали едино, мы не должны скорбеть, хотя и есть некоторое различие между нами.

И все напоены одним Духом.

Кажется, он говорит о духовной трапезе, о хлебе и вине; ибо словами: Дух, напоивший нас, указал на то и другое: на Кровь и на Плоть. Впрочем, ближе к истине, он говорит здесь о пришествии к нам Духа, совершившемся во время крещения, прежде причащения Святых Тайн. Сказал *напоены*, заимствовав образ от деревьев, орошенных одним и тем же источником. Итак, один Дух напоил нас и оросил, и соделал единым телом.

Тело же не из одного члена, но из многих.

Не удивляйся, говорит, что при таком множестве мы — едино тело; ибо и в человеческом теле при многих членах можно найти одно тело.

Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели, оно потому не принадлежит к телу?

Представляет члены тела говорящими и ропщущими на то, что они умалены пред прочими членами, для того, чтобы, доказав безрассудность ропота членов, обличить тех, которые в Церкви ропщут на то, что есть некоторые больше их. Выставляет два крайние

члена, ногу и ухо, и ногу представляет говорящую не с глазом, но с рукой, которая немного преимуществом перед нею. Ухо же представляет говорящим с глазом: ибо мы всегда завидуем обыкновенно не тем, которые весьма превосходят нас, но тем, которые немного выше нас. Итак, говорит, если нога скажет, что я не часть тела, потому что не занимаю среднего места, как рука, но ниже всех нахожусь, неужели посему, то есть потому, что она не рука, не принадлежит она к телу? Ибо быть или не быть ей членом тела, зависит не от места, а от того, соединена она или не соединена она с телом. Равным образом, если и ухо скажет: «так как я не глаз, то вовсе отказываюсь быть частью и членом тела», все равно останется на месте, определенном ему в начале, и будет выполнять свое назначение. Так и ты, получивший, по твоему мнению, меньшее дарование, не ропщи. Ибо ты член Церкви Христовой, хотя и низшее получил место. Но когда сам отделишься от Церкви, и разорвешь союз свой с нею, тогда ты уже не будешь членом. Итак, если желаешь быть членом Церкви, храни единение с нею...

Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние?

Поскольку упомянул о глазе и о ноге, об ухе и руке, и выставил их рассуждающими о повышении и унижении, а чрез это коринфянам опять естественно было придти к печали, а не к утешению, то теперь показывает, что полезно и нужно, чтобы дарования были различны. Ибо если бы все тело было одним членом, где же были бы прочие члены? Не стыдно ли тебе отвергать столько членов и возвышать одного только себя?

Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно.

С великой силой заграждает уста их, когда говорит, что Бог восхотел, и каждому в частности члену определил свойственное место (ибо это значит *расположил*). Ни нога, занимающая низшее место, не должна скорбеть, ибо так угодно было Богу, и для нее полезно именно то, чтобы помещаться внизу. Ни голова, находящаяся наверху, не должна превозноситься; ибо это от Бога, а не ее дело. Так и в Церкви Бог поставил одного низко, что для него и полезно, а другого поставил высоко; первый должен быть доволен, и последний не должен превозноситься.

А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно.

Примечай мудрость: заграждает им уста тем самым, что, казалось бы, порождало малодушие, то есть тем, что дарования различны и неравночестны. Ибо если бы не было различных членов, не было бы и единого тела; а если бы не было единого тела, не было бы и равночестия. Ныне же у всех есть равночестие, именно потому, что все соединяются в одно тело. От того, что есть различные члены, составляется единое тело; а от того, что тело — едино, всем им принадлежит равная честь, по тому самому, что служат полноте единого тела. Ибо говорит: членов много, а тело одно.

Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны.

Укротив тех, которые имеют дарования меньшие, теперь обращает речь свою к тем, которые имеют дарования большие и превозносятся над не имеющими оных. Ибо, говорит,

как глаз не может сказать прочим членам: «вы мне не нужны», (ибо при недостатке одного члена все тело несовершенно), так и те, которые получили дарования большие, не могут превозноситься над теми, которые получили дарования меньшие. Ибо первые нуждаются в последних; так как одни сами по себе не могут устроить Церковь. Хорошо сказал: «не может»; ибо пожелать может и многого, но на деле так не будет.

Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; и неблагообразные наши более благовидно покрываются.

Теперь доказывает, что почитаемые меньшими членами и полезны и необходимы; ибо они кажутся меньшими а не на деле таковы. Что же это за члены, казалось бы слабейшие и бесчестнейшие, а между тем необходимые? Одни говорят, что это — детородные члены, которые почитаются бесчестными и неблагообразными но столь необходимы, что без них нет и жизни. Им мы прилагаем и чести больше; ибо иной может быть наг всем телом, но не позволит оставить их обнаженными. Другие же слабейшими, но необходимыми членами называют глаза; ибо они, будучи малы и гораздо слабее прочих членов, весьма необходимы. Бесчестнейшими же и неблагообразными членами называют ноги. О глазах мы прилагаем большее попечение, потому что они слабы; присматриваем и заботимся о ногах, хотя они занимают низкое место и кажутся бесчестными. Иной может в сих словах разуместь три порядка: одни члены слабы и необходимы, например, глаза; другие бесчестны, например, ноги; иные неблагообразны, например, детородные члены.

А благообразные наши не имеют в том нужды.

Дабы кто не сказал: что за причина прилагать попечение о неблагообразных и бесчестных членах, а благообразные оставлять в небрежении? Мы, говорит, не презираем их, но они, будучи по природе своей благообразны, ни в чем не нуждаются от нас.

Но Бог соразмерил тело.

Если не смешил и устроил единым, ибо смешиваемое становится единым, то во едином где же большее и меньшее?

Внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле.

Не сказал: неблагообразном, или: бесчестном, но: *менее совершенном*. Ибо по природе ни один член не безобразен или бесчестен. Менее совершенному, говорит, придал большую честь. Итак, не скорби, ибо ты почтен больше других. Вот и причина: дабы не было разделения в теле. Ибо если бы одни члены пользовались уходом и со стороны нашей, а другие были бы оставлены и без нашего попечения, то они разделились бы между собой, не будучи в силах поддерживать союз, а по разделении их и прочие члены пришли в расстройство, по причине разделения в теле. Так и вы, удостоившиеся больших дарований, не превозносите над получившими меньше, дабы, по отделении их от вас, и вам не потерпеть вреда.

А все члены одинаково заботились друг о друге.

Мало, говорит, того, чтобы члены не разделялись, но между ними должна быть большая любовь и согласие; и каждый должен заботиться и пещись о малом и заботиться не просто, но *одинаково*, то есть чтобы и малый пользовался попечением таким же, как и важный. Так, когда попадет колючка и вонзится в пяту ноги, все тело чувствует и заботится: голова наклоняется, спина сгибается, чрево и бедра стягиваются, глаза смотрят с большой заботливостью, руки вынимают занозу. Подобно бывает и с прочими членами.

Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены.

Тесное единение делает бедствие и благополучие общими. Так, как мы сказали, при занозе пяты все страдает. Наоборот, когда глава увенчивается, тогда и прочим членам — слава и радость, глаза бывают светлее, и все тело кажется прекрасным.

И вы тело Христово, а порознь — члены.

Дабы не сказали: «как относится к нам пример тела и членов?», говорит: и вы тело Христово и члены. Если же в теле человеческом не должно быть распри, то не тем ли более в теле Христовом? Поскольку же не они только одни составляли полноту тела Христового, но верующие, сущие по всей вселенной, то прибавил: *а порознь — члены*. Хотя они не составляли всего тела, однако были членами, и притом *порознь*. Ибо в отношении к вашей церкви вы тело Христово, как целая Церковь; а по отношению к Соборной Церкви, сущей по всему миру, тело которой состоит из повсеместных церквей и имеет главой Христа, вы члены, поскольку часть ее.

И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками.

Бог поставил: как же ты противишься Богу? На первом месте ставит апостолов, потому что они раздаятели всех благ; на втором — пророков не ветхозаветных (ибо они пророчествовали о пришествии Христовом до Иоанна: Мф. 11:13), но тех, которые по пришествии Христовом пророчествовали в Новом Завете, каковы были дочери Филиппа, Агав и множество других. Ибо сия благодать Духа была обильна в каждой Церкви. Полагает счетом *во-первых, во-вторых* для того, чтобы, поставив на конце дар языков, смирить тех, которые превозносились им:

В-третьих, учителями.

Пророк все возвещает от Духа, а учитель и от себя: посему он — третий.

Далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений.

Силы и больных исцеляли, и противников наказывали, а дарования исцелений только врачевали: посему первые он поставляет выше последних. А прежде обоих сих по справедливости поставлен учитель, который учит делом и словом.

Вспоможения, управления.

То есть вспоможение слабым и управление или распоряжение братским имуществом.

Хотя это зависит и от нашего старания, но он называет дарования Божиими, убеждая нас быть благодарными, и к Нему взирать, а не превозноситься.

Разные языки.

Дар этот поставил последним, дабы смирить тех, которые тщеславились им.

Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи?

Когда по порядку перечислены большие и меньшие дарования, им естественно было опечалиться. Посему тех, которые имели меньшие дарования, опять утешает. Что, говорит, тебе скорбеть, что ты не имеешь, может быть, дара пророчества? Представь себе, что у тебя есть то, чего нет у пророка, и что есть у того, того нет у этого. Для вас прилично и гораздо полезнее такое распределение даров, чтобы каждый нуждался в ближнем.

Ревнуйте о дарах больших (τα κρείττονα).

Тайно намекнул, что сами они виноваты, что получили меньшие дарования. Ибо словом *ревнуйте* требует старания с их стороны, и большего стремления к духовному. По-гречески не сказано: «больших» (τα μείζονα), но «лучших» (τα κρείττονα), то есть полезнейших.

И я покажу вам путь еще превосходнейший.

Если вы решительно возревнуете о дарах, то вместе с сими путями (на это указывает слово еще) я покажу вам один путь *превосходнейший*, то есть превосходный, который приводит ко всем дарам. Разумеет же любовь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий.

Апостол не тотчас указал им путь, но наперед сравнивал его с тем даром, который они почитали большим, то есть с даром языков, и показывает, что этот путь несравненно превосходнее сего дара и даже всех прочих даров, а потом уже доказывает его вожделенность. Под *языками человеческими* разумеет языки всех народов вселенной. Не довольствуясь этим, он прибавляет и другое преимущество: языками, говорит, *ангельскими*. Сказал так не потому, будто ангелы имеют языки, но чтобы указать нечто лучшее и превосходнейшее языков человеческих. Ибо под языком ангельским разумеется мысленная сила их передавать друг другу божественные помыслы. А назвал ее так по подобию нашего орудия слова, равно как и выражением *преклонилось всякое колено небесных* (Флп.2:10) обозначил усерднейшее их подчинение; ибо они не имеют костей. *То я*, говорит, *медь звенящая*, то есть издаю голос, но напрасно говорю, и тревожу других, но пользы никому не приношу, потому что любви не имею.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание.

Не простое пророчество, но самое высшее, и знающее все тайны. Примечай же: о языках сказал, что от них нет никакой пользы, а о пророчестве, что оно знает все тайны и всякое разумение.

И всю веру.

Дабы, перечисляя дары поодиночке, не показаться тягостным, перешел к роднику и источнику всех их — к *вере*, и притом — *всей*.

Так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.

Поскольку переставление гор казалось многим великим делом, то и упомянул об этом, а не потому, будто вся вера только это и может совершать. Ибо Господь усвоит переставление гор малой доле веры, когда говорит: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно* (Мф. 17:20). Смотри же, как он пророчеством и верой обнял все дары. Ибо чудеса заключаются или в словах, или в делах. Не сказал: *если не имею любви*, то я мал и беден, но: *я — ничто*.

И если я раздам все имение мое.

Не сказал: *если отдам часть имени моего*, но: *все*, и не сказал: *если отдам* (δω), но: *раздам* (ψωμίσω), так что к утрате присоединится еще услужливость, притом самая заботливая.

И отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Не сказал: *если я умру*, но представляет жесточайшее всего, то есть сгореть живому, и говорит, что и это без любви бесполезно. Скажет иной: как можно раздать имение без любви? Такому можно ответить двояко. Или: апостол предположил невозможное возможным подобно тому, как в словах: *если бы даже мы, или Ангел с неба стал благодествовать вам не то, что мы благовествовали* (Гал. 1:8,9); ибо ни сам он, ни ангел не думали благовествовать иное. Так он выражается и во многих других местах (Рим. 8:39). Или: можно давать и без любви, именно, когда бывает это не из сострадания к нуждающимся, но из человекоугодия. С любовью же бывает это тогда, когда кто творит это по сочувствию и горячей любви.

Любовь долготерпит, милосердствует.

Отселе начинает перечислять признаки любви, и первым между ними полагает долготерпение — корень всякого любомудрия. Ибо долготерпелив тот, кто имеет долгую и великую душу. Но поскольку некоторые употребляют долготерпение не на любомудрие, а часто, смеясь над своими оскорбителями и притворно сдерживаясь, будто люди долготерпеливые доводят их еще до большего раздражения в гневе: то говорит, что любовь *милосердствует*, то есть проявляет нрав кроткий и незлобный, а не как помянутые люди, притворные и злонравные. Сказал это на счет тех между коринфянами, которые любили спорить и тайно враждовать между собой.

Любовь не завидует (ου ζήλοι).

Иной может быть и долготерпеливым, но завистливым. Но любовь избегала и этого. Сказал это на счет завистливых между коринфянами.

Любовь не превозносится.

То есть любовь не поступает безрассудно, но делает имеющего ее благоразумным и твердым. Превозносится же человек мечтательный, легкомысленный, глупый. Это сказано насчет легкомысленных и поверхностных.

Не гордится.

Можно иметь все вышесказанные добродетели, но не гордиться ими. А любовь не имеет этого, но и при помянутых добродетелях смиренномудра. Это против надменных.

Не бесчинствует (ουκ ἄσχημο νεῖ).

То есть любовь не только не гордится, но если будет испытывать и крайние бедствия за любимого, то не сочтет этого постыдным и бесславным для себя, подобно тому, как и Христос из любви к нам не только претерпел бесчестное распятие, но и вменил оное в славу Себе. Можешь понимать и так: не бесчинствует, то есть не обижает; ибо ничего нет постыднее обидчика. Это против не снисходящих другим.

Не ищет своего, не раздражается.

Объясняет, каким образом любовь не испытывает бесчестия: потому, говорит, что она ищет не своей, но пользы ближнего, и то почитает бесчестием, когда не освободит своего ближнего от бесчестия. Это против тех, которые презирали прочих. Любовь и *не раздражается*, потому что не бесчинствует. Ибо человек гневливый не соблюдает благоприличия. Любовь не бесчинствует, потому что и не раздражается, то есть не спешит на гнев. Это против оскорбляющихся обидами других.

Не мыслит зла.

Любовь, говорит, претерпевая всякое зло, не раздражается на гнев, и не только не делает зла в отмщение, но и не думает об этом. Смотри же везде, не говорит: любовь завидует, но останавливается, раздражается, но преодолевает: но, говорит, она никакому злу решительно не попускает показаться даже и в начале его, — как и здесь: *не мыслит зла*. И это сказано коринфянам, чтобы они не платили за обиду обидой.

Не радуется неправде.

То есть не веселится, когда кто-нибудь терпит несправедливость, испытывает насилие и оскорбление.

А сорадуется истине.

Но, говорит, что гораздо важнее, сорадуется тем, которые в добром мнении, и вменяет себе в славу, когда истина преуспевает. Это против завистливых.

Все покрывает.

И обиды, и побои, и смерть. Такое свойство подает ей присущее ей долготерпение. Это против умышляющих зло.

Всему верит.

Что ни скажет любимый ею; ибо и сама она не говорит ничего притворно, и не думает, чтобы другой говорил так.

Всего надеется, все переносит.

Любовь, говорит, не отчаивается в любимом, но надеется, что он всегда восходит к лучшему. Это сказал к отчаивающимся. Если сверх чаяния и случится, что любимый будет пребывать во зле, она переносит его недостатки мужественно. Ибо она, говорит, *все переносит*. Это к тем, которые легко впадают во вражду.

Любовь никогда не перестает.

То есть никогда не уклоняется от цели, но все приводит в исполнение; или, что и лучше, не прерывается, не пресекается, никогда не прекращается, но продолжается и в будущем веке, когда все прочее упразднится, как скажет апостол далее.

Хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут.

Перечислив порождения любви, снова возвышает ее иным образом, именно, говорит, что и пророчество и языки окончатся, а любовь будет пребывать постоянно и в бесконечности. Ибо если пророчества и языки существуют для того, чтобы вера принимаема была удобнее, то, по распространении веры повсюду, естественно, они, как излишние, прекратятся, и в настоящем веке, а особенно в будущем.

И знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.

Если звание будет упразднено: неужели мы будем жить в незнании? Отнюдь нет! Но говорит, что упразднится знание *отчасти*, когда придет знание совершенное, то есть свойственное будущей жизни. Ибо тогда мы будем знать уже не столько, сколько знаем ныне, но гораздо более. Например, мы знаем и ныне, что Бог существует везде, но как это, не знаем; что Дева родила, мы знаем, но как это, не знаем. Тогда же узнаем об этих тайнах нечто большее и полезнейшее.

Когда я был младенцем.

Сказав, что с пришествием совершенного *то, что отчасти*, упразднится, в то же время представляет и пример, которым объясняет, как велико различие между знанием настоящим и будущим. Ибо ныне мы подобны младенцам, а тогда будем мужчинами.

То по-младенчески говорил.

Это соответствует языкам.

По-младенчески мыслил.

Это соответствует пророчествам.

По-младенчески рассуждал.

Это соответствует знанию.

А как стал мужем, то оставил младенческое.

То есть в будущем веке я буду иметь знание более зрелое; тогда малое и младенческое знание, какое мы здесь имеем, упразднится. Затем продолжает.

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно.

Объясняет сказанное о младенце, и показывает, что нынешнее наше знание — какое-то темное, а тогда будет яснейшее. Ибо, говорит, видим ныне в зеркале. Потом, поскольку зеркало довольно отчетливо показывает отражающийся в нем предмет, присовокупил: *гадательно*, дабы с наибольшей точностью показать неполноту этого знания.

Тогда же лицом к лицу.

Говорит так не потому, будто Бог имеет лицо, но дабы чрез это показать ясность и наглядность знания.

Теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.

Вдвойне уничижает их гордость, показывая, что нынешнее знание неполное, и что оно не наше собственное. Не я, говорит, познал Бога, но Он Сам познал меня. Посему, как ныне Он Сам познал меня, и Сам снизошел ко мне, так и я достигну Его тогда гораздо больше, нежели теперь. Как сидящий во тьме, пока не видит солнца, не сам стремится к прекрасному лучу его, но луч показывает себя ему своим сиянием, а когда он примет сияние солнечное, тогда уже и сам стремится к свету. Итак, слова *подобно как я познан* не то значат, будто мы познаем Его так, как Он знает нас, но то, что как ныне Он снизошел к нам, так и мы достигнем до Него тогда. Подобие: некто нашел брошенное дитя, благородное, благовидное; с своей стороны признал оное, поднял и взял к себе, приложил о нем попечение, благородно воспитал, наконец, одарил богатством и ввел в царские палаты. Дитя, пока оно молодо, ничего этого не чувствует, и не сознает человеколюбия лица, поднявшего его. Но, когда оно возмужает, тотчас признает своего благодетеля и возлюбит его достойно. Вот тебе пример в пояснение того, что прикровенно выражено в сказанном.

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

Существуют и дары языков, пророчества и разумения, хотя они и призрачны, однако с распространением веры между всеми они совершенно упразднятся. Вера, надежда и любовь продолжительнее их (ибо это означается словами: *а теперь пребывают*, то есть продолжительность сих трех); но и из них самих любовь больше, потому что она

продолжается и в будущем веке [16].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Достигайте (διώκετε) любви.

Показав, что любовь есть великий дар, далее располагает стремиться к ней. Не сказал: ищите любви, но *достигайте любви*, требуя усиленного старания. Ибо она удаляется от нас, и много нужно пробежать, чтобы достигнуть ее.

Ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать.

Дабы не подумали, что превознес любовь с целью унижить дарования, присовокупляет: *ревнуйте о дарах духовных*, то есть о дарованиях, преимущественно же о пророчестве. Сказал это против того, что коринфяне надмевались даром языков.

Ибо кто говорит на незнакомом языке (γλώσση), тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом; а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение,

Сравнивает языки с пророчеством и показывает, что они не совершенно бесполезны сами по себе; ибо говорят не людям, но Богу, то есть не говорят удобопонятное и ясное для людей, но Духом Святым говорят таинственное. Посему, как говорящие от Духа, они — великое дело, а как бесполезные людям, они — ниже пророчества. Ибо оно и от Духа и многополезно; оно назидает нетвердых, увещает и возбуждает нерадивых, утешает малодушных. Итак, Павел везде поставляет высшим то, что полезнее.

Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот назидает церковь.

Многие, говорящие языками, не могли объяснить того, что сами говорили. Посему они были полезны только сами себе. А пророчествующий полезен для всех слушателей. Посему какое расстояние между пользой одному и пользой Церкви, такое же расстояние между языками и пророчеством.

Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали.

Поскольку у коринфян многие говорили языками, то дабы не подумали, что из зависти унижает языки, говорит: я желаю, чтобы вы говорили *все*, не один или два; еще более желаю, чтобы вы пророчествовали, потому что это много полезнее.

Ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание.

Пророк, говорит, выше; но выше того, кто только говорит языками, а не умеет объяснить. Если же умеет и объяснить, то он равен пророку. Ибо чрез объяснение того, что говорит языком неясно, он назидает Церковь. Объяснение было также дарованием, и иным из говорящих языками подавалось, а иным не подавалось.

Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением?

Хотите ли знать, что языки без объяснения бесполезны? Пусть я Павел, учитель ваш, говорю языками; и в этом случае не будет никакой пользы для слушателей, если я не изъясню чего-нибудь *откровением*, то есть как обыкновенно говорят получившие откровение от Бога; ибо и это также вид пророчества, когда в присутствии многих открываются помыслы каждого. Или *познанием*, то есть как могут говорить имеющие знание и изъясняющие слушателям тайны Божий. Или *пророчеством*, то есть когда кто-нибудь ведет речь и о прошедшем, и о настоящем, и о будущем. Ибо пророчество обширнее, чем откровение. Или *учением*, то есть в виде учительского слова, когда бывает речь то о добродетели, то о догматах. Ибо и учение бывает на пользу слушателям. Иные слово *откровением* понимали так: говорит что-нибудь удобопонятное, ясное и наглядное, а *познанием* — сказать такое, что может быть познано.

И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят отдельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гуслих?

И что, говорит, я говорю, что у нас неясное бесполезно, а ясное полезно? Если и у бездушных орудий звуки не будут *производить отдельных тонов*, то есть ясных, но все будет смешано, то нельзя ни распознать того, что играют, ни получить удовольствия и радости.

И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?

От вещей не необходимых перешел к необходимейшим, упомянул о трубе, и говорит, что и от нее бывают стройные звуки, одни приготавливающие к войне, а другие отвлекающие от войны. Если она будет издавать неясный и неопределенный звук, то воины не будут готовы, и что пользы от неясного звука?

Так если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер.

Дабы не сказали: «какое к нам отношение имеет пример свирели и трубы?», говорит: если и вы даром языков не будете произносить слов вразумительных, то есть ясных, то вы говорите напрасно и на ветер, потому что никто не понимает; ибо вся сила в том, чтобы дар был полезен, для чего же он подавался? Ужели для того, чтобы находил пользу один только получивший его? Если же он желал быть полезным и для других, то должен был или молиться Богу и чрез чистую жизнь получить дар истолкования, или обратиться к тому, кто может изъяснять. Павел для того говорит это, чтобы соединить их друг с другом, и чтобы они не считали себя достаточными для самих себя, но принимали к себе тех, которые могут и истолковать: ибо тогда дар будет полезнее.

Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения.

То есть столько наречий появилось в мире, скифское, индийское, фракийское и иных народов, и все племена говорят что-нибудь; ибо они не без языка.

Но если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец.

Если я не буду разумеать значения слов, то говорящий покажется мне чужестранцем, то есть говорящий непонятное; подобным покажусь и я ему, не по худости слов, но по нашему непониманию.

Так и вы, ревнуя о дарах духовных, старайтесь обогатиться ими к назиданию церкви.

Некоторые после слов *так и вы* ставят точку, и объясняют: так и вы, говорящие языками непонятное, кажетесь слушателям чужестранцами; потом снова начинают и читают: *ревнуя о дарах духовных*. Но святой Иоанн Златоуст читает без разделения. Поскольку, говорит, вы ревнуете о дарах духовных, то и я желаю этого, и принимаю это, как и прежде сказал; только вы старайтесь обогатиться ими *к назиданию*, то есть к пользе Церкви. Ибо я не только не препятствую вам говорить языками, но желаю, чтобы вы обогатились этим даром, лишь бы только употребляли его на пользу общую.

А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования.

Указывает способ, как дар этот сделать полезным для многих. Говорит: говорящий языками пусть долится, дабы получить и дар истолкования. Значит, они сами виновны в том, что не получают дара истолкования, потому что не просят его у Бога.

Ибо когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода.

В древности некоторые вместе с даром языков получали дар молитвы, и произносили слова персидские или римские, но ум не понимал того, что они говорили. Павел и говорит, что *дух мой*, то есть дарование, движущее язык, *молится*, а *ум мой* пребывает без плода, так как не разумеет ничего из произносимого. Смотри же, как он постепенно доказал, что говорящий только языком бесполезен и сам для себя. Так объясняет это место святой Иоанн. Некоторые же понимают так: если я говорю языком, но не объясняю, то *дух мой*, то есть душа моя, сама по себе получает пользу, а ум мой остается без плода, потому что не приносит пользы другим. Понимающие так это изречение, по моему мнению побоялись заблуждения Монтана: ибо он ввел такую ересь, что пророки решительно не понимали своих речей, но одержимые Духом говорили нечто, а что говорили, того не разумели. Но это здесь неуместно. Ибо апостол сказал это, то есть что не понимают своих слов не о пророках, но о говорящих языками, и из них не о всех, но некоторых.

Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом.

Что же, говорит, полезнее? и чего нужно просить у Бога? того, чтобы молиться духом, то есть дарованием, а также *и умом*, то есть мыслью, сознавать слова молитвы. Подобным образом и о пении.

Ибо если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина

как скажет: «аминь» при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь.

Когда, говорит, ты поешь, если будешь благословлять духом, то есть духовным дарованием посредством языка, то занимающий место простеца, то есть мирянин, как при твоей молитве скажет «аминь»? ибо ты слова «во веки веков» сказал неясно и на незнакомом ему языке, и он не уразумел, и потому не получает пользы.

Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается.

Дабы не подумали, что решительно унижает дарование языков, говорит: ты с своей стороны хорошо благодаришь, но, так как при этом нет пользы ближнему, благодарение твоё бесполезно.

Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками.

Дабы не подумали, что унижает этот дар потому, что сам не имеет его, говорит: я более всех говорю языками.

Но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке.

Умом моим, то есть понимая и сознавая свои слова, и будучи в состоянии объяснить их, дабы принести пользу и другим. *Нежели тьму слов на незнакомом языке*, то есть когда не могу истолковать их; ибо в таком случае польза ограничивается только мной одним. *Пять же слов* говорит всякий учитель, который прилагает приличное лекарство к каждому из пяти чувств наших.

Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни.

Показав, какое место занимает дар языков, употребляет наконец грозную речь и порицает их за то, что они мудрствуют, как дети. Ибо поистине детям свойственно удивляться предметам малым, потому что они могут поражать, каковы и языки, и пренебрегать предметами великими, потому что они не обнаруживают ничего нового, каковы и пророчества. Итак, здесь убеждает не превозноситься, даже просто не знать, что такое злоба, как и дети не знают, а умом быть совершенными, то есть рассуждать, какие дарования выше и полезнее. И иначе: *на злое младенец* тот, кто никому не делает зла, но незлобив, как дитя, а совершен умом тот, кто, не делая никому зла, приносит ещё пользу, и не только зла избегает, но и добродетели достигает, и сохраняет сам себя невредимым от вещей временных. Это наставление подобно следующему: *будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (Мф. 10:16).

В законе написано: иными языками и иными устами буду говорить народу сему; но и тогда не слушают Меня, говорит Господь.

Опять сравнивает пророчество с языками, и показывает превосходство его, а в чем оно, видно из того, что сказано далее. *Законом* обычно называет весь Ветхий Завет. Посему и теперь о словах, написанных в конце книги Исаии (28:11,12), говорит, что написаны в законе.

Словами *но и тогда не послушают Меня* показывает, что чудо могло изумить их, но если они не убедились, то это их вина. Ибо Бог всегда делает Свое и являет Свой промысл, хотя знает, что люди не покорятся, — дабы они были безответны.

Итак языки суть знамение не для верующих, а для неверующих.

Знамение изумляет, но не научает и не приносит пользы, а часто и вредит, как язык без истолкования, почему далее (ст.23) и говорит: *не скажут ли, что вы беснуетесь?* Притом знамения и даны для неверующих, ибо верующие не нуждаются в них, потому что они уже веруют.

Пророчество же не для неверующих, а для верующих.

Пророчество, говорит, полезно для верующих, потому что оно наставляет их. Но ужели пророчество не служит и для верных? Как же (ст.24) говорит, что если все пророчествуют, и войдет кто *неверующий*? Вот пророчество и для неверующих. На это можно ответить: апостол не сказал, что пророчество бесполезно для неверующих, но что оно не служит бесполезным знамением, как языки. Кратко сказать: язык служит знамением для неверующих, то есть только для изумления их, а пророчество полезно верующим и неверующим, обличая их, хотя не называется знамением для них.

Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь?

Прикровенно объясняет, что дар языков без дара истолкования бывает поводом и ко вреду. Говорит же это с целью смирить гордость их. Они думали, что дар языков делает их предметом удивления; Павел, напротив, доказывает, что он обращается им в бесславие, давая повод считать их безумными. А дабы ты не подумал, что от самого дарования зависит, что имеющего оно покрывают бесславием, говорит: *неразумные скажут, что вы беснуетесь. Незнающие, говорит, или неверующие, каковы были те, которые об апостолах говорили, что они напились сладкого вина (Деян. 2:13). А благоразумные получают пользу и от дара языков, как например, бывшие при апостолах удивлялись, что они говорили о великих делах Божиих (Деян. 2:19).*

Но когда все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится. И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог.

Видишь ли, как пророчество полезнее как оно, открывая тайны сердечные, заставляет неверующего признавать Бога, падать ниц и поклоняться, и исповедывать: *истинно с вами Бог?* Подобное совершил Бог и с Навуходоносором. Ибо, когда Даниил открыл ему значение сна, он сказал: *Истинно Бог ваш есть Бог, открывающий тайны (Дан.2:47).* Познай отсюда значение и того, что сказано выше: *откровением* (ст.6). Ибо вот, откровение — один из видов пророчества. Заметь и то, что Дух есть Бог. Ибо говорит: истинно с вами Бог. В пророках же, несомненно, действует Дух. Ибо выше (12:10,11) так сказал, что пророчества даются Духом.

Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, — все сие да будет к

назиданию.

В древности и псалмы составляли по дарованию, и на учительство подаваем был дар. Откровением же называет пророчество, давая роду имя вида. Упоминает и о даре языков, дабы не сочли этот дар совершенно презренным и не входящим даже в ряд дарований. Все это, говорит, пусть бывает к назиданию. Ибо отличительное свойство христианина — назидать, приносить пользу. Как же может назидать, приносить пользу тот, кто имеет один только дар языков? Так: если он сойдется с имеющим дар истолкования, и они будут проявлять свои дарования в союзе.

Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй.

Я не возбраняю говорить на языках, но чтобы это было не без истолкования. И пусть немногие говорят на языках, дабы не произошло смешения и беспорядка; *и то порознь*, то есть преемственно. Но, во всяком случае, должен быть истолкователь.

Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу.

Если не будет иметь истолкователя, пусть не говорит в церкви, дабы не показаться чужестранцем, произносящим непонятное и невразумительное для многих. Если же будет настолько тщеславен, что не захочет молчать, то пусть говорит себе и Богу, то есть без шума и тайно, про себя, так, чтобы слова его были слышны одному только Богу, а не людям. Смотри, как, казалось бы, позволяет, а между тем запрещает.

И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают.

Между пророками укрывались и волхвователи. Посему говорит: пусть прочие рассуждают о них, дабы не укрылся в тайне как-нибудь волхвователь. Ибо как выше (12:10) сказано, что был дар и различения духов для распознавания ложных и истинных пророков. Повелевает пророчествовать *двоим* или *троим*, для соблюдения благочиния и для того, чтобы во множестве не укрылись волхвователи.

Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение.

Здесь научает благочинию и смиренномудрию. Когда, говорит, Дух возбудит другого, ты, первый, молчи. Ибо если бы Духу угодно было, чтобы ты говорил, то *все, один за другим, можете пророчествовать*, то есть не печалься, ибо можешь и ты, и другой, и все пророчествовать поодиночке и преемственно. Ибо это дарование не ограничивается одним только, но подается всем, дабы вся Церковь поучалась и получала поощрение к добродетели.

И духи пророческие послушны пророкам.

И это в утешение тому, которому повелел молчать. Слова эти имеют такое значение: не возражай, не противься. Ибо Сам Дух, то есть дарование, находящееся в тебе, и действие Духа, находящегося в тебе, повинуются дарованию другого, возбужденного к пророчеству: и

если Дух повинуется, то тем более ты сам, получивший Духа, не должен возражать. Некоторые же понимали так: языческие прорицатели, если раз овладел ими бес, хотя бы и хотели, не могли молчать; а наши святые пророки не так, но от их воли зависит молчать или говорить. Это и значат слова: *духи пророческие*, то есть дарования, *послушны пророкам* и воле пророков молчать и не молчать. Дабы имеющий это дарование не сказал: «как я, по твоему повелению, могу молчать, когда я говорю по побуждению от Духа?», говорит, что Дух Сей, побуждающий тебя, повинуется тебе, и в твоей уже власти состоит молчать, и потому на Духа не ссылайся напрасно.

Потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира. Так бывает во всех церквах у святых.

Показывает, что и Богу так угодно, чтобы первый молчал; потому что Бог не есть Бог неустройства и беспорядка (а беспорядок будет, если никто не молчит, а все пророчествуют), но мира. Сей мир соблюдается во всех Церквах у святых, то есть верующих. Ибо есть церкви эллинские и греческие. Постыдитесь и вы вести себя иначе, нежели как ведут себя все церкви.

Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит.

Указав хороший порядок всему, что касалось дара языков и пророков, именно, чтобы немногие пророчествовали, и оттоле не происходило бы замешательства и неустройства, теперь уничтожает беспорядок, происходивший от жен, и говорит, что они должны молчать в церкви. Потом говорит нечто большее, именно, что им приличнее быть в подчинении. Ибо подчинение означает молчание от страха, как это бывает в рабынях. *Законом* же называет книгу Бытия, в которой написано: *к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3:16). Если же жене определено быть в подчинении у мужа, тем более — у духовных учителей в церкви.

Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих.

Чтобы не сказал кто-нибудь: если они не будут говорить, то как научатся тому, чего не знают? отвечает, что они дома должны учиться у мужей своих. Это сделает их скромными, а мужей более внимательными, так как они должны будут слышанное ими в церкви точно передать женам по их вопросам. Заметь же, что женам не позволено в церкви говорить даже о предметах необходимых и душеполезных.

Ибо неприлично жене говорить в церкви.

Быть может, они красовались духовными беседами в церкви; а он, напротив, говорит, что это для них бесславно и постыдно.

Разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло?

Речь обращена к кому-то, как бы возразившему ему. Что говорит, вы противитесь, и не признаете хорошим, чтобы жены молчали в церквах? Не потому ли, что вы учителя, и от вас

проповедь перешла к прочим? Ужели вера утвердилась у одних вас, и вы не должны принимать то, что принято другими? Вы — верующие, но не первые, не единственные. Посему и вы должны охотно принимать то, что угодно вселенной.

Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да понимает, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни.

К концу поставил то, что сильнее всего, именно, что так повелевает чрез меня Бог, и это, несомненно, признает тот, кто у вас почитается пророком или имеющим иное какое-нибудь духовное дарование, например, дар знания.

А кто не понимает, пусть не понимает.

То есть: я сказал; кто хочет, тот поверит. Такой тон речи показывает человека, не свое желание старающегося исполнить, но имеющего в виду общую пользу. Так обыкновенно поступает Павел тогда, когда не очень нужно противоречить. Ибо какая нужда Павлу противостоять и убеждать, что слова его суть заповеди Божий, когда он говорит своим ученикам, и сказал уже, что кто духовен, тот признает их божественность? Очевидно, что все спешат назвать их божественными, дабы показаться духовными.

Итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками.

Поговорив о дарованиях, вставил слово о женщинах: теперь опять говорит о дарованиях, и дару пророчества дает первое место, сказав: *ревнуйте*, а дару языков — второе. Не сказал: позволяйте, но: *не запрещайте*. Так мы обыкновенно говорим о предметах не необходимых, ни позволяя, ни запрещая.

Только все должно быть благопристойно и чинно.

Как бы сразу все исправляет, и то, что касалось говоривших на языках, и то, что касалось жен, говоривших в церкви, и вообще все, что у них происходило не в порядке. Благопристойно же и чинно будет все тогда, когда говорящие на языках будут говорить с истолкованием, а не как беснующиеся, когда пророки будут друг другу уступать, когда жены будут молчать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам.

Переходит к учению о воскресении, которое составляет основание нашей веры. Ибо если нет воскресения, то и Христос не воскрес; если же Он не воскрес, то и не воплотился; и таким образом вся наша вера исчезнет. Поскольку такие колебания были у коринфян (ибо внешние мудрецы готовы принять все, только не воскресение), то Павел и подвизается за воскресение. Весьма мудро он напоминает им о том, что ими уже принято на веру. Ничего, говорит, странного я не говорю вам, но даю вам знать (γυνώριζω), то есть напоминаю о том, что уже было вам сообщено, но позабылось. Назвав их *братиями*, отчасти смирил их, отчасти напомнил им то, от чего мы стали братиями, а именно, от явления Христа во плоти, в которое

могли перестать верить, и от крещения, которое служит образом погребения и воскресения Господня. Именем благовествования также напомнил о тех бесчисленных благах, которые мы получили чрез воплощение и воскресение Господа.

Которое вы и приняли.

Не сказал: которое вы слышали; но: которое вы приняли; ибо они приняли его не по слову только, но и по делам и чудесам. Сказал так и для того, чтобы убедить их содержать оное как давно принятое.

В котором и утвердились, которым и спасаетесь.

Хотя они колебались, однако говорит, что устояли в нем: он намеренно представляется незнающим, и предупреждает их, чтобы не могли отрицаться, хотя бы и очень пожелали того. Какая же польза от того, что стоите в нем? Та, что вы спасаетесь.

Если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам.

Говорит как бы так: о том, что есть воскресение, я ничего не сообщаю вам; ибо в этой истине вы и не усомнились. Но может быть, вам нужно знать то, каким образом будет воскресение, о котором я благовестил вам. Об этом-то, то есть о том, как будет воскресение, я и говорю вам теперь.

Если только не тщетно уверовали.

Чтобы словами *вы утвердились* не сделать их беспечными, говорит: если вы удерживаете, если только не тщетно уверовали, то есть если вы не напрасно называетесь христианами. Ибо сущность христианства заключается в учении о воскресении.

Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял.

Так как учение о воскресении очень важно, то я преподавал оное первоначально. Ибо оно есть как бы основание всей веры. Принял же оное и я, то есть от Христа. Посему, как я содержу оное, так и вы должны содержать. И как вы приняли в начале, то ныне вы не правы, когда усомнились хотя на время.

То есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию.

Эти слова очевидно, принадлежат Самому Христу, говорившему чрез Павла. Поскольку манихеи будут впоследствии говорить, что Павел смертью называет грехи, а воскресением освобождение от них, то Ему угодно было сими словами заранее обличить их. Так, Христос умер. Какой смертью? без сомнения, телесной, не греховной; ибо Он греха не сотворил. Если же они не постыдятся сказать, что и Он умер смертью греховной, то как сказано, что Он умер за наши грехи? Ибо если и Он был грешник, то как Он умер за наши грехи? Весьма ясно поражает их и сим замечанием: *по Писанию*. Ибо Писания везде приписывают Христу эту телесную смерть. Так говорится: *пронзили руки мои и ноги мои* (Пс. 21:17); еще: *воззрят на Того, Которого пронзили* (Зах.12:10); еще: *Он изъязвлен был за грехи наши; за преступления народа моего Он идет на смерть* (Ис. 53:5,8).

И что Он погребен был.

Итак, Он и тело имел. Ибо погребается тело. Слова же *по Писанию* не прибавил или потому, что гроб был всем известен, или потому, что слово *по Писанию* относится ко всему вообще.

И что воскрес в третий день, по Писанию.

Где же Писания говорят, что Он воскрес в третий день? В прообразе Ионы, и прежде сего в Исааке, который в три дня сохранен живым для матери, а не был заклан, и в весьма многих иных прообразах; также в словах Исаии: «Господь хочет очистить его от язвы, показать ему свет»; в словах Давида: *не оставишь души моей во аде* (Пс. 15:10).

И что явился Кифе.

В первых поставляет свидетеля, достовернейшего из всех. Хотя Евангелие говорит, что Господь явился прежде Марии (Мк. 16:9), но из мужей первому явился Петру, как лучшему из учеников. Ибо тому, кто первый исповедал Его Христом, следовало первому видеть и Воскресение; является ему прежде прочих и по причине отречения его, дабы показать ему, что он не отвергнут.

Потом двенадцати (τοις δώδεκα).

Матфий сопричислен вместо Иуды после вознесения Господня. Как же Павел говорит: *потом двенадцати*? Отвечаем: вероятно, Он явился Матфию после Вознесения, как явился и Павлу, призванному после Вознесения. Посему он и не указал времени, но выразился неопределенно. Некоторые же говорят, что здесь ошибка писца; или: Господь, вперед зная и презирая, что Матфий будет сопричислен к одиннадцати, явился и ему, чтобы он и в сем отношении не был ниже прочих апостолов. Нечто подобное выражает и Иоанн, когда говорит: *Фома, один из двенадцати* (Ин. 20:24). Ибо всякий скорее скажет, что Он сопричислил к прочим апостолам Матфия по предвидению, чем Иуду после его предательства и самоубийства.

Потом явился более нежели пятистам братии в одно время.

После доказательства из Писаний, приводит во свидетели апостолов и других верных людей. Слово *более* (εὐάνω) некоторые объясняют так: «свыше», с небес; что Он высоко и над головой явился им для того, дабы удостоить в истине Вознесения. Иные же понимали так: более, нежели пятистам.

Из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почил.

Я, говорит, имею живых свидетелей. Изречением *почили* предуготовляет начало воскресения. Ибо кто спит, тот и встает.

Потом явился Иакову.

Брату Господа, поставленному от Него первым епископом в Иерусалиме.

Также всем Апостолам.

Ибо были и другие апостолы, каковы семьдесят учеников.

А после всех явился и мне, как некоему извергу.

Это слово смиренномудрия. Смирение же сие употребил благоразумно, для того, чтобы, когда скажет о себе высокое: *я более всех их потрудился* (ст.10), ему не отказали в вере, как самохвалу. Извергом в собственном смысле называется недоношенное дитя, которое женщина выкидывает. Поскольку называет себя недостойным апостольского звания и человеком отверженным (ст.9), то назвал *извергом*, как незрелого по отношению к апостольскому достоинству. Некоторые же под извергом разумели позднее рождение, так как Павел — последний из апостолов. Но Павла не уничижает то, что он последний увидел Господа. Ибо и Иаков не ниже прочих пятисот, от того, что увидел Господа позже, чем они.

Ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию.

Сам о себе произносит суд: я, говорит, меньший не только двенадцати, но и всех прочих. Смотри, здесь напоминает о тех грехах, от которых избавился через крещение, для того, чтобы показать, какую благодать получил от Бога. Для чего же, выставя сам себя свидетелем Воскресения Христова, так как Он явился и ему, перечисляет свои недостатки? Для того, чтобы заслужить более доверия. Ибо кто по сущей справедливости изложил собственные недостатки, тот не будет напрасно говорить в пользу иного.

Но благодатию Божиею есмь то, что есмь.

Недостатки приписывает самому себе, а совершенства относит к благодати Божией.

И благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился.

И это сказал со смирением, ибо не сказал: я сделал достойное благодати, но: благодать Божия, сущая во мне, оказалась не тщетной. Как? Потому что я потрудился более всех апостолов. И не сказал: я подвергался опасностям, но ограничил похвалу свою скромным именем труда. Говорит это сам о себе для того, чтобы явиться достойным веры. Ибо учитель должен быть достоин веры.

Не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною.

И то самое, что я потрудился, не мое совершенство, но дело благодати Божией.

Итак я ли, они ли, мы так проповедуем, и вы так уверовали.

Я ли более потрудился, они ли, но в проповеди, говорит, мы все согласны. И не сказал: если мне не верите, то им поверьте, ибо уничижил бы сам себя и оказался бы свидетелем истины, не стоящим веры: но говорит, что и он сам по себе достаточный свидетель, и они сами по себе достаточны. Словом *проповедуем* также подтверждает истину своих слов. Ибо мы говорим не скрытно, но явно, и не когда-нибудь, но и ныне. *И вы так уверовали*. Не сказал: ныне веруете, потому что они уже колебались. Но наряду с прочими и их веру называет

свидетельницею истины. Вы, говорит, не поверили бы напрасно ложным и обманчивым речам, если бы не были убеждены в истине проповедуемого.

Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?

Прекрасно рассуждает. Сначала доказал, что Христос воскрес и что так проповедуют он и апостолы. А потом Его воскресением подтверждает общее воскресение, так как за головой следуют и прочие части тела. Не на всех простирает обвинение, дабы не сделать их бесстыднее, но говорит: *некоторые говорят.*

Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес.

Дабы не сказали, что хотя Христос воскрес, однако общего воскресения не будет, подтверждает последнее, И говорит: если нет воскресения, то и Христос не воскрес. Ибо одно подтверждает другое. Ибо для чего Он воскрес, если не для того, чтобы быть начатком нашим?

А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша.

Ибо если Он, умерши, не смог воскреснуть, то ни грех не истреблен, ни смерть не упразднена; наконец, и мы проповедовали пустое, и вы поверили пустому.

Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, то есть, мертвые не воскресают.

Мы, говорит, оказываемся неправыми, потому что ложно показали о Боге, что Он воскресил Того, Кого не воскрешал. Такое вытекает следствие, если мертвые не воскресают. Если же такое следствие нелепо, то нелепо верить и тому, что мертвые не воскресают.

Ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших.

Опять защищает то же самое положение. Ибо Он для того воскрес, чтобы устроить всеобщее воскресение. Если же нет воскресения, то и Он не воскрес; если это допустить, то вера ваша напрасна: что нелепо. *Вы еще во грехах ваших.* Если Он не воскрес, то и не умер, а если не умер, то и греха не истребил: ибо смерть Его — для истребления греха. Ибо сказано: *вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира* (Ин. 1:29). Агнцем назвал Его, без сомнения, по причине заклания. Если же грех не истреблен, то вы, конечно, в нем остаетесь. Как же вы уверовали, что вы избавлены от него?

Поэтому и умершие во Христе погибли.

То есть те, которые умерли за Христа и свидетельствовали о Нем, погибли, если нет воскресения. И вообще все, которые умерли в вере Христовой и в жизни тесной и скорбной, погибли, потому что лишились мирских удовольствий, и после сего не получают никакого блага, если не будет воскресения.

И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков.

Если, говорит, все наше ограничивается здешней жизнью и мы, уповающие на Христа, то есть имеющие надежду на Христа, существуем только в ней, а там нет иной жизни, то мы несчастнее всех, так как ни здешними благами не наслаждались, как и выше сказано, ни будущих не получим, потому что и не воскреснем, как некоторые говорят. Быть может, скажет иной: одна душа будет наслаждаться. Почему же так? Трудилась не одна только она, но и тело. Где же справедливость, если тело, перенесшее большую часть трудностей, обратится в ничто, и не получит никакого блага, а увенчана будет одна только душа?

Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших.

Показав, сколько рождается нелепостей от неверия в воскресение, повторяет слово и говорит как бы так: вот что следует, если нет общего воскресения, когда и Христос не воскрес. Но Христос воскрес. Посему будет и общее воскресение, и этих нелепостей не случится. Постоянно прибавляет *из умерших*, дабы заградить уста манихеев. Если Он — первенец из умерших, то, без сомнения, и им должно воскреснуть. Ибо первенец имеет и за ним следующих, например, когда из многих один сделает что-нибудь, начав первый, а прочие будут продолжать это.

Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут.

Присовокупляет причину, которой подтверждается сказанное. Нужно было, говорит, чтобы само побежденное естество победило, и чтобы сам низверженный преодолел. Ибо как в Адаме, то есть чрез падение Адама, все умирают, так во Христе все оживут, то есть потому что Христос оказался безгрешным и неповинным смерти, и хотя умер добровольно, но воскрес, потому что тление не могло удержать Его, Начальника жизни (Деян. 2:24). И это все идет против манихеев.

Каждый в своем порядке.

Дабы ты, услышав, что все оживут, не подумал, что и грешники спасутся, прибавил: что касается воскресения, то все оживут; но каждый будет в своем порядке и в том, чего достоин.

Первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его. А затем конец.

Христос стал первенцем и путем воскресения. После Него те, которые принадлежат Ему, то есть верные и угодные Ему, воскреснут прежде прочих, когда Он будет сходить с небес (это значит в *пришествии Его*), ибо праведным справедливо иметь какое-либо преимущество и в самом воскресении. Поскольку они будут восхищены на воздухе в сретение Господу (1 Фес. 4:17), то воскреснут прежде. Между тем грешники, как осужденные, будут внизу ожидать Судию. Потом — конец всего, и самого воскресения, потому что все вообще воскреснут. Ибо ныне воскрес один только Христос, а дела человеческие остались в своем положении. Но тогда будет не так, но все получит конец.

Когда Он предаст Царство Богу и Отцу.

Писание знает два царства: одно по праву усвоения, другое по праву творения. По праву творения Он царствует над всеми, над эллинами, иудеями и над самими бесами, и над теми, которые не хотят сего. По праву же усвоения Он царствует над верными и святыми, которые добровольно подчиняются. Об этом царстве сказано: *проси Меня, и Я дам народы в наследие тебе* (Пс. 2:8) и: *дана Мне всякая власть* (Мф. 28:18); его-то предаст Он Отцу, то есть устроит, закончит. Представим себе, что какой-нибудь царь поручил сыну своему вести войну с отложившимися от него народами; когда сын произведет войну и покорит те народы, тогда может сказать, что он передал войну отцу, то есть показал, что порученное ему дело окончено. Итак, Павел говорит, что когда Сын все покорит, тогда будет конец. Ибо Христос тогда совершенно воцарится над нами, когда мы уже не будем разделяться между Богом и князем мира; Он как бы отнимет царство, похищенное тираном, и представит оное Отцу свободным.

Когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу.

То есть когда победит и укротит лукавые силы. Ибо ныне они действуют весьма много, а тогда перестанут действовать.

Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои. Последний же враг истребится — смерть.

Поскольку сказал, что Он упразднит супротивные силы и поставит трофеи, а кто-нибудь мог усомниться и сказать: «быть может, Он ослабеет, покуда все это сделает, и не сможет исполнить это»; то говорит, что Он не ослабеет, но Ему должно царствовать, то есть вести себя как Царю и как Сильному, доколе покорит врагов, и последнего из них — смерть. Ибо Кто покорил диавола. Тот, очевидно, покорит и дело его — смерть. Из чего же было бы видно, что она покорена, если она не выдаст тела, которыми овладела? Ибо тогда собственно будет она побеждена, когда и добыча ее будет расхищена. Итак, услышав, что Он упразднит всякое начальство и власть, не бойся, что Он ослабеет и не сделает сего: Он сделает все, царствуя и управляя войной, доколе покорит всех. Видишь ли, что слово *доколе* поставлено не для уничтожения того, что «после» сего, но по причине, о которой сказано? Ибо, говорит, царство Его пребывает и не ослабеет, доколе Он устроит все. Тем более пребудет оно после того, как Он устроит все; ибо Царству Его не будет конца (Лк. 1:33). Григорий же Богослов говорит, что здесь царством называется то, что Он производит подчинение и поставляет нас под свое владычество; почему, когда мы покоримся Ему, такое царство Его, то есть старание и деятельность о подчинении нас Ему, прекратится. Ибо как строитель дотоле занимается строением, доколе наложил крышу, а после прекращает дело стройки, так и Сын царствует, то есть устроит в нас Свое царство дотоле, доколе мы сделаемся Его подданными.

Потому что все покорил под ноги Его. Когда же сказано, что Ему все покорено, то ясно, что кроме Того, Который покорил Ему все.

Поскольку о Сыне сказал, что Он низложит врагов, и воздвигнет трофей; то убоился, чтобы не почли Сына каким-нибудь иным началом нерожденным. Посему все относит к Отцу, говоря, что Он покорил Сыну врагов. А как он писал к эллинам, у которых была молва, что Зевс восстал на Отца, то говорит, что Сыну все покорено, кроме Отца. Ибо Он-то и покорил Сыну все прочее.

Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему.

Дабы кто не сказал, что хотя Отец и не покорил Сыну, однако Сыну ничто не препятствует быть сильнее Его, сполна разрушает такое предположение и говорит, что и Сын покорится Отцу, показывая полное единомыслие Сына с Отцом. Посему знай, что Отец есть причина и источник сей силы для Сына, и что Сын не есть какая-нибудь иная сила, противоположная Отцу. Если употребил выражение более смиренное, чем следовало, то не удивляйся. Ибо Павел, когда хочет уничтожить что-нибудь с корнем, обыкновенно употребляет усиленные выражения. Например, желая доказать, что верующая жена, живя с мужем неверующим, не терпит вреда, он сказал, что неверующий муж освящается женой (1 Кор. 7:14); не то он говорит, что муж, оставаясь неверующим, делается святым, но усиленным выражением показывает, что верующая не терпит никакого вреда. Так и здесь именем покорения с корнем разрушается лукавый помысел, который мог явиться у иного, о том что Сын, может быть, сильнее Отца, если Он может совершать столько дел. Григорий же Богослов говорит, что Сын, усвоив все наше Себе, и наше подчинение почитает Своим. Ныне мы противимся Богу: неверующие — тем, что не признают Его, верующие — тем, что многие работают страстям, и посему-то мы не покорены. Но когда одни признают Того, Кого ныне отвергают, а другие, мы, отстанем от страстей в жизни сей, тогда, без сомнения, можно сказать, что Сын покорился. Ибо, приняв на себя лице человечества, Он вменяет наше Себе.

Да будет Бог все во всем.

То есть дабы все было в зависимости от Отца; дабы никто не думал, что есть два начала безначальные и раздельные. Ибо когда враги будут под ногами Сына, а Сын не противится Отцу, но, как прилично Сыну, покоряется Отцу; тогда, конечно, Бог и Отец будет все во всех. Некоторые же говорят, что этим, то есть покорностью всего означает прекращение зла. Ибо когда не будет греха, очевидно, что Бог будет все во всех. Тогда не будут уже многие из нас вдаваться в нечистые побуждения и страсти, не имея в себе ничего божественного или имея оного мало, но все будем богоподобны, все будем вмещать в себе Бога, и только Его. Ибо Бог будет все для нас, и пища, и питье, и одежда, и помышление.

Иначе, что делают крестящиеся для мертвых? Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых?

Еретики маркиониты, когда у них кто-нибудь умрет без крещения, скрывши кого-нибудь живого под одром умершего, подходят к одру и спрашивают умершего, желает ли он креститься; скрывшийся под одром отвечает оттуда, что желает, и таким образом его крестят вместо умершего. Потом, когда их обвиняют в этом, они в защиту свою говорят, что апостол так сказал, и приводят, безумные, это изречение. Но это не так. А как? Желающие креститься все произносят Символ Веры, а в нем есть и такие слова: «Верую в воскресение мертвых». Итак, он говорит: поверившие будущему воскресению мертвых тел и в такой надежде крестившиеся что будут делать, когда они обманулись? Зачем же, наконец, и крестятся люди ради воскресения, то есть ожидания воскресения, если мертвые не воскресают?

Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям?

Если вы не принимаете за доказательство воскресения словесного исповедания, которое совершают крестящиеся, то вы имеете свидетельство и в делах. Ибо все мы, апостолы,

постоянно бедствуем. А если бы не было воскресения, то из-за чего бы мы терпели бедствия? для какого удовольствия? Ибо если иной решится на бедствия и из тщеславия, то решится однажды. Но ежечасное терпение бедствий, как мы терпим, служит величайшим доказательством уверенности в воскресении.

Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем.

В словах *подвергаемся бедствиям* (ст.30) указал на бедствия, а здесь выставляет еще нечто большее, именно ежедневную смерть. Как же он умирал каждый день? своею решимостью и готовностью к этому и перенесением таких бедствий, которые влекли за собой смерть. *Свидетельствуюсь в том похвалою вашею*, то есть свидетельствуюсь вашим успехом, которым я хвалюсь: ибо успех учеников составляет похвалу для учителя. Потом, относя это ко Христу, говорит: *которую я имею во Христе Иисусе*. Ибо это Его дело, а не мое. Весьма мудро напоминает им об этом: как успехом вашим я хвалюсь, так покроюсь стыдом, если вы до конца пребудете в сомнениях и не уверуете в воскресение.

По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза?

Сколько, говорит, возможно для людей, я боролся с зверями; но что из того, что Бог исхитил меня из беды? какая мне польза, если нет воскресения? Борьбой с зверями называет борьбу с иудеями и серебряником Димитрием (Деян. 19:23,24 и дал.). Ибо чем они разнились от зверей?

Если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем!

Если мертвые не воскресают, и не будет там блаженства; то будем по крайней мере наслаждаться благами в здешней жизни, будем есть и пить. Ибо в этом только прибыль. Привел эти слова из пророка Исаии (22:13) в посмеяние над 'неразумием тех, которые не признают воскресения.

Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы.

Обращает речь на увещание. Между тем прикровенно обвиняет их в безумии и легкомыслии; ибо это выражает словом: *не обманывайтесь*. *Добрыми же нравами* называет нравы, легко сдающиеся на обман; показывает вместе и то, что их другие увлекают в такие рассуждения.

Отрезвитесь, как должно, и не грешите; ибо, к стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога.

Как пьяным говорит: *отрезвитесь; как должно*, то есть для пользы; ибо можно и трезвым быть неправедно, например, для совершения зла. *И не грешите*, говорит. От этого-то вы и не веруете воскресению. Ибо те кои сознают за собой худое, не соглашаются признавать воскресение по страху наказания. Неверующие воскресению *не знают Бога*. Ибо не знают всемогущества Божия. Не сказал: вы не знаете, но: *не знают*, чтобы облегчить обвинение. *К стыду вашему скажу*. Поскольку довольно долго обличал их, то теперь утешает: я, говорит,

сказал это не по вражде и не в укоризну, но для пристыжения, дабы, когда вы устыдитесь и будете рассуждать, как должно, привести вас к исправлению.

Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут?

Не сказал: вы говорите, для того, чтобы речь была приемлемее, когда будет разбирать слова как бы иных неверующих. Два предмета подвергались сомнению: один — способ воскресения, как воскреснет тело, однажды разрушившееся; другой — в каком теле воскреснут, в настоящем или ином каком-нибудь. Примером зерна разрешает оба недоумения.

Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет.

Решение заимствует от того, что очевидно и каждый день совершается у них. Посему и называет их безрассудными, что они не знают такого ясного дела. Что, говорит, *ты сеешь*, ты — тленный: как же сомневаешься о Боге? *Не оживет* (οὐ ζῶποιεῖται), говорит, *если не умрет*; употребил слова, идущие не к семенам, а к телам. Ибо не сказал: иначе не вырастет, если не разрушится, но: *не оживет*, если не умрет. Смотри, как дал речи обратный вид. Им казалось непонятным, как мы воскреснем после смерти; а он, напротив, говорит, что потому-то и воскреснем, что умрем. Ибо нельзя было бы иначе быть оживотворенными, если бы не было смерти.

И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое.

Два, сказано, было недоумения: одно — как воскреснут, другое — в каком теле. Первое, как воскреснут, разрешил; именно: чрез смерть, как и зерно. Теперь, объяснив, в каком теле воскреснут, разрешает и другое недоумение. Говорит, что воскреснет то же самое тело, то есть тело той же самой сущности, но в более светлом и славном виде. Еретики говорят, что воскреснет не то же самое тело, ибо это, говорят, выражает апостол, когда говорит: *не тело будущее*. Но апостол говорит не это, а что? То, что ты сеешь зерно не таким, каким оно будет, не светлое и славное, но голое, однако колос вырастает благолепный; и он не есть совершенно тот же, потому что посеян не колос, то есть не со стеблем, но *голое зерно*; но и не совершенно иной, потому что колос сей не из иного зерна, но из этого голого.

Но Бог дает ему тело, как хочет.

Если же Бог дает тело, то что ты еще допытываешься, в каком теле мы воскреснем, и не веришь воскресению, слыша о силе и воле Божией? Ибо Бог воскресит разрушившееся тело, только воскресит благолепнейшим и духовнейшим. Это можно усмотреть и на семенах, потому что прозябшее семя всходит лучшим, чем то, которое брошено в землю.

И каждому семени свое (ἰδίον) тело.

Эти слова беспрекословно заграждают уста еретиков, говорящих, что в воскресение оживет тело не то же самое, но иное. Ибо вот, слышишь, что каждому дается собственное тело.

Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у

скотов, иная у рыб, иная у птиц.

Дабы ты, услышав о пшенице, не подумал, что как у нее все колосья вырастают одинаковые, так и в воскресение все будут одинаковы, хочет показать, что между воскресшими будет различие (на что и прежде намекнул словами: *каждый в своем порядке*), и говорит, что не всякая плоть такая же плоть, то есть не все воскреснут в одном и том же достоинстве, но будут иметь разность прежде праведники от грешников, как разнятся тела небесные от земных, потом будет большое различие степеней между самими праведниками, как ниже скажет, и между самими грешниками. Ибо, говорит, как есть разность между плотью человеков и плотью скотов и прочих животных, так будет различие и в наказаниях грешников. Итак, все, что ни сказано о разности между грешниками, сказано о разности между грешниками. Ибо о праведниках говорит ниже, когда перечисляет тела небесные.

Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных.

Здесь, как и выше я сказал, указывает отличие праведных от грешных: первых называет телами небесными, а грешников — земными, и говорит, что иная слава праведников, и иная грешников, уже не слава (ибо сего не должно подразумевать), но жизнь.

Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе.

Как немного прежде сказал о различии в телах грешников, начав с людей и потом упомянув о птицах, скотах и рыбах, потому что и грешники, быв сначала людьми, ниспали потом до уподобления бессловесным (Пс. 48:21), так теперь показывает разности в праведниках. Все, говорит, в славе, но иной свет у солнца, иной у луны, и у какого ни случится тела; ибо и звезды от звезд разнятся в славе, то есть в свете; ибо славу звезд составляет свет. Некоторые под телами небесными разумели ангелов, но думаю, что это неверно. А из того, что привел солнце, луну и звезды, видно, что речь идет о них.

Так и при воскресении мертвых.

Как же? Со многим различием, как видно и из вышеприведенных примеров.

Сеется в тлении, восстает в нетлении.

Выше, говоря о семенах, употреблял слова, приличные телам, когда, например, говорил: *не оживет, если не умрет* (ст.36). Теперь, говоря о телах, употребляет слова, приличные семенам. Ибо говорит: *сеется в тлении*. Под сеянием же понимает теперь не зачатие наше в утробе, но погребение мертвых тел в земле, как бы так говоря: мертвое тело погребается в земле в тлении, то есть для того, чтобы истлеть. Хорошо также сказал: *восстает* (εγείρεται), а не всходит, дабы ты не счел это делом земли.

Сеется в унижении, восстает в славе.

Ибо что униженное мертвого? Но воскреснет в славе нетления, хотя и не все получат одну и ту же часть.

Сеется в немощи, восстает в силе.

Ибо не пройдет и пяти дней, как плоть не сможет противостоять тлению; но воскреснет *в силе* нетления, не подлежа уже никакому тлению, хотя для грешников нетление послужит к большому наказанию.

Сеется тело душевное, восстает тело духовное.

Душевное тело то, которое управляется силами души и в котором душа имеет господство и владычество; *духовное* же то, которое имеет обильную деятельность Духа Святого и Им управляется во всем. Ибо хотя и ныне Дух действует в нас, но не так и не всегда; ибо от тех, кои грешат, отлетает. Хотя и ныне Дух присутствует, но управляет телом душа; а тогда Дух непрерывно будет пребывать в телах праведников. Или: *духовным* просто называет тело нетленное, как тончайшее и легкое, могущее носиться и по воздуху, только не воздушное и эфирное, то есть не из сущности воздуха и эфира, как говорит Ориген. Если же ты не веришь нетлению, то посмотри на тела небесные, которые доселе не стареют, и не ослабевают. Тот, кто сотворил их такими, и наше тленное тело сделает нетленным.

Есть тело душевное.

То, которое мы ныне имеем в настоящей жизни.

Есть тело и духовное.

То, которое будем иметь в будущем веке, по существу то же самое, духовное, то есть нетленное.

Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий.

Первое точно написано (Быт. 2:7), а второе не написано; но поскольку оно случилось по связи событий, то говорит, что написано. Подобно и пророк (Зах.8:3) сказал об Иерусалиме, что он назовется городом правды; но он буквально не был так назван. Евангелие назвало Господа Эммануилом (Мф. 1:23); однако Он не назывался так, но дела дают Ему такое название. Итак, первый Адам был человек душевный, то есть имел тело, управляемое душевными силами; а последний Адам, Господь, *дух животворящий*. Не сказал: «в Духе живущий», но выразил нечто большее: *животворящий*. Ибо Господь имел Духа Святого, существенно соприсущего Ему; Им Он оживлял Свою плоть; Им же и нам даровал нетление. Итак, в первом Адаме мы получили залог настоящей тленной жизни, а во Христе — будущей.

Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное.

Дабы кто не сказал: почему мы ныне имеем тело душевное и худшее, а духовное только еще будет? говорит: потому, что в таком порядке поставлены начала того и другого. Адам прежде, а Христос — после. Потому наше всегда идет к лучшему. И будь уверен, что то, что ныне в тебе тленно и худо, преобразится в нетленное и лучшее.

Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба.

Дабы не вознерадели о прекрасной жизни, хочет уже убеждать к жизни богоугодной, и говорит, что Адам был из земли, от чего он и назван так; ибо Адам означает земного и перстного. А второй человек был Господь с неба. Первому дает имя от худшего, а второму от лучшего, не потому, будто человек, то есть воспринятая человеческая сущность, был с неба, как пустословил безумный Аполлинарий, но потому, что одно лице в одном Христе. По причине сего единения говорится, что Он человек с неба; по той же причине говорится, что Бог был распят (1 Кор. 2:8).

Каков перстный, таковы и перстные.

То есть также погибнут и умрут; или те, которые привязывались к земле, умрут смертью греховной.

И каков небесный, таковы и небесные.

То есть так же будут бессмертны и славны. Ибо хотя умирал и второй Адам, но Он умирал для того, чтобы разрушить смерть. Или: те, которые вели богоподобную жизнь, будут прославлены как помышляющие о небесном.

И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного.

Здесь яснее обнаруживает увещательный тон речи. Образом перстного называет дела порочные, а образом небесного — дела добрые. Посему как прежде мы жили в злобе, как сыны перстного и мудрствующие земное, так теперь должны жить в добродетели, чтобы сохранить образ и подобие небесного. Образ перстного состоит в следующем: *прах ты, и в прах возвратишься* (Быт. 3:19), а образ небесного — в воскресении из мертвых и нетлении. Посему, если то, что говорится о воскресении, должно понимать не об образе жизни, то и слова: *будем носить и образ небесного* должно понимать или писать как указание будущего события, то есть что мы облечемся.

Но то скажу вам, братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия.

Поскольку сказал: *образ перстного*, то как бы в объяснение его говорит, что образ перстного суть *плоть и кровь*, то есть дела плотские и свойственные тучности тела, которые не могут наследовать Царствия Божия.

И тление не наследует нетления.

То есть злоба, растлевающая благородство души, не может наследовать оной славы и нетленных благ. Можешь принимать и так, что все это сказано не об образе жизни, но о воскресении. Например, слова *плоть и кровь* значат: в будущем веке будет наслаждаться царством не нынешнее тело, состоящее из плоти и крови. Ибо там нет пищи и питья, которыми питается нынешнее тело. *И тление*, то есть тленное тело не наследует нетленного. Посему необходимо нашему телу сделаться духовным и нетленным. Впрочем, знай, что Златоуст принимал эти слова апостола за увещание к лучшей жизни.

Говорю вам тайну.

Опять возвращается к учению о воскресении и говорит, что намерен сказать им нечто страшное и сокровенное. Сим же оказывает и большое к ним уважение, коль скоро сообщает им тайны.

Не все мы умрем, но все изменимся.

Хотя, говорит, не все умрут, однако изменятся все, то есть и те, которые не умрут, облекутся в нетление. Итак, когда будешь умирать, не бойся того, что не воскреснешь. Ибо вот, я говорю тебе, что некоторые не умрут, и одного этого им недостаточно для одного воскресения, если они не изменятся, и таким образом не перейдут в бессмертие из той смертности тел, какую они имеют. Посему как для них не полезно не умирать, так для нас не вредно умирать. Ибо и для них изменение служит смертью, потому что в них умирает тление, изменяющееся в нетление.

Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе.

В кратчайшее и неуловимое время, в какое можно только смежить ресницы, совершится столько и таких дел. Это весьма чудно. Ибо должно удивляться не только тому, что воскреснут сгнившие тела, и тому, что каждый получит свое собственное, но и тому, что все это совершится так быстро, что нельзя и выразить. Слова *при последней трубе* некоторые понимали о той, о которой написано в Откровении (глава 8, 9 и 10) евангелиста Иоанна. Он говорил, что есть семь труб, первые из них производят поражение людей, ибо не все вместе умирают, но по частям, и это, говорит, по устройению Божию, дабы остающиеся, видя первых погибающими, сами раскаялись. А последняя труба произведет воскресение и изменение уже воскресших, вскоре, в мгновение ока.

Ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными.

Дабы кто не усомнился, как так дела совершатся в мгновение ока, подтверждает достоверность своего слова силой Бога, творящего оные: и говорит, что *вострубит*, и сделается; подобно сему: *Он сказал — и сделалось* (Пс. 32:9). Ибо труба означает не что иное, как повеление и мановение Божие, предшествующее всему.

А мы изменимся.

Говорит это не о самом себе, но о тех, которые тогда будут в живых.

Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие.

Дабы кто-нибудь, услышав, что плоть и кровь не наследуют Царствия Божия и что мертвые воскреснут нетленными, не подумал, что тела не воскреснут, так как ныне они состоят из плоти и крови, прибавляет, что тела воскреснут, не такие, которые суть плоть и кровь, а преобразенные в нетление. Заметь сии слова против тех, которые говорят, что воскреснут тела не те же самые, но иные; ибо тленному, говорит, сему и смертному сему; не иному, а указательно говорит: сему. Посему тело останется то же самое (ибо оно есть то, что облекается), но смертность и тленность уничтожается, так как оно облечется в нетление и бессмертие. Между смертью и тлением есть разность: слово «смерть» употребляется только о существах одушевленных, а «тление» и о неодушевленных. У нас же есть нечто подобное неодушевленному, например, волосы, ногти, но и эти предметы облекутся в нетление.

Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою.

Когда это сбудется, тогда исполнится написанное пророком Осией (13:14). Поскольку сказал нечто изумительное, то в истине слов удостоверяет свидетельством Писания. *Победою* (εις νίκος в победу), то есть окончательно, так что побежденная уничтожится, и не остается ей и надежды на то, чтобы когда-нибудь впоследствии возыметь силу.

Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?

Как бы увидев это совершившимся на деле, воодушевляется, издает победный клич и торжествует, как бы наступая на поверженную смерть и попирая ее. Между *адом* и *смертью* можешь найти некоторое различие, именно: *ад* содержит души, а *смерть* — тела; ибо души бессмертны.

Жало же смерти — грех.

Ибо чрез него она получила силу, пользуясь им как бы оружием каким и жалом. Ибо как сам скорпион есть небольшое животное, а в жале имеет силу, так и смерть получила силу чрез грех, а иначе она была бы недействительна. Это видно и на примере Самого Господа, так как смерть не нашла в Нем греха, то и осталась без действия над Ним.

А сила греха — закон.

Почему? Потому что, когда не было закона, мы грешили по незнанию, и подлежали не такому строгому осуждению, а когда закон обнаружил грех, он подверг нас большому осуждению, так как мы знаем и грешим, и сделал его сильным, не по естеству его, но по причине беспечности нашей, так как мы не воспользовались, как следовало, законом, как лекарством, о чем пространнее и больше сказано в Послании к Римлянам. Итак, человек, не сомневайся в воскресении. Ты видишь, что и грех, который был оружием смерти, разрушен, и закон, который случайно стал силой греха, упразднен. Когда смерть обезоружена, очевидно, она уже не имеет силы.

Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!

Подвизался Господь Иисус, а нам дана победа, не по заслугам, не по долгу, но по благодати и человеколюбию Бога Отца, Который сделал нас победителями чрез подвиг Своего Сына.

Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем.

Поскольку, говорит, вы узнали, что будет воскресение и воздаяние добрым и злым, то будьте тверды; ибо они колебались в учении о воскресении. Поскольку же они и не радели о жизни доброй, из-за того, что будто не будет воскресения; то говорит: *всегда преуспевайте в деле Господнем*; не только делайте оное, но и творите его во изобилие. *Дело же Господне*, то, которое любит Господь и которого Он требует от нас, есть добродетель.

Зная, что труд ваш не тщетен пред Господом.

То есть надейтесь, что будет воскресение, И вы ничего не потеряете из ваших трудов. Ибо прежде вы не радели о добродетели потому, что верили воскресению и потому не хотели трудиться напрасно, но теперь вы знаете что никакой ваш труд не останется напрасным. *Пред Господом* (εν Κυρίῳ) значит или труд ваш, который «в Господе», то есть на который вы имели помощь свыше, так как он обращен на дела богоугодные; или «у Господа» не останется труд ваш напрасным, но вы получите от Него воздаяние.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

При сборе же (περί δε της λογίας) для святых поступайте так, как я установил (διέταξα) в церквах Галатийских.

Окончив догматическое учение, перешел к главе добродетелей — милостыне. Милостыней называют сбор для того, чтобы облегчить дело в самом его начале. Ибо что было собираемо от многих, то для каждого было легко. Потом побуждает их к соревнованию, повествуя о том, что совершено было другими, как, говорит, сделали галаты. Не сказал: я предложил, но: *установил*, — что означает большую власть, — дабы ты знал, что это — установление царское, и не пренебрегал этим делом.

В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние.

Первым днем недели называет день Господень (воскресенье). И самым днем предрасполагает их к милостыне, напоминая о совершаемых в оный таинствах. Очень также благоразумно повелевает каждому сберегать то, *сколько позволит ему состояние*, то есть что Бог пошлет и что будет сподручно. Ибо не сказал: тотчас неси, Дабы не пристыдить кого-нибудь, имеющего мало, но: *отлагай сам у себя*, и когда придет время, тогда и неси.

Чтобы не делать сборов, когда я приду.

Дабы, говорит, вам не собирать тогда, когда нужно раздавать. Словами *когда я приду* делает их более усердными к сбору, так как пожертвования будут пред его глазами.

Когда же приду, то, которых вы наберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния в Иерусалим.

Хорошо сказал: *которых вы изберете*, — во избежание всякого соблазна, дабы не заподозрили, что он хочет из собранного сколько-нибудь уделить и себе. Итак, после слова *изберете* поставь точку, потом читай: *тех отправлю с письмами*. Связь будет такая: кого вы изберете, тех я пошлю со своими письмами. Как бы так говорит: и сам я присоединюсь к ним, и приму участие в этом служении своими письмами. *Подаянием* (по-церковнославянски — благодатью) назвал это дело, то есть пожертвование, для того, чтобы показать, что они совершают нечто великое, совершают и без скорби, и без принуждения. Ибо благодать — такого свойства. Назвать же приношение милостыней было недостойно святых, которые имели принять оное.

А если прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут.

Если, говорит, сбор будет такой, что потребуется и мое служение, то и я отправлюсь. Этим также располагает их к щедрости. Хочет также иметь и свидетелей, что он ничего не возьмет себе. Посему говорит: со мной пойдут.

Я приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию. У вас же, может быть, поживу, или и перезиму, чтобы вы меня проводили, куда пойду. Ибо я не хочу видеться с вами теперь мимоходом, а надеюсь пробыть у вас несколько времени, если Господь позволит.

Не сказал: я отправлюсь в Македонию, дабы не сказали: «ты предпочитаешь нам македонян», но сказал: я иду чрез Македонию, то есть осматриваю македонян спешно и мимоходом, а у вас поживу. Этим показывает что он предпочитает их македонянам, как учеников искреннейших и достойнейших; ибо церковь коринфская была велика. Словом *пробыть* устрашает тех, которые грешили. Прибавляет *если Господь позволит* по причине неизвестности. Ибо он не знал, будет или не будет ему это позволено Духом. Ибо Дух водил его, куда Сам хотел. Находясь в Ефесе, он намеревался оттуда отправиться в Македонию, пройти ее, и потом отправиться к ним. Многими доводами доказывает свое расположение к ним, и тем, что не хочет видеть их мимоходом, и тем, что желает, чтобы они проводили его.

В Ефесе же я пробуду до Пятидесятницы.

И это знак сильной любви, что сказывает им, где будет, сколько пробудет, и даже присоединяет причину. Ибо продолжает.

Ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много.

То есть многие желают приступить к вере, и мне открыть широкий вход к ним, так как мысль их созрела для веры. Ибо учитель стесняется, когда ученики его не усердны; напротив широкое для него поле, когда ученики его готовы. По этому самому и *противников много*, ибо диавол, видя, что его лишают рабов его, больше возмущается и восставляет противников.

Если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтобы он был у вас безопасен.

Поскольку вероятно было, что Тимофей, прибыв в Коринф, будет обличать тех, которые грешили, и поносить их, то предостерегает их, дабы богатые мудрецы не восстали против него, не потому, будто Тимофей не имел мужества и мог пасть, но потому, что они сами себе могли причинить вред. А он был весьма готов на опасности. Хорошо сказал: *у вас*. Ибо не говори мне об эллинах, когда я требую от вас, что следует.

Ибо он делает дело Господне, как и я. Посему никто не пренебрегай его.

То есть проповедует и учит, и не просто, но как я, что составляет великую похвалу для Тимофея. Поскольку он таков, то пусть никто не унижает его. Ибо он был молод и одинок, а ему поручено было заботиться о весьма многих и притом презрительных; вероятно также, что им пренебрегали.

Но проводите его с миром, чтобы он пришел ко мне, ибо я жду его с братьями.

Еще более говорит: и окажет ему честь; ибо это значит: *проводите. С миром*, то есть безопасно, без борьбы и спора, со всякой покорностью. Словами *жду его* устрашает, дабы они, зная, что он обо всем расскажет Павлу, ничем не оскорбили его, и одновременно выставляет его достойным почтения; ибо почитает его так необходимым, что ждет его.

А что до брата Аполлоса, я очень просил его, чтобы он с братьями пошел к вам; но он никак не хотел идти ныне.

Аполлос был и старше Тимофея, и муж красноречивый. Дабы не сказали, почему же послал не его, а младшего, говорит: *очень просил его*. И не говорит: он воспротивился мне, но, освобождая его от порицания, говорит: *но он никак не хотел*, то есть не было угодно Богу. А дабы не сказали, что это отговорка и предлог, говорит далее.

А придет, когда ему будет удобно.

Одновременно и его защищает, и их, желавших видеть его, утешает надеждой на его прибытие.

Бодрствуйте.

К концу послания опять убеждает; показывает, что не должно надеяться только на учителей, но и самим себе внимать. *Бодрствуйте*, так как есть обольстители. Сказал это потому, что они как бы спали.

Стойте в вере.

А не во внешней мудрости; ибо в ней можно не утвердиться, а кружиться. Сказал это потому, что они колебались.

Будьте мужественны, тверды.

Так как есть наветники. Сказал это потому, что они расслабели духом.

Все у вас да будет с любовью.

Это против тех, которые смущали и разрывали Церковь. Учит ли кто, учится ли кто, обличает ли кто, все, говорит, да будет с любовью, при посредничестве же любви не будет ни гордости, ни разделения.

Прошу вас, братия.

Здесь нужна перестановка: умоляю вас, дабы и вы подчинялись таковому; прочее вставлено.

Вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начаток Ахаии.

Вы, говорит, знаете, и не нуждаетесь в научении от меня. Семейство Стефаново называет

начатком Ахаии или потому, что оно первое уверовало, или потому, что вело и жизнь прекрасную; ибо начаток всегда должен иметь превосходство пред тем, чему служит началом. Ахаией называет Элладу.

И что они посвятили себя на служение святым.

Они определили и посвятили себя на принятие верующих нищих и на служение им, и не по принуждению от других, но по своей собственной воле.

Будьте и вы почтительны к таковым и ко всякому содействующему и трудящемуся.

То есть участвуйте с ними и в денежном иждивении и в телесном служении. И не сказал просто: содействуйте, но: *будьте почтительны*, заповедуя усиленное послушание. А дабы не подумали, что благоприятствует одному только Стефану, прибавляет: *и ко всякому содействующему и трудящемуся*, — в чем? в служении святым. Ибо все таковые достойны чести; да и они в таком случае будут сносить труд свой мужественнее.

Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше.

Они сообщили Павлу известия о разделениях и о прочих погрешностях в Коринфе. Быть может, чрез них-то и уведомили его домашние Хлоины (1 Кор. 1:11). Поскольку естественно было, что коринфяне ожесточились против них, то он сдерживает их, говоря, что они *восполнили отсутствие ваше*, то есть пришли вместо всех вас, и ради вас предприняли ко мне такое путешествие.

Ибо они мой и ваш дух успокоили.

Объявляет, что его спокойствие есть их спокойствие. Поскольку же они успокоили меня, а мое спокойствие для вас самих полезно, то с вашей стороны да не будет заявлено ничего неприятного им самим.

Почитайте таковых.

То есть почитайте их.

Приветствуют вас церкви Асийские.

Членов Христовых соединяет чрез приветствие, по всегдашнему своему обыкновению.

Приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью.

У них остановился, потому что и сам занимался деланием палаток (Деян. 18:1-3). Примечай их добродетель в том, что они сделали дом свой церковью, устроив в нем собрания верных.

Приветствуют вас все братия. Приветствуйте друг друга святым целованием.

Только здесь делает прибавление о святом целовании, потому что много было разделений. Поскольку же много убеждал их к единению, то наконец соединяет их и целованием *святым*, то есть бесхитростным, а не лицемерным.

Мое, Павлово, приветствие собственноручно.

Сделал собственноручное приветствие, дабы показать, что он придает посланию большое значение.

Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маран афа.

Одним этим словом в страх привел всех, блудников, разномыслящих, употребляющих идоложертвенное, неверующих воскресению, и вообще всех, которые между ними вели себя несогласно с его учением и преданием. Ибо все таковые не любят Господа. *Маран афа*, то есть Господь пришел. Сказал это отчасти для того, чтобы утвердить учение о домостроительстве, а чрез это и о воскресении, отчасти же для того, чтобы пристыдить их: Владыка за нас принял все на Себя, а вы прогневаете Его, одни — называясь по имени людей, а другие — совершая порочные дела. Употребил выражение не греческое, а еврейское, или язык сирийский; ибо говорил коринфянам, которые придавали много цены внешней мудрости и красоте греческого наречия, он же показывает, что нисколько не нуждается в ней, но хвалится простотой, так что и говорит грубым языком.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами.

Долг учителя не только убеждать, но и молиться, и таким образом вдвойне утверждать: учением и низведением помощи свыше посредством своих молитв.

И любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь.

Поскольку удален был от них по месту, то как бы обнимает их руками любви, говоря: *любовь моя с вами*, то есть я присутствую со всеми вами; ибо я не без вас, хотя и в другом месте. Этим же показывает, что хотя написанное и проявляет горечь, но оно написано не от гнева, не от ярости, а от любви и заботливости. А дабы не подумали, что говорит это из лести к ним, прибавляет: *во Христе Иисусе*, то есть любовь моя не имеет ничего человеческого или плотского, но духовна и во Христе.

Будем же и мы молиться, дабы, любя друг друга во Христе, не носить нам в себе ничего от мирской любви, которая враждебна Богу. Ибо таким образом удостоимся и вожделенных обителей Божиих во Христе Иисусе, Господе нашем, возлюбившем нас, Которому слава во веки веков. Аминь.

Примечания:

1. В другом списке находится такое предисловие к настоящему посланию:

Коринф есть город Греции, славившийся тогда богатством, мудростью и многими другими преимуществами. В нем много пострадал Павел. Здесь явился Павлу Христос и сказал: *не бойся, но говори; потому что у Меня много людей в этом городе* (Деян. 18:9,10). Дьявол, видя, что столь великий и многолюдный город принял истину, разделил жителей его. Между ними одни самовольно сделали учителями народа, который приставал то к одним,

как мудрым и могущим научить чему-то большему, нежели Павел, то к другим, как богатым и могущим оказать большую помощь, и таким образом, соперничая между собой в славолубии, они заправляли церковью. Вот первое зло. Другое: некто, живший со своей мачехой, не только не был укоряем другими, но еще управлял народом и надмевался внешнею мудростью. Кроме того, иные, ссорясь между собой об имуществе, судились у судей, не принадлежащих к Церкви. Далее, иные ели в церквях отдельно друг от друга и не уделяли нуждающимся. Иные превозносясь дарованиями, соперничали между собой. Относительно учения о воскресении колебались. Многие отращивали волосы и ходили, как цинические философы. Притом коринфяне прислали Павлу чрез Стефана, Фортуната и Ахаика послание, в котором писали о браке и девстве, а о прочем умалчивали. В это-то время и пишет Павел не о том только, о чем ему писали, но и о том, о чем не писали ему, тщательно разузнав обо всем. Поскольку же, что важнее всего, в Церкви были разделения, а это происходило от высокоумия, то он прежде всего старается истребить высокоумие. Зараженные высокоумием думали, что они учат чему-то высшему. Поэтому Павел и начинает так.

2. Не призванных, то есть в предстоятельство законным образом, но восхитивших его самопроизвольно, каковых предстоятелей бл. Феофилакт называет далее предстоятелями чуждыми.

3. По другому списку:

Благодать вам и мир от Бога, Отца нашего.

Испрашивает им благодать, то есть примирение и благоволение от Бога, позоря этим ту, которую имели они от лжеучителей, а как жившим между собой в несогласии — мира и с самими собой, и с Богом. Отцом же нашим назвал Бога потому, что мы усыновлены Им чрез баню возрождения.

И Господа Иисуса Христа.

Ибо что дает Отец, то дает и Сын, потому что это служит признаком равенства Их.

4. По другому списку:

Так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании.

Спрашивается здесь: почему апостол, засвидетельствовавший сначала, что они получили столько духовных преимуществ, и восписавший им похвалу, впоследствии укоряет и обвиняет их, называя плотскими? В ответ на это можно сказать, что вначале, когда уверовали, они действительно таковы были, то есть славились всякими дарованиями и заслуживали похвалы, но впоследствии, став нерадивыми, сделались достойны порицания. Иначе: как похвалы, так и обвинения относятся не ко всем, но первые к достойным похвалы, а последние к достойным обвинения; ибо между коринфянами одни оставались еще ревностными, а другие предались нерадению. Можно еще и так отвечать: похвалы приведены предусмотрительно, чтобы предрасположить слушателей к слову. Кто с самого начала говорит строго, тот заграждает слух для своего слова. Если слушатели равны ему по достоинству, то гневаются, а если ниже его, то предаются скорби, вследствие чего он обращает к ним речь свою попусту.

5. По другому списку:

Который и утвердит вас до конца.

Слово *утвердит* означает, по-видимому, молитву; но оно выражает более, именно то, что они нетверды и отступили от долга.

Чтобы вам быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа.

Чтобы оказались неповинными в день суда; ибо этот день называет днем Христовым, потому что тогда полнее откроется слава Христова. Слово *неповинными* выражает порицание; ибо показывает, что они подлежат обвинению. Заметь, как часто указывает им на имя Христово: из него одного составил почти все вступление, заботясь о том, чтобы отвлечь их от лжеучителей, по старанию которых они разделились на партии, и возвратить к учению Христову.

6. По другому списку:

Я понимаю то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов».

Спорами называет то, что каждый из них выбирает себе особого учителя. А выбирали они себе не Павла, не Аполлоса, не Кифу, но каких-то других, о которых умалчивает, скрывая их, как неопределенные личности, под именами этих апостолов, с одной стороны, для того, чтобы сделать слово свое менее неприятным, а с другой — для того, чтобы внушить, что если не следует выбирать себе в учителя истинных апостолов, то тем более тех. Имена апостолов расположил в восходящем порядке, поставив себя ниже Аполлоса, а Аполлоса ниже Петра. Справедливо укоряет тех, которые назывались именами других; но почему укоряет называвшихся именем Христа? Этим не укоряет, но упомянул и о них, как о частичке, оставленной Христу.

7. По другому списку:

Разве разделился Христос?

Зачем разделили вы Христа? Зачем расторгли тело Его? Ибо когда разделено тело Его, которое есть Церковь, то поистине разделяют Его Самого. Речь, исполненная гнева. Некоторые же слова: *разве разделился Христос?* понимали так: разве Христос разделил Церковь с самозванными учителями и одну частицу взял Себе, а прочие отдал им? После такой укоризны опровергает неразумное поведение их.

Разве Павел распялся за вас?

Дабы не подумали, будто укоряет по зависти, опровергает, полагая свое имя. Не сказал же: разве Павел сотворил вас? Не указал также и на другое какое-либо в этом роде благодеяние, но говорит о кресте, который служит наилучшим доказательством любви к нам Христа. Не сказал: разве Павел умер? но: *распялся*, представляя таким образом самый род смерти.

8. По другому списку:

Дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя.

Дабы, в случае, если бы я крестил многих, из которых образовалось бы общество, не сказал кто-нибудь, как случилось у них, будто я крестил в свое имя и не стали бы называться

по имени моему павлианами. Ясное порицание тех, которые в этих видах крестили многих. Иначе: дабы, в случае, если бы ко мне пристали и назвались моим именем (как и назывались многие по именам крестивших их), не сказал кто-нибудь, что я крестил их в свое имя и потому они единомысленны со мной.

9. По другому списку:

А для нас, спасаемых, — сила Божия.

Для нас, говорит, верующих, не погибших, но спасаемых, крест показывает силу Божию. Ибо подвергнуться бедствиям и быть выше бедствий есть признак божественной силы. Как три отрока, быв ввергнуты в печь и не сгорев там, явились более чудными, нежели когда бы не были ввергнуты в нее, и как Иона, быв поглощен китом и не потерпев от него никакого вреда, стал более великим, нежели когда бы не был поглощен им: так и Христос, умерши и победивши смерть, явился более славным, нежели когда бы Он не умирал.

10. По другому списку:

Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего?

Приведши свидетельство из Писания, доказывает потом мысль свою отдел, и говорит: где мудрец эллинский? где книжник иудейский? где совопросник, основывающий все на умозаклучениях? Где они, если сравнить их с мнимым безумием проповеди? какое место им в отношении к нему? Оно превзошло и победило их. *Века сего*, то есть существующие в веке сем.

Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?

Не показал ли Бог, что премудрость иудеев, помышляющих о мирском, не действительна, и не уличил ли, что она — безумие, потому что не могла найти истину? Действительно, показал и уличил, ибо научил истине и спасению чрез таких проповедников, которых почитали безумцами, а не чрез тех, которые слыли мудрецами.

11. По другому списку:

А нам Бог открыл это Духом Своим.

Кто-нибудь мог спросить: если не приходило на сердце человеку, то как вы узнали об этом? Отвечает: Бог открыл нам Духом, а не человеческой мудростью. Итак, не то только показывает честь, которой удостоил нас Бог, что мы узнали, и притом вместе с ангелами, но и то, что мы узнали чрез Духа Святого. Он, сказано, *наставит вас на всякую истину* (Ин. 16:13). Далее, показывая, что то было сокровенным у Бога и что никто не знал того, говорит:

Ибо Дух все пронизывает, и глубины Божии.

Проницанием называет здесь совершенное знание. Неудивительно, что тайны Божии открыты нам чрез Духа, Который как единосущный и равный Богу Отцу совершенно знает как все прочее, так и сокровенное Божие; ибо это назвал глубинами.

12. По другому списку:

Соображая духовное с духовным.

То есть если возникнут какие-либо духовные вопросы, мы соображаем их, то есть разрешаем, духовными учениями или повествованиями. Когда например, кто-нибудь сомневается, как Христос родился от Девы, мы для удостоверения в этом указываем на неплодных, на Сарру, на Ревекку и на других, которые зачали не по законам естества, поскольку зачатие зависит от силы ложесн, а также на происхождение Адама от одной земли и Евы от него одного. Подобным образом и когда спрашивают, как Христос воскрес, приводим в пример Иону и его пребывание в ките и спасение из него. Так, такими примерами разрешаем мы недоумения; ибо древние описывали будущее в образах и тенях, чтобы чрез них сообщить ему достоверность. В умозаклчениях же и умозрительных доказательствах эллинов мы не имеем надобности; ибо они колеблют слабый ум, смущая и наполняя его мраком и сомнением.

13. По другому списку:

Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может.

Кто душевный человек, знаем из сказанного выше. Духовный же человек тот, кто принял в душу свою блеск Святого Духа и имеет ум, просвещаемым Им. Поэтому духовный все понимает, как сказано выше, духовно, а кто он сам, никто из душевных не понимает; ибо, будучи выше их, он неведом для них. Иначе: духовный понимает, кто душевный и чему подвергнется он после смерти, также знает как свое, так и принадлежащее душевному, но кто он сам и чему подвергнется после смерти, никто из душевных не понимает, подобно тому, как зрячий видит слепого, но сам для слепого невидим. Поскольку же слово *судить* значит и «обличать», то хотя духовный повсюду обличает живущего худо, однако сам не обличается никем из живущих худо, потому что ведет жизнь правильную.

14. По другому списку:

Ибо когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы?

Упоминает о себе и о Аполлосе, с одной стороны, намекая на неправых учителей, по которым разделились коринфяне, а с другой — делая речь свою более сносною и обвинение более мягким.

15. Слова *будьте подражателями мне* и проч. в русском переводе составляют первый стих 11 главы.

16. По другому списку:

А теперь пребывают сии три: вера, надежда и любовь.

В этом месте говорит, что вера, надежда, любовь продолжительнее. Ибо, когда посредством проповеди, как сказано, вера распространится повсюду, то языки, пророчества и прочие дарования прекратятся, напротив, вера, предмет которой будущее, суд и воздаяние, также надежда на воздаяние и взаимная любовь, как более необходимые, пребудут до скончания века.

Но любовь из них больше.

Но и из этих, имеющих долее пребыть, добродетелей больше всех любовь. Ибо, когда придет конец, прекратятся и вера, и надежда, а любовь, как сильнейшая и крепчайшая,

Останется.

Толкование на второе послание к коринфянам Святого Апостола Павла

Предисловие ко Второму посланию к Коринфянам

Апостол Павел пишет второе послание к коринфянам, потому что в первом обещал прийти к ним, но был удержан Духом для других, гораздо более важных, дел и подвергся искушениям. Он должен был написать в оправдание своей продолжительной медлительности, и потому пишет второе послание, объясняя, почему он промедлил с пришествием. Притом, после первого послания коринфяне стали лучше, и он должен был одобрить их и похвалить. Ибо как согрешивших их он упрекал, так исправившихся обязан был похвалить. Поэтому и не видно в этом послании прежних угроз, за исключением некоторых только мест к концу послания, кои нужны были потому, что некоторые из иудеев высоко мудрствовали о себе и порицали Павла как невежду и не заслуживающего никакого уважения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат.

Поскольку апостол при первом послании посылал Тимофея в Коринф и потом опять принял его, когда тот возвратился, то справедливо присоединяет к своему имени и его имя. Кроме того, Тимофей показал коринфянам и опыт своей добродетели. Таким образом, апостол упоминает в настоящем послании о Тимофее, как о лице, уже известном коринфянам и многое исправившем у них. Заметь, что иногда называет его сыном: *как сын отцу*, говорит, *служил мне в благовествовании* (Флп.2:22), иногда сотрудником: *ибо он делает дело Господне, как и я* (1 Кор. 16:10), а теперь братом, представляя его во всех отношениях достойным уважения.

Церкви Божией, находящейся в Коринфе.

Опять соединяет их, сказав; *церкви*; ибо находящиеся в разделении не составляют церкви.

Со всеми святыми по всей Ахаии.

Упоминает обо всех, живущих в Ахаии, оказывая предпочтение коринфянам, когда чрез послание к ним приветствует всех, и в то же время призывает весь народ к согласию. Кроме того, поскольку они все колебались, то предлагает им общее врачевство; то же самое делает в посланиях к галатам и к евреям. Называя же их святыми, показывает, что если кто нечист, то недостоин этого приветствия и наименования.

Благодать вам и мир от Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.

И теперь употребляет обыкновенное приветствие, о чем сказано в других местах.

Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа.

В первом послании обещал придти к ним, но так как не пришел, то предполагал, что очень опечалил их мыслью, будто предпочел им других. Итак, желая оправдаться и показать, что его задержали многие случившиеся с ним искушения, предлагает прекрасное объяснение в свою защиту. Благодарю, говорит, Бога, спасшего меня от опасностей; чрез это благодарение намекает на то, что были некоторые великие препятствия удерживавшие его, за освобождение от которых и благодарит. Поставь к слову *Бог* знак препинания, потом начинай: *и Отец Господа*. Если же и совместно будешь понимать это: Бог и Отец Господа, то ничего не будет нового, ибо Он есть одного и Того же Христа — по человечеству Бог, а по Божественности Отец.

Отец милосердия и Бог всякого утешения.

То есть Он явил столь великие щедроты, что извел нас из самых врат смерти и удостоил нас всякого утешения в скорбях. У святых был обычай называть Бога по благодеяниям, получаемым от Него. Так, по случаю победы на войне Давид говорит: *возлюблю Тебя, Господи, крепость моя* (Пс. 17:2), и еще: *Господь крепость жизни моей* (Пс. 26:1); по случаю избавления от помрачения и затмения ума и от печали: *Господь просвещение мое* (Пс. 29:1). Так и теперь Павел называет Бога Отцом щедрот и Богом утешения вследствие того, что с ним случилось. Заметь же его смиренномудрие: получив избавление от искушений за благовестие, он не говорит, что избавление по достоинству, но по щедротам Божиим.

Утешающий нас во всякой скорби нашей.

Не сказал: не перестающий удручать нас, но — утешающий нас во время скорбей; ибо если Он и попускает удручать нас, то для того, чтобы мы чрез терпение стяжали награду; когда же видит, что мы изнемогаем, то утешает нас; и это делает всегда. Поэтому не сказал, что Он однажды утешил, но *утешающий*, то есть всегда; и не в той или другой скорби, но *во всякой*.

Чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих.

Не потому, говорит, Бог утешает нас, что мы достойны утешения, но для того, чтобы по образу утешения, испытанного мной, я мог утешить и других, находящихся в искушениях. Поэтому и вы, видя меня так утешенного, не унывайте, пребывая в скорбях. Чрез это же указывает и на дело апостолов, на то, что они поставлены для того, чтобы других поощрять и возбуждать, а не как лжеапостолы, которые, пребывая в неге и сидя дома, пренебрегают нуждающимися в утешении и поощрении.

Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше.

Не унывай, говорит, никто, кто слышит о скорбях и страданиях, ибо в той мере, как они умножаются, увеличиваются и утешения. Не просто также сказал: *страдания*, но *Христовы*, чтобы и этим воодушевить коринфян. Христовы суть страдания те, которые мы претерпеваем и чрез то становимся общниками Ему в страданиях. Поэтому величайшим

утешением для тебя да будет то самое, что ты переносишь скорби Христовы и не их только, но большие. Ибо, говорит, *умножаются в нас страдания Христовы*: то есть мы терпим больше нежели сколько претерпел Христос. Чувствуя однако, сколь великое сказал, смягчает то же самое, говоря: *умножается Христом и утешение наше*, ибо все относит к Нему. И не сказал, что утешение равно скорбям, но *умножается*, — гораздо больше скорбей.

Скорбим ли мы, скорбим для вашего утешения и спасения.

Вы, говорит, не должны смущаться о том, что я терплю скорби, потому что мы подвергаемся скорбям для вашего спасения и утешения. Мы могли бы провести жизнь в безопасности, если бы не проповедовали; но теперь, когда проповедуем, чтобы спасти вас и утешить души ваши чрез проповедь и происходящие отсюда блага, подвергаемся скорбям. Итак, мы претерпеваем скорби для вашего спасения, но вы не должны смущаться.

Которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим.

Совершается, говорит, сие спасение не только чрез наше терпение, но и чрез ваше; то есть не я один соделываю спасение ваше, но и вы сами. Ибо, как я, проповедуя, терплю скорби, так и вы, принимая проповедь, терпите те же самые страдания, какие терплю я. Свидетельствует пред ними о их великой добродетели тем, что они приняли проповедь с искушениями.

И надежда наша о вас тверда.

То есть мы твердо уверены в вас, что не отпадете в искушениях, посему тем более не смущайтесь, видя, что мы страдаем.

Утешаемся ли, утешаемся для вашего утешения и спасения.

Поскольку выше сказал: мы терпим скорби для вас, то, чтобы не показалось сказанное невыносимым, теперь говорит: для вас же и утешаемся, то есть наше утешение бывает вашей отрадой. Ибо, если мы получим только малое воодушевление, то и этого достаточно к утешению вашему, потому что вы становитесь общниками нашей радости.

Зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении.

Поскольку вы, говорит, когда нас преследуют, скорбите, как будто сами претерпеваете это, то мы знаем, что, когда утешаемся мы, вы почитаете себя получившими утешение.

Ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Азии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых.

Поскольку упомянул о скорби неопределенно, то теперь поясняет, какая именно была скорбь. Чрез это же и любовь показывает к ним, ибо любви свойственно открывать другим случившееся. Вместе с тем представляет и объяснение своего промедления. В Азии, говорит, случилась с ним скорбь, о которой он говорит и в первом послании: *ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много* (1 Кор. 16:9). Казалось бы, одно и то же говорит,

когда выражается: *чрезмерно и: сверх силы*, но в самом деле не одно и то же. Он говорит вот что: искушение было чрезмерное, то есть великое; потом, так как искушение, будучи и сильным, может быть мужественно перенесено тем, кто в силах перенести его, говорит, что оно было не только великое, но и превышало наши силы, то есть и великое и невыносимое, такое, что мы отчаялись даже и в жизни, то есть не надеялись уже и в живых быть. Такое состояние Давид называет вратами ада, болезнями смертными, потому что они рожают смерть, и тенью смерти (Пс. 27:45,7).

Но сами в себе имели приговор к смерти.

Имели определение, приговор, ответ, какой давали дела, хотя они и не издали голоса, то есть прежде нежели мы подумали, предстало ожидание смерти и приговор, какой произносили обстоятельства, но на самом деле сего не случилось.

Для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога.

Для чего же, говорит, было это? Для того, чтобы мы Научились не надеяться на самих себя, но только на Бога. Впрочем, Павел говорит это не потому, чтобы сам нуждался теперь в этом наставлении (ибо кто более веровал, что должно надеяться только на Бога?), но под видом повествования о себе самом вразумляет других и вместе с тем научает смиренномудрию.

Воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет.

Опять напоминает им проповедь о воскресении, о котором так много говорил в первом послании, и которое настоящими обстоятельствами подтверждает еще более; по сему и присовокупил: *Который и избавил нас от столь близкой смерти*. Не сказал: от опасности, но *от смерти*. Хотя воскресение есть дело будущее и неизвестное, но он показывает, что оно и ежедневно бывает. Ибо, когда Бог избавляет человека, приблизившегося к самым вратам ада, то этим показывает не иное что, как воскресение; поэтому-то мы и имеем обыкновение говорить о подобном состоянии человека: видели воскресение мертвых.

И на Которого надеемся, что и еще избавит.

Отсюда научаемся тому, что жизнь наша должна постоянно проходить в борьбе; ибо, когда говорит *избавит*, то предсказывает бурю многих искушений.

При содействии и вашей молитвы за нас.

Поскольку слова *чтобы не надеяться на самих себя* могли показаться для некоторых общим обвинением и касающимся их, то смягчает сказанное, и просит молитв их, как великого предстательства. Отсюда же научаемся и смиренномудрию, потому что в молитвах коринфян нуждался Павел, и узнаем силу самой молитвы, ибо много может молитва Церкви, совершаемая как должно, так что и Павел нуждался в ней.

Дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас.

Избавил, говорит, нас Бог и избавит по молитвам вашим, *дабы за дарованное нам, по ходатайству многих*, то есть чтобы за благодать, бывшую во мне по молитвам вашим, многие лица между вами возблагодарили. Ибо спасение мое, бывшее по молитвам вашим, Он даровал всем вам, чтобы многие лица возблагодарили его за нас. Отсюда же научаемся не только молиться друг за друга, но и благодарить друг друга. Обрати внимание, как в начале говорит, что он спасен по щедротам Божиим, а теперь приписывает спасение молитвам их, ибо с милостями Бога мы должны соединять и собственные милости. И здесь Павел не все из благодеяния приписал коринфянам, чтобы не довести их до надмения, но и не совсем отчуждал их от этого, чтобы не сделать их нерадивыми. Бог, говорит, избавит нас *при содействии и вашей молитвы*, то есть при вашем содействии.

Ибо похвала наша сия есть свидетельство совести нашей.

Вот что, говорит, служит для нас источником утешения: совесть наша, свидетельствующая нам, что гонят и преследуют не за то, что уличили нас в худых делах, но за добродетель и за спасение многих. Итак, первое утешение проистекало от Бога, а это, говорит, проистекает от чистоты совести моей, посему и называет его похвалой, показывая этим великую силу убеждения, какую имел в чистой совести.

Что мы в простоте и богоугодной искренности.

Что, говорит, свидетельствует нам совесть? и почему мы хвалимся? Мы поступали в *простоте*, то есть в незлобии сердца, и в *искренности* и открытости ума, не имея ничего, что нужно бы было скрывать, ничего зазорного: это приемлет Бог. Говорил это, имея в виду коварных лжеапостолов.

Не по плотской мудрости.

То есть без изысканных слов и хитросплетенных чувствований. Ибо мудрость плотская такова, что они надмеваются ею, а он отвергает и презирает ее.

Но по благодати Божией, жили в мире.

То есть по данной Богом мудрости, знамениям и чудесам, бывшим по благодати Божией. Величайшее же составляет утешение, когда кто в себе самом имеет свидетельство, что делает все не человеческой силой, но благодатью Божией. И жили так они не в Коринфе только, но во всем мире.

Особенно же у вас.

Каким образом? Ибо апостол проповедовал им Евангелие не только со знамениями, но и без всякого с их стороны воздаяния. Заметь, как он собственные действия относит к благодати Божией.

И мы пишем вам не иное, как то, что вы читаете или понимаете.

Поскольку апостол многое, казалось бы, сказал о себе, то, чтобы кто не сказал, что это самохвальство, говорит: мы пишем вам то, что вы читаете в настоящем послании и что вы и

без этого знаете. Ибо знание, прежде полученное вами обо мне, не противоречит моим посланиям. Некоторые же понимали это так: мы пишем вам то, что вы читаете, то есть что припоминаете; ибо чтение есть припоминание, или высшее знание. И зачем, говорит, говорю я то, что вы помните, о чем знаете, что оно принадлежит нам и не нуждается в напоминании, как известное?

И что, как надеюсь, до конца уразумеете, так как вы отчасти и уразумели уже.

Все возлагает на Бога. Надеюсь, говорит, на Бога, что вы знаете нас такими, какими показывают послания наши и прошедшая жизнь наша. *Отчасти и уразумели уже*, то есть из опыта знаете, потому что мы отчасти представляли уже вам некоторые доказательства добродетельной жизни. Сказал так по скромности.

Что мы будем вашею похвалою, равно и вы нашею, в день Господа нашего Иисуса Христа.

Что же узнаете вы? То, что ваша похвала, то есть что я таков, что могу дать вам средство хвалиться мной, что имеете такого учителя, который не учит ничему человеческому, ничему зловредному, ничему коварному. Потом, дабы не показалось, что говорит это о себе из хвастовства, делает похвалу общей и говорит: и вы будете моею похвалой; ибо я буду хвалиться, что у меня были такие ученики, не колеблющиеся, не поддавшиеся обольщениям лжеапостолов. Когда же мы будем хвалиться друг другом? И теперь, но особенно в день тот. Ибо и теперь многие видят те злословия и поношения, какие претерпеваем, а может быть, и злословят нас, тогда же, когда все будет разоблачено, и обо мне будет явно, что я не таков, каким представляет меня клевета лжеапостолов, и вы также будете похвалой нашею, потому что не присоединились к обольстителям.

И в этой уверенности я намеревался придти к вам ранее.

Каким упованием? Тем, что я не сознаю за собой ничего худого, что я похвала ваша, что я обращался не в плотской мудрости, но в благодати Божией, и что, наконец свидетелями всего этого для меня вы. Вот почему я намеревался *придти к вам*.

Чтобы вы вторично получили благодать.

То есть двойную радость: одну от первого послания, а другую от присутствия моего.

И через вас пройти в Македонию.

В первом послании сказал: *я приду к вам, когда пройду Македонию* (1 Кор. 16:5), а здесь говорит: *намеревался прийти к вам ранее*. Что же? Не противоречит ли он самому себе? Нет. Ибо хотя я, говорит, иначе написал, однако придти к вам старался и желал прежде, нежели увижу Македонию. Так далек был я от нерадения придти к вам и замедлить исполнением обещания, что желал даже придти ранее.

Из Македонии же опять придти к вам; а вы проводили бы меня в Иудею.

В первом послании сказал неопределенно: *чтобы вы меня проводили, куда пойду* (1 Кор.

16:6), опасаясь, чтобы, сказавши, что пойдет в Иудею, а потом, быв вынужден Духом отправиться в другое место, не показаться лжецом. Теперь же, когда не удалось придти к ним, смело говорит, что хотел, чтобы они проводили его в Иудею; но Богу угодно было, чтобы я вовсе не пришел к вам и не был провожен вами в Иудею. Слушай дальнейшее.

Имея такое намерение, легкомысленно ли я поступил? Или, что я предпринимаю, по плоти предпринимаю, так что у меня то «да, да», то «нет, нет»?

Здесь яснее оправдывается относительно промедления, говоря, что желал придти к ним, но почему не пришел? Потому ли, что я легкомыслен и непостоянен, рассуждающий то так, то иначе? Нет. Или я желаю по плоти, то есть по-человечески, и руковожусь собственной волею, так что, что решу сам, то и исполняю, будет ли это да или нет? Отнюдь нет. Но я нахожусь под управлением Духа и не имею власти идти, куда хочу, но куда Он повелит. Поэтому у меня часто «да» не бывает «да», ибо это бывает негодно Духу, и «нет» не бывает «нет», ибо что я отрицаю, то повелевает Дух. Примечай мудрость, как то, что клеветники делали предлогом к злословию, именно, что не пришел, хотя обещал, обращает в похвалу, говоря, что не имеет власти над собой, но его ведет Дух туда, куда Ему угодно. Что же? Неужели дал обещание не при содействии Духа, но по незнанию будущего? По незнанию, ибо не все знал. Так и молился, иногда о том, что бесполезно, например, об удалении искушений (2 Кор. 12:7-9). И в Деяниях есть пример, что это было с пользой, чтобы люди не относились к апостолам, как к богам, как случилось это с ликаонцами (Деян. 14:11).

Верен Бог, что слово наше к «вам не было то «да», то «нет».

Опровергает возникающее возражение. Кто-нибудь совершенно справедливо мог сказать: если сказываемое тобой нетвердо, но часто говоришь ты «да», а оказывается «нет», то мы боимся, не таково ли и учение твое, не такова ли и проповедь твоя, — «да» и «нет», то есть непостоянна и нетверда? В опровержение этого возражения говорит, что обещание придти к ним было его делом, поэтому оно и не исполнилось; что же касается проповеди, то она есть дело Божие, а что от Бога, то недоступно лжи. Поэтому и сказал: *верен Бог*, то есть истинен, а поскольку Он истинен, то и слово Его к вам, проповеданное нами, не есть ни непостоянно, ни нетвердо, иногда «да», а иногда «нет».

Ибо Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном и Тимофеем, не был «да» и «нет»; но в Нем было «да».

Наконец говорит, какое слово не было «да» и «нет». Тот, Кого мы проповедали вам, не был «да» и «нет», то есть не было проповедуемо одно ныне, и ныне же другое, но было «да», то есть проповедуемо было твердо и без колебаний. Перечисляет также и многих из проповедовавших, представляя свидетельство их достойным веры и в то же время научая смирению, ибо соучителями представляет учеников своих.

Ибо все обетования Божии в Нем «да» и в Нем «аминь», — в славу Божию, через нас.

В проповеди есть много обетований: воскресение мертвых, усыновление и вообще надежда будущего века. Итак, говорит, что не только проповедь всегда совершенно одинакова и возвещается с непреложностью, но и содержащиеся в ней обетования; ибо

они — Божии. А что обещал Бог, то в Нем «да» и в Нем «аминь», то есть то непреложно; ибо исполняется не в ком-либо из людей, но в Самом Боге, почему и непреложно. Кроме того, они служат к славе Его, и, конечно, если не для чего другого, то для собственной славы Бог исполнит свои обетования. Как же исполнить их? *Через нас*, то есть чрез благодеяния к нам. Ибо мы, принимающие обетования, подаем Ему повод исполнять эти обетования. Если же верны обетования Божий, то тем более верен Сам Бог и слово о Нем твердо. Слова *через нас* и иначе могут быть понимаемы, то есть к славе Божией, возносимой Ему чрез нас; ибо Он чрез нас прославляется.

Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши.

Сказав выше, что Бог исполнит обетования, теперь подтверждает это. То, говорит, что вы и я, учитель ваш, твердо стоим в вере во Христа, дал Бог, Который и помазал нас, и запечатлел, то есть сделал пророками, царями и священниками. Ибо таков всякий крещеный: он — пророк, как видящий то, чего не видел глаз и не слышало ухо; он — священник, как долженствующий приносить себя в жертву живую, святую, благоугодную Богу; он — царь, как сын Царя Бога и наследник будущего Царствия, и как ныне царствующий над неуместными помыслами и поставленный выше всего мира. Как в древности священники и цари помазывались елеем, так ныне мы помазаны Духом, когда Бог дал залог Духа в сердца наши. Если же дал залог, то, конечно, даст все. А залогом называет подаваемые ныне дарования Духа; ибо разумеем отчасти и пророчествуем отчасти, а совершенное получим тогда, когда явится Христос в славе Своей. Итак, не думайте, что мы обещаем, чтобы нам не показаться лжецами. Ибо не мы утверждаем вас, но Бог и обещает, и утверждает как меня, так и вас; ибо Он Сам исполнит все. Посему и разумей, что Бог, делающий то и иное, Сам исполнит Свои обетования.

Бога призываю во свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф.

Выше сказал, что не пришел к ним потому, что не имеет власти над собой и не был допущен Духом. Как же теперь говорит, что не пришел, щадя их? Потому что или это самое случилось по воле Духа, то есть Дух внушал ему мысль не ходить, чтобы пощадить их, или — сначала воспрещал ему Дух, а потом он и сам, рассудив, что это лучше, остался. Заметь мудрость апостола. Тогда как говорили: ты потому не пришел, что, кажется, возненавидел нас, то утверждает противное: я потому не пришел, что щажу вас. Так говорит потому, что некоторые между ними были согрешившие и не покаявшиеся, которых он наказал бы, если бы, пришедши, нашел их не исправившимися. Итак, остался, чтобы придти уже тогда, когда исправятся, и не иметь повода к наказанию.

Не потому, будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем радости вашей.

Так как сказанное отзывалось властью (ибо щадить других может тот, кто имеет власть наказывать их), то смягчает жесткость речи: не потому, говорит, сказал я, что щажу вас, что хотел бы властвовать над вашей верой, ибо вера — дело произволения и никого не понуждают к вере против воли, но, почитая вашу радость своею радостью, я не пришел для того, чтобы не ввергнуть вас в печаль и не опечалиться самому. Ибо я все делаю для вашей

радости, и остался для того, чтобы только угрозой исправить согрешивших и вам не причинить никакой скорби.

Ибо верую вы тверды.

С кротостью беседует с ними, так как в первом послании довольно уже поразил их. Слова его значат следующее: что касается веры, то вы в ней стоите, и я не имел причины жаловаться на вас, но в прочем вы поколебались, и если бы не исправились и я восстал бы на вас, то и вас опечалил бы, и себе причинил бы печаль.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Итак я рассудил сам в себе не приходить к вам опять с огорчением.

Слово *опять* показывает, что он и прежде был опечален. Впрочем, не сказал явно: «вы и прежде огорчили меня», но другим образом: «я не пришел для того, чтобы опять не огорчить вас», что, впрочем, имеет одну и ту же силу (ибо он потому опечалил их упреками, что они опечалили его грехами), но для них было удобовыносимее.

Ибо если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?

Хотя и огорчаю вас, говорит, упреками и негодованием на вас, но благодаря этому же и радуюсь, видя, что вы до того уважаете меня, что мое негодование и упреки производят в вас скорбь. Ибо никто так не радуется, как скорбящий так при виде моего негодования. Это показывает, что он не презирает меня. Он радуется, потому что таким образом подает надежду на свое исправление.

Это самое и писал я вам.

Что? То что я не пришел к вам, щадя вас. Где писал? В этом самом послании.

Дабы, придя, не иметь огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться.

Для того написал я теперь к вам, чтобы вы исправились, и чтобы, застав вас не исправившимися, не имел я скорби от вас, которым надлежало доставлять мне случаи к радости.

Ибо я во всех вас уверен, что моя радость есть радость и для всех вас.

Написал, говорит, надеясь, что вы исправитесь, и тем обрадуете меня. Моя же радость — радость для всех вас. И сказал я *дабы, придя, не иметь огорчения* потому, что имею в виду не свою пользу, но вашу. Ибо знаю, что если увидите меня радующимся, то будете радоваться, а если увидите меня скорбящим, то будете скорбеть.

От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами.

Поскольку сказал выше, что он радуется, когда они скорбят, то, чтобы не сказали: ты потому стараешься опечалить нас, чтобы самому радоваться, объясняет, что он сам весьма

скорбит, скорбит более, нежели сами согрешающие. Не от скорби только, но *от великой скорби*, и не со слезами только, но *со многими слезами* написал я. То есть печаль, сжимая и стесняя сердце мое, подавляла его, и потому писал я, подобно отцу и одновременно врачу, который, производя над сыном сечения и прижигания, вдвойне скорбит, и от того, что сын болен, и от того, что сам должен подвергать его сечению, но, с другой стороны, и радуется от того, что надеется на выздоровление сына. Так, говорит, и я, оскорбляя вас согрешающих, скорблю, но, с другой стороны, и радуюсь, когда вы скорбите, ибо имею надежду на ваше исправление.

Не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам.

Не *чтобы огорчить вас* следовало бы сказать, но «чтобы исправить»; однако не говорит сего, а улаживает речь, желая привлечь их уверением, что он любит их более, нежели других учеников, и что если огорчает их, огорчает по любви, а не по гневу. Ибо то знак величайшей любви, что я скорблю о ваших согрешениях, и спешу делать вам выговоры и тем огорчать вас. Если бы я не любил вас, то оставил бы вас без врачевания.

Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, — чтобы не сказать много, — и всех вас.

Хочет чрез это утвердить любовь к впадшему в блудодеяние, о котором писал в первом послании, ибо, по приказанию Павла, они все отвратились от него, как внушающего омерзение. Итак, чтобы опять приказанием противоположного, то есть принять его и оказать ему расположение, не соблазнились о Павле, как о непостоянном, весьма благоразумно предлагает слово и делает и их участниками в прощении, говоря: как он опечалил всех нас вообще, так все вообще должны радоваться о прощении его. Ибо не меня только, говорит, опечалил он, но и всех вас *частью*, то есть поразил малой некоторой скорбью; не скажу, чтобы совершенно опечалил и вас, равно как и меня, но все же, чтобы не отягчать его, впадшего в блудодеяние, *частью*, говорю, опечалил он вас.

Для такого довольно сего наказания от многих.

Не говорит: для впадшего в блудодеяние, но *для такого*, как и в первом послании. Но там не хотел даже именовать его, а здесь, щадя его, никогда не вспоминает о грехе, научая и нас сочувствовать находящимся в преткновении.

Так что вам лучше уже простить его и утешить.

Не только, говорит, снимите запрещение, но и нечто большее даруйте ему, и утешьте его, то есть возродите, уврачуйте его, подобно тому как наказавший кого-либо не только отпустил бы его, но и приложил бы заботу к исцелению его ран. Хорошо же сказал: *вам лучше простить*. Ибо, чтобы он не подумал, что получает прощение как достаточно исповедавшийся и довольно покаявшийся, показывает, что он получает прощение не столько за покаяние, сколько по снисхождению их.

Дабы он не был поглощен чрезмерною печалью.

Следует, говорит, принять его, утешить и утешать, *дабы он не был поглощен*, как бы зверем каким, или волнами, или бурей, или чтобы от отчаяния не дошел до самоубийства, как Иуда, или чтобы не сделался еще хуже, то есть, не в состоянии будучи переносить скорби от чрезмерного наказания, не предался большому нечестию. Заметь, как и его обуздывает, чтобы он, получив прощение, не сделался еще нерадивее. Я, говорит, принял тебя не потому, что ты совершенно очистился от скверны, но убоившись, что ты по немощи своей мог бы сделать чего-нибудь хуже. Заметь и то, что наказания следует назначать не только по свойству грехов, но и сообразуясь со свойством духа согрешивших.

И потому прошу вас оказать ему любовь.

Не приказывает уже, как учитель, но как защитник просит судей *оказать ему любовь*, то есть с крепкой любовью, а не просто и как случилось принять его. Показывает также и их добродетель, ибо те самые, которые прежде так любили человека, что гордились им, теперь по причине его греха возымели к нему такое отвращение, что сам Павел ходатайствует за него.

Ибо я для того и писал, чтобы узнать на опыте, во всем ли вы послушны.

Устрашает их, чтобы, опасаясь осуждения в неповиновении, охотнее оказали человеку снисхождение. *Я для того и писал*, говорит, *чтобы узнать на опыте* вашу добродетель повиновения, — так же ли окажете вы мне повиновение теперь, когда его следует утешить, как оказали оное тогда, когда я наказал его. Ибо такой смысл слов: *во всем ли вы послушны*. Хотя он писал не для этого, но имея в виду спасение согрешившего, однако говорит: *для того*, чтобы тем более расположить их в пользу виновного.

А кого вы в чем прощаете, того и я.

Этим смягчает несогласие и упорство, по которым они могли бы не оказать человеку снисхождения. Ибо здесь представляет их источником его прощения, а себя соглашающимся с ними, говоря: *кого вы в чем прощаете, того и я*.

Ибо и я, если в чем простил кого, простил для вас от лица Христова.

Чтобы они не подумали, что прощение предоставлено их власти, и вследствие того не пренебрегли прощением человека, показывает, что он уже даровал ему оное, чтобы они не могли воспротивиться ему. А чтобы они не оскорбились, как пренебрегаемые, говорит: *для вас* даровал ему я прощение, ибо я знал, что вы будете согласны со мной. Затем, чтобы не показалось, что он простил его для людей, присовокупил: *от лица Христова*, то есть простил во воле Божией, пред лицом Христа и как бы по Его повелению, как представляющий Его лице, или: во славу Христа; ибо, если прощение совершается во славу Христа, то как не простить согрешившего, чтобы прославился Христос?

Чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы.

Чтобы, говорит, не было общего вреда и чтобы не умалилось число стада Христова. Прекрасно назвал он это дело обидой. Ибо диавол не только принадлежащее ему берет, но и наше похищает, преимущественно вследствие нашего же поведения, то есть по причине

неумеренно налагаемого покаяния. Поэтому коварство и обман диавола назвал умыслами его, и упомянул о том, как он губит под видом благочестия; ибо он ввергает в погибель не только тем, что вовлекает в блудодеяние, но и безмерной печалью. Как же не обида это, когда он уловляет нас чрез нас же самих?

Придя в Троаду для благовествования о Христе, хотя мне и отверста была дверь Господом, я не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита.

Выше упомянул о скорби, бывшей с ним в Азии, и показал, как освободился от нее, теперь опять извещает, что опечален и другим, тем, что не нашел Тита. Ибо, когда нет утешителя, становится тяжелее. Итак, зачем вы обвиняете меня в медлительности, когда я испытывал столько бедствий, которые не позволяют нам ходить по своей воле? Говорит, что отправился в Троаду не без намерения, но для благовествования, то есть для того, чтобы проповедовать. Почему же ты хотя проповедовал, но не долго? — потому, что не нашел Тита. *Не имел покоя духу моему*, то есть печалился, скорбел по причине его отсутствия. Ужели поэтому ты оставил дело Божие? Не поэтому, но потому, что вследствие его отсутствия дело проповеди встречало препятствие, ибо Павел сильно желал проповедовать, но препятствовало отсутствие Тита, который много помогал ему, когда находился с ним.

Но, простившись с ними, я пошел в Македонию.

То есть не был там долгое время по причине затруднительных обстоятельств. Ибо, хотя отверста была великая дверь, то есть много было дела, но за отсутствием помощника оно встретило препятствие.

Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать (θριάμβευοντι) во Христе.

Так как упомянул о многих скорбях, о скорби в Азии, о скорби в Троаде, о скорби от того, что не пришел к ним то, чтобы не показалось, что он перечисляет скорби с печалью, говорит: *благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать*, то есть делающему нас славными. Ибо триумфом называется шествие царя или полководца по городу с победой и трофеями. И нас в победе над диаволом Бог делает славными. Потому что то, что кажется бесчестьем, составляет нашу славу, ибо тогда падает диавол. Все же это бывает во Христе, то есть чрез Христа и чрез проповедь. Или: за то, что торжествуем во Христе, прославляемся; ибо, нося Самого Христа, как трофей какой, прославляемся Его сиянием.

И благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте.

Миро многоценное, говорит, есть познание Бога, которое мы открываем всем людям, лучше же сказать — не самое миро, но благоухание его. Ибо настоящее познание не совсем ясно, но как бы сквозь тусклое стекло, гадательно (1 Кор. 13:12). Итак, подобно тому, как кто-нибудь, обоняя благоухание, знает, что где-то находится миро, а каково оно по сущности, — не знает, так и мы знаем, что есть Бог, а Кто Он по сущности, — не знаем. Итак, мы подобны кадилам царской и, куда ни приходим, приносим благоухание духовного мира, то есть богопознания. Посему, сказав выше, что всегда торжествуем, теперь говорит: мы во всяком месте сообщаем благоухание людям. Ибо всякое место и время полны нашими

наставлениями. Итак, должно мужественно терпеть, поскольку и ныне, еще до получения грядущих благ, прославляемся до такой степени.

Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих.

Говорит это и потому, что мы сами себя приносим в жертву, умирая за Христа, или потому, что при заклании Христа и мы воскуряем некоторое благовоние. Смысл же слов его следующий: спасается ли кто, или погибает, Евангелие сохраняет свое достоинство и мы продолжаем быть тем, что мы есть. Как свет, хотя ослепляет слабых зрением, однако остается светом, или как мед, хотя бы казался горьким для страдающих желтухой, однако не перестает быть сладким, так и Евангелие издает благоухание, хотя неверующие и погибают. И мы *Христово благоухание*, но не просто, а *Богу*. А если Бог определил так о нас, кто станет противоречить?

Для одних, запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь.

Поскольку сказал: *мы — благоухание и в погибающих*, то, чтобы ты не подумал, что и погибающие угодны и приятны Богу, присовокупил следующее: обоня благоухание это, одни спасаются, а другие погибают. Как миро, говорят, удушает свиней и жуков, так и Христос положен камнем соблазна и преткновения. Так и огонь золото очищает, а терние сжигает.

И кто способен к сему?

Поскольку так много сказал словами *мы благоухание*, и: *торжествуем*, то опять старается умерить речь. Для этого говорит, что мы сами по себе без помощи Божией недостаточны; ибо все Ему принадлежит и нет ничего нашего.

Ибо мы не повреждаем слова Божия, как многие.

Здесь указывает на лжеапостолов, которые почитали благодать Божию собственным делом. Потому, говорит, я сказал: *кто способен?* — и все усвоил Богу, что я не таков, каковы лжеапостолы, не повреждаю и не извращаю дара Божия. Намекают на то, что они примешивают к евангельскому учению ухищрения внешней мудрости и стараются продать за деньги то, что следует давать даром. Но мы не таковы. Посему присовокупляет следующее.

Но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе.

То есть говорим от чистого и не способного к обману ума и как получившие то, что говорим, от Бога, а не как нечто, совершенное нами. *Во Христе* — не от своей мудрости, но вдохновленные Его силой; а *пред Богом сказал*, чтобы показать правоту и открытость сердца: наше сердце столь чисто, что мы открываем его Богу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Неужели нам снова знакомиться с вами?

Поскольку сказал о себе много великого, то говорит: не скажет ли кто: что это, Павел? говоря сие о себе, ты сам выхваляешь себя. Отстраняет это возражение следующими словами.

Неужели нужны для нас, как для некоторых, одобрительные письма к вам или от вас?

Говорит это с силой, делая речь свою более выразительной. Намекает же на лжеапостолов, которые, не имея в своих делах ничего, что могло бы сделать их известными, сочиняли одобрительные письма, представляли их кому хотели и таким образом рекомендовали и приводили себя в известность. Слова его, высказываемые с силой, имеют такой смысл: ужели кто скажет, что мы должны представить вам одобрительные письма, чтобы придти чрез них в известность у вас, или же представлять такие письма от вас к другим? Затем с чувством присовокупляет.

Вы — наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками.

Что, говорит, сделали бы письма, в которых вы стали бы одобрять и прославлять нас, то самое исполняете вы своей жизнью по вере, которую все видят и слышат. И куда бы ни отправились мы, всюду носим вас с собой, потому что вы написаны в нашем сердце, и мы всем возвещаем о вашей добродетели. Таким образом, поскольку вы для меня — одобрительное письмо к другим, то я не нуждаюсь в других письмах от вас, чтобы сделаться известным не знающим меня. Также, поскольку я имею вас в сердце, то не имею нужды в том, чтобы другие рекомендовали меня вам. Одобрительные письма нужны к незнакомым, а не к знакомым, вы же так написаны в сердце моем, что не можете выйти из него. Здесь свидетельствует не только о любви своей к ним, но и об их добродетельной жизни, то есть что они в состоянии были доказать пред всеми людьми достоинство своего учителя, ибо украшением для учителя служит добродетель учеников.

Вы показываете собою, что вы — письмо Христово.

Каким образом? Тем, что закон Христов и Его заповеди, подобно письмам, пребывают и сохраняются в вас.

Через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца.

Воспользовавшись случаем сравнить закон с Евангелием, делает здесь такое сравнение: как Моисей был служителем Закона, так и мы служители вашей веры в Евангелие, и как он вырезал на каменных скрижалях, так и мы на ваших сердцах; Закон написан был чернилами, а Евангелие написано в вас Духом. Итак, насколько Дух отличается от чернил и сердце от камня, настолько отличается Новый Завет от Закона. Поскольку у ожесточенных людей каменные сердца, то сердца верующих назвал плотяными, потому что они восприимчивы к слову.

Такую уверенность мы имеем в Боге через Христа, не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя.

Поскольку показал, что Новый Завет выше Ветхого, и естественно было заключить, что и мы — апостолы, служители Нового Завета, выше Моисея, который служил Ветхому Завету, но это показалось высокомерным, то говорит: нет ничего нашего, но *уверенность* наша, то есть похваление наше *в Боге через Христа*. Ибо Христос есть причина того, что мы похваляемся в Боге, и ничего нет нашего, даже самого малейшего. Эту именно мысль выражает словами: *мы не способны помыслить что от себя*.

Но способность наша от Бога. Он дал нам способность быть служителями Нового Завета.

Наша сила, говорит, от Бога: Он сделал нас *способными*, то есть укрепил, сделал способными служить великому божественному сему делу, — Новому Завету.

Не буквы, но духа.

И Ветхий Закон духовен, то есть дан Духом; но не подавал Духа, как подаст Его Новый. Итак, смысл слов такой: нам вручено сообщать не букву, как Моисею, но Дух. Ибо апостолы не только учили духовному и божественному, но и сообщали Духа чрез возложение рук.

Потому что буква убивает, а дух животворит.

Закон, говорит, подвергает наказанию, когда замечает кого-либо согрешающим даже в самом, казалось бы, малом, каково собирание дров в субботу (Числ.15:32-36), а Дух Святой, принимая совершивших бесчисленные беззакония, оправдывает их в бане крещения и оживотворяет умерших грехом.

Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно.

Показав выше различие между Новым и Ветхим Заветом, которое состоит в том, что последний пишется чернилами, а первый Духом, тот — на камнях, а этот — на сердцах, также что последний убивает, а первый животворит, теперь хочет показать, что и слава Евангелия больше. Поскольку же закон имел осязательную славу, то есть славу в лице Моисея, а Новый Завет имеет славу мысленную, которой никто не видит чувственно, то показывает превосходство евангельской славы посредством умозаключения, говоря, что закон был служителем смерти. Не сказал: виновник смерти, чтобы не дать повода еретикам, но: *служитель*. Ибо виновник смерти был грех, а закон подверг наказанию. Кроме того, закон был только буквой и не подавал подвизающимся никакой помощи, как подает крещение, но возлагал еще неизгладимые наказания. Ибо этот служитель смерти был начертан на камнях. Если, таким образом, закон при таком свойстве своем был так славен, то во сколько более имеет славы благодать, которая несравненно превосходит его?

Что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей.

Прикровенно обвиняет иудеев. Они, говорит, были так грубы, что не могли взирать даже на чувственную славу. Не сказал, что закон и скрижали имели славу, но лице Моисеево; ибо прославлен был Моисей, а не скрижали закона. Но и самую славу Моисея уничтожает, называя

ее преходящей. Заметь, однако, что не назвал ее худой, но имеющей конец и перестающей.

То не гораздо ли более должно быть славно служение духа?

Так как назвал закон служением смерти, то естественно было назвать Евангелие служением жизни; но апостол дал ему название высшее — назвал его служением Духа. Ибо Новый Завет имеет силу сообщать не только жизнь, но — что гораздо важнее — Самого Духа, дающего жизнь. Тем славнее, значит, он в сравнении с законом.

Ибо если служение осуждения славно, то тем паче изобилует славою служение оправдания.

Снова в другом виде представляет ту же мысль. Изъясняя свои слова: *буква убивает*, называет закон *служением осуждения*, как карателя грехов, а не виновника их. Евангелие же называет *служением оправдания*; потому что оно не только освобождает от наказания, но и делает грешников праведными. Поэтому Евангелие будет обладать гораздо большей славой.

То прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы последующего.

Что я, говорит, сравниваю Ветхий и Новый Завет между собой? Превосходство Нового Завета таково *с сей стороны*, то есть при сравнении, что прославленный, то есть Ветхий Завет, представляется вовсе не имеющим славы, по причине необычайной славы Нового. Ибо хотя закон был славен сам по себе, но по причине превосходства евангельской славы является бесславым. Заметь, что и этим одобряет Ветхий Завет; ибо сравниваются обыкновенно вещи сродные.

Ибо, если преходящее славно, тем более славно пребывающее.

Приводит другое умозаключение. Если в славе дан закон перестающий и подлежащий отмене, то тем более будет в славе закон непоколебимый и вечный — Новый Завет.

Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением.

Поскольку приписал Новому Завету необыкновенную славу, то тем, которые, услышав это, пожелали бы видеть славу его чувственно, говорит, что мы имеем такую надежду. Какую? Ту, что все мы верующие удостоились большего, нежели Моисей, и потому пользуемся большим дерзновением относительно наставляемых нами, ничего не скрывая и ничего не опуская, и не покрываем от вас лица, как покрывал его Моисей от иудеев. Ибо вы не так слабы, как они, Моисей же, когда получил скрижали в другой раз и сошел с горы, имел такое сияющее лицо, что иудеи не могли ни подойти к нему, ни говорить с ним, пока он не закрыл лицо покрывалом. На историю этого события указывает Павел, когда говорит следующее.

А не так, как Моисей, который полагал покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конец преходящего.

То есть нам не нужно покрывать себя, подобно Моисею. Ибо вы можете смотреть на ту

славу, которую мы имеем, разумею славу Евангелия, хотя она гораздо блистательнее Моисеевой. То есть вы можете понимать тайны Божий, именно Евангелие, и нам не нужно закрывать их от вас неясностью, как покрывалом. Израильтяне же, как плотские, не могли видеть, что закон имеет конец и что он будет отменен; ибо покрывало означает плотский ум их, как узнаешь ниже. Некоторые же понимали сие так: то самое, что они не могли взирать на лице Моисея, показывало, что эта слава имеет конец. Ибо, как скоро не видали славы, то ее и не было, и сим показано было, что она кратковременна, потому не проявила себя славой.

Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало донныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом.

Ослеплен, говорит, ум их, и потому ни те, которые тогда жили, не видели, ни те, которые теперь живут, не видят, как ослепленные и имеющие на лице Моисеевом то же покрывало во время поверхностного чтения закона. Ибо Христос называет закон Моисеем, как в следующем месте: *у них есть Моисей и пророки* (Лк. 16:29). И не открывается им, не познается ими, что Христос имел отменить Ветхий Завет. Итак, их заблуждение есть заблуждение ума, потому что ослепление есть грех ума. Не удивляйтесь, говорит, что иудеи не могут видеть славы, славы закона. Если бы они видели славу закона, то видели бы и славу Христову. Ибо славу закона составляет обращение ко Христу. Где же сказано, что закон отменен будет Христом? Там, где говорится: *пророка воздвигнет тебе Господь, Бог твой, — Его слушайте* (Втор.18:15). Итак, когда повелевается слушать Его, а Он отменил субботу, обрезание и все прочее, то выходит, что об отмене этой дал поведение сам закон. Кроме сего, тем, что ведено приносить жертвы в одном храме, а Христос разрушил его, не отменяются ли жертвы совершенно? И: *Ты священник вовек по чину Мелхиседека* (Пс. 109:4), также: *жертвы и приношения Ты не восхотел* (Пс. 39:7), — все это составляет отмену закона.

Донныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их.

Поскольку выше сказал, что покрывало лежит в чтении Ветхого Завета, то, дабы кто не подумал, что покрывалом называет неясность закона, говорит: нет, я называю покрывалом слепоту и грубость сердца иудеев. Ибо и на лице Моисея оно лежало не для него, но по причине грубости и слабого зрения иудеев.

Но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается. Господь есть Дух.

Теперь говорит о способе, как могут исправиться израильтяне. *Когда обращаются к Господу*, говорит, то есть когда оставят закон и приступят к духовному Евангелию, тогда снимется покрывало. Ибо и Моисей, как повествует история, когда обращался к Господу, снимал с себя покрывало. А это прообразовало имеющее быть после, именно, когда кто обратится к Духу (ибо Он — Господь), тогда увидит открытое лицо законодателя, еще более — сам будет наряду с Моисеем и будет наслаждаться славой, превосходящей, как сказано, славу закона. Ибо ее даст Дух, как Господь и Всемогущий.

А где Дух Господень, там свобода.

В законе было иго и рабство, а в законе Духа и в Евангелии — свобода, так что слава Господня созерцается беспрепятственно и свободно.

Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа.

Мы наслаждаемся, говорит, такой свободой и благородством, что все мы верные, не как там — один Моисей, *открытым лицом* (ибо у верующих нет покрывала) *взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу*, то есть получаем ту же славу, и, подобно зеркалу, приемля блеск, отражаем его. Как серебро, лежащее против солнца, и само испускает некоторые лучи под влиянием солнца, так и мы, очищенные Духом в крещении и озаренные Его лучами, отражаем некий духовный блеск и преобразуемся по тому же образу от славы Духа в свою славу, и притом в такую, какую свойственно иметь тому, кто просвещен от Духа Господня, никому не подчиненного. Ибо, будучи Господом, Он имеет и светочи владычние. Ибо все верующие чрез крещение исполняются Духа Святого и душа их просветляется, да и Моисей, видя божественную славу, и сам преобразился в нее, то есть сам получил блеск, и лице его просветилось, прообразуя нас.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Посему, имея по милости Божией такое служение, мы не унываем.

Поскольку выразил многое и великое, сказав, что мы, апостолы, выше Моисея (ибо если все выше, то тем более они),, то умеряет свое слово и говорит: все это принадлежит Богу. Ибо мы только служители, и то, что мы поставлены в служители, не наше же, но, говорит, и это принадлежит милости Божией. Слова *посему мы не унываем* относи к тому и другому, то есть так как мы удостоились столь великих благ, то не уклоняемся от опасности и скорбен, потому что, однажды быв помилованы, поставлены на служение.

Но, отвергнув скрытные постыдные дела, не прибегая к хитрости.

Указывает на лжеапостолов, которые во всем притворялись. Они брали дары, и представляли себя неберущими; казались святыми, а были нечисты. Мы же, говорит, отвергли такие дела, которые, обнаружившись, покрывают делающего их позором, то есть такие, которые совершаются лицемерно. Ибо прибавляет: *не прибегая к хитрости*, так что совершенное с лукавством и есть то, что навлекает позор. Впрочем, если будешь разумеать это о делах постыдных, то в этом ничего не будет нового: ибо и это свойственно лжеапостолам.

И не искажая слова Божия.

Не только, говорит, жизнь наша проста, чиста и свободна от беззакония, но и в учении и в слове нашем нет обмана. Ибо мы ничего не примешиваем к ним из внешней мудрости или что-нибудь льстивое, не собираем деньги от проповеди, и не говорим сегодня одно, а завтра другое, применяясь к временам и лицам, как поступают лжеапостолы.

А открывая истину, представляем себя совести всякого человека пред Богом.

Лжеапостолы представляют себя наружно и для вида, и кажутся иными, нежели каковы на самом деле. А я представляю себя, *открывая истину*, то есть самые дела употребляю во свидетельство. Так, я говорю, что ничего не беру, и имею свидетелями этого вас; так

поступаю и во всем прочем. Вот как я представляю себя всем людям, верующим и неверующим, то есть открывая жизнь свою и проповедуя всем открыто, так что все могут разуметь. А так как людей можно обмануть, то присовокупляет: *пред Богом*, Которого лжеапостолы не принимают во свидетели.

Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих.

Сказав выше, что хотя на израильтянах лежит покрывало, а мы, верующие, смотрим с непокрытым лицом, теперь говорит, что если Евангелие закрыто, то закрыто для неверующих. Ибо что тогда было с иудеями относительно Моисея, то же самое теперь бывает с неверующими относительно Евангелия. Но в этом виновны они, а не Евангелие, ибо, если бы они уверовали, увидели бы славу Божию без покрова.

Для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа.

В числе погибающих, говорит, которых много и которые различны, находятся и неверующие. Им-то *бог века сего ослепил умы*. Маркиониты утверждают, что это сказано о демиурге, которого они называют правосудным (смотри свт. Ин. Злат., Беседа 8), но не благим, а манихеи относят это к диаволу, которого они называют и творцом мира. Но ни то, ни другое не справедливо, а сказано это о Боге нашем. Если же Он называется Богом века сего, то в этом нет ничего нового; ибо Он называется и Богом неба, хотя Он есть Бог не его одного; называется он и Богом Авраама, Исаака и Иакова, хотя Он — Бог не их одних, но всех. Что же странного, если и Павел благовременно назвал его теперь Богом века сего, чтобы лучше показать неверующим, что Он создал и сие видимое, наслаждаясь которым, они отвергают Создателя? Можно объяснить это место и так, что Бог ослепил умы неверующих века сего, ибо в будущем веке нет неверующих. Что же значит *ослепил*? Значит, что попустил быть слепыми, подобно тому, как и *предал их Бог превратному уму* (Рим. 1:28). Ибо после того, как они отпали от Него, Он предоставил их себе, оставил их, потому что не принуждает ко спасению. Заметь же, что не сказал, что ослепил для того, чтобы они не веровали, но для того, чтобы недостойные глаза не видели блеска славы Христовой. Блеск же состоит в том, чтобы веровать, что Он распялся, вознесся и даст нам будущие блага. Как больному глазами не позволяют видеть солнечных лучей, чтобы они не повредились, так точно и они сделались неверующими сами от себя. А когда они стали такими, Бог сокрыл от них лучи славы евангельской, как от израильтян — лице Моисея. Так и нам заповедал *не бросать жемчуга перед свиньями* (Мф. 7:7). Прекрасно сказал: *воссиять*, ибо ныне мы имеем умеренный свет, а не полное освящение, что выше назвал благоуханием и залогом, показывая, что там находится нечто большее.

Который есть образ Бога невидимого.

Здесь показывает, что они не знают не только славы Христовой, то и славы Отца. Ибо если Христос есть образ Отца, то не видящий Христа не знает и Отца.

Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы — рабы ваши для Иисуса.

Выше сказал, что мы *не прибегаем к хитрости*, потом присовокупил о неверующих, как

они были покрыты. Теперь говорит: мы не обманываем, ибо проповедуем не самих себя, как лжеапостолы. Ибо они внушали своим ученикам называть себя их именами, как и показал в первом послании: *я Аполлосов, я Кифин* (1 Кор. 1:12). Иначе: не думайте, нападающие на нас, что вы нападаете на нас, ибо мы не себя проповедуем, но Христа, почему вы восстаете против Проповедуемого нами. Мы до такой степени не себя проповедуем, что не отказываемся быть и вашими рабами для Христа, то есть ради того, что Он так возлюбил нас и все сделал для нас.

Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа.

Почему, говорит, мы не проповедуем себя? Потому, что Бог воссиял в сердцах наших, как в древности на лице Моисея, так ныне на нас. Как при первом творении сказал, и явился из тьмы свет, так и ныне сказал, и явился свет. Впрочем, Он сам стал светом для нас, ибо Он воссиял для нас *в лице Христа*, то есть чрез Христа, потому что Отец сияет в нас чрез Христа и дает *просвещение познанием*, не сущности Своей, но славы. Заметь, и здесь у Павла богословие о Троице. Ибо о Духе говорит он: *взирая на славу Господню*, ибо Дух есть Господь; о Сыне: *свет благовествования о славе Христа*, а теперь об Отце: *просветить нас познанием славы Его*.

Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах.

Поскольку сказал о неизреченной славе много великого и высокого, то, дабы кто не сказал: как же мы, получив такие, как ты говоришь, блага, останемся в смертном теле? — говорит: *глиняный сосуд вмещает такие сокровища силой Божиею*.

Чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам.

Чтобы преизбыточная сила, являющаяся в нас, была Божией и чтобы не подумали, что мы совершаем что-нибудь сами собой, но чтобы все, кто видит, говорили, что все это Божие. Намекает на лжеапостолов, которые все приписывали себе.

Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены.

В такой мере, говорит, все есть дело силы Божией, что хотя мы скудельные сосуды и подвергаемся стольким и столь разнообразным искушениям, однако не разбиваемся и не теряем находящегося в нас сокровища. Ибо подвергаемся скорбям во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи, между друзьями, между врагами, *но не стеснены*, потому что Бог расширяет сердца наши.

Мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся.

То есть, хотя подвергаемся бедствиям и стеснениям, однако, стоя твердо, не отчаиваемся и не побеждаемся, но в Боге находим помощь и побеждаем.

Мы гонимы, но не оставлены.

Люди гонят нас, но Бог не оставляет нас. Ибо это попускается для того, чтобы мы

упражнялись в борьбе, а не для того, чтобы мы пали.

Низлагаемы, но не погибаем.

Противники, говорит, низлагают нас по телу и в вещах внешних, но мы не погибаем, благодушествуем и наслаждаемся постоянством духа, и при этом сохраняем при помощи Божией самое тело.

Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем.

То есть ежедневно подвергаясь смерти и всегда подражая смерти Господа, свидетельствуем таким образом о жизни или о воскресении Его, телом своим. Ибо, если кто не верует, что Господь воскрес, он не будет иметь предлога к неверию, когда увидит, что мы ежедневно умираем и ежедневно же остаемся в живых.

Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей.

Этим объясняются слова *мертвость Иисуса*, которые были неясны. Ибо он обычно разъясняет неясно сказанное. Слово же *чтобы и жизнь Иисусова открылась*, кроме предыдущего толкования, должны быть истолкованы еще так: как мы ныне подвергаемся смерти Христовой и решаемся заживо умереть за Него, так и Он благоизволит умерших нас оживотворить тогда. Это говорит апостол и в другом месте: *если же мы умерли со Христом, веруем, что и жить будем с Ним* (Рим. 6:8).

Так что смерть действует в нас, а жизнь в вас.

Смертью называет здесь искушения, говоря: мы находимся в опасностях, а вы наслаждаетесь жизнью, которая проистекает из этих опасностей, именно вследствие возвещения вам Евангелия, чрез которое вы живете вечной жизнью.

Но, имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим.

Выше упомянул об искушениях, и о смерти, потом сказал, что и от них избавил нас Иисус, и привел основание, что для того именно избавил, чтобы уверить в Своем воскресении. Теперь утверждает, что это должно основываться на вере, а не на одних умствованиях, и говорит: как Давид, находившийся в искушениях и освобожденный от них только Богом, сказал: *я веровал и потому говорил*, так и мы, имея тот же дух веры, который он имел, веруем и потому говорим, что, как Иисус воскрес, так и мы победим опасности и опять будем воскрешены. Заметь, что в Ветхом и Новом Завете один и Тот же Дух; заметь это для тех, которые хулят закон.

Зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами. Ибо все для вас, дабы обилие благодати тем большую во многих произвело благодарность во славу Божию.

Чему же, говорит, мы веруем и что знаем? То, что Тот, Кто воздвиг Иисуса, и ныне исхитит нас от опасностей, и напоследок воздвигнет и представит нас с вами к наслаждению благами. Возбуждает их к вере и доброй жизни. Надеясь же на лжеапостолов, которые говорили, что через их посредничество сообщаются их ученикам от Бога блага, говорит: *все для вас*, и самое воскресение, а не ради того или другого. Совершает же это Бог и многим дарует благодать, чтобы при изобилии благодати преизобиловала и благодарность, приносимая многими в славу Божию. Почему лжеапостолы, приписывая благодать Божию себе, омрачают и славу ее.

Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется.

Поскольку, говорит, мы знаем силу Божию и то, что Бог ныне освободит нас от опасностей, потом восставит нас просветленными, то не падаем духом и не отчаиваемся среди страданий. Далее — *внешний человек*, то есть тело, тлеет. Каким образом? Когда терпит бичевания, гонения. *Внутренний* же, то есть дух и душа, обновляется. Каким образом? Имея благую надежду и дерзновение, как терпящий и радующийся ради Бога.

Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу.

Изъясняет, каким образом обновляется внутренний человек, и говорит: размышлением, что скорбь кратка, то есть временна, и легка потому, что временна, а слава и вечна, и имеет вес, то есть величие в высшей степени, ибо таково значение слов: *в безмерном преизбытке*.

Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно.

Показывает, как легка скорбь. Все видимое, говорит, временно, следовательно, и скорбь, и самый покой, ибо и он видим. Ибо для того сказал *видимое*, чтобы обнять и покой. Итак, не будем унывать в скорби, ни расслабляться покоем. Если же так, то *невидимое*, то есть Царствие и мучение, вечны. Поэтому ищите первого и убегайте последнего.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный.

Поскольку выше сказал, что по той мере, как внешний человек тлеет, обновляется внутренний, и таким образом сказал, казалось бы, нечто новое, то говорит, что когда это смертное и земное тело совершенно истлеет, тогда произрастут для нас бесчисленные блага. При этом снова рассуждает с ними о воскресении, хотя и не так ясно, как прежде, чтобы не показалось, что почитает их неисправными. Земной хижиной назвал тело, а тем, что назвал его хижиной, указал на кратковременность его; ибо такова хижина. Если же хижинами (храминами по-славянски) часто называют и места упокоения праведных, то с прибавлением, именно: «вечные храмины» (Лк. 16:9). Смотри же, как земному дому противопоставил небесный, а хижине — дом вечный. Увеличивая восхваление будущей славы нашего тела, присовокупил: *нерукотворенный*, не для противопоставления этому телу, ибо и оно

нерукотворенно. Некоторые же под рукотворенным домом разумеют жизнь, проводимую нами па земле, а под хижинной само тело, так что это место получает такой смысл: если разрушится земная жизнь нашего тела, которую можно назвать и рукотворенной, как бы составленной руками (ибо хлеб, вино и тому подобное, из чего слагается наша жизнь, делаются руками), мы будем иметь на небесах Другую жизнь, неразрушимую и нерукотворенную, то есть не нуждающуюся в содействии наших рук.

Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище.

В какое жилище? В нетленное тело. Небесным же называет оно не потому, будто оно сойдет свыше, но потому, что оттуда будет ниспослана благодать нетления. Посему не должно скорбеть, когда постигают нас некоторые искушения телесные, напротив, мы должны еще воздыхать о том, что не совлеклись всего тленного тела, чтобы облечься в нетленное. Это тело апостол не назвал хижинной, но *жилищем*, потому что оно пребывает вечно.

Только бы нам и одетым не оказаться нагими.

Дабы не все полагались на одно нетление тела, говорит: *только бы нам и одетым* в нетление и получив тело нетленное, *не оказаться нагими*, те славы и безопасности, как имеющим скверну греха. Ибо всеобщее воскресение, а не честь.

Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью.

Поскольку могло показаться тягостным сказанное: *воздыхаем*, желая освободиться от тела, ибо привязанность души к телу невыразима, то говорит: не о том воздыхаем, чтобы просто освободиться от тела, но о том, что желаем облечься в нетление. Желаем не совлечься тела, но освободиться от тления, чтобы истребилось и уничтожилось в жизни тление, а не тело. Ибо тяготимся не от того, что имеем тело, но от того, что оно тленно. Этим совершенно заграждаются уста еретиков. Ибо здесь речь не о том или другом теле, но о тлении и нетлении.

На сие самое и создал нас Бог.

А сотворивший нас на сие самое изначала, говорит, есть Бог, ибо Он создал нас с тем, чтобы мы были нетленны. И не ныне только стало угодно Ему это, но было угодно изначала. И это в точности сбудется.

И дал нам залог Духа.

Хочешь, говорит, доказательства? Дам тебе и другое. Тот, Кто дал нам Духа чрез крещение, дал нам и залог нетления, ибо освятил и душу и тело, и как ту, так и другое соделал божественными, освободив от греха, от которого произошла смерть. Поэтому если дал Духа, то явно, что освободил от греха. Таким образом, залог будущего бессмертия есть Дух. Или иначе: даровав нам ныне Духа отчасти, дал некоторый залог, что даст и целое. Как же даст, если не будем нетленны по душе и по телу? Итак, получив здесь немного, то есть залог, надейся, что будешь иметь тогда и целое.

Итак мы всегда благодушествуем; и как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранены от Господа, — ибо мы ходим верою; а не видением, — то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа.

Продолжает подтверждать сказанное выше, именно то, что не должно беспокоиться об опасностях. Ибо опасности и смерти, говорит, доставляют нам вожделенное приобретение — нетление, о котором воздыхаем, и скорее приводят нас к Владыке нашему. *Мы всегда благодушествуем*, то есть не страшась ни гонений, ни наветов, ни смертей. Заметь мудрость, как скрыл нмена смерти и жизни и первую назвал водворением у Господа, а последнюю отшествием от Господа, дабы никто не привязывался к настоящей жизни, как отвлекающей от Господа. Потом, дабы кто не сказал: итак, что же? тело отчуждает нас от Бога? — отклонил это возражение, сказав: *ибо мы ходим верою, а не видением*, то есть хотя и здесь мы знаем Его, но отчасти, ибо это значит: *верою, а не лицом к лицу*, что означает: *видением*. Если же так, то *желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа*. Не сказал: достигнуть нетления, но — что превосходнее — быть с Господом, ибо это важнее нетления.

И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными.

Главное, о чем должно заботиться, состоит в том, чтобы благоугождать Богу в жизни. Дабы, слыша об отшествии, ты не подумал, что его одного достаточно тебе для спасения, говорит: старайся отойти благоискусным, то есть веди и здесь жизнь, благоугодную Богу.

Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово.

Здесь напоминает о страшном суде и словами *должно явиться* возбуждает страх. Ибо не думай, что там стены, или покровы, или глубина сердца скроют или дела, или помышления; там все обнаружится.

Чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое.

Говоря это, живших исправно и благочестиво укрепляет надеждой, а нерадивых возбуждает страхом к исправлению. Вместе с тем подтверждает учение о воскресении тел. Ибо то, что служило или добрым, или дурным делам, несомненно, или награждается, или наказывается. Таким образом здесь заграждаются уста еретиков.

Итак, зная страх Господень, мы вразумляем людей, Богу же мы открыты; надеюсь, что открыты и вашим совестям.

Зная, говорит, о Страшном Суде, мы делаем все так, чтобы не ввести людей в соблазн, ибо сие означают слова *вразумляем людей*, то есть врачуем от соблазнов. Ибо мы подлежим осуждению не только тогда, когда сделали что худое, но и тогда, когда, будучи в состоянии удалить повод к подозрению и устранить соблазн, не делаем этого. *Богу же мы открыты*, ибо Он знает, как мы проводим жизнь, и нет нужды убеждать Его, как убеждают сомневающегося. *Надеюсь, что открыты и вашим совестям*, как хорошо знающим все, касающееся нас. Поэтому нет нужды убеждать вас, будто потерпевших от нас соблазн.

Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами.

Тотчас же устраняет подозрение в мнимом тщеславии и говорит, что этими словами не себя самих хвалим, то есть возвышаем, превозносим похвалами, но вам даем повод хвалиться и красоваться нами пред лжеапостолами, которые поносят нас.

Дабы имели вы что сказать тем, которые хвалятся лицом, а не сердцем.

Дабы вы имели что сказать и чем похвалиться о нас пред лжеапостолами, которые хвалятся *лицом*, то есть делают все напоказ, для виду, ибо они были таковы: носили личину благочестия, а в сердце не имели ничего доброго. Повелевает же хвалиться не всегда, но только тогда, когда лжеапостолы превозносятся.

Если мы выходим из себя, то для Бога; если же скромны, то для вас.

Если мы говорим что-нибудь возвышенное (это называет апостол *выходим из себя*, или, в других, местах, «безумие»), то делаем это для Бога, дабы вы, почитая нас немощными, не возгордились и не погибли; если же говорим что-то смиренно и с уничижением, то делаем это для вас, дабы вы научились смиреномудрствовать. Или иначе: если кто имеет подозрение, что мы безумны, то мы надеемся получить награду от Бога, за Которого подвергаемся такому подозрению, а если кто почитает нас смиреномудрыми, тот и сам пусть получит пользу от нашего смиреномудрия. Или еще иначе: если мы безумны, то безумствуем так для Бога, чтобы вас привести к Нему. Безумие же Павла было безумием любви: любя Бога и живя, подобно влюбленному, Им одним, то есть Любимым, он вышел из себя и всецело прилепился к Богу, жил не своею жизнью, но жизнью Любимого, как в высшей степени любимой или возлюбленной. Итак, если мы, говорит, *выходим из себя, то для Бога*.

Ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего.

Любовь Бога, которую Он явил в нас, объемлет нас и побуждает нас подвергаться опасностям за Него, когда мы обсуждаем хорошо сами с собой следующее. Так как Он умер за всех, то явно, что все мы были погибшими, и что Он для того умер за погибших и умерших, чтобы оживить нас. Итак, поскольку Он оживил нас, то мы не должны уже жить *для себя*, но для Того, Кем живем, Кто не только умер за нас, но и воскрес, вознесши на небо начаток наш, то есть тело Свое, чтобы всецело вознести и нас. Ибо какая нужда была Ему возноситься, если бы не имело случиться подобного и с нами? Итак, поскольку Он умер за нас, поскольку Он оживил нас, и поскольку Он дал нам залог нетления, мы должны жить для Него, а не для похотей своих.

Потому отныне мы никого не знаем по плоти.

Поскольку все, умерщвленные грехом, ожили Христом чрез крещение, то справедливо говорит: не знаем никого из верующих, живущих во плоти, то есть по древней и плотской жизни. Ибо все возрожденные Духом ведут жизнь новую и духовную.

Если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем.

Показывает, что в том, чтобы не жить по плоти, мы имеем вождем Христа, и говорит:

хотя и Христос был некогда по плоти, но теперь Он не по плоти. Что же? Разве Он сложил с Себя плоть? Нет. Ибо Он как пришел, так и придет, а пришел Он во плоти и с плотью. Итак, что же говорит апостол? То, что мы называемся живущими по плоти, когда находимся в грехах, а живущими не по плоти, когда не грешим. Христос же называется живущим по плоти, когда был причастен в жизни естественным и неукоризненным немощам, каковы: голод, жажда, сон, утомление. Ныне же Он не есть *по плоти*, то есть освободился и от естественных и неукоризненных немощей, имея плоть, непричастную страданиям и бессмертную, чтобы, говорит, совершенно и с избытком научить нас не жить уже по плоти и греховно, но по духу.

Итак, кто во Христе, тот новая тварь.

Кто уверовал во Христа, тот сделался другим созданием и стал новою тварью. Итак, мы не должны жить по-старому.

Древнее прошло, теперь все новое.

Что такое древнее? Греховное и иудейское. Ибо древний грех кончился и у нас стала новая душа и новое тело, а вместо всего иудейского у нас все новое: вместо закона — Евангелие, вместо Иерусалима — небо, вместо храма — *внутреннейшее за завесой* (Евр.6:19), где Троица, вместо обрезания — крещение, вместо манны — Тело Бога, вместо воды — Кровь Владыки, вместо жезла Моисеева или Ааронова — Крест, вместо агнца — Сын Божий и так далее.

Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою.

Все же это дано нам от Бога, Который примирил нас с Собою через ходатайство Сына Своего. Ибо мы не сами прибежали к Нему, но Он призвал нас через смерть Сына Своего.

И давшего нам служение примирения.

О бездна человеколюбия! Ибо Отец, пославший Сына, когда увидел Его убитым теми, которые нуждались в примирении, то не только не отверг людей, но дал, говорит, нам, апостолам, *служение примирения*, чтобы, ходя повсюду, были посланниками к отпадшим от Бога и приводили их к Нему.

Потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их.

Высказал, что Отец примирил нас с Собою. Дабы не сказал кто: но Он послал Сына? — теперь говорит, что хотя Он послал Сына, однако, призывает не один Сын, но и Отец, примиряющий с Собою мир через Христа, — ибо это значит *во Христе*, — и показавший такую благодать к людям, что не только не наказал их, но и примирился с ними, и не только простил их, но и не вменил им грехов. Ибо если бы Он захотел требовать отчета, то все погибли бы.

И дал нам слово примирения.

Поэтому имеем повеление от Бога не возлагать на вас что-нибудь тяжкое, но примирить

вас с Ним. Поскольку Мне, говорит Бог, не поверили, то вы не переставайте увещевать их, пока не убедите.

Итак мы — посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом.

От имени Христова, то есть вместо Христа посланы. Ибо что Он намеревался сделать, то мы ныне приняли, и как чрез Него призывал нас Отец, так и ныне чрез нас призывает вас, чтобы примирились с Ним. Не сказал: примирите с собой Бога, но примиритесь с Ним. Ибо вы враждуете против Него, а не Он против вас: ибо Бог есть и Отец. Он, словно погрешивший против них, посылает к ним, чтобы они простили Его. О богатство милосердия и благоснисхождения!

Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом.

Я, говорит, не вспоминаю обо всем, о том, что вы обеславили Благодетеля, что Он не озаботился об отмщении, что, напротив, Сам первый восхотел примириться: того, что Он ныне сделал, не достаточно ли для того, чтобы вы примирились с Ним? Что же Он сделал? То, что Сына Своего, *не знавшего греха*, то есть Того, Кто есть сама праведность, предал смерти за нас, как грешника и злодея, *ибо проклят пред Богом всякий повешенный на древе* (Втор.21:23), и: «и к грешникам причислен». И не сказал: *сделал* грешником; но *жертвою за грех*, что значит больше. Для чего же сделано это? Дабы мы оправдались, не от дел закона, но благодатью Божией. Ибо правда Божия состоит в том, когда кто оправдывается благодатью, когда не может быть найдено никакого пятна. Поэтому не сказал: да будем праведными сами, но «правдой» Божиею, указывая на преизбыток благодати.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мы же, как споспешники, умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами.

Мы говорит, споспешествуем и вам и Богу: вам, чтобы вы спаслись, а Богу, чтобы исполнить волю Его, то есть о вашем спасении. *Умоляем* вместо Христа, даже до второго пришествия Его, и до тех пор, пока существуем в сей жизни, дабы вы не вотще приняли благодать Божию. Ибо что пользы — получить свободу от грехов благодатью Божией, а потом опять наполняться ими по своей беспечности? Снова является вражда, и благодать к нам становится тщетной. Итак, не думайте, что одна вера составляет примирение; нужна и жизнь.

Ибо сказано: во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Бот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения.

Какое это благоприятное время? Время благодати, в котором прощение грехов и сообщение оправдания. Время благоприятное есть то, в которое Бог принимает нас, выслушивает нас и спасает. Ибо во время суда Он не будет ни выслушивать, ни помогать, ни спасать. Итак, мы должны подвизаться в это время благодати, потому что легко получим награды.

Мы никому ни в чем не полагаем преткания, чтобы не было порицаемо служение.

Молим, сказал, и споспешествуем. Каким образом? Беспорочной жизнью. Самым же ходом повествования советует им обратить внимание на него. Ибо, говорит, я так устрою жизнь свою, что никому не подаю повода — не говорю к обвинению, но и к обыкновенному упреку, а еще более к соблазну, чтобы не было порицаемо служение наше. Опять, не сказал: чтобы не подпасть обвинению, но чтобы дело мое и служение мое не получило и случайного порицания. Некоторые же объясняют это так: чтобы порицание не перешло на проповедь, ибо ее называет служением своим. Когда я живу худо, то подвергается презрению и порицанию проповедь. Незаметно и им намекает, что когда они живут худо, то хула обращается на Христа и на веру.

Но во всем являем себя, как служители Божии.

Это гораздо выше: не только сделать себя чистым от обвинений и порицаний, но и показывать такую жизнь, чтобы из нее видно было, что он служитель Божий. Не сказал: показываем себя, но *являем себя*, то есть на деле показываем себя таковыми.

В великом терпении.

Говорит и о способе, как делаются таковыми, то есть чрез терпение, и не просто чрез терпение, но чрез *великое терпение*. Ибо недостаточно перенести одну какую-нибудь беду или две, но должно терпеть до конца.

В бедствиях, в нуждах.

Высшую степень скорби составляет то, когда гнетут человека безвыходные несчастья.

В тесных обстоятельствах.

Этим словом означает голод или просто искушения.

Под ударами, в темницах

И удары, и темницы: смотри, сколько зол! Каждое из них само по себе весьма тяжело.

В изгнаниях.

То есть в гонениях, когда кто не имеет места, где остановиться, будучи преследуем из места в место.

В трудах, в бдениях, в постах.

Сказав о бедствиях внешних, здесь говорит о своих собственных, которым он добровольно подверг себя, о трудах, то есть о делании рук своих, которыми питал и себя и других, и вместе с тем бодрствовал и постился.

В чистоте.

Так называет целомудрие или чистоту во всем и нелюбостыжательность и безмездную проповедь.

В благоразумии.

То есть в мудрости Божией, которая истинно есть ведение, только не внешнее, как у лжеапостолов.

В великодушии, в благодати.

Это признак несокрушимой души, когда кто, будучи отовсюду поражаем и уязвляем, не только долготерпит, но и благодетельствует.

В Духе Святом.

Показывает, как он сделал все это, именно Духом Святым. Когда показал свои подвиги, тогда уже поставил помощь Духа Святого. Здесь разумеются также и дары духовные, ибо ими доказываем, что мы служители Божий, потому что совершаем чудеса. Иначе: мы не подали претыкания в Духе Святом, то есть в дарах Духа. Ибо многие из превозносившихся полученным даром языков не пользовались им, как должно. Но Павел не таков.

В нелицемерной любви.

Вот источник всех благ, вот причина, по сему пребыл в нем Дух.

В слове истины.

То есть не извращая слова Божия.

В силе Божией.

Ничего, говорит, нет моего, но все это совершилось в силе Божией, или в знамениях и чудесах и в наказующей и благоденствующей силе.

С оружием правды в правой и левой руке.

Оружия правды в левой руке означают все прискорбное, а в правой — все ограждающее и поставляющее «нас в безопасность. В левой руке — скорбные, по мнению многих, ибо и Господь повелел молиться и о том, чтобы не впасть в искушение, а в правой — радостные. Итак, Павел в том и в другом показал себя безукоризненным, не падая духом в скорбях, и не превозносясь в радостях, но все это делая оружием правды.

В чести и бесчестии.

Истолковал нам, что оружия в правой и левой руке означают славу и бесчестие. Как же слава служит оружием правды? Тем, что слава учителей привлекает многих к благочестию. Что же? Есть ли это добродетель Павла? Конечно, потому что он, находясь в славе, не

гордился, а бесчестие, соделывающее терпение, делало его искусным и способствовало успеху его проповеди.

При порицаниях и похвалах.

И перенесение порицания есть великий подвиг. Ибо оно сильно возмущает душу. Поэтому и Господь называет блаженными тех, которые терпят поношение. В пытках тело разделяет муки вместе с душой, а в порицании вся тяжесть падает на душу. Поэтому оно и для Иова было тяжелее всех прочих ударов.

Нас почитают обманщиками, но мы верны.

Почитают обманщиками по причине порицаний, но мы верны, что доказывается благохвалениями.

Мы неизвестны, но нас узнают.

Для одних были уважаемы и знаемы, а для других недостойны и того, чтобы знать их. Это соответствует сказанному: *в чести и бесчестии.*

Нас почитают умершими, но вот, мы живы.

То есть как приговоренные и осужденные на смерть, и, по мнению устроющих нам ковы, умершие; но силой Божией мы живы.

Нас наказывают, но мы не умираем.

Попускает это, говорит, Бог для того, чтобы вразумить нас; ибо еще прежде будущих наград, в настоящей жизни немало происходит пользы от наказания. Это взято у Давида, который говорит: *строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня* (Пс. 117:18).

Нас огорчают, а мы всегда радуемся.

Хотя по внешности, говорит, кажемся скорбящими, но наслаждаемся совершеннейшей радостью; ибо не так бывает, чтобы иногда радовались, а иногда нет, но всегда радуемся.

Мы нищи, но многих обогащаем.

Апостол многих обогатил как духовным, так и чувственным богатством. Ибо, имея дома всех открытыми для себя, он был богатейшим и мог оделять и питать других, как, например, святых в Иерусалиме. То же показывает и далее.

Мы ничего не имеем, но всем обладаем.

Не привязанный ни к чему в здешней жизни, имеет все. *Если бы возможно было*, говорит, *вы исторгли бы очи свои и отдали мне* (Гал. 4:15). Как же такие люди могли жалеть для него имущества? Перечислил же все это с той целью, чтобы не смущались чем-либо из того, что кажется прискорбным.

Уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено.

Перечислив свои подвиги и по порядку повествования показав коринфянам, как должно подражать ему, хочет, наконец, обличить их, как не слишком любящих его. Но прежде сего показывает им собственную любовь, и говорит: всегда желаю говорить и беседовать с вами, и притом свободно и смело; ибо это значат слова: *уста наши отверсты*. Говорит же так потому, что хочет сделать им облегчение, показывая, что смелость в речи есть признак величайшей любви. И не на устах только высказываю любовь, но и сердцем, имею его расширенным для вас. Ибо пламень любви и уста мои отверз, а сердце мое расширил, и сделал его пространным, чтобы дать место всем вам. Поэтому и присовокупляет следующее.

Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно.

Вы, говорит, не тесно помещаетесь в сердце моем, сердце пространном, сколько бы вас ни было. А в ваших сердцах великая теснота, и вы не можете просторно поместить меня, хотя я один. То есть я в высшей степени люблю вас, а вы хотя любите меня и имеете меня в сердцах своих, но тесно, не просторно.

В равное возмездие, — говорю, как детям, — распространитесь и вы.

Такую же взаимность и равенство дружбы покажите и вы, и вы распространитесь так же, как распространился я. Показывает, что так и должно быть; ибо говорит: *говорю, как детям*. Ничего великого не прошу, когда, будучи отцом, желаю быть любимым от детей; ибо это обязанность детей.

Не преклоняйтесь под чужое ярмо (ἐτεροζυγοῦντες) с неверными.

Дабы не показалось, что говорит это для своей пользы, показывает, что нуждается в их любви для их пользы, говоря как бы так: любить меня значит, чтобы вы не смешивались с неверными и не уклонялись на их сторону. Не сказал: не смешивайтесь, но: *не преклоняйтесь под чужое ярмо*, то есть не оскорбляйте справедливости, склоняясь и приобщаясь к тем, к кому не следует. Ибо слово ἐτεροζυγεῖν употребляется в том случае, когда говорится о неправильных весах, когда одна весовая чашка перевешивает другую.

Ибо какое общение праведности с беззаконием?

Здесь делает различие не между собой и неверными, но между добродетелью и благородством коринфян и низостью неверных. Как отец, видя сына, находящегося в связях с людьми порочными, говорит ему: какое общение между твоим благородством и их скверностью; так и апостол говорит: вы суцая правда, а они беззаконие: итак, что общего у вас с ними?

Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром?

Желая всеми способами побудить их отстать от неверных, не сказал: какое общение у находящихся во свете с пребывающими во тьме, или: у последователей Христа и чад Велиара, но на место лиц поставил самые вещи — свет и тьму; что гораздо больше выражает; также Христа и Велиара, что означает отступника. Чрез это сделал речь свою более грозной.

Или какое соучастие верного с неверным?

Здесь напомнил о лицах, дабы не показалось, что обвиняет только зло или похваляет добродетель.

Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго.

Неверные суть храмы идолов, или даже самые идолы, а вы — храм Бога, не того, о котором они баснословят, но живого. Итак, какая *совместность*, то есть подобие, сходство между вами и ими?

Как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом.

Дабы не показалось, что льстит, Писанием подтверждает, что они храм Божий. Обитание в нас Бога обуславливается чистотой жизни, а хождение Его в нас приобретается старанием. Ибо Бог живет в человеке тогда, когда он чист, а когда Он побуждает его к другому какому-либо делу, говорится, что Он ходит в нем; это значит: когда Бог бывает его Богом, то он вступает в чин патриархов.

И потому, выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас.

Не сказал: не делайте глупостей, но: и не прикасайтесь к ним. Нечистота же бывает двоякая: телесная и душевная. К душевной относятся нечистые помыслы, нечистые взгляды, злопамятство, обманы и тому подобное; а к телесной нечистоте относятся: блуд, прелюбодеяние и всякое плотоугодие. Итак, хочет, чтобы мы были чисты и от той и от другой нечистоты. *Выйдите из среды неверных и отделитесь*, то есть живите отдельно и будьте чистыми, и тогда приму вас. Ибо, когда отступите от пороков, тогда соединитесь с Богом.

И буду вам Отцсм, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель.

Видишь ли, как пророк давно предсказал о нынешнем возрождении и усыновлении, совершающемся в нас чрез крещение.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа.

Какие обетования? то есть что мы — храмы Божий, что в нас обитает и ходит Сам Бог и Отец. Очистим себя от нечистых дел, — ибо это означает *скверна плоти*, — и скверных и страстных помыслов, — ибо это означает *скверна духа*, то есть души.

Совершая святыню в страхе Божиим.

Недостаточно, говорит, удерживаться от нечистоты, но должно делать и нечто доброе, — *святину*, то есть чистоту, целомудрие. Присовокупил *в страхе Божиим* или потому, что есть целомудрие, сохраняемое из человекоугодия, а не в страхе Божиим, или для того, чтобы показать нам, как должно сохранять оное, именно в страхе Божиим. Ибо, как ни велика сила плоти, но имей страх Божий, и победишь ее неистовство. Под святостью разумей не одно целомудрие, но и вообще всякую чистоту в жизни.

Вместите нас. Мы никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти.

Опять говорит о любви. Прежде навел страх на них, сказав, что они отступили от него и присоединились к неверным и нечистым. Теперь смягчается к ним, говоря: *вместите нас*, то есть дайте нам пространное место в себе, чтобы нам не было тесно в вас. Наменяя же на лжеапостолов, говорит: *никого не обидели* — в имуществе; *никому не повредили*, то есть не обольстили, повредив ум нечестивым учением; *ни от кого не искали корысти*, то есть не искали себе прибыли под предлогом проповеди.

Не в осуждение говорю; ибо я прежде сказал, что вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть и жить.

Говорю это не для того, чтобы осудить вас. Откуда это видно? Из любви; ибо вы в сердцах наших. Но так как иной, может быть, и любит, однако не хочет подвергать себя опасностям, то говорит: *чтобы вместе умереть*. И так как много есть таких, которые не радуются благоденствию друзей по зависти, то присовокупил: *и жить*. Мысль в сказанном такая: и в опасностях не бегаем вас, и в благоденствии живем с вами и не завидуем вам.

Я много надеюсь на вас, много хвалюсь вами.

Казалось бы, оскорбил их, говоря: *в сердцах ваших тесно и: вместеите нас*. Поэтому теперь и себя оправдывает, и их врачует, говоря: я сказал это не для того, чтобы осудить вас, но по своей великой смелости в отношении к вам и из желания побудить вас к добродетели. Ибо что я не осуждаю вас, видно из того, что пред другими хвалюсь вами.

Я исполнен утешением, преизобилую радостью, при всей скорби нашей.

Исправившись, говорит, в том, за что я осуждал вас в прежнем послании, вы исполнили меня утешением, и не только утешили меня, то есть освободили от печали, но и обильно исполнили меня радостью. Обилие радости означает словом *преизобилую*. Радость эта, говорит, была такова, что во всякой скорби нашей, как бы она ни была велика, превозмогала и погашала скорбь. Это, казалось бы, противоречит сказанному о них немного прежде, но на самом деле не противоречит. Ибо то и другое свойственно любящему: первое — как обличающему, а последнее — как ободряющему, потому что обличения бывают не по неприязни, но от сильной любви.

Ибо, когда пришли мы в Македонию, плоть наша не имела никакого покоя.

Повествует о своей скорби и говорит о ней в сильных выражениях, дабы показать, как велика была радость от них, когда прогнала и такую скорбь. Хорошо сказал, что *плоть* не

имела покоя; ибо душа Павла была непобедима.

Но мы были стеснены отовсюду: отвне — нападения.

Нападения от неверных.

Внутри — страхи.

Потому что между верными есть слабые, которые могли быть увлечены лжебратиями.

Но Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита.

Поскольку многое сказал в похвалу, коринфян; то приводит в свидетели Тита. Кто же *утешает смиренных*? Бог, говорит. Он и нас утешил, послав нам Тита; ибо прибытие его было достаточно для того, чтобы рассеять скорбь нашу. Хочет также представить им мужа сего достойным уважения, почему приписывает прибытию его большое значение.

И не только прибытием его, но и утешением, которым он утешался о вас.

Утешил вас, говорит, не только тем, что был при вас во время скорби, но и тем, что возвестил вам о добродетели вашей, которой и сам утешался, то есть радовался о вас, принимая вас за добродетели ваши. Снискивает мужу сему благоволение их, как хвалившему их пред ним.

Пересказывая нам о вашем усердии (ἐπιλόθησιν), о вашем плаче, о вашей ревности по мне.

Вероятно, коринфяне плакали и скорбели о том, что учитель так болел духом и так долго не был у их. Поэтому не просто сказал: слезы, но *плач*, и не ἐπιθυμίαν, но ἐπιλόθησιν, то есть сильное желание, также не гнев, но *ревность* против блудника. За меня вы воспламенились и возгорелись, чтобы исполнить повеление мое; за меня ревновали вы и пред лжеапостолами. Говорит это апостол не только для уврачевания прежних укоризн, но и потому, что принимает исправившихся; ибо хотя много дурных и не достойных этих похвал, но он не отделяет их, а всех вместе хвалит и укоряет, предоставляя совести каждого избрать себе свое.

Так что я еще более обрадовался.

Я, говорит, обрадовался и присутствию Тита, но больше тому, что он сообщил мне о вас такие вести.

Посему, если я опечалил вас посланием, не жалею, хотя и пожалел было.

Хотя я, говорит, написал к вам так, что превзошел меру укоризны и должен бы раскаяться о том, что порицал вас сверх меры, но великая польза, происходящая от того, не позволяет мне теперь раскаиваться. Сказал это не потому, чтобы в самом деле порицал их сверх меры, но для того, чтобы увеличить похвалу их.

Ибо вижу, что послание то опечалило вас, впрочем, на время. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию; ибо

опечалились ради Бога.

Скорбь была временна — к часу, а польза — всегдашняя. *Я радуюсь*, говорит, *не потому, что вы опечалились* (ибо какая мне польза от вашей скорби?), *но что вы опечалились к покаянию*. Заметь, как скорбь приписывает посланию, и не говорит, что принес вам пользу, — что было справедливо, — но относит это дело к их добродетели. Вы, говорит, опечалились, но опечалились *ради Бога*.

Так что нисколько не понесли от нас вреда.

Быв обличены, говорит, нами, вы опечалились по Боге, и впредь ни в чем не потерпите от нас вреда. Ибо все вы, не исключая и дошедшего до крайнего греха и блудодеяния, улучшились. Учитель тогда причиняет вред ученику, когда не обличает согрешающего. Ибо, если бы его обличили, он получил бы пользу.

Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть.

Рассуждает о печали и показывает, что печаль не всегда, есть зло, но только тогда, когда бывает по миру, то есть об имуществе, славе, об умерших. Ибо такая печаль *производит смерть*, непременно уже душевную, а часто и телесную, ибо чрез это многие погибли. Если же кто добровольно скорбит о грехах, то скорбит *ради Бога*; ибо врачевство это приготовлено на случай сей одной болезни, для произведения неизменного покаяния (ибо никто из скорбящих ею никогда не раскаивался в том) и для избавления человека от душевной смерти.

Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие.

Не из примера других, говорит, доказываю пользу печали по Боге, но из вашего опыта. Ибо вы не только не раскаялись в том, что опечалились, но сделались более заботливыми о себе.

Какие извинения.

Извинения предо мной; ибо я извинил вас, потому что вы раскаялись.

Какое негодование на виновного.

На соблудившего.

Какой страх.

Предо мной; ибо вы так и так скоро исправились потому, что устрашились.

Какое желание.

Ко мне. Когда сказал о страхе, дабы не подумали, что представляет себя каким-то властителем, тотчас поправился, употребив слово *желание*, которое есть признак любви, а не

власти.

Какую ревность.

К Богу.

Какое взыскание.

За законы Божии; ибо вы наказали нарушивших оные.

По всему вы показали себя чистыми в этом деле.

Вы, говорит, не только не сделали ничего такого, что сделал блудник, но и не потворствовали ему. В прежнем послании сказал: *и вы возгордились* (1 Кор. 5:2), что делало их общниками преступления; поэтому здесь говорит: теперь вы очистили себя и от этого подозрения, и показали себя чистыми от порицания.

Итак, если я писал к вам, то не ради оскорбителя и не ради оскорбленного, но чтобы вам открылось попечение наше о вас пред Богом.

Дабы не сказали ему: зачем же ты обличал нас, если мы чисты были от преступления? говорит: я до того уважаю прежде писанное мной и не раскаиваюсь в обличении вас, что говорю: для того я написал то, чтобы любовь моя к вам и попечение мое о вас открылись *пред Богом*, то есть пред Богом, видящим, что это справедливо. Я опасался, чтобы и на вас не перешла зараза. Кого же понимает под *оскорбившим* и *оскорбленным*? Блудодействовавших; потому что и тот, и другая оскорбили друг друга. Как же говорит, что писал не ради их? То есть, хотя я писал и ради их, но не исключительно ради их, а и ради вас, заботясь, чтобы не испортилось все общество. Так и когда говорит: *разве о волах заботится Бог?* (1 Кор. 9:9), не то говорит, что Бог не заботится о них; иначе зачем они созданы? но то, что Бог дал закон преимущественно не ради волов.

Посему мы утешились.

Я показал попечение свое о вас, и надежды мои не обманули меня; поэтому, говорит, весьма утешился.

Утешением вашим; а еще более обрадованы мы радостью Тита.

Теперь к утешению, которым вы утешили меня, как я сказал, присовокупилась большая радость, — радость Тита. Радость же эта и утешение — за вас и для вас. Поэтому и говорит далее.

Что вы все успокоили дух его. Итак я не остался в стыде, если чем-либо о вас похвалился перед ним.

Я, говорит, тому обрадовался, что Тит нашел вас такими, какими я изображал ему вас на словах. И сам он успокоился, когда нашел вас такими и не встретил от вас ничего грубого и неприятного. А то, что Павел хвалится учениками, показывает, что они были добродетельны, а он — чадолюбив. Такими и теперь должны быть ученики и учителя.

Но как вам мы говорили все истину, так и перед Титом похвала наша оказалась истинною.

Как проповеданное мной вам все было истинно (или, быть может, говорит о похвалах, высказанных им о Тите), так и все, чем я хвалился о вас, оказалось истинным.

И сердце его весьма расположено к вам.

Сими словами хвалит Тита, чтобы и они полюбили его, как связанного с ним и пламенно любящего их. Поэтому и сказал: *сердце его*, дабы показать силу и горячность расположения и искренней любви его.

При воспоминании о послушании всех вас, как вы приняли его со страхом и трепетом.

Выставляет причины такой любви к ним Тита, показывая, что они сами подали повод к такой любви, и вместе с сим побуждая и их к большей любви. Ибо вы не просто показали любовь к нему или попечение о нем, но и послушание, приняв его, как дети отца и в то же время как начальника — *со страхом* и даже *трепетом*. Сим самым свидетельствует о сугубой добродетели их: о любви, как к отцу, и о страхе, как к начальнику, так что в них ни любовь не ослабила страха, ни страх не отравил любви.

Итак радуюсь, что во всем могу положиться на вас.

Не о Тите только радуюсь, что вы почтили его, но и о том, что нахожу вас такими, — не посрамляющими меня, по дающими мне смелость говорить о вас откровенно во всяком деле и во всякое время. И иначе, *могу положиться на вас*, потому что буду ли делать что для вас или говорить вам, вы охотно примете то, понадобится ли, для исправления вашего, обличать или хвалить вас, или предписывать вам что-нибудь тяжкое.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквам Македонским.

Не напрасно воздал им выше так много похвал, но с той целью, чтобы смягчить их, ибо намеревался побудить их к нищелюбию. Поэтому и сказал выше: *могу положиться на вас*, то есть все, что ни говорю вам, вы делаете. Впрочем, не сказал сразу: подайте милостыню, но, поставив в пример сделанное другими, и их возбуждает к подобной ревности. Примечай, что расположение к милостыне называет *благодатью Божией*. Чрез это и слово свое делает неукоризненным, и коринфян призывает к милостыне, как к дару Божию. И не сказал: в том или другом городе, но хвалит всю Македонию, чтобы и они все возревновали также.

Ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью.

То есть, имея много скорбей, делаются искуснейшими чрез терпение; не пали, но более радовались, не просто радовались, но радовались с избытком.

И глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия.

То есть как великая скорбь их произвела избыток радости, так и великая и крайняя бедность их не только не воспрепятствовала им подавать милостыню, но еще больше побудила их *преизбыточествовать в богатстве*. Не сказал же; в богатстве подаяния, но *радушия*, то есть чистосердечного расположения к щедрости. Ибо благотворительность ценится не по множеству подаваемого, но по расположению подающих. Удивительно, что при такой бедности (ибо были оторваны от своих соплеменников) показали такую щедрость.

Ибо они доброхотны по силам и сверх сил — я свидетель: они весьма убедительно просили нас.

Объясняет сказанное выше и говорит: *по силам*, даже *сверх сил*; ибо в этом состоит избыток простоты, то есть в том, что *сверх сил*. Притом, они не были увещиваемы нами, но *доброхотны*. И что я говорю? Они сами много просили и умоляли нас. Говорит это для того, чтобы и их побудить не столько ко многому подаянию, сколько к подаянию с охотой. С этой целью и останавливается на сем предмете.

Принять дар и участие их в служении святым.

Здесь недостает слов: просили нас принять это служение. Сказал: *дар*, чтобы коринфяне, как ревновавшие о дарах духовных, прибегали и к милостыне, как к дару, о чем и выше сказано. *Участием* же назвал ее, дабы знали, что, давая другим, сами получают.

И не только то, чего мы надеялись.

Мы не надеялись, чтобы находящиеся в такой бедности и в такой скорби просили нас принять служение их.

Но они отдали самих себя, во-первых, Господу, потом и нам по воле Божией.

Здесь свидетельствует и о других добродетелях их. Ибо они не возносились от того, что подавали милостыню, и не заботились о других добродетелях, но всецело предали себя Господу, всецело и нераздельно преклонились ко всякому богоугодному делу. *И нам* предали себя, то есть были покорны во всем, показали любовь *по воле Божией*, то есть как угодно Богу, а не человеческому расчету.

Поэтому мы просили Тита, чтобы он, как начал, так и окончил у вас и это доброе дело.

Они, говорит, до того предались милостыне, что я, видя их дело, позаботился о вас, чтобы вы не были хуже их, и потому просил Тита идти к вам, что и сам он *начал*, то есть предположил идти к вам прежде, нежели я попросил его. Чрез это также располагает их к Титу, дабы, когда он придет и станет убеждать их к милостыне, они удобнее склонились на убеждения его, как помышляющего об относящемся к их спасению. И снова назвал милостыню добрым делом. Ибо она поистине есть великое благо и дар Божий, и подаяние ее уподобляет нас Богу. Поэтому и премудрый сказал, *многие хвалят человека за милосердие* (Притч.20:6).

А как вы изобилуете всем: верою и словом, и познанием, и всяким усердием, и

любовью вашею к нам, — так изобилуйте и сею добродетелью.

Увещает с похвалами и говорит; так как вы все прочее имеете с избытком, то и в этом деле — не только подайте милостыню, но подайте ее с избытком: что означает или то, чтобы они превзошли македонян, или чтобы просто были щедрее. *Верю*, то есть дарами веры, несомненной; *словом*, то есть словом мудрости; *познанием*, то есть познанием догматов; и *всяким усердием*, то есть ревностью к прочим добродетелям, и *любовью вашею к нам*. Ибо прежде сказал, что вы доказали Титу любовь свою ко мне, ревнуя по мне.

Говорю это не в виде повеления.

То есть не принуждая вас и не делая вам насилия.

Но усердием других испытываю искренность и вашей любви.

То есть для того хвалю македонян, чтобы чрез их усердие показать вашу любовь к бедным святым более достохвальной и более блистательной.

Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою.

То есть подумайте и размыслите о великом таинстве, и ничего не пощадите. Ибо, говорит, если не веришь, что нищета производит богатство, то вспомни о своем Владыке, и не будешь больше сомневаться. Ибо, если бы Он не обнищал, то есть не принял падшую и бесчестную плоть и не претерпел всякое иное бесславие, и притом для нас, недостойных, врагов Своих, то и мы не сделали бы богатыми. О каком же богатстве говорит? О благочестии, об очищении, об освящении и о прочих благах, которые Он дал и дает.

Я даю на это совет: ибо это полезно вам.

Смотри, как заботится о том, чтобы не быть им в тягость. *Совет*, говорит, *даю*, то есть советую, а не налагаю необходимости; советую же для того, чтобы больше было пользы вам, нежели получающим.

Которые не только начали делать сие, но и желали того еще с прошедшего года. Совершите же теперь самое дело.

Убеждает их уже не ревностью других, но собственным их расположением, говоря: вы добровольно дошли до того же и не только положили начало деланию, но и хотению, то есть деланию по доброй воле, без всякого внешнего увещания. Поэтому советую вам теперь исполнить свое дело.

Дабы, чего усердно желали, то и исполнено было по достатку.

Чтобы прекрасное дело не остановилось на одном усердии, но было действительно исполнено. Ибо, как расположение и произволение производят желание, так от имени происходит дело. Итак, у кого есть, тот пусть делает дело, а у кого нет, тот сделал дело произволением.

Ибо если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет.

Заметь мудрость, как, похвалив македонян, разумею — фессалоникийцев, что сделали *сверх сил*, от сих не требует ничего *сверх сил*. Если, говорит, имеете усердие, подавайте по силам; Бог принимает это.

Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть.

Вы, говорит, не должны давать *сверх сил*, чтобы другие проводили жизнь в роскоши и удовольствиях, а вы терпели от того нужду и скорбь. Господь похвалил вдовицу, что подала все, что имела (Мк. 12:44). Но Павел не делает этого теперь, отчасти потому, что коринфяне были еще слабы, отчасти же потому, что они были богаты, так что если бы подали и по силам, то составилось бы большое, почтенное и богатое подаяние. Притом апостол надеется, что пример фессалоникийцев побудит коринфян к большему, и потому предоставляет дело на их волю. И в следующих словах незаметно побуждает их к тому же.

Но чтобы была равномерность. Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка.

То есть вы богаты имуществом, а они богаты дерзновением к Богу. Поэтому дайте им от избытка имений своих то, чего они не имеют, чтобы вам получить взамен дерзновение, которым они богаты и в котором вы имеете недостаток. Смотри, как незаметно располагает их подавать и *сверх сил*. Если, говорит, хочешь получить от избытка, то и подавай от избытка; если же хочешь получить полное вознаграждение, то и сам подавай вполне, то есть и от недостатка, и *сверх силы*; впрочем, не говорит этого явно. Итак, доселе убеждал, кажется, к подаянию посильному.

Чтобы была равномерность, как написано: кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало, не имел недостатка.

Как будет равенство? Если и вы и они будете взаимно уделять друг другу избытки и восполнять недостатки друг друга. Но какое равенство — за плотское давать духовное? Здесь, разумеется, равенство не в отношении к ценности или бесценности подаваемого и взамен получаемого, но в отношении к избытку и лишению: вы подаете от избытков своих, и они подают от избытков своих; и опять: вы получаете то, в чем нуждались, и они получают то, в чем нуждаются. Равенство это всецело относится к настоящему времени, а что в будущем веке, то имеет великое преимущество пред подаваемым. Итак, смиритесь, богатые, потому что в вещах постоянных, непреходящих, вас превосходят бедные. Приводит в пример бывшее при собирании манны, чтобы показать, как бывает равенство. Именно: когда богатый, имеющий многое, дает избыток тому, кто имеет малое, то ни сам не имеет лишнего, ни имеющий малое не имеет недостатка в том, что от него получил. То же бывает и с дерзновением к Богу. Вместе с сим внушает и нечто большее, показывая богатым, что как при собирании манны все, и собиравшие больше и собиравшие меньше, находили у себя по равной мере, чем Бог наказывал их ненасытностью, так и теперь не должно желать большего.

Благодарение Богу, вложившему в сердце Титове такое усердие к вам.

Сказав нужное о милостыне, хвалит, наконец, посланных за нею, дабы они, будучи чужды подозрения, скорее могли возбудить их к готовности на жертвование. Поскольку же первый из них был Тит, то хвалит его, а возбуждение его на это служение называет делом Бога. Ибо Он дал ему такое же тщание, какое я имею о вас. Здесь же убеждает их сделать подаяние досточестное. Ибо если Бог возбудил его, то, без сомнения, Бог и просит, чтобы вы сделали подаяние, достойное Бога.

Ибо, хотя и я просил его, впрочем он, будучи очень усерден, пошел к вам добровольно.

Из чего видно, что Бог возбудил Тита? Из того, что когда я попросил его, то он с готовностью принял просьбу, и не возроптал, но отправился добровольно, ибо, когда я еще не просил его, он имел уже собственное усердие.

С ним послали мы также брата, во всех церквах похваляемого за благовествование.

Одни разумеют Луку, по причине Евангелия, им писанного; другие же — Варнаву, так как апостол и неписанную проповедь называет благовествованием. Не распространяется в похвалах ему, как Титу, потому что он не известен был коринфянам, а Тит был довольно известен им. Впрочем, и ему сплетает достаточную похвалу; ибо не просто говорит, что он проповедует Евангелие, но и *похваляем*, -- не в двух или трех, но во всех церквах.

И притом набранного от церквей сопутствовать нам для сего благодворения, которому мы служим.

Хвалит мужа и суждением о нем избравших его: не только, говорит, славится, как достойно благовествующий, но и избран от церквей сопутствовать нам, чтобы был общником нашим и в искушениях, и в опасностях. Это более приличествует Варнаве. *Избран* в благодать сию, то есть на распоряжение подаяниями, чтобы служил с нами.

Во славу Самого Господа и в соответствие вашему усердию.

То есть чтобы и Бог прославлялся, и вы стали усерднее, ибо когда принимающие подаяния — люди испытанные, то ни у кого не может родиться подозрение относительно их.

Остерегаясь, чтобы нам не подвергнуться от кого нареканию при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению.

Достойно это святой души и многой попечительности и снисходительности Павла. Мы, говорит, послали этих мужей, не одного, а нескольких, *остерегаясь*, то есть предполагая и опасаясь, чтобы кто не заподозрил нас, будто мы из подаяний употребляем что-нибудь в свою пользу. И не сказал: чтобы вы не заподозрили, но: *от кого*, чтобы не обиделись и не подумали, будто их подозревает в таком мнении о нем. И само, говорит, обилие, то есть обилие подаяний, легко может возбудить в злых людях подозрение, если не примем предосторожности.

Ибо мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми.

Смотри, как беспокоилась душа Павла, чтобы не подать братьям повода к соблазну. Ибо не сказал: я чист, пусть клеветает, кто хочет, но как пред Богом, говорит, так и пред людьми, *стараясь о добром*, то есть стараемся явиться безукоризненными, и чем они слабее, тем более должно снисходить им, потому что мы снисходим и малым детям, когда нянчим их.

Мы послали с ними и брата нашего, которого усердие много раз испытали во многом и который ныне еще усерднее по великой уверенности в вас.

Присовокупляет и другого, называя его братом и одобряя его на основании испытания и суждений, как человека усердного во многом и оказавшегося таким многократно. Возвышать так речь свойственно похвале. Ныне же, говорит, он сделался еще усерднее, как бы в надежде, что вы подадите более щедрую милостыню, которой он служит.

Что касается до Тита, это — мой товарищ и сотрудник у вас.

То есть если должно сказать что-нибудь о Тите, то скажу, что он *мой товарищ*, — помогает мне в научении вас и доставлении вам пользы. Или: если вы сделаете что для Тита, то сделаете это не для обыкновенного человека, но для товарища моего.

А что до братьев наших.

То есть если желаете слышать что-нибудь о других, то и они имеют великие права на ваше доверие; ибо они братья наши.

Это — посланники церквей.

То есть посланы и избраны от церквей.

Слава Христова.

Что всего важнее, то поставил в конце. Все, что бы ни было в них, говорит, относится ко Христу.

Итак перед лицом церквей дайте им доказательство любви вашей и того, что мы справедливо хвалимся вами.

Теперь, говорит, покажите, как вы любите нас и как мы не напрасно хвалимся вами. А покажете это, если им .окажете любовь. Ибо то, что сделаете для них, сделаете *пред лицом церквей*, то есть для чести церквей; ибо они представляют собой лице церквей, пославших их.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Для меня, впрочем, и излишне писать вам о вспоможении святым.

Столь долго рассуждал об этой службе прежде и, снова намереваясь беседовать о ней же, говорит, что для него излишне писать о ней. А делает это мудро, чтобы более привлечь их. Ибо, когда Павел имеет такое мнение о них, что для них не нужен совет касательно

милостыни, то им стыдно было бы оказаться впоследствии ниже доброго мнения о них.

Ибо я знаю усердие ваше и хвалюсь вами перед Македонянами, что Ахаия приготовлена, еще с прошедшего года.

Я и сам знаю, говорит, усердие ваше, и не только знаю это, но хвалюсь пред другими, что готова вся Ахаия, а не один Коринф, и что ничего не остается, как только чтобы пришли к вам собирающие милостыню. Итак, мне стыдно будет, если похвалы мои окажутся напрасными и ложными.

И ревность ваша поощрила многих.

Выше говорит: македоняне доброхотны и просили нас. Как же теперь говорит: *И ревность ваша поощрила многих?* Не сказал: всех, но многих. Одни доброхотны и просили нас, а другие были возбуждены вашей ревностью; ибо многие нуждаются в побуждении. Иначе: мы не советовали им, не убеждали их, а только вас хвалили, и этого достаточно было к их убеждению. Смотри, как побуждает и коринфян примером македонян, и македонян примером коринфян. Вы, говорит, сделались учителями для них; не окажитесь же, учителя, хуже учеников.

Братьев же послал я для того, чтобы похвала моя о вас не оказалась тщетною в сем случае, но чтобы вы, как я говорил, были приготовлены.

Себя самого делает как бы членом коринфской церкви и беспокоится о ней. Ибо говорит: поскольку я похвалился вами, то убоюсь, чтобы не посрамиться мне, и потому послал братьев, *чтобы похвала моя не оказалась тщетною*, то есть да не изоблится похвала моя вами, как пустая и напрасная. Ибо я, говорит, восхищаясь вами, пред всеми хвалился и пред ними. Итак, если покажете себя не такими, стыд будет общий; впрочем, не во всем, а только в сем случае, то есть да не посрамлюсь в одном предположении моем касательно милостыни; но *чтобы вы были приготовлены*, как сказал я и македонянам, что в Ахаии уже все готовы и ни в чем у них нет недостатка.

И чтобы, когда придут со мною Македоняне и найдут вас неготовыми, не остались в стыде мы, — не говорю «вы», — похвалившись с такою уверенностью.

Снова обращается к тому же и с большей силой выражает беспокойство, убеждая их человеческими соображениями. Ибо больше стыда, когда кто срамится пред чужими лицами. Может быть, говорит, вы рассчитываете на меня, как знакомого вам; но подумайте о македонянах, которые, быть может, придут со мной, что вероятно. *И найдут вас*, не сказал: нежелающими, но: *неготовыми*. Ибо и то стыдно, если вы не готовы и скоро не можете собрать; тем более стыда, если вы ничего не собрали, или собрали менее надлежащего. Но говоря: *чтобы не остались в стыде мы*, — не говорю «вы», — *похвалившись с такою уверенностью*, смягчает речь свою, — не во всем то есть постыдимся, но только в хвалении относительно милостыни; ибо прочее, касающееся вас, безукоризненно. Говорит же это не для того, чтобы польстить им, но скорее с тем, чтобы сделать их более усердными, дабы похваляемые во всем и в этом не оказались недостойными похвалы и ниже самих себя. Словами: *не говорю «вы»* показывает, что они больше будут посрамлены, нежели он; ибо это их грех. Под «частью» же разумеет основание, или самое дело, или существо похваления.

Поэтому я почел за нужное упросить братьев, чтобы они наперед пошли к вам и предварительно озаботились, дабы возвещенное уже благословение ваше было готово, как благословение, а не как побор.

Дабы не показалось, будто противоречит сказанному выше: *для меня излишне писать вам*, между тем как теперь опять говорит о том же, рассуждает уже о щедрости и о совершении дела с радушием, для чего, говорит, и послал я братьев. Побуждая к двум противоположным делам, именно, чтобы подали в изобилии и с радушием, весьма мудро переходит к тому и другому. Ибо сначала говорит о радушии при покаянии, а потом о другой статье. Подаяние, говорит, есть *благословение*; ибо никто не дает благословения с огорчением. Показывает и плод, непосредственно из сего произрастающий: подающие исполняются благословения. Впрочем, и этим не ограничился, но присовокупил: *а не как побор*. Не думайте, говорит, будто берем это у вас из корыстолюбия, напротив, желаем доставить вам благословение. Итак, подающий милостыню по принуждению как бы заражен корыстолюбием.

При сем скажу: кто сеет скупо (φειδομένως), тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет.

Переходит к другой статье, что нужно подавать с щедростью, и говорит: *при сем скажу*, то есть присовокупляю к сказанному, что не должно подавать с бережливостью. Не сказал «скупо», но употребил благороднейшее наименование бережливости [1]. Самое же дело назвал сеянием, чтобы ты тотчас обратил взор на воздаяние, и понял, что более получаешь, нежели даешь. После речи о подаянии с щедростью опять напоминает о подаянии с радушием: это показывают, как и выше сказано, слова: *сеет щедро*.

Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог.

Останавливается на речи о подаянии с радушием, зная, что пример македонян достаточен, чтобы побудить их к большему подаянию и пристыдить их, если окажутся ниже тех. Врачует же ум их, чтобы совершаемое ими дело было добродетелью; ибо вынужденное не есть добродетель. Поэтому, как истинный учитель, хочет, чтобы ученики его, делая что-нибудь, делали то так, как требует добродетель, и притом добровольно, чтобы и награда им была полная; ибо сделанное по принуждению теряет свою награду. Поэтому говорит: каждый подавай по расположению, а не с огорчением и не с принуждением. Приводит и свидетельство из Соломона. Хотя в изречении Премудрого говорится о щедрости, но он относит оное и к подаянию с радушием, или, если хочешь, — к той и другому вместе.

Бог же силен обогатить вас всякою благодатью.

Этими словами опровергает умствование, которое имеют многие, когда говорят: если подам много, то боюсь, чтобы самому не сделаться бедным. Бог, говорит, может обогатить вас столько, что с избытком можете совершить всякую благодать, то есть всякую милостыню. Итак, подавайте щедро, чтобы милостыня ваша всегда и всегда приумножалась.

Чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело.

Видишь ли? Не богатства просит им, но довольства. Говоря же это, показывает, что не принуждает и не приневоливает их подавать от недостатка, чтобы потом не имели довольства. Вместе с тем, научая, как должно пользоваться дарами Божиими, говорит: *чтобы вы были богаты на всякое доброе дело*. В благах телесных, говорит, желаю вам довольства, а в благах духовных (ибо это значат слова: *всякое доброе дело*) — избытка, чтобы не только с избытком были милосердны, но чтобы усердно делали всякое богоугодное дело.

Как написано: расточил, раздал нищим; правда его пребывает в век.

Выше сказал: *изобилуйте*. В подтверждение сего приводит свидетельство из пророка: *расточил*, ибо слово это указывает на щедрость и избыток. И хотя поданного нет уже более, но *правда*, то есть человеколюбие (называет его так потому, что оно оправдывает человека и разрешает грехи), пребывает вечно, — и здесь, и там. Вот почему милостивый бывает любим всеми, а потомки его бывают любимы грядущими племенами.

Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей.

Этими словами просит им и плотских, и духовных благ и подтверждает слово свое наглядным примером земледелия. Ибо, если засевающим землю Бог подает семя, и питающим тело доставляет пищу, то тем более — возделывающим небо и питающим душу. В словах *да подаст обилие посеянному вами* говорит о чувственном богатстве, которое, чтобы сделалось сеянием духовным, советует подавать бедным. Ибо чрез это возрастает в нас всякое доброе дело и обилие правды. Почему и говорит: *и умножит плоды правды вашей*. Заметь здесь, что он вводит Бога дающим нам не суетные наслаждения, но пищу, ибо говорит: *и хлеб в пищу*. То же находится у Исаии (см. Ис.55:10).

Так чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу.

Снова показывает, как должно пользоваться богатством, и говорит, что не должно зарывать его в землю, но иметь *на всякую щедрость*, то есть делиться им щедро. Но так как многие находят щедрость в блудницах и лицедеях, то говорит: я разумею ту щедрость, которая приносит Богу *благодарение*, и не только благодарение, но многое другое, о чем говорит далее, чтобы, показав многие добрые последствия щедрости, сделать их более усердными к ней.

Ибо дело служения сего не только восполняет скудость святых, но и производит во многих обильные благодарения Богу; ибо, видя опыт сего служения, они прославляют Бога за покорность исповедуемому вами Евангелию Христову и за искреннее общение с ними и со всеми, молясь за вас, по расположению к вам, за преизбыточествующую в вас благодать Божию.

Дело служения сего, говорит, то есть помощь имением, делает многое, ибо не только восполняет нужду братии, но и «избыточествует», то есть доставляет им более нужного; и много благодарений вызывает служение это и свидетельство о служении человеколюбия. Они прославляют Бога за то, что вы так покорны Евангелию, что исполняете повеления его с щедростью; ибо Евангелие учит милостыне. И иначе прославляют они Бога, — за простоту и

доброту вашу, изливаемые не только к ним, но и ко всем верным бедным. Ибо они не завидуют, подобно другим нищим, но благодарят, что подаете и другим, что служит признаком великой добродетели их. Поэтому столь независтливым и столь добродетельным должно подавать с большей щедростью. Кроме того, еще молятся о вас, как бы удостоиться видеть вас, не ради имений, но ради благодати Божией, с избытком данной вам. Опять дело милостыни называет благодатью, приписывая все Богу, чтобы они не возгордились. Словами *преизбыточествующую благодать Божию* побуждает их сделать щедрость свою более обильной, чтобы не превзошли и не победили их другие.

Благодарение Богу за неизреченный дар Его!

Даром называет блага, бывающие от милостыни как подающим, так и принимающим. Или: напоминает о благах, которых мы удостоились чрез воплощение Христа, говоря как бы так: не думайте, что вы делаете великое дело. Блага, полученные нами от Бога, неизреченны. Что же великого в том, что мы подаем малое и бренное?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я же, Павел, который лично между вами скромн, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым.

Кончив речь о милостыне, теперь начинает говорить со строгостью против лжеапостолов и порицавших его как скудного умом и безрассудно хвастливого, и намеревается отстаивать себя, быв вынужден к сему, чтобы не потеряла уважения проповедь. Указывает и на дела свои, и на данную Богом благодать. Поэтому тот не погрешит, кто назовет это послание похвальным словом Павлу. Начальные слова, направленные против тех, кои называли его бессильным и самохвалом, содержат как бы такой смысл: прошу вас сам я, Павел — учитель вселенной (ибо слова: *я же, Павел*, означают достоинство и выражают как бы следующее: вот, я сам, Павел, говорю вам и прошу вас, чтобы не заставили меня порицатели мои употребить власть мою против них). Много значит и то, что апостол просит, а он еще вводит в посредство кротость Христову, говоря как бы так: устыдитесь кротости Христовой, которой умоляю вас. Вместе с тем показывает, почему щадит их, именно подражая снисхождению Спасителя Христа, а не потому, чтобы не имел силы. Итак, не вынуждайте меня отступить от кротости, которую до того люблю, что представляю и вам в посредничество. *Который лично между вами скромн, а заочно против вас отважен*. Или говорит иронически, пользуясь словами порицавших его: ибо они говорили, что, когда лично бывает у них, то не стоит никакого уважения, напротив, малозначителен, достоин презрения, а когда находится в отсутствии от них, то надмевается, ведет себя величаво и угрожает. Или истинно говорил о себе, что он, когда находится у них, бывает смирен и кроток, и если говорит теперь с важностью, то делает это не по высокоумию, но по надежде на них.

Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти.

Прошу, говорит, не вынуждайте меня сильно воспользоваться моею силой (ибо словом *смелость* называет силу свою), которую думаю употребить, то есть которую предполагаю,

думаю или намереваюсь, так как меня вынуждают к тому, употребить против клеветующих, будто мы лицемеры и хвастуны; ибо это значат слова: *что мы поступаем по плоти*. Заметь, что смелостью называет намерение ответить некоторым, хотя намеревается сделать это не за себя, но за проповедь. Но учителю более свойственно быть медленным в наказаниях, нежели тотчас же прибегать к ним.

Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем.

То есть хотя мы обложены плотью, но пользуется не плотским оружием. Рассуждает о проповеди, показывая, что она не человеческое дело и не имеет нужды в земной помощи. Когда же говорит *воинствуем*, то внушает такую мысль: мы ведем войну и вступили в брань.

Оружия воинствования нашего не плотские.

То есть не богатство, ни слава, ни сладкоречие, ни ласкательство, ни лицемерие, ибо таковы оружия плотские.

Но сильные Богом на разрушение твердынь.

Не сказал: но духовные (так, конечно, должно бы сказать в противоположность слову *плотские*), но — *сильные*, намекая на то, что плотские оружия слабы и бессильны. Смотри, насколько он чужд гордости. Не сказал: мы сильны, но: *оружия, сильные Богом*, то есть — Бог сделал их сильными. Поскольку были гонимы и мучимы, что, казалось бы, свойственно слабости, то говорит: *сильные Богом*, ибо чрез это особенно открывается сила Бога, и Он есть действующий и сражающийся, хотя оружия носим мы. В чем же *сильные*? В разрушении твердынь, а каких твердынь, об этом говорит ниже.

Ими ниспровергаем замыслы.

Этими оружиями, говорит, низлагаем мудрования эллинов и их гордость, или: извлекаем их умы и души из заблуждения, которым они заражены, и покоряем их истине. Так ум и надменность Ареопагита отвлечены были от нечестия и покорены благочестию. Заметь, что не сказал: употребляем стенобитные орудия, но просто: разрушаем; этим показывается легкость победы и сила оружия.

И всякое превозношение, восстающее против познания Божия.

Продолжает иносказание, чтобы уяснить желаемое. Хотя бы, говорит, противостояло разуму Божию, то есть Евангелию, *превозношение*, то есть башня или крепость, и это разрушаем.

И пленяем всякое помышление в послушание Христу.

Слово *пленение* имеет двоякое значение: оно означает и потерю свободы, и совершенное пленение, после которого нельзя уже сопротивляться. Павел употребил теперь слово *пленяем* во втором значении. Не только, говорит, одолеваем и побеждаем всякое человеческое умствование, но и пленяем, что означает совершеннейшую победу. Далее, так как слово *пленение* тяжело, то говорит: *в послушание Христу*. То есть мы приводим в рабство Христа,

которое дороже всякой свободы, — покоряем Христу, от гибели к спасению, от смерти к жизни. Вспомни о тех, которые сожгли волшебные книги свои в Ефесе, и ты поймешь, как пленял Павел.

И готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится.

Здесь и коринфян устрашает. Мы, говорит, вас ожидаем, чтобы, когда по наставлениям нашим исправитесь и прекратите общение с клеветниками, подвергнуть наказанию только неисцельно страждущих. Наказание у нас готово, но так как вы имеете общение с ними, то не употребляем его пока, чтобы и вас не коснулся удар. Словами *когда ваше послушание исполнится* намекает на то, что хотя они и теперь послушны, однако не совершенно. Вместе с тем грозно требует, чтобы те и другие исправились и чтобы никто не подвергся наказанию. В нас сначала образуются мысли, чрез борьбу худших с лучшими, а потом являются превозношения в честь одержавших победу, восстающие против познания Божия, так что приходят в состояние, называемое возбуждением, исступлением. Ибо мышление есть простое и непосредственное действие ума, более представляющее самые вещи, нежели доказательство. И в оболоченных бесами есть, кажется, такие мысли, которые Павел, и всякий водящийся духом его, пленяет в послушание Христу.

На личность ли смотрите?

Не только устрашает оболоченных, но и порицает оболоченных, поэтому говорит: узнавайте по делам, кто надменен, кто богат, кто прикрывается личиной добродетели.

Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы.

Ложные апостолы величались, что они Христовы и будто бы самовидцы Слова. *По себе* сказал вместо: пусть не ожидает нашего против него обличения, но сам размышляет, что именно потому, что он Христов, он не имеет никакого преимущества пред нами. Ибо я тоже не могу быть апостолом кого-либо другого, хотя бы и он был Христов. Но здесь он выразил уступку, поскольку еще прежде показал, насколько он выше.

Ибо если бы я и более стал хвалиться нашею властью, которую Господь дал нам к созиданию, а не к расстройству вашему, то не остался бы в стыде.

Не сказал: я имею власть наказывать и умерщвлять, а они не имеют, но смиренно: *если бы и более*. И не сказал: если хвалюсь, но: *если бы стал хвалиться*, то есть если захочу, говорит, похвалиться о власти, которую Господь дал нам, опять все это приписав Господу. А получил я ее от Бога для того, чтобы утверждать в вере, благодетельствуя, а не наказуя. Итак, почему ты сказал: *ниспровергаем замыслы*? Потому, что в том и состоит созидание, чтобы разрушать все гнилое и уничтожать препятствия. Итак, каким образом ты угрожаешь разорением, когда не получил на это власти? Преимущественно я получил в созидание; но если бы кто оказался неизлечимым, то мы воспользуемся и властью на разорение. Итак, если я захочу, говорит, похвалиться тем, что Бог даровал мне больше, так что я имею власть прежде всего благодетельствовать, а в случае противления — наказывать, не останусь в стыде, то есть не покажусь лжецом или горделивым.

Впрочем, да не покажется, что я устрашаю вас только посланиями. Так как некто говорит: в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна, — такой пусть знает, что, каковы мы на словах в посланиях заочно, таковы и на деле лично.

Каков на словах, таков и на деле: я мог бы похвалиться, но не думайте, что я устрашаю вас посланиями, как говорят мои клеветники: «он хвалится в посланиях и посылает грозные письма, а в личном присутствии он ничтожен и является не таким, каков в своих посланиях». Но всякий, кто так говорит, пусть знает, что мы не только угрожаем в посланиях, но при личном присутствии можем и привести в исполнение свои угрозы.

Ибо мы не смеем сопоставлять или сравнивать себя с теми, которые сами себя выставляют.

Здесь он показывает, что это хвастуны и слишком много хвалятся собой. Итак, говорит, что *мы не смеем сопоставлять*, то есть причислять, *или сравнивать*, то есть противопоставлять себя тем из них, которые превозносят себя похвалами.

Они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собою неразумно.

Они, говорит, не удаивают приравнять себя к кому-либо из других людей, но измеряют себя самими собой, состязаются между собой и не чувствуют, как смешны они вследствие этого. Ибо каждый, считая себя лучше других, унижает другого; итак, все являются славными друг пред другом; они не понимают сами, как это смешно.

А мы не без меры хвалиться будем.

Ибо, хвалясь, они, может быть, говорили: «мы достигли пределов земли и обратили вселенную». Но мы, говорит, не так.

Но по мере удела, какой назначил нам Бог в такую меру, чтобы достигнуть и до вас.

Как между земледельцами разделил Бог виноградники, так и между нами, апостолами, разделил вселенную. Итак, будем хвалиться по мере удела, какой назначил нам Бог. Какая же это мера? Та, чтобы достигнуть и до вас. Итак, поскольку это наша мера, то мы и до вас хвалимся.

Ибо мы не напрягаем себя, как не достигшие до вас, потому что достигли и до вас благовествованием Христовым.

Вероятно, ложные апостолы и отправившиеся куда-либо без всякой проповеди хвалятся одним простым пришествием и все приписывают себе самим. Итак, апостол говорит: мы не напрягаем себя, как не достигшие до вас, ибо мы достигли не просто, но благовествованием Христовым, то есть не только пришли, как те, но и с проповедью Евангелия.

Мы не без меры хвалимся, не чужими трудами, но надеемся, с возрастанием веры вашей, с избытком увеличить в вас удел наш, так чтобы и далее вас

проповедовать Евангелие, а не хвалиться готовым в чужом уделе.

Показывает, что те хвалятся трудами апостолов и хвалятся без меры, то есть чрезмерно и чужими трудами. Мы же не так, но, достигши до вас, мы смело говорим, что достигли до вас. При этом мы надеемся, без сомнения, на Бога (ибо Павел не думал выставлять на вид себя), — что, достаточно научив и умножив веру вашу, возвеличимся в вас. Ибо учитель возвеличивается тогда, когда умножает подвиги учеников и с избытком увеличивает свой удел, то есть расширяет ту меру удела, которую он получил. Итак, на что мы надеемся? На то, что и далее вас будем проповедовать Евангелие и, может быть, и сверх того похвалимся, если принесем им пользу. Как домостроитель вселенной и архитектор, он повсюду называет удел и меру, и чтобы показать, что все это принадлежит Богу, Который определяет этот удел и эту меру, приводит и следующее место.

Хвалящийся, хвались о Господе.

Ибо, совершая такие дела, мы не хвалимся и не приписываем в них чего-либо себе самим, но все это и самую меру, до которой достигни, усвоаем Богу. Вот чем и они должны хвалиться.

Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь.

Не сказал: мы искусны, но: *кого хвалит Господь*, то есть того, которого действительность труда и подвига благодатью Божиею явила достойным.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне.

Намереваясь начать речь о своих собственных похвалах, он сделал много оговорок, избегая того, что есть оскорбительного для других в собственных похвалах. К этому побудила его необходимость и опасение, чтобы не послужило во вред учеников, если самого его станут презирать, а лжеапостолов считать людьми, имеющими какое-то значение. Ибо и для весьма непонятливых ясно, что он пришел сюда по настоятельной нужде и ради пользы своих учеников. Ибо каким образом стал бы без надобности хвалиться самим собой тот, кто помнил прежние заблуждения, от которых он избавился чрез крещение, кто признавал себя недостойным апостольского звания? Итак, он говорит: о, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! а вы очень снисходите. Ибо я убежден, что вы любите меня и во всем снисходите мне.

Ибо я ревную о вас ревностью Божиею.

Не сказал: люблю, но, чтобы выразить гораздо сильнее: *ревную*. Ибо ревность является у людей пламенно любящих. Потом, чтобы не подумали, что он ревнует о них по каким-либо человеческим побуждениям, ради денег или славы, присовокупляет: *ревностью Божиею*; ибо сказано, что и Бог ревнует, чрезмерно возлюбив нас, не для того, чтобы получить какую-либо выгоду, но чтобы спасти нас, приведя в общение и единение с Собой. Такова, говорит, и моя к вам ревность, она проистекает не из того, чтобы мне получить прибыль, но чтобы вы не

погибли.

Потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою.

Я обручил вас, говорит Христу. Итак, за Него ревную, а не за себя самого. Ибо я не муж, а друг жениха. Смотрите же, он не сказал: я ваш учитель, и потому вы должны держаться меня, но их поставил на место невесты, а себя на место друга жениха, придавая им более значения. Нечто дивное он приписал Церкви; ибо в мире после брака не остаются девами, а здесь и не бывшие прежде девами — после сего брака становятся девами. Таким образом, вся Церковь есть дева. Ибо Павел говорит это всем, и мужьям и женам. Что же он обещал в приданое? Царство Небесное. Подобное сему было у Авраама, когда он послал раба, чтобы тот сосватал сыну невесту единоплеменную (Быт. 24:4). Ибо и здесь Бог послал служителей Своих, пророков, чтобы обручить Церковь Сыну Своему Христу, как, например Давида, который говорит: *слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое* (Пс. 44:11), и апостолов, например, Павла, который говорит: мы посланы именем Христовым. Итак, настоящее время есть время обручения, будущее же время брака, когда раздастся голос: *вот, жених идет* (Мф. 25:6).

Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе.

Ибо, хотя погибаете вы, но боюсь я. Не открывает: вы будете повреждены, хотя они были уже повреждены, но выразил это неопределенно: *боюсь, чтобы ваши умы не повредились*. Ибо и тот обольстил обещанием лучшего; и лжеапостолы, восхваляя себя и говоря вам нечто великое, прельщают своею хитростью. Но как ни хитрость змия, ни простота Евы не были достаточны для ее прощения, так и вам оно не будет на этом основании даровано. Не сказал же, что Адам был прельщен, чтобы показать, что прельщаться свойственно женщинам. И не сказал: чтобы вы не прельстились, но: *чтобы ваши умы не повредились* (по-славянски: не растлились), употребив образ растления; ибо слово «растление» употребляется по отношению к девам. *Чтобы не повредились, уклонившись от простоты во Христе*. То есть чтобы вы не прельстились вследствие своей простоты. Некоторые толкуют так: чтобы вы не уклонились от простой веры в жестокость внешних (неверующих), ибо это составляет величайшее растление.

Ибо если бы кто, придя, начал проповедовать другого Иисуса, которого мы не проповедовали, или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали, — то вы были бы очень снисходительны к тому.

Что ты говоришь, Павел? В Послании к Галатам ты писал: если кто благовестит вам кроме того, что вы приняли, анафема да будет (1:8), как же ты теперь говоришь, что если бы они проповедовали другого Иисуса, то уместно было бы снисхождение ваше? Итак, слушай: лжеапостолы хвалились, будто они приносят более истинных апостолов. Итак, поскольку они говорили много неразумного, пользуясь внешней мудростью, то апостол говорит: если бы они проповедовали другого Христа, которому надлежало быть проповедану, но которого мы оставили без внимания, то уместно было бы снисхождение ваше. Ибо для этого он прибавил: *которого мы не проповедовали*. Если же члены веры те же самые, то что нового у них? Замечай далее, не сказал: если бы кто, пришедши, начал больше о чем-либо

проповедовать (ибо они говорили несколько больше, с большей заносчивостью и с большей красотой речи), но: *проповедовать другого Иисуса, которого мы не проповедовали*, а для этого нет надобности в украшениях речи. Или если бы вы получили иного Духа, то есть если бы он обогатил вас более духовными дарованиями, которые не нуждаются в словесных хитросплетениях. Или иное благовествование, которое должно заключаться не только в словах. Везде он показывает, что должно снисходить не в этом случае, если только говорят несколько лучше, но если говорят то, что должно было быть сказано, но о чем мы умолчали. Смотри: другого Иисуса, которого мы не проповедовали, или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали. Итак, если они говорят то же самое, то для чего вы с такой жадностью слушаете их? И поскольку они говорят то же, но зачем ты, Павел, препятствуешь им? Затем, что, употребляя Притворство, они вводят новые догматы.

Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов.

Наконец, он сравнивает себя с приверженцами Петра, желая показать этим, что если они знают больше его, то и больше высших апостолов, доводя до нелепых выводов. Смотри, какое уничижение: я думаю, говорит, но ничего не утверждает. Не просто, говорит, апостолов, но высших, намекая на Петра, и Иоанна, и Иакова. А говорит это потому, что теперь это было необходимо, тогда как в другом месте он сказал: *я недостойн называться Апостолом* (1 Кор. 15:9).

Хотя я и невежда в слове, но не в познании.

Поскольку лжеапостолы гордились тем, что они не были невеждами, то он показывает, что не избегает такого невежества, но и поставляет в нем для себя честь. И не говорит: если я и невежда, то и другие апостолы таковы же, — для того, чтобы не показалось, что он осуждает их, но унижает само дело внешней мудрости, как и в первом послании показал, что оно не только бесполезно, но и вредно для славы Креста. Итак, я невежда в слове, но не в познании. Чрез это намечает им, что чем более они хвалятся красноречием, тем более лишаются познания Бога и остаются в этом деле невеждами.

Впрочем мы во всем совершенно известны вам.

Не так, как лжеапостолы — на деле то, а кажутся другое; но во всем, что мы делаем и говорим, известны вам: нет в нас какой-либо двойственности или лицемерия, как у тех, которые покрываются только личиной благочестия, а поступают во всем несравненно хуже.

Согрешил ли я тем, что унижал себя, чтобы возвысить вас, потому что безмездно проповедовал вам Евангелие Божие?

Грешил ли я, говорит, тем, и можете ли вы обвинять меня и гордиться предо мной, чтобы я унижил себя самого, живя милостынею и терпя голод, чтобы возвысить вас, то есть утвердитесь в вере? Ибо они не соблазнились (что и составляет величайшее их обвинение) тем, что не были бы утверждены иначе, если бы он не терпел голод. Поскольку же они клеветали на него, что он в присутствии представляется униженным, а в отсутствии хвалится, то теперь, как бы защищаясь от этого, он поражает их самих, говоря: хотя я был унижен, но для того, чтобы вы возвысились чрез это.

Другим церквам я причинял издержки, получая от них содержание для служения вам.

Хотя он мог бы сказать: я ел от труда рук своих; но, делая речь более выразительной, говорит: я получал от других, служа вам. Выражение же *причинял издержки* он употребил вместо: я лишил, и сделал их бедными. А понимает он македонян: будучи весьма бедны, они содержали еще и меня, тогда как я был им в тягость, хотя в излишнем не нуждался, но нуждался в необходимом. Я получал содержание, но не от вас; это составляет действительно величайшее обвинение, тем более, что все это для служения вам; ибо, проповедуя вам и делая ваши дела, я питался от других.

И, будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал.

Тройное обвинение: первое, что будучи у вас и служа вам, терпя недостаток, не снискал уважения, ибо вы не только не посылали мне чего-нибудь, как делали македоняне, но и в то время, когда я был у вас, не содержали меня. Выражение *никому не докучал* означает: я не был никому в тягость. Этим он показывает, что они помогают нерешительно и слабо. Некоторые же слово *не докучал* (ου κατενάρκησα) принимают вместо: не нерадел, не был беспечен к проповеданию, но, сколько требовалось от меня, все сделано для вашего спасения; я жил в нужде и не просил чего-либо, не ослабел в терпении, приучив себя к нему.

Ибо недостаток мой восполнили братья, пришедшие из Македонии.

Возбуждает в них ревность, чтобы более побудить к милосердию, так, чтобы превзойденные македонцами в доставлении ему содержания, не были превзойдены ими и в милостыне. Говоря же *недостаток*, показывает, что он не получил ничего, кроме необходимого; а содержание доставляли ему филиппийцы.

Да и во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость.

Показывает, что они считали тягостью снабжать его пищею. Хорошо сказано — *постараюсь*, чтобы вы не подумали, говорит, что я сказал это, имея в виду получить от вас впоследствии. Но и *старался и постараюсь не быть вам в тягость*, — это для них сильное обличение; хотя он еще неокончательно не надеется на них, но совершенно и не думает получить от них что-нибудь.

По истине Христовой во мне скажу, что похвала сия не отнимется у меня в странах Ахаии.

Чтобы они не подумали, что *постараюсь* он сказал для того, чтобы более привлечь их к себе, говорит: по истине, сущей во Христе Иисусе, говорю, что не возьму ничего; но чтобы кто не подумал, что он говорит это под влиянием скорби или гнева, то дело это называет похвалой. Проповедовать Евангелие безвозмездно было для него славой, потому что он ради Христа готов был переступить пределы, указанные Христом. Выражение «не заградится» (порусски — «не отнимется») есть метафора, заимствованная от текущих рек: так, когда слава о нем протекла повсюду, он говорит: не заградится это доброе и славное течение от того, что с нынешнего времени я стану получать что-нибудь. А выражение *в странах Ахаии* показывает его негодование. Ибо, если это — похвала, то ее следовало соблюдать повсюду; но если ее

соблюдают только в означенных странах, то очевидно, что те люди, которым это писано, не обладают здравым умом, как прочие.

Почему же так поступаю? Потому ли, что не люблю вас? Богу известно!

Намереваясь объяснить причину, по которой он не брал от них, а именно, по причине появления лжеапостолов, он этим подрывает подозрение коринфян: ты не берешь, как кажется, по ненависти к нам. Поэтому и говорит: я более люблю вас и не хочу оскорблять вас, потому что вы легко соблазняетесь. Но он не говорит так ясно, чтобы не постыдить их слабости, а обращает свою речь к другой причине.

Но как поступаю, так и буду поступать, чтобы не дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались такими же, как и мы.

Здесь совершенно ясно высказывает причину, по которой он не брал. Поскольку диавол знал, что люди века сего преимущественно любят тех учителей, которые ничего не берут; то научил лжеапостолов и это истолковать по-своему. Ибо они не поступали в этом случае справедливее, хотя и были богаты, но, уча не брать, брали. Поэтому он не сказал: чтобы в чем поступают справедливее, но: *чем хвалятся*, что и составляет очевидный признак хвастовства. Итак, апостол, понимая это, положил себе за правило не брать у них ничего, даже и тогда, когда нуждался в чем-либо, — чтобы отразить нападение их и не дать места для порицания себя. Хотя это не могло быть предметом порицания, потому что согласно с законом Христовым; но поскольку коринфяне по слабости все-таки соблазнились, то он и предохранил себя от этого. И наконец, лжеапостолы, будучи ниже истинных апостолов во всем другом, и в этом не имели никакого преимущества: можно сказать, что они уступали бы им и в том случае, если бы не брали, так как они были богаты, а Павел не брал, терпя нужду, и что они не справедливо поступали, а лицемерили, апостол же поступал справедливо.

Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид апостолов Христовых.

Что ты говоришь? Проповедующие Христа, не вводящие иного Евангелия, как сказал выше, теперь стали лжеапостолами? Да, говорит, по этому самому; ибо, лицемеря в этом, они вносят тайно нечестивые догматы. *Лукавые же делатели*, так как они только кажутся созидающими, а на самом деле исторгают то, что было насаждено, и, имея только наружность апостолов, суть поистине волки в овечьей шкуре.

И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света.

Ибо, раз учитель их (сатана) решается на все, то нет ничего удивительного, что и они подражают ему. *Ангела света* — понимает того, который имеет дерзновение, предстоит истинному свету, возвещает, что и Бог свет есть, а в Нем он есть свет. Диавол преобразуется в такого ангела, но не бывает таким. Так и лжеапостолы имеют только вид апостолов, но не самую силу. Научимся же отсюда, что делать что-нибудь напоказ (из тщеславия) свойственно особенно диаволу.

А потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их.

То есть, как служители Евангелия, содержащего правду, или — что они окружают себя самих славой праведных мужей; но не избегнут совершенно, ибо по делам их будет конец их, то есть дурной. Так что от дел их мы узнаем их, ибо конец их будет соответствен их делам.

Еще скажу: не почти кто-нибудь меня неразумным; а если не так, то примите меня, хотя как неразумного, чтобы и мне сколько-нибудь похвалиться.

Ибо хотя он и употреблял уже оговорки, но все-таки говорит: я не довольствуюсь тем, что сказано, но снова говорю: *не почти кто-нибудь меня неразумным*. Ибо просто хвалиться свойственно неразумию; я же делаю это не как неразумный, но по необходимости. Однако, если вы не соглашаетесь со мной и считаете меня совершенно неразумным, хотя бы я хвалился и по необходимости, я не избегаю этого. Итак, примите меня как безумного, *чтобы и мне*, то есть как они, *похвалиться*, но и то *сколько-нибудь*.

Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при такой отважности на похвалу.

Что говорю, говорит, то не есть по Господе, то есть эти слова, цель же этих слов совершенно в Господе. А не сказал: в безумии, но: *как бы в неразумии*. Ибо казаться, а не быть на самом деле в безумии — моя похвала. А чтобы ты не подумал, что он везде говорит как безумный и не по Господе, он говорит: *что скажу*, а не другие мои слова.

Как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться.

То есть — внешними достоинствами, благородным происхождением, тем, что они обрезаны и предки их евреи. Ибо это — то, что он называет похвалой *не в Господе*; ибо что пользы быть евреем? Итак, я не считаю этого за добродетель, но поскольку они, говорит, хвалятся этим, то и я вынужден прибегнуть к этому сравнению.

Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных.

Вы, говорит, принуждаете меня сказать это; ибо если бы и вы не приняли их и я не увидел бы из сего, что вы впали в заблуждение, то не дошел бы до этого. Безумными же называет тех, которые хвалятся плотским. Ибо, если хвалиться духовным есть признак неразумия, то тем более хвалиться несуществующим. Слова *люди разумные* кажутся лестными, однако они заключают высшую степень порицания, потому что, обладая знанием, говорит он, вы погрешаете; ибо, если бы вы были неразумными, то были бы достойны снисхождения.

Вы терпите, когда кто вас поработает.

Смотри, в каком раболепстве и крайнем подчинении лжеапостолам избличает коринфян.

Когда кто объедает, когда кто обирает.

Видишь ли, что он представляет их обирающими? Ибо сие выражается словом *объедает*. Таким образом, и то, что он сказал выше: *они, чем хвалятся*, сказал хорошо; поскольку,

притворяясь не взимающими ничего, они только хвалились, а не были таковыми на самом деле.

Когда кто превозносится.

То есть тех, кто подчиняет вас и превозносится над вами; ибо и господами они были не кроткими, но обременительными и тягостными.

Когда кто бьет вас в лицо. К стыду говорю.

Вот высшая степень унижения коринфян и надменности лжеапостолов, ибо лжеапостолы обращались с ними, как с рабами. Он говорит это не потому, что их действительно били в лицо, но потому, что они терпели не меньше тех, которых бьют в лицо. Сказал же это, имея в виду их высокомерие; ибо что может быть постыднее того, что лжеапостолы, отнимая их свободу, имущество и честь, обращались с ними, как с рабами?

Что на это у нас неоставало сил.

Ради чего, говорит, вы терпите их? Как будто мы слабы и не можем поступать с вами точно так же? Нет. Ибо и мы можем обращаться с вами так же высокомерно; но мы вовсе не хотим этого. Таким образом, всю вину дерзости лжеапостолов слагает на раболепство коринфян. Ибо вы, говорит он, вследствие слишком рабского подчинения служите причиной и их высокомерия, и этих наших слов.

А если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я.

Смотри, он опять называет свой поступок дерзновением и неразумием, и только что не говорит: я приступаю к этому по необходимости. И сколько других оговорок представил он прежде этого? Делает же это, научая нас не прибегать без необходимости к таким речам. Итак, говорит: а если кто смеет хвалиться чем-либо, смею и я; ибо слово «хвалиться» подразумевается само собой. Затем перечисляет то, чем они хвалятся.

Они Евреи? и я. Израильтяне? и я.

Поскольку не все евреи были израильтянами (ибо и моавитяне, и аммонитяне выдавали себя за израильтян), то, очищая превосходство своего происхождения, прибавляет и следующее.

Семя Авраамово? и я.

Указывая на Исаака.

Христовы служители? в безумии говорю: я больше.

Некоторые говорят, что он не должен был высказывать эти слова в виде сравнения, а должен был прямо сказать, что они не служители Христовы. Отвечаем, что он показал это одним словом, назвав их лжеапостолами. Теперь же, начав речь сравнительную, он представляет наглядное (διὰ τῶν πραγμάτων) указание на то же самое и дает понять слушателю, что он сам действительно служитель Христов, а они нет. Посему говорит, что

хотя они и служители Христовы, но и в этом я выше их. И опять называет свои слова неразумием по безмерному смирению.

Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах.

Перечисляет отличительные признаки апостолов, и, оставив знамения, начинает с искушений. Я поднимаю, говорит он, много трудов, переходя из одного места в другое, уча день и ночь, делая при этом своими руками, и, что важнее, претерпевая удары и притом чрезмерные, и, что еще выше, подвергаясь вместе с ударами заключению под стражу. Слова *гораздо более* стоят в сравнительной степени и выражают сравнение с лжеапостолами. Он говорит как бы предположительно: положим, что они трудятся, но я тружусь *гораздо более*. Некоторые, впрочем, утверждают, что слова эти выражают не сравнение, а означают только большое количество и высшую степень.

И многократно при смерти.

Не только мнимо умирая, но и подвергаясь опасностям, действительно угрожавшим смертью.

От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного.

Почему разве единые? Существовал закон, по которому получивший более сорока ударов лишался чести. Почему определено было давать сорок без одного, то есть тридцать девять? Для того, чтобы, если бьющий, увлекшись, дал лишний удар, все-таки дал бы не более сорока, и побиваемый не лишился бы чести, так как и в этом случае он подвергался узаконенному числу ударов.

Три раза меня били палками, однажды камнями побивали.

Лука записал нам не все, что претерпел Павел, ибо ты видишь, что многое из перечисленного здесь он опустил; потому что он трудился в написании не для прославления себя.

Три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях.

Какое отношение к Евангелию имеет то, что ты потерпел кораблекрушения? Потерпел кораблекрушения, совершая ради Евангелия длинные и морские путешествия. Ночью и днем плавал по глубине. Некоторые, впрочем, говорят, что, после опасности в Листре, он скрылся в одном колодезе, называемом Вифос, и говорит здесь об этом обстоятельстве.

В опасностях на реках.

Ибо он принужден был плавать и по рекам.

В опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море.

Всюду диавол воздвигал брани, и всюду Бог предлагал награды за подвиги; ибо и от язычников, и от единоплеменников-иудеев, которые ожесточены были против него из зависти, были подстрекаемы разбойники. Был ли он безопасен, по крайней мере, в городе? Нисколько. Наконец, — в пустыне? И в ней — нет, и когда он избегал опасностей на суше, они встречали его на море.

В опасностях между лжебратиями.

Подвергаться ковам ложных и притворных братии — это другой и самый трудный род искушения, на который жаловался и Давид: *не ненавистник мой величается надо мною — от него я укрылся бы, но ты, который был для меня то же, что и я, друг мой и близкий мой* (Пс. 54:13-14); и в другом месте: *человек мирный со мною* (Пс. 40:10).

В труде и в изнурении, часто в бдении.

Недостаточно было скорбей, приходящих извне; он удручал еще сам себя собственными трудами, беспокойствами и бессонными ночами.

В голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений.

Претерпевая все это, учитель вселенной не имел достаточно пищи и одежды, но подвизался обнаженный и ратовал голодный. Притом, он еще много опустил; ибо такой смысл имеет выражение: *кроме посторонних приключений*. И о том даже, о чем упомянул, он сказал не поодиночке, а только исчислил, что легко можно выразить числом, говоря: *пять раз и три раза*; о том же, что неудобно для перечисления, выразился неопределенно; ибо сказал: *много раз, часто*. Смотри же: исчисляя столькие бедствия, он не сказал, скольких обратил ко Христу, как по своему смиренномудрию, так и научая этим, что трудящийся во всяком случае получит полную награду, хотя бы ему и не предстояло более подвигов.

У меня ежедневно стечение людей.

То есть яростное восстание и нападение, какие делают на меня ежедневно народы, по общему согласию.

Забота о всех церквах.

Это самое важное из всего: ибо, если тот, кто заботится об одном только доме, имея притом служителей и экономов, не имеет возможности даже отдохнуть, то что должна, поистине, вытерпеть одна душа, имеющая среди стольких опасностей попечение о всей вселенной, и притом о душах.

Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал?

Чтобы кто-нибудь не сказал, что он, правда, заботился, но заботился так, обыкновенно, он показывает свойство своей заботы. И не сказал: я принимаю участие в скорби, но подвергаюсь ей сам до изнеможения. Изнеможение же разумей как телесное, так и в особенности душевное. Слово *кто* нужно разуметь так: будет ли то важный или

незначительный человек.

Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?

Затем, как он, выразил избыток скорби, ибо воспламеняюсь, говорит. Претерпевая все другое, он радовался, зная, что претерпевает ради Господа; здесь же он уязвляется душой так, что соблазн другого, даже человека незначительного и отверженного, причиняет ему большую скорбь, А что слово *воспламеняюсь* нужно понимать в смысле «соблазняюсь», этому научает нас Давид. Ибо, как апостол сказал: *кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?* — так же точно и Давид говорит: когда кто соблазнится, и я являюсь соблазняющимся, и стараюсь уурачевать эту болезнь, как свою собственную. Где же говорит это Давид? В словах: «когда гордится нечестивый, раздражается нищий» (Пс. 9:23), то есть бедный соблазняется, когда приходит к мысли, что недостойные люди изобилуют богатством и превознесены.

Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею.

Немощью называет гонения; ибо при голоде, бичевании, кораблекрушении и перенесении других бедствий обнаруживается человеческая немощь. О знамениях он не упоминает здесь, потому что они были даром Божиим; бедствия же вместе с силой Божией показали и его терпение.

Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу.

Ничего из прежде сказанного он не подтвердил, здесь же подтверждает и удостоверяет, может быть, потому, что то, что он сказал здесь, совершилось давно и было не так ясно, а прежде рассказанное, как, например, скорби и тому подобное, было известно коринфянам.

В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня.

Смотри, как сильна была борьба, если из-за него начальник стерег город. Правитель народа, конечно, не поступил бы так, если бы ревность Павла не воспламенила всех. Арета был тесть Ирода.

И я в корзине был спущен из окна по стене и набежал его рук.

Убежал, исполняя закон Господа: ибо и Господь переходил из места в место. Себя самих не должно подвергать искушениям. Там же, где бедствия неизбежны, должно полагаться только на Бога и от Него просить и ожидать избавления; а когда искушение непосильно, должно изыскивать и свои средства, но и в этом случае должно все относить к Богу, как и то, что апостол спасся в корзине. Хотя он и сильно желал, быть со Христом, но он любил также спасение людей и берег себя для проповеди.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним.

Переходя к другому роду похвалы, который делал славным его самого, именно к откровениям, говорит: *не полезно мне*, потому что может довести меня до гордости. Что же? Если бы ты и не высказал, разве и без того уже ты не знал этого? Но мы по-разному гордимся, когда знаем что-либо сами про себя, и когда передаем это другим. Однако же он говорит это не потому, что ему самому предстояла опасность впасть в подобное состояние, а чтобы научить нас молчать о делах такого рода. И в другом смысле *не полезно*, потому что может заставить кого-либо считать меня лучше, чем видит, как он и высказывает эту мысль ниже. Лжеапостолы, хотя не имели ничего, однако рассказывали; он же, имея много видений и откровений Господних, упоминает только об одном, да и то против воли. Узнай же, что откровение включает в себе нечто более, чем видение: последнее дает только видеть, а откровение являет нечто высшее видимого.

Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет.

Он упомянул не обо всех откровениях (это было бы трудно, потому что их было много) и не обо всех умолчал. Но и об одном единственном он говорит неохотно, чтобы показать, что и о нем упоминает против воли. Присовокупляет же: *во Христе*, чтобы лжеапостолы не сказали, будто он восхищен был от демонов, как Симон. Не без основания указал он на время; он сделал это для того, чтобы ты узнал, что не без нужды рассказал это теперь, после четырнадцатилетнего молчания. И если за четырнадцать лет пред этим удостоился такого откровения, то как велик он был теперь, после стольких опасностей ради Христа?

В теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает, восхищен был до третьего неба.

Заметь его умеренность: он признается, что не знает, был ли в теле, или вне тела, когда был восхищен. *Третье же небо* должно понимать следующим образом. Писание называет небом воздух, как например, в выражениях: птицы небесные, роса небесная. Это первое небо. Оно называет, далее, небом также и твердь. *Назвал*, говорит, *Бог твердь небом* (Быт. 1:8). Это второе небо. Называет небом и то, что создано вместе с землею. Вот третье небо.

И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать.

С третьего неба, говорит, снова восхищен был — в рай: восхищен был для того, чтобы и в этом отношении не быть ниже прочих апостолов, живших вместе со Христом. Употребляет выражение: *в рай*, потому что имя этого места было общеизвестно, и Сам Господь обещал его разбойнику. Он слышал *неизреченные слова*, которые мудрствующим по человечески и не имеющим ничего духовного *нельзя пересказать*. Отсюда ясно, что так называемое «Откровение Павла» есть сочинение подложное. Ибо как же иначе, если упомянутые слова были неизреченными? Итак, по смыслу буквальному, третье небо и рай — места различные; в смысле же переносном эти слова, может быть, имеют одно значение, а может быть и не одно. Хотя по поводу переносного смысла можно сказать многое, но мы выскажем только немного, — то, что более удобно для понимания. Первое небо есть граница и предел нравственности (της ηθικής), когда кто-либо правильно образовал свои нравы. Затем, философия (ή φυσικ, naturalis philosophia) составляет второе небо, когда кто-либо, насколько возможно, приобретет познание о природе вещей. Наконец, третье небо есть знание

богословское (θεολογικ), когда кто-либо, насколько доступно, приобретет через созерцание способность к восприятию Божественного и превышающего человеческое разумение. Итак, во всяком случае, Павел был восхищен в места, близкие к Троице, то есть выше всего сущего, и будучи при этом не в теле, потому что ум его все еще был косен. Ибо по отношению к вещам Божественным является косным всякий ум в то время, когда человек бывает восхищен и объят от Бога, так что через Него возбуждается и действует. А так как и в областях есть степени, то он проникает еще в рай, проникнув в сокровеннейшие тайны Божества. Поскольку же они недоступны для познания и неизреченны, то их никогда не поймет никто, если только не станет выше человеческой немощи.

Таким человеком могу хвалиться.

Заметь его смирение: он рассказывает это как бы о ком-то другом, ибо говорит: *таким человеком могу хвалиться*. Но если другой был восхищен, то почему ты хвалишься? Итак, очевидно, что он говорит это о себе.

Собою же не похваюсь.

Говорит это или для того, чтобы показать, что без необходимости не стал бы рассказывать, или же для того, как можно полагать, чтобы сделать речь прикровенной.

Разве только немощами моими.

То есть бедствиями, гонениями.

Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину.

Каким образом, сказавши выше, что хвалиться есть безумие, теперь говорит: *если захочу хвалиться, не буду неразумен?* Он сказал здесь: *не буду неразумен* не по отношению к похвале, а по отношению к тому, что он не лжет, ибо прибавляет: *потому что скажу истину*. Итак, смысл таков: я не безумен, потому что говорю истину.

Но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня.

Чтобы люди не обоготворили его, — вот истинная причина, по которой он всегда умалчивает о себе, когда же принужден бывает сказать что-либо, то говорит прикровенно для того, чтобы не почли его высшим. Ибо не выразился так, чтобы кто не сказал обо мне, но чтобы кто-нибудь не почел меня большим, чем я достоин. Если ради его чудес хотели принести ему в жертву волов (Деян. 14:13), то чего не сделали бы, если бы он обнаружил свои откровения.

И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился.

Под ангелом сатаны и жалом (σκόλοψ — кол, стрела) некоторые понимают головную боль, причиняемую диаволом. Но это неверно, ибо тело Павла не было предано диаволу, напротив, сам Павел скорее повелевал диаволу и назначал ему границы, когда предал ему

блудника во измождение плоти (1 Кор. 5:5), и он не преступил положенных ему границ. Что такое сатана? Противник, по значению еврейского слова. Итак, ангелы сатаны суть все противники — Александр кузнец, Именей, Филет и все, угнетавшие Павла и причинявшие ему зло, как совершавшие дело сатаны. Посему смысл его слов таков: Бог не допустил моей проповеди преуспевать без опасностей и трудов, чтобы я не возгордился тем, что удостоился многих откровений. Почему же он говорит, что ему дан был ангел сатаны, а не ангелы? Потому, вероятно, что во всяком месте находился один противящийся и возмущавший народ, а остальные следовали за ним, как за предводителем. Или же, что еще вероятнее, самую вещь или противление проповеди и несение опасностей он назвал ангелом сатаны. Кем же он дан был? Бог попустил ему, говорит он, ибо такой смысл имеет слово *дан*, не для того, чтобы он однажды причинил мне пакость, а причинял бы постоянно. Что же касается слов *чтобы я не превозносился*, то некоторые понимают их так: чтобы меня не прославили люди. Но хотя Павел и сказал в другом месте нечто подобное, здесь он говорит другое, а именно: чтобы я не возгордился; ибо и он был человек.

Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: «Довольно для тебя благодати Моей».

Трижды молил — вместо «много раз молил». Также служит признаком смирения его признание, что не выносил козней диавола и страданий и просил помощи. И сказал мне, говорит он, довольно тебе того, что Я дал тебе благодать воскрешать мертвых и совершать все чудеса. Не проси же, чтобы твоя проповедь преуспевала без опасностей, ибо это излишество; а то, что тебе довлеет, ты получил.

Ибо сила Моя совершается в немощи.

То есть ты страдаешь, Павел, для того, чтобы не показалось, что многие поставляют препятствия для проповеди вследствие Моего бессилия; дерзай; ибо сила Моя обнаруживается полнее, когда вы, гонимые, побеждаете гонителей. Заметь, сам он сказал, что для того предан искушениям, чтобы он не превозносился; Бог же указывает другую причину этого, ту именно, что сила Его тогда только обнаружится вполне, когда апостолы будут находиться в немощи, то есть среди гонений и опасностей.

И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова.

Поскольку, говорит, я услышал, что сила Божия совершается в немощи, то я отныне буду хвалиться немощами моими, ибо, чем многочисленнее будут они, тем более обильную силу Божию низведут на меня. Итак, не думайте, что я со скорбью говорю о жале, но скорее радуюсь и хвалюсь, так как через умножение бедствий привлекаю на себя большую силу Божию.

Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа.

Я желал, говорит, как человек, избавиться от бедствий, но после того, как услышал то, что услышал, хвалюсь и благодушествую, то есть радуюсь, нахожу удовольствие в немощах. Потом же, чтобы ты не подумал, что он разумеет горячку и другие болезни, он объясняет

тебе эти немощи, говоря, что они заключаются в обидах и т.д. Это, с одной стороны, посрамляет хвлящихся бедствиями, лжеапостолов, как противников Божиих, с другой же — убеждает учеников, чтобы они не стыдились своего учителя, но скорее гордились бы им, поскольку опасности существуют по воле Божией и ради славы Христа.

Ибо, когда я немощен, тогда силен.

Что удивляешься, что в немощах обнаруживается сила Божия? Ибо и я среди их становлюсь сильнее, имея в себе обильнейшую благодать, как, например, в тех случаях, когда, будучи в заключении, обратил темничного стража (Деян. 16:31), когда, потерпев кораблекрушение, привел в страх островитян-варваров (Деян. 28:4-6), когда, стоя перед судьей в оковах, победил и его, и обвинителей (Деян. 26:31). Таким образом, тогда он являлся сильным, мужественным и славным, когда немоществовал, то есть был в опасности.

Я дошел до неразумия, хвлясь; вы меня к сему принудили.

Опять оправдывается в том, что хвалится. И выше ои сказал: *примите меня, хотя как неразумного и как бы в неразумии*, а теперь называет себя неразумным уже без частицы *как*; ибо, сделав то, чего желал, он смело подвергает себя такому уничижению, достаточно научая нас не хвалиться без нужды, поскольку Павел и при существовании этой нужды называет себя неразумным. *Вы меня принудили*, то есть я сказал это, побуждаемый заботой о вашем спасении, видя, что лжеапостолы, которых вы слушаетесь, своим хвастовством развращают вас. Посему я решился ради вас сказать вам нечто о себе.

Вам бы надлежало хвалить меня.

Должно было, говорит, скорее вам перечислять мои подвиги и прославлять их; но поскольку вы этого не сделали, и внимали лжеапостолам, и испортились, то я сказал это для вашего спасения.

Ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов, хотя я и ничто.

Выше он сказал нерешительно: *я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов* (11:5), теперь же говорит с большею силой: *ни в чем нет недостатка*, то есть не должен считаться ниже апостолов — Петра и других. Но и здесь он опять не отступил от своего обыкновения и прибавил: *хотя я и ничто*. Заметь же его благоразумие. Он не сравнивает себя с лжеапостолами, не удостоивает их даже упоминания, как несравненно высший их, но утверждает, что он равен апостолам. Вместе с тем он намекает, что коринфяне оскорбляют апостолов, когда равного им поставляют ниже лжеапостолов.

Признаки Апостола оказались перед вами.

Хотя *я и ничто*, говорит, но ты не обращай на это внимания, а заметь, что я ничего не опустил из того, что свойственно апостолам; ибо вы служите свидетелями, что я все исполнил.

Всяким терпением.

Первое свойство апостола есть терпение и мужественное перенесение всего. Но заметь его смирение. Сколько опасностей, подвигов внешних и внутренних заключил он в одном слове — терпение. Ибо то, что было его делом, то есть терпение, выразил одним словом; что же касается знамений, которые принадлежали не ему, а благодати Божией, — многими словами. Послушай.

Знамениями, чудесами и силами.

Какое различие между знамением и чудом, сказано в другом месте. Но чтобы кто-нибудь не подумал, что это сказано только об одних благотворных действиях, он прибавляет: *и силами*. Ибо *сила* ясно указывает и на нечто карающее. Заметь и здесь, сколько мертвых, прокаженных, слепых, бесноватых, всех получивших от него благодеяния, так же как и наказанных им, каков Елима, он обнимает так кратко.

Ибо чего у вас недостает перед прочими церквами?

Чтобы кто-нибудь не сказал: правда, ты велик, но все же не сделал того, что сделали апостолы в других церквах, посему говорит: чего у вас недостает? разве вы получили меньший дар сравнительно с прочими церквами?

Разве только того, что сам я не был вам в тягость? Простите мне такую вину.

Порицает их с великой Строгостью, говоря: если вы ставите мне в вину то, что я не отягощал вас, но проповедовал вам Евангелие, не вводя вас в издержки, то прошу снисхождения; простите мне эту вину. Вместе с тем слова эти содержат и похвалу им, поскольку они считали за обиду то, что он не удостоил ничего взять от них.

Вот, в третий раз я готов идти к вам, и не буду отягощать вас, ибо я ищу не вашего, а вас.

Чтобы не показалось, что он постоянно выставляет свое бескорыстие, как бы намереваясь что-нибудь принять после, посему говорит: не потому я не иду к вам, что ничего не беру, я уже был у вас во второй раз, готовлюсь уже отправиться в третий раз и не отягощу вас. Для чего? не потому, что вы страшитесь, и не потому, что вы слабы, а потому, что *ищу не вашего, а вас*, то есть вашего спасения и душ, а не имущества.

Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей.

Поскольку они, вероятно, сказали бы: нельзя иметь и нас, и наше, потому ты и не расположен к нам, — то он приводит основание, что родители должны давать детям, употребляя слова *родители* и *дети* вместо «учителя» и «ученики», и показывая таким образом, что он строго выполняет свою обязанность и свое дело.

Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши.

Я, говорит, не только ничего не возьму от вас, но скорее дам вам, ибо таков смысл слова *издерживать*. И что я говорю: *издерживать* деньги? сам я *буду истощать себя*, то есть если для спасения душ ваших мне нужно будет лишиться тела, то я не пощажу его.

Несмотря на то, что, чрезвычайно любя вас, я менее любим вами.

В этих словах выражается, как осуждение, так и любовь. Я делаю это, говорит он, ради любимых мной, но не любящих меня взаимно. Смотри, сколько степеней имеет это самоотвержение: он не взял должного ему, вторая — будучи нуждающимся, третья — проповедуя им, четвертая — отдает, пятая — не просто, но щедро, ибо от недостатка, шестая — себя самого, седьмая — за любящих несильно, восьмая — за сильно любимых.

Положим, что сам я не обременял вас, но, будучи хитр, лукавством брал с вас. Но пользовался ли я чем от вас через кого-нибудь из тех, кого посылал к вам?

Смысл этих слов следующий: сам не *обременял вас*, но кто-нибудь может заподозрить, что я, ничего не принимая сам, научил, как человек хитрый, посланных от меня, чтобы они от своего лица попросили у вас чего-либо, чтобы при помощи этой хитрости, взимая, казаться не взимающим. Справедливо ли это — смотрите и разумейте. Называет же дело это *лукавством* с целью упрекнуть и пристыдить их, и показать, что они могли давать против воли и как будто вследствие обмана, — ибо в том и состоит лукавство, чтобы взять у кого-либо против воли. Для них величайший позор, если они считают себя жертвой лукавства потому, что питают учителя.

Я упросил Тита и послал с ним одного из братьев: Тит воспользовался ли чем от вас?

И в этих словах заключается некоторый упрек. Он не говорит: я послал, но: умолил, показывая, что, если Тит и взял что-либо, то взял по праву, потому что пришел по просьбе, но он все-таки остался чистым. Вместе с ним он послал и другого некоторого брата.

Не в одном ли духе мы действовали?

То есть не тем же ли даром духовным. Он называет даром бескорыстие среди стеснительных обстоятельств и, хотя оно было его делом, приписывает его Богу.

Не одним ли путем ходили?

И они (посланные мной) ни в чем не отступили от моего пути, но показали ту же строгость к себе. Заметь же, как Павел не только самого себя утвердил в этой строгости, но и своих сотрудников, научив их не пятнать себя даже справедливым взиманием.

Не думаете ли еще, что мы только оправдываемся перед вами? Мы говорим пред Богом, во Христе.

Он боялся, чтобы не навлечь на себя упрека в угодничестве, и потому говорит: мы говорим это не для того, чтобы снискать ваше расположение, и не для того, чтобы оправдать себя, но пред лицом Бога, *во Христе*, то есть ради Христа. Итак, мы говорим то, что было на самом деле, и что известно Богу, а не для того, чтобы снискать ваше расположение. То же самое он сказал и в самом начале.

И все это, возлюбленные, к вашему назиданию.

Не сказал: я делал все это и не принимал от вас потому, что вы слабы (ибо это было бы слишком жестко), но к *вашему назиданию*, — чтобы вы, говорит, не соблазнились обо мне, — для того я не принимал, для вашей же пользы.

Ибо я опасаюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете.

Видишь ли, какое отеческое попечение? Другие согрешили, а Павел устрашается, и не прямо высказывает свою мысль, но с сомнением. *Чтобы мне, по пришествии моем*, говорит он, *не найти вас такими, какими не желаю*, развращенными; и по необходимости — *чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете*, то есть отмстителем и наказывающим.

Чтобы не найти у вас раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков.

Ему следовало поставить на первом месте *гордость*, потому что они кичились над ним, но чтобы не показаться ищущим своего, он сначала говорит о том, что имеет общее значение; ибо от зависти и клеветы происходит все остальное, и в свою очередь всем остальным возжигается зависть. *Ябедами* называется, когда кто-либо заводит тяжбу с другим о чем-нибудь; *гордостью* называет высокомерные и надменные обычаи, или то, когда самомнение становится как бы природой кого-либо, ибо, кичась над ним, они почитали лжеапостолов.

Чтобы опять, когда приду, не унижил меня у вас Бог мой.

То есть достаточно вышесказанного, и я боюсь, что, пришедши к вам, принужден буду поступить с вами строго. Унижением, таким образом, он называет нужду сильно наказать кого-либо, хотя многие считают это за честь себе. И не сказал он: да не унижусь, но *чтобы не унижил меня Бог мой*, показывая, что сделал бы это ради Бога. И если бы дело не касалось Бога и Его заповедей, то он сам по себе не показался бы таким строгим. Словами *Бог мой* он показывает пламенную любовь к Богу.

И чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покались в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали.

Заметь мягкосердечие апостола: он оплакивает беззакония других. Не сказал: всех, но — *многих*, и не просто — *которые согрешили*, — но и *не покались*, потому что пребывающие в язве достойны соболезнования. Он также не открывает их, давая им удобный путь к покаянию; ибо для того он и упомянул о покаянии, чтобы они к оному обратились и чтобы, когда придет, ему не пришлось их наказать и потому сокрушаться, то есть крайне печалиться. Заметь еще, что о покаянии он упомянул ради новатиан. Под грехом разумей всякую нечистоту, потому что всякий грех оскверняет. Или же в частности — мерзости плотского смешения, ибо в Коринфе был не один прелюбодей, но многие, и притом во многих видах сладострастия.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В третий уже раз иду к вам. При устах двух или трех свидетелей будет твердо

всякое слово.

Как Сам Бог много угрожает, но всегда медлит наказанием, так и Павел, подражая Ему, собирает наперед много свидетелей, говоря: как написано, что при двух или трех свидетелях будет твердо, то есть утвердится, всякое слово (Втор.17:6), так и тремя моими пришествиями каждое угрожающее слово мое определено и подтверждено будет против вас, если вы не покаетесь. Ибо он на место свидетелей ставит свои пришествия.

Я предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу.

Прежде сказал вам, и опять говорю: как во второе пришествие, находясь у вас, сказал, так и ныне этим посланием возвещаю вам, — тем, которые согрешили, как нуждающимся в исправлении, прочим же, как свидетелям, — что, когда приду опять, не пощажу. Не сказал: накажу, но употребил отеческое слово пощады; ибо, если найду, говорит, не исправившимися, то не стану откладывать долго.

Вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне.

С великим негодованием говорит он это презиравшим его, как человека слабого и достойного презрения. Он говорит как бы так: поскольку вы желаете испытать, пребывает ли во мне Христос, и смеетесь надо мной, как над человеком слабым и не имеющим в себе Христа, то вы поистине узнаете это, если не исправитесь. Он показывает, что слова, которые говорит он, духовны и должно бояться его угрозы, как бы ее высказал Сам Христос. Не для того хотел наказать их, чтобы доставить им опыт и знание, но что вы, говорит, неисцельно согрешаете. Если я, говорит, принужден буду наказать вас, то вы узнаете на самом деле то, что стараетесь узнать.

Он не бессилен для вас, но силен в вас.

Почему прибавляет *для вас*, когда Христос повсюду силен? Потому, вероятно, что они прежде уже испытали Его силу. Таким образом он выражает такую мысль: поскольку вы прежде видели опыты, то уже вполне знаете, что Он *не бессилен для вас*, но *силен*, то есть имеет силу. Или же слова эти имеют такой смысл: Он показывает над вами Свою силу в этой жизни, когда вы можете исправиться, — поражает вас теперь, чтобы помиловать в день Суда; на неверных же покажет Свою силу в самый день Суда. Вместе с тем он показывает, что хотя и накажет, но накажет не сам, а Христос.

Ибо, хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божиею.

Многие соблазняются этими словами, но знай, что немощью называется слабость тела, немощью также называется нетвердость в вере, как в словах: *немощного в вере принимайте* (Рим. 14:1); немощью, наконец, называются ковы, опасности, унижения, как в словах: *благодарю в немощах* (2 Кор. 12:10), и т.п. В этом последнем смысле Господь распят был в немощи, как потерпевший преследования, опасности и оскорбления; ибо все это кажется происходящим от немощи. Посему, как проповедь Павел называет *безумием* (1 Кор. 1:21) не потому, чтобы она была безумием на самом деле, а потому, что так о ней думали неверные,

так же точно он говорит, что Господь распят был в немощи, не потому, чтобы так это было на самом деле, но потому, что так представлялось неверующим. Но Он *жив силою Божиею*, то есть силой Отца или Своей собственной, ибо все, что принадлежит Отцу, принадлежит и Ему, и все, что Ему принадлежит, принадлежит и Отцу. Таким образом, Им обща и сила, или лучше — Он Сам есть сила Отца. Так Он Сам воскресил Себя согласно с собственным предсказанием: *разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его* (Ин. 2:19). Все это Павел говорит потому, что Его презирали, как гонимого и терпящего напасти, приписывает их немощи, и показывает, что Христос от этой, как думают, немощи не потерпел нисколько вреда.

И мы также, хотя немощны в Нем, но будем живы с Ним силою Божиею в вас.

То есть мы терпим преследования, нас гонят, ибо в этом и состоит немощь. *В Нем*, то есть ради Него и Его слова. И как Он не потерпел вреда, подвергшись злоумышлениям, так и мы не потерпим, но *будем живы с Ним*, то есть явимся непобедимыми в вас, то есть ради вашего спасения. Может быть также, что в этих словах он устрашает их: хотя вы и думаете, что мы немощны, но мы живы в вас, то есть чтобы наказать вас, если не исправитесь.

Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте.

И что я говорю о себе самом, что во мне говорит Христос, что я силен, хотя подражаю Ему распятому и не приступаю к наказанию. Ибо и вы, если захотите испытать себя, увидите в себе Христа, поскольку все вы имеете веру, — или веру обыкновенную, или в частности — веру чудодейственную (ибо верующие тогда творили чудеса). Таким образом, если в вас — учениках моих — Христос, то тем более во мне, учителе.

Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть.

То есть если вы не лишились дара чудотворений, который получили. Намекает, что они живут незаконно, ибо многие, имея веру, не имели силы творить чудеса, потому, что жили незаконно. Смысл слов следующий: вы, кажется, не знаете самих себя, — того, есть ли в вас Христос? Его нет в вас, потому что вы *не то, чем должны быть*. Но он выражает эту мысль не прямо, а говорит неопределенно, чтобы не поразить их.

О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны.

В этих словах заключается сильная угроза, ибо смысл их таков: вы желаете приобрести сведение посредством наказания; и я надеюсь, что мы будем в состоянии дать вам доказательство того, что мы *то, чем быть должны*, и не лишились дара знамений и сил. Или же: мы не развратились в своей жизни до того, чтобы Христос должен был оставить нас. Он пребывает в нас вследствие нашей благочестивой жизни и накажет неверующих, находящихся среди вас.

Молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть: но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть.

Заметь его милосердие. Его презирали, поносили, как человека, не имеющего силы и только хвлящегося на письме; а он не только отменяет наказание, но и умоляет их не согрешать, чтобы не довести его до необходимости наказать. Ибо я не о том стараюсь, чтобы явиться *чем должен быть*, и имеющим силу наказывать, но чтобы вы всегда делали добро и каялись, если согрешите; и пусть я буду считаться *не тем, чем должен быть*, то есть пусть я буду для многих казаться слабым и бессильным, как не нашедший возможности наказать вас. Он не желал быть на самом деле *не тем, чем должен быть*, напротив, он явил себя искусным, научая своих учеников не согрешать ни в чем, а сказал: *мы казались не тем, чем должны быть*, выражая тем мнение многих.

Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину.

Чтобы не показаться льстящим, он говорит: я вовсе не из тщеславия делаю это, то есть утверждаю, что мы не будем иметь силы наказать вас, когда найдем вас не падшими. Если даже мы и попытаемся сделать это, то Бог не окажет нам Своей помощи; ибо Он дал нам силу для того, чтобы мы произносили суд сообразно с истиной, а не против ее: истинный же суд произносит тот, кто наказывает заслуживающего наказания; а тот, кто пытается наказать несогрешившего, поступает против истины.

Мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны.

Слова эти показывают сильную преданность апостола коринфянам, ибо смысл его слов таков: не подумайте, что я печалюсь о том, что не могу показать на вас свою силу в том случае, когда не преткнетесь. Напротив, я весьма рад, когда сам *немощен*, то есть считаюсь немощным, как не показывающий никакой силы в наказании вас, и когда вы *сильны*, то есть добродетельны и свободны от падений.

О сем-то и молимся, о вашем совершенстве.

Смысл слов его таков: я не только желаю этого, но и молюсь, чтобы вы были безупречными и непорочными, то есть совершенными, не дающими никакого повода к наказанию.

Для того я и пишу сие в отсутствии, чтобы в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению.

Сильно устранивши и выставивши угрозы, теперь представляет оправдание этого. Я потому так написал, что желаю, чтобы угрозы и строгость остались только на письме и не осуществились на самом деле; ибо я непременно накажу неисправившихся, так как Господь дал мне власть. Этим он показывает, что чрез него наказывает Сам Господь. Показывая же, что не желает пользоваться своею властью для их наказания, Прибавляет: *к созиданию, а не к разорению*, то есть Господь не хочет разорять, или наказывать, но созидать, то есть благодетельствовать. Однако же наказывать неисправивших есть созидание.

Впрочем, братия, радуйтесь.

Я, говорит, сделал свое дело; вам осталось поступить соответственно мне. Ибо, если вы исправите свою жизнь, то приобретете неувядаемую радость в совести, хотя я и опечалил вас

Словами.

Усовершеншайтесь.

То есть будьте совершенными и в учении и в жизни, и восполните то, чего недостает вам.

Утешайтесь.

Поскольку было много искушений и опасностей, то он говорит им: ищите утешения в себе самих, друг в друге и в собственном изменении на лучшее; ибо совесть благая есть великое утешение.

Будьте единомысленны, мирны.

Об этом он просил их, как находящихся в несогласии, и в первом своем послании (1 Кор. 1:10). Единомыслие относится к догматам, а согласиём (*мирны*), — понятие, противоположное раздору, — называются отношения людей друг к другу. Поэтому Павел требует того и другого.

И Бог любви и мира будет с вами.

Не только убеждает их, но и молится о них. Или же в словах сих заключается не молитва, а предсказание того, что, если вы взаимно будете сохранять мир, то Бог будет с вами. Бог называется Богом любви или потому, что Он есть источник ее, или потому, что Он обильно являет ее в нас, или же потому, что где любовь, там и Он и является ее Господом. Также Богом мира называется или потому, что есть источник его, или потому, что примирил небесное с земным, или же потому, что Он Господь его, как собственности.

Приветствуйте друг друга лобзанием святым.

Не притворным и коварным, подобно Иудиному. Поскольку для того мы и целуем друг друга, чтобы более воспламенить любовь, ибо чрез уста преимущественно пред другими членами соединяются души лобзающихся. Также и входя в дом, мы целованием выражаем свое единение. Или же, поскольку мы храм Божий, уста же — преддверие этого храма, то мы целуем это преддверие, ибо через него входит в нас Христос во время причащения.

Приветствуют вас все святые.

Присутствующих он объединяет целованием, отсутствующих же приветствием, но и тут соединяют уста, потому что приветствие от них исходит.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами. Аминь.

Соединив всех, он, по своему обыкновению, Молит да будет на них благодать Сына, через которую Он спас нас, — не делами нашими, но благодатью, Сам потерпев заклятие за нас. И затем, как бы будучи спрошен — откуда эта благодать Сына? отвечает: из любви Отца. Что же производит она? Общение Святого Духа, то есть причастие и приобщение Его, в силу

когого мы освящаемся, — сделавшись, вследствие вселения в нас Утешителя, причастными Его, и сами становимся духом, не по природе, но чрез общение. Какое же основание имеют отвергающие Духа по той причине, что Павел не упомянул о Нем в начале посланий? Здесь он упоминает и сполна перечисляет Троицу, Которая да сохранит нас твердо держащимися догматов и провождающими непорочную жизнь, дабы мы были совершенными рабами в Троице совершенного Бога, Которому слава во веки веков. Аминь.

Примечания:

1. В славянском тексте: *сеяй скудостию, скудостию и пожнет*. Φειδομένως — «бережливо, скупое». Свт. Феофилакт выбирает значение «бережливо», поэтому и пишет о словах апостола: не сказал «скупое».

Толкование на послание к галатам Святого Апостола Павла

Предисловие

Вступление и почти все послание исполнено сильного негодования: ибо постоянная снисходительность к ученикам, требующим выговора, не свойственна учителю. И Сам Господь делает то же: похвалив Петра, потом его порицает (Мф. 16:17 и 23), и учеников называет неразумными (Мф. 15:16). Так и Павел, прибегая к строгости и в других посланиях, как например, к Коринфянам, особенно прибегает к ней в Послании к Галатам. Причина этому следующая. Уверовавшие из иудеев, отчасти держась отеческого закона, а отчасти домогаясь быть учителями, внушали галатам, что должно обрезываться и соблюдать субботы и новомесечия, так как ученики Петра не запрещали этого. И, действительно, они не запрещали, но не потому, чтобы так учили, а снисходя к немощи уверовавших из иудеев, которым они и проповедовали. А Павел, проповедуя язычникам, не имел нужды в таком снисхождении. Когда действительно было нужно, и сам он делал уступки: обрезал Тимофея и сам принял назорейство по закону. Но обманщики, не говоря о причинах, по которым и ученики Петра, и сами они делали это, смущали простодушных, и в вину Павлу ставили именно то, что он то обрезывает, то отвергает обрезание и проповедует в одном месте одно, в другом — другое, и вообще не должно будто бы верить Павлу, который не видел Христа, не Его ученик, а апостолов, но что должно держаться бывших с Петром, как самовидцев. По этой-то причине, воспылав духом, он пишет это послание, и прежде всего направляет свою речь против того, что они говорили, подрывая его достоинство, — именно, что прочие — ученики Христовы, а он — апостолов. Поэтому он и начинает таким образом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Павел Апостол, избранный не человеками и не через человека.

Тотчас же и отвергает, что он ученик людей. Ибо не люди, но свыше и от неба он призван, и не чрез человека, но чрез Самого Христа. Ибо хотя крестил его Анания, но не он призвал к вере, а с неба Христос. Почему же он не сказал: Павел призванный, но *апостол*? Потому что о том и была вся речь: говорили, что людьми он избран в апостолы. Против этого-то он и восстает, показывая, что это неверно.

Но Иисусом Христом и Богом Отцем (δια Ιησοῦ Χριστοῦ καὶ θεοῦ πατρός), воскресившим Его из мертвых.

А книга Деяний говорит еще, что Духом он избран на апостольство (Деян. 13:2). Итак, ясно, что едина воля Сына, и Духа, и Отца. Заметь также то, что предлог «чрез» (δια) относится и к слову «Отец», а Сын поименован первым, это ради еретиков, которые очень заняты были этим. Очень кстати упоминает о смерти и воскресении, чтобы убедить впредь не держаться закона, который ничего не принес для них, но Христа, за них умершего и воскресшего, и потому удаляться от такого Благодетеля есть великое неблагоразумие. Говорит же, что воскресил Его Отец, с одной стороны, по немощи слушателей, а с другой — потому, что все, что творит Сын, относится к Отцу. Ибо не бессилен был воскресить Себя Тот, Который даже уверовавшим в Него дал силу воскрешать мертвых посредством одной

тени своих тел.

И все находящиеся со мною братия.

Так как клеветали, что он один это проповедует, то показывает теперь, что и другие многие разделяют его мнение.

Церквам Галатийским.

Обрати внимание на его негодование и скорбь. Не сказал ведь он: возлюбленным, освященным, или церквам Божиим, а просто *церквам Галатийским*. А так как они разногласили между собой, то вполне справедливо называет их многими церквами, и вместе с тем, к пробуждению в них стыда, соединяет их в одно посредством этого имени (церкви). Ибо те, которые разногласят между собой во многом, не могут называться этим именем, которое означает согласие.

Благодать вам и мир.

Так как они находились в опасности лишиться благодати из приверженности к закону, то он им ее и желает; и так как они враждовали против Бога, устанавливая подзаконное, что Он отменил, то призывает их к миру.

От Бога Отца.

Бог стал Отцом вашим. Каким образом? Через закон ли к которому вы склоняетесь, или через крещение Христово? Как же после этого вы отвергаете Благодетеля. И заметь: *от Бога Отца* (ἀπό θεοῦ Πατρός) поставлено без артикля ради тех, которые ставили Сына ниже Отца на основании того, что Иоанн говорит: *и Слово было Бог* (καὶ θεός...) без артикля.

И Господа нашего Иисуса Христа.

Не закон наш господин, но Христос Иисус. И самые даже имена указывают на Его благодеяния. Ибо Иисусом Он назван как избавивший народ от грехов, а Христом — от помазания Духа, Которым помазан ради нас, освятив нашу природу Своим воплощением и дав нам право так называться.

Который отдал Себя Самого за грехи наши.

Вот, Он предал Себя. Итак, не как раб оказал услугу. Посему, когда ты слышишь, что Он от Отца предан, разумей соизволение и хотение Отца. Предал же Он Себя для того, чтобы освободить нас от грехов, от которых закон не в силах был избавить. Как же после этого, оставив Освободившего, вы покоряетесь закону, который не оказал никакой пользы?

Чтобы избавить нас от настоящего лукавого века.

Манихеи опираются на это изречение, говоря, что вот он назвал лукавым настоящим век, то есть нашу жизнь. А это не так. Ведь не дни лукавы сами по себе (так как что же лукавого в солнечном движении или в смене дней), и не жизнь наша дурна сама по себе, — да и каким образом, когда мы в этой жизни познаем Бога и любимудрствуем о будущей жизни? Но

лукавым веком он называет порочные действия и испорченную волю. Подобно тому, как и мы имеем обыкновение говорить: ужасный день провел я, порицая не время, а обстоятельства и действия. Ибо не для того умер Христос, чтобы умертвить нас и изъять из настоящей жизни, а для того, чтобы на остальное время избавить нас от злых действий. Так как сказал выше, что Он предал Себя за наши грехи, то есть освободил нас от прежде бывших прегрешений, он потом прибавляет, что и на будущее время Он дал несомненное доказательство, что избавит нас от худого образа жизни. А закон не очистил и прежде бывших грехов, и против будущих бессилен.

По воле Бога и Отца нашего.

Так как они думали, что, оставив закон, не повинуются Богу, то он исправляет это предположение их, показывая, что воля Отца — освободить их чрез Сына. Видишь, не сказал: по повелению Отца, но по воле, то есть по благоволению. А назвав Бога Отцом нашим, он опять напоминает о Благодетеле Христе, который Отца Своего соделал и нашим Отцом. Как же после этого вы отвергаете Его?

Ему слава во веки веков. Аминь.

Не употребляя нигде во вступлении слова «аминь», здесь поставил, показывая, что эта речь им кончена и что для обвинения галатов достаточно сказанного. И напомнив о неизреченных благодеяниях Божиих, в которых уже заключается осуждение их, как оставивших своего Благодетеля Христа; затем, проникнутый изумлением пред Сим Благодетелем и не находя ничего еще сказать о них, заключает свою речь славословием.

Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите.

Показывает, что он имел о них высокое мнение. Ибо удивляюсь, говорит он, что вы, столь потрудившиеся в вере, так скоро уклоняетесь. Тут две вины: *переходите* и *скоро*, так что обольстители не нуждались и во времени, что свидетельствует о легкомыслии приемлющих их учение. И не сказал — перешли, но — *переходите*, то есть я еще не верю и не думаю, что обольщение уже совершилось. Пойми мудрость. Так как они, держась закона, думали служить Отцу, то он говорит, что те, которые держатся закона, удаляются от Отца: ибо говорит — *от призвавшего вас*, то есть от Отца. *Благодатью Христовою*, то есть они оправданы Христом, не за дела, а по благодати. Ибо хотя Сын дарует прощение грехов благодатью, но Отец призывает к ней.

К иному благовествованию, которое впрочем не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово.

Так как обольстители свое заблуждение называли евангелием, то он возражает и против этого наименования, говоря что нет другого Евангелия, кроме того, которое вы приняли. Ибо одно есть Евангелие, содержащее правильное учение, которое я вам проповедал, если бы только некоторые не смущали ваших душевных очей и не заставляли вас видеть одно вместо другого, желая извратить Евангелие Христово. Правда, они не все Евангелие ниспровергали, а вводили только заповедь о субботе и обрезании, однако он показывает, что и небольшая порча ниспровергает все Евангелие, — подобно тому, как отрубивший небольшую часть от

царской монеты делает негодной всю монету. Заметь, это сказано для тех, которые говорят, что это мелочь и не стоит внимания. А маркиониты, ухватившись за это изречение, говорят, что на этом основании должно принимать не четыре, а одно Евангелие, которое они составили, иное принимая, другое отбрасывая. Вот и Павел, говорят они, утверждает, что одно Евангелие. А что это значит? Как мы говорим, что четыре Евангелия составляют одно, конечно, по их согласию, так и Павел говорит здесь не о числе, а о разногласии. Так как, говорит он, проповедь этих оболъстителей не согласна, посему она не есть Евангелие, если же бы была согласна, то была бы Евангелием, то есть проповедью апостольской. Таким образом, мнение Маркиона — пустая болтовня.

Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема.

Дабы кто-нибудь не сказал, что он по честолюбию восхваляет свое собственное учение, то он и самого себя анафематствует. И так как они прибегали к авторитету и ссылались на Петра и Иакова, поэтому упомянул и об ангелах. Прибавил же слово *с неба*, потому что и священники назывались ангелами. Итак, чтобы ты не подумал, что говорит о священниках, он указанием на небо обозначил вышние силы. И не сказал: если противное будут проповедовать, но — если нечто малое будут возвещать вам сверх того, что мы вам возвестили. Итак, подвергая анафеме ангелов и себя, он отвергает всякий авторитет ^[1] и человеческую дружбу в деле веры. Не говори мне, что твои апостолы проповедуют другое; я самого себя не пощажу, если не буду благовествовать. И говорит он это не в унижение апостолов, а желая заградить уста оболъстителям и показать, что не признает авторитета, когда заходит речь о догматах.

Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема.

Чтобы не подумали, что сказал он это в гневе и увлечении, снова повторяет то же, показывая, что так высказался не необдуманно, а твердо и непоколебимо решив это в самом себе.

У людей ли я ныне ищущу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь?

Он намеревается защищаться против того, в чем его обвиняют. Однако чтобы они не возгордились, как судьи своего учителя, он говорит: не думайте, что я защищаюсь пред вами или стараюсь убедить вас; нет, вся мысль и речь моя направлены к Богу. Посему и пишу это не с той целью, чтобы добиться славы у вас и иметь учеников, но с тем, чтобы быть правым пред Богом относительно догматов, а не из желания угождать людям. Или же так: поскольку клеветали на него, что одним он проповедует одно, а другим — другое и приноравливается к людям, то он спрашивает их: людей ли я стараюсь уверять и им угождать, или Богу? Ибо, если бы я желал людям угождать, то непременно делал бы то, что вы говорите.

Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым.

Доказывает, что он не заботится об угождении людям, — да и зачем бы он стал или льстить им, или проповедовать одним одно, а другим — другое? Ведь если бы он об этом

заботился, то не отступил бы от иудейства и не обратился бы ко Христу; не пренебрег бы родственниками, друзьями, такой славой и не избрал бы преследования, опасности и бесчестие.

Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое.

Хочет показать им, что он истинно отступил от закона, и для этого напоминает о прежней своей жизни и о резкой перемене, показывая, что он не перешел бы вдруг от иудейства, если бы не имел некоего божественного удостоверения. Поэтому и говорит: *Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое*, то есть не человека я имел учителем, а был учеником Самого Христа.

Ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа.

Так как клеветники говорили, что он не был, как прочие апостолы, непосредственным слушателем Христа, а все принял от людей, то он говорит, что открыл мне Евангелие Сам Тот, Который научил и Петра и других.

Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе.

Откуда видно, что чрез божественное откровение получил я Евангелие? Из прежней моей жизни. Ведь будучи таким гонителем, как бы я мог вдруг измениться, если бы не извлекло меня некое божественное явление? А что я был ревностным гонителем, видно из того, что слышали об этом и вы, галаты, столь далеко живущие от Иудеи.

Что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее.

Заметь, как сильно он выражается. Ибо не сказал *гнал*, а *жестоко гнал*. И не только это, но даже *опустошал*, то есть пытался разрушить до основания и истребить, — ведь в этом состоит дело опустошителя.

И преуспевал в Иудействе более многих сверстников; в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий.

Всех, говорит он, сверстников я превзошел горячностью, и в войне против Церкви шел впереди; иначе: был в чести у иудеев. Но не думай, что это было делом тщеславия или гнева, а из ревности. Итак, если я боролся против Церкви не по человеческим каким-нибудь расчетам, но из ревности по Боге, хоть и заблуждался, то как же теперь, когда познал истину, стал бы я проповедовать из любви к человеческой славе что-нибудь другое, а не то, что повелевает истина и чему научил меня Христос.

Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей.

Если от чрева матери он предназначен был к благовестию и избран Богом, то, конечно, по некоторому божественному распоряжению оставался некоторое время в иудействе, без сомнения, для того, чтобы эта столь резкая перемена в нем привлекла многих к вере и

утвердила в ней. Избрал же его Бог не по жребию, а по предведению, что он достоин.

И призвавший благодатью Своею.

Хотя Бог призвал его за добродетель, ибо сказано: *он есть Мой избранный сосуд* (Деян. 9:15), — но он скромно говорит, что призван благодатью не по достоинству, а по милости.

Благоволил открыть во мне Сына Своего.

Не сказал: открыть мне, но — *во мне*, показывая тем, что получил наставление не словесное только, но и сердце его исполнилось многого Духа, так как знание это запечатлелось во внутреннем человеке и Христос в нем говорит.

Чтобы я благовествовал Его язычникам.

Бог открыл мне Сына не с тем только, чтобы я познал Его, но и для того, чтобы проповедовать Его другим. Потому что не только то, что он уверовал, но и то, что он был избран для проповеди, было от Бога. Как же после этого вы говорите, что люди меня учили? И не просто, *чтобы я благовествовал Его, но язычникам*. Так как же бы я мог язычникам проповедовать обрезание?

Я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью.

То есть не пошел на совещание к апостолам, ибо их он называет плотью и кровью, именуя их так по естеству; или же говорит это вообще о всех людях, потому что в деле веры ни один человек не был его учителем.

И не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам.

Каким образом мог сказать это апостол? Неужели он настолько возгордился, что считает себя самодовлеющим и не имеющим нужды в советниках? И разве он не слышал изречения: *не будь мудрецом в глазах твоих* (Притч.3:7); и: *горе тем, которые мудры в своих глазах* (Ис. 5:21)? Нисколько. Но так как клеветники его говорили, что должно слушаться апостолов, а не его, и что те были апостолами прежде его, то он принужден был сказать это, чтобы унять оболъстителей. Да и неразумно было бы наученному Богом потом внимать людям. Итак, не по превозношению говорит он это, а чтобы показать достоинство своей проповеди. Правда, он приходил и в Иерусалим, но не с тем, чтобы учиться, а с тем, чтобы убедить других, что и живущие в Иерусалиме думают так же. Потом не тотчас пришел, то есть в начале, а после; да и то для убеждения других.

А пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск.

Он ходил по местам невозделанным и диким, так как если бы он оставался между апостолами, то проповедь его встретила бы препятствия и не так быстро распространилась бы. Поэтому он пошел к самым диким народам. Но обрати внимание на смирение: перечисляя города, он нигде не сказал, сколько обратил, хотя в Дамаске он в такое смятение привел иудеев, что подвергся преследованию со стороны этнарха. Итак, если кажется, что он говорит много о себе, то говорит не ради тщеславия, но для того, чтобы не потерпела

ущерба его проповедь, если ему не станут верить, как человеку простому и ученику учеников.

Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром.

И это доказательство смирения: столько совершивший, он отправился к Петру не из-за пользы какой-нибудь, а ради простого свидания, оказывая ему честь, как высшему. По сему не сказал: видеть Петра (ἰδεῖν), а *видеться* (ἰστορήσαι), как выражаются изучающие великие и прекрасные города; подобно тому, как и мы отправляемся к святым мужам, но мы скорее для пользы, а он ради одной чести.

И пробыл у него дней пятнадцать.

Свидание — выражение чести, а пребывание — выражение дружбы и горячей любви. И не сказал, что учился, но *пробыл у него*, вместо «с ним».

Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня.

Хотя пришел он ради Петра, — так он его почитал и любил, — но видел и Иакова, и о нем он также упоминает с почтением, называя его *братом Господним*, — так далек он был от зависти! И действительно, если б он хотел отличить, то назвал бы его сыном Клеопы. Ведь по плоти он не был братом Господним, а только считался. Как же он приходился сыном Клеопе, слушай: Клеопа и Иосиф были братья; когда Клеопа умер бездетным, Иосиф восстановил ему семя и родил его и других его братьев, и Марию, которую, хотя она была дочерью Клеопы, Евангелие называет сестрой Матери Господа, так как Иосиф по отношению к Пресвятой Деве сохранял скорее заботливость отца, чем расположение мужа.

А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу.

Как бы намереваясь дать показание пред судом, он прибегает к сим словам, чтобы показаться самым достойным доверия.

После сего отошел я в страны Сирии и Киликии. Церквам Христовым в Иудее лично я не был известен, а только слышали они, что гнавший их некогда ныне благовествует веру, которую прежде истреблял.

Только ради свидания с Петром явившись в Иудею, он опять оставляет ее по той причине, что был послан проповедовать язычникам и для того, чтобы не предпринимать постройки на чужом основании. Поэтому, говорит он, меня и не знали в лицо христиане в Иудее. Итак, как же я мог бы проповедовать им обрезание, когда меня и в лицо они не знали? Так как клеветали на него, что в Иудее он проповедовал обрезание. А они только слышали обо мне, что я обратился ко Христу и благовествую о Нем.

И прославляли за меня Бога.

И это признак скромности. Ибо не сказал: дивились мне, восхищались мной, а приписал все случившееся действию благодати. Ибо *прославляли за меня Бога*, все, действительно, творящего.

Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита. Ходил же по откровению.

Причиной первого путешествия был Петр, а второго — откровение. А Тита и Варнаву привел в качестве свидетелей своей проповеди, что она угодна была апостолам.

И предложил там, и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам.

То есть благовествование без обрезания. Зачем же спустя столько лет он предложил им его, когда нужно было в начале это сделать и узнать, хорошо ли он поступает или нет? Ибо неразумно, чтобы тот, который подвизался столько лет, после этого имел нужду в наставлении, если только не вотще он подвизался. Но если бы он приходил с целью получить наставление относительно собственного служения, это действительно было бы неразумно. А так как он видел, что многие соблазняются тем, что Петр допускает обрезание, а он не обрезывает и чрез это подвергается подозрению в нарушении закона, то и пришел в Иерусалим по откровению, по внушению Святого Духа, чтобы убедить соблазняющихся, что нет никакого разногласия в проповеди, а что допускающие обрезание благоразумно делают снисхождение, как проповедующие обрезанным; что же тут неразумного? Ибо для исправления других Святой Дух подвигнул его идти, и он, естественно, повиновался. *И особо знаменитейшим.* По причине того, что много было соблазняющихся, Павел беседует *особо*, наедине с учениками Петра, чтобы не возникла распря и чтобы предотвратить большой соблазн. Ибо весьма много было соблазняющихся, и если бы они слышали, что Павел открыто отвергает обрезание, то произошла бы смута и все пришло бы в смятение. Поэтому-то, он беседует наедине, имея свидетелями Тита и Варнаву, которые бы могли объявить всем людям, что и апостолы не нашли ничего противного в его проповеди. А называя их *знаменитейшими*, не отвергает их значения, но рядом со своим ставит и общее всех признание, подобно тому, как и о себе сказал: *думаю, и я имею Духа Божия* (1 Кор. 7:40), не отвергая бытие этого дара в себе, но указывая на общее мнение. Итак, *знаменитейшим*, то есть великим, славным.

Не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался.

То есть чтобы научить соблазняющихся относительно меня, что я не напрасно подвизаюсь, а не чтобы самому учиться, ибо как учиться мне, когда я получил от Отца откровение о Сыне и Его Евангелии?

Но они и Тита, бывшего со мною, хотя и Еллина, не принуждали обрезаться.

Необрезанный Тит, говорит он, не был принуждаем обрезаться. А это служит важнейшим доказательством того, что и апостолы допускали обрезание не в качестве закона, а по некоему домостроительству, то есть как временную меру благоразумного снисхождения к немощным, ради верующих от обрезания, — и того, что не могли порицать проповеди Павла, ученик которого был необрезан.

А вкравшимся лжебратиям, скрытно приходившим подсмотреть за нашею

свободою, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить нас.

Порядок речи следующий: даже ради пришедшей лжебратии Тит не был принуждаем обрезаться, то есть хотя мои противники и присутствовали, но апостолы даже ради них не принудили Тита обрезаться. Как же он называет лжебратией настаивающих на обрезании, если и апостолы принимали его? Потому что апостолы допускали обрезание из снисхождения к верующим от обрезания, как проповедник иудеям; а те — как узаконители обрезания по принципу и как бы защитники закона; по сему-то он и называет их лжебратией. А выражением *скрытно приходившим* указывает на их коварный замысел, и словом *подсмотреть* дает разуметь, что они враги. Ведь соглядатаи не для чего-нибудь иного приходят, как именно выведать все и облегчить себе путь к разрушению и порабощению. Это самое они и делали. Ибо они наблюдали, кто — необрезанные, имеющие свободу во Христе, то есть не подчиняющиеся закону, чтобы напасть на них и принудить обрезаться, и снова подвергнуть нас рабству закона, от которого освободил нас Христос. Итак, отсюда ясно, что апостолы допускали подзаконное, чтобы мало-помалу освободить от этого рабства, а те действовали так, чтобы закрепить это рабство.

Мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась у вас.

Не сказал *не уступили* слову, но *не покорились*, потому что не для научения нас чему-нибудь они делали это, а для подчинения и порабощения. По сему мы повинемся апостолам, а им нет. Чтобы, говорит, пребыло твердым и истинным то, что мы вам проповедали. Что же именно? Что древнее миновало, закон упразднен и обрезанных Христос не принимает, и обрезание не приносит никакой пользы. Итак, в противовес им мы показали, что и вам истинно возвещали мы об отмене закона. По сему не отступайте от этой истины.

И в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного: Бог не взирает на лице человека.

Так как естественно было кому-нибудь возразить ему и сказать: каким же образом апостолы повелевали обрезать? — он устраняет это возражение, хотя и не указывает истинную причину, что они действовали так по особому распоряжению и из снисхождения, опасаясь, как бы верующие из иудеев, услышав то, что апостолы не в видах истины, а в видах благоустройства допускают обрезание, не отступили и от них, как от разрушителей закона; ибо доселе они потому и держались их, что они охраняли закон. По сему эту причину Павел скрывает, но сильно налегает на апостолов, говоря: *для меня нет ничего особенного*, то есть мне нет никакой нужды до знаменитых, до великих, очевидно, апостолов, — проповедают ли они обрезание, или нет, так как они сами дадут ответ Богу, и, хотя они велики и первенствующие, Бог не будет смотреть на лица их, ибо нелицеприятен. И заметь: не сказал: какие они есть, но *какими они были когда-либо*, показывая, что впоследствии и они перестали так проповедовать, когда проповедь повсюду воссияла. Говорит же это Павел не в укоризну святым, а желая принести пользу слушателям.

И знаменитые не возложили на меня ничего более.

Каковы бы, говорит, они ни были, это — дело Божие, но то я знаю, что мне они ни в чем не противодействовали и ничего не прибавили к моей проповеди и не исправили.

Напротив того, увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных, — ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников, — и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным.

Некоторые толковали таким образом: не только ничего не исправили в моем деле, а напротив, даже исправилась. Но это неверно. Да и в чем они могли быть исправлены им? Ведь каждый из них совершен. Итак, он говорит следующее: «но напротив, они подали мне руку общения», — затем еще в середине: *видя, что мне вверено благовестие для необрезанных*, и далее по порядку. И мало того, что они меня не поправили, они даже похвалили и согласились, чтобы я и Варнава шли с благовестием к необрезанным, то есть к язычникам, а они — к обрезанным, то есть к иудеям. Здесь же он показывает себя равным Петру. Ибо Вручивший тому дело благовестия евреям дал и мне то же к язычникам. И заметь, каким образом он показал, что его проповедь не только понравилась апостолам, но и угодна была Богу. Ведь об апостолах говорит, что они *узнали о благодати*. Не сказал: «услышали», но из самых дел *узнали*. Ибо как бы Бог дал мне этот дар, если бы Ему неприятна была такая проповедь? И опять он с похвалой упоминает о троих. Ибо *почитаемые столпами*, то есть великие, которых все и повсюду произносят и славят, — они свидетельствуют о мне, что моя проповедь Христу угодна. Посему и *подали руку общения*, то есть согласились, признали нас соучастниками и показали, что они довольны моею проповедью, как несколько не отличающейся от их слова.

Только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности.

Разделив между собой, говорит он, дело проповеди, мы бедных помнили безраздельно. Ибо и в Иерусалиме многие из уверовавших были лишены своего имущества неверующими иудеями и были в затруднении относительно необходимого пропитания. Эллины же не так сильно враждовали против верующих из них, как иудеи с христианами из евреев. Посему Павел проявляет особенную ревность в попечении о них, как и сам свидетельствует, что *старался я исполнять в точности*. Ибо собирая подаяние повсюду от своих учеников, он сам доставлял им его.

Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему.

Многие думают, что здесь Павел обвиняет Петра в лицемерии, но это несправедливо. Ибо что, казалось бы, говорит против Петра, сделано и высказано с особой целью. Ибо Петр, находясь в Иерусалиме, допускал обрезание, — да и невозможно было вдруг отвлечь их от закона, — а пришедши в Антиохию, он ел вместе с язычниками. Когда же некоторые из иерусалимлян пришли в Антиохию, он стал избегать язычников, чтобы не соблазнить иерусалимлян и вместе дать Павлу благовидный случай к обличению. Посему и Павел обличает, и Петр переносит. Ибо таким образом легче могли переменить свой образ мыслей ученики, когда учитель подвергается упрекам и молчит. Итак, это *лично противостоял* было только видимостью, так как, если бы борьба была действительная, они не стали бы при учениках обвинять друг друга, потому что подвергли бы их большому соблазну. А теперь, видимо, внешнее противоборство служило к исправлению учеников. Ибо и Петр несколько не противоречит, — ясно, что он соглашался с этим возражением Павла.

Потому что он подвергался нареканию.

Не сказал: от меня, а просто, от других, которые не знали, что делалось с добрым намерением, и считали лицемерием То, что в отсутствии иерусалимлян он ел вместе с язычниками, а когда они пришли, уклонился, А некоторые так понимали: Петр еще прежде *подвергался нареканию*, говорит Павел, потому что ел вместе с Корнилием, поэтому и теперь уклонился, боясь подвергнуться новым нареканиям, и когда он уклонился, *я противостал ему*.

Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных.

Указывает и причину этого обличения. Иаков же был брат Господень, учивший в Иерусалиме, как епископ их. Вот он-то и послал некоторых из иудеев, уже уверовавших, но еще придерживавшихся закона, и они отправились в Антиохию. Увидев их и боясь не за свою безопасность, а за то, чтобы они, соблаздившись, не отпали от веры, Петр стал уклоняться от сношений с язычниками. Некоторые же, не зная этой причины, стали осуждать его.

Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием.

Называет это дело лицемерием, потому что не желает открыть намерения Петра, а также и ради сильно приверженных к закону, чтобы с корнем вырвать их пристрастие к закону. А прочими иудеями он называет уверовавших из иудеев в Антиохии, которые и сами сторонились необрезанных.

Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех.

Но не смущайся этими словами, — не в осуждение Петра говорит он это, а ради тех, которые могли получить пользу, услышав, что и Петр подвергся обличению за приверженность к закону. Зачем же вам-то его держаться? Ибо с той целью он и обличал его тогда пред всеми, чтобы они устрашились, слыша, что столь великий человек подвергается порицанию и не может возразить. Евсевий же говорит, что подвергся обличениям со стороны Павла не великий Петр, а другой какой-то Кифа, один из семидесяти, и в подтверждение этого указывает на невозможность, чтобы тот, который уже прежде защитил себя по поводу произведенного им соблазна разделением трапезы с Корнилием, снова мог подвергнуться такому обличению. Но и мы не говорим, что Петр подвергся порицанию от Павла за незнание своего долга, а что он добровольно подчинился осуждению, дабы и другие исправились.

Если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?

Только что не взывает ко всем Павел: «подражайте учителю вашему, — вот ведь он иудей, а вкушал пищу вместе с язычниками». И заметь, — он не обвиняет его: «ты худо делаешь, соблюдая закон», но обличает за собственных учеников из язычников, что он принуждает их обрезываться и жить по-иудейски. Ибо в таком виде слово это удобнее могло быть принято.

Мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники.

По природе, то есть не прозелиты, а родившиеся от отцов-иудеев и воспитанные в законе, но мы оставили привычный образ жизни и прибегли к вере во Христа.

Однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдывается никакая плоть.

Смотри, как просто все говорится. Мы оставили закон не потому, что, он недобр, а потому, что он немощен и не в состоянии оправдать. Ибо никто не мог исполнить его дел, трудных и неудобноисполнимых, не по причине их величия, но скорее вследствие мелочности; или иначе, потому что он души не освящал, но только телесную нечистоту удалял. Итак, обрезание излишне. А впереди скажет, что оно даже опасно, потому что отчуждает от Христа.

Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха?

Мы старались обрести, говорит он, оправдание во Христе, оставив закон. Как же вы говорите, что грешно оставлять закон: ведь выходит, что в такой грех ввел нас Христос, так как ради Него мы оставили все законное. Таким образом Христос, как вы говорите, не только не оправдал нас, но даже сделался для нас виновником большего осуждения тем, что убедил нас отступить от закона.

Никак.

Доведя речь до нелепости, он не имел уже нужды в подтверждении, но удовольствовался одним отрицанием, что обыкновенно всегда он делал в предметах вообще спорных.

Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником.

Заметь его мудрость: они говорили, что нарушающий закон есть преступник, а он, напротив, показывает, что соблюдающий его есть преступник, идущий не только против веры, но и против самого закона. Ибо сам закон привел меня к вере и убедил оставить его. Впереди он укажет на это, а теперь пока говорит, что закон престал, и это мы засвидетельствовали тем, что разрушили его, отступив от него. Итак, если бы стали мы усиливаться восстановить его, то оказались бы преступниками, восстанавливая то, что разрушено Богом.

Законом я умер для закона.

Объясняет, каким образом он оставил закон, и говорит: посредством закона благодати и Евангелия я умер для закона Моисеева, или умер, говорит он, для закона посредством закона; то есть сам закон привел меня к тому, чтобы более не соблюдать его, приведши меня ко Христу посредством Моисеева и пророческого слова. Поэтому, если я опять стану соблюдать его, — опять нарушу его. Или же таким образом: закон повелевал не исполняющего его

предписаний наказывать и убивать. А так как он не мог быть выполнен, то по силе его я подвергся смерти. Посему да не повелевает он мной, как уже умершим и душевно, потому что согрешил, не будучи в состоянии исполнять дел закона, и телесно, поскольку это зависело от осуждения законом. Как же после этого я буду еще держаться того, который умертвил меня?

Чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу.

Чтобы кто-нибудь не сказал: как же ты живешь, когда умер? — он говорит, что хотя закон умертвил меня живого, но Христос, обретши меня мертвым, оживил меня, мысленно сораспявшегося Ему и умершего с Ним чрез крещение. Сугубое чудо: оживотворил мертвого, и оживотворил чрез смерть.

И уже не я живу, но живет во мне Христос.

Словами я сораспялся Христу указал на крещение, а словами уже не я живу — на жизнь после сего, чрез которую умирает наше тело. Но живет во мне Христос, то есть в нас ничего нет, что не угодно Христу, но Он все совершает в нас, управляя и господствуя. И наша воля умерла, а живет Его и управляет нашей жизнью. Итак, если я живу для Бога жизнью, отличной от жизни в законе, и умер для закона, то я не могу ничего соблюдать из закона.

А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия.

То, что я сказал, сказал о духовной жизни, но и чувственную жизнь ты найдешь во мне, сущую от Христа. Ибо и закон нарушаемый всех подверг греху и наказанию, и ничто не препятствовало, как во времена потопа, всем погибнуть как преступникам; но явившийся Христос избавил нас от осуждения, оправдав Своею смертью. Так что и это самое — жизнь чувственную и плотскую — мы имеем чрез веру во Христа, — веру, оправдывающую нас и избавляющую от осуждения.

Возлюбившего меня и предавшего Себя за меня.

Хотя Он за всех предал себя и всех возлюбил, но Павел, размыслив, от чего освободил нас Христос и что даровал, и возгоревшись любовью, общее приписывает себе, как и пророки говорят: «Боже, Боже мой». А вместе с тем и показывает, что каждому должно оказывать Христу такую благодарность, как если бы Он умер ради него одного. Но воспользовались этими благодеяниями только те, которые уверовали в Него. Так что держащийся закона показывает, что Христос не умер для него. Как же ты не страшишься сего, но опять возвращаешься к закону, являя бесполезной для тебя смерть Господа. И заметь выражение *предавшего Себя* — ради ариан.

Не отвергаю благодати Божией.

После этих рассуждений, он, наконец, заявляет: я не отвергаю дара Христова, которым Он меня сподобил, оправдав меня без дел смертью Своею, и не прибегаю к закону.

А если законом оправдание, то Христос напрасно умер.

Ибо, если, говорит он, закон в состоянии спастись и оправдывать, то Христос совершенно напрасно умер. Но Он, без сомнения, умер для того, чтобы спасти нас Своею смертью, чего закон не в силах сделать. А если закон спасает, излишня смерть Христова. Видишь ли, к чему ведет такая хула?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О, бессмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине.

Показав сначала, что он — апостол не от людей и не чрез людей, и выставив себя достойным доверия, говорит затем с большею властью. Намереваясь сравнить веру и закон, он называет галатов неразумными, нисколько не нарушая тем закона Христова, а напротив, вполне соблюдая его (Мф. 5:22), так как обвиняется не тот, который прямо называет брата своего глупым, а тот, который напрасно. Галаты же вполне справедливо названы бессмысленными, так как оставались бесчувственными к таким благам и делали бесполезной смерть Христову. И заметь, после доказательств он приступает к порицанию и сейчас же прекращает его. Ибо не сказал; кто вас обманул? но: *кто прельстил* (ἐβάρσκαυε)? Кто позавидовал? сим показывая, что они в начале совершали дела, достойные зависти. Показывает также, что те, которые склоняют их к тому, действуют не по заботливости о них и не для восполнения недостатков, а для разрушения уже существующего. Ибо такова зависть. И это говорит не потому, чтобы зависть сама по себе имела силу вредить, а потому, что учащие сему по зависти пришли к этому.

Вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый?

Но Он распят в Иерусалиме. Как же он говорит, что *перед глазами* и *у вас*? Потому, что они очами веры видели Крест гораздо яснее, чем те, которые тогда присутствовали и видели его. Ибо между тем, как многие из тех, которые видели телесно, не извлекли для себя никакой пользы, они же, не видев глазами, посредством веры очень ясно видели. Итак, Христос был *предначертан*, то есть живо изображен чрез проповедь, но вы, уверовав в проповедь, видели Его, как присутствующего. Это и похвала им, и укор: похвала потому, что они приняли это с такой полной уверенностью, а порицание потому, что оставили Того, Которого видели обнаженным, распятым и умирающим, и обратились к закону. Заметь, как он, оставив все, говорит об одном Кресте Христовом.

Сие только хочу знать от вас: через дела ли закона вы получили Духа, или через наставление в вере?

Так как вы не слушаете продолжительных наставлений и не хотите видеть величия домостроительства, то скажу вам кратко. Ответьте мне на сие немного: откуда вы получили Святого Духа и проявили такую силу и знамения? От дел ли закона, или от веры? Ясно, что от веры, так как не в то время, когда вы держались закона, имели Духа и совершали чудеса. Как же после этого, оставив веру, вы снова прилепляетесь к закону?

Так ли вы бессмысленны, что, начав духом, теперь оканчиваете плотью (τελειῶθε)?

Опять благовременно прибеж к порицанию. Надлежало бы, говорит, вам с течением времени идти к совершенству, а вы не только не преуспели, но еще отодвинули назад. Ибо совершать знамения есть дело духовное, и это вы делали в начале, обрезываться же — дело плотское, что вы теперь избрали. И не сказал: *τελεῖτε* — вы сами оканчиваете, но *τελεῖσθε* — принуждаетесь окончить, показывая, что те, которые учат обрезанию, уловляли и закаляли их, как бессловесных животных.

Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!

Они боролись со многими испытаниями ради Христа. И неужели, говорит он, вы напрасно столько потерпели? Ибо если вы обрезываетесь, все это напрасно, и обольстители лишили вас стольких венцов. Потом, подавая им надежду на возвращение, он говорит: *если бы только без пользы*, то есть если вы хотите образумиться, то не напрасно, не тщетно вы трудились. Да устыдятся после этого отрицающие покаяние. Вот они совершали знамения, были исповедниками и мучениками, но когда отпали, Павел не отвергает их, а приемлет с радостью.

Подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере?

Бог, говорит он, подающий вам Духа, чтобы пророчествовать и говорить языками, и сообщающий вам силу совершать знамения и чудеса, совершал ли это ради дел закона, как будто исполнением их вы Ему угодили, или же ради обнаруженной вами веры во Христа? Очевидно, ради нее. Как же вы, оставивши веру, вследствие которой прославились, возвращаетесь к отмененному закону?

Так Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность.

Хотя, говорит он, надлежало вам узнать силу веры преимущественно из того, что вы совершали знамения, но если вы обратите внимание и на праотца, о котором вы много говорите, найдете, что и он оправдался верой. А если живший до благодати оправдывается верой, то тем более удостоившиеся благодати должны держаться веры.

Познайте же, что верующие суть сыны Авраама.

Так как они боялись, чтобы им отступлением от закона не лишиться родства с патриархом (ведь они очень гордились им), то он, напротив, показывает, что вера наиболее делает сынами Авраама тех, которые имеют ее.

И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: в тебе благословятся все народы.

Показав, каким образом верующие суть дети Авраама, он приводит и свидетельство от Писания: *в тебе благословятся все народы* (ср. Быт.12:3), то есть чрез подражание твоей вере. А также показывает, что вера древнее закона, если прежде закона она оправдала Авраама, и что совершающееся теперь совершается согласно пророчеству. *Писание*, говорит он, *провидя*, то есть Сам давший закон Бог predetermined, что оправдываются не законом, но верой. И не сказал: «открыло», но: *предвозвестило*, дабы ты узнал, что и Авраам радовался такому

способу оправдания и желал его исполнения.

Итак верующие благословляются с верным Авраамом.

Так как они страшились, как бы им за несоблюдение закона не подвергнуться проклятию (так как написано: проклят тот, который не соблюдает написанного в законе), то он показывает совершенно противоположное, именно, что благословенны оставляющие закон и приходящие к вере, подобно тому, как и верный Авраам получил благословение.

А все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою. Ибо написано: проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона.

Чтобы кто-нибудь не возразил, говоря: Авраам вполне естественно был благословен и оправдан верой, так как еще не было закона, а ты покажи мне, что после того как дан закон, вера оправдывает и делает благословенными, — апостол показывает теперь не только то, что вера оправдывает и сообщает благословение, но и то, что закон есть виновник греха и проклятия, потому что никто не может исполнить написанного в законе, а не исполняющий — проклят. Таким образом, вере принадлежит благословение, и напрасно вы страшитесь проклятия за отступление от закона. Ведь, держась его, вы скорее подпадаете проклятию, будучи не в силах его исполнить.

А что законом никто не оправдывается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет. А закон не по вере; но кто исполняет его, тот жив будет им.

Показав, что закон подвергает проклятию, а вера сообщает благословение, теперь говорит, что и оправдывает только вера, а не закон, и приводит слова Аввакума: *праведный верою жив будет* (Авв.2:4), а не законом. Ибо закон требует не только веры, но и дел. Хорошо также сказал: *пред Богом*, потому что у людей могут казаться праведными те, которые держатся закона, каковы фарисеи, выставяющие себя праведными пред людьми. Так как закон по причине своей невыполнимости не оправдывал, а подвергал проклятию, то явилась благодать, показывающая легкий путь — веру, посредством которой оправдываясь, мы получаем благословение. Итак, доказано, что вера сообщала благословение и оправдание не только до закона, но еще более и после него.

Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою-ибо написано: «проклят всяк, висящий на древе» (Втор.27:26).

Чтобы кто-нибудь не возразил, говоря: правда, что не исполняющий закона проклят и что вера оправдывает, но откуда видно, что та клятва уничтожена? Мы ведь боимся, чтобы, подпав раз под иго закона, самим нам не остаться под клятвой; поэтому Павел показывает, что проклятие уничтожено Христом. Ибо, дав за нас выкуп тем, что Сам стал клятвой, Он искупил нас от клятвы закона, которой Сам не подлежал, как исполнивший закон, а повинны ей были мы, которые были не в состоянии его исполнить, подобно тому, как если бы кто был осужден на смерть, а другой кто-нибудь, невинный, подвергся смерти, решившись сам умереть вместо него. Итак, Он принял на Себя клятву чрез повешение на древе и разрушил клятву, прилежащую на нас за неисполнение закона, хотя Сам ей не подлежал, потому что и закон исполнил, и греха не сотворил.

Дабы благословение Авраамово через Христа Иисуса распространилось на язычников.

Ради того, говорит, был Он клятвой, чтобы *распространилось на язычников*, то есть на тех, которые не пользовались законом, *благословение Авраамово*, то есть которое от веры, *через Христа Иисуса*, то есть о семени Авраама, как и написано: *в семени твоём благословятся*, то есть во Христе, Который произошел от тебя по плоти, благословятся, очевидно, верующие в Него.

Чтобы нам получить обещанного Духа верую.

Ради того, говорит он, удостоились язычники благословения, чтобы Духа принять чрез веру. Так как нельзя было принять Духа тем, которые еще находятся под клятвой, то они получают благословение после уничтожения Христом клятвы и, оправдавшись тогда верой, принимают обетование Духа. Ибо что обещал Бог Аврааму, это, по разумению Павла, духовные дары, которые очевидно теперь нам даны, как то: благословение и прочее.

Братия! говорю по рассуждению человеческому.

Выше назвал неразумными, теперь называет братьями, там обуздывая, а здесь утешая. Человеческий пример, говорит, я намереваюсь вам представить.

Даже человеком утвержденного завещания никто не отменяет и не прибавляет к нему. Но Аврааму даны были обетования и семени его. Не сказано: и потомкам, как бы о многих, но как об одном: и семени твоему, которое есть Христос. Я говорю то, что завета о Христе, прежде Богом утвержденного, закон, явившийся спустя четыреста тридцать лет, не отменяет так, чтобы обетование потеряло силу.

Павел хочет показать, что вера есть завет более древний, чем закон, и что несправедливо было бы предпочитать ей закон. На это и пример привел. Если бы, говорит он, человек сделал завещание, неужели кто-нибудь, пришедши после, осмелился бы извратить его или переделать, то есть прибавить что-нибудь? Тем более должно разуметь сие в отношении к Богу. И Бог дал завещание Аврааму, что в семени его благословятся народы. А семя его — Христос, потому что не сказал: семенем, чтобы ты не подумал о происшедших от него иудеях и измаильтянах, — но просто: в семени, которое, как сказано, есть Христос. Каким же образом закон может отменить этот завет, соглашение и обещание, так чтобы не во Христе получали благословение народы, но чрез заповеди закона? Ведь это не что иное, как ниспровержение обетования, что нелепо.

Ибо если по закону наследство, то уже не по обетованию; но Аврааму Бог даровал оное по обетованию.

Если закон, говорит, дарует благословение и делает наследниками жизни и правды, то обетование, данное Аврааму, следовательно, отменено и уничтожено. Но это не имело бы смысла: закон ведь явился позднее, как же он может отменить завет, который был прежде его? Но не спеши весь этот пример строго проводить. Посему он и сказал: *говорю по рассуждению человеческому*, то есть человеческий пример привожу. Поэтому неудивительно, если он не может быть вполне применен к божественному.

Для чего же закон? Он дан после по причине преступлений.

Так как он возвысил веру и указал, что она древнее закона, возникало возражение: для чего же был дан закон, если вера была древнее и сама сообщила благословение? Не напрасно, говорит он, дан закон, но ради преступлений, чтобы быть вместо узды для иудеев, препятствуя нарушению если не всех, то, по крайней мере, некоторых заповедей. Прекрасно также сказано: *дан после*, чтобы показать, что закон дан не в качестве первообразного установления, как обетования, но как бы дан в добавление, по причине многих преступлений, дабы воспрепятствовать хоть немногим.

До времени пришествия семени, к которому относится обетование.

Однако не навсегда был дан закон, но до времени пришествия Христа, к Которому относилось обетование, что о Нем благословятся народы. Если же до явления Христова дан закон, зачем же ты далее простираешь его значение?

И преподан через Ангелов, рукою посредника.

Закон, говорит он, дан чрез посредство ангелов — или священников, или действительных ангелов, потому что ведь ангелы производили оные трубные звуки, громы и знамения. *Рукою посредника*, то есть Христа. Показывает, что и закон дал Христос, а потому Он волен и отменить его.

Но посредник при одном не бывает, а Бог один.

Так и Христос служит посредником между двоими, а именно, между Богом и людьми. Ибо Он примирил обоих, дав мир и уничтожив вражду, которая была у людей с Богом. С тех пор как соединил с Собой человеческое естество, Он дал мир, чудесным образом соединив с Божественной природой враждебную ей вследствие греха плоть. Итак, если Он ходатай и примиритель, то ясно, Он спасает, а не закон.

Итак закон противен обетованиям Божиим? Никак!

Если обетования сообщали благословение, а закон подвергал проклятию, то, очевидно, если бы мы приняли его как имеющий силу, он уничтожил бы обетования Божий, которые дают благословение. Но да не будет. Слушай далее по порядку.

Ибо если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона.

Тогда, говорит, закон был бы сильнее веры, сообщил бы благословение и оправдывал человека, если бы он был в состоянии оживить и спасти. А теперь он скорее убивает, так как не может освободить от грехов. Как же после этого закон может преодолеть веру, которая имеет силу оживлять чрез крещение, и благословлять и оправдывать?

Но Писание всех (τα πάντα) заключило под грехом, дабы обетование верующим дано было по вере в Иисуса Христа.

Закон, говорит, не имел силы освободить от грехов, но содействовал тому, чтобы

закл^ючить людей под грехом, то есть показать их грешниками и принудить, чтобы они возжелали отпущения грехов и обратились ко Христу, могущему даровать оное. А так как иудеи, не чувствуя всей тяжести грехов, и прощения их не желали, то Бог дал закон, который заключает их, то есть теснит и подавляет обличениями, объявляет их грешниками и побуждает искать способа получить прощение. А этот способ есть вера во Христа, посредством которой мы получаем благословение и оправдание.

А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере.

Закон, говорит, доставлял большую безопасность тем, которые находились под его охраной, потому что удерживал их от многих грехов и был как бы стеной, окружал людей и приводил к вере. Каким образом? Обличая грехи, но не имея силы освободить от них, он по необходимости указывал на оправдывающую веру, которая была и в древности, но прикровенно, а открыто явилась впоследствии, когда и Бог явился во плоти.

Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою.

Как воспитатель оберегает юношу от всего дурного и способствует тому, чтобы он со всей внимательностью и усердием принимал наставления учителя, так и закон воспитывал в своих последователях надлежащую добродетель и приводил к учителю — Христу, своими обличениями и указаниями грехов вызывая в них стремление искать Того, Кто дает прощение и оправдывает верой. Итак, да устыдятся те, которые клеветуют на закон, — ибо ни воспитатель не стоит в противоречии с учителем, ни закон — с Новым Заветом.

По пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя. Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса.

С пришествием веры, делающей мужем совершенным, мы, говорит он, уже не можем находиться под руководством воспитателя, как ставшие чрез нее совершенными и вышедшие из детского возраста. Так как мы от веры стали совершенными мужами, то ясно отсюда, что и сынами Божиими мы стали чрез веру во Христа. Таков ход мыслей. Конечно, удостоившийся быть сыном Божиим не несовершенно и не младенец. Поэтому странно было бы тем, которые стали мужами, подчиняться руководству закона, точно так же, как при наступлении дня и при свете солнечном употреблять светильник. Смотри же, выше он сказал, что вера делает сынами Авраама, а теперь — сынами Божиими. Так много она может.

Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись.

Определяя, каким образом мы сыны Божии, говорит, что чрез крещение. Но не сказал: вы, которые крестились, детьми Божиими стали, как бы и требовала последовательность, — но гораздо выразительнее: *во Христа облеклись*. А если мы облеклись во Христа, Сына Божия, и Ему уподобились, значит, приведены в единое родство, в единый образ, став по благодати тем, что Он есть по естеству.

Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе.

Каждый из крещеных, говорит он, отбросил свои природные особенности, все получили один тип и один образ не ангела, но Самого Господа, являя в себе Христа. Так что все мы едины во Христе Иисусе, именно поскольку мы имеем один запечатленный образ Христа, или поскольку мы — единое тело, имеем единую главу Христа.

Если же вы Христовы, то вы семья Авраамово и по обетованию наследники.

Так как впереди он сказал, что семья Авраама, о котором благословятся народы, есть Христос, Которому именно и даны обетования, а также указал, что и вы имеете образ Христов, то теперь заключает: итак, и вы — семья Авраама и наследники обещанного благословения. Как же после этого вы держитесь закона, — вы, которые получили благословение чрез то, что облеклись во Христа и уподобились Ему, и отсюда сделались семенем Авраама?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Еще скажу: наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом назначенного.

То есть отец определил, чтобы он ничем не распоряжался до узаконенного возраста, чему он и должен повиноваться.

Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественным началам мира.

В детстве не возрастом, но познанием о Боге. А *вещественными началами* мира называет новомесячия и субботы, потому что эти дни бывают у нас от течения луны и солнца. Поэтому и те, которые теперь подчиняют нас закону, делают нас чрез то детьми и порабощают стихиям мира, хотя мы стали уже мужчинами совершенными, и сынами Божиими, и домоправителями, и господами. Научаемся также, что Бог от начала желал дать это усыновление (ибо в этом и состоит наследие), но наша незрелость препятствовала ему. Желая же совсем устранить закон, он не сказал: мы порабощены дням, но: *вещественным началам мира*, чтобы тем сильнее пристыдить тех, которые склоняют еще к повиновению закону. Но не смущайся, что по течению речи *начала* мыслятся повелителями и приставниками. Ибо, во-первых, ты должен закон мыслить повелителем, равно как и детоводителем, а не их (начала), поэтому новомесячия и субботы он назвал началами. Кроме того, он так выразился для того, чтобы совершенно отвлечь их от закона и пристыдить, как это он впереди еще яснее раскроет. Некоторые же под стихиями разумели естественный, приуготовительный закон.

Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление.

Пока были юны, мы подчинялись новомесячиям и субботам, но когда наступило определенное время воплощения Христова, когда род человеческий, прошедши все виды зла, нуждался во врачевании, тогда *Бог послал Сына Своего* (то есть благоволил придти), *Который родился* (γενόμενον), не сказал: «чрез жену», чтобы не дать оправдания тем, которые

говорят, что Господь прошел чрез Деву, как чрез канал, совершенно призрачно, — но: *от жены*, то есть принял тело из самого существа Ее и был плодом чрева Ее. И был под законом, принял обрезание и совершил все, дабы избавить нас от клятвы, которой Сам не подлежал. Два же спасительных действия указывает он в воплощении Христовом: освобождение нас от клятвы закона и дарование усыновления. А *воспринять* сказал для того, чтобы показать, что усыновление предназначалось нам издавна по обетованию, хотя по причине нашей незрелости и не давалось нам. Ибо и обещанное Аврааму наследие было усыновление. Потому что сын наследует.

А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа.

Откуда видно, говорит он, что мы удостоились усыновления? Хотя он это показал и прежде, когда заявил, что мы облеклись во Христа, Который есть Сын, но доказывает и теперь тем, что мы приняли Духа, Который, божественно и необыкновенно касаясь наших сердец, научает нас называть Бога Отцом. А этого не могло бы быть, если бы мы не удостоились усыновления. Итак, когда мы дети и наследники не простого достояния, но божественного, и сонаследники Единородного, зачем же опять становимся рабами и, держась закона, отвергаем даровавшую нам усыновление веру?

Но тогда, не зная Бога, вы служили богам, которые в существе не боги.

Здесь обращается он к уверовавшим из язычников, показывая, что соблюдение дней есть идолослужение и что они более, чем прежде, погрешают. Прежде, говорит он, вы хотя бы не знали Бога, так как жили во тьме и заблуждениях и вследствие этого служили солнцу и луне, которые по природе не боги, а теперь, после познания истины, если бы вы стали наблюдать дни, — это было бы ничем иным, как служением стихиям — нечестие еще худшее.

Ныне же, познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им?

Но теперь, говорит он, вы познали Бога, впрочем, скорее не вы своим трудом обрели и узнали Бога (так как вы совершенно не искали), но Он нашел вас, живших во тьме и принял. Ибо *получили познание* сказано вместо «приняты от Бога». Как же после этого вы снова обращаетесь к бедным и немощным началам, то есть не имеющим никакой силы к получению обетованных благ и не могущим принести пользы духовной? А вместе он называет их бедными и немощными потому, что они лишены ума, чувства и жизни, хотя бы это и не понравилось элинам. Итак, лжеапостолы, в качестве защитников закона, вводили соблюдение дней, а он очень мудро называет это дело идолослужением, которое и сам закон запрещает. Так что те, которые учили этому, являлись даже противниками закона.

Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы.

Отсюда видно, что лжеапостолы проповедовали не только обрезание, но и соблюдение праздников и новомесечий.

Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас.

Смотри, какое чувствительное сердце: они колеблются а Павел страшится. Выражение «не напрасно ли» (μ πως) показывает, что они были еще целы и не потерпели еще полного крушения. И он подает им надежду, что если они пожелают одуматься, то не напрасно затрачен был на них труд. Он как бы говорит им: вспомните мои усилия для вас и не делайте тщетными мои труды.

Прошу вас, братия, будьте, как я, потому что и я, как вы.

К верующим из иудеев он говорит так: подражайте мне. И я ведь был очень привержен к закону, как вы, но оставил его и теперь подвизаюсь за Христа и веру. Таковы и вы будьте. Прекрасно высказал он это в заключение. Ибо люди скорее привлекаются сродными примерами, чем рассуждениями.

Вы ничем не обидели меня.

После сильных упреков, он опять обнаруживает кротость. Жестокое порицание так же ведь не приносит пользы, как и крайняя снисходительность. Посему он называет их братиями, напоминая вместе с тем о благодати крещения, по которой все мы стали братиями, как рожденные от единого Отца — Бога. Оправдывается и в высказанных укоризнах, именно что они произошли не по ненависти. Ведь вы не причинили мне никакой несправедливости, чтобы я стал относиться к вам враждебно, но гораздо более, вы оказали даже мне бесчисленные знаки почтения и расположения. Как же после этого я мог бы говорить это по ненависти? Но говорю, без сомнения, из попечения о вас и из сильной признательности к вам.

Знаете, что, хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им.

Вы знаете, говорит он, что при телесной немощи, то есть посреди преследований и опасностей я благовествовал вам, и вы, однако, не отвратились от меня; эти испытания мои, то есть преследования, раны и тому подобное не привели вас в соблазн и не заставили презирать и гнушаться мной. А вместе с тем незаметным образом и пристыжает их, показывая, сколько он вытерпел ради них от противников.

А приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса.

Вы так, говорит он, почтили меня, как будто я был более, чем человек. Не странно ли, в то время, когда я подвергался преследованиям и был гоним, принимать меня, как ангела и Христа, и не соблазняться, теперь же, когда я советую должное, считать меня за врага и не принимать?

Как вы (были) [2] блаженны!

В недоумении и изумлении он говорит: что случилось с вашим прежним блаженством? То есть куда девалось все то, за что вас все ублажали, как приверженных к учителю? Что оно теперь? Во что превратилось прежнее ублажение ваше? Теперь я не вижу этого, так как вы враждебно настроены ко мне.

Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне.

Прежде за мою проповедь вы считали меня дороже даже собственных глаз; что же теперь случилось, что вы подозреваете меня, как врага? Странно ведь, чтобы тот, которого вы так почтили, стал говорить вам это с враждебной мыслью?

Итак, неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину?

Другой причины вражды, говорит он, я не знаю кроме того, что высказал вам истину и обличил заблуждающихся относительно догматов. Но за это вы скорее должны еще более полюбить меня, как исполнившего долг попечителя.

Ревнуют по вас нечисто, а хотят вас отлучить, чтобы вы ревновали по ним.

Ревность — дело похвальное, когда кто подражает добродетели другого, но она делается дурной, когда кто-нибудь стремится удалить добродетельного от совершенства. И эти стараются исключить вас, то есть лишить более совершенного состояния и ведения во Христе и ввергнуть в менее совершенное, которое заключается в законе, чтобы вы почитали их учителями, ревновали и подражали им, как ученики. А я желал, чтобы вы были руководителями к совершенству и для них, и для всех. Так и было, когда я был у вас. На это же самое он указывает и ниже.

Хорошо ревновать в добром всегда, а не в моем только присутствии у вас.

Не видишь ли, он намекает на то, что они соревновали всем в совершенстве, когда находился Павел у них? А также дает разуметь и то, что его отсутствие породило это зло. Прекрасно было бы, говорит он поэтому, когда бы не только в присутствии учителя, но и в его отсутствие, ученики мыслили должное.

Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!

Подражает матери, трепещущей за детей своих. Вы, говорит он, извратили образ Христов, который вы имели в себе от крещения, и требуете нового возрождения и воссоздания, дабы опять явился в вас образ Христов и отпечатлелся на вас Его характер. Опять нахожусь в муках рождения, снова возрождаю вас посредством учения. Но не отчаиваюсь. Посему и называю вас детьми, чтобы и вы не теряли надежды. А это против новатиан: Павел галатов возрождает и обновляет, а они (новатиане) не принимают исправления посредством покаяния.

Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас.

Я не удовлетворяюсь письмами, но желал бы быть с вами и изменить мой голос, то есть обратить его в сетование и плач. Я недоумеваю, что сказать о вас, каким образом вы, которые настолько возвысились, что подвергались даже опасностям за веру и совершали знамения чрез нее, теперь удаляетесь к подзаконной немощи. Поэтому я желал бы в вашем присутствии

сетовать о вас. Ибо когда находился в затруднительных обстоятельствах, то обыкновенно предавался слезам.

Скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона?

После того как уже достаточно смягчил их и привлек к себе, он снова вступает в препирательство, указывая на то, что и сам закон не желает, чтобы его соблюдали: отвечайте, говорит, мне. Прекрасно также сказал: *желающие*, потому что такое положение зависело не от требования вещей, но от неуместной их страсти к спорам. А законом он называет книгу Бытия, так как у него в обычае весь Ветхий Завет называть законом.

Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной.

Выше он сказал, что вы дети Авраама. Но так как не одинакового достоинства были сыновья патриарха, но один был от рабыни, а другой — от свободной, то теперь он показывает, что вы не только дети, но и таковы, каков был свободный и благородный. Так облагородила вас вера.

Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию.

Так как его слова, что они сыны Авраама, казались невероятными, — дети ли в самом деле Авраама те, которые не родились от него по плоти, то Павел говорит, что и Исаак, собственный сын Авраама, не по плоти родился от него — да и как это могло быть, когда естество омертвело? — но слово Божие и обетование образовало его. А Измаил родился по естественному порядку. Именно это и означает выражение *по плоти*. Но при всем том рожденный по плоти есть раб и чужд наследия, а рожденный не по плоти — господин и наследник. Что же препятствует и вам, хотя вы и не родились по плоти от Авраама, быть его сынами? И вы ведь чрез произнесение слов при купели получили новый образ бытия.

В этом есть иносказание.

То есть история сия не только повествует об этом, но указывает и на нечто другое. Поэтому и называется аллегорией. То было образом настоящего.

Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве.

Это. Какие же? Две жены эти представляют аллегорически Новый и Ветхий Заветы. Каким образом? Агарь — Ветхий Завет. Ибо закон и дан был с горы Синай. А Синай находится в Аравии, и на арабском языке называется «Агарь». Соответствует же Иерусалиму, то есть находится в соседстве, соприкасается, или уподобляется дольному Иерусалиму; сравнивается с ним, переносится на оный, так как есть сходство между обоими. Как Агарь была рабой и рождала в рабство, так и закон, данный с горы Синайской, которая называется Агарь и уподобляется Иерусалиму — рождает в рабство тех, которые держатся его. Ибо в законе много несвободного и рабского, потому что и добродетель обосновывалась на тленной

награде, на земных, говорю, благах, и удаление от зла внушалось ~ наказаниями и страхом.

А вышний Иерусалим свободен: он — мать всем нам.

В том прообраз Агари. Посмотри также и прообраз Сарры; она ведь прообразовывала горный Иерусалим. Он же есть град верующих, откуда и закон наш: ибо с неба Евангелие. Этот град свободен от наблюдений закона, и все в нем устроится свободно и с благородным достоинством. Ибо ничто у нас не совершается из-за видимой награды, и не угрожают нам телесные наказания, но и обещания более божественны, и наказания приличны благородным, — именно отлучение от таинственной трапезы и епитимьи.

Ибо написано: возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа.

Не довольствуется этими прообразами, но ссылается на свидетельство Исаии, который церковь из язычников называет неплодной и не имеющей мужа; и действительно, она была лишена богопознания и бездетна, так как не произвела ни одного пророка Божия и учителя. А иудейскую синагогу называет имеющей мужа, или потому, что она имела закон, который руководил ее действиями, или потому, что имела Самого Бога. *Воскликни* употреблено вместо: воскликни голосом радости, потому что у тебя теперь множество чад: и пророки, и учителя, и сыны Божий произошли от тебя; ты всю вселенную породила, а не один народ, как иудейская синагога.

Мы, братия, дети обетования по Исааку. Но, как тогда рожденный по плоти гнал рожденного по духу, так и ныне.

Церковь, говорит он, будучи неплодна, подобно Сарре, не только стала многочадной, как та, но и родила таким же образом, как последняя. Как ее не природа, но обетование сделало матерью (ибо Тот, Который сказал: *Я опять буду у тебя в это же время* (Быт. 18:10), вошел в чрево и сотворил плод), так и у нас, как и выше сказано, божественные слова, произносимые при крещении, совершают новое творение. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: какая эта свобода, когда иудеи бичуют верующих, а те, которые думают быть свободными, подвергаются гонению? — он говорит, что и тогда так же было. Измаил гнал Исаака, но, тем не менее, это нисколько не помешало преследуемому быть законным сыном Авраама и господином преследуемого. Итак, из самого этого преследования нас иудеями открывается наше сходство с Исааком и родство с Авраамом.

Что же говорит Писание? Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной.

Чтобы кто-нибудь не сказал: что же отсюда? Утешительно ли для верующих, которые теперь подвергаются преследованию со стороны иудеев, то, что и Исаак тогда подвергался гонению? — он говорит: послушай, что говорит Писание, и получишь вразумление: за временное гонение, которому подвергал Измаил Исаака, он совершенно изгоняется. И в наказание не только подвергается изгнанию, но гораздо более — лишается участия в том, что уготовано сыну. А это наказание тем сильнее, что имеет свое начало не в преследовании, а в решении и определении Божиим. Заметь также, что он того, который не удостоился наследия,

назвал сыном не Авраама, а рабыни, указывая, что он и очень низкого происхождения. Итак, смотри, он доказал, что сам закон указывает на свою отмену, так как все сказанное, будучи прообразом теперь совершающегося, написано в законе, то есть в книгах Ветхого Завета.

Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной.

Все это направляет к тому, чтобы показать, что все случившееся теперь с нами прообразовано было за много лет прежде. Как же после этого не странно, получив за столько лет прежде свободу, опять добровольно становиться рабами?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос.

Не вы ведь, говорит он, освободили себя, но Тот, Который дал за вас выкуп. Как же после этого вы подвергаете себя господству закона против намерения освободившего вас Христа? Говоря *стойте*, он дал знать, что они колебались.

И не подвергайтесь опять игу рабства.

Словом *игу* он указывает на тяжесть рабства в законе. А выражением *опять* изобличает их бесчувственность, так как они, несмотря на то, что по опыту знали тяжесть рабства, опять добровольно переходят в него.

Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа.

Вместо всякого доказательства апостол ссылается на свой авторитет. Не приносит уже пользы Христос обрезывающемуся потому, что таковой отвергает Его благодать и обращается к закону, как благодетелю, Христу же вовсе не верит, как будто Он не оказал ему благодеяния. А не веря, он и не может получить пользы от Того, в Которого не верит.

Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон.

Чтобы не подумали, что по вражде говорится это, он прибавляет: не вам только высказываю это, но и всякому обрезывающемуся, что великую тяжесть вы налагаете на себя. Постановления закона тесно связаны между собой, и если ты признаешь малую частичку закона и подчиняешь себя этому игу, то подчиняешь себя господству всего закона. Ибо обрезание требует жертвы и приурочено к известному дню, а жертва требует места, способа ее приношения и очищений. Нечистый ведь не может приносить жертвы. Очищения опять требуют исполнения других законных предписаний. Видишь, как отвергший Христа не только не получает пользы от Него, но и подвергает себя бесчисленным тягостям? Если закон — господин, так исполняй все, а если нет, то не принимай и частички из него.

Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати.

То есть вы не имеете никакого общения со Христом: вы, которые думаете получить

оправдание в законе, лишились благодати, поистине оправдывающей. Великое несчастье, когда ты не получишь того, что обещает закон, и лишишься того, что дает благодать.

А мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры.

Мы, говорит он, верующие, не в законе, но в Духе Святом надеемся получить оправдание. Каким образом? Верой. Итак, должно подчиниться водительству веры, потом наитием Святого Духа получить прощение грехов и удостоиться оправдания в крещении.

Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью.

Прежде он сказал, что обрезание пагубно, как же он теперь считает его безразличным? По нашему мнению, он говорит здесь об обрезании, которое предшествовало вере; он как бы так сказал: для вступивших в Новый Завет нет пользы, если они обрезаны, и нет вреда, если они не обрезаны. Ибо все заключается в вере, действующей любовью, то есть в вере, которая должна всегда являться деятельной и живой в любви ко Христу. Этим также указывает, что они хотя и уверовали, но не окрепли в любви ко Христу и вследствие этого снова уклонились к закону, или же наставляет их в любви к ближнему. А вместе с тем показывает, что и обольстители их, если бы имели любовь к ним, не дерзнули бы делать этого. Итак, научись, что вера становится деятельной посредством любви, то есть является живой, а не имеющая любви бездейственна, — подобно сказанному: *вера без дел мертва* (Иак.11:17).

Вы шли хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине?

Это не вопрос, а сетование. Он говорит: вы достигли совершенства, но что случилось? Кто это возымел такую силу, что воспрепятствовал вам покоряться не евангельской истине, но отмененному закону?

Такое убеждение не от Призывающего вас.

То есть это внимание к обольстителям не от Христа; ведь не на то призвал Он вас, чтобы вы внимали тем, которые склоняют в иудейство.

Малая закваска заквашивает все тесто.

Чтобы не сказали: «зачем так сильно упрекаешь нас (ведь только одну заповедь мы нарушили) и преувеличиваешь нашу вину?» — он говорит, что это, казалось бы, ничтожное обстоятельство наносит существенный вред. Ибо, как закваска, хотя бы и малая, сама собой заквашивает и изменяет все тесто, так и обрезание, хотя составляет одну только заповедь, вовлекает вас в иудейство во всей его полноте.

Я уверен о вас в Господе, что вы не будете мыслить иначе.

Полагаюсь, говорит он, на вас, потому что я знаю своих учеников, знаю способность вашу к исправлению. Итак, я надеюсь, что вы можете исправиться. Надеюсь также и на Господа, Который не желает гибели какого бы то ни было человека. Таким образом, он побуждает их употребить и собственные усилия, и надеяться на Господа. Ибо иначе

невозможно получить что-нибудь от Бога, — если вы не приложите, говорит он, собственного усердия.

А смущающий вас, кто бы он ни был, понесет на себе осуждение (кріца).

Хотя вы, говорит он, исправитесь, но обольстившие вас вследствие этого не освободятся от наказания, но подвергнутся суду, как бы великими и достойными веры они ни казались. Ибо это значат слова: *кто бы он ни был*. А говорит это с тем, чтобы и другие не поверили им.

За что же гонят меня, братия, если я и теперь проповедую обрезание?

Так как клеветники говорили, что он лицемер и проповедует в одном месте обрезание, а в другом нет, то он говорит: вы свидетели того, что меня преследуют иудеи. Если я проповедую обрезание, за что же другие меня преследуют? Очевидно, преследуют меня за нарушение отеческих их постановлений. А если я проповедую обрезание и охраняю отеческие постановления, зачем после этого меня преследуют? Что же, говорят, из этого? Не обрезал ли ты Тимофея? Да, но это с особой целью. Да притом одно дело — обрезать, и другое — проповедовать обрезание. Ведь он не сказал: «если совершил обрезание», но: *если проповедую*. Ибо тот, который проповедует, учит, что это всегда должно быть, как безусловно прекрасное, а тот, который делает что-нибудь по особым целям, исполняет это не потому, что оно безусловно хорошо, но потому, что полезно в данном случае.

Тогда соблазн креста прекратился бы.

Если бы я проповедовал обрезание, то не было бы соблазна, который производит в иудеях крест. И не по чему-нибудь иному они соблазняются проповедью о кресте и не принимают ее, как только потому, что ею уничтожается обрезание и закон. Равно как, если бы я проповедовал обрезание, прекратилась бы и исчезла вражда иудеев ко кресту и соблазн, который возбуждает он в них.

О, если бы удалены были возмущающие вас!

Подвергшихся обольщению он назвал вначале неразумными и порицал не более, чем детей, самих же обольстителей, как больных неизлечимо, он проклинает и говорит: о, если бы они не только обрезывались, но и совсем изрезали все тело свое! И смотри, он назвал их *возмущающие* (по-славянски *развращающие*, по-гречески *принуждающие оставить свое отечество и свободу*), отводящие их в плен. Потому что они и действительно лишали их свободы и, уводя от горнего Иерусалима, как переселенцев пристраивали к закону и к мелочности иудейства. Заметь также относительно тех, которые оскотпляют себя, что они навлекают на себя проклятие апостола.

К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти.

Не с тем, говорит, мы призваны Христом, чтобы стать рабами закона, но чтобы освободиться от ига подзаконного рабства. Потом, дабы кто-нибудь не подумал, что так как мы свободны, то нам можно делать все, что ни захотим, он исправляет это и говорит: да не

будет нам свобода поводом к угождению плоти, то есть плотским пожеланиям. Ведь не для того мы освобождены от ига закона, чтобы совершать преступления, но чтобы и без ярма идти в порядке, как свойственно получившим хорошее воспитание. И не для того получили мы свободу, чтобы нарушать закон, но чтобы превзойти даже закон.

Но любовью служите друг другу.

Устранив иго закона, он налагает другое иго, иго любви, и более легкое, и вместе более крепкое, чем то. Намекает также, что обольстители эти явились к ним из желания власти, ибо властолюбие мать ересей. Посему, так как любоначалие произвело разделение в вас, то *любовью служите друг другу*, а словом *служите* обозначает любовь напряженную и сильную. Обращаясь затем к нравственным наставлениям, показывает способ, которым можно устранить порабощение плотским пожеланиям.

Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя.

Если вполне, говорит он, вы желаете исполнять закон, так исполняйте не обрезанием, но любовью, потому что в этом заключается полнота закона. Смотри, излагая нравственные наставления, он не забывает и догматического учения. Так сильно он скорбел об их заблуждении.

Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом.

То, что знает за верное, высказывает под сомнением, и следующее за тем выражение: *берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом* — опасение и предостережение, а не осуждение. Не сказал просто: *угрызаете* (что свойственно гневу), но прибавил: *съедаете*, что служит проявлением крайнего зверства. Этим указывает и на испорченное учение, подразумевает также козни друг против друга, хищничество и любостяжание. И так как они, причиняя зло и строя козни, думали только вредить другим, то он говорит: смотрите, чтобы против вас самих не обратилось это дело.

Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти.

Сказав, что угрызать и снедать пагубно, он указывает и врачевание против этого, которое и любовь сохраняет, и само сохраняется ею, а именно, чтобы они были духовными. Ибо если мы будем духовными, то будем сильнее любить, а если будем любить, будем духовными и затем не будем совершать плотской похоти.

Ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы.

На основании этих слов манихеи и все подобного рода еретики говорят, что человек состоит из двух противоположных сущностей и что апостол подтверждает это настоящими словами. Но нет: он рассуждает не о сущности, но плотью называет земные помыслы, беспечные и беззаботные, а не тело, и духом называет духовные помыслы, а не душу. Земные помыслы, говорит он, противятся духовным, а духовные — земным. Итак, он признает

борьбу злых и добрых помыслов, но не тела и души. Ибо желать и не желать есть дело рассуждающей души. Прибавляет же: *не то делаете, что хотели бы*, потому что и тело содействует душе, а не противится, и душа держится тела и все терпит, чтобы не оставить его, и оторванная от него, скорбит. Какие же они после этого противники, когда имеют такую связь друг с другом?

Если же вы духом водитесь, то вы не под законом.

Имеющий духа погашает дурные пожелания, а свободный от них не нуждается в совете закона и не подчиняется ему. Ибо не гневающийся какую имеет нужду в том, который заповедует не убивать? И не имеющий вожделиний какую имеет нужду в том, который советует не прелюбодействовать? То же, что и в другом месте сказал: *закон положен не для праведника* (1Тим.1:9). Кажется также, что говорит и в похвалу закона, так как он заменял собой Духа, исполняя по своей силе обязанность руководителя до определенного времени. Как после этого вы снова подчиняетесь воспитателю, оставив Духа, делающего вас совершенными — подобно тому, как если бы кто, будучи философом, нуждался в руководителе?

Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд.

Это, говорит он, дела растленной плотской воли, в числе которых признается прелюбодеяние и блуд. И ясно, насколько прелюбодеяние отличается от блуда.

Нечистота, непотребство.

Этим намекает на бесстыдные обычаи, которые даже и назвать не осмелился.

Идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны,) ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют.

Пусть скажут нам те, которые клеветают на плоть. Пусть бесстыдство и прелюбодеяние — грехи тела, но вражда, ереси и тому подобное, как они зависят от плоти? Поэтому ясно, что все это дело развращенной воли. Если бы они были делами плоти, как природные наши свойства, каким образом они лишали бы нас Царствия Божия? Ибо не природе, а воле свойственны и наказания, и награды. Сверх того, если бы страсти были свойствами природы, он не сказал бы: *поступающие так*, но «претерпевающие», потому что действие предполагает волю. Под *враждой* понимает вражду несправедливую. Ибо есть неприязнь и справедливая, которая происходит во имя веры и направляется против всех, уклоняющихся от прямого пути. Ревностью называет другое ее проявление (ζηλοτυλία). Потому что ревность бывает и хорошей, когда кто подражает делающему добро (ревнует о добре). Но прекрасно сопоставил ереси с распрями и разногласиями, потому что всякая ересь происходит от зависти, и бесчинства — от пьянства. Бесчинства ведь — это наглые песни пьяных. Поэтому он сначала указал на причины, производящие это, затем на то, что от них происходит.

Плод же духа: любовь, радость, мир.

Дела дурные происходят только от нас. Поэтому он и назвал их делами плоти, которые вместе с тем совершаются с усилием и напряжением. Добрые же дела требуют не только нашей заботливости, но и содействия свыше. Поэтому назвал их плодом Духа, так как от нас дается семя, то есть произволение, но чтобы стать ему плодом — это зависит от Бога. Корень же всех благ он полагает, во-первых, в любви, а потом в радости. Ибо любящий всегда радуется, даже и когда переносит зло, потому что на причиняющего зло он смотрит, как на благодетеля. Но радуется о Боге, так как все для Него делает и переносит, и вследствие этого веселится с благой совестью. А от любви и радости он пользуется и миром душевным, потому что не волнуется помыслами и со всеми посторонними. А если, казалось бы, он и оказывает вражду к кому-нибудь, то враждует не против самих людей, а против их пороков; он любит их как братьев, и эту вражду он проявляет к их пользе, чтобы они исправились.

Долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание.

Долготерпение по Писанию тем, по-видимому, отличается от кротости, что долготерпеливый после долгого размышления, не поспешно, но медлительно, полагает соответственное наказание на грешника; а кроткий совсем прощает. Как например, Моисей, простивший Мариам и Аарона, был назван кротким пред всеми живущими на земле. Благость же нечто более общее сравнительно с милосердием (ἀγαθοδύνη). Благ Господь ко всем вообще, но милосердие благодетельствует только достойным, по выражению: «ублажи, Господи, благия» (Пс. 24:4). И о вере говорит не о простой, но о той, которая двигает горами, которая несомненно верит, что невозможное у людей возможно для Бога. Но выше всего воздержание не от яств только, но и от всего дурного.

На таковых нет закона.

Ибо душа, совершающая таковые дела Духом, не имеет нужды в наставлении закона, будучи сама выше его, подобно тому как от природы быстрые кони не нуждаются в биче. И в данном случае он устраняет закон не потому, что он плох, но потому, что он ниже подаваемой Духом мудрости.

Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями.

Как бы на тайный вопрос: кто это так добродетелен, как ты говоришь? — он отвечает: *те, которые Христовы*, то есть те, которые составляют удел Христов, *распяли плоть*, то есть умертвили телесные помыслы. Ибо они не самих себя умерщвляли: под плотью ты разумеешь не существо плоти, а земные помыслы, так, чтобы не жили в них ни страсти гнева, ни похотения, но те и другие были распяты и умерщвлены. Или страстями он называет вообще страстные действия, происходят ли они от гнева, или от похоти. Итак, он говорит не только об умерщвлении таких действий, но и самих причин их, то есть пожеланий.

Если мы живем духом, то по духу и поступать должны.

Если, говорит он, такова сила Духа, то ею и станем жить, и ею довольствоваться. Ибо выражение: *по духу и поступать должны* употреблено вместо: будем довольствоваться силой Духа и не станем искать помощи у закона.

Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать.

Этим показывает, что обольстители их из тщеславия взяли за это (ибо в этом причина всех зол), вызывая друг друга на спор и распрю; подобно тому, как если бы кто-нибудь говорил своему противнику: если ты силен, давай померяемся силами. А так как от тщеславия происходит зависть, то он и запрещает ее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такого в духе кротости.

Так как многие между ними, думая сдержать согрешающих, действовали при этом под влиянием собственных страстей, будучи движимы к тому любоначалием, то он говорит: *если и впадет*, то есть увлечен будет силой демонской, *вы, духовные, исправляйте*, то есть не наказывайте, а наставляйте в духе кротости. Не сказал — кротостью, но: в Духе кротости, показывая, что это Духу угодно, и снисходительное исправление грешников есть дар духовной благодати.

Наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным.

Дабы не возгордился исправляющий другого, он предостерегает его: смотри, говорит он, и береги себя, чтобы и тебе не впасть в то же самое, подвергшись искушению от противника. И выразительно сказал: *наблюдая за собою*, напоминая тем о человеческой слабости.

Носите бремена друг друга.

Так как, будучи человеком, невозможно быть безгрешным, то он убеждает не относиться строго к грехам ближнего, но переносить их, чтобы потом и его грехи мог переносить другой.

И таким образом исполните (αναπληρώσατε) закон Христов.

Не сказал: πληρώσατε, но: αναπληρώσατε, то есть сообща все исполняйте, взаимно помогая друг другу, например, проворный пусть помогает медлительному, а медлительный пусть сдерживает его горячие стремления, и таким образом и первый не согрешит при содействии последнего, и последний — при содействии первого. Таким-то образом, подавая друг другу руки, вы при взаимной помощи исполняйте закон Христов, каждый своим содействием ближнему, восполняя то, чего недостает ему. Да и долг любви требует носить бремена друг друга, потому что в любви заключается исполнение заповедей Христовых.

Ибо кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя.

Опять ниспровергает здесь гордость, показывая, что считающий себя чем-то ничтожен и этим самым мнением доказывает свое ничтожество, и обманывает не кого-нибудь другого, а себя.

Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом.

Пусть исследует, говорит он, тщательно свои действия (это ведь значит слово — *да испытывает*), не сделал ли он что-нибудь по тщеславию, или по лицемерию, или по другой какой-нибудь человеческой причине, и тогда пусть не хвалится пред другим. А если он не удержится, пусть хвалится перед собой, то есть подвергая суду себя самого, пусть нынешнее дело считает лучше вчерашнего и величается добрым делом. Но апостол говорит это по снисходительности, а не в смысле узаконения, чтобы мало-помалу уничтожить тщеславие такого рода. Ибо привыкши не тщеславиться, как фарисей, пред ближними он скоро перестанет хвалиться и пред самим собой.

Ибо каждый понесет свое бремя.

Зачем хвалишься пред ближним? И ты, и он понесете каждый свое бремя и тогда будет оценено дело каждого. Посему, когда ты имеешь бремя и труды, не хвались добрым делом ни пред другими, ни пред самим собой.

Наставляемый словом, делись всяким добром с наставляющим.

Наконец, говорит об учащих, дабы наставляемые ими помогали наставникам не в одном чем-нибудь, но во всех благах, уделяя им пищу, одежду, оказывая почтение, расположение и все вообще хорошее. Ибо получаешь больше того, что даешь: вместо вещественных благ получаешь духовные. Посему и называет это дело общением, потому что происходит обмен. Но почему Христос определил, чтобы учителя получали пропитание от учеников? По двум следующим причинам: чтобы, с одной стороны, учителя не превозносились сильно, но, нуждаясь в учениках, были скромны, и чтобы посвящали время только слову, не заботясь о пище, а с другой стороны, чтобы и ученики в доброте к своим учителям учились быть такими же и по отношению к другим, и в то же время не стыдились и сами, находясь в бедности и нужде, так как и учителя их таковы.

Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную.

Так как часто некоторые обвиняли учителей в дурной жизни, презирали их и не питали их в бедности, то он, хотя это и после говорит: *делая добро, да не унываем*, но и теперь показывает, что и к таким учителям должно быть щедрыми, так как эта трата происходит на дело духовное. Итак, сравнивая издержки на дела плотские с тратой на духовное, он говорит; если ты будешь тратить на плоть, приготавливая обеды и разные приправы, сея пьянство, роскошь и обжорство, то пожнешь тление. Ибо и само это гибнет, и тело с собой губит. А если будешь сеять духовно, то есть духовные дела, обнаруживая ко всем сострадание и храня воздержание, то пожнешь жизнь вечную. Ибо Бог осмеян и обманут не бывает, но воздаст тогда каждому свое. Итак, лучше тратить на дела духовные, к которым относятся и издержки на учителей, чем на плотские наслаждения, которые тленны и растлевают тело. Потому что от наслаждений и излишеств происходят болезни.

Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем.

Теперь яснее высказывает, что если бы и дурны были те, которые просят у нас, мы не должны ослабевать в своих благодеяниях к ним. Но указанием на то, что не должны

ослабевать, советует щедрость и непрестанное даяние. Потом, много потребовав, он тотчас и награду указывает, именно: *пожнем*. Каким образом? Не ослабевая, то есть не имея никакого утруждения, но совершенное спокойствие. Ибо здесь соединяются с жатвой изнурение и труды, а там не так.

Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере.

Как не всегда удобно сеять, так точно и оказывать дела милосердия, что показывают и девы, и Лазарь. Поэтому, пока имеем время в этой жизни, не только учителям, но и эллинам и иудеям будем оказывать добро, то есть благоденствие и милосердие. Конечно, не в одинаковой мере нужно оказывать пособие сим последним и единоверцам, но большую щедрость нужно оказывать верующим. Ибо на это указывает словом *наипаче*. Но заметь, и в этом случае насколько он удаляет их от иудейской узости: ибо закон открывал сердце в отношении к единоплеменникам, благодать же призывает землю и море к трапезе милосердия, хотя и не в одинаковой мере, как сказано.

Видите, как много написал я вам своею рукою.

Немного поговорив в нравственном духе, он снова возвращается к прежнему, что тревожило его сердце, и показывает, что сам, собственноручно, написал все это послание, не для того, чтобы только показать к ним любовь, но чтобы и уничтожить злое подозрение. Так как клеветали, что он проповедует одним одно, другим — другое, поэтому он вынужден был дать письменное свидетельство своей проповеди. А прочие послания писали другие, сам же он подписывал только приветствие. Выражение же *как много* (πῆλικοῖς) указывает не на обширность, а на некрасивость письма, как бы говоря: хотя я и не умею прекрасно писать, однако принужден был собственноручно написать это послание.

Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться.

Желающие, говорит, *хвалиться по плоти*, то есть у людей, именно у иудеев (ибо они порицали их как отступников от отеческих обычаев), *принуждают вас обрезываться*, оправдываясь пред иудеями чрез вашу плоть. А словом *принуждают* показал, что они неохотно переносят его, и вместе с тем дает им побуждение к возвращению, как невольно заблуждающимся.

Только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов.

И по другой, говорит, причине они делают это. Ибо, чтобы не подвергнуться им преследованию и гонению из-за креста и веры, — потому что они преступают ее и обрезываются, — они желают и другим быть участниками в обрезании.

Ибо и сами обрезывающиеся не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти.

Не по человекоугодию только, говорит, но и по честолюбию делают это. Ибо не по ревности к закону и не ради благочестия, говорит он, совершают они это, но из-за честолюбия: *дабы похвалиться в вашей плоти*, то есть чтобы похвалиться обрезанием вашей плоти, так как они якобы ваши учителя и имеют вас учениками.

А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа.

Те, говорит, пусть хвалятся обрезанием, делом отмененным, но для меня да не будет другой похвалы, *разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа* (то есть верой в Распятого), который (крест) отменил закон. Отвращался от сего как непереносимого, призывая даже на это помощь Божию. В чем же состоит похвала о кресте? В том, что для меня, недостойного, был распят Господь, так возлюбивший меня, что предал даже Самого Себя. Итак, для Павла и для всякого верующего крест служит предметом похвалы, потому что в нем проявляется любовь Господа к нам. И какой раб не хвалится любовью своего господина?

Которым для меня мир распят, и я для мира.

Миром называет житейские дела: славу, богатство, удовольствие. Итак, они умерли для меня и я мертв для них: двойное умерщвление. И они не могут овладеть мной, так как мертвы, и я сам прибегнуть к ним, потому что мертв.

Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь. Тем, которые поступают по сему правилу, мир им и милость, и Израилю Божию.

Не указывай, говорит он, мне на обрезание, которое не имеет никакой силы и бесполезно, как и необрезание: ибо Христос все обновил и требует от нас новой жизни. Жизнь по Христе *новая тварь* потому, что души ваши, обветшавшие грехом, теперьновились крещением, и потому, что в будущем веке, обновившись телом и сделавшись нетленными, мы удостоимся нетления и славы. Итак, кто пребудет в этом правиле новой жизни по образу Христа, избегая обветшавшего и потерявшего силу обрезания, тот достигнет мира с Богом, освободившись от грехов, которые делают Бога врагом нам, и удостоится человеколюбия, не подвергаясь уже ненависти, как враг Божий, но удостоиваясь милосердия, так как наступил для него мир крестом и благодатью. И таковые составляют Израиля в собственном смысле, как видящие Бога, а те, которые не таковы, хотя бы и были израильянами по роду, ложно так называются. А это заимствовал Павел у Давида, который говорит: мир на Израиля (Пс. 114:5).

Впрочем никто не отягощай меня.

Это говорит он не как утомленный и обезнадженный. Да и как это возможно тому, который увещевает: *настой во время и не во время* (2Тим.4:2); а из желания, чтобы данные им постановления, были непоколебимы, и чтобы галаты не ждали от него ничего другого, но были убеждены, что он так проповедует.

Ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем.

В оправдание, говорит он, против тех, которые говорят вам, что я лицемер и в других местах проповедую обрезание, — я имею язвы и напасти ради Христа. Ибо они сильнее всякой речи свидетельствуют, что я подвергся опасностям не за закон, а за учение Христово. И не сказал: имею, а *ношу*, как некий трофей или царский знак отличия, и горжусь ими.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь.

Этим пожеланием им показывает, что не по гневу и ненависти все это высказал. И в этом заключается не только пожелание, но и наставление, запечатлевающее все сказанное. Ибо напоминает о благодати, которую они получили не чрез закон, а верой во Христа. И не сказал: с вами, а *со духом вашим*, удаляя их от телесного и показывая, что не от закона, а от благодати приняли Духа и что не закон и не обрезание, но благодать может сохранить в них Духа, так же как и сообщила Его. А назвав их братьями, напомнил тем о купели, от которой мы становимся братьями, чадами Единого Отца Бога, а не от закона. Да будет же и с нами благодать Божия, так чтобы нам жить по духу и греховной нечистотой не утратить божественного освящения Утешителя, но всегда приумножать в себе оное во Христе Иисусе, Господе нашем, Который явил жизнь новую и духовную, уничтожив ветхую и плотскую. Ему слава во веки. Аминь.

Примечания:

1. То есть апостол Павел считает единственным для себя авторитетом Самого Христа.
2. У блаженного Феофилакта нет этого слова.

Толкование на послание к ефессянам Святого Апостола Павла

Предисловие

Ефес — митрополия (главный город) Малой Азии; он чтит, как высшую, богиню Артемиду, и в честь ее был там величественнейший и прекраснейший храм, который был уважаем всеми элинами, но особенно ефессянами; так что Ефес даже назывался служителем Артемиды, как это сказано в книге Деяний (Деян. 19: 35). В Ефесе очень долго жил евангелист Иоанн, сосланный сюда, и здесь умер. И Тимофея там оставил Павел учителем; знаменитейшие из философов также жили в нем. Итак, поскольку этот город был так набожен и так славился мудрецами, то Павел с особенным старанием пишет к ефессянам и поверяет им самые глубокие и возвышенные мысли, как уже получившим оглашение. Пишет же это полное возвышенных мыслей послание из Рима, где находился в узах. Поэтому и нам нужно особенное внимание, чтобы понять заключающиеся в нем тайны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Павел, волею Божию (διὰ θελήματος Θεοῦ) Апостол Иисуса Христа.

Смотри, предлог διὰ он отнес к Отцу, — и заметь, — это для ариан.

Находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе.

Смотри, какая в то время была добродетель: святыми и верными он называет мужей мирских, имеющих жен и детей. А теперь и в горах и пещерах не таковы.

Благодать вам и мир от Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.

Сказав: *благодать*, прибавляет: *от Бога, Отца нашего*, дабы показать, что сделала нам благодать, именно: она сделала Отцом нашим Владыку и Бога. Но и Господь, то есть Сын, по благодати к нам соделался и Иисусом и Христом, так как ради нас воплотился, наречен Иисусом и освятил человечество Божеством.

Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа.

Вот и Бог и Отец одного и Того же Христа: Бог как воплотившегося, а Отец как Бога Слова.

Благословивший нас во Христе (Иисусе) ^[1] всяким духовным благословением.

В отличие от иудейского благословения он назвал это *духовным*. Ибо то было более телесным. Бог *благословит*, сказано, *плод чрева твоего* (Втор.7:13); и *благословит* *вхождение твое* и *исхождение твое* ^[2]. Здесь же всякое благословение духовное, и ни в чем у нас нет недостатка. Ибо мы сделали бессмертными и сына ми Божиими, и сонаследниками Христа, и начаток наш приемлет поклонение от вышних сил. Посему справедливо сказал: *всяким благословением*, потому что нам даровано все божественное и духовное. *Во Христе*. То есть чрез Иисуса Христа дано нам благословение, а не чрез Моисея, как иудеям. Поэтому не только

качеством благ, но и посредником отличаемся от них.

В небесах.

Как бы поясняя, почему наше благословение духовно, он говорит: *в небесах*. Ибо благословение иудеев было на земле, а посему и телесно: «благая (говорится) земли снесите; землю текущую медом и млеко; благословит Господь землю твою» (Пс. 127, Исх.33, Числ.13:14, Втор.11:27 и 31). А здесь ничего нет земного, но все небесное. Поэтому-то и духовно наше благословение. Ибо Царство Небесное обещано нищим, и гонимым — великая награда на небесах (Мф. 5:3).

Так как Он набрал нас в Нем прежде создания мира.

Благословил, говорит, нас чрез Христа, равно как и избрал чрез Него, то есть чрез веру в Него. *Избрал прежде создания мира*. Ибо соделанное для нас предопределено от века, не новое что-либо совершается, но приводится в исполнение положенное из начала. Хорошо также сказал — *καταβολν* — сложение, создание (собственно значит низвержение (схождение, — *Прим. Ред.*) с высоты), дабы показать, что как бы с некоторой высоты Божественной силы низвержен (низведен, — *Прим. Ред.*) и утверждён мир. А слово *избрал* указывает и на Божественное человеколюбие, и на добродетель их, ибо Он избирает всех, которые будут достойны.

Чтобы мы были сваты и непорочны пред Ним.

Чтобы ты, услышав, что *Он избрал*, не сделался беспечным, как уже избранный, — он говорит: для того нас Бог избрал, чтобы мы были святыми и непорочными, оставаясь верными той святости, которую Он даровал нам при крещении, и проводя жизнь добродетельную. Свят же тот, кто держится веры, а непорочен тот, кто безукоризнен в своей жизни; святости же и непорочности Он требует не простой, но *пред Ним*. Много бывает святых пред людьми, каковы фарисеи, но не пред Богом. Это и Давид говорит: *по чистоте рук моих*. По какой? — *пред очами Его* (Пс. 17:25). И Исаия также: *очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих* (Ис. 1:16).

В любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа.

Сказав: *избрал*, дал понять, что Он избрал нас как достойных, за нашу добродетель. Но так как не от нашей только добродетели зависит спасение, то добавил: *в любви предопределив усыновить нас*, — то есть вследствие Своего человеколюбия возлюбив нас, предопределил. Притом, уверовать и прийти от нас зависит, хотя тоже по призванию Божию; но удостоить пришедших *усыновления* — это дело одной любви Его и человеколюбия. Посему Он присовокупил: *предопределив усыновить*. Какое же это усыновление? Которое к Нему приводит род наш и делает нас своими Ему. И это также *через Иисуса Христа*. Ибо хотя Отец предопределил, но Христос привел нас. Так как чрез Сына все блага, а не чрез какого-нибудь раба, то и честь славнее.

По благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей.

Потому, говорит, Он предопределил нас к усыновлению, что желал, сильно желал,

стремился (это ведь и есть *благоволение*) показать славу благодати и благодеяния Своего. Но разве ищет славы Бог? Нисколько:

Божество ни в чем не имеет нужды, но желает прославления от нас, чтобы мы как можно более возлюбили Его. Ибо тот, который изумляется оказанным ему благодеяниям, будет стараться не оскорбить своего благодетеля, и чем более он помнит об этих благах, тем более он будет любить давшего их. Итак, благоволение (εὐδοκία) есть желание Божие главное (основа других желаний). Как например: первое хотение Божие, чтобы никто не погиб, второе хотение — чтобы сделавшиеся злыми погибли; потому что Он действительно не по необходимости наказывает, но по изволению. Итак, благоволение есть главное хотение Божие.

Которую Он облагодатствовал нас в Возлюбленном.

Не сказал — даровал (ἐχαρίσατο), но: *облагодатствовал* (ἐχαρίτωσε), то есть соделал нас приятными и любезными. Подобно тому, как если бы кто, встретив какого-нибудь старца, покрытого язвами и изнуренного голодом и безобразного, вдруг сделал его другим, благообразным и юным, украсив его всяческими дарами, так и Бог, найдя нас нравственно изуродованными и гнусными, явил нас приятными и прекрасными. *И возжелает*, сказано, *Царь красоты твоей* (Пс. 44:12). *Облагодатствовал же в Возлюбленном Сыне*, то есть чрез Возлюбленного.

В Котором мы имеем искупление Кровию Его, прощение грехов.

Благодаря Возлюбленному, говорит, мы имеем избавление. Какое же? *Прощение грехов*. Как оно происходит? *Кровию*. Ибо то особенно изумительно, что, предав на смерть Своего возлюбленного Сына, Он освободил нас, ненавистных, дав в искупление и избавление Кровь Возлюбленного. И заметь, — это более чем усыновление: даже Сына не пощадил ради нас. Ибо после того, как сказал об усыновлении, говорит об этом, восходя от меньшего к большему.

По богатству благодати Его, каковую Он в преизбытке даровал нам.

Соделал же это, говорит он, по богатству благодати Своей. Заметь эти усиленные выражения: нам дано богатство, и богатство Божие, богатство благодати, и не просто благодати, но *каковую Он в преизбытке даровал нам*, то есть преизобильно излил.

Во всякой премудрости и разумении, чтобы открыть ^[3] нам тайну Своей воли.

То есть благодать излил на нас для того, чтобы, сделав нас мудрыми и разумными, *открыть нам тайну воли*; он как бы говорил: тайны сердца Своего открыл нам. Или же таким образом: «чтобы показать нам тайну во — всем разуме и мудрости», то есть глубину всякой мудрости и разума. Ибо врагов, притом презренных, удостоит столь великих благ и это в конце времен и чрез крест, не дело ли это великой мудрости?

По Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нем.

Сделал же это как хотел, как *прежде положил* и предопределил в Нем, имеется в виду во Христе.

В устроении полноты времен.

И благоволение сие и соизволение *прежде положил* и predetermined в устроении и в установление *полноты времен*. Ибо полнота времен, то есть последние времена, требовали наказания и мщения, так как тогда умножилась человеческая злоба. А явление Сына, напротив, в эти последние времена соделало спасение, что свойственно непостижимой мудрости.

Дабы все небесное и земное соединить под главою Христом.

Небесное, говорит он, было отделено от земного, не имело одной главы. Ибо, хотя с точки зрения творения Бог один для всех, но что касается нравственного единения, то сего еще не было. Посему Отец *прежде положил* соединить под единой главой небесное и земное, то есть положить одну главу всем — Христа: и ангелам по бестелесной природе, и человекам по плоти. Посему во Христе соединил Отец, то есть завершил то, что созидалось долгое время, закончив и завершив слово правдой.

В Нем мы и сделали наследниками, быв предназначены к тому по определению Совершающего, все по изволению воли Своей.

Сказав выше: *избрал*, теперь снова говорит: *мы сделали наследниками* во Христе, то есть чрез Христа. Но так как наследство есть дело случая, а не добродетели и выбора, то он исправляет это самое, говоря: *быв предназначены к тому по определению* Божию. Ибо Он не predetermined бы, если бы признавал недостойными. Но все совершающий Бог прежде нашего появления на свет уже видел нас и избрал и отделил нас для Себя; так что, совершив Сам наше избрание и отделение, Он не ошибся. Избрание же для наследия есть дело благодати, так как дается без труда, по Божественной благодати, хотя и на достойных простирается. *По изволению воли Своей* — говорит, дабы показать, что не потому, что евреи не уверовали, случайно призваны язычники, но от вечности то было predetermined, и этот совет Божий и воля Его были искони. Ибо хотя и сказал Христос: *на путь к язычникам не ходите* (Мф. 10:5), и: *Я послан только к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 15:24), но это сказано для увещания иудеев и привлечения их, как детей, склонных к обольщению, так как по истине призвание язычников было predetermined от века.

Дабы послужить к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа.

Чтобы, говорит, быть нам славой Его, — нам, возымевшим надежду на Христа, то есть уверовавшим во Христа и, прежде наступления будущего века, надеющимся на будущие для нас блага. Ибо слава и похвала благодати Божией в том, чтобы спасти столь отчужденных.

В Нем и вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения.

То есть во Христе. Так и к евреям говорит: *говорил нам в Сыне* (Евр.1:2). Называет же проповедь *словом истины* в отличие от закона, бывшего прообразом и тенью, а *благовествованием спасения* — в отличие от закона умерщвляющего и будущего наказания. Ибо проповедь о первом явлении призывает ко спасению, а труба второго — к наказанию.

И уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом.

В него — в Евангелие, говорит, *уверовав*, или *в Него* — во Христа; то есть благодатью Христовой *уверовав*, *запечатлены*, так что ясно, что вы — жребий и удел Божий. Но иудеи запечатлены были обрезанием, как бессловесные, приняв телесную печать, а мы как сыны Божий, и запечатлены Духом, что выше плотского запечатления. Называет же Его Духом *обетованным* или потому, что по обетованию Он дан, ибо и чрез Иоиля Бог обетовал: *излию от Духа Моего на всякую плоть* (Иоил.2:28), и Христос говорит: *примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой* (Деян. 1:8), — или потому, что обетование грядущих благ Дух подтверждает. Ибо уже тем, что Он ниспослан нам, дается уверенность в будущем, посему и называется залогом. Послушай, что следует далее.

Который есть залог наследия нашего.

Бог «купил» нам наше спасение и дал нам пока в залог Духа, уверяя тем, что Он дарует и наследие неизреченных благ. И те, которые поистине причастны Духа, каков был, например, и Павел, отсюда уже разумеют, что Он есть залог совершенного наследия. Посему-то Павел и стенал и искал достигнуть совершенства *и быть со Христом* (Флп.1:23). А мы не имеем такого залога, как подобает, и не стремимся к совершенству, поскольку еще не вкусили его.

Для искупления удела Его (της περιποισεως).

Словом *удел* — περιποιησις — он обозначает Божию заботливость и попечение о нас. Посему он говорит, что сей залог ведет к совершенному избавлению и к полному нашему спасению, для сего он и дарован. Ибо тогда наступит совершенная свобода, когда совсем уничтожится грех, когда святые освободятся от сожительства с грешниками и будут спасены и приобретены Богом, чтобы быть Его народом. А некоторые под *уделом* — περιποιησις — разумеют нас самих. Итак, *для искупления удела*, то есть нас, которые составляем достояние и стяжание Божие.

В похвалу славы Его.

Постоянно присовокупляет это, удостоверяя, что непременно исполнится обещанное. Ибо, если бы ради нас делал, можно было бы еще сомневаться, но теперь, когда Он намерен совершить это для проявления Своей благодати, кто может возразить, что не сделает? Так и Писание говорит: *со мной же, Господи, твори ради имени Твоего* (Пс. 108:21), и: *не нам, но имени Твоему дай славу*.

Посему и я, услышав о вашей вере во Христа Иисуса и о любви ко всем святым, непрестанно благодарю за вас Бога.

Посему. Почему же? Потому, что вы, уверовав, приняли запечатление Духа и получили залог будущих благ и совершенного избавления, и имеете получить то, что уготовано право верующим и благочестно живущим, — *непрестанно благодарю за вас*. Видишь ли, какое сострадательное сердце, за всех приносит благодарение, как будто сам получил благодеяние. Ибо не только к ефесянам, но и ко всем это пишет. Итак, хотя достойно благодарить Бога и за все другое, чего мы удостоились, но достойно благодарить и за веру верующих, потому что они так просветились, что притекли ко кресту Спасителя, отступив от губителя. Таково ведь свойство братолюбия. *Услышав*, говорит, *о вашей вере во Христа Иисуса*. И не только о вере, но и о любви, то есть милосердном и братолюбивом расположении, и даже

человеколюбивом, как простирающемся на всех, а не на одних местных святых, то есть на бедных верующих. И везде он с верой соединяет любовь, поскольку она порождает добродетельную жизнь. Ибо без нее бесполезна вера, — вера без дел и жизни; равно как и жизнь — без веры.

Вспоминая о вас в молитвах моих.

Заметь, сколь многих он имеет в своем уме, сколь многих он помнил в своих молитвах. А мы и самих себя не вспоминаем, как должно.

Чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы.

О чем ты молишь и просишь за нас? Дабы Бог умудрил вас, *Бог же Господа нашего Иисуса*, то есть Человека, подобного нам по плоти. *Отец славы*, то есть даровавший нам великие и славные блага. Ибо всегда на определенном основании именует Его, как в выражении: *Отец милосердия и Бог всякого утешения* (2 Кор. 1:3); и пророк: *Господи, крепость моя, щит мой* (Пс. 17:2,3). Посему и здесь, так как Он даровал нам великие и славные блага, называет Его Отцом славы, то есть источником. Ибо нельзя иначе Его называть, как самым славнейшим у нас именем. Григорий же Богослов под славой разумел Божественность Единородного; так что по отношению к Тому же Христу Он есть Бог и Отец: по отношению ко Христу, то есть к человечеству. Бог, а по отношению к славе, то есть к Божественности, Отец.

Дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего.

То есть да даст вам дар, чтобы просветиться от Духа. Ибо если Дух не откроет сокровенных тайн, другим способом невозможно постигнуть их. Ибо только «Он», а не ангел и не архангел, *все пронизывает, и глубины Божию* (1 Кор. 2:10). *Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия* (1 Кор. 2:14). Посему, когда Дух откроет нам тайны, тогда и в познании Бога мы будем, и очи наши просветятся и не будем сомневаться и говорить, что невозможно то или другое, но будем видеть все, как есть.

Дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его.

То есть к какому упованию мы призваны. Ясно же, что к усыновлению и к наслаждению небесными благами и к тому, чтобы главою нашей был Христос. Но поскольку это есть будущее, то и нужно духовное откровение, чтобы узнать его.

И какое богатство славного наследия Его для святых.

И это, как еще неизвестное, имеет нужду в откровении от Духа, какие именно блага наследуют святые. Ибо велики они. Посему и называет их *богатством славного наследия*, то есть несказанной славой, превышающей понимание. А *наследием* это называет потому, что оно еще будет дано сынам.

И как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из

мертвых.

Вышесказанное касалось будущего. Теперь же говорит о бывшем уже, чтобы от сего и то стало достоверным. Что же это такое? То, что, говорит, мы уверовали, ибо и это требует откровения, чтобы вы яснее это поняли. Итак, что же? Разве не сознавали ефесяне, что уверовали? Конечно, сознавали, но не так, как говорит теперь. Ибо не легко это знать, потому что нужна великая сила — переубедить душу и отвратить от заблуждения, такая нужна сила, каковой не требуется для воскрешения мертвого. Ибо мертвых одним только словом воскрешал Господь, но иудеев не убедил даже многими речами и удивительными делами. Посему и говорит, что и для этого имеем нужду в откровении Духа, дабы понять, что принятие нами веры есть дело великой силы и действия Божия. И как Христа воскресил Он из мертвых, так и нас, бывших мертвыми, воздвиг от неверия. Посему и назвал это *безмерным величием могущества и державой силы*. Ибо когда ничего не достигли пророки и все творение: и видимое, научая своим благоустройством, и невидимое — в лице наставляющих и вразумляющих ангелов, — тогда неожиданно мы получили спасение. А слова: *воздействовал во Христе*, разумея, сказаны о человеческой природе. Ибо Восставший из мертвых есть Человек, хотя и был Он соединен с Богом.

И посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства.

Не сказал: высоко, но *превыше*, чтобы указать на величайшую высоту. Ибо из крайней глубины Он возвел на самую высоту человеческую природу во Христе. Конечно, о ней говорит, как об умершей и воскрешенной, так как божественная природа действительно не умирала, не воскресала и не возвышалась, как всегда бывшая выше всякой высоты. Итак, выше всякой ангельской силы воссела прежде презренная человеческая природа.

И всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем.

Что бы то ни было, говорит, на небе, оно ниже Сего воспринятого и вознесенного, и Он есть всех выше. Отсюда научаемся, что есть некоторые силы, которых мы теперь и назвать не можем, тогда же будут открыты.

И все покорил под ноги Его.

Чтобы из слов *посадив превыше* ты не заключил, что Он получил только первую почесть, он указывает, что и владыкой Его сделал над всем. И не просто подчинил, но отдал в полное подчинение: *под ноги Его*.

И поставил Его выше всего, главою Церкви.

О чудо! И Церковь посадил на том же самом троне; потому что где глава (т.е. Христос, — *Прим. Ред.*), там и тело [4] (т.е. сама Церковь, — *Прим. Ред.*). Слова же *выше всего* указывают на то, что главу дал мощную, которая выше всего, выше ангелов, выше архангелов.

Которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем.

Чтобы ты, услышав это, не подумал, что именем главы называется какое-нибудь начальство и власть (ибо и это значение имеет слово *глава*), он говорит, что Христос есть глава Церкви, как тела, и также ей сроден и тесно соединен. И Церковь есть полнота Его. Ибо как тело есть полнота головы, восполняя ее своими членами, так и Церковь есть полнота Христа, *Наполняющего все во всем*. Ибо Христос восполняется и как бы завершается всеми членами в лице всех верующих: восполняется как бы рукой в лице милостивого человека и иным способом помогающего слабым; как бы восполняется ногой в лице человека, предпринимающего путешествие ради проповеди и призревающего своих братьев, и иным членом восполняется в другом верующем. И таким образом восполняется всеми членами в лице всех верующих, то есть чрез посредство всех верующих, когда один одну, другой другую оказывает услугу. Ибо тогда становится совершенной глава наша — Христос, то есть получает совершенное тело, когда мы все вместе будем соединены и тесно связаны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых бы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа.

Выше он сказал, что Бог в нас явил ту же самую силу и действие, что и во Христе. О Нем сказано, что воскресил Его из мертвых и посадил Его выше всех. А потом теперь говорит и о нас: *и вас*, говорит, *мертвых* (смертью не телесной, которая началась с Адама, но душевной, которая происходит от нас самих, смертью греха) воскресил и воздвиг. Итак, той же самой силой и Господа воздвиг от телесной смерти, и нас от душевной смерти греха, а изменение настроения души гораздо важнее воскрешения мертвых, как и выше сказано. Мысль этого места действительно такова, но слишком растянута до слов: *оживотворил со Христом*; так как много вставлено и есть повторение в словах: *Бог, богатый милостью*. Итак, сказав, что они мертвы и показав, каким образом мертвы, именно заблуждениями и грехами, — он успокаивает двояким образом, словами: *в которых вы некогда жили*, а не теперь, и добавлением, что вследствие порабощения диаволу вы грешили, и не от вас зависело все, а и от помощника вашего, который так сильно властвовал над вами. Вы грешили, таким образом, *по обычаю мира сего*, то есть помышляя о мирском и временном и худо пользуясь этим веком. Ибо не век сей зол, но злоупотребление им. Он дан в руководителя, поскольку, будучи тленным и скоропреходящим, может возбуждать нас к нетленному и неизменному; а мы, предавшись тлению и течению его, сделали его не руководителем, а противодействователем. *Князем же, господствующим в воздухе*, он называет диавола, а не Демиурга, как думают нечестивые манихеи. *Князем* называет потому, что люди сами себя подчинили ему и более ему служат, чем Богу. Однако такая власть его существует только в этом веке и не переходит за пределы воздуха, потому что имеет место не на небе, а под небом. Посему и Павел называет его князем, *господствующим в воздухе*, не в том смысле, что он господствует над воздухом и распоряжается им, злотовому, что он любит обитать в нем. Ибо диавол, будучи духом, и живет в воздухе, как бы духе (πνεύματι), и донныне в нем имеет власть и силу, властвуя над теми, которые сами себя ему подчинили. А некоторые под *князем, господствующим в воздухе*, разумеют князя воздушных сил. Посему, говорят, и прибавил: *духа*, то есть князя и властителя всякого воздушного духа. Ибо после того, как он однажды соделался князем, он, по-видимому, не лишился власти и после своего падения.

Действующего ныне в сынах противления.

Не сказал: принуждающего, но — *действующего*. Отсюда ясно, что властвует над добровольно ему подчинившимися. Ибо, если бы против нашей воли господствовал, то принуждал бы. И из следующего видно: *действует*, говорит, *в сынах противления*, то есть в тех, которые не повинуются Богу, а повинуются ему добровольно.

Между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов.

Не этим только успокаивает их, говоря, что греховность наша происходила от диавола, но и тем, что и сам себя, и всех прочих ставил в одно с ними положение; так как никто не был безгрешен. Похотями плоти называет те, которые происходят от плотского мудрования. Что он здесь не порицает плоти, — это ясно. Ибо сказав: *исполняя желания плоти*, присовокупляет: *и помыслов*, то есть не помышляя ни о чем духовном. Поэтому не плоть достойна осуждения, но помышление, которое влечет к страстным удовольствиям. Или же таким образом: мы оскверняем ум, помышляя злое, и плоть, совершая это. А делами плоти можешь считать прелюбодеяние и тому подобное, а делом помыслов — зависть, злопамятство и тому подобное.

И были по природе чадами гнева, как и прочие.

Это сказано вместо: — мы оскорбляем и прогневаем Бога, и ничто другое были на самом деле, как гнев; подобно тому, как дитя человеческое по природе есть человек, так и мы. И как сынами геенны и сынами погибели называются достойные того, так и *чадами гнева* называются делающие достойное гнева. Слово же *по природе* поставлено вместо: истинно и подлинно, *как и прочие*, ибо никто не был свободен от гнева.

Бог, богатый милостью.

Мы делали дела, достойные неумолимого гнева, но Бог, говорит, не просто милостив, но и *богат милостью*.

По Своей великой любви, которую возлюбил нас.

И любовь от многой милости. Ибо иначе как бы мы — чада гнева — удостоились любви?

Мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом.

Здесь окончание прежде начатой мысли, а прочее все — вставка. Опять Христос посредник, и дело достойно доверия: ибо, если начаток (первенец) жив, то и мы живы; так как Бог оживотворил Его и нас: Его в действии, а нас в силе теперь, а немного после — и в действии. Вот необычайное величие силы Его, именно что Он мертвых, сынов гнева, оживотворил. В этом упование нашего звания.

Благодатью вы спасены.

С глубоким душевным потрясением он высказал это, изумляясь неизреченному дару Божию. Ибо не трудом и не собственными делами, говорит, вы спасены, но только

благодатью. Ибо, что касается дел, вы достойны были наказания и гнева.

И воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе.

Как потому, что начаток и глава Христос, говорю, воскрешен, и нас чрез Него Бог воскресил, точно таким же образом, если глава сидит, сидит вместе и все тело. Посему говорит: *во Христе Иисусе*, то есть потому, что Он восседает, и мы восседаем. Или же: *воскресил с Ним* должно понимать не о воскрешении, но об оживотворении чрез крещение. Как же после этого *посадил*? *Если терпим*, говорит, *с Ним и царствовать будем* (2Тим.2:12). И Христос говорит: *сядете на двенадцати престолах* (Мф. 19:28), и в другом месте: *а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую не от Меня зависит, но кому уготовано* (Мк. 10: 40). Итак, это уже уготовано.

Дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благодати к нам во Христе Иисусе.

Чтобы кто-нибудь не усомнился в сказанном, он старается сделать речь более убедительной, говоря: если не ради любви к нам, то, по крайней мере, из желания явить Свою благодать непременно это исполнит. Теперь многие не верят сему, в будущем же веке все узнают, что нам Бог даровал, видя святых в неизреченной славе. Что же касается выражения *во Христе Иисусе*, оно значит: не ко Христу одному относится сие, но чрез Него перейдет и на нас, как от начала ко всему: с Ним оживем, с Ним и воссядем. Так говорит великий Иоанн Златоуст в толковании на этот отрывок, а в толковании на Евангелие от Матфея говорит, что никто не воссядет тогда. Подлинно нужен дар Духа и откровения, чтобы уразуметь глубину этих тайн. Ибо, если бы премудрый учитель Иоанн не сказал ясно, что мы будем посажены, то иной мог бы сказать, что во Христе мы уже сидим, равно как и то, что во Христе мы удостоиваемся поклонения от ангелов. Ибо не мы лично удостоиваемся поклонения, но так как наше естество, соединенное с Богом Словом, приемлет поклонение, то и на нас переходит эта честь. В этом смысле и говорит теперь, что и мы воссядем.

Ибо благодатью бы спасены через веру.

Сказав о том, что касается Бога, именно, что мы спасены благодатью, присовокупляет и то, что принадлежит нам — *через веру*, чтобы не нарушить свободы воли.

И сие не от вас, Божий дар.

Снова как бы уничтожает это, говоря, что и вера не от нас; потому что если бы Он не пришел, если бы не призвал, мы и не последовали бы. *Как веровать*, говорит, *в Того, о ком не слышали?* (Рим. 10: 14). Так что и вера — дар Божий. Или же иначе: не веру называет даром Божиим, а спасение через веру, — вот что есть дар Божий. Ибо пусть вера и наша, но как бы она одна могла спасти, если бы Бог не благоволил принимать нас ради ее, чтобы не совсем быть нам безучастными в деле нашего спасения, — но являться привносящими нечто и от себя.

Не от дел, чтобы никто не хвалился.

Это не значит, чтобы Бог отверг нас, имеющих дела, но — что и тех, которые погибли

бы с делами, спас благодатью, так что после этого никто не имеет права хвалиться. Ибо слово *чтобы* (ἵνα) выражает не причину, а следствие дела.

Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог прсдзначил нам исполнять.

Чтобы ты, услышав, что не делами оправданы, не стал беспечным по отношению к делам, он говорит, что теперь после веры нужны дела. Ибо ты создан во Христе Иисусе и стал новой тварью после того, как умер в тебе в крещении ветхий человек. И как вначале ты призван был от небытия к бытию, так теперь призван к благобытию: ты создан не для того, чтобы быть бездеятельным, но с тем, чтобы делать и ходить в добрых делах, то есть весь путь жизни совершать в них, не два или три года, а весь путь твоей жизни. Ибо на это указывает он словом *исполнять*. Ибо *Бог прсдзначил* к сему, поэтому нельзя уклоняться от этого определенного Богом дела. *На добрые дела*, не на одно дело, а на все: ибо если будет недостаток в одном — нарушается добродетель. А Григорий Богослов выражение *созданы на добрые дела* понимал не в смысле создания в крещении, но относил к первому творению.

Итак помните, что вы, некогда язычники по плоти, которых называли необрезанными так называемые обрезанные плотским обрезанием, совершаемым руками, что вы были в то время без Христа.

Сказав, что Он спас их, мертвых, теперь намеревается показать, кому сделал их равными и сонаследниками, и именно израильтянам, — велико ведь было их достоинство, — и говорит: *итак помните. Итак* (по сему). Почему же? Потому что вы созданы *на добрые дела*, ибо одного этого достаточно, чтобы побудить нас заботиться о добродетели. *Помните* же сказал потому, что те, которые поднимаются из совершенного ничтожества на высоту, обыкновенно забывают прежнее. Что же *помните*? Что в прежнее время вы были удалены от Христа, а теперь стали близ Него, как и Израиль. Такова именно цель этих слов. Но заметь, как искусно он ниспровергает обрезание, показывая, что оно отличается от необрезания только словом, а не на делах. *Вы*, он говорит, *язычники по плоти*, а не по духу, и *которых называли*, а не сущие на самом деле, подобно тому, как если бы он сказал, что по плоти вы меньше, а не по духу. И опять словами *плотским обрезанием* указывает на преимущество, состоящее только в словах и плоти. Таким образом необрезание не было чем-нибудь тяжким и гнусным, хотя и говорили так те, которые хвалились обрезанием; быть же вне Христа — это действительно ужасно и несносно. Почему же, намереваясь показать, что они участники славы израильтян, уничтожает достоинство последних? Но смотри, в чем уничтожает: не в необходимом. Ибо не необходимо обрезание, а безразлично. В необходимом же даже очень возвышает, называя израильтян святыми и присными Богу.

Отчуждены от общества Израильского.

Не сказал: отлучены (κεχωρισμένοι), но *отчуждены*, потому что и израильтяне были вне законной и по Богу жизни, но не как чуждые, а как нерадивые.

Чужды заветов обетования.

Вот в чем состояло великое разделение. Ибо не сказал: не держащиеся — *пробέχοντες* — завета, но совершенно чуждые — *ξένοι* — ему. А израильтяне, хоть и лишились обетования,

но не как чуждые им. Какие же заветы и обетования? *Потомству твоему даю Я землю сию* (Быт. 15:18), и многое другое обетовал, понимаемое совершенно духовно.

Не имели надежды.

Надежды без сомнения относительно будущего: воскресения и воздаяния. И были безбожники в мире.

Хотя и поклонялись богам, но это не были боги. Прибавил же *в мире*, чтобы показать, что они были ниже Израиля не только в небесном, но и в том, что есть на земле славного. Ибо израильтяне ив отношении богопочтения были и славны и знамениты.

А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою.

Мы были вдали от Бога, не по месту, а по сердечному расположению и жизни, но теперь стали близко, не жизнью (ибо ничего мы не привнесли от дел), а во Христе Иисусе и Кровию Его. Ибо, пролив Кровь Свою и отдав Себя за нас. Он освободил нас из плена, который удалял нас от Него, и приблизил к Себе. Но можешь и так понимать: мы были вдали от израильтян, а теперь стали близ них.

Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно.

Ибо прежде вочеловечения Слова была великая вражда между обрезанием и необрезанием; а теперь мы примирились, став единой верой. Ибо теперь мы называемся уже не обрезанием и необрезанием, но одно имеем знамение — веру. Представь себе: два человека, один раб, другой усыновленный; тот и другой нанесли оскорбление одному и тому же лицу: один — сделав поступок, достойный лишения сыновства, другой — убежав; потом оба они сделаны наследниками и приближенными. И вот они удостоились одинаковой чести и два стали едино. Точно так же язычники и израильтяне оказались преступниками: те как рабы, а израильтяне — как сыны. Итак, что же? Неужели важное дело иметь общение с израильтянами? Ты возвел нас на небеса, и вот теперь указываешь на это, как на нечто важное? Да, говорит: то должно воспринимать верой, а это самыми делами. Впрочем, не то говорит, что привел нас к достоинству израильтян, а то, что и нас, и их возвел в лучшее состояние. Однако благоденствие к нам выше, потому что тем обещал, а нам не обещал, и мы были вдали, как указывает вышеприведенный пример.

И разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею.

Объясняет, в чем состояла преграда, и говорит: во вражде к Богу и язычников, и иудеев, — во вражде, которая происходила, от наших преступлений, как и пророк говорит: *беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом* (Ис. 59:2). Итак, эту преграду, вражду, Он разрушил Своею Плотию. Каким образом? Положив во плоти конец вражде. Ибо, так как Он соединил плоть с Божеством, ясно, что совершил примирение, ибо два естества соединились и сочетались между собой. А с другой стороны, Он разрушил вражду и тем, что явился безгрешным и исполнил весь закон. Ибо закон был оградой, то есть дан для безопасности, чтобы ограждать; а при нарушении он создает преграду — грех, чрез который мы не в безопасности остаемся, а удаляемся от Бога.

А закон заповедей учением.

Дабы кто не сказал: что же, если мы освободившись от прежнего нарушения закона, опять вынуждены соблюдать его? — он говорит, что и его упразднил. Ибо, дав нам закон для утверждения нас, вместо того, чтобы наказать нас, когда мы его не соблюдали, Он совсем отменил закон, подобно тому, как если бы кто, поручив ребенка воспитателю, когда он не повиновался, взял его от воспитателя. *Законом же заповедей* называет его, потому что он был устройтелем жизненного порядка; а веру называет *учением*, потому что она устанавливается чрез учение или догматы. Поэтому апостол как бы так сказал: вместо жизни Он ввел веру. Ибо получили мы оправдание не вследствие заповедей, определявших делать то или другое, но «если уверуешь сердцем и исповедуешь устами, спасешься» (ср. Рим.10:9). Или же называет учением запретительные заповеди Господни, именно: *а Я говорю вам: не клянись вовсе* (Мф. 5:34), или *не гневаться* (Ис. 54:9) и тому подобное.

Дабы иа двух создать в Себе Самом одного нового человека.

Не сделал эллина иудеем, но обоих возвел в лучшее состояние. И не сказал: переменить, но: *создать*, — дабы сильнее выразить свою мысль, и то, что затем от естественных дел нам отступать не должно. *В Себе* (ἐν ἑαυτώ) же сказано или вместо «чрез себя самого» (δι ἑαυτοῦ), потому что не другой кто-нибудь сделал это, но Сам, как бы расплавив иудея и язычника, создал одного нового и дивного человека. Или это значит, что Он Сам первый представил образец и пример, Сам явился наперед тем, чем соделал тех (эллинов и иудеев); и что стал посредине между обоими, держа, с одной стороны — эллина, с другой — иудея, смешав их и удалив все враждебное, сверхъестественно воссоздал посредством огня и воды. Итак, в человеческой природе, которую Он принял, в природе общей и язычнику, и иудею и принятой ради обоих, — в ней-то, освобожденной от всякого тления и ветхости, Он создал двух в единого нового человека, свободного от греховной дряхлости и неправды. И тот, и другой характеризуется уже не своими собственными качествами, но обоих характеризует свойство единого человека, созданного по образу Христа. Но еще лучше поймешь эти слова, если мысленно представишь Господа краеугольным камнем, а сих двоих построенными на Нем стенами;

Устрояя мир.

И в отношении друг к другу (иудей ведь тогда сближается с язычником, когда становится верным), но особенно к Богу, что и важнее, как показывает ниже.

И в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста.

Не сказал: умирить (καταλλάξῃ), но — *примирить* (ἀποκαταλλάξῃ), то есть снова примирить, показывая, что и в древности посредством закона человеческое естество было примиряемо с Богом, но затем, так как чрез преступление закона вражда еще более усилилась, то оно опять возымело нужду в примирении с Богом, которое, как окончательное, справедливо и называется примирением (ἀποκατάλλαξις). *В едином теле* — то есть в Своем. Ибо должное нам наказание сам подъял чрез крест, что и выше сказал: *Плотию*. И опять двоих создаст в Себе. А по мнению некоторых, *в едином теле* значит то, что обоих ставших как бы единым телом, которому Он есть глава, примирил с Богом.

Убив вражду на нем [5].

Не сказал: разрушив, но сильнее — *убив*, чтобы она уже не восставала. Каким же образом после этого опять возникает вражда? Она никогда не восстает, но рождает другую, потому что опять грешишь. *В нем же* — или в кресте, или в теле Своем. Ибо вражду Он убил и на кресте, и в Своем теле, в котором и подъял крест.

И, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким.

Не другого послал, но Сам пришел, явившись в положении слуги и раба, и *благовествовал мир*, — к Богу, без сомнения: *дальним* — язычникам и *близким* — иудеям, так как эти более близкими казались Богу. И Христос ведь говорил: *мир оставляю вам* (Ин. 14:27); мужайтесь: *Я победил мир* (Ин. 16:33), и еще: *Отец Мой возлюбит вас* (Ин. 14:23), и: *все, чего будете просить, будет вам* (Мк. 11:24). А это все — признаки, мира.

Потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе.

Своею смертью уничтожил гнев и потом сделал нас любезными Отцу чрез Духа, облагодатствовав нас одинаковой благодатью. Потому что не даровал им — более, как близким, а нам — меньше, как дальним; но в едином Духе обоим даровал единую благодать и таким образом привел к Отцу. Или в употреблено вместо «чрез», и тогда смысл был бы такой: чрез Него и Духа приведены мы к Отцу.

Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым.

Так как Сын пребывает во век, то те, которые не улучат вышнего града, суть странники и пришельцы. Но мы — не таковы теперь, а сограждане святых; не просто иудеев, а святых их — патриархов и пророков, и приписаны к тому же самому граду, граду, находящемуся на небе, вечному, которого и те усиленно искали.

И свои Богу.

Чего те едва достигли посредством великих трудов, то мы получили чрез благодать, став своими (домашними) Богу. Вот упование нашего призвания: ибо в той именно надежде мы призваны, чтобы получить сие.

Быв утверждены на основании Апостолов и пророков.

Желая показать тесное единение язычников с пророками и апостолами, говорит: *быв утверждены*, как бы говоря: основанием служат пророки и апостолы, а вы дополнили остальную постройку, так что все составили один Божий храм. Это и значит быть надстроенными поверх патриархов и пророков, что в другом месте он называет привитием (Рим. 11:19). Апостолов поставил в начало, хотя они по времени были последние.

Имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем.

Все держит на Себе Христос. Ибо краеугольный камень поддерживает и стены, и основания. И заметь: иногда он называет Его свыше содержащим все, в каковом случае нарицает Его главой, иногда же снизу носящим на Себе все здание, подобно краеугольному камню; а иногда называет и самим основанием.

На котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе.

На краеугольном, говорит, камне, то есть Христе, все здание, именно — все верующие, соединенные органически и безраздельно, растут и восполняются, чтобы стать храмами Божиими. *И поставлю жилище Мое среди вас*, говорит, *и буду ходить среди вас* (Лев. 26:11—12). Ибо и вообще Церковь (ἐκκλησία), то есть собрание всех верующих, есть храм Божий, и в частности каждый человек. *В Господе* же сказано вместо — благодатью Господа, а не нашими трудами. А словом *слагаясь* показывает, что не иначе можем сложиться в храм Божий, как ведя такую жизнь, которая соответствует краеугольному камню.

На котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом.

И все верующие созидаются в Нем, и вы также, ефесяне, чтобы быть жилищем Божиим в Духе, то есть чрез содействие Духа. Или же *Духом* сказал в противоположность чувственному строению, как бы говоря: жилище Божие духовное. Такое созидание и совершается до второго пришествия чрез верующих.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Для сего-то я, Павел, сделался узником Иисуса Христа за вас язычников.

Указав на попечение о нас Христа, говорит затем и о своем попечении. Так как, говорит, Господь мой явил такие дела в отношении к нам, то необходимо и мне по возможности содействовать. Посему я узник за вас. И если Он был распят, то я, по крайней мере, нахожусь в узах за вас. Словами же *за вас язычников* указал на следующее: «не только мы вас не гнушаемся, но даже и узы принимаем ради вас и за честь себе поставляем именоваться узниками Христовыми».

Как бы слышали о домостроительстве благодати Божией, данной мне для вас.

Намекает на слова Божий к Анании: *он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое пред народами* (Деян. 9:15). И откровение тайны, потому что не от человека узнал ее, называет *домостроительством благодати*. Ибо, говорит, благодать Божия распорядилась таким образом, чтобы я был призван свыше и подвергся слепоте за неповиновение, чтобы таким именно образом придти к повиновению. Но для вас, говорит, была дана мне эта благодать. Ибо сам мне сказал, что *Я пошлю тебя далеко к язычникам* (Деян. 22,21). Посему вы есть дело благодати, и я от себя ничего не принес.

Потому что мне через откровение возвещена тайна.

Вот дело благодати — откровение тайны. И поистине тайна — из крайнего ничтожества возвести язычников в почетное положение, высшее, чем иудеев.

О чем я и выше писал кратко.

Указывает на вышесказанное им, что язычники, бывшие вдали, призваны, что они надстроены поверх патриархов и тому подобное.

То вы, читая, можете усмотреть мое разумение тайны Христовой.

Я написал, говорит, не сколько должно, а по силе вашей и вместимости. И из этого вы можете воспринять и понять мое разумение тайны Христовой, то есть как я уразумел тайну Христову, или как я понял, что Он сидит одесную Отца и нас посадил с Собой, что в Себе создал обоих во единого нового человека, и прочее, относящееся к тайне. Поймите же достоинство моего разумения из того, что столько мне Бог открыл. А что это знак великой чести, слушай: *не сделал Он того никакому другому народу* (Пс. 147:9), именно, что Израилю возвестил *уставы Свои и суды Свои* (Пс. 147:8).

Которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом Святым [6].

Что же? Неужели не знали пророки? А как же Христос говорит: «Моисей и пророцы обо Мне писали»; и «исследуйте писания...» и «они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5:39)? Но Павел, во-первых, говорит то, что не было открыто всем людям, так как прибавил: *которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих*. А во-вторых, то, что таким образом не было открыто и пророкам, как теперь самым делом явлено апостолам и новозаветным пророкам, Духом Святым. Ибо если бы Дух не научил Петра, последний не принял бы в Церковь язычника Корнилия с его домашними (Деян. 10:3). И заметь, не относительно обрезания, а относительно язычников дает Дух откровение, потому что великим было делом принятие в Церковь презираемых язычников. И настолько древние не знали этой тайны, что даже и великий Петр нуждался в наставлении Духа относительно этого.

Чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе [2] посредством благовествования.

Тайна состоит в том, что язычники стали сонаследниками и соучастниками обетования Израилева. Ибо израильтяне участвовали в обетовании, как народ святой; и язычники, доселе нечистые, стали участниками с ними того же обетования, но каким образом? *Во Христе*, то есть через веру во Христа, которая дошла до них чрез благовестие. И не удовольствовался названием *сонаследниками* и *сопричастниками*, — но, чтобы показать большую близость и единение, назвал *составляющими одно тело*. Ибо язычники со святыми израильтянами составили одно тело, управляемое единой главой — Христом.

Которого, служителем сделался я, по дару благодати Божией, данной мне действием силы Его.

Я стал служителем сего благовествования и нахожусь в узах ради Него; но это не мое дело, а дар божественной благодати, которая дана мне не просто и не скудно, но обильно и щедро, как свойственно давать всеильному Богу. Или же — так как Он даровал мне это служение, то снабдил меня и силой. Ибо бесполезно достоинство, если не соединена с ним сила. Три вещи нам нужно вносить в служение: душу, готовую на опасности, мудрость и разум, и жизнь беспорочную, а Божие дело — давать силу, чрез которую все это стало бы действительным.

Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия.

Намереваясь говорить о величии Божественной благодати, смотри, с каким смирением говорит он о себе. Ибо после столь славных деяний он называет себя самым меньшим, не между апостолами, а между всеми святыми, то есть верующими. И это, как выражение смирения, выше слов: *я недостойн называться апостолом* (1 Кор. 15:9).

Благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово.

Какая благодать, говорит, мне дана? *Благовествовать язычникам*. Ибо другие были посланы к обрезанным, а он к язычникам. Потому он и имеет нужду в благодати, что наименьшему вверено было наибольшее. Но, получив повеление обратиться к Евангелию худших, чрез это становится великим, хотя и казался малым. Итак, это дело принадлежит благодати. Если же богатство Христово остается неисследованным даже и после Его явления, то не тем ли более неисследима сущность Его? Как же после этого Евномий хвалился постигнуть ее?

И открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге.

Что призваны будут язычники, это, может быть, знали Духом и пророки и ангелы; но чтобы они были призваны к таким благам, чтобы даже воссесть на престоле Божиим, — кто мог сего ожидать? Посему он и называет это тайной, сокровенной в Боге от веков, то есть издавна, от начала. Ибо неизреченно это смотрение и одному Ему ведомо.

Создавшем все Иисусом Христом.

Прекрасно напомнил о творении: сотворил, говорит, все Бог чрез Христа. Ибо *без Него*, говорит, *ничто не начало быть* (Ин. 1:3). И это чрез Него открывает.

Дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многообразная премудрость Божия.

Ни горние начала и власти, ни дольные не знали тайны прославления язычников. Ибо и ангелы и архангелы знали только то, что Израиль был уделом Господа и народом Его. И Гавриил также знал только то, что Он (Мессия) спасет народ Свой от его грехов. А что и язычники достигнут такой чести, это узнали теперь и горние, и дольные силы через Церковь, то есть через благодеяния, оказанные нам. Ибо благодеяния к нам были для них учителями мудрости Божией. И называет *премудрость* не просто различной, а *многообразной*, указывая на ее особенное превосходство и непостижимость. И Григорий Нисский говорит, что прежде вочеловечения небесные силы просто знали Божественную мудрость, именно: так как Он сотворил все единой Своею волею, то они признавали Его могущественным, и так как все сохранял своим мудрым промыслом, то считали мудрым промыслителем. И в этом нет ничего разнообразного, то есть чтобы иное было и иное Он соделал. Но по воплощении Бога Слова из противоположного возникает противоположное, из смерти — жизнь, из немощи — сила, из бесчестия — слава и из всего, казалось бы, низкого — благоприличное. Таким-то образом стала ведома многообразная премудрость и сила Божия небесным силам. Ибо, когда мы узнали, тогда и они — чрез нас, видя, каких благ удостоена Церковь, и чрез нее приходя к познанию.

По предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем.

Хотя теперь только познана, говорит, мудрость того, что совершилось с нами, но оно издревле было предопределено. По предвечному определению, то есть по предведению будущих веков. Ибо Бог знал будущее и таким образом предопределил. Выражение *которое Он исполнил во Христе Иисусе* относится к мудрости или к домостроительству, которое совершил Отец чрез Сына. А Златоуст, читая вместо: ἣν ἐποίησεν — *которое исполнил*, ὧν ἐποίησεν — *которые сотворил* (исполнил), говорит, что веки (т.е. века, время, — Прим. Ред.) Бог сотворил (или исполнил — ἐποίησεν) чрез Сына.

В Котором мы имеем дерзновение и надежный доступ через веру в Него.

Что все чрез Христа произошло, это видно, говорит, из того, что Он есть Тот, Который привел нас. Однако не как пленники мы приведены, и не как грешники, но имеем дерзновение, и не просто, а с надеждой и упованием. Откуда же нам это? От веры, говорит: она, освободив от грехов, вложила в нас дерзновение и упование.

Посему прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которые суть ваша слава.

Посему, говорит. Почему же? Потому что велика тайна вашего звания и великое дело мне вверено, именно проповедь к вам, и необходимо мне подвергнуться узам и терпеть зло от непонимающих тайну и сопротивляющихся ей; посему умоляю вас, не унывайте, то есть не страшитесь и не смущайтесь, как будто происходит что-то странное. Ибо слава ваша в том более и состоит, что Бог так возлюбил вас, что не только Сына Своего отдал за вас, но и нас, рабов Своих, ради вашей пользы подверг опасностям и узам. Если же мои скорби служат к вашей славе, то гораздо больше вы прославитесь чрез собственные скорби. Посему, даже если бы и сами вы подверглись скорбям, не падайте духом.

Для сего преклоняю колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле.

Так как вы удостоились такой любви и непостижимы те блага, которые вы получили и которые еще получите в будущем, то я молю, говорит, чтобы дарована вам была благодать вселившегося в вас Христа, — благодать постигнуть это и познать, насколько вы возлюблены. А что эта мольба напряженная, обозначает словами: *преклоняю колени мои*. От верховного Отца, говорит, *всякое отечество: на земле* — племена называет отечествами, получившие такое название от имени отцов; *на небесах же*, — так как там никто ни от кого не рождается, — отечествами обозначает отдельные сонмы, то есть и горние, и дольные чины Он сотворил, и от Него произошли те, которые именуются отцами.

Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви.

Чего же я молю для вас? Да даст вам Бог, богатый и желающий прославления имени Своего, утвердиться в борьбе с искушениями, так чтобы не только не смущаться ими, но и

переносить их. И не довольствуется выражением *утвердиться*, но прибавляет: *крепко*, прося избыточных для них благ. Как же *утвердиться*? Духом *Его*, ибо Он есть подающий крепость. Как и Исаия называет Его «Духом крепости». И не только утвердиться, но гораздо более и сильнее, — *вселиться Христу в сердца ваши*, не на поверхности, а в глубине. Каким же образом? *Верую*. Ибо в верных сердцах обитает Христос, приходя с Отцом и творя в них обитель, как Он и предсказал (Ин. 14:23). А этого вы достигните, когда укоренитесь в любви Его и не будете колебаться и смущаться. Итак, апостол спрашивает для них двух благ: чтобы они укрепились Духом и чтобы вселился Христос в сердца их; или же чтобы вы, говорит, утвердились и стали достойными того, чтобы вселился Христос в сердца ваши.

Могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота.

О чем вначале он молился, чтобы дан был им Дух премудрости и откровения к познанию того, в чем состоит упование звания их и прочее, — то и теперь говорит: чтобы вы *могли постигнуть со всеми* верующими тайну совершенного ради вас, — она столь велика, что простирается по всем направлениям. Посему и описал ее внешними чертами, приписывая ей и верх, и низ, и боковые стороны. Ибо, говорит, хотя я и объяснял, невозможно из моих слов понять это в достаточной мере, но только через Духа Святого: не иначе вы можете постигнуть это, как получив подкрепление от Духа. Ибо нужна великая крепость, и если не вселится в вас Христос, мы ничего не в состоянии сделать. Григорий же Нисский говорит, что широтой, долготой, глубиной и высотой обозначается крест: посему апостол молился за ефесян, чтобы они возмогаи постичь тайну Креста. Ибо все домостроительство им объемлется и самое важное в нем — Крест, в котором особенно проявляется любовь Божия, как и Господь говорит (Ин. 14:12). Посему и Павел указывает на эту любовь.

И уразуметь превосходящую разумение любовь Христову.

И да возможете, говорит, познать любовь Христову, превышающую всякое разумение. Как же мы познаем ее, когда она превышает всякое понимание? Во-первых, он сказал, что любовь превосходит понимание, конечно, человеческое; а вы не человеческой мыслью, но Духом познаете ее. Потом, не то он сказал, что познаете точную меру ее, но то именно, что она велика и превышает всякое понимание. Сие молю познать вам Духом. И кто же, говорит, не знает сего? Все: и те, которые ропщут на обыденную действительность, и те, которые отдают предпочтение мамоне пред Богом. Так как, если бы познали ее, мы и на Провидение не роптали бы, и к настоящему не были бы привержены, отступив от Бога, так нас возлюбившего. Заметь также, если любовь Его превышает всякое понимание, насколько же более существо Его?

Дабы вам исполниться всею полнотою Божию.

Двойко это понимали: или да познаете, говорит, что во Отце, Сыне и Святом Духе приемлет от нас Бог поклонение, потому что это составляет полноту Бога — троичность; или же — да исполнитесь, говорит, всякой добродетели, которой исполнен Бог. Но лучше, думаю, понимать таким образом: будьте совершенны во всем по образу Божия совершенства, познавая, насколько возможно, всё божественное.

А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше

всего, чего мы просим, или о чем помышляем. Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды, от века до века. Аминь.

Я, говорит, прошу, но Он и больше, чем заключается в моей молитве, сделает. Ибо не только все, чего кто просит, но и больше Он может сделать, и *несравненно больше*, то есть щедро и с избытком. И вдвойне избыток указывает: *несравненно и больше*. Ибо возможно сделать и более просимого, но не *несравненно*, что значит щедро и с избытком. Но Бог может и то, и другое. Как Он и действительно возмог и совершил в нас великое и необычайное, усыновив враждебных Ему язычников, так что уже из того, что Он совершил для нас, ясно и то, что сказано. И справедливо заканчивает речь славословием, прославляя благодетеля и вместе с тем показывая величие совершенного для нас. Ибо не удивлялся бы, если бы не даровал Бог столько, сколько нужно для возбуждения удивления и прославления. Не просто также говорит: *Тому слава, но во Христе Иисусе*. Ибо подлинно никто не может и прославить Бога, как только благодатью и силой Христовой. Ибо Он подает нам дар прославления и научает, как сие совершить. *В Церкви слава Божия*, и справедливо: потому что она пребывает непрестанно и *врата ада не одолеют ее* (Мф. 16:18). Посему и славословие это будет вечно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны.

Не властвовать должно учителю, а служить ученикам ради их спасения. Посему и Павел, как слуга, умоляет. Выставляет даже узы свои для успешности просьбы. *Узник* ведь *в Господе*, то есть не за дурное дело, а ради Господа. Итак, окажите почтение узам ради Господа. О чем же я молю? Не о себе, а о вас, чтобы вы жили достойно своего звания. Вы ведь призваны к великому: восседать вместе со Христом и царствовать вместе с Ним, и не следует посрамлять своего достоинства делами, недостойными Христа. От догматического же учения перешел к нравственному, придавая тем сладость своему слову.

Со всяким смиренномудрием.

Показывает, каким образом возможно *поступать достойно звания*, если мы будем смиренными. Ибо тогда ты вполне поймешь, каков ты есть и чего удостоился; и смиришься, и постарайся служить своему благодетелю. И притом оно служит основанием всякой добродетели; посему и Господь начал Свои заповеди блаженства отсюда, называя блаженными нищих духом, то есть смиренномудрых. *Со всяким*, говорит, *смиренномудрием*, не в словах только, но и на деле, в наружном виде и голосе, и не так, чтобы в отношении к одному являть себя смиренным, а к другому нет, но в отношении ко всякому, малым ли он будет, или великим.

И кротостью и долготерпением.

Ибо возможно быть и смиренным, и вместе с тем вспыльчивым и гневливым; но такое смирение бесполезно.

Снисходя друг ко другу любовью.

Наукает, какая польза-кротости и долготерпения, — это снисходительность друг к другу. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: как же я буду снисходителен к ближнему, когда он гневлив и дерзок? — он указывает и способ — в любви. Ибо, если мы будем иметь любовь, то будем снисходить друг другу.

Стараясь сохранять единство духа в союзе мира.

Как в теле дух все объемлет и объединяет, так и Церковь объединяет Святой Дух, хотя мы различны и по роду, и по характеру, и по занятиям. И чрез Святого Духа мы становимся единым телом. Итак, постараемся хранить это единение, живя в мире друг с другом. Ибо если мы не будем иметь союза любви и не будем жить в мире друг с другом, то погубим то единение, которое даровал нам Дух, — подобно тому, как если бы возник раздор у руки или ноги с остальным телом, и они отказались от союза с прочими членами, то они уже не были бы под властью одного духа. Итак, нужно великое тщание, и мы не лениво должны поддерживать мир, крепко соединясь друг с другом, дабы, куда один стремится, и другой тоже (ибо таковы союзники), а не самопроизвольно распорядясь собой; тогда только будем в едином Духе.

Одно тело и один дух.

Не просто любви ищет Павел, но любви, делающей всех единым телом, чрез полное единение друг с другом, так, чтобы, как члены тела, они сострадали и сорадовались друг другу. *И один дух.* Прекрасно это сказал, показывая, что, став одним телом, они будут и одним духом, или же что возможно быть единым телом, но не единым духом (подобно тому, как если бы кто был в дружбе с еретиками, но не следовал их учению). Или же: получив один дух верой, вы должны быть и в единомыслии. Или же духом называет одинаковое у всех душевное настроение и единомыслие, как бы так говоря: одно тело и одна душа.

Как бы и призваны к одной надежде вашего звания.

Бог говорит, призвал вас к одному и тому же, всем даровал жизнь, равно для всех стал главой, всех совоздвиг и посадил с Собой и просто всех принял с одинаковой честью, и все имеем одну и ту же надежду. По сему вы должны быть едино и по союзу любви. Ибо в отношении к нему мы равны, хотя и различаемся на земле.

Один Господь, одна вера, одно крещение.

Ведь нет того, чтобы ты имел высшего Господа, а тот низшего; чтобы ты спасался верой, а тот делами; чтобы тебя делало свободным крещение, а того нет.

Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас.

То есть Он над всем и чрез все проникает Своим промыслом и управлением, и во всех нас обитает. Заметь также, что еретики предлог *через* относят к Сыну, а (предлог, — *Прим. Ред.*) *во* к Духу, как будто он имеет умаляющее значение [8]: а они прилагаются к Отцу, конечно, не в унижение Его.

Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова.

Если все, как говоришь, общее, почему же один имеет больше дар, а другой меньше? Ибо это возбуждало в них, в коринфянах и многих других, зависть. Разрешая это, апостол говорит, что каждому дан дар в той мере, как определил Даровавший. Посему, так как это дар, будь доволен, потому что ты все-таки его получил, а не дан он тебе как нечто должное. А так как эту меру определил Бог, то не любопытствуй. Ибо если Бог определил, то, конечно, это сделал вполне соответственно. Итак, необходимое и без чего нельзя быть христианину — это обще для всех, а если кто-то имеет несколько больший дар, то ты не скорби, потому что и больший труд соединяется с ним, как об этом скажет впереди. И не сказал: по мере веры каждого, чтобы не предались малодушию те, которые имеют мало ее, но в хотении Дающего полагает меру, чтобы вовсе даже и не дерзали рассуждать.

Посему и сказано: восшел на высоту, пленил плен и дал дары человекам [9].

Что Он дал дар, это говорит, видно из слов пророка; Он дал даяние человекам. Но пророк говорит: ты получил дары, а это то же самое, потому что Бог, даруя дары, взамен приемлет служение. А кто получает дары, получает их для того, чтобы делать и трудиться. Посему не должно быть праздным. *На высоту* же восшел — или на крест, или на небо в вознесении, что даже лучше, как видно из последующего. О каком же плене говорит? О плене диавола. Ибо Он взял в плен диавола и смерть, и клятву, и прегрешение, а также и нас, бывших под властью диавола и повинных сказанному.

А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все.

Говоря здесь о смирении, Павел в пример указывает на Христа, как и в Послании к Филиппийцам (Флп.2:8), говоря: как Он не отказался сойти, так и вы не отказывайтесь чрез смирение унижать себя. А что снизошел, это видно из выражения пророка: *восшел*, потому что в отношении к Богу, когда говорится *восшел*, необходимо уже разуместь, что Он прежде сходил, а о человеке еще нет. Куда же сходил? В ад: его, конечно, называет *преисподними местами земли*, по общему пониманию. Как говорил и Иаков: *сведете седину мою с горестию во гроб* (Быт. 44:30); и Давид: *чтобы я не уподобился нисходящим в могилу* (Пс. 27:1). Итак, Он сходил в самые нижние страны, за которыми уже нет ничего другого, и восшел превыше всех, над чем уже нет более ничего. И это схождение не воспрепятствовало Его восхождению. Посему и вы, если смирите себя, вознесетесь. Ради того Он это и совершил, чтобы все наполнить Своим владычеством и силой, по плоти, так как по Божественности и прежде все наполнял. Все это идет против Павла Самосатского и Нестория. Ибо Тот, Который сошел — очевидно, как горний обитатель сошел, и чрез воплощение на землю и чрез смерть в ад, — один и Тот же, а не различный.

И Он поставил.

И знаменательно сказал: *Он*. Ибо Тот, Который так позаботился о нас и Который ради нас не отказался сойти даже до самых нижних пределов, не просто распределил дары, но, без сомнения, с мудростью и пользой. Как же после этого ты скорбишь, что неблагоприятно сделано распределение? А в одном месте говорит, что Дух разделяет: *в котором вас Дух Святой поставил* (Деян. 20:28) и: *все же сие производит один и тот же Дух* (1 Кор. 12:11); в другом же относит это к Отцу: *уных Бог поставил в Церкви во-первых, Апостолами* и т. д. (1 Кор. 12:28), и: *я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог* (1 Кор. 3:6). А здесь относит к Сыну. Таким образом, едино действие трех.

Одних Апостолами, других пророками.

Первые — апостолы, потому что и дар пророчества имели, а пророки, именно новозаветные, не имели апостольства.

Иных Евангелистами.

Или написавшие Евангелие, или те, которые, хотя не ходили всюду, но благовествовали Евангелие, подобно Прискилле и Акиле (Деян. 18:2 и 3).

Иных пастырями и учителями.

Так называет тех, которым вверены Церкви, — епископов, как Тимофей, Тит и им подобные. Но можешь разуместь под пастырями и пресвитеров, и епископов, а под учителями — и диаконов даже. Ибо и они, имея звание очистителей (καθαρτικῶν τάξις), посредством слова очищают народ.

К совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова.

Видишь ли, какое достоинство? Каждый говорит, совершает, каждый служит делу созидания Тела Христова, или Церкви. Зачем же ты скорбишь, как получивший меньший дар? Даже ведь и ты содействуешь *совершению святых*, то есть пользе верующих и их усовершенствованию. Итак, смотри, получив дар к созиданию других, из зависти к большим дарам не погуби самого себя. Притом, если к усовершенствованию верующих другой и получил больший дар, пойми, что и больший труд и служение соединяется с ним, и больше посему ответственность. А с другой стороны, не сатанинское ли свойство — завидовать тому, кто совершает и созидает Тело Христово? Богопротивнику ведь это прилично.

Доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия.

До тех пор, говорит, должно всем нам, получившим дары, делать, трудиться и созидать, пока не придем к единству веры, то есть пока не явимся все имеющими одну веру, не отличаясь по догматам и не имея между собой разногласия в том, что касается жизни. Ибо тогда будет истинное единство веры, тогда познаем Сына Божия, когда будем иметь правое мнение в деле учения и будем сохранять союз любви. Ибо Христос есть любовь.

В мужа совершенного, в меру полного возраста Христова.

Под образом совершенного мужа и меры возраста говорит он о совершенном познании догматов, равно как и под исполнением Христовым разумеет совершенное и всецелое познание Его и веру, что Он, один из Троицы и равный Отцу, стал Человеком, единой ипостасью в двух естествах, волях и действиях и что вместе с телом совосседает со Отцом и опять придет и все остальное, что право о сем мыслится и говорится. Как же после этого в другом месте он называет наше познание несовершенным? В отличие от будущего знания, а здесь в отношении неизменяемости познания называет его совершенным. Ибо, когда мы не будем колебаться, тогда будем совершенны, как видно из следующего.

Дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким

ветром учения.

Будем же, говорит, твердо и непоколебимо держаться той малой меры, которую мы получили, и не будем, подобно детям, колебаться и увлекаться всяким учением. На то и даны дары, чтобы строить и утверждать, дабы не колебалось здание. Словами *дабы мы не были более* показал, что прежде они были таковы. Включает даже и себя самого, чтобы не упреками, а добротой Исправлять. А говоря *колеблющимися*, показывает, в какой опасности находятся души нетвердых в православии. И, выражаясь образным языком, называет ветрами различные учения.

По лукавству (куβεῖα) человек, по хитрому искусству оболъщения.

Словом «лукавый» (куβευτής в греческом оригинале, — Прим. Ред.) называются те, которые получали прибыль от игры в кости. Таковы и лжеучители, которые обращаются с людьми очень простыми, как с костями, как им угодно. Итак, не будем, говорит, вращаться в этом лукавстве *по хитрому искусству оболъщения*, то есть вращаться и склоняться к тому, чего желает оболъстительное коварство лжеучителей. Ибо все их искусство и хитрость направлены ни к чему другому, как к обману. И прекрасно добавил: *человеков*, так как дело Божие не включает в себе лукавства и обмана.

Но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос.

Хитрые и лукавые на словах все имеют фальшивое и ложное, и ничего в них нет здорового и устойчивого. Мы же, будучи искренни в любви к Богу и ближнему, не ложное имея учение и живя нелицемерно (ибо здесь, кажется, он дает и уроки жизни), да возрастим во Христа все наше — и жизнь, и догматы. Ибо с Ним, как Главой, мы должны сообразовать все свое, чтобы не приносить ничего несогласного и не гармонирующего с Главой, но все иметь возвращенным по Нему.

Из Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви.

Мысль этого места такова, хотя и неясно высказана: как в теле дух, нисходя из головного мозга по нервам, не просто сообщает всем членам чувствительность, но сообразно свойствам каждого: одному, способному воспринять больше, — больше, а способному воспринять меньше — меньше; так и Христос нашим душам, которые суть Его члены, раздает Свои благодатные дары не просто, но *при действии в свою меру каждого члена*, то есть сколько каждая в состоянии вместить, и таким образом все тело *получает приращение для созидания самого себя в любви*. Да иначе и невозможно воспринять вспоможение свыше нисходящего Духа, Который нас оживляет и возвращает, если мы не будем соединены и объединены любовью, как одно тело. Подобно тому, как если бы примерно рука, отделенная от тела, не могла бы более воспринимать воздействия от духа, потому что она отрешена от тела; так и мы, если не будем иметь единения, не получим исходящей от Главы нашей Христа благодати Духа. Для того-то и сказал: *тело составляемое и совокупляемое*, чтобы показать, что члены не просто положены один подле другого, но соединены между собой, и каждый занимает свое место, и не вывихнут и не обезображен. Итак, наше дело самих себя скреплять и соединять посредством любви, а дело Христа — Главы нашей — ниспосылать Духа. Итак,

вся речь о смирении и единении. Слова же *посредством всяких взаимно скрепляющих связей* показывают, что Дух, разливаемый и подаваемый Главой, осязательно касается всех. Итак, тело растет и создается чрез то, что подаяние Духа касается членов и что Он действует в них (ибо сие значит *при действии*), или что им доставляет силу действовать.

Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего.

Учителю свойственно не только увещевать, но и устрашать, показывая, что сам Бог предстоит своим ученикам, как это и делает здесь Павел. *Заклинаю*, говорит, вас *Господом*, то есть привожу в свидетели Господа, что я не скрыл от вас, что следовало сказать. И не сказал: не живите так, как вы живете, чтобы не уязвить их, но: *как поступают прочие народы*, примером других вразумляя их. *По суетности же ума* поступали, потому что служили идолам, были рабами страстей и предавались суете мира. А то, что называется суетой, потому так называется, что мы пользуемся им суетно; ибо не по своей природе оно суетно, так как все создано хорошо весьма.

Будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией.

Хотя и сиял свет богопознания и чистой жизни, но они омрачили себя, обессилив душевное зрение мглой страстей и житейских попечений. Да, великий и неудобопроходимый поток представляют страсти и мирские заботы, помрачающие разум. Посему живущие так и отчуждены от жизни Божией, то есть от жизни по Богу. Потому что жизнь разумная состоит в том, чтобы уразумевать истину. А слепой по отношению к ней в подлинном смысле и не живет, так как истина есть сущность и свет разума.

По причине их невежества и ожесточения сердца их.

Итак, если они находятся в неведении, за что же ты их винишь? Несведущего должно научить, а не обвинять. Но это неведение, говорит, произошло в них вследствие ожесточения, то есть бесчувственности; а бесчувственность вследствие склонности их к нечистой жизни, так что они достойны обвинения. Да послушай, и что дальше следует.

Они, дойдя до бесчувствия, предалися распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытностью.

Не видишь ли, что по доброй воле они сделались столь бесчувственными? *Дойдя до бесчувствия*, то есть совсем разленившись, не желая делать ничего доброго, дойдя до полной бесчувственности и как бы обезумев, *предалися распутству*. Для чего же? Чтобы совершать нечистоту, потому что ее (нечистоту) поставили себе занятием и беспрестанным делом, и не один вид ее, но всякую. Как же после этого могли они не потерять чувствительности, предавшись всякого рода нечистоте? Ибо нечистая жизнь есть причина и лукавого учения и приводит к непониманию всего хорошего. Поэтому, когда в другом месте услышишь, что Бог предал *превратному уму* (Рим. 1:28), помни и эти слова и, сопоставляя то и другое, разумеи, что Бог называется предающим тех, которые сами себя предают, то есть попустил и оставил их, так как они сами сделали себя достойными того. И даже выражением с *ненасытностью* указывает на добровольную в них бесчувственность. Ибо, говорит, им можно было и деньгами, и удовольствиями пользоваться умеренно, а они, предавшись

неумеренности, во всем огрубели и стали бесчувственными ко всему доброму.

Но вы не так познали Христа; потому что вы слышали о Нем и в Нем научились, — так как истина во Иисусе, — отложить прежний образ жизни ветхого человека.

В таком-то положении находятся язычники; *но вы не так познали Христа; потому что вы слышали о Нем и в Нем научились*, то есть после того, как познали Христа. И не сомневаясь, но вполне уверенно говорит так. Ибо в том и состоит познание Христа, чтобы жить добродетельно; равно как и худо живущий не знает Христа. *Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит.1:16). Слова же *так как истина в Иисусе* понимай так: не как язычники ходят, так бы и вам в том же оставаться. Ибо не суета — дело Христово, но истина, учение и жизнь. Грех есть ложь, так как лишен существенности и не имеет цели; добродетель же — истина, так как устойчива и имеет цель. Чему же вы научились, в чем состоит Христова истина? В том, что вы отложили ветхого человека, то есть обычаи прежней жизни и жизнь ветхую и повинную греху.

Истлевающего в обольстительных похотях.

Двойко это можешь понимать: или как похоти тлеют, так и сам человек, то есть рассудок, растлевет. Каким же образом похоти тлеют? От болезни и старости увядает красота, и крепость точно так же, и вообще все наконец разрушается смертью. Ибо *в тот день*, говорит Давид, *исчезают все помышления его* (Пс. 145:4). Или же: *в похотях* сказано вместо: от похотей. Так как от них растлевется ваш ветхий человек, как хлопчатая бумага и железо, от чего рождаются, от того и гибнут. Ибо и любовь к славе губит, что касается души — всегда, но бывает иногда и телесно; и удовольствия тоже. Прекрасно же назвал и обольщением наслаждение, происходящее от них. Ибо все это есть подлог и обман, потому что удовольствием только представляется, а в сущности есть горечь. Обольщение в том и состоит — казаться одним, и быть другим.

А обновиться (ἀνανεοθεῖν) духом ума вашего.

Чтобы кто-нибудь не подумал, что вводит другого человека, он говорит: *обновиться*, то есть само обветшавшее обнови и сделай другим. Так что предмет — один и тот же, перемена же только в характере и мысли. Каким же образом могло бы произойти это обновление? Чрез Святого Духа, Который поселяется в нашем уме, потому что Дух не терпит ветхих деяний. Сказанное такой имеет смысл: обновляйтесь духовным обновлением в уме вашем, а не телесным и в теле происходящим.

И облечься в нового человека.

Видишь ли, предмет один, который вовлекает с себя и облачается: но одежды различны, именно: порок и добродетель? Ибо как легко раздеться и одеться, так же легки порок и добродетель, если пожелаем. Почему же представляет порок и добродетель под образом человека? Потому что делами характеризуется человек, и они не менее естества показывают человека — добрый ли он, или злой. Итак, новый человек — это обновленный крещением, который должен быть и крепким, и не имеющим повреждения, и здоровым, ибо все это свойственно молодости.

Созданного по Богу, в праведности и святости истины.

Этот человек, говорит, создан не по похоти, а по Богу, то есть от Бога то создание, которое Ему благоугодно, в купели не от воды и земли, но в праведности и святости. Ибо в том — сущность такого человека. Правда — вообще добродетель, как обыкновенно мы и называем праведным человеком безупречного. И Господь, говоря: *если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев* (Мф. 5:20), — понимает здесь всякую добродетель. Святость же есть чистота и исполнение всего должного; как например по отношению к умершим мы говорим: οσίαν — когда кто по отношению к ним исполнил должное [10], и еще ἀφιοσάμην (я отделался — все совершил). Но так как в Ветхом Завете говорилось о правде, то он говорит, что она была образом сей праведности. Я же говорю тебе о правде истины и Евангелия. Или в противоположность наружной и лицемерной правде он указал на правду истинную. Хотя сей человек и создан в крещении в правде и преподобии, но ему и теперь следует облекаться ими чрез жизнь и дела. И когда ты слышишь, что должно облечься, то уже помышляй, что никогда не следует разоблачаться, как и сказано: *облечется проклятием, как ризою* (Пс. 108:18), и *Ты одеваешься светом, как ризой* (Пс. 103:2). И мы имеем обыкновение говорить: такой-то надел на себя личину такого-то.

Посему, отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг другу.

Сказав о ветхом человеке вообще, потом описывает его и по частям. И, во-первых, устраняет ложь в отношении друг к другу и, что особенно важно и способно пробудить стыд, потому что мы члены друг другу, — как бы так говоря: неужели глаз, увидев зверя, лжет — ногам и препятствует им бежать? Или же нога, ощутив глубокий ров, скрывающийся под тростником и землей, неужели лжет и не дает знать глазу, чтобы он посмотрел в другую сторону и нашел обход? И вообще во всем ты найдешь то же самое. Посему и мы также не будем лгать друг другу, ибо мы — члены одного тела.

Гневаясь, не согрешайте.

Сказав: «не лгите», потом, так как от лжи часто происходит гнев, он говорит: хорошо было бы совсем не гневаться, но если случится, то, по крайней мере, не доводите себя до греха, неумеренно предаваясь гневу. А некоторые говорят, что один только есть безгрешный гнев, — именно против демонов и страстей, который и предлагает нам здесь святой апостол.

Солнце да не зайдет во гневе вашем.

Да не остается, говорит, в тебе надолго это чувство, и пусть не оставляет вас врагами заходящее солнце, дабы свет его не осиял вас недостойными и чтобы ночь еще боле не разожгла сего огня посредством помыслов и не способствовала возникновению злых умыслов.

И не давайте места диаволу.

Враждовать друг с другом — значит давать место диа-волу. Ибо до тех пор, пока мы соединены и сплочены, он ничего не приносит своего, так как не находит места; когда же заметит какой-нибудь раздор в нас, тогда, находя место, просовывает сначала голову,

подобно змею, а потом забирается и всем своим извивающимся телом.

Кто крал, вперед не кради.

Видишь, какие члены у ветхого человека: ложь, злопамятство, воровство? И не сказал: да будет наказан крадущий, — но: да отстанет, говорит, от этого зла. Ибо то дело внешних судилищ, а это — учение Христово. Где же так называемые катары (καθαροί — чистые), а на самом деле исполненные всякой нечистоты, отвергающие покаяние? Пусть они услышат, что снять с себя позорное имя — значит не отстать только от греха, но и делать нечто доброе. Ибо послушай, что говорит далее.

А лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся.

Ибо не достаточно отстать от греха, а нужно вступить на противоположный ему путь добра. Прежде он делал зло? Теперь пусть совершает добро, — и не просто, а с усилием: чтобы, с одной стороны, сокрушить тело, которое прежде вследствие бездействия нависло ко злу, а с другой — чтобы в достаточном количестве иметь способы к жизни и продовольствию, дабы уделять и другим, — и дабы тот, кто прежде других обирал, теперь благодетельствовал другим. Чудное дело! Евангелие превращает в ангелов чуть не демонов!

Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших.

Гнилым называет слово праздное: безрассудное и неуместное, каковы — шутка и пустословие. Но еще более гнило и, так сказать, зловонно — срамословие, брань и клевета. Ибо не за дело только, но и за слова дадим ответ.

А только доброе для наидания в вере (χρηείας), дабы оно доставляло благодать слушающим.

То есть будем говорить то, что назидает ближнего, потребно в предлежащей нужде, и не безвременно и бесполезно, дабы слушающие остались нам благодарными. Потому что, если мы будем говорить душеполезное, то слушающие, как получившие пользу, будут благодарны. Или: чтобы слово ваше, говорит, сделало их благодатствованными. Ибо как мир подает благодать получающим его, так точно и душеполезное слово. Видишь ли, как Павел, к чему убеждает всегда, о том и теперь просит нас, чтобы мы назидали ближнего, то есть самих себя. Ибо тот, кто советует душеполезное другому, конечно, гораздо прежде то делает самому себе.

И не оскорбляйте Святаго Духа Божия.

Если ты, говорит, скажешь слово гнилое и недостойное уст христианина, не человека ты оскорбишь, но Духа Божия, Которым ты благодетельствован и Которым освящены твои уста. Затем указывает, чем мы благодетельствованы.

Которым вы запечатлены в день искупления.

Ибо Дух запечатлел нас в показание, что мы принадлежим к царскому стаду: не оставил

Он нас в числе повинных гневу Божию, но изъял от них и печать наложил, чтобы избавить от сего гнева. Не устыдимся ли после этого оскорблять его? Твои уста запечатлены Духом, чтобы не говорить тебе ничего недостойного Его; не отрешай сей печати.

Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас.

Хотя и тем, что выше сказано, он отверг гнев, но теперь как бы с корнем его вырывает; потому что раздражение (то есть суровость) есть корень ярости и гнева. Ибо, когда горькая жидкость (желчь) бывает раздражена, она выступает из заключающего ее сосуда, разливается по всему телу, и делает человека зверем. Итак, *раздражение* (πικρία) есть внутренняя испорченность, лукавство, подготовка к злодеянию; а *ярость* есть начало *гнева*, как бы некоторое воспламенение; гнев же — такое состояние, когда он переходит в действие. А так как гнев, если не сопровождается *криком*, разжигающим его, быстро угасает; то (апостол) говорит: *и крик да будет удален от вас*, то есть пусть исчезнет и не останется никакого следа. Ибо *крик* — это конь, а гнев — всадник: удержи коня, и ты низверг всадника. Отыми также и *злоречие*, то есть злословие, которое, хотя порождается гневом, но само еще более его разжигает посредством крика. Но так как много бывает людей тайно уязвляющих, которые ничего не говорят, но тайным образом причиняют вред, которые выжидают незаметно из-за угла причинить зло, посему он присовокупил: *со всякою злобою*, то есть и с малой, и с большой.

Но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга.

Так как недостаточно только удерживаться от зла для получения Царствия, но нужно и делать добро (ибо, если мы будем пренебрегать деланием добра, то попадаем в геенну, если даже и не сделаем зла, как это видно из многих мест в Евангелии (Мф. 3:10), посему Павел, отвергая дурное, склоняет к деланию добра и говорит: *будьте добры*, в противоположность гневу, *сострадательны*, в противоположность жестокости, *прощайте друг другу*, то есть бывайте снисходительны и прощайте согрешающих против вас, в противоположность злобе и злословию.

Как и Бог во Христе простил вас [11].

Так как пример гораздо убедительнее, то он и представляет в образец Бога. Он мог даже указать на то, что Бог сказал: *прощайте, и прощены будете* (Лк. 6:37), но так как многие сомневаются в будущем, то он указывает на то, что совершилось, говоря: *Бог простил нам*. Каким образом? *Во Христе*, то есть с опасностью для Сына Своего и даже заклятием Его. Ты, может быть, прощаешь без опасности для тебя, а Он не так; ты прощаешь брату своему, а Он отпустил и простил тебе, когда ты был врагом. Заметь также, как он вместо того, чтобы сказать: *прощайте друг другу*, сказал: «себе самим» (так в церковнославянском переводе, — *Прим. Ред.*), показывая, что, когда мы прощаем (χαρίζομεθα) друг другу, этим самым и себе заслуживаем милость.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные.

Как Господь возлюбил тебя, так и ты люби брата и подражай Богу по возможности. И нельзя здесь отказываться бедностью и говорить: если отпущу, то потерплю убыток; но прощай согрешающему даром и без издержек, и ты уже получил великую выгоду, то есть стал подражать Богу. Потом указывает и на другую причину более благородную. *Как чада*, говорит, *возлюбленные*, то есть и другую необходимость вы имеете подражать Отцу вашему. И так как не все дети подражают своему отцу, то прибавил: *возлюбленные*; потому что таковые подражают отцам.

И живите в любви, как и Христос возлюбил нас [12], и предал Себя за нас [13], в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное.

Вот и основание всего: потому что когда есть любовь, тогда не будет ни крика, ни ярости, ни злословия, но все это будет уничтожено. Посему он и поставил главнейшее в конце. Научает также и тому, от чего мы стали чадами Божиими, именно: от любви. Поэтому мы должны пещись о ней, как об источнике божественного усыновления. Подобно тому как мы, в болезни получив пользу от какого-нибудь лекарства, даже самое название этого лекарства уважаем, так точно и любовь мы должны ценить, ибо вследствие ее Господь предал Себя за нас. Но Он предал Себя за врагов, а ты будешь прощать друзей. Посему ты тогда действительно будешь подражать Христу, когда будешь делать добро врагам. Ибо тогда только сохранит свое значение слово *как*. Умереть за врагов — вот жертва и *благоухание приятное*, чем и стал Христос, приняв смерть за нас — врагов. Вот это и значит подражать Богу.

А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым.

Сказав о суровой страсти — гневе, перешел к меньшему злу — похоти, как и законодатель, сказав: *не убий*, что относится к гневу, затем постановил: *не прелюбодействуй*, что относится к похоти. Ибо как горечь, крик и злословие есть проявление гнева, так блуд, нечистота и лихоимство происходят от похоти: ибо по тому же самому и деньги любили, и тело. Итак, пусть об этом даже и речи не будет у вас, но всецело будьте чисты, потому что слова пролагают путь к делам. Посему, если вы святы, то и язык ваш да будет свят. Прибавляет и следующее.

Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарение.

Как отверг крик, опору гнева; так теперь устраняет *сквернословие и пустословие*, как опору блуда. Избегай, говорит, шуточных и срамных речей, и ты погасишь пламень блуда. Потом, чтобы не показаться тяжелым и суровым, пресекая склонность к шутке, он присовокупил и причину этого, говоря: *не приличны вам*, то есть это несколько не идет вам. Как сапожник не возьмется делать что-нибудь не относящееся к его ремеслу, так и христианин, будучи святым, не должен говорить несообразного со святостью, потому что это бесполезно и непристойно нам. Но если желаешь говорить что-нибудь, так пусть всякое слово твое будет благодарением. И если ты приучишься к благодарению, то припомнишь, кем ты был и что стал, и будешь скорбеть о своей преступности и изумляться Тому, Кто удостоил тебя таких благ, и найдешь неудобным говорить что-нибудь другое. Ибо настоящее время — не время смеха и шутки, но скорби и борьбы. Враг ходит около, скрежеща

зубами на тебя, а ты забавляешься и шутишь? Тебе трудно одолеть его и тогда, когда ты храбро с ним сражаешься, не гораздо ли более, когда ты предаешься забаве? Что же такое — шутник? Это человек легкомысленный, делающийся всем, наподобие актеров, постоянно переменяющий речи; а это есть свойство ума непостоянного и чуждого тем, которые служат Камню.

Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель; который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога. Никто да не обольщает вас пустыми словами.

Вероятно, между ефесянами были некоторые, которые говорили, что Бог, желая утратить, воспретил эти маловажные грехи. Что же худого в слове, чтобы глупец, произнесший его, повинен был геенне? И каким образом лихоимец есть идолослужитель? На них-то в здесь и намекает апостол. Это видно и из присовокупления: *никто да не обольщает вас пустыми словами*. Ибо суетны слова, которые доставляют временное удовольствие, а делу оказываются непригодными; расточать такие слова есть обман. А что лихоимец есть идолослужитель, пойми отсюда: *не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6:24). Действительно, лихоимец отступил от Бога и служит золоту; как же после этого он не идолослужитель? И если скажет, что не поставил идолов, что же из этого? Ибо и более образованные эллины говорили, что они поклоняются не идолам, но Афродите и Аресу, а это страсти. Но лихоимец не закаляет овец, зато закапает людей и разумные души. Эллин поклонялся тварям Божиим, а лихоимец поклоняется собственному призраку. Не Бог ведь создал лихоимство, а наша ненасытность. И я думаю, что Павел сказал это, заимствовав у Давида, но в другом виде. Тогда как тот говорил: *идолы язычников серебро и золото* (Пс. 113:12), Павел по своей великой мудрости изменил это, назвав серебро и золото идолами. Итак, служащий серебру и золоту есть, без сомнения, идолослужитель.

Ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления.

Или по причине блуда, нечистоты и идолослужения, или из-за таких речей обольстителей. *Сынами же противления* называет очень непослушных, не верящих Богу и распространяющих такие мнения.

Итак, не будьте сообщниками их. Вы были некогда тьма, а теперь — свет в Господе.

Но вы, говорит, не сообщайтесь с ними. Потом напоминает им о прежней порочности, говоря: подумайте, чем вы были и что стали, а именно: из тьмы светом. Прежде, и по учению, и по жизни, вы действительно были тьмой, а теперь — свет, потому, что и Бога познали, и совершаете дела света. Но это произошло с вами не от вашей добродетели, а в Господе, то есть по божественной благодати. Итак, вы не должны иметь общения с сынами противления, на которых грядет гнев. Некогда и вы были таковыми и достойными гнева, но теперь уже нет. Посему не возвращайтесь опять ко тьме.

Поступайте, как чада света.

То есть благообразно и как прилично ходящему во свете. Мало того, и для других повелевает нам быть светом. Ибо сын света, конечно, и сам есть свет.

Потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине.

Как бы объясняя нам, кто есть чадо света, говорит: тот, который имеет плод Духа. Ибо Дух производит плоды, не те, о которых впереди мы сказали, но противные им: *благодать*, которая противоположна раздражению и гневу, правду, которая противоположна лихоимству, и истину, которая противоположна ложному удовольствию нечистоты. И говорит о *всякой благодати*, — о благодати ко всем, не только к друзьям, но даже ко врагам.

Испытывайте, что благоугодно Богу.

Испытывать есть дело совершенных, могущих судить. Поэтому только несовершенному и невежественному разумению свойственно избирать неблагоугодное Господу, каковы вышеуказанные страсти.

И не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте. Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить.

Бесплодны дела тьмы и греха, потому что не что иное приносят, как смерть и стыд. Итак, не должно принимать участия в таких делах, но, напротив, обличать, то есть наставлять тех, которые делают таковое. Как же в другом месте говорится: *не судите*? Это сказано вместо: «не осуждайте». Иное дело — обличение и иное — осуждение: первое служит к исправлению, а второе к осмеянию и наказанию. А притом же *не судите* говорит о самых незначительных грехах. Посему и присовокупляет: *что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего?* (Мф. 7:3). Намекает также Павел на некоторые неприличные деяния, которые нашли себе место в Ефесе.

Все же обнаруживаемое делается явным от света.

Сказав, что вы — свет, а свет обличает скрывающееся во тьме, он присовокупляет: *итак, если вы будете добродетельными, то не в состоянии будут скрываться лукавые.* Ибо как при свете светильника не вошел бы вор, так при свете вашей добродетели будут уловлены и те, особенно если они обличены вашими наставительными речами.

Ибо все, делающееся явным, свет есть.

Как рана, когда закрыта, не допускает никакого врачевания, так и грех. Когда же будет обнаружен, то становится светом, не сам грех, а делающий его. Ибо когда, подвергшись обличению, принесет он покаяние и получит прощение, не удалится ли от него тьма? Или же говорит, что ваша жизнь, когда она открыта, есть свет, потому что никто не скрывает своей незазорной веры и деятельности. А тайное потому и скрывается, что оно достойно тьмы; это-то и нужно выводить наружу и обличать.

Посему сказано: «встань, спящий, и воскресни иа мертвых, и осветит тебя Христос».

Спящим и мертвым называет человека, живущего во грехах. Ибо он и смраден, как мертвый, и бездействен, как спящий, и грезит, и воображает призрачное. Когда же пробудится кто от греха, тогда осветит его Христос, то есть воссияет для него, как и солнце для тех,

которые пробудились от сна. Пока же находится во грехах, он ненавидит свет и не приходит к нему. И не относительно неверующих только говорит это, но и о верующих. Можешь найти и различие между спящим и мертвым. Многие делающие зло, но не одобряющие делаемого, могли бы быть названы спящими. Они легко пробуждаются. И к ним-то относится выражение *восстань*. А другие, которые и делают зло, и оправдывают его, могли бы быть названы мертвыми, так как их труднее воззвать к добру. Однако и к ним взывает слово, чтобы они восстали: ибо не должно отчаиваться относительно возможности изменения природы.

Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые.

Опять предостерегает от горечи и гнева, как бы говоря им: вы — овцы среди волков, многие злобствуют против вас, даже свои домашние, смотрите, никому не давайте повода ко вражде; кроме веры, пусть никто ни в чем другом вас не обвиняет, но оказывайте почтение и всякое послушание там, где нет вреда для веры, и будьте, как голуби. Ибо в том состоит мудрость или благоразумие, чтобы сохранить себя самих чистыми и никому не мстить.

Дорожа временем.

Не изворотливости учит нас, но поскольку, говорит, время не ваше и вы — пришельцы, странники и посторонние, то не ищите чести и славы, ни отмщения, но все переносите и этим искупайте время; все отдавайте, чего бы от вас ни потребовали. Подобно тому, как богач, видя нападающих на него с целью лишить его жизни, все отдает и спасает себя, так и вы все отдайте, чтобы спасти главное, то есть веру.

Потому что дни лукавы.

Не сущность дней порицает, ибо сущность дня свет, конечно, и часы, а в них что лукавого? Но за то, кажется, порицает дни, что в них совершается. Как и мы обыкновенно говорим: дурной день провел, конечно, по причине того, что случилось во время его, и что бывает от людей лукавых, а не от Бога. Итак, дни называются лукавыми по преобладанию господства злых людей.

Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия.

Так как, говорит, в настоящие дни преобладают дурные люди, то вы, как мудрые, старайтесь не подавать им никакого повода против себя: ибо в том и состоит воля Божия, чтобы соблюдать себя чистыми, с сохранением и веры.

И не упивайтесь вином.

И еще обуздывает гнев, потому что и неумеренность в вине делает гневливыми и дерзкими. А что порицает неумеренность, это ясно: ведь не сказал: не пейте, но: *не упивайтесь*. Но пьянство происходит от неумеренности, так как умеренное употребление вина доставляет и здоровье (как сам апостол говорит в послании к Тимофею — 1Тим.5:23), и веселье, как свидетельствует Давид (Пс. 103:15). И Писание к тому же говорит (Притч.31:6): *дайте вина огорченному душою*, то есть увеселение находящимся в скорби. Ибо оно смягчает огорчение и тоску. Посему и Бог создал наши тела умеренными, чтобы они довольствовались немногим и стремились к другой жизни.

От которого бывает распутство (ἄσῶτια).

То есть неумеренное употребление. Ибо пьянство не здоровье приносит, но губит не только тело, но и душу. Это и значит ἄσῶτια — трата здоровья. Или же словом ἄσῶτια в простонародном его употреблении, обозначает здесь плотскую невоздержанность. Ибо от пьянства происходит разврат.

Но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу.

Хочешь, говорит, веселиться? Избегай наполнять себя вином, а исполняй себя Духом Святым. И этого ты достигнешь, если научишься псалмопению. Ибо поющие псалмы исполняются Святого Духа, равно как и расппевающие сатанинские песни исполняются нечистого духа. Петъ псалмы в сердце — это значит петъ разумно и без развлечения. Ибо тот поет псалмы в сердце, кто внимает тому, что поет. И заметь, после того, как очистил душу от горечи и прочих страстей, тогда убеждает нас исполняться Святым Духом. И не просто придет Святой Дух, но исполнит наши сердца. А при существовании такого света в нас и всякая другая добродетель будет легка и удобоисполнима.

Благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа.

Всегда: не в покое только, но и в печали, и не за благое только, но и за прискорбное, за то, что знаем, и за то, чего не знаем. Потому что все служит к нашему благодееанию, хотя мы и не сознаем этого. И должно благодарить Отца во имя Господа нашего Иисуса Христа, то есть призывая имя Господа Иисуса, и обращаясь к Нему, как к посреднику и благодееания, и самого благодарения.

Повинуйся друг другу в страхе Божиим.

Вот опять любовь, ибо из нее проистекает повиновение друг другу: не по мирским или человеческим каким-нибудь расчетам, а в *страхе*, говорит, *Божием*. Ибо повинующиеся друг другу ради Бога никогда не впадут в соблазн и не разойдутся, имея такую прочную связь.

Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу.

Недаром и не напрасно Павел прилагает великое попечение о супружестве, ибо и Бог от начала особенно о нем заботился. Ибо с Адамом соединил сестру его, нет, — больше — дочь, да что я говорю? его собственную плоть. Потом с размножением рода и пределы брака расширил, чтобы не заключить любви в тесные границы только родственных отношений. Да и жизнь наша на супружестве держится. Посему и говорит: *жены, повинуйтесь своим мужьям*. Ибо если согласиим будет отличаться супружество, то и дети будут воспитаны хорошо, и слуги будут исполнять свой долг, и все, что касается соседей и друзей, будет хорошо. Служите же, как Господу. Как же в другом месте написано: если кто не разлучится с женой и жена с мужем, тот не может следовать за Мной (Лк. 14:26)? Ведь, если должно служить, как Господу, как же говорит, что должно разлучиться ради Господа? Потому что слово *как* не везде обозначает совершенное равенство. Или: *повинуйтесь*, зная, что служите Богу, то есть если и не для мужа собственно, но, по крайней мере, для Господа. Ибо, если противящийся высшей власти противится повелению Господа, то тем более противящаяся

мужу. И напротив, повинующаяся мужу повинуется Господу.

Потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела.

Представляет основание, что жены должны повиноваться, и основание и причину любви полагает в том, что муж занимает место управителя и попечителя (ибо он есть глава, по его словам, и спаситель), а жена — место подчиненного (ибо она есть тело). Как Христос, будучи главой Церкви, печется о ней и охраняет, так и муж есть охранитель своего тела, то есть своей жены. Как же после этого не должно тело подчиняться главе, которая печется и охраняет его?

Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем.

Отсюда ты поймешь яснее то, что выше он сказал: *повинуйтесь своим мужьям, как Господу*. Так как жены должны повиноваться мужьям, как Церковь Христу, а Церковь и жены составляют, то, как Христу, должна подчиняться жена своему мужу. Каким же образом? Всегда ли повелевает повиноваться? Неужели и тогда, когда муж будет склонен к неверию? Но не о неверных мужьях теперь речь у Павла, а о верных, о которых, без сомнения, он и писал.

Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее.

Ты видел, как Павел понуждал жену повиноваться тебе в той же мере, как и Церковь повинуется Христу; послушай и то, как с другой стороны понуждает тебя любить ее, а не деспотически обращаться с ней. Люби же ее! В какой мере? Как и Христос Церковь. Заботься о ней, как и Христос о Церкви. Если бы нужно было пострадать и даже умереть за нее, не отказывайся. Ибо ты, как уже соединенный с нею любовью, сделаешь это; а Он совершил это, когда находилась она во вражде к Нему и была прелюбодейцей. И как Он уклонившуюся от Него возвратил к Себе не угрозами и насилием, так и сам ты, если бы заметил, что жена удаляется от тебя и ищет разгула, постарайся привлечь ее к себе большей любовью и попечением. И если бы ты потерпел что-нибудь ради нее, не упрекай; потому что и Христос не упрекает Церкви.

Чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова.

Итак, она была порочна, нечиста и безвидна, но Он не возгнушался ей, так и ты не гнушайся своей женой, хотя бы она была безобразна и ничего не стоила. А что Церковь была безобразна, послушай: *вы некогда были тьмой*, а что чернее тьмы? Служили злобе и зависти, а что может быть более нечисто? Непослушны, неразумны и даже богохульны, а что может быть гнуснее этого? И, однако, Он предал Себя за нее, как если бы она была прекрасной и чудной. И очистил *банею водной*, то есть крещением. *Посредством слова*. Какого? Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Чтобы представить ее Себе славною Церковью.

Не просто чистой, но *славною*! И так как Христос — источник всех благ для Церкви, так

и ты будь тем же для своей жены; и как Он сообщил душевную красоту Церкви, так и ты старайся об этом, а не о телесной красоте. И если ты будешь искать душевной красоты в своей жене, то скоро ее создашь в ней, упорядочивая ее и делая славной по духу и для себя, и для Бога.

Не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна.

Этими словами указывает на душевные страсти. Скверны — это недавние страсти, которые легко смыть, которые и причиняли бесчестие; пороки же — это страсти, застаревшие от времени, они-то и делали людей нечистыми и с трудом смываются. Но божественная баня все это очистила и сделала святыми и непорочными.

Так должны мужья любить своих жен, как свои тела.

Не как на более важный и необходимейший пример указывает теперь на то (ибо ясно, что отношение Христа к Церкви гораздо важнее этого примера), но как на более близкий и подручный. Именно дабы кто-нибудь не сказал, что Тот был Бог и предал Себя, — он иным способом указывает нам эту необходимость. *Должны*, говорит, любить, то есть не милость — это дело, но долг и необходимость, потому что жена есть твое тело. Итак, пример Христа он привел не к тому только, что должно любить, но и к тому, чтобы и благоустроить. *Чтобы она была*, говорит, *свята и непорочна*. Пример же тела выставил по отношению только к любви.

Любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь.

Напряженное, говорит, и самое тщательное попечение прилагает всякий о своем теле, так и ты по отношению к своей жене. И опять Христа приводит в пример, показывая, что и Христос возлюбил нас, как Свою собственную плоть.

Потому что мы члены тела Его.

То есть имеем великое сродство с Ним.

От плота Его и от костей Его.

Ибо из нашего вещества Он произошел, как и Ева из Адама. И как там столь великая близость, так и у нас. Да и с другой стороны, мы — *от плоти Его, и от костей Его*, потому что как Тот родился от Духа без сожития, так и мы — в купели; и потому что принявши таинства, мы с этого момента божественно пересоздаемся. Короче сказать, он говорит, что мы имеем наивысшую близость к Нему. Ибо и видимо Он общник нам по плоти и крови, и невидимо, источник нашего духовного возрождения, как и Адам — источник Евиного создания.

Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть.

Вот я еще пример, именно: когда кто, оставив своих родителей, соединяется с ней. И не сказал: будет жить вместе с вею, но: *прилепится*, указывая на неразрывное единение. А слова *одна плоть* понимаются и просто, так говорит великий Иоанн Златоуст: будет едина плоть; но могут означать и нечто другое, именно: будут два для произведения одной плоти, то есть ребенка.

Тайна сия велика; а говорю по отношению ко Христу и к Церкви.

То есть на великое нечто и чудное указал Моисей. И поистине тайна — оставить тех, которые родили, трудились для него и делали добро, и прилепиться к той, которую никогда не видал и которая даже и не начинала делать добро. Действительно, это — великая тайна, если только понимается это о Христе, как пророческое слово о Нем. Ибо и Он оставил Отца, не в смысле перемены места, но снисходя до восприятия плоти, и пришел к невесте, которая совершенно не знала Его, и стал едино с ней по духу. Ибо *соединяющийся с Господом есть один дух (с Господом)* (1 Кор. 6:17). Как же после этого осуждать брак, когда Павел приводит его во образ тайны Христовой и называет его тайной?

Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя.

Впрочем, говорит, хотя я и аллегорически изложил это, однако и ради жены это сказано, и аллегория не уничтожает заключающегося в букве указания на отношение мужа к жене. Ибо должен каждый любить свою жену и лелеять, как самого себя. И не говори мне, что жена имеет тот или другой недостаток, потому что и в теле твоём много недостатков, например, вывихнутая рука, хромая нога, попорченный глаз — но ты не отсекаешь их, а еще большего удостаиваешь попечения.

А жена да боится своего мужа.

Так как равенство производит беспорядок, поэтому он вводит страх, чтобы один был начальник — муж. Страхом же здесь называется особенное почтение и сдержанность, — страх, приличный свободным, а не рабский. В таком страхе и любовь найдет себе поддержку и сама, в свою очередь, его поддержит. И будет жена любить мужа, как часть тела — главу, и бояться его, то есть почитать, как главу. Ну, а если жена не будет бояться? Ты все-таки люби и делай свое, подобным образом и жена, если и не будет любима, все же пусть питает страх. И заметь, о том, что мужу должно любить свою жену, говорил подробно, о страхе же не распространяется, потому что желает, чтобы первое имело перевес, именно любовь. Да и жена, как сказано, должна бояться страхом, происходящим из любви, не возбуждающим трепета и боязни, из которых проистекает скорее ненависть; но так, чтобы не противоречить, не восставать и не домогаться первенства. Ибо, хотя и одна плоть, и имеет власть и равночестна в этом отношении; но жена есть вторая власть, муж же имеет большее значение.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе.

Как скульптор, воспроизводя фигуру человеческого тела, сначала создает голову, потом шею и, наконец, ноги; так и Павел, сказав о муже — первом начале, и жене — втором начале, теперь говорит о третьем начале — детях. Ибо над женой властвует один муж, а над детьми

и жена. Итак, *повинуйтесь*, говорит, *родителям*, но в *Господе*, то есть когда повеления их согласны будут с законом Господним. Потому что, если отец побуждает к нечестию: или желает сделать дочь свою продажной, или сына хочет научить постыдному образу действий, — такие повеления противны Господу, и им не должно повиноваться.

Ибо сего требует справедливость. Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием.

И по естеству это, говорит, справедливо и законом повелевается. Как же он говорит, что это — первая заповедь? Ведь не эта первая заповедь, а: *неубий, не прелюбодействуй*. Но заметь, что он присовокупил: *с обетованием*. Ибо те первые заповеди не говорят об обетовании и воздаянии, потому что они содержат в себе запрещение зла, а не повеление делать добро; и никакой награды нет тому, кто только воздерживается от зла. Эта же заповедь, так как касается совершения добра, первая и содержит обетование. И замечательный порядок. Как только законодатель отклонил людей от злых деяний, он, намереваясь ввести их к совершению благих дел, на первом месте поставил почтение к родителям. Так как они — первые после Бога благодетели для нас, как источники жизни, то по справедливости пусть первыми наслаждаются нашими плодами.

Да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле.

Смотри, как кратко и немного в настоящем случае говорит, потому что дети не в состоянии следить за пространной речью. Да притом, если муж и будет сообразоваться с законами, которые он выше изложил, немного нужно труда, чтобы подчинить себе детей. Но не говорит о Царствии или о чем-нибудь возвышенном, а указывает на то, что особенно желает слышать детская душа; потому что к детям его слово. А что приятнее для детей долголетия? Когда-то было определено это законом и иудеям, как детям, так как они не в состоянии были услышать более совершенное.

И вы, отцы, не раздражайте детей ваших.

Не сказал: любите; потому что этого даже помимо их воли требует от них природа, но: *не раздражайте*, то есть не лишайте их доли и наследства, не тесните их грубо, обращаясь с ними не как со свободными, а как с рабами, и постоянно будьте терпеливы к ним.

Но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем.

Восходит к началу и основанию покорности и указывает отцам, каким образом они могут сделать своих детей послушными. Ибо, если ты, говорит, желаешь, чтобы дети слушались тебя, воспитывай их в слове Божиим, и не говори, что дело монахов — читать Божественное Писание. Ибо это — долг всякого христианина, и особенно живущих в мире, поскольку и нуждаются они в большей помощи, как живущие среди житейского волнения. Равно как и для тебя нужно, чтобы дети слушали Писание; из сего ведь они могут узнать: *что отца твоего и мать твою*. Затем, ты воспитываешь сына на эллинских сочинениях, из которых познается все самое худшее, а ужели не будешь питать его словом Божиим?

Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти.

Так как и добродетель слуг способствует благоустройству дома, то и этой стороны он не оставляет без внимания, но приступает к ней напоследок, потому что она и по достоинству своему есть последняя. Но с ними говорит не как с неразумными детьми, а как с совершенными, как это мы укажем впереди. Повинуйтесь же, говорит, господам по плоти, то есть временным. Сейчас же утешает их, указывая на то, что рабство временно и уничтожается вместе с плотью.

Со страхом и трепежом, в простоте сердца, вашего, как Христу.

Относительно жены просто сказал: *да боится своего мужа*, а здесь сильнее выражается: ибо трепет есть высшая степень страха. Ибо жена равна мужу и свободная, а рабы — не равны. Хотя они и братья во Христе, но так как повелевает, чтобы и свободные подчинялись друг другу, даже жена мужу, то тем более рабы должны подчиняться господам. Ибо это не есть какое-либо унижительное дело, а напротив, высшее благородство — уметь смириться и уступать ближнему. А так как многие из рабов боятся своих господ не из расположения, но в тайне коварствуют и злоумышляют против них, то присовокупляет: *в простоте сердца*, устраняя злоумышление.

Не с видимою только услужливостью, как человекоугодники.

То есть не только в присутствии и пред глазами господ, но и в отсутствии так служите им.

Но как рабы Христовы.

Человекоугодник не служит Христу, как и в другом месте говорит: *если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым* (Гал. 1:10).

Исполняя волю Божию от души, служа с усердием.

Так как можно служить в простоте сердца и искренно, но не со всею силой, исполняя только какое-нибудь определенное дело; то поэтому присовокупляет теперь: *от души*, то есть от всей силы и готовности; даже *с усердием*, то есть со всею преданностью и охотой, а не по принуждению. В таком случае и низость рабства устраняется, если рабы добровольно совершают доброе и не дожидаются принуждения и побоев. Волею же Божией называет или подчинение (ибо этого желает Бог, то есть благого порядка), или же говорит: в том повинуйтесь, рабы, своим господам, чего желает Бог. Ибо может случиться, что и относительно детей сказано: господа побуждают их к чему-нибудь постыдному или к нечестию, а это не есть божественная воля.

Как Господу, а не как человекам.

Ибо Сам Бог принимает благорасположенность по отношению к господам, так как Он же и установил этот добрый порядок, и не служащий им, как следует, противится божественному закону.

Зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный.

Так как, вероятно, многие из господ — эллины и неверующие — не делали никакого добра по отношению к рабам, которые хорошо им служили, то говорит: если не получишь награды от господина по плоти, то примешь ее от Господа всех. И здесь показал, что говорит с ними, как с совершенными, а не как с детьми. Ибо детям он указал на земное долголетие, а этим указал на будущее.

И вы, господа, поступайте с ними так же.

Так же. Как? Служите охотно и не как человекоугодники, но со страхом и трепетом, то есть в отношении к Богу. Ибо хотя словами прямо этого не выразил, но желает сего. Служит ведь и господин рабу, заботясь о нем и доставляя ему все необходимое и вообще поддерживая его и снисходя к нему, и, как Соломон говорит: разделяя с ним труд. Но послушай, что дальше говорится:

Умеряя строгость.

Не сказал: оставив бич, но: даже *строгость*, а тем более наказание, то есть и в угрозах не бывайте жестокими.

Зная, что и над вами самими и над ними ^[14] есть на небесах Господь.

Смотри, как устрашает. Ибо говорит Господь: *какою мерою мерите, такой и вам будут мерить* (Мф. 7:2). Не услышь и ты: *Злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего?* (Мф. 18:32—33).

У Которого нет лицепрятия.

Не думай, говорит, что если ты будешь жесток к своему рабу, то не дашь ответа пред Богом вследствие ничтожности этого лица (раба). Это ведь свойственно внешним законам, которые знают различие между благородством и рабством, потому что от людей эти законы. Но здесь не так, потому что ты и сам есть раб Того же Господа, хотя бы ты и был жесток в отношении к рабу: ибо изначала Бог не сотворил рабства, но его создало любостяжание (так относительно пленных) и оскорбление родителей, как это случилось с Ханааном. Но если и не от Бога оно произошло, однако подчинение Бог узаконяет ради благоустройства, и чтобы жизнь не была отягчена кровью.

Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его.

Дом каждого есть как бы войско: поэтому уже, приведя в порядок все силы, выводит их на войну. Ибо, если каждый в отдельности не будет нарушать своего порядка, тогда и военное дело будет в хорошем положении. А так как уже многое, что казалось расстроенным, он привел в порядок, то не страшитесь, говорит, но держайте в силе Господа. Ибо у Него не просто сила, но *могущество силы*, то есть Он имеет силу неизреченную и все превосходящую.

Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских.

В чем состоит всеоружие, это покажет несколько после. Но заметь, почему он не сказал: битвы или войны, но — *козни*. *Козни* есть обольщение и уловление посредством хитрости.

Ибо враг не открыто предлагает грех, например, он не склоняет явно к идолопоклонству, но располагает к этому иным способом, коварствуя, то есть правдоподобным словом и пользуясь хитростью. Павел же указанием, что противник ужасен и изворотлив, ободряет их и побуждает к осторожности.

Потому что наша брань не против крови и плоти.

И это не для возбуждения страха говорит, но для того, чтобы сделать внимательными. Ибо тот, кто указывает на силу врага, делает тем самым своих более осторожными. У нас дело, говорит, не с обыкновенным врагом, и не с людьми, подобными и равносильными нам.

Но против начальств, против властей.

Как Бог начала и власти имеет, так и надменный тиран устроил у себя подобные же порядки.

Против мироправителей.

Не в смысле обладателей мира или твари. Потому что писание *миром* обыкновенно называет лукавые деяния и тех, кто совершает оные, как в выражении: *вы не от мира* (Ин. 15:19), то есть не из числа творящих злое. Теми же обладают демоны, потому что они добровольно отдали себя в рабство им.

Тьмы века сего.

Тьмой называет непотребство, которое является и существует в сем веке, но далее его не простирается.

Против духов злобы.

Так называет демонов. А так как и ангелы суть духи, то он прибавил *злобы*; потому что те — духи добра и света. Говоря же, что мы воюем не с плотью и кровью, он чрез противопоставление дает знать, что воюем с подвижными, непобедимыми в коварстве и трудно уловимыми.

Поднебесных (ἐν τοῖς ἐπουρανίοις).

Чрез это опять побуждает к бодрости слушателя. Опасность, говорит, в великом деле, ибо дело идет не о земном и тленном, а о небесном. Предлог «в» (ἐν) употреблен вместо «за» и «ради» (διὰ), как бы говорит: ради небесного воюем, и потому нужно быть бдительным.

Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостоять в день злый

То есть в настоящем веке, потому что его называет злым днем от злых дел, совершающихся в нем. Ободряет также и указанием на то, что время борьбы кратко. Ибо, называя днем, указывает на его краткость.

И, все преодолев, устоять.

Всякие страсти и постыдные пожелания преодолев, то есть победив и умертвив. А так как многие и после победы пали, то говорит: *устоять*. И после победы нужна твердость, чтобы побежденный опять не восстал войной. Ибо, если мы предадимся беспечности, умерщвленный враг непременно снова оживет. Заметь, что возможно преодолеть и стоять твердо, и мы не должны потом малодушествовать под предлогом, что враги могущественны. Ибо нам дана такая сила и мы научены такому искусству, что и с демонами можем бороться, и даже больше — не только бороться, а быть настолько страшными для демонов, по силе Обитающего в нас, чтобы не нуждаться в борьбе, а просто попирать змей и скорпионов. Сие же говорит Павел, потому что многочисленны были у них противники, научая, что при посредстве сих воюют с нами демоны. Посему не на людей гневайтесь, а вооружайтесь против демонов.

Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною.

В деле войны первое — уметь хорошо стоять; поэтому Павел прежде всего советует относительно стояния, требуя, чтобы оно было правильное, приличное воинам, — прямое. Ибо надлежащим образом стоящий стоит прямо, не наклоняясь к чему-либо, как и тот, кто не стоит, не есть прямой; например, человек любострастный, сребролюбивый и живущий роскошно, не стоит прямо, а наклоняется к чему-нибудь. После же стояния препоясывает воина, конечно, в духовном смысле, и того, который расплывается и находится в расслаблении от пожеланий, скрепляет, стягивая посредством пояса. *Чреслами* же называет душевное мужество и все выносящую силу. Как дно у кораблей, так и чресла у животных составляют как бы некоторое основание. Потому и мы от утомления часто отдыхаем, положив руки на чресла. Таково же положение и духовных чресел, которые апостол повелевает препоясывать истиной, заключающейся как в учении, так и в жизни. Ибо никто из еретиков не препоясывается истиной, но они вращаются внизу, около земли, не имея возможности постигнуть ничего возвышенного, но человеческими помыслами, вращающимися долу, исследуют божественное. Кроме того, будучи не тверды и в жизни, и подчиняясь обольщениям мира, они не только не препоясываются истиной, но, упав низко, даже жаждут лжи. Но мы не таковы должны быть, а во всем следовать истине: будет ли это учение, должны в нем искать истину, будет ли жизнь, точно так же. Мы должны быть нелицемерными, чуждыми коварства, не допускать лжи друг ко другу. Если мы таким образом будем препоясаны, то будем в состоянии стремиться к цели; препоясанием же этим он дает знать, что нам всегда должно быть вооруженными, как и Давид говорит: *как пояс, которым всегда опоясывается* (Пс. 108:19); ибо в непрестанной войне мы находимся. Григорий же Богослов под чреслами у нас понимает желательную способность (ибо в чреслах — внутренности, которые в Писании — символ пожелания), а под истиной — способность созерцательную. Поэтому утверждает, что Павел здесь увещевает всякое желание наше препоясать созерцанием и размышлением о Боге. Ибо созерцающий Бога и находящий радость в Нем как поистине возлюбленном не допустит, чтобы его желание обратилось на что-нибудь низкое и вращалось около земных предметов.

И облекшись в броню праведности.

Правдой здесь называет вообще добродетельную жизнь, как бы говоря: облачив свою грудь праведными делами. Ибо, как броня делает человека неуязвимым, так и правда того, кто облекся в нее.

И обуи ноги в готовность благовестовать мир.

Хорошо предлагает нам и латы. Этим он говорит или то, что должны быть готовыми к благовестованию и проповеди. Ибо *прекрасны*, говорит, *ноги возвещающего мир* (Ис. 53:7). Или что должно нам быть готовым к исходу, живя по Евангелию. Ибо ноги — символ жизни; посему и говорит: *поступайте осторожно* (Еф.5:15). Готовность же благовестовать — добрые дела, которым и Господь внемлет, по сказанному: «уготованию сердца их внят ухо твое» (Пс. 9:38) [15]. Хорошо также сказал: *мир*. Так как он упоминал о войне и битве, то показывает, что войну эту нужно вести против демонов, а не против людей, — ибо о мире благовестие, — и что, сражаясь с демонами, мы пребываем в мире с Богом, Которого не должно снова возбуждать к войне против себя, нарушая мир. Но благая весть уже есть, победа совершена; посему не будем страшиться.

А паче всего возьмите щит веры.

Словами же *паче всего* указывает на упомянутую выше истину и правду, и упование Евангелия. Ибо все это нуждается в вере. Но верой называет здесь не познание истинного ботопочтения, а веру чуждую сомнения, которая заставляет верить в будущее, как настоящее, которая совершает знамения и настолько пламенна и горяча, что и горы переставляет. Итак, как щит прикрывает все тело, ограждая и защищая его подобно стене, так и вера без сомнений — ограда всей души. Такая вера, а не мудрование, есть щит. Щит прикрывает, а те только мешают.

Которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого.

То есть постыдные пожелания, помыслы неверия, (как например: будет ли воскресение? будет ли суд?) и искушения. *Раскаленные* же не только потому, что похоти разжигают и воспаляют к постыдным делам, но и потому, что здесь мы и совестью как бы сжигаемся. К тому же и диавол поджигает нас и чрез помыслы неверия, и чрез искушения. Вера же угашает это; потому что, если демонов она покоряет, то тем более страсти. Ибо разжигает ли тебя похоть, ты, веруя в будущие блага и радость, погасишь ее; палит ли тебя искушение, веруя в будущее, ты найдешь утешение. Поразмысли, каким огнем палим был Авраам, когда приносил в жертву своего сына, но вера погасила этот пламень.

И шлем спасения возьмите.

То есть спасающий и оберегающий. Ибо если мы будем иметь веру (спасающую и охраняющую нас), то скоро получим и спасительные помыслы, охраняющие нашу главу или руководительный ум.

И меч духовный, который есть Слово Божие.

В вышесказанном Павел нас вооружил, чтобы не причиняли нам вреда враги, а теперь дает оружие, которым мы сами можем причинять сильный вред врагам. Итак, мечом Духа называет иносказательно или Самого Духа, или духовную жизнь, которой сокрушается глава дракона. Духовный же сей меч есть слово Божие, то есть заповедь. Ибо если мы будем исполнять Его заповеди, то будем умерщвлять змея лукавого, как говорит Исаия (Ис. 27:1). Или же слово Божие есть выражение: *во имя Иисуса Христа встань и ходи* (Деян. 3:6), и тому

подобные. Или же мечом Духа называет просто мудрость духовную. *Ибо слово Божие живо и действительно и острее всякого меча* (Евр.4:12), и имеющий дар сего духовного меча и глаголющий божественное — неодолим, каков был сам Павел.

Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом.

Вооружив их, наконец, ведет к царю, чтобы умолять Его, да прострет Он руку. Ибо сказав: *возможете угасить*, чтобы не возгордились, говорит: вы имеете нужду в Боге и можете завершить все дело вместе с упомянутым молитвой, молясь не просто, но *всякою молитвою и прошением*, с плачем, биением в грудь, коленопреклонением и тому подобными действиями. И не в установленные только часы, но *во всякое время и духом*, то есть духовного прося, а не мирского. Но говоря: *всякою молитвою молитесь*, намекает, что можно и совершая молитву, не молиться, когда кто пустословит.

И старайтесь о сем самом.

Или о всенощных бдениях здесь говорит, или о бодрствовании души, то и другое можно понимать. Ибо вооруженному и стоящему пред царем должно быть бодрствующим.

Со всяким постоянством и молением.

Подобно хананеянке, вдовице и Анне. Ибо такова действительно молитва соединенная с терпением.

О всех святых и о мне.

Итак, не за себя только должно молиться. Но заметь смирение: последним ведь ставит себя, и просит учеников молиться, и это тот, который находился в узах за Христа. Да и Петр находился в узах, и за него усердная молитва была совершена Церковью.

Дабы мне дано было слово — устами моими открыто.

Итак, он, не заботится о том, что говорить, но как сказал Христос: *не заботьтесь, как или что сказать, ибо в тот час дано будет вам, что сказать* (Мф. 10:19), — так и он, отвергая уста, передавал то, что повелевал Бог; так и все он совершал божественной благодатью. Отсюда уразумеешь меч духовный, который есть слово Божие.

С дерзновением возвещать тайну бжвговествования, для которого а исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедовал, как мне должно.

То есть чтобы мне, как должно, защитить себя, как проповедника веры, с дерзновением и мужеством и великим благоразумием. Но к кому же ты исполняешь посольство? К людям, чтобы примирить их с Богом; но они связали меня, хотя по закону послы не должны подвергаться никакому насилию. Итак, хотя узы положены на меня, чтобы обуздать мое дерзновение, но ваша молитва откроет мне уста, чтобы дерзать и говорить все, что повелел мне поручивший мне посольство. Видишь ли, меч есть дерзновение в проповедании слова Божия, которое Павел хотел говорить во откровении уст.

А дабы и вы знали о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас

Тихик, возлюбленный брат и верный.

Что относилось до учения и утешения, то сам объяснил чрез послание; но когда вспомнил об узах, не останавливается на беседе о них, а оставляет нечто и Тихику рассказать о нем, чтобы не бесполезно было присутствие этого брата. Так как он *возлюбленный*, то все знает; так как *верный*, то не солжет.

В Господе служитель.

То есть служащий для Бога и в божественном деле, а не ради чего-нибудь мирского или относительно чего-нибудь земного; или — брат в Господе, то есть духовный брат.

Которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши.

Святой Иоанн Златоуст так говорит: «чтобы вы узнали о нас», то есть да возвестит вам, что со мной и не допустит вас унывать из-за меня, так как я нахожусь в бедствиях и ношу узы. А это указывает на любовь и с его стороны к ним, и со стороны тех к нему.

Мир братьям и любовь с верою от Бога Отца и Господа Иисуса Христа.

Просит им мира и любви с верой. А это значит следующее: или чтобы они любили не инославных, а одних верных, или что и веру нужно иметь им для того, чтобы иметь надежду относительно будущего. Ибо без веры бесполезна любовь, и даже более, без веры не было бы любви. Что и сказал он словами: мир и любовь с верой. Научая же, каким образом мир будет, присовокупил: чрез любовь. А любовь каким образом? Если будем иметь веру.

Благодать со всеми, неизменно любящими Господа нашего Иисуса Христа.
Аминь.

Здесь отделил мир от благодати, особо поставив то и другое, хотя повсюду соединял их. «*В неистлении*» (по-русски — неизменно) же, то есть в чистоте, или любящих Христа не в богатстве и славе, но в нетленных благах, то есть ради нетленного; или — что любящий Христа чрез добродетель Его любит. Ибо грех есть тление, а добродетель — нетление. Ибо, как о деве говорим, что растлеается, так и о душе; посему и Павел говорит: «чтобы ваши умы не повредились» (2 Кор. 11:3), и *развращенные умом* (2Тим.3:8). Посему следует и нам показывать любовь ко Христу посредством чистоты в жизни и стремления к тем нетленным благам, и вообще посредством всякой добродетельной жизни, которая соблюдает душу непорочной, не растлеваемой ни учением, ни нечестием, соблюдает в Самом Христе, непорочном Женихе девственных и непорочных душ, Которому слава во веки веков. Аминь.

Примечания

1. В русском переводе нет слова *Иисусе*.
2. Неточно цитируется псалом. *Прим Ред*.
3. В русском синодальном переводе *открыв*.
4. По другому чтению: $\sigma\omega\mu\alpha \acute{\epsilon}\kappa\kappa\lambda\eta\sigma\iota\alpha\varsigma$.
5. У блаженного Феофилакта: «в нем» вместо: «на нем».

6. У блж. Феофилакта опущено слово *Святым*.

7. Слово «Иисусе» опущено у блж. Феофилакта.

8. Имеется ввиду, что еретики считают Сына и Духа служебными силами при Отце, и утверждают что на эту служебность, приниженность указывают именно эти предлоги. — *Прим. Ред.*

9. Ср. Пс.67:19.

10. οσίαν — выражение это употребляется о тех, которые освободились от суда.

11. Блж. Феофилакт читает: «как и Бог простил нам во Христе Иисусе».

12. У блж. феофилакта «вас», вместо «нас».

13. *За нас* опущено у блж. Феофилакта

14. У блж. феофилакта нет слов *и над ними*.

15. В русском переводе: «преданности сердца их вняло ухо Твое». — *Прим. Ред.*

Толкование на послание к филиппийцам Святого Апостола Павла

Предисловие

Филиппинцы — жители города Филипп, находящегося в Македонии и названного так по имени основателя его Филиппа; в то время они были в зависимости от митрополии Фессалоникийской. Павел много говорит о них доброго. Послание это писал он, когда находился в узах, так как после первого защищения на суде, о котором упоминает в Послании к Тимофею, он снова взят был в узы. Филиппийцы, послав ему чрез Епафродита все нужное, вместе с тем желали знать о нем. Будучи уверен, что филиппийцы беспокоятся, услышав, что учитель их заключен в узы, он пишет им это послание, научая их, что узы его должны производить в них не беспокойство, но радость, так как они ради Христа. Советует им быть единомышленными и смиренными духом. Обличает также тех из иудеев, которые под прикрытием христианства вредят учению, и называет их псами и злыми деятелями. Много говорит им об образе жизни. Благоразумно упоминает о посланных ими ему дарах; очевидно относится к ним с уважением, потому что они обнаружили великую добродетель и готовность к вере. Здесь была женщина, торговавшая багрянницей; здесь веровал начальник синагоги; здесь Павел после побоев был заключен вместе с Силой в темницу; здесь темничный страж, пораженный одним знамением, уверовал во Христа со всем своим домом; здесь же военачальники, боясь Павла, просили его удалиться. Вообще проповедь Павла имела блистательное начало, что известно нам из Деяний. И здесь Павел свидетельствует не только о правой вере филиппийцев и об опасностях, которым и они подвергались из-за веры, но об их доброй благорасположенности к нуждающимся. Ради всего этого он показывает, как сильно любит и уважает их.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Павел и Тимофей, рабы Иисуса Христа.

Здесь апостол не выставляет своего апостольского достоинства, но просто называет себя рабом Иисуса Христа. Велико, конечно, и это наименование, только оно более общего характера. Когда же он пишет к Тимофею и коринфянам, то называет себя апостолом. Почему это? Потому что там хотел он многое устроить, а потому и выставил на вид свое апостольское достоинство. Здесь же ничего подобного он не заповедует, но как бы считает их равными себе.

Всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах.

Так как и иудеи называли себя святыми, поскольку они были народом святым, то апостол и прибавил — *во Христе Иисусе*, потому что находящиеся во Христе Иисусе действительно святы, а те (иудеи) нечисты.

С епископами и диаконами.

Епископами он назвал здесь пресвитеров, так как в одном городе многих епископов не

было. В то время ещё не было различия в названиях, и сами епископы назывались диаконами и пресвитерами. Поэтому, когда Павел писал к Тимофею, как епископу, он говорил: *исполняй служение* (την διακονίαν) *твое* (2Тим.4:5), и затем: *которое дано тебе с возложением рук священства* (1Тим.4:14), то есть епископов, потому что пресвитеры не рукополагали епископа. С другой стороны, и пресвитеры назывались епископами (ἐπίσκοποι), так как и они, очевидно, наблюдали за народом, чтобы очищать и просвещать нуждающихся. Почему же он теперь пишет к клиру, чего в другом месте нигде не делал? Потому что они сами послали Епафродита, который принес апостолу потребное для него.

Благодать вам и мир от Бога, Отца: нашего Господа Иисуса Христа.

Прилагает обычное приветствие, желая им быть исполненными благодати, чтобы они не превозносились друг пред другом и чрез это не лишились мира и единодушия; потому что благодать получают те, которые свободны от гордости.

Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас.

Всякий раз, как вспоминаю о вас, говорит апостол (а это я делаю всегда), я прославляю Бога за то, что вы столько успели в добродетели. Но, несмотря на то, что вы так славны в божественном, я не перестаю молиться о вас, но молюсь за всех, чтобы вы еще и еще преуспевали.

Принося, с радостью молитву мою.

Так как можно вспоминать и с печалью, как, например, говорит в другом месте: *от великой скорби и стесненного сердца я писал вам* (2 Кор. 2:4). Почему воспоминание с радостью есть свидетельство их добродетели.

За ваше участие в благовествовании от первого дня даже доныне.

Здесь свидетельствует им о великом и истинно апостольском их деле. Он говорит, что сообщники и соучастники мне в труде благовествования, не в то или другое время, но с тех пор как уверовали, даже и доныне. Как же вы участвуете? Посылая мне все нужное и заботясь обо мне. Потому что, кто содействует и помогает всевозможным образом трудящемуся в каком-либо добром деле, тот является участником в его деле. Так те, которые заботятся о мучениках, и те, которые отъемлют всякую заботу о мире у подвижников, и те, наконец, которые учителям дают возможность не отвлекаться, — становятся участниками их венцов.

Будучи уверен в том, что начавший в вас доброе дело будет совершать его.

Благодарю, говорит, и *радуюсь*, в надежде, что Бог, *начавший в вас доброе дело*. Сам и будет *совершать* его, потому что по прошедшему я заключаю и о будущем. Посмотри, как он научает их думать о себе скромно, когда приписал все Богу, а не им одним; впрочем, этим самым он нисколько не лишил их почестей, поскольку он сказал: *начавший в вас*, то есть по вашему желанию. Если бы не было со стороны человека желания, то и Бог ничего бы не сделал; потому что, если бы Он безусловно действовал, то ничего не препятствовало бы Ему действовать и в эллинах, и во всех людях. Итак, Павел немало хвалит филиппийцев за то, что

они привлекли к себе благодать Божию для содействия не человеческого, но Божия. Вместе с тем и ободряет их, чтобы они не унывали; потому что если Бог совершит начатое, то не будет для них большого труда.

Даже до дня Иисуса Христа.

То есть до пришествия Господа. Таким образом, говорит, я верю, что не в одних вас Господь будет действовать, но и в тех, которые будут после вас, даже до скончания мира. Или же под днем Иисуса Христа понимай смерть каждого, то есть конец.

Как и должно мне помышлять о всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при защищении и утверждении благовествования.

Я, говорит, убежден, что вы до конца пребудете таковыми, и я думаю так о вас потому, что всегда имею вас в сердце и знаю ваши хорошие дела, знаю, что вы стараетесь и в отсутствии моем быть соучастниками мне в благодати благовествования и уз. Поэтому справедливо я делаю такое заключение о вас, и по началу сужу о конце. Какая же похвала для филиппийцев в том, что они заключены в сердце Павла, который любит не просто, но с рассуждением и только достойных? Даже и в то время, говорит, когда я защищался пред Нероном, вы не вышли из моей памяти. Узы и скорби он называет утверждением благовествования; но можешь назвать так и самое защищение. Потому что, очевидно, если бы он не был убежден в несказанных воздаяниях и неизреченных благах, то не был бы заключен в узы; не подпал бы суду жестокого Нерона, если бы не предвидел иного царя, более верного и прочного. Итак, скорей его суть утверждение благовествования.

Вас всех, как соучастников моих в благодати.

Здесь апостол показывает, что он не без основания любит их. Потому, говорит, я имею вас в сердце, что вы участвуете со мной в этой благодати, то есть в скорбях и узах, и не только ревностно стараетесь не отпасть от нас в скорбях, но и быть соучастниками в испытаниях, которые мы терпим ради благовествования. Что узы — благодать, это явствует из слов Господа: *довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12:9). Или еще лучше, как он в дальнейшем говорит: *вам дана благодать страдать за Христа*. Заметь: он не сказал — участников, но *соучастников*, показывая этим, что и он сам участник другим, как и в другом месте говорится: что я сделался соучастником благовествования, то есть чтобы я участвовал в благах, которые предназначены провозвестникам Евангелия.

Бог — свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа.

Апостол призывает в свидетели Бога не потому, чтобы он опасался недоверия, но потому, что он не может выразить словом свое великое душевное расположение, предоставляя это Богу, испытующему сердца. И это есть явное доказательство его искренности. Потому что, если бы он им льстил, то не призывал бы в свидетели Бога. Сказал: *любовью Иисуса Христа*, то есть не ради чего-нибудь человеческого, не ради того, что вы прислали потребное для меня, но любовью ради Бога. Или, сделавшись вашим отцом чрез веру во Христа, я люблю вас любовью не плотской, но той, какую дает Христос Своим истинным рабам, рождающим Ему чад Евангелия. Всех я объемлю великой любовью, потому

что все вы таковы.

И молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала.

Хотя он и любим столько, однако желает еще больше быть любимым, потому что свойство любви — никогда не останавливаться. Обрати внимание на его оборот речи, который он более усиливает, когда говорит: *еще более и более возрастала*. Говорит так с тем, чтобы не его одного любили, но и других.

В познании и всяком чувстве.

То есть, чтобы вы любили не просто, но с рассуждением и уверенностью и испытанием, потому что есть много таких, которые любят безрассудно, от чего такая любовь и не бывает прочна. Или чтобы не любили еретиков.

Чтобы, познавая лучшее.

То есть полезное. Если вы любите благоразумно и с рассуждением, то вы можете избирать полезное и распознавать, кто достоин любви, то есть верных, и кто не достоин, то есть неверных. Но как же говорит он в другом месте: *будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12:18). Во-первых, он не безусловно сказал, но с ограничением: *если возможно, будьте в мире со всеми людьми*. Затем, иное — быть в мире, и иное любить; первое значит не враждовать, а для любви требуется душевное расположение и как бы слияние и тождество в нравах, чего не следует оказывать по отношению к еретикам. Ибо *если правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его* (Мф. 5:29).

Вы были чисты и непреткновенны в день Христов.

Я говорю это не ради своей пользы, но для того, чтобы вы под предлогом любви не приняли какого-либо ложного учения. Сказал: *чисты* — это пред Богом, *непреткновенны* — это пред людьми; потому что хотя дружба с еретиком и не приносит вреда тебе, но соблазняет другого; а если ты соблазняешь своих братьев, то как же явишься чистым в день Христов?

Исполнены плодов праведности Иисусом Христом, в славу и похвалу Божию.

То есть, чтобы вы сообразно с правотой учения и жизнь вели безукоризненную. Под праведностью апостол понимает всякую добродетель, или в частности милосердие. Не говорю, чтобы вы исполняли добродетель или милосердие несовершенно, но чтобы вы были исполнены ими. А так как и эллины думали приписывать себе добродетель и милосердие, то он и прибавил — *Иисусом Христом*; так как их дела не по Христу, но ради тщеславия и человекоугодия. *В славу Божию*, то есть: а не во славу меня, который научаю сему; вам не должно препятствовать славе Божией. Вместе с тем он и ободряет их, как бы говоря, что Бог будет содействовать им в деле, которое они будут совершать во славу Его.

Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования.

По-видимому, филиппийцы, узнав, что Павел связан, беспокоились, как бы это не послужило препятствием проповеди Евангелия. Поэтому, чтобы уничтожить это подозрение, Павел и говорит, что узы не только не воспрепятствовали моему благовествованию, но, напротив, послужили к большему его успеху.

Так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим.

То есть, хотя я и связан, но говорю с еще большей смелостью и не молчу, но проповедь моя достигла даже до самой претории, то есть самого дворца царского, и распространилась во всем городе. И это совершилось *о Христе*, то есть это не мое дело, но Христа. Или: *узы мои о Христе*, то есть узы, которые я терплю за Христа

И большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие.

И прежде они смело проповедовали, теперь же еще больше, видя меня, смело проповедующего, хотя я и в узах. Ибо, когда они увидели меня в узах, то еще большую почувствовали ревность к проповеди. А так как Павлу казалось слишком сильным сказать: я их воодушевил, то прибавил: *в Господе*. Итак, если находящиеся близко к моим узам не смущаются, но восприимлют большее дерзновение, то тем более прилично это вам.

Некоторые, правда, по зависти и любопрению, а другие с добрым расположением проповедуют Христа.

После того как Павел был схвачен, многие из числа неверных стали проповедовать Христа, желая этим возбудить Нерона к большему гневу, чтобы он как можно скорее умертвил Павла, так как чрез него проповедь распространяется повсюду. Это и значат слова: *по зависти и любопрению*. Или же, потому они стали проповедовать Христа, что хотели и сами получить честь и отнять что-нибудь от моей славы. Другие же, говорит, проповедовали Христа *с добрым расположением*, то есть без лицемерия и истинно.

Одни по любопрению проповедуют Христа не чисто.

То есть неискренне, не ради самого блага.

Думая увеличить тяжесть уз моих.

Думая, говорит, тем самым подвергнуть меня большей опасности и приложить печаль к печали. Но не удастся им это ухищрение; потому что проповедь чрез это становится славнее, и моя радость увеличится чрез это. Видишь ли, что доброе дело не следует делать без доброго расположения и что возможно не только не получить награды, но и подвергнуться наказанию.

А другие — из любви, зная, что я поставлен защищать благовествование.

То есть другие по любви как к Богу, так и ко мне, проповедуют Евангелие, зная, что я должен отдать отчет в проповеди, и ради этого содействуют мне в этом деле. Ибо, если многие пристанут к моей проповеди, то мне легко будет защищать благовествование. Таким-

то образом они содействуют мне, научая многих.

Но что до того? Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно.

Что говорит, много говорить? Или, зачем мне заботиться о том, так или иначе, притворно, то есть по зависти и лицемерию, или искренно проповедают Христа? Основываясь на этом, некоторые неразумные заключили, что Павел дал начало ересям. Потому что, говорят они, пусть бы кто ни проповедовал, только бы о Христе, — это не составляет никакого различия. Но обрати внимание: во-первых, апостол не сказал: *καταγγελλέσθω* — пусть проповедают Христа, как будто он постановляет закон, но — *καταγγέλλεται* — проповедуется, — указывая на совершившееся событие. Затем, хотя бы он и сказал это в виде узаконения, все-таки он чрез это не открыл бы доступ ересям. Как же это? Поскольку те, о которых он говорит, не ввели ложного учения, но проповедовали истинное, хотя не праведно и не с истинным намерением. Еретики же по преимуществу проповедают не истинное, а превратное и ложное учение, да кроме того, и цель имеют превратную.

Я и тому радуюсь и буду радоваться.

Они делают это для того, чтобы причинить мне печаль; а я радуюсь тому, что Христос чрез это больше проповедуется. И если они впредь будут совершать это, то я буду радоваться еще более. Видишь ли, как козни диавола уничтожают его самого?

Ибо знаю, что это послужит мне во спасение.

Что — *это*? То, что чрез вражду и ревность по отношению ко мне проповедь слова возрастает.

По вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа.

Обрати внимание на смиренномудрие апостола Павла. Своими бесчисленными и добрыми делами он уже заслужил спасение; однако он говорит: если только буду удостоен ваших молитв и чрез них будет дарован в большом избытии Дух, в таком только случае я получу спасение. Под содействием разумеет обильнейшее подаяние благодати Святого Духа.

При уверенности и надежде моей.

Уверенностью — *ἀλοκαράδοκίαν* — апостол называет твердую и непоколебимую надежду, которая выражается всем положением головы — *κάρα* — и уверенным взором. Итак, говорит: я твердо надеюсь, что буду спасен. Под спасением же нужно разуметь освобождение от жестокости Нерона. Как я, говорит, избег первой опасности, также точно избегну и нынешней. Здесь же он научает, чтобы мы не полагались исключительно на молитвы других, но и сами нечто приносили, как и сам Павел причиной всех благ поставляет свою уверенность. Ибо и пророк говорит: *да будет милость Твоя, Господи, над нами, как мы уповаем на Тебя* (Пс. 32:22). И в другом месте: *кто верил Господу, и был постыжен?* (Сир.2:10). И сам Павел говорит: *надежда не постыжает* (Рим. 5:5).

Что я ни в чем посрамлен не буду.

То есть ни в жизни, потому что проповедую Евангелие, ни в смерти, так как враги не победят. А если бы они и умертвили меня, то и тогда откроется для меня еще более непостыдная слава. Но это им не удастся.

Но при всяком дерзновении (и ныне, как и всегда) [1] возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью.

Они, говорит, думали, что посредством своих козней ввергнут меня в опасности и смерть; но не удастся им это их усердное старание; напротив, *при всяком дерзновении*, то есть явно и непреложно *возвеличится Христос в теле моем*, то есть пока я живу и ношу это тело, ибо я не умираю. А чтобы кто-нибудь не сказал: что же? если ты, Павел, умрешь, то Христос, конечно, не возвеличится? он прибавляет, что и смертью моею Он возвеличится, поскольку Он сделал меня сильнее самой смерти. Но теперь Он пока прославляется жизнью, ибо Он ее даровал мне, избавил меня от опасности. О смерти же он говорит не потому, что он в скором времени должен умереть, но если это случится, чтобы они не смущались этим; ибо они сильно любили его.

Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение.

То есть я живу новой жизнью, и Христос для меня все: и дух, и жизнь, и свет. Под жизнью разумеется, во-первых, естественная жизнь: *ибо Им мы*, говорит апостол, *живем и движемся* (Деян. 17:28); разумеется затем жизнь во грехах; так, когда говорит: *мы умерли для греха: как же нам жить в нем?* (Рим. 6:2). Разумеется, наконец, вечная жизнь, или жизнь во Христе: *наше житительство*, говорит, *на небесах* (Флп.3:20). Здесь Павел, конечно, отвергает не естественную, но греховную жизнь, то есть преданную греховной прелести. Он исповедует, что Христос для него — жизнь, как и в другом месте говорит: *живу верою в Сына Божия* (Гал. 2:20). Говорит, что смерть для него — приобретение, потому что тогда, говорит, более явно с Ним соединюсь. Поэтому доставят мне приобретение те, которые стараются изъять меня из жизни в этом мире, так как они приведут меня ко Христу, Который есть моя жизнь.

Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать.

Чтобы ты не подумал, что апостол порицает настоящую жизнь, то говорит: если жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то есть хотя я и сказал, что смерть есть приобретение для меня, но так как и жизнь во плоти не бесполезна для меня (так как я приношу плоды, научая и просвещая всех), то поэтому я не знаю, что избрать. Здесь, таким образом, заграждаются уста еретиков, которые порицают настоящую жизнь: если она доставляет нам плоды, то, значит, она не есть зло. Поэтому причина зла не сама жизнь, но воля тех, которые дурно ею пользуются. Открывая как бы некоторую тайну, апостол показывает, что он сам господин жизни и смерти. Потому что если я пожелаю, говорит, просить сего у Бога, Он окажет мне эту милость. Отсюда вы, говорит, должны получить утешение, что если я и умру, то не по злобе врагов, а по устройению Божию.

Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас.

Он говорит это с той целью, чтобы приготовить их мужественно перенести его предстоящую смерть. Зачем, говорит, вам скорбеть о моей смерти? Я желаю этого, и это для

меня лучше, потому что дает мне возможность быть со Христом. Поэтому вам не следует скорбеть. Но с другой стороны, и оставаться во плоти еще более нужно для вашей пользы; потому что ищу не своего, но вашего. *Влечет меня то и другое*, то есть я нахожусь в затруднительном положении и не знаю, что предпочесть, однако признаю более необходимым продолжением жизни быть для вас полезным. С чем после сего можно сравнить высокую душу Павла? Соединению со Христом он предпочитал пользу другим; и чтобы полнее усвоить себя Христу, отлагал соединение с Ним.

И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере.

Так как, говорит, необходимо мне остаться во плоти, то я несомненно и с полной уверенностью знаю, что останусь, то есть буду жить, и не просто, но с вами, то есть буду видеть вас. Для чего же? Для того чтобы вы возросли в вере, то есть, чтобы утвердились и укрепились как в учении, так и в жизни; этот успех составляет истинную радость и для вас, и для меня. Здесь же апостол и устрашает их, как бы так говоря: смотрите, ради вас я отложил единение со Христом; итак, не сделайте напрасным и тщетным мое пребывание во плоти. Итак, что же? Ради одних филиппийцев он остался? Не ради их одних, а говорит так по великой заботливости о них и побуждая их к большей трезвости.

Дабы похвала ваша во Христе Иисусе умножилась через меня, при моем вторичном к вам пришествии.

Так как он выше сказал, что он останется ради их успеха, то показывает теперь, что и он из этого извлекает некоторую пользу, именно, большее чрез них свое прославление, тем, что они благодаря его пришествию к ним, более преуспеют. Но что же? Пришел ли он к ним? Это неизвестно и составляет предмет спора.

Только живите достойно благовествования Христова.

Только того от вас требую, чтобы вы успевали в добродетели. Тот живет достойно благовествования, кто отрекся самого себя, взял крест и последовал Христу.

Чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас.

Говорит это не потому, что он изменил свое желание и как будто уже не намерен прийти к ним. Но если бы, говорит, как-нибудь случайно и не пришел я, то могу и отсутствуя радоваться вашей жизни по Евангелию. Поэтому вы не падайте духом, если я не приду, но бодрствуйте, так как я непременно узнаю, как вы будете вести себя.

Что вы стоите в одном духе, подвизаясь единомысленно за веру Евангельскую.

То есть в одном и том же даре единомыслия. Ибо таким только образом единомысленные имеют как бы одну душу, то есть когда в них живет единый дух. *Подвизаясь единомысленно за веру*, то есть помогая друг другу в борьбе за веру.

И не страшитесь ни в чем противников.

Не говорю, пишет, просто: не колеблитесь, но и не страшитесь, то есть не смущайтесь ничем, хотя бы вам угрожали опасностью, или пугали смертью; ибо они ничего не могут сделать, только угрожать, — до того они слабы.

Это для них есть предзнаменование гибели, а для вас — спасения.

Когда они увидят, что все их бесчисленные ухищрения не в состоянии утратить вас, то не будут ли считать это явным доказательством того, что дела их погибнут, а ваши останутся твердыми и нерушимыми, и в то же время спасительными.

И сие от Бога, потому что вам дано ради Христа, не только верить в Него, но и страдать за Него.

Называя страдание за Христа даром, Павел делает филиппийцам два следующие наставления: во-первых, чтобы они не стыдились и не падали духом во время страданий; во-вторых, чтобы не гордились, потому что все это, говорит, от Бога. Он и добродетель называет даром. Говорит так не потому, чтобы он не признавал свободной воли, но с тем, чтобы научить их думать о себе скромно; потому что без Бога мы ничего не можем делать. Быть может, этот дар больше дара воскресения мертвых, потому что там я должник, здесь же имею должником Христа. О, чудо! мне дарует и чрез это самое остается мне должен.

Таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне.

Показывает, что они борются из-за того же и терпят то же, что и он; а это свидетельствует о великой их добродетели. Вы, говорит, имеете во мне образец, потому что знаете, что я переносил страдания на ваших глазах, когда, действительно, был наказан и брошен в темницу; вы и теперь даже слышите об этом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Итак, если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада любви, если есть какое общение духа, если есть какое милосердие и сострадательность, то дополните мою радость: имейте одни мысли.

Слова эти значат вот что: если вы желаете доставить мне какое-либо утешение в моих испытаниях; если желаете оказать какую-либо отраду, которую рождает любовь; если думаете доказать, что имеете некоторое общение со мной в духовных делах и ради Господа; если скорбите обо мне и сочувствуете моим страданиям; то за все это воздайте мне взаимной друг ко другу любовью. Заметь, как он в их единодушии видит для себя личное благодеяние и полагает, как будто он сам удостоился милости. И не сказал: доставьте мне радость, но *дополните*. Вы, говорит, начали во мне радость и уже доставили мне мир; желаю, чтобы эта радость была доведена до конца. В чем же моя радость? Не в том, чтобы мне освободиться от опасности, или получить от вас что-нибудь, но в том, чтобы вы мудрствовали одинаково.

Имейте ту же любовь.

Это больше, чем мыслить одинаково. *Имейте ту же любовь*. Когда ты любим чрезмерно, отвечай не слабой любовью, но равной мерой.

Будьте единомысленны и единомысленны.

Будьте как бы одна душа, не по природе, но по мыслям и согласию; на это апостол указывает словами: *будьте единомысленны*.

Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию.

Ничего, говорит, не делайте по зависти или соперничеству, что бывает, когда мы говорим: вот, я поднатужусь, чтобы меня не превзошел такой-то; в этом именно и состоит любопрение (ἐρίθεια). Затем апостол матерью такой ревности выставляет тщеславие, потому что из последнего рождается первая. Когда мы ищем славы человеческой, чего мы для нее не делаем?

Но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя.

Теперь апостол показывает нам путь, которым мы можем избежать тщеславия, и предлагает спасительное для нас учение. Если, говорит, ты представишь себе, что другой не просто больше тебя, но чрезмерно тебя превосходит и, по великому смирению, убежден будешь, что это подлинно так, то ты его всячески будешь почитать. Поступая так, ты не огорчишься, когда увидишь, что и другие его почитают, даже если бы он стал тебя поносить или бить, ты терпеливо перенесешь; потому что ты, признав его высшим себя, не будешь и завидовать ему; потому что зависть бывает к равным, а не к тем, за которыми мы признали преимущество. И тот, в свою очередь, будет думать, что ты превосходнее его, и вот настанет между вами полный мир.

Не о себе только каждый заботься, но каждый: и о других.

Когда я забочусь о том, что для тебя полезно, а ты о том, что для меня, тогда не будет места ни тщеславию, ни распрям, ни чему-либо вообще дурному, но будет жизнь ангельская и божественная.

Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе.

Как Христос говорит: *будьте милосердны, как и Отец ваш небесный милосерд* (Лк. 6:36) [2], и затем: *научитесь от Меня, ибо Я кроток* (Мф. 11:29); так и Павел, научая смиренномудрию, чтобы больше устыдить нас, приводит в пример Христа, как и в другом месте говорит: *Он, будучи богат, обнищал ради вас* (2 Кор. 8:9). Когда он указывает на Сына Божия, высочайшего всякой высоты и так уничижившегося, кого из высокоумствующих он этим не пристыдит?

Он, будучи образом (μορφ) Божиим, не почитал хищением быть равным Богу.

Исчисли, сколько здесь низлагается еретиков. Маркион Понтийский говорил, что мир и плоть — зло, и что поэтому Бог не принимал плоти. Маркелл Галатийский, Фотин и Софроний говорили, что Слово Божие — сила, а не ипостасное существо, что эта сила обитала в Том, Кто произошел от семени Давидова. А Павел Самосатский говорил, что Отец, Сын и Святой Дух — простые имена, приписанные одному лицу. Арий говорил, что Сын есть творение. Аполлинарий Лаодикийский говорил, что Он не принимал разумной души. Итак,

посмотри, как все эти еретики падают от одного почти удара: *будучи образом Божиим*. Как же вы, маркеллиане, говорите, что Слово есть сила, а не сущность? Образом Божиим называется сущность Божия точно так же, как образом раба называется природа раба. Как же и ты, Самосатский, говоришь, что Он начал свое бытие от Марии? Ибо Он пред существовал во образе и сущности божественной. Но посмотри, как падает и Савеллий. *Не почитал Хищением*, говорит апостол, *быть равным Богу*. *Равный* не говорится об одном лице; если равен, то кому-нибудь равен. Таким образом, ясно, что речь идет о двух лицах. И Арий опровергается многими способами: *образом Божиим*, то есть сущностью. И не сказал: бывший — $\gamma\epsilon\upsilon\omicron\nu\acute{\omega}\varsigma$, но *будучи* — $\upsilon\lambda\acute{\alpha}\rho\chi\omega\nu$, что подобно изречению: *Я есмь Сущий* (Исх. 3:14). *И: не почитал хищением быть равным Богу*. Видишь ли равенство? После этого как же ты говоришь, что Отец больше, а Сын меньше? Но посмотри на безрассудное упорство еретиков. Сын, говорят, будучи малым Богом, не почитал хищением быть равным великому Богу. Но, во-первых, какое писание учит нас, что есть малый и великий Бог? Так учат эллины. А что и Сын великий Бог, послушай, что говорит Павел: *ожидая*, говорит, *явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа* (Тит.2:13). Затем, если Он мал, каким образом Он почитал хищением Себе быть великим? Кроме того, Павел, имеющий в виду научить смиренномудрию, оказался бы нелепым, если бы внушал следующее: поскольку малый Бог не восставал против великого Бога, то и вы должны смиряться друг перед другом. Потому что, какое же это смирение, когда меньший не восстает против большего? Это одно только бессилие. Смирением называется то, что Он, равный и равномогущий Богу добровольно сделался человеком. Итак, об этом довольно. Далее, посмотри, что говорит Павел: *не почитал хищением*. Когда кто-нибудь похитит что-нибудь, боится отложить это, дабы не потерять не принадлежащее ему. А когда имеет что-нибудь от природы, легко пренебрегает этим, зная, что он не может сего лишиться, и если, казалось бы, отказывается от этого, то опять оно воспримет. Таким образом, апостол говорит, что Сын Божий не убоился унижить Своего собственного достоинства, потому что Он имел его, то есть равенство с Богом Отцом, не чрез хищение, но признавал это достоинство принадлежащим Своей природе. Поэтому Он и избрал уничижение, так как и в уничижении сохраняет Свое величие.

Но уничижил Себя Самого, приняв образ раба.

Где те, которые говорят, что Он сошел не добровольно, а исполняя повеление? Пусть знают те, что Он уничижил Себя, как Господь, как Самовластный. Говоря: *образ раба*, этим самым апостол пристыжает Аполлинария; потому что принимающий образ — *морф* — или, иначе, природу раба, имеет и душу вполне разумную.

Сделавшись подобным человекам.

Основываясь на этом, маркиониты говорят, что Сын Божий воплотился призрачно; потому что, говорят они, видишь ли, как Павел говорит, что Он принял подобие человека и облекся в человеческий образ, а не по существу сделался человеком? Но что же это значит? Это значит, что Господь не все имел наше, но чего-то и не имел, именно: не родился по естественному порядку и не грешил. Но Он не был только тем, чем казался, но и Богом: не был Он обычным человеком. Поэтому апостол и говорит: *подобным человекам*, потому что мы душа и тело, а Он душа и тело и Бог. На этом основании, когда апостол говорит: *в подобии плоти греховной* (Рим. 8:3), то не то говорит, что Он не имел плоти, но что плоть эта не грешила, а была подобна греховной плоти по природе, а не по злу. Таким образом, как там

подобие не в смысле всецелого равенства, так и здесь он говорит о подобии в том смысле, что Он не был рожден по естественному порядку, был безгрешным и не был простым человеком.

И по виду став как человек.

Так как апостол сказал, что *уничжил Себя Самого*, то, чтобы ты не счел это дело изменением и превращением, он говорит: оставаясь тем, чем был. Он принял то, чем не был; природа Его не изменилась, но Он явился во внешнем виде, то есть во плоти, потому что плоти свойственно иметь вид. Ибо, когда он сказал: *приняв образ раба*, то после этого осмелился сказать и это, как бы этим заграждая уста кому. Прекрасно он сказал: *как человек*, так как Он не был один из многих, но — как один из многих. Потому что Бог-Слово не превратился в человека, но явился как человек, и, будучи невидимым, явился имея вид. Некоторые же толковали это место так: «и образом», как уже истинно человек, как и Иоанн говорит в Евангелии: *славу как едиnorodного от Отца* (Ин. 1:14), вместо того чтобы сказать: славу, какую прилично иметь едиnorodному; потому что *как* — *ως* — означает и колебание, и утверждение.

Смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной.

Снова говорит: *смирил себя*, дабы не подумали, что Он снизошел не добровольно. Но ариане говорят: вот, о Нем сказано: *послушен*. Так что же, неразумные? Мы и друзьям своим повинемся, и это несколько не уменьшает нашего достоинства. Как Сын, Он добровольно повиновался Отцу, показывая и этим Свое сродство с Ним; потому что долг истинного Сына — почитать Отца. Обрати внимание на усиление выражения: не только сделался рабом, но принял смерть, и еще более того, — позорную, то есть крестную смерть, проклятую, назначенную беззаконникам.

Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени.

Когда Павел упомянул о плоти, то смело говорит о всем Его унижении, так как плоти это свойственно. Таким образом, и эти слова разумей о плоти, не разделяя единого Христа. Какое же имя даровано человеческой природе единого Христа? Имя это — Сын, имя это — Бог; потому что Сей Человек есть Сын Божий, как и архангел сказал: *и рождаемое святое наречется Сыном Божиим*.(Лк. 1:35).

Дабы пред именем Иисуса преклонилося, всякое колено небесных, земных и преисподних.

То есть весь мир, ангелы, люди и демоны; или: и праведники, и грешники. Потому что и демоны познают, и непокорные подчинятся, не сопротивляясь более истине, как они и прежде того времени говорили: *знаю Тебя, Кто Ты* (Лк. 4:34).

И всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца.

То есть чтобы все говорили, что Господь Иисус Христос есть Господь и Бог. В том заключается слава Отца, что Он имеет Такого Сына, Которому покоряется все. Видишь ли, что в прославлении Едиnorodного заключается слава Отца? Так что, напротив, умаление Его

составляет унижение Отца.

Итак, возлюбленные мои, как вы всегда были послушны.

Увещание должно соединяться с похвалой, ибо чрез это они делаются более удобоприемлемыми. Поэтому и Павел превозносит филиппийцев, называя их возлюбленными, и говорит: *как вы всегда были послушны*, как бы говоря этим следующее: я показал вам, что Сын Божий был послушен; итак, подражайте Ему и себе самим.

Не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего.

Потому что тогда могло бы показаться, что вы все делаете из почтения ко мне; если же и теперь покажете усердие к добродетели, то явно» что и тогда вы были таковы не для меня, а для Бога.

Со страхом и трепетом совершайте свое спасение.

Не ради себя, говорит, я увещаю вас, но ради того, чтобы вы совершали, что относится к вашему спасению, со страхом, и притом напряженным и с трепетом, потому что без страха ничего хорошего не совершается ни в науках словесных, ни в искусствах механических. Как же может родиться такой совершенный страх? Если мы будем думать, что Бог присутствует всюду, все слышит и все видит, не только что делается, то и что находится в мыслях. *Служите*, говорит пророк, *Господу со страхом и радуйтесь с трепетом* (Пс. 2:11). Радость же с трепетом бывает тогда, когда кто-либо, делая хорошее дело, и притом с трепетом, имеет чистую совесть. Сказал *совершайте* (κατεργάζεσθε), а не просто «делайте» (εργάζεσθε), то есть с великим старанием и заботой.

Потому что Бог производит в вас и хотение и действие.

Сказав: *со страхом и трепетом*, апостол теперь говорит: вы не смущайтесь этим. Я сказал это не затем, чтобы ты отступил от добра, но чтобы был внимательнее, потому что, если ты будешь усерден, Бог все в тебе будет совершать. Ибо Он Сам дает нам и расположение к добру, и самое доброделание доводит до конца. Бог производит в нас хотение, то есть содействует нам в желании добра и укрепляет нашу добрую волю и вместе возбуждает ее рвение. Или иначе: так как Он Сам завершает дело, а мы, люди, направляем свое желание к тому, что видим уже совершившимся, посему апостол и говорит, что и самое хотение производится Богом. Например, ты чего-нибудь пожелал, — ты тотчас же начал это делать, если же последовало завершение дела, в тебе рождается еще большее желание делать то же дело; если же нет, то воля твоя становится слабее. Итак, если от Бога зависит окончание дела, и оно возбуждает и наше желание, то совершенно справедливо апостол говорит, что и самое желание зависит от Бога. Или же Павел говорит из чувства великой благодарности, что самое желание производит в нас Бог, подобно тому, как и добродетель он называет даром, не отрицая свободы выбора, но желая, чтобы мы всегда были благодарны и все относили к Богу. Заметь выражение: *в вас*, то есть которые содеваете спасение со страхом и трепетом; потому что в таких только людях Бог совершает все.

По Своему благоволению.

То есть чтобы исполнилось на вас благоволение и Его благая воля, именно чтобы мы жили так, как Он сам хочет. Итак, будьте уверены: Бог всячески будет помогать вам жить право, если не ради чего другого, то ради того, что это Ему благоугодно.

Все делайте без ропота и сомнения.

Диавол, когда не в состоянии бывает совершенно отклонить кого-либо от добра, приводит его или в отчаяние, или к тщеславию; если же и этого не может сделать, то внушает ему ропот или сомнение и неверие. Так как филиппийцы подвергались искушениям и постоянным опасностям, то вследствие этого многие из них впадали в ропот и богохульство; апостол поэтому и говорит: *все делайте без ропота*. Потому что кто ропщет, тот становится неблагодарным и злоречивым. Под сомнением апостол понимает колебания мыслей, например если бы, когда предлежит исполнить заповедь, стали говорить: да будет ли мне награда? да хорошо ли это? Ибо такого рода сомнительных помышлений допускать не должно, но делать с уверенностью; требуется ли труд, или напряжение, не следует допускать колебания.

Чтобы вам быть неукоризненными и чистыми.

То есть безукоризненными и незапятнанными, потому что ропот подлежит наказанию, — это потому, что говорит с филиппийцами, как со свободными. Послушай далее.

Чадами Божиими непорочными.

Итак, роптать свойственно рабам и неблагодарным; потому что какой сын, трудясь для своего отца и себя самого, ропщет?

Среди строптивного и развращенного рода.

Я знаю, что многие ведут борьбу против вас, вынуждая вас таким образом к ропоту; но в том-то и есть наивысшая похвала, если кто, и возбуждаемый другими, ничего такого не делает.

В котором вы сияете, как светила в мире, содержа слово жизни.

Как звезды светят во тьме, так и вы, будучи правыми среди неправых, старайтесь больше светить. Потому что выражение: *в котором вы сияете* (φαινεσθε) должно иметь значение повелительное. *Содержа слово жизни*, то есть имея в самих себе семя жизни и впредь намереваясь так жить, и теперь уже имея в себе залог спасения. Или: как светила светят и оживляют тела, грея их, так и вы старайтесь быть животворной силой для прочих людей.

К похвале моей в день Христов.

Пусть, говорит, ваша добродетель будет такова, чтобы не только вас приводила к жизни, но и меня явила более славным в пришествие Христово.

Что я не тщетно подвизался и не тщетно трудился.

Моя слава заключается в том, что я вас воспитал такими, и что труд мой у вас не был напрасным.

Но если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам.

Хотя, говорит, я и умираю, ибо смерть он называет принесением в жертву, *я соделываюсь жертвой за жертву и служение веры вашей*, то есть соделав прежде вас жертвой Богу, посвятив вас на служение Богу и соделав прежде верующими. Но в виду смерти я нисколько не печалюсь, но радуюсь и сорадуюсь всем вам. Радуюсь тому, что делаюсь жертвой, сорадуюсь же тому, что приношу вашу веру Христу, как жертву.

О сем самом и вы радуйтесь.

Радуйтесь тому, что и вы сами принесены в жертву.

И сорадуйтесь мне.

Ибо, принося себя в жертву, я радуюсь этому.

Надеюсь же в Господе Иисусе вскоре послать к вам Тимофея, дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом.

Как все, так и посольство Тимофея он приписывает Христу. Я уверен, говорит, что он облегчит то, чтобы вам, с одной стороны, утешиться духом, когда узнаете чрез сие письмо о моих делах, именно о том, что благовествование шло успешно, и что дела врагов разрушены; с другой стороны, чтобы и мне утешиться, когда узнаю о ваших делах, о которых меня должен точно уведомить Тимофей.

Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас.

Я мог, говорит, и другого послать, но нет никого равного мне по усердию, кроме этого, то есть заботящегося о ваших делах подобно мне, который бы искренно, то есть отечески стал пещись о вас. Обрати внимание, как он заботится: когда ему самому не было удобного времени придти к ним, он посылает других, чтобы руководимые ни в какое время не предавались беспечности.

Потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу.

То есть ищут своего собственного спокойствия и безопасности, так как никто свободно не пожелал бы взять на себя такого путешествия. Говорит же это, и восхваляя Тимофея, и вместе с тем научая слушателей не искать покоя; потому что кто ищет его, тот не ищет Христова. Увы! насколько же мы далеки от Христа!

А его верность вам известна, потому что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании.

Вы сами, говорит, свидетели того, что он служил мне как сын отцу, не только в телесных нуждах, но, что гораздо важнее, в благовестии. Итак, как сын мой, он достоин чести, а как служитель Божий — тем более. Чрез это он рекомендует им Тимофея, не столько ему оказывая честь, сколько делая добро для них; ибо, если они будут внимать ему, как достойнейшему, то от его слова, конечно, получат пользу и удостоятся высшей награды.

Итак я надеюсь послать его тотчас же, как скоро узнаю, что будет со мною.

Когда увижу, какой исход будут иметь мои дела, я тотчас же, то есть немедленно пошлю его.

Я уверен в Господе, что и сам скоро приду к вам.

Я не потому посылаю Тимофея, что совершенно отказываюсь от прихода к вам, но с тем, чтобы, как уже сказал, в этот промежуток времени порадоваться, узнав о ваших делах. Обрати внимание, как он приход свой к ним поставляет в зависимость от Бога, говоря: *я уверен в Господе*, то есть если благоволит Бог.

Впрочем я почел нужным послать к вам Епафродита, брата и сотрудника и сподвижника моего.

С похвалой посылает и этого, подобно Тимофею, и по той же самой причине, о которой мы сказали выше. *Сподвижник* больше споспешника, потому что в делах безопасных может кто-нибудь содействовать, *сподвижник* же содействует в опасностях.

А вашего посланника (*ἀπόστολου*) и служителя в нужде моей.

То есть посланного вами ко мне я возвращаю вам; ибо они чрез него посылали необходимое Павлу. Или же: вашего апостола — значит, вашего учителя.

Потому что он сильно желал видеть всех вас и тяжело скорбел о том, что до вас дошел слух о его болезни. Ибо он был болен при смерти.

Зная, говорит, что вы любите его и опечалены его болезнью, он желает поэтому видеть вас, чтобы освободить вас от печали, которая постигла вас из-за его болезни. Здесь же он представляет и нечто другое. Оправдывается пред ними, что он поздно посылает его к ним, говоря приблизительно так; это произошло не по небрежности моей, но Тимофея я удерживаю при себе, как единокровного со мной. Епафродит же заболел, и потому не мог придти ранее, так как болезнь была продолжительна, и он был даже близок к смерти.

Но Бог помиловал его.

Что ты говоришь, манихей? Если мир, а в нем и жизнь, по-твоему, есть зло, то как теперь апостол называет оставление Епафродита в жизни милостью Божией? Еретики на это не могут ответить. Но христиане могут спросить: если добро разрешиться и быть со Христом, то почему апостол называет земную жизнь Епафродита милостью Божией? Или потому, что Епафродит, который был учителем, продолжая жизнь, должен был весьма многих обратить к Богу (что, как сказано выше, более нужно, чем разрешиться). Или же Павел говорит многое, применяясь к общему обычаю слушателей, и не везде философствует. Он говорил людям, которые были привержены к жизни и которые боялись смерти. Кроме того, настоящая жизнь сама по себе есть добро. Иначе почему бы апостол стал полагать в числе наказаний безвременную смерть? *Оттого многие из вас немощны и больны, и немало умирает* (1 Кор. 11:30). Ибо будущая жизнь злого человека вовсе не лучшая жизнь, потому что не добра, а

доброего — лучшая.

И не его только, но и меня.

Видишь ли, как он здесь ставит высоко Епафродита, когда восстановление его здоровья считает особенным благодеянием Божиим и особой милостью?

Чтобы не прибавилась мне печаль к печали.

То есть чтобы вместе с печалью, которая произошла у меня вследствие его болезни, я не имел другой печали, которая могла бы произойти от его смерти.

Поэтому я скорее послал его, чтобы вы; увидев его снова, возрадовались.

То есть немедленно послал, с тем, чтобы вы, увидев его, освободились от печали по поводу его болезни, или лучше чтобы возрадовались.

И я был менее печален.

Как же я могу быть менее печален? Так, что если вы будете радоваться, и я точно так же буду радоваться. Не сказал: «беспечален» (αλυπος) но: *менее печален* (ἀλυπότερος), показывая этим, что душа его никогда не была вполне свободна от печали. *Кто, говорит, изнемогает, с кем бы и я не изнемогал?* (2 Кор. 11:29).

Примите же его в Господе со всякою радостью.

То есть примите благоугодно, по Богу, или как приличествует святым. Это говорит Павел для пользы самих филиппийцев, потому что больше бывает пользы делающему добро, чем приемлющему.

И таких имейте в уважении.

Чтобы не показалось, будто благоприятствует одному Епафродиту, увещевает чтить всех вообще, показывающих такую же добродетель.

Ибо он за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасности жизнь.

филиппийцы послали Епафродита к Павлу с тем, чтобы он доставил ему потребное. Он нашел Павла в Риме в опасности, так что не безопасно было приближаться к нему, ибо сам царь был против него. Тогда-то, пренебрегши всякой опасностью, он послужил Павлу. Об этом теперь и говорит Павел. Заметь, не сказал: «за меня», но *за дело Христово* подвергал себя опасности, то есть обрекал себя на смерть. Если он и не умер, по Божию устройению, то все-таки явил готовность к тому. Так и мы, когда увидим святых в опасности, не будем щадить себя, потому что подвергать себя опасности в — делах подобного рода и есть наша безопасность.

Дабы восполнить недостаток ваших услуг мне.

Вы, говорит, не были в Риме, чтобы послужить мне телесно, хотя прислали потребное

для меня. Это-то, чего вам недоставало, то есть что вы не послужили мне руками и телом, он один исполнил, услужив мне вместо всех вас. И потому он достоин великого благорасположения с вашей стороны, так как сделал за вас все, что следовало сделать всем. Так обсуди же, как он это дело называет и служением, и восполнением недостатка (то есть обязанностью, неисполнение которой есть в них недостаток), дабы показать, что долг и обязанность, пользующихся безопасностью, помогать находящимся в опасности, и тот, кто не делает сего, нарушает обязанность, так как не исполняет общественного служения. Итак, дабы они не возгордились и не погубили своей награды, подумав, что они сделали нечто великое, он этим именем (ὀστέρημα — недостаток) назвал это дело, научая их тем самым думать о себе скромно, так как они сделали то, что должны были сделать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Впрочем, братия мои, радуйтесь о Господе.

Так как филиппинцы находились в печали, не зная, в каком положении находятся дела Павла, как обстоит дело проповеди, в каком положении болезнь Епафродита, и он все это разрешил, сказав, что и проповедь преуспевает, и я иду к вам, и Епафродит уже послан, то апостол Павел говорит: *впрочем, радуйтесь*, потому что нет уже причины не радоваться. Галатов он называет чадами, так как они нуждались в исправлении, а филиппийцев — братьями, поскольку относится к ним с уважением. Прекрасно сказал: *о Господе*, так как мирская радость не есть радость, а в Господе и скорби доставляют радость. Или, поскольку Господь облегчил наши дела, то радуйтесь.

Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно.

Предпослав многие хвалы, он начинает делать увещание, чтобы не показаться в самом начале тяжелым.

Берегитесь псов.

Были некоторые иудеи, которые, искажая христианство, проповедовали Евангелие, примешивая к нему и иудейские воззрения. Так как они не легко могли быть узнаны, то апостол и говорит: смотрите, берегитесь, обращайтесь внимание на то, чтобы их не было между вами. Прежде назывались псами язычники, а теперь такие иудеи, потому что они бесстыдны, наглы по отношению к свету истины и всех злословили.

Берегитесь злых делателей.

Здесь он лишает их даже названия «псов»; потому что многие псы, говорит, бывают близки к трапезе, а также оберегают дома своих господ. А эти, хотя и действуют, но на зло, и действие их гораздо хуже самого бездействия, так как расстраивают благоустроенное.

Берегитесь обрезания.

То есть имеющих обрезание. Великим и драгоценным считалось некогда у иудеев обрезание, когда ради него нарушалась даже и суббота. А так как теперь оно упразднено, то оно осталось ничем иным, как просто отсечением плоти, ибо когда это действие перестало

быть законным, то оно не что иное, как отсечение плоти. Или: *берегитесь обрезания*, то есть иудеев, которые старались разделить Церковь.

Потому что обрезание — мы, служащие Богу духом.

Если, говорит, следует искать обрезания, то вы найдете его у нас, которые духовно, то есть душою и умом служим Богу. Обрезанные в душе и ею служащие Богу — вот кто имеет истинное обрезание, настолько высшее, насколько душа выше тела. Не сказал: у нас есть обрезание, но: мы, ибо человек — это и есть обрезание, соединенное с добродетелями. И опять не сказал: в них есть обрезание, но сами они суть погибель и зло.

И хвелящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся.

Итак, что лучше: хвалиться Христом, обрезывающим наши сердца и возводящим чрез крещение в достоинство сынов Божиих, или же хвалиться во плоти, то есть гордиться плотским обрезанием потому только, что они чада Авраама?

Хотя я могу надеяться и на плоть.

Если бы я, говорит, происходил от язычников, то мог бы кто-нибудь сказать, что я потому осуждаю обрезание, что будто не имею благородного происхождения иудейского. Теперь же я сам, говорит, имею то же самое, чем вы хвалитесь, — надежду и похвалу плотским обрезанием. Итак, очевидно, я осуждаю обрезание не потому, будто я лишен, как вы говорите, вашего благородства, но ради самой истины.

Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я.

Обрати внимание на его мудрость: никого не назвал по имени, чтобы такой речью не возбудить ненависти; выражением же *если кто другой думает* показывает, что другие вынудили его к подобным словам. Прекрасно сказал: *думает* — или потому, что иудеи не могли столько надеяться на обрезание, сколько он; или же потому, что надежда на обрезание — не истинная, а только кажется такой.

Обрезанный в восьмой день.

Чем особенно они хвалились, именно обрезанием, — это он ставит на первом месте. Выражением *в восьмой день* он показал, что не был прозелитом.

Из рода Израилева.

То есть не от родителей-прозелитов, а из рода самих же израильтян.

Колена Вениаминова.

То есть из более знаменитой части рода; ибо все, касающееся священства, было в уделе этого колена.

Еврей от Евреев.

Что касается моих предков, то я, говорит, происхожу от знатных иудеев. Можно было быть из рода израильтян, но не евреем от евреев. Ибо у многих дело было испорчено тем, что они не знали даже еврейского языка, живя в рассеянии между язычниками, и не точно соблюдали писания. Я же, говорит, еврей, то есть сохраняю этот характер. Или же апостол указывает этим на свое особенно благородное происхождение.

По учению фарисей.

О чем апостол выше сказал, именно: об обрезании, происхождении из рода Израилева и т. д., — все это не зависело от власти его. Теперь же он говорит о таком деле, которое совершено по его собственному избранию: *по учению*, говорит, *фарисей*, то есть по изучению закона. Фарисеи были самой знаменитой сектой у иудеев.

По ревности — гонитель Церкви Божией.

Так как некоторые из среды фарисеев были не особенными ревнителями закона, то апостол говорит, что я был ревнителем настолько, что преследовал учеников Христа.

По правде законной — непорочный.

Так как многие были ревнителями из любоначала и по другим видам, а не ради закона, то апостол и говорит, что, будучи непорочным по правде законной, как бы я мог быть гонителем ради чего-либо человеческого, а не по ревности божественной.

Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего.

Здесь еретики, порицающие закон, говорят: вот, Павел называет его *тщетою*: как же после этого он мог быть дан Богом? Но прежде всего будем благодарны за то, что Дух Святой так устроил, что они принимают эти слова, как бы говорящие в их пользу. Если бы этого не было, они бы просто уничтожили эти слова, как и многие другие. Затем, обрати внимание: апостол не сказал прямо, что закон — тщета, но я *почитаю* его *тщетою*, так как закон сам по себе не есть тщета. Иначе как бы он мог приводить ко Христу, когда понимается правильно? Прежде, понимая его ложно, я не обращался ко Христу; после же, узнав истину, я обратился ко Христу, и закон теперь показал мне, что он был тщетой в то время, когда я, понимая его ложно, не обращался ко Христу. Сам же по себе закон есть приобретение. Послушай далее: не сказал: что я считал преимуществом, но: *что было*, так как закон поистине *преимущество*, потому что, освобождая людей от зверства и суеверия и делаясь лестницей, приводит нас к жизни по Христе. Подобно тому как кто, восходя по лестнице, не пренебрегает ступенями, напротив, остается благодарным, потому что, не будь их, он не мог бы взойти. Так и закон был приобретением, теперь же мы считаем его тщетой и вредом не потому, что он таков на самом деле, но потому, что есть большая благодать. Или как человек обладающий серебром, если найдет золото, при невозможности обладать тем и другим, считает вредом удерживать серебро и оставляет при себе золото, так и закон становится вредом, если отводит от Христа, а если бы приводил к Нему, то не был бы вредом. Итак, говорит, я не только прежде считал закон тщетой, но и теперь считаю его таким. Почему же по превосходству благодати. Видишь ли, он делает сравнение. Сравняются же только однородные предметы, и поэтому что превосходит, то превосходит однородное себе. И закон

есть познание, но меньшее; подобно тому, как светильник есть свет, но не такой как свет солнца, хотя и свет.

Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа.

Ради Христа, говорит, я от всего отказался, то есть все почел тщетой, или все отверг. Видишь ли после этого, закон не сам по себе тщета, но ради Христа. Относится ли слово *сор* к закону, — это не ясно. Правдоподобнее, что здесь речь идет вообще о мирских делах, ибо он выше сказал: «*для Него я от всего отказался*», то есть от всего мирского. Но если сказанное отнести и к закону, то бесчестия для него не будет. Ибо *сор* есть солома или стебель пшеницы; но стебель служит охраной и поддержкой пшеницы, так что если бы не было стебля, то не было бы и пшеницы. Но когда последняя созрела и ее выбрали, тогда стебель становится ненужным. Точно так же и закон есть утверждение и свидетель благодати; когда последняя явилась, то уже не следует оставаться при букве закона.

И найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога.

Дабы не иметь мне моей праведности, происходящей от дел закона, как бы уже совершенных мной, ибо нет праведности от дел, потому что я этих дел не совершил; но чтобы иметь праведность, происходящую чрез веру во Христа, которая есть праведность от Бога, то есть дар Божий, — праведность, оправдывающая верующих благодатью. *Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом, и сердцем твоим веровать, то спасешься* (Рим. 10:9). Божественные же дары в величайшей мере превосходят ничтожность дел, совершенных человеческим старанием, как и пшеница много лучше соломы.

По вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его.

Итак, познание происходит через веру. Ибо какое умозаключение докажет нам воскресение? Никакое, но вера. Если же воскресение познается верой, то как будет познано умом большее — рождение? Но почему оно большее? Потому что примеров воскресения много; так как многие воскресали и до Христа. Но никто не родился от девы. Потому и праведность, которая от Бога, заключается в вере, то есть опирается на ней и имеет ее своим основанием. Сказал: *и силу воскресения*. Действительно, великая сила нужна для того, чтобы воскреснуть. А с другой стороны, воскресение подает нам силу для шествия по тому же пути, по которому шел Христос.

И участие в страданиях Его.

Будучи преследуемы и теснимы, говорит, мы становимся участниками страданий Христа. Потому что, если бы мы не верили, что будем с Ним царствовать, то не терпели бы так много и так сильно. Заметь, тот всего более верит в воскресение Христа, кто страдает. Послушай далее.

Сообразуясь смерти Его.

То есть делаясь совершенно подобным Ему. Как Тот страдал от людей, так и я должен страдать. Потому что преследования и страдания живописуют образ Его смерти, и мы, так

сказать, делаемся христами настолько, насколько страдаем. Видишь ли, как велико достоинство страданий?

Чтобы достигнуть воскресения мертвых.

Что же? Неужели, если бы ты не страдал, Павел, то и не воскрес бы? Но под воскресением понимай здесь преславное вознесение Его на облаках, потому что все воскреснут, но не все будут вознесены на облаках: грешники внизу ожидают Судию, а святые восхищаются на облаках в сретение Господа. Сказанное ты поймешь из следующего. Умер, говорит, Христос, и я умираю. Он воскрес со славой, и я стараюсь достичь такого же славного воскресения. Заметь осторожность того, который столько сделал и который выше людей: *чтобы достигнуть*, говорит, ибо я еще не уверен; — настолько он смиренномудр. Об этом он говорит и в другом месте: *посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть* (1 Кор. 10:12); и еще: *дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным* (1 Кор. 9:27).

Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершенся.

Сказав: *чтобы достигнуть*, он подтверждает это, говоря: так неуверенно я сказал потому, что еще не достиг награды, еще не усовершенся.

Но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус.

Говорит: я еще нахожусь в подвиге, еще стремлюсь, не достигну ли как конца и награды. Затем, показывая, что это его долг, он прибавляет: ради сего-то *достиг меня Христос*, то есть когда я был в числе погибших и отверженных, Христос меня преследовал и достиг меня бегущего, и обратил к Себе. Поэтому и сам я должен гнаться за Ним, чтобы достигнуть Его. Весьма выразительно сказал: *стремлюсь*, потому что стремящийся ни на что другое не обращает внимания, кроме того, к чему стремится, все опускает из виду, даже самое дорогое и. самое необходимое. Так и мы должны спешить, не обращая внимания ни на какие препятствия.

Братия, я не почитаю себя достигшим.

Так как прежде он много похвалил филиппийцев, теперь, смиряя их помыслы, он говорит: и я, учитель ваш, еще не считаю себя достигшим полного совершенства: подобно тому, как если бы кто о бегущем сказал, что он еще не пробежал всей дистанции. Как же он говорит в другом месте: *течение совершил* (2Тим.4:7). Но это он сказал в виду смерти.

А только, забывая заднее и простираясь вперед.

Делаю, говорит, одно, стремлюсь к одному только, чтобы всегда двигаться вперед. Я забываю совершенные мной дела и оставляю их позади, и о них вовсе не вспоминаю, и таким образом стремлюсь вперед, к тому, чего у меня еще недостает. Потому что тот, кто думает, что совершил уже поприще, тот останавливается, как бы уже все исполнил. Что же значит *простираясь*? Это значит стараться схватить что-нибудь, прежде чем достиг, значит упреждать ноги, хотя бегущие, остальным телом, наклоняясь вперед, что происходит От великого усердия.

Стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе.

Я, говорит, бегу не бесцельно, но устремляю свой взор к цели. Какая же это цель? *Почеть высшего звания*, то есть нетленного, которая на небесах; потому что подвиг происходит внизу, но венец вверху, во светлости святых. Ибо и царь, удостаивая подвижников большей почести, венчает их, призвав к горнему. С целью показать, что все делается с помощью Христа, без которой и подвиг бывает неуспешен, говорит: *во Христе Иисусе*, то есть при Его содействии.

Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить.

Что же такое это? То, чтобы забывать заднее. Свойство совершенного человека — не считать себя совершенным; потому что совершенство заключается в том, чтобы не полагаться на себя.

Если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет.

Здесь Павел обнадеживает филиппийцев: если, говорит, вы думаете, что все сделали, то Бог покажет вам, как не ведающим, должно. Это сказано о совершенстве жизни и о том, чтобы они не считали себя совершенными.

Впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить.

Что, говорит, мы доселе сделали, того и должны держаться, то есть единомыслия и мира; *и по тому правилу жить*, то есть той же верой и для той же цели. Ибо правило не допускает ни прибавления, ни убавления. Итак, вы не преступайте велений Святого Духа.

Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас.

Выше он сказал: *берегитесь псов*, и таким образом отдалил филиппийцев от них. Теперь он приближает их к тем, которые ведут добрую жизнь; ибо это и значит: *смотрите*, то есть обращайтесь внимание на них и, видя в них первообраз, подражайте им; как во мне имеете вы образец, так и в них. Ибо он учил их не только словами, но и в своей жизни, и в поведении являл себя примером; в этом и состоит совершенное учение.

Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю.

Не называет таковых по имени, чтобы не привести в возбуждение, но все-таки дает филиппинцам понятие о них, когда говорит: *о которых я часто говорил вам*. А теперь, так как зло увеличилось и распространилось, я даже не могу и вспомнить о них без слез. Видишь ли его сострадание? Он плакал не о своих собственных пороках (так как он их не имел), но о том, что другие жили, не сознавая своих пороков и в утехах.

Поступают как враги креста Христова.

Некоторые лицемерно исповедывали христианство, но жили в утехах и спокойствии, их-то и называет апостол врагами креста. Потому что крест ищет души, готовой на смерть, жаждущей опасности. А они свободны от этого и живут совершенно противоположно сему.

Если бы они любили крест, то любили бы жизнь крестоносную, то есть горькую. Неужели после этого мы не будем страшиться пред мыслью, что тот, кто друг роскоши, земного спокойствия и безопасности — враг креста Христова?

Их конец — погибель, их бог — чрево.

Потому что они служат ему, как Богу, и всячески угождают ему. Для одних бог — деньги, для других — чрево; о них Павел говорит в другом месте: *будем есть и пить, ибо завтра умрем* (1 Кор. 15:32). Вот новое идолослужение.

И слава их — в сраме.

Некоторые понимают это об обрезании, которое они считали славой, но которое на самом деле есть бесславие. Но это неверно; он чрез это показывает их неразумие. Ибо согрешающие должны бы стыдиться и скрываться; а они считают это для себя славой.

Они мыслят о земном.

Потому что богом они имеют чрево, ничего не думая о духовном или небесном.

Наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа.

Итак, мы должны думать о вышнем, должны стремиться к нашему отечеству, где нам назначено жить, так как Господь и Царь наш там, и оттуда мы ожидаем Его пришествия во славе Отца со святыми ангелами. Итак, и место, и лицо должны возбуждать вас к стыду.

Который уничиженное тело наше преобразит.

Многое теперь терпит наше тело: связывается, бичуется и подвергается бесчисленным бедствиям. Потому оно называется *уничиженным телом*, что подлежит тлению и разрушению. Но оно преобразится, то есть, оставаясь тем же самым, облечется в нетление; потому что под преображением нужно разуметь освобождение от тления.

Так, что оно будет сообразно славному телу Его.

Так как, говорит, тело наше сделалось подобным телу Христа чрез общение в страданиях, то оно делается таким же и в славе Его. Ах! Что он сказал? Наше тело будет сообразно тому Телу, которому поклоняются ангелы, которое сидит одесную Отца, одному преславному Телу будет подобно наше тело и так же прославится, как и оно. Итак, если и вся вселенная будет слезно оплакивать потерявших такую славу, оплатят ли она их достойно?

Силою, которою Он действует и покоряет Себе все.

Так как апостол сказал о великом и почти невероятном, то поэтому говорит: не сомневайся; потому что Он имеет силу, которой совершает все и которой покорил ангелов, архангелов и демонов. Поэтому, если Он совершил столь великое, то тем более может совершить гораздо меньшее. Кто же покорил? Некоторые говорят, что Бог Отец покорил Ему, то есть Христу, все. Но это не вытекает из предыдущего, потому что апостол не говорил

выше об Отце. Итак, лучше разуть это о Христе, Который силой своей Божественности покорил Себе, то есть Своему телу все. Не будем бояться, что мы как бы разделяем Христа; мы знаем Его, единого даже в различии Его естеств.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Итак, братия мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные.

Итак, говорит, хотя вы и видите их ^[3] радующимися и прославляемыми, но вы стойте так, как стояли, в надежде, что мы прославимся со Христом, и не отступайте от этой надежды. Заметь, какими похвалами он превозносит их. *Братия*, говорит, и не просто, но *возлюбленные*, и кроме того еще — *вожделенные*, то есть такие, к лицемерию которых стремится душа моя. И еще: *радость*, и не просто, но и *венец*, славнее которого нет для него ничего. И прежде увещания похвалил их, и после опять. Дороги, значит, они были для Павла, если он удостоивает их такой великой чести.

Умоляю Еводию, умоляю Синтихию мыслить то же о Господе. Ей, прошу и тебя, искренний сотрудник, помогай им.

Мне кажется, что эти женщины занимали выдающееся положение в тамошней Церкви. Поэтому он поручает их некоему чудному мужу, который был или братом одной из них, или же мужем. Быть может, он-то и был темничным стражем в Филиппах (Деян. 16:23-40). Апостол как бы так говорит: теперь-то ты и становишься истинным братом и истинным мужем, если в деле Господнем несешь то же бремя (ζυγόν), вспооществуя им ^[4]. Некоторые совершенно неправильно говорят, что Павел обращается здесь с увещанием к своей жене. Но, не говоря о многом другом, если бы это было так, то он сказал бы: *ὑν σία σύζυγε*, а не *ὑν σιε*.

Подвизавшимся в благовествовании вместе со мною и с Климентом и с прочими сотрудниками моими.

Не мало, говорит, и они содействовали мне, хотя это было и при помощи многих других; посему апостол и говорит: *подвизавшимся вместе со мною*. Подлинно, в то время церкви находились в прочном союзе между собой, потому что один другого почитал и один другому помогал. А теперь, увы! в каком состоянии мы находимся? Друг друга низвергаем, почему мы совершенно и отличаемся от живших в то время.

Которых имена — в книге жизни.

Видишь ли, какую добродетель приписывает женщине? Сказанное Господом апостолам: *имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10:20) Павел приписывает и женщинам, что и их имена вместе с прочими написаны в книге Жизни, то есть в ведении и суде Божиим. Или он присудил им жизнь, имея в виду веру их, подобно тому, как *неверующий уже осужден* (Ин. 3:18), и следовательно, написан в книге смерти.

Радуйтесь всегда в Господе.

Но как же Господь говорит: *блаженны плачущие* (Мф. 5:4)? Потому что плакать таким

образом-то же самое, что радоваться. Ибо не просто сказал *радуйтесь*, но в *Господе*. Кто бывает с Господом, тот всегда радуется, хотя бы его предавали пыткам и терзали. *Они же*, говорит, *пошли из синагог, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестье* (Деян. 5:41).

И еще говорю: радуйтесь.

Так как естественное положение дел причиняло скорбь, то он повторением слова показывает, что всячески следует радоваться.

Кротость ваша да будет известна всем человекам.

Так как выше Павел осуждал некоторых как врагов креста, то теперь побуждает филиппийцев не относиться к ним враждебно, но поступать с ними милостиво, хотя бы они были и врагами.

Господь близко. Не заботьтесь ни о чем.

А вы завидуете тому, что те живут в удовольствии и наносят вам оскорбление, вы же находитесь в печали. *Господь близко*, суд уже настал; не заботьтесь ни о чем: ни об оскорблении с их стороны, ни о вашей печали. Потому что они отдадут ответ Господу, а вы пребудете в покое.

Но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом.

Вот и еще утешение, именно, молитва всегдашняя, во всяком положении дел, и притом с благодарением. Потому что как станет просить кто-либо о будущем, не выразивши чувства благодарности за прежнее благодеяние? Итак, за все, даже и за то, что кажется несчастьем, должно благодарить; потому что благодарить за добро требует самая природа вещей, а за несчастье — долг благомыслящей души. Такого рода молитвы открывают желания наши пред Богом; тех же молитв, которые совершаются иначе. Он не принимает.

И мир Божий, который превышает всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе.

То есть мир, который Бог устроил с человеками, превосходит всякий ум, не человеческий только, но и ангельский, — как если бы апостол сказал: Он спас или избавил нас так, что ум наш не в состоянии сего постигнуть. Ибо кто ожидал, что такие блага будут нам дарованы и что мы примиримся с Богом? Он Сам вас будет беречь и предохранять, чтобы вы даже не мыслили чего-либо дурного. Или же апостол говорит о мире, о котором Господь сказал: *мир оставляю вам* (Ин. 14:27), он будет охранять вас. Ибо и таковой мир превосходит всякий ум, так как Господь повелевает, чтобы мы имели мир со врагами и с теми, кто обижает нас. Если же мир превосходит всякий ум, не тем ли более существо дела? Выражение *во Христе Иисусе* значит: Он соблюдает вас в Себе, чтобы вам не отпасть от Него, но паче пребывать в Нем.

Наконец, братия мои.

Говорит так, как бы спеша и не имея уже ничего общего с настоящими обстоятельствами.

Что только истинно.

То есть все добродетельное, ибо зло есть ложь, равно как и наслаждение им есть ложь.

Что честно.

Против тех, которые думают о земном [5].

Что чисто.

Против тех, бог которых — чрево.

Что любезно.

То есть Богу и людям. А последнее значит, чтобы никого не оскорблять.

Что достоиславно, что только добродетель и похвала.

Видишь ли, он желает, чтобы они обращали внимание и на то, что касается людей; но не просто, а сказав: *что только добродетель*.

О сем помышляйте.

Так как от помышлений рождаются дурные дела, то говорит: *о сем помышляйте*, то есть о том, на что указано выше.

Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне.

Так как нельзя было говорить обстоятельно обо всем, о входах, выходах, слове и одежде, то говорит вообще: *чему вы научились, что слышали* посредством изустного научения, что приняли письменно и *что видели* во мне чрез самые дела. Потому что являть себя примером, как часто говорилось, есть самое лучшее учение.

То исполняйте.

Не только помышляйте и не только говорите, как выше было сказано, но и делайте.

И Бог мира будет с вами.

То есть если вы будете исполнять это, то будете жить в спокойствии. Потому что, когда мы будем в мире с Богом, конечно, посредством добродетели, и с людьми («с ненавидящими мир я был в мире» (Пс. 119:7), то Сам Бог будет с вами. Так как, если Он ищет удаляющихся от Него, то как Он не придет к приближающемуся к Нему?

Я весьма возрадовался в Господе, что вы уже вновь начали заботиться о мне.

Не мирской радостью возрадовался, говорит, и не житейской, но — *в Господе*: не тому я возрадовался, что успокоился, но тому, что вы преуспели. Посему-то и сказал *весьма*, ибо радовался об их пользе или преуспевании. После того, как незаметно укорил их за прошедшее время, внушая им благодетельствовать непрестанно и всегда, он опять прикрыл этот укор; потому что слова *уже вновь* (ἤδη πωτέ) указывают на продолжительное время. Словом *начали* (ἀνεθάλτετε — опять распустились, опять дали побег или отпрыск) говорит как бы о выросших растениях, которые засохли и потом снова, расцвели. Так и вы, говорит, быв цветущими, завяли, и потом снова распустились. Таким образом, здесь и укор некий и похвала; ибо не малое дело есть увядшему процвести. Чтобы кто не подумал, что они и в остальных делах увяли, он прибавил: *заботиться о мне*, то есть в одном только — заботливости о необходимом мне. Но следует спросить, каким образом тот, который сказал: *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20:35), и опять в послании к Коринфянам: *для меня лучше умереть, нежели чтобы кто изничтожил похвалу мою* (1 Кор. 9:15), теперь является принимающим помощь? Там он вполне основательно не принимал, именно, благодаря лжеапостолам, которые показывали вид, что не принимают, *дабы они, в чем хвалятся*, говорит, *оказались такими же, как и мы* (2 Кор. 11: 12). Ибо не просто сказал: *похвала сия не отнимется у меня, но: в странах Ахаии* (2 Кор. 11:10); потому что говорит: *другим церквям я причинял издержки* (2 Кор. 11:8). Таким образом, там он не принимал по основательному рассуждению. Здесь же дающие — *возлюбленные и возжеленные*, которых он огорчил бы, если бы не принял. Притом же и принимать бывает лучше ради дающих; потому что они большую получают пользу, чем приемлющие. Что же касается изречения *блаженнее давать, нежели принимать*, то оно вовсе не означает запрещения принимать, но есть простое сравнение, указывающее на то, что лучше. На том основании, что золото лучше, неужели кто-нибудь запретит иметь серебро? Кроме того, апостол говорит это о труде и подавании от труда; и подлинно нужно так делать. Но ежели не будет времени для труда, например, при наложении уз, или в случае болезни, то что тут делать? Не должно ли принимать? Я думаю, что так.

Вы и прежде заботились.

То есть вы носили в сердце заботу обо мне и беспокоились обо мне; ибо это в вашем характере — заботиться обо мне.

Но вам не благоприятствовали обстоятельства.

Не от нерадения вашего, говорит, зависело это, а от необходимости, то есть вы не имели в руках, сами не были богаты; от общего обычая сие заимствовано, ибо мы обыкновенно говорим: настали тесные обстоятельства, пришли теперь дурные времена.

Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть.

Видишь ли, что нелегкое дело радоваться в довольстве; для этого нужно упражнение и старание. *Научился*, говорит.

Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии.

То есть умею пользоваться малым, умею переносить и голод и жажду, и также умею

жить в изобилии. Но что же это за добродетель — уметь жить в изобилии? Подлинно это великая добродетель. Потому что не нужда, а изобилие многих губит, так как возбуждает очень многие и нелепые похотения. Как же Павел умел изобиловать? Он тратил достаток на других, и не радовался при изобилии, но был одинаков как в изобилии, так и в нужде, не надмеваясь первым и не стесняясь последней.

Научился всему и во всем.

Я приобрел опытность во всем столь долгим течением времени, во всяком деле и во всех случайных обстоятельствах.

Насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке.

Израильтяне не умели *терпеть голод*, ибо они роптали на Бога и говорили: *может ли Бог приготовить трапезу?* (Пс. 77:19). Но не умели и насыщаться: ибо *ел Иаков, и утучнел Израиль, и стал упрям, и оставил он Бога* (Втор.32:15). Но Павел и христиане поступают не так. Этим он показывает, что ни прежде, когда ему не давали, он не скорбел, ни теперь, когда ему дают, он не радовался по человеческому расчету, но радовался за них, так как они сами чрез это получили пользу.

Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе.

Так как он чувствовал, что многое сказал о себе, то говорит: не мое это совершенство, но давшего крепость Христа.

Впрочем вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби.

Он сказал: умею быть довольным. Теперь, чтобы филиппийцы не соблазнились им, будто он не с удовольствием принял предложенное ими и даже считал это бесполезным для себя (потому что дающие обыкновенно соблазняются, когда принимающие говорят, что они не нуждаются), то он и устраняет это, говоря: *впрочем, вы хорошо поступили*, то есть хотя я и не имею нужды, но, тем не менее, принял ваш дар. Обрати внимание на мудрость, как он возвышает это дело. Говоря *приняв участие в моей скорби*, он этим поставил их наравне с собой. Я, говорит, действительно терплю это, а так как вы позаботились обо мне, то Бог и вас признает моими сотрудниками. Таким образом, предыдущими словами апостол разрушил их мечтание, а этими возбуждает их усердие.

Вы знаете, Филиппинцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних.

Так как могло показаться, что он упрекнул их выше, сказав: *уже вновь начали заботиться*, то теперь мудро оправдывается, говоря, что то самое, чем я, казалось бы, укорил вас, я не потому сделал, будто бы желал получить от вас что-нибудь, но потому, что вполне был уверен относительно вас, и вы сами тому были причиной, ибо вы первые из всех начали заботиться о моих нуждах. В силу этой-то уверенности в вас я как бы упрекнул вас, как оставивших прежде обычное для вас дело. И вот великая похвала ваша в том, что вы не только в начале благовествования помогали мне, не только когда я находился у вас, но и

когда вышел из Македонии, то есть из ваших пределов. Не сказал, что ни одна церковь не дала мне, но *ни одна церковь не оказала мне участия даянием и принятием*; потому что суть дела заключается в общении. Ты даешь плотское, а получаешь духовное, как сказано в другом месте: *если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?* (1 Кор. 9:11). Итак, другие церкви не оказали участия в смысле даяния плотского и принятия духовного.

Вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду.

Важная похвала их и в том, что, находясь в митрополии, он питался на счет малого города. Ибо под *нуждой* он понимает необходимые издержки, а не утехы и роскошь.

Говорю это не потому, чтобы я искал даяния; но ищу плода, умножающегося в пользу вашу.

Так как он высказал нечто унижительное, сказав: *на нужду*, то, дабы они по этому поводу не возгордились, он продолжает: говорю сие не потому, чтобы искал от вас подаяния, но ради вашей пользы, чтобы вы имели плод, который должен служить в вашу пользу. Видишь ли, они сами получили пользу от даяния.

Я получил все, и избыточествую.

Так как он сказал: *не ищу*, то дабы не охладить их ревность, не сделать их более беспечными (ибо чем любознательнее благодетели, тем большей они ищут благодарности от приемлющих благодетель), говорит: *я получил все, и избыточествую*, то есть нашим даянием вы не только восполнили то, что опущено было прежде, но еще сделали больше. Сказав же *получил*, как бы о должном со стороны их, дабы они не возгордились, он опять в утешение их показывает, что они сделали даже и сверх должного, послав ему излишнее.

Я доволен, получив от Епафродита посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу.

О, куда он вознес их дар! Не я, говорит, принял, но Бог чрез меня. Поэтому, хотя я и не имею нужды, вы об этом не беспокойтесь: потому что и Бог ни в чем не нуждался, однако принял, как и Писание говорит: *обонял Господь приятное благоухание* (Быт. 8:21), дабы мы, слыша, что Бог в этом не имеет нужды, не сделались беспечными в благовествовании.

Бог мой да восполнит всякую нужду вашу, по богатству Своему в славе, Христом Иисусом.

Так как выше он сказал: *вам не благоприятствовали обстоятельства*, то есть вы сами находились в затруднительном положении, то теперь желает им быть в довольстве. Если бы они были так мудры, как Павел, он не стал бы просить для них телесного. Но так как они были людьми, занятыми житейскими делами и имеющими некоторую привязанность к настоящим вещам, то он, снисходя к их немощи, просит для них у Бога не избытка и роскоши, а достатка в необходимом. *Да восполнит*, говорит, *всякую нужду вашу*, дабы не быть нам в убожестве. Затем, чтобы они не подумали, что он слишком ограничивает их, прибавил: *по богатству Своему*, то есть Он может дать вам потребное в избытке и изобилии.

Посему вы пользуетесь богатством во славу Его. Выражение *Христом Иисусом* можно понимать и так, что это совершит Отец во Христе Иисусе, то есть при посредстве Христа; а можно и так: *в славе*, которая относится ко Христу Иисусу. Поэтому прибавляет следующее.

Богу же и Отцу нашему слава во веки веков! Аминь.

Поскольку он сказал: во славу Сына, то прибавил, что слава Христа есть вместе и слава Отца.

Приветствуйте всякого святого во Христе Иисусе.

Знак немалого благорасположения — приветствовать их посредством посланий.

Приветствуют вас находящиеся со мною братия.

Ибо с ним были многие, были, может быть, даже из самого Рима, которые, впрочем, не принимали участия в делах апостольских: таковым был только Тимофей, которого он назвал выше единомышленным с собой. Тем не менее он не отказывается называть их братьями.

Приветствуют вас все святые, а наипаче из кесарева дома.

Он одобрил и одушевил их, показав, что благочестие достигло даже до царского дома, внушая, что если находящиеся при царском дворе пренебрегали всем ради Христа, то тем более следует делать это вам — людям простым. Вместе же с тем дает знать, что о добродетели филиппийцев он говорил пред кесаревым домом; ибо иначе он не мог возбудить в последних расположения, выразившегося в приветствии.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.

По своему обычаю он молитвой заключает послание. И научает вместе с тем относить к благодати Христовой добродетели, какие они имеют, а не возноситься ими. Ибо тогда только и пребудет с ними благодать навсегда, если они не будут превозноситься. Да изобилует же, по благодати Христовой, и между нами как всякая другая добродетель, так преимущественно добродетель вспомоществования другим, да и мы, приемля пользу от вспомоществования всем нуждающимся, особенно же страдающим ради Бога, насладимся богатством благодати Его. Ему слава и держава, ныне и присно и во веки. Аминь.

Примечания:

1. Слов *и ныне*, как и *всегда* в тексте блж. Феофилакта нет.
2. Слово *небесный* прибавлено у блж. Феофилакта.
3. См. 3, 18 и 19 ст.
4. Намек на предыдущее слово *σὺζυγόν* — (буквально: *одно ярмо влекущий*).
5. Выражение *что справедливо* опущено у блж. Феофилакта

Толкование на послание к колоссянам Святого Апостола Павла

Предисловие

Все послания Павла святы, но особенно те, которые он рассылал, находясь в узах: он посылал их, как полководец во время сражения, вполне уверенный в победе. И сам Павел считал это великим и славным. Ибо, когда пишет к Филимону, он говорит: *которого родил я в узах моих* (Флм.1:10). Сказал же это для того, чтобы и мы не сокрушались в бедствиях; а скорее считали их за честь. Таких посланий много: к Ефессянам, к Филимону, Тимофею, к Филиппийцам и это — к Колоссянам, — все они написаны в узах. Как он писал к римлянам и евреям, не издавши их, так он пишет и к колоссянам, не издавши их предварительно. В среде их были Филимон и Архипп, которому, мне кажется, поручена была даже какая-то Церковь. И пишет к колоссянам по следующему поводу: между ними появилось некоторое нечестивое учение: они думали, что не чрез Сына, а чрез ангелов приведены к Богу Отцу, считая нелепым верить, что в последние дни явился Сын Божий, между тем как в Ветхом Завете все совершалось чрез ангелов. Притом они соблюдали многие иудейские и эллинские обычаи, наблюдая дни, времена и яства. Все это, конечно, требовало исправления и побуждало апостола написать это послание.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа.

Сразу же и вначале незаметно опровергает их мудрование. Ибо не ангелов апостол, а Иисуса Христа, и воля Божия на то, что он апостол Того Христа, а не ангелов. Итак, если я *по воле Бога* апостол, то ясно, что я истину проповедую. Что же такое? то, что Сыном мы приведены к Богу, что мы освободились от иудейских и эллинских обрядностей. И заметь, предлог «по» (διὰ) поставлен пред словом θεός, что означало Бог Отец.

И Тимофей брат.

Выходит и он был апостол, вероятно, он был также известен им.

Находящимся в Колоссах святым и верным (братиям) во Христе (Иисусе) [¹].

Колоссы — это город Фригии, который ныне называется Хоны, — это видно из того, что Лаокдикия есть соседняя с ним страна. От чего же вы стали святыми? Не чрез крещение ли в смерть Христову? Почему называетесь верными? Не потому ли, что веруете во Христа? Не потому ли, что вверены вам такие тайны от Христа? Ибо верными мы называемся не потому только, что мы уверовали, но и потому, что вверены нам от Бога тайны, которых даже и ангелы не знали. Почему братия? Не по делам ли своим или добродетели? Нет, но во Христе. Как же после этого вы приписываете ангелам приведение нас к Богу?

Благодать вам и мир от Бога, Отца нашего [²].

Имени Христова не присоединяет здесь, хотя это было у него обычно, чтобы не тотчас, с первых же слов, явно напасть на них и тем не восстановить их против нижеследующего содержания речи. Пусть же скажут уничижающие Святого Духа, почему Бог — Отец наш? Не чрез Духа ли? Великое и превышающее ум Кто даровал нам? Не Дух ли? Как же после этого ты Его умаляешь?

Благодарим Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, всегда молясь о вас.

Иисус Христос есть Господь наш, а не слуги-ангелы. Павел показывает любовь свою к нам не только благодарением, но и непрестанной молитвой о нас, ибо и тех, которых не видел, всегда имел в себе.

Услышав о вере вашей во Христа Иисуса.

Благодарим Бога, говорит, потому что мы слышали от Епафродита о вашей вере во Христа Иисуса, а не в ангелов. Чрез это он предрасполагает их к себе. Потому что имена эти: Христос и Иисус — символы благоденствия; ибо Он принял помазание за нас и Он же спас народ Свой от прегрешений.

И о любви ко всем святым.

Не к тому, или иному, но ко всем; следовательно, и к нам, так что вы с удовольствием будете слушать нас. Это — речь человека предрасполагающего их к себе. Под любовью он понимает милостыню и общение, как и в других местах.

В надежде на уготованное вам на небесах.

Вы любите, говорит он, святых не из человеческих расчетов, но в надежде на будущие блага; или же: мы благодарим Бога, что вы имеете наследовать нетленные блага. Ибо не на земле отложено, где оно подверглось бы тлению, а на небесах, где оно и цело, и безопасно. Итак, не колеблитесь в уповании: ибо отложенное вам находится в надежном месте, и это относится к тем, которые подверглись испытаниям, чтобы они не искали здесь освобождения от них, и не унывали в испытаниях, так как они имеют великое вознаграждение.

О чем вы прежде слышали в истинном слове благовествования.

Не сказал: «проповеди», но *благовествования*, дабы напомнить им о благодеяниях Божиих, ибо благовествование есть возвещение о благе. Но если оно есть слово истины, то, значит, в нем нет лжи. Как же вы делаете его лживым, не веря, как прежде были научены им, именно чрез Христа Спасителя? Кто же был там проповедником? Епафрас, как это видно из следующего.

Которое пребывает у вас, как и во всем мире.

Говорит как бы о каком одушевленном предмете: *которое пребывает*. Не пришло оно, говорит, к вам, и потом удалилось, но присутствует и господствует в вас. Этим он радуется их. А так как многие делаются более твердыми, когда имеют сообщников, то прибавляет: *и во*

всем мире. Оно всюду присуще, всюду твердо стоит.

И приносит плод, и возрастает.

Приносит плод по делам, *возрастает*, потому что постоянно многие присоединяются к этой вере. Но оно не приносило бы плодов, если бы не было твердым. Ибо и деревья тогда больше приносят плодов, когда твердо укреплены.

Как и между вами.

Как и прежде, предрасполагает к себе похвалами, чтобы они не отступали, хотя бы того и хотелось. Ибо если и всем, и вам одинаковым образом проповедано было Евангелие, каким же образом некоторые учат иначе?

С того дня, как вы услышали и познали благодать Божию в истине.

Приносит, говорит, плоды и возрастает благовествование в вас с того дня, как вы познали благодать. Каким же образом? Не обольщением и пустыми словами, но истиной, то есть необычайными знаменами и делами.

Как и научились от Епафраса.

Вы, говорит, на самом деле познали благодать так же, как и учил вас Епафрас. Ибо не иное происходило на деле, а иному он учил. Ибо он, вероятно, проповедал колоссянам.

Возлюбленного сотрудника, нашего.

Сим показывает, что этот муж достоин доверия. Ибо я, Павел, не любил бы его, если бы он не был истинным проповедником, и не назвал бы его *сотрудником*.

Верного.

То есть истинного.

Для вас служителя Христова.

«Ради вас, говорит, он служил в делах, подобающих Христу. Ибо и то, что отправился к Павлу, утешал его в узах и известил его о событиях в Колоссах, — и это было служением Христовым. Если же Епафрас — слуга Христов, как же вы говорите, что чрез ангелов вы приведены к Богу?»

Который и известил нас о вашей любви в духе.

То есть духовную любовь, которую вы имеете ко мне. Ибо самая прочная любовь — любовь в духе. Всякая же иная любовь: и естественная, какова любовь родителей к детям и детей к родителям, и основанная на дружбе и товариществе, — непрочна.

Поэтому и мы с того дня, как о сем услышали, не перестаем молиться о вас.

Посему — почему? Поскольку, говорит, мы услышали о вашей вере и любви, мы, исполнившись благих надежд относительно будущего, молимся за вас не один день, не два, но с того времени, как услышали об этом. Этим и показывает свою любовь, и незаметно укоряет их, так как они и при помощи его любви не стали более совершенными. Заметь же, что много нужно молиться и непрестанно, и что Павел постоянно молился и, даже не достигнув исполнения молитвы, не отступал от нее.

И просить, чтобы вы исполнялись познанием воли Его.

Не называет их ни вполне несовершенными, ни вполне совершенными. Ибо не сказал: чтобы вы приняли, но *чтобы вы исполнились*. Вы, говорит, имеете, но не все. Что приведены вы к Богу, это знаете, а что приведены чрез Сына, этого вам не достает, и я молюсь, чтобы вы сего исполнились. Ибо воля Божия и благоволение в том состоит, что дан был за нас Сын, а не ангелы. Итак, под разумением понимай приращение познания.

Во всякой премудрости и разумении духовном.

Так как их обольщали философы, то он говорит: я желаю, чтобы вы познали учение духовной мудростью, а не мудростью человеческой, которая вводит вас теперь в заблуждение, которая заставляет нас считать себя знающими. И если, чтобы постигнуть волю Божию, нужна духовная мудрость, что сказать о тех, которые хвалятся, что познали сущность Божию чрез внешнюю мудрость?

Чтобы поступали (περιπατήσαι) достойно Бога.

Молю, говорит, чтобы вы познали, что вас спас Единородный, дабы поступали вы достойно, то есть жили добродетельно. Ибо, кто познал человеколюбие Божие и то, что Он предал Сына Своего за нас, как не постарался бы такой человек предать себя трудам добродетели и поднять крест свой? Ибо слово *поступать* (περιπατήσαι — поступать, постоянно ходить), как сказано, обозначает жизнь и деятельность. И везде он с верой соединяет деятельность. Другими словами: не о том, говорит, молюсь только, чтобы вы научились, но и о том, чтобы вы и в делах показали свое знание; ибо знающий, но не делающий будет наказан. Заметь же, как он хождением постоянно называет деятельность, показывая тем, что как всегда необходимо нам хождение (περιπάτησις), так необходима и наилучшая жизнь.

Во всем угождая Ему (εἰς πᾶσαν ἀρεσκείαν), принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога.

Так, говорит, живите, чтобы во всем угождать Богу. Как же это? Не иначе, как всяким делом добрым. Ибо, где всякое дело благое, там всякое благоугождение Богу. И смотри, как он везде присоединяет слово *всякий*: во всякой премудрости, во всяком деле благом, во всяком угождении и во всяком долготерпении, — показывая, что они имеют это и теперь, но не все. Почему им должно дойти до совершенства. *Принося плод и возрастая в познании Бога*. Как, говорит, вы познали Бога больше, чем древние, так и в жизни должны возрасти по мере познания. Ибо сколь велика должна быть добродетель того, кто удостоился познать Бога и даже стать сыном Божиим? Или же: должно вам приносить плоды — добрые дела, но так, чтобы и познание Бога иметь, как должно, а не как вы теперь воображаете, что имеете. Ибо

какая польза в жизни и деятельности, если вы не будете знать Сына Божия? Смотри же, как выше он сказал, что нужно познание Бога для того, чтобы ходить достойно Господа; теперь же опять требует, чтобы они возрастали в добрых делах с тем, чтобы одновременно познавать Бога, потому что одно с другим тесно соединено.

Укрепляясь всякою силою.

Мы молимся, чтобы вы достигли совершенства, *укрепляясь всякою силою*. Против чего? против искушений и преследований, чтобы не сделаться беспечными и не подпасть отчаянию.

По могуществу славы Его.

Да подает вам такую силу, какую прилично Ему давать, то есть неизреченную и беспредельную, какую только возможно принять человеку. Тут великое ободрение. Ибо не сказал: по силе, но *по могуществу*, что больше, как бы говоря: повсюду слава Его могущественна. Итак, вы не ослабевайте в бедствиях, ибо превозможете, как естественно тем, которые служат такому могущественному и славному Владыке.

Во всяком терпении и великодушии.

Укрепляясь во всяком терпении, то есть по отношению к внешним, и *великодушии*, то есть во взаимных отношениях. Ибо долготерпит тот, кто имеет возможность отплатить и не отплачивает, а терпит, когда не может этого сделать. Поэтому и Богу усвоится не терпение, а долготерпение, так как Он может сокрушить, но воздерживается от сего. *Во всяком же*, то есть не теперь только, а после уже нет. Итак, если совокупить вместе слова, он говорит следующее: мы молимся, чтобы вы в совершенстве получили познание учения не по мудрости мирской, но духовной, и вели жизнь добродетельную, чтобы твердо противостоять искушениям, прияв силу и крепость от Бога — являть терпение в отношении к внешним и долготерпение к братьям.

С радостью, благодаря (Бога и) [3] Отца.

Имея намерение обвинить их, что неправильно поступают в деле учения, он сначала говорит ласково, чтобы не показалось, что он обвиняет их, как враг. Поэтому, сначала сказав: я молюсь за вас, да дарует вам такие и такие блага (что совершенно несвойственно врагу), — теперь говорит: с радостью благодарю за те блага, какие вы имеете. Посему не по вражде обвиняю вас, а по любви. Я даже желал бы постоянно хвалить вас, но необходимость заставляет меня порицать. Так поступает он и в Посланиях к Коринфянам. И незаметно приводит их к слову о Сыне. Ибо, если я с радостью благодарю, значит, вы обладали великими благами. Но их даровал Владыка — Сын, а не рабы — ангелы. Почему же он сказал: *благодарю с радостью*? Потому что и в печали возможно благодарить, как благодарил Иов, хотя и находился в скорби: *Господь дал, Господь и взял* (Иов.1:21). И пусть никто не говорит, что он не был уязвлен скорбью, потому что в таком случае уничтожил бы и похвалу его, если бы он нечувствительно переносил это. Он скорбел, но не был подавлен.

Призвавшего вас (ἰκανώσαυτι υμᾶς; в синод пер. — нас).

Сколько, говорит, дано, что вы не только стали богатыми, но и получили силу и способность явиться достойно получившими такие дары. К примеру сказать: царь поручил человеку небольших дарований какое-либо начальствование, достоинство он дал бы, но не сделал бы его способным к достойному отправлению его; в таком случае честь эта часто подвергала бы его осмеянию. Но Бог и чести удостоил нас, и сделал способными к принятию ее. Сугубая же честь, что сделал нас способными к принятию дара.

К участию в наследии святых.

То есть поставившего вас со святыми, — и не просто, но предоставившего вам наслаждаться теми же благами, что и обозначается словом *участие*. Ибо можно жить в одном и том же городе, но не иметь одинаковой доли, и опять: можно участвовать в одном и том же наследии, но не иметь той же самой доли, как, например, мы все имеем одно и то же наследие Церкви, но один имеет одну долю, а другой — другую. Но здесь и наследия удостоил того же самого, и части той же самой. И везде употребляет слово *наследие* (κλήρος), дабы показать, что как наследие зависит не от человеческого старания, а больше, кажется, от счастья; так и мы не за добродетели удостоиваемся Царствия, но все зависит от божественного дара. Посему, «егда», говорит «сотворите вся, глаголите, как раби неключими есмы: как еже должны бехом сотворити, сотворихом» (Лк. 10:17).

Во свете.

И будущем, и настоящем, то есть познании. Ибо и теперь просветил нас, открыв нам тайны, а в будущем еще больше откроет.

Избавившего нас от власти тьмы (ἐκ τῆς ἐξουσίας τοῦ σκότους).

Не то только важно, что удостоил нас Царствия, но и то, каковы мы были прежде сего. Ибо не одно и то же — достойным что-нибудь давать и недостойным, о чем и в Послании к Римлянам говорит: *едва ли кто умрет за праведника* (Рим. 5:7). Итак, Он избавил нас, находящихся под властью тьмы, то есть заблуждения и тирании диавола. И не сказал просто «от тьмы», но *от власти тьмы*. Ибо он имел великую власть над нами и господствовал. Конечно, тяжело находиться и просто под диаволом, а под диаволом со властью — еще тяжелее. И не сказал: вывел, но *избавил*, показывая, что мы, как пленники, томились.

И введшего в Царство возлюбленного Сына Своего.

Великое дело и от тьмы освободить, но ввести еще в Царство — это гораздо больше. И не просто, но с тем, чтобы мы царствовали вместе с Сыном возлюбленным, мы — враги и находившиеся во тьме. О чем и в другом месте говорит: *если терпим, с Ним и царствовать будем* (2Тим.2:12). И не сказал: перенес (ибо тогда все принадлежало бы перенесшему), но — *ввел* (переместил), так, чтобы здесь нечто принадлежало и нам. Речением этим он показывает, что для силы Божией также это легко, как кому-нибудь перевести воина с одно места на другое).

В Котором мы имеем искупление Кровию Его (ἀπολύτρωσιν) и прощение грехов.

Дабы ты, услышав, что Отец избавил нас, не подумал, что Сын не явил ничего

благого, — он говорит далее, что Сын даровал нам очень многое. Ибо Он источник того, что мы приведены в Царство, так как Он даровал нам искупление, то есть оставление грехов. Ибо, если бы мы не были избавлены и освобождены от них, мы не были бы введены в Царство. Таким образом Он проложил нам путь к дару Отца. Не сказал: *λύτρωσιν*, но *ἀπολύτρωσιν*, то есть совершенно избавил нас, чтобы мы не пали потом и не сделались смертными, как причастные греху Адама. Итак, если Сын избавил нас, то Он и привел в Царство. Как же вы приплетае туг ангелов? Заметь также, что выражение в *Котором* относится к Сыну.

Который есть образ Бога невидимого.

Апостол выставляет здесь славу естества и величие достоинства Единородного. *Который*, говорит, *есть образ Бога*; следовательно, точь-в-точь сходен, ни в чем не отличен. Нет меры для величия Его, чтобы, измерив, мог ты сказать, сколько недостает в нем по сравнению с Отцом. Если бы Он был образом как человек, то ты имел бы что сказать в этом отношении, потому что образ человеческий никогда не доходит до Первообраза. Поскольку же Он есть образ как Бог и Сын Божий, то есть образ Бога невидимого, совершенно сходный, очевидно, образ невидимый. Ибо у нас, когда искусство человеческое, часто погрешающее, делает изображение, оно не имеет полного сходства; но где Бог, там нет ошибки, нет уклонения, — поэтому там и полное сходство. Если же Сын не имел полного сходства с невидимым Богом, то что препятствует и ангелам быть образом Бога? Ведь и они невидимы. Однако ангелы никогда не называются образом Бога. И заметь точность Священного Писания: человека оно именует образом Божиим и сыном, но ангела никогда; потому что в этом случае слышащие о высоте ангельской природы легко могли бы впасть в нечестие, подумав, что ангел имеет одинаковое достоинство с Богом. Но что касается человека, то малозначительность и ничтожество его охраняет нас от мысли о чем-нибудь подобном. Итак, сопоставь: Единородный, будучи тем и другим — образом и невидимым, тем, что есть *образ*, отличается от ангелов, которые, хотя и невидимые, но не суть образы; а тем, что есть *невидим*, отличается от людей, которые, хотя и сами именуется образом Божиим, но не суть невидимы. Итак, Он один есть совершенный и чуждый всякого несходства *образ Божий*. А если и еще будут возражать ариане, что образ не единосущен первообразу; то пусть послушают они Писание, говорящее, что Сиф есть образ Адама. Неужели же и он не единосущен Адаму? Итак, хотя искусственные образы не тождественны по существу, но естественные имеют вполне одинаковую сущность.

Рожденный прежде всякой твари.

Сказав, что Он есть образ Бога невидимого, присовокупляет и это. Вот тут для ариан большой соблазн. Так как, говорят, Он назван *рожденным прежде всякой твари*, то Он и есть первый из тварей. Но апостол не сказал: *первозданный*, но *перворожденный*. Или ты дашь Ему братьев, и Он будет первенцем в отношении ко мне, лягушке, камню и тому подобным ничтожным вещам, и будет иметь одну сущность со всем этим? Ибо Перворожденный, конечно, имеет одну сущность с теми, в отношении к которым Он называется Перворожденным. Но на твою голову обращается эта хула. Ибо безбожно так мыслить о несравненной славе Творца. Да притом, слово *первенец* употребляется в Писании совсем не в противоположность к последующим детям, а безотносительно, и значит — *перворожденный*. Так и от Богородицы Марии Он родился первенцем по плоти, хотя совсем

не имел братьев вслед за Собой; ибо Он — Единородный и по происхождению от Нее. Таким же образом и по рождению от Отца Он — Первенец не в противоположность прочим тварям, но безотносительно; ибо Он — Единородный и по горнему рождению. Итак, что же теперь говорить в опровержение подлежащего вопросу и в обличение мнения колоссян? Дабы не подумали, что Он моложе ангелов, так как древние чрез них приводимы были к Богу, а теперь сказано, что Он приводит к Богу, то он хочет показать что Сын есть прежде всякой твари. Каким же образом? Чрез рождение. Итак, Он и прежде ангелов есть, и притом так, что Он же и создал их. Итак, если ангелы и служили в Ветхом Завете, то это есть Его устройство. И заметь мудрость апостола: дабы ты, услышав, что Он прежде всякого творения, не почел Его безначальным, он наставляет тебя, что Он имеет Отца и от Него рожден. А так как и Он, и все — от Бога, то это самое показывает, что иное — то, что один произошел, как Сын от Отца, а другие, как твари, созданы Этим самым Сыном. Поэтому присовокупляет.

Ибо им (*εν αὐτῷ*) создано все, что на небесах и что на земле.

Им сказано вместо «чрез Него», как это он покажет после. То, в чем можно было усомниться, именно касательно вещей небесных, поставил впереди. Итак, если ангелы чрез Него созданы, как же они прежде Его?

Видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли.

Оставляя без разъяснения видимое, так как в этом не было никакого сомнения, он обстоятельно говорит о том, в чем сомневались, — о невидимом. Но он представил не все горние чины в отдельности, как бы указав из многого очень немногое. Ибо невидимы, конечно, и архангелы, и наши души. Сказанное о тех, относится и к этим.

Все Им и для Него (*δι' αὐτοῦ καὶ εἰς αὐτόν*) создано.

Вот, что выше выразил словом Им (*εν αὐτῷ*), то теперь выражает словом чрез Него (*δι' αὐτοῦ*), как и евангелист Иоанн говорит: *все чрез Него* (*δι' αὐτοῦ*) начало быть (Ин. 1:3). Но, сказав: все, не включил Духа. Ибо Дух есть не один из оных всех, но один безусловно, как один Бог и один Господь. Итак, все, что имеет бытие, чрез Него создано. Потом, чтобы ты не почел Его слугой, он прибавляет: *и для Него* (*εἰς αὐτόν*) [⁴], то есть на Нем все держится. Он не только сотворил, но Он и содержит все; так что если бы творение лишилось Его промышления, оно погибло бы. И не оказал: «содержит», но гораздо тоньше: «на Нем опирается и держится». И этого одного, и именно того, что они (твари) опираются на Него, довольно для их поддержания и сохранения. Но это значит не меньше, чем сотворить, а даже больше, — особенно, что касается нас. Ибо и мы производим при случае одежду или жилище, но сохранить это от тления мы не можем; а Он и сотворил, и сохраняет.

И Он есть прежде всего, и все Им стоит.

Постоянно обращается к тому же самому, чтобы непрерывным словом, как частыми ударами, с корнем исторгнуть гибельное учение. И заметь, он не сказал, что Он пришел в бытие прежде всех, но — *есть*, что свойственно Богу. Где же Павел Самосатский, который говорит, что Он получил начало от Марии? И все стоит на Нем, как на основании; в таком смысле именно, как основание, Он и есть первенец твари. Но это показывает не единосущие Его с тварью, а то, что все на Нем держится.

И Он есть глава тела Церкви.

Сказав о достоинстве Сына, потом говорит и о Его человеколюбии. Ибо, будучи выше всех, как Творец и Вседержитель, Он соединился с низшими. И не сказал: глава «полноты церкви», но — *тела*, чтобы показать действительность сродства Его с нами, что Он принял одну с нами плоть, а не с неба принес. Ибо Павел употребил слово *Церковь* в смысле всего человеческого рода, как бы говоря: и рождением по плоти Он — первый из людей, как глава.

Он — начаток, первенец из мертвых.

Начаток, говорит, Он есть воскресения, как прежде всех воскресший. А так как Он разрешил болезни смерти, то, естественно, и первенцем называется. Но как начаток, имеет и последователей Себе в прочих людях. Ибо начаток есть чего-нибудь начаток. И как в одном снопе, принесенном в качестве начатка, благословляется вся жатва, так и мы все чрез Него освящены и приведены к Богу, и в воскресении одного тела вся природа удостоилась воскресения.

Дабы иметь Ему во всем первенство.

Во всем, то есть во всем, что созерцаем вокруг Него. Ибо Он и прежде всех рожден от Отца, и первый между всеми, как Глава Церкви, и прежде всех воскрес, как начаток, даровав им нетление. И прежде бывали воскресающие, но опять умирали. Он же воскрес и не умирает. И заметь, первенец здесь — как начаток воскресения, потому что это то же, что новое рождение; там же не сказано: начаток творения, хотя и первенец. Ибо образ бытия не одинаков: Он рожден, а тварь сотворена.

Ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота.

Полнота Божества, то есть если где был Сын и Слово, то там не действие Его вселилось, а самое существо Его. И Павел не находит тому другой причины, кроме благоволения и хотения Божия.

И чтобы посредством Его примирить с Собою все.

Посредством Его, то есть: Сам соделав спасение, даровал нам его. Но чтобы ты не подумал, что Он принял должность раба, говорит: *с Собою*, то есть Сам с Собою примирил людей. А в другом месте сказал: с Богом примирял; следовательно, что свойственно Отцу, то свойственно и Сыну. И не сказал: *καταλλάξαι* — примирить, но, — *ἀποκαταλλάξαι*, — опять примирить, что значит: отдать нас — людей, — как некий давно взятый долг, и совершенно примирить, чтобы мы не были уже врагами Ему. Ибо не только дано примирение, но и самый способ примирения, то есть заклятие Сына, имеет весьма большую силу.

Умиrotворив через Него, Кровию креста Его.

Примирение указывает на вражду, а умиrotворение — на войну. Ибо мы были и врагами, и неприятелями Богу. Итак, великое дело примирение, но — чрез Самого Себя еще больше, и притом чрез *Кровь* и *крест*, позорную смерть. Ибо не посредством речей, как посол, примирил, но предав Самого Себя. И сказав: *Кровию креста*, не остановился, но прибавил:

Его, чтобы ты не подумал, что крест имеет силу сам по себе. Ибо не просто крест спас, но именно Его крест.

И земное и небесное.

Что земное примирил, — это понятно; потому что каждый враждовал и с самим собой, и друг с другом, и даже ангельской жизни мы были врагами. Но небесное, каким образом? Земля была отделена от неба, ангелы были во вражде с людьми, видя оскорбленным своего Владыку; посему и посылались они для наказания, как например, к Давиду (2Цар.24:17), содомлянам (Быт. 19:15) и в юдоль плача. Итак, Сын, возведя человека, врага и неприятеля, на небо, и ангелов заставил явиться на земле поющими и сопутствующими каждому верующему. И мне кажется, что Павел для того восхищен был на небо, чтобы научиться, как обитают люди на небе, и Сын туда вознесся. Итак, для земных сугубый мир: по отношению к небесным и по отношению к самому себе, а на небесах — только простой. Ибо наконец-то они примирились с нами и радуются спасению столь многих. Как же после этого вы, колоссяне, говорите, что приведены к Богу ангелами? Ибо они слишком далеки от того, чтобы примирить нас с Богом, потому что они были даже враждебны нам, и если бы Сам Бог не примирил нас с ними, то мы не имели бы мира.

И вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам.

Сказав выше, что под властью тьмы были мы, теперь говорит, что мы были враги помыслами, и говорит не одно и то же; но чтобы, услышав первое, ты не почел то необходимостью, он присовокупляет последнее, дабы показать, что Он примирил нас, хотя мы и не заслуживали сего. Ибо по необходимости страдающий достоин сожаления, но добровольно терпящий зло достоин отвращения. Итак, говорит. Он примирил нас, совершенно недостойных, хотя мы не по неволе и не по необходимости, но добровольно и охотно удалились от Него. И говорит об этом после того как упомянул о небесных, показывая, что вражда совсем не от небесных, но от нас получила начало. Ибо они желали мира, и Бог также, но вы не хотели. Посему не сказал просто — «враждующими», но — *отчужденными*, то есть и не думавшими о возвращении. Ибо вы были враги *по расположению*, то есть по произволению. И не до того только дошло бедствие, но проявлялось и в злых делах, то есть вы и были врагами, и действовали, как враги. И всем этим показывает, что ангелы не имели силы ни изменить наше убеждение, ни освободить от диавола, так как и они сами были врагами нашими, и обладающий нами не был еще связан. Христос же и врага связал, и нас убедил отказаться от него.

Ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его.

Опять указывает на образ примирения, именно — *в теле*. Каким же образом? Разве Он подвергся только бичеванию и заушению? Нет, но Он и умер позорнейшей смертью.

Чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою.

Опять указывает и на другое благодеяние, говоря теперь то же, что и выше выразил словами: «соделавшего вас способными». Ибо не только, говорит, освободил Он нас от грехов, но даровал и святость, не обычную, но святость пред лицом Его, и непорочность, и

неповинность, так, чтобы не совершать нам ничего, что заслуживало бы даже простого порицания.

Если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования.

Так как он все приписал Сыну, который от всего избавил Своею смертью; то, чтобы не сказали: после этого нет нужды в наших трудах, — он говорит, что нужно пребывать в вере. Посему не будьте легкомысленны и не падайте духом. Так как можно, хотя и пребывать в вере, но колебаться, то он присовокупляет: *тверды и непоколебимы*, то есть не колеблясь, и не только это, но и *не отпадаете*. Ничего, говорит, тяжелого я не требую от вас, но только того, чтобы вы не отступали от Христа. Ибо Он есть упование благовествования, и все, принявшие благовествование, должны на Него уповать, как на даровавшего мир. Посему приписывающий мир ангелам отступает от Христа. Итак, при добродетели хотя и возможно немного колебаться, но при вере — нет. Таким образом, нисколько он не требует тяжелого.

Которое вы слышали, которое возвещено всей твари поднебесной.

Их самих, во-первых, выставляет свидетелями, а потом всю вселенную. И не сказал: возвещается, но — *возвещено*, то есть такое, в которое они уже уверовали. Итак, устыдитесь и себя, и всех прочих людей, — веровать иначе.

Которого я, Павел, сделался служителем.

И то служит удостоверением благовестия, что сам Павел — его проповедник. Ибо велико имя его, так как он повсюду прославляем и даже как бы властвовал над вселенной. Называя же себя служителем, еще более побуждал к повиновению. Ибо, говорит, не свое говорю, но Другому служу, именно Богу. Поэтому Ему будете повиноваться.

Ныне радуюсь в страданиях моих за вас.

Хотя, казалось бы, это непоследовательно, но на самом деле очень последовательно. После того как он сказал: я был служителем благовествования, от которого умоляю вас не отступать, теперь показывает, что оно настолько истинно, что я даже страдаю за него, — и не только страдаю, но и радуюсь в этих страданиях. Страдания же эти за вас, чтобы принести вам пользу.

И восполняю (καὶ ἀνταναπλήρω) недостаток в плоти моей скорбей Христовых.

Казалось бы, тщеславно и безумно это слово, но нет, напротив, оно полно великой любви ко Христу. Ибо он желает убедить их, что Христос и теперь еще за них страждет, и что не чрез нас, апостолов, вы приходите к Богу, но чрез Христа, хотя и через наше посредство (καὶ ἡμεῖς ἐν τῷ μέσῳ ὡμεν) [5]. Итак, что же вы делаете, отступая от Того, Который и после Своей смерти подвергается за вас опасностям? Смысл его слов таков: если еще должен был Христос страдать за вас, но удалился и не отдал сего долга, то я исполняю Его долг подобно тому, как в отсутствие полководца помощник его, оберегая войско и занимая место полководца, получал бы вместо него раны. Потому ведь и сказал — *недостаток* (ὀστέρημα), чтобы показать, что, по его мнению, Он не все еще претерпел. Он настолько любит нас, что и

после Своей смерти, как будто недостаточны прежние страдания, страдает в моем теле; ибо Он не удовольствовался Своею смертью, но и еще совершает бесчисленные благодеяния. Итак, Павел не превознося себя говорит это, но из желания показать, что Христос еще и ныне печется о них.

За Тело Его, которое есть Церковь.

Сказав, что хотя и я страдаю, но на самом деле это — страдания Христовы, он придает достоверность этим словам, говоря, что и эти страдания происходят ради тела Его. Итак, не почитайте хвастовством эти слова, но верьте, что Тот, Который не презрел соединить с Собой Церковь, и теперь еще ради нее страждет в моей плоти. Если же Церковь есть тело Христово и составляет одно с Ним, как Главой, как же вы поставляете между собой ангелов и разрываете тем единство?

Которой сделался я служителем.

Говорит: я служитель, и сам собой ничего не делаю. Но если я — служитель, как же выставляете вы ангелов служителями?

По домостроительству Божию, вверенному мне для вас, чтобы исполнить слово Божие.

Словами *по домостроительству Божию* или то говорит, что Господь, вознесшись на небо, послал нас на проповедь, чтобы вы не были оставлены и не впали в отчаяние; или то говорит: мне попустил Он преследовать Церковь потому, главным образом, чтобы сделаться достойным веры при проповеди. Или же: не дел Он искал и не добродетели, а веры и крещения. И в этом заключается величайшее *домостроительство Божие*. Ибо кто мог бы спастись, если бы требовались дела? Или же в словах: *по домостроительству Божию, вверенному мне для вас*, то есть для людей, принадлежащих язычеству, — просто говорит о благодати и силе, которую дал ему Бог, чтобы просветить язычников. Ибо убедить людей помраченных, неразумных и непослушных принять такие догматы — дело не Павловой силы, а домостроительства Божия. И как страдания свои он назвал принадлежащими Христу, так и о распространении этого учения между ними говорит, что оно есть дело Божие. Словом же *исполнить* показывает, что нечто им недостает. Заметь и в том *домостроительстве Божие*, что теперь сказана им тайна, что они сделались способными принять ее. Ибо Бог, устрояя все предусмотрительно, и то, конечно, предусмотрительно сделал, что тайна была открыта теперь, когда люди скорее могли принять ее. Поэтому безрассудны те, которые соблазняются словами, что в последние дни Сын приведет нас.

Тайну, сокрытую от веков и родов.

Сказав о том, что мы получили, Павел указывает и на другое преимущество, на то, что прежде нас никто не знал этой тайны. Тайной называет то, чего никто не знал, кроме Бога, и не просто «скрытую» (κεκρυμμένον), но *сокровенную* (ἀποκεκρυμμένον). Выражение же *от веков* значит: как начались века.

Ныне же открытую святым Его.

Это Его распоряжение, что тайна теперь явлена. Не сказал: «совершившуюся», но: *открытую*. Впрочем, и теперь не для всех, но для святых Его. Так что и теперь еще для некоторых она сокрыта. Посему да не обольщают вас те, ибо они не знают ее.

Которым благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников.

Чтобы ты не спросил, за что святым только она явлена, а не всем, прибавил: *которым благоволил*. Хотение же Божие всегда высочайше премудро. Конечно, он мог бы сказать: «достойным», но не сказал, желая научить смирению тех, кои сподобились сего, чтобы они, зная, что получили откровение по благословению Божию или благодати, смиренно о себе мудрствовали и не высоко, будто получившие по достоинству. И придавая значение совершившемуся, он не просто сказал; «возвестить славу тайны», но: *богатство славы* тайны, которая особенным образом явлена между язычниками, как и в другом месте говорит: и язычники за милость прославили Бога (ср. Рим.15:9). Ибо хотя она является и другим, но не настолько, насколько тем, которые бесчувственнее камней и которые поклоняются камням и пресмыкающимся. Подобно тому, как если бы кто, взяв пса паршивого и тощего, не могущего даже двигаться, сделал его человеком и посадил на царском престоле, то он прославился бы более, нежели если бы оказал это человеку не очень нуждающемуся. И хорошо сказал: *в тайне сей*. Ибо есть и другие тайны, но это по преимуществу тайна, которой никто не знал, которая стоит в разрез с общим обычаем и ожиданием, — это именно принятие в Церковь язычников.

Которая есть Христос в вас, упование славы.

Объясняя, что такое *богатство* и что такое *тайна*, говорит: *Христос в вас*, то есть то, что вы познали Христа и Он — в вас. И с похвалой выставляет это, чтобы сильнее привлечь их. Ибо если в вас — Христос, то каким образом вы ангелов называете благодетелями? *Упование же славы* есть Христос, потому что чрез Него мы надеемся достигнуть славы вечной; или потому, что Христос есть наша славная и непостыдная надежда.

Которого мы проповедуем (καταγγέλλομεν).

Мы проповедуем, но не ангелы. Как же после этого вы считаете их Служителями? И выразительно сказал: *καταγγέλλομεν* — долу возвещаем, то есть как бы низводя Его с высоты,

Вразумляя всякого человека и научая.

Не повелительно и не с принуждением. Ибо и это свойственно божественной благодати, — привлекать к себе не насильственно, а посредством увещания и научения. Под *вразумляя* можешь разумеать уроки деятельной жизни, а под *научая* — истолкование догматов.

Всякой премудрости.

Чтобы с успехом научить сему, нужна всякая мудрость, заимствуя потребное то из Писания, то из разума, то из эллинских писателей, как и учил Павел афинян по поводу их же алтаря.

Чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе.

Что говоришь? *Всякого человека?* Да, говорит, мы об этом заботимся. Но если это не исполнится, — не наша вина. *Совершенным* же не в законе и не по отношению к ангелам, а во *Христе Иисусе*, то есть в познании Христа; ибо то несовершенно.

Для чего я и тружусь и подвигаюсь.

Не удовольствовался наименованием труда, но прибавил слово — *подвигаюсь*, чтобы показать бдительность, строгость своей жизни и прочее, что свойственно подвигающимся. Итак, если я тружусь ради вашего блага, то насколько более вы должны трудиться?

Силою Его, действующею во мне могущественно.

Сказав: *тружусь*, показывает, что и это дело Божие. Ибо подающий мне силы для этого, очевидно, этого желает. Потому и в начале сказал: *волею Божиею Апостол*. Показывает этим также и то, что против него воюют многие. Ибо тогда сильнее проявлялась бы сила Божия, когда противников было бы много.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Желаю, чтобы вы знали, какой подвиг имею я ради вас и ради тех, которые в Лаодикии и Иераполе, и ради всех, кто не видел лица моего в плоти.

Намереваясь приступить к учению, он наперед указывает на свою великую любовь к ним, чтобы получить большее доверие. Беспокоюсь, говорит, о вас. Но ставит наряду с ними и верующих в Лаодикии и других, очевидно, с тем, чтобы они де пришли в смущение, додумав, что причиной этого их слабость. Почему же ты беспокоишься? Разве замечаешь что-нибудь худое в нас? Потому, говорит, что вы не видели лица моего. Но прибавил: *во плоти*, удивительным образом показывая, что они непрестанно видели его в Духе.

Дабы утешились сердца их, соединенные в любви.

Наконец, уже приступает к учению; но ни осуждает их, ни вполне освобождает их от обвинения. В этих же словах заключается и ответ. Подвиг, говорит, имею. С какой целью? С тем, чтобы они не различно мыслили, а были в согласии и соединились все в одной вере. Каким образом? Не по принуждению и насилию, но *в любви*. Сказал же это потому, что разномыслие и порождает раскол.

Для всякого богатства (καὶ εἰς πάντων πλοῦτον) совершенного разумения.

То есть, чтобы они ни в чем не сомневались, чтобы всячески крепло их разумение, то есть познание тайны. И не сказал просто: *для богатства*, но: *для всякого богатства*. Знаю, говорит, что имеете познание тайны, но желаю, чтобы и уверенность в этом познании была в вас сильна. Или: желаю, чтобы вы были убеждены разумно, а не безотчетно.

Для познания тайны Бога и Отца.

Как же это тайна Бога? Та, что чрез Сына совершается наше привлечение к Богу, а не чрез ангелов.

И Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения.

Он один знает все. Если же Он один мудр, то мудро, конечно, и пришел в последние дни, а не давно, и напрасно некоторые неразумные нападают на это. Сказав: *сокровища*, указывает на их множество, а словом: *все*, показывает, что ничто Богу не неизвестно, а выражением: *сокрыты* — что один Он знает и у Него должно просить мудрости и знания. Но заметь, если и кажется, что он сказал нечто особенно великое, то и это — *в Котором сокрыты сокровища* — сказал применительно к пониманию людей очень простых. Ибо Бог есть самопремудрость и самоведение.

Это говорю я для того, чтобы кто-нибудь не прельстил вас вкрадчивыми словами.

Это, то есть что в Христе все ведение, сказал я для того, чтобы кто не прельстил вас. Что до того, что если кто красно говорит? Наперед знайте, что если такой человек говорит не на Христе, то он говорит одни паралогизмы и софизмы.

Ибо хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами.

По связи речи нужно было сказать: хотя я и отстою плотью, но духовно вижу обольстителей. Он же в похвалу обратил это слово. Слушай.

Радуюсь и видя ваше благоустройство и твердость веры вашей во Христа.

Ибо не только, говорит, вы не пили, но у вас никто не поколебал порядка и твердой веры вашей. Как в боевом строю хороший порядок делает фалангу крепкой, так и Церковь тогда бывает тверда, когда в ней добрый порядок, любовь соединяет всех и нет разделений. Но и вера уже сама по себе составляет твердую опору, потому что не позволяет вкрадываться иным помышлениям, которые, вводя раздвоение, колеблют внутренний строй.

Поэтому, как вы приняли Христа Иисуса Господа.

Ничего нового не вводим, но что вы приняли, того и желаем опять. Господа Иисуса Христа, а не ангелов.

Так и ходите в Нем.

Ибо Он есть путь, приводящий к Отцу. Такой путь не в ангелах; ибо этот путь не ведет туда.

Будучи укоренены.

То есть стоя неподвижно и не склоняясь то ко Христу, то к ангелам. Ибо укорененные никогда не передвигаются.

И утверждены в Нем.

Показывает, что они пали, так что нуждались в восстановлении, то есть во вторичном построении на Христе, как на основании.

И укреплены (βεβαίουμενοι) в вере.

То есть твердо держась Христа посредством веры, а не рассуждений и словопрений. Ибо шатко строение, если оно и на фундаменте, но не твердо будет стоять на нем.

Как вы научены, преуспевая в ней с благодарением.

Опять ставит слово *как*, чтобы они, если не другого чего, то самих себя устыдились бы. Итак, и в словах *как вы научены* апостол положил как бы основание, а в словах *преуспевая* указывает на здание. Не должно изменять прежде принятое учение, а преуспевать в нем, ставя себе в честь нечто преизбыточествующее показать в своей вере, благодаря Бога за то, что Он удостоил нас такой благодати, и не приписывая самим себе этого преуспевания.

Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас.

Есть тать, тайком он подкрадывается, незаметно подкапывает он стены снизу, намереваясь обокрасть ваш ум. Итак, берегитесь.

Философиєю и пустым обольщением.

Показывает и путь, которым приходит тать: это философия. Но так как почтенным считается имя философии, то добавил: *и пустым обольщением*. Ибо есть и обольщение доброе, о котором говорит Иеремия: «обольстил ты меня. Господи, и я обольстился» (Иер. 20:7). И Иаков, казалось бы, обольстил Исава, но это не обольщением должно называть, а домостроительством. (Быт. 27:28)

По преданию человеческому.

Видишь от чего обольщение? От того, что привходят человеческие мнения. Христианская же вера — не человеческое учение, поэтому и не получит такого наименования.

По стихиям мира.

Наконец, начинает обличать в наблюдении дней, называя стихиями мира солнце и луну, от которых дни, казалось бы, получают то или другое свойство. И не сказал: наблюдение дней, но: всего настоящего мира, чтобы показать ничтожество его. Ибо если целый мир ничто, то тем более стихии.

А не по Христу.

Если бы и возможно было, говорит он, служить пополам и Христу, и стихиям, то и тогда не должно повиноваться последним; а теперь они и вовсе удаляют вас от Христа. А наблюдения дней были не только эллинские, но и иудейские: первые происходили от философии, а вторые от закона.

Ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно.

То есть то, что есть Бог — Слово, в Нем обитает. Но чтобы, услышав слово *обитает*, ты не подумал, что Он находился под действием силы, как пророки ибо вселялся в тех Бог, по слову: *вселюсь в них и буду ходить в них* (Кор.6:16), — он присовокупил: *телесно*, то есть что Он — не какая-нибудь энергия (сила), но сущность, как воплотившийся и составляющий одну ипостась с воспринятым. Или, по слову святого Кирилла, так живет, как душа в теле; а обитает она в теле существенно, нераздельно и неслиянно. Но душа отделяется от тела во время смерти. Бог же Слово никогда не отделялся от воскресшей плоти: и во гробе был с нею, сохраняя ее от тления, и во аде был с душою, возвещая и давая свободу пленникам, и вообще единение души и тела было и тогда, когда они разделились во время добровольной Его смерти.

И вы имеете полноту в Нем.

Вот как сказал! Вы нисколько не ниже Его, так как и вы исполнены Божественности, но только *в Нем*, то есть чрез воспринятую Христом плоть (*δια του προσλ μματος*). Ибо, когда природа наша соединилась с Богом, и мы в Нем приобщились божественной природы. И повсюду Павел желает нас приблизить ко Христу. Например, когда говорит: *воскресил с Ним и посадил на небесах в Иисусе Христе* (Еф.2:6), и: *если терпим, с Ним и царствовать будем* (2Тим.2:12), — и когда называет нас *сонаследниками* (Рим. 8:17).

Который есть глава всякою начальства и власти.

Не как единосущного нам поставляет Его главой, но выше, как источник. Итак, как же вы, оставив Его, прибегаете к ангелам, которых Он есть глава? И всем этим он совершенно разбивает ложное учение об ангелах.

В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным.

Дивное благодеяние, что вы во Христе получили обрезание. Ибо не человеческая рука совершила это обрезание плоти, но Дух Святой: обрезывается не часть, но весь человек.

Совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым.

Там чрез обрезание, чрез снятие покрова плоти, обнажалась часть тела; здесь же тело наше избавляется от греха, который мы совершаем плотью. И таковое обрезание совершает не закон, а Христос в крещении, совлекая с нас ветхую жизнь, — жизнь греховную и вообще плотскую.

Быв погребены с Ним в крещении.

Что назвал обрезанием, то теперь называет гробом, выставляя в сравнение нечто большее, чем обрезание. Ибо обрезанное не просто отбрасывалось, а погибало и истлевало. Итак, крещенный спогребается Христу, троекратным погружением изображая трехдневное погребение Господа, и умирая, как ветхий и греховный человек.

В Нем вы и совоскресли верою в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых.

Не гробом только, но и воскресением служит крещение. Каким образом? Через веру. Ибо,

уверовав, что Бог может воскресить, и имея пример этого в воскресении Христа из мертвых, мы, таким образом, двояко воскресли в Господе: и упованием воскресения, столь несомненным, как бы уже получили его, хотя оно еще будет; и духовно, отбросив мертвенность греховную, и восприняв оживление духом.

И вас, которые были мертвы во грехах и в необрезании плоти вашей, оживил вместе с Ним.

Христос, говорит он, прияв смерть телесную, оживотворен Отцом, и говорит так не потому, чтобы Христос Господь Сам немощен был оживить Себя, но чтобы все возвести к Единому источнику. А что воскресение Господа есть и собственное Его действие, об этом Он Сам говорит: *разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его* (Ин. 2:19.), и опять говорится: *явил Себя живым по страданию Своем* (Деян. 1:3). Вы же, подвергшись греховной смерти и, будучи необрезанными, то есть имея во множестве и излишестве плотские помыслы, которые вас умерщвляли, оживлены вместе со Христом. Ибо, как Он восстал телом, так вы духом; но восстанем, без сомнения, и телом. Но великий Иоанн дает разуместь, что и иначе можно понимать умерщвление. Ибо, говорит он, по причине падения мы находились под осуждением на смерть.

Простив нам все грехи.

Но смотри, чего нас удостоил и каким образом Он освободил нас.

Истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас.

Поскольку сказал, что Он даровал нам, то, чтобы ты не подумал, что Он все же оставил их быть где-либо и видимыми, говорит: нет, не так; Он совсем изгладил их, вычистил. Под рукописанием мы будем разуместь или договор, который как бы собственноручно заключил народ с Моисеем, сказав: все, что сказал Бог, будем исполнять и станем повиноваться (ср. Исх.19:8), — или условие, которое поставил Бог Адаму, сказав: в тот день, в который вкусишь, умрешь (Быт. 2:16). Оно-то в руках диавола было как бы рукописанием, оно-то противостояло нам, не позволяя подняться, ибо за ним было право. Это уничтожил Христос *учением*, то есть верой, ибо не делами, а учением веры разрушил то.

И Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту.

Не вычистил это только, но и *взял от среды*, то есть сделал, чтобы его не видно было; и ни нам его не отдал, ни Сам у Себя не сохранил, но, пригвоздив ко кресту, разорвал, как свойственно прощающему с радостью. Ибо все мы были повинны греху и наказанию, но Он, Сам безгрешный, наказанный за нас, на кресте разрушил грех и наказание: посему на нем и разорвал рукописание.

Отняв силы у начальств и властей.

Апостол говорит это о силах диавольских или потому, что они были облечены человеческой природой, или потому, что Сам Сын Божий, сделавшись человеком, знал наготу их и открыл ее, то есть оказался непобедимым для начал и властей. Ибо, если Он и принял на Себя грешную природу, но без греха. Сказанное можешь понимать так: диавол властвовал над

человеческой природой двумя способами: посредством страстей и болезней. Посему и Господь облекся в тело для того, чтобы бороться за нас против начал и властей диавола. Я не буду говорить о том, что Он еще в самом начале, при принятии святой Своей плоти, сокрушил их, будучи зачат без похоти и рожден без болезней. Но, однако, и после того, как родился и пришел в возраст, Он был искушаем прежде всего на горе приманками удовольствия, — искушаем непосредственно от врага приманкой чревоугодия, любостяжания, тщеславия, — и победил за нас. Потом скорбями искушитель склонял Его ненавидеть ближних, наущая против Него фарисеев, книжников и лиц, облагодетельствованных Им. Но был: не в силах исполнить это. Наконец, употребил самое сильное средство, пригвоздив Его ко кресту. Но Господь не только не ослабел от всего того, чего желал враг, но и молился даже за распинающих. Таким-то образом на кресте Он совершеннейшим образом отнял силы у начал и властей и, как приобщившийся нашей природы, даровал и нам, подчинившимся им, это отнятие силы у начал и властей.

Властно подверг их позору [6].

То есть сделал, что они посрамили себя. Ибо диавол никогда не посрамлял себя так. Он надеялся овладеть Христом, а лишился и тех, которых имел. Стоящее же в греческом тексте слово «явно» (εν παρρησία) употреблено вместо: всенародно, в виду всех. Если бы мог, диавол сделал бы все, чтобы уверить людей, что Он не умер. Ибо в этом заключается его великое поражение и — уничтожение — подвергнуть смерти Человека безгрешного. Вот почему он и произвел бесчисленные ереси, которые утверждали, что смерть была призрачная. Поэтому и Господь умер явно, а не воскрес явно. Потому что доказательством воскресения Его служило все последовавшее затем время, а для доказательства смерти, если бы не послужило самое время смерти, уже не было бы другого времени.

Восторжествовав над ними Собою.

То есть на кресте показал, что демоны побеждены. Триумфом называют то, когда кто-либо, возвращаясь с победы над неприятелем, совершает торжественное шествие, показывая всем связанных и пленников. Посему и Господь, поставив на кресте Свой трофей, как бы на всенародном зрелище эллинов, римлян и иудеев, восторжествовал над демонами. Если, таким образом, не ангелы умерли за нас, а Сам Христос, то как же вы говорите, что чрез них приведены к Богу.

Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питие, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу.

Доселе говорил загадочно: *чтобы кто не увлек вас обольщением*; теперь же яснее, когда упомянул о благодеяниях Божиих. Ибо если, говорит, вы достигли такого величия, то для чего подчиняете себя маловажному? Итак, не подчиняйтесь тем, кто вас осуждает за несоблюдение иудейских церемоний в пище и питье. Этим он будто хвалит их, как чуждающихся иудейства, *О каком-нибудь празднике* сказал потому, что не дерзали сохранять все. Ибо если они и субботствовали, то не так строго, так как исповедывали христианскую веру. Таким образом показывает, что напрасно такое наблюдение, когда не все соблюдается; оно только ведет к нарушению всего. Ибо если было бы хорошо, то соблюдалось бы всецело.

Это есть тень будущего.

Грядущими называет блага Нового Завета, ибо грядущими они были по отношению к Ветхому Завету, существовавшему дотоле, пока было его время.

А тело — во Христе. Никто да не обольщает вас.

Одни ставят знак на слове *во Христе*, чтобы такой был смысл: ветхозаветное было тень, тело же, то есть истина, — Христова есть. Какая же нужда хвататься за тень, когда присуще тело? А другие соединяют эти слова с последующими, чтобы так можно было понимать: «тело же Христово», то есть вас, «никто да не обольщает» — (καταβραβεύετω, то есть лишает), ибо καταβραβεύειν значит, когда один одерживает победу, а другой получает награду. Вы победили диавола и стали выше: зачем же опять подчиняться греху чрез соблюдение закона, который не может оправдать? Иначе: властвующего над нами победил Христос, а не закон; у Него и должна быть награда, а равно и у вас, составляющих тело Христово. Каким же образом это даруемое вы уступаете закону? Совершенно ясно, что если мы живем еще по-иудейски, то закон господствует над нами и чрез него мы надеемся спастись. Если же закон — тень. Христовы же дела — тело, то прежде нам следовало свыкнуться с тенью. Посему справедливо Он воплотился в последние дни, чтобы нас привести к Отцу.

Самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел [2].

После того как исполнил их негодования, показав, что с ними хотят поступить злодейски, лишит их награды, — апостол излагает и самый еретический догмат, говоря: они хотят вас лишит награды, прельстив кажушимся смиренномудрием. Ибо недостойно, говорили, величия Единородного учить, что Единородный привел вас к Отцу, так как это больше, нежели сколько сообразно с человеческой малостью. Почему основательнее полагать, что вашему приведению ко Отцу послужили ангелы. Исходя из этой мысли, они вводили и особое служение ангелам, и убеждали простосердечных к ним обращаться, будто к нашим спасителям. И они, никогда не выдавшие ангелов, утверждают о них то и то, как будто видели их.

Безрассудно надмеваясь плотским своим умом.

Напрасно, говорит, надмеваются своим учением, которое есть дело плотского размышления, а не духовного. Не обличает ли огрубелости их ума то, что они отрицают сказанное Христом: *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного* (Ин. 3:16) *за людей; и опять: и за них Я посвящаю Себя* (Ин. 17:19); *еще: жизнь Мою полагаю за овец. Есть у Меня и иные овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести* (Ин. 10:15,16). Много и других подобных мест. Итак, как же выше сказал: *смиренномудрием*? Смирение их было кажущееся, а не действительное. Иначе: надмевались, как упорные догматисты, не допуская даже, чтобы им предлагаемо было истинное учение. Хотя и настаивают на своем учении по смиренномудрию, но его они не имели, а только говорили смиренно: *заклану быть за нас Единородному, — это больше, чем потребно для людей* (не по мере их, не под стать им).

И не держась главы, от которой все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим.

Кто учит этому, тот, говорит, не держится Главы, то есть Сына Божия. Ибо Он есть Глава ангелов, как Творец и Миродержитель, а равно и Глава всей Церкви, как поэтому, так и потому, что мы и по телу Его члены, ибо Он и в этом самом общник нам. Из Него, таким образом, все тело Церкви имеет и просто бытие, и благобытие. Кто отпадает от Него, тот погиб. Как из головного мозга чувствительный дух посредством нервов передается во все тело, — и от головы всякое чувство и всякое движение: так и все тело Церкви снабжается, то есть получает, чем жить и расти духовно. Когда же оно имеет это? Когда состоит в сочетании (когда хорошо сложено) с Ним и само в себе. Ибо в таком только случае Дух Святой снабжает тело, чем расти: так что если тело не имеет общения с Главой и само с собой, то не бывает ни снабжения Духа, ни возвращения Божия, то есть наилучшей жизни по Богу.

Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений.

Чрез крещение, говорит, умерши со Христом, вы умерли для всей прежней жизни, чтобы больше уже не служить стихиям, которым были подчинены прежде. Поэтому, зачем вы снова подчиняетесь им, как бы живя прежней жизнью? Вы признаете один день счастливым, а другой несчастным, но это наблюдения эллинские. Смотри же как незаметно он осмеивает их, говоря: *держитесь постановлений* — *δοῦματίζεσθε*. Вы, говорит, подобно детям, только что начавшим учиться, сидите, принимая научения и наставления, что должно делать.

«Не прикасайся», «не вкушай», «не дотрагивайся» (что все истлевает от употребления).

Приводит и другое наблюдение их относительно пищи, преимущественно иудейское, подобно тому, как относительно дней было приведено эллинское. Посрамляя надмение тамошних догматистов (лжеучителей), апостол говорит, что все это не важно, но оканчивается нетлением в употребляющих; истлевши во чреве, это извергается потом афедромом, так что для души в этом, как оно есть само по себе, нет ни пользы, ни вреда.

По заповедям и учению человеческому.

Это не есть наставления божественные, а постановления человеческие. Итак, что же? Разве закон не суть учение Божие? — Он существовал, когда было время, а теперь не существует, потому что время его исполнилось. Или говорит так потому, что его исказили старейшины иудейские, устанавливая предания помимо закона, как об этом и Христос говорит в Евангелии. Или он намекает на учения эллинов.

Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти.

Вид мудрости имеют, а не силу и истину. Ибо тот, кто этому учит, кажется благочестивым, скромным и презирающим тело ради воздержания от пищи. Однако Бог почтил тело и дал яства, чтобы, питаясь ими, плоть могла существовать и добровольно господствовать над страстями. А они не в чести держат тело, а лишают его должного, отнимая у него власть и не позволяя ему действовать без принуждения.

Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном.

Сказав: *быв погребены с Ним*, именно чрез крещение, и дав понять об умалчиваемом, то есть, что и воскресли с Ним (ибо крещение как смерть изображает чрез погружение в воду, так и воскресение чрез поднятие из воды), теперь он убеждает и в том, что если вы воскресли со Христом, то после этого должны находиться на высоте, там, где и Он, где нет наблюдений, должны помышлять о небесном. Ибо эти наблюдения относительно пищи и дней — земные и телесные и не имеют ничего возвышенного и духовного; так как они суть заповеди земных людей. И не удовольствовался тем, что сказал: *горнего и где Христос*, но прибавил: *сидит одесную Бога*, для того, чтобы еще больше отклонить наш ум от земного.

Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге.

С той и другой стороны побуждает их не искать здешнего, — и из смерти, и из жизни. Умерли, говорит, вы тому, что есть долу; почему и не должно искать этого. Опять жизнь ваша, говорит, горе есть; и так горнее и мудрствуйте. Апостол стремится показать, что они пребывают горе и живут иной жизнью, которая в Боге и невидима для очей телесных. Не является Христос; значит, и жизнь ваша еще не наступила на небе. Посему, к чему искать видимого? Этим он подготавливает их, чтобы перейти тотчас к нравственному учению. Таков обычай у него, — научивши одному, переходит к другому. Так он делает, например; в Послании к Коринфянам: говоря о тех, которые предваряли трапезу, он вдруг перешел к преданию тайн.

Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе.

Во второе пришествие явится всем Христос как Бог, грядущий во славе, со ангелами. Ныне Он настолько сокровен, что даже имя Его осуждают. Тогда явитесь и вы, и не просто, но *во славе*. Посему того дня ищите, а не этого: стремитесь к той жизни. Ибо тогда наступит для вас истинная жизнь. Нынешняя же жизнь есть смерть, так как и состоит из тления, из течения вперед и обратно. Поэтому не ищите здесь почестей и славы; ибо там ваша слава. Жемчужина сокрыта, пока она в раковине, а когда разобьют раковину, блестит на славу. Так и мы, пока находимся в этом тленном теле, должны жить сокровенно, чуждаясь славы. Когда же сие тленное будет разрушено, тогда наступит и наша слава, если мы окажемся достойными ее по своим делам.

Итак, умертвите земные члены ваши.

Не сказал: отбросьте, но: *умертвите*, так чтобы они уже не воскресли. *Земными членами*, вероятно, называет телесные наши члены: если они не содействуют приобретению небесного, то земные, а если совершается чрез них небесное, то они уже не земные, подобно тому, как и мы являемся как бы неземными, если не видим и не слышим ничего дурного. Может быть, под *земными членами* разумеются совершаемые телесными нашими членами грехи, которые остаются на земле и тут же погибают, тогда как члены тела, хотя и от земли, однако не останутся навсегда на земле и не истлеют, но по воскресении получают нетление. Но

почему, сказав выше: вы погребены со Христом и совлеклись тела греховного плоти, теперь опять говорит: *умертвите*? Потому, что первое умерщвление было даром крещения, отъявшим сущий в нас первородный грех; а теперь предлагаемое умерщвление есть дело и произволения нашего, состоящее в том, чтобы заглаждать грехи, бывающие после крещения, более же в том, чтобы даже не позволять им оживать в нас, отсекая зарождение их посредством умерщвления плотского мудрования. Это подобно тому, как если бы кто-нибудь, обновив загрязненную медную статую и придав ей снова блеск, просил владельца этой статуи тщательнее очищать ее от ржавчины, — не от той, которую он уже счистил, но от той, которая покажется после.

Блуд.

Вот он объясняет, какие это члены. И прежде всего упоминает *блуд*, потому что эта страсть имеет самую большую силу.

Нечистоту, страсть.

Оставляет в отдельности говорить о том, о чем неприлично сказать; и словами: *нечистота* и *страсть* дает видеть все виды постыдных, смешений. Ибо действительно страсть есть неистовство тела, подобно горячке, или ране, или другой болезни.

Злую похоть.

Вот опять он сказал вообще обо всем; ибо все — похоть злая. Но есть желание и хорошее, которое выражает стремление к Богу и к делам божественным, по которому и Даниил был мужем желаний (Дан.5:32).

И любостяжание, которое есть идолослужение.

Первенец злой похоти есть *любостяжание*. Его назвал идолопоклонством, поскольку оно есть служение серебру и золоту. *Идолы язычников серебро и золото* (Пс. 113:12).

За которые гнев Божий грядет на сынов противления.

Гнев будущий и в настоящем веке часто наказывает таких. *Сынами противления* называет их, лишая всякого снисхождения, и показывая, что они пребывают в страстях не по неведению, но по упорству (*εξ αλεΐθειας*), которому так предались, что будто усыновили себя ему, от него прияв отличительные и характеристические себе черты.

В которых и вы некогда обращались, когда жили между ними.

Это слово не без похвалы, потому что ныне они уже не живут в похотях; но было время, когда жили, ибо были язычниками.

А теперь вы отложите все.

Как же это? Только что сказал: *некогда обращались*, показав тем, что уже не живут так, и вдруг опять говорит: отложите все! Как им отложить то, чего уже не имеют? На это можно ответить, что сказанное — *некогда обращались* — служит к уразумению того, что теперь

говорится. Ибо этим внушается, что *некогда*, то есть прежде крещения, властвовал в вас грех, обладал всею вашею жизнью и тиранствовал над вами, и свобода от страстей для вас была невозможна; ныне же, когда чрез крещение грех в вас умерщвлен, для вас стало удобным отлагать страсти, как одежду. И нельзя вам выставлять в предлог, что живете под властью греха и страстей: ибо вы умерли для них.

Гнев, ярость, злобу.

Злобой называет злопамятство, которое некоторые называли огорчением, когда кто держит в себе злобу на другого, как бы отомстить.

Злоречие.

Это о бранчивых речах говорит апостол.

Сквернословие уст ваших.

Выразительно сказал: *уст ваших*, ибо уста ваши освящены приобщением тела Господня. Потому крайне неуместно вам осквернять злоречием и сквернословием уста, приемлющие Христа Господа.

Не говорите лжи друг другу.

Вы облеклись во Христа, сказавшего: *Я есмь истина* (Ин. 14:6). Как же теперь облачать вам себя другой формой одежды, формой лжи? Тогда явно будет, что вы скидываете ту форму (как бы форменную одежду), которая характеризует вас чертой истины.

Совлекшись ветхого человека с делами его.

Почему он, назвав члены, тело и человека, растленной жизнью, опять то же самое называет добродетельным? Чтобы показать, что свобода в человеке важнее сущности, что мы называемся скорее по ней, а не по сущности. Ибо Писание называет лошадьми, собаками и лисицами тех, которые по своей воле уподобились этого рода животным. И в геенну или Царствие Божие вводит нас свобода, а не сущность. Итак, ветхим человеком называет развращенное произволение. Посему и добавил: *с делами*, разумея свободу и ее дела. Назвал ветхим, желая показать его гнусность, безобразие и слабость. Смотри, как он составил члены ветхого человека: мысль его состоит из лжи, сердце — из ярости, уста — из лжи и злословия, глаза и прикрытые члены — из блуда, печень — из худого пожелания, руки — из любостяжания.

И облекшись в нового, который обновляется в познании.

Новый человек есть произволение по Богу, не стареет, но все больше и больше расцветает и разрастается познанием Бога и вещей божественных, всегда и всегда являясь юнеющим и, однако, тем более крепнущим, чем полнейшее стяжает ведение и чем большего сподобляется.

По образу Создавшего его.

То есть Христа. Христос не приходил в старость, но всегда был так прекрасен, что и

сказать нельзя, *прекраснее сынов человеческих* (Пс. 44:3). Ибо не сотворил греха, который старит и растревает. И мы, созданные Им по образу Его, должны отсека́ть от себя всякое греховное растрение и старение. Создание разумеет апостол и то, которое бывает в крещении, и то, которое бывает от прекрасного образа жизни.

Где нет ни Еллина, ни Иудея.

То есть прозелита и иудея из знатного рода.

Ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос.

Вот и еще похвальное отличие нового во Христе человека, что в нем не берется во внимание ничто внешнее: ни род, ни достоинство, ни предки, но что Христос есть черта отличия его, характер его. Во всех, по духу истинно добродетельной жизни образовавшихся, все есть Христос, то есть и род, и достоинство. Или иначе можно сказать, — все вы — один Христос, будучи телом Его.

Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные.

Этим словом показывает легкость добродетели: ибо как легко надеваем одежду, так удобно может воспринять и добродетель, но добродетель должно иметь непрестанно, и пользоваться ею, как величайшим украшением: не имеющий ее безобразен. Увещание соединено с похвалой, и чрезмерной. Ибо были, говорит, святые, но не избранные и не возлюбленные, а вы все это имеете.

В милосердие.

Не сказал: облекитесь в сострадание, но в *милосердие*. Это для того, чтобы не унижить тех, которые достойны сожаления, а вместе с тем и показать, что снисходить к ним нужно по внутреннему расположению, не так, как братья к братьям, а как отцы к детям. Для того чтобы ты не сказал, что брат согрешил, апостол и говорит: требую от тебя вседушного милосердия — σπλάγχνα.

Благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение.

Кто облекся, говорит он, в *милосердие*, у того сами собой являются и все прочие добродетели. Ибо какой отец не добросердечен к сыну и не смиренномудрствует, без споров доставляя ему все? — И заметь, какой прекрасный во всем этом порядок! Благость, порожденная милосердием, рождает смиренномудрие, ибо кто добросердечен, тот и смиренномудр. От смиренномудрия — кротость, ибо гордый и гневлив. От кротости — долготерпение, которое есть великодушие.

Снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу.

Снисходя (ἀνεχόμενοι) — то же, что носяще (βασάζοντες) друг друга, — ты его, а он тебя. Не судите со строгостью о недостатках и падениях друг друга, но, считая их малостями, пропускайте без внимания. И смотри, как сам он показал ничтожность их, назвав *жалобой*.

Как Христос простил вас, так и вы.

Павел, как всегда, увещевает их примером Христа. Выше он показал, что нужно считать взаимные недостатки ничтожными, назвав их *жалобой*; но когда привел в пример Христа, убеждает все прощать одинаково, даже и важные прегрешения, хотя бы мы были благодетелями оскорбляющих нас, хотя бы мы были люди великие, а они незначительные. И не это только, но и умереть и после смерти благодетельствовать, подобно тому, как и Христос благодетельствует нам и после смерти. Союз как требует именно такого понимания.

Более же всего облекитесь в любовь.

Так как можно угождать друг другу не из чистой любви, а только по виду и лицемерно, то он показывает путь, каким мы можем достигнуть истинного благоугождения. Иной бывает и кроток, и смиренномудр, и однако не с любовью. Поэтому и говорит: *более же всего облекитесь в любовь*.

Которая есть совокупность совершенства.

Все вышеперечисленные добродетели любовь скрепляет своим присутствием. Когда же любви нет, все исчезает и в действительности ничего более не оказывается, как лицемерие. Ибо как в доме, если бы не было перекладин, обыкновенно называемых связями, или если бы в теле не было связок, — то все остальное было бы бесполезно: так точно и любовь соединяет все, способствующее к совершенству, и без нее нет совершенства; хотя, казалось бы, кто имеет его, но это вовсе не совершенство.

И да владычествует в сердцах ваших мир Божий.

Часто мы бываем обижены кем-нибудь, и в нас тогда борются два помысла, из которых один побуждает к отмщению, а другой к долготерпению. Если в тебе мир Божий стоит раздаятелем наград, то есть судьей и мздовоздаятелем, то он дает награду тому помыслу, который повелевает перенести, а другой заставит смолкнуть. Итак, мир Божий да будет в вас раздаятелем наград, а не гнев, ни любопрение, ни человеческий мир: ибо человеческий мир происходит из отмщения и возмездия. Но мир Божий, постоянный и ненарушимый, заключается не ради какого-нибудь мирского блага, подобно тому как и в отношении к нам мир Божий заключен не ради каких-нибудь заслуг, а просто по милосердию и любви Он уничтожил существовавшую против нас вражду. Зачем же, напомнив о любви, он опять начинает рассуждать о мире? Казалось бы, это лишнее увещание, так как в любви заключается уже и мир. Для того, может быть, это сказано, что часто и друг обвиняет своего друга, и от излишней любви нередко возникают споры, обиды и столкновения. Не этого, говорит, я хочу, но с любовью имейте мир Божий, который все устрояет и все решает.

К которому вы и призваны в одном теле.

То есть Христос, призывая нас к миру, соделал нас единым телом, Сам став Главой. Ибо для чего другого мы — одно тело, как не для того, чтобы, будучи друг другу членами одного тела, хранили мир между собой, и не разделялись? Или потому, что вы призваны к миру, то есть удостоены чрез мир бесчисленных благ. Ибо если бы мы не примирились с Богом, то не были бы и призваны к тому, что бы быть Его рабами и участниками Его благ.

И будьте дружелюбны.

Дружелюбным бывает тот, кто таким же образом поступает в отношении к сорабам, как Бог — в отношении к нему. Исповедующий благодать Божию и Бога благодарящий за то, что отпущены ему грехи, не станет мстить тому, кто не оправдывал его самого, и наоборот, отмщающий, очевидно, не помнит, какое сам великое получил благодеяние в прощении грехов, подобно получившему отпущение десяти тысяч талантов и не хотевшему отпустить ста динариев (Мф. 18:24). Итак, будем благодарны за все, чтобы и от кого бы мы ни потерпели, — и получим венец мученичества.

Слово Христово да вселяется в вас обильно.

Показывает путь, каким мы можем быть благодарны. Ибо если вселится в вас слово Христово, то есть Его учение, догматы, убеждения, которыми Он учил нас презирать настоящую жизнь и здешние блага, то мы не уступим никаким затруднениям, напротив, мужественно перенося все, будем благодарны за все, чтобы ни случилось с нами. Не просто сказал: да будет в вас, но: *да вселяется и обильно*. Если мы будем богаты в познании Писаний, то равнодушно перенесем все несчастья, подобно тому как и богач может перенести потерю в деньгах.

Со всякою премудростью.

То есть во всякой добродетели. Мудростью называет добродетель, подобно как грех Давид называет безумием: *сказал безумец в сердце своем* (Пс. 13:1), и: *смердят, гноятся раны мои от безумия моего* (Пс. 37:6).

Научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями.

Так как чтение требует труда и скоро утомляет, то в руководство он указал им не на повествования, а на псалмы, для того, чтобы вместе с пением увеселять душу и не замечать трудов. Вслед за псалмами, он поставил песни (τοὺς ὕμνους), как нечто более совершенное. Петь псалмы — дело человеческое, петь же песни (ὕμνεῖν) — ангельское.

Во благодати воспевая.

Вместо выражения: с радостью и наслаждением духовным. Ибо, как человеческие песни имеют целью доставить наслаждение, хотя и не духовное, так божественные — доставить наслаждение духовное. Или: чтобы от духовного дара, получить то, что они поют.

В сердцах ваших Господу.

Не просто устами, но *в сердцах*, то есть со вниманием. Ибо это значит петь Богу, тогда как то — петь на воздух. Иначе: *в сердцах* — не напоказ. Будь ты хоть на торговой площади, можешь петь про себя, не будучи никем слышим.

И все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа [8].

Ешь ли, пьешь ли, отправляешься ли в путь, — все делай во имя Божие, то есть Его призывай на помощь, к Нему прежде всего обращай с молитвами, и таким образом принимайся за дела. Имя Божие прогоняет демонов, не облегчит ли и твои труды? Или вот что говорит: призывайте Господа Иисуса, а не вводите ангелов.

Благодаря через Него Бога и Отца.

Если призываем Сына, чрез Него призываем и Отца. Если благодаришь Сына, чрез Него благодаришь и Отца. Или, как нас самих Сын привел к Отцу, так и нашу благодарность приносит к Отцу, будучи посредником для нас во всех благах.

Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе.

Почему Павел повелевает это не во всех посланиях, а в этом и еще в посланиях к Ефессянам, к Тимофею и Титу? Вероятно потому, что в этих городах были разногласия такого рода. Или потому, что Церковь здесь была тверда, и все прочее было хорошо, а об этом спорили. В посланиях к другим церквам, нуждающимся в раскрытии более высоких догматов, необходимо было писать об этих догматах, этих же наставлений не было нужды касаться. Послание к Колоссянам в этом отношении весьма сходно с Посланием к Ефессянам. Что значит: *в Господе*? Это поставлено вместо: повинуйтесь ради Господа. Ибо я требую не одного только подчинения по природе (последнее ясно из слов: *как прилично*, то есть как и следует), но преимущественно ради Бога.

Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы.

Смотри, как он внушает свойственное каждому полу: женам — подчинение, мужьям — любовь. Ибо любовь не так требуется от подчиненного к начальнику, как со стороны начальника к подчиненному. Жена, вследствие того, что ее любят, и сама взаимно отплачивает любовью. Когда же она подчиняется мужу, этим воздает ему должное. Но так как случается, что и при любви человек огорчается (вражда же с любимыми лицами особенно бывает горька), поэтому он и говорит: *не будьте к ним суровы*. Ибо в действительности от великого огорчения происходит то, что иной восстает против своего члена.

Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу.

Опять говорит: *Господу* (Κυρίῳ). Апостол желает, чтобы мы делали это не по одной природе, но и потому, что так угодно Богу, чтобы награду мы получили как делающие для Бога. Обращая речь к детям благочестивых родителей, сказал: *во всем*, так как отцам нечестивым не во всем должно повиноваться; не должно их слушаться, когда они насильно начнут влечь в свое нечестие.

Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали.

То есть не все, что они делают, преследуйте с горечью. Иное надо пропускать без внимания, чтобы не сделать их противоречивыми и не подвергнуть их унынию. Смотри, какая мудрость; как преклоняет он сердце родителей, и как влечет утробы их, говоря: *дабы*

они не унывали. Ибо вся забота у отцов о том, чтобы дети не унывали.

Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти.

Тотчас приводит и законное основание послушания, именно имя раба. Но, чтобы не опечалить их, прибавляет: *господам вашим по плоти*. Ибо лучшее твое, говорит, душа свободна; рабство же временно. Поэтому лучше подчини и свою душу, чтобы рабство было добровольное.

Не в глазах только служа им, как човекоугодники.

Сделай, говорит, так, чтобы рабство по требованию закона было рабством из страха пред Христом. Ибо когда ты верно исполняешь свои обязанности без надзора господина, ясно что исполняешь пред Очами Божиими. Если же ты исполняешь только в присутствии господина, тогда ты човекоугодник. А будучи таким, ты повредишь самому себе: «ибо разсыплет Бог кости човекоугодников» (Пс. 53:6).

Но в простоте сердца, боясь Бога.

Бояться Бога значит не делать ничего худого и тогда, когда нас никто не видит. Простота сердца в том и состоит, чтобы не смотреть на людей. Следовательно, човекоугодник поступает не в простоте сердца.

И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для людей.

Желает, чтобы они были свободны не только от притворства, но и беспечности. Или лучше, вместо рабов делает их свободными, если они не имеют нужды в надзоре со стороны господ. Выражение *от души* значит делать с благорасположением, не с рабской необходимостью, а свободно и добровольно.

Зная, что в воздаяние от Господа получите наследие.

Господа не часто делают рабов наследниками, хотя бы они безмерно хорошо служили им. Но Господь несомненно даст вам в воздаяние наследие на небесах, если будете хранить благорасположение к господам.

Ибо вы служите Господу Христу.

Ибо Он установил этот порядок и подчинение. А что вы работаете Христу, ясно из того, что Он наш мздовоздатель.

А кто неправо поступит, тот получит по своей неправде, у Него нет лицепрятия.

Раб, несправедливо поступающий в отношении к господину своему или тем, что нерадиво работает, или тем, что расхищает, господское добро, получит от Бога наказание. Ибо нелицеприятен Бог, чтобы помиловать раба, как слабейшую часть, когда и в законе Он повелел не делать неправды на суде (Лев. 19:15). Или так: раб-христианин, не оправдывающий господина-эллина, пусть не думает, что избежит осуждения. Ибо

нелицеприятен Христос, чтобы грех его против господина-эллина оставить ему потому только, что он христианин. Впрочем, хотя, как кажется, к рабам говорит апостол, что нет лицепрятия у Бога, но господа должны принимать эти слова, как очень подходящие к ним.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Господа, оказывайте рабам должное и справедливое.

Что значит должное? Значит вознаграждать их за труды, доставлять все в изобилии и не допускать, чтобы они нуждались в посторонней помощи. Не следует тебе, после того как слышал, что они имеют награду от Бога, лишать их с своей стороны того, что они должны иметь от тебя.

Зная, что и вы имеете Господа на небесах.

Как они вас, так и вы имеете Господа. Итак, *какою мерою мерите* вашим рабам, *такою и вам будут мерить* от Господа вашего (Мф. 7:2). Или, знайте, что вместе с ними и вы имеете Господа, так что должны относиться к ним, как к сорабам. Апостол, таким образом, делает здесь рабство общим.

Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением.

Знает диавол, сколь великое есть благо молитва, и всячески покушается сделать, чтобы мы от нее отскакивали. Почему говорит Павел: *будьте постоянны* (проскартерейте — приседите ей, корпите над ней). Поскольку же приседающий молитве часто подвергается нападению со стороны лени и расслабления, то прибавил: *бодрствуя*, то есть трезвясь, всегда напряженными пребывая в деле молитвы. Но и в благодарении, то есть с благодарением творить ее учит. Ибо та молитва и бывает истинной, которая содержит благодарение за все благодеяния ведомые нам и неведомые, и за то, что приносило нам радость, и за то, что сопровождалось скорбью, — о всех вообще благодеяниях.

Молитесь также и о нас.

Смотри, какое смирение; даже сам Павел нуждается в их молитвах.

Чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову, за которую я и в узах, дабы я открыл ее, как должно мне возвещать.

То есть чтобы дал мне свободу, но не для того, чтобы я был свободен от уз, а для того, чтобы я сказал тайну Христову, как мне должно сказать, то есть без притворства и уверток. Каким же образом, будучи связан, он умоляет и просит других избавить его от того, что уже имеет? Этим он выражает не только свое смирение, но и показывает силу братской молитвы. И он имел нужду в помощи свыше, которую в большей мере могла ему доставить молитва братии. Этим же словом хотел он ввести их в труд молитвенный. Ибо если о нем нужна молитва, тем более о них самих.

Со внешними обходитесь благоразумно.

Что сказал Господь: *вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (Мф. 10:16), это же говорит теперь и он: будьте осторожны и не подавайте чужим никакого подвода против вас, если они не причиняют вам никакого вреда, и не оскорбляйте их безвременно. Ибо таковые вне суть, то есть не свои нам, не одного с нами двора; хотя в том же с нами мире живут, однако вне суть, как сущие далеко и от Церкви, и от Царствия Божия. Поэтому благоразумно следует обращаться с ними. Что касается своих ближних, то в обращении с ними не требуется такой осторожности. Поощряет их и тем, что эллинов называет внешними.

Пользуясь временем.

Это он сказал, не того желая, чтобы мы были переменчивы и лицемерны, но что время не наше, а их. А можете вы сделать его и своим, если будете обходиться с ними благоразумно, не будете заводить неуместных ссор, напротив, будете воздавать им подобающую честь, когда это не вредит вашей душе. Послушай его слова, сказанные к Агриппе: *почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться пред тобою* (Деян. 26:2). Таким образом, мы и чужих сделаем своими, кротостью привлекая их к проповеди.

Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью.

Да будет, говорит, слово ваше приятно; однако да не впадает оно в неразборчивость и необузданность, но да будет и сдержанно. Ибо это означает *соль*. Да не будет оно сверх меры весело, ни сверх меры сурово. Как пища, если не посолена, бывает неприятна, а если пересолена, то и в рот ее взять нельзя, и в том и другом случае несъедобна, так и слово. Не помнишь ли, как Даниил врачевал словом человека нечестивого? Не видишь ли, как и три отрока, показывая такое мужество и дерзновение, не произнесли ни одного слова жестокого и оскорбительного? Ибо дерзость в слове — не признак смелости, а признак тщеславия.

Дабы вы знали, как отвечать каждому.

Иначе богатому, иначе бедному. У того душа, как немощная, имеет нужду в большем снисхождении; а у бедного она крепче, потому может снести, если отнесешься к нему несколько суровее. Когда нет никакой необходимости, не зови эллина нечистым и не укоряй его. Если будешь приведен пред начальственное лицо, воздай ему должную честь. Когда же спросят тебя о верованиях эллинских, не боясь говори, что они нечисты и нечестивы. Так Павел в Афинах беседует благосклонно (Деян. 16:22) о язычестве, выставляя, что, есть доброго в нем; между тем Елиму прямо укорил, потому что он стоил того (Деян. 13:10).

О мне все скажет вам Тихик.

И это свидетельствует о мудрости Павла. Он помещает в своих посланиях не все, но только то, что необходимо и в чем настоящая нужда, — и это потому, во-первых, что не хотел слишком распространять их; во-вторых, чтобы и отходившему с посланием было что рассказать; в-третьих, показывает, как сам он расположен к нему, потому что в противном случае не сделал бы ему такого доверия. Наконец, было что-нибудь такое, чего не нужно было объявлять письменно.

Возлюбленный брат и верный служитель и сотрудник в Господе.

Если возлюбленный, то он знал все; если он верен, то ни в чем не будет лгать; если сотрудник, то участвовал в искушениях.

Которого я для того послал к вам, чтобы он узнал о ваших обстоятельствах и утешил сердца ваши.

Здесь апостол показывает свою любовь к ним, если и в самом деле для того послал его, чтобы узнать об их делах, а не для того, чтобы известить их о своих; кроме того, и для того, чтобы утешить их. Он указывает также и на то, что они находятся в искушениях и нуждаются в утешении.

С Онисимом, верным и возлюбленным братом нашим, который от вас.

Онисим — это раб Филимона. Какой чести и какого уважения он достиг, так что братом Павла называется. И Павел не стыдится называть себя братом раба. Далее, в похвалу города их прибавляет: *который от вас*, чтобы и они считали себе за честь, что представили такого человека.

Они расскажут вам о всем здешнем.

То есть об узах моих и о всем прочем, удерживающем меня здесь. Если бы не это было, я прибыл бы к вам сам.

Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною.

Это тот Аристарх, который отведен был вместе с ним из Иерусалима. Павел сказал более, чем пророки, потому что они называли себя странниками и пришельцами, а он называет себя даже пленником. Ибо, действительно, его так же, как пленника, гнали и влачили, даже хуже; потому что взявшие в плен заботятся о пленниках, как о своей собственности: его же, как врага и неприятеля, все гнали и преследовали. А для них (то есть его слушателей) это должно было служить утешением, ибо и учитель их находится в подобных же обстоятельствах.

И Марк, племянник Варнавы.

И Марка он хвалит за родство, так как Варнава был великий муж.

О котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его.

По всей вероятности, относительно Варнавы они получили поручения, чтобы принять его с честью. Но можно после слов *получили приказания* поставить точку, и потом начинать читать: *если придет к вам*, колоссяне, примите его с честью.

Также Иисус, прозываемый Иустом.

Может быть, это был коринфянин.

Оба из обрезанных. Они — единственные сотрудники для Царствия Божия.

Высказав приличное каждому в отдельности одобрение, теперь апостол воздает общую

похвалу; ибо тогда великим казалось делом — быть из иудеев. Но, чтобы слушатели не пали духом, так как он напомнил им о плене, то он наконец ободряет их, говоря: *сотрудники для Царствия Божия*. Таким образом, сделавшись участниками плена, они будут участниками и Царства. Святой же Иоанн понимал это место так, что Павел порицает иудеев, говоря: *оба из обрезанных, они единственные*, то есть сущих от обрезания немного, большая же часть верных — из язычников.

Бывшие мне отрадою.

Апостол показывает, что находится в великих искушениях, и что те великие были люди, коль скоро служили Павлу утешением. И заметь, как тот, кто утешает узника, объявляется вместе с ним участником в Царстве. Поэтому преследуемых за Христа людей должно всячески беречь.

Приветствует вас Епафрас ваш, раб Иисуса ^[9] Христа.

Как в начале послания, так и теперь рекомендует его, чтобы, как любящего их, они любили его с своей стороны, и охотно слушали его, когда он учит чему-нибудь. А что учитель человек почтенный, то это полезно и для учеников, так как охотнее будут верить словам его. Великой похвалой для Епафраса служит и то, что он раб Христов. Итак, ваша слава — он, тем более что вышел из вашей среды.

Всегда подвизающийся за вас в молитвах.

Не просто сказал: молясь за вас, но с беспокойством и трепетом, — не в иной только день, но всегда.

Чтобы вы пребыли совершенны.

Слегка упрекает их за несовершенство. Ибо они все еще не тверды и колеблются в учении об ангелах. Ведь возможно быть и совершенным, и не стоять, подобно тому, как если бы кто-нибудь узнал все, но ни в чем твердо не установился. Поэтому он говорит: *чтобы вы пребыли совершенны*, подразумевается, в учении и жизни.

И исполнены всем, что угодно Богу.

То есть чтобы вы не исполняли никакой другой воли, кроме воли Божией: ибо это значит быть исполненным и совершенным. Этим показывает и то, что нечто отчасти и сохраняют из проповеданного, а нечто отчасти уже и утратили.

Свидетельствую о нем, что он имеет великую ревность и заботу ^[10] о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе.

Ревность и *великую* — оба слова поставлены вместе для усиления. Хвалит Епафраса еще лаодикийцам и иераполитанам, ибо они, без сомнения, прочитавши послание, могли слышать о нем.

Приветствует вас Лука, врач возлюбленный.

Лука — это евангелист, для которого немаловажная похвала — быть возлюбленным Павла. Говорит же о нем после Епафраса — не потому, чтобы унижал его, но потому, что желал возвысить Епафраса пред его согражданами. Несомненно, этим именем назывались еще и Другие.

И Димас.

Димас, как видно, еще не оставлял учителя.

Приветствуйте братьев в Лаодикии.

Посмотри, как он их сближает, как привязывает их друг к другу.

И Нимфана, и домашнюю церковь его.

Это был знаменитый муж, у которого все в доме были верные, почему и назывался его дом церковью. Поэтому Павел и показывает к нему свое расположение, особо приветствуя его. Делает это он также и для того, чтобы побудить других к такому же усердию, чтобы и другие подражали Нимфану, если желают быть также почтены.

Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы.

Мне кажется, что здесь было написано что-нибудь такое, что нужно было слышать и Лаодикийцам; а им, в свою очередь, необходимо было узнать, что написано в том послании. Гораздо больше пользы, когда из обличения, направленного против других, они узнают свои собственные недостатки. Какое же это было послание из Лаодикии? Первое послание к Тимофею: оно написано из Лаодикии. Некоторые, впрочем, говорят, что это было послание, которое лаодикийцы посылали к Павлу. Но я не знаю, что из него можно было заимствовать им для своего исправления.

Скажите Архиппу.

Зачем он не пишет к нему? Вероятно, что он не нуждался в длинном послании; для него достаточно было одного краткого напоминания.

Смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе.

Это всюду есть голос устрашающего, как например: *смотрите, чтобы кто не увлек вас пустым обольщением* (Кол.2:8). Или еще: *берегитесь, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном* (1 Кор. 8:9). Так и здесь: смотри, исполни, как следует, дело, принятое тобой в Господе, то есть чрез Господа; ибо Он дал тебе, а не я. Какое же это дело? Смотреть за колоссянами и заботиться о них. Два внушения делает апостол одним словом — в Господе: его делает более заботливым о том, чтобы совершать свое служение, как дело Господне, и их склоняет охотнее подчиняться ему, показывая, что они от Бога даны ему в руки. Конечно, апостол того ради пишет им: *скажите Архиппу*, чтобы когда он станет укорять их, они не могли обвинять их, как человека, исполняющего их горечью, зная, что такова дана ему заповедь от Павла, и что их собственные уста передали Архиппу то, что ранее объявил ему

Павел. Итак, чтобы заградить их уста. Павел очень мудро сделал это, так как во всяком случае неуместно ученикам разговаривать о делах учителя.

Приветствие моею рукою, Павловою. [[11](#)] Помните мои узы.

Вместо: помните обо мне, находящемся в узах и осужденном. Самое же лучшее утешение для них, — это во всякой скорби помнить о Павле узнике.

Благодать со всеми [[12](#)] вами. Аминь.

Когда присуща будет вам благодать, то скорби ли будете иметь, или узы терпеть, ничто такое не преодолеет вас, так как и быть связанным — есть дело благодати. Ибо Лука говорит: они возвратились из темницы, радуясь, что удостоились принять бесчестие за имя Христово (ср. Деян. 5:41). Видишь ли, что быть обесчещенным значит быть удостоенным? И действительно, это великое достоинство. Итак, да сподобимся и мы, недостойные, удостоиться божественной благодати в скорбях, чтобы, при подкреплении ею нашей немощи, эти скорби послужили нам в пользу, рассеивая мглу наших согрешений, во славу Отца, Сына и Святого Духа. Ему слава во веки веков. Аминь.

Примечания:

1. Слова *братиям* и *Иисусе* опущены в тексте блж. Феофилакта.
2. Слова *и Господа Иисуса Христа* у блж. Феофилакта отсутствуют.
3. Слово *Бога* у блж. Феофилакта опущено.
4. *Все Им и для Него создано* — по-гречески: τα πάντα δι' αὐτοῦ καὶ εἰς αὐτόν ἐκτίσται. Слово ἐκτίσται значит не только то, что создано, но и что, созданное, живет; поэтому смысл этих слов таков: все чрез Него получило бытие и благодаря Ему сохраняет это бытие.
5. По другому чтению: ταῦτα ποιῶμεν — (хотя и мы) это совершаем.
6. По греч. тексту: ἐδειγμάτισεν ἐν παρρησίᾳ.
7. *Ходя всуе*» (вместо: «уча») по другому чтению славян, перевода, которое отвечает греч. слову: ἐμβρατεύων, употребленному блж. Феофилакта.
8. Слово *Христа* в тексте блж. Феофилакта пропущено.
9. Слово *Иисуса* в тексте блж. Феофилакта опущено.
10. Слово *заботу* в тексте блж. Феофилакта опущено.
11. В тексте блж. Феофилакта нет этих слов.
12. Слова *со всеми* опущены у блж. Феофилакта.

Толкование на первое послание к Фессалоникийцам Святого Апостола Павла

Глава первая

Павел и Силуан и Тимофей.

Апостол Павел в письме к фессалоникийцам ставит наряду с собой и Тимофея. Между тем, в Послании к Ефессянам он не делает этого, хотя Тимофей и был им известен. Мне кажется, это потому, что он имел намерение немедленно послать его к ефессянам, почему и излишне было писать послание от лица того, кто должен был доставить его. Здесь же не так: Тимофей недавно возвратился из Фессалоник-, поэтому справедливо ставит его наряду с собой. Но впереди Тимофея он помещает Силуана, вероятно, потому, что этого по смирению требовал сам Тимофей, подражая учителю Павлу, который причисляет к себе своих учеников. Здесь Павел не называет себя ни апостолом, ни рабом, как обычно делает это в других посланиях, потому что фессалоникийцы были новообращенные и еще не узнали его близко. Поэтому и не следовало напоминать им о своем достоинстве.

Церкви Фессалоникской.

Хотя фессалоникийцев было немного и они еще не соединились тесно между собой, однако он называет их церковью, ободряя самым именем: так как имя церкви по большей части означает множество.

В Боге Отце и Господе Иисусе Христе.

Так как были церкви эллинские и иудейские, то он, отличая эту церковь от тех, говорит, которая есть *в Боге Отце*. Великое достоинство — быть *в Боге*. Ибо если кто раб греха, тот не *в Боге*. Заметь: предлог *в* (εν) относится и к Отцу, и к Сыну.

Благодать вам и мир от Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.

Желает им, чтобы все более и более они преуспевали в дарах Божиих, но имели бы и мир, не гордясь друг перед другом.

Всегда благодарим Бога за всех вас.

Тотчас за похвалой следует хвала Богу. Ибо тем, что благодарит Бога за них, он показывает, что они исполнили все, чем прославляется Бог. Но вместе с тем учит и смирению, так как Богом все совершается.

Вспоминая о вас в молитвах наших.

Что он благодарит Бога — это следствие их добродетелей; а что вспоминает их в молитвах — это по своей любви к ним.

Непрестанно памятуя.

Не только, говорит, в молитвах поминаю вас, но и во всякое другое время. Это — доказательство его горячей любви.

Ваше дело веры.

То есть вашего постоянства. Ибо дело веры в том, чтобы твердо стоять, а не на словах только хвалиться верой.

И труд любви.

Какой труд любить? Просто любить — нет труда; но любить истинно-труд великий. Ибо если кто-нибудь все переносит для любимого человека, как же это не труд? А фессалоникийцы действительно много пострадали из любви к Павлу, как это можно видеть из книги Деяний (Деян. 17:5).

И терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа.

Много, говорит, вы перенесли продолжительных испытаний, и перенесли, подкрепляемые надеждой. Ибо с полным убеждением верили приготовленным наградам: так как Бог допустил им в начале подвергнуться испытаниям для того, чтобы кто не сказал, что проповедь утверждается просто и лестью, но чтобы видно было, что тут действовало не человеческое убеждение, а сила Божия, покоряющая души.

Пред Богом и Отцом нашим.

Можно понимать это двояко: или вспоминая пред Богом и Отцом нашим; или разумея *дело веры*, которое пред Богом. Значит, не думайте, что вы трудитесь бесполезно; напротив, все — пред Богом, и Он воздаст награду.

Зная избрание ваше, возлюбленные Богом братия.

Вспоминаем, говорит, вас, потому что знаем, что вы избраны Богом: ибо вы предпочтительно пред многими другими избраны за веру. Откуда же это видно, святой Павел? Слушай, говорит, что следует далее.

Потому что наше благовествование у вас было не в слове только.

Из того, говорит, видно ваше избрание, что Бог прославил проповедь среди вас. Ибо мы не просто так проповедовали, но были и знамения, потому что Бог благоволил, чтобы вы уверовали как избранные Ему и предуставленные.

Но и в силе.

То есть в знамениях, бывших ко благу людей благомыслящих и к наказанию неблагомыслящих.

И во Святом Духе.

Или в мудрости духовной, а не внешней; или в том, что Дух Святой подаваем был

уверовавшим.

И со многим удостоверением.

То есть в бедствиях и страданиях. Как знамение и Подаяние Святого Духа были для полного убеждения уверовавших, так и страдания за проповедь составляют большое подтверждение ее.

Как вы сами знаете, каковы, были мы для вас между вами.

Вы, говорит, свидетели того, как мы обращались среди вас и с какой великой готовностью проповедовали: но и это для вас. Поскольку вы избранные, то мы так ревностно и трудились для вас. Ибо чего кто не потерпит за возлюбленных Божиих? Здесь он касается и своих подвигов, хотя прикровенно, так как желает сначала похвалить их.

И вы сделали подражателями нам и Господу.

Укрепляет их как похвалой, так и напоминанием о том, что они не уступили ему в опасностях. Смотри, какая похвала — сделаться сразу подражателями учителю, и не только ему, но и Господу! Как же они стали *подражателями Господу*? Тем, что и Он Сам, претерпевши великие страдания, радовался: ибо Он для того и пришел добровольно, чтобы сказать Отцу: *прославь Сына Твоего* (Ин. 17:1).

Приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святаго.

Вы приняли слово не просто при скорбях, но и *при многих*, то есть с опасностями. И это можно видеть в Деяниях Апостолов. Однако эту скорбь, именно опасности, вы принимаете с радостью. Объясняя, как можно радоваться в скорби, сказал: *с радостью Духа Святаго*. Дух не дал вам страдать: страдание было в них, как в телесных, а радость подавалась от Духа. Ибо как отроки были орошаемы в огне Духом прохлаждающим, так и вас в опасностях радовал Дух, указывая вам на будущее воздаяние. Смотри: тогда кто-либо делается подражателем Господу, когда переносит опасности с радостью Святого Духа.

Так что вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии.

Хотя Павел пришел к ним после других, однако, говорит, вы так просияли, что сделали учителями принявших веру прежде вас. И в этом подражание Павлу, так как и он пришел последним, но превзошел всех. Смотри же, не сказал: вы будете образцом для тех, кто уверует, но: вы для верующих уже *стали образцом*, как должно верить, — именно с теплотой и готовностью на опасности. Ахаией он называет Грецию.

Ибо от вас пронеслось слово Господне.

Слава о вашей добродетели сделала то, что проповедь стала известна всем и вы показали себя учителями всех. Выражение *пронеслось* — говорит как бы о трубе, громко звучащей и слышимой на большое расстояние.

Не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла слава о вере вашей в Бога.

Ваш пример, говорит апостол, наполнил словом и учением Македонию и Грецию, и всякое место удивлением, что в такое короткое время вы показали такую веру. Как бы говоря о чем-то одушевленном, апостол употребил слово: *прошла*.

Так что нам ни о чем не нужно рассказывать.

Настолько сильна и действенна слава о вашей вере, что люди и не ждут, чтобы мы сказали, что-нибудь о вас; напротив, всякий раз, как мы начнем говорить, чтобы и их привести к подобному же соревнованию, они предваряют нас своими рассказами о ваших подвигах.

Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам.

То есть что наш приход к вам был соединен с тысячей смертей, и, однако, ничто вас не возмутило против нас. Напротив, и сами вы, подвергшись из-за нас опасностям, не отвергли нас, а обращались с нами так, как будто насладились бесчисленными благами. Это был вторичный вход. Ибо апостол, отправившись из Фессалоник в Берию, был преследуем, а пришедши оттуда к фессалоникийцам, так был принят ими, что они готовы были положить за него души свои.

И как вы обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному.

То есть вы обратились легко и с большей готовностью. Здесь же очень кстати вставил и увещание, искусно напомнив им, от чего и к чему они перешли и чтобы достойно сего и жили.

И ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева.

И это — особенность того же метода; потому что в виде повествования учил ждать Сына Божия. Ибо самое лучшее утешение для скорбящих — то, что Страдавший воскрес и находится на небе, что Он придет и избавит нас, скорбящих, от грядущего гнева, то есть от наказания, как действительно благоугодивших Ему верой и непорочной жизнью. А причиняющих нам скорбь он не пощадит. Так как бедствия над головой, а блага в будущем, то апостол приписывает им великую веру, как ожидающим и твердо надеющимся на будущее.

Глава вторая

Вы сами знаете, братия, о нашем входе к вам, что он был не бездейственный.

Велики, говорит апостол ваши подвиги: только и мы пользовались не человеческим словом, и не был наш вход бездейственным, то есть без опасностей и искушений, и вообще без неприятностей. Ибо, как много раз сказано, опасности укрепляют веру; без них она была бы тщетной.

Но, прежде пострадав и быв поруганы в Филиппах, как вы знаете, мы дерзнули в Боге нашем проповедать вам благовестие Божие с великим подвигом.

Избежав опасностей в Филиппах, мы снова у вас впали в другие опасности. Смотри, как опять все приписывает Богу, сказав: *дерзнули в Бог нашем*, то есть одушевляемые Им.

Ибо в учении нашем нет ни заблуждения.

То есть наше учение — не обман. Ибо обманывающие не подвергают себя опасностям, а скорее вдаются в роскошь: я же подверг себя опасностям. Отсюда, таким образом, ясно, что мое учение не обманывает, и что не за человеческие дела я принимаю на себя опасности, а за божественные и непреложные.

Ни нечистых побуждений.

То есть я не учу чему-нибудь нечистому, как учат маги и волшебники.

Ни лукавства.

Ни стремления к возмущениям и переворотам, как делают последователи Февды.

Но, как Бог удостоил нас того, чтобы вверить нам благовестие, так мы и говорим.

Бог, говорит, удостоил нас и избрал, чтобы вверить нам Евангелие: Он не избрал бы, если бы не признал нас достойными. Посему мы и остаемся такими достойными, какими избраны были Им для столь великой проповеди.

Угождая не человекам, но Богу, испытующему (δοκιμάζοντι) сердца наши.

То есть мы делаем все это не для того, чтобы угодить вам, но желая угодить Богу, Который испытывает тайны (ибо δοκιμάζειν теперь это означает), или потому, что Он постигает сердца и дает венцы. Никакой обманщик, лукавый и нечестивый человек не может Ему угодить.

Ибо никогда не было у нас перед вами ни слов ласкательства, как вы знаете.

Так как он пред этим похвалил их, то чтобы похвала не сделалась подозрительной, он говорит: никогда я не льстил вам (что свойственно обманщикам), и теперь не лщу.

Ни видов корысти: Бог свидетель!

И не по страсти к деньгам мы проповедовали. Того, что я не льстил вам, и вы свидетели, а что я не корыстолюбив — Бог свидетель; ибо вам это неизвестно.

Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других.

Не сказал: мы терпели бесчестие, или: не пользовались честью, чтобы не показалось им это упреком, но: мы не искали почестей, хотя этого действительно и требовала проповедь.

Ибо, если царских послов мы удостоиваем большой чести, то гораздо более должны почитать посланников Божиих. Посему, как же мы будем делать что-либо ради славы, когда в качестве учителей мы не желали почестей ни от вас, ни от других?

Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы.

Или: в чести, славе и довольстве; или: мы могли брать от вас и питаться, и быть вам в тягость. Ибо достоинство наше этого требовало, чтобы брать от вас.

Но были тихи среди вас.

Тихи, то есть кротки, необременительны. Или: *тихи* (ἡσυχῆ) *среди вас*, то есть незлобивы, нечестолюбивы. Ибо незлобивый ничего такого не помышляет. Выражение *среди вас* имеет такой смысл: в обращении с вами я был такой же, как и вы, будто не получил высшего назначения.

Подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими.

Здесь апостол показывает свою нежную любовь. Льстит ли кормилица ребенку? Ищет ли она денег от малюток? — Так и учителю должно быть кротким и любить тех, которые оскорбляют его, как и кормилица любит своих детей, хотя бы они и били ее.

Так мы, из усердия (ἰκετόμενοι; у блж. Феофилакта: ὀμετόμενοι) к вам, *восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши*. Ὀμετόμενοι ὑμῶν, то есть привязанные к вам, и заботящиеся о вас, из ὁμοῦ (вместе) и εἶρω (соединяю). (Далее блж. Феофилакт говорит: некоторые прочитали: ἰκετόμενοι, то есть желаяще, но это неверно). Посему, не только, говорит апостол, мы не брали ничего от вас, но *восхотели*, то есть сильно желаем истощить для вас даже души свои, если нужно будет. Посему подавать благовествование — дело драгоценнейшее, но отдать душу — гораздо труднее и есть дело необыкновенной любви, — таков его вывод.

Потому что вы стали нам любезны.

Чтобы не показалось, что он ведет речь обо всем этом потому, что трудился для них, и поэтому должен пользоваться почетом от них, говорит: *делаю это не по чему другому, как по любви*. Ибо я не ищу вознаграждения, но *делаю все ради самого долга*.

Ибо вы помните, братия, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедовали у вас благовестие Божие.

Не сказал: помните *благодаяния* наши, но *труд*, и не просто, а и *изнурение*, то есть труд с большим старанием. И не только днем, но и ночью. Вот каково усердие и какова забота, — чтобы не соблазнить кого! Словами *чтобы не отяготить никого из вас* показывает, что фессалоникийцы находились в бедности.

Свидетели вы и Бог.

Бог — достоверный свидетель, но так как людям неизвестно, свидетельствует ли об этом Бог, призывает во свидетели и тех, к кому обращено слово.

Как свято.

Все что должно исполняя, ибо это значит *свято*, вместо выражения: со страхом Божиим.

И праведно.

То есть ни у кого не вымогая денег — ἀπαιτοῦντες χρημάτων ἀπαιτ σεσι. [1]

И безукоризненно.

Не оскорбляя и не давая повода к соблазну.

Поступали мы перед вами, верующими.

Тогда как у неверных апостол назывался безбожным и обманщиком, пустословом и совершенно безрассудным.

Потому что вы знаете.

Опять называет их свидетелями — знак, что он говорит без всякой надменности.

Как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали.

Удивительно, как он никого не оставил без утешения, но каждому высказал то, что нужно! *Просили* же о том, чтобы мужественно переносили все. Следовательно, я, говорит, не искал славы. Выше апостол уподобил себя кормилице, теперь уподобляет отцу, показывая свою любовь, власть и свою простоту. Ибо какой отец держит себя гордо пред детьми?

И умоляли поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу.

Умолять (в славянском тексте — *свидетельствовать*) — это уже знак очень строгого наставления. Следовательно, я, говорит, не льстил. После того как сказал: *как отец*, прибавил и слово: *умоляли* («свидетельствующе»). Ибо не строго, говорит, но как отцы (свидетельствующе) *поступать достойно Бога*. Смотри, как он, повествуя о прежде случившемся, учит и убеждает. Ибо, если Бог призывает нас в Царство, то должно переносить все.

Посему и мы непрестанно благодарим Бога, что, приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, — каково оно есть по истине.

Здесь апостол хвалит и фессалоникийцев. Нельзя сказать, говорит он, что мы одни поступаем во всем безукоризненно, а вы показали нечто несообразное с тем, чему я вас наставлял; ибо вы слушали нас не с таким расположением, с каким слушают людей, но внимали нам так, как будто наставлял вас Сам Бог. *Слышанным словом Божиим* апостол называет проповедь, в которую веруют чрез посредство слышания. *Как веровать в Того, о Ком не слышали?* (Рим. 10:14).

Которое и действует в вас, верующих.

Откуда видно, что вы приняли проповедь мою, как слово Божие? Из действий, говорит, ваших, то есть она обнаруживается в делах. Если бы вы не так приняли ее, то не перенесли бы так мужественно стольких испытаний. Ибо, как сам апостол перенесенными опасностями доказывает, что он не льстец и не обманщик, так и их мера открывается из того, что они перенесли бедствия.

Ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее.

Чтобы кто-нибудь не понял под церквами в Иудее синагог иудейских, то он поэтому прибавил: *во Христе Иисусе*, чтобы яснее показать, что говорится о церквах верующих.

Потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев.

Утешение великое! Ибо, если иудеи, ревнители отеческого закона, уверовавши однажды, столько потерпели, то сколько более должны вы? Немалое доказательство истины Евангелия в том, что иудеи охотно страдают за то, что прежде сами преследовали.

Которые убили и Господа Иисуса.

И что удивительного в том, что они оскорбляли своих соплеменников, когда они и Господа убили? Смотри, какое утешение — быть общником Христу в страданиях! Поэтому и Павел всегда в искушениях указывает это.

И Его пророков. [2]

Но скажет кто-нибудь, что они Господа не узнали. Что же? Разве они не узнали собственных пророков, книги которых они носят повсюду? Как же они убили и их? Отсюда очевидно, что они ничего не делают как ревнители истины, но скорее неистовствуя против истины.

И нас изгнали.

Апостолов, учителей ваших. Поэтому вам, ученикам, должно все переносить, имея пред глазами эти примеры.

И Богу не угождают.

Ибо, как могли угодить Тому, Чьего Сына они убили, а прежде еще убили и пророков?

И всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись.

Ибо, если должно проповедовать спасение всей вселенной, -а они противятся этому, то они общие враги вселенной. Только чрезвычайной зависти свойственно препятствовать общему спасению.

И через это всегда наполняют меру грехов своих.

Это, говорит, древним пророкам, потом Христу, а наконец и нам делали они и делают, чтобы показать, что спешат достигнуть полной меры грехов, крайнего их предела.

Но приближается на них гнев до конца.

То есть для них уже не будет более того, что было прежде, не будет возвращения из плена и не овладеют они своею землею, но до конца, так и останется на них гнев Божий. Слово *гнев* (ή ὀργή) с артиклем показывает, что они заслужили его, что он предназначен и предсказан. Утешив фессалоникийцев указанием на то, что они имеют многих соучастников в искушениях, теперь утешает также указанием на то, что притеснители их будут наказаны.

Мы же, братия, быв разлучены с вами на короткое время.

Здесь апостол говорит о любви. Выше он сказал: *как отец детей* (ст. 11) и: *как кормилица* (ст. 7), а здесь *быв разлучены* (в славянском тексте — *осиротевшие*), что свойственно детям, ищущим родителей. Это для того, чтобы мы поняли из этого, как он сильно любил их. Но в то же время намекает и на печаль, в которой он находился по причине разлуки. И нельзя сказать, говорит, чтобы мы оставались в разлуке долгое время, напротив, сравнительно короткое и малое, так что можно считать почти за один час.

Лицем, а не сердцем.

И притом не сердцем, говорит, мы разлучены были, а лицом. Но и нося вас. постоянно в сердце, мы испытываем скорбь, что лишены возможности видеть вас телесно. Заметь и то, что у сильно любящих есть потребность лично видеть любимых, от чего их любовь еще более усиливается.

Тем с большим желанием старались увидеть лицо ваше.

Больше всего заботился видеть оставленных на короткое время. Обрати внимание на любовь: не для чего-нибудь другого, говорит, желаю прибыть, как для того, чтобы видеть ваше лицо.

И потому мы, я Павел, и раз и два хотели прийти к вам, но воспрепятствовал нам сатана.

Что ты говоришь? Сатана возбраняет? Именно так; ибо это не было дело Божие. В Послании к Римлянам говорит, что Бог воспрепятствовал (Рим. 1:13 и 15:22); и Лука говорит, что Дух воспрепятствовал им (Деян. 16:6); и в Послании к Коринфянам говорит, что это было дело Духа (2 Кор. 1:22). Здесь же просто, что это дело сатаны, который наводит сильные и внезапные искушения, конечно, по попущению Божию. Смотри, как он гордится своею любовью, показывая, что он любил их больше всех, почему и говорит: *я Павел*, то есть хотя и другие со мной желали придти к вам, но я даже и решался.

Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы?

Это ли не слова пламенеющих нежнейшей любовью матерей, разговаривающих с малыми детьми? Ему недостаточно было слова *венец*, чтобы показать свою пламенность, но он

присовокупил и похвалы. Ибо на вас, говорит, я надеюсь, что ради вас сподоблюсь великого дерзновения пред Христом, и радости ради того самого, что вы и ныне есть, и тогда будете для меня венцом похвалы, то есть венцом блестящей славы.

Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом в пришествие Его?

Что же? Фессалоникийцы ли одни твоя надежда, святой Павел? Нет, не они одни. Поэтому и сказал: *и вы*, показывая, что были и другие.

Ибо вы — слава наша и радость.

Как славно привести такую церковь ко Христу, и притом столь благоискусную!

Глава третья

И потому, не терпя более, мы восхотели остаться в Афинах одни.

То есть: избрали и предпочли.

И послали Тимофея, брата нашего и служителя Божия и сотрудника нашего в благовествовании Христовом.

Такова забота святого апостола Павла об учениках, что когда он сам был удерживаем какими-нибудь стеснительными обстоятельствами, то посылал других навестить своих учеников. Это же сделал и тогда, послав Тимофея. И говорит о нем с такой похвалой, не столько его возвышая, сколько воздавая им честь тем, что столь необходимого в такое время он отвлек для них от дела служения *сотрудника благовествования*.

Чтобы утвердить вас и утешить в вере вашей.

Так как фессалоникийцы смущались тем, что учитель их подвергался искушениям, то они имели нужду в утверждении и утешении, чтобы не отстать от веры. Ибо немалое смущение для учеников составляют искушения учителя, подобно тому, как для воинов раны вождя.

Чтобы никто не поколебался в скорбях сих.

Апостол указывает здесь, какую пользу имело принести им утверждение от лица святого Тимофея. Это, говорит, чтобы не приходили в смятение, то есть не падали духом и не расслаблялись в виду моих искушений. Ибо диавол, когда улучит благоприятное время для искушения, колеблет нетвердых напоминанием прежнего покоя, чтобы они отстали от того, что было причиной скорбей. Некоторые же говорили, что σαίνεθαι «колебаться, смущаться» — поставлено вместо ταραττέσθαι — «возбуждаться» — метафора, взятая от собак которые, когда ласкаются, машут хвостами.

Ибо вы сами знаете, что так нам суждено.

Да слышим, что христианам суждено скорбеть: ибо не об одних апостолах он сказал сие.

Итак, когда мы на то назначены, то что нового, если мы испытываем скорбь? Поэтому мы должны оставаться невозмутимыми не только от прошедших искушений, но и будущих. Это нам более должно быть свойственно.

Ибо мы и тогда, как были у вас, предсказывали вам, что будем страдать, как и случилось, и вы знаете.

Великое утешение для учеников в том, когда учитель наперед сказал им о скорбях. Ибо впоследствии они не смущались их, как неожиданных. Поэтому и Христос говорил апостолам: *Я сказал вам о том прежде, нежели сбылось, дабы вы поверили* (Ин. 14:29). Не это только Павел сказал им, а и многое другое, что также сбылось.

Посему и я, не терпя более, послал.

О Павел! если ты предсказал им, что будешь терпеть скорбь, и что им не следует тревожиться за эту скорбь, то зачем ты снова посылаешь? Оказывается, что ты еще не вполне доверяешь им. По великой любви, говорит, делаю это. Ибо любящие опасаются и за то, что безопасно. Вместе с тем и искушений было много, и чрезмерное множество бедствий устрасило меня. Потому и не сказал: заметив в вас нечто, я послал, но *не терпя более*, что происходит от любви.

Узнать о вере вашей.

Здесь некоторые спрашивают: почему тот, кто восходил до третьего неба, кто слышал неизреченные глаголы (2 Кор. 12:6), не знает, что происходило с фессалоникийцами, но посылает Тимофея *узнать о вере их*? Можно сказать, что не все знали и святые, жившие до Христа и после Христа. Ибо и Елисей не знал о жене Сонамитянке (4Цар.4:8). И Илия думал, что он остался один, между тем как было еще семь тысяч других (3Цар.19:10). И прежде их Самуил получает наставление не обращать внимания на лицо старшего брата Давидова (2Цар.16:7). Так и апостолы не знали всего. И это было по особенному попечению Божию, чтобы ни сами они не превозносились, ни другие не думали о них слишком много, и чтобы последующие христиане не могли говорить, что они совершали подвиги добродетели, будучи выше людей, а поэтому сами предались бы беспечности; напротив, чтобы мы знали, что и они не всегда надеялись на помощь Божию, но совершали подвиги собственными трудами.

Чтобы как не искусил вас искуситель.

Я, говорит, не предполагал, что вы поколебались, разве только потому, что подверглись искушениям. Видишь ли, что смущение в скорбях есть дело диавола, и в особенности когда одни соблазняются вследствие того, что другие испытывают несчастье. Так он поступил с Иовом, смутив его жену тем, что тот страдал. Впрочем, диавол искушает, не зная, одолеет ли, что видно из примера Иова; однако, будучи бесстыдным, он нападает, и если видит какую-нибудь слабость, остается и выжидает; если же видит силу, — отступает.

И не сделался тщетным труд наш.

Если бы они уклонились, о Павел, что тебе? Твой труд не останется без полной награды

у Бога. Однако, говорит, по причине сильной любви, я считал бы труд мой потерянным.

Теперь же, когда пришел к нам от вас Тимофей и принес нам добрую весть о вере и любви вашей.

Я, говорит, ожидал того, а случилось противоположное. Обрати внимание на великую радость Павла! Не сказал: весть, но: *добрую весть*. Столь великим благом считал он твердость их в вере. И радовался их любви, потому что она была знаком их веры.

И что вы всегда имеете добрую память о нас, желая нас видеть, как и мы вас.

То есть вспоминаете о нас с похвалами и одобрением. Послушайте, ученики, и научитесь всегда сохранять добрую память о своих учителях. Ибо этим вы доставите пользу самим себе, а не им. Весьма великое утешение и радость для фессалоникийцев составляет то, что Павел знает, что он любим ими, — это еще более воспламенит в них любовь.

То мы, при всей скорби и нужде нашей, утешились вами, братия.

Удивительное дело! Павел изъявляет им благодарность за то, что они не поколебались. Мы, говорит, не чувствуем более скорбей, но утешились не в одной какой скорби, но во всякой. Ибо радость о вас стала противовесом всех нужд наших.

Ради вашей веры.

Вы, говорит, подкрепили меня. Между тем в действительности было наоборот: он сам, не уступая искушениям, укрепил их, а похвалу им воздает. Ибо вы, говорит, не дали мне чувствовать моих искушений.

Ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе.

Не сказал: мы утешились, но: *мы живы*, показывая тем, что преткновение их он считает смертью для себя, а преуспеяние их, стояние и утверждение во Христе — жизнью.

Какую благодарность можем мы воздать Богу за вас, за всю радость, которую радуемся о вас пред Богом нашим.

Такова, говорит, наша радость о вас, что мы не в силах даже достойно благодарить Бога за вас. Ваше преуспеяние мы считаем даром Божиим. Ибо не человеческой душе и не человеческому усилию свойственно такое высокое чувство. Вот почему, обязанные благодарить Его, мы не находим достойной благодарности.

Ночь и день всеусердно молясь о том, чтобы видеть лицо ваше.

Заметь усиление в выражении! *Всеусердно молясь* о том, чтобы видеть их, подобно тому, как земледелец, слыша, что возделываемое им поле изобилует плодами, нетерпеливо желает видеть его собственными глазами.

И дополнить, чего недоставало вере вашей.

Если выше засвидетельствовал их *стояние*, то каким образом теперь говорит: *чего недоставало вере вашей?* Не всем учением они воспользовались, и им недоставало, может быть, сведений о воскресении и о другом подобном. Также много было лжеучителей, поэтому и сказал: *чего недоставало*. Там, где он опасался за самую веру, говорит: *послали Тимофея, чтобы утвердить вас* (ст. 2); А здесь говорит: *дополнить*, что более относится к учению, чем к утверждению. Ибо несовершенным мы называем то, чему недостает немногого.

Сам же Бог и Отец наш и Господь наш Иисус Христос да управит путь наш к вам.

Если уже в послание апостол влагает свою молитву, то этим показывает, что он и у себя молился о том, чтобы увидеть их. Вместе с тем и оправдывает себя, что он находится вдали от них не по нерадению, как бы так говоря: Сам Бог да прекратит искушения, отовсюду препятствующие нам идти к вам прямой дорогой.

А вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем.

Видишь ли неудержимый порыв любви в том, что он молится о них, чтобы Господь исполнил и преисполнил их в любви. И не только друг ко другу, но и ко всем. Ибо в том и обнаруживается любовь к Богу, что она стремится обнять всех. Если же ты одного любишь, а другого нет, то это любовь человеческая.

Какою мы исполнены к вам.

С нашей стороны, говорит, она уже есть; просим, чтобы на будущее время была и с вашей стороны. Нас имейте мерой и образцом любви.

Чтобы утвердить сердца ваши непорочными во святине пред Богом и Отцом нашим в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его. Аминь.
[3]

Апостол показывает, что любовь приносит пользу им самим, а не тем, которых любят. *Да преисполнит*, говорит, *вас Господь любовью, чтобы утвердить сердца ваши*. Под *Господом* разумей Духа, как и истолковал это Василий Великий. Ибо кто другой утвердит непорочными пред Богом и Отцом в пришествие Христово, как не Дух всецело? Не сказал: утвердит вас, но: *сердца*. *Ибо из сердца исходят злые помыслы* (Мф. 15:19). Можно быть злым, не делая никакого зла, как то: быть завистливым, коварным, злопамятным, держаться превратного учения. Итак, тогда, действительно, непорочен человек, когда он очищает свое сердце; тогда он имеет и святость. Ибо, хотя святостью, главным образом, называется целомудрие, как и нечистотой — блуд и прелюбодеяние, но вообще всякий грех есть нечистота, а всякая добродетель — святость. Апостол желает, чтобы они были непорочными пред Богом и Отцом, как теперь (это и есть настоящая добродетель пред Богом, а не пред людьми, так как человеческое суждение шатко), так в пришествие Христово: ибо и Он нас будет судить пред лицом Отца Своего. Итак, да будете, говорит, непорочны, как и все святые.

За сим, братия, просим и умоляем вас Христом Иисусом, чтобы вы, приняв от нас, как должно-вам поступать и угождать Богу, более в том преуспевали.

После того как я сказал вам, говорит, о том, что прилично слушать, далее послушайте о том, что всегда необходимо слушать. *За сим* это и значит, то есть всегда и непрестанно. Смотри, какое смирение: не считает себя достойным веры, даже и в предметах увещания, но от Христа предлагает слово, говоря: Христос вас увещевает чрез меня. Слово *приняв* относится не к словам только, но и к делам: ибо и делами он учил. О чем же мы умоляем? *Чтобы вы более преуспевали*, то есть чтобы вы старались делать больше того, что требуют заповеди, и восходили бы выше постановлений. Подобно тому, как земля производит не только то, что в нее брошено, так и душа не должна останавливаться на постановлениях, но восходит выше.

Ибо вы знаете, какие мы дали вам заповеди от Господа Иисуса. [4]

Повеление касается таких вещей, которых должно избегать, совершение которых влечет за собой наказание, а не совершение нисколько не заслуживает похвалы. Между тем, есть некоторые дела, которые не должно повелевать; то есть не навязывать с угрозой, а предоставлять их на волю слушателей, как, например, раздаяние имущества и девство. *Кто может вместить*, говорит Господь, *да вместит* (Мф. 19:12). Вероятно, Павел о некоторых делах дал им повеление с большей угрозой. Поэтому он и не излагает этого здесь, а только напоминает им. И опять от имени Христа. Не мои, говорит, повеления, но Христа; так что Его послушаетесь, или отвергнете.

Ибо воля Божия есть освящение ваше.

То есть целомудрие. Везде он заповедует об этой добродетели, и в Послании к Тимофею (1Тим.5:22), и к Коринфянам (1 Кор. 6:6), и к Евреям (Евр.12:14). Ибо особенно сильна страсть и требует поэтому многих и постоянных лекарств.

Чтобы вы воздерживались от блуда. [5]

Много различных видов этой страсти, о которых и говорить несносно, а потому просто сказал: *от всякого блуда*.

Чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести.

Сосудом называет тело. Когда мы воздержанны, — и тело бывает чисто, и мы владеем им; когда же оно нечисто, грех владеет им. Ибо, что он повелевает, то тело и делает, как раб. Собственно, тогда оно бывает в чести, когда бывает целомудренно. Таким образом грех — бесчестие. Обрати внимание на слово *соблюдать*. Оно показывает, что целомудрие требует обучения и подвига. Где же манихеи и маркиониты, жалующиеся на природу?

А не в страсти похотения.

То есть не в желании, заключающем в себе страсть. Ибо есть и бесстрастное желание, каково желание божественных дел. Или, что все, возбуждающее похоть, он называет страстью похотения, как то: роскошь, богатство, праздность и нерадение, — каждая из них

может быть названа страстью похотения. Таким образом, если мы желаем быть целомудренными, то мы не должны позволять себе никакой страсти, возбуждающей похоть.

Как и язычники, не знающие Бога.

Те, которые не знают Бога, не имеют надежды и на воздаяние. Поэтому все делают в свое удовольствие.

Чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво.

Выше апостол говорит о блуде вообще, теперь говорит о прелюбодеянии, которое справедливо называет лихоимством и преступлением. Ибо каждому Бог дал жену и положил пределы природе, разумея сожитие с этой одной женой. Поэтому-то корыстолюбие относится к этому делу, то есть преступному сожитию; а именно против брата.

Потому что Господь — мститель за все это, как и прежде мы говорили вам и свидетельствовали.

Не подумай, говорит что я говорю это только относительно братьев; нет, не должно иметь жен и других людей, и просто незамужних, и жен общих. Ибо за все это наказывает Господь: не безнаказанно мы делаем это, понесем гораздо большее наказание, в сравнение с удовольствием, которое получаем теперь от этого. Смотри: сначала апостол умолял, потом пристыдил, сказав: *как и язычники*, затем посредством доводов показал гнусность этого порока, назвав его лихоимством; наконец, он устрашает и напоминает им, что об этом они часто слышали от него.

Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости. Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святаго.

После того как сказал, что ты наносишь обиду брату, и указал, что Бог отомстит, теперь распространяет мысль свою, показывая, что, хотя бы это потерпел и неверный, все-таки виновный понесет наказание. Ибо не за него отмщая, накажет тебя Бог, а за Самого Себя, Он призвал тебя для того, чтобы ты был чистым, и ты оскорбил своею нечистотой Того, Кто дал тебе Святого Духа. Поэтому-то, осквернишь ли ты замужнюю твою рабу или царицу, вина одинакова: ибо ты Бога Одного оскорбляешь. Хотя бы ты и блудодействовал (а не прелюбодействовал), все-таки Бог отомстит, потому что ты осквернил Его Духа. Или еще иначе: Бог, видя, что в таких делах мы оказываем больше презрения Ему, чем людям, отомстит за Себя. Пред людьми мы стараемся, чтобы они не увидели нас своими глазами, а Богу оказываем презрение, несмотря на то, что Он видит.

О братолюбии же нет нужды (ἐχέτε) [6] писать к вам.

Апостол не говорит уже о любви ко всем, но о любви к братии. Самим опущением он увещевает уже, достигая двух целей: во-первых, это дело так необходимо, что ему нечего и учиться, ибо всякому известно, что оно имеет особенную важность для всех. Во-вторых, этим он больше вразумляет их, побуждая, чтобы они не оказались ниже того понятия, какое он имел о них, считая их уже исправившимися.

Ибо вы сами научены Богом любить друг друга.

Смотри, как восхваляет он их, говоря, что Сам Бог учит их этой добродетели. Это же сказал и пророк: *будут все научены Богом* (Ис. 45:3; Иер.31:54).

Ибо вы так и поступаете со; всеми братьями по всей Македонии.

Не просто говорит: вы от Бога научены, но: я знаю об этом из ваших дел. Упомянул Македонию потому, что Фессалоники — главный город Македонии.

Умоляем же вас, братия, более преуспевать и усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками, как мы заповедывали (παρηγγείλαμεν [7]) вам.

Что вы братолюбивы, я знаю; о том мы и молим, чтобы вам более преуспевать в братолюбии и быть более щедрыми. Здесь может быть остановка (пауза в чтении текста), а потом читай с нового начала: *чтобы жить тихо*. Или: *и усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое дело*. Этими словами показывает, что они ленивы, занимаются тем, чем не следует, и беспокойны. Сказав же: *и работать своими собственными руками*, апостол пристыжает тех, которые оставляют телесные подвиги и ищут духовных. Скажите, неразумные: совершает ли кто-нибудь руками пост? или возлежание на голой земле? Нет. Между тем он говорит о труде телесном, который скорее есть духовный, о том, чтобы давать другим от своих трудов, именно бедным. А так как бедность произошла от разграбления имений, то он и учит их трудиться, чтобы можно было подавать милостыню. Если же он заповедует тем, у которых было разграблено имущество за Христа, то тем более другим.

Чтобы вы поступали благоприлично перед внешними и ни в чем не нуждались.

То есть чтобы вы не вели себя непристойно, прося милостыню у неверных. Хорошо апостол сделал это, чтобы не огорчить их. Ибо, говорит, если верные соблазняются, когда видят, что человек здоровый просит милостыню (за что таких и называют хриstopродавцами), то тем более соблазняются неверные.

Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших (περί τῶν κεκοιμημένων — усопших).

Здесь апостол ведет речь о воскресении. Если и прежде им было говорено об этом, все же он думал теперь открыть некоторую тайну. Или, они знали все касающееся воскресения, но плакали, от чего он теперь и врачует. Но так как незнание многих вещей печалит нас, а знание, напротив, облегчает печаль, то он говорит: *не хочу оставить вас в неведении*. Не сказал: ἀποθανόντων — об умерших, но: κεκοιμημένων — об усопших, показывая и самим выражением, что будет воскресение.

Дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды.

Какой надежды? Надежды на воскресение. Ибо те, которые не имеют надежды на воскресение, должны скорбеть. Послушаем и ужаснемся. Чему же? Потому ведь ты не хочешь

оставить их в неведении, чтобы они не скорбели? Ведь ты не говоришь: дабы вы не подверглись наказанию, но *дабы не скорбели*. Так говорит потому, что эта скорбь влечет наказание.

Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним.

Как, говорит, Он воскресил Господа, пострадавшего телесно и умершего, так воскресит и нас. Посмотри, так как воскресение Господа уже совершилось, то как он смело говорит о Нем: *умер* — ἀπέθανε; между тем о нас, так как наше воскресение еще имеет быть, говорит *усопшие* — τοὺς κοιμηθέντας, указывая этим на возможность пробуждения. Ибо, говорит, неужели отходящий ко сну не надеется, что встанет? Слова *умершие* (κοιμηθέντας — усопшие) в (διὰ) *Иисусе приведет* можно понимать двояко: или приведет чрез Иисуса, то есть Сын будет для них посредником воскресения и представит их пред лице Отца; или: *умерших в Иисусе*, то есть верных. Ибо имеющие в себе Христа и умирают (κοιμώνται) в Иисусе. Итак, апостол говорит здесь о частном воскресении, то есть славном, которое принадлежит верным и которое будет с Господом. *Приведет с Ним*, то есть с Господом восхитит их отовсюду на облаках. Хотя фессалоникийцы и знали о всеобщем воскресении, но апостол желает теперь утешить их указанием на то, что воскресение верных будет в славе и чести, чтобы они не скорбели. Все воскреснут, но не все в славе, а только верные, то есть те, которые соединяют дела с учением. Обрати внимание на все следующее.

Ибо сие говорим вам словом Господним.

Намереваясь сказать нечто необычайное, удостоверяет в этом словом Божиим: ибо не от себя говорю, но чему научился от Христа. Это, как и следующее: *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20:35), он ясно слышал от своего Учителя. Прочее же он вещал по внушению Духа.

Что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших (κοιμηθέντας).

Что говорил в Послании к Коринфянам: *вдруг, во мгновение ока* (1 Кор. 15:52), это говорит и теперь. Так как казалось трудным, чтобы воскресли которые истлели, то он говорит, что *живущие* не предварят их; но для Бога легко привести как оставшихся целыми, так и истлевших. Говоря: *мы живущие*, не на себя указывает; ибо не имел оставаться в живых до всеобщего воскресения, но на верных: поэтому и прибавил: *оставшиеся до пришествия Господня*. Ибо, говоря *мы*, указывает на всех имеющих дожить до того времени. Но святой Мефодий под *живущими* понимает души, уча так, что души не явятся прежде тел; потому что прежде пробудятся тела, чтобы с ними соединились души, о которых апостол и сказал, что они останутся в живых, ибо души бессмертны.

Потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба.

Ты, говорит, не сомневаешься в том, что я говорю: и Сам Господь повелит это. Как же повелит? Во гласе Архангела, который начальствует над другими ангелами и взывает: *готовьте всех, ибо Судия предстоит*. Много будет труб, но Судия сойдет при звуке

последней. Как у Отца на Синайской горе были и трубы, и ангелы, служившие Ему, так и Сын будет иметь это, как Царь. Или: повеление Божие сделает то, что земля возвратит тела, изменившиеся в нетление; а глас архангела, в сослужении ангелов, совершит то, что повсюду рассеянные соберутся в одно.

И мертвые во Христе воскреснут прежде.

Мертвые во Христе, то есть верные. Так как они должны быть восхищены на облаках, то и воскреснут первыми. Остальные — последними, так как они не имеют ни быть восхищенными, ни встречать.

Потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем.

Хотя мертвые восстанут первыми, однако и мы, живущие, конечно, достойные, подобно им, будем восхищены на облаках, как и Господа подъяло облако. Если Господь имеет сойти, то для чего будут восхищены верующие? Чести ради. Ибо, как когда царь въезжает в город, почетные граждане выходят к нему навстречу, а преступники внутри ожидают судию, так и тогда будет. Грешники, хотя бы они были и христиане, ожидают внизу, а праведники восхищаются, и таким образом получают блага во всем обилии, всегда пребывая со Христом.

Итак утешайте друг друга сими словами.

Чтобы не скорбеть подобно прочим, не имеющим надежды на воскресение.

Глава пятая

О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия.

Излишне и бесполезно знать *времена и сроки* конца (Деян. 1:7). Даже и апостолам Господь не открыл этого, когда они, подойдя, спрашивали Его. Но Павел из *неизреченных слов* (2 Кор. 12:4), может быть, мог знать и об этом.

Ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью.

Под днем Господним нужно разуместь как общую кончину, так и частную кончину каждого, ибо и эта последняя неизвестно когда наступит для каждого. И это полезно для нас по многим причинам. Во-первых, потому, что если бы человек знал свой последний час, то Он стал бы непрерывно совершать всякий грех, а потом, к концу жизни, приступил бы к купели. Во-вторых, потому, что многие, если бы узнали, что завтра умрут, причинили бы своим врагам бесчисленные бедствия, или просто с отчаяния, или из желания насытиться кровью врагов своих, — чего теперь не бывает, благодаря тому, что их удерживает страх смерти и любовь к жизни. Кроме того, люди, привязанные к жизни, могли бы умереть от печали, если бы узнали роковой час своей смерти. Наконец, и праведники, подвергаясь опасностям, не заслуживали бы такой награды; потому что казалось бы, что так как они знают, что умрут не теперь, а после стольких-то лет, то поэтому и не щадят себя. Ныне же, когда неизвестно, перенесут ли они опасности, а тем не менее они не щадят себя, —

добродетель их несомненна. Подобно как и три отрока еврейских потому больше заслуживают удивления, что они, не зная точно, спасутся ли от огня, все-таки не поклонились идолу (Дан.3:24). Итак, кончина наша, как тать ночью. Вы знаете об этом, фессалоникийцы, из того, что сказал Господь; *не знаете, в который час Господь ваш приидет* (Мф. 24:42). [8]

Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут.

Так как оскорбляющие фессалоникийцев проводили жизнь в удовольствиях, то апостол утешает теперь верующих, говоря: не думайте, что они избегнут наказания. Придет и им погибель, неожиданная погибель тяжелая и заключающая в себе много горестей, подобно мукам рождающей женщины. Но если придет Илия и антихрист, почему же Павел говорит теперь, что погибель застанет их внезапно? Потому, что антихрист и Илия — знамение общей кончины; пришествие же Христова еще нет; оно будет внезапно и неизвестно когда. Обрати внимание на сравнение с муками рождения. Ибо и там женщина знает, что она родит; но когда именно, — этого еще не знает. Оттого многие женщины, ничего не предвидя, рождали и чрез семь месяцев, и в дорогах. И как они, играя и смеясь, внезапно подвергаются невыразимым мукам, так и души тех, которые ныне проводят жизнь в забавах, с наступлением того дня, никак не избегнут мучения.

Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать.

То есть вы не ведете темной и нечистой жизни. Итак, что же? Ужели кончина не настанет для них неожиданно, хотя бы они и не были нечисты? Настанет неожиданно, но не принесет им никакой скорби. Ибо и вор не может сделать никакого вреда бодрствующим и имеющим свет, хотя бы и успел войти к ним, — напротив, находящихся во тьме и спящих он обирает совершенно и уходит.

Ибо все вы — сыны света и сыны дня.

Как сынами геенны называются делающие достойное геенны и сынами противления — непослушные, так сынами света и дня называются те, которые делают дела света.

Мы — не сыны ночи, ни тьмы.

То есть греха.

Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться.

То есть не будем нерадеть о добрых делах. Усиление бодрствования есть трезвенность. Ибо можно бодрствовать, но не быть трезвенным; поэтому апостол как бы говорит: будем делать добрые дела трезвенно и внимательно.

Ибо спящие спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью. Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся.

Спящими называет здесь апостол во зле пребывающих, как неподвижных на добродетель и погруженных в мечтательные прелести. Таковы, действительно, дела

настоящей жизни, несколько не отличающиеся от сонных мечтаний. Далее, опьянением называет не одно опьянение от вина, но и от всяких страстей, как выводящее человека из обыкновенного состояния и омрачающее владычественное души, то есть ум. Итак, вам не следует быть таковыми, ибо вы не сыны ночи и тьмы, а сыны дня чрез крещение и восприятие ига заповедей Божиих.

Облекшись в броню веры и любви.

Не достаточно бодрствовать и трезвиться, следует и быть вооруженным. Ибо кто бодр и трезв, но не имеет оружия, того тотчас могут одолеть разбойники. Сказав: *в броню веры и любви*, апостол указал этим на догматы и праведную жизнь, что, собственно, и значит *трезвиться*. И следует не просто иметь это, но как броню. Ибо броню ничто не может скоро рассечь, напротив, она составляет нечто в роде оплота для груди, и ни одна из раскаленных стрел диавола не коснется нас.

И в шлем надежды спасения.

Как шлем, закрывая самую важнейшую у нас часть — голову, спасает и сохраняет ее, так и упование оберегает ум и спасает его, не попуская ничему извне упасть в него. Обрати внимание на указанные им в другом месте (1 Кор. 13:13) *веру, надежду и любовь*, сии три, которые он и теперь заповедует приобретать.

Потому что Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения через Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним.

Потому, говорит, должно приобретать это оружие, что не положил нас Бог в гнев, то есть не на то определил, чтобы мы гнев Его несли, но чтобы приобрести нас Себе и спасти, дав за нас Сына Своего на смерть. Итак, мы должны ожидать в опасностях всего полезного и великого. Ибо если мы веруем, что Он не пощадил за нас Своего Сына, то будем надеяться, что Он и тем скорее избавит нас от этих опасностей. Будем же иметь пред собой этот пример и возлюбим как Его, так и ближних. Для того, говорит, умер Христос, чтобы *бодрствуем ли мы, то есть живем, или спим, то есть умираем, жили вместе с Ним*. Иной сон апостол разумел выше и иной понимает здесь. То, что здесь он говорит, имеет такой смысл: не бойтесь телесных опасностей, не бойтесь и смерти, если мы и умрем, то будем живы, ибо жив Тот, Кто так возлюбил нас, что умер за нас.

Поэтому увещавайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете.

Видишь? Так что же отговариваешься: «я не учитель»? *Увещавайте*, говорит, *друг друга*, так как учителя не имеют возможности научить всех.

Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас.

Так как сказал: *увещавайте друг друга*, то, чтобы они не заключили, что их самих возводит он в достоинство учителей, и чтобы не восстали против учителей, говорит: если я вам и поручил назидание друг друга, все-таки убеждаю, чтобы вы относились к ним с честью. Ибо учителя принуждены переносить много трудностей, которые честь для них,

конечно, несколько облегчит.

И предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас.

Если ты считаешь тех, кто предстательствует за тебя пред человеком, то во сколько раз больше ты должен изъявлять полную признательность предстательствующим за тебя пред Богом? *В Господе*, то есть не в мирских вещах предстательствует он, а в духовных, которые в Господе, — молит за тебя, возрождает тебя чрез крещение, наблюдает за тобой, вразумляет и врачует тебя, — в полночь, если позовешь, идет. Видишь, как он предстательствует о тебе.

И почитать их преимущественно с любовью за дело их.

Не просто, сказал, любите, но: *преимущественно*, как дети родителей. Ибо, кто любит Христа, тот будет любить и служителя Его, каков бы он ни был, потому что чрез него он сподобился страшных Тайн. Если ты взял честную жену, то не уважаешь ли ты и не любишь ли того, кто доставил тебе ее? Ты получил Царство Небесное, и гнушаешься того, кто доставил его. Внимай Павлу: *за дело их*, говорит он, любите их.

Будьте в мире между собою.

Пишет еще: «с ними», то есть с учителями. Ибо он знал возможность зарождения неудовольствий против них. Так как они обличают и удерживают их от дурного, то и бывают ненавидимы. Поэтому должно *быть в мире* с ними, и притом не по внешнему виду, но в себе самих.

Умоляем также вас, братия, вразумляйте бесчинных.

Здесь апостол обращается к учителям. Не со строгостью, говорит, или с надменностью делайте выговоры, но с кротостью *вразумляйте*. Ибо, придя в отчаяние, человек становится более дерзким, когда делают ему строгий выговор. *Бесчинные* же те, которые поступают против того, что определено Богом. Бог каждому определил свой чин; преступающий его есть бесчинник. Пьяница, ругатель, корыстолюбец и все согрешающие живут бесчинно.

Утешайте малодушных.

Малодушен тот, кто не переносит искушения. Он именно и есть посеянный на камне (Мф. 13:5). Таким образом, и он нуждается в поддержке.

Поддерживайте слабых.

То есть поддерживайте слабых в вере, как и в другом месте говорит: *немощного в вере принимайте* (Рим. 14:1).

Будьте долготерпеливы ко всем.

И к бесчинным, и малодушным, и слабым. Ибо это самое приличное средство для учителя, могущее обратить всех, даже самых грубых.

Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло.

Если не должно воздавать злом за зло, то тем более — злом за добро, или начинать делать зло и вредить тому, кто ничем не повредил.

Но всегда ищите добра и друг другу и всем.

Недостаточно того, чтобы не платить злом за зло; нужно, говорит, отплатить за себя добром, тому, кто причинил зло. Этому именно учит апостол, когда говорит: *ищите добра*. То есть усиленно старайтесь делать добро, как по отношению друг к другу, то есть к верным, так и по отношению ко всем, то есть и к неверным.

Всегда радуйтесь.

Хотя бы вы впали в искушение. Смотри: после того, как он сказал, что не должно воздавать злом за зло, дальше он повелевает радоваться. Если человек воспитан так, что никому не мстит за себя, напротив, даже благодетельствует человеку, причинившему печаль, то откуда же может проникнуть в него жало скорби?

Непрестанно молитесь, за все благодарите.

Апостол показал путь к постоянной радости, к непрестанной молитве и благодарению. Ибо, кто привык обращаться к Богу и благодарит Его за все, что послужило на пользу, — очевидно, тот будет иметь постоянную радость.

Ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе.

Как же будешь всегда благодарить? Если сознаешь, что в том воля Божия, чтобы всегда тебе быть благодарным к Нему, как всегдашнему благодетелю во Христе Иисусе, то есть чрез содействие Господа Иисуса. Ибо и Он Сам содействует нам в том, чтобы быть благодарными: Он научил нас делать то, чему мы научились из Евангелия.

Духа не угашайте. Пророчества не унижайте.

Так как нынешняя жизнь есть ночь, то Бог дал нам ясный светильник, — Духа Святого. Но этот светильник одни сделали более ярким, как все святые; а другие погасили, как пять дев, которые оставили его без елея, как коринфский блудник, который влил в него нечистоту. Посему сказал: *Духа не угашайте*, то есть дара. Запирайте двери, то есть чувства, чтобы не вошел дух лукавства, и не погас бы светильник. Не приносите земных забот, и светильник останется неугасимым. Или и так можно понимать: были у них пророки Божии и лжепророки. Так как неизвестно было, что истинный Пророк, то они отвращались от всех. Поэтому апостол и говорит им: *Духа*, то есть дара в истинных пророках, *не угашайте* отвращением, как от лжепророков, и не презирайте пророчеств от Святого Духа.

Все испытывайте ^[9], хорошего держитесь.

Итак, что же? неужели нам принимать и лжепророков? Нет, говорит. Но все испытывайте, то есть и ложное, и истинное с испытанием разбирайте, и потом пророчества, оказавшиеся добрыми, принимайте, то есть почитайте их за истинные и имейте во внимании.

Удерживайтесь от всякого рода зла.

Не только от того или другого, но просто от всякого, и от ложного пророка, и от греха.

Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте.

К наставлению апостол присоединяет и молитву, чтобы с обеих сторон они имели безопасность. Что значит: *во всей полноте*? То есть телом и душой, как это видно дальше.

И ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа.

Дух, то есть дар Святого Духа, который мы получили чрез крещение. Если мы сохраним светильник Его ярким и неугасимым, то мы войдем в чертог Жениха; и душа, и тело тогда будут непорочны, если дух в нас будет сиять. Григорий Нисский говорит: так как человек состоит из всякого вида душ — души физической, чувственной и разумной, то апостол словом *дух* обозначил разумную часть; *душа* — чувственную, *тело* — физическую жизнь в нас. Итак, он молится о том, чтобы все они и во всем сохранились непорочными, во всем благоугодными Богу.

Верен Призывающий вас, Который и сотворит сие.

Посмотри, какое смирение! После того, как он произнес за них молитву, говорит: не подумайте, что вы будете спасены по моим молитвам, но по благодати призвавшего вас Бога. Ибо если Он призвал ко спасению, а Он верен, то есть истинен, то непременно сделает по воле Своей и спасет.

Братия! молитесь о нас.

Обрати внимание на смирение: и Павел просил их молитв.

Приветствуйте всех братьев лобзанием святым.

Так как он, будучи в отсутствии, не мог приветствовать их лобзанием собственных уст, то желает приветствовать чрез других, как и мы говорим: поцелуй за меня такого-то. А так как бывает и лукавое целование, как целование Иуды, то он говорит: *лобзанием святым*.

Заклинаю вас Господом прочесть сие послание всем святым братьям.

Не столько ради наставления, сколько ради того, чтобы побеседовать с ними чрез послание: доказательство горячей любви. Заклинает же для того, чтобы если не уважают его, то по крайней мере ради клятвы исполнили бы то, что было им заповедано. Так страшны были для древних христиан заклинания! Но, увы, не таковы они ныне, не таковы они для нас.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами: Аминь.

Все блага, говорит. Он даровал нам. Итак, постарайтесь привлечь себе обильнейшую благодать, живя достойно того, что уже даровано вам. Сия же благодать да хранит и нас от всякого пути неправого; да живем во славу Отца и Сына и Святого Духа. Ему подобает

всякая слава во веки. Аминь.

Примечания

1. Migne, в подстрочном примечании, дает предпочтение другому чтению этого места по кодексу S. Marci Veneti. Вместо ἀπαιτοῦντες там стоит ἀδικοῦντες, то есть не обижая никого требованием денег. Первое чтение он находит несогласным ни со смыслом, ни с грамматическими правилами.

2. Блж. Феофилакт читает: «и собственных пророков» — και τοὺς Ἰδίους προφ τας.

3. Слова *аминь* у блж. Феофилакта недостает.

4. Блж. феофилакт читает: *от Господа нашего Иисуса Христа*.

5. В тексте блж. феофилакта читается не просто «от блуда», но от «всякого блуда».

6. Блж. феофилакт читает: εχομεν вместо έχετε.

7. Блж. Феофилакт читает: παρ'γγειλα вместо: παρηγγείλαμεν.

8. Блж. Феофилакт читает *не знаете, в который час тать (κλέπτης) приидет*.

9. В греч. тексте блж. Феофилакта πάντα δε δοκιμάζετε вместо δοκιμάζοντες.

Толкование на второе послание к Фессалоникийцам Святого Апостола Павла

Предисловие

Второе Послание к Фессалоникийцам апостол Павел пишет по следующей причине. В первом послании он писал им, что сильно желает видеть их, и так как желаемого не достиг, то, не вынося долее разлуки, послал к ним Тимофея, показывая этим, как сильно желал придти к ним. Но так как и после не имел возможности отправиться к ним и исправить недостатки их веры, то по этой причине прибавляет к первому второе послание, желая посланиями заменить свое личное присутствие. А что он не ходил к ним, — это ясно из следующего: в первом послании он не стал писать о том, когда будет пришествие Господа, о чем им и не нужно было знать; теперь же он пишет и об этом. Действительно, если бы он сам был у них, то не стал бы писать теперь. Пишет же об этом вопросе по нужде. Некоторые соблазнительно говорили, что пришествие Господа приблизилось и, что опаснее всего, выдумывали какие-то слова, будто бы сказанные Павлом, и послания, будто бы им написанные. Но это замыслил диавол, чтобы поколебать верующих. А так как верующие великим утешением считали надежду на воскресение, потому что ожидали, что они получат награду за добродетель, а гонителей своих увидят достойно наказанными, то диавол подпустил своих слуг учить, что настает уже пришествие Христово и суд, чтобы показать, что в будущем нет ни воздаяния, ни суда, ни наказания, чтобы таким образом уничтожить надежды святых и сделать более дерзкими врагов Евангелия; даже обвиняли во лжи и Самого Христа, сказавшего, что имеют быть некоторые признаки Его пришествия: если же этих признаков не было, а воскресение, как они лгали, было, то явно Христос оказывался лжецом. Поэтому-то Павел пишет это послание и говорит о пришествии Господа, не открывая самого времени, но указывая на признак этого времени — на антихриста; утешает сильно угнетенных бедствиями и в заключение указывает им особый знак, по которому они должны узнавать подлинные его послания.

Глава первая

Павел и Силуан и Тимофей — Фессалоникской церкви в Боге Отце нашем и Господе Иисусе Христе.

И в первом предании такое же начало. Поэтому все, что сказано нами там, приложи сюда.

Благодать вам и мир от Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа.

Когда кого Бог облагодетельствует, тогда для того ничего не бывает невыносимого, а все легко переносится и проходит. Почему апостол Павел, зная, сколь великое благо в жизни есть благодать, ее желает фессалоникийцам молитвенно. Ибо, если она будет с ними, то они не только не будут чувствовать тяготы искушений, но еще и, наслаждаясь *миром* Божиим, пребудут несмущенны и покойны. Напоминает он им о благодати Божией еще и для того, чтобы, если и привидут к ним искушения, они, вспомнив о благодати, которой спасены, утешились, и, подкрепившись в духе прежде полученными многоценными благами, не отчаивались при встрече искушений и лишений малозначительных.

Всегда по справедливости мы должны благодарить Бога за вас, братия.

Трем вещам научает здесь апостол: если что окажется в нас исправное, то мы не себя за то должны хвалить, но Бога благодарить, и, Ему все приписывая, не возноситься тем; если кто страдает, то это не плача и слез достойно, а благодарения к Богу, — и страждущим надо радоваться, а не падать духом; не должно завидовать тем, кои являются преуспевшими, а радоваться о том и благодарить Бога за своих братии, — так что уязвляющиеся добром, которое видят в других, Самого Бога бесчестят. Выражение *по справедливости* апостол употребил для того, чтобы мы не возносились и самой благодарностью, как бы делая этим нечто особенное; ибо тут мы делаем то, что должно делать. Почему назвал благодарность *справедливостью*. Или говорит так для того, чтобы внушить, что благодарить должно и словом, и делом; ибо такая благодарность есть настоящая благодарность.

Потому что возрастает вера ваша.

Если нахлынувший поток искушений за веру не потопил вас, то это служит признаком не чего-либо другого, как того, что вера ваша возросла и сделалась более возвышенной. Подобно это тому, как и в древнем потопе возвышенные места не скоро были затоплены. Посему и сказал: *возрастает*, чтобы указать на значительную высоту веры.

И умножается любовь каждого друг ко другу между всеми вами.

Обрати внимание на любовь фессалоникийцев. Они не так поступали, чтобы одного любить, а другого нет, напротив, их любовь во всем была равна ко всем. На это указывает апостол, когда говорит: *каждого и: друг ко другу*. Ибо, если мы любим только некоторых, то это не любовь, а расторжение любви. Если ты любишь для Бога, то люби всех; если же любишь только некоторых, то это дружба человеческая. Заметь, что тесное общение и взаимное поддерживание много помогают в скорбях.

Так что мы сами хвалимся вами в церквах Божиих.

В первом послании апостол сказал: все так знают вас, что нам нет нужды говорить о вас. Как же теперь говорит, что он хвалится о них *в церквах*! Это ясно из самого выражения. Он не сказал: мы рассказываем им о вас, но: мы хвалимся и превозносимся вами. Поэтому, если мы благодарим Бога за вас и хвалимся вами пред людьми, то тем более вы должны поступать так во всем, что случается с вами, а не падать духом и не унывать в искушениях.

Терпением вашим и верою во всех гонениях и скорбях, переносимых вами.

Апостол показывает, что фессалоникийцы подвергались искушениям долгое время; ибо терпение обнаруживается не два или три дня. Подлинно терпение состоит в ожидании, когда люди не получили еще обещанных благ. Но в настоящем случае он говорит о большем терпении, о терпении в гонениях и бедствиях. Ибо фессалоникийцы жили среди непримиримых врагов, и им нужно было особенное терпение, — это в начале проповеди, когда они были еще бедными людьми. Да устыдятся поэтому те, которые ради покровительства человеческого принимают ложное учение.

В доказательство того, что будет праведный суд Божий, чтобы вам

удостоиться Царствия Божия.

Уже и сказанным выше он утешил фессалоникийцев, именно тем, что сказал: благодарим и хвалимся; но теперь он дает то, чего больше всего ищет страждущий, то есть освобождение от бедствий и наказание тех, которые причиняли им зло. Таким образом, вот что означают слова апостола: переносите бедствия в доказательство того, что суд Божий праведно удостоит вас Царствия. Ибо, если вас, гонимых, венчает, а тех наказывает, то в этом обнаруживается правда Его. Великое доставляет им утешение, показывая, что они не только по благодати увенчаются, а по правде, получая Царствие, как возмездие за собственные труды и поты.

Для которого и страдаете.

Таким образом, не потому властвуют над вами гонители, что они сильнее, а потому, что страданием приобретается Царствие Небесное. И эта мена необходимо должна совершиться именно таким образом и не без труда. Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие, говорит Господь.

Ибо праведно пред Богом — оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою.

Ибо, если справедливо пред людьми, то тем более пред Богом. В обыкновенном разговоре мы привыкли говорить: если Бог ненавидит злых, или: если Бог заботится о делах, то будет то, — в полной уверенности, что слушающие необходимо ответят: конечно, ненавидит. Так и здесь выражение: «ибо праведно» значит, конечно, праведно. Нельзя сказать, что как временны причиняемые вам скорби, также временны будут и наказания, которые взамен их последуют на ваших гонителей от Бога; напротив, последние будут бесконечны: таков же будет и ваш покой.

Вместе с нами, в явление Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы (δυνάμεως) Его.

Вот и другое утешение, так как фессалоникийцы имели быть участниками в венцах вместе с Павлом, достигшим такого совершенства. *Явлением Господа* он называет второе пришествие Его, утешая их и этим. Ибо, говорит, ныне Он сокрыт, но не падайте духом. Он откроется как Бог и Господь. *С неба*, которое есть престол Божий. *С Ангелами силы* (μετ' αγγέλων φοβερών), потому что ангелы суть силы, то есть сильны. Посему зачем вам унывать, когда мы имеем такого Господа, у которого слуги суть ангелы силы? Те, которые гонят вас теперь, понесут наказание и не избегнут его.

В пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа. [1]

Кого прежде назвал *оскорбляющими* их, тех теперь называет *не познавшими Бога*. Этим он весьма мудро научает, что отмщение во всяком случае будет. Ибо, если не за вас, то за Себя Он непременно отметит врагам Своим. Таким образом, это сказано для того, чтобы фессалоникийцы были вполне уверены, что гонители во всяком случае будут наказаны, а предыдущее сказано для того, чтобы они утешились, что ради чести их Бог накажет

гонителей их, если Он наказывает тех, которые препятствуют другим слушать Его, каковы и есть теперь ваши гонители. Выражение *в пламенеющем огне* можно отнести или к словам: *совершающего отмщение*, как бы оказал: наказывающего неверных геенной; или так: *явление Христа*, которое будет *в пламенеющем огне*, как говорит Давид: *пред Ним идет огонь, и вокруг пополяет врагов Его* (Пс. 96:3); и Даниил: *огненная река выходила и проходила пред Ним* (Дан.7:10). Заметь, что *в пламенеющем огне* сказано вместо: в огне жгущем, но не светящем. Для грешников огонь будет только жгущим, но не светящим; для праведников светящим, но не жгущим.

Которые подвергнутся наказанию, вечной гибели.

Итак, где оригенисты, баснословящие о конечности мучений? Его, то есть мучение, Павел назвал вечным. Каким же образом у вас вечное может быть временным?

От лица Господа и от славы могущества Его.

Здесь апостол показывает легкость, с какой это совершится. Для этого, говорит, не нужно каких-либо усилий, но достаточно явиться Богу, — и всех непослушных постигнет наказание. Один вид Его и пришествие будет для одних светом, для других — наказанием. Ибо Он не просто придет, но со славой крепкой. И слава Его не без могущества будет, и могущество не без славы. То есть Он явится как Царь Всемогущий.

Когда Он придет прославиться во святых Своих.

Когда люди, противящиеся ныне Евангелию и превозносящиеся, увидят, что те, которых они мучили, стали участниками бесконечной славы, тогда явно откроется слава Божия. Ибо слава их есть Его слава, так что чем Он прославляет святых, тем и Сам прославляется. Подобно тому, как Его богатство состоит в том, что есть верные, так и слава Его — в том, что есть такие люди, которые будут наслаждаться Его благами.

И явиться дивным в день оный во всех веровавших.

То есть чрез уверовавших. Здесь предлог *во* (εν) вместо «чрез» (δια). Ибо когда людей злосчастных и от всех преследуемых Он удостоит такой славы, тогда обнаружится Его сила. И иначе, когда предстанут среди судилища те, которые перенесли бесчисленные бедствия, будучи принуждаемы отступить от веры, и все-таки они не отступили, тогда обнаружится слава Божия и их слава.

Так как вы поверили нашему свидетельству. [2]

Дивен, говорит, будет Бог в тот день, потому что *вы поверили нашему свидетельству* и проповеди, то есть потому, что вы уверовали и соделали себя достойными тех благ, которые дарованы будут тогда верным. Хорошо сказал выше: «в день оный», ибо тогда на деле они покажут себя истинно верующими, а теперь многие притворяются верующими. Поэтому и Премудрый говорит: не считай человека счастливым прежде смерти.

Для сего и молимся всегда за вас, чтобы Бог наш соделал вас достойными звания.

Что же, разве они не были званы? Да, были. Но не о том звании говорит апостол; ибо по тому много званных. И не имевший брачных одежд был зван (Мф. 22:25), званы были и пять дев (Мф. 25:11), но ни он, ни они не вошли. Звание здесь апостол понимает то, которое подтверждается делами и которое собственно и есть звание, как и вера настоящая есть вера деятельная. Поэтому он прибавляет следующее.

И совершил всякое благоволение благодати.

Такое, говорит, я разумею звание, чтобы *всякое благоволение Божие*, то есть все, что Ему благоугодно, исполнилось в вас, и вы явились такими, какими быть вам желает Бог, ни в чем не имея недостатка. Здесь же апостол и смиряет их гордость, чтобы они не превозносились многими похвалами, показывая этим, что они еще несовершенны.

И дело веры в силе.

Да соделает, говорит, Бог в вас терпение гонений совершенным. Каким образом? *В силе*, то есть усилив вас и укрепив. Ибо терпение есть дело веры, так что кто не имеет терпения, тот не показывает и дела веры.

Да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа в вас, и вы в Нем.

Если будет в вас все сказанное, то еще в этой жизни, говорит апостол, имя Господа прославится в вас. Ибо, когда увидят вас терпящими всякое искушение из любви к Владыке своему, то это в славу Ему будет, то есть то, что Он настолько благ, что рабы готовы умереть за Него, и настолько силен, что укрепляет вас в терпении. Но и вы в Нем прославитесь тем, что настолько верными оказываетесь, что все претерпеваете. Ибо слава раба в том, чтобы быть верным Владыке своему. Еще иначе: страдание за Христа есть слава, потому что оно делает людей более чистыми, всегда готовыми предаться на смерть, показывающими себя выше смерти.

По благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа.

И это, говорит апостол, зависит от Бога, а не от нас; благодать Его есть и то, если, говорит. Господь прославляется в нас, когда мы ничего не предпочитаем Ему, как сладчайшему всего, и то, если мы прославляемся в Нем, когда получаем от Него силу переносить все испытания.

Глава вторая

Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом.

Не говорит, когда будет воскресение, но что теперь оно не последует, — вот чему он учит; так как были некоторые обманщики, которые говорили, что настало уже время общей кончины и пришествия Господа. К немалому утешению апостол сказал также и то, что верные будут собраны к Нему, чтобы быть вместе с Ним, как и в первом послании он сказал, что достойные тотчас по воскресении будут восхищены к Господу. Что означает слово *молим*? То есть упрощаем вас, чтобы вы не поколебались и не отклонились от правильного

убеждения, какое до сих пор имели.

И смущаться ни от духа.

То есть чрез пророчество. Ибо некоторые, лицемерно объясняя пророчество, обольщали народ, говоря о пришествии уже Господа.

Ни от слова.

То есть учением, выражаемым на живом языке (устно).

Ни от послания, как бы нами посланного.

Обманщики поддельными посланиями, будто бы посланными Павлом, подтверждали то, что говорили.

Будто уже наступает день Христов.

Не ужасайтесь, говорит, что настал день Господа, то есть пришествие Христа.

Да не обольстит вас никто никак.

Ни как пророк, ни как учитель, ни как от меня пишуший таковое.

Ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели.

Не будет, говорит, пришествия Господа, если не придет отступление, то есть антихрист. Отступлением апостол назвал его, потому что он на самом деле таков: он имеет отклонить многих, даже избранных, если можно. Его же назвал и *человеком греха* потому, что он совершит всякое беззаконие и других натолкнет на беззаконие. И *сыном погибели* назвал, потому что он и сам погибнет. Кто же он такой? Уже ли сатана? Нет, но некий человек, принявший всю его силу.

Противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею.

Он не будет приводить людей к идолослужению, напротив, отвергнет всех богов и все предметы почитания их, или идолов, и себя одного объявит богом.

Так что в храме Божиим сядет он, как Бог.

Не сказано: в Иерусалимском собственно храме, а просто: *в храме*, во всяком храме Божиим.

Выдавая себя за Бога.

Не сказал апостол, что он будет называть себя богом, но что он будет стараться показать себя богом. Ибо он совершит великие дела и покажет знамения к соблазну всех.

Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это?

Отсюда ясно, что апостол передавал фессалоникийцам великие тайны и не письменно. Видишь ли, что необходимо постоянно говорить об одном и том же, с настойчивостью повторять одни и те же слова. Вот они слышали апостола, говорящего об этом, когда он был у них, и, однако, опять имели нужду в подтверждении. Ничего, говорит, необыкновенного я не говорю, но то же, что и всегда говорил. Апостол несколько пристыжает фессалоникийцев, говоря: *не помните ли?* Так ли скоро вы забыли?

И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время.

То, что *не допускает* означает препятствие, — то, что мешает. Что же это такое? Одни утверждают, что это благодать Святого Духа; другие — римское государство, с последними согласен и святой Иоанн Златоуст. Ибо, пока оно не разрушится, антихрист не будет иметь возможности делать, что ему угодно. Поэтому Павел и сказал прикровенно: он не хотел навлечь на себя напрасной вражды и бесполезной опасности. Ибо, если бы он сказал, что в непродолжительном времени разрушится римское государство, то его немедленно стерли бы с лица земли, как возмутителя, а вместе с ним и всех верующих, которые обрадовались бы разрушению такого государства. Что апостол говорит не о благодати Святого Духа, — это ясно. Во-первых, он не сказал бы тогда прикровенно, но сказал бы определенно, потому что и ныне удерживает антихриста благодать Святого Духа, то есть благодатные дары. Затем, если бы антихрист должен был явиться тогда, когда оскудеют чрезвычайные дарования, то он уже явился бы, потому что они давно оскудели. Заметь, не сказал также и того, что это скоро будет, но говорит: *открыться ему в свое время*. Опять время оставил неизвестным.

Ибо тайна беззакония уже в действии.

Так называет апостол Нерона, который был прообразом антихриста. Он был также человек беззаконный и хотел, чтобы его называли богом. Хорошо сказал он: *тайна*. Ибо, говорит, Нерон не так явно и бесстыдно восставал против всякого бога, как тот восстанет. То, что говорит апостол, имеет такой смысл: прежде чем настанет время антихриста, нашелся другой человек, немногим уступающий ему. Что же удивительного, если уже есть антихрист? Прикровенно апостол сказал о Нероне не из рабского страха, но чтобы и нас научить не навлекать на себя излишней ненависти, когда ничто к этому не принуждает.

Только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник.

То есть когда будет взято от среды римское государство, тогда он придет. Потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится антихристу. Когда же оно будет разрушено, тогда водворится безначалие и он будет стремиться похитить человеческую и божескую власть. Подобно тому, как прежде этого государства разрушены были царства, именно: мидийское — вавилонянами, вавилонское — персами, персидское — македонянами, македонское — римлянами; так это последнее разрушено будет антихристом. И это с большей ясностью передает нам Данииил (Дан.2:37 и след.). Под выражением *удерживающий* (κατέχων) некоторые понимали идолослужение. Когда, говорят, прекратится удерживающее заблуждение, уничтожится идолослужение, тогда и явится антихрист, как некогда сказал Господь: *проповедано будет сие Евангелие Царствия во свидетельство всем*

народам, и тогда придет конец (Мф. 24:14). Другие словом удерживающий называют определение Божие. Когда, говорят, исполнится Божие определение, удерживающее ныне пришествие антихриста, и настанет определенное ему время, тогда он и откроется. А некоторые, как сказано уже, утверждали, что Дух Святой удерживает антихриста. Когда Он, вследствие людских беззаконий, взят будет от среды, удалится, тогда беззаконник будет иметь свободное место, чтобы обнаружить себя. И во власть свою, говорит апостол, он получил тайну беззакония. Ибо и ересеначальники Симон и Николай делали дела антихриста, и все последователи их — Маркион и Монтан, который назвал себя даже утешителем, и Манес и другие. Но ты следуй толкованию святого Иоанна, как более истинному.

Которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего.

Тотчас же и утешает: *Господь убьет его*. Ибо подобно тому, как огонь, еще до появления своего, издали приводит в оцепенение и уничтожает малых животных, так и Христос одним повелением, или дуновением, исполненным Святого Духа, умертвит его, и одним пришествием Своим *истребит*, то есть совершенно уничтожит его. Ибо явившись только, Он положит конец обольщению.

Того, которого пришествие, по действию сатаны.

Апостол учит нас, кто таков антихрист, именно: он человек, имеющий в себе сатану, который будет действовать чрез него.

Будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными.

То есть он обнаружит всю свой силу, но ничего не будет иметь истинного, напротив все обманчивое. *С чудесами ложными*, то есть поддельными или вводящими в обман тех, кто обращает на него внимание. Павел предрекает это, чтобы не прельстились живущие в то время.

И со всяким неправедным обольщением погибающих.

Он будет страшен повсюду своею властью, потому что все будет делать с жестокостью, чтобы прельстить людей и причинить им зло, разрушая их спасение. Но чтобы кто не пришел в недоумение, говоря: для чего Бог попустил придти ему, когда люди должны потерпеть столько вреда? апостол отвечает: не бойся! Он возобладает над погибающими, которые, хотя бы он и не пришел, остались бы неверующими.

За то, что они не приняли любви истины для своего спасения.

Любовью истины он называет Христа, ибо Он был и то и другое, и приходил ради того и другого: по любви к людям и чтобы открыть истину. Апостол намекает на то, что больше всего обольститель будет иметь силы среди иудеев, ибо они не приняли Христа, не уверовали в Него. Об этом и Христос говорит им: *Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня, а если иной придет во имя свое, его примете* (Ин. 5:43).

И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи.

Пошлет, вместо: попустит ему прийти. Смотри, сначала они отвергли истину, и тогда оставил Бога, и ложь овладела ими. *Действием заблуждения* апостол называет дела антихриста, которые он делает для того, чтобы обольстить, или так он назвал и самого его, действующего по побуждению сатаны, чтобы прельстить многих.

Да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду.

Не сказал: да получают наказание (ибо, если бы и не пришел антихрист, неверующие должны были быть наказаны); но говорит: да будут осуждены, чтобы им быть безответными. Скажут ли они, что мы потому не уверовали во Христа, что Богом его проповедали ученики, а мы слышали, что один Бог, от Которого все? В таком случае как вы поверили антихристу, который выдает себя за бога? Христос все относил к Отцу, а этот наоборот. Но скажут: мы видели знамения. И Христом совершенно было много великих чудес. Кроме того, о Христе пророки предсказывали, что Он — Спаситель, а тот — сын беззакония и погибели. Потому-то они и будут осуждены, что, оставивши истину, они благоволили, то есть им понравилась и они охотно отдались *неправде*, то есть обольстителю, употребляющему всякую несправедливость против людей, который сам есть воплощенная неправда.

Мы же всегда должны благодарить Бога за вас, возлюбленные Господом братья.

Так как апостол сказал нечто страшное, могущее смутить нетвердую душу; то теперь успокаивает сердца, научая, что все это страшно для других, погибающих, для которых и определено. О вас же мы Бога благодарить должны, — за то, что Он избрал вас и возлюбил. Если же мы благодарим за вас, то гораздо более должны делать это вы за себя самих.

Что Бог от начала, через освящение Духа и веру истине, избрал вас ко спасению.

Потому мы благодарим, что Бог избрал вас Себе и предопределил ко спасению, по предведению, что вы достойны. Каким образом? *Через освящение Духа*, то есть спас, освятив Духом. Потом, чтобы кто не сказал: так что же? Мы ничего не привнесли? апостол прибавил: *и веру истине*, то есть освятил нас, привнесших веру истине, то есть вещам истинным. Ибо не какой-нибудь лжи поверили, но самой истине. Кроме того, он вспомнил о вере, следующей за тем, так как и после освящения мы имеем в ней великую нужду, чтобы нам не совратиться.

К которому и призвал вас благовествованием нашим, для достижения славы Господа нашего Иисуса Христа.

Чтобы, услышав о вере, они не превознеслись, как и сами привнесшие нечто, дает разуметь, что и это от Бога. *К которому и призвал*, говорит. Для чего? чтобы спастись освящением и верой, так что, хотя вы уверовали, но это есть благодать Призвавшего. Ибо если бы Он не призвал вас благовествованием нашим, то как бы вы слышали? Немаловажно и то, если Христос ваше спасение признает Своею славой. Ибо слава Человеколюбца в том, чтобы много было спасающихся. И кто не поревнует о славе Его, то есть о своем спасении?

Итак, братья, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим.

Отсюда ясно, что многое и без писем, чрез слово, то есть живым языком, а не только чрез послания апостолы передавали. Между тем и то, и другое равно достоверно. Поэтому мы должны признавать достоверным и церковное Предание. Есть Предание, больше и не ищи ничего. Здесь апостол показывает также, что много колеблющихся в вере.

Сам же Господь наш Иисус Христос и Бог и Отец наш, возлюбивший нас и давший утешение вечное и надежду благу во благодати, да утешит ваши сердца и да утвердит вас во всяком слове и деле благом.

За увещанием следует молитва, ибо и этом поистине состоит помощь другим. Как бы так говорит апостол: я сказал: стойте; но все от Бога. Где же те, которые унижают Сына, потому что в крещении Он называется после Отца? Вот, здесь напротив: прежде апостол назвал Сына. *Давший*, говорит, *утешение вечное*. Какое это утешение? Надежду, говорит, на будущее. Она — надежда на будущие блага — поддерживает наши сердца, колеблющиеся в искушениях. Дал ее нам Бог не по заслугам, а по благодати. Это апостол сказал, чтобы смирить их высокомерие. Видишь ли, как путем молитвы он одобряет их сердца, представляя ручательство и знамение промысления Божия о них. Ибо, если нисколько не трудящимся Он даровал утешение, то тем более дарует трудящимся за веру. Таким образом, будьте в полной надежде. *Да утешит*, говорит, *ваши сердца и да утвердит вас во всяком слове и деле благом*, то есть посредством всякого доброго дела и слова. Ибо утешение христианина состоит в том, чтобы делать что-либо полезное и угодное Богу. Или: да утвердит вас в правых догматах и добрых делах, что бы ни случилось. Таково утешение. Утвержденный в вере и жизни, как бы ни страдал, переносит все мужественно и не совращается; ибо сохранение правых догматов удостоверяет его в получении будущих благ; а добрая жизнь радуется тем, что он страдает не как злодей, а как слуга Божий.

Глава третья

Итак молитесь за нас, братия, чтобы слово Господне распространялось и прославлялось, как и у вас.

Сам прежде молился о них, чтобы им утвердиться в вере, теперь просит их молиться за него, не о том просит, чтобы он не подвергался опасностям (ибо он на это обрек себя), но о том, *чтобы слово Господне распространялось и прославлялось*. Здесь просьба соединена с похвалой: *как*, говорит, *и у вас*, чтобы и все также покорились ему, как и вы. Так апостол ничего не просит собственно себе, но всего Божиего.

И чтобы нам избавиться от беспорядочных и лукавых людей, ибо не во всех вера.

Апостол говорит о тех, которые возражали против его проповеди и враждовали против догматов веры, каков был Александр медник. [3] На это он намекнул, сказав: *ибо не во всех вера*, то есть не все веруют, но достойные. Подобно тому, как если бы кто-нибудь сказал, что не все удостоиваются служить в царском воинстве, но только годные для этого. Он в то же время и ободряет их, представляя в них столько дерзновения пред Богом, что молитва их может споспешествовать успеху проповеди самого учителя их. Незаметно дает разуметь и о причиненных ему опасностях со стороны тех, которые противились слову. И то имеет для

них немалое утешение, что Павел, будучи столь высок, все еще боролся с опасностями.

Но верен Господь, Который утвердит вас и сохранит от лукавого.

Выше сказал: *избрал вас Бог во спасение*, вместо: избрал для Себя. Итак, верен, то есть истинен Бог, и несомненно совершит то, что начал; и утвердит вас, как мы молились, так что вы уже не поколеблетесь, и сохранит, так что сатана не одолеет вас.

Мы уверены о вас в Господе, что вы исполняете и будете исполнять то, что мы вам повелеваем.

После того как апостол помолился за фессалоникийцев и сказал: Бог верен и, конечно, совершит начатое в вас дело спасения, но чтобы вы не подумали, что все зависит только от Бога, и потому не предались лени, вот теперь требует содействия и с их стороны, как бы так говоря: Бог верен и несомненно исполнит дело Свое, но при условии, что и вы будете трудиться. Заметь мудрость апостола. Он не сказал просто: *уверены о вас*, но *в Господе*, то есть мы веруем человеколюбию Божию, что оно исполнит вас силой, чтобы показать им, что все зависит от Бога. И не просто сказал: *уверены в Господе*, но: *о вас*, и: *исполняете и будете исполнять*, дабы они, все относя к Богу, не стали ленивыми. Должно все возлагать на Бога, но так, чтобы и самим действовать. Не удовольствовался сказать: *исполняете*, но прибавил: *будете исполнять*, показывая, что мы должны до последнего издыхания ревновать о добродетели.

Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово.

Опять молится за них, показывая свое попечение о них. Так как он намеревался укорять некоторых из них, то наперед умащает сердца их, чтобы показать, что он делает им наказ тот от многой любви. И так сказал: *Господь да управит сердца ваши*, то есть сделает то, чтобы они пошли по правильному пути и не уклонялись с него. Ибо многое уклоняет от правого пути любви, и лихоимство, и тщеславие, и скорби, и искушения. Это и многое другое не дает нам идти к любви Божией и полюбить Его, как должно. Слова же *в терпение Христово* или так понимай: чтобы нам терпеть, как Он терпел, или так: чтобы мы с терпением ожидали Христа и не отчаивались, но твердо веровали, что Он исполнит, что обетовал. Сказав о терпении, апостол намекнул на скорби. Сочетал же с любовью и терпение потому, что любить Бога и значит — все терпеть за Него, без ропота, благодушно. Под *Господом* разумеи здесь *Духа*, как заметил Василий Великий.

Завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа.

Часто мы говорили, что завещанием Павел называет более строгое наставление. Так и в настоящем случае, делая более строгое наставление, он говорит: не мы повелеваем, но Христос. Ибо что я говорю, то Он говорит. А Он нигде не заповедал предаваться бездеятельности.

Удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно.

То есть удаляться от всякого, кто живет бесчинно, то есть без дела, хотя бы то был богатый, или бедный, или святой. Ибо те, которые отказываются от полезных занятий,

обыкновенно скоро впадают в празднословие и равнодушие. А это и есть бесчиние. Каким образом? Таким: кто ничего не делает, тот выходит из порядка (чина), положенного учителем. Поэтому апостол прибавляет следующее.

А не по преданию, которое приняли от нас.

Предание, которое я передал вам в своих поступках, сделавшись для вас образцом, ибо собственно это есть предание.

Ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром.

Мы не бесчинствовали, то есть не оставались в праздности. Бесчинием здесь апостол называет ничего не делание, как и выше. Ибо Бог положил быть человеку в труде, и для этого снабдил его пригодными к тому членами; так что кто остается праздным, тот выступает из чина Божия. Заметь, что апостол назвал даровой пищей то, что получает от них содержание. Но оно не было даровым, потому что он проповедовал. А трудящийся достоин своего пропитания.

Но занимались трудом и работою ночь и день.

Обрати внимание на усиление речи. Если наученные нами чему-либо не почитают нас ради Бога, то мы негодуем, как будто получили самую сильную обиду.

Чтобы не обременить кого из вас.

Особенно тяжело брать от слушателей. В настоящем случае об этом и говорит апостол, потому что фессалоникийцы были бедны.

Не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам.

Апостол имел право не трудиться, так как был занят более важным делом, проповедью, и питаться на средства своих учеников; однако по доброте своей он трудился и кормил себя и находящихся с ним, чтобы научить этому и своих учеников.

Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь.

У вас (πρὸς υμᾶς) вместо: с вами (μετ' υμῶν). В первом послании апостол рассуждает об этом снисходительно, здесь же строже. Ибо если он сам трудился днем и ночью, хотя и не имел никакой нужды, то тем более другие должны были так поступать.

Но слышим, что некоторые у вас поступают, бесчинно, ничего не делают, а суетятся.

Поскольку ум наш находится в постоянном движении, поэтому, когда мы не занимаем его делами благопотребными, он предается делам непотребным, как и выше сказано, начинает заниматься разведыванием, как живут другие, а отсюда переходит в пересуды,

празднословие и пустословие. Итак, следует трудиться, работая своими руками. Тому и милостыни просить не должно, кто, имея силы работать, предается праздности. Скажешь: я молюсь и пощусь. Но это не есть дело рук. Можешь и при этом иметь ручную работу. И если ты об этом нерадишь, то подлежишь суду, как празднлюбек. Скажут: как же того, кто учит, не приневоливают работать? У него есть работа важнейшая и труднейшая, которая не даст ему заняться ручными работами. На тебе же, лице частном, не лежит ничего такого, и ты грешишь, нерадя о труде.

Таковых увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом.

Поскольку выразился более строго, сказав: *увещеваем*, то опять с большей снисходительностью обращается к ним и говорит: *убеждаем*. Но чрез это увещание делается еще более веским и строгим.

Чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб.

Двух вещей требует от них: как от бесчинных — чтобы безмолвствовали, как от праздных — чтобы работали, ели свой хлеб, а не чужой. Ибо им не должно обращать взоры на чужие руки.

Вы же, братья, не унывайте, делая добро.

Смотри, как скоро смягчилось отеческое сердце, — тотчас же и сжалился, над ними. Удаляйтесь, говорит, от них и отделяйтесь, но, однако, не допускайте умирать с голода. Итак, что же из этого выйдет? Неужели кто, будучи уверен, что я его накормлю, останется праздным? Тебе достаточно удаляться от него и не придавать ему смелости, делая вид, что ты гневаешься на него. Хотя кто из них и после этого не исправится, но ты все же не унывай, делая добро.

Если же кто не послушает слова нашего [4], в сем послании, того имейте на замечании.

Некоторые прочитали: *слова нашего* (λόγῳ ἡμῶν), с буквой ἡ, почему и поняли так: если кто не послушает слова моего, Павлова, как бы сказанного чрез это послание, того имейте на замечании и обращайтесь с ним, как с отлученным. Святой же Иоанн прочитал: *вашего* (υμῶν) и дал нам понять это место так: если кто не слушаем нас, говорящих к нему то, чему вы научились чрез это мое послание.

И не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его.

Видишь ли, какая польза от того, что он будет отлучен? Это именно посрамление. Ибо если и просто братья — стыдно, то тем более, если они будут давать ему после отлучения. Великим наказанием считалось в древности отлучение, но ныне не считается таковым. Ибо если нужно было чуждаться человека просто ничего не делающего, то насколько более — других.

Но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата.

Как выше, сказав: не трудящийся пусть не ест, апостол убоился, чтобы таковые вовсе не погибли с голоду, и потому прибавил: *вы же, братия, не унывайте, делая добро*, так теперь, сказав: *не сообщайтесь с ним*, он убоился, как бы это совсем не отделило его от братства, как отчаявшегося в себе. Поэтому и прибавил: *но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата*. И после подаяния заповедует вразумлять его, а не оскорблять, чтобы он мог получить благодеяние как для тела, так и для души. Кто вразумляет брата, тот не обнаруживает явно своей обиды, напротив, делает это наедине и со снисхождением. Будем, говорит, скорбеть не о том, что даем милостыню ничего не делающему, но о том, что он нарушает закон Божий, и посочувствуем ему, как больному. Пусть выслушают это те, которые не только не подают, но и оскорбляют нищего и бросают в него камнями. Ради тебя он беден, чтобы ты мог исцелить свои раны любовью к нему, а ты отгоняешь того, который переносит ради тебя нищету. Какая это бесчувственность!

Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всем.

Всюду он запечатлевает свои увещания молитвой, налагая молитвы, как некие печати и знаки на том, что отложено в сокровищницу для хранения. Таким образом и здесь, так как, вероятно, у фессалоникийцев происходили распри вследствие таких случаев, когда одни — удаляемые — становились более ожесточенными, другие — состоятельные — уже не подавали таким людям с полной готовностью: справедливо апостол молится, чтобы мир *всегда* был между ними. Ибо о том они должны заботиться, чтобы всегда сохранять мир. И притом *во всем*, чтобы ниоткуда не иметь повода к раздору, ни от слов, ни от образа действий. Ибо таким образом, говорит, вы без труда и непослушных сделаете лучшими. Ничто так не способствует к исправлению того, что мы желаем исправить, как мирное, безмятежное обращение, и вразумление без гнева.

Господь со всеми вами!

Это и Господь обещал: *и се, Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28:20). Если, говорит. Он будет со всеми вами, то есть и с теми, коих надлежит исправлять, и с теми, кои исправлены, то все будет во благо. Не желающих трудиться Он уврачует, а любящих труд утвердит в труд любви.

Приветствие моею рукою, Павловою.

Приветствием он называет молитву, показывая этим, что и когда нужно было приветствовать; это дело совершалось с духовной пользой и молитвой, а не было простым знаком дружбы.

Что служит знаком во всяком послании.

Чтобы не составлялись послания от моего имени какими-либо обманщиками (а это, как мы вначале сказали, делали многие), я, говорит, собственноручно пишу приветствие. *Во всяком послании*, которое к вам ли, может быть, будет послано, или во всяком, к кому бы то ни было, послании.

Пишу я так: благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.

Апостол и начал с благодати, и теперь снова благодатью заканчивает послание, с обеих сторон как бы ограждая сказанное великими стенами, полагая твердое основание и присовокупляя незыблемый конец. Ибо если пребудет с вами благодать, нас спасающая, то уврачуе все наши немощи; потому что такова сила благодати. А она с вами пребудет, если вы не отгоните. Благодать обитает в душах благоумных, исполненных простой веры и братолюбия. Да даруется и нам иметь такие души, чтобы являть братолюбие, вразумлять случайно заблуждающихся, как братьев, и всякими способами совершать в мире их исправление, быть всюду охраняемыми благодатью Господа нашего Иисуса Христа, принявшего нас в число верующих и приведшего ко Отцу во Святом Духе. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Примечания

1. У блж. Феофилакта вместо *Господа нашего Иисуса Христа* читается: «Господа Иисуса».
2. В тексте блж. Феофилакта эти слова поставлены в скобках.
3. См. послания к Тимофею.
4. У блж. Феофилакта: *вашего* (υμῶν).

Толкование на первое послание к Тимофею Святого Апостола Павла

Предисловие

Тимофей был из учеников Павла, пользовался вследствие этого уважением, и самому Павлу так был предан, что ради домостроительства, для успехов проповеди согласился принять от него обрезание, и это тогда, когда Павел запрещал обрезание другим и когда по этому поводу восстал даже против самого Петра. Кроме того, сам Павел во многих местах свидетельствует о великой добродетели этого мужа. Ему он теперь и пишет о многом необходимом [1]. Если же кто-нибудь спросит, почему апостол не пишет Силе, Клименту, Луке, или другому кому из многих бывших при нем, а только Тимофею и Титу, то на это можно сказать, что те еще сопутствовали ему, а этим он уже поручил церкви. Поэтому необходимо было предостерегать их чрез писания и объяснить то, что они должны были делать. А если спросишь: почему он не усовершенствовал их ранее во всякой божественной премудрости и тогда уже поставил бы их на дело учительства, но пишет к ним и доводит их до совершенства после того, как вверил им учительство? Знай прежде всего, что никто не совершенен, хотя бы был и учителем; напротив, и такой человек много нуждается в руководстве со стороны более совершенных; особенно нелегко было самому епископу все устраивать своим словом в только что возникающей церкви. Затем обрати внимание и на то, что во всем послании дается Тимофею не такое наставление, как ученикам, но какое прилично учителю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога, Спасителя нашего.

Поскольку намерен писать законоположения Тимофею, то провозглашает себя апостолом, чтобы слово свое сделать достойным беспрекословного приятия. Не мое, говорит, буду изрекать, но Пославшего меня; смотри же, будь послушен. Но так как велико было звание апостола, то, чтобы не показалось, что он гордится, прибавил: *по повелению Бога*. Не сам, говорит, я восхитил это, но долг имею неотложный и Владычное повеление исполняю. Выражение *по повелению* сильнее выражения *призванный*. Хотя нигде Отец не давал ему повеления, а Христос: *Я пошлю*, сказано, *тебя далеко к язычникам* (Деян. 22:21), и еще: *тебе должно предстать пред кесаря* (Деян. 27:24), и: *Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла* (Деян. 13:2); но принадлежащее Сыну и Духу принадлежит, говорит он, и Отцу. Слушай, что следует дальше.

И Господа Иисуса Христа, надежды нашей.

Видишь ли, повеление это общее. Обрати внимание и на то, как Давид говорит об Отце: *упование всех концов земли* (Пс. 64:6) И сам апостол Павел в другом месте говорит: *уповаем на Бога живого* (1Тим.4:10). А теперь Сын называется нашим упованием (надеждой). Таким образом, у Отца и Сына все общее. Апостол благовременно употребил эти синонимы: *Спасителя и надежды*. Так как учитель борется со многими трудностями, ибо вся вражда обращается на него, чтобы, когда он падет, скорее пали и те, кто находится под его

наблюдением, как сказано: *порази пастыря, и рассеются овцы* (Зах.13:7), то не должно, говорит, падать духом, ибо мы имеем Спасителем не человека, но Самого Бога и Отца, Который скоро избавит нас от опасностей. Посему мы переносим несчастья, утешая себя этими двумя мыслями, — или тем, что мы скоро избавимся от них, или тем, что питаем в себе лучшие надежды,

Тимофею, истинному сыну в вере.

То есть рожденному мной чрез веру. Предлог «в» — *εν* — означает «через», как и в другом месте апостол говорит: *я родил вас во Христе Иисусе благовествованием* (1 Кор. 4:15). Похваливая же его, называет не только сыном, но и *истинным*, — *истинным*, потому что Тимофей более других сохраняет сходство с ним по вере, и потому, что апостол Павел искренне любил его. Очень мудро добавил он: *в вере*, чтобы тем более воодушевить к ней Тимофея. Ибо если с начала он показывал такую веру, что удостоен именоваться сыном Павла, и сыном истинным, то тем более в нее, как во всеоружие, должен он облечься теперь, чтобы не смущаться и не падать духом. Являть мужественное дерзновение есть дело веры.

Благодать, милость, мир.

Нигде в других посланиях апостол не поставил слова *милость*, а только здесь. Это потому, что по великой любви прости для своего сына большего, как бы опасаясь и трепеща за него; ему он давал наставления даже относительно желудка. Еще и потому, что учителя имеют нужду в сугубой милости.

От Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего.

Здесь опять утешение. Ибо если Бог — Отец наш, то Он заботится о нас, как о детях. Следовательно, Он и помилует, и даст благодать, чтобы всем нам быть благодетельствованными и иметь мир с врагами.

Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе.

Обрати внимание, какая кроткая речь, как он говорил к нему голосом не учителя, а слуги. Он не сказал: я повелел, но: *просил*. Так должны мы обращаться со своими учениками, но с испорченными и не вполне преданными — иначе. Апостол умоляет его остаться в Ефесе. Ибо послание, которое он послал к ефесянам, было недостаточно: к посланиям внимательно. Впрочем, может быть, это было и до послания. Предполагают, что тогда Павел и поставил Тимофея епископом. Это вероятно, ибо он говорит далее следующее.

И увещевать некоторых, чтобы они не учили иному.

Не сказал: умолять, но: *увещевать*, что более властно и строго. Он не назвал их поименно, чтобы чрез обличение не сделать их более бесстыдными. *Учить иному* — значит вводить иные учения. Ибо среди иудеев было много лжеапостолов, которые по любви к славе и из желания называться учителями склоняли верных к закону Моисееву.

И не занимались баснями.

Баснями он называет не сам закон, но наблюдения и ложные догматы.

И родословиями бесконечными.

Они перечисляли обычно дедов и прадедов, мечтая тем присвоить некоторую историческую славу. *Бесконечными* назвал или потому, что восходят к отдаленным временам, или потому, что не имеют никакой доброй цели, или потому, что не имеют ясности, трудно уловимы и запутанны. Вероятно, что апостол здесь намекает и на эллинов, ибо у них есть мифы и родословия, в которых они перечисляют своих богов.

Которые производят больше споры (ζητῆσεις), нежели Божие назидание в вере.

То есть Бог ввел такое домостроительство, чтобы в нем все было принимаемо верой, а они вводят изыскания, расстраивают это домостроительство Божие. Или что Бог восхотел даровать нам великое и явил о нас неизреченное домостроительство. Это-то домостроительство благодати Его вводит вера, а никак не происхождение. Между тем они вводили изыскания. Как это может быть? Как мы будем верить относительно будущего? Изыскание изгоняет веру. Впрочем, для чего Господь сказал: *ищите, и найдете* (Мф. 7:7)? и еще: *исследуйте писания* (Ин. 5:39)? Первое выражение — *ищите* — говорит о прощении, сильном желании; второе — *исследуйте* — значит: изучите подлинный смысл Писаний, узнайте их и прекратите всякое исследование.

Цель же увещания есть любовь от чистого сердца.

Если ты, говорит, будешь увещевать не учить иному, ты достигнешь этого, именно любви. Если внедришь в них любовь, то и всякий растленный догмат не найдет среди них места. Прежде, когда не было любви, существовала зависть; от зависти властолюбие; от властолюбия желание учить; отсюда и ереси. А теперь не так. Он требует любви искренней, любви не на словах, но *от сердца*, и сердца *чистого* и не помраченного лицемерием, — любви, которая образуется из душевного расположения и сострадания.

И доброй совести и нелицемерной веры.

Когда разбойники любят разбойников, — это происходит не от благой совести, а от злой, и не от веры нелицемерной. Кто искренно верует в Бога, тот не допустит когда-либо отступить от истинной любви, ибо она обнимает всех. А разбойник убивает проходящих мимо. Отсюда можешь заключить, что кто не имеет любви, у того нет и веры.

От чего отступив (ἀστοχεῖν), некоторые уклонились в пустословие.

Слово ἀστοχεῖν употребляется о тех, кто плохо стреляет. Поэтому и здесь, говорит, нужно искусство для того, чтобы прямо бросать, а не мимо цели. Но некоторые отступили от любви и веры, и вследствие этого уклонились в пустословие. А как это происходит, он прибавляет следующее.

Желая быть законоучителями.

То есть страдая властолюбием и страстью к славе. Они не были бы такими, если бы

имели любовь и веру.

Но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают.

Здесь он обвиняет их в том, что они не знают ни цели закона, ни времени, до которого ему предназначено было властвовать. Но может быть грешили по неведению, и потому не заслуживают осуждения? Нет! их неведение произошло от властолюбия и от того, что они не имели любви. Ибо, говорит, желая быть законодателями и законоучителями, они не обращают внимания на истину, так что они сами виновны в своем неведении. О чем же они утверждают? Может быть, об очищениях и разных других телесных действиях, соблюдавшихся по закону.

А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его.

То есть если кто не только изъясняет его на словах, но и исполняет на деле. Ибо кто изучает постановления закона, а не исполняет их, тот незаконно пользуется законом. Или иначе, законно пользуется законом тот, кто приводится им ко Христу. Закон, не имея силы руководить или оправдывать, препровождает ищущего праведности ко Христу, — и это есть его цель: так что законно, то есть так, как повелевает сам закон, пользуется законом тот, кто закону предпочитает Христа.

Зная, что закон положен не для праведника.

Потому что он не дожидается того, чтобы закон научил его тому, что нужно сделать. Это он знает, и не боится наказания. Под праведником здесь разумеет того, кто достиг совершенства в добродетели: кто не из страха пред законом, а ради самого добра ненавидит зло, кто становится весь добродетелью и совершает больше, чем требует закон, считая недостойным руководиться тем, что угрожает ему наказанием; но живя мужественно добродетелью, становится выше всего свойственного детям; подобно как и врач полезен для того, кто имеет раны и кто болен, а не для того, кто здоров, или удила необходимы для лошади беспокойной, а не для тихой.

Но для незаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для оскорбителей отца и матери, для человекоубийц, для блудников, мужеложников, человекохищников (клеветников, скотоложников), лжецов, клятвопреступников.

Апостол перечисляет грехи по видам, чтобы заставить виновных устыдиться исключительного следования закону. А таковы именно и были иудеи. Они постоянно кланялись идолам, приносили богам в жертву детей, покушались побить камнями Моисея, руки их обогрены кровью, — не нечестивцы ли они и человекоубийцы? Найдешь в них и все остальные пороки, если проследишь их историю. Поэтому-то и дан им закон, чтобы он сдерживал эти пороки. Об этом и в другом месте он говорит: закон дан после по причине преступлений (Гал. 3:19). А праведникам, как уже не склонным к преступлениям, закон не необходим.

И для всего, что противно здравому учению.

Хотя и сказанного было достаточно, однако для полноты содержания апостол сказал и вообще: *и для всего*. Отсюда становится ясным, что доступ такие страсти получают от искаженных догматов, ибо все они противны здравому учению.

По славному благовестию блаженного Бога.

Так поставь это место в связь с словами: *противно здравому учению*, которое бывает *по благовестию*. А благовестием славы он называет его ради тех, которые стыдятся гонений и Христовых страданий, показывая, что как страдания Христовы, так и гонения составляют славу Христа, или еще потому апостол называет Евангелие благовестием славы, что намекает на будущую славу. Ибо если, говорит, настоящее наше состояние и исполнено стыда, зато будущее — славно. И эту славу возвещает нам Евангелие; ибо все благовестие относится к будущему, а не к настоящему времени. Или еще апостол говорит здесь о служении Богу, которому научает нас Евангелие.

Которое мне вверено.

Мне, а не лжеапостолам: их евангелие есть евангелие бесславия, а не славы.

Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего.

Так как сказал: *которое мне вверено*, то, чтобы не показалось, что он тщеславится, к Богу все относит, и говорит: благодарить должно Того, Кто дал мне силу на то, чтобы я был в состоянии принять на себя такое бремя. В самом деле, не человеческой силе было свойственно — стоять против ежедневных опасностей, угрожающих смертью. Таково истинное смирение: наше же смирение — на словах, а не в глубине души.

Что Он признал меня верным, определив на служение.

Чтобы не сказал кто-нибудь из неверных: если все принадлежит Богу, и ничего от нас не приносится, то почему Он сделал таким Павла, а Иуду нет? — апостол, устраняя это возражение, говорит: не просто так укрепил меня Бог, и не без усмотрения, но потому, что я оказался верным. Даже не так сказал, но: *Он признал меня верным*, опять скрывая свои заслуги. Не утверждаю, говорит, что я был верен, но что Он признал меня таким. Откуда это видно? Из того, что Он поставил меня на служение. Ибо как бы Он поставил меня, если бы не увидел во мне способности? Это подобно тому, как в домах управляющие воздают благодарность своим господам за вверенное им управление, которое они поставляют признаком того, что господа считают их более достойными доверия, нежели других. И Бог о нем говорит: *он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое* (Деян. 9:15). Таким образом, он был годен только для проповеди, но чтобы и делом совершить то, к чему признан годным, на это он приял силу от Бога. Ибо кто намерен проповедовать имя Христово, великое имя, с тем, чтобы посредством проповеди запечатлеть его в душах верующих, тот имеет нужду в немалой силе. Совершает это тот, кто во всем достойно его и мыслит, и говорит, и делает: кто не таков, тот не совершает. Ибо как может проповедовать Христа тот, кто не имеет всецело в себе самом Христа? Таким образом, во всем Павел был верен, и ничего не приписывал себе из того, что принадлежало Господу; напротив, и свое собственное называл Божиим. *Я потрудился*, говорит он, *более всех, не я, впрочем, а благодать Божия* (1 Кор. 15:10), и многое подобное тому.

Меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик.

Смотри, как он, описывая прежнюю свою жизнь, превозносит милость Божию. Даже когда он говорит об иудеях, достойных всякого презрения, он ничего такого не приписывает им, о себе же самом так повествует: не только, говорит, сам я был хулителем и не только в себе укреплял зло, но еще преследовал тех, которые хотели жить благочестиво, и не просто делал это, но с особенным ожесточением.

Но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии.

Показывает себя достойным наказания, хотя милость Божия бывает и к таким людям. Почему же и другие иудеи не были помилованы? Потому что они не по неведению, а вполне сознательно грешили. Ибо *многие, говорит, уверовали в Него, но ради фарисеев не исповедывали, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию* (Ин. 12:42-43). И Христос говорит: *как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу?* (Ин. 5:44). И сами иудеи говорили между собой: *видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним* (Ин. 12:19). Ими всегда руководила страсть любоначалия. И опять, сами они сказали: *кто может прощать грехи, кроме одного Бога?* (Лк. 5:21). Тогда Иисус немедленно совершил то, в чем они поставляли признак силы Божией. Итак, почему же они не уверовали? Неужели по неведению? Но, может быть, кто-нибудь скажет: где же был тогда Павел? — У ног Гамалиила, который не имел ничего общего с мятежной толпой: он занимался своими собственными делами. Каким же образом после этого Павел заключал в темницу? Он видел, что проповедь распространяется, и, наконец, его побуждала к этому ревность по закону, а иудеи делали все из властолюбия. Но как же Павел, будучи столь сведущ в законе, не познал Христа чрез Писание? Он за то и осуждает себя, что страдал неведением, которое происходило от неверия, ради чего, говорит, и помилован.

Благодать же Господа нашего (Иисуса Христа) открылась во мне обильно с верою и любовью во Христе Иисусе.

Сказав многое и великое о человеколюбии Христа, о том, что Он его, достойного самого страшного наказания, помиловал, теперь говорит, что он не только это даровал, но и удостоил его усыновления, сделал братом, сыном, другом и сонаследником: так обильно открылась благодать человеколюбия Его. Но чтобы кто-нибудь не сказал: так как всюду благодать, следовательно, нет свободы воли, — апостол прибавляет: *с верой и любовью*. Ибо веру, говорит, привнес я, уверовав, что Он может спасти меня; и любовь также сам я приобрел *во Христе Иисусе*: потому что виновник моей любви к Богу — Христос, а не закон. Этим показывает, что с верой должно соединять любовь. Ибо от любви зависит исполнение заповедей, как сказал Господь: *если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди* (Ин. 14:15).

Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников.

Сказав выше, что Он помиловал меня, гонителя, продолжает: не удивляйся и не сомневайся в величии дара. Ибо для этого Он и пришел в мир, чтобы спасти всех грешников. Итак, верно слово и достойно приятия. Потому что невозможно не доверять дарованному, напротив, так как бесконечна благодать Подателя, оно заслуживает доверия и приятия. Это направлено также против иудеев, преданных закону, чтобы показать им, что без веры

невозможно спастись.

Из которых я первый.

Почему же он, сказав в другом месте: *по правде законной непорочный* (Флп.3:6), теперь ставит себя первым из грешников? Потому что пред правдой во Христе правда по закону ныне грех, так как время ее уже прошло. Пока было ее время, она была правдой, подобно тому как ночью луна и свеча — свет. Но когда явился Христос, как солнце, тогда затмил ее. Итак, погрешает и неразумно действует тот, кто пользуется свечой подзаконной правды, когда воссияло солнце правды Христовой. И в другом месте апостол говорит об этом: *прославленное даже не оказывается славным* (2 Кор. 3:10).

Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной.

Обрати внимание на смирение его. Для того, говорит, я помилован, чтобы никто из согрешивших уже не отчаивался, но был в полной надежде на прощение, так как получает спасение величайший из всех грешников — Павел. Этим апостол показывает, что сам он не заслуживал прощения, но ради спасения других сподобился сего человеколюбия Божия. Не сказал просто: чтобы во мне показал долготерпение, но *все долготерпение*, как бы так говоря: бесконечно согрешив, я нуждался во *всей* милости, во *всем* Его человеколюбии, а не отчасти, подобно тем, которые отчасти согрешили. *В пример*, говорит, то есть для примера, для утешения и для прощения всех, кто хочет веровать.

Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь.

Так как апостол сказал очень великое о Сыне, именно, что Он спасает отчаявшихся, то, чтобы кто-нибудь не подумал, что Отец лишен Своей славы, он воссылает и Ему славу. Все это общее и у Сына. Ибо и Он также царь веков. Если Он Творец веков, то как Он не царь, нетленный, невидимый по Божественности и единый мудрый? Он Сам и есть мудрость Отца. Это же нужно сказать и о Духе. *Единому премудрому* сказал не для противопоставления Отца Сыну и Духу; нет, но для того, чтобы показать, что хотя и ангелы и люди имеют премудрость, но по-настоящему премудр один Бог, как источник премудрости, все же другие твари, имеющие премудрость, делаются участниками ее. *Честь и слава* не на словах только, но и в делах. Слава и честь, словом воздаваемая, являет нас только благодарными, а воздаваемая делом делает нас подражателями Ему, — что гораздо больше. Бог требует от нас прославления Его и словом, чтобы мы любили Его, Ему внимали и повиновались, и чрез это сами же получали пользу; подобно тому, как и дивящийся на славу солнечного света себе самому доставляет пользу, наслаждаясь светом и пользуясь им при делах своих, а не пользующийся им самому себе причиняет ущерб и лишение.

Преподаю тебе, сын мой Тимофей, сообразно с бывшими о тебе пророчествами, такое завещание.

Так как он употребил слово *завещание*, завещание же есть нечто повелительное, то и прибавил: *сын мой Тимофей*. Ибо не повелительно я говорю тебе это, но как сыну. Сказал также: *преподаю*, чтобы объяснить строгость хранения, потому что не наше то, что мы

имеем, но Божие. Поэтому, что Он даровал, то должны хранить. *Сообразно с бывшими о тебе пророчествами.* Звание учительское и священническое, будучи великим, нуждается в указании Божиим, чтобы принять это звание достойному. Поэтому в древности по пророчеству избирались священники, то есть по внушению Святого Духа, ибо пророчество в том и состоит, чтобы высказывать то, что есть в настоящее время. Так и Тимофей был избран на священство. Но так как он говорит о многих пророчествах, разумея, быть может, и то, когда в первый раз принял его в число учеников, и то, когда обрезал его, и то, когда рукоположил его, — все это совершалось с пророчеством. Поэтому он говорит: *преподаю тебе заветание сообразно с бывшими о тебе пророчествами,* то есть обращая взор к оным пророчествам, и как бы научаемый ими, что должно тебе делать, убеждаю тебя, чтобы ты ходил достойно их и не посрамил их.

Чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин.

Что я заповедую тебе? чтобы ты воинствовал в них, то есть чтобы ты не обходил законы их, но как они избрали тебя и на что избрали, *как добрый воин.* Ибо есть и злая служба воина, когда кто представляет уды свои в орудие греху и нечистоте. Вспомнил же апостол о воинстве потому, чтобы показать, что воздвигнута сильная брань против всех, а особенно против учителя. Поэтому должно бодрствовать и не показывать с своей стороны ни малейшей слабости.

Имея веру и добрую совесть.

Не думай, говорит, удовольствоваться только тем, что по пророчествам поставлен священствовать, но тебе надлежит иметь веру, чтобы право возглашать слово истины, и благую совесть, или жизнь незазорную, из коей благая совесть, чтобы мог ты и над другими предстоятельством благотворно. Ибо как полководцу следует прежде быть хорошим воином, так и учителю самому должно иметь то, чего он требует от учеников. Поэтому, несмотря на то, что мы учителя, научимся не пренебрегать советами и наставлениями тех, которые больше нас.

Которую некоторые отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере.

Под словом *которую*, очевидно, разумеется благая совесть. И справедливо. Потому что если жизнь бывает нечиста, то отсюда продолжают и превратные догматы. Чтобы не терзаться страхом будущего, живущие нечестиво убеждают себя, что все у нас ложно. А уклонившийся от веры и обо всем умствующий терпит кораблекрушение, несмотря на близость веры. Ибо вера — тихая пристань, она держит ум в спокойствии, а исследования, — это волны, которые то там, то здесь, как во время кораблекрушения, быстро захватывают ум и ударяют его о скалы, или даже потопляют.

Таковы Именей и Александр.

Видишь ли, что и в те времена были люди, которые превратно учили, которые уклонялись от веры, предавались исследованиям и умствованиям? Поэтому ты не унывай теперь, когда видишь таких людей, но противостой им.

Которых я предал сатане, чтобы они научились (*ἵνα παιδεύθωσιν*) не

богохульствовать.

Научая других, как же сатана не учит самого себя? Однако апостол не сказал: чтобы он научил их не богохульствовать, но: *чтобы они научились* (ἵνα παιδεύθωσιν). Не он совершает это, но так бывает вследствие его действий. Ибо как палачи, будучи сами отъявленными преступниками, вразумляют других, так и диавол. Но почему Павел сам не наказал их, как наказал Вариисуса и как Петр — Ананию? Чтобы со строгостью наказания соединить большее бесчестие, чтобы показать, что и сатане повелевает и чрез это быть более страшным. Или лучше — апостолы сами наказывали неверующих, чтобы те знали, что они не могут утаиться. Ибо и Анания был неверующим, и еще испытующим. Между тем тех, которые уже знали сие и потом отступали от веры, они предавали сатане, показывая им, что они не своею силой, но попечением их — апостолов — были охраняемы. Или еще и то, что тех, которых они желали исправить, не наказывали сами, а неисправимых сами подвергали наказанию. Как же виновный предаваем был сатане? Его извергали из общего собрания, отлучали от стада и нагим предавали волку. Ибо подобно тому, как в древности облако окружало скинию, так и Церковь Христову — Дух Святой. Следовательно, кто вне Церкви, тот и вне Духа и потому жалок и легко уловим. Таково наказание отлучения. И Сам Бог, предавая грешников болезням и бедствиям, научает чрез это. *Будучи же судимы*, говорит, *наказываемся от Господа* (1 Кор. 11:32). Видишь ли, что исследовать вещи божественные посредством умствований — значит богохульствовать. Оскорбление для божественных вещей, когда кто думает, что они постижимы умствованием человеческим.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих.

Прежде всего, то есть при ежедневном богослужении. Священник, как общий отец целой вселенной, заботится о всех, подобно тому как Бог, на службу Которому он посвящается, печется о всех. Обрати внимание на широко простирающуюся благодать. Иудейские молитвы не таковы. Не сказал тотчас же: *за царей*, чтобы не показаться льстецом, но прежде говорит: *за всех человеков*, и потом уже прибавляет: *за царей*, хотя бы цари были и неверные: за них должно молиться потому, что тогда они все были таковы. Из того, что мы молимся за всех, двоякое благо истекает: с одной стороны, чрез это разрушается ненависть, которую мы питаем к некоторым людям, потому что никто не может питать враждебных чувств к тому, о ком моление творит; с другой стороны, и они становятся лучше, потому что при содействии молитвы прекращают свою злобу и ожесточение против нас. Ибо для тех, которые преследовали и убивали, имеет великое значение, когда они слышат, что мучимые ими молятся за них. *Молитвы, прошения, моления*, как слова однозначные, собраны апостолом для возбуждения молитвенной энергии и для выражения, настаиванием чрез эти речения на одном, — требовании неотложно поступать так, как он заповедует. Впрочем, некоторые полюбопытствовали отыскать и различие в этих речениях, утверждая что *молитва* означает прошение об избавлении от скорбного; *моление* означает испрашивание благ; *прошение* — вопль с жалобой на нечестивых, обидчиков и неисправимых. Смотри, как мы побуждаемся благодарить и за те блага, которые посылаются другим, например за то, что Он *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми* (Мф. 5:45) и всем подает Свои блага в изобилии, как неверным, так и богохульникам. Чрез это теснейшим образом мы соединяемся

в братской любви. Ибо кто благодарит Бога за блага его ближнему, тот обязан и любить его. Тем более, следовательно, мы должны благодарить за блага, ниспосланные нам самим.

Дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную.

Так как вероятным было то, что душа христианина смущалась тем, что во время совершения таинств повелевалось молиться за неверных царей, то апостол предлагает и выгоду, чтобы хотя бы таким образом склонить к принятию увещания. Их спасение, говорит, приносит для нас успокоение: они ведут войну, чтобы мы были в безопасности. Итак, будет ли с чем сообразно, если они из-за нашей безопасности подвергаются опасностям, а мы не хотим открыть и губ — помолиться на них?

Во всяком благочестии и чистоте.

Эти слова прибавил апостол потому, что для многих жизнь мирная, не возмущаемая бранями, служит поводом к одним утехам и взаимным неудовольствиям, от которых рождаются и неправые догматы. *Дабы проводить нам жизнь*, говорит, не в утехам и взаимных оскорблениях, но *во всяком благочестии*: во всяком, не только правоверии чистейшем, свободном от всяких ересей, но и в жизни по вере; ибо есть нечестие и жизнью являемое, о коем говорится: *они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит.1:16). Равным образом *дабы проводить жизнь во всякой чистоте* означает: жить не только в воздержании от дел плотской похоти, но и во всякой добродетели. Итак, нам, когда наслаждаемся внешним миром, должно иметь мир в душе, живя в благочестии и чистоте: ибо в таком случае и будем мы жить жизнью воистину мирной и безмятежной. Есть три рода браней, возмущающих мир: со стороны варваров, со стороны наветников, с нами живущих в одном месте, и со стороны страстей, внутри восстающих на нас. Брань варварскую прекращает бодрость и мужество царей, которым и мы должны усмирять, ту, которая идет от ненавидящих нас — кроткой уступчивостью и молитвами, как дал пример пророк Давид, говоря: *с ненавидящими мир я был мирен, и: они враждуют на меня, а я молюсь* (Пс. 108:4) — а ту, которая восстает внутри нас самих, — всеми оружиями правды.

Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу.

На что указывает слово: *это*? На то, что молиться должно за всех, как за неверных, так и за еретиков. Это и по природе *хорошо*, потому что все мы одной и той же природы, да и Богу *угодно*.

Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины.

Если Он хочет, чтобы все люди спаслись, желай и ты, и подражай Богу; и если желаешь этого, то молись. Но если Он Сам хочет, то какая, спросишь, нужда в молитве с моей стороны? Это приносит им много пользы, ибо располагает их к любви, тебя не допускает до ожесточения, и их, очень вероятно, снова привлечет к вере. Знай, что спасение от веры. *И достигли познания истины*, то есть веры в Него; ибо это — единственная истина.

Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус.

Сказав: Бог хочет, чтобы все спаслись, он подтверждает, говоря, что именно для этого Он и послал посредником Сына Своего, чтобы Он примирил Его с людьми. Итак, почему же не все спасены? Потому что не хотят. Сказав же: *един Бог*, он говорит это для противопоставления не Сыну, а идолам. Что Сын есть Бог, это ясно из того, что Он посредник: так как посредник должен приобщаться обеим сторонам, по отношению к которым Он есть посредник. Итак, поскольку Сын — посредник между Богом и людьми, то Он принадлежит той и другой стороне, есть Бог и человек, — один в двух естествах, не только Бог, потому что Его не приняли бы те, за которых Он должен быть посредником, И не только человек, потому что Ему надлежало беседовать с Богом. Не сказал же явно о Божественности Христа потому, что тогда господствовало многобожие, чтобы не подумали, что и он вводит многих богов; даже, когда говорится: *един и един*, не должно соединять эти слова и говорить: два, но: один и один: такова осмотрительность в Писании. Поэтому он не упоминал даже о Духе, чтобы не показаться многобожником.

Предавший Себя для искупления всех.

И за язычников. Подлинно Он умер за всех, ужели же ты не согласишься молиться за них? Обрати внимание на выражение: *предавший Себя*. Это против ариан, которые говорили, что Он предан был против воли. Что значит *искупление*? Тварь должна была погибнуть, но за нее Он предал Себя.

Таково было в свое время свидетельство.

То есть чрез свидетельство Сын сделался искуплением. Или, объясняя это, апостол говорит теперь: искуплением я называю свидетельство, то есть Его страдание. Ибо Он пришел свидетельствовать об истине даже до смерти. Он открыл Отца, истинное учение и Сам проводил истинно ангельскую жизнь.

Для которого я поставлен проповедником и Апостолом.

К этому свидетельству я приставлен проповедником, чтобы проповедовать о нем, то есть о кресте и смерти Христа. И поставлен не просто проповедником, чтобы проповедовать в одном каком месте, но и апостолом, чтобы обходить всюду с проповедью. Подлинно, велико звание апостола, поэтому он и называет себя так

Истину говорю во Христе, не лгу, — учителем язычников.

Апостол убеждает в достоверности своих слов. Так как прочие апостолы не обнаруживали усердия к тому, отчасти потому, что боялись язычников, отчасти потому, что презирали их, то я, говорит, поистине избран быть учителем язычников. Если, таким образом, Сын Божий умер за язычников, а я их — учитель, то ты не можешь отказываться от молитвы за них.

В вере и истине.

Смотри, опять — *в вере*. Не в силлогизмах, говорит, или логических доказательствах, но в вере. Потом, чтобы ты не подумал, что в этом заключается обман, он прибавил: *в истине*. Ибо не ложь — то, что преподается и чему учат в вере, напротив, преподается то в истине.

Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи.

Как же Христос запрещает молиться на всяком месте? Так Он советует не делать этого на площадях, а повелевает входить для молитвы в комнату (Мф. 6:6). Нет, Христос не запрещает молиться на всяком месте, а научает не делать этого из тщеславия, напоказ. Он напомнил только о комнате, подобно тому, как в изречении *пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Мф. 6:3). Он говорит не о руках, но указывает на чрезвычайную важность творить милостыню без тщеславия. Поэтому и Павел желает, чтобы мужчины молились на всяком месте, так как Христос не запретил этого. Сказал же он это для противопоставления молитве иудейской. Ибо молитва совершалась у них в одном месте, то есть в Храме Иерусалимском. А у нас не так: благодать беспредельна, и как молится христианин за всех, так и на всяком месте.

Воздевая чистые руки.

Не о месте молитвы должно рассуждать со всею тщательностью, а об образе ее. Ибо он требует рук чистых от любостяжания, хищения, убийств, язв, — рук полных милостыни.

Без гнева и сомнения.

То есть без злопамятства и возбуждения против брата своего. Апостол учит, чтобы молящийся молился без сомнения и колебания в мыслях, получит или не подучит, чего просит. Как же это бывает? Отвечает: если ты не просишь ничего противного Его воле, — ничего недостойного Царя, но просишь всего духовного, с чистыми руками и без гнева.

Чтобы также и жены.

Желаю, говорит, чтобы и женщины без гнева и размышления воздевали чистые руки, не оскверненные грабительством и корыстолюбием. Ибо когда жена принуждает своего мужа доставлять ей драгоценные камни и золотые украшения, а он похищает чужое, то и она, конечно, похищает.

В приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя.

От женщин апостол требует чего-то большего, именно: одевать себя прилично, а не изысканно; потому что последнее считается неблагопристойным. Украшением называет такое платье, которое со всех сторон одевает и прикрывает, а не бесстыдно обнажает. Ибо он прибавляет: *со стыдливостью и целомудрием*.

Не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию.

Ведь ты идешь молиться, а не плясать. Зачем же ты выдумываешь плетение волос на голове, завив локоны, драгоценные камни одни привесив, другими окружив себя со всех сторон, а третьи приделав к обуви, — что это, как не крайний позор? И это не чрез слезы ли бедных, вдов и сирот? Ты лишаешь вдову бедной, простой одежды, чтобы попирать ногами жемчуг! Ужели не велико еще долготерпение Божие? Ты пошла с намерением просить отпущения грехов, а украшаешь себя так, как будто выходишь на сцену! Прекрасно,

действительно, сокрушение сердечное и Бог, без сомнения, услышит тебя, обливающуюся слезами бедняков. Если же Павел запрещает то, что служит только признаком богатства, то еще более — то, что относится к излишней суетности, как, например, натирание щек, подкрашивание глаз, изнеженный голос, влажный взгляд и прочее.

Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью.

Женщина должна соблюдать приличие не только во внешнем виде и одежде, но и в голосе. Она по его словам, не должна говорить даже и о духовном, но должна только учиться. Для нее будет лучше, если она будет хранить молчание.

А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии.

Апостол отнимает у женщины всякий повод к разговорам в церкви. Ибо после того, как он повелел им молчать, чтобы под благовидным предлогом учительства не разговаривали, — сказал: да не учат; потому что это давало бы им власть и первенство над мужем. Между тем жене повелевается быть в подчинении. *К мужу твоему*, сказано, *влечение твое* (Быт. 3:16). Так ей прилично хранить молчание. Чрез молчание она лучше всего покажет свое подчинение. Знай, однако ж, что апостол не вообще запрещает учить женщинам, но только в церкви; а вне церкви это ей не запрещается. Так Прискилла оглашала здоровым учением Аполлоса; так верной жене не запрещено оглашать неверного мужа.

Ибо прежде создан Адам, а потом Ева.

Поскольку, говорит, в самом создании род мужеский удостоен первенства, а Ева создана второй, то должны после сего и все жены иметь второстепенные места после мужей и подчиняться им. Ибо сила того, что тогда совершено по отношению к Адаму и Еве, простирается на весь род мужеский и женский.

И не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление.

Почему говорит апостол, что Адам не прельстился? Потому, что и Писание не говорит этого, напротив, жена сказала: *змей обольстил меня* (Быт. 3:13), а Адам не говорит: жена прельстила меня, но: *она дала мне* (Быт. 3:12). Не одно и то же — быть обольщенным от зверя — раба и подчиненного. Поэтому последнее и есть собственно обольщение. Итак, в сравнении с женщиной апостол говорит об Адаме, что он не прельстился. Адам даже и не видел, *что дерево хорошо для пищи* (Быт. 3:6), но жена увидела и прельстилась, а потом дала и мужу своему. Таким образом, она была увлечена страстью, а он подчинился жене. Итак, апостол говорит: *учила однажды жена, и все ниспровергла*; поэтому пусть не учит этот род: он легок, легко восприимчив, легко обольстим. Смотри, не сказал апостол: Ева обольщена, но: *жена*, разумея под этим именем женскую природу. Подобно тому как чрез Адама вся природа сделалась смертной, так и чрез Еву перешло на всех женщин легкомыслие; по причине этого легкомыслия и преступление имело место прежде в самой Еве.

Впрочем спасется через чадородие.

Кто? Ева? Нет, но женщина, то есть женский пол. Не унывайте, говорит, женщины: дал вам Бог средство спасения, — деторождение, то есть доброе воспитание рожденных; ибо не

родить только, но и воспитать должно. И это есть настоящее деторождение, иначе же это не деторождение, а детораствление. Итак, что же девы? Что же вдовы? Они совсем погибли? Нет, не то говорит апостол, что они не спасутся собственной добродетелью, а что воспитание детей способствует спасению жен. Жена добродетельная воспитает и детей в добродетели. Присущая ей добродетель чрез воспитание переходит и в детей. Следовательно и девица добродетельная несомненно спасается. Мне кажется, что апостол, запретив выше женам учить в церкви теперь в утешение дает им, кого учить. Если, в самом деле, хочешь учить, — учи своих детей. Некоторые, впрочем, неизвестно почему, деторождение поняли, как рождение, бывшее от Пресвятой Богородицы. Она, говорят, родивши Спасителя, спасла жен. Но так же понимание несообразно с последующею за сим речью. Ибо слушай.

Если пребудет в вере [2].

То есть дети, если они сохранят святую веру и догматы.

И любви.

То есть пребудут в правой жизни. Ибо недостаточно веры: начало и источник правой жизни — любовь.

И в святости с целомудрием.

Под *святостью* апостол понимает чистоту тела. Но поскольку не все девы, то и прибавил: *с целомудрием*. Ибо целомудрие не отрицается у тех, которые живут в законном браке. Или просто целомудрием называет чистоту. А что, если порочная мать воспитает детей хорошо? Это хотя и невероятно, однако, если случится, она получит награду за них. А что, если хорошая мать худо воспитает детей? Если она не заботилась и потворствовала им, понесет участь Илия. Если же, несмотря на все заботы и страдания, не могла сделать их лучшими, что бывает редко, все-таки она получит награду за свои труды, так как и Сын Божий, несмотря на все дела и учение Свое, немного, однако, имел верующих.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Верно слово.

Так как было сомнительно, что матери могут пожинать плоды добродетели своих детей, то апостол говорит: *верно слово*, то есть не ложно сказанное и пусть никто не сомневается.

Если кто епископства желает, доброго дела желает.

Наставление, предписываемое Тимофею касательно епископа, относится к епископам всей вселенной. Если кто, говорит, ищет епископства, я не препятствую; ибо он желает доброго дела. Пусть же он ищет не одного начальства и власти, ибо и Моисей желал дела, а не начальства: он защитил несправедливо обиженного и наказал обидчика. Епископство так называется потому, что имеет надзор за всеми.

Но епископ должен быть непорочен.

То есть быть украшенным всеми добродетелями, чтобы ни сам себя, ни другие не порицали его. Поэтому, если кто сознает за собой грехи, пусть и не ищет такого звания, от которого удалил себя своими поступками. Ибо начальник должен быть светильником, чтобы все, смотря на него, просвещались и руководились его жизнью.

Одной жены муж.

Если человек, связанный узами брака, заботится о мирских делах, а епископ не должен заботиться о мирском, то как же апостол говорит: *одной жены муж*? Некоторые полагают, что он указал на безбрачие епископа. А если не это должно здесь разуметь, то — что он, имея жену, может жить, как будто не имея ее, то есть не подчиняясь ее желаниям. Говоря сие, апостол не законополагает, что епископ непременно должен быть женатым. Ибо как мог повелеть это говоривший: *желаю, чтобы все люди были, как и я* (1 Кор. 7:7)? Но если бы по тогдашнему времени, говорит, и случилось это, то пусть он будет мужем одной жены. Это сказано также и ради иудеев, у которых дозволялось многоженство. Некоторые же без всякого основания полагали, что апостол говорит это относительно церкви, — именно говорят, чтобы епископ не переходил от церкви к церкви: потому что это есть любодееание.

Трезв.

То есть быть осторожным, всегда неусыпным, внимательно-наблюдательным, чтобы все видеть и всегда быть готовым ко всякому нужному делу.

Целомудрен.

То есть поступать во всем благоразумно. Благочинен, честен (κόσμων) [3].

То есть благолепно-честен.

Страннолюбив.

Ибо если он к одним только местным жителям приветлив, радушен и милостив, то пристрастен. Но ему следует к странникам быть еще более щедрым; ибо это очевиднее свидетельствует о его братолюбии.

Учителен.

Указанные пред сим качества требуют и от подчиненных, но более всего они должны принадлежать епископу.

Не пьяница.

Не о том говорит здесь апостол, кто упивается вином, но о бранчивом и заносчивом.

Не бийца.

Здесь идет речь не о тех, которые бьют руками, но о тех, которые безвременно возмущают совесть братии.

Не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив.

Научает, как можно быть не пьяницей и не бийцей. Кто кроток, тот не будет сварлив. Так как выше сказал, что ему должно быть *страннолюбивым*, то теперь прибавляет: *не сребролюбив*, показывая, что он будет страннолюбив, если не будет сребролюбив, и вместе научая, что под предлогом страннолюбия не должен он собирать сокровищ.

Хорошо управляющий домом своим.

Об этом говорят также и внешние писатели, что хороший домоправитель в скором времени может сделаться и хорошим правителем государства.

Детей содержащий в послушании со всякою честностью.

В собственном доме он должен показывать пример, ибо кто поверит, что чужого покорит себе тот, кто сына своего не умел удержать в зависимости? Как сделает чужих честными, когда своим кровным попустит жить нечестно? *Со всякой честностью* значит — и в слове, и в деле, и в одежде, — и притом пред всеми и во всякое время.

Ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?

Дом есть не что иное, как малая церковь. Поэтому, если он не может быть хорошим правителем того, что не велико, и легко определимо, и легко ведомо, то где ему управлять нравами и помыслами недомыслимыми стольких душ? Достоин внимания вопрос, почему апостол, предъявляя к мирянам такие требования: *умертвите земные члены ваши* (Кол.3:5), и еще: *те, которые Христовы, распяли плоть* (Гал. 5: 24), от епископа требует теперь меньшего, не соответствующего столь высокому званию, именно: быть не пьяницей, не бийцей и так далее. И Христос, повелевая взять крест свой, говорит: *пастырь добрый полагает душу свою за овец* (Ин. 10:11). Поэтому Павлу следовало требовать от епископа, чтобы он проводил почти ангельскую жизнь, чуждую страстей, приличную высоте его жизни. Послушай, что с такой строгостью в образе жизни немного можно было найти людей, между тем епископов требовалось много, которые бы предстоятельствовали в каждом городе. Поэтому апостол и требовал умеренной добродетели, которой можно было найти у многих. Но ныне, увы! Куда мы — епископы — упали, так что в нас не обретается и тени даже такой умеренной добродетели! Помилуй нас, Господи!

Не должен быть из новообращенных.

Апостол говорит здесь не о том, кто был юн возрастом, как юн был и Тимофей, что мы узнаем из слов Павла: *никто да не пренебрегает юностью твоею* (1Тим.4:12), но о новообращенном. Ибо, говорит, *я насадил* (1 Кор. 3:6). Так как многие из язычников обращались и крестились, то не сразу, говорит, новокрещенного возвышайте до такой власти.

Чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом.

Если кто, прежде чем быть исправным учеником, сделается учителем, тот, говорит, возгордится и подвергается тому же осуждению и наказанию; какому подвергается за свою

гордость диавол.

Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних.

То есть от язычников, чтобы и они не порицали его за что-либо, а, напротив, уважали. Но что, если он покажется им хорошим, а на самом деле не будет таким? Это представит большое затруднение. Ибо враги порицают людей праведных. Впрочем, апостол выставляет на вид не одно это, но вместе с прочими добродетелями, говоря: *надлежит ему также иметь доброе свидетельство*. А что, если они напрасно будут говорить о нем худо, чтобы оклеветать его? Этого не может быть: потому что человека безукоризненной жизни и они уважают. Они порицают учение его, а не жизнь, подобно как и апостолов они не называли любодееми и нечестивыми, но — обманщиками, что относилось к одной только проповеди. Если же встретится такой случай, что человека оклеветают ложно, все-таки его не должно поставлять в епископы. Ибо не должно быть того, чтобы чьи-либо души не освещались своим светильником. *Да светят, говорит, дела ваши, чтобы видели люди* (Мф. 5:16) ^[4]. Если же должно иметь свидетельство от врагов, то тем более от друзей.

Чтобы не впасть в нарекание.

Имеет в виду поношение со стороны язычников, что может пресечь благотворное действие проповеди.

И сеть диавольскую (του διαβόλου).

Или что они скоро умертвят его, или что он будет впадать в те же самые грехи, в какие и они. Да и быть соблазном для многих — тоже сеть диавола.

Диаконы также.

Почему же апостол опустил пресвитеров? Потому что все, что он сказал о епископах, относится и к пресвитерам. Действительно, и они получили право учительства и предстоятельства в Церкви, и уступают епископам только в праве совершать рукоположение. Итак, говорит, и диаконы также, то есть должны иметь то же самое, именно: быть страннолюбивыми, кроткими, несварливыми, и прочее.

Должны быть честны.

Они должны, говорит, кроме сказанного, иметь и честность.

Не двоязычны.

То есть не лукавы, не хитры, не держа одно на уме, а говоря другое, — одно одним, а другое другим.

Не пристрастны к вину, не корыстолюбивы.

Не сказал: не пьяницы, потому что это уже крайне низко, но: *не пристрастны к вину*. Ибо кое-кто, хотя и не упивается, однако пьет много и настроение души ослабляет. Древние, входя в святилище, совсем оставляли употребление вина. *Корыстолюбивый* — тот, кто не

отказывается ни от какой выгоды, откуда бы она ни приходила. Принимай здесь *не корыстолюбивого* за неподкупного и несребролюбивого.

Хранящие таинство веры в чистой совести.

То есть с хранением правого догмата, имеющим и жизнь непорочную. Ибо чистая совесть бывает при непорочной жизни.

И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, допускать до служения.

Как, говорит, относительно епископа я требовал, чтобы он был не новокрещен, так требую, чтобы и эти не были допускаемы до служения, не быв испытаны, но после того, как, быв довольно испытаны, окажутся безукоризненными: подобно тому, как новокупленному рабу никто не поручит распорядительной какой-либо должности, прежде чем он по времени окажется на то годным.

Равно и жены их должны быть честны.

Не о случайных каких-либо женщинах говорит апостол, но о диакониссах. Ибо сие служение очень нужно и полезно для Церкви. Если бы он говорил не о них, то какая нужда среди речи о мужчинах-диаконах говорить о женщинах?

Не, клеветницы.

То есть не клеветницы, которые, как обычно старухам, ходят по домам и нашептывают одной про другую.

Трезвы.

То есть бодрствовать. Так как легок и удобопрельстим род сей, то не должно, говорит, им дремать, но быть бодрыми и бдительными.

Верны во всем.

То есть стойки и в слове, и в делах.

Диакон должен быть муж одной жены.

Видишь ли, что и от диаконов апостол требует той же самой добродетели, какой требовал и от епископов. Ибо и они одинаково должны быть чисты и непорочны.

Хорошо управляющий детьми и домом своим.

Везде он говорит об управлении детьми, чтобы прочие не имели повода к соблазну.

Ибо хорошо служившие готовят себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса.

Степень, то есть успех. Ибо те, которые показали себя трезвенными в низших должностях, скоро достигнут и высших, чтобы иметь великое дерзновение в вере; то есть чтобы быть более славными не в мирских достоинствах, не в богатстве, но в вере, то есть во всех словах и делах по вере. Так те, кто хорошо исполнял обязанности диакона, были потом славны и на степенях пресвитерства и епископства.

Сие пишу тебе, надеясь вскоре придти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в Доме Божиим.

Дабы чрез то, что делает ему наставление касательно таких предметов, не повергнуть ученика в скорбь, как будто Павел более не увидится с ним, — он говорит: не потому я пишу это, что уже больше не приду; напротив, я приду. Впрочем, если случится, что замедлю, ты должен иметь образец, как подобает тебе жить. Прекрасно апостол сказал: *надеюсь*. Так как, видимый Духом, он не знал, куда должно идти, то справедливо он сомневается и относительно своего прихода к Тимофею.

Который есть Церковь Бога живаго.

Не говори, что Церковь люди собрали. Она есть дело Бога, — Бога живого и страшного, а не мертвого и немощного, каковы боги эллинов.

Столп и утверждение истины.

Апостол сравнивает здесь с иудейским храмом Церковь и говорит, что тот подлинно был образом и тенью, как например, звонки, дорогие украшения и первосвященник с жертвами. А Церковь есть истины утверждение. Ибо все, в ней совершаемое, истинно, а не образно, каково то, что в церкви подзаконной: вместо звонков в ней блистательная проповедь; вместо дорогих украшений, одежд священных — преславная жизнь, богатая внутренними плодами; Первосвященник в ней — Сын Божий; великая жертва — Божественное Тело Его.

И беспрекословно — великая благочестия тайна.

Домостроительство нашего спасения есть тайна. Сия тайна *великая*, тайна *благочестия*: ибо она выше всякого сомнения. Что же это за тайна, которую все знают? Весьма многие, но не все. Если же и все знают, то ныне, а прежде не все знали. Притом знают все, что Бог воплотился, а как воплотился, — это сокрыто, и потому — тайна. Обрати же внимание, какова к нам любовь Божия, если Он всецело открыл нам тайну Свою.

Бог явился во плоти.

Так как Павел, давая наставление о священниках, ничего не сказал такого, что находится в книге Левит, — то, говорит, пусть никто не удивляется, если я не рассуждаю о таких маловажных вещах. Великое — наше, и ничего там такого нет. Здесь Бог явился. Каким образом? Во плоти; Ибо по Божественности Он невидим.

Оправдал Себя в Духе.

Или говорит то, что совершив все для спасения людей, хотя Он и не убедил некоторых из непреклонных, однако оправдал Сам Себя, как исполнивший Свое дело; или — то, что Он не сотворил греха, *и не было лести в устах Его* (Ис. 53:9). И праведники по закону духом находились в рабстве. Ибо закон заключал в себе угрозы и наказания, а духа усыновления не имел. Господь же исполнил всякую правду в Духе Святом, будучи с Ним единосущен и имея Его в Себе по природе, а чрез Себя и нам даруя возможность оправдаться чрез Него. Ибо праведники по Евангелию, будучи духовными, далеко превосходят тех, которые некогда оправдывались в законе.

Показал Себя Ангелам.

О таинство! С нами и ангелы увидели Сына Божия, не видевши Его прежде. Ибо говорит Евангелие: *и ангелы приступили и служили Ему* (Мф. 4:11). И не здесь только, но от самого рождения до вознесения они служили Ему. Во время рождения ангелы поют песнь Ему и благовествуют о Нем пастырям; и во время вознесения служат Ему.

Проповедан в народах, принят верою в мире.

Проповедан в народах, находившихся в отчаянии и обольщении, и не только *проповедан*, но и *принят верою в мире*, что служит великим знамением силы Проповеданного и истины проповеди.

Вознесся во славе.

То есть на облаках, когда Ему служили и ангелы. Конечно, вознесся на небо не как Илия, как бы на небо, чтобы не сказать, что и самое вознесение есть слава.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дух же ясно говорит.

То есть очевидно, ясно и не прикровенно, как закон и пророки.

Что в последние времена отступят некоторые от веры.

Так как выше апостол сказал, что некоторые потерпели кораблекрушение в вере, то не удивляйся, говорит, что теперь некоторые придерживаются иудейских заблуждений. Будет время, когда считающие себя христианами будут творить дела еще худшие. Это апостол говорит не об иудеях, ибо они были в древние времена, как и в то время, а о маркионитах, энкратитах, манихеях и обо всех их такого рода сборищах.

Внимая духам обольстителям и учениям бесовским.

Ибо, внимая сим, они осуждали некоторые яства и брак. Впрочем, апостол понимает при сем и все другие ереси; ибо все они от обольщения духов лжи и учения бесовского. Ясно же не упоминает о всех ересьях здесь, чтобы тем не посеять их в душах людей: он указывает на ту ересь, которая уже получила начало, именно относительно яств и брака.

Через лицемерие лжесловесников.

То есть о чем они лжесловесят, не по неведению лжесловесят, но зная, что это ложно, притворно учат тому, как истинному.

Сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак.

То есть поскольку они знали за собой много нечистого, то совесть имела в них нажженные знаки их нечистой жизни, и потому порицала брак. Так как, если бы действительно чиста была их жизнь, то и совесть их была чиста и не порицала бы того, что Бог благословил. Подобно тому, как страдающий желудок осуждает пищу, тогда как сам внутри себя имеет дурные соки для пищеварения. Итак, что же? Мы разве не возбраняем вступать в брак? Никак. Но тех, кто не желает вступать в брак, направляем к хранению девства, внушая, что оно честнейшее; но отсюда не следует, что брак уже бесчестен, подобно тому, как из того, что золото честнейшее, не следует, что оно честнее честного, и лучшее — лучше хорошего, а не худого. Итак, могущий пусть берется за золото девства; а кто не может этого, пусть принимает серебро брака.

И употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением [5].

Что же? Разве для неверных не создал Бог брашен? Да, но они воздерживаются. Итак, что же? Ужели наслаждение не воспрещено? И очень, но не вкушение пищи. Ибо вкушение блюдет умеренность, а наслаждение не знает меры. Впрочем и наслаждение пищей не само по себе нечисто, но потому, что расслабляет душу предающихся ему. *И познавшие истину*. Все иудейское было образом, а теперь царствует истина. Иудеям запрещено было многое (Лев. 11:2 и след.), не как нечистое, но чтобы искоренить наслаждение, — чтобы они, будучи приведены в стеснительное положение от многих запрещений, — стали закапать быков и овец и таким образом познали, каких богов изобрели себе египтяне. Итак, под истиной разумей или веру во Христа, или просто — ту истину, о которой тотчас будет речь.

Ибо всякое творение Божие хорошо.

Ибо *все*, сказано, *хорошо весьма* (Быт. 1:31). Сказав: *творение Божие*, апостол обозначил все, что может быть употреблено в пищу, и таким образом уже ниспроверг заблуждение тех, которые вводят несотворенную материю и говорят, что из нее произошло все.

И ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою.

Если освящается что, то не значит ли это, что оно нечисто? Нет, апостол делает ограничение. Сперва он по существу говорит что нет ничего нечистого, потом с ограничением: допустим, говорит, что есть что-нибудь нечистое, но ты имеешь врачевство: осени крестным знаменем, возблагодари, воздай славу Богу, — и нечистота исчезнет. Ибо благодарение все очищает; а неблагодарный сам нечист и скверен. Ужели таким образом мы можем очистить и идоложертвенное? Да, если мы не знаем, что это идоложертвенное; но потому, что мы нарушили закон, повелевающий не приобщаться в трапезе демонов. Следовательно, оскверняется произволение твое от преслушания, а пища по природе не

бывает нечистой.

Внушая сие братиям, будешь добрый служитель Иисуса Христа.

Сие — что же именно? То, что есть *великая тайна*, что удаляться таким образом от брака и брашен есть дело бесовское, и прочее, о чем апостол сказал выше. А что значит: *внушая*? То же, что и «советуя». Не сказал: приказывая, ибо здесь он нигде не обнаруживает своей власти.

Питаемый словами веры и добрым учением, которому ты последовал.

Сказал: сие предлагай другим. Теперь говорит: но и сам ты будь *питаем* теми же истинами, вращая их в уме своем и как бы переживая. Ибо непрестанное к ним внимание внушая, сказал он: *питаемый*. Подобно тому, как мы каждый день принимаем пищу, так и словами о вере всегда питаться должно.

Негодных, же и бабьих басен отвращайся.

То есть напоминай своим о том, что я сказал, с развращенными же не вступай в состязание; ибо им нельзя принести пользы, кроме разве того случая, когда зародится соблазн, будто по нашему бессилию мы отказываемся от состязания с ними. *Баснями* апостол называет иудейские наблюдения, или потому, что они измышлены, или потому, что несвоевременны. Ибо представь, если бы человек лет тридцати прильнул к сосцам, как он был бы достоин посмеяния за безвременность? *Бабьими* называет потому, что это уже устарело. Скверными и нечистыми — потому, что составляет препятствие для веры. Ибо подчинять страху душу, которая стала выше всего этого, свойственно нечистым правилам.

А упражняй себя в благочестии.

То есть приучай себя к вере чистой и жизни праведной; потому что в этом состоит благочестие. Итак, нужно упражняться и постоянно трудиться; ибо кто упражняется в телесной гимнастике, тот без всякого состязания подвизается в этом до пота.

Ибо телесное упражнение мало полезно.

Некоторые полагают, что под постом разумеется телесное упражнение. Это неправда: пост есть духовное упражнение. Но под телесным упражнением он разумеет то, которое хотя требует больших трудов, однако мало приносит пользы и притом на время.

А благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей.

Здесь, говорит, помогает человеку благочестие. Ибо не обличаемый совестью ни в чем худом и здесь веселится духом, имея верные обетования будущих благ, там же самым делом заживет истинной жизнью. Чрез сравнение апостолов показывает превосходство благочестия.

Слово сие верно и всякого принятия достойно.

То есть слово сие истинно и достойно того, чтобы все принимали его, как несомненное. Какое же это слово? То, что благочестие и здесь, и там полезно. Всюду в послании апостол указывает на это, не имея нужды подтверждать, а просто возвещая, ибо слово было к

Тимофею.

Ибо мы для того и трудимся и поношения терпим, что уповаем на Бога живаго.

Показывает, каково есть благочестие, в котором упражнялись сами апостолы, и удостоверяет, каким образом он имеет надежду на будущую жизнь, говоря: *для того*, вместо: *поэтому и трудимся и поношение терпим*. Ибо для чего нам изнурять себя, если бы мы не ожидали будущих благ, которые Бог живой даст нам после смерти? Здесь воины царские, перенесшие многие труды и опасности, часто не получают должного воздаяния, когда случится умереть царю; а наш Царь всегда жив, всегда и воздаст.

Который есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных.

То есть всех Он хочет спасти — и здесь, и там. Больше же попечение Он прилагает здесь о верных. Если бы Он не был Спасителем их, то как они устояли бы против всех нападений? Этим апостол побуждает Тимофея к перенесению опасностей. Не унывай, говорит, имея такого Бога, и не проси себе помощи у других, но надейся на Него: жив Бог и Он есть Спаситель.

Проповедуй сие и учи.

Одни дела требуют учения, а другие — приказания. Так, что не должно красть, этому следует не мягко учить, а приказывать, то есть запрещать с особенной силой. Если же говорит о раздаянии имущества, или о девстве, или о том, как должно веровать, то этому необходимо учить. Поэтому апостол и употребляет оба выражения: *проповедуй и учи*. И иначе, когда мы делаем что-либо, зная, что это зло, — мы нуждаемся в приказании; когда — не зная того, нуждаемся в учении.

Никто да не пренебрегает юностью твоею.

Так как юность вследствие общего предрассудка сделалась чем-то легко презираемым, то ты, говорит апостол, повелевай властно, и никто не будет тебя презирать; ибо учитель не должен находиться в пренебрежении. Где же, таким образом, кротость? Там, где сам подвергается оскорблениям, он должен быть кротким; а где необходима строгость для спасения других, там он должен повелевать с полной властью. Или: покажи жизнь благоукрашенную добронравием, и не будет презираема юность твоя, а напротив, будет привлекать общее удивление. Поэтому апостол прибавляет и следующее.

Но будь образцом для верных.

То есть будь образцом в жизни, правилом наилучшей жизни,

В слове.

Чтобы говорить с удобством, иметь слово наготове или приготовленным.

В житии.

В обычной жизни и в церковном чине.

В любви.

Любовью, объемлющей всех.

В духе.

Или духовным настроением, или даром благодати, дабы не превозноситься этим даром.

В вере.

Верой правой и не колеблющейся, когда кто верит Богу и в том, что невозможно в естественном порядке.

В чистоте (εν ἀγνείᾳ — в непорочности).

То есть в девственной чистоте и целомудрии.

Доколе не приду, занимайся чтением.

Если Тимофею апостол повелевает заниматься чтением Священного Писания, то не должно ли и нам это делать? Сам Павел, несомненно, до конца жизни занимался чтением, внушая это и другим. Апостол утешает Тимофея, сказав: *доколе не приду*, ибо это давало надежду, что он скоро увидит учителя, так как, осиротев, он, конечно, искал сердцем Павла. И вот еще для чего он сказал: *доколе не приду* — так как св. Тимофей, будучи молод, многого, конечно, не знал и имел нужду в присутствии учителя, чтобы узнать то от него; то апостол Павел говорит ему: пока не приду, читай Писания, и там найдешь нужные законоположения. А когда приду, передам тебе и прочее.

Наставлением.

То есть уговорами и ободрением чувствующих в себе упадок нравственной энергии.

Учением.

Обращенным ко всем и о всяком деле.

Не неради о пребывающем в тебе даровании [6], которое дано тебе по пророчеству.

Здесь апостол говорит о даре учительства, который получил избранный епископ. *По пророчеству*, то есть по повелению Святого Духа, как выше сказано.

С возложением рук священства.

То есть епископов. Ибо не священники рукополагали епископа. Смотри, какую удивительную силу имеет возложение священнических рук.

О сем заботься, в сем пребывай.

Часто наставляет его в одном и том же, желая показать, что епископу больше всего должно стараться об этом.

Дабы успех твой для всех был очевиден.

Не в жизни только, но и в слове учительском. Смотри, как великим и дивным желает он быть ему даже и в этом.

Вникай в себя и в учение.

То есть будь внимателен к самому себе и других учи.

Занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя.

Тот, кто питает себя словами учения, прежде сам извлекает пользу, потому что, уча других, он и себя приводит в умиление.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Старца не укоряй, но увещевай, как отца; младших, как братьев [2].

Не о том говорит апостол, кто имеет в Церкви звание пресвитерское, а о всяком престарелом человеке. А если он имеет нужду в исправлении? В таком случае, говорит, ты поступай с ним, как с отцом.

Стариц, как матерей.

Так как обличение тяжело переносится, особенно когда молодой человек, обличает старого — тогда оно становится втройне безрассудным, поэтому, говорит, ты смягчай его кротостью.

Молодых, как сестер.

Так как этот возраст отличается большой смелостью и не переносит обличений, поэтому, говорит, должно смягчать их снисходительностью.

Со всякою чистотою.

Так как беседы с молодыми женщинами порождают подозрения, а между тем епископ должен беседовать и с ними, то ты, говорит, должен не только остерегаться греховного соединения, но не должен подавать и никакого повода к подозрению. Апостол заповедует это Тимофею не ради него, а ради нас, последующих епископов, чтобы мы остерегались подозрений.

Вдовиц почитай, истинных вдовиц.

Почему ничего не говорит о девах? Может быть потому, что тогда еще не было их там.

Почитать же вдовиц он повелевает потому, что они не имеют мужей, которые бы заступались за них, а самое состояние их казалось зазорным и достойным порицания. Поэтому они должны пользоваться у священника большим уважением и больше всего, потому, что они достойны этого, как *истинные вдовицы*. А какие это вдовицы? — увидишь дальше. Следовательно, можно не иметь мужа и еще не быть вдовой. Выражение *почитай* стоит вместо: будь к ним милосерден и доставляй им потребное.

Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью (εὐσεβεῖν).

То есть да учатся дети и внучата почитать свою мать, доставляя ей покой и содержание. Ибо εὐσεβεῖν — «благочестиво относиться» здесь означает — покоить мать или бабушку на старости лет. Достоинство родителей есть божественное достоинство, так что покоить их значит быть благочестивым, и напротив, не покоить их на старости есть нечестие.

И воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу.

Воздать родителям, то есть матери или бабушке. Обрати внимание на благоразумие Павла, как он трогает доброе чувство, именно чувство воздаяния родителям за их воспитание и возвращение. К этому он прибавляет и основание: *ибо сие угодно Богу*.

Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога.

Сказав выше: почитай тех вдовиц, которые суть истинные вдовицы, а не тех, которые не истинные, то есть у которых есть кому заботиться о них, теперь он говорит, кто есть истинная вдовица: та, говорит, которая никого не имеет, кто бы о ней пекся, не имеет ни сына, ни внука, и на Бога возложила все упование. Вот о какой следует иметь попечение, вот о какой милосердовать, доставляя ей все потребное.

И пребывает в молениях и молитвах день и ночь.

И справедливо. Ибо, не имея никого другого, она прибегает к Богу. Так как, вероятно, они печалились вследствие того, что совершенно не имели покровителей, то апостол утешает их тем, что взамен всего они имеют Бога. Если имеет награду та, которая воспитывает своих детей, то не умалено и твое достоинство тем, что ты не имеешь детей.

А сластолюбивая (σπλαλῶσα) заживо умерла.

Так как многие женщины избирают вдовство для того, чтобы с большей независимостью делать приятное себе, то он говорит: сластолюбивая (σπλαλῶσα) женщина, хотя она по видимости и живет этой чувственной жизнью, по духу же умерла. Но если женщине непозволительно предаваться наслаждениям, где во всяком случае и природа, и возраст часто оказываются немощными, то что скажут сластолюбивые мужчины?

И сие внушай им, чтобы были беспорочны.

Видишь, что он желает, чтобы это было законом. Не на произвол оставляет, поблажать утехам или нет, но запрещает это, как грех. Ибо такое значение имеет слово *внушай*

(παράγγελλε), оно стоит вместо: со всюю строгостью запрещай дерзать на это.

Если же кто о своих и особенно о домашних не печется.

Сластолюбивая женщина, говорит, потому уже умерла и погибла, что всю заботу употребляет на себя. Между тем должно заботиться *о своих* то есть верных, *и особенно о домашних*, то есть принадлежащих к роду, понимает всякую заботу — и о душе, и о теле.

Тот отрекся от веры.

Почему? Потому что дела его такие не суть дела верующего. Если бы он веровал в Бога, то слушался бы слов его: *от единокровного своего не укрывайся* (Ис. 58:7). Говорят, что *они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит.1:16).

И хуже неверного.

Потому что последний если и презирает чужих, то по крайней мере не презирает близких себе, конечно, побуждаемый природой; А он нарушает и закон Божий, и закон природы, и поступает несправедливо. Кто же поверит, что такой человек может быть милостивым к чужим? А если он действительно милостив к чужим, то не тщеславие ли это? Поразмысли: если хуже неверного тот, кто не заботится о домашних, то куда причислить того, кто обижает своих? Ведь всякому для спасения недостаточно своей собственной добродетели, если он, сам будучи добродетелен, не учит и не убеждает быть таковыми своих родственников.

Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа.

Так как выше апостолов сказал, что сластолюбивая женщина и не заботящаяся о своих домашних недостойна быть в числе вдов, то теперь он учит нас, что она должна иметь. На первом месте апостол ставит определенно ее лета, а причину этого указывает после. Впрочем, он не просто за один возраст одобряет шестидесятилетнюю; ибо и таковая может оказаться недостойной. Потом апостол требует от нее единобрачия, как знака ее степенной честности и любви к целомудрию.

Известная по добрым, делам.

Это и есть то, что делает ее достойной в числе вдов. Затем апостол перечисляет, в частности, ее дела.

Если она воспитала детей.

Воспитание детей не в том состоит, чтобы просто кормить детей, а воспитать, как должно, подобно тому, как и выше сказал: *если пребудет в вере и любви и в святости* (1Тим.2:15).

Принимала странников [8].

Видишь ли, что благодеяния своим он ставит выше благодеяний к чужим людям? Сказав

прежде: *если она воспитала детей*, потом уже прибавляет: *принимала странников*. Хотя бы какая-нибудь вдовица и имела недостаток в чем-либо, все же она имеет дом, живет не на открытом воздухе.

Умывала ноги святым.

Сказал это потому, что многие вдовицы хотя и принимают странников, но не служат им сами, а служат их служанки. Поэтому, желая, чтобы вдовица была деятельна и не ленилась, он повелевает ей служить самой: леньность свойственна женщине более изнеженной. Кроме того, чтобы какая-нибудь вдовица, по нежеланию принимать странников, не оправдывалась совершенной бедностью, будто у нее нет никаких средств для этого, апостол говорит: для того, чтобы умыть ноги, нет нужды в больших издержках и богатстве. А *святые* — все те, которые имеют правую веру и живут благочестиво, хотя бы и не творили знамений.

Помогала бедствующим.

Деньгами, заступлением и посредничеством.

И была усердна ко всякому доброму делу.

Например, если сама не могла сделать, по крайней мере принимала участие в делах другой, прислуживала. Апостол побуждает вдовицу нести телесное послушание — постелить, например, постель, успокоить, к чему наиболее способны женщины.

Молодых же вдовиц не принимай.

Почему апостол ничего не заповедует относительно возраста дев, не смотря на то, что подвиг этот был гораздо важнее? Несомненно потому, что такой подвиг есть подвиг возвышенного душевного настроения и великого усердия. Напротив, когда апостол требует от дев непрестанного служения Господу в безмолвии и попечения о Господнем, тут он предъявляет и требует от них великой тщательности. Отсюда же становится очевидным и самое определение возраста жизни. Притом молодые вдовицы сами подали повод к такому постановлению тем, что не выдержали вдовства; между тем среди дев ничего подобного не было.

Ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак.

То есть когда обесчувствуют, расслабят и возгордятся против Христа, не желая иметь Его своим Женихом, тогда, наконец, они вступают в брак; ибо избрали вдовство легкомысленно. Обрати внимание на то, что и вдова также имеет Христа своим Женихом, как и дева.

Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру.

Верой апостол называет обет. Нарушили, говорит, договор со Христом, и за то подлежат осуждению.

Притом же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам.

Кроме упомянутого уже осуждения за грехи, они виновны еще в другом, именно в том, что приучаются к праздности, потому что ходят по домам. А праздность научает всякому злу. Следовательно, праздность неприлична не только мужчинам, но и женщинам.

И бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно.

Справедливо. Ибо, ходя по домам, они ничего другого не делают, как переносят сплетни от одной к другой, от этой к той, и, выведывая обо всем, необходимо впадают в любопытство, а говоря всем обо всем, впадают в болтливость.

Итак я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом.

Преимущественно, говорит, я желал чтобы они не нарушали обетов. Так как они сами желают брака, то и я, снисходя им, хочу этого. Ибо лучше им *управлять домом*, то есть иметь попечение о своем доме и нести труды и заботы о нем, чем, ходя по домам, болтать и проводить время в праздности. Сказав: *рождали детей*, апостол показал, что для чадородия должно вступать в брак, чтобы многих привести к Богу.

И не подавали противнику никакого повода к злоречию; ибо некоторые уже совратились вслед сатаны.

Так как сказал: *чтобы управляли домом*, то, чтобы не показалось, что он дает им свободу предаваться сластям житейским, прибавил: *не подавали никакого повода к злоречию*. Так, говорит, заботься о доме, чтобы не повредить душе. Сверх того, здесь апостол совершенно ясно указывает цель, для чего делает молодым вдовам такое снисхождение. Для того, говорит, чтобы не дать диаволу повода насмеяться над ними, если они, став невестами Христовыми, потом, по свойственному молодости непостоянству, впадут в нечистые дела. Для того веду их под иго брака, чтобы, не имея времени и покоя, они не имели возможностей наделать кучу вышешоказанных недобрых дел.

Если какой верный или верная имеет вдов, то должны их довольствовать.

Ибо вдовы верных не должны были получать пропитание от неверных, чтобы не казалось, будто имеют в них нужду. Выражением *должны их довольствовать* апостол указал на достаточное удовлетворение нужды, а не на роскошь.

И не обременять Церкви, чтобы она могла довольствовать истинных вдовиц.

Таким образом, верные, питающие своих вдов, вместе помогают и вдовам церковным, именно тем, что Церковь не обременяется и вследствие этого лучше может довольствовать тех, которых она питает, именно истинных вдов, то есть совершенно беззащитных и одиноких.

Достоин начальствующим (προεστωτες) пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении.

Кто достойно начальствует — этому учит Господь, говоря: *пастырь добрый полагает жизнь свою* (Ин. 10:11), ничего не щадя ради попечения об овцах. Честью апостол называет доставление всего необходимого, как видно из последующего. Ибо учителя в изобилии должны иметь необходимое, дабы, ничем не отвлекаемые, заботились об учении. Так жили и левиты в Ветхом Завете. *Сугубую* честь, или по отношению к вдовицам, или по отношению к диаконам, или просто — сугубую честь, то есть великую. Где же говорящие, будто не нужны слова, а нужна жизнь? Пусть они послушают теперь Павла, как он слово ценит больше всего, говоря: сие нужно нам, равно как и другое. Ибо когда речь идет о догматах, тогда какую имеет тут силу жизнь? Слова же апостол требует не хвастливого, но исполненного силы Писания и разума, хотя бы оно и просто произносилось.

Ибо Писание говорит: не заграждай рта у вола молотящего (Втор.25:4); и: *трудящийся достоин награды своей* (Мф. 10:10).

Приводит свидетельства- одно из закона, другое свидетельство Христа. В том и другом смотри, какой труд требуется от учителя. Молотить — это самый тяжелый труд: и учитель также должен быть готов ко всякого рода трудам, нуждам и огорчениям. Выражением *трудящийся* апостол показывает, что не должно искать неги и покоя. *Трудящийся достоин награды своей*, или пищи. Этими словами апостол указывает на благосостояние: ибо если трудящийся достоин награды, то тем более пищи. Но нетрудящийся — недостоин.

Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях.

Неужели на молодого должно принимать обвинение, а на другого кого-либо нет? Напротив, апостол как бы так говорит: ни на кого, а особенно на пресвитера. Не сказал: не обвиняй, но: даже совсем *не принимай обвинения*. Ибо по самому возрасту они погрешают меньше юношей. Пресвитером апостол называет здесь человека, достигшего старости. Так как многие обвиняются по подозрению, то по древнему закону должно, говорит, чтобы были свидетели, обличающие виновного. Но что, если они солгут? Это редко случается, и на суде это может быть обнаружено. Хорошо бы иметь по крайней мере двух свидетелей, потому что грехи совершаются тайно. А что, если грехи будут явны, свидетелей же не будет, а только худое мнение? Об этом выше апостол сказал: *надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних* (1Тим.3:7).

Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели.

То есть тех, которые упорствуют в грехе и которых найдешь по тщательном исследовании, обличай сильно и строго, не для удовлетворения своему гневу, но чтобы прочие страхом вразумлялись. Ибо епископу должно быть и страшным. Ибо как бывает вредно осуждать необдуманно, так губительно и не обличать виновных, потому что чрез это распространяется греховная болезнь на многих. Как же Господь сказал в Евангелии: *если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним* (Мф. 18:15)? Но Господь же повелевает и обличать пред обществом упорствующего во грехе. Итак, что же? Не произведет ли обличение пред обществом соблазна? Напротив, больше бывает соблазна, когда не обличают всем известного грешника. Поэтому и Бог, выставя как бы на вид, наказал фараона (Исх. гл.14), Навуходоносора (Дан.гл.4) и многих других, с целью вразумить живущих на земле людей.

Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя.

Сказав о многом в вышеприведенных словах, теперь начинает говорить в суде и при этом весьма страшно заклинает Тимофея. Он не постыдился даже и Тимофея охранить таким увещанием. Ибо если о себе сказал: *чтобы, проповедуя другим, самому не оказаться недостойным* (2 Кор. 9:27), то тем более не постыдился сказать сие о Тимофее. Приказывает же он во свидетели Отца и Сына для того, чтобы в грядущий судный день, если бы что-нибудь совершилось вопреки долга, ему остаться правым, так как он строго увещевал его. Для чего он присоединяет еще ангелов? Для того, что в день суда ангелы будут торжественно сопровождать Господа. И у нас есть обычай брать во свидетели и важных, и незначительных лиц. И Иаков берет во свидетели Бога и холм. И Моисей говорит: *свидетельствуюсь небом и землею* (Втор.4:26). Ибо так милостив к нам Бог, что принимает и рабов, приводимых вместе с Ним во свидетели. *Избранными* же ангелов назвал потому, что и демоны — ангелы, но отверженные.

Сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию.

То есть будь ровен к тем, о коих идет суд, чтобы не было предварительного решения, то есть чтобы никто не предубедил тебя и, наперед привлекая тебя к себе, не расположил тебя произнести суд и постановить решение. Ничего не делай *по пристрастию*, склоняясь на одну сторону. Как бы так говорилось: приглашает тебя одна сторона помочь ей; так ты не делай по сему приглашению.

Рук ни на кого не возлагай поспешно.

Апостол дошел и до главнейшего, чем преимущественно держится церковь, то есть до хиротонии и говорит: *не возлагай поспешно*, то есть не по первом и не по третьем испытании, но неоднократно и тщательно исследовав, так как это дело не безопасно. А каким образом? — Слушай.

И не делайся участником в чужих грехах.

Так как ты виновник того, что совершит он в будущем, то поэтому ты становишься участником как благих его дел, так и греховных. Но ты виновен и за прежние его грехи, потому что презрел их и сделал тьму светом, а не дал ему оплакать их и придти в состояние сокрушения.

Храни себя чистым.

Здесь о целомудрии дает ему урок.

Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов.

Видишь ли, что, имея сколько недугов, Тимофей еще истощал себя употреблением воды? Научись же и ты не огорчаться, когда кто-нибудь дает наставления относительно воздержания, ибо и Тимофею, который столько времени употреблял воду, так что часто стал

подвергаться недугам, Павел дает заповедь о воздержании, и не просто сказал: *употребляй вино*, но ограничил сие употребление, прибавил: *немного*. Для здоровья, говорит, а не для удовольствия. Ибо юность горяча, и от вина скоро приходит в движение. Почему же не исцелил его Павел, который *платками* своими воскрешал мертвых (Деян. 19:12)? Чтобы мы, когда и теперь видим святых людей, подверженных недугам, не соблазнялись и не думали, будто древние выше нашего естества, но верили, что и они люди, подобные нам; наконец, чтобы и сам Тимофей не возгордился своей добродетелью. Об этом пространнее сказано у святого Иоанна Златоуста, в начале так называемой книги проповедей «О статуях». Но кажется, Тимофей от природы был болезненный человек, подвергался недугам не желудка только, но и других частей, поэтому апостол и прибавил: *и частых твоих недугов*.

Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых открываются впоследствии.

Так как апостол, рассуждая о хиротонии, сказал: *не делайся участником в чужих грехах*, то справедливо Тимофей мог так возразить: но что же я буду делать, если я не знаю? Отвечая на это, апостол говорит: некоторые грешат явно и открыто, что приводит их на суд, то есть вследствие этого их уже осуждают и презрение к ним идет впереди их, о чем уже знаешь и ты. Грехи же других людей не вдруг делаются явными, но ты можешь открыть их при расследовании. На это он намекает выражением: *впоследствии*. Таким образом, тебе надлежит остерегаться и их при рукоположении. Или же — хотя они и укроются здесь, и ты рукоположишь их, не имея против них совершенно никакого обвинения, но там они не укроются. Ибо дела не уничтожаются с жизнью, а идут позади их. Василий Великий так объяснил это место в новой самостоятельной главе, не относящейся к рассуждению о хиротонии. Например, кто-нибудь ведет блудную жизнь; или ворует, того такой грех наперед ведет к осуждению, привлекая только его одного. Если же кто учит дурному и устроит школу, ведущуюся гибельной мудростью, — такой грех продолжает твориться и без него. Он не прекращается с его смертью, но остаются и после него наследники заразы, каковы языческие мудрецы и все вообще писавшие против церковного учения. Они дадут ответ не только за то, что сами заблуждались, но и за то, что послужили причиной заблуждения для других, их последователей.

Равным образом и добрые дела явны; а если и не таковы, скрыться не могут.

Величайшее утешение для праведных заключается в том, что добрые и недобрые дела бывают и здесь известны, но особенно там, где все обнажено.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение.

Учи их, говорит, и увещевай, чтобы они, хотя господа их суть неверные, слушались их, сподобляя их всякой чести и словами и делами. Ибо не думай, что ты свободен, потому что ты — верный: ты свободен духовным естеством, свободно приступаешь к Господу, но раб телом. Самая свобода, говорю, состоит в том, чтобы служить о имени Христове. А неверный, если увидит гордящегося раба, будет поносить учение, как располагающее к возмущениям.

Если же увидит, что раб с любовью повинуется, то скорее будет удивляться учению, которое исправляет и рабские, трудно исправимые обычаи.

Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им.

Нельзя так, — что поскольку ты братом стал иметь господина в силу крещения, то тебе можно небрежно относиться к нему; напротив, в этом самом находи побуждение служить и рабствовать ему еще с большим усердием, потому что он и сам верный и возлюбленный, то есть брат вместо господина. Затем, вспомни, что он еще и благодетель тебе, беспокоится и печется о тебе, чтобы накормить тебя, чтобы одеть и всякой другой удовлетворить твоей потребности и нужде: так что у него много прав на тебя, кроме того, что он купил тебя. Сказав: *возлюбленные*, апостол изгоняет страх, имея который к господам, слуги часто выпадают в ненависть к ним, — и вместо него вводит любовь. Таким образом, говорит, еще более должны служить те, которые получают благоденствия, то есть рабы. Чтобы сделать удобный переход в речи, он прибавляет это, между тем в выражении *они верные и возлюбленные* должно подразумевать слово: *господа*. Или просто можно понимать так, как говорится в тексте: *и благодетельствуют им*, то есть *господа*, которые заботливо стараются благодетельствовать рабам.

Учи сему и увещевай.

Учителю нужна не одна только власть, что выражено словом: *учи*, но и кротость, что заключается в настоящем выражении: *увещевай*. Ибо он врач, а врач берег иногда мягкостью, а иногда и строгим принуждением.

Кто учит иному и не следует здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает.

Видишь ли, что совершенное незнание доводит человека до безумия и делает его высокомерным, так что кто не принимает здравого учения, тот горд? А гордость для большой души — то же, что воспаление при телесной ране. Итак, если он не возгордился бы, то принял бы учение Господа, Который умалил Себя, умыл ноги ученикам и сказал: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен* (Мф. 11:29). Он назвал блаженными *нищих духом* (Мф. 5:3); Он вывел мытаря оправданным за смиренномудрие (Лк. 18:15). Кто этого не принимает и не знает, тот несомненно гордится.

Но заражен страстью к состязаниям и словопрениям.

Итак, состязание есть болезнь: ибо где нет веры, там все больно; там только разгорается война словесная и больше ничего, — причем более искусный в прениях напрягается низвергнуть другого. Вера есть око; не имеющий очей ничего не находит, а только ищет.

От которых происходит зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения.

То есть от состязаний рождаются вредные догматы. Когда мы предаемся состязаниям, — начинаем богохульствовать и думать о Боге то, чего не следует.

Пустые споры (параδιатριβαί).

Переливанием из пустого в порожнее — διатριβ — обыкновенно назывались досужие разговоры. Или потому, что как паршивые овцы, когда трутся между здоровыми, заражают и их своею болезнью; так и инакоучащие трутся беседами своими, паратριβόμενοι, с другими и растлевают их.

Между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка.

Видишь ли, что словопрения рождают постыдную корысть? И справедливо. Ибо эти спорщики, привлекая к себе большее число учеников, пользуются ими, и все больше и больше подвизаются в спорах, чтобы все более и более их привлечь к себе.

Удаляйся от таких.

Не сказал: схватывайся с ними и борись, но: *удаляйся*, то есть *после первого и второго вразумления* (Тит.3:10). Ибо тех, которые бьются из-за прибыли и денег, когда и чем можно убедить? Поэтому удаляйся от тех людей, которые неисправимы.

Великое приобретение — быть благочестивым и довольным.

Те спорщики, говорит, не почитают приобретением быть благочестивым. Но и в благочестии есть приобретение, только не такое, как те полагают, а гораздо высшее. В нем приобретение не тогда, когда имеешь, а когда не имеешь, ибо оно научает довольству. А довольство есть великое и прочное богатство. Посему пусть не унывают благочестивые, как неимущие.

Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него.

Апостол показывает, что приобретение, к какому стремятся те, не имеет никакого значения. Ибо оно остается здесь и не сопутствует нам туда. Поэтому, что нужды нам до лишнего, если мы ничего не понесем с собой туда?

Имея пропитание и одежду, будем довольны тем.

Он определяет здесь, в чем должно полагать довольство, и говорит: — в том, чтобы иметь столько, сколько — достаточно только для пропитания, а не для наслаждения; следует одеваться тем, что защищает тело, а это исполнить может и простая одежда.

А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть.

Апостол убеждает доказательством, взятым из этого мира. Я не касаюсь, говорит, будущего, но посмотрите на то, что здесь происходит. Не сказал: богатеющие, но *желающие обогащаться*. Ибо может всякий, даже имея богатство, хорошо распоряжаться им, потому что презирать его и раздавать бедным не есть дело хотящих обогащаться. *Впадают в искушение и в сеть*, так как погрешают против веры, и опасностями окружены бывают из-за богатства, и всех боятся.

И во многие безрассудные и вредные похоти.

Разве, в самом деле, не бессмысленно кормить обезьян и кошек, в своих дворцах запиравать диких зверей и рыб, украшать лошадей золотом, поднимать воду на кровлю, любоваться блестящими зеркальными полами в доме? Это бессмысленно и вредно, вредно душевному благу и истощает блага чувственные. А многие погибали от того, что добивались незаконной власти.

Которые погружают людей.

Так что подняться наверх становится для них невозможным.

В бедствие и пагубу.

Разумеется, как сказано, и здешняя гибель, и будущая.

Ибо корень всех зол есть сребролюбие.

Не щадит он живых, не щадит и мертвых, но и их грабит, восстает на родителей и братьев и Божие достояние святотатственно крадет. Изгони сребролюбие — и не будет ни войн, ни вражды, ни блуда; ибо блудница из-за денег отдает себя непотребству.

Которому предавшись, некоторые уклонились от веры.

Сребролюбие, приковывая к себе все внимание человека, не позволяет ему видеть путь истины. Ибо как сребролюбец будет веровать Евангелию, вводящему нищету? Невозможно это.

И сами себя подвергли многим скорбям.

Еще в этой жизни они пригвоздили себя. В самом деле, сколько испытывают они огорчений? Сколько плачут? И прекрасно сказано: подвергли (по-славянски — *пригвоздиша*). Ибо заботы о богатстве подобны терновнику, как и сказал Господь (Мф. 13:22). Откуда кто ни прикоснется к нему, до крови уязвляет себе руки, причиняет себе раны и болезнь.

Ты же, человек Божий.

Великое достоинство! Правда, все люди — Божий, но преимущественно праведные, — не по той причине только, что они создания Божий, но и по причине своей близости к Богу. Если ты — человек Божий, то не ищи того, что отвращает от Бога, но что?

Убегай сего, а преуспевай в правде.

То и другое делай с напряженным усердием. Не сказал, отступи и приступи, но: *убегай сего и преуспевай в правде*, чтобы никого не ограбить, как делают хотящие обогатиться.

Благочестии.

Разумеет догматы.

Вере.

Которая не допускает исследования.

Любви.

То есть в правильном образе жизни, ибо основанием его служит любовь.

Терпении, кротости.

От любви происходит терпение и кротость. Ибо любовь все переносит и долготерпит.

Подвизайся добрым подвигом веры.

То есть за веру стой непоколебимо и непобедимо — силой слова и безукоризненной жизни.

Держись вечной жизни.

Вот и высокая награда за подвиг — это вечная жизнь.

К которой ты и призван.

Ибо к надежде на вечную жизнь ты призван.

И исповедал доброе исповедание перед многими свидетелями.

Здесь апостол хвалит его дерзновение и мужество, как исповедавшего Христа среди опасностей. Или говорит об исповедании, бывающем при крещении, когда мы исповедуем, что отрицаемся от сатаны и сочетаемся Христу. Обрати внимание, что требуется не одно только исповедание, но и терпение, чтобы все время оставаться верным своему исповеданию, чтобы не отступить от него даже во время сильного гонения.

Пред Богом, все животворящим, и пред Христом Иисусом, Который засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание, завещаю тебе.

Умножая страх и делая ученика более непоколебимым, он призывает во свидетели Бога, показывая, что это не человеческие завещания, с той целью, чтобы, имея всегда в мысли, он воспоминанием об этом приводил в сотрясение свою душу. *Все животворящим.* Здесь содержится ободрение среди опасностей и воспоминание о воскресении; как бы так говорит апостол: не бойся смерти, ибо ты раб Бога, Который может все оживотворить. *И пред Христом Иисусом, засвидетельствовавшим.* Еще от примера Учителя берет наставление. Как Он свидетельствовал, так и мы должны подражать Ему. Будучи вопрошен от Пилата: *итак, Ты Царь?* — Он отвечал: *Я на то родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине* (Ин. 18:37). И многое другое. Он засвидетельствовал и исповедал.

Соблужи заповедь чисто и неукоризненно.

То есть чтобы ни в догматах, ни в жизни ты ничем не пятнал себя.

Даже до явления Господа нашего Иисуса Христа.

То есть до твоей кончины, до исхода. Впрочем, не сказал так, но сказал: *даже до явления*, чтобы больше ободрить его, напомнив и о страшной оной славе.

Которое в свое время откроет.

То есть в приличное, predetermined время. Поэтому не печалься, что оно еще не наступило.

Блаженный и единый сильный.

И это апостол говорит для утешения, чтобы Тимофей не смотрел на кажущиеся ублажительными здешние блага, но к Тому Единому прилеплял взоры, Который есть само блаженство, в Ком нет ни печали, ни вздыхания; чтобы не боялся земных каких-либо властителей и царей. Вместе с тем он готовится к тому, что откроет Его пришествие. Ибо Он *единый сильный*. Все это сказано о Сыне. А слово *единый* апостол употребил для противопоставления Его людям, или ложным богам, но не по отношению к другим Лицам Пресвятой Троицы.

Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие.

Господь один имеет бессмертие по существу; ангелы же хотя и бессмертны, но не по природе, а по благодати. Итак, они не имеют бессмертия, но причастны бессмертию.

Который обитает в неприступном свете.

Неужели Он местом определяется? Или одно — свет, а другое — Он Сам? Конечно, и Он Сам свет. Видишь ли, до какой степени бывает немощным язык, когда мы хотим провещать что-либо великое? Неприступен сей сеет, потому что, по причине безмерного его блистания, никто приступить к нему не может.

Которого никто из человеков не видел и видеть не может.

То есть по Божественности. Он виден был и есть только по человечеству. Святой Иоанн Златоуст понимает так, что в вышесказанном говорится о Сыне, а в последующем преимущественно об Отце, хотя слова эти приложимы и к Сыну, и к Духу.

Ему честь и держава вечная! Аминь.

Итак, если держава Его вечная, то ты не должен бояться, хотя она теперь и не открывается. Если честь Его вечная, то ты не должен отчаиваться, хотя теперь Его и не почитают. Безукоризненно мы можем это только делать, — то есть славить Его, а не любопытно исследовать Его. Благовремение апостол изъясняет здесь учение о Боге. Ибо так как он призвал Бога во свидетели, то и описывает славу Его, чтобы больше тронуть слушающего.

Богатых в настоящем веке.

Есть и иные богатые, но не в нынешнем веке, а в будущем, — это праведные.

Увещевай, чтобы они не высоко думали о себе.

Ибо богатство возбуждает надменность и тщеславие.

И уповали не на богатство неверное.

Тотчас смиряет их. К чему, говорит, гордиться тебе опорой неверной, легко крушимой, нестойкой?

Но на Бога живаго, дающего нам все обильно для наслаждения.

То есть воздух, воду, свет, перемены года, времена и все прочее дал с большею щедростью, хотя своекорыстие все приписывает себе, что получает. Отсюда научись, что Бог обогатил человека, давши ему все безраздельно. Поэтому напрасно кто-либо печалится тем, что беден.

Чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами.

Из общего наставления *увещивай их благодетельствовать* вытекает и следующее: если хочешь обогатиться, обогатись в благотворении.

Были щедры.

Это относится к деньгам.

И общительны.

Это относится к любви. Под общительными разумей разговорчивых, приветливых людей.

Собирая себе сокровище, доброе основание для будущего.

Где есть основание, там все твердо и неподвижно. А так как блага добродетели и будущего века постоянны, то апостол и упомянул при сем обосновании.

Чтобы достигнуть вечной жизни.

Ибо совершение добрых дел, которое он назвал основанием, может доставить наслаждение оной жизнью.

О, Тимофей! храни преданное тебе.

Все, мной тебе заповеданное, храни, так как это суть заповеди Господни, ничего из того не убавляй.

Отвращаясь негодного пустословия.

Именно, нечистых и грязных. Следовательно, бывает пустословие и не скверное. Святой Иоанн Златоуст понимает под сим еловом новизны — *καίνοφωνίας* — в учении, написав, как кажется, это слово через дифтонг *αι*.

И преко словий лжеименного знания.

Ибо где нет веры, а все есть плод человеческих разумений, там нет знания и ложно употребляется это название. Заметь, что бывают прекословия, на которые не должно даже отвечать, напротив, избегать их и не сходиться с людьми, готовыми на прекословия.

Которому предавшись, некоторые уклонились от веры.

Тот кто следует одним человеческим разумениям, неизбежно не попадает в такт и в цель веры. Ибо вера не допускает умопостижений. Думаю, что все это апостол говорит об известных в то время гностиках, которые были исполнены всякой нечистоты, которую он и назвал *скверным пустословием*. Из них представителем этой ереси был Николай, один из семи диаконов.

Благодать с тобою. Аминь.

В запечатление всего благожелает ему благодати, коею подается и хранится всякое благо. Ее да будем причастными и мы все, не погубляя полученных от нее благ, но ею сохраняя их и славя Христа, благодатей Подателя, со Отцом и Святым Духом: Тому слава во веки веков. Аминь.

Примечания:

1. По другому чтению добавлено: он посылает это послание из Лаодикии.
2. Блж. Феофилакт читает: *пребудут*.
3. Одному греческому слову в русском синодальном переводе соответствуют два.
4. Место это, как видно, приведено блж. Феофилактом не буквально.
5. У блж. Феофилакта нет слов *с благодарением*, хотя в некоторых списках его толкования оно встречается.
6. Слов *пребывающем в тебе* нет в тексте блж. Феофилакта.
7. Последних слов — *младших, как братьев* — в тексте блж. Феофилакга нет.
8. По подлинному тексту читается прежде: «аще святых нозе умы», а потом: «аще странные прият».

Толкование на второе послание к Тимофею Святого Апостола Павла

Предисловие

Почему апостол пишет это, второе, послание к Тимофею? В первом послании он сказал: *надеюсь вскоре прийти к тебе* (1Тим.3:14). Но это не исполнилось, ибо он задержан был Нероном. Поэтому вместо своего прибытия посланием утешает его, потому что Тимофей скорбел сколько вследствие отсутствия апостола, столько же и от тяжести епископской власти. Ибо и великие мужи затрудняются в управлении кораблем Церкви, будучи со всех сторон загоплены большими волнами, особенно же в то время, когда повсюду войны. При этом апостол зовет его к себе, ибо был близок уже к смерти.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, по обетованию жизни во Христе Иисусе.

Тотчас, в самом начале, ободряет душу. Не указывай, мне, говорит, на здешние бедствия. Они доставляют нам вечную жизнь. Мы сделались апостолами для того, чтобы умереть и жить вечно. Чтобы Тимофей, вместо утешения не был более опечален, услышав, что учитель в опасности, он этим в самом начале утешает его. Если же жизнь — обетование, то не ищи ее здесь. Это есть жизнь во Христе Иисусе, то есть со Христом, потому что Он дает ее нам и ее содержит. Ибо телесная жизнь — в яствах и питиях, а духовная во Христе содержится: Он для нас все.

Тимофею, возлюбленному сыну.

Можно быть и сыном, но нелюбимым. Между тем Тимофей был возлюбленным и, без сомнения, за свою добродетель. Этим, таким образом, апостол показывает, что он оставляет его не потому, чтобы гневался на него или презирал его за что-нибудь: нет, ты, говорит, возлюбленный мне; но сила и необходимость заставляют оставить его.

Благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего.

О чем молил Бога прежде, в Первом послании, о том молит за него и теперь. Итак, относительно этого места прочитай в Первом послании.

Благодарю Бога.

Видишь ли чрезвычайную любовь? Благодарю, говорит, Бога за то, что, любя тебя, я помню о тебе. Это и есть истинная любовь, когда кто-либо восхищается своею любовью к другому.

Которому служу от прародителей с чистою совестью.

Как *чистою совестью*, когда в начале, он не знал Христа? Так, говорит он, — или под

совестью разумеи здесь жизнь: ибо хотя иудействовал, но по жизни был безупречен, — или потому, что, когда гнал Церковь, гнал по ревности, а не по человеческим каким побуждениям, как иные стоят за ересь славы ради, вполне сознавая ее гнилость. Говорит же он о всем этом, как бы внушая: не подозревай, что у меня одно на уме, а другое на словах. Чиста у меня совесть, как всегда, так и, ныне. Итак, я не лгу, говоря, что люблю тебя и всегда помню о тебе.

Что непрестанно вспоминаю о тебе в молитвах моих днем и ночью, и желаю видеть тебя.

Благодарю Бога, что помню о тебе. И не просто, но в молитвах, и ночью и днем, прося за тебя Бога, чтобы исполнилось мое желание, желание видеть тебя. Поэтому как я лишил бы себя такого удовольствия добровольно, если бы только мог придти? Но почему апостол явно не говорит о причине, о том, что он задержан Нероном? Потому, чтобы вдруг не опечалить его. Под конец же он открывает эту причину.

Вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости.

Так расположи слова: желая видеть тебя, дабы мне исполниться радости; потом средние слова *вспоминая о слезах твоих*. Ибо, если бы я был от природы крайне недружелюбен, то и тогда слезы твои, пришедшие мне на память, были бы в состоянии склонить меня к тебе. Вероятно, Тимофей, разлучаясь с Павлом, плакал больше, чем дитя, отнимаемое от кормилицы.

Приводя на память нелицемерную веру твою.

Желаю видеть тебя, не только вспоминая о слезах твоих но и о вере твоей нелицемерной. Ибо это самая важная причина для того, чтобы ты был любим мной.

Которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике.

Другая похвала: Тимофей произошел не от неверных родителей, а от верных, хотя и из иудеев. Однако, отец его был грек. Смотри, как начал разрушаться закон при существовании связей такого рода.

Уверен, что она и в тебе.

Так как доблести предков, если и мы таковы, прославляют нас; если же нет, служат скорее к нашему осуждению. Поэтому апостол говорит: я убежден в том, что вера предков твоих есть и в тебе. Итак, ты имеешь веру нелицемерную, еще от предков утвержденную и не могущую колебаться.

По сей причине напоминаю тебе возгревать дар Божий.

Так как, говорит, я знаю, что ты имеешь нелицемерную веру, то побуждаю тебя, чтобы благодать Духа, которую ты принял для предстоятельства в Церкви, для совершения знамений и вообще для всякого свойственного епископу служения, — возгревать эту благодать, то есть делать всегда живой и цветущей. Ибо, как огонь нуждается в дровах, так и

благодать Духа нуждается в усердии, внимании, бодрствовании, чтобы всегда пламенеть. Если нет этого, она угасает, как и в другом месте говорит апостол: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5:19).

Который в тебе через мое рукоположение.

Есть в тебе эта благодать, которую ты принял вместе с возложением моих рук на тебя, когда я рукополагал тебя во епископы. Но ты сделай этот огонь сильнее. Слово, которое ты получил, исполни дерзновения и мужества: стань мужественно.

Ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы.

То есть не для того мы получили духа, чтобы робеть, но чтобы быть сильным в искушениях и иметь дерзновение. Многим Бог дает и духа страха, как написано в книге Исход: *да нападёт на них страх* (Исх. 15:16), то есть Бог вложил в них страх.

И любви.

Любви и к Богу, и к ближним. Ибо и то, чтобы Бога любить, как Отца, имеем мы от Духа, делающего то, что мы взываем: *Авва, Отче* (Рим. 8:15). И то, чтобы непоколебимыми пребывать в любви к ближним, есть дар, происходящий от Божественной силы; соблазны же, напротив, происходят от трусости и малодушия. Однако и нам должно прежде всего показать то, что зависит от нас самих.

И целомудрия.

Или: чтобы мы были разумны, с здоровым умом, в здоровом состоянии; или: чтобы, духом своим здравомыслили, и если постигнет нас какое-либо испытание, мы приняли бы его к руководству; или: чтобы и других уцеломудривали и научали разуму.

Итак, не стыдись свидетельства Господа нашего (Иисуса Христа) [¹].

Многие окаянные, по человеческим понятиям судя о том, что выше нашего понимания, стыдом почитают возвещать, что Сын Божий распят, не зная, что силой Креста Его осужденный человек стал сыном Божиим. Ты же, Тимофей, не стыдись свидетельствовать о Христе и смерти Его крестной, но с дерзновением проповедуй о том. Апостол не сказал: не бойся, но: *не стыдись*, чтобы показать, что дело это не имеет опасности, а только один стыд; если же презришь его, то прочее безопасно.

Ни меня, узника Его.

Не стыдись того, что я, воскрешающий мертвых, учитель вселенной, теперь связан. Я связан не как злодей, я узник Его, то есть ради Него. Если Он не постыдился креста, то как я постыжусь уз?

Но страдай с благовестием Христовым [²].

То есть не просто покажи, что ты не постыдился, но на опыте, в делах, и будь

участником в одном и том же со Христом и со мной. Это же он выразил и выше в словах: *дал нам Бог дух силы*. Что значит *страдай с благовестием*? Ужели благовествование страдает? Нет, не то; но или говорит: *спострадай мне ради благовестия*, или *благовестием* называет всех проповедников Евангелия и строителей тайн, как и в Послании к Коринфянам (2 Кор. 9:12). Итак, *пострадай вместе с тем, кто послужил благовествованию*. Но, может быть, кто-нибудь излишним страданием за благовествование назовет препятствие к его распространению и неверие в него. Таким образом, и ты *спострадай страждущему благовествованию*.

Силою Бога.

Так как тяжело было сказать: *страдай*, то апостол утешает: не своею, говорит, силой, но силой Христовой: *твое избрание есть и готовность*.

Спасшего нас и призвавшего званием святым.

Представляет доказательства силы Божией. Он, говорит, спас нас, и отчужденных призвал к Себе, чтобы сделать нас святыми. Итак, Кто спас нас, когда мы не желали, Тот тем более поможет теперь желающим.

Не по делам нашим, но по Своему изволению и благодати.

Без всякого принуждения, без всякого совета, но по собственному изволению, то есть из Себя, *благодатью Своею влекомый*.

Данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен.

То есть *безначально и предвечно предначертано*, что будет дана нам *благодать во Христе Иисусе, Господе нашем*. Не мало для нас есть, то что Бог *возблаговолил о нас сие предвечно*.

Открывшейся же ныне явлением Спасителя нашего Иисуса Христа.

Хотя и *предопределена была благодать*, но *открылась ныне*, когда явился Спаситель.

Разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие.

Христос в собственном теле самым делом разрушил смерть, сделав тело нетленным; нас же просветил благовестием — *надеяться жизни и нетления*. Ибо мы еще не *онетленены* самым делом, но *будем таковыми*; и в таковой надежде *утверждает нас благовестие*.

Для которого я поставлен проповедником и Апостолом и учителем язычников.

Для чего апостол назвал теперь себя учителем язычников? Чтобы внушить Тимофею, что он должен *возвещать слово благовестия язычникам*, и не падать духом, но *подражать ему, связанному за учение евангельское*.

По сей причине я и *страдаю так*.

Я страдаю за то, что проповедаю язычникам. Я страдаю не как злодей. Вместе с тем делает речь свою более достоверной: если бы, говорит, я не верил, что смерть разрушена, я бы не страдал так.

Но не стыжусь.

Видишь ли, как он и сам делами показывает то, в чем убеждает Тимофея, то есть чтобы не стыдился страданий.

Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день.

Какое дерзновение! Какое неколебимое упование! Знаю, говорит, и твердо убежден. *Залогом* апостол называет или веру и проповедь: Сам Христос, возложивший на меня сие, сохранит это, и я терплю все, чтобы это сокровище мое не было расхищено; или *залогом* называет верующих, которых вверил Ему Христос, или которых сам он предал Господу, как в другом месте говорит: *предаю вас, братия, Богу* (Деян. 20:32). Как бы так говорил апостол: я не стыжусь, надеясь, что многих приведу к Богу, которых Он и сохранит, чтобы их ради меня прославить. Или *залогом* называет награду: всякий, кто делает что-либо доброе, полагает то у Бога на хранение, чтобы в свое время быть увенчанным за то.

Держись образца здорового учения.

Как живописец, я написал и нарисовал тебе икону и первообраз, чтобы, смотря на него, и ты по нему живописал такое же начертание моих слов. Имей в себе этот первообраз, и когда нужно будет что живописать, с него бери и живописуй: ибо в нем все совмещено.

Которое ты слышал от меня.

Не только чрез послания, но и устно. Поэтому не будем думать, что имеем послания недостаточные, как не всеобъемлющие, так как многое апостол преподавал без письма.

С верою и любовью во Христе Иисусе.

То есть слова мои содержат учение и о вере и любви, то есть и о догматах и должной жизни: нужно ли будет тебе догматствовать о достодожном, или говорить, или действовать, оттуда следует тебе все заимствовать.

Храни добрый залог Духом Святым, живущим в нас.

Соблуди заповеданное мной тебе относительно веры и жизни, или дар, который ты принял, как и выше он сказал. Но как ты сохранишь? Не человеческой силой, но Духом Святым, Который живет в нас чрез крещение. Если мы сохраним Его и не отгоним дурными делами, сохранит и Он нам все, что мы имеем от Бога. Итак, потщитесь сохранить. Духа, и Он сохранит тебе завещанное. *Если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж* (Пс. 126:1).

Ты знаешь, что все Асийские оставили, меня; в числе их Фигелл и Ермоген.

Апостол указывает на искушения, не с тем, чтобы поразить ученика, но чтобы более убедить его, — чтобы, в случае если и сам он подвергнется подобным искушениям, не думать, что он испытывает что-либо необыкновенное, но спокойно переносить. После того, как апостол был взят под стражу Нероном, его оставили все Асийцы, то есть живущие в Риме люди из областей асийских.

Да даст Господь милость дому Онисифора.

Посмотри на любомудрие апостола. Он не укорил тех, кто его оставил, но просто указал на случившееся. За того же, кто позаботился о нем, он молится, и не только за него, но и за весь его дом: так они были добродетельны, так воспитал их Онисифор.

За то, что он многократно покоил меня.

Как какого-нибудь ратоборца, изнемогающего от жара, он удостоил меня успокоения не однажды, но много раз. Так должно поступать и нам, всегда и во всем помогать тем, кто занимается чем-нибудь добрым: таким образом мы будем участниками с ними в наградах. Не говори мне о Павле. Павел, хотя бы и не имел никакого помощника, остался бы непоколебим. Но, может быть, кто-нибудь другой не выдержит, если не будет иметь защитника. Итак, если окажется кто-либо такой, кто помогает ему и заботится о нем, очевидно, что он участвует в победе; а если в победе, то в венцах. И на войнах в древности те, кто оберегал оружие, наравне с воинами делили добычу.

И не стыдился уз моих.

Везде говорит о стыде, а не об опасности, ободряя Тимофея, что опасности будто бы нет, а только один стыд. Однако в действительности была и опасность. Нерон был возмущен против Павла за то, что он обратил кого-то из домашних его.

Но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел.

Не только не избегал моего несчастья, но еще искал меня и нашел: вот каково мужество! вот какова вера.

Да даст ему Господь обрести милость у Господа, в оный день.

Онисифор, говорит апостол, оказал мне милость; поэтому да получит он воздаяние в страшный день; тогда нужна многая милость всем, даже и святым. Если Онисифор, подвергавший себя явным опасностям за Христа, милостью будет спасен; не тем ли более мы. На это место ссылаются зараженные Маркионовой ересью, говоря: итак, два Господа? Отнюдь нет. Один Господь, как и сам апостол Павел говорит в другом месте (Еф.4:5). Это выражение обыкновенно употребляется в Священном Писании, как например: *и пролил Господь огонь от Господа* (Быт. 19:24), то есть чрез Себя. Так и в этом месте. Если принять, что здесь обозначается как Отец, так и Сын, то в этом нет ничего странного. Как Отец Господь, так и Сын Господь, и Дух Святой Господь: но один Господь, являющийся в трех лицах. Заметь, апостол не сказал: да даст ему Господь что-либо другое, но — милость.

А сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь.

Он привык, говорит, к добрым делам: не один раз сделал мне добро, но и в Ефесе, и в Риме. Таким и должен быть христианин, всегда творить добро, всю свою жизнь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Итак укрепляйся, сын мой.

Что ты говоришь? Ты сказал, что ты связан, что все покинули тебя, и, как будто не сказав ничего страшного, присовокупляешь: *итак, укрепляйся, сын мой!* Да, по тому самому, что я нахожусь в узах, ты еще более мужайся. Ибо, если бы я, твой учитель, не терпел этого, то тебе, может быть, можно было бы падать духом, так как ты по молодости и неопытности подвергался бы опасностям. Ныне же немалым для тебя утешением к мужественному перенесению возможных бедствий служит то, что и я сам терплю их, что бедствия происходят естественно, а не от твоей неопытности. Вообще же всякий, меньший в каком-либо отношении, подвергшись опасностям, великое получает утешение, когда видит в таком же положении и большего сравнительно с собой. Видишь, с какой отеческой любовью он предлагает ему свое увещание, говоря: *сын мой*. Словом этим он как бы и душу свою любящую перелил в него. Если ты — сын, то подражай отцу.

В благодати Христом Иисусом.

Укрепляйся не одним только моим примером, но больше всего благодатью Христовой. Ее имей споборницею, чрез нее мы получили власть наступать на змей и скорпионов, и на всякую вражескую, силу, и не терпеть никакого вреда.

И что слышал от меня при многих свидетелях.

Что ты слышал, а не то, до чего сам исследованием дошел, ибо *вера от слышания*. Слышал же ты не тайно, а открыто, в присутствии многих. Под *многими свидетелями* некоторые разумеют закон и пророков, ибо слово мое было из свидетельств Писания.

То передай верным людям.

Не говорит: скажи, но передай, как бы о сокровище. Ибо что передается, сохраняется в целостности. Чрез это апостол делает своего ученика более внимательным. *Верным*, не таким, которые искусны слагать силлогизмы и сплетать совопросничества, но таким, в коих можешь быть уверен, что они не окажутся предателями завещания.

Которые были бы способны и других научить.

Что пользы, если принявший, хотя и верен и все принимает без совопросничества, но другим передать учения не может, — или, если он, хотя сам и не изменяет учению, но других такими же сделать не может? Поэтому учителю необходимо иметь два качества: быть верным и учительным. Очевидно, что распоряжение такое делается ему относительно пресвитеров и епископов, а не относительно мирян. Ибо это было бы неуместно, когда сам Павел проповедовал и эллинам, и иудеям. Полагаю притом, что это говорится о некоторых таинственных вещах, которые должны быть переданы верным и учительным.

Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа.

Видишь ли, что терпеть страдания свойственно воину? Поэтому не терпеть страданий недостойно воина. Следовательно, не должно скорбеть, если кто страдает, будучи поставлен в ряды воинов. Какая честь быть воином Христовым, когда некоторые считают важным быть воинами земного царя!

Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику.

Это сказано всем епископам и учителям. Сильное выражение: *связывает себя*. Ибо житейские дела точно суть узы и змеи. Под *делами* же дает видеть все хлопоты, сделки, суеты и тяготы житейские. Слова эти внушают: что вяжешь себя? Что вплетаешься в эти обременения и дела хлопотливые? Об одном воинствовании заботься, и таким образом угодишь Христу, избравшему тебя в Свое воинство.

Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться.

То есть недостаточно выйти на подвиг, или намазаться, или сойтись с противником, если человек не соблюдает законов борьбы касательно пищи, питья, воздержания и самого образа борьбы. Ибо не оставляется на произвол состязаться, как кто хочет, но есть и относительно этого законы, — состязательные. Посмотри на мудрость Павла. Он напоминает Тимофею о войне, чтобы показать, что тот должен быть готов на поражение и смерть, — и о борце, чтобы укрепить его на все и чтобы он постоянно был в подвиге.

Трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов.

Приводит еще третий пример, который особенно близок учителю. Ибо примеры воина и ратоборца относятся и к подчиненным; земледelec не о себе заботится, но о земле, и получает немалое воздаяние от плодородия. Так и учитель, пастырь не напрасно трудится, но сам первый вкушает плода от своих потов. Ибо Бог преизобильно воздаст ему. Посему, чтобы кто не стал скучать и недовольство изъяслять, что воздаяние отлагается на будущее, апостол говорит: вот, в самом труде ты получаешь уже воздаяние; если не другое что, то пользование душ есть великое уже для тебя приобретение. Некоторые разумеют здесь честь, воздаваемую учителям, но это не имеет основания. И смотри, апостол не сказал: делателю, но *трудящемуся*, то есть не слегка работающему, но до утомления.

Разумей, что я говорю.

Так как апостол обо всем сказал в притче, — о воине, о ратоборце и земледельце, то и говорит: *разумей*. Потому, говорит, я сказал так, чтобы ум твой изострить. Потом молится о нем, как о родном сыне.

Да даст тебе Господь разумение во всем.

Не только в том, о чем я сказал, но и во всех словах и делах.

Помни Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых.

Об этом говорит, имея в виду еретиков. Были и в то время, такие, которые почитали стыдом страдать Сыну Божию, и потому, может быть, придумали призрачность воплощения. Бог до того смирился ради нас, что эти люди стыдятся приписывать Богу такое смирение. Говорит об этом также и для того, чтобы ободрить ученика, показав ему, что и Сам Учитель Христос, страданиями победил смерть. Помни об этом, и не падешь под тяжестью скорбей.

По благовествованию моему.

Были и иначе благовествующие, но следует внимать не им, а моему благовествованию.

За которое я страдаю даже до уз, как злодей.

Опять собственным примером утешает ученика, говоря как о том, что он страдает, так и о том, что он пользуется дурной славой.

Но для слова Божия нет уз.

Чтобы не сказал кто-нибудь: какая польза от того? И что удивительного, если ты связан? Покажи мне выгоду, покажи мне что-нибудь удивительное; апостол говорит: для слова нет уз. Ибо оно не чувственное дело, чтобы можно было остановить его, когда тело связано. Слово — Божественное дело, слово — Божие: когда мы связаны, оно свободно и простирается вперед. И вот мы пишем и проповедуем, хотя и связаны. Видишь ты чудо, видишь ты и пользу.

Посему я все терплю ради избранных.

Вот и еще увещание. Не за себя, говорит, я терплю, но для спасения других: не для того, чтобы мне самому прославиться, но для других. Кто же они? Избранные Божии. Итак, если Бог их избрал, то нам должно терпеть все для них.

Дабы и они получили спасение во Христе Иисусе.

И они, как и мы. Как для нас, говорит, Бог пострадал, чтобы спасти нас, так и мы страдаем для них. Так что это — воздаяние, а не дар. Затем, чтобы кто не сказал ему: что ты говоришь? Сам ты в узах и вот-вот погибнешь, а хвалишься быть виновником спасения для других? Не об этом, говорит, телесном спасении говорю я, но о том, что *во Христе Иисусе*, истинном, славном, о вечном спасении души, а телесное спасение не безусловно славно. Слушай, что следует дальше.

С вечною славою.

Не только для того, чтобы спаслись, но и больше, чтобы они и прославились вместе с нами вечно. Посему, хотя узы и постыдны, но они доставляют и славу избранным людям, и славу вечную. Если же — другим, то тем более мне, обложенному ими. Итак, не беспокойся обо мне.

Верно слово.

Так как многие сомневаются относительно будущей жизни и славы, говоря: когда я жив

бываю, умираю, а когда умру, жить буду? и тому подобное: поэтому апостол, подтверждая свое слово, говорит: *верно слово*. Какое слово? то, что избранные достигнут славного и вечного спасения.

Если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем.

Подтверждает то же самое и человеческими соображениями. Уже и выше апостол представил доказательство этого сказал: *помни Господа Иисуса, воскресшего из мертвых*; он показал, что Христос воскрес после смерти. Каким же образом подтверждает? Если в скорбях мы участвуем со Христом, то в благах ужели нет? И человек не сделал бы так, не тем ли более Бог, источник правды и благодати? апостол говорит здесь и о смерти духовной в крещении, и о смерти телесной чрез страдание и мучение.

Если терпим, то с Ним и царствовать будем.

Недостаточно дать себя на какую-либо смерть однажды, но навсегда. *Я каждый день*, говорит апостол, *умираю* (1 Кор. 15:31). Итак, нужно много терпеть, чтобы нам сподобиться и царствования со Христом.

Если отречемся, и Он отречется от нас.

Апостол подтверждает свое слово и от противоположного. Ибо воздаяние будет не за добрые только отношения к Господу, но и за противоположные тому. *Кто отречется*, говорит Он, *от Меня, отрекусь от того и Я* (Мф. 10:33). Подумай, что должен будет перенести отрекшийся от Христа?

Если мы неверны, Он пребывает верен.

Если мы не верим, то Он не терпит от этого никакого вреда; Он истинен. Он неизменен, отрекаемся ли мы, или не отрекаемся от Него.

Ибо Себя отречься не может.

То есть не может не быть. Не такова Его природа, чтобы Ему обратиться в небытие. Он существует всегда, хотя бы мы не исповедывали Его. Поэтому польза или вред от того, признаем ли мы Его, или отрекаемся от Него, в том и другом случае бывает не для Него, а для нас.

Сие напоминай.

Чтобы кто-нибудь не подумал, что сам Тимофей нуждался в таких наставлениях, апостол говорит: *напоминай другим*.

Заклиная пред Господом не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих.

Так как это дело имеет приятность и человеческая душа всегда склонна к состязаниям и словопрению, то ты, говорит апостол, засвидетельствуй им пред Богом не вступать в словопрения, то есть: научи, призывай во свидетели Бога, чтобы они знали, что, если будут

пренебрегать тобой, Он осудит их. Словопрение не только не приносит никакой пользы и выгоды, но напротив, причиняет большой вред. Ибо стенобитными машинами словопрений низвращается вера слышащих, как некий столп.

Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным.

Объясняет, как он может сделаться искусным, именно, если он будет *делателем неукоризненным*: то есть, если не постыдится делать все, что относится к благочестию. Таким образом заслужишь одобрение от Владыки, если все перенесешь ради Него, все исполнишь. Везде с большим старанием апостол говорит о стыде, потому что для большинства служили стыдом как крест Христов, проповедь о Нем, будто бы невежественная, так и сами апостолы, как люди простые и все терпевшие. Итак, говорит, ты не стыдись.

Верно преподающим слово истины.

Многие или отнимают от него, или прибавляют к нему, а ты веди правым путем. Или, поскольку апостол не сказал: право направляющего, то дал понять нечто иное. Как бы излишние на коже и ремне наросты отсекай, говорит, от проповеди чуждое ей и истребляй мечом.

А непотребного пустословия удаляйся.

То есть убегай. Святой Иоанн Златоуст под *пустословием* — κενωφωνία везде дает разуметь новые сечения — καίνωτομίας в учении и в последующих ему. Некоторые же вместо *удаляйся* — περίστασο читают: περίσσωσίστασο — больше обращай внимание на то, чтобы остановить и задержать их. Это не так.

Ибо они еще более будут преуспевать в нечестии, и слово их, как рак, будет распространяться.

Неудержимое, говорит, это зло и не допускает врачевства: оно заражает все, и люди неисправимы.

Таковы Именей и Филит, которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру.

Хорошо сказал выше: *еще более будут преуспевать в нечестии*. Казалось бы, в том только и заключается зло, что говорят о воскресении. Однако, отсюда происходят большие последствия. Ибо если воскресение уже было, то уничтожен и суд, и воздаяние, и добрые насладились печальями и скорбями, а злые наказаны утопанием в удовольствиях. Какая же нужда держаться добродетели, если таковы воздаяния? Не сказал: всех людей, но: некоторых, то есть слабейших. Посему прибавляет и следующее.

Но твердое основание Божие стоит.

Вот что говорит апостол: не все совратились, но нетвердые. И если бы они не были таковы, то и не отпали бы. Подобно тому, как и Адам не был тверд до искушения.

Совершенно воодушевленные в вере стоят твердо и неподвижно. И смотри, *твердое*, говорит, и: *основание*. Так надлежит нам держаться за веру.

Имея печать сию: «познал Господь Своих»; и: «да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа».

То есть как на камне вырезаются надписи, подобно тому и у него в самых делах его отпечатлеваются признаки, указывающие на него, именно: *познал Господь* и так далее. То есть они эти люди или такие души предузнаны Богом, как всецело принадлежащие Ему, и предызбраны, чтобы не совратились вместе с слабейшими. Неправдой апостол называет или заблуждение в догматах, или вообще всякую несправедливость. Поступающий несправедливо не имеет основания, не принадлежит Богу. Ибо как он может принадлежать Богу, когда Бог праведен? Он не имеет печати. Смотри, если тот, кто называет имя Господне, должен отступать от неправды, то кто не отступает, тот недостойн называть Его имя. Ибо неугодна похвала в устах грешника.

А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные.

Так как многие смущаются, зачем в мире существуют злые люди, то Павел, оставив другие причины, сейчас указывает эту: потому, что в большом доме бывают разные сосуды. Большим домом называют мир, а не Церковь; он желает, чтобы ни одного деревянного сосуда, а все золотые и серебряные сосуды находились в Церкви, где Тело Христа, где Дева, не имеющая порока.

И одни в почетном, а другие в низком употреблении.

Золотые сосуды, то есть добродетельные люди, в почетном, деревянные же и глиняные, то есть дурные люди, в низком употреблении. Не сказал: в пользу и не в пользу, потому что и дурные люди, хотя они и непригодны для добродетели, все же они полезны в общем состоянии мира, для некоторого домостроительства, как например, фараон.

Итак, кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести, освященным.

Видишь ли, что быть золотым или глиняным зависит не от природы или вещественной необходимости, как думают манихеи, а от нашей воли? Ибо каждому возможно очистить себя, то есть совершенно освободить от глиняного и деревянного и утвердить в себе золотое и серебряное произволение. Павел был глиняным, но стал золотым. Иуда был золотым сосудом, но стал глиняным. Итак, если глиняные сосуды унижаются, то как апостол говорит в другом месте: *сокровище сие мы носим в глиняных сосудах* (2 Кор. 4:7)? Там он говорит о природе нашего тела. Ибо как глиняный сосуд есть не что иное, как обожженная глина, так и тело наше, есть не что иное, как земля, скрепляемая теплотой души. Здесь же апостол говорит о свободном произволении.

И благопотребным Владыке.

Итак, глиняные сосуды негодны для руководственной цели Господа Бога, Который хочет, чтобы все спаслись, хотя, как сказано, эти сосуды и представляются пригодными для иного

употребления.

Годным на всякое доброе дело.

То есть хотя бы и не настало время делания, однако он будет пригоден и готов даже на мученичество или девство.

Юношеских похотей убегай.

Юношеские похоти — не только блудная похоть, но и всякое неуместное пожелание, властолюбие, или корыстолюбие. Ибо эти страсти и фантазии безрассудны и свойственны нетвердым душам. Смотри, как и старость уподобляется юности.

А держись правды.

Правдой называет добродетель вообще.

Веры.

Истинной и твердой веры и расположения к тем, кого любишь. Как бы так говорит: не будь неверен и нетверд. Поэтому прибавляет следующее.

Любви, мира со всеми призывающими Господа от чистого сердца.

То есть доверяй только тем, которые призывают Господа непритворно и нелицемерно, которые любят мир и несклонны к распрям; с ними общайся.

От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры.

Видишь ли, как апостол везде отклоняет Тимофея от состязаний. Это не потому, чтобы Тимофей не был способен опровергать их; он был способен; но потому, что совершенно бесполезно и вступать в такие состязания. Из них не выходит ничего доброго, кроме ссоры и ненависти. Таких состязаний, говорит, отрицайся, как глупых. Есть другие изыскания, именно, об истинах Писания, которых не следует отрицать, потому что они не рожают свар. Смотри, как заблуждаются те, которые ссорятся также и при изысканиях относительно Писаний.

Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем.

Приветливым, то есть кротким. Почему же апостол говорит: *обличай со всякою властью и строго* [3] (Тит. 2:15), и еще: *никто да не пренебрегает юностью твоею* (1Тим.4:12)? Потому что сильное обличение тогда особенно трогает, когда оно делается с кротостью. Скорее можно тронуть кротостью, чем пристыдить строгостью.

Учительным.

Для желающих учиться. Ибо он же говорит: *еретика после первого и второго вразумления отвращайся* (Тит.3:10).

Незлобивым.

В особенности это качество нужно иметь и в ожидании обращения и постоянного научения, и нескорого отлучения. Смотри, что следует дальше.

С кротостью наставлять противников.

Со строгостью и бранью душа не может усвоить ничего полезного. Ибо тот, кто хочет научиться чему-нибудь полезному, прежде всего должен быть расположен к учителю. Но как можно быть расположенным к человеку, который сердится и бранится? Почему же апостол говорит: *еретика после первого и второго вразумления отвращайся?* Там он говорит о неисправимом человеке, о котором известно, что он болен неизлечимо; а здесь речь не о тех, которые уже неизлечимы, что и видно из последующего.

Не даст ли им Бог покаяния к познанию истины.

Может быть, говорит, и будет какое-либо исправление. Слово *не даст ли* употребляется о предметах неизвестных или сомнительных. Следовательно, нужно отступить только от людей, совершенно неизлечимых, сомнительных нужно стараться исправить. Заметь, как он, поучая смиренномудрию, не сказал: не можешь ли ты, но: не даст ли им Господь придти в себя. Если, говорит, и произойдет что-нибудь, то принадлежит Господу; ты не гордись. Поэтому, если и мы убедим кого-нибудь, не будем думать, что мы сами убедили.

Чтобы они освободились от сети диавола.

Понимай это не только относительно учения, но и относительно жизни. Люди находятся в сети диавола не только по учению, но и по жизни. Следовательно, без озлобления должно исправлять и тех, которые колеблются в жизни. Ибо как воробей, хотя и пойман за одну часть, разумею ногу, находится во власти того, кто поставил сеть; так и мы находимся во власти диавола, хотя бы уловлены были им не всецело, разумею веру и жизнь, а только в жизни.

Который уловил их в свою [4] волю.

В заблуждениях, говорит, погрязают они; но уловленные Богом в Его волю, то есть Божию, может быть, они выйдут из вод заблуждения. Воля же Божия не только в том, чтобы веровать, но и жить право. Следовательно, понимай это не только в отношении к догматам, но и к жизни. Некоторые под выражением *который уловил их в свою волю* разумеют диавола [5].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие.

Так как в те времена много было злых людей, то чтобы Тимофей не смущался этим, апостол прежде сказал ему: *в большом доме* и так далее, а теперь говорит, что злые люди будут и после. Еще при Моисее были Ианний и Иамврий. Следовательно, это явление не новое и оно продолжится не до тебя только. Поэтому не негодуй. Времена тяжкие, то есть

весьма плохие. Не дни нужно понимать (ибо какие плохие дни?), но разумеются совершаемые в эти дни плохие дела и люди. Так и мы имеем обыкновение называть времена плохими и не плохими, по свойству дел, какие случаются в эти дни, или по свойству людей.

Ибо люди будут самолюбивы.

Тотчас указывает и причину всех зол, это забота не о делах ближнего, а только о своих собственных. Самолюбивый человек любит только себя самого, от чего происходит, что на самом деле он не любит и себя. Ибо как в членах тела вред, наносимый одному, распространяется и на остальные; или что бывает в зданиях, то и в Церкви: кто презирает брата и заботится только о себе, тот вредит себе самому.

Сребролюбивы.

Указав корень, в частности перечисляет и отростки от него, из которых первый и наибольший есть сребролюбие. Ибо как из любви — всякое добро, так от самолюбия, противоположного любви — всякое зло. Любовь широка и повсюду разливается; а самолюбие стесняет широту ее и сосредоточивается на одном только себе.

Горды.

Над людьми возвеличиваются и высятся.

Надменны, злоречивы.

Когда разрастается зло, то доходит и до восстания против Бога. Ибо если кто тщеславится пред людьми, тот будет потом приписывать себе и всякое совершенство, а не благодати Божией; тогда он становится уже богохульником.

Родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны.

Это справедливо: ибо кто Бога хулит, тот как станет почитать родителей? Кто не почитает родителей, тот будет неблагодарным и к другим людям. Такой человек и неправеден, потому что в сторону отлагает святость и долг, но он и недружелюбен. Ибо кого другого будет любить человек, который отверг своего благодетеля! *И непримирительны*, не примиряются ни с кем, хотя бы даже с благодетелем своим.

Клеветники.

То есть злословящие всех. Человек, не сознающий за собой ничего доброго, клеветает на всех, выдумывая и находя в этом, казалось бы, некоторое утешение для себя.

Невоздержны.

И в языке, и в чреве, и во всем другом.

Жестоки.

Видишь, какими делает самолюбие и сребролюбие? Зверями вместо людей.

Не любящие добра.

Враги всякого добра.

Предатели.

Предатели дружбы.

Наглы.

То есть нетвердые, непостоянные.

Напыщенны.

Исполненные надменности.

Более сластолюбивы, нежели боголюбивы.

Иначе и быть не может: ибо где любовь к сластям мирским, там желанию божественного нет места.

Имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся.

То есть они принимают только вид благочестия и притворяются, делами же отвергаются его. Заметь же, что сила благочестия и как бы нервы его — в делах. Почему праведно говорится, что оно без дел мертво. Слово образ в другом месте (Рим. 2:20) апостол употребляет в хорошей смысле. Учитель имеет образ знания, то есть созидает и образует знание в учениках.

Таковых удаляйся.

Если такие люди будут в последние времена, то как говорит: *таковых удаляйся?* Вероятно, и тогда было несколько таких: хотя не в большей степени, все-таки было; поэтому как бы так говорит апостол: такие и ныне найдутся, таковых отвращайся это хорошо будет. Поэтому и прибавляет: *к ним принадлежат те, которые вкрадываются в дома.* Или последними днями Павел называет дни, которые последуют тотчас по его кончине, а Тимофей останется еще в живых. Или, что ближе к истине, как судит святой Иоанн Златоуст, чрез Тимофея апостол увещевает всех удаляться от таких людей.

К сим принадлежат те, которые вкрадываются в дома.

Словом *вкрадываются* указывает на их бесстыдство и коварство.

И обольщают женщин.

Не сказал: обманывают, но: пленяют, пользуются ими, как рабынями. Ибо таков обольщаемый. Заметь, что предаваться обольщению свойственно женщинам. Следовательно

и мужчина обольщаемый может быть назван этим именем.

Утопающих во грехах.

Означает сие и множество, и беспорядочность, и смесь грехов. Обманывают не просто женщин ибо природа не должна быть осуждаема, но женок, имеющих множество грехов. Ибо кто не сознает в себе ничего доброго, тот скорее склоняется на ложные догматы, утешая себя тем, что не подвергнется наказанию за свои дела.

Водимых различными похотями.

То есть корыстолюбием, славолубием, страстью к роскоши, к нарядам. Указывает также и на постыдные пожелания. Смотри: *водимые*, как будто говорит о бессловесных.

Всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины.

Может быть, они достойны снисхождения? Никак нет, напротив, тем более не заслуживают его. Так как они погрязли в грехах и похотях, то отупел и разум их, так что их неспособность познать истину — не естественный недостаток, а следствие неправого направления их произволения.

Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине.

Это были волхвы времен Моисея. Откуда Павел узнал их имена, когда об этом не говорит Писание? Имена их заимствованы из неписаного предания, или, вероятно, Павел узнал о них от Святого Духа.

Люди, развращенные умом, невежды в вере.

Когда кто растлил свой ум страстями, тогда он бывает неискусен в вере. *Сказал безумец: нет Бога* (Пс. 52:2). Почему? Потому, что они развратились и сделались мерзкими в беззакониях. Посему для приятия веры потребен ум нерастленный. Итак, будем внимательны к себе, чтобы нам не растлиться страстями и чтобы в нас не нашла места порча веры.

Но они не много успеют.

Как же в другом месте апостол говорит: *они еще более будут преуспевать в нечестии* (2Тим.2:16)? Там он утверждает, что еретики, начав вводить новости и заблуждения, не останавливаются, но постоянно изобретают, более новые. Здесь же он утверждает, что они не обольстят и не увлекут многих, хотя сначала, казалось бы, и совращают некоторых, но скоро сами будут обличены. Посему прибавляет следующее.

Ибо их безумие обнаружится перед всеми, как и с теми случилось.

Если не веришь, научись из того, что случилось с теми волхвами. Те были обличены в том, что делали призрачные чудеса и обманывали, когда Моисей совершил истинное чудо. Поэтому все, что по существу своему нехорошо, на время только кажется хорошим.

А ты последовал мне в учении.

Те, говорит, таковы, но ты хорошо знаешь наши отношения, а они не таковы: ты не просто пристал ко мне, но и *последовал*, то есть долгое время пребывая и разделяя все со мной, внимал всему моему и навыв. Будь же крепок и борись с противниками. В *учении*, то есть в слове.

Житии.

То есть в жизни и нравах.

Расположении.

То есть в ревности и мужественном воодушевлении. Ибо я, говорит, не только учил, но и исполнял.

Вере.

То есть твердости в истинных догматах, или вере, не дающей в опасностях впасть в отчаяние, но веровать в Бога, что Он избавит.

Великодушии [6].

По отношению к еретикам. Ибо я не возмущался, но все принимал с кротостью.

Терпении.

В гонениях.

В гонениях, страданиях.

Я, говорит, не только был гоним, но и страдал. Два обстоятельства особенно смущают учителя — именно, что есть еретики и что приходится страдать. Относительно еретиков было много сказано, когда апостол убеждал Тимофея не смущаться ими. Теперь он говорит о своих собственных страданиях, чтобы ободрить ученика.

Постигших меня в Антиохии, Икони, Листрах [7].

Говорит об Антиохии Писидийской, о Листрах, откуда происходил Тимофей. Почему упоминает только о них? Так как они были более известны Тимофею, или были недавними сравнительно с другими событиями. Смотри, он не перечисляет их порознь, ибо пишет о них не для прославления, а по нужде, для утешения своего ученика.

Каковые гонения я перенес, и от всех набавил меня Господь.

То и другое внушает Тимофею: и я, говорит, имел ревность пострадать, и Бог не оставил меня. Поэтому и ты будь готов, и не будешь оставлен.

Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы.

И в этом весьма великое утешение. Что я говорю, продолжает апостол, о себе одном?

Все, желающие жить благочестиво и по Евангелию, будут гонимы. Гонениями апостол называет здесь не только преследование со стороны неверных, но и просто скорби и печали, которым подвергаются идущие путем добродетели. Ибо жизнь человеческая есть испытание, как говорит Иов, и кто идет тесным путем, тот по необходимости скорбит.

Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь.

Нисколько не смущайся, если они благоденствуют, а тебя постигают искушения: таков порядок вещей. Раздевшись для борьбы, тебе необходимо употребить усилие. Неразумно в борьбе искать отдыха. Если они и преуспевают казалось бы, то на деле это прельщение, а не преуспевание. Ибо апостол, определяя, что есть зло, сказал: прельщать и прельщаться.

А ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено.

Будь, говорит, неизменен и *не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие* (Пс. 36:1). Ты не просто научился, но и удостоверился, то есть ты принял учение с убеждением. Следовательно, хотя бы ты и увидел противное тому, в чем удостоверился, не смущайся: ибо и Авраам, слышав, что в Исааке наречется ему семя (Быт. 21:12), не смутился, когда получил повеление заклать его.

Зная, кем ты научен. Притом же ты из детства знаешь священные писания.

Два побуждения представляет апостол Павел к тому, чтобы Тимофей пребыл непоколебим: первое-то, что ты, говорит, научился не случайно от кого-нибудь, а от Павла, а это тоже, что и от Христа; второе — то, что ты научился не вчера, а с детства, и имеешь глубоко укорененным в себе божественное ведение. И оно не допустит тебя до чего-либо неразумного, что бывает у большинства людей. Ибо кто знает Писание, как следует, тот никогда не будет соvrрачен. Священными писаниями апостол называет все Божественное Писание. Это направлено против Симона и Манеса, и всех, кто дурно отзывался о Ветхом Завете.

Которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса.

Внешнее ведение умудряет человека прельщать других разными софизмами; отсюда пагуба души. Но божественное ведение не таково: оно умудряет во спасение. Какое? Спасение не чрез дела, не чрез слова, но чрез веру в Иисуса Христа. Ибо Священные Писания приводят человека к тому, чтобы он уверовал во Христа, Который соделывает для него спасение.

Все Писание богодухновенно и полезно.

Указав много способов утешения Тимофею, теперь апостол предлагает и самое большее — в чтении Священного Писания. Ибо он намерен сообщить ему нечто прискорбное, именно, что он оканчивает свое земное поприще. Итак, чтобы не падал духом, как лишаящийся общения с Павлом, он говорит: вместо меня ты имеешь Писания, которые могут тебе быть полезны. Некоторые задают вопрос: как апостол сказал: *все Писание богодухновенно*. Ужели и эллинские писания богодухновенны? И затрудняясь решением его,

переводят не: «богодухновенно», а богодухновенное, чтобы была мысль: всякое писание, которое есть богодухновенно, есть и полезно. Но им следовало бы взять во внимание, что, сказав выше: *ты знаешь священные писания*. Апостол говорит теперь: *все Писание*. Какое? о котором он говорил выше и о котором сказал, что оно священо. Итак, оно и есть *Писание богодухновенное и полезное* на все, что он перечисляет далее.

Для научения.

Полезно, говорит, тем, что научает нас тому, что надлежит нам знать. И нет ничего, что не было бы разрешено посредством Священного Писания.

Для обличения.

Если нужно изобличить ложь, и это можно почерпнуть отсюда.

Для исправления, для наставления в праведности.

Если нужно, говорит, исправиться и получить наставление, то есть вразумиться к справедливости, то есть чтобы поступать справедливо, то и это доставляет тебе Священное Писание.

Да будет совершен Божий человек.

Исправление, говорит, бывает чрез писание, чтобы у человека, по Богу живущего, ни в чем добром не было недостатка. Так что, если и ты желаешь сделаться таким же складным (ἀρτιος), то есть совершенным, здоровым и всегда во всем равным, не унывающим в печальных обстоятельствах и не гордящимся в благоприятных — ибо это свойственно неровному душевному настроению, — то имей Писание советником вместо меня. Если Тимофею, который был исполнен Святого Духа, апостол писал о чтении, то не тем ли более нам? Заметь, что без Писания нельзя быть совершенным.

Ко всякому доброму делу приготовлен.

Не просто принимай участие в Добрых делах, но будь *приготовлен*, то есть совершенно готов; и не только на одно готов, на другое — нет, но на всякое.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Итак заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых.

Апостол внушает Тимофею страх и в другом месте, сказав: *пред Богом, все животворящим, завещаваю тебе* (1Тим.6:13); здесь же он делает речь свою более страшной, напомнив о том суде. Того, говорит, Кто будет требовать отчет, привожу во свидетели, что и это я не скрыл от тебя. Живыми и мертвыми он называет или грешников и праведников, или умерших, а также и тех, кто тогда останется в живых. Некоторые, впрочем, понимают души и тела.

В явление Его и Царствие Его.

Когда имеющего судить? Во время пришествия Его, которое будет со славой и царским величием. Ибо второе пришествие будет не такое уничиженное, как первое.

Проповедуй слово.

К чему же именно апостол закликает? Что это означает? *Проповедуй слово*, не скрывай, или не зарывай в землю, сущего в тебе дара. О, да устрашимся сего мы, лентящиеся проповедовать.

Настой во время и не во время.

Проповедуй непрестанно, говори неутомимо, не однажды, а всегда. Пусть не будет для тебя определенного времени, но — *во время*, то есть во время мира, спокойствия и пребывания в церкви, и — *не во время*, то есть в опасностях и вне церкви, говори и проповедуй. *Во время и не во время* сказал апостол в том же смысле, в каком говорится это в обычной речи. Благовремением для проповеди почитают время мирное и спокойное, а безвремением для нее — время бедствий. Иные опять благовременной проповедью почитают проповедь в церкви, а безвременной — вне церкви. Или и еще иначе: не жди времени падения, но учи прежде, чем падет кто.

Обличай.

Когда видишь, что это должно сделать, то есть когда найдешь кого согрешающим или намеревающимся согрешить, то не пропускай даром.

Запрещай.

После того, как обличишь и докажешь погрешающему его погрешность, запрети ему, то есть наложи епитимию и наказание.

Увещевай.

Запрещение с наказанием подобно резанию, а утешение — приятному пластырю. Итак, приложи пластырь утешения, чтобы одно резание, производя крайнюю боль, не ввергло в отчаяние.

Со всяким долготерпением и назиданием.

Соединяй это со всеми предупредительными мерами. Ибо и обличать должно со всяким долготерпением, дабы обличаемый верил всему не без основания; *и назиданием*, объясняя, как он согрешил и в чем грех. Таким образом, должно и запрещать с долготерпением, налагая наказания не как врагу, но как сыну — вразумление. И в учении, то есть научая самого пользе наказания. Утешение больше всего нуждается в долготерпении и учении. С долготерпением не случайным, но «со всяким», то есть обнаруживающимся при всяком случае — и в делах, и словах и во внешнем виде.

Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут.

Итак, предупреди их, прежде чем низвергнутся в несчастье. Поэтому и сказал выше: *во время и не во время*; пока еще имеешь возможность убеждать, делай все.

Но по своим прихотям будут набирать себе учителей.

Апостол обозначает выражением *будут избирать* беспорядочную толпу учителей, а также и то, что они избираются народом, который будет действовать не по здравому разуму, но будет избирать тех, которые станут полагаться на их похотям и только удобное им говорить и делать.

Которые льстили бы слуху.

То есть желающие всегда слышать приятное, усладительное, ласкающее слух.

И от истины отвратят слух и обратятся к басням.

Видишь? они не по неведению заблуждаются, а произвольно. *Отвратят, говорит, слух и обратятся к басням*. Следовательно их зло — добровольное. Апостол говорит это не для того, чтобы повергнуть ученика в уныние, но чтобы убедить воспользоваться настоящим временем безопасности на должное, и чтобы он мужественно переносил, когда это случится; как и Христос говорит: *они будут отдавать вас в судилища и будут бить вас* (Мф. 10:17). И сам Павел в другом месте: *по отшествии моем войдут к вам лютые волки* (Деян. 20:29).

Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби.

Видишь ли, почему апостол сказал прежде всего, чтобы он бодрствовал? Как бы так говорит апостол: прежде чем наступить этой гибели, пока не придут волки, пострадай и добровольно, и против воли, чтобы привести овец в безопасное состояние.

Совершай дело благовестника.

Следовательно, дело благовестника — страдать и от себя, и от посторонних.

Исполняй служение твое.

Таким образом, тогда исполняется служение, когда кто страдает.

Ибо я уже становлюсь жертвою (σπένδομαι — букв. «возливаюсь» как вино на жертвенник), и время моего отшествия настало.

Не сказал: я приношу себя в жертву, но сильнее. Ибо в жертве не все приносится Богу, а жертвенное возлияние (вина) все было приносимо.

Подвигом добрым я подвизался.

Для чего Павел теперь превозносит себя за это? Он не превозносит себя, но утешает ученика, чтобы он не скорбел за него, потому что Павел, как достигший благого конца, отходит к венцу. Подобно тому, как отец пред смертью, утешая сидящего пред ним и плачущего сына, говорит ему: не плачь, чадо, мы прожили хорошо, мы воздвигли трофеи,

царь оказывает нам свое благоволение, и ты будешь славиться моими делами. Очевидно, отец говорит это для того, чтобы своими похвалами внушить сыну легче переносить разлуку с ним. Так и Павел утешает здесь Тимофея, оставляя свое послание, как завещание. *Подвигом добрым я подвизался*, посему и ты прими его на себя. Итак, Павел, где узы и оковы, там и подвиг добрый? Да, по тому самому, что он совершается за Христа. На обыкновенных зрелищах люди состязаются в течение многих дней, и на одну минуту получают венец; здесь же навсегда подвизавшимся слава. Поэтому подвиг добр, то есть приятен и славен.

Течение совершил.

Апостол совершил дело благовестия от Иерусалима и окрестности до Иллирика, прошел таким образом, преодолевая бесчисленные препятствия смерти, казни, бедствия, как бы имея огненные крылья.

Веру сохранил.

Много было такого, что покушалось отнять у него веру: угрозы, смертные опасности, соблазн удовольствий; но он устоял против всего, будучи бдительным и наблюдая за подкрадывающимся похитителем веры.

А теперь готовится мне венец правды.

Довольно для утешения и того, что было сказано; но здесь он прибавляет еще и о наградах, чтобы тем более поддержать ученика. Не следует, говорит, печалиться, скорбеть, потому что я отхожу получить венец. *Правдой* и здесь также апостол называет вообще добродетель.

Который даст (в слав. — воздаст, как и в греч. ἀποδώσει) мне Господь, праведный Судия, в день оный.

Не сказал: даст, но: «воздаст», как нечто должное, как долг. Будучи праведным, Он, несомненно, определит воздаяние за труды, так что венец по праведности должен принадлежать мне.

И не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его.

Здесь апостол ободряет и самого Тимофея. Ибо если всем воздаст, то тем более — тебе. Кто же любит явление Его? Тот, кто делает достойное этого явления, так что кто не делает, тот, очевидно, не любит его, напротив ненавидит его, чтобы не получить достойное по своим делам. Явление (ἐπιφάνεια) называется так потому, что является горе (το ἐλάνω φαίνεσθαι) и возсиявает свыше. Прежде всеобщего явления есть еще другое явление, в котором Господь открывается людям достойным, а не миру. Вот снова, говорит Господь: *Мы придем к нему, и обитель у него сотворим* (Ин. 14:23).

Постарайся придти ко мне скоро.

Почему апостол зовет к себе Тимофея, тогда как ему вверена была Церковь в Ефесе и целый народ? Потому, что он находился в узах, заключен был Нероном и не мог сам придти к

нему; поэтому он и зовет его в Рим, желая, может быть, перед смертью передать ему многое.

Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику.

Не говорит: я желаю видеть тебя прежде, чем умру, чтобы не опечалить его; но — так как я не имею никого, кто бы помогал мне в благовествовании, то ты поспеши придти. Что значит: *возлюбив нынешний век*? То есть возлюбив покой, жизнь безопасную и тихую, захотел лучше наслаждаться дома, нежели бедствовать со мной. Одного только Димаса он укоряет, впрочем, желал не его укорить, а нас устыдить, чтобы мы не ослабевали духом в опасностях; вместе с тем, он хотел еще более привязать к себе и Тимофея.

Крискент в Галатию, Тит в Далмацию.

Этих он не укоряет; ибо Тит был один из весьма дивных мужей, так что ему поручен был Крит. Итак, эти два мужа пошли не потому, что возлюбили нынешний век, но по делу, и, может быть, проповеди, или по другой какой нужде.

Один Лука со мною.

Он неотлучно находился при нем, написал Евангелие и Деяния апостольские. О нем апостол говорит в другом послании: *брат, во всех церквах похваляемый за благовествование* (2 Кор. 8:18).

Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения.

Не для собственного успокоения он требует его, но для служения Евангелию. Ибо и в узах он не переставал проповедовать. Следовательно, и Тимофея он призывал не для себя, но для благовествования, чтобы между верующими не произошло никакого смятения по случаю его смерти; когда многие из его учеников будут присутствовать при этом, они будут сдерживать смятение и утешать тех, которые не легко перенесут его кончину. Ибо между уверовавшими в Риме, вероятно, были и достопочтенные мужи.

Тихика я послал в Ефес.

Таким образом, я остался один, и твое присутствие необходимо.

Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги.

Здесь апостол говорит об одежде; он требует ее для того, чтобы не иметь надобности брать у других. Ибо повсюду он прилагает большую заботу, чтобы не нуждаться в других. Некоторые, впрочем, думают, что это ящик, футляр, в котором лежали книги. Для чего нужны были книги ему, готовившемуся отойти к Богу? чтобы передать их верующим, чтобы они имели их вместо него.

Особенно кожаные.

Вероятно, они содержали в себе нечто более ценное.

Александр медник много сделал мне зла.

Апостол вспоминает об этом искушении не с тем, чтобы укорить того человека, но чтобы убедить ученика мужественно переносить искушения со стороны ничтожных и презренных людей. Многие, подвергаясь оскорблениям со стороны знатных людей, переносят их, находя себе утешение в высоком положении своих оскорбителей. Терпеть же от ничтожных и отверженных людей причиняет большую скорбь. Поэтому Павел и говорит: *много сделал мне зла*, вместо: сильно и разно страдать меня заставлял. И обычно так бывает, что люди незначительные и низкие, когда начнут делать зло, то уже никакой пощады не дают, нимало не заботясь о мнении общества.

Да воздаст ему Господь по делам его!

Мужайся, говорит апостол: это не пройдет ему безнаказанно, но *да воздаст ему Господь*, вместо: воздаст; ибо это великое пророчество, а не клятва. Это сказано Павлом не потому, чтобы святые радовались наказаниям, но потому, что дело проповеди имело нужду в усмирении препятствовавших ему, а также и слабейшие из верующих весьма много утешались этим.

Берегись его и ты.

Не сказал: причини скорбь, накажи, хотя по благодати Святого Духа он мог это сделать, но заповедует беречь себя, то есть уклоняться, удаляться от него, предоставляя наказание Богу.

Ибо он сильно противился нашим словам.

То есть войну ведет и противодействует благовестию Евангелия.

При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили.

Снова апостол повествует о других искушениях, чтобы более ободрить своего ученика. Но о каком он говорит первом ответе? Он еще прежде был представлен Нерону и избежал смерти, так что с того времени и проповедовал; но когда он обратил его виночерпия, тогда Нерон, вспыхнув гневом, отсек ему голову. Апостол высказывает скорбь словами: *все меня оставили*. Как бы так он говорит: даже свои изменили мне, и я был лишен всякого утешения. Поэтому и ты, будучи оставлен в опасных случаях, имей утешение в моем примере.

Да не вменится им!

Видишь ли, как он щадит близких к нему? Конечно, они, близкие его сотрудники, сделали тяжкий проступок, оставив его. Ибо не одно и то же — быть оставленным посторонними людьми и своими. Однако апостол молится, чтобы это не было им вменено, конечно, от Бога, иначе это большой грех и заслуживает быть вмененным.

Господь же предстал мне.

Это опять утешение для ученика; ибо показывает, что человеку, оставленному людьми. Бог не попускает потерпеть что-либо бедственное.

И укрепил меня.

То есть даровал дерзновение, не попустил пасть.

Дабы через меня утвердилось благовестие.

Посмотри, как велико его смиренномудрие. Не потому, говорит, Бог укрепил меня, чтобы я был достоин такого дара, но *дабы мной утвердилось благовестие*, или прошло из конца в конец и исполнилось. Это подобно тому, как если бы кто носил багряницу и диадему, и из-за них спасался.

И слышали все язычники.

То есть чтобы всем сделались известны и слава проповеди, и попечение о мне Промысла.

И я избавился из львиных челюстей.

То есть от Нерона. Он называет его львом, по причине могущества его царства и непреклонности. Видишь, как близок он был к смерти, попав в самые челюсти льва.

И избавит меня Господь от всякого злого дела.

Пред сим Он избавил меня от телесной смерти; поскольку же я довольно уже проповедовал, то далее, надеюсь, Он избавит меня уже не от телесной смерти, так как я уже *становлюсь жертвою*, но от всякого греха, то есть не допустит мне расслабнуть пред смертью, но даст до крови противостоять греху, что значит избавиться от мысленного льва. Итак, это последнее избавление, когда ему предстояло быть преданным на смерть, важнее первого, когда он избежал смерти.

И сохранит для Своего Небесного Царства.

То есть избавит меня от всякого греха и сохранит там. Ибо спастись для Царствия Небесного значит умереть за него здесь. *Ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (Ин. 12:25). Вот истинное спасение, когда мы просияем так.

Ему слава во веки веков. Аминь.

Вот славословие Сыну, как и Отцу; ибо Он — Господь.

Приветствуй Прискиллу и Акилу.

Это — те лица, которые, восприняли и научили вере Аполлоса, гостеприимством которых пользовался и сам Павел и о которых он постоянно вспоминал. Жену он поставляет прежде, потому что она была усерднее и более предана вере, она научила вере и Аполлоса; — или апостол делает это безразлично. Приветствие же свое высказывает, чтобы отчасти утешить их, отчасти выразить этим почтение и любовь и — что важнее — преподать великую благодать. Ибо и одно приветствие такого блаженного и святого мужа могло исполнить великой благодати того, кто удостоился его.

И дом Онисифоров.

То есть домашних его. Сам он был в Риме и служил Павлу в узах, как выше сказано. Своим приветствием апостол делает их более усердными для преуспевания в подобных делах.

Ераст остался в Коринфе; Трофима же я оставил больного в Милите.

Так как о них апостол не вспоминал, то теперь вспоминает и показывает, что он всеми оставлен, побуждая тем Тимофея скорее придти к нему. Почему апостол не исцелил больного Трофима? Потому, что не все могут делать святые, так как это дело Божие, чтобы люди не боготворили их. Так и Моисей, с детства косноязычный, не исцелил себя и не вошел в обетованную землю, чтобы его не почли за Бога. Так и сам Павел имел сильную болезнь. Милит находится близ Ефеса. Следовательно, Павел оставил Трофима в Милите или тогда, когда отплывал в Иудею, или после того, как побывал в Риме и снова возвратился в эти страны, — затрудняемся сказать.

Постарайся придти до зимы.

Так как я совершенно оставлен всеми, как это ты видишь, то поспеши придти. Не говорит: прежде моей смерти, так как это опечалило бы, но: дабы не встретить затруднений от зимы — увидеть меня, хотя этого и не сказано.

Приветствуют тебя Еввул, и Пуд, и Лин.

Об этом Лине некоторые говорят, что он был вторым после Петра епископом Римской Церкви.

И Клавдия.

Видишь ли, как и жены были усердны и пламенны в вере, как и они распяли себя для мира? Ибо и этот род нисколько не ниже мужчин, если хочет. И в житейских делах они много способствуют жизни, так как берут на себя заведование домашним хозяйством и тем дают возможность своим мужьям беспрепятственно заниматься общественными делами. И в духовных делах они даже более мужей могут преуспевать, в целомудрии, святости, скромности и посте, вообще женскому полу нет никаких препятствий к добродетели, если они желают.

И все братия.

Уже не вспоминает их по имени, — так много были верующих; вспоминает же поименно только более прославившихся, так как они уже отрешились от мирских дел и были пламеннее духом.

Господь Иисус Христос со духом твоим.

Не скорби, говорит, что я нахожусь далеко от тебя; Господь с тобой. И не сказал: с тобой, но: *со духом твоим*. Сугубая помощь: от благодати Духа и от Бога, помогающего ей. И иначе апостол дает понять то: Господь тогда с нами бывает, когда мы имеем с собой Духа и злостью не изгоняем Его.

Благодать с нами [8]. Аминь.

Наконец, испрашивает и себе благодати, чтобы всегда быть благоугодными Богу и иметь от Него благодать. Как видящий царя и пользующийся его благоволением не чувствует никакой скорби, так и мы, хотя бы лишились друзей, хотя бы подверглись бедствиям, не будем чувствовать никакой скорби, если благодать будет находиться при нас и ограждать нас. Этого же иначе и быть не может, как только если мы будем делать угодное Господу. Подобно тому, как в домах те слуги пользуются благоволением господ, которые делают угодное им, так и каждый из нас будет иметь благодать от общего всем Владыки, если будет заботиться о том, что принадлежит Ему. Да исполнится же так Его промышление о всех, Ему слава во веки. Аминь.

Примечания

1. Блж. Феофилакт опустил поставленное в скобках.
2. *Христовым* у блж. Феофилакта опущено.
3. *И строго* прибавлено у блж. Феофилакта.
4. Блж. Феофилакт читает: *в Свою*.
5. В русском переводе именно этот смысл и предан настоящему месту.
6. Далее в тексте читается: *любви*. Но бл. Феофилакг это слово опускает.
7. Ср. Деян. 13: 14.
8. В тексте читается: *с вами*. Но блж. Феофилакт, св. Иоанн Златоуст и др. читают: *с нами*. И кажется. Это лучше.

Толкование на послание к Титу Святого Апостола Павла

Предисловие

Из спутников Павла Тит был опытнейший муж; именно поэтому он был рукоположен Павлом во епископы острова Крита, и ему было поручено рукоположение и суд над многими епископами. Ему, как совершенно опытному, и недоконченное исправить поручается этим посланием, которое Павел пишет ему до заключения своего в узы, когда он был еще на свободе. Ибо нигде он здесь не упоминает об испытаниях. Поэтому мне кажется, что это послание предшествует второму посланию к Тимофею, ибо то писал он при конце жизни. Он постоянно упоминает здесь о благодати, которой мы спасены, зная, что она служит великим утешением. Кто вспомнит, кем он был прежде и каких после того удостоился даров и благодати, тот приложит все старание, чтобы не прогневать своего Благодетеля. Нападает также и на иудеев, но не удивляйся, если он порицает весь народ. Он делает это не для оскорбления, а из любви к Богу и по пламенной ревности, подобно как и Христос многократно обличал книжников, но не за Себя, а за то, что они других вовлекали в погибель. Апостол пишет краткое послание, чтобы даже и этим научить нас добродетели Тита. Ибо он не нуждался в длинных речах, а только в некотором напоминании.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа.

Безразлично употребляет эти выражения, иногда называет себя рабом Христовым, апостолом Божиим, а теперь наоборот. Так он не полагал никакого различия между Отцом и Сыном.

По вере избранных Божиих и познанию истины, относящейся к благочестию.

Понимать это можно по-разному: или — что я стал апостолом, чтобы избранные уверовали чрез меня, или — что я избран апостолом не за мои совершенства, но потому, что Бог благоволил вверить мне избранных Его. Поэтому все есть дело благодати, а не потому, чтобы я был достоин, но ради избранных. Потом, чтобы показать, что и мы должны привнести что-нибудь, он прибавил: *и познанию истины*, то есть, так как я познал истину учения сего, поэтому и вверено мне. А лучше: даже и познание не наше, но Он источник и этого. Ибо прежде мы были познаны, а потом познали. Или, что я уверовал, подобно; прочим избранным, и познал истину. Даже для противопоставления иудейским обрядам он сказал: *истины*. Ибо они — не истина, хотя и не ложь, а образ и тень; и, называя нас избранными, он осуждает иудеев. Ибо, если и они были некогда избранными, но не теперь. Смотри: прежде вера, а потом от нее познание, но не от рассудочных изысканий. Сказав: *истины*, прибавил: *относящейся к благочестию*, потому что и в житейских делах есть познание истины. Например, кто-нибудь истинно знает земледельческое дело, или строительное дело. Итак, не об этой истине речь, а об истине по благочестию.

В надежде вечной жизни.

Сказав, насколько благодетельствовал нас Бог для настоящей жизни, говорит и о том, что Он даст в будущем. Уже и самое познание истины — величайшее благодеяние для нас, освобожденных от заблуждений. Но в награду за это Он даст нам еще и жизнь вечную. Так как мы познали Его, то мы и надеемся, говорит, на вечную жизнь. Видишь ли, как он тотчас же, с самого начала, указывает на благодеяния Божии, чтобы как самого епископа, так и тем более его учеников сделать более готовыми к тому, чтобы угодить Благодетелю? Словами в *надежде вечной жизни* он ниспровергает иудейские обряды, ибо они имели наградой настоящую жизнь.

Которую обещал неизменный в слове Бог прежде вековых времен.

Если Он неизменен, то, несомненно, даст и после смерти то, что обещал. Издревле еще, говорит. Он предопределил это, а не вследствие раскаяния. Не потому, что иудеи не обратились к Нему, Он даст это нам, а потому, что издревле так было предопределено, — и Он возлюбил нас от века. Что Он возлюбил нас от начала, — это указывает на наше благородство.

А в свое время явил Свое слово в проповеди.

Чтобы кто-нибудь не сказал: почему Он медлил дать то, что определено от вечности? говорит, что из попечения о нас и для того, чтобы сделать это благовременно. Временем Писание называет удобное время, как например: *время Господу действовать* (Пс. 118:126). Итак, в свое, говорит, время, то есть сообразное, надлежащее время. Что же Он явил? *Слово*, говорит, *Свое*, то есть Евангелие. Каким образом? *В проповеди*, то есть явно, с дерзновением. Проповедующий не прибавляет, не убавляет. Так и мы проповедуем то, что нам поведено конечно, только в слух всех, как и Христос сказал: «проповедуйте на кровлях» (Мф. 10:27), означая способом и местом прямо, беспристрастность, свободу. Заметь: последовательность требовала сказать так: явил в свое время, то есть вечную жизнь, но он привел не так, а — *явил Свое слово*. Справедливо. Ибо Евангелие все объемлет; как то, что в настоящее время нам дано, как то: благочестие, веру, истину, так и то, что обещается в будущем веке, то есть жизнь вечную. Некоторые, впрочем, под *Словом Его* разумели Сына.

Вверенной мне по повелению Спасителя нашего, Бога.

Эта проповедь, говорит, поручена мне. Итак, если поручено, то я не должен мыслить того, что недостойно Поручившего мне, не должен притворяться, или выражать неудовольствие на то, что мне поручено. К тому же это поручено мне *по повелению*, иначе сказать: я невольно вынуждаюсь делать это. Из того, что должно делать, одно делается по повелению, другое — по увещанию. Например: *примиришься с братом твоим* (Мф. 5:24), — это повеление, и кто не исполнит его, наказывается; но: *продай имение твое* (Мф. 19:21), если желаешь, и еще: *кто может вместить, да вместит* — это увещания, и не исполняющий их не наказывается. Итак, говорит, мне поручена проповедь по повелению, так что мне необходимо исполнить его. *Горе мне*, говорит, *если не благовествую* (1 Кор. 9:16), и это — не по властолюбию, а по нужде. Чье же повеление? *Спасителя Бога*. Поэтому, если повелел это Бог, желающий нашего спасения, то как я не покажу своего расположения спасительному делу?

Титу, истинному сыну.

Сын может быть и не истинный, как блудник христианин, или корыстолюбец: такой сын, хотя и возрожден чрез крещение, но не истинный, потому что недостойн отца.

По общей вере.

Назвав Тита сыном и усвоив себе звание отца, апостол снова уменьшает эту честь, говоря: по вере я не имею ничего больше в сравнении с тобой, ибо она общая и ею возродились как я, так и ты. Почему же апостол называет его своим сыном? Или — чтобы показать свою любовь к нему, или — потому, что он сам крестил Тита. Так как у обоих одна и та же вера, они — братья друг другу. А так как Павел крестил Тита, он отец ему. Итак, выражение *по общей вере* означает братство.

По общей вере: благодать, милость и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего.

И этим указывает на братство, когда говорит: *от Бога Отца*, он возбуждает Тита, чтобы тот помнил, чей он сын, именно — Божий. Смотри, как он чего желает простым людям, того же желает епископу и учителю. Ибо ему самому более других нужна благодатная Божия сила, как несущему претяжелые бремена, нужна милость, как такому, которому трудно избегать повинности пред Богом во многом, нужен мир, как поставленному в необходимость быть в столкновениях и вести непрерывную борьбу. Ибо и одно исправное прохождение епископства возводит на небо, и одна неисправность низводит в ад.

Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное.

Подобно тому, как в домашнем быту из приставленных на служение один делает одно, другой- другое, точно так и они разделили между собой вселенную по частям, и все трудились. На это именно и указывается здесь словами *оставил тебя в Крите*, потому что сам он, очевидно, отправился в другое место, чтобы трудиться там. Смотри, как он не стесняется писать ученику, чтобы тот довершил недоконченное им. Он заботился об общей пользе, а не о своей собственной чести. Обрати внимание также и на то, что все это он исправлял сам; что же вело к чести, или похвале, это он поручает ученику, — разумею рукоположение епископов и все прочее, что имело нужду в большем устройстве.

И поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал.

Так он называет здесь епископов, и в Послании к Тимофею. *По всем городам*, говорит. Он не желал, чтобы весь остров поручен был одному лицу, но чтобы каждый город имел своего пастыря. Таким образом и труд будет легче, и наблюдение тщательнее.

Если кто непорочен.

Если ведет жизнь, свободную от нареkania, если никто не укоряет его за образ жизни. Ибо если свет, говорит, тьма, то тьма во сколько более?

Муж одной жены.

Чтобы заградить уста еретикам, осуждавшим брак, он принимает в епископы женатого

человека. Ибо брак настолько честен, что при нем можно восходить даже на священный престол. Но чтобы обуздать невоздержных, он говорит: *муж одной жены*. Ибо кто не сохранил никакого расположения к умершей, как он будет хорошим предстоятелем в Церкви? Епископ должен быть непорочен. Двоеженец же — не беспорочен, хотя это и допускается гражданскими законами.

Детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности.

Кто не воспитал собственных детей, как будет управлять другими? Ясно, что если бы он сначала хорошо и заботливо воспитывал своих детей, то они не вышли бы непокорными. Ибо грехи не таковы по своей природе, чтобы они могли быть сильнее такого попечения. Апостол не сказал просто: не распутных детей, но даже совсем свободных от укоризны в распутстве и свободных от дурного подозрения.

Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель.

Как он может быть беспорочен, если у него неверующие и невоспитанные дети? Бог поставил его над домом Своим, Божие занимает он место; поэтому во всех отношениях должен быть точным исполнителем воли Его.

Не дерзок (*μη αυθάδη*).

Гражданские начальники властвуют над подчиненными силой закона, посему могут проявлять дерзость и самолюбие. Епископ же управляет добровольно подчиненными ему, и он не должен доходить до такой дерзости, чтобы поступать самовластно, самовольно и не спрашивая мнения своих подчиненных; ибо это будет насильственно.

Не гневлив.

За самолюбием необходимо следует гневливость, от которой также, само собой, следовательно, епископ должен воздерживаться. Ибо как он научит других обуздывать эту страсть, если не научил этому самого себя?

Не пьяница.

То есть оскорбитель. Какая необходимость оскорблять? Непокорных следует приводить в страх геенной, а не оскорблять.

Не бийца.

Ни руками не наносящим побоев, ни словами горькими и ожесточительными. Ибо он врач. А врач скорее врачует раны, но не наносит их сам.

Не корыстолюбец.

То есть показывающий великое презрение к богатству. В епископе всякая стяжательность, даже и праведная, срамна.

Но страннолюбив.

Не только не получать прибыль, но и все раздавать странникам.

Любящий добро.

Так называет апостол кроткого, умеренного и независтливого.

Целомудрен.

То есть чист.

Справедлив.

Нелицеприятен в отношении к людям.

Благочестив.

То есть благоговейный ко всему божественному, не опускающий ничего в отношении к Богу.

Воздержан.

Воздержанному не только в пище, но и на язык, руки и постыдные взоры; ибо в том и состоит истинное воздержание.

Держащийся истинного слова, согласного с учением.

Вместо: заботящийся, пекущийся об этом деле. Истинного, или преподанного посредством веры, а не посредством умствования. Поэтому и сказал: *согласно с учением*, показывая, что он мог учить и без внешней мудрости. Не торжественность выражений нужна, а опытность в Писаниях и сила в мыслях. Ибо такое только учение будет иметь успех, как и учение самого Павла.

Чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать.

То есть чтобы как своих охранял и укреплял, так и врагов отражал. Ибо кто не силен ни с врагами бороться и пленять *всякий разум в послушание Христу*, ни своих утешать, вразумлять и утверждать, тот лжеепископ. Другие добродетели можно находить и в подчиненных, как то: страннолюбие, здравомыслие и прочее; но что более всего характеризует епископа, — это учительство.

Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков.

Он указал на корень всех зол — непокорность. Так как непокорный не хочет состоять под начальством, а наскакивает, чтобы начальствовать над другими, — очевидно ничему здравому и правому не научился, потому что не хотел снести, чтобы его учили. Прельщающий себя и других есть суеслов и умопрельщенный.

Особенно из обрезанных.

Их и Господь укорял в любоначалии, потому что они не оставили этого недуга и после того, как уверовали.

Каковым должно заграждать уста.

То есть сильно, обличать, чтобы замыкались у них уста. А что пользы, когда они из не покоряющихся истине? Для них — никакой, но полезно это для тех, которых они могут развратить, если епископ будет молчать; за развращение их сам епископ даст ответ. Посему таким нужно заграждать уста: если не можешь, не будь епископом.

Они развращают целые дома, уча, чему не должно, из постыдной корысти.

Видишь, что значит непокорность в связи с сребролюбием и *постыдной корыстью*, как они развращают дома! Они — рычаги в руках диавола, посредством которых он разрушает дома Божии.

На них же самих один стихотворец сказал: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». Свидетельство это справедливо.

Спрашивается, почему он привел свидетельство из греческих писателей и одобрил его, хотя оно несправедливо? Да и кто это сказал? Правда, сказал Эпименид, более всех греческих мудрецов занимавшийся предсказаниями и умилоствлением богов и славившийся благодетельным даром прорицания. Он, действительно, когда увидел, что критяне воздвигли гробницу Зевсу и стали почитать его как какого-нибудь человека, как бы ревнуя о славе отечественного бога, составил следующее обращение к Зевсу: будучи таким-то и таким-то, критяне воздвигли тебе гробницу; между тем ты не умер, ты всегда живешь. Этому изречению Павел дает теперь свидетельство истины. Как же он делает это? Ведь если сказано истинно, — значит, Зевс бессмертен. Нет, не на это апостол обратил внимание, говоря, что свидетельство истинно, но на то, что Эпименид назвал критян лжецами и прочее. А какая польза в языческом свидетельстве? Чрез это он лучше всего подействовал на них, представляя им в доказательство их надменности их собственных писателей. Павел обычно делает так; подобным образом он рассуждал и с афинянами на основании Арата: что тот приписывает лжеименному богу Зевсу, то он относит к истинному Богу, так как на основании их собственных свидетельств они лучше могут убедиться. Подобным образом и с иудеями он говорит на основании пророков, а не на основании Евангелий. Так поступает и Бог, привлекая к Себе каждого привычным и верным для него путем. Так, волхвов — посредством звезды (Мф. гл.2), Саула чрез волшебницу (1Цар.гл.18), так как тот верил ей, а гадателей — чрез животных (коров), везших кивот; и это не значит, что языческие гадатели говорят правду, — напротив, он обличает их их же устами. И Валааму Бог дозволяет благословлять и пророчествовать (Числ.гл.23 и 24). Ибо обычно всегда оказывает снисхождение для нашей пользы. Почему же Христос и Павел запрещали демонам говорить и свидетельствовать? Потому, что достаточно было знамений, чтобы верить; и Христос Сам проповедовал о Себе, и этого было достаточно. Притом, демонам не воздавалось поклонения, а идол не сам вещал. Поэтому бесам и запрещалось говорить.

По сей причине обличай их строго.

Так как они, говорит, лжецы, что объясняется их коварством, и чревоугодливы, то для

них нужно сильное и обличительное слово, ибо кротость для них бесполезна. Как тот, кто укоряет кроткого человека, губит его, так и тот, кто льстит бесстыдному человеку, портит его, не давая ему узнать себя самого. Здесь, говорит апостол, не чужих должно обличать, а своих.

Дабы они были здравы в вере, не внимая Иудейским басням.

Итак, здравие состоит в том, чтобы не вводить ничего ложного, ничего чуждого вере; подобно как подчинить себя закону не значит смело уповать на веру, что ее достаточно, чтобы спастись. Это немаловажная ошибка. Иудейские обычаи — вдвойне басни: и потому, что они несвоевременны и совершенно бесполезны, и потому, что внимать им вредно. Итак, как басням не должно верить, так и им. Конечно, святыя книги Ветхого Завета, правильно понимаемые, не суть басни. Да и как это может быть, когда из них мы научаемся евангельской истине? Но неправые толкования и прибавления — вот что басни. Слушай, что следует дальше.

И постановлениям людей, отвращающихся от истины.

Видишь, что он называет баснями? Заповеди человеческие, как написано у Исаии (Ис. гл.29) и в Евангелии (Мф. гл.15), и прочее, очевидно, также и наблюдения относительно яств, как видно из последующего.

Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть.

Итак, не по природе своей чисты или нечисты яства, но по произволению вкушающих. Последние, будучи чисты и благочестивы, знают, что все чисто, как творение Божие, что один только грех нечист. Ибо, если и закон считал нечто нечистым, так это было не бесцельно, но для обуздания невоздержанности, зная, что евреи без принуждения не повиновались бы ему, как чревоугодники. Конечно, если вкушающие будут чисты и благочестивы, то для таковых все будет чисто. Каким образом? Ибо, если так рассуждать, то рыбы, пожирающие людей, и птицы, считающиеся чистыми, но питающиеся червями, должны бы казаться нечистыми. Поэтому нечистая мысль, направленная в дурную сторону, сама собой грязнит то, что по природе не таково. Подобным образом страдающий желудком думает, что яства неприятны, хотя бы они были приятны; и страдающему головокружением твердо стоящая земля кажется движущейся. Такое подозрение зависит от его болезни. Это относится как к манихеям, так и к маркионитам и ко вновь народившимся от них еретикам, у большинства называемых галатами [¹].

Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу.

Видишь ли, что делает их нечистыми и мерзкими? то, что дела дурны и нечисты. Ибо поистине *вера без дел мертва* (Иак.2:17). Мертвый же внушает омерзение и ни к чему не годен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ты же говори то, что сообразно с здравым учением.

Хотя бы они были неверующими и бесчестными людьми, ты все же делай свое дело: не молчи, хотя бы они и не принимали учения.

Чтобы старцы были бдительны.

Так как недостаток старости — лень, медлительность и неудобоподвижность, поэтому говорит, чтобы были бдительны, то есть бодрствовали бы и были бы готовы на все должное.

Степенны, целомудренны.

Целомудренными называет здесь рассудительных, имеющих здоровое состояние ума. Ибо и между старцами бывают люди неистовые, беснующиеся и безумные, — одни от вина, другие от малодушия.

Здравы в вере, в любви, в терпении.

Заповедь о терпении особенно прилична старцам, по причине их вспыльчивости и раздражительности.

Чтобы старицы также одевались прилично святым.

Говорит о старицах, которые и по внешнему виду, и по одежде должны казаться приличными. Некоторые, впрочем, думают, что здесь речь о диакониссах, от которых апостол требует, чтобы они и по самому одеянию казались благоприличными, то есть отвечающими их священному служению.

Не были клеветницы, не порабощались пьянству.

Так как к старости человек охлаждается, то является расположение к вину, а затем, не будучи в состоянии удерживаться, как слабый, побеждается не от умеренного, а от большого употребления вина, а отсюда является склонность к клеветам.

Учили добру.

Как же в другом месте говорит: *а учить жене не позволяю* (1Тим.2:12)? Там он говорит о публичном учении в церкви, которое женам не дозволяется, а здесь об учении домашнем, притом только жен младших. Что это говорит апостол, слушай далее.

Чтобы вразумляли молодых любить мужей.

Не своих только дочерей, а и вообще всех юных по возрасту. Каждая старшая пусть вразумляет младшую, и прежде всего важнейшему домашнему благу — любить мужа. Когда это налицо, и остальное последует, порядок в доме и изобилие в имуществе; когда же этого нет, то хотя бы и все было, все утечет.

Любить детей.

Кто любит корень, то есть отца, тем более полюбит и плоды, то есть детей.

Быть целомудренными, чистыми, попечительными о доме, добрыми [2].

Жена, любящая мужа, и целомудренна будет, и непорочна, то есть и телом и мыслью чиста и от смешения с сторонними, и от похотливого пожелания; а также будет хорошей правительницей дома, то есть хозяйкой. Любя мужа, она заботится и о доме, не будучи занята украшениями, ни роскошью, ни безвременными расходами. И кому еще другому будет нравиться, раз понравившаяся возлюбленному? Смотри, как Павел, отвлекавший прежде от житейских забот, теперь прилагает великое старание о делах домашних, потому что, когда в хорошем состоянии находятся эти, дела, хороши будут и духовные.

Да не порицается слово Божие.

Видишь ли, что он преимущественно заботится о проповеди, а не о мирских делах? Если верующая жена, живущая с неверующим мужем, не добродетельна, то хула переносится на веру.

Юношей также увещевай быть целомудренными.

Старших поставил учителями для младших, женщин для женщин; для юношей — самого Тита, мужа для мужей: везде соблюдает благоприличие. Чему же их наставлять и вразумлять? Быть целомудренными, ибо в молодом возрасте больше всего причиняет вред огонь постыдных удовольствий, который должно погашать и стараться быть целомудренным.

Во всем показывай в себе образец добрых дел.

Пусть старшие женщины поучают младших, а сам ты поучай юношей. Однако ж общим училищем и образцом добродетели пусть будет твоя светлая жизнь, как бы какое первоначальное изображение, поставленное на виду у всех, желающих научиться чему-нибудь доброму в ней.

В учительстве чистоту.

Это выражение зависит от общего: показывай. Чтобы то, чему ты учишь, не было, говорит, порочно и ложно, но здраво и имело правильный смысл.

Степенность [3].

Чтобы учение не имело ничего юношеского и смущающего неразумных, но чтобы все было благочестно и достойно Бога.

Слово, здоровое, неукоризненное.

То есть православное, не содержащее ничего укоризненного.

Чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого.

Противным называет или дьявола, или всякого, кто ему служит.

Рабов увещевай повиноваться своим господам, угождать им во всем.

Посему достоин осуждения тот, кто разлучает жен и мужей под предлогом воздержания, и кто отделяет слуг от господ под предлогом благочестия. Ибо дает много поводов к нареканию всем и открывает уста всех против веры.

Не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность.

Видишь, что требует от рабов? То, что больше всего успокаивает господ, именно, чтобы не прекословили, не крали, но были верны. Для мирских людей это больше всего желательно.

Дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего, Бога.

Если рабы таковы, они служат во славу христианства. Ибо когда язычник увидит своего раба, так воспитанного христианством, разве он не будет удивляться учению, которое имело такую силу, что улучшило и такую душу? А насколько всегда дерзок и упрям этот рабский род, но оттого, что, пренебрегаемый господами, худо воспитывается и не руководствуется наставлениями и обращением с честными людьми. Посему Павел справедливо говорил в другом месте: *служба как Господу, а не человекам* (Еф.6:7). Хотя ты служишь своему господину, однако честь относится к Богу, потому что и расположение к господину имеет начало в том страхе.

Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков.

Так как апостол много великого потребовал от рабов, — разумею именно то, чтобы они украшали учение Господа своею добродетельной жизнью, — то теперь показывает, почему справедливо он требует от них таких высоких качеств. Ибо и для них также явилась благодать, хотя они рабы. *Для всех*, говорит, *человеков*. И им даровал Господь очищение многих грехов, и они должны жить прочее время во славу своего Благодетеля.

Научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти.

И здесь пристыжает их. Имея, говорит, учителем Бога, разве вы не должны жить достойно Его? Благодать эта, говорит, простирается не на отпущение только прежних грехов, но обеспечивает нас и на будущее время. Научает, чтобы мы жили прочее время целомудренно, так как прежде совершенно отказались от нечестия и мирских похотей. Выражением *отвергнув* он означает полное отвращение, проистекающее от настроения всей души. *Нечестием* называет идолопоклонство и извращенные догматы. *Мирскими похотями* — корыстолюбие, роскошь и прочие пороки, которые не приводят к небу, но полезны в этом мире и вместе с ним прекращаются. Посему Христос пришел для того, чтобы мы отказались от нечестивых учений и грешной жизни, с одинаковой силой возненавидев то и другое.

Целомудренно, праведно и благочестиво жили.

Целомудренно — означает не только воздержание от блуда, но и от прочих страстей. И если ты любостыжателен, то и не целомудрен, напротив, еще более невоздержан, поскольку страсть эта не природная. Вообще, побеждаемый всеми страстями — не целомудрен.

В нынешнем веке.

Этот век представляет борьбу, а будущий — воздаяние.

Ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа.

Вот и награда, Второе Пришествие, поистине блаженное. Прекрасно сказал: *славы*. О двух явлениях он говорит. Первое, как и выше сказано, имело благодать и прощение, которое совершилось с милосердием и простотой. Второе — воздаяние, имеющее открыться со славой, как и в Евангелии говорится: *когда же придет Сын Человеческий во славе Своей* (Мф. 25:31). Где те, которые унижают Сына и не хотят называть Его Богом? Пусть они выслушают, что Он — и Бог, и велик. Велик, сказано, как Бог, не по сравнению с другим чем-то малым, а безусловно, так как велик Сам по Себе, по природе. Если Он спас нас, когда мы были врагами, то чего Он не даст тогда, когда найдет нас благоугождающими Ему?

Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония.

И это знак Его могущества, что Он дал Себя: и не так, чтобы от одного беззакония избавить, а, от другого нет; но *от всякого беззакония*. Почтим же свое избавление.

И очистить Себе народ особенный.

Очистить купелью божественного крещения и исполнением Его божественных и очистительных заповедей. *Особенный* (περιούσιος), то есть Свой, — это выражение метафорически взято от слуг, вращающихся около имущества и достояния господина своего, подобно тому, как называют человека избранного, выделенного, не имеющего ничего общего с прочими людьми.

Ревностный к добрым делам.

То есть народ с жаром стремящийся к добродетели и показывающий ревность ко всем добрым делам и пламенное подражание. Избавление — дело Его одного, быть же ревнителем в делах — также и наше.

Сие говори, увещевай и обличай со всякою властью.

Сперва говори и увещевай, то есть учи более кроткой речью; а потом обличай, и не просто, но *со всякой властью*, то есть настоятельно и властно. Так как они были грубы, то он предлагает против них строгость. Есть пороки, которые не нуждаются в строгости, а только в увещании и убеждении, как например, чтобы совершенно презирали деньги. Но есть и такие, которые нуждаются в строгости, как прелюбодеяние, воровство, хищничество, волшебство.

Чтобы никто не пренебрегал тебя.

То есть: пусть никто не презирает тебя, благовременно и строго обличающего; ибо кто строго обличает, но не своевременно, того более презирают.

Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело.

Везде апостол желает, чтобы верующие повиновались властям. И показывает, каким образом повиноваться, именно, если будут готовы ко всякому доброму делу. Отсюда ясно, что кто готов на зло, тот не повинуется властям. Или, пусть будут готовы, чтобы склоняться к доброму, а не к нечестью, или чему-нибудь другому, вредному для души.

Никого не злословить, быть не сварливыми, но тихими.

Хотя и худо кто поступает, — не злословь, то есть не укоряй. Уста наши должны быть чисты от укоризны. Справедливо, или ложно, — не нам судить. Смотри на то, какая опасность может быть.

И оказывать всякую кротость ко всем человекам.

И к иудеям, и к эллинам и к причиняющим вред, и к несправедливым.

Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблуждшие, были рабы похотей и различных удовольствий.

В Послании к Коринфянам устрашает будущим, чтобы не осуждали, говоря: *кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть* (1 Кор. 10:12). Здесь же вразумляет прошедшим, говоря: не будем укорять других, так как и сами мы некогда более грешили. Что говорил разбойник другому разбойнику: *и мы осуждены на то же* (ср. Лк.32:40). Когда же мы были несмысленны? До Христа. Разве не бессмысленно было служить таким богам? А приносить людей в жертву — разве это не величайшее заблуждение? Но мы служили еще различным страстям и удовольствиям. Здесь разумел мужеложество, брак с матерью или сестрой и прочие бесстыдства; ибо различно забавляется нами диавол.

Жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга.

Жили в злобе и зависти, то есть всегда проводя время в злопамятстве и зависти и живя такой жизнью; поэтому мы и были достойны ненависти, так как ненавидели друг друга. Справедливо: от зависти происходит и ненависть.

Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога.

То есть когда воплотился Единородный и стал нам подобным.

Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости.

Он спас нас не по делам, которые мы сделали, иначе сказать: мы и дел, достойных оправдания, не сделали, и не спаслись ими, а все сделала благодать Его.

Банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего.

Увы, мы так были погружены во зло, что не могли уже очиститься, но имели нужду в возрождении. Ибо это означает возрождение и обновление, второе рождение и. новое образование. Как под совершенно ветхий дом мы не подставляем подпор, но, разрушив до основания, строим его вновь: так и Бог не поправил нас, а воссоздал сполна. Каким образом? Святым Духом. Чтобы ты не доискивался, каким это образом, он говорит: Дух все исправил. Откуда это видно? *Которого излил*, говорит, *на нас обильно*. Не только воссоздал чрез Него, но и щедро наградил Им, чтобы и это было видно чрез Него. И справедливо. После того, как очистил, Он обильно исполнил нас и Духом. Это и означает: излил. Ибо в нечистых не входит чистое. А это совершилось чрез Иисуса: Он посредник и податель всех благ.

Чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни.

Опять — *благодатью*, а не по заслугам. Это научает смиренномудрию. Ибо не сами мы совершили что-нибудь. И обнадеживает относительно будущего. Если совершенно потерянных Он спас благодатью, тем более даст будущее оправданным. Чтобы, говорит, мы были наследниками вечной; жизни, как на это и надеемся. Или: мы уже и наследники, поскольку живем надеждой.

Слово это верно.

Так как сказал о будущем, то присоединяет подтверждение своему слову. Ведь ясно из прошедшего: Кто даровал такие блага, дарует и эти.

И я желаю, чтобы ты подтверждал о сем, дабы уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам.

Упомянув о неизреченной благодати Божией, говорит: хочу, чтобы ты так учил об этом, чтобы верующие научились не только смиренномудрствовать и не обижать других, но и милость им всякую оказывать. Ибо кто помнит о милости Божией, какой сподобился, тот и сам будет милостив. *Чтобы старались быть прилежными*, говорит, то есть чтобы они всегдашним делом и постоянной заботой имели то, чтобы помогать обижаемым: о вдовах, сиротах, о всех нуждающихся промышлять. Ибо это значат слова: *быть прилежными к добрым делам*, — не ожидать, чтобы нуждающиеся к ним приходили, а самим о них попечение иметь.

Это хорошо и полезно человекам.

Забота и покровительство в добрых делах, или сами добрые дела.

Глупых же состязаний и родословий, и споров и распрей о законе, удаляйся, ибо они бесполезны и суетны.

Говорит о глупых состязаниях, в которые вовлекают верующих иудеи. О родословиях, которые они составляют для себя, производя свои родословия от патриархов и гордясь ими. *Удаляйся* вместо: избегай. Ибо никак не должно, оставляя необходимые дела, тратить время на суесловие и бесплодные споры. Какая польза спорить там, где нет надежды, чтобы кто-либо пленен был во Христа. Но как же выше он заповедал заграждать уста противящимся?

Когда они причиняют другим вред, тогда им должно заграждать уста. Ради же их пользы — совсем не берись говорить им: ничего не успеешь, потому что они неисправимы.

Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден.

Как же Павел в другом месте говорит: *не даст ли им Бог покаяние* (2Тим.2:25)? Там он говорил о людях, подающих надежду на исправление; а здесь говорит о неисправимом еретике, совершенно развращенном, который осужден сам собой, то есть безответен. Ибо он не может сказать: никто не вразумил меня, никто не научил. Итак, если после увещания он упорствует в одном и том же, он сам осудил себя.

Когда пришло к тебе Артему или Тихика, поспеши придти ко мне в Никополь, ибо я положил там провести зиму.

Зачем апостол, поручив Титу такой большой остров, опять вызывает к себе, отвлекая от должности? Это для его же пользы, чтобы лучше наладить его на дело, обсудив, как исполнено им вверенное ему. Никополь — город во Фракии, расположенный на Истре.

Зину законника и Аполлоса позаботься отправить так, чтобы у них ни в чем не было недостатка.

Так называет человека опытного в законах иудейских: таков был Зина; и Аполлос был красноречив и силен в Писаниях. Им еще не были вверены Церкви, *чтобы ни в чем у них не было недостатка*, то есть: позаботься, чтобы они в изобилии имели все необходимое, именно — пропитание и одежду.

Пусть и наши учатся упражняться в добрых делах, в удовлетворении необходимым нуждам, дабы не были бесплодны.

Как бы так говорит: мне можно было бы и иначе сделать не нуждающимися упомянутых, но я не желаю, — для того, чтобы *наши*, то есть те, которые около тебя, научились бы из того, что ты снабдишь их необходимым на дорогу, *упражняться в добрых делах*, то есть заботиться о нуждающихся — и в деньгах, и в словах, и во всем другом, не для того, чтобы нуждающиеся получили такую пользу от того, но чтобы сами они пользовались плодами своего человеколюбия по отношению к ближним. Ведь и Господь, напивавший пять тысяч, конечно, мог всегда питать и Себя, и учеников, однако Он пожелал получать пропитание от женщин, чтобы они получили пользу. Так и по отношению к нам, не столько бедным приносится польза от нашего подаяния, сколько нам от них. Бедные — для нас источник прощения грехов и дерзновения пред Богом.

Приветствуют тебя все находящиеся со мною. Приветствуй любящих нас в вере.

Или: любящих его верно и нелицемерно, или: любящих его верных, то есть христиан.

Благодать со всеми вами. Аминь.

Молитвенно благожелательствует, да сохранится в них дар Божий, или человеколюбие

всегда пребудет с ними, сохраняя их благодатью. Или: да пребудет всегда благодать с ними, более всего нуждающимся в ней, ограждая и души их и тела во Святом Духе. Ему слава во веки. Аминь.

Примечания

1. По другому чтению называются гаватами.
 2. Следующие слова: *покорными своим мужьям* в тексте блж. Феофилакта опущены.
 3. Следующее слово — *неповрежденность* — опущено у блж. Феофилакта.
- ===== К Филимону =====

Толкование на послание к евреям Святого Апостола Павла

Предисловие

Святой Павел был апостолом язычников, как он и сам говорит об этом в Послании к Римлянам (Рим. 11:13-14). Ибо евреи не терпели его проповеди к ним и были враждебны к нему более, чем к прочим апостолам, так как он своим неожиданным обращением доказал непобедимую силу Христа, привлекая к Нему такого сильного гонителя. Но в том и состоит великое доказательство истины евангельской проповеди, что Павел, самый строгий ревнитель закона, внезапно обратился ко Христу. Посему евреи сильно враждовали против него и даже не могли слышать его голоса. Впрочем, и уверовавшие из евреев не совсем внимательно относились к нему, так как он совершенно отвлекал от закона и освобождал от обрезания. Тем не менее, хотя он и послан был проповедником к язычникам, однако пишет и к евреям. Ибо, как не ведено было ему крестить, однако он крестил, потому что это и не было запрещено ему: так точно, делая сверх должного, он посылает это Послание к Евреям, Ибо он сильно заботился о тех, за которых молился даже быть отлученным (Рим. 9:3). Он пишет послание к живущим в Палестине и в Иерусалиме. Ибо от неверующих евреев они лишены имущества и подвергаемы были бесчисленным бедствиям. Вот почему апостол сильно заботился также о милостыне для них, побуждая к этому и коринфян, и македонян. И, разделивши с Петром проповедь, бедных верующих евреев, живущих в Иерусалиме, он делает общими. Итак, по необходимости пишет к ним, ободряя их, падающих духом. Ибо они сильно смущены были оскорблениями от своих единоплеменников, которые самовластно распоряжались в Иерусалиме и имели власть судить и ввергать в темницу тех, кого хотели. Это он и показывает, говоря: «укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени» (Евр.12:12). Будучи иудеями и зная, что отцы их при жизни пользовались благами, они сильно падали духом, ни от кого не получая облегчения. Поэтому также апостол много беседует в этом послании о вере и о святых от вечности, еще не получивших благ, делая этим два внушения: первое, чтобы великодушно переносить все случающееся; второе, чтобы несомненно ожидать воздаяния. Ибо не презрит Господь святых от века; следовательно, и вы тогда получите свое. Много также говорит апостол о Ветхом и Новом Завете и показывает, что закон не имеет уже важного значения; ибо хотя храм еще стоял, но дает понять, что это будет до определенного времени и что наше учение истинно. Апостол пишет послание из Италии. Это послание древнее Второго Послания к Тимофею. В том послании указывается на то, что жизнь его приходит к концу: *ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало* (2Тим.4:6). В этом же он обещает евреям, что увидится с ними. *Найдите, — говорит, — что брат наш Тимофей освобожден; и я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас* (Евр.13:23). Вероятно, это случилось. Ибо два года он провел в Риме в узах, потом был отпущен, как об этом и сам он ясно говорит: *при первом моем ответе никого не было со мною* (2Тим.4:16) и: *я избавился из уст льва* (ср. 2Тим.4:17), очевидно, Нерона. Затем он ходил в Испанию, где, может быть, видел и евреев. После того он опять прибыл в Рим, где и был лишен жизни по приказанию Нерона.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках.

Так как они, то есть евреи, были изнурены бедствиями и считали себя оставленными Богом и не достаиваемыми от Него того попечения, какого достаивались и отцы их, то апостол показывает противное: вы, говорит, получили большую благодать, чем те. К тем он посылал пророков, а к вам Своего Сына. Что же означают слова его: *многократно и многообразно*? Это вместо: различно и во многих видах. Я, говорил Бог, *говорил к пророкам и умножал видения* (Ос.12:10). Зачем же вам негодовать и малодушествовать, если вы удостоены несравненно большего?

В последние дни сии говорил нам в Сыне.

И этим он еще ободряет их, говоря: конец близок. Ибо изнуренный подвигом немного отдыхает, когда услышит о конце подвига. Также нечто другое он дает понять словами *в последние дни*. Когда, говорит, не осталось времени для исправления, когда мы были наказываемы, когда отчаялись, когда оскудели духовные дарования, тогда мы и получили большее. *В Сыне* — вместо: чрез Сына. Заметь, это против тех, которые говорят, что предлог «в» прилагается только к Святому Духу. Почему же не сказал: *говорил* нам Христос? отчасти потому, что они были слабы и не могли еще слышать о Христе; отчасти показывая этим, что Ветхий и Новый Завет — дело одного и Того же Бога. Обрати внимание и на слово *нам*. Здесь он объединяет и сравнивает с учениками как их, так и себя. Хотя не им говорил, но апостолам, а чрез них и прочим, однако он возвышает дело и показывает, что и им говорил, и это — для утешения.

Которого поставил наследником всего.

То есть сделал Его Господом всего мира. Уже не Иаков — часть Господня, но все. Сказал: *наследником*, показывая этим, как истинность сыновства, так и неотъемлемость господства. Как же Он сделал Его Господом? По человечеству, как и во втором псалме говорит: *проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе* (Пс. 2:8). О каком господстве говорит здесь? О господстве над подчиняющимися добровольно, то есть свободно. Ибо это господство дано было Сыну, как человеку, когда Он всеми был признан. Власть же по природе и власть над неохотно подчиняющимися Он имел прежде всех веков, как и сказано: *все служит Тебе* (Пс. 118:91).

Чрез Которого и веки сотворил.

Сказав о плоти Сына, образовавшейся во времени, наконец апостол возводит тебя и на высоту предвечного Его Божества. Где те, которые говорят: было время, когда Его не было? Он Сам создал века; как же были века, когда Его не было? Так как Отец виновник Сына, то справедливо, что Он виновник и всего, что произошло от Сына. Поэтому апостол говорит: чрез Него. Ибо Отец является делающим потому, что Он родил Сына-Творца. Здесь поражается и Савеллий, так как говорится о двух лицах. Получает смертельный удар и Павел Самосатский, который называет Сына не вечным, а получившим начало от Марии. Этим местом побивается также и Арий, хотя и не слишком сильно: он приписывает выражению *чрез Которого* значение некоторой помощи, называя Сына помощником Отцу. Но следующие по порядку слова поражают и Ария.

Сей, будучи сияние славы.

Восшел на самую высоту хвалебной речи о Сыне, и называет Его *сиянием славы*, чтобы ты знал, что Он из Него, бесстрастно, без уменьшения или унижения, одного и того же существа, то есть Свет от Света. Ибо Он просветил и наши души, и Сам показал Отца. Посему и сказал: *Я свет миру* (Ин. 8:12), потому что вместе с Ним светил от вечности; ибо сияние светит одновременно с сияющим. И солнце не бывает видимо когда-нибудь отдельно от сияния, и Отец немыслим без Сына. Посему, когда услышишь ариан говорящих, что если Сын из Отца, — значит, после Него, то скажи им, что и сияние от солнца, однако не после него, ибо в одно время и солнце и сияние.

И образ ипостаси Его.

Сказав: *сияние*, и чрез это показав единосущие и соечность Сына с Отцом, снова, так как сияние не самостоятельно, апостол устраняет из этого примера неуместную мысль, чтобы ты не принял сторону Маркелла и Савеллия, которые говорят, что Сын не может быть в собственной ипостаси при Отце. Посему и говорит: *и образ (характер) ипостаси Его*; это значит: как Отец самостоятелен и не имеет ни в ком нужды для совершенства, так и Сын. После того, как показал совершенное во всем сходство, этими словами апостол показывает также и особенный образ (характер) первообраза. Ибо образ есть нечто иное при сравнении с первообразом, как существующий сам по себе, хотя и до безразличия подобный первому. Григорий Нисский говорит: как чрез *сияние* показал общность Сына с Отцом, так чрез *образ* — равенство их. Ибо ум, постигший величие ипостаси, чрез видимый образ может, во всяком случае, измерять и ипостась. Ибо не превышает ипостаси образ, чтобы не быть безыпостасным настолько, насколько превысит; и ипостась не больше образа: в противном случае та часть была не отображенной. Сказав подобным образом и в другом месте, что Сын существует *во образе* (εν μορφῇ) *Божием* (Флп.2:6), апостол дает нам понять это же самое, именно, что *морф* означает ипостась, а *характер* означает Господа, созерцаемого в этом образе (εν μορφῇ). Во всяком случае, апостол показывает равенство Сына со Отцом. Ибо в образе *морф* усматривается величие Отца, несколько не превышающее этот образ, так как, в самом деле, было бы безобразно и некрасиво то, что выступало бы из образа, чего об Отце мыслить неуместно. Если же таково величие Отца, каков и образ — *морф*, а *отобраз* — *характер* равен образу — *морф*, то и *отобраз* [¹] — *характер* имеет такое же величие, какое усматривается в образе — *морф* — *Божием*.

И держа все словом силы Своей.

Прежде ты останавливался на выражении *чрез Которого* (δι' ου) и считал Сына как бы помощником Отцу; слушай теперь, если можешь понять, как Павел приписывает здесь власть Сыну. Не сказал: *держа* силой, но *словом силы*, то есть словом, полным силы, показывающим Его могущество. Ибо как говоришь, что Отец сказал: *да будет свет*, — *и стал свет* (Быт. 1:3); так и Сын словом держит все, то есть всем управляет и все содержит. Гораздо же важнее приведения всего в бытие сохранение противоборствующего между собой и стремящегося обратиться в небытие. Не сказал: *управляя*, но: *держа* — эта метафора заимствована от движущих что-нибудь и обращающих одним пальцем. Таковую великую и чрезвычайную тяжесть творения Он носит как ничто, одним только всемогущим словом. Ибо не бессильно слово у Бога, как у нас. После стольких ересей, опровергаемых в самом начале послания, как осмеливаются некоторые отвергать его, как будто не принадлежащее Павлу, на основании того, что стиль его отличается от стиля других посланий? Необходимо им убедиться, что

высота мыслей и неотразимая их сила принадлежит не кому другому, как Павлу, имеющему в себе говорящего Христа. Если же они соблазняются стилем речи, то пусть узнают, что Павел написал послание на еврейском языке, так как говорил с евреями; на греческий же язык оно было переведено, как некоторые думают, Лукой, или, как другие полагают, Климентом, стиль которого оно, действительно, больше и сохраняет. Посему отнимающие это послание у Павла делают, так сказать, подобную же ошибку, как если бы они отнимали Павла у Христа.

Совершив Собою очищение грехов наших.

Сказав о величии Божественности Слова, говорит и о попечении Его о людях чрез воплощение, что гораздо важнее, чем держать все. Здесь он представляет два доказательства: одно — в том, что Он очистил грехи наши, другое — в том, что сделал это Собою. И во многих местах апостол восхищается тем что совершено Самим Сыном. Ибо чрез крест и смерть, которую Он подъял, очистил нас, не только как безгрешный, умерший за наше прегрешение, понесший наказание, которому Сам не подлежал, и освободивший вообще природу от осуждения за грех Адама, но и как давший нам крещение, подобие смерти Его, чрез которое мы, крещаемые, получаем всякий раз отпущение грехов, перешедших к нам от предков, и силу к тому, чтобы в остальное время не поддаваться легко греху.

Воссел одесную (престола) величия на высоте.

Напомнив о кресте, ведет речь о воскресении и вознесении Господа. Не сказал: поведено Ему сесть, но *воссел* и *одесную*, и *на высоте*. Это не значит, что Бог ограничивается местом, но для того сказано, что показать равночестность Его с Отцом. Ибо Он достиг самого престола Отчего, и как Отец есть *на высоте*, так точно и Он. Если же кто-нибудь скажет: однако написано: *сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня* (Пс. 109:1); то скажем на это, во-первых, что не сказал: повелел, но: *сказал*. Потом, чтобы ты не подумал, что Он не имеет начала и причины в Боге Отце, для этого так образно и выражена речь.

Будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя.

В начале послания сравнивал Его с пророками по причине немощи слушающих, теперь, продолжая, поставляет Его выше ангелов, мало-помалу приводя слушателей к истине. Слово *будучи* употреблено вместо: *явившись*, как и Иоанн говорит: *Идущий за мною стал впереди меня* (Ин. 1:15), то есть явился почетнее меня. Ведь он говорит здесь не о природе Его по существу. По плоти, без сомнения, сказано: *наследовал*, потому что как Бог Слово Он имел это имя всегда. Точно так же и мы говорим о человеке и низкое, и высокое, как например, если скажем: великое дело — человек, мы называем все, что есть в нем лучшего; если же скажем; человек — земля и пепел, — назовем все худшее. Так точно и о Господе иногда мы говорим все, что относится к свойствам Божества, а иногда — к свойствам плоти.

Ибо кому когда из Ангелов сказал Бог: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя (Пс. 2:7)?

Откуда, говорит, видно, что Он лучше ангелов? Из имени Его: имя Сын означает истинное рождение, то есть что Он из Него. Если Он Сын по благодати, то ниже ангелов. Выражение *Я ныне родил Тебя* означает не что иное, как то, что Он от начала, с которого и

Отец. Как выражение: «сый» («сущий») употребляется о Боге в настоящем времени, потому что оно более всего прилично Ему: так точно и выражение: *ныне*. Впрочем, некоторые считали, что слова *Я ныне родил Тебя* сказаны не о предвечном рождении, а о рождении Его по плоти. Ибо и оно было свыше: от Святого Духа, по благословию Отца.

И еще: Я буду Ему Отцем, и Он будет Мне Сыном (2Цар.7:14)?

Это, очевидно, сказано в отношении плоти. Ибо, когда Он принял ее, то уже все подобное без опасения говорится о Нем. Итак, воспринятая природа унаследовала подлинное имя Сына, которое имело Слово, соединившись с ней, так как она ипостасна в Нем, как и ангел сказал: *и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим* (Лк. 1:35), и еще: *Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего* (Лк. 1:32). Этого никто не получил из ангелов. Если же некоторые из праведников и называются сынами Божиими, то по благодати; а у Христа не так: у Него сыновство по ипостасному тождеству с воспринятой Им человеческой плотью.

Также, когда вводит Первородного во вселенную, говорит.

Христос называет Свое пришествие во плоти исходом, например, когда говорит: *вышел сеятель сеять* (Мф. 13:3), и еще: *Я исшел от Отца* (Ин. 16:28). И справедливо, Ибо мы были вне Бога, и Он, сойдя к нам как посланник, живя с нами и очищая нас, примирил с Царем. А Павел теперь называет пришествие Его входом, взяв это переносное выражение из примера наследников, получающих в наследство какое-либо имущество. Ибо это и означает выражение: «вводит», когда Отец вручил Сыну вселенную; Ибо тогда Он принял ее, добровольно подчинившуюся, в свое владение, когда и был познан. Вводится же не иначе, как во плоти. Ибо Он как Бог Слово *в мире был, и мир чрез Него начал быть* (Ин. 1:10). Отца он представляет вводящим Сына, что бы сделать речь приятной. Григорий же Нисский и святой Кирилл так поняли выражение *вводит*, что до воплощения Он не имел ничего общего с творением, будучи как Бог бестелесен; когда же воплотился, тогда, приобщившись твари, поскольку тварное соединил в Себе, Он, как говорится, и был введен в творение.

И да поклонятся Ему все Ангелы Божии (Пс. 96:8).

Очевидно, поклонятся Тому, Который принял плоть. Здесь показывает также, что настолько Он превосходнее ангелов, насколько владыка превосходнее рабов, подобно тому, как если бы кто, вводя кого-нибудь в дом, повелел предстоящим там тотчас поклониться ему.

Об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь (Пс. 103:4).

Вот величайшее между ними различие: они созданы, а Он не создан. Выражение *Ты творишь* означает приведение из небытия в бытие. Не пред одними только ангелами Он имеет превосходство, но и пред всеми служебными силами. Не сказал: сотворил, но *творишь*, то есть сохраняя Словом, которым они сотворены. Такое же выражение в Евангелии: *Отец Мой доныне делает* (Ин. 5:17), то есть содержит все, сотворенное и оконченное уже, и сохраняет для того, чтобы довести до совершенства.

А о Сыне: престол Твой, Боже, в век века (Пс. 44:7).

Ангелы, говорит, создания и творения, ибо о них сказано: *Ты творишь*. А Сын не творение: о Нем не сказано: *Ты творишь*; но Царь, Владыка, Бог, Престол усвоится Ему, что служит знаком Царствия, и престол вечный. Это против Павла Самосатского, представляющего простым человеком истинного Бога и вечного Царя; и против Ария.

Жезл царствия Твоего — жезл правоты.

Вот и другой знак царствия.

Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие.

Эти слова относятся к Нему как воплотившемуся Богу Слову, так как с принятием плоти Он уничижил Себя.

Посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих.

Это против иудеев, и Савеллия, и Маркелла, так как указывает на два лица, говоря: Бог и Бог. И против маркионитов, думающих, что Сын не принял плоти, потому что не божество помазуется, а человечество. Посему говорит: *Боже, помазал Тебя Бог*, то есть Отец Твой по Божественности, и Бог по плоти. *Елеем радости*, то есть Духом Святым, предпочтительно пред прочими людьми. Ибо *не мерю* Христос получил *Духа* (Ин. 3:34), не как бессильный, но помазан был всею полнотой как помазания, так и Помазующего. Причастники Его — все духовные, как освященные тем же самым причастием. И те, которые, будучи совершенны в законе и духовны, получили Духа по вере во Христа. Почему и названы помазанниками, как например: *не прикасайтесь к помазанным Моим* (Пс. 104:15). Гораздо же известнее те причастники Христа по благодати, которые приобщились Его смерти в крещении и помазаны Духом, Который называется *елеем радости*. Который освободил нас от печали по грехам и сделал для нас то, что мы утешаемся надеждой на будущие блага. Что имя *Бог* стоит вместо: о, Боже! (ὦ θεέ), — достоверным свидетелем служит враг Симмах, издавший так: «сего ради помазал Тя, Боже, Бог Твой елеем радости паче друзей Твоих». Заметь же, что словом *Боже*, с артиклем, сказано о Сыне ради тех, которые говорят, что выражение *и Слово было Бог* (Ин. 1:1), в котором слово *Бог* без артикля, представляет Его не собственно Богом [2].

И: в начале Ты, Господи, основал землю, и небеса — дело рук Твоих (Пс. 101:26).

Дабы ты, слыша слова: *когда вводит Первородного во вселенную*, не подумал, что это дар, данный Ему впоследствии от Отца, показывает теперь, что Он Творец вселенной не в последнее время, но издревле. Это также против Павла Самосатского, и утверждает, что Христос, — прежде Марии, так как Он Творец твари. И против Ария, считающего Его помощником или лучше орудием, так как выше было сказано: *чрез Которого и веки сотворил* (стих 2). Вот здесь Он и представляется Творцом. Смотри, как соединяются вместе учение о несозданном существе и учение о домостроительстве, и иногда по причине первого — высокое, и иногда по причине второго — низкое.

Они погибнут, а Ты пребываешь; и все обветшают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся; но Ты тот же, и лета Твои не кончатся (Пс. 101:27-28).

Внушает нечто важнейшее, чем творение, именно, изменение мира. Все изменится из тления в нетление, и так легко, как если бы кто свернул одежду. Если же так легко он совершит изменение и преобразование мира в лучшее, то мог ли Он при первоначальном образовании мира иметь нужду в ком-нибудь другом? Немалое утешение здесь для бедствующих верующих — знать, что дело не останется в таком состоянии, но получит преобразование, что Тот, Кого они почитают, живет и всегда будет жить. Ибо *лета Твои не кончатся*.

Кому когда из Ангелов сказал Бог: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих (Пс. 109:1)?

Вот он опять ободряет их; и подлинно, не будут ли поражены враги их, а враги их также враги и Христа. Не потому, что Сын бессилен, говорится, что Отец покорит врагов, ибо Сын, Который будет судить там, тем более мог бы воздать им здесь, но чтобы показать, какой честью Отец почтил Сына. Что Отец гневается на врагов Сына, не знак ли это чести? не знак ли это великой любви к Сыну? Об этом же пространнее сказано в Первом послании к Коринфянам, о чем здесь замечено; отыщи там.

Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?

Возвышает умы слушателей, показывая великое попечение о нас Божие, если даже ангелов, превосходящих нас, поставил Он служить нашему спасению. Кажется, также нападает на некоторых, воздающих сверхдолжное почитание ангелам, ив особенности на всех вообще евреев, преданных данному чрез ангелов закону и служению их в нем, даже предпочитающих их Христу. Итак, говорит, не служите им, ибо они сослужители наши. Посмотри какое небольшое различие полагает он между тварями; хотя большое расстояние между ангелами и людьми, однако он поставил их близ нас, ибо твари не много возвышаются над тварями. Послужили же ангелы много и в Ветхом и в Новом Завете: когда помогали Иосифу советом (Мф. 1:24), когда благовестили пастырям, когда сидели при гробе и возвещали воскресение Христово и когда поучали, что Он придет таким же образом, как и вознесся. Ангел являлся Корнилию (Деян. 11:13), Филиппу (Деян. 8:26), Петру в темнице (Деян. 12:7), и вообще бесчисленное множество таких примеров. Заметь, что ангельское дело — служить спасению людей, больше же делу Самого Христа. Посему не должно пренебрегать таким служением.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Посему мы должны быть особенно внимательны к слышанному.

Так как, говорит, настолько велико превосходство говорившего нам Сына пред пророками и ангелами, служителями Ветхого Завета, то сказанному Им должно внимать больше, чем закону. Но прямо он не сказал этого, чтобы не поразить их в начале; он предоставил им делать заключение об этом из последующего. Говорит это, не сравнивая Ветхий Завет с Новым, — нет, но против мнения тех, которые с большой славой отзываются о Ветхом Завете и пренебрегают Новым.

Чтобы не отпасть (μ ποτέ παρρησιμεν)

То есть, чтобы нам не погибнуть. Выражение заимствовал из Притчей: *сын мой*, говорит Премудрый, *не упускай* (μη παραρρήσης) (Притч.3:21), выражая и легкость отпадения, и тяжесть гибели. Ибо отпадшее трудно восстановить.

Ибо, если через Ангелов возвещенное слово было твердо.

Вот он открывает свое желание. Под словом, сказанным чрез ангелов, нужно разуместь или Десять Заповедей, ибо справедливо, что тогда присутствовали ангелы, которым вверен был еврейский народ, они и производили трубные звуки, огонь, мрак и прочее, как говорится в Послании к Галатам: *преподан чрез Ангелов* (Гал. 3:19), и в другом месте: *которые приняли закон при служении Ангелов* (Деян. 7:53); или под словом должно разуместь все повеления в Ветхом Завете, преподанные чрез ангелов, как например, на месте плача во время судей, при Сампсоне (Суд.2:1, 13:3). Поэтому и не сказал: «закон», но: *слово*, чтобы обозначить это. Итак, все это *твердо*, то есть было истинно и угрозы приведены в исполнение, и ничего из этого не пропало.

И всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние.

Не так, чтобы одно получило, а другое нет; но *всякое*, и ничто не осталось ненаказанным. Наказание называет воздаянием, и хотя это слово употребляется в хорошем смысле, но апостол не заботится о выражениях.

То как мы избежим, вознерадев о толиком спасении.

Там *слово*, здесь *спасение*. Если и там было спасение, то не великое: избавлялись от неприятелей и получали, земные блага; здесь же далеко большее. Поэтому и сказал: *о толиком*. Ибо разрушение смерти, гибель демонов, Царство Небесное — все это приходит вам по слову Сына.

Которое, быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него.

Придавая достоверность своим словам, говорит, что спасение это возвещено не чрез пророков или ангелов, но от Самого Владыки всех, от Самого источника получило начало; затем распространилось и среди нас истинно и верно чрез самовидцев Слова и слуг. Об этом и Лука говорит (Лк. 1:2). Они твердо наставили нас. Как же в другом месте апостол говорит: не от людей слышал (Гал. 1:12)? Потому что там важно и необходимо было настоять на мысли, что он не учился у людей. Ибо его осуждали, что он не слышал Господа и потому он подвергался опасности, что его проповедь не будет иметь веры со стороны его учеников. А теперь нет такой нужды в этом. Ибо не евреям он проповедовал, не у них и осуждали его, что он учился у людей, а не у Христа. Или, приводя здесь слова: *при засвидетельствовании от Бога знаменами и чудесами*, показывает, что он принял это не от людей, а от Бога.

При засвидетельствовании от Бога знаменами и чудесами.

Сказав: *утвердилось*, показывает — как. Чтобы кто-нибудь не сказал, что слышавшие

ошиблись, говорит: Бог свидетельствовал вместе с ними; Он не свидетельствовал бы, если бы они сами измыслили что-нибудь. Свидетельствуют, говорит, они; вместе с ними свидетельствует и Бог — не голосом, а знамением и чудесами, которые подтверждали то, что они говорили. Поэтому мы верим Богу, а не людям.

И различными силами.

Выражая обилие дарований, сказал: *различными*. Так как и чародеи совершают многие знамения, поэтому сказал: *силами*. Те знамения — не силы, а бессилие, вымысел и пустые призраки.

И раздаянием Духа Святаго по Его воле.

И это прибавил по той же самой причине. Ибо знамения чародеев — не от Духа Святого, а обманы нечистых демонов. Дает при этом понять и нечто другое. Вероятно, там было не много людей, имевших духовные дарования, которые оскудели потому, что верующие были менее ревностны. Поэтому, чтобы утешить их в этом, говорит, что *раздаяния Духа* происходят по *Его воле*. Он знает, что каждому полезно, и таким образом разделяет благодать. Часто кто-нибудь не получает дарований за нечистую жизнь; часто не получает дарований и человек чистой жизни, чтобы не возгордился. Поэтому-то они и были сообщаемы более людям смиренным и простым.

Ибо не Ангелам Бог покорил будущую вселенную.

Показывая еще превосходство Сына пред ангелами, говорит, что не им покорил Бог вселенную, то есть этот мир, но Сыну. Называет ее *будущей* потому что Сын Божий был всегда, а она должна была явиться, потому что прежде, очевидно, не существовала. Посему в отношении к вечному существованию Сына вселенная и была грядущей.

О которой говорим.

То есть о вселенной, о которой сказали выше: *когда вводит Первородного во вселенную* (Евр.1:6). Посему, да не ищет твой ум заблуждающийся другой вселенной. Некоторые под будущей вселенной разумели будущий мир. Об этом мире, говорит, у нас вся речь. Тогда ангелы предстанут, как слуги, а Сын воссядет, как Судия.

Напротив некто негде засвидетельствовал, говоря: что «значит человек, что Ты помнишь его? или сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты унижил его пред Ангелами; славою и честью увенчал его, и поставил его над делами рук Твоих [3], все покорил под ноги его.

Не называет имени сказанного, так как говорит с людьми сведущими в Писаниях. Все это сказано о человечестве вообще, преимущественно же, однако, может относиться ко Христу по плоти. Ибо Он, Сын Божий, посетил ничтожное человеческое естество и, восприняв его и соединив с Собой, соделался превыше всех.

Когда же покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему. Ныне же еще не видим, чтобы все было ему покорено.

Так как они подвергались преследованиям и страдали, то чтобы не сказали: как ты говоришь, что все покорено, когда мы подвергаемся изгнанию и преследованию со стороны Его врагов? — значит, они еще не покорены и ты обольщаешь нас? — поэтому говорит: не смущайся и не малодушествуй: все будет покорено Ему. И в Писании сказано: *покорил*. То, что несомненно произойдет, хотя еще и не произошло, названо, как совершившееся. Итак, не скорби, что ты претерпеваешь бедствия: еще не всех победила проповедь, еще не настало время совершенного покорения, однако, несомненно, они покорятся.

Но видим, что за претерпение смерти увенчан славою и честью Иисус, Который не много был унижен пред Ангелами.

Старается показать, что сказанное относится ко Христу, и говорит: хотя выражение *все покорил*, казалось бы, только относится к Нему, однако мы показали, что и это, несомненно, исполнится. Но быть мало чем умаленным сравнительно с ангелами — более относится к Нему, чем к нам. Ибо Он, пробыв три дня во аде, как человек, не много умален пред ангелами, так как они совершенно непричастны смерти. А мы, надолго подверженные тлению, не немного, но совсем много умалены в сравнении с ними. И быть *увенчанным славою и честью* за страдание — относится более к Нему, чем к нам. Сказав: *за претерпение смерти*, апостол обозначил истинную смерть, — не воображение смерти, то было действительно страдание. Напомнил о кресте и смерти, чтобы убедить их мужественно переносить несчастья, взирая на Учителя. Но крест, говорит, сделан для Него славою и честью; посему и для вас должны быть славою и честью ваши несчастья и страдания. Итак, зачем вам избегать того, что венчает вас? Он пострадал за тебя, раба; ты ли не перенесешь страданий за Него, Господа?

Дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех.

Не по долгу, а по благодати Бог отдал нам Сына Своего на смерть, и не за верующих только, а за весь мир. Хотя и не все спаслись, но Он исполнил Свой долг. Прекрасно сказал: *вкусить*. Ибо, действительно, как бы вкусивши, так как малое время оставался в смерти. Он тотчас воскрес. И в этом отношении Он, следовательно, лучше ангелов, потому что явился выше смерти. Подобно тому, как врач, видя больного, опасющегося принять приготовленные для него лекарства, прежде сам отведывает их, чтобы убедить больного решиться на принятие их: так и Господь, видя нас, боящихся смерти, Сам вкусил ее, хотя и не имел в том нужды. Он не подлежал смерти, но все сделал по благодати, чтобы показать ее ничтожество и убедить нас смело идти на смерть. Несториане, искажая Писание, говорят: кроме (χωρίς) Бога Он вкусил ее за всех, чтобы, отстоять мысль, что с распятым Христом не было Божественности, так как она не была соединено с Ним лично, а по состоянию. Один православный, осмеивая бессмыслицу их, сказал: пусть Писание имеет такой смысл, как говорите вы, — и в таком случае сказанное говорит за нас. Ибо кроме (χωρίς) Бога, Господь умер за всех и за самых ангелов, чтобы разрушить вражду их против нас и снискать им радость.

Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все.

То есть Отцу, от Него все, то есть Он виновник всего.

И от Которого (δι' ου) все.

Смотри, выражение *от Которого* отнесено к Отцу. Если бы это было унижительно и приличествовало только Сыну, оно не прилагалось бы Отцу. Пойми же, что означает выражение: *от Которого*. Так как сказал: *для* (по-славянски *ради*) *Которого все*, то, чтобы кто-нибудь не подумал что-либо нелепое, именно, что Он нуждается во всем, ибо предлог «для» (оса-) имеет такое значение, как например, если скажем: «ради (δία — ради, по причине) человека создана тварь», то апостол прибавил выражение: *от Которого*, объясняя, что *для (ради) Которого* нужно понимать так же, как *через Него*, то есть что от Него произошло все. Поэтому, когда говорится и о Сыне: *от Которого*, принимай это вместо: от Него.

Приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их совершил через страдания.

Это имеет связь с предыдущим: *славою и честью увенчал*. Смысл слов такой. Отец поступил достойно Своего человеколюбия, что Первородного из всех сынов, имеющих насладиться славой Его, явил славнейшим из всех чрез страдания, чтобы показать и прочим, как должно переносить страдания. *Вождя спасения*, то есть виновника. Смотри, какое различие между Им и нами. Хотя и Он Сын, и мы сыны, но Он спасает, а мы спасаемся: мы соединяемся с Ним и снова разделяемся. *Приводящего многих сынов в славу*, чрез это соединяемся. *Вождя спасения их*, чрез это разделяемся. Заметь, что страдания — совершенство и средство ко спасению: что пострадавший за кого-нибудь не ему только приносит пользу, но и сам делается славнее и совершеннее. Под совершенством разумей здесь славу, которой Он прославился, и ее понимай в отношении к человечеству; — или, что по природе Он имел славу, только среди нас был бесславен, так как не был узан, Когда же после креста узан был и прославлен, то говорят, что воспринял славу, которую имел по природе, а не от нас получил. Святой Кирилл совершенством называет бессмертие, которого не доставало Христу по человечеству; его восполнил Ему Отец чрез воскресение. Когда Он воскрес, смерть уже более не господствует над Ним. И всю природу Он удостоил этого совершенства.

Ибо и освящающий и освящаемые, все — от Единого.

Вот, опять показывает, что мы братья Христу и настолько почтены. Ибо, говорит, *Освящающий*, то есть Христос, и *освящаемые*, то есть мы, *все — от Единого*, то есть Отца. Но Он подлинно истинный Сын и из самого существа Отца, а мы — твари. Обрати также внимание и на превосходство в выражениях. Он освящает, мы освящаемся. Отсюда и тождество, и превосходство.

Поэтому Он не стыдится называть их братьями.

Смотри, и здесь Его превосходство. Ибо выражением *не стыдится* он показывает, что это не принадлежит природе, но нежной любви Того, Кто не стыдится. Хотя мы и от Единого, но между нами большое различие, как между Творцом и тварями.

Говоря: *возвещу имя Твое братьям Моим*, посреди церкви воспою Тебя (Пс. 21:23).

Приняв плоть. Он принял и братство; вместе с плотью пришло и братство. Но и тут опять превосходство. *Возвещу*, говорит, *омраченным, не ведущим*; этому подобно: *Я открыл*

имя Твое человекам (Ин. 17:6).

И еще: Я буду уповать на Него.

Чрез это также показывает, что Он стал человеком и братом нашим. Ибо как каждый из людей, так и Он Сам надеется на Него, то есть на Отца. Вместе с тем показывает нам, чтобы мы надеялись на одного Бога, так как я Он Сам, будучи Сыном и ни в чем не нуждаясь, однако, говорит, что надеется на Отца. Некоторые истолковали так: так как, говорят, выше он назвал Христа братом, а ниже — Отцом, то в середине показывает, что это наименования домостроительства последних времен; предвечное же имя Его — Бог. Кто в собственном смысле надеется на другого, как не на Бога? Как бы так говорил: слыша, что Он — брат и отец, не подумайте, что Он один из многих; Он Бог, говорит, на Него, как свидетельствует Писание, — нужно надеяться, так что здесь нет речи от лица Христа, но от пророка, говорящего: я, пророк, буду надеяться на Самого Христа, как Бога. Но такое понимание не совершенно.

И еще: вот Я и дети, которых дал Мне Бог (Ис. 8:18).

Здесь называет Христа нашим Отцом. *Дал* — это означает благоволение Отца на то, чтобы Он воплотился. Если бы Он не благоволил воплотиться Сыну, то у Него не было бы и детей.

А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные.

Итак, да устыдятся те, которые говорят, что Он пришел призрачно и привидением. Ибо апостол не сказал только, что Он приобщился плоти и крови, как дети, то есть остальные люди; хотя, если бы он и так сказал, довольно было бы для утверждения, что Он воплотился истинно, но и присовокупил: *также*, чтобы утвердить безразличие с нами и истинное воплощение.

Дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола.

Приводит причину домостроительства. Чтобы, говорит, Своею смертью, которую Он воспринял, как очевидно приобщившийся плоти и крови, уничтожить диавола, который владеет смертью. Каким образом? — чрез грех. Так как он сделал, что люди грешат вследствие того первого непослушания, то он был виновником смерти и пользовался ею, как каким-нибудь воином и сильным оружием против человеческой природы. Поэтому и Христос воспользовался против него тем же самым оружием. Поистине, дело великого могущества и мудрости — умертвить врага тем оружием, которым он умертвил многих. Некоторые поняли так: владеющего, говорят, грехом, то есть диавола, так как грех составляет власть и силу смерти.

И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству.

То есть чтобы освободить людей, которые были рабами смерти, боялись ее и были повинны ей, то есть содержались в рабстве у нее, так как она не была еще уничтожена. Или, что древние люди жили в постоянном страхе, всегда ожидая, что они умрут, и при таком

страхе они не могли чувствовать никакого удовольствия. На это и намекает апостол, сказав: *через всю жизнь*. Итак, были повинны рабству, то есть всегда трепетали смерти, как рабы жестокого господина, не наслаждаясь ничем радостным. Отсюда пойми, что кто боится смерти, тот не свободен и раб всего. И это — утешение для страдающих верующих, если ныне гонимые и заключаемые в узы приятнее и свободнее проводят жизнь, нежели древние, которые, казалось, роскошествовали, когда смерть имела силу. Те, потрясаемые страхом смерти, были рабами, а вы свободны от этого страха.

Ибо не Ангелов восприемлет Он.

То есть не с ангельской природой соединился Господь и не ее носил. Это показывает великую любовь Божию к человеческому роду. Чего, говорит, не даровал ангелам, то дал людям, чтобы от них воспринять плоть.

Но восприемлет семя Авраамово.

Не сказал: принял, но: *восприемлет*, чтобы показать, что Он настиг нашу природу, бежавшую и далеко удалившуюся; и, настигнув, воспринял ее и облекся, соединив с Собой и остановив ее, когда она бежала от Него. Не сказал: природу людей, но *семя Авраамово*, отчасти желая возвысить их и показать, что род их почтенен, и что они имеют в этом преимущество пред язычниками, так как от них Господь; ибо Павел всегда угождает им, в чем ни для кого нет вреда; отчасти напоминает им обетование: *ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки* (Быт. 13:15).

По сему Он должен был во всем уподобиться братьям.

Раз, говорит. Он благоволил принять нашу природу, то совершенно последовательно было Ему во всем уподобиться нам, то есть родиться воспитаться, возрасти, претерпеть все, что следовало, наконец, умереть; это и значит — уподобиться во всем.

Чтобы быть милостивым и верным первосвященником пред Богом.

Не для чего-нибудь другого, говорит, Он принял нашу плоть, как для того, чтобы чрез нее помиловать нас и восстановить глубоко падших. Каким образом? Сделавшись нашим первосвященником и нося ту плоть, которую Он воспринял от нас, вместо другой какой-либо жертвы, чтобы очистить нас от грехов и быть нашим посредником пред Богом; ибо мы были во вражде с Ним. *Верным* — вместо: истинным, который мог бы исполнить дело первосвященника; ибо это долг истинного первосвященника — освободить от грехов тех, коих он есть первосвященник; или что Он приятен Богу в Своем посредничестве пред Ним.

Для умило стивления за грехи народа.

Показал, что значит: *верным пред Богом*, то есть чтобы очистить грехи народа. В этом великое доказательство Его любви, что Он сделал все, чтобы загладить грехи. Почему не сказал: грехи вселенной, но: народа? Потому, что Господь прежде всего имел попечение об иудеях, ради которых Он и пришел преимущественно, чтобы, когда они спасутся, чрез них спаслись и прочие, хотя и вышло наоборот. И ангел говорит к Иосифу: *ибо Он спасет людей Своих от грехов их* (Мф. 1:21). Таким образом показывает здесь благородство иудеев и какого

попечения они были удостоены от Господа.

Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь.

Это, казалось бы, уничижение, смиренно и недостойно Бога. Когда Павел говорит о плоти, касается всего уничиженного, однако не недостойного плоти; и нет ничего удивительного, когда и об Отце не воплотившемся. Писание говорит многое человекоподобное и униженное: *Господь с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть* (Пс. 13:2), и: *сойду и посмотрю* (Быт. 18:21), и многое множество тому подобного. Посему гораздо больше сказано относительно Христа, воплотившегося и пострадавшего во плоти, особенно же для полного успокоения слушателей и по причине их немощи; ибо и люди считают искушение вернейшим из всех средств. Смысл слов такой. Он знал не только как Бог, но и как человек, искушенный во всем, — и самая плоть Христа претерпела много страданий. Он знал, что такое искушение; посему может помочь, иначе сказать; готов быть всегда сострадательным.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Итак, братия святые, участники в небесном звании.

Итак, то есть после того, как я сказал, что таков Он Первосвященник — верный и милостивый к нашим грехам, и могущий помочь, — посмотрите и вы найдете, что это совершенно так. Сказал: *участники в небесном звании*, то есть: мы призваны туда, ничего не должны здесь искать; там награда, там воздаяние.

Уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа.

По причине плоти — все уничиженное, как часто говорится. Так апостол говорит потому, что послан к овцам дома Израилева. *Первосвященник исповедания нашего*, то есть веры; ибо Он Первосвященник не подзаконного служения, но нашей веры.

Который верен Поставившему Его, как и Моисей во всем доме Его.

Намереваясь изобразить преимущества Христа пред Моисеем, апостол ведет речь о первосвященстве и говорит, что как тому, так и другому вверен был народ, но Христу в большем. Сначала не показывает превосходства Христова, чтобы они не отвратились; ибо хотя они и были верны, однако все еще были преданы Моисею. Пока уподобляет Господа ему, говоря, что и Он верен Отцу, Который поставил Его первосвященником и апостолом. Здесь речь не о существе, но о поручительстве. *Верен*, то есть доброжелательный, предстательствующий, за тех, кто принадлежит Отцу, и не допускающий, чтобы они погибли, напротив ищущий спасения их. *Как и Моисей во всем доме Его*, то есть в народе. Домом называет народ, как и мы обыкновенно говорим. Ибо и Моисеевым назывался народ, как например: *развратился народ твой* (Исх. 32:7). Подобно попечителю, говорит, и распорядителю в доме, был Моисей в народе.

Ибо Он достоин тем большей славы пред Моисеем, чем большую честь имеет в сравнении с домом тот, кто устроил его, ибо всякий дом устроится кем-либо; а

устроивший все есть Бог.

Вот и здесь превосходство, которое имеет Господь пред Моисеем. Говорит, что и тот был верен во всем доме, то есть в народе, однако и он был один из этого дома: и он был человеком, как прочие; хотя и святым, но был рабом вместе с ними; так же, как и попечители в домах, хотя они и превосходят остальных, однако они слуги вместе с другими. Посему, так как и он был частью дома, то и он был создан кем-нибудь, и создавший его, несомненно, превосходит его. А создал его Сын Божий, принявший плоть и наименовавшийся первосвященником ради него: следовательно, и превосходит. Смотри, как апостол начал сравнения по плоти, а довел до Божественности и показал, что Творец несравненно превосходит тварь.

И Моисей верен во всем доме Его, как служитель, для засвидетельствования того, что надлежало возвестить; а Христос — как Сын.

Вот, показывает и другое превосходство: Моисей был верен, как слуга, поставленный для того, чтобы передавать повеления Господни прочим слугам и быть на суде свидетелем пред Богом в том, что им сказано. Ибо, если небо и землю призывает во свидетели, как например: *внимай, небо, и слушай, земля* (Втор.32:1; ср. Ис.1:2), — и долины, например: *слушайте, твердые основы земли* (Мих.6:2), — то тем более человека. Христос же верен как истинный Сын и наследник, исполняющий дела Отца по воле Его. Поистине, несравненно различие между таким Господином и рабом.

В доме Его; дом же Его -- мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца.

Домом Моисея был народ, частью которого был и он сам. И Христос имеет дом, то есть нас, но если мы устоим до конца и не падем. Здесь побуждает их быть твердыми в несчастьях и не ослабевать духом: тогда и мы, подобно Моисею, будем домом Божиим. Хвалит их, показывая, что они положили начало тому, что должно продолжать до конца. Хорошо сказал: *дерзновение и упование, которым хвалимся*. Ибо всякий, кто твердо надеется, что будет воздаяние, хвалится уже ожидаемым, как настоящим, и не падает духом, напротив, имеет больше уверенности, когда претерпевает несчастья за любимого им Христа.

Почему, как говорит Дух Святой, ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердца ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видели дела Мои сорок лет. Посему Я вознегодовал на оный род и сказал: непрестанно заблуждаются сердцем, не познали они путей Моих; посему Я поклялся во гневе Моем, что они не войдут в покой Мой (Ср. Пс.94:7-11).

Сказав о надежде и о том, что с уверенностью нужно ожидать там награды и успокоения от здешних трудов, далее доказывает на основании слов пророка: верующие войдут в покой, а неверующие не войдут, как не вошли и древние. Ибо после того, как евреи перешли чрез Чермное море и получили в пустыне бесчисленные доказательства Божия попечения о них и силы, они решились послать соглядатаев, чтобы осмотреть природу земли, в которую намеревались войти. Отправившиеся возвратились и с удивлением говорили о природе той земли и о том, что ее населяют люди непобедимые. И вот народ, которому должно было

обратить внимание на непобедимую силу Божию, пораженный этим словами, возроптал и решил, что ему должно возвратиться в Египет. Посему Бог, разгневавшись на то, что он так скоро забыл о стольких чудесах, поклялся, что возроптавший род не войдет в землю обетования, — и действительно, весь он погиб в пустыне, кроме Халева и Иисуса Навина. Поэтому, если Давид, говоря после этого уже рода, сказал: *ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших*, то для того, чтобы вам не потерпеть того же что и праотцы ваши, и не лишиться покоя; ясно, что он говорил о каком-то другом покое, который мы должны приобрести. Ибо если они действительно достигли покоя, то для чего он говорит: *ныне не ожесточите сердец ваших*, как отцы, чтобы и вам не войти в покой? Какой же это другой покой, как не Царство Небесное, образом которого служит суббота и преобразовательно совершившийся вход в Палестину детей того не уверовавшего рода? Ибо три покоя: покой субботы, когда Бог почил от дел своих. Об этом покое Давид не думал теперь говорить, так как он был уже давно. Другой — вступление в землю обетования, войдя в которую, иудеи должны были успокоиться от войн и странствования. И не об этом он говорит теперь, ибо Палестина тогда, во времена Давида, была уже занята евреями. Каким же образом Давид стал бы говорить о ней, как еще не приобретенной? Итак, он разумел иной покой, в который Иисус Навин не мог ввести свой народ. Какой же это покой, как не покой на небесах? Поэтому старайтесь, чтобы вам не лишиться его по неверию, подобно нашим праотцам. Таков смысл всего этого весьма многозначительного места: его должно исследовать по частям. Но заметь, что не должно от Бога требовать отчета, а должно верить в Него, спасает ли Он от бедствий, или нет. Обвиняет их также в том, что они искушали Его, то есть без испытания не надеялись на Него как всемогущего.

Смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного.

Сказано это для устрашения. Вероятно, были некоторые неверующие в истину сказанного о воздаянии и потому желавшие испытать силу Божию и попечение о них в искушениях, которым они подвергались. Поэтому охраняет их, напоминая о том, что терпели в древности не веровавшие. Ибо будущие ужасы не так сдерживают многих, как прошедшие и всем уже известные. Обрати внимание и на то, что от неверия всякий переходит к дурным помыслам и к таким же делам.

Дабы вам не отступить от Бога живаго.

Неверие не находит другого выхода, кроме того, что всякий отступает от Бога. До тех пор, пока человек держится Бога и надеется на Него, как всемогущего, он ничего не считает невозможным.

Но наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить: «ныне».

То есть назидайте друг друга и подкрепляйте, чтобы не пасть. Если же кто падет, исправляйте его, пока он жив;

это означает выражение: *доколе можно говорить: «ныне»*, ибо есть надежда. В особенности же, да не будет в ком-нибудь дурного сердца; а если случится, пусть он не впадает в отчаяние, но утешайте его, и вы снова приобретете его.

Чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом.

То есть чтобы от отчаяния не пришел в ожесточение и не остался бы неизлечимым. Ибо как отвердевшие и грубые тела не уступают усилиям врачей, так и ожесточившиеся души не повинуются слову Божию. *Обольщением грехом* называет или обольщение дьявола, то есть чтобы не надеяться, что будет воздаяние, или беспечность. Ибо, говорит, если однажды ты согрешил, то уже нет у меня никакой надежды, — поистине это греховное обольщение. Грех, обольщая и привлекая к себе, заставляет мыслить так, как сказано: *с приходом нечестивого приходит и презрение* (Притч.18:3). А кто презирает, тот уже не может верить. Таким образом, от греха происходит неверие. *И говорят: «не увидит Господь, и не узнает Бог Иаковлев»* (Пс. 93:7). И еще: *говоря в сердце своем: «Ты не взыщешь»* (Пс. 9:34), и: *забыл Бог* (Пс. 9:32), и все тому подобное.

Ибо мы сделали причастниками Христу.

То есть мы и Он стали одно и настолько сделали причастными Ему, насколько тело — главе. Здесь внушает им надежду, как бы так говоря: Тот, Который возлюбил нас настолько, что соделал даже нас Своим телом, не позволит нам отторгнуться от Него, если только мы не желаем. Вместе с этим намекает на то, что сказано в другом месте: *если терпим, с Ним и царствовать будем* (2Тим.2:12). Будучи ныне причастниками в том же, в чем и Христос, очевидно, в скорбях, постараемся и тогда быть причастниками в слове.

Если только начатую жизнь твердо сохраним до конца.

То есть веру; ибо чрез нее мы существуем и осуществляем божественное и духовное существование и возрождение. И здесь требует твердо стоять в вере до конца.

Доколе говорится: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота».

Подтверждает, каким образом сказал: *до конца*, и говорит, что это обозначается в выражении: *ныне*. Ибо *ныне* значит: всегда, как и выше сказал: *но наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить «ныне»* (ст.13). Или, что более одобрительно, как сказано у святого Иоанна Златоуста, апостол делает переход от слов: *доколе говорится: ныне, когда услышите глас Его*, к следующим: *поэтому будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование* и т.д. (Евр.4:1).

Ибо некоторые из слышавших возроптали.

Услышав, говорит, обетование Божие: дам вам землю Ханаанскую, не поверили и своим неверием прогневали Бога. Смотрите же, и вы не будьте неверующими в обетования. Ибо одно слушание не принесет вам пользы, если вы не будете вместе и верить. Как и для тех не принесло пользы слушание, но напротив, они за то по всей справедливости и погибли, что не поверили словам Божиим.

Но не все вышедшие из Египта с Моисеем.

Халев и Иисус Навин не были в числе неверовавших, а потому достигли обетования и вошли в Палестину.

На кого же негодовал Он сорок лет? Не на согрешивших ли, которых кости пали в пустыне?

Заключает свою речь вопросом для большей ясности и меньшего прекословия. Вопросы предлагаются исповедующимся. Предлагает также и наказание. Пали, говорит, кости их в пустыне, то есть большие бедренные кости. Через часть указал на целые тела.

Против кого же клялся, что не войдут в покой Его, как не против непокорных? Итак видим, что они не могли войти за неверие.

Выше сказал: *не на согрешивших ли?*, а теперь: *непокорных*. Кажется, намекает на таких верующих из евреев, потому что многие из них впали и в другие прегрешения, кроме малодушия и неверия в будущее. Из этого мы видим, что непокорные не вошли; то есть наказание за грех у нас пред глазами и всеми оно признано.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Посему будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его.

Здесь возвращение к тому месту, где говорится: *ныне, когда услышите глас Его* (Евр.3:7), а далее по порядку: *убоимся*, чтобы и с нами не случилось то же. Слово *посему* поставлено для возобновления речи, прерванной длинным повторением.

Не оказался кто из вас ^[4] опоздавшим.

То есть чтобы как-нибудь не лишиться совершенно возможности войти в этот обетованный покой. Смягчая и ослабляя свою речь, он не сказал: *чтобы не опоздал*, но: *чтобы не оказался опоздавшим*.

Ибо и нам оно возвещено, как и тем; но не принесло им пользы слово слышанное.

И мы получили благовестие относительно будущих благ, как и те преобразовательно о земле обетованной. Но оно будет совершенно бесполезно для нас, если мы так же не уверуем и не отложим всякое малодушие, подобно тому, как и тем слушание не принесло пользы. Обрати внимание на то, как по отношению к нам назвал дело благовестием, то есть обещанием будущих благ, и притом таких, которые даются в награду за победу: так по отношению к тем он назвал *словом слышанным*.

Не растворенное (μη συυκκραμένος ^[5]) верую слышавших.

То есть не соединенных чрез веру и не согласивших с теми, кто слышал, напротив удалившихся от них. Слышавшими называет здесь тех, кто уверовал; ибо они, действительно, могут назваться слышавшими. Святой Иоанн Златоуст под не смешавшимися разумел сторонников Халева и Иисуса Навина, ибо они не приняли участия в восстании, не смешались, не возмутились и не погибли вместе с прочими восставшими, у которых у всех было одно мнение. С кем же это? С теми, которые слышали и не получили никакой пользы.

Так сказал этот святой по великой и глубокой своей мудрости, мне же, недостойному, не дал уразуметь, в каком смысле сказал это.

А входим в покой мы уверовавшие, так как Он сказал: «Я поклялся в гневе Моим, что они не войдут в покой Мой» (Пс. 94:11).

Откуда видно, что войдем в покой мы, которые уверовали? Из того, что сказал Бог, что не уверовавшие не войдут. Это становится понятным из противопоставления: как для не уверовавших возмездием за их неверие служило то, что они не вошли в покой, так, напротив, мы, уверовавшие, получим в награду за свою веру то, что войдем.

Хотя дела Его были совершены еще в начале мира. Ибо негде сказано о седьмом дне так: и почил Бог в день седьмой от всех дел Своих (Быт. 2:2). И еще здесь: «не войдут в покой Мой» (Пс. 94:11).

Казалось бы, эта речь несообразна, но на самом деле не так: она говорит о том, что не может кто-нибудь сказать, что Давид говорит о покое субботнем. Ибо как говорит о нем, когда он был давно и когда мир с самого начала получил устройство? Ясно, что Давид говорит о каком-то другом покое. Этот покой относится к будущему, так как, очевидно, должны же кто-нибудь войти после этого. И подобно тому, как суббота в Писании называется покоем, и ничто не препятствовало, чтобы после этого покоем было названо вступление в обетованную землю; так и теперь ничто не препятствует, чтобы после этого древнего покоя был назван и будущий, разумею Царство Небесное, в которое не войдут не уверовавшие.

Итак, как некоторым [6] остается войти в него, а те, которым прежде возвещено, не вошли в него за непокорность, то еще определяет некоторый день, «ныне», говоря через Давида, после столь долгого времени, как выше сказано: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших» (Пс. 94:8, ср. Евр.3:8). Ибо если бы Иисус Навин доставил им покой, то не было бы сказано после того о другом дне.

Всем этим старается показать, что Иисус Навин не мог ввести в этот покой, о котором речь и у Давида, и у нас теперь. Так как Навин не ввел, а Давид *после столь долгого времени* снова говорит: *не ожесточите сердец ваших*, подобно отцам, которые вследствие неверия не вошли, и дает нам основание от противного заключать, что мы войдем, если уверуем. Очевидно, что это — покой будущий, и он ожидает нас. Ибо не о Палестине, без сомнения, говорил Давид: они тогда владели уже ею; также и не о седьмом дне речь: он был от сотворения мира. Следовательно, существует некоторый третий покой, — Царство Небесное, в который вводит истинный Иисус и вера в Него.

Поэтому для народа Божия еще остается субботство.

Не сказал: покой, но *субботство*, употребивши собственно такое название, которое и радовало их слушателей и было вполне понятным для них. Так он называет Царство Небесное. Ибо как в субботу закон повелевал воздерживаться от всех плотских произвольных дел и священникам совершать одни только дела служения Богу и дела душеполезные: так и тогда все будет духовным и божественным, ничего плотского, ничего тягостного, где нет ни

болезней, ни печалей, ни воздыхания. Послушай, что и сам он говорит.

Ибо, кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих.

Изъясняет, в каком смысле назвал такой покой *субботством*. Потому что, говорит, и мы почиваем от дел своих, подобно тому, как и Бог, почивши от дел Своих по устройении мира, назвал день этот субботой. Ибо здесь и для праведников много труда, и борьбы, и всяких усилий в добродетели; а там нет заботы и нравственной добродетели, там неизмеримое наслаждение Богом. Итак, о чем желали они слышать, именно, что они избавятся от нынешних трудов, то и сказал, чтобы порадовать их.

Итак постараемся войти в покой оный.

После того как показал, что есть и третий покой, наконец побуждает их войти в него. Прекрасно сказал: *постараемся*. Ибо вера сама по себе недостаточна для того, чтобы вводить в него, если с нею не соединяется и добрая жизнь.

Чтобы кто по тому же примеру не впал в непокорность.

По тому же примеру — как израильтяне. Ибо как они, хотя уже прошли большую часть пути и претерпели бедствия, однако за неверие пали, так и вы смотрите, как бы после стольких подвигов, которые вы выдержали, не пасть вам, не сохранив мужества до конца. Ибо это действительно значит пасть.

Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого.

Как тогда, говорит, не война, не меч погубил тех, но слово Божие: ибо они падали сами собой, так же будет и с нами. Ибо то же самое слово как их наказало, так и нас накажет: оно всегда живет и не погибло. И в другом еще смысле сказал: *живо*, чтобы ты, услышав слово, не почел его изречением пустым, он говорит: *живо*, то есть существенно и действенно, и на какую бы душу ни пало, — причиняет удары. Заметь его приспособление, как он вспомнил о мече и ударе, обычных и известных нам, — и это для того, чтобы из этого показать нам превосходство силы слова Божия.

Оно проникает до разделения души и духа.

Говорит нечто страшное, или что слово Божие дух отделяет от души и оставляет ее лишенной происходящей от него святости, что Господь и назвал в Евангелии рассечением (Мф. 24:51). Ибо, как царь с начальника, совершившего преступление, прежде снимает пояс и достоинство, и тогда уже наказывает, так и в этом случае человек лишается духовного достоинства, потом наказывается. Или что оно проникает и самые бестелесные существа. Некоторые поняли это слово, по моему мнению, несообразно с намерением самого апостола: что слово Божие, вошедши в душу, разделяет и расчленяет ее на части, делая ее способной к восприятию и содержанию тайны. Ибо, как стрела, рассекая тело, проникает таким образом в него, так и слово, если бы не разделило соединенные части души, то не могло бы войти в нее.

Составов и мозгов.

Чтобы, слыша о частях души, они не сделались беспечными в предположении, что это неизвестное наказание, предлагает и о телесных членах. Ибо более очевидное и открытое действует сильнее.

И судит помышления и намерения сердечные.

Здесь показывает божество Слова. Ибо Богу свойственно судить, то есть испытывать и ведать помышления. Ибо, говорит, *Ты испытываешь сердца и утробы, Боже* (Пс. 7:10).

И нет твари, сокровенной от Него.

Не только, говорит, испытывает и ведает сердца людей, но хотя бы ты указал на ангелов и архангелов, на херувимов и серафимов, все открыто пред Ним. Ничто не может укрыться от Его очей.

Но все обнажено и открыто (тетραχλισμένα) перед очами Его.

Чтобы нагляднее представить, каким образом все обнажено и явно пред лицом Слова Божия, он воспользовался переносным выражением, взятым от овец, когда с них сдирают кожу. Как у них, когда им отрубят голову, или вонзят нож в шею и заколют их, после снятия кожи открываются все внутренности: так и для Бога все открыто. Некоторые слово *открыто* (тетραχλισμένα) поняли в смысле украшений с шеи [2], точнее, висящих на шее. А другие — в смысле того, что спускается вниз и наклоняет шею, чтобы нельзя было пристально смотреть на славу Судии и Бога вашего Иисуса Христа. Ты прими первое объяснение.

Ему дадим отчет.

Ему, говорит, отдадим мы ответ и отчет в делах своих. Видишь, как он возвысил дело? Чтобы ты, услышав: *по тому же примеру*, не подумал, что одно и то же наказание нам и израильтянам, показывает чрез это, что наше наказание страшнее.

Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия.

Как бы на просьбу кого-нибудь подать нам совет, чтобы мы не пали духом и не предали малодушию, говорит, что достаточно и сказанного для научения нас страху и для того, чтобы сделать более твердыми. Но кроме того, мы еще имеем *Первосвященника*, Который может помочь нам, если только мы держимся исповедания; ибо Он не малый и не случайный, а великий, — Он — Сын Божий. И не таков, как Моисей. Тот ни сам не вошел в покой, ни народа не ввел; а Этот, прошедши небеса, восседает со Отцом и может дать нам вход в небеса, и сделал нас наследниками обетованного покоя.

Будем твердо держаться исповедания нашего.

Не все приписывает Первосвященнику, но требует и от нас участия. Он может, но при условии, что и мы являемся достойными. О каком же исповедании говорит здесь? О том, что есть воскресение, есть воздаяние, и бесчисленные блага там, что Христос есть Бог. Будем же держаться этого исповедания. Не дадим ему иссякнуть в нас. Что мы исповедали в начале

веры, то будем содержать твердо, и все страшное исчезнет.

Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших.

Увещевая их со всей убедительностью, он в удостоверение своей речи говорит, что этот Первосвященник знает наше состояние, не так, как большинство первосвященников, которые не знают даже и того, что такое страдание; почему и не способны помогать страждущим. Напротив, наш Первосвященник все испытал, и после того, как испытал, восшел, чтобы быть способным *сострадать*.

Но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха.

То есть Он подвергся гонению, оплеванию, клевете, изгнанию, наконец, распятию. Все это Он претерпел по подобию нашему, то есть подобно нам, однако кроме греха. Ибо Он вообще не совершил греха, и тогда, когда претерпел сие, не сказал и не сделал чего-либо греховного. Поэтому можете и вы, находясь в скорбях, соблюстись от греха. Итак, почему вы освобождены и избавлены? Некоторые выражение: *кроме греха* поняли в том смысле, что Он претерпел это, не за грехи подвергаясь наказанию.

По сему да приступаем с дерзновением к престолу благодати.

Так как, говорит, мы имеем безгрешного Первосвященника, победившего мир, Который сказал: *держайте, ибо Я победил мир* (Ин. 16:33), то мы должны приступать с дерзновением, то есть не с тягостным сознанием, без колебания, но с полной верой в Первосвященника. Ибо если мы и имеем грехи, зато Он безгрешен. И престол Его — престол благодати, а не суда; по сему мы должны приступать с дерзновением, в надежде, что Он дарует нам все, чего мы желаем. Существует два престола; один ныне — престол благодати, и приступающие к нему получают по божественной благодати освобождение от грехов; другой — престол второго пришествия Иисуса Христа, уже не престол благодати, ибо тогда никто не получит прощения, а престол суда. О престоле напомнил для того, чтобы ты услышал, что Он есть Первосвященник, не подумал, будто Он стоит пред Богом. Ибо хотя, как человек. Он и называется Первосвященником по благословию и снисхождению к нам, однако Он и сидит на божественном престоле.

Чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи.

Если мы приступим теперь, то получим милость и благодать; ибо приступаем благовременно. Если же тогда приступим, то не получим; ибо тогда не будет престола благодати. Ныне сидит на нем Царь, подающий благодать; а тогда Он восстанет на суд, ибо сказано: *восстань, Боже, суди землю* (Пс. 81:8).

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу.

Теперь Павел хочет показать, что Новый Завет гораздо лучше Ветхого. И прежде всего

начинает сравнивать священство ветхозаветных священников со священством Христа и показывает великое превосходство последнего Между тем, так как ему встречалось препятствие в том, что многое, что должно принадлежать священникам, не принадлежало Христу, — так, Он не происходил из священнического колена, не был на земле священником, не был поставлен от человек и, просто сказать, образ Его священства не имел какого-либо телесного выражения, как, например, колокольчиков и дощечек с заповедями (*которые были у ветхозаветных священников*) но все духовное, то он перечисляет сначала то, что есть общего между Христом и прочими первосвященниками, а затем показывает и преимущества Христа пред ними. Ибо тогда при сравнении действительно оказывается превосходство, когда в одном Он имеет общее, а в другом — превосходит. Итак, то, что *из человек избираемый*, — это общее у Христа с прочими первосвященниками. Ибо и Он, будучи человеком, сделался Первосвященником. Так же и то, что *для человек поставляется на служение Богу*, то есть является посредником, и это — общее.

Чтобы приносить дары и жертвы за грехи.

Объяснил, что значит: поставляться за людей пред Богом, — это значит, говорит, умилоствить Бога за грехи. И это общее у Христа с прочими, хотя и не вполне: ибо Он принес в жертву Себя Самого, те же — нечто другое. Как различаются *дар* и *жертва*, сообразно точному смыслу, хотя в Писании они употребляются безразлично, узнаешь ниже.

Могущий снисходить невежествующим и заблуждающимся.

То есть привести в соразмерность, сострадать, снисходить и подавать прощение согрешающим по неведению. Но смотри, что невежество и заблуждение производят всякий грех. Ибо, хотя кажется, что кто-либо знает зло, но, омрачаясь в момент деятельности, он страдает от неведения и заблуждения, увлекаемый прелестью удовольствия.

Потому что и сам обложен немощью.

Более простое и, я думаю, более верное толкование то, что потому первосвященник сострадает невежествующим, что и сам *обложен немощью*, и испытавши меру человеческой слабости на самом себе, увеличивает и прощение. Некоторые, однако, поняли так, что первосвященник в этом только и отличается от народа, именно что прощает: так как всем прочим и немощью он и сам обложен, наравне с прочими.

И по сему он должен как за народ, так и за себя приносить жертвы о грехах.

Все это далеко не общее у Христа с прочими, но в этом Он превосходит. Ибо Господь не имел слабости, именно слабости к прегрешениям, и не за Себя Самого принес дары и жертвы, но за всех людей.

И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом.

Указывает и другой отличительный признак первосвященника, открывающийся также во Христе, — тот, что Он не Сам Собою присвоил священство, но что Он призван от Бога и, таким образом, получил его. Здесь же он намекает на тогдашних иудейские первосвященников, которые добивались сана, приобретая его через покупку и нарушая закон.

Как и Аарон.

Ибо и Аарон, сначала призванный Богом чрез Моисея, таким образом священствовал, не сам присвоив себе этот сан. И опять, когда жезл расцвел, было показано, что он был послан Богом; и тогда, когда огонь пожрал посягавших на священство (Числ.гл.16 и 17).

Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя (Пс. 2:7); как и в другом месте говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека (Пс. 109:4).

Что Христос всюду говорил: Я послан от Бога и не пришел Сам от Себя(Ин. 8:42), то же и Павел указывает теперь, именно, что Он послан от Бога, и не Сам прославил Себя, но *Тот, Кто сказал Ему*, то есть Тот прославил Его. Это прими к сведению вообще. Посему, так как Аарон имел много чувственных признаков того, что он послан от Бога, как сказано выше, а Христос не имел ничего чувственного, напротив, даже более: противники Его и убийцы в то время пользовались большим уважением, они все делали и всем правили, — то показывает доказываемое на основании пророчеств, именно, что Он послан от Бога. Казалось бы, пророчество из второго псалма не согласно с тем, что предполагается. Предполагается, без сомнения, на основании какого-либо места Писания показать, что Христос — посланный от Бога Первосвященник; между тем это свидетельство показывает то, что Он рожден от Отца. И действительно, то, что Он рожден от Бога, есть предуготовление к рукоположению от Бога. Затем прими в соображение и то, что сказал потом в сто девятом псалме: *из чрева прежде денницы рождение Твое*. Потом немного спустя прибавил: *Ты священник вовек, по чину Мелхиседека*. Павел соединил здесь сказанное в обоих псалмах о рождении, как бы говоря следующее: чтобы ты не подумал, что говорится о ком-нибудь другом: *Ты священник вовек*, но именно о Рожденном *прежде денницы*, и это никто иной, как Тот, о Котором во втором псалме говорится, что он рожден *ныне*: выражение *прежде денницы* означает вечное; а также и *ныне* означает «от начала», то есть, от Отца. Второй же псалом, очевидно, относит все ко Христу. Посему о Христе сказано и *Ты священник вовек*. Пусть скажут иудеи: кто другой был иереем по чину Мелхиседекову, кроме Христа? Не все ли были под законом? Не все ли субботствовали и приносили жертвы? Итак, совершенно очевидно, что это сказано о Христе, ибо только Он один освятил жертву хлебом и вином, как и Мелхиседек. В таком же смысле сказал *вовек*? — в том, что и теперь, с телом, которое принес за нас пред Богом и Отцом, то есть самые страдания за нас представляет как великое побуждение, без слов говоря Отцу: за человеческое естество Твой Сын подвергся этому: помилуй же тех, за кого Я снисшел пострадать. Или: что приношение, каждый день совершаемое и имеющее совершаться чрез служителей Божиих, имеет Первосвященником и Священником и Жертвой Самого Господа, Себя за нас освящающего, закалаемого и раздаваемого. И всякий раз, как совершается это, смерть Господня возвещается.

Он, во дни плоти Своей.

Днями плоти Его обозначает время жизни Его во плоти; это не значит, что ныне Он сложил с Себя плоть; ни в коем случае: ибо Он имеет ее, но плоть нетленную и стоящую выше ее плотских и безвинных страстей, — голода, жажды, утомления и тому подобного. Это место апостол заимствовал у Давида, который в сто четырнадцатом псалме говорит: *буду призывать Его во все дни мои* (Пс. 114:2). Весь этот псалом апостол относит ко Христу.

С сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти.

Это сказано о плоти, ибо как Бог Он не нуждается в этом. Но допустим, что Он и молился, но, без сомнения, и не с воплем и не со слезами, ибо это не свойственно Богу, но должно бесспорно отнести к человечеству Единого Христа, чтобы, с одной стороны, показать истинность воспринятого естества, а, с другой, вместе с тем и попечение о нас, и явить избыток любви. Ибо за нас Он молил об этом, приняв наше естество, чтобы подавить в Самом Себе боязнь нашего естества пред смертью. Потом обрати внимание, что нигде в Евангелиях не написано, чтобы Он молился о воскресении, но напротив, Он явно говорил со властью: *разрушьте храм сей, и воздвигну его* (Ин. 2:19), и: *власть имею опять принять душу Мою* (Ин. 10:18).

И услышан был за Свое благоговение; хотя Он и Сын.

И это по причине плоти и немощи слушателей: ибо у них еще не было надлежащего понятия о Нем. Мысль здесь следующая: таково было благоговение Его, что то, что Он был услышан, было более делом Его благоговения, чем благодати Божией; и за это почтил Его Бог и внял Его молитве, хотя, как Сын, Он и имел к Нему естественное дерзновение: настолько было велико Его благоговение и достойно почтения. Поэтому, не унывайте, имея Господа, Которого выслушивает Отец. Итак, о чем вы не попросите Его, исполнит для вас: об этом и Сам Христос в Евангелии говорит ученикам: *ибо Отец Мой более Меня* (Ин. 14:28), и: *о чем не попросите Отца во имя Мое, даст вам* (Ин. 16:23).

Однако страданиями навик послушанию.

Привык, говорит, повиноваться Богу Отцу, научившись сему путем страданий. Кажется просто невероятным то, что здесь говорится. Ибо каким образом научился послушанию чрез страдания Тот, Кто до страданий настолько был послушным Отцу, что и сами страдания воспринял вследствие послушания? Ибо, говорит, *был послушен даже до смерти* (Флп.2:8). Итак, понимай, что, так как они, как малодушные, оказывались непослушными, то он говорит уничиженное о Сыне Божиим, чтобы таким состоянием Его убедить их повиноваться и оказывать послушание воле Божией, и чтобы они не падали духом в несчастьях, но ожидали бы помощи свыше. Ибо, говорит, и Сын, претерпевши страдание за послушание, был услышан Отцом, и душа Его была избавлена от смерти. И с того времени Он постоянно научился повиноваться Богу, так как послушание имеет большую силу. Итак, если Он получил пользу от страданий, то тем более вы можете получить. Видишь ли, как апостол Павел ради пользы слушателей дошел до того, что, казалось бы, говорит нечто несообразное. Но слушай и далее.

И, совершившись.

Итак, совершенство достигается путем страданий. Для чего же вам негодовать на бедствия, которые вас совершенствуют?

Сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного.

То есть не только Сам спасся, но и другим доставил спасение: и не временное, каково в

войнах, но вечное. Для кого же? — *послушных Ему*. Как же вы являетесь непослушными и подвергаетесь опасности лишиться спасения? Видишь ли, что всей этой речи апостолом придан такой вид вследствие малодушия слушателей. Кроме того, усматривай и здесь возвышенное. Ибо, говорит, сделался виновником спасения, что свойственно Богу. Ибо нет никакого другого, кроме Бога, виновника такого спасения.

Быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека (Пс. 109:4).

Так как, говорит, Он пострадал, принеши Себя Самого в жертву, то за это и *наречен Первосвященником*. Сверх того, хотя Он принес в жертву и кровь, однако не по чину иудейских первосвященников, но по чину Мелхиседека. Ибо как тот не был помазан человеком, так и Христос, — но Богом, чрез Единосущного Ему Духа. Как тот не приносил требуемых, законом жертв, так и Этот, тот царь, так и Этот, — и в бесчисленном другом.

О сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать, потому что вы сделались неспособны слушать.

Намереваясь говорить о преимуществе священства Христова, он заранее обличает слушателей, указывая, что по младенчеству их он высказал столь уничиженное о Христе, занялся учением о плоти Христовой. Ведь, если бы они не были немощными, он давно бы напомнил им о более возвышенном. Вследствие вашей слабости, говорит, является трудно объяснимым для вас учение о том, каким образом Христос есть Первосвященник по чину Мелхиседекову; И так как вы не понимаете, то поэтому я не могу вполне объяснить вам. Так, коринфянам говорит, что не может беседовать с ними о духовном, так как в них споры и разногласия (1 Кор. 3:3), почему и именует их плотскими. А так как у этих невежество происходило от скорбей, то их он называет не плотскими, но немощными. Сказав: *сделались*, он показывает, что они были некогда здоровыми, а после сделались такими.

Ибо, судя по времени, вам надлежало быть учителями.

Обличение соединяет с похвалой говоря, что вы должны быть учителями и для других. Здесь он показывает, что они уверовали уже давно и слышали о таинствах. То и другое достойно похвалы, если бы только они не нерадели. Время, говорит, делает более сильными, вы же, будучи избавлены, напрасно потратили его.

Но вас снова нужно учить первым началам слова Божия.

Началами называет учение о человечестве Христовом. Ибо как во внешних науках прежде всего должно изучить письмена, так и здесь в слове Божиим прежде должно узнать учение о человечестве Христовом, и освоиться с учением об уничиженном состоянии. Его; а потом должно приступить к учению о Божественности, требующем более совершенного разума. Вот, ты совершенно ясно понял от самого Павла, по какой причине он занимается беседами об уничиженном, а о чем-нибудь возвышенном говорит редко: и этим он делает снисхождение к немощи слушателей. Вот, и это послание переполнено мыслями об уничиженном. Если же есть в нем возвышенное учение, то оно кратко.

И для вас нужно молоко, а не твердая пища.

Не сказал, что имеете нужду (т.е. молоко необходимо вам, по естественным причинам, — *Прим. ред.*), но «бысте» («стали такими»), то есть вы сами довели себя до такого состояния (т.е. молоко снова вам необходимо, потому что вы не смогли (разучились) принимать твердую пищу, — *Прим.Ред*), добровольно сделавшись такими. *Молоком* он называет упрощенное учение и здесь, и в Послании к Коринфянам (1 Кор. 3:2), под *твердой же пищей* разумеет более совершенное и возвышенное учение. Посему, говорит, теперь не должно вносить того, что было под законом, и не должно делать сравнения с теми священниками не сравнимого Христа, или: как в том отношении, что Он — Первосвященник, так и в том, что Он принес жертву, и в том, что Он молился с воплем и коленопреклонением, однако, так как вы питаетесь этим, то я предлагаю и это. Заметь, что то, что для нас теперь неудобоприемлемо, тех тогда питало, и что слово Божие есть истинная пища. Ибо *пошлю на землю*, говорит, *жажду слышания слов Господних* (Ам.8:11).

Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец.

Правдой здесь он называет или образ жизни совершенно исправный, говоря как бы так, что *несведущий* не искусен в вышнем любомудрии и не может вести высшей жизни; этого требовал и Христос, говоря: *если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев* (Мф. 5:20). Или, *правдой* он называет Самого Христа, говоря так: тот, кто причастен уничиженного их учения о плоти, не принимает возвышенного и достойного Христа учения, так как он *младенец* и не способен принять его.

Твердая же пища свойственна совершенным.

То есть возвышенные догматы о Божественности Христа. Видишь ли, что есть другое младенчество — мысли, которое имеют и старцы; и есть совершенство, иметь которое ничто не препятствует и юношам.

У которых чувства навыком приучены к различению добра и зла.

Навыком он называет совершенство и твердость образа мыслей нравственной жизни. Кто тверд по образу мыслей и по жизни, тот имеет и чувства души, приученные путем упражнения в Божественных Писаниях к различию, с одной стороны, возвышенных и низких учений, с другой — здравых и извращенных. Не о жизни говорит он здесь: ибо всякий различает ее и знает, что зло — дурно, а добродетель — благо. Видишь ли, что необходимы обучение, упражнение и опытность в Писаниях, если мы намерены различать, что еретическое и что не таково; а не просто ко всему склонять слух. Ибо гортань вкушает пищу, а душа испытывает учения (ср. Иов.12:11).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Посему, оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству.

Выше сказал: вы ослабели, вы стали младенцами и дошли до такого состояния, что вам нужно снова учиться первоначальным основаниям веры, посему теперь и говорит, что вам должно, наконец, размышлять как совершенным и превзойти слово начала Христова, то есть первые начала веры, и устремиться к *совершенству*, то есть быть восприимчивыми к более

возвышенному. Или еще можешь понять это в таком смысле: так как казалось, что они хромали в отношении поведения, то теперь говорит им о жизни безукоризненной, как бы так говоря: не должно вам всегда возвращаться около начала, то есть поучаться в вере, подобно новообращаемым, но должно стремиться и к совершенству, то есть к лучшей жизни. Ибо совершенен тот, кто вместе с верой проводит и жизнь правую. Ведь вера — начало и основание, и без нее ничего невозможно сделать, как и без букв нельзя знать грамоты. Однако как нельзя постоянно заниматься одними буквами, так нельзя постоянно быть наставляемым в вере, подобно младенцам и несовершеннолетним. Если же кто пожелает принять первое толкование, а это отвергнет на том основании, будто оно не соответствует тому, что ранее сказано апостолом Павлом, тот пусть припомнит, что у него есть обычай, говоря об одном, быстро переходить к другому: как, например, в Послании к Коринфянам, беседуя о трапезах, он перешел к речи о таинствах (1 Кор. 11:20-30). Таким образом и теперь, высказывая им вначале порицание за слабость и неспособность к восприятию более совершенного, обращается к рассуждению об образе жизни, называя их несовершеннолетними и за то, что не по вере расположили свою жизнь.

И не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел и вере в Бога.

То есть вновь не делая с самого начала того, что вы делали в то время, когда вы намеревались креститься, как например, *обращения от мертвых дел*, то есть отречения от дел сатаны. Кто приходит ко Христу, очевидно приходит таким образом, именно раскаиваясь в прежнем, как в учении, так и в жизни: ведь если не отвергнуть прежнего, то как можно достигнуть второго? Поэтому присоединяет: *и вере в Бога*. Тогда и вера, именно после покаяния в мертвых делах. Таким образом, говорит: не должно вам поучаться относительно веры, как начинающим, ибо вы уже уверовали. Но этим намекает, что они и колебались, и потому нуждались в основании.

Учению о крещениях.

Павел сказал об этом во множественном числе не потому, что существует много крещений: ибо крещение едино (Еф.4:5), но потому, что это как бы выходило из следующего. Раз он снова оглашал, то снова и крестил бы; и в случае отступления снова крестил бы: по необходимости было бы много новых крещений, но это нелепо. Посему вы не должны повторять крещение, но пребывать при первом крещении. Быть может, они, как крепко придерживавшиеся закона, и под благодатью признавали по-иудейски много крещений. Заметь, что за покаянием следует крещение. Так как покаяние само по себе не может явить нас чистыми, поэтому мы крестимся, чтобы все было делом благодати Христа.

О возложении рук.

Чрез это они получали Святого Духа, чтобы пророчествовать и творить чудеса. Когда, сказано, Павел возложил на них руки, они получили Духа Святого (Деян. 19:6).

О воскресении мертвых.

Это происходит при крещении под образом погружения в воду и восстания из нее, и утверждается в исповедании веры, ибо мы исповедуем, что веруем в воскресение мертвых.

И о суде вечном.

То есть суде, дающем или вечные блага, или наказания. Кажется, говорит это потому, что они, вероятно, колебались, хотя уже уверовали, или жили худо и беспечно, говоря при этом: бодрствуйте. Невозможно говорить, что, если мы жили нерадиво, или отпали от веры, то снова окрестимся, снова получим возможность омыться от грехов и удостоиться того же самого, чего удостоились и прежде. Прельщаетесь, говорит он, рассуждая таким образом.

И это сделаем, если Бог позволит.

Это сделаем — что? — то, чтобы идти к совершенству, если и Бог желает. Сказал же это не так, как бы Бог не повелевал этого, но как обыкновенно говорил, что если Богу угодно, то это именно я и хочу сделать.

А вместе с тем поучает нас здесь тому, чтобы мы все ставили в зависимость от воли Его и чтобы даже при бесспорно добрых делах мы не доверяли собственному суждению и своим силам. В этом же ясно убеждает и апостол Иуда.

Ибо невозможно — однажды просвещенных.

Не сказал, бесполезно, или неприлично, но: *невозможно*, так что привел их в отчаяние относительно надежды на второе крещение.

И вкусивших дара небесного.

То есть отпущения грехов. Ибо этого никто не в состоянии дать, кроме одного Бога.

И соделавшихся причастниками Духа Святаго.

После оставления грехов следует причастие Святого Духа: ибо Он не обитает в теле, обремененном грехами. Сообщался же Дух Святой чрез возложение рук, как и выше сказано.

И вкусивших благого глагола Божия.

Не сказал прямо, что это такое: но, конечно, дает нам понять, что говорит это обо всяком духовном учении.

И сил будущего века.

Так он называет или силы творить чудеса, или жить подобно ангелам, в том смысле, чтобы не нуждаться ни в чем здешнем, но взирать на будущее, и уже здесь получить невещественный и духовный залог будущей жизни.

И отпадших, опять обновлять покаянием.

То есть чрез покаяние. Что это? Неужели отвергается покаяние? Да не будет. Но — обновление чрез вторичное крещение. Ибо обновление есть действие одного крещения, как и пророк говорит: *обновляется, подобно орлу, юность твоя* (Пс. 102:5); действие же покаяния состоит в том, что оно освобождает от ветхости и делает сильными. Но в прежнюю светлость возвести не может. Ибо в крещении все было делом благодати. Посему *покаянием*,

говорит, — именно, крещением. Ибо сначала всякий раскаивается в прежней жизни, потом крестится, как и сам он выше сказал: *обращение от мертвых дел*. И из последующего ясно, что он отрицает вторичное крещение.

Когда они снова распинают в себе Сына Божия.

Крещение есть крест. *Ветхий наш человек распят с Ним, и мы соединены с Ним подобием смерти Его*. И еще: *мы погреблись с Ним крещением*. Ибо как Христос умер на кресте плотью, так мы в крещении умираем для греха. Поэтому, кто вторично крестится, тот распинает вторично Христа, насколько это в его власти. Но это нелепо. Ибо Он однажды умер и воскрес, и *смерть уже не имеет над Ним власти* (см. Рим.6:4-9). Итак, нет вторичного крещения, так как нет и вторичного креста. Что же препятствует, чтобы было и третье, и четвертое, и так до бесконечности? Не просто сказал: *снова распинают* и остановился; но еще прибавил: *в себе*, чтобы показать, что мы, проводя беспечно свою жизнь в предположении, будто существует другое крещение, совершаем все так, как бы сами поддерживали в себе дурное мнение.

И ругаются Ему.

То есть торжествуют, позорят. Понимать это можно двояко; или так, что те, которые распяли Господа, измыслили тогда для позора Его такой род смерти, очевидно, проклятый и позорный, и определенный для злодеев: или так, что Христос, будучи однажды распят, в последующее время исповедуется бессмертным. Поэтому тот, кто распинает Его во второй раз, делает это исповедание ложным, что приносит бесчестие Христу, однажды только вкусившему смерть, а потом уже бессмертному. Таким образом, двумя способами подтверждается невозможность этого дела: во-первых, тем, что кто был удостоен таких благ и все растратил, тот уже недостойн снова наслаждаться теми же самыми благами, во-вторых, и еще более, тем, что невозможно, чтобы Сын Божий снова был распят.

Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь.

Землей он называет душу, а дождем- учение, как и в другом месте: *повелю облакам, говорит Бог, не проливать дождя на виноградник* (Ис. 5:6). И еще: *поток Божий полон воды* (Пс. 64:10) то есть тот, кто получил от Бога дар к научению других, исполнился вышних вод, или даров. Здесь он дает понять, что те и принимали и пили слово, и часто удостаивались его, и тем не менее не получили от того пользы, что и выше сказал: *судя по времени, вам надлежало быть учителями*.

И произрастающая злак полезный.

То есть жизнь, исполненную добродетели. Ибо нет ничего столь полезного, то есть приличного и вожделенного, как чистота жизни.

Тем, для которых и возделывается.

Злак, говорит, то есть добродетельную жизнь, порождает земля для тех, для которых возделывается, и для тех это *полезно*: ибо сами те, приносящие добродетель, будут наслаждаться ею. Некоторые поняли *тем* в смысле: учителям; ибо, действительно, ими

воспитывается доброе поведение, так что они являются участниками в добродетели своих учеников.

Получает благословение от Бога.

Здесь молчаливо укоряет эллинов, которые приписывают произращение плодов силе земли. И даже не руки земледельца производят плоды, но все, говорит, есть дело Божие: Сам Он благословляет и дает изобилие плодов.

А производящая терния и волчцы.

Не сказал: *произращающая*, как именно выше сказал о *злаке*, но: *производящая*, как бы сказал, — извергающая и выбрасывающая некоторый излишек. Терния же и волчцы — это житейские заботы, обольщение богатством и вообще всякий грех, как и Давид говорит: «сделался страдальцем, когда вонзился в меня терн» (Пс. 31:4). Терн не просто входит, но вонзается, и если мы не выдернули весь, но немного осталось его, то он причиняет большую боль и требует лечения и забот. Но еще есть и волчец: где его касаешься, там и ранит, и повсюду он неприятен: на земле приносит бесчестие, а в будущем веке и особенно.

Негодна и близка к проклятию.

Сказал, что добрая земля благословляется Богом; а бесплодная — не сказал просто: проклята, но *близка к проклятию*, чтобы не отчаивались. Ибо кто *близок проклятию*, может быть и далек от него.

Которого конец — сожжение.

И это, чтобы мы не отчаивались. Ибо не сказал: земля будет сожжена, но *какого конец — сожжение*, то есть если она до конца останется бесплодной. Таким образом, можно избежать бесплодия и сжечь терния, и сделаться благопотребным, и удостоиться благословения.

Впрочем о вас, возлюбленные, мы надеемся, что вы в лучшем состоянии и держитесь спасения, хотя и говорим так.

Достаточно укорив и устранив, снова утешает, чтобы не сделать их совершенно беспечными. Ибо кто сильно наказывает ленивого, тот делает его еще более ленивым. Поэтому говорит: говорю это не потому, что осудил вас, и не потому, что считаю вас исполненными терний, но потому, что боюсь, как бы не случилось этого с вами. И не сказал: ожидаем от вас, но: *надеемся*, то есть находимся в твердой уверенности относительно вас, что вы не так живете, но лучше, и что заботитесь о собственном спасении, хотя мы и выразились так сильно. Итак, он говорит это или об их жизни, именно, что вы настолько тернисты, или о воздаянии, что вы не *близки к проклятию* и не к *сожжению*, но для вас назначается иное воздаяние. Обрати внимание и на следующее.

Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше.

Смотри, как он ободрил и укрепил их в надежде на лучшее, напомнив им о прежних их

делах и правде Божией: ибо, если Бог правосуден, — Он не забудет дела вашего, то есть милосердия, братолюбия, но воздаст вам. Потому не отчаивайтесь, но вполне надейтесь на лучшее, так как Бог совершенно справедлив. Итак, не о вас сказал я, что сказал жестоко, ибо знаю, что вы не достойны проклятия.

И труд любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым.

Важное дает о них свидетельство, указывая не на дела только, но и на дела с усердием. Ибо служить есть знак усердия. Говорит о любви и милосердии, которое они показали не к братьям своим, но во имя Божие. Смотри, какое величайшее утешение в том, что мы делаем не для людей, но для Бога, как и Христос говорит в Евангелии: *сделали Мне* (Мф. 25:40). Ибо кто ради имени Божия печется о неправедном, тот делает это для Бога. *Святым*, то есть верным. Ибо всякий верующий — свят, хотя бы он был и мирянином. *Ибо неверующий муж*, говорит, *освящается женою верующей, и жена неверующая освящается мужем верующим* (1 Кор. 7:14). Таким образом, вера здесь производит освящение. Посему будем внимательны не к одним только отшельникам, как к святым, но и к мирянам: те, конечно, святы как по вере, так и по жизни, но и миряне святы по вере, а многие и по жизни. Смотри, как он успокаивает их. Ибо сказавши: *послужив*, не остановился, но прибавил: *и служба*, то есть и теперь вы делаете то же самое.

Желаем же, чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца.

Как бы на чей-нибудь вопрос: ради чего сказал это ты, Павел, если не желал наказывать нас? — говорит, что сказал это, желая, чтобы и на будущее время вы поступали хорошо; не осуждая вас за прошлое, а опасаясь за будущее. И не сказал: хочу, что именно показывало бы учительскую власть, но *желаю*, что свойственно отеческой любви. Ибо не на словах желаю этого, но душа моя сгорает о вас. Таким образом понимай выражение *желаю*. И не просто о вас, но о каждом в отдельности: так он заботился о всех, и о малых и великих, и всех знал. Чтобы оказали *совершенную уверенность в надежде*, то есть чтобы обнаружили полную и совершенную надежду и не были смущены. Смотри, как не поражает прямо и не говорит: вы отчаялись и доселе не пришли в себя, но как бы так говорит: хочу, чтобы ты всегда был тщателен и чтобы, каким ты был теперь и на будущее время.

Дабы вы не обленились.

И это к их утешению: ибо относит это к будущему времени. И хотя выше сказал: *потому что вы сделали неспособны слушать* (Евр.5:11): ибо доселе указывал на неспособность слушать; теперь же, говорит, *заблаговременно пекусь* о том, чтобы эта неспособность не коснулась вашей души. Ибо как бездействие и недвижимость вредит телу, так и неупражнение в добрых делах делает душу слишком беспечной.

Но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования.

Выше напомнил им, в чем они прежде были добродетельными, представляя им пример в собственных их делах. Теперь же возводит их к патриарху Аврааму. Чтобы не думали, что они, как недостойные никакого слова, забыты и оставлены Богом, указывает, что проводить жизнь среди искушений есть удел особенно славных мужей, и что Бог так поступал с

великими мужами. Ведь если бы Он тотчас же давал то, что обетовал, то не могла бы обнаружиться вера их: теперь же медлит исполнением, чтобы чрез терпение открылась их вера. Ибо тогда становится очевидной вера обещавшему, когда кто, не получая обещанного в продолжение долгого времени, верит, тем не менее, что получит, и не отчаивается. Посему для того выражаю вам эти укоризны, чтобы восстановить вас и чтобы вы *подражали тем, которые верою и долготерпением наследовали обетования*. А кто эти мужи, он объясняет далее. Но смотри, как на первом месте поместил веру, потом долготерпение, потому что долготерпение происходит от веры. Ибо кто не верит, что Обетовавший несомненно даст, тот и не долготерпит.

Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою, говоря: истинно благословляя благословлю тебя и размножая размножу тебя (Быт. 22:16).

Так как много было таких, которые наследовали верой обетования, то он пока теперь опустил всех прочих, оставляя их для последующего, и напоминает только об Аврааме, как по важности лица его, так особенно потому, что он и удостоился и получил обетование. И этим он также показывает, что не должно предаваться малодушию, но уповать на Бога, Который, обычно, не скоро исполняет обещание, но спустя долгое время. Когда же Бог клялся Собою? Или в самых словах, в которых говорит: «Я клялся Собою». А может быть, кто-нибудь скажет, что в слове: *истинно* содержится клятва Бога Собою; ибо *истинно* значит «поистине». Это есть не что иное, как утверждение истины; но истиной может быть кто иной, как не Бог? Так и Господь в Евангелии, говоря: *истинно, истинно говорю вам* (например, Ин.11:26 и др.), клянется той же самой клятвой; клянется Самим Собою, как и Отец, так как не имеет клясться высшим. Однако некоторые думали, что и Сам Сын тогда беседовал с Авраамом: ибо Писание говорит: сказал же Ангел Аврааму (Быт. гл.18). Но никаким образом, говорят, Отец не мог быть Ангелом, но Сын — великого совета Ангел.

И так Авраам, долготерпев, получил обещанное.

Каким образом в конце послания говорит, что они *только издали видели* исполнение обетования и *радовались* (Евр.11:13), а теперь говорит, что Авраам *получил обещанное*? Не об одном и том же говорит здесь и там, но здесь говорит об обетованиях земных, которые Авраам получил спустя долгое время, а там о небесных, которых он еще не получил. Однако и то и другое, — и то, что он получил, и то, что он еще не получил, служит утешением для малодушных, — одно потому, что и мы получим, если обнаружим долготерпение, другое потому, что если еще не получил тот, кто достиг совершенства за столько лет раньше, то слишком неразумны мы, негодующие на то, что еще не получаем. Смотри, как он сказал: *долготерпев, получил обещанное*, чтобы показать великую силу долготерпения, и что не одно только обетование совершило все, но и долготерпение. Здесь же внушает им и страх, давая понять от противного, что малодушие препятствует исполнению обетования. И это случилось в пустыне с древним народом, который малодушествовал и совершенно не получил обетования. Итак, кто-либо скажет: почему же святые, долго терпев, не получили, как говорится в конце послания? Они, во всяком случае, получают. А роптавшие из народа и не получили, и не получают.

Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их.

То есть клятвой разрешается недоумение во всяком прекословии. Ибо много говорят и возражают в споре с той и с другой стороны, но клятва, являясь последнею и подтверждающей, разрешает все сомнительное.

Посему (εν ω) и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву.

То есть потому именно, что клятва придает людям полную уверенность, и Бог клянется. Или, *посему*, вместо: в том, что клялся, говорит, Бог Самим Собой, Он с избытком доказал нам, что всячески и непреложно исполнит то, что обещал. Ибо хотя Богу должно было верить и без клятвы, однако Он снисходит ради нас и смотрит не на Свое собственное достоинство, но, чтобы убедить нас, попускает говорить о Себе недостойное. Ибо мы верные, благословенные в семени его, которое есть Христос, являемся наследниками обетования. Смотри, как и тогда говорит, что Сын — посредник между Богом и людьми. Ибо Собой, как Словом, клялся Бог и Отец.

Дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать.

Какой и какой? Как тем, что просто сказал и обещал, так и тем, что к обетованию присоединил клятву. Так как у людей считается более достоверным то, что с клятвой подтверждено, поэтому и Бог присоединил ее. *В которых*, вместо *из них*, — из этих двух вещей обетование является наиболее достоверным, и *невозможно Богу солгать*. Посему, как поклялся Он ради нас, хотя Ему и недостойно клясться, так понимай и то, что «Он навиче от сих, яже пострада». Ибо и люди более считают достоверным то, что познано на опыте.

Твердое утешение имели мы, прибегшие взяться (κρατήσοα) за подлежащую надежду.

То есть великое утешение и ободрение. Это сказано не столько по отношению к Аврааму, сколько по отношению к нам, прибегшим к Нему, то есть возложившим на Него надежду. В чем же мы имеем ободрение? В том, чтобы держаться (κρατήσοα) за *предлежащую надежду*: то есть чтобы мы, на основании того, что дано было Аврааму, были убеждены и относительно обетования, касающихся нас, и не сомневались бы относительно грядущих и небесных благ, на которые надеемся; напротив, чтобы мы твердо и безопасно держались этой надежды и не утратили ее. Ибо обетование Аврааму есть обетование и нам, и преимущественно нам, уверовавшим во Христа, как сказано выше.

Которая для души есть как бы якорь (ἀγκυραν) безопасный и крепкий.

Эту надежду мы имеем, как якорь. Ибо как тот якорь во время бури дает устойчивость кораблям, так и надежда делает твердыми и терпеливыми людей колеблющихся под влиянием искушений. Не просто сказал: *якорь*, но: *безопасный и крепкий*. Ибо бывает якорь, который не сохраняет устойчивости корабля, или когда он испорчен, или когда он очень легок. Совершенно справедливо он вспомнил не об основании, а о якоре: потому что основание прилагается к людям весьма твердым и любознательным, а якорь — к подвергающимся буре, какими были те, будучи обуреваемы искушениями.

И входит во внутреннейшее за завесу.

Выше сказал: надейтесь, ибо сбудется то, на что надеемся. Теперь, уверяя более совершенно, говорит, что мы уже и имеем это в надежде. Ибо она, вошедши внутрь неба, сделала то, что мы уже — при обетованных благах, хотя еще находимся на земле, хотя еще не получили их. Таковую силу надежда имеет, что земных делает небесными. Но как в Ветхом Завете завеса отделяла Святое Святых от остальной скинии, так и небо для нас завеса, отделяющая земное от божественнейшего и пренебесного.

Куда предтечу за нас вошел Иисус.

Сказавши, что надежда наша восходит на небо, подтверждает сказанное, удостоверяя это делами. Ибо и Он, Христос, вошел: и не просто вошел, но вошел предтечу, то есть как бы убеждая нас, что и мы должны войти. Ибо предтеча идет впереди кого-нибудь, следующих за ним, и расстояние между предтечей и следующими за ним совсем не велико, как и между Иоанном и Христом. Поэтому не смущайтесь: скоро и мы войдем туда, где наш предтеча. Но не удовольствовался, сказав: предтеча, но прибавил и: *за нас*, для большей убедительности, как бы так говоря: Сам Он не нуждался в том, чтобы войти туда: ибо зачем Ему это, когда Он — Бог? Но как ради нас Он воспринял плоть, так ради нас же Он вошел и внутрь неба, чтобы нам открыть путь. Посему необходимо войдем и мы сами. Или выражение *за нас* обозначает: чтобы ходатайствовать за нас пред Отцом, как и первосвященник входил во Святое Святых однажды в год, молясь за народ.

Сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека.

И это — величайшее утешение; если наш Первосвященник на небе, то Он и много лучше иудейских первосвященников, именно: по способу избрания, ибо Он — не по чину тех, но *по чину Мелхиседека*; и по месту, и по скинии, ибо Он — горе и на небе; по завету, ибо о более великих и более совершенных благах, и по постоянству, ибо вечный, а не временный, и, наконец, по личности, ибо Он — Сын Божий. Поэтому не падайте духом. Но все это сказано о Христе по плоти, ибо по плоти Он и стал Первосвященником.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего (Быт. 14:18).

Цель апостола — показать различие между Ветхим и Новым Заветами. И на это он указал уже в самом начале, сказав, что древним Бог говорил чрез рабов Своих — пророков, а нам, людям Нового Завета, *в Сыне* (Евр.1:1-2). Но так как слушатели были немощны, ибо обнаружили малодушие при искушениях, то он в середине послания подкрепил слабых, и наконец, после того, как достаточно ободрил их, снова начинает речь о превосходстве Нового Завета пред Ветхим. И вникни в мудрость его. Он показывает, что Мелхиседек, который был прообразом Христа, превосходил Авраама. Ибо если бы не превосходил, то не благословил бы его и не получил бы от него десятины. А так как от Авраама произошли священники закона, то ясно, что Мелхиседек превосходит и их, как бы и их благословляя и получая от них десятину, в то время, когда благословил праотца их и от него получил десятину. Если же прообраз Христа, Мелхиседек, столь сильно отличается от священников

закона, то насколько более — истинный Мелхиседек, Христос? Таков общий смысл этого места. Но, изложив кратко повествование о Мелхиседеке (Быт. 14:18-20), он затем переходит к рассмотрению его, изъясняя историю Мелхиседека с духовной и таинственной стороны.

Во-первых, по знаменованию имени царь правды.

Здесь показывает, в каком смысле Мелхиседек есть прообраз Христа. И прежде всего, говорит, из самого имени узнай подлинный смысл. Именно: «Мелхи» значит царь; «Седек» — правда. Кто же иной царь правды, как не Господь наш Иисус Христос?

А потом и царь Салима, то есть царь мира.

И из имени города, говорит он, это ясно. Ибо Салим, по толкованию, означает «мир». Но кто другой есть царь мира, как не Христос, примиливший небесное и земное? Никому из людей не приличествует наименование «царь правды и мира», как только одному Христу.

Без отца, без матери, без родословия.

Есть и другое сходство. Именно, как Мелхиседек без отца и без матери, — не потому, впрочем, что не имел отца или матери, — как человек и он имел, — но потому, что в Писании не указано его родословие и не упоминаются его родители. Так и Христос без отца по земному рождению; ибо по плоти Он родился от одной Девы Марии. Без матери же по вышнему рождению; ибо неизреченно и непостижимо рожден от Одного Отца прежде всех веков. Но сверх того и без *родословия*. Ибо *род Его кто изъяснит?* (Ис. 53:8; ср. Деян. 8:33). Так как родивший Отец — на небе и непостижим, то непостижим и самый образ рождения. Нельзя также постигнуть разумом и родившую на земле Мать, собственно образ рождения, то есть как родила Дева без мук и тому подобное. Итак, Христос на самом деле без отца и без матери: Мелхиседек же без отца и без матери не на самом деле, ибо это невозможно; но в том смысле, что в Писании не упоминаются родители его. Посему выражение *без родословия* служит как бы пояснением другого выражения: *без Отца и без матери*. Апостол как бы так говорит: я сказал о Мелхиседеке, что он без отца и матери, потому что в Писании нет его родословия и не упоминается о его роде.

Не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда.

И это разумей в том же смысле, как и прежде сказанное. Как человек, Мелхиседек имел, конечно, и начало дней и конец жизни, но так как мы не знаем ни того, когда он родился, ни того, когда он умер, то, по нашему разумению, он как бы не имеет ни начала, ни конца. Однако Христос на самом деле, как Бог, не имеет ни начала, ибо безначален по отношению к началу времени, хотя имеет Отца началом, как причину; ни конца, ибо бессмертен; одним словом, вечен. Посему, где ариане? Пусть слышат, что *Сын* не имеет начала. В таком смысле разрешает нам этот вопрос Павел. И если что затрудняет нас, так это то: каким образом Христос — *священник вовек по чину Мелхиседека*, когда Мелхиседек умер и не был священником *вовек*. Решим и это затруднение, говоря так, что Христос, как вечный и бессмертный, есть, действительно, *Священник вовек*. Ибо и ныне — мы веруем — Он всякий раз приносит Себя Самого за нас чрез священнослужителей Своих и особенно как Ходатай за нас пред Отцом: в это время Он совершает за нас высочайшее и таинственнейшее

священнодействие, предлагая нам Себя Самого в хлебе и питии чудным и превосходящим всякое разумение образом. О Мелхиседеке сказано, что он имеет вечное священство, не потому, что он вечен, ибо он умер; но потому, что в Писании не указывается конец его, откуда мы могли бы знать, когда прекратилось его священство. И как по отношению к именам у первого — только названия: Мелхиседек, то есть царь правды, и царь Салима (царь мира), а у Христа самое дело: так и выражение: *не имеющий ни начала дней, ни конца жизни*, относится к первому Мелхиседеку только потому, что это не записано, ибо он был прообразом; а ко Христу относится на самом деле. Если бы сходство было во всем, то не было бы прообраза и истины, но или в обоих случаях — прообраз, или в обоих случаях — истина. Разве не видим мы этого также на картинах? И там простое очертание имеет уже сходство сравнительно с законченной картиной, так как линиями неясно отображаются характерные черты; имеет и несходство, так как картина чрез краски получила более отчетливый и более ясный вид.

Видите, как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих.

После того как приноровил прообраз к истине, или то, что принадлежит Мелхиседеку, ко Христу, наконец с уверенностью показывает, что прообраз, то есть Мелхиседек, славнее самих действительных иудейских священников, и не только их, но и самого праотца. Если же прообраз превосходит их, то истинный Первосвященник Христос превзойдет их гораздо более. Итак, *видите*, говорит, *как велик*, то есть насколько превосходит тот, кому дары подносил не простой человек, но Авраам, столь великий патриарх; не без намерения присоединил слово *патриарх*, но чтобы возвысить личность. И *из лучших добыч*, то есть из наиболее превосходной и ценной добычи. И нельзя сказать, чтобы он отделил некоторое вознаграждение за труд как совместно сражавшемуся и помогавшему, но сидевшему дома. Поэтому и выше сказал: «встретил Авраама, возвращающегося после поражения царей». Если же он выше самого патриарха, что показывает даяние десятины, то гораздо выше священников закона.

Получающие священство из сынов Левиных имеют заповедь — брать по закону десятину с народа, то есть со своих братьев, хотя и сии произошли от чресл Авраамовых. Но сей, не происходящий от рода их, получил десятину от Авраама.

Теперь показывает, каким образом Мелхиседек выше Авраама, говоря, что священнослужители из колена Левия получали десятину от народа (Лев. 27:30-32), очевидно, как лучшие и почетнейшие люди ради достоинства священства. Ибо ради чего иного сам народ, подвергаясь тяжелым трудам и бедствиям, приносит десятины всякого рода священникам, не подвергающимся таким трудам и не возделывающим землю, как не ради того, что они более священны и служат высшему делу? Таково достоинство священства и настолько имеющие его выше собственных братьев, хотя и вышедших из одних и тех же чресл. Отсюда и Мелхиседек, получивший десятину от Авраама, и притом не будучи из его рода, ибо был иноплеменником, превосходнее и выше его. Ибо почему Авраам дал бы иноплеменнику десятину, если бы ему не принадлежала великая честь? Если же Мелхиседек, прообраз, превосходит даже самого Авраама, то гораздо более истинный Первосвященник превосходит священников закона.

И благословил имевшего обетования.

Так как Авраама всячески возвышало то, что он получал обетования от Бога, то теперь он присоединяет, что такого и столь великого, удостоившегося беседы с Богом и имеющего Бога должником, благословил прообраз Христа.

Без всякого же прекословия меньший благословляется большим.

Сказал, что Мелхиседек благословил столь великого Авраама. Все же мы согласно и беспрекословно признаем, что благословляющий выше благословляемого. Следовательно, и Мелхиседек, прообраз Христа, выше патриарха.

И здесь десятины берут человеки смертные, а там — имеющий о себе свидетельство, что он живет.

И другое рассуждение, доказывающее, что Мелхиседек выше священников закона. Ибо *здесь*, то есть в законе, получающие десятины умирают; а *там*, то есть в случае с Мелхиседеком, получил десятины тот, о котором свидетельствует Писание, что он *живет*. Ибо Ты, говорит, *священник вовек по чину Мелхиседека* (Пс. 109:4). Что же касается того, что Мелхиседек вечно жив, то это понимай так же, как и выше было сказано, то есть что в Писании не упоминается о смерти его. Что левиты умирают, а Мелхиседек живет, некоторые понимают так, что образ священства левитского стал мертвым, ибо сделался недействительным, образ же священства Мелхиседека, или жизни по Христу, живет и пребывает, и будет существовать вечно.

И, так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину.

Чтобы священники закона не могли сказать: какое имеет отношение к нам если Авраам дал десятину? — говорит, что чрез посредство Авраама и Левий, родоначальник нашего священства, *принимающий десятины, дал десятину*. Таким образом, разве Мелхиседек не выше и Левия, когда, очевидно, он и от него получил десятину, чрез посредство Авраама? Выражение: *так сказать* или означает: вкратце сказать, или вместо: так скажу. Так как казалось слишком смелым сказать, что Левий, еще не родившись, дал десятины Мелхиседеку, то он смягчил это (высказывание, употребив оборот речи «так сказать», — *Прим. ред.*).

Ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его.

Показывает, каким образом Левий дал десятины, говоря, что так как праотец дал десятины, то и он дал в силу того, что будучи уже в чреслах Авраама, имел родиться от семени его, хотя еще и не родился. И не сказал: «левиты», но Левий, чтобы показать превосходство. Вот какая смелость! Он совершенно опроверг все иудейское. Потому он и сказал прежде: *сделались неспособны слушать* (Евр.5:11), что намеревался предложить эти истины и чтобы они не отвратили слуха. Итак, настроив и приготовив их заранее, как хотел, он говорит уже то, что ему угодно. Ибо душа и содержит и возвращает слово не так, как земля, принявши семя, будет возвращать его. Там — природа, которая отличается постоянством; здесь — свободное произволение, то, что легко изменяется и в высшей степени разнообразно. Поэтому учителю необходимо многое приготовить заранее.

Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, — ибо с ним сопряжен закон народа, — то какая бы еще нужда была восставить иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться?

Показал, что Мелхиседек в священническом чине был гораздо выше и Авраама и Левия. Теперь снова приводит другое доказательство, показывая, что священство во Христе гораздо превосходнее левитского священства и что священство Христа — совершенное священство, а то несовершенное. Ибо если бы священство по закону было совершенно, то надлежало бы священнику восстать по чину Ааронову: ибо Аарон был из колена Левиина. Но говорится, что восстает священник не по чину Ааронову, а по чину Мелхиседекову. Потом, так как то священство было несовершенно, то вместо него вводится другое. И выражение *еще* имеет великое значение; оно как бы говорит, что если бы Христос по чину Мелхиседекову был прежде, а потом был дан закон, то со всей справедливостью можно было бы сказать, что священство по закону, то есть священство Аароново, дано было в силу того, что священство Мелхиседеково было как бы несовершенным. На самом же деле Христос после и получил иной образ священства. Отсюда очевидно, что так как священство Аароново было несовершенно, то вместо него вводится иное. Что же означает выражение: *ибо с ним сопряжен закон народа*? На основании этого нельзя сказать, что священство Аароново — совершенно, что оно дано для других, а не для евреев; напротив, оно всецело дано одному народу, и с ним был сопряжен закон народа, то есть было определено, чтобы он им пользовался, им руководился и чрез него все совершал. Итак, почему оно упразднено? — потому, очевидно, что оно бессильно.

Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона.

Теперь показывает, как закон постепенно отменяется, и вместо него вводится иной завет. Ибо если священство переменено, то необходимо, чтобы и закон был иной, ибо священник без завета и законов и постановлений не бывает. Священство же переменено не только по образу, то есть так, что оно было не по чину Ааронову, а по чину Мелхиседекову, но и по колену. Ибо перешло от священнического Ааронова колена к царскому колену Иудину. Обрати внимание на таинство. Сначала было колено царское, а потом священническое: так и Христос был Царем всегда, напоследок же стал Первосвященником, когда принял плоть и когда принес жертву.

Ибо Тот, о Котором (ἐφ' οὗ) говорится сие, принадлежал к иному колену.

Показывает, как священство переменилось по колену, и говорит, что Христос, (о Котором (ἐφ' οὗ) вместо: τοῦ, περὶ οὗ — то есть на Которого священство перешло), — из другого колена, именно из Иудина.

Из которого никто не приступал к жертвеннику.

Из которого, именно из колена Иудина, *никто не приступал*, то есть не предстоял пред алтарем и не исполнял священнических дел.

Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина.

Знаменательно выражение *воссиял*, взятое и из пророчества Валаама, говорящего: *восходит звезда от Иакова* (Числ.24:17), а также и из пророчества Малахии, называющего Его *солнцем правды* (Мал.4:2). Этим показывается, что Господь явился для просвещения мира.

О котором Моисей ничего не сказал относительно священства.

Ибо все, что касается священства, Моисей отнес к колену Левиину: к колену же Иудину — то, что касается предводительства в войнах.

И это еще яснее видно из того, что по подобию Мелхиседека восстает Священник иной.

Что *яснее видно*? Среднее между тем и другим священством. Или что смена священства и завета открывается не только из того, что священник восстает из другого колена, а отнюдь не из Левиина, но также, скажем об этом, полнее открывается и из сего: что *по подобию Мелхиседека* и так далее. Это значит, что по чину Мелхиседекову восстает священник.

Который таков не по закону. заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей.

Он, Мелхиседек, не был подобен подзаконным священникам; те получили священство от закона, содержащего плотские заповеди: *обрежь плоть и омой плоть, отдыхай плотью и удостоишься плотских благ*; Мелхиседек не так, но по силе Божией, почему и священство его вечно живо и неразруσιμο. *Жизнь* же понимай так же, как выше, именно, что смерть его неизвестна. Или слово *который* понимай о священнике, как бы так он говорил: *каковой священник иной, то есть Христос, получил священство не по закону заповеди плотской, но по силе Отца, или по Своей собственной, и священство Его неразруσιμο. К слову плотской прилично было присоединить слово духовной. Почему же он присоединил: по силе жизни непрестающей?* Потому, что чрез плотское обозначил временное. И соответственно временному присоединил выражение: *жизни непрестающей*. Это значит: Христос живет собственной силой.

Ибо засвидетельствовано: Ты священник вовек по чину Мелхиседека (Пс. 109:4).

Подтверждает, почему сказал: *жизни непрестающей*, и говорит, что Писание свидетельствует, что Он *священник вовек*. Некоторые, впрочем, думают, что он подтверждает не это, а то, что Он — священник не по закону заповеди плотской. Ибо если бы, говорит, Он был священником по закону, то необходимо было бы утверждать, что Он по чину Аарона. Теперь же, так как написано: *по чину Мелхиседекову*, то очевидно, что не по закону, но по какому-нибудь иному божественному способу.

Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности, ибо закон ничего не довел до совершенства.

Сказал, что закону пременение бывает, и показал это. Далее отыскивает и причину. Ибо мы, люди, тогда успокаиваемся, когда узнаем причину. И говорит: потому произошло отменение и отвержение прежде бывшей заповеди, то есть прежде бывшего завета, что он

найден был бесполезным и немощным. Итак, что же? Закон никому не принес пользы? Конечно, принес пользу, но он оказался бесполезным для того, чтобы сделать людей совершенными. Ибо присоединяет: *ибо закон ничего не довел до совершенства*. Почему же закон был немощным? Потому что в нем возвещались одни только письма: *делай то и не делай этого*; но он не сообщал никакой силы к исполнению заповедей, что ныне подается нам Духом. Однако здесь нападают еретики, поносящие закон, говоря: даже и Павел унижает закон. Но он, безумные, не назвал его плохим, а бесполезным и немощным к тому именно, чтобы делать совершенными. Ибо, как молоко полезно младенцам, соответственно их возрасту, для совершенных же бесполезно, так и закон для несовершенных иудеев полезен, отвлекая их от идолов и приводя к Богу, сообщая им соответственные заповеди, для нуждающихся же в более совершенных заповедях он не был таким. Ибо он заповедовал плотские и жертвы и очищения, в которых духовные не нуждаются. Поэтому ныне он был отменен. Отменение же есть отменение того, что имело силу. Таким образом, закон имел власть тогда, когда было его время.

Но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу.

Отменена, говорит, заповедь закона, приведено же упование, какого не было у иудеев: ибо и те имели надежду, благоугождая Богу, овладеть землею, преодолеть врагов, и вообще уповали на телесные блага. Но наше упование не таково, оно превосходнее: ибо мы уповаем на небесное, что будем близ Бога, предстанем и будем служить Ему с ангелами. Выше он сказал: *входит во внутреннейшее за завесу* (Евр.6:19), теперь же: *посредством которой мы приближаемся*, говорит, к Богу. Ибо упование приводит нас к самому престолу Божию и поставляет вместе с херувимами.

И как сие было не без клятвы.

Вот и другое отличие нового Священника от древних и одного завета от другого. Ибо священство Христово было обетовано не просто, но с клятвой, чтобы слову Божию верили вполне, как и выше для большей убедительности сказал, что Бог клялся Аврааму (Евр.6:13).

Ибо те были священниками без клятвы, а Сей с клятвою, потому что о Нем сказано: *клялся Господь, и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека* (Пс. 109:4).

Ибо, говорит, священники закона поставляются без клятвы, и ни об одном из них Бог не клялся, говоря: *ты будешь священник по закону* Христос же с клятвой, данной чрез Бога, говорящего к Нему: *Ты священник по некоему новому образу: не по Аарону, но по Мелхиседеку*.

То лучшего завета поручителем соделался Иисус.

То есть поскольку клялся, что Он всегда будет священником. Ибо не клялся бы, если бы не был выше. Отсюда и Новый Завет выше Ветхого.

Притом тех священников было много, потому что смерть не допускала пребывать одному; а Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее.

И здесь показывает преимущество, которое Христос имеет сравнительно с первосвященниками по закону, и Говорит, что там много священников, потому что они смертны; здесь же один, потому что Он бессмертен. Итак, *имеет священство непреходящее*, то есть неразделяемое ни с кем и не передаваемое. Видишь ли, насколько оно выше? Насколько бессмертное выше смертного.

По сему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу.

Так как, говорит. Он бессмертен, то может предстоять за всех и спасти до конца, то есть может даровать спасение не временное, но полное, и, разумеется, как здесь, так и в будущей жизни. Ибо первосвященник в Ветхом Завете, хотя бы был и славен, приносил жертвы Богу в то время, пока жил, каков, например Самуил и подобные ему, а после того уже нет, ибо умирал. Здесь же Первосвященник вечный и всегда живущий. По сему и может всегда спасать приходящих чрез Него, то есть чрез веру в Него. Ибо кто верует в Сына, тот, без сомнения, приступает к Отцу: ибо Он — путь к Отцу, и кто держался этого пути здесь, там получает успокоение.

Будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них.

Так уничиженно сказано это о Христе по плоти. Ибо, действительно. Он Первосвященник по плоти: поскольку же Он — Первосвященник, постольку, говорится, ходатайствует. Каким образом воскрешающий мертвых и оживотворяющий, как Отец, ходатайствует, когда Ему должно спасать? Как ходатайствует Тот, во власти Которого весь суд, Кто посылает ангелов для того, чтобы одних ввергнуть в пещь, а других спасти? Конечно, по человечеству сказал: *ходатайствовать*. Снисходя к слушателям, Павел говорит: не бойтесь и не говорите: да, Он любит нас и имеет дерзновение пред Отцом, но не всегда может совершить о нас первосвященническое дело. Когда я говорю о человечестве Его, то я не отделяю Его от Божественности, ибо у обоих одна ипостась, но даю слушателям разуметь должное о том и другом естестве. Кроме того, и то самое, что Сын с плотью сидит со Отцом, есть ходатайство за нас: как бы плоть умоляет за нас Отца; конечно, она и была воспринята ради этого, именно ради нашего спасения.

Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу.

Из этих слов ясно, что как выше, так и теперь говорит о плоти. Ибо, кто может сказать подобное о Боге, и не постыдится ли, прилагая это к не постижимой природе Божией? Итак, Он — *святой*. Такой, Который не оставляет ничего должного, что, подобает Ему совершить; и *непричастный злу*, то есть чужд коварства и зла. *И не было лжи в устах Его* (Ис. 53:9; ср. 1Петр.2:22).

Непорочный.

И это также кто может назвать похвалой для Бога: ибо Он имеет такую природу, что не оскверняется. Ясно, что говорит это о человечестве одного Христа.

Отделенный от грешников и превознесенный выше небес.

Первосвященники по закону, говорит, хотя бы и были во всем прочем святыми, Однако,

как люди, не чужды пороков и не вполне *отделены от грешников*. Ибо как иначе, если и сами они причастны прегрешениям? И кроме того, никто из них не был на небе: наш же Первосвященник, вместе с тем, что Он преисполнен всякой добродетели и *отделен от грешников*, еще и *превознесен выше небес*, воссев на самом престоле Отца. Выражение *превознесенный*, как очевидно, употреблено о Нем по плоти. Ибо, как Бог Слово, Он всегда был *выше небес*.

Который не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа.

Сказавши, что наш Первосвященник *отделен от грешников*, теперь он распространяется об этом и говорит, что Он настолько свободен от грехов, что, и принеши в жертву собственное тело, не за Самого Себя принес его, ибо как возможно это, когда Он не совершил греха, но за нас. Есть, однако, и другое преимущество. Первосвященники по закону ежедневно приносили жертвы, так как они не могли сразу очистить; Он же принес жертву, имеющую такую великую силу, что в один раз очистил чрез нее мир. Итак, Христос и в этом отношении превосходит священников.

Ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого.

Что это значит? То, что Он принес жертву за грехи людские, а не за Самого Себя. *Однажды*, говорит, священнодействовал, после же этого воссел одесную Отца, как Господь. Чтобы ты, слыша, что Он священник, не подумал, что Он постоянно стоит и священнодействует, показывает, что Он стал священником по домостроительству. Когда же домостроительство было окончено, Он снова воспринял собственное величие.

Ибо закон поставляет первосвященниками человек, имеющих немощи.

Чтобы ты не подумал, что хотя однажды принес, однако и за Самого Себя, то теперь доказывает, что не за собственные Свои грехи принес. Ибо закон *поставляет первосвященниками* простых людей, *имеющих немощи*, то есть тех, которые не могут противостоять греху, но которые и сами, как немощные, подвергаются падениям. Он же, как Сын, будучи так силен, как может иметь грех? А не имея греха, для чего бы Он принес жертву за Самого Себя? Но и за других не много раз, а *однажды*. Как всемогущий, Он чрез единичное приношение жертвы в силах был совершить все. Под *немощью* разумей, как во многих местах говорит сам Павел, грех и даже смерть. Ибо, так как первосвященники по закону смертны и немощны, то они и сами не были безгрешными, и других не могли очистить. Он же бессмертен и силен. Послушай и то, что следует далее.

А слово клятвенное, после закона, поставило Сына, на веки совершенного.

Наблюдай противоположения. Там закон, здесь слово клятвенное, то есть вернейшее, истиннейшее: там люди, конечно, рабы, здесь Сын, разумеется. Господь: там немощные, то есть претыкающиеся, имеющие грехи, повинные смерти, — здесь же совершенный во век, то есть вечный, всемогущий, не ныне только, но всегда безгрешный. Посему, если Он совершенен, если никогда не согрешает, если всегда жив, то ради чего Он принес бы жертву за Самого Себя, или вообще много раз за других?

Главное же в том, о чем говорим, есть то: мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах.

Главным (т.е. «головным», — *Прим. ред.*) всегда называется самое важное; когда кто-нибудь в немногом хочет передать самое существенное, то говорит, что он обращает на это внимание во главе всего, подобно тому как голова, хотя и мала по величине, составляет важнейшую часть тела. Так и теперь апостол говорит: *главное же в том, о чем говорим*, то есть я выскажу самое важное и вкратце обнимающее многое: — мы имеем Первосвященником Бога. Ибо сидение не свойственно никому другому, кроме Бога. Заметь же, как, сказав много униженного, именно: Первосвященник, ходатайствует пред Отцом, и то, что свойственно человечеству, восходит к высокому и к тому, что свойственно Божеству. Поступает же так всегда, как и Наставник его в Евангелии, чтобы чрез униженное руководить слушателем, так чтобы он воспринял слово: ибо иначе слушатель не понимает, если не восходит постепенно; чрез возвышенное же он научает, что то униженное было снисхождением. *Престолом же величия* называет престол Отца, или потому, что Отец мог быть назван величием для Него, или же просто потому, что *престол величия* есть наивысший престол.

И есть священнодействователь святилища.

Как земные первосвященники, входя во Святое святых, служили, так и Он поистине есть служитель святых, истинных, пренебесных святилищ. Казалось бы, Павел здесь противоречит самому себе. Ибо в начале сказал: *кому когда от Ангелов сказал Бог: седи одесную Меня? Не все ли они суть служебные духи?* (Евр.1:13-14), как бы давая понять, что служителю и не подобает сидеть. Теперь же, сказав: *воссел одесную престола*, снова представляет Его служителем. Итак, каким образом говорит это, если не по совершенному снисхождению к слушателям, и смешивая униженное с высоким? А некоторые поняли: «святым служителем», т.е. освященным Им людям. Ибо, говорит (ап. Павел, — *Прим.Пер.*), Он — наш Первосвященник.

И скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек.

Здесь ободряет уверовавших иудеев. Ибо так как, вероятно, они недоумевали, говоря: мы не имеем такой скинии, то вот, говорит, более великая скиния и истинная — само небо. Ибо ветхозаветная скиния была образом этой: и ту водрузил человек, или Веселиил (Исх. 31:2), или Моисей, эту же — Бог. Здесь же заметь, согласно святому Иоанну Златоусту, что небо и не движется, и не шаровидно: ибо выражение: *воздвиг* исключает и то и другое.

Всякий первосвященник поставляется для приношения даров и жертв; а потому нужно было, чтобы и Сей также имел, что принести.

Так как сказал: *воссел* (Евр.8:1), то, чтобы ты не счел за обман, что он назвал Его священником, говорит, что хотя и воссел, однако оттого не перестал быть Первосвященником; ибо все, что свойственно первосвященникам, Он имеет, и как те приносят жертвы, так и Он принес Самого Себя в жертву. Восседать одесную —

принадлежит достоинству Его, первосвященство же есть дело великого человеколюбия. И кроме того, так как некоторые спрашивали, для чего Он умер, если действительно был Сыном и вечен, то разрешает это недоумение и говорит: так как Он был Священником, а священник не бывает без жертвы, то *нужно было, чтобы и Сей также имел, что принести*. Этим же было не что иное, как тело Его Самого. Итак, Ему необходимо было умереть. Между даром и жертвами, по точному смыслу, есть различие. Ибо жертвами бывают приношения кровные и мясные, или точнее — все, что сжигается огнем. Ибо слово *θυσία* — жертва происходит собственно от слова *θ?εσθαι*, то есть быть сжигаемым. Дары же, как например плоды и тому подобное, — бескровны и не сжигаемы. Однако в Писании и то и другое употребляется безразлично, как например: *и призрел Господь на Авеля и на дар его*, хотя дар был именно от первородных овец. *А на Каина и на дар его не призрел*, хотя дар был от плодов земли (Быт. 4:3-5). Если же кто попытается примирить это пустыми рассуждениями, которые мы и сами слышали, то я все-таки не вижу, как он освободит себя от упрека в невнимательном чтении Писаний. Ибо часто и в иных местах это, употребляется безразлично, и я мог бы привести бесчисленное множество мест, если бы не считал это необязательным. Однако нам будет довольно и того, что сам апостол далее назвал вообще дарами все приносимое в жертву. Вот послушай.

Если бы Он оставался на земле, то не был бы и священником, потому что здесь такие священники, которые по закону приносят дары.

Еще подтверждает то, что хотя не на земле имеет скинию, но на небе, однако, от этого нет препятствий к тому, чтобы быть священником. И заметь мудрость. На основании чего кто-нибудь особенно мог бы утверждать, что Он не священник, разумею, конечно, то, что Он не имеет места на земле, где священствовал, — на основании этого сам наиболее утверждает, что Он — Священник, и говорит, что по тому самому Он — Священник, что Он не имел места на земле. *Если бы Он оставался на земле, то не был бы и священником*. Ибо были иные на земле священники, и это обстоятельство казалось бы опровержением. Теперь же, имея местом — небо, и вознесши туда собственное тело, там Он ходатайствует за нас пред Отцом. Отсюда, так как Он на небе, то поэтому Он по преимуществу Священник.

Которые служат образу и тени небесного.

Здесь показывает, преимущество священства Христова, называя ветхозаветное священство *образом и тенью*, наше же — небесным. Ибо когда ничего земного, напротив, духовное все, что в таинствах, где ангельские гимны, где ключи Царствия Небесного, и отпущение грехов, и снова связывание; когда жительство наше на небесах, то каким образом может не быть небесным наше священство? Посему этому небесному священству служило прообразом и примером, то есть темным образчиком и как бы тeneвым очертанием, — то, что в Ветхом Завете было открыто Моисею.

Как сказано было Моисею, когда он приступал к совершению скинии: смотри, сказано, сделай все по образу, показанному тебе на торе (Исх. 25:9).

Так как то, что мы видим глазами, мы скорее постигаем, чем то, что узнаем чрез слух, то поэтому Бог *показал* Моисею все, не только устройство скинии, но и то, что касается жертв и всего служения.

Но Сей Первосвященник получил служение тем превосходнейшее.

Это вытекает из той именно мысли: *если бы Он оставался на земле, то не был бы и священником*. Ныне же, говорит, не будучи на земле, но небо имея местом священнодействия, Он получил лучшее служение, то есть служение Его не таково, какое свойственно земным первосвященникам, но небесное, так как местом совершения его служит небо.

Чем лучшего Он ходатай завета.

Возвысив священство Христово по месту, и по священнику, и по жертве, таким же открыто выставляет его и по завету. И хотя прежде сказал, что Ветхий Завет был немощен и не полезен, по причине младенчества слушателей, но он скоро прекратил об этом речь. Теперь он долго задерживается на рассуждении об этом, и показывает, что Новый Завет лучше того, то есть Евангелие, ходатай и дарователь его есть Христос; ибо Сам Он сделался для нас служителем Евангелия, *приняв образ раба*, как Моисей есть посредник закона.

Который утверждён на лучших обетованиях.

Предлагает то, что особенно ободряло верующих из иудеев, именно, что обетования нашего завета — лучшие обетования. Ибо не блага земные, и не блага в потомстве и не многочадие, но Царство Небесное обещано соблюдающим Евангелие. Итак, не будьте малодушны: обетования Евангелия лучше; неразумно унывать тем, кто имеет лучшее.

Ибо, если бы первый завет был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому.

Замечай порядок. Сказал, что завет Христов лучше Ветхого. А откуда это видно? Из того, говорит, что *утверждён на лучших обетованиях*. Ведь, если обетования и воздаяния лучше, то совершенно ясно, что и завет лучше, и заповеди божественнее. Откуда же видно, что обетования лучше? Из того, говорит, что тот был отменен, а этот был введен вместо него. Ибо Новый Завет потому имеет превосходство, что он лучше и совершенное. *Если бы первый завет был без недостатка*, то есть если бы он делал людей непорочными, то не был бы введен второй завет. Как мы обыкновенно говорим: дом не без недостатков, вместо того, чтобы сказать: он приходит в упадок, ветшает; так и о Ветхом Завете сказал, что он не был без недостатка, не как дурной, но как не имевший силы сделать людей лучшими, как данный младенцам.

Но пророк, укоряя их, говорит.

Не сказал: укоряя его, то есть завет, но *укоряя их*, то есть иудеев, которые не могли совершенствоваться чрез заповеди закона.

Бот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет.

Здесь более ясно показывает, что Ветхий Завет отменен. Ибо вводит Бога, чрез Иеремию говорящего, что *заключу новый завет* (Иер. 31:31-34), то есть совершенно новый: не так, как понимают евреи, что Ездра обновил Писание. Ибо Писание не стало новым, но осталось

древним, хотя и было им восстановлено.

Не такой завет, какой. Я заключил с отцами их в то время, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской (Иер. 31:32).

Чтобы кто-нибудь не подумал, что отменяется тот завет, который был заключен с Авраамом, присоединил: *в то время, когда взял их за руку*. Ибо, говорит, Я желаю отменить завет, о котором говорится в книге Исход, завет, данный на горе Синае отцам вашим, слившим тельца, тогда как именно завет с Авраамом во Христе получил исполнение. Ибо *благословятся*, говорит, *в семени твоём все народы* (Быт. 22:18), то есть во Христе.

Потому что они не пребыли в том завете Моем, и Я пренебрег их, говорит Господь (Иер. 31:32).

Видишь ли, что начало зла от нас. *Они*, говорит, *не пребыли*, а потому *Я пренебрег их*. Напротив, блага и благодеяния получают начало от Него. Как бы оправдываясь, приводит причину, по которой Он оставляет их, именно за их непостоянство.

Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь (Иер. 31:33).

После тех дней: каких же? Одни говорят, что это дни исхода, когда был дан Моисеев закон. А мне кажется, что он говорит о тех днях, о которых сказал выше: *«се дние грядут»*. Таким образом, после того, как пройдут те дни, Я положу такой завет, о чем услышишь далее.

Вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их (Иер. 31:33).

Пусть покажет это иудей, когда он получил неписанный закон. Ибо и после возвращения из Вавилона, он дан был Ездрой письменно. Апостолы же ничего не получили письменно, но приняли в свои сердца закон Духа. Посему и Христос сказал: *Утешитель научит вас всему и напомнит вам все* (Ин. 14:26).

И буду их Богом, а они будут Моим народом (Иер. 31:33).

Это совершено было чрез Евангелие. Ибо те, которые прежде служили идолам, ныне, признав истинного Бога, стали Его народом.

И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня (Иер. 31:24).

Научением называет здесь наставление, сопровождающееся трудом. Ибо вот, мы видим, что нам нужно очень много слов для здравомыслящих, чтобы убедить их верить во Христа. Так как закон иудейский содержался в одном углу вселенной, то немногие знали его: глас же апостолов распространился по всей земле (Пс. 18:5). И кроме того, так как Бог жил на земле во плоти, и так как Он обожествил нашу природу чрез восприятие, то Он и возжег в душах всех свет истинного Богопознания, и благодатью была как бы вложена в

человеческую природу некоторая способность к истинному познанию Бога.

Потому что Я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не вспомяну более (Иер. 31:34).

Омывая нас чрез крещение от нечистоты прежних грехов, Он уже более не воспоминает о них, как прежде смытых.

Говоря «новый», показал ветхость первого.

Изъясняет пророческое выражение, и говорит, что то самое, что он назвал этот завет совершенно новым, служит указанием, что первый, наконец, оказывается ветхим.

А ветшающее и стареющее близко к уничтожению.

Получив уверенность от пророка, касается, наконец, закона, показывая, что ныне процветает наш завет. Таким образом, из пророческого выражения он взял имя *ветхого*, от себя присоединил имя обветшалости, и далее с необходимостью сделал вывод, что *уничтожение* неизбежно для закона, как бы так говоря: не случайно Новый Завет упразднил Ветхий, но вследствие ветхости, устарелости его, то есть в силу того, что он Ветхий, т.е. «немогущ и неполезен», как и в другом месте говорит: *закон, ослабленный плотию, был бессилен* (Рим. 8:3).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

И первый завет имел постановление о Богослужении.

Доказав со стороны священника, священства и завета, что первый завет должен был окончиться, апостол теперь доказывает это и со стороны самого устройства скинии. Было в ней три отделения; одно — внешнее, предназначенное для всех вообще и иудеев и эллинов; далее следовала завеса за которую входили священники, совершая ежедневно службы. Это отделение называлось святым: эти отделения были образом Ветхого Завета, ибо там все совершалось с жертвоприношениями. Святое же Святых было образом нашего таинства. Ибо, говорит, *первый*, то есть Ветхий Завет, *имел постановление*, то есть символы, или законоположения, но *имел* в то время, ныне же не имеет, ибо прекратился.

И святилище земное.

Земным называет его потому, что дозволялось входить в него и в одном и том же здании известно было место, где стояли иудеи, назореи, прозелиты и эллины. Так как оно было доступно и язычникам, то и называет его *земным* (κοσμικόν — мирским).

Ибо устроена была скиния первая, в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов (Исх. 10:22-25), и которая называется «святое».

Называет эту *первой*, именно, по отношению к Святому Святых, которое было в середине. Пред ней же находился медный жертвенник, жертвенник для всесожжения, поставленный под открытым небом. Затем, если приподнимали завесу, вернее, покрывало

(Исх. 40:19), то она являлась серединой, в которой был светильник и трапез предложение хлебов.

За второю же завесою была скиния, называемая «Святое святых».

Видишь ли, что была первая завеса, которую Писание называет покрывалом, так как оно свертывалось и стягивалось, — эта завеса отделяла двор, в который входили все вообще, на котором и приносили жертвы на медном жертвеннике, от скинии, которая доступна была священникам, ежедневно совершавшим службы. Далее, как ты прошел эту завесу, была еще другая завеса, и за ней скиния, глаголемая Святая Святых, в которую никто другой не входил, кроме одного только первосвященника, но и он однажды в год. Везде же он все называет скинией, потому что в ней обитает Бог.

Имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета.

Ковчег завета называется так потому, что в нем находились скрижали, содержащие закон (Исх. 40:20).

Где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший, и скрижали завета.

Все эти вещи служили памятниками иудейской неблагодарности. *Золотой сосуд с манною* — в воспоминание того, что они, питаясь ею чудесным образом, возроптали (Исх. 16:3-10), и чтобы потомки помнили как о Божием благоволении, так и об озлоблении их. *Жезл Ааронов* — в воспоминание возмущения, бывшего против него (Числ.гл.17). *Скрижали завета* — в память того, что они сокрушили первые своим идолослужением. Ты спросишь, каким образом в книге Царств написано, что в ковчеге ничего не было другого, кроме скрижалей, апостол же теперь утверждает, что в нем были положены и золотой сосуд, и жезл Ааронов? Так как он наилучшим образом был воспитан Гамалиилом (Деян. 22:3) в еврействе, то он, вероятно, заимствовал это из предания; ибо и ныне фарисействующие евреи соглашались, что это было так. Однако не сначала, но при Иеремии, когда было необходимым скрывать ковчег, тогда, говорят, вероятно, и были сложены в ковчег и эти вещи.

А над ним.

То есть над ковчегом.

Херувимы славы (Исх. 25:18-20).

Славные, или подчиненные Богу; но служившие для славы Его. И это выставляет нарочито с той целью, чтобы показать превосходство того, что у нас.

Осеняющие очистилище.

Очистилищем назвал крышку ковчега, как ты более точно узнаешь об этом из самого Писания, и, прельщаемый словами некоторых, не подумай, что это — что-нибудь иное.

Конечно, он этим указал на Христа, Который сделался умилоствлением за наши грехи. Запечатлел все, что было в Ветхом Завете, и утвердил.

О чем не нужно теперь говорить подробно.

Здесь показывает, что все это было не только видимое, но и служило знаком чего-то другого, изъяснение чего требует слишком много времени.

При таком устройстве, в первую скинию всегда входят священники совершать богослужение.

Хотя это и было, говорит, но иудеи не участвовали в этом, так как завеса удерживала их. Это сохранялось для нас, для кого оно было прообразом.

А во вторую — однажды в год один только первосвященник.

Видишь ли самые прообразы, здесь уже предложенные? Дабы не сказали: жертва Христова была принесена однажды, каким же образом она осветила всех? Показывает, что так было издревле, ибо и святейшая и страшная жертва в Ветхом Завете была приносима первосвященником однажды.

Не без крови.

После того, как назвал крест жертвой, и без огня, и без дров, и не часто приносимой, показывает, что и ветхозаветная жертва была такова; ибо однажды приносилась с кровью. Некоторые спрашивали, каким образом в книге Исход написано: да кадит над золотым жертвенником, который, очевидно, находился во Святая Святых, «да кадит Аарон фимиамом сложенным благовонным рано: на нем Аарон будет курить благовонным курением; каждое утро, когда prepares лампы, будет курить им (Исх. 30:7-8), так что каждый день дважды входил первосвященник во Святая Святых с тем, чтобы кадить над тем местом, — где находился золотой жертвенник. Итак, как апостол говорив здесь, что этот первосвященник входил однажды в год? И решают, что однажды в год первосвященник входил с кровью, с фимиамом — дважды в день. Однако ты знай, что они напрасно сомневались и по неведению: не в золотой кадильнице Аарон кадил фимиамом дважды в день, но над золотым жертвенником, последний же находился не в Святая Святых, но в средней скинии; в ней же светильник и трапеза: тогда как с золотой кадильницей он входил во Святая Святых действительно однажды в год. Ибо иное — кадильница, и иное — жертвенник. Я указал на это недоумение для того, чтобы читающий эти слова, услышав о сомнении от других, не был введен в заблуждение, подумав, что оно — здраво.

Которую приносит за себя и за грехи неведения народа.

И снова: за себя. Первосвященник законный говорит, приносил жертву за себя. А Христос не за Себя, ибо Он не был причастен грешникам. Повсюду между тем и этим совершенное различие. Сказал за грехи неведения, а не за прегрешения, чтобы тем привести в большой страх и древних иудеев, и всех, и смирить гордость. Ибо если и ты не согрешил добровольно, ты согрешил невольно и по неведению, и от этого никто не свободен. Некоторые утверждали, что сказал так, показывая и здесь различие между жертвой Христа и

жертвами законными. По закону жертвы прощали прегрешения по неведению; жертва же Христова прощает даже и сознательные грехи.

Сим Дух Святой показывает, что еще не открыт путь во святилище, доколе стоит прежняя скиния.

Наконец, начинает более возвышенно рассматривать то, что касается скиний, и говорит, что так как Святое Святых, как образ неба, было недоступно для прочих священников, между тем первая скиния, то есть первая, находящаяся прямо далее за медным жертвенником, всегда была доступна им, будучи символом законного служения, то этим символически обозначалось, что до тех пор, пока стоит скиния эта, то есть пока имеет силу закон, и по закону совершаются служения законные, — недоступен путь святых, то есть вступление в небо, для совершающих такие служения. Для них он не только не открыт, но и заперт, одному же только Единому Первосвященнику Христу был уготован этот путь.

Она есть образ настоящего времени, в которое приносятся дары и жертвы, не могущие сделать в совести совершенным приносящего.

Что сказал выше, то теперь утверждает апостол, именно, что та скиния, в которую всегда входили священники, была притчей, то есть образом и сенью времени настоящего по закону, времени пред пришествием Христа: в это время приносятся такие жертвы и настолько немощные, что не могут в *совести*, то есть по внутреннему человеку, усовершенить приносящих их. Они очищали телесные скверны, но не душевные прегрешения. Они не могли очистить ни прелюбодеяния, ни убийства, ни святотатства.

И которые с яствами и питиями, и различными омовениями и обрядами, относящимися до плоти, установлены были только до времени исправления.

Они, говорит, установлены только для людей того времени и соединены с наставлениями о брашнах и питиях. Это, говорит, ешь, а того не ешь. Почему сказал: *питиями*? Ведь закон ничего не говорил о различии в питиях. Он говорит это или о священнике, что он не должен пить вина, когда намерен войти во святилище; или относительно давших обеты, то есть обещания о воздержании от вина, как, например, назореи; или сказал это просто с целью обесценить и унизить эти постановления. Омования были различны. Если бы кто-нибудь прикоснулся к мертвецу или прокаженному, и если бы кто страдал истечением семени, то он омывался и таким образом, казалось, очищался. Оправдания плоти — это именно заповеди плотские, очищающие плоть и плотски оправдывающие тех, которые считались нечистыми по плоти. Однако они не до конца были *установлены*, но *до времени исправления*, то есть до пришествия Христа, имевшего все исправить и ввести истинное и духовное богослужение. А так как закон был тяжким игом, то, вероятно, потому и сказал: *установлены*. Как и в Деяниях написано: *что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы?* (Деян. 15:10).

Но Христос, Первосвященник будущих благ, придя.

Ветхозаветное, говорит, богослужение не приводило на небо. Христос же, *придя*, однажды вошел во Святая, ибо туда обращается мысль. Не сказал: сделавшись

первосвященником, но *Первосвященник, придя*, то есть придя на это самое дело. Не прежде пришел, потом, когда случилось так, сделался Первосвященником: но целью Его пришествия на землю было первосвященство [8]. Не сказал: Первосвященник жертвоприношений, но *будущих благ*; так как слово бессильно представить все в точности, то просто и неопределенно назвал благами то, что сделано для нас. Грядущими же назвал эти блага, как бы по отношению ко времени закона. Ибо как то время назвал настоящим, так Христово называет грядущим, как бы в сравнение с тем, или также в сравнение с тайнами, имеющими открыться нам в будущем веке.

С большею и совершеннейшею скиниею.

Здесь он понимает плоть, она — большая скиния, потому что в ней обитает и Бог Слово, и вся сила Духа. Ибо *не мерою дает Бог Духа* (Ин. 3:34). Будучи совершеннейшею скинией, она и совершает большие дела.

Нерукотворенною, то есть не такового устройства.

Здесь нападают еретики, говоря, что тело — небесно и эфирно. Однако если бы апостол считал его тело небесным и эфирным» то как бы сказал, что оно *не такового устройства*? Ибо небо не исключается из числа творений. Итак, что обозначают его слова? С одной стороны то что ветхозаветную скинию устроили руки художника Веселеила и его сотрудников (Исх. 31:2-6), скинию же Бога Слова образовал Дух. Вот почему сказал, что она *не такового устройства*, то есть не из этих тварей, но что она духовна и божественна. Ибо ни одна из тварей не имеет в себе самой Бога Слова по естеству; та же по естеству соединилась с Ним. Итак, по веществу тело Господа было подобно нашему и одного существа с нами, как образованное из чистых кровей Пресвятой Девы; по образу же соединения, оно выше нас, потому что по естеству было соединено с Богом Словом. Так как веществом для ветхозаветной скинии служили деревья и кожи, золото и серебро, медь и некоторые ткани, то, обращая взоры к этим предметам, апостол сказал, что скиния та *не такового устройства*, какое нужно было для ветхозаветной скинии. Вообще говорит сравнительно и показывает превосходство Христово. Тело Господа называет и скинией, как здесь, в силу того, что Единородный пребывал в ней, — и завесой, потому что скрывала Божественность. Называет и небо теми же самыми именами: скинией, потому что там находится Первосвященник; завесой (Евр:10:20), потому что ею ограждаются святые.

И не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровиюю.

Вот все изменилось, и настолько, насколько Кровь Господа превосходит кровь животных, с которой входил первосвященник закона.

Однажды вошел во святилище.

То есть на небо.

И приобрел вечное искупление.

Не временное очищение, как те, но вечное освобождение душ от грехов. Или, что, однажды вошедший, чрез один вход совершил для нас вечное благодеяние. Обрати же

внимание и на выражение *приобрел*. Это выражение употребляется так, как будто дело произошло сверх ожидания, ибо освобождение было для нас сомнительно: но Он приобрел его.

Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело [9].

Так как, быть может, многим показалось невероятным, что чрез единую жертву и кровь одного даруется вечное искупление, то подтверждает это и показывает вероятность сего на основании верования самих иудеев. Если, говорит, вы веруете, что, окропляясь кровью козлов, а также пеплом, смешанным с водой, ибо пепел сберегали для очищения, то как же кровь Христа не очистит душ? Обрати внимание на его мудрость. Не сказал, что кровь козлов очищала, но освящала; не для прославления закона, но для исполнения того, чего он желает. Ибо, если, как вы веруете, кровь козлов давала освящение, то вы должны гораздо более верить в то, что Кровь Христа дарует освящения. А что он сказал это, не для того, чтобы возвысить верование иудеев, то смотри, как он прибавил: *дабы чисто было тело*. Ибо освящение было для очищения не душ, а плоти.

То кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым [10] принес Себя непорочного Богу.

Не архиерей какой-нибудь принес в жертву Христа, но Он Сам — Себя Самого, и не при посредстве огня, как телиц, — но Духом вечным, почему и увековечил и благодать и искупление. И *непорочного*, то есть безгрешного. Ибо и в Ветхом Завете требовалось, чтобы телица была без порока.

Очистит совесть нашу от мертвых дел.

Хотя там и сказал: освящает, но прибавил: *дабы чисто было тело*; здесь же выражением *очистит* он прямо показал превосходство. Ибо присовокупляет, что очистит *совесть*, то есть внутреннего человека, чего там не было. Правда, и там прикоснувшийся к мертвецу после принесения жертвы очищался; но здесь очищение *от мертвых дел*, поистине могущих осквернить и отратить от Бога.

Для служения Богу живому и истинному.

Отсюда, причастный мертвым делам не служит Богу живому и истинному, но боготворит избранные им дела. Таким образом, чревоугодник боготворит чрево; таким образом, корыстолюбец является идолослужителем. Итак, дела такого рода мертвы не потому только, что они чужды вечной жизни, но и потому, что они во время самого совершения их являются мерзкими и ложными, так как прельщают нас, и хотя кажутся приятными, но в действительности не таковы.

И потому Он есть ходатай нового завета.

Очевидно, смерть Христа смущала многих из более немощных: если Он умер, говорят, то каким образом Он даст то, что обещал? Теперь Павел, устраняя это смущение, показывает, что именно в силу того, что Он умер, завет Его является твердым, ибо не говорят о завете

живых. Ради этого, говорит, ради того, чтобы очистить нас, Он умер, и в завете оставил нам отпущение грехов и вкушение отеческих благ, став Ходатаем между Отцом и нами. Отец не хотел оставить нам наследства; Он разгневался на нас, как на сыновей, отступивших от Него и сделавшихся чуждыми. Поэтому Христос стал Ходатаем и умолил Его. Каким же образом? То, чему должны были подвергнуться мы, ибо нам должно было умереть. Он Сам подъял за нас и сделал нас «достойными завета, и завет снова утвердился смертью Сына, так как этот завет доставил наследие недостойным. Ибо и завет одних считает наследниками: слушай завет Христа: *хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною* (Ин. 17:24); — других же лишенными наследия: *не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их* (Ин. 17:24). Завет имеет свидетелей: *свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня* (Ин. 8:18) и: *Утешитель будет свидетельствовать о Мне, и вы будете свидетельствовать* (Ин. 15:26-27).

Дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете.

Видишь ли, что смерть Христа была ради нашего искупления? Посему, как же ты думаешь, что она немощна, когда она настолько, могущественна, что исцелила и преступления, бывшие в законе? Итак, зачем ты обращаешься к закону, настолько немощному, что он не в состоянии был исправить преступлений, бывших в нем? Не потому, что был дурным, но потому, что был немощен.

Призванные к вечному наследию [11] получили обетованное.

Если бы смерть Христа не освободила нас от грехов, которыми мы вооружили против себя Отца, то как мы получили бы небесное наследие? Выражение *призванные* обозначает, что в начале Бог был расположен к нам, как Отец к сыновьям, и мы были призваны к наследию, впоследствии же, грехами, мы сами себя сделали недостойными этого наследия.

Ибо, где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя, потому что завещание действительно после умерших.

Итак, да не смущает вас смерть Христа: ибо если бы Он не умер, то не установил бы завета, чтобы мы были наследниками. Ибо несомненно, что завет после смерти получает силу, и мы совсем были бы недостойны наследия, так как не была бы разрушена вражда.

Оно не имеет силы, когда завещатель жив.

Читай и понимай это в виде вопроса.

Почему и первый завет был утвержден не без крови (Исх. 24:5).

То, что говорил, он доказал не одним только общим обыкновением, но и событиями Ветхого Завета, что еще более убеждало евреев. *Почему*, говорит, то есть так как необходимо, чтобы смерть предшествовала завету, то поэтому первый завет *был утвержден не без крови*. Кровь — символ смерти. Но там кровь агнца, ибо Ветхий Завет был образом; здесь же, когда воссияла истина, Сын Божий плотью умер за нас. Что же значит: *был утвержден*? То есть стал действительным. Ибо никаким другим образом он не получил бы начала действия, если бы не предшествовало излияние крови.

Ибо Моисей, произнеся все заповеди по закону перед всем народом (Исх. 24:7).

По закону, то есть как Бог законоположил, чтобы заповеди Его были объявляемы вслух всему народу; или *все заповеди по закону*, то есть что было положено законом.

Взял кровь тельцов и козлов с водою и шерстью червленою и иссопом, и окропил как самую книгу, так и весь народ (Исх. 24:8).

Почему же были окропляемы книги и люди? Или потому, что издревле предызображалась Честная Кровь, коею окропляемся мы и сердца наши: ибо сердца суть книги, как и выше он сказал: *вложу законы Мои в мысли их* (Евр.8:10). Вода — символ крещения. Здесь берутся кровь и вода, быть может, для обозначения того, что из ребра Господа истекли кровь и вода; быть может, и потому, что крещение, символом коего служит вода, возвещает смерть Господню, знак которой — кровь. Иссоп же употреблялся как вещество сгущающее по причине его плотности, для подобной же цели служила и шерсть: или так как Христос — агнец, поэтому и шерсть *червленная*, чтобы и по цвету она имела образ крови.

Говоря: это кровь завета, который заповедал вам Бог (Исх. 24:8).

Христос же говорит: *сие есть Кровь нового завета во оставление грехов* (Мф. 26:28). Там и не новый завет, и не оставление грехов. Посему, видишь ли, что кровь он назвал заветом? Так что необходимо разуместь смерть, где говорится о завете.

Также окропил кровью и скинию и все сосуды Богослужebные (Исх. 40:9-11; Лев.8:30).

И это было прообразом: ибо скиния — это мы, согласно следующим словам: *вселюсь в них, и буду ходить в них* (2 Кор. 6:16). Мы — и *сосуды в большом доме Божием*, одни — золотые, другие — серебряные (2Тим.2:20). Итак, мы были окроплены истинной Кровию Христа и освящены, будучи крещены в смерть Его.

Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения.

Для чего прибавил: «*отнюдь*»? [[12](#)] Для того, что там не было ни совершенного очищения и ни совершенного отпущения грехов. Ибо как это возможно, когда грехи не отпускались?

Итак образы небесного должны были очищаться сими.

Небесными называет то, что у нас, что касается Церкви. Выше сказано, в каком смысле Церковь — небо. Посему образами и прообразами наших священнодействий было то, что употреблялось у иудеев; поэтому и очищались кровью козлов и пеплом телицы, и прочими столь же незначительными вещами.

Самое же небесное.

Подразумевается то, что принадлежит Церкви, нам.

Лучшими сих жертвами.

Так как наши лучше иудейских и лучше настолько, насколько небо лучше земли, — и действительно, им обещаны земные блага, а наше наследство — небо, — то, по всей справедливости, наши священнодействия достойны лучшей и более величественной жертвы, Крови Сына Божия, очищающей нас более совершенно. Таким образом, смерть Христа произошла не только для утверждения завета, но и для совершения истинного очищения, очищения души. О благодеяниях же смерти он напоминает потому, что многим она казалась бесчестной, и особенно крестная смерть.

Ибо Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного устроенное, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие.

Иудеи очень превозносились своим храмом; ибо нигде на земле не было такого храма ни по красоте, ни по великолепию. Так как иудеи увлекались телесным, то Бог повелел соорудить его великолепнейшим образом. Поэтому к нему приходили даже с концов земли (Деян. 2:5-10). Что же делает Павел? Как поступил он по отношению к жертвам и ниспроверг их, противопоставив им смерть Христа, так и здесь, противопоставив храму небо, показывает различие. Прочие архиереи входили «в рукотворенное святилище, которое было устроено по образу истинного, то есть было образом неба. Ибо оно было истинное святилище. Христос же вошел в самое небо, хотя все наполняет и везде присутствует; но Павел говорит это в отношении к человеческой сущности. Различие же показывает не только для этого, но и чтобы показать, что наш Первосвященник — ближе к Богу. Ибо ветхозаветные первосвященники видели Бога чрез символы, Христос же созерцает Самого Бога, явившись *пред лице Божие*. И это сказано по снисхождению Его, по Его человеческой природе. Что значит: *за нас*? Вошел, говорит, с жертвой, могущей умиловать Отца, а также примирить нас с ангелами: ибо и те враждебно относились к нам, как врагам Господа их. Посему ныне является *за нас*; *ныне* обозначает, что Он вошел, как Первосвященник; ибо вошел ради нашего примирения.

И не для того, чтобы многократно приносить Себя.

Но не для того вошел ныне в небо, чтобы и в другой раз войти, принося Себя.

Как первосвященник входит во святилище ежегодно.

Заметь превосходство Христа. Тот — *каждогодно*, Христос — *однажды*.

С чужою кровью.

И в этом превосходство. Тот — *с чужою кровью*, тельцов и козлов, Христос же — со Своею собственной.

Иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира.

Так как, говорит, если бы Ему надлежало многократно приносить жертвы, то надлежало

бы Ему многократно и умирать в силу того, что Он должен был приносить собственную Кровь.

Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею.

Здесь открывает и некую тайну, почему явился к концу веков, после множества грехов. Ибо если бы смерть Его произошла вначале, когда грех не был настолько распространен, тогда никто не уверовал бы, во второй же раз Ему не надлежало умирать; следовательно, все показалось бы бесполезным. Теперь же, после того, как с течением времени было множество беззаконий, то справедливо Бог явился в конце веков, чтобы жертвою Своею, то есть телесной смертью Своею, уничтожить, то есть низвергнуть и обессилить, грех. Это же высказал он и в другом месте: *когда умножился грех, стала преизобиловать благодать* (Рим. 5:20). Каким же образом грех сделался бессильным? Тем, что совершавшие его были безнаказанно прощены. Ибо сила греха в том и состоит, чтобы навлечь наказание. Этот самый вопрос задал себе и Григорий Нисский в катехетическом поучении; и в слове на праздник Рождества Христова об этом самом говорит: почему в конце веков воплотился Сын? И отвечает: потому, что как лучшие врачи, когда лихорадочный жар еще внутри медленно жжет тело и в силу причин, производящих болезнь, усиливается, не подают никакой помощи из пищевых материалов больному, а выжидают времени, когда болезнь достигнет высшей степени своего развития, так и по отношению к нам. Врач душ ожидал, когда откроется совершенно вся болезнь нечестия, чтобы ничего из скрытого не оставить не исцеленным, так как врач врачует только явное. Пространнее узнаешь, что говорит этот божественный муж, если пожелаешь прочитать сами творения его.

И как человекам положено однажды умереть, а потом суд.

Теперь высказывает и причину, почему Христос *однажды* умер: именно потому, говорит, что явился искуплением единой смерти. Ибо определено людям *однажды умереть*. Поэтому и Он *однажды* умер за всех. Что же? Разве мы ныне не умираем? Умираем, но мы не подчинены смерти, как прежде, и не подчинены по причине надежды на воскресение, источником которой явился умерший за нас Христос, и такая смерть — не смерть, а успение. Посему, так как смерть всеми нами обладала, то Он и умер, чтобы освободить нас. Или теперь апостол желает показать не то, что Христос заплатил за нас смертью, которой мы должны были подвергнуться в наказание, но следующее: так как Христос, будучи Богом, вместе с тем поистине был человеком, то как люди *однажды* умирают, а потом суд, так и Он *однажды* умер. Слушай, что следует далее.

Так и Христос, однажды принеся Себя в жертву.

Хотя Он и Первосвященник, но Он же и приношение, и жертва.

Чтобы подъять грехи многих.

Как на Литургии мы возносим грехи и говорим: волею и неволею мы согрешили, прости, то есть мы прежде вспоминаем о грехах, а потом просим прощения, — так и Сам Он сказал Отцу: *за них Я посвящаю Себя* (Ин. 17:19). Или: вознес грехи, то есть снял их с людей и принес к Отцу, чтобы Он отпустил их. Почему же сказал *многих*, а не всех? Потому, что не все уверовали. Смерть Его соответствовала гибели всех, и, насколько от Него зависит, Он умер

за всех. Вознес же грехи не всех, потому что они сами не желали этого. Посему они сделали для себя смерть Сына Божия бесполезной, что и достойно ужаса. Так объясняет святой Иоанн Златоуст. Я нашел у него на следующее место в Евангелии: *и отдать душу Свою для искупления многих* (Мф. 20:28) заметку, объясняющую это выражение: «*многих — вместо: всех, ибо и все — многие*».

Во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение.

Он умер, говорит, подъяв грехи наши и принеся их Отцу, чтобы изгладить их, ради чего Он и умер. Ибо Тому, Кто не знал греха, Отец вменил грех, так как Он, Христос, усвоил Себе наше естество. *Во второй раз явится*, не нося на Себе уже более грехов и не имея нужды ради них во второй смерти, но как Судия для ожидающих Его во спасение, то есть верующим в Него и ожидающим пришествия Его: очевидно, и живущим достойно спасения. Конечно, Он придет не только для спасения, но и для наказания неверующих и грешников, но апостол сказал только радостное.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Закон, имея тень будущих благ.

То есть будучи образом грядущих благ Нового Завета, которые Христос дарует принявшим этот Завет.

А не самый образ вещей.

То есть не самую истину. Каких же вещей? Нашей жертвы, отпущения грехов. Ибо ветхозаветные вещи, будучи неясными, уподоблялись теневому очертанию: новозаветные же подобны изображению, то есть истине, так как они являются в блеске и совершенстве. Так объясняет св. Иоанн Златоуст. Не бесполезно же принять к сведению и то, что дает понять в этом месте Григорий Богослов. И в других словах, но особенно ясно в слове на Пасху, он говорит: законная Пасха — решительно утверждаю — была образом темнее образа. Таким образом, дает понять что *тенью* у апостола называется закон; образом же — совершаемое ныне в Церкви, как отражение других более совершенных благ, которые получают в удел достойные в будущем веке; они-то у апостола называются теперь *вещами*. Посему, как изображение чем-нибудь отличается от первообразной вещи, так и нынешние таинства отличаются от более совершенных вещей будущего века; и насколько очертание уступает образу, настолько и закон уступает Новому Завету.

Одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может (δύναται) ^[13] сделать совершенными приходящих с ними.

Смысл этого места таков: если бы жертвы законные имели силу, то их не приносили бы всегда: однажды принесенные и оказавшие пользу, они прекратились бы. Но так как их приносили каждый год, постоянно, то ясно, что они не имели силы усовершенствовать. И потому после первой жертвы приносили вторую, а затем еще третью. Подобно тому, как и между лекарствами действительны те, кои, будучи употреблены однажды, излечивают; те же, которые часто употребляются, тем самым показывают свое бессилие. Но спрашивается: что

же? А мы разве не непрестанно приносим бескровные жертвы? Конечно, всегда; но мы совершаем воспоминание о смерти Христовой. И эта жертва — одна, а не много их, так как однажды была принесена. Мы постоянно приносим Одного и Того же Агнца, а лучше: совершаем воспоминание о том приношении, как бы ныне совершаемом. Следовательно, жертва — одна. Что же касается того, что жертва приносится во многих местах, то не много ли Христов? — нет, один — везде, и полный там, и здесь полный, одно Тело Его. И как приносимый во многих местах Он есть одно Тело, а не много тел; так и жертва одна. Ибо мы приносим ту жертву, которая тогда была принесена. Там же агнец, принесенный вчера, был другим, сравнительно с сегодняшним. И нынешний агнец приносился не для воспоминания о вчерашнем, но как сам по себе представляющий жертву? Итак, в каком смысле апостол говорит *теми же жертвами*? Жертвы были теми же, поскольку приносились одни и те же виды жертв, как например, сегодня агнец и завтра агнец, но они были различны по числу. Некоторые же говорили, что жертвы были теми же по способу приношения, то есть совершались чрез заклания, или всесожжение, по виду же различны, каковы овцы, быки, горлицы, голуби. Выражение *δύναται* — могут — хотя находится в списках с буквой *ν*, однако я нашел примечание, требующее его без буквы *ν*. Закон, говорит, *имея тень будущих благ, никогда не может сделать (δύναται) совершенными приходящих*. И действительно, сообразуясь с грамматической точностью, необходимо Писание сохранять так, чтобы в нем не вышло погрешности. А так как в Писании нет ни одного слова о правилах речи, то мы и будем понимать его это место так, как содержат списки, именно: никогда не могут (*δύναται*), очевидно, приносящие, приступающих сделать совершенными.

Иначе перестали бы приносить их, потому что приносящие жертву, быв очищены однажды, не имели бы уже никакого сознания грехов.

Читай в вопросительной форме. Если бы, говорит, прекратились грехи, то разве не прекратились бы и самые приношения, так как нуждающиеся в их помощи получили бы ее в достаточной степени и не имели бы *никакого сознания грехов*? То есть ничто уже более из осознанного ими не требовало бы врачевания, в силу того, что однажды очищенное является излеченным.

Но жертвами každогодне напоминает о грехах.

Жертвы, говорит, ничего другого не производят, как только воспоминание грехов, то есть обличение. Они не доставляют прощения грехов, но тем, что их всегда приносят, показывают, что грехи народа остаются не отпущенными. Ибо если бы грехи были отпущены, то что за нужда была бы в жертвах? Сказав: *напоминается*, он дал тебе понять, что жертвы совершались не ради последующих грехов, но и ради предшествующих, как, очевидно, не отпущенных. Ибо ежегодно, как говорится, за народ приносилась кровь тельцов. Посему, так как грехи были одни и те же, то и жертва приносилась та же самая. Однако нигде последующие грехи не были одними и теми же с предшествующими. Не ясно ли, что прежние грехи оставались неразрешенными, и потому всегда приносилась одна и та же жертва, подобно тому как одно и то же лекарство, будучи всегда употребляемо, показывает, что одна и та же болезнь всегда мучит больного.

Ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи.

Еще более делает сильной свою речь указанием на ничтожество приносимых жертв и на

силу болезни, подобно тому, как если бы кто, опытный во врачебном искусстве, видя, что больному проказой предлагают траву, называемую меркуриальной (λίνοζωστίν), сказал: невозможно исцелить проказу меркуриальной травой (пролеской).

По сему Христос, входя в мир, говорит.

Христос, входя в мир во плоти, говорит устами Давида. Цель у апостола здесь такова: так как он показал, что жертвы бессильны и бесполезны, то, чтобы кто-нибудь не сказал ему: зачем же иудеи еще совершают их? ибо тогда еще стоял у них храм и все законное исполнялось — почему же они не прекратились? — то теперь, раскрывая это, и говорит, что хотя жертвы по воле Божией и прекратились, но иудеи, склонные к честолюбию и всегда противящиеся Духу Святому, еще придерживались их. Показывает и то, что они были отвергнуты Богом пред воплощением Господа. И заметь, апостол на это обращает здесь внимание. Ибо не сказал: вошедши, но *входя в мир*, чтобы показать, что и прежде, чем вошел, возненавидел их жертвы.

Жертвы и приношения Ты не восхотел (Пс. 39:6).

Очевидно, установленные законом. *Приношение* же здесь обозначает нечто отличное от *жертвы*, и я думаю, что этим именно обозначаются бескровные жертвы.

Но тело уготовал Мне (Пс. 39:6).

То есть Ты определил, чтобы Тело Мое сделалось все совершеннейшей жертвой.

Всесожжения и жертвы за грех неугодны Тебе.

Ни всесожжении, ни приношений за грехи Ты не восхотел, не счел достойными принятия. Имена же жертв были различны, очевидно, в силу различных причин: одни — за грехи (Лев. 4:3), другие — за погрешности (Лев. 6:5), иные — о спасении (Числ.6:14), другие — о милости (Числ.6:5), иные — обетов (Лев. 27:7), и еще иные — об очищении (Лев. 14:32). Итак, все жертвы были отменены, так как Ты не восхотел жертвы и приношения.

Тогда Я сказал: вот, иду, как в начале книги написано о Мне, исполнить волю Твою, Боже (Пс. 39:8-9).

Видишь ли, что жертвы были отвергнуты еще до воплощения? Ибо после того, как Ты отвергнул жертвы, тогда сказал Я — Христос: *вот, иду исполнить волю Твою*. Воля же Бога Отца — в том, чтобы Сын был заклан за мир, чтобы люди оправдались, но не чрез жертвы, а чрез смерть Сына Его. Ибо, говорит, *я возвещал правду Твою в собрании великом* (Пс. 39:10). Потом, между прочим, говорит: *в начале книги написано о Мне*. Так необходимо сочетать эти слова. *Началом книги* называет свиток закона или книгу Ветхого Завета. Итак, в этой книге написано о Моем пришествии и о том, что Я должен быть заклан за мир. Или *началом книги* называет начало книг Ветхого Завета. Ибо в первой книге Моисея, книге Бытия, когда говорит: *сотворим человека по образу Нашему* (Быт. 1:26), дает разуметь о Божественности Христа.

Сказав прежде, что «ни жертвы, ли приношения, ни всесожжении, ни жертвы за

грех, — которые приносятся по закону, — Ты не восхотел и не благоизволил», потом прибавил: «вот, иду исполнить волю Твою, Боже».

Сам Павел изъясняет слова Давида. Ты спросишь: что же? Разве жертвы по закону не были по воле Божией? Правда, были по воле Божией, но обозначение воли — двоякое. Желает кто-нибудь чего-нибудь предпочтительно пред всем прочим, как Павел: *желаю, чтобы все люди были, как и я* (1 Кор. 7:7), то есть безбрачными. Желает кто-нибудь и по снисхождению, как тот же самый Павел: *я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак* (1Тим.5:14) — это воля снисходительная. Чтобы не рассвирепели против Христа, — он и снизошел. Так и Бог прежде не хотел тука и крови, когда же увидел, что евреи, принося жертвы идолам, сильно придерживаются этих самых жертв, дозволил им приносить в честь Его жертву. Почему же Павел привел это свидетельство, имея бесчисленное множество других? По причине бесстыдства иудеев. Так как они говорили, что Древнее устройство разрушилось не вследствие своего несовершенства, но вследствие грехов приносящих жертвы, и выставляли на вид, что еще Исаия порицает грехи их, говоря: *руки ваши полны крови* (Ис. 1:15), также и сам Давид, сказав: *не приму тельца из дома твоего* (Пс. 49:9), далее присоединяет: *грешнику же говорит Бог* (Пс. 49:16). Посему, так как это говорили наиболее честолюбивые из евреев, то Павел приводит свидетельство, в котором ветхозаветное учреждение само по себе считается отверженным от Бога по причине несовершенства его самого, а не за грехи народа. Ибо в 39-м псалме, из которого взято это свидетельство, пророк не упоминает о грехах народа. А что по этой именно причине он воспользовался указанным свидетельством, послушай его самого.

Отменяет первое, чтобы постановить второе.

Что — *первое*? Жертвы. Что — *второе*? Воля Отца, то есть принесение в жертву на кресте тела Христова. Итак, те отменяются, чтобы установлено и утверждено было чрез заклание Христа приношение, какое восхотел Отец. Таким образом, жертвы отвергаются не за грехи приносящих, но по причине собственного их несовершенства.

По сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа.

По этой воле Отца, говорит, мы были освящены, освященные принесением тела Христова, бывшим *единократно*; ибо это должно быть подразумеваемо. Ибо мы, которые уверовали, что освящены принесением Единородного, освящены по воле Отца. Отсюда, не законные постановления составляют волю Божию, но приношение по Христу и освящение чрез это приношение.

И всякий священник ежедневно стоит в служении, и многократно приносит одни и те же жертвы, которые никогда не могут истребить грехов.

Итак, стоять есть отличие служащего; сидеть же, как Христос, есть отличие того, кому служит.

Он же, принеся одну жертву за грехи, навсегда.

Сам же Христос *одну*, говорит, принес жертву, — собственное Свое тело, — за наши грехи, навсегда достаточную нам, чтобы не было нужды во второй.

Воссел одесную Бога [¹⁴], ожидая затем, доколе враги Его будут положены в подножие ног Его (Пс. 109:1).

Следовательно, Христос не только Первосвященник, но и Бог. После исполнения дела, ради которого Он по домостроительству и получил наименование Первосвященника, — Он, наконец, воссел, как Бог, ожидая, пока враги Его будут положены в *подножие ног Его*. Враги же Его — это неверующие и демоны, которые и сами покорятся: то есть злоба их останется бессильной, так как они будут преданы огню неугасимому. А теперь пока Павел врагами называет преимущественно неверующих евреев, утешая верующих из иудеев, потерпевших бесчисленное множество мучений от них. Не унывайте, говорит, ибо восстающие ныне на вас будут покорены, или, лучше, будут попораны. И это, очевидно, потому, что Христос сидит одесную Отца. Так как это произошло, то и исполнится, по сказанному в псалмах. Почему же они не тотчас были *положены в подножие ног Его*, то есть не были удалены из мира? Ради верующих, которые будут рождаться от них.

Ибо Он одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых.

Совершенно, говорит, освободил от грехов освящаемых и помазуемых Кровию Его, чрез крещение в смерть. Так как все крещаемые соединяются подобием смерти Его, то ясно, что они освящаются Кровию Его.

О сем свидетельствует нам и Дух Святой.

Что свидетельствует? — то, что Он совершенно избавил нас от грехов *одним приношением*, так что мы не имеем нужды во втором.

Ибо сказано: вот завет, который «завещаю им после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в сердца их, и в мыслях их напишу их, и грехов их и беззаконий их не вспомяну более (Иер. 31:33-34).

Видишь ли. Сам Бог свидетельствует, что Он даровал очищение грехов? Даровал же в то время, когда давал Новый Завет. Новый же Завет Он даровал и утвердил смертью Сына Своего, как было раньше показано (Евр.гл.8).

А где прощение грехов, там не нужно приношение за них.

Если за одну жертву было даровано отпущение грехов, то какая еще нужда после этого во второй жертве? Поэтому указывается, что мы, получив прощение грехов, были приведены в совершенство единым приношением Христа, и уж более не нуждаемся в другой жертве. Итак, иудейские жертвы не нужны и, будучи совершаемы по упорству, давно уже признаны бесполезными теми, кто ныне совершает их.

Итак, братия, имея дерзновение.

После того, как показал превосходство Первосвященника нашего пред ветхозаветными и приношения Христова пред жертвами по закону, и что чрез это приношение мы освободились от грехов, прерывает догматическое учение, давая отдых слушателю, и вполне благовременно переходит к нравственному учению. И только что упомянув об отпущении

грехов, наконец убеждает, чтобы они более не попадали в них: *имея*, говорит, *дерзновение*, по причине отпущения грехов. Как грех причиняет стыд и неуверенность, так отпущение грехов дает смелость.

Входить во святилище.

Так как нам отпущены были грехи, то мы и имеем дерзновение входить во святилище, то есть в небо.

Посредством Крови Иисуса Христа.

То есть через кровь. Ибо, удостоившись через крест и кровь Христа прощения грехов, мы получили дерзновение.

Путем новым (прѳсфатов — недавним) и живым, который Он вновь открыл нам [15].

Что касается до входа в Святилище, то Он Сам обновил нам путь, то есть Он сам сделал путь новым, Сам начав его и Сам первый прошедши им. Вместо того, чтобы назвать путь новым — νέον, назвал его прѳсфатов — недавним, открытым для наших времен. Похвалой для нас служит то, что мы удостоены того, чего не был удостоен Авраам; нам ныне отверсто небо. *Живым* назвал потому, что первый путь во Святилище, по закону, был смертоносным. Более уже тот путь не имеет места, но для принимающих его становится причиной смерти. Этот же (новый, — *Прим. ред.*) путь так ведет к жизни, что и сам живет и останется таким постоянно. Или под *живым* уразумей подобно [16] *недавнему* (прѳсфатов), вместо нового и цветущего, как бы в противоположность входу в ветхозаветное Святилище: ибо тот путь — путь смерти.

Через завесу, то есть плоть Свою.

Он обновил нам путь этот в небо плотью Своею: ибо когда она была вознесена на кресте и вознеслась, тогда открылось нам небесное. Поэтому и справедливо он назвал ее *завесой*. Ибо в том и заключается отличительное свойство завесы, что когда она отнята, открывается то, что находится внутри.

И имея великого Священника над домом Божиим.

Имея *Священника*, очевидно, Христа, *дом* же — это мы, верующие (Евр.3:6), согласно следующим словам: *вселюсь в них и буду ходить в них* (2 Кор. 6:16, ср. Лев.26:12). Или, что, я думаю, лучше, — небо: ибо и то называет *Святилище*, и говорит, что в нем служит Первосвященник, ходатайствуя о нас.

Да приступаем.

К чему? в вере и к духовному служению, или — к небу, где наш Первосвященник.

С искренним сердцем.

То есть с чуждым лукавства, нелицемерным по отношению к братьям, или не сомневающимся, нисколько не колеблющимся и не недоумевающим относительно будущих благ, и потому не впадающим в малодушие. Итак, продолжает.

С полною (εν πληροφορίαι) верою.

Научает нас, под каким условием мы не впадаем в малодушие, а именно, если будем иметь полноту (πληροφάν) веры, то есть веру и твердую и совершеннейшую. Ибо можно верить, но не вполне. Так, например, некоторые говорят, что воскресение для одних будет достоянием, а для других — нет; это не есть полная, напротив — несовершенная вера. Итак, да приступаем с полной верой. Так как ничто здесь не видимо, — ни храм, ни небо, ни Первосвященник — Христос, но скрыто от нас, как и в Ветхом Завете первосвященник, входя во Свята Святых, не был видим, то поэтому необходима вера полная и несомненная.

Кроплением очистив сердца от порочной совести.

Сказав о вере, теперь показывает, что требуется не одна только вера, но и добродетельная жизнь. Иудеи окропляли тело, мы же сердца, чтобы не сознать за собой ничего лукавого. Мы будем окроплены самой добродетелью, или благодатью Духа, отпустившего нам в купели грехи и укрепившего нас так, что, если постараемся, мы не впадаем уже более в грех.

И омыв тело водою чистою.

Водой крещения. *Чистой* же, или делающей чистыми, или не имеющей примеси крови, как в древности с примесью пепла. Хотя благодать Духа в крещении и души очищает, однако Павел соединил здесь видимое с невидимым. По крайней мере, при самом совершении крещения для тела берется вода. Так как мы двойственны, то и очищение двойное.

Будем держаться исповедания упования неуклонно.

То есть твердо будем держать *упование*, исповеданное нами. Ибо в начале веры мы уповали, что и сами взойдем на небо; и когда вступили в союз веры, мы исповедали, что веруем в воскресение мертвых и в жизнь вечную. Итак, будем держаться этого исповедания.

Ибо верен Обещавший.

Дает силу, чтобы мы держались твердой надежды, особенно если мы размыслим о достоинстве *Обещавшего*. Ибо верен, то есть истинен Христос, сказавший: *где Я, там и слуга Мой будет* (Ин. 12:26).

Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам.

Указывает на совершенство любви. Ибо, говорит, *будем внимательны друг к другу*, то есть, будем смотреть, нет ли кого добродетельного, чтобы подражать такому, не для того, чтобы позавидовать, но чтобы найти себе большее поощрение к совершению тех же самых добрых дел, какие у него. Поощрение же это есть дело любви, а не зависти. Ибо, как железо острит железо, так и душа, общаясь с душой, возбуждает ее к тому же самому, однако в

любви. Или и потому, что вы, обращаясь друг с другом, воспламеняетесь к тому, чтобы любить и быть любимыми.

Не будем оставлять собрания своего.

Знает, что общее собрание рождает любовь, поэтому убеждает не оставлять собрания и не затевать отделений и противозаконных сходбищ, *ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18:20). Молитва Церкви даже разрешила Петра от уз и освободила его из темницы (Деян. гл.5).

Как есть у некоторых обычай.

Здесь он делает упрек отделяющимся.

Но будем увещевать друг друга.

То есть друг друга утешая и друг друга наставляя, и научая, и убеждая. «Брат от брата помогаем, яко град тверд» [[17](#)] (Притч.18:19).

И тем более, чем более усматриваете приближение дня оного.

Дня кончины. Ибо пока мы, говорит, еще не удаляемся из этого мира, зачем нам разделяться друг с другом? Это было утешением для них, уставших под гнетом испытаний, как и в другом месте говорит: *Господь близко, не заботьтесь ни о чем* (Флп.4:5-6).

Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим.

Из наиболее полезного он убедил, что мы имеем дерзновение, что мы удостоены прощения; а теперь устрашает наиболее печальным. Смотри, как он снисходителен. *Произвольно грешим*, говорит: как будто, если невольно согрешишь, то существует некое умеренное прощение. Заметь также: не сказал: согрешили, но *грешим*, то есть нераскаянно пребываем во грехе. Так, если мы не будем пребывать во грехе, но обнаружим раскаяние, то будет прощение. Итак, где те, которые говорят, что здесь отвергается покаяние? *Получив познание истины* — понимает или Христа, или все догматы.

То не остается более жертвы за грехи.

Говорит это не для того, чтобы отвергнуть покаяние, как измыслили некоторые [[18](#)], но показывает, что нет второго крещения, а потому нет и второй смерти Христа. Смерть Христа он называет жертвой, как и в последующих словах. Ибо единой жертвой Он усовершил навеки: крещение наше изображает смерть Христа. Посему, как та едина смерть, так и это крещение едино. Итак, что же ты так бесстрашно согрешаешь, когда нет надежды, что ты без труда изгладишь грехи посредством крещения? Итак, вместо этого займись добрыми делами.

Но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников.

Смотри, как он как бы одушевил огонь. Как зверь раздраженный не успокаивается до тех

пор, пока не схватит кого-нибудь и, пожрав, утолит ярость, так и тот огонь, как бы распалемый ревностью на нарушителей заповедей Божиих и свирепея за них, кого схватит, того всегда пожирает. Ибо не сказал: готовый съест, но *пожрать*, очевидно, навечно. *Противниками* называет не только неверующих, но и верующих, однако поступающих против заповедей Божиих.

Если отвергшийся закона Моисеева.

От менее важного доказывает справедливость будущего наказания, чтобы и его слову было больше веры. Закон называет Моисеевым, потому что он многое установил.

При двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью (Втор.17:6).

Связь речи такая: отвергся ли кто закона Моисеева, то при наличии двух или трех свидетелей *без милосердия наказывается смертью*, то есть если бы двумя или тремя свидетелями было заявлено, что он нарушил закон.

То сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет гот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета.

Передаёт на суд самим, что мы обычно делаем по отношению к твердо всеми признаваемому, обращая слушателей в судей. Что же означает: *попирает*? то есть презирает. Как презираемых людей мы ставим ни во что, так и Христа, ставя ни во что, мы, таким образом, приходим к тому, что согрешаем. *И не почитает за святыню Кровь завета*, то есть считает ее не лучше всего другого. *Завета*, потому что ради нее был утвержден с нами завет, дающий нам наследие благ, как мы сказали выше. Это сказано о таинствах. Ибо, когда мы, приобщаясь Пречистого Тела и Крови, плоть, принявшую Тайны, погружаем в грязь телесной нечистоты, разве мы вместе с этим не попираем Сына Божия? Пыль земли не так недостойна Божественного Тела, как нечистота. Воспользуйся сказанным и против несториан. Они, считая Христа простым человеком, и Кровь Его мнят скверной, ничем не отличающейся от прочего.

Которую освящен.

Здесь показывает бесчувственность и неблагодарность, ибо, говорит, надлежало со страхом относиться к освящению, которого достоин был в Крови.

И Духа благодати оскорбляет.

Ибо недостойно распорядившийся дарованным благодеянием оскорбил Благодетеля. Не сделал ли Он тебя сыном Божиим? ты же делаешься рабом страстей. Не пришел ли Он, чтобы вселиться в тебя? ты же вводишь в себя диавола. Итак, не оскорбление ли это Духу?

Мы знаем Того, Кто сказал: у Меня отмщение, Я воздам, говорит Господь (Втор.32:35). И еще: Господь будет судить народ Свой (ср. Пс.134:14). Страшно впасть в руки Бога живаго (ср. Лк.18:7-8)!

Это сказал по связи, чтобы показать, что Господь принял на Себя *отмщение* грешникам. Ибо сказал это чрез пророка. Утешает также и тех, кто впадал в малодушие по причине искушений со стороны, притесняющих их иудеев. Он как бы так говорил: не падайте духом, у вас есть Отмститель и Воздаятель, Который живет вечно, Которого ни в каком случае не избегнут оскорбляющие вас. Вы впали в руки тех смертных людей, а они — в руки Бога вечно живого, от Которого они не скроются.

Вспомните прежние дни ваши.

Итак мы не даром говорили, что слова *Мне отмщение* он прикровенно вводит для их утешения. Ибо вот, теперь яснее говорит с ними, убеждая их не выходить из терпения. Итак, говорит, не подражайте кому-нибудь другому, но сами себе. При начале веры вашей вы боролись; о борьбе этой вы всегда и вспоминайте, чтобы чрез беспечность не погубить того, чего вы прежде достигли путем борьбы. Заметь духовную мудрость: потрясши сначала души их напоминанием о геенне, теперь успокаивает их похвалами, но не льстя им, а убеждая их собственным их примером. Ибо большего вероятия заслуживает тот, кто советует кому-нибудь подражать себе самому и тем делам, которые он раньше совершил.

Когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий.

Быв просвещены — говорит или о крещении, или вообще о познании таинства и о благах, ожидавших верных. Ибо, когда вы были просвещены знанием будущего, вы столько претерпели. Не сказал: искушений, но выдержали подвиг, что служит выражением мужества и силы, и подлинно великий подвиг они выдержали.

То сами среди поношений и скорбей служа зрелищем для других.

Обрати внимание на похвалу. Именно, человек с благородной душой имеет потребность в том, чтобы претерпеть поношения, как пророк свидетельствует: *говорили мне всякий день: где Бог твой?* (Пс. 41:4) и: *ибо не враг поносит меня — это я перенес бы* (Пс. 54:13); и: *не предавай меня на поругание безумному* (Пс. 38:9). Впрочем, Иов вознегодовал против поношения, хотя все страдания переносил мужественно, как адамант. Если же поношение случится открыто и на глазах многих, то такое поношение требует еще более сильной души: это здесь он и обозначил выражением: *служба зрелищем*. Размысли же, как велики были они, презрев ради Христа и славу, и богатство, — подвергаясь же обидам и сделавшись позором, то есть как бы будучи выставляемы на зрелище и претерпевая все это, быть может, от каких-нибудь низких и ничего не стоящих людей.

То принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии.

Вы, говорит, не только претерпевали ваши скорби, которые, казалось бы, были наведены на вас против вашей воли, но вы были настолько благородны, что сделались общниками апостолов, живущих так, то есть в скорбях и поношениях, и добровольно подвергли себя тому, чтобы вместе с ними претерпевать мучения и принять участие в их страданиях. Не сказал: меня одного, но вообще всех, для усиления похвалы их.

Ибо вы и моим узам сострадали.

Вы не только в своих страданиях не нуждались в утешении, но и для других явились утешением, свидетель чего — я.

И расхищение имения вашего приняли с радостью.

Сказав, между прочим, как они были общниками других, теперь снова говорит, как они переносили и собственные свои скорби. Быть ограбленным, — это большое дело; ибо вы ограблены были потому, что уверовали. Конечно, вы могли и не уверовать. *Приняли же* обозначает добровольное терпение, и то, что охотно избрали. Что же касается выражения: *с радостью*, то оно приравнивает вас к апостолам; кои возвратились, *радуясь*, что подвергались бесчестью за имя Господне (Деян. 5:41).

Зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее.

И это, говорит, вы делали с рассуждением, с пониманием и с верой. Ибо вы знали, что вы имеете лучшее и пребывающее имение, не гибнущее и не расхищаемое, как это.

Итак не оставляйте упования вашего.

Словом *не оставляйте* показывает, что они еще не отпали, однако нуждаются и в подкреплении, и в ограждении. Сказал же: *упования*, потому что они, столько с терпением перенесшие ради Бога, имеют великое дерзновение.

Которому предстоит великое воздаяние.

Ибо вы исповедники, признавшие за лучшее иметь имение на небесах.

Терпение нужно вам.

Вам не нужно ничего другого, кроме одного терпения: все прочее вы имеете, и вам не нужно ничего прикладывать.

Чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное.

Воля Божия — в том, чтобы мы терпели до конца. *Ибо*, говорит, *претерпевший до конца спасется* (Мф. 10:22). Апостол же убеждает их в этом подобно тому, как если кто, видя, что ратоборец, поборов всех состязателей, потом, не дожидаясь замедливших с наградами за победу, хочет уйти, не вынося жажды и зноя, говорит ему: исполнив все, подожди немного и получишь венки. Поборись и ты с промедлением венков, победи и ты это терпением.

Ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит (Авв.2:3).

Приводит пророка Аввакума, говорящего, что Судия близок, с целью воздать. Если же и Аввакум тогда говорил: *еще немного, очень немного, и Грядущий придет*, то ясно, что теперь Он еще ближе. Выражение *совсем немного* обозначает весьма непродолжительный промежуток времени.

Праведный верою жив будет; а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя (Авв.2:4).

Итак, нужно верить, хотя мы будем и праведниками. Если же праведный *поколеблется*, то есть подвергнется какому-нибудь сомнению и недоумению, или *поколеблется* — вместо: придет в уныние под влиянием искушений, то *не благоволит*, то есть не радуется *душа Моя* о нем. Чья душа? Божия, по особенному способу выражения Писания, подобно как в следующем месте: *праздники ваши ненавидит душа Моя* (Ис. 1:14), или: душа Христа.

Мы же не из колеблющихся на погибель, но стоим в вере к спасению души.

Так как устрашил словами: *не благоволит душа Моя*, то говорит, что мы не из числа погибающих по причине *колебания* и впадения в малодушие или сомнение, но из числа твердых в вере, чтобы сохранить собственные души, то есть приобрести, сберечь и спасти. Ибо обладание, приобретение и есть *спасение*.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вера же есть осуществление ожидаемого.

Наконец, апостол описывает нам веру, говоря, что она есть осуществление того, чего еще нет, и обоснование того, что еще не наступило. Например, воскресение еще не наступило, но вера утверждает это и ставит перед нашими глазами.

И уверенность в невидимом.

Уверенность, то есть показание, обнаружение *невидимого*. Ибо она делает то, что эти вещи созерцаются нашим умом, как существующие. Итак, если вера имеет такую силу, то зачем вы хотите на самом деле увидеть их, чтобы отпасть от веры? Ведь это есть не что иное, как отпадение от того, чем живы праведники. Ибо *праведный верою жив будет* (Авв.2:4; Рим.1:17).

В ней свидетельствованы древние.

То есть в той же самой вере все древние были свидетельствованы Богом: они исповедали, что почитали Его.

Верою познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое.

Так как веру поносят те, кто не понимает силы ее, кто говорит, что она — дело недоказанное и, очевидно, обман, то показывает, что величайшие дела совершаются верой, а не рассуждениями. Ибо и на то, что Бог сотворил словом существующее из несуществующего, какое доказательство есть у нас? Никакого, одна только вера. Итак, *верою познаем, что веки устроены словом Божиим*, то есть что веки словом Божиим совершились. Почему верой? потому что видимое произошло из невидимого: этого требует вера. Или и так: Словом Божиим, Которым все существующее вызвано к бытию из несуществующего. Когда же слышишь веки, разумей все вечное, обнимаемое ими, а именно, и времена, и все содержащееся в них; в несобственном смысле веки означают и времена, тогда как в собственном смысле век есть нечто иное, чем время: век — один, а не много их.

Верю Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин (Быт. 4:3-5).

Так как вера — великое дело и требует мужественной души, между тем верующие евреи стали немощны и, хотя в начале они и проявили веру, но впоследствии, под влиянием постоянных скорбей, предались малодушию, — то он ободряет их сначала собственным их подвигом, затем Писанием, сказав: *праведный верю жив будет*; далее соображениями, говоря: *же вера есть осуществление ожидаемого*, — теперь ободряет их примерами великих ветхозаветных мужей. Ибо всякий раз, как находит человек соучастников в страданиях, то успокаивается и чувствует облегчение. Итак, выводит Авеля и говорит, что он верой принес жертву *лучшую*, то есть более ценную, сравнительно с жертвой брата. Ибо кого другого он видел пред собой? Отца, или мать? но они оскорбили Бога. Брата? но он не почтил Его. Итак, только одной верой он был приведен к тому, чтобы принести в жертву лучшее из того, что имел, веруя, что получит награду.

Ею получил свидетельство, что он праведен, как освидетельствовал Бог о дарах его.

Ибо Бог сказал Каину: «аще право принесл еси, право же не разделил еси» (Быт. 4:7) ^[19]; об Авеле засвидетельствовал, что и право (т.е. правильно, — *Прим. ред.*) принес, так как принес Даровавшему то, что получил от Него, и право разделил, потому что выбрал лучшее, как Владыке. Говорят же, что и огонь, сошедши с неба, истребил жертву, из чего Каин и узнал, что Авель был предпочтен. И как иначе? Поэтому один из переводчиков с еврейского на греческий язык так передал: «Господь призрел на жертвы Авеля и воспламенил их» (ср. Быт.4:4).

Ею он и по смерти говорит (λαλεῖ) еще.

То есть чрез ту самую веру *говорит еще*, то есть вера произвела то, что он еще ныне живет, и поставила его для всех учителем, едва только не говорящим: «подражайте мне, люди, и будучи праведны, угождайте Творцу». Итак, говорит тем, что его прославляют, о нем проповедуют, о нем вспоминают, как и небо говорит, будучи только видимым. Ибо не столько действует слово, сколько страдание его. Сказал же это для того, чтобы показать малодушным что праведник и здесь в известной мере наслаждается почетом? поэтому и вы будете наслаждаться. В некоторых списках, впрочем, сказано: λαλεῖται — говорит от себя, но, я думаю, это неправильно.

Верю Енох переселен был так, что не видел смерти (Быт. 5:24); и не стало его, потому что Бог переселил его. Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу.

Он показал веру больше, чем Авель. Ибо то, что случилось с Авелем, способно смутить, потому что, несмотря на праведность Авеля, было допущено, чтобы он был убит братом. Ибо что такое, если бы убийца был наказан? Какая от этого польза убитому уже? Итак, великую веру он показал, уверовав, что если и не ныне, то в будущем веке — Бог воздаятель, и ею угодил Богу и, угодив, *переселен*. Итак, *верю переселен*, то есть вера, которой он угодил, переселила его. Смотри, как чрез Авеля Бог показал, что определение Его о смерти истинно; чрез Еноха же снова показал, что это определение временно и будет уничтожено. Итак, что он живым был переселен и что теперь еще живет, — мы знаем, но где, или как, —

неизвестно, так как в Писании не сказано об этом.

А без веры угодить Богу невозможно [20].

Если кто не уверует, что есть воздаяние добрым и злым, тот не угодит. Ибо как может кто-нибудь идти трудным путем добродетели, не будучи убежден в том, что в будущем веке есть разнообразные и постоянные воздаяния? Слушай и дальнейшее.

Ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает.

То, что Бог есть и что Он воздает, — это мы содержим по вере, ибо некоторые утверждают, что все существующее существует само собой; а что оно такое, по существу, это совершенно непостижимо для здравомыслящих. Что значит: *ищущим Его*? То есть тем, кто старается жизнью угодить Ему, а не тем, кто слишком занимается внешней мудростью. Обрати внимание на мудрость Павла, как он повсюду добавляет: *воздает*, ради малодушия верующих евреев.

Верую Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговея приготовил ковчег для спасения дома своего (Быт. гл.6).

Ной, говорит, *получил откровение* от Бога, то есть был научен относительно неизвестных дел и не остался неверующим. Напротив, хотя воздух был чист, все предавались неге и не ожидали никакой опасности, ибо и не было заметно ничего такого, однако он, поверив Богу, убоился потопа и приготовил ковчег, посредством которого спас от потопа всех своих домашних (Быт. 6:22). Заметь, что обещает Бог, то предрекает и Дух, как сказано о Симеоне: *ему было обещано Духом Святым* (Лк. 2:26). Итак, Дух — Бог.

Ею осудил он (весь) мир.

То есть показал, что они достойны наказания, так как они, даже и видя, что строился в это время ковчег, не пришли в чувство, или не поверили, что будет потоп.

И сделался наследником праведности по вере.

То есть он получил ту пользу, что явился праведным пред Богом: каковое имя (*праведности*) даровала ему вера.

Верую Авраам повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в наследие.

Так как верующие из евреев смотрели на него и прочих патриархов, как на получивших бесчисленные блага, то он намерен показать, что никто еще ничего не получил. Поэтому говорит, что *верую Авраам повиновался*, получив повеление оставить отечество. Ибо кого он знал, кому бы мог подражать? Отец у него был идолопоклонник, пророков он не слышал. Поэтому повиноваться Богу, как говорящему истину о том, что Он обетовал, и покинуть то, чем он владел, было с его стороны делом веры.

И пошел, не зная, куда идет.

Хотя бы даже он и знал, кто побудил его, оставив готовое, искать то, что не готово? но он не знал, какова вообще та земля, в которую он призывается.

Верю обитал он на земле обетованной, как на чужой.

Ту землю, говорит, которую Бог обетовал даровать ему и семени его, он населил как чужую. В каком смысле чужую? Ибо он купил и могилу для Сарры (Быт. 23:4), и однако, не усомнился и не сказал: солгал Бог, но уверовал, что Обетовавший, без сомнения, дарует ее.

И жил в шатрах.

Он населил землю настолько ему чужую, что не имел даже собственного дома, но жил в шатрах, что свойственно пришельцам, кои, не имея собственного участка, переходят с одного места на другое.

С Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования.

И Исаак и Иаков, говорит, жили на ней также, как на чужой. Исааку завидовали филистимляне, и слуги Авимелеха отняли у него колодцы и его жену, и потом он переходил с одного места на другое (Быт. гл.26). Иаков же не только был гоним со страхом пред Исавом, но и на обратном пути из Месопотамии купил место, где поставил палатку, и то переходил в Вефиль, то в Ефрафу, не останавливаясь на одном месте, как пришелец (Быт. гл.35). Между тем, и они были наследниками обетования, как и их отец. Ибо сказано: *дам тебе и потомкам твоим* землю (Быт. 17: 8). Однако они не были неверующими.

Ибо он ожидал города, имеющего основание.

Потому, говорит, на земле той и поселились в палатках, не имеющих основания, что ожидали небесного града с истинными основаниями, всегда твердыми и никогда не гибнущими. Почему и Бог, видя, что они презирают обетования земных благ, отложил их, уготовляя им лучшие, как достойным таких, а не земных. Потом, они, получав земное обетование, пренебрегали им и стремились к небесному. Вы же, верующие, получив обетование о небесном, желаете земного; и как вам не стыдно?

Которого художник и строитель Бог.

Какая похвала этому городу, что художником его является Бог!

Верю и сама Сарра (будучи неплодна).

Словами *и сама Сарра* апостол пристыжает их, как бы так говоря: женщина уверовала, и неужели вы не устыдитесь, если окажетесь малодушнее женщины? Как же уверовала та, которая засмеялась? Да, уверовала, хотя и рассмеялась, ибо потом, будучи обличена, она устрашилась, что было плодом веры. Ибо ясно, что она уверовала, что Беседующий с ней есть кто-то великий и выше человека.

Получила силу к принятию семени.

То есть она получила способность к восприятию и удержанию в себе семени Авраама. Или, так как люди, тщательно изучившие это, говорят, что и женщина вносит от себя как бы некое семя, то ни в каком случае так не должно быть понято выражение: *к принятию семени*, то есть как будто и сама Сарра дала семя.

И не по времени возраста родила.

Выше сказал, что была бесплодна, теперь говорит, что и не по времени возраста родила. Итак, у нее был двойной недостаток, — один от природы, — была бесплодна, другой — от старости.

Ибо знала, что верен Обещавший.

Верен, то есть считала истинным, ибо Он обещал: *буду Я у тебя в следующем году, и у Сарры будет сын* (Быт. 18:14).

И потому от одного, и притом омертвелого, родилось так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском.

Вера совершила не только то, что она родила, но и столько родила, сколько не родят и плодовитые жены. Таким образом, два чуда. В каком же смысле они были бесчисленными? Ведь они часто были исчисляемы. Или это сказано преувеличенно, по обычаю Писания, как например: мы видели города, достигающие даже до неба (ср. Числ.13:29); или сказал: *бесчислен*, имея в виду тех, которые постоянно рождаются вновь.

Все сии умерли в вере, не получив обетований.

Здесь возникают два вопроса: как апостол, сказав о Енохе, что он *переселен был так, что не видел смерти*, теперь говорит: *все сии умерли?* и еще, как сказал он теперь: *не получив обетований*, хотя сказал, что *Авель говорит еще*, в силу того, что всеми прославляется? и что Енох *переселен был*, что Ной получил награду, будучи спасен с домом своим и будучи назван праведным; и что Авраам родил сына от Сарры. Поэтому слова: *все сии умерли* понимай в таком смысле: те, которые умерли, исключая, разумеется, не видевших смерти. *Не получив обетований* — справедливо сказано о всех. Ибо не одними только этими благами щедродатель Бог наградил за великие подвиги веры, — Авеля тем, что он в славе у людей, Еноха — переселением, Ноя — спасением от потопа, Авраама — деторождением; напротив, ясно, что это только предвкушение и залог истинных благ, которые предварительно подавались святым ради нас малодушных, чтобы на основании этих мы верили и истинным благам. Но им же уготовано нечто великое, что и на сердце человеку не приходило, чего они еще не получили, как и Господь говорит в Евангелии, что отрекшийся всего в нынешнем веке *получит во сто крат, а в будущем наследует жизнь вечную* (Мф. 19:29).

А только издали видели оные, и радовались.

Здесь апостол дает понять, что они и видели и радовались, то есть предчувствовали тайны о Царстве Небесном, о воскресении и неизреченных благах: метафора взята из жизни мореплавателей, которые издали завидев желанные города, прежде чем войти в них, предварительно обращаются к ним с приветствием и уже считают их своими. Или разумеет и

потомков Авраама, что они не получили обетования относительно земли, но издали предвидели их, за четыре рода ранее, именно, что потомки их, выйдя из Египта, сделаются наследниками этих обетований. Но это толкование, как относящееся только к потомкам Авраама, не стоит в связи с словами: *все сии*.

И говорили о себе, что они странники, и пришельцы на земле.

Не только на обетованной земле, но и на всей вселенной. Поэтому и не подобало получить ее. Они были достойны не ее, а неба. Потомки же их получили ее, ибо они были достойными земли. *Я у вас пришлец и поселенец* (Быт. 23:4), говорил Авраам сынам Хетовым. Но они и все были таковы, как свидетельствует Давид: *странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои* (Пс. 38:13).

Ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному.

Называя, говорит, самих себя странниками, показывают, что они ищут отечества. Итак, посмотрим, какого ищут отечества: земного ли, которое оставили, как Авраам Месопотамию? Но ему можно было возвратиться туда. А так как он не возвратился, то ясно, что он не о ней вспомнил и не она была для него отечеством, но желал иного, лучшего отечества, то есть небесного, в которое еще не имел времени войти.

Поэтому и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом.

В силу такой добродетели, говорит, они являются настолько великими пред Богом, что Он, будучи Богом всего мира, невидимого и видимого, не стыдится называть Себя особо их Богом (Исх. 3:15), так как они являются равноценными всей твари, или лучше, Бог называется Богом видимого мира, как Творец и Господь; поэтому Он — Бог и языческих народов; а для них Он, как друг, что важнее.

Ибо Он приготовил им город.

Он настолько не стыдится их, что считает их своими, что приготовил им город, которого они желали, город на небесах.

Верю Авраам, будучи искушаем (Быт. гл.22).

Выше всех по вере Авраам. Ибо здесь вступила в борьбу с божественным повелением не только природа, но и слово Божие. Ибо Кто сказал: *дам тебе и потомкам твоим землю* (Быт. 17:8), — Тот же повелевает: *принеси во всесожжение сына твоего* (Быт. 22:2). Поэтому говорится, что *Авраам искушаем*, не потому, что Бог имел нужду испытать добродетель его, но чтобы мы этим испытанием и делами научились добродетели его. Заметь же, что искушения настолько полезны, что Бог не только другим попускает причинять их верующим, но и Сам искушает, чтобы явить их более опытными.

Принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес единородного, о котором было сказано: в Исааке наречется тебе семя. Ибо он думал, что Бог силен и из

мертвых воскресить.

Достоин удивления то, что он, не имея другого сына, на котором мог бы ожидать исполнения обетования, но имея только одного, однако принес его в жертву. Почему же? по великой вере. Ибо он веровал, что Бог *силен* и после заклания его, воскресив его из мертвых, исполнит обетование, и чрез него, ожившего, умножит семя. В каком же смысле Исаак был единородным, когда у него был еще и Измаил? Но что касается обетования, то он был единородным: ибо он и был в собственном смысле семенем: *ибо в Исааке наречется тебе семя* (Быт. 21:12).

Почему и получил его в предзнаменование.

Что значит: *в предзнаменование*? то есть в образ, в показание тайны, относящейся ко Христу. Ибо как тогда Исаак был оставлен, овен же был заклан, так один Христос, будучи в одно и то же время Богом и человеком, по человечеству был принесен в жертву за нас, Божественная сущность же осталась непричастной страданию. Вообще же, Авраам был образом Бога Отца, Исаак — Сына Божия: так как Бог по Своему великому человеколюбию решил совершить это великое и превосходящее разум таинство — отдать Сына Своего за нас, то и желал даровать это, не как собственный Свой дар, но как бы отплатить долг, говоря при этом как бы следующее: Я ничего нового не даю человеческому естеству, принося за него в жертву Сына Своего. Ибо Авраам *принес* сына своего, чтобы для Меня заклать его. Почему Я возвращаю долг, а не дар даю. Или *в предзнаменование*, то есть в овне Авраам принес Исаака в жертву, то есть заменил овном, который был образом Исаака, то есть заклан был изображавший собой Исаака.

Верю в будущее Исаак благословил Иакова и Исава.

Как он мог бы обещать сыновьям своим столько благ, сам живя на чужой земле, если бы он не веровал, что Бог дарует обетованное? Что значит: *в будущее*? Или — в блага будущего века, ибо они знали о воскресении и для них понятны были эти благословения, или — в блага на этой земле, которые имели получить они сами, или потомки их. Предпочитает же Иакова Исаву, как добродетельного, как получившего права первородства и во всем достойного предпочтения.

Верю Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова (Быт. гл.48) и поклонился на верх жезла своего.

Сыновья Иосифа — Манассия и Ефрем; и хотя Манассия был старший, Ефрем же — младший, однако Иаков благословил Ефрема более великими благословениями и крестообразным возложением рук, и так сильно верил, что сбудутся его благословения и колена Ефремовы будут господствовать, что и самим делом показал. Ибо поклонился Иосифу в знаменование поклонения всего народа. Как же поклонился? *на верх жезла своего*, то есть опершись на жезл по причине старости. Некоторые говорят: поклонился на верх жезла Иосифа, знаменуя чрез жезл скипетр царствования, долженствующий быть предметом поклонения.

Верю Иосиф, при кончине, напоминал об исходе сынов Израилевых и завещал о костях своих.

До такой степени, говорит, веровал, что израильтяне будут освобождены из Египта, что даже заповедал им с клятвой, чтобы они вынесли с собой кости его (Быт. 50:25). А и сделал это не потому, что заботился о могиле, — он как весьма мудрый знал, что *Господня земля* (Пс. 23:1) — но чтобы внушить народу полную уверенность, что обетование Божие во всяком случае исполнится и что они выйдут из Египта. А чтобы они не оставались в Египте по причине тамошнего нечестия, — это так угодно Богу, что и ему самому не хотелось сложить костей своих в Египте.

Верую Моисей по рождении три месяца скрывается был родителями своими, ибо видели они, что дитя прекрасно, и не уstraшили царского повеления.

Перечислив великих мужей, при помощи веры совершивших свои подвиги, говорит и о родителях Моисея, людях неизвестных, ободряя тех малодушных тем, что даже второстепенные дела таких людей имеют значение. Далее выставляет на вид даже блудниц, чтобы еще более пристыдить их. Итак, говорит, ради чего скрыли трехмесячного ребенка, и притом вопреки повелению убивать детей мужского пола? Как не убоились? Ясно, они веровали, что он будет спасен. Почему же они веровали, что он будет спасен? потому что *видели они, что дитя прекрасно*, то есть красиво, привлекательно на вид, и уверовали, что Бог возлюбил его прямо с пеленок. Они, как говорят, и намеревались бросить его, но, когда дитя мило улыбнулось, оставили его: так у него все было божественно.

Верую Моисей, придя в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение.

Дошел до самого дорогого для них примера, — до Моисея, почему и останавливается на нем пространнее. Строй его мыслей таков: *верую Моисей отказался называться сыном дочери фараоновой*. Когда? *Придя в возраст*, то есть достигши уже мужества. Очевидно, потому, что надеялся взамен того получить нечто большее. Слово же *отказался* показывает сильную ненависть и внутреннее отвращение к распоряжениям царя. Смотри, как он называет грехом — не страдать с братьями. Это и чрез пророков Бог порицает: *и не болезнуете о бедствии Иосифа* (Ам.6:6); и еще: не исходила оплакивать дому ближнего своего (общая мысль из 5 гл. Амоса). И на сетующих у пророка Иезекииля полагается знамение; а тех, которые не терпели ничего подобного, ангелам дается повеление избивать (Иез.9:4-6). Если же те, кто добровольно не страдает со страждущими, погрешают, то что должно думать о тех, кто причиняет зло другим и вообще совершает зло? Итак, участие в царской роскоши называет *временным греховным наслаждением*.

И поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища.

Не сказал: блага, отложенные на небесах, но, показывая добродетель его и снова их ободряя, сказав: *поношение Христово*. Ибо как впоследствии Христа поносили те, кто был Им благодетельствован, и, наконец, распяли, — так прежде поступили и с Моисеем те, кои пользовались от него благодеяниями. Ибо тот самый еврей, который Моисеем был избавлен от руки египтянина, на другой день сказал ему: *кто поставил тебя начальником или судьей над нами? не думаешь ли убить меня, как убил Египтянина?* (Исх. 2:14). Вообще, без сомнения, подвергнуться поношениям или мучениям со стороны своих ближних и

благодетельствуемых, — это *поношение Христово*. И всякое поношение за добро, направленное против делающего его, и вообще напрасное нападение, — это *поношение Христово*. Так и Господь подвергался злословию, назывался другом мытарей за то что вкушал с ними ради спасения их. Посему, как роскошь греховна, так поношение — Христово. Итак, не негодуйте, если терпите притеснения со стороны соплеменников, взирая на столь славного Моисея и, что еще важнее, на Самого Христа. И ропот на Моисея при скале был поношением Христовым. Ибо скала — это Христос (1 Кор. 10:4).

Ибо он взирал на воздаяние.

Очевидно, очами веры.

Верою оставил он Египет, не убоявшись гнева царского.

Что скажешь? В книге Исхода ведь написано: *Моисей испугался*, потому что *узнали об этом деле* (Исх. 2:14). Но: *не убоявшись* понимай здесь в том смысле, что Моисей снова явился в Египет и принял на себя начальство над евреями. Ибо боящемуся совсем не следовало возвращаться и приниматься за прежнее. Но так как он снова возвратился, то показал, что верует в Бога. Итак, почему же не остался в Египте, но оставил его, если, действительно не боялся? Потому, что подвергать себя явной опасности и говорить: неужели Бог не спасет меня? — это свойственно искушающему Бога и дьявольское дело, как и диавол говорил Господу: *бросься вниз* (Мф. 4:6). Или *не убоявшись гнева царского* понимай так, что он убежал, уверовав, что убежит и что царь, как разгневанный против него, не будет преследовать его с своей стороны, а если и будет преследовать, то не схватит его. Знаком этого служит то, что он предпочел проводить время вдали от ближних, и скрылся. Посему это — дело веры.

Ибо он, как бы видя Невидимого, был тверд.

Ибо, как бы видя, что Бог пребывает с ним, так все терпел. Ибо иметь всегда в уме Бога — дело весьма великого терпения, как и Давид говорит: *всегда видел я пред собою Господа* (Пс. 15:8) и далее.

Верою совершил он Пасху и пролитие крови, дабы истребитель первенцев не коснулся их.

Павел всюду попутно вводит таинство, как и здесь в ряду увещания упоминает о таинстве пасхи. Ибо пролитие крови той, то есть помазание косяков, обозначало пролитие Крови Господней, помазуясь которой, мы избегаем в ночи этой жизни истребителя перворожденных у всех тех, кто помазан. Посему Моисей, уверовав тогда, что помазание кровью спасет первенцев, повелел народу сделать это. Хотя то была кровь агнца, но однако, поскольку она изображала Кровь Христа, она обнаружила такую силу. Вы же, будучи помазаны истинной Кровию, ужели не надеетесь оградиться ею? Конечно, да. И совершил пасху, то есть вкушение агнца и опресноков, и горьких трав, и уверовал, что народ, вышедши из Египта, будет спасен. Ибо обряд той вечера был приурочен к выходу.

Верою перешли они Чермное море, как по суше.

Чтобы не говорили: к чему выставляешь неподражаемых мужей? в пример привел и

народ. Подражайте, говорит, по крайней мере тем из толпы, кто уверовал, что вода не потопит их, и так ободрились, надеясь на Бога, что они пройдут *среди моря по суше* (Исх. 14:21-22); таким образом, вера невозможное делает возможным. Почему же вы не веруете?

На что покусившись, Египтяне потонули.

И никто, говорит, не может сказать, что то было в воображении, что воды не было. Ибо что было море, — это доказали египтяне, которые, хотя постарались войти в море, но были потоплены им, так как вода вдруг устремилаь против них, при переходе же евреев она стояла стеной: так и впоследствии пламень, направленный против трех отроков, показал, что он действительно пламень, когда истребил вавилонян, равно как и львы, приготовленные против Даниила, разорвали клеветников его.

Верую пали стены Иерихонские, по семидневном обхождении.

Верую: ибо когда Бог повелел, то Иисус Навин и народ не усомнились в этом и не сказали: что такое? Разве трубные звуки могут разрушить камни и крепости? но уверовали, что это будет, и было (Иис. Нав. гл.6).

Верую Раав блудница, с миром приняв соглядатаев (и проводив их другим путем) [21], не погибла с неверными.

Вот, о чем я и выше сказал, выводит самую презренную личность, чтобы устыдить их и чрез нее, если они, действительно, окажутся хуже такой женщины, и вместе с тем показал, что сила веры велика, если она производит такое действие даже и в презренных людях. Итак, и она показала свою веру, скрыв мужей, которых разыскивали, как соглядатаев. Она не скрыла бы, если бы не уверовала, что город будет взят. Ибо так говорила она: «Я знаю, что вы возьмете эту землю; ибо мы слышали о делах ваших» (ср. Иис.Нав.2:9-10). И она поверила слышанному; те же, кто не поверил чудесам Божиим, погибли.

И что еще скажу?

Доведя речь до блудницы и достаточно пристыдив их качеством этого лица, потом ради краткости не перечисляет всех по отдельности, чтобы не показаться не знающим приличия: однако и не умалчивает совсем, но, казалось бы, прекращая речь, не оставляет без внимания. И таким образом, и не утомляет слушателя, и нисколько не хуже поучает тому, чего хочет, чрез перечисление большого количества лиц.

Недостанет мне времени, чтобы повествовать.

Какого? Или вообще сказано это, как принято у нас говорить, гиперболически; или: времени, потребного для послания.

О Гедеоне (Суд.6:11-26), о Вараке (Суд.4:4-9), о Самсоне (Суд.гл.14-16) и Иеффаяе (Суд.гл.11-12), о Давиде (1Цар.гл.16-31; 2Цар.гл.1-24 и др.), Самуиле (1Цар.гл.1-10) и (других) пророках.

Некоторые спрашивают: по какой причине помещает здесь Иеффая, и Самсона, и Варака.

Что ты говоришь? Сказав о блуднице, почему ему не сказать о них? Нет нужды рассказывать мне об остальной жизни их; но если они просияли верой, то на это обрати внимание. Ибо апостол занимается не жизнеописанием, но показанием веры.

Которые верою побеждали царства (Суд.гл.7).

Воины, бывшие с Гедеоном.

Творили правду.

Кто? Они же и Самсон. Они отразили врагов своих сородичей и единоплеменников, явившись, с одной стороны, человеколюбивыми по отношению к своим, с другой, — восстав на врагов, обижавших их. В этом и заключается свойство *правды* — воздавать каждому по достоинству.

Получали обетования.

Как например, Давид. Ибо говорит: *клялся Господь Давиду: от плода чрева твоего посажу на престоле твоем* (Пс. 131:11). Чувственно это исполнилось на Соломоне, духовно же — на Господе Иисусе, Истинном Соломоне, мирном, самом Мире. Так толкуют имя Соломон, то есть мирный.

Заграждали уста львов.

Даниил (Дан.гл.6 и 14) и Самсон.

Угашали силу огня.

Три отрока (Дан.3:10-22). Не сказал: угашали огонь, но *силу огня*, что сильнее. Ибо хотя он окружал их, но не имел силы жечь их.

Избегали острия меча.

Также три отрока, или вернее сказать — Илия — меча Иезавели (3Цар.гл.2-18) и сам Давид — меча Саула.

Укреплялись от немощи.

Возвратившиеся из плена вавилонского: ибо они ничем не отличались от костей мертвецов, как сказано у Иезекииля (Иез.37:11-14). Но и немощный Езекия получил прибавление жизни (4Цар.20:1-11).

Были крепки на войне, прогоняли полки чужих.

Это также относится к тем же самым, возвратившимся из Вавилона. Ибо соседние народы, всегда завидовавшие им, тогда еще более нападали на них, но они, уповая на силу Божию, верой побеждали их (1Мак.6:28-42; 2Мак.8:1-6 и др.). Более же всего подходит это к Самсону.

Жены получали умерших своих воскресшими.

Сарептская вдова чрез Илию (3Цар.17:20-23) и соманитянка чрез Елисея (4Цар.4:32-37).

Иные же замучены были.

То есть обезглавлены, как Иоанн Креститель (Мф. 14:3-11), как Иаков, сын Зеведеев (Деян. 12:2). Некоторые, впрочем, мучение объясняли в смысле бичевания палками.

Не приняв освобождения.

То есть они могли бы не обличать тех, кого они обличали, и таким образом избавиться от наносимого им наказания, но они не пожелали этого.

Дабы получить лучшее воскресение.

Лучшее — не такое, какое дети тех жен; или *лучшее* сравнительно с прочими людьми. Ибо святые в блеске будут подняты на облаках в сретение Господа, что в другом месте (Флп.3:11) называет восстанием — ἐξανάστασις. И вообще — в жизнь вечную. Остальные же будут пребывать внизу, и воскресение будет им в вечное наказание.

Другие испытали поругания.

Например, Елисей, сделавшийся предметом насмешки для отроков (4Цар.2:23), или Самсон — для иноплеменников, после того, как ему выкололи глаза (Суд.16:25).

И побои.

Многие из пророков, потом Петр и Иоанн (Деян. 5:40-41).

А также узы и темницу.

Например, Иеремия (Иер. 33:1) и Михей (3Цар.22:26), и впоследствии апостолы (например, Петр и Иоанн — Деян. 5:18 и др.).

Были побиваемы камнями.

Например, Навуфей(3Цар.21:1-15), а потом и Стефан (Деян. 6:8-15 и 7:1-60).

Перепиливаемы [[22](#)].

Например, Манассией — Исаия, которого, говорят, перепилили даже деревянной пилой, чтобы это было для него тягчайшим наказанием, хотя он и без того был мучен сверх меры.

Умирали от меча.

Например, Михей и Захария, Иоанн Креститель и Иаков. Смотри, как одни по вере избегали острия меча, другие же умирали от меча. Таково значение веры; она совершает великие подвиги и терпит великие мучения, и при этом нисколько не думает, что страдает.

Итак, почему вы, никогда еще не испытывавшие ничего подобного, сетуете?

Скитались в милотях и козьих кожах.

Например, ученики Илии, — так они были нестяжательны. Так как евреи еще не имели такого понятия об апостолах, то после упоминания о них переходит к славному пророку, взятому на небо. Выражение *скитались* обозначает, что они подвергались преследованиям, и потому не оставались в одном месте. *Милоть* же — это кожа козы, или овцы.

Терпя недостатки.

Например, тот же самый Илия и Елисей. Ибо женщины питали их.

Скорби, озлобления.

Не мало скорбей доставляла Илии Иезавель, преследовавшая его.

Те, которых весь мир не был достоин.

Не можете, говорит, сказать, что они, будучи грешниками, претерпели это, но такими, кои ценнее и самого мира. *Миром* Писание называет и множество людей, и самое творение. Здесь можно разуметь и то, и другое. Посему, говорит, если противопоставить им все творение вместе с людьми, которые заключаются в нем, то не найдешь ничего равного им по достоинству. Здесь возбуждает сердца их, чтобы они не заботились ни о чем мирском, если мир не достоин святых. Позор (ὄβρις) для тебя, если ты здесь получишь награду. Ибо ты показал, что сам ты ничего не стоишь. Если весь мир не достоин одного святого, то зачем ты заботаешься иметь в нем свою долю?

Скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли.

Например, Илия, а также пророки, которых тайно питал Авдий в пещере (3Цар.18:9). Даже пустыню, говорит, не решались населять безбоязненно, но и оттуда были изгоняемы страхом, и они переходили из одного места в другое. Однако они веровали, что получают от Бога вечное утешение, и потому переносили это.

И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного.

Что, говорит, вы малодушествуете от того, что, находясь в подвиге, не получили еще наград? Все указанные святые, хотя уже и были засвидетельствованы, что благоугодили верой, однако еще не получили небесных обетований. Впрочем, некоторые удостоились земных обетований, как Давид. Но не этого они искали. То, что на небе, — вот действительные обетования.

Потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства.

Лучшим называет то, что относится к нашей чести. Чтобы не казалось, что они имеют преимущество пред нами в том, что увенчиваются первыми, Бог определил для всех одно время для увенчания. И не сказал: дабы — они не без нас были увенчаны, но: *дабы не без нас*

достигли совершенства. Посему тогда они и окажутся совершенными. Ныне же вообще имеют залог к чести. Иначе откуда у них сила — являться на помощь призывающим их? Откуда у них дерзновение на ходатайство пред Богом? Совершенство они примут тогда. Итак, справедлив ли Бог к ним, если они предварили нас в подвигах, а в получении венцов ожидают нас? Напротив, это и для них вожделенно, именно, достигнуть совершенства вместе с братьями. Все мы — единое тело; больше удовольствия телу, когда оно увенчается всецело. Ибо Бог — чадолюбивый Отец, у Которого много сыновей: одни из них, скорее окончив дела свои, возвратились с полей, другие же еще остаются там, запытые трудами. Тем, которые потрудились прежде, Он даровал некоторое предвкушение, заповедав им дожидаться братьев на окончательный пир: они же, будучи человеколюбивы, с радостью ожидают, чтобы им насладиться общим торжеством.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей.

Не сказал: поднимающееся над нами, но: *вокруг*, то есть отовсюду нас охватывающее. Свидетелями же называет не только лиц новозаветных, но и ветхозаветных, и эти последние засвидетельствовали о величии Божиим, как три отрока, и Даниил, и все пророки. Не сказал же: все множество, но *облако*, как наиболее приличное в настоящем наставлении. Так как те, к кому писал апостол, объаты были огнем скорбей, то, говорит, воспоминание о свидетелях, подобно облаку, охватывая вас отовсюду, освежит вас.

Свергнем с себя всякое бремя.

То есть бремя земных занятий и попечение о них. Ибо, говорит, это ничто иное, как тщетное бремя. Так почему же вы огорчаетесь при освобождении от них?

И запинаящий нас грех.

Или легко обладающий нами, или легко могущий подвергнуть нас беде. Ибо если мы пожелаем, то легко подчиняемся греху. Или чрез грех легко подпасть беде, ибо нет ничего столь опасного, как грех.

И с терпением будем проходить предлежащее нам поприще.

Не сказал: станем биться, или: станем бороться, но ставит на вид то, что было легче всего в деле подвига; не сказал: усилим подвиг, но: будем оставаться в том самом подвиге. Одни путем воздержания, другие путем милости, третьи путем иной какой-нибудь добродетели должны подвизаться; вы же — *терпением*. Ибо оно вам нужно, как и выше было сказано.

Взирая на начальника и совершителя веры Иисуса.

То есть если мы желаем научиться подвигу терпения, то будем взирать на Христа, как и учащиеся искусствам — на учителей, о чем Он и Сам говорил: *научитесь от Меня* (Мф. 11:29), и снова: *если хозяина дома назвали вельзевулом, не тем ли более домашних его; и: ученик не выше учителя* (Мф. 10:24-25). Что же значат слова: *начальника и совершителя*? То есть Сам Он

и веру изначала внедрил в нас: ибо *не вы Меня* говорит, *избрали, но Я избрал вас* (Ин. 15:16): Сам же и усовершенствует, чтобы вы обладали верой совершеннейшей.

Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление.

Ибо Ему можно было и не пострадать, и не умереть: будучи безгрешным, Он не подлежал смерти, что и Сам говорит: *идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего* (Ин. 14:30). Итак, если бы Он не желал, то не был бы распят, о чем и Сам говорил: *имею власть отдать (жизнь Мою)* (Ин. 10:18). Однако Он претерпел крест, то есть не просто смерть, но постыдную, и пренебрег позор такой смерти. Не сказал: пренебрег печаль, ибо Он без печали понес это.

И воссел одесную престола Божия.

Видишь ли конец терпения, куда оно ведет, что и в другом месте сказал: *посему и Бог превознес Его* (Флп.2:9), говоря относительно плоти. Итак, Он может и вам воздать за притеснения ради Него. Ибо престол одесную показывает равенство Его с Отцом.

Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников.

Если кто помышляет о страданиях подобных же себе рабов и получает достаточное утешение, то сколько более размышления о страданиях Владыки, претерпевшего такое поругание, то есть насмешки, поношения, удары по лицу, — то, что противоречило учению Его, — крики у Пилата и, наконец, крест. Выразительно сказано: *такое*, то есть терпя до смерти, и притом — с разбойниками, и притом от грешников, очевидно, язычников, или и самих иудеев.

Чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими.

Размышление о Христе возвысит души ваши и восстановит нервы, и не даст ослабеть и придти в отчаяние при притеснениях.

Вы еще не до крови сражались.

Два вида утешения — противоположные друг другу: один — когда кто-либо говорит другому: ты много потерпел, помни об этом; другой — когда говорят: ты еще не претерпел ничего великого. Первый ободряет усталую душу, имеющую многих свидетелей страдания ее; другой смиряет душу, намеревающуюся возвыситься, и возбуждает беспечную. Павел пользуется теперь обоими этими видами по отношению к евреям. Ибо сказав выше, что *выдержали великий подвиг страданий* (Евр.10:32), и убедив их подражать самим себе, теперь, напротив, показывает, что они еще не совершили ничего достойного похвалы, дабы не возгордились. И обрати внимание на его мудрость. Напомнив о ветхозаветных святых, перенесших такие великие страдания, и о Самом Господе, потом показывает, что их скорби ничтожны. Ибо, говорит, вы не дошли еще до смерти, вы терпите преследования и хищение имущества: Христос же дошел до смерти. Словом *сражались* показывает, что хотя грех чем-то сильно и противодействует им, но они остаются твердыми и сильными в борьбе, правда, еще не в благоприятной, но довольно легкой.

Подвизаясь против греха.

Против диавола, который есть самый грех, как изобретатель и наставник ему; или против того же самого греха и позорных страстей его, враждебных и губительных для нас.

И забыли утешение.

Вы настолько опустили и ослабели, что забыли даже и речи, призывающие вас к мужеству, хотя еще не претерпели чего-нибудь великого. Ибо великие и достойные похвалы страдания часто производят забвение о необходимом.

Которое предлагается вам, как сынам: сын мой! не пренебрегай наказания Господня (Притч.3:11).

Ибо Соломон говорит не собственным сыновьям, но всем могущим слышать, разумеется, и вам: поэтому прибавляет: *как*.

И не унывай, когда Он обличает тебя (Притч.3:11).

Итак, искушения посылаются Богом; если же Богом, то, без сомнения, для нашей пользы. Ибо или Самому Ему угодно прежде подвергнуть нас искушениям, чтобы тем избавить от грехов, или допускает их для испытания и для больших наград.

Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает (Притч.3:12).

Из числа любимых Богом нельзя найти никого, кто бы был без скорбей. Но вот не подвергаются ли бичеванию разбойники и воры? Итак, не они ли сыны? Нет. Ибо не сказал, что всякий бичуемый — сын, но: всякий сын подвергается бичеванию. Итак, разбойников бичуют не как сыновей, но их наказывают, как злодеев. Сказав же здесь наперед, что *наказывает* (παιδεύει), потом прибавил: *бьет* (μαστούει) для того, чтобы бичевание сына ты понимал не в смысле мщениия за зло, но в смысле научения. *Которого принимает*, то есть которого допускает к Себе, принимает чаще сравнительно с другими, которого приближает в качестве близкого друга.

Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны.

На примере тех, о коих они думали, что они оставлены Богом, показывает им, что они составляли для Бога предмет попечений. Ибо если бы вы были чужды скорбей, то оказалось бы, что вы незаконные дети, а не сыны. Ибо какой отец печется о воспитании и целомудрии незаконных сыновей? А так как вы подвергаетесь притеснениям, то поэтому жизнь ваша является целомудренной и воздержанной, — как и все вышеуказанные, очевидно, праведны, кои и сынами Божиими были наименованы: очевидно, этому не противоречит и то, что Бог поступает с вами, как с сынами, и печется о вас, чтобы вы, будучи невоспитанны, не отпали, и чтобы Он за это не лишил вас наследства.

Притом, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить?

На основании их собственных обстоятельств снова показывает, что необходимо терпеть. Ибо если, когда отцы по плоти наказывали нас, мы не осмеливались отступить, но, подвергаясь стыду, терпеливо переносили все, что они причиняли нам, то тем более теперь, когда Бог наказывает нас. Смотри же, не сказал: будем терпеть тем более, но: *должны покориться*, показывая, что не терпеть скорбей дело противника и врага Божия. *Отцу духов*, или даров, или бесплотных сил, или, что и ближе всего, Отцу душ. Ибо в противоположность плотским отцам назвал духовным. И прибавил: *чтобы жить*, с целью показать, что тот, кто не повинуется, и не живет: ибо он вне Бога, Который есть жизнь.

Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней.

По своему произволу. Конечно, то, что приятно отцу, не приносит пользы сыну: ибо многие учат и постыдному. *Для немногих дней*. Ибо они не могут во все время воспитывать нас, чтобы сделать совершенными. Ибо или смерть отца, или возмужалость, или жестокость сына останавливают воспитание; Бог же, всегда воспитывая, может сделать совершенными.

А Сей — для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его.

Бог же ведет воспитание к нашей пользе, не с тем, чтобы получить от нас что-нибудь, но чтобы еще более приобщить нас к Его святости, то есть чистоте Его, так, чтобы, говорит, мы сделались способными к восприятию благ Его. Итак, воспитание есть приобщение к святости, и совершенно естественно: ибо обращает душу к святому Богу, не позволяя ей обращаться к чему-нибудь человеческому.

Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью.

Опять от общей мысли взял повод к убеждению и говорит: *всякое наказание*, и Божие, и человеческое, *кажется не радостью, а печалью*. Прекрасно говорит: кажется, ибо в действительности не печаль. Ибо как было бы оно собственно печалью, будучи матерью радости? Но по отношению к нам, с недовольством относящимся к воспитанию, сказано: *кажется*.

Но после наученным через него доставляет мирный плод праведности.

Что значит: *мирный*? — то есть непоколебимый, легкий, приятный. Ибо печалющийся чувствует смятение, а радующийся чувствует некую легкость и спокойствие. Это же — плод правды, потому что Бог, будучи праведным, успокаивает там опечаленных в этом веке. Смотри же, что воспитание называет упражнением (*γυμνασίαν*), так как оно укрепляет верующих и делает их как бы атлетами и более твердыми. Итак, для чего вы избегаете того, что укрепляет души ваши?

Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени.

Говорит, как к бойцам и ратоборцам. Из писания же Исаии (Ис. 35:3) взял он это, показывая чрез метафору главнейших частей, что все ослабели душой. Ибо руки — символ

деятельности, ноги же — движения. Итак, у того, кто впадает в уныние, сначала душевные органы, а затем последовательно и телесные ослабевают.

И ходите прямо ногами вашими (Притч.4:26), дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось.

Здесь как бы к скороходам говорит, как и выше сказал: *с терпением будем проходить*. Итак, говорит: «стеzi правы сотворите» (в русском переводе — *ходите прямо ногами вашими*). «Стезя» же — или след бегущей колесницы, отпечатлевающийся на земле (колея, — *Прим. ред.*), или место, находящееся под ногами бегущих. Итак, говорит, да будут стеzi ваши, или пути ваши легкими и ровными, то есть да не будет ничего грубого и скорбного и неровного в душах ваших, но прямо, без печали и легко ходите, дабы хромая, то есть по природе будучи настроены слишком малодушно, как иудеи, ибо таков этот народ, или хромая относительно веры в будущее, не были принуждены блуждать, и чрез то не были бы совращаемы с пути ноги ваши, то есть не сделались бы вы совершенно лукавыми. Ибо тот, кем овладевает естественное или в начале случайно приключившееся малодушие, не укрепляя себя, но все более и более поддаваясь ему, совершенно незаметно доходит до крайней степени отчаяния, так что отсюда трудно становится удержать его. Но постарайтесь, чтобы скорее исцелилась хромота ваша, то есть если вы и доселе имеете какое-либо неверие, то скорее исправьтесь. Ибо разве место неверию в терпеливом? Смотри же, как явно вводит мысль о покаянии, и заметь, что это ради новациан.

Старайтесь иметь мир со всеми.

Что выше сказал: *не будем оставлять собрания своего* (Евр.10:25), — это и теперь делает, приводя к любви. И убеждает быть в мире не только с друзьями, но и с врагами. Ибо, говорит, *если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12:18). Если же будете иметь такое настроение, то при притеснениях не будете малодушествовать. Обрати внимание и на слово *иметь*, то есть старайтесь, привлекая к себе самим, крепко держать мир и с людьми, находящимися далеко.

И святость.

То есть чистоту: если кто безбрачен — сохраняя девство; если же в браке, то — целомудрие: не потому, что брак есть святыня, но потому, что вследствие законного отношения сохраняет неповрежденной святыню от крещения.

Без которой никто не увидит Господа.

Ибо ни блудники, ни прелюбодеи, ни изнеженные, ни наложницы мужчин (блудницы или сожительствующие с мужчинами вне брака, — *Прим. ред.*) не наследуют Царствия Небесного (1 Кор. 6: 9-10). Как и Господь говорит в Евангелии: *блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5:8).

Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией.

Подобно тому, как некто, проходя длинный путь в сопровождении множества людей, говорит: смотрите, чтобы кто-нибудь не отстал. Ибо я стараюсь не о том, только, чтобы не

сблизились, но чтобы вы и за другими наблюдали, то есть навещали, узнавали, разведывали, что касается немощных: если бы и один оказался последним, то чтобы и им не пренебрегали. Веру же и доброе поведение и будущие блага называет благодатью Божией, ибо все это от благодати.

Чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил вреда.

Это находится во Второзаконии (Втор.29:18). Метафору же он взял от растений. Что говорит в другом месте: *малая закваска заквашивает все тесто* (Гал. 5:9), то говорит и здесь, чтобы кто-нибудь лукавый не был допущен на погибель большинства: отсеки корень горечи, то есть греха, чтобы не дал ростков, то есть чтобы других не сделал такими же. А что грех горек, что нет ничего более горького, — это знали те, кто после совершения его угрызается совестью. Заметь, не сказал: горький корень, но: корень горечи; ибо горький корень может приносить сладкие плоды, но корень горечи, то есть источник и причина (этой самой горечи, — *Прим. ред.*) не может принести когда-либо сладкий плод.

И чтобы им не осквернились многие.

Ибо, видя нечестивых, легкомысленные вступают в соревнование с ними и таким образом оскверняют души. Итак, пусть будут вырублены такие корни.

Чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства.

Не говорит того, что Исав был блудником, но здесь остановись: *чтобы не было между вами какого блудника*. Ибо хотя намекает, что у них некоторые были гадкими, однако не желает обличать их, но притворно обнаруживает незнание, чтобы исправились. Потом снова сказал: *или нечестивца, как Исав*, то есть ненасытного, мирского, оскверняющего и попирающего духовное; ибо он отдал, и притом за *одну снедь*, данное ему от Бога преимущество первородства (Быт. гл.25). Это и есть *нечестие*, именно пренебрежение к божественному. Здесь показывает им, какое зло — нерадивость, потому что старший, впад в малодушие и не устояв против желания поесть, сделался младшим.

Ибо вы знаете, что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен.

Отвержен был словами отца своего: *вот, я поставил его господином; что же я сделаю для тебя, сын мой?* (Быт. 27:37). Некоторые же объясняют: *был отвержен* Богом. Итак, во-первых, отвержен был Богом. Ибо Бог был причиной того, что обманутый Исаак благословил Иакова. Что же касается отвержения, последовавшего за этим, когда он просил благословения, — то, нужно думать, оно было со стороны отца, или в одно время и от обоих; ибо ясно, что и отец отвергнул его по воле Божией.

Не мог переменить мыслей отца, хотя и просил о том со слезами.

Итак, не отрицает ли Павел здесь покаяния? Ни в каком случае. Таким образом, в каком смысле говорит, что «покаяния места не обрете, аще и со слезами поискал его»? Во-первых, выражение «его» (αὐτόν) понимай не так, что здесь нужно разуместь «покаяние», но

благословение (εὐλογία); «покаяния бо местане обрете», — это в скобках. Ибо разве дело покаяния — говорить: *приближаются дни плача по отце моем; и я убью Иакова, брата моего* (Быт. 27:41)? Таким образом, потому «не обрете покаяния», что искал его не так, как должно было. Ибо если он и плакал, однако не слезами покаяния, но — зависти и вражды, так как он не выносил и не любил превосходства над ним, как и «печаль» Каина не была плодом покаяния, но — зависти, и он оказался убийцей. Таким образом, это имеет или такой смысл, как я сказал; или: что Павел весьма мудро устрашает еще не павших, выражая такую мысль, что при великих грехах нет места покаянию; делает это он с целью страхом предохранить их от падения. Когда же он увидел, что некоторые пали, то снова увещевает их — не отчаиваться, как и в Послании к Галатам: *дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос* (Гал. 4:19). Итак, Павел не отрицает здесь покаяния, но ограждает верующих от падения.

Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, не к трубному звуку (ср. Исх.19:19).

Показывает, что если не терпят и в то же время не верят в обетования, то они гораздо более виновны, чем ветхозаветные. И смотри, как делает сравнение. Показав превосходство Нового Завета пред Ветхим во многих отношениях, как это уже известно, выставляет теперь и ветхозаветные великие и чудесные события, бывшие на горе Синай (Втор.5:22), и показывает, что они ничтожны и не могут сравниться с событиями Нового Завета. Ибо там, говорит, много образов для устрашения младенчеству того народа. Присоединяет также и *огонь*, чтобы открыть карательную силу Законодателя и чтобы Он тотчас же явился страшным. *Облако* и *мрак* указывали на значение Ветхого Завета, как тени. Ибо если тот завет был образом, то ясно, что пока не пришла истина, образы были неясными, почему и не знали, что они обозначают. Чрез них же открывалось невидимое Божие. Ибо, говорит, облако — подножие ног Его. Буря же побудила беспечных евреев к вниманию. Трубы же означали как бы присутствие царя. Ибо это будет и во второе пришествие Христово.

И гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово.

Ибо слышали, что говорит Бог, для того, чтобы законоположение было достойным веры и чтобы не подумали, что это — слова Моисея. Вообще же голос Божий страшен, а Моисея — слаб. Поэтому они отказались слушать Бога, говоря Моисею: *говори ты с нами, чтобы не говорил с нами Бог* (Исх. 20:19).

Ибо они не могли стерпеть того, что заповедуемо было.

То есть не могли они выносить ушами, как страшное, то, что говорил Бог. Итак, они стали причиной явления Бога во плоти, чтобы сделаться доступным для них.

Если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелою); и столь ужасно было это видение.

Показывает превосходство Нового Завета и в этом. Ибо Ветхий Завет, не имея ничего столь великого, как Новый, был чем-то ужасным, так что по нему нельзя было и зверю прикасаться к горе (Исх. 19:12), то есть какому-нибудь из тех животных, какие имелись у

народа. Новый же Завет, обладая всем совершенством, не содержит в себе страшного, напротив, все — милостивое.

Что и Моисей сказал: «я в страхе и трепете» (Ср. Втор.9:19).

Если же великий Моисей, вошедший в облако, так чувствовал себя, то как народ?

Но вы приступили.

Те не приблизились, но стояли вдали: вы же приступили. Не видишь ли превосходство?

К горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму.

Вместо Синая мы имеем мысленную гору Сион и мысленный город Иерусалим, то есть самое небо, а не пустыню, как те.

И тьмам Ангелов, к торжествующему собору.

Вместо народа, у нас тьмы ангелов, вместо страха — радость, что и обозначено словом *торжествующему*. Ибо где торжество, там радость. Итак, это торжество происходит среди ангелов.

И церкви первенцев, написанных на небесах.

Первородными называет верующих, посвященных Богу, освященных, имена которых в книге жизни, как и Господь говорил ученикам Своим: *имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10:20). А так как Бог — Отец всех, то все люди — сыновья Его: первородные же из них — уверовавшие и достойные усыновления по преимуществу. Или сыновьями называются и все вообще верующие; первородными же называются те, которые угодили Богу и которые за слово и за жизнь удостоились быть посланниками Божиими.

И к Судии всех Богу.

Здесь и устрашает их. Ибо Он — Судия всех, не иудеев только, но и всех верующих. Итак, бойтесь этого. Показывает вместе с этим и то преимущество их пред ветхозаветными, что те не вынесли и одних слов и не решились приблизиться даже к горе, — вы же приступили и к Самому Судии, то есть Христу. *Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну* (Ин. 5:22).

И к духам праведников, достигших совершенства.

То есть душам, оказавшимся славными и совершенными пред Богом, очевидно, в силу веры, как он ясно показал: и вы будете с ними соединены, если будете подражать им.

И к Ходатаю нового завета Иисусу.

Не к рабу Моисею, но к Господу нашему Иисусу.

И к Крови кропления.

То есть очищения. Ибо Кровь Христа, окропившая нас, очистила и осветила нас.

Говорящей лучше, нежели Авелева.

Разве кровь Авелева говорила? Да. Ибо сказано: *голос крови брата твоего вопиет ко Мне* (Быт. 4:10). Или что и выше сказано, то и ныне говорит, известное и воспеваемое всеми. Но Кровь Христа издает более светлый и более ясный голос, вопия самым делом, что она всех освятила. Но и иначе говорит: там, где нет чистой мысли, — пробуждает и побуждает высказываться. Ибо *Сам Дух ходатайствует воздыханиями неизреченными* (Рим. 8:26). А святой Кирилл Иерусалимский так еще понял, что кровь Авеля вопияла против убийства, а Кровь Христа ходатайствует за нас пред Отцом Его.

Смотрите, не отвратитесь и вы от говорящего.

Не отвратитесь чрез неверие обетованиям Его и отчаяние. Кто же *говорящий*, как не Христос? Ибо если Кровь Его говорит, то тем более Он Сам.

Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли наказания.

Чего не избежали? Наказания, гибели. *Глаголавшим же на земле* называет Моисея, или и Бога, сошедшего с неба, однако говорившего на земле чрез Моисея. Ибо на горе Синае Он глаголал, то есть беседовал, рассуждал и все установил.

То тем более не избежим мы, если отвратимся от Глаголющего с небес.

То есть Христа, пророчествующего с небес, то есть после вознесения Своего, даровавшего нам закон чрез Духа. Не то сказал, будто один закон был тогда, а ныне другой, но образ законоположения имеет различие. Ибо тогда, говоря на земле, дал закон; теперь же, как сказано, по вознесении. Посему он был бы еще более страшным. Но не иной был тогда, и не иной ныне. Слушай далее его самого.

Которого глас тогда поколебал землю.

Не видишь ли, что и тогда говоривший был Тот Самый, Кто и ныне пророчествует нам с неба. Ибо Его голос тогда, во время законодательства, землю колебал.

И Который ныне дал такое обещание: еще раз поколеблю не только землю, но и небо.

О двух землетрясениях мы узнаем из Писания: первое было при даровании закона на Синае, как Давид говорит: *земля убоялась* (Пс. 75:9); второе же — при явлении во плоти Христа. Ибо сказано: *встревожился весь Иерусалим* (Мф. 2:3) и: *потрясутся идолы египетские* (Ис. 19:1). Ибо они были потрясены, то есть они были лишены такого состояния, чтобы обманывать питающих их, и сила их была низвергнута. Следовательно, выражение *еще раз* указывает на третье потрясение, которое случится после второго пришествия, или на обновление при скончании мира, когда все изменится, переходя из тления в нетление. Об этом сказано у пророка Аггея (Агг.2:7).

Слова: «еще раз» означают изменение колеблемого, как сотворенного.

То есть изменение тленной твари, которая по природе своей способна колебаться; так как она сотворена, то есть получила начало бытия, то, несомненно, имеет и конец. Ибо все сотворенное получило начало, а потому, по самой природе своей, имеет и конец. И ангелы по природе не бесконечны; бессмертие же получили по божественной благодати.

Чтобы пребыло непоколебимое.

То есть будущие блага. Ибо когда изменится все тленное, тогда все, назначенное праведникам, будет нетленным и непоколебимым, не подлежащим никакому *колебанию* или изменению.

Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать.

Так как, говорит, мы удостоимся благ, непреложных и непоколебимых, то и получим такое царство, здесь уже принимая залог его — духовные блага, *будем хранить благодать*, то есть не будем скорбеть и падать духом, но возблагодарим и Даровавшего уже таковые и имеющего еще даровать.

Которою будем служить благоугодно Богу.

Которою (т.е. благодатью и будем служить, — *Прим. ред.*) — благодарением. Ибо если мы благодарны, тогда и служим благоугодно, как бы зная, какой у нас Владыка. Ибо если мы не благодарим и за освобождение от бедствий и за притеснение, то и не служим благоугодно. Какой-нибудь раб, ропща на господина своего (ибо ропщет тот, кто не как должно служит ему), разве благоугодно служит? Потому он и сам в другом месте говорит: *не ропщите* (1 Кор. 10:10); и еще: *все делайте без ропота* (Флп.2:14). За ропот же израильтяне умерли в пустыне.

С благоговением и страхом.

То есть не будем говорить ничего безрассудного, ничего бесстыдного, но пусть и внешность выражает уважение к людям и *страх* пред Богом.

Потому что Бог наш есть огонь поядующий (Втор.4:24).

Показав, с одной стороны, что ветхозаветные события внушают страх, а с другой — что в Новом Завете нет ничего такого, — он, чтобы они не относились презрительно к кротости, говорит: с благоговением и страхом возблагодарим Бога. Ибо душа, поддаваясь отчаянию во время бедствий, теряет стыд. Или: служение наше должно совершаться с благоговением и страхом. Ибо Бог наш есть огонь, а потому нам должно иметь страх, чтобы Он не погубил нас, как нерадивых и равнодушных. Ибо говорит: да будут сыны Израиля благоговейны. Это же доставляет им и утешение, а именно то, что мы имеем такого Бога, Который может истребить врагов наших.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Братолюбие между вами да пребывает (ср. Рим.12:10). Страннолюбия не забывайте.

Не сказал, что вы приобрели братолюбие и страннолюбие: ибо они имели их, как казалось; но так как находились в опасности от непрерывных скорбей оставить заботу об этих добродетелях, то говорит: *братолюбие да пребывает*, да будет твердым, и вы не позволяйте себе избегать его. И страннолюбия, говорив, *не забывают*. Ибо, потерпев похищение имущества, они, быть может, вели себя скупой. Или ограждает их и на будущее время.

Ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам.

Настолько важно страннолюбие, принятие всех вообще и неосуждение братьев, что Авраму и Лоту представился случай к принятию ангелов (Быт. гл.18 и 19). *Не зная*, то есть не знали, что странники были ангелы, впрочем, приняли их с честью. Это и делает их великими, ибо если бы они знали, то в таком случае они не совершили бы ничего великого.

Помните узников, как бы и вы с ними были в узах.

Ибо тот, кто связан с кем-нибудь, хотя бы и желал забыть, не может.

И страждущих, как и сами находитесь в теле.

Страждущие — или в темницах, или в голоде, или в другом каком бедствии. Ибо кто размышляет, что и он облечен подобным телом, будет защищать их, с одной стороны, по сочувствию, а с другой, из боязни, как бы и самому за свое нечеловеколюбие не пришлось подпасть подобным бедствиям.

Брак у всех да будет честен и ложе непорочно.

Смотри, как часто он ведет речь о целомудрии. Выше, упоминая о святости брака (Евр.12:14), говорил об этом целомудрии, и опять после этого говорит о прелюбодеях и блудниках. Или: и во всех случаях и во всякое время. Не в бедствии только и не в спокойное время: не в этой только части *честен*, а в другой — нет, но всецело да будет честен. Здесь же посрамляются еретики, клеветующие на брак. Ибо вот, потому он и называется честным, что сохраняется в целомудрии.

Блудников же и прелюбодеев судит Бог.

И здесь с угрозой наказания соединяется запрещение блуда, ибо судит Бог, то есть осудит. И естественно. Ибо если допускается брак, то блудник и прелюбодей по справедливости подвергается наказанию.

Имейте нрав несребролюбивый.

Не сказал: ничего не приобретайте, но, если и имеете, не будьте рабами, а свободно относитесь к тому, что имеете, так, чтобы не печалиться, если вы когда-либо лишитесь чего из имущества, как и выше сказал: *расхищение имения вашего приняли с радостью* (Евр.10:34). И вообще, так как многие после потери имущества стараются снова приобретать его, то в виду необходимости оказывать помощь другим говорит: *имейте нрав несребролюбивый*. Почему и продолжает.

Довольствуйтесь тем, что есть.

Показывает, как можно бы быть не сребролюбивыми, а именно: если мы довольствуемся тем, что у нас есть, если мы не стремимся к приобретению чего-нибудь сверх потребного и необходимого. Ибо кто стремится к приобретению более, чем нужно, — тот, очевидно, сребролюбив.

Ибо Сам сказал: не оставлю тебя и не покину тебя (Иис. Нав. 1:5; Быт.28:15).

Так как, вероятно, некоторые говорили: что же, если у нас нет и необходимого? — отвечает, что этого никогда не может быть, ибо Бог устами Исаии говорит: не оставлю тебя (ср. Ис.43:2) и, конечно, не лжет. Но так как, вероятно, те же самые из иудеев говорили: чем настоящим мы довольствоваться будем? Мы разграблены и у нас ничего не осталось, — говорит: можно довольствоваться и тем, что осталось, хотя бы этого было и мало. Ибо Бог сказал: не оставлю тебя, то есть Я не допущу тебя до этого. Если, быть может, апостоли понимал это относительно потребного, то ты понимай так, что это сказано и относительно всякого дела.

Так что мы смело говорим: Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек? (Пс. 117:6)

Так как это сказал Сам Бог, то, без сомнения, верно. Итак, снова дерзновенно скажем, что хищники наших имений не стеснят нас.

Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие.

В этом убеждает и фессалоникийцев, чтобы оказывать им наибольшую честь (1 Фес. 5:13). И как те наставники делали их участниками слова Божия, так и они по возможности должны оказывать им помощь в материальных нуждах. Относительно этого он намекает им словом: *поминайте*. Или побуждает их к подражанию им.

И, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.

То есть, точнее, — наблюдайте. И как ученики живописца смотрят на оригинал, так и вы, всегда взирая *на кончину*, то есть на конец их жизни, на их образ жизни, который имел добрый конец, подражайте вере их. Ибо от веры — чистая жизнь. И если бы не верили в будущее, но сомневались, то не оказались бы безукоризненными в поведении. Снова врачует малодушие их; или говорит о вере в догматы. Итак, продолжает.

Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же.

Ибо, казалось, некоторые искажали веру и говорили, что другой придет, которого евреи и донныне ожидают. Итак, говорит, что Христос Тот же *вчера*, то есть во все прошедшее время, *и сегодня*, то есть в настоящее, и *во веки*, то есть в будущие и бесконечные времена, и другой не придет. Итак, не заблуждайтесь. Или: как Он не оставил наставников ваших, но во всем помогал им, так и вам окажет помощь. Ибо Он — один и Тот же.

Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь.

Различными, то одними, то другими, и от одних и от других, но чуждые правому догмату. Ибо учение может быть *различным*, однако не *чуждым*, а потому и нефальшивым. Когда же учения различны, то есть от одного — одно, а от другого — иное, тогда и *чужды*, то есть чужды истины, тогда и необходимо беречься. Ибо истина проста и имеет цель одну. Обрати внимание на выражение *не увлекайтесь*, — говорит как бы о тех легкомысленных, кои и здесь и там легко увлекаются.

Ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими.

Вот — странные учения. Намекает на вводящих иудейскую привязанность к брашням. Итак, говорит, что *благодатью*, то есть верой, нам необходимо утверждаться и вполне убеждаться, что нет ничего нечисто-то, но верующему все чисто. Итак, потребна вера, а не наблюдение за яствами. Ибо *занимающиеся яствами*, то есть те, кои всегда следовали строгому соблюдению правил о еде, не приносили никакой пользы для души, так как они чужды веры и рабски служат бесполезному закону. И вообще, говорит, какую пользу они получали от наблюдения за яствами, когда так были осквернены, что не могли участвовать в жертвоприношениях.

Мы имеем жертвенник, от которого не имеют права питаться служащие скинии.

Сказав, что нет нужды строго наблюдать за яствами, чтобы не показалось что наше, чуждое наблюдения, достойно презрения, говорит, что и мы имеем наблюдение, только не в отношении этих яств, но к жертвеннику, или бескровной жертве Животворящего Тела. Ибо невозможно первосвященникам ветхозаветного закона участвовать в этой жертве, пока они служат скинии, то есть образам закона, преходящим, подлежащим уничтожению, или пока они служат этому миру, так как и народ как недостойный не принимал участия в жертвоприношениях ветхозаветного закона.

Так как тела животных, которых кровь для очищения греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, — то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат.

Показав, что то, что почитали иудеи, служило прообразом нашего почитания, говорит, что жертвы, в которых не мог участвовать народ, были ничто; в нашей же жертве не имеют участия и архиереи ветхозаветного закона; ибо те жертвы служили прообразом этой. Ибо как кровь животных, приносимых за грехи народа, первосвященник вносил во святилище, тела же сжигались вне стана, так и Христос, пострадав за грехи мира, внес во святилище Свою Кровь к Отцу, как Первосвященник, тело же было распято вне врат. Итак, совершая воспоминание о жертве той, наши первосвященники вносят Кровь Господа в наше святилище и на алтарь, как на небо. Поэтому первосвященникам ветхозаветного закона нельзя вкушать от этого алтаря, как иноплеменным и как не помышляющим о том, что выше этого мира: мы же не таковы.

Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание.

Так как Иисус Христос пострадал вне врат, то выйдем и мы к Нему вне врат, то есть будем вне мира, *нося Его поругание*, терпя одни и те же страдания. Он, как осужденный и

разбойник, был распят вне; не постыдимся и мы удалиться от мира и от роскоши его, хотя бы и казалось это бесчестьем. Снова убеждает их терпеть наносимые им иудеями обиды, или хищения.

Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего.

Доказывает необходимость выйти за врата, то есть из мира. Ибо мы не имеем никакого участия, в этом мире, так как и он не будет вечно существовать. Итак, нам должно бежать из этого мира и стремиться к будущему граду, то есть к небу.

Итак будем через Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его.

Через Него как чрез Первосвященника по плоти, мы возносим Отцу жертву хваления, то есть Евхаристию. Ибо мы благодарим Отца за то, что Он даровал Сына Своего ради нашего освящения. Это же — ради немощных. Что Сын имеет благодать, — очевидно из того, что Он имеет с Отцом равную честь. *Дабы все, говорит, чтити Сына, как чтут Отца* (Ин. 5:23). Итак, сама Евхаристия — *плод уст прославляющих имя Его*. Поэтому первосвященники ветхозаветного закона и не могут участвовать в этой жертве. Ибо те, кои совершенно не были освящены Христовой Кровию, не могут благодарить за нее, потому что пребывают в том же самом неверии. Смотри же, как снова побуждает их к благодарению, а не роптать и не говорить по малодушию чего-нибудь дерзкого и наглого.

Не забывают также благотворения и общительности.

Где оправдывающиеся бедностью и потому не подающие милостыни? Пусть послушают, что Павел убеждает беднейших, разграбленных, не забывать милостыни. Ее же он называет *общительностью*, а по какой причине, — мы часто говорили.

Ибо таковые жертвы благоугодны Богу.

Жертвы благодарения и благотворения. Ибо ясно, что благодарный — и щедр, так как он знает, каких удостоится благ.

Повинуйтесь наставникам вашим.

Речь идет о епископах. Прежде похвалив их и назвав верными и достойными подражания со стороны взирающих на них, потом продолжает: *повинуйтесь*. Что же? Не необходимо ли повиноваться всякому начальнику, хотя бы он был и злым? В каком ты смысле говоришь: злой? Если относительно веры, то беги его, хотя бы он был ангелом с небес. Если же он — злой по жизни, то повинуйся ему. *Итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте* (Мф. 23:3). Относительно же испорченных по вере говорит: *учениями различными и чуждыми не увлекайтесь*. Итак, почему же? Потому что дурно поступающий, быть может, другим не советует жить дурно, ибо и сам он стыдится дурных дел, ясно это и из того, что он всячески старается скрывать свои дела; злой же по вере внушит свой образ мыслей и народу.

И будьте покорны.

Выражением *будьте покорны* он указывает на такое сильное повиновение, чтобы, если потребуется, они послужили им делом.

Ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет.

Да слышат наставники, что как народ должен повиноваться, так и священник должен неусыпно заботиться о народе, так как ему предстоит дать отчет за грехи их.

Чтобы они делали это с радостью, а не вздыхая, ибо это для вас бесполезно.

Если ты покоряешься, говорит, и угождаешь наставнику своему, то ты облегчаешь для него бремя заботы о тебе, так как он радуется твоему повиновению. Если же поступаешь бесстыдно, то хотя он и в таком случае будет заботиться о душе твоей, но если только ты не загладишь своего неповиновения, он будет вздыхать за тебя пред Богом, что для тебя бесполезно. Смотри же, наставнику он не позволяет ничем иным защититься, как только вздыханием. И хотя это незаметно вселяет в него (наставника, — *Прим. ред.*) дух кротости, но против того, неисправимого, возмущающего грозного мстителя Бога (т.е. против того грешника, который возмущает гнев Бога, — *Прим. ред.*), Он (т.е. Бог, — *Прим. ред.*) возжигает страшный огонь наказания. Посему ты, неповинующийся наставнику, не должен презирать его за то, что он вздыхает, но более должен бояться того, что он предаст тебя Богу.

Молитесь о нас; ибо мы уверены, что имеем добрую совесть.

Так как некоторые клеветали на апостола, будто он учит отступлению от закона, то поэтому многие из евреев враждебно относились к нему. Поэтому он не обозначил имени своего в начале послания, так как они не могли даже и слышать о нем. Итак, защищаясь пред ними, прежде всего просит их молиться о нем, чего мы обычно просим от друзей; затем раскрывает и свою невинность. Ибо между всеми, не только среди язычников, но и у вас, мы ничего не делали с лицемерием, совесть наша чиста и мы знаем, что не замыслили зла против вас, не сделали ничего дурного вам, не оклеветали вас.

Потому что во всем желаем вести себя честно.

То есть стараясь проводить жизнь осторожно и беспорочно. И то самое, что я говорю, что закон не имеет силы, — это не речь врага и неприятеля. Ибо я скорее ввожу исполнение закона и показываю, что *тьма* получила конец. Итак, разве это — отступление? Разве я вам не благодетель, когда веду вас к совершенству, совершенно отводя от тени и младенческого настроения?

Особенно же прошу делать это, дабы я скорее возвращен был вам.

Желать им так тепло и со всею заботой молиться о том, чтобы скорее возвратиться к ним, — это происходило от сильной любви к ним. Вместе с тем показывает, что он полагается на совесть, и потому обращается к ним. Этого он не сделал бы, если бы чувствовал в своей совести что-нибудь дурное.

Бог же мира.

Прежде всего попросив у них молитв и почтив их этим, потом уже и сам молится за них. Так как, говорит. Бог есть Бог мира, то вы не должны возмущаться протай меня, и притом по одному только слуху.

Воздвигший из мертвых Пастыря овец великого.

Внедряет им учение о воскрешении, пользуясь пророчеством Исаии (Ис. гл.10). А так как есть и другие пастыри, — малые, то сказал: *великого*. Ибо пророки — это многие учителя, но Христос — наставник одни для всех.

Кровию завета вечного. Господа, нашего Иисуса (Христа).

То есть воздвиг Его из мертвых после Его смерти и после излияния Его Крови, так что Он дал нам завет, не подлежащий, как завет закона, отмене, но вечный. Ибо и так: воздвиг Его из мертвых с Кровию вечного завета. Ибо по воскресении Он даровал нам Кровь Свою в завете. Ибо если бы Он не воскрес, то Кровь Его не служила бы нам заветом.

Да усовершит вас во всяком добром деле.

Показывает, что они имели добрые дела, нуждались только в том, чтобы совершенствоваться в них. Об этом он и молится за них. Смотри, что мы сами сперва должны начать, а затем просить совершенства от Бога.

К исполнению воли Его.

Кто усовершенствовался во всяком добром деле, тот и творит волю Божию, а не тот, кто наполовину делает добро.

Производя в вас благоугодное Ему через Иисуса Христа. Ему слава во веки веков! Аминь.

Следовательно, когда мы делаем добро, то это совершает в нас Бог через Иисуса Христа, то есть являющегося в качестве Ходатая и Совершителя. Ибо если Он совершил наше, спасение в начале, то что удивительного и в том, если Он и при усовершенствовании в добродетелях является Посредником и исполняет в нас волю Отца, Сам укрепляя нас и вдыхая в нас силы к совершению добрых дел? К слову же *благоугодное* он прибавил: *Ему*. Ибо мы тогда действительно благоугождаем, когда оказываемся добрыми пред Богом, а не тогда, когда — пред людьми. И Давид говорит: *по чистоте рук моих пред очами Его* (Пс. 17:25); и Исаия: *удалите злые деяния ваши от очей Моих* (Ис. 1:16).

Прошу вас, братия, примите сие слово увещания.

Не видишь ли? предлагает им то, чего никому не предложил. Не говорит же: «убеждения», но *увещания*, то есть поощрения, ободрения к терпению, так как он речь свою обращал к подвергнувшимся гонению.

Я же не много и написал вам.

Несмотря на то, что он так много сказал, он все-таки говорит: *не много*, конечно,

сравнительно с тем, что он желал сказать. Как бы так говорит им здесь: хотя вы и малодушны, поддержите меня, ибо не должен кто-нибудь отказаться в виду того, что много сказано, хотя, как мы видим, это и бывает среди малодушных. Ибо они не выносят длинной речи.

Знайте, что брат наш Тимофей освобожден.

К Тимофею они не особенно враждебно относились, поэтому он и поставил его на первом месте. Откуда же он был освобожден? Или был в темнице, и был освобожден или отпущен был из Афин, так как он был там (ср. Флп.2:19).

И я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас.

И этого достаточно для того, чтобы убедить их оставить вражду к нему, когда он готов придти с учеником. Быть может, это и случилось, и он путешествовал в Иудею из Рима. Ибо в первый раз он был освобожден Нероном, как и сказали мы во введении к этому посланию.

Приветствуйте всех наставников ваших и всех святых.

Смотри, какую честь он оказывает им, если даже наставников приветствует чрез них: ибо скорее ему надлежало написать послание наставникам и чрез них приветствовать управляемых ими: этим он весьма мудро врачует особенно немощных.

Приветствуют вас Италийские.

Я так привязан к вам, что не только я один приветствую вас, но такое расположение к вам внушаю и другим, так что и те, несмотря на такое далекое расстояние, любят вас, и потому приветствуют.

Благодать со всеми вами. Аминь.

Так как *благодать* — нечто общее, то он и испрашивает ее вообще *всем* — и наставникам, и управляемым. Что же такое *благодать*? Отпущение грехов, очищение, общение Духа. Как же она могла бы быть с вами? Если не будете пренебрегать ею и если будете проводить жизнь достойно ее. Ибо она пребывает с нами, когда мы делаем добрые дела; она же отлетает, когда мы живем не по заповеди Подающего нам ее. Но, познавая *благодать* и то, что чрез нее получили, не будем оскорблять в своей жизни Даровавшего нам столь великие блага; но, прославляя Его добрыми делами и показывая, что Он ниспослал *благодать* эту не на неблагодарных и непризнательных, овладеем ею в душах наших силой Самого Христа — Благодетеля душ наших. С Ним слава Отцу, вместе со Снятым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Можно перевести как отпечаток. *Прим. Ред.*
2. Комментарии относятся к греческому оригиналу. *Прим. Ред.*
3. Слов *и поставил его над делами рук Твоих* нет в греческом тексте бл. Феофилакта.
4. Слова *из вас* у блж. Феофилакта опущены.

5. У блж. Феофилакта читается: μη συυκεκρομένους. Это согласовано у бл. Феофилакта не с λόγος, как в нашем тексте, а с εκείνους. Замечательно, не сказал: не согласившихся — но: не смешавшихся (μη σουκεκροίμενους) (Числ.11:30-31), чтобы обозначить высшую степень единения.

6. В слав. переводе вместо: «остается некоторым» читается: «лишены нецыи»: но св. Златоуст и бл. Феофилакт читали: «остается некоторым».

7. Комментарий относится к греческому оригиналу. — *Прим. ред.*

8. «То есть принесение собственного Его тела в жертву за наши грехи» — по другому чтению блж. Феофилакта.

9. Ср. Лев.гл.16, Числ.гл.19.

10. У блж. Феофилакта читается: «Духом вечным».

11. У блж. Феофилакга читается: *вечной жизни и наследию.*

12. По славянски «отнюдь», в русском переводе — «почти». *Прим. Ред.*

13. По тексту блж. Феофилакта: *могут.*

14. У блж. Феофилакта вместо *одесную Бога* читается: *одесную Отца.*

15. У блж. Феофилакта и св. Иоанна Златоуста читается так: *который вновь открыл нам путем новым и живым.*

16. Т.е. слово «живой» употреблено как синоним слову «недавний», т.е. новый, цветущий. *Прим. ред.*

17. В русском переводе: «Озlobившийся брат неприступнее крепкого города». *Прим Ред.*

18. Новатиане. См. блж. Епифания, еп. Кипрского *Против ересей.* 39 или 49: том I.

19. Свт. Иоанн Златоуст: «Что тебе пришло на мысль сделать приношение, это похвально; а то, что ты несправедливо разделил (избрал плоды на жертву), это послужило причиной того, что принесенное тобою отвергнуто» (In Gen. 18,6).

20. Слово *Богу* у блж. Феофилакта опущено.

21. Слова, поставленные в скобках, у блж; Феофилакта не чйтаются.

22. После *перепиливаемы* в русском синодальном переводе читаем: *подвергаемы пытке,* но последние слова у блж. Феофилакта опущены.